ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ.

дозв. ценз. 24 iюня 1903 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XCIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XCIII

1903

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1903 года).

ОТРАН.

скаго архива въ Митавѣ. Составилъ Ѳ. Шиманъ. Возстановлена, исправлена и дополнена комиссіей по разбору герцогскаго архива, при дѣятельномъ участіи г. Лихтенштейна. Митава. 1903.—Герцогскій архивъ въ Митавѣ. Митава. 1903. А. Э. Мальмгрена. — 29) Переводная литература Московской Руси XIV и XVII вѣковъ. Съ двумя фототипическими снимками. Академика А. И. Соболевскаго. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 30) «Повѣсть о горѣ и злосчастіи, какъ горе-злосчастіе довело молодца въ иноческій чинъ». По единственному списку первой половины XVIII вѣка, найденному А. Н. Пыпинымъ. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—31) В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. I—V. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—32) Fürstinn Schachowskoy-Gleboff-Streschneff. (Mit Vorwort von Pr. Kuno Fischer). Drei russische Frauengestalten. Heidelberg. C. Winters Verlag. 1903. В. Ш.—33) Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе второе. Спб. 1903. X. Y. Z.—34) Л. Н. Майковъ. Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Александренко. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—35) Описаніе рукописей князя Павла Петровича Вяземскаго. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.— 36) В. Шенрокъ. Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей. Варшава. 1903. А. Я. — 37) Петровская учебная выставка въ память двухсотлѣтія С.-Петербурга, устроенная въ залѣ Технологическаго института 14—19 мая 1903 года. Спб. 1903. В. Н.—38) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1903 г. Сост. подъ ред. Д. Г. Тюменева. Изд. Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1903. Щ.—39) Путеводитель по св. Аѳонской горѣ. Изданіе 8-е, аѳонскаго Пантелеймонова монастыря. М. 1903. Σ. — 40) Русь. Литературно-политическій сборникъ. Выпускъ I. Изданіе Н. И. Герасимова. М. 1903. Щ.—41) А. В. Половцевъ. М. В. Ломоносовъ—директоръ фарфоровой фабрики. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.— 42) Справочная книжка объ учрежденіяхъ и заведеніяхъ дѣтской помощи въ г. С.-Петербургѣ. Спб. 1903. Ѳ. К.—43) Синодикъ Любецкаго Антоніевскаго монастыря. Черниговъ. 1902. М. О. Ск—вича.—44) Е. К. Рѣдинъ. Италія изъ писемъ къ друзьямъ. Харьковъ. 1903. А. Я. — 45) Н. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Спб. 1903. X. Y. Z.—46) Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Переводъ подъ редакціей Н. Сперанскаго. Москва. 1903. X. Y. Z.—47) Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1903. X. Y. Z.—48) Бабъ, драматическая поэма изъ жизни Персіи, въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Изабеллы Гриневской. Спб. 1903. С. Уманца.—49) Th. Sakhokia. Les proverbes géorgiens. (Extrait de la Revue des traditions populaires). Paris. 1903. А. Хаханова.—50) Une ambassade russe à Rome au XVII siècle. Paul Menzies de Pitfodels, par N. Tcharykow, ministre-résident de Russie près le Saint-Siège. Rome. 1903. Б. Городецкаго.—51) Писатели изъ народа. Литературный сборникъ памяти Н. А. Некрасова. 1903. А. Я.—52) Воронежская старина. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Выпускъ второй. Воронежъ. 1903. В. Руданова. — 53) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ VI. Юрьевъ. 1903. Д. З.—54) Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Изслѣдованіе Николая Чернавскаго. Выпускъ 2. Оренбургъ. 1903. С.—55) Надписи и девизы на русскихъ печатяхъ частныхъ лицъ. Изъ собранія И. К. Антошевскаго. (Выпускъ первый). Спб. 1903. Б. Городецкаго. — 56) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеев за 1902 годъ. М. 1903. М. О. Ск—вича. — 57) Н. Ончуковъ. Былинная п[...] на Печорѣ. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго.—58) Біографическій словар[...] фессоровъ и преподователей императорскаго Юрьевскаго, бывшаго [...]скаго, университета за сто лѣтъ его существованіи (1802—1902). [...] Подъ редакціей Г. В. Левицкаго, орд. проф. императорскаго Юрьевск[...]верситета. Юрьевъ. 1903. Д. З. — 59) Отчетъ о состояніи и дѣяте[...] императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1902 годъ, состав[...] ординарнымъ профессоромъ П. П. Цитовичемъ. Съ приложеніемъ рѣчи э[...] ординарнаго профессора В. В. Бартольда. Спб. 1903. Б. Городецкаго.—60) [...]нецкій сборникъ. Матеріалы для исторіи, географіи, статистики и этнографіи-

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ІЮЛЬ, 1903

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ, 1903 г.

См. слѣд. стр.

ВОЕННЫЕ МУЖИКИ [1].

Романъ.

XLIX.

КОГДА поселяне выходили въ двери, Мароа, глядя имъ вслѣдъ, думала:

«Отдать бы этакимъ сейчасъ тысячу рублей, и они тутъ же за это прикончили бы своего командира. Да. А зачѣмъ прежде, загодя не наняла такихъ же?»...

Едва только поселяне вышли, какъ явилась въ кухню Егорьевна съ перепуганнымъ лицомъ. Она почти не понимала всего, что совершилось въ эту ночь на ея глазахъ, но чуяла, что все, что должно было случиться, не наладилось и пошло навыворотъ. И, сама не зная и не понимая почему, она теперь боялась за свою хозяйку, которую любила.

Но едва только старуха появилась въ кухнѣ, какъ Русаковъ крикнулъ на нее:

— А... ты!.. Вонъ пошла!.. И не смѣй сюда глазъ казать, покуда я не уйду!..

— Это ты что же у меня въ домѣ да распоряжаться сталъ?— заговорила Мароа въ первый разъ.

И не только голосъ ея, но и лицо были уже другія. Это была снова та Мароа, которую прозвали давно и командиршей, и «посадницей», и бабой семи пядей во лбу.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCII, стр. 801.

Русаковъ приглядѣлся къ ней пристальнѣе, промолчалъ и покачалъ головой.

— Что?!—вызывающе выговорила Мароа.

— Дивлюсь, какой дьяволъ въ тебѣ сидитъ! Никакого страха въ тебѣ нѣтъ!..

— А откуда ему быть, шалый? Кого я бояться буду? Тебя, что ли?

— Да хоть бы и меня!

— Тебя?.. Я?.. Похоже!.. — злобно заговорила Мароа.—Знаешь ли ты, щенокъ паршивый, что мнѣ стоитъ вотъ сейчасъ встать съ мѣста, запереть дверь, взять топоръ, новешенькій, отточенный, что бритва, и ухлопать тебя здѣсь, какъ муху?! Вѣдь во мнѣ силы-то вдесятеро больше, чѣмъ въ тебѣ. Да и стоило бы! И не знаю я... Вотъ, какъ передъ Богомъ, скажу, не знаю... Сотворю я это дѣло или нѣтъ? Вотъ кажетъ мнѣ, еще минуточка — и я сдѣлаю, что говорю! Ты думаешь, ты вотъ вскочишь да бросишься бѣжать? Врешь! Ты вскочишь, и я тоже. И дамъ я тебѣ такого тумака, что ты у меня подъ столомъ будешь. А я за топоръ! И въ одну минутку ты будешь на томъ свѣтѣ. Пойми ты, щенокъ! И еще какой щенокъ-то? Ты, да со мной связался! Нашелъ съ кѣмъ!..

Чувство такой глубокой и сильной ненависти, такой бьющей черезъ край злобы сказалось въ словахъ женщины, что Русаковъ, еще за мгновеніе передъ тѣмъ отважно распоряжавшійся и дававшій ей нагоняй, слегка смутился сразу. Онъ сообразилъ, что все сказанное женщиной было не пустой угрозой. Онъ зналъ отлично, что Мароа дѣйствительно страшно сильна и, конечно, осилитъ его, какъ мальчишку.

Сбить его съ ногъ, взяться за топоръ и хватить его было болѣе, чѣмъ легко. А чѣмъ будетъ онъ защищаться? На столѣ лежитъ небольшой кухонный ножикъ, которымъ рѣзали хлѣбъ. Еще нѣсколько мгновеній—и она можетъ исполнить свою угрозу.

— Да, баба!..—прошепталъ онъ и покачалъ головой.

— Знаю, что баба! — тихо произнесла Мароа. — Да во мнѣ-то все не бабье. А что меня злитъ пуще всего, знаешь ли ты, деревянная голова?

— Немудрено знать!..

— Врешь, глупый! Очень мудрено! Тѣмъ паче мудрено, что у тебя въ головѣ твои выдумки, что я теперь ночью собралась своего любовника спасать! Такъ ли?

— Понятное дѣло! Ты же выпустила, ты же опоила часовыхъ, ты же раздобыла, невѣдомо откуда, другой ключъ.

— Вѣстимо, я! Не про то тебя, дурака, спрашиваютъ. Спрашиваютъ, любовника я спасала?

— Понятное дѣло!

— Лжешь! По глупости лжешь, очумѣлый! Втемяшилось тебѣ въ голову несуразное! Какъ всѣ ревнивцы, придумалъ самъ невѣдомо какую ахинею, и глупишь и даже не даешь свое же собственное счастіе устроить...

— Мое счастье?!—воскликнулъ Русаковъ.

— Да, твое, деревянная голова! Что я теперь вдова? Свободная? Отвѣчай!

— Ну, ну!..

— Отвѣчай, говорю! Свободная я? Можешь ты на мнѣ жениться, коли я согласна?

— Ну, могу! Что же?

— А деньги есть у насъ? Вѣдь дворъ-то этотъ да связь эта казенные! Не тутъ же мы жить будемъ. Надо намъ на сторонѣ кое-какъ устроиться послѣ вѣнца-то. А на какія деньги? Есть онѣ у тебя? Много ты награбилъ? Ну, отвѣчай!

— Я объ этомъ не думалъ, потому что...

— Мѣсто что ли будетъ? Будетъ чѣмъ прожить на алтыны? Я, будучи здѣсь фельдфебелихой, видишь, какъ жила! Все у насъ было. Я не привыкла коровники чистить да полы мыть. А у тебя, моего будущаго муженька, что казны будетъ? Въ одномъ карманѣ блоха на арканѣ, а въ другомъ—вошь... Такъ, что ли?.. Такъ мнѣ, выходя за тебя замужъ, твою коровницу изображать? Да какую, чортъ, коровницу! У тебя и собаки-то надворной не будетъ, не то, что коровъ. Ты не подумалъ, а я подумала!

— О чемъ? — какъ бы растерявшись совершенно, вымолвилъ Русаковъ.

— О чемъ? О томъ, на какія деньги намъ жить, когда мы повѣнчаемся!

— Ну, что же? Говори, ну... говори!

— Ничего не скажу! Не стоишь ты того! Было у меня въ рукахъ коли не четыре тысячи, такъ ужъ во всякомъ случаѣ двѣ тысячи, а ты у меня ихъ изъ рукъ вырвалъ и, стало быть, и себя ихъ лишилъ.

— Что ты! Что ты! Господь съ тобой! Что ты путаешь!—вымолвилъ Русаковъ, таращa глаза и почти не понимая или не соображая всего того, что слышалъ.

Марѳа молчала.

— Говори! Поясни! Какія двѣ тысячи, да еще четыре тысячи? Говори, что такое! Тутъ самъ чортъ ничего не пойметъ!

— Чортъ пойметъ. А дуракъ вотъ, какъ ты, никогда не пойметъ.

— Да говори же, Марѳуша, сдѣлай милость!—уже нѣжнѣе произнесъ Русаковъ.

— Не стану говорить! Не стоишь ты того! Пущай пропадаютъ! Ладила я, ладила, всю голову себѣ будто выворотила всякими мыслями и надумала. Не даромъ сказываютъ всѣ, что я умная.

И какъ еще надумала-то, умнѣе нельзя! И все ладилось, и все наладилось. И всему ужъ и конецъ былъ. А ты вотъ пожаловалъ, ревнивецъ очумѣлый, и все къ чорту пошло.

— Поясни же! Вѣдь я ничего не пойму!

— Не хочу я пояснять! Не стоишь ты того, говорю. Да и не повѣришь!

— Повѣрю! Ужъ говори лучше!

— А, впрочемъ, нѣтъ! Пожалуй, что и повѣришь, коли улики будутъ...

Марѳа встала съ мѣста, прошла въ другой уголъ, отворила сундучокъ покойнаго мужа, взяла что-то и, вернувшись, бросила на столъ.

Русаковъ ахнулъ и, бережно взявъ въ руки то, что было передъ нимъ; онъ почти не вѣрилъ глазамъ: это были двѣ пачки, большія, толстыя, и ясно, по одному виду понятно было, что это двѣ тысячи сотенными ассигнаціями.

— Что такое?—упавшимъ голосомъ произнесъ онъ.

— А вотъ то, что есть, то, что видишь! Поглядѣлъ—ну, и довольно! И облизывайся!

Она взяла у него изъ рукъ обѣ пачки, снова перешла комнату и бросила ихъ въ сундукъ.

— Что это за деньги?!—вскрикнулъ Русаковъ.

— Это двѣ тысячи, которыя мнѣ далъ офицеришка этотъ за то, чтобы ему дать убѣжать. Нашелся безмозглый, который помѣшалъ. Ну, вотъ онъ теперь и сидитъ, а денежки я ему отдамъ завтра.

Марѳа сѣла снова на лавку. Наступило молчаніе и длилось долго. Русаковъ ломалъ себѣ голову и будто самъ съ собой спорилъ.

L.

И Русаковъ снова повѣрилъ вполнѣ.

Мысль, что у покойнаго фельдфебеля могли найтись такія деньги, и что все это снова обманъ, снова одно сочинительство хитрой женщины, ему и на умъ не могло прійти. Видъ большихъ денегъ будто околдовалъ его.

На этотъ разъ онъ повѣрилъ еще легче, нежели тогда, когда эта же Марѳа предлагала ему итти зарѣзывать Монахова. Однако, все-таки маленькая, едва чувствуемая имъ, доля подозрительности копошилась въ немъ. Онъ облокотился на столъ и схватилъ голову руками.

— Сатана ты сама или нѣтъ? И уразумѣть нельзя.

— Что же и деньги, что ли, эти я сама состряпала изъ ротной канцелярской бумаги? Или ты ослѣпъ? Можетъ, не видѣлъ ихъ?

И снова наступило молчаніе.

— Вотъ что, Мареуша,—заговорилъ Русаковъ.—Прости меня! Я понялъ... Правда твоя, дуракъ я! Истинная правда, что деревянная голова у меня и взаправду! Зачѣмъ же ты раньше не сказала? Зачѣмъ ты меня въ помощники не взяла? Отчего ты дѣйствовала одна и отъ меня тайкомъ?

— Изволь, отвѣчу! Потому что я хотѣла, чтобы ты женился на мнѣ, съ тѣмъ, что у меня ни единаго алтына нѣтъ, а не изъ-за денегъ. Хотѣлось мнѣ знать, насколько ты меня любишь. Ну, а теперь какъ знаешь! Деньги эти надо ему отдать...

— Это зачѣмъ? Вотъ ты сама-то дура! Зачѣмъ же? Благо онѣ у тебя въ рукахъ, и оставь.

— Ну, нѣтъ, голубчикъ ты мой! На убійство злодѣйское мужа я пошла, хоть, правда, потомъ и струсила. Но ужъ больно тяжело мнѣ было съ нимъ. А на мошенничество, на воровство, на обманъ подлый я не пойду! Давалъ офицерикъ мнѣ деньги, и я взяла. А теперь, коли онъ опять взаперти, да завтра вы его на смерть запорете, такъ я его деньги себѣ не оставлю! И коли нельзя мнѣ будетъ ихъ ему изъ рукъ въ руки отдать, то вотъ тебѣ клятва передъ Господомъ Богомъ: я ихъ въ печкѣ сожгу, но ни единой копеечки изъ нихъ мы съ тобой не увидимъ. Ну, а насчетъ вѣнчанья нашего... я подумаю еще...

Снова наступило то же молчаніе, но на этотъ разъ длилось еще дольше. Мареа умышленно не начинала заговаривать, понимая, что Русаковъ обдумываетъ все, что произошло, все, что онъ слышалъ. И она ждала съ трепетомъ на сердцѣ, чѣмъ кончится это «думаніе», къ чему придетъ онъ. По временамъ ей чудилось, что дѣло идетъ на ладъ, что Русакову не было иного выхода, какъ повѣрить всему. И она не ошиблась.

— Ну, вотъ что, Мареуша,—заговорилъ Русаковъ глухимъ голосомъ,—прости меня! Послѣдній разъ прошу, прости! Вижу я, что ты умница, а я отъ ревности такой дуракъ, какихъ и не бывало на свѣтѣ. Скажи мнѣ, ты сказывала еще, что у тебя и четыре тысячи могли быть, или есть что ли?

— Я не сказывала, что есть! А могли бы быть. Офицерикъ далъ мнѣ двѣ тысячи, которыя я сама же ходила брать въ его квартиру, по его указанію, подъ половицей. Но онъ обѣщалъ мнѣ, какъ только будетъ возможно, послѣ всей этой смуты, онъ мнѣ за свое спасеніе привезетъ и лично отдастъ еще двѣ тысячи. И я знаю, что такой человѣкъ, какъ этотъ Монаховъ, свое слово сдержитъ. Стало быть, если бы онъ теперь удралъ, а было бы это непремѣнно, кабы ты не вмѣшался, то и были бы у насъ четыре тысячи на обзаведеніе послѣ свадьбы.

— Д-да-а!—какъ-то странно промычалъ Русаковъ.

И послѣ новаго короткаго молчанія онъ едва слышно выговорилъ:

— У насъ ли?

— Это что еще?—сурово спросила Мареа.

— У насъ ли, Мареуша? У тебя будутъ четыре тысячи. И ты съ ними можешь, какъ вѣтеръ, гулять по матушкѣ по Руси...

— Говори толковѣе! Не пойму! — отозвалась Мареа, отлично понимая, что онъ хочетъ сказать.

— Имѣя въ карманѣ четыре-то тысячи, да при твоей красотѣ, да при твоемъ вдовствѣ, пойдешь ли ты со мной въ храмъ Божій? Что, догадался я?

— Что же я тебѣ на это скажу? Былъ ты дуракъ и остался дуракомъ и будешь вовѣки дуракомъ. Скажи мнѣ, помимо тебя, есть ли кто въ Рускинѣ или гдѣ либо въ округѣ, хоть одинъ человѣкъ, къ которому бы у меня сердце лежало, а не то, что который бы у меня въ полюбовникахъ былъ? Вѣдь ты одинъ! А если ты думаешь, что я все дѣло наладила, чтобы разживиться, разбогатѣть, а потомъ съ деньгами уйти и выходить за кого другого замужъ, а не за тебя, такъ у меня есть на это простой отвѣтъ, проще нѣтъ! На́, вотъ, бери эти деньги себѣ и уходи, куда хочешь изъ Рускина.

— Какъ такъ?

— Да такъ! Бери вотъ ихъ и уходи! Но, понятно, раньше этого выпусти Монахова. А такъ, говорю, не дамъ! Сожгу ихъ, коли нельзя будетъ ему отдать въ руки. А ужъ что я сказала, то, знаешь, мое слово свято! Какъ завтра придутъ да поволокутъ его на ротный дворъ на расправу по твоему доносу, то въ ту же минуту денежки эти загорятся у меня въ печи. А хочешь его выпустить, то на, вотъ, бери ихъ! Ну, рѣшай! Такія дѣла да такія деньги, знаешь, не всякій день бываютъ. Не мѣшаетъ и поспѣшить, начнетъ разсвѣтать, ты его выпустишь, а другіе поймаютъ.

— Правда твоя!—воскликнулъ Русаковъ и порывомъ вскочилъ съ мѣста.

— Куда ты?—выговорила Мареа, и голосъ ея дрожалъ.

— Куда? Вѣстимо, выпускать!

Мареа хотѣла что-то отвѣтить, но силъ не хватило въ ней. Она испугалась, но испугалась того, что сразу не только слезы брызнутъ у нея изъ глазъ, но что она разрыдается.

Русаковъ, поднявшись съ мѣста, быстро перешелъ кухню и вышелъ на дворъ. Мареа хотѣла броситься за нимъ, чтобы подглядѣть, но чувствовала, что отъ волненія, или, вѣрнѣе, отъ счастія, ноги отказались служить. Ей чудилось даже, что она и ползкомъ не доползетъ до крыльца.

Но, благодаря полной тишинѣ ночи или тому, что она черезчуръ чутко насторожилась и прислушивалась, она вдругъ услыхала

звонко щелкнувшій два раза замокъ. Она закрыла лицо руками, прислонилась къ стѣнѣ и сидѣла, какъ будто ожидая одного слова, которое присудитъ ее къ смерти, или одного слова, которое возвратитъ ей жизнь.

Много ли прошло времени, она не сознавала... Наконецъ, стукнула дверь. Она отняла руки, открыла глаза и увидѣла веселую фигуру Русакова. Онъ приблизился къ ней молча и сталъ.

— Ну, что же?.. — произнесъ онъ тихо. — Что же не спрашиваешь?..

— Что?!..—черезъ силу вымолвила Маѳа.

— Что? Понятно! Гдѣ онъ, офицеръ? Онъ, Маѳуша, поди, уже по полю зайцемъ летитъ! Ну, вотъ тебѣ!..

Несмотря на всю силу воли, которая была въ женщинѣ, несмотря на страшное усиліе овладѣть собой, Маѳа не выдержала... Странное рыданіе огласило комнату... Будто чуялось, что рыдаетъ женщина не отъ горя, а отъ глубокой, сполна охватившей все существо, восторженной радости. Русаковъ обомлѣлъ и стоялъ предъ женщиной истуканомъ. Онъ еще ничего не понялъ, а сердце замерло. Оно будто догадливѣе было, чѣмъ разумъ.

— Маѳуша, скажи слово!... Что ты?—тихо выговорилъ онъ, подступая. — Вѣдь ты скоморошествуешь, лжешь!

— Ничего... ничего...—чрезъ силу отозвалась она.—Рада... Ну, вотъ теперь все слава Богу... У насъ деньги... Только въ церковь иди. Все слава Богу!..

Но на этотъ разъ не повѣрилъ женщинѣ молодой малый, хоть не даромъ былъ онъ и хитеръ, и ревнивъ, и подозрителенъ...

— Такъ подай деньги, сейчасъ. Заручка будетъ. Не вѣрю я тебѣ, лиходѣйка. Слышишь, окаянная...

— Бери... Вонъ онѣ... махнула Маѳа рукой въ уголъ, гдѣ стоялъ сундучекъ. Русаковъ двинулся, вынулъ пачки ассигнацій и положилъ ихъ въ карманъ.

— Неужели же и въ самомъ дѣлѣ?—произнесъ онъ, становясь предъ женщиной, блѣдный и съ трудомъ переводя дыханіе.

— Что еще?—едва слышно отозвалась Маѳа.

— Обманула?.. Опять...

— У тебя онѣ... деньги?.. Ну, и довольствуйся... гадина!..

LI.

Избранные бунтовщиками ходоки черезъ двое сутокъ были уже въ Петербургѣ съ показаніемъ или признаніемъ своихъ начальниковъ въ томъ, что они хотѣли отравить народъ, а равно и съ прошеніемъ на высочайшее имя о разслѣдованіи дѣла и наказаніи преступниковъ, уже казненныхъ.

У подъѣзда Зимняго дворца, съ котораго ежедневно уѣзжалъ государь, бывало всегда немало народа — просителей. Ихъ не отгоняли, и государь всегда опрашивалъ всякаго про его дѣло и принималъ просьбы.

По прибытіи въ Петербургъ ходоки узнали объ этомъ, и на другой же день утромъ были въ числѣ прочихъ у подъѣзда.

Когда государь появился, чтобы садиться въ дрожки, какой-то старичекъ, военный въ отставкѣ, какая-то барыня, потомъ старикъ-крестьянинъ по очереди, ставъ на колѣня, объясняли свою просьбу. За ними гурьбой двинулись ходоки. Передніе подали государю нѣсколько бумагъ заразъ.

Такъ какъ прошеніе было написано на сравнительно большомъ листѣ, то государь развернулъ его прежде другихъ и, еще не успѣвъ прочесть, изумленно взглянулъ на кучку просителей.

— Это что?!—выговорилъ онъ сурово и, повернувъ листъ къ нимъ, указалъ на большое красное пятно.

Ходоки потупились и ничего не отвѣчали.

— Это кровь?!...

И при новомъ молчаніи Николай Павловичъ сталъ читать прошеніе. Лицо его при чтеніи все мѣнялось и, наконецъ, стало блѣдно. Онъ закачалъ головой, переглядѣлъ затѣмъ два-три показанія жертвъ и снова закачалъ головой.

— Славно распорядились!—выговорилъ государь.—Вы просите взыскать? Какъ же я взыщу съ мертвыхъ? Вы ихъ своимъ судомъ разсудили, и такимъ, коего въ нашемъ государствѣ нѣтъ,—смертной казнью. Вы подняли руку не только на нихъ, а и на того, кто ихъ надъ вами начальствомъ поставилъ. А кто ихъ далъ вамъ въ начальники?

Вся кучка молчала, опустивъ глаза.

— Сказывайте, кто такой назначилъ ихъ вашимъ начальствомъ? А вѣдь тотъ, кто ихъ поставилъ, на того вы тоже руку подняли... А кто онъ такой?

И послѣ мгновеннаго молчанія государь выговорилъ громче:

— Я!..

И затѣмъ наступило снова гробовое молчаніе.

За государемъ стояло нѣсколько человѣкъ свиты, а впереди всѣхъ графъ Орловъ.

— Что же теперь съ ними дѣлать? — обернулся государь къ Орлову. — Засадить ихъ въ ихъ избы съ женами и дѣтьми и сжечь?

— Ваше величество!—отозвался Орловъ.—Вы изволили приказать женъ и дѣтей бунтовщиковъ-поляковъ миловать и не тро-

гать... Осмѣлюсь доложить, что и ихъ семьи не виноваты въ томъ, что они учинили.

— Правда твоя! Ну, поѣзжай тотчасъ къ нимъ, разслѣдуй дѣло, а затѣмъ и я пріѣду.

Государь отъѣхалъ отъ дворца, передавъ бумаги Орлову. Графъ переглядѣлъ ихъ въ свой чередъ, тоже покачалъ головой и выговорилъ:

— Что же это всѣ въ крови? Ну, эти несчастные подписывались уже изуродованные. А прошеніе-то вѣдь вы, палачи, писали. Чего же вы-то прежде рукъ не вымыли, изверги? Что же теперь вамъ будетъ? Ступайте домой и ждите! Я буду вслѣдъ за вами.

Когда ходоки вернулись въ Рускино и разсказали, какъ подали свое прошеніе государю императору, то во всѣхъ поселеніяхъ ахнули, узнавъ, что самъ царь прибудетъ на мѣсто. Что оно значитъ? Болѣе милостивое рѣшеніе дѣла или сугубо-строгое?..

Черезъ два дня графъ Орловъ со свитой уже былъ на мѣстѣ и опросилъ капитана Костырева и главныхъ зачинщиковъ, указанныхъ ему. Въ этомъ числѣ были Горшковъ и Морозовъ, который уже и среди самихъ поселянъ считался однимъ изъ главныхъ бунтарей, такъ какъ писалъ всѣ бумаги, и показанія жертвъ и прошеніе царю.

Разузнавъ отчасти, въ чемъ дѣло, Орловъ приказалъ Костыреву собрать весь батальонъ предъ ротнымъ дворомъ. Когда всѣ люди были въ сборѣ, онъ вышелъ къ нимъ.

— Слушайте, злодѣи!—заговорилъ графъ.—Вамъ извѣстно черезъ вашихъ ходоковъ, что государю угодно было, въ наказаніе за ваше изувѣрство, посадить васъ всѣхъ съ вашими семьями въ тѣ дома, что для васъ выстроены были, и сжечь, чтобы тѣмъ самымъ покончить сразу и съ военными поселеніями. Будетъ ли оное совершено завтра—я не знаю. Можетъ быть, государь положитъ гнѣвъ на милость. Но все-таки вы должны ждать себѣ примѣрнаго наказанія. И если ваши бабы и дѣти, взрослые и малютки, останутся живы, а равно останутся живыми и тѣ, которые не были виновны въ бунтѣ, то бунтовавшіе, конечно, будутъ наказаны. Вы можете только просить государя о смягченіи заслуженнаго вами наказанія. Завтра государь прибудетъ сюда, васъ соберутъ здѣсь же. Вы должны, когда государь пожалуетъ, пасть на землю ницъ лицомъ и лежать такъ, покуда государь не прикажетъ вамъ встать. А встанете вы, то стойте на колѣняхъ и просите прощенія. Вотъ вамъ мой совѣтъ.

Распущенный по домамъ цѣлый батальонъ за всю ночь не сомкнулъ глазъ. «Что будетъ завтра?»

LII.

Съ зарей все Рускино было уже на улицѣ, будто сговорившись наканунѣ. Но народъ толпился нѣмой. Никто не раскрылъ рта. Сказать было нечего...

Въ шесть часовъ батальонъ былъ выстроенъ поротно. Въ десять часовъ явился государь. Выйдя изъ коляски, онъ медленно приблизился къ фронту. Когда онъ былъ въ полусотнѣ шаговъ, весь батальонъ, какъ по командѣ, палъ на землю, выкрикнувъ:

— Виноваты, ваше императорское величество!..

И наступило гробовое молчаніе...

Подойдя ближе, Николай Павловичъ выговорилъ:

— Съ дикими звѣрьми не здороваются!—и чрезъ мгновеніе прибавилъ грозно:

— Говорите! Что вы надѣлали? Ну, вставайте! Отвѣчайте!

Но весь батальонъ не шевельнулся. Люди лежали лицомъ въ землю, какъ мертвые.

— Встать!..—крикнулъ государь.—Солдаты въ строю должны стоять, а не лежать!

— Помилосердуйте, ваше величество!—раздались голоса.—Постараемся заслужить!..

— Уже заслужили!.. И за свою службу получите должное... Приказываю встать!

Батальонъ понемногу, по примѣру первыхъ рядовъ, сталъ подниматься, но оставался на колѣняхъ. И въ строю начало раздаваться всхлипыванье.

— Ну, прощаю васъ, негодяи! По-солдатски встать! Солдаты въ строю валяются, развѣ только когда ранены или убиты, защищая грудью царя и Россію. Встать!..

Батальонъ постепенно поднялся на ноги, а затѣмъ сталъ равняться безъ всякой команды.

— Прощаю васъ съ тѣмъ, чтобы вы немедленно выдали всѣхъ зачинщиковъ и коноводовъ. Они должны быть наказаны.

Замѣтивъ въ первомъ ряду старика Миняя съ его медалью за кампанію двѣнадцатаго года, государь приблизился къ нему и выговорилъ:

— Старикъ, а ты-то что же? Москву бѣлокаменную грудью отстоялъ, дванадесять языкъ, какъ говорится, пришедшихъ на святую Русь, прогналъ, а потомъ Бонапарта, антихристова посланца, уничтожилъ, всю Европу прошелъ и назадъ вернулся побѣдителемъ... Зачѣмъ? Чтобы своему начальству головы рубить? И въ твои-то годы!..

— Ваше императорское величество,—началъ Миняй, но захрипѣлъ, и громкое, старческое рыданіе огласило плацъ.—Я ничего,

ваше величество... я ничего... не могъ... я виноватъ, что я не могъ остановить злодѣевъ... Насъ было не мало, но ничего не могли подѣлать... Сами отъ нихъ прятались. Одинъ изъ нашихъ убитъ былъ ими. Я и при Бородинѣ не боялся. Тамъ за ваше величество умирать надо было и за православныхъ христіанъ. А здѣсь приходилось собачьей смертью кончаться отъ топора и отъ своихъ же.

— Правду сказываешь! правду!—выговорилъ государь и, обернувшись къ Орлову, прибавилъ:—нашить старику галуны!

И затѣмъ, отойдя, государь спросилъ:

— Гдѣ ихъ выбранный бунтовщичій батальонный командиръ?

Капитанъ Костыревъ вышелъ и двинулся впередъ.

— Ты—Костыревъ?..

— Я, ваше величество! — отвѣтилъ капитанъ, блѣдный, какъ полотно.

— Я тебя назначилъ батальоннымъ командиромъ?

— Простите, ваше величество! Простите!.. Я не виноватъ..

— Какъ не виноватъ?..

— Не виноватъ, ваше величество!.. Если бы они мнѣ дали на выборъ голову положить или быть командиромъ, я бы позволилъ себя обезглавить. Но они и не грозились мнѣ смертью. Они силкомъ нацѣпили на меня майорскіе эполеты и силкомъ заставили смотрѣть за порядкомъ и распоряжаться. И съ этого самаго часа, милостію Божіею, ничего худого уже не произошло. Они обѣщались слушаться и слушались.

— Кто же тебя выбралъ?

— Если бы только нѣсколько человѣкъ, я бы на такое не пошелъ, а выбрали они всѣ, весь батальонъ, всѣ роты единогласно. Ни единаго человѣка не нашлось, который бы за меня заступился и уговорилъ ихъ меня не выбирать.

Костыревъ замолчалъ... Государь, ничего не отвѣчая, смотрѣлъ на него, и послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія вымолвилъ тише и мягче:

— Казненные люто злодѣями сами виноваты въ своей смерти. Сумѣй они командовать, какъ подобаетъ, никогда бы съ ними такового не приключилось. Близко стояли они къ своимъ подчиненнымъ, а были далеко отъ нихъ. Не смогли даже во время разъяснить, что такое холера. А, можетъ быть, они и заслужили чѣмъ ненависть подчиненныхъ, которые мстили. И убили ихъ не за холеру, а за что другое... Если этотъ самый злодѣйскій батальонъ выбралъ тебя единогласно въ начальство, такъ таковымъ и оставайся. Поздравляю тебя майоромъ!

Костыревъ, у котораго выступили слезы на глазахъ, хотѣлъ что-то отвѣчать, но не смогъ отъ волненія.

— Гдѣ убитые?—произнесъ государь.

Костыревъ объяснилъ и затѣмъ доложилъ, что вдовы и родственники погибшихъ просятъ милости допустить ихъ съ просьбой.

— Что имъ нужно? Зови ихъ!

Нѣсколько женщинъ, стоявшихъ у стѣны ротнаго двора, по знаку Орлова, двинулись, приблизились и опустились на колѣни.

— Что вамъ надо?—спросилъ государь.

Женщины заявили, что просятъ разрѣшенія озаботиться тѣлами погибшихъ по-христіански: положить въ гробы, отпѣть и похоронить, какъ слѣдуетъ на кладбищѣ.

— Пусть лежатъ, гдѣ свалены! — отвѣтилъ государь. — Послѣ столькихъ дней отрывать трупы нельзя. Да они и не заслужили лучшихъ могилъ, плохо смотрѣвши за своими подчиненными. Можете зарыть ихъ, какъ слѣдуетъ, въ одну общую, самодѣльную могилу у кирпичнаго завода вмѣсто кладбища. Но разрѣшаю вамъ поставить надъ ними памятникъ и служить панихиды.

Обернувшись на весь батальонъ, государь крикнулъ громче:

— Выдавайте зачинщиковъ-изверговъ, которые всю кашу заварили! Спасайте себя, помогайте начальству отличить виноватыхъ отъ невиновныхъ.

И, повернувшись, государь тихо дошелъ до своей коляски, сѣлъ и двинулся. Столбъ пыли поднялся за экипажемъ, который съ мѣста помчался изъ поселенія, а запруженная шеренгами батальона улица была тиха, какъ среди ночи, какъ бы пустынная.

Гробовое молчаніе царило надъ огромной толпой. И среди этой тишины раздалась команда, лихая, твердая, молодецкая:

— Равняй-сь! Напра—во-о! Скорымъ шагомъ ма—ршъ!

И капитанъ Костыревъ, помолодѣвъ на двадцать лѣтъ, высоко поднимая рукой обнаженную саблю, сверкавшую въ лучахъ солнца, ухарски зашагалъ впереди батальона на край поселенія. Здѣсь онъ распустилъ всѣ роты отдѣльно по домамъ.

Вернувшись домой, онъ обнялъ Анну Ивановну и выговорилъ тихо:

— А все-таки... совѣсть... Не заслужилъ я... Лукавилъ я...

LIII.

Прошло недѣли двѣ... Во всѣхъ поселеніяхъ было тихо, но какъ-то особенно тихо. Все живое ходило еле-еле, будто больное, и человѣчьяго голоса было почти не слышно. Поселяне почти не разговаривали другъ съ другомъ. Всѣ ждали и молчали. Молчали и готовились къ расплатѣ.

Прошелъ слухъ, что невиновныхъ не будетъ. Кто глядѣлъ, допускалъ, не вступаясь ни во что, тоже виноватъ тѣмъ, что сторонился, а не заступился за начальство, поставленное батюшкой-царемъ. Коли будутъ невиноватые, такъ развѣ бабы да дѣти.

Въ первыхъ числахъ августа узнали, что въ Новгородѣ появилась военная слѣдственная комиссія, а на слѣдующій день въ военныя поселенія явились два полка казаковъ и были распредѣлены по всѣмъ ротамъ.

Одновременно явились офицеры изъ Новгорода и во всѣхъ ротахъ забрали по нѣскольку человѣкъ. Въ Рускинѣ были взяты первыми Морозовъ, Горшковъ, Барановъ и многіе другіе.

Долго и настоятельно требовали прибывшіе офицеры розыска и приведенія рябого солдата, поименованнаго двумя разными именами и фамиліями, но того самаго, который отравилъ въ полѣ на дорогѣ фельдшера. Затѣмъ равно настоятельно они требовали разыскать и привести, какъ главную бунтовщицу, вдову обезглавленнаго фельдфебеля Петрова, прозванную «посадницей».

Многіе очевидцы-свидѣтели заявили, что рябой былъ найденъ на улицѣ убитымъ своими же, вѣроятно, за то, что сопротивлялся нѣкоторымъ злодѣйствамъ. Что касается Петровой, именемъ Мареы, то она безслѣдно исчезла еще до прибытія графа Орлова.

Съ этого дня постоянно, черезъ каждые три дня, появлялись казаки съ листами, вызывали записанныхъ въ нихъ и уводили въ Новгородъ. Черезъ недѣли двѣ во всѣхъ поселеніяхъ оставалась налицо только половина обывателей. Остальные были въ Новгородѣ по разнымъ тюрьмамъ, острогамъ и гауптвахтамъ.

Наконецъ, стало извѣстно повсюду, что при военной комиссіи состоитъ одинъ человѣкъ, поселянинъ Рускина, который самъ предложилъ все лихое дѣло разъяснить начальству, разсказавъ все подробно: какъ и что, и когда было, и кто главные виновники, кто второстепенные, кто совсѣмъ не виноватъ. И, благодаря этому свидѣтелю и «показателю», слѣдствіе идетъ быстрѣе и успѣшнѣе.

По его докладу былъ наконецъ разысканъ и взятъ Поляковъ, рубившій головы, и главный зачинщикъ-начинатель тотъ, который первый поднялъ руку на начальство, или первый ударилъ Дасаева и обезчестилъ, сорвавъ съ него эполеты и ордена. Это былъ, собственно, самый главный виновникъ, такъ какъ съ этой минуты все и пошло и все привело къ казни офицеровъ.

Этотъ главный бунтарь былъ солдатъ Николаевъ.

— Какъ такъ—Николаевъ?—недоумѣвали многіе арестованные при очныхъ ставкахъ съ тщедушнымъ малымъ, котораго уже съ полгода не видѣли.

Заарестованный, онъ взмолился и слезно пояснялъ, что во время всего бунта находился въ отсутствіи и не только не причастенъ, но и не видалъ ничего. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ взятъ, приведенъ въ Новгородъ и посаженъ въ острогѣ въ особую камеру вмѣстѣ съ палачемъ Поляковымъ.

Этотъ Николаевъ на допросахъ только таращилъ глаза, клялся, что «бунтованія» за все время «ни единымъ глазкомъ не видалъ», или отвѣчалъ добродушно:

— Не могимъ знать, ваше благородіе. Мы въ тѣ поры въ отхожихъ мѣстахъ были.

Если военная комиссія дѣйствовала быстро и знала, кого брать и какъ судить, хорошо могла отдѣлять главныхъ виновниковъ отъ менѣе виновныхъ и совершенно невинныхъ и непричастныхъ на отдѣльныя группы, то все это случилось, благодаря этому рускинцу, который какъ бы освѣтилъ все лихое дѣло, передавъ его въ подробностяхъ, какъ очевидецъ.

А этотъ человѣкъ, умный, толковый, бойкій, въ высшей степени полезный для комиссіи, былъ унтеръ-офицеръ Русаковъ.

И дѣло ладилось... Только одно было обидно комиссіи, еще болѣе обидно самому Русакову. Не удавалось нигдѣ разыскать и накрыть солдатку-фельдфебельшу, которая, съ его словъ, была зачинщицей всего бунта, подстроеннаго ею для того, чтобы убили ненавистнаго ей старика-мужа. Разумѣется, изъ-за этого именно и произошло бо́льшее, худшее, о чемъ она и не помышляла. Но всетаки она—причина всему...

Русакову даны были, конечно, всѣ средства: и люди, и деньги для розысковъ бунтовщицы, у которой и кличка-то была къ бунту подходящая—«Мароа Посадница», и которая давно, много раньше бунта, уже командовала въ Рускинѣ.

Но, несмотря на всѣ старанія Русакова, Мароу Петрову найти было невозможно. Она какъ въ воду канула...

Русаковъ не могъ знать, что Мароа, бѣжавшая изъ Рускина въ Петербургъ, почти скрывалась близъ Невской лавры, разумѣется, съ вѣдома Монахова.

Но женщина была сильно смущена и тревожилась уже не за него, а за себя... Одни совѣтовали ей немедленно ѣхать въ Новгородъ и явиться добровольно предъ слѣдственной комиссіей, другіе совѣтовали обождать, скрываться до поры до времени, чтобы не быть зря притянутой къ дѣлу. Но вскорѣ Мароа очутилась уже въ иномъ, худшемъ положеніи, и готова была руки на себя наложить вслѣдствіе причинъ, повидимому, не касающихся до бунта и слѣдствія.

Ея Давыдушка, съ которымъ она видалась постоянно, внезапно пропалъ безъ вѣсти.

— Неужели бросилъ?—мучилась она.

LIV.

Прошло уже около мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ слѣдственная комиссія засѣдала въ Новгородѣ, распутывая дѣло и раскрывая всѣ нити, разыскивая главныхъ виновниковъ, когда вдругъ явилось обстоятельство, поставившее комиссію въ крайне затруднительное положеніе.

Выяснилось нѣчто, имѣющее огромное значеніе. Въ число главныхъ зачинщиковъ бунта и его коноводовъ, состоящихъ изъ однихъ военныхъ поселянъ, замѣшался офицеръ.

Онъ не былъ явнымъ коноводомъ, но тайно, исподтишка подговаривалъ и науськивалъ главныхъ буяновъ и былъ почти прямымъ виновникомъ казни начальства.

Офицеръ этотъ стремился къ тому, чтобы бунтовщики выбрали его своимъ главнымъ начальникомъ, т.-е. баталіоннымъ командиромъ, съ какой-то тайной и важной цѣлью, которую понять было сначала трудно.

— Что же онъ потомъ думалъ дѣлать со своимъ баталіономъ?— вопрошалъ главный начальникъ комиссіи.—Королю Прусскому войну объявить?

Однако, все-таки это обстоятельство, что въ бунтѣ замѣшался офицеръ, было настолько важно, что новгородское военное начальство должно было снестись съ Петербургомъ и узнать, какъ быть.

Дѣло доложили государю. Вскорѣ пришло рѣшеніе. Арестовать офицера и судить строжайше, строже, нежели солдатъ и унтеръ-офицеровъ. Офицеръ, оказавшійся въ отпуску въ Петербургѣ у своего родственника, былъ арестованъ и доставленъ въ Новгородъ съ фельдъегеремъ.

Это былъ Монаховъ.

Конечно, онъ тотчасъ понялъ, кто его оговорилъ, и только изумился дерзости Русакова. Явившись предъ слѣдственной комиссіей, онъ одновременно поручилъ своему дядѣ хлопотать за него въ Петербургѣ и разъяснить простой фактъ изъ его личной жизни, т.-е. его отношенія къ женѣ фельдфебеля и мотивы, которые заставляли Русакова обвинять его и клеветать на него.

Но, къ крайнему изумленію Монахова, не одинъ Русаковъ, а человѣкъ болѣе полдюжины показали противъ него. Были такіе, которые подробно передавали свои разговоры съ нимъ, какъ онъ уговаривалъ начать бунтъ, избрать свое начальство, а его самого выбрать главнымъ командиромъ. Онъ объяснялъ имъ, что, когда всѣ военныя поселенія поднимутся, можно будетъ подговорить и другіе полки — и пѣхоту, и кавалерію, т.-е. поднять на ноги все воинство прилегающихъ къ Петербургу губерній. А затѣмъ слѣ-

дуетъ двинуться уже почти цѣлой арміей на столицу, въ которой,— говорилъ онъ,—вся гвардія, бунтовавшая лѣтъ шесть тому назадъ, въ 25-мъ году, а равно и обыватели, тоже недавно бунтовавшіе по поводу якобы холеры и отравленія народа докторами, все и всѣ тотчасъ примкнутъ къ нимъ. А тамъ, что дѣлать дальше, видно будетъ...

И то, въ чемъ обвиняли Монахова, становилось чудовищнымъ по своимъ размѣрамъ.

— Ума помраченіе! — восклицалъ главный начальникъ слѣдственной комиссіи.—Ну, ни дать, ни взять—второй Пугачевъ, а не то Гришка Отрепьевъ! Не хватало только ему назвать себя какимъ нибудь царскимъ именемъ, ну, хоть бы императоромъ Павломъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней допроса, строгаго и пристрастнаго, Монаховъ, горячо негодуя, устно разъяснилъ, что все отъ перваго слова до послѣдняго есть извѣтъ и дерзкая клевета, что онъ былъ спасенъ отъ обезглавленія лишь заступничествомъ жены казненнаго фельдфебеля и кучкой лицъ съ старикомъ поселяниномъ во главѣ. Вскорѣ пришелъ, однако, приказъ изъ Петербурга—отнестись къ дѣлу замѣшаннаго въ бунтъ офицера осторожно, разслѣдовать «строжайше, но и наивнимательнѣйше», такъ какъ въ столицѣ имѣются свѣдѣнія, что онъ неправильно привлеченъ къ слѣдствію.

И комиссія стала втупикъ.

Оправдать офицера можно было лишь только однимъ способомъ—признать злостной клеветой все, что показали на него полдюжина человѣкъ. А эта полдюжина, съ унтеръ-офицеромъ Русаковымъ во главѣ, была до сихъ поръ руководительницей всего слѣдствія.

На основаніи именно ея показаній комиссія и отдѣлила виновныхъ отъ невинныхъ, а затѣмъ распредѣлила виновныхъ на разряды: отъ главнѣйшихъ, наиболѣе преступныхъ, до разряда тѣхъ, кто только не дѣломъ, а лишь однимъ крикомъ участвовалъ въ бунтѣ.

Если признать все заявленное насчетъ Монахова клеветой, то какъ же считать все заявленное тѣми же людьми относительно другихъ бунтовщиковъ?

Монаховъ, разсказавъ, почему Русаковъ клевещетъ на него, разъяснилъ равно и то обстоятельство, которое было ему отлично извѣстно, именно этотъ-то главный доносчикъ и былъ самъ однимъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, такъ какъ онъ нанесъ первый ударъ первой жертвѣ бунта, Дасаеву.

На счастіе Монахова нашлось нѣсколько человѣкъ, которые, какъ очевидцы, подтвердили это показаніе.

Дѣло слѣдствія начало какъ-то переворачиваться и вмѣстѣ съ тѣмъ запутываться. Члены слѣдственной комиссіи попали въ совершенно безвыходное положеніе.

Якобы самые отъявленные злодѣи стали въ положеніе обвинителей. Многое объяснялось совершенно противоположнымъ образомъ, и совсѣмъ невиноватые становились главными виновниками, а виновники становились совершенно невинными.

Оказывалось сначала, что Николаевъ, малый простодушный, глуповатый, слабосильный, бросился во главѣ бунтовщиковъ къ ротному двору, тотчасъ ударилъ капитана Дасаева и сорвалъ съ него эполеты. Теперь оказывалось, что это же самое буквально сдѣлалъ Русаковъ.

Для двухъ противорѣчивыхъ показаній было одинаковое количество свидѣтелей-очевидцевъ, якобы стоявшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ капитана, вышедшаго на крыльцо, и хорошо видѣвшихъ все. И тѣ, и другіе заявляли, крестясь и божась:

— Вотъ какъ предъ Господомъ Богомъ!

Оказывалось ясно, что Монаховъ тайно былъ душою бунта, хитро и искусно поднимая и научая народъ, какъ и что дѣлать, съ единственной цѣлью очутиться изъ простыхъ хлѣбныхъ смотрителей баталіоннымъ командиромъ.

Оказывалось ясно, что Монаховъ былъ арестованъ у себя на квартирѣ, приведенъ кучкой бунтовщиковъ на ротный дворъ, заключенъ вмѣстѣ съ другими и съ ними же выведенъ во дворъ для того, чтобы подвергнуться казни. И въ послѣднюю минуту, когда была его очередь подставлять шею, его спасла выдумка фельдфебелихи, что якобы онъ растратилъ казенный хлѣбъ и долженъ быть живъ, чтобы отвѣчать за свое преступленіе предъ начальствомъ.

Коноводша бунта оказывалась тоже спасительницей офицера.

И комиссія стала совершенно втупикъ среди путаницы. На вопросъ изъ Петербурга изъ военнаго министерства главному начальнику комиссіи о томъ, какъ выясняется дѣло, онъ отвѣчая выразился въ письмѣ: «Чѣмъ дольше разслѣдываемъ дѣло, тѣмъ болѣе оно запутывается, такъ что черезъ недѣлю, надо надѣяться, главнымъ коноводомъ бунтовщиковъ окажусь я самъ».

Однако, прошло еще двѣ недѣли, и подпоручикъ Монаховъ былъ вытребованъ на курьерскихъ въ Петербургъ, а здѣсь, принятый графомъ Орловымъ черезъ двое сутокъ, онъ былъ на свободѣ и награжденъ слѣдующимъ чиномъ. Одновременно Русаковъ былъ арестованъ и посаженъ въ острогъ.

Комиссія пришла къ убѣжденію, что первый, ударившій капитана Дасаева и нанесшій ему безчестіе, какъ офицеру, былъ не Николаевъ, отсутствовавшій изъ Рускина во время бунта, а онъ—Русаковъ.

Но черезъ двѣ недѣли Русаковъ былъ снова выпущенъ на свободу, а Николаевъ снова арестованъ и засаженъ. Комиссія пришла къ убѣжденію, что первый, начавшій бунтъ своимъ поступкомъ съ ротнымъ командиромъ, былъ Николаевъ.

Случилось это очень просто и вполнѣ законно. Николаевъ самъ сознался въ своей винѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого признанія Николаевъ былъ убитъ товарищами по заключенію, а у нихъ найдены и отобраны очень большія деньги, пять или шесть сотъ рублей. Всѣ признались, что ограбили убитаго, а откуда у него взялись эти деньги, не знаютъ... Но еще черезъ дня три одинъ изъ убійцъ показалъ, что деньги Николаеву, съ его словъ, далъ Русаковъ. Разумѣется, ему не повѣрили, потому что подобное не имѣло никакого смысла.

LV.

Усиленно и усердно распутывая все, что сама запутала и затемнила, новгородская военносудная комиссія окончила совершенно слѣдствіе къ первому ноября. Тюрьмы въ Новгородѣ и всѣ гауптвахты Новгородской губерніи въ разныхъ полкахъ—все было переполнено виновными и осужденными.

И въ первой половинѣ ноября по первопутку явилась въ Рускино первая партія осужденныхъ для наказанія. Стало извѣстно, что всякій день будутъ приводить партіи человѣкъ съ сотню, и будетъ происходить то же самое. Партіи приводились, окруженныя конвоемъ изъ эскадроновъ драгунъ съ однимъ артиллерійскимъ орудіемъ.

Обыватели Рускина, выходившіе навстрѣчу поглазѣть на своихъ родственниковъ и пріятелей, не узнавали никого. Были какіе-то желтые, исхудалые, обросшіе бородами люди, никому изъ нихъ невѣдомые. Каждую партію сажали на ночь и запирали на ротномъ дворѣ.

По прибытіи первой партіи, на утро, на плацу расположился батальонъ гренадерскаго Астраханскаго полка, назначенный для экзекуціи. Батальонъ былъ поставленъ въ двѣ линіи съ интервалами въ шагъ и въ два между каждымъ солдатомъ. Всѣ имѣли въ рукахъ шпицрутены.

Это былъ особый не воинскій строй, черезъ который слѣдовало провести осужденныхъ, или, по казенному выраженію, «прогнать сквозь строй». Собственно никого не гнали и даже не вели. Практика доказала, что осужденный не могъ проходить самъ между двумя рядами солдатъ, ибо, лишаясь тотчасъ же силъ, онъ, конечно, падалъ...

И эта же практика ввела обычай, что сильный и плечистый солдатъ, надѣвъ на себя покрышку изъ толстѣйшей кожи, чтобы предохранить самого себя отъ ударовъ, взваливалъ осужденнаго себѣ на спину и двигался чрезъ строй съ несчастной ношей.

На двухъ сторонахъ плаца выстроенъ былъ весь поселенный баталіонъ «для примѣра», для того, чтобы видѣть, какъ будутъ расплачиваться ихъ родственники и однокашники. По бокамъ баталіона поселенцевъ стояло по два орудія, заряженныя картечью. Было извѣстно, что при малѣйшемъ ропотѣ среди жителей эти орудія покончатъ съ ними гораздо проще и быстрѣе, нежели шпицрутены солдатъ съ осужденными. Кромѣ того, вокругъ плаца разъѣзжали гарцуя два эскадрона драгунъ для порядка. Начальство будто опасалось, что при началѣ казни виновныхъ можетъ вспыхнуть новый бунтъ. При наличномъ количествѣ приведеннаго войска оно становилось немыслимо.

Около полудня явился главный распорядитель, генералъ Даниловъ, назначенный для наблюденія за экзекуціей. Поздоровавшись съ Астраханскимъ полкомъ, онъ обратился съ наставленіемъ къ солдатамъ, выстроеннымъ, чтобы изображать строй. Генералъ объяснилъ, что всякій солдатъ, замѣченный въ томъ, что оказываетъ послабленіе осужденному, хлещетъ не изо всей силы, будетъ немедленно взятъ подъ стражу и «пойдетъ» точно такъ же, какъ бунтовщикъ.

Затѣмъ, обратившись къ выстроенному поселенному батальону, генералъ Даниловъ прибавилъ:

— Ну, а вы, головорѣзы, приглядывайте! Запомните и знайте, какая награда ждетъ разбойниковъ, поднимающихъ руку на начальство.

Раздалась команда:

— Смирно! На караулъ!

Адъютантъ генерала прочиталъ довольно длинную бумагу, переименовывая всѣхъ, кого за что судили и къ какому присудили наказанію. Изъ этой сотни первой партіи шестьдесятъ человѣкъ были приговорены къ прохожденію или, вѣрнѣе сказать, къ пронесенію «сквозь строй», остальные сорокъ къ простому наказанію розгами, т.-е. лежанію подъ розгами.

Разницы, казалось, не было, а между тѣмъ два наказанія были совершенно различныя. У солдатъ, стоящихъ въ строю, были шпицрутены, а у другихъ были простыя розги. Каждый солдатъ ударялъ проносимаго мимо него осужденнаго одинъ разъ, заранѣе подготовившись, заранѣе собравъ всѣ свои силы. Наказывавшіе розгами лежащихъ на землѣ лишь черезъ двадцать - тридцать данныхъ ими ударовъ замѣнялись свѣжими людьми, такъ какъ, предполагалось, они уставали и сѣкли слабо.

Изъ числа шестидесяти осужденныхъ на «сквозь строй» одна треть или двадцать должны были пройти мимо пятисотъ человѣкъ восемь разъ и получить слѣдовательно четыре тысячи ударовъ. Затѣмъ долженствовали пройти десять осужденныхъ—

шесть разъ; пятнадцать — четыре раза и пятнадцать — два раза. Считалось не число шпицрутеновъ, а число прохожденій.

И всѣ, конечно, проходили, потому что проносились черезъ положенное число ударовъ. Но, минуя 4.000 ударовъ, наказуемый получалъ собственно одну сотню. 3.900 ударовъ шпицрутена получалъ человѣкъ, который въ эти мгновенія былъ уже на томъ свѣтѣ.

Разумѣется, не только при четырехъ тысячахъ, но и при двухъ, иногда и при одной тысячѣ, послѣ первой сотни ударовъ проносилась уже потерявшая человѣчій обликъ, окровавленная масса, на которой видны были оголенныя кости и клочья мяса. Изъ этихъ клочьевъ почти половина была на землѣ, и несущій на спинѣ десятую или двадцатую жертву шелъ уже по мягкой красной дорожкѣ, скользкой и дымящейся...

Если въ самомъ началѣ прохожденія наказуемый слишкомъ бился на спинѣ силача и не лежалъ на немъ грудью, а невольно изворачивался на бокъ, то получалъ удары шпицрутена по животу. А эти удары были таковы, что покровы живота не выносили ихъ, всѣ внутренности выпадали и волоклись...

Нескончаемо длившійся мелкой трелью, но громкій и какой-то зловѣщій барабанный бой не могъ заглушить крики и вопли наказуемыхъ. «Стонъ стоялъ», какъ говоритъ народъ.

Бывшій аудиторскій писарь и ротный письмоводитель, какъ самый главный виновникъ, написавшій показанія полуживыхъ офицеровъ и заставлявшій ихъ подписывать, а затѣмъ дерзнувшій написать прошеніе государю императору,—Морозовъ вмѣсто 4.000 ударовъ, ему присужденныхъ, прошелъ, вѣроятно, не болѣе тридцати. 3.970 ударовъ падали и обращали въ кровавое тряпье его уже бездушное тѣло. Произошло это потому, что Морозовъ былъ присужденъ къ наказанію съ остановкой передъ каждымъ солдатомъ. Остановка продолжалась до тѣхъ поръ, покуда шпицрутенъ солдата не обломится. И лишь только тогда осужденный проносился два шага подъ удары слѣдующаго, для новой остановки, покуда не сломается второй шпицрутенъ.

И вотъ такихъ-то тридцать «сломанныхъ» шпицрутеновъ вынесъ здоровякъ Морозовъ и собственно за то, что при началѣ бунта, зная, что онъ единственный грамотный человѣкъ во всей ротѣ, и что злодѣи заставятъ его что либо писать, не посмѣлъ бѣжать въ Новгородъ. Онъ разсудилъ:

— Убѣжишь, оговорятъ, скажутъ—бунтовалъ и скрылся! Надо быть налицо и держаться въ сторонѣ!— и оказался начальникомъ всего бунта.

На второй день появилась вторая партія осужденныхъ. И повторилось то же самое... на третій—то же... И цѣлую недѣлю повторялось то же...

Во второй партіи, когда экзекуціей командовалъ генералъ Стессель, присужденное количество ударовъ было меньшее, тѣмъ не менѣе только сорокъ три человѣка были отправлены въ больницу. Остальные умерли при прохожденіи.

При наказаніи послѣдней партіи распоряжался казнью генералъ Скобелевъ. Виновники были наказаны кнутомъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ итти въ каторгу на двѣнадцать и десять лѣтъ.

LVI.

Прошелъ годъ послѣ казни бунтовщиковъ и окончательнаго уничтоженія выдумки графа Аракчеева—военныхъ поселеній.

Рускино, какъ простое крестьянское село, было пусто на половину, нѣкоторыя «связи» были совсѣмъ заколочены, ибо не обитаемы. Поселяне, которые не погибли въ прохожденіи «сквозь строй», ушли на поселеніе въ Сибирь, а жены и дѣти ихъ послѣдовали за ними.

Вдовъ было больше, чѣмъ гдѣ либо на Руси.

На все Рускино былъ лишь одинъ поселянинъ, не только не пострадавшій, но награжденный. Это былъ теперь капральный съ нашивками—Русаковъ.

Однако человѣкъ молодой и здòровый казался теперь пожилымъ и хворымъ. Но что было этому причиной—было загадкой для всѣхъ.

Въ дѣйствительности капральнаго снѣдала ревность и жажда мести. Онъ далъ себѣ клятву отплатить женщинѣ, которая перехитрила и провела его, какъ мальчугана.

Онъ, который сумѣлъ перехитрить военную комиссію, дѣльныхъ и опытныхъ судей столичныхъ, оказался дуракомъ и шутомъ въ рукахъ простой поселянки. Много разъ она обманывала его и въ концѣ концовъ сугубо обманула. Вмѣсто того, чтобы безнаказанно отдѣлаться отъ соперника, просто «похѣрить» его, онъ самъ, собственными руками выпустилъ его на свободу.

И если теперь Монаховъ и Мареа счастливы, то благодаря ему и одному ему...

Зачѣмъ онъ затѣвалъ бунтъ? Чтобы убить фельдфебеля. А его смерть была нужна, чтобы Мареа стала вдовой и могла выйти замужъ... За кого? За любовника?!

Разумѣется, умный, энергичный и упрямый молодецъ рѣшилъ безповоротно, далъ себѣ клятву нарушить счастье и благоденствіе враговъ, созданное имъ же самимъ.

Разумѣется, пожертвовать и собой, если не сумѣетъ схоронить концы.

— Убить! И не его, а ее!—рѣшилъ Русаковъ.

Но время шло, прошелъ годъ, и онъ, несмотря на всѣ усилія, не могъ добиться и узнать гдѣ коварная женщина, въ какомъ краю Россіи... Зато онъ узналъ навѣрное, что фельдфебелихи Петровой уже нѣтъ на свѣтѣ. Существуетъ поручица Монахова.

Но гдѣ? Въ какихъ предѣлахъ? Невѣдомо. И узнать нельзя.

Видно, Мареа хорошо знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и постаралась поселиться съ мужемъ чуть не въ какомъ либо «нѣкоторомъ царствѣ, не нашемъ государствѣ»...

Графъ Е. А. Саліасъ.

СВѢТОЧЪ ЖИЗНИ.

(Изъ легендъ современнаго Египта).

> — «Уничтожь себя—въ томъ совершенство, и вотъ все. Откажись отъ себя самого—въ томъ залогъ твоего единенія съ Богомъ, и вотъ все. Слейся съ Нимъ, чтобъ постичь эту тайну—все остальное излишне».
>
> Основное ученіе суфизма.

I.

СЛУШАЙ... Въ далекомъ Египтѣ, гдѣ въ безпредѣльныхъ пескахъ Ливійской пустыни медленно катилъ Нилъ свои багряныя воды, — подъ знойнымъ пологомъ вѣчно-смѣющагося неба, среди стройныхъ пальмъ и минаретовъ дремлетъ въ зелени пышныхъ садовъ тысячелѣтній городъ. Это—Фостатъ, царственный «шатеръ» давно исчезнувшихъ калифовъ; это—древній Каиръ на языкѣ европейцевъ.

Пусть скучающіе туристы спѣшатъ осмотрѣть въ немъ сказочныя пирамиды, бѣломраморные дворцы, волшебные сады Эзбекіэ,— я поведу тебя въ одинъ изъ отдаленныхъ уголковъ таинственнаго Мазръ-эль-Фостата [1]).

---

[1]) Мазръ-эль-Фостатъ, т.-е. «палатка», шатеръ, древнее названіе, данное Каиру арабами, осталось теперь за туземной его частью. Позднѣйшее—«Кайра» означаетъ «побѣдоносный» городъ и дано Джаваромъ, полководцемъ Моэза, въ память одержанныхъ фатимитами побѣдъ.

Среди безчисленныхъ закоулковъ «стараго» Кайро, въ самомъ центрѣ этой «побѣдоносной» столицы ислама, ютится древняя полуразрушенная мечеть. Дворъ ея, обнесенный стрѣльчатой галлереей, караванъ-серай пилигримовъ, давно уже безлюденъ и тихъ. Сѣрый курай и колючій верескъ пустили побѣги въ трещинахъ стѣнъ, проросли сквозь узорчатыя плиты каменнаго пола. Мѣстами онъ осѣлъ и провалился. Подъ сѣнью дряхлаго исполинскаго сикомора смолкъ безводный фонтанъ, и ползучія травы, какъ вязью причудливыхъ арабесокъ, заткали его разбитую чашу.

Сарацинскій куполъ мечети наполовину треснулъ. Изъ него вывалилась часть кирпичей и штукатурки, обнаживъ потемнѣвшіе своды. Напрасно знойный дискъ солнца потокомъ огнистыхъ лучей стремится заглянуть подъ тяжелыя аркады мечети, побороть мягкій сумракъ, царящій подъ ними. Какъ будто ласкаясь, льнутъ они къ хмурымъ камнямъ, тщетно пытаясь согрѣть, пробудить давно безжизненный мавзолей ислама. Онъ застылъ въ послѣдней борьбѣ съ властной силой все сокрушающаго времени, и торжественный покой безмолвія царитъ въ этой обители смерти.

Только пестрыя ящерицы, нѣжась въ жгучемъ дыханіи полдня, плавно скользятъ по зеленому бархату мховъ, проросшихъ по карнизамъ галлереи, да въ прозрачной синевѣ неба надъ осиротѣлой мечетью рѣютъ пернатыя стаи. Голуби, тихо воркуя, вѣеромъ опадаютъ на уцѣлѣвшіе выступы стрѣльчатыхъ дверей, нижутъ пестрой гирляндой прорѣзы оконъ, ажурную розетку высокаго минарета. Звонко щебечутъ ласточки, торопливо ныряя въ свои воздушныя гнѣзда, прикрѣпленныя къ куполу мечети. Никто не тревожитъ ихъ здѣсь, въ покинутомъ домѣ молитвы...

Но дряхлый, полуразрушенный храмъ, органически разлагаясь, еще таитъ въ себѣ трепетно замирающее сердце. Оно бьется въ немъ послѣдними ударами, пытаясь побороть, разорвать мучительныя оковы тлѣнья. Его порывистый, угасающій пульсъ еще слышенъ въ каменной оболочкѣ одинокаго минарета. Тамъ царитъ этотъ «протестующій духъ», воплотившись въ старомъ дервишѣ Бадуръ-эль-Шерифѣ.

Простодушные феллахи[1]) зовутъ его «ханійфъ»—избранникомъ пророка, «мудрымъ старцемъ». Недаромъ онъ родился по ту сторону моря, въ далекой Аравійской пустынѣ и былъ нѣкогда «шейхомъ»[2]) великаго племени. Онъ умѣлъ понимать, полный тайны, языкъ величавой природы; онъ познала, говорятъ, сокровенный смыслъ нашей жизни... Семь разъ мудрый Бадуръ былъ на поклоненіи у священной Каабы, и ея божественный огонь озарилъ

[1]) Феллахи-крестьяне землепашцы; потомки древнихъ египтянъ, ревностные магометане.

[2]) Шейхъ—глава племени, на которыя раздѣляются арабы.

умъ мудреца немеркнущимъ свѣтомъ. Все, чего не могли постичь другіе,—онъ познадъ и извѣдалъ...

Странный, всегда сосредоточенный въ самомъ себѣ, сѣдой стражъ убогаго храма одинъ не измѣнилъ забытой святынѣ. Онъ попрежнему любитъ свою осиротѣлую мечеть, восторженно чтитъ ея упраздненныя реликвіи. Для его вдохновенной души, для страстнаго созерцательнаго экстаза въ цѣломъ Каирѣ нѣтъ равнаго храма. Старикъ еще помнитъ лучшіе дни, когда ярче пестрѣли здѣсь краски, и золотая вязь изреченій, сплетаясь узоромъ надъ рѣзнымъ мимбаромъ [1]), гласила народу завѣты пророка... Съ трепетнымъ благоговѣніемъ стекалась сюда правовѣрная толпа. Съ любовью и надеждой припадала къ священному мирабу... [2]). И все это прошло, исчезло безслѣдно; наступила пора забвенія! Дряхлая обветшалая мечеть, угрожая паденіемъ, доживаетъ свой вѣкъ на покоѣ—она закрыта.

Только изрѣдка, случайно забредетъ теперь скучающій туристъ въ ея безмолвныя стѣны. Для него въ новомъ сказочномъ «Кайро» найдется немало заманчивыхъ приманокъ. Но тѣмъ дороже такой «гость» въ глазахъ престарѣлаго дервиша: онъ считаетъ его «избранникомъ» и, радостно улыбаясь, привѣтствуетъ чужеземца на порогѣ когда-то недоступной для него святыни.

— Бенъ-хавара [3])!—говоритъ пришельцу дервишъ, устремляя на него долгій испытующій взглядъ.—Слава Аллаху!... Исма-ни-эль-хавага! Войди смѣло въ «чертогъ свѣта», если ты достоинъ! — и старикъ, глубоко вздохнувъ, ведетъ туриста обозрѣвать руины.

Пока европеецъ, избалованный чудесами древней страны пирамидъ, равнодушно бродитъ подъ навѣсами галлереи, его спутникъ въ шерстяномъ хитонѣ и войлочной шляпѣ торопливо говоритъ самъ съ собой, странно жестикулируя:—Исма-ни, бенъ-хавара! Скиталецъ ищетъ новаго въ жизни... Аттамамъ [4])! Да вѣдь новое старо!..—и, задумчиво поникнувъ головой, онъ тяжело ступаетъ босыми ногами по мраморнымъ плитамъ.

Но, очутившись подъ сводами дряхлой мечети, старикъ внезапно какъ бы перерождается. Голосъ его повышаясь начинаетъ звучать тогда вдохновенною страстью, глаза загораются лихорадочнымъ блескомъ, а строгое аскетическое лицо озаряется радостной улыбкой.

---

[1]) Мимбаръ—высокая каѳедра для проповѣдника, на которую ведетъ узкая лѣстница, обычная принадлежность турецкихъ мечетей.

[2]) Мирабъ—центральная молитвенная ниша, обращенная въ сторону Мекки, главнѣйшей святыни мусульманства. Ниша эта, соотвѣтствуя нашему алтарю, обыкновенно отличается богатѣйшей отдѣлкой мрамора, мозаики и драгоцѣнныхъ инкрустацій. Мусульмане называютъ ее «часовней созерцанія».

[3]) Непонятная арабская поговорка—присказка.

[4]) Аттамамъ—такъ, прекрасно.

— Кто бы ты ни былъ, пришелецъ далекой страны,—восторженно говоритъ эль-Бадуръ, переходя отъ мираба къ минбару,— войди въ чертогъ свѣта, если ты угоденъ пророку!

Весь проникнутый священнымъ трепетомъ, дервишъ съ жаромъ цѣлуетъ холодные камни позабытаго храма... Воспаленныя губы его шепчутъ молитву, на глазахъ появляются слезы.

Скептики-англичане долго глядятъ на старика съ одеревенѣлымъ недоумѣніемъ. Веселые французы стараются острить на его счетъ, но туземцы глубоко чтутъ своего святого отшельника, для котораго, по ихъ убѣжденію, нѣтъ тайнъ за темной завѣсой былого и грядущаго.

Старый Бадуръ не всѣхъ «франковъ» провожаетъ одинаково. Однимъ на прощанье онъ говоритъ обычное «бенъ-хавара». Другимъ даетъ горсть рису или сѣмянъ, которыми кормитъ своихъ голубей, а инымъ цѣликомъ возвращаетъ непрошенный бакшишъ съ холодной усмѣшкой.

Каждую пятницу, и изъ года въ годъ, лишь только багряный дискъ солнца сравняется съ древнимъ Нилометромъ-Рода [1]), на вершинѣ одинокаго минарета упраздненной мечети появляется эль-Бадуръ въ странномъ, фантастическомъ одѣяніи. Бѣлый плащъ его развѣвается по вѣтру, какъ исполинскія крылья; яркимъ пурпуромъ багрянаго заката залита сѣрая туника, красиво облегая плечи и станъ, а на убѣленныхъ сѣдинами кудряхъ искрится, блеститъ золотая тіара. Сизой тучей вьются надъ нимъ пернатыя стаи, но старецъ застылъ среди нихъ неподвижно, скрестивъ на груди руки, какъ вдохновенный жрецъ исчезнувшаго культа Озириса. Давно уже снизу замѣтила его толпа, снующая по площадямъ—базарамъ, и шумная, говорливая, какъ море въ прибой—она ждетъ, не дождется его пѣсни-призыва, чтобы хлынуть волной изъ улицъ стараго Кайро на широкій дворъ упраздненной мечети...

Но вотъ дрогнулъ въ голубой вышинѣ заунывный напѣвъ муэдзина, и тотчасъ въ отвѣтъ ему торжественно бодрый знакомый голосъ: «Бенъ-хавара! Пріидите въ чертогъ свѣта всѣ, кто достоинъ. Я повѣдую вамъ тайну жизни. Исма ни-эль-хавага! Слушай»... И не успѣетъ старикъ появиться на ступеняхъ древняго святилища Ибнъ-Каитъ-бея, какъ любопытная толпа уже привѣтствуетъ его радостнымъ кликомъ. Она любитъ слушать его странныя рѣчи, хотя немногимъ дано уразумѣть тайный смыслъ сказокъ-легендъ стараго Бадура.

[1]) Нилометръ-Рода—колонна съ высѣченными въ ней дѣленіями для измѣренія высоты воды въ Нилѣ во время его разлива. Находится на островѣ Рода, близъ стараго Каира, древнее сооруженіе калифа Виллаха, устроенъ въ 485 году эгиры.

Вотъ онъ остановился, поднялъ руку и, скользнувъ пламеннымъ взоромъ надъ моремъ головъ, обступившимъ его отовсюду, замеръ на мигъ, какъ будто въ раздумьѣ... Не смущай его грезъ, не тревожь его празднымъ вопросомъ... Слушай!

I.

— Бедуину Хассану, вольному сыну аравійской пустыни, снился однажды сонъ плѣнительный, но странный... Ему казалось, что онъ одинъ вдали отъ своихъ шатровъ, безъ верблюдовъ, лежитъ на берегу великаго моря. Изумрудныя волны съ глухимъ ропотомъ лижутъ камни лиловыхъ утесовъ, подернутыхъ дымкой тумана. За синей грядой небосклона давно уже померкъ яркій пурпурный дискъ. Безконечная пустыня золотистыхъ песковъ, истомленная зноемъ, замерла, нѣжась въ тихой дремотѣ. Драпируясь тѣнями, волшебница-ночь обвѣяла землю прохладой, и, опустившись къ подножію далекихъ холмовъ, потемнѣлъ ея бархатный пологъ. Въ синѣющей мглѣ необъятнаго купола, какъ бы борясь съ ней, мерцая, глядятъ съ высоты звѣзды-очи. Все ярче сквозитъ въ пеленѣ облаковъ серебристая луна, и отъ нея на землю, объятую тишиной, трепетно льется сіянье.

И вотъ Хассанъ видитъ — тамъ у грани обрывистыхъ скалъ, гдѣ море слилось въ неразрывномъ объятіи съ песками, весь берегъ усыпанъ алмазами; они, искрясь, горятъ фосфорическимъ блескомъ. У бѣдняка при видѣ такого богатства захватило дыханье. Онъ быстро расчелъ, сколько верблюдовъ можно было бы навьючить драгоцѣнностями, если собрать ихъ хотя сотую долю съ неохватнаго взморья. Заалѣетъ заря, хлынетъ море обычнымъ приливомъ, и погибнутъ въ волнахъ самоцвѣтные камни.

Ненасытная жажда стяжанья сжала трепетомъ сердце Хассана. Онъ приподнялся на локтѣ, окинулъ лихорадочнымъ взоромъ сверкавшій предъ нимъ берегъ и оглянулся съ тоской на безграничную пустыню. Молодой бедуинъ боялся окликнуть товарищей, дрожа отъ мысли, что алчная толпа расхититъ эти груды сокровищъ. Опьяненный безцѣнной находкой, арабъ подползъ ближе къ алмазамъ и, набравъ ихъ полную горсть, крѣпко сжалъ дрожащими пальцами. Онъ пожиралъ глазами прозрачные кристаллы, недоумѣвая, куда дѣвались его верблюды. Неужели караванъ снялъ шатры и ушелъ въ Геджасъ, забывъ его здѣсь на морскомъ берегу, у границы великой пустыни? Одинъ, безъ животныхъ и вьюковъ, что въ силахъ онъ захватить?.. Двѣ, три жалкія горсти? Но и тѣ отниметъ у него первый встрѣчный собратъ враждебнаго племени. Одинокій, измученный долгой ходьбой, безъ воды и припасовъ, обреченъ онъ погибнуть голодною смертью...

Ужасъ сковалъ при этой мысли члены Хассана. Весь похолодѣвъ, юноша бросилъ на землю алмазы и, напряженно вглядываясь въ волнистый туманъ, пытался распознать въ немъ хотя слабый признакъ кочевья. Но палатки исчезли. Неохватное море бѣлѣвшихъ песковъ сливалось съ безбрежнымъ синѣющимъ моремъ... Ни жизни, ни звука... Безмолвная пустыня надвигалась къ холоднымъ волнамъ, какъ будто готовясь поглотить свою жертву. Страшная тоска сдавила въ груди сердце Хассана. Неужели смерть такъ близка, неужели онъ долженъ погибнуть? Ему мерещился уже ея зловѣщій призракъ въ туманной мглѣ ночи, и бѣдный арабъ, простирая съ отчаяніемъ руки, быстро вскочилъ и выпрямился. Онъ невольно обернулся къ морю и вдругъ... вскрикнулъ.

II.

На уступѣ скалы передъ нимъ, вся облитая луннымъ сіяньемъ, сидѣла склонясь надъ водой прелестная нагая дѣва. Золотистыя пряди ея длинныхъ распущенныхъ косъ ниспадали на бѣлыя плечи. На высокомъ челѣ въ переливахъ алмазныхъ огней сверкала корона. Блѣдный ликъ красавицы-дѣвы смутилъ молодого араба. Онъ стоялъ пораженный волшебнымъ видѣніемъ, не смѣя шевельнуться. Но дѣва, устремивъ на него свой загадочный взоръ, вдругъ улыбнулась...

Отъ этой улыбки сердце Хассана забилось сильнѣе, зажглось томительной страстью. «Это—дѣва эдема!—прошепталъ бедуинъ, вспоминая обѣщанныхъ гурій.—Пусть я бѣденъ, но всегда былъ вѣрный, преданный сынъ Аллаха и достоинъ награды пророка! Я творилъ ежедневно священный намазъ, торопился на зовъ муэдзина и всю жизнь мою собирался на поклоненіе въ Мекку»...

Подавленный сознаніемъ такихъ совершенствъ, Хассанъ распростерся ницъ на пескѣ, смиренно ожидая призыва къ блаженству. Онъ былъ увѣренъ, что умеръ, и что пустыня и море вокругъ, пески и сѣдые туманы — лишь остатки земныхъ миражей... Размышляя о бренности жизни, молодой арабъ искренно сожалѣлъ, что не увидитъ болѣе земли, съ которой ему вовсе не хотѣлось разставаться.—Къ чему мнѣ теперь эти алмазы?—соображалъ онъ съ досадой и вспомнивъ, что дѣвъ-то въ раю обѣщано было много, въ глубинѣ души упрекнулъ за обманъ пророка.

— Здравствуй, Хассанъ, Бедрединъ-Бармесида! — послышался ему вдругъ пѣвучій голосъ. Бедуинъ робко приподнялъ голову и, не рѣшаясь встать, торопливо оглянулся. Это былъ голосъ дѣвы.— «Она меня знаетъ?»—удивился Хассанъ недоумѣвая, какъ поступать ему на «томъ свѣтѣ», и пока онъ соображалъ подходящій привѣтъ, красавица-дѣва ласково продолжала:

— Встань, путникъ, ободрись! На твою долю выпало счастье встрѣтить меня, фею пустыни. Пользуйся случаемъ и проси, чего хочешь: богатства ли, почестей, славы? Можетъ быть, ты предпочтешь мудрость?

Бѣдный Хассанъ совершенно растерялся отъ такой неожиданности. Губы его шевелились беззвучно. Онъ понялъ одно, что не умеръ, что вокругъ не эдемъ, а земля, и съ нескрываемой радостью сталъ ощупывать голову, стараясь сообразить и отвѣтить.

— Богатство? Да, хорошо бы! Я накуплю верблюдовъ, рабовъ, драгоцѣнныхъ товаровъ... Я стану тогда первымъ купцомъ, какъ Али-Бей-Синдбаба. Вотъ оно счастье! Но почестей... Нѣтъ!—шепнулъ ему вдругъ честолюбивый голосъ.—Богатство безъ почестей? Что въ немъ? Да, я хочу того и другого... И Хассанъ чувствовалъ, какъ въ немъ все сильнѣй и сильнѣй разгорались желанія.

— Нѣтъ,—думалъ онъ чрезъ минуту:—если просить, такъ полнаго счастья! Недаромъ я встрѣтилъ волшебницу-фею. Пусть она сдѣлаетъ меня повелителемъ правовѣрныхъ. Тогда я буду богатъ, окруженъ почетомъ, и слава обо мнѣ далеко прогремитъ повсюду. Какъ великій халифъ, я сравняться хочу съ Аль-Рашидомъ.—Онъ собирался сказать все это феѣ, какъ вдругъ его душу смутило сомнѣнье:—Что если я пожелалъ не высшаго блага на свѣтѣ? Какъ быть, если, разъ порѣшивъ на одномъ, я упущу такой рѣдкій случай и потеряю другое?

И Хассанъ невольно смутился. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ угадать, какой именно даръ дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Тогда новая тоска, сильнѣе прежней, охватила его душу. Но бедуинъ колебался недолго. По лицу его нежданно скользнула лукавая улыбка, и, смѣло поднявъ голову, Хассанъ вдругъ твердо проговорилъ, обращаясь къ феѣ:—Всесильная дѣва, я прошу, я желаю, чтобы ты сама сдѣлала выборъ!

III.

Сказавъ такъ, Хассанъ думалъ перехитрить фею. «Ошибиться легко,—смекнулъ онъ,—а кому-жъ, какъ не ей, знать навѣрно, что всего лучше на свѣтѣ?»

Волшебница-дѣва грустно улыбнулась, читая въ его мысляхъ.—Хорошо,—проговорила она,—я вижу—ты скроменъ... Въ тебѣ нѣтъ самонадѣянности. Теперь—это рѣдкость! Ну, слушай. Я согласна и сдѣлала выборъ. Даю тебѣ—мудрость!

Хассанъ совершенно не ожидалъ подобнаго оборота. Въ его памяти были только богатство, почести, слава. Онъ вздрогнулъ и, растерянно взглянувъ на фею, сообразилъ, что съ такимъ даромъ далеко не уйдешь въ наше время.

— Все пропало! Самъ я разбилъ свое счастье... Были алмазы — не доставало верблюдовъ. Встрѣтилъ фею, и не хватило умѣнья. Ахъ, зачѣмъ я не умеръ?..

И, глухо зарыдавъ, бѣдный арабъ упалъ на колѣни.

— Встань,—проговорила ласково фея.—Мой выборъ не такъ плохъ, какъ тебѣ кажется. Быть можетъ, ты будешь благодаренъ за тотъ рѣдкій даръ, которымъ я тебя надѣляю. Подойди ближе!

И когда Хассанъ смущенный всталъ передъ дѣвой, она слегка коснулась рукой его лба, и въ ту же минуту бѣдный арабъ громко вскрикнулъ и покачнулся.

— Говори же теперь, мудрый Хассанъ, что открылось твоему пониманію?

Бедуинъ провелъ рукой по лицу и, съ восторгомъ поднявъ глаза къ небу, вдругъ произнесъ сознательно и твердо:

— «Ля илляхъ иль Аллахъ, ве Магометъ ресуль Аллахъ [1])! Великую правду открыла ты мнѣ, волшебница-дѣва. Высшій даръ въ мірѣ—священная мудрость. Въ ней скрыты всѣ сокровища вселенной. Носитель ея окруженъ величайшимъ почетомъ, и слава о мудрецѣ далеко передъ нимъ бѣжитъ по свѣту!..

— Ты прозрѣлъ!—съ улыбкой отвѣтила фея.—Прощай!

И она исчезла.

IV.

Хассанъ проснулся отъ нестерпимыхъ лучей солнца, палившихъ его голову. Онъ лежалъ близъ шатра, окруженный верблюдами. Наступилъ часъ водопоя, и умныя животныя понуро стояли надъ нимъ, удивляясь долгому сну своего господина. Караванъ собирался въ дорогу, шумно снимая палатки, навьючивая свой скарбъ и товары. На желтой пустынной равнинѣ мелькали пестрые бурнусы арабовъ, дымились догарая костры родного кочевья. А вдали, за грядою прибрежныхъ утесовъ синѣло, искрилось море.

Хассанъ всталъ, напоилъ верблюдовъ и, не обращая вниманія на гомонъ проснувшейся жизни, задумчиво побрелъ къ песчаному взморью. Его тянуло къ безбрежной, могучей стихіи. Молодой бедуинъ сѣлъ въ тѣнь у подножія скалы и, готовясь обѣдать, досталъ изъ мѣшка сухія маисовыя лепешки. Но мысли его всецѣло были поглощены волшебнымъ видѣніемъ ночи... Образъ плѣнительной дѣвы мерещился властный, вставалъ предъ нимъ съ неумолчнымъ призывомъ. А синее море шептало вокругъ, набѣгая рокочущимъ плесомъ...

Не безъ грусти взглянулъ Хассанъ на гладко обточенный гравій, на груды мокрыхъ валуновъ, намытыхъ приливомъ. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ бѣлой блестящей полосы, что окаймляла голубыя волны, и этотъ блескъ, отраженный кристальными гранями,

[1]) Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ.

напомнилъ ему о видѣнныхъ во снѣ алмазахъ. Бедуинъ нагнулся и понялъ, что предъ нимъ искрилась накипь морской соли, осѣвшей на камняхъ послѣ отлива. Ярко горѣли на солнцѣ ея прозрачные кристаллы, и неохватное побережье сверкало теперь наяву, какъ будто утопая подъ грудой алмазныхъ сокровищъ.

Хассанъ нагнулся, взялъ на ладонь влажную крупинку и, глядя на ея переливы, впервые глубоко задумался. Какой-то невѣдомый голосъ сталъ вдругъ нашептывать ему таинственно и властно странныя рѣчи. Казалось, имъ вторили, звонко плескаясь и пѣнясь, бирюзовые гребни прибоя...

— Я соль, серебристый кристаллъ голубого прозрачнаго моря. Я насыщаю лазурныя волны, и люди зовутъ эту воду морскою. Нѣтъ соли—нѣтъ моря! Я осѣдаю на камняхъ, согрѣтая страстнымъ лучемъ золотого свѣтила, и они, искрясь, горятъ брилліантомъ. Рожденная моремъ, я вновь исчезаю въ его же объятіяхъ и снова рождаюсь подъ жгучимъ тепломъ...

— Нѣтъ соли—нѣтъ моря! Ты, блескомъ плѣненный, ребенокъ пустыни, подумалъ, что видишь крупицы алмаза. И вмигъ зародились, тобой овладѣли житейскія страсти стремленья къ богатству и власти... Но силы кипучей источникъ могучій прозрѣнья, радости, свѣта таится не въ нихъ: онъ родится въ груди, что жаждой познанья согрѣта...

— Нѣтъ моря безъ соли! Слѣпецъ въ этой жизни, омытый слезою лишеній и горя, борьбы и сомнѣнья, ты долженъ стать мудрымъ! Ты долженъ добиться прозрѣнья, страдая и споря съ суровой житейской грозою, во тьмѣ безпросвѣтной блуждая!

— Свѣтильникъ ума—это мудрость познанья. Дары ея скрыты, какъ въ нѣдрахъ алмазы... Но силою знанья ту соль мою, моря кристаллы, мудрецъ, обратишь ты въ топазы и жемчугъ, въ янтарь и опалы: тебѣ покорится природа.

— Зажги-жъ твой свѣтильникъ немеркнущимъ свѣтомъ! Ты станешь мудрѣйшимъ, ты станешь поэтомъ—вождемъ вдохновеннымъ родного народа . . . .

. . . .

Рука Хассана опустилась. На воспаленной ладони растаяли соляные кристаллы, и въ отуманенной головѣ мелькнула мысль, вдохнувшая ему въ грудь рѣшимость.

V.

Бедуину вспомнился вдругъ Ибнъ-эль-Ахмадъ, мудрый шейхъ великаго племени. Онъ умѣлъ понимать полный тайны языкъ величавой пустыни, и ему былъ открытъ смыслъ таинственныхъ сновъ и видѣній... Давно уже, какъ себя помнитъ Хассанъ, престарѣлый Ахмадъ жилъ въ шатрахъ его родного кочевья и, пере-

ходя изъ палатки въ палатку, онъ, говорятъ, приносилъ избраннымъ довольство и счастье. Не сбиралъ онъ въ свою долгую жизнь ни сокровищъ, ни злата, не имѣлъ ни шатра, ни верблюдовъ, чуждъ былъ почестей, власти. Въ старомъ рваномъ плащѣ, безъ сумы, подпоясанъ веревкой, обошелъ онъ когда-то полъ-міра, и, любовью проникнутый къ людямъ мудрецъ, заповѣдалъ онъ смѣлымъ пробиться изъ тьмы къ свѣту знанья и правды...

Итти къ нему, открыть свою душу, повѣдать про волшебницу-фею неудержимо захотѣлось молодому арабу, и Хассанъ поспѣшилъ къ отдаленному шатру бедуина, пріютившему Ибнъ-эль-Ахмада. Онъ засталъ старика еще дремавшимъ у костра, но, когда Хассанъ, разбудивъ его, взволнованный и потрясенный пережитыми впечатлѣніями ночи, разсказалъ о своемъ удивительномъ снѣ, старикъ встрепенулся, глаза его заблистали, и онъ воскликнулъ:

— О сынъ мой! Само небо указуетъ тебѣ путь: твой путь къ источнику мудрости. Не случаенъ твой сонъ! Самъ великій пророкъ послалъ тебѣ вѣстницу дѣву, предопредѣлилъ твой подвигъ. Ты молодъ и силенъ, Хассанъ, умъ твой жаждетъ познанья и свѣта. Иди же въ далекій Кайро! Тамъ найдешь ты тотъ свѣточъ, что озаритъ твою темную голову, и ты принесешь эту божественную искру сюда, твоимъ собратьямъ, въ безпросвѣтную тьму пустыни.

— Но слушай... Пусть тамъ, въ этомъ царственномъ Кайро, для тебя будетъ только одинъ храмъ домомъ молитвы! Ступай прямо въ священную «мечеть цвѣтовъ», иди къ гробницѣ Гевхеръ-эль-Кайда, великаго основателя Гама-эль-Азгары [1]). Стучись въ ея желѣзную дверь, я открою тебѣ, Хассанъ, заповѣдную тайну. Ужъ долгіе годы заперта эта дверь, говорятъ, ключемъ счастья. Но ключъ тотъ потерянъ давно, и не знаетъ никто, что таитъ въ себѣ нынѣ святилище эль-Азгары. Не смущайся, стучись, и откроется дверь, ты найдешь заповѣдное слово!

— Ключъ утраченъ, но дверь распахнется предъ тѣмъ, кто, какъ ты, сталъ избранникомъ неба. Сбереги лишь въ груди жажду страстную знанья, сердце чистымъ, а умъ вдохновеннымъ. Въ изголовьѣ гробницы стоитъ, ты увидишь, свѣтильникъ. Не простую лампаду, не погребальную свѣчу по великой душѣ водрузилъ тамъ Гевхеръ-эль-Кайда, о, нѣтъ! Самъ великій пророкъ далъ ему тотъ божественный пламень. Онъ затеплилъ, зажегъ благодатный огонь «Эннуръ-хіа», сокровенный для всѣхъ свѣточъ жизни!

— Знай, мой сынъ, что, пока онъ сіяетъ, горитъ, не померкнутъ умы мудрецовъ, не погибнетъ великое племя! Пока теплится

---

[1]) Мечеть Гама-эль-Азгара—древнѣйшая въ Каирѣ. Она знаменита на всемъ Востокѣ, какъ духовная академія мусульманъ. Это богословскій университетъ, давшій знаменитѣйшихъ учителей ислама. Въ ней учатся до десяти тысячъ софтъ (студентовъ) и преподаютъ 300 имамовъ (профессоровъ). Главное преподаваніе заключается въ толкованіи Корана.

хотя искра подъ пепломъ въ источникѣ знанья—не угаснетъ нашъ духъ, а въ пытливомъ умѣ—отблескъ вѣчнаго свѣта. Не остынутъ людскія сердца, не помрачится разумъ. Самъ пророкъ завѣщалъ мудрецамъ, какъ святыню, хранить его даръ, удѣленный Аллахомъ. Тамъ, въ «мечети цвѣтовъ», скрытъ источникъ познанья и свѣта!

— Спѣши же, Хассанъ, въ священныя стѣны эль-Азгары. Иди скорѣй, какъ ни труденъ твой путь, и да не смутятъ твою душу предстоящія испытанія. Будь избранникомъ, достойнымъ великаго жребія. Ступай къ мудрецамъ-имамамъ [1]) и спроси, берегутъ ли они завѣщанный имъ «свѣточъ жизни». Попрежнему ли горитъ онъ яркимъ, немеркнущимъ свѣтомъ, не угасъ ли его божественный пламень?

— О, скажи имъ, что не даромъ пришелъ ты къ источнику жизни! Не праздное любопытство привело тебя къ свѣточу знанья. Самъ пророкъ указалъ тебѣ путь изъ великой пустыни, и ты знаешь заповѣдную тайну «Эннуръ-хіа». Пусть они скажутъ тебѣ, почему вымираетъ могучее племя фатимитовъ? Почему люди въ борьбѣ и тревогѣ перестаютъ чтить завѣты пророка, и съ каждой новой луной жить становится все тяжелѣе?

— Спроси ихъ, отчего гибнутъ любовь и правда въ сердцахъ родного народа? Долго ли еще ему томиться, страдать отъ слѣпоты невѣжества и какъ спасти изъ безпросвѣтной тьмы его душу? Слышишь, спроси ихъ! Требуй отвѣта, Хассанъ! Но если они и сами не знаютъ, если не нашли до сихъ поръ свой утерянный ключъ отъ завѣтной таинственной двери, ты откроешь властной силой познанья. Да, откроешь, Хассанъ! Таковъ завѣтъ пророка, иначе угаснетъ божественный пламень. Спѣши же, не медли! Ты долженъ спасти его, пока еще тлѣетъ огонь Эннуръ-хіа. Иди, мой сынъ, и да благословитъ тебя небо!

. . . .

Хассанъ всталъ и оглянулся. Безконечная пустыня лежала вокругъ, теряясь въ туманной дали золотистыми песками. Синѣя сливалось съ голубымъ шатромъ безбрежное море. Земля и небо и водная ширь въ неохватномъ объятіи въ первый разъ предстали изумленнымъ очамъ бедуина безмолвнымъ торжественнымъ храмомъ. Онъ созналъ вдругъ, что обреченъ былъ бродить, какъ слѣпецъ, среди невѣжества и насилій, и что неустанная распря людей, ихъ мелочная борьба, оскверняетъ этотъ великій храмъ мірозданія, гаситъ въ сердцѣ, въ умѣ человѣка слабый проблескъ божественнаго свѣта.

Невольно Хассанъ ужаснулся, сознавъ убогую долю родного народа. Въ груди его трепетной страстной тоской сжалось робкое

---

[1]) Имамъ—служитель религіи, духовное лицо, народный наставникъ и преподаватель вмѣстѣ. Въ эль-Азгарѣ имамы являются толкователями Корана.

сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ мощный приливъ бодрости и силы. Бедуинъ рѣшилъ бросить все, послѣдовать мудрому совѣту Ибнъ-эль-Ахмада — итти къ тѣмъ, кто хранитъ безцѣнный «свѣтильникъ жизни». Поклонившись до земли престарѣлому шейху, Хассанъ покинулъ родное кочевье, чтобы итти въ далекій Каиро и научиться тамъ мудрости.

VI.

Далеко на западъ отъ безконечной аравійской пустыни, на берегахъ царственнаго Нила стоитъ тысячелѣтній городъ. Его земля — золото; небо надъ нимъ — чудо; его женщины прекрасны, какъ черноокія дѣвы, живущія въ раю. Да и можетъ ли быть иначе, когда онъ — столица міра? Кто не видалъ Каира, тотъ ничего не видалъ!

Голубка Амру свила гнѣздо надъ шатромъ полководца Омара. У подошвы горы Мокаттамъ намѣтила она мѣсто великому городу. Калифъ фатимидовъ передвинулъ его стѣны, калифъ — потомокъ прелестной Фатимы, дочери Магомета. И вотъ выросъ Мазръ-эль-Кагира, не только «побѣдоносный», но и славнѣйшій изъ городовъ ислама. Онъ пріютилъ въ своихъ стѣнахъ мудрость. Подъ кровлей «мечети цвѣтовъ» она обитаетъ вѣками.

Какъ стройныя пальмы, вонзаясь въ безпредѣльную высь, уходятъ тамъ бечисленными рядами колонны изъ мрамора и порфира. Какъ въ темномъ небесномъ шатрѣ, испещренномъ звѣздами, теплются среди нихъ миріады огней, ярко горятъ безчисленныя лампады. Какъ моря звенящій прибой съ неумолчно рокочущимъ плесомъ, звучатъ тамъ голоса юныхъ софтъ, поучаемыхъ посѣдѣлыми имамами. Блѣдный турокъ, левантіецъ, смуглый арабъ и черный, какъ уголь, нубіецъ — всѣ сошлись въ эти стѣны, къ источнику знанья изъ далекихъ предѣловъ. Есть ли гдѣ на землѣ равный блескомъ ему лучезарный свѣтильникъ? Обитаетъ ли мудрость въ святилищѣ иномъ, чѣмъ Гама-эль-Азгара? Нѣтъ, нигдѣ, я такого не знаю!

Когда душу Хассана охватила необоримая страсть — пробиться къ источнику свѣта, онъ какъ будто прозрѣлъ, онъ нашелъ этотъ путь въ эль-Азгару. Босой, полураздѣтый, безъ шатра и верблюдовъ, шелъ онъ по раскаленнымъ пескамъ, глубоко увязая въ нихъ спаленными ногами, падая и изнемогая. Страшная жажда томила его грудь, кровь выступала на запекшіяся губы. Его дразнили миражи пустыни, и онъ падалъ наконецъ измученный, обезсиленный долгой ходьбой, думая, что погибнетъ. Но прохлада ночи и нѣсколько финиковъ возвращали ему бодрость. Онъ поднимался и снова шелъ, шелъ до изнеможенія. Его влекла невѣдомая сила, и чарующій голосъ волшебницы-феи все время шепталъ ему въ

лобзаніяхъ вѣтра дивныя рѣчи. И Хассанъ готовъ былъ умереть на порогѣ мечети-святыни, лишь бы увидѣть хоть разъ священный огонь Эннуръ-хіа и изъ устъ мудрецовъ получить отвѣтъ на томившіе его запросы.

VII.

Но Хассанъ заблуждался. Онъ былъ обманутъ укоренившейся славой Гама-эль-Азгары. Тотъ родникъ, что поилъ здѣсь отцовъ нашихъ, дѣдовъ, онъ изсякъ незамѣтно съ годами. Великіе учители прошлаго, въ комъ горѣлъ лучезарнымъ огнемъ возрожденья божественный пламень Эннуръ-хіа, давно ушли изъ ея стѣнъ въ счастливую вѣчность. Предъ былыми вождями распахнулась завѣтная дверь гробницы эль-Кайда и съ послѣднимъ изъ нихъ затворилась, какъ будто навѣки. И съ тѣхъ поръ въ святилищѣ мудрости давно уже засѣдали не мудрецы, а смѣнившіе ихъ равнодушные имамы. Одряхлѣвшіе въ самонадѣянномъ коснѣніи, перезабывъ и перепутавъ мертвый догматъ съ жизненной правдой, они не были въ силахъ не только отвѣчать, но даже понимать вопросы.

Къ несчастью, эти новые избранники эль-Азгары сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ люди давно привыкли видѣть истинныхъ намѣстниковъ пророка. На нихъ были надѣты такіе же тюрбаны, тѣ же зеленыя чалмы, такіе же шелковые халаты. Гнусавымъ и монотоннымъ голосомъ они вяло бормотали свои толкованія Корана, лишь затемнявшія его истинный смыслъ; и свѣтильникъ, пылавшій когда-то немеркнущимъ свѣтомъ, угасалъ съ каждымъ днемъ подъ холоднымъ давящимъ его слоемъ пепла.

Въ хаосѣ безжизненныхъ формулъ изсякъ, давно былъ утерянъ здравый смыслъ вдохновеннаго ученія. Но новые мудрецы увѣряли довѣрчивыхъ софтъ, что они продолжаютъ великое дѣло пророка — просвѣщеніе избранныхъ. Хассанъ съ ужасомъ отвернулся бы отъ тѣхъ, у кого онъ мечталъ найти откровеніе... И если бы онъ зналъ, что творилось теперь въ священныхъ стѣнахъ «мечети цвѣтовъ», онъ не пошелъ бы въ нее за тысячу верстъ по раскаленнымъ пескамъ, не боролся бы съ жаждой и голодомъ, не вынесъ бы жгучаго палящаго зноя пустыни.

И Хассанъ созналъ роковую ошибку, но уже было поздно.

VIII.

Блѣдный, измученный долгой ходьбой, стоялъ онъ на священномъ порогѣ храма, изъ котораго давно удалилась оскорбленная мудрость. На грязныхъ цыновкахъ, осквернявшихъ мраморный полъ эль-Азгары, безпорядочными группами толпились, лежали заспанные софты. Какъ будто въ чаду, закативъ глаза, бормотали

они нараспѣвъ безсодержательныя цитаты новѣйшихъ толкованій, въ которыя не вѣрили даже тѣ, кто ихъ придумалъ. Подобравъ подъ себя свои синіе халаты, сотни юношей сидѣли вокругъ замѣстителей мудрецовъ, и Хассанъ видѣлъ, что взоры нѣкоторыхъ софтъ горѣли лихорадочнымъ блескомъ ожиданія. Въ нихъ вспыхивала чуткая мысль и гасла разочарованной.

Все это были такіе же, какъ и онъ, новички, еще не успѣвшіе опошлиться. Они, вѣроятно, тоже пришли издалека, робкіе и пытливые, къ источнику свѣта, съ жаждой знанья въ груди и съ горячимъ сердцемъ. На ихъ страстный запросъ имамы отвѣчали сурово. Хассанъ слышалъ, какъ они упорно твердили въ отвѣтъ молодежи: «Если въ книгахъ написано то, что далъ намъ пророкъ, то мы все вамъ объяснили, и онѣ безполезны. Если жъ въ нихъ говорится другое, то онѣ вредны и подлежатъ истребленью» [1]).

Такъ твердили имамы-хранители Эннуръ-хіа, но никто имъ не вѣрилъ. Сознаніе шагнуло впередъ вмѣстѣ съ вѣками и жизнью. Пытливый умъ юношей софтъ давно ужъ искалъ тотъ затерянный ключъ, которымъ была заперта дверь гробницы эль-Кайда. Но некому было теперь распахнуть эту дверь предъ толпою, чтобы дивный, божественный пламень могъ проникнуть въ сердца и согрѣть истомленную душу народа.

И все это видѣлъ и все это понялъ Хассанъ, и молодую грудь его, полную силъ и надеждъ, сдавила горечь негодованія. Плѣнительный образъ феи пустыни предсталъ вдругъ предъ его очами. Таинственный голосъ, нашептавшій ему заповѣдныя думы на берегу моря, отозвался въ немъ съ прежней силой. Молодой бедуинъ вспомнилъ все, что внушалъ ему старый шейхъ, и вдругъ рванулся впередъ, весь охваченный вдохновеннымъ экстазомъ.

IX.

— Ля илляхъ иль-Аллахъ! Ве Магометъ ресуль Аллахъ! — раздался вдругъ его громкій голосъ, и онъ прозвучалъ, какъ ударъ грома, подъ безконечными сводами мечети. Стихъ гомонъ толпы; имамы и софты всѣ обернулись невольно въ ту сторону, откуда послышался смѣлый и властный призывъ вдохновеннаго пророка. Въ своей бѣлой запыленной туникѣ, молодой, стройный, красивый, стоялъ предъ ними Хассанъ, нежданный пришлецъ невѣдомаго края. Надъ его головой виднѣлись надписи, отрывки изреченій великихъ мудрецовъ, толкователей аль-Корана. Начертанныя на карнизахъ, вписанныя золотомъ въ стѣны-скрижали «мечети

---

[1]) Изреченіе халифа Омара, сжегшаго, какъ думали ранѣе, библіотеку Александріи.

цвѣтовъ», онѣ гласили грядущимъ поколѣніямъ то, что давно было здѣсь позабыто. Но когда сотни, тысячи глазъ пробѣжали завѣтныя строки, на которыя Хассанъ указывалъ рукою, когда ихъ взоры встрѣтили взглядъ, горѣвшій огнемъ благороднаго вдохновенія, — могучій, радостный кликъ тысячи голосовъ потрясъ вдругъ мраморныя стѣны.

Дремавшіе имамы испуганно поднялись съ своихъ мѣстъ и, запахивая полы халатовъ, принялись искать свои зеленыя чалмы, злополучныя эмблемы мудрости. Они должны были бы говорить, убѣждать, но, осторожно храня про запасъ «свое» слово, давно отвыкли мыслить, повторяя наивно, что рѣчь — серебро, а молчаніе — золото.

Восторженный гулъ толпы росъ, разливался волной по безчисленнымъ коридорамъ мечети и наконецъ стихъ. Молодежь замерла въ напряженномъ ожиданіи.

X.

— Я пришелъ къ источнику жизни! — говорилъ Хассанъ, обращаясь къ зеленымъ чалмамъ, и толпа жадно ловила каждое его слово. — Я пришелъ къ вамъ, достопочтенные имамы, томимый страстной жаждой знанья! Вы, пріявшіе мудрость пророка, какъ сокровенное наслѣдіе, знаю, недаромъ изрекли свой обѣтъ предъ Аллахомъ! Вамъ, озареннымъ его немеркнущимъ свѣтомъ, принесъ я мои сомнѣнья. Гдѣ, кромѣ этихъ священныхъ стѣнъ, мнѣ найти отвѣтъ на запросы ума и сердца? Я открою вамъ душу мою, заповѣдныя думы, и вы научите меня, какъ утолить мучительную жажду познанья.

Среди мраморныхъ колоннъ, какъ эхо, отозвался Хассану сдержанный шопотъ восторга. Тысячи взоровъ возбужденныхъ, очарованныхъ, смѣрили разстояніе между бедуиномъ и столпившимися въ кружокъ муллами. Въ воздухѣ, какъ бы насыщенномъ возбужденнымъ дыханіемъ толпы, чувствовалась всѣми скрытая искра. Имамы безпомощно оглянулись. Море головъ сплошнымъ кольцомъ окружало ихъ отовсюду и преграждало выходъ изъ храма.

— Въ далекой пустынѣ, у синяго моря, — проговорилъ Хассанъ, — я лежалъ въ родимомъ шатрѣ, и мнѣ нежданно, въ холодномъ сумракѣ ночи, блеснулъ яркій свѣтъ путеводной звѣздою. Мнѣ послышался голосъ повелительно-грозный, и въ сердцѣ моемъ я тогда ощутилъ вдохновенный трепетъ. То былъ призывъ великаго пророка. Онъ сказалъ мнѣ: «Встань и ступай въ эль-Азгару! Скажи мудрецамъ, что хранятъ аль-Коранъ, изучая въ немъ каждое слово, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ Его пророкъ! Нѣтъ моря безъ соли. Нѣтъ свѣта безъ знанья. Нѣтъ мудрости безъ истины.

Ступай къ нимъ и научись, какъ надо жить, чтобы стать счастливымъ!

— Я не даромъ посылаю тебя въ священныя стѣны эль-Азгары!—звучалъ мнѣ таинственный голосъ.—Иди же, не медли, къ источнику мудрости. Тамъ пылаетъ свѣтильникъ ума, завѣщанный мною въ удѣлъ мудрецамъ и зажженный на благо народа. Имъ дано было знать ту великую тайну, что тревожитъ твой духъ непокорный. Но если они ее позабыли, а божественный пламень потухъ въ ихъ дряхлѣющемъ сердцѣ, то скажи имъ: пусть уйдутъ изъ моего храма!

И Хассанъ, въ вдохновенномъ экстазѣ, поднялъ руки къ небу, призывая въ свидѣтели Аллаха. Подъ сводами «мечети цвѣтовъ» готовилось свершиться что-то необычайное, чего давно уже не видали многовѣковыя стѣны. Мертвая тишина разлилась по безчисленнымъ портикамъ, отъ мозаичнаго «мираба» до входной арки высокихъ дверей, отъ рѣзнаго «мимбара» до мраморной чаши фонтана, журчавшаго тихо неумолчной струей. Имамы блѣдные, ошеломленные, растерянно молчали. Софты глядѣли на нихъ съ удивленіемъ и досадой. А Хассанъ продолжалъ, все болѣе воодушевляясь.

XI.

— На берегу моря горѣли, сверкая алмазнымъ огнемъ, кристаллы соли. Слѣпецъ въ этой жизни, я счелъ ихъ брилліантомъ, и мной овладѣли житейскія страсти. Скажите мнѣ, мудрецы, какъ сберечь душу чистой, смирить въ насъ мятежное сердце, отшлифовать алмазы нашего разума!...

. . . .

Имамы молчали, а Хассанъ говорилъ снова:

— Мнѣ море шептало рокочущимъ плесомъ: свѣтильникъ ума— это мудрость познанья. Затепли его у источника знанья, пытливый Хассанъ, и снеси этотъ свѣточъ народу, какъ высшее благо судьбы: онъ дастъ ему счастье, свободу! Скажите мнѣ, мудрецы: гдѣ сокрытъ этотъ пламень священный, свѣточъ мысли, огонь вдохновенный?

. . . .

Но имамы молчали. Лишь старшій изъ нихъ, поникнувъ сѣдой головой, вдругъ всталъ весь блѣдный и, гнѣвно сверкая очами, прошепталъ глухо:

— Пришлецъ изъ невѣдомыхъ странъ, ты — безумецъ! Проникнуть ты хочешь въ тайну, которой не знаетъ никто. На запросъ твой нѣтъ смертнымъ отвѣта!

Но Хассанъ не смутился. Съ затаенною болью грусти и негодованія онъ взглянулъ въ смущенное лицо старика и тихо спросилъ:

— Нѣтъ отвѣта? Великій Аллахъ! Неужели тобой я былъ посланъ безъ цѣли? Куда же итти мнѣ съ пытливой душой? Если здѣсь мнѣ сказать не сумѣли, гдѣ еще почерпнуть этихъ силъ для борьбы и познанья? Неужели ты священный огонь загасилъ, и въ стѣнахъ эль-Азгары истлѣлъ и померкъ свѣточъ знанья? О, нѣтъ, ты ошибся, великій имамъ! Заповѣдную тайну я повѣдаю вамъ. На запросъ мой найдется отвѣтъ!

. . . .

И вдругъ Хассанъ выпрямился во весь ростъ, какъ будто выросъ въ своей бѣлой туникѣ. Лицо его просвѣтлѣло. Смуглыя щеки вспыхнули румянцемъ экстаза; глаза заблистали, зажглись огнемъ вдохновенья. Какъ истинный провозвѣстникъ пророка, онъ предсталъ въ этотъ мигъ предъ возбужденной толпой юныхъ софтъ давно желаннымъ вождемъ обновленья. И она съ затаеннымъ дыханьемъ, вся охваченная восторженнымъ возбужденіемъ, ловила каждое его слово. А молодой бедуинъ говорилъ уже страстно:

— Зажги твой свѣтильникъ немеркнущимъ свѣтомъ!—сказала волшебница-фея. И умъ, пламенѣя огнемъ вдохновенья, съ тѣхъ поръ меня сдѣлалъ поэтомъ!

— Старецъ шейхъ Ибнъ-Ахмадъ, посылая меня изъ пустыни, повелѣлъ мнѣ спросить мудрецовъ заповѣдной святыни и добиться отвѣта у нихъ, у хранителей вѣчнаго свѣта, только на три вопроса мучительныхъ въ жизни. Отчего годъ изъ года въ моей бѣдной далекой отчизнѣ остываютъ въ сердцахъ у родного народа — правда, вѣра, любовь? Почему въ неустанной борьбѣ и тревогѣ, выбиваясь изъ алчныхъ усилій, забывая о Богѣ, льется братская кровь, среди гнета, вражды и насилій? Долго ль будетъ бродить въ этой тьмѣ безпросвѣтной мой народъ отупѣлый, больной. Иди, съ каждой грядущей луной, жить ему будетъ все тяжелѣе? Пусть дадутъ мудрецы тебѣ откликъ отвѣтный, его скорбную долю жалѣя!

— Да, скажите, отвѣтьте! — вскричала вдругъ возбужденная толпа, придвигаясь къ имамамъ все ближе. — Скажите!

Но имамы не шевелились — они оглохли.

Глубоко вздохнулъ Хассанъ и въ раздумьѣ поникъ головою. Только старшій изъ нихъ, сѣдовласый мулла, уронивъ свою зеленую чалму, стоялъ недвижный, объятый ужасомъ у таинственной двери гробницы, и ему казалось — ужъ близокъ мучительный мигъ: прозвучитъ заповѣдное слово, обнаружится скрытая тайна. Съ лихорадочнымъ трепетомъ впился онъ глазами въ лицо бедуина; длинная борода его тряслась, исхудалыя руки дрожали.

XII.

А Хассанъ уже стоялъ у заповѣдной двери. Вотъ онъ протянулъ руку, взялся за чеканную скобу. Толпа софтъ замерла въ невольной боязни за своего любимца, а старые муллы, казалось, съ затаенной враждой ждали пораженія, позора смѣлаго гордеца, дерзавшаго требовать «чуда» отъ великаго Аллаха. Безумецъ, онъ увѣренъ, что дверь распахнется предъ нимъ, и... о ужасъ!

Зловѣщій лязгъ ржавыхъ петель раздался вдругъ у гробницы эль-Кайда. Всколыхнулась толпа и въ смятеніи загудѣла, какъ встревоженный рой; кликъ восторга, изумленія вырвался изъ тысячи грудей и слился съ проклятьемъ тѣхъ, для кого этотъ день, этотъ часъ и мгновенье стали часомъ возмездія. Глухо щелкнулъ засовъ, и все замерло въ страхѣ. Съ грохотомъ, медленно отворилась тяжелая дверь, и мертвящимъ холодомъ пахнуло изъ раскрытаго темнаго подземелья таинственной усыпальницы на пораженную толпу, застывшую въ священномъ трепетѣ. Мгновенье— и на глазахъ софтъ смѣлый Хассанъ быстро вошелъ въ погребальную нишу и сталъ спускаться, какъ въ разверстую пасть смерти, внизъ по каменнымъ ступенямъ къ саркофагу, гдѣ скрытый отъ взоровъ людскихъ горѣлъ божественный пламень Эннуръ-хіа....

Мучительнымъ часомъ показались толпѣ эти минуты ожиданья. Но Хассанъ не медлилъ напрасно. Вотъ уже слышенъ его порывистый шагъ... слышенъ возгласъ отчаянія, страха. Торопливо бѣжитъ онъ, мелькнулъ въ темнотѣ своей бѣлой туникой, и вдругъ стоитъ ужъ въ дверяхъ, едва дышитъ, измученный, блѣдный...

А толпа замерла, вся недвижно застывъ въ робкомъ страхѣ и въ жгучей надеждѣ.

XIII.

— Великій имамъ,—проговорилъ Хассанъ порывисто, властно:— сбрось, сними равнодушья личину. Лгать—напрасно! Я открылъ заповѣдную дверь, я не даромъ молилъ тебя страстно! О, теперь я ужъ знаю причину, отчего годъ изъ года остываютъ въ сердцахъ у родного народа правда, вѣра, любовь, почему льется братская кровь; среди гнета, вражды исчезаетъ свобода, тяжелѣе становится жить...

— Отъ того, что, во тьмѣ безпросвѣтной обреченный такъ долго бродить, отупѣлъ мой народъ безотвѣтный. Эту тайну мнѣ подвигъ открылъ вдохновенный! Такъ на всѣ три вопроса лишь одинъ существуетъ отвѣтъ: гаснетъ, гибнетъ свѣтильникъ священный, изсякаетъ божественный свѣтъ—Эннуръ-хіа померкъ заповѣдный!

Крикъ ужаса вырвался изъ устъ имамовъ. А въ отвѣтъ ему, какъ вихрь хамсина, какъ стонъ смертоносной бури, дикій крикъ разъяренной толпы потрясъ столѣтнія стѣны древней эль-Азгары. Яростный вопль софтъ грозной волной разлился среди лѣса колоннъ, чрезъ аркады дверей вырвался на многолюдную площадь мечети, отозвался на ней зловѣщимъ эхомъ, прозвучалъ, прокатился и замеръ. А Хассанъ говорилъ вновь, весь дрожа отъ негодованія:

— О, зачѣмъ, мудрецы, затушили вы въ насъ яркій проблескъ познанья? Свѣточъ жизни истлѣлъ и незримый угасъ, изсякаетъ въ груди жажда правды и знанья! Не сумѣли сберечь вы божественный пламень, не хотѣли затеплить имъ сердце народа, и донынѣ онъ бродитъ слѣпымъ и голоднымъ! Въ немъ, подъ пепломъ холоднымъ изъ года въ годъ душа обращается въ камень.

— Ужасъ, горе, о софты! Великая тайна открыта! Онъ истлѣлъ, онъ погасъ не случайно, этотъ вѣчный огонь возрожденья, пламень дивный, свѣтильникъ ума! Самъ Аллахъ покаралъ мудрецовъ заблужденья. Ужасъ, софты, идетъ; надвигается тьма; а тебя, мой любимый народъ, горе тяжкое ждетъ — символъ грозной поры вырожденья...

— Братья софты, зову васъ къ борьбѣ съ этой тьмой! Свѣточъ жизни — онъ вновь запылаетъ. Не далекъ этотъ часъ пробужденья. Пусть лишь каждый идетъ, выступаетъ, какъ на подвигъ, на бой за святыни души! Жребій мой, даръ священный, мнѣ ниспосланъ волшебницей-феей, судьбой. Я отдамся ему, вдохновенный: Эннуръ-хіа я долженъ сберечь. Я иду — дверь затворится снова за мной, но тотъ пламень должны вы зажечь страстью мощнаго слова. Знайте, софты, воспрянетъ народъ нашъ родной! Дивный свѣточъ опять разгорится, ярче станетъ свѣтить годъ изъ года, Эннуръ-хіа въ сердцахъ возродится, ему имя: свобода!.. Прощайте!

. . . .

Хассанъ быстро исчезъ за желѣзною дверью, и она, тяжело громыхая, будто плача, на ржавыхъ петляхъ, запахнулась за нимъ навѣки.

XIV.

Промчались годы надъ царственнымъ Кайро, счастливой страной Востока. Поколѣнія успѣли смѣниться поколѣніями. Много великихъ мудрецовъ прошло по таинственной землѣ Египта и исчезло въ туманахъ вѣчности. Много пылкихъ головъ побывало съ тѣхъ поръ и въ священныхъ стѣнахъ эль-Азгары...

Но имя Хассана, смѣлаго сына пустыни, витаетъ донынѣ въ тѣхъ стѣнахъ незримо. Оно на устахъ, его повторяютъ любовно

пытливые софты «мечети цвѣтовъ», толпясь предъ таинственной дверью запертой гробницы эль-Кайда. Ихъ влечетъ къ ней незримою силой.

Чья-то невѣдомая рука начертала надъ дверью заповѣдныя строки. И тайный смыслъ неразрѣшимой загадки волнуетъ съ тѣхъ поръ, приковываетъ къ себѣ пылкій умъ, согрѣтый страстной любовью къ знанью. Эта надпись гласитъ:

«Свѣточъ жизни сокрытъ здѣсь, друзья,
въ этихъ стѣнахъ.
«Неустанною жаждой познанья отворяется дверь
заповѣдной гробницы.
«Вложи въ замокъ ключъ, какъ мудрецъ, ты проникнешь
въ счастливую вѣчность!»

Отупѣлые имамы до сихъ поръ перебираютъ свои старые ржавые ключи предъ замочной скважиной. Каждый изъ нихъ убѣжденъ, что именно на его долю выпадетъ счастье. Но дверь заперта и донынѣ — ты ее видѣлъ?

Исма-ни эль-хавага! Какъ это странно! А вѣдь «мудрыхъ», какъ говорятъ, съ каждымъ днемъ становится все больше и больше въ священныхъ стѣнахъ эль-Азгары?

Борисъ Корженевскій.

ВОЛЯ.

(Изъ воспоминаній о горнозаводской жизни на Уралѣ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія).

Я РОДИЛСЯ горнозаводскимъ, казеннымъ, подневольнымъ человѣкомъ. Дѣтскіе годы моей жизни и окружавшая меня въ то время среда такъ глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, что я помню всѣ мелочи этой жизни день за днемъ, какъ будто все это происходило вчера, а не 45 лѣтъ тому назадъ.

Первый сознательный и уже ясно памятный годъ моей жизни наступилъ для меня въ 1854 году, во время Севастопольской войны. Тяжелое это было время для народа. Частые рекрутскіе наборы, отправки партіями молодыхъ сыновей на мѣсто военныхъ дѣйствій угнетали скорбью горько плакавшихъ матерей, провожавшихъ дѣтей своихъ въ незнакомую дальную сторону подъ шальныя пули и ядра и не менѣе опасныя разнаго рода повальныя болѣзни. Свадьбы въ простомъ народѣ стали рѣдкимъ явленіемъ въ то время. Но было, однако, много и охотниковъ попытать счастья на войнѣ, избавившись въ то же время отъ тяжелой казенной подневольной заводской работы. Охотники эти записывались въ ополченцы и шли къ мѣсту военныхъ дѣйствій чуть ли не тысячными толпами въ сѣрыхъ казенныхъ халатахъ и высокихъ сапогахъ безъ всякаго оружія и военнаго строя. Все это были уже люди въ зрѣломъ возрастѣ, бездѣтные вдовцы и одинокіе бобыли. Въ одной изъ такихъ партій ополченцевъ, въ жаркій лѣтній день, по пыльной дорогѣ провожалъ я своего крестнаго отца, мастерового съ золотыхъ пріисковъ, бездѣтнаго вдовца Егора Конюхова. Беззаботный и весе-

лый онъ былъ человѣкъ и большой мастеръ пѣть пѣсни. И въ этотъ разъ онъ былъ впереди всей партіи ополченцевъ съ другими пѣсенниками и запѣвалъ своимъ звонкимъ теноркомъ то безконечно веселую, то грустную тягучую русскую пѣсню. Проводивши его версты за двѣ отъ завода, я простился съ нимъ и болѣе уже съ тѣхъ поръ не только не видалъ его, но и не слыхалъ ничего о постигшей его участи на войнѣ.

I.

Отецъ мой тогда служилъ приказнымъ въ заводской полиціи на одномъ изъ заводовъ Златоустовскаго округа, въ званіи урядника 3-й статьи, и получалъ 62 коп. въ мѣсяцъ жалованья, съ прибавленіемъ къ этому изъ казеннаго магазина пайка — двухъ пудовъ ржаной муки для себя и столько же для матери. Я, какъ малолѣтній, этимъ провіантомъ еще не пользовался. При такихъ средствахъ жить, конечно, было не легко, да, пожалуй, и не возможно, если бы дѣды мои, отца и матери родители, общими средствами не пріобрѣли намъ на окраинѣ завода деревяннаго домика въ два окна, съ огородомъ и банею при немъ, да не дали бы на разживу корову и лошадь. А при этомъ маленькомъ хозяйствѣ, съ курами да овцами въ придачу, концы съ концами при усиленномъ трудѣ сводить было можно. Незабвенный не только для меня, но и для всѣхъ русскихъ, 1856-й годъ, по случаю прекращенія войны, вслѣдствіе дарованнаго Царемъ-Освободителемъ мира, засталъ меня уже семилѣтнимъ мальчуганомъ въ заводской школѣ, т.-е. вполнѣ уже казеннымъ человѣкомъ, состоящимъ на службѣ и получающимъ за треть года 15 коп. жалованья. Вечеръ въ нашемъ заводѣ 26 августа въ томъ же 1856 году, въ день коронованія покойнаго императора Александра II, съ блестящею иллюминаціею и тріумфальными воротами на заводской плотинѣ, обставленной плошками съ разноцвѣтными фонариками на воротахъ, — остался памятенъ мнѣ до сей поры моей жизни, и сейчасъ воспоминанія о немъ поднимаютъ въ душѣ моей самыя радостныя и чистыя въ ту пору дѣтства чувства. Толпы мастеровыхъ съ веселыми лицами тѣснились около плотины, такъ какъ за тріумфальныя ворота заводская полиція ихъ не пускала, и тамъ гуляли только горные инженеры съ своими женами. Время отъ времени раздавалось громкое ура, и ликованіе толпы особенно усилилось, когда на обступающихъ заводъ высокихъ Ильменскихъ горахъ зажглись въ разныхъ мѣстахъ смоляныя бочки. Пламя ихъ ярко озарило гладкую поверхность обширнаго заводскаго пруда и освѣтило красноватымъ свѣтомъ весь заводъ. Мнѣ было очень весело, несмотря на то, что мои босыя ноги страдали отъ ночного холода.

Съ этого же времени и служебная карьера моего отца вдругъ измѣнилась къ лучшему. Онъ за расторопность и аккуратность по службѣ переведенъ былъ изъ полиціи въ поденные надзиратели. Все это, конечно, зависѣло отъ заводскаго управителя, который незамѣтнаго полицейскаго писца вдругъ почему-то отличилъ отъ другихъ и далъ такое видное и отвѣтственное назначеніе.

Поденный надзиратель былъ непосредственный начальникъ надъ всѣми поденными рабочими въ заводскихъ мастерскихъ, распредѣлялъ между ними текущія работы по мастерскимъ — столярной, слесарной, кузнечной, а въ нашемъ заводѣ, сверхъ того, завѣдывалъ водяными мукомольною и лѣсопильною мельницами. Въ его распоряженіи были всѣ матеріалы для этихъ работъ, ему только одному извѣстенъ былъ весь расходъ на эти работы и получаемый отъ этихъ же работъ ежедневный матеріалъ для пополненія заводскаго инвентаря. Ему же одному хорошо были извѣстны и всѣ мастеровые завода съ ихъ способностями и слабостями въ работѣ, и его аттестація передъ заводскимъ управителемъ, властелиномъ всего этого заводскаго міра, имѣла громадное значеніе въ жизни рабочаго, такъ какъ отъ воли и произвола управителя зависѣла не только судьба мастерового, но и самая жизнь или смерть его, какъ это мы увидимъ ниже. Все это ставило поденнаго надзирателя въ положеніе полнаго хозяина въ заводскомъ мірѣ, а отсюда понятно и его значеніе для заводскаго населенія.

Твердо врѣзался мнѣ въ память тотъ ликующій видъ отца, когда въ день назначенія его поденнымъ надзирателемъ онъ возвратился со службы домой. Садясь въ тотъ день за обѣденный столъ, онъ ни слова не сказалъ матери объ этомъ назначеніи, а только во все время обѣда какая-то загадочная улыбка не сходила съ его лица. Пообѣдавши, онъ по обыкновенію забрался для послѣобѣденнаго отдыха на печь и, полежавши немного, вдругъ торжественно обратился къ матери съ вопросомъ:

— А знаешь ли ты, Маша, кто я теперь? не угадать ни за что!

— Развѣ ужъ не полицейскій письмоводитель, или, можетъ быть, жалованья прибавили?—съ любопытствомъ спросила мать.

— Что тамъ прибавка жалованья! Пустяки одни, а ты вотъ чему внимай: я теперь съ сегодняшняго дня поденный надзиратель!

— Что ты говоришь? Да неужели это правда? Мнѣ что-то даже и не вѣрится!—воскликнула мать.—Господи, наконецъ-то Ты сжалился надъ нами! Охъ, какое счастье, какое счастье! Да ужъ вправду ли въ самомъ дѣлѣ ты это сказалъ?

— И самъ себѣ не вѣрю, а выходитъ правда — я поденный надзиратель! Вотъ, мать моя, теперь и домишко можно пріобрѣсти, потихоньку, помаленьку, болѣе просторный, да и къ базару поближе.

— Еще бы! Поденный надзиратель—шутка ли сказать!—восторженно замѣтила мать.

Послѣобѣденный сонъ у отца окончательно пропалъ, и они пустились съ матерью въ разнаго рода мечтанія о будущей своей привольной жизни, о пріобрѣтеніи другого дома, давно уже намѣченнаго ими около самаго пруда, по сосѣдству съ базаромъ, съ чуднымъ видомъ изъ оконъ на прудъ и на возвышающіяся за нимъ исполинскія горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ, и о многомъ другомъ, казавшемся имъ теперь доступнымъ и привлекательнымъ въ жизни.

Услыхавши отъ отца неожиданную и радостную также и для меня новость, я выскочилъ на улицу и, припрыгивая козломъ, понесся къ кучкѣ мальчугановъ, игравшихъ въ бабки, чтобы сообщить имъ свою радость и предстоящую перемѣну въ нашей семейной жизни, предстоящую перемѣну дома на хорошей улицѣ противъ пруда и передать о предстоящемъ мнѣ хорошемъ и веселомъ житьѣ-бытьѣ въ самомъ центрѣ завода.

II.

Съ перемѣною служебнаго положенія отца и мое положеніе значительно измѣнилось.

Мнѣ сшили нанковый сюртукъ съ брюками и опойковые на косую колодку сапоги. По временамъ въ праздничные дни стали давать по двѣ, по три копейки денегъ на пряники. Школьные товарищи также стали относиться ко мнѣ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, такъ какъ у большинства изъ нихъ родители были простые мастеровые, сдѣлавшіеся теперь подначальными моего отца.

Съ этого времени, кромѣ мяса да муки, у насъ ничего не было купленаго: овощи, птица, домашняя скотина и другіе домашніе припасы — все было свое, а остальное приготовлялось на заводѣ рабочими изъ казеннаго матеріала, въ правильномъ расходованіи котораго никто никого не провѣрялъ. Всякій зналъ, что безъ этого заимствованія изъ казны ни одинъ заводскій служащій, при ничтожномъ его содержаніи, имѣя къ тому возможность, никогда не обходился. Такъ и отецъ пользовался своимъ положеніемъ: обзаводился всевозможными домашними принадлежностями: желѣзными ваннами, ведрами, чугунами, корытами, лопатами—мебелью и другимъ разнымъ скарбомъ, а потомъ началъ копить и деньги понемногу.

Главною доходною его статьею были такъ называемые окладчики. Это болѣе или менѣе зажиточные мастеровые, освобождавшіяся за извѣстный годовой окладъ отъ казенныхъ работъ и занимавшіеся какимъ либо своимъ ремесломъ на сторонѣ. Такіе окладчики, заплативши поденному надзирателю окладъ, положимъ, въ

размѣрѣ 25 рублей съ человѣка, зачислялись въ казенные поставщики извѣстнаго количества дровъ или бревенъ, или тесу, или другихъ какихъ либо матеріаловъ, необходимыхъ для потребностей завода и золотыхъ пріисковъ. Поденный надзиратель за такого окладчика доставлялъ своими средствами тѣ матеріалы, которые окладчикъ долженъ въ теченіе года сдать въ казну. Эта доставка для надзирателя была весьма выгодна, такъ какъ, завѣдуя всѣми этими матеріалами, онъ выводилъ ихъ въ расходъ для потребностей завода гораздо болѣе, чѣмъ ихъ расходовалось на самомъ дѣлѣ, и эти излишки затѣмъ показывалъ поступившими на приходъ въ пополненіе окладовъ. Иногда такихъ окладчиковъ у поденнаго надзирателя скапливалось до 70 человѣкъ въ годъ, и такимъ образомъ у него помимо всякихъ другихъ доходовъ получался цѣлый капиталъ, составлявшій прямую его доходную статью. Пользуясь всѣми этими благами отъ казны, отецъ не забывалъ и сирыхъ и голодныхъ, вдовъ и сиротъ заводскихъ мастеровыхъ. Помогалъ имъ и хлѣбомъ и другими необходимыми жизненными припасами. Давалъ взаймы деньги для поправки хозяйства какого нибудь незадачника, обремененнаго большимъ семействомъ. Одна-то вотъ изъ такихъ сирыхъ вдовъ, древняя старушка, не имѣвшая ни пріюта, ни родныхъ, бабушка Сальничиха, часто ходила къ намъ, занимала насъ, дѣтей, а насъ было тогда четверо: я, два брата и сестра моложе меня, разными разсказами о старинѣ. Любили мы слушать эти разсказы и всегда встрѣчали ее съ радостными лицами. Бабушка Сальничиха помнила еще «Пугача», будучи восьмилѣтней дѣвочкой. Много она поразсказала намъ различныхъ исторій изъ своей жизни и горнозаводской старины. Одна изъ этихъ исторій хорошо сохранилась въ моей памяти, и мнѣ хочется занести ее въ эти воспоминанія, какъ весьма ярко обрисовывающую прежній бытъ горнозаводскаго рабочаго. Вотъ она.

III.

Это было лѣтъ тридцать тому назадъ, начала бабушка. У меня еще старикъ былъ живъ. Жили мы тогда въ одномъ домѣ съ золовкою Ѳедосьею, вдовою, и ея сыномъ Николаемъ; по фамиліи они Бухариными прозывались. Хорошо мы жили въ то время—въ достаткѣ. Николай былъ искусный слесарный мастеръ, молодой, красивый, ему въ то время было не болѣе 21 года. На хорошемъ счету былъ онъ и у ближайшаго начальства. Всѣ мы его любили и нарадоваться на него не могли и только что было собрались его поженить на одной красивой и работящей дѣвушкѣ Пашѣ, приглянувшейся ему, да и она поглядывала на него съ краскою въ лицѣ, какъ стряслась съ нашей семьей бѣда нежданная. Управитель въ то время у насъ на заводѣ былъ какой-то нѣмецъ. Фамиліи его я

совсѣмъ не знала, помню только, что мужики его «Раздерой» звали. Настолько этотъ Раздера былъ золъ и жестокъ, что ни одного дня не проходило, чтобы онъ послѣ обхода утромъ по работамъ кого нибудь не отодралъ вицами (розгами), а дралъ нещадно до безпамятства. Часто даже и приказныхъ стегалъ (сѣкъ). Возьметъ, бывало, смѣститъ виновнаго изъ столоначальниковъ или письмоводителей, отстегаетъ да и опять на то же мѣсто посадитъ.

Случилось какъ-то разъ, что у двери управительскаго кабинета попортился замокъ. Для исправленія этого замка, какъ лучшаго слесаря, послали въ управительской домъ Николая. Въ то время, какъ Раздера завтракалъ въ другой комнатѣ, Николай, починивши замокъ у кабинета, снова вернулся въ слесарную и принялся за своей неоконченный урокъ, заданный ему на этотъ день. Позавтракавши, управитель вошелъ въ кабинетъ и, не нашедши на письменномъ столѣ оставленнаго имъ кошелька съ только что намытымъ золотомъ, припрятаннымъ для себя, тотчасъ же зашагалъ въ слесарную мастерскую, вполнѣ увѣренный въ томъ, что кошелекъ съ золотомъ похитилъ Николай. Все это намъ потомъ разсказывалъ тихомолкомъ товарищъ Николая по слесарной мастерской.

При появленіи управителя не въ урочный часъ, съ побѣлѣвшимъ отъ злобы лицомъ, рабочіе остолбенѣли отъ испуга, и каждый ждалъ, надъ кѣмъ изъ нихъ разразится какая-то неожиданная гроза.

— Бухаринъ!—крикнулъ управитель:—сознавайся сейчасъ же и подавай сюда похищенный у меня со стола кошелекъ, а то запорю до смерти!

Николай, дрожа отъ страха, повалился управителю въ ноги, увѣряя, что никакого кошелька на столѣ у него въ кабинетѣ онъ не видалъ и не бралъ.

— Разложить его! — приказываетъ Раздера рабочимъ.

Засвистали розги, раздались стоны ни въ чемъ неповиннаго Николая... По временамъ управитель останавливалъ дерущихъ и снова начиналъ допросъ о кошелькѣ, послѣ чего опять продолжался свистъ розогъ. Такъ повторялось нѣсколько разъ, и кончилось, наконецъ, тѣмъ, что стоны Николая совсѣмъ затихли. Такъ онъ и душу Богу отдалъ, нашъ болѣзный, подъ этими розгами.

— Довольно! — опомнившись, наконецъ, проговорилъ управитель уже тихимъ голосомъ.— Убрать его!—кивнулъ онъ головою на тѣло Николая и крайне недовольный направился обратно домой.

А дѣло насчетъ кошелька-то съ золотомъ въ тотъ же день совсѣмъ иначе объяснилось. Жена управителя, увидавши валявшійся на столѣ кошелекъ, отъ соблазна прислуги подобрала его еще до прихода Николая и спрятала въ одинъ изъ ящиковъ стола, не сказавши ничего объ этомъ мужу.

— Эхъ! почему жъ ты мнѣ объ этомъ не сказала во время?— огорчился управитель.—Не зная ничего, я изъ-за этого несчастнаго кошелька человѣка задралъ до смерти!

Прислалъ сейчасъ же за Θедосьей, которая совсѣмъ обезумѣла отъ горя, лишившись послѣдней опоры въ жизни. Далъ ей 25 рублей ассигнаціями и пригрозилъ, что, если она не будетъ молчать о причинѣ смерти ея сына, то онъ туда ее упрячетъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Такъ тѣмъ дѣло и кончилось,—куда же бѣдной старухѣ итти съ жалобой на управителя? И пошла побираться Христовымъ именемъ до самой своей смерти. Мы со старикомъ объ этой самой причинѣ смерти Николая тоже и рта разинуть не смѣли, иначе цѣлы бы тоже не остались. Такъ закончила бабушка свой разсказъ.

IV.

Въ столярной мастерской у меня былъ пріятель Матвѣй Густовъ, съ которымъ я сильно сдружился за его тихій и добрый нравъ, за услужливость и главнымъ образомъ за то, что онъ постоянно мнѣ починивалъ гармоники, которыхъ я, какъ отчаянный музыкантъ, ломалъ немало. Отецъ, будучи большимъ любителемъ музыки, на покупку мнѣ гармоній денегъ не жалѣлъ. Исправлялъ ихъ Матвѣй, которому въ то время было не болѣе 19 лѣтъ, въ самомъ наилучшемъ видѣ. А какіе чудные онъ мнѣ самострѣлы изготовлялъ — просто прелесть, прямо въ восхищеніе приводилъ меня ими. Да и самого его видимо забавляло удачное устройство самострѣла. Самый самострѣлъ, бывало, состоящій, вмѣсто ружейнаго дула, изъ желоба для стрѣлы, затѣмъ приклада, язычка у него, или курка, — сдѣлаетъ совсѣмъ почти похожимъ на настоящее ружье; лукъ загнетъ изъ упругой и гибкой черемухи, тетиву натянетъ на немъ изъ голландскаго тонкаго шнурка, все это придавало самострѣлу силу и дальнобойность. А, благодаря правильно выстроганной стрѣлѣ съ свинцовымъ наконечникомъ, выстрѣлъ изъ такого самострѣла былъ довольно мѣтокъ и опасенъ для пернатыхъ. Вотъ такимъ-то самострѣломъ я и услаждалъ свои охотничьи наклонности за голубями и воробьями. Ни у кого у насъ на заводѣ никогда не бывало такихъ самострѣловъ, какіе были у меня, благодаря Матвѣю. Нечего и говорить, что за все это я очень и очень полюбилъ Матвѣя Густова, и дружба наша съ нимъ, несмотря на разницу лѣтъ между нами, все болѣе и болѣе крѣпла въ теченіе уже болѣе двухъ лѣтъ. Матвѣй за все это время одинаково былъ ласковъ со мной, разговорчивъ и охотно исполнялъ всѣ мои прихоти.

Но вотъ съ нѣкотораго времени я сталъ замѣчать, что пріятель мой что-то сталъ задумываться, говорилъ мало и дѣлалъ все какъ-то спустя рукава. Бывало, наблюдая за его работой, ясно замѣчалъ своимъ дѣтскимъ глазомъ, что не о томъ Матвѣй думаетъ, какая работа въ рукахъ его находится, а о чемъ-то другомъ. Однимъ словомъ мой Матвѣй въ продолженіе какого нибудь мѣсяца сталъ для меня мало понятнымъ и на себя не похожимъ.

— О чемъ ты это, Матвѣй, все думаешь? — спросилъ я его однажды.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, Егорушка, скучно стало одному-то жить въ домѣ. Придешь съ работы домой, и слова сказать не съ кѣмъ. Марька, моя сестренка, тоже еще не хозяйка въ домѣ, дѣвчонкѣ всего двѣнадцать годовъ, хочется еще съ товарками бѣгать да играть на улицѣ. Изба у меня хорошая и дворъ съ огородомъ, а изъ родни въ живыхъ только осталась одна Марька. Такъ, вишь ты, пришло мнѣ на умъ жениться, только не знаю, какую мнѣ по себѣ подходящую дѣвку подыскать, которая бы любила меня, да берегла мое хозяйство и Марьку бы не обижала. Вонъ, Дуня Карабатова — дѣвка бойкая, работящая, и шибко она приглянулась мнѣ, да мать у нея ужъ больно супротивная и жадная до всего.

Зналъ я эту Дуню и мать ея, слава о нихъ на заводѣ была очень не хорошая. Про Дуню говорили, что она постоянно съ милишами (любовниками) таскается, а мать у нея — воровка.

— А по-моему,—замѣтилъ я,—хоть и матери не будь, Дуня все-таки тебѣ не подходящая жена, она, самъ ты говоришь, дѣвка бойкая, а ты вонъ какой тихій да добрый. Загонитъ она тебя въ щель.

Такъ урезонивалъ я Матвѣя, желая предостеречь его отъ такой женитьбы. Ничего не отвѣтилъ мнѣ на это Матвѣй, а, махнувши рукой, пошелъ улаживать телѣгу для сѣнокоса. Не за горами былъ уже и Петровъ день. Погода стояла ясная и жаркая, трава въ горахъ созрѣла. Началась, наконецъ, и заводская страда, т.-е. сѣнокошеніе, а вмѣстѣ съ этою страдою начались и заводскія помочи для болѣе скорой и успѣшной уборки сѣна. Многолюдно, шумно и весело бывало на этихъ помочахъ. Убравшись съ покосомъ обыкновенно къ солнцезакату, помочане идутъ съ граблями и вилами на пирушку къ хозяину убраннаго покоса, напѣвая веселыя пѣсни. Молодые парни, заигрывая съ дѣвками, перекидываются между собою шутками и остротами. Но вотъ и дворъ хозяина съ накрытыми и уставленными всякою снѣдью столами. Помочь садится вокругъ этихъ столовъ, хозяинъ съ хозяйкой обносятъ помочанъ пивомъ и водкой, и начинается далеко за полночь веселый и шумный пиръ послѣ трудового жаркаго дня. На одной-то изъ такихъ помочей Матвѣй окончательно увлекся бойкою и безшабашною Дунею Карабатовою, засваталъ ее и передъ Успенскимъ постомъ сыгралъ свадьбу.

Мои дружескія отношенія съ нимъ не прекращались, и я изрѣдка бывалъ у нихъ. Дуня была со мною очень ласкова, мать ея я очень рѣдко заставалъ дома, и она почти никогда со мною не разговаривала, вѣчно чѣмъ-то озабоченная и недовольная. Марька немного притихла и не такъ ужъ громко и беззаботно заливалась смѣхомъ, какъ это было прежде. Иногда я у нихъ засиживался по

вечерамъ, особенно наканунѣ праздниковъ послѣ всенощной, когда вечеръ былъ у меня свободенъ отъ школьныхъ уроковъ. Но черезъ полгода семейная картина ихъ жизни сильно измѣнилась. Дуни часто не бывало дома, Матвѣй сдѣлался угрюмъ, не разговорчивъ и постоянно изъ-за какихъ нибудь мелочей ссорился съ тещей. Въ воскресные дни раза два я встрѣчалъ у нихъ въ гостяхъ молодого и браваго фельдфебеля мѣстнаго гарнизона, но не обращалъ на него особеннаго вниманія и какъ-то безсознательно сторонился отъ него. Особенно непріятна мнѣ была его развязность и снисходительное его обращеніе съ Матвѣемъ. Послѣдній видимо старался держаться въ сторонѣ не только отъ фельдфебеля, но и отъ жены и отъ тещи, находя себѣ и по праздникамъ какую нибудь работу по дому.

Былъ конецъ мая. Рыбная ловля на удочку ельцовъ, чебаковъ, окунишекъ, у насъ на пруду съ плотовъ и съ лодокъ была въ полномъ разгарѣ. Я до того увлекался этою рыбною ловлею, что часа по три, по четыре къ ряду простаивалъ босикомъ, засучивши панталоны, съ удочкой на плоту противъ нашего дома, и иногда удавалось мнѣ приносить домой болѣе полведра разной мелкой рыбешки, которую мать тотчасъ же чистила и на желѣзномъ листѣ ставила въ печку сушить, послѣ чего эта мелкая рыбешка пріобрѣтала довольно пріятный вкусъ и служила намъ лакомствомъ.

Въ одно воскресное изъ этихъ майскихъ дней утро я стоялъ по обыкновенію на плоту, погруженный въ свою рыбную ловлю. Тутъ мало-по-малу собралась цѣлая толпа бабъ и дѣвокъ, кто за водой, кто съ постирушкой, а кто и просто побалагурить отъ нечего дѣлать, такъ какъ на плоту узнавались всѣ заводскія новости.

Пришла тутъ же и старая дѣвка «Титовна» съ коромысломъ и ведрами на плечахъ, которой всегда извѣстна была вся подноготная заводской жизни.

— Слышали, бабоньки,—начала она,—Дунька-то Густова опять завела себѣ милиша, съ фельдфебелемъ, говорятъ, связалась. Вотъ безстыжая-то баба, добро бы дѣвка была, а то отъ мужа милиша заводить вздумала!

— Матвѣя-то больно жалко, — замѣтила одна изъ бабъ,—мужикъ-то онъ смирный да работящій, а ему навязалась такая непутящая жена.

— А и самъ виноватъ,—сказала Анна Пономарева:—развѣ онъ не зналъ, кого замужъ бралъ?

— Кого бралъ? вѣстимо, дѣвку,—возразила та же баба.—Вѣдь у Дуньки хоть и много было милишей, да все-таки въ дѣвкахъ-то она не родила ни одного ребенка.

Слушая эти разговоры, я подумалъ: а что, если все это правда? А похоже на то. Эхъ, Матвѣй, Матвѣй! не послушалъ ты меня тогда, взялъ за себя не пару, вотъ и майся съ ней вѣкъ-то свой.

Вечеромъ я побѣжалъ къ Матвѣю взглянуть на него и убѣдиться, правду ли болтали бабы на плоту. Я засталъ Матвѣя одного на дворѣ, удѣлывающаго огородныя ворота, такъ какъ въ это время на огородахъ высоко поднялся и зазеленѣлъ всякій овощъ.

— Здравствуй, Матвѣй. Какъ поживаешь? Давно я тебя не видалъ,—привѣтствовалъ я его.

— Здравствуй, Егорушка. Отчего тебя въ самомъ дѣлѣ долго не было видно на нашемъ дворѣ? А я, братъ, больше все одинъ дома. Жена по цѣлымъ днямъ гуляетъ, отъ дому совсѣмъ отбилась, а теща ей потакаетъ да со мной грызется. Просто не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій.

При этихъ словахъ лицо его приняло безнадежно-угрюмое выраженіе. Мы молча постояли другъ противъ друга, я печально посмотрѣлъ на него и, не найдя для утѣшенія подходящихъ словъ, также молча простился съ нимъ и побрелъ въ раздумьѣ домой.

А на другой день вотъ что случилось съ Матвѣемъ, какъ онъ потомъ давалъ свои показанія на судѣ.

Вспомнилъ онъ, отбывая свой казенный урокъ въ столярной, что въ огородѣ у него еще тычинки къ гороху не поставлены, а ужъ поставить ихъ было пора, а то горохъ перепутается. Чтобы выиграть побольше времени, даваемаго рабочимъ на обѣдъ отъ 12 до 1 часу дня, Матвѣй, по его словамъ, усиленно принялся за работу и окончилъ свой урокъ за полчаса до 12 часовъ и поспѣшилъ домой. Здѣсь проулкомъ онъ прошелъ прямо къ себѣ на зады и перелѣзъ около бани черезъ заборъ прямо въ огородъ, чтобы не терять лишняго времени для обхода дворомъ и до обѣда разставить тычинки. Подошедши къ тому углу огорода, гдѣ стояли тычинки, онъ услыхалъ на дворѣ говоръ и, взглянувши въ щель забора, увидалъ свою жену, любовно бесѣдовавшую подъ сараемъ съ фельдфебелемъ. Увидавши такую картину, не вытерпѣлъ Матвѣй, толкнулъ изъ всей силы ногой огородныя ворота и кинулся на фельдфебеля, но послѣдній успѣлъ выскочить за ворота на улицу, жена съ испугу или со страху за своего милиша безъ памяти упала на землю, а теща старуха, выскочивъ изъ избы, бросилась съ кулаками на Матвѣя, неистово крича: «Ты, злодѣй, загубилъ мою дочь!» Не помня себя отъ гнѣва противъ этой ненавистной для него старухи, онъ очутившимся въ его рукахъ неизвѣстно откуда полѣномъ со всего размаху ударилъ ее по головѣ, и она замертво упала на землю около своей дочери, а онъ, Матвѣй, опрометью бросился со двора въ полицію заявить о случившемся.

Таково его судебное показаніе, вполнѣ ли оно справедливо,—судить объ этомъ не могу. Когда же полиція въ лицѣ кварталь-

наго надзирателя и казаковъ прибыла на дворъ Густова, то ужаснулась представившейся ей картинѣ: на землѣ лежала съ разбитымъ черепомъ теща Густова, а не далеко отъ нея подъ повѣтями висѣла на опояскѣ дочь ея Дуня. По поводу этого послѣдняго обстоятельства на допросѣ въ горномъ военномъ судѣ Матвѣй говорилъ: «Какъ жена моя Авдотья очутилась въ петлѣ, не могу и самъ понять; я оставилъ ее тогда лежавшей подъ сараемъ на землѣ безъ памяти и пальцемъ до нея не дотрогивался».

Несмотря на несложность этого дѣла съ юридической стороны, въ виду отсутствія какихъ бы то ни было свидѣтелей-очевидцевъ происшествія и полнаго сознанія самого Матвѣя, тѣмъ не менѣе судъ надъ нимъ затянулся почти на цѣлый годъ, благодаря тогдашней судебной процедурѣ, и только къ слѣдующему послѣ убійства лѣту вышелъ ему приговоръ. Матвѣй былъ присужденъ къ 400 ударамъ шпицрутеновъ и затѣмъ къ каторжнымъ работамъ, а на какой срокъ—теперь припомнить не могу.

День казни назначенъ былъ въ концѣ мая. Вѣсть объ этомъ быстро облетѣла весь заводъ, дошла и до меня, бывшаго маленькаго друга Матвѣя. Страшно и жутко мнѣ было представить наказаніе его бѣднаго черезъ шпицрутены, тѣмъ болѣе, что въ моихъ глазахъ онъ былъ правъ во всемъ, а виноваты были въ его несчастьѣ теща и жена его Авдотья да бравый фельдфебель.

Нужно замѣтить, что въ то время на горныхъ заводахъ другого тѣлеснаго наказанія, связаннаго съ уголовнымъ преступленіемъ, кромѣ шпицрутеновъ, не существовало, такъ какъ горнозаводское населеніе было на военномъ положеніи и наказывалось за уголовныя преступленія шпицрутенами черезъ солдатъ.

Помню, день казни Матвѣя былъ теплый и солнечный; его привели тогда угнетеннаго въ арестантскомъ одѣяніи на базарную площадь, гдѣ выстроены были улицей въ два ряда солдаты по 50 человѣкъ на каждой сторонѣ, съ длиннымъ, около трехъ аршинъ, въ правой рукѣ у каждаго солдата прутомъ изъ тальника. Эта постановка солдатъ называлась въ народѣ «зеленою улицею».

Вотъ по этой-то зеленой улицѣ Матвѣю предстояло пройти съ привязанными къ прикладамъ двухъ ружей руками, съ обнаженной спиной, впередъ и обратно, цѣлыхъ четыре раза. А между тѣмъ, говорятъ, бывали случаи, что солдаты по внушенію начальства забивали преступниковъ до смерти только съ 300 ударовъ. Это выпадало на долю тѣхъ несчастныхъ, которые во время производства суда надъ ними дѣлали попытки къ побѣгу изъ острога и тѣмъ причиняли безпокойство, а иногда и большія непріятности, сопряженныя со строгимъ наказаніемъ, отбывавшимъ караулы у острога солдатамъ.

Матвѣй былъ смирный и покорный арестантъ, и его какъ солдаты, такъ и начальство полюбили за его тихій нравъ, и это послужило ему спасеніемъ отъ безпощаднаго наказанія.

По приводѣ Матвѣя на площадь, гдѣ, кромѣ отряда солдатъ, собралась уже огромная толпа народа, былъ прочитанъ при полнѣйшей тишинѣ приговоръ. Затѣмъ съ осужденнаго былъ снятъ арестантскій халатъ и рубашка. Докторъ освидѣтельствовалъ состояніе его здоровья относительно пригодности таковаго къ предстоящему наказанію. Затѣмъ офицеръ скомандовалъ: «подать ружья и нагрудникъ». Нагрудникомъ тотчасъ же повязали грудь Матвѣю. Полицеймейстеръ приказалъ ему оправиться и дать руки для привязки ихъ къ двумъ поданнымъ сложеннымъ крестъ на крестъ двумя солдатами ружейнымъ прикладамъ. Матвѣй перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны народу и протянулъ руки къ прикладамъ ружей. Видя все это, я не могъ удержаться и зарыдалъ, захныкали вслѣдъ за мною и многія бабы, хорошо знавшія Матвѣя и его покойную жену.

Раздался барабанный бой, а вслѣдъ за нимъ и стоны Матвѣя, шедшаго въ сопровожденіи впереди двухъ солдатъ съ привязанными къ прикладамъ ружей руками по зеленой улицѣ. Время отъ времени Матвѣй вскрикивалъ: «помилосердствуйте!»—вѣроятно, послѣ сильнаго удара кого либо изъ солдатъ. Когда онъ прошелъ такимъ образомъ первый конецъ, и на возвратномъ пути его казни я увидѣлъ его окровавленную спину, то, не въ состояніи уже выносить этого зрѣлища, я съ громкимъ плачемъ бросился бѣжать, не оглядываясь, домой. Долго не могъ я успокоиться отъ вида такой картины, представившейся мнѣ въ первый разъ въ моей жизни. Нервы мои были сильно потрясены; въ ушахъ долгое время раздавался свистъ прутьевъ и стонъ Матвѣя, а передъ глазами мелькала его окровавленная спина.

При такихъ-то обстоятельствахъ я видѣлъ въ послѣдній разъ лучшаго друга моего дѣтства—Матвѣя Густова. Слышалъ я потомъ, что онъ, поступивши послѣ наказанія на излѣченіе въ госпиталь, умеръ тамъ отъ скоротечной чахотки.

V.

Между тѣмъ мое ученье въ школѣ уже близилось къ концу, истекалъ послѣдній четвертый годъ моего курса въ этой школѣ.

Учился я сравнительно съ другими довольно порядочно, такъ что за всѣ четыре года ученья я всего только два раза былъ наказанъ розгами за незнаніе, или, лучше сказать, за непониманіе дѣленія дробей и за неправильное рѣшеніе одной ариѳметической задачи. Да разъ учитель отхлесталъ меня по лѣвой рукѣ линейкой за плохое чистописаніе.

А, вѣдь, многихъ изъ моихъ школьныхъ товарищей въ продолженіе четырехъ-то лѣтъ сѣкли по нѣскольку разъ на одной недѣлѣ,

били по рукѣ линейкой чуть не каждый день и ставили на цѣлые часы въ уголъ на колѣни.

И, несмотря на всѣ эти мученія, многіе изъ нихъ лишены были дальнѣйшаго образованія—поступленія въ окружное училище, и изъ школы должны были поступать въ работу на золотые пріиски. И счастливъ изъ нихъ былъ тотъ, кто по особой протекціи попадалъ на работы въ столярную, слесарную или въ кузницу въ самомъ заводѣ. Эти работы считались легкими и удобными потому, что мастеровой отбывалъ ихъ, не отлучаясь на цѣлую недѣлю отъ своей семьи, какъ это принуждены были дѣлать рабочіе на золотыхъ пріискахъ, уѣзжая на работы на цѣлую недѣлю изъ завода, живя тамъ въ общихъ грязныхъ казармахъ и видясь съ семьей только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Но для нѣкоторыхъ мальчиковъ преградою къ дальнѣйшему образованію служила не малоуспѣшность ихъ въ наукахъ, а неимѣніе у родителя средствъ къ содержанію сына въ другомъ заводѣ, въ которомъ находится окружное училище,—одно на весь округъ, состоящій изъ пяти или шести заводовъ, разбросанныхъ на довольно большомъ пространствѣ.

У меня былъ товарищъ по школѣ Галявинъ, весьма способный мальчикъ, блистательно выдержалъ онъ выпускной экзаменъ въ заводской школѣ, былъ зачисленъ въ ученики Златоустовскаго окружного училища; но по неимѣнію средствъ отецъ не могъ его къ сроку представить въ училище, не имѣлъ также никакой возможности заплатить за содержаніе сына на квартирѣ по полтора или по два рубля въ мѣсяцъ. И вотъ Галявина за неявкою исключили изъ списка учениковъ училища и включили въ число мастеровыхъ по столярному цеху, благодаря только оказаннымъ имъ способностямъ въ школѣ, а то попалъ бы на тяжелыя земляныя работы на одномъ изъ золотыхъ пріисковъ.

Это-то положеніе казеннаго подневольнаго человѣка, принужденнаго содержать своихъ дѣтей во время ихъ воспитанія на собственный счетъ, и было неизбѣжнымъ зломъ для способныхъ мастеровыхъ дѣтей, и много гибло ихъ въ кабакѣ отъ неудавшейся жизни.

VI.

Не задолго до перехода моего изъ заводской школы въ окружное училище у насъ въ заводѣ случилась еще одна неожиданная исторія. Жилъ-былъ у насъ въ заводѣ еще когда-то давно пріѣхавшій изъ Костромы или изъ Рязани, хорошенько не помню, мѣщанинъ, фамиліи его я никогда не слыхалъ, народъ же прозвалъ его Радимычемъ» за его тягучую съ удареніемъ на буквѣ «а» рѣчь. адимычъ пріѣхалъ къ намъ въ заводъ, какъ свободный человѣкъ, съ цѣлью заняться торговлей и для этой надобности снялъ

отъ заводоуправленія на базарѣ небольшую лавку, наполнилъ ее разными сластями и другими необходимыми съѣстными припасами и началъ свое дѣло. Благодаря его ловкому обращенію, мягкому, тягучему голосу и разнообразію лавочнаго товара, народъ до того привыкъ къ нему, что за всякою малостью бѣжалъ не къ кому либо иному, а къ Радимычу въ лавку.

Сначала Радимычъ жилъ довольно скромненько, арендовалъ на окраинѣ завода въ Кошелевкѣ у одного бобыля мастерового небольшой трехоконный деревянный домикъ. Потомъ домикъ этотъ пріобрѣлъ въ собственность, съ правомъ пользованія казенною землею подъ нимъ. Года черезъ два или черезъ три Радимычъ домикъ этотъ перестоилъ изъ трехоконнаго въ пятиоконный и зажилъ настоящимъ купцомъ, но ни лавки не перемѣнилъ, ни товару въ ней не прибавилъ.

— Поди жъ ты,—говорили сосѣди про Радимыча,—мастеръ же онъ деньгу наживать. Ни съ чего пошелъ, да и лавченка-то не Богъ вѣсть какая, а съ каждымъ годомъ въ гору идетъ.

— Поучи, Радимычъ, какъ деньгу надо зашибать,—пошутитъ, бывало, кто нибудь изъ сосѣдей;—ужъ больно ты, братъ, мастеръ на это.

— Эхъ, родимый,—отвѣчалъ бывало на эту шутку Радимычъ:—кабы ты зналъ да вѣдалъ, какъ мнѣ трудненько было спервоначалу-то у васъ на заводѣ: сухую корку приходилось глодать да водой запивать. Въ то время и Радимыча мало знали, а вотъ какъ Господь при неустанномъ трудѣ да при терпѣніи помогъ встать мнѣ на ноги, такъ всѣхъ васъ зависть начала заѣдать.

— Ты говоришь, родимый,—продолжалъ, бывало, тянуть своимъ сладенькихъ голоскомъ Радимычъ,—что надо умѣнье деньги наживать, что у тебя на это смекалки нѣтъ, а для этого, братецъ ты мой, наука-то самая простая имѣется: трудись, не ширься и каждый грошъ береги,—вотъ тебѣ и все.

Но такого рода умѣнью наживать деньги всѣ что-то плохо вѣрили и всѣми мѣрами старались разгадать секретъ Радимыча, но постигнуть этого никакъ не могли.

Всѣ знали и видѣли, что Радимычъ каждую осень ѣздилъ въ ближайшій уѣздный городъ Троицкъ, но думали, что ѣздилъ онъ въ этотъ торговый въ то время пунктъ по своимъ торговымъ дѣламъ, такъ какъ тамъ существовалъ мѣновой дворъ, на который осенью съѣзжалась масса азіатскихъ народовъ изъ Бухары, Хивы и даже иногда изъ Персіи съ своими фруктами и ягодами—изюмомъ, кишмишомъ, урюкомъ и т. п. Сбывая свой товаръ, они пріобрѣтали русскіе красные товары и другія издѣлія изъ металловъ и стекла.

Для наблюденія за этой пограничной торговлей въ Троицкѣ въ то время была учреждена и таможня съ массою въ ней служащихъ.

Жизнь на мѣновомъ дворѣ среди массы народовъ всякихъ національностей кипѣла ключемъ, и таможенной стражѣ съ казаками немало было хлопотъ въ осеннее время въ самый разгаръ торговли. Вотъ въ это-то время, а именно въ октябрѣ мѣсяцѣ, Радимычъ и отправлялся ежегодно въ Троицкъ.

За послѣдніе три года стали ходить смутные слухи о томъ, что Радимычъ будто бы скупаетъ краденое золото и сбываетъ его въ Троицкѣ въ Бухару, куда будто бы нашими хищниками сбывается золото въ большомъ количествѣ. Слухъ этотъ, дошедшій и до самого Радимыча, заставилъ послѣдняго быть въ высшей степени осторожнымъ.

Въ видахъ ли устраненія отъ себя всякихъ подозрѣній, или такъ вышло по его тайнымъ торговымъ дѣламъ, только въ послѣдній годъ Радимычъ неожиданно для всѣхъ уѣхалъ въ Троицкъ въ маѣ мѣсяцѣ, въ такое именно время, когда тамъ ему какъ будто и дѣлать было нечего. Черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда разнесся по заводу слухъ, что Радимычъ попался въ Троицкѣ съ золотомъ въ руки казаковъ и заключенъ подъ стражу. Сначала къ этому отнеслись въ заводѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, такъ какъ жена Радимыча преспокойно торговала въ лавкѣ, какъ всегда, и, повидимому, ни о чемъ не безпокоилась. Но когда Радимыча привезли по этапу подъ конвоемъ въ заводъ и заключили въ острогъ, и когда заводская полиція энергично приступила къ разслѣдованію его дѣла и къ допросу многихъ, оказавшихся прикосновенными къ тому дѣлу, пріисковыхъ рабочихъ, то всякое сомнѣніе на этотъ счетъ исчезло, и всѣ крайне заинтересовались подробностями этого дѣла.

Полиціи строжайше предписано было свыше принять всѣ мѣры къ разоблаченію способовъ хищенія съ пріисковъ золота. И вотъ что было тогда обнаружено.

Кража золота съ вашгерта, гдѣ оно окончательно промывается подъ карауломъ солдатъ и въ присутствіи всего пріискового начальства, собирается, просушивается и въ особомъ пакетикѣ послѣ взвѣшиванія опускается въ запечатанную металлическую кружку, для простого пріискового рабочаго не мыслима. Какимъ же образомъ золото попадаетъ въ руки послѣднихъ и черезъ посредство скупщиковъ, въ родѣ Радимыча, уходитъ за границу?

Вотъ за это-то изслѣдованіе и принялись не только полиція, но и все пріисковое начальство, начиная съ смотрителей, надзирателей пріисковъ и кончая штейгерами и нарядчиками.

Оказывается, что это хищеніе золота рабочими дѣлалось довольно простымъ способомъ. Доставляя изъ разрѣза добытый золотоносный песокъ на промывку, отстоящую отъ него иногда на разстояніи двухъ верстъ, рабочій отсыпаетъ понемногу этого песка по дорогѣ въ намѣченныхъ имъ мѣстахъ и вечеромъ по окончаніи

работъ собираетъ этотъ песокъ и промываетъ у себя въ балаганѣ ложкой въ деревянномъ корытѣ или чашкѣ, и такимъ образомъ крупинка по крупинкѣ у него въ концу недѣли, т.-е. къ субботѣ, накапливалось иногда и до ползолотника промытаго имъ такимъ образомъ золота. Все это, конечно, доступно было продѣлывать коннымъ рабочимъ, которые не помѣщались въ общихъ рабочихъ казармахъ, а имѣли свои балаганы, изъ которыхъ имъ удобнѣе было стеречь пасущихся на волѣ рабочихъ лошадей. Чтобы вывезти похищенное золото съ пріиска, когда въ субботу вечеромъ всѣ рабочіе съ пріисковъ отпускаются въ заводъ къ своимъ женамъ и дѣтямъ, хищникъ завернутое въ тряпочку золото зашиваетъ въ хомутъ или въ шлею лошади, на которой онъ ѣдетъ домой. При выѣздѣ съ пріиска каждаго мастерового тщательно обыскиваютъ сторожа и, конечно, не подозрѣвая, что золото зашито въ лошадиной сбруѣ, а не лежитъ въ карманѣ рабочаго, ничего не находятъ и пропускаютъ хищника съ золотомъ домой. Пріѣхавши домой, онъ на другой же день идетъ къ извѣстному ему скупщику краденаго золота и сбываетъ послѣднему за самую ничтожную плату добытое имъ за недѣлю золото. Радимычъ, какъ оказалось по дѣлу, скупалъ это золото подъ названіемъ мака, и всякій, приходя къ нему съ такимъ золотомъ, предлагалъ купить у него макъ, собранный якобы въ достаточномъ количествѣ на огородѣ, и, не стѣсняясь посторонних, торговался съ Радимычемъ о цѣнѣ на этотъ макъ. Сговорившись въ цѣнѣ, Радимычъ платилъ деньги, а хищникъ тайкомъ приносилъ ему золото, которое тотъ пряталъ въ особое помѣщеніе подъ ящикъ съ макомъ. Много тогда людей вмѣстѣ съ Радимычемъ угодило въ острогъ.

Разслѣдуя это дѣло, полиція совершенно неожиданно натолкнулась и еще на одно важное преступленіе по поводу хищенія золота. Она открыла настоящую фабрику золотой монеты въ подвальномъ помѣщеніи одного слесарнаго мастера Дороѳеева, человѣка уже пожилого и всѣми въ заводѣ уважаемаго за его честность и доброе отношеніе къ людямъ. Фабрика его оказалась настолько усовершенствованною и приспособленною къ производству золотой монеты, что чеканка ея на этой фабрикѣ нисколько не отличалась отъ государственной. На допросѣ Дороѳеевъ объяснилъ, что его монета по цѣнности своей нисколько не уступитъ государственной, такъ какъ въ виду дешовой покупки золота у пріисковыхъ рабочихъ ему не было надобности примѣшивать къ его монетѣ очень много лигатуры. Чеканка же этихъ монетъ представляла для него весьма удобный способъ сбывать скупаемое имъ краденое золото. Этотъ способъ, по его мнѣнію, былъ самый невинный и не представлявшій никакой опасности для него и вреда для государства и, если бы его полиція не накрыла такъ неожиданно на мѣстѣ производства этой монеты, то послѣдняя всегда ходила бы за настоящую и принималась бы даже въ казначействахъ.

Такъ-то пользовались въ былое время золотыми пріисками мѣстные обыватели, несмотря на весьма строгое наказаніе шпицрутенами и ссылку въ Сибирь за хищеніе золота. Но откуда же бѣдному мастеровому въ казенной работѣ можно было заработать лишній грошъ на свои насущныя нужды. Весь его трудъ тогда принадлежалъ казнѣ. Вотъ и шелъ человѣкъ на опасное дѣло, нисколько не считая его преступнымъ и противорѣчащимъ требованіямъ собственной совѣсти. Напротивъ, каждый мастеровой понималъ, что, если человѣкъ занимался не позволеннымъ способомъ добыванія золота, то дѣлалъ это не ради себя и не изъ прихоти, а старался для семьи своей, для ея благополучія. Свой рабочій братъ, говорили мастеровые, никогда не осудитъ за такое дѣло попавшаго подъ судъ несчастнаго неудачника, и дѣйствительно сочувствіе ихъ къ такимъ острожникамъ горячо проявлялось въ приношеніи имъ всего лучшаго и вкуснаго со стола рабочаго мастерового по праздничнымъ днямъ.

VII.

Всѣ эти событія произошли почти что наканунѣ моего отъѣзда въ Златоустъ въ окружное училище. Наступилъ августъ 1859 года, и мать моя усиленно занялась приготовленіемъ мнѣ необходимаго бѣлья, постельныхъ принадлежностей и вообще всего того, что можетъ понадобиться и пригодиться мальчику на чужой сторонѣ. Хотя эта чужая сторона и была отъ нашего завода не больше какъ верстъ за сорокъ, а то и того менѣе, но я покидалъ свой родной заводъ еще въ первый разъ въ моей жизни, а мать отпускала своего малолѣтняго сына за десятки верстъ въ чужіе, незнакомые ни ей ни ему люди также въ первый разъ. Все это не могло не волновать насъ и не омрачать нашего настроенія духа. Отецъ хотѣлъ казаться вполнѣ спокойнымъ и веселымъ, но не всегда это ему удавалось. Незамѣтно для себя онъ вдругъ глубоко задумывался и затѣмъ, очнувшись, спрашивалъ уже неоднократно мать, все ли мнѣ изготовлено въ достаточномъ количествѣ, не забыла ли она то того, то другого. День отъѣзда былъ назначенъ 15-го августа рано утромъ. Для отца не было болѣе удобнаго дня для устройства меня въ Златоустѣ, такъ какъ цѣлый этотъ день, какъ праздникъ Успенія, у него былъ свободный отъ службы, а къ утру слѣдующаго дня онъ имѣлъ полную возможность вернуться домой.

Когда меня разбудили въ 4 часа утра, лошади были уже готовы, всѣ пожитки мои уложены въ повозку, отецъ тоже былъ совсѣмъ одѣтъ и готовъ къ отъѣзду. Остановка была только за мною. Я наскоро умылся, одѣлся и помолился Богу. Затѣмъ отецъ и мать сѣли на лавку и меня посадили рядомъ съ собой, какъ бы

отправляя въ дальнюю и неизвѣстную дорогу. Братишки и сестренка мои крѣпко еще спали. Но вотъ отецъ съ матерью поднялись съ лавки, я послѣдовалъ ихъ примѣру, обернулись всѣ къ иконамъ и стали молиться. По окончаніи молитвы мать, обливаясь слезами, благословила меня и поцѣловала на прощаньи, я тоже не выдержалъ и горько заплакалъ, выходя на дворъ и садясь въ повозку. Одинъ отецъ только, повидимому, былъ спокоенъ, онъ сѣлъ вслѣдъ за мною въ повозку и, перекрестившись, сказалъ: «Ну, Иванъ, трогай съ Богомъ». И мы выѣхали со двора, мать дѣлала намъ вслѣдъ крестныя знаменія.

Трудно выразить то чувство, которое охватило меня, когда родной мой заводъ, въ первый еще разъ покидаемый мною надолго, скрылся изъ моихъ глазъ. Какъ будто что-то сжалось, заныло въ груди, хотѣлось снова плакать. Но новизна дороги, красивые пейзажи, смѣнявшіеся одинъ за другимъ, скоро увлекли меня своею прелестью. Я началъ во все внимательно всматриваться кругомъ и совершенно забылъ о своемъ дѣтскомъ горѣ. Дѣтская душа была увлечена красотами природы, и всякія житейскія невзгоды далеко отодвинулись на задній планъ.

Но вотъ начался и подъемъ на Уралъ, лошади замедлили свой шагъ, съ обѣихъ сторонъ дороги насъ обступилъ дремучій лѣсъ, а впереди все выше и выше поднималась дорога, какъ будто упираясь въ небо. «А долго мы еще этакъ въ гору-то будемъ ѣхать?»—спрашиваю я Ивана.—«Потерпи маленько, черезъ часикъ подымемся на самую верхушку, тогда ужъ дорога-то веселѣе пойдетъ»,—отвѣтилъ мнѣ Иванъ.—«Тамъ ты и Златоустъ увидишь,—сказалъ мнѣ отецъ:—хотя до него еще останется не менѣе 15 верстъ».

Подстрекнуло все это любопытство мое до того, что эта глухая дорога, безъ всякаго просвѣта въ ту или другую сторону, съ дремучимъ лѣсомъ и высокими горами вокругъ, казалась мнѣ безконечною и крайне скучною. Скоро ли, думаю, верхушка-то будетъ? Нѣтъ, дорога все подымается еще выше и выше, какъ будто этому подъему и конца не будетъ. Иванъ сказалъ: потерпи съ часокъ, а мнѣ казалось, что уже и болѣе двухъ часовъ прошло, а верхушки Урала нѣтъ, какъ нѣтъ.

Но вотъ лѣсъ по сторонамъ началъ мало-по-малу рѣдѣть, отступая все дальше и дальше отъ дороги; кругозоръ началъ расширяться, утесы горъ, обступавшіе дорогу, оставались гдѣ-то позади насъ внизу; инстинктивно чувствовалось, что выше насъ уже нѣтъ ни горъ, ни утесовъ, одно только небо высится надъ нами.

— Вотъ сейчасъ и вершина будетъ,—сказалъ Иванъ,—внизу по ту сторону горы ты увидишь и Златоустъ, а позади насъ далеко, далеко будетъ виденъ сквозь дымку и нашъ заводъ.

Проговоривъ это, Иванъ указалъ мнѣ кнутомъ на лежавшій впереди на разстояніи четверти версты отъ насъ въ сторонѣ отъ

дороги громадный камень. Около этого камня стоялъ полосатый столбъ.

— Вотъ съ того самаго мѣста и будетъ тебѣ ширина и даль, смотри, куда хочешь, все тебѣ будетъ видно, и все покажется близко,—предупредилъ меня Иванъ, и видимо самъ нѣсколько оживился отъ предстоящей его взорамъ картины.

Отецъ откашлялся и объяснилъ мнѣ, что тотъ полосатый столбъ, который стоитъ около камня, обозначаетъ границу между Европою и Азіею, и что горная сопка, возвышающаяся съ правой стороны дороги, противъ того столба, называется «Александровскою», и съ этой сопки государь Александръ II-й, будучи наслѣдникомъ, во время своего путешествія по Уралу, любовался чуднымъ видомъ этихъ горъ и ихъ окрестностями. Да, волшебный, чудный видъ вдругъ развернулся предъ моими глазами. Все какъ-то близко показалось подъ моими ногами, и въ то же время чувствовался необъятный широкій просторъ. Позади насъ въ дальней синевѣ виднѣлся мой родной заводъ со столпившимися около него Ильменскими горами, а впереди на яркомъ солнцѣ совершенно отчетливо блестѣлъ своею бѣлизною Златоустовскій соборъ; вправо отъ него раскинулись громадныя, каменныя заводскія фабрики, также блистающія своею бѣлизною, а впереди этихъ фабрикъ къ намъ навстрѣчу, теряясь въ горахъ, сверкалъ зеркаломъ заводскій обширный прудъ. Разбросанные по бокамъ обступающихъ заводъ со всѣхъ сторонъ высокихъ горъ домики заводскихъ жителей казались какими-то маленькими птичьими гнѣздышками. На одномъ изъ холмовъ въ самомъ центрѣ завода, позади собора, возвышалась еще каменная высокая церковь. До насъ доносился благовѣстъ соборнаго колокола, призывающій къ праздничной обѣднѣ народъ. Властно гудѣлъ этотъ колоколъ, далеко разнося свои звуки по водной поверхности обширнаго заводскаго пруда. И маленькимъ мнѣ показался противъ этого колокола нашъ заводскій большой колоколъ, больше котораго я до тѣхъ поръ не видалъ и громче котораго не слыхалъ. Такъ вотъ въ какомъ большомъ заводѣ я буду жить среди чужихъ людей, подумалъ я, и сердце невольно сжалось отъ предстоящей невѣдомой для меня жизни. Но въ то же время мое вниманіе поразила, возвышаясь справа отъ дороги какимъ-то гигантскимъ кресломъ, Александровская сопка, съ которой видъ еще шире и необъятнѣе. Съ этого-то Уральскаго кресла когда-то любовался чудною уральскою картиною покойный Царь-Освободитель.

Впереди, на далекомъ пространствѣ, хотя обманывая глазъ кажущеюся близостью, угрюмо возвышались три Таганайскія сопки въ подобіе сахарныхъ головъ, поросшія, какъ щетиною, густымъ сосновымъ лѣсомъ и уходящія своими вершинами подъ облака.

Да, дѣйствительно, чудная картина представляется глазамъ путника на этомъ рубежѣ между Европою и Азіею. Далѣе начался постепенный довольно отлогій спускъ съ Урала къ Златоусту, и чудный видъ скрылся изъ глазъ. Опять обступили дорогу высокіе утесы, покрытые сосновымъ лѣсомъ, и опять потянулась впереди, извиваясь змѣею, узкая желтая лента дороги.

VIII.

По пріѣздѣ въ Златоустъ отецъ тотчасъ же отправился къ своему знакомому приказному, къ которому намѣревался помѣстить меня на хлѣбы. Долго ждалъ я его на почтовомъ дворѣ, гдѣ мы остановились, не рѣшаясь выйти за ворота и прогуляться по заводу изъ боязни заблудиться въ незнакомыхъ мнѣ улицахъ. Наконецъ, часовъ въ 12 дня отецъ возвратился вполнѣ довольный тѣмъ, что пристроилъ меня на квартиру и побывалъ даже у смотрителя училища, который сообщилъ ему, что я принятъ въ училище по успѣхамъ, сравнительно съ другими заводскими школами, 21-мъ ученикомъ. Это послѣднее извѣстіе меня очень опечалило,—ужъ слишкомъ оказался я слабымъ ученикомъ противъ учениковъ другихъ школъ. Изъ нашей же заводской школы въ тотъ годъ я только одинъ и удостоился перевода въ окружное училище. Отецъ утѣшалъ меня тѣмъ, что, если я хорошо буду учиться, то въ скоромъ времени могу сдѣлаться даже и первымъ ученикомъ въ классѣ. Къ вечеру меня перевезли на постоянную мою квартиру къ знакомому приказному отца, человѣку еще очень молодому, веселому и привѣтливому, съ ласковой молодой женой и двухлѣтнимъ сынишкой. Домъ его оказался въ Уреньгѣ, почти на самомъ верху горы и довольно далеко отъ училища. Но это неудобство искупалось тѣмъ, что за квартиру эту со столомъ и бѣльемъ съ меня брали только 1 рубль 50 коп. въ мѣсяцъ, съ прибавкою моего пайка—двухъ пудовъ ржаной муки въ мѣсяцъ, который я долженъ былъ получать изъ казеннаго магазина, какъ уже ученикъ окружного училища.

Скоро свыкся я съ своими хозяевами, познакомился съ товарищами по училищу, и жизнь моя потекла, хотя и однообразно, но нескучно, для моихъ дѣтскихъ лѣтъ. День до обѣда проходилъ въ школѣ, а вечеромъ, послѣ приготовленія уроковъ, ко мнѣ собирались по близости живущіе два, три товарища, и мы пѣли пѣсни, играли на гармоникахъ, или сражались въ свои козыри. Школьная же жизнь ничѣмъ не отличалась отъ жизни въ заводской школѣ, съ тою развѣ только разницею, что здѣсь установлено было дежурство изъ двухъ учениковъ I-го и II-го классовъ, изъ каждаго класса по одному на каждыя сутки, такимъ образомъ на дежурствѣ приходилось сталкиваться въ качествѣ младшаго дежур-

наго съ довольно таки взрослыми юношами старшаго класса, большинство которыхъ уже курили табакъ, пили водку и играли въ стуколку на деньги. Все это развращающимъ образомъ дѣйствовало на большинство изъ насъ, молокососовъ, заражающихся тѣмъ же ухарствомъ и беззаботностью, подвергаясь часто за это наказанію розгами и нисколько не смущаясь этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Да еще разница была въ томъ, что по субботамъ насъ въ 4 часа по полудни гоняли на ученье въ солдатскую казарму, гдѣ солдаты обучали насъ въ присутствіи надзирателя нашего училища маршировкѣ и различнаго рода построеніямъ въ колонны, ряды, карре и т. д. Хотя это послѣднее занятіе при строгомъ учителѣ солдатѣ и не совсѣмъ бывало пріятно, а подчасъ и тягостно, но все же до нѣкоторой степени разнообразило школьную жизнь.

IX.

Быстро и незамѣтно прошелъ первый годъ пребыванія моего въ училищѣ. Я уже вмѣсто 21-го былъ 7-мъ ученикомъ въ классѣ и за такое повышеніе немало имѣлъ завистниковъ между товарищами. Съ великою радостью поѣхалъ я домой на страду, такъ звали у насъ въ то время лѣтнія каникулы. Съ гордостью и сознаніемъ собственнаго достоинства, какъ уже взрослый человѣкъ, прибылъ я въ свой родной заводъ. Въ нашей заводской школѣ занятія еще не прекращались, и я на другой же день по пріѣздѣ домой направился навѣстить своихъ прежнихъ школьныхъ товарищей и повидать учителя, который теперь для меня совсѣмъ уже не былъ страшенъ, и съ которымъ я теперь могъ говорить совершенно свободно, какъ равный съ равнымъ. Школьники при появленіи моемъ во время перемѣны бросились ко мнѣ и съ любопытствомъ начали разспрашивать про окружную школу, про учителей и про строгости ихъ. Я снисходительно удовлетворялъ ихъ любопытство, сгущая намѣренно краски относительно строгости учителей и трудности ученія. Но вотъ передъ окончаніемъ перемѣны вошелъ въ классъ и учитель и, протянувши мнѣ съ улыбкой руку, поздоровался со мной и началъ въ свою очередь разспрашивать о смотрителѣ училища, объ его характерѣ и отношеніяхъ къ другимъ учителямъ. Знать все это ему любопытно было потому, что смотритель окружного училища былъ непосредственный начальникъ всѣхъ заводскихъ школъ въ округѣ. Еще болѣе почувствовали школьники ко мнѣ уваженія, когда увидали это учтивое обращеніе со мною своего учителя, говорившаго со мною на «вы». Да и самъ я вдругъ какъ-то выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Быстро пролетѣло въ родномъ домѣ на свободѣ это лѣтнее страдное время, и я снова очутился въ окружной школѣ и быстро втянулся въ свои обычныя занятія. Но передъ наступленіемъ зимы

въ тотъ годъ въ народѣ и среди приказныхъ мало-по-малу стали раздаваться слухи о какой-то «волѣ», какъ о фактѣ, который непремѣнно скоро долженъ наступить.

Услыхавши объ этомъ и не понимая хорошенько, что такое «воля», я инстинктивно почувствовалъ, что это должно быть что-то очень хорошее. Вѣроятно, не нужно будетъ по ночамъ дежурить въ училищѣ, не нужно будетъ ходить въ солдатскихъ шинеляхъ въ казармы для обученія военной службѣ; да и многое, что мнѣ казалось непріятнымъ въ моей школьной жизни, — съ наступленіемъ воли должно было устраниться само собою. Но всего громаднаго значенія этой грядущей воли въ моей будущей жизни я тогда ни понять, ни представить себѣ приблизительно не могъ.

Интересны были разговоры объ этой наступающей волѣ въ средѣ мастеровыхъ и приказныхъ. Они, повидимому, также не могли представить себѣ отчетливо свое положеніе на волѣ. Между мастеровыми, напримѣръ, мнѣ удалось услышать тогда слѣдующій разговоръ:

— Заладили всѣ про эту волю болтать,—говорилъ одинъ захудалый мастеровой, сидя на заваленкѣ у сосѣда въ компаніи съ другими мастеровыми, кончая свой рабочій день взаимною вечернею бесѣдою:—а вѣдь того не подумаютъ, что̀ эта воля-то имъ дастъ? Ну, буду я, скажемъ, вольный человѣкъ, значитъ, ступай на волю, куда хочешь, и живи, какъ знаешь. Отберутъ у тебя паекъ, отнимутъ покосы и огороды, и останешься не при чемъ. Не знаю, лучше ли будетъ при волѣ-то противъ того, какъ я теперь живу.

— Эхъ, ты, голова съ мозгомъ,—возражаетъ другой,—не знаетъ, куда ему съ волею дѣваться! Да вольный человѣкъ, если у него голова на плечахъ есть, вездѣ себѣ хлѣбъ найдетъ; да на такой работѣ, которая ему по сердцу и сподручнѣе, а не въ жидели али на домнѣ день и ночь торчать. А, коли въ головѣ у тебя мозгу мало, то и оставайся въ этой домнѣ около чугуна или въ жидели около золота, и при волѣ тамъ люди тоже нужны будутъ. Стало быть, и при волѣ, какой ты захордяшный ни будь, съ голоду все равно не пропадешь.

Разговаривалъ я объ этой волѣ и съ своимъ хозяиномъ, желая съ его помощью уяснить себѣ значеніе ея. Но и онъ ничего мнѣ тогда опредѣлительнаго сказать не могъ и тоже относился съ какимъ-то недоумѣніемъ ко всѣмъ слухамъ о предстоящей волѣ.

— Не знаю,—говорилъ онъ,—какъ это будетъ, и что изъ этого выйдетъ. Вотъ я теперь приказный и занимаю соотвѣтственное моему положенію мѣсто, и никто у меня этого мѣста не отниметъ, потому что я приказный, горнозаводскій человѣкъ, и вольному человѣку итти на это мѣсто нѣтъ никакой выгоды, такъ какъ казна больше того жалованья, которое платитъ мнѣ, ему не дастъ; опять таки потому, что у нея для этого свои приказные есть. Теперь моя

служебная линія до самой моей смерти видна мнѣ и ясна, а что будетъ тогда, когда я буду совсѣмъ вольный человѣкъ, какъ и всѣ, не могу тебѣ сказать. Заводское начальство не будетъ тогда заботиться о томъ, чтобы я, по званію, урядникъ, не остался безъ мѣста и не умеръ съ голоду, такъ какъ урядниковъ тогда совсѣмъ не будетъ, а всѣ они и на горныхъ заводахъ будутъ называться канцелярскими служителями, а этихъ канцелярскихъ-то служителей по всей-то Россіи и до Москвы не перевѣшаешь.

А я, слушая его рѣчи, думалъ про себя: нѣтъ, для меня воля сулитъ какъ будто что-то другое. Вѣдь я-то ужъ во всякомъ случаѣ, стало быть, урядникомъ горнозаводскимъ не буду, а буду чѣмъ-то другимъ. А кѣмъ же въ самомъ дѣлѣ я буду, отъ кого это будетъ зависѣть? Я думаю, что отъ меня самого, такъ какъ я буду человѣкъ вольный, а вольному и дорога вольная.

X.

Такъ-то вотъ разсуждали тогда горнозаводскіе люди о предстоящей имъ неизвѣстной волѣ, ждали ее съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы застывши и не рѣшаясь предпринять какого бы то ни было шага въ своей дальнѣйшей жизни до появленія этой воли.

А вотъ и она! Всколыхнулся ея живою волною весь русскій міръ. Настало 19-е февраля 1861 года—свобода всей Русской земли. Не помню, котораго именно числа въ февралѣ мѣсяцѣ пришелъ тогда въ Златоустъ манифестъ о волѣ, но только, какъ сейчасъ, помню, что однажды утромъ вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ и загудѣлъ большой колоколъ въ соборѣ.

Насъ, учениковъ, и рабочій людъ распустили и приказали итти въ соборъ къ обѣднѣ и слушать манифестъ о волѣ.

Нечего и говорить, что послѣ вѣсти о волѣ, раздавшейся въ храмѣ Божіемъ съ амвона предъ царскими дверями, народъ почуялъ, что не нужно теперь бояться ни управителей, ни поденныхъ надзирателей, ни штегерей, ни смотрителей—говори теперь съ каждымъ изъ нихъ свободно и независимо. Рады были и поденные надзиратели и всѣ подобные имъ, зная теперь, что съ накопленными деньженками и они на вольномъ-то свѣтѣ будутъ играть не послѣднюю роль, и ихъ свободная пѣсня еще впереди.

Всякія разногласія относительно воли совершенно прекратились. Всѣ, наконецъ, поняли и оцѣнили ея значеніе. Каждый почувствовалъ въ себѣ необычайный подъемъ духа и энергію къ труду.

Вскорѣ затѣмъ получилъ я отъ отца письмо, присланное имъ съ подводчикомъ за мною. Въ этомъ письмѣ онъ писалъ, чтобы я ѣхалъ со всѣми пожитками домой, что по казенной почтѣ имъ

послано уже прошеніе смотрителю училища объ увольненіи меня изъ учениковъ окружной школы.

Нечего и говорить, что какъ только подводчикъ мой успѣлъ выкормить лошадей, такъ я уже готовъ былъ къ отъѣзду и, не вѣря себѣ, что совсѣмъ покидаю Златоустъ и его окружное училище, что я уже не окружникъ, а просто свободный человѣкъ, съ радостнымъ сердцемъ выѣхалъ въ тотъ же день домой.

А дома меня поразила еще новая радостная вѣсть—я долженъ былъ, не теряя времени, готовиться къ поступленію въ Екатеринбургскую гимназію.

О! съ какимъ жаромъ принялся я за изученіе французскаго языка при помощи одной, когда-то бывшей горнозаводской аристократки, а теперь бѣдной проживающей на скудной пенсіи, старушки. Изъ русскихъ предметовъ я готовъ былъ и въ третій классъ гимназіи, а вотъ, за совершеннымъ отсутствіемъ знанія французскаго языка, мечталъ попасть хотя бы во второй только классъ.

Такъ съ упорнымъ стараніемъ я прозанимался все лѣто и къ августу мѣсяцу зналъ уже слова и переводы до двадцати параграфовъ по «Марго», и надежда на поступленіе въ гимназію стала крѣпнуть во мнѣ съ каждымъ днемъ.

Слѣдуя примѣру отца, и еще его двое сослуживцевъ вздумали помѣстить со мною вмѣстѣ въ гимназію и своихъ сынковъ, приготовивши ихъ въ первый классъ, такъ какъ каждому изъ нихъ было по 10 лѣтъ отъ роду. И вотъ въ половинѣ августа мы на трехъ подводахъ выѣхали изъ завода въ сопровожденіи всѣхъ своихъ семейныхъ, родныхъ и заводскихъ знакомыхъ, которые далеко провожали насъ за заводъ до Ильменя озера. Здѣсь остановились и на берегу озера расположились попить чайку на прощанье. Разложили костеръ, наставили нѣсколько самоваровъ, разостлали на полянѣ ковры, разложили на нихъ закуски, лакомства и бутылки съ выпивкой, и началось пированье. И ничуть не удивительно было это торжество, такъ какъ отъѣздъ нашъ въ Екатеринбургскую гимназію составлялъ первое небывалое событіе въ лѣтописяхъ нашего завода. «Еще бы,—говорили всѣ,—наши заводскіе служащіе везутъ своихъ ребятишекъ въ гимназію!» Да, кто смѣлъ бы подумать объ этомъ только годъ тому назадъ? Какъ же тутъ нашимъ роднымъ и знакомымъ было не пировать, не радоваться! И мы, мальчуганы, несмотря на предстоящее долгое разставаніе съ родными, были веселы и бодры. Новая предстоящая намъ жизнь въ большомъ городѣ, въ гимназіи, среди благородныхъ дѣтей, страшно занимала насъ и разжигала наше любопытство. О, что-то будетъ впереди? О однако надо поскорѣе ѣхать, чтобы не опоздать къ экзаменамъ. Прощайте, родные и знакомые, прощайте, родныя горы и Ильмень, ѣдемъ по новому и свободному пути впередъ!

Но вотъ мы и въ Екатеринбургѣ. Городъ поразилъ не только насъ, но и родителей нашихъ своею обширностью, обиліемъ колоколенъ и большихъ каменныхъ домовъ.

Остановились мы за неимѣніемъ знакомыхъ въ городѣ и для соблюденія экономіи на постояломъ дворѣ. Это было рано утромъ. Напившись чаю и почистившись съ дороги, родители наши начали собираться къ директору гимназіи, къ лицу, высоко стоящему въ ихъ глазахъ на служебной лѣстницѣ.

Директоръ принялъ ихъ чрезвычайно ласково, далъ имъ образецъ, по которому они должны были написать прошенія о допущеніи насъ къ пріемнымъ экзаменамъ, съ приложеніемъ извѣстныхъ документовъ, назначивъ имъ часъ утра слѣдующаго дня, къ которому насъ должны были доставить въ гимназію для испытаній. Однимъ словомъ родители возвратились веселые и ободренные, восторгаясь пріемомъ и обращеніемъ директора.

— Что значитъ образованный-то человѣкъ,—говорили они между собою,—не чета какому нибудь нашему смотрителю, а гляди-ка, какъ обходится-то съ нашимъ братомъ,—слава тебѣ, Господи, наконецъ-то и мы въ люди попали.

Страшенъ казался намъ, мальчуганамъ, завтрашній день, рѣшающій нашу судьбу, но мы бодрились другъ передъ другомъ и умалчивали о своихъ опасеніяхъ и сомнѣніяхъ.

Однако всему бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и нашимъ испытаніямъ. Надежды наши сбылись, — я гимназистъ второго, а товарищи перваго класса.

Къ отъѣзду нашихъ родителей расторопный портной очень красиво сшилъ мнѣ въ два дня форменный съ краснымъ въ то время воротникомъ и свѣтлыми пуговицами гимназическій сюртукъ, и я съ своими товарищами, веселый и самодовольный, гордо шагалъ въ новой формѣ по улицамъ города, по направленію къ базару, гдѣ родители накупили намъ на прощанье массу кедровыхъ шишекъ и другихъ лакомствъ.

Но, несмотря на возбужденный во мнѣ интересъ къ кедровымъ шишкамъ и новой гимназической формѣ, меня ни на минуту не покидала въ тотъ день мысль: «Такъ вотъ она, когда начинается воля-то моя. Теперь все зависитъ отъ самого себя, дорога впереди и широкая и просторная, не робѣй и иди по ней, достигай своей цѣли, ибо свободный трудъ все превозмогаетъ».

При воспоминаніи обо всемъ этомъ глаза мои невольно обращаются къ образу съ крестнымъ знаменіемъ и словами: «Вѣчная память тебѣ, великій Ц а р ь - О с в о б о д и т е л ь. Многимъ открылъ ты своимъ могучимъ словомъ путь къ свѣту и знанію и обновилъ человѣческія души. Да будетъ памятенъ всѣмъ на будущія времена великій историческій въ Россіи день 19 февраля 1861 года».

Е. К. Савельевъ.

ЖЕНЩИНА-ДИПЛОМАТКА [1].

IV.

ВСКОРѢ графиня Ливенъ утѣшилась отъ горя, причиненнаго ей кончиной императора Александра Павловича, получивъ со всѣмъ своимъ семействомъ княжескій титулъ. Теперь она стала восторгаться новымъ государемъ такъ же, какъ и прежнимъ. Она немало была обрадована назначеніемъ ея друга Веллингтона англійскимъ чрезвычайнымъ посломъ для поздравленія Николая I съ восшествіемъ его на престолъ.

«Я въ восторгѣ отъ поѣздки Веллингтона въ Россію,—писала она,—и увѣрена, что онъ будетъ принятъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ императоромъ, такъ и всѣмъ народомъ. Я заранѣе радуюсь его успѣху и тому хорошему впечатлѣнію, которое произведетъ на него наше отечество. Онъ—лучшій и благороднѣйшій человѣкъ настоящаго времени и, по всей вѣроятности, отличается болѣе своими внутренними качествами, чѣмъ внѣшней военной репутаціей. Онъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ, и Англія не могла избрать лучшаго посла. Какъ весь свѣтъ, Веллингтонъ восторгается великолѣпнымъ поведеніемъ нашего императора. Кто могъ бы подумать, когда мнѣ говорили прошлымъ лѣтомъ о великомъ князѣ Николаѣ, что онъ такъ скоро осуществитъ наши предсказанія? Онъ дѣйствительно оказался вторымъ Петромъ, и мы не даромъ предчувствовали въ немъ великаго человѣка».

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCII, стр. 849.

Вмѣстѣ съ Веллингтономъ поѣхалъ въ Петербургъ и князь Ливенъ, вызванный туда императоромъ. «Мой мужъ просто въ восторгѣ отъ новаго государя,—писала княгиня Ливенъ,—и мое предсказаніе о его величіи, какъ разъ, подтверждается. Вся Европа признаетъ его высокій умъ, сильную волю и прямодушіе, какъ «credo». Вообще княгиня была въ оптимистическомъ настроеніи, и новый первый министръ Англіи, Каннингъ, казался ей необыкновенно талантливымъ и честнымъ человѣкомъ. «Онъ не якобинецъ, — говорила она, — а единственный членъ англійскаго кабинета, который расположенъ въ пользу Россіи. Онъ противникъ австрійской политики и антитурокъ въ душѣ. Каннингъ и Меттернихъ ненавидятъ другъ друга; послѣдній не можетъ помириться съ русско-англійской дружбой. Несмотря на нѣкоторые недостатки Каннинга, его нельзя сравнивать съ Меттернихомъ, этимъ величайшимъ негодяемъ. Пусть меня побьютъ, но я утверждаю, что мы должны любить Каннинга».

Въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 27-мъ января 1827 года, княгиня Ливенъ впервые такъ рѣзко отзывается о своемъ бывшемъ любимцѣ. Эта поразительная перемѣна произошла необыкновенно быстро; такъ еще въ предыдущемъ году, послѣ извѣстія о смерти Александра, онъ прислалъ ей приличное письмо, въ которомъ писалъ: «Романъ конченъ, мы вступаемъ теперь въ область исторіи». Причина этой перемѣны заключалась чисто въ политикѣ, такъ какъ въ это время всѣ нѣжныя отношенія между ними окончились. Турецкія дѣла и особенно возстаніе Греціи произвели въ княгинѣ Ливенъ совершенную перемѣну. Она не только сдѣлалась заклятымъ врагомъ Меттерниха, но и ея другъ Веллингтонъ сталъ неожиданно предметомъ ея злобы и оскорбительныхъ шутокъ. Довольно было ихъ заступничества за Турцію противъ Россіи, чтобы отношенія къ нимъ патріотически настроенной русской посланницы сдѣлались враждебными. Многіе даже говорили, что, благодаря ея интригамъ, король назначилъ первымъ министромъ Каннинга, а не Веллингтона.

Послѣдній такъ далеко простиралъ свое озлобленіе противъ Каннинга, что явно не признавалъ въ борьбѣ съ новымъ министромъ своихъ собственныхъ дѣйствій, совершенныхъ во время его министерства. Это особенно возбуждало негодованіе княгини Ливенъ, и она писала: «Веллингтонъ продолжаетъ дѣйствовать противъ насъ и наноситъ сильный вредъ своей репутаціи. Его поведеніе дурно, вѣроломно, и онъ имѣетъ цѣлью только надѣлать вредъ своему сопернику Каннингу. Въ сущности же оно только вредитъ всей странѣ. Каннингъ останется, и король намѣренъ его поддержать; въ подобномъ отношеніи король имѣетъ большое значеніе въ Англіи». Хотя Каннингъ въ сущности не былъ такимъ пламеннымъ поклонникомъ Николая I, какъ полагала его новая

союзница, и даже сопротивлялся, чтобы король послалъ императору орденъ Подвязки, но княгиня продолжала его расхваливать до небесъ, унижая своихъ прежнихъ друзей. «Каннингъ твердо стоитъ за насъ,—писала она,—а ловкія тонкости Меттерниха ни къ чему его не привели. Я полагаю, что Меттернихъ, бывшій когда-то умнымъ человѣкомъ,—умеръ, и нельзя найти его слѣдовъ въ теперешней дипломатіи; это какой-то узурпаторъ историческаго имени, надѣлавшій много ошибокъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Я, право, не сожалѣю его глупостей, тѣмъ болѣе, что онъ, повидимому, ихъ никогда не исправитъ и не вернетъ своего прежняго вліянія».

Однако, новый кумиръ, которому поклонялась княгиня, не долго существовалъ. Въ августѣ 1827 г. онъ умеръ, и она искренно оплакивала его, какъ друга и союзника Россіи. На его мѣсто былъ назначенъ Веллингтонъ, несмотря на всѣ ея интриги противъ него. По ея словамъ, король сдѣлалъ Веллингтона первымъ министромъ, но нимало не вернулъ ему своего расположенія. «Онъ все еще холоденъ со мною,—прибавляетъ она,—такъ какъ не можетъ простить мнѣ, что я предпочла министра, друга Греціи, министру, другу Турціи. Веллингтонъ австріецъ въ душѣ; ему лучше нравится коварство Меттерниха, чѣмъ прямодушіе императора Николая. Что касается Меттерниха, то даже король англійскій совсѣмъ разочаровался въ немъ и считаетъ, что онъ вызвалъ Наваринскую битву. Напротивъ, онъ вполнѣ довѣряетъ прямотѣ и прямодушію русскаго императора. Такимъ образомъ Меттернихъ падаетъ въ общественномъ мнѣніи все ниже и ниже. Его интриги въ Константинополѣ велись на глазахъ всего свѣта, и онѣ были такъ вѣроломны, что никто его не защищаетъ».

Враждебныя отношенія англійскаго торійскаго министерства къ политикѣ Россіи на Востокѣ все усиливались, и только либеральная оппозиція стояла за нее. «Что скажетъ императоръ?»—спрашивали многіе изъ политическихъ дѣятелей Англіи у посланницы. «Онъ будетъ сожалѣть, если Англія отдѣлится отъ его политики,—отвѣчала она,—но онъ безъ Англіи будетъ также поступать, какъ вмѣстѣ съ нею; ничто не можетъ заставить его перемѣнить однажды заявленное намѣреніе». По этому поводу княгиня Ливенъ замѣчаетъ: «Положеніе представителей императора Николая самое легкое—надо быть твердымъ, гордымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣреннымъ, а тамъ пусть будетъ, что будетъ».

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года вспыхнула русско-турецкая война. Веллингтонъ очень желалъ помочь Турціи, но политическія обстоятельства мѣшали ему въ этомъ. По словамъ лорда Пальмерстона, Веллингтонъ въ это время ненавидѣлъ Россію скорѣе лично, чѣмъ изъ политики. Кромѣ ярой ссоры съ Ливенами, онъ былъ недоволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ г-жа Арбутнотъ и лэди Джерсей, имѣвшая тогда на него большое вліяніе, поддерживали въ немъ злобу къ княгинѣ Ливенъ. Все-таки Веллингтонъ долженъ былъ сдержать свою ненависть противъ Россіи и ея представительницы, тѣмъ болѣе, что король былъ противнаго съ нимъ мнѣнія, а также нѣкоторые изъ членовъ министерства, какъ, напримѣръ, Гускисонъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Пальмерстонъ. Послѣдній, по словамъ княгини Ливенъ, былъ «нашимъ министромъ» и говорилъ ей: «Тѣ, которые, подобно мнѣ, вѣрятъ вашему императору съ закрытыми или открытыми глазами, тѣ, которые представляются, что вѣрятъ ему, и тѣ, которые ему совсѣмъ не вѣрятъ,—всѣ должны одинаково выказывать ему довѣріе и соотвѣтственно дѣйствовать».

Ссора между русской посланницей и первымъ министромъ Англіи продолжалась долго, и англичане, какъ, напримѣръ, Гревель, увѣряли, что она вела себя въ этомъ отношеніи очень дерзко, если не нахально. Повидимому, князь Ливенъ не принималъ участія въ ея интригахъ; его имя ни разу не упоминается въ ея письмахъ, и невольно спрашиваешь себя: зналъ ли онъ и одобрялъ ли ея поведеніе? Зато намъ извѣстно, что императоръ вполнѣ и во всемъ соглашался съ нею. Это доказывается слѣдующими словами изъ ея переписки съ братомъ Александромъ: «Очень тебя благодарю за любезныя и дружественныя слова, которыя ты передалъ мнѣ отъ императора. Я тронута и счастлива, что онъ одну минуту думаетъ обо мнѣ. Мнѣ кажется, что онъ правъ! Вотъ восклицаніе, которое мнѣ нашептываетъ мое сердце и мое тщеславіе». Точно также милостиво отнесся императоръ къ княгинѣ Ливенъ по случаю смерти матери ея мужа. Онъ не только выразилъ ей живое сочувствіе относительно ея потери, но передалъ ей принадлежавшее покойницѣ званіе статсъ-дамы императрицы и воспитательницы императорскихъ дѣтей. Несчастія въ семьѣ Ливенъ слѣдовали одно за другимъ, и въ августѣ 1828 г. умеръ братъ, Константинъ. «Жена повергнута въ самую глубокую печаль,—писалъ князь Ливенъ,—ея горе, кажется, увеличивается съ каждымъ днемъ вмѣсто того, чтобы уменьшаться».

Какъ ни велико было ея личное горе, она все-таки находила утѣшеніе въ политикѣ. Попрежнему княгиня бывала въ обществѣ короля и передовыхъ дѣятелей Англіи. «Король нѣсколько дней тому назадъ, — писала она,—говорилъ мнѣ чрезвычайно подробно объ императорѣ. «Я обѣщаю вамъ,—сказалъ онъ въ концѣ своей длинной рѣчи,—вѣрить ему во всемъ. Я говорю это прямо тѣмъ, которые стараются наполнить мнѣ уши противоположнымъ мнѣніемъ. Увѣряю васъ, что я перестану вѣрить въ императора Николая, когда только онъ въ чемъ нибудь меня обманетъ». Онъ сравнивалъ поведеніе императора и Меттерниха и нарочно, обращаясь къ окружающимъ лицамъ, сказалъ: «Поведеніе императора Нико-

лая прекрасно и благородно, и ничто не можетъ быть подлѣе поведенія Меттерниха». Подлѣ стоялъ Веллингтонъ и все слышалъ. «Какого плохого мнѣнія былъ король о герцогѣ Артурѣ Веллингтонѣ, доказываетъ его шуточное замѣчаніе: «Король Артуръ долженъ убираться къ чорту, или король Георгъ уберется въ Ганноверъ».

Княгиня Ливенъ была въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ передовыми людьми Англіи различныхъ партій; особенно съ торіемъ, лордомъ Эбердиномъ, и главою виговъ, лордомъ Греемъ. О первомъ она была невысокаго мнѣнія и считала его плохимъ дипломатомъ, хотя онъ и былъ одно время министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Веллингтона. «Онъ готовъ выслушать отъ меня всякую правду,—писала она,—и его легко убѣдить въ чемъ угодно, но безъ всякаго результата; онъ всегда остается секретаремъ Веллингтона. Для того, чтобы онъ былъ на что нибудь полезенъ, его надо разссорить съ патрономъ, который упрямѣй всякаго мула». Однако, несмотря на такой несочувственный взглядъ на лорда Эбердина, она поддерживала съ нимъ дружескія отношенія, чтобы вывѣдывать отъ него всѣ дѣйствія и намѣренія своего главнѣйшаго врага Веллингтона. «Я очень сошлась въ послѣднее время съ лордомъ Эбердиномъ,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату,—онъ наивно передаетъ мнѣ всѣ свои мысли, мелочныя, трусливыя, вполнѣ соотвѣтствующія нашимъ интересамъ. Онъ не руководитъ политикой своего министерства, не имѣя никакихъ собственныхъ идей, и очевидно только повторяетъ чужія мнѣнія». Что же касается до лорда Грея, то, несмотря на то, что онъ былъ либералъ, а княгиня Ливенъ раздѣляла консервативныя идеи, она находилась съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ двадцать лѣтъ и имѣла на него самое сильное вліяніе, такъ что, когда она уѣхала изъ Англіи, то онъ съ отчаяніемъ воскликнулъ: «Это мой смертный приговоръ!». Хотя въ 1829 году, когда они сошлись, ему было шестьдесятъ пять лѣтъ, но онъ былъ настоящимъ героемъ романа и красивѣйшимъ изъ англійскихъ вельможъ. Однако ихъ напечатанная переписка вполнѣ доказываетъ, что отношенія между ними никогда не были иными, какъ платоническими. Но современники и особенно англичане были противоположнаго мнѣнія, и нельзя не признать, что съ внѣшней стороны ихъ связь очень компрометировала ихъ.

Этотъ годъ былъ замѣчательной эпохой въ дипломатической дѣятельности княгини Ливенъ, и въ это время англичане отзывались о ней болѣе, чѣмъ когда либо, неблагопріятно. Ея враги увѣряли, что она вмѣстѣ съ своимъ другомъ, герцогомъ Кумберландскимъ, сыномъ Георга III, составила заговоръ противъ Веллингтона, съ цѣлью лишить его власти. Близко ее знавшій лордъ Эбердинъ писалъ объ этомъ герцогу Веллингтону: «Полиньякъ увѣряетъ, что

она посвящена во всѣ планы герцога Кумберландскаго и имѣетъ громадное вліяніе на короля, который считаетъ ее самой умной головой въ политикѣ». Однако, судя по несочувственнымъ выраженіямъ княгини Ливенъ о герцогѣ Кумберландскомъ, нельзя предположить, что она нѣчто затѣваетъ съ такимъ упрямымъ и пустымъ человѣкомъ, какъ герцогъ. Къ тому же лордъ Эбердинъ перемѣнилъ свое мнѣніе объ ея планахъ и писалъ герцогу Веллингтону: «Мы слишкомъ приписываемъ княгинѣ Ливенъ участіе въ интригахъ; конечно, она въ состояніи изъ злобы къ вамъ участвовать въ какомъ бы то ни было заговорѣ, съ цѣлью лишить васъ власти, но она такъ упорно отрицаетъ всякое содѣйствіе въ планахъ герцога Кумберландскаго и такъ искренно говоритъ о своемъ незнаніи его намѣреній, что я готовъ ей повѣрить».

Дѣйствительно княгиня Ливенъ разсказываетъ въ своихъ письмахъ такія скандальныя исторіи о герцогѣ Кумберландскомъ, что трудно повѣрить свидѣтельству объ ея участіи вмѣстѣ съ нимъ въ заговорѣ, который могъ ее скомпрометировать. Во-первыхъ, она приводитъ судебный процессъ нѣкоего Гарта, который увѣряетъ, что онъ сынъ герцога Кумберландскаго и его родной сестры, принцессы Софіи. Во-вторыхъ, она подробно повѣствуетъ о смерти лорда Гревса, за женой котораго ухаживалъ герцогъ Кумберландскій, подозрѣваемый въ убійствѣ перваго. Такимъ образомъ, несмотря на всю ненависть къ герцогу Веллингтону, нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы она дошла до прямого заговора противъ него.

Между тѣмъ прибылъ въ Лондонъ графъ Матушевичъ, правая рука Нессельроде, съ порученіемъ оказать содѣйствіе князю Ливену въ веденіи переговоровъ съ европейскими державами относительно русско-турецкой войны. Хотя, повидимому, этотъ пріѣздъ долженъ былъ не понравиться самолюбію посланника, однако онъ и жена приняли Матушевича съ распростертыми объятіями и сдѣлали его очень популярнымъ въ Англіи. Онъ пробылъ около года гостемъ Ливеновъ и повезъ въ Россію самыя лестныя свѣдѣнія объ ихъ дѣятельности, а также объ Англіи, отъ которой былъ въ совершенномъ восторгѣ.

Во внутренней политикѣ Англіи произошелъ поворотъ. Веллингтонъ, имѣя цѣлью укрѣпить свое положеніе, внесъ либеральный билль о католической эмансипаціи. Такимъ образомъ совершенно естественно, что виги и либералы должны были временно присоединиться къ министерству. Напротивъ, многіе торіи продиводѣйствовали правительственной мѣрѣ, которой не одобрялъ король. Герцогъ Кумберландскій сдѣлался предводителемъ новой парламентской оппозиціи и увѣрялъ, что онъ выражаетъ мнѣніе короля, хотя офиціально билль проводился отъ имени правительства. Наконецъ 7-го апрѣля 1829 года билль прошелъ въ обѣихъ палатахъ, и король былъ принужденъ его подписать. Герцогъ Веллингтонъ

былъ внѣ себя отъ восторга и съ гордостью хвалился своей побѣдой. Одержанный имъ успѣхъ такъ удовлетворилъ его самолюбіе, что онъ сталъ лучше относиться къ княгинѣ Ливенъ и даже хвалилъ дѣйствія русскаго императора и русскихъ войскъ въ Турціи. Впрочемъ перемѣна его политики произошла отчасти вслѣдствіе того, что, благодаря русскимъ побѣдамъ, Николай I-й сдѣлался диктаторомъ Европы. Окончательнымъ его торжествомъ былъ Адріанопольскій миръ. Англія была поражена тѣмъ, что Россія вышла побѣдительницей изъ своего затруднительнаго положенія. Лордъ Эбердинъ сказалъ русской посланницѣ: «Ваша слава завершена; Россія теперь господствуетъ надъ всѣмъ свѣтомъ; несмотря на скромность выраженія вашего правительства, вы—всемогущи, и, повидимому, вы насъ провели, унизили и опозорили». На это княгиня отвѣчала: «Тѣмъ хуже для васъ, милордъ; не мы васъ провели, а вы сами себя провели. Ваши иллюзіи или тѣ, которыми васъ убаюкивалъ вашъ патронъ Меттернихъ, были истинными вашими врагами». Тогда онъ высказалъ открыто мнѣніе, что Англія должна была составить дружескій союзъ съ Россіей, какъ для пользы страны, такъ и для обезпеченія всеобщаго мира. Въ виду этой перемѣны въ политическихъ обстоятельствахъ Веллингтонъ и его министерство стали, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, относиться къ Россіи сочувственнѣе.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наступилъ 1830-й годъ, чреватый событіями и ознаменованный въ перепискѣ княгини Ливенъ чрезмѣрной плодовитостью. Такъ бывали годы, когда она писала своему брату всего три, четыре письма; по крайней мѣрѣ, столько напечаталъ въ своей книгѣ Робинсонъ. Напротивъ въ 1830 году число ихъ равняется двадцати восьми, хотя впрочемъ они не отличаются большимъ интересомъ. Повидимому, великое значеніе событій заставляло ее раскидываться въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, она распространяется о томъ, что давала девять баловъ до Пасхи, когда лондонскій сезонъ еще не начинается.

V.

Въ маѣ мѣсяцѣ княгиня Ливенъ ѣздила на короткое время въ Варшаву на свиданіе съ императоромъ, который, повидимому, одобрилъ всѣ ея дѣйствія. Ее сопровождалъ мужъ, но изъ Варшавы онъ отправился въ Россію для посѣщенія своихъ имѣній. Личныя дѣла и вызовъ правительствомъ князя Ливена въ Петербургъ задержали его до октября мѣсяца. Въ Лондонѣ его временно замѣнилъ графъ Матушевичъ, но главную роль попрежнему играла, возвратившаяся на свой постъ, княгиня Ливенъ. Положеніе графа Матушевича было самое затруднительное, такъ какъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ князь Ливенъ, управляя въ Петербургѣ ми-

нистерствомъ иностранныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ Нессельроде, не давалъ графу никакихъ инструкцій, а время было самое горячее. Профессоръ Мартенсъ въ XI томѣ «Собранія трактатовъ и конвенцій» говоритъ: «Князь Ливенъ очевидно разсчитывалъ, что его супруга, находившаяся въ Англіи, будетъ руководить дѣйствіями графа Матушевича. И дѣйствительно она постоянно вмѣшивалась во всѣ дѣла и очень много портила крови графу Матушевичу». Послѣдній самъ жаловался Нессельроде въ частномъ письмѣ: «Княгиня сдѣлалась до такой степени придирчивою и надменною, что вы не можете себѣ представить. Она меня каждую минуту вызываетъ къ себѣ въ Ричмондъ; она отъ меня требуетъ, чтобы я два раза въ день ей писалъ въ такое время, когда я совсѣмъ поглощенъ дѣлами. И думаете вы, что столько хлопотъ удостоиваются благодарности? Нисколько. Я имѣю удовольствіе получать упреки».

Между тѣмъ въ Англіи случилось важное событіе: умеръ король. О вступившемъ на престолъ Вильгельмѣ IV она говоритъ съ большимъ юморомъ: «Прежде всего у насъ новый король! Странный король—bon enfant, но слабая голова! Я боюсь, чтобы онъ не потерялъ ее, такъ велика его радость сдѣлаться королемъ. Онъ измѣняетъ все, исключая того, что нужно—министерства. Онъ вводитъ новые мундиры въ арміи и флотѣ, а также прогоняетъ французовъ поваровъ и слугъ, желая видѣть вокругъ себя только англичанъ. Эта поварская реформа была первымъ актомъ его царствованія, въ тотъ самый день, когда умеръ бывшій король. Онъ заставляетъ всѣхъ при дворѣ брить усы, бѣгаетъ по улицамъ, разговаривая съ прохожими, и показываетъ офицеру въ караулѣ, какъ выпачканы чернилами его пальцы отъ написанныхъ имъ многочисленныхъ писемъ, сообщаетъ ему о томъ, кого принималъ въ аудіенціи, и о мелочныхъ подробностяхъ относительно королевы, которую обѣщаетъ привести въ караулъ для знакомства съ нимъ. Каждый день онъ производитъ ученіе одному батальону гвардіи и намѣренъ сдѣлать всѣмъ такой же смотръ. На другой день послѣ похоронъ короля онъ вступилъ во владѣніе Виндзоромъ, гдѣ его ожидали министры и весь дворъ. Король пріѣхалъ на козлахъ маленькой кареты, въ которой сидѣла королева и его двѣ побочныя дочери. Вчера онъ былъ съ визитомъ у лорда и лэди Голландъ, при чемъ, къ величайшему удивленію своихъ министровъ, напросился обѣдать на слѣдующей недѣлѣ. Онъ также просилъ принца Леопольда Кобургскаго пригласить себя на обѣдъ и выразилъ желаніе, чтобы въ числѣ гостей былъ лордъ Грей. Это немало испугало Веллингтона. Впрочемъ, по внѣшности, король обращается съ нимъ очень довѣрчиво и по-дружески, но на вопросъ герцогини Кумберландской, спросившей его, былъ ли утромъ на аудіенціи у него герцогъ Веллингтонъ,—онъ отвѣтилъ: «Слава Богу, нѣтъ; очень счастливъ, когда его не вижу, и желалъ бы ни-

когда не видѣть». Еще надо сказать о королѣ, что онъ удивительно дѣятеленъ, любитъ церемонію и чрезвычайно часто показывается въ публикѣ. Весь день онъ проводитъ въ мелочахъ и въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Толпа его обожаетъ, и онъ постоянно предъ ней рисуется, но у него добродушный видъ, который очень нравится Джону Буллю. Разница между Вильгельмомъ IV и покойнымъ королемъ совершенно въ пользу перваго. Все стало по-новому въ Англіи, и Веллингтонъ правильно сказалъ: это не новое царствованіе, а новая династія». Королю не время заниматься дѣлами, и онъ все предоставляетъ первому министру, что, конечно, нравится Веллингтону».

Дѣйствительно при англійскомъ дворѣ была полная перемѣна, и, представившись королю и королевѣ, княгиня Ливенъ была очень пріятно поражена ими. Они были очень веселы, и особенно король вполнѣ оправдывалъ пословицу: «счастливъ, какъ король». Хотя общественное мнѣніе въ Англіи было, повидимому, очень довольно новымъ королемъ, но оно гораздо болѣе интересовалось іюльской революціей и новымъ французскимъ государемъ, Людовикомъ-Филиппомъ. Англійскій король его ненавидѣлъ и громко называлъ «негодяемъ». Конечно, это не нравилось Веллингтону, и онъ постоянно просилъ его удержать языкъ. «Право, мой повелитель такъ глупъ,—говорилъ герцогъ княгинѣ Ливенъ,—что я всегда отворачиваюсь, когда онъ произноситъ рѣчь, чтобы его не слушать и не быть принужденнымъ опровергать его слова».

Едва только былъ разрѣшенъ греческій вопросъ, за исключеніемъ выбора короля, какъ Бельгія возстала противъ Нидерландовъ и возбудила вопросъ объ избраніи ею независимаго короля. Благодаря кандидатурѣ на бельгійскій престолъ герцога Немурскаго, сына Людовика-Филиппа, положеніе дѣлъ въ Бельгіи еще болѣе осложнилось. Веллингтонъ, который въ это время замѣчательно измѣнился къ лучшему относительно княгини Ливенъ и постоянно теперь съ нею совѣтовался, сказалъ ей по поводу этихъ дѣлъ: «Это чортъ знаетъ, какая каша; это—самая серьезная неурядица, какая только могла грянуть на Европу». Чтобы уладить этотъ грозный вопросъ, Ливенъ вернулся на свой постъ, и Франція отправила посломъ въ Лондонъ Талейрана, явившагося туда съ знаменитой герцогиней Дино. Онъ очаровалъ Веллингтона и самого короля, который спросилъ у княгини Ливенъ ея мнѣнія о Талейранѣ. Она отвѣчала: «Человѣкъ, проведшій семьдесятъ пять лѣтъ въ интригахъ, не можетъ забыть своего ремесла на семьдесятъ шестомъ».

Между тѣмъ министерство Веллингтона дошло до самаго критическаго положенія. Въ парламентѣ онъ открыто заявилъ, что будетъ сопротивляться всякому биллю о реформѣ; въ то время это было самымъ популярнымъ вопросомъ. Ненависть парламентской

оппозиціи и народа достигли до того, что уже поговаривали объ убійствѣ. Уличные безпорядки слѣдовали одинъ за другимъ и, наконецъ, послѣ пораженія въ парламентѣ, Веллингтонъ рѣшился подать въ отставку. Его мѣсто занялъ глава виговъ, лордъ Грей. Еще недавно считавшая подобное событіе несчастіемъ для Англіи, княгиня Ливенъ была очень довольна этой перемѣной. Она отзывалась о немъ такъ рѣзко съ точки зрѣнія англійской торійской политики, которой она всегда придерживалась, но лично ея привязанность къ лорду Грею и польза Россіи заставляли ее привѣтствовать его назначеніе. Поэтому она приняла живѣйшее участіе въ образованіи его министерства, но главное въ назначеніи министромъ иностранныхъ дѣлъ лорда Пальмерстона, о которомъ она отзывалась въ то время, какъ о «совершенствѣ во всѣхъ отношеніяхъ».

Что касается до Веллингтона, то она, несмотря на его кажущееся примиреніе съ нею, была въ восторгѣ отъ его паденія. На другой день послѣ обнародованія новаго министерства она обѣдала съ Веллингтономъ у одного изъ отставленныхъ министровъ. Герцогъ прямо подошелъ къ ней и спросилъ: «Ну, что?» Она не нашла ничего лучшаго, какъ повторить: «Что?» Тогда онъ сказалъ: «Дьявольское дѣло, дьявольски скверное дѣло!» — «Такъ зачѣмъ же вы сами довели до этого?» —спросила княгиня Ливенъ. — «Чортъ меня возьми, если я знаю, какъ все это случилось!»—воскликнулъ бывшій премьеръ. Напротивъ, лордъ Грей ликовалъ и изложилъ княгинѣ слѣдующимъ образомъ свою будущую политическую программу: «Въ образованіи моего министерства я держался двухъ цѣлей: во-первыхъ, я старался доказать, что въ теперешнія времена демократіи и якобинства можно составить либеральное министерство изъ аристократіи, поддерживающей государство и престолъ; во-вторыхъ, что я не намѣренъ быть такимъ диктаторомъ среди моихъ товарищей, какъ мой предшественникъ. Напротивъ, мой кабинетъ составленъ изъ людей, обладающихъ истинными парламентскими талантами, и я предоставлю каждому изъ нихъ самостоятельно дѣйствовать въ своей области. Совѣтъ министерства будетъ настоящимъ совѣтомъ, и исчезнетъ всякая тѣнь диктаторства. Что же касается до внѣшней политики, то я буду стремиться къ одному—сохраненію мира». Лордъ Пальмерстонъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе лорда Грея и, по словамъ княгини Ливенъ, высказывалъ «самыя разумныя, справедливыя и достойныя сужденія».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ произошло польское возстаніе, и оно произвело величайшее впечатлѣніе на всю Англію, гдѣ многіе сочувствовали полякамъ. Но лордъ Грей утверждалъ, что императору можно было только силой усмирить мятежныхъ поляковъ. Такимъ образомъ, княгиня Ливенъ была совершенно права, полагая, что лордъ Грей, несмотря на свое положеніе главы либераловъ, былъ

далеко не либералъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Онъ стоялъ главнымъ образомъ за миръ и добрыя отношенія съ Россіей, питая ненависть къ Австріи и Меттерниху. «Мои отношенія къ министрамъ превосходны и вполнѣ дружественны,—писала княгиня Ливенъ,—лордъ Грей бываетъ у меня ежедневно и слушается во всемъ моихъ совѣтовъ». Господство русской посланницы надъ новымъ министромъ доходило до того, что она поправляла черновыя королевскихъ рѣчей при открытіи парламента и замѣняла въ нихъ слова лорда Грея своими собственными выраженіями. Никогда не было подобнаго примѣра въ англійской исторіи. Естественно, что княгиня Ливенъ находилась въ это время въ зенитѣ своей силы не только относительно англійскаго правительства, но и своего собственнаго посольства. Даже Матушевичъ, остававшійся все это время въ Англіи, писалъ графу Нессельроде: «Промыселъ избираетъ свои орудія, которыми Онъ пользуется для управленія дѣлами міра. Будьте увѣрены, что Онъ никогда не изберетъ болѣе дѣятельнаго, болѣе остроумнаго и болѣе полезнаго орудія, чѣмъ княгиня. Услуги, оказанныя ею намъ всѣмъ съ момента образованія министерства Грея, поистинѣ неоцѣнимы». «Поэтому,—прибавилъ онъ въ другомъ частномъ письмѣ къ графу Нессельроде,—если вы полагаете, что имѣете двухъ уполномоченныхъ въ Лондонѣ, то ошибаетесь. У васъ только одинъ уполномоченный, но въ трехъ лицахъ».

Въ началѣ 1831 года лордъ Джонъ Россель отъ имени всего министерства внесъ билль о реформѣ, который былъ конькомъ лорда Грея. Съ этой справедливой мѣрой расширенія системы избирательства онъ связалъ судьбу своего министерства. Конечно, княгиня Ливенъ была поражена его либеральнымъ характеромъ и даже не рѣшалась прочесть рѣчь лорда Джона Росселя; до того она казалась ей ужасной и вредной для Англіи. Большинство на недавнихъ парламентскихъ выборахъ было въ пользу этой популярной мѣры, и самъ король желалъ ея осуществленія.

«Лордомъ Греемъ совершенно овладѣлъ демонъ сумасшествія,—писала княгиня Ливенъ, забывая изъ политическихъ видовъ свои личныя отношенія къ нему.—Очень немногіе изъ имѣющихъ силу людей раздѣляютъ его иллюзію, и даже многіе изъ виговъ противодѣйствуютъ этому биллю. Но легко возбудить якобинскія стремленія, а трудно ихъ усмирить. Министры хотѣли пріобрѣсть популярность для себя и для короля. Они пріобрѣли ее, но на счетъ счастія Англіи». Что бы ни говорила русская посланница, какъ бы она ни выходила изъ себя, но послѣ многихъ препятствій и долгихъ преній въ парламентѣ эта благотворная для Англіи реформа была принята 4 іюня 1833 года обѣими палатами и сдѣлалась закономъ. Княгиня Ливенъ такъ негодовала на своего друга, лорда Грея, за такую, по ея мнѣнію, радикальную и вредную для всей

страны мѣру, что даже въ своихъ письмахъ не упоминаетъ объ ея результатѣ.

Зато она подробно распространяется обо всемъ, что касается Россіи. Осенью великая княгиня Елена Павловна, жена великаго князя Михаила Павловича, провела нѣсколько времени въ Англіи. «Все обошлось великолѣпно,—писала княгиня Ливенъ,—хотя я едва не умерла отъ заботъ и труда. Ее принимала аристократія съ глубокимъ уваженіемъ, а король выказывалъ ей столько радушія и любезности, что, право, императору стоило бы написать ему благодарственное письмо». Весною слѣдующаго года въ Лондонѣ провелъ пять недѣль князь Орловъ, который пріѣзжалъ, чтобы окончательно устроить трактатъ съ Бельгіей и Голландіей. «Онъ чрезвычайно умный человѣкъ,—замѣчала русская посланница,—необыкновенно учтивъ, добродушенъ, остроуменъ и всѣмъ понравился своей веселостью. У него совершенно новая политическая школа, и я полагаю, что она лучше всѣхъ. Здѣсь всѣ въ восторгѣ отъ него, и въ разговорахъ съ нимъ большинство англичанъ высказывало уваженіе къ Россіи и дружескія чувства къ нему».

Вслѣдъ за отъѣздомъ Орлова изъ Лондона отправился въ Петербургъ членъ англійскаго министерства, лордъ Дургамъ, подъ довольно страннымъ предлогомъ—здоровья. Но, въ сущности, цѣль его была похлопотать о скорѣйшей ратификаціи бельгійскаго трактата и о болѣе милостивомъ обращеніи съ поляками. Оба намѣренія ему не удались, но онъ чрезвычайно понравился императору, который оказалъ ему безконечныя почести. Лордъ Дургамъ, гордый аристократъ и зять лорда Грея, былъ необыкновенно честолюбивый человѣкъ, за что̀ его ненавидѣли всѣ англичане, начиная съ самого короля. «Его величество,—писала княгиня Ливенъ,—сказалъ мнѣ вчера: «Слава Богу, что мы отдѣлались на нѣсколько мѣсяцевъ отъ Роберта-Дьявола» (какъ онъ называлъ лорда Дургама).—«Но зачѣмъ же вы навязали его намъ?»—сказала я.— «Полноте, сударыня,--отвѣчалъ король,—онъ такъ честолюбивъ, что императору стоитъ только любезно обойтись съ нимъ, и онъ сдѣлается ярымъ руссофиломъ». Такъ дѣйствительно и случилось; осыпанный милостями Николая I-го лордъ Дургамъ по своемъ возвращеніи изъ Россіи не могъ достаточно нахвалиться, какъ государемъ, такъ и всѣми русскими. Онъ сталъ подражать всему русскому, считать Петербургъ первой диковинкой въ мірѣ и распространяться о своемъ довѣріи къ русскому правительству.

Совершенно иначе вели себя относительно Россіи другіе министры и даже отчасти самъ лордъ Грей, который очень любезно принималъ князя Чарторижскаго, хотя его закадычная пріятельница называла это измѣной, а Чарторижскаго государственнымъ преступникомъ. Что же касается до лорда Пальмерстона, котораго еще недавно княгиня Ливенъ называла «совершенствомъ», то она счи-

6*

тала его теперь «бѣднымъ, мелкимъ человѣчкомъ», насыщеннымъ самолюбіемъ и желающимъ скрыть свои ошибки военными демонстраціями. «Все здѣсь идетъ скверно,—писала княгиня Ливенъ,—во внѣшней политикѣ выражаются неспособность и дурныя манеры; въ внутреннихъ дѣлахъ царитъ радикализмъ. Относительно Франціи англійское правительство заискиваетъ, а относительно Россіи оно высказываетъ вражду, подозрительность и даже ненависть. Во всякомъ случаѣ министерство никуда не годно, и его единственное достоинство заключается въ томъ, что оно глупо, потому оно приближается къ паденію. Какая перемѣна произошла въ немъ въ теченіе года! Тогда оно было популярно, теперь его всѣ презираютъ. Что же касется до лорда Грея, то онъ сталъ такой старой бабой, что о немъ не стоитъ и говорить».

Главная причина озлобленія русской посланницы противъ министерства Грея заключалась въ препирательствѣ англійскаго правительства съ русскимъ относительно назначенія въ Петербургъ новаго англійскаго посланника, вмѣсто уволеннаго по причинѣ болѣзни лорда Гейтсбюри. Во время пребыванія въ Россіи лорда Дургама, послѣдній узналъ отъ Нессельроде, что русское министерство желало возвращенія Гейтсбюри. Княгинѣ Ливенъ было поручено, на основаніи ея личныхъ хорошихъ отношеній съ министрами, устроить это дѣло, и она получила отъ лорда Грея и лорда Пальмерстона обѣщаніе, что желаніе русскаго правительства будетъ исполнено. Лордъ Гейтсбюри, однако, настаивамъ на своей отставкѣ, и выборъ англійскаго министерства колебался между сэромъ Страдфордомъ Каннингомъ, будущимъ пресловутымъ лордомъ Страдфордомъ Ратклифомъ и сэромъ Робертомъ Адэромъ. Нессельроде тотчасъ написалъ княгинѣ Ливенъ, чтобы она она всячески помѣшала назначенію перваго, такъ какъ тотъ чѣмъ-то оскорбилъ императора, когда послѣдній былъ великимъ княземъ, и вообще онъ не пользовался въ Петербургѣ доброй репутаціей, какъ человѣкъ «soupçonneux, pointilleux et defiant». Княгиня тотчасъ передала это порученіе Пальмерстону, который отвѣчалъ ей, что Каннингъ не будетъ назначенъ. Но вскорѣ послѣ этого тотъ же Пальмерстонъ увѣдомилъ посланницу, что все-таки Каннингъ будетъ посланъ въ Петербургъ, о чемъ было уже напечатано въ газетахъ. Однако, несмотря на его назначеніе, Нессельроде рѣшительно отказался его принять. Княгиня Ливенъ тогда обратилась къ лорду Грею съ протестомъ, который былъ поддержанъ лордомъ Дургамомъ, но это не имѣло никакого результата, и княгиня Ливенъ впервые получила тяжелый политическій ударъ отъ своихъ же любимцевъ.

Очень кстати ей было прислано въ это время, т.-е. въ маѣ 1833 г., приглашеніе въ Петергофъ, чтобы объяснить положеніе дѣлъ, которыя она не могла побороть. Императоръ Николай остался

очень доволенъ ея объясненіемъ и, по словамъ Гревиля, «она вернулась сіяющей отъ блестящаго пріема императора». Во всякомъ случаѣ вопросъ остался открытымъ, и никто не былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ до 1835 г., когда Ливены уже не были представителями Россіи въ Лондонѣ.

Возвратясь изъ Россіи, княгиня Ливенъ писала своему брату: «Я, право, не знаю, какъ устроить мое счастіе между Россіей и Англіей. Я совершенно рада вернуться въ эту страну къ мужу, ежедневнымъ привычкамъ и немногимъ добрымъ друзьямъ. Но при этомъ я оставила большую часть моего сердца въ Россіи, такъ какъ пламенно восторгалась нашимъ императоромъ въ его присутствіи, но еще болѣе обожаю его издалека, вспоминая всѣ его слова и жесты. Воспоминанія о немъ такъ меня трогаютъ, что, право, я не подозрѣвала моего сердца такимъ мягкимъ. Пожалуйста, не допускай его забыть меня и, пожалуйста, повторяй ему постоянно о моемъ уваженіи, энтузіазмѣ, преданности, благодарности и страсти къ нему. Но, смотри, не надоѣдай ему моей особой».

Совершенно успокоившись своимъ удачнымъ путешествіемъ на родину, она нашла въ Англіи «все попрежнему глупымъ, дерзкимъ и безсмысленнымъ». Конечно, она подъ этимъ разумѣла правительственные слои. Но ея дурное настроеніе увеличилось еще тѣмъ, что по своемъ возвращеніи она не застала мужа дома и даже хотѣла въ первую минуту негодованія уѣхать обратно. Помирившись съ мужемъ, она отправилась въ Виндзоръ и очень остроумно описываетъ свиданіе съ королемъ: «Боже мой, какъ смѣшно мнѣ показалось все въ Виндзорѣ послѣ нашего императора, императрицы и нашего двора. У насъ шло время быстро, а здѣсь оно скучно тянулось. Мнѣ пришлось кататься съ королемъ tête à tête, три часа. Какъ онъ надоѣлъ мнѣ своими несносными вопросами; онъ хотѣлъ знать, когда императоръ обѣдаетъ, сколько времени продолжается обѣдъ, и подаютъ ли мороженое въ началѣ десерта, какъ въ Англіи, или въ концѣ. Всѣ эти вопросы заняли болѣе получаса, а потомъ началась другая серія. «Императоръ ухаживаетъ за дамами?» — «Да». — «Императрица ревнуетъ его?» — «Нѣтъ; императоръ дѣлаетъ ее своей confidante, когда его сердце поражено кѣмъ нибудь» (такъ онъ самъ выразился, говоря со мною). — «О! я его за это одобряю». Послѣ этого мы еще обо многомъ говорили. Относительно политики онъ обнаруживалъ здравый смыслъ. Его принципы совершенно сходятся съ моими. Они заключаются въ преданности королевской власти, въ ненависти къ новымъ идеямъ, въ вѣрности старой политикѣ и въ презрѣніи къ Франціи. Что касается до внутреннихъ дѣлъ, то онъ не хвалитъ своихъ министровъ, а одобряетъ поведеніе торіевъ. Вообще милый, старый король нуждается въ большей дозѣ ума и въ большей дозѣ силы воли. За недостаткомъ того и другого что съ нимъ дѣлать?»

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, русская посланница писала о королѣ совершенно съ отчаяніемъ: «Мнѣ кажется, что король совершенно сойдетъ съ ума, какъ его отецъ. Это — результатъ не только моихъ собственныхъ наблюденій послѣ моего возвращенія изъ Россіи, но и мнѣніе другихъ лицъ, въ томъ числѣ герцога Веллингтона. По его словамъ, король въ 1828 г. подвергнулся такому сильному припадку сумасшествія въ продолженіе двухъ недѣль, что ему едва не надѣли горячечной рубашки». Это мнѣніе княгини Ливенъ поддерживаетъ въ своихъ запискахъ и Гревенъ, который увѣряетъ, что въ это время король представлялъ явное доказательство разстройства ума.

Послѣдній годъ пребыванія Ливеновъ въ Лондонѣ начался попрежнему съ офиціальнаго недоброжелательства англійскаго и русскаго правительства другъ къ другу. Впрочемъ обострившіяся ихъ отношенія смягчились по вопросу о назначеніи англійскаго посланника въ Петербургъ. Пальмерстонъ, видя упорное нежеланіе Николая принять посланникомъ сэра Страдфорда Каннинга, наконецъ отмѣнилъ его назначеніе. Мало того, лордъ Грей увѣрялъ княгиню Ливенъ, что въ сущности никто въ министерствѣ не хочетъ войны, и что всякая мысль о ссорѣ съ Россіей отстранена. Такимъ образомъ, она полагала, что посольскія дѣла принимаютъ лучшій оборотъ. Что же касается до ея личныхъ отношеній съ императорской семьей, то они становились все дружественнѣе и дружественнѣе. Во время ея послѣдняго путешествія въ Россію, императоръ разрѣшилъ ей присылать ему маленькіе сувениры, и она теперь за отсутствіемъ себя повергала къ его ногамъ коллекцію любопытныхъ видовъ и портретовъ хорошенькихъ женщинъ. При этомъ она посылала императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ тоже сувениры въ видѣ розоваго шелковато платья и модной шляпы. Въ свою очередь императоръ съ императрицей не забывали награждать ее подарками. Такъ они прислали ей великолѣпный браслетъ съ драгоцѣнными камнями и съ двумя миніатюрными портретами ихъ обоихъ. «Всѣ,—писала она, — други и недруги сбѣгались любоваться удивительными портретами». Въ такомъ положеніи находились политическія и личныя дѣла русскаго посольства, когда вдругъ въ апрѣлѣ 1834 года Ливеновъ поразило неожиданное извѣстіе объ ихъ отозваніи изъ Лондона. «Я нимало не ожидала, — писала княгиня,—подобнаго удара. Неожиданное измѣненіе карьеры, матеріальнаго положенія и нравственной обстановки, спустя двадцать четыре года, составляетъ серіозную эпоху въ жизни. Говорятъ, что узники послѣ долгаго пребыванія въ тюрьмѣ сожалѣютъ о ней. Въ этомъ отношеніи мнѣ позволятъ сожалѣть о хорошемъ климатѣ, о великолѣпномъ общественномъ положеніи, о роскошной, комфортабельной жизни, какой я нигдѣ не найду, и многочисленныхъ друзьяхъ, вполнѣ независимыхъ отъ политики. Вотъ

о чемъ я вздыхаю, но есть и счастливыя надежды—жить возлѣ императора и императрицы, которыхъ я люблю не только, какъ моихъ повелителей, но какъ прекрасныхъ и глубоко уважаемыхъ людей; жить среди васъ всѣхъ, готовить блестящую будущность своимъ дѣтямъ и чувствовать себя въ Россіи, которою я горжусь и которой преданно служила, хотя и вдали. Единственное сомнѣніе, омрачающее мою радость, будетъ ли это счастіе продолжительно. Я достигла возраста, въ которомъ умерла наша мать, и не знаю, буду ли я въ состояніи вынести петербургскія зимы».

Три мѣсяца прошли въ приготовленіяхъ къ отъѣзду изъ Англіи, и, по словамъ княгини Ливенъ, правительство, торіи и радикалы—всѣ сожалѣли объ ея мужѣ и считали его отъѣздъ общественнымъ несчастіемъ. Точно также горевали въ офиціальномъ мірѣ и свѣтскомъ обществѣ при разставаніи съ княгиней Ливенъ, несмотря на ея нѣсколько грубыя манеры, побудившія дать ей кличку «бѣлаго медвѣдя». Въ послѣдніе дни ея пребыванія въ Лондонѣ случилось крупное политическое событіе—отставка лорда Грея и назначеніе на постъ перваго министра лорда Мельбурна, также вига. Эта катастрофа не мѣшала лорду Грею трогательно отзываться объ отъѣздѣ его закадычнаго друга. «Невозможно выразить мои чувства,—писалъ онъ:—никогда я не забуду счастія, которое я испытывалъ въ вашемъ обществѣ, и никогда не перестану сожалѣть о понесенной потерѣ».

4 іюля княгиня Ливенъ написала брату послѣднее письмо изъ Лондона и черезъ нѣсколько дней отправилась въ Россію. На этомъ кончается ея переписка, напечатанная Рабинсономъ.

Что касается до настоящей причины отозванія Ливеновъ, то она была неизвѣстна точно до послѣдняго времени, но Робинсонъ и Додэ полагаютъ, что дипломатическая интрига лорда Пальмерстона относительно назначенія посланникомъ въ Петербургъ сэра Страдфорда Каннинга послужила поводомъ къ перемѣнѣ представителя Россіи въ Лондонѣ. Это предположеніе наконецъ вполнѣ подтверждено письмомъ княгини Ливенъ къ лорду Эбердину, которое напечатано въ «Edinbourg Review». «Мнѣ доказано со времени моего прибытія въ Петербургъ,—говоритъ она,—что я обязана лорду Пальмерстону моимъ отъѣздомъ, быть можетъ, навсегда изъ Англіи, которую я такъ люблю. Талейранъ мнѣ однажды сказалъ: «Какимъ ни былъ бы посредственнымъ министръ иностранныхъ дѣлъ, отъ него всегда будетъ зависѣть прогнать посланника». Что онъ предсказалъ, то и случилось.

VI.

По возвращеніи въ Петербургъ, Ливены были радушно приняты царской семьей. Они поселились въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ то время находился наслѣдникъ. Тогда возобновилась переписка княгини Ливенъ съ ея братомъ, жившимъ то въ Петербургѣ, то сопровождавшимъ государя въ его путешествіи. Въ Россіи, какъ и въ Англіи, княгиня Ливенъ рѣшилась участвовать въ исполненіи обязанностей ея мужа и сдѣлаться такимъ же наставникомъ, какимъ она была до тѣхъ поръ, «посломъ». Въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ изъ Царскаго Села она говоритъ брату. «Напиши мнѣ, въ чемъ состоятъ идеи императора о воспитаніи. Моя обязанность не сочинять, а повиноваться: для этого я хотѣла бы знать идею императора. Желаетъ ли онъ немного болѣе развлеченія для своихъ дѣтей? Наставники даютъ имъ въ воскресенье только часъ для увеселеній. Такого ли мнѣнія и государь? Я еще не видѣла наслѣдника. Я жду, чтобы онъ самъ меня посѣтилъ. Я не педантка и не буду ему надоѣдать. Къ тому же я не могу доставить ему большого развлеченія».

12-го сентября наслѣдникъ, будущій Александръ II, впервые провелъ вечеръ у княгини Ливенъ. «Я начинаю свое описаніе этого вечера,—говоритъ она,—съ смѣшной идеи. Меня поставили въ затруднительное положеніе его шестнадцать лѣтъ, какъ его безпокоили мои пятьдесятъ. Мы заведемъ съ нимъ школу взаимнаго обученія. Какъ бы то ни было, мы довольно недурно вышли изъ этого положенія. Онъ прелестный юноша съ прелестнымъ вкусомъ и желаніемъ хорошо себя вести. Откровенно говоря, я замѣчаю въ немъ затрудненіе выражаться и разсказывать, такъ что мнѣ пришлось съ большимъ трудомъ навести его на разговоръ объ его воспоминаніи относительно 14-го декабря. Я надѣюсь, что онъ часто будетъ ходить ко мнѣ и скоро станетъ развязнѣе, а также привыкнетъ вести разговоры. Сегодня выпалъ первый снѣгъ, и, увидѣвъ его, я заплакала; надѣюсь, что онъ не заставитъ меня умереть».

Княгиня Ливенъ, мало-по-малу, привыкла къ своей новой должности и все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ великому князю. Съ своей стороны, онъ слушалъ съ удовольствіемъ ея разсказы, а также приглашаемаго ею Михаила Воронцова, и становился съ каждымъ днемъ развязнѣе. По вечерамъ дѣти государя, по распоряженію императрицы, въ томъ числѣ и наслѣдникъ, веселились, какъ умѣли, и танцовали. По словамъ княгини Ливенъ, великій князь привыкалъ къ ея обществу и съ удовольствіемъ разспрашивалъ ее объ историческихъ событіяхъ того времени. Однако, несмотря на все это, она съ сожалѣніемъ замѣчаетъ въ своихъ

письмахъ, что высшая политика далека отъ нея, и что жизнь при дворѣ такая монотонная и совершенно не похожа на лондонскую.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1835 года, въ ея семейной жизни случилась ужасная катастрофа, сдѣлавшая неожиданный переворотъ въ ея существованіи. Ея два сына, бывшіе въ Дерптскомъ университетѣ, схватили скарлатину и вскорѣ умерли. Но нѣтъ свѣдѣній, застали ли ихъ въ живыхъ поспѣшившіе къ нимъ родители.

Бѣдная мать была до того поражена своимъ горемъ, что здоровье ея совершенно разстроилось, и, похоронивъ дѣтей, по совѣту докторовъ, она поѣхала въ Берлинъ, куда ее проводилъ мужъ, обращавшійся съ нею какъ нельзя болѣе нѣжно и заботливо. Но долго оставаться съ женою онъ не могъ въ виду своихъ обязанностей при наслѣдникѣ. Оставшись одна, больная и предавшаяся отчаянію, она наполняла письма изліяніями своего горя и сожалѣніемъ о разлукѣ съ мужемъ. Однако, съ теченіемъ времени, княгиня Ливенъ стала развлекаться разговорами съ посѣщавшими ее княземъ Витгенштейномъ, графомъ Рибопьеромъ, прусскимъ министромъ Ансильономъ и герцогиней Кумберландъ, а также письмами изъ Лондона.

Изъ Берлина княгиня Ливенъ переѣхала въ Баденъ и, мало-по-малу, рѣшилась не возвращаться въ Россію, а искать исцѣленія и развлеченія въ Европѣ. Несмотря на ея просьбы разрѣшить ей остаться за границей, она не получала отъ императора отвѣта. Полагая, что молчаніе означаетъ согласіе, она переѣхала осенью въ Парижъ, гдѣ устроила салонъ и стала принимать высшее общество и дипломатическій міръ. Слѣдующее лѣто она снова провела въ Баденѣ и наконецъ получила давно ожидаемый отвѣтъ отъ брата. «Императоръ не запрещаетъ тебѣ ничего и предоставляетъ тебѣ полную свободу дѣйствій». Этотъ отвѣтъ явно доказывалъ, что императоръ былъ недоволенъ княгиней Ливенъ, но закрывалъ глала на ея дѣйствія, тѣмъ болѣе, что ея мужъ писалъ ей: «Я разрѣшаю тебѣ жить, гдѣ ты захочешь, за исключеніемъ Парижа». Она отвѣчала на эти неудовлетворительныя извѣстія снова слезными просьбами объ оставленіи ея въ Парижѣ, прилагая безчисленное количество свидѣтельствъ врачей, запрещавшихъ ей, ради здоровья, вернуться въ Россію.

Снова наступило молчаніе со стороны императора, и, пользуясь этимъ, княгиня Ливенъ провела зиму въ Парижѣ, а лѣтомъ отправилась въ Лондонъ, гдѣ старые друзья приняли ее съ распростертыми объятіями. Во время ея отсутствія изъ Лондона умеръ Вильгельмъ IV, и на престолъ вступила юная Викторія. «Ея царствованіе,— писала княгиня Ливенъ,— начинается съ чудесъ. Въ восемнадцать лѣтъ она отличается выдержкой и апломбомъ, интересомъ къ дѣламъ, силой воли, неподчиненіемъ никакому вліянію—

даже своей матери—и твердой увѣренностью въ то, что она желала». Въ Лондонѣ княгиня Ливенъ совершенно оправилась физически и нравственно; она стала, какъ прежде, заниматься политикой и, какъ будто, забыла свое горе.

Однако, въ ея жизни неожиданно произошла патетическая драма. Она получила въ Лондонѣ письмо отъ мужа, увѣдомлявшаго ее о своемъ отъѣздѣ въ Германію, съ цѣлью полѣчиться, а оттуда въ Италію. По его словамъ, она не могла его сопровождать, а должна была назначить мѣсто по дорогѣ въ Италію, гдѣ они могли бы встрѣтиться. Это письмо передалъ княгинѣ графъ Орловъ, который, увидавъ ее, тотчасъ понялъ, что ей невозможно было ѣхать далеко по причинѣ ея нездоровья. По его совѣту и докторовъ, ей слѣдовало назначить свиданіе въ Гаврѣ или Діепѣ. Она такъ и сдѣлала. Но поѣздка даже въ Парижъ совершенно ее изнурила, и она принуждена была отложить свое свиданіе. Тогда мужъ написалъ ей еще болѣе рѣзкое письмо. «Я приказываю тебѣ,—писалъ онъ,—чтобы сію минуту ты покинула Парижъ, и такъ какъ я обязанъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи, то если ты не исполнишь моего приказанія, я приму мѣры». Снова она написала слезное письмо, но получила грозный отвѣтъ: «Я надѣюсь, мои письма не оставили тебя въ сомнѣніи, что ты должна немедленно пріѣхать ко мнѣ; если же ты не сдѣлаешь этого, то я прекращу выдачу тебѣ денегъ. Если ты мнѣ не отвѣтишь, то предупреждаю тебя, что черезъ три недѣли я буду обязанъ дѣйствовать, какъ бы получивъ отъ тебя отказъ».

Княгиня Ливенъ, понявъ, что ея мужъ дѣйствовалъ по приказанію императора, и посовѣтовавшись съ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, Медемомъ, и нѣкоторыми изъ своихъ друзей, написала убѣдительныя письма къ императору, Нессельроде и Орлову. Брату же своему она написала подробно, какъ преслѣдовалъ ее мужъ, и на замѣчаніе Бенкендорфа, что, вѣроятно, Ливенъ хочетъ ей отомстить за столько лѣтъ превосходства, отвѣчала: «Если дѣйствительно я пользовалась превосходствомъ, такъ въ этомъ невиновата и всегда употребляла его для пользы мужа и его службы. Вообще я ни въ чемъ предъ нимъ не виновата. Мои письма были всегда нѣжны и преданны. Онъ же въ послѣднее время выказалъ ко мнѣ жесткое сердце».

Результатомъ всѣхъ жалобъ, ходатайствъ и просьбъ княгини Ливенъ была присылка къ ней ея сына Александра съ приказаніемъ привезти ее къ мужу, во что бы то ни стало, для выясненія воли императора, неисполненіе которой могло повлечь тяжелыя послѣдствія. Александръ Ливенъ, выслушавъ мнѣніе доктора, такъ перепугался, что не хотѣлъ исполнить приказанія отца. Мать же объявила ему, что отецъ ничего отъ нея не добьется, и что она не удовлетворитъ его согласіемъ на путешествіе, которое только мо-

жетъ доставить ему удовольствіе сказать императору: «Ваше величество, я исполнилъ ваше приказаніе: моя жена умерла!». Сынъ вернулся къ отцу, и онъ, убѣдившись въ искренности приведенной причины, помѣшавшей женѣ исполнить его желаніе, написалъ императору 23 декабря 1837 года:

«Мнѣ очень тяжело, ваше величество, увѣдомить васъ о неудачѣ вашего приказанія, даннаго мнѣ. Но умоляю васъ вѣрить, что я употребилъ всѣ средства для убѣжденія моей жены и даже прибѣгъ къ угрозамъ, чего никогда не дѣлалъ въ теченіе тридцатисемилѣтней брачной жизни. Она сама изложила вашему величеству, почему не можетъ исполнить вашего приказанія, переданнаго мною. Увѣренный въ прямотѣ ея характера и ея преданности, я не могу не вѣрить, что если бы она могла, то непремѣнно исполнила бы волю своего императора и своего мужа, одинаково для нея священную».

На этомъ окончилась исторія недоразумѣній между княгиней Ливенъ, ея мужемъ и государемъ. Послѣдніе болѣе не настаивали на ея возвращеніи и не противодѣйствовали ея пребыванію въ Парижѣ; она могла жить, гдѣ и какъ хотѣла.

Эпизодъ разрыва императора Николая съ княгиней Ливенъ объясняется очень просто. Совершенно излишне прибѣгать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые иностранные писатели, къ фантастической легендѣ о неудачномъ ухаживаніи императора за пятидесятилѣтней женщиной. Дѣло было совершенно просто: послѣ смерти двухъ сыновей княгиня Ливенъ получила разрѣшеніе ѣхать за границу, и государь поручилъ ей, какъ и прежде, писать ему постоянно письма, представляющія картину европейской политики. Но когда ему показалось, что она довольно погостила въ Германіи, то онъ выразилъ желаніе, чтобы она возвратилась на свой постъ статсъ-дамы императрицы. На это получился съ ея стороны отказъ, и между ними завязалась долговременная борьба. Императоръ не вѣрилъ болѣзни княгини Ливенъ и скрылъ свой авторитетъ подъ властью мужа, но въ концѣ концовъ она все-таки восторжествовала. Николай I никогда не могъ простить и забыть этого «афронта», что видно изъ словъ княгини: «мой повелитель мнѣ этого не простилъ и никогда не проститъ». Даже двадцать лѣтъ спустя, онъ все еще питалъ злобу за ея ослушаніе, и по словамъ графа Рэзэ, секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ, Николай I приходилъ въ негодованіе даже, когда императрица читала письма княгини Ливенъ къ одной придворной дамѣ. Такъ однажды, войдя въ комнату императрицы и замѣтивъ у нея въ рукахъ письмо на синей бумагѣ, на какой постоянно писала княгиня, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, воскликнувъ: «Опять эта скверная синяя бумага!».

Послѣ счастливаго для княгини Ливенъ результата этой патетической драмы, она осталась жить въ Парижѣ спокойно, мирно,

даже счастливо, благодаря интимной дружбѣ съ Гизо. Кромѣ того, она поддерживала свою постоянную переписку съ лордомъ Греемъ и лордомъ Эбердиномъ, которому еще изъ Россіи писала: «Наше существованіе здѣсь блестящее и почетное, и я была бы имъ очень довольна, если бы могла забыть Англію и жить въ медвѣжьемъ климатѣ. Въ здѣшнемъ прекрасномъ дворцѣ я чувствую себя далеко отъ Европы. Меня окружаетъ пріятное общество, но идеи и разговоры, которые я слышу здѣсь, вовсе не тѣ, какіе я привыкла слышать двадцать два года. Очень грустно разстаться съ столь долговременными привычками, которыя мнѣ дороги». Авторъ статьи въ «Edinbourgh Review» не объясняетъ, почему княгиня Ливенъ «бѣжала», какъ онъ выразился, изъ Петербурга въ 1835 г., а только сообщаетъ, что, по той или другой причинѣ, императоръ и ея мужъ озлобились противъ нея за то, что она не вернулась въ Петербургъ изъ-за границы.

Они преслѣдовали ее самымъ невѣроятнымъ образомъ, даже не увѣдомили ее о смерти ея третьяго сына, поссорившагося съ отцемъ и уѣхавшаго въ Америку. Она узнала объ его смерти, спустя четыре мѣсяца, благодаря письму, возвращенному изъ Америки съ помѣткою: «умеръ». По этому поводу она писала лорду Грею: «Мнѣ, матери его сына, онъ, отецъ, не пишетъ потому, что я въ опалѣ. Россія ужасная страна: человѣкъ долженъ въ ней отказаться отъ всѣхъ естественныхъ чувствъ и самыхъ священныхъ обязанностей. Какой повелитель! Какой отецъ!» Къ этому восклицанію она прибавляетъ:«Вы, по крайней мѣрѣ, не спрашиваете позволенія у императора Николая меня любить и мнѣ въ этомъ признаться».

Относительно лорда Эбердина ея мнѣніе совершенно измѣнилось, и она сдѣлалась его искреннимъ другомъ и сблизила его съ Гизо. Она считала его теперь «умнѣйшимъ и лучшимъ человѣкомъ Англіи, хотя онъ былъ враждебенъ Россіи въ качествѣ перваго министра». Даже крымская война не нарушила ихъ дружбы. «Дурной годъ,—писала она лорду Эбердину въ началѣ 1853 г.,—и я напрасно стараюсь желать, чтобы онъ былъ для васъ хорошимъ. Но этого я желаю вамъ лично, а не офиціально. Боже мой, до чего мы дошли, а еще Англіей управляете вы! Прощайте, дорогой лордъ Эбердинъ. Мой дорогой врагъ, мой дорогой другъ». Со своей стороны лордъ Эбердинъ также относился къ ней съ необыкновенной любезностью во время крымской войны.

Наоборотъ ея прежній другъ, а впослѣдствіи врагъ, лордъ Пальмерстонъ, велъ себя совершенно иначе и старался помѣшать ей вернуться въ Парижъ послѣ крымской войны. Онъ забылъ гордыя слова Веллингтона, сказанныя во время его ссоры съ княгиней Ливенъ: «Я слишкомъ великъ, чтобы сдѣлать этихъ негодяевъ (мужа и жену Ливенъ) моими жертвами».

Такова была княгиня Ливенъ согласно ея перепискѣ съ братомъ и лордомъ Эбердиномъ. Послѣ продолжительной, полной перипетій семидесятидвухлѣтней жизни, княгиня Ливенъ умерла 26 января 1857 г. на рукахъ горячо любимаго ею Гизо. Быть можетъ, лучшей характеристикой этой замѣчательной русской дипломатки служатъ заключительныя слова анонимнаго автора въ «Edinbourgh Review»: «Отличаясь мужскимъ умомъ и женской чувствительностью, она держала подъ своей властью монарховъ и государственныхъ людей и, благодаря этому, имѣла политическое вліяніе, рѣдко доступное женщинамъ. Что она имѣла слабыя стороны, происходившія отъ недостатковъ сужденія и характера,— не будутъ спорить ея самые пламенные поклонники, но что она имѣла большія достоинства сердца и ума, не могутъ забыть даже ея противники».

В. А. Тимирязевъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

1796—1825.

СМЕРТЬ застигла Н. К. Шильдера въ разгарѣ работъ надъ исторіей императора Николая I. Онъ закончилъ вчернѣ свое огромное изслѣдованіе въ пяти томахъ и приступилъ уже къ окончательной обработкѣ и отчасти переработкѣ своего труда подъ вліяніемъ обильно приливавшаго новаго матеріала, въ особенности изъ архива князя А. И. Чернышева; но не довелъ до конца своей работы: онъ успѣлъ привести въ порядокъ, и то не совсѣмъ совершенный, лишь двѣ части труда, обнимающія время отъ рожденія императора Николая I до подавленія польскаго мятежа въ 1831 году. По желанію Н. К. Шильдера, выраженному имъ незадолго до кончины, А. С. Суворинъ по смерти Н. К. предпринялъ изданіе этихъ частей труда подъ непосредственнымъ наблюденіемъ редактора «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскаго, который, помимо окончательнаго просмотра рукописи Н. К., сдѣлалъ выборъ иллюстрацій. Въ настоящее время появился первый, огромный томъ изданія, изданный съ обычной роскошью (Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 252 иллюстраціями. Томъ первый. Спб. Изданіе А. С. Суворина, 1903, 800 стр.). Въ немъ исторія императора Николая I кончается столь рѣшительнымъ и важнымъ въ его жизни 1825-мъ годомъ.

Несмотря на свою незаконченность, посмертный трудъ Н. К. Шильдера займетъ почетное мѣсто въ русской исторіографіи. Мы найдемъ въ немъ всѣ достоинства столь извѣстныхъ изслѣдованій

по исторіи Павла и Александра I: легкость и блескъ изложенія, искусный психологическій анализъ, обиліе историческихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ источниковъ, до сихъ поръ мало или вовсе недоступныхъ. Труды Н. К. Шильдера, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина [1]), кромѣ непосредственнаго вклада, внесеннаго множествомъ новыхъ интересныхъ извѣстій, имѣли чрезвычайно цѣнное значеніе тѣмъ, что внушали или углубляли историческое пониманіе въ широкихъ кругахъ общества, гдѣ въ прежнее время это пониманіе нерѣдко совсѣмъ отсутствовало. Еще въ большей мѣрѣ эта оцѣнка приложима къ послѣднему труду Н. К.—къ исторіи императора Николая I. Если прежніе труды касались эпохъ, затронутыхъ хотя бы въ деталяхъ ученымъ изслѣдованіемъ, то исторія императора Николая вводитъ въ научный обиходъ періодъ, можно сказать, дѣвственный, пролагаетъ путь къ научному изученію эпохи, о которой были только мнѣнія и не было исторіи. Если прежніе труды внушали и углубляли историческое пониманіе, то послѣдній трудъ въ особенности открываетъ возможность тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя до сихъ поръ должны были отсутствовать въ исторіографіи эпохи. И въ этомъ трудѣ историка не покинуло представленіе о высшемъ нравственномъ законѣ, ярко выразившееся въ первыхъ трудахъ и являющееся мѣриломъ для исторической оцѣнки событій и лицъ.

Правда, первый томъ еще не даетъ цѣльнаго и тонкаго психологическаго анализа личности, сообщающаго такой интересъ прежнимъ трудамъ и составляющаго спеціальность Н. К. Шильдера. Образъ императора Николая только намѣченъ штрихами; штрихи должны были быть развиты въ послѣдующихъ томахъ. Н. К. Шильдеръ старается подыскать одинъ эпитетъ, могущій охарактеризовать всю личность императора, и находитъ его въ выраженіи императрицы Екатерины, которое она употребила въ письмѣ къ Гримму, говоря о только что родившемся внукѣ—«рыцарь Николай». «Этотъ рыцарь Николай,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—сдѣлался 14-го декабря императоромъ Николаемъ и оправдалъ своею жизнью и царствованіемъ предсказаніе Екатерины: дѣйствительно Николай Павловичъ жилъ и умеръ рыцаремъ». Основными чертами его характера, по мнѣнію историка, были настойчивость и непоколебимость, наложившія печать на дѣтскія игры и сопровождавшія его до могилы; гордость и замкнутость, оставлявшія императора только въ семейномъ кругу.

Въ первомъ томѣ Н. К. Шильдеръ излагаетъ исторію жизни императора Николая Павловича до 1826 года: три момента этой исторіи особенно ярко освѣщены Шильдеромъ, они и были самыми важными и значительными въ жизни Николая. Это—годы воспи-

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1902 г., май, стр. 449.

танія, сформированія характера, эпизодъ междуцарствія и событія 14-го декабря, завершившія процессъ созданія личности и давшія ей послѣднюю форму. Этому дню біографъ придаетъ огромное значеніе для исторіи и душевной жизни императора и всей его дальнѣйшей политики. Заканчивая одну изъ главъ изслѣдованія, Шильдеръ приводитъ слова, сказанныя ген.-адъют. Левашевымъ кн. Трубецкому, узнику Петропавловской крѣпости: «Ахъ, князь! вы причинили большое зло Россіи, вы ее отодвинули на пятьдесятъ лѣтъ». Комментаріемъ къ нимъ служатъ слова гр. В. А.Соллогуба, цитируемыя Н. К. Шильдеромъ: «По мнѣнію людей, несомнѣнно просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ, какъ въ то время, такъ и позже, это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, несмотря на полный благородства и самоотверженія характеръ заговорщиковъ». Итакъ основной вопросъ тома: вліяніе и значеніе дня 14-го декабря. Если бы его не было, то какъ сложились бы характеръ и духовная личность императора, какой характеръ приняло бы его правленіе?

Желая познакомить читателей съ глубоко интересной книгой, въ настоящей статьѣ мы остановимся лишь на характеристикѣ отмѣченныхъ нами моментовъ, выяснимъ взгляды Шильдера въ связи съ основнымъ вопросомъ перваго тома. Но только чтеніе самой книги, которое само по себѣ является наслажденіемъ, можетъ уяснить всю проницательность историка, весь интересъ выставляемыхъ имъ положеній и всѣ детали историческихъ событій, глубоко интересныя, поучительныя и нерѣдко новыя. Въ особенности новы нѣкоторыя подробности междуцарствія и движенія декабристовъ: здѣсь историкъ впервые опубликовываетъ документы первостепенной важности.

I.

25 іюня 1796 года у цесаревича Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны родился сынъ — Николай. Вечеромъ этого дня императрица Екатерина писала одному изъ своихъ приближенныхъ: «Я стала бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата». Эти слова оказались пророчествомъ.

Н. К. Шильдеръ не останавливается на вопросѣ о наслѣдственныхъ вліяніяхъ, не дѣлаетъ попытки хоть въ общихъ чертахъ опредѣлить тѣ черты нравственной и духовной личности императора Николая Павловича, которыя могутъ быть возведены къ характеру его отца и матери. Правда, выводы по теоріи наслѣдственности не отличаются строгой достовѣрностью, но все-таки нѣкоторыя сопоставленія могли бы быть сдѣланы. Не находимъ ли мы

общихъ чертъ въ психологическомъ складѣ отца и сына? И та настойчивость и непоколебимость, которыя Шильдеръ считаетъ особенностью характера Николая, не отличаютъ ли и Павла? Оставляя безъ отвѣта эти вопросы, біографъ тщательно выясняетъ роль воспитанія и старается опредѣлить прирожденныя свойства личности императора Николая. Онъ приводитъ часто цитируемыя слова императрицы Екатерины въ письмахъ къ Гримму о своемъ внукѣ: «Сегодня въ три часа утра мамаша родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного менѣе моихъ. Въ жизнь мою въ первый разъ вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ такъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами предъ этимъ колоссомъ».

Не прошло еще двухъ недѣль со дня рожденія внука, а императрица 5 іюля сообщаетъ еще новыя поразительныя данныя: «Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно просить ѣсть. Я полагаю, что никогда осьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ, это—неслыханное дѣло. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется по прошествіи шести недѣль отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего».

Внуку не пришлось пользоваться педагогическими талантами бабушки; въ годъ его рожденія она умерла. Но позволительно думать, что теперь она не примѣнила бы той системы, которая была проведена при воспитаніи старшихъ внуковъ, Александра и Константина Павловичей. Во всякомъ случаѣ, если она и выбрала бы другой планъ воспитанія, который долженъ былъ бы дать иные результаты, этотъ планъ былъ бы цѣлесообразенъ, продуманъ и систематиченъ. То воспитаніе, которое получилъ Николай Павловичъ, по признанію біографовъ, не отличалось ни систематичностью, ни цѣлесообразностью. Слѣдовало бы ожидать единства и системы, такъ какъ безсмѣннымъ руководителемъ и воспитателемъ была императрица Марія Ѳеодоровна, но она стояла слишкомъ далеко отъ воспитательной среды, окружавшей сына, и единство и система оказывались чисто внѣшними. «Вообразите,—пишетъ одинъ изъ современниковъ эпохи,—каковъ бы былъ Николай съ своимъ благороднымъ, твердымъ характеромъ, съ трудолюбіемъ и любовью къ изящному, если бы его готовили къ трону, хотя бы такъ, какъ приготовляли Александра. Но того воспитывала Екатерина Алексѣевна, а этого Марія Ѳеодоровна, женщина почтенная, но ограниченная въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ, трудолюбивая и неусыпная хозяйка, но весьма недальновидная въ политикѣ, нѣмка въ душѣ».

Раннее дѣтство (1796 — 1800) великій князь Николай Павловичъ провелъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ среди воспитательницъ — женщинъ умныхъ и энергичныхъ — Ш. К. Ливенъ, Ю. Ѳ. Адлербергъ и Е. В. Лайонъ. Послѣдней принадлежитъ главная роль въ воспитаніи великаго князя. Англичанка, красивая и сильная, рѣшительная и смѣлая, она имѣла большое вліяніе на своего воспитанника. Баронъ М. Корфъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «Не дозволено ли предполагать, что въ первые годы существованія младенца—великаго князя, когда всѣ чувства, впечатлѣнія, антипатіи, воспринимаются ребенкомъ безсознательно, между нимъ и его няней существовала глубочайшая родственность натуръ, и что геройская, рыцарски-благородная, смѣлая и открытая натура этой няни-львицы (Lyon, каламбуръ самаго императора Николая) была не безъ сильнаго и счастливаго вліянія на питаніе и укрѣпленіе въ его существеннѣйшихъ элементахъ характера русскаго орла-богатыря?» [1]). Вліяніе Лайонъ несомнѣнно: своими разсказами объ ужасахъ и жестокостяхъ, происходившихъ въ Варшавѣ въ 1794 году (Лайонъ была взята въ плѣнъ поляками), она содѣйствовала образованію того отношенія къ полякамъ, которому императоръ остался вѣренъ всю свою жизнь. «Впослѣдствіи,—пишетъ бар. М. Корфъ,—будучи уже императоромъ и видясь иногда съ своею няней, онъ много разъ говаривалъ, что отъ нея наслѣдовалъ свою ненависть къ полякамъ, и что чувство это укоренилось въ немъ со времени тѣхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ отъ нея въ первые годы жизни» [2]).

Живя въ церемонной обстановкѣ дворца, дѣти находили теплое чувство и привязанность только у своей няни. По словамъ барона М. А. Корфа, Николай и Михаилъ Павловичи въ первые годы дѣтства находились съ своей августѣйшею матерью въ отношеніяхъ церемонности и холодной учтивости и даже боязни, отношенія же сердечныя и при томъ самыя теплыя наступили для нихъ лишь впослѣдствіи, въ лѣта отрочества и юности. Былъ еще одинъ человѣкъ, у котораго великіе князья находили трогательныя ласки. Это—ихъ отецъ, императоръ Павелъ. Великая княгиня Анна Павловна, впослѣдствіи королева Нидерландская, оставила слѣдующую замѣтку: «Мой отецъ любилъ окружать себя своими младшими дѣтьми и заставлялъ насъ, Николая, Михаила и меня, являться къ нему въ комнату играть, пока его причесывали, въ единственный свободный моментъ, который былъ у него. Въ особенности это случалось въ послѣдніе годы его жизни. Онъ былъ нѣженъ и такъ добръ съ нами, что мы любили ходить къ нему. Онъ говорилъ, что его отдалили отъ его старшихъ дѣтей, отобравъ ихъ отъ него съ са-

---

[1]) Сборн. имп. ист. общ., т. 98.

[2]) Ibid., стр.

маго рожденія, но что онъ желаетъ окружить себя младшими, чтобы познакомиться съ нами». Павелъ великихъ князей называлъ обыкновенно: мои барашки, мои овечки, и ласкалъ ихъ весьма нѣжно, чего никогда не дѣлала ихъ мать, — говоритъ бар. Н. А. Корфъ. Становится понятнымъ различіе въ отношеніяхъ къ отцу двухъ императоровъ, Александра и Николая. Николай чувствовалъ себя безконечно ближе и родственнѣе къ своему отцу, чѣмъ Александръ.

23 ноября 1800 года, воспитателемъ великаго князя былъ назначенъ генералъ Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ. Онъ руководилъ воспитаніемъ великаго князя—ребенка, отрока и юноши; онъ и его система воспитанія оказали значительное вліяніе на душевный складъ воспитанника. Невольно приходитъ на умъ сравнить двухъ воспитателей: Ламздорфа и Жуковскаго: какъ безконечно далеко расходились они между собой и по своему личному характеру и по педагогическимъ пріемамъ и взглядамъ! Но, прежде чѣмъ характеризовать систему Ламздорфа, нужно опредѣлить тѣ задатки чертъ характера и наклонностей, которыя проявились въ дѣтскій періодъ жизни великаго князя (1802 — 1809) и составляли впослѣдствіи отличительныя черты императора Николая. Шильдеръ даетъ слѣдующее заключеніе: «Настойчивость, стремленіе повелѣвать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, особенная любовь къ строительному инженерному искусству, духъ товарищества, выразившійся въ позднѣйшее время, уже по воцареніи, въ непоколебимой вѣрности союзамъ, несмотря на вѣроломство союзниковъ, — все это сказывается уже въ дѣтствѣ и, конечно, подчасъ въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ». Біографъ приводитъ немало эпизодовъ, изъ дѣтскихъ лѣтъ, иллюстрирующихъ это положеніе. Основная склонность характера, съ которой императоръ ушелъ въ могилу,—необыкновенное пристрастіе ко всему военному. Оно ярко проявляется на всемъ протяженіи дѣтства, отрочества и юношества, замѣтно и сильно развивается: прогрессъ его находится въ полномъ противорѣчіи съ намѣреніями императрицы Маріи Ѳеодоровны, ибо всѣ ея стремленія, всѣ педагогическіе планы были направлены къ тому, чтобы отклонить своихъ сыновей отъ пристрастія къ военному дѣлу. Шильдеръ отказывается объяснить это противорѣчіе: «является вопросъ,—пишетъ онъ,—почему поступлено было какъ разъ обратно ея желаніямъ? Вообще трудно придумать разумное объясненіе для царствовавшаго воспитательнаго хаоса». Въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ даетъ проницательное объясненіе: «Стремленія императрицы отклонить сыновей отъ всего военнаго были, безъ сомнѣнія, похвальны, но за исполненіе ихъ взялись неумѣлыми руками. Къ тому же парадоманія, экзерцирмейстерство, насажденныя въ Россіи съ такимъ увлеченіемъ Петромъ III и снова послѣ Екатерининскаго перерыва воскресшія подъ тяжелою рукою Павла, пустили въ царственной семьѣ глубокіе и крѣп-

кіе корни. Александръ Павловичъ, несмотря на свой либерализмъ, былъ жаркимъ приверженцемъ вахтпарада и всѣхъ его тонкостей. Не ссылали при немъ въ Сибирь за ошибки на ученьяхъ и разводахъ, но виновные подвергались строжайшимъ взысканіямъ, доходившимъ относительно нижнихъ чиновъ до жестокости. О братѣ его Константинѣ и говорить нечего: живое воплощеніе отца, какъ по наружности, такъ и по характеру, онъ только тогда и жилъ полной жизнью, когда былъ на плацу среди муштруемыхъ имъ командъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что наслѣдственные инстинкты проявились съ тѣми же оттѣнками и у юныхъ великихъ князей: они вполнѣ раздѣляли симпатіи и увлеченія своихъ старшихъ братьевъ. Воспитатели Николая Павловича не были способны направить умъ своего воспитанника къ преслѣдованію другихъ болѣе плодотворныхъ идеаловъ, и потому имъ не удалось побѣдить врожденныя наклонности и отвлечь его отъ проявившейся въ немъ страсти ко всему военному. Напротивъ того, благодаря системѣ воспитанія, настойчиво проводимой императрицей матерью, присущая ему склонность къ военной выправкѣ и къ внѣшностямъ военной службы представилась еще въ глазахъ великаго князя во всей прелести запретнаго плода».

Пристрастіе къ военному ремеслу не покидало Николая Павловича впослѣдствіи даже и на престолѣ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ, разсказывая о маневрахъ 1836 года, говоритъ о неутомимости императора въ всѣхъ эволюціяхъ маневровъ, приводитъ его собственное признаніе о томъ, что развлеченіе съ войсками составляетъ для него единственное и истинное наслажденіе. А вотъ разсказъ изъ эпохи 1825 года другого очевидца Михайловскаго-Данилевскаго: «Необыкновенныя знанія великаго князя по фрунтовой части насъ изумили: иногда, стоя на полѣ, онъ бралъ въ руки ружье и дѣлалъ ружейные пріемы такъ хорошо, что врядъ ли лучшій ефрейторъ могъ съ нимъ сравняться, и показывалъ также барабанщикамъ, какъ имъ надлежало бить. При всемъ томъ его высочество говорилъ, что онъ въ сравненіи съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ ничего не знаетъ; каковъ же долженъ быть сей?—спрашивали мы другъ друга».

Баронъ Корфъ извлекаетъ изъ журналовъ кавалеровъ, или воспитателей, многочисленныя свѣдѣнія о дѣтскихъ играхъ великихъ князей: онѣ преимущественно были военными. Съ ранняго утра они принимались за игру въ оловянные солдатики, строили изъ бумаги редуты, крѣпости, перебирали свои игрушки: ружья, алебарды, гренадерскія шапки, деревянныя лошади, барабаны, трубы, зарядные ящики и проч. Даже тогда, когда маленькій князь Николай строилъ дачу для няни или гувернантки изъ стульевъ, земли или игрушекъ, онъ никогда не забывалъ укрѣпить ее пушками для защиты. Нерѣдко по утрамъ одинъ изъ великихъ князей шелъ будить другого, надѣвъ грена-

дерскую шапку и съ алебардой на плечѣ, для рапорта. Иногда же, подражая часовымъ, которыхъ у нихъ, такъ много было передъ глазами, они по цѣлымъ часамъ стояли на часахъ, и даже,—сохранилось преданіе, — несмотря на строгій присмотръ кавалеровъ, иногда по ночамъ вскакивали съ постели, чтобы хоть немножко постоять на часахъ съ алебардой или ружьемъ у плеча. Но, пишетъ Шильдеръ, несмотря на склонность и пристрастіе къ военной формалистикѣ, обнаружившіяся весьма рано въ Николаѣ Павловичѣ, онъ въ дѣтствѣ вовсе не отличался воинственнымъ духомъ и въ многихъ случаяхъ обнаруживалъ даже совершенно противоположныя свойства: робость и даже трусость. Онъ долго пугался выстрѣловъ, боялся грозы и фейерверковъ, воды, а робость доходила до того, что и онъ и его братъ Михаилъ чувствовали себя очень неловко въ большомъ обществѣ и среди лагеря и при встрѣчѣ съ офицерами издали снимали шляпы и кланялись, боясь, какъ бы и ихъ не взяли въ плѣнъ. При всемъ томъ это пристрастіе къ военному было чисто внѣшнимъ; истинныя задачи военнаго дѣла, истинныя его нужды остались скрытыми. «И Константинъ Павловичъ,—говоритъ Шильдеръ,—и императоръ Александръ, а затѣмъ императоръ Николай Павловичъ любили военное дѣло особеннымъ образомъ, какъ искусство для искусства; подобный взглядъ, унаслѣдованный отъ императора Павла, оставался въ Россіи господствующимъ съ 1796 года до крымскаго погрома. Военачальники совершенно утратили пониманіе той существенной цѣли, ради которой существуютъ ученія и парады». Крымская война обнаружила гибельные плоды подобной военной политики.

Позволительно привести собственныя слова императора Николая о томъ, что въ особенности привлекало въ военной службѣ, о томъ, почему онъ чувствуетъ себя столь счастливымъ, находясь среди солдатъ. «Здѣсь порядокъ, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противорѣчія, все вытекаетъ одно изъ другого; все подчиняется одной опредѣленной цѣли; никто не приказываетъ, прежде чѣмъ самъ не научится повиноваться; никто безъ законнаго основанія не становится впереди другого, все подчиняется одной опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое назначеніе. Потому-то мнѣ такъ хорошо среди этихъ людей, и потому я всегда буду держать въ почетѣ званіе солдата. Я смотрю на всю человѣческую жизнь, только какъ на службу, такъ какъ каждый служитъ».

Переходимъ къ указанію другихъ проявившихся въ періодъ дѣтства чертъ характера великаго князя, на которыя предстояло воздѣйствовать его воспитателю Ламздорфу. «Великіе князья,—пишетъ Шильдеръ,—вообразили, что грубость обращенія неразлучна съ военнымъ званіемъ. По отзывамъ кавалеровъ, они часто забываются и думаютъ, что нужно быть грубымъ, когда они предста-

вляютъ военныхъ». Послѣдствіемъ такого заблужденія было то, что и внѣ военныхъ игръ манеры и обращеніе Николая Павловича сдѣлались вообще грубыми, заносчивыми и самонадѣянными. Характеръ его сказался въ играхъ, шумныхъ и рѣдко кончавшихся мирно, а обыкновенно ссорой и дракой. Кавалеры отмѣчаютъ, что «въ своихъ играхъ онъ почти постоянно кончаетъ тѣмъ, что причиняетъ боль себѣ или другимъ». Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ «Матеріалахъ и чертахъ къ біографіи императора Николая I-го» рисуетъ слѣдующую картину дѣтскихъ игръ великаго князя: «почти всякій день случалась или ссора, или даже драка: Николай Павловичъ былъ до крайности вспыльчивъ и неугомоненъ, когда что нибудь или кто нибудь его сердили; что бы съ нимъ ни случалось, падалъ ли онъ, или ушибался, или считалъ свои желанія неисполненными, а себя обиженнымъ, онъ тотчасъ же произносилъ бранныя слова (напримѣръ, иногда называлъ своего брата дуракомъ), рубилъ своимъ топорикомъ барабанъ, игрушки, ломалъ ихъ, билъ палкой или чѣмъ попало товарищей игръ своихъ, несмотря на то, что очень любилъ ихъ, а къ младшему брату былъ страстно привязанъ; иногда же вспыльчивость свою простиралъ до того, что плевалъ въ лицо великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ» [1]. Характертерной чертой Николая Павловича является постоянное стремленіе принимать на себя во всѣхъ играхъ первую роль, отдавать приказанія, начальствовать. Когда дѣти представляли коронацію, то императрицею была великая княжна Анна Павловна, а императоромъ всегда—Николай Павловичъ. Въ журналахъ кавалеровъ не разъ встрѣтимъ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «великій князь своимъ видомъ не разъ въ день обнаруживалъ желаніе противорѣчить тѣмъ, кто не одобряетъ его проступковъ, и уступалъ скорѣе настойчивости, чѣмъ увѣщаніямъ... За ужиномъ великій князь возвышеннымъ голосомъ доказывалъ, что слѣдуетъ освободить отъ обязанности на слѣдующій день писать диктовку... Недостатокъ, который сильно развитъ въ немъ, это постоянная склонность сознаваться въ своихъ ошибкахъ лишь тогда, когда онъ, такъ сказать, бываетъ принужденъ къ этому силою... онъ охотно принимаетъ тонъ самодовольства, когда все идетъ хорошо, и когда онъ воображаетъ, что ни въ комъ не нуждается болѣе»...

Система воспитанія, примѣнявшаяся Ламздорфомъ, не могла воздѣйствовать на отмѣченныя выше свойства характера великаго князя: нужно было найти болѣе подходящую для этой цѣли систему. Приводимъ краснорѣчивую страницу изъ изслѣдованія барона М. А. Корфа, напечатаннаго въ 98-мъ томѣ «Сборника императорскаго историческаго общества» (Спб., 1896 г.). Эта страница составлена имъ на основаніи дневныхъ записокъ воспитателей, словъ

[1] Сборн. имп. ист. общ., т. 98, стр. 38.

товарища дѣтскихъ лѣтъ великаго князя графа Адлерберга и, наконецъ, собственныхъ словъ императора Николая I, переданныхъ впослѣдствіи императоромъ Александромъ II барону Корфу. «Неизвѣстно, на чемъ основывалось то высокое уваженіе къ педагогическимъ способностямъ генерала Ламздорфа, которое могло рѣшить выборъ императора Павла, но достовѣрно то, что ни Россія, ни великіе князья, въ особенности же Николай Павловичъ, не выиграли отъ этого избранія. Ламздорфъ, какъ по всему заключать можно, не обладалъ не только ни одною изъ способностей, необходимыхъ для воспитанія особы царственнаго дома, призванной имѣть вліяніе на судьбы своихъ соотечественниковъ и на исторію своего народа, но даже былъ чуждъ и всего того, что нужно для человѣка, посвящающаго себя воспитанію частнаго лица. Вовсе не понимая воспитанія въ истинномъ, высшемъ его смыслѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы дать возможно лучшее направленіе тѣмъ моральнымъ и интеллектуальнымъ силамъ, которыя уже жили въ ребенкѣ, приложилъ всѣ свои старанія единственно къ тому, чтобы переломить его на свой ладъ и итти прямо наперекоръ всѣмъ наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ порученнаго ему воспитанника. Великіе князья были постоянно какъ бы въ тискахъ. Они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости и шумливости: ихъ на каждомъ шагу останавливали, исправляли, дѣлали замѣчанія, преслѣдовали моралью или угрозами. Императрица Марія Ѳеодоровна, кажется, точно также ошибалась въ задачѣ воспитанія и только побуждала Ламздорфа дѣйствовать по той несчастной системѣ, которую онъ одну и разумѣлъ: системѣ холодныхъ приказаній, выговоровъ и наказаній, доходившихъ до жестокости. Николай Павловичъ въ особенности не пользовался расположеніемъ своего воспитателя, всегда предпочитавшаго ему младшаго брата. Онъ дѣйствительно былъ характера строптиваго, вспыльчиваго, а Ламздорфъ, вмѣсто того, чтобъ умѣрять этотъ характеръ мѣрами кротости, обратился къ строгости и почти безчеловѣчію, позволяя себѣ даже бить великаго князя линейками, ружейными шомполами и пр. Не разъ случалось, что въ ярости своей онъ хваталъ мальчика за грудь или за воротникъ и ударялъ его объ стѣну такъ, что онъ почти лишался чувствъ. Въ ежедневныхъ журналахъ почти на всѣхъ страницахъ встрѣчаются слѣды жестокаго обращенія, вовсе не скрываемаго и ничѣмъ не маскируемаго. Вездѣ являются угрозы наказанія, жалобы кавалеровъ генералу Ламздорфу (всегдашнему карателю) и самой императрицѣ за проступки, весьма не важные, самые обыкновенные и которые со всякимъ ребенкомъ случаются, но не бываютъ разсматриваемы съ преувеличеніемъ, какъ бы черезъ микроскопъ. Императрица изъ вседневныхъ рапортовъ могла очень ясно видѣть,

какое жестокое, часто безъ всякой нужды, обращеніе было съ младшими ея сыновьями; въ журналахъ упоминалось даже объ ударахъ шомполомъ, но, вѣроятно, она также полагала, что все это хорошо и необходимо для воспитанія, потому что ей осмѣливались прямо и открыто докладывать о подобныхъ подробностяхъ; Ламздорфъ писалъ отъ времени до времени льстивые и поверхностные рапорты, которыми, какъ должно полагать, императрица оставалась довольна, потому что они повторялись въ одномъ и томъ же видѣ, и около 1809 года стали писаться чаще прежняго; императрица была довольна, но воспитаніе черезъ то не подвигалось впередъ» [1]).

Шильдеръ также отрицательно относится къ системѣ Ламздорфа: такъ какъ онъ сопоставляетъ ее съ результатами воспитанія, то отзывъ получается еще болѣе суровый: «Установившаяся тогда система воспитанія была суровая, и тѣлесныя наказанія играли въ ней большую роль. Такими мѣрами тщетно старались обуздывать и исправлять порывы строптиваго и вспыльчиваго характера Николая Павловича. Испытанные имъ въ дѣтствѣ педагогическіе пріемы принесли и другіе печальные плоды; они, несомнѣнно, повліяли на міросозерцаніе будущаго вѣнценосца, который впослѣдствіи провелъ подобныя же суровыя начала въ воспитаніе современнаго ему подростающаго поколѣнія».

Не лучше обстояло дѣло и съ образованіемъ. Первые уроки давали воспитательницы, кавалеры и сама императрица Марія Ѳеодоровна, начавшая учить великаго князя по-французски. Русскому языку учили кавалеры по очереди; русской исторіи и русской географіи—кавалеръ Ахвердовъ; съ 1804 года великій князь сталъ брать уроки ариѳметики у Ахвердова, съ 1806 года—геометріи, съ 1807 года—физики, съ 1808 года—алгебры и инженернаго искусства—у Крафта. Великій князь не любилъ математическихъ уроковъ и уроковъ французскаго и нѣмецкаго языковъ; съ удовольствіемъ занимался физикой и рисованіемъ. Съ особенной нелюбовью занимался латинскимъ и греческимъ языками подъ руководствомъ Аделунга. Уже будучи императоромъ, Николай Павловичъ неоднократно говаривалъ барону Корфу о своей ненависти къ латинскому языку. Въ декабрѣ 1851 года, по приказанію Николая, были переданы изъ Эрмитажа въ Публичную библіотеку всѣ латинскія книги. Баронъ Корфъ, тогдашней директоръ Публичной библіотеки, на свой вопросъ о причинѣ такого распоряженія, выслушалъ слѣдующее объясненіе князя Волконскаго: «Государь терпѣть не можетъ латыни съ тѣхъ еще поръ, когда его мучили надъ нею въ молодости, и не хочетъ, чтобы въ новомъ музеѣ осталось что нибудь на ненавистномъ ему языкѣ». За начатками знаній по-

---

[1]) Корфъ, op. cit., стр. 26, 27.

слѣдовало преподаванiе наукъ. Политическую экономiю читалъ профессоръ Шторхъ, естественное право — Кукольникъ, энциклопедiю или исторiю нрава — Балугьянскiй, высшую математику — Крафтъ, физику—Вольгемутъ, всеобщую исторiю и всеобщую географiю — французъ Дю-Пюже. Разсказывая Николаю Павловичу о французской революцiи, онъ сумѣлъ вселить въ него необходимое отвращенiе къ ея дѣятелямъ, которое съ теченiемъ времени лишь возрастало. Намъ извѣстенъ слѣдующiй отзывъ юнаго великаго князя о Людовикѣ XVI, высказанный имъ Дю-Пюже: «Король Людовикъ XVI не выполнилъ своего долга и былъ наказанъ за это. Быть слабымъ не значитъ быть милостивымъ. Государь не имѣетъ права прощать врагамъ государства. Людовикъ XVI имѣлъ дѣло съ настоящимъ заговоромъ, прикрывшимся ложнымъ именемъ свободы; не щадя заговорщиковъ, онъ пощадилъ бы свой народъ, предохранилъ его отъ многихъ несчастiй». Кромѣ вышеуказанныхъ наукъ, преподавалась еще Аделунгомъ мнимая наука—мораль. И баронъ Корфъ, и Шильдеръ отмѣчаютъ отсутствiе въ программѣ естественныхъ наукъ. Преподаванiе военныхъ наукъ начали позже: оно завершило образованiе. Нужно сказать, что военныя науки наиболѣе интересовали великаго князя. Немного успѣлъ пройти великiй князь: уроки кончились въ 1816 году въ то время, когда ему было 19 лѣтъ. Должно еще принимать во вниманiе, что послѣднiе годы, годы войнъ, занятiя шли совсѣмъ не скоро. Великiе князья ѣздили надолго за границу, уроки останавливались на долгое время, да когда они и шли, то часто, по тѣмъ или другимъ причинамъ, пропускались. Что же, въ концѣ концовъ, дали науки Николаю Павловичу? И бiографы, и самъ императоръ Николай признавали, что наука и въ той мѣрѣ, въ какой она преподавалась, почти ничего не дала ученику, и приписывали это неискусному подбору преподавателей. Шильдеръ пишетъ: «Врожденныя наклонности Николая Павловича остались непоколебленными и въ полной силѣ, а наука явилась предъ нимъ въ такомъ бездарноусыпительномъ образѣ, что она, конечно, не могла переработать и направить по другому пути этого замѣчательнаго по силѣ характера юношу. Напротивъ того, эта самая наука принесла съ собою скорѣе зло, такъ что многое изъ послѣдующей жизни Николая Павловича объясняется приведенными имъ безотрадными годами дѣтства и отрочества». Въ одной изъ откровенныхъ бесѣдъ императоръ Николай высказалъ барону Корфу слѣдующее замѣчательное сужденiе о своемъ ученiи: «не надо слишкомъ долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, которые потомъ или забываются, или не находятъ никакого приложенiя въ практикѣ. Я помню, какъ насъ (т.-е. его съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ) мучили надъ этимъ два человѣка, очень добрые, можетъ статься, и очень ученые, но оба не послѣднiе педанты: покойный

Балугьянскій (умершій статсъ-секретаремъ и начальникомъ II отдѣленія собственной его величества канцеляріи) и Кукольникъ (отецъ писателя). Одинъ толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ, и Богъ знаетъ, какихъ еще законахъ; другой что-то о мнимомъ «естественномъ» правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, которыя читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило! На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ карикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбежку, безъ плода и пользы для будущаго. По-моему, лучшая теорія права — добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ—религію».

О нравственно-религіозномъ воспитаніи императоръ Николай выразился, что его и брата «учили только креститься въ извѣстное время обѣдни да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ». Императоръ Николай откровенно признавалъ, что онъ съ братомъ получилъ бѣдное образованіе.

Итакъ мы отмѣтили основныя черты характера императора Николая, проявившіяся въ дѣтствѣ, охарактеризовали систему воспитанія, выяснили результаты научныхъ занятій, стараясь, по возможности, отъ дѣтскихъ лѣтъ итти къ зрѣлымъ. Немногочисленныя, сдѣланныя нами сопоставленія, развитіе которыхъ и матеріалъ для которыхъ читатель найдетъ въ книгѣ Шильдера, позволяютъ тѣсно связать дѣтскіе годы съ годами зрѣлости: характеръ сформировался въ дѣтствѣ и почти не измѣнился впослѣдствіи. Приведемъ мнѣніе барона М. А. Корфа: «Условія и моральнаго, и умственнаго воспитанія великаго князя Николая Павловича самыя невыгодныя, даже если и смотрѣть на нихъ вообще, а тѣмъ болѣе для личности, столь богатой и исключительной, требовавшей въ руководителяхъ ея знаній, опытности и проницательности совершенно необыкновенныхъ. И если, несмотря на безконечныя препоны, положенныя развитію его самостоятельности и особенностей его характера; если вопреки всѣмъ стараніямъ уничтожить въ немъ исключительность его натуры, такъ сказать, опошлить ее и подвести подъ общій уровень, все-таки изъ этого тяжкаго горнила выработалось нѣчто столь могучее, самобытное, геніальное и міровое,— то, конечно, Николай всѣмъ обязанъ былъ единственно своей внутренней силѣ и той особенной печати, которою Провидѣніе назнаменовало его для исполинской будущности».

II.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію двухъ другихъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи императора Николая, вкратцѣ разскажемъ исторію его внѣшней жизни до 1825 года.

Образованіе, полученное имъ во дворцѣ, должны были пополнить его неоднократныя путешествія за границу. Въ эпоху заграничныхъ походовъ Александра I великій князь не разъ просился въ дѣйствующую армію и у императрицы-матери, и у императора, но только въ 1814 году Александръ разрѣшилъ братьямъ Николаю и Михаилу прибыть къ арміи за границу. Марія Ѳеодоровна напутствовала ихъ письменнымъ наставленіемъ, какъ вести себя. За границей при великихъ князьяхъ состоялъ ген.-ад. П. П. Коновницынъ. Великимъ князьямъ не удалось принять участія въ военныхъ дѣлахъ. Они были уже на пути къ арміи, когда Александръ рѣшился двинуться къ Парижу. Императоръ отправилъ имъ навстрѣчу капитана Клейнмихеля (тутъ въ первый разъ Николай увидалъ будущаго сподвижника своего царствованія) съ приказаніемъ великимъ князьямъ ѣхать въ Базель и ждать здѣсь дальнѣйшихъ приказаній. Только по занятіи русскими войсками Парижа великіе князья прибыли сюда. Въ Парижѣ Николай Павловичъ осматривалъ достопримѣчательности, удѣляя главное вниманіе сообразно своей врожденной склонности всему военному. Въ это время началось знакомство великаго князя съ другимъ сподвижникомъ своего царствованія, ген.-лейт. И. Ѳ. Паскевичемъ. На обратномъ пути въ Россію черезъ Нидерланды и Германію, Николай Павловичъ долго задержался въ Берлинѣ. Здѣсь великій князь ближе познакомился съ своей будущей женой, принцессой Шарлоттой. Бракъ былъ рѣшенъ, но постановили отложить это событіе до совершеннолѣтія Николая Павловича. Въ 1815 году, Александръ опять разрѣшилъ своимъ братьямъ прибыть къ дѣйствующей арміи въ Германію. Императрица-мать снова напутствовала ихъ посланіемъ; въ немъ она, между прочимъ, предостерегала отъ увлеченій военными нравами. «Я надѣюсь, дорогія мои дѣти,—писала она,—что военный режимъ, который будетъ у васъ передъ глазами, не привьетъ вамъ грубаго, суроваго или повелительнаго тона; онъ развиваетъ его у всѣхъ, но онъ нестерпимъ у лицъ вашего происхожденія, которыя даже въ тѣ мгновенія, когда они бываютъ вынуждены обуздывать заблужденіе или проступокъ, должны употреблять лишь тонъ твердости, воздѣйствующій несравненно сильнѣе, чѣмъ горячность и вспыльчивость». Великіе князья на этотъ разъ сопровождали своего брата по пути въ Парижъ. Императрица была озабочена пребываніемъ въ Парижѣ великихъ князей, боясь, что парижская жизнь съ своими соблазнами плохо повліяетъ на

ихъ нравственность. Въ письмахъ къ Коновницыну она неоднократно писала на этотъ счетъ. Она просила Коновницына не прекращать научныхъ занятій князей, на что Коновницынъ отвѣчалъ, что краткость времени не позволила великимъ князьямъ заниматься науками. Только ихъ отъѣздъ изъ Парижа 20-го сентября успокоилъ Марію Ѳеодоровну. Она писала Коновницыну: «Сколь ни утѣшительны для моего сердца всѣ отзывы о поведеніи и обращеніи великихъ князей, я не могу, однако, довольно изъявлять признательности моей Привидѣнію за удаленіе ихъ наконецъ изъ Парижа». Возвращаясь въ Россію, Николай Павловичъ опять остановился въ Берлинѣ: здѣсь 23-го октября была объявлена его помолвка.

Въ 1816 году, для довершенія образованія великій князь долженъ былъ предпринять путешествіе по Россіи для ознакомленія съ ней въ административномъ, коммерческомъ и промышленномъ отношеніяхъ, а затѣмъ, по возвращеніи изъ этой поѣздки, отправиться съ образовательными цѣлями въ Англію. Императрица-мать вручила Николаю Павловичу подробнѣйшую инструкцію, въ которой были предусмотрѣны всѣ мелочи путешествія. Въ этой запискѣ указывалось, о чемъ долженъ былъ говорить великій князь съ представителями мѣстной власти, на что въ той или другой мѣстности слѣдовало обратить вниманіе и т. п. Была отмѣчена важность для великаго князя пріобрѣсти популярность среди народа, и указывались средства. «Заботливость императрицы,—говоритъ Шильдеръ,—доходила до того, что она предупреждала Николая Павловича не говорить слишкомъ громко, потому что его голосъ, повышаясь, пріобрѣталъ нопріятный, рѣзкій оттѣнокъ». Руководителемъ поѣздки былъ назначенъ ген.-ад. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ. Во время путешествія Николай Павловичъ по желанію матери велъ «общій журналъ по гражданской и промышленной части» и «журналъ по военной части». Эти журналы освѣщаютъ міросозерцаніе и интересы великаго князя. Особенно характерны для него отзывы о евреяхъ и полякахъ, которымъ онъ остался вѣренъ во все время своей жизни. Поразительны записанныя имъ подробносто о посѣщеніи остроговъ въ Порховѣ и Воронежѣ и содержаніи арестантовъ. «Журналъ по военной части», могущій выяснить характеръ военныхъ интересовъ великаго князя и сущность его пристрастія къ военному, вызвалъ слѣдующую оцѣнку со стороны бар. М. А. Корфа въ «Матеріалахъ и чертахъ къ біографіи имп. Николая I». «Въ этомъ журналѣ,—пишетъ онъ,—всѣ почти замѣчанія относятся до однѣхъ неважныхъ внѣшностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военнаго устройства, управленія или моральнаго духа и направленія войска. Даже о столь важной сторонѣ военнаго дѣла, какова стрѣльба, нѣтъ нигдѣ рѣчи, о лазаретахъ

же, школахъ и тому подобномъ упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко».

Путешествіе Николая Павловича не было закончено по плану: въ августѣ, по приказанію Александра, онъ явился уже въ Москву, а въ сентябрѣ отправился въ новое образовательное путешествіе— въ Англію. И теперь Марія Өеодоровна дала великому князю подробныя наставленія о томъ, какъ себя держать за границей, на что̀ обращать вниманіе. И ее, и императора Александра нѣсколько безпокоила другая сторона дѣла: въ императрицѣ существовало опасеніе, какъ бы великій князь не слишкомъ увлекся свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ бы ихъ въ прямую связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. По иниціативѣ Маріи Өеодоровны графъ Нессельроде составилъ записку-наставленіе, которая должна была предостеречь великаго князя отъ увлеченій англійскими порядками. Шильдеръ напечаталъ эту любопытную записку. Авторъ разсматриваетъ происхожденіе и развитіе конституціонныхъ учрежденій въ Англіи, указываетъ на обусловленность ихъ самимъ географическимъ положеніемъ страны, на поразительную медленность ихъ развитія. Главная мысль записки выражена въ концѣ ея; приводимъ конецъ въ изложеніи Шильдера: «Признавая, что нельзя удержаться, чтобы не отдать должной доли восторга общественному и политическому строю Англіи, авторъ записки предостерегаетъ, что было бы опасно, въ порывѣ восторга, впасть въ столь распространенное заблужденіе, что возможно привить этотъ строй и другимъ народамъ и государствамъ. Поступать такъ значило бы забывать, что широкое развитіе англійскихъ учрежденій находится въ прямой связи съ изолированнымъ положеніемъ страны, и что, къ тому же, единственнымъ залогомъ долговѣчности учрежденій является сцѣпленіе естественныхъ причинъ и необходимыхъ послѣдствій, что желать позаимствовать чужеземныя формы и даровать ихъ какому либо народу значило бы причины, дѣйствующія испоконъ вѣковъ, замѣнить элементомъ случайной воли и пытаться получить тѣ же результаты; что такимъ образомъ можно пересадить букву консистуціи, но не ея духъ. Въ заключеніе графъ Нессельроде писалъ: «Однимъ словомъ, учрежденія (англичанъ) заслуживаютъ быть разсматриваемы вблизи лишь для того, чтобы изощрять умъ наблюдателя въ области мышленія, а не для того, чтобы служить репертуаромъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы позаимствовать масштабъ для возведенія новаго зданія подъ совершенно другимъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ».

Нечего и говорить о томъ, что всѣ эти предостереженія были излишни и не должны были имѣть мѣста. По выраженію Шильдера, авторъ записки ломился въ открытую дверь. Чрезвычайно важное для основной темы книги заключеніе дѣлаетъ Шильдеръ:

«въ это время (1816 г.) характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько образоваться, съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ отъ всякой мечтательности міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть. Это былъ не ученикъ Лагарпа, не восторженный слушатель вдохновенныхъ рѣчей Паррота, а воспитанникъ Ламздорфа, прошедшій суровую воспитательную школу совершенно иного свойства, чѣмъ та, въ которой выросъ Александръ. Для Николая Павловича даже въ юношескіе годы немыслимъ былъ разговоръ, подобный тому, который велъ Александръ въ 1814 г. въ Англіи съ выдающимися представителями партіи виговъ, о пользѣ честной и благонамѣренной оппозиціи, прибавивъ еще, что онъ озаботится вызвать въ Россіи къ жизни «un foyer d'opposition». Николай Павловичъ, напротивъ того, не былъ способенъ къ подобнымъ увлеченіямъ». Слѣдуетъ отмѣтить, что, будучи въ Англіи, Николай Павловичъ менѣе всего интересовался ораторскими преніями въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, а также и разговорами объ этихъ явленіяхъ англійской жизни. А по поводу клубовъ и митинговъ великій князь сказалъ однажды генералу Кутузову: «если бы, къ нашему несчастью, какой нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ, или, еще лучше, лишить дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе».

Николай Павловичъ провелъ въ Англіи четыре мѣсяца. Много времени уходило на офиціальные пріемы и посѣщенія. Изъ Лондона Николай Павловичъ предпринималъ продолжительныя и отдаленныя путешествія по Англіи, былъ въ Эдинбургѣ, Ливерпулѣ, Портсмутѣ. Врядъ ли при такихъ обстоятельствахъ можно было пріобрѣсть знакомство съ англійской жизнью. Одинъ изъ кавалеровъ, сопровождавшихъ великаго князя, наивно сообщалъ, что великій князь гостилъ во многихъ замкахъ и въ нихъ «получилъ полное понятіе объ образѣ жизни англійскихъ людей и ихъ гостепріимствѣ». Другой спутникъ Николая въ частномъ письмѣ писалъ: «Трудно подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня видъ столькихъ городовъ, замковъ и живописныхъ мѣстностей, ибо мы ведемъ чисто кочевую жизнь, быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Такъ, напримѣръ, чѣмъ бы остановиться на нѣсколько дней для подробнаго осмотра Бристоля и Бата, двухъ большихъ городовъ, представляющихъ много интереснаго, мы проведемъ тамъ лишь по нѣскольку часовъ». Вѣрный своимъ склонностямъ, великій князь съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на подробностяхъ военной жизни и предпочиталъ другимъ разговоры съ представителями британской арміи.

Въ началѣ марта 1817 года Николай Павловичъ покинулъ Англію. Пребываніе на возвратномъ пути въ Берлинѣ сопровожда-

лось новой неожиданной радостью для великаго князя: король назначилъ его шефомъ кирасирскаго полка. Николаю Павловичу доставило большое удовольствіе показать знаніе прусской военной дисциплины во время весеннихъ маневровъ въ окрестностяхъ Берлина. «Среди военныхъ упражненій Николай Павловичъ нашелъ даже возможнымъ произвести тревогу своему полку, исправное состояніе котораго доставило ему немалое удовольствіе». 27-го апрѣля великій князь вернулся въ Петербургъ.

9-го іюня 1817 года, принцесса Шарлотта перешла русскую границу; ее встрѣтилъ ея женихъ, великій князь Николай Павловичъ. Ее сопровождалъ ея братъ Вильгельмъ и свита. Съ Вильгельмомъ былъ генералъ Натцмеръ. Любопытно то, что прусскій король, обмѣнявшись по поводу радостнаго событія дружелюбнѣйшими и нѣжнѣйшими письмами съ императоромъ Александромъ, спутнику своей дочери, Натцмеру, далъ секретныя порученія развѣдать кое-что о состояніи русскихъ войскъ. Торжественно было путешествіе въ Петербургъ, несмотря на то, что оно было крайне утомительно: стояла страшная жара и дорожная пыль. Но великій князь на каждой станціи показывалъ принцу Вильгельму войска и производилъ ученія. 20-го іюня послѣдовалъ торжественный въѣздъ принцессы Шарлотты, а 1-го іюля былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія. Бракъ былъ вполнѣ счастливъ. Императоръ Николай говорилъ о своей семейной жизни своей супругѣ: «Если кто нибудь спроситъ, въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастіе, сдѣлай одолженіе, пошли его въ Аничковскій рай». Николай Павловичъ любилъ нѣжно и трогательно всѣхъ членовъ своей семьи, въ своей семьѣ онъ дѣлался другимъ. По словамъ Жуковскаго, бывшаго преподавателемъ молодой великой княгини Александры Θеодоровны, ничего не могло быть трогательнѣе, какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими».

Послѣ женитьбы, жизнь великаго князя потекла тихо и спокойно, въ служебныхъ занятіяхъ и домашнемъ кругу. Разнообразіе вносили поѣздки за границу (въ 1820—1821 гг.), участіе въ маневрахъ. Служебное положеніе Николая Павловича было скромно. 20 января 1818 г. онъ былъ назначенъ генераломъ-инспекторомъ по инженерной части. Въ занятіяхъ по управленію инженернымъ корпусомъ нашла примѣненіе замѣченная еще въ дѣтствѣ склонность къ строительству и инженерному искусству. Дѣятельность Николая Павловича въ этой области, по отзыву Н. К. Шильдера, была во всѣхъ отношеніяхъ блестящая и плодотворная; она принесла великую пользу государству. По представленію Николая, Александръ учредилъ въ 1819 г. главное инженерное училище.

Такимъ образомъ былъ вызванъ къ жизни русскій инженерный корпусъ. Еще раньше, приказомъ отъ 27 іюля 1818 года, Николай Павловичъ былъ назначенъ командиромъ 2-ой бригады 1-ой гвардейской дивизіи (въ бригаду входили полки Измайловскій и Егерскій). Непосредственнымъ его начальникомъ, съ 1821 года, дивизіоннымъ командиромъ, былъ И. Ѳ. Паскевичъ. Въ скромной должности бригаднаго командира Николай Павловичъ оставался до 1825 года; такимъ образомъ онъ находился въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ и не могъ широко ознакомиться съ системой управленія въ Россіи. Незначительное служебное положеніе великаго князя становится еще непонятнѣе, если принять во вниманіе, что уже въ 1819 году императоръ Александръ открылъ Николаю Павловичу о томъ, что въ будущемъ ждетъ его престолъ. «Въ званіи бригаднаго командира,— замѣчаетъ Шильдеръ,—будущій замѣститель императора Александра пробылъ почти восемь лѣтъ! Безспорно, подобное распоряженіе представляетъ собою довольно оригинальный способъ приготовленія къ царственному поприщу избраннаго наслѣдника престола». Николай Павловичъ самъ тяготился своимъ служебнымъ положеніемъ. Однажды въ разговорѣ съ А. Ѳ. Орловымъ, выразившимъ желаніе отдѣлаться отъ командованія бригадой, Николай Павловичъ, покраснѣвъ, воскликнулъ: «Ты—Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, а я—Николай Павловичъ, между нами есть разница, и ежели тебѣ тошна бригада, каково же мнѣ командовать бригадой, имѣя подъ своимъ начальствомъ инженерный корпусъ съ правомъ утверждать уголовные приговоры до полковника».

Для яснѣйшаго пониманія хода событій ноября и декабря 1825 г. необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи Николая Павловича въ петербургскомъ обществѣ, главнымъ образомъ, военномъ и объ отношеніи самого великаго князя къ окружавшей его средѣ. Нужно констатировать, что Николай Павловичъ рѣшительно не пользовался симпатіями петербургскаго общества. Въ послѣднее время даже къ Константину Павловичу относились сочувственнѣе, полагая, что женитьба на Ловичъ и пребываніе въ Варшавѣ смягчили его нравъ. Когда въ началѣ декабря 1825 года стало ясно, что императоромъ будетъ Николай Павловичъ, графъ Милорадовичъ выразилъ «сомнѣніе въ успѣхѣ его восшествія, такъ какъ гвардія не любитъ Николая». Для характеристики положенія Николая Павловича и отношенія къ нему окружавшихъ его еще въ 1817 году (оно не измѣнялось) стоитъ привести изъ записокъ Вигеля отрывокъ, относящійся къ въѣзду невѣсты Николая Павловича въ Петербургъ: «русскіе мало знали великаго князя; едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слиш-

комъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію, но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны были потрясти міръ, и гнѣвъ Божій справедливо караетъ ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагосклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлекать къ нему сердецъ. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ. И даже въ этотъ день ликованія царской семьи я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе».

Отъ самого великаго князя не могли укрыться подобныя отношенія къ нему. Нельзя забывать и того, что никто не подозрѣвалъ въ немъ будущаго царя, а его скромное служебное положеніе только располагало къ пренебрежительному отношенію. До 1818 года все знакомство Николая Павловича со свѣтомъ, по его собственнымъ словамъ, ограничивалось ежедневнымъ ожиданіемъ въ переднихъ или секретарской комнатѣ; здѣсь при немъ не стѣснялись. И этотъ періодъ жизни многому его поучилъ: «до сего я видѣлъ,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—и не понималъ; сперва родилось удивленіе, наконецъ, и я смѣялся; потомъ началъ замѣчать, многое видѣлъ, многое понялъ; многихъ узналъ—и въ рѣдкомъ обманулся». Сдѣлавшись бригаднымъ командиромъ и усердно занявшись военной службой, Николай Павловичъ продолжалъ наблюдать. Съ негодованіемъ онъ смотрѣлъ на паденіе дисциплины въ войскахъ, утомленныхъ продолжительными походами. «Въ сіе-то время (по возвращеніи изъ-за границы),—пишетъ Николай Павловичъ въ своихъ запискахъ,—и безъ того уже разстроенный трехгодовымъ походомъ порядокъ совершенно разстроился, и, къ довершенію всего, дозволено было офицерамъ носить фраки. Было время (повѣритъ ли кто сему?), что офицеры ѣзжали на ученіе во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранялась только во фронтѣ; уваженіе къ начальникамъ исчезло совершенно, и служба была—одно слово, ибо не было ни правилъ, ни порядка, а все дѣлалось совершенно произвольно и какъ бы поневолѣ, дабы только жить со дня на день».

Но, помимо паденія дисциплины, великаго князя поражало и нѣчто другое, ему непонятное, но, очевидно, враждебное. Напряженно онъ вдумывался въ происходившее въ войскахъ броженіе, пы-

тался услѣдить его сущность, но она ускользала отъ него. «Я возымѣлъ мысль,—пишетъ онъ,—что подъ симъ, т.-е. военнымъ распутствомъ, крылось что-то важнѣе, и мысль сія постоянно у меня оставалась источникомъ строгихъ наблюденій. Вскорѣ замѣтилъ я, что офицеры дѣлились на три разбора: на искренно усердныхъ и знающихъ, на добрыхъ малыхъ, но запущенныхъ, и на рѣшительно дурныхъ, т.-е. говоруновъ, дерзкихъ, лѣнивыхъ и совершенно вредныхъ; но сихъ-то послѣднихъ жалъ я безъ милосердія и всячески старался оныхъ избавиться, что мнѣ и удавалось. Но дѣло сіе было не легкое, ибо сіи-то люди составляли какъ бы цѣпь черезъ всѣ полки, и въ обществѣ имѣли покровителей, коихъ сильное вліяніе сказывалось всякій разъ тѣми нелѣпыми слухами и тѣми непріятностями, которыми удаленіе ихъ изъ полковъ мнѣ отплачивалось».

Разгадку своихъ подозрѣній Николаю Павловичу суждено было найти въ день 14-го декабря на Петровской площади. До самаго 12-го декабря 1825 года, когда было получено изъ Таганрога отъ Дибича обширнѣйшее сообщеніе о заговорѣ, Николай Павловичъ даже не подозрѣвалъ о существованіи заговора. И 12-го же декабря въ отвѣтъ на донесеніе Дибича Николай Павловичъ писалъ: «Долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, или и вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по всѣмъ частямъ съ самаго ужаснаго 27-го числа, нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ либо подобномъ, а напротивъ можно скорѣе сказать, что почти никогда такого порядка при жизни государя здѣсь не бывало; я бы грѣшилъ передъ Богомъ и передъ самимъ собою, если бы говорилъ противное».

III.

Переходимъ теперь къ эпизоду, богатому совершенно непонятными таинственностями и вызвавшему столь значительныя послѣдствія—исторіи перехода престола отъ цесаревича Константина Павловича къ великому князю Николаю Павловичу. Историкъ не можетъ найти столь сильные и выразительные эпитеты, которые могли бы охарактеризировать чувство недоумѣнія при изложеніи этого эпизода.

Мы уже упомянули о томъ, что императоръ Александръ въ 1819 посвятилъ Николая въ свои намѣренія относительно престола. Это было 13 іюля, въ Красномъ Селѣ, на завтракѣ у великаго князя. За завтракомъ было трое: Александръ I, Николай и его жена. Александръ сообщилъ пораженной великокняжеской четѣ о

томъ, что онъ не чувствуетъ въ себѣ ни силы, не желанія оставаться на тронѣ, и считаетъ своимъ долгомъ отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Александръ заявилъ о томъ, что наслѣдникъ престола Константинъ Павловичъ, имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ. Царь сказалъ, что Николай Павловичъ и его супруга должны знать напередъ, что они призываются на сіе достоинство, т.-е. на царство. 13 іюля 1819 года, первый и единственный разъ Николай Павловичъ слышалъ это важное рѣшеніе въ столь категорической формѣ: какъ это ни странно, но до самой своей смерти Александръ I не считалъ нужнымъ посвящать его въ вопросъ о престолонаслѣдіи и утвердить истину своего намѣренія какими либо письменными заявленіями. Чтобы понять заявленіе, сдѣланное Александромъ, нужно принять во вниманіе слѣдующее. Изъ біографіи Александра мы хорошо знаемъ, что желаніе отречься отъ престола возникло у него въ раннемъ дѣтствѣ; отреченіе отъ престола было мечтой, которая всю жизнь тревожила его, которую онъ лелѣялъ, но почти не пытался реализовать и, если пытался, то весьма пассивно и неопредѣленно. Константинъ же Павловичъ тоже очень давно, но и очень опредѣленно, рѣшилъ не вступать на тронъ. Еще въ 1801 году, послѣ трагическихъ мартовскихъ событій, онъ сказалъ Саблукову: «послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если бы престолъ достался мнѣ когда нибудь, то я, конечно, его не приму». Извѣстно, что брачная жизнь Константина Павловича сложилась очень неудачно. Великая княгиня Анна Ѳеодоровна не вынесла его крутого и жестокаго нрава и послѣ кончины императора Павла поселилась за границею и уже не возвращалась въ Россію. Константинъ Павловичъ скоро сталъ помышлять о разводѣ, но ему трудно было добиться согласія матери, считавшей разводъ компрометирующимъ и соблазнительнымъ дѣломъ. Только 20 марта 1820 года появился манифестъ о расторженіи брака Константина Павловича съ дозволеніемъ вступить ему въ новый. Въ манифестъ было внесено одно добавленіе: «Учрежденіе объ императорской фамиліи» Павла не предусматривало стѣсненій и считало законнымъ всякій бракъ, заключенный съ согласія императора. Манифестъ 20 марта 1820 года вводилъ слѣдующее добавленіе: «лицо императорской фамиліи, вступившее въ бракъ съ лицомъ, не принадлежащимъ къ царствующему или владѣтельному дому, не передаетъ другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и дѣти отъ такого брака не имѣютъ права на наслѣдованіе престола». 12 мая 20 года, Константинъ Павловичъ обвѣнчался съ дѣвицей графи-й Іоанной Грудзинскою. Этотъ бракъ съ полькой создавалъ новое епятствіе для занятія престола: самъ Константинъ Павловичъ ворилъ, что нація не можетъ имѣть къ нему необходимой довѣ-

ренности, и отношенія націи къ нему всегда будутъ двусмысленными. Эту фразу Константинъ Павловичъ произнесъ въ разговорѣ съ братомъ Михаиломъ лѣтомъ 1821 года; тогда же онъ открылъ брату о своемъ непреклонномъ рѣшеніи отречься отъ престола. Въ 1822 году, дѣло объ отреченіи было оформлено: 14 января цесаревичъ обратился съ письмомъ къ императору, содержавшимъ отреченіе отъ престола и просьбу передать право на тронъ тому, кому оно принадлежитъ послѣ него. Рескриптомъ отъ 22 февраля императоръ далъ свое согласіе. Тутъ въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи мы наталкиваемся на первыя недоумѣнія. Обмѣнъ письмами произошелъ въ глубокой тайнѣ, въ письмахъ по непонятной причинѣ осталось не названнымъ имя Николая Павловича; наконецъ, въ рескриптѣ императора не упомянуто о составленіи обѣщаннаго государемъ акта по поводу одобреннаго имъ измѣненія порядка престолонаслѣдія. Шильдеръ съ глубокимъ порицаніемъ относится къ такому образу дѣйствій: «Вся офиціальная фразеологія писемъ витаетъ въ области тщательно оберегаемаго инкогнито. Вообще же во всемъ этомъ дѣлѣ, начиная отъ его зародыша до окончательной развязки, проглядываетъ какая-то безцѣльная страсть къ тайнѣ, какое-то тщательное и послѣдовательное уклоненіе отъ прямого названія вещей настоящимъ именемъ; все сводится къ какой-то непостижимой игрѣ въ прятки, настойчиво поддерживаемой, неизвѣстно для какой цѣли, всѣми заинтересованными въ вопросѣ о престолонаслѣдіи лицами». Объ этомъ актѣ весьма мало опредѣленнаго зналъ даже самъ Николай. Съ офиціальнымъ же актомъ не спѣшили; только лѣтомъ 1823 года онъ былъ составленъ. Составленіе его было обставлено глубокой тайной. Лѣтомъ князь Голицынъ передалъ подлинное письмо Константина 1822 года архіепископу московскому Филарету и приказаніе составить манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола Николая Павловича. Проектъ былъ просмотрѣнъ Александромъ. Прибывъ въ Москву, Александръ прислалъ Филарету утвержденный актъ съ приложеніемъ подлиннаго письма Константина Павловича съ слѣдующей собственноручной надписью: «хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія». Въ присутствіи трехъ лицъ Филаретъ, показавъ имъ конвертъ и печать, но не надпись, положилъ въ ковчегъ пакетъ и заперъ его. Кромѣ Филарета, въ Москвѣ никто, и даже самъ генералъ-губернаторъ, не зналъ о содержаніи бумагъ въ пакетѣ. Такіе же пакеты съ подобной надписью были положены на храненіе (должно замѣтить удивительную небрежность—неодновременно) въ государственный совѣтъ, синодъ и сенатъ. О существованіи акта въ Россіи знали только три лица: Филаретъ, графъ Аракчеевъ и князь А. Н. Голи-

цынъ. Даже трудно сказать, были ли извѣстны распоряженія императора Александра Маріи Ѳеодоровнѣ, но положительно извѣстно, что два главныхъ заинтересованныхъ лица, Константинъ и Николай Павловичи, ничего не услышали объ этомъ отъ императора Александра, но въ то же самое время Александръ дѣлится своей тайной съ лицами посторонними: принцемъ Вильгельмомъ и супругами Карамзиными. Біографъ совершенно отказывается понять мотивы дѣйствій Александра. Шильдеръ по этому поводу можетъ сказать только слѣдующее: «Странными и непонятными мѣрами императору Александру благоугодно было обставить столь важный и жизненный для государства вопросъ, заранѣе обрекая избраннаго имъ наслѣдника престола на крайне двусмысленное положеніе, какъ въ отношеніи къ своему старшему брату, такъ и къ Россіи вообще. Все сводилось, въ сущности, къ тому, что въ случаѣ несчастья, какъ бы въ частномъ быту, раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія. Трудно прійти къ другому заключенію и придумать лучшее объясненіе».

Въ началѣ 1824 года, Александръ опасно заболѣлъ, опасались за его жизнь. Болѣзнь была какъ бы предостереженіемъ, но тщетнымъ: манифестъ 16-го августа не былъ оглашенъ. Въ 1825 году въ февралѣ императоръ былъ въ Варшавѣ на открытіи сейма, но и тутъ ни словомъ не обмолвился объ актѣ Константину Павловичу. Не задолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ 1825 году князь А. Н. Голицынъ осмѣлился сказать Александру объ опасностяхъ, которыя могутъ имѣть мѣсто, если бумаги первостепенной важности останутся неопубликованными. «Александръ,—пишетъ баронъ М. А. Корфъ,—сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостью замѣчаній Голицына, но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукой на небо, тихо сказалъ: «Положимся въ этомъ на Бога: Онъ устроитъ все лучше насъ смертныхъ». Но почему же, почему Александръ Павловичъ предпочиталъ таить столь важные акты и отъ наслѣдника, и отъ Россіи? Шильдеръ по этому поводу даже цитируетъ съ одобреніемъ слова одного писателя о томъ, что человѣческимъ умомъ въ этомъ дѣлѣ ничего понять нельзя. Быть можетъ, тутъ сказывается особенность его характера—крайняя нерѣшительность? Вѣдь послѣ всенароднаго объявленія Николая Павловича наслѣдникомъ Александръ терялъ бы возможности измѣнить дѣло въ случаѣ измѣненія своихъ взглядовъ, а онъ, очевидно, предусматривалъ какія-то намъ недоступныя возможности, когда писалъ на конвертѣ: «хранить до моего востребованія». Другіе объясняютъ эту надпись въ томъ смыслѣ, что государь одновременно съ манифестомъ о новомъ наслѣдникѣ хотѣлъ объявить и о своемъ отреченіи. Шильдеръ склоненъ искать причину загадочныхъ дѣйствій императора Александра преимущественно въ той особенности характера государя, по которой онъ хотя и не доро-

жить своимъ саномъ, но ревновалъ къ совмѣстникамъ. Шильдеръ готовъ видѣть отгадку въ приводимыхъ имъ словахъ современника: «Онъ боялся имѣть наслѣдника, который затмилъ бы его въ глазахъ и мнѣніи народа, какъ онъ, конечно, безъ всякаго умысла затмилъ своего отца. Соперничества Константина Павловича онъ не боялся; цесаревичъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ, и давно уже говорилъ, что царствовать не хочетъ и не будетъ. Александръ боялся превосходства Николая и заставлялъ его играть жалкую и тяжелую роль пустого бригаднаго и дивизіоннаго командира».

Распоряженія Александра повлекли за собой губительныя недоразумѣнія и осложненія. 19-го ноября 1825 года, въ Таганрогѣ неожиданно скончался императоръ Александръ. Дибичъ немедленно отправилъ объ этомъ донесенія новому императору Константину Павловичу и Маріи Ѳеодоровнѣ. Фельдъегерь привезъ печальное извѣстіе въ Петербургъ 27-го ноября, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда шелъ молебенъ о здравіи императора. Николай Павловичъ сообщилъ о смерти императрицѣ: ее подняли безъ чувства и понесли во внутренніе покои. Николай Павловичъ поручилъ ее заботамъ своей супруги, сказавъ ей: «Soignez notre mère et moi je vais faire mon devoir», а самъ вышелъ изъ притвора въ церковь и здѣсь одинъ въ присутствіи священника и невольнаго свидѣтеля В. А. Жуковскаго, оставшагося незамѣченнымъ, принесъ присягу Константину Павловичу. Вслѣдъ за этимъ Николай Павловичъ сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ къ присягѣ войскъ, бывшихъ на караулѣ во дворцѣ, и разослалъ о томъ же приказанія по отдѣльнымъ частямъ. Возвратившись къ императрицѣ, Николай Павловичъ сообщилъ ей о своей присягѣ и присягѣ караула и бывшихъ во дворцѣ лицъ. «Nicolas, qu'avez vous fait?—воскликнула императрица въ отчаяніи,—ne savez-vous donc qu'il y a un autre acte qui vous nomme héritier présomptif?»—«S'il y en a un,—отвѣтилъ великій князь,—il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous que notre maitre, notre souverain légitime, est mon frère Constantin et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra!».

Изъ трехъ лицъ, знавшихъ о таинственномъ пакетѣ, только одинъ въ этотъ день былъ въ Петербургѣ, князь А. Н. Голицынъ. Встревоженный, пріѣхалъ онъ во дворецъ уже послѣ присяги и рѣзко сталъ выговаривать Николаю Павловичу за поспѣшность и требовалъ отъ него повиновенія волѣ покойнаго государя. Въ 2 часа дня состоялось чрезвычайное собраніе государственнаго совѣта. Голицынъ поспѣшилъ туда и возвѣстилъ о хранящемся въ совѣтѣ пакетѣ. Поднялись разсужденія, читать ли бумаги, хранившіяся въ этомъ пакетѣ. Лобановъ-Ростовскій заявилъ, что «les morts n'ont point de volonté», Шишковъ съ жаромъ доказывалъ, что имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ императора,

и что поэтому прежде всякаго дѣйствія нужно принести присягу государю. Наконецъ, манифестъ былъ прочитанъ, но члены совѣта все еще были въ недоумѣніи, несмотря на невѣрное (невѣрность обнаружилась позже) заявленіе Милорадовича о томъ, что Николай Павловичъ торжественно отрекся отъ права, предоставляемаго ему этимъ манифестомъ, Николай Павловичъ не зналъ о его существованіи, и что нужно поэтому присягать Константину Павловичу. Члены совѣта постановили обратиться за разрѣшеніемъ недоумѣнія къ Николаю Павловичу, и получили въ отвѣтъ: «господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану». «Какой великодушный подвигъ!»—послышались голоса. На просьбу же нѣкоторыхъ членовъ прочитать отреченіе Константина Николай Павловичъ заявилъ, что онъ все это знаетъ, что дѣло это для него не было скрыто, но что онъ и тогда далъ себѣ клятвенныя обѣщанія поступить въ случаѣ подобнаго несчастія по тѣмъ правиламъ, по коимъ онъ нынѣ поступилъ. Неясно, не хотѣлось ли Николаю Павловичу признаваться, что актъ былъ отъ него скрытъ, или онъ говорилъ вообще о намѣреніи Александра, которое ему было извѣстно изъ разговора въ 1819 году, а члены поняли его въ смыслѣ офиціальнаго акта. Наконецъ, члены государственнаго совѣта принесли присягу. Немедленно Николай Павловичъ отправилъ въ Варшаву къ императору Константину Павловичу съ адъютантомъ Лазаревымъ списокъ съ журнала государственнаго совѣта вмѣстѣ съ докладными записками Оленина и Лопухина и своимъ письмомъ. Въ Москву былъ отправленъ Мантейфель: ему поручено было сообщить генералъ-губернатору о событіяхъ въ Петербургѣ 27-го ноября и пригласить приступить къ присягѣ.

Шильдеръ подвергаетъ обсужденію образъ дѣйствій Николая Павловича въ день 27-го ноября. «Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ поставленъ, мнѣ невозможно было поступить иначе»,—такъ сказалъ императоръ Николай въ 1829 году цесаревичу. Въ чемъ состояли эти обстоятельства? Немалую роль игралъ въ это время петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, совершенно незаслуженно пользовавшійся славой отличнаго совѣтника и единственнаго лица, которому обязана спокойствіемъ столица. Онъ прямо заявлялъ, что симпатіи войска и столицы на сторонѣ Константина и отнюдь не Николая. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе, что въ донесеніи Дибича Маріи Өеодоровнѣ отъ 19-го ноября было сказано: «Съ покорностью ожидаю повелѣній отъ нашего законнаго государя, императора Константина Павловича». Какъ было поступить Николю Павловичу? Съ одной стороны, къ

присягѣ нельзя приступить безъ манифеста за императорскою подписью, такъ что петербургская присяга была своего рода coup d'état. Съ другой стороны, развѣ могъ онъ уклониться отъ присяги, разъ Милорадовичъ не ручался въ этомъ случаѣ за спокойствіе города?

Въ Москвѣ принесеніе присяги Константину Павловичу совершилось благополучно сейчасъ же по пріѣздѣ Мантейфеля: Филаретъ не счелъ нужнымъ настаивать на исполненіи акта, хранившагося въ Успенскомъ соборѣ...

Тѣмъ временемъ въ Варшавѣ происходили слѣдующія событія. Извѣстіе о смерти Александра Константинъ Павловичъ получилъ вечеромъ 25-го ноября. Всеподданнѣйшій рапортъ Дибича не измѣнилъ его рѣшенія, и онъ тотчасъ же заявилъ великому князю Михаилу Павловичу: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь мой прежній образъ дѣйствія не былъ какою нибудь личиною, и продолжать съ тою же твердостью, съ которою я началъ; въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и моя воля отречься отъ престола болѣе, нежели когда либо, непреложна. Приступимъ къ исполненію!» Вслѣдъ за симъ явился Николай Николаевичъ Новосильцевъ. Цесаревичъ тотчасъ объявилъ ему объ утратѣ, постигшей Россію. «Какія же теперь приказанія вашего величества?»—спросилъ Новосильцевъ.—«Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула»,—возразилъ цесаревичъ и разсказалъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ отрекся отъ наслѣдія престола въ пользу брата. Несмотря на данное ему предостереженіе, Новосильцевъ въ продолженіе разговора снова повторилъ тотъ же титулъ. «Въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить, — закричалъ цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ:—что теперь одинъ законный государь и императоръ нашъ—Николай Павловичъ».

Шагъ былъ сдѣланъ, и съ этого момента Константинъ Павловичъ считаетъ излишними всякія дѣйствія съ его стороны, направленныя въ пользу осуществленія его же рѣшенія. Отнынѣ онъ съ крайней рѣзкостью обрушивается на всѣхъ, кто только осмѣливается назвать его величествомъ. Не зная объ актѣ, сдѣланномъ Александромъ, Константинъ Павловичъ велѣлъ приготовить два письма,—къ Маріи Ѳеодоровнѣ и Николаю Павловичу; въ нихъ онъ употребилъ выраженіе, способное внести только новую путаницу, сказавъ, что уступаетъ право свое на наслѣдіе престола младшему брату въ силу рескрипта императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года. Эти бумаги долженъ былъ отвезти въ С.-Петербургъ великій князь Михаилъ Павловичъ, выѣхавшій 26-го ноября изъ Варшавы, а 2-го декабря прибылъ адъютантъ Лазаревъ съ извѣстіями о петербургской присягѣ. Можно представить себѣ раздраженіе Константина Павловича! Ему оставалось или принять пре-

столъ, или ѣхать самому въ С.-Петербургъ, или же обратиться съ манифестомъ къ народу. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, ни третьяго. Прочитавъ бумаги, привезенныя Лазаревымъ, Константинъ Павловичъ написалъ Николаю Павловичу письмо слѣдующаго содержанія: «Я прочелъ письмо ваше съ живѣйшей горестью и печалью. Мое рѣшеніе непоколебимо и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ нашего покойнаго императора. Вашъ на жизнь вѣрный и преданный другъ и братъ Константинъ». Въ письмѣ же къ Лопухину, предсѣдателю государственнаго совѣта, цесаревичъ высказалъ крайне рѣзко свое неудовольствіе за нарушеніе воли покойнаго государя въ выраженіяхъ, устранявшихъ всякую возможность опубликованія. Такимъ образомъ рѣшеніе цесаревича сводилось, по выраженію Шильдера, къ слѣдующей формулѣ: «я сдѣлалъ свое дѣло, вы поступили опрометчиво и неправильно, распутывайте же теперь дѣло, какъ знаете, моя хата съ края». Образъ дѣйствій Константина Павловича психологически понятенъ: отказаться отъ царства—подвигъ, на который трудно рѣшиться. Мы, конечно, не знаемъ, какъ цесаревичъ въ глубинѣ души, не на словахъ, относился къ отреченію отъ престола, чѣмъ онъ былъ къ тому побуждаемъ, природнымъ ли отвращеніемъ къ трону, или силой внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ его дѣйствіяхъ, въ этомъ пассивномъ созерцаніи происходящаго, сказывается своего рода утомленіе отъ подвига, быть можетъ, сожалѣніе о немъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Петербургъ 3-го декабря, рано утромъ. Привезенныя имъ бумаги и словесныя объясненія мало разъясняли положеніе вещей. Письма, переданныя Михаиломъ Павловичемъ, вѣдь, были написаны цесаревичемъ раньше полученія имъ сообщеній о петербургской присягѣ. Слѣдовательно, на присягу отвѣта не было и не было акта, который бы удостовѣрялъ, что цесаревичъ своего рѣшенія не перемѣнилъ и попрежнему отказывается отъ престола. Рѣшено было обратиться къ Константину Павловичу и ждать отъ него какого либо акта, окончательно рѣшающаго вопросъ о престолонаслѣдіи. Но такъ какъ по городу пошли толки о томъ, что Михаилъ Павловичъ, выѣхавшій изъ Варшавы по полученіи извѣстія о смерти Александра, не присягалъ Константину, то рѣшено было и Михаила Павловича отправить по пути на Варшаву, якобы для успокоенія Константина Павловича насчетъ здоровья Маріи Θеодоровны. 9-го декабря, пріѣхалъ адъютантъ Лазаревъ съ письмами къ Николаю Павловичу и съ бумагой къ Лопухину, содержавшей выговоръ государственному совѣту. Эти документы тоже не разрѣшили недоумѣннаго положенія. Наконецъ, въ довершеніе сумя-

тицы и тревогъ междуцарствія, 12-го декабря Николай Павловичъ получилъ отъ Дибича обширнѣйшее донесеніе о преступномъ заговорѣ; впервые онъ узналъ о тайномъ обществѣ и заговорѣ, потому что Александръ I, получая свѣдѣнія о тайномъ обществѣ съ 1820 года, скрывалъ ихъ отъ намѣченнаго имъ наслѣдника престола. Понятно, что при первомъ бѣгломъ просмотрѣ вскрытыхъ бумагъ Николая Павловича объялъ несказанный ужасъ, какъ пишетъ баронъ Корфъ. 12-го же декабря, едва только Николай Павловичъ окончилъ отвѣтъ Дибичу, пріѣхалъ курьеръ изъ Варшавы съ отвѣтомъ на послѣднія письма Маріи Ѳеодоровны и Николая Павловича. Письма эти отъ 8-го декабря опять заключали массу наставленій, но безъ прямого подтвержденія отреченія отъ престола, но эти письма вывели наконецъ Николая Павловича изъ состоянія нерѣшимости. Впослѣдствіи, въ 1835 году, Николай Павловичъ писалъ: «Единому Богу извѣстно, что воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, опираясь на то, что не признавалъ себя императоромъ, отвергая присягу, ему данную, какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изреченія непреклонной своей воли, какъ обнародованіе таковаго императора Александра и акта отреченія своего отъ престола. Я предчувствовалъ, что, повинуясь волѣ братней, иду на гибель, но нельзя было иного, и долгъ повелѣвалъ соображать единственно, какъ исполнить сіе съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ».

Въ 9 часовъ вечера, Николай Павловичъ приписалъ къ оконченному имъ письму Дибичу по поводу заговора слѣдующія строки: «Рѣшительный курьеръ воротился, послѣзавтра по утру я—или государь или безъ дыханія. Я жертвую собой для брата, счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный нынѣ передо мною выполнятъ».

Вотъ въ какомъ настроеніи находился Николай Павловичъ наканунѣ рѣшительнаго шага своей жизни! Въ тотъ же день Николай Павловичъ набросалъ главныя мысли и историческую часть манифеста, который долженъ былъ съ должной ясностью выяснить запутанную исторію междуцарствія. Развитіе плана Николая Павловича было поручено Карамзину и Сперанскому. Проектъ Карамзина не удостоился одобренія; Сперанскій долженъ былъ переработать его, выпустивъ опредѣленныя указанія Карамзина на

характеръ и намѣренія новаго царствованія. Манифестъ былъ помѣченъ 12-мъ декабря, но подписанъ 13-го декабря. День 13-го декабря прошелъ въ приготовленіяхъ къ присягѣ, но для разысканія нитей заговора и предупрежденія опасности не было ничего сдѣлано. Поздно вечеромъ 13-го декабря, въ засѣданіи государственнаго совѣта Николай Павловичъ прочелъ послѣднія полученныя имъ отъ Константина Павловича бумаги и отдалъ приказаніе объ обнародованіи манифеста.

14-го декабря должна была быть принесена присяга новому императору.

IV.

Значительная часть труда Шильдера посвящена декабристамъ, исторіи ихъ движенія, событіямъ 14-го декабря и тяжелой развязкѣ этого драматическаго эпизода русской исторіи. И въ текстѣ книги, и въ приложеніяхъ Шильдеръ впервые далъ много новыхъ и важныхъ документовъ, но главное значеніе этого отдѣла книги — въ общихъ оцѣнкахъ, общихъ взглядахъ и выводахъ историка о нѣкоторыхъ моментахъ этой исторіи. Нужно сказать, что главы труда, посвященныя дѣлу 14-го декабря, написаны съ высокимъ безпристрастіемъ; сужденія, сдѣланныя такимъ авторитетнымъ историкомъ, хотя бы, напримѣръ, о сущности движенія, о характерѣ официальнаго разслѣдованія, пріобрѣтаютъ особенное значеніе и могутъ быть положены въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Отсылая читателей къ труду Шильдера, мы не будемъ разсказывать ни исторіи движенія, ни событій 14-го декабря, а остановимся лишь на нѣкоторыхъ моментахъ.

Исторія происшествія на Сенатской площади, рѣшительный образъ дѣйствій новаго императора — достаточно извѣстны. Достойны замѣчанія мнѣнія о возможности побѣды возставшихъ войскъ. Она не была не возможной. Большую роль въ прекращеніи бунта играетъ пассивный и неискусный образъ дѣйствій князя Трубецкого, который былъ выбранъ диктаторомъ на этотъ день. По мнѣнію очевидца, принца Евгенія Виртембергскаго, «нельзя не признать, что осуществленіе полнаго переворота въ Россіи, благодаря совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, зависѣло отъ одной счастливой случайности. Дѣйствительно, какъ легко пистолетъ Кюхельбекера могъ бы исполнить свое назначеніе, а Булатовъ оказаться менѣе чувствительнымъ, и кто же изъ насъ всѣхъ разобрался бы въ хаосѣ непонятной, совершенно туманной обстановки, кто принялъ бы тотчасъ необходимыя мѣры для обезпеченія отъ загадочной вражьей силы». Впрочемъ, сами заговорщики совсѣмъ не были увѣрены въ успѣхѣ своего дѣла; въ настоящее время все болѣе и болѣе выясняется характеръ движенія

и то значеніе дня 14-го декабря—дня протеста, какое придавали ему заговорщики. Вождь заговора, Рылѣевъ, выслушавъ на одномъ изъ собраній указанія барона Розена на почти невозможность реальнаго успѣха, «съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ» сказалъ ему: «да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать: начало и примѣръ принесутъ пользу» («еще теперь слышу звуки, интонацію «все-таки надо»,—писалъ въ своихъ запискахъ Розенъ). Рылѣевъ, по свидѣтельству Н. А. Бестужева, всегда говаривалъ: «предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: «дерзай», и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ». Шильдеръ, отказываясь возсоздать вѣрный образъ людей этого движенія за отсутствіемъ объективныхъ данныхъ, дѣлаетъ слѣдующую общую оцѣнку декабристовъ: «Со времени декабрьскаго мятежа прошло уже 78 лѣтъ, и вмѣсто пристрастія и увлеченія, понятныхъ въ отзывахъ современниковъ этихъ событій, должна заговорить, наконецъ, историческая правда... Каковы бы ни были сужденія о дѣлѣ вообще, представителями котораго явились декабристы, въ немъ выдѣляется одна общая черта, которую отрицать невозможно, признавая даже самое дѣло ошибочнымъ, или слѣдствіемъ заблужденія. Черта эта есть самопожертвованіе въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Жертвами затѣяннаго движенія явились не такія лица, которымъ терять было нечего; напротивъ, всѣ или уже составили себѣ, или могли составить, блестящую карьеру, именно при томъ порядкѣ, противъ котораго они возставали. Съ другой стороны, тутъ не были люди неспособные, недоучки, которые примкнули бы къ тайному обществу отъ бездѣлья; напротивъ того, среди членовъ союза были люди, занимавшіе опредѣленныя, нерѣдко важныя мѣста, извѣстные своею исполнительностью по службѣ во всѣхъ званіяхъ, на всѣхъ мѣстахъ; наконецъ, люди, которые въ ближайшей практической сферѣ дѣйствовали согласно съ своими убѣжденіями, гуманно, благородно, справедливо, заслуживая довѣріе какъ подчиненныхъ, такъ и другихъ, зависѣвшихъ отъ нихъ людей. Первоначально движеніе, несомнѣнно, было чисто и безкорыстно, при чемъ самопожертвованіе руководителей его является еще тѣмъ болѣе яркимъ, что едва ли кто либо изъ нихъ лелѣялъ надежду на успѣхъ; всѣ, напротивъ того, приготовились пасть жертвою своихъ убѣжденій». Шильдеръ подвергаетъ рѣзкой и справедливой критикѣ извѣстное «Донесеніе слѣдственной комиссіи», единственный офиціальный источникъ нашихъ свѣдѣній, между прочимъ, и за то, что оно умалчиваетъ о тѣхъ преобразованіяхъ, осуществленіе которыхъ составляло главную цѣль тайнаго союза. «Уклоненія и преступныя намѣренія отдѣльныхъ личностей,— пишетъ Шильдеръ,—послужили средствомъ для приданія всему дѣлу ложной окраски, за которою меркнетъ планъ ре-

формъ, осуществившихся при Александрѣ II». Любопытно то, что процессъ декабристовъ не прекратилъ толковъ о необходимости реформъ во всѣхъ частяхъ управленія: донесенія тайныхъ агентовъ не рѣдко упоминаютъ о разговорахъ на эту тему. Вопіющіе недостатки системы были у всѣхъ на глазахъ. Французскій посолъ Лаферронэ въ своихъ опасеніяхъ за будущее Россіи пишетъ слѣдующія строки: «главная бѣда въ томъ, что люди, самые благоразумные, тѣ, кто съ ужасомъ и отвращеніемъ взирали на совершившіяся событія, думаютъ и громко говорятъ, что преобразованія необходимы, что нуженъ сводъ законовъ, что слѣдуетъ видоизмѣнить совершенно и основанія и формы отправленія правосудія, оградить крестьянъ отъ невыносимаго произвола помѣщиковъ, что опасно пребывать въ неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но итти за вѣкомъ и медленно готовиться къ еще болѣе рѣшительнымъ перемѣнамъ».

Изъ преыдущаго изложенія мы знаемъ, что у новаго государя давно уже сложились совершенно опредѣленные политическіе взгляды, что съ дѣтства особенностями его характера были непоколебимость и настойчивость. Поэтому, на основаніи сказаннаго выше, мы можемъ совершенно ясно опредѣлить сущность его внутренней политики. Подъ впечатлѣніемъ первыхъ допросовъ, имъ произведенныхъ, онъ обратился къ великому князю Михаилу Павловичу: «La revolution est aux portes de la Russie, mais elle n'y pénétrera pas, je le jure, tant que j'aurai un souffle de vie, tant que je serai empereur, par la grâce de Dieu!» А 28-го января 1826 г. на запискѣ князя А. С. Меншикова императоръ положилъ слѣдующую резолюцію: «Сомнѣваюсь, чтобы кто либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана точная воля». Такимъ образомъ, съ нѣкоторою опредѣленностью мы можемъ отрицательно рѣшать вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ декабрьскія происшествія отдалили реформы, столь необходимыя для Россіи. Въ политикѣ императора Николая онѣ могли имѣть значеніе въ смыслѣ постоянныхъ, такъ сказать, наглядныхъ, вѣчно живыхъ, побудительныхъ мотивовъ дѣйствій, но сущность политики было ясна и до нихъ. Нужно отдѣлять вліяніе декабрьскихъ событій на политическую программу императора и на его душевный складъ. Не раздѣляя этихъ двухъ сторонъ, Шильдеръ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ данными, собранными въ его книгѣ, когда приписываетъ событіямъ 14-го декабрря слишкомъ большое значеніе для всего характера правленія. «Происшествія 14-го декабря,—пишетъ онъ,—произвели на императора Николая тяжкое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. Укажемъ здѣсь на подходящее къ разбираемымъ событіямъ явленіе: императору Александру I никогда не

удалось одолѣть прискорбное припоминаніе о событіяхъ 11-го марта 1801 года, среди которыхъ свершилось его воцареніе, какъ преемника Павла. Къ несчастію, самый фактъ немирнаго воцаренія повторился снова въ 1825 году, хотя и въ иной формѣ. «Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь, при воспоминаніи объ этомъ днѣ»,— признался Николай Павловичъ французскому послу вскорѣ послѣ своего воцаренія. Такимъ образомъ, несомнѣнно устанавливается фактъ, что воспоминаніе о мятежѣ 14 декабря и связанномъ съ нимъ обширномъ заговорѣ должно было оставить въ умѣ императора Николая неизгладимые слѣды, отъ которыхъ онъ дѣйствительно не могъ освободиться до смертнаго одра. Несчастныя событія перваго дня его царствованія должны были сопровождаться, сверхъ сего, еще и другимъ явленіемъ: они поставили государя въ совершенно особыя условія ко всякому свободному и независимому выраженію какой бы то ни было политической мысли, не согласовавшейся съ его собственными крайне опредѣленными воззрѣніями. При малѣйшемъ нарушеніи общественнаго спокойствія и дисциплины императоръ Николай имѣлъ привычку повторять: «Ce sont mes amis de quatorze». Шильдеръ признаетъ справедливымъ замѣчаніе гр. Д. А. Толстого: «Позволительно заключать, особенно изъ его личнаго храктера и изъ исторіи его царствованія, что 14-е декабря дало этому государю совсѣмъ иное направленіе», но матеріалы, Шильдеромъ приведенные, и отдѣльные выводы, имъ сдѣланные, намѣчаютъ возможность другого, противоположнаго взгляда...

Извѣстно, что первые допросы арестованнымъ заговорщикамъ производились въ Зимнемъ дворцѣ въ присутствіи самого Николая Павловича. 17-го декабря, онъ подписалъ оставшійся секретнымъ указъ военному министру объ учрежденіи комитета по разысканію злоумышленниковъ, состоявшаго изъ военнаго министра, великаго князя Михаила Павловича, князя Голицына, Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа и Левашева. 19-го же былъ обнародованъ манифестъ о назначеніи суда и слѣдствія, въ которомъ давалась краткая характеристика событія: «Чего желали злоумышленники? Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великаго князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству: испровергнуть престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначаліе». А въ статьѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (2-й № въ 1826 году), являвшейся своего рода пра-

вительственнымъ сообщеніемъ, было сказано: «Неожиданныя происшествія 14-го декабря, печальныя сами по себѣ, имѣли счастливыя послѣдствія, ибо оными обнаружено существованіе гнуснаго, дотолѣ едва подозрѣваемаго заговора. Люди, недостойные имени русскихъ, умышляли неслыханныя въ отечествѣ нашемъ злодѣйства: истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ, расхищеніе имуществъ, убіеніе не принадлежащихъ къ мятежническому ихъ сообществу гражданъ, однимъ словомъ, всѣ неисчислимые ужасы безначалія». Статья заканчивалась указаніемъ на то, что злоумышленниковъ ожидаетъ примѣрное наказаніе.

Секретный комитетъ, учрежденный 17-го декабря, именовался впослѣдствіи комиссіею по изысканію о злоумышленныхъ обществахъ. Слѣдствіе велось, по словамъ Шильдера, согласно стариннымъ русскимъ преданіямъ, усвоеннымъ при веденіи прежнихъ, печальной памяти, политическихъ процессовъ. На основаніи различныхъ свидѣтельствъ Шильдеръ рисуетъ тяжелую картину слѣдствія. На непокорныхъ или не дававшихъ отвѣтовъ дѣйствовали различными способами, заковывали въ кандалы и держали такъ въ зависимости отъ показаній; къ этому присоединялось еще: соотвѣтственная пища, посѣщенія священника, сырой казематъ, угрозы пытки: «Подъ вліяніемъ физическаго и нравственнаго гнета, — говоритъ Шильдеръ,—писались показанія, въ которыхъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ при первыхъ допросахъ отказывали комитету; иной разъ проявлялось даже съ избыткомъ раскаяніе». Кромѣ мѣръ устрашенія, комитетъ прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ; Шильдеръ приводитъ слова Николая Бестужева: «Въ началѣ обѣщали прощеніе, впослѣдствіи, когда все было открыто, и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу». Знаменательно и то, что иногда откровенность въ показаніяхъ, въ особенности въ письмахъ, обращенныхъ заключенными въ крѣпости непосредственно къ императору Николаю, вызывалась тѣмъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности представленіемъ о личности, взглядахъ и намѣреніяхъ новаго государя, которое заговорщики выносили изъ его бесѣдъ съ ними во время допросовъ. Возвращаясь въ свои камеры и обдумывая слова императора, они готовы были видѣть въ государѣ человѣка, относящагося не безусловно враждебно къ ихъ мечтамъ и даже склоннаго осуществить ихъ.

Императоръ настаивалъ на скорѣйшемъ завершеніи слѣдствія и торопилъ представленіемъ окончательнаго донесенія, но комитетъ, [illegible]нятый производствомъ слѣдствія, не былъ въ состояніи испол[illegible]ть волю государя и рѣшилъ обратить въ донесеніе ту статью, [illegible]торую готовилъ для журналовъ прикомандированный изъ мини[illegible]ерства иностранныхъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ. Положивъ въ осно[illegible]ніе эту статью, Блудовъ составилъ извѣстное «Донесеніе», на-

печатанное по высочайшему повелѣнію особой брошюрой и приложенное ко всѣмъ русскимъ газетамъ. Такое, нѣсколько случайное, происхожденіе донесенія отразилось на его содержаніи и внутреннемъ достоинствѣ. А. М. Грибовскій, бывшій статсъ-секретарь, называетъ даже докладъ Блудова романическимъ. Помимо того, что докладъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ причины, вызвавшія столь значительное движеніе, онъ не стремится выяснить его сущности, ограничиваясь пріисканіемъ ужасныхъ словъ, когда либо сказанныхъ подсудимыми, и выставляя всѣ дѣйствія декабристовъ или до крайности нелѣпыми и смѣшными или безконечно ужасными. 1-го іюня 1826 года, былъ назначенъ верховный уголовный судъ; первое его засѣданіе состоялось 3-го іюня, а послѣднее 11-го іюля. 6-го же іюня императоръ писалъ цесаревичу: «Въ четвергъ (3-го іюня) начался судъ со всей приличествующей обрядностью; засѣданія не прерываются съ десяти часовъ утра до трехъ пополудни; при всемъ томъ я не знаю еще, къ какому приблизительно дню это можетъ быть кончено. Затѣмъ наступитъ казнь, ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія. Я предполагаю приказать произвести ее на эспланадѣ крѣпости». Занятія верховнаго суда свелись къ тому, что каждому изъ подсудимыхъ были предложены его показанія, и поставлены только слѣдующіе вопросы: 1) его ли рукою подписаны показанія, въ слѣдственной комиссіи имъ данныя? 2) добровольно ли подписаны показанія? 3) были ли ему даны очныя ставки? При этомъ подсудимымъ даже не объявили, что это судъ; на вопросъ, что значитъ этотъ опросъ, крѣпостные плацъ-адъютанты отвѣчали: государю угодно провѣрить безпристрастіе дѣйствій комитета. Отобравъ отвѣты на эти вопросы, комитетъ приступилъ къ распредѣленію винъ и наложенію наказаній. Графъ Бенкендорфъ, разсказывая въ своихъ запискахъ о судѣ, повѣствуетъ, что суду была придана возможная степень законности и гласности; что никогда въ Россіи не бывало судилища, пользовавшагося большею независимостью, и что подсудимые будто бы благодарили за предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ защитѣ. По поводу этихъ мнѣній Бенкендорфа Шильдеръ замѣчаетъ: «трудно въ немногихъ строкахъ высказать взглядъ, менѣе согласный съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Исторія должна признать, что верховный уголовный судъ не судилъ, а осудилъ декабристовъ, обреченныхъ уже предварительно на жертву».

Приговоры верховнаго суда и конфирмація императора Николая общеизвѣстны. 13 іюня 1826 года, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Шильдеръ приводитъ разсказъ Бенкендорфа, наблюдавшаго за совершеніемъ такъ называемой политической казни, о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ: «меня влекло къ тому не одно любопытство, но и состраданіе: то были большею частью молодые люди, дворяне хорошихъ фамилій, многіе изъ нихъ служили прежде

со мной, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, князь Волконскій, были непосредствено моими товарищами. У меня щемило сердце; но вскорѣ чувство сожалѣнія, возбужденное во мнѣ мыслію объ ударѣ, поразившемъ столько семействъ, уступило мѣсто омерзѣнію и негодованію. Грязныя и неумѣстныя рѣчи и шутки этихъ несчастныхъ свидѣтельствовали и о глубокой нравственной ихъ порчѣ и о томъ, что сердца ихъ недоступны ни раскаянію, ни чувству стыда». Немедленно по совершеніи казни Рылѣева, Пестеля, Каховскаго, Муравьева и Бестужева-Рюмина, генералъ-адъютантъ Дибичъ отправилъ съ фельдъегеремъ въ Царское Село слѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе: «Sire! Le feldjegher Tchàussoff vous portera le rapport du général Koutouzoff de la fin de l'exécution des scélérats et le général Czernicheff va le suivre de près vous en faire le rapport verbal... La troupe s'est couduit avec dignité, les criminels avec cette bassese que nous avons vu depuis le commencement». Въ тотъ же день императоръ отвѣтилъ Дибичу: «Je benis Dieu de ce que tout soit fini heureusement; j'ai bien cru que les héros du 14 n'auraient pas dans l'occasion plus de courage qu'il ne faut. Je vous recommande, mon cher, pour aujourd'hui la plus grande prudence et dites bien à Benkendorf de redoubler d'activité et d'attention, même consigne à la troupe. Je veux partir d'ici de façon être à 3 heures à ma maison en ville».

А. О. Смирнова записала въ своемъ дневникѣ, что въ этотъ день государь, бывшій въ Царскомъ Селѣ, былъ блѣденъ и мраченъ. Послѣ пріѣзда фельдъегеря, Николай Павловичъ отправился въ церковь помолиться, а потомъ заперся въ кабинетѣ. Вечеромъ за чаемъ у императрицы грустное настроеніе государя продолжалось, они почти не разговаривали, а великій князь Михаилъ Павловичъ казался озабоченнымъ и мрачнымъ.

13-го же іюля, Николай Павловичъ подписалъ въ Царскомъ Селѣ манифестъ, по случаю окончанія дѣла о декабристахъ; онъ заканчивался слѣдующими строками: «Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постояннаго усовершенія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда приняты будутъ нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленныхъ».

Представивъ, на основаніи труда Шильдера очеркъ образованія личности и характера императора Николая Павловича и кратко разсказавъ по даннымъ книги исторію междуцарствія и нѣкоторыя подробности дѣла декабристовъ, считаемъ законченной нашу статью, имѣвшую своею цѣлью дать представленіе о взглядахъ Шильдера по важнѣйшимъ вопросамъ исторіи жизни императора Николая Павловича въ періодѣ 1796—1826 годовъ.

П. Щеголевъ.

ГОРОДЪ ВАСИЛЬ.

(Изъ волжскихъ впечатлѣній).

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ годы усиленно начала развиваться дачная жизнь на Волгѣ. Толчокъ дала Нижегородская выставка 1896 года, впервые познакомившая многихъ съ Волгою. Разумѣется, возлѣ большихъ городовъ — Нижняго, Казани и др., дачная жизнь существовала задолго до выставки, и волгари давно уже пользуются подгородными селами и деревнями, какъ дачными пунктами (Василево и Кетово около Нижняго, Ильинское и Услонъ около Казани, Винтовка около Царицына и др.). Но выставка потянула на Волгу жителей центральныхъ и другихъ губерній и даже окраинъ. Именно съ этого времени наблюдается усиленный наплывъ волжскихъ туристовъ, которые не довольствуются однимъ плаваніемъ по рѣкѣ, но начинаютъ селиться на лѣто въ прибрежныхъ пунктахъ, чтобы вдоволь насладиться своеобразной жизнью на нашей великой рѣкѣ.

Любой уголокъ на Волгѣ—каждое почти село, деревня, хуторъ, является прелестнымъ дачнымъ пунктомъ, съ какимъ не могутъ итти въ сравненіе самыя роскошныя дачи подъ Петербургомъ, Москвою и т. д. Безукоризненный воздухъ, представляющій наилучшую смѣсь рѣчного и горнаго (въ нагорной части Волги), масса воды и зелени, живописная мѣстность, безконечное разнообразіе прогулокъ по водѣ и сушѣ, удобства пароходныхъ сообщеній, своеобразная жизнь приволжскаго населенія, особенности волжской природы и пр.—все это дѣлаетъ дачную жизнь на Волгѣ очень при-

влекательною. Волга такъ велика и разнообразна, что каждому не трудно облюбовать уголокъ по вкусу и средствамъ.

Но приволжскія села и деревни, гдѣ дачнаи жизнь только еще нарождается, страдаютъ пока отсутствіемъ многихъ удобствъ, къ которымъ привыкли избалованные горожане. Послѣдніе предпочитаютъ селиться въ приволжскихъ городкахъ, которые въ сущности являются тѣми же селами, только болѣе крупными, со всѣми прелестями сельской жизни, но зато и со многими удобствами городской культуры. Въ этихъ городкахъ легче устроиться съ квартирою, столомъ, прислугою, здѣсь можно все достать и купить, здѣсь вы каждый день будете получать газету и проч., тутъ найдется и «общество», если вы и лѣтомъ не можете обойтись безъ него.

Такихъ городковъ-селъ много на всемъ пароходномъ протяженіи Волги отъ Твери до Астрахани. Одинъ изъ нихъ—Ставрополь выше Самары, противъ Жигулевскихъ горъ, давно извѣстенъ, какъ хорошая климатическая станція. Но масса легочныхъ больныхъ, сбирающихся здѣсь для пользованія сосновымъ боромъ, дѣлаетъ этотъ недешевый и переполненный въ послѣдніе годы курортъ не особенно привлекательнымъ для здоровыхъ дачниковъ.

Послѣдніе предпочитаютъ селиться въ другихъ приволжскихъ городкахъ, не менѣе Ставрополя полезныхъ для здоровья. На среднемъ плесѣ Волги дачники облюбовали нѣсколько маленькихъ городковъ Костромской и Нижегородской губерній—Плесъ, Кинешму, Юрьевецъ, Балахну и др., а на нижнемъ плесѣ «входятъ въ моду» Васильсурскъ (или Василь) Нижегородской губерніи, Хвалынскъ и Вольскъ Саратовской губерніи.

Въ Василѣ я прожилъ два лѣта и могу дать понятіе объ условіяхъ дачной жизни въ немъ. Да и самъ по себѣ Василь довольно любопытенъ, какъ одинъ изъ типичныхъ представителей маленькихъ приволжскихъ городковъ.

I.

Живописное мѣстоположеніе Василя.—Нижняя часть города.—Нагорный Василь.—Старая Казанская дорога.—Слобода Пахотная.—Западная Корабельная роща.—Кабель.—Супротивный ключъ.

Кто ѣздилъ хоть разъ по нижнему плесу Волги, тотъ не могъ не обратить вниманія на живописный Васильсурскъ (3-я пристань отъ Нижняго). Извѣстно, что еще Екатерина II одобрительно отозвалась о его «ситуаціи» (положеніи), находя, однако, что «сей городъ строеніемъ мерзокъ».

Такое же впечатлѣніе производитъ Василь отчасти и теперь: при живописной «ситуаціи», онъ довольно таки «мерзокъ» строе-

ніями, выступающими на первомъ планѣ для пароходнаго зрителя. Но повыше пристани постройки становятся лучше, а общая красота городка скрадываетъ этотъ недостатокъ.

Въ рамкѣ зеленыхъ береговъ Волги Васильская гора, также покрытая зеленью садовъ и съ обѣихъ сторонъ окаймленная березовыми и дубовыми рощами, очень живописна.

Главная часть города расположена на нѣсколькихъ террасахъ, идущихъ отъ гребня горы до Волги. Высота Васильской горы почти равна Нижегородскимъ высотамъ. Что особенно поражаетъ въ общей картинѣ города, это почти полное отсутствіе выдающихся, крупныхъ зданій. Преобладаютъ одноэтажные, небольшіе деревянные домики, прячущіеся въ зелени садовъ. Двухэтажныхъ деревянныхъ домовъ немного, а каменныхъ еще меньше. На общемъ сѣромъ фонѣ деревянныхъ построекъ нѣсколько выдаются—единственная церковь города (каменный соборъ), двѣ деревянныхъ каланчи (пожарная и спасательная станціи) и вѣтреная мельница. Не видно даже острога, обыкновенно служащаго «лучшимъ» архитектурнымъ украшеніемъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Разумѣется, острогъ есть и даже очень представительный: онъ построенъ изъ кирпича бывшихъ ярмарочныхъ рядовъ у «Стараго Макарья» (въ г. Макарьевѣ), послѣ перенесенія ярмарки въ Нижній.

Дачники располагаются и въ этой главной части Василя, представляющей собственно «городъ»: и здѣсь уже воздухъ хорошъ, садовъ достаточно, съ видами на рѣку и проч. Особенно же прельщаетъ тутъ дачниковъ близость рѣки, т.-е. купанья и катанья на лодкахъ. Зато лѣса отсюда не такъ близки, да и въ городѣ временами бываетъ шумно, а потому большинство дачниковъ предпочитаетъ селиться въ нагорной части Василя, которой съ рѣки почти не видно.

Нагорный Василь представляетъ очень возвышенное плато, нѣсколько понижающееся вглубь отъ гребня горы, и на которомъ разбито нѣсколько улицъ. Слѣва, если итти изъ «города», нагорный Василь прерывается старою большою Казанскою дорогою, идущею изъ Нижняго. Этотъ «большакъ» Екатерининскихъ временъ представляетъ двѣ аллеи вѣковыхъ тѣнистыхъ березъ. Къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ изъ этого могучаго строя выбываетъ по нѣскольку одряхлѣвшихъ великановъ, а на смѣну ихъ не являются новые. Большакъ служитъ излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ васильчанъ, не имѣющихъ ни общественнаго сада, ни традиціоннаго бульвара.

Влѣво отъ большой дороги, на покатости къ Волгѣ и около острога продолжаются городскія постройки, частію занимаемыя дачниками. Но большинство ихъ селится вправо отъ дороги, т.-е. въ центральной части нагорнаго Василя, гдѣ считается первая Нагорная улица, идущая по гребню горы и дающая обширные виды на

р. Суру, Воложку (старый рукавъ Волги, въ который впадаетъ Сура) и Волгу, на засурскія и заволжскія дали. Здѣсь въ кругозорѣ зрителя лежитъ пространство въ 40—50 верстъ. Именно надъ этими прелестными и обширными видами всего чаще упражняются наѣзжающіе въ Василь художники. Остальныя улицы нагорнаго Василя не даютъ такихъ обширныхъ видовъ, но всѣ онѣ утопаютъ въ зелени яблочныхъ садовъ, обязательныхъ при каждомъ домѣ.

Съ правой стороны къ нагорному Василю примыкаетъ вплотную небольшая (около 20-ти дворовъ) и чистенькая, также утопающая въ зелени садовъ, Пахотная слобода, населенная крестьянами, имѣющими подъ городомъ свои пашни и луга. Съ 1902 года дачники начали селиться и въ этой слободѣ, отличающейся тѣмъ удобствомъ, что она съ двухъ сторонъ окружена «заповѣдною» (со временъ Петра Великаго) Корабельною дубовою рощей.

Дубовая роща, спускающаяся по очень крутому скату къ Сурѣ, хотя уже вырублена на половину, но все еще очень хороша. Вѣковые великаны-дубы, начинавшіе дряхлѣть, уже срублены, но многіе еще величаво красуются, имѣя возрастъ въ 200—400 лѣтъ, т.-е. являясь современниками русскаго Василя. Тутъ попадаются дубовые «пеньки» въ 7—10 аршинъ въ обхватѣ. Около стариковъ-дубовъ густо разрослись другія лиственныя породы (сосны и ели, за единичными исключеніями въ садахъ, около Василя нѣтъ).

Въ этой рощѣ находится любимое мѣсто Васильскихъ пикниковъ и прогулокъ—«Кабель» (въ просторѣчіи «Табель»), гдѣ телеграфный кабель переходитъ по дну Суры на ея лѣвый берегъ.

Послѣдняя улица нагорнаго Василя глядитъ на пашни сл. Пахотной, за которыми лежитъ глубокій и очень живописный лѣсистый оврагъ такъ называемаго «Супротивнаго ключа» (о происхожденія этого страннаго названія не приходилось слышать), который бьетъ изъ-подъ горы и впадаетъ въ текущій по дну оврага ручей. Около ключа два столба-часовенки съ иконами, подгорѣвшими отъ поставленныхъ предъ ними свѣчей, и съ кружками для пожертвованій. Подлѣ часовенекъ разбросаны бѣлыя и цвѣтныя тряпки—приношенія черемисъ, съ давнихъ временъ относящихся съ религіознымъ уваженіемъ къ ключу, гдѣ еще у язычниковъ-черемисъ было свое мольбище.

Съ лѣвой стороны, за большою дорогою и острогомъ, нагорный Василь замыкается большими садами по скату къ Волгѣ и городскими березовыми рощами на такъ называемыхъ «Буграхъ» (гребень горы) и «Возгребкахъ» (подгорье у Волги).

II.

Условія дачной жизни въ нагорномъ Василѣ.—Окрестности.—«Малые Жигули».—«Галанинъ городокъ».—«Чортово городище».—Черемисскій монастырь.—Сосѣднія пристани.

Единственный недостатокъ нагорнаго Василя, почти кругомъ опоясаннаго лѣсами и рощами,—значительное разстояніе отъ мѣстъ купанья (въ купальняхъ, находящихся въ Затонѣ, или на открытыхъ мѣстахъ—на Возгребкахъ, на Кабелѣ и др.), до которыхъ ходу съ горы не менѣе получаса.

Какъ и въ другихъ пунктахъ Поволжья, дачники въ Василѣ стали появляться съ 1890-хъ годовъ. Первымъ васильскимъ дачникомъ называютъ француза г. Гро, учителя Астраханской гимназіи. За нимъ потянулись другіе астраханцы, бакинцы и др., не считая пріѣзжихъ изъ ближнихъ пунктовъ—Нижняго, Казани и пр. Съ каждымъ годомъ число дачниковъ растетъ и особенно поднялось въ 1901 и 1902 гг., когда насчитывалось до 50 пріѣзжихъ семей и одинокихъ дачниковъ.

Большинство населяло именно нагорный Василь, занимая или цѣлые дома, или 1—2 комнаты, платя за помѣщеніе отъ 20 до 100 рублей въ лѣто, смотря по размѣрамъ и другимъ условіямъ дачи. Семьи ведутъ больше свое хозяйство, а одинокіе дачники столуются или у домохозяевъ, или у поваровъ (клубскій и др.). Послѣдніе берутъ по 15—20 рублей въ мѣсяцъ за обѣдъ. У хозяевъ содержаніе дешевле, напримѣръ, я платилъ по 30 р. въ мѣсяцъ за порядочную и чистую комнату (съ окнами на Волгу) и за полный почти «пансіонъ» (обѣдъ изъ 2—3 блюдъ, завтракъ и пр.).

Васильчане находили эту плату дорогою, и, дѣйствительно, въ Василѣ можно устроиться еще дешевле. Провизія здѣсь дешевая, хотя горожане уже жалуются, что съ наплывомъ дачниковъ все дорожаетъ. Однако, вотъ, напримѣръ, «дорогія» лѣтнія цѣны: фунтъ лучшаго мяса 12 коп., рыбы 8—12 к., десятокъ яицъ 8—12 коп., курица 30—50 коп. и т. д. «Одну прислугу» можно нанять отъ 3 рублей въ мѣсяцъ и выше. Мясо, птицу и рыбу всегда можно достать. Довольно ловится стерляди, и сурская справедливо считается вкуснѣе волжской, сильно отдающей при томъ нефтью (чего не замѣтно въ другихъ волжскихъ рыбахъ, вѣроятно, потому, что стерлядь нѣжнѣе всѣхъ). Молоко и пр. почти въ каждомъ домѣ. Лѣсной и садовой ягоды въ изобиліи, яблоковъ достаточно даже въ неурожайные годы, какъ въ 1901 г. Огородовъ очень мало въ городѣ, но въ базарные дни (воскресенье и среда) огородные овощи въ обиліи доставляются изъ сосѣднихъ селъ. Особенно славятся овощи, привозимые монахинями Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря

(у «Стараго Макарья»). Наконецъ, колоніальные магазины мѣстнаго «общества потребителей» и купцовъ Логиновыхъ могутъ удовлетворить даже изысканнымъ требованіямъ.

Когда прогулки по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ начнутъ пріѣдаться, тогда къ услугамъ дачниковъ далекія и интересныя прогулки по берегамъ Волги и Суры, на заволжскую и засурскую стороны. Особенно красивы лѣса по гористому правому берегу Волги ниже слободы Хмелевки. Эти Хмелевскія горы очень напоминаютъ знаменитыя Жигулевскія горы: хотя первыя на половину меньше Жигулей, но также сплошь покрыты лиственнымъ лѣсомъ, изрѣзаны оврагами, долинами, ручьями и пр. Издали эти «Малые Жигули», какъ справедливо называютъ ихъ многіе, представляются сплошнымъ бархатисто-зеленымъ ковромъ.

Живописные виды на Волгу и Заволжье встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу, начиная съ перваго городища, лежащаго надъ Хмелевскими островами и Воложкою (въ сухіе годы этотъ проливъ превращается въ затонъ), на недавней вырубкѣ въ городскомъ лѣсу на высотѣ 50-ти саженъ надъ рѣкою. Городище занимаетъ овальную площадку, обрывающуюся къ рѣкѣ и боковымъ оврагамъ крутыми, почти отвѣсными скатами, очевидно искусственно срѣзанными. Не былъ ли именно здѣсь «Галанинъ городокъ»—притонъ извѣстнаго волжскаго пирата Галани?

Мельниковъ-Печерскій разсказываетъ [1]), что «Галанюшка» промышлялъ «больше на Жигуляхъ», но ко времени ярмарки «у Стараго Макарья» перебирался поближе къ ней, именно въ лѣсныя гористыя трущобы по сосѣдству съ Хмелевкой. Здѣсь былъ его городокъ, съ валами, окопами, охраняемыми пушками, и пр. Тутъ въ горахъ, говоритъ Мельниковъ, «схоронено» много награбленныхъ имъ богатствъ... «Сколько разъ солдатъ на него высылали,—каждый разъ либо отобьется, либо на низъ, въ Жигули, уплыветъ. Обиды отъ него были великія, никому спуску не бывало, одну только Хмелевку не трогали: тамъ ему бабы хлѣбы пекли и всякій харчъ его артели доставляли. Оттого и не трогалъ, оттого и было хмелевцамъ житье повольное, хорошее, вдоволь нажились они тогда отъ Галани»...

Овальное городище, дѣйствительно, близко отъ Хмелевки (около двухъ верстъ) и чрезвычайно удобно было для «дѣятельности» Галани, какъ укромно скрытое въ глухомъ тогда лѣсу, не замѣтное ни съ рѣки, ни съ большой Казанской дороги (гдѣ также орудовалъ Галаня надъ зимними обозами), но близкое къ обоимъ боевымъ пунктамъ. Съ городища, какъ на ладони, были видны всѣ купеческіе судовые караваны, какъ спускавшіеся внизъ, такъ и

---

[1]) См. романъ П. И. Мельникова «На горахъ» въ «Полномъ собраніи сочиненій» (изданіе Вольфа), т. VII, стр. 379—380.

поднимавшіеся вверхъ изъ «Хмелевскихъ воротъ» (такъ можно назвать узкій поворотъ Волги въ Малыхъ Жигуляхъ). Флотилія Галани таилась внизу городка, на Воложкѣ, скрытая за Хмелевскими островами, и оттуда вылетала на караваны...

Никакихъ слѣдовъ валовъ на Галанинѣ городкѣ не сохранилось, но они могли давно исчезнуть и отъ времени, и особенно оттого, что были срыты военными командами, дѣйствовавшими противъ Галани. Но на другихъ городищахъ, встрѣчающихся въ Малыхъ Жигуляхъ, валы сохранились, напримѣръ, на «Чортовѣ городищѣ», лежащемъ ниже Хмелевскихъ острововъ и Галанина городка. Оно помѣщается на вершинѣ очень крутой горы, почти отвѣсной къ Волгѣ, и состоитъ изъ вала, образующаго довольно правильный кругъ. Валъ изрытъ кладоискателями.

Мѣстныя преданія пріурочиваютъ Чортово городище то къ «какому-то пану», то къ знаменитому Степану Разину и его вольницѣ. Но именемъ Разина слишкомъ злоупотребляютъ на Волгѣ, находя его становище чуть не на каждомъ выдающемся бугрѣ. Версія о «какихъ-то панахъ», господствовавшихъ когда-то на Волгѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, тоже черезчуръ банальна. Но въ этихъ «панахъ» можно видѣть пережитки преданій о стародавнихъ черемисскихъ князьяхъ, несомнѣнно здѣсь вездѣ господствовавшихъ до прихода русскихъ. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что черемисы Васильскаго уѣзда относятся съ нарочитымъ уваженіемъ къ Чортову городищу, о которомъ у нихъ сохранились какія-то особыя преданія, заставляющія ихъ усиленно рыться въ валахъ городища, въ поискахъ якобы несмѣтныхъ богатствъ, здѣсь лежащихъ и охраняемыхъ «нечистой силой»...

Но ближайшіе сосѣди Чортова городища—хмелевцы, видимо побаиваются такой репутаціи его и не рѣшаются на поиски кладовъ.

Бродя по лѣснымъ трущобамъ Малыхъ Жигулей, не разъ приходилось натыкаться на остатки другихъ городищъ, на слѣды какихъ-то валовъ и искусственныхъ рвовъ, съ старыми, заросшими лѣсомъ, въѣздами и тропами, съ давними какими-то зарубками-знаками на деревьяхъ. На нѣкоторыхъ валахъ видны раскопки кладоискателей. Послѣдніе усердно, но безрезультатно роются, кромѣ Чортова, еще на «Семеновѣ городищѣ», лежащемъ дальше перваго, ближе къ казенной лѣсной сторожкѣ, что на Большой дорогѣ.

На другихъ окраинахъ Василя интересны прогулки по очень красивой долинѣ рѣчки Хмелевки выше фабрики и въ присурскихъ лѣсахъ праваго берега выше Кабеля (Аннинская дорога и др.), а также по дорогѣ въ Черемисскій мужской монастырь.

Послѣдній красиво расположенъ среди густого дубоваго лѣса находится уже въ Казанской губерніи, Козьмодемьянскаго уѣзда, отя отъ Василя лежитъ всего въ семи верстахъ. Это еще очень

молодой, но довольно состоятельный монастырь, основанный въ 1860-хъ годахъ по инициативѣ и стараніями мѣстныхъ черемисъ, мечтавшихъ устроить исключительно свою черемисскую общину, безъ участія русскаго элемента. Послѣ долгой и любопытной борьбы въ этомъ направленіи [1]) русскій элементъ, поддержанный властями, восторжествовалъ, какъ и въ другихъ аналогическихъ случаяхъ... Это значительно охладило любовь черемисъ къ «своему» монастырю, но все же и теперь въ немъ количественно преобладаетъ черемисская братія.

Хорошее впечатлѣніе производитъ большое деревянное двухъэтажное зданіе (внѣ монастыря) монастырской школы съ общежитіемъ для черемисскихъ мальчиковъ, гдѣ преподаютъ свѣтскіе учителя, черемисы же.

Любопытны затѣмъ прогулки на Шереметевскій хуторъ (за Сурою, въ шести верстахъ отъ Василя), гдѣ находится сыроварня, выдѣлывающая хорошіе сорта швейцарскаго сыра. Любезный сыроваръ (ярославецъ) охотно показываетъ свое производство всѣмъ желающимъ. На сыроварнѣ ежедневно бываетъ двѣ варки, т.-е. выдѣлывается два круга сыра, каждый въ 4—5 пудовъ. Потребное количество молока доставляютъ 150 коровъ, главнымъ образомъ хуторскихъ, частью сосѣднихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Не говорю уже, что къ услугамъ васильскихъ дачниковъ ежедневно проходятъ вверхъ и внизъ по Волгѣ около двадцати пассажирскихъ пароходовъ разныхъ компаній, поѣздки на которыхъ одно наслажденіе. За 20—30 копеекъ вы можете провести на рѣкѣ два—три часа. А сосѣднія пристани представляютъ очень любопытные пункты: выше Василя пристань Исады, а напротивъ «умирающій» уѣздный городъ Макарьевъ—«Старій Макарій», гдѣ еще съ XVII вѣка происходила знаменитая Макарьевская ярмарка, перенесенная въ началѣ прошлаго столѣтія въ Нижній. Сзади Исадъ расположено прогрессирующее на счетъ Макарьева богатое с. Лысково, куда перенесены всѣ уѣздныя учрежденія перваго.

Ниже Василя—пристань Юрино (заходятъ не всѣ пароходы), вотчина Шереметевыхъ (не графовъ), съ «замкомъ», виднымъ съ Волги. Въ Юринѣ очень развитъ рукавичный промыселъ, снабжающій рукавицами чуть не всю Россію.

Дальше идутъ большіе уѣздные города Казанской губерніи — Козьмодемьянскъ и Чебоксары, оба очень своеобразные: первый—какъ богатая лѣсная пристань для мѣстныхъ заготовокъ, идущихъ съ р. Ветлуги, а второй—какъ бывшая чувашская «столица».

Кто не можетъ довольствоваться только поѣздками и прогулками, и вообще одною жизнью «на лонѣ природы», кому нужно

---

[1]) См. о. П. Руфимскаго «Черемисскій Михаило-Архангельскій мужской общежительный монастырь» (Казань, 1897, стр. 169) съ видами монастыря.

еще «общество», тотъ найдетъ таковое и въ Василѣ, какъ среди дачниковъ, такъ и горожанъ. Мѣстное общество, почти исключительно чиновничье, имѣетъ свой клубъ, разумѣется, больше для карточной игры. Лѣтомъ возникаетъ драматическій кружекъ любителей изъ дачниковъ и мѣстныхъ обывателей, дающій два—три спектакля (иногда и концерты) съ благотворительными цѣлями.

Иногда наѣзжаютъ бродячія труппы профессіональныхъ артистовъ, разные гимнасты, «скороходы», «геркулесы» и т. п., но всѣ они успѣха не имѣютъ, за исключеніемъ карусельниковъ, которые въ первый разъ появились въ Василѣ только въ XX столѣтіи (въ 1901 году). Карусель произвела огромную сенсацію въ городѣ и уѣздѣ (въ иные дни карусельники зарабатывали по нѣскольку десятковъ рублей) и вполнѣ пришлась по вкусу не только дѣтворѣ, но и взрослымъ васильчанамъ. Только самые древніе старцы отказывались попробовать карусель, говоря:

— Наши дѣды и прадѣды не катались на этой машинѣ, и мы не будемъ. Выдумали тоже!.. ребятъ только съ ума посводили; плачутъ, если не дашь трешника на катанье... Сколько деньжищъ повытаскали!..

Кромѣ клуба, никакого постояннаго увеселительнаго учрежденія, никакой «музыки», «круга» и т. п. въ Василѣ нѣтъ, и въ этомъ его огромное и пріятное преимущество предъ официальными курортами, съ ихъ банальной обстановкой, заѣзженной программой увеселеній, съ ихъ парадомъ и казенщиной... Пока Василь очень скромный и милый городокъ-село, въ которомъ легко живется людямъ, не выносящимъ шумной и безалаберной курортной жизни.

Искренно желаю Василю оставаться всегда въ его теперешней роли скромной климатической станціи. Но, разумѣется, и въ этой роли Василь долженъ и можетъ прогрессировать, а не спать и опускаться...

III.

Слобода Хмелевка.—Писчебумажная фабрика.—Отравляемая фабрикой р. Хмелевка.—Фабричные «порядки».—«Благоустройство» Василя.

Въ нагорномъ Василѣ становится уже нѣсколько тѣсновато жить дачникамъ: въ послѣдніе годы доходило до того, что нѣкоторыя семьи селились даже въ холодныхъ садовыхъ бесѣдкахъ, напримѣръ, за одну бесѣдку, около двухъ квадратныхъ саженъ, платили по пять рублей въ мѣсяцъ!.. Дачники начинаютъ спускаться съ горы и селиться въ самомъ «городѣ». Съ 1902 года появились дачники и въ слободѣ Пахотной, а дальше направятся и въ слободу Хмелевку: это уже настоящее село, сплошь почти и

вплотную окруженное дубовыми лѣсами и березовыми рощами, лежащее въ красивой долинѣ, вблизи Волги и Малыхъ Жигулей.

Хмелевка хорошо видна съ пароходовъ, особенно ея маленькая церковь, стоящая на берегу. Она построена въ 1708 году и поражаетъ своеобразной архитектурой, толщиной сводовъ и стѣнъ, и очень малыми размѣрами помѣщенія. Массивная дубовая входная дверь, очевидно современная самому храму, давно напрашивается въ музей—такъ она «стильна» въ своей могучей простотѣ...

Слобода широко раскинулась по обоимъ берегамъ рѣки Хмелевки и по сторонамъ Казанской большой дороги. На слободскихъ улицахъ встрѣчаются большіе деревянные двухъэтажные дома, довольно старой постройки, свидѣтельствующіе о быломъ достаткѣ хмелевцевъ. Теперь они кое-какъ кормятся около фабрики да занимаются садами, отчасти хлѣбопашествомъ и проч.

Однако, Хмелевка опять можетъ подняться, если съ каждымъ годомъ ростущая волна васильскихъ дачниковъ перельется черезъ край города и достигнетъ слободы. По природнымъ условіямъ Хмелевка стоитъ выше города въ дачномъ отношеніи. Особенно прельщаетъ здѣсь близость Волги, образующей на Хмелевской отмели роскошный песчаный пляжъ, какого нѣтъ подъ городомъ.

Квартирныя цѣны въ Хмелевкѣ, съ нетерпѣніемъ ждущей дачниковъ, много дешевле васильскихъ цѣнъ, уже поднимающихся въ гору. Въ 1901 году одна питерская дачница жила въ Чураковскомъ хуторѣ—небольшой деревушкѣ за Хмелевкой, по большой дорогѣ, и платила всего два рубля въ мѣсяцъ за цѣлую избу. Подобныя цѣны уже не мыслимы въ Василѣ.

Но, чтобы привлечь дачниковъ, хмелевцы должны побороть одно зло, на которое городъ, администрація и фабричная инспекція давно уже смотрятъ сквозь пальцы, вопреки самымъ примитивнымъ требованіямъ закона... Я разумѣю злосчастную рѣчку Хмелевку, перерѣзывающую слободу и впадающую напротивъ въ Волгу. Насколько выше фабрики она чиста, настолько ниже загрязнена и превращена въ вонючую клоаку. Промывая возмутительно грязную тряпку (а откуда ея не берутъ? изъ больницъ, помойныхъ ямъ и т. п.), писчебумажная фабрика г. Чайки и К° спускаетъ отмытыя воды, безъ всякой фильтраціи, прямо въ рѣчку Хмелевку... Вода въ рѣчкѣ черная, какъ чернила, ароматы отъ нея идутъ неимовѣрные. Прежде они были еще пронзительнѣе, пока фабрика не догадалась понизить сточную трубу до уровня дна рѣчки. Разумѣется, ни люди, ни скотъ и не покушаются на питье воды изъ этой клоаки...

Конечно, никто и не подумалъ сдѣлать санитарно-медицинское изслѣдованіе о вліяніи этой клоаки на здоровье хмелевцевъ. Одинъ мѣстный администраторъ очень наивно замѣтилъ: «особаго де мора

людей въ Хмелевкѣ не замѣчается»... Особаго! дѣйствительно, Хмелевка еще не перемерла вся!..

И вотъ прелестное мѣстечко портится въ конецъ во имя карманныхъ интересовъ какого-то г. Чайки и К°, не желающихъ тратиться на очистку зараженныхъ сточныхъ водъ фабрики и вообще практикующихъ на фабрикѣ такіе патріархальные «порядки», какіе немыслимы въ благоустроенныхъ фабричныхъ центрахъ.

Хмелевская фабрика не изъ крупныхъ: годовой оборотъ ея около 150.000 тысячъ, рабочихъ до 200 человѣкъ. Прежде они работали въ трехъ смѣнахъ, по восьми часовъ, а теперь въ двухъ смѣнахъ—по двѣнадцати часовъ! Никакой прибавки не дано за лишніе четыре часа, а, гдѣ слѣдуетъ, отмѣчено, что увеличеніе работы произведено якобы «съ согласія» рабочихъ... Никто, однако, этого «согласія» у нихъ не спрашивалъ, а кто дерзнетъ запротестовать, того гонятъ съ фабрики.

Выдача заработной платы удерживается по $1^1/_2$ и два мѣсяца, хотя по закону крайній срокъ—двухнедѣльный. Кто заикнется о выдачѣ заработка полностью—ему выдаютъ, но тотчасъ прогонятъ съ фабрики, «дабы другимъ не повадно было» расшатывать фабричный кредитъ. Недавно вышелъ такой курьезъ: фабричнаго клеевара разсчитали за что-то и выдали полный заработокъ за два мѣсяца. Но на другой же день его снова пригласили и потребовали вернуть обратно выданное жалованье... Клееваръ попросилъ оставить хотя тридцать копеекъ, чтобы «вспрыснуть» новое поступленіе на фабрику. Администрація уважила этотъ мотивъ и такъ расщедрилась, что выдала полфунта чаю, цѣною въ семьдесятъ копеекъ. Клееваръ продалъ чай за пятьдесятъ копеекъ и выпилъ больше, чѣмъ ожидалъ.

Не думайте, что это исключительный случай—расплата чаемъ... Она практикуется давно и весьма часто на фабрикѣ, выдающей рабочимъ жалованье чаемъ, мукой и другими продуктами, какіе получаетъ иногда отъ покупщиковъ бумаги. Такая расплата съ рабочими запрещена закономъ, но фабричная администрація нисколько этимъ не смущается и смѣло вноситъ подобную расплату въ расчетныя рабочія книжки, вѣроятно, также «съ согласія» рабочихъ... Рабочіе много теряютъ, спуская за безцѣнокъ продукты, выставленные въ книжкахъ по номинальной цѣнѣ.

Возвращаясь къ Василю, слѣдуетъ замѣтить, что и онъ слишкомъ далекъ отъ самыхъ скромныхъ требованій городского благоустройства. Недочеты по этой части на каждомъ шагу, начиная съ самыхъ первыхъ въ буквальномъ смыслѣ шаговъ, когда вы съ рохода вступаете въ городъ и поражаетесь возмутительнымъ соэяніемъ набережной, особенно весною. Въ разливъ, когда набекная залита водою и пароходныя конторки подтянуты къ самой дошвѣ горы, вамъ приходится съ мостовъ карабкаться чуть не

на отвѣсную гору... А по спадѣ весеннихъ водъ набережная бываетъ сплошь усѣяна мелкимъ, острымъ камнемъ, наносимымъ разливомъ, и обывателямъ предоставляется собственными ногами расчищать тропинки къ пристанямъ...

Въ нагорную часть Василя можно подняться или по единственному мощеному и очень длинному въѣзду (Казанская улица), или по болѣе короткимъ и очень крутымъ тропинкамъ. Городъ не догадывается устроить хотя бы одну-двѣ лѣстницы на гору, о чемъ давно хлопочутъ васильчане, такъ какъ въ грязь и зимою немыслимо подыматься и спускаться по этимъ тропинкамъ, безъ риска сломать ногу и т. п. Посмотрите на сосѣдніе города — Козьмодемьянскъ и Чебоксары: тамъ горы въ три раза ниже васильскихъ, а вездѣ на подъемахъ устроены удобныя лѣстницы.

Нагорная часть Василя плохо обезпечена въ пожарномъ отношеніи: до Волги далеко, значительныхъ колодцевъ нѣтъ, и вода для пожарныхъ надобностей берется изъ четырехъ маленькихъ баковъ, разставленныхъ на улицахъ. Какъ-то утромъ загорѣлся овинъ въ сл. Пахотной. Вся вода изъ баковъ пошла въ дѣло, и до слѣдующаго утра баки оставались пустыми: пожарныя лошади за два—три часа работы измучились въ конецъ и только черезъ сутки оказались способными заняться доставкою воды съ Волги въ баки... Случись за этотъ промежутокъ другой пожаръ на горѣ, пожарные сидѣли бы, сложа руки, и по отсутствію воды, и по усталости коней...

Не оттого ли такъ слабы пожарные кони, что ихъ черезчуръ... сытно кормятъ?!. По крайней мѣрѣ, городская ревизіонная комиссія недавно открыла, что каждый пожарный конь ежедневно потребляетъ якобы по два... пуда сѣна!..

Разумѣется, городъ долженъ провести водопроводъ въ нагорную часть, такъ быстро ростущую. Средствъ на это должно хватить у Васильсурска, далеко не бѣднаго города: у него есть до двухъ тысячъ десятинъ лѣса, есть земли, луга и пр. Однѣ пароходныя пристани приносятъ пять тысячъ аренды. Всего городъ имѣетъ болѣе двадцати тысячъ годового дохода.

Часть городского лѣса сведена, и деньги пошли на открытіе «городского общественнаго банка», годовой оборотъ котораго около полъ-милліона рублей. Дѣло это доброе, но горожане жалуются, что банкъ больше помогаетъ купцамъ и промышленникамъ, чѣмъ скромнымъ обывателямъ...

Нечего говорить, что о какихъ либо украшеніяхъ Василя городское управленіе нимало не помышляетъ... А будь Василь нѣмецкимъ городомъ, несомнѣнно при томъ же бюджетѣ появились бы и роскошные парки на «Буграхъ» и въ городскихъ березовыхъ рощахъ, и водопроводъ, и удобныя лѣстницы по городу, и приличная набережная и т. д.

IV.

Историческія судьбы Василя. — Васильскія древности. — Легенда о Покровской церкви.—Городище въ Корабельной рощѣ.—«Цѣпель».—Капризы Волги и Суры подъ Василемъ.

Перехожу къ характеристикѣ Василя помимо его дачнаго значенія. Коснусь слегка исторіи города, который чрезъ двадцать лѣтъ долженъ праздновать свой 400-лѣтній юбилей [1]). Русскій городъ Васильсурскъ основанъ въ 1523 году на мѣстѣ существовавшаго здѣсь съ незапамятныхъ временъ черемисскаго городка—резиденціи черемисскихъ князей. Городъ построенъ воеводами московскаго великаго князя Василія Ивановича, во время неудачнаго похода противъ Казани. Стратегическое значеніе Васильевскаго «острога» (крѣпости), какъ передового оплота противъ Казанскаго царства, когда первому приходилось не разъ выдерживать осады отъ черемисъ и татаръ, продолжалось до покоренія Казани (1552 года).

Въ смутное время начала XVII вѣка Василь обязательно становился на сторону всѣхъ самозванцевъ, а въ Разинщину былъ ярымъ сторонникомъ Степана Разина... Послѣ усмиренія послѣдней смуты въ Василѣ упразднено воеводство. Пугачевская смута не доходила до Василя, хотя въ уѣздѣ была.

30-го декабря 1779 года, Василь возведенъ въ званіе уѣзднаго города, которому данъ такой гербъ: въ верхней части щита губернскій гербъ (олень), а въ нижней—на золотомъ полѣ остовъ судовой кормы. Гербъ намекалъ на процвѣтавшее тогда въ Василѣ судостроеніе.

Сохранились ли въ такомъ древнемъ городѣ какія либо древности? Васильская администрація недавно и весьма офиціально порѣшила, что въ городѣ на счетъ древностей «обстоитъ благополучно»—никакихъ де древностей не полагается... Такъ отвѣтила администрація на запросъ нижегородскаго губернатора, вызванный извѣстнымъ, общимъ для всей Россіи, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 6-го сентября 1901 года, требовавшимъ представить къ 1-му апрѣля 1902 года списокъ всѣхъ городскихъ и уѣздныхъ древностей, съ точнымъ ихъ описаніемъ.

Разумѣется, было наивностью обращаться съ подобнымъ требованіемъ къ полиціи, не подозрѣвающей даже, что по закону она обязана не только знать, но и «охранять» памятники древности, напримѣръ, не позволять кладоискателямъ разрывать городища

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія см. въ «Живописной Россіи» (изданіе Вольфа), т. VI, ч. II, стр. 165—166, и въ «Историческомъ очеркѣ Васильсурскаго уѣзда Нижегородской губерніи» Н. Демидова (Нижній Новгородъ, 1884 г.), стр. 9, 11—14, 18—22, 28—34, 36, 37.

безъ разрѣшенія археологической комиссіи и т. п. Всего естественнѣе было обратиться въ давно существующія «губернскія архивныя комиссіи», каковая имѣется и въ Нижнемъ и заслуженно пользуется репутаціей одной изъ самыхъ дѣятельныхъ комиссій.

Приходится напомнить мѣстной администраціи, что древностей въ городѣ и окрестностяхъ немало, начиная съ упомянутыхъ выше Чортова, Семенова и другихъ городищъ въ Малыхъ Жигуляхъ, переходя затѣмъ къ хмелевской церкви, которая черезъ пять лѣтъ можетъ праздновать свой двухсотлѣтній юбилей. Въ этой церкви должны быть древнія иконы, книги и другія церковныя принадлежности XVIII или даже XVII вѣка. Не знаю, принадлежитъ ли къ очень древнимъ икона, изображающая какого-то святителя съ лошадиною головой (sic!), во всякомъ случаѣ, мѣсто этой иконѣ только въ музеѣ древностей... Кажется, при церкви имѣется маленькій архивъ съ актами XVII—XVIII вѣковъ.

Покровскій соборъ въ Василѣ принадлежитъ къ новымъ постройкамъ (1820 г.), но въ немъ есть икона Варлаама Хутынскаго, написанная въ 1642 году.

Первоначальная Покровская церковь еще въ 1556 году была смыта страшнымъ разливомъ Суры, вмѣстѣ съ каменнымъ «острогомъ» (крѣпостью) и другими городскими постройками. Преданіе опоэтизировало этотъ фактъ почти аналогично извѣстной старообрядческой легендѣ «о градѣ великомъ Китежѣ», скрывшемся въ водахъ озера Свѣтлояра, на Ветлугѣ. О Васильской церкви легенда разсказываетъ, что во время службы въ день Преполовенія (въ маѣ) Покровская церковь, вмѣстѣ съ находившимися въ ней сорока богомольцами, «пошла» черезъ Волгу, въ предшествіи плывшей по воздуху иконы Верлаама, и опустилась въ воды озера Нестіаръ (на лѣвомъ берегу Волги выше Василя), гдѣ и донынѣ пребываетъ, и гдѣ «вѣрующіе» удостоиваются слышать пѣніе стародавнихъ васильчанъ, звонъ колоколовъ и проч.

Послѣ разлива 1556 года Васильскій «острогъ» былъ перенесенъ на гору, на урочище «Цѣпель». Гдѣ оно находится въ теперешнемъ Василѣ?

Демидовъ говоритъ: «На вершинѣ горы, у самаго сліянія Суры съ Волгою, дѣйствительно, виднѣются остатки рвовъ и валовъ... Мѣсто это теперь называется Цѣпелью» (стр. 13—14).

«Историческій очеркъ» Демидова написанъ въ началѣ 1880-хъ годовъ, когда Сура впадала не такъ, какъ теперь—въ Воложку, а въ нынѣшній затонъ, у самой подошвы Васильской горы. Значитъ, по опредѣленію Демидова, Цѣпель пріурочивается къ той вершинѣ горы, гдѣ теперь находятся гумна слободы Пахотной и начало городскихъ усадебъ по Первой Нагорной улицѣ.

На этомъ пунктѣ, уже застроенномъ и обработанномъ подъ сады, теперь нельзя замѣтить никакихъ остатковъ искусственныхъ

рвовъ и валовъ, видѣнныхъ раньше Демидовымъ. Но въ прилегающей части Корабельной рощи эти остатки встрѣчаются, какъ на самомъ гребнѣ горы, какъ бы искусственно срѣзанномъ, сзади слободы и по направленію къ Кабелю, такъ и ниже, къ полугорѣ, вправо отъ проѣзжзго спуска на сурскіе луга. Въ послѣднемъ пунктѣ наблюдается нѣсколько линій валовъ. На внутренней сторонѣ одного изъ нихъ находится очень старый колодезь, съ ветхимъ срубомъ, покрытымъ мхомъ до уровня воды (на глубинѣ около двухъ саженъ). Можетъ быть, колодезь современенъ городищу, которое, несомнѣнно, было черемисскимъ, а никакъ не мѣстомъ бывшаго русскаго «острога», какъ ошибочно предполагаетъ Демидовъ, находя здѣсь Цѣпель.

Васильскіе старожилы рѣшительно заявляютъ, что Цѣпелью изстари назывался совсѣмъ другой пунктъ Васильской горы, именно тотъ гребень ея, который начинается сзади почтовой станціи и тянется чрезъ сады Чайки, Емельянова и др., мимо дома Бабушкина до «Бугра». Центръ Цѣпели — отъ конца усадьбы Чайки (гдѣ съ давнихъ временъ возвышалась большая куча извести, принадлежавшая къ запасамъ крѣпости и со временемъ поросшая березнякомъ, остатки которой, кѣмъ-то использованной, видны доселѣ на улицѣ) до поворота гребня за садомъ Емельянова. Именно въ этомъ пунктѣ, откуда открываются одни изъ лучшихъ видовъ Василя, собиралась въ старину васильская молодежь для «игрищъ», бесѣдъ и пр. Такой веселый пунктъ хорошо помнятъ старожилы, еще видѣвшіе здѣсь остатки валовъ и рвовъ, которые теперь исчезли подъ постройками и садами.

Въ стратегическомъ отношеніи Васильскому острогу слѣдовало быть именно на этомъ гребнѣ горы, а никакъ не въ дремучихъ тогда присурскихъ лѣсахъ. Острогъ игралъ роль авангарднаго поста противъ Казани, значитъ, долженъ былъ доминировать не надъ Сурою, а надъ Волгою, единственнымъ путемъ въ Казань.

Городскому управленію не мѣшаетъ сохранить память о мѣстѣ бывшей Васильской крѣпости: улицу, идущую мимо домовъ Чайки, Емельянова и проч., слѣдуетъ назвать «Цѣпелью» (смыслъ этого стариннаго названія не ясенъ).

Говоря о древностяхъ Василя, нельзя обойти молчаніемъ самой глубокой, многовѣковой его древности—рѣкъ Волги и Суры. Обѣ онѣ сильно капризничаютъ подъ и надъ Василемъ, мѣняя свое направленіе и подмывая самый городъ, догадавшійся, наконецъ, подняться на гору, чтобы уйти подальше отъ своихъ кормилицъ-поилицъ...

Васильскіе старожилы помнятъ, когда теперешняя Воложка, огибающая городской островъ, ниже котораго впадаетъ въ нее рѣка Сура, была главнымъ русломъ Волги, и по ней двигались всѣ суда. Теперешнее же русло Волги было тогда узенькимъ и слабымъ

протокомъ, черезъ который переходили въ бродъ на лѣвый берегъ рѣки.

Фарватеръ теперешняго главнаго русла снова начинаетъ суживаться песчаною отмелью противъ острова, съ каждымъ годомъ растущею у лѣваго берега. Растутъ пески и выше Воложки, на Фокинскомъ плесѣ. Волга, стѣсненная этими двумя отмелями, идущими съ двухъ противоположныхъ сторонъ, сильно ударяетъ въ заливъ у деревни Шипелей, обнаруживая стремленіе прорваться въ Шипилевскую низину, по которой тянется рядъ удлиненныхъ параллельно теченію Волги озеръ, представляющихъ остатки прежняго русла рѣки, когда она шла сѣвернѣе и прямѣе, не дѣлая теперешней луки отъ Фокина до Малыхъ Жигулей за Хмелевкой.

Если это случится, то Волга совсѣмъ уйдетъ отъ Василя, такъ какъ выходъ ея произойдетъ гдѣ нибудь около устья рѣки Латоши, т.-е. ниже Хмелевки. Тогда васильчане пожалѣютъ, что отказались отъ недавняго проекта — повернуть Волгу въ озеро Луково, длинной полосой тянущееся противъ города, по лѣвому берегу, бывшее когда-то рукавомъ Волги. Проектъ былъ вызванъ желаніемъ спрямить здѣсь рѣку на нѣсколько верстъ и не угрожалъ большими расходами.

Васильчане испугались этого проекта, угрожавшаго тѣмъ, что тогда пароходныя пристани пришлось бы подвинуть нѣсколько ниже, къ Возгребкамъ. Но что же запоютъ они, когда Волга прорвется въ Шипилевскую низину?!. Тогда Василь останется при одной Сурѣ, а волжскія пристани отодвинутся отъ города на 10—15 верстъ, если не дальше...

Въ одномъ развѣ отношеніи Василь, пожалуй, выиграетъ, если Волга уйдетъ отъ него подальше: тогда рѣка не будетъ подмывать города, какъ было доселѣ. Старожилы еще помнятъ, что на мѣстѣ нынѣшняго затона и на сосѣднихъ лугахъ существовала значительная часть города, съ базарною площадью, каменными домами, казенными соляными амбарами и пр. Все это смыто рѣкой, какъ смытъ большой островъ, на которомъ паслись городскія лошади, который былъ расположенъ на Волгѣ противъ собора.

Среди крайнихъ къ Возгребкамъ городскихъ усадьбъ находится на улицѣ часовенка,—мѣсто бывшей церкви, когда-то сползшей въ рѣку. Еще недавно весеннія воды вымывали здѣсь изъ упраздненнаго кладбища цѣлые гробы, отдѣльныя кости и пр.

Ниже этихъ усадьбъ скатъ къ Волгѣ покрытъ оползнями, каждый годъ увеличивающимися. Кромѣ весеннихъ подмывовъ, тутъ дѣйствуютъ и материковыя воды,—ключи, которыми изобилуетъ почва нижняго Василя. Въ 1901 году этими ключами подмыта и разрушена цѣлая усадьба около вѣтряной мельницы, у затона.

Пока Волга не ушла отъ Василя, она составляетъ лучшее украшеніе города. Красоту рѣки еще больше увеличиваетъ ожи-

вленное движеніе на ней: рѣдки тѣ минуты на рѣкѣ, чтобы на ней не показались то пассажирскіе пароходы, то буксиры съ караванами судовъ, то красивыи стаи маленькихъ и изящныхъ «косоушекъ» подъ парусами, то лодки, плоты и т. д. Не даромъ эта часть рѣки, отъ Нижняго до устья Камы, величается «Невскимъ проспектомъ» Волги. Каждыя сутки вверхъ и внизъ идетъ 25—30 пароходовъ съ 30—40 буксирными.

На рѣкѣ Сурѣ, въ прежніе годы, до проведенія Казанской желѣзной дороги и до истребленія присурскихъ лѣсовъ, весенній сплавъ баржъ съ хлѣбомъ и плотовъ былъ очень значительный. Теперь же сурскихъ плотовъ почти совсѣмъ не видно, а баржъ спускается въ большую воду около 20—25, не болѣе.

Лѣтъ десять назадъ, завелось было на Сурѣ пассажирское пароходство (до города Алатыря), но скоро исчезло, какъ вслѣдствіе конкуренціи Казанской дороги, такъ еще болѣе изъ-за сильнаго обмеленія Суры и засоренія ея карчами (упавшими въ воду деревьями). Только весною буксирные пароходы кое-какъ проводятъ небольшіе караваны судовъ до городовъ Ядрина и Курмыша, или спускаются оттуда.

Сура капризничаетъ подъ Василемъ менѣе Волги; двѣнадцать лѣтъ назадъ она впадала подъ самымъ городомъ, въ теперешній затонъ, а затѣмъ совсѣмъ ушла отъ города и впадаетъ теперь въ Воложку, въ двухъ верстахъ отъ Василя, у старой Чугунской пристани (устье рѣчки Чугунки), гдѣ устроенъ перевозъ (поро́мъ) черезъ рѣку.

Устье Суры нѣсколько оживляется въ «яблочный сезонъ», когда для нагрузки коробовъ съ яблоками изъ засурскихъ садовъ ежедневно заходятъ туда спеціальные «яблочные пароходы» Кашиной, компаніи «Надежда» и пр.

Немало еще оживляетъ устье Суры одинъ путейскій пароходъ изъ Нижняго, который заходитъ туда по нѣсколько разъ въ лѣто и стоитъ тамъ по недѣлѣ и больше. Мнѣ думалось, что гг. «водяновскіе» (такъ зовутъ въ Василѣ водяныхъ путейцевъ) наконецъ помаленьку принимаются за урегулированіе заброшенной ими рѣки... Увы! мнѣ объяснили, что водяновскій пароходъ регулярно появляется совсѣмъ не ради такихъ «пустяковъ», какъ заботы о какой-то рѣкѣ Сурѣ, а во имя «высшихъ задачъ»—для поддержанія... семейныхъ основъ, столь колеблемыхъ въ наше шаткое время... Дѣло въ томъ, что кто-то изъ водяныхъ властей сочетался бракомъ съ дочерью засурскаго землевладѣльца. И вотъ казенный пароходъ взялъ на себя благородную миссію—поддерживать сношенія новобрачныхъ съ отчимъ домомъ: пароходъ то отвезетъ супругу г. водяновскаго къ ея родителямъ, то пріѣдетъ за нею, то доставитъ обоихъ супруговъ и дожидается, пока они гостятъ тамъ, и т. д. и т. д. Когда появятся у нѣжной пары дѣти,

10*

ихъ тоже будутъ возить на казенномъ пароходѣ къ дѣдушкѣ, когда дѣти оженятся... словомъ, работы этому пароходу не переработать..

Что же! чѣмъ эта задача хуже другой, взятой на себя путейскими пароходами—катать по Волгѣ разныхъ великихъ и малыхъ особъ, не исключая и духовнаго чина... А Волга, спеціальному надзору за которой предназначены служить эти дорогіе пароходы, можетъ подождать: «на нашъ вѣкъ» ея хватитъ и безъ всякаго надзора...

V.

Прежнее торговое значеніе Василя.— Рыболовство.— Вопросъ о «шашковой снасти».— Садоводство.— Пчеловодство.

Въ прежніе годы, до развитія парового судоходства (въ 1860-хъ годахъ), Василь былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ. Спускавшіеся по Сурѣ хлѣбные караваны судовъ на устьѣ паузились и двигались дальше, до Рыбинска, бичевою. Въ городѣ собирались массы бурлаковъ, отъ которыхъ немало поживились васильчане, бойко торгуя всякою снѣдью и питьемъ, разнымъ бурлацкимъ товаромъ, судовыми принадлежностями и пр. Подымавшіеся по Волгѣ бурлацкой тягой суда также не миновали Василя, покупая разные припасы и отдыхая здѣсь. Для надобностей судовъ въ городѣ много было столяровъ, кузнецовъ, слесарей, былъ канатный заводъ и пр.

Торговое значеніе Василя не падало и зимою, когда по большой Казанской дорогѣ и по Волгѣ тянулись къ Нижнему и обратно многочисленные обозы съ товарами, останавливавшіеся въ городѣ.

Теперь ничего этого нѣтъ ни лѣтомъ, ни зимою. Волга, разумѣется, продолжаетъ кормить васильчанъ, но уже не такъ роскошно, какъ прежде. Нѣкоторые горожане работаютъ на пароходахъ, баржахъ и пр. (въ 1902 году нѣсколько десятковъ васильчанъ ходили даже на бѣлянѣ съ Камы до Царицына), другіе занимаются «рѣчнымъ промысломъ» въ самомъ городѣ—выгрузкой и нагрузкой судовъ, лодочнымъ промысломъ, мелочною торговлею на пристаняхъ и т. п. Съ лодочниковъ (ихъ около пятидесяти) и мелочныхъ торговцевъ городъ не беретъ никакихъ сборовъ.

Нѣсколько больше получаютъ васильчане, особенно хмелевцы, отъ рыболовства. Но и оно падаетъ изъ года въ годъ, благодаря россійскому неумѣнью поддерживать и развивать естественное богатство рѣкъ. Въ прежніе годы и Волга, и Сура, и окрестныя озера изобиловали всякою рыбою, даже осетромъ, бѣлугою и пр.

Но это рыбное раздолье миновалось. Врядъ ли теперь живъ «стерляжій царь», съ его женою-русалкою, которому народное пре-

даніе отводило мѣсто въ одномъ глубокомъ омутѣ на Сурѣ, подъ городомъ.

Зато до сихъ поръ еще здравствуетъ и разгуливаетъ по Волгѣ старая, огромная бѣлуга, которая иногда на зарѣ уже много лѣтъ показывается противъ холернаго барака на Возгребкахъ. Хмелевскіе рыбаки берутся ее поймать, но просятъ двѣсти рублей на покупку особыхъ снастей. Десять лѣтъ назадъ рыбаки купцовъ Дюжаковыхъ поймали около Василя громаднаго сома, длиною больше сажени, вѣсомъ въ шестнадцать пудовъ. Это—послѣдніе могикане когда-то могучихъ рыбныхъ породъ.

Въ послѣдніе годы хмелевскіе рыбаки сильно удручены борьбой съ мѣстной полиціей изъ-за «шашковой снасти», на которую ловится стерлядь. Рыболовы, съ незапамятныхъ временъ пользовавшіеся этою снастью, увѣряютъ, что стерлядь «любитъ», чтобы ее ловили именно шашковой снастью, а въ другія рыболовныя снасти попадаетъ де развѣ случайно. Полиція же, въ своемъ модномъ стремленіи быть въ курсѣ настроенія даже стерляжьихъ душъ, настаиваетъ, что у стерляди совсѣмъ нѣтъ нарочитой симпатіи къ шашковой снасти...

Въ этой снасти, какъ и въ извѣстной зимней ловлѣ налимовъ «на блесню» (гирька съ крючками), вся суть въ крючкахъ безъ наживы, на которые захватывается стерлядь. Устройство шашковой снасти такое: въ извѣстныхъ мѣстахъ рѣки, облюбованныхъ стерлядью, вдоль по теченію протягивается веревка (до версты длиною), къ которой, на разстояніи пяти—шести четвертей, прикрѣплены бичевки, длиною въ три—четыре четверти, а на концѣ ихъ деревянныя шашки, или куски древесной коры. Къ шашкамъ прикрѣплены тоненькія бичевки, или конскій волосъ, въ два—три вершка длины, съ крючками на концѣ. Стерлядь дѣйствительно любитъ играть и возиться съ этими шашками, при чемъ часть ея попадаетъ на крючки, а часть, поранившись, срывается съ крючковъ, уходитъ и якобы погибаетъ...

Кромѣ рыболовства, многіе хмелевцы и другіе васильчане, а жители Пахотной слободы поголовно, занимаются «крестьянствомъ». Но главное занятіе всѣхъ вообще васильчанъ—садоводство. По количеству садовъ, главнымъ образомъ яблочныхъ и отчасти вишневыхъ и пр., Василь занимаетъ не послѣднее мѣсто среди приволжскаго «яблочнаго царства». Занятіе это очень выгодное и не утомительное для васильчанъ при той «системѣ», какая здѣсь господствуетъ въ садоводствѣ.

Хозяйничанье въ садахъ самое примитивное, варварское. Одинъ опытный симбирскій садоводъ, пріѣзжавшій снимать сады, съ негодованіемъ отзывался о васильскихъ садахъ: «земля здѣсь нѣжная, яблоку угодная, а ухода за садами нѣтъ... Посмотрите хоть на этотъ садъ. Дерево отъ дерева посажено на четверть и полъ-

аршина, продраться нельзя, словно въ дремучемъ лѣсу... Жадность какая-то непомѣрная обуяла хозяевъ этого сада... Не знаютъ они, что плодовое дерево любитъ просторъ, и тогда только даетъ обильные и хорошіе плоды, когда дерево отъ дерева посажено на три сажени. А тутъ извольте любоваться!.. Дерево тянется вверхъ, а низы пропадаютъ, да и все дерево глохнетъ, яблоко вырождается, дѣлается мелко и невкусно... Сейчасъ, пока этотъ садъ молодой, яблоко еще ничего, а посмотрите, что здѣсь будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ: одна падаль да червоточина пойдетъ... Да, что толковать! Тоже «садоводы»... Хрѣнъ да рѣдьку имъ разводить, а не благородными фруктами заниматься»...

Рѣчь шла о значительномъ садѣ, принадлежащемъ не какому нибудь скромному мѣщанину, но особѣ изъ мѣстной «аристократіи», которая совсѣмъ не изъ нужды такъ пожадничала и зря погубила свой садъ... Всѣ вообще сады кое-какъ прозябаютъ и дичаютъ. Одно спасеніе для нихъ, если городъ или земство догадаются завести садовыхъ инструкторовъ, которые руководили бы садоводствомъ въ Василѣ и уѣздѣ. Не мѣшало бы также ввести курсъ садоводства въ городскомъ училищѣ, отведя подъ опытный садъ тотъ скверъ, что разбитъ около городской управы.

Тотъ же симбирскій садоводъ жаловался, что Василь не знаетъ хорошихъ сортовъ яблоковъ, напримѣръ, извѣстной «антоновки», родина которой с. Антоновское—всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды на пароходѣ. Ходовые сорта яблоковъ въ Василѣ—«боровинка» и «анисъ», затѣмъ есть «бѣль», «красный наливъ», «украинская маль» и другіе...

Но и при самомъ примитивномъ веденіи садоводства оно даетъ еще пока васильчанамъ порядочные доходы. Послѣдніе были бы еще значительнѣе, если бы садоводы сами возили яблоко, куда слѣдуетъ, и не прибѣгали къ дорогому посредничеству съемщиковъ садовъ, главнымъ образомъ казанскихъ и другихъ татаръ. Они доставляютъ яблоко преимущественно на Каму, въ Пермь, откуда оно идетъ въ Сибирь, гдѣ его нѣтъ. Русскіе же съемщики (иногда и сами васильчане) ограничиваются ближайшими пунктами — Нижнимъ, Казанью и др.

Принятая въ урожайные годы норма оцѣнки садовъ—около ста рублей за сто яблочныхъ деревъ. Большинство васильскихъ садовъ соотвѣтствуетъ именно этой нормѣ, но есть сады, приносящіе хозяевамъ по пятисотъ рублей, одной тысячѣ и выше.

Затѣмъ довольно развито въ Василѣ пчеловодство: около пятнадцати пчеловодовъ имѣютъ въ городѣ и окрестностяхъ (особенно по Сурѣ) до пятисотъ ульевъ рамочной системы (колодочныхъ почти нѣтъ). Медъ и воскъ получаются отличные, благодаря лиственнымъ лѣсамъ и роскошному цвѣтенію луговъ, богатыхъ медоносными травами.

Кромѣ писчебумажной фабрики, въ Василѣ есть нѣсколько заводовъ, дающихъ жителямъ кой-какой заработокъ—лѣсопильный, бондарный, три кирпичныхъ и др., двѣ вѣтряныя мельницы, одна водяная (на рѣкѣ Хмелевкѣ) и пр.

Немало въ Василѣ всякаго рода ремесленныхъ заведеній, но въ то же время такой курьезъ: въ городѣ нѣтъ ни одной парикмахерской, и приходится ловить разныхъ вольно-практикующихъ фигаро. Чтобы показать, какая это мудреная штука—постричься или побриться въ Василѣ, приведу слѣдующій діалогъ между однимъ изъ мѣстныхъ администраторовъ и его подчиненнымъ:

Городовой почтительно докладываетъ начальнику объ исполненіи «служебнаго порученія»:

— Денисовъ (переплетчикъ) не можетъ явиться: бритвы у него давно не точены...

— Пусть поточитъ и придетъ.

— Никакъ невозможно! точильщиковъ нѣтъ въ городѣ...

— Что за чортъ! кого же позвать?..

— Да вотъ сторожъ при арестантской хорошо бреетъ...

— Гм... Да онъ долженъ быть неотлучно при арестантской,— какъ-то неувѣренно проговорило начальство, видимо стѣсненное присутствіемъ сторонняго человѣка.

Городовой что-то промычалъ, очевидно раздѣляя эту неувѣренность начальника.

— Ну, позови почтальона!—съ досадою проговорилъ послѣдній.

— Никакъ невозможно! онъ сейчасъ на пристани—ждетъ почтоваго парохода.

— Что за чортъ! да кто жъ меня побреетъ?! Авдотья что ли?!— начинаетъ свирѣпѣть начальство, въ сущности очень добродушное.

Городовой почтительно ухмыляется и говоритъ:

— Не угодно ли пожарнаго? отлично-съ бреетъ...

— Зови хоть чорта!—съ отчаяніемъ восклицаетъ начальство.

Явился однако не чортъ, а пожарный, съ благоговѣніемъ продѣлавшій надъ начальствомъ надлежащую операцію. Оба возблагодарили небеса, что не случилось въ это время пожарной тревоги, а то пришлось бы начальству явиться на пожаръ съ полуобритой физіономіей.

VI.

«Просвѣщеніе» въ Василѣ. — Типографія. — Народное суевѣріе. — Васильскіе баптисты. — Пребываніе уѣздной земской управы не въ городѣ, а въ селѣ.

Что сказать въ заключеніе о духовной физіономіи Василя? Съ внѣшней стороны дѣло обстоитъ какъ бы благополучно: въ городѣ достаточно народныхъ училищъ—два городскихъ (мужское четырехклассное и женское трехклассное) и три приходскихъ (два

мужскихъ и одно женское), существуетъ безплатная народная читальня, есть библіотека при клубѣ.

Недавно въ Василѣ существовало даже «общество земледѣлія и сельской промышленности». По крайней мѣрѣ, именно такому «обществу» Демидовъ посвятилъ свой «Историческій очеркъ Васильсурскаго уѣзда» (стр. 3), изданный въ 1884 году. Увы! оно отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть, и теперь, всего только черезъ восемнадцать лѣтъ, даже старожилы не помнятъ ничего объ этомъ миѳѣ-обществѣ.

Есть въ Василѣ и типографія (нотаріуса, г. Владимирскаго), правда, очень скромныхъ размѣровъ (одинъ печатный станокъ, семь рабочихъ), но единственная для пяти уѣздовъ—Васильскаго, Сергачскаго, Княгининскаго, Курмышскаго и Ядринскаго (ближайшія типографіи въ городѣ Козьмодемьянскѣ и селѣ Лысковѣ). Но изъ этой типографіи ничего не выходитъ, кромѣ бланковыхъ книгъ для волостныхъ правленій, торговыхъ этикетовъ, объявленій и т. п.

Если на высотѣ васильскаго общества вы встрѣтите симпатичнаго «толстовца», имѣющаго якобы послѣдователей, то внизу, на самыхъ общественныхъ низинахъ, вамъ могутъ указать на какую нибудь бабушку Ѳедору, которая при первой встрѣчѣ съ промчавшимся велосипедистомъ отъ ужаса присѣла и стала креститься, говоря: «ужъ не нечистый ли пролетѣлъ? мѣсто-то нечистое». А мѣсто, дѣйствительно, нечистое и не въ Ѳедориномъ, но въ буквальномъ смыслѣ: встрѣча произошла на большой дорогѣ, у пожарнаго прудка, представляющаго роскошное зеленое ботвинье, съ соотвѣтствующими ароматами... Демоническое настроеніе бабушки Ѳедоры встрѣтило сочувствіе у подвернувшагося черемисина, спрятавшагося съ испугу за березу, съ крикомъ: «не шайтанъ ли это?» Только подошедшій на эту сцену васильчанинъ, видавшій виды, разъяснилъ перепуганнымъ младенцамъ, какая «машина» ихъ такъ напугала.

Выше замѣчено, съ какимъ страхомъ хмелевцы относятся къ «Чортову городищу», гдѣ имъ мерещатся разные ужасы... Такіе же страхи испытываютъ даже взрослые васильчане въ разныхъ окрестностяхъ города, считаемыхъ «нечистыми», особенно въ Супротивномъ оврагѣ и въ томъ лѣсистомъ оврагѣ, что находится между фабрикой и большой дорогой. Мало того: и молодежь, побывавшая въ городскихъ училищахъ, не къ чести послѣднихъ, полна всякихъ нелѣпыхъ суевѣрій... Напримѣръ, вамъ разскажутъ и даже назовутъ имена якобы очевидцевъ, встрѣчавшихъ въ окрестностяхъ Василя такъ называемыя «нечистыя свадьбы»: ночью де, въ пустынной мѣстности, вдругъ проносится рядъ троекъ, на дивныхъ коняхъ, съ массою народа въ необычной одеждѣ, съ колокольчиками, пѣснями, криками... Пронесутся и скроются... Это

де поѣздъ «нечистаго», справляющаго свою свадьбу... Суевѣріе это идетъ, кажется, отъ черемисъ.

Немудрено, что красоты окружающей природы настраиваютъ воображеніе васильчанъ на поэтическій ладъ и даютъ богатую пищу ихъ фантазіи... Подъ вліяніемъ близкаго общенія съ природою васильчане—народъ очень мягкій, добродушный, симпатичный. Даже у мѣстныхъ фабричныхъ нѣтъ той нарочитой рѣзкости и грубости, какая наблюдается у рабочихъ другихъ фабричныхъ центровъ. «Бывшихъ людей» почти нѣтъ среди коренныхъ васильчанъ. Мѣстная полиція можетъ спокойно предаваться созерцательной жизни, такъ какъ всякаго рода «происшествія», буйства, воровства и т. п. крайне рѣдки. Рѣзкія преступленія, еще болѣе рѣдкія, взбудораживаютъ весь городъ, наводя ужасъ на мирныхъ его обывателей.

Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы Василь былъ городомъ богомольнымъ... Рѣзкую особенность города, очень почтеннаго по лѣтамъ и не бѣднаго населеніемъ, составляетъ малое количество церквей: соборъ, Хмелевская церковь, новая (съ 1902 года) маленькая церковь на новомъ кладбищѣ и домовая церковь въ острогѣ—вотъ и все. По масштабу древне-русскихъ городовъ (напримѣръ, въ Угличѣ тридцать церквей на двѣнадцать тысячъ жителей, въ Кинешмѣ восемь церквей на четыре тысячи и т. д.) Василю слѣдовало бы имѣть гораздо больше церквей, тѣмъ болѣе, что почти все населеніе его считается православнымъ, и старообрядцевъ въ городѣ очень мало.

Новымъ и крупнымъ явленіемъ въ религіозной жизни Василя было зарожденіе въ городѣ и окрестностяхъ баптистовъ (по офиціальной терминологіи—«штундистовъ»), которыхъ народъ перековеркалъ въ «батистовъ»... Въ 1900 году окружный судъ судилъ партію васильскихъ баптистовъ и 10 человѣкъ куда-то сослалъ...

Разсказывали про одного мѣстнаго тюремнаго надзирателя, какъ его «совратили» заключенные баптисты и убѣдили бросить службу. Онъ женился на особѣ «легкихъ нравовъ» и совершенно переродилъ ее... Подобные факты заставляютъ всѣхъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ баптистамъ, какъ къ людямъ высоко-нравственной жизни.

Заканчиваю характеристику Василя однимъ удивительнымъ курьезомъ изъ его земской жизни, рѣзко отличающимъ его отъ всѣхъ рѣшительно земскихъ городовъ Россіи...

Бродя по городу и разсматривая скромныя зданія, въ которыхъ ютятся разныя общественныя и казенныя учрежденія, я нигдѣ не находилъ уѣздной земской управы. Обращаюсь съ своимъ недоумѣніемъ къ мѣстному обывателю. Тотъ смѣется и говоритъ:

— А у насъ не полагается земской управы...

— Какъ такъ? вѣдь Нижегородская губернія—земская же?

— Мало ли что!.. нашъ уѣздъ особенный, дворянскій въ высшей степени... Недаромъ одинъ изъ нашихъ столповъ носится съ изреченіемъ: «у меня въ уѣздѣ... большею частію и тому подобное (его любимое, ни къ селу, ни къ городу употребляемое присловье)... либераловъ и радикаловъ не полагается»... Вотъ и запрятали подальше земскую управу, чтобы это «либеральное» учрежденіе не мозолило глазъ...

— Куда же запрятали?

— Возьмите лошадей у Ивана Турлаева (содержателя земской почты) и поѣзжайте къ перевозу черезъ Суру... Черезъ четыре-пять часовъ васъ доставятъ въ Васильскую земскую управу, находящуюся въ тридцати верстахъ отъ города—въ селѣ Быковкѣ...

— Какая нелѣпость! въ тридцати верстахъ отъ города!.. но почему же не въ самомъ городѣ?!...

— Просто потому, что такъ удобнѣе для предсѣдателя земской управы, г. Демидова: Быковка—его мнѣніе...

— Это не авторъ ли «Историческаго очерка Васильсурскаго уѣзда»?

— Нѣтъ, это—братъ покойнаго васильскаго исторіографа.

— Но, позвольте, г. Демидовъ не вѣчно же будетъ предсѣдателемъ управы, и это мѣсто не наслѣдственное же въ его фамиліи?!. Выберутъ другого—и что же? управу переведутъ въ имѣніе новаго предсѣдателя?!...

— По всей вѣроятности... у насъ просто...

— Однако... И всѣ мирятся съ такимъ ненормальнымъ положеніемъ?!.

— Какое тамъ мирятся! и городъ и уѣздъ не разъ хлопотали объ уничтоженіи этого безпорядка, и въ печати поднимался этотъ вопросъ, и все осталось попрежнему. А что такое положеніе неудобно для всѣхъ, кромѣ г. Демидова, это само собою понятно. Кто имѣетъ дѣло съ земской управой, тому часто бываютъ необходимы и другія учрежденія. И вотъ извольте колесить между городомъ и Быковкой. Сколько тутъ тратится и времени, и денегъ, и здоровья въ осеннюю и весеннюю распутицу. Не говорю уже о томъ, что вѣдь и сама управа находится въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми уѣздными учрежденіями. Сколько тутъ заводится безполезной бумажной переписки, и какъ тормозится вообще дѣятельность земства! Почта ходитъ въ Быковку всего два раза въ недѣлю.

— И земскія собранія происходятъ въ Быковкѣ?

— Тамъ же... Можете представить положеніе гласныхъ, волею-неволею становящихся гостями хозяина имѣнія... Попробуйте въ этихъ условіяхъ быть «въ оппозиціи» управѣ или состоять членомъ ревизіонной комиссіи!

— Но вѣдь можно и не быть гостемъ г. Демидова...

— Трудно-съ... Нельзя же осенью и зимою, когда происходятъ земскія собранія, располагаться гласнымъ лагеремъ, въ палаткахъ... да и на это нужно разрѣшеніе хозяина: кругомъ его земля да его родственниковъ. Есть въ Быковкѣ постоялые дворы, но вѣдь не всякій способенъ жить въ подобной грязи... Говорятъ, раньше былъ постоялый дворъ съ кабакомъ, содержавшійся г. предсѣдателемъ земской управы. Теперь ихъ нѣтъ, но все же и теперь г. Демидовъ не въ убыткѣ: за сдачу своего дома подъ земскую управу онъ получаетъ очень кругленькую для деревни сумму—тысячу рублей.

— Да, какъ это у васъ мило устроено, совсѣмъ по-семейному... патріархальность какая!..

— Смѣйтесь, а намъ вотъ какъ солоно приходится отъ этой самой патріархальности... Она совсѣмъ не къ лицу такому общественному учрежденію, какъ земство... Есть ли еще гдѣ либо въ русскомъ земствѣ такая нелѣпость?!

— Врядъ ли!.. богата русская жизнь многими диковинками, но о такой не слыхалъ... Васильское земство въ этомъ отношеніи единственный раритетъ!...

Н. Оглоблинъ.

РУССКІЙ ЕВРОПЕЕЦЪ КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВѢКА [1]).

II.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ негласнаго комитета, или, какъ шутя называли его, comité du salut public, состоявшаго изъ молодыхъ друзей Александра I-го, изложена въ книгѣ великаго князя Николая Михаиловича впервые въ полномъ объемѣ на основаніи бумагъ Строгановскаго архива, тогда какъ до сихъ поръ историки Александровской эпохи: Богдановичъ, Дубровинъ, Пыпинъ и Шильдеръ, пользовались въ своихъ заключеніяхъ о ней главнымъ образомъ лишь нѣкоторыми выдержками изъ протоколовъ негласнаго комитета, напечатанными въ приложеніи къ «Исторіи Александра I-го» Богдановича. Бумаги, изданныя великимъ княземъ, проливаютъ новый свѣтъ и на исторію «реформъ» Александра, и на отношенія къ нему его друзей. Идеализмъ молодого императора, отвлеченныя стремленія къ дарованію Россіи какой-то непродуманной имъ самимъ «свободы» покоились на общей XVIII вѣку мысли, что отъ воли правителя зависитъ пересоздать народъ, дать другое направленіе его исторіи, измѣнить его духъ и міросозерцаніе. Молодые друзья Александра держались того же мнѣнія и думали, что въ готовности государя пересадить принципы освободительной философіи въ Рос-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCII, стр. 901.

сію и даже отказаться отъ самодержавной власти лежитъ весь успѣхъ задуманныхъ ими преобразованій. Поэтому отношенія ихъ къ государю вовсе не были такими простыми, дружескими, какъ полагали до сихъ поръ ихъ панегиристы. Строгановъ, Новосильцевъ и Чарторижскій, къ которымъ лишь отчасти примыкалъ Кочубей, были старше государя лѣтами, прошли уже извѣстную политическую школу и съ самаго начала своего тріумвирата думали лишь о томъ, чтобы подчинить Александра своему вліянію и держать его въ нравственной отъ себя зависимости, подавая ему совѣты во всѣхъ дѣлахъ имперіи: они являлись въ видѣ его опекуновъ. Разумѣется, этотъ олигархическій совѣтъ при особѣ императора могъ существовать лишь въ тайнѣ, и Строгановъ, предложивъ императору образованіе комитета, первымъ условіемъ его существованія поставилъ строгое соблюденіе тайны о немъ, откровенно объясняя въ своей запискѣ объ учрежденіи комитета, что всѣ мѣры, которыя будутъ имъ выработаны, въ глазахъ общества должны быть дѣломъ исключительно самого императора, имѣть, такъ сказать, его штампъ. Такимъ образомъ, создавалось невидимое политическое учрежденіе, которое имѣло цѣлью пересоздать Россію, работая втихомолку отъ нея, и, осуществляя свои постановленія путемъ самодержавной власти, стремиться къ ея подчиненію себѣ. Въ особой запискѣ, написанной для своихъ друзей, Строгановъ рекомендовалъ слѣдующій образъ дѣйствій по отношенію къ государю: «Императоръ вступилъ на престолъ съ наилучшими намѣреніями возможно большихъ усовершенствованій. Этому только препятствуетъ его неопытность и его характеръ, мягкій и лѣнивый. Для достиженія доброй цѣли (sic!) необходимо, слѣдовательно, преодолѣть эти три препятствія. Такъ какъ у него мягкій характеръ, то его должно поработить (de le subjuger), чтобы имѣть необходимое на него вліяніе. Вслѣдствіе чистоты его принциповъ наиболѣе вѣрный способъ порабощенія его заключается въ приведеніи всего къ чистымъ принципамъ, въ справедливости которыхъ онъ не могъ бы сомнѣваться. Эта мягкость его характера существенно обязываетъ не терять времени, чтобы другіе не предупредили насъ, о чемъ они несомнѣнно должны стараться, и чѣмъ они значительно затруднятъ нашъ трудъ. По лѣности своего характера онъ естественно долженъ предпочитать тѣхъ, которые легко схватываютъ его мысль, способны выразить ее такъ, какъ онъ желалъ бы, и, избавляя его этимъ отъ труда отыскивать желательное имъ выраженіе, способны ясно и даже, если возможно, изящно изложить его мысль. Это условіе избавленія его отъ труда существенно необходимо. Такъ какъ неопытность заставляетъ его быть недовѣрчивымъ къ самому себѣ, то, чтобы укрѣпить его и указать, съ чего начать, необходимо предоставить ему возможность обозрѣть однимъ взглядомъ всѣ отрасли управленія, для чего по-

требно представить ему краткую картину положенія имперіи въ тотъ моментъ, когда онъ принялъ бразды правленія». Разумѣется, что при такой дружеской опекѣ Александръ могъ играть только страдательную роль; Строгановъ же доказалъ своей запиской, что онъ хорошо усвоилъ себѣ политическій катихизисъ своего наставника Ромма. При развитіи дѣятельности комитета, Строгановъ тщательно подмѣчалъ настроенія государя, чтобы не выпустить его изъ-подъ своего вліянія. «L'air fatigué» Александра заставлялъ членовъ комитета прекращать свои настоянія съ тѣмъ, чтобы возобновлять ихъ при лучшихъ условіяхъ: «вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобъ онъ не заупрямился (qu'il ne s'entêta), и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого времени». Тайну засѣданій, въ концѣ концовъ оказавшуюся, конечно, призрачной, оберегали слѣдующимъ образомъ. Тріумвиры: Строгановъ, Новосильцевъ и Чарторижскій, вмѣстѣ съ гр. Кочубеемъ, приглашались обыкновенно къ высочайшему столу. Послѣ кофе, поговоривъ нѣсколько минутъ съ прочими приглашенными, императоръ удалялся; но, пока остальные гости разъѣзжались, четыре избранника вводились чрезъ особый ходъ въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями ихъ величествъ. Туда приходилъ государь, и тамъ, въ его присутствіи и при его участіи, происходили оживленныя и продолжительныя пренія по вопросамъ о реформѣ безобразнаго зданія. На засѣданія эти «друзья» Александра не допускали никого, даже Лагарпа, въ августѣ 1801 года пріѣхавшаго въ Петербургъ и также пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Александра. Члены комитета боялись вліянія Лагарпа на его воспитанника, и не даромъ: своими совѣтами Лагарпъ успѣлъ во многомъ повредить членамъ комитета въ умѣ государя, высказывая часто мнѣнія, совершенно противорѣчивыя мнѣніямъ комитета и согласныя съ мнѣніями старыхъ екатерининскихъ дѣльцовъ. Совѣты Лагарпа, заправскаго европейца и «философа», имѣли для Александра большое значеніе.

Изъ бумагъ Строганова ясно видно, что члены комитета имѣли, по крайней мѣрѣ въ началѣ, опредѣленный планъ реформъ: по крайней мѣрѣ, Строгановъ жаловался своимъ друзьямъ на Лагарпа, что онъ не вникаетъ въ общій планъ ихъ и возражаетъ противъ частныхъ мѣръ, имѣющихъ смыслъ лишь при знаніи общаго плана. Планъ этотъ, однако, былъ не чѣмъ инымъ, какъ общими теоретическими положеніями о свободѣ и равенствѣ, осуществить которыя на дѣлѣ, при всемъ сочувствіи государя, членамъ комитета оказалось не подъ силу: отношенія, создавшіяся вѣками, невозможно было порвать распоряженіями власти, даже самодержавной; сложные вопросы права, изученіе экономическихъ и духовныхъ интересовъ народа требовали долгой, кропотливой

работы, и разговоры членовъ комитета въ туалетной комнатѣ дворца, блиставшіе цвѣтами краснорѣчія въ общихъ положеніяхъ, дѣлу помочь не могли. Происходило нѣчто неожиданное и непонятное. Стремленіе Александра и его друзей «смягчить» самодержавіе, отказаться отъ нѣкоторыхъ его прерогативъ, столкнулось съ вопросомъ: въ чью же пользу? Рѣшено было на первыхъ порахъ расширить власть сената, но сенатъ изъ членовъ по выбору сдѣлался бы орудіемъ дворянства, чего не хотѣли члены комитета, а дѣятельность его изъ членовъ по назначенію не удовлетворяла Александра, который, присутствуя наслѣдникомъ два года на засѣданіяхъ сената, былъ личнымъ свидѣтелемъ нерадивости и продажности сенаторовъ; въ пользу отвлеченнаго «народа» отказываться отъ нѣкоторой даже власти невозможно было потому уже, что девять милліоновъ его пребывали въ крѣпостномъ состояніи. Члены комитета оказались тѣмъ болѣе въ затруднительномъ положеніи, что императоръ торопилъ ихъ изысканіемъ средствъ положить предѣлъ «деспотизму» и видимо «скучалъ», видя ихъ безплодныя исканія. Наконецъ выработанъ былъ общій планъ учрежденія министерствъ, которыя должны были замѣнить существовавшія коллегіи, но, какъ видно изъ документовъ, обнародованныхъ великимъ княземъ Николаемъ Михаиловичемъ, этотъ спасительный якорь поданъ былъ комитету молодымъ полякомъ, графомъ Платеромъ, «мысли котораго, прибавляетъ Строгановъ, сошлись съ моими». Цѣлью учрежденія министерствъ было уже установленіе «законности» въ управленіи, но, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ министерской и коллегіальной формы управленія до сихъ поръ еще не рѣшенъ; уже въ царствованіе императора Николая центръ тяжести въ министерскомъ управленіи перешелъ на столоначальника. При самомъ возникновеніи своемъ министерства встрѣчены были далеко не всѣми съ сочувствіемъ, такъ какъ ими устанавливалась единоличная и фактически малоотвѣтственная власть министровъ. Сами члены комитета сознавали несовершенство своего дѣтища, и много времени было посвящено ими на обсужденіе вопроса о гарантіяхъ, чтобы министры не обманывали государя, вводя его въ заблужденіе своими лживыми докладами. «Къ чести негласнаго комитета,—говоритъ авторъ,—должно сказать, что онъ энергично высказался противъ учрежденія комитета министровъ, и графъ Строгановъ писалъ по этому поводу: «Учрежденіе комитета министровъ послужитъ только къ созданію во всѣхъ отношеніяхъ з..вредной власти. Министры, конечно, должны обладать большою в..астію, но также необходимо, чтобы они были дѣйствительно о..вѣтственны за свои дѣянія, между тѣмъ какъ комитетъ этотъ и..бавитъ министровъ отъ всякой отвѣтственности, а большинство

его членовъ образуетъ такую сильную волю, которая ослабитъ волю государя, которая одна должна имѣть значеніе». Въ этихъ словахъ Строганова уже видна перемѣна первоначальныхъ взглядовъ его на «деспотизмъ» и боязнь усиленія бюрократіи. Установленію «законности» въ управленіи должно было мѣшать и отсутствіе свода законовъ имперіи. Когда въ комитетѣ зашла объ этомъ рѣчь, Кочубей объяснилъ, что, предварительно составленія свода, необходимо собрать всѣ изданные законы, чѣмъ занимались комиссіи составленія законовъ со временъ Елисаветы. Комитетъ рѣшилъ тогда учредить новую комиссію для этой цѣли и запросить мнѣнія о лучшемъ составленіи свода у извѣстнѣйшихъ юристовъ Европы.

Дѣйствія и разсужденія комитета во многомъ принесли пользу, но косвенно, путемъ возбужденія общественнаго вниманія къ назрѣвавшимъ вопросамъ государственной и общественной жизни, путемъ утвержденія духа гуманности и законности въ администраціи. Но попытки къ законодательнымъ мѣропріятіямъ оказывались неудачными, по незнанію Россіи и дѣла; часто «друзья» Александра и самъ онъ становились, въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ противорѣчіе съ самими собой, съ тѣмъ, что они признавали правильнымъ въ другихъ случахъ. Императоръ, всегда чуткій на противорѣчія, отказывался тогда слѣдовать за своими руководителями. «Самому принципу преобразованія,—говоритъ авторъ,—государь безусловно вѣрилъ, но практическое осуществленіе пугало его; онъ впадалъ въ нерѣшительность, и въ результатѣ получалось нѣчто «вялое и трусливое», какъ выражался Строгановъ въ одномъ изъ писемъ къ Новосильцову». Въ этомъ не было ничего удивительнаго: друзьямъ его, чтобы плодотворно работать, недостаточно было красно говорить.

Въ особенности обнаружилось это при обсужденіи вопроса о смягченіи крѣпостного права. Всѣ совѣтники Александра осуждали крѣпостное право съ нравственной точки зрѣнія, но дворянство было такъ сильно, крѣпостныя отношенія такъ тѣсно связывались съ экономическою жизнью Россіи и всѣми правовыми ея учрежденіями, что самые рѣшительные люди считали возможнымъ приступить къ этому дѣлу лишь исподволь, напримѣръ, отмѣной личной продажи людей; не былъ даже уясненъ самый способъ освобожденія крестьянъ, потому что многіе, даже Лагарпъ, идеаломъ освобожденія ихъ видѣли освобожденіе ихъ безъ земли и превращеніе въ батраковъ. Графъ Строгановъ не задавался мыслію объ этихъ подробностяхъ: для него важно было теоретическое рѣшеніе вопроса. Любопытна его записка по этому дѣлу: въ ней заключается торжественное признаніе значенія самодержавія въ Россіи, но въ то же время осужденіе собственныхъ мыслей Строганова

объ умаленіи власти императорской, безъ которой, какъ признается онъ, никакія реформы не были возможны; замѣтно также отдѣленіе высшаго дворянства отъ «сельскаго». Называя почему-то сельскихъ дворянъ «самымъ невѣжественнымъ, самымъ презрѣннымъ, по духу своему самымъ тупымъ классомъ общества», Строгановъ, очевидно, думалъ въ это время о дореволюціонной Франціи, а не о Россіи; но неизвѣстно, думалъ ли онъ о планахъ своихъ и своихъ друзей, когда писалъ слѣдующія строки: «при малѣйшемъ покушеніи противъ правъ верховной власти народъ прежде всѣхъ ополчится на защиту ея, видя въ такомъ покушеніи лишь увеличеніе власти своихъ враговъ-дворянъ». Сужденія Строганова вообще измѣнялись сообразно тѣмъ положеніямъ, которыя ему хотѣлось доказать. Мысль Строганова о немедленномъ, наслѣдственномъ освобожденіи крестьянъ (безъ земли?) раздѣлялъ только одинъ Адамъ Чарторижскій, не безъ мысли, быть можетъ, о возможности смутъ, о возможности воспользоваться ими для Польши...

Положительныя послѣдствія дѣятельность комитета имѣла въ области народнаго просвѣщенія. По странной случайности министерство народнаго просвѣщенія въ сущности было коллегіей, подъ флагомъ главнаго правленія училищъ, а министръ, гр. Завадовскій, существовалъ лишь по имени. Въ главномъ правленіи были Строгановъ, Новосильцовъ и многіе изъ просвѣщенныхъ людей того времени: Муравьевъ, Северинъ Потоцкій, Фусъ. Любовь къ просвѣщенію, не стѣсняемая министерской ферулой, сдѣлала чудеса. Уже въ 1803 г. выработанъ былъ планъ учрежденія и управленія высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ началъ открываться рядъ гимназій и университетовъ. Но эта дѣятельность главнаго правленія училищъ развилась уже тогда, когда въ концѣ 1803 г. негласный комитетъ прекратилъ свое существованіе.

Императоръ Александръ несомнѣнно чувствовалъ дружескую надъ собою опеку членовъ комитета, тѣмъ болѣе, что они запрашивали государя о всѣхъ дѣлахъ, даже обсуждали съ нимъ вопросы о назначеніяхъ, наградахъ и т. д. Въ обнародованныхъ въ монографіи великаго князя Николая Михаиловича протоколахъ комитета находится масса драгоцѣнныхъ данныхъ о русской жизни начала XIX вѣка, разъясняющихъ исторію императора Александра I. Но, съ одной стороны, дружеская опека стала тяжела монарху, съ другой, онъ ясно увидѣлъ неспособность и неумѣніе самихъ своихъ руководителей; мало того, начавъ разсуждать съ государемъ о необходимости положить предѣлъ «деспотизму», они кончили тѣмъ, что сами стали убѣждать его въ возможности совершать реформы только путемъ «деспотизма». Але-

ксандръ отвернулся отъ нихъ и прекратилъ засѣданія: ему нужны были не краснобаи, а люди дѣла: на горизонтѣ появился уже Сперанскій.

Неудачный исходъ занятій государственными дѣлами, послѣ безцвѣтнаго пребыванія на должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ и дипломатической поѣздки въ Англію, заставилъ Строганова искать средствъ для достиженія «общаго блага» не въ управленіи громадными своими имѣніями съ десятками тысячъ крѣпостныхъ, а... на поприщѣ военной службы, на театрѣ войны съ Наполеономъ, со Швеціей, съ Турціей. Натура Строганова требовала, очевидно, движенія и блеска. Баловню счастія служить было вездѣ легко: изъ тайныхъ совѣтниковъ онъ переименованъ былъ въ генералъ-майоры и, если вѣрить реляціямъ, совершилъ рядъ удачныхъ военныхъ операцій, хотя и не получилъ военной подготовки. Въ 1811 году онъ пожалованъ былъ генералъ-адъютантомъ, въ 1812 году за Бородино, гдѣ командовалъ корпусомъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Благородныя, гуманныя свойства души и характера, просвѣщенный умъ, колоссальное состояніе создавали Строганову повсюду друзей, но были у него и завистники. Лукавый А. П. Ермоловъ такъ отозвался о немъ:

«Быстрый ходъ по службѣ не допустилъ нужной опытности, не представились случаи обнаружить способности военнаго человѣка. Изъ всѣхъ наилучшихъ качествъ, украшающихъ Строганова, военныя не суть превосходнѣйшія. Никому не уступая въ отважности, готовый встрѣчать опасность: но не среди звука оружія можетъ возгремѣть имя его». Военную карьеру графъ П. А. Строгановъ завершилъ на походѣ во Францію въ 1814 году. Смерть любимаго сына, павшаго въ битвѣ при Краонѣ, поразила Строганова и подорвала его здоровье. Онъ пережилъ сына своего тремя годами и скончался на пути въ Европу, въ Копенгагенѣ. Графу Строганову было въ это время только 44 года.

Въ краткомъ обозрѣніи труда великаго князя Николая Михаиловича мы не могли коснуться многихъ частныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ его книгой. Слѣдуетъ сказать, что безъ тщательнаго ея изученія невозможно теперь знакомство съ Александровской эпохой особенно первыхъ лѣтъ Александровскаго царствованія. Особенную цѣнность книги представляетъ ея объективность, стремленіе автора возстановить истину, не скрывая матеріаловъ и фактовъ, въ угоду какой либо теоріи. Немалымъ украшеніемъ книги являются прекрасные портреты и рисунки, исполненные въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Е. С. Шумигорскій.

МОНАШЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

(Изъ наблюденій и воспоминаній о святой горѣ Аѳонской) [1].

XI.

Стремленіе русскихъ людей на Аѳонъ, какъ въ высшую школу христіанскаго подвижничества и благочестія, современно просвѣщенію Россіи христіанскою вѣрою. Сохранились историческія извѣстія, что и родоначальникъ русскаго монашества, преподобный Антоній Печерскій, былъ ученикомъ аѳонской иноческой школы, гдѣ онъ и воспринялъ идеалы аскетизма, пересадивъ ихъ потомъ на русскую почву [2]). Путешествіе преподобнаго Антонія на Святую гору, конечно, не могло не возбудить въ русскихъ подражанія и остаться безслѣднымъ, а, съ другой стороны, и сами греки, бывшіе нашими учителями въ христіанской вѣрѣ, несомнѣнно, познакомили благочестивыхъ «руссовъ» съ главнымъ у нихъ очагомъ высокой религіозно-созерцательной жизни. Во всякомъ случаѣ, теперь положительно извѣстно, что въ первой половинѣ XI вѣка, послѣ 1043 года, русскіе уже имѣли на Аѳонѣ свой особый, съ правами самостоятельности, монастырекъ, который слылъ подъ именемъ «Богородицы Ксилургу», съ придаточнымъ названіемъ «монастыря руссовъ», съ храмомъ въ честь Успенія Богоматери [3]). Съ теченіемъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCII, стр. 948.

[2]) Проф. Е. Е. Голубинскій, «Исторія русской церкви», т. I, ч. 2, стр. 469. [М]осква. 1881.

[3]) Обитель Богородицы «Ксилургу» существуетъ и въ настоящее время, со[хр]анивъ достоинство скита. Скитъ находится на восточномъ склонѣ Аѳона, въ [тр]ехъ часахъ пути отъ русскаго Пантелеимонова монастыря, и населенъ болгар[ск]ими монахами.

времени, число русскихъ подвижниковъ на Аөонѣ увеличилось такъ что обитель Ксилургу оказалась для нихъ тѣсной и не совсѣмъ удобной, вслѣдствіе ея отдаленности отъ моря, главной жизненной стихіи Аөона. Въ виду этого, русскіе иноки въ 1169 году, чрезъ игумена своего, Лаврентія, обратились въ центральное управленіе Аөона съ просьбой — дать имъ одну изъ большихъ аөонскихъ обителей «ради ея устроенія и своей пользы». Аөонскій совѣтъ игуменовъ, во главѣ съ первымъ изъ нихъ, или протомъ (πρῶτος), зная усердіе русскихъ къ обновленію и украшенію монастырей и приложивъ къ нимъ слова Спасителя: «добрый рабе и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю», «по долгомъ разсмотрѣніи и общемъ разсужденіи», рѣшилъ «дать, передать и отдать» руссамъ монастырь во имя святого великомученика Пантелеимона, называвшійся еще обителью Өессалоникійца. При своемъ рѣшеніи они имѣли въ виду, что эта обитель, «если и была въ старину многолюдна и имѣла первенство между второстепенными, какъ по обширности, такъ и по блеску, но нынѣ кажется не видною, всѣми признается и почитается какъ бы совсѣмъ не существующею по малочисленности монаховъ, отъ недостатка продовольствія и отъ распаденія ея стѣнъ и жилищъ; да и то, что въ ней кажется стоящимъ, предвѣщаетъ совершенное паденіе и исчезновеніе». Тѣмъ не менѣе, русскій игуменъ Лаврентій былъ обрадованъ рѣшеніемъ аөонскаго собора. Когда же соборъ объявилъ ему, что онъ передастъ обитель Ксилургу другимъ монахамъ, то Лаврентій такъ взмолился предъ нимъ: «невозможно отнять ее у насъ и дать другому, ради того, что въ ней мы постриглись и много потрудились и издержались надъ ея охраненіемъ и устроеніемъ, и что въ ней скончались родители и сродники наши, которые содержали насъ и давали намъ средства жить». Соборъ разсудилъ оставить за русскими и обитель Ксилургу, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы она была и называлась не подворіемъ, а монастыремъ, и чтобы въ ней жили монахи и экономъ. Составленнымъ тогда же (1169 г.) по этому поводу актомъ, который подписали протъ и игумены двадцати семи аөонскихъ монастырей, навсегда укрѣпилась за русскимъ братствомъ обитель святого Пантелеимона [1]). Съ того времени русскіе иноки навсегда получили права гражданства въ свободной и великой «пустынѣ святого Аөона».

Но въ послѣдующее время, вплоть до конца XV вѣка, вслѣдствіе угнетавшаго Россію монгольскаго ига, тяжелыхъ внутреннихъ смутъ и междоусобій русскихъ князей, наши соотечественники на Аөонѣ имѣли сравнительно мало сношеній съ родиной, отъ которой

---

[1]) Акты русскаго на святой Аөонской горѣ монастыря св. великомученика цѣлителя Пантелеимона, стр. 71—75. Кіевъ. 1873.

они лишь изрѣдка получали и необходимую для нихъ матеріальную помощь. Тѣмъ не менѣе, русское иночество, и въ этотъ смутный періодъ русской исторіи, не изсякло на Аѳонѣ и продолжало сохранять свою національную обособленность отъ другихъ насельниковъ Святой горы, стекавшихся сюда со всѣхъ концовъ міра. Почти исключительными благодѣтелями русской аѳонской обители въ этотъ періодъ были единовѣрные намъ сербы, во главѣ со своими благочестивыми и щедрыми царями, которые и приняли ее подъ свое могущественное покровительство и оказывали богатую матеріальную помощь. Въ XV вѣкѣ сношенія Россіи съ Аѳономъ начали оживляться, а число русскихъ иноковъ постепенно увеличивалось... Русскій монастырь пользовался милостыней отъ князей—Іоанна III Васильевича, Василія Іоанновича, взявшаго его и подъ свое покровительство, отъ царей Іоанна Васильевича Грознаго, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и другихъ [1]). Но въ первой половинѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе русско-турецкой войны 1735—1739 годовъ, русскіе иноки на Аѳонѣ подверглись гоненію; одни изъ нихъ совсѣмъ были вытѣснены отсюда, а другіе удалились въ пустынныя и уединенныя келліи. Обитель святого Пантелеимона совершенно была оставлена русскими насельниками и передана во власть греческихъ монаховъ (1735 г.). Греки, овладѣвъ русскимъ монастыремъ, упразднили здѣсь общежитіе и ввели идіоритмъ. Нѣкоторое время греки пользовались денежной милостыней отъ молдавскихъ и валахскихъ господарей, которые избирались изъ аристократическихъ греческихъ фамилій фанаріотовъ [2]), но въ концѣ XVIII вѣка монастырь святого Пантелеимона, вслѣдствіе вліянія всесокрушающаго времени и недостаточной попечительности со стороны грековъ, пришелъ въ упадокъ и нуждался въ капитальномъ ремонтѣ. Тогда греки рѣшили оставить этотъ монастырь, называвшійся «Нагорнымъ, Старымъ Руссикомъ», и переселились въ небольшой монастырекъ во имя святого Пантелеимона, расположенный на землѣ перваго, въ разстояніи трехъ часовъ пути, на берегу моря и возникшій въ концѣ XVII вѣка. Это переселеніе совершилось около 1770 года и было весьма знаменательно въ исторіи русскаго монашества на Аѳонѣ, такъ какъ именно на мѣстѣ этого прибрежнаго монастырька, совершенно заброшеннаго и малоизвѣстнаго, и возникъ знаменитый нынѣ русскій монастырь святого великомученика и цѣлителя Пантелеимона.

---

[1]) «Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на святой горѣ Аѳонской», стр. 35—45. Изд. 7-е. Москва. 1886.

[2]) Фанаріоты получили свое названіе отъ квартала Фанаръ въ Стамбулѣ, гдѣ они жили и гдѣ находится вселенская патріархія, въ дѣлахъ которой, а также и всего греческаго народа, они принимали весьма большое участіе.

XII.

Поселившись въ «Новомъ, приморскомъ Руссикѣ», греческіе монахи и здѣсь не пользовались вожделѣннымъ благополучіемъ. Введенный въ обители идіоритмическій образъ жизни привнесъ въ иноческій строй упадокъ дисциплины и матеріальнаго благосостоянія, вызвалъ внутренніе безпорядки и неустройства, которые сильно тормозили правильное и мирное развитіе обители. И вотъ, русскій Пантелеимоновскій монастырь постепенно пришелъ къ полному обнищанію и разоренію. Бѣдность обители была такъ велика, что ему въ аѳонскомъ городкѣ Кареѣ не было довѣрія даже на двадцать піастровъ (=1 рубль 60 коп.). Въ виду этого аѳонскій протатъ рѣшилъ въ 1803 году совсѣмъ исключить русскій монастырь изъ числа двадцати главныхъ аѳонскихъ обителей, принадлежавшія ему земли продать для уплаты лежавшихъ на монастырѣ большихъ долговъ, а излишекъ денегъ употребить на общія нужды всего Аѳона. Но этотъ суровый приговоръ, къ счастію для русскихъ, былъ опротестованъ тогдашнимъ константинопольскимъ патріархомъ Каллиникомъ, который по этому поводу издалъ замѣчательную грамоту, предписавъ ввести въ монастырѣ общежитіе и обязавъ аѳонскій протатъ принять мѣры къ возстановленію обители, такъ какъ, по мнѣнію патріарха, было нетактично и неполитично упразднять на Аѳонѣ русскій монастырь въ то время, когда Россія мудрой политикой императрицы Екатерины II и своими побѣдоносными войнами съ Турціей пріобрѣла рѣшающее вліяніе на судьбу восточныхъ христіанъ. Игуменомъ русской обители былъ назначенъ греческій іеромонахъ Савва, который ревностно и занялся ея благоустройствомъ. При матеріальномъ содѣйствіи великаго драгомана Порты, князя-фанаріота Скарлата Каллимахи, игуменъ Савва около 1814 года возобновилъ соборный храмъ, келліи для братіи и разныя монастырскія постройки.

Въ 1821 году, во время греческаго возстанія, Скарлатъ Каллимахи былъ казненъ по подозрѣнію въ измѣнѣ, а вскорѣ отъ огорченія и старческихъ недуговъ скончался и игуменъ Савва, на 103-мъ году отъ рожденія. Для обители наступило тяжелое время. Бѣдствія эпохи сильно отразились на ея положеніи, еще не установившемся и не упрочившемся. Постройки монастыря еще не были окончены и требовали большихъ расходовъ, а притока пожертвованій со стороны совсѣмъ не было. Монастырь, наравнѣ съ остальными аѳонскими обителями, былъ турками обложенъ военной контрибуціей за участіе въ возстаніи и несъ повинности по содержанію введеннаго на Аѳонъ турецкаго гарнизона. Средства монастыря изсякли, ему опять не было довѣрія на Кареѣ, а многіе иноки, во главѣ съ игуменомъ-болгариномъ Герасимомъ, бѣжали,

такъ что въ обители осталось лишь нѣсколько старцевъ-грековъ, русскихъ же не было ни одного. Только послѣ заключенія Адріанопольскаго мира въ 1829 году въ обитель стали стекаться греческіе иноки; возвратился и игуменъ Герасимъ, странствовавшій по южной Греціи съ нѣкоторыми братіями въ теченіе девяти лѣтъ и взявшій съ собою драгоцѣнности и документы монастыря. Но возстановленіе обители и устройство монастырскихъ дѣлъ попрежнему вызывали много затрудненій, такъ какъ игуменъ не имѣлъ для этого необходимыхъ денежныхъ средствъ. И вотъ малочисленная и бѣдная братія Пантелеимонова монастыря, желая спасти его отъ совершенной гибели, рѣшила призвать къ себѣ на помощь русскихъ монаховъ, которые, послѣ заключенія между Россіей и Турціей Адріанопольскаго трактата, въ большомъ числѣ стали стекаться на Аѳонъ.

XIII.

На первый призывъ грековъ охотно откликнулся русскій іеромонахъ Аникита, въ мірѣ князь С. А. Шихматовъ-Ширинскій, жившій въ аѳонскомъ Ильинскомъ скиту. Въ 1835 году онъ, вмѣстѣ съ пятнадцатью другими русскими иноками, прибылъ въ Пантелеимоновскій монастырь и былъ встрѣченъ здѣсь греками очень радушно. Русскимъ дали церковь св. Іоанна Предтечи. Іеромонахъ Аникита дѣятельно принялся за монастырскія дѣла и, между прочимъ, далъ средства на устройство храма во имя святителя Митрофанія Воронежскаго. Но пребываніе его здѣсь было непродолжительно. Въ томъ же 1835 году онъ отправился на богомолье въ Іерусалимъ, а послѣ уѣхалъ въ Аѳины, куда былъ назначенъ настоятелемъ русской посольской церкви. Послѣ его отъѣзда между греческими и русскими монахами возникли разногласія и споры, окончившіеся тѣмъ, что въ 1836 году русскіе совсѣмъ оставили Пантелеимоновскую обитель и возвратились въ Ильинскій скитъ.

Удаленіе русскихъ повлекло за собою еще большее обѣднѣніе Пантелеимоновскаго монастыря, поэтому греческіе его иноки въ 1839 году сдѣлали новую попытку привлечь сюда русскихъ насельниковъ. На этотъ разъ былъ приглашенъ іеромонахъ духовникъ Павелъ съ нѣсколькими русскими монахами, которые вышли изъ Ильинскаго скита вслѣдствіе возникшихъ здѣсь безпорядковъ. Но Павелъ прожилъ въ монастырѣ только восемь мѣсяцевъ и скончался, оставивъ до семи тысячъ рублей на улучшеніе монастырскихъ дѣлъ. Опытъ показалъ всю пользу привлеченія русскихъ въ монастырь, и вотъ греки, по кончинѣ Павла, рѣшили опять найти себѣ сотрудниковъ изъ среды русскихъ иноковъ Святой горы. Въ 1840 году по ихъ просьбѣ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ водворился іеромонахъ Іоанникій, въ схимѣ Іеронимъ,

оказавшій громадныя услуги русскому иночеству на Аѳонѣ и замѣчательный выдающимися своими аскетическими доблестями.

Іеромонахъ Іеронимъ родился въ 1803 году въ купеческой семьѣ Соломенцовыхъ, въ городѣ Старо-Осколѣ, Курской губерніи, съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ влеченіе къ монашеской жизни, сначала жилъ въ нѣкоторыхъ русскихъ монастыряхъ, а потомъ удалился въ 1836 году на Аѳонъ, гдѣ и подвизался въ келліи св. пророка Иліи, близъ Ставроникитскаго монастыря, подъ руководствомъ опытнаго духовника, старца Арсенія. Когда греческіе иноки Пантелеимонова монастыря стали приглашать Іеронима перейти къ нимъ, то онъ, любя уединеніе и страшась принять рукоположеніе въ іеромонаха, съ коимъ было связано это переселеніе, сначала рѣшительно отказался разстаться съ своею келліей. Лишь убѣжденіе старца Арсенія, предъ которымъ о. Іеронимъ благоговѣлъ, заставило его склониться на приглашеніе. Онъ продалъ свою келлію, роздалъ имущество бѣднымъ русскимъ инокамъ и съ учениками переселился въ Пантелеимоновскій монастырь, гдѣ вскорѣ же былъ назначенъ духовникомъ для русской братіи. Іеромонахъ Іеронимъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью не только со стороны русскихъ монаховъ, но и греческихъ, такъ какъ обладалъ рѣдкими нравственными качествами. Вотъ какъ характеризуетъ его извѣстный свѣтскій публицистъ-писатель К. Н. Леонтьевъ, бывшій русскимъ консуломъ въ Солуни и хорошо знавшій выдающагося старца. «Это былъ,—пишетъ Леонтьевъ,—не только инокъ высокой жизни, это былъ человѣкъ болѣе чѣмъ замѣчательный. Не мнѣ признавать его святымъ — это право церкви, а не частнаго лица, но я назову его прямо великимъ: человѣкъ съ великою душою и необычайнымъ умомъ. Родомъ изъ неособенно важныхъ старооскольскихъ купцовъ, не получившій почти никакого образованія, онъ чтеніемъ развилъ свой сильный природный умъ и до способности понимать прекрасно самыя отвлеченныя богословскія сочиненія, и до умѣнія проникаться въ удаленіи своемъ всѣми самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, безстрашный, предпріимчивый, сильный и осторожный въ одно и то же время, глубокій идеалистъ и дѣловой донельзя, физически столь же сильный, какъ и душевно, собою и въ преклонныхъ годахъ еще поразительно красивый, отецъ Іеронимъ безъ труда подчинялъ себѣ людей, и даже я замѣчалъ, что на тѣхъ, которые сами были выше умственно и нравственно, онъ вліялъ еще сильнѣе, чѣмъ на людей обыкновенныхъ» [1]. «Отецъ Іеронимъ былъ человѣкъ желѣзной воли по преимуществу... Къ тому же онъ всегда до того былъ спокоенъ и невозмутимъ, что я,—продолжаетъ Леонтьевъ,—имѣвшій съ нимъ частыя сношенія въ теченіе года слишкомъ, ни разу не видѣлъ, ни

[1] «Гражданинъ» за 1889 годъ, № 196.

чтобы онъ гнѣвался, ни чтобы онъ смѣялся, какъ смѣются другіе. Едва-едва улыбнется изрѣдка, никогда не возвысить голоса, никогда не покажетъ ни радости особой, ни печали. Иногда только онъ немного посвѣтлѣе, иногда немного мрачнѣе и суровѣе. А между тѣмъ онъ всѣ чувства въ другихъ понималъ, самыя буйныя, самыя непозволительныя и самыя малодушныя, понималъ ихъ тонко, глубоко и снисходительно. Всѣ боялись его и всѣ стремились къ нему сердцемъ» [1]).

Вотъ въ руки такого-то опытнаго духовника-старца, человѣка съ сильнымъ характеромъ и рѣдкою жизненною выдержкою, таланта-самородка, стоявшаго цѣлою головой выше всѣхъ его окружавшихъ, Провидѣніе и ввѣрило судьбы русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, доведеннаго до крайняго убожества и едва не вычеркнутаго изъ святогорскихъ обителей. Нелегка была задача знаменитаго старца, но онъ съ честью ее выполнилъ. Прежде всего, вокругъ него скоро собралось значительное число русскихъ монаховъ, всецѣло вручившихъ себя его духовному водительству и согласившихся безусловно подчиняться строгой монашеской дисциплинѣ, установленной въ киновіи. Затѣмъ, чтобы выйти изъ тяжелой нужды, обременявшей обитель, отецъ Іеронимъ обратился съ воззваніемъ о помощи къ русскому народу, получилъ разрѣшеніе отправить въ Россію и спеціальныхъ сборщиковъ (въ 1841 г.), старался упорядочить хозяйственную жизнь монастыря и въ результатѣ много сдѣлалъ для обители и въ этомъ отношеніи. Его трудами были устроены два храма — святителя Митрофанія и Покрова Пресвятой Богородицы, долги монастыря постепенно стали уплачиваться, его имущество и постройки приведены въ порядокъ, и вообще вся экономическая жизнь получила стройную и правильную организацію. Большая заслуга отца Іеронима состояла и въ томъ, что онъ всѣми мѣрами старался поддерживать согласіе и единодушіе между греками и русскими и устранять взаимныя недоразумѣнія всякаго рода, считая это однимъ изъ существенныхъ условій процвѣтанія монастыря [2]). Наконецъ, отецъ Іеронимъ воспиталъ цѣлую плеяду блестящихъ сотрудниковъ и учениковъ, которые были дѣятельными помощниками этого замѣчательнаго старца, а по смерти его († 14-го ноября 1885 года) продолжали трудиться и работать на пользу русской обители въ духѣ и направленіи своего авторитетнаго старца-духовника.

> Ты—цвѣтъ Аѳона, ты—виновникъ
> Другихъ цвѣтовъ въ краю чужомъ,
> Ты—первый опытный садовникъ
> Въ цвѣтущемъ Руссикѣ твоемъ!

---

[1]) «Гражданинъ» за 1889 годъ, № 246.

[2]) Профессоръ А. А. Дмитріевскій. Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимонова монастыря священно-архимандрита Макарія, стр. 91—96. Спб. 1895.

Такъ воспѣвалъ заслуги отца Іеронима одинъ аѳонскій инокъ-поэтъ [1]). Самымъ замѣчательнымъ ученикомъ и сотрудникомъ отца Іеронима былъ архимандритъ Макарій, игуменъ Пантелеимоновскаго монастыря.

XIV.

Архимандритъ Макарій, въ мірѣ Михаилъ Ивановичъ Сушкинъ [2]), происходилъ изъ богатой купеческой семьи города Тулы, родился 16-го февраля 1821 года, учился въ частномъ пансіонѣ и четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ уже сдѣлался «подручнымъ» своего отца въ коммерческихъ дѣлахъ. Но аскетически настроенный юноша не соблазнялся благами міра, которыя открывались предъ нимъ, въ виду его молодости и богатства. Въ 1851 году онъ предпринялъ путешествіе на востокъ съ цѣлью поклониться мѣстнымъ святынямъ, былъ въ Константинополѣ, Палестинѣ, Египтѣ и на Синаѣ. Это путешествіе произвело на душу молодого Сушкина чарующее впечатлѣніе. Въ ноябрѣ 1851 года онъ прибылъ, наконецъ, на Аѳонъ, въ русскій монастырь, гдѣ вскорѣ же и испыталъ на себѣ обаятельное вліяніе необыкновенно симпатичнаго и умнаго аскета, духовника Іеронима, въ лицѣ котораго пламенный юноша нашелъ именно то, чего долго и тщетно искалъ,—опытнаго старца-учителя, способнаго указать и вести по истинному пути аскетизма, въ направленіи къ основной цѣли—вѣчному спасенію. Ровно черезъ годъ молодой Сушкинъ, по настойчивой своей просьбѣ и съ согласія родителей, былъ постриженъ въ монахи и со всѣмъ пыломъ молодости и аскетическаго энтузіазма предался иноческимъ подвигамъ, подъ руководствомъ старца-духовника. Отецъ Іеронимъ обратилъ на него особое вниманіе, такъ какъ прозрѣвалъ своимъ умомъ будущія судьбы славной русской обители и въ лицѣ Макарія желалъ приготовить такого дѣятеля, который впослѣдствіи могъ бы сильною рукою взять на себя кормило управленія въ постепенно возраставшемъ монастырѣ и искусно вести братію къ нравственнно-аскетическому совершенству. Школа отца Іеронима была въ высшей степени послѣдовательна и систематична и цѣлымъ рядомъ искусовъ воспитывала волю аскета, отсѣкала страсти, воспламеняла сердце добрыми чувствами и создавала какое-то особенное, ангельское настроеніе. Сначала отецъ Макарій, въ званіи іеромонаха, былъ сдѣланъ (въ 1856 г.) вторымъ духовникомъ русскихъ иноковъ Пантелеимоновскаго монастыря, а затѣмъ (1875 г.)

---

[1]) «Въ свѣтлыя и грустныя минуты». Собраніе стихотвореній С. П. Стр. 134. Москва. 1902.

[2]) О жизни и дѣятельности отца Макарія (Сушкина) прекрасно разсказывается въ отмѣченной книгѣ кіевскаго профессора А. А. Дмитріевскаго.

и игуменомъ, послѣ довольно продолжительной и упорной борьбы русскихъ иноковъ обители съ греческими.

Эта борьба составляла одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ судьбѣ русскаго монашества на Аѳонѣ и имѣла весьма важное въ ней значеніе, которое не исчезло и до настоящаго времени. Вотъ немногія фазы этого любопытнаго явленія. Когда русскіе, во главѣ съ отцомъ Іеронимомъ, поселились, по просьбѣ грековъ, въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, то послѣдніе вовсе не считали ихъ равными себѣ, смотрѣли, какъ на пришельцевъ и рабовъ своихъ, обязанныхъ за пріютъ и столъ работать на монастырь, подвергаться всякимъ лишеніямъ и т. п. Нужды русскихъ иноковъ и ихъ малочисленность заставляли мириться съ тяжелымъ положеніемъ. Но постепенно количество русскихъ возросло до сотни, монастырь сталъ освобождаться отъ гнетущей финансовой нужды, благодаря денежнымъ субсидіямъ изъ Россіи, а высокомѣріе и надменность греческихъ монаховъ въ отношеніи къ русскимъ проявлялись попрежнему. Русскимъ стоило большого труда добиться отъ грековъ права слушать чтеніе и пѣніе въ трапезѣ и храмѣ по-русски или по-славянски въ опредѣленные дни недѣли, въ соотвѣтствіе греческому чтенію и пѣнію. Дѣло дошло до того, что въ одну ночь греки нарисовали кинжалъ и пистолетъ на дверяхъ келлій игумена Герасима и его помощника, іеродіакона Иларіона, благосклонно относившихся къ русскимъ,—ясно этимъ намекая на средства, коими они предполагали расправиться съ руссофилами. Тѣмъ не менѣе игуменъ Герасимъ, находясь въ глубокой старости и желая приготовить, на случай своей смерти, достойнаго себѣ преемника по игуменству, остановилъ свой выборъ на отцѣ Макаріи, какъ человѣкѣ, выдающемся изъ среды другихъ по уму и монашескимъ доблестямъ, и 15-го октября 1870 года объявилъ его «нареченнымъ преемникомъ» своимъ. Это событіе дало поводъ къ волненіямъ среди греческаго населенія обители, которыя вскорѣ, подъ вліяніемъ другихъ аѳонскихъ и внѣ-аѳонскихъ обстоятельствъ, выдвинувшихъ на первый планъ русскихъ и Россію [1]), вызвали настоящую бурю страстей человѣческихъ, создали на Аѳонѣ, а потомъ и внѣ его—въ Турціи и Греціи сильную и упорную борьбу грековъ съ миѳическимъ противникомъ-панславизмомъ, который будто бы угрожаетъ панэллинизму и намѣренъ сдѣлать святую гору Аѳонъ орудіемъ своихъ убійственныхъ замысловъ противъ греческой на-

---

[1]) На Аѳонѣ почти одновременно были избраны изъ Пантелеимоновскаго братства игумены монастырей св. Павла и Ксенофонта, — патріархъ вселенскій Іоакимъ оказалъ особое вниманіе русскому Андреевскому скиту, малороссійскій Ильинскій скитъ былъ въ раздорѣ съ греческимъ Пантократорскимъ монастыремъ; внѣ Аѳона возникла греко-болгарская схизма, русское правительство изгнало изъ Бессарабіи греческихъ монаховъ и взяло на себя завѣдываніе здѣшними аѳонскими имѣніями.—Проф. Дмитріевскій, указ. соч., стр. 162—168.

родности. Такъ возникъ знаменитый греко-русскій Пантелеимоновскій процессъ.

Сущность его состояла въ борбѣ двухъ народностей—греческой и русской изъ-за права владѣнія Пантелеимоновскимъ монастыремъ, основною цѣлью инициаторовъ этой борьбы—грековъ, было удаленіе русскихъ иноковъ изъ Пантелеимоновскаго монастыря и даже съ Аѳона, тогда какъ русскіе стремились лишь отстоять свое законное право молиться и трудиться въ русской обители Святой горы. Наконецъ, поводомъ къ процессу послужилъ фактъ добровольнаго избранія игуменомъ Герасимомъ преемника себѣ по власти въ лицѣ русскаго архимандрита Макарія. Борьба велась крайне страстно и даже ожесточенно, съ угрозами и насиліями, сперва на Аѳонѣ въ монастырѣ и протатѣ, а потомъ въ Костантинопольской патріархіи и Портѣ, при участіи правительства духовнаго и свѣтскаго, дипломатовъ, монаховъ, народа и печати. Возникнувъ въ 1870 году, процессъ окончился только черезъ пять лѣтъ побѣдою русской партіи, на сторону которой перешли и благомыслящіе изъ грековъ, даже самъ константинопольскій патріархъ Іоакимъ II, передъ коимъ интересы русскихъ иноковъ защищалъ нашъ посолъ при султанѣ турецкомъ, графъ Н. П. Игнатьевъ. Торжество русской партіи выразилось въ томъ, что игуменскій тронъ Пантелеимоновской обители, по смерти Герасима († 1873 г.), занялъ его нареченный преемникъ, архимандритъ Макарій Сушинъ, по двукратному избранію монастырской братіи.

XV.

Игуменство архимандрита Макарія (1875 — 1889 г.) было блестящимъ періодомъ въ исторіи Пантелеимоновскаго монастыря. Въ это время русскіе иноки прочно утвердились въ своей обители, возросли количественно (до восьмисотъ человѣкъ), окрѣпли нравственно, заняли почетное мѣсто среди насельниковъ Аѳона, какъ высокіе носители и выразители аскетическихъ идеаловъ Святой горы. Монастырь былъ благоустроенъ и въ матеріальномъ отношеніи: его финансы были приведены въ прекрасное состояніе, старые огромные долги уплачены, храмы монастыря благолѣпно украшены и снабжены богатою церковной утварью и обильной ризницей, возведены были капитальныя постройки внутри монастыря и расширены старыя зданія, экономическій бытъ самихъ монаховъ значительно улучшенъ, были благоустроены монастырскіе метохи и владѣнія, какъ на территоріи Аѳона (Кромица, скитъ «Новая Ѳиваида», Старый или Нагорный Руссикъ), такъ и внѣ ея (Кассандрійскій, Каламарійскій и Сикійскій), вновь учрежденъ на Кавказѣ Ново-Аѳонскій Симоно-Канонитскій монастырь, открыты подворья въ Петербургѣ, Константинополѣ, Одессѣ, Новороссійскѣ, Сухумѣ,

Ростовѣ на Дону и другихъ городахъ, которыя не только служатъ источникомъ дохода, но и приносятъ большую нравственную пользу какъ жителямъ этихъ городовъ, такъ особенно простому народу, во время его благочестиваго паломничества къ святымъ мѣстамъ востока. Наконецъ, Пантелеимоновскій монастырь при игуменѣ Макаріи предпринялъ обширную просвѣтительно-издательскую дѣятельность, распространяя въ народѣ милліоны листковъ, брошюръ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Таковы разнообразные результаты многополезной дѣятельности игумена Макарія. Его трудами Пантелеимоновскій монастырь поставленъ на одно изъ первыхъ мѣстъ по внутренней организаціи, значенію и вліянію на ходъ аѳонскихъ дѣлъ, хотя офиціально, по святогорскому уставу, онъ и занимаетъ девятнадцатое мѣсто.

Въ послѣдующее время Пантелеимоновскій монастырь постепенно расширялся и возрасталъ. Нынѣ онъ, по внѣшнему своему виду, представляетъ цѣлый городокъ. Расположенный на берегу моря, вдоль по косогору, онъ содержитъ въ своихъ стѣнахъ массу зданій разныхъ архитектурныхъ стилей и плановъ, которыя возникали въ разное время, въ зависимости отъ нарождавшихся потребностей братіи, нѣсколько церквей (до 25), величественно возвышающихся своими главами надъ жилыми помѣщеніями, а кругомъ обители расположены многочисленныя хозяйственныя пристройки. Центральные корпуса монастыря заняты келліями иноковъ и гостиницей для богомольцевъ, библіотекой, трапезной, а кругомъ находятся: больница, кожевенный заводъ, красильня, хлѣбная, свѣчной заводъ, фотографія, мельница, другая гостиница для народа, склады провизіи, хлѣбные амбары, огороды и т. д. Хозяйство монастыря громадное, а порядокъ во всемъ—образцовый. Нынѣ въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и его подворьяхъ живетъ около 1800 монаховъ и послушниковъ, принадлежащихъ по своему происхожденію къ различнымъ классамъ русскаго общества, преимущественно же вышедшихъ изъ крестьянской среды. Имѣется въ составѣ братства и нѣсколько грековъ (до 40 человѣкъ), для которыхъ и богослуженія совершаются на греческомъ языкѣ. Всѣ иноки русскаго монастыря не только занимаются молитвой и подвигами, но и несутъ тѣ или иныя послушанія, въ видѣ физическихъ или интеллектуальныхъ трудовъ, на пользу своей обители. Нѣкоторыя хозяйственныя работы исполняются наемными рабочими изъ грековъ и болгаръ, число коихъ доходитъ до 500, при соотвѣтствующемъ количествѣ и рабочаго скота. Монастыремъ управляетъ съ 1889 года архимандритъ Андрей, въ мірѣ Алексѣй Веревкинъ, одинъ изъ сотрудниковъ отца Макарія, при жизни котораго онъ избранъ и его преемникомъ. Отецъ Андрей нерушимо хранитъ порядки жизни, насажденные старцами Іеронимомъ и Макаріемъ, и опытною рукою ведетъ монастырь къ всестороннему мирному преуспѣянію. Сво-

ими сотрудниками по управленію отецъ игуменъ имѣетъ—намѣстника іеромонаха Нифонта, избраннаго въ февралѣ 1896 года, духовника, казначея, благочиннаго, ризничаго и многихъ другихъ должностныхъ монастырскихъ лицъ, изъ коихъ мы здѣсь укажемъ только на библіотекаря отца Матѳея, съ которымъ приходится имѣть дѣло всякому, кто пріѣзжаетъ на Аѳонъ съ научною цѣлью. Отецъ Матѳей—человѣкъ замѣчательный въ разныхъ отношеніяхъ. Прежде всего, это ученый въ полномъ смыслѣ слова. Кажется, нѣтъ такой области знанія, которой бы онъ не интересовался. Особенно почтенны его познанія въ богословіи, исторіи, археологіи, филологіи. Между прочимъ, онъ прекрасно знаетъ языки новогреческій, турецкій и французскій, на коихъ и ведетъ обширную офиціальную корреспонденцію монастыря съ протатомъ, патріархіей и Портой, исполняя обязанности и монастырскаго грамматевса (секретарь). А свѣдѣнія отца Матѳея въ греческой палеографіи прямо изумительны: онъ не только съ замѣчательнымъ искусствомъ читаетъ греческія рукописи, но и прекрасно знакомъ съ составомъ всѣхъ монастырскихъ библіотекъ Аѳона и на каждый вопросъ изъ этой области можетъ дать интересующемуся обстоятельныя свѣдѣнія. Свою библіотеку отецъ Матѳей любитъ, какъ дорогое дѣтище. Онъ не только привелъ и содержитъ ее въ образцовомъ порядкѣ, снабдивъ описаніями и каталогами, но и постепенно обогащаетъ ее новыми пріобрѣтеніями. Послѣднее дѣло заслуживаетъ величайшей похвалы. Въ то время какъ библіотеки греческихъ монастырей остаются statu quo въ теченіе десятковъ лѣтъ, отецъ Матѳей ежегодно восполняетъ составъ Пантелеимоновской библіотеки новыми кодексами и свѣжими списками драгоцѣнныхъ греческихъ текстовъ, сохранившихся въ иныхъ библіотекахъ Аѳона. Вслѣдствіе этого молодая библіотека Русскаго монастыря въ настоящее время почти ничѣмъ не уступаетъ въ своемъ богатствѣ древнѣйшимъ книгохранилищамъ греческихъ обителей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и превосходитъ ихъ (напримѣръ, по составу рукописей изъ новѣйшей исторіи греческой церкви). Ученыя заслуги отца Матѳея извѣстны всѣмъ, кто интересуется исторіей христіанскаго востока, и оцѣнены даже на западѣ: года два тому назадъ отецъ Матѳей получилъ отъ Парижской академіи наукъ офиціальное признаніе въ почетномъ званіи ученаго, удостоившись соотвѣтствующаго ордена и диплома. Особенно изумительно въ этомъ человѣкѣ то, что свои обширныя познанія онъ пріобрѣлъ самообразованіемъ, безъ предварительной систематической школы. А затѣмъ отецъ Матѳей—рѣдкій по скромности и нравственнымъ доблестямъ монахъ. Не смотря на то, что въ монастырѣ онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, persona grata, отецъ Матѳей по своей скромности упорно отказывается отъ сана даже іеромонаха и остается простымъ инокомъ, неся на ряду со всѣми обычныя монастырскія послушанія. Его дорога только

въ храмъ да въ библіотеку, а за стѣны обители онъ никогда и не выходитъ, проводя все свободное отъ послушаній время въ своей келліи, среди кодексовъ и хартій, да въ бесѣдѣ съ заѣзжими учеными, которые, по пріѣздѣ въ Русскій монастырь, прежде всего спѣшатъ къ этому замѣчательному человѣку для поученія и наставленій касательно богатѣйшей и обширнѣйшей аѳонской письменности. Дай Богъ, чтобы въ Руссикѣ никогда не оскудѣвалъ духъ геронта-отца Матѳея...

XVI.

Кромѣ Пантелеимоновскаго монастыря, крупными очагами русскаго иночества на Аѳонѣ въ настоящее время служатъ скиты Андреевскій и Ильинскій. Скитъ Андреевскій расположенъ на землѣ Ватопедскаго монастыря, близъ Кареи, городка аѳонскаго, и возникъ на мѣстѣ келліи «Серай» (красивый дворецъ), во имя преподобнаго Антонія Великаго, въ коей нѣкогда жили на покоѣ константинопольскіе патріархи Аѳанасій Пателларій (XVII в.) и Серафимъ (XVIII в.). Въ началѣ минувшаго столѣтія келлія «Серай» находилась въ полномъ упадкѣ. Въ 1841 году ее пріобрѣли у Ватопедскаго монастыря русскіе іеромонахи Виссаріонъ и Варсонофій, въ мірѣ купцы Толмачевъ и Вавиловъ, собрали здѣсь до 20 монаховъ и, насколько было возможно, благоустроили новую иноческую общину. Искреннимъ желаніемъ ктиторовъ келліи было возвести ее на степень скита. Въ этомъ дѣлѣ существенную имъ услугу оказалъ извѣстный ревнитель православія Андрей Николаевичъ Муравьевъ, прибывшій въ 1849 году на Аѳонъ съ паломническою цѣлью. Въ томъ же году Ватопедскій монастырь и центральное управленіе Аѳона—протатъ, по ходатайству Муравьева, объявили «Серай» русскимъ общежительнымъ скитомъ во имя апостола Андрея Первозваннаго и преподобнаго Антонія Великаго, а современный константинопольскій патріархъ Анѳимъ издалъ по этому поводу грамоту, утверждавшую новый скитъ въ его правахъ. Первымъ настоятелемъ (дикеемъ) скита былъ іеромонахъ Виссаріонъ, положившій начало его внутреннему преуспѣянію и внѣшнему благополучію, а вторымъ (съ 1862 года) отецъ Ѳеодоритъ, въ теченіе 25 лѣтъ управлявшій скитомъ и сдѣлавшій для него весьма много. Между прочимъ, въ 1867 году въ скиту великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ былъ заложенъ величественный соборъ во имя апостола Андрея Первозваннаго съ придѣлами св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго и св. равноапостольной Маріи Магдалины. Постройка собора тянулась болѣе тридцати лѣтъ: весьма торжественно былъ освященъ этотъ храмъ 16 іюня 1900 года. Средства на его сооруженіе были собраны въ Россіи; щедрую лепту на окончаніе постройки принесъ андреевскій инокъ, отецъ Иннокентій,

изъ рода купцовъ Сибиряковыхъ, скончавшійся въ 1900 году. Работа производилась нанятыми въ Константинополѣ мастерами, при участіи монаховъ. Соборъ построенъ изъ мрамора двухъ цвѣтовъ бѣлаго и сѣраго, иконостасъ сплошь золоченый, съ рѣзными колоннами, иконы прекрасной живописи въ византійско-русскомъ стилѣ, куполы собора обложены мѣдью, главы и кресты позолочены, на колокольнѣ доброшумный звонъ изъ 20 колоколовъ. Стоимость постройки простирается до двухъ милліоновъ рублей. Нынѣ Андреевскій соборъ есть самый величественный храмъ на всемъ Аѳонѣ.

Другія заботы игумена Ѳеодорита были направлены къ расширенію зданій скита, въ виду увеличенія братіи, къ устройству подворій и къ внутреннему упорядоченію обители. За свои заслуги онъ еще въ 1872 году получилъ отъ Ватопедскаго монастыря санъ архимандрита, а константинопольскій патріархъ Анѳимъ призналъ его архимандритомъ патріаршаго престола, наградилъ крестомъ и далъ титулъ игумена, взамѣнъ дикея; кромѣ того, скитъ Андреевскій объявленъ ставропигіальнымъ или патріаршимъ. Третьимъ настоятелемъ Андреевскаго скита былъ іеромонахъ Ѳеоклитъ (съ 1887 г.), а четвертымъ архимандритъ Іосифъ (съ 1892 года), который управляетъ скитомъ и въ настоящее время, при содѣйствіи старцевъ. Нынѣ въ скиту живетъ до 500 монаховъ. Скитъ по внѣшнему своему виду похожъ на богатый и благоустроенный монастырь и производитъ на посѣтителя прекрасное впечатлѣніе своими массивными зданіями, величественными соборами, царящими повсюду строгимъ порядкомъ и дисциплиной. Скитъ имѣетъ подворья въ Константинополѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону и Петербургѣ. Онъ занимается также просвѣтительно-издательской дѣятельностью, которая разнообразна и почтенна по своимъ результатамъ.

Скитъ Ильинскій находится на землѣ греческаго Пантократорскаго монастыря. Онъ устроенъ въ 1757 году знаменитымъ подвижникомъ Паисіемъ Величковскимъ, который собралъ здѣсь до 30 иноковъ и ввелъ общежительный уставъ. По удаленіи Паисія въ Молдавію, скитъ пришелъ въ упадокъ. Особенно тяжелое время скитъ переживалъ въ началѣ XIX вѣка, вслѣдствіе своей бѣдности и тревожныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Въ 1835 году въ скитъ прибылъ іеромонахъ Аникита, въ мірѣ князь Шихматовъ-Ширинскій, и много содѣйствовалъ упорядоченію въ немъ дѣлъ. Между прочимъ, на средства, имъ представленныя, въ скиту былъ построенъ храмъ во имя святителя Митрофанія Воронежскаго. Почтенны заслуги и игумена Паисія (съ 1841 г.), котораго Пантократорскій монастырь нашелъ возможнымъ возвести (1868 г.) въ санъ архимандрита «за то, что онъ, управляя скитомъ уже двадцать восемь лѣтъ, не только оставался въ полномъ согласіи съ начальствующею обителью Пантократорской, но и въ теченіе этого времени скитъ свой вновь воздвигъ, распространилъ и украсилъ,

доходы его увеличилъ и вообще нравственно и матеріально его возвысилъ». Слѣдующіе настоятели скита, по мѣрѣ силъ и возможности, шли по стопамъ своего предшественника въ дѣлѣ устройства обители. Нынѣ дикеемъ состоитъ архимандритъ Максимъ, человѣкъ сравнительно молодой, но опытный въ духовной жизни. Братство скита простирается до 300 человѣкъ, преимущественно уроженцевъ нашей Малороссіи, поэтому и скитъ Ильинскій именуется малороссійскимъ. Вообще, этотъ скитъ сравнительно бѣденъ и нуждается во внѣшнемъ матеріальномъ содѣйствіи. Необходимо расширить жилыя помѣщенія, достроить соборъ, больницу. Печальное явленіе въ жизни этого скита составляютъ разногласія его съ киріархальнымъ Пантократорскимъ монастыремъ, которыя тянутся уже много лѣтъ и значительно тормозятъ развитіе этого учрежденія.

Русскіе монахи живутъ на Аѳонѣ также въ келліяхъ и каливахъ, число коихъ въ 1902 году доходило до 214. Нѣкоторыя изъ этихъ иноческихъ учрежденій имѣютъ довольно многочисленную братію (до ста человѣкъ), хорошо устроены и постепенно расширяются, имѣя въ виду достигнуть впослѣдствіи правъ скита. Изъ келлій болѣе другихъ извѣстны: великомученика Артемія на Проватѣ, св. Игнатія Богоносца, св. Василія Великаго, св. Іоанна Златоуста, трехъ Святителей, святителя Митрофанія, Евфимія Великаго, Преображенія Господня, Казанской Божіей Матери и т. д.

Наконецъ, среди русскихъ иноковъ есть много сиромаховъ, или отшельниковъ, которые живутъ большею частью въ естественныхъ пещерахъ или землянкахъ и рѣдко нанимаютъ уголъ, въ качествѣ квартирантовъ, въ какой нибудь каливѣ. Одежду, хлѣбъ и иногда деньги они получаютъ изъ монастырей, а также немного зарабатываютъ ремеслами, приготовляя крестики и ложки, одежду и обувь и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ малодоступной Карульѣ.

XVII.

Русскіе иноки, живущіе въ монастырѣ и скитахъ Аѳона, а также и въ келліяхъ, руководятся уставомъ общежительнымъ. Въ этой привязанности нашихъ иноковъ къ киновіи нужно усматривать добрый признакъ, такъ какъ общежитіе есть болѣе нормальный и строгій образъ подвижничества, получившій начало и развитіе здѣсь въ древности, трудами законоположника Аѳона, св. Аѳанасія († 1001 г.). Типъ аѳонской киновіи, представленный нами выше, въ русскихъ иноческихъ учрежденіяхъ нѣсколько разнообразится, въ зависимости отъ аскетическаго настроенія руководителей и отъ преданій, унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ старцевъ. Но вообще относительно русскихъ монастырей нужно сказать, что они съ большою строгостью блюдутъ литургическій уставъ и про-

водятъ въ молитвѣ большую часть дня и ночи. Нѣкоторые усматриваютъ даже излишнюю привязанность нашихъ иноковъ къ церковнымъ службамъ, въ ущербъ трудовымъ ихъ обязанностямъ, налагаемымъ на иноковъ тѣмъ же общежительнымъ уставомъ. Но по личнымъ своимъ наблюденіямъ мы должны сказать, что тамъ, гдѣ матеріальная необезпеченность заставляетъ иноковъ нести и физическія работы (напримѣръ, въ нѣкоторыхъ келліяхъ), они трудятся въ потѣ лица, посвящая этимъ работамъ положенные часы дня. Что же касается богатаго Пантелеимоновскаго монастыря и Андреевскаго скита, то здѣсь, дѣйствительно, физическія работы по хозяйству исполняются и наемными аргатами (рабочими), но это вызывается необходимостью, такъ какъ хозяйство этихъ учрежденій настолько громадно, что инокамъ своими силами не справиться, а съ другой стороны—и братія этихъ обителей, по мѣрѣ силъ и возможности, несетъ физическіе труды на пользу своихъ «метаній» [1]), если это совмѣстимо съ литургическими требованіями устава. Одни изъ нихъ работаютъ въ иконописной, другіе занимаются приготовленіемъ одежды или обуви, иные несутъ «послушаніе» въ монастырской трапезной, нѣкоторые состоятъ матросами на монастырскихъ судахъ, иные работаютъ въ библіотекѣ и т. д. Дѣло находится всѣмъ, по мѣрѣ способностей каждаго, и дѣло немалое, такъ какъ, напримѣръ, при двухтысячномъ почти составѣ Пантелеимоновской братіи и запасы пищи, одежды, обуви требуются громадные. А въ аѳонскія обители обращаются съ разнообразными требованіями и со стороны—изъ Россіи, которую мѣстные иноки снабжаютъ и иконами, и крестиками, и четками, и книгами. Громадному спросу должно соотвѣтствовать и такое же предложеніе, вызывающее и соотвѣтствующій со стороны монаховъ трудъ. Мы не хотимъ здѣсь оправдывать всѣхъ русскихъ иноковъ Аѳона,—наша рѣчь только о монастырѣ и двухъ скитахъ русскихъ, да о тѣхъ келліяхъ, которыя зарекомендовали себѣ истовымъ исполненіемъ общежительнаго устава. Но есть на Аѳонѣ и такіе русскіе келліоты, которымъ здѣсь совершенно не мѣсто, которыхъ съ позоромъ слѣдуетъ изгнать отсюда: это не монахи, а тунеядцы, обманщики, злые враги русскаго монашества и народа. Имена ихъ извѣстны всей Россіи по офиціальнымъ сообщеніямъ Святѣйшаго Синода. Возможно, что въ этихъ извѣщеніяхъ зарегистрованы не всѣ лживые аѳонскіе иноки, но время изобличитъ ихъ и выведетъ на позорище предъ лицомъ всѣхъ друзей истиннаго монашества.

Въ исполненіи общежительнаго устава русскіе монахи бываютъ крайне строги. Такъ, послѣ повечерія запрещается не только

[1]) «Метанія» (*μετάνοια*—раскаяніе, поклонъ) на иноческомъ языкѣ означаетъ монастырь, гдѣ было принято тѣмъ или инымъ инокомъ постриженіе, сдѣлавъ предъ «отцами» первый поклонъ...

вкушать пищу, но и напиться воды; кто вслѣдствіе томительной жажды, такъ обычной при сильныхъ жарахъ на востокѣ, рѣшится напиться воды, тотъ обязанъ положить за это въ простое время 50 поясныхъ поклоновъ, а въ великій постъ—столько же поклоновъ земныхъ съ молитвой Іисусовой, или же вновь прочитать повечеріе. Запрещается послѣ повечерія и разговаривать, особенно же собираться въ келліяхъ для бесѣды. За соблюденіемъ этихъ пунктовъ устава слѣдитъ монастырскій благочинный. Во время всенощнаго бдѣнія, продолжающагося отъ 9 до 14 часовъ, въ храмѣ обязаны быть всѣ монахи, при чемъ имъ запрещается дремать: экклисіархъ будитъ всякаго задремавшаго въ стасидіи инока. Если монахъ разбилъ или потерялъ какую либо монастырскую вещь, то онъ въ трапезной у всѣхъ испрашиваетъ прощеніе, повергаясь лицомъ на полъ. Равнымъ образомъ, монастырскій поваръ, трапезарь и чтецъ житій во время обѣда или ужина, когда братія выходитъ изъ столовой, повергаются предъ ними долу и просятъ прощенія, въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, не исполнили въ точности своихъ обязанностей и чѣмъ нибудь не угодили. Безъ разрѣшенія игумена, монахамъ не позволяется выходить за стѣны монастыря, собираться въ келліяхъ, принимать милостыню, встрѣчать гостей, имѣть частную собственность и т. п. Всѣ эти предписанія устава имѣютъ въ виду воспитать волю иноковъ, отсѣчь лукавые помыслы, погасить страсти. Въ тѣхъ же видахъ иноки обязываются открывать духовнику всѣ грѣховныя мысли и чувствованія, возможно чаще причащаться. Каждый изъ нихъ имѣетъ своего старца руководителя, при содѣйствіи коего и совершенствуется въ монашескихъ доблестяхъ. И справедливость требуетъ сказать, что уставъ для русскихъ иноковъ—не пустой звукъ, не мертвая буква. Исполненіе его для многихъ есть дѣло жизни, потребность сердца, долгъ совѣсти. Стóитъ только разъ побывать на Аѳонѣ, въ центрѣ русскаго иночества, чтобы убѣдиться въ этомъ. Можно, на основаніи личныхъ наблюденій, указать сколько угодно именъ, достойныхъ всецѣлаго уваженія, дѣлающихъ честь русскому имени на далекой чужбинѣ. Но носители этихъ именъ крайне скромны, они скрываются въ глубинѣ своихъ келлій, ихъ единственная дорога—въ храмъ Божій, а главное, исключительное дѣло—молитва и постъ, съ посильными на пользу обители иными трудами. Они не даютъ покоя и своему тѣлу, въ видѣ, напримѣръ, омовеній, не моютъ даже головы и лица, не раздѣваются на ночь, а спятъ въ подрясникѣ и поясѣ, какъ истинные воины Христовы, несутъ всѣ обязанности, налагаемыя на нихъ посвященіемъ въ великую схиму, которая есть самая высшая степень иноческаго дѣланія. Скромны эти представители истиннаго монашества и не ищутъ славы мірской, отъ которой они и бѣжали, не станемъ и мы открывать завѣсу съ ихъ слав-

ныхъ доблестей, хотя и знаемъ ихъ. Не лишне отмѣтить и особенную заботливость аѳонскихъ монаховъ по отношенію къ бреннымъ останкамъ своихъ почившихъ братій. Тѣла умершихъ погребаются въ землю только на три года, по истеченіи коихъ вырываются изъ земли, очищаются отъ нея, омываются въ водѣ съ виномъ, насухо вытираются хлопчатой бумагой и располагаются въ такомъ порядкѣ: черепъ, съ надписью имени покойнаго, дня и года его смерти, становится въ хронологическомъ порядкѣ на переднихъ лавкахъ склепа, а прочія кости размѣщаются по ящикамъ—ножныя къ ножнымъ, ручныя къ ручнымъ и т. д. Надъ усыпальницами устраиваются небольшія церкви для поминальныхъ богослуженій.

Но особенно трогательна любовь аѳонскихъ монаховъ къ странникамъ и пришельцамъ,—почтенно ихъ гостепріимство, заставляющее пріѣзжаго издалека поклонника забывать, что онъ находится на чужбинѣ, можетъ быть, въ первый разъ. Пріѣзжихъ, особенно изъ интеллигентной среды, обставляютъ всѣми возможными удобствами, имъ даютъ и лучшее помѣщеніе, и лучшую пищу, снабжаютъ провожатыми, на случай поѣздки по Аѳону, отправляютъ на своихъ коняхъ или мулахъ въ это интересное странствованіе, не требуя за это ничего, а разсчитывая лишь на добровольное пожертвованіе. И богомольцы изъ простого народа окружены вниманіемъ и попечительностью. Не забыты Пантелеимоновскимъ монастыремъ и странствующіе сиромахи, бѣдные отшельники Аѳона, часто не имѣющіе ни пріюта, ни куска хлѣба. Еженедѣльно монастырь снабжаетъ ихъ хлѣбомъ и сухарями и даетъ по череку (40 коп.) каждому.

Любопытную картину, достойную кисти художника, представляетъ сцена раздачи денегъ сиромахамъ. Съ утра четверга, въ который происходитъ эта раздача, монастырь наполняется странствующими отшельниками. Какія лица, одежды! Вотъ русскій мужичекъ — великороссъ, съ умнымъ энергичнымъ лицомъ, въ старой, грязной рясѣ, блѣдный и изможденный, нервно перебирающій четки и произносящій молитву Іисусову: его взоръ устремленъ куда-то вдаль, а горящіе лихорадочнымъ огонькомъ глаза исполнены священнаго восторга. Это—сиромахъ Карульи, скалистаго берега Аѳона, суровый аскетъ и строгій молитвенникъ, котораго нужда заставляетъ выйти изъ пещеры, служащей ему постояннымъ жилищемъ. Вотъ— молодой, высокій грекъ, съ растрепанными волосами, грязный и рваный, съ смуглымъ лицомъ, длинными жилистыми руками, громко говорящій что-то своему геронту—глубокому старцу, съ потухшимъ взоромъ, сухому и изможденному: это убогіе каливиты, вынужденные нѣкогда оставить свою родину въ глубинѣ Малой Азіи, вслѣдствіе невыносимаго турецкаго ига. Хорошо имъ на Аѳонѣ, нѣтъ произвола и насилія со стороны мусульманъ, не слышно и презри-

тельной клички «гяуръ», только бѣдность обременяетъ ихъ. Молодой инокъ еще можетъ работать,—дѣлаетъ ложки и крестики изъ масличнаго дерева, а старецъ—безпомощенъ, какъ дитя, вслѣдствіе глубокой старости,—полученныхъ за издѣлія денегъ недостаточно, и они явились къ богатымъ русскимъ за помощью въ неустранимой собственными силами нуждѣ. Рядомъ съ ними стоитъ смуглый молдаванинъ, отбившійся отъ немногочисленной на Аѳонѣ румынской общины, ради суровыхъ аскетическихъ подвиговъ, которые онъ несетъ въ дикой лѣсной чащѣ, подъ громаднымъ камнемъ, служащимъ ему и жилищемъ, и мѣстомъ для подвиговъ; онъ живетъ, какъ птица небесная, питается дикими ягодами и травами, не заботится о завтрашнемъ днѣ, но лишь о спасеніи души своей, никого не боится, кромѣ Бога, Которому всецѣло и служитъ; но крайняя матеріальная нужда и его заставила нарушить продолжительное одиночество: въ рукахъ у него десятка два небольшихъ вѣниковъ изъ сухой травы, которые онъ изготовилъ на досугѣ, а теперь принесъ продать русскимъ монахамъ, чтобы на вырученныя деньги купить лампаднаго масла. А вотъ и болгаринъ, красивый, мужественный и высокій, со связкою четокъ изъ ягодъ какого-то дико-растущаго аѳонскаго кустарника, которыя онъ также принесъ въ монастырь для обмѣна на хлѣбъ и сухари... И много, много другихъ «пустынничковъ» Аѳона, изъ дикихъ и непроходимыхъ его дебрей, пригоняются голодомъ и холодомъ подъ кровъ гостепріимной русской обители. Всѣ они предварительно идутъ въ храмъ и здѣсь выслушиваютъ божественную литургію, по окончаніи коей получаютъ, можетъ быть, единственный разъ въ недѣлю, горячій обѣдъ въ монастырской столовой, а затѣмъ снабжаются сухарями, а иные еще—старой одеждой и обувью, оказавшейся, на этотъ случай, въ запасѣ у добраго отца «рухляднаго», въ заключеніе же всего выстраиваются въ рядъ предъ монастырской портой и получаютъ отъ портаря, знающаго въ лицо всѣхъ пришельцевъ, по череку на человѣка и по громадному куску чернаго хлѣба. Накормленные и одаренные, со словами молитвы на устахъ и благодарности выходятъ сиромахи изъ стѣнъ гостепріимной обители и тихо направляются въ свои каливы, пещеры и землянки, гдѣ и проводятъ время въ молитвахъ и подвигахъ до слѣдующаго четверга, чтобы опять возвратиться сюда для полученія необходимой милостыни.

Такимъ образомъ, Пантелеимоновскій монастырь, этимъ актомъ благотворенія, какъ бы объединяетъ всѣхъ сиромаховъ, скрѣпляетъ нравственныя связи между пустынниками и монастыремъ, роднитъ между собою представителей различныхъ національностей, распространяя идеи любви и братства, создавая единую иноческую общину.

XVIII.

При всемъ томъ, не все на Аѳонѣ обстоитъ благополучно. Печальное явленіе во внутренней его жизни составляетъ вражда между греками и русскими. Нынѣ эта вражда достигла большого развитія. Греки не могутъ равнодушно говорить о русскихъ, а русскіе неодобрительно отзываются о грекахъ. Первые жалуются на незаконные захваты русскими греческихъ обителей, келлій и земель, а русскіе говорятъ о насиліяхъ грековъ и притѣсненіяхъ. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше и больше растетъ взаимное недовольство, сильнѣе разгорается злоба. Можно сказать, нынѣ до нѣкоторой степени повторяется то, что было въ семидесятыхъ годахъ, во время пресловутаго греко-русскаго Пантелеимоновскаго процесса. Безспорно, что закваска этого процесса не выдохлась, — и нынѣ въ распрѣ греческихъ и русскихъ монаховъ Аѳона нужно усматривать отраженіе прежняго броженія. Лѣтъ десять тому назадъ можно было наблюдать нѣкоторое затишье во взаимномъ недовольствѣ аѳонскаго населенія [1]), но, оказывается, это было затишье предъ бурей, нынѣ и разыгравшейся «въ великой пустынѣ Аѳона» въ довольно значительной степени. Въ чемъ же дѣло?

Въ постепенномъ увеличеніи русскаго монашества на Аѳонѣ греки усматриваютъ ударъ эллинизму. Было время, и притомъ недавно, всего 30—40 лѣтъ тому назадъ, когда на Аѳонѣ было очень немного русскихъ иноковъ; они не имѣли здѣсь постояннаго, прочно организованнаго пріюта, были бѣдны, лишены вліянія на ходъ аѳонскихъ дѣлъ. Теперь ихъ положеніе измѣнилось до неузнаваемости, сравнительно съ прошлымъ. Русскихъ монаховъ нынѣ больше по числу, чѣмъ самихъ грековъ. Они имѣютъ прекрасно устроенные монастыри и келліи, а главное—они богаты и не жалѣютъ денегъ на пріобрѣтеніе новыхъ владѣній, постепенно умножаются въ числѣ и готовы занять всю Святую гору, а грековъ и совсѣмъ вытѣснить отсюда. Этотъ походъ русскихъ на Аѳонъ имѣетъ въ основѣ, по мнѣнію грековъ, народно-политическіе мотивы: это походъ панславизма противъ эллинизма. Извѣстно же, какъ греки привязаны къ своей народности, какъ они охраняютъ всѣ очаги эллинизма, какъ отстаиваютъ каждую пядь родной земли. А здѣсь дѣло идетъ объ одномъ изъ самыхъ видныхъ пріютовъ эллинизма, объ акрополѣ греческой народности, гдѣ еще въ византійскія времена развѣвалось эллинское знамя, не исчезнувшее и въ турецкую эпоху, вслѣдствіе особаго международно-политическаго положенія Аѳона. Отсюда и возникаетъ вражда, которая проявляется въ томъ, что греческіе монастыри стараются не продавать русскимъ

[1]) Проф. А. А. Дмитріевскій, Русскіе на Аѳонѣ, стр 394.

монахамъ ни клочка земли, обставляютъ различными препятствіями пользованіе келліями, лишаютъ старцевъ келлій права передавать ихъ по наслѣдству своимъ ученикамъ, назначаютъ чрезмѣрныя цѣны за келліи и каливы и т. п. Справедливы ли такія отношенія грековъ къ русскимъ?

Намъ думается, что вражда грековъ къ русскимъ несправедливо мотивируется побужденіями политическаго свойства. Политическая окраска русскаго иночества на Аѳонѣ есть дѣло искусственное, фальшивое, не соотвѣтствующее подлиннымъ стремленіямъ русскихъ на Аѳонъ. Панславизмъ, о которомъ говорятъ греки въ отношеніи къ русскимъ аѳонцамъ, есть миѳъ, праздное слово, не имѣющее опредѣленнаго содержанія. Оно создано не въ мѣру пылкой фантазіей аѳонскихъ, а вѣрнѣе—аѳинскихъ политикановъ изъ грековъ, которые всюду видятъ враговъ эллинизму новѣйшей формаціи: это обычное явленіе въ средѣ народовъ, лихорадящихъ политическими тенденціями послѣ нарожденія или возрожденія къ новой общественной жизни. Греки видѣли походъ панславизма на востокъ еще въ семидесятыхъ годахъ, когда возгорѣлся громкій Пантелеимоновскій процессъ, но и тогда они не имѣли яснаго о немъ представленія, поэтому панславизмъ и являлся для нихъ какимъ-то пугаломъ [1]). Въ этомъ отношеніи дѣло нисколько не измѣнилось и въ настоящее время [2]). Да и странно было бы навязывать политическія тенденціи выходцамъ изъ глухихъ нашихъ селъ и деревень, отправляющимся на Аѳонъ исключительно съ религіозною цѣлью. Вѣдь русскій Аѳонъ безъ преувеличенія можно назвать «крестьянскимъ царствомъ», Интеллигентовъ здѣсь весьма мало, — наберется, можетъ быть, человѣкъ 50 на четыре тысячи

---

[1]) Извѣстный русскій писатель К. Н. Леонтьевъ далъ прекрасную характеристику пониманія панславизма греческими публицистами. «Русскій пчелъ разводитъ на Святой горѣ, пишетъ онъ, можетъ быть, по русской методѣ. Онъ панславистъ! А сынъ его? Сынъ, почти обманомъ сманившій его сюда, о, сынъ его, конечно, агентъ Игнатьева, Каткова.—Уважаютъ греки русскихъ духовниковъ?—Панславизмъ!—Берутъ греки другихъ монастырей изъ греческихъ иноковъ Руссика, живущихъ дружно съ русскими, игумена. — Панславизмъ! — Берутъ скитскіе андреевцы въ свою русскую среду одного грека—ученаго монаха, чтобы учить русскую молодежь свою по-гречески... Какова хитрость! Каковъ панславизмъ! — Богатъ Зографъ, болгарскій монастырь? — Панславизмъ, потому что болгары и русскіе одно и то же.—Богатъ Ватопедъ греческій?—Панславизмъ, потому что имѣнія его въ Россіи.—Бѣдны греческіе монастыри—Ксенофъ, Симопетра, Есфигменъ? — Опасно, — ихъ подкупятъ. Волнуются запорожцы?—Бунтъ! Интрига! Панславизмъ!—Помогъ русскій консулъ грекамъ,—дурно сдѣлалъ: зачѣмъ вмѣшался?—Не помогъ—и того хуже: видите, и права грековъ не хотятъ поддержать» и т. д. «Востокъ, Россія и славянство», т. I, стр. 58—59. Москва. 1885.

[2]) «Къ превосходной характеристикѣ Леонтьева,—пишетъ проф. А. А. Дмитріевскій, — нужно прибавить лишь то, что и современные восточные публицисты пошли дальше (своихъ предшественниковъ) въ пониманіи сущности панславизма». Русскіе на Аѳонѣ, стр. 167.

всѣхъ русскихъ иноковъ, не многочисленны и выходцы изъ купечества и мѣщанства, почти ничѣмъ не отличающіеся отъ крестьянъ, такъ что крестьянство является на Аѳонѣ преобладающимъ и даже всепоглощающимъ элементомъ. Обитатели нашихъ селъ и деревень отправляются на Аѳонъ исключительно по мотивамъ религіознымъ— молиться и спасаться, — до политики ли имъ? А затѣмъ политиканство требуетъ и соотвѣтствующей интеллектуальной подготовки, которою владѣютъ греческіе монахи, но никакъ не русскіе. Справедливость требуетъ сказать, что среди русскихъ монаховъ Аѳона очень мало людей образованныхъ, большинство — полуграмотные, — до политики ли имъ? А руководители иночества, проникнутые тѣми же идеями молитвы и спасенія, такъ обременены дѣлами по управленію братіей и многосложнымъ монастырскимъ хозяйствомъ, что и для нихъ политика—дѣло невозможное.

Вообще, при современныхъ условіяхъ положенія русскихъ на Аѳонѣ, политика, хотя бы въ формѣ панславизма, есть для нихъ дѣло чуждое, не существующее, недѣйствительное. Такова именно и личная точка зрѣнія русскихъ аѳонцевъ, вытекающая изъ духа и характера ихъ иноческаго идеала. Да и съ посторонней разумной точки зрѣнія нѣтъ основанія усматривать въ поселеніи русскихъ на Аѳонѣ какое-то политическое дѣло. Не нужно забывать, что рѣчь идетъ о мѣстности, никогда не принадлежавшей, въ цѣломъ своемъ объемѣ, исключительно славянамъ. Затѣмъ, восточный вопросъ уже давно стоитъ на дорогѣ панславизму, и неизвѣстно, когда это препятствіе будетъ устранено. Наконецъ, русское монашество на Аѳонѣ находится еще въ процессѣ броженія и формированія, и было бы очень рискованно возлагать на него отвѣтственную политическую роль.

XIX.

Нѣтъ, не въ политической или государственной миссіи заключается сила и возможный будущій успѣхъ русскаго монашества на Аѳонѣ, а въ наилучшемъ устройствѣ религіозно-аскетической жизни нашихъ иноковъ. Какъ ни высока эта жизнь въ настоящее время, но прогрессъ и для нея возможенъ и необходимъ. Прекрасный въ этомъ отношеніи образецъ наши монахи могутъ найти въ прошлой исторіи Аѳона. Еще въ византійскую эпоху на Святой горѣ подвизались представители различныхъ народностей: здѣсь были греки и русскіе, грузины и армяне, болгары и сербы, молдаване и даже латиняне. Аѳонъ роднилъ всѣ народы, потому что всѣ здѣшніе иноки были объединены одной цѣлью—стремленіемъ къ вѣчному спасенію, между ними было тѣсное духовное родство, они были выразителями истинныхъ монашескихъ идеаловъ вселенскаго православія, составляли истинное братство. Те-

перь—не то: между греками и русскими существуетъ крупный разладъ... Его, конечно, не должно быть, въ интересахъ тѣхъ и другихъ. Что же дѣлать?—Если, какъ сказано выше, въ этой враждѣ нѣтъ и не должно быть политическаго элемента, то все-таки фактъ требуетъ объясненія. Намъ думается, что въ оцѣнкѣ этого факта нужно держаться монашеской, аѳонской точки зрѣнія, а не уклоняться въ сторону постороннихъ мотивовъ.

Все ли хорошо обстоитъ въ жизни русскихъ иноковъ на Аѳонѣ?—Нѣтъ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ два авторитетныхъ, офиціальныхъ свидѣтельства, на которыя и сошлемся. Нашъ Святѣйшій Синодъ, въ теченіе уже многихъ лѣтъ, обращаетъ вниманіе православной Россіи на цѣлую группу аѳонскихъ келліотовъ изъ среды русскихъ иноковъ, которые въ дѣйствительности не имѣютъ ничего общаго съ истиннымъ аѳонскимъ монашествомъ. Купивъ на Аѳонѣ келліи, они почти вовсе не живутъ здѣсь, а проводятъ время, большею частью, въ Константинополѣ, гдѣ занимаются всѣмъ, чѣмъ угодно, только не монашескими подвигами. Цѣлыя тучи просительныхъ писемъ летятъ отъ нихъ въ Россію, которыя, къ сожалѣнію, не остаются безъ отвѣта, — и вотъ средства для спокойной и безпечальной жизни найдены... Разумѣется, греки не могутъ быть довольны такими насельниками Святой горы, появившимися здѣсь вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ русскихъ и ставшихъ въ полный разладъ съ уставами и традиціями Аѳона, тѣмъ болѣе, что закваска старой вражды не вывѣтрилась, и почва для взаимнаго разлада была подготовлена событіями семидесятыхъ годовъ. На русскихъ келліотовъ обратилъ вниманіе аѳонскій протатъ, а въ самое послѣднее время — и константинопольская патріархія. Патріархи Константинъ V и Іоакимъ III издали на имя аѳонскаго центральнаго управленія цѣлый рядъ посланій, въ которыхъ указываютъ на ненормальность келліотскаго строя на Аѳонѣ и предписываютъ соблюдать въ этомъ отношеніи древніе уставы Святой горы. А эти уставы предписываютъ монахамъ постоянно жить въ монастырѣ или келліи и не оставлять Святой горы по личному желанію, имѣть въ келліи лишь то число братства, которое указано въ омологіи, при чемъ это число ограничивается только тремя иноками, строго исполнять предписанія относительно молитвы, постовъ и т. д. [1]).

И такъ, Святѣйшій Синодъ и константинопольскіе патріархи указываютъ, по нашему мнѣнію, подлинную причину разлада между греками и русскими на Аѳонѣ: это—уклоненіе нашихъ келліотовъ отъ устава и традицій Аѳона, ихъ личный произволъ, идущій въ разрѣзъ со всѣмъ укладомъ святогорской жизни. Въ этомъ отно-

---

[1]) Патріаршія грамоты относительно этого изданы въ греческой книгѣ—«Описательный каталогъ офиціальныхъ церковныхъ документовъ о монастыряхъ Аѳона, хранящихся въ Патріаршемъ архивѣ». Константинополь. 1902.

шеніи и необходимы, прежде всего, улучшенія. Келліоты должны быть подчинены высшей власти, ихъ произволъ въ попираніи иноческихъ уставовъ долженъ быть прегражденъ, они обязаны строго соблюдать данные ими обѣты. Въ недавнее время нѣкоторые келліоты образовали свое особое «братство». Дѣло, конечно, симпатичное, но, къ сожалѣнію, оно имѣетъ въ основѣ и посторонпія для аскетизма задачи. Нѣтъ, не сами случайные пришельцы изъ Россіи на Аѳонъ могутъ упорядочить свою жизнь въ духѣ святогорскихъ уставовъ, которыхъ они не знаютъ и не понимаютъ, а тѣ аѳонскія учрежденія, которыя имѣютъ свои корни въ глубинѣ вѣковъ и проникнуты идеалами древнихъ насельниковъ Аѳона, то-есть протатъ и монастыри, а затѣмъ — вселенская патріархія и нашъ Святѣйшій Синодъ, какъ центральные носители и выразители православнаго ученія и власти. Только въ томъ случаѣ, если уставы Аѳона не будутъ попираться, исчезнетъ поводъ взаимнаго недовольства грековъ и русскихъ, между насельниками Аѳона водворится миръ и согласіе, и на Святой горѣ вновь возникнетъ истинное иноческое братство, какъ было и въ древнія времена.

Затѣмъ, прекрасный урокъ изъ прошлой исторіи Аѳона наши иноки могли бы почерпнуть въ отношеніи образованія. Святая гора въ эпоху византійскую была виднымъ очагомъ просвѣщенія. Греческіе монахи были истинными друзьями наукъ и искусствъ, усердно ими занимались, трудились и на научномъ поприщѣ и вообще оставили замѣтный слѣдъ въ исторіи византійской культуры. Не то видимъ теперь въ русскихъ иноческихъ учрежденіяхъ. Образованіе здѣсь не процвѣтаетъ, а ученыхъ весьма мало. Нельзя, конечно, назвать русскихъ иноковъ сознательными обскурантами, но при настоящемъ своемъ положеніи они могли бы, въ отношеніи науки и просвѣщенія, дѣлать больше того, что наблюдается теперь. Для монаховъ нужны школы, необходимо знакомить ихъ съ прошлымъ Аѳона и Византіи, нужно заинтересовать ихъ въ богатѣйшемъ содержаніи знаменитыхъ аѳонскихъ библіотекъ, пріучить обращаться съ рукописями, цѣнить памятники искусства аѳонскаго, приготовить разумныхъ руководителей и проводниковъ для посѣтителей аѳонскихъ храмовъ и монастырей. Вообще, область культуры и просвѣщенія весьма обширна, и тутъ возможны многія степени совершенства, но, конечно, лучше имѣть хотя бы немногія пріобрѣтенія въ этой области, чѣмъ питать полнѣйшее равнодушіе къ естественнымъ запросамъ духа человѣческаго и проникаться безразличіемъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ византійской науки и искусства. Повторяемъ,—мы не хотимъ сказать, что нынѣ нѣтъ среди русскихъ иноковъ Аѳона людей просвѣщенныхъ: они имѣются, но ихъ очень немного, имена ихъ извѣстны всѣмъ, масса же аѳонскихъ монаховъ, ихъ большинство немногимъ отличается, въ отношеніи образованія, отъ той крестьянской среды,

изъ которой они вышли. Разумѣется также, что просвѣщеніе аѳонскихъ иноковъ, о коемъ здѣсь ведется рѣчь, какъ о желательномъ ихъ будущемъ пріобрѣтеніи, должно возглавляться богословіемъ и въ немъ имѣть свои корни.

Наконецъ, нѣтъ соотвѣтствія между русскимъ и византійскимъ монашествомъ въ отношеніи ихъ вліянія на внѣшній міръ. Монахи византійскіе оказывали въ высшей степени благотворное воздѣйствіе на современное общество. Они были обличителями пороковъ и заблужденій современнаго общества, защитниками тѣснимыхъ и угнетаемыхъ, поборниками праваго исполненія церковныхъ догматовъ и каноновъ, миссіонерами среди язычниковъ и маловѣрныхъ, просвѣтителями народа въ школахъ, дѣятелями науки и литературы, чрезъ посредство коихъ вліяли и на окружавшіе Византію народы — грузинъ, болгаръ, сербовъ и русскихъ, щедрыми благотворителями для народа и т. п. Въ подобномъ направленіи могла бы развиться дѣятельность и русскихъ монаховъ въ отношеніи къ нашему обществу. Послѣднее со своей стороны даетъ имъ весьма много: оно именно создало нашимъ монахамъ то внѣшнее матеріальное благополучіе, которое они теперь имѣютъ. Справедливость требуетъ, чтобы и монахи пришли на помощь народу и обществу именно въ томъ, въ чемъ послѣдніе наиболѣе нуждаются. Благороднымъ поприщемъ соревнованія для нихъ могли бы служить просвѣщеніе и благотворительность. На этомъ обширномъ полѣ многое можно бы сдѣлать. Это не значитъ, конечно, что Аѳонъ долженъ совершенно оміргщиться, переселиться въ міръ: русскіе монахи могли бы достигнуть, въ отмѣченномъ направленіи, прекрасныхъ результатовъ чрезъ посредство тѣхъ многочисленныхъ своихъ собратій, которые и теперь живутъ на аѳонскихъ подворьяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Одессѣ и Ростовѣ на Дону, въ Константинополѣ и Ѳессалоникѣ. Они уже состоятъ на службѣ міру, требуется только преобразовать ихъ дѣятельность и расширить, въ соотвѣтствіи съ постепенно увеличивающимся ростомъ русскаго монашества на Аѳонѣ и съ наличными запросами нашего народа.

XX.

Вотъ немногія pia desideria, навѣянныя на насъ впечатлѣніями недавняго нашего пребыванія на Аѳонѣ и историческимъ прошлымъ здѣшняго византійскаго и отчасти русскаго монашества. Безспорно, и теперь въ жизни нашихъ монаховъ на Аѳонѣ много привлекательнаго, отраднаго, поучительнаго. Здѣсь много подвижниковъ высокой добродѣтельной жизни, много молитвъ, добра, подвиговъ, слезъ. Пребываніе на Аѳонѣ умиляетъ сердце, преобразо-

вываетъ и улучшаетъ нравственный строй, проливаетъ цѣлительный бальзамъ на душевныя раны. Но область нравственнаго преуспѣянія безгранична, а для Святой горы, въ силу историческаго ея значенія, эти предѣлы расширяются еще до тѣхъ идеаловъ совершенства, осуществленіе коихъ исторія показываетъ намъ въ цѣломъ сонмѣ святителей и преподобныхъ, просіявшихъ на Аѳонѣ въ прежнее время. Да будетъ же Аѳонъ и впредь Святою горою по преимуществу, какою онъ былъ и раньше...

И. Соколовъ.

ѲЕОДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ.

(Матеріалы къ его біографіи).

ѲЕОДОРЪ Ивановичъ Тютчевъ скончался 15-го іюля 1873 года, когда мнѣ было 13-ть лѣтъ. Хотя послѣдніе $2^1/_2$ года я видѣлся съ нимъ не болѣе двухъ разъ, но, тѣмъ не менѣе, въ памяти моей его образъ запечатлѣлся очень живо. Какъ теперь, вижу передъ собой его невысокую, тщедушную фигуру, съ слегка приподнятыми плечами, его блѣдное, гладко выбритое, худощавое лицо, съ огромнымъ обнаженнымъ лбомъ, вокругъ котораго, падая на плечи въ хаотическомъ безпорядкѣ, вились мягкіе, какъ пухъ, и бѣлые, какъ снѣгъ, волосы. Лицо его... но развѣ можно описать лицо Ѳеодора Ивановича такъ, чтобы человѣкъ, не видѣвшій его никогда, могъ представить себѣ это особенное, не поддающееся никакому описанію выраженіе?.. Это не было только человѣческое лицо, а какое-то неуловимое, невольно поражающее каждаго, сочетаніе линій и штриховъ, въ которыхъ жилъ высокій духъ генія, и которые какъ бы свѣтились нечеловѣческой, духовной красотой. На плотно сжатыхъ губахъ постоянно блуждала грустная и въ то же время ироническая улыбка, а глаза, задумчивые и печальные, смотрѣли сквозь стекла очковъ загадочно какъ бы что-то прозрѣвая впереди. И въ этой улыбкѣ и въ этомъ грустно ироническомъ взглядѣ сквозила какъ бы жалость ко всему окружающему, а равно и къ самому себѣ. Если человѣческая душа, покинувшая бренную оболочку, имѣла бы свою физіономію, она бы должна была смотрѣть именно такими глазами и съ такой улыбкой на брошенный ею міръ.

Спѣшу оговориться, да не подумаетъ читатель, что въ выраженіи лица Ѳеодора Ивановича Тютчева было что либо пренебрежительное, а тѣмъ болѣе презрительное по отношенію къ окружающему его, отнюдь не бывало. Чувства пренебреженія и презрѣнія были совершенно невѣдомы его свѣтлой душѣ, какъ они были бы невѣдомы какому нибудь духу, если бы таковой могъ жить среди людей. Читая въ душахъ и въ умахъ окружающихъ его, какъ въ раскрытой книгѣ, видя недостатки и пороки ближнихъ, будучи самъ преисполненъ всевозможныхъ человѣческихъ слабостей, которыя онъ ясно сознавалъ въ себѣ, но отъ которыхъ не въ силахъ былъ и даже не хотѣлъ избавиться, Ѳеодоръ Ивановичъ никогда никого не осуждалъ, принимая человѣчество такимъ, каково оно есть, съ какимъ-то особеннымъ, невозмутимымъ, благодушнымъ равнодушіемъ. Равнодушіе это, или, какъ онъ мѣтко называлъ, l'indulgence paienne [1]), являлось у него не въ силу христіанскаго всепрощенія и смиренномудрія, а въ силу глубокаго пониманія тайниковъ человѣческой души и сознанія, что иначе, чѣмъ такъ, какъ есть,—на землѣ быть не можетъ. Поэтому-то онъ и дѣлалъ такое рѣзкое различіе между l'indulgence paienne et l'indulgence chrétienne, приписывая себѣ, и вполнѣ справедливо, только первое.

Это равнодушіе къ внѣшнимъ проявленіямъ и условностямъ жизни въ Ѳеодорѣ Ивановичѣ превосходило всякія вѣроятія и было тѣмъ удивительнѣе, что по своему образу жизни онъ всецѣло принадлежалъ къ придворной средѣ и чувствовалъ себя въ ней, какъ рыба на днѣ рѣчномъ. Окруженный строгимъ придворнымъ этикетомъ, Ѳеодоръ Ивановичъ умудрился всю жизнь свою оставаться независимымъ, произвольнымъ и, что называется, вполнѣ самъ себѣ властелиномъ; онъ ни передъ кѣмъ не заискивалъ, со всѣми былъ ровенъ, простъ и самобытенъ. Чуждый какого бы то ни было расчета, никогда не думавшій ни о какой карьерѣ, Ѳеодоръ Ивановичъ искренно не видѣлъ разницы между людьми. Для него человѣческій родъ дѣлился на двѣ половины—на людей интересныхъ и людей скучныхъ, а затѣмъ ему было безразлично, съ кѣмъ судьба столкнула его: съ наивысокопоставленнѣйшимъ ли сановникомъ, или самымъ простымъ смертнымъ. И съ тѣмъ и другимъ онъ держалъ себя совершенно одинаково. Дорожа своей придворной службой и ключемъ камергера лишь постольку, поскольку они открывали ему доступъ въ высшія, а потому и наиболѣе интересныя, сферы, Ѳеодоръ Ивановичъ въ остальномъ держалъ себя вполнѣ независимо. Нерѣдко, участвуя въ дворцовыхъ церемоніяхъ, Тютчевъ, когда онѣ ему въ достаточной мѣрѣ надоѣдали, преспокойно покидалъ свое мѣсто и возвращался къ себѣ домой, не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ такое самоволіе.

[1]) Языческое снисхожденіе.

Такъ, напримѣръ, участвуя въ церемоніи освященія Исакіевскаго собора въ 1858 году и испугавшись, какъ онъ пишетъ въ своемъ письмѣ—l'avenir vraiment effreyable d'une messe d'archevêque qui commençait à peine suivie d'une панихида en memoire de cinq souverains fondateurs et édificateurs de l'eglise (Pierre I, Cathérine II, Paul, Alexandre et Nicolas) et d'un Tedeum non moins solennel et non moins long (т.-е. будущности по истинѣ ужасающей—архіерейской обѣдни, едва начинавшейся, а за нею вслѣдъ панихиды въ память пяти государей, основателей и создателей храма (Петра I, Екатерины II, Павла, Александра и Николая) и молебна не менѣе торжественнаго и не менѣе длиннаго),—Ѳеодоръ Ивановичъ преспокойно отправился домой пѣшкомъ, какъ былъ въ раззолоченномъ мундирѣ камергера, къ большому удивленію и любопытству глазѣвшихъ на него прохожихъ.

Другой разъ, неся при какомъ-то торжествѣ шлейфъ одной изъ великихъ княгинь, кажется, Елены Павловны, Ѳеодоръ Ивановичъ, замѣтивъ кого-то изъ знакомыхъ, остановился и заговорилъ съ нимъ, въ то же время не выпуская шлейфа изъ рукъ, что, разумѣется, произвело замѣшательство въ кортежѣ и остановку шествія. Ѳеодоръ Ивановичъ только тогда выпустилъ изъ рукъ злополучный шлейфъ, когда кто-то изъ придворныхъ чуть не силой вырвалъ его у него. Не смущаясь подобнымъ инцидентомъ, Тютчевъ остался на своемъ мѣстѣ и продолжалъ бесѣду, забывъ совершенно и о шлейфѣ и о своихъ обязанностяхъ. Но самый характерный анекдотъ вышелъ съ нимъ при одномъ изъ его посѣщеній великой княгини Елены Павловны, которая, сказать къ слову, чрезвычайно благоволила къ Тютчеву, высоко ставя его свѣтлый умъ и прямоту сердца. Дѣло было лѣтомъ. Во дворцѣ великой княгини Елены Павловны въ Петергофѣ былъ назначенъ балъ, куда долженъ былъ явиться и Ѳеодоръ Ивановичъ. Въ этотъ день утромъ, пріѣхавъ съ дачи, Тютчевъ обѣдалъ въ домѣ однихъ своихъ близкихъ друзей и, по обыкновенію, послѣ обѣда, прилегъ отдохнуть, съ тѣмъ, чтобы вечеромъ ѣхать во дворецъ. Пока онъ спалъ, его лакей привезъ ему парадный фракъ и, оставивъ на стулѣ въ комнатѣ, уѣхалъ, согласно ранѣе отданному ему приказанію. Проснувшись, Ѳеодоръ Ивановичъ одѣлся и уѣхалъ, никѣмъ изъ хозяевъ дома не замѣченный, какъ онъ это часто дѣлалъ.

Пріѣхавъ ко дворцу и идя по аллеямъ парка, ярко освѣщеннымъ иллюминаціей, Тютчевъ по обыкновенію о чемъ-то глубоко задумался и шелъ, не замѣчая ни того, что передъ нимъ, ни того, что на немъ.

— Ѳеодоръ Ивановичъ,—окликнулъ его встрѣтившійся ему князь .,—что за фракъ на васъ?

— А что?—спокойнымъ тономъ переспросилъ Ѳеодоръ Ивановичъ:—фракъ, какъ фракъ; если плохо сшитъ, то это дѣло не мое,

а моего портного.—Сказавъ это, онъ продолжалъ свой путь, даже не оглянувшись на себя. Дѣло въ томъ, что Ѳеодору Ивановичу часто надоѣдали его близкіе друзья, указывая ему на его слишкомъ мало щегольское одѣяніе, а потому онъ, привыкнувъ къ подобнаго рода замѣчаніямъ, не обращалъ уже на нихъ никакого вниманія.

Не успѣлъ Ѳеодоръ Ивановичъ пройти еще нѣсколько шаговъ, какъ его снова окликнули, и снова ему пришлось выслушать восклицаніе изумленія по поводу его костюма. На этотъ разъ Тютчевъ даже не счелъ нужнымъ останавливаться и, пробормотавъ только:

— Ахъ, не все ли равно, точно не всѣ фраки одинаковы,—направился къ показавшейся вдали великой княгинѣ.

Взглянувъ на Тютчева, ея высочество закусила губу, стараясь удержаться отъ смѣха и въ то же время дала знакъ окружающимъ ее, чтобы они не обращали вниманія Ѳеодора Ивановича на его странный костюмъ и оставили бы его въ покоѣ. Поговоривъ съ великой княгиней и побродивъ съ полъ-часа по заламъ дворца и по парку, Ѳеодоръ Ивановичъ незамѣтно исчезъ и уѣхалъ домой. На другой день онъ снова навѣстилъ тотъ домъ, гдѣ былъ наканунѣ, и тамъ между прочимъ ему сообщили, что кто-то вчера обокралъ выѣздного лакея.

— Ну, что могли у него украсть?—удивился Ѳеодоръ Ивановичъ.

— Представьте себѣ, его ливрею.

— Ливрею? но какъ же это могло случиться?

— Сами не понимаемъ. Ливрея висѣла въ передней и вдругъ исчезла. И что удивительно, рядомъ на стулѣ лежалъ вашъ фракъ—его не взяли, а поношенную ливрею Ѳеодора взяли.

— Мой фракъ?—удивился Ѳеодоръ Ивановичъ и вдругъ, добродушно разсмѣявшись, произнесъ:—теперь, мнѣ кажется, я знаю, кто воръ—c'est moi qui a volé le «фракъ» de Ѳеодоръ.

— Какъ вы? стало быть, вчера къ великой княгинѣ...

— Ну, конечно,—самымъ невозмутимымъ тономъ продолжалъ Ѳеодоръ Ивановичъ,—я, должно быть, по ошибкѣ принялъ фракъ Ѳеодора за свой, надѣлъ его и въ немъ поѣхалъ во дворецъ, это легко могло случиться.

Чтобы читатель могъ дополнить картину, мнѣ остается прибавить, что Ѳеодоръ былъ плечистый, рослый, выѣздной гайдукъ, а Ѳеодоръ Ивановичъ, какъ я уже говорилъ, маленькій, тщедушный человѣкъ, узкоплечій и узкогрудый. Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ показаться одинъ во фракѣ другого. Всякій другой на мѣстѣ Ѳеодора Ивановича, если бы даже по разсѣянности и попалъ въ такое положеніе, былъ бы чрезвычайно сконфуженъ и обезпокоенъ, навѣрно бы досадывалъ и вообще чувствовалъ бы себя неловко, но Ѳеодоръ Ивановичъ былъ выше всѣхъ этихъ мел-

кихъ ощущеній, онъ тутъ же искренно забылъ объ этомъ казусѣ, считая его недостойнымъ какого либо вниманія.

Начавъ разсказывать о чудачествахъ этого въ высшей степени оригинальнаго человѣка, я не могу удержаться, чтобы не привести еще двухъ, трехъ анекдотовъ о немъ и о его невѣроятной разсѣянности.

Однажды, зимой, пріѣхавъ къ одному своему знакомому, Ѳеодоръ Ивановичъ, выйдя изъ кареты, приказалъ кучеру поскорѣе возвращаться обратно, такъ какъ карета должна была ѣхать за кѣмъ-то въ другой конецъ города, а самъ направился къ подъѣзду. Шубу свою, какъ и лѣтнее пальто, Ѳеодоръ Ивановичъ въ рукава никогда не надѣвалъ, а накидывалъ на плечи, при чемъ не рѣдко рукавами внизъ. Въ ту минуту, когда онъ брался уже за ручку подъѣзда, передъ нимъ очутился оборванецъ, просящій милостыню. Какъ это случилось, не умѣю объяснить, но только Ѳеодоръ Ивановичъ, принявъ оборванца за швейцара, сбросилъ ему на руки шубу, а самъ не торопясь сталъ подыматься на лѣстницу, къ большому удивленію выскочившаго швейцара, не понимавшаго, какимъ образомъ могъ Ѳеодоръ Ивановичъ пріѣхать зимой въ одномъ цилиндрѣ и во фракѣ. Его недоумѣніе разъяснилось, полъ-часа спустя, когда Ѳеодоръ Ивановичъ, возвратившись, потребовалъ свою шубу.

Къ чести тогдашняго полицеймейстера, Трепова, надо сказать, что шуба была найдена на другой же день и возвращена по принадлежности.

Лѣтомъ Ѳ. И. ходилъ всегда въ пледѣ и въ своемъ неизмѣнномъ цилиндрѣ, при чемъ цилиндръ этотъ, будучи раздвижнымъ (шапо-клякъ), надѣвался имъ иногда раздвинутымъ только съ одного бока, что, конечно, вызывало у встрѣчныхъ невольныя улыбки. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ къ намъ, въ Шувалово, Ѳ. И., просидѣвъ до вечера, отправился въ паркъ на музыку, но тамъ появленіе его произвело сенсацію. Вся публика, отхлынувъ отъ эстрады, съ жаднымъ любопытствомъ принялась глазѣть на страннаго господина, завернутаго въ какую-то тряпку. Оказывается, что Ѳ. И. вмѣсто пледа сдернулъ съ вѣшалки ситцевую ярко пеструю занавѣску, которой были покрыты отъ пыли платья, и, закутавшись въ нее, такъ и ушелъ, никѣмъ не замѣченный.

Другой разъ, въ то время, когда Ѳ. И. гулялъ по Невскому, передъ домомъ армянской церкви, гдѣ онъ жилъ, къ нему подошла какая-то нищенка и начала канючить. Сначала, поглощенный своими мыслями, Ѳ. И. долго не обращалъ на нее вниманія. ...о, должно быть, нищенка была достаточно настойчива, если ей, ...конецъ, удалось вывести даже его изъ задумчивости. Взгля...въ на нее и понявъ, наконецъ, чего она желаетъ, Ѳ. И. полѣзъ ...ло въ карманъ, но, къ сожалѣнію, мелочи не оказалось. Тогда ...ъ достаетъ изъ бумажника крупную ассигнацію, протягиваетъ

ее нищенкѣ и приказываетъ ей пойти размѣнять. Надо ли добавлять, что нищенка мѣняетъ эти деньги по сей день, если она давно не умерла.

Выше я говорилъ, что съ моего отъѣзда въ 1870 году въ Москву и до смерти Ѳ. И. (1873 г.) я видѣлъ его два раза. Въ первый разъ въ лицеѣ цесаревича Николая, въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ ко мнѣ, а второй—не задолго до его смерти, въ Петербургѣ. О второмъ свиданіи, хотя и позднѣйшемъ, у меня почему-то осталось настолько смутное воспоминаніе, что я боюсь какъ бы невольно не впасть въ неточности, а потому, минуя его вовсе, скажу нѣсколько словъ о первомъ.

Наше свиданіе произошло на площадкѣ лѣстницы лицея, такъ какъ Ѳ. И., страдая подагрой, не хотѣлъ подниматься наверхъ въ пріемный залъ и предпочелъ остаться на первой площадкѣ, гдѣ стоялъ небольшой деревянный диванъ.

Пока мы сидѣли и разговаривали, слухъ о его пріѣздѣ быстро разнесся по всему лицею, и тотчасъ же на лѣстницу высыпало множество воспитанниковъ, преимущественно старшихъ классовъ, которые, соблюдая, впрочемъ, приличіе, издали съ жаднымъ любопытствомъ разглядывали знаменитаго поэта. Нѣкоторые, подъ разными благовидными предлогами, спускались внизъ и, проходя мимо Ѳ. И., низко ему кланялись, на что Тютчевъ отвѣчалъ добродушными кивками головы, сопровождаемыми ласковой улыбкой.

Привожу нарочно это обстоятельство, чтобы показать, насколько молодежь 70-хъ годовъ умѣла чтить выдающихся писателей, съ которыми была знакома не только по наслышкѣ, но и съ ихъ произведеніями. Не думаю, чтобы теперь появленіе въ стѣнахъ любого высшаго учебнаго заведенія какого бы то ни было писателя вызвало такое оживленіе среди учащейся молодежи, какъ тогдашній пріѣздъ Тютчева въ лицей. Развѣ еще для Максима Горькаго сдѣлали бы исключеніе... Вотъ, если бы пріѣхала Вяльцева, тогда дѣло другое,—энтузіазмъ былъ бы полный.

Когда, посидѣвъ со мной минутъ 20, Ѳ. И. собрался уходить, нѣсколько человѣкъ молодежи поспѣшили подать ему пальто, шляпу, палку. Такое вниманіе, видимо, его тронуло. Онъ съ добродушной улыбкой пожалъ всѣмъ руки и не торопясь вышелъ изъ подъѣзда, провожаемый возгласами: «Будьте здоровы, Ѳ. И., пріѣзжайте къ намъ опять».

Я пропустилъ сказать, что раньше того, когда мы еще сидѣли съ Ѳ. И. на лѣстницѣ, къ намъ подошелъ мой тогдашній сверстникъ, нѣкто Г. (впослѣдствіи извѣстный профессоръ), мальчуганъ лѣтъ 11, и совершенно серьезно произнесъ, обращаясь къ Ѳ. И. по-французски:

— Я знаю почти всѣ ваши стихотворенія наизусть.

— А какое изъ нихъ вамъ нравится больше всего? — добродушно улыбаясь, спросилъ Ѳ. И.

— Конечно «Люблю грозу въ началѣ мая!» — съ энтузіазмомъ воскликнулъ маленькій Г.

Тютчевъ еще разъ улыбнулся и, какъ большому, пожалъ ему руку.

Тутъ будетъ кстати сказать, что Ѳ. И., когда обращался къ дѣтямъ, что, впрочемъ, было очень, очень рѣдко, держался съ ними совершенно особеннаго тона, совсѣмъ какъ бы со взрослыми, и, къ удивленію, дѣти понимали его съ полуслова, хотя онъ говорилъ съ ними вовсе уже не дѣтскимъ языкомъ. Какъ и почему выходило такъ,—это тайна его генія.

Въ общемъ, впрочемъ, насколько я могъ судить по себѣ, Ѳ. И. не особенно жаловалъ дѣтей. Я помню, что, когда онъ бывалъ у насъ, никогда почти со мной не говорилъ, и если къ этому прибавить его привычку сидѣть полузакрывъ глаза ладонью, то получалось впечатлѣніе, будто онъ даже не хочетъ на меня и глядѣть. Я такъ это и понималъ, отчего страшно его боялся и, будучи въ остальное время крайне суетливымъ и подвижнымъ, въ его присутствіи превращался въ окаменѣлость, едва-едва дерзающую переводить духъ.

Разскажу кстати объ одномъ курьезномъ происшествіи, вызванномъ именно этимъ паническимъ страхомъ.

Однажды, Ѳ. И. нужно было о чемъ-то переговорить съ моей старушкой-няней. Сойдя къ намъ въ садъ, онъ взялъ ее подъ локоть и началъ прохаживаться взадъ и впередъ по аллеѣ, при чемъ я шелъ подлѣ, и Ѳ. И. по обыкновенію, положивъ мнѣ руку на плечо, въ разсѣянности пальцами сдавилъ шею. По мѣрѣ того, какъ бесѣда все сильнѣй и сильнѣй увлекала его, онъ все крѣпче и крѣпче сжималъ мнѣ шею. Задыхаясь, я, тѣмъ не менѣе, не осмѣливался подать голоса и только стискивалъ зубы, чтобы не расплакаться. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, и, по всей вѣроятности, моего стоицизма хватило бы не надолго, и я въ концѣ концовъ разрыдался бы, но, по счастью, няня замѣтила мое критическое положеніе и поспѣшила предупредить Ѳ. И., что онъ собирается совсѣмъ задушить меня.

— Э, чортъ! — проворчалъ Ѳ. И., отдернувъ руку:—я думалъ, это моя палка.

Вскорѣ послѣ смерти Ѳ. И. извѣстный славянофилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ [1]) написалъ замѣчательную книгу подъ заглавіемъ «Біографія Ѳ. И. Тютчева», въ которой онъ попутно съ

[1]) Женатый на старшей дочери Ѳ. И. Тютчева, Аннѣ Ѳедоровнѣ, бывшей воспитательницѣ принцессы Маріи Александровны, впослѣдствіи герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской.

біографическими свѣдѣніями о самомъ Тютчевѣ мастерской рукой развертываетъ широкую панораму политической жизни Россіи и Европы за время 1820 — 1873 года. Касаясь славянофильскихъ тенденцій Тютчева, онъ тутъ же высказываетъ и свои личные взгляды по сему вопросу. Если прибавить ко всему этому дивный, кованый стиль и языкъ Аксакова, какимъ написана вся книга, то мы, по справедливости, должны признать это сочиненіе однимъ изъ выдающихся произведеній русской литературы. Таковымъ оно и есть въ дѣйствительности, но, тѣмъ не менѣе, при всѣхъ огромныхъ достоинствахъ, книга эта, какъ біографія, страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: она далеко не выясняетъ намъ характера Ѳ. И. Тютчева во всей его полнотѣ и не даетъ отвѣта на весьма естественный вопросъ, рождающійся у каждаго, кто, не зная Тютчева лично, познакомится съ нимъ исключительно лишь по этой біографіи, а именно: какъ могло случиться, что такой по истинѣ геніальный человѣкъ, какъ Ѳ. И., обладавшій неисчерпаемыми научными свѣдѣніями, сверхъестественной проницательностью въ вопросахъ внѣшней политики, имѣвшій даръ зачаровывать слушателя и заставлять невольно соглашаться съ нимъ, и наконецъ, ко всему этому, поставленный въ особенно благопріятныя житейскія условія, въ смыслѣ возможности сдѣлать очень многое, въ сущности прошелъ если и не совсѣмъ безслѣдно, то, во всякомъ случаѣ, не сыгравъ въ исторіи Россіи и десятой доли того, что онъ при его данныхъ долженъ былъ сыграть?

Вѣдь если строго разобраться въ томъ наслѣдіи, которое Ѳ. И. оставилъ своей родинѣ, то оно далеко не велико, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо меньше того, что мы были бы въ правѣ отъ него ожидать. Какъ поэтъ, по дарованію едва ли уступающій Пушкину и Лермонтову, онъ оставилъ всего только нѣсколько десятковъ небольшихъ стихотвореній, и въ то время, когда Лермонтовъ, умершій на 27 году, создалъ при самыхъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ нѣсколько крупныхъ и серьезныхъ по замыслу вещей, какъ, напримѣръ, «Демонъ», «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ», «Герой нашего времени» и нѣкоторыя другія,—Ѳ. И., проживя болѣе, чѣмъ въ $2^1/_2$ раза, а именно 70 лѣтъ,—не далъ ничего крупнаго, законченнаго, въ чемъ бы его образъ запечатлѣлся, какъ въ зеркалѣ, на вѣчныя времена, а между тѣмъ, повторяю, положеніе Лермонтова, два раза ссылаемаго и постоянно травимаго, было далеко не похоже на положеніе Тютчева, этого всеобщаго любимца и баловня, enfant terrible русскаго двора. О Пушкинѣ я уже не говорю. Но если поэтическое наслѣдіе, оставленное Ѳ. И., не велико, то еще меньше осязательныхъ, реальныхъ послѣдствій его общественной дѣятельности. Нѣсколько статей, всего 4, вошедшихъ въ сборникъ его сочиненій, частныя письма, только самая ничтожная часть которыхъ попала въ наши историческіе журналы, да десятка два

каламбуровъ, постепенно вымирающихъ вмѣстѣ съ людьми его эпохи,—вотъ и все. Развѣ же это не поразительно мало и не служитъ яркимъ доказательствомъ того, что Ѳ. И., въ сущности говоря, размѣнялся на мелочи и всю свою геніальность, всѣ свои богатыя дарованія растратилъ въ разговорахъ. Въ разговорахъ, правда, чрезвычайно умныхъ, отголоски которыхъ, въ свое время, вліяли на ходъ событій преимущественно иностранной политики и тѣмъ приносили немаловажную пользу, но отъ которыхъ потомству не осталось ничего. Въ этомъ случаѣ я позволю себѣ сравнить Ѳ. И. съ первоклассным пѣвцомъ, очаровывающимъ современниковъ, но имя котораго для грядущаго поколѣнія—одинъ пустой звукъ.

Въ своей книгѣ И. С. Аксаковъ, сознавая самъ небольшую продуктивность дѣятельности Тютчева, объясняетъ это явленіе отчасти его скромностью, отчасти прирожденной лѣнью, непривычкой къ обязательному труду и равнодушіемъ къ внѣшнимъ выгодамъ жизни. Безспорно всѣ эти факторы имѣли мѣсто, но скорѣе, какъ слѣдствія, а не какъ причина. Потому-то Ѳеодоръ Ивановичъ и былъ лѣнивъ и равнодушенъ, что въ его характерѣ имѣлась черта, красной нитью прошедшая черезъ всю его жизнь и парализовавшая его дѣятельность, заслонявшая отъ него всѣ иные интересы и не дававшая ему удовлетворенія ни въ какой иной сферѣ. Составитель біографіи—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, конечно, лучше кого другого зналъ роковую причину, помѣшавшую Ѳеодору Ивановичу во всей полнотѣ и яркости развить свои изумительныя дарованія, но тогда у свѣжей еще могилы, при жизни близкихъ поэту людей, Аксаковъ по свойственной его натурѣ женственной деликатности не счелъ удобнымъ касаться щекотливаго вопроса и совершенно обошелъ его. Пощадивъ самолюбіе нѣкоторыхъ лицъ, Иванъ Сергѣевичъ тѣмъ самымъ значительно затемнилъ ясное пониманіе характера и натуры Тютчева, показавъ его какъ бы съ одной стороны. Я готовъ допустить, что въ то время такое отношеніе Аксакова къ описываемому имъ лицу, пожалуй, имѣло свой raison d'être, но теперь, тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти Ѳеодора Ивановича, когда почти никого изъ близкихъ ему по крови лицъ не осталось въ живыхъ, нѣтъ причинъ скрывать истину, безъ которой немыслимо никакое научно-историческое описаніе и изслѣдованіе.

Причина, о которой я заговорилъ, и которая, какъ тормозъ, задержала Ѳеодора Ивановича на его блестящемъ поприщѣ, было его какое-то особенное, даже рѣдко встрѣчающееся въ такой степени, обожаніе женщинъ и преклоненіе передъ ними.

Какъ древне-языческій жрецъ, созидающій храмъ, населяющій его богами и затѣмъ всю жизнь свою служащій имъ и ихъ боготворящій, такъ и Ѳеодоръ Ивановичъ въ сердцѣ своемъ воздвигъ

великолѣпный, поэтическій храмъ, устроилъ жертвенникъ и на немъ возжегъ ѳиміамъ своему божеству—женщинѣ. Какъ искренно вѣрующій несетъ на жертвенникъ своему идолу лучшее, что онъ имѣетъ, такъ и Ѳеодоръ Ивановичъ повергъ къ стопамъ своего божества лучшія свойства своей души, все свое свободное время, весь блескъ своего таланта... Чуть ли не первое и во всякомъ случаѣ лучшее юношеское стихотвореніе Ѳеодора Ивановича было посвящено женщинѣ; ему тогда было всего только 18 лѣтъ, но вотъ какъ граціозно, высокопоэтично изображаетъ онъ одно изъ своихъ, очевидно, первыхъ свиданій:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край...
День вечерѣлъ. Мы были двое.
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ бѣлѣя
Руина замка въ даль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
О мшистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой,
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно въ даль глядѣла.
Край неба дымно гасъ въ лучахъ,
День погасалъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты, съ веселостью беспечной,
Счастливо провожала день...
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетѣла тѣнь.

Трудно найти болѣе изящное, болѣе скромное и въ то же время, если можно такъ выразиться, болѣе влюбленное описаніе тайной встрѣчи двухъ любящихъ сердецъ... Тутъ кстати сказать, что Ѳеодоръ Ивановичъ, всю жизнь свою до послѣднихъ дней увлекавшійся женщинами, имѣвшій среди нихъ почти сказочный успѣхъ, никогда не былъ тѣмъ, что мы называемъ развратникомъ, донъ-Жуаномъ, Ловеласомъ... Ничего подобнаго. Въ его отношеніяхъ не было и тѣни какой либо грязи, чего нибудь низменнаго, недостойнаго... даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба сталкивала его съ женщинами пошлыми и недостойными, онъ самъ оставался нрав-

ственно чистъ и свѣтелъ духомъ, какъ свѣтелъ и чистъ солнечный лучъ, отражающійся въ болотномъ окнѣ. Въ свои отношенія къ женщинамъ онъ вносилъ такую массу поэзіи, такую тонкую деликатность чувствъ, такую мягкость, что, какъ я выше и говорилъ, походилъ больше на жреца, преклоняющагося передъ своимъ кумиромъ, чѣмъ на счастливаго обладателя. Лучшія его стихотворенія посвящены женщинамъ, но ни въ одномъ изъ нихъ вы не отыщете и тѣни чего либо не только циничнаго, сладострастнаго, какъ, напримѣръ, у Лермонтова и отчасти у Пушкина, но даже игриваго, легкаго, необдуманнаго.

Я очи зналъ,—о эти очи!—
Какъ я любилъ ихъ, знаетъ Богъ.
Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не могъ
. . . .
. . . .
И въ эти чудныя мгновенья
Ни разу мнѣ не довелось
Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья
И любоваться имъ безъ слезъ.

Было бы излишнимъ приводить еще другія стихотворенія Ѳеодора Ивановича, посвященныя женщинамъ, такъ или иначе игравшимъ роль въ его жизни; всѣ они одинаково дышатъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ въ высшей мѣрѣ скромнаго, но глубокаго обожанія.

Я нарочно употребилъ слово «обожанія», и хотя на первый взглядъ и можетъ показаться страннымъ, какъ можно «обожать» нѣсколько разъ въ жизни, но натура Ѳеодора Ивановича была именно такова, что онъ могъ искренно и глубоко любить, со всѣмъ жаромъ своего поэтическаго сердца и не только одну женщину послѣ другой, но даже одновременно.

Женившись въ первый разъ 23 лѣтъ (въ 1826 г.) по страстной любви на вдовѣ нашего бывшаго министра при одномъ изъ второстепенныхъ германскихъ дворовъ, г-жѣ Петерсонъ, урожденной графинѣ Ботмеръ, Ѳеодоръ Ивановичъ прожилъ съ ней 12 лѣтъ до 1838 года, когда жена его умерла. По свидѣтельству знавшихъ его въ то время, Тютчевъ былъ такъ огорченъ смертью жены, что, проведя ночь подлѣ ея гроба, посѣдѣлъ отъ горя въ нѣсколько часовъ; но менѣе чѣмъ черезъ годъ мы его видимъ уже вторично женатымъ на одной изъ первыхъ красавицъ того времени, урожденной баронессѣ Пфефель. Бракъ этотъ, заключенный опять таки же по страстной любви, не былъ однако особенно счастливымъ, и у молодой женщины очень скоро появились соперницы, черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ свадьбы Ѳеодоръ Ивановичъ совершенно охладѣлъ къ ней, отдавъ всего себя, всю свою душу и

сердце новой привязанности. Въ то время ему было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ сохранилъ еще такую свѣжесть сердца и цѣльность чувствъ, такую способность къ безразсудочной, не помнящей себя и слѣпой ко всему окружающему любви, что, читая его дышащія страстью письма и стихотворенія, положительно отказываешься вѣрить, что они вышли изъ-подъ пера не впервые полюбившаго 25-ти-лѣтняго юноши, а пятидесятилѣтняго старца, сердце котораго, должно бы, казалось, давнымъ давно устать отъ безчисленнаго множества увлеченій, черезъ которыя оно прошло.

Встрѣтивъ особу, о которой я говорю, Ѳеодоръ Ивановичъ настолько сильно увлекается ею, что, ни на минуту не задумавшись, приноситъ въ жертву своей любви свое весьма въ то время блестящее положеніе. Онъ почти порываетъ съ семьей, не обращаетъ вниманія на выражаемыя ему дворомъ неудовольствія, смѣло бравируетъ общественнымъ мнѣніемъ и если въ концѣ концовъ не губитъ себя окончательно, то тѣмъ не менѣе, навсегда портитъ себѣ весьма блистательно сложившуюся карьеру. Это увлеченіе, наиболѣе сильное во всей его жизни, оставило на ней глубокій слѣдъ, выбило его, такъ сказать, изъ колеи и сдѣлало то, что послѣднія двадцать лѣтъ прошли для Ѳеодора Ивановича почти безрезультатно въ смыслѣ какого бы то ни было творчества. Какъ захваченный водоворотомъ, онъ безцѣльно метался въ заколдованномъ кругѣ нелѣпыхъ, тяжелыхъ, подчасъ унизительныхъ условій созданнаго имъ самимъ положенія, являясь въ одно и то же время и палачемъ и жертвой, и когда черезъ 14 лѣтъ онъ потерялъ ту, которую такъ безумно и страстно любилъ, не былъ уже способенъ ни на какую активную дѣятельность. Смерть любимаго человѣка, по собственному его мѣткому выраженію, «сломившая пружину его жизни» [1]), убила въ немъ даже желаніе жить, и послѣднія 9 лѣтъ онъ просуществовалъ подъ постояннымъ нестерпимымъ гнетомъ мучительнаго поздняго раскаянія за загубленную жизнь той, кого онъ любилъ и такъ безжалостно сгубилъ своей любовью, и подъ затаеннымъ, но, тѣмъ не менѣе, страстнымъ желаніемъ поскорѣе уйти изъ этого надоѣвшаго ему міра. Вотъ въ какихъ глубокихъ и трогательныхъ выраженіяхъ говоритъ Ѳеодоръ Ивановичъ самъ въ своихъ письмахъ объ этомъ желаніи и о своемъ нечеловѣческомъ горѣ [2]).

«Мое душевное состояніе ужасно. Я изнываю день за днемъ все больше и больше въ мрачной бездонной пропасти. . . . . смыслъ моей жизни утраченъ, и для меня ничего больше не существуетъ . . . . то, что я чувствую, невозможно передать сло-

---

[1]) Подстрочный переводъ фразы его французскаго письма.

[2]) Переводъ отрывковъ изъ писемъ.

вами, и если бы насталъ мой послѣдній день, то я привѣтствовалъ бы его, какъ день освобожденія .... дорогой другъ мой, жизнь здѣсь на землѣ невозможна для меня. И если «она» гдѣ нибудь существуетъ, «она» должна сжалиться надо мной и взять меня къ себѣ».

Съ такимъ горемъ въ душѣ, Ѳеодору Ивановичу, конечно, было не до заботъ о своемъ авторствѣ, не до желаній запечатлѣть въ памяти потомства путемъ брошюръ и статей свои мысли, и вотъ въ тотъ періодъ, когда человѣкъ подходитъ къ роковой чертѣ, отдѣляющей его отъ вѣчности, и начинаетъ обыкновенно подводить итоги своей дѣятельности, Тютчевъ является передъ нами еще болѣе равнодушнымъ, чѣмъ когда либо, и сходитъ со сцены, какъ запоздалый гость, спѣшащій поскорѣе покинуть опустѣлый залъ, гдѣ онъ проскучалъ весь вечеръ.

Въ заключеніе приводимъ нѣсколько стихотвореній, относящихся къ тому періоду жизни Ѳеодора Ивановича Тютчева, когда онъ, потерявъ все, что ему было искренно дорого, въ звучныхъ строфахъ выплакиваетъ свое горе. Эти стихотворенія, какъ крикъ страждущей души, производятъ тяжелое впечатлѣніе и какъ нельзя лучше характеризуютъ состояніе поэта.

Всѣ они никогда еще не были въ печати, и только послѣднее хотя и вошло въ изданіе сочиненій Ѳеодора Ивановича Тютчева 1900 года, но въ урѣзанномъ и искаженномъ видѣ; здѣсь мы его возстановляемъ въ полномъ текстѣ.

Іюнь 1868 г. [1]).

Опять стою я надъ Невой,
И снова, какъ въ былые годы,
Смотрю и я, какъ бы живой,
На эти дремлющія воды.

Нѣтъ искръ въ небесной синевѣ,
Все стихло въ блѣдномъ обаяньи,
Лишь по задумчивой Невѣ
Струится лунное сіянье.

Во снѣ ль все это снится мнѣ,
Или гляжу я въ самомъ дѣлѣ,
На что при этой же лунѣ
Съ тобой живые мы глядѣли?

---

[1]) Появляется въ печати впервые.

15-го іюля 1865 г. [1]).

Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло
Съ того блаженно рокового дня,
Какъ душу всю свою она вдохнула,
Какъ всю себя перелила въ меня.

И вотъ ужъ годъ, безъ жалобъ, безъ упреку,
Утративъ все, привѣтствую судьбу...
Быть до конца такъ страшно одиноку,
Какъ буду одинокъ въ своемъ гробу.

23-го ноября 1865 г. [2]).

Нѣтъ дня, что бы душа не ныла,
Не изнывала бъ о быломъ—
Искала словъ, не находила —
И сохла, сохла съ каждымъ днемъ,—

Какъ тотъ, кто жгучею тоскою
Томился по краю родномъ
И вдругъ узналъ бы, что волною
Онъ схороненъ на днѣ морскомъ.

Наканунѣ годовщины 4-го августа 1864 г. [3]).

Вотъ бреду я вдоль большой дороги
Въ тихомъ свѣтѣ гаснущаго дня,
Тяжело мнѣ, замираютъ ноги.
Другъ мой милый, видишь ли меня?

Все темнѣй, темнѣе надъ землею...
Улетѣлъ послѣдній отблескъ дня...
Вотъ тотъ міръ, гдѣ жили мы съ тобою.
Ангелъ мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня.
Ангелъ мой, гдѣ бъ души ни витали,
Ангелъ мой, ты видишь ли меня?

---

[1]) Появляется въ печати впервые.
[2]) Тоже.
[3]) Тоже.

По возвращеніи изъ Ниццы въ 1865 г.

Есть и въ моемъ страдальческомъ застоѣ
Часы и дни ужаснѣе другихъ...
Ихъ тяжкій гнетъ, ихъ бремя роковое
Не выскажетъ, не выдержитъ мой стихъ.

Вдругъ все замретъ. Слезамъ и умиленью
Нѣтъ доступа; все пусто и темно,
Минувшее не вѣетъ легкой тѣнью,
А подъ землей, какъ трупъ, лежитъ оно.

Ахъ, и надъ нимъ въ дѣйствительности ясной,
Но безъ любви, безъ солнечныхъ лучей,
Такой же міръ бездушный и безстрастный,
Не знающій, не помнящій о ней [1]).

И я одинъ съ моей тупой тоскою
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челнъ, заброшенный волною,
На безыменномъ дикомъ берегу.

О Господи, дай жгучаго страданья
И мертвенность души моей разсѣй —
Ты взялъ «ее», но муку вспоминанья,
Живую муку мнѣ оставь по ней,—

По ней, по ней, свой подвигъ совершившей
Весь до конца въ отчаянной борьбѣ,
Такъ пламенно, такъ горячо любившей
Наперекоръ и людямъ и судьбѣ;

По ней, по ней, судьбы не одолѣвшей,
Но и себя не давшей побѣдить;
По ней, по ней, такъ до конца умѣвшей
Страдать, молиться, вѣрить и любить.

Строчки, напечатанныя курсивомъ, въ печати появляются впервые.

Ѳ. Т.

---

[1]) Въ изданіи 1900 г. эта строка пропущена.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

Ревельскія модницы въ 1744 году [1]).

I.

Называемый въ нашихъ лѣтописяхъ, когда русскіе воевали въ Ливоніи, «Колываныо городомъ», Ревель и по присоединеніи его къ Россіи въ 1710 году сохранилъ свое прежнее нѣмецкое устройство: самоуправленіе, судопроизводство, языкъ, свободу исповѣданія и пр., но съ теченіемъ времени новые хозяева все болѣе и болѣе наполняли Эстляндію по военной и гражданской службамъ и въ торговлѣ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка, въ одномъ изъ ревельскихъ домовъ, расположенныхъ по Аптечной улицѣ, проживали съ семьями своими три дѣвушки-подруги, всѣ русскія. Самой старшей изъ нихъ, Авдотьѣ Семеновой, насчитывалось 26 лѣтъ, она была дочерью новгородца, посадскаго человѣка, долгое время торговавшаго въ Ревелѣ; въ послѣднее время его расшибъ параличъ, онъ слегъ въ постель, оставилъ торговлю, а хозяйствомъ управляла жена, строгая и черствая сердцемъ женщина, которой дочь боялась, какъ огня. Верхній этажъ того же дома, въ которомъ жили Семеновы, занимала жена псковскаго помѣщика, Татьяна Васильевна

---

[1]) Настоящій очеркъ основанъ на подлинномъ слѣдственномъ дѣлѣ, хранящемся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ книгѣ правительствующаго сената, №№ 110—356, лл. 811—819. Собственныя имена также принадлежатъ подлиннику.

Иванова; она почему-то жила отдѣльно отъ мужа. Госпожѣ Ивановой было почти 50 лѣтъ, но она отлично сохранилась, очень любила ухаживаніе за нею молодежи и большую часть времени проводила не у себя дома, а въ обществѣ Карла Карловича Зеймера, мѣстнаго торговца мясомъ, стараго холостяка. Досужливые люди много злорадствовали по поводу этого знакомства. Какъ бы то ни было, но на воспитаніе своей единственной дочери Прасковьи Яковлевны, или, попросту, «Параши», Татьяна Васильевна не обращала никакого вниманія. Дѣвочка своевольничала, злилась, а мать не исправляла ея пороковъ. Въ 18-ть лѣтъ Параша вылилась въ красивую, но своенравную, съ безчисленными причудами дѣвушку.

Вотчинницею, или хозяйкою двора и дома, гдѣ жили Иванова и Семенова, была Варвара Степановна Виноградова. Мужъ послѣдней, священникъ отецъ Виноградовъ, прибылъ въ Ревель вскорѣ послѣ его занятія русскими, пріобрѣлъ собственный домъ и здѣсь скончался, оставивъ жену съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ старшей, Ольгѣ Сергѣевнѣ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, было болѣе 20-ти лѣтъ. Семья Виноградовыхъ занимала на томъ же дворѣ небольшой отдѣльный домикъ.

Конечно, при владѣніи Виноградовой былъ довольно обширный дворъ и тѣнистый садикъ, много удовольствія въ лѣтнюю пору доставлявшій дѣтямъ. Дѣвочки здѣсь играли, рѣзвились и очень сдружились. Всѣ три онѣ были миловидны, въ особенности Параша: высокая, стройная, съ карими глазами, прекраснымъ цвѣтомъ лица, живая и бойкая, она, несмотря на свои молодые годы сравнительно съ обѣими подругами, подчинила ихъ своему вліянію. Дуня не разъ признавалась своей молодой подругѣ, которая была ея моложе 8-ю годами, что она больше ее любитъ, чѣмъ свою строгую мать, что она ничего не предприметъ безъ ея совѣта. И Парашино вліяніе на Дуню прежде всего сказалось во вкусахъ на наряды. Уже въ 14—15 лѣтъ помѣщичья дочь знала всѣ тонкости дамскаго туалета, а позже постигла всѣ тайны женскаго кокетства. Мать Парашина была также не послѣднею модницею, и дѣвушка наперечетъ знала всѣ ея платья. Всегдашнею ея мечтою, о чемъ она не разъ говаривала подругамъ, было завести, когда выйдетъ замужъ, бѣлую атласную робу и непремѣнно съ треномъ. Она же объясняла имъ, что у каждой замужней женщины долженъ быть шлафрокъ и полшлафрокъ, что между ними въ томъ только и разница, что подъ послѣдній полагается еще цвѣтная юбка.

— А мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть синій суконный кафтанчикъ съ желтыми петлями поверхъ русской рубашки!—часто возражала Парашѣ священническая дочь Оленька Виноградова.

— Кафтанчикъ тоже хорошо, но это уже совсѣмъ въ простомъ русскомъ вкусѣ; я тебѣ предсказываю, что ты такъ же будешь попадьею, какъ и твоя мать!—смѣялась Параша.

— Лишь бы человѣкъ хорошій былъ! — въ задумчивости отзывалась Оленька, какъ бы отвѣчая на свои затаенныя думы.

Когда строгой матери Дуни не бывало дома, то самымъ привлекательнымъ мѣстомъ, приманкой для дѣвушекъ была ревельская торговая площадь. Здѣсь уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ красовалась лавка иноземнаго купца Фридриха Энгера, торговавшаго разными модными товарами. Рѣдкій день въ ревельскую пристань не приходило какое нибудь иностранное судно, привозившее всевозможныя диковинки. Энгеръ зорко слѣдилъ за привозимыми изъ-за моря товарами, и на окнѣ его магазина всегда выставлялись свѣжія новинки, привлекавшія любопытныхъ. У этого-то окна частенько разгорались хорошенькіе глазки трехъ подругъ съ Виноградовскаго двора. Перстеньки съ брилліантами и лалами, сережки яхонтовыя съ подвѣсками, цвѣтки брилліантовые на волосы, наручники золотые съ финифтью, кружева гарнитуровыя и серебряныя, куски атласу узорчатаго, китайка шелковая бѣлая, только что начавшая появляться въ Россіи, кисеи и грезеты, парчи и обьяри—привлекали вниманіе дѣвушекъ, долгое время и дома продолжавшихъ толковать о видѣнныхъ новинкахъ. Парашѣ Ивановой болѣе всего нравился выставленный на окнѣ Энгера ларчикъ четыреугольный, низкій, съ накладками золочеными; внутри онъ былъ выстеганъ атласомъ пунцовымъ полосатымъ; въ немъ лежали напоказъ зеркальце туалетное въ серебряной оправѣ, опахало страусовое, а ручка слоновой кости, двѣ пары рукавицъ тонкокожихъ французскихъ, полдюжины манжетъ бѣлыхъ батистовыхъ, двѣ коробочки серебряныя сканныя, четвертинка для чая серебряная же сканная, 6 куколъ фарфоровыхъ мужеска и женска персонъ, 1 румянница, 1 бѣлильница и 1 сурмильница.

Всѣ эти вещи возбуждали восторгъ молодой дѣвушки.

— Какъ только у меня будетъ женихъ, я непремѣнно попрошу его подарить мнѣ этотъ ларецъ, — говорила обыкновенно Параша своимъ подругамъ, вмѣстѣ стоявшимъ у окна Энгера.

— Но ты можешь выйти замужъ и за небогатаго,— возражала Оленька,— и у него не на что будетъ купить тебѣ этого ларца.

— Я за бѣднаго не пойду!—волновалась Параша:—бѣднаго тебѣ оставлю.

II.

Однако желанію дѣвицы Ивановой суждено было осуществиться такъ скоро, какъ никто изъ подругъ и не предполагалъ. Лѣтомъ 1738 года, въ Ревельскій гарнизонъ, въ Дерптскій полкъ былъ переведенъ капитанъ Денисъ Дмитріевичъ Дьячковъ. Передъ переводомъ онъ служилъ въ гвардіи, былъ очень исправнымъ офицеромъ, но какъ-то промолвился, что «очень ему нѣмцы надоѣли, что отъ

нѣмцевъ мѣста нѣтъ». Слова Дьячкова какимъ-то образомъ стали извѣстны могущественному Бирону; капитана тѣмъ же чиномъ изъ гвардіи перевели въ ревельскій гарнизонъ съ возложеніемъ на него обязанности учить школьниковъ въ мѣстной гарнизонной школѣ.

Капитану было уже 35 лѣтъ, когда онъ появился въ Ревелѣ. Въ Тверскомъ уѣздѣ за нимъ было 2 вотчины, по 1-й ревизіи насчитывавшія болѣе 400 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ, Дьячковъ относительно былъ довольно обезпеченный человѣкъ. Въ Ревель пожитки онъ привезъ на нѣсколькихъ собственныхъ лошадяхъ, поселился онъ, нанявъ отдѣльный домъ; четверо дворовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ поваръ, ему прислуживали. Несмотря на природную полноту и наклонность къ дальнѣйшей, капитанъ отличался незаурядною подвижностію; все свое хозяйство велъ самъ, высчитывая расходы до послѣдней деньги, но въ то же время самому себѣ ни въ чемъ не отказывая. Вскорѣ по прибытіи въ Ревель своимъ полковымъ товарищамъ сталъ дѣлать вечеринки, и здѣсь онъ былъ вполнѣ хлѣбосольнымъ хозяиномъ, у котораго не чувствовалось недостатка не только въ яствахъ, но и въ иностранныхъ винахъ; только порою проговаривался онъ сослуживцамъ, что попалъ «изъ огня да въ полымя», или, какъ онъ разъяснялъ самъ, «изъ-подъ опеки нѣмцевъ совсѣмъ въ нѣмецкое гнѣздо».

Въ одну изъ своихъ прогулокъ по Ревелю, у магазина Энгера, капитанъ замѣтилъ Парашу Иванову; дѣвушка ему понравилась; онъ навелъ справки; узнавъ, что она русская, Дьячковъ познакомился съ ея матерью; въ Покровъ Параша объявлена была уже его невѣстою, а въ началѣ ноября состоялась ихъ свадьба, при чемъ незадолго до вѣнца дѣвушка получила въ подарокъ отъ жениха такъ долго тревожившій ея грезы четыреугольный ларчикъ съ вещами, стоявшій на окнѣ Энгера.

Замужество Параши было какъ бы толчкомъ и для замужества остальныхъ двухъ подругъ. Почти вслѣдъ за нею вышла замужъ Оленька Виноградова; потомъ она призналась Парашѣ, что женихъ уже былъ у нея давно, но она боялась о немъ говорить своей подругѣ, боялась, что та станетъ его осмѣивать; женихъ ея былъ подьяческій сынъ Ѳедя Фирсовъ, юноша почти однихъ лѣтъ съ Оленькою и такой же скромный, какъ она. Фирсовъ служилъ въ ревельскомъ питейномъ домѣ въ вѣрныхъ цѣловальникахъ. Свадьба Оленьки состоялась въ самое Филипповское заговѣнье, то-есть 12-го ноября, и на ней присутствовала разодѣтая въ пухъ и прахъ только что сама вышедшая замужъ Параша Дьячкова съ своимъ капитаномъ. Оленькѣ съ мужемъ послѣ свадьбы ея матерью въ своей же квартирѣ были отведены двѣ отдѣльныя комнаты, такъ какъ Ѳедя Фирсовъ былъ очень бѣденъ.

Въ ревельскомъ гарнизонѣ, въ Эстляндскомъ полку, съ 1724 года служилъ гренадеръ Илья Петровъ сынъ Батуринъ; отецъ его, бывъ татариномъ Батуромъ, крестился, а сынъ получилъ фамилію Батурина. Илья Петровъ, числясь на службѣ въ полку, состоялъ разсыльнымъ при канцеляріи губернатора, каковымъ въ это время былъ принцъ фонъ-Голштейнъ. При большомъ ростѣ Батуринъ былъ надѣленъ огромною физическою силою; въ отсутствіе изъ Ревеля палача легкія наказанія шелыгами и батогами Илья съ охотою принималъ на себя и исполнялъ ихъ съ особеннымъ усердіемъ. Жилъ онъ на окраинѣ города одинъ небольшимъ дворомъ; говорили, что у него скоплены деньжонки. Когда состоялась женитьба капитана Дьячкова на Парашѣ, гренадеру было далеко за 30, въ волосахъ у него показалась уже сѣдинка. Вотъ этому-то гренадеру Батурину и приглянулась очень Дуня Семенова, когда онъ мимо ихъ двора хаживалъ на службу въ губернаторскую канцелярію; Дуня съ своей стороны находила, что зеленый военный мундиръ очень шелъ къ рослому гренадеру. Однако время тянулось и тянулось, а Дуня все сидѣла въ дѣвкахъ, хотя ей уже стукнуло 27 лѣтъ.

Почти уже годъ истекалъ замужеству Параши, когда однажды утромъ въ отсутствіе капитана, занимавшагося въ гарнизонной школѣ, къ Дьячковой явилась ея подруга Дуня Семенова; въ рукахъ она держала какой-то свертокъ.

— Я пришла къ тебѣ, Параша, просить совѣта,—тихо начала говорить дѣвушка, когда подруги остались однѣ:—Батуринъ проситъ моего согласія итти за него замужъ?

— Опять? Вѣдь онъ уже получилъ разъ твой отказъ!—засмѣялась Параша.

— Да; но онъ говоритъ, что очень меня любить будетъ.

— А ты развѣ полюбила его?

— Нѣтъ, но мнѣ очень стыдно сидѣть въ дѣвкахъ, и ты, и Дуня давно уже вышли, а я... я...

Слезы душили дѣвушку.

— Все-таки лучше бы выйти замужъ за человѣка, который любъ. Нужно настоять на своемъ, потому что потомъ счастія ужъ не вернешь!—какъ бы отвѣчая сама себѣ, произнесла Параша:—по-моему лучше въ дѣвкахъ совсѣмъ остаться!—рѣшительно заявила она.

— Мать и то все коритъ меня, что даромъ хлѣбъ ѣмъ,—потупивъ глаза, сказала дѣвушка.—Тебѣ еще и 20 нѣтъ, а мнѣ уже подъ 30: стыдно ужъ и теперь такой старой замужъ итти.

— Да-да!—какъ бы вспоминая что-то, замѣтила Параша:—что же ты отвѣтила теперь Батурину?

— Что поговорю съ тобой; у него волоса уже есть сѣдые,—запинаясь произнесла Дуня.

— У каждаго свое; а мнѣ такъ толщина моего мужа не нравится. Ты матери своей о Батуринѣ говорила?—спросила Параша.

— Нѣтъ еще, какъ и въ первый разъ. Говорятъ, что онъ глупъ?—вопросительно глядя на подругу, замѣтила дѣвушка.

— А ты сама-то что на это скажешь?—переспросила Параша.

— Не знаю... Онъ мнѣ платковъ полдюжины голендерскихъ съ кружевами для начала подарилъ!—въ смущеніи отвѣтила дѣвушка, подавая молодой женщинѣ принесенный свертокъ.

— Видно, сама теперь итти за него замужъ не прочь!—засмѣялась Дьячкова, развертывая свертокъ.—Должно быть, отъ Энгера?—спросила она.

— Отъ Энгера,—живо отвѣтила дѣвушка:—онъ самъ мнѣ сказывалъ.

На слѣдующій день, также въ отсутствіе капитана, гренадеръ въ сопровожденіи Дуни явился къ Дьячковой.

— Будешь любить мою Дуню, если она выйдетъ за тебя замужъ?—прежде всего спросила Параша.

— Если бы Авдотья Семеновна не была люба мнѣ, развѣ сталъ бы я ее второй разъ сватать?—робко отвѣтилъ Батуринъ.

— А будешь ли ея слушаться?—смѣло глядя въ глаза гренадеру, спросила Дьячкова.

— Не только ея, но и васъ, государыня капитанша,—не задумываясь произнесъ Батуринъ.

Отвѣтъ Ильи Петрова такъ понравился Дьячковой, что дѣло рѣшилось въ его пользу. Такъ какъ у гренадера близкихъ родныхъ не было, то Дьячковъ съ женою были у него посажеными отцомъ и матерью; въ тотъ же самый день, въ который исполнился годъ свадьбѣ Дьячковыхъ, Дуня была повѣнчана съ Батуринымъ. Одинокій домикъ гренадера оживился: вмѣстѣ съ женою къ нему же переѣхала теща съ своимъ параличнымъ мужемъ.

Съ тѣхъ поръ всѣ три подруги, долго жившія вмѣстѣ, разъѣхались по разнымъ домамъ и зажили отдѣльными семьями.

III.

Прошло пять лѣтъ послѣ свадьбы Батурина. Новое царствованіе императрицы Елисаветы Петровны было радостно привѣтствовано народомъ, видѣвшимъ въ государынѣ воплощеніе русскихъ началъ. Болѣе всѣхъ въ Ревелѣ ликовалъ Дьячковъ, почти тотч съ же послѣ событія 25-го ноября 1741 г. отпросившійся въ отп скъ въ С.-Петербургъ. Въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ раньше, л кованіе также было общее, Бироновское же могущество исчезло, к къ дымъ; капитана приняли съ распростертыми объятіями, нач льство обѣщало его перевести при первой возможности вновь въ

полкъ и, какъ пострадавшаго, съ чиномъ премьеръ-майора. Капитанъ вернулся въ Ревель, воспрянувъ духомъ, но переводъ его почему-то затормозился. Шелъ къ концу уже 1744-й годъ, когда онъ въ самый день Архангела Михаила получилъ наконецъ извѣщеніе, что его переводъ состоится съ 1-го января новаго года, и ему предлагалось всѣ приходныя и расходныя книги по гарнизонной школѣ и образецъ «мундира школьниковъ» доставить немедленно въ Москву въ канцелярію сената для провѣрки и сдачи вновь назначенному офицеру.

Три года послѣ брака на Парашѣ у капитана Дьячкова не было дѣтей, и только на четвертый родился сынъ, но ребенокъ явился хилый, болѣзненный и черезъ два мѣсяца скончался. Повитуха винила въ недосмотрѣ Парашу, говоря, что она чрезмѣрно и даже во время беременности затягивалась фижмами. Смерть сына глубоко огорчила капитана, а къ этому тяжелому чувству почти одновременно присоединилось другое — неудовольствіе на жену. Капитанъ не могъ не замѣтить, что Парашу болѣе порадовала подаренная имъ ей греческая шубка атласная съ соболиною опушкою, чѣмъ появленіе сына; когда ребенку едва минуло 40 дней, и Параша стала просить мужа прикупить къ шубкѣ шушунчикъ соболій, то Дьячковъ вышелъ изъ себя, наговорилъ женѣ дерзостей. Правда, вспышка вскорѣ прошла, но уже прежней откровенности ихъ другъ другу не было.

Дьячковъ и послѣ женитьбы продолжалъ быть хлѣбосольнымъ хозяиномъ; попрежнему товарищи сбирались у него на вечеринкахъ, а Параша отличалась гостепріимствомъ. Раньше Дьячковъ не входилъ въ денежныя дѣла жены по хозяйству, но послѣ смерти ребенка онъ сталъ считать ея расходы и ежемѣсячно находить недостатокъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Параша не стала запираться и объяснила мужу, что деньги она тратила на покупку матерій и нарядовъ, независимо отъ того, что она получала отъ мужа на платья. Раньше во вліяніи на Парашу капитанъ имѣлъ своею доброю помощницею тещу; но Т. В. Иванова, черезъ годъ послѣ выхода своей дочери замужъ за Дьячкова, получивъ извѣстіе о смерти мужа, отъ котораго жила отдѣльно, сама поспѣшила выйти замужъ за своего добраго знакомаго Карла Карловича и превратилась изъ г-жи Ивановой въ г-жу Зеймеръ. Въ Ревелѣ она съ мужемъ прожила съ полгода, а потомъ переѣхала на постоянное пребываніе въ Ригу, гдѣ Зеймеръ открылъ обширное мясное заведеніе, а Т. В. явилась тамъ дѣятельной его помощницей; въ Ревель она не ѣздила, а лишь изрѣдка писала дочери о своемъ здоровьѣ.

Побранилъ, побранилъ Денисъ Дмитріевичъ свою жену и сталъ внимательно слѣдить за ея расходами, подсчитывать ихъ чуть не ежедневно; деньги сталъ запирать въ подголовокъ, а ключъ отъ него таить отъ Параши.

Изъ всѣхъ офицеровъ, бывавшихъ на вечеринкахъ у Дьячкова, Параша отличала прапорщика Ревельскаго полка Гильтенбранта. Жилъ онъ въ Ревелѣ давно, Параша знала его еще мальчикомъ, и тогда онъ одѣвался очень опрятно, теперь онъ сталъ самымъ чистенькимъ офицеромъ изъ всего ревельскаго гарнизона; по годамъ онъ былъ сверстникомъ Парашѣ; ни съ кѣмъ она не танцовала на общественныхъ собраніяхъ такъ охотно, какъ съ Гильтенбрантомъ, и ни съ кѣмъ такъ часто на прогулкахъ не видали ревельцы хорошенькой капитанши, въ отсутствіе изъ города Дьячкова, какъ съ юнымъ прапорщикомъ, или съ Дуняшей Батуриной.

За истекшія 5 лѣтъ у подруги Парашиной умерли и мать и отецъ; отъ Батурина же у нея была только единственная дочь Варя, 4-хъ лѣтъ. Дѣвочка была некрасива, очень походила на отца, и Дуня ея не любила. Хозяйствомъ она почти не занималась, имъ всецѣло завѣдывалъ мужъ, и даже кушанье готовилось имъ же. Все свое время Дуняша проводила въ побѣгушкахъ или къ своей неразлучной подругѣ Парашѣ, или куда нибудь за покупками по ея же порученіямъ. И Батуринъ не только не упрекалъ за то жену, но вліяніе ея подруги перешло и на него самого: «капитанша» и въ его дѣлахъ имѣла всегда рѣшающій голосъ. Дуняша такъ же, какъ и ея подруга, стала любить наряжаться, стала съ нею вмѣстѣ бывать на общественныхъ маскарадахъ. Привезутъ изъ-за моря иностранные корабли какую нибудь шляпку-новинку или какое платье, глядь—и то и другое появится уже на Парашѣ, а, спустя немного, и Дуня явится въ томъ же костюмѣ, и разгуливаютъ онѣ вмѣстѣ по улицамъ. Степенные ревельскіе нѣмцы и нѣмки дали обѣимъ подругамъ прозвище «Putznärinnin»; сами подруги знали это прозвище, и имъ оно очень нравилось. Но бѣдному Ильѣ Петрову было не въ моготу. Всѣ скопленныя имъ деньги ушли на женины издержки; отдалъ онъ въ закладъ и свои лучшія вещи, и ни одного слова укоризны не слыхала жена его; мало того—онъ всегда соглашался съ Дунею, что ей не слѣдуетъ отставать отъ подруги, что нужно вести съ капитаншей «линію». Вѣроятно, ради поддержанія той же линіи, незадолго до полученія капитаномъ Дьячковымъ извѣстія о немедленномъ пріѣздѣ въ Москву съ казенными книгами, Батурина попуталъ «грѣхъ». Возвращался онъ какъ-то домой изъ канцеляріи уже къ вечеру; видитъ—на городской площади какой-то незнакомый ему нѣмчинъ коня держитъ; подошелъ онъ поближе: нѣмчинъ отъ хмелю едва на ногахъ стоитъ и за поводъ держится, а конь вороной, глаза такъ и горятъ. Закружилась голова у Ильи, схватилъ онъ поводъ у нѣмчина, да какъ дернетъ его; Илья силы былъ необыкновенной, — нѣмчинъ такъ кубаремъ и покатился. Вскочилъ Батуринъ на коня и пустился галопомъ домой; слышалъ только, какъ будто кто-то ему закричалъ вслѣдъ. Оказа-

лось, что изъ воротъ выходилъ хозяинъ пьянаго нѣмчина; онъ поднялъ тревогу, и Батурина въ тотъ же вечеръ накрыли съ «поличнымъ» у него въ дому. Гренадеръ во всемъ заперся, но ничто не помогло. Если бы не его прежняя примѣрная долголѣтняя служба и не заступничество его посаженаго отца Дьячкова, пришлось бы Ильѣ разстаться и съ женою и съ Ревелемъ, но вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ гренадеръ былъ наказанъ батогами въ самой канцеляріи 50-ю ударами и остался служить попрежнему.

— Эхъ, Илья!—смѣялась послѣ надъ нимъ капитанша:—зачѣмъ же ты не вернулся опять на площадь, когда говоришь, что слышалъ крикъ въ то время, когда поскакалъ на лошади?

— Все отъ недогадки, матушка капитанша, такъ ужъ лукавый попуталъ!—добродушно отзывался Батуринъ. Однако послѣ этого случая гренадеръ сильно осунулся и сталъ еще мрачнѣе.

Третья изъ подругъ—Оленька Виноградова—сдѣлалась матерью довольно многочисленной семьи. Четыре дочери и сынъ, всѣ погодки, были на ея рукахъ. Мать Оленькина перебралась въ квартиру, которая осталась свободной послѣ выхода замужъ Т. В. за нѣмца Зеймера, а Фирсовы остались внизу одни. Оленька сама всѣхъ дѣтей обшивала, готовила имъ и себѣ съ мужемъ кушанье, сама съ мѣшками отправлялась за провизіей на рынокъ и находила при этомъ время являться въ лавочку, чтобы помогать мужу въ торговлѣ, которую онъ открылъ, уйдя изъ питейнаго дома. Между супругами Фирсовыми господствовало полное согласіе; двухъ прежнихъ своихъ подругъ Оленька избѣгала, потому что тѣ всегда подсмѣивались и надъ нею, и надъ ея мужемъ, смѣялись и надъ многочисленностію ея дѣтей.

Когда капитанъ Дьячковъ на другой день послѣ полученія бумаги изъ Петербурга сталъ собираться въ Москву, то, открывъ подголовокъ, онъ къ удивленію своему не нашелъ тамъ отдѣльно лежавшихъ 57 рублей. Первымъ дѣломъ онъ бросился къ женѣ.

— Ты взяла изъ подголовка оставшіеся отъ содержанія школы 57 рублей, что̀ подлежали сдачѣ въ гарнизонную канцелярію?—дрожа отъ волненія, спросилъ Дьячковъ.

Параша молчала.

— Отвѣчай, пожалуйста: я тебѣ ничего не сдѣлаю, говори, чтобы не поклепать другихъ и успокоить меня въ поѣздкѣ.

— Я... тихо прошептала Дьячкова.

— Какъ же ты могла достать ихъ, когда подголовокъ былъ запертъ, а ключъ находился при мнѣ?

— Я знала, гдѣ ты его прячешь, и когда ты уснулъ, я тихонько достала его, взяла деньги, а ключикъ положила на мѣсто.

— Куда-жъ ты ихъ употребила?—послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ вновь капитанъ, пытливо смотря на жену.

Молодая женщина вспыхнула, щеки ея залились румянцемъ.

— Третьяго дня корабль новый въ гавань пришелъ, такъ я купила штуку полотна голландскаго для своихъ сорочекъ... а 10 рублей Дунѣ Батуриной взаймы дала,—скороговоркой, путаясь въ словахъ, отвѣтила Дьячкова.

— Ты недавно, кажется, послѣ Великаго дня дюжину себѣ сдѣлала?—слѣдя за женою, сказалъ Денисъ Дмитріевичъ.

— То были безъ манжетъ, а эти я хочу сдѣлать съ каморковыми манжетами,—потупивъ глаза, отвѣтила капитанша.

Дьячковъ замолчалъ. Онъ обдумывалъ, что дѣлать и что сказать ему женѣ.

— Все-таки тебѣ не слѣдовало бы дѣлать того втайнѣ отъ меня,—наконецъ заговорилъ онъ мягче, беря жену за руку.—Дунѣ я тоже не пожалѣлъ бы дать. Сама знаешь, что не сразу, а я не отказываю никогда тебѣ, когда ты меня просишь. Богъ дастъ, скоро совсѣмъ выберемся изъ Ревеля, и тогда обѣщай мнѣ быть доброю женою; а теперь пойдемъ готовить мнѣ вещи къ отъѣзду,—закончилъ Дьячковъ.

IV.

Капитанъ уѣхалъ изъ Ревеля въ Москву 9-го ноября 1744 года. Справила Параша безъ него филипповское заговѣнье, а въ воскресенье 14-го ноября утромъ явилась за городъ въ домъ Батурина и взяла его жену Дуню къ себѣ обѣдать. Долго шептались онѣ другъ съ другомъ, избѣгая говорить при дворовыхъ, приносившихъ кушанье. Послѣ обѣда молодыя женщины вновь отправились въ домъ гренадера. Здѣсь онѣ также таинственно начали шептаться съ Ильею Петровымъ, который послѣ оживленныхъ переговоровъ, взявъ дѣвочку Вареньку на руки, отправился вмѣстѣ съ подругами со двора, заперевъ ворота на замокъ.

Около трехъ часовъ дня въ магазинъ Энгера, расположенный на торговой площади, вошли двѣ покупательницы. То были Параша и Дуня. Ихъ встрѣтилъ самъ хозяинъ Фридрихъ Энгеръ, сухопарый лѣтъ 50 нѣмецъ, стоявшій за прилавкомъ. Дьячкову онъ зналъ хорошо, зналъ ея мужа, видалъ и Дуню, поэтому онъ встрѣтилъ подругъ, какъ знакомыхъ.

— Мужъ мой выдаетъ замужъ дѣвку вдовы Семеновой, свою крестницу; свадьба послѣ Крещенья, а сегодня ея благословенье. Намъ нужно побольше закупить вещей для подарковъ, — обратилась къ нѣмцу Дьячкова.

— Развѣ капитанъ вернулся?—спросилъ Энгеръ.

— Да, только что пріѣхалъ, а завтра опять ѣхать, — краснѣя твѣтила молодая женщина.—Онъ и торопится благословеніе при ебѣ сдѣлать.

Подруги принялись отбирать товары. Вскорѣ на прилавкѣ оказалась цѣлая груда матерій и вещей:

штука штофу желтаго брускату съ травами;

штука штофу синяго разицильенъ; такая же штука штофу бѣлаго.

штуки желтаго и бѣлаго разицильену;

платковъ карманныхъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ 4 дюжины;

платковъ же носильныхъ шелковыхъ 1 дюжина;

кошелекъ шелковый зеленый;

ножницы стальныя аглицкія.

Энгеръ подсчиталъ отобранные товары: выходило съ немногимъ болѣе 200 рублей.

— Мы бы просили отпустить съ нами вашего хлопца, онъ донесетъ вещи, а капитанъ отдастъ ему деньги,—сказала Параша нѣмцу.

— Нѣтъ, какъ можно, я самъ съ вами дойду; на вашъ вѣдь дворъ?—спросилъ Энгеръ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не къ намъ, а на дворъ Семеновой въ Гарнизонномъ поселкѣ.

— Тогда тѣмъ болѣе самому; вѣдь это за городъ, а уже смеркается. Я кстати захвачу локоть: брускатъ еще не мѣренъ, можетъ быть, больше или меньше будетъ—я на мѣстѣ вымѣрю.

— Надо спѣшить, въ 7 часовъ начнется благословеніе,—произнесла Дуня.

— Доротея!—по-нѣмецки крикнулъ Энгеръ въ дверь квартиры, выходящую въ магазинъ:—посиди въ лавкѣ, я вотъ отнесу купленные товары въ Гарнизонный поселокъ.

Изъ двери показалась женщина. Она была еще молода, но лицо ея казалось болѣзненнымъ. Тяжело дыша, она медленно опустилась на скамью у прилавка и унылымъ взглядомъ проводила мужа и двухъ покупательницъ.

V.

Большую часть купленныхъ вещей несъ Энгеръ, остальныя—Батурина. Дьячкова шла съ пустыми руками. Когда они поровнялись съ Малой аптечкой, капитанша сказала нѣмцу, что она зайдетъ купить ягодъ, чтобъ они шли дальше, а она ихъ догонитъ.

Дуня съ купцомъ направились въ Сестерорскія ворота, выйдя изъ которыхъ за городъ они сѣли отдохнуть на камнѣ; здѣсь подошла къ нимъ Параша.

— Надо спѣшить, стало очень темно! — сказалъ ей Энгеръ вставая.

Дорога къ Гарнизонному поселку шла полемъ, потомъ небольшое болото пересѣкалъ ветхій деревянный мостикъ, дальше тянулись кирпичные сараи; работа въ нихъ уже кончилась, въ полѣ не было видно ни души.

Едва Энгеръ съ молодыми женщинами отъ камня тронулись въ путь, какъ они увидѣли наискось идущаго къ нимъ изъ другого переулка очень высокаго человѣка. Издали бросился имъ въ глаза его зеленый мундиръ. Это былъ Батуринъ, пошедшій за ними. Энгеръ тревожно оглянулся, но мундиръ его успокоилъ.

— Понеси, солдатъ, намъ товары, мы очень устали!—обратилась къ гренадеру Параша, когда они стали приближаться къ мостику.

— Идите своей дорогой, что я вамъ за слуга!—сердито крикнулъ имъ Батуринъ.

Но едва Энгеръ перешелъ мостикъ, какъ гренадеръ бросился къ нему и, схвативъ нѣмца за плечи, изъ всей силы ударилъ его о землю.

Отчаянный крикъ понесся по полю.

Илья сѣлъ верхомъ на грудь Энгера, схвативъ его руки и стараясь своими руками заглушить его крики. Инстинктивно глаза упавшаго съ мольбою обратились къ сопровождавшимъ его женщинамъ. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное. Съ злобнымъ выраженіемъ лица Дьячкова схватила купца за руки и сѣла ему на голову, тогда какъ ея подруга Дуня повалилась ему на ноги.

Энгеру стало все ясно. Онъ собралъ послѣднія силы и ударилъ ногой Батурину.

— Вынь изъ моего кармана веревку!—крикнулъ ей мужъ.

Веревка очутилась въ рукахъ Батурина, быстро поднялъ онъ голову Энгера — губы нѣмца что-то шептали. Съ страшной силой стянулъ ему гренадеръ шею. Еще минута—лицо нѣмца побагровѣло, ноги судорожно вытянулись, и онъ пересталъ биться. Батурринъ продержалъ стянутую веревку еще нѣсколько моментовъ и потомъ грузно поднялся. Онъ тяжело дышалъ, все лицо его было въ поту, руки исцарапаны. Онъ молча оглядѣлся по сторонамъ.

— Никого!—сдавленнымъ голосомъ произнесъ онъ.

— Собери, Дуня, въ одно мѣсто всѣ товары,—сказала Параша своей подругѣ, указывая на разбросанныя вокругъ тѣла вещи.

Миловидной капитанши узнать было нельзя: мертвенная блѣдность покрыла ея лицо, искаженное злобою, глаза дико и испуганно глядѣли впередъ, всегдашней Парашиной прически не осталось и слѣда,—до того волосы были сбиты.

— Надо посмотрѣть, что у него въ карманахъ,—сказала Дьячкова, нагибаясь къ Энгеру и вытаскивая изъ брюкъ кожаный кошелекъ, а изъ жилета—серебряные часы.

— Ай-ай!—закричала вдругъ Параша, отскакивая въ сторону: лова Энгера слегка дрогнула.

— Посмотри, Илья, онъ шевелится, еще живъ!—злобно закрила она.

Батуринъ сталъ на колѣни и пристально вглядѣлся въ лицо ѣмца.

— Нѣтъ, капитанша, онъ мертвъ; это только онъ малость качнулся.

Дьячкова еще разъ сама всмотрѣлась въ лицо; сомнѣнія не было: Энгера болѣе не существовало, передъ ними лежалъ трупъ.

— Оттащи его немного, Илья, въ сторону, — сказала Параша, беря себѣ въ руки двѣ штуки штофа изъ лежащихъ на землѣ матерій.

Когда Батуринъ тѣло Энгера отнесъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, то, вернувшись на мѣсто преступленія, онъ замѣтилъ трость покойника и локоть, которымъ мѣрялъ нѣмецъ товары. Сильнымъ взмахомъ руки онъ бросилъ локоть далеко въ поле, а трость, пробивъ ледъ въ болотцѣ около мостика, пропихнулъ въ воду. Захвативъ всѣ остальныя лежавшія на землѣ вещи и еще разъ оглянувшись по сторонамъ, гренадеръ широко зашагалъ за пошедшими впередъ него подругами.

VI.

Ждетъ Доротея, она же Елизабетъ Энгеръ, носившая у русскихъ имя «Бланкенгагенши», въ своей лавкѣ мужа часъ—два, а его все нѣтъ и нѣтъ. Заперла она наконецъ и магазинъ, а жившаго у нихъ въ услуженіи мальчика послала дойти до конца города до Сестепорскихъ воротъ искать мужа. Но мальчикъ вернулся одинъ и сказалъ, что хозяина нигдѣ онъ не видѣлъ. Тогда молодая женщина вновь послала его ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ узнавать, не зашелъ ли къ кому изъ нихъ ея мужъ. Вездѣ получались отрицательные отвѣты. Къ Доротеѣ Бланкенгагеншѣ явился ея братъ, Карлъ Шварбахъ, также мѣстный торговецъ. Она упросила его остаться съ нею ночевать, и долго они ломали голову, стараясь найти сколько нибудь вѣроятное предположеніе исчезновенію Энгера. Рѣшили наконецъ отправиться утромъ въ губернскую канцелярію и, взявши караулъ, вмѣстѣ съ солдатами пойти въ Гарнизонный поселокъ, а потомъ къ капитаншѣ Дьячковой, которую Доротея знала, разыскивать мужа. Несчастная женщина не спала всю ночь, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ каждому шуму около ихъ дома. Съ разсвѣтомъ она разбудила брата и съ нимъ вмѣстѣ явилась въ канцелярію. Было очень рано, здѣсь они застали только одного капрала; со слезами на глазахъ она просила его сопровождать ихъ до Гарнизоннаго поселка.

Первою увидала тѣло своего мужа Доротея. Тяжело дыша отъ быстрой ходьбы, она бѣгомъ бросилась къ нему, вырвавшись изъ рукъ брата; увидѣла мертвое лицо мужа, петлю на его шеѣ и безъ чувствъ упала тутъ же.

Бережно перевезенная домой, несчастная женщина черезъ три часа, «отъ страха прежде надлежащаго времени», какъ сказано въ дѣлѣ, родила мальчика.

Умерщвленіе Энгера и злополучная судьба его вдовы взволновали все мѣстное общество, и въ особенности его нѣмецкую часть. Ревельскій губернаторъ, принцъ фонъ-Голштейнъ, нарядилъ самое строгое слѣдствіе и самъ принималъ въ немъ участіе.

Цѣлую недѣлю въ здоровьѣ вдовы Бланкенгагенши жизнь боролась со смертію, наконецъ она начала выздоравливать; одновременно съ тяжелымъ для нея извѣстіемъ о погребеніи ея мужа она услышала другое, что виновники его смерти схвачены. Предчувствіе, высказанное нѣкогда Доротеей брату, не обмануло ея.

Въ тотъ же день, когда было найдено тѣло Энгера, Параша Дьячкова была допрошена. Она сказала, что деньги за товары она отдала купцу Энгеру въ его еще лавкѣ, что его удавили, вѣроятно, «гулящіе люди», которые, какъ всѣмъ извѣстно, бродятъ вечерами около кирпичныхъ сараевъ, удавили его тогда, когда онъ возвращался изъ поселка. Но подъ перекрестными допросами Дьячкова не могла объяснить, зачѣмъ Энгеръ несъ туда вещи, и почему онѣ потомъ оказались у капитанши.

Надъ Парашей и ея знакомыми былъ учрежденъ тайный надзоръ, которому вскорѣ удалось узнать, что Дуня Батурина подарила писарю Бабушкину два шелковыхъ платка и три шведскихъ монеты, женѣ ученика морского флота Скурскова, своей кумѣ, также три платка. Притянутая къ допросамъ, Дуня совсѣмъ запуталась въ показаніяхъ. Тогда въ домѣ и во дворѣ Дьячковой, оцѣпленномъ понятыми, былъ сдѣланъ обыскъ, и въ одномъ изъ сундуковъ въ штукѣ штофа были найдены серебряные часы Энгера. Параша перестала запираться и объяснила всѣ подробности ихъ преступленія. Капитанъ Дьячковъ все еще не пріѣзжалъ домой, когда его жена была взята и посажена подъ караулъ въ губернской канцеляріи. Въ тюрьмѣ же, но въ разныхъ камерахъ, были заключены и Батуринъ съ женою.

Когда Парашу вели въ тюрьму, то произошелъ забавный случай. Какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ долго слѣдовалъ за нею и сопровождавшимъ ее карауломъ, а при приближеніи къ палатамъ канцеляріи онъ громко крикнулъ Парашѣ:

— Не бойся! Я позову матросовъ. Мы изъ-за тебя всѣхъ арестантовъ изъ тюрьмы выбьемъ.

Послѣ этотъ человѣкъ, оказавшійся крестьяниномъ князя Чагодаева, Григорьевымъ, объяснилъ, что онъ эти слова сказалъ съ простотою, жалѣя красоту Парашину.

Въ первомъ своемъ допросѣ военному суду, учрежденному при губернской канцеляріи, Дьячкова разсказала, что послѣ умерщвленія Энгера они всѣ трое сѣли у огорода капитана Мартьянова и

здѣсь для сохраненія слѣдовъ преступленія рѣшили разойтись въ разныя стороны: гренадеръ отправился къ Морскимъ воротамъ за дровами, его жена на квартиру къ ней, Дьячковой, и здѣсь на дворѣ положила товары по уговору, въ хворостъ, а сама Параша, обойдя кругомъ Эстляндскій полковой дворъ, вернулась домой. Ночью, когда ея люди уснули, товары она внесла въ домъ и въ сундукъ поклала. Въ кошелькѣ, вынутомъ изъ кармана Энгера, денегъ было $1^1/_2$ рубля и много шведскихъ монетъ; половину она отдала Дунѣ, а кошелекъ бросила въ колодезь. Часы же были очень хороши; она ихъ припрятала въ штуку штофа, думая, что ихъ тамъ не найдутъ, тѣмъ болѣе, что у себя «не чаяла обыску»,— сказала Параша.

На вопросъ судей, что же ее заставило пойти на преступленіе, Дьячкова отвѣчала, что Дуня Батурина была должна ей деньгами 6 рублей, что она уговорила ее пойти въ городъ и набрать товаровъ у иноземцовъ, а того, кто товары дастъ, завести въ поле, гдѣ мужъ ея Батуринъ товары отниметъ, и она, Дуня, ей, капитаншѣ, за тѣ деньги отдастъ товарами. Такъ какъ ея подруга говорила, что ей, Дунѣ, какъ солдатской женѣ, одной товаровъ не дадутъ, то Параша вмѣстѣ съ нею и пошла къ Энгеру. Дальше же она показала такъ, какъ изложено выше, но свою помощь гренадеру въ умерщвленіи Энгера отрицала, говоря, что удавилъ купца одинъ Батуринъ.

Илья же Петровъ и Дуня на первомъ допросѣ чистосердечно во всемъ признались; сказали, что подговорила ихъ къ преступленію Дьячкова; «жена моя во всемъ ея слушалась, да и самъ я капитанши также слушался», — откровенно сознался гренадеръ. Онъ же сказалъ, что предъ убійствомъ свою дѣвочку Варю отнесъ къ кумѣ.

Въ виду разнорѣчія въ показаніяхъ Дьячковой и Батуриныхъ, имъ троимъ въ присутствіи судей была дана «очная ставка». Здѣсь Батурины просили капитаншу во всемъ признаться, говорили, что они уже все открыли суду, но Параша стояла на своемъ, что къ преступленію она ихъ не подговаривала и Ильѣ не помогала.

Послѣ такого упирательства Дьячкова была взята въ застѣнокъ и пытана впервые. Вѣроятно, ревельскій застѣнокъ съ самаго своего основанія не видалъ въ своихъ стѣнахъ такой молоденькой, красивой и благовоспитанной женщины. Онѣ оглашались большею частію воплями и криками тѣхъ «гулящихъ людей», о которыхъ обмолвилась Параша. На увѣщаніе судьи сказать правду капитанша упрямо молчала. Тогда палачъ вправилъ руки ея въ хомутъ дыбы, и обнаженная Дьячкова, съ вытянутыми къ верху руками, повисла подъ дыбой, а вслѣдъ за тѣмъ одинъ за другимъ по спинѣ ея посыпались удары кнута. Молодая женщина стиснула отъ боли зубы, но послѣ девятаго удара не выдержала

и попросила спустить ее съ дыбы, прошептавъ, что она откроетъ истину. Едва стоя на ногахъ, она сказала судьѣ, что къ преступленію не подговаривала, Батурину не помогала, но виновна она въ томъ, что въ отсутствіе мужа приняла изъ губернской канцеляріи казенныхъ денегъ 68 рублей; деньги эти она отдала прапорщику Гильтенбранту, съ которымъ она находилась въ любовномъ сожительствѣ, а забранные отъ Энгера товары она хотѣла объявить своему мужу, какъ купленные на эти деньги, прапорщикъ же про убійство не зналъ, съ ними въ соглашеніи не былъ и ей не совѣтовалъ.

Батурины же на первой пыткѣ опять показали, что къ преступленію ихъ подговаривала Дьячкова, что она сидѣла на купцѣ и держала его за руки, когда гренадеръ его давилъ.

Вслѣдствіе этого черезъ 4 дня Дьячкова пытана вторично. Въ этотъ разъ она вытерпѣла 15 ударовъ, послѣ чего опять замолила ее снять. Рыдая, Параша сказала судьѣ, что, кромѣ 68 рублей, она гораздо ранѣе во время сна вынула изъ подголовка мужа еще 57 рублей, которые также отдала прапорщику Гильтенбранту; послѣдній, прибавила молодая женщина, просилъ у нея собственныхъ денегъ, но она объявила ему, что ихъ у нея нѣтъ. Послѣ она отнесла ему указанные 57 рублей, онъ обѣщался ихъ ей отдать, токмо не отдалъ и понынѣ. А съ прапорщикомъ никакихъ умысловъ, чтобъ убить или отравить мужа или какимъ зеліемъ опоить,—совѣта никакого не было.

Такъ какъ въ главномъ пунктѣ—подговорѣ къ преступленію и въ помощи гренадеру, Параша вновь ничего не сказала, а Батурины со второй пытки на томъ стояли, то черезъ недѣлю Дьячкова пытана третично. Только послѣ 17 удара она стала просить пощады, но съ дыбы ея не сняли, а пригрозили, что если она не винится, то наказанье продолжится. Капитанша наконецъ, обливаясь слезами, чистосердечно созналась, что «къ убійству Энгера гренадера Батурина и его жену она, Дьячкова, подговаривала, и какъ Илья того купца давилъ, она на головѣ его сидѣла и за руки держала». На вопросъ судьи, почему же она не открылась въ томъ раньше, Параша сказала, что «не объявляла затѣмъ, что думала, что ей оттого лучше будетъ».

Хотя Дьячкова во всемъ призналась, но для соблюденія порядка и въ надеждѣ новыхъ выясненій дѣла, и супруги Батурины были пытаны также въ третій разъ. Они подтвердили прежнія показанія.

За все время пытокъ гренадеръ и его жена получили по равному количеству ударовъ кнута—по 55, тогда какъ Парашѣ, очевидно, какъ менѣе выносливой, было дано только 41.

VII.

На другой день послѣ второй пытки Параши въ Ревель примчался ея мужъ, капитанъ Дьячковъ. Предупредить о несчастіи къ нему отправился одинъ изъ жившихъ на его квартирѣ дворовыхъ. Чувство жалости къ женѣ чередовалось у него съ какимъ-то томительнымъ предчувствіемъ. Немедленно же онъ отправился въ присутствіе суда. Здѣсь передъ нимъ не скрыли ничего: Параша была для него уже «отрѣзанный ломоть». Капитану прочли показанія его жены на допросахъ и наконецъ ея признаніе на пыткахъ относительно прапорщика Гильтенбранта, о чемъ бѣдному мужу пришлось узнать здѣсь только впервые. Шатаясь вышелъ онъ изъ палатъ канцеляріи. Въ тотъ же день къ вечеру, не простившись даже съ товарищами, онъ навсегда разстался съ Ревелемъ. Впереди его ждала такъ давно желанная имъ служба въ родномъ полку, но личная жизнь его была разбита навсегда.

Черезъ нѣсколько дней и пожитки Дьячкова на повозкахъ, сопровождаемые его дворовыми, также двинулись вонъ изъ Ревеля.

Молоденькій прапорщикъ Гильтенбрантъ также привлекался къ допросамъ. Онъ сознался въ любовномъ сожительствѣ съ Дьячковой и принятіи отъ нея денегъ. И за это и что онъ «бралъ съ нея деньги», въ судѣ было рѣшено учинить оштрафованіе, а о размѣрѣ его, какъ сказано въ документѣ, «представить по командѣ военной коллегіи». Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Гильтенбрантѣ нѣтъ.

Передъ рѣшеніемъ каждаго дѣла учрежденіе, производившее это дѣло, должно указать законы, на которыхъ основывается рѣшеніе. Такъ было и въ дѣлѣ Дьячковой и Батуриныхъ. Военнымъ совѣтомъ приведены здѣсь слѣдующія узаконенія:

19 статья 22 гл. «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича: «Будетъ кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убивство по чьему наученію, а сыщется про то допряма, и того, кто на смертное убивство научалъ и кто убилъ, казнить смертію». Въ ст. 72 гл. 21 того же Уложенія: «Кто кого убьетъ съ умышленія и сыщется про то допряма, что съ умышленія убилъ, и такого убойцу самого казнить смертію».

Въ пунктахъ «Военнаго артикула». Въ 154: «Кто кого волею и нарочно безъ нужды и безъ смертного страху умертвитъ или убьетъ его тако, что отъ того умретъ, онаго кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь». Въ 155: «Власно яко убойца самъ, тако и прочіе имѣютъ быть наказаны, которые подлинно къ смертному убійству вспомогали или совѣтомъ, или дѣломъ вступались». Въ 161: «А ежели жъ кто для прибыли или въ надеждѣ въ какой прибыли договоритца, наиметца или дастъ себя подкупить, или готова себя учинитъ кого убить смертно,—тогда

оный купно съ тѣмъ, кто его нанялъ, подкупилъ или упросилъ, колесомъ разломанъ, и тѣла ихъ на колеса положены быть имѣютъ».

Рѣшеніе Ревельскаго военнаго суда, на основаніи указанныхъ законовъ, «по кригсрехту», состоялось въ началѣ 1745 года. Положено: «Дьячковой и Батуриной учинить смертную казнь—отсѣчь имъ головы, а гренадера Илью Петрова Батурина колесомъ разломать, и тѣло его на колесо положить».

Однако рѣшенію этому не скоро суждено было окончиться. Приговоръ суда основанъ былъ на суровыхъ законахъ предшествовавшихъ царствованій, и случись умерщвленіе Энгера до 25-го ноября 1741 года, виновные тотчасъ были бы лишены жизни. Императрица Елисавета Петровна имѣла великое сердце истинной женщины, оно было полно чувствъ незлобія и всепрощенія. Въ потокѣ казней прошло царствованіе ея великаго отца, ни единая капля крови не пролилась внутри государства съ утвержденія императрицы въ ея царствованіе. Еще при самомъ восшествіи на престолъ Елисавета Петровна дала себѣ слово не подписывать ни одного смертнаго приговора. Незадолго же до преступленія въ Ревелѣ, по указу императрицы, состоявшемуся въ правительствующемъ сенатѣ 17-го мая 1744 года, велѣно «о приговоренныхъ къ смертной казни колодникахъ присылать въ сенатъ обстоятельныя выписки, а до полученія на нихъ указовъ экзекуціи не чинить». Выписка изъ дѣла о Дьячковой и Батуриныхъ изъ Ревельскаго суда была представлена въ военную коллегію, а отсюда вмѣстѣ съ другими только въ августѣ мѣсяцѣ 1747 года поступила въ сенатъ. Капитанша и гренадеръ съ женою все время содержались въ ревельской тюрьмѣ, такъ что почти 3 года тянулось ихъ дѣло.

1-го сентября 1747 года, по ихъ дѣлу состоялось рѣшеніе «особливой при правительствующемъ сенатѣ экспедиціи объ осужденныхъ къ смертной и политической казни колодникахъ», утвержденное императрицей. Дьячкову и Батуриныхъ велѣно вмѣсто смертной казни сослать на вѣчное житье: первую въ Сибирь на каторгу, а послѣднихъ въ Рогервикъ на крѣпостныя работы.

По полученіи въ Ревелѣ этого указа, «колодники» и были отправлены въ назначенныя имъ мѣста.

И. С. Бѣляевъ.

ЧЕРНЫШЕВЪ НА ДОНУ

(1819—1823 г.г.).

ПОСЛѢ смерти графа М. И. Платова должность атамана войска Донского занялъ генералъ Адріанъ Карповичъ Денисовъ, сподвижникъ Суворова въ итальянскомъ походѣ 1799 года. Предшественникъ его, «вождь невредимыхъ», не желалъ никакихъ реформъ: онъ управлялъ войскомъ «самодержавно», живя въ своей Мишкинской дачѣ, находящейся около новаго Черкасска, который онъ и поселилъ-то на этомъ «бирючьемъ куту» единственно потому, что это высокое и уединенное мѣсто, удаленное отъ р. Дона, находилось близъ его постоянной резиденціи. Войско Донское до смерти Платова управлялось единственно властью войскового атамана, такъ какъ войсковая канцелярія была послушнѣйшимъ орудіемъ въ его рукахъ. Донская земля не имѣла органическаго закона для своего внутренняго гражданскаго быта, а все дѣлалось въ ней «по адату», попрежнему, по обычаю. Между тѣмъ, къ 20-му году XIX столѣтія европейскіе громы смолкли, новыхъ не предвидѣлось, и надо было подумать о созданіи положенія для управленія войскомъ Донскимъ, бытъ котораго значительно разнился отъ жизни другихъ губерній Россіи. И вотъ новый атаманъ, въ скорости по вступленіи во власть, по собственной инициативѣ, сдѣлалъ представленіе о томъ, чтобы въ Новочеркасскѣ былъ составленъ комитетъ, на который была бы возложена обязанность, сообразуясь съ требованіями военно-гражданской жизни Донского края, составить проектъ положенія о его управленіи.

Представленіе Денисова въ этомъ смыслѣ было сдѣлано на высочайшее имя 21-го сентября 1818 года и мотивировано тѣмъ, что «многіе войсковые распорядки, бывъ заведены еще до 1760 года, не письменнымъ изложеніемъ, а однимъ словеснымъ преданіемъ, въ продолженіе такъ великаго времени одни совершенно измѣнились, другіе, отъ того же самаго времени, не будучи дополняемы, весьма ослабли». Вслѣдствіе этого онъ всеподданнѣйше просилъ учредить комитетъ подъ его предсѣдательствомъ «изъ четырехъ членовъ генеральскихъ и штабъ-офицерскихъ чиновъ». Императоръ Александръ I-й, въ особомъ рескриптѣ, данномъ на имя Денисова 10-го марта 1819 года, написалъ, что онъ съ «удовольствіемъ принялъ и одобрилъ» намѣреніе атамана, сказавъ, что «начальный приступъ его къ исполненію обязанностей званія войскового атамана дѣлаетъ ему особливую честь». Въ этомъ документѣ обозначено также, что со стороны военной въ комитетѣ будетъ присутствовать довѣренное лицо государя, — генералъ-адъютантъ Чернышевъ, извѣстный донцамъ по совмѣстнымъ воинскимъ подвигамъ, которые сблизили его съ казаками [1]). Въ то же время Александръ Ивановичъ Чернышевъ и появился въ Новочеркасскѣ, занявъ мѣсто пятаго члена комитета, состоявшаго изъ донскихъ генераловъ: Карпова, Черевкова, Андріянова и подполковника Шамшева. Особымъ же рескриптомъ на имя Денисова, 30-го марта того же года, въ составъ комитета назначенъ еще и шестой членъ отъ министерства юстиціи, какъ спеціалистъ по гражданской части. Это мѣсто занялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Болгарскій въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года. Чернышевъ появился въ Новочеркасскѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1819 года, и съ того же дня начались въ комитетѣ сначала недоразумѣнія, потомъ несогласія, и въ концѣ — явная вражда. Изъ письма Чернышева къ графу Аракчееву, отъ того же апрѣля мѣсяца, легко усмотрѣть, что ему далеко не по нутру былъ весь составъ этого учрежденія, а особенно атаманъ-предсѣдатель. Несмотря на то, что Чернышевъ еще изъ Калуги написалъ Денисову «весьма почтительное и ласковое» письмо, а по пріѣздѣ въ Новочеркасскъ «всемѣрно старался съ нимъ сблизиться и найти его довѣренность и откровенность при всѣхъ почестяхъ и угожденіяхъ его и лучшихъ изъ чиновниковъ», однако встрѣтилъ со стороны всѣхъ лицъ «щекотливое и осторожное обхожденіе», при чемъ, прежде всего, упомянулъ, что извѣстіе о назначеніи въ составъ комитета какъ Болгарскаго, такъ и его, Чер-

---

[1]) Командуя Донскими полками, Чернышевъ занялъ въ 1813 году Берлинъ, почти брошенный до того французами. Кто читалъ записки князя С. Г. Волконскаго, тотъ справедливо оцѣнитъ подобные воинскіе подвиги Чернышева, обращаемые реляціями послѣдняго въ громкія побѣды надъ непріятелемъ.

Авт.

нышева, «принято» атаманомъ и чиновниками его «съ большимъ огорченіемъ». Увѣдомивъ Аракчеева, что всѣ части управленія на Дону находятся въ большомъ безпорядкѣ, допускающемъ злоупотребленія, Чернышевъ добавляетъ, что всѣ члены комитета, за исключеніемъ одного, очень стары (по 70 лѣтъ каждому); что атаманомъ управляютъ членъ комитета Черевковъ и сынъ его — дежурный штабъ-офицеръ, что мнѣнія Денисова по военной части, какъ человѣка, «пріобыкшаго къ древнему служенію казаковъ, довольно уклончивы» и проч., а потому онъ и не ожидаетъ отъ такого «устарѣлаго собранія скораго и вѣрнаго содѣйствія въ дѣлѣ военномъ». Упомянувъ, что свѣдѣнія эти онъ извлекъ какъ изъ собственныхъ наблюденій, такъ и «изъ отзывовъ и разсужденій благомыслящихъ людей, кои, вѣрно зная положеніе земли своей, искренно желаютъ добра своимъ соотчичамъ», Чернышевъ въ концѣ письма добавилъ о своемъ предвидѣніи, «что доводить такихъ людей, т.-е. членовъ комитета, къ желаемой цѣли будетъ довольно трудно». Видимо, Чернышевъ успѣлъ уже устроить партію, враждебную атаману, но «искренно желающую добра своимъ соотчичамъ», и пошелъ съ нею войной противъ Денисова, надъ которымъ разными путями, какъ увидитъ ниже читатель, и одержалъ полную побѣду. Въ другомъ письмѣ къ тому же Аракчееву (3-го мая 1819 года) Чернышевъ въ еще болѣе мрачномъ свѣтѣ рисуетъ и своихъ товарищей по комитету, и положеніе донскихъ дѣлъ вообще. «Не одно благосостояніе соотчичей, говоритъ онъ, но и собственные виды движутъ поступками главнѣйшихъ здѣшнихъ чиновниковъ, которые, ослабляясь мало-по-малу въ чувствахъ народной нравственности, вообще стремятся къ стѣсненію простыхъ казаковъ», въ доказательство чего ссылается на то, что «двое лучшіе и умнѣйшіе изъ членовъ комитета находятся въ числѣ откупщиковъ питейной продажи, съ нынѣшняго года отданной войсковой канцеляріей въ нѣсколько рукъ съ большимъ ограниченіемъ древняго казаковъ права свободно пользоваться у себя вольною покупкою и продажею вина», а потому проситъ всесильнаго графа обратить вниманіе главнѣйше на этотъ предметъ, а также и на то, что земли войска Донского не измѣрены за неимѣніемъ достаточнаго количества землемѣровъ, слѣдовательно въ комитетѣ и нѣтъ матеріаловъ для сужденій о надѣлѣ землею станичныхъ юртовъ и чиновниковъ. При этомъ Чернышевъ проситъ распоряженія о высылкѣ на Донъ потребнаго количества землемѣровъ и о томъ, чтобы назначаемый отъ министерства юстиціи членъ комитета, по прибытіи въ Новочеркасскъ, предъявилъ ему свои инструкціи «для совмѣстныхъ и единодушныхъ дѣйствій». Нельзя пройти молчаніемъ дѣльные и пространные доклады комитету генералъ-адъютанта Чернышева, касающіеся важнѣйшихъ предметовъ жизни Донского края: 1) о войсковыхъ доходахъ и расходахъ,

2) о числѣ жителей—казаковъ, крестьянъ, 3) пространствѣ земли, 4) урожаяхъ хлѣбовъ, садовыхъ и огородныхъ плодовъ, винограда и количествѣ выдѣлываемаго вина, 5) о количествѣ соли, добываемой изъ Манычскихъ озеръ, 6) о числѣ скота, овецъ и лошадей, 7) о торговлѣ, 8) о ярмаркахъ, 9) о способахъ, какими руководствовались въ войскѣ до учрежденія откуповъ, при продажѣ водки, 10) объ учебныхъ заведеніяхъ, 11) о числѣ медицинскихъ чиновниковъ, 12) о тюрьмахъ, госпиталяхъ, богадѣльняхъ и проч., 13) о постройкахъ въ Новочеркасскѣ и участіи въ нихъ казачьихъ рабочихъ полковъ, 14) объ общественныхъ постройкахъ въ казачьихъ станицахъ и проч. Требованіемъ этихъ свѣдѣній, безъ которыхъ комитету нельзя было приступить къ дѣлу, Чернышевъ охватилъ почти все необходимое, что могло служить прочнымъ основаніемъ для составленія проекта положенія объ управленіи войскомъ Донскимъ. Но срокъ существованія комитета назначенъ годичный, вслѣдствіе чего не нужно быть особенно проницательнымъ для того, чтобы предсказать, что не только для окончанія работъ, но и для одного собранія такого множества разнообразныхъ матеріаловъ потребуется времени втрое—вчетверо болѣе назначеннаго и при томъ съ необходимымъ условіемъ спѣшности и добросовѣстности этой подготовительной работы. Вскорѣ послѣ открытія комитета прибылъ въ Новочеркасскъ и членъ отъ министерства юстиціи, Болгарскій, съ которымъ атаманъ Денисовъ обмѣнялся письмами, и который, естественно, сдѣлался сторонникомъ генерала Чернышева по всѣмъ вопросамъ, въ комитетѣ проходившимъ.

Разсматривая всѣ документы, относящіеся къ данной эпохѣ, въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ, мы наталкиваемся на доносъ генерала Кульбакова, посланный на высочайшее имя отъ 24-го августа 1819 года. Но, прежде чѣмъ вкратцѣ сказать объ этомъ интересномъ документѣ, въ составленіи и посылкѣ котораго несомнѣнно Чернышевъ принималъ невидимое участіе, скажемъ нѣсколько словъ о причинѣ, вызвавшей появленіе его на свѣтъ. Незадолго до того времени войсковая канцелярія, во главѣ съ атаманомъ Денисовымъ, «для пріумноженія войсковыхъ доходовъ», отдала винную продажу въ войскѣ на откупъ за 670 тысячъ рублей, что, естественно, не понравилось ни станицамъ, ни тѣмъ болѣе помѣщикамъ, для которыхъ вольная продажа вина составляла порядочный доходъ. За эту-то нить и ухватился доносчикъ Кульбаковъ и написалъ обширное на имя государя письмо, въ которомъ всю вину бѣдствій, претерпѣваемыхъ казаками и помѣщиками, взвалилъ на атамана Денисова и его сообщниковъ, укоряя ихъ въ недобросовѣстности и преслѣдованіи своихъ личныхъ цѣлей. Велеречивый и пространный документъ этотъ, поименовывая всѣхъ сообщниковъ атамана и войскового откупщика полковника Слюсарева, требуетъ подробнаго со стороны правительства разслѣдо-

ванія и, будучи наполненъ выраженіями, взятыми изъ священнаго писанія, заканчивается тѣмъ, что доноситель «повергаетъ предъ престоломъ свою жизнь и честь, если единое слово будетъ ложно. И хотя я одинъ доноситель,—восклицаетъ онъ,—а съ войсковымъ атаманомъ и присутствующими ихъ единомышленниками и деньги», тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ надежду на Бога и на царя, «законъ котораго есть его щитъ».

Доносъ этотъ, какъ увидимъ ниже, произвелъ желаемое дѣйствіе. Осенью того же года генералъ Чернышевъ поѣхалъ въ Петербургъ, откуда возвратился только зимою. Въ это же время атаманъ Денисовъ получилъ отъ государя рескриптъ, помѣченный 10-мъ декабря, въ которомъ замѣтно охлажденіе монарха къ старику атаману, такъ какъ, одобривъ всѣ предположенія Чернышева, Александръ I предостерегаетъ Денисова отъ толковъ неблагонамѣренныхъ людей и ставитъ ему на видъ то обстоятельство, что на него поступаетъ много жалобъ отъ крестьянъ, угнетаемыхъ непомѣрными работами — обстоятельство, какъ сказано въ рескриптѣ, «затмевающее всю внимательность правительства».

Возвратившись изъ Петербурга, Чернышевъ, подкрѣпленный государемъ въ своихъ дѣйствіяхъ, сталъ вести себя болѣе высокомѣрно, чѣмъ прежде. Нѣкоторые изъ членовъ перешли на его сторону, и въ комитетѣ начались раздоры, среди которыхъ обѣ партіи желали дѣлать дѣло каждая по-своему. Денисовъ скоро увидѣлъ, что почва подъ его ногами колеблется, и не далекъ часъ его окончательнаго паденія. Тогда утопавшій атаманъ ухватился за соломинку. Зная силу графа А. А. Аракчеева, онъ рѣшилъ обратиться къ нему съ письмомъ и просить его защиты противъ несправедливости и притѣсненій генерала Чернышева, который при самомъ открытіи комитета «объявилъ членамъ, что онъ—адъютантъ императора, и слова его, которыя онъ именемъ его величества объявитъ, должно исполнять въ точности», а потому, выводитъ атаманъ далѣе, «члены комитета судили уже съ меньшею свободою и даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ, въ особенности же когда увидѣли, что онъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ, нерѣдко судитъ голосомъ повелительнымъ и при возраженіи другихъ ясно показываетъ неудовольствіе». Особенно налегалъ атаманъ на то обстоятельство, что Чернышевъ увѣряетъ другихъ, будто бы онъ, атаманъ, «управляемъ бывшимъ при немъ дежурнымъ, полковникомъ Черевковымъ». Объясняетъ атаманъ такое поведеніе Чернышева тѣмъ, что, отправляясь на Донъ, онъ думалъ найти въ Денисовѣ начальника слабаго и управлять имъ, но ошибся, а потому и мститъ. «Огорченный и сокрушенный до глубины души», Денисовъ обращается къ сильному временщику и проситъ его защиты и покровительства предъ государемъ. Въ томъ же маѣ 1820 года, послѣдовалъ убійственный отвѣтъ Аракчеева на это письмо. По язвительности своей

этотъ отвѣтъ достоинъ того, чтобы познакомиться съ нимъ подробнѣе. «До сего времени,—пишетъ Аракчеевъ,—я былъ для васъ, въ полномъ смыслѣ, человѣкъ чуждый, посторонній. Ваше превосходительство не имѣли со мной никакой переписки. Можете представить, какъ я былъ удивленъ, видя нынѣ, что вы не только пишете ко мнѣ, но избираете меня даже судьею дѣлъ вашихъ». Въ другое время Аракчеевъ не отказался бы де отъ такой чести, но теперь онъ долженъ это сдѣлать, такъ какъ «дѣйствія ваши обратили на себя справедливое негодованіе правительства». А если атаманъ желаетъ де знать его мнѣніе, то онъ послалъ бы ему совѣтъ «стараться исполнить высочайшую волю, объявленную чрезъ такого генералъ-адъютанта его величества, который заслужилъ къ себѣ полное довѣріе не только отъ васъ, но и отъ всѣхъ любящихъ государство». Добавляя затѣмъ о невозможности скрыть удивленіе свое относительно тѣхъ, «кои, бывъ облечены отъ государя въ важное званіе начальниковъ, смѣшиваютъ себя съ людьми частными и пользы общія, государственныя—съ видами корысти, на которой основаны, напримѣръ, дѣянія частныхъ откупщиковъ», Аракчеевъ въ заключеніе отвѣта прибавляетъ: «надѣюсь, что ваше превосходительство, любя, какъ говорите, правду, конечно, извините и мнѣ тѣ истины, кои съ симъ отвѣтомъ связаны, и позволите мнѣ просить уволить меня отъ такой переписки, которая не можетъ уже, кажется, не быть излишнею». Прочитавъ такое извѣщеніе сильнаго человѣка, атаманъ Денисовъ не могъ не убѣдиться, что пѣсня его спѣта, а случившееся въ томъ же 1820 году возстаніе крестьянъ противъ помѣщиковъ въ большихъ слободахъ Міусскаго округа, усмиреніе которыхъ особымъ высочайшимъ повелѣніемъ возложено было, минуя атамана, на генерала Чернышева, и увольненіе членовъ комитета Карпова и Черевкова, какъ участниковъ въ дѣлѣ откупа, усугубило приниженіе атамана и возвышеніе генерала Чернышева въ глазахъ всѣхъ. Бунтъ крестьянъ въ слободахъ Міусскаго округа имѣлъ причиною отчасти излишнія требованія помѣщиковъ, успѣвшихъ уже войти во вкусъ крѣпостного права [1]), отчасти же вслѣдствіе подстрекательства нѣкоторыхъ лицъ, особенно одного писца, принявшаго на себя фамилію «Комитетскова», который успѣлъ увѣрить нѣкоторыхъ крестьянъ, что комитетъ желаетъ де надѣлить ихъ землею, а помѣщики препятствуютъ. Чернышевъ, совмѣстно съ Болгарскимъ, скоро усмирилъ это возстаніе увѣщаніями и угрозами, а главнѣйше— пушками, изъ которыхъ сдѣлалъ нѣсколько залповъ въ Голодаевскихъ крестьянъ, болѣе, чѣмъ другіе, пребывавшихъ въ упорномъ неповиновеніи властямъ.

---

[1]) Крѣпостное право учреждено на Дону только въ концѣ XVIII столѣтія, и такъ донскіе помѣщики, такъ и крестьяне еще не успѣли войти вполнѣ въ свои права и обязанности въ продолженіе времени около 25 лѣтъ. Авт.

Что касается комитета, то въ немъ, въ концѣ 1820 и началѣ 1821 годовъ, началась постоянная пря, доходившая даже до мальчишества. Атаманъ, вѣроятно, изъ нежеланія быть свидѣтелемъ высокомѣрія Чернышева, подъ предлогомъ множества дѣлъ по управленію краемъ, требовалъ, чтобы журналы комитета были присылаемы къ нему на домъ для прочтенія и подписанія, что и исполнялось до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ журналовъ этихъ возвращенъ былъ въ комитетъ помятымъ и запачканнымъ. Это обстоятельство послужило комитету основаніемъ составить особое постановленіе, которымъ просить атамана болѣе осторожно обращаться съ журналами. Кромѣ того, комитетъ, предводительствуемый Чернышевымъ, иногда присваивалъ себѣ исполнительную власть въ такихъ случаяхъ, которые подлежали дѣйствію войскового правительства, во главѣ котораго стоялъ атаманъ.

Дѣло въ такомъ положеніи шло до февраля слѣдующаго 1821 года, когда изъ Лайбаха, гдѣ находился и Чернышевъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе о смѣнѣ атамана Денисова. Курьеръ привезъ въ Новочеркасскъ такой приказъ вечеромъ, а ночью того же дня были сняты отъ дома атамана часовые и будки. Народъ, шедшій на базаръ раннимъ утромъ слѣдующаго дня, увидѣвъ, что у дома атамана нѣтъ ни часовыхъ, ни будокъ, сталъ останавливаться, чтобы узнать причину такой перемѣны. Собралась порядочная толпа, громко заговорившая. Старикъ Денисовъ, желая избѣгнуть новыхъ непріятностей, вышелъ на балконъ и подавленнымъ голосомъ объявилъ народу, что, заслуживъ неблаговоленіе государя, онъ смѣненъ съ должности, при чемъ попросилъ толпу разойтись...

Понимающіе люди тогда же въ слухъ упрекали Денисова въ томъ, что, создавая комитетъ, онъ думалъ сдѣлать пользу краю, а между тѣмъ сотворилъ бѣду, упавшую прежде всего на его, Денисова, голову.

Чернышевъ былъ сдѣланъ предсѣдателемъ комитета и сталъ распоряжаться на Дону, какъ полновластный правитель. Онъ купилъ это новое положеніе свое очень дорогою цѣною, закрѣпивъ за собою содѣйствіе графа Аракчеева тѣмъ, что воспѣлъ его военныя поселенія, давъ о нихъ временщику свой пропитанный непокрытою лестью отзывъ. «Всѣ вообще, не исключая даже и тѣхъ, кои желали бы, чтобы было иначе,—писалъ Чернышевъ Аракчееву,— въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, благосостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Всѣ торжественно говорятъ, что совершенство въ нихъ какъ по части фронтовой, такъ и экономической превосходитъ всякое воображеніе».

Сдѣлавшись полновластнымъ распорядителемъ комитета объ устройствѣ войска Донского, Чернышевъ немедленно началъ осуществлять свою обширную программу. Ему, прежде всего, потребовалась подробная статистика Донского края. Вмѣстѣ съ тѣмъ яви-

лась мысль о необходимости составленія военной исторіи донскихъ казаковъ. Нѣсколько ранѣе этого времени появились на Дону первые студенты, донскіе уроженцы, окончившіе курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Среди этихъ лицъ особенно выдавался своими талантами и энергіей впослѣдствіи извѣстный донской историкъ Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ [1]), перу котораго, между прочимъ, принадлежитъ «Историческое описаніе Донского войска», единственный, строго обоснованный, трудъ по исторіи донскихъ казаковъ, доведенный авторомъ только до начала XVIII столѣтія. Онъ обратилъ на себя вниманіе генерала Богдановича, управлявшаго на Дону землемѣрною частью, а затѣмъ и самого Чернышева, который поручилъ ему составленіе статистическаго и историческаго описанія войска Донского. Когда же, по окончаніи проекта положенія объ устройствѣ войска Донского, Чернышевъ въ 1823 году уѣхалъ въ Петербургъ, то взялъ туда съ собою и Сухорукова, на котораго, кромѣ того, возложилъ исполненіе порученій по своей собственной канцеляріи. Вскорѣ Сухоруковъ сдѣлался для Чернышева, какъ бы своимъ человѣкомъ. По свидѣтельству очевидца, умершаго въ концѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, Чернышевъ приходилъ къ Сухорукову, жившему съ нимъ въ одномъ домѣ, совершенно запросто и, часто заставая его въ халатѣ, просилъ его не безпокоиться перемѣной одежды и бесѣдовалъ съ нимъ о текущихъ донскихъ дѣлахъ, какъ съ равнымъ себѣ. Но времена измѣнчивы. Неизвѣстно фактически, по какому поводу Сухоруковъ внезапно переводится изъ поручиковъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ безъ повышенія; всѣ бумаги отъ него отбираются съ предвареніемъ, чтобы онъ сдалъ ихъ назначеннымъ лицамъ безъ утайки, и затѣмъ командируется въ одинъ изъ донскихъ полковъ, расположенныхъ на Кавказѣ; а какъ только Чернышеву сдѣлалось извѣстно, что главнокомандующій Паскевичъ приблизилъ Сухорукова къ своей персонѣ, то его немедленно командируютъ въ донской полкъ, расположенный въ Финляндіи. И тамъ онъ прослужилъ недолго. Чернышевъ скоро провѣдалъ, что мѣстный генералъ-губернаторъ (Закревскій), обратившій вниманіе на выходящаго изъ ряда донского офицера, началъ дѣлать ему порученія по дѣламъ, требующимъ полнаго довѣрія,—онъ откомандировалъ Сухорукова на Донъ, при чемъ было предложено войсковому атаману наблюдать за нимъ и доносить о его поведеніи... Вскорѣ послѣ того онъ снова командируется на Кавказъ, гдѣ прослужилъ до 1839 года, когда былъ выпущенъ въ

---

[1]) Этотъ замѣчательный человѣкъ Донской земли былъ извѣстенъ тогдашнему литературному міру, какъ серіозный писатель. Его статьи въ «Русской Старинѣ» Корниловича и дружескія письма къ нему А. С. Пушкина, просившаго его сотрудничества въ «Современникѣ», Строева, Селивановскаго и другихъ, кромѣ многаго другого, доказываютъ, что Сухоруковъ былъ человѣкъ высокаго ума и таланта.

отставку усталый, угнетенный... Преслѣдованія эти продолжались до самой смерти Сухорукова, послѣдовавшей въ 1841 году. Весь мыслящій міръ на Дону удивлялся и недоумѣвалъ, какая причина сдѣлала изъ Чернышева, почти друга Сухорукова, непримиримаго ему врага. Фактовъ нѣтъ, но догадокъ много. Одни изъ современниковъ полагаютъ, что Сухоруковъ принадлежалъ къ партіи декабристовъ, о чемъ Чернышевъ узналъ де только послѣ произведеннаго надъ ними слѣдствія и суда. Но умершій въ 80-хъ годахъ генералъ Шумковъ, близкій къ Сухорукову человѣкъ, говорилъ пишущему эти строки совершенно противное. Онъ указывалъ на тотъ фактъ, что Сухоруковъ во время бытности своей въ Петербургѣ посовѣтовалъ Шумкову, жившему тамъ же по окончаніи курса въ артиллерійскомъ училищѣ, прекратить посѣщенія вечеровъ Булгарина (Танты, воспѣтой Пушкинымъ), гдѣ собиралась вся образованная молодежь того времени, такъ какъ многія изъ этихъ лицъ закидывали де Сухорукову удочки, желая привлечь его въ свою партію, но онъ, притворясь непонимающимъ, не пошелъ на зовъ, ибо догадывался, что они затѣваютъ что-то недоброе. Положеніе такое, что если бы Сухоруковъ былъ декабристомъ, то онъ старался бы завлекать въ свою партію разныхъ лицъ, а не отвлекать ихъ отъ оной. Другіе говорятъ, что жена тогдашняго новочеркасскаго почтмейстера, Летуновская, оказывавшая Чернышеву услуги и по другой части, будто бы перехватила и переслала Чернышеву петербургское письмо Сухорукова къ атаману Иловайскому, въ которомъ онъ рекомендовалъ послѣднему не соглашаться на какія-то мѣры, Чернышевымъ предложенныя. Третьи утверждаютъ, что причиной размолвки послужила встрѣча Чернышева и Сухорукова у одной женщины, одинаково благоволившей къ обоимъ. Но всѣ эти причины такъ не важны, что въ состояніи были охладить обоюдныя отношенія, заставить Чернышева разстаться со своимъ любимцомъ, и только. Но, чтобы изводить человѣка въ продолженіе 15-ти лѣтъ, не давать ему никакого хода, гонять его, какъ зайца, изъ одного угла государства въ другой и безъ всякой видимой причины, — надо было быть оскорбленнымъ самымъ жестокимъ и предательскимъ способомъ, надо было утвердиться въ убѣжденіи, что Сухоруковъ желалъ погубить Чернышева. Такъ какъ Сухоруковъ тайну эту унесъ съ собою въ могилу, то на выручку приходитъ тотъ же генералъ Шумковъ, расказывавшій, что когда Чернышевъ, вмѣстѣ съ другими началъ дѣлать вопросъ декабристу Бестужеву (Марлинскому), назвавъ его «масономъ», то послѣдній отвѣтилъ ему:

— Да, я состоялъ членомъ ложи, въ которой числился и покойный императоръ. Да и сами вы—тоже масонъ..

— Ложь!—воскликнулъ Чернышевъ.

— Нѣтъ, правда,—отвѣтилъ Бестужевъ:—Сухоруковъ показывалъ мнѣ вашъ патентъ...

— Да, я забылъ, что состоялъ въ числѣ масоновъ, но поступилъ туда единственно для того, чтобы отдать васъ, измѣнниковъ, въ руки правосудія.

Такой фактъ, если онъ фактъ дѣйствительный, могъ поселить въ Чернышевѣ неутолимую жажду мщенія, которая съѣдала его до самой смерти бывшаго его любимца. Всѣ представленія Паскевича, финляндскаго генералъ-губернатора и войсковыхъ атамановъ не вывели Сухорукова изъ того положенія и чина, въ которомъ онъ вышелъ изъ гвардіи и, только совершенная случайность, или, вѣрнѣе, ошибка старшаго адъютанта войскового дежурства, которой не замѣтилъ никто изъ начальниковъ, доставила Сухорукову по вакансіи чинъ есаула въ 1837 году во время посѣщенія Новочеркасска императоромъ Николаемъ I. Мстительность и злоба Чернышева не ограничились уничтоженіемъ Денисова и Сухорукова; онъ смѣнилъ впослѣдствіи (1827 г.) атамана А. В. Иловайскаго, своего ставленника, съ его правителемъ канцеляріи, и отдалъ ихъ подъ военный судъ при первой арміи, расположенной въ г. Могилевѣ.

Положеніе объ устройствѣ войска Донского, для составленія котораго первоначально назначенъ былъ годовой срокъ, получило силу закона только въ 1835 году, т.-е. чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ открытія комитета [1]). Чернышевъ послѣ того два раза посѣтилъ войско Донское, управляемое по взлелѣянному имъ дѣтищу: въ 1837 и 1844 годахъ, уже будучи графомъ и всесильнымъ военнымъ министромъ. Въ послѣднее его посѣщеніе онъ былъ принятъ атаманомъ Власовымъ и представителями донского общества почти съ царскими почестями: въ честь его давались военные парады, обѣды, балы и другія пышныя празднества; мѣстный поэтъ, молодой студентъ Леоновъ, написалъ и поднесъ ему стихи, начинающіеся такою строфою:

> Ты ли мужъ, царемъ избранный,
> Мужъ совѣта и герой,
> Ты ли гость, давно желанный,
> Посѣтилъ нашъ край родной...

Въ 1852 году, когда Чернышевъ прощался съ военнымъ вѣдомствомъ, къ нему явилась съ Дона депутація, къ которой пристроился одинъ донской генералъ. Когда императоръ, обходя ряды депутацій вмѣстѣ съ Чернышевымъ, подошелъ къ донской, то упомянутый генералъ нашелъ удобнымъ сказать Александру Ивановичу напыщенное, чуть ли не въ стихотворной формѣ, привѣтствіе. Пресыщенный лестью, Чернышевъ съ негодованіемъ и грубо напомнилъ превосходительному льстецу, что «здѣсь не время и не мѣсто».

---

[1]) Этимъ положеніемъ, съ многочисленными измѣненіями, совершенно его изрѣшетившими, войско Донское управляется и до сихъ поръ.

Устроивъ войско Донское по своему вкусу, Чернышевъ, какъ военный министръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ блистательно приготовилъ русскую армію для встрѣчи съ западными союзниками, послѣдовавшей въ 1854 году на берегахъ Крыма... Въ 1853 году «по желанію жителей войска Донского», неизвѣстно, прибавимъ мы отъ себя, какимъ путемъ выраженному, свѣтлѣйшій князь Чернышевъ высочайше осчастливленъ наименованіемъ одной изъ донскихъ станицъ, составленной изъ нѣсколькихъ казачьихъ хуторовъ на рѣкѣ Чиру, Чернышевскою, въ знакъ признательности Донского войска къ долголѣтнему попеченію князя о благоустройствѣ этого края.

Главнѣйшимъ и единственнымъ источникомъ для составленія настоящаго очерка, кромѣ разсказовъ современниковъ, послужило собраніе бумагъ одного частнаго лица, долго жившаго въ Петербургѣ и имѣвшаго возможность снять копіи съ подлинныхъ документовъ, относящихся къ описываемой эпохѣ. Чернышевская литература весьма обширна; она составила бы большой томъ, если бы ее напечатать. Но насколько она пространна, настолько же однообразна, потому что въ большинствѣ своемъ состоитъ изъ всеподданнѣйшихъ донесеній Чернышева и писемъ его: къ Аракчееву, князю Волконскому, къ министру Лобанову-Ростовскому и къ какому-то Николаю Назарьевичу (фамилія въ бумагахъ не обозначена), — документовъ, хотя и говорящихъ о дѣлѣ, но пересыпанныхъ самовосхваленіемъ и самыми дурными отзывами какъ объ атаманѣ Денисовѣ, такъ и о другихъ лицахъ, Чернышеву непріятныхъ. Восхваляя, напримѣръ, полковника Шумкова, Чернышевъ впослѣдствіи сослалъ его въ одинъ изъ полковъ въ Грузію, а послѣ того отдалъ подъ судъ вмѣстѣ съ атаманомъ Иловайскимъ, къ которому прежде питалъ неограниченное расположеніе. Въ этихъ же документахъ Чернышевъ обращалъ вниманіе на самыя мелочныя вещи, лишь бы онѣ клонились къ охужденію его противниковъ. Подробная разработка этой литературы ждетъ своего автора, и въ ней Чернышевъ представится безпощаднымъ губителемъ всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ остаться независимымъ въ своихъ убѣжденіяхъ о пользахъ Донского края.

Жалуясь на атамана Денисова за препоны, будто бы поставляемыя имъ по дѣламъ комитета, Чернышевъ, будучи уже неограниченнымъ его предсѣдателемъ, тянулъ дѣло около 15 лѣтъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ слава составителя положенія 1835 года. Во всѣхъ своихъ докладахъ государю, во всѣхъ письмахъ и мнѣніяхъ, Чернышевъ проповѣдывалъ о томъ, что простой казакъ находится въ загонѣ, что помѣщики и чиновники заполонили его въ свою пользу. Но въ положеніи 1835 года, надѣлившемъ казака 30-десятинною пропорціей земли, не поставлено твердаго и незыблемаго правила, чтобы, на случай уменьшенія такого надѣла отъ прироста населенія, ка-

заку отводилась недостающая земля изъ войсковой запасной земли, и получилось, что чрезъ 40—50 лѣтъ у казака осталось менѣе половины этой нормы, а запасныя земли поступили въ распоряженіе войска, получающаго съ нихъ доходъ, отъ котораго казаку ни тепло, ни холодно. Также точно, отводя помѣщикамъ по 15 и 20 десятинъ на каждую крестьянскую душу, положеніе 1835 года не обезпечило хотя бы половины этой земли за крестьяниномъ, а отдало ее всю цѣликомъ помѣщику неизвѣстно за какія услуги. То же самое надо сказать и о чиновничьихъ участкахъ. Чтобы сдѣлать ихъ неприкосновенными, ихъ слѣдовало отвести въ юртахъ тѣхъ станицъ, къ которымъ чиновники принадлежали, и гдѣ простой казакъ пользовался 30 десятинами, а чиновники на томъ же правѣ пользовались бы: оберъ — и штабъ-офицеры и генералы — по 200, 400 и 1600 десятинъ. Тогда чиновничья земля, находясь въ юртахъ, не могла бы подвергаться случайностямъ въ будущемъ и не была бы распродана, какъ теперь, въ разныя частныя, въ большинствѣ иногороднія руки, для которыхъ интересы казака — прошлогодній снѣгъ. Когда Чернышеву нужно было уничтожить своихъ враговъ, онъ былъ невообразимо сладкогласенъ за меньшую братію, а на дѣлѣ вышло то, чего не сдѣлалъ бы и самый злой врагъ низшаго слоя донского казачества. Что касается виннаго откупа, который погубилъ атамана Денисова, и на который Чернышевъ указывалъ правительству, какъ на главнѣйшую язву, то онъ вызванъ былъ на Дону пустотою войсковой казны, разумѣется, не безъ задней мысли мѣстныхъ откупщиковъ и правящихъ лицъ: но это учрежденіе вскорѣ покрыло собою всю имперію, а выгоды отъ откупа и взятки — явленіе обыденное въ то время во всей Россіи, гдѣ принимали благодарности всѣ служащіе, начиная съ писца земскаго суда и кончая сенаторомъ.

Каково было бы положеніе объ управленіи войскомъ Донскимъ, если бы оно было составлено мѣстными силами, безъ участія иногороднаго элемента,. разумѣется, опредѣлить трудно, но по всѣмъ вѣроятностямъ «казачье дѣло», вмѣстѣ съ неприкосновенностью казачьихъ земель, получило бы подъ себя болѣе солидные, болѣе «родственные» устои.

Память о пребываніи Чернышева на Дону до сихъ поръ сохраняется въ этомъ краѣ, и только въ концѣ XIX столѣтія умерло нѣсколько свидѣтелей его жизни въ Новочеркасскѣ. Изъ разсказовъ этихъ лицъ, не разъ слышанныхъ нами, необходимо дополнить краткій очеркъ пребыванія на Дону этого замѣчательнаго человѣка, сыгравшаго для Россіи вообще и для донскихъ казаковъ въ частности такую большую роль. Чернышевъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ и при томъ цыганскаго типа. Гравированный портретъ его [1]), гдѣ онъ изображенъ верхомъ на

[1]) Находится въ Донскомъ музеѣ въ Новочеркасскѣ. Авт.

лошади, во многомъ доказываетъ это. Умный, хорошо по тому времени образованный, талантливый и энергичный, смѣлый до дерзости и, гдѣ нужно, податливый до униженія, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, большой любитель женскаго пола, среди котораго всегда имѣлъ поражающіе успѣхи. Разсказываютъ, что во время бытности его русскимъ военнымъ агентомъ во Франціи, всѣ выдающіяся женщины большого парижскаго свѣта были безъ ума отъ русскаго флигель-адъютанта; даже многія, близко стоявшія къ императорскому дворцу, дамы находились съ нимъ попеременно въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; чрезъ этихъ послѣднихъ онъ добывалъ такія тайны политики, которыя невозможно было получить какимъ либо другимъ путемъ. Наполеонъ, узнавъ, по одному случаю, такія способности Чернышева, еще до войны 1812 года, будто бы, приказалъ ему въ 24 часа собраться и оставить Парижъ.

И Новочеркасскъ не оставленъ вниманіемъ Александра Ивановича по этой части. Изъ многочисленныхъ амурныхъ похожденій его въ подробностяхъ разсказывали объ одномъ, особенно выдающемся. Одинъ донской мужъ, имѣвшій красавицу жену, засталъ Чернышева въ ея спальнѣ въ такое время, когда туда никто изъ постороннихъ входить не долженъ. Генералъ будто бы не успѣлъ даже какъ слѣдуетъ одѣться и, позабывъ про свою фуражку, бѣжалъ въ свою квартиру. Съ тѣхъ поръ брачныя отношенія супруговъ прекратились, и они уже не встрѣчались въ сей жизни другъ съ другомъ, хотя прожили въ одномъ городѣ чуть не пятьдесятъ лѣтъ послѣ происшествія. Насыщаясь оранжерейными плодами, Чернышевъ иногда любилъ попользоваться и полевою клубничкою: свидѣтели разсказываютъ, что новочеркасскій полицеймейстеръ часто предупреждалъ молодежь, чтобы она въ извѣстный вечеръ не предпринимала походовъ на Песчаную улицу, такъ какъ туда пожалуетъ де «большой» человѣкъ.

Слѣды любовныхъ похожденій Чернышева на Дону не стерлись и до сей поры: можно встрѣтить порядочное, даже въ третьемъ поколѣніи, количество образцовъ, имѣющихъ разительное сходство съ породою, къ которой принадлежалъ Александръ Ивановичъ.

Эти слѣды сотрутся не скоро: они навѣрное переживутъ созданное Чернышевымъ положеніе 1835 года, отъ котораго, собственно говоря, теперь остались уже одни клочья...

А. Карасевъ.

МЕДИЦИНСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ НАШЕГО НАРОДА ВЪ ПОСЛОВИЦАХЪ И ПОГОВОРКАХЪ.

«Пословица не мимо молвится».

ВСѢ МЫ болѣе или менѣе склонны вмѣшивать въ нашу обыденную рѣчь различныя народныя пословицы и поговорки. Весьма нерѣдко мы пользуемся ими для подтвержденія справедливости высказанныхъ мыслей, какъ непререкаемымъ доказательствомъ, выработаннымъ народной мудростью.

Давно занимаясь изученіемъ нашей народной медицины, я остановился, между прочимъ, на мысли собрать русскія пословицы и поговорки, относящіяся къ вопросамъ: о здоровьѣ и условіяхъ его сохраненія, о болѣзняхъ и причинахъ, ихъ вызывающихъ, о вліяніи на здоровье различной пищи и напитковъ, о лѣченіи, лѣкаряхъ и аптекахъ, о смерти и ея причинахъ, объ унаслѣдованныхъ и прирожденныхъ свойствахъ и особенностяхъ людей.

Настоящій очеркъ представляетъ попытку уяснить народныя воззрѣнія на перечисленные вопросы, поскольку они выражаются въ нашихъ пословицахъ и поговоркахъ.

---

1) Здоровье считается самымъ цѣннымъ и высшимъ благомъ: «умъ да здоровье всего дороже», «здоровье всему голова». «Здоровому», сильному человѣку «все здорово», ему «врачъ не нуженъ», такъ какъ ему не страшны даже и наиболѣе опасныя болѣзни, такъ, напримѣръ, тѣ, которыя «напускаются» различными злыми

людьми: «здоровый уроку (т.-е. сглазу) не боится», но «кабы не сила — присадили бъ ему килу».

Здоровье характеризуется весьма картинно: здоровый человѣкъ — «кровь съ молокомъ», «какъ наливное яблочко»; у него: «изъ косточки въ косточку мозжечекъ переливается», а «рожа лопнуть хочетъ». Но внѣшняя красота тѣла не составляетъ непремѣннаго условія здоровья: человѣкъ можетъ быть «не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ», или баба «хоть тѣломъ не видна, да въ дѣлѣ могутна».

Причины добраго здоровья объясняются частію наслѣдственностью: «отъ здороваго корени и отрасль здоровая», частію вольною жизнію и хорошимъ питаніемъ: «отъ того казакъ и гладокъ — поѣлъ да и на бокъ».

Здоровье необходимо тщательно беречь, ибо оно «приходитъ днями (или золотниками), а уходитъ часами (или пудами)». Въ виду этого рекомендуется: «береги, внучекъ, здоровье паче знанія»; «береги здоровье смолоду, а честь (т.-е. личное достоинство, почетъ) подъ старость», такъ какъ: «кто въ 20 лѣтъ не здоровъ, въ 30 не уменъ, а въ 40 не богатъ, тому вѣкъ такимъ не бывать».

2) Про людей хворыхъ, слабыхъ, истощенныхъ говорятъ: «его вѣтромъ шатаетъ», или «муха крыломъ перешибетъ»; «его возгрей перешибешь»; «у него въ лицѣ ни кровинки»; «краше въ гробъ кладутъ»; «щека щеку ѣстъ»; «на ладанъ дышитъ»; «исчаврилъ, что червивая капуста»; «изсохъ, что трясца надъ куревомъ»; «хвалится силой, а борется съ килой». Это и понятно: «хворь и поросенка не краситъ», а «хилое теля и среди лѣта (или Петровокъ) зябнетъ»; «больной, что ребенокъ». Такимъ хилымъ людямъ и ѣда въ прокъ не идетъ, такъ какъ: «не онъ хлѣбъ ѣстъ, а его хлѣбъ ѣстъ», и молодость не помогаетъ: «лѣтами не старъ, да съ лихости (т.-е. болѣзни) пропалъ».

3) Относительно болѣзней и причинъ, ихъ производящихъ, пословицы гласятъ слѣдующее.

Первѣе всего слѣдуетъ указать, что народомъ вѣрно подмѣчено вліяніе на здоровье нѣкоторыхъ мѣстностей, жилищъ и густоты населенія. Такъ: «въ иной волости лихія болѣсти»; «хоть веселы хоромы, да не очень здоровы»; «хотя бы изба елова, да сердце здорово» и «гдѣ много люду, тамъ много и трупу».

Народъ ясно сознаетъ, что всѣ болѣзни имѣютъ свои опредѣленныя причины: «безъ причти (т.-е. причины) и трясца не беретъ»; «даромъ и чирей не сядетъ, а все прежде почешется»; «Аѳанасья ломаетъ съ ненастья, а Савелья съ похмелья»; «жилы рвутся отъ тяжести, а слезы льются отъ жалости».

Вліяніе недородовъ и голоданія на развитіе болѣзней вообще и въ частности заразныхъ весьма мѣтко выражено въ слѣдующихъ пословицахъ: «изнеможетъ брюхо голодуша, приходятъ боль (то-

есть болѣзни) и ворогуша (лихорадка)»; «голодъ не угаръ, отъ него не переможешься».

Гибельное вліяніе на здоровье спиртныхъ напитковъ описывается такимъ образомъ: «кто пьетъ вино безопасно (т.-е. безъ опасенія), тотъ скоро огаснетъ (умретъ)»; «спаси Богъ всякаго отъ пристрастья пьянаго»; «кто пьетъ много вина, тотъ сходитъ съ ума»; «кто чарки допиваетъ, тотъ вѣка не доживаетъ».

Затѣмъ, народъ подмѣтилъ одинъ изъ наиболѣе частныхъ путей вхожденія болѣзнетворныхъ началъ въ организмъ: «ртомъ болѣзнь входитъ, а бѣда выходитъ», а также — различные способы распространенія болѣзней, въ зависимости отъ занятій и степени благосостоянія: «нищій болѣзней ищетъ, а къ богатому онѣ сами идутъ».

Опасности, связанныя съ актомъ родовъ, считаются настолько значительными, что «послѣ родовъ женщина девять дней въ гробу стоитъ».

Вѣра во вліяніе небесныхъ свѣтилъ на здоровье выразилась въ слѣдующихъ пословицахъ: «на молоду мѣсяцу грыжа бѣсится»; «объ исходѣ мѣсяца съ ума сходятъ».

Кромѣ того, болѣзни зависятъ отъ воли Божіей: «въ немощахъ сила Божья совершается», и могутъ являться наказаніемъ за призываніе имени Божія всуе: «не божись, кровь носомъ пойдетъ».

4) **Припадки, теченіе и исходы болѣзней** описываются слѣдующимъ образомъ. «Боль безъ языка, да сказывается», а сказывается различно: «у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ»; «гдѣ у кого болитъ, тамъ и руку держитъ»; «язва (рана) отъ стрѣлъ глубока, а отъ меча широка»; «у нашей Ѳедосьи изъ глазъ ростутъ волосья»; «у кого не болитъ, у того и не свербитъ», а коли «чешется, значитъ подживаетъ».

По народному убѣжденію: «всякая болѣзнь идетъ къ сердцу»; затѣмъ: «лучше страдать брюхомъ, нежели духомъ», впрочемъ «каждому своя болѣзнь тяжка» и «своя болячка—великъ желвакъ»; при томъ же хотя и «малъ чирей, да гною полонъ».

Продолжительное недомоганіе и слабость, остающіяся послѣ тяжелыхъ болѣзней, выражены пословицей: «послѣ немочи повалки живутъ», т.-е. болѣвшіе долго валяются въ постели, а то обстоятельство, что нѣкоторыя заразныя болѣзни бываютъ обыкновенно только разъ въ жизни,—другой пословицей: «шадровитый (т.-е. рябой) оспы не боится».

5) **О людяхъ мнительныхъ или притворяющихся больными** говорится: «отъ Петрова до Покрова кашлянулъ однова, а говоритъ: я въ чахоткѣ!», «кашляй понемногу, чтобы на годъ хватило»; «у него лихорадка была: кости-то всѣ повытрясла, а мякоть осталась»; «худо хвораетъ, а ѣстъ хорошо»; «лѣнивому

болитъ въ хребтѣ»; «Титъ, иди молотить!—брюхо болитъ; иди щи хлебать!—а гдѣ моя большая ложка?».

Насчетъ женскаго притворства существуютъ весьма язвительныя пословицы. Такъ, будто бы: «псовая болѣзнь до поля, а женская до постели»; «животъ болитъ, а дѣтей родитъ», и наконецъ: «женину болѣзнь догадка лѣчитъ».

6) Пословицы и поговорки, относящіяся къ діэтетикѣ и гигіенѣ.

Условія здороваго существованія для различныхъ лицъ различны, такъ, напримѣръ: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть». Подъ нѣмцемъ разумѣется здѣсь всякій иноземецъ, не привыкшій къ нашей суровой жизни.

Много пословицъ имѣютъ своимъ содержаніемъ правила питанія, какъ важнаго условія здоровья. Здоровый, хорошо питающійся человѣкъ можетъ перенести весьма многое: «по сытому брюху хоть обухомъ»; кромѣ того: «сыто—человѣкъ спитъ довольно, а голодно—спитъ мало». Но «большая сыть брюхо портитъ»; «голодъ живота не пучитъ, а легко ходить учитъ»; «Исай, понемножку кусай, а кто брюхомъ свѣжъ, тотъ побольше ѣшь»; «послѣ супу вина выпить—у доктора червонецъ украсть»[1]); «хлѣбъ сердце человѣку укрѣпляетъ, а вино возвеселяетъ»; «кому по недугу, тому каша хороша поѣдуха», т.-е. при нѣкоторыхъ болѣзняхъ и каша не вредна.

Затѣмъ слѣдуютъ такія наставленія: «держи голову въ холодѣ, желудокъ въ голодѣ, ноги въ теплѣ, бѣгай докторовъ и будешь здоровъ»; «ѣшь солоно, пей горько, умрешь—не сгніешь»; «животу да сердцу винца да перцу»; «чеснокъ да рѣдька—на животѣ крѣпко». Вообще горькія и соленыя вещества въ пищѣ, а также умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ, считаются народомъ весьма полезными. Насчетъ пива справедливо замѣчается: «пей пива больше, такъ брюхо будетъ толще».

Коровье масло признается весьма полезнымъ: «масло коровье ѣдятъ на здоровье»[2]).

Въ діэтѣ больныхъ рекомендуется обращать вниманіе на желанія больного, такъ какъ: «больное брюхо умнѣе докторской головы» и «дороги хворёному огурчики солоненькіе». Тѣмъ не менѣе съ питаніемъ больныхъ нужно быть осторожнымъ: «больному брюху въ ѣдѣ не вѣрь»; «у него ротъ болитъ, а брюхо ѣсть велитъ».

Пищу всего лучше употреблять простую, незатѣйливую: «прадѣды наши ѣли просто, да жили лѣтъ со сто».

---

[1]) Повидимому, передѣлка французской пословицы: «Aprés la soupe un vers de vin point d'ecus au medecin». Снѣгиревъ, Русскія пословицы и пр.

[2]) Эта пословица схожа съ сербской: «Ко нема мліека, нема и ліека», т.-е. у кого нѣтъ молока, у того и нѣтъ лѣкарства. По мнѣнію Буслаева, послѣдняя стоитъ въ связи съ древнѣйшимъ почитаніемъ коровъ у арійскихъ племенъ.

Затѣмъ, чтобы быть здоровымъ, необходимо работать, не лѣниться, быть воздержнымъ и соблюдать чистоту тѣла: «человѣка лѣнь не кормитъ, а только здоровье портитъ», «чистота здоровье сохраняетъ, а воздержность разумъ укрѣпляетъ».

7) Пословицы, относящіяся до лѣкарей, лѣченія и аптекъ, весьма многочисленны.

Народъ высоко цѣнитъ правильное лѣченіе, онъ убѣжденъ, что «отъ всего можно вылѣчиться, кромѣ смерти», но «боль врача ищетъ», «Богъ съ милостью, а бабка съ руками»; «и отецъ не поможетъ, когда сынъ занеможетъ»; «дай болю волю (т.-е. оставь больного безъ надлежащаго лѣченія),—полежитъ да умретъ».

Затѣмъ народъ глубоко вѣритъ въ благодѣтельное дѣйствіе лѣкарствъ: «цѣлебное зеліе—благо веліе», и что отъ всякой болѣзни есть лѣкарство: «только отъ смерти нѣтъ зелья».

Но хорошіе врачи рѣдки, дѣло ихъ трудное; чтобы успѣшно лѣчить, нужно много знать: «зеліе знати, по ночамъ не спати», т.-е. кто умѣетъ хорошо лѣчить, тому и ночью (отъ больныхъ) нѣтъ покоя, а «когда зеліе собираютъ, звѣзды считаютъ», т.-е. лѣкарственныя травы слѣдуетъ собирать въ извѣстное время, при благопріятномъ вліяніи планетъ. А между тѣмъ на свѣтѣ «сколько людей, столько и лѣкарей», при чемъ весьма нерѣдко попадаются такіе, что «ворожбиту (лѣкарю) цѣна грошъ, и больному тожъ», т.-е. пользы никакой. Бываютъ и такіе врачеватели, что «чирей вырѣжетъ, а болячку вставитъ», или такъ вылѣчатъ, что «гдѣ болѣло, тамъ будетъ ломить».

Тѣмъ не менѣе «смерть найдетъ, къ чему приключиться, а лѣкарь, чѣмъ отговориться».

При правильномъ лѣченіи «лихое лихимъ избываютъ»; «клинъ клиномъ вышибаютъ»; «чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись». Затѣмъ: «гдѣ наболѣло, тамъ не тронь», т.-е. предоставь больной части необходимый покой; «который членъ невозможно исцѣлить, лучше его отрубить»; а «кровь отворить, гвоздь въ гробъ вколотить».

Болѣзнь нужно захватывать во время, такъ какъ «старыя немощи трудно лѣчить», но, «начавши лѣчиться, не нужно торопиться», а терпѣливо выжидать: «время все излѣчитъ».

Съ другой стороны рекомендуется по возможности бороться съ начинающейся болѣзнью, перемочь ее, перенести на ногахъ: «тому не надобно ложиться, кто хочетъ отъ болѣзни освободиться», ибо «больному и золотая кровать не поможетъ». Тѣмъ не менѣе бываютъ случаи, что человѣкъ и «крѣпился, да съ ногъ свалился».

Весьма цѣлебнымъ средствомъ считается сонъ: «сонъ лучше всякаго лѣкарства», и многія болѣзни «сномъ проходятъ».

Къ аптекамъ, какъ къ учрежденіямъ иноземнымъ, «нѣмецкимъ», нашъ народъ относится весьма недовѣрчиво: «аптека улѣчитъ полвѣка», даже «и добрая аптека убавитъ вѣка». «Аптекаря лѣчатъ,

а больные кричатъ», да, кромѣ того, «кто хочетъ съ аптеками знаться, тому подобаетъ деньгами не жаться».

Въ заключеніе этого отдѣла приведу слѣдующую пословицу: «съ бѣшеной собаки хоть шерсти клокъ». Она интересна въ томъ отношеніи, что намекаетъ на общеупотребительный въ народѣ способъ лѣченія укушенныхъ ранъ, которыя присыпаются жженой шерстью, взятой отъ укусившей собаки.

8) Пословицы, касающіяся смерти и ея причинъ.

«Жизнь даетъ только Богъ, а отнять можетъ всякая гадина»; «смерть причину сыщетъ»; «два вѣка не проживешь»; «дважды молодому не быть, а смерти не отбыть»; «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать»; «никто не увидитъ, когда душа вонъ выйдетъ».

Крѣпкіе, здоровые люди, по народному наблюденію, поражаются часто внезапной смертью: «не горѣлъ, не болѣлъ, а умеръ»; «нынѣ на ногахъ, а завтра въ могилѣ»; «скрипучее дерево хоть скрипитъ, да стоитъ, а здоровое сразу валитъ».

Къ смерти ведетъ всего чаще не старость, а болѣзни: «не старый умираетъ, а кто изнемогаетъ»; «цвѣтъ старости сѣдина, а болѣзни смерть»; «о чемъ тутъ тужить, что вся семья лежитъ, Богъ пристанетъ, и ни одинъ не встанетъ»; «до смерти у живыхъ, у старыхъ душа не вынута, а у молодыхъ не запечатана», хотя «не столько смертей, сколько скорбей» (болѣзней), и «не всякій умираетъ, кто хвораетъ».

Наконецъ, хотя смерть и является общей, неизбѣжной участью, но ускорять ее не позволительно: «прежде смерти умирать не должно».

9. Относительно унаслѣдованныхъ и прирожденныхъ свойствъ и особенностей людей пословицы говорятъ слѣдующее.

«Отъ свиньи не родятся бобрёнки, а все поросёнки»; «отъ лося лосяты, а отъ свиньи поросяты»; «отъ яблони яблоки, а отъ сосны шишки»; «отъ яблони яблочко не далеко падаетъ»; «каковъ корень, такова и поросль». Но иногда «и отъ добраго отца родится паршивая овца», такъ какъ «въ семьѣ не безъ урода».

Затѣмъ: «что природа дала, того мыломъ не вымоешь», и «чернаго кобеля не домоешь добѣла».

Наконецъ очень интересна слѣдующая поговорка: «горячъ, на молоду родился», то-есть на молодой мѣсяцъ, когда, по народнымъ воззрѣніямъ, родятся люди вспыльчивые, горячіе.

10) Весьма интересны пословицы и поговорки, выражающія физіогномическія замѣтки. Народъ убѣжденъ, что самъ Богъ кладетъ извѣстный отпечатокъ на дурныхъ, злыхъ людей: «Богъ шельму мѣтитъ». Сообразно этому воззрѣнію: «рыжій, красный — человѣкъ опасный»; «рыжи да плѣшивы всѣ люди фальшивы»;

«избави насъ, Боже, отъ лыса, коса, рыжа и кривоноса» [1]). Сюда же слѣдуетъ отнести рядъ пословицъ, касающихся формы и выраженія глазъ: «каковы глаза, такова и природа». Большіе, выпуклые глаза, обыкновенно близорукіе, характеризуются такъ: «глаза по ложкѣ, а не видятъ ни крошки», косые глаза: «одинъ смотритъ на насъ, а другой въ Арзамасъ».

Вѣра въ гибельное вліяніе лихого злого, глаза нашла себѣ выраженіе въ слѣдующихъ пословицахъ: «лихой глазъ и чадъ не беретъ», такъ онъ силенъ; «если міръ зинетъ (то-есть сглазитъ), камень лопнетъ»; «люди на лѣсъ не зинутъ, деревья не сгинутъ»; «въ татарскихъ очахъ нѣтъ проку». Татарскія очи то же, что недобрыя очи, они навлекаютъ неудачу, бѣду.

Затѣмъ, народъ подмѣтилъ, что: «у горбатаго руки длинны», «у голоднаго брюха нѣтъ», «у долгу вѣкъ дологъ».

Наконецъ по народному наблюденію: «худое дерево ростетъ въ сукъ да въ болону, а дуракъ въ... да въ голову».

Такимъ образомъ, при внимательномъ изученіи нашихъ народныхъ пословицъ, оказывается, что между ними встрѣчается немало совершенно вѣрныхъ наблюденій и такихъ разумныхъ совѣтовъ, подъ которыми не задумается подписаться и образованный врачъ.

Николай Ѳед. Высоцкій.

---

[1]) Подобная же пословица существуетъ и на латинскомъ языкѣ: «A calvo, rufo et blaeso serva me, Iesu!»

ДРЕВНЕХРАНИЛИЩЕ ВЪ ВОЛОГДѢ.

ВОЛОГДА очень древній городъ, она ровесница Москвы и потому богата историческимъ прошлымъ. Событія нашей отечественной исторіи оставили здѣсь замѣтный слѣдъ и занесены въ мѣстныя лѣтописи. Въ періодъ удѣльнаго управленія Вологда съ ея областями была свидѣтельницею княжескихъ усобицъ. Она едва не возвысилась на степень столицы по прихоти Іоанна Грознаго, любившаго Вологду, и, подобно Москвѣ, едва вовсе не была уничтожена поляко-литовцами въ 1612 году. Неоднократно она видѣла вѣнценосныхъ вождей Россіи, видѣла даже одного царя татарскаго, жившаго здѣсь въ заточеніи. Памятниками старины письменными и вещественными Вологда донынѣ привлекаетъ къ себѣ туристовъ, любителей и пытливыхъ тружениковъ науки, историковъ и археологовъ. Желѣзнодорожная линія облегчила доступъ сюда, и малоизвѣстный дотолѣ сѣверный край въ послѣднее время сталъ усиленно посѣщаться и изучаться.

Вологда давно уже потеряла обликъ древняго города, въ ней нѣтъ того «дѣтинца» съ деревяннымъ острогомъ, съ угольными башнями и глубокими рвами, какіе были здѣсь въ началѣ XVII вѣка, нѣтъ и древнихъ деревянныхъ храмовъ, строенныхъ «шатромъ или клѣтски». Но зато такіе храмы донынѣ встрѣчаются въ сельскихъ приходахъ епархіи, а о «дѣтинцѣ» напоминаетъ соборный каменный кремль, строенный въ послѣдней четверти XVII вѣка «безденежно», ради одного насущнаго хлѣба, въ годину страшнаго голода. Имѣются здѣсь и остатки древнихъ крѣпостныхъ рвовъ въ видѣ рѣчекъ Золотухи и Копанки.

Сплошной садъ раскидывается предъ глазами туриста: Вологда тонетъ въ зелени, она вся—садъ, и на фонѣ зелени, какъ перлы, блестятъ многочисленные бѣлостѣнные храмы.

«Я бы не уѣхалъ отсюда»,—говорилъ мнѣ одинъ заѣзжій туристъ. На его счастье погода стояла прекрасная, пора была весенняя, и Вологда показалась ему въ своемъ самомъ лучшемъ видѣ. Строенія здѣсь по большей части еще деревянныя и низкія, простой и однообразной архитектуры; улицы, какъ и вездѣ въ провинціи, малолюдны.

Остановившись въ лучшей гостиницѣ города «Золотой Якорь», можно любоваться изъ оконъ ея (особенно верхнихъ) недурнымъ видомъ. Предъ вашими глазами будетъ Спасовсеградскій, или Спасообыденный соборъ съ его чтимою чудотворною иконою Спасителя. Въ 1654 году, въ Вологдѣ была сильная моровая язва, вдругъ прекратившаяся послѣ того, какъ вологжане единодневно построили означенный (тогда деревянный) храмъ, а одинъ мѣстный живописецъ обыденно же написалъ икону Спасителя. Нынѣ храмъ благолѣпно украшенъ живописью и уборкою и усердно посѣщается богомольцами.

Въ сосѣдней Предтеченской Рощенской церкви, въ настѣнной росписи начала XVIII вѣка, характерно одно клеймо на сводѣ алтаря въ холодномъ храмѣ. Здѣсь представлена молитва Господня въ лицахъ, и въ изображеніи «князя міра сего» есть много сходства съ лицомъ Великаго Преобразователя Россіи. Вотъ яркая иллюстрація того, насколько различны были мнѣнія о реформахъ царя Петра даже при его жизни. Небольшая кучка сторонниковъ держалась мнѣнія Ломоносова:

«Онъ Богъ твой, Богъ твой былъ, Россія!»,

или — Хераскова:

«Россія тьмой была покрыта много лѣтъ.
Богъ рекъ: да будетъ Петръ,— и бысть въ Россіи свѣтъ».

Напротивъ, народная масса готова была согласиться съ утвержденіемъ раскольниковъ, что Петръ Великій былъ антихристъ. Послѣдняя мысль очевидно находила сочувствующихъ и въ средѣ провинціальнаго духовенства.

Однако ничто не могло удержать Великаго Преобразователя, онъ неуклонно велъ Россію по намѣченному пути къ могуществу и славѣ и въ своей дѣятельности не оставлялъ безъ вниманія даже самыхъ отдаленныхъ окраинъ Россіи.

Памятники его посѣщеній уцѣлѣли еще во многихъ мѣстностяхъ до настоящаго времени. Уцѣлѣлъ одинъ такой памятникъ и въ Вологдѣ: это—домикъ голландки Гоутманъ, гдѣ во время многократныхъ проѣздовъ чрезъ Вологду останавливался Петръ Великій.

Каждый пріѣзжающій въ Вологду съ цѣлью ознакомиться съ ней считаетъ своимъ долгомъ посѣтить этотъ «домикъ», тѣмъ болѣе, что здѣсь съ 1885 года устроенъ небольшой музей, а близъ него находится очень древняя церковь Θеодора Стратилата, строенная по повелѣнію царя Іоанна Грознаго, получившаго на томъ мѣстѣ, будто бы, вѣсть о рожденіи у него сына Θеодора. Послѣднее преданіе, однако, въ виду своего несоотвѣтствія сказаніямъ русской исторіи, утрачиваетъ свою достовѣрность: Грозный въ годъ рожденія Θеодора Іоанновича не былъ въ Вологдѣ.

Небольшой, низенькій каменный «домикъ» почти теряется въ зелени разбитаго вокругъ него сквера. Онъ хотя и реставрированъ, но архитектура его осталась совершенно нетронутою, тѣ же сводчатые потолки, малыя окна съ желѣзными рѣшотками и мелко переплетенными рамами, желѣзныя двери и проч. Предъ входомъ на крыльцѣ стоятъ двѣ малыя корабельныя пушки на деревянныхъ лафетахъ. Среди сквера есть еще старинная большая (108 пудовъ) пушка, быть можетъ, той достославной эпохи, когда поляко-литовцы «и черкасы и казаки и русскіе воры приходили на Вологду безвѣстно изгономъ, и городъ Вологду взяли, и церкви Божіи опоругали, и городъ и посадъ выжгли до основанія... и когда воеводскимъ нерадѣніемъ и оплошствомъ отъ города отъѣзжихъ карауловъ и сторожей на башняхъ и на острогѣ и на городской стѣнѣ головы и сотниковъ съ стрѣльцами и у снаряду пушкарей и затинщиковъ не было»... (1612—1613 г., отписка архіепископа вологодскаго Сильвестра московскимъ боярамъ).

Недалеко отъ пушки, на перекладѣ, виситъ и другой охранитель общественной безопасности — чугунное било, употреблявшееся въ древности на ряду съ колоколами. Въ одномъ документѣ о погромѣ Москвы въ XIV вѣкѣ говорится: «не бѣ звоненія въ колокола, ни въ била». Будь это звоненіе въ Вологдѣ въ 1613 году, не было бы такого несчастія, не была бы Вологда «жженымъ мѣстомъ» (Сильвестръ), и немало интересныхъ документовъ сохранилось бы въ церковныхъ архивахъ.

Открытіе музея въ Петровскомъ домикѣ совершилось 5-го іюня 1885 года при личномъ участіи августѣйшаго гостя, великаго князя Владиміра Александровича, оставившаго свою подпись подъ актомъ открытія. Въ домикѣ всего двѣ комнаты: передняя — очень небольшая продолговатая, и другая — большая, квадратная, со сводчатыми потолками. Въ простѣнкахъ между окнами помѣщены витрины, столы и этажерки съ древностями, устроенные по образцу ростовскихъ въ Бѣлой палатѣ. Особенно любопытныхъ древностей мало, большинство относится къ эпохѣ Великаго Петра; есть оловянныя стопы, серебряныя и хрустальныя чарки и бокалы художественной работы съ гравированныи изображеніями, табакерки, старинное оружіе въ видѣ пищали, сѣкиръ, копій и

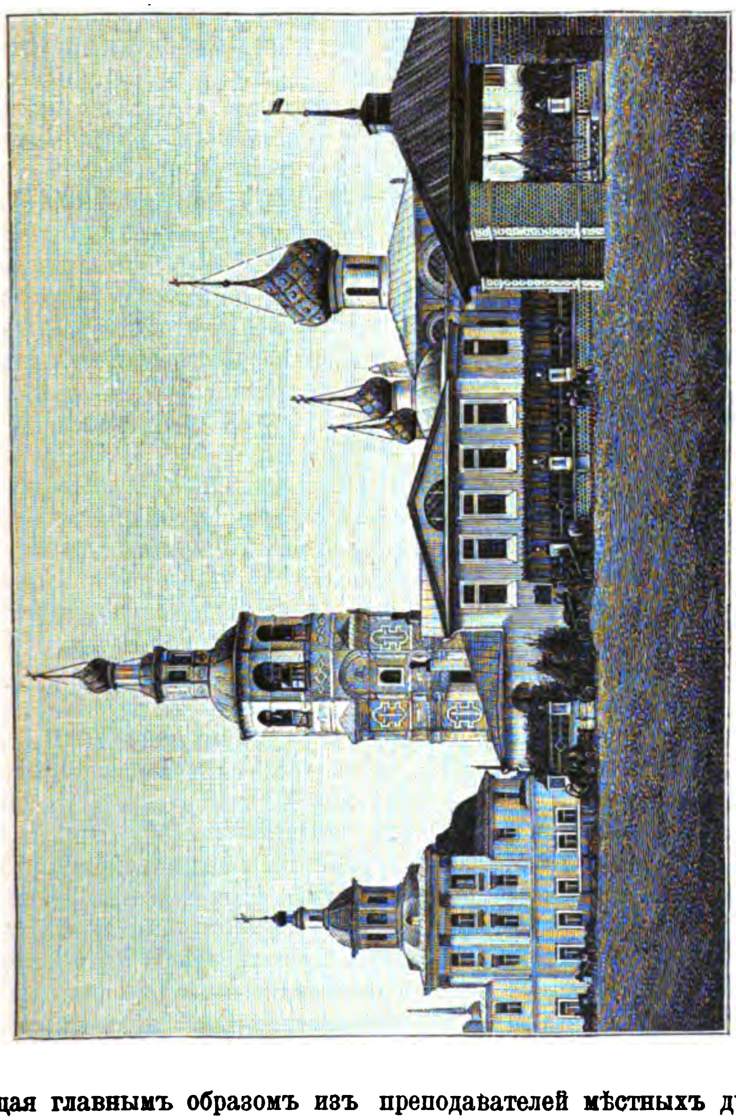
Деревянная церковь въ Кокшенгѣ, Тотемскаго уѣзда.

пр., древніе монеты, медали и жетоны, русскіе и иностранные,— нѣсколько церковныхъ древностей, рукописи, старопечатныя книги и т. д. Въ 1887 году издана «Жителемъ Вологды» брошюрка «Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ и описаніе музея при немъ», теперь ставшая рѣдкою. Авторъ въ примѣчаніи въ концѣ описанія говоритъ, что хотя и собираются въ музей всѣ старинныя вещи, но впослѣдствіи изъ нихъ будетъ оставлено только то, что относится къ эпохѣ Петра, а остальные предметы послужатъ основаніемъ для Вологодскаго губернскаго музея. Жаль, что отсутствіе инициативы, единодушія и сплоченности въ мѣстныхъ дѣятеляхъ до сихъ поръ препятствовало осуществленію этой мысли, высказанной «Жителемъ Вологды», и вопросъ о губернскомъ музеѣ теперь отошелъ на задній планъ, тѣмъ болѣе, что въ 1896 году открытъ при соборѣ Церковный музей древностей. Послѣдній удостоился посѣщенія великаго князя Сергія Александровича въ 1898 году и усердно посѣщается любителями древностей. Остановимся на немъ поподробнѣе. Церковному музею древностей въ Вологдѣ присвоено названіе «Епархіальнаго древнехранилища». Оно помѣщается при архіерейскомъ домѣ въ упраздненной надвратной Воздвиженской церкви, бывшей нѣкогда церковію святыхъ Герасима, Питирима и Іоны, пермскихъ епископовъ.

Первоначальная мысль объ устройствѣ въ Вологдѣ хранилища церковныхъ древностей принадлежитъ покойному († 1896 г.) мѣстному археологу и историку Николаю Ивановичу Суворову, послѣ доклада котораго преосвященный Израиль, епископъ вологодскій и тотемскій († 1894 г.), еще въ 1893 году отъ 25-го мая дѣлалъ въ святѣйшій синодъ представленіе по означенному вопросу. Указъ о разрѣшеніи устроить древнехранилище съ передачею въ него изъ церквей епархіи предметовъ древности послѣдовалъ отъ 18-го октября 1893 года за № 4902. Необходимо было озаботиться пріисканіемъ подходящаго для древнехранилища помѣщенія; однако такового долго не находилось, и только при приближеніи праздника пятисотлѣтія со дня кончины св. Стефана, епископа пермскаго, комиссія по устройству празднества, по предложенію того же Н. И Суворова, испросила разрѣшенія мѣстнаго владыки, преосвященнѣйшаго Алексія, приспособить для древнехранилища зданіе упраздненной Воздвиженской церкви. Начались ремонтныя работы, и къ концу сентября 1896 года помѣщеніе было приведено въ надлежащій видъ, и въ немъ разставлены на приготовленныхъ мѣстахъ въ шкафахъ и витринахъ всѣ поступившіе къ тому времени отъ церквей епархіи предметы древности.

29-го сентября 1896 года, съ благословенія преосвященнаго владыки Алексія, состоялось открытіе епархіальнаго древнехранилища при вологодскомъ братствѣ во имя Всемилостиваго Спаса, при чемъ въ означенномъ помѣщеніи было совершено торжественное молебствіе съ водоосвященіемъ.

Для завѣдыванія дѣлами новооткрытаго хранилища древностей и вообще для изученія и описанія памятниковъ мѣстной старины съ 11 октября того же 1896 года учреждена «Постоянная церковно-археологическая комиссія любителей исторіи и древностей», состо-



Спасовсеградскій (или Спасообыденный) соборный храмъ.

ящая главнымъ образомъ изъ преподавателей мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ И. Н. Суворова (сына Николая Ивановича), преподавателя исторіи въ вологодской духовной семинаріи и редактора неофиціальной части мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей».

На обязанность комиссіи возложено собираніе, изученіе, классификація, описаніе и храненіе всѣхъ поступающихъ памятниковъ древности, приглашеніе членовъ-сотрудниковъ изъ уѣздовъ епархіи и иныхъ мѣстностей. По мѣрѣ надобности члены комиссіи собираются предсѣдателемъ для заслушанія накопившихся дѣлъ, для чтенія рефератовъ о тѣхъ памятникахъ древности, которые цѣнны, но почему либо не могутъ быть доставлены въ древнехранилище, и по другимъ вопросамъ.

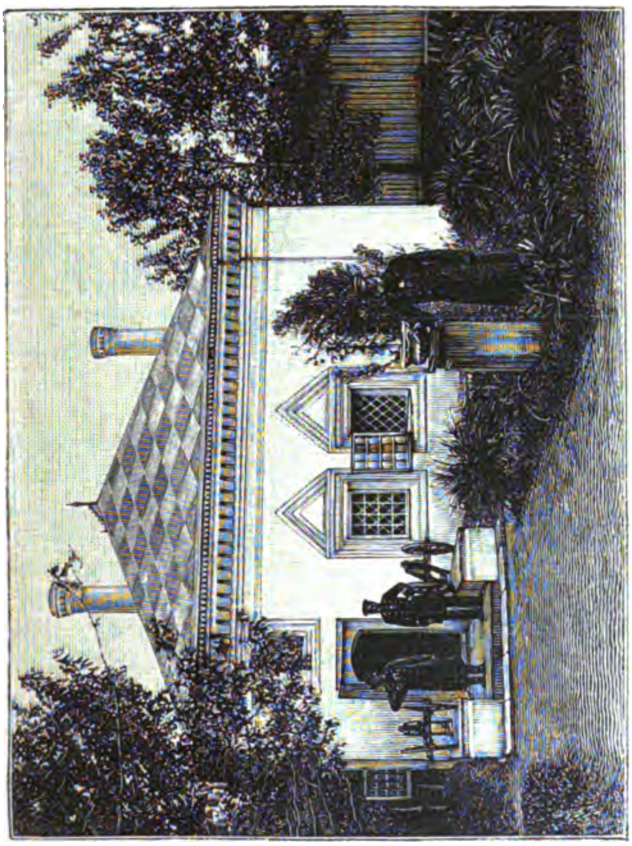
Комиссія ревностно принялась за свое дѣло, и древнехранилище на первыхъ же порахъ значительно обогатилось старинными актами изъ старыхъ архивовъ мѣстныхъ монастырей. Большинство рукописей относится къ XVII столѣтію и можетъ дать богатый матеріалъ для статистика, историка и археолога. На передачу означенныхъ документовъ въ древнехранилище безплатно было получено надлежащее разрѣшеніе епархіальнаго начальства. Однако на собраніяхъ членовъ комиссіи было постановлено по мѣрѣ средствъ пріобрѣтать и за деньги всѣ письменные, печатные и вещественные памятники старины, имѣющіе отношеніе къ Вологодскому краю. Для вписыванія поступленій былъ тогда же заведенъ инвентарный каталогъ.

Члены комиссіи много содѣйствовали пополненію древнехранилища вещами, для чего въ свободное время обозрѣвали церкви епархіи. При этомъ собирались всевозможныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, о кладахъ и т. п.

По указанію одного члена комиссіи были собраны свѣдѣнія о нѣкоемъ юродивомъ Дмитріи Мелехинѣ, жившемъ и юродствовавшемъ въ половинѣ XIX столѣтія въ Устюжскомъ уѣздѣ.

Подвигъ юродства былъ извѣстенъ христіанамъ глубокой древности, это одинъ изъ труднѣйшихъ образовъ жизни съ цѣлью угодить Богу путемъ отреченія отъ всѣхъ благъ земныхъ, путемъ непрестанныхъ и всевозможныхъ лишеній и страданій. Въ числѣ юродивыхъ можно указать такихъ, которые жили еще въ IV вѣкѣ, такова блаженная Исидора Тавенская, въ VI вѣкѣ Симеонъ Сиріянинъ, въ IX вѣкѣ — Андрей Константинопольскій. Въ ближайшія къ намъ времена подвизались юродивые московскіе, новгородскіе и др., были юродивые, прославленные церковію и въ предѣлахъ Вологодскихъ, таковы Прокопій Устюжскій и Іоаннъ, Андрей Тотемскій, Василій и Михаилъ Сольвычегодскіе и др. Какъ видно изъ свѣдѣній, собранныхъ комиссіею о Мелехинѣ, не переводятся юродивые и понынѣ. Вологжане народъ набожный и на «людей Божіихъ» смотрятъ съ уваженіемъ, вотъ почему лѣнтяи и дармоѣды любятъ принимать на себя маску юродивыхъ, чтобы безъ труда пропитаться и пожить въ свое удовольствіе. Темныя личности, напустившія на себя юродство, и нынѣ попадаются; таковы въ Вологдѣ Аполлонъ Ячмановъ и Ольга Дурочка.

Ячмановъ милостыни не проситъ, онъ ходитъ по городу изъ храма въ храмъ, ставитъ образамъ свѣчи, посылаетъ святымъ на иконахъ верхнихъ ярусовъ воздушные поцѣлуи, на улицахъ постоянно говоритъ самъ съ собою — спрашиваетъ и отвѣчаетъ. Любитъ воображать себя архіереемъ, неоднажды дѣлывалъ попытки пройти въ св. алтарь и приложиться къ св. престолу и часто разсказываетъ: «когда я служилъ съ митрополитомъ-то Исидоромъ, еще государь-то тутъ былъ... ну, вотъ, понялъ?»... Собесѣд-



Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ.

никъ внимательно прислушивается, желая уловить хотя какую нибудь связь въ мысляхъ Ячманова, но тщетно, и наконецъ убѣждается въ ненормальности его и уходитъ. Многіе изъ вологжанъ, завидя идущаго навстрѣчу Ячманова, задумываютъ вопросы и безсвязныя рѣчи Ячманова принимаютъ за пророческіе отвѣты. Такъ одна женщина передала намъ такой случай.

— Иду я разъ, — говоритъ она, — а Ячмановъ впереди идетъ и что-то шепчетъ. Я и думаю, что̀ онъ за человѣкъ, отъ ума ли

все продѣлываетъ или по глупости, — только это подумала, обернулся онъ и рѣзко сказалъ:

— Сами дуры.

Другой случай передавалъ чиновникъ. — Подалъ я прошеніе о переводѣ на другое мѣсто. Иду разъ, а Ячмановъ навстрѣчу, дай, думаю, загадаю, получу ли мѣсто. Поровнялся со мною Ячмановъ, махнулъ рукою да и говоритъ: «тутъ свои есть, тутъ свои есть». Что же вы думаете? — вѣдь своего опредѣлили, а я такъ остался.

Подобныхъ случаевъ передаютъ немало.

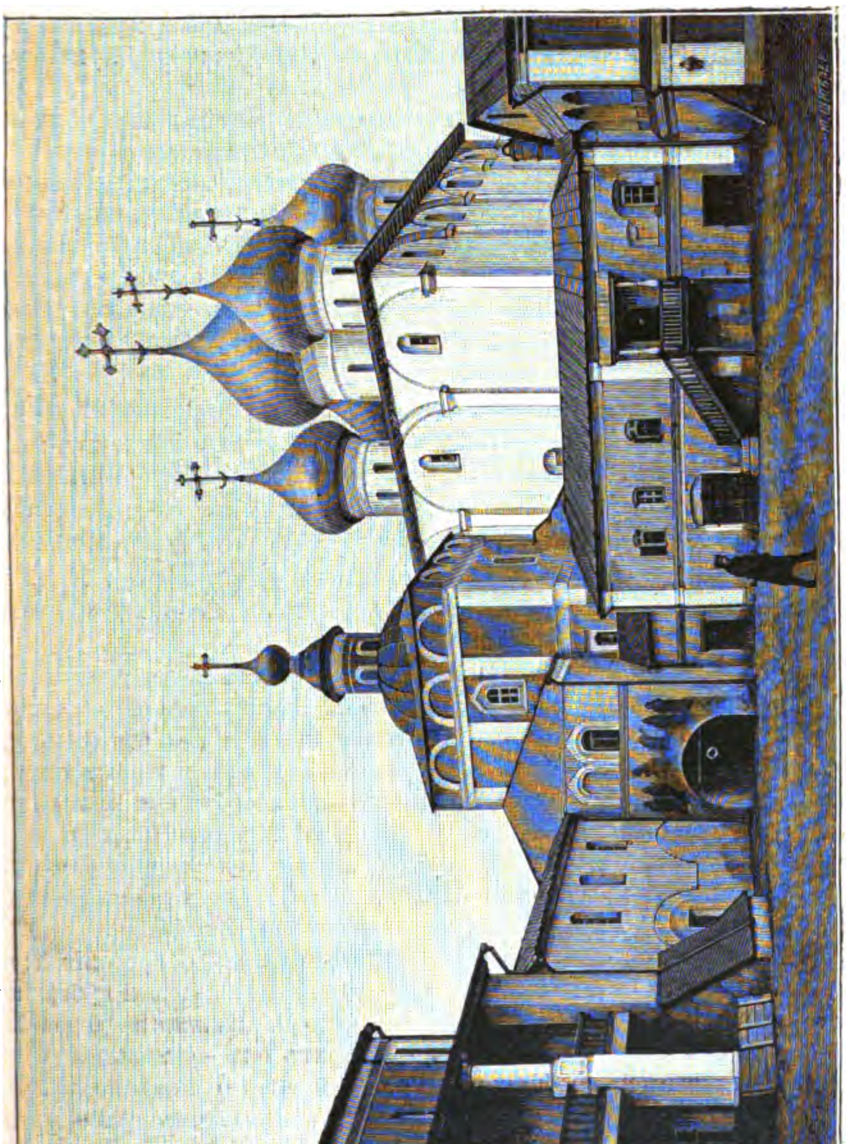
Поведеніе Ольги Дурочки еще болѣе странно. Она вѣчно пьяна, пристаетъ къ прохожимъ, дѣлая какіе-то намеки и напоминанія. Ее преслѣдуютъ мальчишки, волоча по грязной улицѣ, выводятъ за безчинство изъ храмовъ, бьютъ, сажаютъ въ участокъ и даже въ тюрьму, а она все переноситъ безропотно и благодушно. Ольги не видали плачущей, смѣется же она постоянно. Начальства для Ольги не существуетъ, она все и всѣмъ говоритъ въ глаза и зачастую съ юморомъ. Везутъ ее разъ въ тюрьму, торговцы у лавокъ вышли и посматриваютъ, а Ольга кланяется и кричитъ: «прощайте, господа купцы, не вамъ однимъ въ острогъ-то ѣздить — и меня повезли». А въ тотъ годъ, нужно замѣтить, нѣсколько изъ мелкихъ купцовъ торговлю прикрыли.

Но возвратимся къ своему предмету.

По предположенію другого члена комиссіи были собраны свѣдѣнія объ иконахъ, написанныхъ преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ.

«Со св. Діонисія,—говоритъ авторъ труда, В. К. Лебедевъ,—начинается исторія вологодскаго иконописанія. Изъ его святыхъ рукъ вышли многіе образа, нѣкоторые изъ нихъ сохранились донынѣ. Около XVI вѣка изъ вологодскаго иконописанія выродилось устюжское и строгановское. Отличительный пошибъ иконописанія пр. Діонисія Глушицкаго имѣетъ всѣ черты письма знаменитаго въ исторіи русскаго иконописанія инока Андрея Рублева. Этотъ пошибъ, во-первыхъ, вполнѣ подчиняется правиламъ и требованіямъ православной христіанской церкви. Во-вторыхъ, строгое благочестіе и уваженіе къ святынѣ замѣчается при исполненіи всего рисунка. Въ-третьихъ, святость и подвижничество осѣняютъ святыхъ, а не предметы временной земной жизни. Въ-четвертыхъ, выразительно выдѣляются скромность и смиреніе, величіе и спокойствіе, духовность и покорность въ изображеніи святыхъ ликовъ. Въ-пятыхъ, у изображаемыхъ глава имѣетъ продолговатый видъ, чело возвышенное, очи большія и выразительныя; выраженіе лица величественное, важное и спокойное. Въ-шестыхъ, пропорціональная продолговатость фигуръ, всегда сообразная съ общими чертами рисунка. Въ-седьмыхъ, въ самыхъ пріемахъ искуснаго художника видна смѣлая,

твердая и опытная рука, въ рисункѣ евангельская и вообще библейская вѣрность. Въ-восьмыхъ, совсѣмъ нѣтъ обнаженныхъ членовъ. Въ-девятыхъ, покрой одежды, складки и цвѣтъ представлены истори-



Епархіальное древнехранилище и холодный соборъ въ Вологдѣ.

чески правильно. Въ-десятыхъ, не бросается въ глаза яркость цвѣта, замѣтенъ постепенный переходъ тоновъ. Въ-одиннадцатыхъ, раздѣлка рисунковъ тщательная и въ тонкихъ чертахъ и въ толстыхъ лині-

яхъ. Въ-двѣнадцатыхъ, подписи на иконахъ писаны славянскими буквами, иногда вязью». Всѣхъ иконъ, съ различною степенью достовѣрности приписываемыхъ трудамъ пр. Діонисія, авторъ указываетъ тридцать одну. Многія изъ нихъ доселѣ весьма уважаются и благоговѣйно почитаются, а нѣкоторыя считаются издавна чудотворными (В. Лебедевъ: Икон. труды пр. Діонисія Глуш., чуд. вологодскаго. 1900 г.).

Означенный трудъ г. Лебедева является первымъ опытомъ обслѣдованія памятниковъ мѣстной иконографіи. Вологда вообще богата древними по основанію храмами, а потому богата древними иконами. Между прочимъ, здѣсь можно встрѣтить немало иконъ датированныхъ, что́ очень важно. Такъ, напримѣръ, въ градской Царе-Константиновской церкви подъ четырьмя иконами начала XVIII вѣка есть подписи, устанавливающія годъ написанія, иконописца и усердствующаго жертвователя. Приводимъ эти подписи цѣликомъ.

«Изволениемъ Оц҃а исспоспѣшениемъ Сн҃а и совершениемъ ст҃аго дх҃а написан сіи ст҃ый образъ по обѣщанію Вологжан посацких людей Кощиевых. А писалъ Іконописецъ Иванъ Григорьевъ С. М. ҂аѵи». Буквы С. М., какъ видно изъ надписи на другой иконѣ, значатъ «сынъ Марковъ». На третьей иконѣ такая дата: «҂аѵѳ г. писалъ си образ прес҃тыя Бц҃ы Михаилъ Леонтьевъ сн҃ъ Амосовъ по вѣре Андреяна К.». Свѣдѣнія о всѣхъ подобныхъ иконахъ комиссія собираетъ для исторіи мѣстной иконописи.

Лично членами комиссіи или иными лицами, по указаніямъ членовъ комиссіи, составлялись описанія замѣчательныхъ по древности храмовъ епархіи. Безъ этихъ трудовъ могли бы быть забыты многія интересныя бытовыя черты изъ жизни нашихъ предковъ, повѣрья и преданія. Авторы описаній собирали и этнографическій матеріалъ, записывали свадебные, похоронные и др. обычаи, объясняли названія мѣстностей, деревень и урочищъ и старинныя поговорки о нихъ. Позволимъ себѣ для характеристики сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ такихъ описаній.

Такъ, напримѣръ, въ книжкѣ «Описаніе церкви Воскресенія Христова, что въ Расловѣ, Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи» авторъ даетъ небезынтересныя объясненія названій деревень. «Частопьяново, или Чистопьяново,—говоритъ онъ,—указываетъ на поведеніе жителей, любившихъ часто (и чисто) пить водку. По поводу названія деревни «Чистая Баба» существуетъ такое мѣстное преданіе, записанное еще въ 50-хъ годахъ Шевыревымъ: въ одну изъ своихъ поѣздокъ на сѣверъ Россіи императоръ Петръ I Великій остановился въ этой деревнѣ. Время было жаркое. Царь «вспотѣлъ» и пожелалъ напиться воды. Одна женщина, одѣвшись въ чистое платье, подала царю въ чистомъ сосудѣ воду и бѣлое

полотенце. Это полюбилось царю и онъ сказалъ: «ты чистая (чистоплотная) баба». Съ той поры деревня и стала называться «Чистая Баба» (см. 32 стр. описанія). Здѣсь же находимъ замѣтку о мѣстныхъ особенностяхъ говора. Говоръ крестьянъ довольно правильный, замѣчается особенность въ окончаніи глаголовъ прошедшаго времени: вмѣсто лъ слышится ў (съ краткой), напримѣръ, дѣлаў, сказаў и проч.; твердо произносится што, шти, слышатся древне-русскія, славянскія формы, напримѣръ, даси вмѣсто дай. Есть слова совершенно мѣстныя, напримѣръ, поди̂ (вѣроятно), ядрёный (крѣпкій), пра̀ской (настоящій), мо̀торжно (тошнитъ).

Примѣръ объясненія поговорокъ и пословицъ встрѣчаемъ въ книжкѣ священника Н. Богословскаго «Церковь св. пророка Иліи въ селѣ Кубенскомъ».

«Старинныя поговорки о Кубенскомъ: «пронеси, Господи, Кубенское, Никулинское да третье Новленское», «въ Кубенскомъ не обѣдай, въ Новленскомъ не ночуй»,—указываютъ на то, что въ прежнее время Кубенское было не безопасно для проѣзжающихъ. Въ прежнее время и всѣ большія дороги не отличались полною безопасностію, а Кубенское, вѣроятно, и въ особенности, потому, что всегда изобиловало трактирами, кабаками и постоялыми дворами, гдѣ проѣзжіе дѣлали остановку. Кубянъ издавна называютъ «головорѣзами». Происхожденіе этого названія, рекомендующаго сельскихъ жителей далеко не съ хорошей стороны, можно отнести къ тому времени, когда они были хозяевами Кубенскаго озера, при чемъ грабили и обижали чужихъ ловцовъ (стр. 42-я). Къ слову прибавимъ, что кубяне означенною замѣткою, появившеюся въ описаніи ихъ церкви, были почему-то очень обижены, очевидно не разсудивъ, что «быль молодцу не укоръ». Вышеозначенныя пословицы и прозвище были близки къ истинѣ въ давноминувшія времена, нынѣ же кубяне народъ очень симпатичный и въ той же книжкѣ называются «религіозными, развитыми, зажиточными, общительными, гостепріимными». Несмотря на это, кубяне своеобразно оцѣнили трудъ автора, и ни одна книжка не была послѣднимъ выпущена въ продажу. Интересны въ Кубенскомъ названія нѣкоторыхъ свадебныхъ церемоній: богомолье, хлопокъ, рукобитье, большое свиданіе, малое свиданіе, сѣдины, рогоуши, выводы,—приводимыя отцомъ Богословскимъ. Не выписывая всего полностію, остановимся на описаніи одной свадебной церемоніи. «Рогоушами называется интересный обрядъ перенесенія имущества невѣсты къ жениху. Шествіе открываетъ крестная мать невѣсты, съ образомъ въ рукахъ, за ней идетъ другая женщина съ хлѣбомъ-солью; остальныя въ рядъ, одна за другой, несутъ: кто самоваръ, кто подносъ съ приборомъ, кто зеркало и прочія вещи; мужчины здѣсь не участвуютъ. Это и есть рогоуши. Самое слово неудобопонятно» (стр. 42). Современемъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ архивныхъ документовъ и

другихъ источниковъ, благодаря трудамъ комиссіи и другихъ сочувствующихъ ея задачамъ лицъ, можетъ составиться полное и всестороннее историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ всего Вологодскаго края. Число описаній, составленныхъ по сіе время предсѣдателемъ комиссіи И. Н. Суворовымъ и членами ея, уже довольно значительно.

Теперь коснемся заботъ комиссіи по охраненію и изученію вещественныхъ памятниковъ старины, поступившихъ въ древнехранилище и хранящихся въ церквахъ епархіи.

Одинъ изъ членовъ археологической комиссіи, протоіерей А. Малининъ, состоитъ завѣдующимъ древнехранилищемъ, имѣя помощникомъ члена-сотрудника комиссіи, священника С. Непеина. Послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ,—постоянный руководитель для лицъ, желающихъ обозрѣть древнехранилище. На обязанности упомянутыхъ лицъ лежитъ наблюденіе за порядкомъ и чистотою въ помѣщеніи древнехранилища, пріемъ предметовъ древности, записываніе ихъ въ инвентарный каталогъ, размѣщеніе по шкафамъ и витринамъ и устройство послѣднихъ.

Предметы древности поступали главнымъ образомъ отъ церквей епархіи, но немало пожертвованій сдѣлано и частными лицами. Со времени основанія древнехранилища и по сіе время по инвентарному каталогу всѣхъ поступленій значится 1.117 №№, считая въ томъ числѣ и книги, составляющія библіотеку древнехранилища. Помѣщеніе древнехранилища небольшое. Оно раздѣляется на три части: первая—древняя паперть, вторая—прежній храмъ и третья—бывшій алтарь. Для согрѣванія помѣщенія устроены двѣ печи, впрочемъ далеко не достаточныя въ виду того, что тепло уносится вверхъ въ куполъ. Поэтому зимою въ помѣщеніи дневнехранилища заниматься почти невозможно. Недостатокъ мѣста въ древнехранилищѣ не въ далекомъ будущемъ принудитъ принять какія либо мѣры къ расширенію помѣщенія. Съ большимъ удобствомъ въ этомъ случаѣ могли бы быть устроены галлереи на столбахъ съ винтовою лѣстницею. Для посѣтителей древнехранилище бываетъ открыто по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ съ 12 часовъ пополудни, смотря по надобности, не долѣе 3-хъ часовъ. При этомъ даются объясненія руководителемъ; посѣтители могутъ и сами пользоваться печатною книжкою «Путеводителя», гдѣ обращается вниманіе на болѣе интересное и цѣнное въ археологическомъ отношеніи. Иногородніе могутъ имѣть доступъ въ древнехранилище и не въ урочное время, обращаясь для сего къ священнику Сергію Непеину (адресъ: у церкви Царя Константина, собственный домъ).

Древнехранилище особенно богато древними XVI—XVIII вѣка свитками, полученными по большей части изъ архива мѣстной консисторіи и Прилуцкаго монастыря. Предсѣдателемъ комиссіи

Древнехранилище въ Вологдѣ.

И. Н. Суворовымъ составлены три выпуска «Описанія» этихъ свитковъ и два—членомъ комиссіи Е. А. Бурцевымъ. Описано пока до 1.000 свитковъ съ 1508 года по 1711-й.

Содержаніе свитковъ очень разнообразное. Встрѣчаются: челобитныя, данныя, допросныя, духовныя, вкладныя, заемныя кабалы, рядныя записи, поручныя записи, явочныя и исковыя челобитныя, допросныя рѣчи, доѣздныя памяти, всевозможныя сказки, отписки и т. п. документы. При чтеніи ихъ видишь живыя картины, слишишь древній языкъ, близкій къ славянскому, знакомишься съ нравами и обычаями прошлаго времени. Съ этой стороны означенные документы очень цѣнны. Немало могутъ дать они и для исторіи мѣстнаго края. На основаніи этихъ документовъ можетъ быть установлено время возникновенія многихъ поселковъ и деревень (21 стр. I-го выпуска, 1675 года, № 53), «на дертяхъ, на росчистяхъ, на домовыхъ пустошахъ и на заполишныхъ земляхъ»; упоминаются въ нихъ храмы, говорится о времени ихъ построенія и освященія, о выборахъ прихожанами поповъ, о размѣрахъ церковной дани и пр.

Въ свиткахъ часто встрѣчаются имена и фамиліи боярь, князей, дьяковъ, подьячихъ и т. д., что важно для генеалогическихъ изысканій. Вологжане здѣсь могутъ найти своихъ предковъ, натолкнуться на объясненіе своихъ фамилій и т. д. Напримѣръ, и нынѣ существуетъ фамилія Анурьевъ; откуда произошла она, сказать довольно трудно. Въ свиткахъ вологодскаго древнехранилища можетъ быть найдено близкое къ правдѣ объясненіе этой фамиліи. Въ одной челобитной 1689 года (№ 91-й въ 3-мъ выпускѣ описанія свитковъ) упоминается протопопъ Аннурей, называемый иначе въ той же челобитной Іаннуаріемъ. Вотъ вамъ и объясненіе: Анурьевъ образовалось изъ имени такъ же, какъ отъ Петра—Петровъ, отъ Якова—Яковлевъ.

Немалая коллекція свитковъ-столбцовъ поступила отъ дворянина А. Е. Мерцалова.

Отдѣлъ рукописей не въ свиткахъ въ древнехранилищѣ тоже очень значителенъ. Сюда относятся приходорасходныя книги вологодскихъ епископовъ и монастырскія XVII-го столѣтія, книги для записи денегъ съ вѣнечныхъ памятей и др.

Древнѣйшею изъ нихъ является Евангеліе рукописное, въ четверть листа, писанное полууставомъ. Это Евангеліе получено изъ Вельскаго уѣзда отъ Пежемской Богоявленской церкви по указанію архимандрита І. Верюжскаго, составителя книги о вологодскихъ святыхъ. Изъ полистной надписи видно, что оно «приложено Василіемъ Левонтіевымъ, московскимъ свезенцомъ, въ 1584 году въ церковь святыхъ мучениковъ Флора и Лавра и Егорія, а подписалъ Аѳонка Васильевъ сынъ Квашнинъ».

Имѣется въ древнехранилищѣ одна пергаменная харатья, очень любопытная. Это—древній синодикъ-помянникъ ($13 \times 3^3/_4$ вершк.), навитый на скалку и вставленный въ особый футляръ, дозволяющій развертывать и свертывать рукопись. Древность харатьи установить довольно трудно. Она опредѣляется отчасти характеромъ письма и самимъ матеріаломъ: пергаменъ въ Россіи до половины XIV вѣка былъ единственнымъ матеріаломъ для рукописей, до XV стол.—преобладающимъ; сѣроватый цвѣтъ нашей харатьи—признакъ позднѣйшаго пергамена (см. Н. П. Лихачевъ, Дипломатика, Спб., 1901 г.). Харатья получена отъ Верхъ-Кокшенгской церкви Тотемскаго уѣзда.

Изъ древнихъ актовъ замѣчательны двѣ подлинныя грамоты царя Іоанна Васильевича Грознаго, жалованныя преподобному Арсенію Комельскому (Сахарусову) отъ февраля мѣсяца 7038 (1530) года и отъ іюля 7046 г. (1538 г.) (см. Ист. росс. іерарх., М., 1811, ч. 3, стр. 280). Въ первой грамотѣ запрещается «всѣмъ безъ отмѣны... около тое (пр. Арсенія) пустыни лѣсу есми сѣчи и починковъ (поселковъ) ставити, и съ выжляти (съ гончими) гоняти (звѣря) и бѣловати около тое пустыни за двѣ версты во всѣ четыре стороны подъ опасеніемъ быти въ казни и въ продажѣ». Вторая грамота несудимая даетъ старцу Арсенію право «судить съ братіею своихъ людей крестьянъ самимъ во всемъ..., опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ», освобождаетъ «отъ поборовъ и въѣздовъ праведчиковъ и доводчиковъ и заѣзщиковъ»... и иныхъ людей «отъ мыти и порѣчнаго перевозу, отъ мостовщины и гатовщины». Обѣ грамоты за потемнѣніемъ разобрать полностію со всѣми подписями было еще «не можно» при составителѣ «Исторіи россійской іерархіи», нынѣ же онѣ еще болѣе ветхи и хранятся заклеенными между двумя стеклами въ предупрежденіе порчи отъ прикосновенія.

Извѣстный ученый историкъ Н. П. Лихачевъ, членъ археографической комиссіи, просилъ насъ приготовить съ грамотъ фотографическіе снимки съ цѣлью использовать ихъ, какъ цѣнные палеографическіе памятники. Буквы, поблѣднѣвшія отъ времени, при фотографированіи вышли яснѣе и грамоты легко читаются.

Не меньшій интересъ для ученыхъ представляютъ сохранившіеся здѣсь въ изобиліи древніе холщевые антиминсы. Самый древній антиминсъ относится къ 7974-му, т.-е. къ 1466 году. Размѣръ холста около семи кв. дюймовъ. Приводимъ дословно надпись на немъ: «Ост҃ися си алтарь г҃а б҃а сп҃са нашего і҃с х҃а въ церкви ст҃го великому҃нка дмитріа прещ҃нмъ архіеп҃омъ трифономъ ростовьскимъ и ярославьскимъ и бѣлозерьскимъ при благовѣрномъ кнзи міхаилѣ анърѣевичі вл҃ѣ ҂ЗЦОД м҃ца марта въ .... д҃нь на память.....».

Въ срединѣ изображенъ чернилами восьмиконечный крестъ на подножіи съ копьемъ и губкою. Надпись весьма четкая, и антиминсъ, несмотря на свою пятивѣковую давность, сохранился прекрасно.

Упоминаемый здѣсь Михаилъ Андреевичъ, сынъ Андрея Дмитріевича Можайско-Верейскаго, былъ заозерскимъ и вышгородскимъ княземъ. Умеръ въ 1486 г. (Брокг. и Ефр., т. XIX, стр. 486). Есть въ древнехранилищѣ антиминсы 1522 г., 1581 г. и послѣдующихъ годовъ до позднѣйшихъ временъ. Описаніе 35 антиминсовъ составлено членомъ комиссіи священникомъ Сергіемъ Непеинымъ и издано особою брошюркою (Вологда, 1897 г.). Заслуживаютъ вниманія два антиминса на бумагѣ 7/115 и 11/183. Первый 1634 года освященъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патріархѣ Іоасафѣ и при архіепископѣ вологодскомъ и великопермскомъ Варлаамѣ, второй 1644 года освященъ въ храмѣ Николы Великорѣцкаго при патріархѣ Іосифѣ. Единственною въ своемъ родѣ вещью является антиминсъ на липовой доскѣ на подобіе иконы съ углубленіемъ для холста со св. мощами. На верхней половинѣ въ кругломъ клеймѣ изображены красками Голгоѳа съ главой Адама, крестъ осьмиконечный, копіе и трость. По сторонамъ креста загадочныя криптографическія надписи: С. С. С. С., Б. Б. Б. Б, К. К. К. К., Ц. Ц. Ц. Ц. Извѣстный знатокъ иконописи Н. В. Покровскій даетъ такое объясненіе этихъ надписей: «Спасъ сотвори сѣть сатанѣ; бичъ Божій бьетъ бѣса; крестъ крѣпость Константину къ вѣрѣ; цвѣти церковніи цвѣтъ церкви». На нижней половинѣ доски — надпись объ освященіи съ датою—«въ лѣто отъ созданія міра 7224 г. отъ Рождества Бога Слова 1716 году индикта 9, мца сентеврія въ 25 день».

Къ числу хранящихся въ древнехранилищѣ памятниковъ древняго письма еще относятся различныя старинныя безлинейныя нотныя книги и скорописные сборники XVIII-го столѣтія.

Небезынтересно содержаніе одного изъ скорописныхъ сборниковъ. Въ немъ записано до 25 сказаній различнаго содержанія, напримѣръ, «Сказаніе о Давидѣ пророцѣ-царѣ и о Сивиллѣ царицѣ, како зачася и отъ чего», «Повѣсть св. Григорія Богослова о честномъ Крестѣ Господни и о разбойничихъ, како зачахуся», «О главѣ Адамовѣ, како бысть въ корени древа», «О Псалтири, како бысть въ мори», «О видѣніи Асафа царевича, егда видя два вѣнца», «О недреманомъ окѣ и прочихъ многихъ вещахъ» и т. п.

Коллекціи древностей чисто церковнаго характера въ вологодскомъ епархіальномъ древнехранилищѣ также очень значительны. Церковная утварь рѣзко дѣлится на двѣ эпохи, древнѣйшую и болѣе близкую къ намъ. Первая характеризуется преобладаніемъ дерева, какъ матеріала, удобнаго для работы, сподручнаго и дешеваго.

Въ періодъ деревянныхъ храмовъ употреблялись деревянныя оклады иконъ, деревянные съ раскрашенными тумбаками подсвѣчники, деревянные и обложенные тонкою басмою кресты, липовые съ живописью сосуды, липовые же брачные вѣнцы, грубыя холщевыя съ набитымъ рисункомъ ризы. Все это—предъ глазами посѣтителя и производитъ глубокое впечатлѣніе. Невольно умиляешься душею и уносишься мыслями въ тѣ далекія времена, когда всѣ эти вещи были употребляемы для священнодѣйствія, егда лучина свѣщи замѣняше, и когда скудость внѣшней обстановки восполнялась пламенностью молитвы, теплотою вѣры и чистотою жизни. Далѣе бросается въ глаза обиліе деревянныхъ рѣзныхъ изображеній страдающаго Христа въ натуральную величину. Подобныхъ изображеній въ древнее время было очень много въ церквахъ епархіи,. народъ весьма уважалъ ихъ, и, несмотря на запрещеніе, они встрѣчаются въ храмахъ и часовняхъ донынѣ. На вопросъ одного человѣка, почему такое изображеніе Христа, стоящее въ часовнѣ сельскаго прихода, до сихъ поръ не передано еще на храненіе въ древнехранилище, былъ данъ такой отвѣтъ: «пріѣзжали за нимъ давно еще, хотѣли взять, но и поднять не могли, ну, и оставили».

Въ другомъ мѣстѣ статуя Христа стояла въ часовнѣ, закрытая мантіей. Статую эту удалили будто бы по такому случаю. Одна женщина пришла въ часовню помолиться и со слезами припала къ изображенію Христа. Рыданія душили ее; она говорила: Боже, простишь ли меня, окаянную?

— Не прощу,—вдругъ слышитъ она отъ статуи и падаетъ безъ чувствъ.

Говорилъ же, какъ оказалось, кто-то скрывшійся за статую. Неумѣстная шутка погубила женщину — она сошла будто бы съ ума. Фактъ очень возможенъ, если принять во вниманіе, что часовни по большей части стоятъ не запертыя для того, чтобы дать возможность помолиться проходящимъ. Пріѣзжіе любители старины всегда обращаютъ свое вниманіе еще на рѣзное изображеніе Христа, лежащаго въ гробѣ, въ натуральную величину. Это—вещь единственная; не встрѣчается, повидимому, ни въ какихъ музеяхъ. Служила она, вѣроятно, плащаницею. Получена она отъ причта градской Владыченской Николаевской церкви. По стилю гробница (рококо) можетъ быть отнесена къ XVIII вѣку.

Интересенъ самый фактъ обилія облыхъ изображеній, употреблявшихся въ древности въ нашей епархіи. Думается, что это от--сти объясняется трудностію для епархіальнаго начальства услѣ-іть при громадности разстояній. Есть здѣсь такія глухія мѣста, ѣ до настоящаго времени и владыки-то не бывали, и куда можно юникнуть только зимою, рискуя погибнуть въ снѣжныхъ заносахъ.

Дальность глухихъ приходовъ способствовала также тому, что деревянная церковная утварь здѣсь долѣе была въ употребленіи. Напримѣръ, деревянные сосуды въ средней Россіи употребляли только въ далекія времена преподобнаго Сергія, здѣсь же на сѣверѣ они употребляются до конца XVII столѣтія. Въ свиткахъ древнехранилища этого времени есть предписанія «церковные деревянные сосуды перемѣнить оловянными на срокъ нынѣшняго жъ (1677 и др.) года, а старые деревянные сосуды поставить на Вологдѣ у великаго святителя».

Коллекція деревянныхъ потировъ и дискосовъ въ Вологодскомъ древнехранилищѣ довольно большая. Немало также деревянныхъ басмянныхъ и др. крестовъ. Есть очень цѣнные нагрудные кресты на цѣпочкахъ съ возглавіями. Особенно одинъ такъ называемый патріаршій (№ 50—61). Оригинальна новодѣльная панагія, надписанная именемъ патріарха Іова.

Въ слѣдующій періодъ времени преобладаетъ утварь оловянная. Изъ числа ея укажемъ на западную тарелочку (№ 47) съ рельефными изображеніями св. апостоловъ (надписи латинскія) и на лжицу (№ 615), рукоять которой оканчивается ногою ягненка съ человѣческимъ ликомъ на мѣстѣ копыта, — символическое указаніе на Агнца Христа, Тѣла и Крови котораго пріобщаются посредствомъ лжицы міряне.

Очень характерна тепловая чашечка-ковшичекъ (№ 661) съ выбитымъ рельефно изображеніемъ суда Соломонова (воинъ разсѣкаетъ младенца). Къ числу интересныхъ вещей могутъ быть отнесены: древній кошелекъ на ручкѣ съ колокольчикомъ для сбора въ церкви денегъ; эмалевый весьма изящный и цѣнный трехсвѣчникъ (№ 332) Троицкой Печерской церкви Грязовецкаго уѣзда.

Изъ коллекціи царскихъ вратъ болѣе цѣнны присланныя изъ Устьвыма, по желанію великаго князя Сергія Александровича, обложенныя по фольгѣ накладнымъ тисненымъ изъ олова или свинцу орнаментомъ (№ 768). Коллекція иконъ очень бѣдна еще. Интересны три иконы: «Отче нашъ» въ лицахъ; складень походный «Софіи Премудрости Божіей» (№ 30) и «Плоды крестнаго дерева» (№ 882).

Имѣется въ древнехранилищѣ нѣсколько интересныхъ предметовъ и не церковнаго характера, — таковы, напримѣръ, «скобтарь» (№№ 857 и 600) и «братина» или «яндова», деревянные сосуды, употреблявшіеся на пирахъ подъ пиво и вино. При видѣ этой огромной посуды невольно вспоминается картинка изъ русскаго былевого эпоса — пиръ богатыря:

> «Наливаетъ онъ чару зелена вина,
> Не малую чару въ полтора ведра,
> Даетъ чару Ильѣ Муромцу.
> Принимаетъ старый единой рукой,
> Выпиваетъ старый единымъ духомъ».

(Русск. был., изд. Тихомир., М., 1894 г., стр. 32, отд. 2-й).

Въ древнее время такія чары употреблялись на братскихъ трапезахъ, устраиваемыхъ иногда при храмахъ для бѣдныхъ. Вотъ почему на одной изъ нихъ вырѣзана такая надпись: «Сию чашу положіл втарнаскоі городокъ цркв҃ам Божиім книколе чудотворцу Шевденицкой влости Петръ Поповъ». Діаметръ чаши 10 вершковъ.

О множествѣ другихъ менѣе интересныхъ предметахъ Вологодскаго епархіальнаго древнехранилища мы не упоминаемъ въ виду того, что ихъ можно встрѣтить во всякомъ музеѣ. Въ общемъ заѣзжій выноситъ изъ древнехранилища пріятное впечатлѣніе. Столичные антикваріи многія вещи здѣсь называютъ въ своемъ родѣ униками и шедеврами. И всѣ эти драгоцѣнности легко могли бы пропасть и уничтожиться при отсутствіи хранилища. Вологодскій край издавна сдѣлался пріисковымъ мѣстомъ для любителей легкой наживы, и сокровища древности утекали и утекаютъ въ столицы и даже за границу, безслѣдно пропадая для края. Цѣль хранилища—удержать, что возможно, на мѣстѣ, обслѣдовать и извлечь все, что цѣнно для исторіи сѣвера. Собирается сюда, конечно, только то, что можетъ быть передано отъ церквей епархіи безъ ущерба для послѣднихъ. Все древнее, цѣнное по матеріалу, оставляется на храненіе въ церквахъ и потомъ можетъ исчезнуть, несмотря на присмотръ мѣстной археологической комиссіи.

С. Непеинъ.

ВЪ КОЛЫБЕЛИ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРІИ.

(Изъ поѣздки по великому княжеству Познанскому).

ПРОИСХОДИЛО это давно, очень давно—тысяча слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ Крушвицѣ, небольшомъ поселеніи на озерѣ Гопло.

Тихій осенній день клонился къ вечеру. Заходящее солнце освѣщало своими потухающими лучами верхушки деревьевъ и вершину отражавшейся въ зеркальной поверхности озера башни, той самой башни, въ которой девятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ разыгралась ужасная драма—мыши загрызли вѣроломнаго владѣтеля этой страны.

Зажиточный кметъ Пястъ, сынъ Хошишкинъ, покончивъ свою дневную работу, воротился домой. Пястъ занимался колеснымъ ремесломъ, да, кромѣ того, у него была по ту сторону озера большая пасѣка. Въ ожиданіи ужина, который готовила ему жена его Ржепиха, Пястъ присѣлъ на завалинку у своей хаты и задумчиво сталъ смотрѣть на дорогу...

Думы гнали одна другую. Вотъ уже скоро будетъ двадцать лѣтъ, какъ нѣтъ князя и нѣтъ ни правосудія, ни порядка въ землѣ...

Послѣднимъ княземъ былъ Попель. Онъ былъ бы добрымъ правителемъ, да, вотъ горе, женился на нѣмкѣ. Слушался ея во всемъ... недаромъ и прозвали его прихвостнемъ (chwostkiem). Нѣмка, разумѣется, поляковъ не любила, и поэтому Попель тоже притѣснялъ народъ. Зато и кончилъ безславно: съѣли его мыши вмѣстѣ съ женою... Вотъ и теперь сколько уже времени выбираютъ князя, а все не могутъ выбрать...

Глядь, а по дорогѣ идутъ двое путниковъ, да и направляются прямо къ Пястовой хатѣ. Пястъ крикнулъ жену. Вмѣстѣ съ нею поспѣшилъ навстрѣчу пришедшимъ. Предъ ними стояли двое молодыхъ, прекрасныхъ собою юношей. Пястъ зазвалъ ихъ къ себѣ въ домъ. Гостепріимство всегда было отличительною чертою характера всѣхъ славянскихъ племенъ: «гость въ домъ—Богъ въ домъ». Усадили мужъ съ женою путниковъ за столъ и угощали ихъ отъ чистаго сердца всѣмъ, что только нашлось въ домѣ. Случилось же въ тотъ день у нихъ семейное торжество. Единственному сынку пошелъ седьмой годъ. По тогдашнему языческому обычаю, на седьмомъ году въ первый разъ стригли волосы ребенку и давали имя. Обрядъ постриженія отправлялся съ извѣстными церемоніями и торжественностію въ присутствіи жрецовъ и сопровождался пиромъ для родственниковъ и знакомыхъ. И вотъ ихъ-то теперь Пястъ съ Ржепихою и поджидали. Юноши-путники, желая отблагодарить радушныхъ хозяевъ за гостепріимство, сами постригли ребенка, наименовали его Земовитомъ, предсказали Пясту и Ржепихѣ, что потомство ихъ много вѣковъ будетъ царствовать въ Польшѣ, и, прощаясь, возложили на головы ихъ руки. Очарованные поселяне слушали юношей съ благоговѣніемъ. Вдругъ, съ трепетомъ замѣтили они, что чудесное сіяніе озарило лица говорившихъ... за плечами ихъ мелькнули крылья, облако осѣнило ихъ, и чудесные путники стали невидимы. Пястъ и Ржениха пали на лица свои...

Говоръ и шумъ на дорогѣ заставили ихъ очнуться.

Толпы народа двигались къ усадьбѣ Пяста.

Пошелъ онъ имъ навстрѣчу и спросилъ:

— Чего хотите, добрые люди?

— Послушай,—сказалъ одинъ изъ старшихъ кметовъ.—Выбираемъ мы князя. Въ Крушвицѣ ужъ нечего ѣсть, припасы всѣ вышли, такъ вотъ мы пришли къ тебѣ узнать, не продашь ли ты намъ чего нибудь съѣстного.

— Многаго у меня нѣтъ, добрые люди,—отвѣчалъ Пястъ а что нибудь все-таки найдется. Вчера зарѣзалъ боровка,—да привезъ еще съ пасѣки пару ведеръ меду. Войдите, закусите.

Пришедшіе не заставили себя просить. Тѣмъ временемъ Ржепиха поставила передъ ними на столъ мясо и медъ.

Скоро молва о радушіи и хлѣбосольствѣ Пяста и его жены разошлась по цѣлой Крушвицѣ. И вотъ новыя толпы направились къ Пясту.

Увидавъ ихъ, Ржепиха бросилась въ кладовую, чтобы вынести новымъ гостямъ остатки мяса и меда. Но тотчасъ же перепуганная прибѣжала назадъ къ мужу.

— Ужъ, право, и ума не приложу, что это значитъ! Чары что ли? Ничего у меня въ кладовой не убыло. Взяла, вѣдь, я довольно и мяса и меду, а когда воротилась, смотрю, вся посуда полнехонька.

Побѣжалъ Пястъ самъ въ кладовую. Видитъ: и на самомъ дѣлѣ ни мяса, ни меду не убыло.

— Видно, это милость къ намъ христіанскаго Бога за тѣхъ странниковъ, что здѣсь были,—замѣтилъ Пястъ женѣ.

И снова шли толпы люда къ Пясту и каждый разъ возвращались отъ него сытыми.

Наконецъ, когда всѣ собравшіеся на вѣче утолили свой голодъ, начали опять совѣтоваться между собой, кому быть у нихъ княземъ. Спорили долго, наконецъ, порѣшили:

— Чего намъ искать далеко? Колесникъ этотъ, навѣрно, добрый хозяинъ, коли столько народа накормилъ. Кто хорошо справляется съ небольшимъ хозяйствомъ, тотъ и нами будетъ хорошо управлять. Выберемъ Пяста хозяиномъ Польской земли.

Какъ сказали, такъ и сдѣлали.

Предсказаніе чудесныхъ юношей сбылось.

Съ тѣхъ поръ минуло болѣе тысячи лѣтъ.

Отъ поэтической легенды о Пястѣ и Ржепихѣ подъ острымъ критическимъ скальпелемъ историковъ ничего не осталось, даже самое имя гостепріимныхъ поселянъ подверглось сомнѣнію[1]).

Но, какъ бы то ни было, потомки кмета Пяста пятьсотъ десять лѣтъ сидѣли на польскомъ тронѣ, а Крушвица и Гнѣзно и Познань живые свидѣтели ихъ дѣяній, существуютъ до сихъ поръ, привлекаютъ и будутъ привлекать къ себѣ вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому не чужды общеславянскіе интересы... А развѣ могутъ они быть чуждыми славянину?

Положимъ,

> Уже давно между собою
> Враждуютъ эти племена...

---

[1]) Piast, или, въ древнѣйшихъ рукописяхъ, Past, созвучное съ pasterr—пастырь, по мнѣнію исторической критики, имѣетъ свой прототипъ въ индійскомъ наименованіи солнца—Pushan, житель, благодѣтель. Имя его отца—Хошишко въ Lites ac res gestae Cruciferorum передѣлано въ Иваська, а въ хроникахъ въ прозвище Попеля—Koszyszki, уменьшительное отъ чешскаго наименованія солнца Čhason. Рёппель («Geschichte Polens», I, 70) имя Хошишка связываетъ съ понятіемъ хожденія и признаетъ его кочевникомъ—символъ эпохи номадовъ. Жена Пяста—Rzepicha или Repka, въ хроникѣ Галла Rzepiczka, Repica, Repicza—носятъ имя, сходное съ корнемъ rip, означающимъ горы на сѣверѣ (Ῥιπαια ὄρη, гора Rzip въ Богеміи). Она напоминаетъ rzepnisko—ниву послѣ сбора рѣпы. По мнѣнію Рёппеля, Пястъ обработываетъ землю, а Ржепиха воздѣлываетъ садъ, такимъ образомъ, эта супружеская чета является символомъ земледѣльческаго періода. В. А. Мацѣіовскій сопоставляетъ Пяста и Ржепиху съ греческимъ миѳомъ о Филемонѣ и Бавхидѣ, а путниковъ съ Зевсомъ и Меркуріемъ. Оссолинскій въ чудесныхъ посланникахъ видитъ учениковъ св. Меѳодія, апостола славянъ. Бѣловскій, вслѣдъ за нѣкоторыми хрониками, считаетъ ихъ за апостоловъ Павла и Іоанна. Чудо умноженія пищи заключается также въ легендѣ о св. Германѣ, которая признается нѣкоторыми источникомъ повѣсти о Пястѣ.

Ихъ

> . . . историческія сплетни
> Поссорили между собой
> И разорвали долголѣтній
> Союзъ священный и родной.

Но

> . . . связь преданій не погибла,
> Она разрозненныхъ миритъ;
> Что географія отшибла,
> Пусть сызнова любовь скрѣпитъ.

Для того, чтобы попасть въ Крушвицу, непремѣнно нужно быть въ Иновроцлавѣ.

До Иновроцлава отъ Торна всего 35 километровъ. Путь этотъ проѣзжаете незамѣтно въ полчаса съ небольшимъ, любуясь красивыми пейзажами, открывающимися по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна.

Иновроцлавъ, или Иновлоцлавъ, сохранившій до сихъ поръ, къ немалому удивленію, свое славянское наименованіе [1],—городъ старинный. Уже въ XIII в. здѣсь господствовали мазовецкіе князья куявской линіи. По дошедшимъ до насъ королевскимъ привилегіямъ XV, XVI, XVII столѣтій можно судить, что Иновроцлавъ того времени былъ городъ большой, богатый, укрѣпленный, опоясанъ стѣною съ башнями и воротами, обведенъ двумя окопами и двумя валами. Въ 1656 г. Иновроцлавъ сожгли шведы. Янъ Собѣскій, заботясь о торговомъ и промышленномъ развитіи города, возстановилъ въ 1681 году привилей евреямъ, утраченный во время нападенія шведовъ: «Дозволяемъ имъ,—сказано въ привилеѣ,—свободное проживаніе въ купленныхъ или выстроенныхъ ими домахъ, позволяемъ имѣть божницу, кладбище (kirkut), заниматься разными ремеслами, продавать всякаго рода товары, покупать на убой скотъ, варить пиво и купить вино». Въ XVIII ст. Иновроцлавъ достался пруссакамъ. По описанію современниковъ, это былъ городъ деревянный, плохо обстроенный и довольно грязный.

Въ настоящее время Иновроцлавъ очень хорошій, вполнѣ европейскій, городъ, съ широкими, правильными, отлично вымощенными, улицами, красивой архитектуры домами, электрическимъ освѣщеніемъ на улицахъ и въ магазинахъ. Недостаетъ только канализаціи, и отсутствіе ея чувствуется, можно сказать, на каждомъ шагу. По составу населенія, общая цифра котораго едва ли превышаетъ 10.000 человѣкъ, Иновроцлавъ болѣе польскій, нежели нѣмецкій городъ. На улицахъ слышится польскій говоръ, въ магазинахъ не только говорятъ по-польски, но даже и считаютъ на старопольскій ладъ: вмѣсто пфениговъ на *трояки* (каждые

---

[1]) Конечно, нѣмцы дѣлали попытки *перекрестить* по-своему и Иновроцлавъ, но данное ему прозвище Jungen-Leslau какъ-то не привилось.

10 пфен. = 1 трояку). Въ Иноврoцлавѣ выходитъ на польскомъ языкѣ Куявскій Дневникъ («Dziennik Kujawski»).

Заживаться здѣсь долго нечего. Достопримѣчательностей никакихъ нѣтъ. Отъ костёла Богоматери, памятника архитектуры XII—XIII в.в., о которомъ упоминаютъ авторы Starożytn'oй Polsk'и [1]), остались только руины, а отъ ратуши «съ высокою башнею» [2]) не осталось даже и того [3]). Сохранился, хотя въ довольно плачевномъ видѣ, древній костёлъ св. Николая (fara). Построенъ онъ изъ неоштукатуреннаго кирпича (rohbau) первоначально въ готическомъ стилѣ. Имѣлъ три продольныя навы и одну поперечную, одинаковой высоты со среднею. На пересѣченіи ихъ снаружи помѣщались двѣ башни. Реставрація въ XVIII ст. измѣнила характеръ постройки снаружи и внутри, и послѣдняя получила стиль rococo. Только въ сакристіи сохранились готическіе своды. Сводовъ въ навахъ совсѣмъ не осталось. Ихъ въ настоящее время замѣняетъ деревянный потолокъ на такихъ же балкахъ. На стѣнахъ средней навы чуть замѣтны слѣды бывшихъ нѣкогда фресокъ. Въ костёлѣ помѣщены остатки алебастроваго памятника Радѣевскихъ (1762 г.), перенесенные сюда изъ бывшаго францисканскаго костёла.

По пути на вокзалъ приходится проѣзжать мимо открытаго недавно памятника императору Вильгельму I (Великому, † 1888 г.). Стóитъ къ нему присмотрѣться поближе. Что за чудная вещь этотъ монументъ въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ! На великолѣпномъ гранитномъ пьедесталѣ конная фигура императора. Статуя маститаго старца, котораго пишущій эти строки имѣлъ не разъ случай видѣть довольно близко, отличается рѣдкимъ сходствомъ. Фигура лошади вылѣплена съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Поза придана ей вполнѣ естественная. Такъ и кажется, что красавица лошадка, послушная велѣніямъ своего державнаго сѣдока, тронется съ мѣста... На пьедесталѣ, спереди, начертано золотыми буквами:

Dem ruhmreichen Andenken
Kaiser Wilhelms des grossen
gewidmet
von den Einwonern
des Kreises und der Stadt
Inowrozlaw.

Вокругъ памятника разбитъ скверъ, полный цвѣтовъ. Очень красивъ памятникъ и вечеромъ, выдѣляясь рѣзкимъ силуэтомъ на безоблачномъ небѣ, благодаря тому, что вокругъ него нѣтъ близко

---

[1]) Т. I, 369.

[2]) Ibid.

[3]) На мѣстѣ ея стоитъ статуя побѣдоносной Германіи въ память войны 1870—1871 г.г.

Общій видъ Иновроцлава.

Общій видъ Крушвицы.

ни одного высокаго зданія. Смотря на это превосходное произведеніе искусства, творецъ котораго, къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстенъ, нельзя не вспомнить о нашихъ грандіозныхъ, дорого стоящихъ, но удивительно безвкусныхъ и непрочныхъ монументахъ послѣдняго времени.

Отъ Иновроцлава до Крушвицы идетъ отдѣльная желѣзнодорожная вѣтка, протяженіемъ 7 километровъ. Невольно напрашивается сравненіе съ родными порядками... У насъ не только бойкіе уѣздные города, но даже и незаурядные губернскіе, сплошь да рядомъ не только не соединены желѣзнодорожными линіями, но, что еще хуже, нарочно ими обойдены. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Новое Время» дало на своихъ столбцахъ цѣлый «мартирологъ» русскихъ городовъ, отстоящихъ, по волѣ судьбы, отъ желѣзной дороги въ разстояніи отъ 3 и болѣе верстъ. Ну, кто бы у насъ сталъ строить линію къ такой Крушвицѣ, которая не имѣетъ за собою ровно ничего, кромѣ славнаго прошлаго?.

А прошлое ея дѣйствительно славно.

Здѣсь жилъ кровожадный владыка Попель, здѣсь обитала добронравная чета Пястовъ, родоначальниковъ первой польской династіи, собственно здѣсь положено прочное основаніе Польскаго государства, наконецъ, отсюда на ряду съ Познанью и Гнѣзномъ свѣтъ вѣры Христовой засіялъ надъ Польскою страною.

Мечиславъ I положилъ основаніе Крушвицкой епископской каѳедрѣ въ 966 году. Первымъ епископомъ здѣсь былъ итальянецъ Люцидъ, присланный папою Іоанномъ XIII. Мѣстная хроника повѣствуетъ о кровавомъ столкновеніи, происшедщемъ подъ Крушвицею въ 1096 году между Владиславомъ-Германомъ и сыномъ его Збигневомъ (битва при Гоплѣ), окончившемся несчастливо для Збигнева и крушвичанъ. Первый былъ захваченъ въ плѣнъ, а послѣдніе, какъ сторонники Збигнева, понесли громадные убытки, такъ какъ городъ былъ разграбленъ и опустошенъ. Въ 1149 г. здѣсь съѣхались для переговоровъ Болеславъ Кудрявый съ братомъ Мечиславомъ. Около 1159 г. Онольдъ, десятый епископъ крушвицкій, перенесъ епископскую каѳедру во Влоцлавскъ [1]). По распаденіи княжества на мелкіе удѣлы Крушвица переходила въ руки разныхъ князей. Болеславъ Набожный, кн. великопольскій, получивъ ее отъ куявскихъ князей, въ 1271 г., сжегъ зáмокъ, опасаясь, чтобы послѣдній не достался поморянамъ. Казимиръ В. возстановилъ его и укрѣпилъ валами. Умирая, онъ записалъ Крушвицу, въ числѣ прочихъ городовъ, внуку своему, кн. поморскому Казимиру. Во времена безкоролевья по смерти Людовика (1382 г.)

---

[1]) См. нашу монографію «Епископскій городъ Влоцлавскъ» («Историческій Вѣстникъ», 1897 г., кн. IX).

Крушвица сильно пострадала отъ вооруженныхъ нападеній сторонниковъ разныхъ партій. Судоходство по озеру Гопло, поддерживавшее торговыя сношенія Крушвицы съ Гданскомъ, почти совсѣмъ прекратилось. Ягелло, стремясь поднять матеріальное благосостояніе Крушвицы, привилеемъ 1422 г. далъ ей нѣмецкое право и установилъ новыя ярмарки. Казимиръ IV, въ 1460 г., освободилъ жителей Крушвицы, отправлявшихся съ хлѣбомъ, скотомъ и продуктами для торговли въ города и мѣстности Куявской земли, отъ торговыхъ пошлинъ. Но уже никакія мѣры не могли поднять пришедшаго въ упадокъ города.

Современная Крушвица производитъ впечатлѣніе скорѣе чистенькой деревеньки, нежели города, хотя офиціально считается та-

Мышиная башня въ Крушвицѣ.

ковымъ. Одна главная улица, обсаженная деревьями и застроенная каменными одно и двухъэтажными домами, съ палисадниками передъ ними, двѣ-три боковыхъ, площадь (рынокъ) съ красивою новою киркою по серединѣ — вотъ и вся Крушвица.

Отъ вокзала до городка будетъ около версты по шоссе, которое, по обыкновенію, содержится въ большомъ порядкѣ.

Извозчика на вокзалѣ—ни одного. Да и для кого имъ быть здѣсь? Населеніе Крушвицы не превышаетъ двухъ тысячъ душъ... Пріѣзжіе—исключительно туристы, которыхъ привлекаетъ Попелевская мышиная башня. А много ихъ? Каждый предпочитаетъ побывать гдѣ нибудь въ Швейцаріи, на Ривьерѣ, въ веселомъ Парижѣ, тѣмъ въ захолустной Крушвицѣ. Но, какъ бы то ни было, здѣсь всегда можно достать какой нибудь экипажъ. Мѣстные мѣщане-поляки всегда къ услугамъ желающихъ и за небольшую плату везутъ васъ на озеро Гопло, мѣсто нахожденія прославленной башни, и въ костѣлъ, старую крушвицкую каѳедру.

Услугами такого мѣщанина удалось воспользоваться и намъ.

Отправились мы сначала на Гопло.

Знаменитое озеро, когда-то очень и широкое и глубокое, съ вѣками какъ-то сузилось и порядочно обмелѣло. Башня, въ которой пытался спастись Попель, по словамъ преданія, находилась по серединѣ озера, на островкѣ. Между тѣмъ въ настоящее время она очутилась на полуостровѣ.

Преданіе, соединяемое съ нею, въ которомъ фигурируетъ имя князя Попеля, очень много имѣетъ общаго съ легендою о жестокосердомъ епископѣ Гаттонѣ, увѣковѣченной англійскимъ поэтомъ Соути и извѣстною у насъ по переводу Жуковскаго («Судъ Божій надъ епископомъ»). Тамъ виновникомъ злодѣянія является жадный епископъ, здѣсь же князь крушвицкій Попель, дѣйствующій по подговору жены своей, иноземки. Тамъ жертвы преступленія — бѣдствующее отъ голода населеніе, здѣсь—родственники князя, дяди и племянники. Тамъ орудіе наказанія — мыши, здѣсь — то же самое. Возмездіе, получаемое преступниками, и тамъ и здѣсь одно и то же. Гаттонъ, спасаясь отъ преслѣдованія мышей, скрывается въ башню, стоящую посреди Рейна. Попель точно также бѣжитъ въ башню на озерѣ Гопло. Но результатъ одинъ и тотъ же:

> ... Мыши плывутъ.
> Ближе и ближе... доплыли... ползутъ...
> Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
> Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ...

Преступникъ въ ужасѣ. Онъ молится, рыдаетъ въ отчаяніи — ничто не помогаетъ. Мыши тучами лѣзутъ въ окно, облѣпляютъ его, грызутъ, рвутъ тѣло на части...

Нашъ возница остановился на берегу озера передъ палисадникомъ не то фермы, не то дачи, кстати сказать, по наружному своему виду, довольно благоустроенной.

На его окрикъ изъ дома вышелъ господинъ, оказавшійся потомъ сторожемъ башни. Онъ, не сходя съ крыльца, предложилъ намъ подняться на вершину холма, на которомъ стоитъ **Мышиная башня**.

Поднявшись по весьма удобной лѣстницѣ на горку, мы очутились передъ традиціоннымъ въ Германіи монументомъ героямъ послѣдней войны съ французами. Это — небольшой, каменный, четырехсторонній обелискъ, съ сидящимъ наверху бронзовымъ орломъ и съ медаліонами, по одному съ каждой стороны, — императора Вильгельма I, Мольтке, кн. Бисмарка и, кажется, короля саксонскаго. Надпись на обелискѣ гласитъ:

Wilhelm I
dem siegreichen
seine
getreuen alten krieger
1895.

По сторонамъ монумента установлены двѣ пушки на лафетахъ.

У памятника встрѣтилъ насъ сторожъ съ билетами для входа въ башню. Билетъ стоитъ 15 пфениговъ. Указалъ дорогу и, раскланявшись, удалился.

Мышиная башня—восьмиугольной формы. Построена изъ кирпича, на кругломъ гранитномъ основаніи. Стиль готическій. Высота ея достигаетъ 190 футовъ. По мнѣнію однихъ изслѣдователей, назначеніе башни состояло въ томъ, чтобы служить маякомъ для плавающихъ по озеру, и что основаніе ея относится къ тѣмъ временамъ, когда судоходство на Гоплѣ процвѣтало. По мнѣнію же другихъ, это—остатокъ зàмковыхъ укрѣпленій. Послѣднее мнѣніе мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что къ одной

Фарный костелъ въ Крушвицѣ.

изъ ея сторонъ примыкаютъ жалкіе остатки когда-то бывшей тутъ стѣны, хотя, конечно, было бы рискованно отрицать и то, что она вмѣстѣ съ тѣмъ могла когда-то служить и маякомъ. На высотѣ 20 футовъ отъ земли находится дверь. Послѣдней достигаете по деревянной лѣстницѣ. Все пространство внутри, довольно узкое, занято деревянными лѣстницами, которыя приводятъ васъ на верхъ. Здѣсь маленькою, низенькою дверью выходите на площадку, середину которой занимаетъ невысокая желѣзная крыша, прикрывающая пространство надъ внутренними лѣстницами. Всѣ листы крыши испещрены надписями-автографами посѣтителей, путешественниковъ, пожелавшихъ увѣковѣчить (?) свое имя...

Полюбовавшись вдоволь великолѣпнымъ видомъ, открывающимся съ высоты башни на озеро и окрестности Крушвицы, мы поѣхали въ древній приходскій, нѣкогда каѳедральный, костёлъ.

Стоитъ онъ по ту сторону озера, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, находилась хата гостепріимнаго Пяста. Хотя основателемъ епископской каѳедры въ Крушвицѣ и былъ Мечиславъ I, тѣмъ не менѣе существующій здѣсь нынѣ костёлъ сооруженъ при Мечиславѣ II, т.-е. въ началѣ XI в., какъ это доказали послѣднія научныя изслѣдованія, а въ сравнительно недавнее время капитально отреставрированъ. Несмотря на свою почтенную древность, предметовъ достопримѣчательныхъ почти никакихъ не имѣетъ и интересенъ лишь въ архитектурномъ отношеніи. Стиль храма—романо-византійскій. Средняя нава отдѣляется отъ боковыхъ колоннами, по три на каждой сторонѣ. На нихъ покоятся своды, но только въ средней навѣ, въ боковыхъ—сводовъ нѣтъ совсѣмъ. Среднюю наву пересѣкаетъ нава поперечная. Благодаря этому, въ общемъ зданіе приняло видъ креста. Все здѣсь просто, капитально, солидно, подчасъ тяжело, впрочемъ, не безобразно, хотя и далеко не эстетично. Причина того—съ одной стороны—грубый строительный матеріалъ (гранитъ), а съ другой—характеръ эпохи. Въ XI вѣкѣ Польша была еще только въ младенческомъ возрастѣ, далеко еще не окрѣпла. Ей приходилось бороться за свое существованіе. А гдѣ слышится чуть не безпрестанный лязгъ оружія, гдѣ не умолкаетъ вой военной непогоды, тамъ до усвоенія ли идеаловъ искусства? Война и искусство—двѣ крайности, которыя никогда не сходятся между собою.

Передъ костёломъ мы нашли группы дѣтей-мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ костёлѣ шли науки, т.-е. ксендзъ обучалъ своихъ маленькихъ прихожанъ начаткамъ вѣры Христовой. Двери были притворены, очевидно, «страха ради, но только не іудейска, а нѣмецка». Не лишняя предосторожность,—рѣшили мы, входя во храмъ,—въ виду тѣхъ скандаловъ, которые въ послѣднее время не разъ имѣли мѣсто въ познанской провинціи, благодаря проискамъ гакатистовъ [1]). Незадолго передъ тѣмъ въ мѣстечкѣ Добржицѣ мѣстный бургомистръ съ жандармами сдѣлалъ нападеніе на костёлъ въ то время, когда тамъ шли науки, разумѣется, на польскомъ языкѣ. Хотя гнѣзненско-познанскій архіепископъ, извѣстный Флоріанъ Окша-Стаблевскій, и возбудилъ протестъ противъ допущеннаго насилія и нарушенія конституціи, но удастся ли ему выиграть его,—очень сомнительно, при томъ вѣяніи, которое господствуетъ теперь въ Германіи въ отношеніи нашихъ единоплеменниковъ. По поводу протеста архіепископа Стаблевскаго берлинскія газеты не скрывали сомнѣнія въ томъ, что «едва ли найдется во всей Пруссіи прокуроръ, который осмѣлился

[1]) Три члена германскаго рейхстага Ганеманъ, Кадеманъ и Тидеманъ первые открыли борьбу съ поляками. Первые слоги этихъ нѣмецкихъ фамилій и дали названіе образовавшейся партіи ненавистиковъ славянства.

бы составить актъ обвиненія противъ представителей власти, вторгнувшихся въ добржицкій костёлъ съ цѣлью исполненія «распоряженій, данныхъ свыше» [1]).

Костелъ былъ тоже полонъ дѣтей. Ксендзъ-настоятель, пожилой, полный мужчина, задавалъ имъ вопросы изъ катихизиса. Нѣкоторые отвѣчали бойко, другіе—особенно дѣвочки—нѣсколько конфузились. Нельзя было не залюбоваться на эту картину. Не разъ мнѣ приходилось видать ее и раньше въ царствѣ Польскомъ, и я всегда раздумывалъ, почему бы не завести и у насъ, православныхъ, подобнаго предварительнаго обученія истинамъ вѣры, этимъ основамъ человѣческой жизни, у насъ, гдѣ дѣло это возлагается исключительно на школу, у насъ, гдѣ все еще возможны вотяцкія жертвоприношенія на ряду со всевозможными сектами, начиная отъ скопцовъ и кончая вновь народившимися богострѣлами...

Изъ Крушвицы, по нашему маршруту, путь лежалъ въ Гнѣзно. Для этого приходилось вернуться въ Иновроцлавъ.

Мы предполагали выѣхать изъ Крушвицы съ ближайшимъ поѣздомъ и должны были ожидать слѣдующаго, который отходилъ въ 7 часовъ вечера. До поѣзда еще оставалось около трехъ часовъ. Смотрѣть уже больше было нечего. Рѣшили итти потихоньку на вокзалъ. День стоялъ ясный и жаркій. На одиноко стоящемъ въ полѣ вокзалѣ — ни души. Только позднѣе пришли 5—6 человѣкъ пассажировъ. Всѣ скучали. Единственнымъ развлеченіемъ служили разставленные въ пассажирской комнатѣ (я стѣсняюсь ее назвать «залою», такъ она скромна по размѣрамъ и по внѣшности) автоматическіе шкафики-витринки, выбрасывающіе за 10 пфениговъ сигару, папиросы, плитку шоколада или микроскопическіе флакончики духовъ и одеколона и даже миніатюрный нессесеръ, содержащій въ себѣ иглу, булавки, нитки, пуговки—вещи, въ которыхъ путешественникъ очень часто нуждается. Охотниковъ бросить 10 пфениговъ, насколько я присмотрѣлся, всегда бываетъ довольно. Очевидно, это хорошо знаютъ антрепренеры этихъ автоматовъ, такъ какъ послѣдніе встрѣчаются во множествѣ, особенно на дебаркадерахъ желѣзныхъ дорогъ. Безъ четверти въ семь пришелъ поѣздъ изъ Иновроцлава. Всего пять пассажирскихъ вагоновъ, шестой багажный, изъ котораго раздавалось громкое мычаніе жертвъ, привезенныхъ въ пищу крушвицкимъ обывателямъ. Къ сѣдобородому машинисту съ наружностью камергера подошла молодая, опрятно одѣтая, женщина съ ребенкомъ на ру-

[1]) До какой степени доходятъ религіозная нетерпимость и полонофобство въ Познани, можно видѣть изъ того, что лѣтомъ 1901 года прусскій военный министръ запретилъ полковымъ священникамъ 6-го армейскаго корпуса, стоящаго въ Познани, произносить проповѣди предъ солдатами на польскомъ языкѣ.

кахъ, вѣроятно, жена; тотъ поздоровался, поцѣловалъ ребенка, снялъ форменную куртку, надѣлъ свое платье и отправился пить пиво. Тѣмъ временемъ его помощники отвели багажный вагонъ, и локомотивъ пошелъ за водою. Сдѣлавъ нѣсколько маневровъ, онъ соединился съ прежними пассажирскими вагонами. Все было готово. Несмотря на то, что двери вагоновъ уже давно стояли открытыми настежь, никто изъ публики не бросился къ нимъ, всѣ ожидали терпѣливо, пока кондуктора не предложили садиться. Какъ все это далеко отъ нашихъ желѣзнодорожныхъ порядковъ. Снова прошелъ, не торопясь, солидный машинистъ. Кондукторъ попросилъ занять мѣста, пересмотрѣлъ билеты, захлопнулъ дверь, и поѣздъ плавно двинулся, постепенно ускоряя ходъ и оставляя за собою Крушвицу.

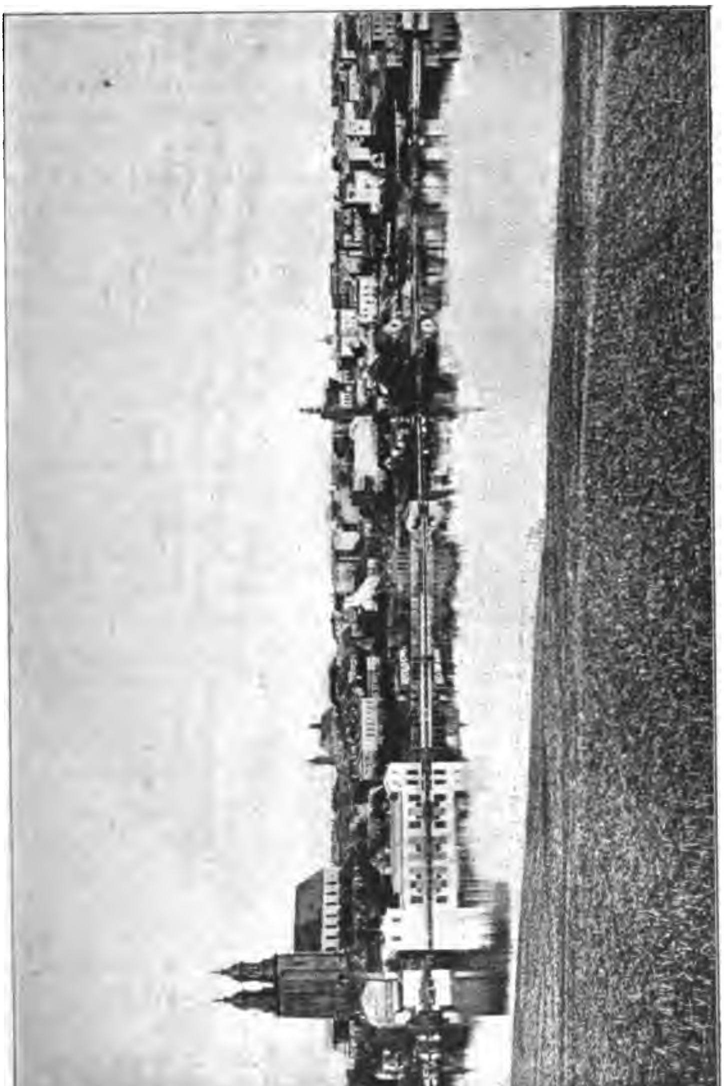
Въ 7 часовъ 36 минутъ мы были снова въ Иновроцлавѣ. Въ Гнѣзно поѣздъ отходилъ почти черезъ часъ.

И вотъ здѣсь-то на иновроцлавскомъ вокзалѣ мнѣ пришлось впервые самому столкнуться съ нѣмецкимъ гакатизмомъ и столкнуться, такъ сказать, лицомъ къ лицу.

На мое требованіе, обращенное къ кассиру по-польски, выдать билеты до Гнѣзна, свиноподобный гакатистъ замахалъ руками, затрясъ головою, какъ будто я всадилъ ему въ мягкое мѣсто булавку, и въ концѣ концовъ повернулся спиной. Позднѣе то же самое продѣлывали со мною подобные господа въ Познани. Положимъ, надо говорить правду, и у насъ были, да, кажется, и есть циркуляры, не дозволяющіе желѣзнодорожнымъ служащимъ въ царствѣ Польскомъ говорить съ публикою на мѣстномъ языкѣ, но во всякомъ случаѣ эти желѣзнодорожные служащіе у насъ люди и, когда видятъ, что человѣкъ не разумѣетъ государственнаго языка, дѣлаютъ для него уступку, хотя иногда даже подъ страхомъ суроваго взысканія. Здѣсь никакого снисхожденія... Мнѣ разсказывали случай, бывшій въ Торнѣ. Одинъ русскій подданный покупалъ на торнскомъ вокзалѣ билетъ на обратный проѣздъ въ Александровъ. Не хватило у него 10 пфениговъ (около 5 коп.). Вмѣсто нихъ онъ предложилъ кассиру нашъ четвертакъ, не требуя даже сдачи. Кассиръ-гакатистъ нагло смѣрилъ его глазами, грубо отвергнулъ четвертакъ, не продалъ, разумѣется, билета, да еще въ заключеніе прочиталъ неприличную нотацію. Между тѣмъ, я увѣренъ, у насъ всегда взяли бы нѣмецкую марку, такъ какъ въ приграничной мѣстности размѣнять иностранную монету не представляется никакихъ затрудненій.

Отъ Иновроцлава до Гнѣзна не болѣе двухъ часовъ ѣзды. Путь лежитъ по лѣсистой мѣстности. Встрѣчаются по дорогѣ нѣсколько городовъ-станцій съ историческимъ прошлымъ. Вотъ Могильно,

славное бенедиктинскимъ монастыремъ, костелъ котораго—отличный памятникъ романской архитектуры начала XII столѣтія. А вотъ Тржемешно—предполагаемое мѣсто родины извѣстнаго польскаго демагога конца XVIII столѣтія Яна Килинскаго, съ древнимъ



Общій видъ города Гнѣзна.

аббатствомъ канониковъ регулярныхъ св. Августина и конвиктомъ, въ которомъ учился славный Андрей Снядецкій [1]). Замѣчательно, что Могильно удержало свое славянское наименованіе.

[1]) А. Снядецкій, геніальный физіологъ и докторъ, родился въ 1768 г., † 1838 г.

Имя Тржемешна искажено нѣмцами немного—Tremessen. Зато безобидная какая-то станцiйка Stare kolo, къ соблазну жителей, перекрещена въ Altraden.

Въ 10 часовъ вечера нашъ поѣздъ остановился передъ гнѣзненскимъ дебаркадеромъ. Вокзалъ здѣсь прекрасный. Черезъ обширный залъ выходимъ на крыльцо, чтобы взять извозчика. Ни одного. Передъ нами пустынная площадка. Вдали тонетъ въ купахъ высокихъ и густыхъ деревьевъ, залитая свѣтомъ электрическихъ фонарей, улица. Пришлось обратиться къ содѣйствiю желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые объяснили намъ причину отсутствiя извозчиковъ и отыскали комиссiонера Hôtel de l'Europe. Въ тотъ день въ Гнѣзнѣ происходила какая-то маевка-монстръ [2]), на которую и были забраны всѣ извозчики. Рекомендованный намъ комиссiонеръ забралъ наши вещи, сложилъ на ручную тележку и поѣхалъ впереди насъ въ гостиницу. Чудное впечатлѣнiе производитъ Гнѣзно даже и вечеромъ. Широкiя улицы, застроенныя домами красивой архитектуры, широкiя панели, густо обсаженныя деревьями и щедро освѣщенныя электричествомъ. Идете, какъ бы по обширному прекрасному парку... У самаго вокзала—памятникъ Фридриху III († 1888 г.), отцу нынѣ царствующаго императора. Памятники императору Фридриху III вообще очень рѣдки въ Германiи. Даже въ Берлинѣ на знаменитой аллеѣ побѣды (Sieges-Allee), гдѣ вы найдете статуи всѣхъ представителей Бранденбургскаго и Гогенцоллернскаго домовъ,—монумента Фридриху великодушному напрасно стали бы искать... Гнѣзно, старое Гнѣзно оказалось благодарнѣе другихъ и даже искони нѣмецкихъ городовъ къ монарху-страдальцу. На поворотѣ одной изъ улицъ противъ лютеранской кирки — другой памятникъ: нижнимъ чинамъ 49-го полка, павшимъ въ 1866, 1870 и 1871 годахъ.

Hôtel de l'Europe вполнѣ отвѣчалъ своему наименованiю: чистый, комфортабельный и вдобавокъ не дорогой. За большую комнату въ бельэтажѣ, съ окнами на улицу, отлично меблированную, съ насъ взяли по 4 марки въ сутки.

Теплую iюльскую ночь смѣнило сѣренькое, довольно прохладное утро, шелъ дождь, когда мы подходили къ каѳедральному костелу—единственной, но въ то же время громкою извѣстностью пользующейся достопримѣчательности Гнѣзна, судьба которой такъ тѣсно связана съ судьбою этого города.

Построенный Мечиславомъ I вскорѣ послѣ принятiя христiанства (965 г.) на мѣстѣ древняго языческаго святилища — грозной башни мора Ныи, гнѣзненскiй соборный храмъ за девятьсотъ тридцать шесть лѣтъ своего существованiя претерпѣлъ немало невзгодъ. Въ 1038 году его ограбили чехи, въ 1331 году обобрали

---

2) То же, что по-нашему пикникъ.

Каѳедральный соборъ въ Гнѣзнѣ.

Тевтонскіе рыцари, во второй половинѣ XVIII столѣтія то же сдѣлали шведы, при чемъ, говорятъ, изъ ризницы вывезли сорокъ возовъ разнаго костельнаго добра. Въ томъ же столѣтіи страшный пожаръ опустошилъ городъ, пострадалъ и соборъ (1760 г.). Благодаря этимъ обстоятельствамъ, современный гнѣзненскій соборный храмъ въ архитектурномъ отношеніи представляетъ собою зданіе

различныхъ стилей. Самая древняя его часть—фасадъ, увѣнчанный двумя высокими (37 саж.) башнями, и сторона, противоположная фасаду (гдѣ помѣщается сакристія). Боковыя части (каплицы) новѣйшаго происхожденія. По внутреннему расположенію своихъ частей гнѣзненскій соборъ напоминаетъ собою краковскій каѳедральный костелъ на Вавелѣ и храмъ св. Вита на Градчинѣ въ Прагѣ-чешской. По обѣ стороны широкой, высокой и очень свѣтлой, средней навы идутъ навы боковыя. Онѣ значительно ниже ея и соединяются другъ съ другомъ позади главнаго алтаря въ формѣ полукруга, благодаря чему и presbyterium имѣетъ тоже полукруглую форму. Къ этимъ навамъ примыкаютъ снаружи четырнадцать обширныхъ каплицъ, а позади главнаго алтаря—сакристія.

Подобно тому, какъ въ краковскомъ соборѣ посерединѣ храма почиваютъ мощи св. Станислава, такъ и здѣсь тоже посреди собора находятся мощи и алтарь св. Войцеха [1]. На четырехъ трехсоставныхъ, витыхъ, вызолоченныхъ колоннахъ, увѣнчанныхъ капителями, покоится сѣнь, покрытая богатымъ орнаментаціею куполомъ, съ крестомъ и фигурами на углахъ ангеловъ, держащихъ гирлянды цвѣтовъ. Подъ нею на алтарѣ—четыре колѣнопреклоненныя фигуры, изображающія представителей четырехъ сословій—рыцаря, епископа, мѣщанина и кмета, отлитыя изъ серебра, поддерживаютъ нѣчто въ родѣ балдахина (mensa). Въ немъ шесть серебряныхъ польскихъ орловъ съ распростертыми крыльями и съ коронами на головахъ держатъ на себѣ серебряную раку святого, украшенную барельефами, представляющими смерть и чудеса его и поклоненіе ему императора Оттона III. На крышкѣ раки помѣщено изображеніе апостола пруссовъ, онъ какъ бы приподнимается изъ гроба, на головѣ митра, въ правой рукѣ пастырскій жезлъ, а въ лѣвой евангеліе. Ракъ эта сооружена въ 1662 году Петромъ фонъ-Рессиненомъ изъ Гданска на средства гнѣзненскаго каноника Войцеха Пилховича. Въ 1897 году, ко дню тысячелѣтняго юбилея со дня мученической кончины св. Войцеха, ее обновили, добавивъ помянутыя четыре колѣнопреклоненныя фигуры. Въ ракѣ заключаются кости епископа-мученика, голова же его сохраняется въ соборной ризницѣ.

Позади мощей св. Войцеха, въ нишѣ, образуемой закругленіемъ боковыхъ навъ,—прекрасный главный алтарь съ колоннами изъ бѣлаго мрамора и живописью по золотому фону по сторонамъ его;

[1]) Св. Войцехъ, или Адальбертъ, какъ называютъ его нѣмцы, апостолъ Пруссіи, происходилъ родомъ изъ Праги, былъ сынъ пр. Славника. Обучался въ Магдебургѣ. Сдѣлавшись пражскимъ епископомъ, онъ крестилъ въ Венгріи бывшаго потомъ королемъ Стефана святого. Въ 996 году отправился въ Польшу къ Болеславу Храброму распространять тамъ христіанство и, во время обращенія язычниковъ-пруссовъ, умерщвленъ 23-го апрѣля 997 года. Тѣло его Болеславъ выкупилъ на вѣсъ золота и перевезъ въ Гнѣзно.

Рака св. Войцеха въ Гнѣзненскомъ соборѣ.

замѣчательны своею рѣзьбою мѣста для духовенства (stalle). Кстати замѣчу, что въ гнѣзненскомъ соборѣ, за исключеніемъ немногихъ каплицъ, нѣтъ лавокъ для публики.

Въ костелѣ и въ его каплицахъ много великолѣпныхъ памятниковъ. Здѣсь, между прочимъ, погребены 17 архіепископовъ. Гробы ихъ, въ большинствѣ случаевъ, украшены мраморными папятниками въ стилѣ Возрожденія. Таковы надгробія епископовъ:

Гембицкаго, Потоцкаго, А. Кржицкаго[1]). Особенно же замѣчателенъ памятникъ епископа Збигнева Олесницкаго—произведеніе Вита Ствоша, исполненное великимъ мастеромъ одновременно съ кенотафіемъ Казимира Ягеллончика, находящимся въ краковскомъ каѳедральномъ соборѣ на Вавелѣ. Внѣ костела, у сѣверной его стѣны, погребенъ подъ неуклюжею пирамидою въ землѣ, вывезенной изъ Іерусалима, архіепископъ Янъ Ласкій († 1535). Изъ памятниковъ лицъ недуховныхъ въ костелѣ обращаютъ на себя вниманіе памятники: королевы Домбровки, супруги Мечислава I, и знаменитаго врача XVI столѣтіе Войцеха Очки[2]).

Заслуживаютъ глубокаго вниманія бронзовыя двери южной стороны храма. Онѣ—двухстворчатыя. Высота ихъ 10 слишкомъ футовъ, а ширина каждой створки безъ малаго 2 фута. У правой створки внизу отбитъ значительный кусокъ: говорятъ, что Наполеонъ I взялъ его на память. Каждая половина дверей дѣлится на девять прямоугольниковъ. Въ каждой изъ нихъ барельефъ, содержаніе котораго заимствовано изъ жизни св. Войцеха. Барельефы литые, но мѣстами поправлены рѣзцомъ отъ руки. Двери эти были предметомъ различныхъ изслѣдованій ученыхъ. Самое обстоятельное изъ нихъ принадлежитъ Лелевелю[3]). Существуетъ легенда, будто бы ихъ привезли изъ Кіева, а туда онѣ, якобы, попали съ Востока. Всматриваясь ближе въ это высокохудожественное произведеніе литейнаго дѣла XII столѣтія, нельзя, мнѣ кажется, допускать, что оно вышло изъ рукъ мѣстныхъ польскихъ мастеровъ. Созданіе такого произведенія требовало болѣе высокой техники и болѣе развитаго артистическаго навыка и, наконецъ, болѣе высокой культуры, чѣмъ та, которою характеризуется эпоха первыхъ Пястовъ. Нельзя, по моему мнѣнію, признавать ихъ плодомъ которой либо изъ школъ нѣмецкихъ или французскихъ, такъ какъ, не касаясь уже реализма первыхъ и идеальныхъ стремленій вторыхъ, не найдемъ у нихъ въ XII и XIII вѣкахъ такого обилія византійскихъ мотивовъ, какими отличается этотъ памятникъ искусства. Невозможно считать его вышедшимъ изъ Византіи, такъ какъ легенда о св. Войцехѣ, послужившая содержаніемъ барельефовъ, во-первыхъ, не принадлежитъ церкви восточной, а, во-вторыхъ, реалистическій характеръ изваяній совсѣмъ не согласуется съ характеромъ и духомъ византизма. Какъ бы то ни было, мотивы византійской архитектуры тутъ очень развиты. Чѣмъ это объяснить? Полагаю, не тѣмъ ли, что при Болеславѣ Храбромъ, когда

---

[1]) Подробно описаны проф. Маріаномъ Соколовскимъ въ «Sprawozd. Akad. Umiejętności w Krakowie», т. VI, вып. I, и отдѣльно (Kraków, 1896 г.).

[2]) Послѣдній описанъ г. Госіоровскимъ въ Rocznik'ѣ Towarzystwa przyjaciół nauk w Poznaniu.

[3]) «Drwi kościelne płockie i gnieźnieńskie z lat 1135—1155». Poznań, 1857.

между Польшею и Кіевскою Русью существовали тѣсныя сношенія, кто либо изъ кіевскихъ художниковъ соорудилъ эти двери, взявъ темою для изображеній на нихъ житіе св. Войцеха. Такимъ

Сѣнь надъ ракой св. Войцеха.

(бразомъ, исполненіе было мѣстное, а содержаніе западное, со ıключеніемъ тоже мѣстныхъ восточныхъ мотивовъ.

Къ числу достопримѣчательностей гнѣзненскаго собора относятся также чудные органы — произведеніе Юрія Гданчанина :662 года, богатая ризница, полная орнатовъ, капъ (между ними

есть собственноручной работы королевы Ядвиги) и утвари—чашъ, монстранцій, цѣнный для историка архивъ (между документами «Liber beneficiorum» гнѣзненской епархіи, 1521 года) и обширная библіотека (въ числѣ ея сокровищъ находится св. писаніе—манускриптъ на пергаменѣ съ заставками и иниціалами, подарокъ собору Казимира Ягеллончика) [1]).

Кромѣ каѳедральнаго костела, въ Гнѣзнѣ существуетъ болѣе десяти католическихъ костеловъ. Всѣ они въ большинствѣ случаевъ старые, готической архитектуры.

Мы были въ двухъ изъ нихъ приходскомъ (fara) и бывшемъ монастырѣ ордена францискановъ. Оба находятся вблизи собора въ боковыхъ улицахъ, идущихъ отъ рынка.

Первый, во имя св. Троицы, построенный въ XIV ст., имѣетъ форму креста. Главный алтарь—небольшой, готическій. Въ трехъ окнахъ presbyterium'а великолѣпные витражи. Любопытна раззолоченная проповѣдническая каѳедра, въ видѣ плывущаго по волнамъ корабля, съ котораго апостолы бросали сѣти, наполнившіяся рыбою.

Костелъ — пофранцисканскій, готическій XV вѣка. Фасадъ—оштукатуренный, со статуями святыхъ въ нишахъ. По лѣвой сторонѣ входа—готическая, хорошо сохранившаяся звонница. Костелъ имѣетъ только одну длинную наву и двѣ каплицы по бокамъ, что̀ придаетъ ему видъ креста. Здѣсь почиваетъ блаженная Іоланта († 1298 г.), супруга Болеслава Набожнаго, князя калишскаго и гнѣзненскаго, окончившая свою жизнь монахинею въ этомъ монастырѣ.

Заканчивая свою рѣчь о Гнѣзнѣ, прибавлю, что по характеру своего населенія (ок. 20.000) Гнѣзно—польскій городъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ Иновроцлавѣ, слышите во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ преимущественно польскую рѣчь. Въ магазинахъ считаютъ тоже на трояки. Въ городѣ издается польская газета «Lech». Нѣмцы, число которыхъ не превышаетъ половины всего населенія, имѣютъ свой печатный органъ—«Gnesener Zeitung». Общественная жизнь течетъ въ своемъ руслѣ довольно тихо. Гнѣзно при всей своей симпатичной внѣшности производитъ впечатлѣніе зачарованнаго города. И, право, эта спячка ему какъ-то къ лицу. Онъ напоминаетъ того орла, который у него въ гербѣ [2]), орла, которому чужіе люди остригли крылья, но который ожидаетъ момента, когда эти крылья отростутъ...

---

[1]) Самая обстоятельная монографія гнѣзненскаго собора принадлежитъ кс. И. Пулковскому: «Katedra gnieźnieńska», Gniezno, 1874—1875.

[2]) Гербъ Гнѣзна—на красномъ полѣ бѣлый орелъ. По народному преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Гнѣзно, легендарный князь Лехъ нашелъ гнѣздо орлятъ и при этомъ, обратившись къ окружающимъ, сказалъ: gnieździmy się tu! (совьемъ тутъ гнѣздо), такимъ образомъ положено было основаніе города.

И вотъ мы снова въ вагонѣ на пути въ Познань. Поѣздъ Schnell-Zug, и вагонъ отъ быстрой ѣзды бросаетъ изъ стороны въ сторону.

Огромный городъ показывается вдали. Поѣздъ убавляетъ свой ходъ и вдругъ останавливается.

— Posen!—кричитъ кондукторъ.

Забираемъ свои пожитки и выходимъ.

Ничтожный вокзалъ. Но насъ въ Германіи это нисколько не удивляетъ. Дивимся только тому, что у вокзала нѣтъ ни одного извозчика. Приходится итти пѣшкомъ. Но куда? Спрашиваемъ прохожихъ: какъ пройти въ городъ? Любезно указываютъ. Идемъ. Мостъ... Начинается улица. Направо великолѣпныя постройки... оказывается, городскія бойни. Иные дворцы выглядываютъ куда хуже ихъ! Удивляться, впрочемъ, нечему. Еще вопросъ, что цѣннѣе для народа, для общественнаго блага, великолѣпные ли дворцы, или великолѣпныя бойни... Въ началѣ улицы—электрическій трамвай. Онъ поддерживаетъ сообщеніе съ центромъ города. Оказывается, что въ Познани, какъ и во многихъ германскихъ городахъ, кромѣ мѣстнаго вокзала, существуетъ еще такъ называемый центральный вокзалъ. Мы упустили это изъ виду, вышли на мѣстномъ вокзалѣ и за это жестоко поплатились своими ногами, пока отыскали извозчика и попали въ намѣченную гостиницу. Избранная нами гостиница («Monopol») оказалась на улицѣ св. Мартина у Берлинскихъ воротъ, которыя, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, городское управленіе, по сношеніи съ военнымъ начальствомъ, рѣшило снести. Познань, какъ сильная крѣпость, первая въ Германіи послѣ Меца, кромѣ земляныхъ укрѣпленій, фортовъ, валовъ, окружена, подобно Торну и Кенигсбергу, каменною толстою стѣною съ амбразурами для орудій. Въ этихъ стѣнахъ, по мѣстамъ, какъ въ Кенигсбергѣ, устроены ворота, носящія различныя названія — Берлинскія, Варшавскія, Калишскія, Королевскія и т. д.

Устроившись на скорую руку въ отелѣ, отправились знакомиться съ городомъ.

Наступалъ вечеръ. Улицы были очень оживлены. Всюду нарядная толпа. Въ магазинахъ засвѣтились огни. На улицахъ вспыхнуло электричество. Познань болѣе нѣмецкій, нежели польскій городъ, и изъ послѣднихъ наиболѣе напоминаетъ Львовъ. Въ отношеніи же благоустройства она, пожалуй, превосходитъ послѣдній.

Направились въ центръ Познани, на Старый рынокъ (Alter Markt).

Старый рынокъ огромная, квадратной формы площадь. Посерединѣ ея возвышается извѣстное въ цѣлой Европѣ по рисункамъ зданіе городской ратуши, обстроенное вокругъ домами. Первая ратуша была выстроена здѣсь послѣ 1253 г. При Сигизмундѣ I

ее разобрали (1508 г.) и выстроили (1514 г.) другую. Пожаръ 1536 г. уничтожилъ верхнюю часть зданія. Построили другое. Оно сгорѣло отъ удара молніи въ 1675 г. Снова его отстроили, но во время сильной бури въ 1725 г. упала высокая башня. Въ 1783 г., благодаря стараніямъ Казимира Рачинскаго, ратушу отремонтировали и украсили существующею нынѣ башнею 214 футовъ высоты. Тогда же фасадъ зданія расписали портретами польскихъ королей и изображеніями гербовъ городовъ и областей польскихъ. Послѣдніе въ настоящее время едва замѣтны, и очень вѣроятно, что теперь (1901 г.), когда происходитъ наружный ремонтъ зданія, гакатисты воспользуются обстоятельствами, чтобы и совсѣмъ сгладить остатки живописи. Въ архитектурѣ зданія преобладаютъ два стиля: нижняя часть, остатокъ постройки 1514 г.—въ стилѣ готическомъ, фронтъ и своды слѣдующихъ этажей—въ стилѣ Возрожденія. Во второмъ этажѣ достойны обозрѣнія передняя и зала собраній магистрата, украшенныя плафонами и фресками артистической работы. Съ башни, доступъ на которую свободный за плату по 10 пфениговъ съ человѣка, открывается красивый видъ на городъ и окрестности. Отсюда же можно разсмотрѣть на одной изъ боковыхъ башенокъ ратуши любопытную фигуру — статую, три головы подъ одною шляпою. Это, говорятъ, три брата славяне Чехъ, Лехъ и Русъ, родоначальники трехъ главныхъ славянскихъ племенъ (чеховъ, поляковъ и русскихъ).

Предъ ратушею стоитъ воздвигнутый въ 1535 году позорный столбъ со статуею на верху вооруженнаго рыцаря. Изъ находящейся на столбѣ латинской надписи видно, что онъ построенъ на суммы, собранныя въ видѣ штрафа съ городскихъ кухарокъ за то, что онѣ черезчуръ наряжались. До 1849 года передъ нимъ выставляли на публичный позоръ и казнили преступниковъ. Тутъ же, неподалеку, фонтанъ съ группою: Нептунъ и Амфитрита.

Къ ратушѣ съ западной стороны примыкаетъ городской домъ (Stadthaus), выстроенный десять лѣтъ тому назадъ, въ стилѣ, одинаковомъ съ ратушею, для помѣщенія городскихъ властей.

Подлѣ него—гауптвахта, въ дорическомъ стилѣ. А напротивъ ея, черезъ дорогу, на углу Францисканской улицы дворецъ (palac) Дзялынскихъ, старинное, украшенное барельефами зданіе. Прежде онъ принадлежалъ Гуровскимъ, потомъ достался Дзялынскимъ, а въ настоящее время составляетъ собственность графа Замойскаго. Въ исторіи жизни польскаго общества второй половины прошлаго столѣтія онъ сыгралъ замѣтную роль. Съ 1841 г., въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, здѣсь происходили публичныя чтенія, организованныя по иниціативѣ Либельта и Морачевскаго. Въ 1848 г. въ такъ называемой «Красной залѣ» дворца было открыто польское военное бюро. Позднѣе тутъ находился лазаретъ

Старинныя двери въ Гнѣзненскомъ соборѣ.

для раненыхъ польскихъ повстанцевъ. Многочисленныя общества имѣли и до сихъ поръ, по временамъ, имѣютъ здѣсь свои собранія. Такъ, напримѣръ, здѣсь устраивались выставки картинъ, промышленныя и т. п. Въ бельэтажѣ заслуживаютъ вниманія круглый большой залъ и комната со старинною мебелью, портретами, бюстами и картинами. Изъ послѣднихъ, находящихся во второй комнатѣ, у насъ остались въ памяти двѣ великолѣпныя картины:

«Отрокъ Іисусъ во храмѣ, окруженный начетчиками» и «Жанна д'Аркъ», авторы которыхъ, къ сожалѣнію, не извѣстны. Въ нижнемъ этажѣ дворца, въ помѣщеніяхъ со сводами, мы нашли остатки извѣстнаго книжнаго склада I. К. Жупанскаго. Жупанскаго уже нѣтъ на свѣтѣ. Складъ его пріобрѣлъ докторъ Целиховскій, по профессіи адвокатъ. Книгъ онъ не издаетъ, а только ограничивается распродажею того, что еще осталось на складѣ изъ изданій Жупанскаго и курницкой библіотеки Дзялынскихъ [1]) и изъ дубликатовъ библіотеки князя Ст. Любомирскаго въ Варшавѣ. О книжномъ складѣ Жупанскаго почему-то составилось въ Россіи мнѣніе, какъ о чемъ-то невѣроятно ужасномъ. Напрасная тревога! Возьмите каталоги склада, ихъ любезно предъявляютъ каждому ими интересующемуся, и разочаруетесь въ ожиданіи найти въ нихъ что нибудь такое, какой либо «плодъ запретный». Я, по крайней мѣрѣ, ничего не могъ найти такого, если, впрочемъ, не считать запретнымъ плодомъ Рылѣевскаго «Войнаровскаго» въ польскомъ переводѣ Сырокомли, «Войнаровскаго», который, какъ это ни странно, даже теперь, черезъ 75 лѣтъ по смерти автора, все еще состоитъ «подъ сумлѣніемъ»...

Еще болѣе имѣютъ значенія въ исторіи польскаго просвѣщенія въ Познани библіотека Рачинскихъ и «Общество друзей наукъ».

Библіотека Рачинскихъ, помѣщающаяся въ собственномъ великолѣпномъ зданіи, можно сказать, дворцѣ, фасадъ котораго украшенъ колоннами коринѳскаго ордена изъ желѣза, основана въ 1829 году Эд. Рачинскимъ († 1845 г.), меценатомъ, ученымъ и издателемъ многихъ капитальныхъ сочиненій. Имя Эд. Рачинскаго никогда не забудется въ исторіи Познани, съ нимъ вы здѣсь встрѣчаетесь очень часто, такъ много онъ сдѣлалъ для города. Надо только удивляться, почему ему нѣтъ здѣсь памятника. Братъ его, Аѳанасій († 1874 г.), знатокъ и любитель изящныхъ искуствъ, хотѣлъ подлѣ существующаго въ настоящее время зданія библіотеки построить картинную галлерею. Но тогдашнее городское управленіе потребовало, чтобы жертвователь далъ не только домъ и картины, но чтобы еще сдѣлалъ извѣстный вкладъ на содержаніе галлереи. Рачинскій не согласился [2]). Библіотека Рачинскихъ содержитъ въ себѣ 50.000 томовъ и значительное количество рукописей. Открыта ежедневно отъ 5 до 8 часовъ вечера, за исключеніемъ праздниковъ и времени вакацій въ гимназіяхъ.

---

[1]) Библіотека эта, одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, находится въ Курникѣ, мѣстечкѣ, отстоящемъ въ разстояніи $2^1/_2$ к. отъ Познани.

[2]) Картинная галлерея Аѳ. Рачинскаго составляетъ въ настоящее время собственность прусскаго правительства. Ее оцѣниваютъ въ нѣсколько милліоновъ марокъ.

Познанское общество друзей наукъ (Towarzystwo przyjaciół nauk Poznanskie) возникло въ 1857 году, въ подражаніе существовавшему въ Варшавѣ до 1831 г. такому же обществу. Вся тогдашняя польская интеллигенція княжества Познанскаго приняла живое участіе въ основаніи новаго общества. Первымъ президентомъ былъ выбранъ графъ Августъ Цѣшковскій. Мѣстомъ собраній общества первоначально, до 1869 года, служилъ дворецъ Рачинскихъ. Выбранный въ 1871 году почетнымъ президентомъ, графъ Северинъ Мельжинскій изъ Милослава, пріобрѣлъ для общества домъ и землю на Млынской улицѣ (нынѣ улица Викторіи). Въ 1872 г. умеръ Северинъ Мельжинскій, а въ началѣ 1874 года—его жена. По духовному завѣщанію они оставили крупныя пожертвованія въ пользу общества. Наслѣдникъ ихъ—графъ Іосифъ Мельжинскій, когда увидалъ, что помѣщеніе оказалось недостаточнымъ, выстроилъ, между 1875—1883 годами, новое обширное прекрасное каменное зданіе, въ которомъ въ настоящее время и помѣщается общество со своимъ музеемъ, который носитъ наименованіе музея имени Мельжинскихъ. Къ сожалѣнію, и настоящее помѣщеніе дѣлается уже недостаточнымъ. Впрочемъ, мы слышали, будто владѣлецъ дома хочетъ прикупить смежный съ нимъ участокъ земли и на немъ сдѣлать пристройку къ музею. Коллекціи общества друзей наукъ распадаются на три отдѣла: библіотеку, картинную галлерею и музей въ собственномъ смыслѣ слова. Библіотека помѣщается внизу надворнаго флигеля. Состоитъ изъ 42.000 сочиненій. Въ числѣ ихъ 12.000 — даръ прелата Станислава Козьмяна († 1883 г.), состоявшаго президентомъ общества. Въ составъ картинной галлереи входятъ произведенія польскихъ художниковъ и художниковъ-иностранцевъ, жившихъ въ Польшѣ, а также собраніе картинъ иностранныхъ мастеровъ. Количество первыхъ доходитъ до 500 нумеровъ. Для нихъ отведенъ прекрасный залъ со стекляннымъ потолкомъ. Здѣсь найдете портреты историческихъ личностей, исполненные кистью (между прочимъ, произведенія Баччіарелли), карандашемъ и рѣзцомъ, историческія картины (въ числѣ ихъ громадное полотно Молинари—«Пораженіе турокъ подъ Хотимомъ въ 1658 году», Лясковскаго — «Апоѳеозъ Мицкевича», Я. Суходольскаго — «Смерть Стефана Царнецкаго», Герсона—«Возвращеніе Казимира въ отечество»), пейзажи (между ними работы Каналетто), архитектурные рисунки (Норблина), типы, собраніе гравюръ на стали и на мѣди Фалька († ок. 1670 года) и Ходовецкихъ и т. п. Большинство ихъ пріобрѣтено графомъ Севериномъ Мельжинскимъ отъ барона Эд. Раставецкаго († 1874 года), большого знатока и любителя родного искусства. Галлерея картинъ иностранныхъ мастеровъ обнимаетъ собою по каталогу 224 нумера. Здѣсь попреимуществу собраны произведенія итальянской, французской и голландской школъ. Въ числѣ ихъ есть: «Геркулесъ у Омфалы» До-

менникино-Зампіери, портретъ кисти Клуэ (Clouet, 1572), «Поклоненіе трехъ рыцарей» Луки изъ Лейдена, «Св. Францискъ»—Мурилло, пейзажъ Рюиздаля. Для нихъ отведенъ цѣлый рядъ комнатъ въ 3-мъ этажѣ. Помѣщеніе довольно тѣсное, отъ чего нѣкоторыя изъ картинъ, въ томъ числѣ и превосходный пейзажъ Рюиздаля, помѣщены очень неудачно въ отношеніи освѣщенія. Въ составъ музея входятъ кабинеты: археологическій—одинъ изъ богатыхъ въ Европѣ (предметы каменнаго вѣка, голова и скелетъ человѣка той же эпохи, издѣлія изъ желѣза, кости, образцы доисторической керамики), физическій (обширная коллекція птицъ, насѣкомыхъ и гербарій), нумизматическій (драгоцѣнныя монеты и медали римскія, нѣмецкія и польскія), историческій, заключающій въ себѣ вещи и предметы, оставшіеся послѣ разныхъ историческихъ лицъ: Костюшки (его волосы, модель памятника ему), Станислава Понятовскаго (коробка конфетъ), Мицкевича (модель памятника ему), К. Марцинковскаго [1]), Н. Зыбликевича [2]), Княжнина [3]), разныхъ польскихъ генераловъ, относящіеся къ 1863 году, и т. д., и отдѣльный кабинетъ І. И. Крашевскаго. Въ послѣднемъ собраны всѣ подарки, которые были поднесены знаменитому покойному романисту въ 1879 году, въ день полувѣкового юбилея его дѣятельности. Чего тутъ только нѣтъ! Тутъ и адресы, и альбомы, и вѣнки, и разныя вещи и вещицы—сундукъ отъ евреевъ-ремесленниковъ изъ Варшавы, кованный, украшенный рѣдкими польскими монетами и медалями, сапоги и туфли тоже варшавскіе, кресло писателя, груда визитныхъ карточекъ, ему присланныхъ, собранія его сочиненій въ переводѣ на иностранные языки и пр. и пр. Отрадно видѣть подобную заботливость о сохраненіи памяти общественнаго дѣятеля. Благо той націи, которая помнитъ о лучшихъ сынахъ своихъ! Они, вѣдь, соль земли. Музей Мельжинскихъ открытъ для публики ежедневно съ платою по воскресеньямъ 10 пфениговъ, а въ прочіе дни 50 пфениговъ.

Если описанныя нами учрежденія имѣютъ несомнѣнное значеніе для народа въ смыслѣ духовнаго развитія послѣдняго, то наряду съ ними едва ли еще не большее значеніе имѣютъ для него мѣстные храмы и во главѣ ихъ каѳедральный, по тѣмъ, разумѣется, историческимъ воспоминаніямъ, которыя соединяются съ ними.

---

[1]) Карлъ Марцинковскій—заслуженный лѣкарь и филантропъ польскій, родился въ 1800 году въ Познани, † въ 1846 году. Въ 1834 году участвовалъ въ учрежденіи общества научной помощи (Towarz. naukowėj pomocy). Ему же обязана Познань устройствомъ на акціяхъ грандіознаго базара, или отеля, соединяющаго въ себѣ національную торговлю и промышленность и служащаго связью между городомъ и деревнею.

[2]) Былъ президентомъ Кракова и маршалкомъ Галиціи въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія.

[3]) Францъ-Діон. Княжнинъ р. 1750, † въ 1807 году, извѣстный польскій лирическій поэтъ.

Познанскій каѳедральный соборъ, несмотря на свою глубокую древность, отличается снаружи оригинальною архитектурою. Его классическій фасадъ — произведеніе послѣднихъ лѣтъ XVIII ст.,

Ратуша въ Познани.

скорѣе подходилъ бы къ какому нибудь дворцу, нежели къ христіанскому храму.

Впрочемъ, такія странныя сочетанія въ архитектурѣ польской не являются исключеніемъ. Ихъ еще недавно можно было видѣть и въ Гнѣзнѣ, гдѣ верхнимъ частямъ башенъ соборныхъ приданъ

стиль гососо, и въ Плоцкѣ, гдѣ древнему собору, архитектурному памятнику XII столѣтія, данъ фасадъ въ стилѣ XVIII ст. [1]).

Строителемъ собора называютъ Мечислава I (968 г.). Неоднократные пожары (въ 1622, 1772, 1853 годахъ) и бури (въ 1725, 1754, 1787 годахъ) оказали свое вліяніе на измѣненіе архитектуры этого историческаго памятника. По внутреннему своему плану познанскій каѳедральный костёлъ напоминаетъ во всемъ гнѣзненскій— такое же расположеніе навъ, главнаго алтаря, каплицъ.

Въ костелѣ достойны вниманія главный алтарь, нѣкоторыя каплицы и памятники.

Главный алтарь украшенъ группою изъ бѣлаго мрамора, представляющею Христа, спасающаго апостола Петра. Налѣво отъ алтаря большой образъ: Богоматерь, Іоаннъ Креститель и святой епископъ Станиславъ—копія кисти знаменитаго Баччіарелли съ картины Пальма (Palmanuovo), принесенная въ даръ собору графомъ Сев. Мельжинскимъ. Очень хороша новая живопись на стѣнахъ presbyterium'а вверху—ангелы у Пяста (начало Польскаго государства), смерть полоцкаго уніатскаго архіепископа святого Іосафата Кунцевича и др. Арка, отдѣляющая presbyterium отъ средней навы, удачно расписана въ византійскомъ стилѣ.

Изъ каплицъ самая замѣчательная — королевская или золотая, богато отдѣланная золотомъ, въ византійскомъ стилѣ. Напротивъ входа въ нее—алтарь съ образомъ Успенія Богоматери изъ мозаики, копія съ Тиціана. По лѣвой сторонѣ бронзовыя статуи Мечислава I и Болеслава Храбраго, исполненныя по модели славнаго Рауха († 1857 г.). Направо, противъ статуй, саркофагъ, заключающій въ себѣ прахъ этихъ королей. Каплица эта въ нѣкоторомъ родѣ пантеонъ прошлаго Польши. Вверху, на сводахъ, изображены всѣ святые патроны и патронессы Польской земли. Кругомъ гербы епископовъ и польскихъ родовъ, заслуженныхъ въ исторіи церкви и государства. На стѣнѣ, налѣво, картина Суходольскаго († 1875 г.)—«Введеніе христіанства въ Польшѣ», а направо—Эд. Бржозовскаго: «Оттонъ III и Болеславъ Храбрый у гроба св. Войцеха въ Гнѣзнѣ». Отдѣлка каплицы вмѣстѣ со статуями королей обошлась, какъ говорятъ, около 100.000 талеровъ. Большую часть этой суммы далъ помянутый нами выше благотворитель Эдв. Рачинскій. Изъ находящихся въ другихъ каплицахъ и въ средней навѣ памятниковъ заслуживаютъ вниманія: бронзовый памятникъ познанскаго воеводы Луки Гурки († 1475 г.), изображающій рыцаря во весь ростъ, стоящаго на львѣ и опирающагося руками на два меча, другого Гурки—Уріэля, епископа познанскаго, умершаго въ 1498 г., работы краковскаго ваятеля Іеронима Кане-

[1]) См. нашу ст. «Каѳедральный соборъ въ Плоцкѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1895 года, кн. XI).

вези, поставленный въ 1574 г. братомъ покойнаго, Андреемъ Гуркой, каштеляномъ познанскимъ, дипломатомъ и рыцаремъ († 1553 г.), который похороненъ тутъ же въ соборѣ, епископа Лаврентія Гослицкаго († 1607 г.), дипломата и писателя, автора книгъ «De optimo senatore» († 1568 г.), епископа Андрея изъ Бнина, архіепископа Юлія Диндера († 1890 г.), предшественника нынѣшняго архіепископа Ф. Стаблевскаго, и ксендза Станислава Козьмяна (р. въ 1813 г. † 1883 г.). Неподалеку отъ послѣдняго находится едва ли не самый старый памятникъ въ цѣломъ соборѣ—бронзовая плита съ

Библіотека Рачинскаго въ Познани.

изображеніемъ духовной особы въ древнемъ священническомъ облаченіи. Предполагаютъ, что это первый познанскій епископъ Іорданъ.

Ризница познанскаго собора по сравненію съ другими не особенно богата. И не удивительно: сколько разъ изъ нея брали на нужды и костела и государства! Сохранилось еще нѣсколько цѣнныхъ золотыхъ монстранцій и потировъ. Показываютъ еще мечъ, которымъ будто бы апостолъ Петръ отсѣкъ первосвященническому рабу Малху правое ухо (Іоан. XVIII, 10).

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каѳедральнаго костела находится небольшой древній каменный костелъ во имя **Пресвятой Богородицы**, извѣстный еще подъ именемъ in Summo (на бугрѣ). По преданію, его выстроила первоначально кн. Домбровка изъ дерева. Въ 1440 г. возвели существующій нынѣ, въ готическомъ стилѣ.

Съ 1809 г. до 1860 г. костелъ стоялъ пустымъ, и если его не разобрали, то, говорятъ, потому лишь, что стало бы это слишкомъ дорого. При епископѣ Пржилускомъ († 1865 г.) его обновили. Снаружи костела, у стѣны, выходящей въ узенькій переулокъ, лежитъ большихъ размѣровъ кремневой породы камень, съ безчисленными слѣдами зазубринъ. По преданію, польское войско, выступая въ походъ, дотрогивалось до этого камня саблями въ знакъ того, что оно шло на защиту вѣры и имени Пресвятой Маріи. Нѣкоторые думаютъ, будто на этомъ камнѣ даже оттачивали мечи. Намъ не удалось быть въ этомъ костелѣ, онъ былъ запертъ. Но намъ говорили, что внутри нѣтъ ничего особеннаго.

Между каѳедральнымъ костеломъ и костеломъ Дѣвы Маріи стоитъ памятникъ знаменитому поэту Яну Кохановскому (р. въ 1530 г. † 1580 г.). Памятникъ воздвигнутъ въ 1884 году. Это—колонна съ бронзовымъ медаліономъ переводчика-стихотворца Псалмовъ Давидовыхъ, работы Виктора Бродскаго, надписями и лавровою вѣтвью.

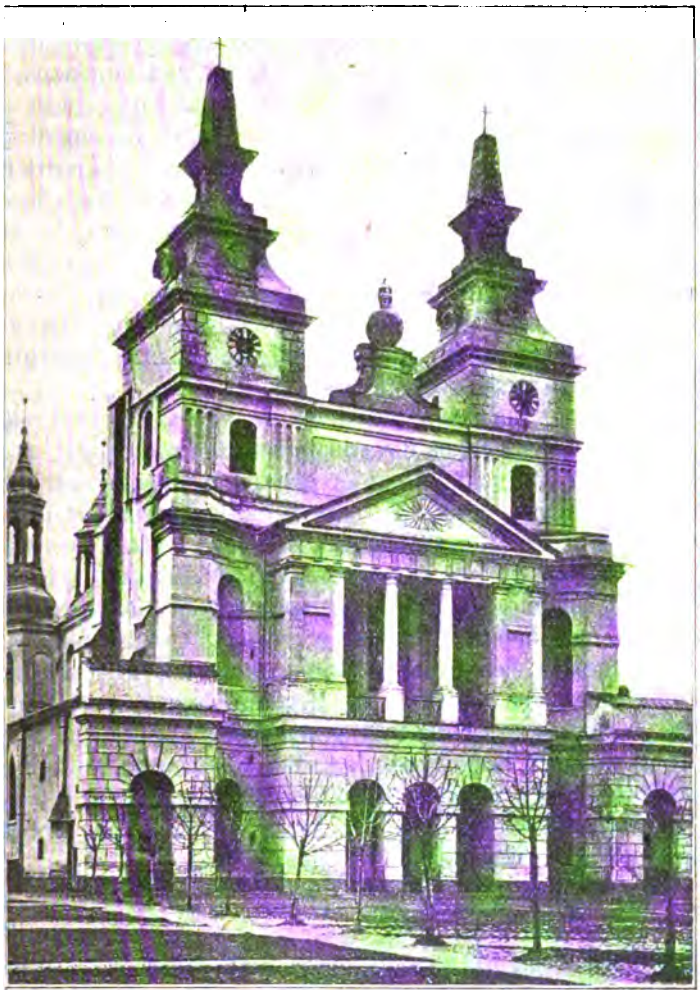
Упомянувъ о памятникѣ Кохановскому, я долженъ замѣтить, что Познань очень бѣдна общественными монументами. Есть еще здѣсь памятникъ Мицкевичу около костела св. Мартина, воздвигнутый въ 1859 г.; на плацу Вильгельма противъ городского (нѣмецкаго) театра[1]) бронзовый чешскій левъ напоминаетъ войну 1866 года, а статуя императора Вильгельма I на пьедесталѣ, украшенномъ аллегорическими фигурами, передъ домомъ коменданта, припоминаетъ побѣды нѣмцевъ надъ французскою арміею въ 1870—1871 г.г. Кромѣ того, въ разныхъ пунктахъ города встрѣчается нѣсколько фонтановъ, украшенныхъ группами и статуями. Таковы, напримѣръ, фонтанъ на площади Викторіи—«Персей освобождаетъ Андромеду», фонтанъ св. Іоанна Непомука на Старомъ рынкѣ, поставленный іезуитами въ 1724 г., фонтанъ противъ почтамта съ изображеніемъ знаменитаго гидропата Присница (р. 1799 г. † 1851 г.) съ греческою надписью: «Ἄριστον μὲν ὕδωρ» (нѣтъ ничего лучше воды) и фонтанъ на Долгой ул., у монастыря сестеръ милосердія, въ видѣ сикстинской каплички Богоматери. Оба послѣдніе фонтана соорудилъ Эдв. Рачинскій, онъ заботился, чтобы Познань имѣла хорошую воду.

Кромѣ упомянутыхъ мною костеловъ, я рекомендую вниманію путешественниковъ костелы Божія Тѣла и приходскій (fara).

Первый изъ нихъ построилъ король Владиславъ Ягелло въ 1470 г. въ память выздоровленія супруги своей Ядвиги. Въ 1657 г. костелъ сгорѣлъ: осталась лишь нижняя часть зданія. Черезъ шесть

[1]) Въ Познани два театра—одинъ нѣмецкій, такъ сказать, правительственный, а другой польскій—мѣстный. Послѣдній помѣщается въ саду Потоцкихъ по Берлинской ул., № 1, 18. Разсчитанъ на 600 человѣкъ, открытъ въ 1875 г.

лѣтъ его отстроили. Стиль храма готическій. Историческихъ памятниковъ въ немъ нѣтъ никакихъ. Два портрета Ягеллы и Ядвиги—позднѣйшаго происхожденія, писаны спустя двѣсти слишкомъ лѣтъ по ихъ смерти и даже артистическими достоинствами въ



Каѳедральный соборъ въ Познани.

смыслѣ исполненія не отличаются. Но съ этимъ костеломъ связывается интересная легенда, интересный процессъ, одинъ изъ тѣхъ процессовъ, которые, къ прискорбію, были нерѣдки въ средневѣковой Европѣ, о надругательствѣ жидовъ надъ св. дарами (hostia). Во всѣхъ подобныхъ процессахъ «жиды» издѣвались надъ

гостіею[1]), кололи ее, а послѣ гдѣ нибудь топили. «Жидовъ» ловили, мучили, предавали лютой смерти. Гостію находили въ неприкосновенномъ видѣ, и на томъ мѣстѣ возводили храмъ. Такъ было въ XV ст. въ Краковѣ, на Казимержѣ, гдѣ, благодаря такому обстоятельству, возникъ великолѣпный храмъ Божія Тѣла. Такъ было и въ Познани. Костелъ вошелъ въ большую славу. Ежегодно по нѣскольку десятковъ тысячъ паломниковъ со всей Польши стекались въ него на праздникъ Божія Тѣла. Самъ епископъ познанскій передъ вступленіемъ на епископскую каѳедру шелъ сначала сюда. Возникъ при немъ монастырь, въ которомъ поселились сперва кармелиты, а потомъ реформаты. Происшествіе съ гостіею было увѣковѣчено на огромныхъ картинахъ, которыя были помѣщены у главнаго алтаря. Въ настоящее время по серединѣ костела видите колодецъ, въ который была брошена св. гостія. Надъ колодцемъ устроенъ алтарь. На немъ сохраняется часть стола, на которомъ евреи кололи св. тайны, а остатки послѣднихъ сложены въ богатую монстранцію. Подъ алтаремъ видите фигуры трехъ спрятавшихся жидовъ-кощунниковъ.

Приходскій костёлъ замѣчателенъ не своею древностью — онъ едва ли не самый молодой изъ познанскихъ костеловъ, построенъ іезуитами въ XVIII столѣтіи—и не своими памятниками, которыхъ въ немъ тоже нѣтъ, а своимъ внутреннимъ великолѣпіемъ, блистающимъ золотомъ и мраморомъ. Всѣ его стѣны обложены на нѣсколько футовъ отъ полу настоящимъ мраморомъ, выше идетъ имитація. Въ главномъ алтарѣ, отличающемся богатствомъ художественныхъ украшеній, находится образъ Смуглевича: «Воскрешеніе Петровина св. епископомъ Станиславомъ». Замѣчательны также образа св. Станислава Костки и св. Игнатія Лойолы—оба кисти генерала отъ артиллеріи, временъ Владислава IV, Христофора Гродзицкаго. При костёлѣ находится богатая библіотека—цѣнный даръ кс. Бажинскаго. Къ костёлу примыкаютъ обширныя строенія бывшаго іезуитскаго коллегіума. Въ нихъ въ настоящее время помѣщается управленіе Познанскою провинціею.

Заканчивая свои бѣглыя путевыя замѣтки о великомъ княжествѣ Познанскомъ, я не могу не вспомнить съ благодарностью о тѣхъ представителяхъ ученыхъ учрежденій и о тѣхъ частныхъ лицахъ изъ мѣстнаго польскаго общества, съ которыми меня сталкивало мое любопытство на почвѣ мѣстной исторіи и археологіи.

[1]) Въ церкви католической, гдѣ, какъ извѣстно, причастіе предлагается міранамъ подъ однимъ видомъ, въ формѣ, именуемой hostia или oblatio eucharistica, послѣдняя представляетъ собою круглую облатку, напоминающую еврейскіе опрѣсноки, изъ чистой пшеничной муки, разведенной на обыкновенной водѣ.

Племенныя симпатіи оказались живучими, сказались во всей своей силѣ. Достаточно было одной визитной карточки, или даже назвать свое имя, чтобы передъ нами открылись двери сокровеннѣйшихъ хранилищъ. Имя русскаго, какъ члена великой славянской семьи, здѣсь пользуется надлежащимъ почетомъ и уваженіемъ. Ложь и клевета русской реакціонной печати обнаруживается во всей своей наготѣ. Изъ разговоровъ съ мѣстными поляками мнѣ пришлось убѣдиться, что симпатіи ихъ на сторонѣ нашего отечества, что они не прочь даже отъ уніи съ нимъ. Послѣдняя, по ихъ соображеніямъ, выгодна для обѣихъ сторонъ. Пускай Россія возьметъ подъ свое покровительство всѣ славянскія племена: болгаръ, сербовъ, поляковъ, чеховъ, а они образуютъ славянскую конфедерацію подъ русскимъ протекторатомъ. Конфедерація спасетъ ихъ отъ ассимиляціи съ германствомъ, а Россія можетъ спокойно улаживать свои дѣла въ Азіи, опершись въ Европѣ на эту конфедерацію: вѣдь она будетъ служить могучимъ барьеромъ, о который разобьется натискъ германства. Въ противномъ случаѣ Россіи придется всегда самой оберегать себя отъ разложенія германской культурой.

Вѣдь такимъ же путемъ пришли и германцы къ мысли покончить свою вѣковую вражду и изъ отдѣльныхъ королевствъ и герцогствъ создать объединенную Германскую имперію. Не тѣ же ли это идеи, которыя проповѣдуетъ и маститый чехъ Ригеръ [1] и всѣ, сознающіе свое достоинство, славяне. Я лично увѣренъ, что такая унія—единственный возможный союзъ славянскихъ племенъ, при посредствѣ котораго они,

> ... распри позабывъ,
> Въ единую семью соединятся.

и благодаря которому гегемонія нѣмцевъ должна будетъ кончиться. А что осуществленіе этихъ идей возможно, въ томъ едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе. Положимъ, славяне всегда жили врозь, грызли одинъ другого. Славянскіе раздоры и распри—это своего рода «мутная вода», въ которой германецъ умѣетъ ловить рыбу... Но уже теперь славяне начинаютъ тяготѣть другъ другу, истинѣ научилъ ихъ долгій историческій опытъ. Для примѣра возьмемъ наше царство Польское. Отчужденіе, господствовавшее до 1897 года въ отношеніяхъ между нами и поляками, было вредно для Русскаго государства и было выгодно для тевтоновъ, благодаря ему, они наводнили царство Польское и прочно въ немъ угнѣздились. Въ воззрѣніяхъ на польскій вопросъ царилъ полный хаосъ. Конецъ этому хаосу былъ положенъ въ 1897 году, когда,

---

[1]) См. нашъ очеркъ «Прага-Златоглавая» («Историческій Вѣстникъ», 19[illegible]1 г., кн. VI).

съ назначеніемъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора, покойнаго князя Имеретинскаго, власть обнаружила желаніе перейти къ новой системѣ политики.

Въ прессѣ поднялась буря... Бюрократы оплакивали потерю теплаго, насиженнаго гнѣзда... Немалыхъ стоило трудовъ разъяснить сбитому съ толку общественному мнѣнію, что новая политика и есть настоящая русская политика, и что только при ея помощи можно достигнуть сближенія родственныхъ племенъ. Но вотъ мало-по-малу наше сознаніе стало проясняться, и мы увидали наконецъ, что за польско-русскими деревьями стоитъ еще славянскій лѣсъ, который нужно всѣми мѣрами охранять отъ нѣмецкихъ «порубщиковъ».

И плоды просвѣтлѣнія у насъ на глазахъ. Не прошло и четырехъ лѣтъ со дня перемѣны политики, а польско-русскія недоразумѣнія уже отходятъ въ область прошлаго, въ жизни края замѣчается новая струя и полное надеждъ настоящее обѣщаетъ превратиться въ свѣтлое будущее.

Г. А. Воробьевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто четырнадцатый. Юрьевъ. 1902. Томъ сто пятнадцатый. Спб. 1903. Томъ сто шестнадцатый. Спб. 1902.

Томъ сто четырнадцатый Сборника историческаго общества представляетъ собою продолженіе бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны (1731—1740 гг.), одного изъ самыхъ загадочныхъ учрежденій въ исторіи русскаго права (томы CIV, CVI, CVIII, CXI), и обнимаетъ собою 1736 годъ, когда послѣ извѣстнаго указа 1735 года, сравнявшаго постановленія кабинета министровъ съ высочайшими повелѣніями, компетенція этого учрежденія значительно расширилась. Въ указанномъ томѣ мы встрѣчаемъ бумаги, касающіяся самыхъ разнообразныхъ государственныхъ дѣлъ, кромѣ однако внѣшней политики. Послѣднее обстоятельство объясняется происхожденіемъ кабинета министровъ, который былъ созданіемъ знаменитаго А. И. Остермана. Образцомъ для послѣдняго несомнѣнно послужилъ кабинетъ императора Петра Великаго,— личная канцелярія этого государя, во главѣ которой стоялъ знаменитый кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, едва ли не самый близкій къ Великому Преобразователю человѣкъ [1]). Остерманъ несомнѣнно мечталъ за-

---

[1]) Кабинетъ Петра Великаго былъ упраздненъ при Петрѣ II. См. Исторію Россіи Соловьева, т. XIX, стр. 110.

нять при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ такое же положеніе, какое при Петрѣ Великомъ занималъ Макаровъ, — положеніе, которое при менѣе самостоятельной личности на тронѣ должно было бы имѣть особенное значеніе. Первоначально кабинетъ министровъ Анны Іоанновны близко подходилъ къ петровскому кабинету: онъ былъ нѣчто въ родѣ статсъ-секретаріата, долженствовавшаго подготовлять государственныя дѣла къ рѣшенію ихъ верховной властью. Подобно Петровскому кабинету, кабинетъ министровъ вѣдалъ также государево хозяйство (такъ кабинетъ-министрамъ Анна Іоанновна отдавала приказанія распорядиться о томъ, чтобы настрѣляли зайцевъ, принять мѣха изъ сибирскаго приказа, привезти изъ Москвы обезьяну и т. д.). Правда, кабинетъ Анны Іоанновны состоялъ изъ «трехъ персонъ», но и во главѣ Петровскаго кабинета подъ конецъ его существованія стояли два кабинетъ-секретаря: А. В. Макаровъ и И. А. Черкасовъ. Однако послѣ знаменитаго указа 1735 года кабинетъ министровъ становится и фактически и юридически распорядителемъ судебъ Россіи. Такимъ образомъ Остерманъ незамѣтно достигъ того, чего не могли достигнуть въ предшествующее время члены верховнаго тайнаго совѣта, располагавшіе несравненно большими средствами для этого. Дѣла внѣшней политики, которыя Остерманъ вѣдалъ непосредственно, какъ вице-канцлеръ, онъ постарался изъять почти совсѣмъ изъ вѣдѣнія кабинета, въ чемъ состоитъ рѣзкое различіе между этимъ учрежденіемъ и верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, обратившимъ, какъ извѣстно, коллегію иностранныхъ дѣлъ въ простую канцелярію при себѣ. Товарищей себѣ Остерманъ подобралъ очень удачно; это были: старикъ канцлеръ графъ Головкинъ, отъ старости пришедшій уже въ полную дряхлость, и князь А. Черкасскій, который, по словамъ современниковъ, спалъ въ кабинетѣ. Обстоятельства измѣнились съ назначеніемъ кабинетъ-министромъ (при поддержкѣ Бирона, какъ ни странно) способнаго и честолюбиваго Волынскаго (3-го февраля 1738 года). Борьба между этими двумя дѣятелями, однимъ жестокимъ и коварнымъ, но въ то же время сдержаннымъ и умѣвшимъ уступить во время, а другимъ высокомѣрнымъ и заносчивымъ, успѣвшимъ скоро раздражить своего недавняго союзника-Бирона, разрѣшилась извѣстной кровавой драмой 27-го іюня 1740 года. Такимъ образомъ кабинетъ министровъ рѣзко отличался отъ верховнаго тайнаго совѣта, имѣвшаго сословный характеръ. Такъ представляется намъ исторія этого учрежденія при свѣтѣ новыхъ данныхъ.

Томъ сто пятнадцатый представляетъ собой продолженіе матеріаловъ знаменитой екатерининской комиссіи для составленія уложенія (томы IV, VIII, XIV, XXXII, XLIII, LXVIII, XCIII, CVII); въ немъ начинается печатаніе наказовъ отъ избирателей депутатамъ свободныхъ сельскихъ обывателей, составъ которыхъ былъ крайне разнообразенъ (пахотные солдаты и различныхъ службъ люди, содержащіе ландмилицію, черносошные и ясашные крестьяне, инородцы крещенные и некрещенные). Читая ихъ наказы, нельзя не удивляться такту и здравому смыслу ихъ составителей. Въ нихъ не замѣтно ни крѣпостническихъ тенденцій всѣхъ остальныхъ классовъ общества, ни непомѣрно возросшаго гонора городского сословія. Сельскіе обыватели ограничиваются указаніемъ однѣхъ существенныхъ своихъ нуждъ и проявляютъ удивительную умѣрен-

ность въ своихъ требованіяхъ. Главными источниками ихъ неудовольствій являются: 1) слишкомъ мелкіе земельные надѣлы и неправильное распредѣленіе податей,—явленія, отъ которыхъ и теперь еще приходится страдать нашему сельскому населенію. «Препорція жъ земли на пашенныхъ служилыхъ людей хотя положена на пашню, лѣса и сѣнные покосы, также подъ усадьбы и на выгонъ, на каждую душу по осьми десятинъ, а на дворъ, полагая въ немъ по четыре души, по тридцати по двѣ десятины, и къ тому еще для размножающихся впредь изъ государственныхъ земель, если оныя будутъ, давать по двадцати по восьми десятинъ; а всего чтобъ было по шестидесяти десятинъ. Токмо той препорціи земли весьма будетъ недостаточно для того, что изъ положенныхъ на дворъ тридцати двухъ десятинъ, кромѣ пашни, надлежитъ, какъ для пространства и выгона скота, такъ и для сѣнныхъ покосовъ, а особливо для лѣсныхъ угодіевъ, и на усадьбу оставить не менѣе, какъ половинное число. А когда то число оставить, то тѣмъ на пашню во всѣхъ трехъ поляхъ на каждую душу имѣетъ быть въ остаткѣ только по четыре десятины, итого сдѣлается подъ посѣвъ озимаго и ярового хлѣба на душу по одной десятинѣ съ третникомъ, на которой и въ самый урожай хлѣба не токмо довольнаго числа, чтобъ изъ онаго, за расходомъ, на платежъ указанныхъ податей въ продажу употребить, получить можно, но и пропитаніе имѣть будетъ можно»,—читаемъ мы въ одномъ изъ наказовъ этого слоя общества. Подобныя же жалобы встрѣчаются въ наказахъ депутатамъ и другихъ родовъ сельскихъ обывателей. Точно также въ наказахъ безпрестанно повторяется въ различныхъ выраженіяхъ такая просьба: «Въ нашихъ жительствахъ, положенныхъ въ подушный окладъ, слѣпыхъ, безногихъ и безрукихъ, больныхъ и малоумныхъ, которые скитаются межъ дворовъ и кормятся мірскимъ подаяніемъ, и никакой крестьянской работы работать не могутъ, просимъ о выключкѣ изъ подушнаго оклада, за коихъ платимъ міромъ; да и при будущихъ бы ревизіяхъ ихъ въ подушный окладъ не класть». Приходилось имъ страдать и отъ высшихъ сословій. Вотъ что мы читаемъ въ нѣкоторыхъ наказахъ: «По состоянію насъ, государственныхъ крестьянъ, находимся не въ призрѣніи не только благороднаго дворянства, но и самыхъ послѣднихъ служителей за бои и безчестье... почти всякаго, только особливо изъ военно-служащихъ развѣ не можетъ обидѣть, кто самъ не захочетъ, а кто пожелаетъ, то всегда чѣмъ захочетъ, тѣмъ и обидѣть можетъ». Иной разъ не была гарантирована даже личность сельскаго обывателя: «А когда помѣщики станутъ отъ насъ землю отнимать,—говорится въ одномъ наказѣ,—и то мы не станемъ допускать, и то они на насъ просятъ у судей, яко бы его крѣпостная дача. И тѣ судьи изъ нашихъ жительствъ забираютъ много людей, человѣкъ по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и сажаютъ насъ въ приказъ и въ тюрьму, и бьютъ немилостиво, и морятъ насъ бѣдныхъ мѣсяца по два, и по три, и по году, и приневоливаютъ безвинно мириться. И мы, бѣдные-безгласные, чтобы государственныхъ податей остановки не было, принуждены и безвинно мириться». Подобно тому, какъ нѣкогда въ Московскомъ государствѣ служилые люди жаловались на то, что они разорились отъ «московской волокиты» болѣе, нежели отъ непріятельскихъ нашествій, такъ и теперь свободные сельскіе обыватели постоянно жалуются на про-

должительность судебной формы и требуютъ ея упрощенія. Интересны наказы мусульманскаго населенія, которое, говоря съ глубочайшимъ уваженіемъ о христіанской вѣрѣ, требуетъ такого же отношенія и къ своей религіи и запрещенія крестить ихъ насильно, чему въ то время было немало примѣровъ. Любопытно отмѣтить, что уже въ этихъ наказахъ слышатся громкія жалобы на беззаконное присвоеніе инородческихъ земель русскими чиновниками, которое, какъ извѣстно, впослѣдствіи достигло грандіозныхъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе правительство осталось къ нимъ вполнѣ глухо.

Томъ сто шестнадцатый занятъ голландскимъ текстомъ и русскимъ переводомъ отчета нидерландскихъ пословъ Альберта Бурха и Іоганна фонъ-Фелтдриля о пребываніи ихъ въ Россіи въ 1630 и 1631 годахъ. Отчетъ этотъ отличается крайней сухостью изложенія, говоритъ исключительно объ исполненіи послами ихъ миссіи, преслѣдовавшей главнымъ образомъ торговыя цѣли, и заключаетъ въ себѣ самыя скудныя бытовыя извѣстія. Въ этомъ отношеніи указанный памятникъ уступаетъ не только такимъ капитальнымъ сочиненіямъ о Московскомъ государствѣ, какъ Олеарія и Мейерберга, но даже и второстепеннымъ, какъ Лизека, Пальмквиста и другихъ. Къ переводу приложенъ прекрасный очеркъ предшествующихъ сношеній республики Соединенныхъ Нидерландъ съ Московіей, составленный В. А. Кордтомъ. **В. Строевъ.**

Извѣстія Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ VIII. Выпуски 1 и 2. Софія. 1902.

Въ разсматриваемомъ изданіи на первомъ мѣстѣ помѣщена статья аббата Л. Пети подъ заглавіемъ: «Монодія Өеодора Продрома о Стефанѣ Скилици, митрополитѣ трапезунтскомъ» (стр. 1—14). Здѣсь опубликованъ греческій текстъ упомянутой монодіи извѣстнаго византійскаго писателя XIV вѣка Өеодора Продрома, заимствованной изъ кодекса № 306-й Ватиканской библіотеки, и предложенъ краткій историческій къ нему комментарій.

На второмъ мѣстѣ находится статья Б. А. Панченко, подъ заглавіемъ «Памятникъ славянъ въ Виөиніи VII вѣка» (стр. 15—62). Статья имѣетъ большой интересъ. Среди древностей, пріобрѣтенныхъ константинопольскимъ институтомъ въ 1900 году, имѣется печать славянской военной колоніи въ Виөиніи, ближайшей къ Константинополю малоазійской провинціи, относящаяся къ срединѣ VII вѣка. «Это — древнѣйшій и пока единственный вещественный памятникъ славянскаго движенія въ Малую Азію, памятникъ непосредственный и несомнѣнный, современный, приблизительно, древнѣйшимъ записямъ хроникъ и иныхъ литературныхъ источниковъ, касающихся славянства въ Византіи, и дополняющій ихъ новыми фактическими данными,—лучъ свѣта въ сумеркахъ передвиженія народовъ, новый фрагментъ славянской племенной исторіи» (стр. 15). Въ статьѣ г. Панченко подробно и разъясняется научное достоинство моливдовула, при чемъ авторъ привлекаетъ къ дѣлу и другія извѣстныя данныя относительно славянскаго элемента на византійскомъ востокѣ, о территоріальномъ распространеніи славянъ и о формахъ ихъ быта

внутри имперіи. Сначала въ статьѣ описывается моливдовулъ и опредѣляется его хронологическая дата, при чемъ г. Панченко, на основаніи топографическихъ и историческихъ данныхъ, совершенно точно относитъ печать къ 650 году, къ царствованію византійскаго императора Константина. Представивъ, затѣмъ, весьма тщательный сводъ критически провѣренныхъ данныхъ исторіи относительно славянъ въ Византіи, чтобы поставить открытый институтомъ памятникъ въ родную ему среду фрагментовъ сѣдой славянской древности, г. Панченко въ заключеніи пишетъ, что этотъ памятникъ впервые вскрываетъ существованіе не только въ Виѳиніи, но и вообще въ Малой Азіи, въ 650 году, организованныхъ славянскихъ федератовъ, при чемъ моливдовулъ словами въ надписи—«поставившихъ воиновъ» (τῶν ἄνδρας δόντων), указываетъ на организацію славянскихъ политическихъ общинъ въ Византіи: эти слова слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ поставки славянской колоніей нѣкотораго числа воиновъ для пополненія извѣстнаго контингента, но въ смыслѣ образованія отдѣльнаго контингента, содержимаго ими постоянно. На службѣ у византійскихъ императоровъ постоянно находились отряды скиѳовъ, гунновъ, аланъ и другихъ, которые содержали себя преимущественно военной добычей и грабежомъ и являлись главной силой византійской арміи. На такомъ положеніи, по свидѣтельству моливдовула, мы должны представлять себѣ и контингентъ виѳинскихъ славянъ VII вѣка. Вообще, существованіе славянской волости, образующей внутри себя особое административное цѣлое, имѣющее свою печать и должностное лицо во главѣ, которое скрѣпляло общественные акты личною подписью на одной и той же печати,—волости, несущей въ отношеніи къ государству службу федератовъ, и все это въ 650 году, — вотъ какой интересный и важный выводъ сдѣланъ молодымъ нашимъ ученымъ въ результатѣ его научныхъ изысканій по поводу печати виѳинскихъ славянъ.

Далѣе находимъ статью г. директора института, академика Ѳ. И. Успенскаго: «О фрагментахъ мозаичной росписи въ церкви св. евангелиста Іоанна въ Равеннѣ» (стр. 63—78). Эта церковь была возведена въ V вѣкѣ по приказанію и на средства императрицы Галлы Плацидіи, дечери Ѳеодосія Великаго и матери императора Валентіана III; постройка церкви и сдѣланная въ ней мозаичная роспись были исполненіемъ благочестиваго обѣта, въ благодарность за спасеніе отъ бури, застигшей императрицу на пути изъ Константинополя въ Равенну. Церковь неоднократно подвергалась реставраціямъ. Между прочимъ, въ началѣ XIII вѣка она была украшена историческими сценами, исполненными мозаикой по церковному полу. Эта роспись содержитъ иллюстраціи къ событіямъ четвертаго крестоваго похода. Академикъ Ѳ. И. Успенскій и занимается описаніемъ и объясненіемъ этой мозаической росписи историческаго содержанія, при чемъ дѣлаетъ нѣкоторыя поправки къ спеціальному изслѣдованію г. Рѣдина «Мозаики Равеннскихъ церквей» (Спб., 1896). Статья академика Успенскаго отличается обычными достоинствами ученыхъ трудовъ этого едва ли не перваго у насъ знатока византійской исторіи.

Въ статьѣ «Мадеба», принадлежащей А. А. Павловскому и Н. К. Клуге (стр. 79—115), предложено описаніе мѣстныхъ древностей. Мадеба есть небольшое поселеніе арабовъ-христіанъ, выходцевъ изъ Керака, находящееся въ

Заіорданьѣ, на востокъ отъ Мертваго моря. Въ эпоху дохристіанскую и древне-христіанскую Мадеба была городомъ, но во время крестовыхъ походовъ она, вѣроятно, уже не существовала. Очевидно, Мадеба была покинута жителями вслѣдствіе какихъ либо особыхъ причинъ, и зданія ея постепенно разрушались отъ времени и стихійныхъ вліяній. Въ 1880 году на мѣстѣ древняго города поселилась группа арабскихъ христіанскихъ семействъ Керака, подъ руководствомъ одного католическаго миссіонера. Съ того времени Мадебу стали посѣщать и европейскіе ученые и туристы. Между прочимъ, здѣсь около года прожилъ молодой русскій художникъ-археологъ Н. К. Клуге, прикомандированный къ нашему институту въ Константинополѣ, и съ любовью зарисовалъ все, достойное вниманія ученаго изъ области мѣстныхъ древностей. Научный матеріалъ, добытый съ большимъ самоотверженіемъ нашимъ молодымъ подвижникомъ науки, былъ институтомъ предоставленъ въ распоряженіе профессора А. А. Павловскаго, который и обработалъ его въ отмѣченной статьѣ. Здѣсь представлено описаніе христіанскихъ базиликъ, открытыхъ въ Мадебѣ, мозаикъ, надписей и т. п. Всѣ мадебскіе памятники, здѣсь описанные, сохранились на поверхности земли, такъ сказать, по волѣ судьбы, надолго обезлюдившей эту мѣстность, и только въ послѣднее время они случайно были открыты мѣстными жителями, приступившими къ постройкѣ новыхъ зданій. Но еще ни одного усилія лопаты, ни одного удара кирки не было сдѣлано въ Мадебѣ съ намѣреніемъ вырвать у земли скрытыя въ ней сокровища. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Еще такъ недавно появилось здѣсь населеніе, и только незначительная площадь использована для новыхъ построекъ, а между тѣмъ уже открыто восемь христіанскихъ базиликъ и нѣсколько зданій дохристіанскаго происхожденія, а затѣмъ совершенно случайно былъ спасенъ отъ разрушенія единственный въ своемъ родѣ памятникъ древности — мозаичная карта Палестины, Сиріи и Египта VI вѣка, найденная библіотекаремъ іерусалимской патріархіи іеродіакономъ Клеопой Кикилиди, во время очистки вновь построенной греческой церкви. Эта мозаичная карта привлекла серіозное вниманіе ученаго міра. Однако и послѣ этого мадебскія древности подлежатъ лишь случайному открытію и изученію. Приглашеніемъ къ систематическому производству археологическихъ раскопокъ и изысканій въ Мадебѣ и заканчивается интересная статья гг. Павловскаго и Клуге, при чемъ, въ виду подозрительнаго отношенія православныхъ арабовъ къ ученымъ католическимъ (монахамъ), починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ должны брать на себя ученые православные и прежде всего, конечно, русскіе.

Далѣе г. Беглери въ статьѣ «Святая Софія» (стр. 116 — 118), отмѣтивъ реставрированіе этого знаменитаго храма въ 1847 — 1848 гг. при султанѣ Абдулъ-Меджидѣ, исполненное архитекторомъ Фоссати и стоившее $1^1/_2$ милліона рублей, приводитъ выдержки изъ неизданнаго описанія св. Софіи, составленнаго грекомъ Оттономъ Вестіари и указывающаго тамъ особенности въ художественныхъ украшеніяхъ храма, которыя другими путешественниками не были замѣчены.

На слѣдующемъ мѣстѣ находимъ любопытную статью Ѳ. И. Шмита: «Мозаики и фрески Кахріэ-джаміи» (стр. 119 — 152), о которой уже было сообщено въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ (стр. 716—718).

Наконецъ, ученый секретарь института Р. Х. Леперъ дѣлаетъ сообщеніе о «Греческой надписи въ Инеболи» (стр. 153—160). Надпись относится къ дохристіанскому времени и издана и комментирована почтеннымъ ученымъ образцово.

Къ изданію приложены двадцать таблицъ снимковъ, изъ коихъ одна относится къ статьѣ г. Панченко, шестнадцать прекрасно иллюстрируютъ Мадебу, а остальныя относятся къ статьѣ г. Шмита.

Разсматриваемый томъ «Извѣстій русскаго археологическаго института въ Константинополѣ» составленъ очень интересно и служитъ хорошей рекомендаціей научной дѣятельности почтеннаго русскаго учрежденія. Въ виду значительнаго количества рисунковъ, плановъ и таблицъ, входящихъ въ этотъ томъ «Извѣстій», увеличенъ и самый форматъ журнала, по образцу большинства археологическихъ изданій съ таблицами въ текстѣ. Σ.

«Византійскій Временникъ». Томъ IX, выпуски 3—4. Спб. 1903.

Означенный журналъ, какъ извѣстно, издается императорской академіей наукъ подъ редакціей профессора Регеля и составляетъ у насъ центральный органъ византиновѣдѣнія. Помѣщаемыя здѣсь статьи распредѣляются по тремъ рубрикамъ: матеріалы и изслѣдованія, критика и библіографія, мелкія извѣстія и замѣтки. Въ отмѣченной книжкѣ въ отдѣлѣ матеріаловъ и изслѣдованій находятся слѣдующія статьи:

1. Д. Айналовъ. «Синайскія иконы восковой живописи» (стр. 343—377). Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи хранятся четыре иконы, писанныя восковыми красками и привезенныя изъ Синайскаго монастыря знаменитымъ нашимъ ученымъ, епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ († 1885 г.). Для исторіи византійской живописи и въ частности для особаго ея отдѣла иконописи эти иконы имѣютъ важное значеніе, поэтому профессоръ Айналовъ представляетъ въ своей статьѣ обстоятельное ихъ описаніе, къ которому приложены и снимки съ памятниковъ.

2. Н. Суворовъ. «Вѣроятный составъ древнѣйшаго исповѣднаго и покаяннаго устава въ восточной церкви» (стр. 378—417). Здѣсь представлено окончаніе статьи профессора Суворова, начало коей помѣщено въ восьмомъ томѣ журнала. Предметъ имѣетъ спеціальный интересъ и связанъ съ вопросомъ о происхожденіи и значеніи такъ называемаго номоканона константинопольскаго патріарха Іоанна Постника.

3. Х. Лопаревъ. «Бракъ Мстиславны» (1122 г.) (стр. 418—445). Извѣстный нашъ ученый Х. М. Лопаревъ отмежевалъ для своихъ научныхъ изслѣдованій одинъ любопытный вопросъ — о сношеніяхъ нашего отечества съ Византіей, и уже немало сдѣлалъ въ этой области. Отмѣченная статья также примыкаетъ къ серіи его трудовъ по исторіи русско-византійскихъ сношеній. Здѣсь предложенъ научно-историческій комментарій къ слѣдующимъ немногимъ словамъ нашей лѣтописи отъ 1122 года: «ведена Мстиславна въ Грѣкы за царь». И вотъ какое резюме изъ всѣхъ своихъ научныхъ изысканій по этому

вопросу представляетъ ученый авторъ. Мономахъ и Мстиславъ, умѣвшіе заводить родственныя связи съ иностранными государствами, въ 1122 году выдали свою внучку и дочь Добродѣю (Евпраксію?) замужъ за византійскаго царевича Алексѣя, старшаго сына императора Калуяна Комнина и его соимператора. При бракосочетаніи и короновавіи Добродѣя была переименована въ Зою и получила титулъ севасты и царицы. Отъ этого брака Зоя имѣла дочь, пережила своего супруга († 1142 г.), занялась медициной и написала на греческомъ языкѣ цѣлый медицинскій трактатъ подъ заглавіемъ «Ἄλειμμα», но предъ смертью (около 1172 года) она обратилась къ колдунамъ и чародѣямъ, чѣмъ навлекла на себя осужденіе духовной власти. Византійскій канонистъ Θеодоръ Вальсамонъ, лично видѣвшій Зою на одрѣ предсмертной болѣзни, выразился о ней, что своимъ обращеніемъ къ чародѣйству она заслужила осужденіе съ точки зрѣнія церковныхъ кановъ, но Господь за добрыя ея дѣла облегчилъ это осужденіе. Таковъ интересный выводъ, сдѣланный г. Лопаревымъ на основаніи византійскихъ и русскихъ источниковъ, относящихся къ толкованію четырехъ приведенныхъ выше словъ изъ нашей лѣтописи. Этотъ выводъ отнынѣ можетъ занять мѣсто въ русской исторіи XII вѣка.

4. Л. Пети. «Монодія Никиты Евгеніана на смерть Θеодора Продрома» (стр. 446—463). Въ статьѣ напечатанъ греческій текстъ монодіи, найденной въ Эскуріальской библіотекѣ (Y. II. 10 fol. 296—300), и предисловіе къ ней на французскомъ языкѣ.

Въ отдѣлѣ критики (стр. 464 — 545) помѣщены восемь отзывовъ о различныхъ книгахъ. Особый интересъ имѣютъ рецензіи недавно скончавшагося профессора А. И. Кирпичникова на «Исторію византійской литературы» Крумбахера и казанскаго профессора Шестакова на изданіе «Словъ и бесѣдъ патріарха Фотія (IX вѣка)», сдѣланное греческимъ ученымъ Аристархи.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (стр. 545—614) предложенъ обзоръ книгъ и статей византологическаго содержанія, напечатанныхъ въ послѣднее время въ Россіи, Германіи, Франціи, Италіи, Англіи, Голландіи, Швеціи, Португаліи и славянскихъ земляхъ.

Наконецъ, въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ (стр. 618 — 696) помѣщены сообщенія о докладахъ по византиновѣдѣнію, читанныхъ на засѣданіи XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 году, объ ученой поѣздкѣ нѣкоторыхъ русскихъ профессоровъ на Синай въ 1902 году, о занятіяхъ по византологіи въ нашей академіи наукъ, о засѣданіяхъ въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ византиновѣдѣнію, — археологическая и историческая хроника на современномъ греческомъ востокѣ, некрологъ профессора В. К. Ернштедта († 21 августа 1902 г.) и нѣкоторыя другія свѣдѣнія. Σ.

С. Смирновъ. Какъ служили міру подвижники древней Руси. М. 1903.

Книга г. Смирнова появилась по поводу недавно возникшей въ богословскихъ журналахъ полемики по вопросу о назначеніи русскаго монашества. Извѣстный писатель-публицистъ А. В. Кругловъ напечаталъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» (октябрь, 1902 г.) замѣтку подъ заглавіемъ «На службѣ міру—на службѣ Богу», гдѣ высказывалъ совершенно справедливыя мысли о возможности и необходимости для монастырей служить обществу и народу посредствомъ школъ, больницъ, благотворительныхъ заведеній и т. п. Однако, справедливыя воззрѣнія г. Круглова встрѣтили рѣзкую отповѣдь со стороны архимандрита Никона, который въ статьѣ «Православный идеалъ монашества», опубликованной въ томъ же «Душеполезномъ Чтеніи», обличаетъ г. Круглова въ извращеніи монашескихъ идей, считая службу міру совершенно не соотвѣтствующимъ для иноковъ занятіемъ. Но г. Кругловъ оказался не одинокимъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Его авторитетно поддержали два новыхъ автора изъ нашихъ ученыхъ монаховъ, одинъ изъ коихъ помѣстилъ страстную въ защиту подлинныхъ идеаловъ монашества статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», а другой (архимандритъ Евдокимъ) занялся историческимъ выясненіемъ задачъ монашества въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ», издающемся при Московской духовной академіи. И другіе авторы приняли участіе въ полемикѣ по интересному вопросу.

Рѣшился сказать свое слово по этому вопросу и г. Смирновъ, доцентъ Московской духовной академіи, но, признавая единственно плодотворной въ этомъ спорѣ почву исторіи и монашескихъ традицій, онъ взялъ на себя задачу навести точную справку въ исторіи древнерусскаго монашества по вопросу о томъ, какъ служили міру наши древніе подвижники. Задача г. Смирнова опредѣлялась тѣмъ соображеніамъ, что древнеее наше монашество, что бы о немъ ни говорилось, выставило изъ своей среды сонмъ преподобныхъ, длинный рядъ иноковъ, полнѣе другихъ осуществившихъ идеалъ своего званія, такихъ иноковъ, которые основывали славныя на всю Русь обители, при жизни руководили братіей поученіями и наставленіями, а еще больше высокимъ примѣромъ своего житія, иногда давали обителямъ свои уставы, преданія и завѣщанія. «Мы обращаемся,—пишетъ въ предисловіи авторъ,—къ безспорнымъ и незабвеннымъ авторитетамъ русскаго подвижничества; въ ихъ святой жизни, въ безхитростныхъ поученіяхъ и наставленіяхъ, въ строгихъ уставахъ своимъ обителямъ и преданіяхъ ученикамъ поищемъ нужныхъ намъ отвѣтовъ. Отсюда читатель и самъ увидитъ, какъ думали по обсуждаемымъ теперь вопросамъ древніе русскіе подвижники, какія брали они на себя задачи въ отношеніи къ міру и какъ успѣли совмѣщать это дѣло съ прямыми обязанностями инока. Увидитъ онъ, какіе уроки преподаютъ русскіе угодники и чудотворцы нашему теперешнему монашеству, смутно понимающему свои идеалы, задачи и обязанности, слабо дисциплинированному и дурно живущему» (стр. 2).

Трудъ г. Смирнова состоитъ изъ пяти главъ. Въ главѣ первой (стр. 4—21) ведется рѣчь о древнѣйшемъ русскомъ монашествѣ городскомъ, обще-

жительномъ, устроителемъ котораго былъ преподобный Өеодосій Печерскій. Въ частности, здѣсь говорится о служеніи преподобнаго Өеодосія міру молитвой, учительствомъ и пастырствомъ, печалованіемъ и благотворительностью, объ устройствѣ имъ печерскаго двора для принятія нищихъ и больныхъ, что вызвало даже ропотъ братіи на расточительность преподобнаго Өеодосія, который отвѣчалъ на это «Словомъ о терпѣніи и любви». Печерскій монастырь и послѣ преподобнаго Өеодосія продолжалъ, по мѣрѣ возможности, служить міру, въ духѣ и направленіи своего устроителя, особенно на поприщѣ духовничества и печалованія. И другіе древнерусскіе монастыри восприняли отъ Печерской обители, вмѣстѣ съ уставомъ, идею служить міру—молитвой за мірянъ, учительствомъ въ разныхъ видахъ, печалованіемъ и благотворительностью. Таковы, напримѣръ, были подвиги преподобнаго Варлаама Хутынскаго, представителя монашества новгородскаго, а въ XII вѣкѣ идеалъ иноческаго служенія міру прекрасно былъ раскрытъ Кирилломъ, епископомъ туровскимъ, въ его посланіи къ печерскому игумену Василію.

Во второй главѣ (стр. 22—44) разсматриваются идеалы пустыннаго русскаго монашества (съ половины XIV вѣка), въ отношеніи къ дѣлу служенія міру. Здѣсь авторъ прежде всего останавливается на жизни и дѣятельности преподобнаго Сергія Радонежскаго, изображаетъ его благотворительные труды и говоритъ о заповѣди служебнымъ чинамъ монастыря; далѣе ведется рѣчь объ ученикахъ и собесѣдникахъ преподобнаго Сергія, которые подражали ему въ дѣлѣ служенія міру; въ духѣ ихъ дѣйствовали и преподобные—Димитрій Прилуцкій, Павелъ Обнорскій, Кириллъ Бѣлоозерскій, Діонисій Глушицкій, Григорій Пельшемскій, Евфросимъ Псковскій и многіе другіе, которые извѣстны и духовничествомъ, и печалованіемъ, и благотворительностью.

Въ главѣ третьей (стр. 45—67) авторъ ведетъ рѣчь о монашескихъ партіяхъ конца XV вѣка—іосифлянахъ и бѣлоозерскихъ старцахъ, обозрѣваетъ подвижническіе идеалы Іосифа Волоколамскаго и Нила Сорскаго и отношеніе этихъ подвижниковъ къ вопросу о служеніи міру, а также представляетъ образцы дѣятельной любви къ міру въ лицѣ различныхъ подвижниковъ изъ обѣихъ указанныхъ партій. Въ заключеніи этой главы г. Смирновъ пишетъ, что древнерусскій міръ на всѣхъ сторонахъ своей жизни видѣлъ помощь изъ святыхъ обителей отъ преподобныхъ, въ нихъ подвизавшихся. На религіозно-нравственной сторонѣ жизни эта помощь проявилась въ молитвѣ, учительствѣ, духовничествѣ и миссіонерствѣ подвижниковъ, на соціальной и политической—въ печалованіи за осужденныхъ, въ обличеніи насильниковъ и миротворчествѣ враждующихъ князей, на экономической—въ монастырской благотворительрости разныхъ видовъ. «Общежители или пустынножители—русскіе подвижники, всѣ несли службу міру, кто какую могъ, то учительнымъ словомъ къ темному народу, то всенароднымъ обличеніемъ московскаго самодержца, то кускомъ хлѣба умирающему ребенку, оставленному подъ монастырской стѣной своими голодными родителями, то прокормленіемъ цѣлыхъ тысячъ голодающаго народа, то уходомъ за больными и увѣчными бѣдняками и устройствомъ для нихъ богадѣленъ при монастыряхъ» (стр. 67).

Въ главахъ четвертой (стр. 68—94) и пятой (стр. 95—141) г. Смирновъ, на основаніи представленной имъ исторической справки, дѣлаетъ выводъ въ примѣненіи къ недавней полемикѣ о монашествѣ. Сначала онъ приводитъ сужденія г. Круглова о службѣ монашества міру. Г. Кругловъ, какъ извѣстно, призывалъ современное наше монашество на службу міру, именно на такую службу, которая не противорѣчитъ молитвенному подвигу, этой прямой задачѣ монашества. Эту службу г. Кругловъ видитъ въ самомъ дѣятельномъ участіи иноковъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, въ благотворительности нашему голодающему народу, въ духовномъ его просвѣщеніи посредствомъ школъ. Справка г. Смирнова во многомъ оправдываетъ намѣченныя г. Кругловымъ задачи для нашего монашества, такъ какъ подвижники древней Руси не считали служеніе міру дѣломъ, противорѣчащимъ идеаламъ монашества. Тѣмъ не менѣе, архимандритъ Никонъ выступилъ съ горячими возраженіями противъ г. Круглова. Вотъ сущность взгляда отца архимандрита. Монастырь есть духовная врачебница, въ которой инокъ получаетъ исцѣленіе отъ страстей. Монахъ долженъ заботиться исключительно о личномъ спасеніи, а непремѣнное условіе для этого—удаленіе отъ міра, уединеніе, смерть для міра, полное одиночество. Пусть называютъ осуществленіе такого идеала «эгоизмомъ спасенія»,—это святой эгоизмъ. Для инока главнымъ дѣломъ, единымъ на потребу, остается молитва; всякое внѣшнее добродѣланіе есть только подѣліе. Единственная форма служить міру со стороны монаха — примѣръ его жизни, личнаго подвига: спасая себя, онъ тѣмъ самымъ спасаетъ и другихъ. Инокъ не можетъ служить міру даже словомъ. Правда, дѣло милосердія духовнаго, религіозно-нравственное учительство, возможно монаху, возможны и другіе виды общественнаго служенія, но не какъ плодъ свободнаго стремленія и самодѣятельности, а какъ слѣдствіе особаго Божественнаго призванія. Лишь въ этомъ случаѣ монахъ не можетъ отказываться отъ служенія обществу (стр. 71). Г. Смирновъ далѣе и подвергаетъ критическому обсужденію воззрѣнія архимандрита Никона. Разумѣется, эта критика разрушительна для иноческихъ идеаловъ архимандрита Никона, отъ которыхъ въ результатѣ не остается ничего. Но мы считаемъ лишнимъ входить въ этомъ случаѣ въ детали, а отсылаемъ интересующихся читателей къ самой брошюрѣ г. Смирнова.

Насъ занимаютъ здѣсь другіе вопросы. Чѣмъ объяснить извращенность идеала нашихъ монаховъ? Отчего происходитъ полная смута въ умахъ и сердцахъ нѣкоторыхъ даже, по внѣшности, авторитетныхъ, передовыхъ нашихъ иноковъ? Почему имъ на склонѣ лѣтъ, когда человѣкъ обыкновенно подводитъ итоги всей своей жизни, приходится выслушивать «поученія и наставленія» относительно этой жизни отъ тѣхъ, коихъ по идеѣ они должны бы сами учить?... Причина, по нашему мнѣнію, въ томъ, что наши монахи (конечно, не всѣ, а нѣкоторые) не имѣютъ корней въ прошломъ нашего иночества, въ смыслѣ знанія и пониманія идеаловъ древняго православнаго монашества и въ смыслѣ стремленія воплощать эти идеалы въ своей жизни. Получается какая-то безпочвенность, безпринципность, шатаніе ума и воли, вообще все то, что наблюдается и въ «міру». А это явленіе весьма прискорбное. Иночество должно быть «среди земли», «свѣтомъ міру»... Это отчасти показываетъ и

г. Смирновъ въ прекрасной своей брошюрѣ, гдѣ онъ вполнѣ правильно и основательно знакомитъ читателя съ вопросомъ о служеніи міру подвижниковъ древней Руси. О.

С. А. Рачинскій. Н. Горбовъ. Изданіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Спб. 1903.

Біографія С. А. Рачинскаго, составленная его бывшимъ ученикомъ Н. Горбовымъ, рисуетъ оригинальный типъ русскаго педагога 1870—1880 годовъ. Профессоръ естественныхъ наукъ и литераторъ, дѣлающійся учителемъ церковно-приходской школы въ с. Татевѣ, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, переводчикъ Дарвина «О происхожденіи видовъ» и глубоковѣрующій въ ученіе отцовъ православной церкви, С. А. Рачинскій былъ вполнѣ цѣльной личностью. За границей на него вліялъ музыкальный кружокъ Листа, дома—Тютчевы, М. Н. Капустинъ, С. М. Соловьевъ, Б. Н. Чичеринъ, К. П. Побѣдоносцевъ и М. Н. Катковъ. Вліянію близкихъ людей вполнѣ отвѣчалъ присущій Рачинскому религіозный идеализмъ, который былъ основой въ его педагогической дѣятельности и выдѣлялъ его даже среди дѣятелей религіознаго прогресса. Послѣ десятилѣтняго пребыванія профессоромъ въ Московскомъ университетѣ, С. А. въ 1875 г. поселяется въ с. Татевѣ, гдѣ строитъ школьное зданіе и дѣлается въ немъ учителемъ. Кромѣ грамотности въ школѣ, С. А. руководилъ церковнымъ хоромъ, «исполнявшимъ службы съ такими артистическими подробностями и обдуманностью, которыя рѣзко отдѣляли его отъ ремесленнаго умѣнья обыкновенныхъ церковныхъ хоровъ. Наиболѣе интересно было самое разучиваніе, при содѣйствіи С. А., различныхъ особенныхъ службъ, великопостныхъ, пасхальныхъ. При этомъ и сами службы получали совершенно особый характеръ, ибо не только пѣвческая часть, а и весь ихъ составъ, все ихъ исполненіе обсуждалось въ школѣ». По словамъ г. Горбова, настроенные и поддерживаемые имъ на высокой степени духовныхъ интересовъ, благообразные и благовоспитанные ученики, соединяющіе значительное образованіе и развитіе съ простотой вкусовъ и жизни, могли казаться, по выраженію одного посѣтителя Татева, «новой породой людей». Большинство изъ этихъ юношей вышли въ учителя или прямо въ духовное званіе. Но дѣятельность Рачинскаго не ограничивалась Татевской школой. Онъ устроилъ вокругъ Татева свыше 10 школъ; учили въ большинствѣ ихъ или его ученики, или во всякомъ случаѣ учителя, имъ поставленные. Для руководства этими школами ему приходилось постоянно разъѣзжать, и онъ исполнялъ эту обязанность съ необычайнымъ усердіемъ, несмотря ни на какую погоду, ни на какую дорогу, ни на собственные недуги. Особенный строй, въ связи съ необыкновеннымъ умѣньемъ С. А. привлекать къ себѣ людей, сдѣлали изъ Татева нѣкоторый умственный центръ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ съѣзжались въ Татевскую школу сосѣдніе учителя, священники, ревнители народнаго просвѣщенія, чтобы насладиться, въ истинномъ смыслѣ слова, общеніемъ съ нимъ, услыхать слово назиданія, ободренія. Мало-по-малу въ школѣ развились вос-

кресныя собесѣдованія, весьма многолюдныя, и С. А. принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. А день его именинъ, 5-е іюля, привлекалъ всегда громадное общество лицъ, связанныхъ съ нимъ общностью духовныхъ интересовъ: пріѣзжали издалека, изъ Москвы, изъ Петербурга. Онъ проповѣдывалъ, что «тому, кто знакомъ съ нашимъ богослуженіемъ, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго озаренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ, и Палестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта, и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки».

Неудивительно, что церковное богослуженіе явилось въ школѣ Рачинскаго источникомъ развитія дѣтей. Но, конечно, оно не было у него формальнымъ, а скорѣе въ духѣ настроенія Франциска Ассизскаго, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, его стихи:

Хвала Тебѣ! Твое названье
Не смѣю я произносить,
Но до послѣдняго дыханья
Дерзаю я Тебя хвалить.
Хвала Тебѣ за неба своды,
За солнце, небо и луну,
За горы, лѣсъ, поля и воды,
За утро, юность и весну!
Хвала за каждое мгновенье
И мукъ, и радостей земныхъ,
Хвала за смерть — и воскресенье
Въ Твоихъ обителяхъ святыхъ!

Нужно ли говорить, что этотъ типъ сельскаго учителя былъ слишкомъ оригинальнымъ среди безцвѣтныхъ представителей церковно-приходскихъ школъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рачинскій освѣщаетъ намъ вообще типъ общественнаго дѣятеля на религіозной почвѣ, за послѣднее время весьма часто обращающій на себя общественное вниманіе. Но, кромѣ того, составитель его біографіи убѣжденъ, что книга Рачинскаго «Сельская школа» по праву должна быть причислена къ классическимъ произведеніямъ русской литературы, и академія наукъ имѣла всѣ основанія избрать ея автора, въ 1891 г., своимъ членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. «Въ русской литературѣ,—говоритъ Н. Горбовъ,—есть уже такая книга, которую всѣ чтутъ, какъ общую драгоцѣнность, несмотря на ея спеціальное содержаніе, или, точнѣе, спеціальное заглавіе. Я говорю о «Запискахъ ружейнаго охотника». Силой своего поэтическаго и стилистическаго таланта, всѣмъ своимъ настроеніемъ Аксаковъ сдѣлалъ изъ своихъ охотничьихъ воспоминаній истинный литературный перлъ. То же надо сказать и про «Сельскую школу», съ тѣмъ только добавленіемъ, что ея содержаніе гораздо менѣе спеціально, чѣмъ содержаніе книги Аксакова, ибо Рачинскій къ изложенію своихъ педагогическихъ теорій присоединяетъ высоко поэтическія описанія природы, дѣтской жизни, церковной службы и проч. Еще болѣе важны и общеинтересны тѣ страницы, гдѣ онъ касается самыхъ основныхъ вопросовъ человѣческаго духа, гдѣ онъ характеризуетъ русскій народъ. Все это далеко превосходитъ непосредственную задачу книги и

дѣлаетъ «Сельскую школу» произведеніемъ столь важнымъ и интереснымъ, что малое съ ней знакомство нашего читающаго общества можно объяснить лишь нѣкоторымъ недоразумѣніемъ». Въ общемъ г. Горбовъ характеризуетъ Рачинскаго слѣдующими словами: «Горячо указывая на недостатки западной цивилизаціи, онъ искренно и откровенно, однако, не могъ жить безъ того, что составляетъ ея лучшій плодъ. Европейская наука, литература, искусство, сама общественная жизнь были ему дороги и до послѣднихъ дней составляли предметъ его любовнаго интереса; онъ слѣдилъ за ними, насколько у него хватало силъ и времени. И въ этомъ его первое отличіе отъ славянофиловъ. Другое касается взгляда на внутренній строй Россіи. Здѣсь онъ приближался гораздо болѣе къ Каткову, чѣмъ, напримѣръ, къ И. Аксакову, и притомъ, чѣмъ далѣе шла его жизнь, тѣмъ болѣе». **А. Фаресовъ.**

Описаніе архива Александро-Невской лавры за время царствованія императора Петра Великаго. Томъ первый. 1713 — 1716 годы. Спб. 1903.

Основанная спустя 7 лѣтъ послѣ заложенія новой столицы, Александро-Невская лавра, очевидно, пожелала принять посильное участіе въ ознаменованіи двухсотлѣтняго юбилея С.-Петербурга. Еще въ началѣ прошлаго года митрополитомъ Антоніемъ была назначена особая комиссія изъ свѣдущихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, на которую была возложена задача описать сохранившіеся въ лаврскомъ архивѣ документы. Теперь передъ нами результатъ работъ этой комиссіи въ видѣ объемистаго тома въ тысячу слишкомъ страницъ съ двумя подробными алфавитными указателями упоминаемыхъ въ немъ мѣстностей и лицъ.

Архивъ лавры до 1721 г., т.-е. до учрежденія святѣйшаго синода, отличается большимъ разнообразіемъ и изобилуетъ документами, любопытными для исторіи не только церковной, но и бытовой. Дѣло въ томъ, что въ новой столицѣ сначала не было собственнаго архіерея, и въ церковно-административномъ отношеніи С.-Петербургъ съ тяготѣвшей къ нему округой зависѣлъ отъ Новгорода. Но очень скоро эта неудобная для столицы зависимость отъ провинціальнаго архіерея прекратилась. Новоотвоеванный у шведовъ край былъ подчиненъ непосредственно мѣстоблюстителю патріаршаго престола, митрополиту рязанскому Стефану Яворскому, который также, конечно, не имѣлъ возможности принимать близкаго участія въ мелкихъ мѣстныхъ дѣлахъ. При такихъ условіяхъ только что возникшій монастырь силою обстоятельствъ оказался во главѣ церковной администраціи какъ самой столицы, такъ и окрестныхъ городовъ, тѣмъ болѣе, что царь благоволилъ къ лаврѣ и имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее разсадникомъ и питомникомъ болѣе образованнаго духовенства для всей Россіи. Со всѣхъ сторонъ присылали сюда лучшихъ монаховъ, и отсюда они получали назначеніе на провинціальныя епископскія каѳедры или шли на должности въ армію и флотъ. Для поддержанія внѣшняго престижа монастырю были дарованы помѣстья и угодья, раскинутыя въ разныхъ углахъ Россіи: у лавры были владѣнія и въ теперешней Московской губерніи, и въ глухомъ Олонецкомъ краю.

Для управленія дѣлами при монастырѣ существовала цѣлая канцелярія, и уже въ 1713 г. мы насчитываемъ въ ней двухъ стряпчихъ и двадцать пять подьячихъ.

Положеніемъ лавры опредѣляется и содержаніе документовъ ея архива, которые напечатаны въ первомъ томѣ «Описанія» частью въ подлинникѣ, частью въ изложеніи ихъ содержанія съ необходимыми поясненіями. Тутъ есть дѣла чисто церковнаго характера: о распространеніи церквей въ новой епархіи, о «неблагоповеденіи» тогдашняго духовенства, всякаго рода иски и споры между духовными и свѣтскими людьми, наконецъ цѣлыя слѣдственныя производства по уголовнымъ преступленіямъ, совершеннымъ принадлежавшими монастырю крѣпостными. Но громадное большинство дѣлъ представляютъ всякаго рода хозяйственные документы въ родѣ распоряженія и донесенія старостъ, управлявшихъ монастырскими угодьями, описанія земельныхъ участковъ и сельскаго инвентаря и т. п. Эти документы любопытны съ точки зрѣнія историко-экономической и для лицъ, занимающихся изслѣдованіемъ хозяйственнаго быта страны, безъ сомнѣнія, дадутъ немало мелкихъ, но важныхъ указаній.

Окончанія многихъ по преимуществу сложныхъ и потому затяжныхъ дѣлъ мы не находимъ въ описаніи. Объясняется это тѣмъ, что съ учрежденіемъ святѣйшаго синода для Петербурга и его округа была образована особая епархія святѣйшаго синода, въ составъ которой вошла и Александро-Невская лавра. Общія дѣла ея были переданы въ особую Тіунскую контору святѣйшаго синода. Контора эта впослѣдствіи была преобразована въ такъ называемую духовную дикастерію, а потомъ въ существующую и нынѣ духовную консисторію.

М.

Русскіе портреты, собранія П. И. Щукина въ Москвѣ. Выпускъ четвертый. М. 1903.

Четвертый выпускъ русскихъ портретовъ изъ собранія П. И. Щукина заключаетъ въ себѣ 90 фототипическихъ снимковъ, воспроизведенныхъ съ изображеній, писанныхъ масляными красками, акварелью, карандашомъ, рѣзанныхъ на кости и отлитыхъ бронзой и чугуномъ. Многіе портреты представляютъ собою лишь копіи съ извѣстныхъ оригиналовъ, но есть и такіе, которые появляются въ первый разъ и представляютъ большой интересъ. Укажемъ, напримѣръ, портретъ Петра Великаго съ подписью «Peter Alexiewitz Czar, 1697». Судя по подписи, портретъ писанъ въ Голландіи, во время заграничнаго путешествія Петра. Въ общихъ чертахъ онъ напоминаетъ извѣстный портретъ, сдѣланный въ 1698 году, въ Лондонѣ, Кнеллеромъ, и находящійся въ Гамтонъ-Кортѣ; какъ и тамъ, царь изображенъ молодымъ, съ едва пробивающимися усами, въ парикѣ съ завитыми волосами; на немъ кафтанъ, украшенный оплечьями изъ жемчуга и разноцвѣтныхъ камней, и застегнутый драгоцѣннымъ аграфомъ. Любопытенъ портретъ императрицы Елисаветы Алексѣевны въ профиль, въ молодые годы; на ней траурное бархатное платье и такой же головной уборъ, изъ-подъ котораго бѣлокурые, вьющіеся волосы обрамляютъ ея красивое и симпатичное

лицо. Изъ рѣзьбы на кости особенно замѣчательна доска съ рельефными портретами. По серединѣ ея изображена сидящею на тронѣ императрица Елисавета Петровна; съ правой отъ нея стороны великій князь Петръ Θеодоровичъ, а съ лѣвой великая княгиня Екатерина Алексѣевна. Въ верху, въ облакахъ, Петръ Великій и Екатерина I; надъ головами послѣднихъ—круглый медальонъ съ крестомъ по серединѣ; вокругъ креста надпись: «Мною цари царствуютъ и сильніи пишутъ правду». Петръ держитъ въ лѣвой рукѣ цѣпь, спускающуюся до короны императрицы Елисаветы; у императрицы Екатерины I—въ лѣвой рукѣ свитокъ съ надписью: «Петръ II императоръ, буди Анна воприметъ, Елисаветъ наслѣдитъ». Надъ императрицей Елисаветой лента съ надписью: «Богомъ избранная, Богомъ вѣнчанная Елисавета. Первая наслѣдная государыня императрица и самодержица Всероссійская». У великаго князя Петра Θеодоровича въ лѣвой рукѣ скрижаль съ надписью: «Человѣкъ аще умретъ и не будетъ сына ему, да возложи наслѣдіе его на дщерь его числъ». У великой княгини Екатерины Алексѣевны въ правой рукѣ такая же скрижаль съ надписью: «Се вѣра наша и вѣчно вѣнценосно чтится и нескверным подвижникомъ тщаніемъ одолѣваюти».

Кромѣ перечисленныхъ, представляютъ интересъ портреты: Петра III, совсѣмъ новый типъ, въ шитомъ золотомъ кафтанѣ и камзолѣ, съ лентой ордена св. Александра Невскаго; императора Павла, въ костюмѣ гросмейстера Мальтійскаго ордена; графа Михаила Семеновича Воронцова, въ молодыхъ годахъ; графа Θ. П. Толстого, писанный цвѣтными корандашами Варнекомъ, въ 1830 г.; графа и графини Закревскихъ; А. А. Ржевскаго и его жены; К. М. Полторацкаго, писанный на фарфорѣ эмалевыми красками, и др. Вообще, и въ настоящемъ, четвертомъ выпускѣ, любители отечественной иконографіи найдутъ для себя много любопытнаго и искренно поблагодарятъ г. Щукина за то, что онъ даетъ имъ возможность знакомиться съ его богатымъ собраніемъ, которое онъ неутомимо продолжаетъ пополнять. С. Ш.

«Край гордой красоты». (Кавказское Черноморское побережье). С. И. Васюкова. Изданіе Девріена. Спб. 1903.

Интересъ къ Черноморскому Кавказскому побережью сильно возросъ за послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ. Множество народа ѣдутъ, стремятся въ новый край, одни съ цѣлью полюбоваться красотами, о которыхъ слышали, другіе поселиться среди роскошной природы, на берегахъ Чернаго моря.

Но какъ тѣ, такъ и другіе, мало или почти совсѣмъ не знаютъ богатаго, но еще пустыннаго, дѣвственнаго края, представляя себѣ далеко не то, что имѣется «на самомъ дѣлѣ».

Главное не извѣстны условія жизни, экономическія и соціальныя.

Г. Васюковъ задался цѣлью не только дать описаніе интереснаго края съ художественной. бытовой стороны, но и отвѣтить на многіе существенные вопросы. Каждое населенное мѣсто побережья описано подробно, при чемъ обращено вниманіе на характерныя особенности мѣста. Важно, что ѣдущіе на по-

бережье будутъ знать, куда они ѣдуть, что тамъ встрѣтятъ, а не ѣдущіе по книгѣ г. Васюкова въ достаточной степени познакомятся съ любопытной окраиной земли Русской. Мы не дѣлаемъ выписокъ изъ прекрасной книги г. Васюкова, рекомендуя читателю самому ознакомиться съ ней, тѣмъ болѣе, что она написана легкимъ литературнымъ языкомъ и читается безъ всякаго труда и съ большимъ интересомъ.

Иллюстраціи книги превосходны.

Г. Васюковъ обратилъ очень серьезное вниманіе не только на разнообразныя культуры края, на его исторію, но и на колонизацію русскимъ элементомъ. «Авось» да «какъ нибудь» играли видную роль въ серьезныхъ мѣрахъ и начинаніяхъ.

Опредѣленной системы, энергіи, вдумчивости не было при первоначальной организаціи заселенія. Очень мало было привлечено къ дѣлу элемента интеллигентнаго: не было ни изученія, ни разслѣдованія страны, да впрочемъ и теперь нѣтъ.

А очень жаль! Благодаря точному знакомству съ краемъ, спекуляція не имѣла бы ни той силы, интенсивности, ни того обаянія, которыя существуютъ и дѣйствуютъ въ настоящее время. Какъ все перепутано и наслоено на побережьѣ!.. какіе разнообразные интересы руководятъ здѣсь людьми!.. Жажда наживы и трудъ, упорный, тяжелый трудъ столкнулись и стали лицомъ къ лицу другъ противъ друга. Авторъ много подмѣтилъ интереснаго и сумѣлъ распорядиться со своимъ матеріаломъ.

Всѣ курорты, конечно, описаны подробно. Авторъ останавливался подробнѣе на тѣхъ явленіяхъ сельско-хозяйственной жизни, которыя въ будущемъ сыграютъ несомнѣнно крупную роль въ развитіи страны, и которыми въ настоящее время уже въ достаточной степени пользуются... иностранцы... Когда же наконецъ оставимъ мы эту безусловно вредную привычку?!.

Также удѣлено мѣсто въ книгѣ «Край гордой красоты» и путямъ сообщенія, которыя, надо прибавить, субсидируются русскимъ правительствомъ, и можно только удивляться: зачѣмъ субсидируются? Въ заключеніи авторъ говоритъ: «необходимъ просторъ для сельско-хозяйственнаго труда во всѣхъ его отросляхъ» и проч. Н—въ.

Профессоръ Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ IV. Казань. 1903.

Профессоръ Бобровъ неутомимо продолжаетъ опубликовывать свои матеріалы, изслѣдованія и замѣтки по исторіи русской литературы и просвѣщенія въ XIX вѣкѣ. Въ нынѣшнемъ году появляется четвертый томъ собранія. Мы имѣли уже возможность на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1902 г., іюль) по поводу первыхъ трехъ томовъ высказать свой взглядъ на значеніе и цѣнность предпринятаго профессоромъ Бобровымъ труда. Мы указывали на несомнѣнный научный интересъ нѣкоторыхъ изъ его матеріаловъ и статей; къ сожалѣнію, приходится констатировать, что спеціалисты не отдали должнаго вниманія

книгамъ профессора Боброва, и въ нѣкоторыхъ изъ ученыхъ статей встрѣчаются мнѣнія, которыя, навѣрное, исчезли бы при первомъ знакомствѣ съ книгами профессора Боброва; спеціалисты не использовали матеріаловъ, столь обильно имъ собранныхъ, ни выводовъ, столь прочно имъ обоснованныхъ.

И четвертый томъ, подобно предыдущимъ, приноситъ любопытныя и интересныя статьи. На первомъ мѣстѣ, по интересу и значенію, нужно поставить статью о литературной дѣятельности В. С. Печерина. Это—второе обращеніе профессора Боброва къ исторіи этого замѣчательнаго и загадочнаго человѣка, сначала блестящаго профессора филологическаго факультета, радикально настроеннаго, а потомъ іезуита. «Онъ погибъ, по словамъ Огарева, хуже всѣхъ смертей, погибшихъ русскихъ поэтовъ, погибъ равно для науки и для жизни, погибъ заживо, одѣвшись въ рясу іезуита и отстаивая дѣло мертвое и враждебное всякой общественной свободѣ и здравому смыслу». Печеринъ совсѣмъ былъ бы забытъ, если бы Герценъ не обронилъ нѣсколько блестящихъ страницъ о немъ, но теперь для публики и для ученыхъ профессоръ Бобровъ открываетъ его. Исторія Печерина всегда сохранитъ интересъ, потому что его жизнь была любопытной психологической загадкой, но она имѣетъ глубокій историческій интересъ. Годы расцвѣта дѣятельности Печерина падаютъ на тридцатые годы; нужно сказать, что эта эпоха въ жизни нашего общества, съ 26-го года по сороковые годы, является наименѣе разработанной. Въ это время Печеринъ обладалъ общественнымъ темпераментомъ и сохранялъ способность отзываться на явленія жизни. Онъ написалъ поэму «Торжество смерти», которая въ свое время сыграла роль волнующей сердца и возбуждающей мысли запретной вещи. Въ своемъ этюдѣ профессоръ Бобровъ пересматриваетъ литературное наслѣдство Печерина, тщательно имъ собранное, и останавливается на этой поэмѣ. Впервые въ его книгѣ эта поэма появляется въ легальной печати, правда, съ нѣкоторыми сокращеніями. Поэма написана въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ вліяніемъ образцовъ, но въ общемъ и теперь она производитъ впечатлѣніе эффектной и легко написанной. Профессоръ Бобровъ даетъ весьма интересное указаніе на то, что Достоевскій въ своихъ «Бѣсахъ» вспоминаетъ объ этой поэмѣ, даетъ даже насмѣшливый отзывъ, конечно, не называя ни ея заглавія, ни ея автора и приписывая ея авторство старому либералу Степану Трофимовичу. Воспоминанія о поэмѣ Печерина и ея современномъ значеніи открываютъ просвѣтъ въ эту темную эпоху; побольше такихъ просвѣтовъ, и мы будемъ въ состояніи набросать очеркъ общественнаго броженія въ эти годы затишья послѣ 14-го декабря.

Другой человѣкъ, на исторіи котораго подробно останавливается профессоръ Бобровъ въ своей книгѣ,—С. А. Москотильниковъ, — не имѣетъ такого интереса, какъ Печеринъ. Въ своей статьѣ профессоръ Бобровъ останавливается на литературной дѣятельности Москотильникова, «почтеннаго казанскаго дѣятеля, виднѣйшаго представителя мѣстной интеллигенціи въ теченіе первой половины XIX вѣка». Въ печати извѣстна незначительная часть его произведеній; большая часть осталась въ рукописяхъ. Профессоръ Бобровъ извлекаетъ изъ рукописей эти неизвѣстныя вещи, и среди нихъ большую трагедію С. А. Москотильникова, написанную имъ въ 1786 году,—«Остапъ». Ко-

нечно, эта трагедія представляетъ интересъ только историко-литературный, да и то никакихъ цѣнныхъ для исторіи литературы выводовъ нельзя сдѣлать изъ разбора этой трагедіи. Это—самая ординарная ложноклассическая трагедія съ злодѣями, наперсниками, вѣстниками и т. д.

Въ менѣе крупныхъ статьяхъ четвертаго тома содержится параллель между «Видѣніемъ въ какой-то оградѣ» Д. Н. Блудова, бывшимъ внѣшнимъ поводомъ къ основанію «Арзамаса», и пьесой аббата Morellet «La vision de Charles Palissot» и сопоставленіе одного произведенія И. П. Мятлева («Разговоръ барина съ Аѳонькой») съ однимъ діалогомъ изъ собранія А. Н. Аѳанасьева, доказывающее несомнѣнное знакомство Мятлева съ народнымъ ходячимъ анекдотомъ.

Мы перебрали все содержаніе четвертой книги «Литературы и просвѣщенія въ Россіи XIX вѣка». Остается замѣтить, что словарь названій необходимъ для подобныхъ книгъ, и поэтому было бы очень желательно, чтобы къ слѣдующему тому своихъ изысканій авторъ приложилъ подробный указатель ко всѣмъ вышедшимъ книгамъ. П. Щ.

Русская живопись въ XVIII вѣкѣ. Томъ первый. Д. Г. Левицкій. 1735—1822. Собралъ С. П. Дягилевъ. Спб. 1902.

Настоящее изданіе не ставитъ своей цѣлью дать исторію русской живописи въ XVIII вѣкѣ; оно хочетъ освѣтить и иллюстрировать блестящій періодъ ея развитія, протекающій между царствованіемъ Елисаветы Петровны и Александра I. Издатель дѣлаетъ выборъ художникамъ и беретъ только тѣхъ, которые отразили въ своей дѣятельности положительныя стороны историческаго развитія русской живописи, которые подготовили появленіе Кипренскаго и Венеціанова; издатель оставляетъ въ тѣни Лосенко и его школу, «сухихъ и манерныхъ предвозвѣстниковъ тріумфовъ Брюлова». Быть можетъ, такія ситуаціи въ общемъ выраженіи нуждаются въ доказательствахъ, но субъективный выборъ издателя не отражается на томъ, что онъ даетъ, а то, что онъ даетъ, необыкновенно цѣнно и важно для исторіи русскаго искусства. «Въ задачу изданія, пишетъ издатель, входитъ не исторія живописи XVIII в., но собраніе въ одно цѣлое того матеріала, который, помимо историческихъ заслугъ, представляетъ художественный интересъ. Выборъ ограничивается въ большинствѣ случаевъ лишь самими художниками и рѣдко касается ихъ произведеній, которыя даются по возможности полностью. Въ изданіе должно войти все, что можно собрать изъ произведеній замѣчательнѣйшихъ художниковъ XVIII в.—Левицкаго, Боровиковскаго, Антропова, Ивана и Николая Аргуновыхъ, Рокотова, Щукина, Шебанова и Дрожжина, самыя характерныя вещи Семена Щедрина и Ѳ. Алексѣева и нѣкоторыя произведенія П. Ив. Соколова, М. Матвѣева, А. Мартынова и М. Иванова».

Пока вышелъ первый томъ этого замѣчательнаго изданія, которое обѣщаетъ быть монументальнымъ трудомъ по изученію исторіи русской живописи XVIII в. Если судить по первому тому, то совокупность всѣхъ трехъ томовъ должна, до нѣкоторой степени, открыть эту неоцѣненную и малоизвѣстную исторію; говоримъ, открыть, потому что, напримѣръ, дѣятельность Левицкаго,

которому посвящёнъ вышедшій первый томъ, впервые въ немъ представлена въ такой полнотѣ и съ такой тщательностью. Въ цѣломъ изданіе должно развернуть самыя блестящія страницы этой исторіи и дать возможно полные матеріалы для сужденія и о достоинствахъ самой живописи, и объ условіяхъ ея развитія, и объ отношеніяхъ къ другимъ отраслямъ искусства, и къ жизни. Въ общей исторіи культурнаго развитія Россіи въ XVIII в. исторія живописи не только не занимаетъ надлежащаго мѣста, но—это можно утверждать безъ особыхъ натяжекъ—отсутствуетъ, а важность исторіи именно живописи для культурной сомнѣнію не подлежитъ: ужъ одинъ основательный анализъ причинъ, обусловившихъ такой блестящій и, повидимому, ничѣмъ необоснованный подъемъ живописи (почему именно живописи, а не поэзіи, а не музыки?), можетъ дать любопытные выводы. Стоитъ вспомнить только тотъ обычный вопросъ, которымъ начинаются всѣ статьи о Боровиковскомъ и Левицкомъ: «какимъ чудомъ явились художники такой силы и такого совершеннаго таланта въ періодъ зачатковъ русской живописи?» И врядъ ли объясняетъ дѣло приводимая г. Горленкомъ, авторомъ статьи о Левицкомъ, помѣщенной въ первомъ томѣ разбираемаго изданія, ссылка на малороссійское происхожденіе художника, на значеніе традицій малорусскаго искусства въ развитіи его творчества. Только детально разработанная исторія живописи, которая появится еще въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, освѣтитъ и объяснитъ это вѣрнѣе.

Пока для нея приходится собирать матеріалы. Въ первомъ томѣ издатель сдѣлалъ возможно полное собраніе матеріаловъ, объясняющихъ творчество Левицкаго. Къ сожалѣнію, ихъ немного, а, главное, слаба надежда на то, что со временемъ ихъ станетъ больше. Біографическій очеркъ г. Горленка, приложенный къ книгѣ, пользуется всѣми извѣстными, весьма скудными матеріалами, даетъ нѣкоторыя даты, краткій и сухой перечень событій жизни, и только. За отсутствіемъ матеріаловъ автору очерка приходится отказаться отъ мысли зарисовать процессъ развитія художественнаго таланта Левицкаго. Г. Дягилевъ въ вступительной статьѣ опредѣляетъ кругъ дѣятельности Левицкаго; на основаніи спеціальныхъ разысканій онъ увеличиваетъ каталогъ извѣстныхъ доселѣ произведеній Левицкаго, отказываетъ въ подлинности нѣкоторымъ изъ нихъ. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній субъективны, но въ общемъ они даютъ много важныхъ исправленій и дополненій къ списку произведеній Левицкаго, этого живописца Екатерининскаго царствованія, Державина живописи. Переходимъ къ художественной сторонѣ изданія. На отдѣльныхъ листахъ въ геліогравюрѣ или фототипіи даны воспроизведенія портретовъ Левицкаго, всего 64. Передача оригиналовъ исполнена очень удовлетворительно; нѣкоторые же изъ портретовъ воспроизведены технически весьма совершенно. Вообще съ художественной точки зрѣнія изданіе является прямо великолѣпнымъ. Въ приложеніяхъ автотипіей воспроизведено 27 портретовъ и снимковъ съ гравюръ портретовъ—11. Тутъ очень много появляется портретовъ, доселѣ не воспроизводившихся. Отмѣтимъ, что собраніе работъ Левицкаго, помимо историческаго и художественнаго интереса, имѣетъ особенную цѣнность для общаго историка эпохи, такъ какъ является иконографіей большинства всѣхъ выдающихся лицъ царствова-

нія. Добавимъ, что къ книгѣ приложены снимки съ портретовъ художника, писанныхъ В. Л. Боровиковскимъ и И. Е. Яковлевымъ.

Трудъ г. Дягилева является весьма цѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго искусства, весьма тщательно и съ любовью выполненнымъ. Остается пожелать, чтобы онъ былъ возможно скорѣе доведенъ до конца. Щ.

В. Н. Перетцъ. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1903.

Въ исторіи стариннаго русскаго театра и русской драмы наиболѣе темнымъ и наименѣе обслѣдованнымъ является начало XVIII вѣка, петровская эпоха. Историческихъ данныхъ и свидѣтельствъ о театрѣ этого времени пока очень немного, и по нимъ нельзя составить цѣльной картины. Въ изслѣдованіяхъ Тихонравова и Морозова этотъ періодъ остается въ тѣни; въ новѣйшее время профессоръ Шляпкинъ въ своей книгѣ о театрѣ царевны Натальи Алексѣевны нѣсколько освѣтилъ вопросъ. Главная остановка все-таки за тѣмъ, что у насъ почти совсѣмъ нѣтъ текстовъ самыхъ пьесъ, и мы не можемъ путемъ ихъ анализа хотя бы въ общихъ очертаніяхъ установить картину зарожденія новой русской литературы. Памятники русской драмы, изданные теперь В. Н. Перетцемъ, значительно расширяютъ объемъ нашихъ знаній въ области драматической литературы Петровской эпохи. Въ извѣстный намъ, крайне скудный репертуаръ того времени онъ вноситъ цѣлыхъ четыре пьесы: «Трилогію» огромныхъ размѣровъ (387 стр.), «Актъ комедіальный о Кассандрѣ», драму о царѣ Езекіи, исторію о царѣ Давидѣ и царѣ Соломонѣ и шутовскую арлекинаду. Пьесы эти весьма любопытны; онѣ являются какъ бы образцами различныхъ драматическихъ родовъ. Робко и несмѣло выступали начинающіе русскіе драматурги, подобострастно держа себя по отношенію къ иностраннымъ источникамъ, но эти опыты весьма цѣнны для историка литературы: издатель драмъ В. Н. Перетцъ справедливо говоритъ, что полные тексты пьесъ, изученные сравнительно съ оригиналами, принесли бы большую пользу, многіе вопросы, касающіеся эволюціи драмы и романа, получили бы болѣе широкое и справедливое освѣщеніе при такомъ совмѣстномъ изученіи. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе любопытнымъ представляется историко-литературный анализъ трилогіи о Кассандрѣ и Неопилдѣ, передѣланной изъ популярнѣйшаго на западѣ романа. Вторая драма о царѣ Езекіи приставляетъ рѣдкій русскій, московскій опытъ школьной драмы: она составлена въ Москвѣ въ 1728 году преподавателемъ греко-латинской академіи Исаакіемъ Хмарнымъ. Третья пьеса, напечатанная г. Перетцемъ,—одинъ изъ первыхъ опытовъ исторической драмы, написанной стихами, весьма незатѣйливыми, напоминающими подписи на лубочныхъ картинкахъ начала XVIII вѣка. Наконецъ, шутовская комедія, по старинному, весьма невоздержная въ выраженіяхъ содержитъ немало бытовыхъ подробностей, остротъ и шутокъ. Дѣйствіе ея совершается въ Москвѣ, хотя одно дѣйствующее лицо сохранило за собой итальянское названіе.

Г. Перетцъ на этотъ разъ ограничивается только изданіемъ текстовъ, отлагая на будущее время изслѣдованіе памятниковъ. Остается пожелать, чтобы изслѣдованіе не затянулось. Кромѣ текстовъ, г. Перетцъ даетъ свѣдѣнія о рукописяхъ пьесъ, а въ приложеніи даетъ словарь иностранныхъ словъ, сложныхъ, полонизмовъ и тѣхъ изъ русскихъ обычныхъ для XVII—XVIII в. словъ, которыя употреблены въ необычномъ значеніи и сочетаніи. Щ.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Край Маріи Пречистой. Спб. 1903.

Южная половина Пиренейскаго полуострова на мѣстѣ именуется «Краемъ Маріи Пречистой», которому г. Немировичъ-Данченко посвящаетъ свои путевые очерки, составляющіе объемистый томъ въ 939 страницъ, съ шестью стами рисунковъ испанскихъ художниковъ, изображающихъ по преимуществу виды Кастиліи, Ламанча, Андалузіи, Севильи и т. д. Путешествуя многіе годы по Испаніи и прекрасно зная ея политическій и гражданскій строй, авторъ изображаетъ положеніе Кастиліи и Андалузіи столь безотраднымъ, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что Maria Santisima давно передала свое покровительство странѣ въ пользованіе Мадридскаго двора, стремящагося воскресить абсолютизмъ съ религіозной нетерпимостью; вмѣсто школъ и рабочихъ ассоціацій возстановить запрещенные ордена и обители іезуитовъ; обыкновенные суды смѣнить военными для автономистовъ и либераловъ и т. д. Все это возвращаетъ Испанію къ прошлымъ временамъ. А между тѣмъ это прошлое должно бы пугать современниковъ. Ихъ Кастильское Толедо, съ площадью Сокодавера, гдѣ горѣли костры еретиковъ, жидовъ и свободомыслящихъ,— полно руинъ бывшаго могущества монаховъ, со множествомъ мрачныхъ легендъ въ устахъ народа о жертвахъ королей, вельможъ и инквизиторовъ. Авторъ собралъ эти легенды и перевелъ ихъ звучными и художественными стихами. Столица готовъ, съ нахмурившимися дворцами и гостиницами, передѣланными изъ инквизиціонныхъ тюремъ, чернѣетъ какъ бы до сихъ поръ отъ костровъ Филиппа II и Торквемады. Естественно, почему русскій путешественникъ восклицаетъ: «Толедо нескончаемо разсказываетъ вамъ устами своихъ момументовъ о далекихъ героическихъ эпохахъ, о христіанскомъ мистицизмѣ, о фанатизмѣ и мрачномъ отчужденіи отъ міра. Все здѣсь такъ говоритъ о прошломъ, и только о прошломъ... Хотѣлось плакать передъ великою могилой изумительнаго народа, который имѣлъ все, чтобы быть первымъ въ мірѣ, и, задушивъ въ огнѣ костровъ и въ тьмѣ безконечныхъ темницъ свободу мысли и права совѣсти, сталъ послѣднимъ изъ послѣднихъ»...

Несмотря на вымираніе бывшей столицы Кастиліи, находятся однако восторженные патріоты и отъ ея истинно-національныхъ началъ. Палестина, говорятъ они, была также выжжена, а тамъ родился Богочеловѣкъ. Каменистыя пустыни Аравіи дали Магомета. Нигдѣ умъ человѣческій не дѣйствуетъ такъ вкупѣ и влюбѣ съ его воображеніемъ, какъ на спаленныхъ солнцемъ плоскостяхъ. А Кастилія именно такое плато, къ которому весь остальной Пиреней-

скій полуостровъ подходитъ ступенями. На этомъ пьедесталѣ и мѣсто истинному величію. Ничего не значитъ нынѣшній упадокъ и мертвенность Кастиліи. Она сдѣлала столько въ прошломъ, что для будущаго нужны вѣка внутренней творческой подготовки.

Съ веселыми чувствами оставилъ г. Немировичъ-Данченко городъ Толедо,—по его словамъ, «живой музей». Но путь къ югу, къ «арабскому гнѣзду», съ г. Кордовой, усѣянъ бѣдными деревушками, вентами, около которыхъ толпятся странствующіе музыканты, воспѣвающіе культъ бандитовъ, и нищіе, съ нарочно растравленными по тѣлу ранами для возбужденія къ себѣ жалости, и которыхъ авторъ называетъ «ваятелями живого человѣческаго тѣла». Нѣтъ такого ужаснаго образа, подобіе котораго они не изобразили бы на комкѣ своего собственнаго израненнаго, обоженнаго и раскрашеннаго тѣла. Иногда на дорогѣ валяются едва остывшіе трупы молодыхъ людей, захваченныхъ карабинерами въ качествѣ бандитовъ и убитыхъ въ «предупрежденіе побѣга», хотя среди захваченныхъ встрѣчаются и мирные люди, которые съ того свѣта не могутъ свидѣтельствовать, что они и не дѣлали попытокъ къ бѣгству въ пути слѣдованія, но были арестованы изъ-за частныхъ и личныхъ счетовъ съ карабинерами. Съ этими впечатлѣніями авторъ пріѣхалъ на родину друга дѣтства «Донъ-Кихота» въ Ламанчѣ. Какъ въ Севильѣ всѣ торгуютъ произведеніями Мурильо, такъ и въ Ламанчѣ всѣ, даже компрачикосы, въ родствѣ съ Донъ-Кихотомъ, несмотря на то, что рыцарь «печальнаго образа» умеръ холостякомъ. Всѣ имѣютъ его подлинные портреты и его переписку съ Дульцинеей, хотя послѣдняя была неграмотная...

Нѣкогда Ламанча пѣла и плясала, а теперь народъ говоритъ: «ласточка, пролетая надъ Ламанчей, должна нести свой кормъ съ собою, иначе погибнетъ съ голоду». Раскаленные пески Ламанча и его измученное лихорадками и изголодавшееся населеніе нищихъ побудили русскаго путешественника быстро продолжать путь далѣе, поближе къ прохладнымъ горамъ Сіерры-Морены и улыбающейся изъ-за нихъ Андалузіи. Чѣмъ ближе къ Кордовѣ, тѣмъ впечатлѣнія новѣе и лучше Кастильскихъ. Кордову пророкъ допустилъ погибнуть потому, что она была «соперница рая», говорятъ на образномъ языкѣ арабскіе поэты. И дѣйствительно, замѣчаетъ Немировичъ-Данченко, нынѣшній городъ могъ бы быть только жалкимъ кварталомъ чудной столицы халифовъ, являвшейся осуществленіемъ сказокъ «Тысячи и одной ночи». Все, что Востокъ создалъ прекраснаго, нашло здѣсь высшее выраженіе. Кордова очаровывала пріѣзжаго такъ, что Абу-Гамидъ восклицаетъ: «лучше умереть въ ней, чѣмъ жить въ другомъ мѣстѣ». Тысячи путешественниковъ, являвшихся сюда изъ Дамаска и Алеппо, оставались въ Кордовѣ навсегда, предпочитая нужду и бѣдность богатству на родинѣ. Многіе кастильскіе рыцари, попавъ въ плѣнъ, отказывались отъ выкупа и поселялись среди мавровъ, потому что суровые готскіе замки казались имъ темницами послѣ этого обольстительнаго города.

Дѣйствительно резиденція халифа была центромъ наукъ и искусствъ. Гренада, Севилья и Кордова—это лучшее созвѣздіе Ислама—въ настоящее время разрушаются, никѣмъ не поддерживаемые. Вся Андалузія въ настоящее время идетъ къ обнищанію и вымиранію, благодаря вначалѣ грубости испанскихъ

завоевателей и невѣжеству монаховъ, истреблявшихъ арабскую архитектуру, какъ «бѣсовскую роскошь и пагубную прелесть», а теперь—благодаря Мадридскому двору, о хищности и продажности котораго г. Немировичъ-Данченко свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующее: всякій министръ, пока онъ министръ,—есть членъ правленія каждой желѣзной дороги. Кановасъ-дель-Кастильо (о честности котораго кричала вся Испанія) состоялъ директоромъ пяти рельсовыхъ компаній, хотя онъ столько же зналъ о нихъ, сколько и о вулканахъ, расположенныхъ на противоположной землѣ поверхности луны. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ромеро Робледо разъ публично попалъ впросакъ. Компаніи «трамваевъ» что-то понадобилось. Она отрядила ходоковъ, и они поймали Ромеро въ моментъ антракта въ кортесахъ. Кругомъ былъ народъ. Министръ слушалъ ихъ, слушалъ и наконецъ отвѣтилъ:

— Я ничего не понимаю въ вашихъ дѣлахъ и никогда о нихъ не слыхалъ.

— Какъ? — вспыхнулъ одинъ изъ наиболѣе горячихъ, принадлежавшій, впрочемъ, къ оппозиціи.—Какъ вы ничего не слыхали, когда вы чиновникъ нашей компаніи?

— Что? я чиновникъ?

— Разумѣется! Вы пятый годъ получаете у насъ жалованье...

Хохотъ окружающихъ не смутилъ Ромеро. Онъ пожалъ плечами и весьма спокойно отвѣтилъ:

— Если бы каждый изъ насъ зналъ, за что онъ получаетъ жалованье, то Испанія была бы Англіей, а не Испаніей...

Подобный отвѣтъ не нуждается въ комментаріяхъ. Неудивительно, что бандиты не только благодушествуютъ въ Испаніи, но находятся въ роли правительственныхъ агентовъ для министерскихъ кандидатовъ въ избирательной борьбѣ; губернаторы содержатъ по провинціямъ игорные дома, а чиновники принимаютъ участіе въ воровскихъ шайкахъ... Это вполнѣ естественно, если вспомнить, что земля Андалузіи принадлежитъ 5—6 фамиліямъ, и что нетерпимость всегда даетъ одни и тѣ же результаты въ исторіи народовъ.

Конечно, Испанія могла бы оправиться если бы Мадридскій дворъ не усвоилъ традиціи о томъ, что онъ можетъ существовать съ боемъ быковъ и казнокрадствомъ только до тѣхъ поръ, пока провинціи находятся въ запустѣніи. Молодой поэтъ Испаніи, Луисъ Химара, характеризуетъ положеніе вещей въ рукахъ мадридскихъ чиновниковъ слѣдующими стихами:

> Испанія была бы рай,
> Когда бъ Филиппъ и Торквемада
> Въ нашъ обнищавшій, скудный край
> Не гнали демоновъ изъ ада...

Въ заключеніе очерка объ Андалузіи Немировичъ-Данченко рисуетъ поэтическія стороны Севильи и Малаги, не скрывая андалузскіе контрасты: безнравственныя семьи съ донъ-жуанами въ массѣ и поэтическіе идеалы Мурильо въ избранномъ меньшинствѣ. О «королевѣ Андалузіи» справедливо говорятъ, что «кого Богъ любитъ, тотъ въ Севильѣ живетъ». Признаться сказать, этотъ отзывъ о Севильѣ авторъ подтверждаетъ нѣсколько странными доказательствами:

то удивительно узенькими ножками севильянокъ, которыми онѣ восхитительно играютъ, просовывая ихъ прохожимъ сквозь рѣшетки балкончиковъ; то пѣснями и танцами гитаны, старающейся въ пляскѣ «каждою частью своего тѣла чувствовать близость любимаго человѣка», то умѣньемъ какого нибудь донъ-жуана или баратеро молодецки рѣшать всѣ споры навахой въ животъ или между лопатками и т. д. При этихъ условіяхъ весь художественный складъ жизни въ Севильѣ значительно тускнѣетъ, несмотря на всю поэзію сегодняшняго дня, на пребываніе въ Севильѣ выдающихся испанскихъ художниковъ и на блестящія арабскія воспоминанія. Въ новомъ готовящемся къ печати трудѣ авторъ обѣщаетъ коснуться преимущественно прогрессивныхъ провинцій Испаніи: Каталоніи, Бискайи и Валенсіи, изъ которыхъ особенно Каталонія давно уже бодро и смѣло идетъ къ свѣту, богатству, свободѣ и правдѣ. «Но,—замѣчаетъ г. Немировичъ-Данченко,—она не въ счетъ... Ни она не любитъ кастильцевъ, ни кастильцы ее». Послѣдніе, въ стремленіи поддерживать исключительно религію и власть, поддержали ихъ, какъ веревка—повѣшеннаго... «Въ странѣ теперь нѣтъ власти, а есть только правительственное мошенничество, одинаково свойственное всѣмъ партіямъ, захватывающимъ испанскій трупъ въ свои руки. Здѣсь нѣтъ религіи—величавыя громады царственныхъ монастырей пусты, величавые соборы безлюдны. Религіозныя процессіи иногда осмѣиваются даже простонародьемъ. Молятся старухи, а для молодежи базилики давно служатъ только мѣстомъ свиданій. Бездѣльничество, хищность чиновниковъ, продажность министровъ, безнравственность и анархія, безграмотность и неподвижность—вотъ характеристика центральныхъ и южныхъ областей. Оставленныя села, города, населеніе которыхъ уменьшилось въ двадцать разъ; исчезнувшія навсегда, но нѣкогда обогащавшія страну отрасли производительности; поля безъ работниковъ, работники безъ полей, жадность Мадрида, высасывающаго послѣднее, что осталось отъ старой Испаніи; невѣжество политикановъ, для которыхъ главнѣе всего успѣхъ дня; страшные долги и масса генераловъ—вотъ что такое современная Испанія!» Этотъ взглядъ автора на нѣкогда цвѣтущую и могущественную страну сообщаетъ его книгѣ яркость урока для сторонниковъ отжившихъ началъ исторіи.

А. Фаресовъ.

Чернушевичъ. Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть I. Служба въ мирное время. Выпускъ III-й. Въ царствованіе императора Александра III. (1881—1894). Спб. 1903.

Въ январской и апрѣльской книгахъ 1901 г. «Историческаго Вѣстника» мы уже говорили о первыхъ двухъ выпускахъ обстоятельнаго труда г. Чернушевича. Изданный имъ нынѣ третій выпускъ по объему своему и количеству матеріала, а также обилію прекрасно исполненныхъ рисунковъ и портретовъ, значительно превосходитъ два первыхъ. Это, впрочемъ, вполнѣ понятно, такъ какъ чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ матеріаловъ больше, они лучше сохранены и подобраны съ большей систематичностью.

Книга раздѣлена на три части. Первая, обнимающая собой 127 стр., посвящена стычкамъ съ контрабандирами чиновъ стражи за періодъ съ 1881—1894 г., вторая — морскому пограничному надзору на Черномъ и Каспійскомъ морѣ (38 стр.) и третья самая обширная—143 стр.: пограничному надзору на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ.

Минуя первую часть, хотя она содержитъ весьма много въ высшей степени интересныхъ фактовъ, ярко характеризующихъ отношенія къ намъ какъ зарубежныхъ, такъ и прирубежныхъ жителей, и германскаго и австрійскаго правительствъ, далеко не всегда стоящихъ на высотѣ безпристрастія и дружелюбія, мы коснемся наиболѣе интересной части: «Морской пограничный надзоръ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ».

Необходимость защиты кавказскихъ береговъ, хотя и населенныхъ еще непокорными племенами горцевъ, отъ безцеремоннаго вторженія турецкихъ пиратовъ, контрабандировъ и торговцевъ невольниками, преимущественно изъ христіанъ, захваченныхъ въ плѣнъ горцами, побудила наше правительство уже въ 1831 году озаботиться увеличеніемъ судовъ, крейсеровавшихъ въ Черномъ морѣ, при чемъ предполагалось учредить нѣсколько таможенныхъ судовъ съ наемными гребцами и командой отъ войскъ и флота.

По этому поводу между министерствами финансовъ и морскимъ и главноуправляющимъ въ Грузіи возникла переписка, длившаяся цѣлыхъ 13 лѣтъ (1831 —1844 гг.) и въ концѣ концевъ ни къ чему въ сущности не приведшая.

Изыскивая наилучшіе способы охраненія береговъ, министерство финансовъ остановилось на мысли пріобрѣсти въ Турціи нѣсколько кочермъ, которыя, казалось, отвѣчали всѣмъ требованіямъ: были быстроходны, могли заходить въ мелкія воды, хорошо выдерживали бурю и ко всему этому стоили очень дешево: отъ 655 до 689 рублей каждая. Послѣ непродолжительной дипломатической переписки турецкое правительство разрѣшило купить въ Трапезонтѣ 6 такихъ судовъ, которыя по пріобрѣтеніи ихъ русскимъ консуломъ были доставлены въ Редутъ-Кале. Но тутъ сразу же выяснилась ихъ малопригодность, въ виду того, какъ доносилъ главноуправляющій Грузіей, что «при сдѣланіи съ нихъ двухъ-трехъ выстрѣловъ изъ фальконетовъ онѣ (кочермы) могутъ лопнуть или совсѣмъ потонуть».

Хотя по произведеннымъ опытамъ опасенія эти оказались напрасными, но, тѣмъ не менѣе, кочермы далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и послѣ непродолжительной службы были употреблены, какъ никуда негодныя, на дрова. Между тѣмъ стоимость ихъ оказалась далеко выше предположенной въ началѣ (1826 голландскихъ червонцевъ). Уничтоженіемъ злополучныхъ кочермъ былъ исчерпанъ вопросъ о вооруженныхъ таможенныхъ судахъ на Черномъ морѣ.

Не менѣе печальная участь постигла и судно «Марѳа», построенное для плаванія по Каспійскому морю при Астраханской верфи, стоившее большихъ денегъ, а именно 11.011 рублей 97¾ к., очень скоро признанное негоднымъ, нѣсколько разъ передаваемое изъ таможеннаго въ морское вѣдомство и обратно и, наконецъ, «для отвращенія убытковъ казнѣ» проданное съ публичнаго торга за 231 рубль.

Мѣсто не позволяетъ намъ остановиться на третьей части: «Пограничный надзоръ на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ», разработанной авторомъ подробно, съ самаго основанія пограничной кордонной стражи въ 1828 г. до нашихъ дней.

За этотъ періодъ стража претерпѣла многочисленныя измѣненія. Устроенная первоначально изъ казаковъ, она была впослѣдствіи усилена стражей изъ мѣстныхъ жителей, или, какъ ихъ называли, «чапаръ», и только въ 1882 году, въ виду неудовлетворительности охраны, на Кавказѣ была введена пограничная стража по образцу существовавшей на Западной границѣ.

Вообще, какъ мы уже выразились раньше при обзорѣ перваго выпуска, трудъ г. Чернушевича содержитъ въ себѣ очень много интересныхъ матеріаловъ, за которые будущій историкъ скажетъ ему искреннее спасибо.

А. А—въ.

Анатолій Леманъ. Акустика скрипки въ 2-хъ частяхъ съ 70-ю рисунками и автотипіями съ подлинныхъ итальянскихъ инструментовъ, и съ портретомъ автора. Изданіе П. Юргенсона. Москва. 1903.

Итальянская фирма П. Юргенсона давно пріобрѣла себѣ солидную извѣстность. Ею изданы цѣлый рядъ оперъ выдающихся нашихъ композиторовъ и цѣлый рядъ теоретическихъ сочиненій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ музыки.

«Акустика скрипки» представляетъ собою компактный томъ, напечатанный на толстой бумагѣ съ весьма чисто отдѣланными рисунками. Авторъ книги хорошо извѣстенъ въ литературномъ мірѣ. Его книга «О скрипкѣ» вышла вторымъ изданіемъ.

Въ «Акустикѣ скрипки», кромѣ общихъ законовъ, относящихся къ акустикѣ, какъ къ отрасли физики, находится много оригинальныхъ положеній и законовъ, выведенныхъ авторомъ изъ собственной долговременной практики. Авторъ прекрасно знакомъ, повидимому, какъ съ прошлымъ, такъ и съ настоящимъ скрипки. Онъ самъ даетъ такое опредѣленіе своей книгѣ (стр. 164):

«Наша акустика является исключеніемъ изъ описанныхъ трехъ рубрикъ. Я полагаю, что знаніе интеграловъ не можетъ помѣшать намъ строгать съ утра до ночи, а умѣнье начертить кривую диссонансовъ и знакомство съ темпераціею не вредитъ обработкѣ сводовъ (скрипки) и опредѣленію упругости ихъ. Такъ соединяется теорія высшей акустики съ самой грубой практикой. Въ этомъ все различіе между нами и прочими авторами. Въ этомъ все преимущество и недостатки Акустики скрипки».

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что авторъ соединяетъ съ широкимъ математическимъ образованіемъ искусство рѣзчика и столяра. Если это такъ на самомъ дѣлѣ, то книга его представляетъ двойной интересъ: какъ теоретика, выводы котораго провѣрены практикой.

Касаясь исторіи скрипокъ, онъ дѣлаетъ характеристики инструментовъ, при чемъ приводитъ автотипіи съ лучшихъ сохранившихся экземпляровъ древ-

нихъ мастеровъ. Такимъ образомъ онъ характеризуетъ школу Амати, имѣвшую такое большое вліяніе на развитіе музыкально-инструментальнаго искусства въ Италіи. Къ этой школѣ онъ относитъ Жофруа Каппа, Салюціо (1590—1640), Николая Амати Кремона (1596—1684), Андрея Гварнери (1650—1695), Іосифа Гварнери Del Jezu (1720—1745), Якоба Штейнера, Абсонъ (1621—1683), Жана Баптиста Руджіери, Кремона-Брешіа (1666—1725).

Затѣмъ идетъ школа знаменитаго мастера Антонія Страдиваріуса (род. 1644, работалъ 1667—1737).

Въ книгѣ помѣщены нѣсколько снимковъ съ самыхъ лучшихъ скрипокъ Страдиваріуса. Затѣмъ идутъ ученики его школы: два Жана Баптиста Гваданини, одинъ Миланскій (1710—1750), другой Туринскій (1750—1785). Кромѣ того, помѣщены снимки со скрипокъ Николая Люпо, знаменитаго французскаго стариннаго мастера Л. Пика, Петра Гварнери, Франциска Гобетти, Доминика Монтаньяна, Карла Бергонцы, Николая Гальяно, Варѳоломея Тасини. Послѣднимъ итальянскимъ мастеромъ этой эпохи былъ Лаврентій Сторіони въ Кремонѣ, и г. Леманъ помѣщаетъ автотипію съ его скрипки 1804 года.

Историческая часть въ «Акустикѣ скрипки» исполнена такъ добросовѣстно и съ такимъ вниманіемъ и иллюстрирована такими интересными снимками, какъ, напримѣръ, три снимка съ исторической скрипки адмирала А. П. Каширининова, что ужъ это одно возбуждаетъ интересъ къ книгѣ г. Лемана.

Онъ обвиняетъ консерваторіи въ томъ, что онѣ не заботятся о развитіи музыкально-инструментальнаго развитія въ Россіи. Онъ говоритъ, что у насъ нѣтъ школъ, и это совершенно справедливо. Безъ всякаго сомнѣнія, его книга прочтется съ интересомъ не только скрипачами и віолончелистами, но и всѣми, кто любитъ музыку и слѣдитъ за новинками въ музыкальномъ мірѣ.

Этимъ же авторомъ написана книга «О скрипкѣ» (изданіе 2-е, Москва, 1903 г.). и «Письма о скрипкѣ и віолончели» (С.-Петербургъ, 1900 г.).

N. N.

А. А. Измайловъ (Смоленскій). Въ бурсѣ. Бытовая хроника въ 2-хъ частяхъ. 3-я книжка разсказовъ. Спб. 1903.

А. А. Измайловъ пріобрѣлъ себѣ уже нѣкоторую извѣстность двумя предыдущими книжками разсказовъ, повѣстями и журнальными статьями, которые появлялись и появляются въ разныхъ петербургскихъ изданіяхъ. Въ этой книгѣ его пять разсказовъ, изъ которыхъ самый большой «Въ бурсѣ», и это названіе дано всей книжкѣ. Подъ общимъ заглавіемъ «Въ бурсѣ» авторъ соединяетъ три отдѣльно напечатанныя нѣсколько лѣтъ назадъ повѣсти: «Дѣтство Кузьки», «Корни ученія», «На порогѣ жизни».

Въ предисловіи авторъ говоритъ:

«Какой смыслъ отдѣльнаго изданія вещи, которой самъ авторъ не можетъ придать художественной значительности? Смыслъ, конечно, только исторически бытовой».

Далѣе авторъ сознается, что послѣ Помяловскаго, описавшаго дореформенную бурсу, нелегко описывать этотъ укладъ жизни, уже освѣщенный столь яркимъ талантомъ.

Въ очеркахъ А. Измайлова бурса допѣваетъ свою лебединую пѣсню и приближается уже къ типу свѣтскихъ среднеучебныхъ заведеній. Собственно тутъ описывается пребываніе въ бурсѣ и въ семинаріи и выходъ въ священство сына дьячка, Кузьмы Ильинскаго. Отецъ его, Савва, былъ удаленъ изъ бурсы, а сынъ прошелъ всю ея премудрость.

Несмотря на то, что автору кажется, что его бурса и семинарія интересны, по моему мнѣнію, самое интересное въ его книгѣ—сватовство и женитьба Кузьмы на Маріи Тихоновнѣ, дочери отца Матвѣя Добронравина, въ приданое которой онъ получилъ небѣдный приходъ.

Описывать бытъ учебнаго заведенія —неблагодарное дѣло. Если писать все, то будетъ слишкомъ много цензурныхъ соображеній, а, кромѣ того, портреты живыхъ лицъ доставятъ много хлопотъ и неудобствъ. Если смягчать краски и тоны, если замѣнять правду искуснымъ вымысломъ, то ужъ лучше приложить свое творчество къ созданію вещи совершенно самостоятельной и не имѣющей въ основѣ изображенія неподвижнаго «уклада жизни», какъ выражается авторъ. Поэтому, какъ только г. Измайловъ кончаетъ съ семинаріей и выводитъ на порогъ жизни своего героя Ильинскаго, тогда его повѣствованіе дѣлается занимательнымъ, при чемъ болѣе всего интересны тутъ именно бытовыя черты, сохранить и воспроизвести которыя онъ такъ хлопочетъ въ изображеніи своей бурсы и семинаріи.

Слѣдующій разсказъ его «Запахъ смерти» имѣетъ мистическій оттѣнокъ. Молодой человѣкъ, Неулыбинъ,—женихъ красивой молодой дѣвушки, Иреночки. Онъ обладаетъ особенной способностью по запаху опредѣлять, что тотъ или другой человѣкъ скоро умретъ. Иреночка слегка простудилась, и Неулыбинъ признался своему другу, что онъ слышитъ отъ нея роковой запахъ, и дѣйствительно Иреночка вскорѣ умерла.

Гораздо лучше и тоньше написанъ другой разсказъ нашего автора, тоже мистическій, подъ названіемъ «Хиромантикъ». Здѣсь онъ разсказываетъ объ одномъ настройщикѣ, который сдѣлалъ роковое предсказаніе его двоюродной сестрѣ, Вѣрѣ.

Писать о необыкновенномъ или очень легко, или очень трудно. Легко въ томъ случаѣ, когда авторъ, ничтоже сумняся, пишетъ, что взбредетъ ему въ голову, предполагая, что на свѣтѣ все бываетъ.

Въ наше время область необыкновеннаго чрезвычайно расширилась. Мы уже не считаемъ пустой выдумкой сообщенія объ ясновидѣніи или о вѣщихъ снахъ. Узкая отрасль животнаго магнетизма завоевала себѣ прочное мѣсто въ клиникахъ и больницахъ подъ названіемъ гипнотизма. Хиромантія и френологія есть только вѣточки той великой науки, по которой тѣло человѣка является отпечаткомъ его духа, и которая поэтому называется автотипологія и тѣсно слита съ психофизикой.

Въ разсказѣ «Хиромантикъ» авторъ высказываетъ бѣглое знакомство съ литературой даннаго вопроса. Повѣствованіе живо и интересно, но ему вредитъ слишкомъ субъективное отношеніе автора къ герою разсказа — старому гадателю.

Такимъ образомъ этотъ послѣдній разсказъ болѣе выдержанъ, чѣмъ остальные, а главное, онъ не написанъ съ плеча, безъ всякаго знанія, что, къ сожа-

лѣнію, очень часто встрѣчается, когда берутся за страшные, таинственные или мистическіе разсказы.

Въ г. А. Измайловѣ нельзя не отмѣтить художественнаго таланта. Самое главное для автора—избрать такую область, которую онъ знаетъ прекрасно, которую онъ описываетъ увлекательно и съ любовью, и которая представляетъ достоточно интереса для настоящаго читателя. Это большое счастье, когда авторъ обладаетъ чувствомъ мѣры, тактомъ, сознательностью, но еще болѣе для него важно, если онъ понимаетъ, какой родъ писанія ему болѣе свойственъ.

Г. Маминъ-Сибирякъ не имѣлъ бы и десятой доли своего успѣха, если бы не описывалъ новый край, бытъ интересный, никѣмъ столь широко не затронутый. Уралъ, заводы, золотопромышленники, пріиски, дикія, величественныя картины природы—вотъ содержаніе повѣстей и романовъ Мамина-Сибиряка.

Успѣхъ Горькаго основанъ главнымъ образомъ на новомъ освѣщеніи босяковъ и ихъ быта. Талантъ у Горькаго далеко не столь тонокъ и гибокъ, какъ у Чехова. Въ данномъ случаѣ извѣстная грубость таланта Горькаго, какъ нельзя болѣе кстати.

Трудно, а главное безполезно подавать совѣты молодымъ писателямъ. Если имъ хочется писать, если ихъ производительность не ограничивается двумя, тремя книжками разсказовъ, то внутреннее влеченіе всегда выводитъ настоящаго художника на вѣрную дорогу. Но, тѣмъ не менѣе, молодой писатель долженъ прислушиваться къ тому, что говорятъ о его произведеніяхъ, и какія особенности замѣчаютъ въ нихъ. Онъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чѣмъ интересуются люди его эпохи, что по своему существу достойно изображенія. Есть вещи, о которыхъ недостойно писать только потому, что онѣ представляютъ слишкомъ ничтожный общественный интересъ, и въ то же время есть вещи, которыми публика интересуется, и о которыхъ тоже нельзя писать изъ уваженія къ самому себѣ.

Намъ кажется, что А. А. Измайловъ «найдетъ себя», по выраженію Сенъ-Бева, и мы отъ души желаемъ ему успѣха. N. N.

И. И. Орловскій. Смоленская стѣна (1602—1902). Историческій очеркъ Смоленской крѣпости въ связи съ исторіей Смоленска. Смоленскъ. 1903.

И. И. Орловскій. Смоленскъ и его стѣны. Къ 300-лѣтнему юбилею городской стѣны. Смоленскъ. 1903.

Послѣдній археологическій съѣздъ въ Харьковѣ прекрасно доказалъ, что наши провинціальные археологи-диллетанты умѣютъ работать нисколько не хуже своихъ учителей-профессіоналовъ. Но это еще не такъ важно. Гораздо важнѣе то впечатлѣніе, которое вынесли члены съѣзда изъ рефератовъ провинціальныхъ ученыхъ. Они узнали, что ихъ младшіе собратья по археологіи

не только ревностно изучаютъ мѣстныя древности и заботятся о ихъ сохраненіи, но и любятъ эти древности, привязаны къ нимъ, видятъ въ нихъ что-то близкое для себя, родное, и этой любовью, намъ кажется, проникнута каждая статья провинціальнаго ученаго. Такое сопоставленіе между записной и любительской ученостью невольно приходитъ на память при чтеніи толково составленныхъ книжекъ г. Орловскаго. Каждая страница согрѣта этимъ именно чувствомъ любви къ родному Смоленску, каждая выписка изъ лѣтописи и старыхъ документовъ освѣщена съ точки зрѣнія мѣстнаго «патріотизма», и авторъ съ видимой гордостью говоритъ о стародавней древности своего города и неприступныхъ стѣнахъ, такъ много испытавшихъ за трехвѣковое свое существованіе.

Въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ приводится оригинальный споръ русскихъ бояръ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ по поводу того,

Чье построеньице Смоленскъ—
Литовское или московское?

И этотъ вопросъ представлялся важнымъ не только для боярина Милославскаго, и не только въ половинѣ XVII вѣка. Что онъ не заглохъ и въ наше время, показываетъ хотя бы та обширная литература о Смоленскѣ и его стѣнахъ, которую приводитъ въ своей книгѣ г. Орловскій. Смоленскъ—старый русскій городъ, лежавшій на пути «изъ Варягъ въ Греки» и казавшійся неприступнымъ даже для такой хорошо организованной рати, какую представляла собой испытанная въ бояхъ дружина Аскольда и Дира. Передать всю исторію этого города—это значило бы пересказать судьбу одной изъ важныхъ древнерусскихъ областей. Болѣе интересной оказалась исторія Смоленскихъ стѣнъ, оконченныхъ постройкой въ 1602 году. И. Орловскій не согласенъ съ хронологіей, предложенной его предшественниками, и думаетъ, что главныя стѣны Смоленска, такъ называемыя «Годуновскія», строились долго: отъ 1587 по 1602 годъ (стр. 11—26). Какъ извѣстно, стѣнамъ Смоленска пришлось испытать много перемѣнъ на своемъ вѣку. Даже въ войну 1812 года онѣ пострадали отъ артиллерійскихъ снарядовъ Наполеоновой арміи, и отъ этихъ ударовъ не могутъ онѣ оправиться и въ настоящее время. XIX-й вѣкъ мало далъ утѣшительнаго въ смыслѣ сохраненія стѣнъ, которыя были попеременно въ вѣдѣніи то военнаго, то гражданскаго вѣдомства, то земства и наконецъ особой комиссіи, которая приняла попеченіе о стѣнахъ въ 1889 году.

Книга Орловскаго составлена интересно, хотя не все въ ней можно принимать на вѣру: у автора замѣтно отсутствіе школы. Такъ, напримѣръ, едва ли вѣрна старая курьезная исторія о происхожденіи названія рѣчки Молохвы отъ имени вавилонскаго бога Молоха (стр. 31); на одной фантазіи, конечно, основано мнѣніе о существованіи Смоленска за 600 лѣтъ до Р. Хр. (стр. 3), а въ началѣ XV вѣка онъ никакъ не могъ быть «лучше и больше Кіева, разрушеннаго (?) вторично татарами» (стр. 7) и т. д. Кромѣ того, автору остался неизвѣстнымъ видъ Смоленска, гравированный въ концѣ XVIII вѣка и помѣщенный въ «Описаніи славныхъ и великихъ и провинціальныхъ градовъ Все-

россійской имперіи и исчисленіи верстъ отъ высокопрестольнаго и славнаго и великаго града Москвы» и т. д. См. у Д. Ровинскаго: Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 474, 478 и 479 и др. **А. И. Яцимирскій.**

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціей В. Харузиной. Выпускъ II. Спб. 1903.

Со времени появленія въ свѣтъ извѣстнаго изслѣдованія М. М. Ковалевскаго о первобытномъ правѣ, о происхожденіи рода и семьи (М., 1886 г.), никто изъ нашихъ этнографовъ не занимался серьезно исторіей семьи, какъ правового института. Лекціи покойнаго Н. Н. Харузина не издавались, и всѣ, интересующіеся этимъ соціолого-этнографическимъ вопросомъ, должны были довольствоваться небольшой популярно написанной книжкой того же ученаго, появившейся въ Москвѣ въ 1898 году подъ заглавіемъ: «Очерки первобытнаго права». Но и тогда книжка г. Харузина вызвала нѣсколько рецензій, въ которыхъ автору указывали на невѣрность и малонаучность принятаго имъ метода. Когда появился первый выпускъ «Этнографіи», посвященный матеріальной культурѣ, то профессоръ А. Л. Погодинъ отмѣтилъ крупныя ошибки въ области метода. То же самое можно сказать и о второмъ выпускѣ, гдѣ передана исторія рода и семьи.

Ошибка прежнихъ изслѣдователей заключалась въ томъ, что они смѣшивали такія разныя понятія, какъ власть и родство, и видѣли какую-то связь между материнскимъ правомъ и матріархатомъ. Въ послѣднее время доказано, что это—два совершенно разныя понятія, и что слѣды бывшаго матернитета нельзя искать въ сферѣ обрядовъ, будто бы «хранящихъ въ себѣ переживанія далекаго прошлаго быта». Ковалевскій доказывалъ, напримѣръ, что древняя Русь одновременно признавала и агнатическое и когнатическое родство. Но его ссылки на «Русскую Правду» и былины не даютъ въ сущности никакихъ доказательствъ для такого предположенія. Правда, это исправленіе дѣлаетъ и Харузинъ, но немного ниже и онъ впадаетъ въ такую же ошибку. Въ числѣ доказательствъ своего предположенія онъ указываетъ на роль брата невѣсты въ свадебномъ ритуалѣ. «Женихъ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу обязанъ иногда выкупить невѣсту у ея брата, — говоритъ изслѣдователь.—Иногда братъ съ оружіемъ въ рукахъ становится между поѣзжанами и невѣстой; лишь оттолкнувъ брата, женихъ овладѣваетъ невѣстой. Дѣвушки въ пѣсняхъ уговариваютъ брата не отдавать сестры. Въ малороссійскомъ свадебномъ обрядѣ обращаетъ на себя вниманіе фактъ, что продаетъ невѣсту и получаетъ за нее подарки мать, а не отецъ. Мѣстами мать защищаетъ свою дочь отъ нападеній со стороны поѣзжанъ жениха» (стр. 159). Нетрудно, конечно, видѣть, что этотъ обычай основанъ скорѣе на экономическихъ причинахъ, чѣмъ на переживаніяхъ глубокой древности. Дѣло въ томъ, что женихъ отнимаетъ у семьи не только родного члена, но и работницу, помощницу матери, скорѣе даже брата, чѣмъ отца.

Вторымъ недостаткомъ «Этнографіи» является устарѣлость нѣкоторыхъ взглядовъ на семейное право. Авторъ пересталъ заниматься этимъ вопросомъ за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, и такимъ образомъ не могъ воспользоваться многими работами, появившимися въ 1896—1899 годахъ, и внести въ свои лекціи поправки и дополненія. Изъ такихъ трудовъ можно указать слѣдующія: Schroeder — «Das Recht in der geschlechtlichen Ordnung», Leipzig, 1896; Bjornstjerne-Bjornson—«Monogamie et polygamie», Paris, 1897; Lippert—«Die altslavischen Gesellschaftsformen», 1896; K. Kadlec—«Rodinny nedil cili zádruha v právu slovanském», Praha, 1898; Balzer— «O zadruze slowianskej uwagi i polemika», Lwow, 1899; Ф. Энгельсъ — «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства», Кіевъ, 1899; А. Максимовъ— «Къ вопросу о методахъ изученія исторіи семьи», М. 1899, и много другихъ.

А. Я.

В. Н. Рогожинъ. Матеріалы для русской библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтій. Томъ I, выпускъ I. Спб. 1903.

В. Н. Рогожинымъ задумано полное изданіе дѣлъ московской цензуры въ царствованіе Павла I и Александра I. Это изданіе будетъ печататься въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ», и первый выпускъ его уже вышелъ. Хотя въ немъ помѣщены дѣла всего только за одинъ 1797 годъ, тѣмъ не менѣе они даютъ редактору возможность сдѣлать нѣкоторые интересные выводы и нарисовать яркую картину изъ жизни русской печати за первое время существованіе цензуры, какъ самостоятельнаго учрежденія. Какъ извѣстно, до указа Екатерины II о закрытіи «вольныхъ» типографій и учрежденіи цензуръ «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ» (16 сентября 1796 г.), цензура русскихъ и иностранныхъ книгъ была возложена на Россійскую академію, Синодальную контору и Управу благочинія. Въ означенномъ году учреждены цензуры въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзиловской таможнѣ, потому что управа благочинія оказалась неспособной слѣдить за появленіемъ книгъ, «исполненныхъ странными мудрствованіями», и разрѣшала такія опасныя для своего времени книги, какъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева и масонскія изданія Новикова.

Итакъ, начиная съ 1797 года, послѣдовали строгія мѣры противъ иностранныхъ произведеній печати, даже нотъ и музыкальныхъ пьесъ, календарей частныхъ типографій, наконецъ, противъ либерально настроенныхъ цензоровъ. Эти дѣла и указы изданы въ приложеніи къ книгѣ Рогожина. Кромѣ того, авторъ «Матеріаловъ для русской библіографіи» напечаталъ реестръ всѣхъ книгъ, занесенныхъ секретаремъ московской цензуры въ особый входящій журналъ 1797 года, и снадбилъ его своими примѣчаніями. Интересна, между прочимъ, судьба книгъ, не дозволенныхъ цензурой. Коллежскій совѣтникъ Татищевъ-Шубскій представилъ для одобренія «Записки Гендриха Мезареса де-ла Тюда, черезъ 35 лѣтъ содержащагося въ разныхъ государственныхъ темницахъ и заключеніяхъ». Переводъ былъ запрещенъ на томъ основаніи, что «книга сія изъ числа тѣхъ возмутительныхъ сочиненій, которыми при началѣ

революціи французской старались подвигнуть народъ противъ законной власти». Въ томъ же засѣданіи цензуры доложено было о переводѣ Малиновскаго «Эдуардъ Бамстонъ. Повѣсть, имѣющая связь съ русскою Элоизою». При разсмотрѣніи этой рукописи было постановлено «оставить до справки съ оригиналомъ».

Въ виду того, что по цензурнымъ правиламъ представляемыя рукописи должны были сопровождаться полной подписью авторовъ, иногда является возможность раскрыть нѣкоторыя анонимныя произведенія, и г. Рогожинъ отмѣтилъ цѣлый рядъ новыхъ писателей и переводчиковъ, неизвѣстныхъ до сихъ поръ по «Словарямъ» и библіотечнымъ каталогамъ. Интересны также замѣчанія редактора объ авторѣ анонимнаго разсужденія «Безсмертіе души и молитва», которое онъ приписываетъ Державину и по этому поводу дѣлаетъ дополненія къ академическому изданію сочиненій Державина, редактированному Гротомъ. Нѣкоторыя книги совсѣмъ не были выпущены въ свѣтъ или же не сохранились въ печатныхъ экземплярахъ, напримѣръ, «Сыну моему наука добрымъ, разумнымъ и счастливымъ быть» А. Лобысевича, «О человѣкѣ философское воображеніе» неизвѣстнаго автора, «Хронологическая карта, показывающая начало, перемѣну и упадокъ монархическихъ правленій», «Истинная мудрость или искусство, чрезъ которое можно возвысить себя и свое счастіе», комическая опера А. Грузинова «Кому отъ чужихъ, а мнѣ отъ своихъ» и т. д.

А. И. Яцимирскій.

Труды Рязанской ученой архивной комиссіи. 1902 годъ. Т. XVII, вып. 2. Рязань. 1903.

Въ этомъ выпускѣ находимъ продолженія статей предыдущихъ выпусковъ. Г. Повалишинъ продолжаетъ свою статью «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», останавливаясь во 2-мъ выпускѣ на побѣгахъ рязанскихъ крестьянъ. На основаніи старинныхъ дѣлъ рязанской уголовной палаты, дворянскаго депутатскаго собранія, канцеляріи генералъ-губернатора онъ сообщаетъ небезынтересныя данныя о побѣгахъ крѣпостныхъ. Г. Шумаковъ продолжаетъ свои «Замѣтки по исторіи помѣстнаго приказа», содержащія матеріалы для исторіи Рязанскаго края—въ данномъ выпускѣ нѣсколько частныхъ актовъ (закладная 1630, духовная 1623, закладная 1637 г.). Священникъ Добролюбовъ закончилъ свой «Указатель матеріаловъ для историко-статистическаго описанія Рязанской епархіи, хранящихся въ архивѣ духовной консисторіи». Кромѣ перечисленныхъ статей, находимъ сообщеніе г. Проходцева — «Нѣсколько данныхъ о помѣщичьемъ хозяйствѣ гг. Полонскихъ въ первой половинѣ XVIII вѣка», г. Лашевскаго—«О подпискѣ на первое посмертное изданіе сочиненій А. С. Пушкина въ Рязанской губерніи» (рязанскій губернаторъ распродалъ изъ 50 подписныхъ билетовъ, полученныхъ имъ, 47) и г. Яхонтова—«Изъ записокъ генералъ-майора В. Абр. Докудовскаго». Записки относятся къ 1847 году и содержатъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о фельдмаршалѣ Паскевичѣ и русско-польскихъ отношеніяхъ этого времени. Щ.

Труды Воронежской ученой архивной комиссіи. Выпускъ I. Воронежъ. 1902.

Открывшаяся въ декабрѣ 1900 г. Воронежская ученая архивная комиссія издала въ свѣтъ первый выпускъ своихъ «Трудовъ» въ концѣ 1902 г. Въ нихъ по образцу подобныхъ органовъ прочихъ архивныхъ комиссій на первомъ мѣстѣ стоятъ изслѣдованія и статьи, затѣмъ матеріалы и описи и, наконецъ, «журналы» или протоколы засѣданій комиссіи.

Изъ числа изслѣдованій и статей разсматриваемаго выпуска обращаютъ на себя наибольшее вниманіе слѣдующія. Во-первыхъ, «Св. Митрофанъ, первый епископъ воронежскій, въ борьбѣ съ расколомъ»—свящ. Ст. Е. Звѣрева. «Вступленіе святителя Митрофана,—говоритъ авторъ,—въ управленіе Воронежскою епархіею (1682 г.) совпадаетъ съ усиленнымъ распространеніемъ здѣсь раскола. Происхожденіе и имена первыхъ расколоучителей въ нашемъ краѣ не выяснены исторически. Не изслѣдовано по документамъ и религіозно-нравственное состояніе мѣстнаго общества въ отношеніи къ расколу въ ту отдаленную эпоху. Не изданы матеріалы, на основаніи которыхъ можно было бы съ увѣренностью говорить о характерѣ мѣстнаго раскола и о тѣхъ мѣрахъ, какія употреблялись на первыхъ порахъ къ его искорененію. Настоящее сообщеніе представляетъ собою первую попытку освѣтить намѣченные вопросы на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ здѣшнихъ и центральныхъ архивовъ, частью и изъ печатныхъ источниковъ».

Начавъ такими словами свою статью, авторъ сейчасъ же переходитъ къ выясненію вопроса о составѣ населенія Воронежскаго края въ XVII вѣкѣ и среди одной изъ группъ населенія, именно среди людей «лишнихъ» или «пришлыхъ», указываетъ на нѣсколькихъ представителей раскола, которые, пользуясь «простотою и неразуміемъ» кореннаго населенія, успѣли къ 1680-мъ годамъ значительно распространить расколъ въ краѣ. Далѣе, послѣ нѣсколькихъ словъ о мѣрахъ борьбы съ расколомъ «чрезъ воеводъ», онъ говоритъ о назначеніи сюда святителя Митрофана, какъ «опытнаго борца съ раскольниками», который прежде всего принялся за исправленіе «пастырей церкви»; затѣмъ старался воздѣйствовать на прихожанъ «путемъ церковной проповѣди», а на подростающее поколѣніе—устройствомъ школъ, въ которыхъ «за недостаткомъ учительныхъ священниковъ» обучали и «низшіе члены изъ черкасъ, какъ наиболѣе грамотные сравнительно съ великорусскими»; далѣе разсылалъ извѣстныя «книги увѣты на раскольниковъ» и употребилъ немало стараній на «возвышеніе нравственное монашествующаго духовенства»; наконецъ, въ случаѣ упорства раскольниковъ, передавалъ ихъ власти «градского суда». Всѣ эти мѣры довольно общаго характера объясняются той тогдашней общей точкой зрѣнія на раскольниковъ, какой держался и святитель Митрофанъ, говорившій, что «раскольники — враги и развратители церкве Божіихъ и хульники истинныя православныя вѣры, враги Божіи, други діавола» (стр. 27).

Къ жизни св. Митрофана въ Воронежской епархіи относится еще одна статья, принадлежащая перу Н. И. Поликарпова, который, на основаніи извлеченныхъ имъ изъ московскаго архива министерства юстиціи и напечатан-

ныхъ въ отдѣлѣ «матеріаловъ» въ этомъ же выпускѣ, «Приходо-расходныхъ книгъ воронежскаго архіерейскаго дома 1699—1704 гг.», составилъ довольно любопытную статью, подъ заглавіемъ: «Черты изъ жизни св. Митрофана», касаясь, по преимуществу, конечно, мелочей изъ домашней жизни святителя; но въ то же время есть тутъ и точныя свидѣтельства о «страннолюбіи его», о посѣщеніи «тюремныхъ сидѣльцевъ» и раздачѣ имъ «большой милостыни», о постоянной помощи обращавшемуся къ нему духовенству и проч.

Далѣе, Е. Л. Марковъ, принимавшій горячее участіе въ учрежденіи Воронежской архивной комиссіи и въ первоначальной ея дѣятельности и недавно скончавшійся (17-го марта сего года), сообщаетъ данныя о «Древнихъ татарскихъ шляхахъ Воронежской губерніи», касаясь попутно и шляховъ, проходящихъ по другимъ губерніямъ.

В. Н. Тевяшовъ въ статьѣ: «Пещерные монастыри Острогожскаго уѣзда», говоритъ о трехъ обителяхъ: Дивногорской, Шатрищегорской (возникшихъ, по мнѣнію изслѣдователя, не ранѣе 1650 г.) и Бѣлогорской (съ полов. XVIII в.), при чемъ въ историческомъ очеркѣ первыхъ двухъ дѣлаетъ немало поправокъ къ тому, что напечатано въ изданныхъ описаніяхъ ихъ и особенно Дивногорскаго монастыря, а по отношенію къ Бѣлогорской обители упоминаетъ и о той роли, какую она играла въ просвѣтительной дѣятельности церкви и духовенства.

Кромѣ приведенныхъ статей перваго отдѣла разсматриваемаго выпуска «Трудовъ», находимъ еще «Василій Ѳедоровичъ Мокшинъ, эпизодъ изъ исторіи сектантства въ Воронежской губерніи», І. И. Недѣтовскаго; «Отчетъ о раскопкахъ въ Острогожскомъ уѣздѣ въ 1900—1901 г.», В. Н. Тевяшова, и «Расположеніе кургановъ и городищъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ», Л. М. Савельева.

Во второмъ отдѣлѣ («Матеріалы»), кромѣ уже упомянутыхъ «Приходорасходныхъ книгъ Воронежскаго архіерейскаго дома 1699—1704 г.», приведены: «Строительная книга г. Острогожска», извлеченная г. Тевяшовымъ изъ московскаго архива министерства юстиціи, и «Рукописи и древніе акты воронежскаго губернскаго музея». Въ отдѣлъ «Рукописей» вошли: «Златоустъ» (нач. XVI в., два «Сборника» XVI и XVII вв., «Хроника съ 1790 по 1864 г.» (Записка) Аполлона Никифоровича Маврина и «Сборникъ стихотвореній» начала XIX стол. Въ отдѣлѣ же древнихъ актовъ находимъ разнаго рода памяти: отписки воеводъ, судныя дѣла и пр., за время съ 1663 по 1675 г., всего числомъ до 826 документовъ, къ которымъ приложены и два указателя—личный и географическій.

Наконецъ, среди мелкихъ сообщеній, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ «Журналы засѣданій» комиссіи, болѣе любопытно сообщеніе М. Н. Былова о неизданныхъ письмахъ поэта И. С. Никитина, относящихся къ 1856—1861 гг. и адресованныхъ на имя И. И. Брюханова и его жены, съ которыми поэтъ былъ связанъ «самою тѣсною дружбою» и о которыхъ нѣтъ никакого упоминанія даже въ біографіи Никитина, составленной г. де-Пуле. Письма эти, по всей вѣроятности, появятся въ слѣдующемъ выпускѣ «Трудовъ» комиссіи.

В. Рудаковъ.

Н. Карѣевъ. Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средняго образованія. Съ историческими картами. Спб. 1903.

Новая книжка профессора Карѣева имѣетъ въ виду не замѣнить собою учебникъ, а дать въ руки учащагося именно пособіе, въ дополненіе къ учебнику. Она имѣетъ въ виду облегчить учащемуся задачу—разобраться въ сообщаемомъ ученикамъ фактическомъ матеріалѣ и осмыслить для него послѣдній. Книжка начинается вступленіемъ, въ которомъ даются общія понятія объ исторической наукѣ и о всемірной исторіи. Далѣе, глава первая даетъ общую картину образованія, развитія и историческихъ судебъ различныхъ государствъ. Слѣдующая глава даетъ подобную же общую картину культурнаго развитія народовъ. Наконецъ, третья и послѣдняя глава посвящена обзору «развитія общественной культуры» (мы бы предпочли выраженіе: «развитіе общественности»). Въ заключеніе, въ книжкѣ приложены: 1) указанія на историческія пособія съ обобщающимъ характеромъ, 2) объясненіе нѣкоторыхъ не совсѣмъ общедоступныхъ терминовъ, встрѣчающихся въ книгѣ, и 3) двѣ таблицы съ раскрашенными схематическими картами.

Въ предпосланной книжкѣ вступительной статьѣ, «вмѣсто предисловія», авторъ высказываетъ свои мысли о преподаваніи исторіи въ средней школѣ и по этому поводу дѣлаетъ нѣсколько вѣскихъ возраженій противъ явившихся въ недавнее время поборниковъ «соціологической» постановки элементарнаго преподаванія исторіи, утверждающихъ, что «центръ тяжести правильнаго историческаго курса на первыхъ же его ступеняхъ долженъ лежать въ выясненіи того, какъ возникаетъ, расширяется, развивается человѣческое общество въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ рамкахъ». Совершенно резонно возражаетъ на это профессоръ Карѣевъ, что «преподаванію исторіи этимъ, конечно, ставится истинно научная задача, но она не можетъ быть единственною задачею, и выполненіе ея скорѣе можетъ быть дѣломъ завершенія, а не начала историческаго курса, когда у ученика мало еще и фактическихъ знаній, и научнаго пониманія».

Книжка профессора Карѣева, которая, несомнѣнно, встрѣтитъ себѣ сочувственный пріемъ въ педагогическомъ мірѣ, можетъ съ успѣхомъ служить также и цѣлямъ самообразованія. П. А.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Москва. 1903.

Только что вышедшій въ свѣтъ учебникъ проф. Виппера пополняетъ серію новыхъ учебниковъ исторіи, которыми обогатилась въ послѣдніе годы наша учебно-педагогическая литература. Онъ представляетъ собою прямое продолженіе выпущеннаго тѣмъ же авторомъ въ 1900 г. «Учебника древней исторіи», который обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыми рѣшительными новшествами, рѣзко отличавшими учебникъ проф. Виппера отъ прежнихъ учебниковъ. Такъ, авторъ почти совершенно изгналъ изъ своей книги хронологію и

историческую географію. Далеко не всѣ новаторскія попытки московскаго профессора-педагога встрѣтили сочувственный пріемъ въ критикѣ и въ педагогическомъ мірѣ. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ уже сравнительно медленное распространеніе этого учебника. Нельзя поэтому не пожалѣть, что въ новомъ изданіи своего учебника древней исторіи авторъ не счелъ нужнымъ отозваться на голосъ критики и на замѣчанія голоса изъ педагогическаго міра и не внесъ въ свою книгу тѣхъ исправленій, которыя бы открыли ей болѣе радушный пріемъ въ педагогическомъ мірѣ. Это жаль тѣмъ болѣе, что учебникъ проф. Виппера отличается многими серьезными достоинствами, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ особенно указать на ясность и общедоступность изложенія, на хорошій, правильный русскій языкъ—качества, которыми далеко не избалованы наши школьники... да и не одни школьники,—что грѣха таить?

Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что во второй части своего учебника, посвященной исторіи среднихъ вѣковъ, проф. Випперъ воздержался отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ крайностей новаторства, увлеченіе которыми несомнѣнно отразилось неблагопріятнымъ образомъ на первомъ выпускѣ. Авторъ не пытается здѣсь «выгнать въ окно» ни хронологію, ни географію, а находитъ нужнымъ считаться и съ тѣмъ и съ другимъ, какъ съ данными, необходимыми для отчетливаго пониманія исторіи. Что касается географическихъ данныхъ, то имъ авторъ отводитъ очень много вниманія (мы вовсе не хотимъ сказать: слишкомъ много), о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя карты и схематическіе географическіе чертежи, которыми онъ снабдилъ свой учебникъ среднихъ вѣковъ. Авторъ стоитъ въ данномъ случаѣ на совершенно вѣрномъ пути: только при посредствѣ такихъ наглядныхъ пособій въ текстѣ самого учебника возможно съ успѣхомъ оріентировать учащагося въ такомъ сложномъ комплексѣ данныхъ, который представляетъ собою историческая географія среднихъ вѣковъ. Что касается хронологіи, то она, конечно, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ географія, допускаетъ наглядный способъ трактованія; тѣмъ не менѣе, хронологическія таблицы (не столько для заучиванія, сколько для справокъ) были бы полезнымъ пособіемъ въ учебникѣ, и большинство новѣйшихъ составителей учебниковъ обыкновенно снабжаютъ послѣдніе болѣе или менѣе подробными хронологическими таблицами (иногда въ синхронистическомъ порядкѣ, какъ, напримѣръ, въ учебникѣ проф. Виноградова). Остается лишь пожалѣть поэтому, что проф. Випперъ не счелъ нужнымъ послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру своихъ предшественниковъ. Если это—тоже «новаторство», то во всякомъ случаѣ не изъ тѣхъ, которыя способны увеличить цѣнность учебника.

Непонятно также, почему проф. Випперъ счелъ нужнымъ лишить новый учебникъ среднихъ вѣковъ одного изъ несомнѣнныхъ достоинствъ, которымъ отличался его учебникъ древней исторіи, снабженный, хотя и немногочисленными, но умѣло подобранными иллюстраціями, оживляющими текстъ и много помогающими уясненію тѣхъ или другихъ представленій въ головѣ учащагося. Учебникъ среднихъ вѣковъ совершенно лишенъ подобныхъ иллюстрацій. Почему? Конечно, выполнить эту часть задачи было гораздо легче для древней исторіи, имѣющей дѣло съ гораздо менѣе богатымъ и сложнымъ матеріаломъ;

но послѣ выхода въ свѣтъ такого превосходнаго, многосодержательнаго пособія, какимъ является «Историческій альбомъ» Пармантье и Лависса (по-французски), задача эта облегчилась до крайности. Намъ остается только пожелать, чтобы авторъ исправилъ указанный пробѣлъ въ ближайшемъ изданіи своего учебника среднихъ вѣковъ, которое, надѣемся, не заставитъ себя долго ждать, такъ какъ, если бы даже почему нибудь эта книга не нашла себѣ въ скоромъ времени распространенія въ качествѣ школьнаго учебника, то она несомнѣнно найдетъ себѣ читателей и за предѣлами школьной публики, въ виду того, что по обстоятельности изложенія, по научности трактованія предмета, наконецъ—по свѣжести освѣщенія историческихъ явленій, она можетъ заинтересовать всякаго образованнаго человѣка, который бы захотѣлъ освѣжить въ своей памяти поблекшія историческія представленія.

X. Y. Z.

Свита Петра Великаго. Полковника В. В. Квадри. Спб. 1903.

До сихъ поръ историки и біографы Петра Великаго обращали очень мало вниманія на его ближайшихъ сотрудниковъ: денщиковъ, адъютантовъ и генералъ-адъютантовъ; не было сдѣлано даже попытки опредѣлить ихъ число и обозначить имена. Этотъ пробѣлъ пополняется теперь трудомъ полковника Квадри, который, на основаніи собраннаго имъ, хотя и отрывочнаго, архивнаго матеріала, даетъ довольно полную картину дѣятельности этихъ лицъ и ихъ значенія при особѣ Петра. Нѣтъ почти ни одной отрасли государственнаго управленія, гдѣ не принимали бы участія лица государевой свиты, являясь непосредственными исполнителями царской воли. Документы того времени устанавливаютъ, что царскіе денщики имѣли значеніе нынѣшнихъ флигель-адъютантовъ, были, въ большинствѣ, офицерами гвардіи и исполняли весьма отвѣтственныя порученія, при чемъ правителямъ провинцій предписывалось «быть во всемъ послушнымъ» царскимъ посланцамъ. Нѣсколько выше по своему значенію были царскіе адъютанты. Такъ, напримѣръ, адъютантъ, майоръ Преображенскаго полка, Бартеневъ, былъ убитъ подъ Рашевкою, и смерть его такъ опечалила Петра, что онъ отнялъ у фельдмаршала Шереметева Преображенскій полкъ за назначеніе Бартенева не въ очередь въ дѣло. Другой адъютантъ, А. И. Румянцевъ, во время военныхъ дѣйствій, въ Финляндіи, въ 1715 г., несмотря на то, что имѣлъ всего чинъ капитана, командуетъ отрядомъ изъ четырехъ драгунскихъ полковъ и двухъ баталіоновъ пѣхоты. Онъ же, по его собственнымъ словамъ, былъ посылаемъ «во многія знатныя посылки къ королямъ прусскому, польскому и датскому, въ Константинополь и Вѣну». Генералъ-адъютанты царя, при учрежденіи этой должности, имѣли «рангъ и трактаментъ полковничій», но уже въ петровское время нѣкоторые изъ нихъ появляются въ генеральскихъ чинахъ. Достаточно перечислить фамиліи первыхъ девяти генералъ-адъютантовъ, чтобы убѣдиться, какое значеніе они имѣли въ царствованіе Петра Великаго: Артемій Волынскій, Дивьеръ, князь Григорій Долгорукій, Густавъ Левенвольде, Семенъ и Кириллъ Нарышкины, Александръ Румянцевъ, Ягужинскій.

Трудъ г. Квадри даетъ нѣкоторыя новыя черты для характеристики Петра Великаго и его дѣятельности, и можно лишь пожалѣть, что авторъ выпустилъ его въ столь ограниченномъ (25) количествѣ экземпляровъ. Изданіе иллюстрировано 27 портретами и рисунками и нѣсколькими снимками съ рукописей.

О. Ш.

Наполеонъ I и его геній. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. П. И. Ковалевскаго. Томикъ IV. Спб. 1903.

Мы уже говорили въ «Историческомъ Вѣстникѣ» о выдающемся интересѣ «Психіатрическихъ эскизовъ изъ исторіи» профессора П. И. Ковалевскаго. Эти «томики», какъ скромно называетъ авторъ свои эскизы, представляютъ собою, въ сущности, серьезные труды въ области психіатріи, популярно изложенные, написанные изящнымъ литературнымъ языкомъ и, главное, содержащіе въ себѣ, такъ сказать, цѣлый сводъ свѣдѣній о психическомъ состояніи того лица, которому посвящается «томикъ», занимающій иногда до 400 страницъ.

Таковымъ же является и IV томикъ г. Ковалевскаго «Наполеонъ I и его геній». Авторъ находитъ, что «изъ всѣхъ великихъ людей наиболѣе выдающимися представляются Юлій Цезарь, Петръ Великій и Наполеонъ. Это не были только геніальные полководцы: это были повелители народовъ, геній которыхъ проникалъ всюду и всюду являлся необыкновенно мощнымъ и сильнымъ. Всѣ эти три лица были и эпилептики». Послѣ такого «предисловія» г. Ковалевскій задается совершенно подходящимъ въ данномъ случаѣ вопросомъ: «какое отношеніе существуетъ у этихъ людей между ихъ геніемъ и ихъ ужасною болѣзнью—эпилепсіей? Существуетъ ли здѣсь совершенно случайное совпаденіе высочайшаго и совершеннѣйшаго проявленія ума и болѣзни,—или же геній служитъ однимъ изъ проявленій эпилепсіи, или, наоборотъ, появленіе эпилепсіи въ данныхъ случаяхъ представляется облегченнымъ въ мозговыхъ механизмахъ, обладающихъ необыкновенно тончайшимъ и совершеннѣйшимъ устройствомъ?»... И вотъ на разрѣшеніи этихъ интереснѣйшихъ, въ психологическомъ отношеніи, вопросовъ авторъ и останавливается очень внимательно,—и для болѣе или менѣе близкаго и точнаго разрѣшенія вопроса о положеніи эпилепсіи у вышеназванныхъ трехъ людей разсматриваетъ ихъ жизнь, характеръ и дѣятельность и изучаетъ всѣ многостороннія проявленія ихъ духа. При составленіи таковаго труда авторъ основывается, главнымъ образомъ, на тѣхъ историческихъ монографіяхъ, которыя въ настоящее время считаются наиболѣе безпристрастными и наиболѣе обстоятельными.

Авторъ долго останавливается на дѣтствѣ и отрочествѣ Наполеона и его школьныхъ занятіяхъ, когда онъ поражалъ учителей своими необычайными способностями. Но былъ уже при этомъ одинъ предметъ, съ которымъ маленькій Наполеонъ находился не въ ладахъ: это была орѳографія, которая такъ и осталась для Наполеона «на всю жизнь камнемъ преткновенія».

Первое военное отличіе, какъ извѣстно, было совершено Наполеономъ при осадѣ Тулона, который, благодаря лишь составленному имъ плану дѣйствій,

и былъ взятъ со всѣми находившимися въ немъ англійскими войсками съ генераломъ О'Тора во главѣ. Вотъ отзывы, сдѣланные о Наполеонѣ въ то время нѣсколькими выдающимися людьми во Франціи. Начальникъ артиллеріи пишетъ о Наполеонѣ военному министру: «Большія научныя свѣдѣнія, замѣчательный умъ и чрезмѣрная храбрость—таковъ въ общихъ чертахъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера». Главный начальникъ французскихъ войскъ подъ Тулономъ, генералъ Дюгомье, писалъ комитету общественнаго спасенія: «Наградите и выдвиньте молодого человѣка, потому что, если вы будете не благодарны по отношенію къ нему, онъ выдвинется и безъ васъ». Наполеона производятъ черезъ нѣсколько чиновъ прямо въ бригадные генералы,—и вотъ отзывъ о генералѣ Наполеонѣ знаменитаго Робеспьера: «Этотъ человѣкъ одаренъ сверхъестественными достоинствами». Мармонъ говорилъ: «Въ Наполеонѣ было такъ много предвидѣнія... Онъ пріобрѣлъ надъ народными представителями неописуемое вліяніе»...

Говоря объ административныхъ способностяхъ Наполеона, уже ставшаго императоромъ, г. Ковалевскій приводитъ изъ сочиненія Слоона чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о мѣрахъ, предпринятыхъ этимъ геніемъ для поднятія экономическаго благосостоянія земледѣльческаго населенія, «которое въ нѣкоторыхъ округахъ значительно пострадало и находилось въ бѣдственномъ положеніи». Это приписывалось многочисленности проживанія тамъ евреевъ. «Послѣ эмансипаціи евреевъ, они начали злоупотреблять свободой, которую доставила имъ революція. Вмѣсто того, чтобы расширить сферу своей дѣятельности, евреи продолжали заниматься мелкимъ торгашествомъ и ростовщичествомъ, и окончательно захватили въ свои руки обѣ эти отрасли торговаго посредничества (легкаго труда). Евреи такъ ловко обирали французскихъ крестьянъ, скупая у нихъ хлѣбъ на корню и выдавая ссуды подъ лихвенные проценты, что черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлались самыми крупными землевладѣльцами, при чемъ, сверхъ того, у нихъ числились за крестьянами долги, въ общей сложности, болѣе двадцати трехъ милліоновъ франковъ. Питая отвращеніе къ физическому труду, они не прикладывали къ нему рукъ и, благодаря отсутствію у себя фамилій, безнаказанно уклонялись отъ исполненія воинскихъ обязанностей; между тѣмъ, судьи были обременены множествомъ предъявленныхъ евреями тяжебъ, по взысканію долговъ и продажамъ съ публичнаго торга заложенныхъ имѣній, при чемъ во всѣхъ случаяхъ сумма первоначальнаго долга являлась исчезающей величиной сравнительно съ наросшими на нее процентами»... (стр. 255—257).

Читаешь все это — и не вѣришь глазамъ!.. Такъ и кажется, что все это происходило не во Франціи болѣе ста лѣтъ тому назадъ, а у насъ на Руси, теперь, въ сѣверо и юго-западныхъ краяхъ, въ Бессарабіи и въ царствѣ Польскомъ...

Но геніальному правителю Франціи трудно было напустить въ глаза туману, да и не существовало въ то время еврейской прессы во Франціи, той всесильной прессы, какая имѣется въ настоящее время, напримѣръ, въ Россіи, и императоръ Наполеонъ не сталъ много церемониться съ этими народными

вампирами, и противъ нихъ послѣдовалъ цѣлый рядъ суровыхъ мѣръ и постановленій, которыя ограничили дѣятельность этихъ всесвѣтныхъ паразитовъ.

Интересны также черты дѣятельности Наполеона, рисующія его тогда, когда онъ, ставъ твердою ногою у власти, не преминулъ совершить ту роковую ошибку, которая погубила ранѣе и Юлія Цезаря: онъ сталъ деспотомъ. Имѣя во всемъ удачи и совершая все, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, Наполеонъ «сталъ слишкомъ самоувѣренъ, слишкомъ величественъ и слишкомъ важенъ. Даже родные братья не имѣли къ нему свободнаго доступа. Мало того: они теперь именовались не Жозефъ, Жеромъ и Луи Бонапарты, а Жозефъ Наполеонъ, Луи Наполеонъ... Наполеонъ являлся уже не только главою государства, но даже собственной семьи. Въ правительственномъ органѣ было объявлено, что всѣ члены его семьи должны помнить, что первая ихъ обязанность служить вѣрой и правдой прежде всего Наполеону, а затѣмъ Франціи: «Что же касается прочихъ обязанностей, даже по отношенію къ народу, управленіе которымъ вамъ ввѣрено мною, то имъ должно придавать только второстепенное значеніе»... Всѣ поняли, что нѣтъ болѣе границъ честолюбію Наполеона. Напримѣръ, Барбе-Марбоа онъ предписываетъ прямо: «Пусть народъ гибнетъ, но вы не имѣете права выходить изъ границъ предоставленной вамъ (мною) власти». Будучи прежде вѣжливымъ и тактичнымъ, онъ требуетъ теперь, даже отъ королей, уваженія и почтенія, являясь своего рода Тамерланомъ. 4-го апрѣля 1807 года онъ приказываетъ ввести катихизисъ, гдѣ предписывалось полное повиновеніе всякому императору, «особенно же Наполеону, какъ помазаннику Божію, оказывать повиновеніе глубокое и дѣятельное»... Дворъ его сталъ блистать роскошью и величіемъ. Домашніе спектакли, концерты и увеселительныя прогулки должны были придать жизнь и веселье этому «двору»; на самомъ же дѣлѣ, тамъ царила натянутость, тоска и скука. «Удовольствія не могутъ итти по приказу, подъ барабанный бой», — такъ отвѣтилъ однажды Талейранъ Наполеону, пожелавшему узнать причину этой скуки... (стр. 260).

Изъ времени несчастнаго похода Наполеона въ Россію слѣдуетъ отмѣтить одинъ очень характерный фактъ. По пути отъ границы въ глубь Россіи императоръ французовъ мечталъ возбудить сепаратное національное чувство у поляковъ, литовцевъ и малороссовъ противъ Россіи, но это, какъ извѣстно, ему не удалось. Но евреи и тутъ ухитрились кое-что «заработать» и воспользовались подачками Наполеона... Но потомъ, когда его дѣло было проиграно, и они увидѣли ужасное отступленіе «великой арміи», то перестали уже церемониться, и повели игру въ открытую: «Обогатившись при французской арміи, оставивъ у себя больныхъ и раненыхъ, евреи грабили ихъ, выбрасывали голыхъ и умирающихъ черезъ окна на лютый морозъ на улицу, гдѣ жиденята били и толкали ногами побѣдителей Европы. Этимъ путемъ они, должно быть, хотѣли загладить въ глазахъ русскихъ свое недавнее раболѣпство передъ французами-побѣдителями...» (Пеэръ, 643. Ковалевскій, 298).

Когда Наполеонъ пребывалъ въ Фонтенебло, а явившіеся къ нему маршалы заявили, что онъ долженъ отречься отъ престола, мѣра его терпѣнія переполнилась, и онъ принялъ ядъ, который давно уже носилъ при себѣ. Но

ядъ измѣнилъ ему, какъ и маршалы, доставивъ ему лишь ужасныя физическія мученія всю ночь... На другой день, онъ лишь съ трудомъ узнавалъ окружающіе предметы. Глаза его ввалились и потускнѣли; все выраженіе лица краснорѣчиво говорило о страшныхъ душевныхъ мукахъ, имъ пережитыхъ...

Послѣднею и самою величайшею ошибкою Наполеона было то, что онъ положился на великодушіе англичанъ, совсѣмъ, повидимому, позабывъ въ это время о томъ «великодушіи», какое оказала эта нація по отношенію къ Іоаннѣ д'Аркъ. Страданія и приниженія, коимъ былъ подвергнутъ Наполеонъ на островѣ св. Елены, были очень велики: «Находясь въ заключеніи, онъ былъ подъ строгимъ надзоромъ стражи: онъ не смѣлъ никуда одинъ ходить, ни съ кѣмъ безъ позволенія говорить... Губернаторъ острова, англичанинъ, былъ такъ придирчивъ, что удалилъ отъ Наполеона даже доктора О'Меара, который, по его мнѣнію, сильно привязался къ своему паціенту»... Даже папа Пій VII, такъ много обиженный Наполеономъ, всячески ходатайствовалъ о смягченіи участи плѣнника на островѣ св. Елены: «Наполеонъ несчастливъ, очень несчастливъ,—писалъ папа.—Мы забыли его заблужденія... Знать, что этотъ несчастный страдаетъ черезъ насъ, это одно уже для насъ большое горе... Мы не желаемъ, мы не можемъ, мы не должны, наконецъ, быть причиною тѣхъ страданій, которыя онъ претерпѣваетъ; напротивъ, мы глубоко, отъ всего сердца желаемъ, чтобы его участь была облегчена; испросите этой милости отъ нашего имени»... Но этотъ благородный голосъ былъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ...

Наконецъ, замученный, приниженный и тысячу разъ оскорбленный, этотъ человѣкъ-геній встрѣтилъ смерть столь же мужественно, какъ онъ встрѣчалъ ее сотни разъ на поляхъ сраженій.

Второй отдѣлъ книги профессора Ковалевскаго, носящій заглавіе «Наполеонъ-человѣкъ», не великъ; но и въ немъ талантливый авторъ сумѣлъ сгруппировать такія тонкія психическія черты о Наполеонѣ по тѣмъ же источникамъ, что весь этотъ отдѣлъ читается съ захватывающимъ интересомъ. Оказывается, напримѣръ, что «человѣкъ» заговорилъ и въ Наполеонѣ, хотя это было и подъ конецъ его жизни: умирая, онъ вспоминалъ родную Корсику и былъ очень радъ, что при немъ былъ докторъ землякъ. Вспоминая Корсику, онъ какъ бы переносился душою и мыслью къ отдаленнымъ, счастливымъ днямъ своего дѣтства...

Но еще болѣе интересны отношенія Наполеона къ его матери. «Это была женщина твердыхъ убѣжденій, неутомимой дѣятельности, неуклонной настойчивости, желѣзной воли и непреклоннаго характера. Она любила Наполеона, и онъ всегда относился къ ней съ полнымъ почтеніемъ. Въ дни славы Наполеона она не пользовалась для себя его славою, но въ дни печали она явилась къ сыну на островъ Эльбу раздѣлять съ нимъ тоску и одиночество. Ни къ кому Наполеонъ не относился съ такимъ довѣріемъ, какъ къ матери. «Императоръ Эльбы» рѣшился одной только матери довѣрить о своей попыткѣ

вернуться во Францію. Это страшно поразило Летицію Бонапартъ. «Дай мнѣ забыть на время, что я твоя мать!»—сказала она и, затѣмъ, подумавъ, добавила: «Небо не допуститъ, чтобы ты умеръ спокойно въ своей постели, или, чтобы ты погибъ отъ тайнаго врага. Ты долженъ встрѣтить смерть съ мечемъ въ рукѣ, какъ тебѣ подобаетъ»... Но вотъ прошло «Сто дней»... и Наполеонъ послѣдній разъ прощается съ своею матерью, удаляясь въ заточеніе. Коротко и грустно было это послѣднее прости. «Прощай, мой сынъ»,— сказала мать... «Прощай, матушка»,—отвѣтилъ сынъ. Летиція упала безъ чувствъ, свалилась... Находясь на островѣ св. Елены, Наполеонъ очень часто вспоминалъ о матери, безпрерывно говоря о ней, и хвалилъ ее, какъ прекрасную мать. Въ самые послѣдніе дни жизни Наполеонъ часто восклицалъ: «Ахъ, мама Летиція, мама Летиція!»... Извѣстно, что ей суждено было пережить не только славу своего великаго сына, но и его кончину.

Профессоръ Ковалевскій не разъ останавливается въ своей книгѣ на «истерическихъ припадкахъ» Наполеона, происходившихъ съ нимъ въ самые важные моменты его жизни: напримѣръ, 18-го брюмера, въ день развода съ Жозефиной, и вслѣдъ за отданіемъ приказа объ отступленіи изъ Россіи, и послѣ подписанія въ Фонтенебло акта отреченія... Оказывается, что эти припадки имѣли свое начало еще въ школѣ. «Въ состояніи раздраженія у Наполеона развивался «тикъ» праваго плеча и конвульсивныя движенія въ губахъ. Однажды, когда Наполеонъ былъ наказанъ въ школѣ, это такъ подѣйствовало на его самолюбіе, что съ нимъ произошелъ судорожный припадокъ, почему его должны были освободить отъ наказанія». Онъ часто страдалъ приступами мигрени и «герпетизмомъ»... Но это относится уже болѣе къ области психіатріи, чѣмъ къ исторіи, а потому мы и ограничиваемся лишь тѣми указаніями на интереснѣйшія мѣста книги П. И. Ковалевскаго, которыя нами сдѣланы выше, отсылая читателей, желающихъ ознакомиться съ трудомъ автора поближе,— къ самой книгѣ.

И. Н. З.

Труды одиннадцатаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. 1899. Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слуцкаго. Томъ I и II. Москва. 1901—1902.

Передъ нами два объемистыхъ, прекрасно изданныхъ и снабженныхъ многочисленными фототипіями, цинкографіями, таблицами и картами, тома, заключающихъ результаты трудовъ XI археологическаго съѣзда, происходившаго въ Кіевѣ осенью 1899 года. Труды эти представляютъ собою: 1) доклады и работы, основанные на тѣхъ ученыхъ экскурсіяхъ, которыя были предприняты по порученію предварительнаго комитета съѣзда; 2) отвѣты на вопросы, предъявленные съѣзду; 3) вопросы, служившіе предметомъ разработки во время самаго съѣзда; 4) сообщенія и изслѣдованія, доложенныя въ различныхъ секціяхъ съѣзда; 5) desiderata, высказанныя по поводу тѣхъ или другихъ нуждъ русской археологіи. Само собою разумѣется, что въ небольшой библіографической замѣткѣ не представляется возможнымъ обозрѣть содержаніе многочисленныхъ трудовъ съѣзда, посвященныхъ тому или другому отдѣлу историко-археологи-

ческой науки. Мы, поэтому, ограничимся лишь подборомъ результатовъ работъ съѣзда по извѣстнымъ отдѣламъ.

Прежде всего отмѣтимъ труды, представленные съѣзду, какъ работы предварительнаго комитета; къ таковымъ принадлежать сообщенія В. Б. Антоновича («Раскопки кургановъ въ западной Волыни»; «О каменномъ вѣкѣ въ западной Волыни»), Н. Ф. Бѣляшевскаго («Дюнныя стоянки неолитической эпохи на берегахъ рѣки Западнаго Буга въ среднемъ его теченіи»), Е. Н. Мельника («Раскопки въ землѣ лучанъ, произведенныя въ 1897 и 1898 гг.»), В. Г. Ляскаронскаго («Городища, курганы и зміевые валы, находящіеся въ бассейнѣ рѣки Сулы»), священника о. Е. І. Сѣцинскаго («Археологическая карта Подольской губерніи») и нѣкоторыхъ другихъ. Далѣе мы должны упомянуть о дѣятельной разработкѣ на съѣздѣ уже давно созрѣвшаго вопроса объ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи,—вопроса, не разъ уже обсуждавшагося какъ на предшествующихъ съѣздахъ, такъ и въ спеціально посвященныхъ ему засѣданіяхъ императорскаго Московскаго археологическаго общества. Доклады по «архивному дѣлу» представили: А. Н. Львовъ («Русское законодательство объ архивахъ»), Д. И. Багалѣй («О необходимости превращенія харьковскаго историческаго архива въ центральный архивъ»), Г. Н. Шмелевъ («Теорія и практика архивныхъ описей»), И. М. Каманинъ («Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ»), Д. В. Цвѣтаевъ («Варшавскіе архивы»), М. В. Довнаръ-Запольскій, А. Н. Вороновъ и другіе. Отдѣльно должно отмѣтить «Проектъ основаній архивной реформы въ Россіи»—профессора Д. Я. Самоквасова.

Нѣкоторые изъ докладовъ по «архивному дѣлу» относятся собственно къ разряду пожеланій, высказанныхъ на съѣздѣ. Къ этому же разряду принадлежатъ также сообщенія Е. Ф. Шмурло («Объ учрежденіи русской исторической комиссіи въ Римѣ»), К. Кадлеца («Необходимость изданія въ Россіи византійскихъ извѣстій о славянахъ»), А. И. Маркевича («О сохраненіи старинныхъ памятниковъ») и др. Особенно отмѣтимъ интересное сообщеніе графини П. С. Уваровой о желательности введенія преподаванія археологіи въ русскихъ университетахъ.

Наконецъ, изъ рефератовъ, затрогивающихъ вопросы историко-филологическаго содержанія, упомянемъ сообщенія Л. Г. Нидерле—«О времени переселенія славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію», Д. А. Абрамовича—«Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца», А. И. Соболевскаго—«Церковно-славянскія стихотворенія IX—X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія славянскаго языка», К. Хёрмана—«Средневѣковые памятники Босніи и Герцоговины», В. Н. Щепкина—«Новгородская школа иконописи по даннымъ миніатюры», А. С. Хаханова—«Анотоній I, католикосъ Грузіи» и др.

Въ заключеніе отмѣтимъ, въ какомъ порядкѣ расположено содержаніе обоихъ томовъ. Въ первомъ томѣ собраны работы по первобытнымъ древностямъ; здѣсь мы находимъ рядъ отчасти уже упомянутыхъ статей В. Б. Антоновича, Н. Е. Бранденбурга, о. Сѣцинскаго, В. Г. Ляскоронскаго, В. М. Виттыга («О нуждахъ археологіи въ царствѣ Польскомъ»), Е. Н. Мельника, В. А.

Городцева («Русская доисторическая керамика»), В. В. Хвойко («Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья»), Н. И. Веселовскаго («Каменныя орудія въ курганахъ сѣвернаго Кавказа первыхъ вѣковъ христіанской эры») и др. Въ частности обратимъ вниманіе на двѣ прекрасныя карты, украшающія собою этотъ томъ: одна изъ нихъ представляетъ археологическую карту Волынской губерніи (Антоновича), другая—таковую же карту Подольской губерніи (о. Сѣцинскаго). Во второмъ томѣ помѣщены доклады по «архивному дѣлу», а также сообщенія «историческаго и филологическаго содержанія», о которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Далѣе, въ этомъ же томѣ мы находимъ: протоколы какъ московскаго предварительнаго комитета, такъ и его кіевскаго отдѣленія; вопросы, предложенные на обсужденіе съѣзда; запросы, обращенные къ съѣзду; протоколы засѣданій по отдѣльнымъ секціямъ, на которыя распадался съѣздъ, и т. д. За помѣщеніе протоколовъ засѣданій (печатавшихся уже во время самаго съѣзда въ его офиціальномъ органѣ — «Извѣстія XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ») мы должны тѣмъ болѣе быть благодарны редакторамъ «Трудовъ», что въ этихъ протоколахъ заключается не только резюме многихъ рефератовъ, не появившихся въ основной части «Трудовъ», но также и дебаты, вызванные ими. Если же кто пожелалъ бы познакомиться съ общимъ ходомъ работъ съѣзда и добытыми имъ результатами, то считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на заключительную рѣчь графини П. С. Уваровой—«Обзоръ дѣятельности кіевскаго археологическаго съѣзда» («Труды», томъ II, отдѣлъ протоколовъ, стр. 169 — 177), въ которой мы имѣемъ прекрасную картину научной жизни съѣзда въ связи съ выясненіемъ его значенія для русской археологической науки. А—нъ.

„Свадебные приговоры дружки“, по рукописи половины XIX столѣтія. Сообщилъ А. Кузнецовъ. Спб. 1903.

Напечатанные академіей наукъ «свадебные приговоры» переносятъ читателя въ праздничную обстановку старозавѣтнаго боярскаго дома XVII вѣка. При такихъ событіяхъ въ семьѣ, какъ свадьба, похороны и т. д., обрядъ игралъ важную роль. Каждый шагъ участниковъ свадебнаго поѣзда, каждая фраза при встрѣчѣ и во время пира, все это сопровождалось прибаутками и шутками «дружки», лучшаго знатока обрядности. Типичный «дружка» намъ представляется словоохотливымъ краснобаемъ, который во всѣ стороны сыплетъ дешевенькими остротами и риѳмами, развлекаетъ гостей и слѣдитъ за выполненіемъ всѣхъ подробностей свадебнаго ритуала. Отъ его красивыхъ приглашеній и приказаній вѣетъ живой стариной. Здѣсь фигурируетъ и «княжна-сваха», и отецъ невѣсты, «большой бояринъ», и женихъ, «князь молодой, и невѣста, «княгиня новобрачная», наконецъ, «гости полюбовные»,—всѣ эти переряженные въ боярское платье участники пира и составляли пестрый свадебный поѣздъ.

Обязанности «дружки» начинались съ выѣзда жениха изъ дома. При одѣваніи невѣсты его, конечно, не было. Чтобы дать понятіе о литературныхъ и археологическихъ достоинствахъ «приговоровъ», приведемъ обращеніе къ же-

ниху предъ отправленіемъ его въ домъ невѣсты: «Позвольте мнѣ, князь молодой новобрачный, выступить изъ высокаго терема на широкую улицу, въ стойла стоялые, въ конюшнины, — говоритъ церемоніймейстеръ старинной русской свадьбы.—Отпиралъ я замки висячіе, вынималъ запоры булатные, отворялъ ворота широкія, заходилъ въ стойла стоялыя, смотрѣлъ добрыхъ комоней. Накладывалъ я на нихъ уздечки тесмяныя, въ бѣлыя руки бралъ, по крутымъ бедрамъ стегалъ, по уму-разуму выбиралъ. Накладывалъ я сѣделышко черкасское, хомутикъ астраханской, шлейку строченую, гужики шелковые, вожжечки гарусныя. И съ тѣхъ стойловъ стоялыхъ, дворовъ-конюшенъ сдергивалъ санки-скочки пошевеночки, запрягалъ я своихъ добрыхъ комоней, ставилъ на путь-дорогу, какъ сѣсть да ѣхать». Къ концу пира «приговоры» начинаютъ пріобрѣтать нѣсколько фривольный тонъ, и приглашеніе молодыхъ въ опочивальню сопровождается довольно пикантными подробностями.

Старые обычаи исчезаютъ почти на нашихъ глазахъ. Поэтому было бы желательно изданіе подобнаго матеріала и изъ другихъ мѣстностей русскаго сѣвера. **А. И. Яцимирскій.**

Толковый словарь живого великорусскаго языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное, изданіе, подъ редакціею проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Томъ I, выпускъ I. Изданіе товарищества Вольфъ. Спб. 1903.

Словарямъ русскаго языка вообще не везетъ. Между прочимъ, почти всѣ наши словарные труды составлены любителями, а не спеціалистами-филологами. Но вотъ редакторомъ лучшаго изъ существующихъ словарей, «безсмертнаго» словаря В. И. Даля, становится «извѣстный спеціалистъ, знатокъ славянскихъ языковъ, имя котораго пользуется громкою славою въ ученомъ мірѣ» и т. д. (стр. II: аттестація издателей, очень похожая на рекламу, что́ такъ странно видѣть въ истинно «безсмертномъ» трудѣ!). Проредактировавъ, однако, первый выпускъ, «извѣстный спеціалистъ»—увы!—уже «почти сожалѣетъ» (стр. IV) о своемъ рѣшеніи взяться за редакцію словаря и любезно сообщаетъ объ этомъ, равно какъ и о своей «мучительной обязанности» (стр. XI) читать скучную корректуру—urbi et orbi... Предзнаменованіе плохое...

При всемъ томъ, первый выпускъ словаря производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Главное достоинство новаго изданія заключается въ томъ, что словарь Даля сдѣланъ въ немъ болѣе удобнымъ для справокъ: громадныя «гнѣзда» Даля разбиты на маленькія и болѣе согласныя съ этимологическимъ родствомъ словъ; алфавитный порядокъ выдержанъ послѣдовательнѣе. Другое достоинство—дополненія, между прочимъ, и изъ собственныхъ записей редактора. Въ этомъ отношеніи нѣсколько странно звучитъ только заявленіе редактора о томъ, что изъ новаго словаря академіи наукъ и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ онъ заимствуетъ лишь «слова, кажущіяся мнѣ (т.-е. Бодуэнъ-де-Куртенэ) почему либо особенно важными». Почему же именно? въ какомъ отношеніи важными? Надѣемся, тутъ редакція руководилась не субъективнымъ

вкусомъ, а какою нибудь системою. Почему бы не повѣдать читателю объ этой системѣ?

Нѣсколько странно также, почему въ основу изданія принято второе, а не первое изданіе словаря Даля? Первое изданіе почти всѣми признано лучшимъ. Съ этимъ согласна, въ сущности, и сама редакція: перечисляя ошибки старыхъ изданій, она указала больше ошибокъ во второмъ изданіи, нежели въ первомъ.

Новое изданіе словаря пестритъ вопросительными и восклицательными знаками редактора, несоглашающагося съ Далемъ въ различныхъ мелочахъ. Въ этомъ отношеніи мы рекомендовали бы ученому редактору немного побольше осторожности. По глубинѣ и широтѣ своего знанія живой народной рѣчи Даль превосходилъ самыхъ завзятыхъ «знатоковъ славянскихъ языковъ» и остается иногда правѣе своихъ ученыхъ критиковъ. Напримѣръ, спосоздалъ (срв. пѣсенн. сполюбилъ, спотребилъ и т. п.), раст. бабьи зубы (зубья только у граблей, а у бабы именно зубы) — точныя народныя выраженія, слышанныя, напримѣръ, и нами изъ устъ народа; звѣздочетство—астрологія (срв. звѣздочетъ, звѣздочетье) — старинное слово и ничуть не выдумано Далемъ (стр. 69). Алямошки Даля (родъ пироговъ; срв. олябышъ—олябышки) едва ли не народнѣе алялюшекъ г. Б.-де-Куртенэ. Напротивъ, согласиться съ Далемъ, будто вологодское бестюнокъ (неслухъ; срв. счувать) восходитъ къ бѣсенокъ, нѣтъ никакой возможности. Относительно распредѣленія словъ на гнѣзда: бита—конъ бабокъ (т.-е. во что́ бьютъ, срв. мѣта—во что̀ мѣтятъ) редакторъ почему-то выдѣляетъ изъ гнѣзда бить многочисленными восклицаніями; напротивъ, алаха, аланя—пиво оставляетъ подъ гнѣздомъ аланъ, еланъ — лугъ, пастбище! Въ первомъ случаѣ связь между словами существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ народномъ сознаніи, въ послѣднемъ же нѣтъ и этого.

Эти два-три сомнительныхъ мѣста, конечно, не умаляютъ громадныхъ достоинствъ изданія, которое, къ тому же, отвѣчаетъ самой настоятельной потребности, существующей, какъ въ нашей наукѣ, такъ и въ интеллигентномъ обществѣ. Остается пожелать, чтобы слѣдующіе выпуски словаря были столь же удачными, какъ и первый [1]). **Д. З.**

[1]) Укажемъ еще нѣсколько сомнительныхъ мѣстъ въ первомъ выпускѣ. Слово буревѣстникъ, по мнѣнію редакціи, сочинено Далемъ (стр. 127)! Ба́хоры (изъ бакари) — берестяные лапти, оставлены безъ критики въ гнѣздѣ слова бахорить—говорить (140). Записанные самою редакціею провинціализмы, напримѣръ, басранъ (132), оставлены безъ отмѣтки о мѣстѣ ихъ распространенія. Подъ словомъ аверьянъ спутаны Далевы отмѣтки: вят. слово—болдырьянъ, а не другое какое (стр. 8). Отмѣтка промысла балясниковъ «ниж.-сем.» ставитъ редакцію въ недоумѣніе (112): или знаменитый Семеновскій уѣздъ извѣстенъ только гимназистамъ, а не ученымъ?

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Старѣйшій сводъ законовъ въ свѣтѣ. До сихъ поръ считались древнѣйшими міровыми законодателями Моисей, Ману, составители двѣнадцати римскихъ таблицъ, Конфуцій, Солонъ и Ликургъ. Всѣ они жили въ промежутокъ времени отъ VIII-го по V-й вѣкъ до Рождества Христова. Теперь же оказывается, что ранѣе всѣхъ писалъ законы вавилонскій царь Каммураби въ XXIII вѣкѣ до Рождества Христова. Это археологическое открытіе въ Сузѣ было произведено де-Морганомъ въ 1901 году, а прошлый годъ появилось подробное описаніе [1]) этой замѣчательной диковины. Она состоитъ изъ чернаго діоритоваго столба въ восемь футовъ вышины, на верху котораго виднѣется дощечка съ изображеніемъ царя Каммураби, стоящаго предъ престоломъ божества, диктовавшаго ему законъ. Весь монолитъ покрытъ длиннѣйшей вавилонской надписью, заключающей въ себѣ 3.638 строкъ, раздѣленныхъ на 49 столбцовъ, изъ которыхъ пять первыхъ вычеркнуты царемъ эламитовъ, Сутрукомъ Накунти, который перенесъ памятникъ въ Сузу изъ Вавилона. Такимъ образомъ нѣсколько статей закона пропали, но остальныя писаны четкими клинообразными письменами. Ихъ переводомъ на французскій языкъ занялся ассиріологъ экспедиціи Моргана, патеръ Жиль; а потомъ тотъ-же трудъ исполненъ на англійскомъ языкѣ Джонсомъ. Текстъ свода законовъ Каммураби состоитъ изъ двухсотъ восьмидесяти двухъ статей, изъ которыхъ болѣе пятидесяти посвящены женскимъ правамъ и тридцать владѣнію или пользованію землею; кромѣ того, много статей предписываютъ извѣстное наказаніе за насиліе по основному правилу: око за око, зубъ за зубъ. Прежде чѣмъ подробно познакомиться съ вавилонскими законами, изданными за четыре тыся-

[1]) Ths oldest code of laws inthe world. Translated by C. H. W. Johns. oLndon. 1903.

чи лѣтъ тому назадъ, скажемъ два слова о самомъ законодателѣ. Каммураби, царь вавилонскій, низвергнулъ эламитовъ, изгнавъ ихъ изъ Вавилона на тридцатомъ году своего царствованія. Въ послѣдующіе два года онъ присоединилъ къ своему царству Ларсу и Ямутбалъ; вообще онъ настолько распространилъ власть Вавилона, что ей подчинились всѣ народы, обитавшіе до Средиземнаго моря. Вмѣстѣ съ политическимъ ростомъ Вавилона при Каммураби развилось и литературное величіе его царствованія, что доказывается только что найденнымъ его кодексомъ. Онъ начинается съ уложенія о наказаніяхъ за колдовство, за нарушеніе религіозныхъ правилъ, за судебныя злоупотребленія, воровство въ храмахъ и другія преступленія, которыя наказуются смертной казнью. Затѣмъ законодатель переходитъ къ различнымъ категоріямъ простой кражи, лишенію свободы, бѣгству невольниковъ и грабежу; рядомъ законъ трактуетъ о продажѣ недвижимости, о залогѣ и т. д. Женщина играла въ жизни вавилонянъ большую роль, и законодательство упоминаетъ о ней въ отношеніи торговли точно такъ же, какъ семейныхъ обязанностей. Прелюбодѣяніе наказуется смертью, и обоихъ виновныхъ бросаютъ въ воду. Но женщина, которая подвергается подобному преступленію безъ ея согласія, считается невиновной и освобождается отъ наказанія. Если мужъ удаляется на войну или попадаетъ въ плѣнъ, то жена въ случаѣ оставленія имъ богатства или, по крайней мѣрѣ, средствъ къ жизни, теряетъ право выйти вторично замужъ или вступить въ конкубинатъ, подъ опасеніемъ смертной казни. Если же мужъ не оставилъ женѣ никакихъ средствъ къ жизни, то она могла безнаказанно жить съ другимъ, но въ случаѣ возвращенія перваго мужа она была обязана жить съ нимъ, а дѣти отъ второго мужа оставались въ его домѣ. Конкубинатъ былъ также строго регулированъ, какъ законный бракъ, и судьба женщины - конкубинки была точно опредѣлена. Часто законная жена, не имѣя дѣтей, представляла мужу служанку для того, чтобы продолжать родъ. При этомъ служанка не находилась въ равномъ съ законной женой положеніи, но имѣла нѣкоторыя привилегіи. Разводъ дозволялся въ случаѣ, если та или другая сторона вела себя нехорошо и разоряла семейство. Двоеженство дозволялось въ случаѣ болѣзни жены, которая получала содержаніе до конца своихъ дней. Кровосмѣшеніе съ дочерью наказывалось изгнаніемъ, а за кровосмѣшеніе съ матерью оба виновные подвергались сожженію. Относительно гражданскихъ законовъ существовали постановленія очень интересныя, именно жена могла наслѣдовать отъ мужа, и они оба отвѣчали за свои долги. Женѣ не наслѣдовалъ мужъ, а только ея дѣти. Собственность ограждалась очень строго. За разбой и кражу со взломомъ назначалась смерть; за обыкновенное же воровство платилась пеня, но за неимѣніемъ къ этому средствъ пеня замѣнялась смертной казнью. Тому же наказанію подвергался укрыватель ворованнаго. Отвѣтственность докторовъ была самая строгая: такъ въ случаѣ неудачной операціи глаза онъ самъ терялъ глазъ, руки—руку, а въ случаѣ смерти—предавался казни. Жалованье рабочимъ было строго опредѣлено, точно также плата за воздѣлыванье земли, наемъ телѣтъ и воловъ и т. д. Законы о продажѣ спиртныхъ напитковъ отличались строгостью, и замѣчательно, что всѣ торговцы винами и крѣпкими напитками были женщины. Вообще надо

замѣтить, что кодексъ Каммураби имѣетъ во многомъ замѣчательное сходство съ законами Моисея.

— Процессъ маршала Люксембурга. Извѣстный французскій маршалъ Люксембургъ, побѣдитель подъ Вёрденомъ, Валансьеномъ и Сенъ-Дени, прославившійся не только своими военными побѣдами, но и страстью къ тайнымъ наукамъ, котораго нѣмецкій писатель Клипенбергъ въ своемъ трудѣ «Die Saqe vom Herzog von Luxemburg» приравнилъ къ Фаусту,—нашелъ себѣ защитника въ лицѣ Пьера Сегюра. Французскій историкъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Revue des deux mondes» [1]), собравъ многочисленные документы, воскресилъ забытый процессъ объ отравленіяхъ, надѣлавшій шуму при дворѣ Людовика XIV. Немало переполошился Парижъ отъ высшаго класса до средняго, когда 24 января 1680 г. маршалъ былъ внезапно арестованъ и засаженъ въ Бастилію. Тѣмъ болѣе этотъ арестъ поразилъ всѣхъ, что еще наканунѣ маршалъ, въ то время командующій гвардейскимъ корпусомъ, спокойно находился на своемъ посту при королѣ; послѣдній по обыкновенію былъ съ нимъ любезенъ, и даже они обмѣнялись подарками: король получилъ отъ Люксембурга лошадь, а маршалъ—цѣнную шпагу. Однако въ это время уже былъ подписанъ королемъ указъ объ арестѣ маршала. Послѣ казни извѣстной отравительницы маркизы Бренвилье парижане потеряли покой: сынъ подозрѣвалъ отца, мать—дочь, братья—сестеръ; никто не смѣлъ прикасаться къ приготовленному другимъ членомъ семьи кушанью и напитку. Отравленія связывались съ колдовствомъ, дьявольскими мессами и съ проч. темными дѣлами. Свободомыслящіе умы того времени, не вѣря въ Бога, охотно вѣрили въ чорта. Не только средній классъ, но и вельможи изучали алхимію и астрологію, и даже при рожденіи наслѣдника престола Анна Австрійская приказала сдѣлать его гороскопъ. Маршалъ Люксембургъ былъ однимъ изъ страстныхъ поклонниковъ оккультизма, и вся его наружность, какъ нельзя болѣе, подходила къ типу, какой обыкновенно придаютъ колдунамъ. Горбатый, настолько уродливо сложенный, что, по словамъ одной его современницы, г-жи Гриньянъ, «если бы на войнѣ онъ потерялъ руку или ногу, то этотъ недостатокъ прошелъ бы не замѣченнымъ», съ саркастическимъ выраженіемъ лица, густыми бровями, изъ-подъ которыхъ, какъ угли, горѣли его глаза, язвительнымъ ртомъ съ тонкими губами, пронзительнымъ голосомъ—вотъ портретъ французскаго Фауста. Еще юнымъ онъ изучалъ алхимію и, предпринявъ «Великій трудъ», потерялъ половину состоянія. Но это его не разочаровало, и позже, во время походовъ, на досугѣ онъ посѣщалъ извѣстные кружки, гдѣ занимались черными мессами. Однажды онъ выразилъ желаніе какой-то пиѳіи видѣть чорта, какъ разсказываетъ его современница, г-жа Денуайе, и такъ «круто обошелся съ нимъ, что къ удивленію присутствующихъ князь ада упалъ предъ нимъ на колѣни, смиренно прося прощенія». Кромѣ того, онъ окружилъ себя двумя личностями, которыя увлекали его на опасный путь—виконтомъ Монтмайоромъ и маркизомъ Фекьеромъ. Перваго онъ долго содержалъ и водилъ повсюду съ со-

---

[1]) «Le procès de sorcellerie du maréchal de Luxembourg», par Pierre de Ségur. «Revue des deux mondes». 15 Mai—1 Juin 1903.

бою. Это былъ странный человѣкъ, не то шутъ, не то ученый, астрологъ и предсказыватель будущаго, который, впослѣдствіи, во время процесса Люксембурга послужилъ однимъ изъ серіозныхъ поводовъ къ обвиненію, и его имя попадалось на каждой страницѣ слѣдствія. Хотя его называли виконтомъ Монтмайоромъ, но настоящее его имя было Франсуа Бушаръ, и онъ былъ сыномъ ліонскаго аптекаря. Въ юности «виконтъ» занимался послѣдовательно различными ремеслами, и за одно изъ нихъ его подвергли тюремному заключенію въ 1660 г. Его обвинили въ поддѣлкѣ монетъ. Однако ему удалось какимъ-то образомъ опять появиться во Франціи, но его снова схватили и заключили въ Бастилію, гдѣ онъ оставался 8 мѣсяцевъ. Позже его снова выслали въ Нижнюю Нормандію. Во время такого тревожнаго существованія онъ встрѣтился съ маршаломъ Люксембургомъ на ужинѣ у герцога Грамона, куда авантюристъ Монтмайоръ былъ приглашенъ дѣлать гороскопы гостямъ. Онъ такъ сумѣлъ заговорить маршала и ослѣпить своими оккультическими познаніями, что тотъ впослѣдствіи, при содѣйствіи Лувуа, выхлопоталъ ему полное прощеніе и поселилъ у себя въ домѣ, гдѣ «виконтъ» прожилъ двѣнадцать лѣтъ безъ опредѣленныхъ занятій и званія. Впрочемъ его занятія были въ своемъ родѣ опредѣленныя: онъ подслушивалъ у дверей салоновъ и министерствъ и передавалъ обо всемъ маршалу, а также велъ политическія, великосвѣтскія и любовныя интриги по указанному маршаломъ плану. Въ его бумагахъ нашли шифры, которые служили при перепискѣ съ маршаломъ. Такимъ образомъ онъ служилъ Люксембургу частнымъ шпіономъ и тайнымъ агентомъ. Кромѣ того, онъ предсказывалъ будущеее и зналъ оккультическія науки; «угадывалъ по числамъ», производилъ металлы, т.-е. искалъ философскій камень, и даже нашелъ секретъ дѣлать чудодѣйственный бальзамъ, наблюдалъ за звѣздами и по нимъ предсказывалъ будущее. Всѣ эти таланты были маршалу необходимы, и «виконтъ» устроился у него. Они запирались вмѣстѣ цѣлыми днями, и Люксембургъ не предпринималъ даже важныхъ дѣлъ, прежде чѣмъ «виконтъ» не сдѣлаетъ своихъ исчисленій. Вторая личность, близкая къ маршалу, былъ его родственникомъ, и онъ покровительствовалъ ему въ началѣ его военной карьеры. Съ нимъ онъ почти не разставался ни во время мира ни во время войны. Сенъ-Симонъ обрисовалъ Фёкьера, какъ человѣка знатнаго рода, неограниченнаго ума, богато одареннаго, у котораго никто не оспаривалъ громаднаго военнаго таланта, но человѣка самаго злого, какой существовалъ на землѣ, съ испорченнымъ сердцемъ, злой душою и развращеннаго, увлекшаго окончательно маршала на опасный путь. Этотъ-то человѣкъ и послужилъ причиной привлеченія маршала къ суду по дѣлу объ отравленіяхъ. Однажды утромъ къ Фёкьеру явилась неизвѣстная женщина съ маленькимъ мальчикомъ и, назвавшись служащей его матери, упрашивала взять ея мальчика лакеемъ. Но маркизъ, найдя ея сына слишкомъ маленькимъ, отказался. Прежняя субретка маркизы была не кто иная какъ Вигурэ, пріятельница знаменитой гадалки и отравительницы Вуазенъ. Фёкьеръ этого послѣдняго ея званія не зналъ, имѣя съ нею дѣло лишь, какъ съ колдуньей, и вскорѣ сдѣлался у нея своимъ человѣкомъ. Тамъ же онъ познакомился съ другой «раздавательницей утѣшеній», Маріей Боссъ, которая только что вышла изъ тюрьмы, какъ сообщница фальшивыхъ мо-

нетчиковъ. Обѣ сообщницы поняли, какою «выгодной дичью» представлялся для нихъ Фёкьеръ, и соединились вмѣстѣ, чтобы вытягивать у него деньги. То онѣ продавали ему талисманъ, предохраняющій отъ огнестрѣльныхъ ранъ, то дѣло шло о богатой женитьбѣ, то за большое вознагражденіе обѣщали провести его на шабашъ, и съ этой цѣлью устроилась переписка съ Вельзевуломъ, при чемъ Вигуре, «держа перо, едва не умирала отъ смѣха», вызываемаго легковѣрной страстью Фёкьера къ дьявольщинѣ. Авторъ сомнѣвается, чтобы Фёкьеръ увлекъ туда и Люксембурга: «можетъ быть, говоритъ онъ, маршалъ былъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ, изъ любопытства одинъ, два раза». Колдунамъ, алхимикамъ и всякаго рода шарлатанамъ было въ то время раздолье. Въ отдаленныхъ уголкахъ Парижа гнѣздились гадалки и предсказатели будущаго, быстро богатѣвшіе, благодаря различнымъ продѣлкамъ. Ихъ правой рукою были слуги и служанки, посредствомъ которыхъ они дѣйствовали. До зари или въ сумерки къ нимъ являлись кліенты или кліентки, часто замаскированные, изъ предосторожности оставлявшіе свои экипажи или носилки на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома шарлатановъ. Здѣсь предсказывали будущее, сообщались секреты красоты женщинамъ, давались любовныя зелья тѣмъ и другимъ, талисманы для счастливой игры въ карты, тайныя средства для истребленія соперниковъ или отмщенія и проч. Ловкіе мошенники выманивали нерѣдко письменныя желанія, компрометирующія кліента, и затѣмъ возвращали ихъ за дорогую цѣну. Оккультизмъ служилъ развлеченіемъ для всѣхъ. Между прочимъ Люксембургъ и Фёкьеръ посѣщали г-жу Фонтэ, гдѣ собиралось въ опредѣленные дни многочисленное общество. Это былъ салонъ, по выраженію автора, «расположенный на границѣ, отдѣляющей настоящее общество отъ сомнительнаго». Женщины бывали тамъ рѣдко, напротивъ мужчины любили посѣщать г-жу Фонтэ. Хотя къ ней являлось много стариннаго рода дворянъ и титулованныхъ лицъ, но большинство составляли различные авантюристы. Люксембургъ особенно любилъ развлекаться въ ея домѣ и бывалъ такъ часто и подолгу, что даже получалъ тамъ письма и оттуда велъ свою корреспонденцію. Хозяйка дома, урожденная Марія Маркъ, была въ свое время извѣстна своей красотою; теперь ей было за сорокъ лѣтъ, но она сохранила нѣкоторую свѣжесть, а особенно легкомысленное кокетство и нѣкоторую экстравагантность. Въ сущности это было доброе, совершенно безвредное созданіе, увлекающееся сверхъестественными явленіями. Одна изъ ея горничныхъ, знавшая Вигуре, ввела ее въ домъ своей госпожи, а гадалка въ свою очередь предложила привести къ ней знаменитаго Лесажа, который былъ «гораздо ученѣе и посвятилъ ее въ удивительныя тайны магіи. Маркиза согласилась и пришла отъ него въ восторгъ. Настоящее его имя было Адамъ Керэ, и родился онъ въ деревнѣ Венуа близъ Каэна. Ему было около сорока лѣтъ, когда въ началѣ 1667 года онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ познакомился съ Вуазенъ и сдѣлался ея любовникомъ. «Обладая астрономическими позналіями», онъ подѣлился ими съ Вуазенъ, пріобрѣтя отъ послѣдней взамѣнъ другіе болѣе «полезные секреты», послѣ чего принялся обдѣлывать свои дѣла. Однако въ 1668 г., восемнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ его пріѣзда въ Парижъ, онъ былъ арестованъ и приговоренъ къ галерамъ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, но по приказу короля

его помиловали и возвратили въ Парижъ, благодаря хлопотамъ Вуазенъ и ея связямъ въ высшемъ обществѣ. Ему было пятьдесятъ лѣтъ, но на взглядъ онъ былъ старше. Дурно сложенный, съ угрюмымъ лицомъ, въ громадномъ рыжемъ парикѣ, обыкновенно одѣтый въ сѣрый плащъ изъ баркана, онъ былъ очень непривлекателенъ. Хитрый плутъ отличался смѣлостью, необычайной изобрѣтательностью, даромъ шарлатанскаго краснорѣчія, легкостью, ловкостью пальцевъ и такъ ловко продѣлывалъ различные фокусы, что положительно поражалъ простаковъ. Вуазенъ часто обращалась къ его содѣйствію. Для этой цѣли у него было особое одѣяніе: длинная черная юбка, покрытая бѣлой рубашкой, и поясъ, какъ у патеровъ. Въ такомъ видѣ онъ читалъ формулы черной мессы предъ столомъ вмѣсто алтаря, при чемъ чашу замѣнялъ обыкновенно кубокъ. Вѣрующіе въ эту «грубую и богохульственную комедію» съ благоговѣніемъ принимали изъ его рукъ освященный имъ хлѣбъ и пили освященную воду, превратившуюся въ ликеръ, казавшійся имъ «необыкновеннаго вкуса». На эту комедію допускались лишь избранныя лица, другимъ же смертнымъ онъ только предсказывалъ будущее по линіямъ рукъ и чертамъ лица. Послѣднее послужило причиной его знакомства съ г-жею Фонтэ, и въ этомъ качествѣ она представила его Люксембургу. Несчастная встрѣча послѣдняго съ Лесажемъ произошла 31 января 1676 г. Утромъ маршалъ получилъ записку своего лучшаго друга Лавальера съ предложеніемъ провести вмѣстѣ день. Люксембургъ назначилъ ему мѣстомъ свиданія домъ г-жи Фонтэ. Пріѣхавъ къ послѣдней, маршалъ нашелъ ее сильно взволнованной. Она объяснила ему, что у нея находится знаменитый Лесажъ, который въ данный моментъ предсказываетъ будущее дочери ея подруги. Заинтересованный этой знаменитостью, маршалъ вмѣстѣ съ Фёкьеромъ поднялся въ верхній этажъ, гдѣ Лесажъ, приведенный Вигурэ, находившейся все это время въ домѣ г-жи Фонтэ, занимался предсказаніями. Лавальеръ, увидя экипажъ маршала у дома г-жи Фонтэ, сталъ ожидать выхода Люксембурга; наконецъ его попросили войти къ г-жѣ Фонтэ, и онъ вмѣстѣ съ Люксембургомъ и Фёкьеромъ поднялся къ Лесажу. Увидя его, маршалъ иронически спросилъ послѣдняго: «онъ ли предсказываетъ людямъ будущее?» На это ловкій мошенникъ отвѣтилъ, что умѣетъ дѣлать болѣе трудныя дѣла и можетъ это доказать, если его попросятъ. Маршалъ согласился, и было рѣшено, что онъ запишетъ на бумагѣ вопросы или желанія, которые Лесажъ не будетъ знать. Затѣмъ записка запечатается и будетъ сожжена въ его присутствіи, а чрезъ два дня очутится въ ящикѣ маршала съ отвѣтами духа. Лакей принесъ бумагу, сѣру и жаровню. Маршалъ и его два товарища стояли въ отдаленіи, и Лавальеръ подъ ихъ диктовку написалъ, «передѣлавъ свой почеркъ», всякія глупости, какія пришли ему въ голову. Это обстоятельство послужило завязкой процесса маршала. Получивъ записку, Лесажъ сдѣлалъ видъ, что закаталъ ее въ шарикъ изъ желтаго воска, и бросилъ его въ горящую сѣру, въ то время какъ трое пріятелей повторяли сказанныя Лесажемъ слова изъ старой книги магическихъ формулъ: «otos — anostra — bai — agios — agia — ischiros». Этимъ временемъ Лесажъ успѣлъ подмѣнить шарикъ другимъ такой же формы съ составомъ селитры, что произвело сильный взрывъ, удивившій трехъ товарищей. Записка осталась въ рукахъ Лесажа, но они

были увѣрены, что она уничтожена. По окончаніи Лесажъ объявилъ, что маршалъ найдетъ ее въ своемъ ящикѣ, но вмѣсто этого къ нему явился посланный и принесъ запечатанный отвѣтъ, потребовавъ уплаты. Но Люксембургъ отказался выдать деньги, ссылаясь на то, что Лесажъ не сдержалъ обѣщанія. Чрезъ нѣсколько дней къ Фѣкьэру явился Лесажъ, и на вопросъ перваго объ отвѣтѣ духа мошенникъ сказалъ, что маршалъ будетъ любимъ женщинами, счастливъ на войнѣ и неуязвимъ для непріятельскаго оружія. Фѣкьеръ выбранилъ его и выгналъ, сказавъ, что онъ ничего не понимаетъ. Прошло пять лѣтъ, и маршалъ забылъ объ этой глупой исторіи, какъ вдругъ снова Лесажъ появился на его жизненномъ пути. Люксембургъ тогда владѣлъ громаднымъ лѣснымъ имѣніемъ въ Лотарингіи, не раздѣленнымъ еще между герцогиней Люксембургской и ея сестрою отъ другого отца, принцессой Тенгри. Въ 1665 г. была произведена срубка лѣса, который уже заранѣе купило за 400.000 ливровъ общество торговцевъ лѣсомъ. Посредникомъ былъ нѣкій Пэнъ и подписалъ условіе продажи; но когда дѣло дошло до уплаты, то поднялись протесты, и общество обвиняло Пэна, что его подкупилъ управляющій Люксембурговъ, Моро. Начался процессъ, длившійся восемь лѣтъ. Въ 1673 г. маршалъ воевалъ въ Голландіи и, потерявъ терпѣніе отъ проволочки, пожаловался Лувуа на управляющаго. Лувуа по привычкѣ живо запряталъ Моро въ Бастилію, гдѣ несчастный пробылъ четыре года. Вмѣсто него былъ назначенъ Пріеръ, который взялъ своимъ помощникомъ нѣкоего Боннара, главнаго виновника несчастья Люксембурга. Наивный и суевѣрный Боннаръ, желая достать у Пэна текстъ условія, изъ котораго вытекали права обѣихъ сторонъ, отправился однажды къ Пэну для переговоровъ, но не засталъ его. Его встрѣтила любовница послѣдняго, молодая дѣвушка и съ виду очень несчастная. Онъ сталъ ее разспрашивать о причинѣ ея горя, и вскорѣ она ему все разсказала, прибавивъ, что воспользуется первымъ случаемъ, ради лучшаго положенія. Боннаръ ухватился за это и обѣщалъ ей восемьсотъ экю, если она достанетъ условіе. Чрезъ нѣсколько дней она заявила, что ея попытки неудачны, и одной ей этого не сдѣлать, но она знаетъ одного мага, который можетъ имъ помочь. Это былъ Лесажъ. На сцену явилась вся преступная компанія, съ Мари Боссъ, Вигуре и съ настоящимъ патеромъ Жиллемъ Даву, исповѣдникомъ мужа Вуазенъ. Послѣдній служилъ черныя мессы, клалъ подъ чашу записку съ написанными лично Боннаромъ желаніями добиться возвращенія документа, если надо, то черезъ смерть Пэна. На бѣду по совѣту Лесажа эти записки были написаны отъ имени Люксембурга, его жены и свояченицы. Все это время маршалъ былъ занятъ войной и не думалъ о личныхъ дѣлахъ. Послѣ заключенія мира онъ возвратился въ Парижъ, и первымъ его дѣломъ было окончить свой процессъ по имѣнію. Требованія Лесажа и компаніи все увеличивались и дошли до двухъ тысячъ экю. Люксембургъ, уставъ отъ войны, согласился дать требуемую сумму подъ условіемъ, что въ тотъ же вечеръ получитъ документы. Но прошелъ вечеръ, а Боннаръ не появлялся. На слѣдующее утро 10 марта 1679 г., когда маршалъ былъ еще въ постели, вошелъ съ бумагою въ рукахъ Боннаръ. Но это не былъ ожидаемый документъ, а готовая довѣренность, которая, по его словамъ, была необходима, чтобы достать документъ. Люксембургъ взялъ ее

и подписалъ, но изъ предосторожности попросилъ присутствовавшаго въ комнатѣ прокурора изъ Линьи прочитать ее. Тотъ прочиталъ и, ничего въ ней не найдя подозрительнаго, передалъ ее Боннару. Прошло три дня, о послѣднемъ не было никакихъ извѣстій. Получивъ эту довѣренность, Боннаръ отправился къ Лесажу, который, осмотрѣвъ ее, сказалъ, что надо къ ней прибавить еще кое-что, если желаютъ достигнуть успѣха у дьявола. Вѣря въ могущеотво Лесажа, Боннаръ написалъ продикованныя имъ слова на свободномъ мѣстѣ, подделываясь подъ почеркъ Люксембурга, но онъ не могъ сдѣлать это хорошо, и, по его славамъ. «написанное немного не вошло въ подпись маршала». Это было сдѣлано въ присутствіи нѣкоего Бото. Почти на другой день Лесажъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Бото, въ карманѣ котораго нашли этотъ документъ, и посаженъ въ тюрьму. Когда восемь дней спустя его спросили относительно этого документа, то сначала онъ сказалъ, что это касается астрологическаго вопроса, за что разчитывалъ получить съ маршала хорошее вознагражденіе. Болѣе его не спрашивали, и довѣренность была отложена, какъ не имѣющая значенія. Тѣмъ временемъ маршалъ, удивленный молчаніемъ Боннара, сталъ его разыскивать и узналъ истину лишь, когда къ нему явился адвокатъ Паркъ отъ имени отвѣтчиковъ съ предложеніемъ мировой сдѣлки, такъ какъ она можетъ помѣшать разглашенію странныхъ и опасныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгнулъ Боннаръ для успѣшнаго результата дѣла. Тогда только удивленный маршалъ узналъ о договорѣ съ дьяволомъ, который управляющій заключилъ отъ его имени. Люксембургъ тотчасъ же увѣдомилъ Лувуа. Послѣдній заподозрѣлъ маршала и отказался вмѣшаться въ это дѣло, сославшись на то, что арестовываетъ только отравителей. Видя, что расчитывать на Лувуа нельзя, маршалъ самъ взялся за дѣло и приказалъ отыскать Боннара, который пришелъ къ нему подъ условіемъ, что ему не будетъ сдѣлано ничего непріятнаго. Здѣсь онъ повинился во всемъ, въ присутствіи принцессы Тенгри, прокурора Пріера, полицейскаго комиссара, умолчавъ однако о поддѣланной подписи, и его отпустили. Маршалъ вошелъ въ соглашеніе съ компаніей лѣсопромышленниковъ и думалъ, что дѣло совершенно окончилось. Послѣ ареста Лесажа начались безконечные аресты въ различныхъ слояхъ общества, и чрезъ двѣ недѣли 10 апрѣля 1679 г. былъ основанъ «Огненный судъ», а 9-го мая были казнены сначала Вигуре, а затѣмъ Боссъ, которые не произнесли серіознаго обвиненія противъ маршала, несмотря на пытки. Обвиненіе исходило только отъ Лесажа. Вуазенъ, какъ хитрая мошенница, сообразила, что, обвиняя высшихъ лицъ, она, если не спасется, то, по крайней мѣрѣ, оттянетъ время казни, благодаря допросу, и начала выдавать всѣхъ, кто ее посѣщалъ. Лесажъ разсказалъ, что въ запискѣ, данной въ домѣ г-жи Фонтэ, маршалъ просилъ у духа смерти жены, женитьбы сына на дочери Лувуа и чего-то противъ маршала Креки, но чего—онъ не помнитъ, какъ не помнитъ, чего онъ просилъ относительно дружбы г-жи Тенгри. Онъ также просилъ смерти одного губернатора въ Лотарингіи, чтобы занять его мѣсто, а также мести противъ Моро. Фёкьера онъ обвинялъ въ желаніи смерти родителей очень богатой вдовы, на которой хотѣлъ жениться. Онъ увѣрялъ, что маршалъ былъ соучастникомъ управляющаго и даже искалъ человѣка убить Пэна и отнять у него бумаги. Лувуа въ особенности яро ухва-

тился за обвиненіе Люксембурга, съ которымъ послѣ десятилѣтней дружбы поссорился и хотя любезно ему улыбался, но въ душѣ искалъ его погибели. Какъ только онъ это узналъ, на другое же утро самъ отправился допрашивать Лесажа и обѣщалъ ему королевскую милость, если онъ все скажетъ. Съ этихъ поръ перемѣнили тактику въ обращеніи съ мошенникомъ, и когда онъ молчалъ, его мучили, когда говорилъ и обвинялъ, то его ласкали. Наконецъ Лувуа написалъ письмо главѣ полиціи Рейни, въ которомъ говорилъ, что Лесажъ можетъ разсчитывать на милость короля, если измѣнитъ поведеніе. Въ концѣ письма была замѣтка, что его надо показать Лесажу, а потомъ сжечь. Послѣ этого письма Лесажъ сталъ взводить на маршала всевозможныя преступныя желанія. Отыскали довѣренность, данную Боннару, но его арестовали лишь два мѣсяца спустя послѣ маршала. Несмотря на отсутствіе свидѣтелей и полагаясь лишь на показанія Лесажа, Лувуа въ первыхъ числахъ января призвалъ къ себѣ Люксембурга и объявилъ ему, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, и совѣтовалъ ему отправиться за границу Франціи, чтобы переждать бурю. На это маршалъ не согласился, сказавъ, что если бы дѣйствительно былъ виновенъ, то все-таки потребовалъ бы правосудія. Тогда Лувуа объяснилъ это распоряженіемъ короля, на что маршалъ заявилъ желаніе лично говорить съ Людовикомъ. Свиданіе ихъ состоялось, король обошелся съ маршаломъ милостиво. Послѣдній настаивалъ, что все это клевета, и онъ не боится правосудія. Этимъ временемъ дѣло шло своимъ порядкомъ, и наступила очередь Вуазенъ. Палата была готова произнести надъ нею приговоръ, какъ вдругъ 22 января, утромъ, предсѣдатель Бутра получилъ отъ Лувуа приказъ судить Вуазенъ по желанію короля только въ субботу и приговоръ суда оставить въ тайнѣ до утра понедѣльника. «Такимъ образомъ, прибавлялъ онъ, вы будете имѣть время для очной ставки Вуазенъ съ лицами, на которыхъ она укажетъ. Палата можетъ завтра постановить приговоръ. Если этого времени будетъ достаточно, и его величеству будетъ угодно, то приговоръ надъ Вуазенъ будетъ отсроченъ». Лувуа хотѣлъ прежде всего начать съ высшаго класса. Больше всѣхъ скомпрометированы были четверо: Люксембургъ, графиня Суассонъ, ея пріятельница маркиза Аллюйе и маркиза Полиньякъ. На другой день королю было подано это дѣло на разсмотрѣніе, и король изучалъ его два часа. Онъ уже готовъ былъ дать свое одобреніе, но при видѣ имени г-жи Суассонъ его взволновало воспоминаніе юности: это была первая женщина, которую онъ любилъ, и сестра безумно любимой имъ другой женщины. Видѣть ее казненной онъ былъ не въ силахъ, вотъ почему Лувуа отложилъ на два дня подпись декрета палаты. Въ тотъ же вечеръ, по приказу короля, герцогъ Бульонскій, ея деверь, передалъ ей выборъ—покинуть Францію или отправиться въ Бастилію. Она избрала первое. Маршалу было повторено три раза то же предложеніе короля наканунѣ его заточенія въ Бастилію, но онъ отказался и просилъ только, чтобы ему разрѣшили отправиться въ Бастилію одному, безъ конвоя. Никого не предупредивъ, даже жены, сестры и близкихъ родственниковъ, онъ собралъ кое-какія вещи, оставивъ деньги дома, чтобы не навлечь подозрѣнія въ желаніи подкупа, и отправился въ Бастилію. По дорогѣ онъ встрѣтилъ г-жу Монтеспанъ; они узнали другъ друга, вышли изъ экипажа, отошли въ сторону

и стали бесѣдовать, такъ какъ надъ нею висѣло еще болѣе тяжкое подозрѣніе. Разставшись съ нею, онъ продолжалъ путь въ Бастилію и по дорогѣ заѣхалъ къ іезуитамъ. Не заставъ духовника короля, онъ долго говорилъ съ другимъ патеромъ, а затѣмъ около двухъ часовъ молился на колѣняхъ и горько плакалъ. По словамъ г-жи Севиньи, «онъ не зналъ, какому святому молиться». Комендантъ Бастиліи былъ удивленъ, когда къ нему явился маршалъ, и самъ просилъ заключить себя въ тюрьму. На замѣчаніе перваго, что безъ королевскаго указа онъ не можетъ исполнить его просьбу, Люксембургъ вынулъ изъ кармана указъ короля. Ему была отведена свѣтлая, прекрасно провѣтриваемая комната, но на другое утро Лувуа приказалъ запереть его крѣпче и обращаться съ нимъ, какъ съ преступникомъ. Его перевели въ тѣсный, низкій казематъ, въ верхній этажъ башни, окна котораго были ограждены рѣшетками. Люксембургъ могъ получить за свой счетъ обѣдъ и посуду, но въ письменныхъ принадлежностяхъ Лувуа отказалъ ему. Въ первый же день лакей маршала захворалъ, и онъ исполнялъ самъ эту должность. Извѣстіе о заключеніи въ Бастилію маршала поразило всѣхъ. Его сестра, герцогиня Мекленбургская, была предупреждена первая и тотчасъ же бросилась въ Бастилію, но ея не допустили. По обычаю того времени она съ горя поступила въ монастырь. Его мать, графиня Бутвиль, предупрежденная въ своемъ замкѣ, поспѣшила въ Парижъ, полуживая отъ страха, и тоже заперлась въ монастырѣ. Съ нею пріѣхали его маленькіе братья, которые, несмотря на свой возрастъ, поняли весь ужасъ его положенія. Мать маршала обвиняла принцессу Тенгри въ этомъ несчастіи, а общественное мнѣніе было противъ маршала. При дворѣ боялись его за насмѣшливый, презрительный, унижающій всѣхъ умъ, за его честолюбіе, которое вело его къ цѣли, «опрокидывая все, что попадалось на пути». Народный голосъ, по словамъ одного современника, обвинилъ Люксембурга за восемь мѣсяцевъ предъ тѣмъ, и въ Бургундіи уже шли дурные слухи. Буржуа оскорблялись его циничными злословіями, свободными до нахальства разговорами, никого не щадившими и не уважавшими. Его жестокости въ Голландіи и проклятія разореннаго народа связали съ его именемъ кровавую легенду. При томъ его безнравственная жизнь еще болѣе возбуждала къ нему антипатію. Все вмѣстѣ взятое, а также старые расчеты и зависть создали смѣшныя обвиненія и разсказы о такихъ оргіяхъ, что даже показанія Лесажа блѣднѣли предъ ними.

Разсказывали про бѣлую мессу, въ которой участвовалъ нагой патеръ, а за нимъ слѣдовали двѣнадцать нагихъ женщинъ, и о другихъ оргіяхъ и жертвоприношеніяхъ дьяволу. Мало того, что его произвели въ любовники сестры жены, г-жи Тенгри, но еще создали троихъ дѣтей, которыхъ онъ будто бы сжегъ въ печи Вуазенъ. Другіе вспоминали, что въ Утрехтѣ онъ приказалъ одному изъ управляющихъ короля доставить ему крупную сумму, которую онъ велѣлъ вычесть изъ контрибуціонныхъ денегъ; чрезъ сорокъ восемь часовъ управляющій умеръ отравленнымъ. Всѣ эти слухи шли изъ высшаго общества и отъ прежнихъ друзей маршала. Вспоминали, что его предки сложили головы на гильотинѣ: отецъ—на площади Грэвъ, а знаменитый родоначальникъ ихъ расы, маршалъ Монморанси, въ Тулузѣ. Злые языки

добрались даже до отдаленныхъ временъ и припомнили, что маршалъ Рэ изъ дома Монморанси былъ сожженъ «за колдовство и порчу посредствомъ колдовства»; говорили, что хотя болѣе не наказываютъ преступленія казнью, но если маршалъ умертвилъ кого нибудь съ помощью колдовства, то его казнятъ. До Люксембурга всѣ эти слухи не доходили, и онъ ожидалъ перваго допроса. Герцоги и пэры могли быть судимы только парламентомъ, «всѣми соединенными палатами», но король для такого сорта дѣлъ назначилъ «палату, которая была выше всѣхъ палатъ». Онъ требовалъ, чтобы такіе преступники судились безъ различія положеній. Допросъ продолжался четыре часа, и маршалъ повторилъ все, что говорилъ ранѣе.

Затѣмъ прошло пять недѣль, а маршалъ ничего не зналъ о своей судьбѣ и упрекалъ судей за желаніе оставить его въ Бастиліи, какъ можно долѣе, чтобы изобрѣсть противъ него самыя невозможныя улики. Въ это время аресты слѣдовали за арестами. Черезъ три дня послѣ маршала первою арестовали г-жу Фонтэ и держали строго замкнутой. Она такъ была потрясена, что потеряла послѣдній умъ, какой у нея былъ, и повторяла, что ничего не видѣла и не слышала изъ разговоровъ маршала съ Лесажемъ. Видя, что ея показанія не принесутъ пользы, Лувуа запряталъ ее опять въ Бастилію и забылъ тамъ. Только чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ вспомнили о несчастной женщинѣ и выпустили на свободу. Затѣмъ былъ допрошенъ Монтмайоръ, надъ которымъ тяготѣло сильное обвиненіе, какъ надъ участникомъ Люксембурга въ различныхъ волшебствахъ. При арестѣ у него нашли пакетики съ различными химическими составами, которые были арестованы такъ же, какъ и найденныя бумаги. Однако, противъ ожиданія враговъ маршала, Фёкьеръ не далъ никакого вреднаго для маршала показанія и вполнѣ все отрицалъ. Его приговорили къ пожизненному тюремному заключенію. Затѣмъ очередь дошла до принцессы Тенгри. По словамъ современниковъ, это была эксцентричная особа, съ неуравновѣшеннымъ умомъ и съ очень измѣнчивымъ настроеніемъ. Она была въ молодости очень красива и не отличалась нравственной жизнью. Сплетни распространялись, что она была неравнодушна къ маршалу, но въ моментъ ея ареста она была очень неинтересна. Впрочемъ это несдерживало злыхъ языковъ и разсказы о задушенныхъ новорожденныхъ отъ маршала, брошенныхъ въ печь Вуазенъ, высушенныхъ и превращенныхъ въ порошекъ, не прекращались. 29-го января она и герцогиня Бульонская были допрошены: первая по дѣлу Боннара и Пэна, вторая относительно ея сношеній съ Вуазенъ, у которой она просила немного яда, чтобы отдѣлаться отъ скучнаго стараго мужа. Съ нею обвинялась Лафертэ, отличавшаяся любовными похожденіями. Ее сопровождалъ подъ руку мужъ и объяснялъ всѣмъ, что его жена виновна только въ страсти къ азартной игрѣ и просила у Вуазенъ секрета выигрывать. Эту чету сопровождалъ весь Парижъ и всѣ роптали на комиссара. Первую допрашивали герцогиню Бульонскую. На вопросъ, не видала ли она когда нибудь чорта, герцогиня отвѣтила: «Нѣтъ, но я вижу его въ данный моментъ; онъ старъ, безобразенъ и замаскированъ государственнымъ совѣтникомъ». Этотъ допросъ продолжался полтора часа. Удаляясь, герцогиня сказала: «Поистинѣ, я никогда не думала, что мудрые люди могутъ спрашивать столько глупостей». Напро-

тивъ, принцесса Тенгри не отличалась такимъ апломбомъ; судьи относились къ ней безжалостно, и допросъ длился полтора часа. Она никакихъ показаній объ отношеніяхъ маршала съ Лесажемъ, Вуазенъ и проч. не могла дать и даже ссылалась, что въ послѣднее время ея отношенія съ зятемъ были недружелюбны. Вся въ слезахъ, полубольная, она удалилась въ домъ отца, гдѣ серіозно заболѣла отъ страха и потрясеній. Однако ея не оставили въ покоѣ и допрашивали еще два раза. Герцогиня Бульонская, бравируя, разсказывала насмѣшливо о своемъ допросѣ и остроумничая сказала, что напечатаетъ допросъ и пошлетъ его за границу. Эти слова дошли до короля, и она была выслана въ свое имѣнье. Послѣднимъ допрашивали Фёкьера. Онъ защищался ловко и осторожно и давалъ одинаковыя съ маршаломъ показанія. Такимъ образомъ противъ Люксембурга не было до сихъ поръ неблагопріятныхъ показаній относительно его отношеній съ Лесажемъ, и вся надежда Лувуа была на показанія Вуазенъ. Но надежды не оправдались: она ничего не показала противъ маршала и отрицала, что имѣла дѣло съ Монтмайоромъ. 22-го февраля ее сожгли на кострѣ, послѣ того какъ она проѣхала изъ Венсеня въ Парижъ, одѣтая въ бѣлую одежду и съ факеломъ въ рукѣ. Она съ гнѣвомъ оттолкнула патера и распятіе, все время не переставая богохульствовать до послѣдней минуты. Даже на кострѣ она не сказала ни слова противъ Люксембурга. Жена, сестра и мать бросились къ королю, прося помиловать маршала; король совѣтовалъ имъ потерпѣть, обѣщая, что скоро онѣ будутъ вполнѣ удовлетворены. Но Лувуа не хотѣлъ выпустить изъ своихъ когтей маршала и всевозможнымъ образомъ искалъ средствъ повредить ему. Люксембургъ приходилъ въ отчаяніе, ничего не зная о своей судьбѣ, и терялъ надежду. Наконецъ, 2-го марта къ нему явились два комиссара, и снова начался допросъ, длившійся три часа, во время котораго ему разставляли различныя ловушки, припутывая личности, о которыхъ онъ никогда не слыхалъ. Допросъ окончился и не далъ результатовъ, ожидаемыхъ Лувуа. Тогда потребовали Боннара, разсчитывая на его показанія. Но и на этотъ разъ Лувуа ожидала неудача, такъ какъ бывшій управляющій маршала разсказалъ всю правду и въ концѣ концовъ упалъ предъ Люксембургомъ на колѣни, прося прощенія за причиненныя ему непріятности. Это былъ новый ударъ для Лувуа; ему оставалась надежда на неблагопріятныя показанія патера Даву, мужа Вигурэ и Лесажа. Но первые два сказали, что никогда маршала не встрѣчали, что же касается послѣдняго, то онъ всѣми силами старался угодить Лувуа и взводилъ на маршала всевозможныя обвиненія. Относительно намѣренія убить жену маршалъ отвѣтилъ: «Я никогда не имѣлъ повода жаловаться на нее, какъ же я могъ имѣть злыя намѣренія противъ нея?» Когда же коснулись отравленія военнаго губернатора съ цѣлью занять его мѣсто, то маршалъ отвѣтилъ: «Я не думалъ, что надо ради этого отдаться чорту. Я скучалъ бы, занявъ мѣсто губернатора въ провинціи». Его тонъ сдѣлался высокомѣрнымъ, когда зашелъ вопросъ о женитьбѣ сына на наслѣдницѣ Лувуа. «Мошенникъ,—сказалъ онъ,—не зналъ, конечно, что я изъ дома, который не покупаетъ союза цѣною преступленія, и когда Матье Монморанси женился на королевѣ Франціи, матери несовершеннолѣтняго короля, онъ не отдался дьяволу, чтобы заключить бракъ, такъ какъ дѣло

устроилось рѣшеніемъ генеральныхъ штатовъ, которые признали бракъ необходимымъ, чтобы удержать на службѣ короля семейство Монморанси». Въ своихъ показаніяхъ Лесажъ сказалъ, что патеръ Даву болѣе шестидесяти разъ посѣщалъ Люксембурга, съ цѣлью совершать жертвоприношенія дьяволу и, въ случаѣ успѣха, обѣщалъ уплатить сто тысячъ франковъ. Но эти показанія судья прервалъ и далъ приказъ увести мошенника. Люксембургъ запротестовалъ; оказалось, что патеръ, посѣтившій наканунѣ Люксембурга и отрицавшій свое знакомство съ нимъ, былъ Даву. Такимъ образомъ маршалу не грозили болѣе никакія улики. Наконецъ, 14-го марта его повезли въ арсеналъ. У дверей ожидала несмѣтная толпа; впереди всѣхъ стоялъ братъ короля съ своимъ сыномъ. Люксембургъ поклонился ему, но не остановился, чтобы его не обвинили въ «выпрашиваніи совѣтовъ и поддержки кого бы то ни было». Когда онъ появился въ залѣ, всѣ судьи встали. Послѣ допроса онъ сказалъ: «Господа, я добровольно заключилъ себя въ Бастилію, чтобы оправдаться отъ ложныхъ, ужасныхъ и нелѣпыхъ обвиненій противъ меня. Если вы находите, что я не уничтожилъ ихъ побѣдоносно, то я могу просить у васъ только одной милости—еще крѣпче сковать мои узы, пока вся нація не узнаетъ, что у меня никогда не было слабости, недостойной моего ранга, относительно этихъ презрѣнныхъ, въ тѣсной связи съ которыми обвиняютъ меня». Съ этими словами онъ вышелъ, сѣлъ въ коляску и отправился въ Бастилію. Послѣ его отъѣзда судьи подали голоса и признали его «невиновнымъ». Это рѣшеніе было подано королю, и оставалось лишь получить его указъ объ освобожденіи маршала. Людовикъ далъ его, но съ условіемъ, что Люксембургъ удалится въ свое имѣніе, и съ запрещеніемъ «приближаться къ Парижу на 20 миль». Такъ окончился процессъ, длившійся болѣе трехъ мѣсяцевъ. Всѣ были поражены этой офиціальной немилостью. Поздравленія съ освобожденіемъ сыпались со всѣхъ сторонъ, и на семью Люксембургъ въ то же время не переставали клеветать относительно причины немилости короля. Нѣкоторые приписывали ее вліянію Лувуа, которому не удалось стереть съ лица земли ненавистнаго ему Люксембурга. Маршалъ сохранилъ свое хладнокровіе и прямо изъ Бастиліи отправился въ свое имѣніе, находившееся недалеко отъ Труа. Тамъ онъ жилъ спокойно, выжидая и вѣря въ свою звѣзду. Изъ безсердечнаго эгоистическаго воина печальные дни въ Бастиліи сдѣлали сострадательнаго человѣка. Его ожиданія исполнились, король призвалъ его наконецъ, въ Версаль и поручилъ ему французскую армію во Фландріи, гдѣ Люксембургъ одержалъ цѣлый рядъ побѣдъ. По возвращеніи въ Парижъ онъ скоропостижно умеръ въ 1694 году.

— **Бастилія актеровъ.** Французскій историкъ Функъ-Брентано недавно выпустилъ въ свѣтъ еще одну книгу: «Бастилія актеровъ»[1]) интересную и богатую забавными анекдотами, въ которой описываетъ тюрьму для актеровъ во время стараго режима. Тюрьма Форъ-Левекъ съ 1222—1674 г. была епископскимъ трибуналомъ и находилась на набережной Межиссери. Авторъ беретъ тотъ моментъ, когда она сдѣлалась королевской тюрьмой и отличалась замѣчательнымъ разнообразіемъ въ администраціи. Хотя она была королевской,

---

[1]) La Bastille des comédiens: «le For-l'Evêque», par F. Funck Brentano.

однако парламентъ въ лицѣ генералъ-прокурора контролировалъ дѣйствія администраціи, и отъ него начальникъ тюрьмы получалъ распоряженія; государственый же казначей покупалъ продовольствіе, и такимъ образомъ интересы обоихъ приходили всегда въ столкновеніе. Качество комнаты и кушанья узниковъ зависѣли отъ ихъ платы, и они имѣли право требовать свои завтраки и обѣды извнѣ, если имъ не нравилась тюремная кухня. Щедрые люди клали пожертвованія въ особую кружку, предназначенную для бѣдныхъ узниковъ, или лично раздавали имъ деньги; изъ этого же источника получался уголь для отопленія. Въ тюрьмѣ содержались преступники двухъ категорій: одни— не подчинялись вѣдѣнію суда и задерживались по распоряженію короля, подписанному министромъ, въ родѣ королевскаго указа; они приходили въ тюрьму сами безъ конвоя, а имена ихъ не заносились въ списокъ арестантовъ. Другіе арестанты были изъ числа задержанныхъ полиціей по приказу парламента или предсѣдателя Шатлэ и судимы были трибуналомъ. Большинство сидѣло тамъ за долги, за дезертирство, проступки противъ военной дисциплины или полицейскихъ постановленій. Молодые люди-моты посылались туда по просьбѣ родителей, а иногда и для того, чтобы они могли спокойно приготовляться къ экзаменамъ на инженеровъ. Не всѣ узники содержались въ секретѣ, многіе могли заниматься излюбленными занятіями. Нѣкоторые содержались тамъ за поддѣлку лотерейныхъ билетовъ и продолжали даже въ тюрьмѣ свое ремесло, заинтересовывая остальныхъ узниковъ; другіе устраивали игру въ фараонъ съ дамами легкаго нрава, которыхъ они имѣли возможность вызывать въ тюрьму, хотя при появленіи полиціи никого не оказывалось. Преступниковъ буйнаго нрава отправляли въ другую тюрьму.

Когда ихъ выпускали на свободу, то гарантія, какую они могли представить обществу, и обязанности, которыя они могли исполнить, брались во вниманіе настолько же, какъ ихъ проступки. Это описаніе занимаетъ первую часть труда Функъ-Брентано. Во второй, которая собственно и послужила темой для названія книги, находится множество веселыхъ эпизодовъ, касающихся актеровъ, заключаемыхъ въ эту тюрьму за несоблюденіе театральныхъ правилъ. Они зависѣли отъ камергеровъ и по ихъ приказанію отправлялись въ заключеніе. Посылали ихъ туда за ссоры, отказъ играть, а одну актрису, г-жу Лагеръ, за то, что она появилась на сценѣ слегка пьяная, другихъ—за то, что покинули театръ ради заграничной сцены. Ипполитъ Ланжелрри былъ отправленъ туда за то, что сдѣлался любовникомъ г-жи Фаваръ, которая, хотя любила своего мужа, все-таки была любовницей маршала Саксонскаго, а г-жа Молэ сидѣла тамъ за опаздываніе. Однажды туда отправили сразу Лекэна, Доберваля, Молэ, Бризара и Клэронъ, потому что они отказались играть съ своимъ товарищемъ Дюбуа, который былъ очевиднымъ плутомъ. Впрочемъ каждый вечеръ ихъ посылали въ театръ, гдѣ они попрежнему продолжали играть. Авторъ заканчиваетъ свой трудъ описаніемъ театральнаго зала XVIII вѣка, касаясь всѣхъ подробностей. Онъ описываетъ сцены при входѣ въ театръ, напримѣръ, тайную продажу билетовъ, споры съ контролерами, возгласы разносчиковъ о продаваемыхъ памфлетахъ; въ партерѣ—толкотню, оживленные крики, шутки надъ снимателями нагара со свѣчъ, пронырства разныхъ пройдохъ; въ галлереяхъ—различныя

восклицанія: «Мѣсто дамамъ!» «Откройте ложу» и проч., а при выходѣ—дефилированіе экипажей, наглость ливрейныхъ лакеевъ и т. д.

— Двухсотлѣтіе Самуэля Пэписа. Двадцать шестого мая былъ скромно отпразднованъ въ Лондонѣ второй столѣтній юбилей знаменитаго англійскаго хроникера Пэписа, и въ честь его былъ основанъ новый клубъ, подобно тому, какъ уже существуютъ клубы Раблэ и Омара-Кэяма. Мысль объ этомъ пришла въ голову Б. Витлэю, послѣднему и лучшему издателю дневника, который не имѣетъ себѣ равнаго въ этомъ родѣ литературы. Самуэль Пэписъ родился въ 1622 г. и былъ сыномъ лондонскаго портного, имѣвшаго знатную родню, такъ что двоюродный его братъ, лордъ Сандвичъ, по выходѣ Пэписа изъ университета выхлопоталъ ему выгодное и значительное мѣсто секретаря адмиралтейства. Онъ былъ способнымъ, ревностнымъ, трудящимся человѣкомъ и въ теченіе года научился математикѣ и счетоводству, необходимыхъ для его службы, а потому сдѣлался примѣрнымъ чиновникомъ, «однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по морскому дѣлу, какихъ только имѣла Англія». Однако во время клерикальнаго заговора при Карлѣ II-мъ онъ попалъ въ число лицъ заподозрѣнныхъ и засаженъ въ Лондонскую башню, но его обвиненіе было такъ неосновательно, что его даже не предали суду, а послѣ изслѣдованія дѣла онъ былъ выпущенъ на свободу, и даже ему было возвращено прежнее мѣсто, которое онъ и занималъ до лишенія престола Якова II-го. Въ это время онъ издалъ «Мемуары о королевскомъ флотѣ», а впослѣдствіи былъ президентомъ Королевскаго общества и принесъ значительную пользу въ научномъ отношеніи. Онъ завѣщалъ послѣ смерти своему родному университету драгоцѣнную библіотеку печатныхъ книгъ и рукописей, изъ которыхъ особенное значеніе имѣло собраніе 2.000 англійскихъ балладъ. Но любопытнѣе всего въ его библіотекѣ было шесть большихъ томовъ его дневника, который онъ началъ вести 31 декабря 1639 г. и закончилъ 31 мая 1666 г., по истеченіи двадцати семи лѣтъ. «Я уже не могу, замѣчаетъ онъ, болѣе писать, по причинѣ болѣзни глазъ». Но хотя его глаза и поправились, однако онъ не продолжалъ своего дневника. Замѣчательно, что около шестидесяти лѣтъ никто не обращалъ вниманія на этотъ замѣчательный трудъ. Онъ былъ писанъ самимъ Пэписомъ скорописью, и первый Питеръ Лейстеръ сообщилъ объ этомъ сокровищѣ стенографу Джону Бирому. Прошло еще сто лѣтъ, прежде чѣмъ рукопись Пэписа была разобрана студентомъ Кэмбриджскаго университета Джономъ Смитомъ, а въ 1825 г. было напечатано первое изданіе. Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе неудовлетворительныхъ изданій въ 1899 г. В. Витлэй подарилъ англійской публикѣ вполнѣ правильное въ научномъ отношеніи изданіе этого интереснаго и занимательнаго дневника. Какъ картина двора и эпохи Карла II, дневникъ Пэписа представляетъ драгоцѣннѣйшій историческій матеріалъ, и Маколэй говорилъ, что само небо ниспослало ему эту книгу для приданія мѣстнаго колорита первому тому его «Исторіи Англіи». Все совершавшееся—великіе и мелкіе факты — было имъ записано: событія, характеры, особенности того времени—все выступало у него въ дневникѣ съ рѣдкой картинностью и рельефностью. Онъ не отличался возвышеностью мысли или психологической глубиной, а напротивъ, по мѣткому выраженію Кольриджа, походилъ на обрѣзанное

сверху дерево, вѣтви котораго широко разростались во всѣ стороны». Богатство и разнообразіе его описаній искупало недостатокъ ихъ глубины, и отъ него не слѣдуетъ требовать ничего, кромѣ занимательности и любопытной картины нравовъ. Онъ описываетъ все до мелочей: лондонскую жизнь со всѣми ея разнообразными сторонами и особенно ея веселую, кутильную, безшабашную жизнь. Это былъ жизнерадостный хроникеръ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ. Напротивъ, несмотря на то, что онъ жилъ въ одно время съ Мильтономъ, онъ не говоритъ о немъ ни полъ-слова. Особенно его упрекаютъ, что онъ слишкомъ много распространяется о театрахъ, увеселительныхъ заведеніяхъ и всякаго рода общественныхъ забавахъ. Впрочемъ о театрѣ онъ отзывается довольно основательно и любопытно, хотя своеобразно. Такъ о Шекспирѣ онъ говоритъ въ высшей степени оригинально; напримѣръ, «Макбета» и «Гамлета» онъ превозноситъ всевозможнымъ образомъ, а «Ромео и Жульета» по его мнѣнію, самая дрянная пьеса, которую когда либо онъ видѣлъ. Почти также дурно онъ отзывается о «Medsummer Night's Dream» и «Twelfth Night», называя эти прелестныя произведенія глупыми и уродливыми пьесами. Теперь въ въ англійской литературѣ, по общему мнѣнію критиковъ, Пэписъ занимаетъ одно изъ видныхъ и блестящихъ мѣстъ среди веселыхъ, занимательныхъ, живыхъ и остроумныхъ писателей. Поэтому неудивительно, что всѣ англійскіе журналы посвятили юбилею Пэписа болѣе или менѣе интересныя и блестящія статьи. Въ этомъ числѣ особенно замѣчательны очерки о Самуэлѣ Пэписѣ Кутберта Гадэна и извѣстнаго современнаго критики Эдмонда Госсэ [1]).

— **Воспоминанія объ Англіи XVIII вѣка нѣмецкаго современника.** Въ одномъ германскомъ замкѣ отыскался интересный документъ, касающійся общественной жизни въ Англіи XVIII вѣка, который перевели на англійскій языкъ и напечатали въ Лондонѣ. Онъ состоитъ изъ дневника молодого графа Фридриха Кильмансэга, въ который онъ записывалъ впечатлѣнія, произведенныя на него Англіей той эпохи [2]). Онъ былъ въ Англіи, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, во время коронаціи Георга III и оставался тамъ семь мѣсяцевъ. Такъ какъ въ ту эпоху Англія была почти неизвѣстна нѣмцамъ, чаще посѣщавшимъ Италію и Францію, то молодой нѣмецъ записывалъ все видѣнное имъ въ этой странѣ. Правда, этотъ документъ поражаетъ бѣдностью идей, очень сухъ и въ то же время наивенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятія о нравахъ и умственномъ развитіи людей той эпохи. На первой страницѣ дневника авторъ его разсказываетъ о различныхъ затрудненіяхъ и приключеніяхъ, съ какими сопряжено было это путешествіе даже въ XVIII вѣкѣ. Во-первыхъ, почтальонъ ихъ затерялся на большой дорогѣ, въ четырехъ шагахъ отъ нихъ, и отыскался только на другой день; затѣмъ предъ ними закрыли заставу въ одномъ большомъ городѣ, такъ какъ это былъ часъ обѣдни. Въ Голландіи они ничего не видѣли, потому что до коронаціи оставалось мало времени, которое они потратили, теряя три раза трехъ почтальоновъ. По

---

[1]) Samuel Pepys, by Guthbert Hadden. «The Fortnightly Review» 1903. May. Samuel Pepys, by E. Gosse. «English Illustrated Magazine». 1903. Iune.

[2]) Diary of a journey to England (1761-1762), by count Kielmansegge.

той же причинѣ они не ложились спать и не раздѣвались десять дней. Когда они пріѣхали въ Англію, то ихъ нашли тамъ «чистыя постели и хорошо провѣтренныя комнаты». Отдохнувъ двѣ ночи, они отправились въ Лондонъ, и въ дневникѣ было помѣчено, что «Лондонъ—большой городъ». Въ тотъ же вечеръ они вступили въ лондонское общество, а на другой день представлялись королю. Съ этой минуты ихъ повсюду принимали, и въ дневникъ заносились всѣ визиты. Болѣе всего ихъ интересовали памятники и размѣры; напримѣръ, графъ Фридрихъ записалъ, что «соборъ св. Павла 2.392 фута въ окружности и 340 футовъ вышины; окружающая его рѣшетка въ $5^1/_2$ футовъ вышины, 7 ширины, и стоитъ она 11.202 фунта стерлинговъ, нуль шиллинговъ и 6 пенсовъ». Послѣднее прекрасно характеризуетъ нѣмецкую точность, даже наивную, что особенно видно еще изъ слѣдующаго: «Лондонскій мостъ 915 футовъ длины»; и далѣе: «Темза 915 футовъ ширины въ томъ мѣстѣ, гдѣ перекинутъ мостъ». Даже въ частныхъ домахъ нѣмцы не переставали измѣрять, и, приглашенные къ леди Нортумберландъ, они поспѣшили освѣдомиться, каковъ размѣръ комнатъ, сколько свѣчъ горитъ въ галлереѣ, и о проч. подробностяхъ. Англійское общество поразило ихъ своимъ изяществомъ. «Наряды великолѣпны, а бриліанты ослѣпительны; досадно только, что много народа. Въ Лондонѣ другъ друга давятъ; вездѣ въ салонахъ трудно и утомительно пробираться даже у ихъ величествъ. Вечеромъ надо искать нѣсколько часовъ свой экипажъ, такая на улицѣ толкотня». Какая разница съ маленькими нѣмецкими резиденціями, въ которыхъ царствовали простота и спокойствіе, и никогда не бывала толкотня, а на придворный балъ ходили пѣшкомъ съ фонаремъ въ рукахъ. Въ день коронаціи Лондонъ сдѣлался еще ужаснѣе. Церемонія была назначена днемъ. Оба брата имѣли билеты и встали въ 3 часа утра, чтобы избѣжать толкотни. Въ четыре часа они были на улицѣ, но она уже была такъ переполнена, что негдѣ было упасть булавкѣ. Они попробовали проникнуть, но тщетно и пришли въ отчаяніе, какъ вдругъ ихъ головы просвѣтлѣли, и они догадались нанять носилки; ихъ пропустили свободно, и на зарѣ они достигли благополучно Вестминстера. Тамъ они ждали до половины перваго и заснули. Это скучное ожиданіе было вознаграждено роскошью кортежа, который былъ совершенно тождественъ съ церемоніей коронованія Эдуарда VII. Нѣмцамъ она показалась сказочной, такъ какъ Германія въ то время была бѣдной страной, и большинство нѣмецкихъ принцевъ было гораздо бѣднѣе англійскихъ пэровъ, жены которыхъ казались королевами въ своихъ пурпурныхъ мантіяхъ съ горностаемъ и роскошныхъ брилліантовыхъ коронахъ. Обѣдая у герцога Ньюкастльскаго, нѣмцы были поражены великолѣпіемъ столовыхъ сервизовъ и массой блюдъ, приготовленныхъ для шестнадцати приглашенныхъ. «У насъ было такъ много всего на столѣ,—говорится въ дневникѣ,—что хватило бы на много другихъ столовъ, и мы не замѣтили бы этого отсутствія. Буфеты были заставлены множествомъ вазъ и золотой и серебряной посуды, какая нашлась не у многихъ нѣмецкихъ принцевъ и въ такомъ количествѣ. Намъ подавали то золотыя, то серебряныя, то китайскаго фарфора тарелки согласно блюдамъ. Намъ служили, по крайней мѣрѣ, десять или двѣнадцать слугъ въ ливреяхъ.

Большинство изъ нихъ носило длинные парики, и было трудно для иностранцевъ отличить ихъ отъ приглашенныхъ. Всѣ эти слуги, несмотря на свою прекрасную одежду, ожидали на чай при уходѣ гостей, и не можете же вы предложить несчастный шиллингъ ливреѣ съ золотымъ шитьемъ, а обязаны дать ему два шиллинга и шесть пенсовъ. По счастію, не всѣ они находились налицо въ моментъ нашего ухода, и мы могли дать имъ по полгинеи каждый». Это очень стѣсняло гостей, такъ какъ всѣ они были бѣдные нѣмцы, исключая одного. Отъ англійскаго театра нѣмецъ былъ въ восторгѣ. «Англійская сцена—первая на свѣтѣ», писалъ онъ. Шекспиръ привлекалъ его, и о Гамлетѣ онъ отзывался, какъ о знаменитой трагедіи, совершенно англійской, а Ричарда III и Симбилену онъ только называетъ по имени, никакъ не отзываясь о нихъ. Относительно короля Лира онъ пишетъ: «Эта пьеса совершенно на образецъ старыхъ англійскихъ пьесъ, бывшихъ въ модѣ въ ту эпоху, когда авторъ писалъ ихъ, и въ которыхъ большинство персонажей становятся безумными, слѣпыми, нѣмыми или умираютъ. Но англійскій вкусъ измѣнился за послѣднее время, и многое перемѣнили въ этихъ пьесахъ. Между прочимъ выпустили придворнаго шута, который въ оригиналѣ вноситъ въ каждую сцену при каждомъ случаѣ, и даже въ самыхъ трагическихъ сценахъ. Но англичане не довольствовались выбрасываніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Шекспира и прибавляли иногда къ нему цѣлыя сцены. Такъ въ «Ромео и Юліи» была сцена, которую тщетно искали въ оригиналѣ; въ ней представляли торжественныя похороны Юліи, съ музыкой, великолѣпной обстановкой, многочисленными статистами и необычайно роскошными костюмами». Оба нѣмца были въ восторгѣ отъ нея. Кромѣ того, на двухъ англійскихъ сценахъ представляли коронованіе, прибавленное къ «Генриху XVIII», которое давалось съ пьесой и безъ пьесы. Это было точное воспроизведеніе коронованія Георга III. Послѣ театровъ ихъ удивляли сады, поражавшіе неправильностью своихъ контуровъ. «Иногда не знаешь,—пишетъ нѣмецъ въ дневникѣ,—смотришь ли на садъ или на пейзажъ». Имъ нравились бы англійскіе сады, если бы они были менѣе переполнены различными китайскими пагодами, языческими храмами, мавританскими и готическими постройками, искусственными гротами, разбитыми колоннами, искусственными развалинами и прочими символическими украшеніями, излюбленными въ XVIII вѣкѣ. Такимъ образомъ, блестящая Англія произвела сильное впечатлѣніе на скромныхъ нѣмцевъ той эпохи.

— Письма Мирабо къ Юліи. Въ то время, какъ Мирабо велъ изъ Венсенской тюрьмы переписку съ Софи, у него завязалась другая переписка—съ Жюли Доверъ. Эти письма [1]) недавно появились въ печати и бросаютъ новый свѣтъ на личность Мирабо. Въ октябрѣ 1780 г., скучая въ Венсенской тюрьмѣ, онъ узналъ, что рядомъ съ нимъ заключенъ нѣкій Бодуэнъ де-Гёмадёкъ, прежній докладчикъ въ королевскомъ совѣтѣ. Хотя Мирабо и былъ очень занятъ, между прочимъ перепискою съ Софи, но все-таки онъ нашелъ время сообщаться съ нимъ посредствомъ замочный скважины. Разговоръ завязался сначала объ

[1]) Lettres à Julie, publiées et commentées par M. M. Dauphin Meunier et Georges Leloir.

астрономіи, затѣмъ перешелъ на личныя дѣла. Впослѣдствіи Мирабо пожалѣлъ, что разсказалъ ему свои. Такимъ образомъ это длилось довольно долго, и однажды Бодуэнъ сталъ расхваливать своего прежняго служащаго Ла-Фажа и его любовницу Жюли Доверъ. Имѣлъ ли Мирабо какую нибудь цѣль, или личность Жюли заинтересовала его, но между ними завязалась переписка. Онъ выдавалъ себя за «дворянина, призваннаго на болѣе возвышенное существованіе, но въ данный моментъ находящагося въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ»; писалъ ей, что «судьба наградила его особый чувствительностью въ большихъ несчастіяхъ», и говорилъ о «Новой Элоизѣ», какъ хорошій ученикъ. Восхваляя Жюли, онъ старался ей понравиться, утѣшался, что не Адонисъ, и увѣрялъ ее, что онъ Геркулесъ. Съ цѣлью заинтриговать ее болѣе и возбудить въ ней любопытство, онъ признался ей въ своей перепискѣ съ Софи, описывалъ послѣднюю ее, критиковалъ, набрасывалъ теорію вѣрности сердца, а чтобы придать себѣ болѣе таинственности, разсказывалъ о могущественной дамѣ высшаго общества, которая относится къ нему очень благосклонно. Когда же пришлось назвать ея имя, то онъ затруднился выборомъ, но наконецъ назвалъ принцессу Ламбаль. По его словамъ, она желаетъ ему добра и устроитъ его состояніе. Почему не устроить бы ей также положеніе Жюли и Ла-Фажа? При этомъ Мирабо сулитъ ей надежды. Авторы комментаріевъ, приложенныхъ къ письмамъ, Дофенъ Мёнье и Жоржъ Лелуаръ, стараются объяснить такое странное поведеніе Мирабо тѣмъ, что Жюли, хотя мало нравилась Мирабо, но представлялась для него, уже готоваго выйти изъ тюрьмы, выгоднымъ знакомствомъ. Чрезъ нее онъ могъ имѣть общество, связи, руководителя и деньги. Она была полная противоположность Софи, сентиментальной и влюбленной, которая только и мечтала объ уединеніи и спокойствіи, не допускающихъ никакихъ интригъ, приключеній и даже богатства. Это было не во вкусѣ Мирабо, и онъ рѣшился освободиться отъ нея, чтобы воспользоваться своей свободой. Перспектива попасть безъ средствъ въ Парижъ и подвергаться новымъ преслѣдованіямъ кредиторовъ, указу отъ арестѣ, знакомству съ ростовщиками и прочимъ непріятностямъ мало улыбалась ему. Ему нуженъ былъ комфортабельный кровъ, довольство жизнью, а Жюли Доверъ могла доставить ему все это. Вотъ какъ объясняются его отношенія къ Жюли. Когда по выходѣ изъ тюрьмы онъ попробовалъ занять деньги у отца Жюли, то между послѣдней и Мирабо произошла ссора. Подозрительная Жюли поторопилась бѣжать отъ этой опасности, и планъ Мирабо разлетѣлся прахомъ.

— Юбилей Эмерсона. На-дняхъ вся ученая и просвѣщенная Америка праздновала столѣтнюю годовщину рожденія своего величайшаго философа Ральфа Вальдо Эмерсона. Среди большинства своихъ соотечественниковъ онъ никогда не пользовался популярностью, но его глубокое трансцендентальное ученіе нравилось неохристіанамъ, необуддистамъ и неомистикамъ послѣдняго времени на обѣихъ сторонахъ Атлантическаго океана, и его сочиненія пріобрѣли съ нѣкоторыхъ поръ большее вліяніе въ Америкѣ и Европѣ, чѣмъ при его жизни. Кромѣ того, Эмерсонъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ Карлейлемъ первые старались примирить современную демократію съ культомъ великихъ или представительныхъ людей. Вся его философія резюмируется въ двухъ словахъ: «современная цивилизація душитъ отдѣльныхъ личностей въ пользу

коллективизма; намъ надо протестовать во имя индивидуализма противъ тиранiи массъ». Ибсенъ и Ницше проповѣдывали то же, но гораздо позже. Американскiй философъ доказываетъ справедливость своего ученiя великой ролью великихъ людей. Никогда, по его мнѣнiю, прогрессъ не бывалъ созданъ толпой, а каждый шагъ человѣчества впередъ совершался индивидуумами. Всеобщая исторiя, по его словамъ, заключалась въ рядѣ бiографiй великихъ людей, въ производствѣ которыхъ состоитъ цѣль цивилизацiи. «Какъ вода, говоритъ онъ, падаетъ дождемъ на вершины горъ и потомъ распространяется въ долины и равнины, такъ и человѣческая мысль проявляется сначала въ лучшихъ умахъ, а потомъ проникаетъ въ массы». Эту идею, а также свою новую естественную и оптимистическую теорiю, Эмерсонъ проводилъ всю свою жизнь и во всѣхъ своихъ сочиненiяхъ. Онъ родился въ 1803 г. въ Бостонѣ и воспитывался въ Говардскомъ университетѣ, откуда вышелъ девятнадцати лѣтъ и чрезъ короткое время сдѣлался пасторомъ унитарiанской церкви, но вскорѣ онъ отдѣлился отъ своей паствы изъ-за религiозныхъ идей и съ тѣхъ поръ сталъ жить спокойно, уединенно въ Конкордѣ, гдѣ издалъ многочисленныя свои сочиненiя философскаго характера: «Литературная этика», «Природа и мыслящiй человѣкъ», два тома «Очерковъ» и наконецъ послѣ путешествiя въ Англiю напечаталъ въ 1849 г. свое главное сочиненiе «Представительные люди». Кромѣ этого, онъ напечаталъ два тома стихотворенiй «Какъ вести жизнь», преимущественно противъ рабства въ Америкѣ, и «Общество и уединенiе», что было въ сущности продолженiемъ его «Представительныхъ людей». Во всѣхъ своихъ сочиненiяхъ онъ развивалъ философскiя идеи, происходившiя отъ доктрины Плотина. Онъ проповѣдывалъ, что судьба человѣка зависитъ отъ него самого, и что цѣль жизни очистить душу отъ всѣхъ элементовъ эгоизма и чувственности. Въ религiи онъ отвергалъ всѣ внѣшнiя церемонiи и признавалъ только внутреннее непосредственное откровенiе. Быть можетъ, рѣдкiй писатель подвергался такой ожесточенной критикѣ, какъ Эмерсонъ, но зато, если нѣкоторые изъ соотечественниковъ считали его шарлатаномъ, то другiе признавали его глубокимъ мыслителемъ. Вообще послѣ его смерти въ 1882 г. онъ почти потерялъ всякое значенiе, и только въ послѣднее время къ нему стали питать глубокое уваженiе люди просвѣщенные, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ.

— Истина о женѣ Карлейля. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были напечатаны письма и мемуары Карлейля, вмѣстѣ съ письмами его жены. Карлейль поручилъ своему брату, Форстеру и историку Фруду напечатать послѣ его смерти выбранный имъ матерiалъ; что же касается своей бiографiи, то онъ не хотѣлъ вовсе ее издать. Къ его несчастiю, братъ и Форстеръ умерли, и документы остались въ рукахъ Фруда, прекраснаго писателя, но «отличавшагося сумасшествiемъ неточности». Онъ не могъ написать ни одного документа, чтобы не ввести въ него собственный варiантъ, совершенно искажающiй правду. Описывая только что видѣнный городъ, расположенный на горѣ, онъ непремѣнно помѣститъ его въ долинѣ и т. д. Такимъ образомъ, благодаря этой странности, Карлейль былъ представленъ въ очень мрачномъ свѣтѣ, и мнѣнiе о немъ могло сильно поколебаться. Благодаря своей привычкѣ къ поэтическому преувеличенiю, Фрудъ воспользовался различными выраженiями Карлейля и приписалъ

имъ совсѣмъ другой смыслъ, какой придавалъ имъ послѣдній. Такъ Фрудъ вдругъ вспомнилъ, что Карлейль, прогуливаясь съ нимъ, часто говорилъ ему «объ угрызеніяхъ совѣсти относительно жены». «Есть ли другая подобная на землѣ!—восклицалъ онъ.—Я имѣлъ ее и не умѣлъ уберечь отъ горькихъ страданій». Когда онъ проходилъ по мѣсту, гдѣ онъ бывалъ съ женою, то «во время вѣтра и дождя видѣлъ ея сѣдую голову, и ея черты лица принимали безконечную скорьбь». Все это—жалобныя выраженія стараго и больного Карлейля, который не могъ привыкнуть къ одиночеству, и угрызенія были для него синонимомъ сожалѣнія. Что же касается до мѣстности, гдѣ онъ гулялъ съ женою, то, по его собственнымъ словамъ, онъ испытывалъ то же тамъ, гдѣ гулялъ съ матерью, сестрою и со всѣми, кого онъ любилъ. Фрудъ принялъ это за раскаяніе преступника, и напечатаніе бумагъ жены Карлейля въ его глазахъ было искупленіемъ. Сдѣлавъ подобную гипотезу, оставалось найти аргументы для ея подтвержденія. Онъ искалъ ихъ у знакомыхъ Карлейля, но тщетно. Тогда къ довершенію зла онъ имѣлъ несчастіе обратиться за ними къ пріятельницѣ г-жи Карлейль, романисткѣ Жеральдинѣ Джюсбери, не прочитавъ прежде писемъ г-жи Карлейль, въ которыхъ она писала: «Новое мученіе явилось для меня, благодаря ревности этого тигра Жеральдины». Въ это время г-жа Карлейль гостила у своихъ друзей Полетъ, и г-жа Джюсбери, приревновавъ ее, дѣлала съ утра до вечера скандалы не только ей, но и семейству Полетъ. А когда г-жа Карлейль была у двоюродныхъ сестеръ, то она явилась чуть не съ отрядомъ, чтобы увести ее отъ нихъ. Жеральдина всѣми силами старалась поссорить ее съ мужемъ, и когда г-жа Карлейль уѣхала въ Шотландію, то писала своему мужу, что Жеральдина прислала ей письмо, въ которомъ всѣми силами старалась растревожить ее, говоря, что мужъ г-жи Карлейль въ прекрасномъ настроеніи и очень веселъ: «какъ будто она хочетъ дать мнѣ почувствовать,—прибавляла г-жа Карлейль,—что вы счастливѣе безъ меня». Другой разъ она назвала Жеральдину самой большой интриганкой и сплетницей. У такой-то женщины Фрудъ нашелъ аргументы, и притомъ выбралъ изъ писемъ г-жи Карлейль только тѣ, которыя были подходящими для созданія его романической біографіи, а цѣлой половины не помѣстилъ. Не говоря объ этомъ, профессоръ Эліотъ Нортонъ, который видѣлъ рукописи до напечатанія, нашелъ у Фруда не менѣе ста тридцати шести ошибокъ на первыхъ пяти страницахъ. Но это еще не все. Фрудъ, привыкшій все извращать, отважился даже измѣнять текстъ, и сотни примѣровъ не достаточны, чтобы имѣть представленіе, какъ онъ искажалъ истину для доказательства, что г-жа Карлейль была жертвой эгоизма своего мужа. Онъ придумалъ даже, что она въ дѣтствѣ любила друга Карлейля, Ирвинга, который дѣйствительно давалъ ей уроки, но разстался съ ней, когда ей было 11 лѣтъ. Имѣя доказательства противнаго, онъ увѣрялъ, что г-жа Карлейль выросла въ роскоши, и мужъ силою поселилъ ее въ Крэпенпутокъ, гдѣ она «осуждена печь хлѣбъ и доить коровъ». Все это противорѣчитъ письмамъ, которыхъ, однако, Фрудъ не напечаталъ. Теперь появилась новая серія писемъ и новыхъ извлеченій изъ ея дневника [1]), напечатанная племянникомъ

---

[1]) New letters and memorials of Iane Welsh Carlyle, annotated by Thomas Carlyle.

Карлейля, которыя вполнѣ очищаютъ почтеннаго англійскаго историка и философа отъ наносной грязи. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ между прочимъ написалъ: «Завѣщаю моей племянницѣ Маріи Карлейль Эткенъ неполную копію рукописей, которыя находятся въ моихъ бумагахъ съ письмами моей жены». Изъ нихъ мы узнаемъ, что не Карлейль осудилъ жену быть работницей, а она сама предпочитала имѣть одну прислугу, чтобы вести хозяйство по своему желанію. Относительно того, что онъ оставлялъ ее каждое лѣто съ цѣлью приведенія въ порядокъ дома и не писалъ ей, есть налицо доказательства—ея письма, въ которыхъ она, между прочимъ, благодаритъ мужа за ежедневныя письма. Точно также Фрудъ не помѣстилъ письма, въ которыхъ она говоритъ о добромъ отношеніи мужа къ ея матери. Но главное поползновеніе Фруда было объяснить по-своему отношенія Карлейля къ лэди Эшбуртонъ и желанія перваго заставить свою жену познакомиться съ нею, а Фрудъ ложно увѣрялъ, что лэди Эшбуртонъ обращалась съ нею часто высокомѣрно, унижая ее, и даже заставила ее однажды путешествовать вмѣстѣ съ своими слугами, такъ что между г-жей Карлейль и мужемъ едва не произошло разрыва. Все это неправда: теперь извѣстно, что ее познакомилъ съ лэди Эшбуртонъ не мужъ, а общій другъ Монктонъ Мильнесъ во время пребыванія Карлейля въ Шотландіи, и что съ тѣхъ поръ она не переставала посѣщать лэди Эшбуртонъ во время отсутствія мужа. Послѣдняя очень любезно съ нею обращалась, и Карлейль предоставлялъ ей «полную свободу» дѣйствовать относительно лэди Эшбуртонъ, какъ ей угодно, а сама г-жа Карлейль предпочла ѣхать не съ лэди Эшбуртонъ, а въ другомъ вагонѣ съ ея докторомъ. Вообще г-жа Карлейль любила жаловаться на все и на всѣхъ и, страдая гриппомъ или ревматизмомъ, она обвиняла мужа, что онъ поглощенъ «Фридрихомъ» и не заботится о состояніи ея здоровья. Однако, въ это время Карлейль писалъ знакомымъ, что озабоченъ здоровьемъ жены. Всѣ жалобы г-жи Карлейль на мужа несправедливы, и теперь существуютъ опроверженія главнымъ образомъ въ ея же письмахъ. Впрочемъ, она менѣе всего жаловалась на мужа, тогда какъ на другихъ съ ея стороны сыпались всевозможныя жалобы. Фрудъ обвинялъ Карлейля въ недоброжелательномъ отношеніи къ матери жены, но это тоже несправедливо, такъ какъ его жена сама писала о матери: «Вы знаете характеръ матери. Она всегда готова все отдать, исключая, что у нея требуютъ; всегда готовав се сдѣлать, исключая того, что ее просятъ дѣлать». Три года спустя, она повторила то же обвиненіе. «Моя мать продолжаетъ быть несноснѣйшей женщиной, но я ее оставляю дѣйствовать и не безпокоюсь этимъ. Одинъ разъ въ день, главнымъ образомъ послѣ завтрака, она начинаетъ противъ меня атаку». Не лучшія отношенія были у г-жи Карлейль и съ другими родными. Она жаловалась даже на то, что лицо, дѣлавшее ей визитъ, много говорило о себѣ, тогда какъ въ былыя времена мужчины съ интересомъ слушали, что говорила она о себѣ. Своевольная, капризная, избалованная лестью родителей и еще болѣе мужа, она дошла до того, что не могла переносить малѣйшаго возраженія. Она хотѣла господствовать вездѣ и надъ всѣми. Въ шестьдесятъ лѣтъ Карлейль, спавшій одинъ во второмъ этажѣ, не смѣлъ курить въ своей комнатѣ и долженъ былъ спускаться въ курительную комнату, когда ему не спалось

ночью, и часто она жаловалась друзьямъ на шумъ, какой онъ производилъ, спускаясь по лѣстницѣ. Ея страсть чистить каждое лѣто все въ домѣ послужила для Фруда поводомъ для обвиненія самого Карлейля, тогда какъ послѣдній тщетно ее упрашивалъ сопровождать его. «Я вышла замужъ изъ честолюбія,—писала она въ 1856 г.,—мой мужъ превысилъ все, что мои безумныя надежды могли ожидать отъ него». Вся бѣда была въ томъ, что г-жа Карлейль вышла замужъ по честолюбію, а не по любви, и старый Стерлингъ былъ справедливъ, когда сказалъ: «Ахъ, сударыня, какъ досадно, что вы такъ умны!». Фрудъ тѣмъ болѣе виновенъ предъ Карлейлемъ, что онъ не только нарушилъ желаніе завѣщателя не печатать извѣстные документы, а еще ради своей маніи къ извращенію фактовъ и неточности очернилъ память всѣми уважаемаго англійскаго историка.

— **Конецъ франко-германской войны и президентство Тьера.** Французскій историкъ и академикъ Ганото задался цѣлью написать въ четырехъ томахъ «Исторію современной Франціи [1]) отъ 1871—1900 годовъ». Мысль довольно смѣлая—написать исторію, эволюція которой еще развертывается, но, судя по первому тому, почтенный историкъ, повидимому, избѣжитъ грозившей ему опасности. Первый томъ посвященъ Тьеру и концу франко-германской войны, переговорамъ о мирѣ, коммунѣ, конституціонному кризису, первымъ шагамъ національнаго собранія, освобожденію территорій и отставкѣ Тьера. Второй томъ будетъ посвященъ президентству маршала Макъ-Магона и основанію республики, а третій и четвертый—исторіи парламентской республики. Заслуга Ганота предъ Франціей будетъ не малая, если онъ выйдетъ изъ труднаго положенія побѣдителемъ, что можно предсказать заранѣе, судя по его прежнимъ работамъ, и Европа увидитъ современную Францію въ ея настоящемъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ уже переводятъ на нѣсколько языковъ. Въ предисловіи Ганото говоритъ: «Я хотѣлъ бы, чтобы эта работа была какъ можно полнѣе, не будучи длинной, и точнѣе, не будучи мелочной». Въ первомъ томѣ главное мѣсто отведено Тьеру, однако въ той мѣрѣ, какая можетъ быть допущена относительно человѣка, который не былъ «героемъ» эпохи, руководившимъ ею, господствовавшимъ надъ нею, а человѣкомъ, развившимся среди ея событій и благодаря имъ. Не измѣняя исторической правды событій, Ганото начерталъ живой портретъ Тьера, задавшагося тройною цѣлью: заключить миръ, поправить зло, причиненное войною, и обезпечить родинѣ прочную политическую форму правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ безпристрастно отнесся къ его дипломатическому таланту во время переговоровъ и не одобрилъ его. Когда извѣстіе о пораженіи при Седанѣ распространилось въ Парижѣ, первою мыслію было броситься къ Тьеру, и съ этой цѣлью императрица регентша послала къ нему знаменитаго писателя и друга императорской семьи Меримэ съ предложеніемъ министерскаго портфеля. Тьеръ во время краткаго разговора отвѣтилъ: «Послѣ Седана ничего не остается дѣлать, положительно ничего». Вотъ какой отвѣтъ принесъ Меримэ, умершій нѣсколько дней спустя въ Канѣ. Съ тѣхъ поръ Тьеръ взялъ на себя руководительство наскоро собраннымъ законодательнымъ

[1]) Histoire de la France contemporaine, par Gabriel Hanotaux. Paris, 1903.

корпусомъ. Въ Парижѣ былъ полный переворотъ мыслей. «Толпа называла насъ всѣхъ по имени,—говорилъ Тьеръ въ комиссіи по изслѣдованію дѣла 4-го сентября,—и повторяла мнѣ: г. Тьеръ, выведите насъ изъ этого». Желая предупредить революцію и понимая, насколько непрочно правительство, созданное въ одинъ день, Тьеръ старался устроить законнымъ и парламентскимъ переходъ отъ угасающаго режима къ тому, который думала создать себѣ Франція. Но пока обсуждалось его предложеніе установить временное правленіе въ виду отсутствія какой либо власти, въ залъ засѣданія ворвалась толпа, и въ тотъ же день было созвано въ городской ратушѣ правительство національной защиты. Тьеръ въ этомъ не участвовалъ, но не отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Возвратившись изъ своего путешествія по Европѣ, онъ былъ назначенъ въ Бордо главою исполнительной власти французской республики. Въ сущности онъ никогда не былъ республиканцемъ, но не боялся республики и во все время имперіи онъ былъ убѣжденъ, что республика была естественной наслѣдницей Наполеона. Во время своей дипломатической миссіи въ Европѣ Тьеръ, говоря съ лордомъ Грэнвиллемъ о болѣе всего подходящемъ для Франціи правительствѣ, сказалъ: «Республика въ данный моментъ — правительство всѣхъ Франціи; не приводя въ отчаяніе никакой партіи, потому что не реализируетъ окончательно ничьего желанія, она подходитъ всѣмъ». То же самое говорилъ онъ Горчакову въ Петербургѣ, когда рѣчь зашла о Соединенныхъ Штатахъ. «Эта республика въ настоящее время—вашъ лучшій другъ; можетъ быть, скоро будетъ двѣ, къ которымъ вы будете расположены; по крайней мѣрѣ, я желалъ бы этого». «Я очень хотѣлъ бы этого»,—отвѣтилъ Горчаковъ. Съ перваго дня Тьеръ отдался всей душею своему дѣлу. Плачевное положеніе Франціи требовало подписать съ нѣмцами предварительный трактатъ. Съ какимъ тяжелымъ сердцемъ сдѣлалъ это Тьеръ, видно изъ его писемъ [1]), недавно напечатанныхъ его родственницей г-жею Донъ. «Когда съ глубокимъ горемъ я подписалъ предварительный трактатъ,—писалъ онъ,—я рѣшительно взялся за дѣло и созналъ, что въ томъ положеніи, въ какомъ находится дѣло, миръ стоитъ для Франціи дороже, чѣмъ продолженіе войны, дурно рѣшенной и скверно веденной. Тогда я предпринялъ столь жестокое для меня рѣшеніе изъ чистой преданности къ странѣ, такъ какъ изъ всѣхъ французовъ я былъ менѣе всѣхъ обязанъ подвергнуть себя этому горю, я думалъ только о двухъ дѣлахъ: устроить окончательный миръ съ Германіей и положить конецъ гражданской войнѣ». Съ этой цѣлью онъ дѣйствовалъ энергично сначала въ Компьенѣ, затѣмъ Нанси или Парижѣ и Версалѣ, потомъ въ Берлинѣ. Онъ зналъ все, видѣлъ все и поспѣвалъ вездѣ. Однако Ганото относится строже къ дипломатіи «освободителя территоріи», какъ называлъ его народъ, и по его мнѣнію онъ упустилъ Мецъ, когда могъ его удержать. Отношенія его съ Бисмаркомъ были самыя любезныя, и онъ сумѣлъ внушить къ себѣ симпатію желѣзнаго канцлера. Но болѣе искреннія отношенія были у него съ Мантейфелемъ. «Какъ вы думаете,—писалъ Мантейфель,—не надоѣстъ ли г. Тьеру меня снова видѣть? Меня удерживаетъ только это опасеніе, такъ какъ мое самое живое желаніе было бы про-

---

[1]) Correspondance de M. Thiers, editée par M-elle Dosne. Paris. 1903.

вести нѣсколько минутъ возлѣ него и услышать его разговоръ, собрать новыя, драгоцѣнныя воспоминанія о моихъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, разговоръ котораго произвелъ на меня такое впечатлѣніе, и къ которому я питаю почтительный восторгъ». Но Бисмаркъ не дремалъ: и это сближеніе ему было непріятно, и Мантейфель вмѣсто свиданія съ Тьеромъ отправился въ Берлинъ. Въ недавно вышедшей перепискѣ Бисмарка съ его женою [1]) Бисмаркъ пишетъ: «Мой дружокъ Тьеръ уменъ и любезенъ, но не дѣловой человѣкъ, какой нуженъ, чтобы вести переговоры. Безпрестанной пѣной брызжетъ изъ него мысль, какъ изъ откупоренной бутылки, и утомляетъ терпѣніе, потому что мѣшаетъ образоваться жидкости, которую предстоитъ выпить. Такъ какъ онъ почтенный, любезный человѣкъ, съ манерами стараго режима, то мнѣ трудно быть съ нимъ такимъ суровымъ, какимъ я долженъ быть. Они это знаютъ, плуты, и вотъ почему присылаютъ ко мнѣ его». Переговоры велись у Бисмарка. Тьеръ просилъ продолжить перемиріе, но Бисмаркъ наотрѣзъ отказалъ: «Я не хозяинъ,—сказалъ онъ,—меня упрекаютъ за слабость; въ Прагѣ снова начали противъ меня походъ, который причинилъ мнѣ столько зла; говорятъ, что я не умѣю васъ укротить. Наконецъ у меня есть приказъ короля». Однако, благодаря настояніямъ Тьера, онъ отправился къ императору и будто бы съ трудомъ добился пятидневнаго перемирія. Какъ грубо и цинично относился Бисмаркъ къ побѣжденному непріятелю, видно изъ его письма къ женѣ: «Переговоры съ Тьеромъ очень оживленныя. Что касается до насъ, то мы имѣемъ время ожидать, пока они съѣдятъ своихъ собакъ и прекрасныхъ кошекъ съ длинной шерстью; можетъ быть, намъ и не придется въ нихъ стрѣлять. Вопросъ объ Эльзасѣ причиняетъ имъ такія колики, что каждый разъ мы должны прерывать свиданіе». Зная, насколько озабочены и огорчены французы, онъ потребовалъ, чтобы король и нѣмецкая армія могли войти въ Парижъ. Тьеръ испугался и сталъ отстранять, какъ могъ, это требованіе, указавъ на опасность подобнаго шага, такъ какъ Парижъ былъ вооруженъ и возбужденъ, а потому легко могла случиться катастрофа. Но Бисмаркъ былъ неумолимъ и указалъ на Елисейскія Поля, какъ на пунктъ, который возможно занять. За тѣмъ Тьеръ перешелъ къ условіямъ мира. Бисмаркъ потребовалъ Мецъ и часть Лотарингіи, которая составляла департаментъ Мозель; вознагражденія шесть милліардовъ и занятіе французской территоріи на время, пока будетъ реализирована полная сумма выкупа. Споръ длился долго особенно относительно цифры шести милліардовъ. «Вамъ дѣлали смѣту не финансисты, а военные»,— замѣтилъ Тьеръ. Перейдя къ вопросу о Лотарингіи, онъ сказалъ: «Во время перваго свиданія вы мнѣ говорили только о нѣмецкой части Лотарингіи».— «Безъ сомнѣнія, но для нашей безопасности намъ нуженъ Мецъ»,—отвѣтилъ Бисмаркъ. Тьеръ не смѣлъ даже намекнуть, что отталкиваетъ эти условія, и только сказалъ: «Я васъ слушалъ, не говоря ни слова, но не думайте, что я согласенъ на нихъ. Все это невозможно, я отступлю, и вы будете управлять Франціей». На другой день Тьеръ рѣшилъ отправиться къ императору въ Версаль, надѣясь на большую податливость. Но онъ ошибся; хитрый Бисмаркъ предупре-

[1]) Die Briefe des Fürst Bismark an seine Frau. 1903. Berlin.

дилъ Тьера и настроилъ императора по-своему, такъ что послѣднiй касался въ разговорѣ всего, только не этого вопроса. Впрочемъ Бисмаркъ заранѣе предупредилъ Тьера: «Императоръ не любитъ говорить о дѣлѣ въ отсутствiи своихъ министровъ»,—сказалъ онъ. Видя неудачу, Тьеръ направился къ кронъ-принцу, и послѣднiй былъ готовъ «бросить Мецъ», на что генералъ Блюменталь замѣтилъ, что «сердце перевернется въ тѣлѣ, если откажешься отъ Меца и отступишь отъ Парижа съ носомъ». Императоръ тоже не раздѣлялъ взгляда сына. На слѣдующiй день Тьеръ снова видѣлся съ Бисмаркомъ и напомнилъ ему, что въ ноябрѣ послѣднiй обѣщалъ вернуть Францiи Мецъ. «Что было возможно въ ноябрѣ,—отвѣтилъ Бисмаркъ,—то теперь, спустя три мѣсяца, невозможно послѣ трехмѣсячнаго пролитiя крови». Послѣ этого свиданiя Бисмаркъ понялъ изъ прiемовъ Тьера, что онъ не намѣренъ возобновлять войны изъ-за Меца, и поспѣшно увѣдомилъ великаго герцога Баденскаго, что надо быть осторожнѣе и въ особенности не давать французамъ угадать, что Германiя, можетъ быть, согласится покинуть Мецъ. Въ тотъ же вечеръ Тьеръ собралъ комиссiю и сообщилъ ей о требованiяхъ Бисмарка. Говорятъ, отчаянiе и желанiе скорѣе покончить войну были такъ велики, что всѣ согласились почти безъ споровъ на требованiя нѣмцевъ. Снова Тьеръ и Жюль Фавръ отправились къ Бисмарку, и первый взволнованный силился вырвать Бельфоръ изъ алчныхъ требованiй Бисмарка и уменьшить на одинъ миллiардъ контрибуцiю.—«Нѣтъ!—воскликнулъ Тьеръ,—никогда я не уступлю разомъ Бельфора и Меца. Вы хотите разорить финансы и границы Францiи! Такъ хорошо же! Пусть берутъ, пусть управляютъ? пусть собираютъ налоги; но вы будете управлять въ присутствiи Европы!» Тогда Бисмаркъ сказалъ, что отправится къ императору за распоряженiями. Послѣ долгаго отсутствiя онъ возвратился съ уступкою Бельфора и уменьшенной на миллiардъ контрибуцiей. 25-го февраля былъ приготовленъ протоколъ и актъ, а 26-го они были подписаны. Тьеръ потребовалъ, чтобы актъ былъ подписанъ каждымъ изъ союзныхъ государей, а не Бисмаркомъ отъ лица всей Германiи.—«Вы хотите уже ощипать германское единство»,—отвѣтилъ Бисмаркъ, пожавъ плечами.—«А его создали мы»,—возразилъ Тьеръ.—«Можетъ быть!»—сказалъ Бисмаркъ, опять пожавъ плечами. Онъ хотѣлъ подписать актъ золотымъ перомъ, подареннымъ для этого случая нѣмецкими дамами. Когда Бисмаркъ попросилъ Жюль Фавра поставить печать на конвенцiи, то министръ иностранныхъ дѣлъ такъ былъ взволнованъ и разстроенъ, что поставилъ свой перстень-печать съ камеей неправильно, и выгравированная на ней женщина въ античномъ одѣянiи очутилась въ горизонтальномъ положенiи. При этомъ Бисмаркъ замѣтилъ:—«А! г-нъ Жюль Фафръ, вы опрокидываете вашу республику!» Уже въ сумерки Тьеръ и Жюль Фавръ покинули Версаль и отправились въ Парижъ. «Сѣвъ въ экипажъ,—говоритъ Жюль Фавръ,—мы не произнесли ни слова во время пути. Сердце мое щемило такъ, что я задыхался. Тьеръ неподвижный, какъ пораженный громомъ, изнемогалъ отъ волненiя. Отъ Версаля до Парижа его глаза не высыхали отъ слезъ. Онъ вытиралъ ихъ, не говоря ни слова, но легко было видѣть по выраженiю его разстроеннаго лица, что онъ былъ добычею невыразимаго горя, какое только можетъ чувствовать человѣкъ. О въѣздѣ въ Парижъ Бисмаркъ писалъ женѣ, что онъ въѣхалъ

верхомъ: «меня повсюду узнали и мнѣ немного свистали, но только совсѣмъ маленькіе мальчики. Во время вступленія въ Парижъ тысячи парижанъ слѣдовали подъ руку съ нашими солдатами и по командѣ: «Долой шапки для молитвы!» — всѣ снимали ихъ говоря:—«Вотъ чего намъ не хватаетъ»,и это очень вѣроятно»,— добавлялъ Бисмаркъ. Все это, какъ оказывается, Бисмаркъ солгалъ; въ «Temps» и въ «Eclair» были помѣщены правдивыя опроверженія очевидцевъ. Въ «Temps» бывшій капралъ національной гвардіи 10-го батальона между прочимъ пишетъ: «Съ большимъ трудомъ удерживали мы позади насъ толпу, которая силилась пройти впередъ, чтобы бросать въ нѣмцевъ всякаго рода нечистоты, даже испражненія. Двадцать человѣкъ прорвались сквозь линію силой, чтобы броситься на женщину, съ виду легкаго поведенія, вышедшую изъ алеи Елисейскихъ Полей, гдѣ стояли нѣмецкіе солдаты. Прежде чѣмъ мы успѣли догнать и пересѣчь имъ дорогу, женщина была раздѣта и брошена въ воду бассейна, находящагося на площади. Это могутъ подтвердить многія лица». Во второй газетѣ разсказываютъ, что статуя Страсбурга была затянута чернымъ крепомъ, изъ оконъ виднѣлись черные флаги, и если раздавались крики, то: «Да здравствуетъ республика!» Единственный возгласъ раздался: «Да здравствуетъ Пруссія!» но съ крикнувшимъ расправились почти что судомъ Линча! Бисмаркъ пріѣхалъ не верхомъ, какъ онъ писалъ женѣ, а въ купэ, и только разъ высунулъ голову, но ему послали такое проклятіе, что онъ спрятался; вотъ и все!» Когда Тьера провозгласили президентомъ, ему было семьдесятъ три года, но его здоровье, дѣятельность и пылъ были таковы, что онъ могъ сказать окружавшимъ его друзьямъ: «Мы еще молоды»: Его авторитетъ былъ безграниченъ и друзья приравнивали къ нему слова Ѳемистокла относительно Перикла: «Благодаря возвышенному характеру, глубинѣ взгляда, Периклъ производилъ безспорное вліяніе на аѳинянъ». «Повсюду, гдѣ показывался Тьеръ, — говорилъ одинъ его противникъ, — онъ занималъ безъ спору первое мѣсто». «Въ дни ненастья,—говоритъ Ганото,—когда нація, благодаря своимъ ошибкамъ, очутилась въ безвыходномъ положеніи и сомнѣвалась въ своей судьбѣ, она вполнѣ ввѣрилась людямъ которые, казалось, были приготовлены судьбою къ роли освободителей. У всѣхъ на языкѣ было имя Талейрана. Если бы Тьеръ не выказалъ авторитетнаго и господствующаго обращенія, холодныхъ отношеній, какія въ международныхъ дѣлахъ обезпечивали громадный авторитетъ Талейрану, то нельзя было бы не признать въ немъ болѣе распространенную компетентность, болѣе дѣятельности, болѣе безкорыстія, болѣе огня, если не души, чѣмъ у Талейрана». У него была слабость заставлять всѣхъ признавать въ себѣ универсальную компетентность. Такъ однажды онъ сказалъ объ одной личности, желавшей занять мѣсто директора Севрской мануфактуры: «Онъ созданъ на этотъ постъ не болѣе, какъ я»... и онъ остановился:—«Ай! ай! г-нъ Тьеръ,—возразилъ его собесѣдникъ:—вотъ вы и затрудняетесь придумать, что вы не умѣете дѣлать».—«Это правда, это правда»,—сказалъ онъ весело. «Гибкость ума,—говоритъ Ганото,—можетъ быть, представляла наиболѣе драгоцѣнное качество Тьера. Были ли, собственно говоря, у него убѣжденія? На это Ганото отвѣчаетъ отрицательно, ссылаясь на вѣчную работу его мозга. Его игра между республикой и монархіею напоминаетъ ту,

какую онъ игралъ при Луи-Филиппѣ между короной и страною. Онъ былъ противоположность партійнаго человѣка, и его за это упрекали. Онъ стоялъ за партію Тьера, потому что Тьеръ стоялъ за Францію. Тьеръ, по словамъ Ганото, былъ знаменитый государственный человѣкъ, опытный министръ, прежній слуга королевства, просвѣщенный противникъ имперіи, убѣжденный либералъ, пылкій патріотъ, наконецъ человѣкъ, которому единогласно Франція вручила судьбу родины. Тьеръ, отложивъ свои убѣжденія, преклонился предъ республикой. Еслибъ не его дѣятельность противъ коммуны, то его имя сохранилось бы навѣки, какъ благотворнаго создателя третьей республики во Франціи.

— Новые памятники во Франціи. Въ послѣдніе полгода французы, обыкновенно любящіе воздвигать статуи своимъ знаменитостямъ, особенно почтили въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе великихъ французскихъ писателей XIX вѣка. Конечно, преимущественно обогатился новыми памятниками Парижъ, и только одинъ изъ нихъ достался на долю обширной провинціи. Прежде всего воздвигнуты памятники поэту Шарлю Бодлэру и знаменитому романисту Бальзаку. Первый изъ нихъ сооруженъ на Монмартрскомъ кладбищѣ и представляетъ оригинальнаго, своеобразнаго поэта лежащимъ во весь ростъ въ прозрачномъ саванѣ, на гробницѣ, подъ которою онъ покоится, а сверху надъ нимъ паритъ ночная птица, широко распространивъ свои крылья и олицетворяя духа зла, воспѣтаго авторомъ «Цвѣты зла». Своей славой Бодлэръ обязанъ единственному тому поэзіи подъ этимъ заглавіемъ, и по словамъ Сентъ-Бёва, Бодлэръ нашелъ средство воздвигнуть на крайнемъ предѣлѣ необитаемой земли, внѣ границъ романтизма, оригинальный странный кіоскъ, очень изящный, кокетливый, но таинственный и прихотливый. Этотъ поэтъ родился въ Парижѣ въ 1821 году и шести лѣтъ потерялъ своего отца, сенатскаго чиновника. Получивъ воспитаніе въ коллегіи Людовика Великаго, онъ предпринялъ по окончаніи курса путешествіе въ Калькутту, а затѣмъ предался всецѣло литературѣ: мастерски переводилъ Эдгарда Поэ, сроднаго ему по характеру своего таланта, а также издалъ два тома художественной критики, «Маленькія поэмы въ прозѣ» и т. д. Но единственнымъ его великимъ твореніемъ были «Цвѣты зла». Этотъ небольшой томъ стихотвореній доставилъ ему безсмертную славу. Его муза, странная, дикая, хотя глубоко-художественная, изображала мрачныя, уродливыя, меланхоличныя, невозможныя темы. Великій поэтъ былъ мистикъ и даже декадентъ раньше изобрѣтенія этого слова. Онъ, по словамъ Виктора Гюго, изобрѣлъ новаго рода «ужасъ». Онъ не былъ ни поэтомъ юности, ни зрѣлыхъ людей, ни женщинъ, ни стариковъ, а его поэзія была холодная, мертвая, роковая. Онъ воспѣвалъ самый отвратительный развратъ, всѣ ужаса ада и все не естественное, безобразное, хотя высоко, искренно художественное. Правительство 2-го декабря нашло возможнымъ предать его суду за нѣкоторыя изъ стихотвореній «Цвѣты зла» и даже исключило изъ книги «Проклятыя женщины» и «Отреченіе св. Петра». Какъ въ своей поэзіи, такъ и въ жизни Бодлэръ велъ себя странно, оригинально: онъ не признавалъ женской любви, и единственная его любовница, Жанна Дюваль, которую онъ назвалъ Черной Венерой, познакомила его съ такими тяжелыми страданіями, что вмѣсто любви онъ жаждалъ смерти. Онъ жилъ уединенно, скучно, уныло и позволялъ себѣ мрач-

ныя и циничныя шутки. Такъ однажды вошелъ въ аптеку и пресеріозно обратился къ аптекарю со словами: «Милостивый государь, сдѣлайте одолженіе, поставьте мнѣ клистиръ». И когда аптекарь открылъ ротъ отъ удивленія, то онъ сталъ увѣрять его, что такова обязанность аптекарей по медицинскому уставу. Въ другой разъ, обѣдая въ гостяхъ съ впервые видѣнной имъ дамой, спросилъ ее: «А ѣдали вы, сударыня, мясо маленькихъ дѣуей: оно нѣжнѣе и деликатнѣе, чѣмъ у ягненка.» Наконецъ г-жа Жюдитъ Готье въ своихъ воспоминаніяхъ о Бодлэрѣ, напечатанныхъ въ «Revue de Paris», разсказываетъ, что ребенкомъ она видѣла, какъ на улицѣ знаменитый поэтъ преслѣдовалъ большую собаку, чтобы наступить ей на хвостъ. Когда же ему это удалось, то собака повалила его на землю и замарала ему одежду. Наконецъ разочарованный, перестрадавшій всѣ нравственныя и физическія муки, онъ умеръ въ 1867 г. По поводу открытія его памятника помѣщена интересная его характеристика Жана Ленуара въ апрѣльской книжкѣ «Carnet».

Бальзакъ ждалъ послѣ своей смерти пятьдесятъ два года, пока его мраморное изображеніе не возвысилось среди Елисейскихъ полей. Конечно, о немъ столько писали, что теперь нечего о немъ много говорить. Изъ его біографіи только замѣчательно происхожденіе, которое до сихъ поръ всѣ приписывали вмѣстѣ съ нимъ самимъ старинной аристократіи. Но послѣднее время и особенно по случаю открытія его памятника выяснилось, что Бальзакъ далеко не былъ аристократомъ и не изъ турской семьи, хотя и родился въ этомъ городѣ. Въ сущности его дѣдъ былъ простымъ землепашцемъ изъ южнаго Лангедока, а его отецъ былъ мелкимъ чиновникомъ, сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Турѣ. Это скромное происхожденіе не мѣшало ему, однако, получить хорошее воспитаніе въ Вандомскомъ лицеѣ и сдѣлаться впослѣдствіи величайшимъ романистомъ. «Тогда какъ, говоритъ Поль Буржэ, обыкновенно романисты описываютъ человѣчество съ внѣшней стороны, Бальзакъ въ одно и то же время рисуетъ его извнѣ и внутри. Отецъ реалистическаго романа рельефно рисовалъ буржуазное общество іюльской монархіи и въ своей «Человѣческой комедіи» представлялъ безсмертные типы, особенно женщину тридцати лѣтъ. Какъ деньги составляютъ центръ, вокругъ котораго вертится вся буржуазія, то и герои Бальзака кружатся вокругъ Мамона, стоящаго на первомъ мѣстѣ въ его романахъ. Самъ онъ въ продолженіе всей своей жизни стремился нажить громадное состояніе, но неудачно, потому что безумно проживалъ громадныя средства, которыя онъ наживалъ своими безчисленными сочиненіями. Популярность его до сихъ поръ затмеваетъ его послѣдователей, какъ Флобера, Золя, Гонкуровъ, Додэ и Мопассана. Хотя его статуя поздно явилась въ Парижѣ, но если кто либо заслуживалъ мраморнаго безсмертія, то, конечно, авторъ «Человѣческой комедіи».

Уже съ мая мѣсяца Парижъ поставилъ два памятника: извѣстному писателю Сенъ-Беву и скромному, но талантливому романисту Фердинанду Фавру. Знаменитый критикъ родился въ 1804 году въ Булонѣ и посвятилъ себя сначала медицинѣ, но потомъ предался литературѣ и сдѣлался ярымъ романтикомъ. Первымъ его трудомъ были два тома стиховъ и «Картина французской поэзіи въ XVI вѣкѣ», а потомъ онъ преподавалъ французскую литературу въ

Лозаннѣ, Лютихѣ и Парижѣ во французской коллегіи. Главнымъ его трудомъ были «Понедѣльничныя бесѣды», которыя онъ помѣщалъ въ парижскихъ газетахъ и потомъ издалъ отдѣльнымъ изданіемъ въ двадцати пяти томахъ. Въ этихъ статьяхъ онъ говорилъ обо всемъ: о старинныхъ явленіяхъ литературы и до послѣднихъ напечатанныхъ книгъ. Главнымъ образомъ онъ представлялъ біографическія нравственныя характеристики древнихъ и современныхъ писателей, не поражая глубиной психологическаго изслѣдованія, но художественнымъ живымъ изображеніемъ характеровъ. Особенно онъ былъ популяренъ во время декабрьской имперіи, когда занималъ мѣсто сенатора и былъ пріятелемъ принца Наполеона. Изъ его частной жизни замѣчательны только близкія его отношенія къ женѣ Виктора Гюго, который былъ въ то время его закадычнымъ другомъ. Онъ умеръ въ 1869 г., и благодаря бюсту, теперь украшающему его могилу на Монмартрскомъ кладбищѣ, появилось во французской журналистикѣ многочисленное число статей, изъ которыхъ интереснѣе всѣхъ письма Сенъ-Бева къ товарищу молодости Жоржу Эмлеру, напечатанныя въ первой іюньской книжкѣ «Nouvelle Revue».

Памятникъ, открытый Фердинанду Фабру въ Люксембургскомъ саду 14 іюня, вполнѣ соотвѣтствуетъ его скромному, но художественному таланту. Наверху скалы возвышается бюстъ автора, а внизу сидитъ молодая крестьянка съ козой. Это—героиня одного изъ лучшихъ его романовъ: «Мой дядя Селестинъ», и служитъ прекраснымъ символомъ всѣхъ его романовъ, прекрасно рисующихъ сельскую жизнь съ ея добродушными деревенскими патерами. Фердинандъ Фабръ родился въ Бедарьё, въ департаментѣ Эро, въ 1827 г. и воспитывался въ семинаріи Монпелье, но, не чувствуя религіознаго призванія, покинулъ ее и отправился въ Парижъ, гдѣ занимался различными предметами, пока не нашелъ истиннаго своего призванія и не сдѣлался литераторомъ. Сначала онъ писалъ стихи, а потомъ издалъ романъ «Курбезаны», который былъ награжденъ академической преміей. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя исключительно романамъ и сдѣлался спеціалистомъ въ изображеніи сельской жизни и нравовъ деревенскихъ патеровъ. Обыкновенные романисты, по словамъ Гюстава Кана, написавшаго во второй іюньской книжкѣ «Nouvelle Revue» панегирикъ Фердинанду Фабру, выбираютъ театромъ своихъ произведеній исключительно ту мѣстность, которая имъ всего лучше извѣстна, потому что они тамъ родились, или по какой другой причинѣ. Такъ Эркманъ и Шатріанъ изображаютъ въ своихъ романахъ Эльзасъ и Лотарингію, Леонъ Кладель и Эмиль Павильонъ—уединенный уголокъ Керси въ Бретани, Бальзакъ—берега Луары и окрестности Тура, Эмиль Золя и Альфонсъ Додэ—солнцемъ залитый Провансъ, Гюставъ Флоберъ—Нормандію и т. д. Естественно, что Фердинандъ Фабръ, съ дѣтства привыкшій восторгаться своими родными Севенскими горами, сдѣлалъ ихъ постоянной сценой художественныхъ страницъ своихъ романовъ. Что касается до содержанія этихъ романовъ, то онъ послѣ Бальзака представляетъ самое безпристрастное и талантливое изображеніе среды сельскихъ патеровъ. Фабръ почти до смерти въ 1898 г. писалъ свои излюбленныя деревенскія эпопеи, и только одна его книга составляетъ исключеніе, именно интересная автобіографія подъ названіемъ: «Мое призваніе».

Совершенно иной человѣкъ, чѣмъ всѣ эти поэты и романисты, хотя также писатель, былъ Пьеръ Леру, и если кто нибудь стоилъ статуи, такъ этотъ замѣчательный философъ, публицистъ, экономистъ и политическій дѣятель. Онъ родился въ Берси, близъ Парижа, въ 1797 г. и воспитывался сначала въ лицеѣ Карла Великаго, а потомъ въ Политехнической школѣ, но по недостатку средствъ не могъ окончить курса и сдѣлался простымъ каменщикомъ, а потомъ наборщикомъ и корректоромъ. Онъ даже изобрѣлъ наборную машину, которую назвалъ піанотипомъ. Въ то же время онъ вступилъ въ общину сенъ-симонистовъ и послѣдовалъ за Базаромъ, когда тотъ отдѣлился отъ Анфантэна. Въ 1824 г. онъ основалъ газету «Globe», въ которой сотрудничали Кузенъ, Гизо, Жоффруа и Брольи, а въ 1838 г. съ Жаномъ Рэно основалъ «Новую Энциклопедію», которой вышло только восемь томовъ. Короткое время онъ участвовалъ въ «Revue des deux mondes» и въ 1839 г. началъ издавать съ Віардо и Жоржъ-Зандомъ «Revue Independant». Въ слѣдующемъ году онъ напечаталъ свое главное сочиненіе: «О человѣчности, его принципѣ и его будущности». Онъ развилъ въ немъ идеи сенъ-симонизма, пиѳагорейскихъ и буддистскихъ ученій, а также соціализма, признававшаго семью, собственность и отечество. Въ 1845 г. онъ поселился въ маленькомъ городкѣ департамента Крёзы, въ Бруссакѣ, гдѣ ему теперь и воздвигнута статуя; во время пребыванія въ этомъ городкѣ онъ основалъ типографію на кооперативныхъ началахъ, издавалъ два журнала: «L'eclaireur» и «La Revue sociale», въ которомъ ему помогала Жоржъ-Зандъ, находившаяся съ нимъ тогда въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ также напечаталъ «О равенствѣ», «Мальтусъ и экономисты», «Всегда ли будутъ на свѣтѣ бѣдные», «О плутократіи» и «Проектъ демократической и соціальной конституціи». Въ подобныхъ занятіяхъ застала его революція 1848 г., и онъ былъ избранъ членомъ учредительнаго собранія, а потомъ законодательнаго. Декабрьскій переворотъ заставилъ его бѣжать изъ Франціи прежде въ Англію, а потомъ на островъ Джерси. Послѣ амнистіи 1869 г. онъ возвратился въ Парижъ и умеръ чрезъ три года. Потребовалось тридцать два года, чтобы муниципалитетъ Бруссака вспомнилъ о своемъ благодѣтелѣ и поставилъ ему 21 іюня памятникъ, на которомъ онъ изображенъ сидящимъ въ глубокой думѣ о будущемъ, когда осуществятся его мечты о свободѣ и культѣ гуманности.

Кромѣ этихъ статуй, въ нынѣшнемъ году предстоитъ еще открытіе памятниковъ Ренану, въ его родномъ городѣ Трегье, поэту Альфреду Девиньи, водевилисту Пальерону и Жюлю Симону.

— Историческій конгрессъ въ Римѣ. Въ теченіе первой недѣли апрѣля мѣсяца въ Римѣ происходилъ международный конгресъ историческихъ наукъ, и было бы химерой желаніе пересчитать число докладовъ въ тринадцати секціяхъ и девяноста засѣданіяхъ этого чудовищнаго съѣзда, на который собралось до 2.500 членовъ. Можно только указать на важнѣйшіе предметы, которыми занимались всесвѣтные историки. Открытіе конгресса произошло 2-го апрѣля въ присутствіи короля и королевы и съ перваго дня ознаменовалось крупнымъ скандаломъ, послѣ котораго царило полнѣйшее спокойствіе и порядокъ. Дѣло было въ томъ, что нѣкоторые изъ итальянскихъ конгрессистовъ опоздали и не могли попасть въ обширную залу Капитолія, гдѣ происходило откры-

тіе конгреса. Двери уже были заперты, и поднялся такой шумъ и гвалтъ, что пришлось послать за солдатами. По усмиреніи безурядицы, римскій синдикъ, Просперо Колонна, окончилъ свою начатую привѣтственную рѣчь; за нимъ говорили Виллари, великолѣпный ораторъ и многіе другіе ученые, которые читали свои рѣчи исключительно по рукописямъ. Всего удачнѣе была рѣчь бельгійца Фредрика, котораго и выбрали вице-предсѣдателемъ. Король не сказалъ ни слова и велъ себя чрезвычайно просто и скромно, что противорѣчило германскому императору, который, по своему обыкновенію, торжественно привѣтствовалъ въ телеграммѣ конгрессъ и наизвѣстно почему поднесъ этому научному собранію четыре фотографическіе альбома. Въ концѣ засѣданія Ланчіани объяснилъ замѣчательный археологическій памятникъ, подъ названіемъ Forma urbis. Исторія этого плана Рима чрезвычайно замѣчательна. Онъ былъ начертанъ на мраморной доскѣ въ двѣсти двадцать квадратныхъ метровъ въ концѣ Форума. Въ такомъ видѣ памятникъ этотъ существовалъ нѣсколько столѣтій и мало-по-малу распался на мелкіе куски, надъ которыми впослѣдствіи возвышалась церковь св. Дамьена. Въ XVI столѣтіи найдены были, благодаря раскопкамъ, около тысячи мелкихъ осколковъ, но въ то время на историческіе остатки не обращалось большого вниманія, и только сто семьдесятъ изъ нихъ выставлены были въ музеѣ, а остальные были употреблены на постройку какихъ-то конюшенъ на берегу Тибра. По счастью въ 1888 г. они были открыты, но изъ нихъ не оказалось болѣе пятнадцатой части первоначальнаго плана. Чрезвычайно большого труда стоило Ланчіани, завѣдывавшему работами, опредѣлить значеніе этихъ остатковъ и соединить ихъ въ одно цѣлое. Въ настоящее время 167 обломковъ вставлено въ подходящее для нихъ мѣсто на громадномъ планѣ Рима, начертанномъ на стѣнѣ во дворѣ дворца Консерваторовъ въ Капитоліи. Благодаря этому труду, возстановлены нѣкоторыя совершенно неизвѣстныя части Рима, какъ, напримѣръ, «Портикъ Боговъ». Послѣ перваго засѣданія римскій муниципалитетъ пригласилъ конгрессъ на чай въ обширныхъ садахъ Палатинскаго холма, при чемъ играла музыка, и лилось шампанское. На другой день начались занятія въ залахъ Римской коллегіи, но онѣ такъ высоки, что въ нихъ едва были слышны голоса докладчиковъ. Члены конгресса объяснялись на различныхъ языкахъ: Бучелэръ и Виламовичъ говорили по-латыни, Магаффи и большинство членовъ по-французски, остальные на всевозможныхъ итальянскихъ нарѣчіяхъ. Только одинъ нѣмецъ рѣшился отдать предпочтеніе своему родному языку, но онъ говорилъ такъ тихо и неясно, что его положительно никто не слышалъ. Вѣроятно, этого примѣра испугались англичане, и ни одинъ изъ нихъ не произнесъ своей рѣчи по-англійски. Конечно, большая часть докладовъ была сдѣлана итальянскими учеными, и въ произнесенныхъ ими рѣчахъ было много интереснаго, хотя исключительно спеціальнаго. Самыя многочисленныя изслѣдованія читались по археологія, и между прочимъ большой интересъ возбудила статья о великолѣпныхъ раскопкахъ въ Тимгадѣ г-жи Ферраръ, француженки, живущей въ Алжирѣ. На третій день конгрессисты собрались въ Форумѣ и выслушали съ глубокимъ интересомъ лекцію Джіакома Бони объ его знаменитыхъ раскопкахъ въ этой мѣстности. Люди, не бывавшіе въ Римѣ двадцать или тридцать лѣтъ, не узнаютъ теперь Форума. Раскопки

такъ увеличились и распространились, что явилась необходимость создать музей Форума на мѣстѣ бывшаго монастыря Santa Francesca romana. Отъ будущаго музея докторъ Бони повелъ своихъ посѣтителей via sacra къ храму Максенція. Затѣмъ онъ указалъ на страшный «carceres», римскія тюрьмы, о которыхъ съ ужасомъ говорили даже древніе писатели. Наконецъ, подъ условіемъ согнуться вдвое, обозрѣватели форумскихъ диковинъ увидѣли надѣлавшій столько шума «Petra nera», черный камень съ этрусской надписью. По преданію подъ этимъ камнемъ находилась могила Ромула. Въ дѣйствительности дальнѣйшія раскопки открыли обуглившіяся кости, доказывавшія, что тутъ былъ знатный человѣкъ. Былъ ли это самъ Ромулъ? Это слишкомъ смѣло утверждать. Докторъ Бони привелъ своихъ гостей къ недавно найденной императорской лѣстницѣ, по которой императоры прямо поднимались на Палатинскій холмъ. Она была расчищена и на стѣнѣ ея выставлена надпись, которая сообщаетъ будущимъ поколѣніямъ, что «члены международнаго конгресса открыли этотъ памятникъ 5 апрѣля 1903 г.». Поднявшись по великолѣпной лѣстницѣ въ сады Палатинскаго холма, конгрессисты были встрѣчены министромъ народнаго просвѣщенія Нази, который предложилъ имъ блестящее празднество, длившееся до самой ночи. Одной замѣчательной чертой конгресса было отсутствіе патеровъ за исключеніемъ аббата Дюшеня, главы французской школы. Вообще католическій Римъ игнорировалъ конгрессъ, и только члены его могли прочитать на стѣнахъ папской канцеляріи объявленіе Конгрегаціи Индекса отъ 1-го апрѣля, что папой запрещены были три сочиненія Фердинада Бюиссона, П. Сифля и Жюля Пайо.

— **Смерть сербской королевской четы, Джіованни Бовіо, Мальвины Мейзенбугъ и кардинала Вогана.** 11-го іюня совершилась въ Бѣлградѣ кровавая катастрофа; офицеры и солдаты ворвались во дворецъ и умертвили короля, королеву, двухъ ея братьевъ, перваго министра, Цинцара Марковича, и еще нѣсколькихъ сторонниковъ короля. Затѣмъ провозглашенъ былъ новый король Петръ Карагеоргіевичъ, жившій въ Женевѣ и теперь уже вступившій на престолъ подъ именемъ Петра I. Эта огульная рѣзня двадцати человѣкъ или двѣнадцати, смотря по тому, какой версіи катастрофы вѣрить, составляетъ мрачную страницу сербской исторіи, хотя, впрочемъ, эта исторія уже ранѣе испещрена трагическими эпизодами за послѣднее столѣтіе, т. е. со времени освобожденія этой страны отъ турецкаго ига. Карагеоргій, что значитъ Георгій Черный, первоначально поднялъ возстаніе на своей родинѣ и освободилъ ее отъ турецкаго ига, но былъ измѣннически убитъ. Его мѣсто занялъ Милошъ Обреновичъ, другой сербскій предводитель, и султанъ призналъ его княземъ, хотя подъ своей верховной властью; онъ издалъ конституцію въ родѣ французской и однако былъ принужденъ въ 1839 отречься отъ престола. Сынъ его, Михаилъ Обреновичъ, недолго княжилъ и чрезъ три года бѣжалъ изъ Бѣлграда вслѣдствіе вспыхнувшей революціи. Тогда избранъ былъ княземъ сынъ Карагеоргія, Александръ. Онъ управлялъ страною до 1858 г., когда былъ низверженъ скупщиной, и снова призванъ старикъ Милошъ Обреновичъ. Онъ принужденъ былъ вскорѣ отказаться отъ власти въ пользу сына своего Михаила, который былъ убитъ въ 1868 г. Его племянникъ Миланъ сдѣлался королемъ,

и его царствованіе всѣмъ извѣстно. Сначала онъ былъ популяренъ, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ и сдѣлался королемъ, но потомъ послѣ неудачной войны съ болгарами отрекся отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына Александра, который послѣ четырнадцати-лѣтняго царствованія палъ жервою военнаго заговора. Въ свою очередь теперь сдѣлался королемъ Петръ Карагеоргіевичъ. Такимъ образомъ эти двѣ династіи наслѣдовали другъ другу до совершеннаго истребленія одной изъ нихъ, въ лицѣ короля Александра, не имѣвшаго дѣтей. Что касается до его царствованія, то оно было неудачнымъ и роковымъ, полнымъ съ его стороны государственныхъ переворотовъ противъ конституціи и завершившимся наконецъ военнымъ заговоромъ противъ него самого. Александръ I родился въ Бѣлградѣ 2-го августа 1879 г., и матерью его была пресловутая королева Наталія. Почти ребенкомъ онъ былъ замѣшанъ въ политическія дрязги и ссоры отца съ матерью. Наконецъ, когда ему исполнилось 13 лѣтъ, Миланъ отказался отъ престола въ его пользу. Съ этого времени страною управляли три регента: Ристичъ, Белимарковичъ и Протичъ. Однако Миланъ не переставалъ вести интриги и научилъ сына составить первый заговоръ противъ регентовъ въ 1893 г. Онъ удался съ помощью того же самаго кадетскаго корпуса, который участвовалъ въ недавней катастрофѣ. Тогда Миланъ вернулся и сдѣлался могущественнымъ руководителемъ сына до 1890 г. Одна конституція нарушалась, другая обнародывалась, потомъ снова она отмѣнялась. Эта игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока Миланъ не разссорился съ сыномъ, вслѣдствіе женитьбы послѣдняго на Драгѣ Машиной, вдовѣ инженера. Послѣ этой свадьбы и удаленія изъ Бѣлграда Милана, король Александръ попалъ совершенно подъ власть своей жены, попрежнему безконечно мѣнялъ конституціи и за неимѣніемъ дѣтей рѣшился объявить наслѣдникомъ престола старшаго брата жены, Никодима Люневича. Это довело до отчаянія сербовъ, и произошелъ военный государственный переворотъ. До сихъ поръ точныя подробности неизвѣстны. Достовѣрно только то, что несчастные король и королева погибли вмѣстѣ съ своими сторонниками.

На дняхъ умеръ послѣдній изъ представителей радикальной Италіи Джіованни Бовіо. Прежде него исчезли Каваллотти и Имбріани. Всѣ они составляли благородную радикальную традицію итальянскаго парламента. Кромѣ политическаго дѣятеля и краснорѣчиваго, оратора онъ былъ извѣстнымъ юристомъ и професоромъ. Родившись въ 1840 г. въ Неаполѣ, Бовіо никогда не имѣлъ университетскаго диплома, изъ ненависти ко всякой офиціальной «бумажкѣ». Онъ былъ ученый экономистъ и авторъ многихъ сочиненій, преимущественно соціальнаго и соціалистическаго характера. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько драматическихъ произведеній, въ томъ числѣ «Христосъ на праздникѣ Пуримъ», которое имѣло большой успѣхъ въ Туринѣ. Изъ ученыхъ же его сочиненій главнѣйшими были «Uomni e tempi», «Corso di Scienza del diritto» и «Foudatori della civilta»; послѣднее «Ilgenio» опровергаетъ теорію Ломброзо и имѣло значительный успѣхъ. Болѣе литератора Бовіо былъ извѣстенъ, какъ лекторъ, и его лекціи о Гарибальди, Кампанелли и Вольтерѣ привлекали общее вниманіе. О Вольтерѣ между прочимъ онъ говорилъ: «Франція, удаляясь отъ Вольтера, грозитъ сдѣлаться жертвой реакціи. Надо приблизить Вольтера къ

народу—вотъ въ чемъ заключается задача Франціи. Напротивъ Италія должна, уравнивая дѣло революціи, соединить право съ долгомъ. Вольтеръ былъ умомъ XVIII столѣтія, а Викторъ Гюго былъ сердцемъ XIX».

Недавно умерла въ Римѣ старѣйшая нѣмецкая писательница Мальвина Мейзенбугъ. Она родилась въ Касселѣ въ 1816 г. и принадлежала къ богатому аристократическому семейству, съ которымъ она разссорилась вслѣдствіе своихъ теорій. Она написала нѣсколько романовъ, имѣвшихъ мало успѣха. Гораздо замѣчательнѣе ея воспоминанія подъ названіемъ: «Мемуары идеалистики». Она извѣстна была, какъ воспитательница дочери Герцена и какъ другъ самого Герцена, Мадзини и Луи Блана. Впослѣдствіи, переселясь въ Италію, она сблизилась съ Вагнеромъ и Фридрихомъ Ницше. Главной идеей, которую Мальвина Мейзенбугъ проповѣдывала всю свою жизнь, была защита женскихъ, правъ и она рьяно отстаивала равенство обоихъ половъ.

Двадцатаго іюня умеръ отъ паралича, католическій примасъ Англіи, кардиналъ Воганъ. Онъ не представлялъ ни въ какомъ отношеніи ничего замѣчательнаго и особенно затмевался своимъ знаменитымъ предшественникомъ. Его смерть обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что онъ былъ послѣднимъ кардиналомъ, который могъ поддержать англійское вліяніе на будущемъ папскомъ избраніи. Что же касается до другого англійскаго кардинала, то онъ не пользуется довѣріемъ правительства, и такимъ образомъ Англія не можетъ вліять на избраніе будущаго папы, тогда какъ напротивъ императоръ Вильгельмъ II-й по всѣмъ разсказамъ будетъ, если не прямымъ, то косвеннымъ значительнымъ избирателемъ папы.

СМѢСЬ.

Памятникъ Суворову. 9-го мая въ Пензенской губерніи торжественно отпраздновано открытіе памятника А. В. Суворову, воздвигнутаго въ одномъ изъ селеній его бывшей вотчины, а именно въ селѣ Маровкѣ, Мокшанскаго уѣзда (переименованной нынѣ въ село Суворово). Послѣднее избрано изъ числа шести селъ и деревень, составляющихъ вотчину, для постановки памятника потому, что здѣсь не только существуетъ каменная церковь, при закладкѣ которой въ 1791 году присутствовалъ Суворовъ, но сохранилась даже усадьба, въ домѣ которой, сгорѣвшемъ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ въ 1864 году, три раза при посѣщеніи своей Маровской вотчины останавливался ея знаменитый владѣлецъ. Мѣстомъ для постановки памятника избрана площадь, окаймляемая съ одной стороны упомянутою выше усадьбой и церковью, а съ другой—сельской школой и крестьянскими строеніями. Памятникъ представляетъ пьедесталъ изъ краснаго гранита около 5½ аршинъ вышиною, на верху котораго помѣщается бронзовый (около 2 аршинъ вышины) бюстъ Суворова, а на передней, лицевой сторонѣ укрѣпленъ бронзовый орелъ и вырѣзана надпись «Суворовъ». Гранитный пьедесталъ изготовленъ въ С.-Петербургѣ, въ мастерской инженера Брусова, а бюстъ по модели Рукавишникова отлитъ въ петербургской мастерской Морана. Стоимость пьедестала и бюста съ установкой обошлись въ 1.600 рублей. Около памятника для его украшенія будутъ помѣщены 16 старинныхъ мѣдныхъ пушекъ, присланныхъ съ высочайшаго разрѣшенія изъ казанскаго артиллерійскаго склада и 60 аршинъ швартовыхъ цѣпей (вѣсомъ около 38 пудовъ), присланныхъ съ высочайшаго же

разрѣшенія морскимъ министерствомъ, а для охраненія какъ самаго памятника, такъ и его украшеній устраивается особая желѣзная рѣшетка. Главнымъ фондомъ для покрытія расходовъ, связанныхъ съ устройствомъ означеннаго памятника, послужили 1.750 рублей, отпущенные Суворовской комиссіей, а остальные расходы покрыты изъ числа денегъ, поступившихъ въ видѣ пожертвованій, для сбора которыхъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и подъ предсѣдательствомъ пензенскаго губернатора камергера графа А. В. Адлерберга, былъ образованъ особый комитетъ. Памятникъ сооружается въ ознаменованіе исполнившагося 6-го мая 1900 года столѣтія со дня смерти Суворова. Въ ознаменованіе того же событія пензенское дворянство, считающее въ числѣ своихъ дворянъ и землевладѣльцевъ Суворова, какъ бывшаго владѣльца Маровской вотчины, постановило помѣстить его портретъ въ залѣ дворянскаго собранія, а мѣстное земство въ установленномъ порядкѣ выхлопотало разрѣшеніе о переименованіи Маровской волости въ Суворовскую и села Маровки въ село Суворово. Суворово отстоитъ въ 8-ми верстахъ отъ станціи «Сытинка» Московско-Казанской желѣзной дороги.

С.-Петербургское археологическое общество. На засѣданіи русскаго отдѣленія 23-го апрѣля А. А. Спицынъ сдѣлалъ докладъ по вопросу о колонизаціи Суздальской земли и сѣверовостока въ IX—XI столѣтіяхъ нашей эры. Докладчикъ высказываетъ новый взглядъ на движеніе колонизаціи, пользуясь главнымъ образомъ археологическими данными. Общія положенія докладчика таковы: Днѣпровскіе и Двинскіе кривичи были племенемъ, свершившимъ указанный выше великій подвигъ колонизаціи. Западная вѣтвь этого племени образовала Новгородъ и колонизировалась далеко на сѣверъ до Холмогоръ, другая восточная вѣтвь, идя отъ Смоленска, создала Ростовскую и Галичскую области, шла даже къ Устюгу, Вяткѣ, Перми. Докладъ вызвалъ оживленныя возраженія профессора С. Ѳ. Платонова и другихъ членовъ отдѣленія. А. П. Вороновъ, путешествовавшій въ минувшемъ году по Олонецкой губерніи, перенесъ слушателей въ нашъ живописный далекій сѣверъ. Цѣлая панорама живописныхъ уголковъ, водопадовъ, скалъ, озеръ, которыми такъ богата наша сѣверная окраина, прошла передъ слушателями въ картинахъ волшебнаго фонаря. Въ археологическомъ отношеніи референтъ обстоятельство изслѣдовалъ мысъ «Бѣсовъ носъ» и «Пєрьи носы», гдѣ на скалахъ высѣчены загадочные рисунки, и древній Муромскій монастырь. Кромѣ того, произведенъ былъ въ томъ же засѣданіи выборъ предсѣдателя отдѣленія. Избранъ на новое трехлѣтіе профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, занимающій эту должность въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій.

Общество любителей древней письменности. 18-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, состоялось годовое собраніе. Въ этомъ засѣданіи секретаремъ были прочитаны протоколъ ревизіонной комиссіи, годовой отчетъ и смѣта прихода и расхода суммъ по обществу на 1903 — 1904 годъ. Главныя данныя отчета слѣдующія. За истекшій годъ общество издало въ серіи нумерныхъ «Изданій»: 1) фототипическое изданіе радзивилловской или кенигсбергской лѣтописи, 2) описаніе рукописей князя П. П. Вяземскаго и 3) трудъ В. В. Стасова о миніатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей; въ

серіи «Памятниковъ древней письменности и искусства»: 1) «Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности» Н. К. Никольскаго и 2) «Отчеты» за 1901—1902 годъ. Кромѣ того, отдѣльно изданы «Сборникъ въ память князя П. П. Вяземскаго» и «Отчетъ о торжественномъ засѣданіи 31-го декабря 1902 года по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія существованія общества». Сумма капиталовъ общества увеличилась въ истекшемъ году на 800 рублей, такъ что общество имѣетъ теперь неприкосновенныхъ капиталовъ всего на сумму—58.450 рублей. Смѣта будущаго года составлена на 18.040 рублей 44 копейки. Въ заключеніи отчета секретаремъ было отмѣчено, что истекшій годъ имѣетъ совершенно исключительное значеніе для общества, такъ какъ въ этомъ году Государь Императоръ соизволилъ принять общество подъ свое высочайшее покровительство, и такъ какъ въ этомъ году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отпускѣ обществу ежегодно по 200 рублей на изданіе «Памятниковъ древней письменности и искусства». Въ этомъ же засѣданіи П. Г. Васенко прочелъ сообщеніе «Печатное изданіе «Книги Степенной Царскаго родословія» и типы ея списковъ». Сущность этого сообщенія заключается въ слѣдующемъ. Рукопись, на которую исторіографъ Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, редакторъ изданія извѣстной «Книги Степенной Царскаго родослозія», появившагося въ Москвѣ въ 1775 году, указывалъ, какъ на «подлинникъ» (то-есть оригиналъ) печатнаго текста,—во многомъ отличается отъ послѣдняго. Настоящій оригиналъ печатной «Степенной», вѣроятно, былъ испорченъ при наборѣ текста, и его не удалось отыскать въ портфеляхъ Миллера. Насколько можно судить по печатному тексту, списокъ, служившій для изданія, отличался неполнотой и искаженіями. Знакомство съ рукописями «Книги Степенной» позволяетъ установить три наиболѣе распространенныхъ типа списковъ этого произведенія. Къ первому, наиболѣе близкому къ протографу «Степенной Книги Царскаго родословія», принадлежатъ рукописи, содержащія вводныя статьи, замѣтку «Новые чудотворцы» и «Сказаніе вкратцѣ о чудесѣхъ святого Алексія митрополита». Въ рукописяхъ второго типа опущены всѣ только что упомянутые отрывки «Степенной». Въ спискахъ третьяго типа, къ которымъ относился оригиналъ печатнаго текста, кромѣ вышеперечисленныхъ дефектовъ, замѣчается пропускъ похвалы св. митрополиту Петру, произошла путаница въ 4-й и 5-й главахъ 10-й степени и недописано окончаніе «Степенной». Сверхъ отмѣченныхъ типовъ рукописей «Книги Степенной Царскаго родословія», существуютъ и промежуточные между первымъ и вторымъ, вторымъ и третьимъ типомъ. Къ спискамъ каждаго изъ главныхъ типовъ дѣлались впослѣдствіи болѣе или менѣе пространныя добавленія.

Музей Плюшкина въ Псковѣ. Болѣе 30 лѣтъ назадъ Ѳедоръ Михайловичъ Плюшкинъ, русскій купецъ, родившійся съ душой страстнаго коллекціонера, началъ собирать сначала старинныя монеты, а потомъ и другія древности. Теперь весь обширный домъ его превратился въ цѣннѣйшій музей. Музей не открытъ для публики, но если обратиться къ г. Плюшкину, то желающимъ осмотрѣть музей не будетъ отказа. Во всѣхъ комнатахъ нѣтъ мѣстечка, не занятаго коллекціями. Стѣны, двери, подоконники сплошь увѣшаны или уставлены монетами разныхъ временъ и народовъ, масонскими знаками, иконами

старообрядческаго и православнаго письма (напримѣръ, св. Никита, чорта наказующій, или икона св. муч. Христофора со звѣриной головою), нагрудными крестами польскихъ повстанцевъ, рѣдчайшими гравюрами или старинными карикатурами на минувшія событія политическія и литературныя и тому подобное. Наиболѣе цѣнныя монеты разложены въ витринахъ; здѣсь видите вы все, отъ старинной гривны, перерубленной пополамъ (откуда и произошло названіе рубля), и до монетъ чекана нынѣшняго царствованія. Много есть монетъ китайскихъ, персидскихъ, индійскихъ. Далѣе идутъ шкафы съ тончайшими старинными издѣліями изъ кости, фарфора, человѣческихъ волосъ, мозаики и прочее. Кружка Петра Великаго, сервизъ императрицы Елисаветы Петровны чередуются съ металлическими нагрудниками, которые носятъ и по сіе время дѣвушки секты полувѣрцевъ, довольно многочисленныхъ въ Псковской губерніи. Однихъ гравюръ столько, что ихъ не осмотрѣть и въ два дня. Полки шкафовъ ломятся отъ тяжести образцовъ различныхъ старинныхъ костюмовъ. Старинныхъ грамотъ и старопечатныхъ книгъ столько, что списокъ части ихъ, относящейся къ исторіи Пскова, печатался въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ и все-таки не былъ полнымъ. Замѣчательнѣе всего то, что всѣ эти разнообразнѣйшіе предметы пріобрѣтены Плюшкинымъ почти исключительно во Псковѣ, даже, напримѣръ, египетскія и китайскія древности. Его музей посѣщали нѣкоторые археологи и коллекціонеры, но публика его не знаетъ. Было бы желательно, чтобъ это драгоцѣнное и поучительное собраніе получило болѣе широкую извѣстность.

Раскопки членовъ археологическаго института. Вблизи ст. Войсковицы Балтійской желѣзной дороги произведены были подъ руководствомъ проф. Н. И. Веселовскаго раскопки погребальныхъ кургановъ. Въ раскопкахъ приняло участіе около 60 членовъ С.-Петербургскаго археологическаго института. Намѣченная для раскопокъ курганная группа, до сихъ поръ совершенно не тронутая прежними изслѣдователями, указана была институту художникомъ-археологомъ Н. К. Рерихомъ, принимавшимъ также дѣятельное участіе и въ самомъ производствѣ раскопокъ. Вскрыто 10 кургановъ невысокаго типа, расположены эти курганы въ молодомъ еловомъ лѣску, въ количествѣ всего около 100 насыпей. Судя по тѣмъ немногимъ предметамъ, которые обнаружены въ курганахъ (2 кольца, 3 браслета, ножъ, колье, бусы, цѣпочка, крестъ), насыпи эти принадлежали славянамъ и относятся къ эпохѣ отъ XI до XV столѣтій. Это же доказывается и различными типами погребеній, начиная отъ древнѣйшаго (полное сожженіе) и кончая новѣйшимъ жальничнымъ погребеніемъ въ лежачемъ положеніи. Костяки сохранились плохо.

Чигиринскія раскопки. Въ императорской археологической комиссіи было получено изъ Чигирина сообщеніе о томъ, что тамъ на горѣ открыты остатки какого-то древняго каменнаго сооруженія. Комиссія командировала для осмотра хранителя кіевскаго музея древностей и искусствъ В. В. Хвойко, который на-дняхъ и совершилъ экскурсію въ Чигиринъ. Чигиринская гора возвышается надъ городомъ саженъ на 20. Ближе къ ея крайнему выступу со стороны, обращенной къ городу, В. В. Хвойко замѣтилъ каменную кладку, по расчисткѣ которой обозначились двѣ параллельныя каменныя стѣны, отстоящія одна отъ

другой на 8 арш. Сооруженіе имѣло сводъ, провалившійся, какъ полагаютъ, во время бомбардированія въ 1675 или 1678 году. Г. Хвойко относитъ зданіе къ XV—XVI вѣкамъ. Въ нижней части той же горы, у подошвы ея, на берегу р. Тясмина, г. Хвойко нашелъ остатки другого каменнаго сооруженія, еще болѣе обширнаго. Кладка его, какъ и перваго, относится, судя по кирпичамъ, къ литовской эпохѣ. Въ народѣ есть преданіе, что тутъ «ще до турокъ» былъ монастырь съ большими подземными ходами. Тутъ будутъ предприняты раскопки. На сѣверъ отъ города, по направленію къ Днѣпру, г. Хвойко нашелъ слѣды доисторической культуры: желѣзные и бронзовые наконечники стрѣлъ, кремневыя орудія и даже слѣды «трипольской» культуры. Еще ближе къ Днѣпру идутъ правильными рядами древніе курганы, въ томъ числѣ и такъ называемые скиѳскіе.

Старина Ставрополя-Кавказскаго. Возникновеніе Ставрополя мѣстныя преданія связываютъ съ именемъ Суворова. Ему приписываютъ закладку крѣпости и лагерную стоянку на холмѣ, гдѣ теперь стоитъ каѳедральный соборъ. Съ его именемъ сочетаютъ и крестъ, находящійся въ концѣ холма, обращенный къ нижней части города. Крестъ довольно большой, сдѣланъ изъ мѣстнаго камня и формой нѣсколько напоминаетъ Георгіевскій. Внутри большого креста высѣченъ другой меньшій, восьмиконечный. Крестъ стоитъ на довольно высокомъ пьедесталѣ, къ которому ведутъ двѣ ступени. На сторонѣ памятника, обращенной къ собору, прибита цинковая доска съ надписью на черномъ фонѣ:

По преданію поставленъ
распоряженіемъ
Александра Васильевича
Суворова.
(1780). 1899. С. Г. О. У.

Послѣднія буквы значатъ: ставропольскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Все окружено изящною металлическою рѣшеткою. Раньше крестъ былъ, какъ передавали, вдѣланъ въ стѣну часовни, теперь упраздненной. Нѣкоторые думаютъ, будто крестъ поставленъ въ память посѣщенія Ставрополя императоромъ Николаемъ I, но это не выдерживаетъ критики. Мѣстныя преданія приписываютъ постановку креста Суворову, что̀ также мало вѣроятно. Почему въ 1780 г. Суворовъ долженъ былъ быть въ Ставрополѣ, когда въ дѣйствительности онъ уже въ началѣ этого года находился на мѣстѣ новаго служенія въ Астрахани, — тайна ставропольскихъ историковъ. О Суворовѣ напоминаетъ и находящаяся въ ставропольской городской управѣ копія съ его портрета типа Крейцингера, работы 30-хъ годовъ, мѣстнаго художника Бабошина. Этотъ портретъ былъ когда-то подаренъ художникомъ извѣстному кавказскому дѣятелю, генералу Эмануелю, а затѣмъ, по завѣщанію, поступилъ въ управу. Живопись не отличается особенными достоинствами. Память о Суворовѣ не пропала въ Ставрополѣ, зато отъ богатѣйшаго ставропольскаго архива почти не осталось слѣда. Въ 1881 году главнымъ штабомъ была назначена коммиссія для разбора и выдѣленія изъ общей массы дѣлъ такихъ, которыя заключали въ себѣ историческіе матеріалы. Въ 1889 году «изслѣдователи» кон-

чили свои «изысканія», произведенныя «хозяйственнымъ способомъ». Результаты получились поистинѣ блестящіе: изъ общей суммы 187.862 дѣлъ, «историки» оставили лишь 6.190 дѣлъ! Остальные 181.172 документа были уничтожены. Такъ погибъ одинъ изъ богатѣйшихъ и важнѣйшихъ архивовъ для исторіи Кавказа... Въ развалинахъ крѣпости св. Димитрія, нынѣшняго Ростова-на-Дону, недавно скончавшійся историкъ казачества, генералъ Попко, нашелъ драгоцѣннѣйшій архивъ, который заключалъ въ себѣ документы о Петровскихъ походахъ и экспедиціяхъ XVIII вѣка въ Крымъ, на Кубань и Терекъ. Этотъ архивъ былъ переданъ на храненіе въ Ставрополь, но исчезъ безслѣдно.

Складень Мазепы. Почетный членъ кіевскаго археологическаго института Т. В. Кибальчичъ недавно, по словамъ «Кіевлянина», пріобрѣлъ походную икону, по преданію, принадлежавшую гетману Мазепѣ. Разсказываютъ, что послѣ пораженія Петромъ Великимъ шведскихъ войскъ подъ Полтавою (въ 1709 г.) икона эта найдена въ палаткѣ гетмана, съ которой онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ шведскимъ королемъ Карломъ XII въ Турцію (въ Бендеры). Она носитъ всѣ признаки южно-русскаго искусства и, какъ полагаютъ, была поднесена въ благословеніе отъ Кіево-Печерской лавры за усердіе его къ православію, выразившееся въ построеніи монастырскихъ стѣнъ вокругъ лавры, реставраціи и построеніи многихъ храмовъ, украшеніи мѣстныхъ святынь и за щедрыя пожертвованія утварью и сосудами въ ризницы мѣстныхъ монастырей и денежные вклады. Икона эта серебряная, вызолоченная въ видѣ складня овальной формы, имѣетъ въ высоту $2^3/_4$ вершка, въ ширину 2 вершка и въ толщину около $^1/_2$ вершка. Лицевая сторона ея имѣетъ финифтевое изображеніе образа «Всѣхъ Скорбящихъ Радость». Образъ раздѣляется на двѣ половины. Въ верхней части его изображена Царица Небесная въ сіяніи, идущая по облакамъ; на головѣ у Нея корона, въ правой рукѣ—скипетръ, на лѣвой рукѣ Спаситель міра, правою рукой благословляетъ, а въ лѣвой держитъ державу (или шаръ земной); по бокамъ Богоматери изображены: св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ, св. Онуфрій Великій, св. Іоаннъ Воинъ, св. пр. Нилъ, св. муч. Власій, св. Спиридонъ, св. Никифоръ, св. Николай Чудотворецъ, св. преп. Варлаамъ, св. муч. Екатерина, св. муч. Варвара и другіе. Въ нижней части иконы изображены: ангелъ, исцѣляющій слѣпого, и ангелъ, указывающій хромому на Царицу Небесную. На оборотной сторонѣ складня, на серебряно-вызолоченной доскѣ изображены гравюрой съ чернью два архангела и ангелъ-хранитель съ подписями на славянскомъ языкѣ: «Архистратигъ Михаилъ, святой хранитель, архангелъ Гавріилъ». Внутри складня изображенъ изъ серебра какъ бы шестиярусный иконостасъ съ царскими вратами, увѣнчанный большимъ крестомъ; въ клѣткахъ, подъ слюдою, какъ бы въ иконахъ иконостаса, хранятся мощи многихъ угодниковъ святыхъ. Складень находится въ золотой круглой рамѣ въ $^1/_2$ вершка ширины, украшенной 120 аметистами и 155 жемчужинами, сооруженной, приблизительно, съ половинѣ XVIII вѣка.

Географическое общество. 25-го апрѣля, А. А. Дунинъ-Гарковичъ сдѣлалъ сообщеніе о народностяхъ Тобольскаго сѣвера. Край этотъ до сихъ поръ мало изученъ и особенно въ отношеніи экономическаго быта населенія, условій, въ которыхъ живутъ инородцы—остяки, вогулы, самоѣды и зыряне.

Вогулы по сравненіи съ остяками—болѣе здоровый и крупный народъ; они довольно выносливы, лучше и устроеннѣе, имѣютъ свои мѣры длины и времени, послѣдняя—это промежутокъ времени, въ который можетъ свариться пища, часъ—два. Они тоже чужды христіанства. Самоѣды по внѣшнему виду здоровѣе остяковъ и вогуловъ, живутъ въ чумахъ, которые перевозятъ съ мѣста на мѣсто; главный ихъ промыселъ оленеводство. Среди самоѣдовъ широко распространено пьянство, нигдѣ оно не соединено съ такой эксплоатаціей, какъ у самоѣдовъ: они торгуютъ водкой, спаиваютъ свою же братію и затѣмъ скупаютъ у нея оленей, уплачивая 2—3 бутылки за штуку. Во время ярмарки, на которую съѣзжаются самоѣды, отпускается обыкновенно до полутораста тысячъ ведеръ водки. Зыряне смышленѣе и развитѣе остальныхъ инородцевъ, отличаются способностью къ торговлѣ, районъ которой раскинулся отъ Оби до Урала. Зырянъ упрекаютъ за то, что они будто бы ведутъ оленій промыселъ хищническимъ путемъ; это несправедливо, они занимаются имъ отнюдь не исключительно съ цѣлью наживы. Въ отношеніи зырянъ необходимо принять нѣкоторыя мѣры: кочующимъ указать границы кочевья, а осѣдлыхъ водворить на ихъ мѣсто жительство. Говоря о вліяніи русской культуры, надо указать на проникновеніе русскаго быта, что̀ особенно замѣтно у остяковъ. Положительное вліяніе выражается въ томъ, что они перенимаютъ черты домашняго обихода, одежду, обстановку жилищъ, пищу и схватываютъ русскую рѣчь. Отрицательное вліяніе русскихъ заключается въ невѣроятномъ распространеніи пьянства: смерть отъ пьянства инородцы считаютъ, напримѣръ, особенно блаженной. Вино скупается ведрами, разбавляется водой, а для крѣпости настаивается на табакѣ и уже затѣмъ продается. Пьянство въ корнѣ подрываетъ благосостояніе инородцевъ, ихъ нерѣдко спаиваютъ спеціально для того, чтобы заключить съ ними какую нибудь сдѣлку, конечно, клонящуюся къ ихъ ущербу. Введеніе казенной винной монополіи въ неполномъ размѣрѣ не улучшило положенія инородцевъ, это, по мнѣнію докладчика, можетъ сдѣлать монополія въ полномъ объемѣ; выставленное для монополіи препятствіе—якобы отсутствіе у инородцевъ денежныхъ знаковъ, неосновательно. Кромѣ пьянства, которое является главной причиною угасанія инородцевъ, слѣдуетъ отмѣтить распространеніе болѣзни, что̀ особенно ощутительно, если вспомнить, что на весь край всего двѣ больницы и три врача. Дяя улучшенія быта инородцевъ пока ничего не предпринято, а предстоящій пересмотръ законоположенія объ инородцахъ касается больше административной части.

Общество востоковѣдѣнія. Въ послѣднемъ апрѣльскомъ засѣданіи О. С. Лебедева въ своемъ сообщеніи сперва ознакомила слушателей съ задачами конгресса оріенталистовъ, ихъ организаціей. Затѣмъ изложила полностью свой докладъ въ исламской секціи прошлаго XIII конгресса оріенталистовъ, о послѣднихъ практическихъ результатахъ въ вопросѣ объ эмансипаціи мусульманскихъ женщинъ. Египетъ первымъ выступилъ на путь реформъ въ мусульманскомъ законодательствѣ. Магометанинъ Кассимъ Эминъ-Бей, извѣстный юристъ и предсѣдатель апелляціоннаго суда въ Каирѣ, настойчиво работаетъ въ вопросѣ объ освобожденіи мусульманской женщины отъ рабства и невѣжества, и стремится приблизить понятіе мусульманъ о семейной жизни къ европейскому.

Онъ образовалъ кружокъ мусульманъ, помогающихъ ему въ этомъ, и открылъ цѣлый походъ въ печати. Особенно замѣчательна его книга на арабскомъ языкѣ: «Новая женщина». Въ результатѣ мысли Кассима Эминъ-Бея встрѣтили одобреніе въ средѣ представителей цивилизованнаго класса мусульманъ. Одобреніе духовныхъ властей Египта повело къ практическому рѣшенію вопроса, и законъ, выработанный особою комиссіею, одобренъ правительствомъ и вошелъ въ силу. Въ 11 его статьяхъ совершенно точно опредѣлены семейныя права женщины и устраненъ всякій произволъ. Сообщеніе О. С. Лебедевой вызвало общее сочувствіе и одобреніе.

НЕКРОЛОГИ.

АРСЕНЬЕВЪ, Н. С. † 17 мая въ Гатчинѣ скончался сенаторъ т. с. Николай Сергѣевичъ Арсеньевъ. Н. С. принималъ участіе въ дѣятельности сената въ теченіе двадцати шести лѣтъ, присутствуя сперва въ уголовномъ кассаціонномъ, затѣмъ въ пятомъ департаментахъ и въ послѣдніе года во второмъ общемъ собраніи сената. Онъ родился въ 1832 г., образованіе получилъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, началъ службу въ сенатѣ. Въ 1854 году онъ былъ переведенъ на службу въ Восточную Сибирь, съ причисленіемъ къ иркутскому губернскому суду, а затѣмъ откомандированъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, генералъ-адъютанту Муравьеву графу Амурскому, для докладовъ по судебнымъ дѣламъ. Въ 1857 году Н. С. былъ командированъ въ кяхтинское градоначальство исполняющимъ обязанности чиновника особыхъ порученій по главному управленію Восточной Сибири. Находясь въ этой должности, Н. С. произвелъ всестороннюю ревизію Нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи и всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Въ 1860 году Н. С. получилъ назначеніе на должность чиновника особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ и завѣдующимъ московскмъ губернскимъ архивомъ. При освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости былъ членомъ въ нѣсколькихъ мировыхъ съѣздахъ Московской губерніи. Въ 1863 г. избранъ дворянствомъ въ предсѣдатели московской уголовной палаты. При введеніи судебныхъ уставовъ 1864 г. назначенъ первымъ товарищемъ предсѣдателя московскаго окружного суда. Занимая эту должность и будучи впослѣдствіи предсѣдателемъ воронежскаго и смоленскаго окружныхъ судовъ, покойный явился горячимъ сторонникомъ суда гласнаго и праваго. Въ 1877 г. назначенъ сенаторомъ. (Некрологи его: «С-Петербургскія Вѣдомости», 1903 г., № 134; «Новое Время», 1903 г., № 9771).

† **Баіовъ, К. А.** 10 мая скончался въ Кіевѣ генералъ отъ инфантеріи въ отставкѣ Константинъ Алексѣевичъ Баіовъ. К. А. родился 23 апрѣля 1839 г., образованіе и воспитаніе получилъ въ Петровскомъ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ ноябрѣ 1862 г. К. А. окончилъ курсъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и чрезъ годъ былъ причисленъ къ генеральному штабу. Въ 1875 г. К. А. былъ произведенъ въ полковники, а въ 1876 г. назначенъ начальникомъ штаба 11 кавал. дивизіи. Въ этой должности К. А. принялъ участіе въ войнѣ 1877—1878 гг. За отличное мужество и храбрость и полезные труды, оказанные имъ въ этой кампаніи, онъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость» и орденами: св. Владимира 3-й ст. съ мечами и св. Владимира 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Начальникомъ штаба 11 кавал. дивизіи К. А. пробылъ до 1882 г., затѣмъ командовалъ 17 архангелогородскимъ пѣхотнымъ полкомъ, былъ начальникомъ штаба 9 армейскаго корпуса и затѣмъ командовалъ 60 резервной бригадой и 40 пѣхотной дивизіей. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1903 г., № 129; «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 111).

† **Беръ, Д. Б.** 14 мая въ им. Починокъ Смоленской губ. скоропостижно скончался сенаторъ д. т. с. Дмитрій Борисовичъ Беръ. Покойный родился въ 1834 г. Окончивъ курсъ С.-Петербургскаго университета, Д. Б. поступилъ на службу въ началѣ 1854 г. въ четвертый департаментъ сената, а въ 1860 г. былъ командированъ въ редакціонную комиссію при главномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ и исполняющимъ должность юрисконсульта при министерствѣ юстиціи. Въ 1862 г. былъ назначенъ управляющимъ канцеляріей министерства юстиціи, а въ 1866 г. былъ назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, въ 1871 г.—старшимъ предсѣдателемъ одесской судебной палаты, а въ 1874 г.—старшимъ предсѣдателемъ с.-петербургской и въ томъ же году—сенаторомъ. Въ 1876 г. Д. Б. исполнялъ обязанности оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ сената, а въ 1880 г. Д. Б. былъ назначенъ членомъ комиссіи при министерствѣ юстиціи для обсужденія проекта общаго наказа о внутреннемъ распорядкѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. Въ 1881 г. покойный исполнялъ обязанности оберъ-прокурора общаго собранія и соединеннаго присутствія 1-го и кассаціоннаго департаментовъ сената, а въ слѣдующемъ году высочайшимъ повелѣніемъ былъ командированъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ министерства юстиціи для пересмотра узаконеній по гражданскому управленію на Кавказѣ. Съ 1895 г. покойный былъ назначенъ присутствовать въ сенатѣ, сначала въ 1-мъ департаментѣ, затѣмъ въ соединенномъ присутствіи 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ и далѣе въ первомъ общемъ собраніи. Въ теченіе своей многолѣтней службы покойный былъ удостоенъ высочайшаго благоволенія и награжденъ многими знаками отличія, среди которыхъ имѣлъ бриліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, а въ числѣ медалей—медаль за труды по освобожденію крестьянъ въ имперіи. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9798; «С.-Петербугскія Вѣдомости», 1903 г., № 161).

† **Бугаевъ, Н. В.** 29 мая, въ 6 часовъ утра, скончался въ Москвѣ заслуженный ординарный профессоръ и деканъ физико-математическаго факультета,

Николай Васильевичъ Бугаевъ. Н. В. родился въ 1837 г. въ Душетѣ Тифлиской губ. Въ этомъ городѣ отецъ Н. В. состоялъ военнымъ врачемъ. Въ возрастѣ 10 лѣтъ Н. В. былъ отправленъ въ Москву и опредѣленъ во 2-ю московскую гимназію, въ которой окончилъ курсъ съ золотою медалью. Образованіе продолжалъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1859 г. получилъ степень кандидата математическихъ наукъ. Его способности и успѣхи обратили на себя вниманіе профессоровъ Зернова, Брашмана, Давидова и др., и онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Желая, однако, получить и прикладное математическое образованіе, онъ отправился въ Петербургъ, поступилъ тамъ въ инженерное училище, а послѣ производства въ офицеры—въ Николаевскую инженерную академію, гдѣ слушалъ между прочимъ лекціи знаменитаго Остроградскаго. Нѣкоторое время затѣмъ Н. В. служилъ въ 5-мъ саперномъ батальонѣ, но, выйдя скоро въ отставку, сдалъ въ Москвѣ магистерскій экзаменъ и по защищеніи въ 1863 г. диссертаціи «Сходимость безконечныхъ рядовъ по ихъ внѣшнему виду» получилъ степень магистра математики. Командированный затѣмъ за границу, онъ слушалъ тамъ лекціи въ Германіи и Парижѣ, а по возвращеніи въ Москву въ 1866 г. защищалъ диссертацію на степень доктора чистой математики «Числовыя тождества, находящіяся въ связи со свойствами символа E». Н. В. состоялъ профессоромъ чистой математики 37 лѣтъ—съ 1866 г. по день смерти. За это столь продолжительную профессорскую дѣятельность Н. В. образовалъ цѣлыя поколѣнія профессоровъ и учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Всѣ ученики вспоминаютъ съ большимъ удовольствіемъ о добродушномъ старикѣ профессорѣ, который разнообразилъ чтеніе лекцій анекдотами изъ жизни великихъ математиковъ древнихъ и новѣйшихъ.

Должность декана физико-математическаго факультета занималъ дважды: съ 1887 по 1891 г., а во второй разъ съ 1893 и по день смерти. Кромѣ профессорской и служебной дѣятельности по университету, онъ принималъ участіе въ ученыхъ обществахъ. Въ московскомъ математическомъ обществѣ Н. В. состоялъ сначала секретаремъ, затѣмъ вице-предсѣдателемъ, а съ 18 сентября 1891 года предсѣдателемъ. Н. В. былъ избранъ въ 1897 г. членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ.

Кромѣ диссертаціи, Н. В. написалъ значительное количество, свыше 75, спеціальныхъ работъ по математикѣ и помѣщалъ въ математическихъ органахъ, русскихъ и иностранныхъ. Эти чисто-ученые труды не мѣшали ему посвящать свои силы трудамъ педагогическаго характера, и Н. В. напечаталъ «Введеніе въ теорію чиселъ», «Руководство къ ариѳметикѣ», «Задачникъ къ ариѳметикѣ», «Начальную алгебру» и «Начальную геометрію». Эти книги по распространенности могутъ быть поставлены наряду съ такими же учебниками Давидова. Въ своихъ задачникахъ онъ сдѣлалъ усовершенствованіе, и они замѣчательны тѣмъ, что авторъ ихъ задолго до указаній извѣстнаго англійскаго психолога Бэна сталъ примѣнять къ заданіямъ конкретную форму, почерпая содержаніе ихъ изъ природы, исторіи и жизни.

Н. В. былъ не только ученый математикъ, но и философъ. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ московскаго психологическаго, общества, въ «Трудахъ» котораго

было помѣщено интересное изслѣдованіе Н. В. о свободѣ воли. Когда же московское психологическое общество взяло въ свои руки изданіе журнала «Вопросы философіи и психологіи», то и Н. В. перенесъ свою дѣятельность въ этотъ журналъ. Въ немъ былъ напечатанъ рефератъ: «Математика и научно-философское міросозерцаніе». Въ этомъ рефератѣ Н. В. классифицируетъ математическія науки на анализъ, или математическое ученіе о непрерывномъ, и аритмологію, или ученіе объ индивидуальномъ прерывномъ. Анализъ примѣнимъ къ явленіямъ механики, астрономіи и физики, гдѣ точные законы выражаются формулами, опредѣляемыми уравненіями. Аритмологія обнимаетъ явленія, которыя не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія одной прерывности. Напримѣръ, химическіе элементы опредѣляются числами, не подчиняющимися закону непрерывности, а химическія тѣла вступаютъ въ соединеніе только въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Въ біологіи и соціологіи непримѣнима непрерывность къ объясненію многихъ явленій. Здѣсь законы выражаются не уравненіями, а аритмологическими сочетаніями или неравенствами. Эту теорію Н. В. развилъ въ рядѣ статей.

Н. В. до послѣдняго дня жизни работалъ, какъ ученый и профессоръ. Наканунѣ вечеромъ, 28 мая, онъ предсѣдательствовалъ въ послѣднемъ засѣданіи испытательной комиссіи физико-математическаго факультета. На другой же день его не стало. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 147; «Московскія Вѣдомости», 1903 г.,№ 146; «Курьеръ», 1903 г., № 91 г.; «Русское Слово», 1903 г., № 148; «Новое Время», 1903 г., № 9784; «Биржевыя Вѣдомости», 1903, № 265).

† **Дурново, И. Н.** 29 мая скончался близъ Берлина на пути въ Висбаденъ предсѣдатель комитета министровъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ Иванъ Никоваевичъ Дурново. И. Н. родился въ 1834 г., въ имѣніи отца, Черниговской губерніи, образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и службу началъ по военному вѣдомству. 13 августа 1852 г. 18-ти-лѣтнимъ юношей былъ произведенъ въ прапорщики и оставленъ при Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Въ 1853 году онъ былъ переведенъ въ конную № 8 батарею, въ составѣ которой участвовалъ въ кампаніи 1853 — 1855 гг. 27-го марта 1854 года И. Н, принималъ участіе въ дѣйствіи русскихъ батарей по непріятельской рущукской флотиліи, при чемъ за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени, съ надписью «за храбрость». И. Н. недолго состоялъ на военной службѣ: 30-го декабря 1856 г. И. Н. вышелъ въ отставку по болѣзни, 22 лѣтъ, въ чинѣ поручика. Вышедши въ отставку, И. Н. поселился въ своемъ имѣніи Черниговской губерніи, занялся сельскимъ хозяйствомъ и службой по выборамъ. Въ 1857 г. И. Н. былъ избранъ депутатомъ черниговскаго дворянства, затѣмъ черниговскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ 1863 году—губернскимъ предводителемъ. Въ этомъ званіи пробылъ до 1870 г. Въ этомъ же году И. Н. былъ назначенъ екатеринославскимъ губернаторомъ и занималъ эту должность въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Въ 1882 г. И. Н. былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и членомъ высочайше утвержденной комиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго

управленія. Въ 1883 г. ему высочайше повелѣно присутствовать въ общемъ собраніи 1-го, 4-го и 5-го департаментовъ правительствующаго сената, съ оставленіемъ въ должности товарища министра. Въ 1885 году И. Н. пожалованъ въ статсъ-секретари, въ 1886 году—назначенъ членомъ государственнаго совѣта и въ томъ же году призванъ на постъ главноуправляющаго вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи. Состоя на этомъ посту, И. Н. старался лично знакомиться съ дѣятельностью каждаго учрежденія и съ хозяйственнымъ ихъ состояніемъ. Для этой цѣли онъ много путешествовалъ по Россіи, а въ Петербургѣ весьма часто посѣщалъ разныя учрежденія, при чемъ плодомъ этихъ поѣздокъ и посѣщеній явились важныя мѣропріятія по улучшенію учрежденій вѣдомства. По смерти графа Д. А. Толстого, 6-го мая 1889 г. И. Н. былъ призванъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Покойный управлялъ министерствомъ съ 1889 по 1895 г., въ неблагопріятную эпоху, отмѣченную необычайными стихійными бѣдствіями: неурожаемъ 1891 года и холерной эпидеміей послѣдующихъ лѣтъ. На его долю выпало введеніе положенія о земскихъ начальникахъ, новаго закона о крестьянскихъ переселеніяхъ и преобразованіе учрежденій мѣстнаго самоуправленія. 12-го іюля 1889 года было высочайше утверждено положеніе объ участковыхъ земскихъ начальникахъ, 12-го іюня 1890—новое положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, 11-го іюня 1892 года — новое городовое положеніе. Эти реформы мѣстнаго управленія, ставя крестьянскія, земскія и городскія учрежденія подъ ближайшее наблюденіе правительственныхъ агентовъ, увеличивали участіе министерства внутреннихъ дѣлъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Во время управленія И. Н. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было обращено вниманіе на улучшеніе призрѣнія душевнобольныхъ. Для этого былъ предпринятъ рядъ мѣръ. Въ 1891 г. утверждены положеніе и штатъ варшавской лѣчебницы и колоніи, въ 1892 г. начата постройка больницы для душевнобольныхъ въ Винницѣ, а 10-го іюня 1893 г. изданъ новый уставъ, обязательный для всѣхъ вообще больницъ гражданскаго вѣдомства, а также содержимыхъ сословными, благотворительными и иными обществами. Къ числу благодѣтельныхъ мѣропріятій въ интересахъ народнаго здравія принадлежитъ законъ 9-го августа 1890 г., которымъ предоставлено женщинамъ-врачамъ пользоваться повсемѣстно въ имперіи правомъ свободной практики, занимать должности врачей при учебныхъ заведеніяхъ, а также завѣдывать земскими медицинскими участками и лѣчебными заведеніями. Послѣ смерти Н. Х. Бунге 15-го октября 1895 г. И. Н. былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ. Въ 1897 г. И. Н. поручено было предсѣдательство въ особомъ совѣщаніи для выясненія нуждъ дворянскаго сословія. Совѣщаніе это подвергло тщательному обсужденію современное положеніе дворянства и выработало рядъ мѣръ къ укрѣпленію его государственнаго значенія, какъ мѣстнаго служилаго сословія. Оно же подготовило основы къ опубликованію въ 1900 г. новаго закона о пріобрѣтеніи правъ потомственнаго дворянства и о порядкѣ внесенія дворянскихъ родовъ въ родословныя книги. И. Н. управлялъ комитетомъ министровъ $7^1/_2$ лѣтъ до дня смерти. На время управленія И. Н. комитетомъ выпало столѣтіе этого учрежденія, и И. Н. въ день празднованія столѣтія,

въ ознаменованіе особыхъ услугъ, пожалованъ высшимъ русскимъ орденомъ Андрея Первозваннаго. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9781; «Новости», 1903 г., № 146; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 120; «Биржевыя Вѣдомости, 1903 г., № 261).

† **Кисселевъ, М. Н.** 2 іюня, въ 10 часовъ утра, скончался въ Кіевѣ отъ разрыва сердца кіевскій журналистъ Михаилъ Никаноровичъ Киселевъ на 37-мъ году. М. Н., дворянинъ по происхожденію, родился въ Омскѣ, гдѣ отецъ его былъ вице-губернаторомъ, учился въ Тобольской гимназіи. Покойный рано принялся за работу. Сибирская природа и жизнь произвела большое впечатлѣніе на Н. М., и онъ началъ помѣщать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ небольшіе разсказы изъ сибирской жизни подъ псевдонимомъ Челдонъ. Эти разсказы показываютъ, что М. Н. былъ хорошо знакомъ съ бытомъ этого края. Переѣхавъ въ Европейскую Россію, М. Н. поселился въ Кіевѣ и здѣсь прожилъ около 15 лѣтъ, работая поочередно во всѣхъ кіевскихъ газетахъ. Въ послѣдніе годы М. Н. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Кіевской Газеты», гдѣ между прочимъ писалъ ежедневные обзоры текущей жизни за подписью онъ (Челдонъ). (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1903 г., № 151; «Кіевское Слово», 1903 г., № 5534).

† **Курбатовъ, А. А.** 9-го іюня скончался на 53-мъ году одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ технологическаго института Аполлонъ Аполлоновичъ Курбатовъ. Покойный, уроженецъ Сибири, получилъ первоначальное образованіе на своей родинѣ въ Верхнеудинскѣ, а затѣмъ поступилъ въ упраздненную нынѣ коммерческую академію въ Москвѣ, по окончаніи курса въ которой продолжалъ свое образованіе въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Еще студентомъ А. А. обратилъ на себя вниманіе профессора Бейльштейна и былъ оставленъ по окончаніи курса при институтѣ въ качествѣ лаборанта. Вмѣстѣ съ Бельштейномъ покойному приходилось работать очень много по химической технологіи и по изслѣдованію кавказской нефти. Въ 1880 г. А. А. представилъ диссертацію на ученую степень и былъ удостоенъ степени инженеръ-технолога. Съ 1882 года А. А. Курбатовъ состоялъ преподавателемъ аналитической химіи, а съ 1884 г. занималъ должность технолога совѣта торговли и мануфактуръ, при чемъ на его обязанности лежало разсмотрѣніе изобрѣтеній, на которыя испрашивались привилегіи. Въ то же время А. А. состоялъ на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1893 г., по предложенію министра народнаго просвѣщенія, покойный былъ назначенъ на должность профессора технологическаго института, и эту должность занималъ до послѣднихъ дней. А. А. оставилъ послѣ себя прекрасную память среди своихъ сослуживцевъ и учащихся. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9793; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 283).

† **Люперсольскій, П. И.** 27-го мая, скончался заслуженный профессоръ историко-филологическаго института кн. Безбородко Петръ Ивановичъ Люперсольскій. Сынъ священника, П. И. родился 14-го іюня 1836 года. По своему образованію принадлежалъ Петербургу, гдѣ по окончаніи духовной академіи началъ свою преподавательскую дѣятельность. Недюжинныя способности молодого ученаго обратили на него вниманіе профессора университета М. С. Ку-

торги, подъ руководствомъ котораго онъ въ качествѣ стипендіата министерства народнаго просвѣщенія съ 1865 года сталъ готовиться къ профессорской каѳедрѣ по всеобщей исторіи. Въ 1869 году, по выдержаніи экзамена и по защитѣ диссертаціи «Храмовый городъ Дельфы, съ оракуломъ Аполлона Пиѳійскаго въ древней Греціи», удостоенъ С.-Петербургскимъ университетомъ степени магистра всеобщей исторіи. Тогда же былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью на два года, которые и провелъ въ семинаріяхъ, слушая лекціи у Ранке, Моммзена, Курціуса, Кирхгофа и Гаурта. Покойный считался знатокомъ древностей. Съ 1872 года состоялъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Варшавскомъ университетѣ, затѣмъ былъ приглашенъ профессоромъ въ нѣжинскій институтъ.

Какъ лекторъ, П. И. былъ блестящимъ ораторомъ, аудиторія котораго посѣщалась студентами и не его курсовъ. Громадная эрудиція, смѣлость обобщенія въ связи съ собственнымъ увлеченіемъ предметомъ сдѣлали историческое отдѣленіе института болѣе люднымъ, нежели можно было ожидать. Ученики Люперсольскаго, служащіе теперь профессорами и учителями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, съ искреннимъ прискорбіемъ узнаютъ объ его кончинѣ. (Некрологи его: «Новое Время», 1003 г., № 9980; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 260).

† **Мартыновъ, А. А.** 9-го іюня скончался въ Москвѣ на 86-мъ году отъ роду русскій археологъ и почетный членъ московскаго архитектурнаго общества Алексѣй Александровичъ Мартыновъ. А. А. родился въ 1818 г., получилъ воспитаніе въ архитектурной школѣ московской дворцовой конторы, началъ службу съ 1832 года по дворцовому вѣдомству, гдѣ вскорѣ занялъ должность архитекторскаго помощника и участвовалъ въ работахъ по сооруженію Большого кремлевскаго дворца. Въ 1855 г. подъ наблюденіемъ А. А. была произведена реставрація придворныхъ соборовъ, церквей и дворцовыхъ зданій передъ коронаціей императора Александра II. Но эта дѣятельность А. А., какъ русскаго зодчаго, давно стала соединяться съ занятіями его отечественною и преимущественно московскою археологіей. Древніе храмы и зданія нашей столицы, улицы, переулки и подмосковныя мѣстности, ризницы и колокола, надгробныя надписи и разные памятники старины—все это болѣе полувѣка тому назадъ заинтересовало покойнаго и побудило въ цѣломъ рядѣ изданій дать богатый археологическій матеріалъ. Къ такимъ изданіямъ относились: «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» (М., 1846—1854 гг., восемнадцать тетрадей), «Памятники древняго художества въ Россіи» (М., 1850 г., шесть тетрадей), «Русскія достопамятности» (М., 1862—1866 гг., пятнадцать выпусковъ), «Подробное историческое и археологическое описаніе Москвы» (М., 1865 г., два тома), «Описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря съ палатами бояръ Романовыхъ» (М., 1858—1866 гг.), «Названія Московскихъ улицъ и переулковъ, съ историческими объясненіями» (М., 1878, 1880, 1888 гг., три изданія), «Московская старина» («Русскій Архивъ» 1878—1879 гг.), «Подмосковная старина» («Русскій Архивъ» 1889 г.), «Изъ памятныхъ замѣтокъ археолога» («Русскій Архивъ» 1894—1895 гг.), «Надгробная лѣтопись Москвы» (1895 г., кн. 2—8 и 11), «Московскіе колокола» (1896 г., кн. 1—4),

«Переписи московскихъ дворовъ XVII и XVIII столѣтій» (М., 1896 г., два выпуска) и «Ризница Симонова монастыря», изданіе А. П. Бахрушина (М., 1900 г.). А. А. за выпущенное въ 1851 г. второе дополненное изданіе «Русская старина въ памятникахъ церковнаго зодчества» награжденъ былъ отъ академіи наукъ Демидовскою преміей, а въ 1861 г. академіей художествъ былъ избранъ почетнымъ вольнымъ общникомъ. Кромѣ упомянутыхъ крупныхъ, А. А. помѣщалъ мелкія статьи въ газетахъ, и какъ изданія, такъ и статьи доставили покойному большую извѣстность среди знатоковъ русской старины и званіе члена во многихъ ученыхъ обществахъ. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 160; «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 161).

† **Мочутковскій, I. I.** 23-го мая въ городѣ Павловскѣ скончался профессоръ императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны Іосифъ Іосифовичъ Мочутковскій. I. I. родился въ 1845 г., образованіе получилъ во второй кіевской гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ св. Владимира, который и окончилъ 1869 г. Въ этомъ же году I. I. вступилъ на медицинское поприще, отправился въ Одессу и поступилъ врачемъ въ городскую больницу. Сначала I. I. завѣдывалъ заразнымъ отдѣленіемъ, а затѣмъ отдѣленіемъ для нервныхъ больныхъ. Въ 1876 г. I. I. занимаетъ должность старшаго врача городской больницы и въ томъ же году защищаетъ диссертацію «Матеріалы для патологіи и терапіи возвратнаго тифа», представленную на званіе доктора медицины. Въ Одессѣ же I. I. основалъ бальнеологическое общество и отдѣленіе общества взаимопомощи врачей, при которомъ покойный началъ издавать «Южно-русскую медицинскую газету». Въ то же время I. I. состоялъ консультантомъ при воинскомъ отдѣлѣ одесской городской больницы, а также консультантомъ въ обществѣ Краснаго Креста по внутреннимъ болѣзнямъ, при чемъ особенно много потрудился для лѣченія больныхъ, доставлявшихся съ театра военныхъ дѣйствій 1877 — 1878 гг. Въ 1880 г. I. I. былъ избранъ императорской военно-медицинской академіей приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ внутреннихъ болѣзней. Въ этомъ званіи онъ состоялъ 10 лѣтъ, а затѣмъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія назначенъ профессоромъ по нервнымъ болѣзнямъ въ клинническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны. Съ именемъ I. I. связанъ, между прочимъ, извѣстный спосооъ лѣченія различныхъ нервныхъ болѣзней путемъ подвѣшиванія больныхъ—способъ, въ свое время весьма сочувственно принятый и рекомендованный такимъ авторитетомъ по нервнымъ болѣзнямъ, какъ профессоръ Шарко. Имя I. I. извѣстно не только въ Россіи, но и за границей, благодаря его многочисленнымъ солиднымъ научнымъ трудамъ по невропаталогіи, переведеннымъ на иностранные языки. Особенной популярностью пользуются слѣдующіе труды покойнаго: «Истерическія формы гипноза», «Матеріалы къ изученію врачебной стороны одесскихъ лимановъ», «Острый восходящій параличъ», «Объ эпилепсіи», «Подвѣшиваніе больныхъ при нѣкоторыхъ разстройствахъ спинного мозга», «Гипнотическіе опыты», «О возбудимости двигательныхъ клѣтокъ мозговой коры», «Рефлексы мозга» и мног. др. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9777; «Новости», 1903 г., № 142; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 253).

† **Филипповъ, В. Н.** 12-го мая, въ Одессѣ скончался командиръ 11-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Владимиръ Николаевичъ Филипповъ. В. Н. принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ генераловъ, участвовалъ въ кампаніи 1863 года, русско-турецкой войнѣ и въ дѣлахъ противъ китайцевъ. В. Н. родился 2-го ноября 1838 г., образованіе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и Николаевской академіи генеральнаго штаба, курсъ которой окончилъ по 2-му разряду. Въ 1863 г., съ 7-го февраля по 30-е декабря, покойный былъ въ походахъ въ Литвѣ, по случаю польскаго возстанія, и находился въ дѣлахъ противъ мятежниковъ при деревнѣ Монтвидово и подъ Желишками. За боевыя отличія въ этихъ дѣлахъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ и св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ. В. Н. принималъ участіе въ послѣдней русско-турецкой войнѣ на азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Онъ въ чинѣ полковника былъ назначенъ начальникомъ штаба эриванскаго отряда. Въ составѣ этого отряда В. Н. Филипповъ находился въ теченіе всей кампаніи, принимая дѣятельное и видное участіе въ цѣломъ рядѣ славныхъ дѣлъ противъ непріятеля. За боевыя отличія и храбрость, оказанныя въ этой кампаніи, покойный награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., золотою саблею съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Владимира 3-й ст. съ мечами. Послѣ войны В. Н. состоялъ делегатомъ международной комиссіи по разграниченію Восточной Румеліи съ Турціей согласно постановленію Берлинскаго конгресса. Въ декабрѣ 1880 г. В. Н. назначенъ военнымъ агентомъ въ Константиноль, и въ этой должности, произведенный 24-го марта 1885 г. въ генералъ-майоры, оставался до 12-го сентября 1885 г. Затѣмъ В. Н. послѣдовательно занималъ должности командира 1-й бригады 13 пѣхотной дивизіи, помощника начальника штаба одесскаго военнаго округа, начальника 4-й стрѣлковой бригады, начальника 13 и 15 пѣхотныхъ дивизіи, а командиромъ 11-го корпуса В. Н. состоялъ съ 3-го мая 1900 года, при чемъ въ началѣ августа этого года, на время осложненій съ Китаемъ, назначенъ командующимъ дессантнымъ корпусомъ, формировавшимся изъ 1-й, 2-й и 5-й стрѣлковыхъ бригадъ. По расформированіи дессантнаго корпуса, В. Н. возвратился къ своему постоянному мѣсту служенія, въ 11-й армейскій корпусъ. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1903 г., № 124; «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 106).

† **Филипповъ, М. М.** Въ ночь на 12-е іюня скончался отъ кровоизліянія въ мозгу редакторъ журнала «Научное Обозрѣніе», писатель-публицистъ Михаилъ Михаиловичъ Филипповъ, сынъ довольно извѣстнаго въ свое время писателя и юриста М. А. Филиппова. М. М. родился 30-го іюня 1858 года въ Кіевской губ. и учился на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета и на физико-математическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета, но университетскаго курса не кончилъ. Литературную дѣятельность началъ въ 1881 году въ журналѣ профессора Н. П. Вагнера «Мысль» статьей «Борьба за существованіе и кооперація въ органическомъ мірѣ». Въ 1884 году покойный принималъ участіе въ редактированіи журнала «Вѣкъ», затѣмъ былъ секретаремъ редакціи журнала «Русское Богатство» Л. Е. Оболенскаго, въ 1887 году велъ «Политическую хронику» въ журналѣ «Дѣло», въ 1889

году былъ фактическимъ редакторомъ «Славянскихъ Извѣстій», сотрудничалъ въ газетѣ «День». Въ 1892 году М. М. за сочиненіе: «Sur les invariants des équations différants linéaires», М. М. получилъ отъ Гейдельбергскаго университета степень доктора философіи. Въ 1894 году основалъ вмѣстѣ съ Струве и Туганъ-Барановскимъ и другими журналъ «Научное Обозрѣніе», который редактировалъ до конца своей жизни. Подъ редакціей М. М. вышелъ «Научно-энциклопедическій словарь», изданный П. П. Сойкинымъ. Въ послѣдней книжкѣ «Научнаго Обозрѣнія» начатъ рядъ его писемъ, посвященныхъ волнующему мыслящее общество вопросу объ идеализмѣ. За годъ до смерти М. М. задумалъ собрать всѣ свои работы, разбросанныя въ разныхъ журналахъ, и издать въ пяти томахъ. Первый изъ нихъ содержитъ «Исторію философіи съ древнѣйшихъ временъ» и уже вышелъ въ свѣтъ. Остальные предположено распредѣлить по слѣдующей программѣ: второй — «Критизмъ и догматизмъ», третій — «Судьбы русской философіи», четвертый — «Марксизмъ и его критики», пятый — «Исторія новѣйшей философіи».

Семья будетъ продолжать это изданіе, такъ какъ редакцію его покойный успѣлъ закончить.

Въ вышедшей нѣсколько дней тому назадъ пятой книжкѣ «Научнаго Обозрѣнія» начата новая серія «Философскихъ писемъ» Филиппова; первый очеркъ посвященъ интересному и мало разработанному вопросу «О творчествѣ личности».

Сверхъ названныхъ трудовъ, покойному принадлежитъ книга «Русско-еврейскій вопросъ» (Одесса, 1882). Перечень научно-критическихъ и публицистическихъ работъ его («Посмертный трудъ Карла Маркса», «Эстетика Бѣлинскаго и философія Гегеля», «Реформа гимназій и университетовъ», «Лекціи по логикѣ, психологіи и исторіи философіи») значительно увеличивается его литературно-критическими изслѣдованіями — статьями о «Воскресеніи» Толстого, о литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго, рядомъ статей о Горькомъ, Ибсенѣ, Зудерманѣ, Гауптманѣ, французскихъ символистахъ и т. д. Много труда положилъ М. М. на разработку доктрины марксизма. Съ момента обнаруженія раскола въ марксистскомъ лагерѣ М. М. перешелъ на сторону критиковъ доктрины, но послѣ появленія книги Бернштейна отказался отъ поправокъ къ ней и выступилъ со своими статьями противъ П. Струве.

М. М. испыталъ свои силы и въ области чистаго художества — ему принадлежатъ три историческія повѣсти: «Остапъ» (изъ временъ Богдана Хмельницкаго) и «Осажденный Севастополь», вышедшія отдѣльными книгами, и «Дворянская честь», напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

(Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9795; «Новости», 1903 г., № 160; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 287).

† **Шуляченко, А. Р.** 29-го мая скончался членъ конференціи Николаевской инженерной академіи, заслуженный ординарный профессоръ той же академіи и членъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія, военный инженеръ, генералъ Алексѣй Романовичъ Шуляченко. Покойный родился въ 1841 году, образованіе получилъ въ Александровскомъ Брестъ-Литовскомъ корпусѣ и въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, затѣмъ кончилъ курсъ

въ Николаевской инженерной академіи по первому разряду. Съ 80-хъ годовъ онъ читалъ лекціи въ Николаевской инженерной академіи и одновременно съ 1890 по 1897 годъ былъ инспекторомъ классовъ академіи.

А. Р. во всѣхъ областяхъ инженернаго дѣла былъ знатокомъ, но его изслѣдованія важнаго строительнаго матеріала, портландъ-цемента, обратили на него вниманіе Европы. Онъ впервые изучилъ вліяніе морской воды на этотъ матеріалъ и организовалъ на чисто научныхъ основаніяхъ Глухоозерскій заводъ, который работаетъ лабораторнымъ способомъ надъ привозимымъ изъ разныхъ мѣстъ матеріаломъ. Несомнѣнный быстрый ростъ этого завода болѣе всего поддержалъ и подтвердилъ славу А. Р., какъ технолога и заводчика. Авторитетъ А. Р. признавался и за границей. На съѣздахъ цементныхъ заводчиковъ онъ былъ дѣятельнѣйшимъ ораторомъ и докладчикомъ и до конца дней пользовался среди европейскихъ заводчиковъ цементовъ несомнѣннымъ и большимъ значеніемъ.

А. Р. далѣе обратилъ вниманіе на химію взрывчатыхъ веществъ. Ему приходилось читать лекціи въ открывшемся въ Кронштадтѣ минномъ классѣ. Оставленныя имъ записки и теперь имѣютъ значеніе, такъ какъ тамъ съ обычною ясностью установлены предѣлы возможнаго развитія взрывчатыхъ веществъ какъ съ военными, такъ и съ промышленными цѣлями.

Наконецъ А. Р. считался большимъ знатокомъ по металлургіи желѣза и читалъ лекціи по этому предмету въ институтѣ Александра I до конца своей жизни и всегда являлся по вопросу о желѣзѣ важнѣйшимъ авторитетомъ въ ученомъ комитетѣ министерства путей сообщенія.

А. Р. принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ императорскомъ техническомъ обществѣ, въ которомъ состоялъ въ послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя.

(Некрологи его: «Новое Время», 1903 года, №№ 9781 и 9789).

† **Энгельгардтъ, А. Н.** 12-го іюня, скончалась писательница Анна Николаевна Энгельгардтъ, вдова извѣстнаго автора «Писемъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта, прославившагося образцовымъ хозяйствомъ въ с. Батищевѣ. Покойная принадлежала къ числу немногихъ талантливыхъ переводчицъ, работавшихъ на литературномъ поприщѣ болѣе 40 лѣтъ, и къ числу первыхъ русскихъ женщинъ освободительной эпохи, ратовавшихъ за равноправность женщины. А. Н.—дочь извѣстнаго составителя словарей Н. П. Макарова—выросла въ богатой помѣщичьей семьѣ. Воспитывалась въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ. Въ литературѣ выступила въ 1861 г. переводомъ научныхъ статей по естествознанію и въ томъ числѣ курса земледѣльческой химіи Гофмана. Въ 1862 г. перевела «Эмиля» Ж. Ж. Руссо. Когда ея мужъ былъ вынужденъ поселиться въ своемъ смоленскомъ имѣніи, на долю покойной выпало содержаніе и воспитаніе семьи, и съ этого времени началась ея труженическая жизнь. Въ 1871 г. она сдѣлалась постоянной сотрудницей «Вѣстника Европы», въ которомъ стали ежемѣсячно появляться подъ иниціалами А. Э. ея переводы корреспонденцій Эмиля Зола, Кайзера и другихъ лицъ, критическія статьи, компиляціи, переводы произведеній Золя, Бретъ-Гарта, Кристи-Мурей, Стивенсона, Мопасана, Шпильгагена, Ауербаха и многихъ другихъ авторовъ. Одновременно она дѣятельно сотрудничала въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣст-

никѣ» Ѳ. Н. Берга, работала въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Трубникова, «Русскомъ Мірѣ» Комарова, «Голосѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Г. Авсѣенка, писала фельетоны изъ заграничной и провинціальной жизни, передовыя, политическія обозрѣнія и пр. Кромѣ того, ею составленъ въ 1873—1876 гг. полный нѣмецкій словарь, на обложкѣ котораго изъ практическихъ соображеній были выставлены имена Макарова и Шерра. Она же перевела эпопею Раблэ. Трудясь на литературномъ поприщѣ, А. Н. имѣла обширный кругъ литературныхъ знакомствъ и сохраняла до самой смерти интересныя воспоминанія о многихъ корифеяхъ нашей беллетристики. Женское взаимно-благотворительное общество въ лицѣ ея потеряло своего почетнаго и дѣятельнаго члена, бывшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вице-предсѣдательницей общества. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1903 г., № 9795).

† **Ѳеодосьевъ, М. П.** 7-го іюня, скончался членъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія и гласный спб. думы д. ст. с. Михаилъ Петровичъ Ѳеодосьевъ. Имя почившаго пользуется большой извѣстностью среди отечественныхъ инженеровъ. М. П. происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Херсонской губерніи, родился въ Николаевѣ, въ 1840 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Николаевскихъ гардемаринскихъ классахъ, которые окончилъ первымъ, и имя его занесено на мраморную доску. Затѣмъ онъ поступилъ въ Николаевскую морскую академію, которую окончилъ въ 1863 году также первымъ по списку, былъ оставленъ при академіи въ качествѣ преподавателя математическихъ наукъ. Въ то же время М. П., интересуясь инженернымъ дѣломъ, поступилъ на III курсъ института инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи котораго былъ оставленъ при немъ на должности репетитора и для приготовленія къ занятію одной изъ институтскихъ каѳедръ. Къ этому времени относятся нѣсколько цѣнныхъ ученыхъ работъ покойнаго по инженерному и морскому дѣлу. Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ съ ихъ лихорадочной желѣзнодорожной строительной дѣятельностью вывели почившаго изъ его кабинета на поприще инженера-практика, и М. П. участвовалъ въ постройкѣ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ (Грязе-Царицынской, Орловско-Грязской, Московско-Брестской и др.), потомъ былъ членомъ правленія Московско-Ярославской и Архангельской желѣзныхъ дорогъ и съ 1902 г. директоромъ отъ правительства въ правленіи Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Въ 1892 году М. П. былъ назначенъ въ члены инженернаго совѣта министерства путей сообщенія, гдѣ и работалъ до дня своей кончины. М. П. былъ не только дѣльнымъ инженеромъ, но также принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ гласныхъ столицы. Онъ принималъ близкое участіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ столичнаго хозяйства и не такъ давно предложилъ думѣ вмѣсто управскаго проекта перекрытія Екатерининскаго канала у вновь построеннаго храма Воскресенія свой проектъ болѣе практичный и дешевый. Его проектъ и былъ принятъ думой. До дня своей смерти состоялъ предсѣдателемъ подготовительной комиссіи по составленію проекта канализаціи Петербурга. Кромѣ того, былъ гласнымъ с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія. Въ послѣднее время покойный принималъ участіе въ комиссіи по сооруженію императорскаго пути между Пе-

тербургомъ и Царскимъ Селомъ, былъ предсѣдателемъ наблюдательнаго комитета петербургскаго городского кредитнаго общества и членомъ попечительнаго комитета петербургскаго училища дальняго плаванія. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9792; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 280).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ „У гроба Тургенева".

Въ моемъ отрывкѣ «У гроба Тургенева», напечатанномъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вкралась ошибка, вѣроятно, отъ невниманія переписчика, которую я не могъ исправить, не имѣвъ въ рукахъ корректуру. А именно: Г. Н. Вырубовъ, нашъ ученый, живущій всегда въ Парижѣ и говорившій рѣчь у гроба И. С. Тургенева, названъ ошибочно Владиміромъ, тогда какъ его зовутъ Григорій Николаевичъ.

Кн. Д. Д. Оболенскій.

При видѣ, что онъ говоритъ серіозно, выраженіе гасконца измѣнилось, и веселая улыбка освѣтила его блѣдное лицо, такъ какъ онъ встрѣтилъ человѣка по сердцу. Онъ отбросилъ въ сторону солдата тяжелый мѣшокъ, который со звономъ упалъ на полъ, прежде чѣмъ солдатъ подхватилъ его. Затѣмъ, обернувшись къ Жильберту, онъ протянулъ ему руку съ меньшей церемоніей и дружелюбнѣе, чѣмъ прежде.

— Имѣй вы немного акцента, и васъ можно было бы принять за гасконца.

Жильбертъ улыбнувшись пожалъ ему руку, такъ какъ очевидно было, что рыцарь намѣренъ сказать ему самую лестную любезность.

— Сударь,—отвѣтилъ англичанинъ:—я вижу, что мы съ вами одного мнѣнія относительно этого вопроса. Прошу васъ устроить, чтобы королева не обидѣлась отвѣтомъ, который вы передадите ей отъ моего имени. Я полагаюсь на вашу учтивость и ловкость относительно выбора словъ, какія вы найдете лучшими, такъ какъ я бѣденъ на комплименты.

— Герцогиня Гасконская будетъ лучшаго о васъ мнѣнія, сударь, когда выслушаетъ меня,—сказалъ гасконецъ.

Послѣ этого онъ сдѣлалъ широкій жестъ и поклонъ, на которые Жильбертъ отвѣчалъ съ серіознымъ видомъ, и распростившись направился къ двери. Но затѣмъ внезапно, забывъ свои пріемы и повинуясь сердечному влеченію, онъ обернулся и возвратился еще разъ пожать руку Жильберта.

— Если бы вы имѣли нашъ выговоръ...—сказалъ онъ.

Его нервная фигура исчезла черезъ секунду, и Жильбертъ остался одинъ. Онъ спрашивалъ себя, не намѣрена ли была королева его оскорбить, однако онъ не могъ этому повѣрить. Вскорѣ онъ вспомнилъ все случившееся, и ему пришло въ голову, не стало ли ей стыдно, что она высказала въ минуту опасности свое сердечное чувство, и теперь съ цѣлью прикрыть его, она хотѣла ему доказать свой взглядъ на него, какъ на честнаго человѣка, котораго она должна была вознаградить матеріально.

Странная вещь, эта мысль ему настолько же понравилась, какъ разсердило предложеніе золота. Было бы лучше, раздумывалъ онъ, чтобы королева дѣйствовала такъ и помогла бы ему считать ее существомъ изъ другой сферы. Послѣ этого, думалъ онъ, будетъ невозможно и внѣ вопроса, чтобы ея взглядъ или жестъ могли заставить его испытать дрожь, которая пробѣгала бы съ головы до ногъ, какъ огненная рѣка. Рука, протянувшаяся, чтобы заплатить за собственную жизнь деньгами, должна быть такъ же холодна и нечувствительна, какъ камень.

Онъ понурилъ голову и протянулъ свои длинныя руки, какъ будто очнувшись отъ долгаго сновидѣнія. Движенія причиняли

ему страданія, и онъ чувствовалъ боль во всѣхъ членахъ. Но эта боль доставляла ему удовольствіе, такъ какъ согласовалась съ страннымъ состояніемъ его сердца, и онъ повторилъ движеніе еще разъ, чтобы сильнѣе чувствовать физическія страданія.

V.

Рыцарь, называвшійся Гастономъ де-Кастиньякъ, вѣрно исполнилъ порученіе Жильберта, прибѣгнувъ къ витіеватымъ выраженіямъ, какихъ англичанинъ навѣрно не нашелъ бы, чтобы выразить безусловный отказъ самымъ лестнымъ образомъ. Королева приказала ему возвратить мѣшокъ съ золотомъ казначею, не снимая свинцовой печати. Когда Элеонора осталась одна, такъ какъ дамы собрались во внѣшней части палатки, то долго сидѣла неподвижно, не измѣняя положенія, склонивъ голову и спрятавъ лицо въ свои бѣлыя руки.

Случилось такъ, какъ думалъ Жильбертъ. Поддаваясь тому же великодушному движенію, которое побудило ее просить прощенія у Беатрисы, она исполнила самое трудное для нея въ дикой надеждѣ, что, оскорбляя человѣка, который внушилъ ей такое сильное чувство, она оттолкнетъ его навсегда. Прими онъ эти деньги, Элеонора навѣрно презирала бы его, а презрѣніе должно убить любовь; но такъ какъ онъ отказалъ ей, то, должно быть, разсердился на нее, а потому или покинетъ армію, чтобы присоединиться къ нѣмцамъ во время окончанія похода, или, по крайней мѣрѣ, будетъ ея избѣгать. Теперь, когда дѣло сдѣлано, и онъ презрительно отнесся къ деньгамъ, а это Элеонора поняла вопреки витіеватой рѣчи своего рыцаря, она почувствовала стыдъ, что обращалась съ бѣднымъ рыцаремъ, какъ со слугою. Она стала тревожиться увѣренностью, что онъ долженъ считать ее неблагодарной, и захотѣла его видѣть. Однако, заботясь о Беатрисѣ и собственной чести, она не послала за нимъ, но позвала одну изъ своихъ горничныхъ и послала ее отыскать Анну Ошъ, которая была знаменоносицей въ дамскомъ отрядѣ и остановила свою лошадь, не падая съ нея. Королева вполнѣ довѣряла благоразумію Анны, мужественныя мысли которой соединялись съ женскою нѣжностью.

— Я послала за вами, чтобы задать вамъ вопросъ, — сказала королева:—или, по крайней мѣрѣ, чтобы спросить вашего совѣта.

Анна Ошъ поклонилась, и когда Элеонора указала на складной стулъ возлѣ себя, она сѣла и стала ожидать, устремивъ неопредѣленно глаза на одну изъ перегородокъ палатки.

— Вы видѣли этого молодого англичанина, остановившаго лошадь,—начала она:—я хочу его вознаградить и послала ему пятьсотъ золотыхъ, отъ которыхъ онъ отказался.

Черные глаза быстро взглянули на лицо королевы, а затѣмъ снова отвернулись; ни одна черта лица Анны не шевельнулась. Послѣдовало молчаніе, такъ какъ она не отвѣчала.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?—спросила Элеонора послѣ длинной паузы.

— Государыня,—отвѣтила, задумчиво улыбаясь, смуглая дама:— я думаю, что, если вы прежде всего предложили ему золото, то теперь, хотя ему предложили бы королевство, онъ откажется, такъ какъ это благородный человѣкъ.

— Вы знаете его?—спросила почти желчно королева, и ея глаза сдѣлались жестоки.

— Я его видѣла много разъ,—отвѣтила Анна:—но не разговаривала съ нимъ. Мы говорили о немъ съ дамами, потому что онъ не походитъ на другихъ рыцарей, живетъ одинъ въ лагерѣ и часто во время похода ѣдетъ верхомъ отдѣльно отъ другихъ. Говорятъ, что этотъ англичанинъ бѣденъ, но навѣрно онъ честенъ.

— Что говоритъ о немъ Беатриса Курбойль?—спросила Элеонора все еще желчнымъ тономъ.

— Беатриса?—замѣтила Анна:—бѣдная молодая дѣвушка моя пріятельница! Я никогда не слышала, чтобы она говорила объ этомъ дворянинѣ!

— Неправда ли, она очень молчалива?—спросила Элеонора.

— О, нѣтъ! — возразила Анна: — иногда она бывала печальна и разсказывала мнѣ, какъ ея отецъ женился на второй женѣ, которая не была къ ней добра. Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, она говоритъ, какъ будто была дѣвушкою знатнаго рода. Но вотъ и все.

— Она никогда не называла имени своей мачехи и не говорила объ этомъ англичанинѣ?

— Никогда, государыня, я въ этомъ увѣрена. Но часто она бываетъ весела и остроумна, она заставляетъ насъ смѣяться даже, когда мы, истомленныя и усталыя послѣ цѣлаго дня похода, ожидаемъ нашихъ горничныхъ. Иногда она поетъ старыя, очень странныя нормандскія пѣсни временъ герцога Вильгельма, и ея голосъ пріятенъ. Она декламируетъ также пѣсенки саксонскихъ невольниковъ, которыя мы не можемъ понять.

— Я никогда не слышала ни ея смѣха, ни пѣсенъ,—задумчиво отвѣтила королева.

— Она очень серьезно держится съ вашимъ величествомъ; я это замѣтила, — произнесла Анна: — можетъ быть, это англійскій обычай.

— Я такъ думаю,—отвѣтила Элеонора.

Въ это время королева думала о Жильбертѣ и спрашивала себя, бываетъ ли онъ когда нибудь веселъ.

— Но вернемся къ вопросу: что я должна сдѣлать?—продолжала она холодно, равнодушно, но ея глаза наблюдали за Анной.—

Что сдѣлали бы вы сами?—прибавила она, видя, что благородная дама не отвѣчаетъ.

— Прежде всего, я не послала бы ему денегъ,—отвѣтила Анна Ошъ:—но что ужъ сдѣлано, того не передѣлать. Ваше величество можете ему предложить только почести, а не богатство.

— Онъ даже не рыцарь.

— Тогда дайте ему рыцарство, а также почести. Ваше величество сдѣлали же своими рыцарями, напримѣръ, Гастона Кастиньяка... Вѣдь мода на полученіе рыцарства отъ одной церкви прошла.

— Я слышала, онъ говорилъ, будто желаетъ добиться рыцарства отъ своей собственной государыни или вовсе не получать. Онъ даже не хочетъ помѣстить на своемъ щитѣ девизъ, какъ это дѣлаютъ многіе, съ цѣлью показать во время сраженія, что происходятъ изъ хорошаго рода.

— Дайте ему тогда... девизъ, который будетъ непрестанной честью для его дома и воспоминаніемъ объ отважномъ подвигѣ, совершенномъ изъ любви къ королевѣ.

— А потомъ?.. И это все?..

— Потомъ! Если онъ человѣкъ, какимъ онъ кажется, назначьте его для какого нибудь большого дѣла и прикажите ему еще разъ рискнуть жизнью, на этотъ разъ, ради святого креста и любви къ вашему величеству.

— Хорошо! Ваши совѣты всегда прекрасны. Что я могла бы ему приказать для испытанія?

— Государыня, нѣмцамъ измѣнили проводники греческаго императора, а у насъ другихъ нѣтъ, такъ что и мы въ свою очередь подвергнемся погибели, слѣдуя за ними. Если бы вашему величеству было угодно приказать, чтобы этотъ англичанинъ выбралъ людей, которымъ довѣряетъ, и чтобы онъ все время шелъ впереди насъ, пока мы не доберемся до Сиріи, извѣщалъ бы насъ и такимъ образомъ подвергался бы самой сильной опасности.

— Дѣйствительно, это была бы почтенная роль,—сказала королева блѣднѣя, не заботясь, что глаза дамы устремлены на нее.— Онъ ни въ какомъ случаѣ не доживетъ до конца,—прибавила она тихимъ голосомъ.

— Лучше умереть за крестъ, чѣмъ жить или умереть ради любви къ какой бы то ни было женщинѣ,—сказала Анна Ошъ, и въ нѣжномъ выраженіи, съ какимъ она произнесла эти слова, слышалась пламенная вѣра.

Королева бросила на нее испытующій взглядъ, спрашивая себя, въ какой степени Анна Ошъ угадала ея чувства къ Жильберту.

— А какой девизъ помѣщу я на его щитѣ?—спросила она, перемѣняя разговоръ съ цѣлью избѣжать, что касалось ея такъ близко.

— Крестъ,—отвѣтила Анна:—отчего не дать бы ему вашъ собственный—крестъ Аквитаніи?

Но королева ея не слушала, а какъ бы во снѣ видѣла Жильберта, скакавшаго на вѣрную смерть, съ гурьбою храбрецовъ, попавшихъ въ ловушку страшныхъ сельджуковъ, которые пронзили его бѣлую грудь, такъ что онъ упалъ мертвымъ на землю. Королева вздрогнула и какъ бы очнулась.

— Что вы говорили?—спросила она:—я думала совершенно о другомъ.

— Я сказала, что ваше величество можете ему дать девизомъ крестъ аквитанскій,—отвѣчала Анна Ошъ. Ея спокойные черные глаза слѣдили за королевой не съ подозрѣніемъ, но съ глубокимъ женскимъ сочувствіемъ. Она также любила пламенно, и на восьмой день послѣ свадьбы ея мужъ отправился съ другими рыцарями противъ мавровъ въ южныя горы, а его принесли домой черезъ короткое время на щитахъ бездыханнымъ трупомъ. Поэтому она взяла крестъ, не какъ другія дамы по легкомыслію, а искренно, желая найти смерть на полѣ битвы въ надеждѣ будущей жизни.

— Да,—сказала королева:—онъ получитъ аквитанскій крестъ. Найдите мнѣ какого нибудь рыцаря или оруженосца, который умѣлъ бы рисовать, и пошлите за англичаниномъ.

— Государыня,—отвѣчала Анна Ошъ:—я сама умѣю рисовать и съ вашего позволенія нарисую этотъ девизъ на вашихъ глазахъ.

Въ тѣ времена не было рѣдкостью, чтобы французскія дамы знали живопись лучше мужчинъ, и Элеонора съ радостью приказала двумъ пажамъ принести ей щитъ Жильберта.

Но, когда пришли пажи за щитомъ, то Альрикъ, лежавшій въ тѣни предъ палаткой, жуя траву и мечтая объ Англіи, отказалъ имъ дать его. Онъ послалъ Дунстана спросить у Жильберта, какъ ему поступить.

Жильбертъ вышелъ самъ на порогъ своей палатки и заговорилъ съ молодыми людьми.

— Мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что намъ приказано принести щитъ королевѣ,—отвѣтили они.

— Возьмите его и скажите отъ меня королевѣ, что я предъ нею извиняюсь за старомодность моего щита, съ округленными наплечниками, такъ какъ онъ принадлежалъ еще моему отцу. Вы прибавите, что она можетъ его взять, но я не продамъ его и ничего не возьму взамѣнъ.

Оба пажа посмотрѣли на него съ страннымъ выраженіемъ, какъ бы сомнѣваясь, что онъ въ здравомъ умѣ. Но, когда они удалились, то пажъ, который несъ щитъ, сказалъ своему спутнику, что ради собственнаго интереса онъ предпочитаетъ не исполнять порученія англичанина. Другой же стоялъ за то, что лучше сказать правду, потому что они могутъ призвать въ качествѣ свидѣтелей слугъ Жильберта.

— А если насъ обвинятъ во лжи, мы будемъ избиты.

— Насъ также побьютъ, если мы скажемъ что нибудь непріятное для королевы,—возразилъ первый.

— Эта пѣсенка отзываетъ палкой, — прибавилъ фыркнувъ другой.

И онъ расхохотался на свою шутку, но нѣсколько нервно.

— Ты будешь говорить за насъ,—заключилъ его спутникъ:— такъ какъ ты смѣлый.

Такимъ образомъ они пришли къ королевѣ и положили къ ея ногамъ щитъ, не произнося ни слова.

— Видѣли ли вы дворянина, которому принадлежитъ щитъ?— спросила Элеонора.

— Да, государыня,—отвѣтили они быстро.

— Не сказалъ ли онъ вамъ что нибудь? — спросила она. — Не далъ ли вамъ порученія?

— Онъ сказалъ, государыня... — отвѣтилъ одинъ и внезапно остановился.

— Да, государыня, онъ сказалъ, чтобы мы попросили ваше величество...

Но смѣлость другого пажа исчезла, и онъ также замолчалъ.

— Что такое? — спросила Элеонора, нахмуривъ брови. — Говорите же!

— Если вамъ угодно, ваше величество,—сказалъ первый:—дворянинъ сказалъ, что это щитъ его отца.

— И онъ извиняется, что щитъ старомодный, — прибавилъ другой.

— И что онъ не хочетъ его продавать,—сказалъ въ заключеніе первый, болѣе смѣлый изъ двухъ.

Затѣмъ онъ попятился и его спутникъ тоже; они, казалось, пробовали спрятаться одинъ позади другого, такъ какъ въ глазахъ королевы блеснулъ гнѣвъ, а ея губы грозно сжались надъ крѣпко стиснутыми блестящими зубами. Но чрезъ минуту она успокоилась, и, доставъ изъ своего кошеля деньги, она дала по золотой монетѣ каждому пажу.

— Вы честные мальчики, что исполнили подобное порученіе,— сказала она: — но если вы измѣнили его дорогой, то получите столько ударовъ, сколько въ греческомъ пезетѣ французскихъ денье, а я сомнѣваюсь, чтобы кто либо зналъ это.

— Мы говоримъ правду, государыня,—сказали они въ одинъ голосъ:—и смиренно благодаримъ ваше величество.

Она отпустила ихъ и долго задумчиво глядѣла на положенный къ ея ногамъ щитъ, въ то время какъ Анна Ошъ ожидала въ молчаніи. Глаза Элеоноры горѣли, а ея руки были холодны и дрожали бы, но она ихъ крѣпко сжимала.

— Эти слова не достойны рыцаря,—сказала она съ горечью.

Но Анна хранила молчаніе, и королева повернула глаза къ ней.

— Вы ничего не говорите? Развѣ вы находите это рыцарски? Не правда ли, съ его стороны это дурно?

— Государыня,—отвѣтила Анна Ошъ,—такъ какъ вы хотѣли заплатить ему за вашу жизнь, которую онъ спасъ, то естественно онъ думалъ, что вы хотите купить его доспѣхи.

Нѣсколько времени она ничего не говорила, и доносившійся извнѣ шепотъ женскихъ голосовъ, дружно болтавшихъ и смѣявшихся, раздавался среди молчанія, какъ пѣніе птицъ на зарѣ. Наконецъ королева заговорила, но сама съ собою.

— Онъ имѣетъ право,—сказала она съ горечью, понуривъ голову и вздыхая. — Нарисуйте, Анна, на его щитѣ золотой крестъ Аквитаніи на лазуревомъ фонѣ за хранимую имъ вѣрность.

Она встала и начала медленно ходить по палаткѣ, кидая, отъ времени до времени, взглядъ на Анну. Придворная дама послала за красками и за маленькой жаровней съ горящими углями, на которой помѣщался, покоясь на желѣзномъ треугольникѣ, маленькій мѣдный горшечекъ, содержавшій въ себѣ растопленный воскъ, смѣшанный съ камедью. Она нагрѣла кисточку въ горячемъ воскѣ и взяла дорогую синюю краску, которую наложила очень ловко во всю длину щита. Охлаждаясь, камедь сдѣлала ее твердой, а съ помощью линейки и циркуля Анна размѣрила крестъ съ его равными поперечниками, сплошь покрытыми цвѣтами. Окончивъ, она покрыла крестъ небольшимъ количествомъ гуммиарабика, наложила толстый золотой листъ, который нажала остроконечнымъ стальнымъ инструментомъ, сильно дыша на каждый только что положенный листъ и сглаживая его заячьей лапкой. Когда все было раскрашено и высушено, она взяла кусокъ мягкой кожи, обернула вокругъ указательнаго пальца и тщательно положила на поверхность, чтобы снять излишній листъ, оставшійся внѣ покрытой гуммиарабикомъ части. Она научилась этому искусству у итальянца, пріѣхавшаго въ Ошъ, чтобы украсить часовню въ домѣ ея отца.

Долго сидѣла королева, прежде чѣмъ все было окончено, но ея глаза слѣдили за кистью и пальцами придворной дамы. Обѣ женщины не разговаривали.

— Прекрасный щитъ,—сказала Элеонора, когда была окончена работа:—г-жа Анна, должна ли я послать ему щитъ, или дворянинъ самъ придетъ за нимъ? Какъ поступили бы вы на моемъ мѣстѣ?

— Государыня, я послала бы за англичаниномъ, — отвѣтила Анна. — Изъ рукъ вашего величества онъ не можетъ отказаться отъ почести.

Элеонора не отвѣтила, но чрезъ минуту она встала, обернулась и произнесла въ полголоса точно про себя, проведя рукою по лбу:

— Пошлите за нимъ и оставьте меня одну, пока онъ не придетъ, но останьтесь здѣсь, когда онъ будетъ здѣсь, — прибавила она.

Анна поклонилась и вышла. Старомодный громадный щитъ стоялъ на своемъ остроконечномъ краѣ, прислоненный къ столу. Элеонора смотрѣла на него; теперь, когда она была одна, ея черты лица выражали волненіе, а глаза затуманились. Она приподняла щитъ обѣими руками, удивляясь его тяжести; затѣмъ, отодвинувъ занавѣску, поставила его на алтарь, отдѣленный отъ другой части палатки и образующій маленькую часовню, какія бываютъ во многихъ королевскихъ аппартаментахъ. Затѣмъ она встала на колѣни у налоя и сложила руки для молитвы.

Она была великодушна и обладала справедливымъ сердцемъ; конечно, она заслуживала снисхожденія и дѣлала все возможное, чтобы побѣдить свою любовь, какъ по причинѣ своей королевской чести, такъ и ради юной больной, которая казалась ей такой ничтожной соперницей, но любившей Жильберта Варда такъ же, какъ она, но съ меньшимъ эгоизмомъ. Такимъ образомъ, преклонивъ колѣно, она считала себя достигшей того важнаго момента своего существованія, когда она должна была навсегда принести жертву, какъ ни велика для нея эта жертва.

Она намѣревалась послать Жильберта впереди арміи, и ставка за его смерть была сто противъ одного. Дать ему умереть было актомъ жертвоприношенія. Смерть въ славѣ, смерть изъ любви къ Христу, смерть чистая, безъ пятна на его благочестивомъ рыцарствѣ—славная смерть. Она можетъ любить его безъ опасенія позже и произносить сладкія слова на его могилѣ.

Не было жестокимъ послать его на такую смерть, если его дни были сочтены, и самъ онъ будетъ ей благодаренъ, что его предпочла предъ всѣми, выбравъ предводительствовать авангардомъ въ такой опасности, такъ какъ крестовый путь ведетъ на небо. Но если онъ пройдетъ живымъ чрезъ тысячи мечей, онъ пріобрѣтетъ себѣ честь на всю жизнь.

Она молилась за него одного и освятила его громадный щитъ на собственномъ алтарѣ отъ всего своего страстнаго сердца, въ которомъ текла кровь ея дѣда и сына, котораго она должна была родить, много времени спустя, и который назывался Львинымъ Сердцемъ.

Блѣдная она молилась такъ:

— Всемогущій, всесправедливый Богъ, истинный, который приказываетъ платить добромъ за зло, заставляющій страдать, чтобы люди могли быть спасены, помоги мнѣ отказаться отъ самаго дорогого въ моей жизни. Услышь меня, о Боже, услышь женщину, грѣшницу, имѣй къ ней сожалѣніе. Услышь меня, Господи, и если я погибну, пусть душа этого человѣка бедетъ спасена. Владыка добрый и милосердный, Іисусъ Христосъ, приношу къ тебѣ мой грѣхъ и твердо обѣщаюсь быть вѣрной и противиться моимъ злымъ желаніямъ и мыслямъ и отказаться отъ нихъ. Услыши, Христосъ,

грѣшницу! Я жертвую этимъ вѣрнымъ сердцемъ для служенія Тебѣ и ради чести Твоего святого креста. Благослови его щитъ, чтобы онъ былъ оплотомъ противъ врага, а также оружіемъ, чтобы онъ шелъ предъ нами и, спасая нашихъ солдатъ, привелъ насъ въ Іерусалимъ къ Твоей священной гробницѣ. Одари его Твоей милостью и дай ему силы и просвѣти ему сердце. Услышь меня и помоги мнѣ! О Христосъ! услышь грѣшницу и любящую женщину. Боже милостивый, создатель всего, да низойдетъ твоя высокая милость на этого чистаго сердцемъ человѣка. Даруй, чтобы онъ не лишился храбрости во всю жизнь и въ минуту смерти. Услышь мяня, грѣшную женщину, Ты, который вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ царишь въ своей славѣ изъ вѣка въ вѣкъ.

Послѣ молитвы она оставалась нѣсколько минутъ на колѣняхъ опустивъ голову на сложенныя руки и настолько сжатыя, что дерево налоя причинило ей царапины.

Это былъ самый скорбный моментъ, такъ какъ она намѣревалась дать торжественное обѣщаніе и видѣла, что между нею и ея любовью возстаютъ вѣра, Богъ и уваженіе къ клятвѣ.

Наконецъ она поднялась и взяла щитъ, поцѣловала середину поперечной перекладины, и ея губы оставили маленькій слѣдъ на свѣжей позолотѣ.

— Онъ никогда не узнаетъ, что это означаетъ,—сказала она, глядя на слѣдъ своего поцѣлуя,—я думаю, что никакая стрѣла, никакое копье не ударятся въ это мѣсто.

Внезапно ее охватило желаніе еще цѣловать щитъ, какъ будто ея губы могли дать ему болѣе силы, чтобы защищать Жильберта. Но она вспомнила о своей молитвѣ и не поддалась этому желанію, унеся щитъ изъ часовни въ палатку и поставивъ его противъ стола.

Черезъ нѣсколько времени Анна Ошъ приподняла занавѣсъ и пропустила мимо себя Жильберта, а сама остановилась на порогѣ.

Онъ учтиво поклонился, но безъ униженія и смиренія, и остался стоять, слегка поблѣднѣвъ отъ своихъ страданій; его глаза устремились на нее съ видимымъ усиліемъ. Королева заговорила холодно и отчетливо:

— Жильбертъ Вардъ, вы спасли мою жизнь и отослали обратно мой подарокъ. Я призвала васъ, чтобы дать вамъ двѣ вещи. Вы можете пренебречь одною, но не можете отказаться отъ другой.

Онъ взглянулъ на нее и подъ наружной холодностью открылъ нѣчто, чего еще никогда не видѣлъ... нѣчто божественно женское, неизвѣданное имъ до тѣхъ поръ въ своей жизни, что его трогало болѣе, чѣмъ ея прикосновенія. Онъ испугался этого и разсердился на себя.

— Государыня,—сказалъ онъ съ какой-то дикой холодностью:—я не нуждаюсь ни въ какихъ подаркахъ, отравляющихъ вашу благодарность.

— Сударь,—возразила Элеонора:—въ чести, которую я желаю вамъ предложить, нѣтъ яда. Я взяла у васъ щитъ... почтенный щитъ вашего отца... и я возвращу вамъ его съ девизомъ, который никогда не заставитъ стыдиться ни васъ, ни вашихъ потомковъ. Носите мой аквитанскій крестъ въ память того, что вы сдѣлали.

Она взяла щитъ и протянула ему съ выраженіемъ почти строгимъ, и ея глаза остановились на мѣстѣ, которое она поцѣловала. Жильбертъ измѣнился въ лицѣ, такъ какъ былъ взволнованъ. Онъ опустился на одно колѣно, чтобы принять щитъ, и его голосъ задрожалъ, когда онъ сказалъ:

— Государыня, я буду носить всегда эту эмблему въ воспоминаніе о вашемъ величествѣ и прошу Бога, чтобы онъ позволилъ мнѣ носить ее съ честью такъ же, какъ и сыновьямъ моихъ сыновей послѣ меня.

Элеонора подождала секунду, прежде чѣмъ заговорила.

— Вы можете его недолго носить,— сказала она, и ея голосъ сдѣлался мягкимъ и слегка дрожалъ:—такъ какъ я хочу отъ васъ большой услуги, которая будетъ для васъ почестью предъ другими.

— Если это въ моей власти, я сдѣлаю,— отвѣтилъ Жильбертъ.

— Тогда выберите себѣ шестьдесятъ человѣкъ изъ дворянъ и воиновъ, хорошо вооруженныхъ, и будьте всегда на одинъ день впереди арміи, подстерегая непріятеля и постоянно посылая намъ курьеровъ такъ же, какъ мы будемъ ихъ посылать къ вамъ, такъ какъ я не довѣряю нашимъ греческимъ проводникамъ. Такимъ образомъ вы спасете насъ всѣхъ отъ истребленія, которое постигло въ горахъ нѣмецкаго императора. Сдѣлаете вы это?

Снова лицо Жильберта прояснилось, такъ какъ онъ понялъ всю опасность и честь этого предложенія.

— Я исполню это преданно, да поможетъ мнѣ Богъ,— отвѣтилъ онъ.

Жильбертъ хотѣлъ встать, но королева продолжала говорить:

— Госпожа Анна, дайте мнѣ мечъ Аквитаніи.

Анна Ошъ принесла въ бархатныхъ ножнахъ большое лезвее съ крестообразной рукояткой, окруженной золотой сѣткой, сдѣланной по рукѣ стараго герцога. Королева медленно вытащила мечъ и возвратила ножны.

— Сударь,—сказала она,—я хочу вамъ дать рыцарство, чтобы вы могли командовать солдатами.

Жильбертъ былъ пораженъ. Онъ молча поклонился, опустился на колѣни и соединилъ руки, какъ того требовалъ обычай.

Королева положила лѣвую руку на рукоятку громаднаго меча, а правой перекрестилась. Жильбертъ тоже перекрестился такъ же, какъ и Анна, которая встала на колѣни слѣва отъ королевы, такъ какъ этого требовалъ торжественный обрядъ. Элеонора заговорила:

— Жильбертъ Вардъ, такъ какъ вы получите сейчасъ изъ моихъ рукъ мечъ и безъ приготовленія, то прежде провѣрьте себя, нѣтъ ли у васъ смертнаго грѣха, который былъ бы помѣхой этому достоинству.

— Клянусь честью моего меча, что я не могу упрекнуть себя ни въ какомъ смертномъ грѣхѣ,—отвѣтилъ Жильбертъ.

— Тогда произнесите рыцарскую клятву. Обѣщайте предъ Всемогущимъ Богомъ, что будете вести честную, безупречную жизнь.

— Я буду такъ жить, да поможетъ мнѣ Богъ.

— Обѣщайте, что лучшими своими силами вы будете защищать христіанскую религію противъ невѣрныхъ, и что вы скорѣе перенесете смерть, жестокую смерть, чѣмъ отступите отъ нашего Создателя Іисуса Христа.

— Я буду вѣренъ до смерти, да поможетъ мнѣ Богъ.

— Обѣщайте, что вы будете уважать женщинъ и покровительствовать имъ, что будете защищать слабыхъ и во все время будете сострадательны къ бѣднымъ, предпочитая себѣ самому тѣхъ, которые въ затруднительномъ положеніи и нуждѣ.

— Я это сдѣлаю.

— Обѣщайте, что будете преданы и подчинены вашей законной королевѣ.

— Обѣщаю быть вѣрнымъ и подчиняться моей королевѣ и государынѣ Матильдѣ Англійской и ея сыну принцу Генриху Плантагенету, и въ этомъ свидѣтельница—ваше величество.

— И вложите ваши руки въ мои, какъ вашей законной государыни по довѣренности.

Жильбертъ протянулъ свои сложенныя руки королевѣ, которая взяла ихъ въ свои, въ то время какъ Анна Ошъ, все еще стоявшая на колѣняхъ, держала большой мечъ.

— Влагаю свои руки въ руки моей госпожи королевы Матильды Англійской, и я буду ея слуга навсегда,—сказалъ Жильбертъ.

Но руки королевы были, какъ ледъ, и нѣсколько дрожали.

Она взяла мечъ Аквитаніи и держала его поднятымъ въ правой рукѣ, несмотря на тяжесть, произнося слова посвященія:

— Жильбертъ Вардъ, будьте вѣрнымъ рыцаремъ на жизнь и на смерть. Если дѣла вѣрныя, если дѣла честныя, если дѣла справедливыя, если дѣла чистыя, если дѣла достойныя, если дѣла имѣютъ хорошую славу, если они полны добродѣтели и заслуживаютъ похвалъ,—обдумайте это, исполните ихъ скорѣе и умрите за нихъ.

Когда она перестала говорить, то положила на лѣвое плечо Жильберта мечъ плашмя и оставила его на минуту, потомъ она его подняла и прикоснулась еще два раза; затѣмъ снова положила длинное лезвее въ ножны.

— Рыцарь Жильбертъ, встаньте.

Онъ всталъ предъ нею, такъ какъ зналъ, что остается еще дѣлать согласно обряду; но не огонь пробѣжалъ по немъ, а безпокойная дрожь. Лицо королевы было блѣдно, какъ мраморъ, и прекрасно. Она сдѣлала шагъ къ нему съ протянутыми руками: правая надъ лѣвой рукой Жильберта, а лѣвая подъ его правой. Элеонора холодно поцѣловала въ щеку любимаго человѣка одинъ разъ по королевскому обычаю. Онъ также ее поцѣловалъ.

Она отступила, и глаза ихъ встрѣтились. Вспомнивъ обо многомъ прошломъ, онъ думалъ увидѣть тѣнь прежней непріятной встрѣчи, но напротивъ встрѣтилъ лицо, котораго онъ не зналъ, выражающее страданіе и твердую рѣшимость.

— Идите, рыцарь Жильбертъ,—сказала она:—идите побѣждать и, если надо, умереть для того, чтобы другіе могли жить и выиграть сраженіе ради креста Христова.

Онъ вышелъ, и Анна Ошъ приблизилась къ королевѣ.

— Г-жа Анна, — сказала королева, — благодарю васъ. Я хочу остаться одна.

Она повернулась и вошла въ свою маленькую часовню и преклонила колѣна предъ алтаремъ, устремивъ глаза на то мѣсто, гдѣ лежалъ щитъ.

VI.

Такимъ образомъ Жильбертъ Вардъ сдѣлался рыцаремъ, и до послѣдняго дня на щитѣ Вардовъ находился крестъ, который былъ данъ ихъ предку Элеонорой Аквитанской, прежде чѣмъ она сдѣлалась королевой Англіи. Многіе завидовали Жильберту, обѣщавшему держаться съ горстью избранныхъ имъ людей на день разстоянія впереди, но большее число предпочитало комфортабельно грѣться ночью у огня бивуака. Такіе были счастливы, что ихъ не выбрали на суровую жизнь впроголодь, длинное путешествіе на полуживыхъ отъ голода лошадяхъ, имѣя вмѣсто постели плащъ и одѣяло, дежуря поочередно ночью и просыпаясь каждое утро, не зная, доживутъ ли они до заката.

По правдѣ сказать, опасности было меньше, чѣмъ затрудненій. Жильбертъ отправился съ лучшими греческими проводниками, и онъ имѣлъ полную власть надъ ихъ жизнью и смертью настолько, что они боялись его хуже сатаны и не посмѣли бы скрыть отъ него истины, но когда онъ избиралъ направленіе для похода и посылалъ сказать слово арміи чрезъ посланнаго, ему часто отвѣчали, что императоръ и король были другого мнѣнія, потому что слушали нѣкоторыхъ греческихъ лгуновъ. Такъ какъ императоръ, король и королева соглашались, что каждый изъ нихъ уступитъ всегда мнѣнію двухъ другихъ, то мнѣніе Элеоноры часто брало

верхъ, и приходилось слѣдовать ему или прибѣгнуть къ открытому разрыву.

Тогда Жильбертъ молча скрежеталъ зубами и дѣлалъ все зависящее отъ него, возвращаясь назадъ за нѣсколько миль, отыскивая новую дорогу, пробѣгая много миль и храбро перенося униженія, такъ какъ далъ слово.

Но мало-по-малу это униженіе сдѣлалось честью даже среди его солдатъ, которые видѣли ежедневно, что Жильбертъ правъ, и стали ему довѣрять, слѣдуя за нимъ въ огонь и въ воду. Армія королевы сознавала все, и это довѣріе начало прививаться у другихъ, французовъ, нѣмцевъ, поляковъ и богемцевъ, и когда отряды слѣдовали по назначенному Жильбертомъ пути, все шло хорошо: для лошадей находилась вода и фуражъ, продовольствіе и хорошее мѣсто стоянки. Напротивъ, часто, когда король и императоръ выбирали дорогу, приходилось переносить голодъ, холодъ и недостатокъ воды.

Солдаты начали говорить между собою: «Это—дорога сэра Жильберта, и потому для насъ праздничный день», или: «Это дорога короля, и сегодня — пятница». Въ дни Жильберта они пѣли во время пути, и его имя весело звучало вдоль безконечной линіи воиновъ. Вскорѣ Жильберта полюбили многіе крестоносцы, которые никогда его не видѣли, и почти всѣ солдаты.

Наконецъ, они прибыли въ Эфесъ, очень усталые и таща за собою нѣсколько больныхъ. Самъ императоръ Конрадъ, несмотря на свою силу, былъ боленъ. Онъ встрѣтилъ въ Эфесѣ курьеровъ, прибывшихъ моремъ отъ греческаго короля, которые просили его, а также всѣхъ солдатъ возвратиться въ Константинополь, чтобы провести тамъ зиму и выждать моментъ для возвращенія моремъ въ Сирію. Онъ принялъ предложеніе въ виду того, что храбрые нѣмцы были разбиты и утомлены своимъ походомъ и неудачей, перенесенной прежде, чѣмъ достигли Никеи. Армія короля и королевы продолжала путь одна до большой долины Меандры, гдѣ она расположилась лагеремъ, чтобы отпраздновать день Рождества съ большой благодарственной службой за очевидное покровительство имъ неба до послѣдняго дня.

Жильбертъ со своими спутниками прибылъ въ лагерь наканунѣ Рождества и когда ихъ узнали, то раздались во всей арміи привѣтственные громкіе крики; солдаты покинули костры, починку оружія и платья, бросившись навстрѣчу исхудалому человѣку, въ заржавленныхъ доспѣхахъ, верхомъ на изнуренной лошади, въ сопровожденіи спутниковъ еще въ худшемъ положеніи. Его плащъ былъ весь въ грязи и насквозь промоченъ дождемъ, его кольчуга заржавѣла и только мѣстами блестѣла; его большая нормандская лошадь была однѣ кости и кожа. Альрикъ и Дунстанъ слѣдовали за нимъ въ рубищахъ. Отъ усталости и недостатка пищи лицо Жильберта

сдѣлалось угрюмо, но попрежнему строго и гордо, и первые увидѣвшіе ихъ перестали его привѣтствовать и смотрѣли на него со страхомъ. Тогда онъ такъ любезно улыбнулся и съ такою добротой, что крики возобновились и раздались по всему лагерю.

Затѣмъ тѣ, которые кричали, увлеченные теченіемъ, послѣдовали за всадниками, по два, десять и двадцать человѣкъ до тысячъ. Они такъ стѣснились вокругъ Жильберта, что заставили его двигаться съ большой медленностью; въ продолженіе многихъ недѣль они слышали его имя, зная, что онъ хлопочетъ объ ихъ безопасности, и вокругъ бивуачнаго огня разсказывались чудесныя исторіи объ его терпѣніи и храбрости. Такимъ образомъ его возвращеніе было тріумфомъ, и этотъ день остался памятнымъ въ его жизни. Пока армія стояла лагеремъ, у него не было никакого дѣла; онъ пріѣхалъ туда на отдыхъ, и у него ничего не было крайне важнаго для сообщенія начальству. Онъ приказалъ слугамъ открыть свой багажъ среди разложенной груды вещей, привезенныхъ на мулахъ, раскинуть палатку возлѣ палатокъ своихъ прежнихъ товарищей.

Пока Дунстанъ и Альрикъ повиновались его приказаніямъ, онъ сѣлъ на положенное сѣдло. Его измученная лошадь ѣла возлѣ него, погрузивъ свой носъ въ мѣшокъ съ овсомъ. Все, что онъ видѣлъ, ему было знакомо, и все ему казалось далекимъ и отдѣленнымъ отъ него недѣлями опасности и усталости.

Несмѣтная толпа, окружавшая его, разсѣялась, видя, что онъ не отправится теперь къ королю. Только триста или четыреста солдатъ, наиболѣе любопытныхъ, остались и сгруппировались вокругъ открытаго пространства, гдѣ была раскинута его палатка. Многіе знакомые пришли къ нему поговорить; онъ поднялся и обмѣнялся съ ними пожатіемъ руки, отвѣтивъ каждому нѣсколько словъ, но ни одинъ изъ вельможъ, которые заискивали у него послѣ подвига спасенія жизни королевы, не потрудились къ нему прійти, несмотря на оказанную имъ услугу.

Похвалы толпы и восторженныя восклицанія солдатъ казались пріятными для его слуха; но онъ ожидалъ бо́льшаго, и отчаяніе оледенило его душу, когда, нѣсколько часовъ спустя, сидя въ своей палаткѣ, онъ обсуждалъ вмѣстѣ съ Дунстаномъ вопросъ о томъ, въ какомъ несчастномъ положеніи и жалкомъ видѣ находилось его оружіе, и о невозможности достать другое. Жильбертъ былъ настолько одинокъ и забытъ, какъ будто онъ не посвятилъ въ послѣдніе два мѣсяца всей энергіи, которою обладалъ, для обезпеченія безопасности похода великой арміи.

— Не надо жаловаться, сударь,—сказалъ Дунстанъ въ отвѣтъ на отчаянное восклицаніе Жильберта.—Вы живы и здоровы, и нашли вашъ багажъ нетронутымъ, а это болѣе, чѣмъ я надѣялся относительно греческихъ проводниковъ. У васъ есть для перемѣны

одежда и бобовый супъ на ужинъ. Міръ не такъ дуренъ, какъ кажется.

— Взамѣнъ,—отвѣчалъ Жильбертъ съ горькой улыбкой:—мои кости сломаны, оружіе заржавѣло, а мой кошелекъ пустъ. Будьте довольны, если можете при такихъ обстоятельствахъ.

Онъ всталъ, предоставивъ Дунстану приняться за работу по очисткѣ отъ ржавчины кольчуги, и, взявъ шапку, вышелъ одинъ, вздыхая почти теплый полуденный воздухъ. Былъ сочельникъ, и день выдался блестящій и свѣтлый, но на Жильбертѣ не было надѣто плаща, благодаря уважительной причинѣ, что у него былъ одинъ и тотъ обратился въ лохмотья. Но онъ такъ часто подвергался дурной погодѣ въ эти нѣсколько недѣль, что пріучился ко всякаго рода бѣдамъ, и немного болѣе ихъ, немного менѣе не считалось.

Впрочемъ Дунстанъ былъ совершенно правъ, и Жильберту не было никакой причины жаловаться. Безъ сомнѣнія, королева пришлетъ за нимъ на другой же день, и если бы онъ захотѣлъ представиться ей немедленно, то она тотчасъ приняла бы его съ честью. Но онъ былъ въ дурномъ настроеніи и сердился на себя и на весь свѣтъ, а молодость заставляла его скорѣе поддаться гнѣву, чѣмъ разсудить и перемѣнить настроеніе. Какъ только было возможно, онъ вышелъ изъ лагеря и пошелъ гулять по зеленымъ берегамъ спокойнаго Меандра. Стояла зима, но трава была такъ же свѣжа, какъ весною, и дулъ соленый вѣтерокъ съ моря. Страну онъ зналъ и самъ выбралъ ее мѣстомъ стоянки; онъ даже былъ дальше, когда курьеры привезли ему приказъ возвратиться. На сѣверѣ тянулись высокія горы по ту сторону Эфеса, тогда какъ на югѣ и западѣ горы Кадма и Тавра выдѣлялись своей неровностью и остроконечностью. Тамъ армія должна пробить себѣ дорогу къ Атталіи. Оставался еще часъ до заката солнца, и свѣтлый воздухъ принялъ первый отблескъ вечера. Въ долинѣ, тутъ и тамъ, всегда зеленый остролистъ, выраставшій маленькими группами, выдѣлялся на отблескѣ заходящаго солнца блестящими точками на своей тѣни въ томъ мѣстѣ, гдѣ лучи скользили золотою стрѣлою.

Жильбертъ надѣялся быть одинъ, но онъ встрѣтилъ такъ далеко на берегу рѣчки, какъ только могъ видѣть, толпы праздношатающихся, и среди нихъ большинство было съ вѣтками остролистника и молодыхъ кипарисовъ, которыя они несли въ лагерь для рождественскаго праздника, такъ какъ въ лагерѣ было много сѣверянъ норманновъ, франковъ изъ Лотарингіи, сѣверянъ изъ Польши и Богеміи, и каждый сѣверянинъ хотѣлъ имѣть предъ своей палаткой елку, какъ дѣлали ихъ предки по старинной языческой вѣрѣ.

Придворныя дамы Элеоноры въ богатыхъ платьяхъ и развѣвавшихся плащахъ также прогуливались верхомъ для своего удо-

вольствія, въ сопровожденіи рыцарей; онѣ были безъ оружія, исключая меча или кинусала. Тамъ было тоже много черноглазыхъ мужчинъ и женщинъ, прибывшихъ изъ Эфеса, въ праздничномъ нарядѣ, чтобы посмотрѣть на большой христіанскій лагерь.

Все было спокойно, блестяще и красиво на взглядъ, но мало гармонировало съ мрачными мыслями Жильберта. На поворотѣ теченія рѣки мѣстность дѣлалась нѣсколько возвышеннѣе, и рѣзко поднимались безплодные холмы надъ зеленой травою, какъ бы маленькая пустыня среди плодородной равнины. Почти инстинктивно Жильбертъ повернулъ въ эту сторону, поднимаясь по камнямъ, пока не достигъ самой возвышенной равнины, гдѣ онъ сѣлъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, что отдѣлался отъ себѣ подобныхъ.

Мѣстность, гдѣ онъ усѣлся, находилась около шестидесяти футовъ надъ уровнемъ рѣки, и хотя онъ не могъ ясно слышать разговоры проходившихъ группъ, но могъ замѣтить выраженіе каждаго лица. Онъ былъ удивленъ, какъ часто выраженіе каждаго согласовалось съ не выраженными мыслями.

Солнце закатывалось медленно, и Жильбертъ не имѣлъ никакой мысли о протекшемъ времени, когда онъ внимательно разсматривалъ приближавшуюся къ нему кавалькаду. Она была отъ него еще на разстояніи полъ-мили, а онъ уже замѣтилъ въ первомъ ряду бѣлую лошадь и даже на такомъ разстояніи онъ былъ увѣренъ, судя по непринужденной походкѣ животнаго, что это была арабская кобыла королевы.

Они приближались легкимъ галопомъ, и черезъ двѣ или три минуты онъ могъ различить лица тѣхъ, кого зналъ—саму Элеонору, Анну Ошъ, Кастиньяка и двухъ рыцарей, которые всегда находились въ эскортѣ королевы, и двадцать другихъ, ѣхавшихъ позади группами подвое или потрое. Жильбертъ неподвижно разсматривалъ ихъ, и ему не пришла мысль, что онъ самъ, сидя на самой возвышенной скалѣ и одѣтый въ темно-красную одежду, освѣщенную заходящимъ солнцемъ, привлечетъ взгляды. Но, прежде чѣмъ приблизиться настолько, чтобы узнать его, королева замѣтила Жильберта, и въ ней проснулось любопытство; нѣсколько минутъ спустя, она узнала его, и глаза ихъ встрѣтились. Она натянула уздечку и пустила лошадь шагомъ, не наклоняя головы и спрашивая себя, почему онъ такъ пристально смотритъ на нее, даже не снимая шапки; затѣмъ, къ ея великому удивленію, она увидѣла, какъ онъ всталъ и затѣмъ исчезъ среди скалъ.

Она была такъ этимъ удивлена, что совсѣмъ остановила лошадь и нѣсколько секундъ разсматривала узкое плоскогоріе, на которомъ онъ сидѣлъ; въ это время вся ея свита смотрѣла по тому же направленію, ожидая появленія Жильберта.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АВГУСТЪ, 1903

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1903 г.

См. слѣд. стр.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГЕРБЕЛЬ.

доз. ценз. 25 iюля 1903 г. спб.

АННА ПУСТОВОЙТОВА.

Повѣсть.

ГЕРОЯМИ этихъ непритязательныхъ записокъ являются четыре лица: Анна Пустовойтова, Лангевичъ, Петровъ и самъ разсказчикъ, нигдѣ не называющій своего имени. Знакомые съ исторіей послѣдняго польскаго мятежа увидятъ, что здѣсь разсказанное исторически вѣрно. Какъ метеоръ, мелькнувшая звѣзда Лангевича, приключенія Пустовойтовой, Петрова—все это до мелочей вѣрно. Но вотъ чего нѣтъ въ сухомъ изложеніи исторіи мятежа. Нѣтъ того живого и глубокаго чувства, которое питалъ русскій офицеръ къ дочери русскаго генерала, и эта лѣтопись двухъ сердецъ составляетъ главный интересъ этихъ записокъ неизвѣстнаго.

I.

Въ серединѣ января 1863 года мнѣ пришлось отправиться къ мѣсту моего служенія въ Вонхоцкъ. Въ Польшѣ зима легкая; правда, иногда и намететъ снѣгу, но не надолго, а почти всегда въ поляхъ видны полосы земли и прошлогодняя трава.

Ѣхалъ я парой въ почтовой телѣгѣ. Ямщикъ, посвистывая, погонялъ бойкихъ лошаденокъ. Дорога шла лѣсами по глухой гористой мѣстности. Только что начиналось утро, и все обѣщало прекрасный зимній день. Я особенно любилъ такіе спокойные и ясные зимніе дни съ однимъ или двумя градусами мороза, когда воздухъ

чистъ и нѣженъ, а грудь дышитъ легко, не задыхаясь отъ остраго холода.

Странное впечатлѣніе производили на меня, москвича, эти огромныя лѣсныя чащи, подъ сѣнью которыхъ бродилъ могучій зубръ, шныряли зайцы и лисицы, пробирались гуськомъ дикіе кабаны, или пробѣгали легкія красивыя козы. Товарищи еще въ Варшавѣ говорили мнѣ, что здѣсь чудесная охота, и я везъ съ собою пару ружей знаменитыхъ мастеровъ—Наводнаго и Лебеды. Въ то время я былъ страстнымъ охотникомъ и не зналъ устали на охотѣ. Стрѣлялъ я и по перу, но болѣе всего любилъ псовую охоту съ гончими и борзыми; но это—затѣя богатыхъ людей, и мнѣ, бѣдному офицеру, потерявшему въ тяжбѣ отцовское наслѣдство, нельзя было и думать о такой забавѣ. Но я разсчитывалъ пріобрѣсти пару добрыхъ выжлецовъ и съ ними предполагалъ походить по окрестнымъ лѣсамъ.

Мнѣ было двадцать пять лѣтъ. Я былъ силенъ, ловокъ, а къ довершенію всего скажу, что мать моя, плѣнная грузинка, передала во многомъ мнѣ свои черты, а отецъ мой, старый кавказскій офицеръ, былъ изъ стариннаго, дворянскаго московскаго рода.

Я привыкъ къ необозримымъ равнинамъ средней Россіи, къ ея суровому климату. Все для меня здѣсь, казалось, было не наше, русское. И эта теплая зима, и деревни съ разбросанными чуть не на версту другъ отъ друга домами, невиданное мною обиліе евреевъ, и этотъ польскій языкъ, столь похожій на русскій и столь рѣзко отъ него отличающійся. Громкій звукъ выстрѣла прервалъ мои размышленія. Я съ живостью приподнялся. Время было тревожное. Меня еще въ Варшавѣ предупреждали, что по лѣсамъ начали таскаться польскія шайки, и хотя возстаніе еще нигдѣ не вспыхнуло, но въ краѣ было неспокойно, и я вспомнилъ, какъ меня встрѣчали и провожали на постоялыхъ дворахъ, въ деревняхъ, въ корчмахъ враждебными, холодными взглядами, и какъ всякій разъ разговоры смолкали при моемъ приближеніи. Это меня удивляло и огорчало, и теперь неожиданный выстрѣлъ вмигъ воскресилъ во мнѣ всѣ эти впечатлѣнія.

Мы выѣхали на опушку. Я увидалъ довольно большую деревню, на краю которой стояла корчма. Около нея собралась толпа народа, окружившая молодого, красиваго всадника, по одеждѣ похожаго на улана.

— Разступитесь!—крикнулъ онъ и, поднявъ руку, выстрѣлилъ вверхъ изъ пистолета. Но толпа загудѣла еще больше, лошадь его схватили подъ уздцы, а самого стащили съ сѣдла.

— Господинъ офицеръ, помогите! — крикнулъ онъ, и его прекрасное почти дѣтское лицо побѣлѣло, какъ полотно.

Подъѣхавъ, я выхватилъ саблю и, поднявшись въ саняхъ, грозно закричалъ:

— Прочь! Дорогу! Что вы тутъ разбойничаете? Отпустите сейчасъ!..

Узнавъ во мнѣ русскаго офицера, крестьяне оробѣли и сняли шапки.

— Да это бунтарь, ваше благородіе, — проговорилъ одинъ изъ нихъ:—онъ намъ деньги сулитъ. Вчера мы одного такого же схватили да къ начальству представили.

Я потребовалъ плѣнника къ себѣ и вошелъ въ корчму. Едва я взглянулъ на него, сердце во мнѣ сжалось отъ волненія. Передо мной находилась та, которая владѣла всѣми моими помыслами.

— Кто вы такой?—спросилъ я его, сѣвъ за столъ и пригласивъ его занять мѣсто на лавкѣ, сдерживая изо всѣхъ силъ себя.

Крестьяне столпились у дверей.

— Я житомірскій помѣщикъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,—и временно по дѣламъ нахожусь въ Шидловцѣ, но здѣшніе крестьяне приняли меня за какого-то мятежника, и если бы не ваше заступничество, то мнѣ бы пришлось плохо.

— Какъ ваше имя?

— Флоріанъ Валигурскій,—не задумываясь, отвѣтилъ юноша.

— Во всякомъ случаѣ я не имѣю права задерживать васъ,—отвѣтилъ я:—идите, вы свободны. Ступайте,—обратился я къ крестьянамъ.

Когда они вышли, я всталъ и воскликнулъ:

— Анна, вѣдь это вы! Боже мой, что вы затѣяли! Какая неожиданная встрѣча!

При этихъ словахъ молодой уланъ съ живостью приподнялся, и густая краска разлилась по его прекрасному лицу.

— Прошу васъ, ни слова больше. Не показывайте виду, что узнали меня. Я встала въ ряды защитниковъ отечества. Я всегда говорила вамъ, что это мое призваніе. Благодарю васъ, что вы помогли мнѣ. Я должна теперь уѣхать. Я скоро дамъ вамъ о себѣ знать. Вѣдь вы были всегда моимъ другомъ.

Вспыхнувшее чувство мое все болѣе и болѣе погасало по мѣрѣ того, какъ она говорила. Всегда она считала меня своимъ другомъ, всегда она желала, чтобы между нами были только дружескія дѣловыя отношенія. Безразсудно смѣлая и пламенная, она не знала границъ въ своихъ политическихъ увлеченіяхъ, умѣя подавлять въ себѣ всѣ чувства женщины и всѣ ея слабости.

— До свиданія,—сказала она, протянувъ мнѣ руку:—право, мы скоро увидимся,—прибавила она, какъ бы мнѣ въ утѣшеніе.

И я вышелъ съ ней на крыльцо. Мы, офицеры, имѣли секретное приказаніе ничѣмъ не раздражать населенія, не преслѣдовать повстанцевъ по одному подозрѣнію нашему и вообще не производить никакихъ насильственныхъ дѣйствій. Это было передъ самымъ взрывомъ послѣдняго польскаго мятежа.

Красивый уланъ при всѣхъ съ живѣйшей радостью поблагодарилъ меня, вскочилъ на своего коня и поскакалъ. Вскорѣ онъ скрылся между деревьями. Толпа не успѣла еще разойтись, какъ ко мнѣ подошелъ почтеннаго вида мужикъ съ большой сѣдой бородой и подалъ бумагу, въ которой было напечатано по-польски слѣдующее:

«Главная квартира. Вонхоцкъ. 26 января 1863 года (новаго стиля).

«Жителямъ Краковскаго воеводства.

«Приказомъ народнаго центральнаго комитета, отъ 10-го сего мѣсяца (с. с.), будучи призванъ къ начальствованію надъ войсками Сандомірскаго воеводства, а устною инструкціею военнаго отдѣла назначенный также командовать силами Краковскаго воеводства, я не считалъ себя въ правѣ мѣшаться въ дѣла повстанской организаціи послѣдняго.

«Но, такъ какъ, несмотря на легкій способъ препровожденія въ Краковское воеводство оружія; несмотря на значительное количество оружія, тамъ уже находящагося; несмотря на всеобщее возстаніе въ русскомъ захватѣ и на множество охотниковъ, безпрестанно являющихся изъ-за границы; несмотря, наконецъ, на доходящій до смѣха страхъ русскихъ,—въ Краковскомъ предмѣстьѣ не раздался еще крикъ: «Да здравствуетъ Польша!» Поэтому я, какъ повстанецъ-полякъ, считаю обязанностью воззвать къ братьямъ-краковякамъ, чтобы они приняли участіе въ повстанскомъ дѣлѣ. Потомки мужественныхъ предковъ! Поддержите эту славу, которую они стяжали себѣ въ Польшѣ! Встаньте хоть въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, и, бродя по воеводству, тревожьте русскія войска, собирайте охотниковъ, формируйте отряды, а потомъ устраивайте и регулярное войско! Нужны только вѣра, надежда и отвага, а затѣмъ событія, повидимому несбыточныя, совершатся сами собой.

«Подражайте сандомірянамъ, предъ которыми москали трепещутъ. Если исполненіе всего сказаннаго вамъ не трудно, идите сюда, только скорѣе, ибо время дорого!

«До свиданія! Ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ!

«Военный начальникъ Сандомірскаго воеводства,

«Даріанъ Лангевичъ».

Признаюсь, это извѣстіе ошеломило меня. Я былъ прикомандированъ къ Галицкому полку, четвертая рота котораго слѣдовательно ушла куда нибудь изъ Вонхоцка. Однако, я рѣшилъ ѣхать дальше, не довѣряя подброшенной революціонной прокламаціи. До Вонхоцка оставалось верстъ двадцать пять.

— Ваше благородіе,—сказалъ мнѣ ямщикъ: —тутъ съ полверсты находится мѣстечко Бзинъ, тамъ, кажись, стоятъ драгуны.

— Что жъ такое?—спросилъ я, удивленный обращеніемъ ко мнѣ стараго ямщика изъ отставныхъ военныхъ.

— А то, что, когда вы изволили въ корчмѣ сидѣть, то я слышалъ, какъ въ народѣ говорили, что вся дорога отъ Сухеднева до Вонхоцка кишитъ польскими головорѣзами, и что они никому ни проходу, ни проѣзду не даютъ.

— Вотъ вздоръ какой,—сказалъ я,—ступай съ Богомъ!

Въ Бзинѣ никакихъ драгунъ не оказалось. Я рѣшился проѣхать до Сухеднева, до котораго было отсюда шесть верстъ. Едва мы отъѣхали полъ-дороги, какъ насъ остановили восемь повстанцевъ, одѣтыхъ на подобіе уланъ. Недолго думая, я схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ нихъ, и они тотчасъ скрылись въ лѣсъ. Телѣга наша поѣхала дальше, но, когда мы приблизились къ почтовой станціи Сухеднева, изъ-за дома выскочила куча вооруженныхъ людей, окружила телѣгу, уставя на меня ружья со взведенными курками. Минута была критическая.

— Что вамъ нужно?—сказалъ я, обнаживъ саблю.

— Сдавайся, сдавайся,—зашумѣли кругомъ,—насъ много, а ты одинъ!

Сзади меня схватили за руки, вырвали саблю и вытащили изъ телѣги. Видя, что сопротивляться безполезно, я послѣдовалъ за толпой. Пестрый и безпорядочный видъ ея поразилъ меня. Многіе были пьяны. На всѣхъ были конфедератки, длинные сапоги, на поясахъ болтались сабли или кинжалы, рѣже сабли или казацкія шашки. Нѣкоторые были въ полушубкахъ. Лядунки съ порохомъ, сумки съ патронами маленькія, большія виднѣлись лишь у немногихъ.

— Куда вы меня ведете? — спросилъ я у одного изъ конвойныхъ.

— До пана Чаховскаго,—отвѣчали мнѣ.

Какъ оказалось, это былъ предводитель захватившей меня банды, составлявшей часть отряда Лангевича, воззваніе котораго къ мятежу находилось у меня въ карманѣ, явившись для меня спасительнымъ предупрежденіемъ, на которое я, однако, не обратилъ вниманія.

Чаховскій находился неподалеку, въ большомъ домѣ, у дверей котораго стояли мятежники. Тутъ я въ первый разъ увидалъ такъ называемыхъ косиньеровъ, т.-е. крестьянъ, вооруженныхъ косами. Косы у нихъ были насажены на древки не подъ прямымъ угломъ, какъ это дѣлается для косьбы травы, а перекованы такъ, что лезвее надѣвалось на древко, какъ рогатина, какъ пика.

Чаховскій былъ здоровенный мужчина лѣтъ пятидесяти, «бунчучная фигура», какъ говорятъ поляки, съ большими усами, мохнатыми длинными бровями, угрюмаго мрачнаго вида. По всему это былъ человѣкъ характера жестокаго и твердаго. Грубымъ, громкимъ голосомъ онъ спросилъ меня, кто я и куда ѣду. Я съ твердостью отвѣчалъ, что ѣду къ своему полку, и подалъ ему бывшія

у меня бумаги, которыя онъ потребовалъ. Онъ осмотрѣлъ ихъ, отдалъ назадъ и обратился къ молодому, юркому адъютанту своему, сказавъ:

— Панъ Бобровскій, отвезите его сами къ Лангевичу.

Бобровскій бросился исполнять полученное приказаніе. Въ мою почтовую телѣгу, запряженную парой, сѣли четыре человѣка конвойныхъ, вооруженные ружьями и пистолетами, въ другой телѣгѣ помѣстился я съ адъютантомъ Чаховскаго, а позади насъ въ третьей телѣгѣ тоже помѣстились четыре человѣка конвоя, вооруженные такъ же, какъ и товарищи. Ѣхали шибко. Въ Вонхоцкѣ поѣздъ былъ окликнутъ аванпостомъ Лангевича.

Вонхоцкъ имѣлъ видъ только что взятаго непріятелемъ города. Вездѣ бродили солдаты, вооруженные различнымъ образомъ: ружьями, косами, саблями, въ темныхъ чемаркахъ и бѣлыхъ крестьянскихъ сукманахъ. Шапки на нихъ были обыкновенныя крестьянскія. Только у офицеровъ были конфедератки. Сапоги почти у всѣхъ были длинные до колѣнъ.

Наша телѣга остановилась у почты, гдѣ была, какъ говорили, квартира воеводы, тогда еще полковника, хотя всѣ называли его генераломъ. У крыльца стояли четыре косиньера, рослыхъ и красивыхъ молодца въ бѣлыхъ кафтанахъ. Косы ихъ были скрещены верхними концами такъ, что подъ ними можно было пройти, какъ подъ арками. Меня ввели въ первую комнату, которая была полна народомъ въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ. Почти все это были польскіе помѣщики, пристaвшіе къ возстанію. Сидѣли, гдѣ попало и какъ попало. Густые клубы табачнаго дыма носились въ воздухѣ. Лица всѣхъ показывали, что только что вышли изъ-за обѣда, за которымъ изрядно было выпито. На диванѣ сидѣлъ воевода Лангевичъ. Ростомъ онъ былъ не высокъ, лицомъ худощавъ, съ густой русой бородкой. Глядѣлъ онъ сумрачно и задумчиво. Сразу видно было, что онъ глубоко озабоченъ и встревоженъ. На немъ была накинута чемарка темнаго цвѣта, обложенная чернымъ каракулемъ. На лѣвой рукѣ у него виднѣлась трехцвѣтная свѣтлая перевязь. Сабля въ блестящихъ ножнахъ, пистолетъ за поясомъ, длинные сапоги со шпорами придавали ему внушительный видъ. Весь штатъ его изъ окружающихъ помѣщиковъ былъ въ черныхъ чемаркахъ. Около него находились двѣ красивыя молодыя женщины въ дамскихъ платьяхъ.

При моемъ появленіи разговоры смолкли, и всѣ съ любопытствомъ стали разглядывать меня. Такъ какъ я хорошо говорилъ по-польски, то отрывочныя восклицанія и замѣчанія, посыпавшіяся вполголоса съ разныхъ сторонъ, скоро показали мнѣ, что положеніе мое не изъ блестящихъ.

— Вздернуть бы этого москаля!

— Надѣть на него красные чулки да и въ воду!

Признаюсь, мысль о красныхъ чулкахъ,—такъ называлось сдираніе кожи съ ногъ,—не представлялась мнѣ заманчивой. Тутъ Лангевичъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ, кто я и какъ попалъ сюда. На это я отвѣтилъ, что ѣхалъ изъ отпуска къ своей ротѣ, и что по этому самому ничего не знаю ни о передвиженіи нашихъ войскъ, ни о ходѣ повстанскаго движенія.

— Для васъ я безполезенъ,—заключилъ я свою рѣчь,—лучше всего отпустите меня, и я возвращусь назадъ.

Лангевичъ покрутилъ усъ и сказалъ медленно:

— То, что вы говорите, вполнѣ резонно, и лично я охотно отпустилъ бы васъ, но сдѣлать самъ я этого не могу, а какъ рѣшитъ совѣтъ. У меня на все совѣтъ,—съ горечью добавилъ онъ,—впрочемъ, насколько это отъ меня будетъ зависѣть, готовъ просить, чтобы васъ отпустили. Господа,—обратился онъ къ своему штабу,—прошу за мной.

Онъ всталъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Окружавшія Лангевича лица вышли съ нимъ въ другую комнату. Совѣщались не долго. Распахнулись двери, Лангевичъ вышелъ и сказалъ мнѣ къ неописанной радости:

— Вы свободны!

Я поклонился и хотѣлъ было отправиться къ выходу, какъ въ комнату вошелъ запыхавшійся, покрытый потомъ гонецъ. Его чемарка была разорвана во многихъ мѣстахъ, лѣвая рука была замотана въ тряпки, сквозь которыя сочилась кровь. Онъ подалъ воеводѣ письмо, которое тотчасъ пошло по рукамъ. Содержаніе его, должно быть, было неблагопріятно для окружающихъ. Лица нахмурились, послышались гнѣвные голоса, и Лангевичъ ушелъ со штабомъ опять въ сосѣднюю комнату. На этотъ разъ совѣщаніе длилось гораздо дольше. Былъ слышенъ горячій споръ. Повидимому, дѣло шло не объ одномъ мнѣ, но это было нѣчто въ родѣ военнаго совѣта.

Между тѣмъ двѣ дамы, сидѣвшія на диванѣ, усадили меня около себя и приказали мальчику въ казакинѣ подать мнѣ приборъ для чая, который они тутъ же и разливали. Узнавъ, что я офицеръ, они, смѣясь и кокетничая, наперерывъ стали говорить.

— Ахъ, панъ поручикъ, поступили бы вы къ намъ. Вамъ дадутъ большое жалованье и цѣлый полкъ, которымъ вы будете командовать. Все равно русскіе солдаты будутъ вскорѣ прогнаны въ Москву. Да если вы теперь и вернетесь къ русскимъ, васъ сочтутъ за измѣнника и повѣсятъ.

Я отвѣчалъ, что послѣдовать ихъ совѣту не могу, но отъ чая не отказался. Пока мы такъ бесѣдовали, Лангевичъ вышелъ къ намъ снова. На этотъ разъ рѣшеніе совѣта было неблагопріятно для меня. Мнѣ было приказано отправиться на квартиру коменданта Козлицкаго, въ вѣдѣніе котораго былъ отданъ Вонхоцкъ.

— Съ вами будутъ обращаться хорошо,—сказалъ воевода:—въ противномъ случаѣ прошу дать мнѣ знать немедленно объ этомъ.

Въ это время послышался звонъ шпоръ, и изъ боковой комнаты, дверей которой я сначала не замѣтилъ, вышелъ красивый, молодой уланъ, котораго я не задолго передъ тѣмъ освободилъ отъ крестьянъ. Я не подалъ вида, что знаю его, но онъ выразительно посмотрѣлъ на меня, давая понять взглядомъ, что онъ тотчасъ узналъ меня, и сталъ шептаться съ Лангевичемъ, уступившимъ ему мѣсто на диванѣ и обращавшимся съ нимъ съ чрезвычайной вѣжливостью. Послѣ предварительнаго разговора съ этимъ уланомъ Лангевичъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Идите и не безпокойтесь ни о чемъ, я васъ вскорѣ навѣщу самъ.

Меня провели въ домъ коменданта. Здѣсь мнѣ отведена была чистая и удобная комната. Слуга внесъ мой чемоданъ. Привыкнувъ къ походной военной жизни, признаюсь, не видѣлъ ничего особеннаго въ моемъ приключеніи.

Окно моей комнаты выходило на площадь, по которой проѣзжали повозки, бродили солдаты. Нѣсколько домовъ съ выбитыми стеклами свидѣтельствовали, что они покинуты ихъ обитателями. Ко мнѣ пришелъ мой ямщикъ, котораго тоже задержали со мной. Онъ мнѣ разсказалъ, что Лангевичу живется здѣсь хорошо. Все у него есть, и со всѣхъ сторонъ съѣзжаются къ нему окрестные паны.

— Ну, военная сила у него не велика,—говорилъ старый вояка:—человѣкъ шестьсотъ, и знаете, ваше благородіе, безъ всякаго обученія. Пороху у нихъ нѣтъ. Противъ одной нашей роты всему ихъ войску не устоять.

— Есть ли у нихъ артиллерія?—спросилъ я.

— Какъ же есть: двѣ деревянныя пушки съ желѣзными обручами.

Въ этотъ же день воевода прислалъ мнѣ самоваръ, чаю и сахару. Я легъ спать съ спокойнымъ сердцемъ. Утромъ рано разбудилъ меня барабанный бой. На площади строилась банда Лангевича. Спереди въ шеренгу стояли люди съ косами, второй рядъ образовали стрѣлки, а въ третью шеренгу встали люди безъ всякаго оружія. Шумъ, крики, а главное стукъ барабановъ произвели волненіе въ городѣ. Изъ смежныхъ улицъ сбѣгались мальчишки-мастеровые. Особенно много было евреевъ и женщинъ. Вскорѣ показался верхомъ на конѣ Лангевичъ, котораго сопровождалъ мой знакомецъ, молодой уланъ, бывшій его адъютантомъ. Весь штабъ воеводы ѣхалъ сзади. Козлицкій съ озабоченнымъ видомъ вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Потрудитесь одѣваться, мы сейчасъ выступаемъ.

— Что такое?—спросилъ я.

— Сильный русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Марка подступаетъ къ Вонхоцку.

— А не знаете ли, какими частями онъ командуетъ?—наивно спросилъ я.

— У него есть казаки, саперы и, должно быть, половина вашего Могилевскаго пѣхотнаго полка. Какъ видите, донесенія нашихъ лазутчиковъ весьма точны.

Въ это время раздались отдаленные пушечные выстрѣлы.

— Такъ не угодно ли поторопиться,—сказалъ Козлицкій.

Сборы мои были недолги. Я сунулъ первыя попавшіяся вещи въ чемоданъ, застегнулъ его и вышелъ на крыльцо. Моя почтовая телѣга съ ямщикомъ Иваномъ Семеновымъ выѣзжала со двора. Я сѣлъ въ нее, ко мнѣ посадили польскаго стрѣлка и приказали ѣхать за отрядомъ.

Въ городѣ господствовало всеобщее смятеніе. Закрывали магазины, ставни домовъ, окна, двери. Слышался плачъ дѣтей, рыданіе женщинъ. Изъ присоединявшихся къ уходившей бандѣ повозокъ и телѣгъ образовался длинный обозъ. Позади выстрѣлы все учащались. Мимо насъ проскакало нѣсколько кавалеристовъ съ донесеніями къ Лангевичу. Вскорѣ городъ остался позади. Мы шли по направленію къ Свентокшишскимъ горамъ по глухой лѣсной дорогѣ.

Но вотъ отрядъ остановился, и сдержанный крикъ пронесся по рядамъ. Я обернулся: огромные клубы дыма поднимались надъ только что оставленнымъ нами городомъ, который, какъ оказалось, былъ зажженъ со всѣхъ сторонъ вступившимъ въ него генераломъ Маркомъ.

Ночевать мы остановились въ лѣсу. Ямщикъ раздобылъ охапку сѣна и бросилъ мнѣ въ телѣгу. Конвойный мой куда-то исчезъ.

— Ваше благородіе,—сказалъ мнѣ старый вояка:—тутъ изъ нашихъ одинъ плѣнный есть. Должно быть, изъ казаковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ я радостно.

— Онъ тутъ неподалеку сидитъ; надо полагать, давеча, какъ смеркаться стало, доставили. Да вамъ бы посмотрѣть, не признаете ли его.

Я осторожно сползъ съ телѣги, и мы, пользуясь сумерками, пробрались въ середину нашего становища. Рядъ возовъ окружалъ большую палатку, гдѣ находился воевода. Косиньеры ходили вокругъ нея. Въ лѣсу горѣло нѣсколько десятковъ костровъ, слышался звонъ посуды, котловъ, оружія, раздавались стуки топора; точно орда варваровъ наполнила лѣсъ и готовилась устроить въ немъ свое жилище. Птицы съ шумомъ срывались съ пушистыхъ, осыпанныхъ снѣгомъ, вѣтвей, невидимыя вороны съ карканьемъ носились надъ лѣсомъ... Это была живописная и въ то же время дикая картина. Запахъ жаренаго мяса и сала, печенаго хлѣба

возбуждалъ аппетитъ проголодавшихся ратниковъ. Вино лилось въ изобиліи, пьяные голоса кое-гдѣ заводили разгульныя пѣсни.

И теперь, и послѣ меня поражала удивительная растерянность повстанцевъ, ихъ полное неумѣнье пользоваться обстоятельствами, ихъ полное незнаніе самыхъ простыхъ военныхъ пріемовъ и ихъ небрежное отношеніе не только къ окружающимъ, но даже къ самимъ себѣ. Мнѣ пришлось участвовать въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ горцевъ на Кавказѣ. Приходилось тоже сражаться въ лѣсахъ, таскаться по горамъ, но какая разница между черкесами и поляками! Тѣ каждый шагъ, каждую пядь земли уступаютъ только со своей кровью, а повстанцы бѣжали изъ Вонхоцка, едва обмѣнявшись аванпостными выстрѣлами со смоленцами. У горцевъ нѣтъ никакой тактики, или, лучше сказать, своя природная тактика. Они прячутся за деревьями, за камнями, лежатъ въ засадѣ и стрѣляютъ убійственно мѣтко. Выбить ихъ изъ занятой позиціи неимовѣрно трудно, и когда наши солдаты бросаются въ штыки, а нѣтъ въ въ мірѣ пѣхоты крѣпче и страшнѣе въ рукопашномъ бою, какъ русскіе, горцы встрѣчаютъ ихъ пиками и саблями, и бѣгутъ только тогда, когда большая часть ихъ уже перебита. А повстанцы большею частью не допускали насъ до рукопашнаго боя. При первыхъ признакахъ они бросались въ непроходимую чащу, въ горы, гдѣ ихъ нельзя было преслѣдовать. Но я увлекаюсь впередъ. Возвращаюсь къ своему разсказу.

Не найдя плѣнника, про котораго говорилъ мнѣ ямщикъ, никѣмъ не замѣченный, я вернулся къ своей телѣгѣ. У меня явилась мысль бѣжать. Это было, повидимому, такъ легко.

Я съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться, когда лагерь угомонится. Но шумъ не смолкалъ. Иногда раздавались бранные голоса. Раза два поднималась драка, и гнѣвные начальническіе крики раздавались во каркѣ. Со стороны Вонхоцка виднѣлось громадное багровое зарево. Не было сомнѣнія, что городъ пылалъ весь. Такъ это и оказалось въ дѣйствительности. Городъ былъ зажженъ по совѣту адъютанта намѣстника, графа Комаровскаго. Наконецъ, наше становище стало понемногу утихать. Густой храпъ слышался изъ-подъ телѣгъ и возовъ. Многіе ложились прямо на землѣ на охапкѣ соломы или кое-какой рухляди. Но было тепло и даже немного таяло...

Я приподнялся и кинулъ вокругъ себя пытливый взглядъ. Все было спокойно. Я медленно пошелъ по лагерю (бѣжать было опасно, потому что это могло бы показаться подозрительнымъ, если бы кто невзначай обратилъ на меня вниманіе). Выбравшись за предѣлы становища, я прямо направился къ Вонхоцку, руководясь заревомъ, виднѣвшимся между деревьями. Итти было трудно. Вѣковой лѣсъ никогда не очищался. Снѣгу было немного, но валежникъ и сухой хворостъ до такой степени затрудняли дорогу, что я весьма мед-

ленно подвигался впередъ. Но вотъ лѣсъ сталъ рѣдѣть. Я вышелъ на большую поляну, которую пересѣкалъ заросшій орѣшникомъ оврагъ. По ту сторону оврага виднѣлись мелькающія тѣни. Я, какъ вкопанный, остановился и нѣсколько мгновеній пристально разсматривалъ эти тѣни:

— Волки,—мелькнуло у меня въ головѣ.

Когда я перебрался на ту сторону, то дѣйствительно замѣтилъ множество волчьихъ слѣдовъ. Не обращая на нихъ вниманія, я поспѣшно углубился въ лѣсъ, который былъ еще угрюмѣе и глуше того, изъ котораго я только что вышелъ. Здѣсь деревья были такъ высоки и такъ сплелись верхушками, что неба не было видно, и зарево пожара, служившее мнѣ указаніемъ пути, исчезло. Долго шелъ я наугадъ, стараясь держаться прямого направленія, и къ своему удивленію и огорченію вернулся опять къ тому же оврагу, отъ котораго началъ свой путь. Я выбился изъ силъ и сѣлъ на землю.

— Надо подождать разсвѣта,—подумалъ я.

Но это было опасно. Я рѣшилъ немного отдохнуть и пожалѣлъ, что напрасно не пошелъ вдоль оврага; тогда бы я все-таки ушелъ дальше отъ польской шайки.

Такъ я и сдѣлалъ. Долго я шелъ вдоль оврага, пока лѣсъ не порѣдѣлъ. Блѣдные лучи разсвѣта упали на землю, заалѣла нѣжная заря, столь прекрасная въ тихіе зимніе дни. Необозримое поле, покрытое ровнымъ снѣгомъ, разстилалось передо мною. Гдѣ я находился, я не зналъ.

По ту сторону поля, насколько могъ хватить глазъ, виднѣлись жилища, и тонкая струя дыма изъ крайняго дома поднималась прямая и неподвижная, вертикально въ самое небо. До того былъ спокоенъ чистый и прозрачный воздухъ.

Какъ ни было рискованно выходить изъ лѣсу въ открытое пространство, я рѣшился пойти къ этому жилью, разсчитывая, что слишкомъ рано, и врядъ ли кто разглядитъ меня въ поляхъ. Скоро я нашелъ дорогу, по которой, вѣроятно, ѣздили въ лѣсъ за дровами, и итти стало гораздо легче.

II.

По мѣрѣ того, какъ я приближался къ показавшемуся дому, я все болѣе и болѣе убѣждался, что это—барская усадьба, какія обыкновенно встрѣчаются въ томъ краю. Барскій домъ, обнесенный плетеной изгородью, прилегалъ къ самой деревнѣ, состоявшей изъ мелкихъ, жалкихъ избъ, покрытыхъ соломой. Кусты вишняка и низкорослыхъ яблонь виднѣлись между этими избами. Барскій особнякъ смотрѣлъ хмуро и непривѣтливо. На дворѣ залаяла собака, почуявъ мое приближеніе. Но лай ея, повидимому, не обра

тилъ ничьего вниманія. Я перелѣзъ черезъ заборъ и очутился въ саду, маленькія нѣжныя деревья котораго были у дома укутаны рогожами. Я подошелъ къ дому, ища входа, и заглянулъ въ окна.

Въ угловой комнатѣ мнѣ представилась странная картина: на большой двухспальной кровати лежалъ старикъ съ блѣднымъ, осунувшимся лицомъ и съ исхудалыми тонкими руками. Повидимому, онъ спалъ или находился въ забытьѣ. На столикѣ въ головахъ у него стояли склянки съ лѣкарствами, баночки, графинъ съ питьемъ. Не было сомнѣнія, что это былъ трудно больной. Въ той же комнатѣ у противоположной стѣны сидѣлъ на диванѣ другой старикъ съ пушистыми усами и добродушнымъ лицомъ. На немъ былъ халатъ, теплыя туфли, расшитые бисеромъ. Къ моему удивленію, передъ нимъ находилась шахматная доска, на которой онъ отъ времени до времени передвигалъ фигуры, взглядывая на страницу книги или газеты, на которой, должно быть, была напечатана та шахматная партія, которую онъ изучалъ.

Все это было такъ неожиданно, что я невольно воскликнулъ:

— Ахъ, чортъ возьми, да вѣдь это Петровъ!

Я уже давно слыхалъ про Петрова, который былъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ журналѣ англійскаго шахматнаго клуба признанъ первымъ шахматнымъ игрокомъ того времени. Онъ игралъ со всѣми лучшими игроками стараго и новаго свѣта, и всѣхъ ихъ обыгралъ за исключеніемъ Морфи, который отклонился отъ игры съ нимъ и такимъ образомъ призналъ себя, какъ бы побѣжденнымъ. Множество разсказовъ ходило про Петрова. Разсказывали, что въ Вѣнѣ въ шахматномъ клубѣ онъ подсѣлъ къ двумъ сильнымъ игрокамъ, и видя, что одинъ медлитъ выходомъ, попросилъ позволенія играть вмѣсто него. Играющіе согласились. Тогда онъ выступилъ пѣшкой. Оба игрока сказали въ одинъ голосъ:

— Вы—Петровъ!

Петровъ самъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ случаѣ съ большимъ увлеченіемъ. Какъ давнишній житель царства Польскаго, Петровъ, сроднившійся съ поляками, относился къ нимъ сочувственно, и впослѣдствіи многія офиціальныя русскія лица называли его повстанцемъ.

— Вотъ тебѣ на,—сказалъ, я подумавъ:—да это Осекъ, майоратъ Погодина. Петровъ женатъ на его дочери. Должно быть, это самъ Погодинъ и лежитъ. Я слышалъ, что онъ сильно занемогъ. Онъ былъ генералъ-интендантомъ первой польской арміи при Паскевичѣ. Такъ, стало быть, Петровъ пріѣхалъ навѣстить его. Можно сказать, что я теперь избавился отъ бѣды, потому что Петровъ все-таки русскій человѣкъ и не выдастъ меня. Ну, и крѣпко же спятъ здѣсь. Песъ даже надорвался отъ лая, а никто не слышитъ. Вѣдь, должно быть, всѣ двери заперты.

Я постучалъ въ окно. Но сквозь двойныя зимнія рамы стукъ былъ плохо слышенъ, или шахматистъ настолько былъ углубленъ въ свое занятіе, что не обращалъ никакого вниманія на окружающее... Тогда я постучалъ сильнѣе. Дверь въ комнату больного отворилась, и показалась экономка со свѣчею въ рукахъ. Увидавъ въ окнѣ мое лицо, она выразила ужасъ и, повидимому, вскрикнула, потому что Петровъ поднялъ голову и тоже поглядѣлъ на меня. Потомъ онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ садъ. Подозвавъ экономку, онъ, должно быть, приказалъ ей отпереть дверь, потому что она ушла.

На переднемъ крыльцѣ послышалось скрипѣніе петель, и вышелъ заспанный слуга въ сюртукѣ и штанахъ изъ сѣраго домашняго сукна. Я вошелъ въ домъ, очень помѣстительный и заставленный старинной мебелью. Потемнѣвшіе портреты украшали стѣны большой залы, въ которую я вступилъ. Бѣлые, лакированные стулья съ позолотой и такія же бѣлыя деревянныя скамьи въ простѣнкахъ составляли ея меблировку. Вскорѣ вышелъ Петровъ въ томъ же халатѣ и въ ермолкѣ на головѣ, и я въ короткихъ словахъ объяснилъ, откуда я. Онъ выслушалъ меня довольно разсѣянно и сказалъ:

— Ну, что же, милости просимъ! Мѣста на всѣхъ хватитъ. Вотъ у насъ докторъ ночуетъ, мой тесть очень боленъ.

— Я васъ не стану стѣснять,—сказалъ я:—если бы вы могли дать мнѣ лошадей, я могъ бы выѣхать, когда угодно, какъ только ободняетъ.

— Ну, нѣтъ, что вы! Я сейчасъ прикажу подать вамъ закусить, и вамъ покажутъ, гдѣ вы можете отдохнуть съ дороги.

Явился слуга, за нимъ экономка, и они провели меня въ большую комнату, выходившую окнами тоже въ садъ. Здѣсь стояли двѣ кровати, приготовленныя на случай гостей, какъ это водилось въ старину, съ чистыми простынями и наволочками. Прекрасный мраморный умывальникъ, въ который экономка приказала тотчасъ же налить свѣжей воды, съ различными щеточками, душистыми мылами и расшитыми красными и синими узорами полотенцами имѣлъ нарядный видъ. Тутъ стояли два письменныхъ стола съ перьями и чернильницами съ засохшими чернилами. Нѣсколько книгъ въ желтыхъ кожаныхъ переплетахъ съ тисненными золотомъ корешками виднѣлось на полкѣ. Мнѣ бросились въ глаза нѣкоторыя названія: «Кадмъ и Гармонія», «Ключъ къ таинствамъ натуры» Эккартсгаузена, «Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ».

Пока я совершалъ свой туалетъ, въ сосѣдней комнатѣ двигали стульями, звенѣли посудой. И когда я вышелъ туда, причесанный и даже надушенный одеколономъ, стоявшимъ на умывальникѣ, то столъ тамъ былъ уже накрытъ. На немъ кипѣлъ небольшой поль-

скаго серебра самоварчикъ, на серебряныхъ тарелочкахъ были разложены домашній сыръ, яйца, масло, а въ сотейничкахъ виднѣлись котлеты, румяно обжаренная курица, на блюдѣ лежалъ окорокъ ветчины, въ высокой банкѣ были поданы маринованные дупеля и бекасы; кромѣ того, въ сухарницѣ лежала цѣлая груда домашняго печенья, булочки, лепешечки, а на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ сидѣлъ каравай прекрасно выпеченнаго бѣлаго хлѣба. Розовыя, темно-красныя и оранжевыя наливки стояли рядомъ съ бутылками добраго венгерскаго и стараго меду, безъ которыхъ не обходится въ томъ краю никакое угощеніе. Мы привыкли къ хлѣбосольству русскихъ помѣщиковъ, хотя въ то время ихъ въ Западномъ краю было очень немного, но, тѣмъ не менѣе, видъ обильно заставленнаго яствами и напитками стола былъ мнѣ очень пріятенъ, въ особенности послѣ ночного скитанія въ лѣсу, во время котораго я порядочно проголодался. Вскорѣ пришелъ Петровъ и принялся меня радушно угощать. Осушивъ нѣсколько стакановъ вина, я обогрѣлся и пришелъ въ самое безмятежное расположеніе духа. Но въ это время явился казачокъ съ озабоченнымъ, испуганнымъ лицомъ и что-то шепнулъ Петрову. Тотъ поспѣшно всталъ и, извинившись, ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ господинъ съ густой бородой, въ очкахъ. Онъ воскликнулъ торопливо, обращаясь ко мнѣ:

— Пожалуйста, поскорѣе пришлите шампанскаго. Теперь на него одна надежда.

И онъ скрылся. Какъ оказалось, это былъ докторъ. Въ домѣ разнеслась вѣсть, что старому барину, Погодину, очень худо. Мнѣ неловко было оставаться одному за столомъ, и я вернулся въ ту комнату, гдѣ мнѣ была приготовлена постель. Черезъ нѣкоторое время вошелъ Петровъ съ лицомъ, по которому струились слезы, и воскликнулъ:

— Господи, онъ умеръ!

Затѣмъ онъ такъ же неожиданно вышелъ, какъ и явился. Въ домѣ поднялась суматоха. Въ залѣ съ бѣлой лакированной мебелью поставили большой столъ въ углу. Покойника обмыли и обрядили яо внутреннихъ комнатахъ, послѣ чего перенесли въ залу и положили на столъ, покрытый бѣлымъ покрываломъ. Картины и зеркала покрыли простынями, зажгли восковыя свѣчи. Явившійся старый дворовый сталъ въ головахъ покойника, скороговоркой читая псалтырь. Въ комнатахъ распространился тотъ тяжелый, душный запахъ, который всегда бываетъ тамъ, гдѣ лежитъ мертвое тѣло, и сопровождается запахомъ ладана, тлѣющихъ фитилей, топленаго воска и деревяннаго масла.

«Мнѣ здѣсь рѣшительно невозможно оставаться,—подумалъ я,—тутъ семейное горе, мое пребываніе является лишнимъ и неделикатнымъ».

Я рѣшился пойти въ конюшню и поискать себѣ лошадей. Тамъ находилось много упряжныхъ и верховыхъ лошадей. Лошади же, употребляемыя для работъ, мохнатыя и малорослыя, находились въ другомъ помѣщеніи. Конюха уже занимались своимъ дѣломъ. Одни чистили лошадей, другіе ссыпали овесъ. Всѣ они почтительно встали при моемъ приближеніи, но мнѣ было неудобно отдавать имъ приказанія и вообще хозяйничать безъ вѣдома владѣльцевъ усадьбы. А между тѣмъ медлить было нечего. Пока я бродилъ по двору, послышался топотъ скачущихъ лошадей и громкіе крики.

«Да это повстанцы»,—мелькнуло у меня въ головѣ.

Недолго думая, я вошелъ въ пустой денникъ и притаился тамъ за кулями овса. Повстанцы остановились у крыльца, вошли въ домъ, гдѣ пробыли недолго, и ускакали опять. Когда все кругомъ затихло, я вышелъ изъ своего убѣжища и пришелъ къ Петрову, который разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Между прискакавшими повстанцами находился одинъ сандомірскій помѣщикъ, баронъ Райскій, бывшій хорошимъ знакомымъ Петрова. Райскій вошелъ въ домъ въ сопровожденіи семи вооруженныхъ товарищей. Петровъ, отличавшійся большимъ хладнокровіемъ, не показалъ и виду, что считаетъ появленіе нежданныхъ гостей чѣмъ нибудь страннымъ или неожиданнымъ. Напротивъ, онъ прямо пригласилъ Райскаго къ столу, на которомъ еще оставалось угощеніе, поданное намъ. Райскій налилъ большой стаканъ венгерскаго и, поднявъ его, воскликнулъ:

— Zdrowie powstańców! (за здоровье повстанцевъ).

— Что это вы, батенька! — сказалъ хозяинъ добродушно.

Тогда Райскій сурово проговорилъ:

— Цѣль моего прибытія къ вамъ состоитъ въ томъ, чтобы отобрать у васъ всякое оружіе, какое только найдется. На это у меня есть приказъ сандомірскаго воеводы Лангевича, стоящаго неподалеку съ большимъ отрядомъ.

Петровъ нисколько не сопротивлялся и сказалъ:

— Пусть осмотрятъ весь домъ и возьмутъ, что нужно.

Люди Райскаго пошли по комнатамъ, а онъ остался съ Петровымъ. Въ это время явился священникъ съ причтомъ служить панихиду около тѣла покойнаго. Когда Райскій услыхалъ чтеніе псалтыря и спросилъ, что это такое, ему отвѣтили, что въ домѣ покойникъ. Онъ вышелъ въ залу, поклонился тѣлу усопшаго, принялъ благословеніе по православному обычаю отъ священника и собралъ своихъ товарищей. Послѣ этого они взяли только часть захваченнаго оружія и ускакали.

По распоряженію Петрова, мнѣ дали повозку съ парой лошадей, и я поѣхалъ по направленію къ Кѣльцамъ. Я благополучно сдѣлалъ нѣсколько верстъ, и намъ надо было переѣзжать мостъ

около старой мельницы. Несмотря на зимнее время, колесо вертѣлось, и вода съ плескомъ падала внизъ. Едва мы спустились къ плотинѣ, нѣсколько повстанцевъ кинулись къ повозкѣ. Двое схватили лошадей подъ уздцы, а человѣка три съ косами бросились на насъ.

Я захватилъ пару пистолетовъ, данныхъ мнѣ Петровымъ изъ кучи оружія, оставленнаго Райскимъ. Я взвелъ курокъ и выстрѣлилъ въ косиньера, коса котораго уже была направлена на меня. Повстанецъ зашатался. Въ это время меня ударили чѣмъ-то тяжелымъ по плечу, но ударъ пришелся частью въ спинку повозки, чѣмъ была ослаблена его сила. Внезапно съ козелъ раздался выстрѣлъ моего возницы. Не ожидая такого отпора, повстанцы пришли въ замѣшательство, а когда я выстрѣлилъ въ нихъ еще разъ, то они побѣжали къ мельницѣ.

Мой возница ударилъ по лошадямъ, которыя пустились вскачь, но въ ту же минуту впереди на дорогѣ показалось человѣкъ тридцать польскихъ всадниковъ. Они были одѣты однообразно: въ синіе казакины, поверхъ которыхъ были надѣты темнокоричневые плащи съ башлыками сзади. На ихъ головахъ были мерлушковыя шапки. На синихъ чепракахъ виднѣлось изображеніе бѣлой адамовой головы. Эти всадники имѣли пики съ бѣлорозовыми флюгерами, сабли и пистолеты. Они преградили намъ дорогу и окружили повозку. Сопротивляться было безполезно. Четыре всадника спѣшились и повели меня къ начальнику отряда, составлявшему часть банды помѣщика Казимира Богдановича, богатаго человѣка, владѣвшаго помѣстьемъ Надрыбьемъ. Все это я узналъ впослѣдствіи. Начальникъ отряда былъ одѣтъ такъ же, какъ и его солдаты. Два офицера, украшенные фантастическими бантами и лентами, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, сказали, что надо связать меня и отправить куда-то за Вислу. Но въ это время съ мельницы прибѣжали повстанцы, нападавшіе на меня. Они съ крикомъ стали требовать, чтобы я былъ наказанъ. При этомъ они говорили о своихъ ранахъ и о томъ, что есть одинъ убитый.

— Э, повѣсить его мы всегда успѣемъ,—сказалъ начальникъ.

Банда тронулась въ путь. Повозка моя слѣдовала сзади. Меня оставили въ ней, посадивъ въ нее конвойнаго. Нѣсколько времени всадники ѣхали шагомъ, потомъ они перешли на рысь, и повозка моя отстала.

Тогда я подумалъ, что мнѣ надо позаботиться и о себѣ.

По обѣимъ сторонамъ дороги находился густой лѣсъ, которымъ изобиловалъ весь тотъ край. Пользуясь тѣмъ, что вниманіе моего конвойнаго было обращено на всадниковъ, я быстро соскочилъ съ повозки и бросился отъ него въ лѣсъ; онъ пустился было за мной, но я, пользуясь чащей деревьевъ, благополучно скрылся отъ моего преслѣдователя. Охваченный непреодолимымъ желаніемъ уйти отъ

непріятеля, чувствуя приливъ энергіи, подъемъ силъ, я бѣжалъ впередъ, какъ дикій звѣрь, и если бы кто преградилъ мнѣ дорогу, я не поколебался бы тотчасъ убить его. Но меня окружала глухая лѣсная чаща. Казалось, стволы мшистыхъ деревьевъ сдвигались все ближе и ближе, и ихъ густыя вѣтви закрывали совершенно стволы.

Долго я кружился по лѣсу, стараясь запутать свои слѣды, боясь, чтобы повстанцы не нашли меня по нимъ. Но кругомъ было тихо, и, повидимому, никто не думалъ преслѣдовать меня. Такъ блуждалъ я до вечера, пока не замѣтилъ между деревьями огонька. Осторожно приблизившись, я увидалъ, что это—становище угольщиковъ. Объ этомъ я догадался по сложеннымъ кучамъ дровъ, засыпаннымъ землей и подожженнымъ снизу. Дымъ курился надъ этими кучами, дрова продолжали тамъ тлѣть, пока не обращались въ уголья. А сами угольщики вырыли себѣ землянку, обложивъ ее сверху хворостомъ и вѣтвями, и жили здѣсь въ продолженіе зимы. Не трудно было догадаться, что проѣзжая дорога находилась неподалеку, а равно и какая нибудь деревня, откуда они носили себѣ хлѣбъ и вообще нужное пропитаніе. Все это такъ и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Угольщиковъ было четыре человѣка. Это были рослые молодцы съ такими разбойничьими лицами, что было жутко повстрѣчаться съ ними въ лѣсу, но мнѣ выбирать не приходилось, и я, не колеблясь, отправился къ нимъ навстрѣчу. Сверхъ всякаго ожиданія они встрѣтили меня привѣтливо. У нихъ я обогрѣлся и поѣлъ свѣжей рыбы съ хлѣбомъ. Когда я имъ далъ серебряную мелочь, находившуюся при мнѣ, то они объявили, что доставятъ меня къ русскому отряду, находившемуся, по ихъ словамъ, недалеко отсюда. Я былъ такъ утомленъ, что легъ на рогожу и заснулъ, какъ убитый. Мнѣ приснился странный сонъ.

Мнѣ представилось, будто я бѣгу въ пороховомъ дыму подъ непріятельскими пулями къ монастырской оградѣ, полуразрушенной пушечными выстрѣлами. За мной идутъ съ опущенными штыками наши солдаты. У воротъ монастыря рубятся казаки и поляки. Я проникаю черезъ ограду и на могильномъ памятникѣ вижу упавшую дѣвушку съ лицомъ, закрытымъ разсыпавшимися густыми каштановыми волосами. Громадный широкоплечій донской казакъ занесъ надъ ней шашку, готовясь разрубить ей голову. Я схватилъ его за руку и съ неимовѣрной силой оттолкнулъ его прочь. Онъ повернулъ ко мнѣ изступленное лицо, разгоряченное боемъ, очевидно, не понимая, что съ нимъ произошло, и смотря на меня въ какомъ-то остолбенѣніи. Дѣвушка проворно поднялась, волосы ея упали, и я увидѣлъ передъ собой Анну Пустовойтову, воспитанницу Пулавскаго института, въ которую я былъ влюбленъ. Но вдругъ около насъ раздался сильный взрывъ, облако дыма, пыли

и песку омрачило воздухъ. Когда я опомнился, Анна куда-то исчезла.

Я проснулся и глубоко задумался. Гдѣ теперь она? Куда увлекла ее ея пылкая, богато одаренная, своенравная и необузданная натура? Но тутъ я долженъ вернуться назадъ и разсказать о моемъ знакомствѣ съ Пустовойтовой.

III.

Года два тому назадъ мнѣ пришлось быть по службѣ въ Житомірѣ. Пребываніе въ этомъ городѣ оставило во мнѣ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе. Дѣло было въ первыхъ числахъ августа. Получивъ назначеніе отправиться въ Житоміръ, я поѣхалъ туда изъ Бердичева, находящагося отъ него въ сорока верстахъ. Дорога была прекрасная, гладкая и ровная. Чѣмъ болѣе мы приближались къ Житоміру, тѣмъ мѣстность становилась все лѣсистѣе, и верстъ за пятнадцать отъ города по обѣимъ сторонамъ дороги тянулась вѣковая пуща. Дорога была пустынная. Изрѣдка проѣзжалъ шляхтичъ въ таратайкѣ или крестьянинъ въ телѣгѣ, но зато два раза мнѣ пришлось повстрѣчаться съ еврейской балагулой, совершавшей правильные рейсы между этими двумя городками. Эта фура напоминала Ноевъ ковчегъ. Еще за версту слышался необычайный звонъ бубенчиковъ, колокольчиковъ, погремушекъ, побрякушекъ, какими были обвѣшаны лошади или сбруя, затѣмъ показывалось какое-то страшилище на четырехъ громадныхъ колесахъ. Невозможно было себѣ представить болѣе уродливаго и безобразнаго экипажа. Онъ состоялъ изъ двухъ ярусовъ. Въ нижнемъ внутри сидѣли старики и евреи въ сколько нибудь приличной одеждѣ, но зато наверху, сбившись въ кучу, виднѣлась такая бердичевская выставка курчавыхъ, рыжихъ, черныхъ и сѣдыхъ головъ, и все это одѣто было въ такія яркія тряпки, лица и руки были такъ испачканы, а главное это все такъ шумѣло и галдѣло, что казалось, что это валитъ какая-то дикая орда. Двѣнадцать лошадей по четыре въ рядъ тащили эту махину, а двѣнадцать другихъ лошадей запасныхъ, привязанныхъ сзади, бѣжали за колымагой. Возница хлопалъ бичемъ, издавая гортанные звуки, пассажиры тоже шумѣли, насколько могли, и въ такомъ видѣ эта фура катилась по молчаливымъ громаднымъ еловымъ лѣсамъ, сквозь которые была прорублена гладко накатанная дорога.

Когда я обогналъ такую колымагу, то ямщикъ сказалъ мнѣ, что за конецъ до Бердичева наверху берутъ десять копеекъ. Впослѣдствіи, когда проложили узкоколейную Бердичевскую дорогу, колымаги эти исчезли, но онѣ сохранились и до настоящаго времени по кіевскому тракту.

Уже скалистые берега Тетерева были неподалеку, какъ начало смеркаться. Туманъ заклубился въ лощинѣ, по которой протекала

невѣдомая мнѣ рѣчка. Между деревьями пылалъ большой костеръ, и оттуда слышалось согласное пѣніе. Около дороги стоялъ, заложивъ руки въ карманы, высокій, красивый мужчина въ венгеркѣ съ золотымъ шнуромъ на рейтузахъ. Когда я подъѣхалъ, къ нему подбѣжала молодая дѣвушка быстрая, живая съ великолѣпными карими глазами, густыми каштановыми волосами, съ прекраснымъ лицомъ, на которомъ горѣлъ густой румянецъ. Грудь ея высоко вздымалась. Высокая, стройная, въ свѣтломъ платьѣ изъ лѣтней матеріи, обрисовывавшемъ ея изящную фигуру, она держала въ рукахъ вѣнокъ, сплетенный изъ полевыхъ цвѣтовъ, и съ оживленіемъ стала что-то разсказывать господину въ венгеркѣ. У меня сильно забилось сердце при взглядѣ на нее, и до сихъ поръ я помню странную робость, охватившую меня при видѣ ея. Все померкло въ моихъ глазахъ, предо мной неотступно стояло только ея смѣющееся лицо съ блестящими зубами, предо мной сверкали ея огненные глаза. Я никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Невольно я тронулъ ямщика за кушакъ. Лошади остановились.

Господинъ, узнавъ во мнѣ русскаго офицера, вѣжливо приподнялъ шляпу. Я всталъ и отвѣтилъ тѣмъ же. Въ это время жидовская балагула, столь подробно описанная мною, догнала мою бричку и своимъ громаднымъ колесомъ зацѣпила за нее. Въ бричкѣ что-то звякнуло, треснуло, она едва не опрокинулась, а колымага, какъ ни въ чемъ не бывало, покатилась съ шумомъ, грохотомъ и звономъ дальше. Молодая дѣвушка громко расхохоталась. Мой ямщикъ слѣзъ съ козелъ и принялся браниться; оказалось, что ось у моего экипажа была сломана.

Изъ лѣсу вышло еще нѣсколько человѣкъ, и, узнавъ, что я ѣду въ Житоміръ, предложили присоединиться къ ихъ компаніи. Оказалось, что нѣсколько русскихъ семействъ устроили пикникъ, въ самый разгаръ котораго я и попалъ сюда. Спѣшить мнѣ было некуда, меня представили участникамъ пикника, между которыми было нѣсколько дамъ. Молодая дѣвушка, произведшая на меня столь сильное впечатлѣніе, была Анной Теофиловной Пустовойтовой. Почти всѣ молодые люди, бывшіе здѣсь, ухаживали за ней. Она была душею общества, центромъ маленькаго кружка. Ея затѣи исполнялись безпрекословно.

Она побѣжала и прыгнула черезъ костеръ, и молодые люди побѣжали за нею. Она затѣяла игру въ горѣлки, и мы бѣгали, ловя другъ друга. Когда она «горѣла», я старался поддаться ей, а когда пришла моя очередь «горѣть», то я рѣшилъ непремѣнно поймать ее. Она стала за моей спиной съ какимъ-то высокимъ бѣлокурымъ помѣщикомъ. Они дружно пустились бѣжать по полянѣ, но я не давалъ имъ соединиться. Помѣщикъ скоро запыхался, а она, какъ серна, помчалась отъ меня, но я ее догналъ и крѣпко сжалъ въ объятіяхъ. Она вдругъ положила мнѣ обѣ руки на плечи, оберну-

лась и, обдавая меня жаркимъ взглядомъ, медленно переводя духъ, произнесла:

— Какъ вы хорошо бѣгаете!

Это мгновеніе запечатлѣлось у меня навѣки, и я, какъ сейчасъ, помню ея потемнѣвшіе глаза, ея горячія руки на моихъ плечахъ, ея упругій тонкій станъ, который я крѣпко сжалъ.

Ось моей брички перевязали веревками, и уже наступила ночь, и небо было усѣяно звѣздами, когда мы тронулись цѣлымъ поѣздомъ къ Житоміру. Ѣхали въ колякахъ, въ долгушахъ; многіе были верхомъ, въ томъ числѣ и Анна Теофиловна. Она ѣздила, какъ истый кавалеристъ.

Когда мы выѣхали изъ лѣсу, длинный спускъ потянулся къ рѣкѣ. Городъ лежалъ по ту сторону Тетерева на гористомъ берегу. Огоньки мелькали въ окнахъ домовъ, утопавшихъ въ садахъ. Мелководный Тетеревъ былъ довольно широкъ, и мы переѣхали черезъ него по деревянному мосту.

Житоміръ издавна считался панскимъ городомъ. Въ немъ проживало много помѣщиковъ, губернаторъ, чиновники. Въ немъ не замѣчалось торговаго оживленія; всю торговлю перетянулъ къ себѣ сосѣдній Бердичевъ.

Я остановился въ «Римской» гостиницѣ на Кіевской улицѣ. Всякая гостиница въ тѣ времена напоминала то, что теперь называютъ постоялымъ дворомъ. Кромѣ комнатъ для проѣзжающихъ, надо было имѣть конюшни для лошадей и сараи для повозокъ, такъ какъ по большей части пріѣзжали на своихъ лошадяхъ, потому что другихъ сообщеній почти не было. На другой день я не замедлилъ сдѣлать нѣсколько визитовъ. Между прочимъ я посѣтилъ домъ генерала Теофила Пустовойтова, отца плѣнившей меня дѣвушки. Его я не засталъ тутъ. Въ это время онъ находился въ Петербургѣ въ разлукѣ съ своимъ семействомъ и умеръ до начала возстанія въ чинѣ генералъ-майора.

Меня тутъ приняли очень радушно, и я сталъ въ этомъ домѣ частымъ гостемъ. Генералъ Пустовойтовъ, будучи еще майоромъ Капорскаго полка, женился по любви на красивой полькѣ изъ фамиліи Коссаковскихъ и купилъ на ея имя прекрасное имѣніе подъ самымъ Житоміромъ, Вершховиски. Въ этомъ имѣніи, въ 1838 году, 14-го іюля, родилась у Пустовойтовыхъ дочь Анна и была крещена въ православную вѣру. Это было необходимо послѣ закона 1836 года, которымъ повелѣвалось всѣхъ дѣтей смѣшанныхъ супружествъ, когда одинъ супругъ былъ русскій, крестить въ православную вѣру. Кромѣ Анны, у Пустовойтовыхъ были сынъ и дочь. Привожу всѣ эти подробности потому, что героиня моего романа есть лицо историческое, не вымышленное, какъ и почти все въ этихъ простыхъ, безпритязательныхъ запискахъ.

Послѣ домашняго, хорошаго воспитанія дѣвочку отдали въ Александринскій Пулавскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Тогда

было въ немъ около 300 воспитанницъ полекъ и едва ли полсотни русскихъ, говорившихъ по-польски лучше, чѣмъ по-русски, и не знавшихъ опредѣленно, какой они вѣры.

Порядки въ институтѣ были таковы: всѣ предметы преподавались по-польски. Впрочемъ, былъ преподаватель русскаго языка, но онъ читалъ свои лекціи только разъ въ недѣлю, а предметъ его считался второстепеннымъ и не имѣлъ никакого значенія. Было 12 классныхъ дамъ для разговора на разныхъ языкахъ, и одна изъ нихъ русская дежурила три раза въ недѣлю. Два дня она говорила по-французски и только одинъ разъ по-русски. Такимъ образомъ для практики въ русскомъ языкѣ воспитанницы имѣли только одинъ день въ недѣлю.

Классныхъ дамъ назначали всегда по двѣ. Такимъ образомъ было шесть дежурствъ. Русская классная дама назначалась только въ младшихъ классахъ: старшія воспитанницы ея уже не имѣли. Изъ этого можно легко сообразить, какъ много практиковались польскія институтки въ русскомъ языкѣ, очень нелюбимомъ въ то время и даже ненавистномъ полякамъ. Говорившихъ по-русски обыкновенно называли «русскій духъ».

Что касается до религіозныхъ обрядовъ православной вѣры, то это представлялось русскимъ воспитанницамъ совершенно ненужнымъ и излишнимъ. Дѣвочка Пустовойтова ходила иногда по приказанію отца съ русской классной дамой въ церковь, но тамъ не молилась, а скучала, и говорила, что не понимаетъ, за что ее мучатъ.

Ей было лѣтъ восемнадцать, когда она окончила курсъ въ Пулавскомъ институтѣ. Со всѣмъ пыломъ своей натуры она предалась свѣтскимъ удовольствіямъ. Житомірскій домъ ея родителей былъ сборищемъ всякой молодежи, польской и русской. Анна Теофиловна, кромѣ прекраснаго, выразительнаго лица, яркихъ карихъ глазъ, чудесныхъ каштановыхъ волосъ, обладала звучнымъ голосомъ, хорошо пѣла и играла на фортепіано. Множество юношей было отъ нея безъ ума. Видныя лица искали ея руки. Если бы она вышла замужъ, то, можетъ быть, и осталась бы житомірской дамой хорошаго тона. Но судьба предназначила ей другое.

Пришли сенсаціонные годы: шестидесятый и шестьдесятъ первый. Заграничныя газеты, подпольные листки наперерывъ звали край къ возстанію. Въ Варшавѣ и во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ городахъ стали учреждаться тайныя общества, патріотическіе кружки, и революціонная пропаганда захватила учащуюся молодежь.

Въ отдаленномъ и глухомъ Житомірѣ политическая жизнь мало чѣмъ обнаруживалась, но когда Анна Теофиловна пріѣхала къ своей бабушкѣ въ Люблинъ, то была сразу охвачена вихремъ революціоннаго движенія. Бабушка ея считалась отчаянной польской

патріоткой. Одной изъ видныхъ дамъ въ городѣ, руководившихъ организаціей возстанія, была энергичная, ловкая полька Плющинская, жена одного изъ чиновниковъ губернскаго управленія. Она дѣятельно вербовала участниковъ къ готовящемуся возстанію. Въ ея домъ стекалась польская молодежь, распѣвавшая здѣсь запрещенныя пѣсни и произносившая за обѣдами и ужинами революціонные тосты.

Изъ всѣхъ польскихъ городовъ Люблинъ наиболѣе похожъ на Варшаву. Многія улицы имѣютъ здѣсь тѣ же названія, напримѣръ, Краковское предмѣстье, Новый Свѣтъ. И люблинскіе жители отличаются такимъ же живымъ и пылкимъ характеромъ, какъ варшавяне.

Въ польскихъ костелахъ пѣлись запрещенные гимны, и Анна Теофиловна стала постоянно появляться тамъ. Когда появлялись религіозныя процессіи съ политической окраской, Пустовойтова одѣвалась сельской дѣвицей съ лежащими на спинѣ косами, въ которыя были вплетены трехцвѣтныя ленты.

Въ то время начальникомъ люблинскаго военнаго отдѣла былъ генералъ Хрущовъ. Онъ призвалъ къ себѣ Анну Теофиловну и сдѣлалъ ей домашнее замѣчаніе, сказавъ, что ей, какъ дочери русскаго генерала, неприлично принимать участіе въ польскихъ демонстраціяхъ. Но она попрежнему появлялась въ костелахъ и привлекала общее вниманіе своей красивой фигурой и прекраснымъ голосомъ. Наконецъ, она обратила на себя серьезное вниманіе полиціи.

21-го іюля шестьдесятъ перваго года, устроилась процессія, которая сопровождала статую одного польскаго католическаго святого изъ Люблина въ селеніе Габровъ. Пустовойтову замѣтили въ этой процессіи, въ которой она принимала дѣятельное участіе. А 31-го іюля по всему краю праздновался день соединенія Литвы съ Польшей, и, конечно, празднованіе годовщины этого событія послужило предлогомъ для новой демонстраціи. Рѣшено было устроить шествіе къ памятнику, въ честь этого событія поставленному королемъ Сигизмундомъ-Августомъ и возобновленному императоромъ Александромъ Первымъ. Пустовойтова была въ числѣ распорядителей этого шествія.

Когда слухъ о готовящейся демонстраціи дошелъ до Хрущова, то онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, помѣшать ей. Было отдано приказаніе, чтобы огни въ домахъ съ наступленіемъ вечера были погашены, чтобы никакія сборища горожанъ отнюдь не допускались; пѣніе пѣсенъ также было запрещено. Но процессія все-таки тронулась къ этому памятнику. Демонстранты густой толпой, держа въ рукахъ вѣнки, цвѣты, палки съ разноцвѣтными лентами и красными лоскутами, двинулись къ Краковскому предмѣстью, къ губернаторскому дому, противъ котораго стоитъ этотъ памятникъ въ

видѣ обелиска сѣраго цвѣта. Съ одной стороны памятника представленъ барельефъ, изображающій двухъ женщинъ, которыя подаютъ другъ дружкѣ руку; между ними гербъ Литвы и Польши.

Пустовойтова, одѣтая польской крестьянкой, шла въ первыхъ рядахъ. Генералъ Хрущовъ со штабомъ и нѣсколькими поліціантами занялъ мѣсто около памятника. Когда шествіе приблизилось, то произошло нѣкоторое замѣшательство. Вмѣсто пѣнія религіозныхъ и революціонныхъ гимновъ пришедшіе ограничились только бросаніемъ вѣнковъ и цвѣтовъ къ подножію памятника. Демонстрація приняла видъ народнаго гулянья, которое длилось до самой ночи. Въ окнахъ многихъ домовъ, несмотря на распоряженіе полиціи, горѣли свѣчи, а у судебнаго апшиканта Мулицкаго явился даже транспарантъ съ изображеніемъ памятника, по обѣимъ сторонамъ котораго были изображенія Собѣсскаго и Костюшки.

Обо всемъ этомъ Хрущовъ далъ знать въ Варшаву. Послѣдовали разныя распоряженія. Генералъ Сухозанетъ, исполнявшій должность намѣстника, предписаніемъ 10 (22) августа приказалъ отправить Анну Пустовойтову съ жандармами въ Москву для заключенія въ монастырь.

Всѣ эти подробности я собралъ уже впослѣдствіи, когда каждая мелочь, относившаяся къ драгоцѣнной для меня особѣ, была для меня важна. И теперь я разсказываю эту странную исторію увлекшей меня дѣвушки для того, чтобы все послѣдующее было ясно.

Генералъ Хрущовъ объявилъ объ этомъ Пустовойтовой и ея бабушкѣ. Онѣ были очень удивлены и не хотѣли вѣрить, чтобы предписаніе намѣстника могло исполниться въ точности, и потому не дѣлали никакихъ приготовленій къ отъѣзду. Анна Теофиловна смѣялась и говорила, что все это пустая угроза. Въ этотъ вечеръ она была приглашена въ засѣданіе тайнаго дамскаго комитета. Однако, черезъ два часа послѣ грознаго объявленія къ дому подкатила коляска съ жандармскимъ офицеромъ, а потомъ прибылъ и самъ генералъ Хрущовъ, чтобы ускорить дорожные сборы, которые тянулись слишкомъ долго. Суматоха поднялась неописанная; люди бѣгали по комнатамъ и укладывали вещи.

Тотчасъ слухъ объ арестѣ Пустовойтовой разнесся по городу. Видя, что власти нисколько не шутятъ, и что отъѣздъ долженъ совершиться, бабушка и внучка рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Между тѣмъ, народъ, подстрекаемый агитаторами, запрудилъ улицу. Хотѣли выпрячь лошадей и везти экипажъ на себѣ. Полицейскіе были не въ силахъ сдержать толпу, въ которой раздавались рыданія и лились слезы.

Анна Теофиловна сохранила полное присутствіе духа. Она вышла на крыльцо и, обращаясь къ народу, произнесла нѣсколько успокоительныхъ словъ, прося не дѣлать безпорядковъ.

— Вы видите, я покоряюсь, ѣду, потому что это такъ нужно, но я снова вернусь къ вамъ, потому что мое сердце и душа всегда съ вами.

Она сѣла въ коляску и бросила въ толпу свой платокъ, который былъ разорванъ на мелкіе куски. Всѣ тѣснились къ экипажу, кричали, протягивали руки. Коляска тихо тронулась; въ нее посыпались цвѣты и букеты.

Съ первой же станціи бабушка Пустовойтовой послала намѣстнику просьбу, прося разрѣшенія вернуться обратно въ Люблинъ. Въ ожиданіи отвѣта путешественницы остановились въ городѣ Ковелѣ, извѣстномъ по своему повстанскому настроенію. Анна Теофиловна сказалась больной. Къ ней были приглашены польскіе врачи, какіе только нашлись въ этомъ городкѣ. Они составили актъ, гдѣ говорилось, что больная страдаетъ воспаленіемъ грудной плевры и легкихъ, а болѣзнь эта требуетъ совершеннаго спокойствія, и далекое путешествіе можетъ быть опасно для жизни больной. Актъ этотъ, составленный на русскомъ языкѣ, заканчивался слѣдующими словами:

«Отправиться же ей въ дальнѣйшій путь безъ опасности для жизни нѣтъ возможности, въ чемъ подписями нашими при бытности городничаго и жендармскаго офицера удостовѣряемъ:

«Городовой врачъ Латошинскій.

«Ковельскій окружный врачъ К. Ино...(подписи нельзя разобрать).

«Отставной врачъ, штабъ-лѣкарь Гольдманъ.

«При семъ находился исполняющій должность городничаго Бялецкій».

Къ счастью Пустовойтовой, на мѣстѣ сославшаго ее Сухозанета сидѣло уже другое лицо, графъ Ламбертъ. Этотъ намѣстникъ, едва прибывъ въ Варшаву, очутился подъ вліяніемъ ксендзовъ. Бабушка Пустовойтовой нашла къ нимъ дорогу. Они принялись за дѣло очень умно и тонко. Прежде всего они потребовали изъ Житоміра документы Пустовойтовой. По этимъ документамъ совершенно неожиданно оказалось, что у Анны Теофиловны два имени—Анна-Генрика, и что она родилась въ 1832 году, когда крещеніе дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ зависѣло отъ воли родителей или заключенныхъ ими взаимныхъ условій; при этомъ была прислана ея католическая метрика. Между тѣмъ въ православномъ метрическомъ свидѣтельствѣ ея, котораго подлинность не подлежала никакому сомнѣнію, сказано, что она родилась въ 1838 году, когда ея матери было семнадцать лѣтъ. По католической же метрикѣ выходило, что ея матери было только одиннадцать лѣтъ; но это въ метрикѣ было благоразумно опущено.

Получивъ документы о томъ, что Анна Теофиловна—католичка, ксендзы представили намѣстнику все неудобство и соблазнъ положенія католички въ православномъ монастырѣ, да еще въ Москвѣ.

Графъ Ламбертъ былъ новый человѣкъ въ царствѣ Польскомъ. У него много было дѣлъ важныхъ и серіозныхъ; при немъ политическое движеніе въ краѣ все усиливалось. У намѣстника не было ни охоты, ни времени наводить точныя справки о томъ, что натворила какая-то житомірская или люблинская дѣвочка, Анна-Генрика, и какого она вѣроисповѣданія. Вся исторія представлялась весьма неважной, и то ли тогда считалось неважнымъ?

Къ тому же, новый намѣстникъ заискивалъ у поляковъ. Онъ прощалъ серіозныхъ политическихъ преступниковъ. Стоило ли задумываться надъ судьбой недавней институтки? Ламбертъ приказалъ написать Хрущову, что позволяетъ Пустовойтовой, доѣхавъ до Житоміра, остаться тамъ на житье у родителей. Хрущовъ извѣстилъ объ этомъ путешественницъ. Анна Теофиловна сейчасъ же выздоровѣла и отправилась въ дорогу. Прибытіе ея въ Житоміръ было полнымъ тріумфомъ. Лобусы собрали толпу у ея дома, которую пришлось разгонять поліціантамъ. Тутъ пѣли пѣсни, бросали вѣнки, цвѣты. Анна Теофиловна сдѣлалась весьма популярной въ народѣ. Во всѣхъ затѣвавшихся демонстраціяхъ она являлась дѣятельной участницей. Пѣла революціонные гимны и громко высказывала недовольство противъ русскаго захвата края.

Князь Васильчиковъ, кіевскій военный и подольскій губернаторъ, написалъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ и спрашивалъ, что̀ ему дѣлать съ неугомонной проказницей. Пришло рѣшеніе отправить ее опять въ Москву въ одинъ изъ тамошнихъ женскихъ монастырей, а въ какой именно, предоставлялось указать московскому митрополиту Филарету.

Но митрополитъ Филаретъ отказался сдѣлать такое указаніе. Въ отзывѣ, отправленномъ отъ него по этому поводу въ Петербургъ, говорилось между прочимъ слѣдующее:

«Его преосвященству весьма прискорбно, что Москва избрана мѣстомъ заключенія для лица мятежнаго и неудержимо склоннаго къ польскимъ демонстраціямъ».

Тогда было приказано Пустовойтову посадить въ глухой Троицко-Бѣлбажскій монастырь Костромской епархіи. Но семейство Пустовойтовыхъ было слишкомъ энергично и дѣятельно для того, чтобы покориться такому рѣшенію. Мать Пустовойтовой подала просьбу государынѣ императрицѣ, отъ перваго декабря 1861 года, гдѣ было сказано, что ея дочь въ чахоткѣ, и ей съ каждымъ днемъ все дѣлается хуже и хуже. При этомъ прилагались необходимыя докторскія свидѣтельства. Просьба эта была поддержана вліятельными высшими духовными лицами католическаго міра. Въ непродолжительномъ времени было получено изъ Петербурга разрѣшеніе: «Отложить переѣздъ въ монастырь до весны съ утвержденіемъ однако надъ дѣвицей Пустовойтовой строгаго полицейскаго надзора».

Анна Теофиловна увидѣла, что дѣлать ей въ Житомірѣ больше нечего. Тогда она приняла смѣлое рѣшеніе. Видя, что ей не избѣ-

жать заключенія въ монастырь, она вознамѣрилась покончить съ прежней жизнью.

Всю ту зиму я прожилъ въ Житомірѣ. У меня былъ денщикъ Егоръ, и я занималъ скромное помѣщеніе на Бердичевской улицѣ, недалеко отъ базара. Егоръ велъ мое маленькое хозяйство, при чемъ все въ Житомірѣ удивляло меня своей дешевизной, и впослѣдствіи я не встрѣчалъ уже болѣе дешеваго города въ Россіи. Ощипанный гусь на базарѣ стоилъ, напримѣръ, 20 копеекъ, а теперь, когда я пишу эти записки въ 1903 году, онъ стоитъ тамъ только сорокъ копеекъ. Десятокъ яицъ стоилъ три копейки, курица пятачекъ, фунтъ лучшей говядины стоилъ тоже пять копеекъ, штофъ молока стоилъ три копейки, сажень дровъ одинъ рубль и все въ такомъ родѣ. Эти цѣны поднялись, но общій скромный ихъ характеръ сохранился до настоящаго времени. Такъ въ прошломъ году вырѣзка (филе) на базарѣ въ Житомірѣ продавалась по десяти копеекъ за фунтъ, а курица двѣнадцать копеекъ.

Будучи частымъ гостемъ въ домѣ Пустовойтовыхъ, я не рѣшался намекать Аннѣ Теофиловнѣ о своихъ чувствахъ. Да и было ли это мнѣ къ лицу? Она была богатая наслѣдница, генеральская дочь, а я скромный армейскій офицеръ. Никому изъ бывшихъ у нихъ она не оказывала особеннаго предпочтенія. Веселая, остроумная, самоувѣренная, она совершенно не думала о такихъ вещахъ, какъ любовь, страданія отъ любви. Все это она называла пустяками и говорила, что женщина должна быть такъ же дѣятельна, какъ мужчина. Здоровьемъ она обладала несокрушимымъ. Она никогда не носила шубы и въ самомъ легкомъ платьѣ часто ѣздила изъ города за нѣсколько верстъ. Свѣтскія удовольствія, театры, концерты ничего не стоили въ ея глазахъ. Въ ней была какая-то мужественность, за которую обожали ее женщины, и какая-то мягкая женственность, которая сводила съ ума мужчинъ. За ней нельзя было ухаживать, потому что она не терпѣла нѣжныхъ словъ и любовныхъ изліяній, и въ то же время вся молодежь была отъ нея безъ ума.

Наступала весна. Въ мартѣ уже въ Житомірѣ сходитъ снѣгъ, и въ полдень солнце порядочно припекаетъ. Молодая зелень опушила поля и обнаженныя вѣтви деревьевъ, зазвенѣли жаворонки, показались грачи, жаркая стремительная южная весна была въ самомъ разгарѣ.

Однажды вечеромъ мнѣ было очень грустно. Егоръ отправился къ землякамъ въ гости. Я отпустилъ его до утра и остался совсѣмъ одинъ. Флигель, въ которомъ я жилъ, стоялъ въ серединѣ двора и выходилъ задними окнами въ густой запущенный садъ. Какъ хорошо было въ этомъ саду! Въ немъ не успѣли еще просохнуть дорожки, но уже трава густо пробивалась отовсюду. Стаи птичекъ налетѣли въ него и принялись вить свои гнѣзда. Кусты

малины, крыжовника, барбариса окружали вѣтвистыя груши и статныя яблони самыхъ рѣдкихъ и цѣнныхъ сортовъ. Небольшое крылечко выходило въ этотъ садъ, и я любилъ сидѣть тутъ по вечерамъ, которые были еще очень свѣжи. Тяжелая калитка вела изъ моего сада въ пустынный переулокъ. Эта калитка никогда не запиралась, такъ какъ мы не опасались воровъ и бродягъ.

Отпустивъ Егора, я расположился на своемъ крылечкѣ со стаканомъ чаю и, покуривая трубку, размышлялъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Къ лагерному сбору мнѣ необходимо было явиться въ мѣсто стоянки моего полка, въ Оводно. Я не хотѣлъ уѣхать, не переговоривъ рѣшительно съ Анной Теофиловной. Но какъ это было сдѣлать? Она такая рѣзкая, насмѣшливая, отнесется ли она серьезно къ моимъ словамъ, да и могу ли я надѣяться на успѣхъ? Развѣ хоть разъ выразила она мнѣ предпочтеніе передъ другими? Развѣ могъ я подмѣтить когда нибудь въ глазахъ ея нѣжность, развѣ какая нибудь перемѣна выдала мнѣ ея волненіе при моемъ приближеніи? Нѣтъ и нѣтъ. Страсть моя безумна. Надо вырвать ее изъ моего сердца съ корнемъ. Анна Теофиловна мечтаетъ только о возстановленіи Польши, о возвращеніи угнетенному народу его правъ. Она глядитъ на себя, какъ на защитницу слабыхъ и притѣсненныхъ. Однажды она сказала мнѣ:

— Когда придетъ время сражаться, я возьму саблю и стану въ первыхъ рядахъ.

Но можно ли было придавать ея словамъ серьезное значеніе? Съ кѣмъ сражаться? Съ русскими? Ей, дочери русскаго генерала, стать измѣнницей своему отечеству? На этой мысли не хотѣлось даже останавливаться. На ея участіе въ кружкахъ, гдѣ распѣвались религіозные гимны, я смотрѣлъ, какъ на легкомысленную шутку, не имѣвшую серьезнаго значенія. Да, признаться, по ея положенію ей и нельзя было не участвовать въ этихъ въ сущности невинныхъ демонстраціяхъ, но что эти демонстраціи поведутъ къ вооруженному столкновенію, объ этомъ никто не могъ и думать.

Скрипъ калитки прервалъ мои размышленія. Я увидалъ высокую фигуру въ темномъ дорожномъ плащѣ, въ большой шапкѣ, надвинутой на глаза, между деревьями моего сада. Незнакомецъ приблизился быстрыми шагами и откинулъ воротникъ, скрывавшій его лицо. Крикъ изумленія вырвался у меня. Я увидалъ Анну Теофиловну.

— Вы знаете, — сказала она: — за мной слѣдятъ. Я должна уѣхать, помогите мнѣ. Лошади уже готовы, вы проводите меня, и насъ никто не остановитъ при выѣздѣ изъ города.

Я попросилъ ее войти и колебался, что ей отвѣтить. Я зналъ, что она состоитъ подъ надзоромъ полиціи, но куда она теперь хотѣла уѣхать? Замѣтивъ мое колебаніе, она воскликнула:

— А я такъ надѣялась на васъ. Мнѣ казалось, что вы относитесь ко мнѣ съ болѣе теплымъ и серьезнымъ чувствомъ, чѣмъ

окружающіе. О, какъ я горько ошиблась! Извините меня, я сейчасъ уѣду.

Этими словами она поразила меня въ самое сердце. Внѣ себя я воскликнулъ:

— Анна Теофиловна, я готовъ пожертвовать для васъ жизнью, но я нахожусь на службѣ и могу отлучиться изъ города только на непродолжительное время.

— Проводите меня до австрійской границы. Мы поѣдемъ съ вами черезъ Заславъ и Кременецъ. Въ Икрѣ меня уже встрѣтятъ друзья, и вы вернетесь обратно въ Житоміръ.

До Заслава было около ста двадцати верстъ, а до границы болѣе двухъ сотъ. По хорошей дорогѣ можно было доѣхать туда въ два дня, но теперь весной ни за что нельзя было ручаться. Она требовала отвѣта, и я не могъ молчать.

— Но какъ же мы поѣдемъ?—возразилъ я:—Случъ разлился, черезъ Горынь мы можемъ переѣхать по мосту только въ Кременцѣ.

— Я должна уѣхать. Если вы откажетесь помочь мнѣ, я отправлюсь одна.

Не могу описать, что я чувствовалъ, видя ее передъ собой. Неустрашимая, прекрасная, готовая на всякій подвигъ, она казалась мнѣ высокимъ, чистымъ существомъ, и въ то же время я зналъ, что она возстаетъ противъ моей родины. Со всѣмъ пыломъ молодости я любилъ ее, а она требовала отъ меня измѣны. Въ ея глазахъ я читалъ, что она угадываетъ, какая борьба происходитъ во мнѣ, и вотъ она сказала тихимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Мы съ вами встрѣтимся, мы съ вами увидимся опять. Я никогда не забуду той услуги, которую вы окажете мнѣ теперь. Я всегда считала васъ другомъ; не правда ли, я могу надѣяться на васъ?

Ея голосъ звучалъ, какъ небесная музыка. Никогда она не говорила со мной такимъ языкомъ. Боже, какое море нѣжности, какой избытокъ чувствъ былъ скрытъ въ этой цѣльной, богато одаренной натурѣ! Послѣднія сомнѣнія мои разсѣялись.

— Не лучше ли отправиться черезъ Старо-Константиновъ въ Волочискъ?—сказалъ я.

На лицѣ ея выразилась живѣйшая радость. Эти перемѣны были въ ней такъ ярки и стремительны, что производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она,—въ Икрѣ меня ждутъ, но въ Волочискѣ мнѣ трудно будетъ перейти черезъ границу. Вы дадите мнѣ солдатскую шинель и шапку. Мы не возбудимъ ничьего подозрѣнія. О, мой другъ, какъ я вамъ благодарна!—и она съ жаромъ схватила меня за руку.

Она вошла въ мою комнату и въ раздумьѣ усѣлась у стола. Богъ знаетъ, куда унеслись ея мысли. Меня она не замѣчала. Только разъ, поднявъ голову, она спросила отрывисто:

— Вы тутъ совершенно одни?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, она вновь задумалась. Наступила ночь. О, если бы эта ночь тянулась безконечно! Я поставилъ самоваръ и налилъ ей чаю. Она даже не прикоснулась къ стакану. Она часто взглядывала на часы, и когда наступило два часа, она воскликнула:

— Лошади сейчасъ подъѣдутъ.

Мы съ ней вышли на крыльцо. На городской колокольнѣ медленно и протяжно часы ударили два раза. Въ переулкѣ послышался стукъ колесъ, и слышно было, какъ лошади остановились у забора моего сада. Наши сборы были недолги. Еще съ вечера я зашелъ къ сосѣдямъ и сказалъ, что когда утромъ придетъ денщикъ, чтобы онъ не отлучался никуда до моего возвращенія, а мнѣ нужно уѣхать по дѣлу на три или четыре дня.

Ночь была свѣтлая, теплая. Анна Теофиловна надѣла мою старую шинель безъ погонъ и закутала голову въ башлыкъ. Мы сѣли въ таратайку съ крытымъ верхомъ на длинныхъ дрогахъ, замѣнявшихъ рессоры. Еврей ударилъ по лошадямъ, и нашъ легкій экипажъ покатился по немощенымъ улицамъ.

Безъ всякихъ приключеній мы выбрались за заставу, и когда разсвѣло, мы оставили Житоміръ далеко позади. Дорога шла полями и лѣсами по тихой пустынной Волыни. Мы проѣзжали маленькія деревушки, избѣгая почтовыхъ станцій, кормили лошадей въ еврейскихъ корчмахъ и благополучно миновали маленькіе уѣздные городки Заславъ и Кременецъ, гдѣ появленіе новаго лица всѣмъ бросается въ глаза.

Въ верстахъ четырехъ отъ границы мы остановились. Она вышла изъ повозки и въ послѣдній разъ протянула мнѣ руку.

— Не провожайте меня больше,—сказала она:—я пойду пѣшкомъ. Неподалеку друзья, которые встрѣтятъ меня.

Она сняла шинель, которая была на ней въ продолженіе всего пути, и надѣла темный плащъ и конфедератку. Мы пошли съ ней по дорогѣ.

— Мы съ вами встрѣтимся,—говорила она:—я вернусь, но не теперь, а когда позволятъ обстоятельства. Вы знаете, что готовится возстаніе. Это—не пустыя слова. На этотъ разъ встанетъ весь народъ, чтобы возвратить себѣ свободу.

Мы дошли такъ до лѣсу, оставивъ лошадей далеко позади. Она продолжала:

— Подъ сѣнью этихъ деревьевъ, быть можетъ, будутъ скрываться защитники отечества, которыхъ вы будете вѣшать и разстрѣливать, но правосудіе Божіе совершится.

Но я не думалъ объ ея планахъ и замыслахъ. Я видѣлъ передъ собою дорогое существо, съ которымъ долженъ былъ разстаться и для котораго съ радостью пожертвовалъ бы всѣмъ. Мнѣ было

невыразимо тяжело. Я молча слушалъ ее. Что-то похожее на нѣжность въ первый разъ прозвучало въ ея голосѣ. Мягко и успокоительно она произнесла:

— Мы еще увидимся, до свиданія, другъ мой!

Я взялъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ. Она наклонилась и поцѣловала меня въ лобъ. Затѣмъ, какъ бы преодолѣвъ мгновенную слабость, она твердо выпрямилась и пошла, не оборачиваясь въ мою сторону. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ объ ней никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Я слышалъ только, что въ іюлѣ 1862 года ее видѣли въ Одессѣ, въ январѣ 1863 года она появилась въ придунайскихъ княжествахъ и раздавала тамъ какія-то деньги. Передъ самымъ возстаніемъ ее видѣли будто бы въ Сандомірѣ.

Анатолій Леманъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТАРООБРЯДЧЕСКІЕ АРХІЕРЕИ ВЪ СУЗДАЛЬСКОЙ КРѢПОСТИ.

Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ.

I.

Мнимо-духовныя лица.

ОКТЯБРЯ 21-го 1854 года въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, находящійся въ городѣ Суздалѣ, Владимирской губерніи, два жандарма привезли изъ Москвы секретнаго арестанта вмѣстѣ съ письмомъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа А. А. Закревскаго, на имя настоятеля монастыря, архимандрита Іоакима.

Въ письмѣ этомъ графъ Закревскій писалъ: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ и содержимыхъ теперь въ Москвѣ мнимо-духовныхъ раскольническихъ лицъ, лже-архіепископа Аркадія и лже-епископа Алимпія, заключить въ монастырь подъ строжайшій надзоръ съ прекращеніемъ средствъ сообщаться съ раскольниками и вообще съ посторонними людьми, а г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, генералъ-адъютантъ графъ Протасовъ, сообщилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, что во исполненіе высочайшей воли святѣйшій синодъ постановилъ заключить ихъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, впредь до возможности помѣстить ихъ въ разные монастыри; при чемъ вмѣнено преосвященному владимирскому въ обязанность, чтобы означенные люди, по доставленіи ихъ граждан-

скимъ начальствомъ, были приняты въ арестантское отдѣленіе помянутаго монастыря и помѣщены каждый въ отдѣльную келью подъ строжайшій надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальствъ, съ прекращеніемъ имъ возможности имѣть какія либо сношенія какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами.

«Во исполненіе таковой высочайшей воли имѣю честь препроводить къ вашему высокопреподобію, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, лже-архіепископа Аркадія, присовокупляя, что лже-епископъ Алимпій будетъ отправленъ вслѣдъ за симъ черезъ сутки.

«При семъ прилагаются принадлежащіе означеннымъ раскольническимъ лицамъ 65 полуимперіаловъ, одинъ рубль 95 копеекъ серебр. и червонцевъ: австрійскихъ 50 и турецкихъ 20, въ полученіи коихъ не оставьте меня, ваше высокопреподобіе, увѣдомить, съ выдачею жандарму квитанціи въ исправномъ доставленіи арестанта».

Кромѣ того, къ письму графа Закревскаго былъ приложенъ «списокъ вещей, принадлежащихъ помянутому Аркадію».

По заведенному въ монастырѣ порядку, архимандритъ тотчасъ же по прибытіи арестанта приказываетъ составить подробную опись вещамъ и деньгамъ, которыя окажутся при немъ, затѣмъ всѣ найденныя деньги и бо́льшую часть вещей оставляетъ у себя, а арестанту выдаетъ лишь необходимое количество бѣлья и платья. Опись эту даютъ подписать владѣльцу-узнику, послѣ чего онъ немедленно же отводится въ арестантское отдѣленіе монастыря, или крѣпость, и тамъ запирается въ одиночную камеру, или «келью». Жандармамъ, которые привезли арестанта, выдается архимандритомъ особая квитанція въ исправномъ полученіи отъ него арестанта.

Судя по описи, имущество архіепископа Аркадія состояло изъ нѣсколькихъ узловъ и «кожанаго коробка» съ платьемъ, бѣльемъ и разными вещами. Полагаемъ, что здѣсь будетъ небезынтересно перечислить его гардеробъ и другого рода имущество, оказавшееся у него при заключеніи его въ монастырь, такъ какъ все это до извѣстной степени характеризуетъ, конечно, его потребности, привычки, а отчасти даже и степень его интеллектуальнаго развитія.

Въ узлахъ архіепископа Аркадія оказались слѣдующія вещи: шерстяное синее одѣяло, полукафтанье чернаго сукна на овчинномъ мѣху, полукафтанье синяго сукна на ватѣ и китайчатой синей подкладкѣ, старая, синяя китайчатая рубаха, кожаная подушка, двѣ плисовыя съ бараньимъ околышемъ шапки на ватѣ, черное холстинное полотенце, мѣшокъ синяго холста, деревянная чашка съ крышкою, бутыль синяго стекла.

Въ кожаномъ коробкѣ находились: черное шерстяное полукафтанье на бумажной подкладкѣ, черная шерстяная пелеринка, такая же атласная, китайчатая синяя рубаха, китайчатыя синія шаровары, два бумажныхъ клѣтчатыхъ носовыхъ платка, холстин-

ная ночная занавѣска; хрустальная кружка, костяной гребень, складной образокъ, кожаныя четки, двѣ славянскія книги, священническая камышевая трость и квитанція кіевскаго комитета на имя архіепископа Аркадія въ принятіи отъ него 70 полуимперіаловъ.

Въ концѣ описи значилось: «сверхъ сего, отобрано отъ того неизвѣстнаго 12 золотыхъ россійскихъ полуимперіаловъ, одинъ червонецъ въ 3 рубля серебр., 1 рубль 20 копеекъ сер., карманные золотые часы безъ цѣпочки, четки, ремень, подушечка, шейный простой платокъ, два кошелька». Кромѣ того, былъ еще одинъ узелъ, состоявшій изъ мѣшка, «запечатаннаго двумя казенными печатями, съ неизвѣстными вещами».

На другой день, рано утромъ или, вѣрнѣе говоря, въ ночь на 22-е октября, привезенъ былъ въ монастырь епископъ Алимпій при письмѣ графа Закревскаго отъ 20-го октября. «Въ дополненіе къ отношенію отъ 19-го октября,—писалъ генералъ-губернаторъ,—препровождаю при семъ къ вашему высокопреподобію подъ конвоемъ двухъ жандармовъ лже-епископа Алимпія, съ принадлежащими ему поименованными въ прилагаемой у сего описи вещами и деньгами». Далѣе онъ напоминалъ о порядкѣ содержанія въ монастырѣ Алимпія и просилъ выдать жандарму, сопровождавшему лже-епископа, установленную квитанцію въ исправномъ доставленіи арестанта.

Разумѣется, архимандритъ не замедлилъ выдать требовавшуюся отъ него квитанцію, которую мы и воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ, такъ какъ она не лишена извѣстной характерности:

«Квитанція.

«При секретномъ отношеніи его сіятельства г. московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Закревскаго отъ 20-го октября сего 1854 года за № 00, доставленъ во ввѣренный управленію моему Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь къ содержанію въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи взятый въ Турецкихъ владѣніяхъ арестантъ, раскольникъ лже-епископъ Алимпій, отъ сопровождавшаго его московскаго жандармскаго дивизіона унтеръ-офицера Савостина въ три часа утра 22-го октября сего года мною принятъ; въ чемъ ему, унтеръ-офицеру Савостину, за подписомъ моимъ, съ приложеніемъ монастырской казенной печати и дана сія квитанція. 22-го октября 1854 г. № 213».

Независимо отъ этой квитанціи архимандритъ, немедленно по прибытіи арестанта въ монастырь, доноситъ объ этомъ генералъ-губернатору, приславшему арестанта, а также своему непосредственному начальнику, владимирскому епархіальному архіерею, и наконецъ сообщаетъ объ этомъ, конечно, «секретно» начальнику суздальской инвалидной команды, съ просьбою «повелѣть военному караулу имѣть за арестантомъ особый, строжайшій надзоръ».

Чтобы познакомить читателей, въ чемъ состояло имущество старообрядческаго епископа Алимпія, которое онъ привезъ съ собою въ монастырь, мы приведемъ здѣсь «опись вещамъ, принадлежащимъ арестанту подъ № 2-мъ». Вотъ она: «Три образа въ мѣдныхъ окладахъ, крестъ кипарисный на шнуркѣ, съ ладонкой, лѣстовокъ кожаныхъ 2, псалтырь, книга «Апологія», картузъ суконный, шапка плисовая, теплая, съ чернымъ курпячетымъ околышемъ, ермолка плисовая, черная, въ родѣ пелеринокъ шерстяныхъ, черныхъ, съ мѣдной у каждой пуговицей — 2, платковъ клѣтчатыхъ холстинковыхъ— 2, ситцевыхъ—2, полотенецъ холщевыхъ—2, рубахъ синихъ китайчатыхъ—2, порты холщевые—1, исподницъ бѣлыхъ бумажныхъ--2, тулупъ, крытый нанкой—1, кафтанъ суконный синій, на синей нанковой подкладкѣ, съ 5-ю мѣдными пуговицами, кафтанъ суконный сѣрый, халатъ синій, китайчатый, очки въ футлярѣ, бѣлый костяной гребень, наперстокъ, замокъ, набалдашникъ бѣлый костяной отъ трости, коверъ, подушка, ремень кожаный, кошель плетеный изъ лыкъ».

Подъ этой описью находится собственноручная расписка Алимпія такого содержанія: «означенныя вещи все исполна получилъ епископъ Алимпій». Расписка эта написана очень крупнымъ почеркомъ, обличающимъ непривычку писавшаго владѣть перомъ.

Вслѣдъ за Алимпіемъ былъ привезенъ въ монастырь третій секретный арестантъ, старообрядческій священникъ Ѳеодоръ Семеновъ.

Спустя два-три дня послѣ того, какъ старообрядческіе архіереи были привезены въ монастырь, архимандритъ Амвросій [1]) получилъ отъ епископа владимирскаго, Іустина, подробную инструкцію относительно содержанія въ монастырѣ «мнимо-духовныхъ лицъ». «По высочайшему повелѣнію,—писалъ епископъ,—указомъ святѣйшаго синода предписано мнѣ взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ лже-архіепископа Аркадія, лже-епископа Алимпія и лже-священника Ѳеодора Семенова заключить въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, почему на основаніи означеннаго указа предписываю вамъ:

«1. По доставленіи вамъ чрезъ гражданское правительство означенныхъ лицъ, заключить ихъ при арестантскомъ отдѣленіи въ особыя для каждаго комнаты и о времени доставленія ихъ къ вамъ и заключенія донести мнѣ.

«2. Имѣть за ними строжайшій надзоръ, съ прекращеніемъ имъ всякой возможности сношенія между собою и съ раскольниками и вообще съ кѣмъ либо изъ постороннихъ лицъ, и съ принятіемъ со стороны вашей всѣхъ мѣръ духовнаго вразумленія къ разсѣ-

---

[1]) Въ отношеніи графа Закревскаго архимандритъ, вѣроятно, по ошибкѣ названъ Іоакимомъ.

янію ихъ заблужденій и къ склоненію ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лже-каѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками.

«3. О послѣдствіяхъ вашего вразумленія и надзора доносить мнѣ по прошествіи каждаго мѣсяца или ранѣе, какъ скоро представится въ томъ надобность.

«4. Именъ ихъ и мнимыхъ званій никому не объявлять, а называть ихъ и писать въ бумагахъ просто арестантами подъ №№ 1, 2 и 3, по порядку, въ какомъ они написаны въ указѣ святѣйшаго синода, именно: Аркадія—подъ № 1-мъ, Алимпія—подъ № 2-мъ и Семенова—подъ № 3-мъ».

При этой инструкціи епископъ Іустинъ счелъ нужнымъ приложить копію съ указа святѣйшаго синода отъ 13-го октября 1854 года, относительно заключенія въ Суздальскую монастырскую тюрьму Аркадія, Алимпія и Семенова. Въ виду того, что указъ этотъ имѣетъ несомнѣнный историческій интерессъ и значеніе, мы приводимъ его здѣсь, почти безъ всякихъ измѣненій. Вверху указа стоятъ подчеркнутыя слова: «особенно секретно».

«Святѣйшій правительствующій синодъ слушали два предложенія г. оберъ-прокурора графа Николая Александровича Протасова, изъ коихъ при первомъ онъ предлагаетъ списокъ съ отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія: «По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію доставлены въ Москву взятые въ турецкихъ владѣніяхъ мнимо-духовныя лица: лже-архіепископъ Аркадій, лже-епископъ Алимпій и лже-священникъ Ѳеодоръ Семеновъ. При снятіи допросовъ они показали о себѣ:

«1) Аркадій, что онъ родомъ изъ села Куничнаго, Бессарабской области, въ молодости ушелъ за границу, жилъ въ разныхъ раскольническихъ поселеніяхъ за Прутомъ и Дунаемъ; греческимъ митрополитомъ Амвросіемъ въ раскольническомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ рукоположенъ въ епископа села Славы, что̀ близъ Бабадага.

«2) Алимпій, родомъ калужскій мѣщанинъ, долго проживалъ въ бывшемъ раскольническомъ Лаврентьевомъ монастырѣ, Могилевской губерніи, потомъ ушелъ за границу, въ Молдавію, и, наконецъ, за Дунай, гдѣ епископъ Аркадій посвятилъ его прежде во священника, а послѣ, вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Буковины епископомъ Онуфріемъ, во епископа города Тульчи.

«3) Ѳеодоръ Семеновъ — потомокъ перешедшихъ въ давнемъ времени въ Молдавію раскольниковъ, родился въ селеніи Борщъ, близъ Браилова; въ священника рукоположенъ Алимпіемъ.

«Нынѣ государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: снестись съ вашимъ сіятельствомъ (съ графомъ Протасовымъ) о заключеніи Аркадія, Алимпія и Ѳеодора Семенова въ разные мо-

настыри подъ строжайшій надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства, съ прекращеніемъ всякихъ средствъ къ сношенію ихъ съ раскольниками и съ тѣмъ, чтобы преосвященные и начальники монастырей приняли всѣ мѣры духовнаго вразумленія къ разсѣянію ихъ заблужденій и склоняли бы ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лже-каѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками. Сообщая о семъ вашему сіятельству, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ, въ какіе монастыри должны быть доставлены во исполненіе вышеизложенной высочайшей воли означенные люди».

«При второмъ же предложеніи препровождаетъ онъ, г. оберъ-прокуроръ, секретную и конфиденціальную переписку его съ господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, изъ которой видно, что г. министръ, по изъясненнымъ въ оной причинамъ, не находитъ препятствія къ помѣщенію означенныхъ лицъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, впредь до возможности помѣстить ихъ въ разные монастыри. Приказали: во исполненіе вышеизложеннаго высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія и въ соотвѣтствіе отзыву, полученному нынѣ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, взятыхъ въ турецкихъ владѣніяхъ мнимо-духовныхъ раскольническихъ лицъ: лже-архіепископа Аркадія, лже-епископа Алимпія и лже-священника Ѳеодора Семенова, заключить впредь до усмотрѣнія въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, поручивъ вашему преосвященству (то-есть владимирскому архіерею) сдѣлать непосредственно отъ себя зависящее распоряженіе, чтобы лица сіи, по доставленіи ихъ гражданскимъ начальствомъ, были приняты въ арестантское отдѣленіе упомянутаго монастыря и помѣщены каждый въ отдѣльную келью подъ строжайшій надзоръ»... Далѣе излагались условія содержанія арестантовъ въ тюрьмѣ, о воспрещеніи имъ всякихъ сношеній какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами и проч.

II.

Архіепископъ Аркадій и епископъ Алимпій.

Читалъ и перечитывалъ отецъ архимандритъ отношеніе графа Закревскаго, при которомъ былъ присланъ въ монастырь лже-архіепископъ Аркадій, но того, что его особенно сильно интересовало, онъ не находилъ. Въ «отношеніи» ничего не было сказано: какъ и на какія средства содержать «лже-архіепископа», чѣмъ его продовольствовать. Архимандритъ входитъ съ представленіемъ по этому поводу къ владимирскому губернатору, при чемъ сообщаетъ о полученномъ имъ отношеніи графа Закревскаго, о присылкѣ и заключеніи въ крѣпость арестанта, лже-архіепископа Аркадія, «но,—

продолжаетъ о. архимандритъ,—на какомъ коштѣ онаго лже-архіепископа Аркадія содержать, въ отношеніи его сіятельста ничего не упомянуто». Въ виду этого, «донося о семъ», онъ проситъ губернатора войти въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ объ ассигнованіи средствъ на содержаніе въ монастырской тюрьмѣ Аркадія. Съ тѣмъ же самымъ ходатайствомъ обратился онъ и къ владимирскому преосвященному, который въ свою очередь отнесся по этому поводу въ синодъ.

Святѣйшій синодъ немедленно сдѣлалъ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ относительно отпуска денегъ на содержаніе въ монастырской тюрьмѣ «мнимо-духовныхъ лицъ» Аркадія, Алимпія и Семенова по 44 рубля 50 коп. въ годъ на каждаго. Чѣмъ собственно, какимъ расчетомъ руководствовался святѣйшій синодъ при опредѣленіи размѣра содержанія для лицъ старообрячеcкой іерархіи, заключенныхъ въ монастырѣ,—намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать назначенной на содержаніе епископовъ суммы слишкомъ недостаточной.

Необходимо впрочемъ замѣтить, что потребности и привычки «мнимо-духовныхъ лицъ», сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, были болѣе чѣмъ скромныя. Въ этомъ можно было убѣдиться уже изъ описей ихъ имущества, которыя мы приводили выше. Еще больше убѣждаютъ въ этомъ тѣ расходныя тетради, въ которыя записывались всѣ деньги, выдававшіяся имъ на ихъ нужды. Вотъ, напримѣръ, расходная тетрадь архіепископа Аркадія. Она начинается съ декабря мѣсяца 1854 года. За этотъ мѣсяцъ произведенъ былъ только одинъ расходъ: «куплены въ мѣдной оправѣ очки для архіепископа Аркадія, заплачено 30 коп. серебр.».

Въ теченіе слѣдующаго 1855 года Аркадіемъ произведены слѣдующія траты: куплено 2 аршина пестряди, снурковъ, бронзовыхъ пуговицъ, нитокъ, иголокъ, льну, чайникъ, меду—всего на 1 рубль 40 коп. Затѣмъ было куплено: самоваръ, 1 пудъ пшеничной второго сорта муки, наперстокъ, 10 фунтовъ меду, стеклянная банка и 18 аршинъ пестряди, всего на сумму 9 рублей. Въ теченіе 1856 года Аркадію отъ времени до времени выдается «на собственныя его потребности» по 1 и по 2 рубля, рѣдко по 3 и по 4 рубля. То же самое видимъ мы и въ послѣдующіе годы.

Расходная тетрадь епископа Алимпія носитъ тотъ же самый характеръ, указывая на спартанскія привычки и наклонности старообрядческаго іерарха. Производимые имъ расходы обыкновенно не превышаютъ рубля, двухъ, трехъ, очень рѣдко встрѣчаются расходы въ 6 и 8 рублей, и только одинъ разъ за все время его заключенія расходъ достигъ 10 рублей.

При тѣхъ скромныхъ потребностяхъ и невзыскательныхъ привычкахъ, какими несомнѣнно отличались заключенные епископы, можно думать, что, сидя въ монастырской тюрьмѣ, они не испы-

тывали особенныхъ лишеній по части питанія и продовольствія, тѣмъ болѣе, что недостатки арестантскаго стола они могли пополнять, расходуя на это имѣвшіяся при нихъ деньги. Но совершенно иначе обстояло дѣло по части помѣщенія. И хотя въ архивныхъ дѣлахъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для настоящаго очерка, нѣтъ описаній тѣхъ «келлій» или казематовъ, въ которые были помѣщены узники, тѣмъ не менѣе въ нашихъ рукахъ имѣется много данныхъ, указывающихъ на то, что сидѣвшіе въ нихъ узники сильно страдали и отъ холода и отъ сырости. Но, какъ большинство простыхъ русскихъ людей, они страдали молча, не протестуя и даже не высказывая своего недовольства.

Однообразно и печально потекли въ монастырской тюрьмѣ дни, недѣли, мѣсяцы и годы заключенныхъ. Особенно удручающимъ образомъ дѣйствовало на узниковъ то полное одиночество, на которое они были обречены, и которое примѣнялось къ нимъ съ необыкновенною строгостью, особенно въ первые годы заточенія. Кромѣ монастырскаго служителя, состоявшаго при «арестантскомъ отдѣленіи» и обязаннаго подавать заключеннымъ пищу и выносить изъ ихъ казематовъ «парашу»,—они не видѣли человѣческаго лица, не слышали человѣческаго голоса.

Единственнымъ развлеченіемъ для нихъ являлись посѣщенія отца настоятеля, который на первыхъ порахъ частенько приходилъ къ нимъ, надѣясь убѣдить ихъ оставить свои заблужденія, покаяться въ нихъ и въ то же время разсчитывая вывѣдать отъ нихъ все то, что касалось ихъ прежней жизни и дѣятельности, а также, что было извѣстно имъ относительно организаціи старообрядчества вообще и въ частности раскольнической іерархіи.

О. настоятель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, конечно, на основаніи данной ему инструкціи, въ которой, какъ мы видѣли, предписывалось ему «принять со своей стороны всѣ мѣры духовнаго вразумленія къ разсѣянію заблужденій» заключенныхъ, а также «къ склоненію ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничныхъ лже-каѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками».

«Мнимо-духовныя лица», повидимому, не находили нужнымъ скрывать все то, что касалось собственно ихъ лично. На разспросы о. архимандрита они дали болѣе или менѣе подробныя показанія относительно своей прошлой жизни и дѣятельности. Привожу здѣсь эти показанія почти въ томъ самомъ видѣ, какъ они записаны настоятелемъ монастыря. Начинаю съ «показаній арестанта подъ № 1-мъ», то-есть архіепископа Аркадія.

Уроженецъ изъ простыхъ поселянъ селенія Куничи, Бѣлицкаго уѣзда (или Сороки, Кишеневской губ.). Нынѣ ему 45 лѣтъ. Прежде именовался Андреемъ. На пятнадцатомъ году отъ рожденія оставилъ онъ свое село и перешелъ въ г. Яссы, гдѣ около $2^1/_2$ лѣтъ жилъ въ качествѣ прислуги у ясскихъ купцовъ Ивана

Ант—рова и Михаила Антонова. Отсюда отправился въ скитъ Мануиловку, въ Молдавію, гдѣ находился послушникомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ опять возвратился въ Яссы. Пробывъ здѣсь два мѣсяца, онъ взялъ себѣ русскій паспортъ, съ которымъ и прибылъ въ старообрядческій Лаврентьевскій монастырь Могилевской губерніи. Во время пребыванія его въ этомъ монастырѣ, въ 1829 году, онъ былъ постриженъ въ монашество. Въ слѣдующемъ же 1830 году, будучи монахомъ, опять возвратился въ Мануиловскій скитъ, въ которомъ пробылъ четыре года, а затѣмъ перешелъ въ турецкія владѣнія, въ Славскій скитъ, что̀ близъ Бабадага. Изъ этого скита онъ предпринялъ путешествіе въ Царьградъ, въ которомъ пробылъ мѣсяцъ, а затѣмъ отправился далѣе, къ некрасовцамъ, въ селеніе и скитъ Майносъ, откуда черезъ двѣ недѣли возвратился обратно въ Царьградъ, а изъ него немедленно пошелъ въ Азіатскую Турцію. Дойдя до рѣки Захарна и до лимана оной, на которомъ лежитъ островъ, имѣющій Некрасовскій раскольническій скитъ, именуемый Бѣлый Камень, онъ прожилъ тутъ болѣе полугода. «Изъ онаго же скита вступилъ въ Анатолію, въ некрасовское гнѣздо расколовъ, въ селеніе Мельча, отстоящее отъ г. Терме въ 5 верстахъ», гдѣ пробылъ около года, а затѣмъ возвратился въ Славскій скитъ.

Проживши въ этомъ скиту два года, Аркадій «вторичное возымѣлъ странствованіе на Царьградъ, селеніе Майносъ, чрезъ города Силистрію и Туртукай, въ скитъ Каменный Мостъ, отстоящій отъ г. Туртукая въ 5 верстахъ». Проживши въ этомъ скиту около двухъ лѣтъ, онъ снова возвратился въ Славскій скитъ «на всегдашнее жительство». Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1847 году онъ отправился въ Бѣлокриницкій скитъ, въ Австрію, гдѣ бѣглымъ греческимъ митрополитомъ Амвросіемъ былъ поставленъ въ лже-іеромонаха, а затѣмъ чрезъ 8 дней и въ лже-епископа села Славы.

По прошествіи двухъ лѣтъ, въ 1849 году, въ г. Тульчѣ Аркадій былъ произведенъ въ санъ архіепископа двумя старообрядческими епископами Онуфріемъ и Алимпіемъ.

Вотъ тотъ краткій «формуляръ», который можно составить, основываясь на показаніяхъ лже-архіепископа Аркадія, данныхъ имъ отцу архимандриту. Вообще, знакомясь съ этими показаніями, нельзя не замѣтить, что, насколько охотно и откровенно разсказывалъ онъ о себѣ, главнымъ образомъ о своихъ путешествіяхъ и кочевкахъ, настолько же былъ сдержанъ въ тѣхъ показаніяхъ, которыя касались другихъ лицъ, особенно же изъ числа живущихъ въ Россіи. Если онъ и разсказывалъ кое-что о. архимандриту о своихъ посвященіяхъ въ попы и монахи разныхъ лицъ, то обыкновенно эти разсказы носили такой общій, неопредѣленный характеръ, что едва ли изъ нихъ могъ чѣмъ нибудь воспользоваться даже самый опытный полицейскій сыщикъ.

Всѣ старанія о. архимандрита узнать отъ Аркадія фамиліи лицъ, которыя поддерживаютъ старообрядчество своими пожертвованіями, не привели ни къ чему. «При всеусильномъ моемъ убѣжденіи, — пишетъ настоятель монастыря архіерею,—объ открытіи имъ мнѣ пожертвователей или ходатаевъ къ пожертвованіямъ и сношеній между таковыми лицами, живущими въ Россіи, онъ, № 1-й, упорно отвѣтствовалъ однимъ словомъ: «не знаю», при чемъ относилъ всѣ эти пожертвованія къ ходатайству умершаго въ Славскомъ скиту московскаго купца Волкова, о смерти коего онъ женѣ покойнаго послалъ письмо въ Москву».

Относительно своей собственной дѣятельности архіепископъ Аркадій, на вопросъ архимандрита, высказалъ, что онъ, Аркадій, «можетъ произвести для заграничныхъ лже-каѳедръ столько епископовъ, сколько ему заблагоразсудится».

Тотъ же самый характеръ носятъ показанія арестанта № 2-й, то-есть епископа Алимпія, который также охотно сообщилъ свѣдѣнія, касавшіяся лично его, и совершенно уклонился отъ показаній относительно другихъ лицъ, причастныхъ его дѣятельности по расколу. По его словамъ, онъ происходитъ изъ мѣщанъ г. Калуги, отъ роду имѣетъ 60 лѣтъ; прежде въ міру назывался Антоніемъ. Въ 1814 году поступилъ въ старообрядческій Лаврентьевскій монастырь, находящійся въ Бѣлицкомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество въ 1817 году. Проживши въ этомъ монастырѣ въ качествѣ монаха до 1840 года, Алимпій перешелъ затѣмъ въ Турецкія владѣнія и поселился въ Славскомъ скиту, въ которомъ пробылъ три года, послѣ чего былъ поставленъ нумеромъ первымъ (то-есть Аркадіемъ) во лже-іеромонаха. По прошествіи еще трехъ лѣтъ Алимпій былъ рукоположенъ 26-го сентября 1847 года тѣмъ же нумеромъ первымъ во лже-епископа для г. Тульчи.

Что касается показаній «арестанта № 3-й», т.-е. лже-священника Ѳеодора Семенова, то они не представляютъ интереса, а потому мы и не приводимъ ихъ здѣсь.

По прошествіи мѣсяца со дня заключенія въ монастырь «мнимо-духовныхъ лицъ», архимандритъ, исполняя требованіе инструкціи, спѣшитъ донести епархіальному начальству о результатахъ какъ «духовнаго вразумленія», такъ и своихъ разспросовъ относительно свѣдѣній, касающихся положенія дѣлъ въ старообрядчествѣ. «Присланные въ арестантское отдѣленіе секретные арестанты подъ №№ 1, 2 и 3,—пишетъ о. архимандритъ,—были убѣждаемы мною всѣми мѣрами къ разсѣянію ихъ заблужденій и къ склоненію ихъ открыть все имъ извѣстное относительно заграничныхъ лже-каѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками, но совершеннаго успѣха на всѣ дѣлаемые мною имъ надлежащіе вопросы не получилъ, кромѣ сихъ отвѣтовъ, которые при семъ вашему преосвя-

щенству на архипастырское благоразсмотрѣніе покорнѣйше честь имѣю представить». Отвѣты эти состояли изъ тѣхъ именно показаній, которыя мы только что привели.

Изъ трехъ узниковъ только одинъ «арестантъ подъ № 3», т.-е. лже-священникъ Θеодоръ Семеновъ, на убѣжденія о. архимандрита «оставить прежнія свои заблужденія и обратиться къ православной церкви» изъявилъ согласіе на это и «выразилъ желаніе ходить въ церковь, но онъ, архимандритъ, безъ разрѣшенія его преосвященства, не осмѣливается дозволить ему ходить въ церковь». Разумѣется, разрѣшеніе послѣдовало, и Семеновъ вскорѣ получилъ право посѣщать тюремную церковь.

Въ своихъ дальнѣйшихъ донесеніяхъ о настроеніи заключенныхъ о. архимандритъ сообщалъ, что Семеновъ «вразумленія о правости нашей святой церкви выслушиваетъ и въ церковь къ божественнымъ службамъ усердно ходитъ». Послѣ шести-семи лѣтъ заключенія Семеновъ совсѣмъ отрекся отъ своихъ «заблужденій», которыя привели его въ монастырскую тюрьму, и, наконецъ, былъ присоединенъ къ православію. Однако и послѣ этого онъ оставался нѣкоторое время въ тюрьмѣ «на испытаніи», такъ какъ начальство очевидно не довѣряло искренности его раскаянія.

Совершенно иначе держались Аркадій и Алимпій: тяжелыя условія многолѣтняго заключенія, казалось, нимало не вліяли на ихъ волю,—они оставались непоколебимо вѣрными тѣмъ религіознымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, за которые имъ пришлось такъ жестоко поплатиться, хотя монастырское заточеніе не могло, разумѣется, не отразиться на состояніи ихъ здоровья. Особенно тяжело отразилось это заточеніе на шестидесятилѣтнемъ старикѣ Алимпіи: онъ началъ хворать, хирѣть, здоровье его съ каждымъ годомъ становилось все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, 25-го августа 1859 года онъ «по продолжительной болѣзни волею Божіею померъ». Такимъ образомъ ему пришлось провести въ одиночномъ заключеніи около пяти лѣтъ. Однако, несмотря на суровость заточенія, несмотря на болѣзнь и физическія страданія, онъ умеръ, не только не раскаявшись въ своихъ «заблужденіяхъ», но наоборотъ—какъ нельзя болѣе убѣжденный въ полной справедливости и святости старообрядчества.

Умершихъ арестантовъ большею частью хоронятъ въ монастырскомъ саду, въ той его части, которая непосредственно прилегаетъ къ крѣпостной стѣнѣ. Но на этотъ разъ почему-то монастырское начальство нашло нужнымъ схоронить лже-епископа Алимпія внѣ монастыря. Отецъ архимандритъ обратился въ суздальскую «градскую полицію» съ такимъ отношеніемъ: «содержащійся въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго мнѣ монастыря подъ надзоромъ арестантъ, раскольникъ поповщинской секты, мнимо-духовное лицо подъ № 2-мъ, Алимпій, бывши двѣ недѣли боленъ

25 августа, въ 9 часу утра волею Божіею померъ. О чемъ суздальской градской полиціи объявляя, покорнѣйше прошу оную для указанія мѣста на вырытіе могилы и для нахожденія при погребеніи умершаго Алимпія командировать со своей стороны чиновника».

Полиція указала мѣсто для погребенія Алимпія близъ городского кладбища, а для присутствованія при его похоронахъ назначила квартальнаго надзирателя Розанова. Тотчасъ же послѣ похоронъ о. архимандритъ пишетъ донесеніе владимирскому губернатору и «рапортъ» преосвященному о смерти секретнаго арестанта № 2-й и о «погребеніи его въ присутствіи квартальнаго надзирателя Розанова». Вмѣстѣ съ этимъ доносится архіерею, что «оставшіяся у Алимпія деньги 47 рублей 20 коп. и одиннадцать турецкихъ червонцевъ до разрѣшенія вашего преосвященства хранятся въ монастырской ризницѣ».

Въ то же время о смерти Алимпія сообщается въ суздальское уѣздное казначейство, съ возвращеніемъ денегъ, оставшихся неизрасходованными на его содержаніе. Вскорѣ послѣ этого отъ архіерея Іустина получается приказаніе — передать деньги и червонцы, оставшіеся послѣ смерти Алимпія, «въ суздальскую градскую полицію съ тѣмъ, чтобы она касательно оныхъ сдѣлала со своей стороны законное распоряженіе, и по передачѣ донести мнѣ». Приказаніе это было, разумѣется, исполнено, деньги и червонцы Алимпія переданы въ полицію, отъ которой вскорѣ и послѣдовало увѣдомленіе о томъ, что деньги и червонцы получены и записаны на приходъ [1]).

Смерть Алимпія не могла, разумѣется, не отозваться болѣзненно въ сердцѣ его сотоварища по несчастію, Аркадія, тѣмъ не менѣе, однако, онъ попрежнему остается твердымъ и «непреклоннымъ». Въ 1861 году о. архимандритъ доносилъ архіерею, что содержащійся въ крѣпостномъ отдѣленіи монастыря арестантъ № 1-й, лжеархіепископъ Аркадій, «былъ имъ вразумляемъ къ оставленію своихъ раскольническихъ заблужденій, но по выслушаніи увѣщаній, какъ и прежде, остался непреклоннымъ и объявилъ, что величай-

---

[1]) При посѣщеніи нами Суздаля лѣтомъ прошлаго 1902 года намъ удалось разыскать могилу Алимпія; она находится на Златоустовскомъ городскомъ кладбищѣ, въ лѣвомъ дальнемъ углу отъ входа, около самаго рва, которымъ окопано кладбище. По словамъ старожиловъ, въ этомъ мѣстѣ въ былое время хоронили умершихъ отъ холеры. На могилѣ—каменная высокая плита съ надписью: «подъ симъ камнемъ погребено тѣло инока Алимпія, скончавшагося 25 августа 1860 года». По сторонамъ плиты также были сдѣланы надписи, но теперь изъ нихъ можно разобрать только одну: «Егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ»; остальныя же почти совсѣмъ стерлись отъ времени. Число и мѣсяцъ смерти Алимпія на плитѣ обозначены вѣрно, но въ годѣ вкралась ошибка: онъ умеръ не въ 60-мъ, а въ 59-мъ году. Что же касается того, что покойный названъ здѣсь инокомъ, а не епископомъ, то, безъ сомнѣнія, это слѣдуетъ объяснить соображеніями цензурнаго характера.

шимъ грѣхомъ считаетъ перемѣнить обряды содержимой имъ вѣры и оставить принятый имъ санъ». Что же касается открытія и сообщенія свѣдѣній «касательно заграничныхъ лже-каѳедръ и сношеній съ русскими раскольниками, то какъ Аркадій, такъ и Семеновъ, сверхъ прежде данныхъ ими отвѣтовъ, и нынѣ ничего не показали».

Подобныя донесенія повторялись о. архимандритомъ ежемѣсячно, почти изъ слова въ слово одно и то же въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Наконецъ въ 1864 году святѣйшій синодъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы объ успѣхѣ увѣщаній лжеепископа Аркадія архіерей доносилъ «по истеченіи года».

III.

Епископъ Кононъ.

Прошло около четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были «пойманы» въ турецкихъ владѣніяхъ и заключены въ монастырь «мнимо-духовныя лица»: архіепископъ Аркадій, епископъ Алимпій и священникъ Ѳеодоръ Семеновъ. За этотъ небольшой, сравнительно, срокъ произошли на Руси большія и важныя событія, оказавшія огромное вліяніе на весь ходъ внутренней жизни Россіи, на настроеніе русскаго общества и народа. Среди крымскаго погрома, со сцены сошелъ императоръ Николай Павловичъ, унося съ собою строгій режимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ котораго онъ всегда являлся. Отъ молодого, только что воцарившагося императора Александра II всѣ ожидали совершенно иной политики, построенной на другихъ началахъ и принципахъ и прежде всего на довѣріи къ народу и культурному классу общества. Ожидались серьезныя реформы, которыя вскорѣ должны были послѣдовать, и которыя имѣли цѣлью обновить государственный механизмъ.

Послѣдовавшія вскорѣ реформы не коснулись цѣлой области народно-общественной жизни—области вѣры и религіозныхъ убѣжденій русскихъ людей. Благодаря этому, тѣ крайне тяжелыя общественныя условія, среди которыхъ приходилось жить многимъ милліонамъ нашихъ старообрядцевъ и сектантовъ, очень мало измѣнились къ лучшему, такъ какъ попрежнему имъ постоянно приходилось испытывать разнаго рода стѣсненія и преслѣдованія. И хотя эти преслѣдованія не носили уже того ожесточеннаго и систематическаго характера, какимъ они отличались въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, но, тѣмъ не менѣе, и теперь продолжали практиковаться такія мѣры, какъ «ловля» старообрядческихъ епископовъ, священниковъ и наставниковъ, ихъ аресты и заточеніе въ монастыри и т. п.

Такъ, въ самомъ концѣ 1858 года вдругъ прошелъ слухъ, что «пойманъ» еще одинъ старообрядческій епископъ Кононъ, на этотъ разъ уже не въ турецкихъ владѣніяхъ, а въ одной изъ русскихъ губерній: въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Разумѣется, тотчасъ же началось дѣло, началась секретная и конфиденціальная переписка.

Результатомъ этого дѣла, этой переписки явился высочайшій указъ: государь императоръ Александръ II въ 30 день января 1859 года повелѣть изволилъ: «отослать Конона въ одинъ изъ православныхъ монастырей, по назначенію святѣйшаго синода, съ тѣмъ, чтобы ему тамъ были дѣлаемы кроткія увѣщанія объ оставленіи его заблужденій и присоединеніи къ святой церкви».

Такимъ образомъ, гуманизмъ новаго царствованія въ данномъ случаѣ сказался лишь въ томъ, чтобы тѣ увѣщанія, которыя дѣлаются сидящимъ въ монастырскихъ тюрьмахъ, были непремѣнно «кроткія». Въ прежнее же время настоятелямъ монастырей, въ которые посылались старообрядцы и сектанты, обыкновенно предписывалось производить «увѣщанія», но, какъ, какимъ образомъ— ничего неговорилось. Но приведенной оговоркой и ограничивается дань вновь наступившей либеральной эпохѣ, всѣ же остальныя условія монастырскаго заточенія остаются прежнія, безъ всякихъ измѣненій и послабленій.

Святѣйшій синодъ рѣшилъ отправить епископа Конона въ Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь «подъ особенный надзоръ епархіальнаго и монастырскаго начальства». Владимирскій епископъ Іустинъ, получивъ указъ святѣйшаго синода по этому поводу, положилъ на немъ такую резолюцію: «помѣстить въ отдѣльной комнатѣ при арестантскомъ отдѣленіи».

7 апрѣля 1859 года, въ 7 часовъ утра, жандармы привезли Конона въ Спасо-Евфиміевскій монастырь. Сдавъ арестанта архимандриту Авросію, они получили отъ него такую квитанцію: «Доставленный во ввѣренный управленію моему Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, къ содержанію въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи, пойманный въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, раскольническій лже-епископъ Кононъ отъ сопровождавшихъ его владимирской жандармской команды унтеръ-офицера Черненко и рядового Чеснокова, въ означенномъ монастырѣ сего 1859 года, апрѣля 7-го дня, въ семь часовъ утра, мною благополучно принятъ, въ чемъ имъ, жандармскимъ унтеръ-офицеру Черненко и рядовому Чеснокову, за подписомъ моимъ, съ приложеніемъ монастырской казенной печати сія квитанція и дана».

На другой день, 8 апрѣля, архимандритъ Амвросій пишетъ «секретно» начальнику суздальской инвалидной команды майору Иголкину: «честь имѣю увѣдомить ваше высокоблагородіе, что вновь присланный во ввѣренное моему управленію крѣпостное

арестантское отдѣленіе при секретномъ отношеніи г. начальника Владимирской губерніи, отъ 6 февраля, за № 93, по высочайшему повелѣнію, арестантъ Кононъ подъ строжайшій надзоръ, каковой мною принятъ и помѣщенъ въ отдѣльной камерѣ при арестантскомъ отдѣленіи, почему благоволите повелѣть военному караулу имѣть за нимъ особый строжайшій надзоръ».

При Кононѣ «оказались» деньги—186 рублей. Деньги эти, по заведенному порядку, были отобраны отъ него и взяты на храненіе архимандритомъ Амвросіемъ, который затѣмъ, по мѣрѣ надобности, выдавалъ Конону маленькими частями—по 6, по 10 рублей. На содержаніе Конона въ монастырской тюрьмѣ казной было назначено по 46 рублей въ годъ.

Такъ какъ въ секретномъ указѣ Владимирской духовной консисторіи по дѣлу о заключеніи въ монастырь Конона было предписано архимандриту «о лже-епископѣ Кононѣ рапортовать пополугодно», то поэтому, по прошествіи шести мѣсяцевъ со дня заточенія старообрядческаго архіерея, настоятель монастыря спѣшитъ донести владимирскому архіерею о поведеніи Конона и о результатѣ «дѣлаемыхъ ему кроткихъ увѣщаній». Въ октябрѣ 1859 года архимандритъ писалъ: «находящійся подъ строгимъ надзоромъ въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго управленію моему Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря раскольническій лже-епископъ Кононъ въ теченіе истекшаго полугода съ 7-го апрѣля по 7-е октября дѣлаемымъ ему мною при посѣщеніяхъ кроткимъ увѣщаніямъ объ оставленіи раскольническихъ заблужденій не внималъ и къ присоединенію къ православной церкви совершенно отказывался; свой лже-епископскій санъ, принятый имъ за границей, считаетъ законнымъ и даже выражается съ сожалѣніемъ, что не уѣхалъ за границу». Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству архимандрита, Кононъ «велъ себя въ теченіе полугодичнаго сего времени смирно».

До чего соблюдалась тайна, которою облечено было содержаніе въ монастырѣ старообрядческихъ епископовъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Въ 1873 году войсковой штабъ войска Донского обратился чрезъ суздальское полицейское управленіе къ настоятелю Спасо-Евфиміева монастыря съ просьбою сообщить: «не содержится ли въ крѣпости при ввѣренномъ ему монастырѣ казакъ Косьма Смирновъ, и если содержится, то за что и когда заключенъ, и не имѣется ли рѣшенія о его ссылкѣ и заключеніи, съ каковаго рѣшенія, если таковое есть, прислать копію».

Архимандритъ Досиѳей отлично зналъ, что «казакъ Косьма Смирновъ» не кто иной, какъ содержащійся у него въ крѣпости арестантъ подъ номеромъ 1-мъ; но онъ не забылъ, разумѣется, строжайшихъ инструкцій и предписаній о той тайнѣ, которая должна облекать все, что только касается арестантовъ, значащихся

подъ номерами 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ. И вотъ, очевидно, съ совершенно покойной душой, онъ пишетъ въ суздальское полицейское управленіе, что «въ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго ему монастыря казака Косьмы Смирнова нѣтъ». При этомъ онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что «если бы и находилось въ означенномъ крѣпостномъ отдѣленіи прописанное лицо, то и въ семъ случаѣ онъ тогда только могъ бы выдать копію съ начальническаго распоряженія, когда получилъ бы на это предписаніе отъ своего епархіальнаго начальства».

Объ этомъ случаѣ архимандритъ Досиѳей считаетъ долгомъ донести владимирскому архіерею. Изложивъ подробно обращенный къ нему запросъ войскового штаба относительно казака Косьмы Смирнова и свой отвѣтъ на этотъ запросъ, онъ тутъ же прибавляетъ: «но между тѣмъ почитаю нужнымъ доложить вашему высокопреосвященству, что казакъ Косьма Смирновъ, какъ мнѣ положительно извѣстно, есть тотъ самый раскольническій лже-епископъ Кононъ, который въ настоящее время въ арестантскомъ отдѣленіи содержится».

Долго пришлось ждать о. Досиѳею отвѣта на это донесеніе. Отсюда можно думать, что владимирскій преосвященный, прежде чѣмъ отвѣтить настоятелю монастыря по этому поводу, счелъ нужнымъ снестись съ высшимъ начальствомъ. Только 9-го марта 1876 года владимирская духовная консисторія отправила Досиѳею указъ, въ которомъ предписывала ему «взять объясненіе отъ лже-епископа Конона: дѣйствительно ли онъ былъ казакъ Косьма Смирновъ до принятія монашества?»

Въ отобранномъ отъ него объясненіи Кононъ подтвердилъ, что «до принятія имъ монашескаго и епископскаго сана онъ дѣйствительно былъ казакъ Косьма Смирновъ и принадлежалъ къ Есауловской станицѣ войска Донского. Монашеское же званіе онъ принялъ, по обѣщанію, въ Бѣлой Криницѣ, Австрійской имперіи, какъ помнится, въ 50-хъ годахъ, но въ какомъ именно году—не упомнитъ, а также и во епископа посвященъ тамъ же, но года также не упомнитъ». Послѣ этого владимирская духовная консисторія увѣдомила архимандрита Досиѳея, что «требованіе войскового штаба войска Донского относительно казака Косьмы Смирнова епархіальнымъ начальствомъ ему, архимандриту, разрѣшено исполнить».

Такимъ образомъ о. настоятелю предстояла печальная необходимость сознаться, что первое его сообщеніе въ войсковой штабъ было, выражаясь мягко, не вѣрно.

Но, какъ ни строго, казалось, было обставлено содержаніе въ суздальской монастырской тюрьмѣ старообрядческихъ епископовъ, тѣмъ не менѣе отъ времени до времени возникали разные инциденты, которые вызывали тревогу среди представителей высшей власти и заставляли ихъ требовать и настаивать на усиленіи надзора за арестантами, числившимися подъ номерами 1, 2 и 3-мъ.

Такъ, въ 1872 году министръ внутренныхъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ увѣдомилъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, что «въ виду происковъ кановодовъ раскола къ удержанію содержащагося въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ лже-епископа Конона въ расколѣ, къ которому онъ (будто бы) начинаетъ охладѣвать, необходимо, по мнѣнію его, Тимашева, усилить надзоръ за означеннымъ арестантомъ». Въ свою очередь оберъ-прокуроръ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ по этому поводу г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно же обратился къ владимирскому епископу съ просьбою сдѣлать «зависящія со стороны его преосвященства на сей предметъ распоряженія». Конечно, владимирской духовной консисторіей тотчасъ же посылается строжайшій указъ на имя настоятеля Спасо-Евфиміева монастыря объ усиленіи надзора за лже-епископомъ Кономомъ.

Эта тревога, какъ можно видѣть изъ указа святѣйшаго синода отъ 26-го мая того же 1872 года за № 1024, возникла вслѣдствіе того, что въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ было перехвачено отъ какой-то неизвѣстной женщины свидѣтельство за № 147 за подписомъ лже-епископа Іова; въ этомъ свидѣтельствѣ заключалось воззваніе къ лже-епископу Конону,—воззваніе, которое имѣло цѣлью побудить его оставаться вѣрнымъ старообрядчеству.

Обстоятельство это и дало поводъ начальству полагать, что епископъ Кононъ поколебался въ своихъ взглядахъ на старообрядчество. Однако предположеніе это не находитъ себѣ рѣшительно никакихъ подтвержденій. Наоборотъ, есть полное основаніе думать, что ни «кроткія увѣщанія» настоятеля, ни долгіе годы монастырскаго заточенія нимало не поколебали убѣжденій Конона. Лучшимъ доказательствомъ этого являются тѣ донесенія и аттестаціи, которыя дѣлалъ о немъ и о его поведеніи о. архимандритъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1861 году архимандритъ Досиѳей писалъ владимирскому преосвященному: «находящійся подъ строгимъ надзоромъ въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи ввѣреннаго управленію моему Спасо-Евфиміева монастыря раскольническій лже-епископъ Кононъ въ теченіе истекшаго полугодія съ 7-го апрѣля по 7-е октября дѣлаемымъ ему, какъ предшественникомъ моимъ, такъ и мною при посѣщеніяхъ кроткимъ увѣщаніямъ объ оставленіи раскольническихъ заблужденій не вн и м а л ъ и отъ присоединенія къ православной церкви с о в е р ш е н н о о т к а з ы в а л с я, считая законными какъ свои заблужденія, такъ и лже-епископскій санъ». Но при этомъ архимандритъ спѣшитъ прибавить, что за отчетное время Кононъ «велъ себя кротко».

За 1862 годъ черновикъ, или, какъ говорятъ въ канцеляріяхъ, «отпускъ», аттестаціи былъ написанъ точно такъ же, какъ и предыдущій, но затѣмъ въ немъ сдѣланы были слѣдующія измѣненія: вмѣсто словъ «не внималъ» поставлено «нѣсколько внималъ».

Затѣмъ изъ фразы: «отъ присоединенія къ православной церкви совершенно отказывался», слово «совершенно» вычеркнуто. А въ самомъ концѣ добавлено: «усердно занимался чтеніемъ православныхъ книгъ».

Подобныя аттестаціи съ самыми незначительными варіаціями отправлялись о. архимандритомъ правильнымъ образомъ два раза въ годъ. Такъ, за 1865 годъ, вмѣсто словъ: «не вималъ кроткимъ увѣщаніямъ», поставлено: «мало внималъ» и т. д. Въ концѣ донесенія стоитъ: «усердно занимался чтеніемъ православныхъ книгъ и направленныхъ противу раскольническихъ заблужденій». При этомъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что «усердное чтеніе православныхъ книгъ» тѣмъ или другимъ изъ монастырскихъ арестантовъ отнюдь еще нельзя разсматривать, какъ признакъ, указывающій на возможность близкаго перехода этого лица въ православіе. Монотонное, удручающе-томительное однообразіе, на которое обречены монастырскіе узники, заставляетъ ихъ, конечно, интересоваться всякой книгой, которая только проникнетъ въ ихъ одинокую тюрьму. А вѣдь никакихъ другихъ, кромѣ чисто православныхъ и «противураскольническихъ», въ монастырскую тюрьму не попадаетъ.

Бывали случаи, когда сектанты, сидѣвшіе въ суздальской тюрьмѣ, набрасывались на книги, которыя имъ предлагалъ о. архимандритъ, но затѣмъ, ознакомившись съ содержаніемъ этихъ книгъ, они обыкновенно довольно быстро охладѣвали къ нимъ. Такъ было, между прочимъ, и со старообрядческими епископами. Относительно Аркадія, напримѣръ, настоятель монастыря въ 1865 году доносилъ владимирскому преосвященному: «нрава онъ кроткаго, но нынѣ сталъ гнушаться чтеніемъ нашихъ церковныхъ и нравоучительныхъ книгъ».

IV.

Епископъ Геннадій.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 года число старообрядческихъ архіереевъ, сидѣвшихъ въ суздальской тюрьмѣ, увеличилось еще однимъ: 2-го іюля этого года былъ привезенъ въ монастырь «для увѣщанія» пермскій старообрядческій епископъ Геннадій. О причинахъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ эту ссылку, нами было подробно разсказано, хотя и много лѣтъ тому назадъ, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» [1]), поэтому теперь мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя свѣдѣнія, касающія пребыванія Геннадія въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1883 г., ноябрь. Очеркъ изъ новѣйшей исторіи раскола: «Одинъ изъ суздальскихъ узниковъ».

Доставленный въ монастырь въ сопровожденіи «двухъ благонадежныхъ жандармовъ», Геннадій былъ помѣщенъ «въ одну изъ комнатъ арестантскаго отдѣленія крѣпости». Въ высочайшемъ повелѣніи, при которомъ онъ былъ присланъ, настоятелю монастыря ставилось въ обязанность дѣлать ему «кроткія увѣщанія». На содержаніе Геннадія въ монастырской тюрьмѣ назначено было казной 46 рублей 80 коп. въ годъ.

Вѣроятно, суздальская тюрьма и условія пребыванія въ ней произвели на Геннадія сильное и въ то же время тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ почти тотчасъ же по прибытіи въ монастырь онъ подаетъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи. Послѣ обычной, неизбѣжной въ такихъ случаяхъ переписки прошеніе Геннадія «оставляется безъ послѣдствій». Такимъ образомъ приходилось по необходимости подчиниться неизбѣжной судьбѣ.

Въ 1864 году архимандритъ Иларіонъ, донося владимирскому архіерею о результатѣ «кроткихъ увѣщаній» по отношенію къ Геннадію, сообщалъ, что послѣдній «по закоренѣлости своей въ расколѣ всегда ставитъ раскольническія свои заблужденія выше обрядовъ православной церкви и носимый имъ незаконно епископскій санъ считаетъ законнымъ». Впрочемъ,—прибавлялъ архимандритъ,—«съ нѣкотораго времени Геннадій сталъ посѣщать наше богослуженіе и читать православныя книги; нрава онъ кроткаго, покорнаго».

Приблизительно въ томъ же духѣ аттестовался Геннадій и въ слѣдующіе годы; такъ, въ 1866 году о. архимандритъ писалъ: «въ продолженіе истекшаго полугода надежды къ оставленію раскольническихъ заблужденій нѣсколько подавалъ; дѣлаемымъ ему мною внушеніямъ кротко внималъ; читалъ охотно книги догматическаго и вообще духовнаго содержанія и посѣщалъ богослуженіе».

Въ 1869 году Геннадій снова подаетъ прошеніе объ освобожденіи его изъ заключенія, но и на этотъ разъ ходатайство его не имѣло успѣха. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ владимирскому архіерею, что Геннадій, по высочайшему повелѣнію, заключенъ «за принятіе на себя не принадлежащаго ему высшаго духовнаго сана и за побѣгъ изъ арестантской роты», и что въ виду этого «всеподданнѣйшее прошеніе его удовлетворено быть не можетъ».

Затѣмъ въ концѣ того же 1869 года Геннадій неожиданно подаетъ заявленіе о желаніи его присоединиться къ единовѣрію. Заявленіе это производитъ, конечно, большую сенсацію. Настоятель московскаго единовѣрческаго монастыря іеромонахъ Павелъ «съ радостію» выражаетъ полную готовность принять Геннадія въ свой монастырь. Но тутъ возникаетъ очень щекотливый въ церковномъ отношеніи вопросъ о томъ: какимъ именно чиномъ

слѣдуетъ принять епископа Геннадія въ единовѣрческій монастырь? По этому поводу возникаетъ большая конфиденціальная переписка, закончившаяся только къ осени слѣдующаго 1870 года. 3-го августа этого года состоялось высочайшее повелѣніе относительно «освобожденія раскольническаго лже-епископа Геннадія изъ арестантскаго отдѣленія Спасо-Евфиміева монастыря для присоединенія его къ единовѣрію въ московскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, съ оставленіемъ въономъ на жительство, въ иноческомъ образѣ».

Слѣдуетъ думать, что такое рѣшеніе не удовлетворило Геннадія: онъ мечталъ и надѣялся, что путемъ присоединенія къ единовѣрію ему удастся добиться признанія со стороны православной церкви епископскаго сана въ старообрядческой Бѣлокриницкой іерархіи. Но разъ это ему не удалось, то, попавъ въ московской единовѣрческій монастырь, онъ тотчасъ же начинаетъ будировать противъ православія и единовѣрія. Разумѣется, это не проходитъ для него безнаказанно. Развязка всей этой исторіи подробно излагается въ бумагѣ тогдашняго оберъ-прокурора святѣйшаго синода графа Д. А. Толстого отъ 26-го октября 1870 года на имя настоятеля суздальскаго монастыря Досиѳея.

«Высокопреосвященный митрополитъ московскій (писалъ графъ Толстой), на основаніи донесенія настоятеля тамошняго Николаевскаго единовѣрческаго монастыря игумена Павла, увѣдомляетъ меня, что помѣщенный въ томъ монастырѣ для присоединенія къ единовѣрію раскольническій лже-епископъ Геннадій, освобожденный для этой цѣли, съ высочайшаго разрѣшенія, изъ суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, въ послѣднее время снова обнаружилъ признаки упорной расположенности къ раскольническимъ заблужденіямъ, такъ что игуменъ Павелъ выражаетъ опасеніе, чтобы Геннадій не убѣжалъ изъ единовѣрческаго монастыря.

«Вслѣдствіе сего, сдѣлавъ сношеніе съ митрополитомъ Иннокентіемъ о немедленной отсылкѣ упомянутаго лже-епископа обратно въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, долгомъ поставляю сообщить о томъ вашему высокопреподобію и покорнѣйше просить о распоряженіи, чтобы Геннадій, по доставленіи его во ввѣренный вамъ монастырь, опять былъ заключенъ въ арестантское отдѣленіе онаго, въ которомъ сей лже-епископъ содержался прежде».

Распоряженіе, конечно, было сдѣлано, и Геннадій снова очутился въ тюремной келліи Спасо-Евфиміева монастыря.

Несмотря на глубокую тайну, которая окружала заключеніе въ монастырской тюрьмѣ старообрядческихъ епископовъ, слухъ объ этомъ фактѣ все-таки распространился въ средѣ русскаго общества и народа, особенно же среди послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи. Послѣдніе начинаютъ предпринимать цѣлый рядъ попытокъ завязать сношенія и вступить въ переписку съ своими іерархами,

подвергшимися тяжелой и суровой карѣ. Слѣдуетъ, однако, думать, что очень многія изъ этихъ попытокъ окончились полной неудачей, такъ какъ письма обыкновенно перехватывались настоятелемъ монастыря, который, безъ дальнихъ околичностей, преспокойно подшивалъ ихъ «къ дѣлу».

Въ «дѣлахъ» о старообрядческихъ епископахъ, хранящихся въ монастырскомъ архивѣ, можно встрѣтить немало такихъ писемъ, адресованныхъ на имя Аркадія, Конона и Геннадія. Тутъ есть письма изъ г. Боровска, Калужской губерніи, изъ Екатеринбурга, Пермской губ., изъ Галаца, изъ Москвы, изъ Коревскаго (?) дѣвичьяго монастыря и другихъ мѣстъ. Безграмотныя письма полны привѣтствій «добрымъ страдальцамъ», которыхъ авторы писемъ величаютъ епископами, и которыхъ они просятъ помолиться за нихъ. Другіе, «припадая къ стопамъ», просятъ «заочнаго пастырскаго благословенія». Третьи посылаютъ «гостинцы—черную икру», которую просятъ епископовъ «употребить на пищу и скушать во славу Божію».

Неизвѣстна судьба подобныхъ «гостинцевъ; такъ какъ письма, при которыхъ они посылались, не передавались заключеннымъ, то есть основаніе думать, что такую же судьбу терпѣли и «гостинцы», посылавшіеся «добрымъ страдальцамъ».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на имя заключенныхъ епископовъ получались такія письма, которыя отцу архимандриту казались почему нибудь подозрительными и даже противозаконными, — онъ немедленно же доносилъ объ этомъ владимирскому епархіальному начальству, при чемъ представлялъ и самыя письма, возбудившія его подозрѣнія.

Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1868 года на имя лже-епископа Геннадія получается письмо изъ Екатеринбурга. Досиѳей, на просмотръ котораго оно «по учрежденному порядку» было доставлено, «усомнился»: ему почудилось въ этомъ письмѣ что-то загадочное и подозрительное. И вотъ онъ спѣшитъ «совершенно секретно» представить это письмо владимирскому архіерею. Особенно подозрительнымъ показалось архимандриту Досиѳею начало письма, гдѣ стояли слѣдующія буквы: Г. І. Х. С. Б. П. Н!

«Находя содержаніе сего письма,—пишетъ онъ архіерею,—отчасти загадочнымъ и въ то же время обнаруживающимъ скопище особой раскольнической секты, я счелъ долгомъ, прежде врученія письма по адресу, представить его въ подлинникѣ вашему высокопреосвященству на обозрѣніе; и затѣмъ буду имѣть честь ожидать архипастырскаго по сему предмету приказанія».

Получивъ этотъ секретный «рапортъ», Владимирская духовная консисторія требуетъ отъ Геннадія объясненій по поводу загадочнаго письма, полученнаго на его имя: отъ кого это письмо, и что именно означаютъ «недописанныя слова», такъ сильно напугавшія архи-

мандрита Досиѳея: «Г. І. Х. С. Б. П. Н!». Геннадій немедленно же отвѣчаетъ, что письмо это писано къ нему его двоюродной сестрой, и что «недописанныя слова», которыми начинается это письмо: Г. І. Х. С. Б. П. Н., означаютъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!.. Такимъ образомъ ларчикъ открылся очень легко и очень просто. Однако постановленіе, которое состоялось въ духовной консисторіи по этому поводу, невольно вызываетъ недоумѣніе.

«Какъ изъ объясненій лже-епископа Геннадія, — значится въ этомъ постановленіи,—такъ и по смыслу письма видно, что недописанныя слова ничего не заключаютъ въ себѣ противозаконнаго, а онъ, Геннадій, обязался внушить всѣмъ, чтобы подобныхъ сокращеній въ письмахъ къ нему пишущіе не дозволяли себѣ, то письмо родственницы Геннадія оставивъ при дѣлѣ, вамъ, отцу архимандриту Досиѳею предписать, чтобы и на будущее время слѣдили за перепиской Геннадія и въ случаѣ сомнѣнія доносили его высокопреосвященству». Казалось бы, что разъ въ письмѣ не оказалось рѣшительно ничего противозаконнаго и сомнительнаго, то отчего бы не выдать этого письма тому лицу, которому оно предназначалось?..

V.

Освобожденіе.

Прошло 25 лѣтъ со времени заключенія въ монастырь Аркадія и Алимпія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года директоръ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода Ив. Ненарокомовъ обратился къ архимандриту Досиѳею съ секретнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ: «согласно приказанію его сіятельства [1]) г. оберъ-прокурора, имѣю честь обратиться къ вашему высокопреподобію съ покорнѣйшей просьбой сообщить мнѣ въ непродолжительномъ по возможности времени свѣдѣнія о поведеніи и образѣ жизни содержащихся въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ лже-епископѣ Аркадіи, лже-архіепископѣ Геннадіи [2]) и лже-епископѣ Кононѣ».

На этотъ запросъ архимандритъ Досиѳей отвѣчалъ, что «по вѣдомости, представленной имъ въ декабрѣ мѣсяцѣ за прошлый 1878 годъ, лица сіи аттестованы такъ:

«1) Лже-архіепископъ Аркадій, 70 лѣтъ, увѣщаній не слушаетъ будучи увѣренъ въ ложныхъ своихъ убѣжденіяхъ; но по поведенію ведетъ себя строго и благопокорливо.

---

[1]) Графа Д. А. Толстого.

[2]) Директоръ канцеляріи, очевидно, перемѣшалъ: архіепископомъ былъ Аркадій, а Геннадій—епископомъ.

«2) Лже-епископъ Кононъ, 81 года, отъ нѣкоторыхъ ложныхъ убѣжденій по преклонности лѣтъ не въ силахъ отказаться; по поведенію совершенно безукоризненъ.

«3) Лже-епископъ Геннадій, 53 лѣтъ, держится упорно своихъ ложныхъ убѣжденій, ревниво защищаетъ принятый имъ незаконно епископскій санъ; по поведенію вспыльчивъ, не всегда миренъ и покоренъ».

Эту характеристику старообрядческихъ архіеревъ о. архимандритъ заканчиваетъ такъ: «при этомъ осмѣливаюсь присовокупить, что означенныя лица и по настоящее время при прежнемъ поведеніи ведутъ одинаковый образъ жизни, какъ и прежде».

Чѣмъ собственно былъ вызванъ запросъ директора канцеляріи оберъ-прокурора синода,—изъ дѣлъ не видно. Быть можетъ, поводомъ для этого запроса послужила извѣстная статья «Голоса», появившаяся какъ разъ около того времени,—статья, въ которой довольно подробно разсказывалась печальная судьба старообрядческихъ епископовъ, томившихся въ Суздальской монастырской тюрьмѣ, и въ то же время выражалась надежда на скорое освобожденіе несчастныхъ узниковъ. Статья эта, вызвавшая пріостановку «Голоса», произвела тогда сильное впечатлѣніе на русское общество, которое впервые узнало изъ нея о томъ, что въ монастырскихъ казематахъ цѣлые десятки лѣтъ сидятъ старообрядческіе епископы... Съ тѣхъ поръ прошло еще два года.

Утромъ 8-го сентября 1881 года въ Суздальской почтово-телеграфной конторѣ получились двѣ очень важныя телеграммы на имя настоятеля Спасо-Евфиміева монастыря, архимандрита Досиѳея. Одна изъ телеграммъ была изъ Петербурга, другая—изъ Владиміра. По полученіи телеграммъ, начальникъ конторы, не теряя ни одной минуты времени, отправилъ телеграфиста въ монастырь.

Когда келейникъ, состоящій при архимандритѣ Досиѳеѣ, доложилъ ему, что принесли двѣ телеграммы на его имя, о. настоятель заволновался. Распечатавъ дрожащими руками одну изъ телеграммъ, онъ съ волненіемъ взглянулъ на подпись. Тамъ стояли слова: «министръ внутреннихъ дѣлъ Игнатьевъ». Досиѳей впился въ телеграмму, состоявшую изъ слѣдующихъ строкъ:

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, всемилостивѣйше соизволилъ на освобожденіе старообрядцевъ Аркадія, Конона и Геннадія изъ монастырскаго заключенія, съ недопущеніемъ мѣстожительства ихъ въ столицахъ и раскольническихъ центрахъ и съ тѣмъ, чтобы Геннадій предварительно освобожденія его былъ подвергнутъ освидѣтельствованію способностей, о чемъ мною сообщается оберъ-прокурору святѣйшаго синода и губернатору».

Архимандритъ Досиѳей спѣшитъ распечатать другую телеграмму, также адресованную на его имя. Въ телеграммѣ стояло: «Сегодня къ вечеру пріѣду въ Суздаль. Если не стѣсню, переночую у васъ. Губернаторъ Судіенко».

Это произошло 8-го сентября 1881 года. Въ виду особенной важности полученныхъ телеграммъ, настоятель монастыря счелъ нужнымъ помѣтить не только мѣсяцъ и число ихъ полученія, но даже часъ и минуты. На обѣихъ телеграммахъ сверху рукою Досиѳея написано: «Получено 8-го сентября 1881 года, въ 11 часовъ 45 минутъ».

Къ вечеру дѣйствительно пріѣхалъ губернаторъ М. І. Судіенко и остановился въ монастырѣ, въ квартирѣ архимандрита, гдѣ на случай пріѣзда важныхъ и чиновныхъ гостей имѣются особыя комнаты.

На другой день, 9-го сентября, находившимся въ монастырской тюрьмѣ старообрядческимъ архіереямъ Аркадію, Конону и Геннадію было объявлено объ освобожденіи ихъ государемъ императоромъ отъ заключенія на условіяхъ, указанныхъ въ телеграммѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева. Затѣмъ въ присутствіи губернатора и «градскихъ депутатовъ» консиліумъ врачей свидѣтельствовалъ умственныя способности епископа Геннадія. Слѣдуетъ думать, что результатъ этого освидѣтельствованія былъ благопріятный для Геннадія, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ другими былъ тогда же выпущенъ на свободу.

Освобожденные епископы не замедлили, разумѣется, покинуть монастырь, съ его тюрьмой, въ которой имъ пришлось такъ долго томиться, такъ много выстрадать. 10-го сентября всѣ они «выбыли изъ монастыря въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, въ мѣста жительства, ими себѣ избранныя». Такъ, въ послѣдній разъ, доносилъ о нихъ архимандритъ Досиѳей министру внутреннихъ дѣлъ, графу Игнатьеву.

Одновременно съ этимъ онъ донесъ владимирскому епископу Ѳеогносту [1]), что «во исполненіе высочайшей воли его величества государя императора, сообщенной ему его сіятельствомъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, старообрядцы, находившіеся въ монастырскомъ заключеніи, Аркадій, Кононъ и Геннадій, 9-го сентября освобождены изъ онаго при непосредственномъ распоряженіи г. губернатора». Вмѣстѣ съ этимъ архимандритъ Досиѳей счелъ необходимымъ сообщить епископу Ѳеогносту, что «Аркадій и Кононъ отправились изъ Суздаля въ г. Владимиръ, а Геннадій — въ Казань».

Впрочемъ въ Казани Геннадій пробылъ недолго, такъ какъ вскорѣ переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ онъ и обосновался на постоянное житье. Здѣсь своею дѣятельностью въ качествѣ старообрядческаго епископа онъ вооружилъ противъ себя духовныя власти, со стороны которыхъ послѣдовалъ цѣлый рядъ доносовъ на Геннадія.

---

[1]) Впослѣдствіи кіевскому митрополиту, недавно умершему.

Въ самомъ началѣ 1884 года надъ Геннадіемъ снова стряслась бѣда. Харьковское епархіальное начальство, находя пребываніе Геннадія въ Харьковѣ вреднымъ и небезопаснымъ, возбудило ходатайство о высылкѣ его изъ этого города. Ходатайство это было поддержано, вслѣдствіе чего 26-го января 1884 года состоялось высочайшее повелѣніе, въ силу котораго «проживавшій въ Харьковѣ подъ надзоромъ полиціи крестьянинъ Пермской губерніи, Григорій Бѣляевъ,—онъ же лже-епископъ Геннадій, — былъ назначенъ къ высылкѣ изъ Харькова въ г. Виндаву, Курляндской губерніи».

Объ этомъ распоряженіи было тогда же объявлено Геннадію. «Между тѣмъ изъ полученныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ курляндскаго губернатора и частнымъ путемъ свѣдѣній оказалось, что названный раскольникъ, вопреки упомянутому высочайшему повелѣнію, отправился не въ г. Виндаву, а въ г. Хвалынскъ, Саратовской губ., а оттуда въ Уфимскую губернію, на Златоустовскій заводъ».

Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ г. синодальному оберъ-прокурору съ вопросомъ, «не признаетъ ли онъ необходимымъ, для прекращенія дальнѣйшихъ противозаконныхъ дѣйствій крестьянина Бѣляева, вновь подвергнуть его заключенію въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь». Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода выразилъ свое согласіе на эту мѣру. Вскорѣ послѣ этого управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ этомъ къ государю императору, и его императорское величество въ 7-й день іюня 1884 года высочайше повелѣть соизволилъ: крестьянина Григорія Бѣляева (лже-епископа Геннадія) за противозаконныя его дѣйствія подвергнуть вновь заключенію въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Святѣйшій правительствующій синодъ, заслушавъ предложеніе по этому поводу синодальнаго оберъ-прокурора отъ 21-го іюня того же 1884 года за № 2952, въ которомъ былъ подробно изложенъ весь ходъ дѣла, приказалъ: «о содержаніи настоящаго предложенія дать знать владимирскому преосвященному, предписавъ ему сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи за лже-епископомъ Геннадіемъ со стороны монастырскаго начальства строгаго надзора».

Получивъ этотъ указъ святѣйшаго синода, владимирскій епископъ Ѳеогностъ усомнился: гдѣ и какъ слѣдуетъ содержать Геннадія, т.-е. въ числѣ братіи монастыря, на волѣ, или же въ арестантскомъ отдѣленіи? О разрѣшеніи своего недоумѣнія онъ запросилъ святѣйшій синодъ, который отвѣтилъ, что Геннадія слѣдуетъ содержать въ въ арестантскомъ отдѣленіи. Мѣра эта, однако, не была приведена въ исполненіе, такъ какъ Геннадій, зная по горькому опыту, что̀ такое монастырское заточеніе, предпочелъ оставить Россію и бѣ-

жалъ въ Австрію, къ тамошнимъ старообрядцамъ... Тамъ онъ и умеръ.

Давно умерли также и Аркадій и Кононъ. О послѣднемъ въ годъ его смерти былъ напечатанъ довольно подробный некрологъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1884 г., въ № 24. Такъ какъ некрологъ этотъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній относительно условій жизни Конона и Аркадія въ Суздальскомъ монастырѣ, то мы и позволимъ себѣ привести его здѣсь лишь съ небольшими сокращеніями.

«Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти одного изъ старѣйшихъ старообрядческихъ епископовъ — Конона, умершаго 21-го января въ городѣ Владимирѣ-на-Клязьмѣ, гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы на покоѣ. Печальная судьба этого «древле-церковнаго святителя», его замѣчательная нравственная стойкость, обнаруженная имъ въ дѣлѣ отстаиванія своихъ завѣтныхъ убѣжденій,—все это даетъ ему несомнѣнное право ва общественное вниманіе, а потому, мы полагаемъ, будетъ нелишне почтить его память нѣсколькими словами.

«Кононъ, въ мірѣ Косьма Трофимовичъ Смирновъ, сынъ донского казака Есауловской станицы, родился 12-го октября 1798 года. Какъ казакъ, онъ сначала служилъ въ военной службѣ, но, пробывъ установленныя тогдашними правилами 25 лѣтъ, вышелъ въ отставку и, спустя нѣкоторое время, принялъ монашество. Вскорѣ добродѣтельная жизнь обратила на него вниманіе старообрядцевъ, и вслѣдствіе приговора общества въ 1853 году онъ былъ посвященъ въ санъ епископа зыбковскаго (слободы Черниговской губерніи). Самое рукоположеніе Конона въ епископы совершено было въ Австріи бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ. Возвратившись въ Россію, Кононъ около пяти лѣтъ исправлялъ обязанности старообрядческаго епископа, но въ 1858 году, во время пребыванія его въ Кіевской губерніи, онъ былъ арестованъ за носимое имъ званіе и затѣмъ заточенъ въ Суздальскую крѣпость, находящуюся при Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.

«Здѣсь, въ суровомъ заточеніи монастырскаго каземата, епископъ Кононъ провелъ почти цѣлую четверть вѣка, а именно — двадцать три года. Особенно тяжело было его положеніе въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ, которыя ему пришлось высидѣть въ сырой, холодной тюремной камерѣ, помѣщавшейся въ глубокомъ подвалѣ. Заключеніе было строго одиночное; у дверей камеры и день и ночь стояли часовые съ ружьями. Тяжелыя условія заключенія разстроили когда-то крѣпкое здоровье Конона; сидѣвшій въ той же тюрьмѣ, при одинаковыхъ условіяхъ, другой старообрядческій епископъ Аркадій славскій почти совсѣмъ лишился ногъ.

«Впослѣдствіи положеніе Конона нѣсколько улучшилось: онъ былъ переведенъ въ болѣе сносное помѣщеніе, ему начали давать книги для чтенія; затѣмъ изрѣдка ему разрѣшались свиданія съ

пріѣзжавшими навѣстить его старообрядцами. Свиданія эти всегда происходили въ присутствіи архимандрита, настоятеля монастыря, въ его квартирѣ.

«Конону во время его заключенія постоянно дѣлались увѣщанія и предложенія оставить старообрядчество и присоединиться къ православію или единовѣрію, за что̀ обѣщалось немедленное освобожденіе, а также многія льготы и милости. Въ 1870 году, по распоряженію высшей духовной власти, Кононъ былъ привезенъ въ Москву и поселенъ при Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ; здѣсь его постоянно навѣщали миссіонеры православной церкви, убѣждая его «оставить расколъ». Однако всѣ эти увѣщанія не имѣли никакого успѣха, и потому Кононъ былъ снова отосланъ въ Суздаль, въ тюрьму.

«Во время своего пребыванія въ единовѣрческомъ монастырѣ Кононъ написалъ толкованіе на 3-ю книгу Ездры; въ настоящее время сочиненіе это находится за границей, въ рукахъ извѣстнаго отца Пафнутія. Московское старообрядческое общество много разъ предпринимало ходатайство объ освобожденіи своихъ епископовъ, но всѣ эти ходатайства оставлялись всегда «безъ послѣдствій».

«Только 8-го сентября 1881 года состоялось высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Конона вмѣстѣ съ двумя другими старообрядческими епископами—Аркадіемъ и Геннадіемъ. Кононъ былъ такъ слабъ, что не имѣлъ силъ выйти безъ посторонней помощи изъ тюрьмы и потому былъ вынесенъ на рукахъ. Съ большимъ трудомъ доѣхалъ онъ до Владимира, гдѣ и поселился, найдя самый радушный пріютъ у тамошнихъ старообрядцевъ Жогалевыхъ и Никитиныхъ. При выходѣ изъ тюрьмы отъ Конона были отобраны архимандритомъ всѣ бумаги и записки, которыя велъ старообрядческій епископъ во время своего заключенія.

«Послѣдніе годы своей жизни Кононъ проводилъ въ молитвѣ, чтеніи священнаго писанія, а также въ составленіи разныхъ богословскихъ сочиненій. Въ то же время онъ весьма интересовался исторіей Россіи, слѣдилъ за литературою по этому вопросу и выписывалъ выходящія вновь книги по этой отрасли. Болѣя, не имѣя возможности ни ходить, ни сидѣть, онъ, полулежа въ кровати, окруженный подушками, не переставалъ писать наставленія въ видѣ писемъ, какъ къ отдѣльнымъ лицамъ изъ старообрядческаго міра, такъ и цѣлымъ обществамъ. Его знанія, строгій, аскетическій образъ жизни, добрый нравъ, а еще болѣе воспоминаніе о долголѣтнихъ страданіяхъ «за вѣру» снискали ему общую любовь и уваженіе среди старообрядческаго населенія. Даже «неокружники» и ихъ духовенство не чуждались Конона и охотно обращались къ нему за указаніями и разъясненіями въ дѣлахъ вѣры».

А. С. Пругавинъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БЫВШАГО СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

I.

Вещественное доказательство.

ДАВНО уже я не состою на службѣ по судебному вѣдомству, но до сихъ поръ не могу забыть этой кипучей, разнообразной и благотворной дѣятельности, которая оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Перебирая въ памяти разные случаи и дѣла, я вспомнилъ, какъ при самомъ началѣ моей служебной дѣятельности, благодаря неопытности, мнѣ пришлось пережить непріятныя минуты.

При поступленіи на службу, я былъ откомандированъ въ распоряженіе прокурора въ одинъ изъ городовъ Западнаго края, гдѣ окружныхъ судовъ еще не было, но были уже товарищи прокуроровъ, то-есть была такъ называемая «полуреформа».

Черезъ мѣсяца два, когда я подъ руководствомъ прокурорскаго надзора ознакомился съ наукой составленія протоколовъ и постановленій, я для дальнѣйшаго обученія былъ посланъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ въ помощь къ судебному слѣдователю.

Въ маленькомъ еврейскомъ городкѣ, кромѣ положенныхъ по штату чиновъ разныхъ вѣдомствъ, никакого общества не было. О библіотекѣ никто не думалъ. Кромѣ «Правительственнаго Вѣстника» и «Нивы», получались 2 экземпляра «Новаго Времени». Одинъ выписывалъ мировой судья, а другой воинскій начальникъ. Получая

содержанія лишь 1 рубль 45 копеекъ суточныхъ и 12 копеекъ квартирныхъ, приходилось быть экономнымъ; выписывать самому газеты нечего было и думать, и поэтому я поочередно ходилъ читать газету то къ одному, то къ другому. Разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ изъ деревни предводитель дворянства, получавшій «Голосъ», и тогда дѣлили Европу при горячихъ спорахъ и дебатахъ двухъ противоположныхъ партій. По вечерамъ иногда приходилось играть въ преферансъ по маленькой. Поневолѣ приходилось исключительно заняться работой. Дѣлъ у судебнаго слѣдователя было много, работа мнѣ нравилась, и я предался ей съ увлеченіемъ.

Подъ руководствомъ моего патрона, судебнаго слѣдователя, холостяка, у котораго я и поселился, съ ранняго утра до поздняго вечера я допрашивалъ свидѣтелей и обвиняемыхъ и писалъ повѣстки, такъ какъ письмоводителя не было. Судебный слѣдователь меня хвалилъ, поощрялъ, указывалъ на количество двинутыхъ дѣлъ, говорилъ объ очищеніи запущеннаго участка и... сталъ учиться играть на корнетъ-а-пистонѣ.

Отношенія между мною и судебнымъ слѣдователемъ были самыя лучшія. Я слѣпо вѣрилъ въ его опытность, безпрекословно исполнялъ его порученія и всегда былъ согласенъ съ его мнѣніемъ о томъ, какой дать дѣлу ходъ. Такъ прошли мѣсяцы. Первое зерно недовѣрія къ нему поселилъ во мнѣ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ участковый товарищъ прокурора.

— Послушайте, говоритъ. Зачѣмъ вы такъ стараетесь какъ можно больше направить дѣлъ въ теченіе мѣсяца?

— Стараюсь очистить участокъ, — отвѣчаю. — Надѣюсь, что начальство найдетъ, что я хорошо работаю.

— И ошибаетесь. Во-первыхъ, участокъ не очистится, потому что чѣмъ больше вы работаете, тѣмъ меньше работаетъ вашъ патронъ. А, во-вторыхъ, гонясь за количествомъ направленныхъ дѣлъ, вы забываете о качествѣ работы. Вы прежде лучше работали. Теперь же видна спѣшка. Вы обратите вниманіе на то, сколько я дѣлъ возвратилъ для дополненія. Кромѣ того, не довѣряйтесь очень ему. Человѣкъ онъ хитрый. Я замѣтилъ, что какъ только поступаетъ какое дѣло, почему нибудь непріятное для него или сложное, онъ сейчасъ его вамъ. Вы не берите всякое дѣло, которое онъ вамъ даетъ. Отвѣчайте, что вы неопытны, что можете самостоятельно производить слѣдствіе только по простымъ дѣламъ, и что по сложнымъ онъ обязанъ самъ дѣйствовать.

— Хотя я и производу самостоятельно, но только до привлеченія обвиняемаго. Тогда я всегда спрашиваю мнѣніе судебнаго слѣдователя и дѣйствую по его указанію.

— И тутъ надо относиться критически къ его указаніямъ и и съ осторожностью.

Хитрый патронъ сразу замѣтилъ происшедшую во мнѣ перемѣну и, понявъ, откуда я получилъ предостереженіе, сталъ ругать прокурорскій надзоръ.

Однажды утромъ, возвратясь съ прогулки, я засталъ патрона, бывшаго совершенно здоровымъ, лежавшимъ на диванѣ. Лицо было пасмурно, и голова была обвязана полотенцемъ.

— Что съ вами?

— Совершенно боленъ. Или угорѣлъ или простудился. Голова болитъ неимовѣрно.

Я подозрительно посмотрѣлъ на него и подумалъ, не возникло ли какое нибудь непріятное дѣло.

— Ахъ, да!—внезапно вспомнилъ онъ.—Я тутъ получилъ одно увѣдомленіе пристава. Необходимо съѣздить верстъ за 60. Пожалуйста, я васъ прошу, съѣздите. Я же совершенно не могу. Боленъ.

— Въ чемъ дѣло?

— А вотъ прочтите.

Чтобы понятнѣе былъ случай, о которомъ сообщалъ приставъ, я долженъ немного объяснить общее настроеніе мѣстныхъ жителей края въ то время.

Хотя уже прошли года послѣ польскаго мятежа, но онъ былъ еще свѣжъ въ памяти крестьянъ. Терпя нужду, питаясь пушнымъ хлѣбомъ (ржанымъ пополамъ съ мякиной), въ лаптяхъ и опоркахъ, крестьяне, завидѣвъ помѣщика, издали снимали шапку и, кланяясь, сгибались въ дугу. Въ душѣ же желали ему всякаго зла. Производя потравы помѣщичьихъ луговъ, самовольно вырубая лѣса владѣльцевъ, они распускали небылицы и склонны были къ воспріятію самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, лишь бы они клонились ко вреду помѣщиковъ. Самымъ любимымъ и обыденнымъ слухомъ это было увѣреніе, что поляки опять готовятся къ возстанію.

Приставъ сообщалъ о доносѣ какой-то крестьянки. Она заявляла, что богатый помѣщикъ, графъ, вмѣстѣ со своимъ управляющимъ убилъ мужа ея за то, что онъ подсмотрѣлъ, какъ графъ, подготовляясь къ возстанію, занимался отливкою пуль въ банѣ. По ея словамъ, графъ, замѣтивъ мужа, смотрѣвшаго въ окно, выскочилъ изъ бани, схватилъ его, втащилъ въ баню и тамъ вмѣстѣ съ управляющимъ, держа за руки и ноги, сталъ бить его спиной о полъ до тѣхъ поръ, пока онъ не впалъ въ безсознательное состояніе. Тогда взвалили его на телѣгу и отвезли къ ней домой въ деревню. Мужъ только стоналъ и часа черезъ два умеръ, не сказавъ ни слова. Въ подтвержденіе своихъ словъ она указала на человѣкъ 30 свидѣтелей, называя ихъ по именамъ, и между прочимъ на 4 свидѣтелей, видѣвшихъ слѣды побоевъ на его тѣлѣ.

На мое замѣчаніе, что дѣло имѣетъ политическую окраску и что, повидимому, очень сложное, слѣдователь сталъ горячо убѣждать

и доказывать, какъ я могу отличиться, и какъ это дѣло можетъ быстро повліять на мою служебную карьеру.

— Я уже сообщилъ уѣздному врачу, и онъ черезъ часъ ѣдетъ. Лошади и для васъ будутъ приведены черезъ часъ. Прежде всего вскрытіе, потомъ допросъ нѣсколькихъ свидѣтелей и затѣмъ обязательно графа въ тюрьму. Какую сенсацію это произведетъ!—говорилъ онъ, бѣгая по комнатѣ, забывъ о головной боли и скинувъ полотенце.

— Знаете что? Поѣдемте вмѣстѣ. Вы, кажется, выздоровѣли. Я буду вамъ помогать и займусь допросомъ свидѣтелей.

Моментально опять кислая физіономія, охи и вздохи. Онъ прилегъ на диванъ и застоналъ.

— Нѣтъ, это временное возбужденіе. Не могу ѣхать.

Я сталъ раздумывать. Дѣло было интересное, и я рѣшился ѣхать. Когда я садился на телѣгу, слѣдователь сказалъ:

— Знаете, что я вамъ скажу? Если вскрытіе установитъ насильственную смерть, и свидѣтели подтвердятъ, что убилъ именно графъ, присылайте за мной нарочнаго. Я тогда самъ его допрошу и посажу.

— Ну, ужъ это дудки,—подумалъ я, но обѣщалъ непремѣнно исполнить его просьбу.

Дорогою докторъ, ѣхавшій вслѣдъ за мной съ фельдшеромъ, раза три или четыре останавливалъ меня. Мы садились на траву и закусывали. У доктора въ телѣгѣ былъ ящикъ съ инструментами, погребецъ и корзина съ съѣстными припасами. Я пилъ изъ фляжки портвейнъ, а онъ простую очищенную, увѣряя, что это столѣтняя «стара вудка». На послѣдней остановкѣ, послѣ второй бутылки такой старушки, докторъ предложилъ мнѣ показать фокусъ. Наполнивъ рюмку, онъ, не дотрогиваясь до нея рукою, нагнулся, захватилъ ее ртомъ, запрокинулъ голову, проглотилъ водку и затѣмъ, раскусивъ рюмку, выплюнулъ осколки на траву.

— Вы такъ никогда не дѣлайте, ибо можете сломать зубы и раскровянить десна, губы и даже языкъ.

Я съ увѣренностью обѣщалъ никогда не дѣлать ничего подобнаго.

Послѣ этого привала я съ докторомъ временно разстался. Онъ поѣхалъ въ село, близъ котораго былъ похороненъ умершій, а я отправился въ деревню къ вдовѣ, не доѣзжая 10 верстъ до села.

Какъ вдова, такъ и нѣсколько человѣкъ свидѣтелей удостовѣрили, что покойный былъ привезенъ въ безсознательномъ состояніи барскимъ кучеромъ въ телѣгѣ. Лежалъ онъ въ телѣгѣ на спинѣ съ закрытыми глазами и не издавалъ ни звука. Его вынули, внесли въ избу, положили на полъ и часа черезъ четыре онъ, не приходя въ сознаніе, умеръ. Обмывавшіе трупъ заявили, что вся спина была черная, какъ бы отъ побоевъ, хотя кровоподтековъ не было.

По поводу причины смерти вдова объяснила. что она сначала предполагала, что смерть была естественная. Теперь же, по прошествіи 10 мѣсяцевъ со дня смерти, стали ходить слухи, что убили за то, что онъ подсмотрѣлъ, какъ графъ и управляющій лили пули для поляковъ.

При такомъ положеніи дѣла безъ вскрытія трупа покойнаго обойтись было невозможно, и я, взявъ съ собой вдову для указанія его могилы, отправился въ село.

Насъ встрѣтилъ десятскій и сказалъ, что священникъ и понятые ждутъ насъ на кладбищѣ. На мой удивленный вопросъ, кѣмъ было сдѣлано такое предупредительное распоряженіе, десятскій отвѣтилъ, что—исправникомъ, который уже часа два какъ пріѣхалъ въ село.

Верстахъ въ двухъ отъ села на краю болота стояло кладбище съ убогими крестами, выкрашенными черною краскою безъ всякихъ надписей. Заработали заступы, и въ буквальномъ смыслѣ изъ сырой могилы былъ вынутъ покрытый плѣсенью, кое-какъ сбитый изъ еловыхъ досокъ гробъ. Откинули крышку, и передъ моими глазами предсталъ трупъ, какого мнѣ больше никогда не приходилось видѣть, несмотря на то, что впослѣдствіи мнѣ пришлось присутствовать болѣе 200 разъ при вскрытіяхъ. Это былъ покрытый снаружи бѣлою плѣсенью какой-то прозрачный студень на костяхъ. Зрѣлище было отвратительное.

— Пролежалъ не въ землѣ, а въ болотѣ болѣе 10 мѣсяцевъ,— объяснилъ докторъ,—и поэтому совершенно разложился. На основаніи врачебнаго устава вскрытія дѣлать не слѣдуетъ, о чемъ и составленъ будетъ мною протоколъ.

Я сталъ уговаривать доктора, въ виду важности дѣла, все-таки произвести вскрытіе.

— Видите ли, что я вамъ скажу. Законъ ясенъ, и никто меня заставить не можетъ. Я здѣсь одинъ уѣздный врачъ, служу весь свой вѣкъ, старъ, опытенъ и уменъ. Но... всегда есть «но». Если бы вы отказались хоть разъ со мною закусить, не сталъ бы вскрывать. Хотя вы не пробовали «старки», но... опять «но»... Итакъ «но» потому, что мнѣ больше осталось. Вы хорошій человѣкъ. Поцѣлуемся.

Мы поцѣловались, и вскрытіе было сдѣлано. Никакихъ знаковъ насилія на поверхности тѣла, превращеннаго въ клейкую массу, не могло быть усмотрѣно, и всѣ кости оказались цѣлыми.

— Отчего умеръ, не могу сказать. Какую причину смерти выдумать, когда все сгнило? Ты прахъ и прахомъ будешь, говорятъ наши ксендзы, а тутъ не только прахъ, а студень. Ага, развѣ вотъ что. Какое-то содержимое есть въ желудкѣ. Доставай желудокъ и выкладывай отдѣльно!—отдалъ онъ команду фельдшеру.

Я попробовалъ было замѣтить, что отравленіе не предполагается, и что нѣтъ поэтому надобности въ изслѣдованіи содержимаго, но

врачъ вспыхнулъ, напомнилъ опять о своей долголѣтней службѣ и заявилъ, что будетъ занесено въ протоколъ о необходимости химическаго изслѣдованія содержимаго въ желудкѣ для точнаго опредѣленія причины смерти покойнаго, въ виду отсутствія другихъ данныхъ къ выясненію этой причины.

Былъ посланъ въ деревню десятскій, который раздобылъ откуда-то банку изъ-подъ варенья (кстати, очень тонкаго стекла) и пузырь. Содержимое, представлявшее какую-то зеленую кашу, повидимому, растительнаго происхожденія, было опущено въ эту банку, которую покрыли пузыремъ, обвязали веревкой и припечатали концы печатями.

Разбереженный студенистый трупъ опять зарыли, и я поѣхалъ въ деревню. Тамъ ждалъ меня исправникъ.

— Я зналъ, что судебный слѣдователь самъ не поѣдетъ,—были его первыя слова:—хитрый мужчина. Только напрасно онъ безпокоился. Ничего нѣтъ. Я произвелъ уже дознаніе и убѣдился вполнѣ, что ни политическаго, ни уголовнаго преступленія не могло и быть въ данномъ случаѣ. Изъ допроса свидѣтелей, которые уже вызваны, вы въ этомъ убѣдитесь сами.

Допрашивалъ я въ теченіе всего дня до поздней ночи, и изъ показаній 30 человѣкъ составилась слѣдующая картина.

Покойный былъ самый бѣдный человѣкъ въ деревнѣ. Семья его буквально умирала съ голоду. Поэтому онъ, работая у графа поденщикомъ на его же харчахъ, послѣ окончанія работъ относилъ часть несъѣденной пищи семьѣ. Работать весь день, не доѣдать и затѣмъ ежедневно совершать прогулку къ семьѣ за 10 верстъ и являться съ восходомъ солнца опять на работу—все это не могло не отозваться на какомъ угодно стальномъ организмѣ. Въ теченіе же послѣднихъ двухъ недѣль, когда жена его прихворнула и не могла сама работать, онъ ѣлъ исключительно только однѣ щи, остальную же пищу и весь полагавшійся ему хлѣбъ относилъ женѣ и дѣтямъ. У него появилась дизентерія, но онъ не обращалъ на это вниманія. Въ день смерти, во время обѣда, онъ поѣлъ щей за двоихъ и, не вставая изъ-за стола, упалъ въ корчахъ. У него появились всѣ признаки холеры. Было доложено управляющему, который сначала давалъ лѣкарство и затѣмъ, когда увидѣлъ, что рабочему становится все хуже и хуже, распорядился отвезти его домой. Передъ отправленіемъ его ему стало нѣсколько лучше, онъ въ состояніи былъ говорить. Попросивъ поближе подойти къ нему управляющаго, онъ сказалъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, и просилъ передать графу не дать умереть съ голода его семьѣ. Когда его положили на телѣгу, онъ приподнялся еще разъ и, обращаясь къ остальнымъ рабочимъ, попросилъ простить ему, если онъ кого обидѣлъ. Не успѣлъ отъѣхать и версты, какъ впалъ въ безсознательное состояніе. О нанесеніи ему кѣмъ либо побоевъ не

было ни малѣйшаго намека. Такимъ образомъ, выяснилось полное отсутствіе какого бы то ни было преступленія. Я со спокойной совѣстью возвращался домой.

На другой день слѣдователь прочиталъ показанія свидѣтелей и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о неполнотѣ, неточности и кстати неразборчивости почерка.

Онъ былъ недоволенъ, что не вышло сенсаціоннаго дѣла, я же былъ доволенъ и поэтому покорно слушалъ и молчалъ.

Черезъ три дня уѣздный врачъ прислалъ банку съ внутренностями и свое заключеніе.

Онъ говорилъ, что смерть, по всей вѣроятности, произошла отъ остраго катара кишокъ. Черныя пятна на спинѣ вѣроятнѣе всего были трупныя, но могли быть и травматическими вслѣдствіе того, что больного везли лежащимъ въ простой телѣгѣ на спинѣ по плохой дорогѣ. Тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что для полнаго выясненія причины смерти необходимо химическое изслѣдованіе внутренностей.

Я лично былъ того мнѣнія, что внутренности слѣдуетъ отослать въ полицію для уничтоженія, слѣдователь же со мной не соглашался.

— Хотя при настоящемъ положеніи дѣла и нѣтъ признаковъ преступленія,—резонировалъ онъ,—а вдругъ химическое изслѣдованіе откроетъ ядъ?! Свидѣтели эти были рабочіе. Могли быть подкуплены.

Долго мы спорили, и наконецъ я уступилъ и согласился послать внутренности для химическаго изслѣдованія во врачебное отдѣленіе губернскаго правленія.

Въ теченіе слѣдующей недѣли мною было допрошено еще нѣсколько свидѣтелей и окончательно было установлено, что рабочій умеръ естественной смертью.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Съ судебнымъ слѣдователемъ я окончательно разссорился. Онъ предложилъ мнѣ произвести слѣдствіе по нѣсколькимъ непріятнымъ и запутаннымъ дѣламъ. Я не согласился. Надувшись, онъ пересталъ со мной разговаривать. Сейчасъ же я перешелъ на квартиру къ одному изъ чиновниковъ съ платою за полкомнаты три рубля въ мѣсяцъ и послалъ прокурору просьбу объ отозваніи меня изъ этой глуши и командированіи въ соотвѣтствующую другую.

Недѣли черезъ двѣ, въ одинъ изъ вечеровъ, когда я съ хозяиномъ и казначеемъ рѣзался въ преферансъ, послышался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— А это я, сельскій десятскій, значитъ, дежурный при слѣдователѣ. Принесъ ящикъ съ вонючей банкой. Слѣдователь велѣлъ у васъ поставить, потому вонь большая. Вотъ бумага. Расписку надо.

— Что такое?

Переговоривъ съ десятскимъ и прочитавъ принесенную имъ бумагу, я понялъ, въ чемъ дѣло.

Врачебное отдѣленіе, возвращая внутренности, писало, что сообщенныхъ ему свѣдѣній недостаточно, такъ какъ намека на отравленіе не имѣется, и просило, если необходимо химическое изслѣдованіе, прислать подлинное дѣло.

Обозлившись, я на клочкѣ бумажки написалъ, что при такомъ отвѣтѣ врачебнаго отдѣленія дѣло слѣдуетъ отправить къ товарищу прокурора для прекращенія, а внутренности для храненія въ полицейское управленіе, и что меня удивляетъ, почему внутренности должны храниться отдѣльно отъ дѣла у меня, а не у него, вмѣстѣ съ дѣломъ.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ отвѣтъ: «Прошу меня не учить. Дѣлъ по описи не принималъ и не знаю, гдѣ это дѣло. Прошу принять вещественное доказательство и въ полученіи выдать расписку».

Десятскій пошелъ опять обратно съ отвѣтомъ, что у меня ни одного дѣла нѣтъ, и что по описи не обязанъ сдавать, такъ какъ по описи и не принималъ.

Во избѣжаніе новаго появленія десятскаго, вносившаго со своимъ появленіемъ нестерпимый зловонный запахъ отъ лопнувшей въ дорогѣ банки, дверь заперта на крючекъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ опять послышался стукъ.

— Кто тамъ?

— Да опять я.

— Убирайся вонъ!

— Да и слѣдователь говоритъ, чтобы я убирался. Я и уйду въ деревню. Все равно завтра конецъ недѣльнаго срока. Ящикъ только возьмите.

— Не возьму.

— Слѣдователь тоже не беретъ. Что же я съ нимъ дѣлать буду?

— Дѣлай, что хочешь. Бросай хоть въ рѣку. Не пущу и разговаривать не буду.

Десятскій потолкался около дверей, похныкалъ и ушелъ.

Въ теченіе трехъ дней я къ слѣдователю не показывался, на четвертый день получилъ желанную бумагу о прекращеніи моей командировки и съ сіяющимъ видомъ пошелъ прощаться къ нему.

Разставаясь, мы забыли о недоразумѣніяхъ и дружелюбно разговаривали о дѣлахъ. Сдѣлавъ надпись на бумагѣ прокурору, что всѣ дѣла отъ меня приняты, слѣдователь спросилъ:

— А гдѣ же вещественное доказательство?

— Какое?

— Да внутренности.

— Я ихъ вамъ возвратилъ.

— А я отослалъ обратно.

— Не получалъ.

Позвали десятскаго. Былъ ужъ другой, который объяснилъ, что его предшественникъ, уходя въ деревню, разсказалъ ему о путешествіи своемъ съ ящикомъ и разбитой въ немъ зловонной банкой, и что онъ въ концѣ концовъ, не зная, куда съ нимъ дѣваться, бросилъ ящикъ въ рѣку.

Слѣдователь забѣгалъ по комнатѣ.

— Теперь и меня и васъ предадутъ суду. Дѣлайте, что хотите. Вывертывайтесь, какъ знаете.

Я подумалъ и написалъ постановленіе о томъ, что въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній на отравленіе и вообще на какое бы то ни было преступленіе, и что поэтому нѣтъ надобности вводить казну въ излишній убытокъ, въ видѣ платы за химическій анализъ внутренностей, которыя поэтому слѣдуетъ уничтожить. Затѣмъ, подписавшись, написалъ крупнымъ шрифтомъ: «и уничтожены».

Написать-то я написалъ, а долго потомъ мучился и ждалъ непріятнаго запроса и дисциплинарки. И впослѣдствіи, когда я уже былъ самостоятельнымъ судебнымъ слѣдователемъ, при всякомъ новомъ вскрытіи трупа невольно приходили мнѣ на память погребенныя на днѣ рѣки внутренности.

II.

Дѣло о кражѣ капусты.

Лѣтъ около 18-ти тому назадъ, осенью, въ имѣніи графа Льва Николаевича Толстого «Ясная Поляна», въ Тульской губерніи, стала пропадать съ огорода капуста. Кража совершалась систематически и безпощадно: сегодня опустошена одна гряда, завтра— другая. Для поимки вора былъ наконецъ назначенъ особенный спеціальный караульщикъ, но подъ прикрытіемъ темныхъ ночей похититель былъ неуловимъ. Кража капусты стала злобою дня между служащими въ имѣніи. Всѣ ежедневные разговоры сводились къ одному: какъ бы вора поймать. Особенно хотѣлось изловить его кучеру. Каждый вечеръ онъ отправлялся на огородъ, ложился между грядами, прислушивался къ малѣйшему шороху и.... засыпалъ. Просыпаясь, онъ видѣлъ только на какой нибудь изъ грядъ новый рядъ уныло торчащихъ стержней капусты.

Несмотря на неудачу, кучеръ продолжалъ добросовѣстно спать между грядами. Въ одну изъ ночей онъ внезапно проснулся отъ раздавшагося невдалекѣ отъ него сдержаннаго кашля. Затаивъ дыханіе, онъ осторожно поползъ въ ту сторону, откуда раздавался кашель, и вотъ передъ его глазами выросла фигура человѣка, какъ

ему показалось, громаднаго роста, съ мѣшкомъ за плечами. Онъ вскочилъ, бросился на вора и упалъ вмѣстѣ съ нимъ, мѣшокъ отлетѣлъ въ сторону, кочни капусты разсыпались.

На крики кучера сбѣжалась цѣлая толпа. Принесли фонари.

— Пусти душу на покаяніе... чуть не задушили совсѣмъ!..— послышался изъ-подъ кучера глухой старческій голосъ.

Кучеръ приподнялся.

— Вотъ тебѣ и штука!—изумился онъ.—Да вѣдь это баба!?...

Отряхивая съ себя землю, охая и кряхтя, приподнялась старуха и, молча, стала поправлять съѣхавшій съ головы платокъ.

— Да вѣдь это Матрена! Матрена ты?—спросилъ кто-то.

— Я, батюшка, я. Чуть не задавилъ совсѣмъ... Простите, православные!..

— Да какъ тебѣ не стыдно, Матрена!—укорилъ ее кто-то.

— Бѣднота одолѣла... Ѣсть нечего... — проговорила Матрена и стала плакать.

Подъ конвоемъ нѣсколькихъ человѣкъ старуху отвели въ сосѣднюю деревню къ полицейскому уряднику.

Протоколъ составленъ. Матрена, крестьянка той же деревни, посажена въ холодную, и дознаніе отослано къ становому приставу, который тотчасъ же передалъ его мировому судьѣ.

Черезъ нѣсколько дней Матрена предстала передъ мировымъ судьей, была уличена свидѣтельскими показаніями, созналась, признана была виновною въ кражѣ при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ и приговорена къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца. До вступленія же приговора въ законную силу она отпущена была домой.

Вполнѣ сознавая свою вину, Матрена и не подумала подавать жалобу на приговоръ, который и вошелъ такимъ образомъ въ законную силу.

Прошло недѣли три, четыре. Какъ-то раннимъ утромъ собственникъ «Ясной Поляны», Левъ Николаевичъ Толстой, шелъ въ поле мимо деревни. Его вниманіе привлекла толпа, стоявшая около старой, покосившейся на бокъ избы.

Левъ Николаевичъ направился въ деревню. Слышался плачъ.

— Умеръ кто?—спросилъ онъ, подходя къ толпѣ.

— Нѣтъ, это Матрену въ тюрьму ведутъ,—отвѣтили ему.

— Матрену, старуху, въ тюрьму!?—изумился онъ.—За что?

— Да за вашу же капусту.

— Какъ за мою капусту?! Какую капусту?...

Ему стали разсказывать. Въ это время вышла изъ избы и Матрена въ сопровожденіи полицейскаго урядника.

Левъ Николаевичъ быстро подошелъ къ нему и попросилъ отпустить старуху, заявивъ, что онъ прощаетъ ее.

Полицейскій урядникъ объяснилъ ему, что теперь онъ освободить ее не имѣетъ права, такъ какъ она осуждена уже мировымъ судьей, и что онъ по порученію начальства является лишь простымъ исполнителемъ приговора.

Попросивъ отложить исполненіе приговора до слѣдующаго дня, Левъ Николаевичъ поспѣшилъ сначала въ городъ къ прокурору, а затѣмъ къ своему сосѣду, мировому судьѣ, постановившему приговоръ.

Поѣздка эта принесла Матренѣ благіе результаты. Приведеніе приговора по исполнительному листу было немедленно пріостановлено. Отъ Матрены была принята мировымъ судьей просьба о возстановленіи срока на подачу апелляціонной жалобы, ходатайство было признано заслуживающимъ уваженія, срокъ былъ возстановленъ, и апелляція была подана.

Черезъ двѣ недѣли въ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ въ числѣ другихъ дѣлъ слушалось и дѣло о кражѣ капусты.

Свидѣтельскими показаніями было вполнѣ доказано, что Матрена поймана на мѣстѣ преступленія съ мѣшкомъ похищенной ею капусты. Сама Матрена чистосердечно въ этомъ призналась.

Дававшій заключеніе въ съѣздѣ, товарищъ прокурора, находя фактъ преступленія доказаннымъ, относилъ преступное дѣяніе Матрены къ покушенію на кражу и, въ виду чистосердечнаго признанія обвиняемой, ходатайствовалъ о смягченіи наказанія.

Мировые судьи долго совѣщались и вынесли неожиданную резолюцію. Оправдавъ Матрену въ тайномъ похищеніи капусты, они признали ее виновною по 145-й статьѣ устава о наказаніи въ самовольномъ срываніи овощей, но не въ видѣ кражи, и приговорили ее къ денежному взысканію въ размѣрѣ пяти рублей.

Товарищъ прокурора не опротестовалъ этого приговора, и онъ вошелъ въ законную силу.

Пять рублей за Матрену уплатилъ мировой судья, постановившій приговоръ.

III.

Месть.

При моей долголѣтней судебной практикѣ мнѣ часто приходилось имѣть дѣло съ людьми, совершившими уголовное преступленіе изъ мести. Въ большинствѣ случаевъ месть выливалась наружу неожиданно, при незначительномъ столкновеніи, когда ничтожный случай являлся послѣднею каплей, переполнившей давно накопившуюся людскую злобу. Приведеніе въ исполненіе мести по заранѣе обдуманному сложному плану бываетъ въ видѣ исключенія. Обыкновенно преступленія совершаются просто: выстрѣлилъ изъ

револьвера, хватилъ топоромъ, пырнулъ ножомъ, облилъ сѣрной кислотой и т. п. Разсказываютъ, что на Кавказѣ до сихъ поръ еще не исчезла кровавая месть между горцами, когда члены одной семьи подстерегаютъ принадлежащихъ къ другой враждебной семьѣ. Кто зазѣвался, тотъ и получитъ ударъ или пулю. Но это тамъ далеко въ горахъ... А между тѣмъ и у насъ на сѣверѣ есть народъ, месть котораго и страшна и дика. Я говорю о чухонцахъ. Если чухонецъ обозлится, его злобѣ и мести нѣтъ предѣловъ.

Я не могу забыть дѣла о чухонцѣ, обвинявшемся въ нанесеніи побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть. Давно онъ питалъ злобу къ одному изъ крестьянъ сосѣдняго села за то, что тотъ поколотилъ его однажды. Прошло года полтора со времени этого случая, а онъ все подстерегалъ и выжидалъ, пока не удалось ему вполнѣ насытить свою жажду мести.

Была попойка по случаю покупки быка для общественнаго стада. На пиршествѣ въ большой избѣ одного изъ крестьянъ было человѣкъ сорокъ. Пили долго и много. Чухонецъ почти не пилъ, при всѣхъ помирился и поцѣловался со своимъ бывшимъ врагомъ, дружески разговаривалъ съ нимъ и все время угощалъ его, заставляя выпивать за себя очередной стаканчикъ. Когда тотъ подъ конецъ вечера былъ уже совершенно пьянъ и случайно вышелъ въ темныя сѣни, чухонецъ неслышно скользнулъ вслѣдъ за нимъ и такъ сильно толкнулъ его головой о стѣну, что тотъ, мгновенно потерявъ сознаніе, упалъ. Тогда онъ приподнялъ его и сталъ бить его головой о стѣну методически, до изнеможенія. Пять разъ онъ выходилъ въ сѣни и каждый разъ долго стучалъ по стѣнѣ головой уже мертваго врага. Сидѣвшій за этой стѣной въ каморкѣ больной семидесятилѣтній старикъ, которому были принесены лишь двѣ рюмки водки безъ закуски, предположилъ, что рубятъ котлеты. Ему наконецъ обидно стало, что котлеты приготовляютъ въ пятый разъ, а ему не даютъ ни одной. Онъ съ трудомъ всталъ съ постели и вышелъ въ сѣни съ фонаремъ сказать, чтобы его не забыли угощеньемъ.

Здѣсь ему представилась ужасная картина: о стѣну, всю забрызганную кровью, чухонецъ съ дикимъ выраженіемъ лица неистово колотилъ чьимъ-то бездыханнымъ трупомъ...

При вскрытіи трупа убитаго, голова представляла собою мѣшокъ, наполненный осколками черепа, смѣшанными съ мозгомъ, превратившимся въ кашу...

Другой случай мести чухонца еще своеобразнѣе и поэтому разскажу о немъ болѣе подробно.

Въ деревнѣ жилъ столяръ съ молодою женой. Столяръ онъ былъ хорошій, работы было у него много, и среди крестьянъ онъ считался богачемъ. Дѣтей у него не было. Здоровья онъ былъ плохого, постепенно хирѣлъ и наконецъ умеръ, повидимому, отъ чахотки.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, чувствуя сильный упадокъ силъ, онъ нанялъ для помощи себѣ и женѣ по хозяйству молодого здороваго чухонца. Этотъ работалъ усердно, помогалъ хозяевамъ, чѣмъ только могъ, былъ вѣжливъ, и они не могли имъ нахвалиться.

Послѣ смерти мужа вдова осталась совершенно обезпеченной, такъ какъ мужъ все движимое и недвижимое имущество завѣщалъ ей. Женщина она была тихая, скромная. Занималась лишь по хозяйству и, живя за спиною мужа, оставшись одинокой, растерялась, не знала, что предпринять, и поэтому очень обрадовалась, когда работникъ сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ.

Послѣ свадьбы ей очень скоро пришлось раскаяться въ своемъ быстромъ рѣшеніи. Поведеніе новаго мужа въ отношеніи ея сразу рѣзко измѣнилось, какъ только онъ почувствовалъ себя хозяиномъ и главою. Онъ сталъ пить и заставлялъ ее прислуживать ему, самъ же ничего не дѣлалъ. На просьбы жены заняться дѣломъ отвѣчалъ, что онъ въ столярномъ дѣлѣ ничего не смыслитъ и поэтому работать не будетъ. Долго придумывала она ему какое нибудь дѣло, но все не могла найти, такъ какъ онъ на всѣ ся предложенія находилъ мотивы для отказа. Онъ все сидѣлъ дома, пока наконецъ ему самому не надоѣла эта жизнь. Однажды онъ заявилъ, что намѣренъ заняться прибыльнымъ промысломъ, легковымъ извозомъ. Жена обрадовалась и немедленно приступила къ исполненію желанія мужа. Были куплены лошадь и кибитка, и мужъ сталъ ежедневно ѣздить на недалеко отстоящую отъ деревни желѣзнодорожную станцію.

Барышей, однако, отъ промысла не было. Все, что ни зарабатывалъ, онъ въ тотъ же день пропивалъ. Она стала укорять его въ мотовствѣ и пьянствѣ, онъ сталъ ее бить. Съ каждымъ днемъ онъ пилъ все сильнѣе и сильнѣе, пока наконецъ не пропилъ и лошади. Произошла бурная домашняя сцена, послѣ которой жена подала жалобу на мужа, жалуясь на нанесеніе ей побоевъ, самоуправство и насиліе.

Неожиданный приговоръ къ десятидневному аресту произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ ожиданія исполненія приговора онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней мрачный и угрюмый сидѣлъ дома, не выходя на улицу и не говоря ни слова съ женой.

Затѣмъ онъ опять сталъ пить. Денегъ она ему не давала, и поэтому онъ пропивалъ вещи. Наконецъ онъ подобралъ ключъ къ запертой мастерской и постепенно сталъ пропивать хранившіеся тамъ столярные иструменты.

Выведенная изъ терпѣнія жена обратилась за совѣтомъ къ одному изъ опытныхъ частныхъ ходатаевъ по дѣламъ. Черезъ нѣсколько дней мужъ получилъ повѣстку по гражданскому дѣлу о выселеніи его изъ квартиры. Искъ предъявлялся отъ имени вдовы, къ исковому прошенію была приложена копія духовнаго завѣща-

нія, и, вѣроятно, для того, чтобы не усложнять дѣла, въ прошеніи умалчивалось, что отвѣтчикомъ является второй мужъ.

Чухонецъ явился на разбирательство еще подъ вліяніемъ хмельного угара. На всѣ предлагавшіеся ему вопросы онъ давалъ одинъ и тотъ же упорный отвѣтъ, что онъ уходить изъ дома не желаетъ и не уйдетъ. Объясненій такому своему упорству онъ такъ же дать не захотѣлъ.

Выслушавъ опредѣленіе о томъ, что онъ выселяется изъ квартиры въ трехдневный срокъ, мужъ спокойно ушелъ; затѣмъ, дождавшись на улицѣ жену, онъ подошелъ къ ней и, показывая обѣими руками кукиши, сказалъ: «я изъ дома не уйду... Больше тебѣ въ домѣ не бывать! Ни меня, ни дома больше не увидишь»...

Не сказавъ больше ни слова, онъ направился домой и заперся, навѣсивъ изнутри висячіе замки на воротахъ, калиткѣ и дверяхъ.

Выраженіе лица, съ которымъ говорилъ мужъ, не предвѣщало ничего хорошаго. Жена побоялась итти одна домой и поэтому пригласила съ собой сосѣдей. Долго стучались они, но напрасно. Мужъ не выходилъ. Жена отправилась опять къ своему адвокату. Тотъ благоразумно посовѣтовалъ ей ждать трехдневнаго срока и пожить пока временно у сосѣдей.

Вечеромъ хозяйка не вытерпѣла и опять пошла къ своему дому. Изба была освѣщена. Черезъ щель въ заборѣ она разсмотрѣла горѣвшую на столѣ керосиновую лампу и тѣнь слонявшагося изъ угла въ уголъ мужа. Попробовала она постучать, но отвѣта не получила. Постоявъ еще немного, она пошла ночевать къ сосѣдямъ.

Ночью вся деревня была поднята на ноги. Горѣлъ домъ столяра. Сбѣжавшійся народъ сталъ ломать заборъ и ворота. Проникли во дворъ и подбѣжали къ дому. Двери оказались запертыми изнутри. Когда наконецъ ихъ выломали, войти въ домъ уже нельзя было: онъ весь былъ въ огнѣ. Къ утру на мѣстѣ дома валялось лишь нѣсколько обгорѣвшихъ бревенъ, уголья, зола и среди пожарища одиноко стоялъ остовъ печи. Когда совсѣмъ разсвѣло, разглядѣли торчащіе изъ отверстія русской печи обгорѣвшія человѣческія ноги. О происшествіи немедленно было сообщено полиціи и судебнымъ властямъ.

Изъ отверстія печи торчали какіе-то два красныхъ обрубка съ желтыми посреди костями. Было ясно, что въ печи лежитъ трупъ, и что выдававшіяся наружу ноги сгорѣли безъ остатка выше колѣнъ. Около отверстія печи лежали кирпичи отъ свалившейся трубы. Слѣдовало предположить, что труба при паденіи своемъ отбила у трупа ноги, которыя превратились отъ жару въ пепелъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ ихъ не было.

Предстояло установить личность сгорѣвшаго и выяснить, какъ попалъ въ печь человѣкъ, самъ ли онъ туда залѣзъ, спасаясь отъ

случайнаго пожара, или былъ туда втиснутъ силою постороннимъ лицомъ, или наконецъ положенъ уже мертвымъ. Къ выясненію этихъ всѣхъ вопросовъ прежде всего должно было служить положеніе трупа. Чтобы трупа не сдвинуть съ мѣста, рѣшено было осторожно разобрать верхнюю и заднюю часть печи. Стѣнки печи тотчасъ же быстро были разобраны.

Въ покойномъ сразу признали чухонца, мужа хозяйки. На немъ было не только платье, но даже и пальто. Это могло служить доказательствомъ, что пожаръ не засталъ его врасплохъ, спящимъ. Руки были вытянуты впередъ, и лежалъ онъ лицомъ внизъ, уткнувшись въ шапку. Въ карманѣ пальто оказался его паспортъ и нѣсколько записокъ. Дальнѣйшій наружный осмотръ трупа показалъ, что на поверхности всего тѣла не только не было никакихъ знаковъ насилія, но не было даже ни одной царапины. Такимъ образомъ отсутствіе знаковъ насилія доказывало, что онъ не былъ положенъ въ печь мертымъ. Противъ этого говорило и положеніе трупа. Руки не были бы такъ равномѣрно протянуты впередъ отъ головы къ самой стѣнкѣ печи,—которая нибудь рука да подогнулась бы непремѣнно. Если бы вдвинули трупъ, были бы ссадины, царапины на лицѣ. Наконецъ положеніе шапки было таково, что становилось яснымъ, что она не слѣзла съ головы и не была положена на лицо, а что лицо было уткнуто въ шапку, повидимому, инстинктивно отъ дыма. Вдвинуть трупъ въ печь и потомъ придать ему извѣстное положеніе посторонній не могъ, такъ какъ отверстіе печи было настолько узко, что черезъ него съ трудомъ могло пройти лишь тѣло одного человѣка, которое совершенно заполняло отверстіе, такъ что и руку нельзя было просунуть. Оставался для разрѣшенія еще одинъ вопросъ, самъ ли чухонецъ влѣзъ или былъ туда силою вдвинутъ постороннимъ лицомъ. Противъ послѣдняго, кромѣ спокойнаго положенія трупа и отсутствія знаковъ насилія, говорило и то обстоятельство, что крючекъ отъ сгорѣвшей двери въ комнату былъ найденъ въ пеплѣ. Очевидно, дверь была заперта изнутри, и чухонецъ былъ одинъ.

Все тѣло покойнаго изжарилось, какъ въ духовой печи. Вокругъ костей было зажаренное мясо безъ жира, и всѣ внутренности были зажарены.

Какъ врачъ, такъ и судебныя власти пришли къ одному и тому же заключенію. Предположили, что, по всей вѣроятности, пожаръ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, напримѣръ, отъ опрокинутой случайно лампы. Сначала чухонецъ сталъ, вѣроятно, принимать мѣры къ тушенію, а потомъ, видя безуспѣшность своей попытки, одѣлся съ цѣлью убѣжать. Между тѣмъ огонь принялъ такіе большіе размѣры и дымъ сталъ такъ удушливъ, что онъ съ испуга не могъ найти выхода и безсознательно залѣзъ въ печь, гдѣ и сгорѣлъ.

Одна вдова была не согласна съ такимъ предположеніемъ. Она указала на знаментательно сложенные пальцы на обѣихъ рукахъ трупа.

«Онъ мнѣ грозилъ,—говорила она,—что мнѣ не увидать больше ни дачи, ни его самого, и при этомъ показывалъ мнѣ кукиши. Смотрите, онъ и теперь, какъ и тогда, показываетъ ихъ. Онъ умышленно и домъ и самого себя сжегъ».

Врачъ доказывалъ, что пальцы могли принять такое положеніе непроизвольно отъ предсмертныхъ конвульсій при удушеніи отъ дыма. Вдова настаивала на своемъ предположеніи.

Кто изъ нихъ былъ правъ, трудно сказать. Возможно, что вдова не ошибалась. Злобный и мстительный отъ природы, чухонецъ наказанія боялся. Сдѣлавшись хозяиномъ, онъ почувствовалъ власть, дѣлалъ, что хотѣлъ, и билъ и надругался надъ женой. Его притянули къ суду и приговорили къ наказанію. Онъ испугался и пересталъ ее бить, хотя видно было, какъ кипѣла въ немъ злоба. Онъ былъ угрюмъ и молча обдумывалъ планъ мести. Затѣмъ его выселили изъ дома. Онъ имѣлъ полную возможность при встрѣчѣ съ женой на улицѣ наединѣ убить ее, однако же онъ и не ударилъ ея даже. Онъ только мрачно пригрозилъ отомстить. Боясь наказанія и сознавая, что власти приняли сторону жены, онъ не видѣлъ выхода изъ своего положенія. Изъ мести онъ рѣшилъ сжечь домъ. Въ то же время сознаніе говорило ему, что вслѣдъ за пожаромъ неминуема тюрьма. Тогда онъ рѣшается на самосожженіе.

Если среди кичащихся своею культурностью японцевъ есть обычай распарывать себѣ животъ на порогѣ своего врага, почему же нельзя допустить, чтобы злобный, мрачный и угрюмый чухонецъ не могъ рѣшиться изъ мести къ женѣ сжечь ея домъ и самого себя?

IV.

Дочь майора.

Лѣтъ около тридцати тому назадъ въ одномъ изъ городовъ на сѣверѣ Россіи губернаторомъ былъ человѣкъ безусловно честный, очень добрый и отзывчивый на всякое доброе дѣло. Его любили всѣ, и онъ пользовался большою популярностью. Когда подчиненные убѣдились въ его мягкосердечіи, многіе, и въ особенности полицейскіе чины, стали злоупотреблять его довѣріемъ. Вмѣсто того, чтобы «подтянуть», кого слѣдуетъ, и принять рѣшительныя мѣры, онъ по добротѣ и мягкости своего характера ограничивался слабыми и палліативными мѣрами, оправдываясь, что въ такой глуши трудно подыскать хорошихъ, добросовѣстныхъ людей. Это и погубило его.

Для обновленія и освѣженія полиціи былъ назначенъ приставомъ офицеръ, уволенный въ запасъ изъ одного полка, расположеннаго въ крупномъ городѣ. Хорошей фамиліи, прекрасно образованный и владѣющій иностранными языками, новый приставъ производилъ прекрасное впечатлѣніе. Высокая, красивая, бравая, мощная фигура его краснорѣчиво говорила, что онъ вполнѣ пригоденъ для тяжелой службы въ наружной полиціи. Только городъ былъ тихій, скромный, и ему нельзя было проявить свою распорядительность. Онъ скоро сталъ скучать безъ дѣла, котораго было очень мало, и безъ денегъ, которыхъ у него было еще меньше. Его широкая натура требовала простора, а тутъ развернуться негдѣ, да и полицейская форма мѣшаетъ. Впрочемъ, онъ скоро освоился съ своимъ положеніемъ и приспособился къ мѣстной жизни очень умѣло. Какъ новичку, ему была поручена зарѣчная часть города. Тамъ онъ скоро подыскалъ кругъ чиновныхъ знакомыхъ, съ которыми и сталъ ежедневно собутыльничать и рѣзаться въ карты. Близко познакомился онъ также съ одной вдовой-купчихой, хотя уже и пожилой, но зато очень богатой. Онъ былъ счастливъ, доволенъ, какъ говорится, катался, какъ сыръ въ маслѣ.

Не всѣмъ одинаково живется на свѣтѣ. Ему жилось хорошо, а нѣкоей дочери майора очень скверно.

Матери своей она не знала. Отецъ былъ въ отставкѣ, получалъ небольшую пенсію, служилъ гдѣ-то по вольному найму и былъ алкоголикъ. Жили очень бѣдно, но, тѣмъ не менѣе, она училась въ гимназіи. Окончить курсъ гимназіи ей не пришлось, такъ какъ отецъ умеръ скоропостижно, и она осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ тѣ времена женскій трудъ не былъ въ такомъ ходу, какъ теперь, и она не знала, что дѣлать, куда голову преклонить.

Дальніе родственники согласились взять ее къ себѣ съ тѣмъ, чтобы она помогала и по хозяйству и учила бы дѣтей. Тяжелый это былъ трудъ. Скоро она убѣдилась, что стала на положеніе простой прислуги. Жалованья ей не полагалось никакого; за каждый же съѣденный кусокъ хлѣба ей дѣлались попреки. Бѣгая въ лавочку за припасами, она познакомилась съ приказчиками и черезъ годъ убѣжала отъ ненавистныхъ ей родственниковъ къ одному изъ нихъ. Отъ этого приказчика она вскорѣ переселилась къ другому. Затѣмъ завела обширное знакомство съ офицерами и стала принимать ихъ на собственной уже квартирѣ. За это время она научилась пить. Жила она въ страшной бѣдности, такъ какъ все, что получала отъ своихъ случайныхъ знакомыхъ, пропивала. Съ каждымъ мѣсяцемъ, несмотря на свою молодость,—ей было 22 года,— она падала все ниже и ниже. Ее стали часто поднимать на улицахъ пьяною и отправлять въ часть для вытрезвленія. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно кричала:

— Не смѣй меня трогать! Я дочь майора!

Скоро кличка эта къ ней совершенно привилась, имя ея стали забывать и иначе ея уже и не звали, какъ дочерью майора.

Былъ праздникъ. Часовъ съ 11 утра въ квартирѣ пристава зарѣчной части играли въ карты приставъ, докторъ и старый судебный слѣдователь. Послѣ закуски, въ самый разгаръ игры, въ комнату, гдѣ они играли, вошелъ полицейскій служитель.

— Чего лѣзешь? Что тебѣ надо?

— Такъ что, ваше благородіе, дочь майора, которую пьяную подобрали и засадили въ темную, бушуетъ очень...

— Ничего. Въ темной усмирится.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Отодрала, значитъ, деревянный щитъ, которымъ окно заколочено, и стекла бьетъ.

Приставъ выругался и разсерженный пошелъ усмирять. Въ темной слышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ.

— Отвори двери!

Не успѣли отворить дверей, какъ къ нимъ подбѣжала заключенная и закричала:

— Какъ вы смѣете держать меня до сихъ поръ! Вчера взяли пьяную, а теперь я уже трезвая, и вы должны выпустить!..

— Молчать! Какъ смѣешь ты тутъ бушевать, такая-сякая! Я тебя сгною тутъ!

— Не смѣете! Я дочь майора!

— Я тебѣ покажу, такая-сякая! Молчать!

— Самъ молчи! Я дочь майора, а ты только и всего, что купчихинъ любовникъ.

Приставъ побагровѣлъ. Сзади стояли полицейскій служитель и пожарный. Приставу послышался сзади сдержанный смѣхъ.

— Розогъ!—заревѣлъ онъ.

Пожарный бросился во дворъ, отломалъ отъ ростущаго во дворѣ дерева толстый прутъ и подалъ приставу.

— Держи ее!

Дочь майора была опрокинута, за руки держалъ служитель, за ноги пожарный, а приставъ сталъ хлестать...

Неистовые крики доносились до карточной комнаты. Докторъ вскочилъ, побѣжалъ искать пристава и наткнулся на эту картину. Онъ схватилъ пристава за руку.

— Что ты дѣлаешь?! Опомнись. Попадешь подъ судъ за истязаніе. Женщинъ нельзя сѣчь...

Приставъ опомнился.

— Запри ее опять.

Съ дочерью майора сдѣлался истерическій припадокъ, который потомъ перешелъ въ глубокій сонъ.

Часа черезъ два ее потребовалъ къ себѣ приставъ.

— Ну, вотъ теперь вы выспались, и я могу съ вами разговаривать. Вы были пьяны и меня оскорбили. Я могъ бы составить

протоколъ, но я этого не сдѣлалъ. Надѣюсь, между нами не будетъ никакихъ недоразумѣній,—говорилъ приставъ.

Дочь майора угрюмо молчала.

— У васъ нѣтъ денегъ опохмелиться. Вотъ вамъ 5 рублей.

— Дайте еще десять,—раздался ея хриплый голосъ.

— За молчаніе. Хорошо. Возьмите и помните, что ничего не было, и ко мнѣ претензій и жалобъ не имѣете.

— Согласна.

Разстались друзьями. Она и не думала жаловаться. Деньги на выпивку есть, и задираться съ полиціей не стоитъ, потому что мало ли какой скандалъ еще случится. О томъ, что она скандалитъ каждый разъ, какъ только зашумитъ хмель въ головѣ, это она отлично знала. Теперь будутъ относиться снисходительнѣе. Къ этому нужно добавить, что, какъ бы она низко ни пала въ нравственномъ отношеніи, все-таки у нея не совсѣмъ еще исчезло чувство стыдливости. Не будетъ же она говорить кому бы то ни было о перенесенномъ позорѣ. Вся гордость ея возмущалась. Тогда и званіе ея, единственно, чѣмъ еще она могла гордиться, «дочь майора», полетитъ на смарку. Нѣтъ, она будетъ молчать.

Но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Она убѣдилась въ этомъ въ тотъ же день.

Она была разбита и нравственно и физически. И голова и тѣло ныли и болѣли. Чѣмъ облегчить страданія и муку? Конечно, единственнымъ лѣкарствомъ, къ которому она прибѣгала ежедневно, водкой. Она пошла въ трактиръ.

Вошла она не такъ развязно, какъ всегда. Ей показалось, что на нее кидаютъ подозрительные взгляды и улыбаются. Молча она сѣла и потребовала водки и закуски. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ она подняла голову и стала разсматривать публику. Къ ней никто не подходилъ.

— Эй, ты чаю, скорѣй! Поварачивайся! Забылъ развѣ, что я дочь майора?

— Высѣченная,—раздался голосъ откуда-то изъ угла.

— Кто смѣлъ сказать это?—взвизгнула она.—Глаза выцарапаю!

Въ залѣ раздался общій хохотъ.

Отпустивъ крѣпкое ругательство, со слезами на глазахъ выбѣжала она на улицу и безсознательно быстро пошла, сама не зная куда.

— И какъ ее, бѣдную, пороли!—слышитъ она, какъ разсказываетъ одна баба другой.—Три раза розги мѣняли. Крови-то, крови было...

— Позоръ! всѣ знаютъ. Жаловаться!—быстро мелькнуло у нея въ умѣ. Она вскочила на извозчика и помчалась къ прокурору.

Прокурора въ городѣ не было, уѣхалъ. Она стало настойчиво требовать сказать ей, гдѣ онъ, крича, что нужно видѣть по важному дѣлу. Вышелъ секретарь и спросилъ, по какому дѣлу ей

нужно видѣть прокурора. Отвѣтила, что жаловаться на пристава. Тотъ ей объяснилъ, что нужно отправиться къ губернатору.

Въ пріемную губернатора долго ея не впускали, такъ какъ отъ нея разило водкой, но, наконецъ, благодаря настойчивости, ей удалось таки пробраться къ нему.

Губернаторъ внимательно выслушалъ ее и, хотя въ виду ея нетрезваго состоянія и съ недовѣріемъ отнесся къ ея словамъ, тѣмъ не менѣе вызвалъ полицеймейстера и поручилъ ему произвести дознаніе.

Выйдя на улицу вмѣстѣ съ нею, полицеймейстеръ ей объявилъ, что хотя онъ и произведетъ дознаніе, но въ то же время пригрозилъ ей ссылкой въ далекую тундру, если только она наврала.

— Съ пьяныхъ глазъ, должно быть, жалуешься. Ты и теперь пьяна. Ступай домой, а не то прикажу засадить въ блохарню,— добавилъ онъ.

Вмѣсто того, чтобъ итти домой, она пошла къ жандармскому полковнику. Тотъ выслушалъ ее, записалъ ея показаніе и посовѣтовалъ немедленно отправиться къ доктору и взять отъ него свидѣтельство.

Долго она искала доктора, который согласился бы осмотрѣть ее, и наконецъ набрела на молодого морского врача, вызвавшаго акушерку. Послѣдняя осмотрѣла ее, нашла синія полосы отъ сѣченія розгами и кровоподтеки. Врачъ выдалъ ей свидѣтельство о томъ, что у нея на тѣлѣ имѣются слѣды отъ недавняго сѣченія розгами.

Дознаніе, произведенное полицеймейстеромъ, установило, что дочь майора была поднята на улицѣ пьяною, почти въ безсознательномъ состояніи и помѣщена для вытрезвленія въ камеру для пьяныхъ, откуда была освобождена на слѣдующій день. Свидѣтели-служителя показали, что она бушевала и на улицѣ и въ камерѣ, и что никто ея не сѣкъ и побоевъ ей не наносилъ. Затѣмъ была приложена справка о томъ, сколько разъ она была забираема для вытрезвленія и какого вообще поведенія.

На основаніи этого дознанія губернаторъ жалобу ея оставилъ безъ послѣдствій.

Тѣмъ временемъ жандармскій полковникъ, которому она показала полученное отъ врача медицинское свидѣтельство, сообщилъ кому слѣдуетъ въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени изъ Петербурга губернаторъ получилъ запросъ о причинѣ несообщенія объ этомъ дѣлѣ и оставленія на службѣ пристава съ указаніемъ, что заявленіе потерпѣвшей подтверждается медицинскимъ свидѣтельствомъ.

Немедленно губернаторомъ было поручено произвести дополнительное дознаніе мѣстному чиновнику для порученій, который передопросилъ пожарныхъ служителей и пристава и приложилъ письменное заявленіе потерпѣвшей.

Дочь майора получила триста рублей, уничтожила медицинское свидѣтельство и дала писанное собственною рукою объясненіе, что

она никогда никѣмъ высѣчена не была, а жаловалась на пристава, будучи пьяною, по злобѣ за то, что тотъ не хотѣлъ ее освободить до вытрезвленія.

Понятно, что изъ Петербурга послѣ полученія тамъ объясненія губернатора и результатовъ дознанія прилетѣла нахлобучка жандармскому полковнику.

Тогда началось другое дознаніе, секретное. У дочери майора былъ произведенъ обыскъ и была найдена, списанная ея собственною рукою, копія медицинскаго свидѣтельства. Это дознаніе съ равными фактическими данными было передано прокурору, который предложилъ произвести слѣдствіе недавно пріѣхавшему молодому судебному слѣдователю.

Предварительное слѣдствіе началось, конечно, съ допроса потерпѣвшей.

— Я была пьяна,—говорила дочь майора.—Я постоянно бываю пьяна, ежедневно. Какъ попала въ участокъ, не помню. Должно быть, скандальничала. Какъ напьюсь, всегда скандальничаю, ежедневно. Проснулась на другой день и не могу понять, гдѣ я. Пить хочется неимовѣрно, а воду всю выпила. Я и начала стучать въ двери. Мнѣ не отворяютъ. Тогда я стала стекла въ окнѣ бить. Ко мнѣ пришли и выпустили. Приставъ, конечно, выругалъ меня, а я, обозлившись, пошла на него жаловаться. Никто меня не билъ и не сѣкъ. Это я выдумала.

— Однако докторъ нашелъ у васъ слѣды на тѣлѣ отъ сѣченія розгами?

— Меня докторъ не осматривалъ.

— По порученію доктора смотрѣла акушерка.

— Она ничего не понимаетъ. Онъ писалъ съ ея словъ. Я могла расцарапать себѣ ногтями, и, кромѣ того, я упала на разбитую стеклянную банку и порѣзалась.

Приглашены были докторъ и акушерка для очной ставки. Показанія этихъ свидѣтелей были точны и опредѣленны. По жалобѣ дѣвицы на сѣченіе ея была приглашена акушерка. Докторъ писалъ подъ диктовку акушерки, осматривавшей дѣвицу въ той же комнатѣ. Продолговатыя синебагровыя полосы въ одномъ направленіи и одинаковаго размѣра могли произойти исключительно отъ сѣченія прутомъ. Почтенная нѣмка акушерка заявила, что, по показанію претерпѣвшей, приставъ сѣкъ ее большимъ прутомъ, который сторожъ принесъ со двора, отломавъ его отъ ростущей во дворѣ лозы. По слѣдамъ на тѣлѣ она полагаетъ, что прутъ былъ толщиною въ палецъ.

Въ отвѣтъ на показаніе дочери майора, что она никогда ничего подобнаго ей не говорила, акушерка заявила:

— Когда я пришла сюда, вы мнѣ дали эти конфеты моимъ дѣтямъ. У меня есть дѣти, и я конфеты взяла. Потомъ вы стали меня просить ничего не говорить судебному слѣдователю на томъ

основаніи, что съ приставомъ вы помирились и желаете прекратить дѣло. Я женщина честная и никогда не лгу. Васъ сѣкли, я сама видѣла слѣды отъ сѣченія и утверждаю это. Теперь я отказываюсь отъ конфетъ и прошу васъ, господинъ слѣдователь, пріобщить ихъ къ дѣлу.

Докторъ возмущался и кипятился.

— Извините меня, но я не понимаю вашего хладнокровія. Какъ она смѣетъ такъ нагло врать! Я на вашемъ мѣстѣ давно бы спустилъ ее съ лѣстницы. Позвольте мнѣ уйти, такъ какъ я не могу переносить ея нахальнаго вранья. Я за себя не ручаюсь.

— Успокойтесь. Если вы ее оскорбите, она на васъ подастъ жалобу.

— Понимаю: подастъ для того, чтобы примириться потомъ со мной и содрать съ меня, какъ содрала съ пристава. Теперь я сочувствую приставу. Тогда я возмущался, а теперь сочувствую. Съ такой особой иначе нельзя поступать, какъ только пороть ее. Позвольте мнѣ уйти!

Когда дочери майора предложено было подписать ея показаніе, она насмѣшливо попросила добавить ея сознаніе въ томъ, что она сама себя высѣкла.

Слѣдствіе съ каждымъ днемъ добывало все новыя и новыя улики. Приставъ былъ удаленъ отъ должности, допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго и по предложенію прокурора заключенъ подъ стражу.

Новое освидѣтельствованіе потерпѣвшей не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ слѣдовъ уже не было. Протоколы освидѣтельствованія, копія прежняго свидѣтельства и показанія врача и акушерки были препровождены во врачебное отдѣленіе губернскаго правленія для дачи заключенія.

Врачебное отдѣленіе потребовало все дѣло. Долго оно разсматривало его и наконецъ возвратило съ пространнымъ и страннымъ заключеніемъ. Оно находило, что нѣтъ данныхъ для установленія факта сѣченія розгами, полагало, что слѣды на тѣлѣ могли произойти отъ царапанья ногтями и при паденіи на разбитое стекло. Довѣряя вполнѣ объясненію потерпѣвшей, оно допускало также возможность того, что потерпѣвшая могла сама себя высѣчь.

Подъ этимъ заключеніемъ были подписи четырехъ врачей, кромѣ врачебнаго инспектора.

Послѣдній написалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что слѣды на тѣлѣ могли произойти только лишь отъ сѣченія розгами, и добавлялъ, что, по его мнѣнію, сама себя высѣчь могла одна только историческая гоголевская унтеръ-офицерша.

Соединенная палата уголовнаго и гражданскаго суда, куда поступило дѣло, приговорила бывшаго пристава къ лишенію особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ въ одну изъ губерній Сибири. Онъ подалъ кассаціонную жалобу въ сенатъ.

Тѣмъ временемъ пріѣхалъ изъ Петербурга чиновникъ особыхъ порученій для собранія свѣдѣній по этому дѣлу и о полицейскихъ порядкахъ вообще.

Такъ какъ пожарный и сторожъ, принимавшіе дѣятельное участіе въ сѣченіи, послѣ того, какъ бывшій приставъ былъ посаженъ въ тюрьму, сознались въ своемъ активномъ участіи, чиновникъ захотѣлъ ихъ разспросить лично... Оба они оказались лежащими въ больницѣ. Одинъ въ пьяномъ видѣ отморозилъ себѣ пальцы на рукахъ, другой на ногахъ.

Въ больницѣ, въ присутствіи высшаго служебнаго персонала, полицейскій служитель откровенно разсказалъ, какъ онъ отломалъ на дворѣ «вицу» и какъ держалъ дѣвицу за ноги, пока приставъ сѣкъ ее.

Когда послѣ такого же разсказа его товарища чиновникъ для порученій собрался уходить, онъ попросилъ на чаекъ.

— Что?!—изумленно и грозно переспросилъ тотъ.

— Я показалъ всю правду. Поэтому, говорю, на чаекъ бы съ вашего превосходительства,—нецеремонно повторилъ тотъ.

Ревизоръ былъ возмущенъ до глубины души.

— Теперь я вижу, каковы здѣсь порядки. За то, что начальствующему лицу приходится сказать правду, здѣсь требуютъ на чаекъ. Когда же въ такомъ случаѣ здѣсь говорится правда?

Съ этими словами ревизоръ уѣхалъ въ Петербургъ.

Губернаторъ получилъ высочайшій выговоръ, вышелъ въ отставку и скоро умеръ. Полиція была обновлена.

Бывшій приставъ просидѣлъ въ тюрьмѣ около года, когда наконецъ пришелъ указъ сената объ освобожденіи его на поручительство. Тотчасъ же по освобожденіи онъ уѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ купчихой.

Старый сенатъ всегда былъ склоненъ принимать сторону должностныхъ лицъ. Въ данномъ же дѣлѣ было отсутствіе жалобы потерпѣвшей, и поведеніе ея было печальное; кромѣ того, подсудимый уже сильно пострадалъ: лишился должности и долго просидѣлъ въ тюремномъ заключнніи. Поэтому никто не удивился, когда пришелъ указъ сената о томъ, что подсудимый оставленъ въ сильномъ подозрѣніи.

Изъ Петербурга купчиха и подсудимый выѣхали домой вмѣстѣ, но дорогой изъ одного города онъ исчезъ. Злые языки разсказывали объ исчезновеніи и ея шкатулки съ бриллiантами, но купчиха никому объ этомъ не говорила и ни на что не жаловалась. Она только сидѣла одна дома и никуда не показывалась больше.

Какова была дальнѣйшая судьба дочери майора,—неизвѣстно.

М. Ч.

ДВАДЦАТИШЕСТИЛѢТНЕЕ СЛУЖЕНІЕ РОССІИ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ.

«Служи Россіи!»

Послѣднія слова умирающаго императора Николая I своему преемнику.

ПРОШЛО болѣе двадцати лѣтъ послѣ смерти императора Александра II, и только впервые появилась надняхъ [1]) исторія его царствованія, С. С. Татищева. «Задача моя сводилась къ тому,—говоритъ авторъ,— чтобы собрать воедино многочисленныя свидѣтельства объ отдѣльныхъ моментахъ и эпизодахъ жизни и дѣятельности императора Александра Николаевича и, дополнивъ ихъ собственными изысканіями, составить точный и по возможности полный прагматическій сводъ событій его царствованія и личнаго въ нихъ участія или воздѣйствія на нихъ императора въ области политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Это,—если могу такъ выразиться,—первая просѣка въ дремучемъ лѣсу прискорбной неосвѣдомленности русскаго общества относительно фактическаго содержанія царствованія, преобразовательное, просвѣтительное, объединительное и освободительное значеніе котораго затрогиваетъ всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни и такъ глубоко отразилось на историческихъ судьбахъ Россіи».

Строго говоря, трудъ С. С. Татищева не составляетъ исторіи, и его нельзя назвать прагматическимъ сводомъ событій, такъ какъ у него историческіе факты не связаны съ ихъ причинами и слѣдствіями, а также нѣтъ и тѣни психологическаго анализа или художественной бытовой картины той эпохи, когда жилъ и дѣйство-

---

[1]) Императоръ Александръ II: его жизнь и царствованіе. С. С. Татищева. 2 тома. С.-Петербургъ. 1903 г.

валъ Александръ II. Это не дышащая жизнью біографія, а интересная, полная точныхъ свѣдѣній лѣтопись, отличающаяся офиціальнымъ взглядомъ, особенно относительно внутренней жизни.

Конечно, авторъ правъ, говоря, что еще не наступило время для безпристрастнаго приговора исторіи, но уже давно пора подвести итоги благотворной дѣятельности царя-освободителя и далеко не всегда удовлетворительной помощи, оказанной ему государственными людьми того времени. Этого-то и недостаетъ въ книгѣ г. Татищева, хотя онъ самъ признаетъ, что не всѣ благія предначертанія государя увѣнчались успѣхомъ. «Причины тому,—говоритъ онъ,—независимо отъ несовершенства, вообще присущаго человѣческой природѣ,—промахи, ошибки, заблужденія, увлеченія, страсти совѣтниковъ и сотрудниковъ императора, не всегда точныхъ исполнителей его державной воли, а также неподготовленность русскаго общества къ воспріятію дарованныхъ ему щедрою царскою рукою гражданскихъ правъ и къ закономѣрному пользованію ими. Вотъ чѣмъ, на нашъ взглядъ, объясняются, какъ внутренніе, такъ и внѣшніе недочеты царствованія Александра II и самый его трагическій исходъ. Къ сожалѣнію, благодушный государь, быть можетъ, слишкомъ часто внушенія разума подчинялъ влеченію чувства».

Поэтому намъ приходится еще ждать вполнѣ сознательной, научной и безпристрастной исторіи царя-освободителя. Но нельзя не привѣтствовать труда г. Татищева, какъ перваго основательнаго и подробнаго сочиненія о жизни и царствованіи Александра II. Въ особенности авторъ обращаетъ вниманіе на внѣшнюю политику и приводитъ много новыхъ, любопытныхъ матеріаловъ, преимущественно о русско-турецкой войнѣ и ея послѣдствіяхъ. Напротивъ, въ отношеніи внутреннихъ дѣлъ г. Татищевъ довольствуется очень краткимъ перечнемъ фактическихъ офиціальныхъ свѣдѣній. Только объ анархическомъ движеніи въ Россіи и такъ называемой «диктатурѣ сердца» мы встрѣчаемъ въ его книгѣ богатый матеріалъ, который впервые напечатанъ, хотя отчасти г. Татищевъ и пользовался имъ для своей краткой біографіи Александра II, помѣщенной въ «Біографическомъ словарѣ историческаго общества».

Всѣ эти новыя свѣдѣнія даютъ намъ возможность бросить взглядъ, хоть въ главныхъ чертахъ, на основные моменты служенія Россіи царя-освободителя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы по необходимости пользуемся для освѣщенія событій матеріалами изъ другихъ источниковъ.

I.

Съ самой колыбели Александра II окружали проявленія гуманныхъ, человѣчныхъ чувствъ. Такъ Жуковскій воспѣлъ его рожденіе въ стихотвореніи, напоминавшемъ, что «священнѣйшее изъ званій—человѣкъ», что слѣдуетъ забывать для блага всѣхъ свое, и что наконецъ надлежитъ:

«Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
«Съ смиреніемъ дѣла свои читать».

Даже его отецъ, говоря о воспитаніи сына, упоминалъ: «Я хочу воспитать въ моемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него государя». Этого же принципа держались его воспитатели, сначала Ю. Ф. Баранова, а потомъ генералъ Мердеръ и наконецъ В. А. Жуковскій, уже упомянутый выше знаменитый поэтъ.

Особенно послѣдній возставалъ противъ чрезмѣрнаго обученія наслѣдника военному ремеслу исключительно по-солдатски. «Все равно, если бы восьмилѣтнюю дѣвочку,—писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ,—стали обучать всѣмъ хитростямъ кокетства! Къ тому же эти воинственныя игрушки не испортятъ ли въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите мои восклицанія, но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу. Онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, а въ отечествѣ казармы». Онъ такъ боялся дурного не только нравственнаго, но и физическаго вліянія военщины на своего воспитанника, что всевозможнымъ образомъ старался противодѣйствовать упорному желанію императора сдѣлать изъ наслѣдника образцоваго фронтовика. Даже когда онъ достигъ совершеннолѣтія, Жуковскій не переставалъ совѣтовать уже чисто съ физической стороны не чрезмѣрно мучить его военными экзерциціями изъ боязни повредить его здоровью. «Нельзя безъ негодованія думать,—писалъ въ 1839 году Жуковскій въ своемъ дневникѣ,—о вѣтрености, съ какою жертвуютъ жизнью великаго князя, и чему же? Царской игрушкѣ, которая неприлична царю, Россіи вредна и убиваетъ всѣ способности государственныя. Великаго князя съ утра до вечера заставляютъ командовать: здѣсь играемъ войну и любуемся парадами, а внутри государства рѣжутъ и жгутъ, и некого послать, чтобы унять разбойниковъ» [1]).

---

[1]) Дневникъ В. А. Жуковскаго: «Русская Старина», 1902 г. декабрь.

Такимъ образомъ во всѣхъ совѣтахъ и мнѣніяхъ Жуковскаго, относившихся до воспитанія цесаревича, звучали гуманныя и просвѣтительныя ноты. Главною наукою, необходимой для наслѣдника, считалъ онъ «исторію», сокровищницу царскаго образованія. «Уважай законъ,—говорилъ онъ своему царственному воспитаннику,—и научи уважать его своимъ примѣромъ. Законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе; оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти. Народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать только для одной власти, но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и закона. Уважай общее мнѣніе — оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо—строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общественное мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, т.-е. правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ. Свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію подданныхъ. Владычествуй не силой, а порядкомъ; истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, и въ благоденствіи народовъ. Уважай народъ свой, тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой; безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю».

Когда наслѣдникъ выросъ, то Жуковскій говорилъ императрицѣ, что онъ и Мердеръ не годятся для высшаго образованія царскаго сына, а совѣтовалъ взять для этого графа Каподистрію, который былъ безупречнымъ общественнымъ дѣятелемъ, обладалъ обширной ученостью и опытностью относительно дѣлъ и людей. Этотъ совѣтъ, однако, не былъ принятъ, тѣмъ болѣе, что Каподистрія былъ избранъ тогда въ правители Греціи. Послѣ смерти Мердера воспитателемъ былъ назначенъ Кавелинъ, а по достиженіи наслѣдникомъ совершеннолѣтія попечителемъ къ нему былъ назначенъ князь Ливенъ. Ближайшимъ же его наставникомъ остался попрежнему Жуковскій, который сначала обучалъ его русскому языку и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, а потомъ исторіи—любимѣйшей наслѣдникомъ наукѣ. Русскую исторію преподавалъ великому князю извѣстный географъ и статистикъ Константинъ Арсеньевъ. Онъ держался возвышенныхъ и либеральныхъ идей Жуковскаго и, основываясь на дозволеніи императора, черпалъ всѣ необходимые матеріалы для своихъ уроковъ изъ государственныхъ архивовъ. Напримѣръ, читая исторію Екатерины II, онъ старался всячески возбудить въ наслѣдникѣ уваженіе къ великой монархинѣ и ея политикѣ, особенно внѣшней. Такимъ образомъ послѣдній, благодаря

своему учителю, сталъ мало-по-малу бредить мыслями Екатерины, ея наказомъ и государственнымъ правленіемъ, тогда какъ ранѣе онъ имѣлъ совершенно другое представленіе о своей прабабкѣ, говоря: «Я совсѣмъ иначе понималъ эту государыню». Однако, уроки Арсеньева, по крайней мѣрѣ, относительно Екатерины, пропали даромъ, и онъ впослѣдствіи убѣдился изъ разговоровъ съ наслѣдникомъ послѣ женитьбы послѣдняго, что уваженіе царственнаго воспитанника къ великой монархинѣ измѣнилось [1]).

Главной причиной этой перемѣны въ великомъ князѣ былъ баронъ Брунновъ, въ то время старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ; ему было поручено читать наслѣднику высшую политику. Признавая дипломатическое искусство Екатерины въ внѣшнихъ отношеніяхъ съ иностранными державами, Брунновъ осуждалъ ея направленіе въ политикѣ, которое, по его словамъ, «еще долго будетъ удручать Россію». Онъ противопоставлялъ этой системѣ александровскую политику священнаго союза, которой придерживался и Николай Павловичъ. Естественно, что по своей слабохарактерности великій князь забылъ уроки Арсеньева и во внѣшнихъ дѣлахъ сталъ слѣдовать идеѣ дяди и отца. Однако, Арсеньевъ и Жуковскій, глубоко гуманные поборники свободы и просвѣщенія, оставили въ умѣ и сердцѣ юнаго воспитанника слѣды своихъ поученій и подготовили въ немъ почву, на которой зародились планы великихъ реформъ царя-освободителя.

Когда воспитаніе будущаго Александра II-го приходило къ окончанію, то Жуковскій, согласно своей программѣ, предложилъ довершить его большимъ путешествіемъ по Россіи. Государь согласился, и оно совершилось въ теченіе семи мѣсяцевъ. Это путешествіе обнимало почти всю Россію, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и Урала. По краснорѣчивому выраженію Жуковскаго, оно было «всенароднымъ обрученіемъ наслѣдника съ Россіей». Его сопровождали, кромѣ Жуковскаго и Арсеньева, Кавелинъ и состоявшіе при Александрѣ молодые офицеры. Всего любопытнѣе изъ этихъ долгихъ странствованій было посѣщеніе Сибири до Тобольска. «Темнымъ пятномъ на радужномъ фонѣ картины,—увѣряетъ Татищевъ,—явились лишь многочисленные ссыльные, поселенные въ Тобольскѣ и его окрестностяхъ». Но въ сущности «эти темныя пятна» были причиною свѣтлаго проблеска въ сердцѣ великаго князя. Онъ писалъ отцу, что видѣлъ въ Курганѣ декабристовъ Лорера, Лихарева, Назимова, Нарышкина, Розена, Фохта и Фурмана, которые ведутъ себя чрезвычайно тихо. Выражая просьбу о смягченіи ихъ участи, онъ прибавляетъ: «Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно, милый безцѣнный папа, если это возможно, чтобы пріѣздъ мой принесъ этимъ несчастнымъ облегченіе въ ихъ судьбѣ». Съ своей стороны Жуков-

[1]) Мелкіе разсказы М. М. Попова. «Русская Старина», 1901 г., мартъ.

скій и Кавелинъ ходатайствовали о томъ же предъ государемъ. На возвратномъ пути, около Симбирска, наслѣдникъ получилъ отвѣтъ, который увѣдомлялъ о нѣкоторыхъ облегченіяхъ и милостяхъ сибирскимъ ссыльнымъ. «Это была,—пишетъ Жуковскій императрицѣ,—одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни. Посреди дороги, подъ открытымъ небомъ, мы трое обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ» [1]).

Такимъ образомъ увѣнчалось путешествіе, положившее конецъ образованію наслѣдника проявленіемъ знаменательнаго примѣра гуманности и милосердія. По возвращеніи въ Петербургъ было предпринято имъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Кавелинымъ и Ливеномъ странствованіе почти по всей Западной Европѣ, за исключеніемъ Франціи и Пиренейскаго полуострова. Въ Дармштадтѣ онъ встрѣтился съ своей будущей невѣстой, пятнадцатилѣтней принцессой Маріей Гессенской. Они мгновенно влюбились другъ въ друга, и, по возвращеніи наслѣдника въ Петербургъ, ихъ бракъ былъ рѣшенъ; состоялся же онъ въ 1841 году. Юная царственная чета поселилась въ Зимнемъ дворцѣ, въ одинъ годъ возродившемся послѣ большого пожара съ еще большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ прежде. По этому поводу Жуковскій, остававшійся все еще при наслѣдникѣ, говоритъ въ своемъ дневникѣ: «Чудный дворецъ—совершенный образецъ Россіи; выстроенъ въ одинъ годъ; безъ точности, безъ общей связи, выраженіе одной общей воли, которая, повелѣвая, рабствуетъ. Во всѣхъ мелочахъ отражаетъ тотъ характеръ, который придалъ Россіи Петръ Великій: скорѣй, во что бы то ни стало! Мы не идемъ впередъ, а скачемъ отъ пункта къ пункту, впередъ ли, назадъ ли, все равно» [2]).

Послѣ свадьбы жизнь великаго князя измѣнилась: въ домашнемъ кругу онъ былъ преданъ женѣ и вскорѣ народившимся дѣтямъ, а офиціальная служба исполнялась имъ въ гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ съ большимъ рвеніемъ и энергіей. Преимущественно онъ занимался находившимися подъ его вѣдѣніемъ военно-учебными заведеніями и войсками гвардіи. Въ 1853 году началась грозная и печальная восточная война, роковыя послѣдствія которой не выдержалъ Николай I-й. Онъ умеръ 18-го февраля 1855 года, завѣщавъ своему сыну, Александру Николаевичу, служить Россіи.

II.

Въ моментъ воцаренія Александра II-го Россія переживала самую тяжелую, несчастную эпоху. Въ военномъ, политическомъ и внутреннемъ общественномъ отношеніяхъ она находилась въ самомъ

---

[1]) В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ, Н. Дубровина, «Русская Старина», 1902 г., апрѣль.

[2]) Дневникъ Жуковскаго. «Русская Старина», 1902 г., декабрь.

критическомъ положеніи. Война грозила распространиться и принять характеръ борьбы съ нею всей Европы. Къ Англіи, Франціи и Турціи, до тѣхъ поръ громившимъ отдаленный Крымъ, присоединилась Сардинія и готовы были пристать Австрія, Пруссія, Швеція и даже Испанія. Внутри же Россія была разорена, и всѣ ея производительныя силы были истощены донельзя: армія, финансы, всѣ отрасли государственнаго правленія пришли въ самое неудовлетворительное состояніе. Необходимы были миръ и реформа. Александръ это понималъ и видѣлъ въ этомъ главную задачу завѣщаннаго ему отцемъ служенія Россіи.

Однако, помириться съ могущественными врагами, одержавшими до тѣхъ поръ верхъ, было нелегко. Переговоры, начавшіеся въ Вѣнѣ, ни къ чему не привели, и миръ былъ отложенъ въ дальній ящикъ. Вновь назначенный главнокомандующимъ крымской арміи, князь М. Д. Горчаковъ, былъ храбрый воинъ, но неспособный военачальникъ и слабый, нерѣшительный человѣкъ. Судьба Севастополя, несмотря на его геройскую защиту, была самая печальная. Послѣ пораженія на рѣкѣ Черной русскимъ держаться долѣе было не мыслимо, и вслѣдъ за отбитіемъ шести жестокихъ приступовъ 27-го августа русскіе отдали врагамъ многострадальный Севастополь и отошли на сѣверную сторону. Война пріостановилась, и затѣмъ снова начались переговоры о мирѣ. Благодаря внутреннимъ безпорядкамъ во Франціи и неудовольствію низшихъ классовъ, Наполеонъ III хотѣлъ заключить тайное соглашеніе съ Россіей и очистить дорогу къ общему миру. Съ большимъ трудомъ ему наконецъ удалось созвать мирный конгрессъ въ Парижѣ. Онъ и его министры, повидимому, склонялись на русскую сторону и всячески поддерживали русскихъ уполномоченныхъ, графа Орлова и Бруннова. Конечно, Англія и Австрія старались сдѣлать миръ какъ можно болѣе тягостнымъ для Россіи, и пришлось цѣною большихъ уступокъ достигнуть прекращенія разорительной и несчастной войны. По Парижскому трактату Россія лишилась права имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ, а устья Дуная были отданы дунайскимъ княжествамъ, поступившимъ подъ общій протекторатъ Европы. Манифестъ, возвѣщавшій Россіи о заключеніи мира, оканчивался знаменательными словами: «При помощи небеснаго промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ».

Эти слова ясно показывали, что съ прекращеніемъ войны императоръ прежде всего обратитъ вниманіе на открытую гибельными

послѣдствіями войны несостоятельность стараго внутренняго строя Россіи и на безчисленныя злоупотребленія во всѣхъ отрасляхъ управленія. Но, прежде чѣмъ приступить къ необходимымъ реформамъ, онъ нашелъ нужнымъ вспомнить своего стараго наставника Жуковскаго и по случаю коронаціи оказать цѣлый рядъ льготъ и облегченій несчастнымъ и обездоленнымъ. «Вѣнцомъ царскаго милосердія,—говоритъ Татищевъ,—было великодушное прощеніе государственныхъ преступниковъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и сосланныхъ въ Сибирь или сданныхъ въ солдаты по дѣлу о тайныхъ обществахъ въ 1825 году и по заговору Петрашевскаго въ 1849 году. Имъ было дозволено возвратиться съ ихъ семействами изъ мѣстъ ссылки и жить, гдѣ пожелаютъ въ имперіи, за исключеніемъ двухъ столицъ. Осужденнымъ и дѣтямъ ихъ возвращены, за нѣкоторыми исключеніями, ихъ титулы и потомственное дворянское достоинство».

Во всѣхъ добрыхъ своихъ начинаніяхъ Александръ Николаевичъ невольно вспоминалъ о наставникахъ молодости и, приступивъ къ великимъ реформамъ, а прежде всего къ уничтоженію тяготѣвшаго надъ Россіей зла—крѣпостного права, онъ совершилъ то, о чемъ постоянно напоминали ему Жуковскій и Арсеньевъ. «Не забудьте, вступивъ на престолъ, — говорилъ ему нерѣдко послѣдній въ концѣ уроковъ,—освободить русскій народъ». Императоръ не забылъ этихъ словъ и энергично взялся за это благотворное дѣло. Уже съ первыхъ дней своего царствованія онъ сказалъ петербургскимъ дворянамъ: «Надѣюсь, что дворянство будетъ настоящимъ благороднымъ сословіемъ въ началѣ всего добра». Подъ этимъ онъ, конечно, подразумѣвалъ, что оно добровольно согласится на отреченіе отъ дикаго права владѣнія душами. Московскимъ же дворянамъ онъ объявилъ послѣ заключенія Парижскаго мира: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это сейчасъ. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право с в е р х у, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться с н и з у. Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе».

Несмотря на лично высказанныя государемъ дворянству желанія по этому вопросу, дворяне медлили, хотя онъ лично имъ объ этомъ напоминалъ. Тогда государь рѣшился образовать изъ своихъ высшихъ совѣтниковъ особый комитетъ, названный «негласнымъ», подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Въ первомъ же засѣданіи было рѣшено, что вопросъ о крѣпостномъ состояніи дѣйствительно

требуетъ разрѣшенія, но съ должной осторожностью и постепенно. Послѣ этого комитетъ потребовалъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ все сосредоточенное тамъ производство по крестьянскому дѣлу. Этимъ министерствомъ со времени новаго царствованія завѣдывалъ старикъ Ланской, и въ зимніе мѣсяцы 1857 года въ комитетъ собралось до ста различныхъ протоколовъ, записокъ и т. д. по этому вопросу. Разсмотрѣніемъ этихъ проектовъ дѣятельно занялись три члена комиссіи, и каждый изъ нихъ подалъ свой особый докладъ. Эти записки были отправлены къ находившемуся тогда за границей государю. Онъ ихъ показалъ Киселеву, одному изъ немногихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, искренно сочувствовавшихъ предпринятому дѣлу. «Крестьянскій вопросъ,—говорилъ государь,—меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я болѣе, чѣмъ когда либо, рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ». Записавъ эти слова въ свой дневникъ, Киселевъ прибавляетъ. «Вообще мнѣ показалось, что государь совершенно рѣшился продолжать дѣло освобожденія крестьянъ, но его обременяютъ и докучаютъ ему со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія».

Дѣйствительно, большинство членовъ негласнаго комитета, дѣятели прошедшаго царствованія: Орловъ, Долгоруковъ, Адлербергъ, Гагаринъ, Панинъ, Муравьевъ, недовѣрчиво относились къ преобразованію и старались всячески его затормозить. Зато пламенно ему сочувствовали великая княгиня Елена Павловна и великій князь Константинъ Николаевичъ, назначенный членомъ комитета. Также относились очень ревностно къ дѣлу освобожденія министръ Ланской, товарищъ его Левшинъ, директоръ хозяйственнаго департамента Н. А. Милютинъ и управляющій земскимъ отдѣломъ Я. И. Соловьевъ.

Пока большинство комитета замедляло ходъ дѣла, а меньшинство энергично работало, въ Петербургъ пріѣхалъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ съ адресомъ дворянъ Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, которые желали освободить своихъ крестьянъ, но безъ земли. Государь на это не согласился и написалъ Назимову рескриптъ, въ которомъ приказалъ, чтобъ дѣло было немедленно разрѣшено на томъ основаніи, чтобы усадебная осѣдлость была предоставлена крестьянамъ въ собственность, и отведены въ пользованіе имъ за повинности полевыя угодья. Для исполненія этой высочайшей воли было опредѣлено открыть въ означенныхъ губерніяхъ губернскіе комитеты для выработки подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщиковъ и крестьянъ. Хотя государь желалъ, чтобы это распоряженіе осталось въ тайнѣ, но онъ самъ, принимая воронежскаго губернатора, проговорился ему, и потому Ланской сообщилъ о секретномъ рескриптѣ всѣмъ начальникамъ губерній и губернскимъ предводите-

лямъ дворянства. Узнавъ объ этомъ, петербургскіе дворяне, имѣя во главѣ графа П. П. Шувалова, подали просьбу, чтобы ихъ желаніе, заявленное еще въ прошедшее царствованіе, насчетъ улучшеніи взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами было уважено. Въ отвѣтъ на это государемъ было офиціально дозволено Петербургу составить комитетъ съ тою же цѣлью. Очевидно дѣло приняло огласку, и упраздненіе крѣпостного права стало извѣстно всей Россіи.

Съ этого времени негласный комитетъ, содержимый въ тайнѣ, сдѣлался излишнимъ, и 8-го января 1858 года онъ былъ преобразованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ примѣру Вильны и Петербурга слѣдовали другія губерніи, и въ скорое время сорокъ четыре губернскіе комитета трудились надъ общимъ составленіемъ проектовъ освобожденія крестьянъ. Что же касается до Петербурга, то въ главномъ комитетѣ большинство продолжало не сочувствовать дѣлу преобразованія. Оно даже жаловалось государю на Константина Николаевича и министерство внутреннихъ дѣлъ, слишко горячо поддерживавшихъ полное освобожденіе крестьянъ съ землею. Даже Ростовцевъ, сдѣлавшійся потомъ душею крестьянскаго дѣла, сначала придерживался взглядовъ большинства.

Вообще въ это время подуло охранительнымъ духомъ, и въ главный комитетъ, между прочимъ, была передана на разсмотрѣніе статья о крестьянскомъ дѣлѣ, профессора Кавелина, напечатанная въ «Современникѣ». Хотя въ то время цензура была очень снисходительна къ подобнымъ статьямъ, и существовало нѣсколько журналовъ, спеціально занимавшихся изслѣдованіемъ этого животрепещущаго вопроса, но статья Кавелина настолько рѣзко отзывалась о русскомъ государственномъ строѣ и такъ настойчиво доказывала необходимость освободить крестьянъ съ осѣдлостью и землею, что главный комитетъ призналъ эту статью вредной и опасной. Цензурѣ былъ сдѣланъ выговоръ, и съ тѣхъ поръ она приняла самыя строгія мѣры противъ подобнаго гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати. Такимъ образомъ прекратились спеціально разсматривающіе этотъ вопросъ журналы, и вообще почти совершенно перестали обсуждать его въ печати.

Однако Ланской и его помощники продолжали, по мѣрѣ возможности, направлять крестьянское дѣло на прежній путь. Однимъ изъ главныхъ доводовъ противниковъ реформы было увѣреніе, что дѣло не обойдется безъ крестьянскихъ бунтовъ. Въ обществѣ и при дворѣ ходили самые неблагопріятные слухи, но Ланской ежедневно доводилъ до свѣдѣнія государя о безпорядкахъ, бывшихъ въ Россіи со времени начала крестьянскаго дѣла. Ихъ оказалось всего семьдесятъ, и они были прекращены полицейскими мѣрами

за исключеніемъ девяти случаевъ, когда прибѣгнуто было къ военной силѣ. Къ тому же болѣе 10°/о этихъ безпорядковъ были вызваны распоряженіями помѣщиковъ о переселеніи крестьянъ. Эти свѣдѣнія успокоили опасенія, возбуждаемыя въ императорѣ нѣкоторыми приближенными. Пользуясь отъѣздомъ за границу Ростовцева, министръ Ланской, помимо главнаго комитета, подалъ государю записку противъ предложенія Ростовцева объ учрежденіи временныхъ генералъ-губернаторствъ. Александръ Николаевичъ сочувствовалъ этой мѣрѣ, а потому враждебно отнесся къ запискѣ Ланского, на которой онъ отмѣтилъ собственноручно: «Я прочелъ все съ большимъ вниманіемъ и долженъ вамъ откровенно сказать, что записка эта сдѣлала на меня весьма грустное впечатлѣніе. Она вѣрно составлена не вами, а кѣмъ нибудь изъ директоровъ департаментовъ или канцелярій, которымъ предполагаемое новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе, которымъ они привыкли пользоваться и часто употреблять во зло».

Ланской такъ обидѣлся, что на слѣдующій докладъ приготовилъ отставку, но императоръ принялъ его такъ ласково и такъ любезно спросилъ, не сердится ли онъ, что вопросъ объ отставкѣ оставленъ былъ безъ вниманія. Что же касается до генералъ-губернаторовъ, то, несмотря на то, что вопросъ о нихъ былъ переданъ на разсмотрѣніе комитета, онъ мало-по-малу канулъ въ вѣчность. Видя, что любезное его сердцу дѣло колеблется, государь предпринялъ путешествіе по внутреннимъ губерніямъ, съ цѣлью лично убѣдиться, въ какомъ положеніи находятся дѣла дворянскихъ комитетовъ. Это посѣщеніе Вологды, Твери, Костромы, Нижняго Новгорода, Владимира, Москвы и Вильны имѣло важное значеніе въ крестьянскомъ дѣлѣ. Оно послужило поводомъ къ гласному выраженію воли императора и безповоротной его рѣшимости освободить крестьянъ. Онъ самъ былъ очень доволенъ результатомъ своей поѣздки и убѣдился, что не встрѣтитъ упорной оппозиціи со стороны дворянства, а отъ народа ему нечего было ожидать, кромѣ любви и признательности. Поэтому, вернувшись въ Петербургъ, онъ сказалъ Ланскому: «Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца рука объ руку».

Путешествіе Ростовцева также имѣло благодѣтельное на него вліяніе. Онъ на досугѣ основательно изучилъ крестьянское дѣло и перемѣнилъ окончательно и навсегда свой взглядъ. Въ четырехъ письмахъ къ государю Ростовцевъ изложилъ на живомъ, образномъ языкѣ основныя идеи, которыя должны были, по его мнѣнію, лечь въ основаніе крестьянской реформы. Она должна была состоять изъ личнаго освобожденія съ предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность ихъ домовъ и огородовъ, а пашни должны быть сначала во временномъ ихъ пользованіи и потомъ послѣ

выкупа должны перейти въ совершенную ихъ собственность. При этомъ міръ и община необходимы были для введенія свободы. Александру Николаевичу эти мысли пришлись совершенно по душѣ, и онъ предложилъ главному комитету принять къ свѣдѣнію письма Ростовцева, имѣющія много полезнаго и дѣльнаго.

Въ началѣ 1859 года начали стекаться изъ провинцій проекты губернскихъ комитетовъ, и рѣшено было въ главномъ комитетѣ составить для ихъ пересмотра редакціонныя комиссіи. Государь назначилъ ихъ предсѣдателемъ Ростовцева, ближайшимъ сотрудникомъ котораго сдѣлался Н. А. Милютинъ, уже тогда исполнявшій должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Эти обѣ личности были вполнѣ преданы великому дѣлу: одинъ, перемѣнивъ свои убѣжденія на старости лѣтъ, желалъ загладить прошедшее новой благотворной дѣятельностью, а другой былъ благородный, энергичный, либеральный дѣятель, ревностный сторонникъ всѣхъ реформъ. Главное руководство трудами комиссій досталось на долю Милютина, благодаря его выдающимся способностямъ, трудолюбію, знанію дѣла, энергіи и рѣшимости, наконецъ въ силу того обаянія, которое онъ производилъ на большую часть его сочленовъ, не исключая Ростовцева, называвшаго его въ шутку «нашей эгеріей». Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ П. П. Семеновъ.

Что же касается до членовъ комиссій, которыя раздѣлялись на три отдѣленія: административное, хозяйственное и юридическое, а впослѣдствіи прибавилось еще четвертое—финансовое, то они были назначены по выбору Ростовцова изъ представителей различныхъ казенныхъ вѣдомствъ и провинціальныхъ экспертовъ. Они были преимущественно, насколько возможно, знатоками крестьянскаго дѣла, различнаго направленія, числомъ сорокъ два. Съ перваго же засѣданія, кромѣ Милютина, князя Черкасскаго, Самарина и ихъ сторонниковъ, стали выказывать особый пылъ и рьяность, но въ противоположномъ направленіи, М. П. Позенъ, графъ П. П. Шуваловъ и князь Ѳ. И. Паскевичъ. Особенно на Позена надѣялись всѣ реакціонеры и крѣпостники, такъ что М. Н. Муравьевъ чрезмѣрно радовался его пріѣзду и говорилъ Валуеву: «Il donnera un coup de poignard à Ростовцевъ» [1]). Споры, возбужденные главнымъ образомъ Позеномъ, Шуваловымъ и Паскевичемъ, доходили до государя; несмотря на то, что дѣло дошло съ ихъ стороны до заявленія просьбы объ отставкѣ, она не была уважена, и государь приказалъ имъ остаться, выразивъ свое неудовольствіе. Большинство редакціонной комиссіи, благодаря Ростовцеву, Милютину и прочимъ ихъ единомышленникамъ, взяло такимъ образомъ верхъ надъ меньшинствомъ.

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», соч. Н. Барсукова, книга 17-я.

Несмотря на встрѣчаемыя преграды, дѣло редакціонной комиссіи шло быстро и успѣшно. 20-го мая 1859 года Ростовцевъ объявилъ, что первоначальныя работы комиссій приближаются къ концу, и пора вызвать въ Петербургъ депутатовъ отъ дворянства изъ провинцій. Они были раздѣлены на двѣ смѣны, и первая изъ нихъ была вызвана въ Петербургъ въ половинѣ августа. Собственно говоря, цѣль этого новаго собранія представителей губернскихъ комитетовъ заключалась въ разсмотрѣніи положеній редакціонныхъ комиссій, плодовъ ихъ шестимѣсячныхъ трудовъ. Этимъ вызовомъ депутатовъ завершился первый періодъ занятій редакціонныхъ комиссій, которыя, по выраженію Ростовцева, «оболванили» проектъ освобожденія крестьянъ. Въ ознаменованіе этого важнаго событія Ростовцевъ далъ торжественный обѣдъ редакціоннымъ комиссіямъ и депутатамъ, но на обѣдѣ, изъ осторожности, не было вовсе произнесено рѣчей. «Все прошло благополучно и, кажется, для всѣхъ пріятно», донесъ Ростовцевъ государю.

На другой день начался второй періодъ дѣятельности редакціонныхъ комиссій, и съ самаго начала оказалось, что прибывшіе депутаты отличались оппозиціоннымъ духомъ. Они раздѣлились на три группы: первая, самая многочисленная, изъ восемнадцати членовъ, просила позволенія въ адресѣ къ государю разъяснить ему свои соображенія до поступленія въ главный комитетъ; вторая— изъ пяти членовъ, намекала на нѣчто въ родѣ конституціи, прося о дарованіи открытаго судопроизводства, о свободѣ печати и о правѣ дворянства представлять государю просьбы о своихъ нуждахъ. Одинъ представитель симбирскаго комитета, Шидловскій, пошелъ еще далѣе и заявилъ, что лучше всего созвать уполномоченныхъ отъ дворянства для разрѣшенія подъ предсѣдательствомъ императора начатаго дѣла освобожденія крестьянъ. «Вотъ какія мысли бродятъ въ головѣ этихъ господъ», сказалъ Александръ Николаевичъ, прочитавъ адресы. Они были переданы въ главный комитетъ для разсмотрѣнія, и въ результатѣ депутатамъ сдѣлано внушеніе. Особенно въ редакціонныхъ комиссіяхъ были недовольны направленіемъ, высказаннымъ депутатами, и Милютинъ прямо сказалъ: «Никогда, никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціатора въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству, и только ему одному принадлежитъ всякій починъ, въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны».

Естественно, что депутаты перваго призыва были недовольны результатами своей петербургской дѣятельности и послѣ семинедѣльнаго пребыванія въ Петербургѣ получили извѣщеніе, что могутъ ѣхать домой. Между тѣмъ Ростовцевъ серьезно заболѣлъ, и операція не повела ни къ чему. Дни его были сочтены. Предъ

своей кончиной онъ поручилъ П. П. Семенову составить краткую записку, въ которой было бы изложено его послѣднее слово о крестьянскомъ вопросѣ, или, какъ онъ самъ говорилъ, «profession de foi». Эта записка была составлена, но Ростовцевъ не успѣлъ ее прочесть и только указалъ на нее государю, который обѣщалъ свято руководствоваться ею. Ростовцевъ въ предсмертныя минуты едва слышнымъ голосомъ повторялъ: «государь, не бойтесь!». Александръ Николаевичъ сидѣлъ возлѣ постели умирающаго до послѣдней минуты. Ростовцовъ умеръ 6-го февраля 1860 года.

Смерть Ростовцева поразила всѣхъ, кому дорогъ былъ крестьянскій вопросъ, враги же его возликовали. Дѣло было въ томъ, кѣмъ замѣнить его. Ростовцевъ, хотя очень заботился о своемъ преемникѣ, но никому не говорилъ, ни государю, ни своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, кого онъ желалъ бы видѣть на своемъ мѣстѣ. Защитники крестьянскаго дѣла открыто стояли за великаго князя Константина Николаевича, Ланского или Милютина. «Старику Ланскому ужасно хотѣлось быть предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій»,—говорилъ Милютинъ. Самъ Ланской написалъ объ этомъ государю. Дѣйствительно очень было важно, чтобы дѣло комиссій было окончено въ томъ же духѣ, какъ оно велось до того времени. Но государь не назначилъ никого изъ указываемыхъ либеральнымъ общественнымъ мнѣніемъ лицъ. Его выборъ палъ на министра юстиціи. «Панинъ рѣшительно назначенъ,—писалъ Кошелевъ Погодину,—и даже Топильскій сдѣланъ дѣлопроизводителемъ комиссій вмѣсто Семенова». «Ну, каково! Это ужасно! Что это значитъ? Питеръ въ восторгѣ: теперь де мы затормозимъ. Я въ ужасѣ!». Никитенко въ своемъ дневникѣ прибавляетъ: «Назначеніе Панина поразило, какъ громомъ, всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ его мыслей извѣстенъ. Какъ же онъ будетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ требуется именно все противное его прежнимъ дѣяніямъ и понятіямъ».

Также Н. П. Семеновъ въ своемъ сочиненіи «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи» несочувственно относится къ Панину. «Страхъ Божій, повиновеніе родителямъ и почтеніе къ старшимъ, — говоритъ онъ, — переродились въ Панинѣ въ такой формализмъ и педантизмъ, что у него составились своеобразныя понятія объ исполненіи служебныхъ обязанностей, или вообще какого бы то ни было долга». Въ этомъ отношеніи Валуевъ въ своемъ дневникѣ характерно говоритъ: «Грейгъ передалъ мнѣ подробности свиданія между графомъ Панинымъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, послѣ назначенія перваго предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій. Панинъ сказалъ, что пріѣхалъ не къ великому князю, а къ государственному мужу, занимающемуся крестьянскимъ вопросомъ. Затѣмъ онъ изложилъ свой политическій «credo». «У меня есть убѣжденіе,—сказалъ онъ:—сильное убѣжденіе. Напрасно иногда думаютъ противное, но по

долгу вѣрноподданнической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя. Если какимъ либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ, съ тою или даже большей энергіей, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями». Грейгъ прибавилъ: «C'est l'apologie de la lâcheté, la plus complete que j'ai jamais entendu».

Государь отлично зналъ характеръ Панина и потому смѣло назначилъ его предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій. Между тѣмъ прибыла въ Петербургъ вторая серія губернскихъ депутатовъ въ числѣ двадцати четырехъ человѣкъ, и занятія редакціонныхъ комиссій пошли своимъ чередомъ. Нѣсколько разъ новый предсѣдатель пытался видоизмѣнить направленіе, завѣщанное Ростовцевымъ, но государь каждый разъ останавливалъ его словами: «Вопросъ этотъ я предоставлю себѣ рѣшить, когда онъ будетъ обсужденъ въ главномъ комитетѣ». Въ главномъ же комитетѣ произошла большая перемѣна: по тяжкой болѣзни Орлова великій князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ его предсѣдателемъ. Такимъ образомъ дѣла въ редакціонныхъ комиссіяхъ шли успѣшно, несмотря на разногласія съ предсѣдателемъ, и 8-го мая 1860 года закончились совѣщанія съ депутатами второго призыва. Затѣмъ приступлено было къ окончательной кодификаціи постановленій редакціонныхъ комиссій, и 10-го октября онѣ были закрыты послѣ тяжелыхъ трудовъ, длившихся девятнадцать мѣсяцевъ и шесть дней.

Положеніе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ было перенесено въ главный комитетъ. Разсмотрѣнію этого положенія было посвящено сорокъ засѣданій. Далеко не всѣ его члены соглашались съ мнѣніями, выработанными въ комиссіяхъ. За нихъ стояли великій князь Константинъ Николаевичъ, Ланской, Блудовъ и Чевкинъ, а противъ были Муравьевъ, князь Долгорукій, Княжевичъ, князь Гагаринъ и Адлербергъ, т.-е. большинство. Контръ-проектъ оппозиціи былъ составленъ Валуевымъ, и вообще она дѣйствовала энергично. Панинъ объявилъ, что цифры редакціонныхъ комиссій были невѣрны, и старался всячески, съ помощью своего неизбѣжнаго Топильскаго, доказать ихъ несправедливость. Однако, это не удалось, и великій князь съ помощью Соловьева и Н. П. Семенова восторжествовалъ. Пренія были очень горячія,—писалъ Головнинъ князю Барятинскому. Нужно отдать справедливость великому князю, предсѣдателю, что всѣ члены пользовались свободой выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что по своей молодости, по своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо надѣлила великаго князя, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ. Наконецъ ему удалось убѣдить графа Панина и графа Адлерберга присоединиться къ мнѣнію меньшинства. Конечно,

въ этомъ отношеніи рѣшительно подѣйствовали настоянія государя. Такимъ образомъ составилось большинство въ пользу проектовъ редакціонныхъ комиссій, и утвердивъ главный комитетъ передалъ ихъ 28 января 1861 г. въ государственный совѣтъ.

Первое засѣданіе государственнаго совѣта ознаменовалось замѣчательной рѣчью государя. «Она доказала,—писалъ Головнинъ,— глубокое знаніе, которымъ обладалъ императоръ по отношенію ко всему этому дѣлу, доказала, насколько онъ имѣетъ о немъ ясное представленіе, и обнаружила тотъ раціональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полной твердостью. Эта рѣчь поставила государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какой либо канцеляріей, не была написана и прочитана,—нѣтъ, то была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ его головѣ». Около трехъ недѣль разсуждалъ государственный совѣтъ, и въ пользу проекта главнаго комитета оказалось меньшинство, которое стояло за освобожденіе крестьянъ съ поземельнымъ надѣломъ, уменьшеннымъ до крайности. Государь настоялъ на своемъ и согласился съ меньшинствомъ. 19 февраля были подписаны положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и манифестъ, извѣщавшій объ этомъ освобожденый народъ. Сначала этотъ манифестъ былъ написанъ Самаринымъ вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, но по высочайшему повелѣнію онъ былъ передѣланъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ. 5-го марта 1861 г. объявлена была всенародно такъ давно ожидáемая русскимъ народомъ воля.

Такимъ образомъ въ теченіе шестилѣтняго царствованія было совершено царемъ-освободителемъ первое и главное служеніе Россіи, завѣщанное его отцемъ.

III.

Пока медленно, но упорно осуществлялась великая реформа, цѣлый рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій совершался въ Россіи. Внѣшняя политика обратила на себя особое вниманіе Александра II, и онъ видѣлъ необходимость ее измѣнить, такъ какъ крымская война доказала полную неосновательность принциповъ священнаго союза, которыхъ держался Николай Павловичъ. Назначивъ министромъ иностранныхъ дѣлъ князя А. М. Горчакова, онъ сдѣлалъ крутой поворотъ въ политической дѣятельности. Сначала Наполеонъ III и Морни, котораго онъ прислалъ на коронацію, такъ понравились государю и новому министру своей предупредительностью, любезностью и явной симпатіей къ Россіи, что они рѣшились заключить тройственный союзъ между Россіей, Франціей

и Пруссіей противъ Англіи и Австріи. Поэтому въ 1857 г. состоялось въ Штутгартѣ свиданіе Александра Николаевича съ французскимъ императоромъ. Въ теченіе трехъ дней велись между ними оживленныя бесѣды, и, по всей вѣроятности, дѣло было бы рѣшено удовлетворительно, но Наполеонъ III упомянулъ о Польшѣ и тѣмъ внесъ сѣмя раздора въ только что начинавшуюся дружбу между Россіей и Франціей. Несмотря на это, повидимому, все шло благополучно, и когда Франція начала войну съ Австріей изъ-за Италіи, то Россія объявила себя нейтральной и тѣмъ оказала ей значительную нравственную поддержку. Но неожиданный миръ Франціи съ Австріей и поддержка ею революціоннаго движенія въ Италіи снова охладили отношенія между нею и Россіей. Пруссія сдѣлалась тогда главной союзницей Россіи вмѣсто Франціи, и она старалась снова примирить петербургскій кабинетъ съ австрійскимъ, для чего состоялся въ 1860 г. въ Варшавѣ съѣздъ двухъ императоровъ и принца регента Прусскаго. Рѣшено было потребовать отъ Наполеона гарантіи для сохраненія мира въ Европѣ. Однако князю Горчакову, мирволившему Франціи, удалось устранить всякое вызывающее или враждебное отношеніе къ Франціи.

Между тѣмъ внѣшняя политика Александра II, оставаясь выжидательной въ Европѣ, стала чрезвычайно энергичной на крайнемъ Востокѣ. Благодаря дѣятельнымъ мѣрамъ генерала Н. Н. Муравьева, завершилось присоединеніе Амура и Уссурійскаго края. Одновременно съ подобнымъ расширеніемъ Россіи на восточной окраинѣ совершилось покореніе Кавказа. Первоначальная мысль объ этомъ принадлежала Д. А. Милютину, который предлагалъ воспользоваться находящимися на Кавказѣ войсками, съ цѣлью завоевать окончательно эту безпокойную страну. Князь Барятинскій, назначенный въ то время намѣстникомъ кавказскимъ, одобрилъ этотъ планъ и взялъ Милютина своимъ начальникомъ штаба. Въ теченіе трехъ лѣтъ самой ожесточенной борьбы Шамиль, послѣдній глава возстанія, былъ взятъ въ плѣнъ, и Кавказъ былъ почти совершенно побѣжденъ. Но окончательно умиротворить Кавказъ князю Барятинскому не удалось, и онъ долженъ былъ по болѣзни передать намѣстничество великому князю Михаилу Николаевичу, который весной 1864 г. окончилъ послѣднія военныя дѣйствія съ еще враждебными племенами шапсуговъ и убыховъ въ Кубанской области. Такимъ образомъ прекратилась долговременная, кровавая кавказская война. Пока на востокѣ и югѣ Россіи побѣды слѣдовали за побѣдами, на западѣ, въ Польшѣ, происходили безпорядки, которые окончились открытымъ мятежомъ, отразившимся и на Западномъ краѣ. Около года продолжался этотъ мятежъ, лишь къ 1-му мая 1864 г. край былъ очищенъ отъ послѣднихъ слѣдовъ вооруженныхъ бандъ, и миръ былъ возстановленъ. Во все это время Россіи пришлось бороться и дипломатически. Почти вся Европа

вступилась за Польшу, одна только Пруссія прямо высказалась за Россію и даже предложила ей помощь. Недавно вступившій на престолъ Вильгельмъ I и его пѐрвый министръ Бисмаркъ, прежде бывшій посланникомъ въ Петербургѣ, предложили Россіи заключить конвенцію въ случаѣ требованія Россіи преслѣдовать инсургентовъ на прусской территоріи. Эта конвенція, хотя и не обнародованная, привела въ сильное безпокойство Францію, Англію и Австрію. Онѣ начали дипломатическій походъ на Россію и безконечно осаждали ее всевозможными нотами и протестами, явно имѣвшими цѣлью давленіе на Россію. Европейское вмѣшательство за Польшу распространилось даже на второстепенныя государства: Испанію, Португалію, Италію, Швецію, Нидерланды, Данію и даже Турцію. Россія не испугалась даже угрозы общаго крестоваго похода, и Александръ II, перекрестясь и твердо сказавъ: «Vogue la galère», подписалъ рѣшительный категорическій отвѣтъ, написанный княземъ Горчаковымъ. Европейскіе кабинеты продолжали пререкаться, и наконецъ Наполеонъ III предложилъ созвать конгрессъ въ Парижѣ. Россія на это согласилась, но подъ условіемъ, чтобы для умиротворенія Европы собрались всѣ европейскіе кабинеты. Англія заявила упорное противодѣйствіе, и конгрессъ не состоялся. За усмиреніемъ Польши исчезъ и предлогъ къ европейскому вмѣшательству.

Польскія волненія не мѣшали, однако, Александру II энергично продолжать свои великія реформы. Еще весною 1859 года была образована подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина комиссія о земскихъ учрежденіяхъ. Но за удаленіемъ Милютина и Ланского и назначеніемъ Валуева на мѣсто послѣдняго, дѣло это, однако, не прекратилось, хотя, конечно, приняло болѣе умѣренный характеръ. По разсмотрѣніи проекта въ совѣтѣ министровъ, а затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ императора положеніе о земствѣ было имъ утверждено въ 1864 году. Въ новыхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ получили право засѣдать представители уѣздныхъ землевладѣльцевъ, не принадлежавшихъ къ сельскимъ обществамъ, городскихъ жителей всѣхъ сословій и собраній волостныхъ старшинъ и старостъ всѣхъ сельскихъ сословій.

Благодаря государя за дарованіе земства, московское дворянское собраніе 11-го февраля 1865 года выразило въ особомъ адресѣ просьбу «довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли Русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству», а также «второго собранія изъ представителей одного дворянскаго сословія». Сенатъ нашелъ этотъ адресъ московскаго дворянства лишеннымъ законной силы, такъ какъ не предоставлено губернскому собранію постановлять нѣчто подобное. Но государь не хотѣлъ оставить этого заявленія московскихъ дворянъ безъ отвѣта и изложилъ въ ре-

скриптѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ свой взглядъ на дѣло. «Никому,—писалъ онъ,—не предоставлено предупреждать мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя предо мною ходатайство объ общихъ нуждахъ и пользѣ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднить меня въ исполненіяхъ моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они были направлены».

Вслѣдъ за предоставленіемъ земству хозяйственнаго самоуправленія на очередь поступилъ вопросъ о преобразованіи правосудія въ Россіи. Судебная реформа была уже начата въ 1850 году, когда еще при Николаѣ Павловичѣ были образованы комитеты для составленія проектовъ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго судопроизводства. Но до новаго царствованія ничего не было сдѣлано, и лишь послѣ освобожденія крестьянъ было приступлено съ энергіей къ осуществленію судебной реформы. За работу принялась комиссія подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря В. П. Буткова и по высочайшему повелѣнію руководствовалась наукою и опытомъ европейскихъ государствъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ выработаны были общія положенія преобразованія судебной части въ Россіи. По разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, эти прицины судебной реформы были утверждены императоромъ 29-го сентября 1862 года. Этимъ дѣло не кончилось; составлена была новая комиссія изъ представителей казенныхъ вѣдомствъ подъ прдсѣдательствомъ того же Буткова, но въ нее вступили равноправными членами эксперты-юристы. Она, однако, работала около года, и послѣ разсмотрѣнія судебныхъ уставовъ вторымъ отдѣленіемъ и министерствомъ юстиціи ихъ трудъ поступилъ въ государственный совѣтъ, который, утвердивъ его, подалъ для подписи государю. Такимъ образомъ 20-го ноября 1864 года вошли въ законную силу судебные уставы.

Результатъ этой третьей великой реформы Александра II былъ поразителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не только неправосудіе, корысть, медленность и прочія прелести старыхъ судовъ замѣнились «гласнымъ, скорымъ, правымъ, милостивымъ и равнымъ для всѣхъ судомъ», но и новые суды имѣли чрезвычайно полезное, нравственное и воспитательное вліяніе на русскій народъ. Въ сенатскомъ указѣ 19-го марта 1856 года Александръ Николаевичъ возвѣстилъ: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Его слова вполнѣ оправдались судебными уставами. Въ слѣдующемъ году къ числу благодѣтельныхъ реформъ прибавилось новое узаконеніе, по которому предоставлены были отечественной печати всевозможныя об-

легченія, именно уничтоженіе предварительной цензуры для книгъ и повременныхъ изданій, а также преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ за нарушеніе законовъ печати. Русское слово и русскіе писатели вздохнули.

Очередь реформъ дошла и до Польши. Освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землею и устройство ихъ самоуправленія было поручено русскому реформатору Н. Милютину и его ближайшимъ сотрудникамъ: князю Черкасскому, Самарину и Соловьеву. Вслѣдъ за этой главной и основной реформой слѣдовали другія преобразованія въ строѣ польской жизни, и Милютинъ былъ назначенъ министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ царства Польскаго, но онъ такъ неутомимо и энергично работалъ, что его постигъ ударъ паралича, лишившій его возможности продолжать благотворную государственную дѣятельность.

Первое десятилѣтіе царствованія Александра II, бывшее главнѣйшей эпохой крупныхъ реформъ, ознаменовалось еще высоко-гуманной мѣрой—отмѣной тѣлесныхъ наказаній. По предложенію князя Н. А. Орлова, подавшаго записку по этому вопросу, учрежденъ былъ комитетъ при II-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи; послѣ основательной разработки проекта закона въ этомъ смыслѣ государственный совѣтъ его одобрилъ, а 17 апрѣля 1863 г. онъ удостоенъ былъ высочайшаго утвержденія.

Съ начала второго десятилѣтія продолжали мирно развиваться введенныя уже реформы, и все вырабатывались дополнительныя мѣры. Такъ въ 1870 г. было предоставлено всѣмъ русскимъ городамъ право самоуправленія на всесословномъ выборномъ началѣ. Чрезъ четыре года былъ оконченъ въ военномъ министерствѣ проектъ о личной воинской повинности, и 1-го января 1874 г. онъ удостоенъ былъ высочайшей подписи. Эта мѣра имѣла такъ же, какъ судебные уставы, значительное нравственное и воспитательное значеніе. Равенство всѣхъ сословій въ дѣлѣ защиты государства произвело благотворное вліяніе на молодое поколѣніе. Административныя преобразованія, начатыя съ самаго вступленія на престолъ Александра Николаевича, развивались ежегодно съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ успѣхомъ: военныя реформы были поручены Д. А. Милютину, бывшему военнымъ министромъ съ 1861 г. Онъ составилъ обширный планъ обновленія русской арміи, какъ относительно организаціи ея строевыхъ войскъ, такъ и всѣхъ многочисленныхъ отраслей военнаго правленія. Несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя ошибки въ преобразовательной дѣятельности Д. А. Милютина, она въ общемъ имѣла плодотворные результаты. Точно также преобразовался и флотъ, во главѣ котораго стоялъ великій князь Константинъ Николаевичъ, называвшій себя сначала генералъ-адмираломъ безъ флота. Живо и дѣятельно онъ старался создать этотъ несуществующій флотъ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ

по морскому вѣдомству за предпослѣднiй годъ царствованiя Александра II-го говорится съ бóльшимъ или меньшимъ основанiемъ: «Все это даетъ мнѣ смѣлость думать, что флотъ 1880 г. имѣетъ болѣе правильныя основы, чѣмъ имѣлъ флотъ 1855 г., и что онъ представляетъ изъ себя живую силу, заключающую въ себѣ всѣ данныя для дальнѣйшаго развитiя, хотя и требуется еще много затратъ, чтобы довести его до того положенiя, которое соотвѣтствуетъ достоинству Россiи».

Ни въ одной области администрацiи не обнаруживалось столь рѣшительно преобразовательное движенiе, какъ въ финансовомъ управленiи и въ зависящемъ отъ него народномъ хозяйствѣ. «Конечно,—говоритъ Татищевъ,—и здѣсь не обошлось безъ неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ колебанiй, увлеченiй, не всегда удачныхъ опытовъ и вообще промаховъ, ошибокъ и недочетовъ. Но, несмотря на это, во все продолженiе царствованiя Александра II-го государство быстро и неуклонно шло впередъ по пути экономическаго развитiя. Коренныя преобразованiя, видоизмѣнившiя его внутреннiй строй, пробудили русское общество, вызвали въ немъ самодѣятельность, и при сильной правительственной поддержкѣ промышленность и торговля страны сдѣлали замѣчательные успѣхи. Покрытая густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, Россiя въ 1881 г. въ экономическомъ отношенiи явилась по сравненiю съ тѣмъ, что она была въ 1853 г., совершенно неузнаваема».

Цѣлый рядъ министровъ финансовъ проводили реформу за реформой. Княжевичъ замѣнилъ питейный откупъ акцизомъ. Рейтернъ сталъ искать средства для улучшенiя финансовъ въ развитiи производительныхъ силъ страны и рѣдко прибѣгалъ къ займамъ для покрытiя дефицита. Грейгъ заботился о проведенiи желѣзныхъ дорогъ и прiискивалъ средства къ сокращенiю государственныхъ расходовъ. Наконецъ, Абаза, назначенный въ 1880 г., отмѣнилъ налогъ на соль и уменьшилъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Финансовый итогъ этого царствованiя показываетъ, что государственные доходы возросли съ 1855 г. до 1880 г. отъ 206.800.000 до 650.000,000, т.-е. болѣе, чѣмъ утроились. «Но, по словамъ Татищева, и расходы государства росли съ неменьшей быстротой и не только поглощали всѣ доходы, но требовали значительныхъ приплатъ; лишь въ продолженiе пяти лѣтъ представлялся избытокъ доходовъ надъ расходами, да и то большею частью на бумагѣ». Сначала желѣзныя дороги строились частными лицами на основанiи концессiонной системы, а къ концу царствованiя при министрѣ Абазѣ начали строить дороги снова правительственными мѣрами. Къ тому времени желѣзныя дороги распространились почти на всю Европейскую Россiю.

Хотя Александръ II-й говорилъ, что развитiе просвѣщенiя въ Россiи—«вѣрнѣйшiй залогъ порядка и счастья», но всѣ мѣры къ

распространенію образованія отличались нерѣшительностью и колебаніемъ. При первомъ министрѣ александровской эпохи, Е. П. Ковалевскомъ, замѣтно было движеніе впередъ въ народномъ просвѣщеніи и поощреніе по общественному почину новаго типа первоначальныхъ школъ, именно воскресныхъ; кромѣ того, оказывалось поощреніе передовому направленію въ университетахъ. Происшедшіе безпорядки среди студентовъ, благодаря различнымъ недоразумѣніямъ, послужили къ перемѣнѣ направленія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и къ назначенію его главою адмирала, графа Путятина. Но его рѣзкая, суровая система ни къ чему не привела: безпорядки еще болѣе усилились, и въ томъ же 1861 г. былъ назначенъ новый министръ А. В. Головнинъ, который и сталъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ. Чрезъ два года были обнародованы новые уставы университетовъ, гимназій и народныхъ училищъ, основанные на прогрессивныхъ принципахъ.

Пять лѣтъ дѣло просвѣщенія шло мирно, но въ 1866 г. въ виду неблагопріятныхъ обстоятельствъ снова наступила перемѣна въ педагогическомъ вѣдомствѣ. Министромъ сдѣлался графъ Д. А. Толстой, который былъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ главою учащейся Россіи, сохраняя должность оберъ-прокурора синода. Цѣлью его управленія было возстановить единство между православнымъ духовенствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ, а также ввести въ Россіи классическую систему средняго образованія. Наконецъ, въ 1880 г. снова совершился крутой переворотъ, но уже не назадъ, а впередъ. Графъ Толстой былъ уволенъ изъ министровъ, а на его мѣсто назначенъ А. Я. Сабуровъ, который дѣйствовалъ въ духѣ Головнина.

IV.

Прямымъ дипломатическимъ слѣдствіемъ вмѣшательства въ польскія дѣла парижскаго, лондонскаго и вѣнскаго кабинетовъ было охлажденіе русскаго двора къ нимъ и скрѣпленіе дружественной связи съ Берлиномъ. Въ это время Бисмаркъ началъ практически примѣнять свою мысль объединенія Германіи, и Россія въ вознагражденіе за принципальное содѣйствіе Пруссіи въ критическую минуту борьбы съ Польшей теперь держалась сочувственнаго нейтралитета. Бисмаркъ началъ войну съ Даніей и овладѣлъ Шлезвигъ-Гольштиніей. Затѣмъ, въ теченіе семидневной войны съ Австріей, онъ разбилъ ее на голову и заключилъ миръ, вслѣдствіе чего побѣдоносная Пруссія дала совершенно новое устройство Германіи, изъ которой была вытѣснена Австрія. Ни одна европейская держава, а въ томъ числѣ и Россія, не протестовала противъ такой передѣлки политической карты Европы. Хотя въ это время Александръ Николаевичъ посѣтилъ парижскую выставку и подвергся покушенію на его жизнь со стороны Березовскаго, отношенія Рос-

сіи къ Франціи нисколько не измѣнились, и когда чрезъ нѣсколько лѣтъ въ 1870 г. Бисмаркъ нашелъ возможнымъ окончить свой планъ объединенія Германіи войною съ Франціей, Александръ II объявилъ самый строгій нейтралитетъ. Въ сущности онъ питалъ непріязненныя чувства не къ Франціи, а къ Наполеону, и когда республика замѣнила имперію, то Александръ написалъ королю Вильгельму письмо съ выраженіемъ надежды, что онъ не потребуетъ отъ Франціи территоріальныхъ уступокъ.

Въ самый разгаръ войны Горчаковъ воспользовался удобной минутой для заявленія, что силою вещей парижскій договоръ 1856 года нарушенъ. Вслѣдствіе этого созвана была лондонская конференція европейскихъ державъ, которая отмѣнила три статьи парижскаго трактата, ограничивающаго число военныхъ судовъ Россіи на Черномъ морѣ и также право возводить укрѣпленія по его берегамъ. Такимъ образомъ самыя позорныя для Россіи статьи парижскаго мира были навѣки заглажены. Естественно, что Россія въ виду своей дипломатической побѣды не сопротивлялась торжеству Бисмарка, объявившаго Германію имперіей, а Вильгельма императоромъ.

Для дальнѣйшаго осуществленія своихъ плановъ Бисмаркъ созвалъ конгрессъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ въ 1872 г., который выражалъ коренной переломъ во внѣшней политикѣ Александра II. Снова былъ возстановленъ священный союзъ. Со вступленіемъ на престолъ Александра Николаевича онъ не существовалъ, а теперь, по волѣ Бисмарка, онъ воскресъ. Однако дядя и племянникъ, несмотря на тройственный союзъ, все-таки считали необходимымъ заключить тайный оборонительный договоръ между Россіей и Германіей. Бисмаркъ сопротивлялся этому и даже не хотѣлъ контрасигнировать подобный актъ. Наконецъ обѣ стороны согласились, что договоръ подпишутъ вмѣсто императоровъ два фельдмаршала — князь Барятинскій и графъ Мольтке. Этотъ важный дипломатическій эпизодъ произошелъ въ Петербургѣ во время свиданія двухъ императоровъ, и Бисмаркъ уѣзжая сказалъ своимъ русскимъ друзьямъ: «Si j'admettais seulement la pensée d'être jamais hostile à l'empereur et à la Russie, je me considererais comme un traître».

Несмотря на установившуюся такимъ образомъ незыблемую дружбу между Германіей и Россіей, императору Александру удалось явиться рѣшающимъ посредникомъ въ начавшейся между Германіей и Франціей распрѣ, что могло бы угрожать миру всей Европы. Взаимныя ихъ отношенія неожиданно обострились, и весною 1875 г. нѣмцы заявили желаніе открыто возобновить борьбу съ Франціей, которая въ послѣднее время почти возстановила свои уничтоженныя военныя силы. Французскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Лефло, просилъ вмѣшательства Россіи, и Але-

ксандръ II обѣщалъ повліять на императора Вильгельма въ мирномъ смыслѣ. Дѣйствительно, проѣзжая вскорѣ чрезъ Берлинъ, онъ категорически заявилъ, что заботы Франціи о своей безопасности не могутъ служить поводомъ къ нападенію на нее. Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ, что онъ и не помышлялъ о войнѣ, а Бисмаркъ свалилъ всю вину на Мольтке и на военную партію. Въ результатѣ князь Горчаковъ телеграфировалъ изъ Берлина русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ: «Отнынѣ миръ обезпеченъ». Это событіе очень разсердило Бисмарка, и съ этого времени началась размолвка его съ Горчаковымъ, благодаря которой совершенно измѣнились его отношенія къ Россіи и отъ тѣсной дружбы перешли къ злобной, упорной враждѣ.

Въ то время, когда внѣшняя политика Россіи подчинилась новому священному союзу, за исключеніемъ одного франко-германскаго эпизода 1875 г., произошло русское наступательное движеніе въ глубь средней Азіи. «Въ шестнадцать лѣтъ,—говоритъ Татищевъ,—совершилось покореніе русской державѣ обширнаго пространства въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ отъ Каспійскаго моря до восточнаго Китая, отъ южныхъ границъ Китая до Афганистана и Индіи, нѣкогда привлекавшей къ себѣ царственную мысль Петра Великаго. Блестящіе успѣхи русскаго оружія сопровождались цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдованій невѣдомыхъ до того, недоступныхъ и дикихъ странъ, насажденіемъ въ нихъ просвѣщенія и гражданственности, развитіемъ промышленности и торговли, словомъ включеніемъ ихъ въ предѣлы и общеніе образованнаго міра, съ которымъ не замедлилъ соединить Среднюю Азію, проложенный въ безлюдной и безводной пустынѣ русской военной силой, желѣзный путь».

Третье десятилѣтіе царствованія Александра II началось глубокой перемѣной во внѣшней политикѣ, и хотя соглашеніе трехъ императоровъ не нарушилось, но въ Россіи возникло національное славянское движеніе по поводу восточнаго вопроса. Лѣтомъ 1875 г. вспыхнуло возстаніе преслѣдуемыхъ турками славянъ, сначала въ Герцеговинѣ, потомъ Босніи и наконецъ въ Болгаріи. Около года продолжались эти турецкіе безпорядки и шла дипломатическая переписка между европейскими дворами, преимущественно между тремя императорскими, которые составили декларацію, извѣстную подъ именемъ «берлинскаго меморандума». Волненіе въ Турціи все усиливалось: въ Константинополѣ возникъ мятежъ, и убитъ былъ султанъ Абдулъ-Азисъ, свергнутъ съ престола его племянникъ, Махмудъ V, а затѣмъ провозглашенъ султаномъ братъ его Абдулъ-Гамидъ. Въ то же время самымъ жестокимъ образомъ было подавлено турками возстаніе болгаръ въ Филиппополѣ. Число жертвъ превышало 12.000, и ужасная рѣзня сопровождалась неслыханными злодѣйствами. Крикъ ужаса вырвался изъ груди

всей Европы, особенно въ Англіи и Россіи, которая предложила вмѣшательство европейскихъ державъ, съ цѣлью образованія изъ христіанскихъ областей Оттоманской имперіи вассальныхъ, но автономныхъ княжествъ. Англія и Австрія выразили сопротивленіе, и попрежнему велись безконечные переговоры. Между тѣмъ Сербія и Черногорія объявили войну Турціи.

Съ самаго начала восточныхъ событій возникло въ Россіи сильное общественное движеніе въ пользу славянъ. Славянскіе комитеты въ Петербургѣ и Москвѣ разжигали страсти и не только содѣйствовали дѣлу возстанія христіанскихъ племенъ въ Турціи, но посылали имъ толпы добровольцевъ. Хотя князь Горчаковъ утверждалъ въ нотахъ къ англійскому премьеру, лорду Дерби, что по умиротворенію Востока онъ дѣйствовалъ въ полномъ единодушіи съ австрійскимъ министромъ, графомъ Андраши, но, въ сущности, Австрія не согласна была образовать автономныя христіанскія княжества въ Турціи, а стремилась присоединить Боснію и Герцеговину къ Габсбургской монархіи. Въ такомъ положеніи восточнаго вопроса и въ виду разгрома турками сербскихъ войскъ, которымъ помогали русскіе добровольцы, приступлено было въ Россіи къ мобилизаціи арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ европейскія державы настояли на созваніи въ Константинополѣ конференціи для улаженія восточнаго вопроса, но переговоры на этой конференціи ни къ чему не повели, и Россія стала серіозно готовиться къ войнѣ, къ которой ее сильно подстрекалъ Бисмаркъ. Что же касается до Вѣны, то она обѣщала принять на случай войны положеніе доброжелательнаго нейтралитета относительно Россіи и обязалась дипломатически помѣшать всякому вмѣшательству европейскихъ державъ. Это соглашеніе было уже почти заключено, когда Бисмаркъ, не желавшій, чтобы Австрія дѣйствовала самостоятельно, сталъ секретно противодѣйствовать Россіи. Онъ увѣрилъ графа Андраши, что годъ тому назадъ русскій императоръ спрашивалъ тайно Бисмарка, останется ли Германія нейтральной, если вспыхнетъ война между Россіей и Австріей, и только его отвѣтъ, что Германія не допуститъ Россію разгромить Австрію, заставилъ русскаго императора отказаться отъ своего плана. Въ Вѣнѣ были внѣ себя отъ негодованія, вызваннаго этой наглой ложью, замедлили заключеніе конвенціи съ Россіей и только согласились на нее за нѣсколько дней до объявленія Россіей войны съ Турціей. Съ русскими дипломатами Бисмаркъ остался въ прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ и даже лицемѣрно предлагалъ свои услуги и подстрекалъ русское правительство къ войнѣ. Однако предъ самымъ возникновеніемъ войны въ русской политикѣ произошли новыя колебанія. Когда Турція заключила миръ съ Сербіей и начала вести переговоры о томъ же съ Черногоріей, государь и князь Горчаковъ выразили также мирныя стремленія, но это ни къ чему не повело, и Порта высокомѣрно отвергла за-

ключенный державами въ Лондонѣ протоколъ. Императоръ Александръ объявилъ Портѣ войну, и всѣ европейскія державы издали деклараціи о своемъ нейтралитетѣ. Одна только Англія отнеслась къ Россіи съ нескрываемыми досадой и раздраженіемъ.

12 апрѣля 1877 г. открылись военныя дѣйствія въ европейской и азіатской Турціи. Русскія арміи состояли подъ предводительствомъ великихъ князей, Николая и Михаила Николаевичей; къ первой изъ нихъ присоединился самъ императоръ. Сначала обѣимъ арміямъ не везло. Въ Малой Азіи русскія войска, обложившія Карсъ, были вынуждены снять осаду этой крѣпости и перейти обратно за русскую границу. Въ европейской Турціи также слѣдовали три неудачныя нападенія на Плевну, защищаемую арміей Османа-паши. Главнокомандующій Николай Николаевичъ былъ такъ пораженъ урономъ и разстройствомъ всѣхъ частей войска, что хотѣлъ отступить отъ сильной турецкой позиціи. Съ самаго пріѣзда въ армію государь, по словамъ доктора Боткина, «держалъ себя безукоризненно и не вмѣшивался иначе, какъ добрымъ совѣтомъ». Теперь, однако, онъ принялъ совѣтъ Милютина сдѣлать четвертый окончательный приступъ къ Плевнѣ, по полученіи новыхъ подкрѣпленій и по прибытіи изъ Петербурга генерала Тотлебена. 28 ноября произошла кровавая битва. Въ результатѣ была взята Плевна, и сдался въ плѣнъ Османъ-паша. Государь громко сказалъ своей свитѣ: «Господа, сегодняшнимъ днемъ мы обязаны Дмитрію Алексѣевичу Милютину». Кромѣ этой славной побѣды, обрадовали государя извѣстія изъ Малой Азіи о пораженіи турокъ и о вторичномъ обложеніи Карса. Въ виду такого счастливаго оборота военныхъ дѣйствій Александръ Николаевичъ возвратился въ Петербургъ.

Война продолжалась въ европейской Турціи чрезвычайно энергично и уже съ постояннымъ успѣхомъ. Перейдя Балканы, русскія войска взяли въ плѣнъ всю шипкинскую турецкую армію и овладѣли Адріанополемъ безъ выстрѣла, благодаря военнымъ подвигамъ Гурко и Скобелева. Дѣло было окончено: турки молили о пощадѣ, но тутъ вмѣшалась Англія, и война не имѣла того счастливаго результата, на который Россія могла навѣрно разсчитывать. Къ смѣлымъ дѣйствіямъ англійскаго перваго министра, лорда Биконсфильда, открыто присоединилась Австрія и тайно Бисмаркъ. Русскія войска остановились въ двѣнадцати верстахъ отъ Константинополя и уже готовы были вступить въ него, когда англійскій флотъ подошелъ къ Дарданелламъ, и по приказанію русскаго императора было заключено перемиріе, а также подписано основаніе мира. Турецкіе уполномоченные были въ такомъ отчаяніи, что говорили русскимъ: «Вы побѣдоносны, ваше честолюбіе удовлетворено; Турціи нѣтъ болѣе въ Европѣ». Но англичане не унывали и дерзко вступили въ Дарданеллы. Русскій императоръ, все это время

колебавшійся, то предписывалъ главнокомандующему водрузить крестъ на соборѣ св. Софіи, по совѣту Константина Николаевича, то рѣшалъ отойти отъ Константинополя по совѣту военнаго министра и Горчакова, —теперь пришелъ въ негодованіе и предписалъ русскимъ войскамъ занять Царьградъ и выходъ изъ Босфора въ Черное море, если возможно, то дружелюбно, а если нѣтъ, то силой. Турки вели дѣло очень хитро, не выказывали никакого сопротивленія англичанамъ, а съ другой стороны заявляли русскимъ, что приготовили уже имъ казармы въ Константинополѣ, но умоляли не вступать въ него.

Положеніе русской арміи, не обезпеченное ни со стороны Дарданеллъ, ни со стороны Босфора, было тѣмъ болѣе критическое, что Англія грозила явной войной, Австро-Венгрія угрожала опасностью, а Германія хитрила. Поэтому Николай Николаевичъ колебался исполнить предписанія государя, тѣмъ болѣе, что они были довольно сбивчивы и получались съ большими проволочками вслѣдствіе порчи телеграфа. Наконецъ въ Санъ-Стефано, который императоръ называлъ предмѣстьемъ Константинополя, былъ заключенъ предварительный миръ. Онъ былъ въ высшей степени удовлетворительнымъ для Россіи, и потому она примирилась съ мыслью о невступленіи въ Константинополь. Даже великій князь Николай Николаевичъ былъ въ восторгѣ. «Когда я у тебя спросилъ,—писалъ онъ императору, вспоминая свой отъѣздъ изъ Петербурга на войну,—къ какой цѣли я долженъ стремиться, то ты отвѣтилъ мнѣ лаконически: «Константинополь!» И ровно черезъ шестнадцать мѣсяцевъ я со всей гвардіей подъ Царьградомъ молился колѣнопреклоненнымъ за дарованныя побѣды и за чудный миръ».

Дѣйствительно Санъ-Стефанскій договоръ совершенно измѣнилъ политически Балканскій полуостровъ. «За Турціей оставались на Европейскомъ материкѣ,—говоритъ Татищевъ,—лишь Константинополь, Адріанополь, Солунь, Эпиръ, Ѳессалія, Албанія, Боснія и Герцеговина. Вся Болгарія отъ Дуная до Эгейскаго моря, отъ Чернаго моря до Охридскаго озера обращалась въ княжество, хотя и вассальное по отношенію къ султану, но вполнѣ самостоятельное, съ христіанскимъ управленіемъ и народною милиціею, съ правомъ избранія себѣ князя. Порта признавала независимость Черногоріи, получившей значительное земельное приращеніе со стороны какъ Албаніи, такъ и Герцеговины, а равно по Адріатическому побережью. Провозглашалась независимость Румыніи и Сербіи. Отъ Румыніи отходилъ къ Россіи участокъ Бессарабіи, отторгнутый по парижскому миру 1856 года, взамѣнъ котораго Румынія получала Добруджу. Предѣлы Сербіи расширялись къ югу въ направленіи къ Старой Сербіи. Въ Босніи и Герцеговинѣ вводились преобразованія, проектированныя константинопольскою конференціею 1877 года, съ измѣненіями, которыя были бы установлены съ общаго согласія

Россіи и Австро-Венгріи. Устройство, сходное съ тѣмъ, что съ 1868 введено было на островѣ Критѣ, распространялось на Эпиръ, Ѳессалію и Албанію. Улучшенія и реформы обѣщались армянамъ, а равно и огражденіе ихъ безопасности отъ курдовъ и черкесовъ. Вотъ въ двухъ словахъ памятный Санъ-Стефанскій трактатъ 1878 г., заключенный графомъ Игнатьевымъ.

Повидимому, Россія торжествовала, но интриги европейскихъ державъ, особенно Англіи и Австріи, противъ Санъ-Стефанскаго мира дошли до того, что война съ Россіей была неизбѣжна. Главнокомандующій, Николай Николаевичъ, по приказанію государя переговаривался съ Турціей относительно взаимныхъ военныхъ дѣйствій, но Порта замѣтно медлила и укрѣпляла окрестности Константинополя. Тогда Александръ Николаевичъ, выйдя изъ терпѣнія, писалъ брату: «Намъ не слѣдуетъ терять время, чтобы предупредить прибытіе десантныхъ войскъ». Но прямого приказанія занять Константинополь онъ все же не давалъ, хотя упрекалъ его за медленность: «Что скажетъ Россія и наша доблестная армія, что ты не занялъ Константинополя?» Великій князь, однако, для такого рискованнаго шага требовалъ точнаго и опредѣленнаго приказанія, чего не воспослѣдовало. Напротивъ, 17-го апрѣля великій князь былъ уволенъ по болѣзни изъ главнокомандующихъ, и на его мѣсто назначенъ Тотлебенъ, который былъ противъ занятія Константинополя и совѣтовалъ отступить къ Адріанополю. Въ виду такихъ обстоятельствъ петербургскому кабинету оставалось только вести съ Австріей и Англіей переговоры о созваніи конгресса. Что же касается Бисмарка, то онъ совѣтовалъ Россіи не рисковать новой войной ради большаго или меньшаго протяженія границъ Болгаріи и говорилъ въ раздраженіи русскому посланнику въ Берлинѣ: «Въ сущности я всегда думалъ, что вамъ нужны только нѣсколько бунчуковъ пашей да побѣдная пальба въ Москвѣ».

Наконецъ послѣ двухъ мѣсяцевъ нескончаемыхъ дипломатическихъ передрягъ за переговоры взялся русскій посланникъ въ Лондонѣ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Онъ сначала пришелъ къ соглашенію съ Англіей, а потомъ обратился къ посредничеству Бисмарка. Тотъ заявилъ, однако, что ничего нельзя сдѣлать съ политикой князя Горчакова, съ ея повелительными, чисто азіатскими пріемами. По увѣренію Бисмарка Шуваловъ на это отвѣчалъ: «Gortchakoff est un animal, il n'a aucune influence». Дѣйствительно, хотя Горчаковъ и былъ первымъ уполномоченнымъ на берлинскомъ гонгрессѣ, но почти не принималъ въ немъ участія, по разстроенному здоровью. Поэтому уполномоченнымъ Россіи былъ Шуваловъ, и онъ такъ всецѣло подчинился вліянію лорда Биконсфильда и Бисмарка, что совершенно забылъ національные интересы Россіи. Результатъ берлинскаго конгресса былъ самый плачевный: Санъ-Стефанскій договоръ оказался совершенно раз-

рушеннымъ, и побѣдителями вышли Англія и Австрія, а Россія побѣжденной.

Въ результатѣ берлинскаго трактата Болгарія оказалась лишь въ границахъ области къ сѣверу отъ Балканъ, но она стала самостоятельнымъ княжествомъ, хотя и вассальнымъ въ отношеніи султана. Другая же половина Болгаріи къ югу отъ Балканъ составила новую страну подъ названіемъ Восточной Румеліи; она была подчинена Турціи, но пользовалась административной автономіей. Австрія присоединяла къ себѣ Боснію и Герцеговину, а къ Сербіи прирѣзывалось нѣсколько округовъ отъ Турціи, и она провозглашалась независимой такъ же, какъ Румынія. Уступленный по Санъ-Стефанскому договору Баязетъ возвратился Турціи. Въ этомъ преимущественно заключалось измѣненіе Санъ-Стефанскаго договора въ интересахъ Австріи и Турціи, Англія же торжествовала только, какъ покровитель послѣдней державы, и съ этого времени она стала преобладающей державой на Востокѣ; Порта въ благодарность за оказанныя ей уступки не дѣлала безъ нея ни одного шага и во всемъ сообразовалась съ указаніями англійскаго посла.

Хотя очевидно, что на берлинскомъ конгрессѣ Австрія и Пруссія дѣйствовали противъ Россіи, но съ внѣшней стороны между ними поддерживались прежнія дружественныя отношенія. Союзъ трехъ императоровъ существовалъ во всей своей силѣ, и если Александръ II замѣчалъ нѣкоторую холодность въ отношеніяхъ къ нему Германіи, то во всемъ этомъ винилъ Бисмарка, а не императора Вильгельма, котораго любилъ и уважалъ попрежнему. Въ сущности Бисмаркъ подорвалъ въ корнѣ вѣковую дружбу Пруссіи къ Россіи и замѣнилъ ее формальнымъ союзомъ съ монархіей Габсбурговъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ графомъ Андраши, въ которыхъ онъ представлялъ Россію коварнымъ врагомъ Австріи, ему удалось наконецъ заключить съ Австріей тайный договоръ о союзѣ противъ Россіи, надѣясь впослѣдствіи присоединить къ этому союзу и всю Европу. Терзаемый совѣстью и обливаясь слезами, Вильгельмъ, по словамъ Татищева, обвинялъ себя въ томъ, что онъ предательски поступилъ относительно своего друга, царя, и все-таки утвердилъ союзный договоръ.

Бисмаркъ такъ торжествовалъ своей ехидной измѣной, что разсказалъ французскому посланнику, графу Сенъ-Валье, о заключеніи своего союза съ Австріей по тайной враждѣ къ Россіи. При этомъ онъ вылилъ цѣлый ушатъ помоевъ на дружественную прежде державу и выразился объ императорѣ Александрѣ II самымъ дерзкимъ образомъ. Несмотря на подобныя отношенія Бисмарка къ императору Александру Николаевичу, послѣдній продолжалъ питать сердечныя чувства къ дядѣ и даже изъ дружбы къ нему удалилъ отъ

дѣлъ князя Горчакова, увѣряя въ письмѣ къ Вильгельму, что князь безполезный человѣкъ, пережившій себя.

Въ такомъ напряженномъ политическомъ состояніи начался роковой 1881 годъ.

V.

Первыя шесть лѣтъ царствованія Александра II протекли среди глубокаго внутренняго мира. Всѣ съ радостью привѣтствовали благія начинанія молодого императора, и даже Герценъ въ своемъ «Колоколѣ» радовался освобожденію крестьянъ, установленію свободы слова и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Безпощадно обличая злоупотребленія правительственныхъ лицъ, онъ выражалъ глубокое почтеніе къ императору Александру и говорилъ по случаю освобожденія: «Ты побѣдилъ, галилеянинъ». Но какъ только начались волненія въ Варшавѣ въ 1861 г., то и въ Петербургѣ стали разбрасывать различные, подпольные листки подъ названіемъ «Великоруссъ», «Земская дума», «Земля и воля» и «Къ молодому поколѣнію». Въ теченіе слѣдующаго года броженіе особенно въ молодежи все усиливалось, и листки не только стали разсылать по почтѣ, но они даже проникали въ Зимній дворецъ. Правительство прибѣгло къ чрезвычайнымъ и энергичнымъ мѣрамъ; аресты были произведены во множествѣ, и преданныя суду лица подверглись тяжелой карѣ. Послѣ подавленія польскаго мятежа политическіе безпорядки въ Россіи на время прекратились, но покушеніе Каракозова на жизнь Александра II-го 4-го апрѣля 1866 г. обнаружило, что хотя не существовало заговора цареубійства, но распространены были кружки, какъ, напримѣръ, кружокъ Ишутина въ Москвѣ, съ цѣлью распространенія агитаціонной дѣятельности по всей имперіи. Слѣдствіемъ этого было, кромѣ казни Каракозова и ссылки въ каторгу членовъ Ишутинскаго кружка, запрещеніе «Современника» и «Русскаго Слова», а также преслѣдованіе подпольныхъ изданій. Возникшая въ 1871 г. такъ называемая классическая система въ среднихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ и многочисленныя поѣздки молодежи въ заграничные университеты увеличили развитіе анархизма въ Россіи. Подъ названіемъ «кружковъ самообразованія» молодежь распространяла по всей Россіи соціальныя идеи. Въ Москвѣ было захвачено много членовъ «Общества народной расправы», и восемьдесятъ семь лицъ преданы суду, изъ числа которыхъ четыре человѣка были приговорены къ каторжнымъ работамъ, двое къ ссылкѣ, а остальные оправданы, за недостаткомъ юридическихъ уликъ.

Несмотря на подобныя судебныя преслѣдованія, оканчивавшіяся каторгой и ссылкой, пропаганда соціальныхъ идей продолжалась въ Петербургѣ среди мастеровыхъ и рабочихъ, а въ провин-

ціяхъ, по выраженію того времени, «пропагандисты двинулись въ народъ». Однако это послѣднее движеніе не имѣло успѣха. Въ 1874 г. открытъ былъ одинъ изъ очаговъ пропаганды въ Саратовѣ, гдѣ въ качествѣ обвиняемыхъ были взяты семьсотъ семьдесятъ человѣкъ, изъ которыхъ двѣсти шестьдесятъ пять человѣкъ подверглись судебному преслѣдованію. Во время балканскихъ событій многіе изъ пропагандистовъ пошли въ качествѣ добровольцевъ въ Сербію, а послѣ войны начались такъ называемыя поселенія въ деревняхъ интеллигентныхъ лицъ съ цѣлью пропаганды. Одно изъ такихъ поселеній, называвшееся «Южно-русскимъ рабочимъ союзомъ», просуществовало полтора года и было обнаружено лишь въ 1877 году. «Три устроителя его, хотя и были арестованы,— говоритъ Татищевъ,—успѣли убѣжать изъ Кіевскаго тюремнаго замка. Вообще побѣги не только изъ-подъ стражи, но и изъ мѣстъ высылки и изъ самыхъ сибирскихъ остроговъ стали явленіемъ весьма частымъ, такъ какъ къ освобожденію заключенныхъ направлены были всѣ старанія остававшихся на свободѣ товарищей, которымъ не разъ удавалось отбивать ихъ даже отъ сопровождавшаго вооруженнаго конвоя».

Осенью 1877 г. въ Петербургѣ была основана тайная типографія, печатавшая секретныя брошюры, и происходили уличныя демонстраціи; такъ въ Николинъ день предъ Казанскимъ соборомъ собрались толпы молодежи, а по случаю похоронъ одного изъ обвиняемыхъ соціалистовъ, умершаго въ домѣ предварительнаго заключенія, она овладѣла гробомъ и демонстративно пронесла его по улицамъ до самаго кладбища. Хотя комитетъ министровъ находилъ крайне полезнымъ гласное судебное разбирательство подобныхъ дѣлъ, но съ нимъ медлили нѣсколько лѣтъ. Наконецъ цѣлый рядъ процессовъ разбирался въ особомъ присутствіи сената, начиная отъ демонстраціи на Казанской площади (двадцать одинъ подсудимый) до кружка московскихъ пропагандистовъ (пятьдесятъ подсудимыхъ), русскаго рабочаго союза (пятнадцать подсудимыхъ) и шести дѣлъ по разнымъ отдѣльнымъ случаямъ (двадцать четыре). Изъ этого числа тридцать девять человѣкъ были освобождены, а остальные были приговорены къ каторгѣ, ссылкѣ и проч. Послѣ этого долго тянулся процессъ революціонной пропаганды въ имперіи, привлекшій на скамью подсудимыхъ сто девяносто три лица. Въ виду долгаго предварительнаго заключенія сенатъ смягчилъ наказаніе тридцати восьми обвиняемымъ, а остальныхъ освободилъ. Но правительство съ этимъ не согласилось и не только не понизило, но повысило мѣру наказанія.

Между тѣмъ 24 января 1878 г. Вѣра Засуличъ ранила петербургскаго градоначальника Трепова. С.-Петербургскій окружный судъ оправдалъ ее, и освобожденная Засуличъ бѣжала за границу. Этимъ рядъ покушеній на правительственныхъ лицъ не прекра-

тился. Въ Кіевѣ былъ убитъ жандармскій полковникъ баронъ Гейкингъ, въ Петербургѣ—начальникъ III-го отдѣленія генералъ-адъютантъ Мезенцевъ, въ Харьковѣ—губернаторъ князь Крапоткинъ, въ Москвѣ—полицейскій агентъ Рейнштейнъ, и въ Петербургѣ совершено покушеніе на убійство шефа жандармовъ, генерала Дрентельна. Перваго же апрѣля 1878 г. во время прогулки Александра II-го произведено въ него Соловьевымъ пять выстрѣловъ, но по счастью онъ не былъ раненъ. Это третье покушеніе на жизнь царя-освободителя произвело всеобщую панику. Тотчасъ собрались во дворецъ лица, имѣющія пріѣздъ ко двору, чтобы выразить радость о чудесномъ спасеніи государя, за что онъ ихъ поблагодарилъ и въ краткой рѣчи сказалъ: «Сердце мое преисполнено благодарности Богу за Его милости ко мнѣ. Да поможетъ Онъ мнѣ продолжать служить Россіи и видѣть ее счастливой и развивающейся мирно, какъ я того желалъ бы».

Это событіе доказало недостаточность принимаемыхъ до тѣхъ поръ мѣръ, и правительство усилило ихъ, назначивъ чрезвычайныхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ въ лицѣ Гурко, Тотлебена и Лорисъ-Меликова. Соловьевъ былъ повѣшенъ, но судъ надъ нимъ не раскрылъ организацій партій въ Петербургѣ. Строгость преслѣдованія усилилась, но, тѣмъ не менѣе, по словамъ Татищева, главные вожаки и организаторы движеній все еще ускользали и при помощи фальшивыхъ именъ или паспортовъ свободно разъѣзжали по Россіи. Онъ же прибавляетъ: «Въ послѣднихъ числахъ іюня назначенъ былъ въ Воронежѣ годовой съѣздъ членовъ партіи «Земли и воли», мало-по-малу сплотившей въ одно сообщество разсѣянные по всему пространству Россіи соціалистическіе кружки. На съѣздѣ предполагалось обсудить, какъ цѣли, преслѣдуемыя «партіею», такъ и средства и способы къ ихъ осуществленію. Большинство участниковъ склонялось въ пользу исключительно соціальнаго переворота, помимо переворота политическаго, а потому возставало противъ политическихъ убійствъ, какъ не ведущихъ къ цѣли. Но въ средѣ сообщества выдѣлилось нѣсколько человѣкъ, настаивавшихъ на политическомъ переворотѣ, какъ на необходимомъ условіи свободнаго и успѣшнаго распространенія соціалистическихъ началъ въ русскомъ народѣ».

Въ Воронежѣ и окончательно въ Петербургѣ партія «Земли и воли» распалась на два отдѣленія—народниковъ и террористовъ. Послѣдніе учредили исполнительный комитетъ «Народной воли» и стали ревностно приготовлять взрывъ на желѣзной дорогѣ при проѣздѣ государя изъ Крыма въ Петербургъ. Они отправили изъ Петербурга огромное количество динамита и начали рыть подкопы въ трехъ пунктахъ: въ окрестностяхъ Одессы, въ городѣ Александровскѣ и въ Москвѣ. Три мѣсяца продолжались безпрепятственно всѣ

эти приготовленія, но попытка взорвать царскій поѣздъ не удалась, и пострадалъ только такъ называемый свитскій поѣздъ. Виновники этого покушенія остались не обнаружены, поэтому злоумышленники становились все смѣлѣе. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ число столяровъ, работавшихъ въ Зимнемъ дворцѣ и помѣщенныхъ въ подвальномъ этажѣ, поступилъ подъ чужимъ именемъ одинъ изъ членовъ террористскаго общества. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ онъ сносилъ въ свой сундукъ, стоявшій въ его комнатѣ, около трехъ пудовъ динамита. 5-го февраля онъ зажегъ чрезъ огнепроводный шнуръ приспособленную къ сундуку капсюлю съ гремучекислой ртутью, а самъ удалился изъ дворца. Мина была заложена подъ дворцовой столовой залой, но взрывъ не распространился далѣе главной гауптвахты, гдѣ находился въ караулѣ Финляндскій полкъ. При этомъ убито 11 человѣкъ солдатъ и ранено 56.

Незадолго до перепугавшей Петербургъ и Россію катастрофы снова было приступлено по желанію императора къ обсужденію мѣръ, которыя помогли бы успѣшно разрѣшить вопросъ объ опасности, грозившей государству. Необходимо было принять мѣры къ прекращенію наружнаго безучастія образованной части населенія въ отношеніи борьбы правительственной власти съ сравнительнымъ меньшинствомъ, стремившимся ниспровергнуть коренныя условія государственнаго порядка. Валуевъ, только что назначенный предсѣдателемъ комитета министровъ, предложилъ въ виду предстоявшаго двадцатипятилѣтія царствованія принять правительственную мѣру, которая расширила бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, благопріятно повліяла бы на русское общество и содѣйствовала бы успокоенію умовъ. Съ этимъ вполнѣ соглашался великій князь Константинъ Николаевичъ, и было созвано особое совѣщаніе высшихъ лицъ въ государствѣ. По словамъ Татищева, предложенія свои отстаивали Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ: первый доказывалъ необходимость для правительства положить конецъ пассивности благонамѣреннаго большинства населенія и создать трибуну, съ которой оно могло бы высказывать свои взгляды и тѣмъ противодѣйствовать проповѣдуемымъ ежедневно и повсюду революціоннымъ началамъ; второй ссылался на древнее русское государственное право, на вѣче, боярскую думу, земскіе соборы допетровскаго періода русской исторіи, а также на перенесенныя въ сводъ законовъ постановленія о вызовѣ депутатовъ «на случай» и т. п. Убѣжденно высказался противъ нововведеній, противныхъ духу коренного государственнаго строя Россіи, цесаревичъ Александръ Александровичъ, находя, что созывъ представительнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ желанной цѣли и вмѣсто того, чтобы вызвать успокоеніе, еще болѣе взволнуетъ умы. Съ мнѣніемъ наслѣдника согласились

прочіе члены совѣщанія. Въ виду приведенныхъ ими вѣскихъ доводовъ государь рѣшилъ все дѣло оставить «безъ послѣдствій».

Но когда произошелъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, то стало яснымъ, что надо принять новыя рѣшительныя мѣры противъ злоумышленниковъ. Наслѣдникъ предложилъ учредить «верховную слѣдственную комиссію» съ обширными уполномочіями. Государь съ нимъ согласился, и новое учрежденіе было организовано подъ начальствомъ графа Лорисъ-Меликова. Онъ началъ очень энергично дѣйствовать, поставивъ себѣ прежде всего цѣлью объединить власть и устранить медленность въ производствѣ дѣлъ о преслѣдованіи обвиняемыхъ. Ему на практикѣ пришлось примѣнить эту систему по поводу покушенія на его жизнь. 20-го февраля 1880 г. въ него выстрѣлилъ изъ револьвера злоумышленникъ и тотчасъ былъ преданъ суду, былъ приговоренъ къ смертной казни и повѣшенъ въ 24 часа.

Послѣ трехмѣсячнаго обсужденія предстоявшей охранительной дѣятельности Лорисъ-Меликовъ доложилъ государю, что необходимо было, кромѣ рѣшительныхъ и быстрыхъ административныхъ мѣръ, «побудить правительственныя учрежденія и лица къ болѣе внимательному отношенію къ выразившимся насущнымъ потребностямъ народа, общества и его представителямъ». Нельзя не оказывать благорасположеннаго участія къ нуждамъ духовенства, къ заявленіямъ дворянства, къ дѣятельности земства, къ потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ, кои давно уже намѣчены высочайшею волею его императорскаго величества и осуществленіе коихъ останавливается въ канцеляріяхъ и всякаго рода комиссіяхъ. Полезно было бы привлекать и дворянство, и земство, и города къ участію въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются ихъ мѣстныхъ нуждъ. Въ виду одобренія государемъ его мыслей, онъ приступилъ къ дальнѣйшей дѣятельности и главное вниманіе обратилъ на окончаніе судебныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ, при чемъ онъ смягчилъ всѣ приговоры и никого изъ присужденныхъ къ смертной казни не казнилъ. Къ концу года, не видя острыхъ проявленій террористической дѣятельности, хотя она втайнѣ и продолжалась, Лорисъ Меликовъ успокоился и сталъ вѣрить въ умиротвореніе даже злоумышленниковъ.

Поэтому онъ уговорилъ государя закрыть верховную комиссію, упразднить III-е отдѣленіе собственной канцеляріи и передать всѣ дѣла министерству внутреннихъ дѣлъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ онъ самъ, а его помощникомъ Кахановъ, отъ котораго Татищевъ получилъ всѣ документы, служащіе основой его описанію государственной дѣятельности Лорисъ-Меликова. Первымъ дѣйствіемъ Лорисъ-Меликова, приведшаго правительственную дѣятельность въ нормальныя рамки, было назначеніе сенаторскихъ ревизій въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Кромѣ того, назначены были комиссіи для преобразованія законовъ о печати и разсмотрѣнія

списковъ административно-ссыльныхъ и поднадзорныхъ. Въ концѣ января 1881 года онъ снова доносилъ государю, что наиболѣе практичнымъ осуществленіемъ насущной потребности общества былъ порядокъ, уже испытанный въ первые годы царствованія императора Александра. По его мнѣнію, слѣдовало остановиться на учрежденіи въ Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій, на подобіе редакціонныхъ 1859 года, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земства значительныхъ городовъ. Вмѣстѣ съ этими мѣрами Лорисъ-Меликовъ разсчитывалъ примирить правительство съ увлекавшейся молодежью средствами снисхожденія и кротости. Вотъ почему его правленіе называлось многими «диктатурой сердца».

Но расчеты Лорисъ-Меликова не оправдались, террористы рѣшились предпринять смѣлое покушеніе на жизнь императора. Они остановились на подкопѣ подъ одну изъ улицъ Петербурга и на метательныхъ снарядахъ. Случайно арестовали предводителя заговорщиковъ, Александра Михайлова, и руководство партіей перешло къ Андрею Желябову, устроителю мины въ Александровскѣ. Онъ жилъ въ такъ называемой конспиративной квартирѣ вмѣстѣ съ своей любовницей Софьей Перовской. Оба дружно подготовили все для катастрофы. Такъ какъ 1-го марта государь поѣхалъ на обычный разводъ въ Михайловскомъ манежѣ чрезъ Екатерининскій каналъ и Михайловскую площадь, то заговорщики рѣшили, что онъ также и вернется, а потому подкопъ въ Малой Садовой оказался безполезнымъ. Замѣтивъ, что на возвратномъ пути государь заѣхалъ къ Екатеринѣ Михайловнѣ, а затѣмъ отправился въ Зимній дворецъ чрезъ тотъ же Екатерининскій каналъ, Перовская, распоряжавшаяся метальщиками, расположила ихъ тамъ.

Въ два часа пятнадцать минутъ государь выѣхалъ изъ Михайловскаго дворца, а въ три часа тридцать пять минутъ онъ уже умеръ въ Зимнемъ дворцѣ, куда его перевезли, истекающаго кровью и лишеннаго сознанія. Подробности катастрофы и смерти Александра II уже много разъ описаны, и мы не будемъ ихъ повторять.

Такъ окончилось двадцатишестилѣнее служеніе Россіи Царя-Освободителя.

В. Тимирязевъ.

ВЪ УСАДЬБѢ Н. В. ГЕРБЕЛЯ.

ВЪ МАРТѢ 1903 года исполнилось двадцать лѣтъ со дня кончины Николая Васильевича Гербеля. Мнѣ, большому почитателю его литературной дѣятельности и ближайшему сосѣду по тому имѣнію, въ которомъ онъ съ супругой въ пятнадцать послѣднихъ лѣтъ своей жизни ежегодно проводилъ лѣтніе мѣсяцы, настоящимъ очеркомъ хотѣлось бы почтить память его. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ и предлагаются описаніе усадьбы Гербеля и нѣкоторыя данныя для его біографіи, любезно сообщенныя мнѣ нынѣшнею владѣлицею имѣнія покойныхъ Гербелей, М. Е. Булыгиною, и В. А. Поляковою, которой привелось быть членомъ семьи Гербелей въ послѣдніе годы ихъ жизни.

I.

Сельцо Есипово (Раевка тожъ) находится въ Мещеринской волости Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи. Деревня расположена на лѣвомъ берегу рѣки Плавы, господская же усадьба—на ея правомъ берегу. Довольно широкая здѣсь и полноводная Плава замѣчательно краситъ мѣстность. Отъ дома, занимающаго почти центръ усадьбы, къ рѣкѣ спускается густой тѣнистый садъ. Особенно хороша его аллея, примыкающая къ рѣкѣ и отражающаяся въ водахъ ея. Сзади дома расположенъ фруктовый садъ, граничащій съ

одной стороны со рвомъ и проѣзжей дорогой, а съ другой—съ гумномъ.

Домъ—одноэтажный, небольшой, каменный, подъ желѣзной крышей. Въ настоящее время всѣ комнаты не имѣютъ того вида, въ какомъ онѣ были при Гербелѣ. Въ одной изъ комнатъ стоитъ книжный шкафъ, въ коемъ помѣщены въ одномъ экземплярѣ всѣ изданія Николая Васильевича. Въ домѣ сохраняются прекрасно исполненные пастелью портреты Николая Васильевича и Ольги Ивановны Гербелей.

Вблизи дома находятся двухъэтажный флигель и другія надворныя постройки. Всѣ постройки, какъ и домъ, каменныя, оштукатуренныя и крыты желѣзомъ.

На востокъ отъ дома, черезъ проѣзжую дорогу, расположенъ скотный дворъ.

Сзади усадьбы, вблизи дороги, по глубокому оврагу при жизни Гербеля была раскинута красивая березовая рощица, нынѣ сведенная.

II.

Сельцо Есипово было собственностью не Николая Васильевича, а жены его Ольги Ивановны, урожденной Соколовой. Послѣдняя не была коренной чернской помѣщицей. Имѣніе Есипово было куплено ея родителями въ пятидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія и перешло къ ней въ 1869 году отъ матери по дарственной записи.

Николай Васильевичъ Гербель, какъ извѣстно, родился 26 ноября 1827 года. Предки его происходили изъ Швейцаріи. Прапрадѣдъ Николая Васильевича Николь фонъ-Гербель переселился въ Россію въ 1712 году, по вызову царя-преобразователя. Будучи инженеромъ и архитекторомъ, Николь фонъ-Гербель построилъ немало зданій въ возникшемъ тогда Петербургѣ, за что̀ и пользовался большою любовью Петра Великаго.

Первоначальное воспитаніе Николай Васильевичъ получилъ въ родительскомъ домѣ, а затѣмъ былъ отданъ въ Кіевъ въ благородный пансіонъ, существовавшій тогда при первой Кіевской гимназіи. По окончаніи здѣсь курса Николай Васильевичъ поступилъ въ Нѣжинскій лицей князя Безбородка. Это было въ 1844 году. Въ лицеѣ Гербель особенно усердно изучалъ русскую словесность; результатомъ этихъ занятій явилась диссертація «Подробный разборъ словесныхъ произведеній Сумарокова и Ломоносова и общее заключеніе о характерѣ и состояніи русской словесности отъ Петра Великаго до Екатерины II», удостоенная серебряной медали. Въ стѣнахъ лицея Николай Васильевичъ считался за мѣткаго сатирика, и его ѣдкія эпиграммы на мѣстныя злобы дня постоянно ходили по рукамъ товарищей. Въ лицеѣ же

было имъ написано первое стихотвореніе «Бокалъ», напечатанное въ двѣнадцатой книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1846 годъ. Въ 1847 году Гербель окончилъ лицейскій курсъ. Впослѣдствіи онъ помянулъ свою alta mater въ прекрасномъ стихотвореніи «Въ дорогу! Въ дорогу!»

По окончаніи курса онъ поступилъ юнкеромъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, съ которымъ отличился въ 1849 году въ венгерскомъ походѣ. «Изюмцамъ» посвящено имъ стихотвореніе, написанное въ 1851 году и отмѣчающее былые подвиги славнаго полка. Въ этомъ же году Гербель былъ переведенъ въ Петербургъ въ Лейбъ-Уланскій полкъ. Во время службы въ послѣднемъ съ нимъ произошло несчастіе, имѣвшее, повидимому, для него роковое значеніе: разъ онъ на полномъ скаку упалъ съ лошади и получилъ сильный ударъ въ голову. Замѣчательно, что послѣ этого его оригинальное поэтическое творчество прекратилось навсегда, если впрочемъ не считать «Посвященія» къ «Русскимъ поэтамъ», написаннаго имъ въ 1873 году.

Въ Петербургѣ Николай Васильевичъ сошелся съ кружкомъ «Современника»; въ этомъ журналѣ и началъ помѣщать какъ оригинальныя стихотворенія (впрочемъ ихъ немного: всего 19), такъ и переводы изъ европейскихъ классиковъ.

Въ С.-Петербургѣ Гербель познакомился съ Ольгой Ивановной Соколовой, которая ежегодно по зимамъ проживала тамъ съ своею матерью, въ то время уже овдовѣвшею. Выйдя въ отставку гвардіи ротмистромъ, Николай Васильевичъ женился на Ольгѣ Ивановнѣ, имѣя отъ роду 34 года. Свадьба ихъ состоялась въ Вознесенской, что̀ при Адмиралтейскихъ слободахъ церкви. Это было 26 апрѣля 1864 года.

Мать Ольги Ивановны, сильно ее любившая, до смерти своей всегда жила въ Петербургѣ въ томъ же домѣ, въ которомъ квартировали и Гербели. Въ это время были еще живы отецъ Николая Васильевича, отставной генералъ Василій Васильевичъ, и братъ Василій Васильевичъ, у котораго было три сына и дочь. Кажется, послѣдніе и явились потомъ наслѣдниками Николая Васильевича.

Послѣ смерти отца, по полученіи причитавшагося на его долю наслѣдства, Николай Васильевичъ всецѣло предался литературно-издательской дѣятельности, создавшей ему въ нашей литературѣ громкое имя. Дѣйствительно, кто не знаетъ прекрасныхъ изданій Гербеля сочиненій Шиллера, Гете, Шекспира, Байрона! Вѣдь не одно поколѣніе изучало творенія этихъ всемірныхъ геніевъ именно по сборникамъ Гербеля.

III.

Постоянной помощницей Николая Васильевича въ его работахъ была Ольга Ивановна, отлично знавшая французскій и англійскій языки. Послѣдній Николай Васильевичъ зналъ плохо, поэтому Ольга Ивановна обыкновенно дѣлала подстрочный переводъ, а уже Николай Васильевичъ перелагалъ его въ стихи. Ея перу между прочимъ принадлежитъ переводъ Байроновскаго «Вернера».

По свидѣтельству М. Е. Булыгиной и В. А. Поляковой, Николай Васильевичъ и Ольга Ивановна жили всегда прекрасно и очень дружно. Николай Васильевичъ неоднократно говорилъ, что женщины, подобной Ольгѣ Ивановнѣ, нигдѣ не найти. И, дѣйствительно, по отзывамъ лицъ, знавшихъ ее, это была идеальная женщина: умная, образованная, добрая, терпѣливая. Никто не слыхалъ, чтобы когда либо она возвысила голосъ. Николай Васильевичъ бывалъ нерѣдко раздражительнымъ человѣкомъ, но она всегда умѣла его успокоить. Даже во время безумныхъ припадковъ Николая Васильевича въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ бросалъ и билъ все попадавшееся ему подъ руку, стоило ей только подойти къ нему, уговорить его, напомнить ему, что она его «Оля», какъ онъ моментально успокоивался и начиналъ плакать и жаловаться на головную боль. Дѣтей у нихъ никогда не было. Зиму они проводили въ Петербургѣ, а лѣтомъ пріѣзжали въ Есипово, гдѣ проживали болѣе или менѣе продолжительное время, въ зависимости отъ того, ѣздили ли они за границу, или нѣтъ.

Почти ни съ кѣмъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ они не были знакомы и потому жили въ деревнѣ вполнѣ уединенно. Вообще они имѣли небольшой кругъ знакомыхъ, ограничивавшійся почти исключительно литераторами-сотрудниками Николая Васильевича. Суетная, свѣтская жизнь была имъ чужда.

Вотъ что между прочимъ пишетъ мнѣ В. А. Полякова: «Я почти съ дѣтства была знакома съ ними (т.-е. Гербелями), но видѣлась только лѣтомъ, когда они пріѣзжали въ имѣніе (Есипово), близъ нашего села. Помню, что Николай Васильевичъ былъ очень живой, бодрый человѣкъ, радушный и гостепріимный хозяинъ.

«Бывать у нихъ было истиннымъ наслажденіемъ. Николай Васильевичъ такъ много и краснорѣчиво разсказывалъ о петербургской и заграничной жизни, о знакомыхъ писателяхъ, наконецъ, о всѣхъ новостяхъ литературныхъ, художественныхъ и театральныхъ, что мнѣ тогда (очень молоденькой дѣвушкѣ) казалось, что я слушаю какого-то необыкновеннаго человѣка.

«Николая Васильевича все интересовало и даже въ нашей деревенской жизни: и бытъ крестьянъ, и бытъ духовенства, и сельское хозяйство, и школа. Онъ со всѣми одинаково держался, со

всѣми находилъ интересный предметъ для разговора и вполнѣ очаровывалъ слушателей. Гдѣ бы ни собралось общество, Николай Васильевичъ всегда былъ душой его. Всѣ слушали его съ увлеченіемъ—сколько въ немъ было живости и умѣнья разсказывать!»

Въ Есиповѣ Николай Васильевичъ полевымъ хозяйствомъ не занимался, предоставивъ веденіе его всецѣло управляющему, но зато много времени и денегъ удѣлялъ на занятіе садомъ. И садъ при немъ содержался, дѣйствительно, въ образцовомъ порядкѣ. Прекрасные цвѣтники, утрамбованныя и усыпанныя пескомъ дорожки, прихотливо извивающіяся по саду, изящные мостики—все это было мило поэтической натурѣ Николая Васильевича.

Есиповскіе крестьяне въ нуждѣ своей всегда находили большую и искреннюю помощь и у Николая Васильевича и у Ольги Ивановны.

IV.

Послѣдними литературными трудами Гербеля были семь переводныхъ стихотвореній Байрона, напечатанныя въ январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1882 годъ [1]).

Въ этомъ году впервые рѣзко обозначались признаки страшнаго недуга, сведшаго Николая Васильевича въ могилу. Въ воспоминаніяхъ Я. П. Полонскаго о послѣднемъ посѣщеніи Россіи и Спасскаго-Лутовинова И. С. Тургеневымъ въ 1882 году между прочимъ разсказывается, какъ Тургеневъ и авторъ воспоминаній были поражены пріѣздомъ въ Спасское Николая Васильевича, его страннымъ видомъ, поведеніемъ, внезапнымъ отъѣздомъ. Николай Васильевичъ приглашалъ Тургенева и Полонскаго ѣхать въ с. Сергіевское, гдѣ обѣщался показать имъ замѣчательную больницу князя Гагарина и познакомить ихъ съ послѣднимъ [2]). Я могу свидѣтельствовать, что Гербель этого сдѣлать не могъ, ибо съ княземъ Гагаринымъ совершенно знакомъ не былъ. Такимъ образомъ уже лѣтомъ 1882 года душевныя способности Николая Васильевича были значительно разстроены. Врачу Сергіевской больницы, Н. В. Кирьякову, лѣчившему Гербеля и ранѣе, чуть ли не первому пришлось произнести роковой приговоръ: «Николай Васильевичъ боленъ прогрессивнымъ параличемъ мозга». Въ Петербургѣ, куда Николай Васильевичъ немедленно былъ перевезенъ, врачи-спеціалисты подтвердили діагнозъ Кирьякова.

Ольга Ивановна повезла больного мужа за границу. Но ничто уже не могло помочь несчастному. По мнѣнію профессора Шарко, причиною болѣзни былъ тотъ злополучный случай, о которомъ упоминалось выше, именно паденіе съ лошади. Такое же мнѣніе

[1]) «Прощаніе съ музой», «Отрывокъ» и др.

[2]) «Нива» за 1884 годъ.

высказалъ и профессоръ И. М. Балинскій, лѣчившій потомъ Гербеля въ Петербургѣ. Собственно, болѣзнь у Николая Васильевича развивалась уже нѣсколько лѣтъ и, наконецъ, обострилась вслѣдствіе усиленныхъ ночныхъ занятій, такъ какъ Николай Васильевичъ, несмотря на запретъ докторовъ, переводами классиковъ занимался именно по ночамъ.

По возвращеніи изъ-за границы Ольга Ивановна помѣстила Николая Васильевича въ лѣчебницу профессора Мержеевскаго, но, какъ только нашла подходящую квартиру, перевела его на послѣднюю, вопреки совѣтамъ родныхъ и знакомыхъ. И тутъ она, сама уже носившая въ себѣ зародышъ смертельной болѣзни, осталась вѣрной своему любящему сердцу.

Какъ страшно тяжело, грустно читать слѣдующія строки В. А. Поляковой, на глазахъ которой протекли послѣдніе мѣсяцы жизни Николая Васильевича: «Въ ноябрѣ 1882 года Ольга Ивановна пригласила меня, въ качествѣ компаньонки и помощницы по дѣламъ ея. Я поѣхала въ Петербургъ. Какъ же я была поражена, когда увидала Николая Васильевича! Онъ едва узнавалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и почти обратился въ дѣтство. Настроеніе у него было грустное, удрученное... По цѣлымъ днямъ онъ ходилъ по комнатамъ, какъ будто все чего-то искалъ. Когда ему становилось лучше, онъ ухаживалъ за деревьями и цвѣтами въ зимнемъ саду, поливалъ ихъ, подрѣзалъ... Это было его любимымъ занятіемъ и тогда, когда онъ былъ еще здоровымъ человѣкомъ. Иногда онъ оживлялся, начиналъ что нибудь разсказвать, но все перепутывалъ; получалось такимъ образомъ что-то фантастическое. Ольга Ивановна всегда обращала его вниманіе на невѣроятность того, что онъ разсказывалъ, но онъ этого не любилъ и уходилъ въ комнату, гдѣ помѣщалась прислуга, и тамъ давалъ волю своей фантазіи. Тогда къ намъ изъ лакейской доносились взрывы хохота прислуги и самого Николая Васильевича. Ольга Ивановна страшно страдала отъ той мысли, что Николай Васильевичъ искалъ общества тѣхъ людей, которые слушали его и потѣшались надъ его сумасшедшими выходками. Иногда по вечерамъ онъ читалъ намъ что либо вслухъ, а чаще всего «Еврейскія мелодіи» Байрона. Читалъ онъ прекрасно, съ чувствомъ и нерѣдко при этомъ самъ плакалъ. А вдругъ ему представлялось, что передъ нимъ напечатанное не то, что слѣдовало бы, и тогда онъ начиналъ быстро перелистывать страницу за страницей, все болѣе и болѣе раздражаясь, рвалъ листы, собирался ѣхать въ типографію и еще куда-то... И все это наконецъ оканчивалось буйнымъ припадкомъ.

«Каждый день Николая Васильевича, въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, возили кататься въ каретѣ. Эти поѣздки онъ очень любилъ. Старались возить его по такимъ улицамъ, на которыхъ не встрѣчались бы вывѣски типографій, книжныхъ магазиновъ, пере-

плетныхъ мастерскихъ. Если только въ глаза бросалась ему одна изъ указанныхъ вывѣсокъ, то онъ сразу начиналъ сильно волноваться: у него являлась необходимость и переговорить о своихъ изданіяхъ и заказать что нибудь и т. д. Тутъ его уже никто не могъ остановить. Большинство магазиновъ уже знало о его несчастномъ положеніи и держало себя сообразно съ этимъ, то-есть соглашалось съ его приказаніями. Но иногда и не обходилось безъ скандала; тогда его силою увлекали откуда либо и усаживали въ карету.

«Въ домѣ, по совѣту докторовъ, отъ Николая Васильевича прятали всѣ книги, то-есть, именно то, что могло бы напоминать ему о его прежней дѣятельности. Ольга Ивановна наняла квартиру не въ томъ домѣ, въ которомъ они много лѣтъ жили, именно съ тою цѣлью, чтобы ничто не напоминало больному о его прежнихъ занятіяхъ. Кабинетъ въ квартирѣ занимала я, и Николая Васильевича въ него не пускали. Но однажды онъ все-таки забрелъ ко мнѣ.

«— Развѣ это ваша комната?—спросилъ онъ.

«— Да, моя,—отвѣтила я.

«— А книги ваши?

«— Мои.

«— Простите, пожалуйста. Я этого не зналъ.

«Онъ тихо вышелъ...

«Несмотря на сумасшествіе, никто никогда не слыхалъ отъ него ни браннаго, ни неприличнаго слова. Хорошее воспитаніе его побѣждало даже его безуміе».

8-го марта 1883 года Николая Васильевича не стало.

Не много литераторовъ пришло помолиться у гроба его. На погребеніи присутствовали его славные сотрудники П. И. Вейнбергъ, Д. Д. Минаевъ и А. Л. Соколовскій. Рѣчей произнесено не было, и лишь М. Н. Соймоновъ прочелъ надъ его гробомъ прочувствованное стихотвореніе. Вотъ оно:

ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ Н. В. ГЕРБЕЛЯ.

Я видѣлъ разъ тебя, усопшій въ мірѣ братъ!
Лишь только разъ, но ты средь грязной тины вѣка,
Гдѣ ложь кругомъ, и гдѣ безчинствуетъ развратъ,—
Какъ лучъ во тьмѣ, явилъ мнѣ образъ человѣка.

Я видѣлъ разъ тебя, поэтъ и гражданинъ!..
Болѣлъ ты муками отчизны...
Страдая ты любилъ; любя, какъ вѣрный сынъ,
Отчизнѣ матери не слалъ ты укоризны.

Я видѣлъ разъ тебя, маститый нашъ пѣвецъ,
Ко свѣту рвавшійся, но зналъ твои творенья:
Они въ исторіи сплетутъ тебѣ вѣнецъ
И имя Гербеля отнимутъ у забвенья.

Прощай же! Съ миромъ спи!.. Я, рядовой поэтъ,
Пришелъ оплакать здѣсь нежданную утрату.
Гдѣ пролетѣла смерть, тамъ ранговъ больше нѣтъ,
И мой вѣнокъ, какъ братъ, кладу на гробъ я брату [1]!..

Тѣло Гербеля изъ Петербурга было перевезено въ Чернскій уѣздъ и было погребено въ селѣ Бабуринѣ, близъ храма, къ приходу котораго приписано сельцо Есипово, отстоящее отъ него въ 1—2 верстахъ.

V.

По смерти мужа, Ольга Ивановна не поддалась горю: она, невзирая на то, что сама уже страшно страдала физически, всецѣло занялась устройствомъ дѣлъ.

— Только бы три года прожить мнѣ! Тогда бы я окончила всѣ дѣла Николая Васильевича, а главное исполнила бы его волю относительно литературнаго фонда,—волю его, которую онъ высказывалъ много разъ, когда еще не былъ психически боленъ,—говорила Ольга Ивановна.

Ольга Ивановна успѣла распорядиться своимъ недвижимымъ имуществомъ, приступила къ новому изданію «Сочиненій Байрона», открыла въ Есиповѣ школу. Но волю покойнаго, а слѣдовательно и свою, относительно Литературнаго фонда она, повидимому, осуществить вполнѣ не успѣла...

Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ смерти мужа, 26 ноября 1883 года, отъ водянки скончалась и она. Тѣло ея было также погребено въ с. Бабуринѣ, возлѣ могилы Николая Васильевича.

VI.

Умирая, Ольга Ивановна имѣніе Есипово завѣщала своей двоюродной сестрѣ Маріи Егоровнѣ Булыгиной [2]), бывшей замужемъ за капитаномъ 1-го ранга, Дмитріемъ Петровичемъ Булыгинымъ. Послѣдній, выйдя въ отставку, поселился въ Есиповѣ съ семьей. Къ сожалѣнію, эта симпатичная семья недолго прожила въ нашихъ палестинахъ. Дмитрій Петровичъ черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ, а Марія Егоровна переѣхала тогда въ Владимирскую губернію къ замужнимъ дочерямъ.

Въ настоящее время Есипово находится въ арендѣ, и отсутствіе бдительнаго хозяйскаго глаза замѣтно уже во всемъ.

Послѣ смерти мужа Ольга Ивановна вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Николая Васильевича, Алексѣемъ Фердинандовичемъ Дамичемъ, купила у наслѣдниковъ Николая Васильевича право на

---

[1]) Соймоновъ, М. Н. «Недопѣтыя пѣсни». Спб., 1891, стр. 190.

[2]) Матери Ольги Ивановны и Маріи Егоровны были родныя сестры.

всѣ изданія его. Вотъ выпись изъ домашняго духовнаго завѣщанія Ольги Ивановны: «Принадлежащій мнѣ капиталъ семнадцать тысячъ процентными бумагами, отданный мною Алексѣю Фердинандовичу Дамичу для покупки на мое имя половинной части оставшихся послѣ мужа моего изданій и для печатанія новаго изданія Байрона, я, въ случаѣ, если бы г. Дамичъ согласился оставить за собою мою часть изданій, а деньги возвратить, распредѣляю слѣдующимъ образомъ: три тысячи рублей въ Славянскій комитетъ; три тысячи въ Литературный фондъ для образованія неприкосновеннаго капитала имени Николая Васильевича и Ольги Ивановны Гербелей, проценты съ котораго употребляются означенными обществами по ихъ усмотрѣнію; семь тысячъ рублей—въ чернское уѣздное земство для употребленія процентовъ на содержаніе училища, устроеннаго мною въ с. Есиповѣ Чернскаго уѣзда, Мещеринской волости; одну тысячу рублей обществу крестьянъ с. Есипова для образованія мірского капитала».

Затѣмъ упоминаются пожертвованія частнымъ лицамъ.

Наконецъ изъ другой суммы Ольгой Ивановной было завѣщано: «одна тысяча рублей—въ приходское благотворительное общество при церкви Введенія Семеновскаго полка и семьсотъ рублей въ безплатную столовую 4-го участка Московской части».

Шкафъ съ книгами, по волѣ Ольги Ивановны, былъ переданъ Бестужевскимъ курсамъ въ Петербургѣ.

VII.

Школа, устроенная и обезпеченная матеріальными средствами Ольгою Ивановною Гербель, находится въ Есиповѣ на деревенской сторонѣ, какъ разъ противъ дома. Зданіе это было выстроено еще при жизни Николая Васильевича, когда у послѣдняго уже обнаружились явные признаки неизлѣчимаго недуга, и предназначалось, кажется, для помѣщенія доктора, который долженъ былъ бы пользовать больного. Но Николаю Васильевичу уже не суждено было вернуться въ Есипово...

Есиповская школа — одна изъ очень немногихъ въ Чернскомъ уѣздѣ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ чернское земство добровольно отказалось отъ великаго дѣла просвѣщенія народа и капиталъ, предназначенный для этой цѣли, передало духовному вѣдомству.

Школа—одноклассная съ трехгодичнымъ курсомъ. Обучаются въ ней мальчики и дѣвочки изъ сельца Есипова и изъ трехъ сосѣднихъ деревень. Полный комплектъ учащихся въ ней — сорокъ пять человѣкъ. Открыта она была еще при жизни Ольги Ивановны, а именно 21 сентября 1883 года.

Къ стыду земства, эта школа, на которую оно не истратило ни копейки, не носитъ имени Гербелей.

Верстахъ въ двухъ отъ Есипова, внизъ по теченію р. Плавы, находится село Бабурино съ храмомъ во имя иконы Божіей Матери Казанской. Здѣсь, вблизи послѣдняго, на югъ отъ него, на старомъ кладбищѣ похоронены Николай Васильевичъ и Ольга Ивановна Гербели. Памятникъ надъ ихъ могилами общій. Онъ имѣетъ форму довольно высокой усѣченной пирамиды, помѣщенной на низкомъ фундáментѣ, и высѣченъ изъ бѣлаго мрамора. На одной сторонѣ памятника надпись гласитъ: «Николай Васильевичъ Гербель. Родился 26 ноября 1827 года. Скончался 8 марта 1883 года», а на другой сторонѣ: «Ольга Ивановна Гербель. Родилась 21 ноября 1839 года. Скончалась 26 ноября 1883 года». Четыре стройныхъ тополя осѣняютъ мѣсто вѣчнаго упокоенія этихъ двухъ хорошихъ людей...

Здѣсь же похоронены Дмитрій Петровичъ Булыгинъ и его малолѣтній сынъ. Надъ ихъ могилами водружены простые деревянные кресты.

Всѣ эти могилы обнесены высокой деревянной оградой, часть которой въ настоящее время (а я посѣтилъ это кладбище 25 ноября 1902 года) разрушилась и валяется тутъ же.

Множествомъ могильныхъ холмовъ и лишь нѣсколькими деревянными крестами усѣяно это убогое сельское кладбище.

Андрей Фирсовъ.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ РОМАНТИКЪ Г. П. КАМЕНЕВЪ.

(Біографическій очеркъ).

> Поётъ весну и радость
> Счастливый соловей,
> А я — печальну младость,
> Тоску души моей.
>
> Стихи Г. П. Каменева.

ІЮЛЯ 26-го, 1903 года исполнилось сто лѣтъ со дня смерти казанскаго купца, Гавріила Петровича Каменева, основателя романтическаго направленія въ русской литературѣ.

Большинству современныхъ читателей это имя, конечно, совершенно неизвѣстно. Нужно ли удивляться? Неизвѣстными и непопулярными становятся имена ближайшихъ къ намъ литературныхъ поколѣній, писателей 1860-хъ и 1870-хъ, даже 1880-хъ годовъ. Дешевое павленковское изданіе сочиненій Писарева не распродалось, а при смерти Глѣба Успенскаго оказалось, что многіе студенты, по крайней мѣрѣ, въ провинціи не читали его сочиненій и даже не знали самого его имени. На нашихъ глазахъ быстро расцвѣтала и гремѣла литературная слава Надсона, Гаршина, Короленка; но не они уже властители умовъ читающаго молодого поколѣнія. Такъ гдѣ же помнить о романтизмѣ?

Самый важный представитель романтизма, В. А. Жуковскій, умеръ въ 1852 году, давно переживъ свою былую славу. О первомъ основателѣ романтизма, Г. П. Каменевѣ, забыли еще раньше.

Столѣтнюю годовщину со дня смерти Каменева императорская академія наукъ постановила почтить изданіемъ полнаго собранія

его сочиненій (подъ редакціею пишущаго эти строки). При изданіи будетъ приложена и подробная біографія поэта. Живя въ Казани, на мѣстѣ родины и дѣятельности Каменева, я въ теченіе 7 лѣтъ собиралъ матеріалы для біографіи и характеристики его литературной дѣятельности. Цѣлью настоящаго очерка является напомнить читателямъ главнѣйшіе факты изъ жизни этого замѣчательнаго казанскаго купца.

Родъ Каменевыхъ ведетъ свое начало отъ татарина, мурзы, котораго вскорѣ послѣ взятія Казани окрестилъ царь Иванъ Грозный. Съ теченіемъ времени родъ захудалъ и обѣднялъ. Ближайшіе предки поэта жили въ Свіяжскѣ, гдѣ и понынѣ еще фамилія Каменевыхъ не вымерла. Въ срединѣ XVIII столѣтія одинъ изъ Каменевыхъ, Петръ Григорьевичъ, переѣхалъ въ Казань, гдѣ сравнительно быстро сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ купцовъ въ городѣ и занялъ выдающееся и почетное положеніе.

Каменевы вели торговлю шелковыми и суконными товарами, а также имѣли оптовое рыбное дѣло. Поэтъ унаслѣдовалъ отъ отца, кромѣ капитала, 19 лавокъ, 4 каменныхъ амбара, нѣсколько каменныхъ домовъ съ большими дворовыми мѣстами въ различныхъ частяхъ города и т. д.

Петръ Григорьевичъ Каменевъ, отецъ поэта, былъ городскимъ головой и умеръ въ званіи президента губернскаго магистрата. Императрица Екатерина II, проѣзжая чрезъ Казань въ 1767 г., обратила на Петра Григорьевича, бывшаго тогда бургомистромъ, особенное вниманіе, сама подарила ему шпагу и просила его проводить ее до Симбирска. На важное положеніе Каменева указываетъ и то, что отпѣваніе его тѣла было совершено самимъ митрополитомъ казанскимъ, Веніаминомъ.

Напряженная дѣятельность рано исчерпала силы Петра Григорьевича, и онъ умеръ преждевременно, всего 36 лѣтъ. Его жена пережила его только тремя годами. Трое дѣтей—одинъ сынъ, будущій поэтъ, Гавріилъ Петровичъ, и двѣ дочери, остались круглыми сиротами: дочери—11 и 9 лѣтъ, а сынъ, младшій ребенокъ (родившійся 3 февраля 1772 г.), всего 7 лѣтъ.

Дома, хозяйство и торговля поступили въ завѣдываніе опеки, состоявшей изъ знаменитыхъ въ то время казанскихъ богатѣевъ, Чекмарева и Иноземцева.

Опека добросовѣстно исполнила свое дѣло. Большое богатство не умалилось, а всецѣло сохранилось для юнаго поэта, явившагося послѣ брака сестеръ единственнымъ обладателемъ крупнаго состоянія.

Обѣ сестры поэта въ замужествѣ вышли изъ купеческой среды: одна стала женою Дѣдева, совѣтника гражданской палаты, другая же сочеталась бракомъ съ майоромъ Апехтинымъ, служившимъ въ Казани городничимъ. Обѣ Каменевы стали дворянками.

И самъ поэтъ получилъ воспитаніе не купеческое, а дворянское. Онъ учился вмѣстѣ съ дворянскими дѣтьми въ лучшемъ тогда въ Казани частномъ пансіонѣ нѣмца Вюльфинга.

Эти особенности воспитанія положили свой отпечатокъ на дальнѣйшей судьбѣ поэта. Съ одной стороны, Гавріилъ Петровичъ, числясь въ купцахъ и производя торговлю, никогда не считалъ себя купцомъ и даже иронизировалъ, если въ обществѣ его принимали, какъ «негосіянта», а не какъ литератора. Съ другой, ученіе у нѣмца пріобщило юнаго казанскаго купца къ современной нѣмецкой литературѣ и вообще заохотило его къ занятіямъ словесностію. Каменевъ отлично изучилъ нѣмецкій языкъ и въ подлинникѣ ознакомился со всѣми германскими писателями, бывшими тогда въ модѣ, какъ-то Коцебу, Шписомъ, Козегартеномъ, Гесснеромъ, Клейстомъ; ихъ сочиненія онъ переводилъ на русскій въ стихахъ и въ прозѣ. Такимъ образомъ Каменевъ совершенно избѣжалъ вліянія ложнаго классицизма, господствовавшаго въ то время въ литературѣ русской, и, такъ сказать, непосредственно и самостоятельно примкнулъ къ наиболѣе новому литературному направленію, сентиментализму, имѣвшему тогда какъ разъ наибольшую силу именно въ Германіи. Въ это время Н. М. Карамзинъ еще только начиналъ насаждать на Руси это направленіе, почерпая его тоже изъ Германіи, именно изъ тѣхъ же самыхъ писателей, т.-е. Гесснера, Клейста и т. д.

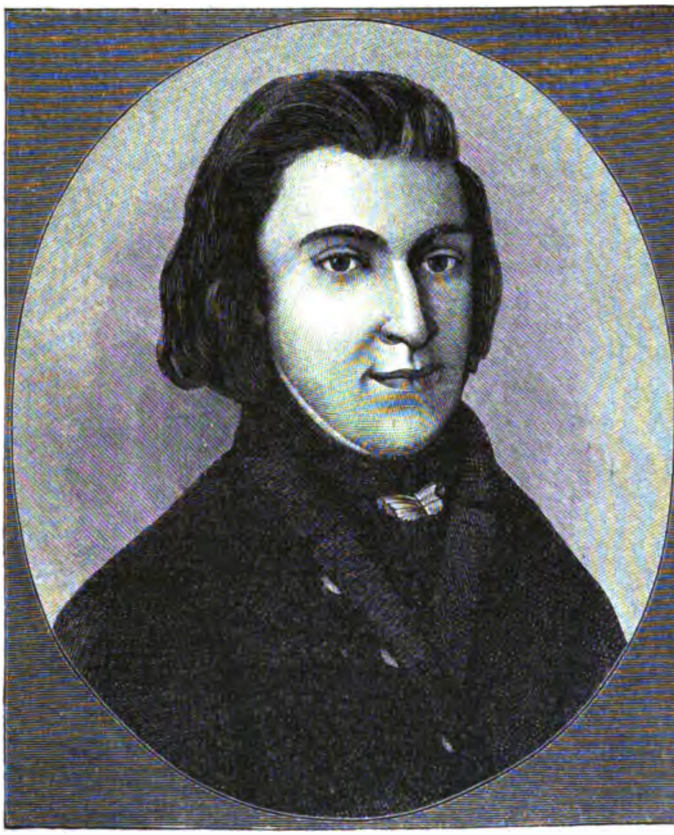
Внѣшняя карьера поэта пошла очень быстро. Богатство, природныя дарованія и происхожденіе отъ почтеннаго отца давали ему возможность выдвинуться. Несмотря на молодость, Гавріила Петровича выбираютъ на почетныя должности по городскому самоуправленію, сначала ратманомъ, потомъ бургомистромъ въ магистратѣ. Поэтъ, подобно своему отцу, умеръ очень рано, всего 31 года. Къ этому времени онъ уже имѣлъ чинъ коммерціи совѣтника, отличіе, которое и теперь среди купцовъ должно считаться очень рѣдкимъ и высокимъ особенно въ возрастѣ до 30 лѣтъ.

И, однако, несмотря на отличія и богатство, поэтъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ и неотступно мечталъ о смерти... Мы постараемся вскрыть тому причины.

Ранніе годы молодости поэтъ провелъ весьма бурно, въ кругу разгульной молодежи и тѣмъ надорвалъ свое здоровье.

Юные годы Г. П. Каменева представляютъ сочетаніе слѣдующихъ фактовъ: пламенная, огневая натура съ большою долею чувственности, отсутствіе строгаго надзора и контроля (родители оба въ могилѣ, обѣ сестры замужемъ), богатство и дурная компанія: чего же еще надобно для того, чтобы толкнуть юношу на путь разгула и разврата? Сочетаніе фактовъ самое неблагопріятное. И юный поэтъ не удержался на наклонной плоскости.

По рожденію Каменевъ принадлежалъ къ купеческой средѣ, гдѣ грандіозный кутежъ былъ среди молодежи дѣломъ весьма обычнымъ. По воспитанію и родственнымъ связямъ своихъ сестеръ поэтъ относился въ кругъ богатыхъ провинціальныхъ дворянчиковъ, интересы и развлеченія которыхъ не превышали забавы юныхъ купчиковъ. Пилъ и развратничалъ Каменевъ по обычаю всѣхъ богатыхъ купеческихъ сынковъ, попавшихъ въ дворянскую компанію,



Гавріилъ Петровичъ Каменевъ.
(Съ портрета, принадлежащаго г. Горталову).

и отъ этой компаніи не отставалъ. Впослѣдствіи въ одну изъ покаянныхъ минутъ онъ вспоминалъ, какъ «съ пламенными отъ вина щеками онъ присусѣживался къ публичнымъ красавицамъ, сыпалъ полною горстью нажитое отцемъ и большими глотками вливалъ въ себя ядъ, его нынѣ разрушающій»...

Къ этому надобно присоединить и вліяніе наслѣдственности. Несомнѣнно, что отецъ поэта, расшатавшій свой организмъ неу-

станными трудами и заботами, передалъ сыну нѣкоторую нервную разслабленность, «неуравновѣшенность». Послѣдняя выражается у дегенерирующаго потомства органическою склонностью къ меланхоліи и ипохондріи, а эти черты довольно рѣзко сказываются въ нашемъ поэтѣ. Меланхолію пытаются обыкновенно разсѣять помощью специфическаго яда, алкоголя, который, однако, именно для неврастениковъ оказывается особенно губительнымъ и удручающимъ. Съ помощью Вакха и Венеры Гавріилъ Петровичъ не только разгуливалъ обычный юный задоръ, но и топилъ свою органическую меланхолію. Физическое здоровье отъ этого слабѣло и разрушалось, а меланхолія, спутница душевнаго вырожденія, надвигалась на поэта все ближе и все грознѣе. Какъ мы видимъ на портретѣ, душевныя и физическія страданія положили на лицѣ поэта свой неизгладимый отпечатокъ.

Подъ конецъ жизни Г. П., повидимому, совершенно бросилъ пить и кутить. Причины того, почему онъ не сдѣлался совершеннымъ алкоголикомъ и заправскимъ кутилою, были различныя: разрушеніе здоровья и общее разслабленіе организма, перемѣна компаніи и знакомство съ нѣкоторыми замѣчательными людьми, усиленіе литературныхъ интересовъ и занятій, любовь.

Любовь сыграла въ жизни нашего поэта огромную роль. Но именно это обстоятельство и является въ его біографіи однимъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ. До насъ дошло только указаніе, что предметомъ любви была дѣвушка, дочь доктора иностранца (по всей вѣроятности, нѣмка). Г. П. былъ страстно влюбленъ въ нее, но въ глазахъ купцовъ-родственниковъ эта любовь казалась чуть не преступленіемъ; они не хотѣли допустить, чтобъ поэтъ женился на «басурманкѣ» и желали сами составить ему партію.

Купцы и крестьяне женились рано; брачный возрастъ начинался для нихъ не только съ каноническихъ 18 лѣтъ, но даже ранѣе. Женитьбы требовало и хозяйство Г. П. Каменева. Его родители были въ могилѣ, сестры замужемъ, у опекуновъ имѣлись на рукахъ свои собственныя обширныя торговыя дѣла и промышленныя предпріятія. Опекуны, конечно, могли только желать, чтобы поэтъ поскорѣе самъ взялся за дѣло. Вдобавокъ они, разумѣется, не могли одобрять разгульнаго и невоздержнаго образа жизни, какой велъ нашъ поэтъ. «Женится—перемѣнится!»—ожидала родня и опекуны.

П. И. Мельниковъ-Печерскій съ большимъ искусствомъ передалъ потрясающую исторію—быль попытки молодого просвѣщеннаго купца жениться на иностранкѣ. Молодой Красильниковъ и его жена гибнутъ; ихъ бракъ, по мнѣнію старика отца, есть нѣчто почти противоестественное: ему легче известись со всѣмъ родомъ и племенемъ, восклицаетъ онъ, нежели быть въ родствѣ съ басурманкою!

Склонность поэта, его чувство влекли его къ женитьбѣ на басурманкѣ. Въ глазахъ его родственниковъ и всего «темнаго царства» окружающей его купеческой среды эта женитьба была безуміемъ. Борьба со средою юношѣ была, разумѣется, не подъ силу, да въ ту пору она была не по силамъ и для людей болѣе крѣпкихъ и зрѣлыхъ.

И на кого бы могъ въ этой борьбѣ юный поэтъ опереться? Всѣ желаютъ «ему же добра». Остается или умереть, или приспособляться, итти на компромиссъ. Приходится удовлетворить желанію родни: надо жениться, но жениться не на той, кого избрало сердце, къ кому рвется вся душа... Надо жениться и разстаться съ басурманкой, какъ бы привлекательны ни были ея свойства. Но вырвать изъ себя сердце не легко, и поэтъ чуть не до самой смерти чувствовалъ острую боль отъ этой раны.

Итакъ, надо искать себѣ для брака подходящую партію. Общественное положеніе Каменева было среднее, между двумя сферами: купеческой и дворянской. Родные не допускали его брака съ дочерью иностранца, но они же не препятствовали ему подняться до среды дворянской, куда уже проникли его сестры.

Дворяне и военные охотно женились на купчихахъ и купеческихъ дочкахъ, приносившихъ имъ капиталы. Гораздо рѣже были браки обратные, т.-е. женитьбы купцовъ на дворянкахъ: для послѣднихъ это была своего рода общественная деградація. Подобныя исключенія вызывались особенными обстоятельствами: образованіемъ жениха, его богатствомъ и высокимъ значеніемъ въ собственной средѣ. Эти условія были и у нашего жениха. Невѣсту ему можно было выбирать не среди необразованныхъ купеческихъ дочекъ, а между дворянками, по своему воспитанію и привычкамъ болѣе подходившими подъ вкусы Гавріила Петровича.

Выборъ поэта и его родныхъ остановился на Маріи Александровнѣ Подладчиковой, молодой дворянкѣ, барышнѣ изъ пензенскихъ помѣщицъ, отличавшейся «красотой и образованностію».

Допустимъ, что бракъ совершился по обоюдному согласію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Допустимъ, что поэтъ сдѣлалъ свободный выборъ, что онъ имѣлъ нѣкоторую симпатію къ своей невѣстѣ. Но и за всѣмъ тѣмъ для семейнаго счастья поэта оставалось немало подводныхъ камней.

Невѣста дворянка не могла не понимать, что, выходя за купца, хотя бы и первогильдейскаго, она приноситъ жертву, которая становится еще больше оттого, что невѣста молода, красива, образована. За это мужъ-купецъ долженъ заплатить, представить къ ея услугамъ свое состояніе, за это онъ долженъ дать ей свободу, не смѣетъ ее стѣснять.

Купецъ-поэтъ былъ богатъ, молодъ, хорошъ собой, образованъ, мягокъ характеромъ. Но онъ любилъ другую. Въ бракѣ Камене-

выхъ не было перваго связующаго цемента, не было взаимной склонности: это былъ бракъ по расчету. Иногда такіе браки сходятъ безъ несчастія; но они же могутъ привести и къ бѣдѣ, если одна, а тѣмъ болѣе обѣ стороны—люди увлекающіеся. Въ нашемъ случаѣ, кажется, оба, и мужъ и жена, были склонны къ увлеченіямъ...

Бракъ Гавріила Петровича оказался въ высшей степени несчастнымъ; онъ послужилъ одною изъ причинъ преждевременной кончины даровитаго юноши, столь много обѣщавшаго отечественной литературѣ и родному городу.

Преданія гласятъ, что Марія Александровна Каменева была вѣтреная женщина; она не имѣла къ мужу ни любви, ни сожалѣнія и сдѣлала все, что̀ могла, чтобы отравить послѣдніе годы жизни Гавріила Петровича «вольностію своего поведенія».

Нѣтъ надобности пояснять, что значило это въ XVIII в., особенно въ грубой провинціи... Но вольное поведеніе жены не было единственнымъ кубкомъ яду. Какъ могла относиться къ поведенію жены поэта купеческая его родня? Поэтъ породнился съ дворянами, женился на дворянкѣ, а та вольничаетъ... Какое поприще для злословія, для порицанія и укоровъ! Какой тяжелый случай столкновенія двухъ укладовъ жизни: съ одной стороны—допетровско-домостроевскаго, гдѣ невѣрную жену запирали за дубову дверь и истязали ее палкою,—и съ другой стороны, французско-нижегородской фривольной атмосферы, гдѣ обманутому мужу сердиться считалось дѣломъ смѣшнымъ, гдѣ прилично было не показывать виду и смотрѣть сквозь пальцы. Какъ обманутый и тоскующій мужъ, поэтъ былъ смѣшонъ дворянамъ; какъ мужъ слабый, потакающій, поэтъ долженъ былъ казаться опять таки смѣшнымъ для своей братіи-купцовъ. Брачная жизнь нанесла поэту еще новые удары, не менѣе болѣзненные, чѣмъ прежніе, но уже трудно переносимые для него въ силу его расшатаннаго здоровья.

Поэтъ вступилъ въ бракъ, значительно поизносившись и истощивъ организмъ кутежами и развратомъ. Въ письмахъ онъ самъ себя называетъ «гнилымъ лыкомъ». Во время брака его здоровье окончательно ослабѣло: къ 30-ти годамъ болѣзнь его уже почти совершенно разрушила. Грѣхи молодости сказывались на тѣлѣ поэта жестоко. Но, кромѣ дѣйствительной болѣзни, страданія Гавріила Петровича усугублялись еще природною его меланхоліею и вѣрною ея спутницею—болѣзненною мнительностію, доходившею до смѣшного. Особенно усилились мученія Каменева въ 1800 г.: письма его пестрятъ жалобами. Онъ постоянно прихварываетъ; при малѣйшемъ нездоровьѣ поэтъ думаетъ, что это—начало болѣзни, «долженствующей умертвить» его. Но «съ зарею утра всходила надежда на горизонтѣ», и Г. П. начиналъ надѣяться на спасеніе.

Разумѣется, и эта сторона дѣла должна была способствовать постепенному охлажденію къ нему его жены. Кому пріятно возиться

съ больнымъ, угрюмымъ мужемъ—ипохондрикомъ? Можетъ ли это быть по сердцу молодой женщинѣ веселаго характера, вышедшей замужъ за богатаго купца, чтобы жить въ довольствѣ и весельѣ? Впрочемъ «увлеченія» ея, съ другой стороны, надо думать, заходили за предѣлы дозволеннаго даже въ то время. Поэтъ свидѣтель-

Савва Андреевичъ Москотильниковъ.

(Съ портрета, принадлежащаго его дочери, г-жѣ Проскуряковой).

ствуетъ въ письмахъ свое твердое намѣреніе съ женой своей «никогда не примиряться», т.-е. онъ не могъ уже простить...

Отъ брака съ Каменевымъ Марія Александровна имѣла двухъ дочерей: Екатерину и Татьяну. Переживши своего мужа, М. А. вступила во второй бракъ съ пензенскимъ купцомъ Лазаревымъ, жившимъ въ Казани.

Что касается дочерей поэта, то старшая изъ нихъ, Екатерина Гавриловна, вышла впослѣдствіи замужъ за капитана Рубанова... Одинъ изъ ея сыновей, Василій Ивановичъ Рубановъ, унаслѣдо-

валъ отъ дѣда способность писать стихи. Другая дочь поэта, Татьяна Гавриловна, состояла въ бракѣ съ купцомъ Хворовымъ и была весьма несчастлива въ семейной жизни. Она дожила свой вѣкъ въ монахиняхъ.

Отмѣтимъ еще, что поэтическимъ даромъ обладала такъ же одна изъ племянницъ Гавріила Петровича,—Александра Андреевна Апехтина (дочь его сестры Анны Петровны), вышедшая замужъ за знаменитаго въ Казани профессора—медика Карла Өедоровича Фукса. Она издала книжку стихотвореній въ 1834 году, а впослѣдствіи получила извѣстность своими этнографическими трудами.

Угнетаемый природною меланхоліею, удрученный послѣдствіями разгула и разврата, своею несчастною любовью, несноснымъ бракомъ и окружающей средой, Каменевъ изнемогалъ нравственно и разрушался физически. Изъ двухъ источниковъ почерпалъ себѣ поэтъ облегченіе, помогавшее ему нести житейское бремя: то были дружба и литература.

Образованіе, вынесенное Г. П. Каменевымъ изъ частнаго пансіона Вюльфинга, было, по нынѣшнему судя, конечно, недостаточное. Онъ не овладѣлъ, напримѣръ, русскою орөографіею и писалъ очень безграмотно, какъ можно убѣдиться изъ его автографовъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи; его сочиненія показываютъ также незнаніе русской исторіи и т. п. Но несравненно важнѣе было то, что изъ пансіона Каменевъ вынесъ охоту и интересъ къ самостоятельнымъ занятіямъ литературою и овладѣлъ языками французскимъ и особенно нѣмецкимъ, который онъ зналъ твердо и основательно. Въ дальнѣйшей своей жизни Каменевъ не интересовался торговлею и службою, а почти исключительно посвящалъ свое время и силы литературѣ. Мы не имѣемъ свѣдѣній о первыхъ начаткахъ литературной дѣятельности Каменева. Но уже къ 20 годамъ онъ вполнѣ владѣлъ механизмомъ русскаго стиха, какъ видно изъ неизданной его рукописи 1792 г., содержащей болѣе 1.000 стиховъ переложенія одной поэмы Гесснера (съ нѣмецкаго).

Благодаря нѣмецкому воспитанію, Каменевъ непосредственно примкнулъ по направленію къ современной ему сентиментальной нѣмецкой литературѣ. Первоначальное же ознакомленіе съ литературою русской получено было имъ, разумѣется, не въ школѣ, а самостоятельно. Среди тогдашнихъ купцовъ попадались уже любители чтенія. Нельзя забывать также, что въ области умственныхъ интересовъ Казань въ то время сравнительно не была глушью. Казань являлась тогда по отношенію ко всему Поволжью культурнымъ центромъ. Здѣсь въ 1758 г. была учреждена гимназія—третья во всей Россіи (кромѣ академической петербургской и московской университетской). Въ 1776 г. основана въ Казани одна изъ первыхъ въ Россіи провинціальныхъ масонскихъ ложъ—ложа «Восходящаго Солнца». Необходимо предположить, что въ Казани было

тогда нѣсколько людей, не погрязшихъ въ грубо-матеріальной жизни и заботившихся объ удовлетвореніи интересовъ духа. Чрезъ знакомство съ такими людьми молодой Каменевъ могъ восполнять пробѣлы пансіонскаго образованія, могъ изучить и литературу отечественную.

Среди литературныхъ знакомыхъ и друзей важнѣйшее значеніе въ жизни Каменева возымѣлъ одинъ необычайный человѣкъ, Савва Андреевичъ Москотильниковъ.

Имя Москотильникова незабвенно въ лѣтописяхъ культурной исторіи Поволжья, особенно Казани. Въ теченіе почти 60 лѣтъ Москотильниковъ стоялъ въ переднихъ рядахъ казанской интеллигенціи, пользуясь глубочайшимъ уваженіемъ всѣхъ, кому случалось съ нимъ сталкиваться. Поприща его дѣятельности были многочисленны и разнообразны, но всегда и вездѣ онъ оставался возвышеннымъ характеромъ, направлявшимъ всѣ усилія на преуспѣяніе дѣла справедливости и просвѣщенія. Видный губернскій чиновникъ, болѣе полувѣка неустанно боровшійся съ злодѣяніями приказной челяди различныхъ ранговъ, раскрывшій между прочимъ ужасное дѣло о полицейскихъ истязаніяхъ невинныхъ въ Казани (эти разоблаченія были причиною знаменитаго манифеста Александра I объ уничтоженіи пытокъ въ Россіи), практическій юристъ, безплатно предоставлявшій свое громадное знаніе указовъ въ услугу всякому, кто нуждался въ защитѣ и покровительствѣ законовъ (онъ отстоялъ капиталъ, на который основанъ казанскій дѣвичій институтъ, отъ покушеній алчныхъ наслѣдниковъ Родіоновой), литераторъ, масонъ, раздававшій преступникамъ, проводимымъ въ сибирскую ссылку, въ видѣ милостыни большую часть своего достоянія, другъ Новикова и Лопухина—вотъ кто былъ Москотильниковъ.

По происхожденію, подобно Каменеву, изъ купцовъ (родомъ изъ Ярославля), Москотильниковъ самоучкою добился обширнаго образованія: онъ хорошо зналъ французскій языкъ и былъ человѣкъ начитанный. Спасаясь отъ попытокъ родныхъ сдѣлать изъ него виноторговца, онъ съ юныхъ лѣтъ поступилъ въ канцелярію, гдѣ, благодаря своимъ выдающимся умственнымъ дарованіямъ и нравственнымъ достоинствамъ, довольно быстро сталъ повышаться по служебной лѣстницѣ.

Въ Казань Москотильниковъ прибылъ въ 1793 г. Встрѣча и знакомство его съ Каменевымъ состоялись въ городовомъ магистратѣ, куда Москотильниковъ поступилъ на службу секретаремъ, и гдѣ Каменевъ служилъ бургомистромъ. Отношенія офиціальныя и служебныя очень скоро перешли въ тѣсную дружбу, продолжавшуюся около 10 лѣтъ, до смерти Каменева.

При встрѣчѣ обоихъ поэтовъ Каменеву было всего 21 годъ. Но онъ уже занималъ высокую должность, былъ человѣкъ вполнѣ не-

зависимый и владѣлъ богатымъ состояніемъ. Москотильниковъ былъ на 4 года старше своего новаго друга. Онъ не былъ богатъ, не имѣлъ еще виднаго общественнаго значенія, но онъ обладалъ громаднымъ преимуществомъ надъ своимъ другомъ: онъ имѣлъ твердые нравственные принципы и строго опредѣленное міровоззрѣніе, онъ отличался независимостью отъ окружающей среды и, какъ selfmade-man, всѣмъ былъ обязанъ одному самому себѣ.

Встрѣча съ Москотильниковымъ произошла въ фатальный моментъ жизни Каменева, на переломѣ его жизни. Разгульная молодая компанія уже начинала ему надоѣдать, его тянуло къ серьезному дѣлу и къ литературной работѣ, но въ его сердцѣ не было покоя. Несчастная любовь, неудачный бракъ уже успѣли раздражить его душу; болѣзнь поражала тѣло. Найти опору въ самомъ себѣ поэтъ могъ не всегда: настроеніе свѣтлое, добродушное часто смѣнялось у него жестокими и продолжительными припадками отчаянія и меланхоліи. Понятно, съ какою радостью долженъ былъ онъ ухватиться за дружескую руку, принадлежавшую человѣку уравновѣшенному, степенному, спокойному и непоколебимому въ добродѣтели, какъ гранитная скала.

Москотильниковъ легко подчинилъ своему вліянію мягкаго, страждущаго и юнаго Каменева. Это вліяніе было для него безусловно благотворнымъ, что̀ сознавалъ самъ Каменевъ, постоянно относившійся къ своему другу съ замѣтнымъ уваженіемъ и какъ бы къ старшему брату.

У Москотильникова съ Каменевымъ нашлась общая почва, на которой они вмѣстѣ могли трудиться съ любовью: это была литература.

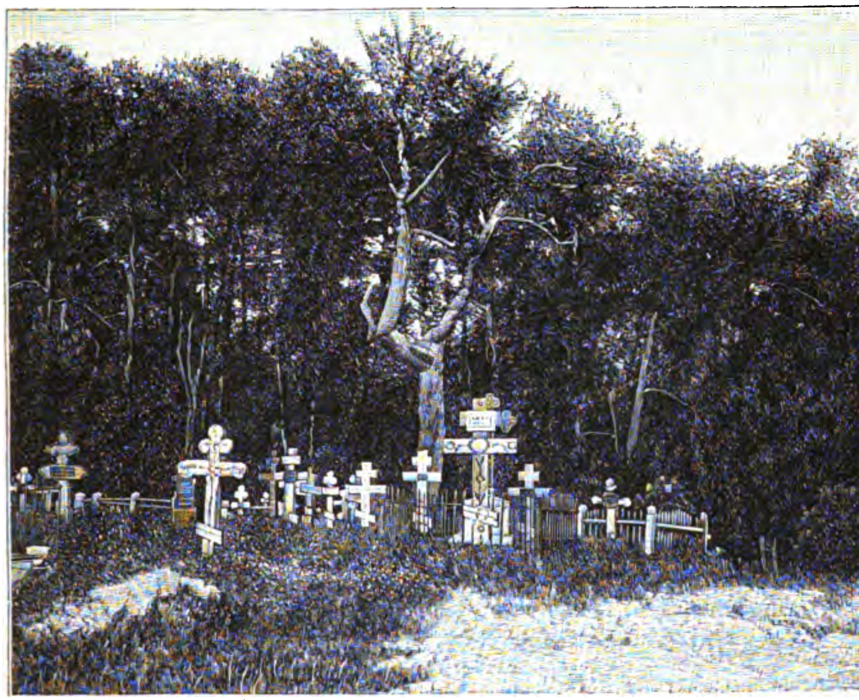
Москотильниковъ пріѣхалъ въ Казань уже литераторомъ: онъ печаталъ переводныя статьи въ журналахъ Новикова. Занятій литературою онъ не покидалъ никогда за весь свой долгій вѣкъ: у своихъ скучныхъ и утомительныхъ служебныхъ занятій онъ всегда умѣлъ урвать часокъ—другой на литературу. Еще въ 18 лѣтъ онъ написалъ трагедію «Останъ», а въ Казани, кромѣ мелкихъ стихотвореній, работалъ надъ переводомъ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима».

Каменевъ занимался литературою еще до пріѣзда Москотильникова въ Казань. Но только послѣ этого знакомства его литературныя занятія получили опредѣленный характеръ, и онъ вступилъ на литературное поприще, началъ печататься.

Рука Москотильникова поддерживала злосчастнаго юношу среди ада его семейной жизни, среди разнообразныхъ нравственныхъ и физическихъ мученій, преслѣдовавшихъ его; Москотильниковъ научилъ Каменева находить себѣ утѣшеніе въ области искусства слова. Москотильниковъ же сдѣлалъ для Каменева и еще большее: онъ ознакомилъ его съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь,—съ тѣмъ взгля-

домъ, какой раздѣлялъ онъ со старшими поколѣніями московскихъ масоновъ, учениковъ Шварца.

Савва Андреевичъ состоялъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Москвою. Но и въ Казани онъ сумѣлъ организовать вокругъ себя небольшой и тѣсный кружокъ людей, любившихъ литературу. Сюда, кромѣ его ближайшаго друга, Каменева, вошли еще И. И. Чернявскій, учитель главнаго народнаго училища въ Казани, потомъ про-



Кизическая роща.

фессоръ Виленскаго университета, и еще одинъ замѣчательный человѣкъ, цивильскій помѣщикъ Н. С. Арцыбашевъ, авторъ критическаго свода лѣтописей, впервые разоблачившій слащавую ненаучность «Исторіи» Карамзина. Всѣ четверо замышляли даже издавать въ Казани нѣчто въ родѣ журнала или періодически выходящаго альманаха. Къ кружку Москотильникова примыкали еще другіе преподаватели народнаго училища, какъ-то: Вас. Род. Бобровскій, Степанъ Вас. Смирновъ и префектъ казанской духовной семинаріи Кондратій Сергѣевичъ Орловъ. Близко знакомы съ Москотильниковымъ были еще Дм. Ник. Зиновьевъ, Вас. Ипатовичъ Полянскій и литераторъ Иванъ Алексѣевичъ Второвъ.

Несомнѣнно, что нашъ бѣдный юноша-поэтъ, попавъ въ атмосферу Москотильниковского кружка, вздохнулъ свободнѣе. Кружокъ отвлекалъ его отъ меланхоліи, отъ семейной драмы, отъ службы, отъ скучныхъ коммерческихъ дѣлъ. Здѣсь онъ могъ чувствовать себя свободно, могъ давать волю своему природному добродушному юмору. Москотильниковъ чрезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Каменева такъ вспоминалъ объ этихъ дружескихъ бесѣдахъ:

> Я послѣ столькихъ лѣтъ какъ будто бы гляжу
> На милыхъ, съ милыми какъ будто бы пирую...
> Вотъ венъ де Ринъ, а вотъ въ бутылкѣ золотится
> Нектаръ, что съ береговъ британскихъ къ намъ струится.
> Приправа жъ лучшая—въ душѣ двоихъ друзей,
> Чуждавшихся всегда Лукулловыхъ затѣй.

Подъемъ душевнаго настроенія сразу сказывается въ увеличеніи литературной производительности Каменева. Онъ пишетъ оригинальныя стихотворенія и прозаическіе разсказы, переводитъ изъ нѣмецкихъ писателей—въ стихахъ и въ прозѣ. У Каменева завязываются литературныя сношенія съ петербургскими и московскими журналистами, въ изданіяхъ которыхъ онъ помѣщаетъ свои труды—сначала безъ подписи, потомъ подъ псевдонимами и сокращенною подписью, наконецъ съ полнымъ именемъ. Литературную извѣстность въ то время было завоевывать легче, чѣмъ теперь. Немудрено, что черезъ какіе нибудь 3—4 года имя Каменева становится украшеніемъ вновь выходящихъ журналовъ. Въ Петербургѣ его произведенія печатаются у И. И. Мартынова въ журналѣ «Муза» (1796 г.), въ Москвѣ—у Сохацкаго и Подшивалова въ ихъ изданіяхъ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794—1799), «Иппокрена или утѣхи любословія» (1799—1801), у Сохацкаго и Побѣдоносцева въ «Новостяхъ русской литературы» (1802).

Какъ мы отмѣтили выше, предшествующему періоду русской литературы, псевдоклассицизму, Каменевъ остался совершенно чуждымъ и непричастнымъ. Онъ не началъ, какъ это обыкновенно бываетъ, съ подражанія отечественнымъ классикамъ. Сидя у себя въ Казани, внѣ живого общенія со столичными литературными кружками, Каменевъ вошелъ въ русскую литературу какъ бы извнѣ, со стороны, и литературное новаторство—введеніе сентиментализма въ русскую литературу—принадлежало ему, не какъ подражателю Карамзина или Радищева, первыхъ русскихъ сентименталистовъ, но наравнѣ съ ними. Онъ—не рядовой боецъ въ дружинѣ Карамзина, а самостоятельный поборникъ того же дѣла, предпринятаго имъ независимо отъ другихъ нововводителей. Поэтому и при личномъ знакомствѣ съ Карамзинымъ Каменевъ былъ принятъ имъ, не какъ ученикъ и поклонникъ, а какъ самобытный и самостоятельный литераторъ сочувственнаго лагеря. Карамзинъ и И. И.

Дмитріевъ, дружески принявшіе казанскаго литератора, сами обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ, и дѣлали разницу между Каменевымъ, съ одной стороны, и «карамзинистами», въ родѣ В. В. Измайлова, князя Шаликова—съ другой.

Карамзинъ не былъ учителемъ для Каменева даже со стороны языка: онъ и самъ былъ въ то время еще только начинающимъ журналистомъ, самъ едва выходилъ на новый путь, какъ издатель «Московскаго журнала», «Аонидъ», «Моихъ бездѣлокъ» и т. д. Реформа языка лишь начиналась, но далеко еще не утвердилась, если вспомнимъ, какія ожесточенныя битвы изъ-за «стилей» давались еще въ XIX вѣкѣ. Съ другой стороны, именно Каменевъ обладалъ замѣчательнымъ стилистическимъ дарованіемъ и выработалъ себѣ изящный литературный языкъ, который поражаетъ своею простотою и легкостью, особенно въ его письмахъ. Карамзинъ разсказывалъ Каменеву про себя, что онъ «не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который былъ бы достоинъ подражанія, что онъ старался писать чище и живѣе, что онъ подражалъ иностраннымъ авторамъ, а потомъ писалъ своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ». Такой же самый путь продѣлалъ и Каменевъ, тоже примыкая, съ одной стороны, къ иностраннымъ авторамъ, а съ другой къ самостоятельному литературному воспроизведенію живого разговорнаго языка, какъ это дѣлалъ Карамзинъ. Карамзинъ увлекъ за собою многихъ и въ отношеніи языка, и въ отношеніи направленія сентиментализма. Каменевъ съ сочувствіемъ и радостью слѣдилъ за успѣхами автора «Бѣдной Лизы», но не могъ стать его подражателемъ и послѣдователемъ—потому, что уже сдѣлался сентименталистомъ раньше, независимо отъ Карамзина, почерпнувъ это направленіе непосредственно изъ нѣмецкой литературы, изъ первоисточника, откуда щедрой рукою черпалъ самъ «русскій путешественникъ».

Замѣтимъ еще, что сентиментализмъ у Карамзина былъ скоропреходящимъ и поверхностнымъ налетомъ на его довольно-таки прозаической и позитивной натурѣ. Пожавъ лавры на литературномъ поприщѣ, Карамзинъ сбрасываетъ «чувствительность» и обращается къ «сочиненію» русской исторіи. У Каменева заимствованный имъ у нѣмцевъ сентиментализмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его мягкой натурѣ и являлся у него не маскою, а искреннимъ и естественнымъ духомъ его произведеній.

Въ Европѣ сентиментализмъ выразился въ различныхъ видахъ: въ Англіи подъ перомъ «Іорика»-Стерна приподнятое, чувствительное настроеніе сентиментализма тѣсно перевивалось съ здоровою и мощною струею реализма. Противную, приторно-слащавую форму получилъ сентиментализмъ у французовъ, начавшихъ якобы идиллическую игру въ «пастуховъ» и «пастушекъ». Сентиментализмъ въ Германіи, откуда почерпнули его русскіе, былъ явле-

ніемъ вторичнымъ и отражалъ черты, какъ англійскаго подлинника, такъ и французской его метаморфозы.

Русскіе сентименталисты отразили это направленіе неодинаково. У Радищева «чувствительность» получила яркую политическую окраску. Карамзинъ и особенно его школа, «карамзинисты», поняли «чувствительность» пошлымъ образомъ въ видѣ неудержимыхъ изліяній по поводу самыхъ обычныхъ вещей, за что̀ ихъ и дразнили «Вздыхаловыми» и «Ахалкиными».

Каменевъ не сочувствовалъ Радищеву и вообще не долюбливалъ политики, быть можетъ, проявляя общій масонскій духъ того времени. Нѣкоторыя уступки французскому вкусу дѣлалъ и онъ: и у него на берегахъ Волги фигурируютъ пастушки съ розовыми лентами на посохахъ. Но въ общемъ Каменевъ былъ довольно трезвый и реалистическій наблюдатель дѣйствительности. Любопытно его постоянное стремленіе избирать мѣстомъ дѣйствія своихъ разсказовъ и стихотвореній близко знакомыя и родныя мѣста—окрестности Казани, берега Казанки, Кизическій монастырь, Козью слободку и т. д.

Если несправедливо было приписывать заслугу введенія сентиментализма одному Карамзину, забывая о Радищевѣ, какъ родоначальникѣ этого направленія, и о Каменевѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе раннихъ и яркихъ его представителей, то еще несправедливѣе было забыть Каменева, какъ перваго русскаго романтика.

Въ трафаретныхъ нашихъ исторіяхъ русской литературы доселѣ господствуетъ примитивное пониманіе дѣла: сентиментализмъ введенъ де Карамзинымъ, романтизмъ—Жуковскимъ.

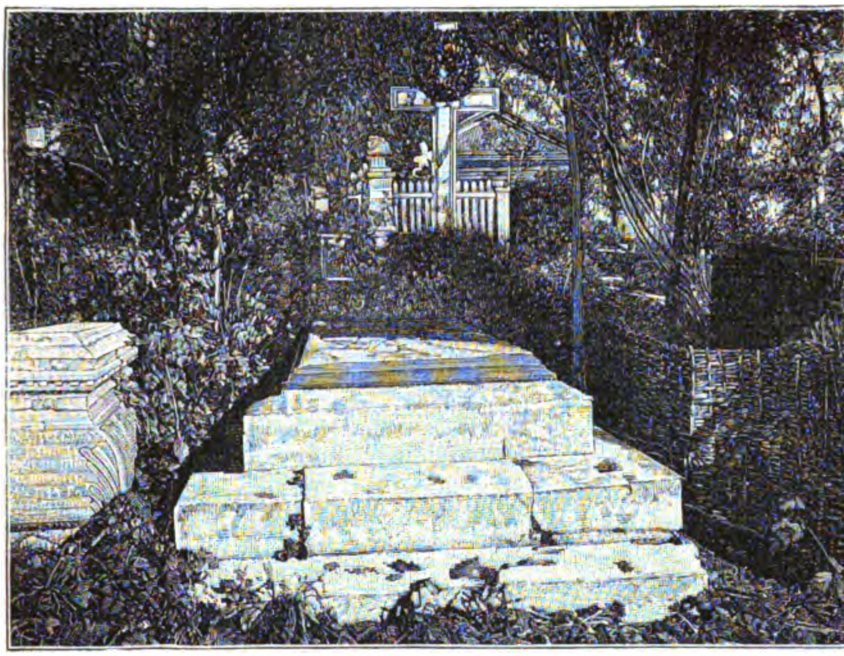
Между тѣмъ, знакомясь съ забытыми произведеніями Каменева, мы находимъ въ нихъ всѣ существенныя черты романтизма именно въ томъ своеобразномъ его преломленіи, которое было представляемо въ русской литературѣ Жуковскимъ,—съ тѣмъ важнымъ отличіемъ, что Каменевъ высказалъ все это лѣтъ на 15 раньше Жуковскаго.

Въ 1796 году, когда Жуковскій только еще поступилъ въ университетскій пансіонъ, Каменевъ былъ уже писателемъ съ именемъ, а ко времени переселенія Жуковскаго въ Мишенское, гдѣ изъ него формируется литераторъ, Каменевъ уже сходилъ въ могилу...

Н. С. Тихонравовъ въ своей замѣчательной рецензіи на книгу Загарина-Поливанова (Собраніе сочиненій, т. III, I, стр. 445) указалъ на важные факты: еще въ 1807 году Жуковскій не вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ; въ 1808—1811 годахъ въ «Вѣстникѣ Европы» онъ занимался еще переводами съ французскаго и въ эстетическихъ взглядахъ своихъ былъ послѣдователемъ псевдоклассика Лагарпа; письма Іоганна Мюллера Жуковскій еще въ 1810 году переводилъ не съ нѣмецкаго подлинника, а съ француз-

скаго ихъ перевода; вообще (стр. 462) въ теченіе перваго десятилѣтія XIX вѣка Жуковскій относился съ симпатіею къ противникамъ Гёте и къ противникамъ романтической школы.

Жуковскій и по направленію, и по языку далеко не сразу выступаетъ романтикомъ. Онъ сначала еще продѣлываетъ что-то въ родѣ



Чугунная плита надъ могилой Каменева на Кизическомъ кладбищѣ.

ложноклассическаго періода, а въ языкѣ его пестрѣетъ «славянщизна» даже вплоть до «Пѣвца въ станѣ россійскихъ воиновъ».

Каменевъ, начавшій выработывать себѣ литературный языкъ нѣсколькими годами раньше Жуковскаго, употребляетъ мало славянскихъ формъ и реченій, а по направленію совершенно чуждъ ложнаго классицизма. Началъ онъ прямо съ сентиментализма и въ теченіе своей недолговѣчной литературной карьеры (около 8 лѣтъ) испыталъ переломъ въ направленіи: умеръ онъ романтикомъ.

Какъ извѣстно, романтизмъ представлялъ собою реакцію противъ раціонализма XVIII вѣка и былъ ретроградною попыткою возвратиться къ старому, средневѣковому міровоззрѣнію. Ясная и здравая разсудочность, разумъ, обоготворявшійся дѣятелями великой революціи, долженъ былъ уступить мѣсто ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи. Начатки реализма, проглядывавшіе въ сочиненіяхъ англійскихъ юмористовъ и въ «мѣщанской драмѣ», смѣни-

лись подновленными народными преданіями или заново придуманными исторіями въ томъ же духѣ, гдѣ дѣйствующими лицами, наравнѣ съ людьми, выступали духи, призраки, волшебники, вѣдьмы, мертвецы и т. д.

Соотвѣтственно политической разочарованности въ революціи, явившейся кульминаціоннымъ пунктомъ раціонализма, общій тонъ этой новой романтической поэзіи—неудовлетворенный, тоскующій, мрачный. Сентиментализмъ, вызывая «чувствительность», проливалъ слезы; но то были эмоціи, разрѣшающія душевную накипь и приводившія къ успокоенію. Романтизмъ не успокаиваетъ,—онъ страшитъ, волнуетъ, вырываетъ изъ уютной будничной дѣйствительности и переноситъ въ дикія, уединенныя мѣстности, ставитъ лицомъ къ лицу съ злодѣями, колдунами и прочими исчадіями преисподней.

Возрожденіе средневѣковаго романтизма начало совершаться въ Германіи за послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. Изъ нѣмецкой литературы почерпалъ его Жуковскій, впослѣдствіи самъ рекомендовавшій себя, какъ поэтическаго дядьку этого направленія въ Россіи. Онъ забылъ прибавить, что за это направленіе онъ взялся чуть не черезъ полтора десятка лѣтъ по смерти Каменева, который былъ пѣстуномъ романтизма на Руси въ то время, когда Жуковскій ходилъ въ Москвѣ еще въ ученической пансіонской курткѣ.

Жуковскій, какъ мы видѣли, нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Каменева, не только не былъ еще романтикомъ, но относился къ романтизму непріязненно и не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ настолько свободно, чтобы быть въ состояніи ознакомиться съ новымъ направленіемъ въ подлинникахъ.

Каменевъ въ противоположность Жуковскому съ дѣтства отлично зналъ нѣмецкій языкъ и внимательно слѣдилъ за всѣми новыми явленіями въ области нѣмецкой литературы. Тотчасъ же отразилъ онъ на себѣ романтизмъ — новое вліяніе, сказавшееся у него въ рядѣ прозаическихъ переводовъ и наконецъ въ созданіи прекрасной оригинальной баллады «Громвалъ», появившейся уже послѣ смерти автора.

Каменевъ не могъ не примкнуть, онъ долженъ былъ примкнуть къ романтизму, который какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ его собственному мрачному, даже отчаянному настроенію духа.

Романтическая поэзія давала обильную пищу для этой сумрачности, все болѣе овладѣвавшей Каменевымъ.

«Громвалъ» есть первая русская оригинальная баллада. Двѣ переводныя баллады, указанныя Тихонравовымъ, и «Графъ Гвариносъ» Карамзина не идутъ въ счетъ—это произведенія заносныя. Каменевъ первый попытался создать русскую—національную балладу. Здѣсь фигурируетъ русскій богатырь, отыскивающій свою невѣсту, похищенную волшебникомъ Зломаромъ. При помощи вол-

шебницы Добрады Громвалъ добываетъ красавицу, подвергшуюся чарамъ и заключенную въ чужой тѣлесный обликъ. Фигурируютъ въ балладѣ въ качествѣ противниковъ Громвала и мѣстные казанскіе драконы—Зиланты.

Баллада изложена чуднымъ, оригинальнымъ стихомъ и представляетъ собой высоко-поэтическое произведеніе.

Изъ вышеприведеннаго содержанія читатель видитъ, гдѣ находится одинъ изъ первообразовъ пушкинской поэмы «Русланъ и Людмила». Не даромъ Пушкинъ при первомъ же свиданіи съ племянницею Каменева, поэтессою А. А. Фуксъ, сказалъ ей, гляди на портретъ ея дяди: «Этотъ человѣкъ достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти: этотъ человѣкъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано».

Жуковскій не высказался о своей зависимости отъ Каменева такъ опредѣленно. Но онъ помѣстилъ балладу «Громвалъ» въ изданномъ имъ собраніи «Образцовыхъ сочиненій» (въ 1811 году), и притомъ, какъ это удалось впервые выяснить мнѣ, хотя и съ именемъ Каменева, но въ своей собственной передѣлкѣ. Что Жуковскій зналъ и другія, даже прозаическія произведенія Каменева, разсѣянныя по журналамъ, очевидно изъ того, что имя «Громобоя», героя извѣстной своей поэмы, Жуковскій взялъ изъ прозаическаго разсказа Каменева подъ этимъ заглавіемъ.

Сочиненія и переводы Каменева до сихъ поръ разбросаны по журналамъ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка. Отдѣльнаго собранія его сочиненій никогда въ свѣтъ не выходило. Появились отдѣльными изданіями только нѣкоторые переводы изъ Коцебу и Шписа.

По нынѣшнимъ временамъ, когда начинающіе поэты дебютируютъ цѣлыми томами поэтическихъ изліяній, Каменевъ написалъ мало: всѣ его сочиненія вмѣстѣ съ переводами и письмами составили бы книжку около 15 печатныхъ листовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Каменевъ, если бы его жизнь приняла болѣе благопріятный оборотъ, и если бы его не постигла преждевременная смерть, сдѣлался бы замѣчательнымъ писателемъ: онъ предвосхитилъ бы значеніе Жуковскаго и, конечно, сыгралъ бы видную роль въ реформѣ русскаго стиха и литературнаго языка вообще. Языкъ его чистъ и простъ, стихъ чрезвычайно легокъ и изященъ; размѣры разнообразны, постройка строфъ оригинальная.

Литературныя связи Каменева окрѣпли въ послѣдніе годы его жизни, благодаря личному знакомству съ большинствомъ виднѣйшихъ тогдашнихъ литераторовъ.

Отчасти по торговымъ своимъ дѣламъ, но, главнымъ образомъ, чтобы разсѣяться, Каменевъ совершилъ три поѣздки: двѣ въ 1799 и 1800 годахъ въ Москву и третью—въ 1802 году въ Петербургъ, проѣздомъ черезъ Москву. Благодаря имени, уже получившему

извѣстность, а также благодаря давнимъ знакомствамъ Москотильникова, предъ Каменевымъ раскрывались двери въ кабинеты литераторовъ различныхъ партій. Съ одной стороны, Каменевъ весьма тѣсно познакомился со стариками-масонами, какъ-то: И. В. Лопухинымъ и И. П. Тургеневымъ; у послѣдняго свелъ дружбу съ его даровитымъ первенцемъ, Андреемъ. Съ другой стороны онъ свелъ близкое знакомство и съ представителями новой школы, съ И. И. Дмитріевымъ и Карамзинымъ, который принималъ Каменева очень дружески, почти по-братски.

Въ свою поѣздку въ Петербургъ Каменевъ вступилъ въ самый прогрессивный литературный кружокъ того времени, «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ», гдѣ дѣйствовало много даровитыхъ и либерально настроенныхъ представителей интеллигентной молодежи, какъ-то: Радищевъ-сынъ, Попугаевъ, Востоковъ, Борнъ, Остолоповъ и другіе. 30-го августа 1802 г. Каменевъ былъ принятъ въ число членовъ общества, а черезъ годъ, 3-го сентября 1803 года, общество было уже увѣдомлено о смерти своего новаго члена, на дарованія котораго оно возлагало большія надежды, ожидая отъ Каменева «плодовъ, могущихъ украсить россійскую словесность».

Казанскій кружокъ Москотильникова въ полномъ составѣ примкнулъ къ Вольному обществу и пересылалъ ему свои произведенія. Въ «Періодическомъ изданіи» этого общества появились уже послѣ смерти Каменева его наилучшія произведенія, въ томъ числѣ «Громвалъ».

Памятникомъ поѣздокъ Каменева въ столицы остались его письма къ Москотильникову. Письма эти, не предназначавшіяся для печати, весьма любопытны по языку и содержанію. Каменевъ былъ человѣкъ вдумчивый и наблюдательный: все, что̀ онъ видѣлъ и замѣчалъ, онъ описывалъ своему другу подробно и искренно. Мы находимъ здѣсь и описаніе Москвы, и анекдоты изъ тогдашней жизни, и замѣтки о театрѣ, но всего болѣе разсказы о различныхъ литераторахъ. Самое подробное свѣдѣніе о личности Карамзина изъ той эпохи, когда онъ еще не былъ большимъ бариномъ, находимъ мы именно въ письмахъ Каменева. Общій тонъ писемъ добродушно-юмористическій—до тѣхъ поръ, пока дѣло не коснется болѣзней поэта: тутъ сразу тонъ мѣняется, и предъ нами истерзанный, страждущій ипохондрикъ.

«Изъ писемъ Каменева, — говоритъ ихъ первый издатель, — вы увидите человѣка съ умомъ наблюдательнымъ, взглядомъ на вещи свѣтлымъ, безпристрастнымъ, душею нѣжною, любящею. Почти невозможно читать его письма безъ особеннаго участія, не полюбивъ его, не привязавшись къ нему всею душею».

Каменевъ старался разсѣяться въ столицахъ; но ни шумъ столичной жизни, ни новыя интересныя знакомства, ни быстрый ростъ

литературной извѣстности не могли утѣшить поэта. Мрачное предчувствіе скорой и неизбѣжной смерти томило его и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и дома, въ Казани.

Я вздохомъ начинаю день,
Смущенны взоры вкругъ вращаю:
Ищу отрадъ—тоску встрѣчаю;
Печаль слѣдитъ за мной, какъ тѣнь.
Исчезла радость, наслажденье,
Прошли забавы—и мученье
Рукой желѣзной сердце жметъ.
Влачится въ скукѣ жизнь моя.
Лишась подруги кроткой, милой,
Въ сей жизни горестной, унылой
Томятся сердце и душа...
Но скоро я глаза закрою
И смерти хладною косою
Въ могилу темную сойду!

Такъ изображалъ поэтъ свое душевное состояніе въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи.

Меланхолія Каменева въ концѣ концовъ превратилась въ полную душевную болѣзнь. Исхудалый, одичалый, онъ сталъ чуждаться не только семьи и домашнихъ, но даже вѣрныхъ друзей, ища полнаго уединенія. На цѣлыя сутки пропадалъ онъ изъ дому, блуждая въ окрестностяхъ Казани, обыкновенно, въ сосновой рощѣ Кизическаго монастыря, вмѣщающей въ себѣ кладбище, гдѣ похороненъ отецъ поэта.

Кизическую рощу поэтъ неоднократно воспѣвалъ въ своихъ поэтическихъ и прозаическихъ сочиненіяхъ. «Вотъ мѣсто,—восклицаетъ онъ, — которое питаетъ мою меланхолію! вотъ куда я часто прихожу грустить и проливать слезы... Иногда сижу подъ тѣнію башенъ, разсматриваю картину окрестности и погружаюсь въ томную, унылую задумчивость... Часто вхожу я въ обитель, читаю надписи на гробницахъ, останавливаюсь при могилѣ, вмѣщающей прахъ родителя моего. Бѣдное сердце мое тоскуетъ, съ тяжкимъ вздохомъ упадаетъ слеза на хладный камень! Ахъ, какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что скоро, скоро я соединюсь съ нимъ, и, избѣгнувъ превратности счастія, успокоюсь въ нѣдрахъ общей нашей матери. Иногда прохаживаюсь подъ тѣнью рощи. Здѣсь глубокое безмолвіе ничѣмъ не прерывается, и высокія сосны, вѣтромъ колеблемыя, томнымъ по временамъ шумомъ придаютъ болѣе унынія печальному мѣсту сему... Читатель!—заключаетъ поэтъ:—если ты будешь когда въ сей рощѣ, вспомни, что одинъ несчастный молодой человѣкъ часто проливалъ въ ней слезы! вспомни: можетъ быть, скоро пройдешь ты мимо его могилы».

Это писалъ Каменевъ ровно за два мѣсяца до смерти.

Блуждая постоянно по кладбищу и безпрерывно предаваясь своему отчаянію, Каменевъ дожилъ до галлюцинацій: предъ нимъ стали разверзаться могилы и являться загробные призраки, предвѣщающіе смерть. Это описано имъ въ особомъ стихотвореніи, а также и въ одномъ прозаическомъ разсказѣ.

26-го іюля 1803 года Каменевъ наконецъ сбросилъ съ себя «жизни бремя», на 32 году отъ роду, по внѣшнимъ дарамъ—баловень судьбы, и мученикъ по внутренней исторіи своей души.

Прахъ его былъ погребенъ рядомъ съ могилою отца, на Кизическомъ кладбищѣ, близъ церковной ограды. Вокругъ этихъ могилъ впослѣдствіи были погребены и обѣ дочери поэта Каменева—Рубанова и Хворова, а также и лучшій его другъ С. А. Москотильниковъ.

Литературное наслѣдіе Каменева, его бумаги въ значительной части достались Москотильникову. Другой ящикъ съ масонскими бумагами и письмами Каменева погибъ въ 1874 году. Въ это время въ Казани производились усиленные политическіе обыски. Родная внучка Каменева, богатая купчиха Крупеникова, считая по старой наслышкѣ масонство вещью опасною, спалила все содержимое ящика.

Вдова Каменева скоро утѣшилась и вышла замужъ. Мужского поколѣнія въ семьѣ Каменевыхъ не осталось, и славное имя купцовъ Каменевыхъ утратилось въ Казани. Въ домѣ, гдѣ скончался поэтъ, устроили трактиръ, долго тамъ существовавшій подъ фирмою «Гамбургъ».

Въ литературѣ новые писатели скоро затмили перваго русскаго романтика. Его начисто забыли. Пушкинъ въ бытность свою въ Казани въ 1833 году запрашивалъ о немъ у племянницы поэта, просилъ ее собирать матеріалы и хотѣлъ самъ писать біографію Каменева. Письма Каменева къ Москотильникову были изданы Н. И. Второвымъ въ 1845 году въ I части сборника графа Сологуба «Вчера и сегодня». Письмамъ Второвъ предпослалъ небольшую біографическую замѣтку, составленную со словъ Москотильникова, которому и была посвящена статья. Данныя о Карамзинѣ были использованы разными лицами, въ томъ числѣ его біографомъ, М. П. Погодинымъ.

Затѣмъ о Каменевѣ вспоминали иногда составители христоматій, какъ-то Галаховъ и Гербель; перепечатывался неоднократно и «Громвалъ», но всегда не въ подлинномъ видѣ, а, какъ оказывается, въ передѣлкѣ Жуковскаго, по его изданію «Образцовыхъ сочиненій». Потомъ въ мѣстныхъ казанскихъ газетахъ появлялись отъ времени до времени краткія замѣтки о Каменевѣ.

Съ 1896 года начинаются мои собственныя работы надъ Каменевымъ. Благодаря любезности наслѣдницы Москотильникова, его пріемной дочери, П. К. Проскуряковой, мнѣ удалось воспользоваться бумагами Москотильникова. Но я уже не нашелъ многаго,

что имѣлъ въ рукахъ своихъ Второвъ: не сохранились даже всѣ тѣ письма, которыя имъ напечатаны.

Въ 1902 году въ III томѣ моего труда «Литература и просвѣщеніе» я вторично издалъ письма Каменева съ подробными объясненіями и съ возстановленіемъ многочисленныхъ пропусковъ, сдѣланныхъ Второвымъ; къ письмамъ былъ приложенъ сводъ всѣхъ данныхъ, имѣющихся о Каменевѣ въ печати.

Нынѣ подготовляется мною первое собраніе сочиненій, переводовъ и переписки Г. П. Каменева.

Въ свѣтлый четвергъ сего года я ѣздилъ въ Кизическій монастырь и посѣтилъ мѣсто упокоенія Каменева. Стоя у его могилы, я невольно повторялъ предсмертный призывъ бѣднаго поэта—Друзья, придите вы сюда»:

Придите! древнихъ соснъ въ тѣняхъ
Надгробный камень тамъ бѣлѣетъ;
Подъ нимъ вашъ другъ несчастный тлѣетъ:
Слезой его почтите прахъ!
Почувствуйте въ душѣ унылой,
Какъ надъ безмолвною могилой
Во мракѣ ночи вѣетъ вѣтръ...

Проф. Е. А. Бобровъ.

ВЪ ПЛОСКОСТНОЙ ОСЕТІИ.

(Очерки).

I.

АШИНОВЦЫ.

I.

КОГДА я и мой товарищъ, поручикъ В., одинъ изъ чиновъ администраціи Терской области, въѣхали въ большую и грязную казачью станицу Ардонъ, нашъ возница обернулся и спросилъ:

— Гдѣ начальникъ хочетъ остановиться?

— У полковника Х., — отвѣтилъ ему мой товарищъ: — знаешь, гдѣ онъ живетъ?

— Знаю, знаю, — закивалъ головою возница и, подщелкивая увязавшую чуть не по колѣно въ грязи тройку усталыхъ лошадей, повезъ насъ на другой конецъ станицы.

Мы двигались, конечно, медленно, и ничто не препятствовало мнѣ разглядѣть всѣ признаки матеріальнаго благосостоянія станицы: хорошо построенные деревянные или каменные дома, прочныя и зачастую желѣзныя крыши, разныя службы при домахъ, недурную православную церковь и, наконецъ, даже 6-ти-классное духовное училище.

— Наши казаки живутъ вообще очень хорошо,—говорилъ мнѣ тѣмъ временемъ В.:—но, къ сожалѣнію, богатая природа сдѣлала ихъ такими же лѣнивыми, какъ и всѣхъ вообще обитателей нашей плоскости—аборигеновъ и пришельцевъ. Какъ и осстины или ингуши, казаки занимаются главнымъ образомъ струганіемъ па-

лочекъ, а работы возлагаютъ или на женскую половину, или на наемныхъ рабочихъ изъ Россіи. Сверхъ того, сильно пьянствуютъ, какъ и осетины, и перенимаютъ даже ихъ нравы и обычаи вмѣсто того, чтобы быть піонерами новой и высшей культуры въ краѣ.

— Но что же подѣлаешь, коли такова уже русская натура?— замѣтилъ я:—куда ни придетъ нашъ соотечественникъ, вездѣ онъ быстро сходится съ мѣстнымъ населеніемъ и начинаетъ подражать ему. Благодушіе, широкая терпимость, а отчасти и распущенность— эти основныя наши черты позволяютъ намъ уживаться съ самыми удивительными крайностями. Я давно уже живу и странствую по нашимъ окраинамъ и всегда замѣчалъ, какъ быстро сходится нашъ мужичекъ или солдатъ съ чуждыми народностями, къ которымъ забрасываетъ его судьба, и особенно, если эти народности малокультурны, а по складу своего характера — благодушны и общительны. И все равно тогда ему, какимъ языкомъ говоритъ эта народность и какому богу молится. Не даромъ же на западѣ насъ считаютъ прекрасными колонизаторами.

— Я вполнѣ согласенъ съ вами, —отвѣтилъ В.,—и чрезвычайно цѣню въ нашемъ народѣ эту терпимость и способность къ сліянію съ инородцами. Но едва ли можно одобрить, когда онъ, носитель во всякомъ случаѣ высшей культуры, усваиваетъ себѣ нравы и обычаи этихъ инородцевъ и такимъ образомъ не поднимаетъ ихъ до себя, а самъ спускается къ нимъ.

— Да, такія положенія вообще нежелательны и прискорбны,— возразилъ я:—но не трудно и имъ найти оправданіе. Нравы и обычаи каждаго народа или племени вырабатываются подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій: климата, характера мѣстности и т. д. И вотъ когда среди этихъ аборигеновъ края со сложившимся уже подъ вліяніемъ такихъ физическихъ условій строемъ жизни появляются новые люди, то, весьма понятно, они должны приспосабливаться и примѣняться къ той обстановкѣ, въ которую попадаютъ. Взять, напримѣръ, здѣшнихъ казаковъ. Жители равнинъ, они попали въ предгорную полосу, гдѣ все иное, чѣмъ на ихъ бывшей родинѣ: и почва другая, и климатъ другой, и люди другіе. Одной рукой они должны были обрабатывать свою землю, а другой отстрѣливаться отъ свирѣпаго врага. Весьма натурально, что при такихъ условіяхъ они съ первыхъ же шаговъ отбросили въ сторону принесенные съ родины обычаи и стали вырабатывать себѣ совершенно иной укладъ жизни. И этотъ укладъ, понятно, сталъ все больше и больше приближаться къ строю жизни чеченцевъ, кабардинцевъ, осетинъ и другихъ коренныхъ обитателей края. А когда страна была уже замирена, то это сближеніе пошло еще быстрѣе въ виду возникшей совмѣстной жизни и постоянныхъ сношеній. Но если путемъ такого сближенія они кое-что потеряли

изъ принесеннаго съ родины, то, навѣрное, кое-что и выиграли. Ну, да и аборигены страны, нужно думать, немало все-таки пріобрѣли въ свою очередь отъ нашихъ казаковъ.

— Ну, конечно,—отвѣтилъ В.,—и осетины, и чеченцы немало вынесли изъ этого сосѣдства и изъ своего пріобщенія къ болѣе высокой культурѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ они все больше и больше оцѣниваютъ плоды ея. Вы уже знакомы съ нѣкоторыми изъ образованныхъ осетинъ и между прочимъ съ полковникомъ X., къ которому мы и ѣдемъ теперь; потомъ познакомитесь еще и съ другими, а пока воспользуйтесь случаемъ поговорить здѣсь, въ Ардонѣ, съ нашими ашиновцами.

— Что такое?—переспросилъ я своего товарища.

— А видите ли, когда Ашиновъ собирался въ свою экспедицію въ Абиссинію, то онъ набиралъ себѣ достойныхъ сподвижниковъ среди казаковъ и другихъ искателей приключеній. Конечно, и наши осетины не преминули примкнуть къ нему, и нѣсколько человѣкъ ардонцевъ сопровождало его въ Африку, откуда потомъ со всей экспедиціей и главой ея ихъ вернули обратно на родину.

— И они теперь здѣсь, въ Ардонѣ?

— Да, я думаю. И если вы попросите X., то онъ, навѣрное, не откажетъ пригласить ихъ къ себѣ. Они говорятъ по-русски и разсказываютъ очень много интереснаго. Но вотъ мы и пріѣхали.

II.

Въ этотъ моментъ телѣжка наша въѣхала во дворъ, окруженный разными службами и заборомъ, и остановилась передъ небольшимъ щеголеватымъ домикомъ, подъ желѣзной крышей. Нѣсколько собакъ привѣтствовало лаемъ наше появленіе, а когда мы сошли съ телѣжки и поднялись на деревянное крылечко, къ намъ навстрѣчу вышелъ самъ хозяинъ, полковникъ X., плотный и крѣпкій мужчина, невысокаго роста, лѣтъ сорока отъ роду.

Осетинъ и уроженецъ Ардона по происхожденію, онъ получилъ воспитаніе въ русскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и офицеромъ уже, въ чинѣ сотника, принималъ участіе въ послѣдней русско-турецкой кампаніи. Состоя при «бѣломъ генералѣ» М. Д. Скобелевѣ, онъ успѣлъ заслужить особенную его любовь и получилъ отъ него на память прекрасную саблю съ такой надписью: «Въ память пережитыхъ вмѣстѣ боевыхъ впечатлѣній въ славную кампанію 1877—1878 гг. въ Европейской Турціи отъ цѣнящаго молодецкую службу сотника X... начальника —го отряда генералъ-адъютанта Скобелева. Адріанополь $18\frac{12}{XI}78$ г.».

Сабля эта хранится, конечно, какъ святыня, и вмѣстѣ съ портретами самого Михаила Дмитріевича, его отца, матери и ближай-

шихъ сподвижниковъ и сотрудниковъ, А. Н. Куропаткина, нынѣ военнаго министра, Баранка и др. украшаетъ кабинетъ хозяина.

Любезно пригласивъ насъ спать и расположиться вообще, какъ у себя дома, полковникъ Х. тотчасъ же распорядился насчетъ закуски, вина и чая. А пока бойкій мальчуганъ ингушъ устраивалъ столъ и устанавливалъ посуду, онъ занималъ насъ своими воспоминаніями о «бѣломъ генералѣ» и вообще о послѣдней кампаніи...

Въ это же время на порогѣ комнаты, гдѣ мы сидѣли, появился молодой человѣкъ лѣтъ 22—23, одѣтый въ туземный костюмъ, и скромно сталъ въ сторонѣ. Хозяинъ выждалъ, пока нашъ разговоръ на минуту оборвался, и затѣмъ отрекомендовалъ этого молодого человѣка, какъ своего младшаго брата, студента Московскаго университета.

Я съ удовольствіемъ пожалъ руку симпатичному молодому человѣку и пересѣлъ на сосѣдній стулъ, чтобы освободить ему мѣсто. Но онъ поблагодарилъ и остался стоять.

— По нашимъ стариннымъ обычаямъ, младшіе не могутъ садиться въ присутствіи старшихъ,—сказалъ онъ въ поясненіе.

— Это вѣрно,—подтвердилъ и хозяинъ:—молодъ еще, пускай постоитъ. А когда выростетъ, такъ и передъ нимъ тоже будутъ стоять.

И только, когда подали закуску, онъ разрѣшилъ своему брату сѣсть вмѣстѣ со всѣми нами къ столу.

А на другой день, когда я остался вдвоемъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ, я вновь велъ рѣчь на этотъ вопросъ, и онъ мнѣ сказалъ.

— Мы, осетины, да и вообще всѣ коренные обитатели кавказскихъ горъ и нашей плоскости, дорожимъ своей стариной и свято хранимъ многіе вѣковѣчные обычаи. И среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ это правило—всегда и всюду оказывать почтеніе старшимъ. Старинный бытъ нашъ былъ основанъ на родовомъ принципѣ, гдѣ, какъ извѣстно, возрастъ имѣлъ рѣшающее значеніе... Правда, теперь уже далеко не попрежнему соблюдается этотъ прекрасный обычай; но я лично считаю его чрезвычайно важнымъ и почтеннымъ и полагаю, что нахожденіе въ университетѣ не только не избавляетъ меня отъ исполненія его, но и обязываетъ къ еще болѣе внимательному къ нему отношенію.

— И вашъ братъ, видимо, тоже строго придерживается его?—спросилъ я.

— Да, и это совершенно правильно. Мой братъ и я, мы находимся на виду у нашихъ одноплеменниковъ и должны показывать имъ примѣръ. Поэтому я сажусь лишь во время ѣды, хотя обѣдаемъ мы вмѣстѣ тоже довольно рѣдко,—да когда пишу брату отчетность по его хозяйству.

И нельзя не признать всей справедливости этихъ разсужденій...

А во время той же закуски мы познакомились, хотя впрочемъ не лично, а лишь на словахъ, со всей остальной семьей нашего хозяина.

— Я женатъ теперь во второй разъ,—говорилъ онъ:—и имѣю двухъ сыновей и дочь. Жена — здѣсь, но она у меня дикарка и никогда не выходитъ къ гостямъ. А изъ дѣтей старшій сынъ—въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, а остальныя — еще маленькія. Второй сынъ тоже пойдетъ въ корпусъ, а дочь въ институтъ.

— А не повѣрите, — продолжалъ онъ послѣ короткой паузы, указывая на своего брата-студента:—наши ардонцы никакъ не могутъ простить ему, что онъ не пошелъ на военную службу.

— Да, это правда, — отозвался съ улыбкой студентъ:—просто проходу не даютъ, допрашивая, когда же я буду офицеромъ и надѣну погоны! Погоны вѣдь для нихъ, какъ для дѣтей,—все. И они никакъ не могутъ понять никакой другой службы, кромѣ военной.

И когда я стараюсь убѣдить ихъ, что дѣятельность на гражданскомъ поприщѣ можетъ быть также почтенна и принести еще бо́льшую пользу, чѣмъ военная служба, они, выслушавъ внимательно меня, опять повторяютъ свой вопросъ: «а погоны-то скоро надѣнешь?» И, кажется, придется уступить имъ и по окончаніи университетскаго курса, дѣйствительно, начать готовиться на офицера...

III.

Мысль о знакомствѣ съ «ашиновцами» преслѣдовала меня съ первой же минуты нашего прибытія къ Х., но высказать ее я нашелъ удобнымъ лишь на другой день утромъ, когда мы вновь собрались всѣ за чайнымъ столомъ. Любезный хозяинъ тотчасъ же выразилъ свое согласіе и послалъ за ними одного изъ своихъ прислужниковъ.

Къ великому моему удовольствію, «ашиновцы» оказались дома и не замедлили явиться въ садовую бесѣдку, гдѣ мы поджидали ихъ за столикомъ, уставленнымъ закуской, виномъ, аракой (водкой) и брагой.

Ихъ было трое — все рослый, видный и красивый народъ съ выразительными лицами, на которыхъ бойко сверкали свѣтлые глаза. Но особенно выдѣлялся одинъ, котораго всѣ присутствующіе звали Шавкуцъ (Черная Собака—въ переводѣ). Большого роста, широкоплечій, обладатель, несомнѣнно, громадной физической силы, а, судя по лицу, глазамъ и вообще по всему поведенію, большой умница и «себѣ на умѣ», онъ представлялъ собою типъ настоящаго авантюриста, смѣлаго, находчиваго и хотя цѣнящаго

всѣ блага земныя, но готоваго на самыя безумныя предпріятія изъ одной только любви къ приключеніямъ... Его товарищи и выдвинули его впередъ въ качествѣ разсказчика, а сами лишь поддакивали ему въ наиболѣе интересныхъ мѣстахъ, скрѣпляя свои возгласы энергичной жестикуляціей, выразительной мимикой и игрой глазъ.

Шавкуцъ Джейрановъ,— такова была фамилія этого осетина, уроженца Ардона,—какъ и остальные его товарищи, сначала немного стѣснялся, не хотѣлъ садиться, ѣсть и пить въ нашемъ присутствіи. Но мы настояли на этомъ—и тѣмъ успѣшнѣе, что самъ Х., познакомивъ насъ, тотчасъ же ушелъ по дѣлу.

— Что же вамъ разсказать? — спросилъ Джейрановъ, когда я попросилъ его подѣлиться съ нами своими воспоминаніями объ абиссинской экспедиціи.

— Да разскажите сначала о самомъ Ашиновѣ,—отвѣтилъ я:— гдѣ вы съ нимъ познакомились и какимъ образомъ попали подъ его команду?

— Кто такой былъ Ашиновъ, этого я и теперь не знаю, — началъ Джейрановъ:—да и сама его хозяйка (жена) тоже, видно, не знала. И зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Абиссинію, — также никому неизвѣстно. А познакомился я съ нимъ во время послѣдней войны подъ Карсомъ. Я тамъ сначала былъ въ охотникахъ у Самата— можетъ, знаете, разбойникъ такой былъ, бѣглый каторжникъ; но во время войны онъ со своею командою много пользы принесъ, и ему простили и даже офицерскіе погоны дали; большой былъ храбрецъ и отчаянный человѣкъ. Много мы съ нимъ разныхъ штукъ выкидывали... Ну, а потомъ перешелъ я въ конвой при генералѣ Гейманѣ, а начальникомъ этого конвоя и былъ какъ разъ есаулъ Ашиновъ. Мы съ нимъ очень даже сдружились и каждый день бесѣдовали о томъ, о другомъ. Говорилъ онъ кое-что и о себѣ, но немного; говорилъ еще, что генералъ Гейманъ приходится ему дядей, и что также приходится и знаменитый кавказскій герой, генералъ Слѣпцовъ, погибшій въ 1850 году. Разсказывалъ и о другихъ значительныхъ своихъ родственникахъ...

Ну, а какъ кончилась война, мы разстались. Ашиновъ, правда, подбивалъ меня ѣхать съ нимъ въ Россію, но я отказался и вернулся въ Ардонъ... Прошло такъ лѣтъ семь, и вдругъ получаю я отъ него изъ Іерусалима письмо, въ которомъ онъ приглашаетъ меня пріѣхать къ нему съ нѣсколькими товарищами «за деньгами». Подумалъ я, подумалъ, да такъ и не собрался. Но черезъ нѣкоторое время вдругъ—другое письмо съ болѣе настойчивымъ приглашеніемъ, при чемъ онъ предупреждалъ меня, что я долженъ быть готовъ на все... Пахло, значитъ, чѣмъ-то особеннымъ... Ну, тутъ я не удержался и бросился во Владикавказъ за паспортомъ, но мнѣ отказали.

Прошло еще сколько-то тамъ лѣтъ, и опять Ашиновъ приглашаетъ ѣхать съ нимъ далеко «за деньгами» и тоже товарищей набрать, да поотчаяннѣй... Ну, сталъ я тогда изыскивать способы, какъ бы устроить это; написалъ и Ашинову... И пустили тогда слухъ, что хотятъ повезти нашихъ горцевъ, которые поудалѣе и хорошо умѣютъ джигитовать, въ Парижъ, чтобы показывать ихъ тамъ. Ну, я и вызвался и нѣсколько нашихъ молодцевъ со мною. Долго мы учились джигитовкѣ и хорошо выучились. А какъ кончили, тутъ и извѣстіе, что мы должны ждать пріѣзда одного господина, который посмотритъ насъ всѣхъ, а затѣмъ и снарядитъ въ дорогу. Поѣхалъ я встрѣчать его на станцію Даръ-кохъ, встрѣтилъ. Пріѣхали мы вмѣстѣ въ Ардонъ; посмотрѣлъ онъ тутъ моихъ товарищей и доволенъ остался. Хотѣли тогда было еще и ингуши пристать къ намъ, да сразу же оскандалились на джигитовкѣ: ни одинъ не могъ шапки съ земли поднять. Ну, имъ и скомандовали: «направо, налѣво, по домамъ!»

IV.

Какъ посмотрѣлъ это насъ тотъ господинъ,—продолжалъ Джейрановъ, проглотивъ предложенный ему стаканъ араки,—такъ и велѣлъ собираться въ дорогу. И денегъ далъ... Самъ уѣхалъ впередъ, а намъ велѣлъ всѣмъ вмѣстѣ—десять человѣкъ насъ собралось—двигаться на Новороссійскъ, а затѣмъ моремъ на Одессу. До Новороссійска мы добрались скоро и безъ препятствій, а тамъ вдругъ «стой!» Буря разыгралась на морѣ, и ни одинъ пароходъ не шелъ изъ порта. Что тутъ дѣлать? Вѣдь намъ надо было къ сроку поспѣть!... Ну, и послалъ я въ Одессу такую телеграмму: «везу десять пудовъ первосортнаго балыку; пути нѣтъ; какъ быть?» На другой день—отвѣтъ оттуда: «для перваго сорта можно обождать недѣлю, другую».

Ну, обождали немного, море успокоилось. Пріѣхали мы въ Одессу, а тамъ насъ давно уже ждутъ. И Ашиновъ тутъ, только уже подъ фамиліей Петрова. Встрѣтилъ насъ очень хорошо и позволилъ сначала покутить немного. А затѣмъ и за работу. Прежде всего нужно былъ одѣться, потомъ ружьями запастись и перевезти ихъ скрытно на пароходъ. Ѣхали-то мы какъ будто монахи, и попъ настоящій былъ съ нами, архимандритъ Паисій. Ну, значитъ, одѣлись всѣ въ монашескія рясы, а подъ рясами-то—черкески и кинжалы, и револьверы у пояса. И ружья тоже перевозили, какъ будто тюки съ священнымъ писаніемъ и иконами. Я и возилъ эти тюки на пароходъ изъ какого-то склада. Но какъ мы ни прятались, а все-таки за нами стали слѣдить, и какой-то пройдоха увязался за нами на пароходъ и до самаго Адена ѣхалъ. А тамъ вы-

садился на берегъ и написалъ въ Европу, что «ѣдутъ, молъ, въ Африку хорошіе русскіе монахи—настоящіе черкесы».

И всю дорогу вотъ этакъ намъ покою не давали. Вездѣ уже слухъ пошелъ, что мы вовсе не монахи. И когда пріѣхали въ Константинополь, то тамъ явилось на пароходъ нѣсколько турецкихъ пашей и всѣ переодѣтые разными торговцами. Но Ашиновъ всѣхъ ихъ зналъ, и мы, съ его разрѣшенія, устроили имъ штуку: одинъ изъ нашихъ молодцевъ какъ будто разсердился на меня и толкнулъ, я—его, другіе присоединились, и пошла потѣха. А турокъ зацѣпили какъ будто мимоходомъ и невзначай, да такъ зацѣпили, что они еле успѣли съ парохода убраться...

Плыли мы тогда на австрійскомъ пароходѣ, и было насъ много, человѣкъ около двухсотъ. Насъ-то, осетинъ, только десятеро, а то все больше казаки-некрасовцы; но удалой все народъ: хоть въ огонь, хоть въ воду,—ни на минуту не задумаются. Ну, конечно, трудно было такимъ молодцамъ монахами себя всю дорогу держать. Мы, правда, для отвода глазъ и обѣдни поочереди служили, то одинъ, то другой.

— И вы служили?—спросилъ я, улыбаясь.

— И я служилъ,—отвѣтилъ Джейрановъ съ такой же усмѣшкой:—стою себѣ, кадиломъ помахиваю да во все горло вывожу: «дай имъ, Господи, поменьше, а намъ побольше!» А австрійцы стоятъ поодаль и думаютъ, что мы и взаправду обѣдню служимъ.

— И такъ они не догадались, какихъ монаховъ везли?—задалъ я новый вопросъ.

— Какое не догадались: тоже скоро поняли, и хотѣли было высадить насъ гдѣ-то на берегъ. Ну, да мы тогда сразу, по знаку Ашинова, сбросили съ себя рясы да за кинжалы взялись. Ну, увидали австрійцы, что съ нами шутки плохи, и покорно поѣхали дальше. А мы все-таки хотѣли ихъ перерѣзать, всю прислугу,—человѣкъ 60 ея было,—и завладѣть пароходомъ. Но и Ашиновъ, и архимандритъ Паисій строго-настрого запретили это дѣлать. А хорошо бы было: плавали бы тогда по морю да ловили, что въ руки бы плыло. И всякіе нужные фокусники съ нами были, которые сумѣли бы пароходомъ править; только рулевого да лоцмана хотѣли оставить.

— И долго вы плыли?

— Да, довольно таки долго. И скучно это было. Только тогда душу отводили, когда къ берегу приставали. Пріѣхали вотъ такъ въ Портъ-Саидъ. Городъ весь набитъ разными проходимцами, собравшимися со всего свѣта, пьянство идетъ, рулетка, разныя безобразія. Ну, захотѣлось и намъ немного встряхнуться, а денегъ-то и нѣтъ. Надумали тогда штуку. Нѣсколько нашихъ казачковъ, въ тѣхъ же своихъ рясахъ, отправились въ рулетку поиграть. Пришли, примазались; сразу же имъ счастье улыбнулось, и они вы-

играли нѣсколько золотыхъ. Но при дѣлежѣ выигранныхъ денегъ они какъ будто поссорились между собой и, моментально сбросивъ рясы, выхватили свои кинжалы и револьверы. Тогда публика, да и сами хозяева въ ужасѣ бросились въ разныя стороны. А когда зала опустѣла, казачки надѣли вновь свои рясы, сгребли въ карманы все лежавшее на столахъ золото и благополучно вернулись на пароходъ. На другой же день весь городъ уже зналъ о нападеніи монаховъ на рулетку. Но хозяева ея не хотѣли видно открыто дѣло начинать и особенно когда узнали, что вся исторія обошлась благополучно, и ни одинъ изъ монаховъ не остался на мѣстѣ...

Тутъ Шавкуцъ остановился на минуту, видимо самъ восторгаясь разсказанной выходкой и давая и намъ возможность вдоволь насладиться ею. Одинъ же изъ его товарищей сказалъ ему что-то по-осетински.

— А, да, да,—отвѣтилъ ему Джейрановъ и затѣмъ, обращаясь къ намъ, продолжалъ:—это тоже было хорошо. Ашиновъ никогда не пускалъ насъ на берегъ большими партіями, а только по нѣскольку человѣкъ: боялся, что мы тамъ перепьемся и весь городъ перерѣжемъ. Вотъ такъ отпустилъ онъ въ городъ четырехъ казачковъ, а денегъ далъ имъ всего какую-то мелкую монету, въ родѣ нашего двугривеннаго. Пошли они. Пить смерть хочется, а на двугривенный далеко не разъѣдешься. Но тамъ, на ихъ счастье, обычай такой оказался: прежде чѣмъ купить какого нибудь спиртнаго напитка, можешь даромъ попробовать его.

Вотъ и пошли они поодиночкѣ пробовать разные напитки, да такъ напробовались, что потомъ и дорогу на пароходъ потеряли... Ашиновъ ждалъ-ждалъ ихъ, да и послалъ наконецъ разыскивать: нашли въ какой-то канавѣ дружески обнявшимися, и тутъ же рядомъ и двугривенный лежалъ...

— Ну, а столкновеній съ властями не было?—спросилъ я.

— Какъ не быть,—бывали. Особенно досаждалъ намъ одинъ консулъ, не то французскій, не то англійскій. Повадился на нашъ пароходъ ходить да слѣдить за нами. Ну, надоѣло намъ это, наконецъ, и мы однажды заманили его въ укромное мѣсто да и отдули тамъ наилучшимъ образомъ. Но, какъ потомъ оказалось, въ ошибку попали: вмѣсто любопытнаго консула избили какого-то флигель-адъютанта султана. Тотъ пожаловался нашему консулу, и пошла исторія. Какъ никакъ, а пришлось выдать двухъ наиболѣе виновныхъ. Но и нашъ консулъ постарался это дѣло потушить и далъ арестованнымъ возможность бѣжать. И, конечно, на нашемъ кораблѣ ихъ уже не нашли...

Послѣ этого случая мы поспѣшили уйти изъ Портъ-Саида и долго трепались въ Чермномъ морѣ. Бури тамъ преслѣдовали насъ, и много иностранныхъ кораблей слѣдило; были среди нихъ и военные. Ну, мы тогда на своемъ совѣтѣ рѣшили, что если военныя

суда пристануть къ нашему пароходу, то будемъ рѣзаться; а тамъ, чья возьметъ... Но отецъ Паисій былъ противъ этого и во время совѣта сказалъ: «нѣтъ, рѣзаться не нужно. Богъ—среди насъ, и вотъ посмотрите, черезъ часъ ни одного военнаго корабля поблизости не останется». И дѣйствительно черезъ часъ поднялась страшная буря, и всѣ суда разметало въ разныя стороны. Такъ мы и плыли уже одни до самой Африки.

V.

— Ну, а въ Африкѣ какъ вы устроились?

— Въ Африкѣ мы устроились недалеко отъ берега, въ мѣстности, называвшейся Сагало. Разбили лагерь изъ палатокъ, церковь поставили и обвели все это мѣсто валомъ и рвомъ да заборъ еще высокій изъ колючекъ поставили. А то эти дикари, которые кругомъ насъ жили, прыгаютъ, какъ козы, и никакой ровъ отъ нихъ не убережетъ. Занимались же мы тамъ разными работами, хлѣбъ сѣяли, виноградъ растили. И теперь должны быть тамъ наши лозы. Да и, кромѣ лозъ, еще должны быть слѣды нашего пребыванія: кое-кто умеръ, особенно изъ женщинъ да дѣтей, иныхъ дикари убили; мы всѣхъ похоронили и кресты поставили. А потомъ и дѣти наши тамъ должны быть: не даромъ же мы тамъ столько времени простояли! Своихъ-то женщинъ у насъ мало было—всего десять; ну, а дикарокъ-то много кругомъ вертѣлось...

— Ну, а каковы вообще были ваши отношенія съ дикарями?

— Да ничего. Сначала они было очень недружелюбно и подозрительно къ намъ отнеслись, ну, а затѣмъ, когда увидали, что мы имъ вреда не дѣлаемъ,—перестали коситься и часто въ лагерь къ намъ ходили цѣлыми толпами. Но грубый такой народъ, никакого развитія. Ихъ звали Дамали и Сомали. Ходили они нагишемъ, безъ всякихъ покрововъ, питались глиной, смѣшанной съ солью и сердцевиной какого-то дерева. Нѣкоторые молодцы у насъ тоже пробовали эту смѣсь и говорили, что ничего,—ѣсть можно. Жили они въ лѣсу, подъ кустами и тутъ же на виду у всѣхъ всѣ нужды свои отправляли. Ну, а насчетъ браковъ у нихъ совсѣмъ было свободно: сегодня одинъ мужъ, завтра другой.

— А было у нихъ какое нибудь управленіе?

— А какъ же. Тоже свой султанъ былъ, а у него—два помощника. Но такой же былъ грубый и неразвитый человѣкъ, какъ и его подданные. Жилъ онъ, впрочемъ, уже не подъ кустомъ, а въ балаганѣ, которымъ дикари хвастались, какъ мы какимъ нибудь дворцемъ. Но слушались они его мало — только тѣ, кто поближе жилъ, а другіе совсѣмъ ни въ грошъ не ставили. Знакомъ же его султанскаго достоинства была повязка вокругъ чреслъ, концы ко-

торой закидывались черезъ плечо. Его помощники тоже носили такія повязки.

— Когда онъ въ первый разъ пришелъ къ намъ,—продолжалъ Джейрановъ, улыбаясь:—мы дали ему кусочекъ сахару. Положилъ онъ его въ ротъ и началъ сосать. А какъ почувствовалъ сладость, такъ даже плясать сталъ на мѣстѣ. И ужъ причмокивалъ онъ и ослюнявился весь... Просто, какъ ребенокъ. И потомъ что угодно готовъ былъ отдать за кусокъ сахару. И золото, и серебро несъ... И всѣ его подданные тоже сахаръ полюбили. А такъ какъ языкъ у нихъ очень бѣдный, и какъ назвать его, они не знаютъ, то принесутъ, бывало, маленькій кусочекъ сахару, нарочно оставленный отъ вчерашняго дня, а въ другой рукѣ держатъ серебряную монету, которую мы же имъ дали раньше за что нибудь. Это значитъ: «давай, молъ, сахару, а себѣ бери серебро». Хлѣба вотъ тоже постоянно выпрашивали: глина-то все же похуже казалась.

— Вообще, значитъ, часто они къ вамъ въ лагерь ходили?

— Да, постоянно торчали: и мужчины, и женщины, и всѣ нагишемъ. Придутъ это цѣлой толпой и сядутъ. И долго сидятъ, все смотрятъ, а то знаками объясняются. Потомъ, впрочемъ, мы уже немного стали и языкъ ихъ понимать. Только бѣдный очень языкъ: даже именъ для людей нѣту, а отличаются они другъ отъ друга тавромъ, которое ставится одно и то же на всѣхъ членахъ одной и той же семьи. Женщины ихнія очень любили ходить въ палатку къ хозяйкѣ Ашинова, а потомъ и мужчины повадились. Ну, съ женщинами-то она не стѣснялась, а насчетъ мужчинъ просила меня давать имъ какую нибудь повязку на бедра. Только не помогало это: пока стоитъ—все хорошо; а какъ подойдетъ поближе, какъ у нихъ въ обычаѣ, да сядетъ на корточки, ну, повязка и всползетъ наверхъ. А хозяйка Ашинова конфузится, все вверхъ смотритъ... А другія наши женщины скоро даже сами стали ходить голыми. Мы все надъ ними смѣялись и показывали имъ туземокъ: «Видите, голыми ходятъ. Отчего бы и вамъ не ходить также»? Онѣ сначала отговаривались, но потомъ въ одинъ день условились между собой и всѣ сбросили свои рубахи (онѣ только въ однѣхъ рубахахъ ходили, потому что было очень жарко). Такъ потомъ и ходили все время къ общему удовольствію... И тоже, какія исторіи бывали. Шли разъ двое изъ нашихъ молодцовъ по лѣсу и слышатъ вдругъ стоны въ сторонѣ. Ну, сейчасъ туда и видятъ: лежитъ подъ кустами негритянка и родами мучится. И подлѣ нея никого. Ну, стали помогать: одинъ за младенца взялся, другой за женщину. И ничего, все кончилось благополучно.

— Но сошлись-то мы такъ близко уже подъ конецъ, а то все остерегались другъ друга. Идемъ, напримѣръ, куда нибудь вмѣстѣ и все держимся насторожѣ и разстояніе между собой оставляемъ. Правда, оружія-то у нихъ не было такого, какъ у насъ, ружей

да револьверовъ; но зато своими копьями они владѣли превосходно, попадали ими на охотѣ въ глазъ животному на какомъ угодно разстояніи. Да и много ихъ было, а насъ одна горсть. Поэтому мы очень оберегали сначала свой лагерь и крѣпость. И султанъ тоже не вѣрилъ своимъ подданнымъ и предупреждалъ насъ: «Смотрите, берегитесь, а то обворуютъ васъ!» Но его предсказаніе, къ счастью, не сбылось: только одинъ разъ какъ-то топоръ пропалъ. Султанъ приказалъ разыскать; и, вправду, разыскали и принесли. Ну, а наши молодцы охулки на руки не положили: не одинъ разъ по ночамъ забирались къ сосѣдямъ и производили у нихъ большой переполохъ.

VI.

— Ну, а что же вы вывезли изъ вашей экспедиціи?

— Да ничего не привезли, потому что французы, которые бомбардировали нашъ лагерь съ своихъ пароходовъ, все у насъ отняли. И зачѣмъ мы туда ѣздили, кто его знаетъ? Ашиновъ никуда насъ не пускалъ, а самъ ѣздилъ въ Абиссинію и потомъ разсказывалъ, что тамъ и города есть, и дома хорошіе, и церкви. А мы такъ ничего и не видали, хотя цѣлый годъ почти тамъ прожили. Но все-таки опять бы поѣхали, если бы можно было, хоть сейчасъ. Автъ (такъ)?—спросилъ онъ, обращаясь къ молчаливымъ своимъ товарищамъ.

Тѣ вмѣстѣ кивнули головами и рѣшительнымъ тономъ сказали: «автъ». И, глядя на ихъ физіономіи и глаза, нельзя было ни на минуту усомниться въ томъ, что они говорятъ правду.

— Только вотъ, что я вывезъ изъ Африки,—продолжалъ Шавкуцъ послѣ короткой паузы:—это большую раковину. Какъ приложишь ее къ уху—гудитъ, точно кто нибудь сидитъ тамъ внутри. И наши осетины рѣшили, что, должно быть, она какая нибудь особенная и отъ болѣзней помогаетъ. Поэтому, какъ заболѣетъ кто, сейчасъ ко мнѣ бѣгутъ раковину просить. И чудное дѣло: помогаетъ иногда. Я показалъ бы вамъ ее, да сейчасъ нѣтъ ея дома: въ другое селеніе увезли къ больному.

Въ это время въ бесѣдку, гдѣ происходилъ нашъ разговоръ, вошелъ нашъ любезный хозяинъ X. Джейрановъ быстро всталъ при его появленіи и потомъ уже не сѣлъ, несмотря на всѣ уговоры.

— Ну, что, все разсказали вамъ наши ашиновцы? — спросилъ меня улыбаясь полковникъ.

— Все развѣ разскажешь такъ скоро?—съ такою же улыбкой сказалъ Джейрановъ: — это вѣдь надо 13 дней, 13 ночей разсказывать.

— А вы знаете,—продолжалъ X.,—что Джейрановъ генераломъ былъ у Ашинова и главнокомандующимъ его войска? Это Аши-

новъ пожаловалъ его такимъ званіемъ и чиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ ему право производить и другихъ въ оберъ-офицерскіе чины. И онъ тамъ нѣсколько человѣкъ произвелъ въ офицеры: кого въ подпоручики, кого въ поручики, а одного осетина такъ прямо въ капитаны. И эти тоже вѣдь офицеры, — указалъ онъ на стоявшихъ за Джейрановымъ осетинъ:—одинъ—подпоручикъ, другой — поручикъ. И пріѣхали сюда въ соотвѣтственныхъ погонахъ. А когда мѣстное начальство спросило ихъ, зачѣмъ они носятъ офицерскіе погоны, они отвѣчали, что ихъ генералъ Джейрановъ произвелъ. И Шавкуцъ подтвердилъ, что дѣйствительно произвелъ. «Да какое же онъ право имѣлъ производить васъ?»— спрашивали ихъ.—«А ему государь далъ это право». И такъ ничѣмъ ихъ убѣдить не могли, что они самозванцы, а не офицеры! Никакихъ увѣщаній не хотѣли слушаться, и только когда пригрозили въ кутузку засадить, — послушались и сняли свои погоны. Но все-таки просили начальство, что если уже нельзя оставить имъ тѣ чины, которые дали Ашиновъ и Джейрановъ на африканскомъ берегу, то пускай, по крайней мѣрѣ, дадутъ хоть прапорщиковъ милиціи. Но и въ этомъ имъ отказали. «Даже и урядниками не можемъ васъ сдѣлать». И долго горевали наши молодцы о своихъ погонахъ и теперь, кажется, не оставили еще надежды снова попасть въ Африку и опять превратиться въ офицеровъ. Правда?—обратился онъ къ Шавкуцу и его достойнымъ сподвижникамъ.

Тѣ только улыбнулись въ отвѣтъ.

На томъ и прекратилась наша бесѣда съ ашиновцами, потому что мой товарищъ заторопился, въ виду служебныхъ дѣлъ, уѣзжать изъ Ардона, и мы, простившись черезъ полчаса съ хозяиномъ и со всѣми новыми знакомцами, двинулись на своей телѣжкѣ въ дальнѣйшее странствованіе.

II.

БЫТОВЫЯ ЧЕРТОЧКИ.

I.

«Лѣнь прежде насъ родилась».

— Осетины народъ умный и способный,—говорилъ мнѣ тотъ же пріятель мой, поручикъ В., начальникъ одного изъ участковъ Владикавказскаго округа Терской области:—это признано всѣми этнографами и подтверждается многочисленными фактами. Немало

ихъ проходитъ среднія и высшія учебныя заведенія, а затѣмъ достигаетъ хорошихъ мѣстъ и чиновъ. Но одна черта мѣшаетъ общему ихъ умственному и экономическому благосостоянію: это— лѣнь, лѣнь, можно сказать, классическая, стихійная. Мужчины-осетины только и дѣлаютъ, что строгаютъ палочки, сидя передъ своими хатами и переливая съ сосѣдями изъ пустого въ порожнее. Ну, а женщины... да и тѣ, впрочемъ, нисколько не лучше. Да вотъ мы лучше всего посмотримъ усадьбу моего хозяина.

Мы поднялись и вышли изъ канцеляріи на деревянное крылечко, спускавшееся тремя ступеньками въ небольшой палисадникъ, за деревянной оградой котораго проходила единственная, конечно, немощеная и грязная улица селенія (или аула, по-здѣшнему). Домъ, въ которомъ помѣщалась канцелярія и вмѣстѣ съ нею квартира начальника участка, былъ новый деревянный, довольно аккуратной постройки; крыша была черепичная и въ виду недавней постройки вполнѣ исправная. Цѣлый рядъ такихъ же домовъ, то новыхъ, то старыхъ, но все подъ черепичными крышами, вытянулся по обѣ стороны улицы и своимъ вообще добропорядочнымъ видомъ свидѣтельствовалъ о благосостояніи обитателей Беслана [1]).

— Нужно замѣтить, — продолжалъ В., останавливаясь на крыльцѣ: — что мой домохозяинъ — офицеръ и состоитъ сейчасъ на службѣ. Человѣкъ онъ очень состоятельный, но дома живетъ такъ же, какъ и всѣ простые его собратья. Этотъ домъ онъ выстроилъ на всякій случай и охотно сдаетъ его въ наймы. Самъ же помѣщается, во время наѣздовъ сюда, вмѣстѣ со своей семьей, ютясь въ двухъ грязныхъ комнатахъ, которыя иногда служатъ убѣжищемъ и скоту... Можете поэтому судить, насколько тамъ чисто. Туда мы, конечно, не пойдемъ, а садъ можемъ осмотрѣть.

Мы спустились въ палисадникъ и затѣмъ черезъ калитку проникли въ большой, но запущенный и весьма плохо содержимый садъ. Деревья были разсажены небрежно и неправильно и, видимо, никогда не видали никакого ухода со стороны хозяевъ. Вокругъ нихъ вился посаженный съ неизвѣстной цѣлью дикій виноградъ, а чуть не посрединѣ сада раскинулся большой огородъ съ разными овощами.

— И вездѣ, на каждомъ шагу видна эта лѣнь, эта пагубнѣйшая черта ихъ характера,—говорилъ В., обходя со мною огородъ:— вонъ, напримѣръ, посѣяна фасоль. Посажена-то она, какъ пословица говоритъ, «колосъ отъ колоса, — не слыхать человѣческаго голоса»; и не поддерживаются-то стебли ничѣмъ, почему стелются по землѣ и путаются, а стручки портятся и гніютъ... Я и жена моя рекомендовали, было, хозяевамъ втыкать тычинки для под-

[1]) Осетинское селеніе подлѣ желѣзнодорожной станціи того же имени, гдѣ отъ Владикавказской дороги отдѣляется линія на Петровскъ и далѣе на Баку.

держки стеблей. Они согласились въ принципѣ и даже, какъ видите, вогнали въ гряды эти огромныя бревна, которыя торчатъ тамъ и сямъ; но бревенъ не хватило, и они предоставили остальную фасоль на волю Божію. «Будетъ урожай, то и такъ уродится, а не будетъ, — никакія заботы не помогутъ»... Такъ вотъ они во всемъ и разсуждаютъ.

— Да, фасоль не важная,—замѣтилъ я:—да и вообще весь огородъ содержится далеко не въ порядкѣ и даетъ, кажется, больше бурьяну, чѣмъ овощей.

— Что съ ними, лѣнтяями, подѣлаешь?—сказалъ В.:—мы рекомендовали имъ полоть. Ну, выгнали хозяева бабъ, а тѣ выпололи одинъ уголокъ, а остальное бросили. «Слишкомъ трудно, говорятъ, пускай ужъ такъ будетъ».

— Конечно, въ саду никакого помину объ аллеяхъ не было, и все пространство его заросло высокой травой, сильно затруднявшей движеніе.

— Ну, хоть бы траву выкосили,—замѣтилъ я, еле передвигая ноги:—все же кормъ скоту былъ бы на зиму.

— Это уже они и сами понимаютъ,—отозвался В.,—и братъ хозяйки вызвался даже выкосить всю траву. Только отъ работы его что-то проку не видать, хотя коситъ онъ уже около двухъ недѣль. Вотъ и сейчасъ: отчего бы не поработать? Погода, кажется, благопріятствуетъ... Такъ нѣтъ же, не дозовутся. Впрочемъ, и звать-то некому; всѣ также лѣнивы, какъ и онъ, и всегда оправдаютъ его ничегонедѣланіе. Я ужъ иногда говорю ему: «Что же ты, Бодо? Иди косить!»—«Нельзя, говоритъ, сейчасъ. Некогда».—«Да что же ты дѣлаешь?»—«Да вотъ закусить надо да араки выпить»... Ну, иногда пристыдишь его: возьметъ онъ тогда косу и выйдетъ въ садъ. Постоитъ тамъ съ полчаса, взмахнетъ косой раза два-три, а затѣмъ точить лезвее начнетъ, да не хорошимъ точиломъ, а первымъ попавшимся камнемъ - булыжникомъ; натурально, что тутъ больше шуму и порчи выходитъ, чѣмъ настоящаго точенія. Кончитъ, наконецъ, Бодо черезъ полчаса, опять помахаетъ немного своимъ тупымъ орудіемъ, положитъ кое-какъ одинъ рядъ травы и, конечно, истомится, какъ будто десятину выкосилъ. Но тутъ, на его счастье, подойдетъ какой нибудь другой шелопай. «Что дѣлаешь, Бодо? Все косишь, трудишься?»—«Да вотъ все растетъ проклятая трава, чтобъ ей сгинуть совсѣмъ! Просто руки всѣ отмахалъ»... Ну, и начинается длиннѣйшій разговоръ, появляется на сцену арака. Глядишь, время-то и ушло. А если сосѣдъ скоро уйдетъ, то можно вѣдь опять приняться за точеніе косы.. Или, тамъ, дождь пойдетъ, жарко очень станетъ... А не природа, такъ родственники или знакомые придутъ на выручку, на свадьбу станутъ звать или на пирушку. Тутъ ужъ, конечно, не до такихъ пустяковъ, какъ косьба; тутъ ужъ настоящее дѣло является, отъ котораго и радъ бы отказаться, да никакъ невозможно.

— Да, накошено немного,—замѣтилъ я улыбаясь:—и нельзя сказать, чтобы артистически.

— Какое ужъ тутъ артистически!—махнулъ рукою В.:—дай Богъ, чтобы хоть какъ нибудь скосилъ. Онъ уже на одинъ день приглашалъ косцевъ со стороны, да тоже проку вышло немного. Покосили они около часа, а потомъ то косы начнутъ точить, то араку пить и разныя исторіи разсказывать. Ну, такъ я уже отсовѣтовалъ нанимать ихъ, и Бодо одинъ продолжаетъ свою работу.

— А что же они скошенной-то травы не убираютъ?—спросилъ я, указывая на вполнѣ уже готовое сѣно, лежавше кое-гдѣ въ томъ же положеніи, въ какомъ оставила его хозяйская коса:—вѣдь пойдетъ дождь, загніетъ и пропадетъ.

— Ну, конечно,—отозвался В.:—только развѣ ихъ вразумишь? «Какъ вотъ все скошу, говоритъ Бодо, такъ и убирать начну!» А такъ какъ онъ косить никогда не кончитъ, то и уборки сѣно никогда не дождется.

Между тѣмъ мы подошли къ цѣлой кучкѣ различныхъ фруктовыхъ деревьевъ, просто гнувшихся подъ тяжестью плодовъ; масса же яблокъ и грушъ валялась на землѣ и гнила.

— Вотъ и тутъ видите ту же классическую лѣнь, — продолжалъ съ своей добродушной ироніей В.:—фрукты вообще хорошіе, но почти весь урожай пропадетъ даромъ, если не появится какой нибудь промышленникъ и не скупитъ для продажи. Да и за отсутствіемъ ухода деревья портятся и тоже пропадаютъ. Мы рекомендовали хозяевамъ подрѣзывать хотя бы засыхающія вѣтки. Ну, Бодо и говоритъ: «вѣрно, это хорошо; да вотъ только человѣка нѣту».— «Какого еще человѣка?» — «Да который дѣлать это будетъ, вѣтки подрѣзывать».—«А ты самъ что дѣлаешь?»—«Мнѣ некогда: сегодня вонъ косить буду, а завтра на свадьбу надо итти».

— Ну, хорошо, это въ садахъ,—сказалъ я:—а въ поляхъ? Тамъ, вѣрно, дѣло лучше обстоитъ?

— Какое тамъ! — безнадежно махнулъ рукою В.:—сѣютъ они больше кукурузу, которой и питаются, въ видѣ твердыхъ, какъ камень, чурековъ. Ухода эта кукуруза не видитъ, конечно, никакого; какъ уродится, такъ и хорошо... И подъ пшеницу поля еле раздѣлываютъ. Почва, впрочемъ, здѣсь хороша и, несмотря на отсутствіе заботъ, прекрасно награждаетъ своихъ хозяевъ.

— Ну, а женское хозяйство?

— Да и тамъ то же самое. Избы онѣ держатъ вообще очень грязно, пекутъ одни кукурузные чуреки и только къ пирушкамъ готовятъ разныя мясныя и другія кушанья. За домашнимъ скотомъ тоже почти не ухаживаютъ: коровъ, буйволицъ, напримѣръ, доятъ очень рѣдко, и телки все молоко у нихъ высасываютъ; а если подоятъ, то оставляютъ молоко стоять, пока оно не прокис-

нетъ и не пропадетъ. Сбиваютъ иногда масло, да тоже больше неизвѣстно для чего. Цыплятъ, впрочемъ, иногда жарятъ въ маслѣ.

— А, можетъ, сбыта нѣтъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, сбытъ легко было бы организовать при этой близости Владикавказа,—отвѣтилъ В., ведя меня обратно въ свою канцелярію:—но сбывать-то вообще нечего; а если что нибудь и появляется неожиданно для самихъ хозяевъ, то они заламываютъ такія невѣроятныя цѣны, какихъ никакая торговля не выдержитъ!... Вотъ могли бы еще куръ продавать или яйца; но хозяйки не привыкли кормить насѣдокъ, и тѣ должны промышлять кормъ сами для себя; результатъ же получается тотъ, что яйца остываютъ, и изъ двадцати, положимъ, штукъ вылупливается только два-три цыпленка... И такъ во всемъ...

— Да, тутъ скупщикамъ дѣлать нечего,—согласился и я.

II.

Женщина у осетинъ.

Когда мы вернулись въ канцелярію, въ ней никого не было: сторожъ куда-то исчезъ, а старичекъ ушелъ домой обѣдать.

— Ну, пойдемте и мы,—сказалъ В.,—закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

И онъ провелъ меня въ смежныя комнаты, въ которыхъ жилъ со своей женой. Она ждала уже насъ съ обѣдомъ и сразу стала извиняться за свою кухню.

— Бѣда здѣсь съ прислугой,—говорила она:—и сдѣлать ничего не умѣетъ, и лѣнива до безобразія. Все приходится самой биться. И когда мы только выберемся изъ этихъ мѣстъ!?...

За обѣдомъ намъ служила высокая и довольно стройная осетинка, блондинка по цвѣту волосъ и лица и съ совершенно плоской, какъ доска, грудью.

— Вотъ видите,—говорила мнѣ хозяйка:—такъ здѣсь всѣхъ женщинъ уродуютъ. Еще съ дѣтства обшиваютъ грудь дѣвочекъ сырой кожей, по большей части, козьей, и такъ оставляютъ навсегда. Конечно, грудь не можетъ развиваться естественнымъ образомъ, женщины чахнутъ и страдаютъ всевозможными грудными болѣзнями до чахотки включительно; и бюстъ тоже не развивается.

— И здѣшніе мужчины, да и всѣ горцы въ Дагестанѣ,—добавилъ самъ В.,—находятъ, что плоская, какъ доска, грудь гораздо красивѣе, чѣмъ естественно развившаяся. Этимъ оригинальнымъ понятіемъ о красотѣ и обусловливается подобный варварскій обычай ихъ зашивать груди дѣвочекъ въ кожу.

— А скажите, пожалуйста,—спросилъ я:—каково вообще положеніе женщины у осетинъ?

— Ну, конечно, очень приниженное и безправное, — отвѣтила хозяйка:—ее даже человѣкомъ не называютъ. И если нужно, напримѣръ, кого нибудь вызвать изъ дома, то никогда не позовутъ женщину, а всегда мужчину, если даже знаютъ, что дома никого изъ мужского пола не осталось, или остался какой нибудь грудной младенецъ въ колыбели. Вообще какое бы то ни было обращеніе съ женщиной на людяхъ, кромѣ презрительнаго, считается неумѣстнымъ и непозволительнымъ.

— Ну, да, у нихъ и вообще считается унизительнымъ публичное проявленіе любви или жалости къ кому или къ чему бы то ни было,—вставилъ самъ хозяинъ:—вотъ, напримѣръ, никто изъ осетинъ не рѣшится выказать жалость къ своему ребенку. Я какъ-то спросилъ у одного отца, сына котораго только что похоронили, и который при похоронахъ не пролилъ ни одной слезы, неужели же ему не жаль умершаго.—«Нѣтъ, не жаль,—отвѣтилъ тотъ:—а такъ, непріятно, что умеръ». Въ другой разъ, проходя по селенію, я увидѣлъ издали, какъ мальчишка лѣтъ трехъ споткнулся и упалъ въ канаву, наполненную водой. Тутъ же на краю канавы стоялъ его отецъ. Видя ребенка падающимъ въ воду, онъ даже не нагнулся, чтобы удержать его или вытащить, а ограничился тѣмъ, что наступилъ ему на край рубашонки. Я бросился на помощь, но меня предупредили какія-то бабы и вытащили ребенка изъ воды. А отецъ стоитъ попрежнему и смѣется. Я выругалъ его и спросилъ, чего это онъ смѣется.—«Да сегодня ночью у моего сосѣда ингушъ лошадь скарапчилъ (укралъ)».

— А скажите, пожалуйста,—продолжалъ я свои разспросы:—женщины у осетинъ продаются или же отдаются замужъ безъ калыма?

— Нѣтъ, продаются,—отвѣтилъ В.,—и калымъ доходитъ иногда до очень высокой цифры, до тысячи рублей и больше. Правда, теперь уже сами осетины приходятъ къ убѣжденію во вредѣ такой купли-продажи и притомъ за столь высокую и разорительную цѣну. Нѣкоторыя общества обращались къ начальству области съ просьбой объ отмѣнѣ калыма, такъ какъ сами де по себѣ они не могутъ отъ него отказаться... Начальство вняло ихъ просьбѣ и издало постановленіе объ отмѣнѣ калыма. Но это нисколько не подѣйствовало на народъ, и выкупъ продолжаютъ брать попрежнему. Впрочемъ, тутъ вѣдь двѣ стороны и два мнѣнія: если женихъ не желаетъ разоряться и платить большой выкупъ, то родители или воспитатели невѣсты очень не прочь получить его...

— Да, но вѣдь тутъ вмѣстѣ съ женихомъ разоряется и невѣста, т.-е. своя же плоть и кровь,—замѣтилъ я.

— Ну, на это они не обращаютъ никакого вниманія, лишь бы свой личный интересъ былъ соблюденъ.

— Но, конечно, этотъ обычай очень стѣсняетъ браки?

— Да, понятно. Но зато тутъ часто бываютъ свадьбы увозомъ. Конечно, за похитителемъ «товара» тотчасъ же снаряжается погоня, и жениху съ его товарищами плохо приходится, если они не сумѣютъ спрятаться или отбиться. Если же ихъ упустятъ, то потомъ разыскиваютъ и требуютъ калымъ съ похитителя, обращаясь съ жалобой къ администраціи. Вотъ не такъ давно и ко мнѣ обращались, прося взыскать калымъ въ 400 рублей съ бѣднаго бесланца, увезшаго себѣ жену изъ одного дальняго селенія. Но такъ какъ съ этой просьбой обратился какой-то отдаленный родственникъ жены, который никогда и никакого отношенія къ ея воспитанію не имѣлъ, то, по моему ходатайству, начальникъ области отказалъ въ его искѣ. А при другихъ условіяхъ пришлось бы удовлетворить истца.

— Но вотъ мы говоримъ о безправіи женщины-осетинки,— продолжалъ черезъ минуту В., закуривая послѣ обѣда папиросу:—а между тѣмъ я убѣжденъ, что такое положеніе держится только въ силу пассивнаго отношенія къ этому вопросу самихъ женщинъ. И будь онѣ болѣе энергичны и настойчивы, то могли бы добиться отъ своей лѣнивой и апатичной мужской половины какихъ угодно правъ. Вонъ, напримѣръ, въ селеніи Хумалаги живетъ одна женщина. Такъ она уже съ дѣтства стала одѣваться въ мужской костюмъ, усвоила себѣ мужское имя и за отсутствіемъ отца, матери и братьевъ сама стала работать за свой домъ и вносить всѣ подати. И всѣ хумалагцы относятся къ ней съ большимъ уваженіемъ и принимаютъ на сельскій сходъ, на который вообще женщины никогда не допускаются. Конечно, это исключительный случай, но и онъ уже достаточно показываетъ, чего можетъ добиться даже одиночная женщина-осетинка, если только она станетъ дѣйствовать умно и энергично... Однако, въ канцеляріи что-то начинаютъ шумѣть. Нужно итти туда.

И онъ поднялся изъ-за стола, а черезъ нѣсколько минутъ и я, поблагодаривъ хозяйку, вошелъ въ канцелярію, чтобы поближе присмотрѣться къ мѣстному населенію.

III.

Бицко Каздоевъ и его жена.

Въ канцелярію между тѣмъ набилась цѣлая толпа. Тутъ было нѣсколько женщинъ, но главнымъ образомъ—мужчины, молодые и старые, хорошо одѣтые и оборванные. И все это кричало и шумѣло, лѣзло къ столу, за которымъ сидѣлъ В., и оживленно жестикулировало.

— Ну, тихо! — крикнулъ громко В., стараясь покрыть своимъ голосомъ шумъ толпы. — Вотъ, Бицко, — продолжалъ онъ затѣмъ, обращаясь къ молодому и бравому осетину, лѣтъ 22—23, одѣтому въ сѣрую чоху и высокіе сапоги съ мягкими подошвами:—начальникъ области велѣлъ вернуть тебѣ твою жену, согласно рѣшенію кадія. А вамъ,—обратился онъ къ двумъ уже пожилымъ, но крѣпкимъ и сильнымъ мужчинамъ:—приказано вернуть вашу сестру Бицкѣ безъ всякаго калыма, такъ какъ онъ уже уплатилъ его дядѣ-воспитателю.

Бицко просвѣтлѣлъ, когда переводчикъ объяснилъ ему содержаніе рѣчи начальника участка; а двое братьевъ его жены сильно заволновались и что-то быстро-быстро заговорили на своемъ языкѣ. Пока же переводчикъ разъяснялъ присутствовавшимъ слова В. и выслушивалъ объясненія сторонъ, мой пріятель разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію.

Жена Бицки, молодая и красивая женщина, стоявшая тутъ же въ канцеляріи и выслушавшая рѣшеніе начальника области безъ всякаго волненія, какъ будто оно ея и не касалось совсѣмъ, воспитывалась у своего дяди вмѣстѣ съ братьями и сестрами; мать же ея, вдова безъ всякихъ средствъ, ушла жить въ другой аулъ. Когда дѣвица подросла, на ней задумалъ жениться молодой знакомый уже читателю осетинъ Бицко. Дядя-воспитатель потребовалъ крупный калымъ: шестьсотъ рублей деньгами да скотомъ (рогатымъ и лошадьми) еще на четыреста рублей. Бицко, какъ очень состоятельный человѣкъ, согласился и сразу выплатилъ все, что требовалось. Тогда мулла обвѣнчалъ молодыхъ людей, которые и стали жить вмѣстѣ. Но вотъ черезъ нѣкоторое время прослышала объ этомъ бракѣ мать молодой женщины, и по ея наущенію братья этой послѣдней стали вдругъ въ свою очередь требовать съ Бицки уплаты калыма въ ихъ уже пользу. Бицко долго упирался и отказывался, но потомъ, чтобы отвязаться, предложилъ имъ триста рублей; но тѣ не согласились и требовали шестьсотъ. На это уже Бицко не считалъ возможнымъ согласиться; тогда братья обратились на него съ жалобой къ начальству. Началось дѣло, а пока оно шло, братья воспользовались какъ-то отсутствіемъ Бицки и выкрали свою сестру. Бицко разсвирѣпѣлъ, узнавъ объ этомъ насиліи, и хотѣлъ было отвѣтить такимъ же похищеніемъ; но пріятели, а также начальникъ участка, уговорили его подождать рѣшенія дѣла. Разборъ его былъ порученъ начальникомъ области начальнику Владикавказскаго округа. Этотъ послѣдній призвалъ согласно шаріату мѣстнаго кадія. Кадій выслушалъ многочисленныхъ свидѣтелей и муллу, который вѣнчалъ Бицку. Мулла же сказалъ между прочимъ, что если кадій разведетъ Бицку съ его женой, то придется развести затѣмъ чуть не все селеніе, потому что тамъ масса браковъ подобнаго рода. Тогда кадій

признал бракъ законнымъ, и на основаніи этого рѣшенія начальникъ области велѣлъ вернуть молодую женщину ея законному мужу. Вотъ именно исполненіе этого распоряженія и было въ настоящую минуту задачей моего пріятеля.

Когда всѣ присутствовавшіе уяснили, въ чемъ дѣло, и молодая женщина была передана въ руки Бицки, начальникъ участка велѣлъ всѣмъ выходить изъ канцеляріи, а своему писарю-старичку приказалъ написать соотвѣтственныя бумаги.

Толпа, шумя и волнуясь, стала очищать комнату и устанавливаться на крыльцѣ и на улицѣ. Торжествующій Бицко взялъ жену за руку и, окруженный своими товарищами, вывелъ ее за дверь. Родня же молодой женщины, что-то оживленно толкуя между собой и какъ будто чего-то ожидая, оставалась въ канцеляріи, несмотря на всѣ просьбы и угрозы В.

И ожиданія ея были не напрасны.

Не успѣлъ еще В. подписать поданныхъ ему писаремъ бумагъ, какъ черезъ дверь пробрался какой-то осетинъ съ пакетомъ въ рукахъ. Родня жены встрѣтила его громкими возгласами, а пріятель мой, принявъ пакетъ и прочитавъ вложенную въ него бумагу, даже руками развелъ.

— Ничего не понимаю, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—это бумага отъ начальника области, за его подписью. Очевидно, его ввели въ обманъ, и онъ приказываетъ теперь, вопреки своей прежней резолюціи, оставить эту дѣвицу у ея братьевъ. Даже не женщину, а дѣвицу... Ну, что тутъ дѣлать? Придется опять отбирать ее отъ Бицки.

И онъ распорядился вернуть Бицку обратно въ канцелярію. И молодой осетинъ даже позеленѣлъ отъ злости, когда В. объявилъ ему, среди торжествующихъ возгласовъ противной стороны, новую резолюцію начальника области. Заскрежетавъ зубами, онъ бросился изъ комнаты, и всѣ его товарищи шумно хлынули за нимъ. Молодая же женщина, попрежнему равнодушная, перешла вновь къ своимъ братьямъ и матери.

Писарь-старичекъ написалъ новыя бумаги, а В. далъ родственникамъ молодой женщины двухъ стражниковъ, которые должны были оберегать ихъ отъ нападенія противной стороны. Когда же бумаги были врѵчены по назначенію, и канцелярія совсѣмъ опустѣла, мой пріятель обратился ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ и сказалъ:

— Чуетъ мое сердце, что быть тутъ бѣдѣ. Бицко слишкомъ молодъ и горячъ, чтобы покорно снести то оскорбленіе, которое нанесено ему сейчасъ передъ такой массой народа. Теперь его никто не удержитъ отъ насильственнаго захвата жены, а при открытомъ столкновеніи съ ея братьями дѣло можетъ дойти до ножей и пуль. А за одной пролитой кровью слѣдуетъ другая...

— Развѣ и у вашихъ плоскостныхъ осетинъ существуетъ кровавая месть?—спросилъ я.

— А какъ же,—отвѣтилъ В.:—и этотъ ужасный обычай такъ же свято чтится у насъ, какъ и въ горахъ. Бываютъ случаи, когда цѣлые роды вырѣзываютъ другъ друга, мстя взаимно за когда-то пролитую кровь. И при этомъ убиваютъ зачастую лицъ, совершенно непричастныхъ къ дѣлу; довольно того, что они принадлежатъ къ роду, которому стараются мстить. Я знаю одинъ случай, когда кровники отправились отсюда въ Ставрополь, чтобы выслѣдить и убить мальчика-гимназиста, имѣвшаго несчастье принадлежать къ роду, накликавшему на себя кровную месть другого рода. И мальчика еле успѣли спасти, заблаговременно предупредивъ его и принудивъ бѣжать изъ гимназіи и изъ самого Ставрополя. Но стойте. Что это такое?

Дѣйствительно, со стороны улицы донеслись до насъ громкіе крики, шумъ и топотъ копытъ. Мы выскочили на крыльцо и увидали въ концѣ улицы, по направленію къ станціи желѣзной дороги, большую толпу осетинъ, кричавшихъ и видимо насѣдавшихъ на нѣсколько человѣкъ всадниковъ, которые отбивались во всѣ стороны нагайками и готовились уже выхватить изъ ноженъ свои кинжалы.

Предвидя возможность кровопролитія, В. тотчасъ же бросился къ мѣсту происшествія. Но не успѣлъ еще онъ пробѣжать половину улицы, какъ всадники пробились сквозь толпу и, ударивъ нагайками своихъ коней, скрылись въ сосѣднемъ переулкѣ.

Путемъ разспросовъ мы быстро узнали, что предположенія В. осуществились скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

Оскорбленный до глубины души новымъ поворотомъ дѣла, Бицко рѣшилъ вырвать тутъ же свою жену изъ рукъ ея братьевъ, а его товарищи и родственники, обиженные, пожалуй, не менѣе его, безъ малѣйшихъ колебаній вызвались помочь ему. И вотъ пока жена и ея братья ждали формальныхъ бумагъ, Бицко устроилъ недалеко отъ выхода изъ селенія засаду, и когда кучка враговъ подошла туда, онъ мгновенно выскочилъ на улицу и вырвалъ свою жену изъ ихъ рукъ. Бросить затѣмъ ее на дно телѣги и ускакать съ нею подъ прикрытіемъ десятка вооруженныхъ товарищей было для него дѣломъ нѣсколькихъ минутъ; остальные же его сподвижники, по заранѣе условленному плану, остались вначалѣ на мѣстѣ, чтобы задержать возбужденную толпу, что имъ, какъ мы видѣли, вполнѣ и удалось.

— Ну, достанется теперь Бицкѣ,—сказалъ В., узнавъ, въ чемъ дѣло:—хотя слава Богу, что вся исторія обошлась безъ пролитія крови.

— А, можетъ, онъ убѣжитъ въ горы?—замѣтилъ я.

— Едва ли, такъ какъ у него есть на плоскости и дома, и земли. А если убѣжитъ, то, чего добраго, станетъ абрекомъ...

Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что начальникъ области, узнавъ о поступкѣ Бицки, который вернулся съ женою въ свой домъ, велѣлъ заключить его въ тюрьму на мѣсяцъ, а затѣмъ сослать на островъ Чечень на три года; жену же отобрать до отбытія наказанія, а затѣмъ вернуть ему обратно.

IV.

Прошеніе и анонимное письмо.

Когда на другой день утромъ я пришелъ въ канцелярію участка, мой пріятель сидѣлъ уже за работой.

— Вотъ вы собираете разные матеріалы для характеристики мѣстнаго населенія, — сказалъ онъ мнѣ:—такъ не хотите ли прочитать эти двѣ бумаги?

И онъ протянулъ мнѣ два манускрипта, которые въ виду ихъ бытового интереса я и записалъ тогда же въ свою книжку.

Первый изъ нихъ представлялъ собою прошеніе жителя селенія Ботакоюртъ, Дзамбулата Калоева, начальнику участка и гласилъ слѣдующее [1]):

«Четыре года тому назадъ я женился на дочери жителя селенія Хумалагскаго Чебе Кадзаева, дѣвицѣ Дзадзи, въ присутствіи свидѣтелей, жителей такихъ-то (имя рекъ), уплативъ калыму 150 рублей отцу невѣсты Чебе Кадзаеву. Дѣвица Дзадзи, не дождавшись законнаго брака, ушла изъ дома отца своего и до сего времени жила со мною незаконно. Хотя мѣстный священникъ и предлагалъ нѣсколько разъ повѣнчаться, но она всегда отказывалась по подговору злыхъ людей и своихъ родственниковъ. Въ настоящее же время она совсѣмъ ушла отъ меня и живетъ въ домѣ отца, который ея не выдаетъ, желая получить новый калымъ съ другого. А потому я обращаюсь къ вашему высокоблагородію съ покорнѣйшей просьбой, какъ бѣдный и беззащитный человѣкъ, прошу понудить Чебе Кадзаева возвратить мнѣ полностью 150 рублей, отданные ему за его дочь, или же вызвать дѣвицу Дзадзи и обязать её повѣнчаться со мной, такъ какъ мы въ теченіе четырехъ лѣтъ жили безспорно и мирно, только она не желала повѣнчаться и то по подговору ея родственниковъ. Въ случаѣ, если найдете нужнымъ, прошу вызвать и допросить поименованныхъ выше лицъ, при которыхъ уплачены 150 рублей Кадзаеву. Къ сему подписуюсь Дзамбулатъ Калоевъ, а за него расписался такой-то».

— Ну, что же вы станете дѣлать по этому прошенію? — спросилъ я.

---

[1]) Воспроизводится буквально, съ исправленіемъ лишь орѳографіи.

— Да вѣрнѣе всего, что ничего,— отвѣтилъ В.,— вѣдь четыре же года, хотя и незаконно, она прожила все-таки съ Дзамбулатомъ, а это ужъ, конечно, стоитъ 150 рублей. Да и къ браку, съ другой стороны, какъ же принудить ее, если ни она сама, ни ея отецъ этого не желаютъ?

— И отецъ вновь продастъ ее?

— Ну, конечно. Тотъ фактъ, что она состояла въ незаконномъ сожительствѣ четыре года, придастъ ей только особую цѣну, если она красива, а вторичная продажа наполнитъ гордостію какъ ея отца, такъ и ее самое, потому что не каждой, вѣдь, дѣвицѣ удается быть проданной дважды.

Второй же манускриптъ представлялъ собою анонимное письмо, поданное начальнику области «сильно нуждающимися въ его покровительской помощи» и пересланное начальнику участка для разслѣдованія.

Гласило оно слѣдующее:

«Осмѣливаемся донести до вашего превосходительства, что изъ жителей селенія Хумалаги нѣкоторые до того самовольно ведутъ себя, что нигдѣ и никогда не было и не будетъ такого поведенія, развѣ въ Турціи во время турецкой кампаніи. Черезъ это мирнымъ жителямъ и жить нельзя. Такъ, вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, Бодзи Бероевъ, старается на каждомъ шагу убить кого или ограбить до послѣдней нитки. Да вотъ какъ можемъ вамъ вѣрнѣе выяснить. Года два,—можетъ быть, болѣе или менѣе, вѣрно не знаю,— онъ ночью, на Гизельской дорогѣ, напалъ на одного куртатинца съ Далаковскаго прихода селенія Хидикусъ, Долатмурзу Ахбулатова, сталъ отнимать быковъ и его самого убилъ. Убійство, конечно, не открылось до сихъ поръ, и убійца до сихъ поръ гуляетъ.

«Потомъ нѣсколько разъ его нашли по дорогѣ между кукурузой, около хумалагскихъ мельницъ, съ полнымъ оружіемъ и заряженной берданкой, и еще во многихъ мѣстахъ. О чемъ было донесено много разъ старшинѣ селенія Сахмурзѣ Азіеву, но онъ самъ при многихъ людяхъ говорилъ, чтобы никогда ему объ этомъ не говорили, потому что Бодзи Бероевъ хочетъ отмстить за кровь своего брата, котораго убили въ Хумалагахъ во время ночного обхода. Это онъ (старшина) знаетъ самъ хорошо и другой разъ самъ бываетъ съ нимъ насторожѣ, чтобы убить кого бы то ни было за кровь его брата. Изъ этихъ словъ видно, что онъ самъ, то-есть старшина селенія, помогаетъ ему во всемъ и помогаетъ и защищаетъ сподвижниковъ Бероева, Жетагаза и Боца Бедоевыхъ и Атъ-Царахова, которые бываютъ съ Бероевымъ вездѣ. И всѣ ихъ знаютъ и видятъ, но никто этого не можетъ показать, потому что каждый за свою шкуру боится: или ограбятъ, или убьютъ непремѣнно. И потомъ оправдаются, потому что дѣло будетъ у слѣдо-

вателя ихъ части, а тамъ переводчикомъ ингушъ, по имени Керимъ, который ему хорошій другъ и постарается его оправдать, какъ онъ дѣлаетъ постоянно. Ему говорятъ про Ивана, а онъ передаетъ про болвана, потому что ему положила какая нибудь сторона 100 или 200 рублей въ карманъ, смотря, какое будетъ дѣло. Такъ, напримѣръ, положили ему Гуковы 200 рублей, чего онъ съ нихъ потребовалъ подъ видомъ того, что слѣдователь ихъ оправдаетъ, хотя и безъ слѣдовательской взятки могли оправдать Гуковыхъ, потому что были правы по всѣмъ вѣроятіямъ. И мирошникъ на мельницѣ Гуковыхъ погибъ отъ руки Бероева, котораго многіе въ тотъ вечеръ видѣли около мельницы. И всѣ хорошо это знаютъ, но никто не смѣетъ сказать, потому что сейчасъ же задушитъ перваго доносчика если не самъ Бероевъ, то кто нибудь изъ его товарищей, которыхъ у него много.

«Вотъ еще, напримѣръ, въ мартѣ задумали сжечь Тетрамазова, сжечь все, что только онъ имѣлъ, все сразу. И было все уже приготовлено, что надо было, и фотогенъ [1]), и щеточки для обрызгиванія фотогеномъ. Но Богъ не допустилъ бѣднаго человѣка до разоренія, и варвары сами попутались, и одинъ изъ нихъ все самъ объяснилъ Тетрамазову раньше, такъ что не успѣли совершить свою цѣль.

«Подобное варварское дѣло, что хотѣли сжечь Тетрамазова съ семьею, готовили Татарканъ Алибековъ и Гоборцъ Дзгоевъ. Они хвалились тѣмъ, что были за Дунаемъ и много знаютъ и могутъ хорошо всѣ снадобья приготовлять. Также помогали имъ и Саге Бибаевъ и Тибо Кайтмазовъ. Эти люди хотѣли совершить еще небывалое дѣло, а ихъ старшина почему-то не доноситъ, и они до сихъ поръ скрываются.

«Такъ вотъ осмѣливаемся изливать передъ вами наши душевныя страданія, которыми страдаютъ не одинъ или два человѣка, а цѣлое хумалагское общество. Въ особенности избавьте ихъ ваше превосходительство отъ Бероева, который съ живого кожу деретъ, но никто объ этомъ не могъ донести вашему превосходительству, боясь Бероевыхъ: если не одинъ, такъ другой или третій братъ отомститъ виновному.

«Такъ изливъ передъ особой вашего превосходительства свои страданья, надѣемся, что поможете намъ, и останемся отъ нихъ въ покоѣ».

— Это письмо никѣмъ не подписано, — сказалъ В., когда я кончилъ читать,—и достаточно характеризуетъ страсть осетинъ къ сутяжничеству и къ анонимнымъ доносамъ. Конечно, доносамъ подобнаго рода нельзя придавать значенія... Но въ письмѣ этомъ есть доля правды. У Бероевыхъ дѣйствительно одинъ братъ былъ кѣмъ-то убитъ, когда онъ ночью стерегъ лошадей и погнался за какими-то

[1]) На Кавказѣ говорятъ не керосинъ, а фотогенъ.

людьми, хотѣвшими отогнать часть табуна. Кто эти убійцы — неизвѣстно; вѣроятнѣе всего, сосѣди наши, ингуши—самое разбойничье племя Сѣвернаго Кавказа. А такъ какъ кровавая месть здѣсь обязательна, то Бодзи Бероевъ и выслѣживаетъ убійцъ; и разъ его дѣйствительно поймали съ берданкою и отобрали ее, такъ какъ осетины не имѣютъ права имѣть усовершенствованное огнестрѣльное оружіе. Но немало въ этомъ письмѣ и неправды; такъ, поджогъ у Тетрамазова пытались сдѣлать другіе, и это уже установлено дознаніемъ. Кое-что, впрочемъ, придется еще разслѣдовать».

Подошедшіе въ это время просители прервали нашу бесѣду...

А. П. Андреевъ.

ПАМЯТИ ПЕРМСКАГО ИСТОРИКА А. А. ДМИТРІЕВА.

ПЕРВАГО іюня настоящаго года исполнился ровно годъ со дня смерти пермскаго историка Александра Алексѣевича Дмитріева, сотрудничавшаго и въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ»; вотъ почему вполнѣ умѣстно и благовременно вспомнить объ этомъ человѣкѣ на страницахъ указаннаго изданія.

А. А. Дмитріевъ родился въ заштатномъ городѣ Дедюхинѣ, Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи, 22-го февраля 1854 года; но жилъ здѣсь лишь первые годы дѣтства, такъ какъ отецъ его, совѣтникъ казеннаго соляного правленія, вскорѣ вышелъ въ отставку и переселился въ Пермь, гдѣ въ 1865 году и опредѣлилъ сына своего А. А—ча въ гимназію. Благодаря труду и недюжиннымъ дарованіямъ, серіозный и вдумчивый мальчикъ занялъ въ гимназіи одно изъ первыхъ мѣстъ. Товарищеской жизни съ ея забавами и шалостями А. А. чуждался, вслѣдствіе чего товарищи почти не знали его и называли «зубрилой»; но съ годами они, обращаясь къ нему за совѣтами и получая отзывчивую помощь, измѣнили свое отношеніе къ нему. Особенно же товарищи оцѣнили Дмитріева въ VII классѣ, когда задумали издавать свой журнальчикъ. А. А. оказался самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ его: помѣстилъ здѣсь, между прочимъ, большую статью о Боклѣ, о которомъ многіе товарищи ничего не знали.

Въ 1872 году, Дмитріевъ окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ на историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета, куда влекла его рано развившаяся въ немъ любовь къ исторіи. Не принимая близкаго участія въ студенческихъ пирушкахъ, такъ

обычныхъ въ то время, А. А. все свободное время отдавалъ занятіямъ по исторіи. На третьемъ курсѣ, подъ руководствомъ профессора Д. А. Корсакова, основательно изучилъ «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Акты историческіе» съ ихъ «Дополненіями» и многія изданія археографической комиссіи. Результатомъ его усидчивыхъ занятій надъ указанными историческими источниками явились два сочиненія, писанныя на предложенныя профессоромъ Корсаковымъ темы: «Библіографическій разборъ третьей новгородской лѣтописи и отношеніе ея къ прочимъ новгородскимъ и лаврентьевской лѣтописямъ» и «О договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями тверскими и московскими».

Въ 1876 году, А. А. окончилъ курсъ университета и, послѣ полугодового отбыванія въ Казани воинской повинности, поступилъ въ Пермь преподавателемъ женской гимназіи; чрезъ 1½ года А. А. поступаетъ преподавателемъ русскаго языка и исторіи въ женскую гимназію Екатеринбурга; но въ 1880 году снова возвращается въ Пермь преподавателемъ исторіи и географіи въ мужскую и женскую гимназіи, и съ этого времени всею душою отдается изученію родного Пермскаго края, о чемъ онъ мечталъ еще на студенческой скамьѣ. Особенно же принялся А. А. за это дѣло съ 1890 года, когда поступилъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Соликамскъ и съ 1891 года въ Пермь. Частыя поѣздки по губерніи, знакомства съ полезными людьми — все это благопріятствовало А. А—чу въ дѣлѣ собиранія и изученія источниковъ исторіи Пермскаго края.

Изучая весь печатный матеріалъ о краѣ подъ руководствомъ знатоковъ мѣстной исторіи Д. Д. Смышляева и Н. К. Чупина, А. А. послѣ друхгодового труда пришелъ къ выводу, что всего напечатаннаго слишкомъ недостаточно для составленія исторіи края. И А. А. затрачиваетъ свои небольшія средства и собираетъ огромный историческій матеріалъ. Разработывая этотъ матеріалъ, А. А. видитъ необходимость познакомиться съ разными русскими древнехранилищами и съ этой цѣлью посѣщаетъ Москву, Петербургъ, Нижній Новгородъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Кострому и много разъ Казань.

Всѣхъ печатныхъ работъ Дмитріева, какъ видно это изъ вышедшаго на-дняхъ VI-го выпуска «Трудовъ» Пермской губернской ученой архивной комиссіи,—139; цифра—огромная для одного изслѣдователя! Изъ этихъ работъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» помѣщены слѣдующія: «Дѣловыя и литературныя диковинки» («Историческій Вѣстникъ» 1886 г., ноябрь), «Въ защиту предсмертнаго увѣщанія В. Н. Татищева сыну» (1886 г., декабрь), «Пермскіе землевладѣльцы Лазаревы и ихъ преемники князья Абамеликъ» (1893 г., май), «Чудовищный домъ» (Чадина) (1901 г., октябрь) и др.

Капитальными работами А. А—ча являются «Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми съ основанія поселенія до 1845 года, съ приложеніемъ лѣтописи города Перми съ 1845 до 1890 г. — первый опытъ краткаго изложенія исторіи Перми» и «Пермская старина», вышедшая въ восьми выпускахъ и не доведенная до конца (предположено было 12 выпусковъ); на этихъ работахъ мы и остановимъ свое вниманіе.

Первая работа была нѣсколько поддержана въ матеріальномъ отношеніи пермскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, членомъ котораго состоялъ А. А. Вторая работа печаталась исключительно на скудныя средства автора. Правда, А. А. могъ бы печатать свою «Пермскую старину» на страницахъ «Трудовъ» Пермской ученой комиссіи, правителемъ дѣлъ которой, затѣмъ товарищемъ предсѣдателя и, наконецъ, предсѣдателемъ онъ состоялъ. Но, считая «Труды» архивной комиссіи предназначенными для коллективной работы, А. А. не счелъ возможнымъ печатать въ нихъ «Пермскую старину», какъ составляющую сплошное систематическое изложеніе однимъ лицомъ исторіи Пермскаго края. Не встрѣчая матеріальной поддержки, Дмитріевъ долженъ былъ испытать и нравственное огорченіе: онъ представилъ первые пять выпусковъ «Пермской старины» на соисканіе Уваровской преміи, но встрѣтилъ суровую и крайне несправедливую критику со стороны рецензента, г. Адріанова. Объ этой критикѣ профессоръ Покровскій отзывается такъ: «Сужденіямъ рецензента не достаетъ научнаго безпристрастія. Г. Адріановъ взялся за рецензію безъ достаточныхъ знаній въ той области, въ которой Александръ Алексѣевичъ былъ полнымъ спеціалистомъ. Въ VII-мъ выпускѣ «Пермской старины» покойный отвѣчалъ своему суровому критику и со всей очевидностью опровергъ поправки рецензента, которыя справедливо названы въ отвѣтѣ А. А. «нелѣпостями». Плохую услугу оказалъ г. Адріановъ себѣ и академіи наукъ, взявшись криво судить о правомъ дѣлѣ. А главное — онъ весьма огорчилъ безкорыстнаго труженика» [1]).

Для составленія первой работы Дмитріеву много помогли двѣ лѣтописи города — священника Гавріила Сапожникова и преподавателя пермской гимназіи Ф. А. Прядильщикова, которыя, по отзыву А. А—ча, представляютъ собою «первыя удачныя попытки изложить вкратцѣ факты исторіи губернскаго города Перми въ хронологическомъ порядкѣ». Но эти лѣтописи сжато обнимаютъ время лишь съ Петра I и до 1845 года; поэтому А. А—чу пришлось

---

[1]) См. «Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ», т. XIX, вып. 1. Кстати замѣтимъ, что для составленія настоящей своей замѣтки мы пользовались этой работой г. Покровскаго, а также статьей М. Я. Попова, помѣщенной въ V выпускѣ «Трудовъ» Пермской ученой архивной комиссіи, и др.

много собирать разныхъ письменныхъ и печатныхъ матеріаловъ какъ для своей исторіи города Перми, такъ и вообще по исторіи Пермскаго края, тѣмъ болѣе, что подобнымъ матеріаламъ А. А. придавалъ чрезвычайно важное значеніе. «Письменные памятники,— говоритъ онъ,—являются важнѣйшимъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ источникомъ, откуда почерпаетъ исторія свое содержаніе: безъ этого источника никакая исторія немыслима; въ частности для нашей отечественной исторіи важнѣйшими источниками, несомнѣнно, служатъ лѣтописи, акты юридическіе, церковные, грамоты и указы всевозможныхъ категорій, житія святыхъ, а начиная съ XVI и XVII вѣковъ — писцовыя, переписныя, дозорныя, отказныя, приправочныя книги и другіе подобные письменные памятники старины. Безъ этихъ послѣднихъ рѣшительно немыслима была бы болѣе или менѣе полная исторія и нашей Перми Великой». Не имѣя времени составить исторію города дальше 1845 года, А. А. составилъ лишь лѣтопись съ этого времени и до 1899 года включительно, какъ необходимый фундаментъ для будущихъ работъ по исторіи города Перми.

Въ «Пермской старинѣ» Дмитріевъ изображаетъ прошлыя судьбы Пермскаго края въ видѣ слѣдующихъ періодовъ: 1) до XI вѣка— періодъ, называемый нѣкоторыми чудскимъ, самостоятельнаго политическаго существованія инородцевъ въ краѣ, 2) съ XI до XV вѣка— періодъ новгородскаго владычества въ краѣ, 3) съ XV до XVIII вѣка—періодъ московскаго владычества и 4) съ 1781 года, когда было учреждено Пермское намѣстничество, и до настоящаго времени.

Первый періодъ въ исторіи Пермскаго края представляется темнымъ. Какъ уяснить себѣ происхожденіе народа чуди, былъ ли онъ въ генетической связи съ народомъ пермью, — это вопросы, на которые дастъ отвѣтъ только археологія. Что же касается культуры этого народа, то А. А. соглашается съ мнѣніемъ по этому вопросу пермскаго археолога А. Ф. Теплоухова, что «чудь, повидимому, стояла на болѣе высокой степени культуры, чѣмъ нынѣшніе финны-пермяки и зыряне, а именно находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ цивилизованными азіатскими народами въ VIII и до XI вѣка при посредствѣ населявшихъ берега Волги и Камы болгаръ, которые доставляли чуди изъ Азіи взамѣнъ ея мѣховъ: лошадей, индійскія и персидскія издѣлія, арабскія деньги, серебряные сосуды, бронзовыя и стеклянныя украшенія, то-есть такіе предметы, которые здѣсь встрѣчаются во множествѣ въ землѣ и свидѣтельствуютъ о прежнемъ существованіи и степени культуры названнаго народа».

До XVIII вѣка включительно, то-есть до времени Пермскаго намѣстничества, Пермскій край носилъ особое названіе «Пермь Великая». Нѣкоторые отожествляли Пермь съ Біарміей, упоминаемой въ скандинавскихъ сагахъ. По мнѣнію Дмитріева, отожествлять

Пермь съ Біарміей нельзя, такъ какъ Біармія—это страна, лежавшая сѣвернѣе Перми, по берегу Ледовитаго океана и правому побережью Сѣверной Двины. Пермь же Великая занимала, по словамъ А. А—ча, «сѣверо-западную часть нынѣшней Пермской губерніи и сѣверо-восточный уголъ Вятской, то-есть верхнее и отчасти среднее теченіе рѣки Камы съ притоками ея до рѣки Чусовой. Въ сѣверномъ концѣ его существовало и донынѣ сохранившее свое названіе озеро Чусовское, почему Пермь Великую называли также и Пермью Чусовою». Указанная территорія составляла такъ называемую «Прикамскую Парму»—колыбель народа пермянъ, откуда послѣдніе разселились и по рѣкѣ Вычегдѣ, вытѣснивъ угровъ и образовавъ «Вычегодскую Парму»; въ отличіе отъ послѣдней Прикамская Парма стала называться «Пермью Великой».

Что же касается вопроса о происхожденіи названія Пермь, то Дмитріевъ даетъ такое объясненіе: аборигены Пермскаго края, пермяки, вмѣстѣ съ зырянами составляли одинъ народъ; у зырянъ же существуетъ названіе «парма», обозначающее покрытую лѣсомъ возвышенность; отъ этого слова и произошло имя Пермь. Насколько справедливо подобное объясненіе, пока, конечно, судить трудно; въ настоящее время существуютъ и другія объясненія происхожденія имени Пермь, заслуживающія серіознаго вниманія: мы имѣемъ въ виду мнѣніе Тіандера, высказанное имъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (1901 г., январь). Не считая умѣстнымъ излагать здѣсь теорію Тіандера, основанную на лингвистикѣ, и отсылая читателей къ указанной статьѣ его, скажемъ только, что, по мнѣнію этого ученаго, слово Пермь—скандинавскаго происхожденія (отъ слова bherem, berm—береговая полоса, какимъ именемъ назвали скандинавскіе викинги неизвѣстный имъ народъ, жившій по побережью Сѣверной Двины).

Въ настоящемъ очеркѣ своемъ о Дмитріевѣ мы вовсе не думали подводить итоги работамъ его: это потребовало бы и большого времени, и громаднаго труда. Своимъ очеркомъ мы хотѣли на страницахъ историческаго изданія, гдѣ иногда работалъ А. А., лишь почтить память этого замѣчательнаго человѣка, котораго не умѣло цѣнить пермское общество, но который былъ высоко цѣнимъ людьми науки: А. А—чъ состоялъ членомъ-сотрудникомъ С.-Петербургскаго археологическаго института, членомъ-корреспондентомъ финляндскаго общества археологіи въ Гельсингфорсѣ, членомъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей, Тобольскаго губернскаго музея и другихъ ученыхъ обществъ. Этотъ скромный человѣкъ не любилъ говорить о своихъ ученыхъ заслугахъ; напротивъ, онъ — авторитетъ въ области исторіи вообще и мѣстной въ особенности—готовъ былъ просить о снисхожденіи къ своимъ ученымъ трудамъ. Такъ, когда депутація отъ пермской архивной комиссіи поздравила его съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ ученой дѣятельности (10-го января

1902 г.), больной А. А., не надѣясь на свой физическій органъ рѣчи, на клочкѣ бумаги отвѣтилъ комиссіи слѣдующее: «Исторія Пермскаго края есть та почва, на которой я всегда отдыхалъ душою среди душевныхъ заботъ и волненій. Эта почва научная и потому нейтральная, гдѣ я и въ будущемъ надѣюсь найти для себя душевный покой и удовлетвореніе. Къ сожалѣнію, я всегда работалъ на этой почвѣ урывками, между дѣломъ служебнымъ, поэтому все, мною сдѣланное, носитъ характеръ поспѣшности и, такъ сказать, недодѣланности. Я весьма тронутъ выраженіемъ чувствъ архивной комиссіи, что она не взглянула слишкомъ строго на мои научные труды и снисходительно отнеслась къ нимъ. Я желаю одного, чтобы и въ будущемъ, если позволитъ мое здоровье, неустанно трудиться на пользу архивной комиссіи уже при иныхъ условіяхъ, не будучи стѣсняемъ службой, но на досугѣ, пользуясь свободой и непринужденностью».

Но... этому не суждено было сбыться: 1-го іюня 1902 года Александра Алексѣевича не стало...

Д. В. Скрынченко.

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

Мысль графа П. С. Шереметева — описывать старыя усадьбы, ихъ прошлое и настоящее, побудила и меня вспомнить не только старую нашу усадьбу на берегу Дона, близъ впаденія въ него Непрядвы въ Епифанскомъ уѣздѣ, но и все дорогое намъ имѣніе, на поляхъ и въ окружностяхъ котораго разыгралась великая драма Мамаева побоища въ 1380 году. Несказанно больно, когда въ силу ли рока, собственной ли вины, или вообще какихъ бы то ни было тяжелыхъ условій жизни у стараго барина или родовитаго дворянина уходятъ изъ рукъ его вотчины родовыя въ руки кулаковъ, или ростовщиковъ, или вообще людей другого круга. Но того больнѣе, когда съ этими вотчинами связана была не только память семьи и предковъ, но еще сверхъ того память, дорогая всему народу русскому,—тогда невыносимо тяжело становится на душѣ, и трудно помириться съ подобными потерями. Такъ было со мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мнѣ и женѣ моей принадлежали вотчины Епифанскаго уѣзда, селенія Милославщина, Татинки, съ хуторами: Устье, Александровское и Сабуровъ хуторъ, т.-е. земли, въ составъ коихъ входила большая часть знаменитаго Куликова поля, мѣста, полныя историческихъ воспоминаній о побѣдѣ великаго князя Димитрія Іоанновича Донского, въ 1380 году, надъ Мамаемъ и его полчищами. Около Милославщины, лежащей на берегу Дона, противъ Монастырщины, близъ впаденія Непрядвы, по преданію былъ лагерь на нынѣ высохшей рѣчкѣ Себинкѣ, гдѣ накануне битвы рѣшался вопросъ, переходить ли Донъ; около Татинокъ—бродъ Гусичный, гдѣ войско переходило черезъ Донъ; гдѣ нынѣ Сабуровъ

хуторъ, тамъ нашли якобы великаго князя Димитрія Іоанновича раненаго дворяне Сабуровъ и Хлопищевъ. Тяжело было разставаться съ землями, на коихъ предки наши, князья Тарусскіе, Оболенскіе, Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе и многіе другіе, проливали кровь за отчизну, чтобы избавить ее отъ ига татарскаго. Да, настало другое иго, не менѣе тяжелое татарскаго ига,—денежной аристократіи и даже не аристократіи, а просто денегъ, и приходится переносить это иго за свою неумѣлость, а, можетъ быть, и слабость, за неумѣнье вести борьбу за существованіе! Но я отвлекся отъ своего разсказа. Объѣзжая свои поля, да и крестьянскія, съ высоты Краснаго холма не разъ обозрѣвалъ я Куликово поле и представлялъ себѣ въ воображеніи, какъ и гдѣ что должно было происходить.

Реставрированный же планъ Куликовской битвы, отчасти по преданію, отчасти и по книгѣ Большого Чертежа временъ Бориса Годунова, давалъ возможность оріентироваться, принявъ въ соображеніе и теперешнія селенія и мѣста, сохранившія свои названія съ того времени.

Прилагая копію съ этого плана, прослѣдимъ по нему и самыя событія, хотя, конечно, все это не разъ было описано людьми, компетентнѣе меня въ этомъ дѣлѣ. Самое Куликово поле сталъ я помнить съ ранняго дѣтства, могу сказать, сколько себя помню. Особенно памятно стало оно съ того времени, когда на Красномъ холмѣ начали въ 1850 году ставить памятникъ князю Димитрію Іоанновичу Донскому. Насъ, дѣтей, возили часто смотрѣть, какъ онъ воздвигался на мѣстѣ, гдѣ по преданію была ставка хана Мамая, откуда онъ видѣлъ ходъ сраженія 8-го сентября 1380 года. Мѣсто это дѣйствительно царитъ надъ всею мѣстностью и теперь видно за 15 верстъ и больше, а во время постройки, съ лѣсовъ памятника, куда мы взбирались на самый верхъ ихъ, видно было верстъ за 30, видны были города Епифань и Богородицкъ. Близость Куликова поля и была причиною, что мы еще дѣтьми слышали безконечные разсказы про донское сраженіе и интересовались описаніемъ его Карамзинымъ, Ишимовой и др. Мы знали наизусть цѣлыя страницы, повѣствующія о Куликовской битвѣ.

Епифанскій помѣщикъ Александръ Петровичъ Мясоѣдовъ, сосѣдъ нашъ, хорошій художникъ, нарисовалъ картину Куликовской битвы и поднесъ ее императору Николаю Павловичу. Картина была помѣщена въ кабинетѣ государя: настолько она оказалась удачной. Имъ же, Мясоѣдовымъ, былъ изображенъ Димитрій Донской, лежащій раненый подъ березою, и рисунокъ этотъ сдѣлался общеизвѣстенъ и популяренъ; отлитографированный, онъ былъ у всѣхъ въ рукахъ и въ иллюстраціяхъ. Еще тогда не было попытокъ развѣнчать Димитрія и доказывать, что великій князь не былъ на высотѣ призванія, а напротивъ онъ былъ для насъ всѣхъ герой и популярнѣйшій. Напомнимъ нѣсколькими строками о ходѣ событій, чтобы объяснить прилагаемый планъ.

Въ углу Епифанскаго уѣзда, между Дономъ и рѣкою Непрядвою (близъ Милославщины и Монастырщины, впадающихъ въ Донъ), лежитъ Куликово поле, на коемъ произошло Мамаево побоище; оно протяженіемъ около 18 верстъ, а старинныхъ 10 верстъ, такъ какъ древняя верста имѣла 1.000 саж. маховыхъ. За Дономъ уже начиналась степь — земля татарская, а Донъ считался уже украиной, даже въ нашей мѣстности недалеко отъ истоковъ былъ «рубежъ». Въ книгѣ Большого Чертежа временъ Годунова границы Куликова поля показаны между рѣками Дономъ, Непрядвою и верховьями Упы, Соловы, Уперта, Плавы, на протяженіи почти ста верстъ.

20-го августа 1380 года, великій князь Димитрій Іоанновичъ изъ Коломны, гдѣ собралось русское воинство съ безчисленными князьями, и гдѣ Димитрій дѣлалъ смотръ многочисленнымъ войскамъ, каковыхъ еще никогда не видала земля Русская, вмѣстѣ съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ двинулъ войска на переправу Оки и вступилъ въ предѣлы Рязанской земли, повелѣвъ, какъ говоритъ лѣтопись: «да никто не коснется единому власу Рязанскія страны», хотя великій князь рязанскій Олегъ и держалъ явно сторону Мамая, боясь разоренія своей земли. Въ Коломнѣ къ Димитрію присоединились еще дружины полоцкая и брянская, подъ предводительствомъ литовскихъ князей Андрея и Димитрія Ольгердовичей, братьевъ жены князя Серпуховскаго, Владимира Андреевича.

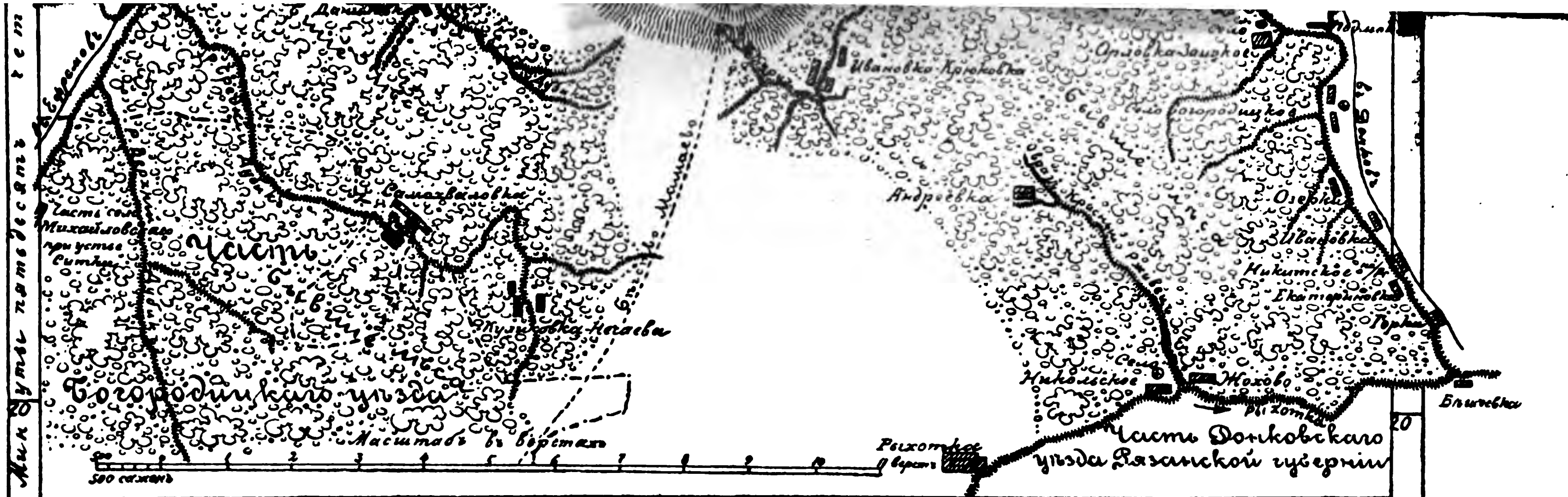
Переправа черезъ Оку шла въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ воинство русское направлялось тремя колоннами, ибо всѣмъ вмѣстѣ итти было тѣсно. Войска Димитрія лѣтопись насчитываетъ до 200.000. Но главная переправа была близъ мѣста, нынѣ извѣстнаго въ Каширскомъ уѣздѣ подъ именемъ «Четыре церкви», куда 26-го августа Димитрій прибылъ лично къ устью рѣки Лопасны, близъ нынѣшняго селенія Прилуки, и переправился съ главными силами черезъ Оку. Путь лежалъ сначала къ Осетру, рѣчкѣ, протекающей черезъ Веневскій уѣздъ, на древній городъ Березуй (близъ Венева, нынѣ село Березово на Епифанской большой дорогѣ) и потомъ на рязанскій городъ Дороженъ, слѣды коего видны и понынѣ на рѣкѣ Большой Таболѣ, близъ села Суханова; 6-го сентября передовыя войска достигли Дона, и русскій станъ раскинулся на равнинѣ между рѣками Себинкою и Татинками. Сюда прибѣжали наши «эртуалы», т.-е. разъѣзды, съ начальниками своими Семеномъ Меликомъ и Петромъ Госкинымъ сообщить, что Мамай въ близкомъ разстояніи—«царь на Гусиномъ броду, едина нощь промежъ нами»; за ними гнались татары и, увидавъ наши передовые отряды, вернулись, вѣроятно, не предполагая, что все воинство русское такъ близко. А Мамай уже около 3-хъ недѣль стоялъ станомъ на Куликовомъ полѣ, поджидая на помощь литовскаго князя Ягелло и

рязанскаго Олега, но тѣ медлили. Наканунѣ битвы, т.-е. 7-го сентября, собрался военный совѣтъ для обсужденія вопроса: переходить ли Донъ, или ждать татаръ здѣсь? Князья литовскіе Ольгердовичи совѣтовали немедленно перейти Донъ и атаковать татаръ, дабы не дать Ягеллѣ, который былъ уже близъ Одоева и шелъ къ Дону, времени соединиться съ Олегомъ на помощь Мамаю... Въ этотъ день на ободреніе Димитрія получено было письмо отъ св. Сергія Радонежскаго, въ коемъ святитель благословилъ Димитрія на битву, и Димитрій рѣшилъ немедленно начать наступленіе,—переправу черезъ Донъ. Къ этому же дню вечеромъ относится поэтическій разсказъ, какъ Димитрій и его начальникъ штаба, князь Димитрій Волынецъ, мужъ мудрый и зѣло знающій въ военномъ дѣлѣ, съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ и Ольгердовичами ночью ѣздили на Куликово поле и, ставъ между станами обоихъ воинствъ, слушали, что̀ въ обоихъ станахъ дѣлается, и какъ Волынецъ прикладывалъ десное ухо къ землѣ и говорилъ, что земля плачетъ и стонетъ передъ великой битвой о сынахъ своихъ, имѣющихъ погибнуть, и по примѣтамъ предсказывалъ Димитрію побѣду. Никоновская лѣтопись поэтически разсказываетъ этотъ эпизодъ. Утро 8-го сентября было туманное, и войско массами перешло черезъ Донъ и расположилось на правомъ берегу его и Непрядвѣ, и всѣ 6 полковъ, по-нынѣшнему корпусовъ, устроились къ атакѣ (см. планъ битвы). Димитрій объѣзжалъ съ блестящею свитою полки и ободрялъ войска и князей. Его всюду встрѣчали съ энтузіазмомъ; его величественный видъ и взглядъ, какъ говоритъ лѣтопись, «онъ былъ взоромъ дивенъ зѣло», придавалъ ревность воинамъ, и всѣ въ одинъ голосъ обѣщали умереть за отечество или побѣдить, всѣ были преисполнены надежды. Передъ началомъ атаки отслуженъ молебенъ по случаю праздника Рождества Богородицы, и всѣ просили у Господа силъ побѣду надъ врагами. Димитрій молился, окруженный массою князей и воеводъ.

Расположеніе полковъ (см. планъ битвы) было таково.

На первомъ мѣстѣ лѣваго крыла сталъ полкъ лѣвой руки (цифра 1) подъ начальствомъ князей: Ѳеодора Васильевича Ярославскаго, Ѳеодора Михайловича Моложскаго, при нихъ бояринъ Левъ Морозовъ; за нимъ литовскій полкъ (цифра 2) князей Андрея и Димитрія Ольгердовичей Литовскихъ, князя Романа Михайловича Брянскаго, князя Ѳеодора Михайловича Бѣлозерскаго, сына его Іоанна Ѳеодоровича и племянника Ѳеодора Романовича; при нихъ бояринъ Николай Васильевичъ Вельяминовъ (сынъ московскаго тысяцкаго); потомъ грозною тучею сталъ собственный большой полкъ великаго князя Димитрія (цифра 3), подъ командою князя Іоанна Васильевича Смоленскаго (племянника смоленскаго великаго князя); при немъ бояре: Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ (братъ вышесказаннаго), Иванъ Родіоновичъ Квашня, Ми-

РЕСТАВРИРОВАННЫЙ ПЛАНЪ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ
1380 года Сентября 8го дня
Мину 10 ты пятьдесятъ 15 седьмаго градуса 20 ферреской долготы
градуса сѣверной широты
Путь Димитрія 7 Сентября
1380 года
Доржень-городище
Русской станъ 7 Сентября 1380г.
р. Севинка
С Милославщины Кн Оболенскаго
Донъ
Непрядва
Рождествено Монастырщина
Рыбій верхъ
Богородицкое
Березовка
Татинка
Григорьевское
Сокольё
Село Куликово
Устье
Красный Бузецъ
Бузецъ
Куликово
Кропотово
Почтанка
Сухово
Южная часть
Епифанскаго уѣзда
изъ Епифани
W
O
S
N
30
25



Изъясненіе плана

Русское воинство при Непрядвѣ: 1е полкъ лѣвой руки, 2е полкъ литовскихъ князей, 3е большой полкъ, 4е полкъ правой руки, 5е передовой полкъ, 6е засадный полкъ, перешедшій въ дубраву, 7е остатокъ зеленой дубравы, — заповѣданные дубы, 8е мѣсто, гдѣ лежалъ Димитрій раненый, 9е татарскій станъ, расположенный при верховьяхъ рѣчки Смолки, — древній гусиный бродъ; 10е ставки монгольскихъ вождей, темниковъ; 11е царскій шатеръ Мамая и Тулунъ-бега на Красномъ холмѣ, 12е безсмертныя могилы, падшихъ воиновъ за вѣру и отечество, 13е церковь Рождества Богородицы родительская, въ селѣ Монастырщинѣ, 14е большой курганъ противъ заповѣдныхъ дубовъ, времени Грознаго.

хаилъ Александровичъ Брянокъ (другъ Димитрія); извѣстные воеводы Димитрій Мининъ и Іакинѳъ Шуба; а далѣе на правомъ крылѣ— полкъ правой руки (цифра 4), подъ начальствомъ князя Андрея Ѳеодоровича Ростовскаго и князя Андрея Ѳеодоровича Стародубскаго съ бояриномъ его Грункомъ; впереди четырехъ полковъ этихъ сталъ сторожевой или передовой полкъ (цифра 5) князей: Глѣба, Димитрія и Владимира Всеволодовичей Друцкихъ; князей Іоанна Константиновича, Ѳеодора и Мстислава Тарусскихъ; князя Семена Константиновича Оболенскаго (родного брата Іоанна Тарусскаго); при нихъ бояре: священновитязи Александръ Пересвѣтъ и Родіонъ Ослябя, посланные къ Димитрію святымъ игуменомъ Сергіемъ; Михаилъ Ивановичъ Челядинъ (внукъ перешедшаго въ Тверь Іакинѳа) и Андрей Ивановичъ Серкисъ; послѣдній шестой засадный полкъ (цифра 6) князя Владимира Андреевича, внука Калиты и двоюроднаго брата Донского; князя Димитрія Михайловича Волынскаго-Боброка, зятя великаго князя по сестрѣ, побѣдителя рязанцевъ и болгаръ, мужа славнаго доблестію и разумомъ; князя Ѳеодора Елецкаго, князя Василія Михайловича Кашинскаго и юнаго князя Стефана Юрьевича Новосильскаго. Полки эти въ сомкнутыхъ рядахъ, заключая въ себѣ 200 тысячъ воиновъ, должны были занимать пространство не менѣе пяти верстъ нынѣшнихъ (см. на планѣ битвы цифры 6 и 4).

Затѣмъ послѣдуемъ за нашимъ исторіографомъ.

Димитрій, стоя на возвышенномъ мѣстѣ поля, видѣлъ стройные необозримые ряды войскъ, окончательно распоряжаемыхъ опытнѣйшимъ полководцемъ, княземъ Волынскимъ; безчисленныя знамена, развѣваемыя западнымъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, свѣтлость шлемовъ, съ красными перьями, позлащаемыхъ яркимъ утреннимъ осеннимъ солнцемъ. Синодальная лѣтопись говоритъ: «У богатырей хоругви (знамена) аки живы пашутся, шеломы же (шлемы, каски) на главахъ ихъ, аки утренняя заря; доспѣхи же (кирасы, пандыри), аки вода сильна колеблюща; словицы же шеломовъ ихъ (султаны фигурою елки), аки поломя огненное, пашутся, развѣваемыя вѣтромъ» (И. Г. Р., т. V, пр. 114). Сколько тутъ поэзіи въ славянскомъ языкѣ нашемъ! Князь Димитрій погрузился въ думу, воображая, что многія тысячи этихъ храбрыхъ воиновъ падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ жертвы усердной любви къ отечеству. Литовскіе князья, подъѣхавъ къ Димитрію, сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ; Димитрій думалъ другое: онъ сошелъ съ коня, въ умиленіи сердца преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ великокняжескомъ знамени его, велегласно молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію. Окончивъ смотръ, призвалъ онъ друга своего, боярина Михаила Александровича Брянока, «иже любимъ бѣ паче мѣры», возложилъ на него княже-

скую одежду свою, посадилъ на коня своего и повелѣлъ стать на свое мѣсто въ большомъ полку, подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ. Самъ же (пересѣвъ на другого боевого коня) поскакалъ въ передовой полкъ. Между русскими и татарами было уже разстояніе менѣе пяти верстъ.

Около одиннадцати часовъ дня съ трубнымъ звукомъ войско тронулось и пошло на татаръ, а засадный полкъ на свое мѣсто (планъ битвы, цифра 6, въ дубравѣ); въ двѣнадцатомъ часу увидѣли непріятеля, расположеннаго по долгому, отлогому скату краснаго холма, на необозримомъ пространствѣ Куликова поля, на нынѣ высохшей рѣчкѣ Смолкѣ. Воинскіе гласы трубъ загремѣли, татарскіе же «яко онѣмѣша». Монголы не ожидали смѣлой атаки Димитрія, ихъ застали врасплохъ; они бросили котлы и обѣдъ свой и стали выступать изъ стана. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ за другомъ и грозно шли впередъ шагъ за шагомъ, измѣряя силу противниковъ; сила татаръ гораздо превосходила нашу: «бѣ страшно видѣти, и нѣсть мѣста имъ разступитися» (см. планъ битвы, цифра 9—9). Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, прибылъ сражаться въ передовой полкъ; усердные князья и бояре молили его остаться за густыми рядами войска. «Долгъ твой,—говорили они,—смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ; мы всѣ готовы на смерть, а ты, князь любимый, живи и предай память нашу временамъ грядущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды! нѣтъ спасенія отечеству!» Но Димитрій отвѣтствовалъ: «гдѣ вы, тамъ и я! Скрываясь назади, могу ли возгласить вамъ: братіе! умремъ за отечество! Слово мое да будетъ дѣломъ. Я, вождь и князь, стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ прочимъ».

Страшная кровавая сѣча началась со всѣхъ сторонъ при ужасныхъ кликахъ войскъ: мѣстами бой ратующихъ былъ общимъ, мѣстами сражающіеся перемѣшались, и въ общей свалкѣ образовалось безчисленное множество одиночныхъ боевъ. Димитрій бился, какъ рядовой воинъ, и тяжкіе удары могучей руки его наносили смерть и ужасъ... Наконецъ онъ напалъ на татарскаго хана Тюлюбека (Тулунъ-Бега), племянника Мамаева, низложилъ его, и, какъ избранный мститель, мечъ Божій, понесся онъ ободрять середину полковъ, гдѣ битва свирѣпѣла съ ужаснѣйшимъ отчаяніемъ: «одесную и ошую его множество вой битыхъ, самого же вокругъ обступиша, аки вода многа, оба полы». Тутъ священновитязь Александръ Пересвѣтъ, въ передовомъ полку заступивъ мѣсто Димитрія, призывая Бога и святого Сергія на помощь, рванулся въ бой съ новымъ Голіаѳомъ, татарскимъ богатыремъ Челубеемъ, и отъ тяжкихъ ударовъ копій оба пали они мертвыми: «мало что земля подъ ними не протожесь!» За симъ убитъ товарищъ Пересвѣта, инокъ Родіонъ Ослябя, и богатырь нашъ Григорій Капу-

стипъ. Прошелъ часъ, прошелъ другой, отчаянная битва и месть свирѣпѣли болѣе и болѣе; подъ мракомъ стрѣлъ и при оглушающемъ ревѣ разверстаго ада «крѣпко сступились вои; отъ тяжкихъ ударовъ ихъ и долъ и холмъ стонали: трескались копья, звенѣли доспѣхи, стучали щиты, разили сѣкиры, гремѣли мечи, блистали сабли!» Съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, дрогнули и обратили тылъ. Татары за ними открыли себѣ путь къ большому великокняжескому «стягу» (знамени) и едва не овладѣли имъ; вѣрная дружина большого московскаго полка отстояла его съ напряженіемъ всѣхъ послѣднихъ силъ своихъ и потеряла боярина Брянока и множество храбрыхъ воиновъ. Уже многія тысячи ихъ легли костьми въ полѣ, и главные вожди: князь Ѳеодоръ Бѣлозерскій съ сыномъ своимъ Іоанномъ и племянникомъ Ѳеодоромъ; князья Іоаннъ, Ѳеодоръ и Мстиславъ Тарусскіе; бояре: Мининъ, Шуба, Морововъ и Серкисъ, пали. Насталъ третій часъ пополудни, сражающіеся разрѣдѣлись... ручьями кровь лилась въ рѣчки Дубикъ и Смолку, и грудами лежали тѣла убитыхъ на нѣсколькихъ верстахъ Куликова поля. Побагровѣлъ Донъ притекшею кровію!.. Остервенѣлые монголы одолѣвали и гнали въ одномъ мѣстѣ; русскіе, призывая на помощь Спасителя Бога,—въ другомъ мѣстѣ.

Князь Владимиръ Андреевичъ тосковалъ въ засадѣ (6), видѣлъ гибель своихъ и рвался на битву; но опытный вождь Волынскій, главный распорядитель битвы, удерживалъ его. Наконецъ, въ третьемъ часу пополудни, подулъ восточный вѣтеръ въ тылъ засаднаго полка. «Приспѣлъ часъ!» возопилъ князь Волынскій, тщательно наблюдавшій доселѣ за ходомъ трехчасовой битвы, обнажилъ мечъ, велѣлъ подать трубный гласъ, и свѣжее засадное войско съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ понеслось изъ-за дубравы громоносною тучею, перебросилось за Смолку, ударило на враговъ и въ одинъ часъ времени рѣшило судьбу побѣды. Монголы отъ внезапнаго удара дрогнули на всѣхъ концахъ поля; утомленные четырехчасовымъ непрерывнымъ боемъ, смѣшались, стали отступать къ рѣчкѣ Курцу и къ Красному холму, гдѣ послѣднія силы ихъ уже ослабѣли, такъ что, испустивъ отчаянный вопль, они стремглавъ побѣжали на югъ, оставивъ несмѣтное число убитыхъ и раненыхъ и весь огромный станъ, обозы и запасы. Мамай съ тремя сановниками своими, съ высоты Краснаго холма смотря на битву, увидѣлъ общую гибель и бѣгство своихъ, застоналъ... и терзаемый бѣдствіемъ воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій!» и пустился на конѣ своемъ вслѣдъ за другими (см. планъ битвы). Засадный конный полкъ побѣдителей съ княземъ Волынскимъ сѣлъ имъ на голову: билъ, топталъ, опрокидывалъ и тысячами тѣлъ усталъ широкую степь пятидесяти-верстнаго

разстоянія до устьевъ рѣки Красивой-Мечи [1]); которая проходитъ по Богородицкому и Ефремовскому уѣздамъ Тульской губерніи, а въ Лебедянскомъ уѣздѣ впадаетъ въ Донъ, гдѣ татары все, что оставалось еще, бросили и застигнутые ночью перетонули въ рѣкѣ. «И се рука Господня отяготѣ на нечестивые губители, и гнѣвомъ ярости сокруши ихъ, яко прахъ предъ лицемъ бури!» Малая часть людей перешла съ Мамаемъ на другой берегъ Красивой-Мечи.

Мужественный князь Владиміръ Андреевичъ, прозванный храбрымъ, герой незабвеннаго дня сего, довершивъ побѣду, сталъ на костяхъ враговъ подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ и трубнымъ звукомъ съ Краснаго холма повелѣлъ созывать оставшееся войско: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и воеводы... Но Димитрія не было... Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой, гдѣ первоначальникъ нашей славы?» Никто не могъ вымолвить о немъ съ отчаянія... Димитрій сдержалъ свое государское слово: сказалъ, что будетъ, и былъ впереди всѣхъ!.. Одни изъ воеводъ сказывали, что видѣли его бьющагося противъ четырехъ татаръ; юный князь Стефанъ Юрьевичъ Новосильскій сказывалъ, что видѣлъ его послѣ въ сторонѣ, тяжко идущаго отъ убоевъ и ранъ нетвердыми шагами; но самъ, защищаясь отъ трехъ татаръ, не могъ подать ему ни помощи, ни коня своего; общій слухъ былъ, что его сбили съ коня и тяжко ранили. Начали повсюду искать Димитрія между мертвыми, ужасались, находя убитыхъ, похожихъ на него; но это были князь Θеодоръ Романовичъ Бѣлозерскій и бояринъ Михаилъ Александровичъ Брянокъ; между убитыми нашли еще знатныхъ вождей: князя Дорогобужскаго, Димитрія Монастырева; бояръ: Семена Михайловича; Николая (Микулу) Васильевича Вельяминова; Михаила Ивановича Челядина и Тимоѳея Васильевича Волуева. Наконецъ двое костромскихъ дворянъ-воиновъ, Θеодоръ Сабуровъ и Григорій Хлопищевъ, нашли Димитрія въ лѣсу подъ березою, избитаго и лежащаго въ забвеніи отъ нанесенныхъ ему вражескихъ ударовъ (см. планъ битвы, цифра 8); оба воина эти съ такимъ радостнымъ извѣстіемъ поспѣшили къ князю Владиміру Андреевичу и прочимъ вождямъ.

Радостная вѣсть о Димитріи разлилась по всему оставшемуся воинству и собрала всѣхъ вождей вокругъ лежащаго великаго князя. Герой открылъ глаза, смеженные было близкою смертію, открылъ ихъ и увидѣлъ славу меча русскаго и спасеніе отечества... Видя брата, князей, радостныя лица, слыша привѣтствія

[1]) Существуетъ въ народѣ легенда, и указываютъ мѣсто, гдѣ Мамай, переправляясь черезъ рѣку, будто уронилъ туда очень красивый мечъ свой, и будто оттуда названіе Красивой-Мечи, что вполнѣ невѣрно, ибо есть рѣчка и Ситова-Мечь. Названіе происходитъ не отъ меча, а отъ слова метать.

побѣды, Димитрій ожилъ духомъ, сотворилъ крестное знаменіе, всталъ и увидѣлъ лично знамена христіанъ надъ трупами враговъ...

На другой день князь Димитрій Михайловичъ Волынскій возвратился съ засаднымъ полкомъ отъ береговъ Красивой-Мечи и былъ торжественно встрѣченъ зятемъ своимъ, героемъ донскимъ, воздавшимъ ему славу и честь, какъ старшему полководцу, главному распорядителю безсмертной Куликовской битвы. Преслѣдовать бѣгущаго Мамая далѣе было невозможно: не имѣя запасовъ продовольствія, въ тогдашнихъ пустынныхъ мѣстахъ Волынскій могъ бы потерять все порученное ему войско.

Съ 9-го по 16-е сентября, 8 дней сряду, великій князь съ остатками побѣдоноснаго воинства предавалъ землѣ отцевъ и братьевъ, на брани убіенныхъ, воздавая имъ хвалу и честь, и послѣднія лобзанія; онъ воздвигнулъ тогда же на святыхъ костяхъ ихъ деревянную церковь во имя праздника «Рождества Богородицы» (день битвы) и снабдилъ ее церковною полковою утварью. Тѣла же знаменитыхъ мужей, которымъ Димитрій платилъ дань слезами и поминовеніемъ, были положены въ дубовыя колоды и отвезены на родину, для погребенія съ предками; такъ тѣла героевъ-иноковъ Пересвѣта и Осляби похоронили въ Московской Симоновской обители, основанной знаменитымъ игуменомъ, преподобнымъ Сергіемъ. Много рождественскихъ храмовъ воздвигнуто было потомъ, въ память незабвеннаго дня безсмертной Куликовской битвы.

При Іоаннѣ Грозномъ крымскіе мурзы съ отрядами войскъ хана Саипъ-Гирея вторглись въ Рязанскія области и, когда перешли за Донъ въ августѣ 1542 года, встрѣчены были царскими войсками, подъ командою боярина князя Петра Даниловича Пронскаго (потомка рязанскихъ удѣльныхъ князей) и князя Юрія Ивановича Дѣева. Увидя русскія войска, татары отступили за Донъ; наши воеводы ихъ преслѣдовали, и на славномъ Куликовомъ полѣ вновь произошла частная битва, въ которой крымскіе татары разбиты были наголову, подобно предкамъ своимъ, властителямъ Русской земли, усѣявшимъ костьми обширное поле это. Пронскій и Дѣевъ, подобно засадному полку храбраго князя Волынскаго, преслѣдовали татаръ до береговъ Красивой-Мечи.

Казенное село Рожествено-Монастырщина лежитъ при соединаніи Непрядвы съ Дономъ, въ 20-ти верстахъ отъ Епифани, и заключаетъ въ себѣ около 120-ти дворовъ при 1.000 ревизскихъ душахъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Древнее преданіе даетъ великую знаменательность селу этому. Находится оно въ семиверстномъ разстояніи отъ обоихъ концовъ Куликовской битвы, при сліяніи Непрядвы съ Дономъ (замѣчательна Непрядва спорнымъ теченіемъ отъ прямого угла паденія). Здѣсь избрано было побѣдителемъ Димитріемъ мѣсто вѣчнаго упокоенія героямъ православнаго воинства, положившимъ животъ свой за вѣру и отече-

ство, дабы отдѣлить ихъ отъ нечестивыхъ татарскихъ тѣлъ, преданныхъ въ добычу звѣрямъ дикимъ и птицамъ. Для этого десятки тысячъ рукъ оставшихся воиновъ побѣдителей восемь дней сряду прилагали свои усердныя попеченія объ отдѣленіи и перевозѣ убіенныхъ братій своихъ. Избранные древодѣлы въ то же время надъ священными могилами ихъ сооружали церковь Рождества Богородицы изъ дубовъ приснопамятной «зеленой дубравы» (при генеральномъ земель размежеваніи прилегавшей еще къ самой церкви; см. планъ битвы, цифра 13). Знаменитая святыня эта, первоначатокъ всероссійской «родительской субботы», святой памятникъ великаго дня битвы, на праздникъ Рождества Богородицы, вскорѣ собрала кругомъ себя туземныхъ жителей въ первоначальное поселеніе, наименованное потомъ селомъ Рожественымъ.

Въ дачахъ села Монастырщины, на югъ къ рѣчкѣ Смолкѣ, лежала замѣчательная въ исторіи зеленая дубрава, гдѣ при Куликовской битвѣ скрывался засадный полкъ князей Владимира Андреевича Храбраго и Димитрія Михайловича Волынскаго. Великій Петръ не разъ проѣзжалъ съ Иванъ-озерскаго канала посѣщать достопамятныя мѣста эти и повелѣлъ заклеймить всѣ дубы приснопамятной дубравы этой, начинавшейся тогда у самой рожественской усадьбы; при генеральномъ размежеваніи земель 1778 года стояли еще здѣсь нѣсколько вѣковыхъ дубовъ близъ самой церкви; нынѣ же ихъ нѣтъ. На лѣвомъ берегу Смолки, близъ верходубскаго оврага лежитъ большой курганъ (см. планъ битвы, цыфра 14); по всему вѣроятію, курганъ этотъ насыпанъ надъ могилами падшихъ воиновъ царя Іоанна Васильевича Грознаго 1542 г. при второй куликовской битвѣ съ крымскими татарами, какъ сказано выше.

По случаю 500-лѣтней годовщины Куликовской битвы или Донского сраженія, въ 1880 году, 8 сентября, состоялось близъ памятника, на Красномъ холмѣ торжество религіозное и военное. Прибылъ на мѣсто преосвященный Никандръ, епископъ тульскій и бѣлевскій, и послѣ обѣдни въ церкви с. Монастырщины, на самомъ Куликовомъ полѣ была отслужена панихида, при громадномъ стеченіи народа и значительныхъ частяхъ разныхъ войскъ, пришедшихъ изъ Москвы, съ генераломъ С. М. Духовскимъ во главѣ. Цѣлая группа офицеровъ верхами пріѣхала изъ Москвы до Куликова поля, слѣдуя по тому пути, по которому шло Московское войско великаго князя Димитрія Іоанновича. Я находился еще тогда въ намъ принадлежавшемъ имѣніи Милославщинѣ на Дону, гдѣ на полуостровѣ разбитъ былъ великолѣпный паркъ, вблизи впаденія Непрядвы въ Донъ.

Ко мнѣ наканунѣ торжества пріѣхалъ нашъ историкъ Д. И. Иловайскій, и мы объѣздили вмѣстѣ всѣ историческія мѣста. Я показывалъ Д. И. броды Татинскіе и равнину около Милославщины,

гдѣ былъ лагерь Димитрія. Идущая отъ Милославщины по дорогѣ въ Татинки аллея указывала ясно мѣсто, гдѣ былъ лагерь, какъ бы обрамляя мѣстность, и въ общемъ, что̀ только было интереснаго, мы осмотрѣли. Крутые берега и узость Дона удивили Д. И. Иловайскаго. Несомнѣнно, что они такіе же были въ 1380 году, и ясно, что нашъ исторіографъ Карамзинъ не посѣщалъ Куликова поля, не зналъ мѣстности, иначе онъ не написалъ бы, что воды Дона окрасились кровію убитыхъ русскихъ и татаръ, ибо, какъ бы ни было кровопролитно сраженіе, оно было въ 7 верстахъ отъ Дона. Также переправа не могла представлять большихъ затрудненій, такъ какъ Донъ чрезвычайно узокъ, и труднѣе перейти Непрядву, чѣмъ Донъ. Оттого, должно быть, и названа рѣчка Непрядва, отъ слова прядать, прыгать, т.-е. не перепрыгнешь. Въ числѣ прибывшихъ на торжество былъ и боевой генералъ Кульгачевъ; онъ со многими офицерами генеральнаго штаба тщательно объѣзжалъ и осматривалъ Куликово поле, и, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, приходилось заключить, что, если бы вновь давать сраженіе на томъ же полѣ теперь съ какимъ бы то ни было современнымъ непріятелемъ, то лучше нельзя бы избрать позицію, какъ ту, которую въ 1380 году, 8-го сентября, избралъ Волынецъ-Боброкъ, руководитель боя; настолько она удачно и мастерски была выбрана. Теперь это голая степь, а тогда она была еще окаймлена лѣсами, и площадь, гдѣ дрались, была меньше, чѣмъ теперь, почему татары и не могли развить всѣхъ своихъ силъ, особенно ихъ конница, а густота лѣса давала возможность скрыть засаду, большую массу людей и коней. Послѣ окончанія торжества и салюта изъ орудій, на ближайшемъ хуторѣ собрались всѣ пріѣзжіе на торжество гости, и генералъ Духовской сказалъ прекрасную рѣчь, какъ представитель Московскаго войска, пришедшаго помянуть то Московское воинство, которое сражалось на этомъ мѣстѣ 500 лѣтъ тому назадъ. Сказалъ рѣчь и Д. И. Иловайскій, указавъ на историческое значеніе Куликовской битвы, впервые объединившей русскихъ князей для борьбы съ татарами, указавшей на русскую мощь и положившей начало нашимъ будущимъ военнымъ успѣхамъ, ибо хотя и долго еще тяготѣло татарское иго надъ Русью, но уже явилась увѣренность, что при общихъ усиліяхъ побѣда возможна надъ татарами, и объединеніе Руси въ лицѣ Московскаго царства—вопросъ недалекаго будущаго...

Оригинальное зрѣлище представляло торжество: при взглядѣ на массу простого народа, расположившагося на полѣ въ числѣ десятковъ тысячъ людей, и на войска съ артиллеріею, воображеніе невольно переносилось за 500 лѣтъ назадъ. День былъ жаркій, солнце пекло, и было тѣсно отъ массы народа, и мы съ Д. И. Иловайскимъ обратили вниманіе на эту тѣсноту. Погожій день, должно быть, былъ и 8-го сентября 1380-го года, и также было тѣсно отъ столпившагося многотысячнаго войска, но тѣснота была, конечно, другого рода.

Послѣ юбилея 500-лѣтія Куликовской битвы въ 1880 г. я оставилъ службу предводительскую въ Епифанскомъ уѣздѣ. Дорогія намъ, князьямъ Оболенскимъ, по своимъ историческимъ воспоминаніямъ имѣнія перешли въ ростовщическія руки, а отъ нихъ еще и еще въ другія... прошло нѣсколько лѣтъ, и я случайно заѣхалъ въ дорогія мѣста... Цвѣтущая когда-то усадьба наша въ Милославщинѣ, съ крутымъ поворотомъ Дона, передъ самымъ домомъ образующимъ полуостровъ, на которомъ раскинутъ былъ роскошный паркъ, съ рѣдкими въ нашемъ краѣ деревьями,—все это пришло въ ветхость и упадокъ. Въ полуразрушенномъ домѣ ссыпается, кажется, хлѣбъ, онъ замѣняетъ амбаръ — и на меня, на стараго барина, все это уже вѣетъ могилою, и лишь привѣтливые крестьяне видимо обрадовались моему пріѣзду. Послѣ первыхъ привѣтствій, они съ живостью, и не безъ юмора, стали жаловаться на новыхъ владѣльцевъ, на ихъ притѣсненія, особенно на новые порядки, ими заведенные. Въ короткій сравнительно срокъ новые хозяева успѣли съ мужичковъ за штрафы, недоимки, недочеты и недоборы арендъ набрать мелкими суммами нѣсколько сотъ въ векселяхъ и обратить ихъ въ иски у земскихъ начальниковъ... Искамъ нѣтъ конца! Болтовня мужичковъ немного оживила печальную для меня картину разрушенія. «Перевелся баринъ»,—твердили мнѣ мужики, какъ объ отжившемъ въ самомъ дѣлѣ типѣ, то-есть такомъ баринѣ, какого они встарину привыкли видѣть и уважать. Конечно, собираніе векселями недоимокъ для порядка, какъ говорятъ новаторы наши, и для обезпеченія мало напоминаетъ мужичкамъ времена барства, а скорѣе татарскіе ярлыки, да и называютъ ихъ, то-есть всякія бумажки владѣльческихъ теперь конторъ, ярлыками. Мысли мои все болѣе и болѣе переносились въ далекое прошлое. Издали виднѣлась братская могила въ Монастырщинѣ, и она, право, смотрѣла привѣтливѣе той новой барской могилы близъ меня... При выѣздѣ изъ Милославщины показался вдали на Красномъ холмѣ памятникъ съ блестящимъ золотымъ куполомъ, видный за десятки верстъ, а думы невольно все болѣе и болѣе обращались къ героическому прошлому отъ мизерной современности.

Памятникъ красивъ, колонна чугунная весьма изящно отлита на заводѣ Берда въ Петербургѣ, съ золотымъ куполомъ и крестомъ; на немъ двѣ надписи золотыми буквами.

Одна, обращенная къ востоку, гласитъ:

«Побѣдителю татаръ великому князю Димитрію Іоанновичу Донскому признательное потомство, лѣто отъ Рождества Христова 1848».

Другая, помѣщенная на колоннѣ кругомъ, слѣдующая:

«Господь силъ съ нами, Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбяхъ, обрѣтшихъ насъ зѣло, сего ради не убоимся».

Памятникъ стоитъ на землѣ, бывшими помѣщиками подаренной на сей предметъ. Съ одной стороны къ нему подходитъ наша земля бывшаго Сабурова хутора, а съ другой стороны графа Александра Васильевича Олсуфьева, такъ что памятникъ стоитъ на границѣ земель двухъ владѣльцевъ. Нынѣ проектируется постройка храма близъ памятника, и графъ А. В. Олсуфьевъ на этотъ предметъ пожертвовалъ болѣе 30 десятинъ земли, полагаемой для причта. Подарокъ весьма цѣнный въ виду дороговизны земли, стоящей тамъ болѣе 200 рублей десятина.

Князь Д. Д. Оболенскій.

ПАМЯТИ А. И. КИРПИЧНИКОВА.

НАУЧНЫЕ труды покойнаго А. И. Кирпичникова, его дѣятельность на пользу русскаго просвѣщенія столь плодотворны и такъ важны, что имъ въ исторіи нашей науки будетъ отведено одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Все, что сдѣлано покойнымъ ученымъ, такъ серіозно и точно обосновано, а также отличается такимъ богатствомъ матеріала, что всѣ труды его явятся необходимымъ руководствомъ для тѣхъ, кто станетъ работать въ области изученія русской и иностранныхъ литературъ. Перечень сочиненій А. И., данный въ статьѣ Д. Языкова [1], ясно свидѣтельствуетъ о разносторонности и многообразіи вопросовъ, которые интересовали покойнаго; каждое указанное здѣсь сочиненіе отличается высокими учеными достоинствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и довольно рѣдкими у нашихъ ученыхъ качествами — ясностью изложенія, живымъ и образнымъ языкомъ. Каждую статью А. И. можно читать съ громадной пользой и большимъ удовольствіемъ; изъ нея всякій многому научится, не ломая головы своей надъ глубоко-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1903 г., № 6. Приведенный г. Языковымъ списокъ трудовъ А. И. довольно подробенъ, но все же можно пополнить—особенно газетными статьями покойнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ статей указаны были Л. Ю. Шепелевичемъ въ «Запискахъ Харьковскаго университета» за 1897 г., № 1, а также мной въ статьѣ по поводу тридцатилѣтія А. И. Кирпичникова. Статья моя помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1897 г., № 12.

мысленными и запутанными оборотами, подъ которыми многіе наши «ученые» скрываютъ свою напускную ученость...

Такія высокія качества изложенія мыслей были обычнымъ свойствомъ А. И.: такъ онъ писалъ, такъ онъ читалъ и съ каѳедры профессорской, не иначе имъ произносились и многочисленныя рѣчи и публичныя лекціи... Удивительно ли послѣ этого, что смерть А. И. Кирпичникова вызвала взрывъ самыхъ искреннихъ и сердечныхъ сожалѣній? Его оплакиваетъ всякій, кто знакомъ съ этимъ именемъ, а знакомы всѣ интеллигентные русскіе люди, читавшіе наши журналы (общіе и спеціальные) за послѣднія 30 съ лишнимъ лѣтъ... Особенно же сильно должно быть горе тѣхъ, кто зналъ лично покойнаго ученаго... Привлекательный образъ А. И., высокогуманнаго, добраго и снисходительнаго къ чужимъ ошибкамъ, не изгладится изъ памяти всѣхъ, кто хоть разъ встрѣчался съ нимъ...

При первомъ же знакомствѣ съ Александромъ Ивановичемъ всякій невольно проникался чувствомъ искренней любви и уваженія къ нему за его всегдашнюю готовность помочь въ горѣ, научить въ бѣдѣ, поддержать и дать совѣтъ въ каждую трудную минуту... Я не сомнѣваюсь, что всѣ мои сверстники,—воспитанники Новороссійскаго университета въ періодъ съ 1885 года, когда въ Одессу пріѣхалъ въ качествѣ профессора А. И.,—не забыли и не забудутъ того значенія, которое имѣло для насъ общеніе съ незабвеннымъ профессоромъ, сразу широко распахнувшимъ дверь своего кабинета для всѣхъ, кто желалъ только стать ближе къ своему учителю... Въ бесѣдахъ со своими учениками А. И. не ограничивался лишь научными вопросами; онъ училъ не только разбору различныхъ памятниковъ литературныхъ, но обыкновенно затрогивалъ и темы общія, стремясь къ тому, чтобы какъ можно больше сообщить такихъ мыслей, которыя помогли бы другимъ стать болѣе добрыми, гуманными людьми... Онъ желалъ въ каждомъ, кто оказывался вблизи его,—пробудить сознаніе, «чтобъ къ лучшей жизни онъ шелъ»... Съ этой цѣлью онъ **никогда** не злословилъ ни о комъ, никогда ни объ одномъ изъ знакомыхъ не говорилъ дурно, но всегда стремился къ тому, чтобы для каждаго дурного поступка кого либо изъ людей, ему извѣстныхъ, найти извиненіе, подыскать мотивы, которые могли бы вызвать снисхожденіе къ тому, кого окружающіе уже готовы заклеймить позоромъ или наказать презрѣніемъ.

Такое отношеніе къ людямъ у Александра Ивановича было обычнымъ, чему доказательствомъ можетъ служить одно его очень мало извѣстное литературное произведеніе.

Однажды мнѣ пришлось говорить съ Александромъ Ивановичемъ по поводу какого-то громкаго тогда преступленія; я не находилъ для преступника никакихъ оправданій и, что называется, ме-

талъ громы въ него. Александръ Ивановичъ напротивъ указывалъ на массу обстоятельствъ, которыя должны были, по его мнѣнію, быть приняты во вниманіе для смягченія судьбы провинившагося, который, какъ выразился А. И.,—«только несчастный человѣкъ, ставшій жертвой неблагопріятнаго стеченія случайностей, имѣющихъ въ нашей жизни громадное значеніе»...—«Я,—сказалъ мнѣ тогда А. И.,—много думалъ надъ подобными вопросами и даже однажды попытался изложить ихъ въ беллетристическомъ произведеніи... Вѣдь я въ свое время написалъ повѣсть подъ заглавіемъ Поздняя любовь».

Это произведеніе А. И. Кирпичникова, подписанное «А. Орловскій» [1]), помѣщено было въ издававшемся въ Харьковѣ журналѣ «Миръ» [2]). Передамъ кратко содержаніе повѣсти «Поздняя любовь».

Губернскій городъ О*** въ концѣ августа 187* года былъ взволнованъ необычайнымъ происшествіемъ: директоръ мѣстной гимназіи, статскій совѣтникъ Терпигоревъ,—человѣкъ всѣми любимый и уважаемый, а также пользующійся авторитетомъ въ обществѣ,—на бульварѣ при массѣ публики всадилъ въ грудь юнкера Шапошникова («одного изъ молодыхъ людей не перваго разбора») шпагу...

Этотъ фактъ довольно необычайнаго характера переволновалъ всѣхъ, кто зналъ преступника, и вызвалъ неодолимое желаніе присутствовать на судебномъ разбирательствѣ, которое произошло чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда между прочимъ совершенно оправился отъ полученной раны и Шапошниковъ. Описаніе разбора этого дѣла на судѣ авторъ отъ имени разсказчика оканчиваетъ такъ: «Совѣщаніе присяжныхъ продолжалось около часу. Терпигоревъ сидѣлъ, подперши голову рукою; его глаза были полузакрыты; его болѣзненное утомленіе, апатія, какое-то отвращеніе ко всему на свѣтѣ, могли внушить, пожалуй, больше состраданія, нежели обычное въ этихъ случаяхъ нервное возбужденіе... У меня мелькнула странная мысль: этотъ серіозный, немолодой уже человѣкъ, долго занимавшій довольно важный постъ, показался мнѣ большимъ ребенкомъ, котораго изобидѣли люди, поставивъ его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ надѣлать глупостей»... Въ какое же положеніе былъ поставленъ герой происшествія? На это авторъ отвѣчалъ подробнымъ изложніемъ обстоятельствъ жизни Терпигорева, начиная съ ранняго его дѣтства. Въ общемъ получается

---

[1]) А. И. Кирпичниковъ былъ родомъ изъ города Мценска—Орловской губ.

[2]) «Миръ»—журналъ политическій, литературный, ученый и экономическій—издавался въ концѣ 1881 и въ началѣ 1882 г. подъ редакціей А. П. Шимкова при издателѣ В. А. Сыхра. А. И. Кирпичниковъ принималъ въ этомъ журналѣ дѣятельное участіе въ качествѣ редактора литературнаго отдѣла и составителя библіографіи. Повѣсть «Поздняя любовь» помѣщена въ книжкахъ журнала за октябрь и ноябрь 1881 года.

впечатлѣніе, что Терпигоревъ былъ очень хорошій человѣкъ, отзывчивый, готовый всякому помочь, но неудачникъ... Онъ въ университетѣ выдавался своими занятіями и способностями, его оставили при университетѣ и готовили изъ него профессора, но обстоятельства сложились такъ, что онъ, обласканный въ моментъ потери горячо любимой матери, одной простенькой дѣвушкой, не въ состояніи оказался уклониться отъ помощи ея большой семьѣ, потерявшей отца. Онъ изъ жалости женился на этой дѣвушкѣ, принялъ на себя заботы объ ея родныхъ и долженъ былъ, бросивъ приготовленіе къ каѳедрѣ, ѣхать въ провинцію, чтобы тамъ занять прилично оплачиваемое мѣсто сперва инспектора, а потомъ директора гимназіи.

Терпигоревъ добросовѣстно несъ всѣ свои обязанности: онъ заботился о братьяхъ и сестрахъ жены, онъ былъ прекраснымъ педагогомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несчастнымъ человѣкомъ. Съ женой у него оказалось мало общаго; постоянныя же воспоминанія объ утраченной научной дѣятельности вызывали у него чувство раздраженія и въ результатѣ создали изъ него человѣка замкнутаго и скрытнаго. Не могло доставить ему утѣхи и провинціальное общество, чуждое возвышенныхъ интересовъ. Такъ печально, тускло и сѣро по волѣ судьбы текла жизнь этого недюжиннаго человѣка; въ ней не было ни одного свѣтлаго луча, пока Терпигоревъ не встрѣтился съ одной замѣчательной дѣвушкой; она была образована, много читала, а потому всегда являлась желанной собесѣдницей для нашего героя. Онъ ее полюбилъ, но не желалъ разрывомъ погубить свою семью: онъ искалъ честнаго выхода изъ своего тяжелаго положенія.

Во время этихъ внутреннихъ волненій, этой тягостной борьбы, онъ сталъ подвергаться насмѣшкамъ ничтожнаго, отвергнутаго любимой Терпигоревымъ дѣвушкой,—юнкера Шапошникова. Въ роковой августовскій вечеръ названный юнкеръ увидѣлъ на бульварѣ эту дѣвушку съ Терпигоревымъ и позволилъ себѣ по ихъ адресу рядъ грубыхъ, циничныхъ выходокъ. Терпигоревъ проводилъ до дому свою даму, вернулся на бульваръ, и тутъ произошла извѣстная уже намъ развязка. Присяжные оправдали Терпигорева. Семья его отъ него уѣхала, но онъ ее усердно поддерживалъ, переселившись въ Петербургъ и живя литературнымъ трудомъ, благодаря которому скоро пріобрѣлъ себѣ почетное имя. Съ любимой дѣвушкой онъ переписывался (она осталась въ О***), онъ ее любилъ попрежнему; смерть жены, болѣвшей нѣсколько лѣтъ, позволила Терпигореву окончить бракомъ свою «позднюю любовь». Детальное описаніе характера Терпигорева, сдѣланное авторомъ намѣренно подробно, дѣйствительно вызываетъ у читателя объ этомъ случайномъ преступникѣ представленіе, какъ о человѣкѣ несчастномъ; къ нему невольно проникаешься чувствомъ сожалѣнія, и въ

результатѣ вмѣстѣ съ авторомъ не рѣшаешься судить его строго. Человѣкъ провинился — это правда, но что было причиной этой вины? Терпигоревъ — преступникъ, но человѣкъ не испорченный; онъ имѣлъ самые лучшіе задатки, но «обстоятельства», «цѣлый рядъ случайностей» заставили его рѣшиться на роковой поступокъ. Его не только можно, но даже должно пожалѣть и, понявъ все, простить.

А. И. Кирпичниковъ, взявшись за перо для необычнаго ему рода литературнаго произведенія, именно и хотѣлъ показать это; въ его повѣсти, пожалуй, больше разсудочности и серіозности, чѣмъ обыкновенно это бываетъ въ подобныхъ произведеніяхъ, но она на читателя должна производить то впечатлѣніе, вызывать именно тѣ мысли объ отношеніи къ «несчастнымъ», «обиженнымъ людьми и судьбой», которыя желалъ распространять покойный Александръ Ивановичъ въ силу своей искренней и глубокой любви къ человѣку.

Русская наука со смертью А. И. Кирпичникова понесла невознаградимую утрату, все же русское общество, учащаяся молодежь въ особенности, потеряли въ немъ высокогуманнаго, просвѣщеннаго руководителя, учителя правды и добра... Онъ никогда не искалъ популярности, онъ добрыя дѣла дѣлалъ для другихъ, но не для себя, а потому слезы всѣхъ, кто зналъ его, искренни... Пусть же память объ этомъ человѣкѣ живетъ вѣчно въ русскомъ обществѣ, которое не можетъ не сознавать того, что сдѣлалъ для него А. И. Кирпичниковъ, этотъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ.

М. Г. Попруженко.

ПЕТРОЗАВОДСКЪ.

(По поводу двухсотлѣтія со дня его основанія).

ВРЯДЪ ЛИ во всей Европейской Россіи найдется еще другой губернскій городъ, столь мало извѣстный въ обществѣ, какъ г. Петрозаводскъ. Новостью для многихъ является и такое географическое сообщеніе, что Петрозаводскъ—губернскій городъ Олонецкой губерніи.

Между тѣмъ онъ—творенье рукъ Петра Великаго, возникъ одновременно съ С.-Петербургомъ въ 1703 году и, отстоя отъ него всего лишь въ 450 верстахъ, сыгралъ въ исторіи возникновенія и укрѣпленія этого «окна въ Европу» весьма значительную роль. Въ окрестностяхъ Петрозаводска Великій Преобразователь открылъ богатые рудоносные источники, цѣлебныя воды, корабельные лѣса, настроилъ чугунно-литейные, мѣдноплавильные и другіе заводы и основалъ корабельную верфь. Наконецъ въ 60 верстахъ отъ него находится своего рода чудо природы—водопадъ Кивачъ, не имѣющій себѣ равнаго во всей Европѣ.

Нельзя сказать, чтобы и другіе болѣе древнѣйшіе пункты Олонецкаго края, занимаемаго еще новгородскими насельниками, были болѣе или менѣе достаточно извѣстны, и чтобы ихъ естественныя богатства были въ должной мѣрѣ эксплоатированы на общую государственную пользу.

Во всемъ этомъ, какъ намъ кажется, въ числѣ многихъ другихъ причинъ сыграли немалую роль отдаленность городовъ, обиліе топей и болотъ и отсутствіе путей сообщенія... Въ лѣтніе мѣсяцы, хотя

и страшно медленно, путешественникъ сравнительно покойно переберется изъ С.-Петербурга въ Петрозаводскъ; но зимой это путешествіе напоминаетъ собою отдаленнѣйшія времена для всѣхъ россіянъ, кромѣ уроженцевъ Олонецкой губерніи.

Только теперь, когда сѣтью желѣзныхъ дорогъ соединяются съ центромъ Россіи даже крайніе пункты Восточной Сибири, выпало утѣшеніе и на долю Петрозаводска. Желѣзнодорожный путь, соединяющій его съ С.-Петербургомъ, по волѣ императора Николая II, уже опредѣленъ и обслѣдованъ, и нынѣшнимъ же лѣтомъ будетъ приступлено къ производству работъ.

Скоро, такимъ образомъ, не черезъ 2—4 сутокъ будутъ добираться до Петрозаводска туристы, а черезъ 12—15 часовъ; скоро хлынетъ на него новая волна жизни, и скоро городъ и весь край въ служеніи общимъ государственнымъ интересамъ займутъ подобающее ихъ естественнымъ богатствамъ положеніе.

Въ виду, съ одной стороны, этого важнаго для всего края событія—проведенія желѣзной дороги, соединяющей нашу столицу съ г. Петрозаводскомъ, и съ другой—исполняющагося въ настоящемъ августѣ двухсотлѣтія со дня основанія Петрозаводска, мы и желаемъ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» своими свѣдѣніями о его прошломъ и настоящемъ, къ сожалѣнію, въ очень тѣсныхъ рамкахъ, предписываемыхъ программою журнала.

При этомъ мы не можемъ не выразить своей благодарности за оказанное намъ содѣйствіе Ивану Ивановичу Благовѣщенскому, который послѣ А. И. Иванова и К. М. Петрова является наиболѣе виднымъ мѣстнымъ историкомъ Олонецкаго края.

I.

Петровскій заводъ и Петрозаводская слобода.

Горныя богатства Олонецкаго края уже давно стали привлекать къ себѣ вниманіе Московскаго правительства; при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ добывали желѣзо въ Каргополѣ, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были устроены «печи» желѣзныя въ Каргополѣ и мѣдноплавильныя въ с. Толвуѣ. Но о какой бы то ни было болѣе или менѣе правильной эксплоатаціи этихъ богатствъ тогда не могло быть и рѣчи. Предпринять и развить её могли только мощь и энергія Державнаго Преобразователя Россіи, который вмѣстѣ со всей страной возродилъ къ новой жизни и Олонецкій край.

Въ августѣ 1702 года Петръ Великій совершилъ многотрудное и почти невѣроятное путешествіе: онъ съ четырьмя тысячами

войска и двумя фрегатами прошелъ отъ с. Нюхчи, лежащаго на югозападномъ берегу Бѣлаго моря, къ г. Повѣнцу, къ сѣверной оконечности Онежскаго озера,—черезъ тундры и лѣса, рѣки и болота—170 верстъ въ 10 дней. Изъ Повѣнца онъ съ изумительною быстротою Онежскимъ озеромъ и рѣкою Свирью добрался до Ладожскаго озера, нигдѣ на своемъ пути не встрѣтивъ препятствія со стороны шведовъ, такъ какъ послѣдніе никакъ не предполагали даже возможности такой переправы.

Съ такою же быстротою, вызвавъ подкрѣпленіе изъ Старой Ладоги, Петръ Великій совершилъ походъ къ истоку Невы и взялъ крѣпость Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), послѣ чего онъ уже легко дошелъ и до устья Невы и заложилъ здѣсь столицу С.-Петербургъ.

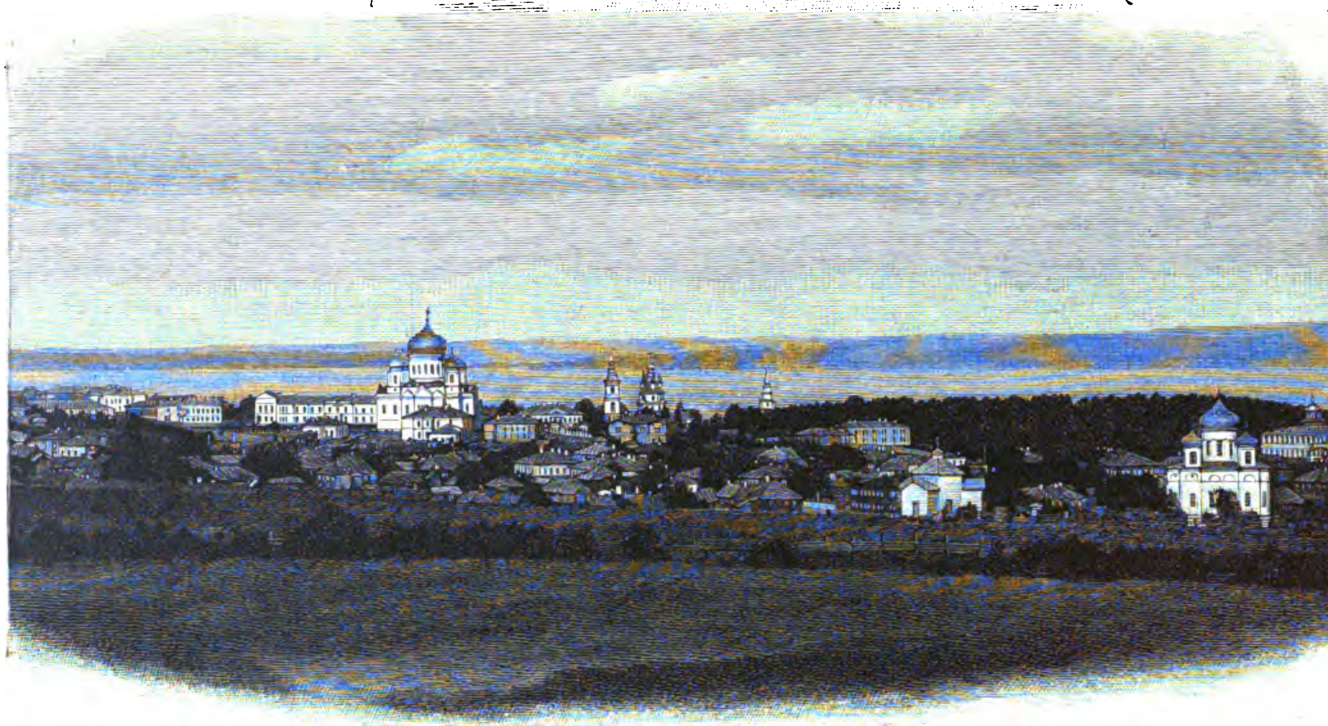
Но со времени прохода по «великой государевой дорогѣ» (отъ с.Нюхчи до Повѣнца) и до основанія столицы Петру пришлось не разъ побывать въ Олонецкомъ краѣ, гдѣ онъ на берегахъ р. Свири, близъ дер. Мокришвицы (впослѣдствіи г. Лодейное Поле) образовалъ корабельную верфь, пользуясь услугами олонецкихъ плотниковъ, руками которыхъ были построены и первые русскіе корабли (галеры), появившіеся въ Балтійскомъ морѣ подъ императорскимъ флагомъ и способствовавшіе завоеванію русскими Балтійскаго побережья.

Однако «добытое» побережье нужно было постоянно охранять; къ тому же разгоравшаяся все болѣе и болѣе Великая Сѣверная война требовала новыхъ усилій, новыхъ средствъ... Геній Петра и тутъ нашелъ спасеніе въ отдаленномъ и неизвѣстномъ до него Олонецкомъ краѣ. Зная о производимыхъ Московскимъ правительствомъ попыткахъ воспользоваться горными богатствами этого края, онъ еще въ 1701 году отправилъ туда для изслѣдованій приглашеннаго изъ-за границы саксонца Іоанна Блюера. Послѣдній послѣ тщательныхъ розысковъ «для литья пушекъ и военныхъ принадлежностей» указалъ пустынную мѣстность при впаденіи р. Лососинки въ Онежское озеро, гдѣ стояла только одна мукомольная мельница, и при ней во время работъ проживалъ старикъ-крестьянинъ, приписанный къ сосѣднему (въ 17 верстахъ) Шуйскому погосту, извѣстному по писцовымъ книгамъ съ 1581 года.

На избранномъ Блюеромъ мѣстѣ 29-го августа 1703 года, въ присутствіи главнаго распорядителя по постройкѣ, бомбардиръ-поручика А. Д. Меншикова [1]), была произведена закладка Петровскаго чугунно-плавильнаго завода, строителемъ котораго былъ московскій «доморощенный рудознатецъ» Яковъ Власовъ, пожалованный, по испытаніи въ Оружейномъ приказѣ, званіемъ мастера заводскаго дѣла.

---

[1]) Относительно присутствія при закладкѣ завода самого царя можно только предполагать и, пожалуй, болѣе въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ онъ съ іюля по сентябрь находился на Лодейнопольской верви и за это время дважды побывалъ въ Александро-Свирскомъ монастырѣ.



Видъ Петрозаводска съ Зарѣцкой стороны.

Несмотря на многочисленность и обширность заводскихъ построекъ и приспособленій, на новомъ заводѣ уже въ декабрѣ того же 1703 года въ видѣ пробы была отлита большая пушка, и съ начала 1704 года въ немъ начались правильныя работы по отлитію большихъ размѣровъ пушекъ для осадной артиллереи, гаубицъ, мортиръ, бомбъ, ядеръ и проч. Почти съ самаго же начала дѣйствія завода устроена была при немъ и особая оружейная фабрика.

Заводъ былъ окопанъ землянымъ валомъ, вооруженнымъ пушками, и обращенъ такимъ образомъ въ крѣпостцу, которая вмѣщала въ себѣ до 3.000 человѣкъ рабочихъ вмѣстѣ съ гарнизономъ и представляла горнозаводское поселеніе, называемое Петрозаводскою, а также и «Петровскою слободою». Такъ какъ Петръ Великій позволилъ крестьянамъ свободно селиться близъ завода, то слобода очень быстро стала заселяться и обстраиваться, и уже къ 1720 году въ ней было до 30 домовъ посторонних обывателей.

Часто наѣзжая на заводъ для «надсмотра», царь подолгу живалъ здѣсь, построилъ себѣ дворецъ и небольшую походную церковь и развелъ около нихъ «березовую рощу», обратившуюся впослѣдствіи въ обширный и весьма тѣнистый «общественный садъ».

Царскій дворецъ, одно изъ первыхъ и лучшихъ строеній Петровской слободы, представлялъ собою деревянное двухъэтажное зданіе, въ длину 15 саженъ и въ ширину 8 саженъ, съ досчатыми гладко выстроганными полами и чисто вытесанными и выскобленными наружными и внутренними стѣнами. Покрытъ онъ былъ на четыре ската. Для входа и выхода во дворецъ и садъ вели съ наружной стороны двѣ площадки, вымощенныя досками о шести ступеняхъ и обнесенныя точенымъ балюстрадомъ. Рамы дворца были слюдяныя, съ жестянымъ переплетомъ; печи—двоякія: чугунныя съ короною и вензелемъ и просто кирпичныя. Во дворцѣ была инструментальная палата, гдѣ въ свободные часы царь занимался токарною и другими работами.

Дворецъ этотъ послѣ кончины Петра Великаго долго служилъ квартирою для ландратовъ и потомъ народной школы и наконецъ «за ветхостью» былъ разобранъ въ 1773 году.

Передъ дворцомъ въ саду былъ разведенъ рыбный прудъ, обсаженный вокругъ березками и обнесенный палисадомъ; онъ сохранился и до сихъ поръ.

Ниже пруда надъ лежащимъ нынѣ большимъ камнемъ стояла походная церковь изъ брезента, которую замѣнилъ построенный въ томъ же 1703 году Петропавловскій соборъ.

Такъ какъ этотъ соборъ сохранился и до настоящаго времени, былъ строенъ по плану и указаніямъ самого императора, и такимъ образомъ представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ историче-

Видъ Петрозаводска съ оврага противъ собора.

скихъ памятниковъ г. Петрозаводска, то мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Петропавловскій соборъ, восьмиугольный, пирамидальный, безъ колокольни, имѣетъ въ высоту четыре уступа, отстоящихъ другъ отъ друга пропорціонально. При первоначальномъ устройствѣ каждый уступъ вокругъ церкви по плоскости и загибамъ обшитъ былъ тесомъ и обнесенъ точенымъ балюстрадомъ. Для входа на верхніе уступы были сдѣланы лѣстницы, по которымъ Петръ Великій, въ бытность свою на Петровскомъ заводѣ, постоянно восходилъ на самый верхній уступъ, или «блюдо», и оттуда любовался широко открывающеюся перспективой. На куполѣ протянутъ былъ вверхъ шпиль съ желѣзнымъ четырехконечнымъ крестомъ; шпиль этотъ въ темныя ночи освѣщался фонаремъ для плавающихъ въ Онежскомъ озерѣ.

Входъ въ храмъ былъ съ трехъ сторонъ, теперь лишь нѣсколько приподнятый. Окна съ слюдяными рамами, укрѣпленными желѣзомъ; наружныя стѣны были обиты съ основанія до купола тесомъ, обтянуты холстомъ и окрашены охрою. Внутренность храма отдѣлялась отъ паперти и устроеннаго надъ ней верхняго яруса или хоровъ капитальными стѣнами, въ которыхъ было сдѣлано также три входа и еще нѣсколько четырехугольныхъ отверстій, чтобы лучше видѣть и слышать съ паперти совершающееся внутри богослуженіе. Солея, иконостасъ, алтарь и два клироса были подняты на четыре бруса, сдѣланные уступами. Вирхній ярусъ надъ папертью имѣлъ, какъ и теперь, три простѣнка, а по краямъ были устроены придѣлы во имя Алексѣя, человѣка Божія, и Александра Невскаго.

Это первоначальное положеніе и устройство собора оставалось неизмѣннымъ до 1772 года, когда впервые устроили лишь новый шпицъ съ крестомъ, обшитый жестью.

По распоряженію намѣстника архангельскаго и олонецкаго, Т. И. Тутолмина, были сдѣланы слѣдующія важныя перемѣны: 1) четыре кровельныя крыши превращены въ круглый видъ, а съ ними сняты были и лѣстницы; 2) стѣны снаружи и снутри оштукатурены, и вмѣсто оконъ въ стѣнахъ паперти и верхняго яруса устроены арки.

Въ 1852 году, подъ наблюденіемъ особой комиссіи, иконы Петровскаго времени, писанныя на холстѣ (изъ числа ихъ пять иконъ составляли принадлежность Петровской походной церкви и нынѣ находятся въ предалтарномъ иконостасѣ), были исправлены, и только двѣ изъ нихъ, какъ болѣе обветшавшія, а именно иконы: Воскресенія Христова и Похвалы Богородицы, замѣнены точными копіями.

Благодаря нѣсколькимъ позднѣйшимъ ремонтамъ, Петропавловскій соборъ, какъ бы одѣтый въ желѣзный чехолъ сверху до низу, нынѣ огражденъ отъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ вліяній

Видъ Петрозаводска въ средней части Маріинской улицы.

и въ то же время производитъ благопріятное впечатлѣніе внутренними украшеніями. Какъ древнѣйшій и какъ памятникъ благочестія Петра Великаго, соборъ пользуется особымъ почитаніемъ даже всѣхъ окрестныхъ жителей г. Петрозаводска, стекающихся сюда ежегодно толпами въ праздникъ Петра и Павла, 29-го іюня.

Хотя, какъ мы выше сказали, на Петровскомъ заводѣ и началась оживленная дѣятельность съ самаго его основанія, однако ею нельзя было удовлетворить всѣхъ потребностей тогдашняго военнаго времени. Въ 1707 году построили въ с. Кончезерѣ, въ 45 верстахъ отъ Петровскаго завода, новый вспомогательный заводъ, дѣйствующій и по настоящее время. Но одного устройства заводовъ было еще мало: необходимо было поставить въ нихъ опытнаго и талантливаго руководителя. Великому Преобразователю скоро удалось достигнуть и этого. Въ 1713 году назначается комендантомъ и начальникомъ Петровскаго и Кончезерскаго заводовъ Виллимъ Ивановичъ де-Геннинъ, по происхожденію голландецъ.

Талантливый инженеръ, ревностный исполнитель воли Петра, считавшій заводы своимъ любимымъ дѣтищемъ, необыкновенно честный и гуманный, Геннинъ успѣлъ во время своего 10-ти-лѣтняго управленія довести дѣятельность заводовъ и особенно Петровскаго до высшей степени развитія, такъ что выдѣланныя на нихъ орудія, ружья и другія издѣлія (приготовлялись даже ланцеты и разныя хирургическія принадлежности) признавались въ то время совершеннѣйшими и вполнѣ удовлетворяли очень многимъ потребностямъ арміи и флота.

Успѣшности производства на заводахъ, помимо техническихъ приспособленій, очень много, конечно, содѣйствовало гуманное и справедливое обращеніе Виллима Геннина съ рабочими, которые охотно шли къ нему на заводъ и многіе даже возвращались «съ бѣговъ».

Мало того, Геннинъ строилъ еще рѣчныя суда на Олонецкой верфи (Лодейнопольской), готовилъ для флота водяныя бочки, отливалъ балластъ, гналъ для адмиралтейства смолу и защищалъ край отъ нападенія шведовъ.

Наконецъ, онъ сыгралъ большую роль въ открытіи извѣстныхъ Марціальныхъ водъ и построилъ тамъ дворцы для царя и царицъ.

Въ 1713 году Петръ Великій, еще за границею пользовавшійся водами Пирмонта и Спа, приказалъ доктору Шуберту отыскать въ Олонецкомъ краѣ минеральныя воды. Чѣмъ бы окончились и долго ли продолжались бы поиски этого заграничнаго доктора, сказать очень трудно. Но «къ великому удовольствію» Петра «на выручку нѣмецкаго доктора» явился молотовой работникъ Петровскаго завода, по прозванію Рябоевъ. Посланный въ 1714 году «за урядомъ надъ рудными казаками», онъ въ 50 верстахъ отъ Петрозаводской

Современный видъ Петропавловскаго собора.

слободы близъ болота открылъ колодезь, изъ котораго сталъ пить воду и просить Бога объ исцѣленіи своей ревматической въ ногахъ боли. Послѣ трехдневнаго употребленія этой воды онъ почувствовалъ облегченіе, а потомъ и вовсе исцѣлился. Немедленно же объявилъ объ этомъ плавильщику, тотъ коментанту и начальнику заводовъ Геннину, который изслѣдовалъ указанную воду и, найдя ее «полезною», «донесъ по командѣ»... Скоро стали являться сюда больные и всѣ почти получали облегченіе. Узнавъ объ всемъ этомъ отъ Геннина, Петръ въ 1717 году отправилъ для изслѣдованія водъ доктора Блюментроста, который нашелъ ихъ чрезвычайно полезными и, по приказу царя, заложилъ тамъ дворецъ для «его царскаго величества».

Въ январѣ 1719 года прибылъ сюда и императоръ съ императрицею, царицею Прасковьею Ѳеодоровной и большой свитой и прожилъ до 13-го марта, «получивъ значительное облегченіе», что побудило его тогда же издать указъ съ правилами объ употребленіи водъ и всюду и всѣмъ предлагать пользованіе ими. Виновника открытія, Рябоева, онъ вмѣстѣ съ «домомъ его и землею, чѣмъ владѣетъ», освободилъ отъ работъ и податей на заводахъ.

Многіе изъ приближенныхъ царя, конечно, не замедлили воспользоваться его предложеніемъ, и съ полученіемъ исцѣленія число пріѣзжающихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, а это, несомнѣнно, благотворно вліяло на экономическое положеніе окрестныхъ жителей. Въ глазахъ же Петра открытіе Марціальныхъ водъ должно было еще болѣе увеличить цѣну Олонецкаго края.

Проѣздомъ на воды и ранѣе проживая на Петровскомъ заводѣ, императоръ «зѣло радовался» успѣшной дѣятельности Геннина и, конечно, не упускалъ случая «поруководить» работами, «учреждая разныя художества». Царственными руками тянулъ онъ здѣсь тяжелыя крицы, выковывалъ желѣзныя полосы, а своихъ приближенныхъ заставлялъ засыпать въ горно уголья, раздувать огонь и проч. Въ кабинетѣ Петра Великаго (въ Эрмитажѣ) и сейчасъ хранятся выкованныя имъ здѣсь собственноручно четыре полосы желѣза.

Изъ предыдущаго обзора ясно видно, что какъ происхожденіе, такъ и развитіе Петровскихъ заводовъ въ Олонецкомъ краѣ находилось въ тѣсной связи съ великой сѣверной войной. Закончилась эта война въ 1721 году Ништадтскимъ миромъ, миновала и настоятельная надобность въ боевыхъ припасахъ, а, стало быть, должно было уменьшиться и производство даже самаго крупнаго изъ этихъ заводовъ — Петровскаго на р. Лососинкѣ. Когда же въ слѣдующемъ году перевели Геннина на Уральскіе заводы, на Петровскомъ, можно смѣло сказать, «исчезло и искусство», «пресѣклись лучшіе способы дѣйствія» и охладѣло усердіе рабочихъ, изъ

среды которыхъ лучшіе были частію переведены на Сестрорѣцкіе заводы, а частію увезены съ собою Геннином.

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ ухода Геннина, какъ въ сенатѣ поднимается вопросъ о закрытіи Петровскаго завода, «по причинѣ де дорогой цѣны чугуна и желѣза». Но государь на это предложеніе произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «хотя въ Олонецкомъ краѣ желѣзо и дорого обходится, но по близости заводовъ къ Петербургу ихъ нельзя останавливать».

Хотя въ 1733 году на предложеніе прекратить дѣйствіе Петровскаго завода правительствующій сенатъ и отвѣтилъ отказомъ, «поелику заводъ построенъ по волѣ премудраго монарха Петра и многіе мастеровые собраны были изъ разныхъ мѣстъ», слѣдовательно, по закрытіи завода, могли остаться безъ работы и очутиться въ затруднительномъ положеніи,—но своимъ же указомъ отъ 13-го апрѣля 1734 года онъ окончательно прекратилъ дѣйствіе завода, а выплавку чугуна и приготовленіе изъ него пушекъ указалъ перенести на Кончезерскій заводъ.

Ровно двадцать лѣтъ продолжалось полное бездѣйствіе Петровскаго завода, и только въ 1753 году, вслѣдствіе значительнаго количества работъ на Кончезерскомъ заводѣ и по недостатку дѣйствующей въ немъ воды, на мѣстѣ бывшей сверлильной фабрики Петровскаго завода, у самаго устья р. Лососинки былъ построенъ мѣдноплавильный заводъ, названный также Петровскимъ, на которомъ за 30 лѣтъ его производства было выплавлено мѣди 11.438 пудовъ, цѣною отъ 3 до 20 рублей серебромъ за пудъ.

Такова въ общихъ чертахъ внѣшняя исторія Петровскаго завода и Петрозаводской или Петровской слободы; что же касается внутренней, то для сужденія о ней матеріаловъ почти вовсе не имѣется: едва ли не единственнымъ, наиболѣе крупнымъ, источникомъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на устройство и бытъ рабочихъ на заводѣ, является дѣло о волненіяхъ крестьянъ, приписанныхъ къ олонецкимъ заводамъ. Этими матеріалами воспользовался широко В. И. Семевскій въ своей статьѣ: «Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ въ 1761—1779 гг.» [1]), изъ которой мы и заимствуемъ нѣкоторыя сообщаемыя ниже свѣдѣнія.

Для исполненія работъ на заводахъ правительство приписывало обыкновенно крестьянъ къ заводамъ, не всегда, впрочемъ, сообразуясь съ кореннымъ ихъ мѣстожительствомъ. Такъ было, конечно, и на Петровскомъ заводѣ. Приписанные съ нынѣшнихъ уѣздовъ Петрозаводскаго и Олонецкаго, иногда за 200 верстъ и болѣе отъ родного села, крестьяне, вмѣсто взноса въ казну подушныхъ податей деньгами, отрабатывали ихъ тамъ за опредѣленную

---

[1]) Перепечатаны въ 4-мъ выпускѣ «Олонецкаго Сборника» (Петрозаводскъ, 1902 г.).

плату. Начиная съ 1725 г. отрабатывать приходилось семигривенный подушный окладъ и четырехгривенныя оброчныя деньги. За работу же крестьянъ, которые рубили дрова, жгли ихъ, разламывали угольныя кучи и возили руду, платили пѣшему рабочему въ день по 5 коп. лѣтомѣ и по 4 коп. зимой, а конному по 10 коп. лѣтомъ и по 6 зимой. Съ 1760 г. отрабатывать приходилось уже не 1 р. 10 к,, а 1 р. 70 к.

Заводское же начальство («Петровская канцелярія») нисколько не заботилось объ интересахъ крестьянъ, допускало лихоимство въ широкихъ размѣрахъ, не заготовляло во время провіанта, дозволяло «подрядчикамъ-міроѣдамъ» «пускать по міру» бѣдныхъ и даже брать нѣкоторыхъ «въ заживъ головою» и проч.

Къ этому присоединилось еще и то, что съ Петровскаго завода часть приписныхъ крестьянъ откомандировали на работы на открывшіяся въ 1764 г. Тавдійскія мраморныя ломки (въ 90 верстахъ отъ Петрозаводска) и на другіе даже частныхъ предпринимателей заводы. Наконецъ въ 1768 г. послѣдовалъ сенатскій указъ, возвышавшій плату крестьянъ до 2 р. 70 к.

Все это, конечно, переполнило чашу терпѣнія заводскихъ крестьянъ, и они стали отказываться отъ работъ, указывая на свое крайнее разореніе и нищету. Началось обычное слѣдствіе, переписка, не имѣвшая никакого успѣха; затѣмъ рѣшили было послать «для усмиренія» новгородскаго губернатора Сиверса, но послѣдній отказался ѣхать, и, правильно указавъ причины волненія крестьянъ—«чрезвычайно отяготительный и непорядочный нарядъ работниковъ и поставку матеріаловъ въ самое горячее для крестьянъ время и непорядокъ правленія Петровской канцеляріи», посовѣтовалъ императрицѣ лишь «обольготить народъ» и «не налагать на подданнаго болѣе того, что онъ можетъ вынести».

Тогда послали генерала Лыкошина, который, несмотря на предписанія императрицы—дѣйствовать «сколь можно больше умѣренностью и увѣщаніями», «преслѣдовалъ», по словамъ Сиверса, «несчастныхъ огнемъ и мечемъ».

Послѣ этого пришлось, конечно, прибѣгнуть къ военной командѣ и нѣсколькимъ ружейнымъ выстрѣламъ, которыми возстаніе и было «подавлено». Стоявшій во главѣ слѣдственной комиссіи директоръ бергъ-коллегіи Соймоновъ, наказавъ «экзекуціей» виновныхъ крестьянъ, смѣстилъ и нѣсколькихъ служащихъ въ Петровской канцеляріи и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ вводить нѣкоторыя улучшенія..., нисколько, конечно, не поправивъ бѣдственнаго положенія заводскихъ крестьянъ.

Покидая Петровскій заводъ, Соймоновъ оставилъ тамъ начальникомъ своего ближайшаго сотрудника, Ярцева, но дѣятельность его относится уже ко второму періоду Петровскаго завода, когда онъ на новомъ мѣстѣ получилъ и новое названіе.

Старый каѳедральный соборъ.

II.

Александровскій заводъ.

Продолжательница плановъ Великаго Преобразователя, императрица Екатерина II также хорошо понимала значеніе близости Петровскаго завода къ Петербургу, какъ и самъ Петръ Великій, и потому не покидала мысли о его возстановленіи. Въ 1772 г. бергмейстеръ Ярцевъ доносилъ императрицѣ, что производимыя имъ изслѣдованія рудныхъ залежей близъ Петрозаводской слободы увѣнчались весьма хорошими результатами: было открыто множество рудъ, качество которыхъ превосходило руды кончезерскія и, стало быть, могло улучшить самый чугунъ. Въ сентябрѣ того же года послѣдовалъ высочайшій указъ о постройкѣ на той же рѣчкѣ Лососинкѣ, немного выше прежняго, новаго пушечнаго завода, который, по высочайшему повелѣнію отъ 25-го іюня 1774 г., былъ названъ Александровскимъ.

Постройка завода поручалась Ярцеву, человѣку знающему и энергичному, который съ помощью мѣстныхъ мастеровыхъ и каменщиковъ изъ Ярославля успѣлъ окончить ее въ теченіе одного года. Всѣ заводскія зданія съ механизмами, благодаря крайней дешевизнѣ рабочихъ матеріаловъ, обошлись очень дешево, всего въ 35.410 рублей.

Открывъ дѣйствія завода осенью 1774 г., Ярцевъ успѣлъ въ короткое время значительно улучшить выплавку чугуна и довести крѣпость выдѣлываемыхъ изъ него издѣлій до высокой степени совершенства. Памятникомъ дѣятельности его по улучшенію чугуна въ орудіяхъ служитъ 24-хъ-фунтовая пушка, превращенная въ 30-ти-фунтовую и до сихъ поръ сохраняемая въ Александровскомъ заводѣ, въ особомъ помѣщеніи.

Кромѣ того, онъ въ значительной степени, несмотря на свое короткое управленіе (6 л.), успѣлъ улучшить заводское хозяйство и счетоводство и во многомъ облегчить положеніе рабочихъ, приписныхъ крестьянъ, особенно уменьшеніемъ ихъ тяжелыхъ уроковъ.

Преемникъ Ярцева, Грамматчиковъ, не сумѣлъ продолжить блистательно начатаго тѣмъ дѣла и въ значительной степени ослабилъ производство завода. Къ счастію, его управленіе продолжалось не долго, и въ 1786 г. директоромъ Олонецкихъ заводовъ былъ назначенъ Карлъ Гаскойнъ.

Почти во все время управленія Грамматчикова адмиралтействъ-коллегія съ заказами пушекъ должна была обращаться на Карронскій заводъ въ Шотландіи, несмотря на очень высокія таможнія цѣны на пушки. Около 1785 г. адмиралъ Грейгъ, извѣстный своими усовершенствованіями флота и по вооруженію его луч-

Новый каѳедральный соборъ.

шими орудіями, предложилъ императрицѣ пригласить въ Россію Гаскойна, управлявшаго Карронскимъ заводомъ. Императрица согласилась и предоставила Гаскойну всѣ средства для введенія способа приготовленія пушекъ по карронской методѣ и даже перестройку заводовъ какъ Александровскаго, такъ и Кончезерскаго.

Двадцатилѣтнее управленіе Гаскойна Александровскимъ заводомъ было въ высшей степени благотворно для послѣдняго и можетъ быть поставлено на ряду съ управленіемъ подвижника Петра Великаго, Виллима де-Геннина. Онъ перестроилъ почти заново оба завода: Александровскій и Кончезерскій, и ввелъ въ нихъ столько улучшеній и нововведеній, что они и послѣ него, особенно при его преемникахъ Армстронгѣ и Фуллонѣ, считались у насъ однимъ изъ лучшихъ производителей орудій, снарядовъ, чугунныхъ лафетовъ, рѣшетокъ, вазъ, разныхъ архитектурныхъ украшеній и даже земледѣльческихъ машинъ.

Во время войнъ турецкой и шведской при Екатеринѣ II и во все богатое военными дѣйствіями царствованіе Александра Благословеннаго Александровскій заводъ вмѣстѣ съ Кончезерскимъ доставлялъ значительную часть орудій и снарядовъ; однимъ изъ главныхъ поставщиковъ орудій и снарядовъ Александровскій заводъ былъ и въ крымскую кампанію, когда въ немъ ежегодно приготовляли болѣе 100 тыс. пудовъ орудій и 300 тыс. пудовъ снарядовъ, между тѣмъ какъ при нормальныхъ условіяхъ онъ приготовлялъ лишь до 60 тыс. пуд. орудій и до 100 тыс. пудовъ снарядовъ.

Въ Александровскомъ заводѣ были приготовлены: рѣшетка ассигнаціоннаго банка въ С.-Петербургѣ (1797 г.), рѣшетка съ колоннами вокругъ Обводнаго канала въ Кронштадтѣ (1797 г.), базы для колоннъ въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ (1802 г.), Полицейскій мостъ со всѣми принадлежностями въ С.-Петербургѣ (1806 г.), чугунное крыльцо въ Аничковомъ дворцѣ (1813 г.), часть машинъ для Петергофской прядильной фабрики (1816 г.) и многое другое.

Здѣсь не лишне вспомнить слова много лѣтъ жившаго за границей и много тамъ видавшаго, П. И. Челищева, который въ своемъ «Путешествіи по сѣверу Россіи въ 1791 году» (Спб., 1886 г.) между прочимъ говоритъ: «Въ устьѣ рѣки Свири встрѣтилъ «галіоту», въ которой везли изъ Петрозаводска въ С.-Петербургъ большія чугунныя пушки и разныхъ сортовъ ядра; доброта чугуну въ тѣхъ пушкахъ и ядрахъ чрезвычайно меня удивила: гладкость и пропорція стройныхъ сихъ орудій великую честь доставляютъ господину Гаскойну, англичанину и директору сего завода въ г. Петрозаводскѣ».

Выплавка изъ чугуна орудій и артиллерійскихъ снарядовъ была главнымъ предметомъ работъ на Александровскомъ заводѣ вплоть до 1880 года, и благодаря цѣлому ряду введенныхъ усовершен-

ствованій по технической части, сообразно съ требованіями артиллеріи, орудія и снаряды эти считались одними изъ лучшихъ. Много также было распространено Александровскимъ заводомъ и приготовленныхъ на немъ разныхъ издѣлій, отъ колоннъ до мелкихъ вещей включительно.

Послѣ 1880 года производство завода стало значительно уменьшаться, и такъ продолжалось дѣло приблизительно до 1894 года, когда вновь стало замѣтно оживленіе заводской дѣятельности, производительность которой въ 1898 году выражалась уже въ 880.000 рублей. Въ послѣдніе годы Александровскій заводъ былъ обезпеченъ заказами военнаго и морского вѣдомствъ.

Итакъ очевидно, что заводъ этотъ, помимо своего обще-историческаго значенія, выразившагося, главнымъ образомъ, въ доставкѣ оборонительныхъ средствъ для государства, въ исторіи г. Петрозаводска и его торгово-промышленномъ состояніи сыгралъ первенствующую роль. До сихъ поръ въ Петрозаводскѣ горнозаводское населеніе составляетъ треть всего числа жителей. Понятно, что поддержаніе и развитіе заводской дѣятельности особенно желательно для процвѣтанія какъ г. Петрозаводска, такъ и всего Олонецкаго края.

III.

Городъ Петрозаводскъ.

Императрица Екатерина Великая, устроивъ новый заводъ въ Петрозаводской слободѣ, находила вполнѣ естественнымъ сдѣлать ее центромъ управленія края. Указомъ правительствующему сенату отъ 21-го марта 1777 года она повелѣла переименовать «Петрозаводскую слободу въ окружной городъ Петрозаводскъ», который до 1781 года вмѣстѣ съ Олонецкою областью входилъ въ составъ Новгородскаго намѣстничества, а въ этомъ году перечисленъ къ С.-Петербургской губерніи. Въ 1782 году императрица перевела въ Петрозаводскъ всѣ областныя присутственныя мѣста изъ г. Олонца и такимъ образомъ сдѣлала его главнымъ городомъ Олонецкой области. А когда въ 1784 году было образовано Архангельское и Олонецкое генералъ-губернаторство, Петрозаводскъ сталъ центромъ Олонецкаго намѣстничества, или губернаторства. Гербъ города высочайше былъ утвержденъ еще въ 1781 году и представлялъ: «на раздѣленномъ полосами золотомъ и зеленою краскою полѣ три желѣзные молота, покрытые рудоискательною лозою, въ знакъ изобилія рудъ и многихъ заводовъ, обрѣтающихся въ сей области».

Первымъ намѣстникомъ, или губернаторомъ, олонецкимъ былъ извѣстный поэтъ и первый министръ юстиціи Гавріилъ Рома-

новичъ Державинъ, въ теченіе своего годового управленія губерніей все время ведшій борьбу съ своимъ генералъ-губернаторомъ Т. И. Тутолминымъ. Борьба эта началась съ момента объявленія Тутолминымъ составленнаго имъ «новаго канцелярскаго обряда», во многомъ не согласнаго съ высочайше утвержденными законами и правилами, какъ доказывалъ Державинъ, не пожелавшій даже приводить его въ исполненіе по многимъ пунктамъ. Въ виду этого и особенно послѣ одной ревизіи губернскаго правленія, Тутолминъ поѣхалъ въ Петербургъ съ жалобою на Державина. Послѣдній же, въ его отсутствіе, рѣшился на рискованный шагъ: онъ подвергъ ревизіи учрежденія, подвѣдомственныя только генералъ-губернатору, и, найдя тамъ «великое неустройство», обо всемъ отписалъ императрицѣ. Въ результатѣ Тутолминъ долженъ былъ вымолить себѣ у императрицы прощеніе.

Между тѣмъ въ Петрозаводскѣ раздѣлившіеся на двѣ партіи чиновники своими раздорами продолжали обострять отношенія между своимъ высшимъ начальствомъ, а одинъ изъ нихъ, членъ верхняго земскаго суда, гдѣ былъ предсѣдателемъ братъ генералъ-губернатора Н. И. Тутолминъ, отставной поручикъ Молчинъ, привелъ въ судъ «губернаторскаго» прирученнаго медвѣдя и требовалъ отъ всѣхъ присутствующихъ, чтобы они привѣтствовали «новаго члена Михаила Ивановича». Поступокъ этотъ, приписанный въ Петербургѣ непріятелями Державина и даже генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ самому поэту, былъ доведенъ до правительствующаго сената и, конечно, надѣлалъ немало хлопотъ и непріятностей Гавріилу Романовичу.

Присоединившіяся сюда еще новыя непріятности, поводомъ которыхъ послужило составленное весьма поспѣшно и невѣрно Тутолминымъ «Камеральное описаніе» губерніи, могли лишь увеличить горечь служебнаго положенія Державина, которое онъ ярко обрисовалъ въ своемъ подражаніи псалму — «Упованіе на свою силу».

Кромѣ этого произведенія, онъ въ бытность въ Петрозаводскѣ составилъ одну лишь рѣчь, произнесенную протоіереемъ Іоанномъ въ 1786 году при открытіи городской больницы, честь основанія которой приписывали себѣ одинаково и намѣстникъ и генералъ-губернаторъ.

Но зато путешествіе Державина къ Бѣлому морю для открытія города Кеми, хотя и непріятное по трудности сообщенія, оставило въ немъ лучшія впечатлѣнія, которыя и вылились впослѣдствіи въ двухъ выдающихся его произведеніяхъ: «Водопадъ», гдѣ описывается извѣстный Кивачъ на рѣкѣ Сунѣ, въ 60 верстахъ отъ Петрозаводска, и «Буря», гдѣ онъ вспоминаетъ о своемъ опасномъ плаваніи по Бѣлому морю.

Памятникъ Петру Великому въ Петрозаводскѣ.

Домикъ, въ которомъ жилъ Державинъ, сохранился до сихъ поръ, при чемъ при реставраціи былъ сохраненъ весь его прежній наружный видъ.

Уже по отъѣздѣ Державина изъ Петрозаводска, въ 1786 году, побывалъ тамъ академикъ Озерецковскій, и вотъ что онъ пишетъ о городѣ въ своемъ «Путешествіи по озерамъ Ладожскому и Онежскому и вокругъ озера Ильменя» (С.-Петербургъ, 1812 года): «Петрозаводскъ населенъ купцами, мѣщанами и разночинцами. Записныхъ въ самомъ городѣ купцовъ числомъ 905, мѣщанъ 1.781, но изъ сего числа купцовъ живетъ въ городѣ только 185, мѣщанъ—182; прочіе же со своими семействами, живутъ домами по разнымъ уѣздамъ и селеніямъ Олонецкаго намѣстничества. Кромѣ того, находится въ городѣ разночинцевъ 71, разнаго вѣдомства обывателей 565, при разныхъ должностяхъ 187, временно пребывающихъ по торгамъ, промысламъ и разнымъ работамъ 467 человѣкъ, а всего вообще мужскаго пола 1.657 и женскаго пола 1.194 души, кои помѣщаются въ 375 деревянныхъ домахъ, большею частью по-крестьянски построенныхъ».

Указавъ далѣе на выгодность положенія г. Петрозаводска и для внутренней и для внѣшней торговли, академикъ Озерецковскій называетъ и предметы вывоза — лѣсъ, «звѣриныя выдѣланныя и невыдѣланныя кожи», рыба, «дичина разныхъ видовъ», деготь, смола, ивовая кора, говяжье сало и, какъ самое главное, «разные матеріалы, на литейномъ заводѣ вырабатываемые», и мраморъ съ Тивдійскихъ ломокъ (послѣдняго много шло при постройкѣ Исаакіевскаго собора),—и ввоза: колоніальные и мануфактурные товары и хлѣбъ.

«Въ хлѣбѣ», продолжаетъ онъ, «какъ и въ другихъ продовольствіяхъ» въ Петрозаводскѣ большой недостатокъ, такъ что «тамошніе жители въ разсужденіи собственнаго своего содержанія нуждаются и ниже въ рыбѣ избытка не имѣютъ, хотя и живутъ близъ озера... Я былъ въ томъ городѣ въ Госпожинки и, стоя на суднѣ у пристани, видѣлъ, что по утрамъ привозили туда рыбаки на лодкахъ по большей части ряпушку и соленую палью, которая весьма противный испускала запахъ; несмотря на то, жители раскупали ее нарасхватъ... Изъ сего можно заключить, сколь много терпятъ нужды въ съѣстныхъ припасахъ служащія тамъ при разныхъ должностяхъ особы».

Вступившій на престолъ въ 1796 году Павелъ Петровичъ какъ бы считалъ долгомъ отмѣнить всѣ особенно послѣднія преобразованія и нововведенія своей родительницы. При этомъ общей участи не избѣгло и Олонецкое намѣстничество, или губернія. Въ томъ же 1796 году города Кемь и Повѣнецъ присоединены были къ Архангельской губерніи, а Пудожъ, Каргополь, Вытегра, Лодейное Поле, Олонецъ и Петрозаводскъ къ Новгородской губерніи, въ

вѣдѣніи которой Петрозаводскъ оставался до сентября 1801 года, когда послѣдовалъ высочайшій указъ о возстановленіи Олонецкой губерніи въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, въ которыхъ она находилась до раздѣла между Архангельскою и Новгородскою губерніями, а въ слѣдующемъ 1802 году Петрозаводскъ былъ объявленъ губернскимъ городомъ, каковымъ онъ остается и до сихъ поръ.

Въ царствованіе Павла Петровича г. Петрозаводскъ испыталъ довольно крупную бѣду. Вслѣдствіе безпрерывныхъ въ теченіе 30 дней (съ 15-го іюля по 15-е августа) дождей произошло разлитіе рѣки Лососинки, остановить которое не помогли ни плотина, ни другія сооруженія, наскоро предпринятыя горными инженерами. Наводненіе охватило всю площадь, занимаемую заводомъ, и часть городскихъ строеній, и, унеся все встрѣтившееся на пути бурному потоку въ Онежское озеро, причинило убытковъ въ разрушеніи строеній на 5.618 рублей, а въ уничтоженіи заводскихъ матеріаловъ—на 37.000 рублей.

Во избѣжаніе подобныхъ бѣдствій сейчасъ же по проекту Гаскойна были устроены: новая плотина и «деревянное русло для доставленія въ заводъ необходимаго количества воды на извѣстной высотѣ»; деревянное русло, имѣющееся и теперь, было передѣлано въ 1864 году въ новый водопроводъ длиною въ 203 сажени, короче прежняго на 104 сажени.

3-го января 1802 года состоялось въ Петрозаводскѣ открытіе губернскихъ учрежденій того времени: губернскаго правленія, палатъ казенной, уголовной и гражданской, приказа общественнаго призрѣнія, совѣстнаго суда, уѣзднаго суда, городового магистрата и ратуши.

Столь значительный рядъ учрежденій потребовалъ, конечно, и многихъ чиновниковъ; часть ихъ привезъ съ собой изъ Петербурга первый олонецкій гражданскій губернаторъ, А. М. Окуловъ, а затѣмъ приходилось вызывать желающихъ изъ другихъ губерній. Но Олонецкій край по своей отдаленности и бѣдности жителей не могъ привлекать къ себѣ даже маловзыскательныхъ людей, и высшее губернское начальство, несмотря на всевозможныя мѣры, не въ силахъ было устранить вопіющаго недостатка въ чиновникахъ; не только оставались свободными вакансіи мелкихъ чиновъ, но пустовали по полугоду и болѣе даже должности вице-губернатора, предсѣдателей палатъ и другія.

Въ этомъ отношеніи г. Петрозаводскъ, а съ нимъ и вся Олонецкая губернія, представляютъ въ значительной степени рѣдкое среди другихъ губерній Европейской Россіи и весьма оригинальное явленіе, невольно обращающее вниманіе.

Вслѣдствіе постояннаго недостатка въ чиновникахъ, особенно дѣловыхъ и знающихъ, отправленіе дѣлъ было крайне медленное и неисправное. Въ числѣ мѣръ, клонящихся къ улучшенію такого положенія, генералъ-губернаторъ архангельскій и олонецкій (съ 1820 по 1831 г. Олонецкая губернія находилась подъ вѣдѣніемъ генералъ-губернаторовъ архангельскихъ и олонецкихъ, которыми въ этотъ періодъ были Клокачевъ и Миницкій; во все же остальное время въ ней самостоятельно управляли губернаторы) Клокачевъ, послѣ увеличенія штатовъ, рекомендовалъ, между прочимъ, для пополненія числа чиновниковъ принимать въ губернскую гимназію незаконнорожденныхъ дѣтей, которыхъ числилось до 800 человѣкъ, ни въ какое званіе не записанныхъ.

Неисправность и крайнія упущенія въ рѣшеніи дѣлъ продолжали господствовать въ такой же степени и послѣ Клокачева, почти до начала 1870-хъ годовъ, несмотря на самыя энергичныя мѣры, принимаемыя губернаторами: Лачиновымъ, Яковлевымъ и Дашковымъ. Послѣдній отыскалъ въ 1837 г. въ числѣ дѣлъ, сданныхъ въ архивъ, до 1.200 нерѣшенныхъ; по его же настоянію, министерство внутреннихъ дѣлъ посылало въ Петрозаводскъ для канцелярской службы воспитанниковъ приказовъ общественнаго призрѣнія изъ губерній: Ярославской, Полтавской и Рязанской. Онъ, наконецъ, исходатайствовалъ въ 1839 г. «временныя льготы для поддержанія матеріальнаго положенія чиновниковъ»[1]).

Только уже потомъ, съ началомъ 1860-хъ гг. и съ введеніемъ постоянныхъ особыхъ преимуществъ для чиновниковъ Олонецкой губерніи, положеніе дѣлъ стало улучшаться. Но окружный судъ открытъ въ Петрозаводскѣ лишь въ 1894 году.

Этотъ своеобразный и вѣчно гнетущій олонецкихъ губернаторовъ вопросъ о недостаткѣ въ дѣльныхъ и знающихъ чиновникахъ былъ, между прочимъ, и пунктомъ, затрогивающимъ самое существованіе г. Петрозаводска, какъ губернскаго города. Нѣкоторые изъ губернаторовъ прямо таки отказывались найти какія либо средства для поднятія благосостоянія своего губернскаго города и предлагали одно очень радикальное средство—перенести всѣ губернскія присутственныя мѣста въ г. Вытегру, который занимаетъ самое выгодное положеніе въ торговомъ отношеніи, находясь на Маріинской системѣ, а Петрозаводскъ обратить въ горнозаводскій городъ, въ родѣ, напримѣръ, Екатеринбурга.

Первымъ, по точно сохранившимся архивнымъ даннымъ, такимъ губернаторомъ былъ Фанъ-деръ-Флитъ. Послѣ обозрѣнія въ 1826 г.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. статью И. И. Благовѣщенскаго: «Образованіе Олонецкой губерніи, управленіе ея за столѣтіе (1802—1902 г.г.) существованія», напеч. въ «Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи на 1902 годъ».

Памятникъ императору Александру II въ Петрозаводскѣ.

Олонецкой губерніи онъ пришелъ къ непреложному для него убѣжденію о перенесеніи губернскихъ учрежденій въ Вытегру и составилъ по этому поводу обширную записку. Въ ней онъ писалъ, что Петрозаводскъ, «по причинѣ удаленія отъ торговыхъ сообщеній и отъ большой почтовой (Архангельской) дороги, бѣденъ, малолюденъ и худо обстроенъ», и что въ «удаленный Петрозаводскъ неохотно ѣдутъ чиновники»; что наоборотъ «преимущества Вы-

тегры весьма значительны; она счастливо расположена у ключа Маріинской системы, на большой Архангельской дорогѣ и близъ Онежскаго озера». Для приданія Вытегрѣ центральнаго положенія въ губерніи онъ проектировалъ присодинить къ Олонецкой губерніи еще два уѣзда отъ Новгородской губерніи—Бѣлозерскій и Кирилловскій.

Записка эта возымѣла свое дѣйствіе, началось цѣлое «дѣло», тянувшееся около 3 лѣтъ (1828—1830 г.г.) и доходившее до комитета министровъ. Послѣдній постановилъ оставить проектъ «безъ дѣйствія», и въ этомъ отношеніи городъ много обязанъ губернатору П. А. Лачинову (1827—1829 г.г.), сумѣвшему разбить доводы Фанъ-деръ-Флита и его сторонника Лобри, предсѣдателя бывшей комиссіи по дѣламъ приписныхъ къ Олонецкимъ заводамъ крестьянъ.

Ровно черезъ 10 лѣтъ губернаторъ А. В. Дашковъ (1836—1839 г.г.) снова возбудилъ этотъ вопросъ, прибавивъ къ доводамъ Фанъ-деръ-Флита лишь одинъ — «удобство, при существованіи губернскаго правленія въ Вытегрѣ, въ принятіи мѣръ по продовольственной части».

Особый высочайше утвержденный въ 1838 г. комитетъ, «взвѣсивъ всѣ выгоды и невыгоды этого перевода, нашелъ полезнымъ и даже необходимымъ удержать за Петрозаводскомъ то назначеніе, которое дано было ему Петромъ Великимъ, и полагалъ оставить Петрозаводскъ на степени губернскаго города». 2 іюля 1838 г. на это послѣдовало высочайшее соизволеніе, и управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сообщая объ этомъ губернатору, посовѣтовалъ, что «отнынѣ онъ можетъ безпрепятственно изыскивать средства къ лучшему устройству города Петрозаводска».

Въ заключеніе, по поводу этого вопроса о переводѣ губернскаго города, упомянемъ еще о проектѣ г. Пузанъ-Пузаревскаго, предлагавшаго въ 1886 г. учредить окружный судъ въ г. Вытегрѣ, который, по его мнѣнію, послужилъ бы толчкомъ къ перенесенію въ этотъ городъ и другихъ губернскихъ учрежденій изъ Петрозаводска. На этотъ запоздалый проектъ (г. Вытегра въ то время вовсе не имѣлъ такого высокаго торгового значенія, какъ прежде) настолько вѣскія замѣчанія были представлены олонецкимъ губернаторомъ Г. Г. Григорьевымъ (1870—1890), что съ тѣхъ поръ не можетъ быть уже никакой рѣчи о пресловутомъ переводѣ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что чиновный людъ въ г. Петрозаводскѣ составлялъ, да и теперь составляетъ, одинъ изъ главнѣйшихъ его жизненныхъ пульсовъ, и что недостатокъ въ чиновникахъ и особенно туземныхъ, уроженцахъ Олонецкой губерніи, одними физическими и матеріальными условіями объясненъ быть не можетъ; онъ, несомнѣнно, лежитъ въ тѣснѣйшей связи съ дру-

гими, не менѣе важными въ жизни каждаго города, условіями,—условіями нравственными, въ основѣ которыхъ лежитъ постановка дѣла народнаго образованія въ краѣ.

И дѣйствительно, въ Петрозаводскѣ на первыхъ порахъ наблюдается полное отсутствіе учебныхъ заведеній, а затѣмъ слишкомъ малое число ихъ и весьма долгое время господствовавшее малолюдье въ нихъ.

Такъ какъ вопросъ объ учебныхъ заведеніяхъ затрогиваетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни каждаго города, то мы и перейдемъ къ его изложенію.

Хотя въ одномъ изъ писемъ отъ 17 апрѣля 1716 г. Виллима Геннина къ гр. Апраксину мы и читаемъ, что «школьниковъ, которыхъ ваше сіятельство изволилъ мнѣ вручить 20 человѣкъ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, я отвезъ на заводъ, и нынѣ имъ школа у меня тамъ заведена изрядная, и учатъ ариѳметику и геометрію, рисованіе, артиллерію и инженерное дѣло, и приставленъ къ нимъ полонный поручикъ», — но о дальнѣйшей судьбѣ этой школы ничего неизвѣстно.

Первое малое народное училище въ Петрозаводскѣ было открыто въ 1784 г.; черезъ два года оно было преобразовано въ главное народное училище, но въ 1797 г. опять низведено на степень малаго и возстановлено лишь въ 1802 году.

Въ 1797 г. была устроена школа для обученія грамотѣ дѣтей заводскихъ мастеровыхъ, но она оставалась низшей школой и до позднѣйшаго времени.

Олонецкая губернская гимназія въ Петрозаводскѣ начала свое существованіе съ 1808 г., но окончательное открытіе ея состоялось лишь въ октябрѣ 1811 г., въ присутствіи ординарнаго академика Лодія.

Не только въ первые годы, но и послѣ въ гимназіи часто ощущался недостатокъ въ учителяхъ, а классы всегда почти были малолюдны. До 1832 г. среднее число ежегодно поступающихъ въ гимназіи не превышало 9, а число окончившихъ курсъ за 24 года (1808—1832) составило лишь 46 чел. Въ послѣдніе годы число всѣхъ учениковъ въ гимназіи доходитъ до 240 чел.

Въ 1823 г. впервые окончившіе курсъ въ Олонецкой гимназіи, въ числѣ пяти человѣкъ, поѣхали продолжать образованіе въ Московскій университетъ; изъ среды ихъ выдѣлился впослѣдствіи А. И. Чивилевъ, бывшій профессоромъ Московскаго университета. За два года передъ тѣмъ окончилъ курсъ въ Олонецкой гимназіи извѣстный впослѣдсвіи поэтъ Бенедиктовъ; его собственноручная тетрадь нѣсколькихъ стихотвореній хранится въ библіотекѣ гимназіи и посейчасъ[1]).

---

[1]) См. ст. И. Д. Ламанскаго: «Олонецкая гимназія (историческая записка)», въ «Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи на 1902 г.», стр. 235.

Въ страшную годину 1812 г. Олонецкая гимназія пріютила въ своихъ стѣнахъ студентовъ Педагогическаго института и 1-й Спб. гимназіи, прибывшихъ въ Петрозаводскъ съ директоромъ. Энгельгардтомъ во главѣ. Пребываніе ихъ здѣсь, по словамъ К. И. Арсеньева, «сопровождалось почти безпрерывными разнообразными удовольствіями»[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе 1812 и части 1813 г.г. въ Петрозаводскѣ хранились дѣла департамента министерства народнаго просвѣщенія, дѣла и вещи императорской академіи художествъ, дѣла академіи наукъ и наиболѣе цѣнныя книги и рукописи императорской. Публичной библіотеки.

До 1840 г. въ Петрозаводскѣ существовало училище дѣтей канцелярскихъ служителей, съ цѣлію приготовленія способныхъ чиновниковъ для края, а въ этомъ году оно было преобразовано въ пансіонъ дѣтей канцелярскихъ служителей, которыя обучались въ гимназіи вмѣстѣ съ прочими ея учениками, но вмѣсто языковъ должны были проходить бухгалтерію, дѣлопроизводство и на особыхъ урокахъ занимались диктантомъ, чтеніемъ книгъ и рукописей. Пансіонъ этотъ содержался на средства приказа общественнаго призрѣнія, вмѣщалъ въ себѣ не болѣе 30 пансіонеровъ и въ 1862 г. былъ упраздненъ, а въ его зданіи открыто Маріинское училище для дѣвицъ, преобразованное потомъ въ Маріинскую женскую гимназію.

Съ 1809 г. существуетъ въ Петрозаводскѣ духовное училище и съ 1829 г. духовная семинарія, но эти учебныя заведенія имѣли и имѣютъ свои особыя задачи, которыя они и выполнили съ рѣдкой сравнительно съ подобными заведеніями другихъ епархій успѣшностію.

Всѣ же остальныя учебныя заведенія до позднѣйшаго времени были начальными школами, обучавшими грамотѣ, за исключеніемъ, конечно, городского училища по уставу 1872 года.

Говоря объ учебныхъ заведеніяхъ г. Петрозаводска въ прошлыя его времена, нельзя, намъ кажется, оставить безъ вниманія еще одного явленія, носящаго общеобразовательный и воспитательный характеръ и рисующаго до нѣкоторой степени составъ и культурность Петрозаводскаго общества того времени. Мы разумѣемъ здѣсь существованіе театра въ Петрозаводскѣ въ 1807—1818 гг.

Время учрежденія и процвѣтанія въ полномъ смыслѣ этого слова Петрозаводскаго театра совпадаетъ съ губернаторствомъ В. Ѳ. Мертенса (1804—1821), который далъ ему и помѣщеніе въ одной изъ частей дома, занимаемаго теперь присутственными мѣстами. Глав-

---

[1]) См. «Записки» К. И. Арсеньева въ «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1866 г., №№ 7—9.

нымъ двигателемъ театра былъ губернаторскій секретарь И. И. Ильинъ, который написалъ даже нѣсколько пьесъ, «съ успѣхомъ игранныхъ въ театрѣ» и напечатанныхъ въ мѣстной губернской типографіи. (Послѣдняя была открыта въ 1805 г., и въ ней, кромѣ циркулярныхъ указовъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ частными изданіями были едва ли не единственныя пьесы упомянутаго Ильина). Къ сожалѣнію, нельзя установить, какія именно изъ игранныхъ тогда пьесъ принадлежатъ г. Ильину; а игрались слѣдующія: 1) «Преступникъ отъ игры», соч. Ефимьева; 2) «Крестьянинъ—офицеръ или прогнаніе французовъ изъ Москвы»; 3) «Филаткипа свадьба»; 4) «Недоросль», Фонвизина и 4) чаще всего пьесы Коцебу.

Въ числѣ актеровъ, которыми обыкновенно были мѣстные чиновники, находился и И. С. Вонифатьевъ, управлявшій тогда здѣсь откупомъ и бывшій потомъ однимъ изъ лучшихъ актеровъ домашняго театра графа Орлова въ С.-Петербургѣ.

Въ 1809 г., по поводу одной изъ игранныхъ на сценѣ пьесъ и носящей заглавіе «Олонецкая Русалка», возникъ цѣлый инцидентъ, благодаря заявленію директора училищъ Ушакова, обидѣвшагося на то, что пьеса не была представлена на его разсмотрѣніе, и затѣмъ написавшаго попечителю округа цѣлый обвинительный актъ въ безнравственности и антигосударственности автора пьесы, «источникомъ» которой, по его убѣжденію, послужила «Энеида, вывороченная наизнанку». Какой на это послѣдовалъ отвѣтъ изъ округа, неизвѣстно.

Театральныя представленія послѣ 1818 г. возродились лишь въ 1845 г., но черезъ 10 лѣтъ опять прекратились; и хотя на помощь имъ возникло въ 1877 г. общество любителей драматическаго и музыкальнаго искусствъ, но представленія эти никогда не выходили изъ предѣловъ безцѣльныхъ любительскихъ спектаклей.

IV.

Болѣе выдающіяся событія въ Петрозаводскѣ.

Къ числу отдѣльныхъ болѣе выдающихся событій, происшедшихъ въ г. Петрозаводскѣ, нужно отнести прежде всего посѣщенія его высочайшими особами, потому еще, что они невольно вызывали рядъ мѣръ со стороны мѣстнаго начальства къ улучшенію путей сообщенія, исправленію зданій, а иногда и сооруженію новыхъ, сопровождались какими либо дарами и пожертвованіями и иногда вызывали къ жизни новыя учрежденія въ память ихъ.

Первымъ послѣ Петра Великаго посѣтилъ Петрозаводскъ и Олонецкій край въ 1819 г. Александръ Благословенный, обратившій особое вниманіе на Александровскій заводъ, который и былъ названъ императрицею Екатериною II въ честь его имени. Послѣ по-

дробнаго осмотра завода императоръ присутствовалъ при отливкѣ двухъ пушекъ, изъ которыхъ одна была окована имъ собственноручно. Обѣ онѣ хранятся, равно какъ и молотокъ, которымъ оковывалъ пушку императоръ, въ особомъ помѣщеніи Александровскаго завода. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого Александръ I, пожаловалъ г. Петрозаводску лѣсную и дровяную дачу и «въ пособіе скудныхъ городскихъ доходовъ для облегченія жителей въ квартирной повинности» назначилъ отпускать ежегодно изъ земскаго сбора по 12.000 рублей. Благодарные жители Петрозаводска назвали строившуюся во время его посѣщенія заводскую церковь Александро-Невскою.

Посѣтившій Петрозаводскъ въ 1844 г. великій князь Константинъ Николаевичъ ознаменовалъ свое пребываніе здѣсь рядомъ пожертвованій въ пользу бѣдныхъ жителей города и мастеровыхъ, а городское управленіе его именемъ назвало построенный въ 1839 г. на общественной пристани маякъ Константиновскимъ.

Но самымъ знаменательнымъ и плодотворнымъ для всего Олонецкаго края было путешествіе императора Александра II, предпринятое имъ въ іюнѣ 1858 года. Сохранилось немало преданій и разсказовъ о томъ неподдѣльномъ восторгѣ и обаяніи, которыя вызвало въ простомъ народѣ лицезрѣніе «царя-батюшки», ласковаго и доступнаго всѣмъ и оказавшаго рядъ царскихъ милостей.

Къ пріѣзду императора была исправлена старая пристань (нынѣшняя заводская) и устроена новая общественная, благодаря которой сразу поднялось торговое движеніе, и на слѣдующій же годъ арендная плата за содержаніе пристани была увеличена въ $1^1/_2$ раза. Затѣмъ, прежнія обветшавшія «присутственныя мѣста», къ капитальному ремонту которыхъ приступили еще въ 1848 г., были окончательно исправлены снаружи и внутри также къ пріѣзду государя. И нынѣ эти зданія, занимаемыя квартирою губернатора и нѣкоторыми губернскими присутственными мѣстами,—самыя обширныя и самыя красивыя въ Петрозаводскѣ, состоятъ изъ двухъ корпусовъ, расположенныхъ другъ противъ друга полуциркулемъ и построены въ три этажа. Пріобрѣтены они были еще въ 1789 году отъ горнаго вѣдомства за 85.000 рублей ассигнаціями.

Далѣе слѣдовали высочайшія посѣщенія г. Петрозаводска: въ 1863 году—наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, сдѣлавшимъ нѣсколько пожертвованій въ мужскую гимназію; въ 1870 году—великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ (его именемъ была названа устроенная въ 1871 году общественная библіотека); въ 1878 г.—великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами и Константиномъ и Дмитріемъ Константиновичами, и въ 1884 и 1887 годахъ—великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Послѣднія путешествія имѣли главною цѣлію посѣщеніе водопада Кивача.

30-го мая 1872 года происходила въ Петрозаводскѣ закладка памятника основателю города Петру Великому, а 29 іюня 1873 года его открытіе.

Изображеніе императора Петра I отлито по модели академика Шредера, а пьедесталъ, по рисунку профессора Монигетти, исполненъ художникомъ Барановымъ. Петръ Великій изображенъ въ полный ростъ, съ открытой головой, въ мундирѣ и андреевской лентѣ; въ одной рукѣ онъ держитъ свитокъ, а другою указываетъ на заводъ. Величественная поза, выраженіе лица и орлиный взоръ монарха выражены художникомъ превосходно.

На пьедесталѣ, который сдѣланъ изъ сердобольскаго гранита, слѣдующая надпись:

Императору Петру Великому,

Основателю Петрозаводска.

1703.

1672—1872.

Празднованіе этого высокоторжественнаго и важнаго въ исторіи г. Петрозаводска событія происходило 29-го іюня 1873 г. [1]), и во время его было, между прочимъ, прочитано стихотвореніе С. Миропольскаго, которое довольно живо рисуетъ историческій ходъ возникновенія и развитія г. Петрозаводска, и изъ котораго мы заимствуемъ здѣсь нѣкоторыя строфы.

На сѣверѣ дико лежала страна,
Яснаго ждала утра:
Свѣтлая будущность ей создана
Геніемъ мощнымъ Петра...

Домикъ когда-то карела стоялъ
Съ мельницей здѣсь у ручья.
По лѣсу робко ручей пробѣгалъ,
Тихо и сонно журча.

[1]) Ровно черезъ четыре съ половиною года послѣ этого Петрозаводскъ переживалъ новое торжество: въ декабрѣ 1877 года праздновали столѣтіе города руководясь указомъ императрицы Екатерины II, отъ 21-го марта 1777 года, которымъ повелѣвалось переименовать Петровазодскую слободу въ городъ Петрозаводскъ. Отданіе такой высокой почести одному переименованію, хотя бы даже съ расширеніемъ нѣкоторыхъ частей управленія, не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только юбилейнымъ увлеченіемъ, все еще не покидавшимъ правителей города послѣ великаго Петровскаго торжества. Указъ 21-го марта 1777 г. свидѣтельствуетъ лишь о новомъ фазисѣ развитія прежде существовавшаго поселенія, и нигдѣ и никогда еще подобные указы не принимались за исходные пункты, опредѣляющіе начало городовъ. Начало г. Петрозаводска совпадаетъ съ освященіемъ Петровскаго завода 29-го августа 1703 г., что и выражено даже на самомъ памятникѣ Петру Великому.

Глушь одинокая, всѣми забытая,
Тишь и безлюдье кругомъ;
Дикая мѣстность, овраги промытые
Бурнымъ весеннимъ дождемъ.

Вдругъ пробудилося все—кончился сонъ,
Часъ пробужденья приспѣлъ:
Въ мрачную чащу дремучихъ лѣсовъ
Мощный орелъ прилетѣлъ.

Жизнь закипѣла могучей струей,
Въ боръ проложилась дорога;
Высится крестъ надъ ожившей страной,
Мирно вѣщая о Богѣ.

Въ кузницѣ слышится стукъ молотовъ,
По лѣсу звонъ топора,
И среди шума живыхъ голосовъ
Слышится голосъ Петра.

Мощной рукой онъ желѣзо куетъ,
Первый въ трудѣ и во всемъ;
Новую жизнь онъ странѣ создаетъ
Знаніемъ, свѣтомъ, трудомъ...

Наконецъ, 30-го августа 1885 г. въ Петрозаводскѣ былъ открытъ памятникъ императору Александру II, Царю-Освободителю, сооруженный на средства губернскаго земства, по инициативѣ предсѣдателя городской управы, В. В. Савельева.

Императоръ изображенъ въ общегенеральскомъ мундирѣ, съ открытою головою; на плечи накинута порфира, поверхъ которой надѣта цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго. Лѣвою рукою онъ поддерживаетъ мантію, а нѣсколько вытянутою впередъ правою—держитъ свитокъ, на развернутой части котораго написано: «19-го февраля 1861 года».

V.

Современное состояніе Петрозаводска.

Петрозаводскъ находится на сѣверозападномъ берегу Онежскаго озера, при впаденіи двухъ рѣчекъ Лососинки и Неглинки (при чемъ первою онъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна называется Зарѣцкою, и на ней находится Александровскій заводъ, а Неглинка огибаетъ городъ съ западной стороны), подъ 61° 47′ с. ш. и 52° 4′ в. д., въ 450 верстахъ отъ С.-Петербурга и въ 1159 в. отъ Москвы.

Населенія Петрозаводска нынѣ—около 13.000 чел., изъ которыхъ до ³/₄ составляетъ городское сословіе; православныхъ болѣе

$11^1/_2$ тысячъ. Домовъ каменныхъ 34, деревянныхъ около 1.000. Кромѣ упомянутаго уже Петропавловскаго собора въ Петрозаводскѣ имѣются два большихъ каѳедральныхъ собора: старый (см. рис.) и новый Святодуховскій (см. рис.), освященный въ 1872 г.; три кладбищенскихъ церкви: Крестовоздвиженская, построенная на частныя пожертвованія трудами архіепископа олонецкаго и петрозаводскаго Венедикта (1842—1850 г.), Екатерининская на Неглинкѣ, освященная въ 1877 г., Троицкая, и четыре домовыхъ: при архіерейскомъ домѣ, Николаевскомъ дѣтскомъ пріютѣ, богадѣльнѣ и Олонецкой губернской гимназіи, и «римско-католическая каплица» во имя св. Антонія, освященная въ 1901 году.

Всего учебныхъ заведеній въ Петрозаводскѣ 21 (и въ числѣ ихъ мужская и женская гимназіи, ремесленное училище, трехклассное городское училище, духовная семинарія и духовное училище, женское епархіальное училище, фельдшерская школа губернскаго земства, 4 приходскихъ и 4 церковно-приходскихъ училища), въ которыхъ обучается свыше 2.000 чел. (дѣвочекъ нѣсколько менѣе).

Въ числѣ 15 разныхъ благотворительныхъ учрежденій большей дѣятельностью отличаются: губернское попечительство дѣтскихъ пріютовъ (съ Николаевскимъ дѣтскимъ пріютомъ и «Яслями»), попечительство императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, Петрозаводское благотворительное общество и нѣкоторыя другія.

Въ городѣ, кромѣ казеннаго Александровскаго завода, на которомъ около 1.000 чел. рабочихъ, находится еще 7 частныхъ (1 лѣсопильный, 2 кирпичныхъ, 1 спичечный, 2 мукомольныхъ и 1 мыловаренный).

Имѣются музеи: 1) Олонецкій естественно-промышленный и историко-этнографическій и 2) горнаго вѣдомства при заводѣ. Коллекціи перваго описаны были нѣсколько разъ и послѣдній въ 1896 году.

Таково-то прошлое и настоящее города Петрозаводска; о томъ и другомъ мы были вынуждены говорить вкратцѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ; съ одной стороны, насъ ограничивала скудость разработаннаго архивнаго матеріала, котораго затронута прежними изслѣдователями лишь малая часть, и съ другой, повторяемъ, стѣсняла программа нашего журнала.

Тѣмъ не менѣе, и сказаннаго, намъ кажется, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что Петрозаводскъ, возникшій на пустынномъ мѣстѣ въ цѣляхъ обще-государственнаго служенія, имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть много данныхъ для дальнѣйшаго служенія и процвѣтанія, которое его, несомнѣнно, ждетъ съ проведеніемъ желѣзнодорожной сѣти, и котораго мы искренно желаемъ ему.

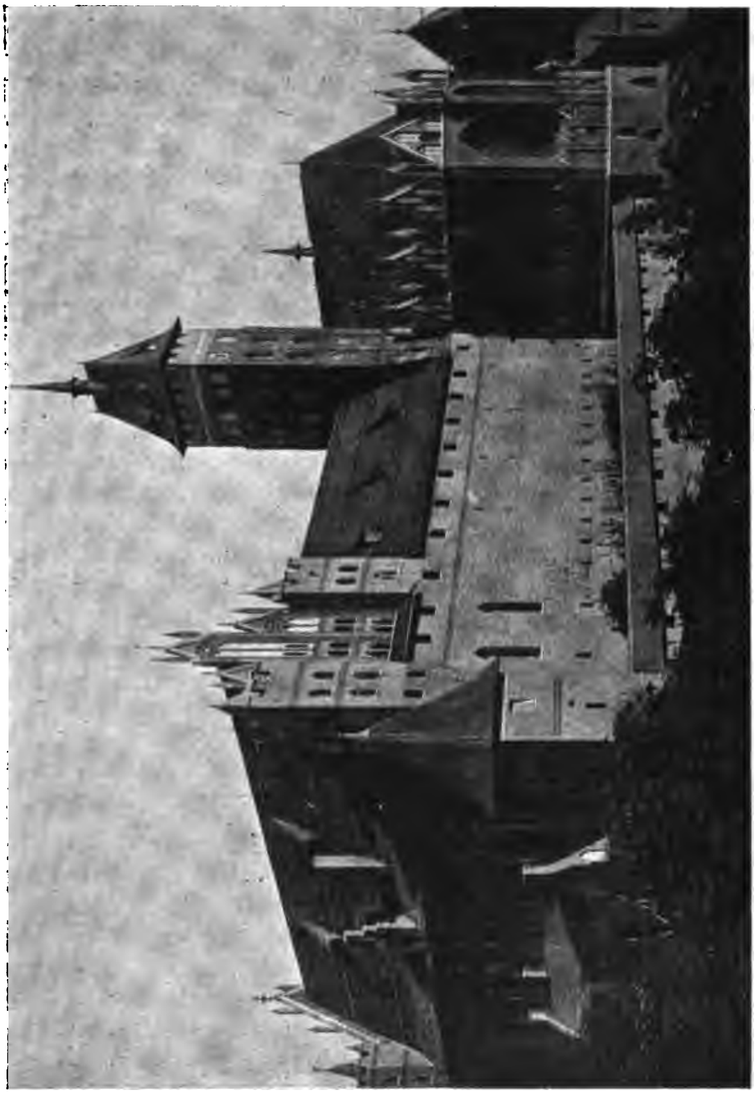
В. Е. Рудаковъ.

ОБНОВЛЕННОЕ ГНѢЗДО ТЕВТОНСКИХЪ РЫЦАРЕЙ.

ІЮНЬСКАЯ 1902 года рѣчь германскаго императора Вильгельма II, произнесенная послѣ торжественнаго освященія реставрированнаго стараго мѣстопребыванія гохмейстера Тевтонскаго ордена въ Маріенбургѣ,—рѣчь, въ которой вѣнценосный ораторъ, указывая на великое дѣло, выполненное орденомъ на востокѣ, и жалуясь на польскую надменность (?), бросилъ въ лицѣ польскихъ своихъ вѣрноподданныхъ перчатку всему славянству,—рѣчь, къ сожалѣнію, недостаточно оцѣненная въ свое время нашею прессою, продолжаетъ приковывать вниманіе Европы къ обновленному гнѣзду тевтонскихъ рыцарей.

Маріенбургъ, первоначально по-польски Malborg,—уѣздный городокъ Данцигскаго округа, на правомъ берегу Ногата, съ населеніемъ немногимъ болѣе десяти тысячъ душъ, отстоитъ отъ Данцига въ разстояніи $1^1/_2$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ черезъ Диршау и соединенъ съ русскою границею прямою линіею на Млаву, черезъ Иллово. Городъ производитъ на путешественника хорошее впечатлѣніе. Улицы достаточно широки, дома каменные не ординарной архитектуры. На рынкѣ, представляющемъ собою продолговатую площадь, лѣвая сторона которой носитъ названіе «die niederen Lauben», а противоположная ей «die hohen Lauben», на ряду со старинными постройками, встрѣчаются и новые дома въ стилѣ послѣднихъ. Наиболѣе интересна сторона «die hohen Lauben». Здѣсь нижніе этажи зданій образуютъ сплошной коридоръ, занятый богатыми лавками на манеръ «суконной» или «перинной» линій петербургскаго гостинаго двора. Въ городѣ поражаетъ обиліе учебныхъ заведеній. Издаются двѣ нѣмецкія газеты: «Marien-

burger Zeitung» (четыре раза въ недѣлю) и «Nogat Zeitung» (три раза въ недѣлю); кромѣ того, выходитъ 18 разъ въ годъ спеціальное изданіе «Westpreussische Zeitung für Bienenzucht», органъ общества пчеловодовъ и плодоводовъ въ западной Пруссіи. Мо-



Маріенбургскій замокъ.

стовыя напоминаютъ родныя палестины... Скверовъ мало. Въ одномъ изъ послѣднихъ, очень маленькомъ, поставленъ скромный памятникъ, въ видѣ каменнаго монолита, увѣнчаннаго готическою башенкою, маріенбургскому бургомистру Варѳоломею Блюме, съ над-

писью: «Zum 400 jährigen Todestage des für seine Gesinnungstreue geopferten Mannes. Die Stadt Marienburg den 8 August 1860». Въ другомъ садикѣ, противъ главныхъ воротъ замка, стоитъ памятникъ Фридриху Великому, открытый въ 1877 году. Бронзовая статуя короля (не конная) — не дурна, но готическій пьедесталъ для нея, окруженный фигурами четырехъ гохмейстеровъ: Германа фонъ-Зальца, Зигфрида фонъ-Фейхтвагена, Винриха фонъ-Книпроде и Альбрехта фонъ-Бранденбурга, слишкомъ уже массивенъ.

Главною же достопримѣчательностію Маріенбурга всегда былъ и останется его замокъ.

Исторія замка стоитъ въ тѣсной связи съ историческою судьбою его владѣтелей, рыцарей Тевтонскаго ордена. Достойная сожалѣнія исторія наводившихъ ужасъ на сосѣдей рыцарей-тевтоновъ, этихъ культурныхъ монголовъ XIII — XIV вѣка, разумѣется, достаточно извѣстна и избавляетъ меня отъ ея пересказа. Поэтому коснемся ея только въ отношеніи къ описываемому замку. Возникновеніе послѣдняго историки относятъ къ 1274 г., т.-е. почти полвѣка послѣ того, какъ мазовецкій князь Конрадъ порѣшилъ осуществить свою несчастную мысль—пригласить изъ Палестины, въ качествѣ защитниковъ отъ пруссовъ, дѣлавшихъ постоянные набѣги на его землю, тевтонскихъ рыцарей. Извѣстно, что защитники скоро сдѣлались непримиримыми врагами поляковъ и ихъ сосѣдей. Поляки должны были вести съ ними частыя войны. Русскіе князья—новгородскій Александръ Невскій и псковскій Довмонтъ неоднократно наносили имъ пораженія. Первый разбилъ рыцарей на льду Чудского озера зимою 1241 года, а второй — при Везенбергѣ въ 1268 году, подъ Псковомъ въ 1269 году и на берегахъ Великой въ 1299 году.

Въ 1309 году въ замокъ переселились изъ Венеціи великіе магистры и гохмейстеры ордена. Первымъ изъ нихъ, избравшимъ его своею резиденціею, былъ Зигфридъ Фейхтвагенъ. Съ тѣхъ поръ замокъ значительно укрѣпили, и онъ считался однимъ изъ сильнѣйшихъ въ Европѣ, хотя строительнымъ для него матеріаломъ послужила преимущественно обожженная глина. Не даромъ составилась поговорка: «ex luto Marienburg, Ofen ex saxo, ex marmore Mediolanum» [1]).

Несмотря на это, замокъ неоднократно дѣлался добычею враговъ ордена. Владиславъ Ягелло, поразивши рыцарей подъ Грюнвальдомъ въ 1410 году, занялъ Маріенбургъ, но не могъ взять замка. Казиміръ IV былъ счастливѣе и добылъ Маріенбургскій замокъ въ 1460 году, а черезъ нѣсколько лѣтъ, по торунскому трактату 1466 года, городъ Маріенбургъ вмѣстѣ со всею западною Пруссіею перешелъ къ Польшѣ. Густавъ-Адольфъ, разбивши

[1]) Т.-е. изъ мрамора Миланъ, изъ кремня Офенъ, изъ глины Маріенбургъ.

въ 1626 году подъ Маріенбургомъ поляковъ, занялъ замокъ, но черезъ три года, по мирному договору, долженъ былъ его возвратить. Въ 1644 году страшный пожаръ опустошилъ замокъ. Его возстановили, и въ 1655 г., послѣ кровавой битвы, закончившейся смертью мужественнаго Вейхерта, предводителя польскихъ войскъ, замокъ достался въ руки Карла-Густава. Послѣдній отдалъ его во владѣніе маркграфу бранденбургскому. По мирному договору въ

Одноколонный залъ въ Маріенбургскомъ замкѣ.

Оливѣ, подъ Данцигомъ, 3-го мая 1660 года Маріенбургъ возвращенъ Польшѣ. Въ 1772 году, при первомъ раздѣлѣ Польскаго королевства, Маріенбургъ, въ числѣ прочихъ сосѣднихъ городовъ, достался Пруссіи. Въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ, Маріенбургскій замокъ сильно пострадалъ. Въ немъ то помѣщались казармы, то госпитали, то провіантскій магазинъ... Словомъ, старина его не только не уважалась, но и не щадилась... Въ результатѣ грандіозное зданіе пришло въ упадокъ и грозило раз-

рушеніемъ... Былъ даже проектъ разобрать замокъ... Въ концѣ 1815 года, по ходатайству оберъ-президента Пруссіи фонъ-Шена, король Фридрихъ-Вильгельмъ III приказалъ приступить къ реставраціи историческаго памятника. На пожертвованія, въ которыхъ приняла участіе вся страна, въ теченіе десяти лѣтъ, былъ возстановленъ западный флигель средняго замка (Mittelschloss). Провозглашеніе Германской имперіи въ Версалѣ 1-го января 1871 года и идущій съ тѣхъ поръ crescendo подъемъ нѣмецкаго духа оказали несомнѣнно благотворное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Маріенбургскаго замка. Отецъ императора Вильгельма II — Фридрихъ, будучи кронпринцемъ, состоялъ протекторомъ общества, имѣвшаго цѣлью возстановленіе и украшеніе Маріенбурга (Verein für Herstellung und Ausschmückung der Marienburg) и немало сдѣлалъ для возстановленія историческаго памятника. По его иниціативѣ, между прочимъ, собирались средства на ремонтъ послѣдняго путемъ подписки и особой лотереи, такъ что въ 1881 году правительственный инспекторъ построекъ (Bauinspector) Штейнбрехтъ могъ уже приступить къ работамъ по реставраціи замка. Работы эти, за исключеніемъ немногихъ, были закончены къ началу іюня (нов. ст.) текущаго года, и замокъ въ присутствіи императора, императрицы и принцевъ крови былъ торжественно открытъ.

Но, прежде чѣмъ я поведу читателя въ Маріенбургскій замокъ, считаю долгомъ упомянуть о знатныхъ узникахъ, томившихся въ его казематахъ во времена его величія и славы.

Маріенбургскій замокъ почти до послѣдней его реставраціи служилъ мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ. Въ 1361 г. здѣсь заключенъ былъ богатырь языческой Литвы, князь трокскій Кейстутъ (род. 1297 † 1382 г.), сынъ Гедимина, тесть тверского князя Ивана Михайловича (род. 1358 † 1426 г.). Впрочемъ, ему въ томъ же году удалось бѣжать при содѣйствіи одного изъ слугъ великаго магистра, литовца Альфа. Кейстутъ въ стѣнѣ своего каземата разобралъ заложенное окно, спустился въ ровъ, бѣжалъ въ лѣсъ и, послѣ невѣроятныхъ лишеній, добрался до Мазовіи, гдѣ старшая дочь его Данута была замужемъ за княземъ Янушемъ.

Спустя двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, когда объ орденѣ осталось лишь одно воспоминаніе, мы находимъ въ маріенбургской крѣпости Филарета Никитича Романова и членовъ великаго московскаго посольства, отправленнаго подъ Смоленскъ. Когда въ послѣднія времена междуцарствія наше отечество дошло до послѣдней степени неустройства и безначалія, ростовскій митрополитъ Филаретъ (въ мірѣ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ) былъ отправленъ въ 1610 году во главѣ чрезвычайнаго посольства къ польскому королю Сигизмунду III просить на престолъ сына его Владислава. Посольство было многочисленное. Кромѣ Филарета, въ составъ его

входили бояринъ князь Вас. Вас. Голицынъ, окольничіе: князь Дан. Ив. Мезецкій, думный дворянинъ Вас. Бор. Сукинъ, дьяки Томила Луговской и Сыдавный Васильевъ, нѣсколько человѣкъ

Галлерея, ведущая въ церковь, въ Маріенбургскомъ замкѣ.

стольниковъ, дворянъ, подьячихъ, людей посольскихъ и четырнадцать человѣкъ духовныхъ особъ [1]). Извѣстно, что переговоры, ко-

[1]) «Собр. государств. грам. и догов.», II, 450; Костомаровъ, «Монограф.», VI, 33.

торые велъ Филаретъ съ панами рады, не достигли благопріятныхъ результатовъ. Отношенія между обѣими сторонами обострились настолько, что великіе послы были объявлены плѣнниками и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1611 года отправлены въ Польшу. Сначала они послужили украшеніемъ тріумфа Сигизмунда при въѣздѣ его въ Варшаву 29 октября 1611 года, а потомъ ихъ отправили въ Маріенбургъ. О пребываніи ихъ въ Маріенбургѣ никакихъ почти свѣдѣній не сохранилось. Знаемъ только о Филаретѣ, что разлученная съ нимъ супруга его, Ксенія Ивановна (въ насильственномъ постриженіи великая старица инокиня Мароа), два раза посылала ему посылки. Въ первый разъ въ двѣ вьючныя сумы уложила она изготовленный ею охабень обьяри таусинной на темносиней шелковой подкладкѣ да шубу вишневаго цвѣта на соболяхъ. Для сохранности вещи эти были обернуты въ зеленое сукно. Въ другой разъ Мароа послала Филарету мантію чернаго грубина съ источниками на лазоревой подкладкѣ, да еще верхнюю одежду на бобровомъ мѣху, да комнатную ряску гвоздичной камки, съ тафтяными нашивками. Посланный въ Польшу царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ посолъ Желябужскій не засталъ уже Филарета въ Маріенбургѣ. Плѣнный митрополитъ проживалъ въ Варшавѣ, въ домѣ канцлера Льва Сапѣги. Князь Голицынъ дольше оставался въ Маріенбургѣ. Филаретъ и его товарищи вернулись на родину лѣтомъ 1619 года, пробывъ, такимъ образомъ, въ плѣну девять лѣтъ. Вас. Вас. Голицынъ не увидѣлъ родной земли: онъ умеръ на дорогѣ, въ Гроднѣ, и только впослѣдствіи тѣло его было перенесено на родину.

Прошло еще двѣсти пятьдесятъ лѣтъ. Могущественное нѣкогда Польское государство, простиравшееся отъ моря до моря, уже не существовало, его разобрали сосѣди... Духъ возрождавшагося германизма нашелъ для себя оплотъ въ стѣнахъ Маріенбурга... Вспыхнулъ культуркампфъ... И вотъ не одному изъ энергичныхъ борцовъ противъ него пришлось познакомиться съ тѣсными казематами Маріенбурга... Послѣднимъ изъ знаменитыхъ узниковъ, которыхъ видѣла въ своихъ стѣнахъ Маріенбургская крѣпость, былъ въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія польскій писатель Игнатій-Іосифъ Крашевскій († 1887 г.).

Главными воротами со стороны памятника Фридриху Великому путешественники входятъ на большой продолговатый дворъ (Schlosshof). Направо—дворецъ великихъ магистровъ (Hochmeisterpalast), прямо—вдали каменная громада замка (Hochschloss), налѣво—одно изъ крыльевъ послѣдняго и сзади стѣна, къ слову сказать, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще не совсѣмъ оконченная постройкою. Надпись на столбѣ указываетъ, куда нужно направиться. Небольшая дверь внизу дворца гохмейстеровъ ведетъ въ контору или кассу, гдѣ продаютъ входные билеты. Взимается за входъ по 50

пфениговъ (меньше четвертака) съ человѣка. Замокъ открытъ для осмотра ежедневно съ 9 часовъ утра до часу пополудни и съ 2 до 6 часовъ вечера, по воскресеньямъ и четвергамъ съ 11 до 1 часа пополудни. Запасшись билетами, путешественники идутъ по

Столовая палата въ Маріенбургскомъ замкѣ.

указанію надписи въ другую дверь направо, за угломъ дворца, входятъ въ обширныя со сводами сѣни и ожидаютъ проводника, дворцоваго служителя. Послѣдній не заставляетъ себя долго ждать. Провѣряетъ билеты и приглашаетъ слѣдовать за собою. По широ-

кой каменной лѣстницѣ туристы поднимаются наверхъ и вступаютъ не то́ въ коридоръ, не то въ галлерею, высокую и мрачную, освѣщенную однимъ большимъ окномъ, съ живописью на стеклѣ, въ концѣ коридора. Отсюда начинается обозрѣніе дворца. Проходимъ цѣлый рядъ залъ и комнатъ разной величины и формы, но одинаково величавыхъ и великолѣпныхъ, съ стрѣльчатыми сводами, стройными колоннами, фресками на стѣнахъ, превосходными витражами въ окнахъ, удивительными полами изъ разноцвѣтныхъ, подобранныхъ въ затѣйливые узоры, глазированныхъ кафлей и пышною обстановкою. Впечатлѣніе получается громадное, голова кружится отъ массы видѣннаго... а проводникъ «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», словно читая лекцію, повѣствуетъ о минувшей славѣ за́мка и его властителей... Словомъ, въ этихъ палатахъ, передъ зрителемъ, какъ въ грандіозномъ калейдоскопѣ, развертывается картина жизни великихъ магистровъ. Вотъ домашняя каплица гохмейстера. На стѣнахъ картины изъ св. исторіи въ наивномъ стилѣ старонѣмецкой школы, въ простѣнкѣ, между двумя окнами—алтарь, а на немъ распятіе изъ янтаря изумительной работы. Вотъ темная спальня повелителя ордена, его уборная, кабинетъ, отреставрированный еще въ 1823 году, три внушительныхъ размѣровъ залы: Sommer, Winter и grosser Remter. Первая замѣчательна въ архитектурномъ отношеніи еще тѣмъ, что реброватые своды ея держатся на одномъ столбѣ, стоящемъ по серединѣ. Здѣсь у камина вмуровано въ стѣну ядро, пущенное поляками при осадѣ Маріенбурга въ 1410 г. По разсказу Длугоша, Ягелло, осаждая Маріенбургскій замокъ, слышалъ объ этой особенной залѣ. Отыскался въ замкѣ пахолокъ, который обѣщалъ королю показаться въ красной шапкѣ на головѣ въ окнѣ этой залы въ то время, когда въ ней будетъ находиться на совѣщаніи великій магистръ съ наиболѣе важными рыцарями. Когда король увидѣлъ пахолка въ окнѣ, приказалъ пушкарю направить орудіе въ ту сторону въ надеждѣ, что ядро разобьетъ столбъ, сводъ обрушится и похоронитъ подъ своею тяжестью собравшихся. Ядро ударило въ стѣну, не задѣвши столба только на нѣсколько дюймовъ. Послѣдняя еще не окончена отдѣлкою. Здѣсь происходили аудіенціи, торжественныя собранія и пиры. Изъ grosser Remter выходимъ снова на замковый дворъ. Переходимъ подъемный мостикъ, переброшенный черезъ глубокій сухой ровъ съ одной стѣны замка на другую, и вступаемъ во дворъ высокаго замка (Hochschloss). Дворъ—квадратный. Посерединѣ колодецъ подъ шатровой крышей, со всѣми средневѣковыми приспособленіями для добыванія воды. Параллельно стѣнамъ зданія замка къ нему примыкаетъ двухъэтажная каменная галлерея. Нижній этажъ ея представляетъ собою рядъ тяжелыхъ аркадъ. Тамъ, подъ ними, въ подвалахъ, показываютъ кухню ордена, погреба для храненія винъ и съѣстныхъ припасовъ. Помѣ-

щенія низкія, полутемныя; толстыя колонны поддерживаютъ своды. На полу бочки, кадки, сосуды, горшки, на очагѣ кухни посуда XIII—XIV столѣтій; все это имитировано удачно, и даже на вер-

Рекреаціонный залъ въ Маріенбургскомъ замкѣ.

телѣ цѣлый баранъ. Отсюда безчисленными ходами и переходами въ стѣнахъ, галлереяхъ и башенкахъ, черезъ рекреаціонный залъ (Erholungsremter), грандіозную столовую монаховъ рыцарей (Speiseremter), съ рядами уставленныхъ столовъ, живописью на стѣ-

нахъ, оригинальными люстрами изъ оленьихъ роговъ и цѣлымъ кабаномъ, повѣшеннымъ въ нишѣ стѣны, противоположной окнамъ, величаво-мрачный Kapitelsaal, въ которомъ происходили совѣщанія рыцарей подъ предсѣдательствомъ магистра, украшенный портретами гохмейстеровъ, великолѣпными фресками и витражами, доходимъ до чудной замковой церкви Богоматери (Marienkirche). Церковь эта во времена гохмейстеровъ была католическою. Съ ея исторіею связано существованіе замка. По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ послѣдній, еще ранѣе 1274 г. существовалъ костелъ съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери [1]). Рыцари въ честь Ея назвали построенъ замокъ Маріенбургомъ (Mariaeburgum, Castrum s. Mariae)—городомъ Маріи. Великій магистръ Дитрихъ фонъ-Альтенбургъ (1335—1341 г.) помѣстилъ на внѣшней стѣнѣ замковаго костела колоссальную изъ разноцвѣтной мозаики статую Пресвятой Дѣвы съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, которой не коснулся до сихъ поръ зубъ времени. Въ храмъ ведутъ двери, извѣстныя подъ именемъ золотыхъ вратъ—porta aurea, эпохи великаго магистра Вернера фонъ-Орселенъ (1324—1330 г.). Порталъ дверей, богато украшенный башенками, аркадами, фигурками и превосходною орнаментаціею плодовъ, цвѣтовъ и растеній — весь изъ обожженаго кирпича, надъ боковыми колонками (косяками) ихъ—семь евангельскихъ дѣвъ мудрыхъ и семь неразумныхъ; двѣ фигуры наверху представляютъ церковь и синагогу со сломаннымъ посохомъ. Всѣ эти изваянія выполнены настолько тонко и изящно, что ихъ смѣло можно назвать лучшимъ, что̀ только когда либо было воспроизведено изъ глины. Внутри церковь отдѣлана великолѣпно: повсюду чудная рѣзьба, позолота, высоко-художественныя священныя изображенія на стѣнахъ въ старо-нѣмецкомъ вкусѣ, легкіе изящные своды, расписныя окна... Изъ предметовъ исторической цѣнности здѣсь остались рыцарскія сѣдалища (stalle), каждое въ формѣ готическаго трона, мозаичное поясное изображеніе Божіей Матери съ Младенцемъ на рукахъ, съ надписью подъ нимъ: «Imago haec Beatae Mariae Virginis a cruciferis erecta, tempore vero belli Pruthenici 1526 desolata, nunc sumptibus spectabilis D-ni Petri Stratonis admiralitiae S. R. M. secretarii renovata, a D. 1639», и рѣзной алтарь-триптихъ XVII столѣтія, вѣроятно, поставленный іезуитами, въ рукахъ которыхъ находилась замковая церковь при польскомъ правительствѣ. Въ настоящее время церковь приспособлена для богослуженій по лютеранскому обряду, что, мы слышали, вызвало протестъ со стороны мѣстнаго костельнаго попечительства. Послѣднее, ссылаясь на патентъ прусскаго короля послѣ перваго раздѣла Польши, намѣрено требовать судебнымъ порядкомъ отъ прусскаго правительства возврата маріенбургской замковой каплицы.

---

[1]) Ioh. Voigt, «Geschichte Marienburgs», 22—23.

Подъ Marienkirche, внизу—каплица св. Анны. Входъ въ каплицу— съ дворика, носящаго названіе (Kugelgang), потому что по серединѣ его проложенъ тротуаръ съ лежащими по сторонамъ каменными ядрами крупнаго калибра. Каплица не велика, низка и темна: освѣщается однимъ окномъ — витражемъ надъ алтаремъ. Она постоянно была погребальною часовнею великихъ магистровъ. Изъ нихъ одиннадцать тутъ погребены: Дитрихъ фонъ-Альтенбургъ, Генрихъ Дусмеръ фонъ-Арфбергъ (1345—1351 гг.), Винрихъ фонъ-Книпроде (1351—1382 гг.), Конрадъ Цельнеръ фонъ-Ротенштейнъ (1382 — 1390 г.), воспѣтый Мицкевичемъ Конрадъ фонъ-Валенродъ (1391—1393 гг.), до такой степени потерявшій разсудокъ послѣ пораженія подъ Вильною, что даже грызся съ собаками, Ульрикъ фонъ-Юнгингенъ (1407—1410 гг.), павшій подъ Грюнвальдомъ, Генрихъ Рейссъ фонъ-Пляуенъ (1410—1413 гг.), Михаилъ Кюхмейстеръ фонъ-Штернбергъ (1414—1422 гг.), Павелъ фонъ-Руссдорфъ (1422—1441 гг.) и Конрадъ фонъ-Эрлихсгаузенъ (1441—1449 гг.). Но отъ гробовъ этихъ и слѣдовъ не осталось, надписи на плитахъ до такой степери стерлись, что прочитать ихъ не представляется никакой возможности. Къ южной стѣнѣ замковой церкви Богородицы примыкаетъ красивая главная башня, свыше 40 метровъ высоты, повидимому, пристроенная позднѣе, такъ какъ у нея нѣтъ своего собственнаго фундамента, а она стоитъ съ трехъ сторонъ на замковыхъ стѣнахъ, а четвертою опирается только на арку свода. Въ этой башнѣ Мицкевичъ помѣстилъ въ своемъ «Конрадѣ Валенродѣ» Альдону, здѣсь же, въ продолженіе многихъ лѣтъ, была замурована по своему желанію, блаженная Дорота [1]).

Осмотромъ каплицы св. Анны оканчивается обозрѣніе Маріенбургскаго замка.

Выйдя изъ воротъ замка, путешественникъ не разъ еще остановится полюбоваться его импонирующимъ внѣшнимъ видомъ. Если это будетъ поклонникъ искусства, онъ порадуется въ душѣ, видя великолѣпно обновленный историческій памятникъ, но если вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и славяниномъ,—тяжело станетъ на его душѣ отъ сознанія, что возстановленіемъ этого памятника руководила не столько любовь къ искусству, сколько желаніе прославить грубую физическую силу германизма, восторжествовавшую, хотя, быть можетъ, и временно надъ славянствомъ.

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) Блаженная Дорота, патронесса Пруссіи, родомъ изъ д. Монтова, по смерти мужа, предалась аскетизму и религіозному паломничеству. Скончалась въ 1304 г.

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ СВЯТО-МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

ВЪ ЧИСЛѢ древнѣйшихъ святынь православныхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Кіево-Выдубицкій Свято-Михайловскій монастырь. Онъ лежитъ въ такой живописной мѣстности, что трудно найти ей подобную. Съ одной стороны — южной, Днѣпръ катитъ мимо обители свои волны, и только чудный, зеленый боръ отдѣляетъ его отъ садовъ ея. Съ сѣверной и сѣверно-восточной стороны отроги Карпатскихъ горъ образуютъ лощину, въ которой и расположена обитель. Съ западной же стороны густой сосновый лѣсъ защищаетъ святыню отъ сильнаго вѣтра и бурь. Близость къ Кіеву, до котораго считается всего восемь верстъ, даетъ возможность тысячамъ богомольцевъ посѣщать ее, почему паломники, посѣщающіе Кіево-Печерскія святыни, въ большинствѣ случаевъ, поклоняются и Выдубицкой святынѣ, отстоящей отъ первой всего въ четырехъ верстахъ по правому берегу Днѣпра.

Годъ основанія Выдубицкой обители въ точности не извѣстенъ, но легенда, сохранившаяся съ древнихъ временъ, указываетъ на первые года христіанства на Руси, какъ на время возниковенія обители. Вотъ что гласитъ эта легенда.

Послѣ того какъ князь Владимиръ принялъ со многими боярами своими въ Корсуни христіанскую вѣру и женился на царевнѣ греческой Аннѣ, прибылъ онъ въ Кіевъ и предалъ сожженію и истребленію боговъ языческихъ. Въ числѣ другихъ былъ брошенъ въ воды Днѣпра и главный богъ языческій Перунъ. Капище его было разрушено, и самъ идолъ низринутъ съ высокаго помоста въ

Днѣпръ. Народъ въ ужасѣ смотрѣлъ на такое поруганіе боговъ и, видя Перуна плавающимъ на поверхности водъ, кричалъ: «Выдыбай, боже! Выдыбай, боже!» [1]).

Но истуканъ не внялъ мольбамъ народа и все болѣе и болѣе погружался въ воду, пока наконецъ совсѣмъ не скрылся.

На этомъ самомъ мѣстѣ, прозванномъ съ тѣхъ поръ Выдубичи, впослѣдствіи основана Выдубицкая обитель.

Историческая жизнь обители распадается на слѣдующіе періоды.

Первый періодъ—отъ основанія ея до 1596 года, когда она отошла въ вѣдѣніе уніатскихъ митрополитовъ.

Преданіе относитъ основаніе обители ко времени перваго митрополита кіевскаго Михаила. Однако, преданіе это не достовѣрно, несмотря на то, что оно занесено въ синопсисъ Иннокентія Гителы. Недостовѣрность этого преданія видна уже изъ того, что Михаилъ включенъ въ число кіевскихъ митрополитовъ по недоразумѣнію. Профессоръ Малышевскій, много потрудившійся надъ разборомъ документовъ Кіево-Печерской лавры, доказываетъ, что усвояемыя якобы митрополиту Михаилу мощи, почивающія въ пещерахъ, суть мощи какого либо иного іерарха, носившаго это имя. Къ сожалѣнію, статья почтеннаго профессора не окончена, очевидно, въ виду щекотливости вопроса. Точнѣе, основаніе обители должно быть отнесено къ XI вѣку, о чемъ будетъ сказано ниже.

Въ этотъ періодъ жизни обители въ числѣ настоятелей ея мы встрѣчаемъ Сильвестра, продолжателя Несторовой лѣтописи.

Кромѣ Сильвестра, изъ игуменовъ домонгольскаго періода слѣдуетъ упомянуть о Михаилѣ, при которомъ обитель подверглась нападенію татаръ.

Въ слѣдующій затѣмъ періодъ отъ 1596 г. до 1637 г. обитель находилась въ вѣдѣніи уніатскихъ митрополитовъ. Въ этотъ печальный періодъ обитель пришла въ полное разореніе и запустѣніе. Памятникомъ уніатскаго времени служатъ: сохранившійся съ тѣхъ временъ колоколъ съ надписью: «АХЛТ», и икона Ченстоховской Божіей Матери. Икона эта считается чудотворною и особенно чтится даже и православными паломниками.

Въ 1637 г., благодаря стараніямъ кіевскаго митрополита Петра Могилы, Выдубицкая обитель переходитъ въ вѣдѣніе кіевскихъ митрополитовъ. Святитель этотъ особенно заботился о возстановленіи благолѣпія и величія обители и письменно просилъ царя Михаила Ѳеодоровича о вспомоществованіи. Но казна царская, истощенная государственными расходами, не могла прійти на помощь обители деньгами; любвеобильное же сердце царево не знало от-

---

[1]) Выплывай.

каза просившему, и послѣдствіемъ обращенія къ милости царской явилась присылка роскошныхъ соболей, представлявшихъ собою значительную цѣнность. Такая же помощь была оказана обители при игуменѣ Клементіи Старушичѣ и братѣ его Игнатіи, писавшихъ царю Алексѣю Михайловичу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Пожалуй, всепресвѣтлѣйшій, благочестивѣйшій царю, храмъ св. Архистратига Михаила, оскудный въ сосуды напрестольны, одежды священнически, книги церковны и кадильницы, и что Богъ на сердце положитъ»...

Вліяніе святителя Петра Могилы было такъ велико, что жертвовали въ пользу обители даже католики. Такъ въ діарушѣ Филипповича читаемъ: «Въ року 1636 его милость панъ Богданъ Стеткевичъ, подкоморій мстиславскій — бочекъ двѣсти (извести) албо ортовъ двѣсти; его милость панъ Іоаннъ Максимовичъ Ломскій—бочекъ триста албо ортовъ триста; его милость панъ Ѳедоръ Велголка—есы велкій мосязовы (крючки желтой мѣди)». Какъ видно, пожертвованія притекали не только денежныя, но и матеріаломъ на возстановленіе обители.

Петръ Могила не оставилъ обители попеченіями до самой смерти и даже въ завѣщаніи своемъ отказалъ ей пять тысячъ злотыхъ.

Вскорѣ послѣ Петра Могилы мы находимъ правящимъ санъ игумена обители Выдубицкой Ѳеодосія Углицкаго, впослѣдствіи архіепископа черниговскаго, нетлѣнныя мощи коего почиваютъ нынѣ въ Черниговскомъ Спасо-Преображенскомъ каѳедральномъ соборѣ. Этотъ святитель правилъ обителью съ 1668 по 1688 годъ. При немъ она обогатилась крупнымъ пожертвованіемъ полковника Малороссійскаго казачьяго войска Дорошенка, принесшаго въ даръ мѣстечко Лѣсники. Кромѣ того, предстательства этого святителя вызвали царскую грамоту, изливавшую на монастырь обильныя милости.

При настоятелѣ Ѳеофилѣ Янжуровскомъ въ 1695 г. возникъ споръ между обителью и ближайшими сосѣдями, восходившій на рѣшеніе гетмана Мазепы, издавшаго по поводу этого спора универсалъ, гласившій:.. «чтобы печеряне не входячи въ дальній судъ и право жадныхъ, и найменьшихъ шкодъ и кривдѣ Выдубицкому монастырю не чинили».

Важнѣйшимъ послѣдствіемъ этого спора было то, что обитель пріобрѣла заступника въ лицѣ несмѣтно богатаго полковника Стародубскаго полка, Малороссійскаго казачьяго войска, Михаила Миклашевскаго, имя котораго навсегда съ признательностью сохранится въ исторіи обители. О заслугахъ его мы еще будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ.

Въ 1703 г. митрополитъ кіевскій Варлаамъ Ясинскій подчинилъ обитель кіевской митрополіи. Подчиненіе это имѣло цѣлью воспособленіе изъ доходовъ обители Кіево-Софійскому собору. Но въ

1706 году, передъ самой своей кончиной митрополитъ Варлаамъ возвратилъ обители свободу. Съ этого года обитель вступила въ самостоятельный періодъ исторической жизни, продолжавшійся до 1786 года.

Послѣднее пріобрѣтеніе обитель сдѣлала при игуменѣ Гавріилѣ Леопольскомъ, выхлопотавшемъ у императрицы Елисаветы Петровны, въ 1745 году, при содѣйствіи всесильнаго Разумовскаго, грамоту на различныя угодья. Кромѣ святителей Петра Могилы и Өеодосія Углицкаго, такъ много потрудившихся на пользу обители, нельзя не упомянуть настоятелей: Іакова Воронковскаго, оставившаго цѣнныя записки по исторіи борьбы съ католицизмомъ, и Мельхиседека Значко-Яворскаго, замѣчательнаго администратора, упорядочившаго внутреннюю жизнь обители.

Съ 1797 года обитель управляется архимандритами по поставленію кіевскихъ митрополитовъ. Изъ нихъ первымъ былъ Аөанасій, затѣмъ Ириней, Смарагдъ, впослѣдствіи извѣстные архіепископы. Послѣдовавшій въ 1805 году указъ объ отобраніи монастырскихъ угодій замѣнилъ монастырскія помѣстья Выдубицкой обители ежегоднымъ денежнымъ пособіемъ въ суммѣ 956 р. 30 к. Нынѣ обителью правитъ архимандритъ Евлогій, личность, настолько замѣчательная, что на немъ слѣдуетъ остановиться. Мнѣ довелось побывать въ обители, и посѣщеніе это я изложу въ концѣ настоящаго очерка, когда и познакомлю читателя съ личностью уважаемаго отца Евлогія.

Внутренняя жизнь обители въ настоящее время ничѣмъ не отличается отъ жизни другихъ подобныхъ ей монастырей. Но въ первое время существованія, въ періодъ монгольской и доуніатскій управленіе обителью было очень своеобразно. Такъ игуменъ избирался братіей, равно какъ и прочія должностныя лица, казначей, ризничій, экономъ и т. п. Всѣ эти лица составляли совѣтъ, въ которомъ рѣшались всѣ возникшія въ обители, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла. Голосъ игумена въ такомъ совѣтѣ былъ рѣшающимъ. Несмотря на это, братія, однако, всегда могла отрѣшить игумена, которымъ была почему либо недовольна. Для этого стоило только созвать старшихъ и предложить избрать новаго игумена. Въ этомъ отношеніи видно вліяніе казачьей рады, тѣмъ болѣе, что знаменитая запорожская сѣчь отстояла весьма недалеко отъ обители, и за примѣромъ ходить было недалеко. Случаи отрѣшенія отъ власти игумена мы видимъ на Викентіи Ведлоцкомъ, Леонтіи Злотицкомъ и Антоніи Почекѣ, удаленныхъ отъ должности игумена по рѣшенію братіи. Тѣмъ не менѣе, игуменъ во время исполненія имъ должности пользовался большою властью и авторитетомъ. Онъ могъ удалять отъ должности любое должностное лицо; имѣлъ власть подвергать иноковъ, замѣченныхъ въ поведеніи или поступкахъ, не соотвѣтственныхъ званію инока, весьма суровымъ наказаніямъ, и не было примѣра ослушанія.

При обители съ начала самостоятельнаго періода жизни ея находились: школа, въ которой, кромѣ грамоты и наставленія въ вѣрѣ, ученики обучались и нѣкоторымъ ремесламъ, и больница, гдѣ всякій могъ получать первую помощь въ случаѣ недуга или несчастья.

Какъ я уже сказалъ, наружный видъ обители очень живописенъ. Пять храмовъ, общежитіе, кельи монаховъ и домъ архимандрита, съ большимъ фруктовымъ садомъ и цвѣтникомъ, украшаютъ ложбину, образуемую довольно высокими возвышенностями, обрамленную лѣсомъ и омываемую водами Днѣпра. Храмы эти имѣютъ каждый свою исторію.

Въ лѣтописи подъ 1070 годомъ читаемъ: «Въ се же лѣто заложена бысть церква св. Архистратига Михаила въ монастырѣ Всеволожи на Выдубичи». Очевидно, что здѣсь монастыремъ названа мѣстность, въ которой княземъ Всеволодомъ, четвертымъ сыномъ князя Ярослава, внукомъ св. Владимира, было устроено нѣсколько скитовъ для спасавшихся здѣсь иноковъ. Такимъ образомъ, построеніемъ храма въ честь св. Архангела Михаила положено начало объединенія этихъ скитовъ въ какъ бы цѣлое учрежденіе. Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1088 году при игуменѣ Лазарѣ. Дивнымъ образомъ охранялъ его Промыслъ Божій: онъ уцѣлѣлъ отъ татарскаго погрома. Поставленный на полугорѣ, около капризнаго въ своемъ теченіи Днѣпра, онъ подвергался опасности быть разрушеннымъ бурнымъ напоромъ послѣдняго. Предвидя эту опасность, князь Рюрикъ Ростиславовичъ пригласилъ въ 1199 году художника Милонѣга и поручилъ ему, какъ пишетъ лѣтописецъ: «въ соблюденіе честнаго храма», соорудить набережную стѣну около Выдубицкаго монастыря. Успѣшное выполненіе этой задачи, слѣды которой видны и до сихъ поръ, вызвали со стороны лѣтописца горячій панегирикъ князю.

Кромѣ храма Архангела Михаила, обитель украшена еще храмами: Благовѣщенія, Великомученика Георгія Побѣдоносца, трапезнымъ—Преображенія, и въ честь св. Даніила. Благовѣщенская церковь въ первоначальномъ видѣ была деревянною. Выстроенная въ періодъ домонгольскій, она была разорена татарами; возобновленная во время подчиненія обители кіевскимъ митрополитамъ, она была уничтожена пожаромъ въ 1760 году одновременно съ трапезною церковью и нѣкоторыми монастырскими сооруженіями. Возстановленіе ея относится къ позднѣйшему времени.

Въ концѣ XVII вѣка, во время распри изъ-за земель, рѣшенной гетманомъ Мазепою, какъ уже сказано, въ пользу обители, гетманъ поручилъ обитель особому попеченію полковника Михаила Миклашевскаго, и вотъ Миклашевскій, радѣя о благоустройствѣ ея, строитъ на свой счетъ трапезный храмъ Преображенія Господня и новый каменный храмъ Георгія Побѣдоносца.

Не ограничиваясь этимъ, полковникъ строитъ общежитіе и отдѣльныя кельи монахамъ, сооружаетъ больницу, и только смерть прервала его почтенную дѣятельность. Его портретъ въ полномъ военномъ одѣяніи казачьяго войска украшаетъ собою зало помѣщенія архимандрита. Одновременно съ Миклашевскимъ на томъ же

Кіево-Выдубицкій монастырь.

поприщѣ встрѣчаемъ имя казака Тараса Желѣзный Грошъ, пожертвовавшаго въ 1699 г. Преображенскому храму большой колоколъ. Храмъ въ честь св. Даніила, помѣщающійся во второмъ этажѣ колокольни, представляетъ собою выполненіе очень оригинальной мысли, но тоже относится къ позднѣйшему времени.

Всѣ церкви расположены въ саду, окружены прекрасной растительностью, вокругъ церкви Благовѣщенія находится кладбище, служащее мѣстомъ упокоенія знатныхъ и состоятельныхъ лицъ. Изъ надгробныхъ памятниковъ особенно пріятное впечатлѣніе по простотѣ и изяществу производитъ памятникъ надъ могилой покойнаго петербургскаго градоначальника, генерала Трепова. Я посѣтилъ обитель въ началѣ августа. Миновавъ святыни Печерскія, дорога извивается въ горахъ, то поднимаясь, то опускаясь по значительной крутизнѣ, представляя собой сѣрую змѣйку въ зелени полей и хлѣбовъ. Послѣ трехъ верстъ такой дороги крутой спускъ привелъ меня къ берегу Днѣпра съ растянутыми на кольяхъ рыболовными снастями. Тамъ и сямъ разбросанныя избушки, большею частью, хатки на малороссійскій ладъ, то-есть крытыя соломой мазанки съ вывѣшенными передъ ними рыбачьими принадлежностями, свидѣтельствовали, что жители — рыбаки. Но вотъ избушки становятся тѣснѣе и принимаютъ все болѣе и болѣе зажиточный характеръ; рыбачьи сѣти исчезаютъ, и мазанки даютъ мѣсто деревяннымъ, крытымъ желѣзомъ домамъ; улица дѣлается прямой; базарная площадь съ неизбѣжнымъ волостнымъ правленіемъ уже говоритъ о томъ, что находишься въ мѣстечкѣ Всеволожи. Границу этого мѣстечка составляетъ монастырская ограда. Еще нѣсколько минутъ, и возница подвезъ меня къ вратамъ обители, откуда уже пришлось итти пѣшкомъ по прекрасно вымощенному двору къ главному храму Благовѣщенія. Вечерня только что отошла, и только посреди солеи старичокъ-монахъ исповѣдывалъ какую-то женщину. Не успѣлъ я выйти изъ храма, какъ навстрѣчу мнѣ шелъ молодой послушникъ.

— Пожалуйте къ отцу настоятелю, — сказалъ онъ мнѣ. — Онъ непремѣнно васъ проситъ.

— Очень охотно. Но я не смѣлъ безпокоить его.

— Ничего-съ. Онъ даже очень обижается, если гость не побываетъ у него. Я увидалъ васъ изъ окна и пошелъ за вами. У насъ строгій его приказъ: коли увидишь гостя, непремѣнно просить къ нему.

— Благодарю васъ. Право же, я боюсь тревожить отца настоятеля.

— Нѣтъ, ужъ не откажите. Настоятель будетъ много недоволенъ, если вы не пожалуете. Скажетъ: не ласково просилъ.

Столь убѣдительный и гостепріимный доводъ заставилъ меня послѣдовать за послушникомъ.

— Пожалуйте прямо въ садъ. Отецъ игуменъ въ саду; съ цвѣтиками убирается, — любезно приглашалъ меня послушникъ.

Нѣсколько ступенекъ вверхъ и коридоръ, устланный пахучимъ, смолистымъ матомъ, привели меня къ внутренней верандѣ, уставленной съ обѣихъ сторонъ рѣдкими экземплярами дорогихъ пальмъ,

фикусовъ и латаній; померанцовыя и апельсинныя деревца, въ полномъ цвѣту, дополняли убранство веранды. Передо мною была чудная аллея фруктовыхъ деревьевъ: грушъ, яблонь, сливъ и вишень. Видно было, что сборъ плодовъ будетъ обильный, такъ какъ вѣтви, обремененныя фруктами, низко склонялись къ землѣ, несмотря на поддерживавшія ихъ подпорки.

Воздухъ былъ насыщенъ тѣмъ тонкимъ ароматомъ массы цвѣтовъ, который обдаетъ васъ, когда, вечернею порою, закатывающееся солнце лучами своими золотитъ лишь верхушки деревьевъ, а цвѣты, какъ бы прощаясь съ царемъ природы, посылаютъ ему свое душистое пожеланіе покойной ночи.

Почти у самой веранды старичокъ-монахъ, въ ветхомъ зипунѣ и такой же скуфейкѣ, съ заступомъ въ рукѣ, приводилъ въ порядокъ грядку съ какимъ-то растеніемъ въ родѣ ромашки.

— Позвольте узнать,—обратился я къ нему:—гдѣ я могу видѣть отца игумена.

— Къ вашимъ услугамъ,—ласково отвѣчалъ мнѣ, добродушно улыбаясь, старичокъ. — Очень пріятно познакомиться, архимандритъ Евлогій. Спасибо, что не побрезгали посѣтить меня.

— Вамъ, батюшка, большое спасибо за вашу ласку и гостепріимство. Вы, вѣроятно, большой любитель растеній, что сами занимаетесь съ заступомъ и лейкой въ рукахъ?

— Да, признаюсь, очень люблю цвѣтики. Къ тому же отъ нихъ и польза. Вѣдь вотъ у меня тутъ больше пятидесяти видовъ различныхъ лѣкарственныхъ растеній: ромашка, мята, макъ, лютикъ... А тутъ,—указалъ онъ на другую сторону сада, — уже для глазъ: розы и другіе мои друзья-цвѣтики.

Дѣйствительно, въ указанномъ мѣстѣ пестрѣли разныхъ оттѣнковъ розы и масса всякихъ другихъ цвѣтовъ.

— Да что это я заговорился о цвѣтахъ!—какъ бы извинился онъ. — Прошу васъ, пожалуйте въ садъ. Намъ сейчасъ и чайку дадутъ.

Длинная аллея привела насъ къ живой бесѣдкѣ. Развѣсистый дубъ, склоняя долу густыя вѣтви свои, образовалъ какъ бы шатеръ, подъ которымъ былъ накрытъ столъ скатертью бѣлоснѣжной чистоты. Нѣсколько плетеныхъ садовыхъ креселъ довершали незатѣйливое убранство бесѣдки. Между тѣмъ, молодой послушникъ принесъ самоваръ и чайную посуду и уставилъ столъ домашнимъ печеньемъ и нѣсколькими сортами варенья.

— Вы въ первый разъ въ Кіевѣ?—наливъ по стакану чая, началъ игуменъ.

— Нѣтъ, въ Кіевѣ не въ первый разъ, но въ вашемъ земномъ раю въ первый.

— Да, вотъ подите же; кажется, что особеннаго: садъ, цвѣты, фрукты, а многимъ очень нравится. На что—покойный митрополитъ?

и тотъ всегда говаривалъ: какъ я откуда нибудь съ трудовъ, пріѣду, такъ ужъ сперва непремѣнно къ тебѣ отдыхать. У тебя тутъ всякую заботу забудешь.

— Правъ былъ покойный владыка. У васъ, батюшка, дѣйствительно какъ-то забываешь суету мірскую. Тишина, благодать!

— Вы говорите—тишина, а не видишь времени. Встаемъ почти со свѣтомъ. Молитвою день начинаемъ; послѣ ранней обѣдни, часовъ въ семь, уже въ лѣчебницѣ народу сойдется человѣкъ маломало пятьдесятъ. Того, другого посмотри да помоги. Ну, пока лѣкарство даешь. Лѣчимъ мы больше травами; у насъ и врачъ свой есть. Въ міру былъ докторомъ, вотъ и намъ своими знаніями помогаетъ. Потомъ—школа; сами учимся и мальчиковъ и дѣвочекъ изъ мѣстечка немного обучаемъ, чему Богъ благословитъ. Потомъ трапеза. Свои работы—и въ полѣ, и такъ около огорода. На зиму припасаешь всякаго овоща. Смотришь, и дня мало.

— Да, въ такой работѣ, конечно, и дня не хватитъ,—согласился я.—Позвольте спросить васъ, батюшка, нѣтъ ли при обители какой нибудь библіотеки или архива, въ которомъ можно бы почерпнуть свѣдѣнія объ исторической жизни монастыря.

— Понимаю,—улыбнулся онъ.—Это значитъ, къ намъ мыши пожаловали.

— Какъ мыши?—изумился я.

— Да, это дѣйствительно нуждается въ поясненіи. Изволите видѣть, о нашей обители еще никогда не было ни одной печатной строки. Такъ, позабыли насъ что-то. Между тѣмъ, думается, что обитель заслуживаетъ вниманія. Не говоря уже о ея древности, историческая жизнь ея во многихъ отношеніяхъ примѣчательна. Нѣсколько разъ ко мнѣ и къ предмѣстнику моему пріѣзжали ученые люди, писатели. Всякій изъ нихъ просилъ оказать содѣйствіе въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Мы по мѣрѣ силъ и старались: допускали до архива, который помѣщался въ колокольнѣ. Что же вышло? Господа эти заберутъ безъ спросу, что имъ покажется поинтереснѣе: документы или картинки. Было у насъ изображеніе Константина Острожскаго на полотницѣ въ восемь квадратныхъ аршинъ, и то ухитрились забрать. Заберутъ, да и прочь. Ну, совсѣмъ, какъ мыши. Что тутъ дѣлать? Написалъ я владыкѣ митрополиту и вышелъ приказъ: никого безъ разрѣшенія святѣйшаго синода до архива не допускать. Да, впрочемъ, теперь,—помолчавъ немного, прибавилъ онъ,— хотя бы и желалъ, такъ не могъ бы. Всѣ подлинные документы и книги, какія были, взяты по приказанію святѣйшаго синода профессоромъ Голубевымъ, который, кажется, собираетъ матеріалы для исторіи Выдубицкой обители. Онъ, вѣроятно, не откажетъ сообщить вамъ нужныя, интересующія васъ свѣдѣнія [1]).

---

[1]) Приношу искреннюю признательность профессору Кіевской духовной академіи С. Т. Голубеву, любезно указавшему мнѣ матеріалъ, изъ котораго я почерпнулъ изложенныя выше свѣдѣнія. Авт.

— Благодарю васъ, батюшка, за указаніе. Но смѣю васъ увѣрить, что не принадлежу къ числу безцеремонныхъ мышей.

— Не обижайтесь, Христа ради. Не о васъ и рѣчь, а такъ, къ слову пришлось. Теперь ужъ поздновато. Пріѣзжайте какъ нибудь днемъ—покажу вамъ съ удовольствіемъ всю обитель и, что самъ знаю, не скрою, подѣлюсь.

Незамѣтно летѣло время. Живой, интересный собесѣдникъ, много на своемъ вѣку видѣвшій и думавшій, передавалъ мнѣ нѣсколько воспоминаній изъ его поучительной жизни. Уроженецъ глухого сѣвера, вологжанинъ, онъ побывалъ и на Кавказѣ и въ царствѣ Польскомъ; удостоился чести бесѣдовать съ четырьмя монархами русскими; сохранилъ, несмотря на преклонный возрастъ, удивительную свѣжесть памяти и здравое разсужденіе. Его характеристики мѣтки и вѣрны; его мнѣнія и выводы прочно обоснованы. Слово плавно лилось изъ устъ его, и только звукъ его рѣчи да время отъ времени падавшее съ дерева яблоко или груша нарушали величественную тишину чуднаго теплаго вечера.

Уже солнце закатилось, и показавшійся надъ горами серебряный шаръ луны, освѣтившій садъ блѣдными своими лучами, заставилъ меня вспомнить, что до Кіева все-таки около девяти верстъ, и дорога довольно глухая.

Я сталъ прощаться.

— Зайдите въ горницу,—приглашалъ меня о. Евлогій.—Все-таки кое-что покажу вамъ.

Въ большой залѣ квартиры архимандрита стѣны сплошь увѣшаны портретами. Сурово смотрѣли изъ черныхъ рамокъ своихъ лица архіереевъ, митрополитовъ и настоятелей обителей, начиная съ XII вѣка. Очень рѣдкіе портреты, гравюры особъ царствующаго дома и благодѣтеля обители полковника Миклашевскаго, Дорошенки, Мазепы, Хмельницкаго...

Нѣсколько вещей, подарки обители, императрицъ Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II, составляли собой украшеніе комнаты. Въ особенности цѣнны столовые часы, подаренные Екатериной II. Отъ времени ли, или отъ другихъ причинъ, часы эти испортились, а изъ кіевскихъ мастеровъ никто не брался за ихъ починку.

— Надѣюсь, что вы еще не разъ посѣтите обитель и насъ, грѣшныхъ,—любезно говорилъ отецъ Евлогій, провожая меня.

Г. П. Миллеръ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССІИ.

Записки преображенца-пруссака.

ГРАФЪ Рихардъ фонъ-Пфейль ундъ Клейнъ-Эллыутъ, офицеръ прусской службы и участникъ франко-прусской войны, любя военное искусство, вступилъ въ ряды русской арміи и сначала въ 33-мъ пѣхотномъ Елецкомъ, а затѣмъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку совершилъ турецкую кампанію 1877—1878 годовъ; объ ней графъ фонъ-Пфейль и издалъ свои воспоминанія (Erlebnisse eines Preussischen Officiers in Russischen Diensten, während des Türkischen Krieges 1877—1878), пользующіяся въ Германіи успѣхомъ, такъ какъ недавно вышли уже четвертымъ изданіемъ.

За время восточной войны графъ Пфейль настолько сроднился съ русскою арміею, что продолжалъ службу далѣе въ Петербургѣ. Этой эпохѣ и посвящены его записки, недавно вышедшія подъ заглавіемъ «Meine Erlebnisse in Russischen Diensten (1878—1881). Das Ende Kaiser Alexanders II» (1903).

Независимо отъ любопытныхъ подробностей о тревожной эпохѣ, предшествовавшей и сопровождавшей цареубійство, записки эти представляютъ интересъ по сочувственному отношенію къ Россіи, которое авторъ сохранилъ къ ней и вернувшись на службу въ Пруссію, гдѣ понынѣ подвизается на военномъ поприщѣ въ генеральскихъ уже чинахъ.

Это, конечно, не малая рѣдкость, ибо большею частью иноземцы, которые изъ-за честолюбивыхъ и матеріальныхъ побужденій прилѣпляются къ Россіи, по достиженіи поставленной себѣ цѣли, отъѣзжаютъ вспять «nach Vaterland» и принимаются на

всѣ лады поносить и костить пригрѣвшую ихъ «варварскую Московію» и пресловутые «Russische Zustände».

«Мало есть странъ, — говоритъ графъ Пфейль, — которыя бы такъ трудно поддавались изученію, какъ Россія, въ отношеніи внутренней и внѣшней ея политики, гражданскаго и военнаго устройства и воззрѣній народныхъ и интеллигентнаго класса». Тѣмъ не менѣе иные иностранцы, потолкавшись нѣсколько мѣсяцевъ по Россіи, воображаютъ, будто обстоятельно съ нею ознакомились, и вотъ графъ Пфейль разсказываетъ со словъ генерала фонъ-Вердера объ одномъ прусскомъ офицерикѣ, который, проведя въ Россіи два мѣсяца, настрочилъ легковѣсную книженку, озаглавивъ ее «Русская страна и ея люди», и принялся хлопотать, нельзя ли ее преподнести государю императору Александру Николаевичу, но, благодаря вмѣшательству Вердера, получилъ изрядную головомойку отъ прусскаго военнаго начальства за наглое и самонадѣянное писаніе о томъ, чего не знаетъ [1]).

Съ переселеніемъ въ Россію графъ Пфейль очутился въ курьезномъ положеніи, пожалуй, единственномъ въ своемъ родѣ. Онъ вышелъ изъ прусскаго подданства, полагая это неизбѣжнымъ для поступленія въ русскую военную службу, а чрезъ это утратилъ возможность получить пенсію за прежнюю службу отъ германскаго правительства; при поступленіи же въ 33-й армейскій пѣхотный Елецкій полкъ на вопросъ полкового командира Громанна, желаетъ ли графъ принести присягу на подданство или только въ вѣрности службы, предпочелъ послѣднее и такимъ образомъ долгое время оказывался внѣ подданничества какому либо государству, дослужился въ Преображенскомъ полку до полковничьяго чина, а покидая въ концѣ 80-хъ годовъ Россію и въ русскомъ подданствѣ не состоя, не получилъ пенсіи и за свою службу Россіи [2]).

По возвращеніи съ войны, графъ Пфейль поселился въ знакомой ему купеческой семьѣ гернгутера Тюрстига, а затѣмъ вскорѣ получилъ казенную квартиру въ Преображенскихъ казармахъ, что на Кирочной улицѣ. Строевая служба по началу почти не отправлялась, такъ какъ все почти время уходило на увольненіе солдатъ въ безсрочный отпускъ и запасъ, укомплектованіе полка и приведеніе казармъ въ порядокъ. «Такъ какъ въ русскихъ войскахъ къ отправленію работъ по сооруженію всего, отъ сапогъ до казармъ включительно, привлекаются полковыя силы, то приведеніе полка въ обычный щеголеватый порядокъ потребовало немало кропотливыхъ усилій». Съ другой стороны, офицерство въ ту пору переживало неопредѣленное положеніе, потому что у всѣхъ жило сознаніе, какъ бы въ скорости не пришлось опять призывать без-

---

[1]) Meine Erlebnisse, стр. 58.

[2]) Loc. cit., p. 25.

срочно-отпускныхъ подъ знамена; даже государь Александръ II, безусловно стоявшій за миръ, былъ не чуждъ опасеній войны, когда въ сентябрѣ 1878 года на смотру въ Севастополѣ изволилъ сказать офицерамъ, благодаря ихъ за понесенные во время войны труды: «Дай Богъ, чтобы вы вскорѣ мнѣ не понадобились опять» [1]).

Благодаря всему этому, однополчане первое время внѣ службы мало и видѣлись, да за ремонтомъ квартиръ и офицерскаго собранія и встрѣчаться было негдѣ, а обособленная жизнь тѣмъ тяжелѣе давала себя чувствовать, что на походѣ всѣ привыкли къ исключительному обращенію въ полковой семьѣ.

Графъ Пфейль не можетъ нахвалиться всѣмъ строемъ русской жизни и бытомъ однополчанъ въ частности.

«Жизнь въ русской офицерской средѣ, — говоритъ графъ Пфейль,—складывается чрезвычайно просто, непринужденно и мило. Семейные офицеры даже и въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку живутъ тихо и скромно, шумныхъ пріемовъ не дѣлаютъ, но для полковыхъ товарищей всегда найдется вкусный обѣдъ и партія «винта». За всѣ одиннадцать лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ,—прибавляетъ графъ Пфейль многознаменательно, вспоминая совсѣмъ противоположные нравы прусской военной среды (особенно въ аристократическихъ полкахъ),—никогда я не видалъ, чтобы въ офицерскомъ кругу велись азартныя игры». При интимныхъ вечеринкахъ затрогивалась порою политика, и хотя въ русскомъ обществѣ начало уже сказываться враждебное настроеніе противъ Германіи, тѣмъ не менѣе никогда эта рознь не переносилась на почву личную, и отношенія преображенцевъ къ «нашему пруссаку» были самыя дружелюбныя [2]).

Когда подъ вліяніемъ сближенія Россіи съ Франціей и заключенія Германіею союза съ Австро-Венгріею возникли серьезные страхи войны между Россіей и Пруссіею, графъ Пфейль почувствовалъ смущеніе и откровенно высказалъ полковому командиру, князю Оболенскому, что въ случаѣ подобнаго столкновенія онъ не можетъ себѣ представить личнаго своего участія въ рядахъ одной изъ этихъ воюющихъ сторонъ; графъ Пфейль съ признательностью подчеркиваетъ, что военное начальство вошло въ то фальшивое положеніе, въ какомъ онъ, какъ нѣмецъ, очутился бы въ данномъ случаѣ, и рѣшено было, если дѣйствительно начнется война, что онъ изъ Преображенскаго полка будетъ переведенъ въ одинъ изъ полковъ, имѣвшихъ дѣйствовать противъ Турціи и Румыніи [3]).

Тѣмъ временемъ полковая жизнь текла обычнымъ чередомъ; въ 1878 году, графъ Пфейль вступилъ въ командованіе ротою и съ

[1]) Loc. cit., p. 8—9.
[2]) Loc. cit., p. 24—25.
[3]) Loc. cit., p. 52.

умиленіемъ говоритъ о русскихъ солдатахъ: «они отъ природы дисциплинированы, а потому и самое начальствованіе надъ ними является истиннымъ наслажденіемъ и съ трудностями не сопрягается».

Солидный, обстоятельный, скромный нѣмецъ, графъ Пфейль сблизился съ пасторами Аннинской лютеранской церкви Гессе и Фрейфельдтомъ и вскорѣ сдѣлался приходскимъ «Kirchenrath»'омъ (церковнымъ старостою) [1].

При такомъ направленіи, разумѣется, графъ былъ чуждъ легкомысленныхъ похожденій полковой молодежи и утверждаетъ, что «вообще совмѣстное столованіе въ офицерскомъ собраніи во время лагерныхъ сборовъ, даже и въ аристократическихъ полкахъ—по сравненію съ германскими «Offiziersmessen»—чрезвычайно незатѣйливо точно такъ же, какъ скромно потребленіе всякихъ питій. Лишь по исключенію полковые праздники вызываютъ значительные расходы. Такъ, напримѣръ, когда государь Александръ Николаевичъ милостиво вспомнилъ, что въ іюлѣ 1878 г. исполнится 40-лѣтняя годовщина назначенія его командиромъ Преображенскаго полка, и выразилъ желаніе провести этотъ день въ кругу бывшихъ однополчанъ, то устройство параднаго обѣда обошлось офицерамъ по 80 рублей съ каждаго, но въ память этого дня полкъ поднесъ шефу два драгоцѣнныхъ золотыхъ кубка, а государь, въ свою очередь, каждаго изъ участниковъ обѣда одарилъ серебрянымъ кубкомъ» [2].

По поводу празднествъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе великой княжны Анастасіи Михайловны съ наслѣднымъ великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ Фридрихомъ-Францомъ, графъ Пфейль распространяется о блескѣ императорскаго двора и о разительномъ, картинномъ впечатлѣніи, какое производили средневѣковые костюмы кавказскихъ воиновъ, входившихъ въ составъ конвоя его величества.

При празднествахъ присутствовали и многочисленные офицеры германской арміи. «Какъ въ этомъ, такъ и многихъ другихъ случаяхъ,—замѣчаетъ графъ Пфейль,—я могъ убѣдиться, что заправскій прусскій офицеръ въ Россіи ни въ военныхъ кружкахъ ни въ обществѣ сочувствія къ себѣ не вызываетъ. Чѣмъ ближе самъ я сживался съ Россіею, тѣмъ болѣе мнѣ самому, прослужившему 13 лѣтъ въ рядахъ прусской арміи, била въ глаза накрахмаленная чопорность прусскихъ военныхъ, не примѣтная въ родной ихъ обстановкѣ. Дѣйствительно прусскій офицеръ за границею всегда склоненъ къ рѣшительному осужденію; что бы ни проходило мимо его глазъ, вмѣсто того, чтобы благоразумно вставить свое слово

---

[1] Loc. cit., p. 37, 38.

[2] Loc. cit., p. 42, 45.

похвалы, онъ постарается хоть слегка и чему нибудь выразить неодобреніе, словно опасаясь, какъ бы его не заподозрѣли въ томъ, что онъ, по недальновидности, не примѣтилъ чужихъ слабостей.

Съ похвалою отзывается графъ Пфейль и о лучшемъ умѣніи русскихъ офицеровъ, по сравненію съ германскими, одѣваться, соблюдая въ точности установленную форму. Уклоненій отъ предписанныхъ образцовъ въ покроѣ мундировъ, сюртуковъ, рейтузъ, фуражекъ и пр. и излишняго модничанія по части обуви, выпусканія крахмальныхъ воротничковъ и пр. въ Россіи не знаютъ [1]).

Сроднившись съ русскою арміею, графъ Пфейль при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркиваетъ беззавѣтную доблесть русскаго сѣраго солдата и, между прочимъ, касаясь Скобелевскаго похода, разсказываетъ, какъ ахалъ-текинцы, захвативъ два орудія со снарядами и обслуживавшими ихъ артиллеристами, пытались ихъ заставить обучить текинцевъ наводкѣ орудій, угрожая, въ случаѣ неисполненія требованія, содрать съ плѣнныхъ кожу живьемъ, хотя въ концѣ концовъ эта угроза и была дѣйствительно выполнена, но безъ успѣха. Здѣсь же графъ Пфейль восторженно описываетъ обычай, существующій въ русской арміи, хотя и примѣняемый въ исключительныхъ случаяхъ для своеобразнаго увѣковѣченія выдающихся подвиговъ павшихъ однополчанъ. Когда послѣ зари дѣлается перекличка, фельдфебель той роты, къ которой принадлежалъ нѣкогда чествуемый герой, называетъ и его фамилію, а правый фланговый отвѣчаетъ: «умеръ за царя и отечество» [2]).

Интересы графа Пфейля далеко не исчерпывались только полкомъ, онъ много бывалъ въ обществѣ и вращался въ самыхъ разнородныхъ кружкахъ.

«Часто видаясь съ германскимъ посланникомъ фонъ-Швейницемъ и военнымъ уполномоченнымъ генераломъ фонъ-Вердеромъ, я поддерживалъ тѣсныя съ ними сношенія, но никогда не выносилъ такого впечатлѣнія, чтобы изъ-за этого ко мнѣ относились подозрительно, или чтобы за мною былъ установленъ надзоръ. Здѣсь же кстати скажу, что, переписываясь съ заграничными родственниками и друзьями, я никогда не замѣчалъ, чтобы письма мои и чужія запаздывали или носили на себѣ слѣды перлюстраціи. Поэтому я склоненъ думать, что розсказни иностранныхъ газетъ о русскомъ «черномъ кабинетѣ»—только плодъ вымысла».

«Впрочемъ я прибавлю, что вообще едва ли за границею болѣе лгутъ о какой либо странѣ, чѣмъ о Россіи; объясняется это тѣмъ, что заграничные корреспонденты, не имѣя доступа къ руководя-

---

[1]) Loc. cit., p. 95.
[2]) Loc. cit., p. 126.

щимъ правительственнымъ кружкамъ, принуждены свѣдѣнія почерпать изъ источниковъ мало достовѣрныхъ, а отсюда возникаютъ ни съ чѣмъ несообразныя извѣстія, появляющіяся въ иностранныхъ газетахъ»... [1]).

Съ большою похвалою отзывается графъ Пфейль о супругѣ германскаго посланника. По происхожденію американка, г-жа фонъ-Швейницъ прекрасно умѣла школить молодежь, являвшуюся на службу при посольствѣ, и въ тѣсномъ кружкѣ не разъ осаживала и поучала свѣтскому и международному такту юныхъ зарывавшихся сыновъ Марса, собиравшихся мечъ промѣнять на дипломатическое перо [2]).

Скромныя матеріальныя обстоятельства, въ которыхъ находился гр. Пфейль, заставили его въ 1879 г. взяться за перо и выступить съ рядомъ фельетоновъ, военныхъ и политическихъ статей въ нѣмецкой «Kreuzzeitung» и «St.-Petersburger Herold», а впослѣдствіи въ «Кельнской» и «Силезской газетѣ». И здѣсь гр. Пфейль съ благодарностью вспоминаетъ, что хотя изъ своего газетнаго сотрудничества онъ тайны не дѣлалъ, но военное русское начальство ему въ этомъ побочномъ заработкѣ препятствій не чинило, а между тѣмъ о литературныхъ занятіяхъ «преображенца-пруссака» освѣдомленъ былъ даже высочайшій кругъ, по крайней мѣрѣ, по оставленіи русской службы, въ 1889 г., при представленіи въ Фреденсборгѣ императору Александру III, государь изволилъ замѣтить гр. Пфейлю: «Вы много и подчасъ рѣзко писали о Россіи, но всегда воздавали намъ должное» [3]).

По поводу сотрудничества въ «St.-Petersburger Herold» гр. Пфейль даетъ характеристику тогдашняго редактора-издателя этой газеты, д-ра Гезеліуса.

... «Несомнѣнно, человѣкъ онъ былъ умный, но сильно опустившійся. Въ качествѣ врача, по его разсказамъ, онъ обратилъ на себя вниманіе спеціальныхъ кружковъ важными открытіями относительно переливанія крови изъ здороваго человѣка и животныхъ въ больного; онъ и мнѣ показывалъ медицинскій словарь, гдѣ его фамилія поминалась не разъ... Къ несчастію, хотя паціенты и продолжали вѣрить въ доктора, самъ онъ потерялъ вѣру въ себя и забросилъ медицинскую дѣятельность... Что побудило Гезеліуса покинуть его родину—Мекленбургъ, я не знаю, самъ онъ этой темы касался неохотно. Потомъ онъ неожиданно проявился въ Петербургѣ и на развалинахъ ничтожной нѣмецкой газетки основалъ «Herold».

«Очень далеко шедшее легкомысліе и привольное житье помогали доктору преодолѣвать всѣ затрудненія; невозмутимо хорошо

[1]) Loc. cit., p. 22—23.
[2]) Loc. cit., p. 58.
[3]) Loc. cit., p. 81, 86, 87.

настроенный, царилъ онъ въ конторѣ газетѣ... Заходя туда по вечерамъ, всегда можно было видѣть почтеннаго доктора, съ плѣшью во всю голову и длинною бородою, возсѣдающаго у редакціоннаго стола надъ грудою иностранныхъ газетъ, съ ножницами въ рукѣ, заготовляющаго вырѣзки. «Прекрасный номеръ составится завтра», увѣрялъ докторъ. «Ну, еще бы!—подшучивалъ я:—вѣдь лучшій помощникъ у васъ въ рукѣ». Такихъ шуточекъ Гезеліусъ въ дурную сторону не принималъ и только ухмылялся. Постепенно комната наполнялась умственными руководителями «Herold»'а, и за стаканомъ пива начинался всегда забавлявшій меня, оживленный обмѣнъ мыслей по поводу газеты. «Политическій редакторъ» возвѣщалъ, что написалъ по злободневному вопросу передовицу. «Ну, конечно, въ такомъ-то и такомъ-то смыслѣ?»—подхватывалъ Гезеліусъ.—«Боже, сохрани! совсѣмъ напротивъ!» Ужасался редакторъ, но на это большею частью слышался отвѣтъ доктора: «Ну, да ладно! Мнѣ вѣдь это все равно!»...

«Часто въ редакцію заглядывали корреспонденты иностранныхъ газетъ въ чаяніи поживиться новостями дня и, выспрашивая о свѣжихъ столичныхъ слухахъ, клялись и божились, что ихъ де корреспонденціи будутъ составлены въ самомъ доброжелательномъ тонѣ; впослѣдствіи же оказывалось противное, и въ обращеніе пускались вѣсти самыя чудовищныя»...

Особенно не долюбливалъ Гезеліусъ англичанъ, и однажды, вслѣдъ за сенсаціоннымъ слухомъ объ открытіи на такой-то улицѣ конспиративной квартиры и подпольной типографіи, петербургскія редакціи были оповѣщены ничего объ этомъ не печатать, такъ какъ полиція разсчитывала устроить тамъ ловушку для остальныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу распространенія летучихъ листковъ. Въ это время къ Гезеліусу, съ истинно британской наглостью, въ 5 часовъ утра, вламывается тройка англійскихъ корреспондентовъ съ мольбами о сообщеніи достовѣрныхъ данныхъ о слухѣ, дошедшемъ и до нихъ. Гезеліусъ прикинулся ничего не знающимъ и присовѣтовалъ имъ справки навести на мѣстѣ, которое и указалъ. Корреспонденты поспѣшили разыскать конспиративную квартиру и угодили подъ арестъ, изъ котораго освободились чрезъ сутки, послѣ ряда непріятныхъ мытарствъ.

Правда, и Гезеліусъ, котораго корреспонденты, озлобившись, выдали головою, получилъ соотвѣтствующее внушеніе на будущее время такихъ шуточекъ себѣ не позволять [1]).

Обращаясь къ тревожной эпохѣ царствованія Александра II, Пфейль замѣчаетъ: «Всякій, кто имѣлъ счастіе вблизи видѣть императора Александра II и удостоивался отъ государя разговора, сознается, что къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо, приложимо выра-

---

[1]) Loc. cit., p. 85—86.

женіе «Jeder volle ein König» (всѣмъ существомъ истинный государь). Преисполненная благородства, красивая фигура, серьезный и, можно даже сказать, печальный взглядъ красивыхъ его глазъ, чарующая любезность, совмѣщавшаяся съ величавою неприступностью,—все это дѣлало личность государя неотразимою» [1]).

Поэтому-то нѣсколько жуткое чувство испыталъ графъ Пфейль, когда ему впервые пришлось занять съ ротою караулъ въ Зимнемъ дворцѣ, который служилъ тогда резиденціею государю и государынѣ.

«...Постепенно я освоился съ обстановкою караульнаго помѣщенія, гдѣ впослѣдствіи разыгралось ужасное покушеніе.

«Въ ту пору передъ офицерскою дежурною въ передней, за рѣшеткою, подъ охраною особаго поста помѣщались многочисленные, обитые желѣзомъ ящики съ дворцовою казною, изъ коей производились текущіе расходы на дворцовыя надобности; ящики открывались дворцовыми чиновниками не иначе, какъ въ присутствіи дежурнаго офицера.

«Самое помѣщеніе офицерской дежурной комнаты было обставлено большими удобствами. Пять широкихъ дивановъ служили офицерамъ для ночного отдыха. Мраморный каминъ, гдѣ всегда пылали громадные полѣнья, распространялъ пріятную теплоту; каминъ былъ украшенъ драгоцѣнными столовыми часами съ серебрянымъ циферблатомъ, на которомъ стрѣлки отсчитывали годы, мѣсяцы, дни, часы, минуты и секунды. Часы своею художественною отдѣлкою привлекали вниманіе, и съ ними была связана цѣлая исторія. Часы были подарены еще императору Николаю Павловичу кѣмъ-то изъ европейскихъ государей и первоначально украшали письменный столъ въ его кабинетѣ. Императоръ такъ заботился о часахъ, что даже собственноручно ихъ заводилъ; но случилось такъ, что государь забылъ ихъ завести, часы остановились, и Николай Павловичъ, всегда щепетильно соблюдавшій время, запоздалъ на разводъ, часы попали въ немилость и очутились въ офицерской караульной.

«Рядомъ съ часами находился электрическій звонокъ, проведенный изъ рабочаго кабинета Александра II; звонокъ всего только два раза и пускался въ ходъ по курьезной случайности, надѣлавшей немало тревоги.

«Поставленъ былъ звонокъ въ тревожное время, и разъ навсегда было отдано приказаніе, что если бы раздался звонокъ, то по двукратному зову караульный офицеръ съ половиною солдатъ, отдыхающихъ въ караульной, долженъ поспѣшить въ кабинетъ къ государю безъ доклада.

---

[1]) Loc. cit., p. 22.

«И вотъ однажды среди тишины зловѣще раздается звонокъ... одинъ... другой. Перепуганный офицеръ спѣшно собираетъ людей, бѣжитъ въ кабинетъ, но государь спокойно занимается за письменнымъ столомъ. Въ недоумѣніи, что означаетъ появленіе офицера съ вооруженными солдатами, государь, встревоженный, спрашиваетъ, что это значитъ. Офицеръ, заикаясь, что-то бормочетъ о поданныхъ звонкахъ, но на это его величество немилостиво бросаетъ, что, вѣроятно, это офицеру приснилось. Сконфуженный дежурный пятится назадъ и въ понятномъ волненіи не можетъ потомъ припомнить, послышалось ли ему, или дѣйствительно съ высочайшихъ устъ по его адресу сорвалось слово «дуракъ».

«Не успѣлъ дежурный, вернувшись въ караульную, успокоиться, какъ вторично и отчетливо раздается звонъ сигнальнаго колокольчика изъ царскаго кабинета, но на этотъ разъ однократный; это означаетъ приказаніе дежурному явиться одному къ государю. Какъ тутъ быть? Послѣ немилостиваго пріема вторичное посѣщеніе кабинета представлялось офицеру мало привлекательнымъ, но онъ, хотя и въ смущеніи, отправляется и проситъ о себѣ доложить. Государь на сей разъ встрѣчаетъ его привѣтливо и съ улыбкою говоритъ, что теперь онъ уже самъ позвалъ его, и милостиво поясняетъ, что дознался объясненія первой ложной тревоги: оказалось, что любимая собака государя, обнюхивая кнопку электрическаго звонка, надавила на нее дважды. Телеграфный звонокъ былъ переставленъ въ болѣе удобное мѣсто, а несчастный офицеръ послѣ этого казуса всю ночь отъ волненія глазъ сомкнуть не могъ.

«Караулъ въ то время составлялся изъ дежурнаго полковника, караульнаго капитана и другого, на которомъ лежала разстановка постовъ, и двухъ поручиковъ; вечеромъ къ нимъ присоединялся еще гвардейскій казачій офицеръ, завѣдывавшій конными разъѣздами вокругъ дворца.

«Отправленіе караульной службы при дворцѣ, во время пребыванія тамъ государя, требовало большого вниманія, такъ какъ Александръ II нерѣдко наблюдалъ изъ окна за смѣною постовъ, и отъ его изощреннаго вниманія не ускользала ни малѣйшая фронтовая оплошность. Зато всѣ находившіеся въ караулѣ получали отъ двора довольствіе очень роскошное,—на каждаго офицера отпускалось не менѣе 8 рублей» [1]).

Что касается императрицы Маріи Александровны, то она по болѣзни не принимала участія ни въ какихъ празднествахъ, изъ дворца почти не выѣзжала и только въ собственныхъ покояхъ изрѣдка принимала желавшихъ ей представиться. Добилась этой чести и супруга лорда Дуфферина, назначеннаго около этого времени великобританскимъ посланникомъ при с.-петербургскомъ дворѣ.

---

[1]) Loc. cit., p. 16—18.

Гофмаршалъ провелъ посѣтительницу чрезъ длинный рядъ апартаментовъ, и когда они достигли какой-то залы, прошепталъ ей нѣсколько словъ, которыхъ та не разобрала. Леди Дуфферинъ вообразила себѣ, что находится уже въ пріемной у императрицы, тѣмъ болѣе, что увидѣла пожилую даму, сидѣвшую у окна и съ трудомъ поднявшуюся ей навстрѣчу. Леди Дуфферинъ приблизилась и по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета низко присѣла передъ дамою, принимая ее за императрицу. Въ дѣйствительности это была престарѣлая оберъ-гофмейстерина императрицы, графиня Протасова; несмотря на больныя ноги, она очень любезно приподняла склонившуюся миледи и невнятно промолвила ей нѣсколько словъ, въ то время, какъ гофмаршалъ, стоя въ отдаленіи, нетерпѣливо показывалъ леди Дуфферинъ на дверь.

Леди Дуфферинъ, славившаяся своимъ высокомѣріемъ, въ жестѣ гофмаршала усмотрѣла, что пріемъ на этомъ оконченъ, и, сдѣлавъ новый глубокій реверансъ, направилась въ указанныя двери, шокированная и страшно разобиженная.

Въ слѣдующей комнатѣ навстрѣчу ей поднялась незнакомая ей дама, но леди Дуфферинъ, поклонившись вскользь, продолжала подвигаться къ слѣдующей выходной двери, когда ее остановила привѣтливая фраза: «Давно ли вы видѣли мою дочь?» — «А кто ваша дочь?»—сухо кинула въ отвѣтъ леди Дуфферинъ. Тутъ императрица съ улыбкою промолвила: «Герцогиня Эдинбургская».

Легко себѣ представить, какъ сражена была этимъ недоразумѣніемъ несчастная посланница [1]).

Прусскій офицеръ, привыкшій къ суровой дисциплинѣ, графъ Пфейль относится болѣе чѣмъ отрицательно къ «проявленіямъ русскаго нигилизма», объединяя подъ этимъ понятіемъ общественное недовольство исходомъ турецкой войны, газетную дѣятельность Аксакова и отношеніе русскихъ интеллигентовъ къ дѣлу Засуличъ; онъ находитъ, что правительство своею снисходительностью само дало способы подпольному движенію широко разростись и къ мѣрамъ строгости (въ родѣ установленія подсудности государственныхъ преступленій военнымъ судамъ) обратилось слишкомъ поздно, чтобы предотвратить катастрофу 1-го марта.

Далѣе Пфейль описываетъ покушеніе Соловьева, неудачную попытку взорвать царскій поѣздъ у Александровска близъ Одессы и отмѣчаетъ, что въ то самое мгновеніе, когда, по пріѣздѣ изъ Крыма на первомъ императорскомъ поѣздѣ въ Москву, государь молился у образа Иверской Божіей Матери, свершалось покушеніе взорвать второй императорскій поѣздъ подъ Москвою [2]).

---

[1]) Loc. cit., p. 29—30.

[2]) Loc. cit., p. 54.

Болѣе подробно останавливается графъ Пфейль на покушеніи 17 февраля 1880 года, и его разсказъ, частью слышанный отъ очевидцевъ, частью опирающійся на собственныя впечатлѣнія, изобилуетъ трагическими и трогательными подробностями.

Какъ задолго было извѣстно, 17 февраля, въ Зимнемъ дворцѣ, въ 6 часовъ вечера, имѣлъ состояться парадный фамильный обѣдъ, по случаю пріѣзда принца Александра Гессенскаго и его сына Александра Баттенбергскаго.

Злоумышленники, освѣдомленные объ этомъ, сумѣли проникнуть во дворецъ и подъ солдатской караульной заложили мину.

Въ то время, какъ въ помѣщеніи для солдатъ, отдѣленномъ отъ офицерскаго залою шаговъ въ 30 длины, фельдфебель осматривалъ солдатъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, готовя ихъ для смѣны, при слабомъ мерцаніи лампады, горѣвшей у образа, въ дежурной комнатѣ офицеры садились уже за обѣдъ, но едва капитанъ фонъ-Вольскій успѣлъ замѣтить товарищамъ: «А вѣдь, должно быть, и высочайшія особы садятся теперь за столъ»,—какъ раздался громовый ударъ, все погрузилось въ темноту, и въ теченіе безконечныхъ секундъ слышался только трескъ падающихъ оконныхъ стеколъ и рушащихся стѣнъ.

Дежурный офицеръ въ темнотѣ бросился среди дыма, пыли и стоновъ къ гауптвахтѣ и въ сигнальный колоколъ зазвонилъ команду, но изъ 81 человѣка на зовъ явилось всего десять человѣкъ, слегка контуженныхъ и покрытыхъ пылью.

Со всѣхъ сторонъ бѣжала теперь дворцовая прислуга съ лампами, свѣчами и факелами, и тутъ оказалось, что караульная превратилась въ груду полуразрушенныхъ стѣнъ и обломковъ кирпичной кладки; изъ нихъ кое-гдѣ торчали ноги, руки и головы, а единственнымъ предметомъ, уцѣлѣвшимъ въ неприкосновенности, оказалась икона съ неугасимою лампадою.

Въ потолкѣ караульни, приходившейся подъ залою, гдѣ имѣлъ состояться высочайшій обѣдъ, зіяла пробоина аршина въ четыре шириною; дальнѣйшему разрушенію оказала сопротивленіе прочная кладка стѣнъ и сводовъ.

Въ то время, какъ по счастливой случайности высочайшія особы на нѣсколько минутъ замедлили войти въ столовую, и произошелъ взрывъ. Въ свою очередь, какъ впослѣдствіи показало разслѣдованіе, злоумышленники для запала мины приготовили столикъ слишкомъ короткій и, поджегши его, поспѣшили бѣжать, и впопыхахъ забыли запереть за собою выходныя двери; поэтому при воспламененіи динамита большая часть взрыва направилась въ пріотворенный коридоръ, какъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Безъ этой счастливой случайности, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, подверглись бы полному разрушенію

не только караульня и расположенная надъ нею столовая зала, но и вся прилежащая часть дворца.

Черезъ нѣсколько уже минутъ изъ сосѣдней казармы Преображенскаго полка прибыли первый и четвертый его батальоны для смѣны караула, но кучка гренадерской роты финляндцевъ, стоявшая подъ ружьемъ у знамени, не смѣнялась, такъ какъ разводящій ефрейторъ, отъ котораго слѣдовало получить на это приказаніе, лежалъ подъ развалинами, и для смѣны караула потребовалось вмѣшательство начальника караула.

Въ числѣ первыхъ прибылъ на мѣсто катастрофы государь императоръ, окруженный своими гостями. Своеобразное впечатлѣніе производили блестящіе, усѣянные звѣздами мундиры при дымномъ освѣщеніи факелами разгромленной караульной, а когда государь поздоровался съ оставшимися въ живыхъ солдатиками, покрытыми пылью, въ разорванныхъ мундирахъ, съ искривленными и разбитыми отъ взрыва ружьями, величественною торжественностью прозвучалъ дружный и воодушевленный отвѣтъ: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!»

Государь, глубоко растроганный, безмолвно и со слезами на глазахъ посмотрѣвъ на груду обломковъ, подъ которыми лежали тѣла убитыхъ и раненыхъ, скорбно поникъ головою. Къ освобожденію раненыхъ, подъ наблюденіемъ генералъ-адъютанта Гурко, не замедлили приступить явившіеся саперы.

Пфейль въ заключеніе разсказываетъ, какое ощущеніе произвелъ самый взрывъ, со словъ одного изъ потерпѣвшихъ, раненнаго въ голову, съ поломкою бедряной кости, котораго графъ о томъ уже впослѣдствіи разспрашивалъ въ лазаретѣ: «Я только увидѣлъ ужасное сіяніе огня и услышалъ громовый ударъ, а тамъ не помню, какъ взлетѣлъ на воздухъ, и очнулся позднѣе, когда мнѣ безпрерывно падали на тѣло камни и другіе предметы. Тутъ я услышалъ, какъ на гауптвахтѣ зазвонили въ колоколъ «къ ружью», попробовалъ въ темнотѣ высвободиться изъ-подъ обломковъ, да нога сильно заболѣла, и дальше двинуться ужъ я не смогъ».

«Какое сознаніе долга сказывается здѣсь въ немногихъ простыхъ словахъ!—прибавляетъ гр. Пфейль.—Вы подумайте только? Первою мыслью у человѣка, надъ которымъ стряслась страшная бѣда, является повиноваться сигналу, значеніе котораго отчетливо встаетъ въ его сознаніи!» [1])

По поводу убійства генерала Мезенцева и непонятнаго участія въ этомъ преступленіи доктора Веймара, гр. Пфейль, которому не разъ доводилось занимать караулы въ домѣ предварительнаго заключенія, при зданіи судебныхъ мѣстъ, и въ Петропавловской крѣпости, замѣчаетъ:... «Въ ту пору иностранныя газеты часто тру-

---

[1]) Loc. cit., p. 66—69.

били о всяческихъ ужасахъ, чинимыхъ надъ арестантами, до пытокъ включительно. Тутъ я лишній разъ могъ убѣдиться, насколько лживы подобныя нареканія на Россію. Изъ любопытства и съ разрѣшенія жандармскаго офицера, по моимъ же указаніямъ, мнѣ открывались и тѣ и другія камеры, и какъ самыя помѣщенія, такъ и заключенные, оказывались неизмѣнно снабженными всѣмъ необходимымъ и въ условіяхъ, вовсе не уступающихъ образцовымъ германскимъ тюрьмамъ».

Хотя помѣщавшіяся въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости камеры по мѣстнымъ условіямъ и представляли меньшія удобства, чѣмъ камеры дома предварительнаго заключенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимались тщательныя мѣры для уединенія политическихъ преступниковъ другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе и эти камеры скорѣе заслуживали наименованія комнатъ; арестанты ежедневно по три раза получали чай и дважды горячую ѣду изъ двухъ блюдъ; ихъ ежедневно на сорокъ минутъ выпускали каждаго въ отдѣльности во внутренній дворикъ подышать свѣжимъ воздухомъ и погулять; имъ выдавали для чтенія книги религіозныя, научныя и русскихъ классиковъ; позволяли курить и на собственный счетъ пріобрѣтать все нужное. Словомъ сказать, ни о какихъ ужасахъ и помина не было Что касается пресловутыхъ пытокъ, то гр. Пфейль резонно замѣчаетъ, что это—совсѣмъ нелѣпый вымыселъ; происходи что либо подобное въ дѣйствительности, ужъ, конечно, при судоговореніи потерпѣвшіе не постѣснились бы объ этомъ распространиться, но никогда и никѣмъ такихъ заявленій въ политическихъ процессахъ дѣлаемо не было.

Тепло отзывается графъ Пфейль и о жандармскомъ полковникѣ, имѣвшемъ пятнадцать лѣтъ въ своемъ завѣдываніи камеры Трубецкого бастіона. Строгій и добросовѣстный служака, онъ сумѣлъ такъ себя поставить, что даже закоренѣлые преступники, въ родѣ цареубіецъ, воздавали ему должное и нерѣдко при прощаніи выражали старику признательность за личную его доброту и неподкупную справедливость [1]).

Разсказывать перипетіи разныхъ покушеній до цареубійства включительно мы не станемъ, тѣмъ болѣе, что гр. Пфейль ограничивается передачею лишь достовѣрныхъ и болѣе или менѣе извѣстныхъ по правительственнымъ сообщеніямъ и обвинительнымъ приговорамъ завѣренныхъ фактовъ. Для вящшаго интереса своихъ записокъ гр. Пфейль не прибѣгаетъ къ оповѣщенію сенсаціонныхъ и нелѣпыхъ слуховъ и сплетенъ, какими изобилуютъ заграничныя «Разоблаченія», «Признанія», «Достопримѣчательности».

Ограничимся лишь нѣсколькими фактами, значеніе которыхъ и окраска ихъ доброжелательнымъ Россіи мемуаристомъ сами собою станутъ понятными читателю.

---

[1]) Loc. cit., p. 106—113 passim.

Разсказывая о томъ, какъ отказъ французскаго правительства въ выдачѣ политическаго преступника Гартмана на время охладилъ русско-французское сближеніе, графъ Пфейль упоминаетъ, какъ въ этомъ случаѣ онъ совершенно для себя неожиданно разыгралъ любопытную роль, которая на одинъ день доставила его имени чуть ли не міровую извѣстность. Въ августѣ 1880 г., желая демонстративно выразить французскому посланнику, генералу Шанзи, негодованіе на французское правительство, государь, стоя возлѣ Шанзи во время красносельскихъ маневровъ, сначала подозвалъ графа Пфейля, отличившагосся въ сраженіи при Сенъ-Прива, и, поздравивъ его съ годовщиною этого боя (18-го августа), принялся милостиво его разспрашивать объ участіи въ этой битвѣ перваго прусскаго гвардейскаго пѣхотнаго полка. Вслѣдъ затѣмъ на обѣдѣ, происходившемъ въ тотъ же день въ Ропшинскомъ дворцѣ, государь, сидя насупротивъ генерала Шанзи, также демонстративно приказалъ подозвать къ себѣ графа Пфейля, сидѣвшаго за однимъ изъ отдаленныхъ столовъ, и, обращаясь къ нему и генералу Вердеру, выпилъ здравицу «за первый прусскій гвардейскій полкъ» (ознаменовавшій себя славою при первомъ пораженіи французовъ подъ Сенъ-Прива).

Объ этомъ событіи, въ которомъ усмотрѣно было начало поворота въ русской политикѣ тѣхъ годовъ, полетѣли въ тотъ же день депеши во всѣ европейскія министерства иностранныхъ дѣлъ [1]).

Любопытно, что въ день 1-го марта подметныя письма предупреждали власти о готовящемся покушеніи, и графу Лорисъ-Меликову съ большимъ трудомъ удалось уговорить государя не ѣхать на разводъ въ Михайловскій манежъ, но въ послѣднюю минуту государь передумалъ и все-таки поѣхалъ, словно искушая судьбу и понадѣявшись на счастіе, которое выводило его цѣлымъ и невредимымъ изъ предшествовавшихъ восьми покушеній. Если же принять во вниманіе, что передъ злодѣяніемъ 1-го марта многіе изъ злоумышленниковъ были переловлены, а самыя приготовленія къ покушенію 1-го марта являлись, такъ сказать, лебединою пѣснею заговорщиковъ, ибо среди нихъ начали сказываться разочарованія, разладъ и сознаніе своего безсилія, то весьма вѣроятнымъ представляется, что, поберегись государь 1-го марта, и вся кровавая эпопея распалась бы, какъ миражъ, да и дальнѣйшія событія новѣйшей русской исторіи, пожалуй, приняли бы иное направленіе [2]).

Впрочемъ гаданія о томъ, что было бы, если бы видоизмѣнились или отпали тѣ или иные факты, довольно безцѣльны. Неисповѣдимыя ли предначертанія Провидѣнія, роковое ли сцѣпленіе случайностей, но событія разыгрались ужасами, которые и по сей еще

---

[1]) Loc. cit., p. 121—123 passim.
[2]) Loc. cit., p. 131—144 passim.

часъ отчетливо встаютъ въ памяти нашей, людей, стоящихъ на порогѣ старости, но для болѣе юныхъ поколѣній отошли уже въ даль, словно дикій безобразный кошмаръ, съ трудомъ возсоздаваемый въ бодрственномъ состояніи.

Описавъ болѣе или менѣе извѣстныя подробности кончины царя-мученика, графъ Пфейль, въ качествѣ очевидца, разсказываетъ: «Мѣсто покушенія на Екатерининскомъ каналѣ почти тотчасъ же было запружено народомъ. Всѣ толпились и толкались, чтобы омочить платокъ въ крови мученика, отвоевать реликвію въ родѣ осколка кости, лоскутка царской одежды или щепки отъ разбитаго задка царской кареты, и вскорѣ полиція принуждена была закрыть публикѣ доступъ къ каналу. Я тутъ же прибавлю: кому удалось отвоевать священную памятку объ этомъ приснопамятномъ событіи, хранитъ его, словно святыню» [1]).

«По направленію къ Зимнему дворцу въ саняхъ и каретахъ неслись великіе князья, генералы, высшіе сановники, и на всѣхъ лицахъ изображались ужасъ и тревога. Неотразимо потянуло туда и меня, но никого я не могъ ни остановить, ни разспросить, всѣ торопились ко дворцу, и ни отъ кого толку нельзя было добиться. Наконецъ около зданія главнаго штаба у арки, открывающей доступъ къ Зимнему дворцу, повстрѣчался стрѣлокъ, котораго я спросилъ:

«— Бога ради, что случилось?

«— Несчастіе, ваше высокоблагородіе! Государь императоръ тяжело раненъ злоумышленниками!—тутъ солдатикъ перекрестился.

«Я былъ сраженъ, какъ молніей, и, почти теряя сознаніе, бросился ко дворцу.

«На площади передъ дворцомъ огромная толпа все болѣе разросталась. Вокругъ дворца были разставлены посты; миновавъ ихъ, я увидѣлъ у экипажнаго въѣзда [2]) большую лужу крови [3]). Какой-то неизвѣстный мнѣ офицеръ взволнованно разсказывалъ подробности покушенія; хотя онъ очевидно былъ сильно разстроенъ происшедшимъ, но видно было, что ему льстила возможность порисоваться знаніемъ того, чего не знали окружающіе. Какъ я потомъ убѣдился, большая часть его разсказа погрѣшала противъ истины, но, къ несчастію, одно было достовѣрно, что государь опасно раненъ, если не безнадеженъ.

...«Стеченіе народа на Дворцовой площади достигало отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ всевозможныхъ чиновъ и сословій. Глубокая тишина царила надъ толпою, съ полною предупредительностью сто-

---

[1]) Loc. cit., p. 160.

[2]) Велъ онъ въ бывшіе покои императрицы, и по нему-то на рукахъ внесли раненнаго царя.

[3]) Натекла она отъ оторванныхъ ногъ государя, пока разыскивали ключъ отъ запертаго въѣзда и безуспѣшно пытались внести раненнаго во второй этажъ на саняхъ.

ронилась она и пропускала вереницу саней и каретъ, поспѣшавшихъ ко дворцу. Всѣ взоры тревожно устремлялись на императорскій штандартъ, горделиво развѣвавшійся на флагштокѣ. Видно было, что мужчины и женщины молились, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ: они молились за своего царя, за своего освободителя. Одинъ уже этотъ актъ молитвы убѣждалъ, какая вѣра, а слѣдовательно и сила таится въ русскомъ народѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивно чувствовалось напряженное настроеніе массы—осмѣлься кто нибудь нарушить святость этихъ минутъ какимъ нибудь дѣйствіемъ или словомъ, которыя бы оскорбили священныя чувствованія народныя, онъ тутъ же на мѣстѣ былъ бы растерзанъ въ клочья»...

«Появившееся въ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику» и раздававшееся на площади правительственное сообщеніе съ бюллетенемъ о безнадежномъ состояніи высокаго страдальца не произвело на молчаливую и угнетенную несчастіемъ толпу особеннаго впечатлѣнія. Она знала, что ея царь тяжко раненъ и теперь умираетъ,—всякія дальнѣйшія подробности были пока безразличны и не интересны. Все удручительнѣе становилась тишина, все тревожнѣе поглядывали на императорскій штандартъ, колеблемый вѣтромъ, и вдругъ въ 3 часа 40 минутъ пополудни гордый флагъ медленно спустился до половины флагштока—мощный подавленный стонъ вырвался изъ груди многотысячной толпы, и она, какъ одинъ человѣкъ, пала на мостовую, осѣняя себя крестомъ. Таково было прощаніе народа съ батюшкою царемъ-освободителемъ. Медленно и молчаливо разсѣялась толпа. Не потребовалось тутъ для поддержанія порядка никакихъ полицейскихъ воздѣйствій: никто другъ съ другомъ не разговаривалъ, да и о чемъ было говорить? Всѣ вѣдь сознавали, что каждый одинаково чувствуетъ и думаетъ. Каждый и побрелъ туда, гдѣ ему слѣдовало теперь быть, и меня повлекло къ моей ротѣ» [1].

«Въ тотъ же день,—пишетъ графъ Пфейль далѣе,—я имѣлъ случай говорить не съ однимъ самовидцемъ цареубійства и въ ихъ числѣ съ офицеромъ однополчаниномъ, но безсвязныя и противорѣчивыя показанія и волненіе свидѣтелей были таковы, что производили впечатлѣніе какого-то безумія—настолько сильно были всѣ потрясены видѣннымъ и пережитымъ» [2].

Такую же разительную и краснорѣчивую въ своей простотѣ картину графъ Пфейль, сумѣвшій постигнуть русскую душу, рисуетъ дальше, описывая прощаніе народа съ усопшимъ царемъ въ Петропавловской крѣпостной церкви: «Церковь была слабо освѣщена, и съ осторожностью, почти ощупью, приходилось подниматься

---

[1] Loc. cit., p. 156—159.

[2] Loc. cit., p. 151.

по ступенькамъ помоста, ведшимъ къ катафалку. Смѣны дежурствъ совершались беззвучно. Глубокая тишина стояла въ храмѣ, глазъ только постепенно приспособлялся къ полумраку. Я стоялъ у изголовья открытаго гроба и сквозь дымку прозрачной ткани, прикрывавшей усопшаго, узнавалъ черты лица государя. А между тѣмъ, несмотря на глубочайшую тишину и поздній часъ ночи, повитая мракомъ усыпальница россійскихъ государей дышала напряженною немолчною жизнью. Длинною темною лентою, подвое въ рядъ, вступалъ простой русскій народъ въ домъ Божій; быть можетъ, изъ-за тысячи верстъ прибыли иные поклониться праху усопшаго своего освободителя, тысячами стояли они предъ церковью въ ночные часы, молча и терпѣливо ожидая своей очереди, несмотря на сильную стужу и пронизывающій вѣтеръ. Тутъ были и простые крестьяне въ длинныхъ зипунахъ, и мастеровые въ рваныхъ пальто, и ветхія божьи старушки, не остановившіяся передъ длиннымъ путемъ, хотя и ноги-то онѣ передвигали съ трудомъ, были тутъ женщины съ плачущими младенцами на рукахъ. Никто изъ нихъ въ траурныя одежды разукрашенъ не былъ, потому что слишкомъ они были бѣдны, чтобы ими обзавестись, но выраженіе всѣхъ лицъ ясно говорило о глубокомъ, переживаемомъ ими скорбномъ чувствѣ. Одинъ за другимъ склонялись они на колѣна предъ гробомъ, подступали ближе и, набожно крестясь, прикладывались къ иконѣ, лежавшей поверхъ марли, окутывавшей тѣло царя-мученика. Въ такомъ же порядкѣ, какъ пришли, отступали они назадъ въ молчаливой печали и смѣнялись другими; такъ продолжалось часъ за часомъ, ночь за ночью» [1]).

Все видѣнное въ эти тяжкія годины убѣждаетъ графа Пфейля, что горе, вызванное безвременною кончиною государя Александра II, было дѣйствительно всенароднымъ; нигдѣ и ни въ чемъ не проявлялось дѣланности, театральности, но повсюду и у всѣхъ сказывалось вполнѣ искреннее сознаніе тягостной горестной скорби.

... «Своимъ злодѣяніемъ достойные проклятія цареубійцы никакой цѣли не достигли, но благородная жертва, которую они предали закланію, никогда, доколѣ будетъ существовать русская исторія, не предастся забвенію, и наряду съ образомъ царя-освободителя будетъ сіять русскому народу величавый образъ царя мученика, словно яркая звѣзда»... [2]).

«Съ описываемой въ запискахъ тревожной эпохи протекло уже 25 лѣтъ,—прибавляетъ Пфейль,—но воистину дивны достигнутые Россіею за этотъ періодъ времени результаты.

---

[1]) Loc. cit., p. 174—175.
[2]) Loc. cit., p. 169, 208.

«Россія имѣетъ чуть не преобладающій голосъ въ рѣшеніи всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ дѣлъ, выступаетъ съ величественными творческими начинаніями въ культурныхъ цѣляхъ, обладаетъ несравненнымъ боевымъ войскомъ и заручилась на жизнь и смерть могущественнымъ союзникомъ.

«Въ этомъ наглядно сказывается русская мощь, дѣеспособность и медленно, но сознательно преслѣдующая поставленныя себѣ цѣли русская государственная мудрость».

В. И. Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Систематическая роспись актамъ и документамъ Курляндскаго герцогскаго архива въ Митавѣ. Составилъ Ѳ. Шиманъ. Возстановлена, исправлена и дополнена комиссіей по разбору герцогскаго архива, при дѣятельномъ участіи г. Лихтенштейна. Митава. 1903.

Герцогскій архивъ въ Митавѣ. Митава. 1903.

НА СТРАНИЦАХЪ «Историческаго Вѣстника» (1899 г., ноябрь, стр. 834—843, и декабрь, стр. 1291—1299) уже было подробно описано содержаніе Митавскаго герцогскаго архива и разсказана его многострадальная исторія, вплоть до того времени, когда, благодаря Рижскому археологическому съѣзду, было обращено въ высшихъ сферахъ должное вниманіе на этотъ интереснѣйшій для исторіи Курляндіи архивъ и была учреждена въ началѣ 1898 года высочайшимъ повелѣніемъ особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ барона Мейендорфа, изъ ст. сов. Хруцкаго, полковника Мышлаевскаго, барона Фиркса и г. Дидерихса. Первое засѣданіе комиссіи состоялось 27 мая 1898 г., при чемъ выясненіе содержанія архива было поручено барону Фирксу и г. Дидерихсу, при содѣйствіи г. Лихтенштейна Работы были закончены въ 1900 году, и составленная комиссіею опись архива, печатаясь первоначально въ неофиціальной части «Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (1900—1902 гг.), вышла къ началу 1903 года отдѣльной книгой въ 43 страницы въ листъ, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ «Систематическая роспись». Изданіе это представляетъ, такимъ образомъ, первое полное описаніе герцогскаго архива, во многомъ исправившее и дополнившее опись г. Воен-

скаго, напечатавшаго въ Трудахъ X археологическаго съѣзда переводъ утраченнаго (?) въ настоящее время подобнаго же труда г. Шимана.

При ближайшемъ ознакомленіи съ «Систематическою росписью», мы замѣтили, однако, нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, изъ коихъ, какъ примѣръ, укажемъ здѣсь слѣдующія.

«Герцогскія дѣти» на стр. 21, подъ пунктомъ 11, ошибочно отнесены къ отдѣлу «Герцогъ Фридрихъ-Казимиръ», тогда какъ здѣсь говорится о дѣтяхъ герцога Якова, отца Фридриха-Казимира.

«Перечень документовъ, не найденныхъ при разборѣ герцогскаго архива, изъ числа приведенныхъ въ росписи Шимана (переводъ Военскаго)» не сходится съ указаніями на пропажу, приведенными при документахъ въ самой росписи, также и указанія «перечня» на страницы совершенно не соотвѣтствуютъ страницамъ «росписи», ибо сдѣланы по указателю г. Военскаго, напечатанному въ Трудахъ Рижскаго съѣзда (кстати, отдѣльные оттиски указателя г. Военскаго имѣютъ опять таки особую нумерацію страницъ).

Мы не будемъ говорить о существенномъ недостаткѣ «Систематической росписи»—объ отсутствіи указателя, такъ какъ онъ устраненъ въ новомъ изданіи ея, вышедшемъ въ свѣтъ вскорѣ послѣ изданія «Систематической росписи».

Эта послѣдняя книга, изданная по распоряженію курляндскаго губернатора, Д. Д. Свербеева, представляетъ красивый, въ изящной обложкѣ томъ въ 105 страницъ удобнаго формата 4° и заключаетъ въ себѣ, кромѣ росписи, еще предисловіе, статью г. Дидерихса о герцогскомъ архивѣ (на нѣм. яз.) и алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ.

Въ предисловіи перепечатано сообщеніе комиссіи по разбору архива, напечатанное еще въ 1899 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ», но съ добавленіемъ позднѣйшихъ свѣдѣній о занятіяхъ комиссіи.

Остановимся прежде всего на предисловіи.

Въ первыхъ же строкахъ его повторена ошибка, появившаяся впервые въ «Историческомъ Вѣстникѣ», именно, изданіе Трудовъ археологическаго съѣзда приписано археологической комиссіи (въ Спб.) вмѣсто Московскаго археологическаго общества.

Въ примѣчаніи 2-мъ невѣрно названъ извѣстный трудъ Шимана: Historische Darstellungen und archivalische Studien.

Въ изложеніи «Содержанія герцогскаго архива, по свидѣтельству Ѳ. Шимана», не оговорены ошибки послѣдняго относительно указаній въ подстрочныхъ ссылкахъ на ненайденные документы. Эти невольныя ошибки почтеннаго ученаго объясняются тѣмъ, что нѣкоторые документы были найдены только въ послѣднее время, именно, при разборѣ архива комиссіею.

Повторена также безъ оговорокъ ошибка Ѳ. Шимана относительно герцогини Анны, исправленная уже въ примѣчаніяхъ на стр. 6 «Систематической росписи».

Очень часто собственныя имена читаются различно въ предисловіи и въ самой росписи (срв. Кодровскій и Цедровскій, Холовня Спанскій и Холовня Спасскій, van der Brucht и von der Burcht, Рыбжинскій и Рыбчинскій). Послѣд-

ній годъ правленія герцога Фердинанда Курляндскаго показанъ 1735-мъ годомъ вмѣсто 1737 г.

Послѣ, такъ сказать, официальнаго предисловія помѣщена перепечатка извѣстной статьи члена комиссіи, г. Дидерихса: «Das herzogliche Archiv in Mitau», въ которой авторъ подробно разсказываетъ всѣ мытарства, перенесенныя архивомъ. Полнота изданія значительно выиграла бы, если бы издатели помѣстили еще двѣ статьи перваго изслѣдователя архива, г. Шимана: «Das Urkundenmaterial des herzoglichen Archivs zu Mitau zur Geschichte des Herzogs Jacob» и «Das herzogliche Archiv zu Mitau», помѣщенныя въ его книгѣ «Historische Darstellungen und archivalische Studien».

Текстъ росписи новаго изданія значительно исправленъ сравнительно съ текстомъ «Систематической росписи», какъ въ отношеніи правильности языка, такъ и въ отношеніи всякаго рода погрѣшностей (напримѣръ, указанныхъ нами выше).

Книга заканчивается «Указателемъ личныхъ и географическихъ именъ».

На обложкѣ изображены видъ стараго Митавскаго замка и Курляндскій гербъ.

А. Э. Мальмгренъ.

Переводная литература Московской Руси XIV и XVII вѣковъ. Съ двумя фототипическими снимками. Академика А. И. Соболевскаго. Спб. 1903.

Вполнѣ естественно, что переводная литература и качественно, и количественно всегда и у всѣхъ народовъ стояла выше оригинальной. Это можно наблюдать въ исторіи славянскихъ литературъ древняго періода, въ томъ числѣ и русской. Если и до XVI вѣка переводы съ греческаго охотно читались и переписывались нашими книжниками, то съ этого времени старые переводы теряютъ прежнюю популярность, утрачиваютъ интересъ, и взоры наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ людей, а въ томъ числѣ и правительства, начинаютъ обращаться къ Западу. Новгородъ былъ ближе къ Западу; поэтому переводы съ латинскаго и нѣмецкаго дѣлались здѣсь еще въ XV вѣкѣ. Утративъ политическое значеніе, Новгородъ уступаетъ Москвѣ первенство и въ книжномъ дѣлѣ. Теперь здѣсь сосредоточивается вся переводческая дѣятельность. Максимъ Грекъ, ливонскій пасторъ Веттерманъ, дьякъ Курицынъ, князь Курбскій, цѣлый рядъ чиновниковъ посольскаго приказа и любознательныхъ начетчиковъ дѣятельно переводятъ книги съ классическихъ языковъ, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго, испанскаго и польскаго, пользуясь или голландскими изданіями XVI и XVII вѣковъ, или же готовыми польскими компиляціями.

Особенно дѣятельными оказались переводчики посольскаго приказа. «Они дѣлаютъ все, что имъ велятъ,—характеризуетъ обязанность этихъ чиновниковъ академикъ А. И. Соболевскій,—сопровождаютъ за границу московскихъ пословъ, ѣздятъ туда же гонцами, переводятъ дѣловыя бумаги, переводятъ и книги. Михаилъ Юрьевъ переводитъ книгу о военномъ искусствѣ, Виніусъ—сборникъ басенъ, Руданскій—повѣсть о Милюзинѣ и т. д. Спеціализація имъ

неизвѣстна, и одинъ и тотъ же Гадзаловскій переводитъ и полемическое сочиненіе противъ магометанъ, и книжку о выѣздѣ лошадей. Обыкновенно, это были «иноземцы», какъ тогда говорили, выходцы изъ южной и западной Россіи, поляки, нѣмцы, голландцы, люди съ ничтожнымъ образованіемъ, безъ всякой литературной подготовки, неожиданно для самихъ себя пустившіеся въ литературу. Большинство изъ нихъ совсѣмъ не знаетъ церковно-славянскаго языка, литературнаго языка московской Руси; многимъ даже мало извѣстенъ живой русскій языкъ того времени. И вотъ они переводятъ съ польскаго такъ, что ихъ переводъ не что иное, какъ переписанный русскими буквами польскій оригиналъ; у другихъ мы встрѣчаемся то съ такъ называемымъ бѣлорусскимъ языкомъ, то со смѣшною смѣсью элементовъ церковно-славянскаго, великорусскаго, бѣлорусскаго и польскаго; у третьихъ такой русскій языкъ, что читателю нужно много думать, чтобъ догадаться, что говорится въ иностранномъ оригиналѣ». Книги для перевода рекомендовались, обыкновенно, служилыми иноземцами, при чемъ они обращали вниманіе заказчиковъ на тѣ книги, которыя въ то время были въ ходу и на Западѣ. Здѣсь были рыцарскіе романы, повѣсти западнаго и восточнаго происхожденія, труды по физикѣ и алхиміи средневѣковыхъ ученыхъ, книги по военному дѣлу, по медицинѣ, по коневодству, кулинарному искусству, по сельскому хозяйству, календари, гаданія, наконецъ и беллетристика.

Такимъ образомъ, разница допетровской и петровской переводной литературы получается не большая. Академикъ А. И. Соболевскій отмѣчаетъ лишь то, что съ начала XVIII вѣка польскій языкъ не играетъ уже прежней роли: русскіе грамотеи могли уже обходиться безъ его посредства.

А. И. Яцимирскій.

«Повѣсть о горѣ и злосчастіи, какъ горе-злосчастіе довело молодца въ иноческій чинъ». По единственному списку первой половины XVIII вѣка, найденному А. Н. Пыпинымъ. Спб. 1903.

Несмотря на то, что эта оригинальная русская повѣсть XVII вѣка была открыта около пятидесяти лѣтъ тому назадъ и извѣстна по работамъ Пыпина, Костомарова, Срезневскаго, Буслаева и другихъ ученыхъ, до сихъ поръ она не была издана съ тою точностью, которая была бы желательна для такого рѣдкаго и интереснаго памятника. Теперь она издана факсимиле по рукописи изъ собранія историка Погодина, съ предисловіемъ библіографическаго характера, составленнымъ П. К. Симони. Надо ожидать, что новое изданіе вызоветъ обмѣнъ мнѣній ученыхъ и выяснитъ происхожденіе этой повѣсти, нѣкоторыми своими чертами напоминающей лучшія произведенія русскаго былевого эпоса. Достаточно познакомиться съ ея содержаніемъ, чтобы убѣдиться въ важности этого драгоцѣннаго беллетристическаго произведенія стараго времени.

Начинается она «отъ Адама», традиціоннымъ разсказомъ о сотвореніи міра и прельщеніи первыхъ людей, которые съѣли плодъ «отъ винограднаго

дивнаго дерева». За это Богъ попустилъ скорби великія на весь человѣческій родъ, и герой повѣсти является одной изъ жертвъ грѣхопаденія Адама и Евы. Молодой человѣкъ не слушалъ «добрыхъ, хитрыхъ и мудрыхъ пословицъ» своихъ родителей и сталъ водиться съ головами кабацкими. Очень интересно описаніе сцены паденія молодца. Наживъ пятьдесятъ рублей, онъ завелъ себѣ пятьдесятъ друзей, а одинъ изъ нихъ сдѣлался ему братомъ названымъ, сталъ прельщать его рѣчами прелестными, зазвалъ его на кабацкій дворъ, поднесъ ему чару зелена вина, кружку пива пьянаго да меду сладкаго. Соблазнъ былъ великъ тѣмъ болѣе, что новый другъ обѣщалъ смотрѣть и беречь новопосвящаемаго гуляку. Понадѣялся онъ на своего брата названаго, не хотѣлось ему друга ослушаться, и принимался онъ за питья за пьяныя. А гдѣ упился безъ памяти, тамъ и спать ложился. Только поздно вечеромъ, когда солнце было на западѣ, пробуждается молодецъ и видитъ—дорогіе порты и чулочки, все съ него слуплено и ограблено, а подъ буйную его голову кирпичикъ положенъ. На него накинута «гунка кабацкая», въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки, а друга и слѣдъ простылъ. Закручинился онъ, такъ какъ не стало у него ни полденьги, родъ и племя отъ него отчужаются, всѣ друзья прочь отпираются. Стыдно ему домой показаться, и ушелъ молодецъ на чужую сторону.

Здѣсь онъ попадаетъ въ высокій теремъ къ гостинымъ людямъ, которые приняли его, обласкали и пировать усадили. Всѣ гости веселятся-похваляются, одинъ онъ сидитъ невеселъ-нерадостенъ: мучитъ его совѣсть за ослушаніе родительское. На вопросъ о причинахъ грусти гость разсказываетъ о своей прежней жизни и проситъ совѣта, какъ ему на чужой сторонѣ получше устроиться. Тѣ ему говорятъ, что не слѣдуетъ быть спесивымъ, другу и недругу нужно покоряться, старому и молодому поклониться, не имѣть повадки важной, не виться змѣею лукавой и т. д. Послушавшись совѣта, молодецъ сталъ жить умѣючи, нажилъ много животовъ и задумалъ уже жениться, какъ вдругъ опять горе-злосчастье является и говоритъ ему, что не уйти ему изъ его, горя, власти. Здѣсь слѣдуетъ большое разсужденіе на тему о счастьѣ въ «босячествѣ». Не удается молодцу вернуться къ родителямъ, никуда не можетъ уйти онъ отъ горя, и только иноческое постриженіе спасаетъ его отъ преслѣдованія злого рока.

Помимо чисто художественныхъ красотъ, не уступающихъ былинному складу, повѣсть интересна и въ бытовомъ отношеніи, какъ иллюстрація старинной русской кабацкой жизни. А. И. Яцимирскій.

В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. I—V. Спб. 1903.

Въ своей докторской диссертаціи профессоръ В. Н. Перетцъ прекрасно доказалъ, что литература виршъ, начавшаяся въ концѣ XVI вѣка, постепенно захватывала все большій кругъ вліяній и внѣдрялась въ народную жизнь. Результатомъ этого процесса было то, что народная поэзія у малоруссовъ не

знаетъ пѣсни безъ риѳмы. Въ то же время замѣчается упадокъ малорусскихъ пѣсенъ. Въ XVII вѣкѣ мы находимъ еще сборники виршъ, куда внесены были пѣсни историческія, но съ начала XVIII вѣка такія пѣсни почти исчезаютъ и уступаютъ мѣсто любовнымъ. Интересно, между прочимъ, что малорусскіе любовные романсы были въ большой модѣ среди столичной интеллигенціи начала XIX вѣка. Среди драматическихъ произведеній князя А. А. Шаховского (1777—1846) есть опера-водевиль «Казакъ-стихотворецъ», представленная въ 1812 году на собственной половинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, выдержавшая нѣсколько изданій при жизни автора и недавно переизданная А. С. Суворинымъ. Герой этой пѣсни—казакъ Климовскій. Онъ является съ поля битвы на родину какъ разъ въ то время, когда его невѣсту Марусю хотятъ выдать замужъ насильно за тысяцкаго Прудіуса. Онъ спасаетъ Марусю, и водевиль оканчивается свадьбой казака-поэта.

Кто же такой былъ этотъ казакъ, выведенный въ пьесѣ Шаховского и внесенный въ «Пантеонъ русскихъ авторовъ»? Н. И. Новиковъ сообщаетъ, что «малороссійскій казакъ Климовскій сочинилъ книгу «О правдѣ и великодушіи добродѣтелей, стихами», 1724 года: сія книга рукописная хранится въ императорской библіотекѣ». Нѣсколько больше говоритъ о немъ Н. М. Карамзинъ въ «Пантеонѣ русскихъ авторовъ» Бекетова, гдѣ приложенъ даже портретъ казака-стихотворца (по всей вѣроятности, фантастическій): «Климовскій Семенъ, малороссійскій казакъ. Жилъ около 1724 года. Казакъ и стихотворецъ... Сказываютъ, что Климовскій не менѣе семи греческихъ мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями-казаками, что онъ, какъ вдохновенная Пиѳія, говаривалъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, давалъ пріятелямъ благоразумные совѣты, твердилъ часто пословицу: намъ добро и никому зла—то законное житье. И любопытные приходили издалека слушать его. Малороссійская пѣсня «Не хочу я никого, кромѣ тебя одного», которую поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, ученика природы, къ сожалѣнію, недоученнаго искусствомъ. Авторы Россіи, здѣсь изображенные! не стыдитесь видѣть его въ вашемъ обществѣ!» В. Н. Перетцъ собралъ всю литературу вопроса, но она оказывается недостаточною для того, чтобы рѣшить, былъ ли Климовскій дѣйствительно современникомъ Петра I и его войнъ, въ которыхъ немалое участіе пришлось принять и малорусскому казачеству, или онъ—лицо вымышленное. Положительно извѣстно только то, что пѣсня: «Ѣхалъ казакъ за Дунай, сказалъ дѣвчинѣ: прощай!» была очень популярна въ началѣ XIX вѣка, приписывалась казаку поэту Климовскому и была внесена Шаховскимъ въ его оперу-водевиль.

Изъ другихъ статей профессора Перетца отмѣтимъ разборъ пѣсни «Ахъ, ушли мои лѣта», приписываемой извѣстному философу-мистику и стихотворцу Г. С. Сковородѣ. По мнѣнію автора, эта покаянная пѣсня была взята Сковородой изъ какого нибудь стариннаго псалма, при чемъ подверглась переработкѣ.

А. И. Яцимирскій.

Fürstinn Schachowskoy-Gleboff-Streschneff. (Mit Vorwort von Pr. Kuno Fischer). Drei russische Frauengestalten. Heidelberg. C. Winters Verlag. 1903.

Книга эта, изящно изданная, заключаетъ въ себѣ три біографіи, написанныя княгиней Шаховской въ прославленіе выдающихся своихъ предковъ— Степана Глѣбова, княгини Екатерины Романовны Дашковой и статсъ-дамы Елисаветы Петровны Стрѣшневой, въ замужествѣ Глѣбовой.

Біографіи эти первоначально напечатаны въ «Nouvelle Revue», подъ псевдонимомъ Н. Славскаго.

Первая біографія «Развѣнчанная царица» сжато и не безъ таланта описываетъ судьбу Евдокіи Лопухиной, охлажденіе къ ней Петра, заключеніе ея въ Суздальскій монастырь и романтическую исторію случайнаго сближенія ея съ богачемъ-красавцемъ, майоромъ, Степаномъ Глѣбовымъ, прибывшимъ въ Суздаль для набора рекрутъ.

Какъ извѣстно, обвиненіемъ противъ Глѣбова послужили письма «инокини Елены», у него найденныя Писаревымъ, присланнымъ отъ разгнѣваннаго царя для производства слѣдствія; несмотря, однако же, на пытки и мучительную казнь, длившуюся трое сутокъ, у Глѣбова не вырвалось ни единаго признанія, опорочивающаго Евдокію.

Что касается самой царицы, то, несмотря на постригъ, жила она въ Суздальскомъ монастырѣ открыто, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ партіей недовольныхъ смѣлыми начинаніями вѣнценоснаго Преобразователя и не разъ похвалялась предсказаніями архіерея Досиѳея, будто по смерти Петра ей предстоитъ царствовать съ потомствомъ.

Кн. Шаховская оставляетъ въ тѣни и даже не касается государственныхъ причинъ, которыя роковымъ образомъ должны были побудить царя отнестись къ инокинѣ Еленѣ столь же неумолимо, какъ впослѣдствіи къ царевичу Алексѣю. Зато кн. Шаховская, пожалуй, съ излишними подробностями останавливается на казняхъ, сопровождавшихъ сыскъ надъ царицею Евдокіею и производившихся предъ окнами ея келліи; сестра ея княгиня Анастасія Троекурова была бита кнутомъ, царевна Марія заключена въ Шлиссельбургъ, а сама «инокиня Елена» была сослана въ полуразвалившійся отъ ветхости Ладожскій монастырь, гдѣ перенесла немало лишеній, до голода и холода включительно, и послѣ слезныхъ многолѣтнихъ моленій была перемѣщена въ Шлиссельбургскую крѣпость. Только по воцареніи Петра II въ 1729 г. получила она освобожденіе и въ свѣтскомъ царственномъ уборѣ участвовала въ коронованіи внука, такъ что до нѣкоторой степени пророчество Досиѳея оправдалось въ дѣйствительности. Поселившись въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, царица пережила смерть внука и вступленіе на престолъ племянницы Анны Іоанновны и внезапно скончалась 27 августа 1731 года.

Новаго для русскихъ читателей кн. Шаховская ни о своемъ предкѣ Глѣбовѣ, ни о царицѣ Евдокіи не сообщаетъ, такъ какъ разсказъ ея основывается на слѣдственномъ дѣлѣ о Глѣбовѣ и развѣнчанной царицѣ, напечатанномъ Устряловымъ, на «Запискахъ» леди Рондо, герцога Лиріи и пр.

На столь же извѣстныхъ и доступныхъ въ первоисточникахъ русскимъ читателямъ матеріалахъ построена и вторая біографія «Другъ Екатерины II». Описавъ участіе Е. Р. Дашковой въ переворотѣ 1762 г., исторію ея столкновеній съ всесильнымъ Гр. Орловымъ, кн. Шаховская подробно останавливается на отношеніяхъ кн. Екатерины Романовны къ мужу и сыну, рисующихъ ее прекрасною семьянинкою. Прочувствованныя страницы посвящены опалѣ, постигшей кн. Дашкову въ царствованіе Павла Петровича, и предстательству за нее со стороны императрицы Маріи Θеодоровны и фрейлины Нелидовой. Подробно и съ большимъ сочувствіемъ описаны послѣдніе годы кн. Дашковой, когда, потерявъ сына, она свою энергію и сердечное чувство посвятила пѣстованію поселившейся съ нею въ деревнѣ миссъ Вильмотъ (племянницы близкой пріятельницы кн. Дашковой леди Гамильтонъ). Возвращеніе миссъ Вильмотъ въ Ирландію предъ ожидавшеюся между Франціею и Англіею войной и возроставшимъ осложненіемъ отношеній Наполеона къ Александру I омрачило послѣдніе мѣсяцы одинокой жизни княгини, которая, какъ извѣстно, скончалась 4 января 1810 года.

Наибольшую новинку и бытовой интересъ для русской публики представляетъ характеристика прабабки автора, Елисаветы Петровны Глѣбовой, не игравшей въ исторіи замѣтной роли, но представлявшей цѣльный типъ русской барыни добраго стараго времени.

Дочь кіевскаго генералъ-губернатора Стрѣшнева, сильно избалованная души въ ней нечаявшимъ отцомъ, перенесшимъ на нее любовь къ женѣ, удалившейся изъ міра въ монастырь и принявшей постриженіе, Елисавета Петровна была пріятельницею дѣтскихъ игръ цесаревича Павла, по собственному выбору и сердечному влеченію вышла замужъ за генерала Θедора Ивановича Глѣбова (на 30 лѣтъ старше ея годами) и рано овдовѣла. Потерявъ затѣмъ обоихъ сыновей: Петра, красавца-гусара, и Дмитрія, она проживала то въ своихъ вотчинахъ, то въ Москвѣ и оставалась убѣжденною носительницею добрыхъ преданій русскаго барства, послѣ смерти бездѣтнаго богача двоюроднаго брата она отказалась возбудить процессъ о безспорныхъ правахъ на родовое по немъ наслѣдіе, на томъ основаніи, что «въ нашемъ роду никто сутяжничествомъ не занимался». Въ другой разъ, заложивъ свои ярославскія имѣнія, чтобы спасти отъ банкротства пріятельницу, графиню Пушкину, и впослѣдствіи встрѣтивъ серьезныя затрудненія въ погашеніи долга ломбарду, Елисавета Петровна рѣзко отклонила предложеніе управляющаго увеличить съ крестьянъ оброкъ, находя это вопіющей несправедливостью.

Внучекъ (дочерей старшаго сына Петра) она, несмотря на свое богатство, воспитала по-спартански изъ принципа, сознавая, насколько баловство отца въ свое время ей повредило, сдѣлавъ ее барышнею притязательною и капризною; спартанство это шло такъ далеко, что дѣвочки не знали другого одѣянія, какъ простенькіе халатики, и при неожиданномъ пріѣздѣ въ Покровское вел. кн. Елены Павловны дѣвочекъ пришлось украдкою въ саду переодѣвать въ разрозненныя части туалета бабки.

Какъ далеко шла Елисавета Петровна въ своей своеобразной гордости, всего характернѣе сказалось въ двухъ случаяхъ.

Благоволившая къ ней вдовствующая императрица Марія Θеодоровна въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву стала пенять ей, что та никогда ни о чемъ ни у ней, ни у государя не попроситъ для внучатъ. На это Глѣбова отвѣчала, что они и безъ того ея внучата и по ней наслѣдники, и послѣ наступившаго молчанія попросила своему пріемышу, безвѣстному калмыченку Ивану, открыть карьеру чрезъ производство въ офицеры, что̀ и было милостиво исполнено.

Позднѣе, уже въ царствованіе Николая Павловича, когда при опредѣленіи въ военную службу ея внука Θеодора отъ него потребовали обычные документы—это возмутило горделивую статсъ-даму, и она коротко и ясно объявила, что никакихъ документовъ не дастъ и выправлять не станетъ: «Въ бумагахъ и паспортѣ мой внукъ не нуждается, ихъ можно требовать отъ булочнаго подмастерья»,—отвѣчала она пріѣхавшему съ объясненіями по этому поводу полковому командиру изъ нѣмцевъ. Всего курьезнѣе было то, что, когда о гнѣвной выходкѣ статсъ-дамы дошло до свѣдѣнія Николая Павловича, онъ приказалъ внука ея принять въ полкъ безъ всякихъ документовъ.

За смертью остальныхъ внучатъ Наталія Петровна, мать автора, осталась единственною продолжательницею родовъ Глѣбовыхъ и Стрѣшневыхъ; любимцу императора Николая Павловича, молодому генералу, покрытому въ бояхъ славою и ранами, влюбившемуся въ Наташу и попросившему ея руки, Елисавета Петровна отвѣчала характернымъ отказомъ: «Не мнѣ, а царю слѣдуетъ награждать инвалидовъ».

Уже по кончинѣ бабки вышла Наталія Петровна замужъ за князя Михаила Шаховскаго, которому и разрѣшено было въ 1864 г. для сохраненія въ потомствѣ памяти объ угасшихъ въ мужскомъ колѣнѣ родахъ Глѣбовыхъ и Стрѣшневыхъ присоединить родовое ихъ имя къ своему.

Общее впечатлѣніе, производимое безпритязательными, но живыми разсказами кн. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой, пріятное, и такой компетентный судья, какъ проф. Куно Фишеръ съ полнымъ основаніемъ могъ рекомендовать ихъ вниманію нѣмецкой публики. В. Ш.

Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе второе. Спб. 1903.

Прочитавъ вышеприведенное заглавіе, я сталъ искать на обложкѣ книги словъ: «переводъ съ нѣмецкаго», но, къ изумленію своему, не нашелъ. Сталъ читать предисловіе--тоже не видно, чтобы это была книга, переведенная съ нѣмецкаго, хотя языкъ предисловія походилъ на плохой переводъ съ нѣмецкаго. Просмотрѣвъ, наконецъ, самую книгу, я пришелъ къ окончательному убѣжденію, что это — переводъ съ нѣмецкаго, и притомъ переводъ, сдѣланный человѣкомъ, плохо владѣющимъ русскою литературною рѣчью. Пусть читатель судитъ самъ по первой попавшейся на удачу выдержкѣ. Стр. 256: «Въ глазахъ массъ, оставшихся внѣ работы критической мысли или даже внѣ исторіи, придавала католицизму значеніе и силу вся совокупность наслѣдства анимизма, колдовства или даже еще болѣе древнихъ пріемовъ обезпечить себѣ удачу и разгадать знаменіе наслѣдства, усвоеннаго католицизмомъ и вошед-

шаго въ его традицію, или какъ признанный Римомъ элементъ демонологіи, или даже какъ элементъ церковной мистической магіи». Или стр. 334: «Когда впервые принципъ универсализма изъ сферы личныхъ соображеній мыслителей и изъ школъ философіи перешелъ въ форму аффективнаго влеченія массъ, тогда ни громадный слой фантастическаго и мистическаго матеріала, сперва связанный съ этимъ принципомъ ходомъ событій, ни многочисленныя противорѣчія въ формѣ постановки вопроса объ этомъ универсализмѣ, ни его невозможныя требованія игнорировать или подавить естественныя влеченія и насущные интересы,—не могли уже помѣшать той широкой эволюціи, которую этотъ принципъ заключалъ въ себѣ, какъ необходимое слѣдствіе».

Представьте мое изумленіе, когда въ концѣ концовъ мнѣ пришлось убѣдиться въ ошибочности своего «убѣжденія» относительно нѣмецкаго происхожденія разбираемой книги. По наведеніи тщательныхъ справокъ въ самыхъ полныхъ нѣмецкихъ библіографіяхъ, такой книги не появлялось на нѣмецкомъ языкѣ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякаго указанія въ самой книгѣ на ея переводное происхожденіе, а равно и неоднократныя ссылки автора на различныхъ русскихъ писателей,—все это заставляетъ признать въ «Задачахъ пониманія исторіи»—«оригинальное русское произведеніе»..., съ которымъ во всякомъ случаѣ не приходится поздравить русскій языкъ и русскаго читателя, которому за цѣлковый съ четвертью предлагается удовольствіе «проперетъ» 340 страницъ текста, «строго выдержаннаго» въ томъ стилѣ, образчики котораго нами выше приведены.

Крайняя неудобопонятность изложенія г. Арнольди обусловливается, повидимому, не только тѣмъ, что онъ (или она?) не обладаетъ даромъ выражаться правильно и удобопонятно, но, повидимому, еще и тѣмъ, что самому автору какъ будто многое неясно въ его собственныхъ мысляхъ. Это, впрочемъ, и понятно, если принять во вниманіе, что «собственныя мысли» почерпнуты имъ не столько изъ своей собственной головы, сколько изъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ источниковъ, которыхъ однако, авторъ, очевидно изъ скромности, по большей части, совсѣмъ не цитируетъ, хотя и сознается чистосердечно въ своей «зависимости отъ предшественниковъ». «И само собою разумѣется (почему же, однако, это само собою разумѣется?), что почти во всѣхъ главахъ этого труда самою большею (sic!) частью того, что въ немъ встрѣтитъ читатель, авторъ обязанъ многимъ историкамъ и мыслителямъ, какъ иностраннымъ, такъ и русскимъ, которые или прямо и опредѣленно высказали ту или другую мысль, здѣсь повторенную, или навели на нее автора. Для послѣдняго было всего менѣе важно отличить то, что можно здѣсь встрѣтить новаго и оригинальнаго, отъ того, чѣмъ онъ обязанъ предшественникамъ».

То, чѣмъ всего менѣе обязанъ авторъ своимъ предшественникамъ, это, безспорно, его русскій языкъ, похожій, какъ двѣ капли воды, на подстрочный переводъ съ нѣмецкаго. Въ этомъ — главная оригинальность произведенія г. (или г жи) Арнольди. Но это «оригинальное», увы!—далеко не ново.

X. Y. Z.

Л. Н. Майковъ. Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Александренко. Спб. 1903.

Въ концѣ декабря 1731 года, Кантемиръ былъ назначенъ офиціальнымъ представителемъ Россіи въ Лондонѣ. Въ это время онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ: ему было около 23 лѣтъ. Прекрасно образованный, способный, изучившій нѣсколько языковъ и постоянно стремившійся въ Западную Европу для довершенія своего образованія, Антіохъ Димитріевичъ съ радостію принялъ назначеніе и, живя въ Лондонѣ съ 1732 по 1738 годъ, среди своихъ служебныхъ дипломатическихъ занятій, постоянно интересовался современной наукой, литературой и искусствомъ. Онъ свелъ знакомство съ нѣкоторыми итальянцами, англичанами и французами, читалъ въ подлинникахъ произведенія классическихъ писателей этихъ народовъ, и только переѣздъ въ Парижъ, а затѣмъ смерть, послѣдовавшая 31 марта 1744 года, помѣшали первому русскому сатирику дать русской литературѣ такія произведенія, которыя несомнѣнно поставили бы ихъ автора въ ряду первостепенныхъ европейскихъ талантовъ.

Академія наукъ издала обширную переписку Кантемира, собранную въ англійскихъ и русскихъ архивахъ покойнымъ Л. Н. Майковымъ. Изъ нея мы узнаемъ, что Кантемиръ состоялъ въ перепискѣ съ очень многими извѣстными дѣятелями, артистами и писателями. Здѣсь находимъ такія имена, какъ кн. Н. А. Щербатовъ, гр. А. Г. Головинъ, гр. Г. И. Головнинъ, герцогъ І. Биронъ, гр. А. И. Остерманъ, кн. Н. Ю. Трубецкой, бар. І. А. Корфъ, кн. А. И. Черкасскій, гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, В. Н. Татищевъ, А. К. Нартовъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, де-Шевиньи, Делиль, гр. Левенвольде, лордъ Гаррингтонъ, Жандренъ, Замбони, Амикони, маркиза Леонконсель, Пуччи, гр. Лестокъ и другія лица. Кромѣ офиціальныхъ донесеній, въ этихъ письмахъ сохранились очень интересныя подробности, рисующія домашнія дѣла автора писемъ, его отношенія къ мачехѣ и братьямъ, культурные запросы самого Кантемира, нѣкоторыя литературныя новости, волновавшія Западную Европу того времени, и т. д. Изъ этихъ подробностей приведемъ, напримѣръ, слѣдующую. Въ ноябрѣ 1735 года Кантемиръ пишетъ герцогу Бирону, что ревность къ прославленію государыни осмѣлила его издать приложенный къ письму портретъ ея величества. «Народъ аглицкой,—прибавляетъ Кантемиръ,—слыша ея императорскаго величества героическіе поступки, жадно принялъ случай, чтобъ видѣть изображеніе слабое такой монархини, и понеже мнѣ кажется, что художнику удалось подобіе высочайшаго лица, смѣлость пріемлю одинъ экземпляръ къ вашему сіятельству прислать съ покорнѣйшимъ прошеніемъ, чтобъ оный ея императорскому величеству соизволили поднесть, яко малѣйшій знакъ моего рабскаго почтенія. Если оный будетъ угоденъ, прошу мнѣ извѣстіе милостивое учинить, чтобъ чрезъ предбудущую весну на корабляхъ прислалъ столько листовъ, сколько вашему сіятельству будетъ угодно».

Къ русскому послу не разъ обращались съ «партикулярными» просьбами, и онъ долженъ былъ отвѣчать на нихъ соотвѣтствующей «сатисфакціей».

Графъ А. И. Остерманъ просилъ, напримѣръ, прислать математическіе инструменты, необходимые для обученія своихъ дѣтей. «Не могучи положиться въ выборѣ и покупкѣ оныхъ на какого купца въ Англіи,—пишетъ Остерманъ,— утрудилъ я господина профессора Гросса, чтобъ онъ чрезъ обрѣтающагося при вашей свѣтлости брата его оные инструменты приказалъ выбрать и купить и, уклавъ бережно, дабы въ пути не повредилися, отправить на первомъ отходящемъ кораблѣ съ добрымъ шхиперомъ съ прямымъ адресомъ на имя мое, подписавъ, что суть математическіе инструменты». Письмо помѣчено 7 мая 1737 года. Черезъ два года тотъ же Остерманъ «утруждаетъ» Кантемира другой «комиссіей», въ которой никто другой ему помочь не можетъ. «Оная состоитъ въ томъ,—сообщаетъ авторъ письма:—переняль я на себя по прошенію нѣкоторой дамы, которой я ни въ чемъ отказать не могу, изъ Франціи для нея выписать и поставить сюда въ Петербургъ прежде 10 числа предбудущаго мая по старому штилю два штофы, самые новомодные, одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ, такіе, какіе тамошнія придворныя знатнѣйшія дамы носятъ и употребляютъ, на два дамскія придворныя платья. Оная дама brunette, о чемъ для того доношу, понеже потому обыкновенно тѣ цвѣты выбираются, которые brunett'амъ вящше пристали... Желается, чтобъ были неубогіе, казистые и самоновомодные, но при томъ безъ дикихъ смѣшныхъ или очень арлекинскихъ фигуръ или лицъ, ибо оная дама къ такимъ дикимъ фигурамъ склонности не имѣетъ и хотя богатое и казистое платье любитъ, однакоже, чтобъ при томъ чинно и постоянно было». Въ нѣкоторыхъ письмахъ Кантемиръ сообщаетъ о политическихъ и литературныхъ новостяхъ, проситъ выслать ему книги, иногда говоритъ о писателяхъ и художникахъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ Лондонѣ, и т. д. Отмѣтимъ, между прочимъ, одну фразу изъ письма его къ кн. А. М. Черкасскому отъ 1 октября 1736 года, напоминающую извѣстное мѣсто въ началѣ сатиры «Къ уму моему». «Я чаю,—пишетъ Кантемиръ,—ваше сіятельство не надѣялся при семъ найти тетрадку стиховъ, понеже ни должность моя, ни состояніе, которое не больно веселое, не позволяли упражняться въ такой забавѣ. Но ея императорскаго величества послѣднія благополучныя дѣйства противу непріятелей христіанства и моихъ партикулярныхъ понудили къ перу мои руки и заставили дѣлать то, чего 5 лѣтъ не дѣлалъ». Очень жаль, что во всѣхъ письмахъ Кантемиръ очень мало говоритъ о своихъ собственныхъ литературныхъ работахъ.

А. И. Яцимирскій.

Описаніе рукописей князя Павла Петровича Вяземскаго. Спб. 1903.

Безвѣстный пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» вдохновлялъ очень многихъ русскихъ поэтовъ и ученыхъ. Ученые поражались красотой художественныхъ образовъ «Слова» и дѣлались поэтами; а поэты должны были изучать древнерусскую исторію, читать лѣтописи, заниматься старымъ русскимъ языкомъ, однимъ словомъ, вдохновленные древней поэмой объ Игорѣ, наши поэты дѣлались настоящими филологами. Этотъ великолѣпный памятникъ старой дружин-

ной поэзіи произвелъ сильное впечатлѣніе на молодого тогда кн. П. П. Вяземскагб. Онъ заинтересовался русской стариной, полюбилъ ее и понялъ, позднѣе основалъ Общество любителей древней письменности и началъ собирать рукописи. Небольшая случайная коллекція скоро разрослась въ огромную библіотеку въ нѣсколько сотенъ рѣдкихъ экземпляровъ. Послѣ смерти собирателя его книжныя сокровища были приведены въ порядокъ, описаны, а недавно это описаніе было издано тѣмъ же Обществомъ въ память двадцатипятилѣтія со дня его основанія.

Интересное предисловіе къ «Описанію» написано гр. Г. С. Шереметевымъ. Здѣсь указывается на значеніе періода жизни покойнаго Вяземскаго на Востокѣ для историческихъ и археографическихъ занятій. По словамъ автора предисловія, «живя вблизи сокровищъ Аѳона и подъ сѣнію св. Софіи Царьградской, Вяземскій плѣненъ былъ Востокомъ, съ его драгоцѣнными художественными памятниками, съ его міромъ искусства, со всею красотою византійской церковности, съ ея историческими преданіями, всѣмъ глубоко назидательнымъ поэтическимъ міромъ сказаній и былинъ, всею художественною обрядностью православной церкви. Пытливый духъ его не зналъ покоя, а продолжительное пребываніе среди восточнаго древняго міра, изощряя взоръ его, увлекало его въ поискахъ о началахъ Руси, въ связи съ этимъ притягательнымъ, таинственнымъ Востокомъ. Путешествія его по Греціи оставили слѣдь въ его любопытныхъ «письмахъ». Такими же интересными оказались замѣтки Вяземскаго, сдѣланныя имъ на пріобрѣтенныхъ рукописяхъ. По нимъ можно прослѣдить кругъ историко-литературныхъ интересовъ князя, его разностороннія знанія, взглядъ на нѣкоторые вопросы старой нашей письменности и т. д.

Перечислить всѣ рукописи или указать на болѣе важныя изъ нихъ не представляется возможности, потому что каждая изъ рукописей сама по себѣ очень интересна. Особенной полнотой отличается отдѣлъ «хронографовъ», русскихъ историческихъ компиляцій, обнимающихъ событія всемірной исторіи до XVI вѣка. Затѣмъ слѣдуютъ «родословныя» со свѣдѣніями о старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамиліяхъ, челобитныя, лѣтописи, богословскія сочиненія, повѣсти, романы и сказанія беллетристическаго характера, географіи, путешествія и т. д. Надъ составленіемъ «Описанія» и указателей работали литературные друзья покойнаго: Н. П. и А. П. Барсуковы, Х. М. Лопаревъ, С. В. Смоленскій, Н. В. Тимоѳеевъ, и дочери Вяземскаго: гр. Е. П. Шереметева и А. П. Сипягина.

Изданіе такой книги является лучшимъ выраженіемъ долга по отношенію къ памяти почившаго основателя Общества любителей древней письменности.

А. И. Яцимирскій.

В. Шенрокъ. Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей. Варшава. 1903.

Извѣстно, какое впечатлѣніе оказывали всѣ произведенія Гоголя на современниковъ сейчасъ же по выходѣ въ свѣтъ. Особенно сильно было вліяніе оригинальнаго Гоголя на ближайшее литературное поколѣніе. Г. Шенрокъ ду-

маетъ, что «если вслѣдъ за Гоголемъ корифеи сороковыхъ годовъ создали цѣлую натуральную школу, имѣвшую огромное значеніе въ литературѣ, то въ отношеніи второстепенныхъ писателей, съ менѣе сильнымъ талантомъ, можно указать слѣды иногда даже рабскаго ученичества. Здѣсь, разумѣется, смотря по автору и силѣ его таланта, не могло не быть разныхъ степеней и оттѣнковъ отъ едва уловимаго и не всѣмъ замѣтнаго сходства до очевидностей копировки. Въ своихъ воспоминаніяхъ Анненковъ передаетъ, съ какимъ неудовольствіемъ Гоголь принялъ извѣстіе о томъ, что Гребенка рабски ему подражаетъ».

Авторъ останавливается пока только на одномъ Григоровичѣ и говоритъ, что въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности покойный беллетристъ «ученически относился» къ Гоголю. Иллюстраціей этой мысли служатъ параллельныя фразы изъ «Проселочныхъ дорогъ» и изъ «Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», изъ «Неудавшейся жизни» и «Портрета», изъ «Свистулькина» и «Носа», изъ «Капельмейстера Сусликова» и «Шинели», изъ «Антона Горемыки» и «Сорочинской ярмарки» и т. д. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ г. Шенрокомъ фразъ дѣйствительно обнаруживаютъ невольное вліяніе Гоголя на Григоровича. Что же касается общихъ мѣстъ, то въ большинствѣ случаевъ г. Шенрокъ не правъ: онъ упустилъ изъ виду психологическій процессъ самостоятельнаго зарожденія одинаковыхъ мыслей и одинаковыхъ выраженій у писателей разнаго времени и разныхъ національностей. Въ особенности слаба та часть работы г. Шенрока, гдѣ онъ говоритъ, будто Григоровичъ подражалъ Гоголю даже въ названіяхъ отдѣльныхъ главъ. Мы можемъ напомнить критику такія же длинныя заглавія, обычныя и у старинныхъ русскихъ писателей, и у англійскихъ романистовъ. Болѣе удачны наблюденія автора надъ юморомъ у этихъ двухъ писателей, хотя подборъ комическихъ календарныхъ именъ у Григоровича (Мамельфа, Евтихій и Евпсихій—«Лотерейный балъ») могъ быть вызванъ самостоятельно и не имѣетъ ничего общаго съ гоголевскими «Трифиліемъ, Дулой и Варахасіемъ» изъ начала «Шинели».

А. Я.

Петровская учебная выставка въ память двухсотлѣтія С.-Петербурга, устроенная въ залѣ Технологическаго института 14—19 мая 1903 года. Спб. 1903.

Среди выставокъ, устроенныхъ въ память державнаго основателя С.-Петербурга, обращала на себя вниманіе своей оригинальностью, систематичностью и научностью «Петровская учебная выставка». Обширный историческій отдѣлъ долженъ былъ наглядно показать состояніе школьнаго и отчасти книжнаго дѣла Петровской эпохи. Экспонаты для историческаго отдѣла были доставлены изъ библіотеки академіи наукъ, изъ синодальнаго архива, Московской духовной академіи, изъ коллекцій В. Н. Рогожина, И. И. Ваулина, А. В. Петрова, В. Р. Апухтина, П. К. Симони и другихъ. Общее завѣдываніе историческимъ отдѣломъ принадлежало академику А. И. Соболевскому. Интересное предисловіе къ описанію выставки составлено А. И. Яцимирскимъ. Авторъ ду-

маетъ, что на направленіи школьнаго дѣла при Петрѣ отразилось, вѣроятно, то, что воспитаніе самого Петра отмѣчено практическимъ характеромъ. «Дьякъ Зотовъ училъ любознательнаго мальчика по наглядному способу. Онъ показывалъ Петру книги «въ лицахъ», «съ кунштами зданій», «взятіе городовъ и боевъ», «великіе корабли и дѣла военныя». Уроки Зотова состояли въ объясненіи такихъ картинъ. Книжное ученіе смѣнялось играми: потѣшное войско и неуклюжій ботикъ были въ миніатюрѣ тѣмъ, что впослѣдствіи такъ сильно занимало Петра. За границей Петра привлекало все, что можно было примѣнить на дѣлѣ въ молодой Россіи. Плотникъ, кузнецъ, токарь, хирургъ, химикъ, математикъ, коллекціонеръ, морякъ, полководецъ, администраторъ, дипломатъ, переводчикъ и корректоръ, казалось, не было области знанія и ремесла, въ которой Петръ не испробовалъ бы свои силы и умѣнье, — царь преобразователь былъ въ то же время и просвѣтителемъ». Справедливость такого взгляда доказывается хотя бы характеромъ тѣхъ книгъ, которыя служили учебниками и руководствами въ созданныхъ Петромъ I школахъ и были собраны для выставки.

Здѣсь мы находимъ «Книги о способахъ, творящихъ водохожденіе рѣкъ свободное» (М., 1708), «Новое голландское корабельное строеніе, чрезъ Карлуса Аллерда» (М. 1709), «Пріемы циркуля и линейки или избраннѣйшее начало во математическихъ искусствахъ» (М., 1709), «Новое крѣпостное строеніе» (М., 1709), «Повѣренныя воинскія правила, какъ непріятельскія крѣпости силою брати, барона фонъ-Боргсдорфа» (М., 1709), «Новѣйшее основаніе и практика артиллеріи» (М., 1710), «Географія генеральная, преведена съ латинскаго языка на россійскій» (М., 1718), «Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи, по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное» (М., 1719), затѣмъ слѣдуютъ «Воинскіе уставы», «Инструкціи и артикулы военные», «Грамматики» и т. д. Для того, чтобы показать состояніе школьнаго дѣла въ допетровское время, были собраны «лекціи» наставниковъ Московской греко-латино-славянской академіи, конца XVII вѣка, братьевъ Лихудовъ, Ѳеофилакта Лопатинскаго и Стефана Прибыловича, на латинскомъ и греческомъ языкахъ, «Букварь» Ѳеодора Поликарпова съ изображеніемъ русской школы XVII вѣка и сценами изъ жизни школьниковъ (отвѣтъ урока, «порка» провинившагося ученика и т. д.), составленная А. И. Яцимирскимъ «Хронологическая схема состоянія школьнаго дѣла при Петрѣ I параллельно съ статистическими данными объ училищахъ С.-Петербурга въ 1902—1903 годахъ» и многое другое. Кромѣ того, были интересны документы изъ государственнаго архива: открытый листъ, выданный по указу Петра Великаго самому себѣ на поѣздку за границу; патентъ Петра Великаго на званіе корабельнаго мастера, на голландскомъ языкѣ, выданный ему въ Голландіи въ 1698 году, наконецъ портреты дѣятелей просвѣщенія петровскаго времени: самого Петра, его сподвижниковъ и современниковъ, картины событій изъ его царствованія, виды и планы стараго Петербурга.

В. Н.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1903 годъ. Сост. подъ ред. Д. Г. Тюменева. Изд. Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1903.

Когда-то въ давно прошедшія времена Воронежскій статистическій комитетъ былъ извѣстенъ своей энергичной дѣятельностью. Ученые спеціалисты отзывались о нѣкоторыхъ изъ его изданій, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ науку. Теперь этотъ комитетъ, какъ впрочемъ и всѣ остальные, являетъ собою картину запустѣнія. Единственнымъ, кажется, свидѣтельствомъ жизни является изданіе памятныхъ книжекъ, которыя имѣютъ цѣлью удовлетворять практической надобности мѣстныхъ обывателей, да и ей-то по запоздалости свѣдѣній плохо служатъ. Статьи, посвященныя изученію края, помѣщаются на затычку, гдѣ-то въ третьемъ отдѣлѣ, передъ самымъ адресъ-календаремъ.

Въ памятной книжкѣ Воронежскаго комитета такихъ статей—а онѣ-то насъ только и интересуютъ — всего четыре. Историческій интересъ имѣетъ лишь одна, принадлежащая г. Тевяшеву: «Основаніе г. Острогожска и первоначальное заселеніе Острогожскаго края». Тема—любопытная, имѣющая значеніе для общей исторіи, но статья представляетъ лишь отрывокъ изъ юбилейнаго очерка «Острогожскъ-крѣпость и полковой городъ», который имѣетъ быть цѣликомъ помѣщенъ въ трудахъ Воронежской ученой архивной комиссіи. Поэтому оцѣнку настоящаго очерка удобнѣе отложить до появленія всей работы. Другая статья книжки: «Замѣчательные уроженцы г. Воронежа и Воронежской губерніи», представляетъ начальныя страницы труда, предпринятаго г. Литвиновымъ, и содержитъ біографическіе очерки П. Е. Астафьева, И. В. Ингеницкаго, Іосифа Баженова, епископа балтскаго, Ѳ. И. и В. И. Рудинскихъ. При очеркахъ приведены библіографическіе указатели трудовъ этихъ лицъ и работъ о нихъ. Для исторіи современнаго состоянія Воронежской губерніи любопытны двѣ другія статьи сборника. Первая, основанная на изученіи большого матеріала, но страдающая нѣкоторою односторонностью выводовъ — «Экономическое состояніе крестьянъ Бирюченскаго уѣзда въ связи съ отрицательными факторами ихъ внутренняго быта, хозяйства и явленій природы (г. Менжулина); вторая—г. Тезякова даетъ сжатую и дѣльную характеристику отхожихъ промысловъ въ Воронежской губерніи.

Мы перечислили все содержаніе книжки; засимъ остаются обычные отдѣлы справочныхъ свѣдѣній, статистическій обзоръ губерніи за 1901 г. и адресъ-календарь. Статистическій обзоръ составленъ довольно тщательно.

Щ.

Путеводитель по св. Аѳонской горѣ. Изданіе 8-е, аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. М. 1903.

Предъ нами одно изъ изданій русскаго на Аѳонѣ св. Пантелеймона монастыря, занимающагося издавна и литературно-просвѣтительною дѣятельностью. Изданіе носитъ скромное названіе «Путеводителя» по Аѳону и «Указателя» тамошнихъ святынь и достопримѣчательностей. «Путеводитель» выдержалъ

уже восемь изданій. Это указываетъ на его широкое распространеніе въ публикѣ, преимущественно, конечно, той, которой потребностями личнаго пребыванія на Аѳонѣ вызывается необходимость пріобрѣтенія «Путеводителя» съ указателями. Что же предлагается читателямъ въ этомъ изданіи?

Книга открывается общими свѣдѣніями объ Аѳонѣ (стр. 5—24). «Въ полуденномъ краю Европы (такъ начинается этотъ отдѣлъ), подъ ясно-голубымъ небомъ древней Греціи, въ благорастворённѣйшемъ климатѣ, среди вѣчно-зеленѣющей природы, уединенно лежитъ небольшой полуостровъ,—это знаменитый Аѳонъ, или святая Аѳонская гора. Съ приближеніемъ къ заоблачнымъ высотамъ ея, чье сердце не исполняется радостью и трепетнымъ ожиданіемъ поскорѣе увидѣть гору святую,—гору, избранную Богоматерію въ жребій Себѣ» и т. д. (стр. 5—6). Все здѣсь неопредѣленно, несправедливо и безграмотно... «Полуденный край Европы» и «ясно-голубое небо Греціи»—это опредѣленно не указываетъ мѣстоположенія Аѳона. Вѣчно зеленѣющая природа, «среди которой уединенно лежитъ Аѳонъ», конечно, представляетъ contradictio in adiecto, да къ тому же это, если имѣть въ виду только одинъ Аѳонъ, находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что говорится далѣе, на 7-й страницѣ: «каменистая почва (горы) даетъ мало пищи (?) для травъ и деревьевъ; только на одной половинѣ горнаго хребта Аѳонскаго растетъ строевой лѣсъ, на другой же половинѣ его растительность самая скудная», которая, конечно, не можетъ создавать «среду, вѣчно зеленѣющую». Это «приближеніе сердца» къ заоблачнымъ высотамъ Аѳона, да еще при ожиданіи—«поскорѣе увидѣть гору святую»—можно говорить, конечно, только по незнанію грамматики. Словомъ, начало книги совершенно неудачное.

Далѣе въ предисловіи довольно обстоятельно и правильно ведется рѣчь о существующихъ на Аѳонѣ иноческихъ учрежденіяхъ различнаго типа и именованій—монастыряхъ, скитахъ, келліяхъ и т. д. Но тутъ читателю невольно бросается въ глаза стремленіе составителя книги превознести киновіальное монастырское подвижничество надъ всѣми остальными видами иноческаго быта. «Другія (киновіи),—читаемъ на 16-й страницѣ,—къ которымъ принадлежитъ и нашъ русскій монастырь, обрекая себя безусловной зависимости отъ одного только игумена, свято чтутъ его волю... Въ братствѣ подобныхъ киновій господствуетъ патріархальная простота нравовъ, взаимность любви и довѣрчивости и **райское безмятежіе**» (стр. 17). И далѣе: «по словамъ одного великаго старца (?), киновіатъ въ годъ можетъ достичь такой высоты духовной жизни, до которой пустынникъ едва ли (?) добьется и въ десять лѣтъ» (стр. 18). Въ первой приведенной выдержкѣ указанъ, конечно, идеалъ киновіи, но насколько и въ «нашемъ» русскомъ монастырѣ господствуетъ и «райское безмятежіе», — объ этомъ приходилось читать и иное мнѣніе (см. «Церковныя Вѣдомости» за 1902 г., №№ 32 и 34). А вторая выдержка, по меньшей мѣрѣ, противорѣчитъ тому, что сказано о келліотахъ-отшельникахъ на стр. 13. Да и вообще, выраженная въ формѣ гипотетической, эта фраза ничего не даетъ читателю и представляется совершенно лишней.

Любопытно было бы, дальше, знать, въ какой суммѣ турецкому правительству уплачивается каждымъ монахомъ Аѳона подать «хараджъ» (стр. 21).

Послѣ предварительныхъ свѣдѣній, въ «Путеводителѣ» предложено очень хорошее описаніе аѳонскихъ монастырей, скитовъ, Кареи и нѣкоторыхъ пещеръ (стр. 25—237), при чемъ говорится объ ихъ мѣстоположеніи, разсказывается исторія, указываются храмы, св. мощи, чудотворныя иконы, перечисляются прославившіеся святостью подвижники и т. п. Особенно хорошо то, что въ «Путеводителѣ» преданіе не смѣшивается съ достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ, и тамъ, гдѣ описатель не имѣетъ твердыхъ научныхъ данныхъ, онъ говоритъ — «по преданію», или «какъ передаютъ». Къ книгѣ приложена карта Аѳона и виды монастырей и скитовъ (31), недурно исполненные. Вообще, разсматриваемое изданіе русскаго на Аѳонѣ св. Пантелеймона монастыря—книга хорошая и полезная, не только для простыхъ паломниковъ, но и для интеллигентныхъ. Для послѣднихъ только слѣдовало бы помѣстить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ аѳонскихъ библіотекахъ, сообщить болѣе подробныя археологическія указанія, отмѣтивъ, въ какомъ монастырѣ и что именно заслуживаетъ особаго вниманія археолога и историка. X. Z.

Русь. Литературно-политическій сборникъ. Выпускъ I. Изданіе Н. И. Герасимова. М. 1903.

Этотъ сборникъ является продолженіемъ вышедшихъ раньше сборниковъ подъ заглавіемъ «Москва» и «Заря». О «Зарѣ» мы имѣли случай высказаться въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ. Сборники выступаютъ съ защитой началъ государственной и общественной жизни, къ которымъ пришло славянофильство позднѣйшей редакціи, и которыя находятъ точное выраженіе въ офиціальномъ символѣ. Чрезвычайно любопытно, что авторы статей сборниковъ, г-да Г. Е. Р., Опальный бояринъ, Н. Лѣтописецъ, Н. Гусляръ, П. Апокрифъ, Н. Московцевъ и др., повторяютъ старую аргументацію и нисколько ея не развиваютъ, а между тѣмъ ихъ принципы для своего обоснованія требуютъ новыхъ аргументовъ: старые-то, пожалуй, порядочно расшатаны жизнью. И «Русь» производитъ впечатлѣніе пустыни безъ оазисовъ: такъ хочется чего нибудь свѣжаго, а тутъ на протяженіи двухсотъ страницъ ни одной оригинальной мысли, все старо, извѣстно-переизвѣстно. И написаны-то эти статьи совсѣмъ безталанно, съ банальной бойкостью, граничащей съ пошлостью. Удивляешься только смѣлости издателей: неужели же они думаютъ, что ихъ сборники найдутъ сбытъ и распространеніе и не погибнутъ въ морѣ печатныхъ произведеній? А они уже выпустили три книжки, да еще обѣщаютъ выпустить. Вотъ ужъ поистинѣ, чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало! Щ.

А. В. Половцевъ. М. В. Ломоносовъ — директоръ фарфоровой фабрики. Спб. 1903.

Никто изъ біографовъ геніальнаго помора не зналъ, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ему было поручено управленіе фарфоровой фабрикой. Пекарскій замѣтилъ только, что въ началѣ царствованія Петра Ѳеодоровича Ломо-

носовъ какъ будто сходитъ на нѣкоторое время со сцены: въ продолженіе февраля и марта 1762 г. не встрѣчается слѣдовъ дѣятельности Ломоносова ни по канцеляріи, ни по конференціи академіи, даже своихъ недруговъ-нѣмцевъ онъ оставилъ почему-то въ покоѣ. Какъ показали архивныя разысканія А. В. Половцева, этотъ пробѣлъ въ біографической канвѣ Ломоносова объясняется тѣмъ, что, какъ разъ, въ январѣ этого года, ему поручено было привести «въ лучшее состояніе» фарфоровую фабрику, находившуюся тогда въ вѣдомствѣ кабинета.

Такимъ образомъ, «коллежскій совѣтникъ и профессоръ Михаилъ Ломоносовъ» получилъ предписаніе «по оной фабрикѣ быть въ вѣдомствѣ сената», а, принявъ фабрику, долженъ былъ «стараться оную размножить», на что отпущены были и средства.

Надо думать, что такое назначеніе Ломоносова стояло въ связи съ его занятіями мозаикой. Его первые опыты доказали несомнѣнную способность нашего самородка къ искусствамъ изобразительнымъ, а указомъ сената отъ 11-го февраля 1758 года повелѣвалось отдавать Ломоносову всѣ заказы по мозаичному дѣлу, если они понадобятся въ общественныхъ зданіяхъ. Извѣстно также, что Ломоносовъ очень высоко ставилъ личность Петра I. Онъ задумалъ выстроить грандіозный мавзолей надъ могилой вѣнценоснаго работника, и соорудить его «не изъ мрамора, а изъ матеріи мѣдной, серебряной, лаписъ-лазури и яшмы, а въ простѣнкахъ приказать сработать десять мозаичныхъ торжественныхъ картинъ». Впослѣдствіи число картинъ было уменьшено до 6, а двѣ изъ нихъ были исполнены самимъ иниціаторомъ дѣла: «Полтавская баталія» сохранилась до нашего времени (оригиналъ въ музеѣ общества поощренія художествъ), а часть «Азовскаго взятія» безслѣдно исчезла. Итакъ, было вполнѣ естественно обратиться къ Ломоносову, когда зашла рѣчь о поднятіи художественнаго значенія фарфоровой фабрики. Но управленіе его продолжалось недолго, и въ концѣ февраля того же года изъ вѣдомства сената фабрика снова была передана кабинету. Трудно пока рѣшить, почему Ломоносовъ не оставилъ какихъ нибудь слѣдовъ своей дѣятельности въ этой области: въ дальнѣйшихъ архивныхъ дѣлахъ фарфоровой фабрики его имя уже не упоминается.

А. И. Яцимирскій.

Справочная книжка объ учрежденіяхъ и заведеніяхъ дѣтской помощи въ г. С.-Петербургѣ. Спб. 1903.

Союзомъ учрежденій дѣтской помощи въ г. С.-Петербургѣ издана «Справочная книжка объ учрежденіяхъ и заведеніяхъ дѣтской помощи въ г. С.-Петербургѣ». Это изданіе является первымъ у насъ опытомъ систематическаго свода свѣдѣній о всѣхъ существующихъ въ столицѣ какъ учрежденіяхъ, т.-е. разнообразныхъ общественныхъ организаціяхъ (обществахъ, попечительствахъ, совѣтахъ, комитетахъ и т. п.) благотворительнаго характера, дѣятельность коихъ исключительно или отчасти имѣетъ предметомъ помощь нуждающимся дѣтямъ такъ и заведеніяхъ, въ которыхъ эта помощь оказывается во всѣхъ формахъ и видахъ.

Въ такого рода изданіи чувствовалась давно настоятельная потребность, и его практическое значеніе не можетъ не быть оцѣнено всѣми интересующимися дѣломъ дѣтской помощи. Благодаря справочной книжкѣ, тѣ затрудненія, съ которыми было обыкновенно сопряжено обращеніе за соотвѣтствующею помощью, устраняется, такъ какъ она даетъ точныя указанія относительно адресовъ каждаго учрежденія и заведенія, ихъ характера, фамилій и адресовъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ и другихъ, условій пріема малолѣтнихъ и пр. Въ книжкѣ помѣщены свѣдѣнія о 90 учрежденіяхъ и 286 заведеніяхъ. **Ѳ. К.**

Синодикъ Любецкаго Антоніевскаго монастыря. Черниговъ. 1902.

Интересъ синодика для церковной исторіи южно-русскихъ епархій старой «Сѣверной земли» отмѣченъ былъ уже архіепископомъ черниговскимъ Филаретомъ, авторомъ капитальной «Исторіи русской церкви». Въ «Черниговскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ» за 1863 годъ помѣщена статья преосвященнаго Филарета о рукописномъ экземплярѣ синодика, принадлежавшемъ Любецкому Воскресенскому-Антоніеву монастырю, упраздненному въ 1786 году. Кромѣ того, историческія и реальныя замѣчанія къ поминаніямъ синодика были перепечатаны тѣмъ же авторомъ въ его «Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи», а графъ Г. А. Милорадовичъ нѣсколько разъ знакомилъ ученыхъ съ той же рукописью на страницахъ мѣстныхъ и столичныхъ изданій. Теперь синодикъ изданъ полностью, воспроизведенъ литографіей. Подобныя факсимиле до сихъ поръ издавались у насъ или «Обществомъ любителей древней письменности» или частными лицами, археологами любителями, напримѣръ, покойнымъ Голышевымъ, Успенскими, Воробьевымъ и др. Отсутствіе у насъ такихъ воспроизведеній объясняется дороговизной такихъ изданій, требующихъ фотографической точности и спеціальныхъ техническихъ знаній. Поэтому воспроизведеніе цѣлой рукописи въ малый листъ въ типографіи черниговскаго губернскаго правленія дѣлаетъ честь провинціальнымъ любителямъ старины.

Всѣ поминанія синодика, записанныя въ разное время и разными руками, помѣщены въ гравированныхъ рамкахъ цвѣточнаго рисунка, при чемъ цвѣты эти сильно стилизованы и, по всей вѣроятности, просто скопированы съ какого нибудь итальянскаго изданія. На фронтисписѣ синодика изображенъ двуглавый орелъ съ образомъ Богородицы на груди и слѣдующими виршами:

Орлу двоеглавну, россійская слава!
Богомъ вѣнчанна царская держава!
Орелъ Божію Матерь знаменуетъ,
Сынъ Ея мертвымъ царствіе даруетъ.

Большинство поминаній относится къ духовнымъ лицамъ—мѣстнымъ архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ, монахамъ, священникамъ и т. д. Среди именъ «благовѣрныхъ великихъ князей черниговскихъ, кіевскихъ и протчихъ» обращаютъ на себя вниманіе тѣ замѣчанія, которыя были внесены въ сино-

дикъ какимъ-то грамотеемъ на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ краткихъ замѣтокъ высказываются всѣ симпатіи и антипатіи черниговца: Константинъ Мстиславичъ упоминается, какъ «создатель церкви Спаса»; Михаилъ Всеволодовичъ, внукъ Святослава, и бояринъ его Θеодоръ убиты татарами «за православную вѣру», такъ какъ «не поклонились солнцу и не ходили около куста». Тѣми же татарами былъ замученъ и князь Димитрій черниговскій, и князь Василій козельскій, и Александръ новосильскій, Іоаннъ путивльскій, Іоаннъ рязанскій и другіе; князь Константинъ Оболенскій убитъ литовцами, а Михаилъ Пронскій—своимъ братомъ и т. д.

Синодикъ Любецкаго монастыря изданъ графомъ Г. А. Милорадовичемъ во время его предсѣдательства въ черниговской архивной комиссіи.

М. О. Ок—вичъ.

Е. К. Рѣдинъ. Италія изъ писемъ къ друзьямъ. Харьковъ. 1903.

Снисходя къ просьбѣ своихъ друзей, профессоръ Харьковскаго университета, Е. К. Рѣдинъ, рѣшилъ напечатать свои письма изъ Италіи, куда онъ ѣздилъ для изученія памятниковъ византійскаго искусства одной изъ блестящихъ эпохъ въ его существованіи, а также картинъ итальянскихъ мастеровъ времени Возрожденія и переходныхъ періодовъ. Прекрасно изучивъ исторію итальянскаго искусства, излагая свои наблюденія въ сжатой, общедоступной формѣ, объясняя самыя выдающіяся явленія въ художественной жизни Италіи стараго времени, г. Рѣдинъ сумѣлъ соединить въ себѣ и ученость изслѣдователя и занимательность популяризатора. Ученость подготовила лишь почву для него, дала матеріалъ, и ни въ одной фразѣ не видно обычной сухости. Предъ читателемъ проходитъ рядъ картинъ, то полныхъ поэзіи и увлеченія, то серіозныхъ и вдумчивыхъ, и все это сопровождается объясненіями любознательнаго и просвѣщеннаго туриста. Иначе трудно охарактеризовать «Письма къ друзьямъ» Е. К. Рѣдина.

Несмотря на несомнѣнный археологическій вкусъ автора, на пониманіе всего своеобычнаго въ старомъ искусствѣ, на любовь къ старинѣ, привязанность къ музею, библіотекѣ и т. д., однимъ словомъ, несмотря на всѣ неизбѣжныя послѣдствія кабинетной работы, тѣмъ не менѣе на каждой почти страницѣ книги г. Рѣдина виденъ живой человѣкъ. Онъ описываетъ съ увлеченіемъ упоительныя ночи Венеціи, звуки серенады, ѣзду въ гондолѣ по Большому каналу, задумывается надъ «красотой и любовью, двумя родными сестрами, подъ покровомъ которыхъ только и возможна настоящая поэзія», и приходитъ къ заключенію, что, только благодаря этому соединенію, и являются поэтическими произведенія венеціанскихъ художниковъ (стр. 38). Когда г. Рѣдинъ шелъ смотрѣть фрески знаменитаго флорентинскаго художника XIV вѣка Джіотто, онъ сравнивалъ себя съ влюбленнымъ, которому предстоитъ свиданіе съ его милой. Ореолъ славы и безсмертія, которымъ окружено было имя Джіотто еще въ лекціяхъ профессора, учителя Рѣдина, невольно передается и читателю, когда онъ доходитъ до строкъ, посвященныхъ Джіотто (стр. 45). Еще болѣе восторженно описана «чудная и милая Феррара». «Съ чѣмъ мнѣ ее сравнить, какъ сравнить?—спра-

шиваетъ нашъ поэтъ-ученый. Это не блестящая и гордо пышная своей красотой Венеція, не большая, красивая умница Падуя, не громадная, тароватая кумушка Верона, хвалящаяся своею древностью и погруженная въ заботу денежную и въ думы черныя о своемъ возлюбленномъ Марсѣ. Это—милая, скромная красавица—натура поэтическая и рамантическая, грезящая о рыцарскихъ замкахъ, герояхъ-рыцаряхъ, жертвующихъ своею жизнію изъ-за любви къ дамѣ своего сердца, мечтающая о жизни въ такомъ замкѣ, окруженномъ рвами и водой, съ подземными мостами, высокими башнями. Ей пріятно взобраться на вершину такой башни, читать тамъ романы и любоваться на восходъ и заходъ солнца, на прелестные виды природы, открывающіеся предъ ней отсюда и мечтать... о любви. Такова Феррара... Въ такомъ образѣ предстанетъ она предо мной, образѣ опоэтизированномъ... Феррара, въ самомъ дѣлѣ, прекрасный, небольшой, тихій городокъ... Романтическій флеръ набрасываетъ на него этотъ громадный зàмокъ, стоящій въ центрѣ города, съ четырьмя высокими башнями по концамъ, большимъ рвомъ съ водой, обходящимъ вокругъ него, прочными воротами, мостами... Зàмокъ—одинъ изъ тѣхъ, которыми такъ богаты романы Вальтеръ-Скотта»...

Было бы желательно появленіе такихъ же точно писемь профессора Е. К. Рѣдина изъ земель православнаго Востока, гдѣ сохранилось много памятниковъ византійскаго искусства. **А. Я.**

Н. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Спб. 1903.

Какъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи, эта новая книга его «представляетъ собою запись лекцій по древней исторіи, читанныхъ въ 1902—1903 годахъ студентамъ перваго курса экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго политехникума. «Издавая въ свѣтъ эту книжку, — говоритъ авторъ,—я руководился тою мыслью, что она можетъ пригодиться вообще учащейся молодежи и въ особенности той ея части, которая въ цѣляхъ самообразованія обращается и къ историческому чтенію».

Форма лекцій, однако, не сохранена въ книгѣ. содержаніе которой раздѣлено на двадцать небольшихъ, но неравномѣрныхъ главъ, отъ 10 до 25 страницъ въ каждой. Авторъ начинаетъ съ объясненія термина «государство-городъ», придуманнаго историками для обозначенія той формы государственности, которая была создана античнымъ міромъ (въ особенности Греціей: «полисъ»). Въ связи съ этимъ излагаются взгляды Аристотеля на государство. Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ даетъ обстоятельную характеристику «государства-города»: разсматриваетъ его происхожденіе, также происхожденіе соціальныхъ противоположностей внутри «государства-города», организацію въ немъ государственной власти. Далѣе излагаются въ общихъ чертахъ историческія судьбы «государства-города»: экономическая эволюція внутри его, борьба аристократіи съ демократіей, водвореніе «тимократіи» и ея смѣна тираніей,

при чемъ греческая тираннія разсматривается параллельно съ римскимъ трибунатомъ, какъ общественно-политическія явленія однороднаго «типа». Особая глава посвящена изученію различныхъ степеней и формъ участія демоса и плебса въ государственной власти. Вопросъ о положеніи личности въ государствѣ также составляетъ предметъ отдѣльной главы. Двѣ главы подъ рядъ трактуютъ о соціальныхъ отношеніяхъ въ античномъ мірѣ («Рабство и пролетаріатъ» и «Соціальный вопросъ»). Двѣ слѣдующія главы посвящены характеристикѣ политическихъ и соціальныхъ идей Греціи и Рима и различныхъ формъ политическаго объединенія государствъ-городовъ. Далѣе, по особой главѣ отведено Спартѣ и Аѳинамъ, и двѣ главы—Риму («Римская гражданская община, ея союзники и ея подданные» и «Муниципальный бытъ Римской имперіи»). Наконецъ, послѣдняя (двадцатая) глава представляетъ собою заключеніе.

Изъ этого бѣглаго обзора содержанія новой книги профессора Карѣева легко видѣть, что она имѣетъ дѣло, въ бо̀льшей своей части, съ тѣмъ же комплексомъ фактовъ и историческихъ явленій, которые послужили матеріаломъ для хорошо извѣстной не въ одномъ лишь ученомъ мірѣ книги французскаго историка Фюстель-де-Куланжа: «Гражданская община античнаго міра» (книга эта неоднократно была издана и по-русски). Тѣмъ не менѣе, книга профессора Карѣева далека отъ того, чтобы быть простою перетасовкою, по другой лишь схемѣ, того же самаго матеріала. Несмотря на свои гораздо болѣе скромные размѣры, сочиненіе профессора Карѣева вноситъ цѣлую категорію фактовъ, совершенно оставленныхъ безъ вниманія Фюстель-де-Куланжемъ: мы разумѣемъ группу фактовъ экономическаго порядка. «Отнюдь не раздѣляя теоріи экономическаго матеріализма,—замѣчаетъ по этому поводу авторъ,—я отвожу экономическому фактору въ исторіи то мѣсто, которое ему принадлежитъ». Въ этомъ отношеніи книга профессора Карѣева восполняетъ одинъ изъ важныхъ пробѣловъ въ книгѣ французскаго ученаго. Другое отличіе отъ послѣдней, которое отмѣчаетъ и самъ авторъ, заключается въ томъ, что «все построеніе должно служить (у Фюстель-де-Куланжа) доказательствомъ крайняго несходства античнаго міра съ новымъ европейскимъ; меня, наоборотъ, интересовали тѣ параллели, которыя можно проводить между соціально-политической эволюціей древнихъ и современныхъ народовъ». Наконецъ, само собою разумѣется, что книга профессора Карѣева совершеннно свободна отъ тѣхъ воззрѣній французскаго ученаго, которыя являются совершенно устарѣлыми при современномъ состояніи исторической науки.

Къ книгѣ приложены двѣ раскрашенныя карты, представляющія Аттику съ сосѣдними областями и Италію и (на томъ же листѣ, но въ бо̀льшемъ масштабѣ) часть Италіи, прилегающую къ Риму («большая часть территоріи римскаго гражданства»).

X. Y. Z.

Ланглуа. Инквизиція по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Переводъ подъ редакціей Н. Сперанскаго. Москва. 1903.

Только что вышедшая въ русскомъ переводѣ книжка французскаго ученаго Ланглуа написана была имъ по поводу появленія въ свѣтъ во французскомъ переводѣ новѣйшаго изслѣдованія по исторіи средневѣковой инквизиціи, принадлежащаго перу американца Ли. Для своего очерка Ланглуа воспользовался, какъ этимъ двухтомнымъ сочиненіемъ, такъ и нѣкоторыми другими новѣйшими, главнымъ образомъ, французскими изслѣдованіями по исторіи французской (лангдокской) инквизиціи. Очеркъ Ланглуа состоитъ изъ четырехъ главъ. Первая, подъ заглавіемъ «Религіозная нетерпимость», разсматриваетъ инквизицію, какъ одно изъ многообразныхъ проявленій религіозной нетерпимости, которая, въ свою очередь, представляетъ собою лишь одну изъ разновидностей «инстинктивной нетерпимости», коренящейся въ самой природѣ человѣка. «Что касается духа истинной терпимости, то торжество его среди насъ, безъ всякаго сомнѣнія, далеко не такъ полно, какъ это принято думать. Да и новыя, безшумныя ея формы, которыми мы обязаны прогрессу цивилизаціи, подчасъ оказываются еще убійственнѣе прежнихъ. Наконецъ, нетерпимость перестала быть достояніемъ церквей въ точномъ смыслѣ этого слова; какъ и все прочее, она «лаицизировалась», и политическіе «толки» на нашихъ глазахъ, по мѣрѣ силъ, проводятъ ея принципы въ жизнь». «Единственная особенность гоненій, воздвигавшихся католицизмомъ, состоитъ въ томъ, что въ извѣстную пору для нихъ былъ изобрѣтенъ очень совершенный механизмъ». Этотъ «механизмъ» былъ инквизиція. Вторая глава о «возникновеніи инквизиціи» даетъ краткій очеркъ послѣдовательныхъ мѣръ, направленныхъ папской куріей противъ еретическихъ ученій,—мѣръ, изъ которыхъ постепенно возникла та организація, которая подъ именемъ инквизиціи играла въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій видную роль въ нѣкоторыхъ областяхъ католическаге міра, главнымъ же образомъ въ южной Франціи (Лангдокѣ) и Испаніи. Третья глава, объ «инквизиціонномъ судопроизводствѣ» даетъ живую характеристику инквизиціоннаго правосудія, «отличительными чертами котораго служили произволъ, негласность, пытка и недопущеніе защитниковъ». Четвертая (по ошибкѣ озаглавленная римской цифрой шесть) и послѣдняя глава посвящена испанской инквизиціи. На почвѣ Испаніи инквизиція развилась сравнительно поздно, но зато нигдѣ не достигла она столь пышнаго расцвѣта, какъ здѣсь, что объясняется, между прочимъ, тѣмъ тѣснымъ союзомъ, въ какомъ находилась здѣсь инквизиція съ королевскою властью. «Принятая на службу государствомъ и направленная имъ противъ его враговъ, отождествляемыхъ съ врагами церкви, инквизиція подготовила здѣсь почву для самаго тиранническаго самовластія», которое нашло себѣ полное воплощеніе въ лицѣ Филиппа II.

Языкъ перевода, какъ можно судить уже по приведеннымъ выдержкамъ, оставляетъ желать многаго въ смыслѣ легкости и изящества.

Х. 7.

Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1903.

Только что вышедшая въ свѣтъ книга харьковскаго профессора В. Бузескула, составляющая объемистый томъ въ 535 страницъ, раздѣляется на двѣ части: первая, болѣе обширная, посвящена обзору источниковъ, вторая—очерку разработки греческой исторіи въ девятнадцатомъ столѣтіи. «Источники» авторъ понимаетъ въ широкомъ смыслѣ, т.-е. разсматривая, какъ таковые, и языкъ, и миѳологію, и вещественные памятники, которыми такъ обогатилась въ послѣднее время греческая археологія, благодаря раскопкамъ. Изъ древнегреческихъ историковъ болѣе подробно останавливается авторъ на Геродотѣ, Ѳукидидѣ, Полибіи и Аристотелѣ,—на послѣднемъ, главнымъ образомъ, какъ на авторѣ недавно открытаго трактата «О государствѣ аѳинскомъ». Во второй части особенно интересны и цѣнны послѣднія главы, знакомящія читателя съ результатами тѣхъ новѣйшихъ открытій въ области греческой археологіи и эпиграфики, которыя произвели, можно сказать, настоящій переворотъ въ историческихъ представленіяхъ о многихъ сторонахъ общественности и культуры античной Греціи. Книга профессора Бузескула не только сообщаетъ въ общедоступной формѣ результаты многочисленныхъ научныхъ изслѣдованій въ этой области, но, будучи хорошо знакомъ со всею новѣйшею спеціальною литературой, онъ прекрасно оріентируетъ въ ней и читателя, благодаря подробнымъ библіографическимъ указаніямъ. Книга профессора Бузескула дѣйствительно вводитъ чителя въ изученіе исторіи древней Греціи; но, сверхъ того, она является и не замѣнимымъ справочнымъ пособіемъ даже и для тѣхъ, кто во «введеніи» не нуждается. Приложенный къ книгѣ алфавитный указатель значительно увеличиваетъ цѣнность книги, какъ справочнаго пособія. Такая книга была бы желаннымъ гостемъ даже и въ богатой нѣмецкой исторической литературѣ; тѣмъ болѣе цѣннымъ вкладомъ является она въ нашей скудной научной литературѣ, въ особенности по исторіи Греціи.

X. Y. Z.

Бабъ, драматическая поэма изъ жизни Персіи, въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ, Изабеллы Гриневской. Спб. 1903.

Попытки экскурсій въ жизнь Востока довольно многочисленны въ нашей литературѣ. Своеобразный колоритъ этой жизни, ея оригинальная внѣшность, ея исторія, непохожая на историческую канву Запада,—все это заманчиво привлекало и привлекаетъ къ себѣ авторовъ, очарованныхъ яркими красками и прелестью формъ восточной картины. Но, увлекаясь характернымъ обликомъ задумчиваго, загадочнаго и скрытнаго Востока, наши экскурсанты недостаточно глубоко захватываютъ внутренній строй и укладъ Востока, безъ знанья котораго онъ навсегда останется лишь красивой декораціей и только. Съ одной стороны, это явленіе объясняется тѣмъ, что берущіе своимъ сюжетомъ Востокъ авторы мало знакомы съ его исторіей, литературой, философіей и религіозными вѣрованіями, съ другой —оттого, то авторская фантазія окрыляетъ

замыселъ и вышиваетъ по восточной канвѣ европейскіе узоры... Одинъ изъ яркихъ примѣровъ этому мы находимъ въ только что вышедшей въ свѣтъ книгѣ И. А. Гриневской, названіе которой мы обозначили выше. Увлекшись недавнимъ сравнительно движеньемъ бабидовъ въ Персіи (1848—1852 гг.), реформаторскія задачи которыхъ были, по волѣ сложившихся обстоятельствъ, пріурочены вожаками возстанія, для большаго успѣха дѣла, къ популярному тогда въ Иранѣ мистику-дервишу Бабу, И. Гриневская рисуетъ предъ нами личность этого послѣдняго не соотвѣтствующими исторической правдѣ штрихами. Издавна царившая въ Иранѣ до магометанскаго періода вѣра въ воплощенье божества въ человѣческомъ образѣ и слившаяся затѣмъ, по обращеніи Персіи въ исламъ, съ мусульманскимъ мистическимъ ученіемъ о «махди́», мусульманскомъ мессіи, породила собою суфизмъ, магометанскій пантеизмъ, однимъ изъ многочисленныхъ представителей котораго и былъ вышеупомянутый Бабъ, носившій имя Али-Мухаммеда и получившій среди своихъ прозелитовъ прозвище «Бабъ», т.-е. дверь, въ иносказательномъ смыслѣ, какъ «врата истины». Чему училъ Бабъ, что онъ говорилъ, въ чемъ именно заключалась его доктрина, ничего опредѣленнаго по этому поводу никто сказать не можетъ, потому что о Бабѣ вообще имѣется чрезвычайно мало свѣдѣній, и всего менѣе, кстати сказать, можно почерпнуть правильнаго о Бабѣ и бабизмѣ у проф. Каземъ-Бека (книга котораго служила главнѣйшимъ, кажется, матеріаломъ для И. Гриневской), такъ какъ почтенный профессоръ лично не соприкасался съ бабидами, никого изъ нихъ никогда не зналъ, а бралъ свои свѣдѣнія о бабизмѣ у одного изъ приверженцевъ этого ученья — мистика персіянина, жившаго въ г. Смоленскѣ и тоже никогда не видавшаго бабидовъ, и у шіитовъ, враждебно настроенныхъ въ отношеніи бабизма. Можно предполагать, что Бабъ говорилъ то, что говорили всѣ вообще суфіи, т.-е. училъ самоотреченію, умерщвленію плоти, созерцательной жизни, непротивленію злу и ожиданію «махди́», какъ проявленія божества на землѣ, за котораго Бабъ, вѣроятно, въ глубинѣ души и считалъ себя, поощряемый къ тому своими поклонниками, хотя и не высказывалъ этого изъ скромности, открыто, употребляя при этомъ условный языкъ суфизма, — иносказательный, загадочный, языкъ притчей, краткій и полный намековъ. У почтеннаго автора драматическаго этюда о Бабѣ предъ нами не дервишъ, развивающій теорію мистической лѣстницы совершенствъ, ведущей къ нирванѣ, и касавшійся «соціальныхъ реформъ» лишь постольку, поскольку это относилось къ затворничеству женщинъ и закону, принуждающему ихъ покрывать лица, какъ насилію, противному суфизму, а краснорѣчивый, религіозный и соціальный новаторъ современнаго типа. Онъ говоритъ много, долго, складно и не какъ шіитъ, какимъ онъ былъ, а европеецъ, критикующій гаремъ и чадру и провѣдующій милосердіе, какъ истый толстовецъ нашихъ дней. Самое возникновеніе въ Бабѣ проповѣднической миссіи объясняется авторомъ драмы платонической любовью къ одной изъ своихъ позднѣйшихъ послѣдовательницъ — Хуретъ-ул-айнъ, взаимно въ него влюбленной, поразившей Баба своей красотой и приравненной имъ къ божеству на землѣ. Ничего рѣшительно подобнаго, или даже хотя бы только похожаго, не было на самомъ дѣлѣ. Бабъ никогда не встрѣчался съ Хуретъ-ул-айнъ, и никакого

женскаго обаянія не было причиной его учительства. Онъ училъ тому же, чему всѣ суфіи поучали и поучаютъ понынѣ въ Персіи и вообще въ мусульманскомъ мірѣ, и никакого особаго импульса для этого со стороны женщины не требовалось. Подобно Бабу, и Хуретъ-ул-айнъ говоритъ у автора рѣчами красавицы XX-го вѣка и ни единой черточкой не напоминаетъ собой мусульманку, которой она прежде всего была, — мусульманку, смотрящую на отношенія къ мужчинѣ и на любовь не совсѣмъ такъ, какъ «передовыя» женщины нашего времени, и врядъ ли способную говорить избраннику сердца такія тирады:

> Хотѣла бъ я гремѣть, какъ буря,
> И вдругъ умолкнуть предъ тобой,
> Носиться тучей по лазури
> И пасть къ ногамъ твоимъ росой,
> Хотѣла бъ я быть вольной птицей
> И слить мой рокъ съ твоей судьбой,
> Хотѣла бъ властной быть царицей
> И быть всегда твоей рабой!

Дѣлать узломъ драмы изъ восточной жизни взаимно платоническую страсть мужчины къ женщинѣ, даже при условіи, что мужчина—философъ-проповѣдникъ, а женщина—необычайный фруктъ своей среды,—замыселъ очень смѣлый, но неблагодарный и врядъ ли психологически понятный. Таковы герои драмы. Прочіе персонажи изображены удовлетворительно, въ смыслѣ общаго колорита восточной картины, но, къ сожалѣнію, всѣ они производятъ на насъ, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе не бабидовъ (которыхъ мы лично знаемъ во множествѣ и съ догмой которыхъ знакомы по первоисточникамъ бабидской теологіи), а людей, желающихъ казаться бабидами...

Однако, всѣ только что указанныя стороны драмы И. А. Гриневской ничуть не лишаютъ ея пьесу положительныхъ достоинствъ. Историческія ошибки—это одно, а художественно-литературная сторона беллетристическаго произведенія—это совершенно другое. Укажите намъ хоть одинъ историческій романъ Вальтеръ-Скотта, который не изобиловалъ бы историческими ошибками, и скажите, есть ли хоть слово правды въ «Рюи-Блазѣ» и знаменитой исторической трагедіи Шиллера «Донъ-Карлосъ»? Если мы будемъ смотрѣть на драму И. Гриневской съ художественной точки зрѣнія, отбросивъ требованія исторической правды, которой мы не отыщемъ и у вышеприведенныхъ нами классиковъ Запада, то тогда пьеса И. Гриневской получаетъ другую оцѣнку и является вкладомъ въ литературу. Написанная прекрасными, сильными и выразительными стихами, поднимающимися мѣстами до захватывающаго читателей экстаза, драма производитъ глубокое впечатлѣніе и становится понятной и близкой намъ по мысли и чувству, при условіи, если мы забудемъ, что героиня—мусульманка средины прошлаго вѣка, а герой—умерщвляющій плоть дервишъ. Гармонія и звучность стиха у И. А. Гриневской доходитъ до музыкальности и обличаетъ въ ней крупный поэтическій талантъ, столь рѣдкій въ нашъ вѣкъ поэтическаго оскудѣнія, когда декадентскія потуги и вопли «символистовъ» принимаются толпой за настоящую поэзію, по-

добно тому какъ нѣкогда маргаринъ принимался за самое настоящее масло. Привѣтствуемъ появленіе книги И. А. Гриневской, какъ цѣнный даръ, который авторъ приноситъ нашей родной поэзіи! О. Уманецъ.

Th. Sakhokia. Les proverbes géorgiens. (Extrait de la Revue des traditions populaires). Paris. 1903.

Ѳ. Сахокія хорошо извѣстенъ въ грузинской литературѣ, какъ этнографъ и переводчикъ. Въ брошюрѣ, заглавіе которой выше выписано, онъ знакомитъ французскихъ читателей съ грузинскими пословицами изъ своего сборника. Сборникъ его, еще не изданный по-грузински, заключаетъ въ себѣ до 7.000 пословицъ; изъ нихъ онъ предлагаетъ въ переводѣ до 800 номеровъ, расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ: Богъ, земледѣліе, любовь, другъ, гостепріимство, красота, доброта, счастье, трудъ, охота, богатство, торговля, совѣтъ, удовольствіе, любопытство, воспитаніе, разсѣянность, эгоизмъ, жизнь, опытъ, царь, женщина, семья, общество, юность, справедливость, воръ, языкъ, болѣзнь, сонъ, ремесло, трудъ, питаніе, жиръ, терпѣніе, отечество, путешествіе и др. Конечно, стремленіе уложить въ рамки названныхъ терминовъ содержаніе пословицъ сопровождается немалыми затрудненіями, но автору почти всегда удается ввести ту или иную пословицу въ предѣлахъ намѣченныхъ рубрикъ. Переводъ имъ сдѣланъ въ выраженіяхъ, близкихъ къ оригиналу, и иногда сопровождается комментаріями, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда пословица носитъ колоритъ грузинскаго происхожденія и объясняется мѣстными бытовыми или историческими условіями. Въ циклъ народныхъ пословицъ вошелъ афоризмъ грузинскаго поэта XII вѣка Ш. Руставели. Афоризмъ этотъ, г-номъ Сахокія не отмѣченный, какъ продуктъ личнаго творчества, переведенъ такъ: «Qui donne ce qui lui appartient, gagne; qui ne le donne pas, perd». Пословица «Vanne si bien la corbeille qu'elle puisse servir à ton fils, a dit le vieillard à son fils», сопровождается любопытнымъ примѣчаніемъ, требующимъ, впрочемъ, подтвержденія въ иныхъ данныхъ грузинской этнологіи: «L'ancien usage de géorgiens—mettre les vieillards dans une corbeille et de les jeter dans une abîme, afin de se debarasser d'une personne incapable de travailler». Заслуга несомнѣнная г. Сахокія въ томъ, что онъ первый изъ грузинъ сдѣлалъ почтинъ ознакомить иностранцевъ съ извѣстнымъ отдѣломъ грузинскаго фольклора. Пожелаемъ ему успѣха въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ на этомъ поприщѣ.

А. Хахановъ.

Une ambassade russe à Rome au XVII siècle. Paul Menzies de Pitfodels, par N. Tcharykow, ministre-résident de Russie près le Saint-Siège. Rome. 1903.

Подъ такимъ заглавіемъ въ Римѣ недавно изданъ обстоятельно составленный г. Чарыковымъ біографическій очеркъ выдающагося русскаго дѣятеля изъ иноземцевъ—Павла Менезія.

Имя этого дипломата нерѣдко можно встрѣтить въ различныхъ архивныхъ документахъ. Публикѣ же оно мало извѣстно, невзирая даже на то, что Менезій былъ первымъ наставникомъ великаго преобразователя нашего государства—Петра Великаго.

Г. Чарыкову принадлежитъ добрый починъ собранія и разработки многочисленныхъ документовъ, относящихся до личности этого замѣчательнаго иноземца, извлеченныхъ имъ изъ иностранныхъ архивовъ Рима, Парижа, Венеціи, Вѣны, Эдинбурга и Абердина, а также изъ русскихъ архивовъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиція въ Москвѣ и военнаго министерства въ Петербургѣ.

Сборникъ этихъ матеріаловъ съ пояснительнымъ русскимъ текстомъ и обстоятельною біографіею Павла Менезія печатается въ Петербургѣ и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ. На французскомъ же языкѣ г. Чарыковъ издалъ только краткій обзоръ главныхъ фактовъ изъ жизни диплотата, въ связи съ политическими событіями его времени, а также перечень разысканныхъ имъ документовъ (числомъ 167).

Біографія Павла Менезія, этого просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля XVII вѣка, безусловно не лишена обще-историческаго значенія. Она слагается изъ слѣдующихъ датъ.

Павелъ Менезій принадлежалъ къ древнему и знатному шотландскому роду, родился въ 1637 году въ Шотландіи, въ усадьбѣ Мэрикутеръ; десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ отданъ въ іезуитскую коллегію въ городѣ Дуэ, во Фландріи, гдѣ пробылъ пять лѣтъ, и потомъ поступилъ на военную службу—сначала въ войско короля Яна-Казимира, а затѣмъ, съ чиномъ капитана, въ русскій пѣхотный полкъ Даніила Кроуфорда. Здѣсь молодому офицеру на первыхъ же порахъ пришлось участвовать въ усмиреніи извѣстнаго мятежа, вспыхнувшаго въ Москвѣ 25-го іюля 1662 года противъ боярина Морозова изъ-за выпуска обезцѣненныхъ мѣдныхъ денегъ.

Затѣмъ Менезій въ теченіе четырехъ лѣтъ служилъ въ томъ же полку, въ Смоленскѣ, гдѣ сдружился съ отцомъ будущей царицы—стрѣлецкимъ головою Кирилломъ Полуэктовичемъ Нарышкинымъ. Дружба эта отчасти посодѣйствовала быстрому служебному возвышенію Менезія. Въ 1667 году онъ былъ командированъ въ Швецію для найма горнорабочихъ, а въ 1672 году въ Римъ—для переговоровъ съ папой Климентомъ X о союзѣ противъ турокъ. По возвращеніи въ Москву за удачное исполненіе возложенной на него самимъ царемъ миссіи онъ произведенъ былъ черезъ чинъ изъ майоровъ въ полковники и получилъ командованіе рейтарскимъ полкомъ.

Вернувшись къ военнымъ занятіямъ, Менезій все же не порывалъ своей связи съ Западной Европой и получалъ оттуда свѣдѣнія о происходившихъ тамъ политическихъ событіяхъ, и они черезъ Артемона Матвѣева сообщались царю Алексѣю Михайловичу.

Такая энергія и стремленіе къ просвѣщенію вскорѣ выдвинули Менезія на дипломатическомъ поприщѣ, и онъ переводится въ посольскій приказъ и настолько приближается ко двору, что допускается въ дѣтскую царевича Петра, гдѣ занимается съ будущимъ царемъ воинской «потѣхой» и знакомитъ его съ исторіей и бытомъ Западной Европы.

Г. Чарыковъ въ своемъ изслѣдованіи подробно останавливается надъ выясненіемъ положенія, которое Менезій занималъ въ отношеніи малолѣтняго Петра, и цитируетъ всѣ высказанныя по этому поводу въ литературѣ мнѣнія. Самъ же авторъ дѣлаетъ предположеніе, что царь Алексѣй Михайловичъ не задолго до смерти привлекъ Менезія къ участію въ воинскихъ потѣхахъ и книжномъ ученіи царевича, не возводя, однако, его въ какое либо офиціальное званіе, а пользуясь его услугами, какъ сподручнаго и вѣрнаго спеціалиста по обращенію съ оружіемъ и по римской исторіи.

Послѣ смерти Алексѣя Михайловича Менезій былъ отчисленъ обратно въ иноземный приказъ, а въ 1677 году, когда русскимъ силамъ пришлось двинуться для обороны Чигирина, выступилъ въ походъ командиромъ рейтарскаго полка, комплектованнаго дворянами, преимущественно съ восточной окраины.

Во время перваго похода этому полку не привелось быть въ бою, такъ какъ турки были быстро разбиты и удалены. Во второмъ же походѣ полкъ Менезія, входившій въ составъ отряда генерала и сходнаго воеводы Змеова, понесъ значительный уронъ убитыми и ранеными офицерами.

Въ печатающемся русскомъ изданіи г. Чарыковъ дастъ полный перечень личнаго состава полка Менезія и всѣхъ убитыхъ офицеровъ. Свѣдѣнія эти извлечены изъ Московскаго архива министерства юстиціи.

Время между Чигиринскими походами Менезій провелъ въ Москвѣ; въ 1680 году онъ былъ переведенъ въ Смоленскъ, а отсюда наѣзжалъ въ Москву для участія въ дипломатическихъ переговорахъ съ шведскимъ посольствомъ (въ 1683 году) и съ папскимъ посланникомъ въ Персію монсиньоромъ Кнабомъ (въ 1684 году).

Въ 1688 году Менезій участвовалъ съ двумя пѣшими полками во второмъ крымскомъ походѣ, и тогда же былъ произведенъ въ чинъ генералъ-майора.

Конецъ жизни бывшій царедворецъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1694 году, на 57-мъ году отъ роду. Императоръ Петръ I присутствовалъ на торжественныхъ похоронахъ своего наставника и послѣ его смерти всегда выказывалъ къ семьѣ его доброе расположеніе.

Таковъ послужной списокъ Павла Менезія. По характеру своему онъ рисуется человѣкомъ мягкимъ, и въ высшей степени благовоспитаннымъ, а по дѣятельности — просвѣщеннымъ дипломатомъ, тактичнымъ царедворцемъ и опытнымъ строевымъ офицеромъ.

Изслѣдованіе г. Чарыкова написано живымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ. Издано оно изящно: на роскошной бумагѣ съ массой иллюстрацій и портретовъ.

В. Городецкій.

Писатели изъ народа. Литературный сборникъ памяти Н. А. Некрасова. М. 1903.

Писатели, вышедшіе изъ народа, явленіе далеко не новое. Но прежде они держались въ сторонѣ отъ общей семьи русскихъ литераторовъ, и только нѣкоторые изъ нихъ обращали на себя вниманіе критики. Недавно В. П. Буренинъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о беллетристѣ С. Т. Семеновѣ, а, раз-

бирая повѣсть крестьянина И. Савихина «Аника-воинъ», А. Скабичевскій указываетъ на дарованіе ея автора. «Она составляетъ своего рода феноменъ, какъ по своей талантливости и богатству содержанія, такъ и потому, что авторъ ея является прямымъ и непосредственнымъ выходцемъ изъ деревенской крестьянской избы. Было время, когда литература наша почти всецѣло находилась въ дворянскихъ рукахъ, и тогда весьма естественно могли считаться дѣтьми народа Кольцовъ и Никитинъ, хотя на самомъ дѣлѣ они были дѣти зажиточныхъ купцовъ. Истинныхъ же дѣтей народа у насъ было до сихъ поръ лишь трое—Ломоносовъ, Шевченко и Савихинъ. Но, принимая во вниманіе, что Ломоносовъ оставилъ родной край подросткомъ, а затѣмъ и россійская и нѣмецкая наука такъ его обломала, что народнаго духа въ его сочиненіяхъ не осталось и слѣда, да и не время было въ срединѣ XVIII вѣка заниматься изображеніями деревенской жизни, Тарасъ же Шевченко, писавшій на малороссійскимъ языкѣ, лишь съ большими натяжками можетъ считаться общерусскимъ достояніемъ,—мы и имѣемъ пока лишь Савихина, какъ единственнаго въ нашей литературѣ «епутата» отъ крестьянъ. Я говорю единственнаго въ смыслѣ писателя, по своему таланту достойнаго названія представителя отъ крестьянъ, такъ какъ было у насъ немало выходцевъ изъ крестьянъ или совсѣмъ бездарныхъ, или если и съ дарованіями,—Суриковъ, Дрожжинъ,—то слишкомъ маленькими и едва замѣтными» («Новости», № 26). Теперь у насъ есть цѣлая группа молодыхъ писателей, вышедшихъ изъ народа и не покидающихъ своихъ крестьянскихъ и ремесленническихъ занятій. Въ прошломъ году въ Москвѣ возобновленъ цѣлый кружокъ такихъ писателей, устраивающихъ литературныя засѣданія, издающихъ свои произведенія и т. д. Однимъ изъ первыхъ изданій кружка оказался Некрасовскій сборникъ, въ которомъ собраны прозаическія и поэтическія произведенія Нечаева, Травина, Шкулева, Савина, Петрова, Попова, Бобрикова, Захарова, Заврацскаго, Кузнецова, Степанова, Рѣпина, Горохова, Морозова, Назарова, Цыганова и Наумова. Среди нихъ попадаются имена, довольно извѣстныя въ газетахъ и журналахъ, главнымъ образомъ, провинціальныхъ, и нельзя сказать, чтобы каждый изъ этихъ писателей въ отдѣльности былъ неспособнымъ къ литературнымъ занятіямъ.

Несмотря на это, въ общемъ отъ сборника получается довольно безотрадное впечатлѣніе, и дешевыя риѳмы вполнѣ гармонируютъ съ слишкомъ дешевыми мыслями. Правда, на отдѣльныхъ разсказахъ все-таки можно остановиться. «Звонарь» М. Савина написанъ положительно красиво и сильно. Если бы авторъ сумѣлъ выдержать мѣру и въ концѣ не вдался въ нѣсколько наивный мелодраматизмъ, то получилась бы необыкновенно цѣльная картинка. Церковный сторожъ Пахомъ—не обыкновенный звонарь. Человѣкъ онъ общественный и, кромѣ того, психологъ. Мѣдные голоса его колоколовъ должны сзывать все село на молитву. Если Пахомъ замѣчалъ, что двери какой нибудь избы долго не отворялись, онъ старался ударять все сильнѣе и сильнѣе, чтобы разбудить заспавшихся богомольцевъ. Суровые, требовательные и строгіе звуки колокола вылетали изъ-подъ ударовъ звонаря и ударялись въ двери такой избы, словно мощная сила. Въ экстренныхъ случаяхъ онъ прибѣгалъ и къ

большимъ колоколамъ, и успокаивался только тогда, когда все село направлялось къ церкви. Однимъ словомъ, Пахомъ дѣлался неумолимъ, и ничто не могло противостоять угрожающимъ звукамъ его старыхъ и хриплыхъ колоколовъ.

Но вотъ въ село пріѣхалъ баринъ. Въ первое же воскресенье Пахомъ задумалъ разбудить своимъ звономъ молодого повѣсу.

— Вставай, безстыдникъ, вста-ва-ай!—шамкалъ беззубыми деснами, какъ бы подпѣвая мѣдному гулу самаго большого колокола, мурлыкалъ дѣдушка, устремивъ свой взоръ къ высокимъ ветламъ барскаго помѣстья.—Я вѣдь не отстану, разбужу!.. Я-те отрезвлю!—пѣлъ дѣдушка и принадувшись, нахмуривъ брови, все сильнѣй наступалъ на доску.

Очень образно описаны Савинымъ звуки колокола, которые, словно большія птицы, неслись къ ветламъ, силясь раздвинуть ихъ кудрявыя верхушки, удариться въ старыя барскія двери, сорвать ихъ съ петель и влетѣть въ комнаты. Но въ концѣ концовъ Пахому не удалось разбудить барина, а вмѣсто того самъ звонарь выпустилъ веревки изъ рукъ, почувствовалъ, что мощная сила изъ него куда-то сразу исчезла, затѣмъ онъ сошелъ внизъ, сѣлъ на могилу и умеръ. Развязка пришлась совершенно неожиданно, и, очевидно, входило въ задачи Савина сдѣлать свой разсказъ трогательнымъ.

Съ несомнѣннымъ дарованіемъ написана картинка Травина «Гдѣ ты теперь?», «Мои воспоминанія» М. Захарова, нѣкоторыя стихотворенія Шкулева, Рѣпина и Назарова. А. Я.

Воронежская Старина. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Выпускъ второй. Воронежъ. 1903.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже было привѣтствовано появленіе перваго выпуска «Воронежской Старины» и отмѣчены болѣе выдающіяся въ немъ статьи. То же богатство архивнаго матеріала и присутствіе статей, основанныхъ по преимуществу на духовныхъ данныхъ, наблюдается и въ разсматриваемомъ нами второмъ ея выпускѣ. Такъ въ I отдѣлѣ («Матеріалы») мы находимъ: «Книга окладная приходная 724 году города Воронежа дому архерейскаго казеннаго приказу сбору Воронежской епархіи городовъ съ церквей данныхъ и протчихъ положенныхъ доходовъ, которые положены по окладамъ»; этой книгѣ предшествуетъ довольно обстоятельное и подробное изслѣдованіе сообщившаго её въ «Старину» г. А. Правдина. Авторъ, послѣ описанія внѣшняго вида документа, порядка и формы записей, даетъ обзоръ церковныхъ даней и пошлинъ въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ; говоритъ затѣмъ о личныхъ сборахъ съ духовенства, приходо-расходныхъ книгахъ воронежскаго архіерейскаго дома при святомъ Митрофанѣ, приходныхъ книгахъ казенныхъ приказовъ, сборщикахъ пошлинъ и проч.

Далѣе идетъ «Извлеченіе изъ книгъ переписныхъ Воронежской епархіи всѣхъ городовъ и уѣздовъ поповымъ и дьяконовымъ дѣтемъ, и церковнымъ причетникамъ и ихъ церковническимъ дѣтемъ мужеска пола 1705 года» (сообщилъ Н. И. Поликарповъ). Самая же статья объ этихъ переписныхъ кни-

гахъ была напечатана г. Поликарповымъ въ первомъ выпускѣ «Воронежской Старины». «Извлеченіе» заключаетъ лишь свѣдѣнія о составѣ духовенства по каждой церкви, безъ его дѣтей, какъ не состоявшихъ, собственно, въ составѣ причтовъ.

Заключительною статьею перваго отдѣла являются—«Матеріалы по исторіи монашества на Дону. I. Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи», П. В. Никольскаго. Какъ извѣстно, императрица Екатерина II въ 1762 году образовала комиссію для отчужденія въ казну недвижимыхъ церковныхъ имуществъ и установленія монастырскихъ штатовъ. Эта комиссія чрезъ консисторію потребовала изъ монастырей, прежде всего, опредѣляющіе ихъ имущественныя права документы, которые поступили потомъ чрезъ коллегію экономіи въ государственный архивъ, а въ настоящее время хранятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ общей сложности ихъ насчитываетя до $14^1/_2$ тыс. столбцовъ и 608 книгъ, относящихся къ 1356—1795 годамъ. Документы эти состоятъ изъ жалованныхъ государями разнымъ монастырямъ и архіереямъ грамотъ на земли, изъ межевыхъ выписей, мѣновыхъ записей на земли и угодья и проч. Помимо своего глубокаго историческаго значенія, эти документы весьма любопытны еще и потому, что заключаютъ въ себѣ много интереснѣйшихъ бытовыхъ явленій, характеризующихъ отношеніе монастырей къ мірскому населенію, ихъ внутреннюю жизнь и подробное описаніе самихъ монастырей.

Такъ какъ въ XVIII вѣкѣ большинство донскихъ монастырей входило въ составъ Воронежской епархіи, то естественно, что документы, опредѣляющіе права ихъ на владѣніе землями, были вытребованы комиссіей 1762 г. чрезъ воронежскую духовную консисторію, въ которую впослѣдствіи поступили и грамоты придонскихъ малороссійскихъ монастырей. Изъ всѣхъ 218 грамотъ по придонскимъ уѣздамъ въ разсматриваемомъ нами выпускѣ «Воронежской Старины» напечатаны грамоты, опредѣляющія права воронежскаго архіерейскаго дома, права московскаго патріарха на нѣкоторыя вотчины, бѣлгородскаго и рязанскаго архіереевъ, Троице-Сергіевской лавры, воронежскаго соборнаго попа и попа архангельской церкви Чертовицкаго стана; систематизированы по монастырямъ: Лебедянскому, Троицкому, двумъ Елецкимъ, Тешевскому, Даншину, Усманскому, Успенскому, Толшевскому, Карачунскому и др. Всего грамотъ помѣщено 126, при чемъ ранѣе напечатанныхъ приведены лишь оглавленія и свѣдѣнія о мѣстѣ и времени ихъ напечатанія.

Въ отдѣлѣ «изслѣдованій», во главѣ помѣщена статья П. В. Никольскаго— «Положеніе монастырей Воронежской епархіи при святителѣ Митрофанѣ». Справедливо придавая важное значеніе вообще управленію Воронежской епархіей св. Митрофана, какъ въ церковной, такъ и въ гражданской исторіи Донского края,—управленію, стремившемуся къ урегулированію мѣстной жизни, искорененію ея антиканоническихъ порядковъ и смягченію грубыхъ нравовъ полудикаго населенія,—авторъ подробно, на основаніи преимущественно архивныхъ матеріаловъ, слѣдитъ за жизнью и состояніемъ монастырей при св. Митрофанѣ и сообщаетъ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній. Тому же автору принадлежатъ и помѣщенныя (въ извлеченіяхъ) вслѣдъ за указанной

статьей, въ видѣ приложенія къ ней, «Переписныя книги Воронежской епархіи монастырскимъ вотчинамъ».

Съ интересомъ прочтутся и двѣ другія статьи этого отдѣла, основанныя также на архивныхъ данныхъ: «Два эпизода для характеристики нравовъ въ въ Воронежской епархіи при святителѣ Митрофанѣ» (свидѣтельствующіе о распущенности нравовъ нѣкоторыхъ воронежскихъ помѣщиковъ) и «Воронежскій хоръ при св. Митрофанѣ и поѣздки его въ Москву въ 1704 году». Первая принадлежитъ перу С. Введенскаго, вторая—Н. Поликарпова.

Въ заключительномъ третьемъ отдѣлѣ находимъ продолженіе начатой въ первомъ выпускѣ «Описи указамъ святѣйшаго синода, относящимся до Воронежской епархіи, хранящимся въ воронежской духовной консисторіи за 1734—1850 годы»; сюда вошли указы за 1802—1850 годы.

Уже этотъ краткій обзоръ содержанія лежащаго передъ нами выпуска «Воронежской Старины» показываетъ, какое важное значеніе имѣетъ онъ для мѣстной церковной исторіи, и какія историческія богатства покоятся еще въ нашихъ мѣстныхъ архивахъ; поэтому намъ остается лишь пожелать безвозмезднымъ мѣстнымъ труженикамъ, членамъ воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета, дальнѣйшаго преуспѣянія на поприщѣ обогащенія нашей церковно-исторической литературы новыми столь же цѣнными вкладами.

В. Рудаковъ.

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ VI. Юрьевъ. 1903.

Большая часть «Сборника» посвящена памяти Гоголя и Жуковскаго. Къ сожалѣнію, юбилейныя статьи особенными достоинствами не блещутъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ исключительно и узко мѣстный интересъ; такова статья I. Змигродскаго: «Гоголь на сценахъ г. Юрьева». Другія пережевываютъ давно извѣстныя свѣдѣнія, разбавляя ихъ болѣе или менѣе красивыми фразами. Такова статья А. Н. Троицкаго: «М. А. Мойеръ (т.-е. Протасова) въ жизни и поэзіи Жуковскаго»; вопросъ этотъ прекрасно разработанъ прежде проф. Пѣтуховымъ и другими. П. Н. Сосновскій самъ резюмируетъ содержаніе своей статьи «Гоголь и Пушкинъ» въ такихъ словахъ: «Такимъ образомъ мы видимъ, что Гоголь былъ тѣсно связанъ съ Пушкинымъ, былъ плоть отъ плоти его. Оба они, великіе геніи русской поэзіи, шли рука объ руку, пока пуля не сразила Пушкина»... Какъ видно, выводы не блещутъ новизною и даже не хвалятся содержательностію. Тотъ же авторъ особенно подчеркиваетъ въ характеристикѣ Гоголя, что это былъ «первымъ и главнымъ образомъ малороссъ-хохолъ», «съ думкою себѣ на умѣ», а «не славянинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова» (?)... Нѣчто подобное и у г. С. Кузнецова, которому пришла идея сравнить Гоголя съ Тургеневымъ. Изъ его статьи «Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ ихъ жизни» мы узнаемъ, что оба великихъ писателя любили одинаково свою родину, но любили вмѣстѣ и «заграницу», оба терпѣли нужду и переживали нравственныя мученія, оба преклонялись передъ Пушкинымъ... Вотъ

та «поразительная аналогія (между Гоголемъ и Тургеневымъ), на которой любопытно остановиться», и тѣ «параллели, которыя интересно прослѣдить».

Новѣе, по содержанію, статейки г. Я. Лаутенбаха: «В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь въ латышской литературѣ» и «В. А. Жуковскій въ латышской поэзіи». Въ нихъ авторъ дѣлаетъ попутно небольшіе экскурсы въ исторію латышской литературы и латышскаго народа вообще. Стиль автора очень оригинальный и немного смахиваетъ на декадентщину (или тарабарщину?). Напримѣръ: «Въ XVIII, такъ названномъ (?) философскомъ, вѣкѣ, въ то время, когда Курляндія была еще герцогствомъ, жилъ самый выдающійся (?) мужъ Курляндіи, пасторъ, пробстъ, поэтъ, профессоръ, ученый, Готтардъ Фр. Стендеръ, впослѣдствіи названный Стендеромъ старшимъ»... и далѣе въ томъ же родѣ. Нерѣдко авторъ начинаетъ наивничать. Вотъ заключительная характеристика Гоголя и Жуковскаго (кстати замѣтить, не имѣющая къ содержанію статьи почти никакого отношенія): «Какое различіе между ними—Жуковскимъ, великимъ, образованнымъ, сентиментальнымъ толкователемъ иностранныхъ художественныхъ произведеній, и Гоголемъ, великимъ, проницательнымъ, юмористическимъ изобразителемъ русской жизни! И тѣмъ не менѣе (?) оба они раздѣляютъ безсмертную славу выдающихся дѣятелей въ области поэзіи, т.-е., по Гоголю, совокупности-цѣльности искусствъ» (?)...

Двѣ рѣчи проф. протоіерея Царевскаго заканчиваютъ юбилейный отдѣлъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ находимъ обстоятельную статью проф. В. Г. Алексѣева «Михаилъ Васильевичъ Остроградскій», по поводу столѣтія со дня рожденія великаго русскаго математика; къ статьѣ приложенъ портретъ Остроградскаго; статью проф. Б. И. Срезневскаго «Вліяніе климатовъ на человѣка»; статью г. Н. Я. Кипріановича «Ливонская хроника Генриха Латыша» и небольшую замѣтку проф. Красножека «Къ исторіи византійской отреченной письменности». Послѣдняя обращаетъ вниманіе византологовъ на книгу Алмазова «Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры».

Въ офиціальномъ отдѣлѣ «Сборника» помѣщены, между прочимъ, краткія резюме тѣхъ докладовъ, которые не были и не будутъ напечатаны полностію. Упоминанія заслуживаетъ сообщеніе М. Н. Столярова, посвященное опроверженію широко-распространеннаго въ русской и иностранной литературѣ мнѣнія, будто бы Тургеневъ подвергнутъ былъ въ 1852 году аресту и высылкѣ въ деревню не столько за письмо по поводу смерти Гоголя, напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», сколько за изданіе «Записокъ охотника» отдѣльной книгой. Ни въ воспоминаніяхъ самого Тургенева, ни въ современныхъ аресту дневникахъ и письмахъ, ни въ офиціальныхъ документахъ III Отдѣленія не упоминается о «Запискахъ охотника». Да и книга эта вышла въ печати уже послѣ того, какъ Тургеневъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста. Творцомъ и распространителемъ этого ложнаго слуха можно считать, однако, самого автора «Записокъ охотника». Д. З.

Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Изслѣдованіе Николая Чернавскаго. Выпускъ 2. Оренбургъ. 1903.

О первомъ выпускѣ труда г. Чернавскаго, посвященнаго исторіи Оренбургской епархіи, былъ своевременно помѣщенъ отзывъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1901 г., февраль). Теперь предъ нами второй выпускъ этого труда, представляющій громадный томъ (въ 1058 страницъ). И этотъ томъ содержитъ много интереснаго архивнаго матеріала, заслуживающаго обзора не въ краткой библіографической замѣткѣ. Мы отмѣтимъ лишь въ общихъ чертахъ содержаніе почтеннаго изслѣдованія г. Чернавскаго, уже не новичка въ работахъ по архивнымъ матеріаламъ.

Въ разсматриваемомъ выпускѣ рѣчь идетъ о состояніи епархіальнаго управленія въ періодъ существованія Оренбургско-Уфимской (1799—1859 г.) и собственно Оренбургской епархіи (съ 1859 г.). Сначала въ книгѣ излагаются общія замѣчанія о епархіальномъ управленіи (стр. 9—12), а затѣмъ рѣчь идетъ о епископахъ оренбургско-уфимскихъ и оренбургско-уральскихъ, о духовной консисторіи, духовныхъ правленіяхъ, благочинныхъ и духовныхъ депутахъ (стр. 11—55). Далѣе говорится о содержаніи оренбургско-уфимскаго епархіальнаго управленія (о помѣщеніи архіерейскаго дома и консисторіи, о помѣщеніяхъ духовныхъ правленій, стр. 56—68) и о содержаніи новой оренбургской каѳедры — объ окладахъ жалованья, архіерейскихъ угодьяхъ, зданіяхъ для архіерея и консисторіи, о припискѣ къ архіерейскому дому Богодуховскаго монастыря, о ризницахъ архіерейскаго дома, о типографіи и переплетной при консисторіи (стр. 68—88[3.2]).

Послѣ предварительныхъ свѣдѣній о епархіальномъ управленіи г. Чернавскій предлагаетъ въ своей книгѣ рядъ очерковъ о епископахъ оренбургскихъ и уфимскихъ (1799—1859 г.). Первымъ архіереемъ оренбургскимъ и уфимскимъ былъ Амвросій, по фамиліи Келембетъ, занимавшій каѳедру съ 1799 по 1806 годъ. Это былъ человѣкъ простодушный и добрый, строгій монахъ, неутомимый въ молитвѣ и богослуженіи, пользовавшійся любовью окружавшихъ. Какъ администраторъ, епископъ Амвросій также оставилъ добрую по себѣ память въ исторіи. Онъ умѣло справлялся съ разнообразными дѣлами по управленію вновь образованной епархіи и успѣшно устранялъ неизбѣжныя во всякомъ новомъ дѣлѣ затрудненія (стр. 90—124).

Вторымъ оренбургско-уфимскимъ архіереемъ былъ Августинъ Сахаровъ (1806—1819 г.), человѣкъ съ твердой волей, прямой, энергичный, суровый. Онъ много заботился объ улучшеніи епархіальнаго управленія и судопроизводства, о церковныхъ архивахъ, устройствѣ храмовъ и снабженіи ихъ церковно-богослужебными книгами, объ архіерейскомъ хорѣ, образованіи духовенства, просвѣщеніи народа и раскольниковъ. Епископъ Августинъ принадлежитъ также къ числу плодовитѣйшихъ писателей-іерарховъ русской церкви. Его литературные труды разнообразны: есть стихотворенія и переводы, изысканія по церковной исторіи («Начертаніе церковной исторіи отъ созданія міра до настоящихъ временъ», въ четырехъ томахъ, «Записки по церковной исторіи», «Всемірная топографія» и другія), по экзегетикѣ («Библейскій словарь», «Бе-

сѣды на дѣянія апостольскія») и особенно церковному законовѣдѣнію, каковы: «Алфавитный сводъ или памятникъ изъ духовныхъ законовъ», «Сводъ духовныхъ законовъ съ 1714 по 1820 годъ», «Полный систематическій сводъ или собраніе духовныхъ законовъ православной церкви», въ 15-ти томахъ и другія. Нѣкоторые изъ литературныхъ трудовъ епископа Августина и доселѣ сохраняются въ рукописяхъ (стр. 125—210).

Послѣ Августина на оренбургскую каѳедру былъ назначенъ ректоръ петербургской семинаріи архимандритъ Иннокентій Смирновъ, извѣстный церковный писатель, но онъ не былъ тогда (въ 1819 году) посвященъ во епископа, поэтому de facto и не занималъ оренбургской каѳедры (стр. 210 — 216). Въ мартѣ 1819 года былъ назначенъ епископъ Ѳеофилъ (Татарскій), который и управлялъ епархіей до мая 1823 года. Въ дѣлѣ управленія епархіей Ѳеофилъ былъ врагомъ канцелярской волокиты, но любовью и довѣріемъ паствы не пользовался вслѣдствіе пристрастія къ пьянству (стр. 217—227).

Слѣдующимъ архіереемъ былъ Амвросій Моревъ (1823—1828 г.), при которомъ были построены каменныя зданія для епархіальныхъ учрежденій, открыто попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, устроена первая единовѣрческая церковь, открыта женская община, были приняты мѣры для обращенія молоканъ въ православіе и прочее (стр. 228—261).

Послѣ Амвросія епархіей управлялъ Аркадій (Ѳеодоровъ), извѣстный дѣятель противъ раскола. Въ дѣло противораскольнической миссіи онъ вложилъ всю свою душу. Онъ самъ лично бесѣдовалъ съ раскольниками и воодушевлялъ ихъ бесѣдами другихъ, велъ обширную переписку съ лицами, колеблющимися въ вѣрѣ, издалъ массу рукописныхъ трактатовъ о расколѣ и противъ раскола, изложенныхъ въ діалогической формѣ, простымъ языкомъ, отличающихся, однако, изумительною ясностью и убѣдительностью доводовъ. Личныя достоинства и таланты епископа Аркадія были настолько почтенны, что онъ, по словамъ пермскаго губернатора Н. И. Огарева, «если бы избралъ свѣтскую службу, то былъ бы первымъ министромъ». Его дѣла во время управленія Оренбургской епархіей были разнообразны и плодотворны. При немъ были открыты два духовныя училища—челябинское и бугульминское, а также учреждены классы татарскаго и чувашскаго языковъ въ духовной семинаріи, устроена первая православная церковь въ Уральской области, а вслѣдъ за ней и другіе храмы въ той же области, повышены требованія отъ кандидатовъ священства, обращено вниманіе на проповѣдническую дѣятельность духовенства среди народа, увеличенъ причтовый надѣлъ земли и прочее (стр. 262—352).

Слѣдующимъ архіереемъ былъ Михаилъ (Добровъ, 1831—1834 г.), человѣкъ образованный, простой и снисходительный, продолжавшій благоустроять епархіальныя дѣла въ духѣ своего предшественника (стр. 353—387).

Его смѣнилъ епископъ Іоанникій (Образцовъ, 1835—1849 г.), дѣятельность котораго по управленію епархіей выразилась въ устройствѣ народныхъ школъ, энергичной борьбѣ съ расколомъ, язычествомъ и отчасти съ мусульманствомъ, въ устройствѣ и умноженіи храмовъ, въ упорядоченіи приходской жизни, въ заботахъ о возвышеніи образовательнаго и нравственнаго уровня приходскаго духовенства и объ улучшеніи его матеріальнаго состоянія. Но въ

общемъ эта дѣятельность не отличалась особою интенсивностью, что зависѣло отъ слабости характера епископа Іоанникія, легко подчинявшагося постороннему вліянію (стр. 388—558).

Послѣ Іоанникія епархіей управлялъ епископъ Іосифъ, по фамиліи Богословскій (1849—1853 г.), прошедшій суровую жизненно-практическую школу подъ руководствомъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета. Воспитанникъ Филаретовской школы, онъ старался подражать своему авторитету и въ частной жизни, и въ служебной дѣятельности, въ которую онъ привнесъ принципъ строгости, законности и справедливости. Какъ человѣкъ долга и христіанской любви, епископъ Іосифъ пользовался большимъ уваженіемъ въ средѣ и народа, и духовенства. Онъ славился и умѣньемъ слагать весьма удачныя импровизаціи на церковной каѳедрѣ. Административная дѣятельность епископа Іосифа была разностороння и плодотворна (стр. 559—661).

Епископъ Антоній I, Шокотовъ (1853—1858 г.), оставилъ память о себѣ, какъ о человѣкѣ благороднѣйшемъ и высоко гуманномъ, съ просвѣщенными и возвышенными взглядами. Въ административномъ отношеніи онъ явился дѣятелемъ умнымъ, осторожнымъ, гуманнымъ. Главный начальникъ края А. А. Катенинъ, въ письмѣ къ оберъ-прокурору графу Толстому, охарактеризовалъ его, какъ достоуважаемаго и всѣми любимаго архипастыря, своей просвѣщенной предусмотрительностью, истинно пастырскимъ благодушіемъ и опытностью много содѣйствовавшаго ему въ общихъ задачахъ по управленію и благоустроенію Оренбургскаго края. Епископъ Антоній былъ ревностнымъ проповѣдникомъ и неутомимымъ въ совершеніи церковныхъ службъ (стр. 662—777).

Наконецъ, епископъ Антоній II, по фамиліи Радонежскій, только девять мѣсяцевъ управлялъ Оренбургско-Уфимской епархіей (съ 15 іюня 1858 г. по 21 марта 1859 г.), а потомъ по своему желанію и по ходатайству Катенина былъ переведенъ епископомъ въ г. Оренбургъ, на новоучрежденную каѳедру. Подробная о немъ рѣчь отложена до третьяго выпуска, а во второмъ отмѣчаются только немногія событія, совершившіяся въ кратковременное его управленіе, а главнымъ образомъ говорится объ обращеніи уральскихъ раскольниковъ въ православіе (стр. 778—889).

Послѣ очерковъ жизни и дѣятельности уфимско-оренбургскихъ архіеревъ въ книгѣ г. Чернавскаго ведется рѣчь о постепенномъ ослабленіи зависимости уральскаго духовенства отъ войсковой канцеляріи и усиленіи епархіальнаго вліянія (стр. 890—904), а также сообщаются краткія біографическія данныя о епископахъ уфимскихъ Порфиріи и Филаретѣ (стр. 905—906).

Къ книгѣ приложены обширныя дополненія, изъ коихъ одни относятся къ первому выпуску изслѣдованія г. Чернавскаго, а другія ко второму. Къ первому выпуску присоединены дополнительныя свѣдѣнія о главныхъ начальникахъ Оренбургскаго края и новыя данныя относительно учрежденія нынѣшней Оренбургской епархіи (стр. 907—925). Ко второму выпуску приложены слѣдующія статьи: назначеніе десятниковъ въ Челябинскомъ краѣ, распоряженія архіереевъ Амвросія I и Амвросія II, новыя данныя о пребываніи епископа Аркадія на Оренбургской каѳедрѣ, свѣдѣнія о епископѣ Іоанникіи, изъ исторіи оренбургскаго раскола въ пятидесятыхъ годахъ и оренбургскій комитетъ по обезпеченію сельскаго духовенства (стр. 926—1058).

Таково въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія г. Чернавскаго. Это изслѣдованіе нужно признать очень почтеннымъ по обилію и разнообразію представленнаго въ немъ архивнаго матеріала. Внутренняя жизнь Оренбургской епархіи за указанное время изображается здѣсь всесторонне и обстоятельно. Авторъ положилъ много труда на изученіе собранныхъ имъ архивныхъ данныхъ, умѣло разобрался въ громадномъ матеріалѣ и составилъ работу, интересную и полезную въ разныхъ отношеніяхъ. Весьма желательно, чтобы г. Чернавскій не ослабѣлъ въ трудолюбіи и энергіи для завершенія его многолѣтняго и почтеннаго произведенія, по плану и методу, положительныя достоинства которыхъ уже достаточно опредѣлились въ прежнихъ его изслѣдованіяхъ. О.

Надписи и девизы на русскихъ печатяхъ частныхъ лицъ. Изъ собранія И. К. Антошевскаго. (Выпускъ первый). Спб. 1903.

Въ то время, какъ на западѣ сфрагистика давнымъ давно выдѣлилась въ самостоятельное знаніе и создала уже богатую спеціальную литературу и цѣнныя коллекціи, у насъ она лишь очень недавно утратила чисто-диллетантскій характеръ и стала предметомъ систематическаго научнаго изученія. Литература же по ней на русскомъ языкѣ совсѣмъ еще бѣдна, и потому всякая новая работа въ этой области должна заслуживать надлежащее вниманіе и поощреніе. Заслуживаетъ этого и отпечатанная не для продажи, всего въ количествѣ восьмидесяти экземпляровъ, книга г. Антошевскаго «Надписи и девизы на русскихъ печатяхъ частныхъ лицъ».

Первый выпускъ этого труда посвященъ всецѣло систематическому описанію русскихъ печатей (преимущественно изъ собранія составителя книги), которыя имѣютъ какія либо надписи и девизы, интересные въ историческомъ или въ бытовомъ отношеніи.

Печати эти раздѣлены на слѣдующія группы.

Въ первую группу вошли печати разныхъ эпохъ, принадлежащія духовнымъ особамъ XV—XIX столѣтій.

Во вторую группу—именныя печати свѣтскихъ лицъ. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе такъ называемыя «купеческія» печати, съ эмблемами торговли—жезла Меркурія, якоря и корабля, а также печать, принадлежавшая участнику Отечественной войны 1812 года Петру Прозоровскому.

Въ третью группу включены масонскія печати. Ихъ указано всего пять: 1) съ девизомъ «Равенство»—изящнаго рисунка и тонкой рѣзьбы, съ изображеніемъ масонскихъ аттрибутовъ: всевидящаго ока въ обликахъ, циркуля, угольника и вѣсовъ; 2) съ девизомъ «Одно лишь вѣрно», сердоликовая перстневая, съ изображеніемъ адамовой головы, принадлежавшая дворянину Новгородской губерніи, Александру Бурнашеву, жившему въ первой половинѣ прошлаго столѣтія; 3) съ девизомъ «Patience, silence, esperance», брелокъ съ изображеніемъ ландшафта, освѣщаемаго солнцемъ, и съ поломаннымъ бурей деревомъ, принадлежавшій масону Бурде († въ Спб. въ 50-хъ годахъ); 4) съ девизомъ «Veille sur cette que j'aime», брелокъ тонкой работы

на ониксѣ, съ изображеніемъ всевидящаго ока (начала XIX стол.); и 5) съ девизомъ «Серцѣ чисто созижди Господи Божѣ», съ изображеніемъ пьедестала съ инициіалами Е. Р., чернильницы съ перомъ и пламенѣющаго сердца.

Въ четвертую группу вошли печати разныхъ эпохъ и лицъ съ надписями, имѣющими связь съ изображеніями, сдѣланными на этихъ печатяхъ. Перечень относится преимущественно къ печатямъ начала XIX столѣтія, съ шаблонными эмблемами—снопа ржи, гроба, птицы, креста, якоря, незабудки, амура—и съ такими же избитыми девизами—«дороже всѣхъ сокровищъ», «терплю и надѣюсь», «куй желѣзо, пока горячо», «поспѣшай», «si je te perds, je suis perdu» и т. п.

Въ пятую группу выдѣлены русскія дворянскія печати, имѣющія гербовые девизы (на русскомъ и латинскомъ языкахъ). Изъ этого многочисленнаго перечня заслуживаютъ особаго вниманія двѣ печати:

1) академика Августа Шлецера, исходатайствовавшаго себѣ гербъ, утвержденный 18-го декабря 1803 года императоромъ Александромъ Первымъ; гербъ этотъ (съ девизомъ 6-го стиха, LXXVI псалма) въ Общій Гербовникъ не внесенъ;

2) графини Маріи Симоновны Чоглоковой, рожденной гр. Гендриковой, съ девизомъ «Durat ad posteros virtus». Изъ приводимыхъ г. Антошевскимъ свѣдѣній видно, что статсъ-дама М. С. Чоглокова, супруга камергера Ник. Наум. Чоглокова († 1754 г.), была возведена въ 1742 г. императрицей Елисаветой Петровной въ графское достоинство, «въ разсужденіе ея благонравія, честнаго и благопристойнаго житія, страха Божія и происходящихъ отъ того благоугодныхъ намъ добрыхъ поступковъ и добродѣтелей»... Этихъ данныхъ нѣтъ ни въ Общемъ Гербовникѣ, ни у кн. Долгорукова, напечатавшаго родословную Чоглоковыхъ.

Таково содержаніе книги г. Антошевскаго. Безусловно она составлена тщательно и аккуратно и имѣетъ довольно большой интересъ, такъ какъ всѣ включенныя въ нее печати являются не только историческими памятниками, но и цѣннымъ матеріаломъ въ области исторіи русскаго быта.

Жаль, однако, что составитель «Надписей и девизовъ» немного поскупился и не снабдилъ своего изданія снимками со всѣхъ цитируемыхъ имъ печатей. Не мѣшало бы, кромѣ того, и отпечатать это изданіе въ бо̀льшемъ количествѣ экземпляровъ и пустить его въ продажу.

Съ внѣшней стороны книга опрятна: бумага веленевая, шрифтъ чистъ.

В. Городецкій.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1902 годъ. М. 1903.

Изъ приращеній картинной галлереи слѣдуетъ отмѣтить богатую коллекцію генералъ-майора В. Р. Трофимовича, собранную въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе три картины старой итальянской школы—«Потретъ молодой женщины» Гвидо Рени, «Св. Іоаннъ въ пустынѣ» Марціо Мастурцо и «Мученіе св. Ваѳоломея» неизвѣстнаго мастера; затѣмъ около пятидесяти картинъ голландской и фламандской школъ. Среди

послѣднихъ попадаются работы такихъ извѣстныхъ мастеровъ, какъ Ванъ-деръ-Мейнъ, Стенвикъ, Ванъ-деръ-Мейленъ, Рубенсъ (копія), Вертангенъ, Момперъ, Ванъ-Альстъ, Рембрандтъ (копія), Франкъ, Ванъ-деръ-Гейденъ, Тьери Ванъ-Бергенъ, Доувенъ и многіе другіе. Затѣмъ слѣдуютъ французская и нѣмецкая школы и одна картина русскаго художника: «Морской видъ» К. П. Рабуса. Можно указать также картину извѣстнаго въ свое время перспективнаго живописца и реставратора Н. И. Подклюшникова «Видъ собора св. Василія Блаженнаго въ Москвѣ», написанную въ 1838 году. Эта картина воспроизводитъ Красную площадь со многими постройками, которыя теперь уже не существуютъ. Наконецъ, по завѣщанію художника А. М. Колесова, въ музей поступили портреты русскихъ художниковъ С. К. Зарянко, А. К. Саврасова и И. И. Шишкина.

Рукописное отдѣленіе увеличилось очень цѣнными автографами В. Г. Бѣлинскаго, купленными букинистомъ Толченовымъ послѣ смерти Н. Х. Кетчера. Это—статьи нашего великаго критика, большею частью помѣщенныя въ журналахъ, писанныя крупнымъ разгонистымъ почеркомъ, съ поправками и помѣтами Краевскаго, самого автора и другихъ лицъ. О. А. Новикова, урожденная Кирѣева, пожертвовала музею собраніе автографовъ русскихъ писателей, военныхъ и общественныхъ дѣятелей — Е. П. Блаватской, К. Н. Бестужева-Рюмина, кн. П. А. Вяземскаго, кн. П. В. Долгорукаго, П. Е. Елагиной, В. А. Жуковскаго, Н. Козлова, Н. С. Кохановской-Соханской, К. Н. Леонтьева, А. Н. Майкова, И. и Н. Павловыхъ, А. Ф. Писемскаго, Я. П. Полонскаго, М. Д. Скобелева, В. С. Соловьева, А. К. Толстого, А. Н. Сѣрова, И. С. Тургенева; интересенъ также рисунокъ, изображающій Гоголя, взывающаго къ Ѳемидѣ (судя по надписи на рисункѣ — собственноручный Н. В. Гоголя). Слѣдуетъ также упомянуть записныя книжки съ стихотвореніями графини Е. П. Растопчиной; по словамъ жертвователя, эти книжки принадлежали первоначально А. С. Пушкину, передавшему ихъ незаполненными В. А. Жуковскому, который, въ свою очередь, подарилъ ихъ графинѣ Растопчиной. Къ богатому отдѣлу масонскихъ вещей, знаковъ и изданій прибавилось нѣсколько интересныхъ предметовъ, поступившихъ отъ наслѣдниковъ художника Н. И. Подклюшникова.

Конечно, если припомнимъ пожертвованія Румянцевскому музею за предыдущій годъ, цѣнную картинную галлерею К. Т. Солдатенкова, то пріобрѣтенія за прошлый годъ нельзя назвать слишкомъ обильными.

М. О. Ок—вичъ

Н. Ончуковъ. Былинная поэзія на Печорѣ. Спб. 1903.

Надо думать, что глухія мѣста русскаго сѣвера долго еще будутъ привлекать къ себѣ этнографовъ и собирателей произведеній народнаго творчества, и обогатятъ исторію русской литературы, если не совершенно новыми и неизвѣстными до сихъ поръ былинами, то во всякомъ случаѣ такими эпизодами и варіантами, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ сборникахъ Кирши Данилова, Гильфердинга, Тихонравова и другихъ болѣе позднихъ записяхъ. Эту мысль бле-

стяще доказываетъ поѣздка Н. Ончукова на Печору весной прошлаго года. Оказалось, что напечатанныя имъ въ академическихъ «Извѣстіяхъ» (1902 г., кн. 3, стр. 277—353) былины представляютъ довольно жалкое собраніе сравнительно съ новыми записями. Записывать «старины» приходилось при очень тяжелыхъ условіяхъ. Во-первыхъ, г. Ончукову надо было попасть на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне были свободны отъ работъ, но притомъ—не въ великомъ посту. По его словамъ, печорцы-раскольники, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва ли бы стали ему пѣть что нибудь свѣтское въ это время. «По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Устьцыльмѣ старинщика, не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ пѣвшаго только по воскресеньямъ». Во-вторыхъ, такія же неблагопріятныя обстоятельства предоставляли и внѣшнія условія. «Записывалъ былины я,—говоритъ г. Ончуковъ,—напримѣръ, у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо ѣстъ глаза; сѣсть отъ костра дальше—нѣтъ дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валитъ чернильницу, сыплетъ песокъ въ глаза, и, того и гляди, пойдетъ дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человѣкъ 20—30 рыболововъ толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлаютъ работу въ конецъ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ насморкъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ пополамъ дѣло еще можно было вести до Петрова дня. Этотъ праздникъ—послѣдній день, въ который печорцы свободны. Теперь же поспѣваетъ трава на пожняхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ и въ лѣсныхъ росчистяхъ, начинаетъ большими массами итти вверхъ по рѣкѣ семга, болѣе или менѣе богатая добыча которой означаетъ болѣе или менѣе сытый годъ для печорца». Несмотря на это, г. Ончукову удалось записать около 50 былинъ, массу отрывковъ и варіантовъ, нѣсколько духовныхъ стиховъ, историческихъ и обрядовыхъ пѣсенъ и т. д. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія былины: «Бой Ильи Муромца съ сыномъ» (Застава богатырская), «Илья Муромецъ, голи и Угарище», «Якимъ и Тугаринъ», «Алеша Поповичъ и сестра двухъ братьевъ Долгополыхъ», «Ставеръ-бояринъ», «Идолъ Жидойловичъ и племянница Владимира», «Васька Окуловъ и Соломонъ», а также историческія пѣсни: «Иванъ Грозный и сынъ Ѳеодоръ», «Князь Долгоруковъ и ключникъ», «Егорей, мать и жена» и «Смерть Александра Перваго».

Будемъ ожидать выхода въ свѣтъ сборника съ текстомъ былинъ, сохранившихся въ «новомъ уголкѣ» Исландіи русскаго стариннаго эпоса.

А. И. Яцимирскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ историческая литература отъ іюля 1902 г. по іюль 1903 г. Въ нынѣшнемъ году обычное въ «Athenaeum»'ѣ обозрѣніе европейскихъ литературъ относительно исторіи является довольно скуднымъ. Даже въ статьяхъ о Чехіи, Даніи, Германіи и Голландіи вовсе не упоминается объ историческихъ книгахъ. Бельгійскій хроникеръ, Поль Фредерикъ, съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что въ нынѣшнемъ году онъ не можетъ указать на такое историческое сочиненіе, какъ прошлогодній II-й томъ превосходной «Исторіи Бельгіи» гентскаго профессора Пирнена. Первое мѣсто занимаетъ въ числѣ историческихъ изслѣдованій любопытная книга профессора Вандеркиндерэ «Территоріальный составъ бельгійскихъ владѣній въ средніе вѣка»; затѣмъ мы можемъ упомянуть о трудахъ: профессора Губерта—«Пограничные гарнизоны Нижней Австріи», Декана—«Нейтралитетъ Бельгіи», Эреры — «Русскіе евреи» и графа Освальда Керговэ — «Опыты и очерки». Относительно исторіи литературы заслуживаетъ вниманія: «Исторія французской литературы въ Бельгіи съ 1815 по 1830 годъ». Фламандскіе писатели по обыкновенію выпустили нѣсколько интересныхъ сочиненій авторовъ древняго и новаго времени.

Въ очеркѣ новѣйшихъ явленій французской исторической литературы Жюля Правье приводится перечень вышедшихъ книгъ, изъ числа которыхъ большая часть уже упомянута нами въ теченіе года. Изъ пропущенныхъ же сочиненій можно упомянуть «Тацита» Гастона Буасье, «Фридрихъ Ницше» Евгенія Роберта и «Вліяніе науки на французскую литературу» Робера Фата.

Венгерскій историческій отдѣлъ, по словамъ хроникера Котчера, въ послѣдніе годы одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. По случаю столѣтняго юби-

лея Кошута вышелъ IX-й томъ его сочиненій, издаваемыхъ сыномъ. Въ немъ заключаются главнымъ образомъ письма, доказывающія удивительное разнообразіе его таланта. Вскорѣ выйдетъ и послѣдній томъ этой серіи. Недавно окончена десятитомная иллюстрированная всеобщая исторія профессора Марезали. Въ послѣднемъ томѣ особенно замѣчателенъ очеркъ Наполеона, лучше котораго врядъ ли можно найти на какомъ бы то ни было языкѣ. Быть можетъ, всего замѣчательнѣе появившаяся недавно въ Венгріи «Исторія Венгерской имперіи» Асзади, громадный томъ съ многочисленными, великолѣпными иллюстраціями. Сотрудникъ англійской газеты Леопольдъ Котчеръ увѣряетъ, что въ Венгріи еще ничего не выходило замѣчательнѣе исторіи Асзади.

Въ своемъ обозрѣніи итальянской литературы Гидо Біаджи заявляетъ, что въ числѣ новыхъ историческихъ сочиненій заслуживаютъ наибольшаго вниманія книги по исторіи литературы и по исторіи искусствъ. Данте попрежнему составляетъ предметъ постояннаго культа: ученый профессоръ Падуанскаго университета Франческо Фламини выпустилъ I-й томъ «Isignificáti reconditi della Commedia di Dante e il suo Tine Supremo», а наслѣдники Одданы Зенатти напечатали его посмертный трудъ «Dante e Firenze». Джіозеппе Кьярини написалъ чрезвычайно любопытную біографію Кардуччи, перваго поэта нашего времени, подъ заглавіемъ: «Memorie della Vita di Giosué Carducci raccolte da un amico». По исторіи искусствъ надо отмѣтить интересную монографію Мольменти «La pittura veneziana» и II-й томъ почтеннаго труда Вентури «Storia dell'Arte in Italia». Относительно собственно историческихъ сочиненій слѣдуетъ указать «Conclavi Pontefici e Cardinali del Secolo XIX» Джіовани Бертелэ и «Donne di Storia e di Romanzo» Эрнесто Мази.

Польскій обозрѣватель Бельциковскій не говоритъ ни слова объ историческихъ сочиненіяхъ, а только упоминаетъ о новыхъ изданіяхъ польской литературы профессора Брикнера и графа Тарновскаго. Кромѣ того, онъ отзывается съ похвалой о любопытной «Исторіи литературной критики въ Польшѣ» Хмеловскаго.

Брюсовъ въ очеркѣ о русскихъ историческихъ трудахъ останавливается прежде всего на послѣднемъ трудѣ историка Забѣлина «Исторія Москвы». Потомъ онъ упоминаетъ о сочиненіяхъ профессора Платонова, профессора Цвѣтаева, великаго князя Николая Михайловича, Татищева, о второмъ томѣ труда Семевскаго «Крестьяне при Екатеринѣ II-й» и о 109 и 113 томахъ Историческаго общества.

Рафаэль Альтамира, посвящая свое обозрѣніе испанской литературѣ, говоритъ, что за послѣднее время вышло немного замѣчательныхъ историческихъ книгъ. Всего болѣе заслуживаютъ вниманія послѣдній XIV томъ «Guerra de la Independencia» Гомеца Артехи, продолженіе монументальной «Armada Espanola» Фернандеза Дуро, интересныя воспоминанія о XIX вѣкѣ Эстиванеза, подъ заглавіемъ «Fragmentos de mis Memorias» и «La Historia en Cataluna en el siglo XVIII» Эліаса де-Молина. Также вышло нѣсколько томовъ замѣчательныхъ документовъ [1]).

---

[1]) Continental Literature july 1902 to july 1903. «The Athenaeum», 4 july 1903.

— Археологическія новости. Въ послѣднее время вошли въ моду изслѣдованія вавилонскихъ и египетскихъ древностей. Въ прошедшей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы говорили о древнѣйшихъ законахъ въ свѣтѣ, теперь же въ іюльскомъ нумерѣ «The Century Magazine» напечатана интересная статья [1]) доктора Вилльяма Гейза-Варда о томъ же предметѣ. Авторъ главнымъ образомъ останавливается на вопросѣ, кто былъ Гаммураби. Благодаря трудамъ извѣстнаго ученаго Моргана, напечатаннымъ въ прошломъ году, можно сдѣлать заключеніе, что Гаммураби основалъ Вавилонъ въ 2250 г. до Р. Х. Прежде него мы ничего не знаемъ о Вавилонѣ. Были другія мѣстныя столицы: Уръ, Эрехъ, Нипуръ и Лагашъ на югѣ; Аганъ и Сиппара—на сѣверѣ посвященныя одному изъ мѣстныхъ боговъ. Тридцать лѣтъ Гаммураби боролся, чтобы свергнуть иго иламитовъ, главный городъ которыхъ была Суза, и двѣнадцать лѣтъ своего царствованія онъ посвятилъ укрѣпленію своей имперіи, которая теперь впервые въ исторіи соединила весь Вавилонъ, южную Персію или страну эламиотвъ, Ассирію, Сирію и Палестину до Средиземнаго моря. Онъ былъ великимъ завоевателемъ, проводилъ дороги, прорывалъ каналы и, какъ теперь оказывается, слылъ также за величайшаго законодателя. Свои законы Гаммураби начертилъ на высокомъ столбѣ передъ храмомъ солнца въ Сиппарѣ, откуда одинъ изъ царей эламитовъ, снова овладѣвшихъ Вавилономъ, перенесъ его въ Сузу. Здѣсь и отыскалъ Морганъ этотъ замѣчательный памятникъ древней цивилизаціи. Переводъ же начертанныхъ на немъ законовъ сдѣлалъ сначала патеръ Шейль, а потомъ англійскій ученый Джонсъ.

Въ первомъ іюльскомъ нумерѣ «Jonrnal des debats, revue hebdomadaire» помѣщенъ интересный очеркъ [2]) Масперо: «Богатство египетскаго бога три тысячи лѣтъ тому назадъ». Авторъ разсказываетъ, что Рамзесъ III, утомившись властью, отрекся отъ престола на 32-мъ году своего царствованія и передалъ управленіе страною своему сыну, Рамзесу IV. Самъ же онъ отдыхалъ на лаврахъ, по временамъ помогалъ сыну совѣтами и диктовалъ писцамъ свое завѣщаніе, которое должно было познакомить послѣдующее поколѣніе съ его личностью. Одна изъ копій, или, быть можетъ, самъ оригиналъ попалъ въ руки англійскому консулу въ Александріи, Гаррису, двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Британскій музей купилъ у него этотъ документъ и напечаталъ вмѣстѣ съ переводомъ. Самое замѣчательное въ немъ—описаніе богатствъ, которыми обладали египетскіе боги. По словамъ Рамзеса III, онъ подарилъ это богатство богамъ, но вѣроятно, что оно составилось изъ даровъ предыдущихъ восемнадцатой и девятнадцатой династій. Этотъ документъ единственный въ своемъ родѣ, и хотя свѣдѣнія въ немъ довольно смутны, но они представляютъ списокъ всего, чѣмъ владѣли боги: земельными собственностями, людьми, скотомъ, хлѣбнымъ зерномъ и т. д. Поэтому можно судить о количествѣ ихъ богатства, но удовольствуемся примѣромъ того, что имѣло ѳиванское божество Аммонъ, самое богатое изъ всѣхъ египетскихъ боговъ. У него

---

[1]) Who was Hammurabi? by dr. William Hayes Ward. The Century Illustrated Monthly Magazine, july 1903.

[2]) La fortune d'un dieu égyptien, par G. Maspero. «Journal des debats. Revue hebdomadaire». 8 juillet 1903.

было: 5.064 статуи, 81.322 вассала и слугъ, 421.362 головы крупнаго и мелкаго скота, 433 сада и огорода, 868.168 аруръ земли подъ рожью, что составитъ 2.393 квадратныхъ километра, 83 корабля, 46 лѣсныхъ дворовъ и 65 городовъ, мѣстечекъ и селеній, въ томъ числѣ 7 въ Азіи. Кромѣ того, во время тридцатидвухлѣтняго царствованія Рамзеса III, онъ получилъ въ даръ 31 килограммъ золота, 997 килограммовъ серебра, 2.395 килограммовъ мѣди, 3.722 куска дорогихъ матерій, 309.950 гектолитровъ ржи, 289.530 различныхъ птицъ и безконечное множество масла, вина, благовоній и т. д. Такимъ образомъ Аммонъ былъ величайшимъ богачемъ послѣ царя. Онъ владѣлъ десятой частью или, быть можетъ, восьмой—всей Нильской долины. Большинство современныхъ историковъ находитъ, что провозглашеніе царемъ великаго жреца Аммона, сто лѣтъ послѣ Рамзеса III, объясняется значительнымъ обогащеніемъ теократіи на счетъ монархіи. Но недавно нѣмецкій ученый Эрманъ напечаталъ въ «Запискахъ» берлинской академіи «Объясненіе папируса Гарриса». По его мнѣнію, Аммонъ былъ, конечно, богатъ, но не настолько, чтобы произвесть паденіе рамесидовъ. Но онъ первый высказалъ это мнѣніе; Масперо заявилъ приблизительно то же нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ теперешней статьѣ онъ развиваетъ мысль, что богатство Аммона не было единственной причиной теологической революціи. Во всякомъ случаѣ рукопись Гарриса представляетъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ документовъ для исторіи древняго Египта.

— Воспоминанія Домбровскаго. Въ выходящемъ при главномъ штабѣ французской арміи «Историческомъ обозрѣніи» помѣщена интересная записка извѣстнаго творца польскихъ легіоновъ въ Италіи (1796—1797 г.г.) и во Франціи (1806 г.), генерала Генрика Домбровскаго, объ участіи его дивизіи въ кампаніи 1812 года, поданная имъ королю неаполитанскому Мюрату [1]). Домбровскій принадлежалъ къ числу старыхъ офицеровъ польскаго войска. Старше его былъ одинъ только Заіончекъ, впослѣдствіи князь-намѣстникъ царства Польскаго. Жизнь и дѣятельность генерала Домбровскаго до сихъ поръ не достаточно извѣстны историкамъ, несмотря на то, что онъ оставилъ мемуары, изданные въ 1864 г. въ Познани у Жупанскаго («Pamiętnik gen. Iana Henryka Dobrowskiego» въ III т. Pamiętnik'овъ z XVIII w.). Проф. Ашкенази обѣщаетъ издать полную біографію Домбровскаго на основаніи неизвѣстныхъ еще архивныхъ документовъ. Она будетъ обнимать собою два обширныхъ тома. Появившаяся во французскомъ военномъ журналѣ записка Домбровскаго представляетъ собою отрывокъ изъ обѣщаннаго труда и издана однимъ изъ сотрудниковъ г. Ашкенази—г. Скалковскимъ. Цѣль записки, врученной Мюрату, была та, чтобы, при его поддержкѣ, исходатайствовать у Наполеона награды орденами офицерамъ 17-й дивизіи. Домбровскій описываетъ дѣятельность дивизіи въ теченіе 1812 года. 17-я дивизія въ началѣ кампаніи 1812 года состояла изъ 5.000 пѣхоты, 1.000 кавалеріи и 20 орудій. Дѣятельность ея была направлена противъ ген. Эртеля, располагавшаго 16.000 войска. 24-го ноября Домбров-

---

[1]) La division Dombrovski dans la campagne de 1812. Revue d'histoire redigée à l'état major de l'armée. Section historique. IV année, sixième volume.

скій со своею дивизіею, сокращенною до 3.000 чел., защищалъ мостъ въ Борисовѣ. Противникъ его Ламбертъ превосходилъ его силами. Бой длился 9 часовъ. Отбиты три атаки русскихъ, тѣмъ не менѣе 17-я дивизія отступила съ большимъ урономъ. Мосты на Березинѣ уничтожены русскими. Это обстоятельство подготовило извѣстную катастрофу для союзной арміи. Ген. Колачковскій въ своихъ мемуарахъ[1]) разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвело на маршала Удино извѣстіе объ уничтоженіи мостовъ подъ Борисовымъ. «Хорошъ вашъ Домбровскій!—сказалъ онъ одному польскому офицеру:—стоитъ того, чтобы разстрѣлять!» Когда же офицеръ сталъ защищать Домбровскаго, Удино прибавилъ: «ему слѣдовало погибнуть вмѣстѣ со всѣми солдатами, а не отступать». Въ своей запискѣ Домбровскій подробно описываетъ защиту моста у Борисова. О движеніи непріятеля онъ получилъ свѣдѣнія отъ ген. Брониковскаго и рѣшилъ предупредить русскихъ. «Я,—пишетъ Домбровскій,—того же дня двинулся къ Борисову съ 2.000 чел. пѣхоты, 500 ч. кавалеріи и 12-ю орудіями. Сдѣлалъ форсированнымъ маршемъ около 16 верстъ. Мой аріергардъ, слагавшійся изъ баталіона пѣхоты, двухъ эксадроновъ кавалеріи, подъ начальствомъ бригаднаго генерала Пакоша, не могъ, избѣгая стычки съ непріятелемъ, соединиться со мною раньше 10 час. слѣдующаго дня. Въ 3 час. утра 21-го я былъ уже на мѣстѣ и, насколько было возможно при сумракѣ ночи, ознакомился съ позиціею. Въ 6 час. утра непріятель атаковалъ меня спереди. Я тотчасъ же вооружилъ правый берегъ Березины пѣхотою съ 4 орудіями, а лѣвый—8-ю, желая защитить мостъ, на которомъ находилось немного виртембергской пѣхоты, составлявшей гарнизонъ Борисова. Силы, которыми меня атаковалъ непріятель, состояли: изъ 2-хъ пѣхотныхъ стрѣлковыхъ полковъ, 4-хъ полковъ линейной пѣхоты, 4-хъ кавалерійскихъ полковъ, 12 орудій шести- и двѣнадцати-фунтовыхъ, не считая мортиръ. Невзирая на превосходство силъ, выгоду занимаемой непріятелемъ позиціи, господствовавшей надъ моими войсками, мои солдаты мужественно держались и отбили три непріятельскія атаки. Подошелъ мой аріергардъ подъ командою генерала Пакоша и вытѣснилъ непріятеля изъ домовъ, расположенныхъ при самомъ мостѣ, въ которыхъ онъ засѣлъ. Бой длился отъ 6 час. утра до 3 пополудни. Непріятель получилъ подкрѣпленіе и атаковалъ насъ въ четвертый разъ. Мои войска выбились изъ силъ. Принуждены были отступить къ 9-му корпусу. Непріятельская кавалерія преслѣдовала ихъ. Мы потеряли 4 орудія на правомъ берегу, 2 на лѣвомъ, да еще 1800 чел. убитыми и ранеными. Я сильно контуженъ въ ногу, но это не препятствуетъ мнѣ нести дальнѣйшую службу. Генералъ Брониковскій контуженъ въ грудь, генералъ Дзевановскій получилъ тяжелую рану и едва ли выздоровѣетъ. Генералъ Пакошъ настолько сильно раненъ въ грудь, что вынужденъ на нѣкоторое время оставить службу. Полковникъ Цедровскій, мой начальникъ штаба, сброшенъ съ лошади и раненъ, выбылъ изъ рядовъ. Наконецъ, всѣ мои адъютанты: Гауке, Счанецкій и Мыцельскій, а также адьютанты генераловъ: Брониковскаго и Пакоша, капитаны Олеховскій и Солтыкъ, получили легкія раны. Непріятель потерялъ около 900 ч. уби-

[1]) Объ нихъ см. библіогр. замѣтку въ «Истор. Вѣстн.», 1898 г., кн. IX.

тыми и ранеными. Командовавшій непріятельскими силами генералъ Ламбертъ раненъ, другой генералъ Энгельгардтъ убитъ. Полковникъ Малаховскій и батальонный командиръ Совиньскій два раза теряли и два раза снова отбивали свою позицію на мосту. Они больше всѣхъ причинили вреда непріятелю. Послѣдній въ газетахъ объявилъ, что атаковалъ меня, имѣя 8.000 чел., что у меня было 10.000 ч., и что, сражаясь отъ разсвѣта до 4 час. пополудни, заставилъ меня отступить. Между тѣмъ мои силы не превышали 2.500 солдатъ, позиція же была весьма неудобная. 22-го ноября я прибылъ съ остатками полковъ въ дер. Крупки, отстоящую въ разстояніи 6 миль, и соединился съ корпусомъ кн. Реджіо. Въ тотъ же самый день корпусъ выступилъ къ Борисову, имѣя цѣлью отнять этотъ городъ. 23-го числа Борисовъ былъ взятъ. 2-й и 7-й полки польской кавалеріи моей дивизіи, подъ начальствомъ эскадроннаго командира Коссецкаго, дѣйствовали въ авангардѣ и доказали свою неустрашимость и мужество. Въ этотъ день они неоднократно атаковали непріятельскую пѣхоту и кавалерію и взяли въ плѣнъ 1.000 чел.». «Я еще не переправился черезъ Березину,—пишетъ дальше Домбровскій,—когда Ней объявилъ мнѣ приказаніе императора вступить въ командованіе 5-мъ корпусомъ». Прибытіе генерала Заіончека и его старшинство по службѣ не позволили Домбровскому принять командованіе. Онъ начальствовалъ, вмѣстѣ съ Княжевичемъ, надъ частью 5-го корпуса, находясь на лѣвомъ крылѣ, въ резервѣ, въ ужасный день переправы черезъ Березину. На правомъ флангѣ въ этотъ день дралась кавалерія дивизіи Домбровскаго, 17-й пѣхотный полкъ и два баталіона 14-го полка подъ командою Заіончека, нанося большой уронъ непріятелю. Новѣйшій историкъ войны 1812 г. баронъ Остенъ-Сакенъ (1901) отзывается съ большой похвалою о боевой дѣятельности дивизіи Домбровскаго, а защиту моста у Борисова признаетъ геройскою. Онъ же говоритъ, что первою пѣхотою, перешедшею черезъ Березину и вступившею въ бой съ арміею Чичагова, — былъ отрядъ въ 400 стрѣлковъ дивизіи Домбровскаго. Къ этому надо прибавить, что въ сраженіи у Борисова русскіе потеряли не 900 чел., какъ пишетъ Домбровскій, а 2.000 чел.

— Предводитель сильнѣйшей партіи въ Германіи. По оффиціальнымъ даннымъ, на послѣднихъ политическихъ выборахъ въ Германіи оказалось, что соціалистическихъ избирателей три милліона человѣкъ. Такимъ образомъ эта еще недавно «презрѣнная партія» сдѣлалась теперь самая многочисленная и сильная. Поэтому ея глава, Августъ Бебель, представляетъ, если не самую видную нѣмецкую личность, то одну изъ самыхъ замѣчательныхъ. Въ іюньской книжкѣ «Fortnightly Review» очень кстати помѣщенъ біографическій очеркъ [1]) Бебеля — Эдиты Селлерсъ. По ея словамъ, Августъ Бебель принадлежитъ къ низшему разряду третьяго сословія. Его отецъ, полякъ, служилъ по военному вѣдомству и былъ нефронтовой офицеръ пѣхотнаго полка, а его мать, нѣмка, дочь мелкаго горожанина Вецляра. Бебель родился въ Кельнѣ въ 1840 г. и двухъ лѣтъ остался сиротой послѣ смерти отца.

---

[1]) August Bebel, the leader of the strongest party in Germany, by Edith Sellers «The Fortnightly Rsview», july 1903.

Его мать, однако, вновь вышла замужъ. Но второй ея мужъ также недолго прожилъ, и мать переѣхала вмѣстѣ съ сыномъ на свою родину Вецляръ, гдѣ она отдала его въ школу учиться грамотѣ,—въ то время въ Германіи народное образованіе стояло на очень низкой степени. Двѣнадцати лѣтъ онъ потерялъ мать, а четырнадцати поступилъ ученикомъ къ токарю. Въ 1858 г. онъ вышелъ изъ ученья ловкимъ мастеровымъ и отличался не только талантливыми руками, но сознаніемъ красоты въ линіяхъ и очертаніяхъ. Хотя онъ не имѣлъ ни гроша, но отправился въ обычное для молодыхъ рабочихъ странствованіе, вполнѣ увѣренный, что онъ найдетъ себѣ работу и друзей, такъ какъ былъ добродушенъ и обладалъ лицомъ поэта и практическимъ умомъ. Сначала онъ направился на югъ и странствовалъ по Австріи, а потомъ въ Швейцаріи, вырабатывая себѣ дневное пропитаніе. Въ каждомъ городѣ онъ знакомился со всѣмъ и особенно узнавалъ, нѣтъ ли вечерней школы. Если таковая находилась, то онъ старательно занимался науками и на послѣднія средства покупалъ себѣ книги. Онъ очень жаждалъ поступить въ высшее училище, но на это не имѣлъ ни денегъ, ни времени. Благодаря своимъ стараніямъ, онъ учился въ Зальцбургѣ четыре мѣсяца, и странно сказать, въ Gesel vereiu-Institute его учителями были іезуиты. Во время итальянской кампаніи Бебель хотѣлъ поступить волонтеромъ въ тирольскіе егеря, но не былъ принятъ по причинѣ его иностраннаго происхожденія, но имъ такъ овладѣла страсть къ войнѣ, что онъ рѣшился поступить въ нѣмецкую армію, однако и тутъ его забраковали доктора по причинѣ «allgemeine Körperschväche». Такимъ образомъ онъ былъ принужденъ поселиться въ Лейпцигѣ, гдѣ продолжалъ заниматься своимъ токарнымъ ремесломъ. Въ то время въ Лейпцигѣ была довольно сильная рабочая партія, поддерживавшая прогрессистовъ. Бебель присоединился къ ней и вскорѣ сдѣлался ярымъ демократомъ. Въ 1862 году онъ поступилъ въ члены Arbeiterbildungsverein, а чрезъ два года его выбрали въ предсѣдатели этого рабочаго общества. Въ это же время онъ сдѣлался пламеннымъ сторонникомъ германскаго единства. Впослѣдствіи въ рейхстагѣ онъ говорилъ съ презрѣніемъ: «Я боролся за единство Германіи въ то время, когда Гогенцоллерны и юнкера ожесточенно стояли противъ него, въ тѣ времена, когда самъ князь Бисмаркъ презрительно смѣялся надъ словомъ «Германія». Тогда Бебель не былъ соціалистомъ, а преданнымъ радикаломъ и сторонникомъ либераловъ и прогрессистовъ, но убѣдившись, что они прежде были капиталистами, а потомъ либералами, разстался съ ними. Даже Фердинандъ Лассаль не могъ его привлечь къ своему государственному соціализму, и въ 1865 г. Вильгельмъ Либкнехтъ, изгнанный изъ Берлина Бисмаркомъ, убѣдилъ Бебеля сдѣлаться соціалистомъ. Онъ уже былъ въ то время на дорогѣ принять соціалистическое ученіе и видѣлъ въ немъ единственное спасеніе для бѣдныхъ рабочихъ. Въ ту эпоху соціалисты были преслѣдуемы и презираемы всѣми, такъ что Бебель не дѣйствовалъ изъ эгоизма, тѣмъ болѣе, что онъ уже находился сравнительно въ цвѣтущемъ положеніи, имѣя свою собственную мастерскую. Такимъ образомъ, онъ отказался отъ роли вліятельнаго демократа, а поступилъ въ простые рядовые соціальной партіи. Но онъ былъ инстинктивно про-

пагандистомъ и вскорѣ убѣдилъ большую часть рабочаго класса въ Лейпцигѣ сдѣлаться такими же, какъ онъ, соціалистами. Онъ одинаково боролся съ партіей Лассаля, стоявшей за государственный соціализмъ, а также съ анархистами. Вмѣстѣ съ Либкнехтомъ онъ энергично организовалъ германскихъ соціалистовъ въ одну сильную и теперь могущественнѣйшую партію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ политическія и экономическія брошюры, изъ которыхъ замѣчательнѣе всего: «Unsere Ziele». Въ ней онъ развиваетъ цѣль своей партіи, которая намѣрена уничтожить капиталистовъ и реорганизовать промышленность, на основаніи кооперативной системы, стремящейся къ тому, чтобы рабочіе получали полную цѣну ихъ работы. Онъ писалъ это замѣчательное сочиненіе тридцать лѣтъ тому назадъ и уже тогда проповѣдывалъ, что всѣ люди равны, и не должно быть никакихъ привилегій. Естественно, что, развивая подобныя идеи, онъ входилъ въ столкновеніе съ правительствомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ 1867 г. попалъ въ рейхстагъ депутатомъ отъ города Глау-аусъ-Меранъ. Въ первый разъ въ 1869 г. онъ отданъ былъ подъ судъ за свои противогосударственныя тенденціи. Онъ тогда возставалъ противъ австро-прусской войны и увѣрялъ, что, однажды вступивъ на этотъ путь, Пруссія не остановится. Его предсказаніе оказалось вполнѣ справедливымъ, и чрезъ три года вспыхнула война съ Франціей. Бебель не только отказался вотировать хоть грошъ на эту войну, но открыто утверждалъ, что Германія не должна присоединять Эльзаса и Лотарингіи. «Не для Франціи, а ради насъ самихъ мы не должны этого дѣлать,—говорилъ онъ:—подобное присоединеніе побудитъ Францію броситься въ объятія Россіи и возстановитъ противъ насъ всю Европу». Конечно, за подобныя проповѣди его преслѣдовали, какъ измѣнника, сожгли его изображенія и даже въ Лейпцигѣ разбили окна его дома. Многіе члены его собственной партіи были противъ него, но онъ упорствовалъ вмѣстѣ съ Либкнехтомъ. Тогда Бисмаркъ, находившійся въ Версалѣ, отдалъ его подъ судъ за оскорбленіе величества и обвинилъ въ заговорѣ съ французами противъ нѣмцевъ. Однако на судѣ обвиненія оказались ни на чемъ не основанными, но это не помѣшало Бисмарку за вредныя для государства проповѣди присудить Бебеля къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ срокъ былъ удлиненъ на девять мѣсяцевъ за оскорбленіе новаго германскаго императора. Несмотря на то, что заключеніе въ тюрьмѣ влекло за собою исключеніе изъ рейхстага, но избиратели тотчасъ выбирали его вновь, и онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ только во время закрытія рейхстага, а при его открытіи являлся вновь на своемъ мѣстѣ среди депутатовъ, еще рѣзче громя Бисмарка, чѣмъ прежде. Сидя же въ тюрьмѣ, онъ писалъ книги и памфлеты въ защиту своихъ идей, между прочимъ значительное волненіе произвело его сочиненіе: «Женщины и соціализмъ», которое вышло въ тридцати изданіяхъ и переведено на многіе языки. Между тѣмъ соціалъ-демократы такъ быстро увеличивали свои силы, что Бисмаркъ, послѣ семилѣтней борьбы и благодаря двумъ покушеніямъ на жизнь императора, провелъ въ рейхстагѣ такъ называемые анти-соціалистскіе законы. Слѣдствіемъ этого было, что ни въ чемъ неповинные соціалисты съ ихъ предводителями Бебелемъ и Либкнехтомъ подвергались въ продолженіе одиннадцати лѣтъ самымъ

немилосерднымъ преслѣдованіямъ, но, по заявленію самого Бебеля, эти преслѣдованія только увеличивали ихъ силу. Однажды у Либкнехта спросили, отчего въ Англіи соціализмъ не имѣетъ успѣха. На это онъ спокойно отвѣчалъ: «Потому, что у васъ нѣтъ Бисмарка». Когда въ 1889 г. вышелъ срокъ, на который были вотированы чрезвычайные законы противъ соціалистовъ, то ихъ не возобновили, такъ какъ противъ нихъ возстали даже сторонники Бисмарка и даже самъ императоръ, который говорилъ канцлеру: «Предоставьте мнѣ соціалъ-демократію; я вскорѣ съ ней покончу». Однако Вильгельмъ покончилъ не съ соціалистами, а съ самимъ Бисмаркомъ; по удаленіи его отъ власти антисоціалистскіе законы исчезли, и императоръ прикинулся другомъ рабочихъ. Часть соціалистовъ заявила желаніе искренно помириться съ императоромъ и графомъ Каприви. Но Бебель и Либкнехтъ не хотѣли и слышать ни о какомъ примиреніи, такъ какъ, по ихъ словамъ, Германіей управляютъ не императоръ и его министры, а капиталистъ Штумъ съ его друзьями. Дѣйствительно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ слова оправдались: Каприви былъ смѣщенъ съ мѣста канцлера, и снова заговорили объ антисоціалистскихъ законахъ. Чтобы поддержать свою партію, Бебель входилъ въ союзъ со своими старинными врагами, націоналъ-либералами, противъ закона о воспитаніи Зедлица; точно также онъ соединялся временно съ прогрессистами и ультрамонтанами, съ цѣлью уничтожить реакціонныя мѣры. Такимъ образомъ, онъ, какъ практическій дѣятель, иногда прибѣгалъ къ оппортунизму такъ же, какъ и его товарищи Валльмаръ, Бернштейнъ и Ауэръ. Между тѣмъ соціалъ-демократы постоянно и быстро увеличивались въ числѣ и могуществѣ. По словамъ Бебеля, каждая рѣчь Вильгельма приноситъ имъ тысячи новыхъ сторонниковъ, въ числѣ которыхъ большинство интеллигентныхъ людей, профессоровъ, адвокатовъ, артистовъ, журналистовъ и т. д. Въ настоящее время соціалистская партія состоитъ изъ 7 милліоновъ, а избирателей въ ней, подающихъ голоса,— три милліона, тогда какъ въ партіи ультрамонтановъ, въ которой всего болѣе депутатовъ, считается всего 2 милліона избирателей. Благодаря послѣднимъ рѣчамъ императора и новому тарифу, Бебель и его друзья одержали полную побѣду на выборахъ нынѣшняго года. Они пріобрѣли въ Берлинѣ пять депутатскихъ мѣстъ изъ шести, а въ Саксоніи, самой консервативной германской странѣ,—восемнадцать изъ двадцати трехъ. Политическая программа Бебеля и соціалистовъ теперь принимаетъ особое значеніе. Они не стоятъ за революцію, за государственный переворотъ: напротивъ, по ихъ словамъ, революціонеры не они, а Штумъ, юнкера, аграріи и крупные капиталисты. Напротивъ, соціалисты не что иное, какъ эволюціонисты; они стремятся къ полному преобразованію государства, потому что оно перестало соотвѣтствовать духу времени. Пора покончить съ феодальными правами и сословными привилегіями. Пора основать имперію на демократическомъ фундаментѣ. Главныя статьи соціалистской программы состоятъ во всеобщей подачѣ голосовъ, безъ различія пола, раздѣленіи церкви и государства, въ свободѣ печати, въ свободномъ и обязательномъ воспитаніи, какъ первоначальномъ, такъ и среднемъ, въ уничтоженіи косвенныхъ налоговъ и реорганизаціи промышленности на кооперативныхъ основахъ. Бебель совѣтуетъ замѣнить постоянную армію національ-

ной милиціей, а также онъ противъ пользы колоній, въ которыхъ два чиновника и миссіонеръ приходятся на каждаго человѣка. Онъ полагаетъ, что Германія должна жить въ мирѣ со всѣми сосѣдями, преимущественно съ Франціей и Англіей, какъ съ могущественнымъ оплотомъ противъ постоянно усиливающейся власти Россіи. Бебель убѣжденъ, что всѣ эти перемѣны съ теченіемъ времени придутъ сами собою, мирно и спокойно, потому что избирательные голоса мало-по-малу изгонятъ ружья. Какъ парламентскій ораторъ, Бебель теперь первый въ Германіи. Онъ говоритъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, убѣдительно и красиво. Его голосъ раздается по всей залѣ рейхстага съ замѣчательнымъ обаяніемъ, и когда онъ встаетъ съ своего мѣста, то вся зала мгновенно наполняется. Этотъ глава соціалистовъ никогда не былъ демагогомъ и управляетъ своей партіей мягко, но энергично.

— Смерть папы Льва XIII. Политическая сцена лишилась еще одного крупнаго дѣятеля, а католическій міръ остался на время безъ главы [1]). 7-го іюля скончался послѣ продолжительной борьбы со смертью девяносто-трехлѣтній папа Левъ XIII, въ мірѣ Джіоакимо Печчи. Онъ родился въ старинномъ очаровательномъ городѣ Карпинето, верстахъ въ двадцати отъ Рима, 4-го марта 1810 года. Предокъ Льва XIII, Антоній Печчи, не былъ уроженцемъ Карпинето, а появился тамъ впервые въ 1531 году и купилъ съ разрѣшенія папы Климента VII небольшой клочекъ земли у одного крестьянина. Родовое графское достоинство Печчи получили лишь по вступленіи на папскій престолъ Льва XIII. Семья Печчи отличалась набожностью, добродѣтельной жизнью, честностью, и мало-по-малу ея члены добились почетнаго положенія въ городѣ. Богатство ихъ было очень незначительно и состояло въ земельной собственности, но со временемъ оно увеличилось, и даже потомки Антоніо Печчи владѣли нѣсколькими домами въ Римѣ, еще до вступленія Льва XIII на папскій престолъ. Въ семьѣ хранилось преданіе, что отецъ Льва XIII,—Богомъ данный сынъ, такъ какъ дѣдъ его долго не имѣлъ дѣтей и уже пришелъ въ отчаяніе, что съ его смертью угаснетъ родъ Печчи. Но одинъ францисканскій монахъ, Раймондъ Руръ, посовѣтовалъ имъ приносить девятидневную молитву святому Людовику Тулузскому. Ихъ молитва была услышана, и на свѣтъ появился отецъ будущаго папы, Людовикъ Печчи. Нѣкоторые біографы Льва XIII неправильно говорятъ, что его отецъ былъ полковникомъ Наполеоновскихъ армій. Ему просто былъ пожалованъ полковничій дипломъ главою феодальной милиціи, принцемъ Боргезе, и вся его служба заключалась въ ношеніи одежды съ золотыми галунами. Людовикъ Печчи женился 27-го сентября 1791 года на Аннѣ Проспери Буцци, дочери дворянина изъ Кори. По нѣкоторымъ преданіямъ, Буцци происходили изъ семьи трибуна Коло ди Ріенци, сынъ котораго послѣ трагической смерти отца бѣжалъ въ Кори и перемѣнилъ фамилію Ріенци на Проспери. Такимъ образомъ въ венахъ Льва XIII текла хотя одна капля крови Коло ди Ріенци, что, можетъ быть, и объясняетъ стремленіе папы къ примиренію демократіи съ церковью. Впрочемъ мать папы не думала о своемъ родствѣ съ знамени-

---

[1]) Joachim Pecci, par Henri de Houx. 2 vol. 1900—1903 an. Le pape Leon XIII. Figaro illustré, Février 1903.

тымъ революціонеромъ и была простая, религіозная, нѣжная, милосердная женщина, по словамъ папы, «благодѣтельница бѣдныхъ, несравненная мать семейства, женщина античной добродѣтели». Она вполнѣ отдалась воспитанію дѣтей и хозяйству. Старшій братъ Льва XIII занимался исторической наукой и проживалъ среди родныхъ горъ, ведя правильную методическую жизнь. Онъ умеръ 86 лѣтъ, холостякомъ, годъ спустя по вступленіи Джіоакимо на папскій престолъ. Затѣмъ слѣдовали двѣ сестры; одна умерла 70-ти лѣтъ, а другая 67 лѣтъ. Младше ихъ былъ братъ Джіовани, который сильно вліялъ на будущаго папу, что видно изъ ихъ корреспонденціи. Въ первые годы Джіовани былъ какъ бы его менторомъ, и Левъ XIII часто вспоминалъ какъ о немъ, такъ и о послѣдующемъ братѣ, Джузеппо, сдѣлавшемся кардиналомъ. Самымъ младшимъ родился Джіоакимо, т. е. будущій папа, девятнадцать лѣтъ спустя послѣ брака родителей, въ 1810 году, когда папскій престолъ переживалъ страшную бурю. Хотя Пій VII подписалъ съ французской революціей мирный трактатъ 1801 года и «благословилъ на царство новаго Цезаря», все-таки между честолюбивымъ Наполеономъ и вѣрнымъ вѣковой традиціи папой союзъ былъ ненадежный и скоро нарушился. Церковныя области, присоединенныя къ Франціи, были раздѣлены на два департамента, а Пій VII, предавшій Наполеона проклятію, былъ изгнанъ изъ Квиринала въ Савону, гдѣ оставался подъ надзоромъ французскаго префекта. Святая коллегія тоже была уничтожена, а ея членовъ преслѣдовали, какъ злоумышленниковъ, и они проживали въ мелкихъ французскихъ городахъ, подъ надзоромъ полиціи. Скрѣпя сердце, отецъ Льва XIII долженъ былъ повиноваться императорскому приказанію, назначавшему его синдикомъ своей общины. Еще ни разу не было въ ихъ странѣ такой упорной революціи, и Печчи озабочивалъ вопросъ, какую выбрать карьеру для старшаго сына, которая избавила бы его отъ обязательной военной службы. Рожденіе будущаго папы было для нихъ новой заботой. Крестнымъ отцомъ мальчика былъ Джіоакимо Този, а потому, кромѣ даннаго матерью имени, въ честь святого Винцента Феррьерскаго, онъ получилъ еще имя Джіоакимо, которымъ его и называли. Мальчикъ росъ веселый, любилъ смѣяться и питалъ страсть къ лошадямъ. Когда ему минуло 4 года, папа Пій VII возвратился въ Римъ, и прежній порядокъ водворился снова. Однако вскорѣ новая бѣда надвинулась на страну: появился голодъ, и разбойничьи шайки врывались въ дома и безнаказанно грабили. Домъ Печчи ежедневно осаждали по 100 человѣкъ, и семья будущаго папы жила, какъ въ лихорадкѣ, не ѣла, не пила и не спала отъ страха. Тогда папа Пій VII прислалъ своихъ 200 жандармовъ; однако это не только не облегчило участи жителей Карпинето, но еще болѣе привело ихъ въ отчаяніе, такъ какъ приходилось содержать солдатъ. Отецъ и мать будущаго папы не рѣшались бросить домъ на произволъ разбойниковъ или солдатъ и рѣшились отправить младшихъ дѣтей къ ихъ дядѣ, Антоніо Печчи, въ ожиданіи, когда ихъ можно помѣстить въ школу. Несмотря на постигшія матеріальныя невзгоды, Анна Печчи не упала духомъ и занялась разведеніемъ шелковичныхъ червей. Наконецъ въ октябрѣ 1818 года ихъ отдали въ іезуитскую коллегію св. Игнація въ Витербѣ, и заботы о нихъ взялъ на себя другъ семьи, Карминъ Лолли. Въ это время коллегія только что начала

вновь устраиваться, и большинство преподавателей iезуитовъ возвратилось изъ Россiи, гдѣ съ разрѣшенiя Александра I-го они жили во время изгнанiя. Джiоакиму Печчи жилось у iезуитовъ прекрасно: толстенькiй, розовый мальчуганъ былъ извѣстенъ тамъ подъ именемъ «маленькаго ангела»; товарищи же прозвали его Mater Pietatis, благодаря его сходству съ популярнымъ среди учениковъ изображенiямъ Богородицы. Десятилѣтнiй Джiоакимо принялся за латинскiй языкъ и пожелалъ изучать латинскiе стихи, что было въ то время въ модѣ. Онъ попросилъ мать прислать ему для этой цѣли Regia Parnassi. Когда онъ получилъ просимое, то написалъ матери въ благодарность стихи, за что получилъ въ награду пирожковъ и немного мелкихъ денегъ. Онъ часто выпрашивалъ у матери въ письмахъ пирожковъ и изображенiя святыхъ. «Мнѣ нужны святые,—писалъ онъ матери,—чтобы поиграть въ томболу». Его поэтическiй талантъ все болѣе и болѣе развивался. Мать предсказывала, что Джузеппо будетъ кардиналомъ, а Джiоакимо папой. Въ 1822 году неожиданно захворала ихъ мать, и такъ какъ она еще задолго до этого выражала желанiе, чтобы обоихъ мальчиковъ подвергли тонзурѣ, т.-е. совершенно посвятили церкви, то это желанiе исполнили предъ ея смертью. Этотъ проектъ сначала очень не понравился мальчикамъ, и они отвѣтили въ присутствiи епископа, что «въ данный моментъ у нихъ нѣтъ этого желанiя». Но папскiй облигатъ, присланный на этотъ случай, дипломатически повелъ дѣло, заставивъ ихъ подумать «о необходимости имѣть въ семьѣ Печчи причетниковъ по той причинѣ, что это положенiе приносило ихъ предкамъ доходы». Тогда мальчики согласились. Положенiе священнослужителя считалось у католиковъ почтеннымъ, но потому могло поднять престижъ дома Печчи, а главное оно обѣщало доходы. Вскорѣ здоровье Анны Печчи ухудшилось, и 5 августа 1824 года Джiоакимо самъ закрылъ ей глаза. Мальчики присутствовали на похоронахъ и больше не возвратились въ школу; ихъ ученiе окончилось: для одного въ шестнадцать лѣтъ, а для другого въ четырнадцать. Джiоакимо учился прекрасно и ради честолюбiя старался блестѣть на первомъ мѣстѣ. Уже съ юныхъ лѣтъ въ его занятiяхъ виднѣлась непреклонная сила воли. Послѣ смерти матери они остались у дяди въ Римѣ, гдѣ умерла ихъ мать, и только на время ѣздили погостить къ отцу въ Карпинето. Джiоакимо жилъ у дяди въ Римѣ и въ ноябрѣ 1824 года поступилъ въ Римскую коллегiю, т.-е. большой iезуитскiй университетъ, гдѣ оставался семь лѣтъ, не зная никакихъ развлеченiй, ни игръ, и, по словамъ одного его товарища, «рабочiй столъ былъ для Джiоакимо всѣмъ свѣтомъ, а углубляться въ науку было раемъ».

Благодаря страстной, усидчивой работѣ, онъ добился въ первые же три года первой награды за логику, метафизику, нравственность, математику, физику и химiю. Къ Ѳомѣ Аквинату онъ питалъ культъ съ самаго начала своихъ богословскихъ занятiй и называлъ его «архимандритомъ богослововъ». Замѣчательныя способности выдвинули его настолько изъ среды прочихъ студентовъ, что, когда зашелъ вопросъ, кого послать делегатомъ отъ студентовъ римской коллегiи на юбилей папы, то единогласно выборъ палъ на Джiоакимо Печчи. Онъ сказалъ такую рѣчь, что папа пришелъ въ восторгъ, и будущность Джiоакимо была бы обезпечена, если бы Левъ-XII не умеръ 10-го февраля

1829 года. Выборъ новаго папы Джіоакимо описалъ очень ѣдко и остроумно въ письмѣ къ отцу, страстно любившему собирать новости. Страсть къ чтенію такъ была развита въ будущемъ папѣ, что всѣ получаемыя отъ отца довольно скудныя пособія онъ тратилъ на покупку книгъ. Единственнымъ его развлеченіемъ была охота, на которую онъ ходилъ во время вакацій, проводимыхъ у отца. Усиленныя занятія окончательно разстроили и безъ того шаткое здоровье Джіоакимо; онъ энергично боролся съ болѣзнью и, чтобы забыть о страданіяхъ, писалъ латинскіе стихи о смерти. Однако юноша поправился, благодаря родному воздуху, и возвратился въ Римъ. Окончивъ курсъ аббатомъ, онъ стремился попасть въ Academia del Nobile, но этому препятствовалъ недостаточно знатный родъ, и онъ всѣми силами старался найти связь съ старинной сіенской фамиліей Печчи, но тщетно. Наконецъ онъ получилъ отъ отца письмо, что ихъ семья принята въ число дворянъ Ананьи, и 15 ноября 1823 г. онъ поступилъ въ Academia del Nobile, послѣ долгихъ колебаніи. Эта нерѣшительность не была слабостью, а результатомъ осторожности и энергіи. Благодаря страстной, усидчивой работѣ, Джіоакимо выдвинулся на первое мѣсто, которое у него оспаривалъ Діаріо Сфорца, будущій епископъ неаполитанскій и кардиналъ. Онъ не слушалъ и года каноническое право и гражданскаго право, какъ его назначали защищать диссертацію въ присутствіи папы. Чтобы подготовиться спокойно къ этой задачѣ, онъ отправился къ брату, ссылаясь на то, что въ Карпинето слишкомъ много развлеченій. На его несчастіе, онъ заболѣлъ горловой болѣзнію и долженъ былъ отложить занятія. Возвратясь въ Римъ, онъ захотѣлъ выиграть потерянное время, и такъ утомился, что докторъ совершенно запретилъ ему работать. Эта задержка стоила ему не одного нравственнаго треволненія, но также матеріальной потери. Со дня вступленія въ академію онъ началъ дѣйствовать дипломатически: посѣщать общество, въ особенности епископа Николаи, ожидая скораго его вступленія въ кардиналы, и кардинала Пакка. Наконецъ Джіоакимо представили папѣ, который освѣдомился о его будущихъ проектахъ. Онъ отвѣтилъ, что приготовляетъ диссертацію, но горловая болѣзнь все ему измѣнила.

Наконецъ въ маѣ 1835 г. онъ защищалъ впервые свою диссертацію въ Academia del Nobile въ присутствіи пяти кардиналовъ, а въ сентябрѣ публично показалъ свое искусство находить доводы, которые посвятилъ могущественному кардиналу Саля и этимъ добился его покровительства. Защитивъ блестяще диссертацію, онъ вскорѣ былъ опечаленъ смертью отца и послѣ печальной вакаціи въ Карпинето рѣшился исполнить настойчивыя просьбы кардинала Саля и сдѣлаться прелатомъ. Въ концѣ 1837 г. его произвели въ поддіаконы, но теперь, благодаря протекціи, онъ послѣдовательно былъ назначенъ въ теченіе этого года прелатомъ его святѣйшества и референдаріемъ при папскомъ трибуналѣ, гдѣ разсматривались всѣ интересныя дѣла гражданской администраціи церквей. Онъ былъ тамъ однимъ изъ самыхъ молодыхъ прелатовъ. Принимая должность, онъ писалъ брату, что дѣлаетъ это изъ желанія славы для семьи. Насколько быстро устраивалась его карьера, настолько медлилъ онъ вступить окончательно въ орденъ. Три года Джіоакимо писалъ кардиналу Саля, что «это—великій шагъ, который внушаетъ ему страхъ, такъ какъ онъ

желаетъ быть настоящимъ священникомъ». Послѣ первой отслуженной имъ обѣдни онъ писалъ кардиналу Саля, что предпочиталъ бы сдѣлаться іезуитомъ, а не свѣтскимъ духовнымъ лицомъ, но Саля, какъ человѣкъ практичный, понялъ, что Джіоакимо Печчи будетъ полезенъ при папскомъ дворѣ. Вскорѣ кардиналъ Саля выхлопоталъ у папы Григорія XVI для Джіоакимо положеніе делегата въ провинцію Беневентъ, гдѣ происходили большіе безпорядки и разбои. Администрація церкви была слабая, мягкая, и злоумышленники всякаго сорта, скрывавшіеся отъ правосудія, главари каморы—всѣ стремились въ Беневентъ, гдѣ продолжали свои продѣлки. Жители стали жаловаться на папское правительство, и когда пріѣхалъ новый делегатъ, то былъ встрѣченъ съ радостью. По пріѣздѣ Печчи заболѣлъ и пролежалъ шесть недѣль и очень нуждался въ деньгахъ. Когда онъ оправился, то принялся за дѣло такъ энергично, что результатъ получился болѣе благопріятный, чѣмъ ожидали. Большинство главарей шаекъ были схвачены; ихъ заковали въ цѣпи и водили по городу. Кромѣ того, онъ слѣдилъ за всѣми произнесенными судомъ приговорами, и разбои окончились за отсутствіемъ разбойниковъ. Затѣмъ онъ принялся за бароновъ, главарей каморъ, которые безпощадно грабили страну, занимаясь контрабандой, и даже выходили во главѣ вооруженнаго отряда арміи на большія дороги, послѣ чего возвращались въ свои замки съ богатой добычей. Войдя въ соглашеніе съ королемъ Фердинандомъ II, Печчи совершенно преобразовалъ таможни, управленіе которыми поручилъ одному изъ папскихъ чиновниковъ, Стерпи. Тогда началась настоящая война между контрабандистами и таможенными, окончившаяся побѣдою послѣднихъ. Одинъ изъ контрабандистовъ, нѣкій маркизъ Пакка, родственникъ одного изъ покровителей Печчи, разгнѣванный обыскомъ, произведеннымъ у него въ замкѣ, явился къ Печчи съ жалобой и угрожалъ отправиться въ Римъ съ просьбою отозвать делегата обратно. На это Печчи отвѣтилъ, что, прежде чѣмъ онъ попадетъ въ Ватиканъ съ жалобой, ему придется посидѣть въ замкѣ Св. Ангела. Маркизъ понялъ намекъ и поспѣшилъ запереться въ своемъ замкѣ-крѣпости, но чрезъ нѣсколько дней папскій отрядъ осадилъ замокъ и захватилъ маркиза. Проживъ три года въ Беневентѣ и приведя въ порядокъ страну, Печчи заслужилъ отъ папы похвалы, а Фердинандъ II просилъ его пріѣхать въ Неаполь, чтобы въ присутствіи всего двора получить благодарность короля. Тамъ его ожидали празднества и блестящіе пріемы, что очень его стѣсняло матеріально. Печчи писалъ брату: «Дѣла въ провинціи въ порядкѣ. Мнѣніе большинства, т.-е., я хочу сказать, народа—благопріятно. Долгъ и неизмѣнное правило не связывать себя мнѣніемъ другихъ—руководители моихъ дѣйствій... Эта тактика очень не нравится высшему классу, но она мнѣ стоитъ титула друга правосудія, удовлетворяетъ публику и мою собственную совѣсть». Вскорѣ умеръ одинъ изъ его покровителей—Саля, но папа понялъ, какой дѣятель кроется въ Печчи, и по возвращеніи его изъ Беневента, Джіоакимо получилъ офиціальное назначеніе делегатомъ въ Перуджіо. Пріѣхавъ туда, онъ получилъ извѣстіе о намѣреніи папы посѣтить Перуджіо и принялся устраивать торжественный пріемъ, при чемъ построилъ новую дорогу, которую назвали «дорогою Грегоріана». Папа пришелъ въ восторгъ отъ пріема и шепнулъ Печчи предъ отъѣздомъ: «Возвратитесь въ Римъ, я вспомню о

васъ». Онъ сдержалъ свое слово, и въ началѣ 1843 г. Печчи былъ возведенъ въ санъ архіепископа даміетскаго и патріарха константинопольскаго и назначенъ нунціемъ въ Брюссель. Онъ не зналъ французскаго языка и, отправляясь туда, взялъ съ собою французскую грамматику, которую изучалъ дорогой. Послѣднее обстоятельство, а также природная робость много мѣшали ему. Въ Римѣ онъ захворалъ и долженъ былъ остаться нѣкоторое время, благодаря чему успѣлъ взять нѣсколько уроковъ французскаго языка. Форнари, на мѣсто котораго былъ назначенъ Печчи, познакомилъ его съ будущими обязанностями и продолжалъ руководить имъ письменно изъ Парижа. Эти письма представляли настоящій курсъ дипломатическаго искусства. Печчи, несмотря на блестящее положеніе нунція, былъ не очень доволенъ. Онъ жаловался брату на скудное содержаніе, выдаваемое папскимъ правительствомъ нунціямъ, что лишало возможности блестяще поддерживать это положеніе. Кромѣ того, онъ не всегда слѣдовалъ дипломатическимъ совѣтамъ Форнари, что вызывало недоразумѣнія между нимъ и бельгійскими министрами; все вмѣстѣ взятое возбудило въ немъ желаніе покинуть дипломатическій постъ, о чемъ онъ написалъ Форнари, который посовѣтовалъ ему посѣтить Парижъ. Печчи рѣшилъ усовершенствовать свое политическое образованіе и отправился сначала въ Лондонъ, а затѣмъ въ Парижъ. 22 мая онъ возвратился въ Римъ; въ январѣ же онъ былъ уже назначенъ епископомъ въ Перуджіо. 1-го іюня умеръ его главный покровитель, папа Григорій XVI, который сразу выдвинулъ его на видное мѣсто, а на его мѣсто избрали Пія IX. Въѣздъ новаго епископа въ Перуджіо былъ торжественный: онъ былъ въ митрѣ и съ папскими знаками отличія и ѣхалъ верхомъ на великолѣпномъ конѣ въ бѣломъ чепракѣ. Восемь причетниковъ въ бѣлыхъ стихаряхъ несли надъ нимъ балдахинъ. Впереди шла группа дѣтей изъ самыхъ знатныхъ семействъ Перуджіо съ корзинами цвѣтовъ, которыми они усыпали путь новаго епископа. Епископство Печчи было самое тревожное, такъ какъ въ 1849 г. Гарибальди и его единомышленники окружили городъ, который разсчитывали у нихъ отнять австрійцы съ принцемъ Лихтенштейномъ во главѣ; вмѣшательство Печчи возстановило порядокъ безъ пролитія крови. Одиннадцать лѣтъ спустя, въ 1860 г. пятнадцать тысячъ пьемонтцевъ взяли Перуджіо и заняли семинарію и епископство. Печчи предложилъ народу отдаться на произволъ побѣдителя, однако один изъ церковныхъ служителей, аббатъ Санти, былъ обвиненъ въ томъ, что стрѣлялъ въ пьемонтцевъ. Кромѣ того, поступило девять протестовъ противъ злоупотребленій главныхъ членовъ правительства Перуджіо. Печчи пришлось удалить ихъ отъ должности, но они донесли на него суду. Печчи былъ оправданъ, но нравственно страдалъ. У него былъ сильный врагъ, который стоялъ поперекъ дороги, ведущей въ Ватиканъ. Это былъ кардиналъ Антонелли, который имѣлъ громадное вліяніе на папу Пія IX. Онъ всѣми силами старался возбудить въ папѣ антипатію къ Печчи, и мало-по-малу послѣдній отстранялся отъ папскаго двора, такъ что многіе думали, будто Пій IX не терпѣлъ Печчи. Множество анекдотовъ распространялось по этому поводу. Однако въ 1853 г. онъ былъ все-таки сдѣланъ кардиналомъ Пребываніе въ Перуджіо по многимъ причинамъ было болѣе не желательно для Печчи, и онъ началъ хлопотать, но безуспѣшно, благодаря интригамъ Анто-

нелли, объ епископствѣ въ Альбано и мѣстѣ начальника папской канцеляріи. На счастье Печчи его врагъ, Антонелли, умеръ, и послѣ тридцатидвухлѣтняго пребыванія въ Перуджіо онъ тотчасъ же былъ вызванъ въ Римъ и назначенъ камерленгомъ. По этому поводу говорили, что Пій IX нарочно назначилъ его камерленгомъ, чтобы помѣшать его кандидатурѣ въ будущемъ на папскій престолъ. Обязанность камерленга состояла въ управленіи церковными имѣніями, въ наблюденіи за всѣми судебными актами города, заботѣ о безопасности города, содержаніи папскаго войска, обдумываніи вопросовъ войны и мира и въ особенности въ заботѣ о деньгахъ. Такимъ образомъ камерленгъ является постояннымъ главою финансовой администраціи папскаго престола. Исключая кардинала-канцелера, это единственная духовная должность, которая торжественно назначается заранѣе консисторіей. Какъ только сдѣлано назначеніе, папа устраиваетъ консультацію съ присутствующими кардиналами посредствомъ традиціоннаго quid vobis videtur. Впрочемъ послѣднее устраивается только для формы, такъ какъ папа, не дождавшись отвѣта, тотчасъ же начинаетъ обычную въ этомъ случаѣ короткую рѣчь. Эта должность безсмѣнна. На другой день новый камерленгъ получаетъ жезлъ отъ папы, сидящаго на своемъ тронѣ, окруженнаго своимъ дворомъ и въ присутствіи трибунала папской палаты. При этомъ папа обращается съ слѣдующими словами: «Получи жезлъ твоего вѣдомства и авторитета и будь камерленгомъ святой римской церкви». Кардиналъ камерленгъ единственный сановникъ святой коллегіи, власть котораго не оканчивается со смертью папы, давшаго ее. Съ момента назначенія камерленгомъ, Печчи поселился въ Ватиканѣ.

Въ день смерти Пія IX кардиналъ-секретарь увѣдомилъ объ этомъ офиціально Печчи, и онъ присутствовалъ при агоніи папы. Когда папа скончался, камерленгъ немедленно собралъ прелатовъ папской палаты и поручилъ одному изъ нихъ оберегать апартаменты и составить инвентарь. Заперевъ всѣ шкафы, столы и комоды, онъ отобралъ ключи и пошелъ въ сопровожденіи прелатовъ въ комнату покойнаго папы, гдѣ уже ожидали дворецкій, камергеръ, камераріи и пенитенціаріи святого Петра. Всѣ они стояли около смертнаго ложа папы и читали покаянные псалмы и заупокойную. На кардиналахъ было фіолетового цвѣта одѣяніе безъ краснаго воротника, что означаетъ при папскомъ дворѣ трауръ. Камерленгъ приблизился къ мертвому тѣлу папы, до котораго никто не могъ прикоснуться прежде него. Преклонивъ колѣно на фіолетоваго цвѣта подушку, Печчи прочиталъ молитву. Въ то время, когда камердинеръ почтительно поднялъ бѣлый вуаль, покрывавшій голову покойнаго, и объявилъ о кончинѣ папы, камерленгъ коснулся три раза серебрянымъ молоткомъ до лба умершаго папы, повторяя каждый разъ «Джіовани! Джіовани! Джіовани!» Затѣмъ онъ обернулся къ кардиналамъ и заявилъ, что «папа дѣйствительно умеръ», прочиталъ De Profundis и окропилъ святой водой покойника. Послѣ этого камергеръ папы снялъ съ его руки перстень «Рыбака», на которомъ выгравированъ апостолъ Петръ, ловящій изъ лодки рыбу, и передалъ его камерленгу. Этотъ перстень служилъ печатью. Въ заключеніе протонотарій опустился на колѣно и прочелъ актъ, офиціально подтвердающій признаніе тѣла папы и врученіе кольца «Рыбака» камерленгу. Удали-

вшись въ сосѣдній залъ, Печчи отправилъ телеграммы о назначеніи церковнаго траура, а также далъ инструкціи относительно конклава. Народъ былъ извѣщенъ посредствомъ объявленія кардинала-викарія, которое было вывѣшено на дверяхъ церквей. Камерленгъ все время до конклава распоряжался всѣмъ, какъ папа, и кардиналы чувствовали, глядя на властное лицо Печчи, что онъ будетъ папой. Онъ измѣнилъ на этотъ разъ обычный порядокъ церемоніи, ради сохраненія порядка среди публики и безусловной свободы конклава, и вмѣсто того, чтобы на ночь перенести тѣло для поклоненія народа въ Сикстинскую часовню, которую уже отдѣлывали для конклава, онъ приказалъ прямо поставить въ соборъ св. Петра, миновавъ часовню св. Паулины, съ цѣлью избавиться вмѣшательства королевскихъ солдатъ. На другой день въ 10 часовъ служили первую изъ девяти обѣденъ, предписанныхъ Григоріемъ XV. Шесть первыхъ служили каноники св. Петра, а три послѣднія — кардиналы. По желанію Печчи обѣдни первой серіи служились одними канониками безъ кардиналовъ, а вторую серію служили кардиналы, но не въ соборѣ, а въ Сикстинской часовнѣ, и первая кардинальская служба совпадала съ послѣдней каноников. Такимъ образомъ Печчи выгадалъ два дня. Эта перемѣна взволновала политическій міръ, но Печчи зналъ, что дѣлалъ, и оставался невозмутимъ. Въ прежнія времена девятидневная конгрегація, или собраніе изъ кардиналовъ, начиналась только на третій день послѣ смерти папы и продолжалась до открытія конклава. Теперь же конгрегація началась на другой же день послѣ смерти папы. Это былъ ловкій маневръ, который примирялъ его съ избирателями и уменьшалъ значеніе отдѣльныхъ собраній начальниковъ орденовъ, которые вмѣстѣ съ камерленгомъ составляютъ исполнительную власть во время вакацій св. престола. Первый день посвящался почти исключительно чтенію различныхъ папскихъ постановленій относительно конклава, особенно буллъ In eligendis Пія IV (1-го октября 1562 г.) и Aeterni patris Григорія XV (15 ноября 1621 г.), въ которыхъ находятся правила о выборахъ папъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. I. Отсутствующихъ кардиналовъ должны ожидать въ продолженіе десяти дней, въ теченіе которыхъ состоятся похороны папы. II. По прошествіи десяти дней кардиналы вступаютъ въ конклавъ и немедленно займутся дѣлами выборовъ, не замедливъ представить условія правительства будущему избраннику. V. Во время вакантности престола коллегія кардиналовъ не будетъ имѣть никакихъ юрисдикцій, никакой власти законодательной, административной или исполнительной. Всѣ права папской юрисдикціи должны быть неприкосновенными до будущаго папы. VII. Власть кардинала камерленга не уменьшается во время вакантности престола. X. Комнаты или кельи кардиналовъ на конклавѣ должны быть распредѣлены по жребію. XI. Кромѣ лицъ, обозначенныхъ въ правилахъ, никто не можетъ находиться ни въ залѣ конклава, ни въ смежныхъ залахъ, ни тѣмъ менѣе въ комнатахъ, расположенныхъ въ верхнемъ или нижнемъ этажахъ. Замуравленная стѣна, ведущая въ залы конклава, или запертая дверь, должны быть осматриваемы кардиналами, предназначенными для этой цѣли. Они должны слѣдить, чтобы никакая дыра, щель или другія тайныя отверстія не продѣлывались въ стѣнахъ, потолкѣ или полу. XIV. Слѣдующіе конклависты допускаются на конклавъ:

ризничій съ причетникомъ, два церемоніймейстера, исповѣдникъ конклава, секретарь святой коллегіи, два доктора, хирургъ, аптекарь и его два помощника, слесарь, каменщикъ, брадобрей и его два помощника, восемь или десять слугъ, тоже выбранныхъ тайной баллотировкой святой коллегіи. XV. Какъ только конклавъ будетъ открытъ, то запрещается кому бы то ни было разговаривать у двери. Даже посланниковъ допускаютъ до этого только по серіознымъ причинамъ. XVI. Не позволяется сообщаться ни посредствомъ словъ, ни знаковъ, ни полученныхъ или посланныхъ писемъ чрезъ постороннихъ лицъ. XVII. Всѣ пари, относящіяся до выборовъ, не имѣютъ значенія. XVIII. Никакой кардиналъ не можетъ пользоваться кухней другого; каждый долженъ брать пищу къ себѣ въ келью, и она должна состоять изъ одного блюда. XIX. Прелаты, которымъ поручено наблюдать за конклавомъ подъ страхомъ нарушенія клятвы и церковнаго отлученія, должны съ большимъ вниманіемъ слѣдить за кушаньемъ и лицами, входящими въ конклавъ, чтобы они не могли ни приносить, ни уносить писемъ и проч. XXI. Ни одинъ кардиналъ, если онъ не находится въ санѣ дьякона, не можетъ участвовать въ выборахъ папы. XXII. Кардиналы должны имѣть предъ глазами только Бога... они должны заглушить всѣ страсти, попирая всѣ свѣтскіе интересы, всѣ ходатайства принцевъ; они должны воздерживаться отъ партійнаго духа, отъ всѣхъ плутней, обмановъ и въ особенности договоровъ, компромиссовъ, соглашеній, обязательствъ и недозволенныхъ обѣщаній. Они не должны сообщать другимъ своихъ отмѣтокъ или бюллетеней голосованій; имъ запрещалось возбуждать сумятицу и задерживать выборы. Второй день девятидневной конгрегаціи посвящался выбору мѣста для конклава. Тридцать два голоса противъ пяти подали за Римъ. На третій день конгрегаціи продолжалось чтеніе постановленій о выборѣ папы, назначался проповѣдникъ для произнесенія рѣчей—надгробной и на открытіе конклава. Четвертая конгрегація была посвящена выбору дня для конклава. Въ пятый день кардиналъ Франки, который былъ однимъ изъ важныхъ избирателей Льва XIII, читалъ дипломатическую ноту, редакцію которой ему поручилъ камерленгъ; въ ней обращали вниманіе державъ на исключительныя условія, при какихъ откроется конклавъ. Печчи говорилъ, что «управлять— это все предусматривать», и дѣйствовалъ на основаніи этого правила. Пока онъ хлопоталъ о полной свободѣ конклава, его креатуры,—нѣкоторые изъ кардиналовъ,—интриговали, чтобы привлечь общественное мнѣніе въ пользу кандидатуры Печчи, и журналисты были предупреждены, что въ ихъ распоряженіи находится открытое въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ бюро спеціально для ватиканскихъ извѣстій. Конклавъ при избраніи покойнаго папы Пія IX собирался въ Квириналѣ, который съ тѣхъ поръ превратился во дворецъ итальянскаго короля. На этотъ же разъ конклавъ былъ устроенъ въ залахъ Ватикана. Громадный залъ былъ раздѣленъ наскоро на маленькіе аппартаменты въ три, четыре комнаты, которыя отдѣлялись между собою перегородками. Въ каждой кельѣ стояла кушетка, настолько жесткая, что старымъ кардиналамъ было не очень уютно на ней лежать. Хоры превратились въ залъ для совѣщаній. Печчи умышленно устроилъ заранѣе помѣщеніе конклава, чтобы такимъ образомъ удержать его въ Римѣ. Несмотря на суровыя условія, интриги царствовали даже

при такомъ тщательномъ надзорѣ. Бисмаркъ, все еще не остывшій отъ борьбы противъ католичества, отправилъ посланникомъ кардинала Гогенлоэ, которому далъ различныя инструкціи. Такъ какъ съ момента начала конклава сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ было прекращено, то Гогенглоэ вдругъ заявилъ, что онъ не можетъ ѣсть кушанья, приготовленныя на мѣстѣ, будто бы опасаясь отравы. Оказалось, что это дѣлалось съ цѣлью: конклавистъ нѣмецкаго кардинала занимался слишкомъ нескромнымъ шпіонствомъ, и кардиналъ Орелья потребовалъ у камерленга выселенія шпіона. Когда конклавъ былъ оконченъ, Печчи былъ выбранъ 43 голосами, протонотарій написалъ актъ выборовъ, тогда открыли большую дверь и громко объявили о результатахъ выборовъ. Печчи поблѣднѣлъ, и съ нимъ сдѣлался обморокъ. По разсказамъ его племянника, графа Людовика Печчи, едва двери открылись, какъ онъ исчезъ изъ Ватикана. Выйдя на улицу, онъ взялъ экипажъ и быстро направился въ свою квартиру во дворецъ Фальконьери, гдѣ наскоро собралъ свои бумаги и взялъ ихъ во дворецъ, который долженъ былъ обратиться въ его темницу. Когда появился новый папа, всѣ балдахины, устроенные надъ отдѣльными сидѣньями на хорахъ, опустились, и только надъ № 9, занятымъ Печчи, оставался единственный балдахинъ. Старѣйшіе представители трехъ кардинальскихъ орденовъ подошли къ новоизбранному папѣ и спросили его: «Acceptasne electionem tuam in Summum Pontificem?» На это Печчи отвѣтилъ, что онъ не достоинъ, но готовъ подчиниться волѣ Бога. «Quomodo vis vocari?» На это Печчи отвѣтилъ, что ему хотѣлось бы съ этого дня называться: Левъ XIII. Затѣмъ два кардинала провели Льва XIII къ алтарю, позади котораго они его одѣли въ новую одежду: красныя бархатныя туфли съ золотымъ крестомъ, бѣлые носки, бѣлую сутану и поясъ, бѣлую шапочку и пурпуроваго цвѣта бархатную пелерину съ лебяжьимъ пухомъ. По обычаю новый папа вручаетъ секретарю въ знакъ скораго повышенія свою кардинальскую шапочку. Въ это время предъ алтаремъ помѣстили sedia gestatoria, на который поднялся новый папа. Одинъ изъ кардиналовъ снялъ съ него кардинальское кольцо, замѣнивъ его «кольцомъ Рыбака»; затѣмъ распостерся предъ нимъ на землѣ, поцѣловалъ ногу и руку; его примѣру послѣдовали другіе кардиналы. На это папа отвѣчалъ «лобзаніемъ мира». Затѣмъ около двухъ съ половиной часовъ открылось одно внутреннее окно въ центрѣ большой галлереѣ, и папа благословилъ народъ: этимъ не окончилось торжество, и не даромъ веселый Медичи, когда-то надѣвая папскую тіару, сказалъ: «Если Господь Богъ далъ намъ папскую власть, то позабавимся вволю». Но счастливый моментъ былъ нѣсколько отравленъ: нѣкоторыя враждебныя католичеству лица приготовились освистать папу Льва XII. Объ его двадцатипятилѣтней дѣятельности уже много писали, а потому мы упомянемъ объ этой эпохѣ его жизни только нѣсколько словъ. Помня, что онъ былъ противникомъ непримиримой политики Пія IX, многіе ожидали съ его стороны равнодушнаго отношенія къ потерѣ свѣтской власти, но иное дѣло быть кардиналомъ камерленгомъ, иное—папой. Распространеніе католической вѣры и сліяніе православія съ католичествомъ было завѣтной его мыслью, ради которой онъ отказался отъ прежнихъ традицій и былъ бы согласенъ служить на славянскомъ языкѣ католическую обѣдню, лишь бы завербовать побольше католиковъ. Левъ XIII

никогда не забывалъ, что онъ глава католиковъ, вмѣшивался въ свѣтскія дѣла и задумалъ руководить рабочимъ вопросомъ съ помощью церкви. Онъ лелѣялъ одну мысль—распространеніе католицизма, и потому безразлично относился къ государственной формѣ правленія. Выселеніе конгрегацій изъ Франціи его сильно опечалило, но въ то же время,когда онѣ явились къ Ватиканъ, онъ обвинялъ ихъ, упрекая, что не слушались его совѣта и не подчинялись требованіямъ французскаго правительства. Когда же въ декабрѣ многія изъ французскихъ конгрегацій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, просили у него разрѣшенія поселиться въ Римѣ, то онъ наотрѣзъ отказалъ имъ. Къ франко-русскому союзу онъ относился симпатично,такъ же,какъ и къ Гаагской конференціи. Въ его характерѣ было много симпатичныхъ чертъ. Сдѣлавшись папой, онъ не страдалъ непотизмомъ,и потребовалось постороннее вмѣшательство, чтобы убѣдить его въ невозможности имѣть папѣ брата простого патера. На своихъ племянниковъ онъ не расточалъ ни титуловъ,ни денегъ и не искалъ для нихъ союзовъ съ принцами. По случаю скромной жизни, какую онъ велъ до послѣдней минуты,его считали скупымъ,между тѣмъ онъ былъ только расчетливъ. Любовь къ порядку и регулярность были замѣтны у него во всемъ. Онъ жилъ въ скромномъ помѣщеніи и ложился поздно; лампа горѣла въ его комнатѣ очень долго ночью. Вставалъ онъ въ половинѣ седьмого и одѣвался съ помощью своего камердинера, Чентры. Послѣ этого онъ служилъ обѣдню и завтракалъ чашкою кофе,бесѣдовалъ съ личными секретарями, принималъ статсъ-секретаря, Рамполлу, префектовъ конгрегаціи, которые приносили ему различные отчеты. Очень скромный ѣдокъ, онъ ѣлъ за завтракомъ minestra ascíuta, вареную говядину, фрукты и пилъ стаканъ вина. Онъ много принималъ и былъ со всѣми любезенъ. Папа занимался разведеніемъ сада вмѣстѣ съ своимъ садовникомъ. Онъ любилъ животныхъ, птицъ и часто гулялъ на зарѣ, а для развлеченія сочинялъ стихи даже не задолго до смерти. Онъ очень придерживался этикета, и германскій императоръ его очень смущалъ своими слишкомъ развязными манерами.

СМѢСЬ.

ЮБИЛЕЙ историческаго музея. Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ Московскій историческій музей впервые гостепріимно распахнулъ свои двери передъ всѣми, кому дорого прошлое нашего отечества. И съ тѣхъ поръ многія безцѣнныя сокровища, сотни вѣковъ скрытыя ревниво землею отъ любопытнаго взгляда человѣка, сдѣлались доступными для обозрѣнія каждаго желающаго. Стремленіе воскресить бытъ и воззрѣнія нашихъ предковъ при помощи уцѣлѣвшихъ отъ тлѣнія старинныхъ предметовъ—вотъ что̀, несомнѣнно, руководило любителями отечественной исторіи, когда они щедро жертвовали свои капиталы на постройку «московскаго храма музы Кліо». На средства этихъ доброхотныхъ дателей и начали воздвигать съ 1875 года будущій историческій музей, при чемъ наблюденіе за строительными работами принялъ на себя инженеръ А. А. Семеновъ, а рисунокъ фасада было поручено исполнить академику В. Ѳ. Шервуду. Прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ на Красной площади возвысилось новое зданіе, приковывавшее своимъ характернымъ видомъ, въ стилѣ XVI вѣка, вниманіе иностранцевъ и провинціаловъ. А, между тѣмъ, собранныя средства, къ сожалѣнію, изсякли, и отдѣлывать домъ внутри стало не на что̀. Такое печальное положеніе дѣла побудило, наконецъ, казну принять историческій музей подъ свое покровительство и поручить завѣдываніе имъ графу А. С. Уварову. Послѣдній до самой кончины ревностно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Онъ составилъ планъ внутренняго устройства музея, отдѣлалъ, согласно ранѣе выработаннымъ проектамъ, десять залъ и старался, по мѣрѣ возможности, наполнить ихъ археологическими предметами. 27-го мая 1883 года, въ періодъ своего коронаціоннаго пребыванія въ Москвѣ, историческій музей посѣтили государь императоръ Александръ III и государыня императрица Марія Ѳеодоровна, а

черезъ недѣлю—2 іюня, двери его широко раскрылись и для публики. Кончина графа А. С. Уварова пріостановила на время развитіе музея, тѣмъ болѣе, что казна не отпускала средствъ, необходимыхъ для покупки археологическихъ рѣдкостей. Лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ состоялось утвержденіе штата «Императорскаго Россійскаго музея» и была ассигнована ежегодная десятитысячная субсидія на пріобрѣтеніе древнихъ вещей. Съ этихъ поръ жизнь учрежденія, посвященнаго прошлому нашего отечества, вошла въ новую фазу. Помимо тѣхъ коллекцій, которыя покупались или были пожертвованы частными лицами, музей вскорѣ обогатился также цѣнными предметами по антропологіи, переданными ему университетомъ и составившими особый антропологическій отдѣлъ. Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что Московскій историческій музей, посвященный главнымъ образомъ прошлому Россіи, въ то же время никогда не чуждался и запросовъ текущей жизни. Среди его стѣнъ нашли пріютъ предметы каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, эллино-скиѳскіе и древне-русскіе памятники. Двѣ изъ его многочисленныхъ залъ заключаютъ въ себѣ вещи и рукописи такихъ художниковъ слова девятнадцатаго столѣтія, какъ А. С. Грибоѣдовъ и Ѳ. М. Достоевскій. Въ помѣстительной же аудиторіи музея раздаются каждое воскресенье глубоко-интересныя чтенія, привлекающія тысячи рабочихъ и дающія отвѣтъ на различные запросы изъ области богословія, прошлой и современной жизни.

Присужденіе премій Петра Великаго. Состоялось 24-го іюня присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Малая премія въ 500 р. присуждена за сочиненіе въ печатныхъ листахъ съ рукописными поправками и дополненіями подъ заглавіемъ «Русско-греческій словарь. Составилъ Э. Черный, бывшій преподаватель древнихъ языковъ въ московской 3-й гимназіи, изданіе 4-е, вновь обработанное и значительно дополненное». По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія для соисканія преміи императора Петра Великаго было назначено сочиненіе «Исторія Россіи» для народа. Къ опредѣленному сроку было представлено въ ученый комитетъ только одно сочиненіе, которое признано незаслуживающимъ преміи.

Авторъ поэмы «Гавриліада». Рукописная поэма «Гавриліада» всегда приписывалась Пушкину, до и въ его собственныхъ письмахъ и замѣткахъ имѣлись явныя доказательства, что онъ былъ авторомъ ея. Въ недавнее время появились свѣдѣнія объ офиціальномъ отреченіи Пушкина отъ своего авторства: мы ихъ не воспроизводимъ, полагая, что простого напоминанія о нихъ достаточно. Теперь въ «Русскомъ Архивѣ» г. Брюсовъ помѣстилъ небольшую статью, посвященную доказательству того, что отреченіе Пушкина было ложно. Мы со своей стороны безусловно придерживаемся того же мнѣнія. Достаточно прочесть нѣсколько строкъ поэмы, чтобъ узнать Пушкина. Кромѣ него, никто не могъ писать такими стихами. Повѣрить, будто ихъ авторомъ былъ кн. Горчаковъ, не можетъ ни одинъ мало-мальски смыслящій въ поэзіи человѣкъ. Впрочемъ г. Барсуковъ съ необычайною сентиментальностью старается увѣрить читателей, будто Пушкинъ отрекался справедливо. Спрашивается, однако, что̀ за преступленіе было въ данномъ случаѣ въ отреченіи поэта? Нехорошо, конечно; но вѣдь

никто и не считаетъ Пушкина безгрѣшнымъ, а его частныя слабости не могутъ измѣнить общихъ очертаній его нравственнаго образа. Императоръ Николай велѣлъ передать Пушкину, что вѣритъ его заявленію, будто не онъ авторъ «Гавриліады»: тогда Пушкинъ лично написалъ государю письмо. Письмо это утрачено. По высочайшему повелѣнію въ настоящее время г. Барсуковъ разыскиваетъ это письмо въ архивахъ, но до сихъ поръ безуспѣшно. Однако, не въ письмѣ и дѣло, что̀ бы въ немъ ни заключалось. Кромѣ Пушкина, никто не могъ написать «Гавриліаду», а виниться въ своемъ прежнемъ мальчишествѣ ради поздней кляузы не было для него никакого смысла. Во всякомъ случаѣ, повѣрить его показанію нѣтъ никакой возможности.

Археологическія находки. I. За послѣднее время директоромъ областного музея Д. И. Эварницкимъ, по словамъ «Вѣстника Юга», былъ произведенъ рядъ весьма важныхъ въ археологическомъ отношеніи раскопокъ въ уѣздахъ Павлоградскомъ и Новомосковскомъ. Изъ всѣхъ этихъ раскопокъ наибольшій интересъ представляетъ раскопка въ селѣ Аѳанасьевкѣ, близъ рѣки Орели, Новомосковскаго уѣзда, въ имѣніи полковника С. А. Ильяшенка. При вскрытіи кургана найдена была двухколесная боевая колесница, окрашенная яркою карминною краской, съ различными украшеніями и желѣзною оковкой. Подъ колесомъ колесницы былъ найденъ большой мѣдный кувшинъ съ ручкой, а ниже его, въ такъ называемомъ «черномъ пятнѣ», былъ обнаруженъ женскій скелетъ, повидимому, царственной особы, оріентированный съ востока на западъ, лицомъ къ верху. При скелетѣ найдены: подъ самою головой большое бронзовое зеркало замѣчательной восточной орнаментаціи и съ остатками волосъ отъ головы; на лѣвомъ плечѣ находились два большіе золотые аграфа, тонкой художественной работы, въ видѣ короны, украшенной эмалью, крупнымъ жемчугомъ и съ восточными надписями; большая золотая звѣзда, орнаментированная крупнымъ жемчугомъ, большая золотая фибула со стекломъ, въ золотой оправѣ: остатки золотканной парчи, шитой серебромъ и нитями жемчуга, а также украшенной 17 золотыми звѣздами; кромѣ того, длинная серебряная булавка. Въ лѣвой рукѣ скелета находился большой серебряный ковшъ замѣчательной художественной работы восточнаго стиля съ ручкой, представляющей голову фантастическаго звѣря; на правой рукѣ сохранился золотой превосходной работы перстень съ крупнымъ, дорогимъ камнемъ; тутъ же возлѣ правой руки на серебряной цѣпочкѣ были привѣшены серебряная, тонкой работы, ложечка, въ видѣ ситочки, и маленькая серебряная ложечка для чистки ушей, а также двѣ изящныя серебряныя тонкія проволочки, повидимому, для чистки зубовъ. Съ остатками парчи найдены были нити крупнаго и мелкаго жемчуга вмѣстѣ съ бусами затѣйливой художественной композиціи. Кромѣ вышеописаннаго кургана, большого вниманія заслуживаютъ раскопки въ имѣніи Н. А. Гана и М. Н. Лалосма, въ Шандровкѣ и Татарбранкѣ. Въ одномъ изъ кургановъ Гана открытъ большой дубовый срубъ, въ формѣ восьмиугольника, полтора аршина глубины и 11 саж. въ окружности, подъ срубомъ въ черномъ пятнѣ открытъ челнъ (ладья), выдолбленный изъ цѣльнаго дуба. Въ ладьѣ находился человѣческій скелетъ и подлѣ нея скелетъ лошади, съ удилами въ зубахъ и остатками сѣдла. При самомъ скелетѣ найдены: желѣзное копье, стрѣлы,

длинный берестовый колчанъ, на ногахъ, ниже колѣнъ, въ видѣ украшенія небольшія металлическія чашечки, остатки кинжала, ножа и другихъ боевыхъ принадлежностей. Въ другомъ курганѣ такого же типа также найдено погребеніе въ челнѣ, но безъ коня. При скелетѣ открыты прекрасной работы длинныя серебряныя съ подвѣсками серьги. Кромѣ того, найдены были серьги безъ подвѣсокъ, но съ крупнымъ жемчугомъ и съ остатками засохшаго уха. Далѣе найдено было нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ пуговицъ, мѣдная удочка тонкой работы, золотыя массивныя подвѣски, желѣзныя стрѣлы, копья, ножи и бронзовое зеркало, украшенное восточнымъ орнаментомъ, привѣшенное на шелковыхъ снуркахъ. Весьма большое значеніе для опредѣленія времени народности, жившей въ данной мѣстности, имѣютъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ курганѣ. Всѣ эти курганы съ приблизительною точностью можно отнести къ XI и XII вѣкамъ послѣ Рождества Христова. II. Въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ при выемкѣ земли для кладки фундамента новаго зданія случайно найденъ довольно большихъ размѣровъ горшокъ изъ желтоватой обожженной глины, въ которомъ оказался драгоцѣнный съ археологической точки зрѣнія кладъ. Онъ состоитъ изъ предметовъ, относящихся къ концу XII и началу XIII вѣка. Эти предметы слѣдующіе: большой серебряный шейный обручъ, такъ называемая гривна, витая изъ четырехъ серебряныхъ скрученныхъ жгутовъ; ожерелье изъ крупныхъ серебряныхъ бусъ, крестовъ и подвѣсокъ на толстомъ скрученномъ изъ нитокъ шнуркѣ; ожерелье изъ серебряныхъ бусъ-пронизокъ въ видѣ боченковъ и привѣсокъ, золотыхъ и серебряныхъ; привѣски въ формѣ лиліи; золотая цѣпь, украшенная мелкимъ жемчугомъ, состоящая изъ 14-ти квадратныхъ золотыхъ бляшекъ, украшенныхъ снаружи орнаментами чернью; девять золотыхъ бляшекъ, круглыхъ, полыхъ, орнаментированныхъ съ лицевой стороны великолѣпной византійской перегородчатой эмалью (орнаменты растительнаго и геометрическаго характера); два широкихъ серебряныхъ браслета съ изображеніями львовъ и фантастическихъ птицъ; два браслета изъ серебряныхъ витыхъ толстыхъ спиралей; массивный серебряный браслетъ съ рѣзьбой; три пары большихъ сережныхъ подвѣсокъ, колтовъ, серебряныхъ, полыхъ, на двухъ изображеніе грифоновъ, третья имѣетъ форму звѣзды; пять золотыхъ сережекъ кіевскаго типа, украшенныхъ зернью и сканью, прорѣзныхъ, сѣнчатыхъ; 24 крупныхъ серебряныхъ серьги кіевскаго типа въ видѣ полусогнутаго дрота съ насаженными на немъ тремя бусинами, украшенными филигранью и зернью; два серебряныхъ ожерелья; восемь серебряныхъ перстней; два серебрянныхъ «рубля»-слитка; важные по орнаментамъ остатки золотой парчи (рисунокъ: разводы акантовыхъ листьевъ) и другихъ тканей. Кладъ по снятіи съ него фотографіи отправленъ въ петербургскую императорскую археологическую комиссію. Въ немъ, несомнѣнно, есть уники, проливающіе свѣтъ на русское искусство дотатарской эпохи.

Кремлевскія подземныя галлереи. Подъ этимъ заглавіемъ «Московскія Вѣдомости» помѣстили двѣ взаимно одна другую дополняющія статьи, не лишенныя для историковъ извѣстнаго интереса. Дѣло въ томъ, что московская городская управа рѣшила засыпать подземную галлерею между историческимъ музеемъ и кремлевскою стѣною. Галлерея эта была выкопана нѣсколько лѣтъ

тому назадъ княземъ Щербатовымъ въ годъ производившихся имъ подземныхъ изслѣдованій Кремля. «Одновременно съ этими работами проводилась вдоль Красной площади и по Никольскому проѣзду канализаціонная магистраль на глубинѣ до 17 аршинъ (отъ мостовой). Когда эта магистраль подошла къ линіи отъ музея къ часовнѣ у Никольскихъ воротъ, случайно оказалось, что магистраль прошла подъ самымъ поломъ какого-то подземнаго хода изъ Кремля по направленію къ Никольской улицѣ. Сейчасъ же объ этомъ сообщили въ историческій музей князю Щербатову, который и приступилъ къ изслѣдованію этого подземнаго хода. Оказалось слѣдующее: ходъ этотъ, выложенный кирпичемъ (характеръ его постройки указываетъ, что онъ устраивался помощью подземной галлереи, а не въ разрытой канавѣ), былъ размѣромъ: шириной аршина $1^1/_2$ до 2 аршинъ и вышиной до $3^1/_2$ аршинъ. Проведенъ ходъ былъ подъ дномъ бѣлокаменнаго рва, устроеннаго нѣкогда Алевизіемъ, для соединенія вдоль Красной площади Неглинной съ Москвой-рѣкой. Въ найденномъ ходѣ обнаружена была дверь и 2 окна изъ подземной палаты, сводъ которой разрушенъ, и вся палата завалена землей. Помощью деревянной минной галлереи была обслѣдована вся площадь пола этой палаты, но ничего не было найдено. Найдена была также лѣстница, выводящая ходъ этотъ по направленію къ Кремлевской стѣнѣ. Непосредственно у верхней ступени лѣстницы ходъ обрывается—сломанъ сводъ, стѣны и полъ. Видно, однако, что въ этомъ мѣстѣ сводъ переходилъ въ горизонтальное направленіе. Еще раньше удалось найти подземный ходъ въ толщѣ фундамента Кремлевской стѣны отъ Круглой башни (на углу Александровскаго сада и Никольскаго проѣзда) къ Никольской башнѣ, о которомъ въ свое время говорилъ Петру Великому понамарь Кононъ Осиповъ. Ходъ этотъ дѣйствительно оказался перегороженнымъ, какъ говорилъ Осиповъ, рядомъ столбовъ, на которыхъ основанъ прочный фундаментъ арсенала, почему, какъ намъ объясняли, князь Щербатовъ и не могъ проникнуть этимъ ходомъ въ находящіяся подъ Никольскою башней подземныя палаты. Въ виду этого новый ходъ далъ надежду проникнуть черезъ него сначала въ подземный ходъ въ толщѣ Кремлевской стѣны (въ мѣстѣ очевиднаго ихъ пересѣченія), а затѣмъ и въ палаты подъ Никольскою башней. Итакъ, князь Щербатовъ, совмѣстно съ гражданскимъ инженеромъ М. Н. Литвиновымъ, рѣшилъ вести деревянную минную галлерею по направленію разрушеннаго хода къ Кремлевской стѣнѣ. Пройдя, однако, галлереей остающееся разстояніе до кремлевской стѣны, изслѣдователи очутились ниже ея фундамента. Между тѣмъ наступалъ уже октябрь, работы пришлось остановить до будущей весны. Послѣдовавшая вслѣдъ за симъ кончина покойнаго государя, а затѣмъ и годъ коронаціи отодвинули дальнѣйшія изслѣдованія Кремля, какъ оказалось, ad calendas graecas. По прошествіи двухъ лѣтъ, когда выяснилось, что работы не могутъ возобновиться безъ особаго новаго высочайшаго разрѣшенія, было заявлено кому слѣдовало о необходимости имѣть въ виду существованіе только-что устроенной деревянной галлереи, и буде она не нужна, то по необходимости ее засыпать. Такъ какъ ничего не предпринималось въ этомъ направленіи, то заявленіе повторялось разъ десять, и вотъ лишь теперь приступаютъ къ засыпкѣ галлереи. Казалось бы,

что проще и дешевле засыпать галлерею чрезъ устроенный княземъ же Щербатовымъ колодезь въ эту галлерею, у самой кремлевской стѣны, мусоромъ, рядомъ наваленнымъ изъ арсенала, такъ нѣтъ же! Это слишкомъ выходитъ «по-простецки», вотъ и выдумываютъ «по-инженерному» что либо болѣе сложное. Кстати объ арсеналѣ. Тутъ мы узнали возмутительное дѣло. Надо сказать, что плана фундамента арсенала не существуетъ. Никто изъ завѣдующихъ арсеналомъ понятія не имѣетъ о томъ, какъ фундаментъ этотъ устроенъ. Вышеприведенныя изслѣдованія показали, что фундаментъ фасадовъ арсенала, выходящихъ на кремлевскую стѣну, то-есть по Александровскому саду и возлѣ Никольскаго проѣзда, устроенъ на столбахъ, выложенныхъ на полу подземнаго хода въ толщѣ фундамента Кремлевскихъ стѣнъ. Поставлены столбы, между этими столбами перекинуты, слѣдовательно, арки, а на аркахъ положена кладка фундамента. Этотъ фундаментъ превосходенъ и проченъ; никакой осадокъ зданія здѣсь невозможенъ. Фундаментъ остальныхъ двухъ фасадовъ и надворныя стѣны зданія заложены въ плохомъ грунтѣ Кремля, на какой глубинѣ и какъ—неизвѣстно. Но вотъ бѣда: въ цоколѣ Круглой, упомянутой выше, башни Іоаннъ Грозный устроилъ бассейнъ «осаднаго ради сидѣнія»—для снабженія Кремля водой. Бассейнъ этотъ занималъ всю площадь цоколя и подавалъ воду изъ тутъ же находящихся ключей. Изъ бассейна вода самотекомъ шла широкимъ каменнымъ ходомъ, аршина въ 4 шириной, сначала въ толщѣ Кремлевской стѣны по направленію къ Троицкой башнѣ, а затѣмъ саженяхъ въ 10 отъ Круглой башни ходъ этотъ сворачивалъ подъ Кремль. Когда строили столбы фундамента арсенала на полу этого разумно устроеннаго для воды каменнаго хода, то самый бассейнъ засыпали мусоромъ и глиной, надѣясь заглушить этимъ ключи и оградить себя отъ воды. Не будь упомянутой ключевой воды, все обошлось бы хорошо, но засыпка бассейна не помогла, — ключи пробились, и вода снова идетъ и идетъ уже болѣе 200 лѣтъ, сначала по остатку для нея устроеннаго хода, затѣмъ, ударившись въ первый встрѣчный столбъ фундамента арсенала, преграждающаго ей путь, сворачиваетъ и течетъ подъ арсеналъ, подъ Кремль. Теперь легко понять, что̀ творится въ грунтѣ подъ арсеналомъ. Намъ передавали очевидцы, какъ князь Щербатовъ откачивалъ воду въ башнѣ въ продолженіе 4 сутокъ, днемъ и ночью безостановочно, 10-дюймовою двойною̀ помпой, и откачать ее ему не удалось. Сколько же течетъ этой воды (очень чистой и вкусной) изъ подземныхъ ключей! Эта вода постоянно вымываетъ изъ-подъ арсенала грунтъ и его заболачиваетъ. Поэтому и постоянные провалы на всей площади, занимаемой арсеналомъ, и внутри зданія и на дворахъ. Не успѣютъ засыпать глубочайшій провалъ, какъ появляется сначала осѣданіе, а затѣмъ провалъ въ другомъ мѣстѣ. И такъ постоянно. Отъ этого и постоянныя трещины въ стѣнахъ фасадовъ, выходящихъ на Кремль, и разрушенія этихъ стѣнъ и постоянный ихъ ремонтъ. Теперь сложилось убѣжденіе, что необходимо не воду убрать въ трубу, а облегчить зданіе арсенала, и вотъ ломаютъ чудные капитальные своды второго этажа, чтобы замѣнить ихъ деревянными потолками. Не слѣдуетъ забывать, что отъ Круглой башни до Неглинной саженей всего 100 — 150. Вѣдь не хитро, казалось бы, проложить какую либо

трубу отъ бассейна Круглой башни до Неглинной. Вода самотекомъ сходила бы въ Неглинную, и такимъ образомъ прекратились бы дальнѣйшія неминуемыя поврежденія арсенала»... Такова первая статья, подписанная буквами Б. М. Черезъ нѣсколько дней, однако, «Московскія Вѣдомости» помѣстили къ ней поправки, подписанныя военнымъ инженеромъ Воронцовымъ-Вельяминовымъ. «Хотя плана фундамента арсенала,—говоритъ г. Воронцовъ-Вельяминовъ,— и не существуетъ, но устройство его довольно хорошо изучено завѣдующими зданіемъ. Фундаментъ стѣны со стороны Александровскаго сада заложенъ на глубинѣ 9½ аршинъ въ насыпномъ грунтѣ, а вовсе не въ толщѣ фундамента кремлевской стѣны, какъ предполагаетъ г. Б. М., каковое совмѣщеніе, кстати сказать, довольно непонятно. Фундаменты фаса, обращеннаго къ Троицкимъ воротамъ, заложены частью въ насыпномъ грунтѣ, частью въ пескѣ, достигая въ послѣднемъ случаѣ глубины 11½ аршинъ. Фасъ, обращенный къ Сенатской площади, заложенъ въ пескѣ, четвертый же фасъ, со стороны историческаго музея, не былъ изслѣдованъ, какъ болѣе устойчивый, но въ послѣднее время поврежденія распространились и на него. Подъ слоемъ песка, толщиной отъ 10 вершковъ до нѣсколькихъ аршинъ, обнаруженнымъ по всей площади, вслѣдъ за насыпнымъ грунтомъ—слой глины. Толщина же насыпного грунта достигаетъ у Кремлевской стѣны 23 аршинъ, уменьшаясь на Сенатской площеди до 6 аршинъ. Фундаментъ Кремлевской стѣны близъ Троицкихъ воротъ заложенъ въ глинѣ ниже фундамента арсенала на 5 саженъ. По всей площади арсенала обнаружены грунтовыя воды, весьма чувствительныя къ атмосфернымъ осадкамъ. Воды эти при таяніи снѣга и въ началѣ весны держатся на глубинѣ 4-хъ—6-ти аршинъ, а въ сухое время падаютъ на глубину 10—13 аршинъ близъ Сенатской площади и на глубину болѣе 20 аршинъ у Троицкихъ воротъ. Наиболѣе характерное разстройство произошло въ стѣнѣ, обращенной къ Александровскому саду и стоящей, по мнѣнію г. Б. М., на незыблемомъ основаніи. Она вышла изъ вертикальнаго положенія, получила неравномѣрный сдвигъ къ сторонѣ сада и по длинѣ своей неравномѣрно осѣла. Вслѣдствіе подобнаго же рода явленій и въ остальныхъ стѣнахъ своды верхняго этажа пришли въ такое разстройство, что давно перестали быть «чудными и капитальными», какъ говоритъ г. Б. М., а напротивъ, стали угрожать обрушеніемъ. И вотъ для устраненія опасности ихъ мало-по-малу разбираютъ, замѣняя безопаснымъ балочнымъ перекрытіемъ. Начало изслѣдованій поврежденій арсенала относится къ пятидесятымъ годамъ, послѣ чего были приняты первыя мѣры къ укрѣпленію стѣнъ, наиболѣе же цѣнныя и точныя изслѣдованія сдѣланы въ періодъ 1882—1885 годовъ. На основаніи всѣхъ этихъ изслѣдованій было сдѣлано заключеніе, что причина движенія грунта состоитъ въ томъ, что атмосферныя воды, просачиваясь сквозь наносные слои, находятъ себѣ гдѣ либо ниже подошвы фундаментовъ свободный выходъ и тѣмъ производятъ вымываніе грунта. А потому было предложено дренировать площадь арсенала на глубинѣ нѣсколько выше подошвы фундаментовъ, чтобы перехватить эти воды и устранить просачиваніе ихъ въ слои ниже подошвы фундамента, но по дороговизнѣ этихъ работъ онѣ не были еще осуществлены. Въ настоящее же время въ виду открытія ключей въ круглой башнѣ можно пред-

положить, какъ это замѣчаетъ и г. Б. М., что именно въ нихъ-то и заключается все зло, такъ какъ вода заглушенныхъ ключей, вытекающая, по всей вѣроятности, изъ водоноснаго песчанаго слоя, надъ которымъ основанъ арсеналъ, могла найти естественный выходъ и служить, такимъ образомъ, причиной подмыва и выноса грунта изъ-подъ арсенала. Что же будетъ, если водѣ этой дать свободный выходъ, какъ это предполагаетъ г. Б. М.? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо произвести самое точное и всестороннее изслѣдованіе движенія воды, уровня и положенія непроницаемаго слоя и глубины фундаментовъ окружающихъ зданій, такъ какъ нельзя забывать, что многія зданія позднѣйшей постройки возведены, не подозрѣвая существованія ключей. И если строитель арсенала заглушилъ эти ключи, основывая фундаментъ выше материка, которымъ въ данномъ случаѣ является глина, подъ водоноснымъ слоемъ, то весьма возможно, что онъ поступилъ глубокомысленно и правильно, предвидя возможность скользенія и осадки лежащихъ надъ глиной слоевъ при свободномъ истеченіи подпочвенной воды. Если же удостовѣрено, что заглушенная вода находитъ себѣ выходъ, то для установленія равновѣсія въ грунтѣ, конечно, необходимо вывести воду. Но гдѣ и какъ ее вывести—это большой вопросъ. Казалось бы, что наиболѣе раціонально перехватить ее съ нагорной стороны по Сенатской площади, вдоль всего арсенала, и вывести выше круглой башни, осуществивъ вмѣстѣ съ этимъ предполагавшійся уже дренажъ, чтобы этимъ предстворатить всякое движеніе воды въ слояхъ, на которыхъ стоитъ арсеналъ. Но нельзя не признать, что мѣра эта съ технической стороны представляетъ немалыя трудности и требуетъ большого вниманія и осмотрительности относительно смежныхъ зданій. Было бы, поэтому, неосторожною поспѣшностью рекомендовать, какъ это дѣлаетъ г. Б. М., возстановленіе стариннаго водопуска изъ водоема круглой башни, не сдѣлавъ предварительно необходимыхъ всестороннихъ изысканій».

НЕКРОЛОГИ.

АВЕНАРІУСЪ, Н. П. 4-го іюля скончался въ Ковнѣ извѣстный педагогъ и археологъ Николай Петровичъ Авенаріусъ. Н. П. родился въ 1834 г. въ гор. Царскомъ Селѣ. По окончаніи курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ по историко-филологическому факультету съ званіемъ старшаго учителя, онъ началъ свою педагогическую дѣятельность въ 1857 г. во 2-й петербургской гимназіи. Командированный министерствомъ народнаго просвѣщенія для ознакомленія съ учительскими семинаріями Германіи и Швейцаріи, онъ по возвращеніи въ Россію устроилъ Молодечнянскую учительскую семинарію для Сѣверо-Западнаго края, а затѣмъ учительскую семинарію при училищѣ военнаго вѣдомства въ Москвѣ. Съ 1864 по 1900 годъ былъ инспекторомъ классовъ варшавскаго Александринско-Маріинскаго института, гдѣ прослужилъ слишкомъ двадцать лѣтъ, затѣмъ инспекторомъ бѣлостокскаго института императора Николая I. Наиболѣе отвѣтственнымъ и плодотворнымъ должно почитаться первое десятилѣтіе его службы въ варшавскомъ институтѣ, когда совмѣстно съ начальницею института А. И. Случевскою (матерью поэта К. К. Случевскаго) ему приходилось напрягать всю свою энергію, всѣ силы для пересозданія этого заведенія, проникнутаго тогда польскимъ духомъ, въ разсадникъ женскаго просвѣщенія съ чисто-русскимъ направленіемъ. Досугъ свой во время лѣтнихъ каникулъ Н. П. употреблялъ вначалѣ на педагогическія статьи, печатавшіяся въ «Подснѣжникѣ», «Воспитаніи», «Педагогическомъ Сборникѣ» и «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Въ «Berliner Blätter für Unterricht und Erziehung» Н. П. помѣстилъ нѣсколько статей, въ томъ числѣ работу о реформѣ школьнаго дѣла въ Россіи. Въ Варшавѣ, въ 1870-хъ годахъ, издалъ курсъ педагогики. Впослѣдствіи любимымъ занятіемъ Н. П. въ свободные часы была археологія. Нѣсколько лѣтъ подъ рядь имъ производились въ лѣтніе мѣсяцы успѣшныя раскопки кургановъ и и каменныхъ могилъ въ губерніяхъ Гродненской, Минской и Полтавской, а

затѣмъ печатались по этому поводу ученыя изслѣдованія въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ, между прочимъ нѣсколько статей по нумизматикѣ, напримѣръ—о кунахъ, въ «Извѣстіяхъ археологическаго общества». (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9822; «Южный Край», 1903 г., № 7784).

† **Аристовъ, В. И.** 9-го іюля скончался одинъ изъ видныхъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ славянскаго благотворительнаго общества, д. ст. с. Василій Ивановичъ Аристовъ. Покойный родился 24-го іюня 1831 г., окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи, службу началъ въ главномъ штабѣ. Оттуда перешелъ въ министерство путей сообщенія и послѣ трехлѣтняго перерыва поступилъ вновь на службу въ государственный контроль. Его общественная дѣятельность гораздо ярче и шире сравнительно съ его дѣятельностью служебной. Въ первые годы царствованія императора Александра II, въ эпоху реформъ, В. И. по своему характеру и воспріимчивости не могъ не откликнуться на новыя вѣянія. Едва заговорили о поднятіи народнаго образованія, объ устройствѣ для народа воскресныхъ школъ, онъ принялся за добываніе средствъ на осуществленіе этихъ школъ, изыскивая для этого всѣ способы, устраивая любительскіе спектакли и даже самъ участвуя въ нихъ. Когда въ 1868 году въ Петербургѣ былъ основанъ клубъ художниковъ, В. И. явился дѣятельнѣйшимъ его членомъ въ теченіе многихъ лѣтъ и устраивалъ въ клубѣ праздники, балы, маскарады. Одновременно съ этимъ принималъ живое участіе въ многочисленныхъ другихъ предпріятіяхъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и въ особенности въ дѣлахъ славянскаго комитета, которому въ 1869—1870 и 1870—1871 годахъ доставлялъ круглымъ числомъ по 4.000 р. въ годъ, а въ 1872—1873 и 1873—1874 годахъ свыше 20.000 рублей отъ устроенныхъ имъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, баловъ и гуляній. Въ 1875 и 1876 г., во время герцеговинскаго возстанія, выручено имъ отъ разныхъ предпріятій и доставлено комитету свыше 20.000 р. и за то же время лично имъ собрано и доставлено пожертвованій въ пользу славянскихъ семействъ болѣе 5.000 рублей. Съ образованіемъ комиссіи по сбору пожертвованій, имъ подана и приведена въ исполненіе мысль о церковномъ и кружечномъ сборахъ. Церковный сборъ далъ свыше 1 милліона, а летучія кружки до 30 тысячъ. Будучи избранъ въ 1876 году секретаремъ комиссіи, онъ велъ не только дѣла по письменной части, но пріему добровольцевъ, сестеръ милосердія и докторовъ, но и по ихъ отправкѣ, по обмундированію добровольцевъ и снабженію медицинскихъ отрядовъ бѣлевыми и перевязочными средствами и инструментами. Съ возвращеніемъ раненыхъ добровольцевъ удовлетвореніе ихъ насущныхъ нуждъ возложено было также на покойнаго. Имя В. И. Аристова извѣстно во всѣхъ славянскихъ земляхъ, такъ какъ все, что дѣлало славянское общество для славянъ, проходило чрезъ его руки. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9824).

† **Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М.** 22-го іюня въ Дрезденѣ скончался членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, д. с. с. Александръ Михайловичъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Тульской губерніи, родился въ 1851 г. и образованіе получилъ въ императорскомъ

училищѣ правовѣдѣнія. По окончаніи училища въ 1873 году А. М. началъ службу въ качествѣ кандидата при прокурорѣ С.-Петербургскаго окружнаго суда. Менѣе чѣмъ черезъ годъ покойный былъ переведенъ въ казанскій судебный округъ, гдѣ до 1881 года занималъ должность слѣдователя. Въ 1881 году А. М. былъ перемѣщенъ на должность товарища прокурора новгородскаго окружнаго суда, а черезъ два года перешелъ на ту же должность при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. Съ 1893 по 1894 годъ покойный исполнялъ обязанности прокурора ярославскаго окружнаго суда, а затѣмъ до 1896 года занималъ должность товарища предсѣдателя московскаго окружнаго суда. Въ 1896 году онъ занялъ должность товарища прокурора московской судебной палаты, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ с.-петербургскаго окружнаго суда. Здѣсь А. М. оставался до 1900 года и, пройдя такимъ образомъ всю іерархическую лѣстницу судебныхъ должностей, былъ призванъ въ члены консультаціи при министерствѣ. Какъ опытный судебный практикъ, покойный въ минувшемъ году былъ также назначенъ исправляющимъ обязанности товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Будучи сторонникомъ суда присяжныхъ, покойный написалъ обширное изслѣдованіе о судѣ присяжныхъ въ защиту этого института; кромѣ того, его статьи по различнымъ юридическимъ вопросамъ помѣщались въ спеціальныхъ журналахъ. Послѣдній его трудъ о русскомъ сектантствѣ представляетъ выдающійся интересъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9810; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 315).

† **Быковскій, А. В.** 3-го іюля скончался, а 8-го іюля погребенъ въ Вильнѣ, преподаватель Николаевской инженерной академіи и училища, военный инженеръ, полковникъ Андрей Владимировичъ Быковскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Минской губерніи, получилъ образованіе въ псковскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и Николаевской инженерной академіи, окончивъ курсъ въ послѣднихъ двухъ по первому разряду. Въ 1892 году переведенъ въ военные инженеры и въ теченіе пяти лѣтъ служилъ въ Закаспійской области, неся различныя должности на Закаспійской военной желѣзной дорогѣ. Въ 1897 году назначенъ былъ репетиторомъ Николаевской инженерной академіи и училища по предмету строительнаго искусства, а въ 1899 году, по сдачѣ пробной лекціи, утвержденъ штатнымъ преподавателемъ академіи и училища, въ каковой должности состоялъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Въ 1900 году покойный былъ командированъ въ распоряженіе командующато войсками Пріамурскаго военнаго округа для исполненія порученій при дѣйствующихъ войскахъ; въ 1902 году находился въ заграничной командировкѣ для усовершенствованія по различнымъ отраслямъ строительнаго искусства и, главнымъ образомъ, по желѣзнодорожному дѣлу. Покойный скончался 37 лѣтъ отъ роду, въ полномъ расцвѣтѣ силъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9819; «Виленскій Вѣстникъ», 1903 г., № 158).

† **Герцо-Виноградскій, С. Т.** 30-го іюня въ Одессѣ скончался на 58-мъ году Семенъ Титовичъ Герцо-Виноградскій, одесскій фельетонистъ, писавшій подъ псевдонимами Баронъ Иксъ и Колокольчикъ. С. Т. свое начальное обра-

зованіе получилъ въ кишиневской гимназіи, затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ Новороссійскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ. По окончаніи университета С. Т. пошелъ въ народные учителя. Въ деревнѣ же онъ написалъ первый свой фельетонъ и послалъ его въ 1872 году въ единственную тогда газету «Одесскій Вѣстникъ». Хотя строгій характеръ «Одесскаго Вѣстника» вовсе не соотвѣтствовалъ тому жанру, въ которомъ первый опытъ Барона Икса — С. Т. такъ именно подписалъ первый свой фельетонъ—былъ написанъ, тѣмъ не менѣе фельетонъ былъ напечатанъ, и 23-хъ-лѣтній юноша получилъ осчастливившее его предложеніе пріѣхать въ Одессу и принять близкое участіе въ газетѣ. Съ 1875 года и по 1877 годъ С. Т. работалъ въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ», а съ этого года ему пришлось надолго распроститься съ Одессой. С. Т. по нѣкоторымъ обстоятельствамъ долженъ былъ уѣхать въ Красноярскъ; изъ этого города покойный былъ переведенъ въ Самару, откуда въ мартѣ 1881 года вернулся въ Одессу. По возвращеніи въ Одессу онъ началъ работать въ зародившемся тогда «Одесскомъ Листкѣ». Въ серединѣ 80-хъ годовъ С. Т. перешелъ въ «Одесскія Новости», а съ 1893 года по 1897 годъ работалъ въ «Одесскомъ Листкѣ». Все время своей литературной дѣятельности С. Т. работалъ, не покладая рукъ. Его фельетоны подъ заглавіемъ «Дѣла-дѣлишки» и краткія замѣтки, которыя онъ подписывалъ Колокольчикъ, доставили ему извѣстность не только въ Одессѣ, но на всемъ югѣ и даже далеко за предѣлами его. «Барона Икса» знали всѣ читающіе въ южномъ краѣ, знали, какъ талантливаго, идейнаго и отзывчиваго публициста и «перваго одесскаго фельетониста», всецѣло посвятившаго себя служенію родинѣ перомъ. Поэтому, когда праздновали въ 1897 году 25-тилѣтній юбилей литературной дѣятельности С. Т., то юбиляръ получилъ со всѣхъ концовъ Россіи привѣтственныя телеграммы и письма, среди которыхъ была, между прочимъ, телеграмма отъ министра финансовъ С. Ю. Витте. Съ года юбилея С. Т. совершенно оставилъ работу, такъ какъ заболѣлъ тяжелымъ недугомъ, который постепенно подрывалъ его силы и свелъ въ могилу. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1903 г., № 169; «Одесскія Новости», 1903 г., № 6014; «Южное Обозрѣніе», 1903 г., № 2201).

† **Егоровъ, А. И.** 21-го іюня скоропостижно скончался въ Екатеринославѣ на 53 году жизни присяжный повѣренный Александръ Ивановичъ Егоровъ. А. И. окончилъ юридическій факультетъ Харьковскаго университета на 21-мъ году, и затѣмъ послѣдовательно занималъ должности помощника секретаря Екатеринославскаго окружнаго суда, секретаря и старшаго нотаріуса. Въ 1897 г. А. И. вышелъ въ отставку и поступилъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ при мѣстномъ окружномъ судѣ. Служебная дѣятельность въ стѣнахъ нотаріальнаго архива не могла удовлетворять покойнаго. Его манила дѣятельность культурно-общественная. И вотъ онъ съ жаромъ отдается публицистической дѣятельности. Въ 1884 г. А. И. предпринимаетъ изданіе ежедневной газеты «Степь». Это была одна изъ первыхъ попытокъ создать краевой органъ печати въ прогрессивномъ направленіи. Вокругъ отважнаго редактора-издателя сгруппировались всѣ лучшія мѣстныя интеллигентныя силы и имена, изъ которыхъ нѣкоторыя впослѣдствіи достигли почетной извѣстности (какъ, напримѣръ, Григ.

Ил. Шрейдеръ)... Но время ли еще тогда для мѣстной газеты не приспѣло, потребность ли въ ней еще не назрѣла, попытка не увѣнчалась успѣхомъ, и газета «Степь», просуществовавъ три года, за недостаткомъ средствъ прекратила свое существованіе. Гораздо болѣе удачной была мысль покойнаго основать въ Екатеринославѣ общедоступную библіотеку для чтенія. Осуществленіе этой идеи относится къ 1882 году. Библіотека Егорова была первымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ этого рода не только въ Екатеринославѣ, но и въ Екатеринославской губерніи. На ней воспиталось нѣсколько поколѣній, и долгое время она должна была удовлетворять жажду чтенія возраставшаго количественно екатеринославскаго населенія. Владѣя острымъ литературнымъ перомъ, покойный А. И. принималъ участіе какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ столичныхъ газетахъ и журналахъ. (Некрологъ его: «Вѣстникъ Юга», 1903 г., № 466).

† **Звѣревъ, И. П.** Въ концѣ іюня скончался въ Торжкѣ 80 лѣтъ отъ роду д. с. с. Иванъ Павловичъ Звѣревъ, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, бывшій директоръ 2-ой Спб. прогимназіи, нынѣ 12-й гимназіи. Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ И. П. состоялъ инспекторомъ Новгородской гимназіи и преподавателемъ русской исторіи въ старшихъ ея классахъ, являя собою столь желательный, но, къ сожалѣнію, еще рѣдкій примѣръ педагога, умѣвшаго разумно сочетать требованія неуклонной школьной дисциплины съ сердечнымъ отношеніемъ къ учащимся. Это былъ выдающійся, талантливѣйшій преподаватель своего предмета. Онъ умѣлъ вдохнуть въ своихъ учениковъ любовь къ русской исторіи, а черезъ нее и горячую любовь къ своему отечеству. И. П. принадлежитъ нѣсколько ученыхъ трудовъ по педагогическимъ вопросамъ, изданныхъ имъ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9814; «Биржевыя Вѣдодости», 1903 г., № 316).

† **Карловичъ, И.** 1-го іюня скончался въ Варшавѣ Иванъ Карловичъ, редакторъ «Вислы», географическо-этнографическаго ученаго журнала. Карловичъ писалъ свои многочисленныя сочиненія по-польски, по-англійски, по-нѣмецки и по-французски. Окончивъ гимназію въ 1852 году въ Вильнѣ, онъ поступилъ на филологическій факультетъ Московскаго университета по словесному отдѣленію; затѣмъ слушалъ лекціи въ университетахъ Парижа, Гейдельберга, Брюсселя и наконецъ въ Берлинѣ, гдѣ за диссертацію на латинскомъ языкѣ «De Boleslai I bello Kioviensi, Berlin, 1866», то-есть «о походѣ Болеслава I на Кіевъ», получилъ степень доктора философіи. Вернувшись на родину въ Виленскую губернію, онъ издалъ въ 1867 году историческую монографію «Донъ-Карлосъ, королевичъ испанскій», и позже «Руководство къ собиранію народныхъ памятниковъ». Подъ вліяніемъ нѣмецкихъ ученыхъ издалъ въ 1878 году «Słoworódludowy». Вплоть до 1882 года имъ написанъ рядъ статей критическаго содержанія. Въ 1882 году покойный уѣхалъ въ Гейдельбергъ, Дрезденъ и Прагу, гдѣ занимался какъ языкознаніемъ, такъ въ особенности изслѣдованіями folklor'a, то-есть народнаго творчества. Въ это время онъ помѣщалъ свои работы по лексикографіи въ Archiv'ѣ für Slavische Philologie и цѣлый рядъ статей въ «Вѣстникѣ физіографическомъ» («Pamiętnik fiziograficzny»). Вернувшись въ 1887 году въ Варшаву, взялъ на себя редакторство журнала

«Висла», гдѣ еще раньше помѣстилъ статью о «Чарахъ и чародѣйкахъ въ Польшѣ» и въ теченіе 12-ти лѣтъ неустанно работалъ надъ расширеніемъ и улучшеніемъ его, такъ что вскорѣ по его образцу возникло нѣсколько журналовъ и въ другихъ странахъ (въ Прагѣ, Загребѣ). Въ этнологіи польской интересны разборы покойнаго древнихъ легендъ, напримѣръ, о Мелузинѣ, королевѣ Вандѣ. Ему принадлежатъ также переводы «Основъ этики» Спенсера, сочиненій Маколея, Дрэпера и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9800).

† **Махотинъ, Н. А.** 28-го іюня, скончался членъ государственнаго совѣта, генералъ отъ инфантеріи Николай Антоновичъ Махотинъ. Н. А. родился 4-го декабря 1830 года въ Нижнемъ Новгородѣ, въ семьѣ помѣщика Нижегородской губерніи, генералъ-майора А. Е. Махотина, участника многихъ походовъ начала минувшаго столѣтія. По примѣру отца, и у сына явилось желаніе посвятить себя военной службѣ. На пятнадцатомъ году жизни онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а въ 1849 году состоялось производство его въ прапорщики лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. Дальнѣйшее военное образованіе Н. А. продолжалъ въ императорской военной академіи (нынѣ Николаевской генеральнаго штаба), курсъ которой окончилъ въ 1853 году первымъ по наукамъ, съ производствомъ въ чинъ поручика, награжденіемъ серебряной медалью и съ занесеніемъ имени на мраморную доску академіи. Причисленный къ генеральному штабу немедленно по выпускѣ, Н. А. былъ назначенъ на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ, гдѣ и состоялъ до апрѣля 1857 года, принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ — въ Кобулетскомъ санджакѣ, подъ Карсомъ и въ Мингреліи. Во время службы въ отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ Н. А. за отличіе, оказанное въ бою подъ Карсомъ 17-го сентября 1855 года, награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость». Будучи переведенъ въ Петербургъ штабсъ-капитаномъ въ гвардейскій генеральный штабъ, Н. А. послѣдовательно занималъ должности: правителя дѣлъ комитета, высочайше учрежденнаго для устройства военнаго и городского полицейскаго телеграфа; старшаго адъютанта штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, въ соединеніи съ должностью правителя дѣлъ по училищамъ солдатскихъ дочерей войскъ гвардіи; штабъ-офицера при главнокомандующемъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Въ іюлѣ 1866 года Н. А. былъ назначенъ вторымъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи, а затѣмъ—помощникомъ начальника этого штаба. Съ 13-го апрѣля 1876 года по 1-е мая 1879 года Н. А. былъ начальникомъ штаба московскаго военнаго округа.

Во время русско-турецкой войны 1877 года на Н. А. было возложено предсѣдательствованіе въ московскомъ цензурномъ комитетѣ, для разсмотрѣнія и разрѣшенія къ печатанію въ современныхъ изданіяхъ извѣстій, доставляемыхъ корреспондентами съ театра военныхъ дѣйствій, а также предсѣдательствованіе въ эвакуаціонной комиссіи по распредѣленію больныхъ и раненыхъ по лазаретамъ внутреннихъ губерній. Имъ же были сформированы желѣзнодорожные батальоны.

Съ 1 мая 1879 г. по 4-е іюля 1881 г. Н. А. состоялъ помощникомъ начальника главнаго штаба, а 4 іюля 1881 г. Н. А. былъ назначенъ главнымъ

начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. На этой должности покойный былъ произведенъ, 30-го августа 1894 года, въ генералы отъ инфантеріи и за отличное состояніе ввѣренныхъ ему военно-учебныхъ заведеній неоднократно удостоивался именной высочайшей благодарности. Н. А. въ должности главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній прослужилъ восемнадцать лѣтъ и пріобрѣлъ себѣ славу заботливаго, гуманнаго и просвѣщеннаго руководителя въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ военнаго воспитанія и образованія. За этотъ періодъ, благодаря энергичной дѣятельности покойнаго, военно-учебныя заведенія измѣнились какъ въ общей своей организаціи, такъ и во внутреннемъ устройствѣ. Значительно увеличился комплектъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ сообразно возросшей потребности арміи въ образованныхъ офицерахъ. Ежегодный выпускъ изъ военныхъ училищъ повысился съ 570 до 770 офицеровъ. Военныя гимназіи были переименованы въ кадетскіе корпуса въ 1882 г. Несмотря на нѣкоторыя измѣненія ихъ внутренней организаціи, Н. А. удержалъ въ нихъ ту воспитательную систему, которая была выработана при гр. Д. А. Милютинѣ для военныхъ гимназій. Затѣмъ при немъ было обращено особенное вниманіе на воспитательный характеръ военно-учебныхъ заведеній, на условія здоровья и физическаго развитія кадетъ. Для приготовленія преподавателей физическихъ упражненій и внѣклассныхъ занятій ежегодно устраивались особые курсы, давшіе нѣсколько сотъ опытныхъ и образованныхъ руководителей. По ходатайству покойнаго вѣдомство военноучебныхъ заведеній получило въ 1894 году въ ежегодное распоряженіе 416.000 рублей, поступавшихъ за своекоштныхъ воспитанниковъ и возвращавшихся прежде въ государственное казначейство. Эта сумма дала ему возможность увеличить число казеннокоштныхъ кадетъ съ 45 до 80 процентовъ. 26 мая 1899 г. Н. А. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а ордена имѣлъ до бриліантовыхъ знаковъ ордена св. Александра Невскаго включительно.

Кромѣ чисто служебной дѣятельности, Н. А. въ теченіе 22 лѣтъ, съ 1859 г. по 1881 г., издавалъ «справочныя книжки для русскихъ офицеровъ», а въ 1879 г. имъ же выпущенъ «Сборникъ постановленій по воинской повинности». Весьма видное участіе покойный принималъ также въ работахъ по пересмотру положенія объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства, законченному къ 1880 году. За усиленные и полезные труды ему было объявлено монаршее благоволеніе. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 145; «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 142; «Новое Время», 1903 г., № 9812; «Московскія Вѣдомости». 1903 г., № 179; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1903 г., № 174; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 317; «Слово», 1903 г., № 147).

† **Миртовъ, В. А.** Въ Казани въ началѣ іюля скончался настоятель Богоявленской церкви о. Василій Андреевичъ Миртовъ. В. А., сынъ священника Владимірской губерніи, среднее богословское образованіе получилъ во Владимірской духовной семинаріи, а высшее — въ Казанской духовной академіи, въ которой состоялъ студентомъ съ 1872 по 1876 годъ на церковно-историческомъ отдѣленіи. Въ послѣдній годъ студенчества онъ спеціально изучалъ латинскій языкъ и написалъ кандидатское сочиненіе «Борьба папъ съ реформатскими соборами XV вѣка»; при окончаніи курса удостоенъ былъ степени канди-

дата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія. Въ 1876 году В. А. Миртовъ назначенъ былъ въ Волынскую духовную семинарію, въ которой и состоялъ преподавателемъ латинскаго языка и членомъ педагогическаго собранія семинаріи по 1879 годъ, когда былъ перемѣщенъ на должность учителя латинскаго же языка въ казанскую духовную семинарію, въ которой, кромѣ того, преподавалъ нѣмецкій языкъ; 7 сентября 1880 года В. А. Миртовъ защищалъ на званіе приватъ-доцента академіи диссертацію: «Consecutio temporum по сочиненіямъ Цицерона»; въ 1886 году опредѣленъ смотрителемъ чистопольскаго духовнаго училища; въ 1891 году назначенъ членомъ чистопольскаго отдѣленія казанскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1895 году В. Ан—чъ оставилъ свѣтское званіе и рукоположенъ во священника къ чистопольской училищной церкви; въ 1899 году назначенъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ города Чистополя и въ томъ же году назначенъ настоятелемъ Богоявленской церкви города Казани. Въ 1902 г. былъ опредѣленъ благочиннымъ 1-го благочинническаго округа города Казани, но отъ этой должности вскорѣ уволился по болѣзни. (Некрологъ его: «Казанскій Телеграфъ», 1903 г., № 3151).

† **Островинская, А. О.** 9-го іюня въ Люцернѣ въ Швейцаріи скончалась небезызвѣстная писательница Анна Орестовна Островинская, работавшая большею частью для дѣтей, начиная съ начала восьмидесятыхъ годовъ.

Какъ женщина высоко-образованная, она вложила въ статьи свои много ума и свѣта. Доброе сердце тоже откликалось въ каждой ея статьѣ. А. О. сотрудничала въ «Задушевномъ Словѣ» Вольфа, «Семейныхъ Вечерахъ» Кашпиревой и «Дѣтскомъ Чтеніи» В. П. Острогорскаго и написала очень хорошую книгу «Искры Божьи», изданную въ 1884 году Павленковымъ. А. О. на литературное поприще вступила очень оригинально, уже состарѣвшимся человѣкомъ. Будучи воспитана въ богатомъ родительскомъ домѣ въ духѣ аристократической старины, она только въ 70-хъ годахъ, чувствуя потребность писать, высказываться, ревностно принялась за изученіе русскаго языка и стала упражняться въ письменномъ изложеніи—сначала въ формѣ чисто ученическихъ сочиненій, а потомъ, только черезъ нѣсколько лѣтъ, перешла на разсказы, на самостоятельное творчество. Тяжелый недугъ отдалилъ ее въ послѣднее время отъ литературы. (Некрологи ея: «Новое Время», 1903 г., № 9803; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 304; «Слово», 1903 г., № 147).

† **Паскевичъ-Эриванскій, гр. Ө. И.**, свѣтлѣйшій князь Варшавскій. Въ г. Гомелѣ, Могилевской губ., въ своемъ замкѣ, 16 іюня скончался, 80-ти лѣтъ отъ роду князь Өедоръ Ивановичъ Паскевичъ,—единственный сынъ фельдмаршала, бывшаго намѣстника царства Польскаго, свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго, графа Ивана Өедоровича Паскевича-Эриванскаго, котораго императоръ Николай I звалъ своимъ «отцомъ-командиромъ». Ө. И. родился въ 1823 г.; онъ еще въ царствованіе императора Александра II вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Ө. И. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, состоялъ помощникомъ инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ, а также членомъ редакціонной комиссіи по освобожденію крестьянъ. По вы-

ходѣ въ отставку Ѳ. И., состоя почетнымъ мировымъ судьей г. Гомеля, занялся приведеніемъ въ порядокъ своего огромнаго имѣнія (до 70 деревень) въ Гомельскомъ уѣздѣ, славящагося нынѣ образцовымъ лѣснымъ хозяйствомъ и прекрасно устроенными фабриками. Ѳ. И. первый въ Россіи ввелъ на своей Добрушской бумажной фабрикѣ 8-часовой трудъ. Получивъ блестящее образованіе, покойный князь всегда живо интересовался наукой, литературой и искусствомъ; извѣстный писатель Д. В. Григоровичъ былъ однимъ изъ его ближайшихъ друзей. Ѳ. И. особенно заботился о пополненіи рѣдкими изданіями своей огромной библіотеки въ гомельскомъ замкѣ, основаніе которой положилъ еще его отецъ. Ѳ. И. былъ также извѣстенъ, какъ археологъ: собраніе рѣдкостей, помѣщающееся въ его петербургскомъ домѣ, на Англійской набережной, считается однимъ изъ выдающихся. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1903 г., № 171).

† **Перовъ, А. Я.** 8-го іюля скончался одинъ изъ видныхъ представителей столичнаго духовенства, настоятель церкви Константиновскаго артиллерійскаго училища и законоучитель его, протоіерей Александръ Яковлевичъ Перовъ. Покойный былъ сынъ сельскаго священника Симбирской губерніи. По окончаніи высшаго образованія въ С.-Петербургской духовной академіи въ 1873 году онъ отправился въ Сѣверную Америку, гдѣ только-что насаждалось тогда православіе, въ скромномъ званіи псаломщика при временной православной церкви въ Нью-Іоркѣ. Съ 1877 года служилъ священникомъ и законоучителемъ въ Петербургѣ сначала при женскихъ институтахъ Елизаветинскомъ и Николаевскомъ сиротскомъ, а съ 1888 г. при Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новой программы по Закону Божію и исторіи церкви для военныхъ училищъ. Его перу принадлежатъ «Чтенія изъ исторіи русской церкви», курсъ лекцій его въ военномъ училищѣ. Скончался 53 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9893).

† **Реутовскій, А. К.** 21 іюня въ Берлинѣ скоропостижно скончался на сороковомъ году Николай Кронидовичъ Реутовскій. Н. К.—уроженецъ Самарской губерніи, одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Бузулукскаго уѣзда. Образованіе онъ получилъ въ мѣстной гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету, но курса въ немъ, по болѣзни, не кончилъ. По выходѣ изъ университета, онъ нѣкоторое время провелъ за границей, а затѣмъ, возвратившись на родину, посвятилъ себя общественной дѣятельности. Сначала онъ былъ мировымъ судьей, потомъ принималъ видное участіе въ земской дѣятельности: былъ земскимъ гласнымъ, уѣзднымъ (бузулукскимъ) предводителемъ дворянства, членомъ губернской земской управы. Съ 1893 года, впродолженіе 4 лѣтъ, онъ издавалъ «Самарскій Вѣстникъ», но послѣ закрытія его на 4 мѣсяца, въ 1898 году, болѣе не возобновлялъ изданія главнымъ образомъ потому, что и болѣзнь его настолько обострились, что заставила даже покинуть Россію. (Некрологи его: «Самарская Газета», 1903 г., № 112; «Саратовскій Листокъ», 1903 г., № 134; «Казанскій Телеграфъ», 1903 г., № 3139).

† **Тимоѳеевскій, Д. И.** 16 іюня скончался въ Томскѣ профессоръ императорскаго Томскаго университета по каѳедрѣ общей патологіи, докторъ меди-

цины, Димитрій Ивановичъ Тимоѳеевскій. Д. И. происходилъ изъ духовнаго званія, родился 11 сентября 1852 г. въ с. Хотимль Владимирской губ. и обучался въ духовной семинаріи, изъ 6-го класса которой онъ вышелъ и поступилъ по экзамену студентомъ въ Московскій университетъ. Въ 1878 году онъ окончилъ курсъ и уѣхалъ на службу земскимъ врачемъ въ Московскую губернію. Въ 1881 году онъ получилъ мѣсто городового врача въ Павловскомъ посадѣ, а чрезъ 2 года уѣхалъ въ Москву для научнаго усовершенствованія, получивъ стипендію отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ университетѣ онъ увлекся физіологіей и въ лабораторіи проф. Ѳ. П. Шереметьевскаго и подъ руководствомъ д-ра Л. З. Мороховца напечаталъ свою первую научную работу, за которую и получилъ званіе доктора медицины въ 1888 году. Желая расширить и пополнить свои знанія, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и началъ работать въ лабораторіи проф. В. В. Пашутина. Послѣ шестилѣтней практики въ лабораторіи онъ бросаетъ Петербургъ и изслѣдованія и на скопленные гроши покупаетъ клочекъ земли въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, строитъ избу и начинаетъ пахать, сѣять, косить, какъ простой крестьянинъ. Но эта попытка опроститься удовлетворяетъ его не надолго. Въ душѣ снова нарождаются сомнѣнія, снова хочется попытать силы въ дѣлѣ выясненія сокровенныхъ научныхъ вопросовъ.

Шестилѣтняя лабораторная дѣятельность выработала опредѣленный складъ человѣка, и чрезъ 2 года онъ съ радостью принимаетъ мѣсто прозектора въ военно-медицинской академіи. Въ то же время Д. И. преподавалъ физіологію въ петербургской военно-фельдшерской школѣ. Въ 1895 году Д. И. былъ назначенъ экстраодинарнымъ профессоромъ Томскаго университета. Здѣсь съ первыхъ же шаговъ онъ завоевываетъ любовь и симпатіи студентовъ. Его лекціи стенографируются и издаются съ 1-го же года его прибытія въ Томскъ, такъ какъ онѣ отличались оригинальностью, сильною логикою, глубиною мысли и полнотою содержанія. Къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ онъ относился съ необычною серьезностью и не щадилъ ни времени, ни труда на составленіе лекцій. Д. И. обладалъ не только преподавательскимъ талантомъ, но былъ и выдающимся ученымъ изслѣдователемъ, преимущественно въ области вопросовъ, имѣющихъ основное значеніе при изученіи патологической жизни (жизни больного организма) и касающихся вообще біологіи. Разработкѣ этихъ вопросовъ профессоръ посвящалъ все свое время; съ 5—6 часовъ утра онъ уже былъ въ лабораторіи, и нерѣдко работа его затягивалась до 6—7 час. вечера. Еще въ декабрѣ прошлаго года профессоръ, уже совершенно больной, продолжалъ чтеніе лекцій и проводилъ цѣлые дни въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Имъ напечатаны слѣдующіе труды: 1) О давленіи крови въ нижней полой и почечныхъ венахъ въ связи съ мочеотдѣленіемъ, 2) Къ вопросу о ядросодержащихъ красныхъ кровяныхъ тѣльцахъ, 3) Zur Frage über die Regeneratien d. rothen Blutkörperchen, 4) Die Einwirkung d. Lymphagoga auf den Verhalten der Eiweisskörper im Blut und in d. Lymphe, 5) литографированъ курсъ общей патологіи и, кромѣ того, оставлена рукопись съ цѣлой серіей таблицъ анализовъ еще незаконченной работы по заразнымъ болѣзнямъ, какъ результатъ его неустанныхъ занятій за послѣдніе два года. (Некрологи его: «Сибирская Жизнь», 1903 г., №№ 130, 135; «Сибирскій Вѣстникъ», 1903 г., № 133).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ Г. А. Воробьева.

Г. Воробьевъ въ статьѣ своей «Въ колыбели польской исторіи» (іюльская книжка «Историческаго Вѣстника») называетъ основателей такъ называемыхъ гакатистовъ Гансманомъ, Кадеманомъ и Тидеманомъ. Эти фамиліи правильнѣе пишутся такъ: Ганземанъ (Hansemann), Кеннеманъ (Kennemann) и Тидеманъ. Первые слога этихъ фамилій дали бы слово «гакетисты». Однако, какъ справедливо подтверждаетъ г. Воробьевъ, эту партію обычно называютъ гакатистами.

Подписчикъ № 8428.

Но, не видя его, она двинулась дальше, и хотя ея лицо не измѣнилось, но она не разговаривала до пріѣзда въ лагерь, и никто не смѣлъ прервать ея молчаніе.

Если бы она обернулась, то замѣтила бы молодого человѣка, который, понуривъ голову, быстро шелъ по долинѣ дальше отъ рѣки, дальше отъ лагеря, къ безконечному уединенію. Онъ дѣйствовалъ такъ почти безсознательно, руководимый страннымъ чувствомъ, котораго не пробовалъ понять.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ ея не видѣлъ, и въ его жизни, полной движенія и безпокойства, воспоминаніе о ней исчезло изъ его мечтаній. Пока онъ былъ далеко отъ нея, она существовала лишь, какъ единственный глава, у котораго онъ ищетъ опору и одобреніе, женщина терялась въ личности королевы, и его не тревожила разница между нею и женщиной, которую онъ любилъ. Но теперь едва онъ увидѣлъ ее, ему казалось, что королева снова исчезла, чтобы дать мѣсто женщинѣ, и онъ бросился бѣжать, не разсуждая о странности своего поступка.

Такимъ образомъ, онъ продолжалъ итти болѣе, чѣмъ двѣ мили, пока не исчезло солнце, и блѣдный востокъ сталъ багровѣть. Воздухъ сдѣлался холоднѣе, и вмѣсто морского вѣтерка подулъ ночной горный вѣтеръ, и бѣглецъ вздрагивалъ, такъ какъ у него не было плаща. Перемѣна погоды и усталость остудили его кровь, и никакая радость не грѣла его сердце.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ всегда считалъ, что ему предстояло исполнять великія дѣла, найти свою судьбу, и онъ исполнялъ честно и хорошо все, что попадалось ему на пути. Случай представился, и онъ за него ухватился, исполнивъ все, какъ могъ лучше, и возгласы солдатъ убѣдили его за нѣсколько часовъ до этого, что онъ не былъ болѣе темнымъ англійскимъ авантюристомъ, встрѣченнымъ на дорогѣ въ Парижъ Готфридомъ Плантагенетомъ. Тысячи людей повторяли его имя съ энтузіазмомъ и разсчитывали на него, чтобы обезпечить безопасность ихъ пути, проклиная тѣхъ, кто не обращалъ вниманія на его предупрежденія. На его мѣстѣ большинство отправилось бы въ этотъ день къ королевѣ и сразу потребовало бы награды, а онъ блуждаетъ одинокій до ночи въ этой громадной долинѣ, недовольный всѣмъ и особенно самимъ собою. Все, что онъ сдѣлалъ, встало предъ нимъ и обвиняло его вмѣсто того, чтобы льстить его тщеславію: каждый добрый поступокъ въ его глазахъ имѣлъ низкое побужденіе; онъ былъ отравленъ идеей, что онъ его исполнилъ не для самаго добра, а для удовлетворенія своихъ смутныхъ чувствъ, которыя овладѣли имъ, когда королева, разговаривая съ нимъ, прикасалась къ его рукѣ.

Жильберта Варда охватило внезапно желаніе смерти; онъ хотѣлъ быть похороненнымъ подъ травою, которую попиралъ, настолько онъ былъ недоволенъ собою. Это было бы такъ просто,

по немъ никто не сталъ бы много плакать, исключая его слугъ, да и они еще, можетъ быть, раздѣлили бы его имущество. Онъ былъ излишній на землѣ, потому что ничего не дѣлать хорошаго; онъ былъ низокъ, потому что боялся глазъ женщины, отъ которыхъ убѣгалъ; онъ былъ грѣшникъ, заслуживающій вѣчнаго огня, потому что прикосновеніе руки женщины могло сдѣлать его на минуту невѣрнымъ единственной женщинѣ, которую онъ дѣйствительно любилъ. Только недѣятельные люди становятся подозрительны и находятъ въ себѣ ту или другую вину, и широкая брешь, которая находится между идеальнымъ добромъ и реальными совершенствами, принимаетъ видъ глубокаго рва между мыслью и дѣйствіемъ, изъ котораго слабохарактерные, хотя и хорошіе люди не видятъ исхода.

Жильбертъ намѣревался слѣдовать по крестной дорогѣ съ искренней вѣрою, но его сердце сдѣлалось игрушкой женщины; онъ произнесъ обѣтъ рыцарства, и онъ уже порвалъ его мысленно; онъ былъ сыномъ дурной матери и не имѣлъ энергіи побѣдить это сходство. Это было безразсудно и экстравагантно, и гасконскій рыцарь Кастиньякъ сталъ бы надъ нимъ насмѣхаться и принялъ бы его за сумасшедшаго. Онъ дѣйствительно страдалъ, такъ какъ испытывалъ странную меланхолію, знакомую только сѣверянамъ, и которая представляетъ самыя страшныя страданія. Это—неопредѣленная тоска, которая носится, какъ облако, надъ сильными душами. Онѣ опасаются ея и иногда прибѣгаютъ къ самоубійству, чтобы ускользнуть отъ нея; иногда она доводитъ ихъ до преступленія и пролитія невинной крови. Нѣкоторые изъ числа лучшихъ удаляются въ монастыри, проводя время въ сожалѣніи, печали и страданіяхъ. На югѣ никогда никто не испытывалъ такого состоянія и не умѣетъ его понять.

Иногда эта тоска является безъ причины, и чаще она терзаетъ молодыхъ людей, чѣмъ старыхъ. Ни одна женщина или мужчина на югѣ не знаютъ или не понимаютъ ея, но люди сѣверной крови подвергаются ей изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ искупленіе за какое либо давно прошедшее зло, совершенное сѣверной расой.

Наступила ночь, когда Жильбертъ отыскалъ дорогу къ своей палаткѣ, скорѣе инстинктивно и по привычкѣ къ лагерю, чѣмъ по точному воспоминанію мѣстности. Онъ сѣлъ предъ жаровней съ горящими угольями, которые Альрикъ принесъ на лопаткѣ изъ ближайшаго бивуака. Слуги дали ему супу съ хлѣбомъ и виномъ, такъ какъ это былъ канунъ Рождества и постный день, и ничего другого не было, потому что вся рыба, принесенная съ моря, была распродана вельможамъ задолго предъ тѣмъ, какъ пріѣхалъ Жильбертъ. Но онъ этого не зналъ и не безпокоился знать, а ѣлъ машинально, что ему подавали. Онъ долго сидѣлъ при свѣтѣ глиняной лампы, которую Дунстанъ отъ времени до времени поправлялъ желѣзной шпилькой, опасаясь,

чтобы тлѣющаяся свѣтильня не упала въ жиръ, наполовину растопившійся, и не погасла бы совсѣмъ. Когда слуга не смотрѣлъ за горѣлкой, его глаза устремлялись на серьезное лицо своего господина.

— Сударь,—сказалъ онъ наконецъ,—вы очень печальны. Завтра Рождество, и вся армія будетъ бодрствовать до полуночи, когда будетъ отслужена первая церковная служба. Не желаете ли пойти погулять по лагерю и посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Палатки вельможъ всѣ освѣщены, и солдаты поютъ рождественскіе гимны.

Жильбертъ покачалъ головой съ равнодушнымъ видомъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Сударь,—настаивалъ слуга,—прошу васъ, пойдемте туда: васъ это развеселитъ, есть, что посмотрѣть. До полуночи король, королева и весь дворъ пойдутъ процессіей въ большую палатку-часовню, и было бы приличнѣе, чтобы вы тоже пошли съ ними.

Дунстанъ принесъ одежду и заставилъ своего господина подняться. Жильбертъ подчинился и посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Зачѣмъ мнѣ итти?—спросилъ онъ.—Тѣмъ болѣе я предпочитаю оставаться одинъ, что нахожусь въ дурномъ настроеніи; къ тому же холодно.

— Вамъ будетъ тепло въ плащѣ, сударь,—отвѣтилъ слуга.

— Я не могу итти ко двору въ этихъ лоскутьяхъ,—отвѣтилъ Жильбертъ:—у меня ничего нѣтъ, кромѣ этой худой одежды.

Но, пока они разговаривали, Дунстанъ протянулъ ему верхнее платье, чтобы пропустить чрезъ голову, держа открытымъ воротъ и рукава.

— Это что такое?—спросилъ Жильбертъ съ удивленіемъ.

— Это рыцарская одежда,—отвѣтилъ слуга:—она изъ очень хорошей матеріи и на пуху. Прошу васъ надѣньте ее.

— Это подарокъ?—спросилъ Жильбертъ удивленнымъ тономъ и отступая.—Кто послалъ мнѣ такой подарокъ?

— Король Франціи, сударь.

— Вы хотите сказать, королева.

Онъ нахмурилъ брови и оттолкнулъ одежду.

— Подарокъ былъ принесенъ слугами короля, которымъ предшествовалъ рыцарь короля, передавшій нѣсколько учтивыхъ словъ, и передалъ также кошелекъ съ очень тяжелыми греческими безантами.

Жильбертъ принялся ходить крупными шагами по палаткѣ подъ вліяніемъ сильнаго колебанія. Онъ былъ очень бѣденъ, но если подарокъ шелъ отъ королевы, то рѣшилъ его не принимать.

— Сударь,—сказалъ слуга,—рыцарь очень выразительно пояснилъ, что король посылаетъ вамъ этотъ бѣдный даръ, какъ залогъ его желанія видѣть васъ завтра, чтобы поблагодарить за все

сдѣланное вами. Я думалъ доставить вамъ удовольствіе, принеся все сегодня.

Тогда Жильбертъ благосклонно улыбнулся, такъ какъ этотъ человѣкъ очень его любилъ, и пропустилъ голову и руки въ рыцарскую одежду. Дунстанъ зашнуровалъ ее на спинѣ, чтобы одежда совершенно охватывала его талію. Эта одежда была изъ прекраснаго темнаго шелка, вытканнаго на востокѣ и очень похожаго на современный бархатъ. Затѣмъ Дунстанъ стянулъ своего господина портупеей, состоявшей изъ тяжелыхъ серебряныхъ бляхъ, тонко оправленныхъ и прикрѣпленныхъ къ кожаному ремню. Онъ пропустилъ большой старый мечъ съ ножнами чрезъ плоское кольцо, свѣшенное съ портупеи на короткой серебряной цѣпочкѣ. Наконецъ онъ накинулъ на плечи Жильберта плащъ изъ темно-краснаго сукна, подбитый превосходнымъ мѣхомъ и застегивающійся на шеѣ серебрянымъ аграфомъ, такъ какъ считалось неприличнымъ носить рыцарское одѣяніе безъ плаща.

— Великолѣпно,—сказалъ Дунстанъ, отодвигаясь на шагъ или на два, чтобы видѣть эффектъ.

Дѣйствительно молодой англичанинъ въ одеждѣ своего ранга, которую онъ носилъ впервые, имѣлъ благородный видъ, такъ какъ онъ былъ очень высокаго роста и, несмотря на широкія плечи, имѣлъ тонкое и деликатное сложеніе. Его ясное лицо было блѣдно, а бѣлокурые волосы падали густыми длинными прядями изъ-подъ шляпы.

— Но васъ, Дунстанъ, нельзя тамъ видѣть,—началъ Жильбертъ, но остановился, внезапно замѣтивъ, что оба его слуги были въ новыхъ одеждахъ изъ сукна и кожи.

— Слуги почтены такъ же, какъ ихъ господинъ,—сказалъ Дунстанъ:—король намъ тоже прислалъ подарки.

— Видно, что это—мысль мужчины, а не женщины,—сказалъ себѣ Жильбертъ.

Онъ вышелъ, и Дунстанъ пошелъ слѣва отъ него, но на полъ-шага отступя, согласно приличію.

Лагерь былъ освѣщенъ огнями и факелами такъ далеко, какъ могъ видѣть глазъ, и всѣ мужчины были внѣ палатокъ, прогуливаясь подъ руки взадъ и впередъ или сидя у входа на сѣдлахъ или сверткахъ багажа.

Сотни и тысячи маленькихъ рождественскихъ деревьевъ, воткнутыхъ въ землю среди факеловъ предъ палатками, только что вымытыми, образовали большой садъ изъ кустарника и зеленыхъ деревьевъ, и желтый свѣтъ, фильтруясь сквозь переплетшіяся вѣтви, падалъ на живыя богатыя краски и блестящее оружіе, затѣмъ терялся въ свѣтломъ отраженіи звѣздъ. Въ воздухѣ чувствовался запахъ сосенъ и ароматный дымъ сожженной смолы.

Ночь оглашалась также пѣніемъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ группы, по крайней мѣрѣ, изъ ста человѣкъ соединялись, чтобы пѣть длинные рождественскіе гимны, которымъ они выучились еще дѣтьми на своей отдаленной родинѣ, гимны съ безконечными припѣвами, въ которыхъ разсказывалась исторія рожденія Христа въ Виѳлеемѣ, поклоненіе пастуховъ и прибытіе волхвовъ.

Въ одной части лагеря грубые бургундцы пили полными стаканами азіатское вино, и пѣніе ихъ было скорѣе энергично, чѣмъ благочестиво. Но большинство сѣверянъ были сумрачны и серьезны, молились Богу, пѣли и смотрѣли на верхъ, какъ будто звѣзда востока вскорѣ распространитъ свой мягкій свѣтъ на небѣ. Они набожно поддерживали свѣтъ факеловъ вокругъ елокъ, не зная, что ихъ отцы дѣлали то же задолго до того въ датскихъ ледникахъ и снѣжной Норвегіи въ знакъ обожанія Одина и въ честь Игдразила, дерева жизни.

Гасконцы и всѣ южные люди съ своей стороны устроили между двумя деревьями маленькіе алтари, убранные бѣлыми тканями, вышитыми блестками, маленькими крестами, маленькими рѣзными изображеніями, бережно принесенными издалека домашними богами, которые были для нихъ одинаково дороги, какъ и оружіе.

Смуглыя и худощавыя лица выражали рвеніе южной вѣры, и ихъ черные глаза были глубоки и дико блестѣли.

Эльзасцы и лотарингцы съ бѣлокурыми волосами держались въ сторонѣ. У нихъ были маленькія нѣмецкія куклы изъ дерева и ярко раскрашенныя изображенія, представляющія виѳлеемскія сцены съ яслями и младенцемъ Іисусомъ, съ лежащимъ воломъ, блаженной Маріей и святымъ Іосифомъ, пастухами и волхвами. Они сидѣли предъ этими предметами съ счастливыми лицами, распѣвая гимны.

Что касается вельможъ и рыцарей, то Жильбертъ видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ прогуливающимися, какъ и онъ. Другіе сидѣли предъ своими палатками. Проходя онъ видѣлъ здѣсь и тамъ чрезъ отверстіе нѣкоторыхъ палатокъ рыцарей, молящихся на колѣняхъ, и слышалъ, какъ они пѣли гимны.

На французской линіи болѣе, чѣмъ въ одной большой палаткѣ, были приподняты занавѣсы, и Жильбертъ видѣлъ тамъ мужчинъ и женщинъ, жившихъ вмѣстѣ. Въ женщинахъ онъ узналъ гречанокъ, и вѣки ихъ были начерчены; онъ отвернулся отъ этого зрѣлища, съ отвращеніемъ убѣждаясь, что происходятъ подобныя вещи наканунѣ Рождества.

Далѣе нѣсколько бѣдныхъ солдатъ въ курткахъ изъ овечьей кожи и натянутыхъ лосинахъ стояли на колѣняхъ предъ большими ширмами, на которыхъ висѣли раскрашенныя изображенія, похожія на иконы. Эти люди были красивы, съ тщательно расчесан-

ными бородами, а ихъ длинные и мягкіе волосы падали на ихъ плечи прекрасно приглаженными, волнистыми прядями.

Одинъ изъ нихъ, священникъ ихъ культа, стоялъ и повторялъ на распѣвъ молитвы, и время отъ времени воины склонялись и прикасались лбами пола.

— Славимъ Господа Іисуса Христа!—пѣлъ священникъ.

— Во вѣки вѣковъ, аминь!—отвѣтили солдаты.

Хотя они пѣли на чешскомъ языкѣ. но Жильбертъ понялъ, что они вѣрили и молились серьезно.

Такимъ образомъ онъ шелъ болѣе часа, и его настроеніе мало-по-малу разсѣялось. Онъ чувствовалъ, что для него былъ честью выборъ его проводникомъ среди опасностей этого безчисленнаго множества въ сто тысячъ человѣкъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ были подъ его надзоромъ и оставались довѣренные ему, пока ихъ не проводилъ до Сиріи.

Затѣмъ въ полночь онъ слѣдовалъ за большой процессіей позади короля и королевы. Жильбертъ скромно стушевался въ рядахъ; его слуга былъ возлѣ него и несъ факелъ, такъ что на его лицо падалъ полный свѣтъ. Кто-то его узналъ и сказалъ сосѣду:

— Это Жильбертъ Вардъ!

Въ одну минуту по всей линіи пробѣжало извѣстіе, что онъ былъ тамъ, и чрезъ нѣсколько минутъ явился запыхавшійся посланный, спрашивая его, а герольдъ Франціи, Монжуа Сенъ-Дени, пришелъ отъ имени короля и королевы просить его занять видное мѣсто. Онъ послѣдовалъ за герольдомъ, а впереди ихъ по приказу Элеоноры шелъ скороходъ.

— Дайте дорогу проводнику Аквитаніи!—восклицалъ громкимъ голосомъ скороходъ.

Рыцари и воины разступились, и высокій англичанинъ прошелъ между ними, учтиво кивая головою тѣмъ, кто уступалъ ему дорогу, и благодарилъ ихъ за оказанную ему большую честь. Онъ слышалъ свое имя, произносимое какъ тѣми, лица которыхъ были освѣщены факелами, такъ и остававшимися въ тѣни.

— Вы хорошо поступили!—кричали одни.

— Да благословитъ Богъ проводника Аквитаніи!—кричали другіе.

Всѣ эти голоса такъ его хвалили, что у него сдѣлалось отрадно на сердцѣ.

Онъ слѣдовалъ за герольдомъ, который провелъ его на назначенное мѣсто въ процессіи, въ первый рядъ великихъ вассаловъ обоихъ государствъ и сейчасъ же послѣ дворянъ сюзереновъ.

Такъ какъ онъ былъ выше всѣхъ, то могъ смотрѣть надъ ихъ головами и видѣлъ короля и королеву въ ихъ мѣхахъ, когда они шли рядомъ, предшествуемые епископомъ и патерами.

Движеніе, произведенное приходомъ Жильберта, обратило вниманіе Элеоноры, и она обернулась; чрезъ дымный свѣтъ факеловъ

ея глаза встрѣтились съ глазами Жильберта. Она взглянула на него печально, какъ будто хотѣла дать ему понять что-то, чего не могла сказать.

Но онъ не хотѣлъ говорить, если бы даже имѣлъ возможность это сдѣлать, такъ какъ его мысли слѣдили за другимъ предметомъ.

Процессія направилась къ королевскому алтарю, устроенному подъ открытой палаткой, на обширномъ пространствѣ, такъ что все это множество людей могло, преклонивъ колѣни на травѣ, видѣть и слышать службу. Всѣ встали на колѣни; бароны и главные вассалы на маленькихъ подушечкахъ, тогда какъ передъ королемъ, королевой и владѣтелями Савои, Эльзаса, Лотарингіи, Богеміи и Польши стояли рядами богатые молитвенные стулья.

Факелы были воткнуты въ землю, а большія восковыя свѣчи спокойно горѣли на бѣломъ алтарѣ среди ясной, тихой ночи. Всѣ большіе вельможи и тысячи людей слушали рождественскую службу съ мыслію, что многіе изъ нихъ никогда болѣе не услышатъ ея на землѣ. Всѣ хоромъ пѣли могущественную старинную мелодію: «Слава въ вышнихъ Богу», и когда епископъ Меца приготовился поднять св. дары, забили королевскіе барабаны, и вся армія преклонилась. Наступило глубокое молчаніе, какъ будто прошелъ Богъ, и никогда Жильбертъ Вардъ не знавалъ подобной минуты сосредоточенія. Ему казалось, что онъ достигъ на крестовомъ пути освѣжающаго, мирнаго пріюта.

VII.

Жильбертъ поднялся вмѣстѣ съ другими и увидѣлъ, что король и королева встали рядомъ, чтобы ожидать шествія вельможъ, которые должны подходить согласно званію и цѣловать королевскія руки. Онъ стоялъ неподвижно, не зная, что долженъ дѣлать, и смотря издали на проходившихъ бароновъ. Внезапно его глаза необычайно раскрылись, когда онъ замѣтилъ лицо, которое хорошо зналъ, но считалъ едва ли живымъ. Его мускулы напрягались, а зубы заскрежетали.

Въ десяти шагахъ отъ него, ожидая своей очереди и смотря на проходившихъ, какъ и онъ, стоялъ человѣкъ средняго роста, съ оливковаго и блестящаго цвѣта кожей, съ прекрасной бородою, подрѣзанной остроконечно и посѣдѣвшей по бокамъ такъ же, какъ и его блестящіе, черные волосы. Протекли цѣлые годы съ того дня, какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ и почувствовалъ, что мечъ этого человѣка пронзилъ его, и онъ упалъ полумертвый. Послѣ этого событія его жизнь очень измѣнилась. Арнольдъ Курбойль былъ предъ нимъ, смотрѣлъ на него, но не узнавалъ его. Между тѣмъ Жильбертъ стоялъ, точно пригвожденный, не вѣря своимъ глазамъ, отказываясь отъ очевидности и не понимая, какимъ обра-

зомъ его отчимъ внезапно очутился среди крестоносцевъ. Божественный миръ, спустившійся въ эту ночь на него, разбился, какъ разбилось бы отъ удара камня зеркало, и его сердце сдѣлалось холоднымъ и жесткимъ. Арнольдъ сильно измѣнился; черты лица остались попрежнему прекрасны, но лицо похудѣло, глаза сдѣлались угрюмы и утомлены, какъ будто они устали видѣть такъ долго зло. Жильбертъ смотрѣлъ на того, кто убилъ его отца, причинилъ стыдъ матери и отобралъ у него родовое имѣніе. Онъ увидѣлъ, что онъ болѣе или менѣе отмщенъ. Мало-по-малу въ то время, какъ Арнольдъ разсматривалъ Жильберта, лицо перваго также исказилось, и на немъ появилось выраженіе чрезмѣрнаго отчаянія внезапнаго ужаса, ужаса, который не былъ страхомъ, такъ какъ онъ отличался храбростью, но скорѣе сомнѣніемъ. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и Жильбертъ услышалъ шумъ, который произвелъ Дунстанъ, поворачивая кинжалъ въ кожаныхъ ножнахъ.

Въ этотъ моментъ пришелъ герольдъ короля съ приказаніемъ, чтобы Жильбретъ явился къ королю и королевѣ.

— Мѣсто проводнику Аквитаніи!

Крикъ герольда раздался ясно и звонко, и Жильбертъ увидѣлъ, какъ вздрогнулъ Арнольдъ отъ удивленія, услышавъ этотъ титулъ, такъ сильно звучащій. Затѣмъ Жильбертъ послѣдовалъ за герольдомъ и въ своемъ сердцѣ торжествовалъ надъ человѣкомъ, который оставилъ его умирать въ лѣсу Англіи и нашелъ его въ такомъ почетѣ, какого не оказываютъ столькимъ другимъ достойнымъ людямъ.

Лицо королевы поблѣднѣло, когда Жильбертъ, приблизившись къ ней, преклонилъ колѣно, и сквозь парадную вышитую перчатку холодная рука англичанина почувствовала еще болѣе холодную руку Элеоноры. Но она не вздрогнула, и ея голосъ былъ твердъ и ясенъ, такъ что его всѣ услыхали.

— Жильбертъ Вардъ,—сказала она:—вы хорошо дѣйствовали. Гвіена благодаритъ васъ и Франція тоже...

Она остановилась и посмотрѣла на короля, который внимательно наблюдалъ за нею. Людовикъ торжественно склонилъ свое громадное блѣдное лицо въ сторону англичанина.

— Благодаримъ васъ, сэръ Жильбертъ, — сказалъ король съ холодной снисходительностью.

— Сто тысячъ человѣкъ благодарятъ васъ,—прибавила Элеонора звучнымъ голосомъ, который долженъ былъ пополнить неблагодарное равнодушіе мужа.

Послѣдовало минутное молчаніе, и голосъ Гастона де-Кастиньяка произнесъ восклицаніе, раздавшееся далеко среди свѣтлой ночи:

— Да благословитъ Богъ проводника Аквитаніи!

Его возгласъ повторился криками всѣхъ этихъ сильныхъ и пылкихъ людей, такъ какъ всѣ знали, что у Жильберта не было другой цѣли, какъ только честь, и тридцать человѣкъ, сопровожда-

вшихъ его, разсказывали повсюду, что часто онъ бодрствовалъ ночью, желая дать возможность имъ заснуть, отдавалъ лучшее другимъ и съ необычайною мягкостью обращался съ тѣми, кѣмъ предводительствовалъ. Во время этихъ восклицаній Элеонора взяла руку молодого человѣка въ свои и склонилась, чтобы разговаривать съ нимъ, не будучи услышанной рыцарями; ея голосъ былъ тихій и немного дрожалъ.

— Да благословитъ васъ Богъ,—сказала она съ жаромъ:—да благославитъ васъ Богъ и сохранитъ, такъ какъ вы мнѣ дороже всего свѣта, и это такъ же вѣрно, какъ то, что я жива.

Жильбертъ понялъ силу ея любви, какъ никогда еще не понималъ, и однако ея прикосновеніе не обладало болѣе тѣмъ беззаконнымъ могуществомъ, которое волновало его, и тѣнь его матери не свѣтилась болѣе въ ея глазахъ. Онъ поднялъ свою склоненную голову. Здѣсь у подножія рождественскаго алтаря въ святую ночь она попробовала довершить жертву собой и своей любовью. Жильбертъ отвѣтилъ ей очень серьезно:

— Государыня, я буду стремиться отъ всего сердца исполнить вашу волю, даже до смерти.

Съ этой минуты онъ сдержалъ свое слово. Онъ всталъ, снова преклонилъ предъ нею колѣно, устремивъ свой взглядъ въ печальные глаза королевы, и удалился, чтобы дать мѣсто другимъ рыцарямъ въ то время, какъ возгласы продолжали разноситься среди холодной ночи. Онъ направился къ своей палаткѣ. Дунстанъ зажегъ новый факелъ и ожидалъ его. Но вокругъ него собрались бароны и пожимали одинъ за другимъ его руки, приглашая его на другой день на свой праздникъ. Никто его не ревновалъ, какъ это было, когда онъ спасъ жизнь королевы въ Никеѣ; теперь всѣ чувствовали, что онъ не былъ куртизаномъ, и что его единственной заботой было спасеніе арміи и ея чести.

Тѣмъ временемъ пришелъ сэръ Арнольдъ Курбойль и приблизился, прочищая себѣ дорогу среди рыцарей, окружавшихъ молодого человѣка. Когда онъ былъ предъ нимъ, то также протянулъ ему руку.

— Жильбертъ Вардъ,—спросилъ онъ:—узнаете ли вы меня?

— Да, я узналъ васъ, сударь, — отвѣтилъ молодой рыцарь яснымъ голосомъ, чтобы всѣ могли слышать.—Но я не хочу брать вашей руки.

Наступило молчаніе, и рыцари переглядывались между собою, ничего не понимая, въ то время какъ Дунстанъ поднялъ свой факелъ, такъ что свѣтъ упалъ вполнѣ на лицо Арнольда.

— Тогда возьмите мою перчатку!—воскликнулъ онъ.

Онъ снялъ шелковую перчатку и легко бросилъ ее въ лицо Жильберту. Но Дунстанъ живо поймалъ ее на воздухѣ, и факелъ слегка задрожалъ въ его правой рукѣ. Жильбертъ былъ блѣднѣе

своего врага, но онъ сдержалъ свой гнѣвъ, не схватился за рукоятку меча, а сложилъ руки подъ плащемъ изъ боязни, что онѣ выскользнутъ противъ его воли.

— Сударь,—сказалъ онъ:—я не хочу съ вами драться въ данный моментъ, хотя вы измѣннически убили моего отца, похитили у меня мое родовое право; я не хочу съ вами драться теперь, такъ какъ взялъ крестъ и хочу сохранить обѣтъ креста, что будетъ, то будетъ.

— Трусъ!—воскликнулъ сэръ Арнольдъ Курбойль презрительнымъ тономъ, желая уйти. Жильбертъ подошелъ къ нему, схватилъ за руки и спокойно удержалъ его, не причиняя ему боли, но такъ, что онъ былъ парализованъ въ своихъ движеніяхъ и обязанъ выслушать, что ему скажутъ.

— Вы называете меня трусомъ, сэръ Арнольдъ Курбойль. Какъ мнѣ васъ бояться, если я могу васъ сдавить моими руками до смерти? Но я васъ отпущу, и эти добрые люди разсудятъ, трусъ ли я, такъ какъ не хочу съ вами драться до тѣхъ поръ, пока не исполню обѣта.

— Хорошо сказано!—воскликнулъ старый графъ Бурбонскій.

— Хорошо сказано и хорошо сдѣлано! — воскликнули многіе другіе.

А графъ Савойскій, изъ благородной линіи котораго никто не зналъ страха и не долженъ былъ никогда его знать, обратился къ своему младшему брату Монтферрату:

— Я никогда не видалъ человѣка болѣе храбраго, чѣмъ этотъ англійскій рыцарь, ни человѣка болѣе прямого и мягкаго; у него лицо—предводителя людей.

Жильбертъ разжалъ свои руки; сэръ Арнольдъ бросилъ бѣшеный взглядъ направо и налѣво и вышелъ изъ толпы. Всѣ дали ему дорогу, чтобы не прикасаться къ нему. Нѣкоторые подошли къ Жильберту и разспросили его о чужестранномъ рыцарѣ.

— Господа,—отвѣтилъ онъ,—это сэръ Арнольдъ Курбойль, мой отчимъ. Когда онъ убилъ моего отца, то женился на матери и укралъ у меня земли. Я дрался съ нимъ, когда былъ еще ребенкомъ, и онъ оставилъ меня умирать въ лѣсу. Я думаю, что онъ пріѣхалъ изъ Англіи съ цѣлью найти случай отдѣлаться отъ меня; но если я буду живъ, я верну свое наслѣдство. Теперь, если, по вашему мнѣнію, я правильно дѣйствовалъ относительно него, я распрощусь съ вами, благодарю за вашу любезность и за ваше доброе отношеніе ко мнѣ.

Онъ пожелалъ доброй ночи и удалился, оставивъ ихъ въ убѣжденіи, что онъ хорошо сдѣлалъ, но что на его мѣстѣ у нихъ, можетъ быть, не хватило бы столько сдержанности и терпѣнія. Они не знали, чего ему стоило это терпѣніе, тѣмъ не менѣе смутно чувствовали, что онъ храбрѣе ихъ.

Жильбертъ былъ очень утомленъ; онъ болѣе двухъ мѣсяцевъ не ложился на постель въ палаткѣ, но онъ не могъ заснуть, безпокоясь о томъ, что отецъ Беатрисы можетъ ее потребовать у королевы и увезти изъ Эфеса моремъ: это — дорога, по которой онъ долженъ былъ слѣдовать изъ Англіи.

На зарѣ Дунстанъ, грѣясь передъ огнемъ, разсказалъ Альрику, что произошло ночью. Глупое лицо саксонца не измѣнялось, но онъ сдѣлался задумчивъ и хранилъ молчаніе нѣкоторое время, вспоминая, какъ много лѣтъ тому назадъ лэди Года приказала его побить за то, что онъ не держалъ, какъ слѣдуетъ лошадь сэра Арнольда.

Вскорѣ нормандская служанка Беатрисы, закутанная въ коричневый плащъ съ капюшономъ, который на половину покрывалъ ея лицо, приблизилась къ обоимъ мужчинамъ. Она сказала имъ, что ея хозяйка знаетъ о прибытіи сэра Арнольда и проситъ сэра Жильберта въ его интересѣ прійти къ рѣкѣ въ полдень, когда всѣ будутъ обѣдать въ лагерѣ, и что она постарается встрѣтить его тамъ.

VIII.

Жильбертъ пришелъ къ рѣкѣ рано и долго ожидалъ; онъ сѣлъ на большой камень, чтобы погрѣться на солнцѣ, такъ какъ воздухъ былъ свѣжій, и дулъ сѣверный вѣтеръ. Наконецъ онъ замѣтилъ двухъ закутанныхъ женщинъ, которыя шли по берегу рѣки. Одна изъ нихъ, маленькаго роста, прихрамывала и опиралась на руку спутницы, и пока онѣ шли, вѣтеръ раздувалъ ихъ плащи. Когда онъ увидѣлъ, что Беатриса хромала, и зная, что она еще не поправилась послѣ своего паденія, онъ подумалъ, что она могла быть убитой, и почувствовалъ, какъ его сердце замерло. Онъ взялъ ее очень нѣжно за руку, такъ какъ она казалась ему такой хрупкой и болѣзненной, что онъ почти боялся ее трогать, но все-таки онъ не хотѣлъ покинуть ея пальцевъ такъ же, какъ и она не думала отнимать своихъ. Служанка спустилась къ самой водѣ въ нѣкоторомъ разстояніи, они же сѣли на большой камень, рука въ руку, какъ двое дѣтей, съ любовью смотря другъ на друга. Внезапно лицо молодой дѣвушки просвѣтлѣло, какъ отъ счастливой мысли; ея глаза смѣялись, а голосъ былъ такъ веселъ, какъ щебетанье птички при восходѣ солнца.

Жильбертъ давно ея не видалъ. Для такого человѣка всѣ женщины, особенно избранница его сердца, становятся идеальными существами, настолько далекими отъ матеріальныхъ идей, чтобы имѣть реальное осуществленіе, и настолько возвышенными, что дѣлаются духовными существами. Даже въ тотъ вѣкъ рыцарь дѣлалъ изъ своей дамы божество, а изъ своей преданности къ ней—

религію, такъ что обыкновенный смыслъ любви исчезалъ въ аскетическомъ стремленіи искать душевное спасеніе во всемъ, особенно въ презрѣніи къ земнымъ наслажденіямъ. Нѣкоторыя женщины, въ родѣ Анны Ошъ, свободно предавались подобному культу. Между Беатрисой и Жильбертомъ существовали другія чувства.

— Я горжусь вами!—воскликнула она.—И я такъ рада видѣть васъ.

— Гордиться мною? — спросилъ онъ, грустно улыбаясь.— Я не могу этого сказать о себѣ. Благодаря моей ошибкѣ, вы могли умереть въ Никеѣ.

— Но я жива,—отвѣтила она весело,—и благодаря вамъ, хотя не могу еще хорошо ходить.

— Я долженъ былъ бы пропустить королеву и думать только о васъ.

Онъ находилъ горькое удовлетвореніе сказать громко то, что такъ долго скрывалъ въ своемъ сердцѣ, и все это исповѣдать Беатрисѣ. Но она отказалась слушать его.

— Это было бы не по-рыцарски и даже не честно,—сказала она.— Я не хотѣла, чтобы вы дѣйствовали такъ, потому что васъ порицали бы всѣ рыцари. И тогда я не услышала бы никогда того, что я слышала вчера и сегодня ночью—лучшія слова, какія только достигали моихъ ушей: возгласы великой арміи, благословляющей человѣка за храброе дѣйствіе и благородное поведеніе.

— Я ничего не сдѣлалъ, или такъ мало,—отвѣтилъ Жильбертъ, упорно унижая себя въ глазахъ молодой дѣвушки.

Но она улыбалась и живо положила свою затянутую въ перчатку руку на его губы.

— Я не хотѣла бы, чтобы кто нибудь другой насмѣхался надъ вами, какъ я это дѣлаю,—воскликнула она.

Онъ взглянулъ на нее, и отпечатокъ серьезной меланхоліи, которая сдѣлалась его природнымъ выраженіемъ, немного смягчился.

— Я часто думалъ о васъ и спрашивалъ себя, похвалите ли вы меня,—сказалъ онъ.

— Вотъ что!—сказала она со смѣхомъ.—А теперь, потому что я горжусь вами, вы отговариваетесь, что ничего не сдѣлали. Это— плохая похвала моему хорошему мнѣнію и моему сужденію.

Онъ тоже разсмѣялся. Съ начала міра женщины такъ возражали храбрымъ мужчинамъ, слишкомъ скромнымъ въ отношеніи къ себѣ; и съ тѣхъ поръ, какъ первая женщина нашла эту увертку, она никогда не упускала случая польстить тщеславію мужчины. Эта игра стара, какъ свѣтъ. Но любви не надо новостей, такъ какъ она сама всегда молода, и ночныя звѣзды не менѣе прекрасны въ нашихъ глазахъ, потому что мужчины знаютъ «нѣжное» вліяніе «Плеяды» во времена Іова. Запахъ скошеннаго сѣна

не менѣе нѣженъ, потому что всѣ мужчины любятъ его. Древность превосходна даже въ любви, которая всегда молода.

— Говорите, что хотите, — отвѣтилъ тотчасъ же Жильбертъ.— Мы—вмѣстѣ, и мнѣ этого довольно.

— Въ самомъ дѣлѣ, остальное не важно, — сказала Беатриса.— Не будемъ болѣе думать, что я два мѣсяца васъ не видала и что была больна, или, по крайней мѣрѣ, на половину калѣка. Пусть все будетъ забыто!

Онъ посмотрѣлъ на нее, ничего не понимая, потому что, пока она говорила, ея брови были нѣсколько приподняты съ выраженіемъ наполовину грустнымъ, наполовину смѣющимся.

— Я хотѣлъ бы видѣть васъ чаще,—сказалъ Жильбертъ.

Легкій смѣхъ, какъ щебетанье птички, раздосадовалъ Жильберта.

— Поистинѣ я говорю искренно,—замѣтилъ онъ.

— А когда вы серьезны, вы дѣлаете тяжелыя дѣла,—замѣтила Беатриса.

И внезапно грусть потушила ея веселость. Она прибавила печальнымъ тономъ:

— О Жильбертъ, я хотѣла бы возвратиться въ Англію и снова увидѣть насъ, какими мы были.

— Я — тоже.

— О, нѣтъ! Вы говорите это, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе, но вы сами ошибаетесь, вы объ этомъ не думаете. Вы теперь—великій человѣкъ. Вы теперь—сэръ Жильбертъ Вардъ, проводникъ Аквитаніи. Вы, вы одинъ проводили армію, и вся честь будетъ вамъ. Развѣ вы захотите вернуться къ старымъ временамъ, когда мы были маленькими мальчикомъ и дѣвочкой? Развѣ вы этого захотѣли бы, если бы могли?

— Я хотѣлъ бы этого, если бы могъ.

Онъ говорилъ это серьезнымъ тономъ, и она поняла, что не всѣ его мысли посвящены ей. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она сидѣла, молча и опустивъ глаза, дергая пальцы своей перчатки и вздыхая; затѣмъ, не поднимая глазъ, она сказала своимъ нѣжнымъ голосомъ:

— Жильбертъ, что мы другъ для друга? Братъ и сестра?

Онъ вздрогнулъ снова, сбившись съ пути, и вообразилъ, что она поставила между ними церковные законы, которые, какъ онъ теперь зналъ, не есть неизмѣнныя препятствія.

— Вы мнѣ такая же сестра, какъ ваша служанка, — отвѣтилъ съ большимъ жаромъ Жильбертъ, какъ никогда еще не говорилъ.

— Я не то хотѣла сказать вамъ,—отвѣтила она печальнымъ тономъ.

— Тогда я не понимаю.

— Если вы не понимаете, какъ могу я объяснить вамъ, что я думаю?

Она бросяла на него взглядъ и отвернула тотчасъ голову, такъ какъ покраснѣла отъ своей смѣлости.

— А, вы хотите сказать, что я люблю васъ, какъ можно любить сестру? — спросилъ Жильбертъ съ откровенностью вполнѣ честнаго человѣка, который не умѣетъ прибѣгать къ околичностямъ. Молодая дѣвушка еще болѣе покраснѣла и отвѣтила «да» медленнымъ кивкомъ головы, не поднимая глазъ.

— Беатриса!

— Что?

Она не хотѣла повернуться къ нему.

— Что я сдѣлалъ такого, что вы можете говорить такія вещи?

— Вотъ что,—отвѣтила она тономъ сожалѣнія:—вы исполнили великія дѣла, но не ради меня.

— Не говорилъ ли я, что думалъ о васъ ежедневно, надѣясь дождаться похвалы моимъ дѣйствіямъ?

— Да, но вы могли сдѣлать что нибудь большее, чѣмъ это. Это большая разница,—отвѣтила она.

— Что?

Онъ наклонился къ ней съ безпокойнымъ видомъ, дожидаясь отвѣта.

— Вы могли попробовать увидѣть меня.

— Но я никогда не былъ въ лагерѣ. Я былъ всегда на одинъ день разстоянія во главѣ арміи,—возразилъ Жильбертъ.

— Не всегда же вы сражались. Бывали дни и ночи, когда вы могли вернуться. Я встрѣтила бы васъ гдѣ нибудь. Я цѣлыми часами скакала на лошади, чтобы увидѣть васъ. Но вы никогда не пытались видѣть меня. Наконецъ, я сама прислала за вами, чтобы съ вами поговорить, и вы не совсѣмъ довольны быть со мною здѣсь.

— Я не думалъ, что имѣлъ право покинуть мою службу и возвратиться даже ради васъ.

— Вы не могли бы сдержать себя, если бы имѣли сильное желаніе быть со мною.

Жильбертъ долго на нее смотрѣлъ, и черты его лица сдѣлались суровы, потому что онъ былъ оскорбленъ.

— Дѣйствительно ли вы думаете, что я васъ не люблю?—спросилъ онъ холодно и слегка сдержанно.

— Вы никогда мнѣ этого не говорили,—отвѣтила она.—Вы сдѣлали слишкомъ мало, чтобы заставить меня повѣрить этому со времени нашего общаго дѣтства. Вы никогда не попробовали меня увидѣть, когда вамъ это ничего не стоило. Вы не довольны и теперь, что находитесь здѣсь.

Она старалась говорить тоже холоднымъ тономъ, но невольно дрожала.

Жильбертъ былъ очень удивленъ и захваченъ врасплохъ; онъ медленно повторялъ:

— Я никогда вамъ не говорилъ этого? Никогда я не заставлялъ васъ вѣрить этому? О Беатриса!..

Онъ вспомнилъ проведенныя имъ безсонныя ночи, обвиняя себя, что допустилъ вмѣшаться мысли о королевѣ между нимъ и молодой дѣвушкой, которая не знала о его любви... о часахъ безъ отдыха, когда онъ печально обвинялъ себя, о жестокихъ мученіяхъ. Какъ она могла все это знать?

Теперь она была серьезна, хотя начала разговоръ, почти смѣясь. Но если сердце Жильберта не измѣнилось, онъ далеко былъ унесенъ отъ нея дѣятельностью своей жизни, принужденъ скрывать всѣ свои личныя чувства и жить одинъ или съ чужими. Правда, что съ виду онъ казался едва счастливъ видѣть ее, и все выраженіе счастья исчезло изъ голоса Беатрисы, какъ только они обмѣнялись первыми словами.

Онъ чувствовалъ себя въ дурномъ настроеніи и ясно понялъ, что совершилъ какую-то большую ошибку, которую трудно будетъ исправить. Она же, съ своей стороны, вспоминала, съ какой смѣлостью тогда боролась съ королевой за свою любовь, тогда какъ теперь почти не чувствовала любви.

Жильбертъ, стремившійся всегда встрѣтиться лицомъ къ лицу съ опасностью, чувствовалъ себя въ отчаяніи и отказывался найти средство для выхода изъ затрудненія. Та, которую онъ любилъ, ускользала отъ него, и хотя онъ любилъ ее по-своему, но дѣйствительно былъ привязанъ къ ней всѣмъ сердцемъ и не хотѣлъ ее терять. Не раздумывая, онъ внезапно схватилъ ее въ свои объятія; ея лицо было совсѣмъ близко отъ него, его глаза возлѣ ея глазъ, а дыханіе смѣшивалось. Она не боялась, но ея вѣки опустились, и она сдѣлалась совсѣмъ бѣлая. Онъ покрылъ поцѣлуями ея блѣдный ротъ, ея темныя вѣки и вьющіеся волосы.

— Если я васъ убью, вы будете знать, что я васъ люблю, — сказалъ онъ.

И онъ обнялъ ее еще сильнѣе, и онъ сталъ ее такъ крѣпко цѣловать, что ей стало больно, но отрадно.

Она продолжала лежать въ его объятіяхъ очень спокойно, затѣмъ медленно подняла голову; ихъ глаза встрѣтились, и вдругъ какъ будто между ними упала завѣса. Когда онъ снова ее обнялъ, поцѣлуи его были тихіе и нѣжные.

— Я васъ почти потерялъ,—шепнулъ онъ ей на ухо.

Нормандская служанка сидѣла неподвижно на берегу рѣки, ожидая, что ее позовутъ. Чрезъ нѣсколько времени они принялись разговаривать, ихъ голоса раздавались въ унисонъ, какъ ихъ сердца. Жильбертъ разсказалъ, что произошло ночью, но Беатриса уже знала о пріѣздѣ ея отца.

— Онъ пріѣхалъ за мною, Жильбертъ, и я уже разговаривала съ нимъ. Случилась ужасная вещь... Говорилъ онъ вамъ?

— Онъ мнѣ ничего не сказалъ, исключая, что я трусъ.

И онъ презрительно засмѣялся.

— Я думаю, что онъ наполовину обезумѣлъ отъ горя.

Она остановилась и положила свою руку на руку Жильберта.

— Его жена умерла; ваша мать умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ, котораго она ему подарила.

Глаза Жильберта затуманились, и она въ его объятіяхъ почувствовала, какъ рука молодого человѣка дрогнула, а вены надулись.

— Разскажите,—просилъ онъ Беатрису,—разскажите мнѣ все.

— Она сгорѣла,—продолжала молодая дѣвушка голосомъ, полнымъ ужаса.—Она заставляла моего отца притѣснять своихъ слугъ, пока они не взбунтовались; тогда она приказала повѣсить предводителя, который ихъ защищалъ. Всѣ владѣльцы и рабы поднялись противъ нея и сожгли замокъ, и ваша мать съ ребенкомъ умерли тамъ. Мой отецъ избѣгнулъ этого. Теперь я снова—его единственная дочь, и онъ хочетъ меня опять взять къ себѣ.

Жильбертъ опустилъ голову на грудь; сначала онъ ничего не говорилъ, потому что видѣлъ лицо своей матери, но не такимъ, какимъ оно было въ минуту разлуки, а тѣмъ, какое онъ любилъ, не зная, чѣмъ она была. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ произошло, онъ видѣлъ ее, какою она была для него въ дѣтствѣ, и онъ питалъ къ ней состраданіе. Онъ чувствовалъ, что рука Беатрисы пожимаетъ съ симпатіей его руку, и вернулся къ ужасной истинѣ.

— Я предпочитаю видѣть ее мертвою,—сказалъ онъ съ горечью, подымая голову.—Не будемъ болѣе говорить о ней: она была моя мать.

Долго онъ сидѣлъ, устремивъ глаза на рѣку; имъ овладѣла мысль объ его одиночествѣ. Но нѣжный голосъ прервалъ его размышленія, и слова Беатрисы отвѣтили на его мысль.

— Мы не одни, вы и я, — отвѣтила она. И двѣ маленькія ручки робко обхватили его шею, затѣмъ любящее симпатичное лицо поднялось къ его лицу.—Не дайте меня увезти,—умоляла она.

Рука Жильберта прижала голову Беатрисы къ своей груди, и онъ еще разъ поцѣловалъ ея волосы.

— Онъ не возьметъ васъ,—сказалъ молодой человѣкъ,—никто не удалитъ васъ отъ меня; никто не встанетъ между вами и мною.

Глаза Беатрисы, казалось, черпали изъ его глазъ радость произносимыхъ имъ словъ.

— Обѣщайте мнѣ,—сказала она, хорошо зная, что онъ пообѣщаетъ ей вселенную.

— Обѣщаю вамъ отъ всего сердца.

— Клянетесь вашей рыцарской честью?

Она улыбнулась на свою настойчивость.

— Моею честью и словомъ.

— Равно и словомъ любви?

Она засмѣялась почти совсѣмъ счастливая.

— Безусловной правдой истинной любви,—отвѣтилъ онъ.

— Тогда я въ безопасности,—сказала она, пряча свое лицо въ его плащѣ.—Я довольна, что пришла, и очень рада за свою смѣлость послать за вами, такъ какъ это—лучшій день въ моей жизни. Такъ вы не будете ждать, Жильбертъ, чтобы я за вами прислала и въ другой разъ? Вы попробуете меня видѣть... по своему желанію?

Она снова встревожилась: въ его глазахъ показалось выраженіе опасенія и печали.

— Я попробую, да, конечно, я это сдѣлаю,—сказалъ онъ съ жаромъ.

— Каждый разъ, какъ попытаетесь, вы будете имѣть успѣхъ,—отвѣтила она, еще тѣснѣе прижимаясь къ нему.—Теперь, когда все извѣстно, я хотѣла бы имѣть возможность закрыть глаза и отдыхать такъ всегда.

— Отдыхайте, моя дорогая, отдыхайте!

Прошло мгновеніе, и въ тихомъ воздухѣ раздался отдаленный звукъ трубы. Инстинктъ солдата заставилъ вздрогнуть Жильберта, который прислушивался, удерживая дыханіе, но все еще прижимая къ себѣ молодую дѣвушку.

— Что это такое?—спросила она, немного пугаясь.

— Это ничего,—сказалъ онъ,—это рождественскій банкетъ, и, можетъ быть, король пьетъ за здоровье королевы, а она за его.

— И, можетъ быть, въ душѣ она пьетъ...—но Беатриса остановилась и принялась смѣяться.—Я ему этого не скажу! Зачѣмъ мнѣ интересоваться этимъ?—рѣшила она мысленно.

Она думала, что если королева втайнѣ пила за чье нибудь здоровье, то это могло быть лишь за здоровье проводника Аквитаніи, и она еще крѣпче прижалась къ нему.

IX.

Цѣлый мѣсяцъ армія стояла въ лагерѣ, вблизи пріятной рѣки Меандры, и ежедневно въ полдень Жильбертъ и Беатриса имѣли свиданіе все на томъ же мѣстѣ. Она болѣе не видѣла своего отца и думала, что онъ уѣхалъ. Королева знала, что влюбленные видятся, но не препятствовала этому, хотя жестоко страдала отъ ихъ счастія. Нѣкоторые историки написали много скверныхъ вещей объ Элеонорѣ, такъ какъ это была властная и высокомѣрная женщина, не вѣрившая ни въ Бога, ни въ чорта, однако у нея было сильное и великодушное сердце, и пообѣщавъ она держала слово, насколько могла. Она не хотѣла посылать за Жильбертомъ, ни видѣть его одного, опасаясь не сдержать клятвы. Беатриса это знала и набралась храбрости, такъ что поднявшееся между нею и Жильбертомъ облако разсѣялось.

За день до Новаго года онъ представился королю, который приказалъ ему съ его людьми верхомъ предшествовать арміи отъ Кадмуса до Атталіи и слѣдить за движеніемъ непріятеля. Такъ какъ опасность увеличивалась со дня на день, то король приказалъ ему взять съ собою до полутораста рыцарей и оруженосцевъ. При этомъ онъ подарилъ ему богатое оружіе и приказалъ искусному греку снова разрисовать его щитъ. Разговаривая съ Жильбертомъ, онъ зорко наблюдалъ за королевой, которая сидѣла въ палаткѣ за чтеніемъ молитвенника. Его ревность была очевидна, но Элеонора не поднимала глазъ на англичанина до самаго его ухода. Тогда она подозвала его движеніемъ руки и протянула ее для поцѣлуя. На минуту она посмотрѣла на него печально, не зная, увидится ли она съ нимъ.

Изъ королевской палатки онъ пошелъ проститься съ Беатрисою; они встрѣтились, по обыкновенію, на берегу рѣки, но были такъ печальны, что не могли много разговаривать. Молча она сняла съ своей руки золотое кольцо и хотѣла надѣть на его палецъ, но оно оказалось слишкомъ мало.

— Я надѣялась, что вы будете его носить,—сказала она разочарованная:—оно принадлежало моей матери.

Жильбертъ взялъ его. Оно было изъ чистаго золота и очень тонкой работы. Онъ раскрылъ его, перерубивъ остріемъ своего меча, и затѣмъ, надѣвъ на четвертый палецъ, крѣпко стиснулъ.

— Это наше обручальное кольцо,—сказалъ онъ.

Беатрисѣ было очень тяжело разстаться съ Жильбертомъ, потому что она знала такъ же, какъ и королева, какой опасности подвергается онъ.

— Я буду молиться о васъ,—сказала она:—Богъ добръ и вернетъ васъ ко мнѣ.

Они еще очень долго просидѣли молча. Когда по солнцу наступило время присоединиться къ своимъ людямъ, онъ взялъ ее на руки и крѣпко поцѣловалъ.

— Прощайте,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, еще останьтесь со мной немного,—сказала она среди его поцѣлуевъ.

Но она знала, что ему надо уѣзжать, и онъ нѣжно поставилъ ее на землю, такъ какъ наступило время разлуки. Когда онъ ушелъ, то нормандская служанка обвила ея шею руками, потому что она, казалось, падала въ обморокъ. Ея глаза продолжали слѣдить за молодымъ рыцаремъ все время, какъ онъ шелъ по берегу рѣки, до тѣхъ поръ, пока онъ не достигъ поворота рѣки.

Тамъ онъ остановился и обернулся, затѣмъ поцѣловалъ кольцо, которое она ему дала, и махнулъ ей рукой въ знакъ прощанія. Она со своей стороны прижала обѣ руки къ губамъ и затѣмъ протянула къ нему, какъ будто въ этомъ любовномъ жестѣ она хотѣла послать ему свое сердце и душу.

У нея потемнѣло въ глазахъ, и ей показалось, будто время остановилось: она узнала, что такое смерть, но не упала въ обморокъ и не пролила ни одной слезы. Когда же чрезъ нѣкоторое время Беатриса пришла въ себя, то ея походка сдѣлалась настолько шаткая, что служанка должна была ее поддерживать.

Такимъ образомъ Жильбертъ, какъ и прежде, взялъ съ собою хорошо вооруженныхъ воиновъ, и въ первый день новаго года армія пустилась въ путь, впервые перейдя рѣку.

Королева пожелала предводительствовать авангардомъ дамъ; онъ шелъ съ тою же быстротою, какъ и вся армія, двигавшаяся цѣлой массой. Прибывшій курьеръ объявилъ, что сэръ Жильбертъ достигъ горъ и проводитъ королеву по той дорогѣ, гдѣ онъ ѣхалъ, утверждая, что до сихъ поръ не встрѣтилъ ни одного непріятеля. Когда же на слѣдующій день они приближались къ горамъ, то издали увидѣли лежавшій трупъ, около котораго стоялъ человѣкъ и отгонялъ длинной палкой коршуновъ и воронъ. Увидя это, королева почувствовала, что ея сердце перестало биться, и, пришпоривъ свою арабскую кобылу, она пустилась галопомъ. Вскорѣ она убѣдилась, что мертвецъ не былъ Жильбертомъ. Оруженосецъ, стерегшій трупъ, сказалъ ей, что очень рано утромъ около пятидесяти сельджуковъ спустились съ горъ, издали бросая стрѣлы въ Жильберта и его людей; затѣмъ, быстро сдѣлавъ вольтфасъ, они исчезли галопомъ, прежде чѣмъ христіане успѣли сѣсть на лошадей. Убитъ былъ только этотъ рыцарь, и его оруженосецъ остался съ нимъ, ожидая прихода арміи, тогда какъ другіе продолжали путь, уведя лошадей на случай потери своихъ.

Когда капелланъ королевы благословилъ трупъ, то его похоронили, зарывъ очень глубоко на томъ же мѣстѣ, и пустились въ путь. Послѣ этой роковой встрѣчи королева помѣстила дамъ въ центрѣ великой арміи, чтобы ихъ охраняли со всѣхъ сторонъ, сама же съ Анной Аугской продолжала держаться въ авангардѣ, потому что такимъ образомъ чувствовала себя ближе къ Жильберту. Она посылала также направо и налѣво развѣдчиковъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о сельджукахъ; король же былъ въ арьергардѣ, гдѣ тоже грозила большая опасность. Въ это время Жильбертъ подвигался по горамъ, отыскивая лучшую дорогу для прохода арміи и не довѣряя греческимъ проводникамъ, которые, впрочемъ, боялись его и не лгали ему, несмотря на тайное желаніе императора, опасавшагося выроставшаго могущества крестоносцевъ въ Азіи и желавшаго, чтобы ихъ армія была вся уничтожена. Но Жильбертъ сказалъ каждому изъ проводниковъ отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ, что онъ прикажетъ отрубить голову первому, который подумаетъ обмануть крестоносцевъ; онъ тщательно слѣдилъ за ними и всегда былъ наготовѣ вынуть изъ ноженъ свой длинный мечъ.

Теперь онъ двигался впередъ съ большою предосторожностью, разставляя на ночь караулъ; самъ онъ рѣдко спалъ, переходя отъ одного поста къ другому, чтобы убѣдиться, все ли спокойно. Сельджуки никогда не нападали въ темнотѣ, такъ какъ до сихъ поръ они были немногочисленны и полагались на свои стрѣлы только лишь, когда видѣли цѣль, опасаясь приближаться къ копьямъ французской арміи. Съ тѣхъ поръ, какъ показались невѣрные, христіане, рыцари и воины, вооружились и шли въ кольчугахъ и забралахъ.

Жильбертъ пожелалъ взять съ собою пятьдесятъ стрѣлковъ изъ лука, хорошихъ стрѣлковъ, какъ его конюхъ, маленькій Альрикъ. Ежедневно приходилось поддерживать по нѣскольку стычекъ. Когда имъ удавалось настичь проворныхъ сельджуковъ на какомъ нибудь узкомъ пути, то сельджуки, если было возможно, убѣгали, но когда это было невозможно, то съ бѣшенствомъ оборачивались и дрались, какъ пантеры, издавая свои воинственные крики: «ура! ура!» что̀ на татарскомъ языкѣ означало: убей! убей!

Чаще всего христіане убивали ихъ, будучи сильнѣе и лучше вооружены; Жильбертъ всегда первый наносилъ имъ ударъ. Однажды, когда одинъ самый жестокій изъ шайки сельджуковъ напалъ на него, размахивая изогнутой саблей и издавая воинственные крики, Жильбертъ отрубилъ ему однимъ ударомъ руку, и кисть упала, даже не выпустивъ палаша. Жильбертъ сталъ смѣяться, и въ насмѣшку надъ криками невѣрныхъ кричалъ «ура». Злорадствуя надъ врагами, солдаты вторили ему. Въ это утро они убили всѣхъ сельджуковъ, исключая одного, лошадь котораго они забрали. Съ тѣхъ поръ христіане присвоили себѣ восклицаніе «ура». Когда въ настоящее время раздается «ура» въ честь королей, то никто не понимаетъ смысла этого возгласа.

Жильбертъ сознавалъ, что мѣстность, гдѣ происходило сраженіе, опасна, хотя входъ въ нее былъ широкій и пріятный чрезъ возвышенную долину, въ которой находились хижины пастуховъ, и было обиліе воды и травы. Какъ только битва окончилась, онъ схватилъ за горло начальника проводниковъ и, держа его согнутымъ на сѣдлѣ, требовалъ, чтобы онъ показалъ болѣе надежную дорогу, если онъ хочетъ сохранить на плечахъ голову.

— Господинъ мой, другой нѣтъ!—воскликнулъ человѣкъ, пораженный ужасомъ.

— Прекрасно,—отвѣчалъ Жильбертъ, вынимая мечъ, еще покрытый кровью:—если нѣтъ другой дороги, то я болѣе не нуждаюсь въ тебѣ, мой другъ.

Когда плутъ услышалъ шумъ, произведенный треніемъ ноженъ о мокрую сталь, онъ издалъ крикъ ужаса и признался, что знаетъ другую дорогу. Они вернулись ко входу въ долину, и грекъ проводилъ ихъ по скалистой тропинкѣ между деревьями, надъ кото-

рыми тянулась цѣпь пустынныхъ каменистыхъ горъ; по ней можно было проѣхать на лошади, хотя дорога была очень трудная. Когда они чрезъ три часа достигли вершины, Жильбертъ понялъ, что это было настоящій широкій и прямой горный проходъ открывавшійся на покатость, покрытую травою и расположенную между крутыми скалами, на которыхъ не могла бы удержаться коза. Пройдя немного впередъ, онъ увидѣлъ узкую тропинку, очень неровную, проходившую вокругъ самой возвышенной вершины. Вскорѣ онъ открылъ надъ нею маленькую долину, подъ которой узкая тропинка спускалась къ мѣсту, гдѣ онъ остановился сначала. Жильбертъ сообразилъ, что большая армія могла бы тамъ спокойно быть разбитой маленькимъ отрядомъ, помѣщеннымъ въ засадѣ. Онъ ясно видѣлъ мертвыхъ сельджуковъ, покинутыхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они упали, и отовсюду спускались со скалъ большіе ястребы и соколы, тогда какъ вѳроны, слѣдившіе за сраженіемъ, летали, прыгали и садились на груды труповъ. Онъ вернулся къ своимъ людямъ, погоняя впереди себя проводника, который, опасаясь за свою жизнь, шатался на сѣдлѣ, какъ пьяный. Жильбертъ зналъ, что человѣкъ, который находится подъ страхомъ,—послушенъ, а потому, угрожая отрубить ему руки, вырвать глаза и оставить среди скалъ, если онъ еще попытается погубить армію, онъ все-таки сохранилъ ему жизнь.

На слѣдующій день Жильбертъ послалъ десять человѣкъ проводить армію, самъ же остался въ горномъ проходѣ, съ цѣлью охранять его до тѣхъ поръ, пока не покажется авангардъ. Онъ приказалъ своимъ гонцамъ сказать королю, что если ему дорога жизнь, то онъ не долженъ вступать въ широкую долину, хотя она такъ прекрасна и привлекательна. Встрѣтившіеся ему сельджуки были всѣ убиты, исключая одного молодого человѣка. Кромѣ этихъ, ихъ было еще много, и всѣ они расположились лагеремъ среди скалъ и по другую сторону горнаго прохода. Бѣглецъ отыскалъ ихъ, разсказалъ, что случилось, и предупредилъ ихъ, что французская армія навѣрно пройдетъ по этой дорогѣ на другой день или чрезъ день. Узнавъ объ этомъ, сельджуки сѣли на лошадей и помѣстились въ засадѣ; затѣмъ двѣсти человѣкъ изъ нихъ спустились въ долину и спрятались за деревьями тамъ, гдѣ начиналась тропинка, которая была настоящей дорогой, такъ какъ они знали горы и опасались, чтобы въ послѣдній моментъ Бѣлый Чортъ, какъ они называли Жильберта, не угадалъ своего промаха и не выбралъ бы тропинки, ведущей въ ущелье, что̀ спасло бы всѣхъ крестоносцевъ. На скалистой же цѣпи горъ, подъ прикрытіемъ деревьевъ, двѣсти избранныхъ стрѣлковъ могли бы каждый съ помощью одного колчана стрѣлъ принудить армію къ отступленію. Такъ прошла ночь, и Жильберта никто не потревожилъ. Однако, для арміи готовилось громадное пораженіе, хотя, прежде чѣмъ на-

ступила ночъ, гонцы прибыли въ лагерь и повторили королю слова Жильберта.

За два часа до полудня Гастонъ Кастиньякъ съ дюжиною другихъ рыцарей и посланными Жильберта спустился съ горы, откуда открывалась широкая, зеленая долина, а по ихъ правую сторону находилась лѣсистая цѣпь горъ, гдѣ спрятались двѣсти сельджуковъ. Минуту спустя, сама королева прискакала съ Анной Аугской и ста рыцарями, предполагая проѣхать по долинѣ, но Кастиньякъ ее остановилъ и передалъ ей порученіе Жильберта, предписывавшаго, чтобы они поднялись въ горы съ этого пункта. Долина располагала къ себѣ свѣтлою водою и широкими лугами, а потому нѣкоторые изъ рыцарей стали ворчать. Когда же королева узнала, что болѣе крутую дорогу избралъ Жильбертъ, она, ничуть не сомнѣваясь, приказала всѣмъ молчать и повиноваться. Но такъ какъ тутъ было обширное мѣсто, покрытое травою, а, по словамъ посланныхъ Жильберта, подъемъ въ горы предстоялъ продолжительный, то имъ казалось, что, прежде чѣмъ начать подниматься, лучше было бы отдохнуть. Въ промежутокъ времени прибылъ весь авангардъ, армія, нѣсколько тысячъ воиновъ, рыцарей и пѣхотинцевъ. За ними слѣдовалъ блестящій авангардъ дамъ въ беззаботномъ и веселомъ настроеніи. Онѣ чувствовали себя въ безопасности среди столькихъ храбрыхъ мужчинъ и не опасаясь желали увидѣть непріятеля. Всѣ двигались въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, и до тѣхъ поръ дѣйствительно было мало опасности, такъ какъ сельджуки намѣревались уничтожить крестоносцевъ въ горахъ и не пытались бы въ долинѣ начать борьбу съ такой многочисленной арміей. Между тѣмъ армія все прибывала и наполняла долину, со всѣхъ сторонъ подвигаясь къ горному проходу, тѣснимая силою массы. Наконецъ прибылъ и король, а съ нимъ нѣкоторые греческіе проводники, которыхъ король охотно слушался: они принялись восклицать, называя Жильберта безумцемъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, ни одна лошадь не можетъ подняться по скалистой тропинкѣ. На это люди Жильберта клялись, что наканунѣ они поднимались по ней, и даже женщина сумѣетъ это исполнить. Одинъ изъ грековъ насмѣхался надъ ними и сказалъ, что они лгутъ, но Гастонъ Кастиньякъ такъ сильно ударилъ его по рту рукою въ желѣзной перчаткѣ, что разбилъ ему челюсть. Въ толпѣ произошло нѣкоторое смятеніе, такъ какъ она раздѣлилась на различныя партіи, потому что многіе изъ людей короля и онъ самъ стояли за дорогу, которая тянулась въ длину долины и казалась имъ такой легкой и удобной. Элеонора разгнѣвалась и, сѣвъ на лошадь, позвала людей Жильберта, а также и своихъ рыцарей, находившихся въ авангардѣ; она прямо сказала королю, что проводникъ Аквитаніи всегда велъ ихъ по безопасной дорогѣ, но каждый разъ, когда армія слѣдовала за проводниками короля, съ нею случалось несчастіе. Король не желалъ,

чтобы имъ повелѣвали предъ вельможами и баронами, а потому поклялся всѣми богами; что онъ отправится по долинѣ.

Послѣ этого Элеонора повернула лошадь и приказала рыцарямъ подняться на гору къ деревьямъ вмѣстѣ съ нею, затѣмъ разпорядилась, чтобы ея армія слѣдовала за нею, оставивъ короля вести свое войско по избранной имъ самимъ дорогѣ. Тогда произошло смятеніе, какого никогда не бывало, такъ какъ среди массы крестоносцевъ были тысячи людей, на половину паломниковъ, на половину солдатъ, которые пошли по собственному желанію, какъ волонтеры, не подчиняясь ни королю ни королевѣ; поляки и богемцы тоже были независимы. Всѣ начали спорить и ссориться между собою. Тѣмъ временемъ королева и Анна Аугская медленно поднимались въ гору, прямо къ деревьямъ, съ Кастиньякомъ и людьми Жильберта во главѣ, а за ними слѣдовали рыцари. Никто изъ нихъ не подозрѣвалъ опасности, такъ какъ мѣстность, освѣщенная солнцемъ, казалось спокойной. Элеонора и Анна Аугская, ничего не опасаясь, двинулись въ путь въ простыхъ юбкахъ и плащахъ; мужчины же были вооружены, одѣты въ кольчуги и забрала.

Первыя были только въ шести шагахъ отъ лѣсистой опушки горъ, когда молчаніе было прервано рѣзкимъ щелканіемъ натянутаго лука, и стрѣла, предназначенная королевѣ, пролетѣла между нею и Анной Аугской. Красавица вспыхнула при видѣ опасности, и на ея смугломъ лбу между глазами надулась вена. Мгновенно мужчины пришпорили лошадей и бросились въ лѣсъ, прежде чѣмъ королева могла ихъ остановить; впереди всѣхъ былъ Кастиньякъ съ мечемъ въ рукѣ. За первой стрѣлою посыпался дождь стрѣлъ, безъ разбора попадая въ людей и лошадей, и три или четыре изъ нихъ упали вмѣстѣ съ своими сѣдоками, но послѣднихъ защитила кольчуга, и они поднявшись бросились тотчасъ же въ кусты, откуда доносился шумъ отъ сильныхъ ударовъ, пронзительное щелканье множества луковъ и крики сельджуковъ. Отъ времени до времени на удачу пущенная стрѣла пролетала между деревьями, и въ то время, какъ Элеонора у подножья горы смотрѣла съ лошади, призывая своихъ рыцарей присоединиться къ ней, она не знала, что Анна Аугская прикрывала ее своимъ тѣломъ отъ опасности, угрожавшеей ей гибелью отъ безумной стрѣлы. Красавица съ легкимъ сердцемъ становилась лицомъ къ опасности, въ надеждѣ найти счастливую смерть, которую она призывала всей душею.

Никто изъ проникнувшихъ въ лѣсъ не вернулся, пока раздавался ужасный и грозный шумъ сраженія, и Элеонора угадала, что немногочисленный непріятель былъ оттѣсненъ на самую вершину горы и подавленъ массою рыцарей. Опасаясь, что ея солдаты будутъ тѣснить другъ друга, она остановила ихъ и не позволила никому изъ нихъ итти дальше. Въ это время смотрѣвшій

снизу король творилъ молитвы, такъ какъ смертельно боялся пожелать смерти королевы, что, по его мнѣнію, было бы такимъ же большимъ грѣхомъ, какъ будто бы онъ ее убилъ собственноручно. Пока не было опасности, онъ безпрестанно молился, чтобы избавиться отъ Вельзевуловой жены, теперь онъ съ такимъ же рвеніемъ молилъ о ея здравіи. Пока она запрещала двигаться впередъ, онъ убѣждался, что она имѣетъ намѣреніе возвратиться въ долину, и далъ знакъ своимъ рыцарямъ и слугамъ двигаться по тому направленію съ другой стороны, гдѣ дрались сельджуки. Дѣйствительно, большинство, въ особенности среди плохо вооруженныхъ людей, желало избѣжать опасности.

Мгновенно, въ большомъ смятеніи, съ криками и толкотней главный корпусъ двинулся въ путь, идя вразсыпную по долинѣ и совершенно заполняя ее. Но вскорѣ они снова скучились, по мѣрѣ того, какъ поднимались въ гору на томъ мѣстѣ, гдѣ долина суживалась у горнаго прохода, и наконецъ они такъ были сжаты и спутались между собою, что лошади съ трудомъ могли двигаться. Придворныя дамы королевы съ своей свитой и слугами собрались у входа въ долину, защищенныя двумя или тремя тысячами воиновъ, рѣшившихся ожидать окончанія сраженія, но сама королева оставалась все еще на гребнѣ горы возлѣ лѣса.

Нѣкоторое время спустя, явился Гастонъ Кастиньякъ пѣшкомъ и покрытый кровью; его кольчуга была изрублена изогнутыми саблями сельджуковъ, а его трерогій щитъ продыравленъ и согнутъ. Онъ приблизился къ королевѣ и, низко поклонившись, громко сказалъ, указывая рукою по направленію деревьевъ:

— Дорога для герцогини очищена, путь открытъ и вычищенъ... Но метла...—онъ поблѣднѣлъ и зашатался:—метла сломана...—окончилъ онъ, падая почти подъ ноги арабской кобылы королевы.

Стрѣла проникла чрезъ его тѣло, и онъ жилъ лишь столько, что могъ объявить о побѣдѣ. Королева встала на колѣни, пробуя приподнять голову своего вѣрнаго рыцаря; онъ улыбнулся ей въ благодарность, затѣмъ умеръ. Когда она поднялась, ея глаза были наполнены слезами. Элеонора отдала приказъ похоронить его и въ то же время сложила ему руки на груди, а на колѣни положила щитъ.

На этомъ же мѣстѣ умерло еще много другихъ воиновъ и были наскоро похоронены внѣ линіи движенія арміи. Было за полдень, такъ какъ сраженіе длилось около двухъ часовъ; дорога предстояла длинная, и оставшіеся въ живыхъ люди Жильберта умоляли королеву немедленно двинуться въ путь, чтобы лагерь могъ быть раскинутъ ранѣе ночи въ томъ мѣстѣ, гдѣ ожидалъ ихъ Жильбертъ. Элеонора приказала воинамъ слѣдовать за нею въ наивозможно большемъ порядкѣ и начала подниматься по скалистой дорогѣ.

Въ долинѣ же армія короля продолжала итти въ безпорядкѣ, поднимаясь къ тому мѣсту, гдѣ Жильбертъ сражался наканунѣ, и гдѣ лежали уже побѣлѣвшія кости сельджуковъ, на которыхъ сидѣли насытившіеся вороны и дремали подъ полуденнымъ солнцемъ.

Прошло два часа, прежде чѣмъ королева и ея авангардъ достигли вершины и увидѣли Жильберта съ его одѣтыми во всѣ доспѣхи восемьюдесятью воинами, сидѣвшими въ ожиданіи на скалахъ; ихъ лошади, привязанныя вблизи, были осѣдланы и взнузданы. Молодой проводникъ во главѣ своихъ спутниковъ ожидалъ королеву, приближавшуюся легкимъ галопомъ. Поровнявшись Элеонора остановилась возлѣ него и начала говорить съ нѣкоторой поспѣшностью, безпрестанно смотря впередъ и избѣгая взгляда Жильберта, которому она разсказала о нападеніи въ лѣсу и о томъ, что король съ большею частью арміи отправился чрезъ долину. Послѣднее извѣстіе сильно обезпокоило Жильберта.

— За мною слѣдуютъ дамы,—сказала она нѣжнымъ голосомъ, такъ какъ знала отчего, блѣденъ Жильбертъ.

Она еще говорила, когда внезапно въ воздухѣ раздался дикій крикъ, пронзительный, какъ крикъ голодной хищной птицы: это былъ возгласъ тысячи «ура! ура! ура!»...

— Сельджуки!—сказалъ Жильбертъ:—этотъ крикъ раздается изъ горнаго прохода, по ту сторону долины... Боже, сжалься надъ христіанскими душами!

Дунстанъ хорошо зналъ Жильберта и при первой опасности подвелъ къ нему лошадь.

— Съ разрѣшенія вашего величества,—сказалъ Жильбертъ, садясь на сѣдло:—я поведу моихъ людей и сдѣлаю все возможное, чтобы помочь королю. Я осмотрѣлъ дорогу вокругъ горы, и каждый солдатъ, послѣдовавшій за мною, можетъ свободно убить съ горы десять сельджуковъ, какъ сельджуки, находясь на верху, теперь убиваютъ солдатъ короля.

— Ура! ура! ура! убей! убей!

Дикіе возгласы безпрестанно доносились изъ долины, но еще худшій шумъ оглашалъ воздухъ: вопли людей, которые безпомощно спѣшили со всѣхъ сторонъ, избиваемые стрѣлами и камнями, и ржаніе на смерть раненыхъ лошадей.

— Ихъ тысячи,—сказалъ прислушиваясь Жильбертъ:—мнѣ надо взять больше людей.

— Возьмите мою армію,—сказала Элеонора:—командуйте ею и дѣлайте, какъ вы найдете лучше.

Съ минуту Жильбертъ смотрѣлъ на нее пристально, едва вѣря тому, что означали эти слова. Но она сама приподнялась на сѣдлѣ и громко закричала сотнямъ рыцарей, уже вскочившихъ на сѣдла:

— Сэръ Жильбертъ Вардъ командуетъ арміей! Слѣдуйте за проводникомъ Аквитаніи!

Глаза молодого человѣка радостно блеснули, когда онъ молча склонилъ голову и сталъ садиться на лошадь.

— Господа,—сказалъ онъ, вскочивъ на сѣдло:—дорога, по которой я васъ поведу, чтобы прійти на помощь королю, — узка, а потому всѣ, у кого лошади тверды на ноги, слѣдуйте за мною въ большомъ порядкѣ подвое. По ту сторону горнаго прохода могутъ сражаться, не стѣсняя другъ друга, только тысяча людей. Остальные останутся здѣсь для защиты королевы и ея дамъ. Впередъ!

Онъ поклонился Элеонорѣ и ринулся впередъ. Она видимо колебалась и слѣдовала за нимъ глазами съ завистью, но Анна Аугская положила руку на уздечку ея лошади.

— Государыня,—сказала она:—ваше мѣсто здѣсь, гдѣ, быть можетъ, скоро предстоитъ опасность, и нужно будетъ командовать.

Ужасный безпрерывный шумъ сраженія становился все неистовѣе. Сельджуки ждали, когда около пяти тысячи человѣкъ, съ королемъ во главѣ, пройдутъ узкій горный проходъ нижней долины и стѣснятъ слѣдовавшихъ впереди. Изъ своей засады между деревьями и кустарниками они бросились тысячами на несчастныхъ крестоносцевъ, попавшихъ, какъ мыши, въ ловушку. Сначала густой дождь ихъ стрѣлъ, какъ молнія, спустился на этотъ океанъ людей; затѣмъ покатились камни, придавливая людей и лошадей, падая прямо на массу человѣческихъ тѣлъ, оставлявшихъ позади себя кровавый слѣдъ. Смущеніе и паника дошли до апогея, когда дикіе сельджуки спустились съ высотъ, издавая крики о смерти и размахивая саблями, увѣренные, что они и такъ перебьютъ враговъ, не теряя напрасно стрѣлъ. Въ горномъ ущельѣ кровь доходила до щиколотокъ, и громадное количество христіанскихъ крестоносцевъ было втиснуто туда, въ эту рѣзню, слѣдовавшими за ними людьми.

Среди своей арміи король долженъ былъ силою прочистить себѣ путь къ тому мѣсту, гдѣ находилось болѣе всего непріятеля. Наконецъ-то его лѣнивая кровь проснулась, и онъ вынулъ мечъ. Вскорѣ Людовикъ былъ принужденъ сражаться лицомъ къ лицу съ непріятелемъ; многіе изъ окружавшихъ его погибли, потому что руки ихъ были парализованы тѣснившейся толпой. Сельджуки очистили себѣ мѣсто, убивая непріятеля, и, чтобы достичь живыхъ, они взбирались на трупы; невозможно было слышать команды, и воздухъ омрачился отъ сраженія. Въ продолженіе цѣлаго часа сельджуки не переставали убивать почти безнаказанно.

Король съ сотнею спутниковъ находился въ западнѣ возлѣ корней громаднаго дуба и сражался изо всѣхъ силъ, убивая время отъ времени по одному человѣку, хотя онъ былъ раненъ въ плечо и лицо, при томъ страшно изнуренъ. Но онъ видѣлъ, что всѣ были въ отчаяніи и растерялись, а изъ его арміи никто не приходилъ къ нему на помощь, такъ какъ узкій горный проходъ былъ пе-

реполненъ мертвыми тѣлами. Онъ началъ пѣть покаянные псалмы, отбивая тактъ мечомъ. День былъ короткій, и вскорѣ наступилъ вечеръ; заходящее солнце внезапно бросило свои потухающіе лучи на ведущую въ гору дорогу. Среди рѣзни нѣкоторые изъ христіанъ подняли голову; король тоже взглянулъ по тому направленію. Въ лучахъ свѣта они увидѣли появившійся лазуревый щитъ съ золотымъ крестомъ. Христіане узнали его. Слабое восклицаніе раздалось среди оставшихся въ живыхъ:

— Проводникъ Аквитаніи!

Но эти восклицанія едва были слышны, такъ какъ внезапно со стороны сельджуковъ раздались болѣе звонкіе крики, не воинственные, а нѣчто въ родѣ вопля ужаса.

— Гнѣвъ Божій! Бѣлый Чортъ!

Сельджуки попались въ собственную ловушку, и смерть поднималась передъ ихъ глазами. На горныхъ вершинахъ, надъ ущельемъ тысячи христіанъ быстро составляли ряды; ихъ копья были опущены, а мечи вынуты изъ ноженъ. Минуту спустя, стальные шлемы закружились въ воздухѣ, сверкая и блестя на солнцѣ, затѣмъ бросились на непріятеля. Раздалась короткая команда: «впередъ!» и сельджуки услышали быстрое, страшное для нихъ бряцаніе оружія; въ это время отрядъ двинулся впередъ, и проводникъ Аквитаніи спустился, какъ стальной ураганъ, съ обнаженной головою, горящими отъ лучей заходящаго солнца глазами, высоко поднявъ свой мечъ и съ улыбкой смерти на крѣпко стиснутыхъ губахъ.

— Бѣлый Чортъ! Гнѣвъ Бога!—кричали сельджуки.

Они попробовали бѣжать, но изъ горнаго ущелья не было никакой дороги; оно было переполнено мертвыми тѣлами. Приходилось или умереть или побѣдить. Видя свою гибель, они собрали всѣ силы и держались, какъ могли, на грудѣ труповъ. Тамъ, гдѣ они убивали, Жильбертъ убивалъ ихъ, и тысяча окровавленныхъ клинковъ блеснули подъ багряными лучами солнца. Пока могли, сельджуки сражались, какъ дикіе звѣри, но въ глазахъ Жильберта былъ такой ужасный блескъ, его рука не уставала, и непріятель падалъ рядъ за рядомъ, а оставшіеся живыми христіане наносили имъ удары въ тылъ. Вскорѣ ущелье еще болѣе, чѣмъ прежде, переполнилось трупами, и образовалась маленькая кровавая рѣчка, протекавшая съ камня на камень до самой долины, гдѣ около пятидесяти тысячъ безсильныхъ и дошедшихъ до отчаянія людей смотрѣли, какъ подходили ея волны. Раздались восклицанія торжествующихъ христіанъ, обратившихъ страхъ въ радость, такъ какъ хотя было множество мертвыхъ, и многіе изъ молодыхъ и старыхъ, крупныхъ и мелкихъ рыцарей и воиновъ лежали подъ мертвыми сельджуками, убившими ихъ, однако главный корпусъ арміи былъ спасенъ, сила врага разбита, и Жильбертъ спасъ короля. Онъ нашелъ Людовика поистинѣ въ ужасномъ положеніи: король стоялъ, при-

слонясь къ дубу, и былъ окруженъ мертвыми рыцарями, а послѣдніе, оставшіеся въ живыхъ сельджуки мучили его своими кривыми саблями. Все это время онъ пѣлъ De profundis о спасеніи своей души, употребляя всѣ свои познанія, чтобы сохранить себя, сражаясь, какъ сильный и храбрый человѣкъ, какимъ онъ и былъ, несмотря на свои недостатки. Король былъ страшно утомленъ.

— Сэръ,—сказалъ онъ, взявъ Жильберта за руку: — требуйте все, что хотите, и если это не будетъ грѣхомъ, вы получите, такъ какъ вы спасли армію Креста.

Но Жильбертъ только улыбнулся, потому что въ этотъ день онъ уже собралъ довольно большую жатву чести.

Онъ не зналъ, что на холмѣ, поднимавшемся надъ долиной, сидѣли двѣ женщины, которыя нѣжно любили его и безпрерывно любовались имъ: это были королева и Беатриса.

Онѣ сидѣли, держа другъ друга за руку. Широко раскрытые отъ страха глаза были полны гордости и восторга за его подвиги, такъ какъ его развѣвавшіеся бѣлокурые волосы виднѣлись впереди всѣхъ среди рядовъ сельджуковъ, а его слѣды настолько покрыты кровью, что казалось невозможнымъ для человѣка убить столько другихъ людей, не получивъ раны. Ими овладѣло что-то въ родѣ изумленія, какъ будто онъ былъ сверхъестественнымъ существомъ. Онѣ не разговаривали, но ихъ руки оставались соединенными. Когда же все окончилось, и онѣ увидѣли его во всемъ блескѣ заходящаго солнца, въ то время какъ онъ сошелъ съ лошади и немного отодвинулся отъ другихъ, опираясь на свой мечъ, Беатриса обернулась къ королевѣ, и слезы радости брызнули изъ ея глазъ, въ то же время она спрятала свое лицо на груди Элеоноры. Она чувствовала себя счастливой отъ доброжелательства, съ какимъ обняли ее обѣ руки королевы, которая, казалось, понимала ея счастіе. Но глаза Элеоноры были сухи, лицо блѣдно, а прекрасныя губы горѣли въ лихорадкѣ.

X.

Такимъ образомъ, Жильбертъ, о которомъ историки говорятъ, что болѣе ничего неизвѣстно, былъ назначенъ командовать арміей крестоносцевъ и вести ее чрезъ непріятельскую страну до Сиріи. Эту задачу онъ исполнилъ хорошо и храбро. Послѣ большого сраженія въ долинѣ приходилось поддерживать еще ежедневныя стычки, такъ какъ сельджуки нападали на христіанъ, какъ грозовыя тучи, исчезая съ тою же быстротой и оставляя позади себя кровавый слѣдъ. Жильбертъ велъ авангардъ и руководилъ всѣмъ походомъ, выбирая мѣсто стоянки и предписывая время для выступленія въ дальнѣйшій походъ. Его мудрости и силѣ переносить различныя утомленія удивлялись всѣ, такъ какъ остальные рыцари и воины были истощены, а запасовъ не хватало, потому что греческіе гор-

ные жители продавали все въ десять разъ дороже настоящей цѣны. И такъ крестоносцы подвигались впередъ, сражаясь и страдая, и по мѣрѣ того, какъ время протекало, солдаты становились одинъ къ другому снисходительнѣе въ ожиданіи обѣщаннаго прощенія ихъ прегрѣшеній, когда они исполнятъ обѣтъ, достигнувъ святыхъ мѣстъ.

Наконецъ они спустились съ горъ къ морю, въ мѣстность, называемую Атталіей. Оттуда Жильбертъ хотѣлъ провести ихъ сухимъ путемъ въ Сирію, но король усталъ, а королева поняла, какую большую ошибку она сдѣлала, взявъ съ собою дамъ, такъ какъ малое число изъ нихъ обладало неустрашимостью Анны Аугской и мужествомъ Беатрисы. Дамскій отрядъ сдѣлался обществомъ плаксъ, которыя роптали на все, сожалѣли о Франціи, горько оплакивая, что ихъ завели въ эти пустыни, чтобы тамъ лишить ихъ молодости, свѣжести и, быть можетъ, жизни. Поэтому Элеонора уступила желанію короля сѣсть на атталійскіе корабли въ портѣ св. Симеона, близъ Антіохіи. У нея была еще другая причина: въ Антіохіи царствовалъ ея дядя, графъ Раймундъ, человѣкъ одной съ нею крови и раздѣлявшій ея идеи. Она желала видѣть его и воспользоваться совѣтами, какъ очень опытнаго человѣка. Впрочемъ это было сопряжено съ нѣкоторой опасностью, такъ какъ король думалъ, что Раймундъ влюбился въ Элеонору во время своего пребыванія при дворѣ, а Людовикъ былъ ревнивъ и раздражителенъ. Онъ хотѣлъ вести армію съ собою въ Антіохію, но поднялись протесты. Въ то время, какъ важные бароны и рыцари держались за болѣе надежный путь, самые бѣдные паломники опасались моря болѣе, чѣмъ сельджуковъ, и не сходились во мнѣніи относительно отплытія. Въ концѣ концовъ король позволилъ имъ итти и они, не зная пути, хвастались прійти въ Антіохію первыми. Имъ дали денегъ и многихъ проводниковъ, которымъ они довѣряли.

Видя, что передъ нимъ два выбора пути, Жильбертъ спрашивалъ себя, что̀ онъ долженъ дѣлать. Онъ желалъ бы слѣдовать за Беатрисой моремъ, такъ какъ не видѣлъ Арнольда Курбойля съ Рождества и думалъ, что онъ въ Эфесѣ, гдѣ собирается отплыть моремъ въ Сирію, а потому ему въ данный моментъ возможно захватить дочь и увезти ее, чтобы принудить къ браку, который далъ бы наслѣдника его обширнымъ владѣніямъ.

Жильбертъ видѣлъ также, что командованіе надъ всею арміей пришло къ концу, непріятельскую страну теперь прошли, и долгъ всѣхъ—собраться въ графствѣ Раймунда, чтобы взять Эдессу только весною. Но, съ другой стороны, когда онъ раздумывалъ, сколько бѣдныхъ людей, взявшихъ съ вѣрою крестъ, въ надеждѣ, что Богъ поможетъ во всѣхъ ихъ нуждахъ, были готовы снова подняться въ горные проходы,—его милосердіе приказывало ему скорѣе остаться и предводительствовать или жить и умереть съ ними, чѣмъ спо-

койно совершать путь моремъ. Такимъ образомъ, ему трудно было рѣшить, что ему дѣлать, и если онъ опасался видѣть Беатрису и подчиниться ея убѣжденію, то одинаково онъ боялся смѣшаться и съ народомъ, такъ какъ всѣ его знали и унесли бы на своихъ плечахъ, съ цѣлью сдѣлать главою.

Рано утромъ, когда Жильбертъ прогуливался по берегу моря, онъ увидѣлъ Анну Аугскую въ сопровожденіи двухъ женщинъ; она возвращалась изъ церкви и остановилась поговорить съ нимъ. Онъ увидѣлъ на ея лицѣ выраженіе дружбы къ нему, а потому, идя рядомъ съ нею, внезапно принялся разсказывать ей свое затрудненіе.

— Сэръ Жильбертъ, — сказала она спокойно:—я любила единственнаго человѣка, который сдѣлался моимъ мужемъ, и была любима имъ, но его убили, и я вамъ говорю, сэръ Жильбертъ, что истинная любовь мужчины и женщины—самая лучшая и великая вещь, какая только существуетъ на свѣтѣ. Если два существа любятъ другъ друга, и если ихъ любовь господствуетъ надъ всѣмъ, исключая чести, то она искренна и достойна всякаго вниманія. Размыслите хорошенько, дѣйствительно ли вы любите эту дѣвушку, и если ваша любовь—то, что я сказала, не колеблясь бросьте все и слѣдуйте за нею.

— Сударыня,—сказалъ Жильбертъ, подумавъ нѣсколько минутъ:—вы, женщина—достойная довѣрія, и вы мнѣ дали добрый совѣтъ.

Они разстались; Жильбертъ вернулся въ свое жилище, рѣшивъ отправиться въ Антіохію моремъ съ королевой и королемъ. Но онъ все-таки сожалѣлъ бѣдныхъ паломниковъ, которые должны были остаться и сражаясь прочищать себѣ путь.

Большіе корабли, нанятые для переправы, были тяжелой и грузной конструкціи, однако довольно быстраго хода. Это были отчасти галеры Греціи и отчасти Амальфи, жители которой скупали всѣ восточные товары. Въ день, назначенный для отплытія, подулъ сѣверо-западный вѣтеръ, и грузныя галеры пустились въ путь, на близкомъ разстояніи одна отъ другой.

Чрезъ нѣсколько дней приплыли въ портъ Антіохіи, святого Симеона, и увидѣли возвышавшіяся на берегу громадныя башни и стѣны. Пока Жильбертъ разсматривалъ ихъ со своего корабля, онъ чувствовалъ себя счастливымъ при мысли, что арміи не приходится дѣлать осады этой крѣпости, такъ какъ она принадлежитъ графу Раймунду, дядѣ королевы. Но, если бы онъ зналъ, что должно случиться съ нимъ въ этомъ городѣ, то скорѣе пошелъ бы босикомъ въ Іерусалимъ исполнить, какъ могъ, свой обѣтъ, чѣмъ войти въ этотъ прекрасный, окруженный стѣнами городъ. Графъ Раймундъ, широкоплечій, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, черными, уже сѣдѣющими на вискахъ волосами, принялъ армію на берегу. Сна-

чала онъ обнялъ короля, согласно обычаю, затѣмъ свою племянницу королеву, въ четыре или пять пріемовъ. Онъ былъ радъ видѣть ее, но не правда, что у нихъ существовала мысль о любви, какъ говорили хроникеры.

Все-таки Людовикъ почувствовалъ сильную ревность, видя, какъ Раймундъ цѣлуетъ королеву, такъ какъ онъ всегда подозрѣвалъ худшее, чѣмъ было на дѣлѣ. Но онъ не смѣлъ говорить, боясь королевы. Въ Антіохіи была большая радость, когда всѣ дамы, бароны и другіе вельможи расположились праздновать Пасху вмѣстѣ, и хотя еще было нѣсколько дней поста на страстной недѣлѣ, но всѣ были счастливы, что находятся въ большомъ городѣ. Они были такъ довольны, что хлѣбъ и вода вполнѣ удовлетворили бы ихъ, вмѣсто великолѣпныхъ, многочисленныхъ блюдъ, приготовленныхъ для поста пятьюдесятью поварами графа Раймунда, такъ какъ графъ жилъ пышно, что̀ не мѣшало ему быть храбрымъ воиномъ.

Въ особенности онъ былъ тонкимъ, не строго нравственнымъ человѣкомъ и много смѣялся, когда королева попросила его помочь ей добиться уничтоженія ея брака, потому что не могла долѣе выносить положенія жены ханжи-монаха. Затѣмъ онъ немного призадумался и нахмурилъ свои широкія брови; но вскорѣ его лицо просіяло, такъ какъ онъ нашелъ средство. Король, сказалъ онъ себѣ, былъ двоюроднымъ братомъ Элеоноры, а церковь запрещала бракъ при подобномъ родствѣ, такъ что бракъ не дѣйствителенъ, и папа долженъ будетъ противъ своей воли согласиться съ правилами церкви и произнести разводъ. Они были двоюродные братъ и сестра въ седьмой степени, и король происходилъ отъ предка королевы, Вильгельма, герцога Гвіены, дочь котораго, Аделаида Пуатье, вышла замужъ за Гуго Капета, короля Франціи, а седьмая степень единокровія всегда подвергалась запрещенію, и никакого разрѣшенія не давалось, и даже никто его не требовалъ.

Сначала королева принялась смѣяться, затѣмъ послала за мецкимъ епископомъ и стала его разспрашивать о такихъ случаяхъ. Прелатъ отвѣтилъ, что графъ Раймундъ говоритъ правду, но что онъ, епископъ, не вмѣшается въ это дѣло, такъ какъ никогда церковь не имѣла намѣреній допускать, чтобы изъ ея правилъ дѣлали дурное употребленіе. Однако утверждаютъ, что онъ все-таки участвовалъ въ совѣтѣ, объявившемъ недѣйствительнымъ этотъ бракъ.

Такимъ образомъ сильная своимъ правомъ королева отправилась къ мужу и сказала̀ ему прямо въ лицо, что имѣла намѣреніе выйти замужъ за короля, а не за монаха, какимъ онъ былъ все время, и при этомъ она узнала, что ихъ бракъ недѣйствителенъ. Поэтому онъ живетъ въ смертномъ грѣхѣ, и если хочетъ спасти свою душу, то долженъ развестись съ нею, Элеонорой, по возвращеніи во Францію. Услышавъ эти слова, король былъ чрезмѣрно огорченъ и горько заплакалъ, но не отъ потери жены, а

потому, что безразсудно жилъ въ такомъ грѣхѣ и столько лѣтъ. Элеонора засмѣялась и удалилась, предоставивъ ему плакать.

Съ тѣхъ поръ она проводила свои дни и вечера, совѣтуясь съ графомъ Раймундомъ, и они безпрестанно запирались въ ея комнатахъ, помѣщавшихся въ одной изъ западныхъ башенъ дворца, выходившихъ къ городской стѣнѣ, расположенной на берегу моря. Было начало весны, и сладко дышалось воздухомъ, насыщеннымъ благоуханіемъ сирійскихъ цвѣтовъ.

Хотя король теперь убѣдился, что Элеонора не была его женою, онъ все-таки продолжалъ ревновать ее и, когда не молился, то подсматривалъ и шпіонилъ за нею, чтобы убѣдиться, не наединѣ ли она съ графомъ Раймундомъ. Нѣкоторые писатели разсказывали, будто Элеонора, ради освобожденія своего родственника де-Санзея, встрѣчалась тайно съ великимъ Саладиномъ и любила его за великодушіе, а король ревновалъ ее къ нему. Это—чистая ложь, такъ какъ въ эту эпоху Саладину не было и семи лѣтъ.

Съ каждымъ днемъ король вѣрилъ все болѣе и болѣе въ любовь Раймунда къ Элеонорѣ и поклялся надеждою на спасеніе своей души, что онъ такъ не оставитъ этого дѣла. Пасхальные праздники прошли среди веселія. Жильбертъ могъ видѣть свободно Беатрису, и ихъ любовь росла все болѣе и болѣе, но онъ очень рѣдко и мало говорилъ съ королевой. Элеонора жила теперь въ западной башнѣ; изъ ея комнатъ вела одна лишь лѣстница въ прихожую. По этому пути приходилъ къ ней графъ Раймундъ и вельможи, когда она призывала ихъ, а также тѣлохранители. Но по другую сторону ея внутреннихъ комнатъ была еще дверь, которая вела въ длинное крыло дворца, гдѣ помѣстились придворныя дамы Элеоноры, и чрезъ нее она ходила къ нимъ. Часто Анна Аугская входила здѣсь, а также Беатриса и нѣкоторыя другія приближенныя дамы; онѣ находили королеву и графа Раймунда сидящими въ креслахъ и непринужденно бесѣдующими; иногда они играли въ шахматы около открытаго окна, выходившаго на балконъ. Онѣ не думали о нихъ дурно, такъ какъ знали, что Раймундъ сдѣлался ея совѣтникомъ по дѣлу о разводѣ. Беатриса хорошо знала, что королева любила Жильберта, но не тревожилась, потому что никогда не видѣла его возлѣ Элеоноры.

Однажды вечеромъ, недѣлю спустя послѣ Пасхи, король рѣшилъ, что увидитъ королеву самъ и выскажетъ ей свою мысль. Взявъ въ качествѣ эскорта двоихъ вельможъ и нѣсколько тѣлохранителей, онъ спустился на главный дворъ и направился на западную сторону къ башнѣ Элеоноры.

Поднявшись туда и достигнувъ прихожей, онъ потребовалъ, чтобы его пропустили въ комнаты королевы. Молодой владѣтельный вельможа Санзей, который былъ на дежурствѣ, попросилъ его обождать, пока онъ пойдетъ освѣдомиться, можетъ ли королева его

принять. Тогда король разгнѣвался и сказалъ, что не будетъ ждать позволенія королевы, и пошелъ къ двери съ цѣлью войти. Но Санзей всталъ предъ дверью и далъ приказъ гасконской гвардіи воспретить королю доступъ до своего возвращенія. Предъ такой рѣшительной выходкой король сдался и отказался войти силой. Онъ принялся неподвижно прочитывать молитвы, чтобы не поддаться искушенію и отъ гнѣва не выхватить своего меча. Чрезъ нѣсколько минутъ Санзей возвратился.

— Ваше величество, — сказалъ онъ громкимъ голосомъ: — ея величество приказала вамъ сказать, что теперь она не можетъ васъ принять, а когда ей понадобится монахъ, она пришлетъ за нимъ.

При этихъ оскорбительныхъ словахъ мечи скользнули изъ ноженъ, и отблескъ стали сверкнулъ при свѣтѣ факеловъ, такъ какъ король обнажилъ мечъ, чтобы ударить Санзея, а его гвардія и вельможи подражали ему. Гасконцы были столь же быстры, какъ и они. Но Санзей не хотѣлъ отбивать ударовъ, потому что нѣкогда во время одного сраженія онъ спасъ жизнь королю, и отнять ее теперь отъ него было бы противно рыцарству. Все-таки они обмѣнялись ударами, и кровь потекла, но вскорѣ, не чувствуя себя въ силахъ, король остановился и опустилъ свой мечъ.

— Сударь, — сказалъ онъ: — непристойно, чтобы мы, солдаты св. креста, убивали другъ друга. Пойдемте!

Когда Санзей услышалъ эти слова, то отозвалъ тѣлохранителей королевы; король удалился, понуривъ голову.

На дворѣ онъ сѣлъ въ сторонѣ на большой каменной скамьѣ.

— Ступайте за сэромъ Жильбертомъ Вардомъ,—сказалъ онъ:— и скажите, чтобы онъ скорѣе пришелъ ко мнѣ.

Онъ молча ожидалъ, пока предъ нимъ не появился рыцарь въ простомъ верхнемъ платьѣ и въ плащѣ съ кинжаломъ за поясомъ. Король приказалъ всей свитѣ удалиться, оставивъ для освѣщенія лишь факелъ, который вставили въ кольцо стѣны. Король просилъ Жильберта взять отрядъ вѣрныхъ людей, которые ему слѣпо повиновались бы, и провести ихъ въ западную башню, откуда онъ приведетъ королеву узницей, такъ какъ ни одной ночи болѣе они не останутся въ Антіохіи. Онъ намѣревался отплыть въ Птолемаиду, гдѣ на другой день къ нему присоединилась бы армія. Съ минуту Жильбертъ ничего не отвѣчалъ на требованія короля. Прежде всего ему казалось невозможнымъ повиноваться въ такихъ обстоятельствахъ. и безъ своей обычной учтивости онъ повернулся бы спиною къ королю, ничего не отвѣтивъ. Но, когда онъ обдумалъ, ему показалось лучшимъ прикинуться, что онъ повинуется, и такимъ образомъ пойти и предупредить королеву объ опасности.

— Государь,—сказалъ, онъ наконецъ:—я пойду.

Хотя онъ не сказалъ, что будетъ дѣлать, но король былъ удовлетворенъ; онъ отправился на свою половину и приказалъ приготовляться къ отъѣзду.

Тогда Жильбертъ собралъ десять рыцарей, которыхъ зналъ, и каждый изъ нихъ призвалъ десять оруженосцевъ, затѣмъ всѣ они взяли мечи и факелы. У Жильберта былъ лишь его кинжалъ, такъ какъ выбранные имълюди были всѣ слуги королевы и умерли бы за нее.

Всѣ вмѣстѣ они поднялись по лѣстницѣ башни, и гасконцы, услышавъ шумъ ихъ шаговъ, со страхомъ задрожали, предполагая, что это былъ король, возвратившійся съ усиленнымъ эскортомъ. Санзей вынулъ свой мечъ и занялъ мѣсто у входа на лѣстницу.

При свѣтѣ факеловъ онъ замѣтилъ Жильберта и его людей, и увидалъ, что они не были вооружены, но все-таки имѣли при себѣ мечи и остановились у входа.

— Сэръ Жильбертъ,—сказалъ Санзей:—я здѣсь, чтобы охранять дверь королевы, и хотя мы друзья, однако я не допущу васъ пройти, пока я живъ, если вы хотите увезти ее силой.

— Сударь,—отвѣтилъ Жильбертъ:—я пришелъ безъ оружія, какъ вы видите, и совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы съ вами сражаться. Прошу васъ, пойдите и скажите королевѣ, что я здѣсь съ моими людьми и хотѣлъ бы говорить съ нею объ ея интересѣ и пользѣ.

Тогда Санзей вэлѣлъ своимъ людямъ и рыцарямъ отступить, и пока онъ ходилъ къ королевѣ, прихожая наполнилась. Вскорѣ онъ возвратился съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ:

— Королева одна и приказала войти проводнику Аквитаніи.

Всѣ разступились, и Жильбертъ, выше ростомъ, чѣмъ остальные, съ серіознымъ лицомъ вошелъ къ королевѣ, и тяжелая дверь заперлась за нимъ. Такъ какъ вечеръ былъ теплый, то Элеонора сидѣла около окна подъ яркимъ освѣщеніемъ лампы. Ея голова была обнажена, и золотисто рыжіе волосы падали на ея плечи, скатывая свои волны до земли, позади кресла. На ней было надѣто только бѣлое шелковое платье, плотно охватывавшее ея тѣло, съ богатымъ серебрянымъ и жемчужнымъ шитьемъ. Она была прекрасна, но блѣдна, а глаза ея поддернулись туманомъ. Жильбертъ стоялъ предъ нею, но она не протянула ему руки, какъ онъ этого ожидалъ.

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?—спросила она Жильберта чрезъ нѣкоторое время, смотря въ сторону балкона, а не на него.

— Король приказалъ мнѣ, государыня, сдѣлать васъ узницей, чтобы онъ могъ увезти васъ моремъ въ Птолемаиду и Іерусалимъ.

Пока онъ говорилъ, она медленно повернула къ нему свое лицо и холодно на него посмотрѣла.

— И вы пришли исполнить приказъ его, пройдя ко мнѣ обманомъ съ моими людьми, измѣнившими мнѣ?

Сначала Жильбертъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ же улыбнулся, отвѣтивъ:

— Нѣтъ, я пришелъ предупредить ваше величество и защитить, рискуя своей жизнью.

Элеонора измѣнила выраженіе лица и смягчилась; затѣмъ она еще посмотрѣла по направленію къ балкону.

— Зачѣмъ вы будете меня защищать?—спросила она печально послѣ нѣкотораго молчанія.—Что я для васъ, и для чего вы должны сражаться за меня? Я васъ послала на смерть,—зачѣмъ же вы желаете моего спасенія?

— Вы были моимъ лучшимъ другомъ, — сказалъ Жильбертъ, — и выказали ко мнѣ столько благосклонности, какъ никогда женщина не выказывала мужчинѣ.

— Другомъ?.. Нѣтъ, я никогда не была вашимъ другомъ. Я послала васъ на смерть, потому что любила васъ и разсчитывала васъ никогда болѣе не видать, такъ какъ вы могли умереть славной смертью за крестъ и свой обѣтъ. Но, несмотря на все, вы добились славы и спасли всѣхъ, всѣхъ. Вы не должны меня благодарить за подобную дружбу.

При этихъ словахъ она бросила на Жильберта долгій взглядъ.

— О, какой вы человѣкъ!—внезапно воскликнула она: — какой вы человѣкъ!

Онъ покраснѣлъ отъ этой похвалы, какъ молодая дѣвушка.

— Какой вы человѣкъ!—повторила она еще разъ нѣжнымъ голосомъ:—Элеонора Аквитанская, королева и, какъ говорятъ, самая красивая женщина въ свѣтѣ, отдаетъ вамъ свою душу, тѣло и надежды на будущую жизнь, а вы остаетесь вѣренъ бѣдной дѣвушкѣ, любившей васъ, когда вы были маленькимъ мальчикомъ! Я васъ пожертвовала... О! съ какимъ эгоизмомъ!—чтобы вы могли, по крайней мѣрѣ, храбро умереть, ради вашего обѣта и сражаться съ непріятелемъ; вы спасаете короля, меня и всѣхъ и возвращаетесь ко мнѣ со славой... мой проводникъ Аквитаніи!..

Она поднялась и встала противъ него смертельно блѣдная, съ страстнымъ выраженіемъ лица, глазами, воспламененными безумной любовью; противъ своего желанія она протянула къ нему руки.

— Какъ можетъ женщина воспрепятствовать себѣ любить васъ!..—воскликнула она съ жаромъ.

Она снова упала въ кресло и закрыла руками лицо. Онъ стоялъ съ минуту неподвижно, а затѣмъ преклонилъ предъ нею колѣно, положивъ руку на ручку кресла.

— Я не могу васъ любить, но, насколько я это могу сдѣлать, не измѣнивъ другой, я отдамъ вамъ всю мою жизнь,—сказалъ онъ очень нѣжнымъ голосомъ.

Когда онъ произнесъ послѣднія слова, занавѣсъ во внутреннія комнаты тихо приподнялся, и появилась Беатриса, разсчитывая, что королева одна. Она не слышала начала фразы и вся похолодѣла, не имѣя возможности ни говорить ни удалиться.

Руки Элеоноры упали.

— Я не могу отдать вамъ моей,—отвѣтила она тихо.—Она—уже ваша, и я хотѣла бы, чтобы вы не были англичаниномъ, прежде чѣмъ я могу быть вашей государыней и сдѣлать васъ великимъ человѣкомъ. Пусть я буду королева Англіи, и вы увидите, что я сдѣлаю изъ любви къ вамъ. Я выйду за этого ребенка Плантагенета, если это вамъ можетъ служить на пользу.

— Государыня,—сказалъ Жильбертъ,—подумайте о вашей теперешней безопасности, король очень разгнѣванъ...

— Развѣ я думала о вашей безопасности, когда посылала васъ впереди арміи? Теперь, когда вы здѣсь, Жильбертъ, развѣ я не въ безопасности?..

Ея голосъ ласкалъ его имя, а губы ея тяготѣли къ нему; она положила свои руки ему на плечи; такъ какъ онъ стоялъ возлѣ нея на колѣняхъ, то она склонила къ нему голову.

— Лучшій, честнѣйшій и храбрѣйшій изъ людей,—шептала она тихо... Любовь моей жизни... сердце моего сердца... это послѣдній разъ... единственный разъ... и затѣмъ прощайте...

Она поцѣловала его въ лобъ и бросилась съ ужасомъ изъ кресла, такъ какъ въ комнатѣ раздался другой голосъ, горестно воскикнувшій:

— О Жильбертъ! Жильбертъ!

Беатриса зашаталась и захватилась за занавѣсъ, чтобы не упасть; она смотрѣла на королеву и Жильберта съ выраженіемъ ужаса.

Жильбертъ кинулся къ ней и схватилъ молодую дѣвушку, затѣмъ подвелъ ее къ свѣту; она дрожала, какъ листъ. Тогда она задрожала, отбиваясь отъ него, изъ опасенія, чтобы онъ не обнялъ ея.

— Беатриса! вы не понимаете, вы не слышали!

Онъ старался заставить ее выслушать себя, но напрасно.

— Я слышала!—воскликнула она, продолжая бороться:—Я видѣла! Дайте мнѣ уйти. О! ради Бога дайте мнѣ уйти!

Руки Жильберта разжались, и она удалилась на нѣсколько шаговъ, гордо взглянувъ на королеву.

— Вы выиграли!—воскликнула она прерывающимся голосомъ.—Вы добились его души и тѣла, какъ клялись. Но не говорите, что я не поняла!

— Я вамъ отдала его тѣло и душу,—отвѣтила печально Элеонора.—Развѣ я не могу сказать ему «прощай», какъ другъ?

— Вы лживы, одинъ лживѣе другого,—возразила Беатриса, блѣдная отъ гнѣва.—Вы мнѣ измѣняете и обманываете, вы сдѣлали изъ меня игрушку...

— Развѣ вы не слышали, какъ, прежде чѣмъ я сказала ему «прощай», онъ отвѣтилъ мнѣ, что не любитъ меня?—спросила Элеонора серіозно, почти сурово.

— Онъ сказалъ это мнѣ, а не вамъ; никогда онъ не сказалъ бы вамъ этого, вамъ, женщинѣ, которую онъ любитъ.

— Я никогда не любилъ королевы,—воскликнулъ Жильбертъ,— клянусь своей душею... и святымъ крестомъ.

— Вы никогда ея не любили?.. А жизнь спасли не мою, а ея?

— Вы сами сказали, что я хорошо поступилъ...

— Это была ложь... жестокая ложь...

Голосъ молодой дѣвушки ослабъ, но жгучія слезы усилились, и она снова возразила:

— Было бы честнѣе давно мнѣ это сказать; я не умерла бы отъ этого тогда, такъ какъ любила васъ менѣе.

Элеонора приблизилась къ ней и очень спокойно, съ добротой произнесла:

— Вы не правы,—сказала она:—сэръ Жильбертъ посланъ королемъ, съ цѣлью сдѣлать меня узницей, чтобы увезти въ Іерусалимъ сегодня же ночью. Подойдите, вы услышите разговоръ воиновъ.

Она проводила Беатрису до двери и приподняла занавѣсъ такъ, чтобы молодая дѣвушка могла сквозь деревянныя филенки слышать шумъ многочисленныхъ голосовъ и бряцанье мечей. Затѣмъ Элеонора привела ее обратно.

— Но онъ не хотѣлъ захватить меня,—сказала она,—и предупредилъ объ опасности.

— Не удивительно, онъ васъ любитъ,—возразила Беатриса.

— Онъ не любитъ меня, хотя я люблю его; и онъ мнѣ это сказалъ сегодня вечеромъ, но я хорошо знаю, что онъ любитъ васъ и вѣренъ вамъ...

Беатриса презрительно засмѣялась.

— Вѣренъ? Онъ? Въ самыхъ его серіозныхъ клятвахъ столько же правды, сколько въ его ничтожныхъ словахъ.

— Вы безумная, ребенокъ, онъ во всю свою жизнь не лгалъ ни мнѣ, ни вамъ... Онъ не могъ бы солгать...

— Тогда онъ и васъ обманулъ. Вы—королева и герцогиня, но прежде всего вы—женщина, и онъ игралъ вами, какъ и мною!

Она принялась смѣяться почти дико.

— Если онъ обманулъ меня, то очевидно онъ обманулъ и васъ,—отвѣтила Элеонора:—такъ какъ онъ мнѣ сказалъ очень ясно, что любитъ васъ. Теперь я не хочу воспользоваться сдѣланной вами ошибкой. Да, я люблю его. Я люблю его настолько, чтобы отказаться отъ него, потому что онъ любитъ васъ. Я такъ его люблю, что не хочу воспользоваться его предупрежденіемъ и избѣжать гнѣва короля, хотя я не знаю, что онъ и его монахи хотятъ сдѣлать изъ меня. Прощайте, сэръ Жильбертъ Вардъ; прощайте, Беатриса.

— Все это комедія,—сказала озлобленная молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, клянусь истиннымъ крестомъ, это не комедія, — отвѣтила королева.

Она еще разъ взглянула на Жильберта, затѣмъ удалилась величественная и печальная. Однимъ движеніемъ она отодвинула большой занавѣсъ и широко распахнула дверь; громкіе крики рыцарей и оруженосцевъ, какъ волна, ворвались въ комнату. Затѣмъ они сразу смолкли, когда Элеонора произнесла громкимъ голосомъ:

— Я узница короля! Ведите меня къ нему!

Съ минуту всѣ молчали, затѣмъ гасконцы, сражавшіеся противъ короля, воскликнули съ жаромъ:

— Мы не допустимъ васъ уѣхать! Мы не допустимъ нашу герцогиню уѣхать!

Но Элеонора однимъ жестомъ заставила ихъ отступить.

— Дайте мнѣ дорогу, если вы не хотите отвести меня къ нему.

Тогда подошелъ ея родственникъ Санзей и сказалъ:

— Государыня, герцогиня гасконская не можетъ быть узницей короля Франціи, пока живы гасконцы. Если ваше величество желаете итти къ королю, мы тоже пойдемъ и увидимъ, кто долженъ быть узникомъ.

При этихъ словахъ поднялись крики, отозвавшіеся подъ высокими каменными сводами сѣней, на каменныхъ ступеняхъ и внизу на дворѣ. Элеонора слушала ихъ съ безмятежнымъ спокойствіемъ, такъ какъ знала своихъ людей.

— Тогда идемте со мною,—сказала она,—и позаботьтесь, чтобы со мною не случилось никакой бѣды. Сегодня я исполню волю короля...

Эти слова ясно донеслись до комнаты, и Беатриса, обернувшись къ Жильберту, сказала:

— Вы видите, что это не больше, какъ условная между вами игра.

— Развѣ вы не можете повѣрить?—спросилъ онъ съ упрекомъ.

— Я повѣрила бы вамъ, если бы знала, что вы меня любите,— отвѣтила она Жильберту и направилась къ дверямъ, которыя вели во внутреннія комнаты.

Жильбертъ послѣдовалъ за нею.

— Беатриса,—кричалъ онъ ей вслѣдъ,—Беатриса, выслушайте меня!

Она еще разъ обернулась, ея лицо какъ бы окаменѣло.

— Я слышала васъ, слышала, но я не вѣрю вамъ.

И, не прибавивъ ни слова, она вышла. Онъ съ минуту смотрѣлъ ей вслѣдъ, и его лицо мало-по-малу омрачилось; гнѣвъ медленно овладѣвалъ имъ, но надолго. Онъ наклонился, поднялъ шапку, упавшую на полъ, затѣмъ послѣдовалъ за королевой въ сѣни, потомъ по лѣстницѣ и по двору въ комнаты короля.

XI.

Въ ту же ночь они поспѣшно отправились при свѣтѣ факеловъ; когда они достигли большаго корабля, то наступилъ разсвѣтъ; вскорѣ кабельтовъ собрали, и экипажъ поднялъ якорь. Разгнѣванный Жильбертъ собралъ своихъ людей и также сѣлъ на корабль. Много часовъ протекло, прежде чѣмъ онъ отдалъ себѣ отчетъ въ своемъ поступкѣ. Тогда онъ сталъ сожалѣть о своемъ рѣшеніи. Однако его сильная натура одобрила его поступокъ, и онъ думалъ, что не слѣдуетъ переносить капризовъ молодой дѣвушки, когда онъ очевидно правъ. Она должна ему повѣрить. Любовь же упрекала, что онъ оставилъ Беатрису безъ покровительства и, можетъ быть, на произволъ ея отца, потому что каждую минуту онъ могъ явиться моремъ и потребовать отъ графа Раймунда, чтобы онъ безпрепятственно выдалъ ее. Онъ спрашивалъ тоже себя, почему сэръ Арнольдъ не являлся, и не погибъ ли онъ, отправившись подъ парусами изъ Эфеса. Его мысли скоро перешли на Беатрису, и онъ сѣлъ на снасти полюбоваться голубою водою, въ то время, какъ корабль тихо плылъ. Прежде всего, раздумывалъ онъ, что было въ Беатрисѣ такого, чѣмъ она удерживала его? Ничего другого, кромѣ воспоминаній дѣтства, усиленныхъ вѣрностью данному слову.

Внезапно онъ почувствовалъ въ себѣ горестную пустоту и мучительную жажду сердца, которыя ему оставила послѣ себя любимая женщина, и вскорѣ призналъ, что его гнѣвъ сыгралъ съ нимъ комедію, въ какой наканунѣ обвиняла Беатриса его совмѣстно съ королевой. Ему казалось жестокимъ, что она не вѣритъ ему, и однако, когда видѣлъ и слышалъ, то трудно было вѣрить тому, что противно свидѣтельству своихъ собственныхъ чувствъ. Если бы она любила его, думалъ онъ, то не сомнѣвалась бы въ немъ; онъ никогда не сомнѣвался въ ней, что бы она ни сдѣлала.

Тогда онъ сталъ отдавать себѣ отчетъ въ сущности дѣла, такъ какъ, прежде чѣмъ убѣдить себя самого, онъ представилъ себѣ Беатрису въ томъ положеніи, въ какомъ она сама увидѣла королеву, склонившагося къ ней человѣка, который обнималъ ее, называя любовью своей жизни,—и почувствовалъ другого рода гнѣвъ, который яростно поднялся въ немъ, потому что воображаемый имъ спектакль ему не нравился. Затѣмъ признавъ, что она не имѣла всѣхъ правъ, онъ принялся проклинать свою несчастную судьбу и сожалѣть, что послѣдовалъ за королевой и покинулъ Антіохію. Но теперь было слишкомъ поздно; она исчезла въ пурпуровой дали. Прошли дни, и мало-по-малу онъ впалъ въ мрачное отчаяніе сѣверныхъ людей, такъ что спутники стали его спрашивать, не случилось ли съ нимъ чего нибудь непріятнаго.

Въ теченіе этого времени королева не показывалась и оставалась безвыходно въ своей каютѣ съ придворной дамой Анной,

не пожелавшей ее покинуть. Элеонора была тоже печальна; она не хотѣла видѣть короля и боялась находиться въ присутствіи Жильберта.

Тѣмъ болѣе ей было горестно сдѣлаться жертвой ради женщины, которую любилъ Жильбертъ, такъ какъ ея жертва была тщетной, и ей не повѣрили.

Что касается до короля, то онъ цѣлый днями просиживалъ на палубѣ подъ шатромъ, перебирая четки и со рвеніемъ читая молитвы, чтобы присутствіе Вельзевуловой жены не могло развлекать его мыслей, когда они достигнутъ Святой Земли.

Наконецъ они высадились въ Птолемаидѣ, которую нѣкоторые называютъ Акрой, и отправились въ утомительный путь къ Іерусалиму. Молодой король Балдуинъ Іерусалимскій встрѣтилъ ихъ съ пышной процессіей. Жильбертъ оставался позади, такъ какъ его сердце не было расположено къ веселью и празднествамъ.

Элеонора сошла съ корабля еще красивѣе, чѣмъ прежде. Она выказывала царственное презрѣніе къ королю, который даже не осмѣлился воспользоваться правомъ, которое она сама ему дала, чтобы откровенно говорить съ ней и упрекнуть ее за поведеніе. Что касается до Жильберта, то предъ стѣнами и башнями Іерусалима онъ почувствовалъ, несмотря на свое меланхолическое настроеніе, надежду на миръ и ожиданіе счастья, совершенно иного, какое онъ зналъ до тѣхъ поръ. Ему казалось, что, если бы онъ былъ одинъ въ святомъ мѣстѣ, онъ нашелъ бы тамъ покой души. Хотя онъ держался позади шествія, но многіе изъ молодыхъ рыцарей и оруженосцевъ хотѣли быть съ нимъ, и онъ не могъ вполнѣ наслаждаться уединеніемъ.

Всею душою онъ отдался созерцанію самаго святого мѣста во всемъ свѣтѣ. День уже клонился къ вечеру, и городъ выдѣлялся, какъ видѣніе на блѣдномъ небѣ. Все существо Жильберта перенеслось въ давно заученную молитву.

Онъ слышалъ сердцемъ, какъ это бывало во время дѣтства въ англійскомъ замкѣ, пѣніе ангеловъ хранителей, молящихся вмѣстѣ съ нимъ. Онъ молился за торжество добра надъ зломъ, свѣта надъ мракомъ, чистоты надъ нечестіемъ, добрыхъ надъ злыми, и его молитва неслась къ небу. Онъ весь предался своей мечтѣ и не слышалъ шума королевской процессіи, громкихъ разговоровъ и веселаго смѣха.

Ему было безразлично, что молодой Балдуинъ, уже наполовину влюбленный, шелъ рядомъ съ королевой, нашептывая ей нѣжныя слова, или съ дѣтской плутовской шаловливостью прерывалъ литургію, монотонно произносимую королемъ поочередно съ патеромъ, стоявшимъ возлѣ него. Также безразлична была для него болтовня рыцарей относительно помѣщеній, которыя имъ предстоитъ занимать, юныхъ оруженосцевъ о молодыхъ еврейкахъ съ черными волосами и

конюховъ относительно сирійскаго вина. Для него же только святой крестъ, единственный истинный и святой, поднимался въ чистомъ сіяніи.

Впрочемъ на сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ, прибывшихъ первыми въ городъ, едва лишь трое были истинно вѣрующими: Анна Аугская, Жильбертъ Вардъ и самъ король. У послѣдняго вѣра принимала свойственную ему одному матеріальную форму, и купля его спасенія сдѣлала изъ его души спиритуальную ростовщическую контору.

Анна Аугская была спокойна и молчалива, и когда съ нею говорилъ молодой Балдуинъ, то она едва его слышала и отвѣчала нѣсколькими неопредѣленно смутными словами. Она думала, что никогда не увидитъ Іерусалима, надѣясь умереть во время пути отъ ранъ или болѣзни и такимъ образомъ найти въ небѣ того, кого она потеряла, и окончить съ нимъ начатое на землѣ паломничество. Она была равнодушна, и достигнувъ Іерусалима живою, она ни радовалась, ни жаловалась, зная хорошо, что ей придется еще много страдать.

Въ тотъ же вечеръ было устроено празднество во дворцѣ Балдуина, но Анна не была тамъ. Когда король Франціи велѣлъ позвать проводника Аквитаніи, то его не оказалось ни въ залѣ, ни въ городѣ. Сама королева вскорѣ встала изъ-за стола, оставивъ обоихъ королей однихъ.

Жильбертъ пошелъ къ Гробу Господню въ сопровожденіи Дунстана, который несъ его щитъ, и проводника. Онъ вошелъ въ большую церковь, выстроенную крестоносцами съ цѣлью огородить святую землю. Тутъ и тамъ мелькали огоньки, пронизывая темноту, но не разсѣивая ея.

Прежде всего рыцарь направился къ камню, на которомъ Никодимъ и Іосифъ Аримаѳейскій обмывали тѣло Христа для погребенія. Преклонивъ колѣно, онъ положилъ предъ собою щитъ и мечъ и молился, чтобы они служили ему для славы Бога. Затѣмъ проводникъ повелъ его на Голгоѳу; и здѣсь онъ положилъ предъ собою свои доспѣхи, дрожа какъ будто въ страхѣ. Когда онъ молился въ томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ за людей Господь, капли пота струились по его лбу, и голосъ его дрожалъ, какъ у маленькаго ребенка. Затѣмъ онъ всталъ на колѣни и приникнулъ лбомъ къ камнямъ; потомъ безсознательнымъ жестомъ онъ сложилъ крестомъ свое оружіе и протянулъ его. Чрезъ нѣкоторое время онъ всталъ и взялъ свой щитъ и мечъ; тогда проводникъ повелъ его въ темнотѣ далѣе, на могилу Христа. Тамъ Жильбертъ отпустилъ проводника и хотѣлъ приказать Дунстану тоже удалиться, но послѣдній отказался.

— Я также сражался за святой крестъ, хотя я только мужикъ,— сказалъ онъ.

— Вы—не мужикъ,—отвѣтилъ Жильбертъ серіознымъ тономъ:—станьте на колѣни возлѣ меня и бодрствуйте.

— Да, я хочу бодрствовать возлѣ васъ,—отвѣтилъ Дунстанъ и, вынувъ свой мечъ, положилъ возлѣ Жильберта.

Онъ всталъ на колѣни немного позади Жильберта, слѣва. Посрединѣ надъ могильнымъ камнемъ Христа висѣло болѣе сорока зажженныхъ лампадъ. Вокругъ камня находилась рѣшетка изъ кованнаго желѣза, съ дверцами, замокъ которыхъ былъ изъ чистаго золота.

Жильбертъ поднялъ глаза и увидѣлъ по другую сторону рѣшетки какую-то стоявшую на колѣняхъ фигуру. Онъ узналъ въ ней Анну Аугскую; она была одѣта во все черное и въ такомъ же капюшонѣ, на половину надвинутомъ на лицо. Она была блѣдна и крѣпко сжимала своими бѣлыми руками желѣзныя полосы рѣшетки; ея печальные глаза смотрѣли пристально вверхъ, какъ бы вызывая божественное видѣніе.

Жильбертъ обрадовался, увидѣвъ ее тамъ. Цѣлые два часа они простояли на колѣняхъ, не утомляясь; никто не прерывалъ ихъ молчанія. Ихъ сердца возвысились: стѣтъ для нихъ не существовалъ. На минуту въ церкви раздались легкіе шаги и смолкли на нѣкоторомъ разстояніи отъ могилы. Никто изъ нихъ не поднялъ головы, чтобы посмотрѣть, кто пришелъ, и молчаніе возстановилось.

Элеонора пришла одна къ Гробу Господню и смотрѣла издали, не желая приблизиться къ молящимся. Пока она смотрѣла на нихъ, предъ нею возстали всѣ ея многочисленныя и важныя ошибки; ея добрыя дѣла исчезли во тьмѣ ея души. Она предалась отчаянью, боясь не получить прощенія и зная, что никогда ея гордость не можетъ быть уничтожена въ ея сердцѣ. Она взглянула на эту вѣрующую женщину и этого чистаго душею рыцаря и почувствовала, что ея мѣсто не въ святомъ мѣстѣ, возлѣ чистыхъ сердецъ.

И Элеонора ушла совсѣмъ одна. Когда она отошла довольно далеко, то опустилась на колѣни около столба, подняла свой густой вуаль, сложила руки и стала молиться въ надеждѣ добиться прощенія и мира.

Она принялась читать молитвы, какія только знала, смотря на мѣсто, гдѣ былъ похороненъ Господь. Но въ ней ничего не пробудилось, и сердце такъ и осталось закаменѣлымъ; она вѣрила тому, что видѣла, но не находила въ себѣ никакого луча вѣры въ божественный другой міръ.

Она встала такъ же безъ шума, какъ и опустилась на колѣни; прислонясь къ столбу, долго смотрѣла на любимаго человѣка, на щитъ съ крестомъ Аквитаніи и на то мѣсто, которое она когда-то горячо цѣловала. Безмѣрно страдая, Элеонора приложила руку къ сердцу. Она почувствовала горячее желаніе, чтобы Жильбертъ былъ счастливъ и добился славы, хотя бы съ нею случилось несчастіе.

— Боже,—прошептала она:—пусти погибну я, но сохрани Жильберта, какимъ онъ есть.

Возможно ли утверждать, что такія искреннія молитвы не будутъ услышаны Богомъ, потому что ихъ шептали губы грѣшницы? Если это такъ, тогда Богъ не былъ бы милостивымъ, а Христосъ не умеръ бы ради человѣческихъ прегрѣшеній.

Дочь принцевъ, прежде чѣмъ сдѣлаться женою двухъ королей и дать цѣлую линію королей, умилилась въ душѣ. Она спустила густой вуаль, чтобы не узнали ея лица при свѣтѣ, и печальная, одинокая возвратилась къ себѣ по іерусалимскимъ улицамъ.

Въ полночь къ Гробу Господнему приблизился священникъ, чтобы поправить лампады. Помолившись нѣсколько минутъ, онъ ушелъ, а трое молящихся даже не пошевелились. Но когда ночные сторожа прокричали зарю, и глухой звукъ ихъ голосовъ былъ услышанъ въ сумракѣ церкви, Жильбертъ всталъ, а также и Дунстанъ, и, взявъ свои доспѣхи, они удалились. Анна Аугская осталась одна, попрежнему сжимая своими бѣлыми руками желѣзную рѣшетку; ея черные, печальные глаза все еще были обращены къ небу.

Хотя на восточной части неба показался свѣтъ, но когда они вышли на дорогу, по которой пришли, то было почти темно. За три шага до двѣри Дунстанъ запнулся за нѣчто знакомое, такъ какъ сраженіе дало ему извѣстный опытъ.

— Трупъ,—сказалъ онъ Жильберту, который тоже остановился.

Они остановились, чтобы посмотрѣть, и Дунстанъ, проведя рукою по мертвому тѣлу, ощупалъ плащъ и кончилъ тѣмъ, что наткнулся на что-то острое: это былъ клинокъ кинжала, вынутаго изъ ноженъ.

— Это рыцарь,—сказалъ онъ:—у него надѣта подъ плащемъ портупея.

Жильбертъ посмотрѣлъ на лицо, чтобы узнать его при свѣтѣ зари; предъ нимъ выдѣлялись на землѣ блѣдныя, какъ воскъ, черты лица.

Вдругъ онъ задрожалъ, увидѣвъ выставившуюся изъ лба мертвеца головку стрѣлы; сломанная же стрѣла съ своими торчащими перьями лежала подъ мертвымъ тѣломъ. Дунстанъ тоже взглянулъ, и глухой крикъ радости вырвался съ его губъ.

— Это Арнольдъ Курбойль! — воскликнулъ съ невыразимымъ удивленіемъ Жильбертъ.

— А это—стрѣла Альрика!—отвѣтилъ Дунстанъ, разсматривая остріе и складывая кусочки сломанной стрѣлы.—Это—та стрѣла, которая попала въ вашу шапку въ тотъ самый день, когда мы сражались для забавы въ Тосканѣ; Альрикъ поднялъ ее и сохранилъ. Часто во время сраженія у него оставалась только она одна, но онъ не хотѣлъ ее пускать, говоря, что онъ къ ней прибѣгнетъ лишь съ цѣлью спасти жизнь своего господина. Наконецъ-то онъ

исполнилъ свое желаніе, и хотя рыцарь получилъ ударъ съ тыла, но у него въ рукѣ все-таки былъ кинжалъ; должно быть, онъ преслѣдовалъ васъ до двери церкви, съ цѣлью убить въ темнотѣ. Хорошо сдѣлано, мой маленькій Альрикъ!..

И Дунстанъ плюнулъ въ лицо убитаго, проклиная его. Жильбертъ схватилъ его за воротъ и рѣзко толкнулъ.

— Подло оскорблять мертвеца,—сказалъ онъ съ отвращеніемъ. Но Дунстанъ принялся смѣяться.

— Отчего?—спросилъ онъ:—это мой отецъ.

Рука Жильберта разжалась и упала; затѣмъ онъ нѣжно положилъ ее на плечо слуги.

— Бѣдный Дунстанъ!—сказалъ онъ.

Но Дунстанъ, горько улыбнувшись, ничего не сказалъ, такъ какъ онъ чувствовалъ что въ дѣйствительности былъ бѣденъ, и если бы смерть Курбойля дала ему хотя десятую часть того, чѣмъ онъ владѣлъ, то Дунстану было бы достаточно земли, чтобы сдѣлаться рыцаремъ.

— Мы не можемъ оставить его здѣсь, — сказалъ наконецъ Жильбертъ.

— Почему же? Здѣсь есть собаки.

Дунстанъ взялъ щитъ своего господина, и, не сказавъ болѣе ни слова, отошелъ отъ трупа своего отца. Жильбертъ же остался еще съ минуту и долго разсматривалъ лицо человѣка, причинившаго ему столько зла: онъ вспомнилъ о Фарингдонѣ и о Стортвудскомъ лѣсѣ, гдѣ онъ самъ былъ брошенъ на смерть. Ему представилось, какъ Курбойль, который былъ лѣвшой, вытащилъ изъноженъ кинжалъ, и ему захотѣлось посмотрѣть, тотъ ли это самый образецъ восточнаго искусства. Онъ наклонился, откинулъ плащъ и взялъ оружіе: это былъ тотъ же прекрасный, тонкой работы кинжалъ, съ чеканной рукояткой. Онъ положилъ его себѣ за поясъ, какъ воспоминаніе того, что когда-то это оружіе было вонзено въ него. Надвинувъ плащъ на лицо убитаго, онъ продолжалъ свой путь; въ это время заснувшій городъ началъ просыпаться. Жильбертъ послѣдовалъ за Дунстаномъ въ свое жилище, размышляя о странностяхъ судьбы. Несмотря на то, что его непріятель умеръ не отъ его руки, онъ все-таки былъ счастливъ, что его оружіе, посвященное кресту, не замаралось такой скверной кровью, и отецъ любимой имъ женщины умеръ не отъ его руки.

Эти размышленія привели его къ мысли, что Беатриса должна быть въ Іерусалимѣ, и Курбойль, похитивъ ее изъ Антіохіи, привезъ въ Іерусалимъ, надѣясь убить своего врага, прежде чѣмъ отплыветъ въ Англію.

Онъ нашелъ Альрика у низкой двери ихъ дома, гдѣ онъ сидѣлъ на ступеняхъ. Отъ свѣжей утренней зари его лицо казалось розовымъ и бѣлымъ. Толстыя руки Альрика небрежно лежали

свѣсившись на его колѣняхъ, въ то время какъ онъ смотрѣлъ на улицу своими глуповатыми голубыми глазами.

— Прекрасно сдѣлано, Альрикъ, — сказалъ Жильбертъ: — уже второй разъ ты мнѣ спасаешь жизнь.

— Хорошая была стрѣла, — отвѣтилъ Альрикъ задумчиво.—Я носилъ ее два года и хорошо наточилъ. Досадно, что онъ сломалъ ее и свою голову, въ то время, какъ падалъ, а то я купилъ бы стальное остріе, чтобы оно послужило мнѣ еще; но я услышалъ шаги и скрылся, опасаясь, что меня примутъ за вора.

— Хорошій ударъ!—сказалъ Жильбертъ и вошелъ въ домъ.

XI.

Была ранняя заря, когда они нашли трупъ сэра Арнольда Курбойля, и только вечеромъ Жильбертъ и Дунстанъ послѣдовали за молодымъ евреемъ въ старый кварталъ города, возлѣ Сіонскихъ воротъ, къ сирійскому дому, расположенному въ саду. Весь день они обыскивали Іерусалимъ сверху донизу, въ узкихъ переулкахъ съ бѣлыми домами, повсюду разспрашивая о только что пріѣхавшихъ рыцарѣ и молодой дѣвушкѣ. Никто не могъ имъ ничего сообщить, потому что сэръ Арнольдъ дорого заплатилъ, чтобы найти уединенный домъ, въ которомъ Беатриса могла безопасно находиться подъ надзоромъ, пока сэръ Арнольдъ отправится разыскивать Жильберта, чтобы убить его и укрыться здѣсь отъ преслѣдованій. Не добившись цѣли, они увидѣли маленькаго мальчика, который сидѣлъ на опушкѣ дороги, плача и причитывая по восточному обычаю. На вопросъ переводчика, тоже еврея, о причинѣ слезъ онъ отвѣтилъ, будто отецъ отправился путешествовать, оставивъ его въ домѣ съ матерью. Между тѣмъ къ нимъ явился христіанинъ съ своей дочерью, ея служанкой и слугами и попросилъ сдать ему домъ на нѣкоторое время, потому что онъ находится въ пріятной мѣстности; ему сдали домъ за большую цѣну, но еще ничего не было заплачено.

Утромъ мальчикъ видѣлъ, какъ христіане уносили тѣло рыцаря для погребенія, и пошелъ въ домъ, но слуги не хотѣли впустить его; не понимая, что онъ говоритъ, они угрожали избить его. Онъ боялся, что его отецъ нечаянно вернется, потребуетъ отчета съ него и его матери почему, они допустили иностранцевъ воспользоваться домомъ, даже не получивъ впередъ платы.

Когда Жильбертъ понялъ, что нашелъ, чего искалъ, то прежде всего далъ мальчику въ утѣшеніе денегъ, а потомъ чрезъ переводчика попросилъ провести ихъ въ домъ, утверждая, что онъ войдетъ туда, несмотря на сопротивленіе слугъ.

Мальчикъ взялъ деньги и, осмотрѣвъ Жильберта, почувствовалъ къ нему довѣріе, пересталъ плакать и повелъ ихъ къ дому.

Низкій, бѣлый домъ былъ расположенъ въ глубинѣ сада, въ которомъ росли пальмы и весенніе цвѣты. Они были насажены по прямой линіи между маленькими обтесанными камнями, такимъ образомъ размѣщенными, что между ними оставались небольшіе края земли. Только что вычищенная аллея вела къ квадратной двери дома, а на дверной притолокѣ были написаны еврейскія изреченія.

Жильбертъ тихо постучалъ въ дверь рукояткой своего кинжала, но никто не отвѣчалъ; тогда онъ постучалъ сильнѣе. Въ домѣ не раздалось никакого шума. Тогда онъ толкнулъ дверь, надѣясь, что она сама откроется отъ сильнаго толчка, но она была хорошо заперта, а два окна по обѣ ея стороны были также заставлены.

— Они думаютъ, что насъ много, и боятся, — сказалъ маленькій еврей.—Поговорите съ ними, сударь, они не понимаютъ моего языка.

Толмачъ перевелъ, что онъ сказалъ. Тогда Жильбертъ заговорилъ по-англійски, предполагая, что слуги Курбойля должны быть англичане. Но юный еврей утверждалъ, что нѣтъ, и сказалъ:

— По-гречески, сударь, поговорите съ ними, по-гречески: они всѣ греки, вотъ почему они трусятъ. Всѣ греки трусятъ.

Толмачъ началъ говорить по-гречески очень ясно и громко, но въ отвѣтъ они все-таки ничего не услыхали. Между тѣмъ, когда Жильбертъ приложилъ ухо къ двери, то услыхалъ что-то въ родѣ стоновъ ребенка. При мысли, что какое нибудь слабое созданіе страдаетъ и, можетъ быть, умираетъ, кровь ему бросилась въ голову. Онъ взялъ кожаный поясъ маленькаго Альрика и, повязавъ вокругъ своей руки съ цѣлью предохранить ее отъ синяковъ, сталъ стучать въ дверь въ то мѣсто, гдѣ соединялись доски. Онъ ударилъ одинъ разъ, два, три раза, и дверь стала отворяться изнутри, такъ что было возможно видѣть желѣзную полосу, на половину согнутую. Тогда онъ такъ толкнулъ плечомъ дверь, что доски подались.

Внутри находился маленькій дворъ съ цистерной, по римскому или восточному обычаю; вокругъ него былъ выстроенъ домъ. Войдя, Жильбертъ отдалъ приказъ хранить молчаніе, чтобы узнать, откуда раздаются стоны, слышавшіеся теперь яснѣе. Казалось, они доносились изъ колодца и сопровождались плесканіемъ воды. Онъ наклонился, чтобы посмотрѣть, и страшно вскрикнулъ: тамъ билась полумертвая голова со связанными руками, къ которымъ были привязаны тяжести. Жильбертъ узналъ Беатрису.

Не теряя ни минуты, онъ немедленно сталъ спускаться, благодаря отверстіямъ въ стѣнкахъ колодца, и нагнулся, чтобы схватить блѣдныя руки, рискуя упасть самъ. Когда же ему удалось достигнуть, лицо исчезло подъ водою. Твердо укрѣпивъ ноги въ отвер-

стіяхъ и держась одной рукой за рукоятку вращательнаго колеса колодца, онъ поднялъ молодую дѣвушку. Это было настоящимъ фокусомъ, несмотря на легкость ея тѣла. Его слуги могли помочь ему лишь только, когда онъ положилъ тѣло на свое правое колѣно; они спустились, ловко положили свои пояса подъ мышки молодой дѣвушки и вытащивъ уложили ее на мостовую двора. Послѣ этого маленькій еврей отправился въ домъ своей сестры за матерью, чтобы она могла позаботиться о несчастной дѣвушкѣ.

Жильбертъ опустился на колѣни предъ Беатрисой, положилъ ея голову на свернутый плащъ Дунстана, закрылъ ее своимъ плащемъ и устремилъ глаза на маленькое, блѣдное и безжизненное личико. Онъ съ горестью вспоминалъ, что въ послѣдній разъ оставилъ ее въ Антіохіи разгнѣванной, покинувъ все, что любилъ, въ тотъ моментъ, когда гибель была близка. При этой мысли его сердце перестало биться, какъ молотъ кузнеца неподвижно виситъ между ударами. Беатриса все еще лежала, какъ мертвая; казалось, ея дыханье погасло, и Жильбертъ считалъ ее мертвой. Онъ попробовалъ заговорить съ Дунстаномъ, но не могъ извлечь звука изъ своей груди; его языкъ и горло внезапно высохли и парализовались; отъ ужаснаго отчаянія онъ сдѣлался нѣмъ. Взявъ маленькія бѣлыя ручки, кисти которыхъ посинѣли отъ веревокъ, онъ сложилъ ихъ на груди. Потомъ онъ положилъ рукоятку кинжала, сдѣланную крестомъ, въ ея руки и попробовалъ тихо закрыть ея полуоткрытые глаза.

Дунстанъ понялъ намѣреніе своего господина и, коснувшись его плеча, сказалъ:

— Она не умерла.

Жильбертъ вздрогнулъ, поднялъ голову и понялъ, что Дунстанъ былъ серіозенъ.

— Сударь,—сказалъ Дунстанъ:—позвольте мнѣ прикоснуться къ ней.

Лицо рыцаря омрачилось; ему казалось чудовищнымъ, чтобы мужицкая рука прикоснулась къ лицу дамы высокаго рода.

— Она совсѣмъ мертва,—попробовалъ онъ сказать.

Тогда Дунстанъ опустился возлѣ нея на колѣни и печально сказалъ:

— Эта дама наполовину моя сестра, и я немного знаю, какъ какъ надо лѣчить людей, полузахлебнувшихся. Позвольте мнѣ ее спасти, сударь, если вы не предпочитаете дать ей умереть у васъ на глазахъ. Меня научила этому одна цыганка.

Лицо Жильберта прояснилось, хотя онъ еще не совсѣмъ вѣрилъ.

— Ради неба, сдѣлайте, что можете, и попробуйте поскорѣе, что вы умѣете дѣлать въ такихъ случаяхъ.

— Помогите мнѣ, — сказалъ Дунстанъ.

Тогда онъ сдѣлалъ то, что теперь каждый умѣетъ дѣлать, хотя въ ту эпоху это было извѣстно однимъ только цыганамъ.

Повернувъ тихонько тѣло такъ, чтобы вода стекала на полуоткрытыя губы, они снова положили молодую дѣвушку. Они взяли ея руки и подняли надъ головою, въ нѣсколько пріемовъ вытянули ихъ и положили по бокамъ такъ, чтобы она могла дышать; вскорѣ на ея губахъ обнаружилось дыханіе съ тонкой пѣной. Жильбертъ, хотя помогалъ Дунстану, но не хотѣлъ еще вѣрить. Онъ былъ въ отчаяніи, и ему все казалось профанаціей дорогой покойницы, и не разъ онъ хотѣлъ скорѣе оставить бѣдную маленькую ручку неподвижно покоиться, чѣмъ заставлять слѣдовать за движеніями, которыя продѣлывалъ Дунстанъ съ другою.

— Она совсѣмъ, совсѣмъ мертва,—повторилъ онъ еще разъ.

— Она жива, — отвѣтилъ Дунстанъ: — не останавливайтесь ни на минуту, или мы потеряемъ ее.

Его смуглое лицо пылало, а его огненные глаза искали на ея лицѣ признака жизни. Прошло десять минутъ, четверть часа; казалось, время не боялось смерти. Сильный и энергичный въ битвѣ Жильбертъ покорно и съ безпокойствомъ слѣдилъ за взглядомъ своего слуги, чтобы прочесть на немъ надежду, какъ будто Дунстанъ былъ самый искусный врачъ изъ всего человѣчества. Дѣйствительно въ ту эпоху было мало докторовъ, которые умѣли бы дѣлать, что продѣлывалъ этотъ человѣкъ. Наконецъ краска исчезла съ лица Жильберта, и его сердце замерло; его охватилъ ужасъ при мысли, что они такъ оскверняютъ покойницу, и онъ выпустилъ хрупкую ручку и взглянулъ. Но Дунстанъ закричалъ ему изо всхъ силъ:

— Ради вашей жизни продолжайте!.. Она жива! Смотрите, смотрите!

Въ этотъ самый моментъ длинныя рѣсницы немного вздрогнули такъ же, какъ и вѣки, и опять сдѣлались неподвижны, а затѣмъ снова задрожали нѣсколько разъ подъ рядъ. Наконецъ глаза широко раскрылиеь и, казалось, на этотъ разъ совершенно пробудились, нѣжное тѣло затряслось отъ легкой конвульсіи, а тонкія руки съ нервной силой начали отбиваться отъ сильныхъ рукъ мужчинъ, и удушливый кашель вызвалъ румянецъ на ея блѣдныя щеки. Тогда Жильбертъ приподнялъ ее съ земли и прислонилъ къ колодцу, чтобы она могла лучше дышать, и мало-по-малу она перестала задыхаться. Беатриса спокойно осталась на рукахъ Жильберта; ея голова покоилась на его груди; она еще не говорила. Сердце Жильберта сильно билось отъ радости, однако онъ все еще опасался возвращенія опасности. Дунстанъ и Альрикъ поспѣшно удалились въ домъ, чтобы достать вина. Въ тотъ моментъ, когда молодая дѣвушка, повидимому, снова была готова

впасть въ безпамятство, они принесли ей каплю сирійскаго вина. Выпивъ вина, она пришла въ себя и взглянула на Жильберта.

Этимъ временемъ маленькій еврей привелъ свою мать, и они отнесли молодую дѣвушку въ комнату, гдѣ принялись заботливо за нею ухаживать. Еврейка это дѣлала не потому только, что христіанка умретъ въ домѣ ея мужа, а изъ женскаго состраданія. Прежде чѣмъ уложить, она надѣла на нее сухую одежду. Всѣ слуги Арнольда Курбойля были греки, и когда они узнали, что ихъ господинъ убитъ ночью, они заперли домъ, связали ноги и руки Беатрисѣ и нормандской служанкѣ, заткнули бѣльемъ рты, съ цѣлью унести богатую добычу. Они не имѣли намѣренія убить женщинъ и только, когда они хотѣли одинъ за однимъ выскользнуть изъ дома, чтобы не навлечь вниманія, то составили совѣтъ, и большинство изъ нихъ высказало мнѣніе, что лучше бросить женщинъ въ колодезь изъ боязни, что одна поможетъ другой распутаться, затѣмъ убѣжать и заставить преслѣдовать ихъ грабителей.

Нормандку они бросили первой, а когда увидѣли, что она погрузилась въ третій разъ и наконецъ утонула, то столкнули туда и Беатрису. Но колодезь не былъ такъ глубокъ, какъ они думали, и къ тому же довольно узокъ, такъ что голова Беатрисы долго находилась надъ водою: ея ноги покоились на тѣлѣ служанки. Такимъ образомъ, даже мертвая, вѣрная нормандка спасла свою госпожу. Пока Беатриса спала, ея служанку вытащили и похоронили за городомъ.

Въ эту ночь Жильбертъ и Дунстанъ спали предъ наполовину разбитой дверью, которую уже нельзя было запереть на засовъ. Они были утомлены, бодрствуя всю предшествующую ночь у Гроба Господня. Маленькій Альрикъ караулилъ на дворѣ, прогуливаясь въ длину и ширину двора изъ боязни заснуть, такъ какъ сирійское вино могло его усыпить. Хотя цѣлая бутылка вина была для него одного, но онъ пилъ медленно, раздумывая, а когда почувствовалъ, что его голова уже не ясна, то пересталъ пить.

Онъ прогуливался, громко бесѣдуя самъ съ собою и совѣтуя себѣ оставаться трезвымъ. Затѣмъ онъ проглотилъ второй стаканъ, благоразумно смакуя его маленькими глоточками, и началъ опять прохаживаться. На зарѣ онъ былъ, какъ никогда, свѣжій, розовый и твердый на ногахъ, хотя толстая кожаная бутылка лежала на землѣ совершенно плоская.

Утромъ Жильбертъ проснулся и сѣлъ на мостовой двора, когда же къ нему приблизился Альрикъ, онъ сдѣлалъ ему знакъ не будить Дунстана и оставить его отдыхать.

Онъ взглянулъ на спящаго и подумалъ, сколько страдалъ его слуга, рожденный почти такимъ же благороднымъ, какъ онъ самъ.

Онъ вспомнилъ, съ какой отвагой этотъ человѣкъ сражался и проливалъ кровь, не принимая денегъ, и Жильбертъ сожалѣлъ, что такой человѣкъ, который былъ, по правдѣ сказать, первенцемъ хорошаго рода семьи, сдѣлался слугою. Когда Дунстанъ открылъ глаза и вскочилъ разомъ, увидѣвъ, что его господинъ проснулся, то Жильбертъ обратился къ нему со словами:

— Вы сражались со мною,—сказалъ онъ,—вы страдали вмѣстѣ со мною, мы постничали вмѣстѣ во время похода, пили изъ одного источника во время сраженія, когда вокругъ насъ сыпался дождь стрѣлъ, и теперь, благодаря Бога, мы будемъ братья, когда я женюсь на Беатрисѣ. Безъ васъ я плакалъ бы теперь у нея на могилѣ. Неприлично, чтобы мы были долѣе господиномъ и слугою, такъ какъ въ вашихъ жилахъ течетъ кровь знатнаго дома.

— Сударь, — прошепталъ Дунстанъ, очень покраснѣвъ, — вы слишкомъ ко мнѣ добры, но я не хочу заимствовать благородство отъ отца, который былъ убійцей и воромъ.

— Вы доказываете этими словами ваше благородство, — отвѣтилъ Жильбертъ.—Могъ ли онъ дать вамъ другую кровь, чѣмъ его? Значитъ, Беатриса тоже дочь вора и преступника.

— И знатной дамы, это разница,—замѣтилъ Дунстанъ,—я не ровня моей сестрѣ. Но если это такъ, и я могу носить его имя и сдѣлаться благороднымъ, тогда, сударь, попросите, прошу васъ, у нашего короля Англіи, чтобы я могъ взять новое имя, которое было бы моимъ собственнымъ, чтобы ошибка моего происхожденія была забыта.

— Это-то я и хочу сдѣлать, такъ какъ лучше, чтобы это было такъ.

Позже онъ сдержалъ слово, и когда Беатриса получила, что принадлежало ей, то она дала Дунстану третью часть своихъ громадныхъ владѣній за то, что онъ спасъ ей жизнь, хотя у него не было никакихъ офиціальныхъ правъ. Его назвали Дунстаномъ Спасителемъ, потому что онъ спасъ большое количество людей.

Онъ добился расположенія короля Генриха, отважно сражался, былъ сдѣланъ рыцаремъ и наконецъ далъ основаніе благородному поколѣнію.

Въ это утро Беатриса вышла на маленькій іерусалимскій дворъ очень слабая и усталая; она сѣла возлѣ Жильберта въ тѣни у стѣны; ея рука лежала въ его рукахъ, а лицо ея было освѣщено дневнымъ свѣтомъ.

— Жильбертъ, — спросила она, когда онъ разсказалъ ей все, что съ нимъ случилось до того времени,—когда я была такъ разгнѣвана и недовѣрчива въ Антіохіи у королевы въ комнатѣ, почему вы уѣхали, покинувъ меня за то, что я была не права?

— Я также былъ разгнѣванъ,—отвѣтилъ онъ просто.

На это она возразила тотчасъ же по-женски.

— Это нелѣпо. Вы должны были взять насильно къ себѣ на руки и обнять, какъ вы сдѣлали на берегу рѣки давно. Тогда я повѣрила бы вамъ, какъ вѣрю теперь.

— Но вы не хотѣли слышать ни моихъ словъ, ни королевы,— сказалъ онъ:—даже когда она отдалась въ руки короля, въ доказательство, что она искренна; вы не хотѣли вѣрить ей.

— Если бы мужчины только знали!—Беатриса тихо засмѣялась своимъ смѣхомъ птички, въ которомъ слышалась весенняя мелодія.

— Если бы мужчины знали... что?—спросилъ Жильбертъ.

— Если бы мужчины знали... — она остановилась, покраснѣла, затѣмъ опять засмѣялась... — Если бы мужчины знали, какъ женщины любятъ нѣжныя слова, когда онѣ счастливы, и порывистыя дѣйствія, когда онѣ въ гнѣвѣ. Я отдала бы мою кровь и королевство королевы за поцѣлуй, когда вы меня покинули.

— Если бы я это зналъ!...—воскликнулъ Жильбертъ.

— Вы должны были это знать,—отвѣтила молодая дѣвушка.

Ея брови нѣсколько приподнялись съ выраженіемъ полумечтательнымъ, которое ему очень нравилось, въ то время какъ ея губы улыбались.

— Я никогда не пойму,—сказалъ онъ.

Она тоже засмѣялась и отвѣтила:

— Я объясню вамъ. Прежде всего я никогда не буду на васъ сердиться... никогда! Вѣрите ли вы мнѣ, Жильбертъ?

— Естественно, я вѣрю вамъ,—сказалъ онъ, не имѣя другого отвѣта.

— Прекрасно. Но если когда нибудь это случится?...

— Вы сказали мнѣ, что никогда не будете сердиться.

— Безъ сомнѣнія, но если я должна... только одинъ разъ... тогда, ничего не говоря, возьмите меня на руки и обнимите, какъ сдѣлали въ тотъ день на берегу рѣки.

— Понимаю,—сказалъ онъ.—Сердиты ли вы теперь?

— Почти, — отвѣтила она, бросая на него искоса взглядъ и улыбаясь.

— Не совсѣмъ?

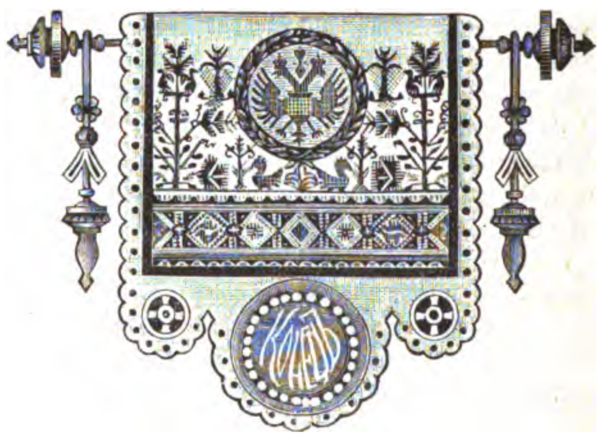
— Нѣтъ, совсѣмъ,—отвѣтила она, и ея глаза потемнѣли подъ опущенными рѣсницами.

Тогда онъ прижалъ ее настолько крѣпко, что она задыхалась, и обнялъ такъ, что сдѣлалъ ей больно; она поблѣднѣла и закрыла глаза.

— Вы видите,—сказала она слабымъ голосомъ:—теперь я вѣрю вамъ...

. . . .

Такимъ образомъ окончились подвиги и приключенія Жильберта Варда въ Палестинѣ во время второго крестоваго похода. Вернувшись въ Англію съ Беатрисой, онъ женился на ней, возвратилъ себѣ все отцовское наслѣдіе, нажилъ много дѣтей и жилъ долго, долго.



ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, 1903

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1903 г.

См. слѣд. стр.

ИВАНЪ ЗАХАРОВИЧЪ СУРИКОВЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 25 АВГУСТА 1903 Г. СПБ.

ЗАМОСКВОРѢЦКІЕ ТУЗЫ.

(Достовѣрныя записки современника).

I.

Хомутинниковъ, Захаръ Прохоровичъ [1]), — купецъ обстоятельный, въ вѣрѣ твердъ, въ торговыхъ дѣлахъ аккуратенъ и въ семьѣ своей глава самодержавный. День онъ проводитъ «въ городѣ», куда отправляется послѣ утренняго чая, завтракаетъ «въ линіи» съ лотка, обѣдаетъ въ трактирѣ «съ покупателемъ», чай пьетъ съ нимъ же и домой возвращается позднимъ вечеромъ.

Росту онъ крупнаго, въ плечахъ широкъ, ликомъ благообразенъ, одѣвается по-купечески, не то, чтобы ужъ очень по-старинному, но и не въ короткополые сюртуки, и каждый разъ при заказѣ платья внушаетъ портному строго-настрого: «гляди, ты не окургузь меня, и ни въ какомъ разѣ, чтобы сюртукъ выше колѣнъ не былъ».

Борода у него густая, темнорусая, которую онъ время отъ времени подстригаетъ.

— Борода, ежели апостольская, — замѣчаетъ онъ иногда, стоя передъ зеркаломъ съ ножницами,—это очень, можно сказать, хорошо и придаетъ человѣку сановитость, но мнѣ еще она не по

---

[1]) Дѣйствительныя имена и фамиліи лицъ, занимающихъ въ этихъ записках болѣе или менѣе видное мѣсто, замѣнены вымышленными.

годамъ, и потому я не долженъ давать ей воли, то-есть, чтобы распространяться безо время.

Рѣчь у него твердая, ясная, голосъ звучный, движенія смѣлыя и взглядъ карихъ глазъ при оживленномъ разговорѣ дышитъ умомъ и энергіей.

Супруга его, Анна Ѳедоровна, день-деньской занята хозяйствомъ, шьетъ, штопаетъ, моетъ цвѣты и распекаетъ прислугу, что̀ тоже относитъ къ числу хозяйственныхъ дѣлъ даже первостепенной важности.

— Самъ-то, мой,—говоритъ она иногда знакомымъ, — хотя и мужчина торговый и основательный, а по кухонной части ничего не понимаетъ,—вездѣ и во всемъ я. Я и на рынокъ сама хожу, и меня ужъ, сдѣлайте милость, лавочникъ не проведетъ, — я всему цѣну знаю...

Онъ пріобрѣталъ, она сберегала. Жили такъ годъ за годъ и дожили до того, что онъ отъ торговыхъ заботъ сдѣлался, по ея словамъ, на себя не похожъ, даже пожелтѣлъ и осунулся, а она изъ стройной и живой брюнетки превратилась въ тучную тяжеловѣсную тумбу.

Въ долгіе зимніе вечера она позѣвывала, прикрывая ротъ рукой и прислушиваясь къ уличному шуму. Самоваръ тоскливо тянулъ свою старинную пѣсенку, часовой маятникъ суетливо метался по стѣнѣ изъ стороны въ сторону и однообразно постукивалъ, вызывая ее на воспоминанія о прошломъ.

— Прежде жизнь шла не въ примѣръ пріятнѣе,—раздумывала она.—Миша былъ маленькій, такой занятный, все, бывало, около меня: мама да мама. Теперь его почти и не видишь, — все за книжкой.

Возвращался мужъ «изъ города», начиналось новое чаепитіе, разговоры о дѣлахъ, о покупателяхъ, о томъ, о другомъ. Захаръ Прохоровичъ оживленно разсказывалъ о своихъ удачахъ и горячо потиралъ при этомъ руки.

— Барышокъ будетъ! Очень, можно сказать, хорошенькій барышокъ схватимъ,—разсказывалъ онъ, — посчастливило мнѣ въ одномъ дѣльцѣ съ пріятелемъ. У него сроки платежей подошли, а у меня какъ разъ ко времю деньги подвернулись свободныя. Ему зарѣзъ, нѣтъ ходу, какъ говорится, ни взадъ, ни впередъ, — ну, вотъ я и выручилъ его, купилъ товаръ съ уступкой.

— Прижалъ ты его, стало быть?

— Ну... м...м... не то, чтобы очень, а такъ легонечко. Безъ этого нельзя, — дѣло торговое, и выгоды свои я долженъ соблюдать. Другой бы его не такъ нажалъ, да онъ ни къ кому другому и не обращался, знаетъ, что раздѣнутъ при нуждѣ до рубашки. Убытокъ онъ, правду сказать, понесъ порядочный, ну,

Богъ дастъ, наверстаетъ, а мнѣ случай выпалъ счастливый. Главная причина—товаръ хорошій, ходовой товаръ, не залежится.

— То-то, вотъ, Захаръ Прохоровичъ, ты теперь доволенъ, а когда онъ тебя при нуждѣ нажметъ, закряхтишь, небойсь!..

— Не безъ того. Дѣло торговое. Убытки и барыши по одной дорогѣ ходятъ... Только я на его счетъ безъ сумнѣнія, и онъ меня, ежели случай подойдетъ, тоже до безчувствія жать не будетъ. Ну, объ этомъ теперь не къ чему разговаривать. Надо Господа благодарить за настоящее, а въ будущемъ—Его святая воля.

У Анны Өедоровны отъ оживленія мужа разгорались глаза, и она, подобно ему, предвкушала прелесть предстоящаго барышка. Но разговоры о барышкахъ и о покупателяхъ, наконецъ, теряли прелесть новизны. Самъ онъ начиналъ позѣвывать, крестилъ ротъ, жмурилъ глаза и разваливался въ креслѣ, вытянувъ ноги во всю ихъ длину. Она впадала въ мрачное душевное настроеніе и исподлобья, смотря на дремлющаго мужа, жаловалась.

— Что это, Захаръ Прохорычъ, скука какая?

— Вотъ еще что выдумала!—отвѣчалъ онъ:—какая такая скука, откуда взялась?

— Да какъ же, подумай,—дѣло святочное...

— Такъ что же? Наряжаться что ли выдумала?

— Наряжаться—не наряжаться, а все же надо бы хоть въ театръ...

— Опять? Давно ли были?

— Конечно, давно: въ заговѣнье предъ Рождественскимъ постомъ были...

— И довольно.

— Да ты бы хоть для Миши удовольствіе сдѣлалъ. Учится, учится, а никакой ему утѣхи нѣтъ. Взялъ бы ложу и учительницѣ его доставилъ бы пріятность,—ей въ рѣдкость: дѣвица бѣдная, своихъ средствъ не хватаетъ на это... занимается она съ Мишей усердно, вотъ уже можно сказать, старательно занимается...

— Ну, ну! Больно-то не захваливай: вижу я, въ которую сторону вѣтеръ дуетъ...

Миша служитъ для Анны Өедоровны надежной опорой и защитой во многомъ: кататься ѣхать, въ циркѣ провести вечеръ, сладостей купить и т. д., на все это Захаръ Прохоровичъ соглашается почти безъ возраженій, стоитъ только упомянуть имя сына. Точно такъ же и домашнія невзгоды, ворчанье и громкій крикъ Захара Прохоровича всего скорѣе прекращались въ тѣхъ случаяхъ, когда во время ихъ входилъ въ комнату Миша, даже намѣренно иногда вызываемый матерью съ этою именно цѣлью. Какъ только, бывало, Захаръ Прохоровичъ увидитъ его, тотчасъ понизитъ тонъ гнѣвнаго разговора.

II.

Миша—тоненькій, костлявый мальчикъ съ задумчивымъ взглядомъ глубоко впалыхъ глазъ, блѣдный, молчаливый и медлительный въ движеніяхъ. Пальтецо на немъ, сшитое по-модному у хорошаго портного, крахмальная сорочка съ запонками и стоячими коротничками, но прическа волосъ — по-старинному съ прямымъ проборомъ по срединѣ головы. Отецъ и мать на него любуются и не только потому, что онъ ихъ отрада, надежда и единственный потомокъ, дающій смыслъ ихъ жизни, но и потому, что онъ нрава кроткаго.

— Такъ въ театръ, ты говоришь?—переспрашиваетъ Захаръ Прохоровичъ жену,—это ты правильно. Для Миши точно что слѣдуетъ развлеченіе сдѣлать... Гдѣ онъ? Зови-ка его сюда...

Входитъ Миша.

— Ну, какъ, Миша, полагаешь, слѣдуетъ на святкахъ въ театръ съѣздить?..—спрашиваетъ отецъ.

Миша, прежде чѣмъ отвѣтить, взглядываетъ на мать.

— Ты на мать не смотри. Она-то, я знаю, давнымъ давно на это согласна.

Онъ еще разъ взглядываетъ на мать, улыбается и послѣ нѣкотораго молчанія отвѣчаетъ:

— Да.

— А сколько будетъ, если изъ тысячи рублей пятнадцать копеекъ вычесть? Ну-ка, отвѣчай.

Миша смотритъ въ потолокъ, хмуритъ брови и даетъ вѣрный отвѣтъ.

— А если изъ десяти тысячъ и одного рубля вычесть два рубля и одну копейку, сколько останется?

Миша опять смотритъ въ потолокъ. Отецъ стоитъ предъ нимъ, упершись руками въ бока и широко разставивъ ноги.

— Ну, ариѳметчикъ, отвѣчай.

Миша отвѣчаетъ. Отецъ самодовольно улыбается, гладитъ его по головѣ и говоритъ:

— Правильно!

Миша неожиданно пожимаетъ плечами и съ особенной, одному ему лишь свойственной, задумчивой и грустной улыбкой говоритъ:

— Эта задача, папаша, очень такая простая...

— Какъ?

— Я дроби знаю... и разныя дроби къ одному знаменателю привожу.

— Молодецъ! Хорошо. Положимъ, дробь эта и тамъ всякіе эти знаменатели у насъ къ торговому дѣлу касательства не имѣютъ, а все же, можетъ, и дробь иной разъ потребуется... Это даже весьма

возможно, потому—жизнь пошла другая, размахъ шире. Чугунокъ однѣхъ теперь понастроили, не приведи Богъ. Таперича вонъ и на Питеръ и на Варшаву чугунка, и на Нижній къ ярмонкѣ на чугункѣ катаютъ... Бѣдовое дѣло!

— Но когда же въ театръ?—спрашиваетъ Анна Ѳедоровна.

— Не сегодня же. Сегодня я не успѣю за билетомъ заѣхать,—дѣловъ много.

— Такъ завтра что ли?

— Завтра не завтра, а какъ нибудь на-дняхъ...

— Смотри, чтобы безъ обмана.

— Сдѣлай милость, не сомнѣвайся. У меня, чай знаешь, всегда въ правилѣ: «рцы слово твердо».

Миша взглядываетъ на мать почти съ упрекомъ, точно хочетъ сказать ей, что она не должна сомнѣваться въ отцовскомъ обѣщаніи. Онъ любитъ отца и знаетъ, что слово его крѣпко, знаетъ между прочимъ и то, что отецъ противорѣчій не терпитъ. Слушая возраженія матери, онъ побаивается, чтобы она не разсердила отца и не разстроила этимъ поѣздки въ театръ.

— Папаша, я пойду: у меня урокъ...

— Чудесно, Миша! Иди, голубчикъ. Урокъ это—первое дѣло... Одобряю!.. А насчетъ этого самаго, значитъ, театральнаго удовольствія ты не сомнѣвайся...

— Я, папаша, ни чуточку даже не сомнѣваюсь...

— Вотъ, вотъ! Такъ ты и должонъ завсегда дѣйствовать. Отецъ сказалъ—и довольно. Быть по сему! Отцовское слово свято. Въ большомъ ли какомъ дѣлѣ, али въ пустяшномъ,—все едино: слово—законъ. И въ писаніи, Миша, сказано: «въ маломъ вѣренъ и во многомъ вѣренъ, а невѣрный въ маломъ не вѣренъ будетъ и во многомъ».

— Ну, пошелъ опять съ своими поученіями!.. недовольнымъ тономъ возражаетъ Анна Ѳедоровна.

Захаръ Прохоровичъ, не довольный ея возраженіемъ, хмуритъ брови.

— Не худому учу,—говоритъ онъ, погладивъ Мишу по головѣ,—эта наука, которая въ церкви, она вѣковѣчная и дороже всякихъ другихъ уроковъ. Да-а!.. Иди, Миша. Билетъ въ театръ я предоставлю. Это, братъ, вѣрно, какъ въ аптекѣ...

III.

Домъ у Захара Прохоровича деревянный, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, двухъэтажный, построенный покойнымъ отцомъ его изъ толстыхъ восьмивершковыхъ бревенъ, какія теперь можно, пожалуй, показывать за деньги, какъ рѣдкость. Въ

то давно прошедшее время такія сосновыя бревна сплавлялись по Москвѣ-рѣкѣ въ большомъ количествѣ, подобно тому, какъ теперь сплавляются четырехвершковыя. Теперь московскій обыватель и на шестивершковое бревно смотритъ уже, такъ сказать, съ чувствомъ благоговѣнія и дивится, какъ это, молъ, ты, голубчикъ, могъ достигнуть такой толщины въ наши дни.

Архитектура дома—простая, безъ всякихъ фигурныхъ украшеній, нѣтъ ни колоннъ, ни балконовъ съ затѣйливой рѣзьбой, ни параднаго подъѣзда съ улицы, ни деревянныхъ львовъ съ разинутыми пастями, какихъ любили помѣщать на воротахъ сановитые домовладѣльцы прежняго времени, разъѣзжавшіе когда-то по Москвѣ въ огромныхъ колымагахъ на четверкахъ цугомъ, съ лакеями, стоявшими подвое на запяткахъ въ обшитыхъ галунами ливреяхъ.

Все было въ домѣ хозяйственно и прочно. Въ верхнемъ этажѣ помѣщался самъ Захаръ Прохоровичъ съ семьей, въ нижнемъ двѣ комнаты занимала контора, а въ остальныхъ жили «молодцы». И обстановка была тоже безъ всякихъ затѣй, на старинный ладъ. Залъ съ зеркалами въ простѣнкахъ между оконъ, на стѣнахъ нѣсколько литографій въ тоненькихъ рамкахъ со стеклами: старецъ Серафимъ,—нынѣ прославленный Саровскій чудотворецъ,—въ лѣсу съ медвѣдемъ, дающій ему ломоть хлѣба, видъ колокольни и собора Кіево-Печерской лавры, портретъ митрополита Филарета и т. п. Въ гостиной — мебель, закутанная въ бѣлые чехлы, на крашеномъ полу дорожки изъ холста, въ кабинетѣ диванъ, обитый кожей, письменный столъ краснаго дерева и желѣзный несгораемый шкафъ. Въ спальнѣ занавѣсь, раздѣляющая комнату на двѣ половины, въ первой, въ переднемъ углу кіотъ, высокій и широкій, съ множествомъ образовъ и съ горящими предъ ними лампадами, около него сбоку на гвоздѣ связка ключей отъ амбаровъ и кладовыхъ, какъ бы намѣренно помѣщенная поближе къ святынѣ, такъ сказать, подъ ея охрану, въ простѣнкѣ, между окнами столъ, далѣе — комодъ, два-три стула; а во второй половинѣ — широкая кровать съ горой подушекъ, гардеробъ и... клопы. Эти послѣдніе, впрочемъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, допускаемомъ самыми строгими законами купеческаго домоводства.

— Отъ клопа и отъ таракана не убережешься,—говорила по этому поводу Анна Ѳедоровна:—это ужъ такъ отъ Бога, потому гдѣ люди, тамъ и всякая малая тварь. Да и то надо разсудить, что такое, напримѣръ, клопъ,—медвѣдь онъ что ли? Само собой, давать ему волю тоже нельзя, потому онъ на разводку лютъ и завсегда его надо передъ Рождествомъ и передъ Пасхой кипяткомъ ошпаривать. Это ужъ безпремѣнно требуется.

Захаръ Прохоровичъ не хотѣлъ знать ни дождя ни снѣга. Ѣдетъ, бывало, всегда безъ зонтика, только воротникъ шубы под-

вернетъ внутрь мѣхомъ, чтобы его не мочило. Анна Ѳедоровна, встрѣтивъ его въ мокрой шубѣ, случалось, трагически всплеснетъ обѣими руками.

— Господи! Какъ же это, Захаръ Прохоровичъ, можно!...

— Что такое?

— Да вотъ то самое, что ты опять безъ зонтика. Измокъ вѣдь весь.

— Что въ этомъ такого... особеннаго?... Съ чего ты кричишь?

— Ахъ! ахъ!... Шуба-то... хоть выжми!...

— Опять свое!... Предметъ, не стоющій вниманія!

— Да, Господи! сколько еще разъ говорить!... Просишь, молишь... Да что же это, наконецъ, такое? Жаль тебѣ двухъ рублей на зонтикъ, что ли?

— Довольно. Сказано, довольно, и, значитъ, умолкни. Не понимаю я что ли своихъ дѣловъ?

Въ голосѣ его слышится сердитая нота. Анна Ѳедоровна догадывается, что у него есть какія-то огорченія, несомнѣнно принесенныя имъ «изъ города», и умолкаетъ. Иногда, подъ впечатлѣніемъ подмѣченныхъ въ тонѣ голоса мужа заботъ и тревогъ его по торговымъ дѣламъ, она не только сдерживается отъ возраженій, но и сама впадаетъ въ тревожное состояніе духа и вздыхаетъ тяжело. Случалось, приказчикъ придетъ по дѣлу въ такое время, когда онъ еще не кончилъ обычныхъ утреннихъ молитвъ. Анна Ѳедоровна въ нерѣшительности перешептывается съ нимъ, стоя у дверей спальни и не смѣя туда войти. Но Захаръ Прохоровичъ уже слышитъ шепотъ и понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— Повремени малость, парень,—громко произноситъ онъ, не поворачивая головы, и продолжаетъ молиться.

Приказчикъ встрепенется, тронетъ себя разъ-другой съ торопливою нервностью за бороду и начинаетъ косить глазами направо и налѣво въ безпокойномъ ожиданіи.

Если послѣ отвѣта шепотъ у дверей не унимался, Захаръ Прохоровичъ, кладя земной поклонъ, громче прежняго повторялъ:

— Сказано тебѣ, жди! Что еще тамъ шепчетесь, ровно заговорщики какіе!

IV.

Въ лѣтніе мѣсяцы, въ особенности въ іюнѣ и іюлѣ, когда торговая московская жизнь нѣсколько затихаетъ, какъ бы утомленная усиленной дѣятельностью во время зимы и весны, молодцы, возвратившись «изъ города», болтались послѣ вечерняго чая по двору, не зная, куда дѣвать свободное время. Встрѣтивъ иногда хозяина, вышедшаго во дворъ «для воздуху», они просили разрѣшенія «пройтись по бульвару».

— Ну-ну! Опять!.. Сидите дома, нечего слоны-то слонять...

— Погода, Захаръ Прохоровичъ, такая... очень замѣчательная... И время свободное... Позвольте отъ скуки пройтись...

Захаръ Прохоровичъ хмурилъ брови и сердито отвѣчалъ.

— Выдумали что! Читайте акаѳистъ, вотъ и скука пройдетъ.

Въ то давно прошедшее время, къ которому относится описываемая жизнь, молодые люди, поступая на службу къ купцамъ, отдавали свою волю въ полное ихъ распоряженіе, жалованье получали «по заслугамъ», работу «по силѣ» и всякую, какую хозяину угодно будетъ назначить. Всѣ они, какъ и теперь въ огромномъ большинствѣ, были изъ безземельнаго сословія, дѣти мѣщанъ, обѣднѣвшихъ купцовъ, сироты разночинцевъ и т. п. Знали они только первыя правила ариѳметики, съ грамматикой находились въ непримиримой враждѣ, на службу поступали съ малыхъ лѣтъ и знакомство съ торговымъ дѣломъ начинали тѣмъ, что бѣгали на посылкахъ у хозяина, подметали полъ въ лавкѣ, чистили сапоги старшимъ приказчикамъ, кололи сахаръ для хозяйскаго стола и т. д. Мало-по-малу, привыкнувъ къ дѣлу, они становились торговыми людьми и получали хорошее жалованье; но, и достигнувъ такого положенія, не смѣли хозяину ни въ чемъ противорѣчить. Случалось, расфрантится въ праздникъ такой молодецъ, надѣнетъ крахмальную манишку, новую пару платья, тросточку возьметъ въ руки и только что вознамѣрится выйти на прогулку, какъ вдругъ нежданно, негаданно слышитъ изъ окна хозяйскій голосъ:

— Эй, погоди, погоди, парень... Зайди-ка сюда ко мнѣ...

— Что прикажете, Захаръ Прохоровичъ?—робко спрашиваетъ приказчикъ, уже чувствуя по тону хозяйскаго голоса, что дѣло идетъ не къ добру.

— Что прикажу-то? А вотъ что я тебѣ прикажу. Да? И ты, значитъ, слушай и вникай! И что бы этого впредь за тобой не водилось... Понялъ?

— Я того... извините... Мнѣ не вдомекъ!..

— Не вдомекъ!.. А это что такое ты надѣлъ! Это вдомекъ!.. Подумай ка, сообрази. За чѣмъ это ты, братецъ мой, надѣлъ цвѣтныя брюки? нешто это дозволяется? Сейчасъ же сними, и напредки чтобы этого не было ни во вѣки вѣковъ! Не хорошо! Понялъ? Ты долженъ одѣваться скромно, степенно, по-купечески...

— Я купилъ... по случаю... дешево...

— Это, братецъ мой, глупо. Разъ навсегда заруби себѣ на носу, не слѣдуетъ покупать то, что дешево, а только то, что нужно...

Изъ послушныхъ «молодцовъ» вырабатывались нерѣдко и такіе, которые потомъ сами записывались въ гильдіи и богатѣли, держались потомъ по отношенію къ своимъ служащимъ тѣхъ же правилъ, въ которыхъ росли сами. Конечно, и теперь, какъ въ былые годы, такихъ выдается изъ служащаго люда весьма не-

много, большею частію, «молодцы», не привыкнувъ повиноваться и не научась повелѣвать, до старости лѣтъ остаются въ черномъ тѣлѣ и перебиваются, по пословицѣ, съ хлѣба на квасъ.

«Молодцы» Захара Прохоровича, собравшись лѣтнимъ вечеромъ подъ навѣсомъ, гдѣ стояли экипажи, иногда пѣвали хоромъ, но не пѣсни, а что нибудь «божественное», и не громко, а вполголоса. Бывало Захаръ Прохоровичъ съ Анной Ѳедоровной, тоже подобно молодцамъ коротавшіе лѣтніе вечера чаще всего дома, растворятъ въ залѣ окно и слушаютъ ихъ пѣніе.

— «Ужасошася вся-я-ческая... о божественной славѣ твоей!»... — доносятся оттуда голоса, слышится и басокъ, и тенорки, и даже видно Захару Прохоровичу, какъ одинъ изъ молодцовъ размахиваетъ обѣими руками, давая тактъ хору.

— А вѣдь ничего, Анна Ѳедоровна,—замѣчаетъ Захаръ Прохоровичъ:—складно у нихъ выходитъ...

— Не больно складно, а слушать можно...

— Ребята! Эй!.. Митрій! Слышь!—зоветъ Захаръ Прохоровичъ, выглянувъ въ окно.

Подъ навѣсомъ происходитъ нѣкоторое замѣшательство, пѣніе прекращается, и кто-то оробѣвшимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Что угодно, Захаръ Прохоровичъ? Прикажете перестать, — мы перестанемъ... Мы только такъ... тихонечко...

— Нѣтъ, нѣтъ! Отчего же?.. Пойте. Это даже очень превосходно... Ну, только спѣли бы вы ту, которую въ церкви Софронычъ часто замѣсто запричастнаго стиха поетъ... Ахъ, хороша штука! Безпримѣрно хороша!.. Какъ она?.. Ну, вотъ та, которая... помнишь?.. въ ней еще есть слова: «Но я-я-ко благоутробенъ»...

— А-а!..—вспоминаетъ молодецъ:—это у насъ, Захаръ Прохоровичъ, не выходитъ. Дѣйствительно штука безподобная, ну, не выходитъ!..

— Почему такъ?

— Одно колѣно въ ней есть такое, никакъ его голосомъ вывести не возможно.

— Какъ же Софронычъ выводитъ?..

— Софронычъ ноту знаетъ, а мы вѣдь такъ, съ голоса...

— Жаль, жаль... Ну, ладно. Пойте другое, что знаете.

Сынокъ, Миша, приходитъ съ учительницей тоже въ залъ къ раскрытому окну и пристаетъ къ отцу съ просьбой пойти «къ молодцамъ», чтобы принять участіе въ пѣніи. Захаръ Прохоровичъ и не прочь бы дать ему на это разрѣшеніе, но Анна Ѳедоровна твердо заявляетъ, что этого нельзя.

— Почему, мама, нельзя?

— Потому, что нельзя.

— А въ прошлый разъ почему, мама, можно было?..

— Поговори еще...

Захаръ Прохоровичъ поворачивается отъ окна въ ту сторону, гдѣ сидитъ Анна Ѳедоровна.

— Нѣтъ, погоди, хозяйка,—замѣчаетъ онъ:—ты разсуждаешь нерезонно, ты скажи причину, когда ежели хочешь основательно говорить. Миша долженъ знать ее, чтобы было то-есть безъ всякаго сумнѣнія...

— А кто въ прошлый разъ подрался съ мальчикомъ Володей, а? Ну-ка, отвѣчай, кто? — спрашиваетъ Анна Ѳедоровна, прищуривъ лѣвый глазъ, и грозитъ сыну указательнымъ пальцемъ.

Миша стоитъ, поникнувъ головой, и исподлобья бросаетъ унылые взгляды на отца. Захаръ Прохоровичъ видитъ это и поучительнымъ тономъ говоритъ:

— Вотъ, Миша, соображаешь теперича самъ, причина-то, стало быть, выяснилась и очень явственно.

V.

Монахини, сборщики на построеніе храмовъ и другіе подобные имъ, скромные посѣтители стояли, случалось, подолгу у воротъ въ ожиданіи, когда дворникъ услышитъ наконецъ ихъ осторожное постукиванье и отворитъ калитку. Не разъ случалось и такъ, что горничная, выбѣжавшая по порученію хозяйки въ лавочку—«размѣнять бумажку» или къ знакомой сосѣдкѣ «за выкройкой», возвратясь, не можетъ попасть въ ворота и съ озлобленіемъ дергаетъ ручку звонка.

— Да что ты оглохъ что ли!—упрекаетъ она Савву:—чуть не полчаса жду.

Савва, простоватый парень, малорослый, узкоплечій, съ свѣтлорусыми волосами, подстриженными въ скобку, и такого же цвѣта жиденькой бородкой, пренебрежительно ухмыляется въ отвѣтъ на ея упреки.

— Полчаса! Скажешь тоже,—возражаетъ онъ,—я только на задній дворъ въ коровникъ сходилъ, теленку пойло отнесъ... Минутъ пятнадцать, можетъ, и ждала-то всего, не больше.

— Эка ты безтолковый какой! Пятнадцать минутъ развѣ мало времени? Я въ одномъ платьишкѣ на босу ногу, а на дворѣ, гляди, какой морозище...

— Что-жъ за важность! Озябла,—согрѣешься, не замерзла вѣдь, чего визжишь-то!..

— Да ежели ты приставленъ къ воротамъ, обязанъ ты неотлучно при нихъ быть...

— Толкуй еще. Проходи что ли. Говоришь, озябла, а сама стоишь...

— Матушка сударыня, Анна Ѳедоровна...—жаловалась горничная, возвратясь въ комнаты и ежась отъ холода,—поговорите, сударыня, Захару Прохоровичу насчетъ Савки. Нѣтъ силъ возможности терпѣть отъ него...

— Да что такое? Что ты какъ кричишь?..

Горничная волнуясь размахиваетъ обѣими руками, разсказывая о своемъ злоключеніи.

— Что же это ты, Захаръ Прохоровичъ, насъ держишь, точно какихъ заключенниковъ?—жаловалась Анна Ѳедоровна мужу.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Да вотъ въ томъ самомъ, что намъ и днемъ нѣтъ ни входу ни выходу изъ дому. Въ тюрьмахъ и въ крѣпостяхъ военныхъ даже нѣтъ такихъ строгостей...

— Да о чемъ ты? Говори толкомъ...

Когда дѣло наконецъ объяснилось, Захаръ Прохоровичъ самолично отправился на кухню и сдѣлалъ допросъ Саввѣ.

— Ты, остолопъ, безъ понятія, что ли? Ты, оселъ, обязанностей своихъ развѣ не понимаешь? Ты, дуракъ, имѣешь голову на плечахъ или потерялъ ее, болванъ?..

Захаръ Прохоровичъ стоялъ на порогѣ кухни, распахнувъ дверь настежь, и производилъ допросъ громкимъ голосомъ и строгимъ тономъ. Оробѣвшій Савва слышалъ только одни бранныя слова и не могъ понять, за что они на него сыплются.

— Ты, баранья голова, долженъ чувствовать, что ежели тебѣ, дубинѣ, платятъ жалованье, то обязанъ ты за это со всѣмъ усердіемъ стараться... Понимаешь ты, заяцъ вислоухой, или нѣтъ?..

— Я... теперича... Захаръ Прохоровичъ... не понимаю...

— А... а!... Ты не понимаешь!

— Сейчасъ умереть, не понимаю...

— Не понимаешь!.. Вины, значитъ, своей не сознаешь?...

Разсерженный хозяинъ сдѣлалъ Саввѣ должное, по его мнѣнію, внушеніе, Савва сморщился при этомъ, учащенно замигалъ и ни слова не проронилъ въ оправданіе и только тогда, когда хозяйскіе шаги затихли вдали, сталъ чесать затылокъ и заворчалъ себѣ подъ носъ:

— Вотъ дѣла-то! Главная причина, не знаю—за что.

Когда наконецъ съ приходомъ изъ комнатъ горничной причина объяснилась, Савва только руками развелъ.

— Ну, порядки!..

VI.

Несмотря на торговыя хлопоты, начинающіяся обыкновенно съ разсвѣта дня и продолжающіяся до поздней ночи, несмотря и на то, что въ этихъ хлопотахъ всегда немало и огорченій, и непріятностей, и неудачъ, временами даже такихъ крупныхъ, переживая которыя Захаръ Прохоровичъ бываетъ, говоря словами Анны Өедоровны, «на себя не похожъ»,—несмотря на все это, онъ помнитъ каждое свое слово, данное женѣ или сыну, или кому либо изъ торговыхъ пріятелей, и исполняетъ его съ неизмѣнною точностію, хотя бы оно касалось, самаго незначительнаго обстоятельства. Иногда, случалось вспомнитъ о немъ въ такое время, когда, казалось бы, вовсе не до того, однако не оставляетъ не исполненнымъ, напротивъ, нарочно записываетъ въ памятную книжку, чтобы не забыть, и только головой иной разъ покрутитъ при этомъ вотъ, молъ, оказія, чуть было не позабылъ.

Такъ случалось и съ билетомъ въ театръ, за покупкой котораго иногда приходилось гнать артельщика на извозчикѣ и строго внушать ему:

— Гони, парень, въ хвостъ и въ гриву, бери ложу, какая попадетъ,—все равно!

Возвратясь домой, Захаръ Прохоровичъ вручалъ билетъ на ложу Аннѣ Өедоровнѣ и не безъ самодовольнаго чувства поглаживалъ при этомъ бороду.

— Каковъ у тебя мужъ-то, Анна Өедоровна, а? Точность-то какая необыкновенная!..

— Хорошъ, хорошъ!.. Что и говорить...

— Однако, какъ-никакъ, а поблагодарить за это все-таки слѣдовало бы... Хотя бы одинъ поцѣлуй...

— Вотъ еще выдумалъ!..

— Самый казенный...

Захаръ Прохоровичъ въ духѣ и пристаетъ къ Аннѣ Өедоровнѣ съ ласками, она уклоняется и хмурится.

— Ахъ, отстань! Вотъ выдумалъ!..

Поѣздка въ театръ бывала не часто и потому считалась въ семьѣ событіемъ, выходящимъ изъ рамокъ обыденной жизни.

Самъ Захаръ Прохоровичъ въ театръ ѣздилъ рѣдко, находя болѣе удовольствія въ дѣловыхъ занятіяхъ, зато, взявъ билетъ, отправлялъ туда, по его словамъ, «два воза народу»: Анну Өедоровну съ сыномъ, Мишей, его учительницу, старую дѣву, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, лицо которой обильно усыпано веснушками, и маленькій мясистый носикъ задорно вздернутъ кверху. Для компаніи, «чтобы веселѣе было», онъ иногда предла-

галъ женѣ взять съ собою вдовую дочь священника ихъ приходской церкви, отца Мартина, сосѣда по дому.

— Взять ее вамъ никакого расхода не составитъ,— говорилъ онъ по этому поводу,—а ей все-таки лестно...

— Ну, опять, Господи! Давно ли мы ее брали съ собой!—возражала Анна Ѳедоровна.

— Давно ли, не давно ли, это въ составъ не входитъ. Отчего не взять? Говорю,—одна цѣна, что съ ней, что безъ нея, а мѣста въ ложѣ хватитъ. Посылайте скорѣе къ отцу Мартину звать Марью Мартиновну.

Захаръ Прохоровичъ былъ къ Марьѣ Мартиновнѣ расположенъ и именно за то, что она была большерослая, румяная и проворная:

— Жаль ее, душевно жаль!—говаривалъ онъ иногда о ней:—хозяйственной складки женщина, надо бы ей замужъ...

Отецъ Мартинъ, сѣдовласый и добродушный старичекъ, въ отвѣтъ на такія его соображенія, бывало, укоризненно качалъ головой.

— Какъ вы, Захаръ Прохоровичъ, смѣю замѣтить, упорствуете въ вашихъ мнѣніяхъ. Я вамъ уже имѣлъ честь и не единожды объяснять, что она болѣе всего виновна въ этомъ. Было у меня на примѣтѣ нѣсколько молодыхъ людей, и намѣревался я ходатайствовать въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить мой приходъ тому, на которомъ остановится ея выборъ. Не пожелала.

— Стало быть, не понравились... Нужно было еще поискать.

— Искалъ! Разные женихи были, и молодые, и пожилые, свѣтлорусые и черноволосые, даже и рыжій былъ одинъ... И то сказать, легко ли найти жениха къ женщинѣ безприданницѣ, сами знаете, приходъ нашъ маленькій, доходы скудные...

— Обидно, отецъ Мартинъ! Осчастливить бы она могла человѣка. Вотъ ужъ истинно можно сказать, что и сберегла бы и управила все въ лучшемъ видѣ. Это не женщина, а, такъ сказать, корабль!

Отецъ Мартинъ вздыхалъ.

— Да-а!.. Что дѣлать... Такъ, вѣроятно, Божіимъ промысломъ предустановлено...

Марья Мартиновна, приглашенная въ театръ, не заставляла себя долго ждать.

— Вы, Марья Мартиновна, проворный человѣкъ, — говорилъ Захаръ Прохоровичъ, встрѣчая ее:—у васъ сборы не велики...

— Да, я не люблю копаться. Надѣла, что первое подвернулось подъ руку, и ладно. И выборы-то у меня, знаете, не большіе...

— Это не отъ выборовъ, а такъ ужъ характеромъ. Вотъ у насъ Анна Ѳедоровна за недѣлю до свѣту начнетъ охорашиваться и всегда съ большими хлопотами въ этомъ разѣ...

Хлопотъ при сборахъ въ театръ было у Анны Θедоровны всегда много. Захаръ Прохоровичъ, чтобы не видѣть ихъ и не раздражаться, нарочно уходилъ въ это время въ другія комнаты. Суета была большая. Горничная бѣгала по всему дому изъ одного конца въ другой, отыскивая какую нибудь необходимую для Анны Θедоровны вещь. Учительница охорашивалась въ залѣ передъ зеркаломъ, задорнѣе обыкновеннаго вздергивая носикомъ. Огромная Марья Мартиновна въ видѣ статуи командора стояла посрединѣ комнаты, уже давно готовая къ отъѣзду, и прислушивалась къ голосу Анны Θедоровны, доносившемуся издали, мысленно опредѣляя по его тону время окончанія ея сборовъ.

— Да гдѣ же шаль моя!.. Царь небесный!.. Гдѣ шаль?—доносится издали ея возгласъ.

— Шаль Анна Θедоровна потеряли!—озабоченно сообщаетъ горничная дѣвушка, бросаясь отъ одного подоконника къ другому,—недавно, вотъ всего какихъ нибудь пять минутъ тому назадъ она у нея въ рукахъ была, а теперь, Богъ ее знаетъ, куда дѣвалась. И здѣсь не видно... Матушка, барышня,—шепотомъ говоритъ она, обращаясь къ учительницѣ,—не видѣли ли?

Учительница нетерпѣливо пожимаетъ плечами, видимо недовольная, и не столько тѣмъ, что сбившаяся съ ногъ горничная обращается къ ней съ такимъ вопросомъ, а именно недовольная Анной Θедоровной за ея безконечные сборы.

— Мы опоздаемъ,—думаетъ она, — конечно, опоздаемъ, какъ всегда...

Въ залѣ появляется Миша, тоже совершенно уже готовый къ отъѣзду и даже съ фуражкой на головѣ.

— Миша!—шепчетъ учительница,—сними фуражку, не хорошо... Помнишь, папаша говорилъ...

— Ахъ, да! помню: здѣсь—образа.

— И не только потому, что образа, а вообще нельзя въ комнатѣ въ фуражкѣ.

Миша снимаетъ фуражку, долго и задумчиво смотритъ на учительницу и потомъ говоритъ:

— Потому и нельзя, что въ комнатѣ всегда есть образа...

— Конечно, опоздаемъ,—думаетъ учительница и отвѣчаетъ вслухъ:—да, да...

Въ залъ входитъ Анна Θедоровна. Вся сопровождающая ее компанія намѣревается слѣдовать за ней въ переднюю. Вдругъ точно изъ земли неожиданно появляется новая остановка. Анна Θедоровна оглядываетъ сюртучекъ Миши и озабоченно говоритъ:

— Ахъ, какой ты, Миша, не сообразительный! Зачѣмъ ты надѣлъ этотъ сюртучекъ? Пойди, перемѣни, надѣнь новенькій.

Миша пожимаетъ плечами.

— Не все ли равно?..

— Вовсе не все равно. Говорю тебѣ: надѣнь, и надѣнь!

Миша обижается. Онъ молча садится на стулъ, засовываетъ руки въ карманы брюкъ и рѣшительно говоритъ:

— Я не хочу...

— Что такое?—гнѣвнымъ шепотомъ спрашиваетъ мать:—что такое ты сказалъ?

Въ головѣ ея быстро мелькаютъ одна за одной десятки непріятныхъ мыслей о послѣдствіяхъ такихъ неожиданныхъ капризовъ мальчика. Она знаетъ, что билетъ въ театръ Захаръ Прохоровичъ беретъ главнымъ образомъ для удовольствія Миши, знаетъ, что если его оставить дома въ наказаніе за такіе капризы, какіе онъ вдругъ и совершенно неожиданно и—что всегда досаднѣе—вовсе уже не во-время себѣ позволилъ, то выйдутъ потомъ изъ-за этого большія непріятности съ Захаромъ Прохоровичемъ. Но она понимаетъ и то, что нельзя баловать мальчика и снисходить къ его капризамъ, и положеніе ея становится, можно сказать, безвыходнымъ.

— Если ты сію же минуту не перемѣнишь сюртука,—трагически шепчетъ она, дергая его за руку,—то я тебя въ такомъ случаѣ...

— Анна Ѳедоровна! Анна Ѳедоровна!—замѣчаетъ ей учительница тоже шепотомъ,—вы не волнуйтесь... Позвольте, все это обойдется.

— Гадкій мальчишка!.. Что это такое?.. Отецъ его избаловалъ! Рѣшительно избаловалъ!..

— Позвольте... Анна Ѳедоровна!.. Миша! Миша!—обращается къ нему учительница, укоризненно качая головой:—и тебѣ это не стыдно? А? Тебѣ не грѣхъ такъ капризничать?..

Миша упорно молчитъ и смотритъ въ полъ.

Марья Мартиновна оказывается въ этомъ случаѣ всѣхъ сообразительнѣе и практичнѣе. Она шепотомъ говоритъ горничной, чтобы та поскорѣе принесла новенькій сюртучекъ Миши.

— Ты знаешь, гдѣ онъ?

— Знаю-съ... какъ же.

— Ну, и неси проворнѣй...

Минуту спустя, горничная приноситъ сюртучекъ.

— Ну-ка, молодой человѣкъ,—развязнымъ тономъ и съ оттѣнкомъ шутливости обращается къ Мишѣ Марья Мартиновна,—пожалуйте. Довольно разводы-то разводить. Снимайте, снимайте старый сюртучекъ. А то задерживаете и меня, и мамашу, и вашу наставницу... Что это въ самомъ дѣлѣ? Такой умный мальчикъ и— въ старенькомъ сюртукѣ... Подумайте! Вѣдь ужъ вы почти, такъ сказать, на линію жениха становитесь...

У Миши глаза полны слезъ. Онъ съ молчаливымъ упрекомъ взглядываетъ на мать, искусавшую уже себѣ губы, и надѣваетъ предложенную Марьей Мартиновной одежду.

— Ну, вотъ, давно бы такъ...

Анна Өедоровна чувствуетъ себя удовлетворенной и гладитъ его по головѣ, онъ уклоняется отъ этого и вертитъ головой во всѣ стороны, но въ выраженіи его лица нѣтъ и тѣни каприза, и улыбка уже появляется на немъ, побѣждая недавнее мрачное настроеніе его. Онъ мальчикъ не злобивый, добрый, но крайне впечатлительный.

Наконецъ всѣ препятствія устранены, и сборы окончены. Анна Өедоровна проходитъ чрезъ залъ въ переднюю, учительница и Миша идутъ за ней. Марья Мартиновна, болѣе всѣхъ спокойная, замѣчаетъ, что на столѣ у простѣночнаго зеркала свѣчи не погашены. Она хотя и знаетъ, что потомъ, послѣ ихъ отъѣзда, горничная увидитъ это и погаситъ свѣчи, но, будучи женщиной хозяйственной, задуваетъ ихъ сама.

— Марья Мартиновна!.. слышится недовольный голосъ Анны Өедоровны изъ передней,—что это вы тамъ застряли?

— Я готова. Иду! Иду!

— А сласти гдѣ?—вдругъ спрашиваетъ Анна Өедоровна, уже выйдя на крыльцо.—Глаша! Глаша!.. Гдѣ мѣшочекъ?..

— Какой, сударыня?..

— Фу, ты, какая странная! Мѣшочекъ со сластями?... Гдѣ онъ?

— Я не знаю,—смущенно отвѣчаетъ Глаша,—надо быть, въ комнатахъ забыли...

— Бѣги, бѣги скорѣе. Неси его сюда.

Въ ожиданіи возвращенія горничной Анна Өедоровна и сопровождающій ее штатъ остаются на крыльцѣ, за исключеніемъ Миши, онъ уже сбѣжалъ съ лѣстницы и вертится около поданныхъ саней...

Испуганная горничная возвращается съ отвѣтомъ, что мѣшочка со сластями нѣтъ ни въ залѣ, ни въ спальнѣ, ни въ столовой.

— Да гдѣ же онъ? Ахъ, Боже мой, какая ты безтолковая! Куда онъ можетъ дѣваться? Ты, значитъ, не хорошо искала... Ахъ, какая опять досада!.. Всегда у насъ съ этими сборами неудачи!

— Мамаша! Мамаша!—пищитъ Миша со двора:—чего же вы еще ждете? Поѣдемъ!

— Ахъ, отстань!.. И безъ тебя тошно. Мѣшокъ съ фруктами и съ конфетами потеряли...

— Какъ потеряли? Вотъ онъ у меня!..

— Ну, слава Богу!.. Фу, глупый мальчишка! Зачѣмъ ты его взялъ?

— Какъ зачѣмъ? Надо же кому нибудь взять.

— Ахъ, перестань!.. Замолчи... Ну, садитесь. Марья Мартиновна! Гдѣ вы?

— Здѣсь, здѣсь!..

— Идите же... кажется, теперь уже больше не можетъ быть никакой задержки...

У крыльца, выходящаго во дворъ, стоятъ двои сани, на первыхъ кучеромъ Миронъ, настоящій кучеръ, тучный и бородатый, на вторыхъ, старенькихъ, работникъ Савва, освобожденный на время отъ должности привратника. Миронъ, какъ слѣдуетъ, въ кучерскомъ нарядѣ, даже въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, а Савва одѣтъ попросту и подпоясанъ цвѣтнымъ кушакомъ, весьма, по правдѣ говоря, поношеннымъ. Но важности въ посадкѣ кучерской у Саввы больше, чѣмъ у Мирона. Савва глазъ съ лошади не сводитъ и держитъ вожжи такъ, какъ будто уже ѣдетъ по улицамъ Замоскворѣчья, и какъ будто лошадь, имъ управляемая, по меньшей мѣрѣ,—призовой рысакъ, тогда какъ въ дѣйствительности лошадь, порученная его управленію,—водовозная старая кобылица, которой по самому снисходительному счету перевалило уже за двадцать лѣтъ.

Въ первыя сани, новенькія и красивыя, только что недавно купленныя Захаромъ Прохоровичемъ, усаживается Анна Ѳедоровна съ Марьей Мартиновной, столько же съ намѣреніемъ наказать Мишу за капризы, сколько и изъ чувства благодарности къ догадливой дочери отца Мартина, такъ успѣшно сумѣвшей покончить съ капризами Миши.

— Ну, Миронъ, поѣзжай.

Миронъ оглядывается на заднія сани.

— Никакъ тамъ не размѣстились еще...

— Миша! Что тамъ у васъ? — спрашиваетъ мать: — долго ли сѣсть!..

— Онъ на козлы хочетъ, Анна Ѳедоровна... Я говорю, нельзя этого, — отвѣчаетъ учительница.

— Миша! Не смѣй!.. Я отцу пожалуюсь. Слышишь...

— Хорошо, хорошо...

— Савка! Готово что-ль?—спрашиваетъ Миронъ.

— Готово. Ну, съ Богомъ! Трогай!

Только что переднія сани тронулись, Савва испуганно крикнулъ:

— Сто-ой!.. Погоди маленько.

— Ай-ай! Что такое? — тревожно запищала учительница, видя, что Савва вмѣсто воротъ правитъ на крыльцо; Миша поблѣднѣлъ и схватился за нее обѣими руками.

— Господи!.. Что тамъ такое? — тревожно спросила Анна Ѳедоровна.

— Эй, Савка! Что тамъ у тебя?—закричалъ Миронъ.

— Вожжа... отстегнулась...

— Ахъ, ты, обломъ...

— Эва! Нештто я нарочно. Она сама отстегнулась...

— Ну! Поворачивайся проворнѣе. Готово что ли? Эстолько времени копаешься...

— Я сейчасъ, сейчасъ...

— Эй, послушь, Михайла, помоги ему, — крикнулъ кучеръ работнику, стоявшему у растворенныхъ воротъ.

— Готово. Трогай, Мирошенька, помалёшеньку!..

Выѣхали наконецъ со двора.

Миша не догадывается, что мать не посадила его съ собой въ наказаніе за капризы. Сидя съ учительницей въ старыхъ саняхъ, онъ разсказываетъ ей, какъ ѣздилъ съ однимъ изъ приказчиковъ отца въ Петербургъ.

— Что же, довольны? Хорошо тамъ?

— Ничего. Мы и въ Эрмитажѣ были, и въ пассажѣ, и въ Невской лаврѣ у мощей св. Александра Невскаго молебенъ служили. Мощи эти подъ спудомъ, и ихъ совсѣмъ не видно. А въ театръ приказчикъ меня не водилъ, папаша, говоритъ, не позволилъ. Вретъ все.

VII.

Возвращеніе Анны Ѳедоровны и ея спутниковъ изъ театра имѣетъ уже другой характеръ и сопровождается черезвычайною сдержанностію и тишиной.

Михайло, работникъ, задолго до ихъ пріѣзда топчется у воротъ, переступая съ ноги на ногу и постукивая рукавицами одной о другую. На колокольнѣ сосѣдней церкви раздаются удары въ колоколъ, напоминающіе мирнымъ обывателямъ Замоскворѣчья, что время продолжаетъ совершать свое обычное теченіе, и что церковный звонарь, достовѣрный, хотя, можетъ быть, не достаточно точный указатель его, бодрствуетъ. Михайло считаетъ медленные удары, крестится, позѣвывая, и прислушивается, не ѣдутъ ли хозяева.

— Ишь ты какъ... спать бы теперича самый разъ... О-охъ... Господи, помилуй. Одиннадцать пробило. Скоро, надо быть, и подъѣдутъ...

Спустя полчаса, часъ, онъ слышитъ наконецъ знакомый скрипъ саней, пріободрятся и удостовѣрившись, что дѣйствительно хозяйскія сани подъѣзжаютъ къ воротамъ, растворяетъ обѣ половинки.

Сани въѣзжаютъ тихо, согласно данному объ этомъ Анной Ѳедоровной распоряженію. Она знаетъ, что Захаръ Прохоровичъ сдѣлалъ для нея удовольствіе, какъ говорится, «скрѣпя сердце», и потому при возвращеніи домой, какъ сама, такъ и спутницы ея, входятъ въ комнаты съ большою осторожностію, чтобы не потревожить его сонъ. Въ передней между нею и горничной происходитъ шепотомъ разговоръ.

— Поздно легъ Захаръ Прохоровичъ?

— Не то, чтобы поздно, а такъ часу въ десятомъ, кажется.

— Что онъ дѣлалъ? Былъ кто нибудь у него?..

— Никого не было. Спервоначалу стали они бабушкѣ житіе читать, а потомъ ушли въ контору и тамъ что-то покричали, должно быть, порядочно... Мальчикъ изъ конторы пришелъ потомъ бабушкѣ житіе дочитывать съ заплаканными глазами и долго что-то почесывалъ въ головѣ, надо такъ думать, что ему попало за что нибудь... Шаловливъ вѣдь онъ...

Захаръ Прохоровичъ спалъ всегда чутко и при первомъ же звукѣ шаговъ просыпался, а проснувшись долго не могъ заснуть, бормоталъ что-то, охалъ, ворочался съ боку на бокъ.

Услышавъ шепотъ возвратившейся изъ театра семьи, онъ надѣлъ халатъ и вышелъ въ столовую.

— Что поздно, полунощницы?

— Не очень еще поздно... Далеко вѣдь... Ѣхали, ѣхали!..

— То-то! Наконецъ доѣхали... Путаетесь по ночамъ, покоя отъ васъ нѣтъ...

— Пошелъ опять!—возразила Анна Ѳедоровна,—самъ отпуститъ, а потомъ ворчитъ. Въ кои-то вѣки собрались...

— И то правда. Хе-хе! Я вѣдь только такъ, къ слову...

— Ну-ка, насыпь и мнѣ стаканчикъ. Чтожъ, если вы пьете, значитъ, и я могу...

— Чаю мнѣ не жалко, Захаръ Прохоровичъ, только гляди, выпьешь—и спать опять плохо будешь...

— Ничего, ничего... Ты—жиденькаго. Такъ вотъ, милые мои,—обратился онъ и къ женѣ, и къ ея спутницамъ:—если, значитъ, вы меня сна лишили, такъ теперь извольте-ка мнѣ разсказывать, какъ и что, и въ какихъ смыслахъ представленіе было.

— Да вотъ пусть Анна Ѳедоровна...

— Разсказывать-то, пожалуй, и нечего,—проговорила Анна Ѳедоровна:—глупости все.

— Однако, въ чемъ дѣло?

— Видѣли мы представленіе Фаустъ.

— Такъ. Понимаю.

— Пѣніе тамъ и музыка.

— Хорошо. А суть въ чемъ?

— Суть-то? Гм... Видишь-ли, этотъ, значитъ, человѣкъ... то-есть этотъ старикъ... гм... гм... Нѣтъ, я не могу. Разскажите, Марья Мартиновна, вы,—обратилась Анна Ѳедоровна къ дочери священника.

Марья Мартиновна пріободрилась, отставила отъ себя нѣсколько въ сторону чашку съ чаемъ, какъ предметъ, могущій до нѣкоторой степени отвлекать ея вниманіе отъ разсказа, и, кашлянувъ раза два въ руку, начала:

— Представленіе, Захаръ Прохоровичъ, видите ли, заключается въ томъ, что сначала старикъ сидитъ за столомъ и жалуется на скуку жизни, потомъ, по его желанію, чортъ изъ-подъ земли выходитъ, весь огненный, даже, знаете, скажу вамъ, жутко стано-

вится. Очень это красиво и интересно видѣть... Я даже увѣрена, что, если бы вы посмотрѣли, понравилось бы.

— Едва ли... Дальше что?

— А дальше вотъ что. Чортъ старика, по его желанію, обратилъ въ молодого человѣка и скоро такъ: былъ старикъ, сѣдой, сгорбленный такой, едва двигавшій ногами, вдругъ сдѣлался молодой.

— Пустяки!

— Да нѣтъ!.. Не то! Не такъ Марья Мартиновна разсказываетъ,—перебила учительница,—дѣло все въ томъ, что старикъ вызвалъ чорта и самъ его испугался...

— Струсилъ?

— Разумѣется! И это понятно, потому что явленіе ужасно какъ сверхъестественно, и всякій другой струсилъ бы...

— Да оно точно что... того... бываетъ иной разъ въ видѣніи, особливо, ежели человѣкъ, который не въ мѣру выпиваетъ.

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь. Дѣйствительно страшно...

— Ну, ну, говорите, пока слушаю, а то уйду.

— Такъ вотъ, какъ онъ его увидѣлъ, то-есть этого, понимаете, адскаго духа, испугался и замахалъ руками. Уйди, говоритъ. А тотъ выразилъ неудовольствіе. Это, говоритъ, какъ же, такіе у васъ порядки: самъ вызываетъ, а потомъ не надо. Такъ, говоритъ, не полагается.

— Что же, это онъ... основательно.

Захаръ Прохоровичъ, видимо, началъ и самъ заинтересовываться содержаніемъ оперы и присѣлъ поближе къ учительницѣ.

— Что же, родная, дальше?

— Дальше вотъ что. Поговорили они еще, то-есть, значитъ попѣли, тамъ вѣдь все время поютъ, а разговору обыкновеннаго нѣтъ...

— Знаю, знаю... Бывалъ вѣдь и я и теперь иногда бываю, положимъ, не для себя, больше изъ уваженія къ покупателямъ... Какъ же, дѣйствительно, тамъ все поютъ, вина, напримѣръ, нужно, голосомъ выводитъ: по-да-ай ви-на-а!.. или чего другого потребуется. Да! Ну, и что же потомъ?

— Ну, вотъ, попѣли они немного, и злой духъ предложилъ старику богатство, а тотъ отказывается: что, говоритъ, мнѣ дѣлать съ твоимъ богатствомъ?

— Ну, это ужъ ни съ чѣмъ несообразно! Какъ что дѣлать? Деньги всегда пригодятся.

— Старъ онъ очень, Захаръ Прохоровичъ.

— Все равно. На доброе дѣло могъ пожертвовать, на поминъ души.

— Да ты, Захаръ Прохоровичъ, не сбивай ее,—возразила Анна Ѳедоровна:—слушать, такъ слушай.

— Слушаю, слушаю... Путнаго только что-то мало...

— Ну, вотъ,—продолжала учительница,—вотъ именно послѣ того, какъ онъ отказался отъ богатства, злой духъ и предложилъ ему сдѣлаться молодымъ, и онъ согласился.

— Напрасно.

— И понравилась ему одна молоденькая дѣвушка, очень симпатичная. Сталъ онъ за ней ухаживать...

— Это бываетъ.

— И влюбился.

— Мудренаго нѣтъ.

— Дѣвушка такая скромная и изъ себя очень красивая, платьице на ней нарядное съ обшивочками, бѣленькое съ голубенькимъ и ловко такъ сидитъ. По всему видно, и по манерамъ, значитъ, ея, и по пѣнію, что она изъ хорошей семьи. А потомъ, послѣ, черезъ годъ или больше тамъ, неизвѣстно, только она потомъ въ большой бѣдности, помѣщеніе такое темное и на соломкѣ. Такъ, знаете, что даже жалко на нее смотрѣть.

— Стало быть, не по средствамъ жили,—замѣтилъ Захаръ Прохоровичъ.

— Нѣтъ, этого не видно, домикъ не большой, но цвѣтовъ, дѣйствительно, многое множество, и садъ при домикѣ огромнѣйшій...

— Ну, вотъ на пустяки на разные и тратились. Не иначе.

— А этотъ молодой человѣкъ, женихъ или мужъ ея, Богъ его знаетъ, тотъ, значитъ, самый, который старикомъ прежде былъ, онъ кричитъ, волнуется!

— Замотался парень!

— Ахъ, все не такъ!—вмѣшалась въ разговоръ Анна Ѳедоровна:—самое-то главное вы не разсказываете,—дрались вѣдь они на шпагахъ.

— Кто?—спросилъ Захаръ Прохоровичъ, удивленный такимъ неожиданнымъ поворотомъ дѣла.

— Дрались трое.

— Да кто и изъ-за чего, напримѣръ? Надо толкомъ разсказывать, а то понять невозможно...

— Да вотъ, понимай, какъ хочешь. Стало быть, братъ за сестру заступился. И еще Богъ знаетъ, кто бы одолѣлъ, братъ-то у нея смѣлый, шпагой такъ и размахиваетъ; между ними опять тутъ чортъ вмѣшался и пырнулъ брата въ бокъ, да такъ, надо быть, ловко, подъ самое сердце. Не долго онъ, бѣдняжка, помучился, можетъ, всего-то минутъ съ пятокъ не больше, и померъ. Народу собралось много, и женщины, и солдаты, всѣ встали на колѣни — жалѣютъ... Разумѣется, жаль!—заключила Анна Ѳедоровна:—прикололи человѣка ни за что ни про что, и безъ покаянія онъ кончился.

— Убитому прощаются грѣхи!—замѣтила Марья Мартиновна:— онъ въ родѣ какъ бы мученика...

— Едва ли такъ, Марья Мартиновна,—возразилъ Захаръ Прохоровичъ:—убитый и мученикъ, по-моему, далеко не родня...

Наступила минута молчанія.

— Да, да!—задумчиво проговорилъ Захаръ Прохоровичъ видимо въ отвѣтъ на свои собственныя размышленія,—значитъ справедлива пословица, что «и комаръ лошадь свалитъ, если волкъ поможетъ».

— Потомъ началось въ театрѣ хлопанье, крикъ такой, не приведи Богъ. Это ужъ, разумѣется, завсегда послѣ хорошей игры. Выходили актеры, раскланивались.

— Такъ, такъ! Это имъ дороже денегъ!.. Ну, а ты, Миша, что скажешь? Понравилось ли?

— Очень хорошо, папаша! Даже удивительно!..

— Что именно?

— Все... Чортъ этотъ самый, который въ красномъ весь, корчиться сталъ, когда ему крестъ показали...

— А-га! Не любитъ! Это вотъ правильно. Крестъ—великое дѣло. Сказано: крестъ ангеловъ слава, и демоновъ язва, крестъ сильныхъ утвержденіе... крестъ царей держава!..

Захаръ Прохоровичъ озабоченно взглянулъ на стѣнные часы и, быстро запахнувъ халатъ, поднялся изъ-за стола.

— Ну, однако, довольно! Время позднее. Мнѣ завтра ранымъ ранешенько надо въ городъ. Охъ, дѣла!—глубоко вздохнулъ онъ вдругъ, вспомнивъ о предстоящихъ трудахъ и заботахъ завтрашняго дня.—Прощайте, Марья Мартиновна. Поклонъ отъ меня папашѣ.

— Ахъ, и мнѣ пора домой,—поспѣшно отвѣтила Марья Мартиновна,—давно пора. Папаша тоже не очень-то одобряетъ эти поѣздки...

VIII.

Въ долгіе зимніе вечера, въ ожиданіи возвращенія Захара Прохоровича «изъ города», самоваръ оставался въ столовой иногда часовъ до десяти. Его то доливали, то подбавляли углей, то замѣняли другимъ, дожидавшимся своей очереди на кухнѣ около желѣзной трубы, выходившей чрезъ черную лѣстницу на крышу. Этотъ другой, какъ держурный, всегда былъ готовъ къ услугамъ, налитъ водой, наполненъ углями и должнымъ запасомъ щепокъ; оставалось только зажечь растопку, и черезъ семь-восемь минутъ, при сильной тягѣ трубы, вода въ немъ закипала ключемъ. Остывшій его собратъ возвращался на кухню, безмолвный и точно сконфуженный, находящійся до нѣкоторой степени, какъ бы въ пренебреженіи у всѣхъ; а онъ, полный огня и кипящей воды, отправлялся на его мѣсто, и горничная, идя съ нимъ въ столовую,

морщилась и отворачивала лицо въ сторону отъ его паровъ. Пока онъ клокоталъ къ столовой, стоя на мѣдномъ блестящемъ, какъ зеркало, подносѣ, самъ не менѣе блестящій и какъ бы гордый своимъ положеніемъ,—его остывшій собратъ уже стоялъ около желѣзной трубы, наполненный водой и углями.

— И что-й-то сегодня Захаръ Прохоровичъ какъ запоздалъ?—замѣчала Анна Өедоровна, посматривая на часы:—вечерня давнымъ давно отошла.

Бабушка, подслѣповатая, плохо слышавшая и сгорбившаяся старушка, не понявъ ея словъ, отвѣчала:

— Пожалуй, я еще плошечку выпью, вишь ты, родная, у меня кусочекъ сахару остался...

— Пейте, бабушка, пейте...

Анна Өедоровна на нѣкоторое время какъ бы оживала, довольная тѣмъ, что свѣтъ, слава Богу, не клиномъ сошелся, и есть еще возможность продолжать свою дѣятельность. Она озабоченно придвигала къ себѣ чашку бабушки, тщательно ее мыла и вытирала полотенцемъ.

— Охъ, зачѣмъ ты это, Аннушка, очень такъ стараешься? Не надо бы...

— И, что вы, бабушка, какъ можно!... Оно не въ примѣръ пріятнѣе, когда ежели все укуратно. Пожалуйте!

Бабушка снова принималась за чай. Оставшагося кусочка сахару оказывалось недостаточно для того, чтобы допить всю чашку, и она почти ощупью тянулась костлявой рукой къ сахарницѣ.

— Вамъ что, бабушка?..

— Да вотъ, видишь ты, сахару-то мнѣ не хватило... Маленькій бы еще кусочекъ...

Кусочекъ иной разъ попадался такой, что его сгрызть за одной чашкой было нельзя. Бабушка какъ будто даже конфузилась.

— Что-й-то я опять никакъ не утрафлю!...

— Выпейте, бабушка, еще чашечку,—тогда въ самый разъ будетъ...

— Да я ужъ и не знаю... Ино налей еще полъ-чашки....

Самоваръ затягивалъ свою старинную пѣсенку, часовой маятникъ неугомонно постукивалъ, Анна Өедоровна, утомясь сидѣть за самоваромъ, поднималась съ своего мѣста и подходила къ окну, прислушиваясь къ завыванью вѣтра и слѣдя за тѣмъ, какъ качаются изъ стороны въ сторону обнаженныя вѣтви березъ въ садикѣ сосѣдняго дома.

— Глаша!—звала она горничную,—гдѣ ты тамъ, слышишь?

— Я здѣсь...

— Зови Мишу къ чаю... Скажи учительницѣ, долго ли еще ждать.

— Я говорила.

— Ну?

— Урки, сказываютъ, еще не покончены.

— Вотъ еще выдумала отговорку. Послѣ чаю могутъ... Пойди, зови ихъ.

Минуту спустя, дверь съ шумомъ растворяется, и Миша, подпрыгивая, вбѣгаетъ въ столовую.

— Тише, тише... Какъ не стыдно! — укоризненно замѣчаетъ Анна Өедоровна.

Миша немедленно подсаживается къ столу и первымъ дѣломъ набрасывается на булки съ такимъ порывомъ, точно его нѣсколько дней не кормили. Вслѣдъ за нимъ, не спѣша, входитъ учительница, протирая на ходу глаза ладонями рукъ. Она молча придвигаетъ къ столу стулъ и молча беретъ свою чашку. Замѣтивъ, съ какою торопливою жадностію Миша уничтожаетъ булки, она укоризненно качаетъ головой. Анна Өедоровна видитъ это и сначала не догадывается, къ чему относятся укоризненные взгляды учительницы, но потомъ, взглянувъ на Мишу, отставляетъ корзину съ булками подальше отъ него.

— Ма-ма!—уныло восклицаетъ онъ.

— Ахъ, пожалуйста, замолчи. Что это, Господи, каждый вечеръ одно и то же, терпѣнья никакого нѣтъ. За обѣдомъ спесивишься: того не хочу, другого не хочу. Жди ужина!

— Я хочу, мама... Неужели голодать?..

— Перестань, перестань!..

Миша дѣлаетъ еще два-три возраженія въ томъ смыслѣ, что до ужина еще цѣлыхъ два часа, и что нельзя продолжать уроки голодомъ, но Анна Өедоровна строго возвышаетъ голосъ.

— Перестань, говорю. Я отцу пожалуюсь!..

Миша умолкаетъ и сгорбившись, точно старикъ, тянетъ изъ блюдца чай. По временамъ онъ исподлобья взглядываетъ на мать, догадываясь, что она отчего-то не въ духѣ.

Бабушка, допивъ послѣднюю чашку, съ рѣшительнымъ видомъ отставляетъ ее отъ себя.

— Слава Тебѣ, Господи, напилась! Спасибо, голубушка, Аннушка, сытехонька я!

— На здоровье, бабушка, на здоровье!..

Бабушка молится на образа и, вытянувъ нѣсколько впередъ правую руку, медленно пробирается къ дверямъ.

— Что-й-то я будто не ладно... Гдѣ дверь-то, голубушка? Никакъ раньше она тутъ была...

— Тутъ, тутъ... Поправѣе чуточку, поправѣе,—вотъ, вотъ...

Бабушка, ощупавъ наконецъ дверь, уходитъ въ коридоръ. Черезъ нѣсколько времени оттуда слышится ея кашель и возгласъ: «О Господи, батюшка!»

— Сегодня бабушка еще хуже видитъ,—тихо произноситъ учительница, какъ бы говоря сама себѣ. Поднявшись отъ стола, она подходитъ къ дверямъ коридора, видимо для того, чтобы убѣдиться, благополучно ли дошла бабушка до своей комнаты. Возвратясь на свое мѣсто, она молча продолжаетъ пить чай. Въ комнатѣ возстановляется тишина. Часовой маятникъ равномѣрно отбиваетъ ударъ за ударомъ, за дверями жалобно мяукаетъ кошка.

— Впустите ее что ли!—говоритъ Анна Ѳедоровна учительницѣ:—вотъ надоѣла!..

IX.

Заходили иногда по вечерамъ «посидѣть» кто нибудь изъ сосѣдей, преимущественно женщины: жена старшаго довѣреннаго, вдовая дочь отца Мартина, уже знакомая читателю, Марья Мартиновна, не приходившая безъ рукодѣлья: то шьетъ, то вяжетъ или вышиваетъ по канвѣ; дьяконица, малорослая и тощая женщина, безпредѣльно любившая своего тучнаго, какъ бочка, мужа. Время отъ времени появлялась дальняя родственница Анны Ѳедоровны, тащившаяся отъ Рогожской заставы по бѣдности пѣшкомъ чуть не чрезъ всю Москву, въ чаяніи получить отъ Захара Прохоровича пособіе.

Говорили о дороговизнѣ провизіи, о грубости прислуги, о капризахъ дѣтей. Родственница жаловалась на бѣдность, на беззаботный характеръ мужа, склоннаго къ выпивкѣ. Анна Ѳедоровна, слушая ее, задумчиво перебирала въ рукахъ концы столовой скатерти и укоризненно покачивала головой.

— Ему что!—жаловалась родственница,—выпьетъ и начнетъ куражиться. Погоди, говоритъ, я еще, говоритъ, покажу себя, я торговлю, говоритъ, собственную открою, а ужъ какая тамъ торговля—съ куска на кусокъ перебиваемся, не на что иной разъ ребятамъ молока купить...

На столѣ появлялись орѣхи, винныя ягоды, изюмъ и т. п. По временамъ, въ особенности въ праздничные дни, Анна Ѳедоровна приносила изъ сокровеннаго шкафика, стоявшаго въ спальной комнатѣ, бутылочку «сладенькаго» и предлагала гостьямъ «отвѣдать». Гостьи благодарили, отказывались, отрицательно отмахиваясь обѣими руками отъ предлагаемой «рюмочки», и смотрѣли на нее съ такою подозрительностію, точно въ ней былъ смертельный ядъ, однако, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ упрашиваній выпивали, морщились потомъ и укоризненно качали головой, какъ бы упрекая Анну Ѳедоровну за то, что она ввела ихъ въ искушеніе.

— Чего морщиться-то?—успокоивала Анна Ѳедоровна,—сладкая вѣдь и ничуточки даже не крѣпкая, самая обыкновенная домашняя вишневка... Выпейте еще по рюмочкѣ, съ изюмцемъ-то хорошо.

— Избави Господи!..

Гостьи съ такою рѣшительностію отмахивались обѣими руками, что, казалось, нечего было и думать объ угощеніи, однако выпивали и по второй, а иногда, случалось, и по третьей «ради праздника», и бутылочка потомъ своевременно исчезала въ сокровенномъ шкафикѣ спальной комнаты.

Появлялись по временамъ въ столовой двѣ старушки изъ кладбищенской богадѣльни, сгорбленныя, подслѣповатыя и безмолвныя. Онѣ медленно тянули съ блюдечка чай въ прикуску и вздыхали.

— О чемъ, старушки, такъ тяжело вздыхаете?—спрашивала Анна Ѳедоровна.

— Мы это... такъ...

Наступало продолжительное молчаніе. Анна Ѳедоровна перетирала чайную посуду и озабоченно оглядывала самоваръ, наблюдая, чтобы онъ не потухъ.

— Что, старушки, молчите?

— Мы-то? Мы... ничего...

— Какъ у васъ тамъ, тепло ли?

— У насъ тепло...

— Покойниковъ-то мимо окошекъ, чай, каждый день таскаютъ десятками?

— Да, ничего... носятъ помаленьку...

— Все же, должно полагать, тяжело на это глядѣть?

— Что жъ... всѣ помремъ...

Вообще, старушки оживленія въ семью Захара Прохоровича не вносили. Самъ онъ проводить время за самоваромъ не любилъ въ особенности, когда въ столовой появлялись подобныя гостьи. Возвратясь изъ города, онъ уединялся у себя въ кабинетъ и сидѣлъ за бумагами, щелкая на счетахъ.

Монахи, монахини, сборщики на построеніе храмовъ и тому подобный людъ въ домѣ у него обычнаго подаянія не получали. На ихъ робкій звонокъ у воротъ Савва пріотворялъ калитку и ворчливо отвѣчалъ:

— Подите въ лавку, тамъ хозяинъ подастъ...

— Да гдѣ лавка-то, родимый?

— Отчаливай! Отчаливай!.. На Варваркѣ найдешь.

Исключеніе составляли только знакомыя монахини, приходъ которыхъ былъ для Анны Ѳедоровны въ нѣкоторомъ родѣ праздникомъ и вносилъ въ однообразную жизнь ея значительное оживленіе.

— А—а! Гостьи дорогія!—радостно восклицала она, завидя въ передней ихъ темныя фигуры, — милости прошу, пожалуйте! Что это какъ долго не были?.. Дѣвушка, подавайте скорѣе самоваръ. Я уже давнымъ давно васъ поджидаю, матушки. И пришли вы сегодня такъ поздно. Пораньше бы приноровили, обѣдомъ бы васъ

накормила, кстати сегодня и день-то постный, очень бы хорошо... А теперь ужъ не осудите, все холодное.

— Спаси васъ, Матерь Божія!

— Пожалуйте, проходите въ столовую...

— Запоздали мы, благодѣтельница, это точно, что такъ, — отвѣчали монахини, помолясь предварительно на образъ и потомъ низко кланяясь хозяйкѣ,— справедливо ваше слово, запоздали. Мы, благодѣтельница, у Харитонія въ Огородникахъ на храмовомъ праздникѣ позднюю обѣдню стояли, служба была очень торжественная и продолжительная, и самъ высокопреосвященнѣйшій владыка совершалъ служеніе, онъ произнесъ по окончаніи литургіи поученіе пространное, а потомъ молебенъ былъ съ колѣнопреклоненіемъ. Оттуда къ вамъ, сами знаете, разстояніе весьма, можно сказать, значительное, вотъ по этому по самому и замедленіе такое вышло. Простите насъ, грѣшницъ.

Монахини кланялись низко, говорили нараспѣвъ и въ одну ноту, не повышая и не понижая голоса. Приходили онѣ, какъ обыкновенно всегда ходятъ, попарно, одна молодая, другая значительно постарше.

— У меня вчера тоже монашенки были, — разсказывала Анна Ѳедоровна, разливая чай,—изъ Сибирской губерніи...

— Такой губерніи, благодѣтельница, нѣтъ. Изъ Симбирской, можетъ быть?.. Такая есть на рѣкѣ Волгѣ.

— Можетъ, и такъ. Все равно. Я не разслышала. Очень онѣ молчаливыя, даже удивленія достойно, и разговаривать съ ними нѣтъ никакой возможности. Старшая-то еще ничего, говоритъ немного, а отъ младшей слова не добьешься, настоящій, какъ есть, статуй.

— Что жъ, благодѣтельница, это душеспасительно. Во многомъ глаголаніи вѣдь нѣтъ спасенія.

— Ну, и въ молчаніи, матушка, тоже толку немного.

— Оно, конечно... Само собой, ежели по-мірскому судить, молчаніе очень для человѣка утѣснительно, а, по писанію, въ этомъ даже великая предъ Господомъ заслуга...

X.

Двѣ монахини, чаще другихъ бывавшія у Анны Ѳедоровны и пользовавшіяся ея расположеніемъ, вели съ ней временами задушевныя бесѣды. Старшая, мать Митродора, говорила безъ застѣнчивости и не стѣснялась въ пріисканіи словъ, а младшая, Калерія, ограничивалась короткими, большею частію, односложными отвѣтами, а иногда и того меньше—только вопросительными взглядами на свою старшую спутницу, какъ бы призывая ее на выручку изъ затруднительнаго положенія.

— Обитель наша, сами знаете, очень отдаленная, — разсказывала старшая, — на пять верстъ въ окружности нѣтъ никакого жительства, лѣса страшенные. Несемъ по грѣхамъ нашимъ крестъ послушанія. Послушаніе, сказано, паче поста и молитвы. А сборы нынче очень оскудѣли.

— Зачѣмъ вы, матушки, въ монастырь пошли? Нешто нельзя въ міру спастись?

— Какъ нельзя, благодѣтельница? Можно вездѣ, во всякомъ званіи и состояніи благословлять Господа и служить Ему. Каждому положенъ свой крестный путь... Буди воля Божія.

— Тяжело, чай, по сборамъ ходить?

При такомъ вопросѣ монахини смущались, вздыхали, отмалчивались и исподлобья взглядывали на Анну Өедоровну, какъ бы спрашивая этими взглядами, не обидны ли ей ихъ уклончивые отвѣты, и потомъ, послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ чашекъ чая, сдѣлались разговорчивѣе.

— Какъ, благодѣтельница, не тяжело? Очень тягостное положеніе: и грубое слово, и брань, и насмѣшки, и толчекъ иной разъ, — всего натерпишься. Что сдѣлаешь?... Господь, странствуя по землѣ во образѣ человѣческомъ, больше терпѣлъ и даже крестную смерть принялъ.

— Однако, многія изъ вашихъ, старшія-то, тѣ, которыя васъ посылаютъ за сборами, живутъ спокойно и удобно и въ довольствѣ...

— А это, благодѣтельница, не наше дѣло. Всякъ человѣкъ за свои дѣла отвѣчаетъ. Они—за свои, мы—за свои...

Анна Өедоровна, слушая ихъ, вздыхала, покачивала головой, видимо не раздѣляя ихъ образа мыслей и чувствуя въ то же время, что онѣ своими отвѣтами прижимаютъ ее, такъ сказать, къ стѣнѣ.

— По смиренству оно, пожалуй, и такъ,—задумчиво возражала она, собравшись съ мыслями, но потомъ, какъ бы сама себя оспаривая, возвышала голосъ и размахивала руками.

— Господи! Да какъ же это? Вѣдь обидно переносить, ежели видишь какую несправедливость. Нѣтъ, нѣтъ, какъ хотите, я не согласна, я не могу удержаться, чтобы не осудить.. Я всегда прямо въ глаза скажу всякому: что̀ не хорошо, то не хорошо.

— А въ писаніи, благодѣтельница, сказано: «не судите, да не судимы будете!»... Этому надо слѣдовать, и всегда имѣть въ памяти жизнь Христа. Чуть какое искушеніе, досада, уныніе, гнѣвъ,—сейчасъ же надо представлять себѣ Его крестную смерть, неповинную, за чужіе грѣхи принятую. Это, благодѣтельница, облегчаетъ и утишаетъ душевныя скорби. Намъ, грѣшнымъ, по милости Божіей данъ для этого духовный мечъ.

— Какой духовный мечъ?

— А вотъ — четки. Это по-монашески — духовный мечъ, онъ всегда долженъ быть при насъ. Чуть напасть какая, сейчасъ же за него и берись, и читай про себя молитву...

— И неужели всѣ вы такъ и поступаете? Есть же между вами такія, которыя не по уставу живутъ.

— А объ этомъ опять таки не намъ судить. Чужими грѣхами вѣдь святъ не будешь...

Онѣ тоже пили чай въ прикуску и, выпивъ чашку, каждый разъ опрокидывали ее на блюдечко донышкомъ кверху и клали на него оставшійся кусочекъ сахару.

— Спаси васъ, Господи!—произносили они, вздыхая.

— Кушайте еще, матушки.

— Покорнѣйше благодаримъ... Позвольте, если ваша милость будетъ, еще по одной чашечкѣ.

— Зачѣмъ по одной? Пейте больше. Въ самоварѣ воды много.

— Спаси васъ, Царица Небесная!

— Давно я собираюсь васъ спросить, гдѣ вы квартируете.

— Да у купца, у благодѣтеля нашего...

— Что же комнатка вамъ отдѣльная тамъ или какъ?

— Да, комнатка для двоихъ, не великая, и двѣ кроватки. Чай полагается и утромъ, и вечеромъ... Многимъ онъ пріютъ даетъ, такъ что, пожалуй, до сорока сестеръ всѣхъ-то насъ. Вечеромъ собираемся на молитву всѣ въ одно мѣсто, комната тоже такая, въ родѣ какъ бы, скажемъ, молельня, и образъ большой въ ней, Всемилостиваго Спаса, съ неугасимой лампадой. Очень хорошо!

— И обѣдъ вамъ даютъ тамъ?

— Нѣтъ, матушка, обѣда не полагается, потому какъ насъ такое многое множество, и ходимъ мы по сборамъ въ далекихъ, случается, окраинахъ города. Хлѣбца къ чаю даютъ и утромъ, значитъ, и вечеромъ, это не возбраняется, сколько угодно. Спаси его Господи.

— И монахи тоже есть съ вами?

— И! Что вы, благодѣтельница, этого нельзя. У другихъ купцовъ, которые тоже благочестивые, есть и для монаховъ и для странниковъ... Господь не оставляетъ никого безъ пристанища...

— Гдѣ же обѣдаете?

— А гдѣ случится... Живы будемъ—и сыты будемъ. Сказано: не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ...

Анна Ѳедоровна задумчиво всматривается въ ихъ загорѣлыя и огрубѣлыя лица и тяжело вздыхаетъ.

XI.

— Много, благодѣтельница Анна Ѳедоровна, есть на Руси благотворительныхъ людей,—разсказывала мать Митродора:—встрѣчаются и между дворянами такіе, и между чиновнымъ людомъ есть, и въ крестьянствѣ есть, которые даже и не очень зажиточные. Вразу-

мляетъ Господь на добрыя дѣла, и создаются въ городахъ и селахъ храмы Божіи во славу Его Святого имени. Иной деньгами помочь не можетъ,—трудами своими служитъ Господу, ходитъ по сбору съ книжкой. Больше всего благотворителей, конечно, по купечеству. Но такого благотворителя, какъ купецъ Квасниковъ, Галактіонъ Герасимовичъ, другого подобнаго я во всю мою долгую жизнь не видывала. Истинно рѣдкій человѣкъ и по жизни своей преудивительный...

На этихъ словахъ мать Митродора совершенно неожиданно прервала свой разсказъ. Поднявшись отъ стола, она отошла въ передній уголъ къ образамъ и, склонясь предъ ними на колѣна, стала молиться. Потомъ и молодая ея спутница, Калерія, тоже поднялась отъ стола и, ставъ рядомъ съ нею, начала класть земные поклоны. Анна Ѳедоровна въ недоумѣніи смотрѣла то на ту, то на другую, не понимая, почему ими вдругъ овладѣло такое усердіе къ молитвѣ. Сознавая, что не ловко ей оставаться за столомъ въ то время, когда другіе такъ усердно кладутъ въ переднемъ углу поклоны, она тоже поднялась отъ стола, и хотя не приняла участія въ молитвѣ, однакоже оставалась во все продолженіе ея на ногахъ. Минуты двѣ-три прошло, пока монахини молились, кладя земные поклоны. Анна Ѳедоровна даже заскучала и не безъ грустнаго чувства оглянула чайную посуду, думая о томъ, что такъ неожиданно и Богъ знаетъ по какой причинѣ прервалась ея хозяйственная дѣятельность. Монахини, наконецъ, кончили свое моленье и, повернувшись къ ней лицомъ, обѣ низко поклонились.

— Простите насъ, благодѣтельница, — проговорила мать Митродора.

— Простите,—повторила вслѣдъ за ней и Калерія.

— За что прощать-то? Господи, помилуй, я ничего не понимаю...—отвѣтила Анна Ѳедоровна.

И Митродора, и Калерія не спѣша возвратились на свои мѣста за чайнымъ столомъ. Анна Ѳедоровна съ недоумѣніемъ оглянула ихъ, но ничего особеннаго въ выраженіи ихъ лицъ не замѣтила. Калерія такъ же, какъ и раньше, сидѣла, нѣсколько сгорбившись и смотря въ полъ, а мать Митродора, молча оправивъ на себѣ темныя одежды, снова взялась за свою недопитую чашку чаю. Замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ Анны Ѳедоровны, она улыбнулась сдержанной, не то грустной, не то снисходительной улыбкой и наконецъ заговорила:

— Простите, благодѣтельница. Я и чашечки-то своей не допила. Оно точно, что для васъ это необычно видѣть, то-есть, значитъ, такую нашу якобы не во благовременіи молитву, а у насъ уже за правило принято и матушка игуменья благословила, чтобы не только на утренней и вечерней молитвѣ, но во всякъ часъ дня и ночи, когда только вспомнимъ о благодѣтелѣ нашемъ, Галак-

тіонѣ Герасимовичѣ, а тѣмъ паче если рѣчь зайдетъ о немъ, безпремѣнно бы творили о благоденствіи его молитву. Если случится въ дорогѣ или на улицѣ, или гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ совершить молитву предъ святыми иконами не представится возможности, то знаменіемъ крестнымъ осѣняли бы себя, призывая на него, благодѣтеля нашего, Божіе милосердіе.

— Чѣмъ же это онъ такъ заслужилъ ваши молитвы?

— Ахъ, благодѣтельница! И разсказать объ этомъ невозможно. Такъ заслужилъ, такъ заслужилъ, даже словъ нѣтъ, чтобы то-есть выразить по-настоящему наши къ нему благодарственныя чувства. Калерія-то молодая, не можетъ помнить этого, а я сама живая и, могу сказать, достовѣрная свидѣтельница всего того, что Галактіонъ Герасимовичъ сдѣлалъ для обители нашей, и по гробъ жизни моей не забуду. Погорѣли мы тогда, вся обитель осталась, можно сказать, безъ крова и пристанища, людское жительство въ большой отдаленности, а на дворѣ зима, рождественскій постъ только что преполовился. Ютились мы тогда кто гдѣ, кто въ церкви, кто подъ колокольней. Матушка игуменья съ казначеей у священника въ домикѣ потѣснились. Священникъ у насъ старичекъ очень добросердечный и ко всякому человѣку благожелательный. Спаси его, Царица Небесная. Такъ мы томились и тѣлесно, можно сказать, и духовно, и не знали, какая участь насъ въ будущности ожидаетъ. Думалось, что и обитель наша, пожалуй, болѣе не возстановится, такъ какъ, кромѣ церкви и домика священника, все погорѣло, а церковь у насъ деревянная, очень старинной постройки. Предполагали, что правительство и церковь за ветхостію упразднитъ и насъ всѣхъ разсѣетъ по разнымъ обителямъ. Въ большомъ мы уныніи и, такъ сказать, въ смятеніи чувствъ находились. Вдругъ ужъ истинно Господь смиловался надъ нами,—услыхалъ о нашемъ бѣдствіи этотъ самый Галактіонъ Герасимовичъ и въ скоромъ времени пріѣхалъ на пожарище. Говорятъ, былъ по дѣламъ въ сосѣднемъ городу. Пріѣхалъ онъ, и, вѣрите ли, всѣхъ насъ на ноги поднялъ, въ родѣ какъ бы, скажемъ, призвалъ отъ смерти къ животу. Съ перваго же, можно сказать, часа послѣ пріѣзда принялся онъ у насъ командовать и съ такою горячностію и съ такою великою заботой, точно обитель была его собственностью. Говорю вамъ, благодѣтельница, онъ преудивительный, и даже согрѣшишь иной разъ, улыбнешься, какъ вспомнишь объ этомъ. Такой, спаси его Господи, торопливый, хочетъ, чтобы всякое дѣло въ одну минуту сдѣлалось. Накупилъ онъ лѣсу, нанялъ плотниковъ, столяровъ, печниковъ, и повѣрите ли, къ Рождеству у насъ уже былъ готовъ домъ, и въ немъ всѣ мы временно помѣстились. Галактіонъ Герасимовичъ самъ наблюдалъ за постройкой, пока не прибылъ его приказчикъ, котораго онъ письмомъ вызвалъ къ себѣ. А по веснѣ у насъ начались и другія постройки, и все онъ намъ, благодѣтель нашъ, заново воз-

двигнулъ и церковь нашу обновилъ и благолѣпно преукрасилъ. Когда, по представленію преосвященнѣйшаго владыки о такихъ его попеченіяхъ и пожертвованіяхъ, послѣдовала ему награда орденомъ, такъ онъ разгнѣвался на матушку игуменью и, извините, дурой назвалъ, такъ таки прямехонько въ глаза и выпалилъ ей. Дура, говоритъ, ты безтолковая, и архіерей-то, говоритъ, у васъ, надо быть, безъ понятія, когда, говоритъ, такими пустяшными дѣлами занимается. Теперь уже Галактіонъ Герасимовичъ и старичкомъ, пожалуй, можетъ быть названъ, сѣдина уже замѣтна на головѣ и бородѣ, а все еще такой же бойкій, какъ и прежде, и торопливый и говоритъ скоро таково, даже и понять не всегда возможно. И вѣрите ли, благодѣтельница, встрѣтите на улицѣ, за бѣднаго человѣка примете, за деревенскаго мужичка, таково просто одѣвается, а между тѣмъ нѣтъ въ Россіи обители, нѣтъ такого монастыря, которымъ бы онъ въ нуждахъ ихъ не оказалъ вспомоществованія. На родинѣ своей построилъ монастырь на двѣсти сестеръ, огромнѣйшіе каменные корпуса вытянулъ и обезпечилъ существованіе монастыря на вѣчныя времена, т.-е. чтобы по сбору монахини не ходили никогда, чтобы этого—ни Боже мой! Спаси его, Матерь Божія. Вотъ онъ каковъ, благодѣтель нашъ, Галактіонъ Герасимовичъ. По этому по самому вы уже не поставьте въ вину или во осужденіе наши за него молитвы.

— Что вы, Господь съ вами!—возразила Анна Ѳедоровна:—зачѣмъ я буду осуждать? Это не годится.

Собираясь уходить, монахини по обыкновенію помолились на образа и низко поклонились хозяйкѣ, благодаря за угощеніе.

— Заходите, матушки, почаще, заходите. Уѣдете, когда васъ потомъ увидишь. Заходите—и отдохнете отъ трудовъ вашихъ и пообѣдаете, а потомъ и чайку попьете.

— Безпремѣнно, благодѣтельница, зайдемъ! — пѣвуче отвѣчали обѣ,—только вотъ попасть-то къ вамъ не всегда легко, дворничекъ-то у васъ, надо быть, туговатъ на ухо.

— Почему вы такъ думаете?

— Да такъ... Ужъ простите Господа ради, стучали, стучали мы давеча у калиточки,—нѣтъ ни гласа, ни послушанія...

— Да вы, матушка, за звонокъ дергайте,—объяснила Анна Ѳедоровна,—отъ воротъ у насъ проволока на кухню проведена, и колокольчикъ у самаго окошка къ дворнику. Вы, стало быть, ручку-то у звонка не замѣтили?

— Не замѣтили, благодѣтельница, это точно, что не замѣтили. Грѣшницы мы! Прошлый разъ скорешенько такъ отворили намъ, только разокъ одинъ постучали, а сегодня ужъ, признаться, долгонько...

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, звоните и хорошенько звоните, дергайте за ручку, пока дворникъ не отворитъ.

— Теперь ужъ мы будемъ дергать, потому какъ сами вы, благодѣтельница, насъ на это благословляете. Спаси васъ, Господи! И хозяинъ-то вашъ такой рабъ Божій, благодѣтельный, давеча намъ изъ лавочки своей крикнулъ тоже, чтобы мы, значитъ, безпремѣнно къ вамъ зашли. Помоги ему Царица Небесная!

— Подождите, матушки, минуточку. У меня сегодня гостьи, старушки... Я сейчасъ имъ скажу, пусть ужъ онѣ вмѣстѣ съ вами выйдутъ. Глаза-то у нихъ, знаете, того, плоховаты...

— Такъ, такъ. Что жъ! Мы можемъ и пообождать. Оно даже и лучше... А вотъ и старушки идутъ... Ихъ, стало быть, и проводить...

— Да, да...—подсказала Анна Өедоровна,—не далеко и проводить-то, только до перваго переулка, а тамъ онѣ ужъ дойдутъ, тамъ имъ дорога прямехонько до богадѣленской калитки...

— Что жъ... Это мы, благодѣтельница, можемъ, съ превеликимъ даже удовольствіемъ. Пойдемте, старушки, единовременно.

Старушки копошились съ какими-то узелками, полученными отъ Анны Өедоровны, и вздыхали. Монашенки скрипѣли своими толстыми монастырскаго шитья башмаками и послѣ низкихъ поклоновъ ушли, наконецъ, изъ дома Хомутинникова.

Работникъ Савва, отпирая имъ калитку воротъ, слышалъ, какъ онѣ отзывались о хозяевахъ.

— Благотворительные люди. Спаси ихъ, Господи!

Отзывы богадѣленскихъ старушекъ были сдержаннѣе

— Захаръ Прохоровичъ куда добрѣе,—бормотали онѣ, придерживаясь одна за другую,—и сравнивать нельзя. Скуповата Анна-то Өедоровна, больно скуповата и всегда такая была и прежде и теперь,—все одно. Самъ-то иной разъ по полтинѣ намъ даетъ и ей строго-настрого наказываетъ: ты, говоритъ, давай старушкамъ, безпремѣнно каждый разъ давай по полтинѣ, а она—по гривенкѣ.

Савва заперъ калитку и покачалъ головой.

— Ну, старушки,—проворчалъ онъ,—тоже гостьи называются, чаями ихъ хозяйка накачиваетъ, а онѣ замѣсто того, чтобы, значитъ, благодарность чувствовать,—эвона какія пули отливаютъ. Да за этакое вранье, по-моему, надо прямо подъ разстрѣлъ.

Д. И. Стахѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАКАНУНѢ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ.

(Личныя воспоминанія).

МАРТА 9-го дня 1858 года послѣдовалъ рескриптъ объ открытіи въ Симбирскѣ губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ, а уѣздные остряки сейчасъ же прибавили: или «по ухудшенію быта помѣщиковъ». Программъ для занятій комитета выслано не было, и помѣщики обсуждали только три пункта, присланные при рескриптѣ:

а) чтобы крестьяне немедленно почувствовали, что бытъ ихъ улучшился;

б) чтобы помѣщики успокоились, что интересы ихъ ограждены, и

в) чтобы сильная власть ни на минуту не колебалась, отъ чего ни на минуту же и общественный порядокъ не нарушался бы.

На эти три пункта каждый помѣщикъ смотрѣлъ со своей точки зрѣнія, но такъ какъ никакихъ предварительныхъ указаній не было, то разноголосица доходила до геркулесовыхъ столбовъ. Робкіе люди, особенно тѣ, которые чувствовали за собой крупные грѣхи противъ крестьянъ, обращали вниманіе на третій пунктъ. Вся власть въ уѣздахъ сосредоточивалась въ рукахъ исправника и двухъ становыхъ приставовъ. При крѣпостномъ правѣ знали слова, сказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, что у него 100.000 полицмейстеровъ; но крѣпостное право должно рушиться, а помѣщики и представить себѣ не могли, какая власть замѣнитъ этихъ полицмейстеровъ.

Надо сказать, что до слуха о волѣ въ Симбирской губерніи никогда никакихъ полковъ не стояло, и появленіе какого либо солдата въ деревнѣ считалось рѣдкимъ событіемъ. Мальчишки бѣжали за нимъ по улицѣ, а бабы бросали работу и глазѣли на сѣрую шинель и мѣдныя пуговицы. Послѣ крымской войны Симбирская губернія вошла въ районъ расквартированія войскъ, въ нее привели на зимнія квартиры два пѣхотныхъ полка, и это связывали со слухами о волѣ и съ желаніемъ подкрѣпить власть, въ случаѣ надобности.

Лѣтомъ 1858 года нашъ алатырскій предводитель дворянства Н. А. Поповъ получилъ программу для занятій губернскаго комитета, которую и вручилъ избраннымъ отъ уѣзда членамъ комитета. Въ эту программу входило 10 главъ:

1) о переходѣ крестьянъ въ срочно-обязанные; 2) сущность срочно-обязанныхъ крестьянъ; 3) поземельныя условія помѣщиковъ; 4) усадьбы крестьянъ; 5) надѣлъ землей и угодьями; 6) повинности: казенныя и къ помѣщику; 7) устройство дворовыхъ; 8) образованіе сельскихъ обществъ; 9) права и отношенія помѣщиковъ; 10) порядокъ и способъ исполненія положенія.

Разумѣется, каждый списалъ эту программу, но она представлялась въ видѣ пророчества, которое бываетъ понято только послѣ исполненія его. Не менѣе того, однако, эта подробная программа показала, что освобожденіе крестьянъ есть дѣло сложное, и не скажутъ имъ просто: «вы—люди вольные, ступайте, куда хотите!»

Открытіе симбирскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ назначено было на 25 іюня 1858 г., и къ этому времени собрались въ Симбирскъ: предсѣдатель его, губернскій предводитель дворянства Никол. Тим. Аксаковъ, и члены отъ Симбирскаго уѣзда—Алдр. Льв. Бычковъ, Дм. Никол. Шидловскій и кандидатъ къ нимъ Север. Никит. Лопатинъ; отъ Алатырскаго—уѣзда Дм. Алдр. Мещериновъ, князь Никол. Андр. Оболенскій и кандидатъ къ нимъ, пишущій эти строки Никол. Алдр. Крыловъ; отъ Сенгилеевскаго уѣзда—Алдр. Никол. Татариновъ, Алдр. Ив. Ермоловъ и кандидатъ Андр. Вас. Фатьяновъ; отъ Сызранскаго—графъ Вл. Петр. Орловъ-Давыдовъ, Дм. Никол. Ребровскій и кандидатъ Никол. Ден. Давыдовъ; отъ Корсунскаго — Никол. Петр. Ахматовъ, Конст. Никол. Татариновъ и кандидатъ Дм. Андр. Бестужевъ; отъ Ардатовскаго—Никол. Алдр. Соловьевъ, графъ Алдр. Алдр. Толстой и кандидатъ Ив. Ем. Чарыковъ; отъ Курмышскаго—Дм. Серг. Пазухинъ, Алекс. Ил. Пантусовъ и кандидатъ Пав. Ив. Аристовъ; отъ Буинскаго—Петръ Ст. Есиповъ, Вл. Евгр. Аргамаковъ и кандидатъ Мих. Мих. Герасимовъ. Кромѣ избранныхъ отъ дворянъ, было назначено два члена отъ правительства: Мих. Серг. Ланской и Вл. Андр. Хвощинскій.

Члены комитета тотчасъ же приступили къ работѣ, а кандидаты отправились въ свои уѣзды, чтобы давать дополнительныя свѣдѣнія, какія потребуются. Хотя свѣдѣній почти не требовалось, но я велъ оживленную переписку съ Мещериновымъ. А такъ какъ секретовъ въ комитетѣ не было, то съ его работами я знакомилъ своихъ сосѣдей. Нельзя, однако, сказать, чтобы пониманіе дѣла росло по мѣрѣ его разработки въ комитетѣ. Росло скорѣе недовольство на тѣ мнѣнія, которыя высказывались либеральными или, лучше сказать, безкорыстными членами.

Въ свою очередь и симбирскій комитетъ на первое время не всталъ на собственныя ноги, а прислушивался къ тому, что говорятъ и дѣлаютъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Этимъ особенно отличалась партія крѣпостниковъ, и мысли этой партіи были господствующими во всѣхъ уѣздахъ Симбирской губерніи. Про тѣхъ же людей, которые высказывались за эмансипацію крестьянъ, говорили, что они измѣнники.

Алатырскій предводитель дворянства Н. А. Поповъ жилъ открыто, отличался своимъ гостепріимствомъ, и у него всегда можно было найти хорошихъ собесѣдниковъ. До воли разговоръ между помѣщиками рѣдко выходилъ изъ круга ежедневной жизни и даже изъ сезонной жизни. Зимой говорили о картахъ, о цѣнахъ на хлѣбъ и о хитрыхъ плутовствахъ въ судѣ, въ палатахъ и въ откупу. Весной—объ озимяхъ и о ружейной охотѣ на утокъ и бекасовъ; лѣтомъ объ урожаѣ, а осенью—только объ охотѣ съ борзыми и гончими. Когда же стали подготовляться къ волѣ, то замѣтно перемѣнились и разговоры; эта воля всѣхъ задѣвала за живое, незаложенныхъ имѣній почти не было, а хозяйство у всѣхъ велось, спустя рукава.

Помѣщиковъ особенно поражали слухи изъ Петербурга, что личный трудъ крестьянъ не будетъ подлежать выкупу, что будетъ выкупаться только земля, которая пойдетъ въ надѣлъ крестьянамъ, а сами крестьяне отпустятся даромъ на волю. Часто можно было слышать горячіе возгласы:

— Какъ такъ! я купилъ крестьянъ, чтобы они мнѣ работали; это—моя собственность, а у меня ихъ отнимаютъ даромъ, да гдѣ же справедливость?

— А я заложилъ крестьянъ въ опекунскомъ совѣтѣ,—перебивалъ другой,—у меня и свидѣтельство дано, что я заложилъ столько-то душъ, а не десятинъ земли; слѣдовательно эти крестьяне есть мое имущество, какъ же у меня его безъ суда отнимать?

— А вотъ Бобылевъ, такъ онъ на вывозъ покупалъ крестьянъ,—добавлялъ третій,—и онъ на свой счетъ ихъ перевозилъ въ Оренбургскую губернію и тамъ селилъ ихъ на своей землѣ. Они ему еще и четверть цѣны не отработали; неужели и у него даромъ ихъ отпустятъ?

По большей части эти вопросы оставлялись безъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, потому что никто вѣрнаго не зналъ, какъ правительство выйдетъ изъ такихъ сложныхъ и запутанныхъ отношеній. Спорящіе не предвидѣли, что манифестъ царя потребуетъ отъ нихъ «уваженія къ достоинству человѣка и великаго гражданскаго подвига въ духѣ мира и доброжелательства».

Выкупъ за личность крестьянъ требовали не только помѣщики медвѣжьихъ угловъ, но и тѣ выдающіяся лица, которыхъ приглашали въ главный комитетъ. Между тѣмъ этихъ лицъ было только по одному отъ губерніи, т.-е. ихъ профильтровывали изъ 100.000 полицмейстеровъ, набрали 42 человѣка наилучшихъ изъ имперіи, но и половины изъ нихъ не выискалось съ гражданской доблестью, чтобы итти впереди вѣка и вести за собой, если не всю толпу, то хотя бы передовыхъ изъ толпы. И если были отдѣльныя личности, готовыя на великій гражданскій подвигъ, то это были осколочки людей 14-го декабря и близкихъ къ нимъ. Къ этимъ осколочкамъ пристали тѣ свѣжія головы, которыя не разставались съ книгой.

Эмансипаторы знали силу книги и вѣрили въ нее. Съ помощію цензурнаго комитета эмансипаторы направляли печать къ своей благородной цѣли и распоряжались ею, какъ клавишами. Толстые журналы того времени такъ подготовили сбщество ко дню 19 февраля 1861 года, что тѣ помѣщики, у которыхъ не особенно толстая кожа, стыдились казаться и быть крѣпостниками. Послѣ прочтенія манифеста 19 февраля, когда дѣло было объявлено безповоротно рѣшеннымъ, подъемъ духа былъ замѣтенъ повсемѣстно, какъ у крестьянъ, такъ и у помѣщиковъ. Охлажденіе этого подъема началось тогда, когда государственный вопросъ былъ оконченъ, и когда начались подробности, споры о межахъ, о прогонахъ для скота, о работахъ, бревнахъ, хворостѣ и другихъ матеріальныхъ предметахъ хозяйства. Тогда помѣщики уже забыли личный трудъ крестьянъ и поняли, что въ земледѣльческомъ дѣлѣ на первомъ планѣ стоитъ земля, а руки для работы найдутся. Въ свою очередь и крестьяне никакъ себѣ не могли представить, чтобы они остались на ничтожныхъ клочкахъ земли. Большинство ихъ почему-то было увѣрено, что вся земля отойдетъ имъ, а всѣхъ помѣщиковъ царь на жалованье возьметъ.

Въ крѣпостное время хотя помѣщики вообще лишней земли не давали своимъ крестьянамъ, но въ то время, когда работали губернскіе комитеты, многіе крѣпостники округляли свои владѣнія и отнимали лучшія земли отъ крестьянскаго надѣла, а крестьянъ тѣснили къ буграмъ и оврагамъ. Нѣкоторые же дальновидные богатые люди переселяли цѣлыя селенія на песчаныя и глинистыя площади, чтобы усадьбы этихъ селеній, ихъ гумна, коноплянники, навозники и огороды присоединять къ помѣщичьимъ пашнямъ.

Такія обиды крестьянъ дѣлались явно; плачъ мужиковъ раздавался по всему уѣзду, но отвратить это зло было невозможно, потому что все это производилось въ силу крѣпостного права. По ст. 4138 тома IX всѣ строенія крестьянъ считались собственностію помѣщика, и онъ былъ въ правѣ не только все ломать и переносить, но вырубать сады, насаженные крестьянами и переходившіе у нихъ изъ рода въ родъ. Если бы подобное зло могло прійти въ голову, то, понятно, вмѣстѣ съ изданіемъ перваго рескрипта о волѣ (20 ноября 1857 года) слѣдовало бы оговорить, что съ сего момента усадебная осѣдлость крестьянъ остается въ постоянномъ ихъ пользованіи за установленныя повинности. Такая оговорка явилась уже послѣ, вмѣстѣ съ манифестомъ 19 февраля 1861 года, а до этого манифеста больше трехъ лѣтъ лились слезы крестьянъ, когда разрушалось ихъ достояніе, накопленное сотнею лѣтъ. Это переселеніе было тяжелѣе пожара. Огонь истреблялъ только избу и дворъ, а прихоть и жадность помѣщика отнимала все.

Въ это же время помѣщики, вмѣсто узкаго разговора о картахъ и собакахъ, расширяли свой кругозоръ и говорили «о подрывѣ ихъ собственности; о зыбкой почвѣ, на которую становится государство» и т. п. И въ это же время помѣщики искренно сожалѣли своихъ крестьянъ въ томъ, что ихъ крестьяне изъ отеческихъ рукъ помѣщика перейдутъ въ черствыя руки чиновниковъ.

Разговоръ о черствыхъ рукахъ, помню, возникъ по поводу письма изъ сосѣдней Самарской губерніи, гдѣ этотъ вопросъ разбирался въ губернскомъ комитетѣ, и тамъ кто-то предложилъ сѣчь крестьянъ розгами до 50 ударовъ. Если же крестьянинъ пожелаетъ откупиться отъ розогъ, то брать съ него по 30 коп. сер. за каждый ударъ. Такое постановленіе было принято большинствомъ самарскаго комитета, но, по протесту помѣщика Луцкаго, самарскій губернаторъ К. Н. Гротъ вмѣшался въ дѣло и горячо доказывалъ, что нельзя дѣлать такого различія между крестьянами и подвергать розгамъ только однихъ несостоятельныхъ.

Говорили и о пермскомъ комитетѣ, который ограничивалъ наказаніе розгами до 50 ударовъ, а въ случаѣ замѣны розогъ палками опредѣлялъ давать не болѣе 15 палокъ.

Московскій комитетъ вовсе избавлялъ крестьянъ отъ розогъ; а князь Черкасскій гдѣ-то печатно заявилъ, что, по примѣру апостоловъ Петра и Павла, крестьянамъ можно давать «сорокъ ударовъ безъ одного». Печать подхватила это выраженіе и долго варіировала его на всѣ лады.

Томъ XV улож. о наказ. того времени въ ст. 78 приравнивалъ 100 ударовъ розогъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ отъ 4 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Волостнымъ же расправамъ по тому XII предоставлялось право наказывать казенныхъ крестьянъ розгами до 60 ударовъ. Въ положеніи 19 февраля 1861 года розги удержаны

только въ волостномъ судѣ до 20 ударовъ, при размѣрѣ денежнаго взысканія съ крестьянъ до 3 рублей. Эта расцѣнка вдвое ниже самарской, и приходится только 15 коп. за ударъ. Размѣръ 20 ударовъ розгами былъ предоставленъ и мировымъ посредникамъ, при maximum'ѣ взысканія до 5 рублей, что составляетъ 25 коп. за ударъ. По улож. о наказ. въ п. 4 ст. 82: «Арестъ, на время отъ одного до трехъ дней, можетъ быть замѣненъ розгами отъ трехъ до десяти ударовъ».

Вся эта очень краткая градація помѣщена здѣсь въ полной надеждѣ, что къ будущему юбилею освобожденія крестьянъ освободятъ ихъ и отъ тѣлеснаго наказанія въ волостныхъ судахъ, и розги отойдутъ въ область преданій.

Крокодиловы слезы помѣщиковъ о своихъ крестьянахъ не ограничивались одними розгами и чиновниками. Съ освобожденіемъ крестьянъ, они избавлялись отъ суда владѣльца и переходили въ вѣдѣніе уѣздныхъ судовъ и уголовныхъ палатъ. Легендарные разсказы о закрытыхъ дореформенныхъ судахъ уже стали забываться, и есть оригиналы, которые были бы рады вернуться опять къ безгласному бумажному суду. Для иллюстраціи этого дореформеннаго суда привожу случай, въ который вѣрили всѣ обыватели конца 50-хъ годовъ, но который, вѣроятно, не больше, какъ анекдотъ объ остроуміи предсѣдателя симбирской уголовной палаты.

Крестьянинъ с. Кладбищъ Алатырскаго уѣзда ограбилъ торговца. На слѣдствіи онъ признался, его засадили въ острогъ, алатырскій судъ его обвинилъ, и дѣло перешло въ уголовную палату, гдѣ брали и съ живого и съ мертваго. Въ видѣ задатка въ палатѣ было дано сто рублей, и обвиняемаго выпустили изъ острога на поруки. Освобожденный грабитель укралъ у одного купца 600 рублей, которые и передалъ въ палату. Палата усмотрѣла изъ дѣла, что надъ обвиняемымъ не сдѣланъ «повальный обыскъ», т.-е. опросъ его одножителей о поведеніи. При обыскѣ въ поведеніи его не одобрили. Палата рѣшила: такъ какъ обвиняемый въ поведеніи не одобренъ, то вѣры его признанію не давать; приговоръ уѣзднаго суда отмѣнить, а обвиняемаго отъ суда освободить.

О реформѣ суда въ то время еще слуха не было, а между тѣмъ каждый зналъ, что въ слѣдственной комиссіи и въ судѣ дѣлаютъ изъ мухи слона и изъ слона муху. Все зависѣло отъ количества взятокъ и отъ ловкости судей, секретарей, стряпчихъ и полиціи, которая до введенія въ 1861 году судебныхъ слѣдователей вчинала дѣло, производила слѣдствіе и давала извѣстное направленіе дѣлу. Нерѣдко случалось, что на кого у полиціи былъ зубъ, то слѣдствіе тянулось два и три года, пока попадало въ судъ, а затѣмъ въ судѣ шла бумажная процедура пять и шесть лѣтъ. Остроги того времени были переполнены подслѣдственными и состоящими подъ судомъ. Быстрое наказаніе розгами считалось

за особое снисхожденіе начальства, разъ не сгноило въ острогѣ. Но розги все-таки требовали извѣстной процедуры, а потому становые, исправники и засѣдатели замѣняли ихъ собственноручной расправой, которая никого никогда не удивляла.

Къ такой же расправѣ прибѣгали и помѣщики, не въ пылу гнѣва или невольной вспышки, а при полномъ сознаніи, что бить мужика необходимо. Они били ихъ при своихъ женахъ и взрослыхъ дочеряхъ, при гостяхъ и совершенно стороннихъ. Помѣщики не стыдились даже за парадным объдомъ иногда призвать повара въ столовый залъ и велѣть вылить ему тарелку супа на голову, если супъ былъ не вкусенъ, или измазать лицо соусомъ, если онъ былъ неудачно приготовленъ. Въ свою очередь и помѣщицы били и сѣкли прачекъ, горничныхъ, кружевницъ, пяличницъ и другихъ крѣпостныхъ женщинъ и дѣвушекъ. Подвернется подъ руку чужая или наемная прислуга, то и ей спуска не давали, зная полную свою безнаказанность. Воспитанныя при своихъ матеряхъ дочери выходили замужъ въ такія же семьи, и изъ нихъ-то вырабатывались разныя легендарныя Салтычихи, про которыхъ разсказы въ подмосковныхъ деревняхъ и по всей Руси ходятъ до сихъ поръ.

Въ то время, когда подъ вліяніемъ новаго царствованія въ полкахъ и батареяхъ переставали драться молодые офицеры, крѣпостная Русь не знала удержу своему кулаку. Вторая легкая батарея стояла въ громадномъ селѣ помѣщика Ш. въ Харьковской губерніи. Офицеры были у Ш. въ гостяхъ: всѣмъ подали лошадей, чтобы ѣхать въ ближайшій монастырь ко всенощной. Ш. съ женой пошли впередъ, а офицеры съ его дочерьми потянулись сзади. Лакеи во фракахъ, щеголеватые и молодцы собой, распахнули двери и вытянулись у косяковъ. Г-жа Ш. на одного изъ нихъ жаловалась въ чемъ-то мужу, и онъ, проходя мимо, трахнулъ его по лицу.

— Да не этого!—съ сердцемъ закричала жена на мужа.

Ш. повернулся къ другому лакею и съ такой же силой ударилъ его кулакомъ по лицу. Барышень-хохлушекъ это нисколько не покоробило, и онѣ кокетливо продолжали улыбаться съ офицерами.

Въ концѣ 30-хъ годовъ по всей Россіи ходилъ слухъ, въ который крестьяне и дворовые вѣрили и при насъ дѣтяхъ говорили, что по деревнямъ водятъ барыню-людоѣдку, и скоро приведутъ къ намъ. Барыня ѣла маленькихъ дѣтей; за это царь велѣлъ продѣть ей черезъ губу и щеку больницу (медвѣжье кольцо), и ее на цѣпи водятъ, какъ медвѣдицу, чтобы другимъ было неповадно! Съ барыней водятъ тоже камердинера, который отбиралъ у крестьянъ дѣтей, и повара, который ихъ жарилъ. Разумѣется, этому слуху всѣ крѣпостные очень радовались, и съ каждаго базара привозили все новыя и новыя подробности.

Изъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ дѣтствѣ, остался въ памяти разсказъ о жестокомъ помѣщикѣ, котораго дворовые сѣкли въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока онъ не поклялся молчать, не жаловаться и не наказывать за урокъ. Помѣщикъ поклялся, съѣлъ горсть земли и будто бы дѣйствительно молчалъ и не мстилъ дворовымъ.

Въ 50-хъ годахъ, до слуховъ о волѣ, въ Симбирской губерніи было нѣсколько громкихъ дѣлъ объ убійствѣ крѣпостными крестьянами своихъ помѣщиковъ. Такъ въ селѣ Устеренѣ Корсунскаго уѣзда крестьяне подожгли суконную фабрику и въ огонь бросили живого тирана. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ убили на конопляннникѣ помѣщика за то, что онъ практиковалъ jus primae noctis. И наконецъ уже передъ самой волей утопили въ рѣкѣ Менѣ молодого развратнаго негодяя. По извлеченіи трупа изъ воды, при судебномъ вскрытіи было обнаружено, что ему чѣмъ-то прошибли черепъ и потомъ мертваго бросили въ воду. Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаяхъ виновные не были обнаружены, и потому была употреблена общая фраза: «крестьяне сожгли, крестьяне убили».

Послѣ послѣдняго случая въ 1857 году нашъ уѣздный предводитель получилъ секретное распоряженіе—повліять на богатаго помѣщика Г. Я. К., чтобы онъ не занимался подобными же дѣлами. Предводитель написалъ къ Г. Я. К. письмо, результатомъ котораго было то, что онъ всѣхъ потерпѣвшихъ одарилъ деньгами, а одной двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ подарилъ съ барскаго двора корову. Самъ же онъ уѣхалъ изъ своего имѣнія; для управленія прислалъ приказчика и совершенно исчезъ изъ Алатырскаго уѣзда. Пересудовъ и разговоровъ объ этомъ помѣщикѣ было очень много, какъ среди крестьянъ, такъ и между помѣщиками. И помню, что отъ него никто не отворачивался, всѣ ему руку подавали, и у всѣхъ онъ былъ желаннымъ гостемъ: въ преферансъ игралъ по большой, а игралъ очень разсѣянно. Крестьяне относились къ нему строже, подавали просьбы архіерею, губернатору, губернскому предводителю и жандармскому полковнику, но всѣ эти просьбы были анонимныя; ихъ оставляли безъ послѣдствій, и онъ безобразничалъ болѣе 15 лѣтъ почти у всѣхъ на глазахъ. Но въ дореформенное время и не такія дѣла проходили даромъ!

Не меньшую обиду до воли и до введенія мировыхъ посредниковъ терпѣли крестьяне отъ откупной системы. При откупѣ всѣ власти были подкуплены, или, какъ говорили крестьяне, «всѣ были на откупу». Единственнымъ защитникомъ крестьянъ могъ бы быть ихъ помѣщикъ, но онъ тоже былъ подкупленъ, потому что откупщикъ платилъ ему деньгами и водкой, чтобы держать кабакъ въ его имѣніи. За право торговать водкой въ барскихъ селахъ, гдѣ были пристани, базары и ярмарки, откупъ платилъ помѣщикамъ

иногда до 10.000 рублей въ годъ. Водка на барскій дворъ отпускалась въ 40^0 и хорошо очищенная, которая называлась «дворянская». По той же цѣнѣ, 3—4 рубля за ведро, крестьянамъ отпускали въ 15^0 и 20^0, совершенно не очищенную. Жаловаться было некому, приходилось расплачиваться и терпѣть. Крестьяне и помѣщики терпѣли, пока вся Симбирская губернія была въ рукахъ одного откупщика Александра Павловича Шипова. Онъ платилъ щедро, но только тѣмъ, кто управлялъ губерніей и уѣздами; онъ деньгами не сорилъ на мелкихъ пѣшекъ, и они подчинялись властямъ. Но при отдачѣ откуповъ на новые сроки, съ 1857 года, на уѣзды Ардатовскій и Алатырскій была сдѣлана значительная наддача, и Шиповъ этихъ уѣздовъ лишился; они попали въ руки мелкихъ дѣльцовъ. Эти новые откупщики стали подкупать не главныхъ начальниковъ, а мелкихъ исполнителей, начиная съ разсыльныхъ.

Усердіе мелкихъ исполнителей въ пользу откупа простиралось до того, что они выливали квасъ на базарахъ у торговокъ, били корчаги, въ которыхъ крестьянки затирали брагу для свадебъ, бросали и топтали въ грязь хмель, набранный мужиками въ лѣсахъ, и наконецъ запрещали даже ростить солодъ для браги. Они требовали, чтобы никто не смѣлъ ставить брагу и квасъ ни для себя, ни для продажи на базарахъ и ярмаркахъ: «Иди пить пиво и брагу въ кабакѣ, а больше нигдѣ не смѣй!» Становые поддерживали такой произволъ, и терпѣніе крестьянъ лопнуло: въ одну недѣлю въ двухъ уѣздахъ было разбито и разграблено 16 кабаковъ и ярмарочныхъ выставокъ (балагановъ). Началось съ села Липовки, помѣщика П. М. Мачеваріанова, Ардатовскаго уѣзда, гдѣ бываетъ ярмарка 8-го іюля, въ день храмового праздника Казанской Божіей Матери. Такъ какъ тутъ мнѣ пришлось играть нѣкоторую роль, то это народное движеніе осталось у меня хорошо въ памяти.

Имѣніе мое въ шести верстахъ отъ Липовки, съ которой мы одного прихода, и поэтому всѣ мои крестьяне были на ярмаркѣ; я сидѣлъ дома. Неожиданно прискакалъ изъ Липовки мой крестьянинъ, вбѣжалъ въ комнату и, едва переводя духъ, торопливо говоритъ:

— Батюшка, Николай Александровичъ! у насъ бѣда, въ Липовкѣ разбили кабакъ, моего Егорку арестовали и другихъ нашихъ мужиковъ ловятъ и сажаютъ.

Мигомъ вскочилъ я безъ сѣдла на свою охотничью лошадь и понесся. На половинѣ дороги встрѣчаю я своего мужика въ телѣгѣ, лошадь въ пѣнѣ, скачетъ домой.

— Куда ты, Ѳедоръ Романычъ?

— Къ вамъ, батюшка. Народъ кабакъ разбилъ, а моего Ваньку десятники заперли; Сибирью пугаютъ, выручите Христа ради!

— Ничего, не бойся, кабакъ не церковь!—отвѣтилъ я и поскакалъ дальше.

Оглянулся, вижу: Ѳедоръ стоитъ въ телѣгѣ, бьетъ лошадь и гонитъ опять въ Липовку.

Подъѣхалъ я къ Мачеваріанову, вхожу въ домъ этого знаменитаго охотника и вижу, что его дворовые люди съ ружьями, на всѣхъ окнахъ разложены двухстволки, а его сыновья отъ 12 до 16 лѣтъ готовы въ бой. Мачеваріановъ встрѣчаетъ меня съ озабоченнымъ лицомъ.

— Какъ кстати вы пріѣхали,—говоритъ онъ,—у насъ разбили кабакъ, мужики пьютъ, а напьются и полѣзутъ грабить помѣщиковъ.

— Полноте, Петръ Михайловичъ! Велите убрать ружья и снять кинжалы. Мужики злы на откупъ, а насъ они не тронутъ, они спокойно подождутъ воли.

— Нѣтъ, Николай Александровичъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ:—пьяный народъ на все способенъ, ружья я не уберу, а людей, пожалуй, отпущу.

— Ваши десятники арестовали моихъ мужиковъ; разбивали кабакъ всѣ окрестныя села, а арестованы только мои; это несправедливо. Велите ихъ выпустить. Зачѣмъ же они будутъ отвѣчать за всѣхъ?

Мачеваріановъ распорядился, чтобы ихъ освободили, а я пошелъ на ярмарку посмотрѣть народную сцену.

На площади кругомъ церкви женщины и дѣти караулили лошадей, а 3 или 4 тысячи мужиковъ толпились вокругъ кабака. Плетневыя стѣны и крыша кабака были сброшены въ оврагъ, стойки поломаны, стеклянная посуда побита, а у двухъ сороковыхъ бочекъ днища выбиты, и бочки поставлены на попа. Лица у мужиковъ сіяющія, но пьяныхъ почти нѣтъ. Всѣ передо мной вѣжливо снимали шапки и наперерывъ жаловались на письмоводителя станового и на разсыльнаго, которые опрокидывали на улицу брагу у торговокъ и выливали даже квасъ.

— День жаркій, въ горлѣ пересохло, у бабенокъ ковшикъ браги копейка, а письмоводитель въ кабакѣ велитъ пить по пяти копеекъ стаканчикъ. Моченьки не стало у мужиковъ, вотъ и вздурились, опрокинули кабакъ въ оврагъ,—пояснилъ мнѣ чей-то сторонній.

Я подошелъ къ разбитой посудѣ, мужики вѣжливо давали мнѣ дорогу; вездѣ пахло сивухой, и отъ пролитой водки была грязь.

— Вы, баринъ!—обратился ко мнѣ чей-то сторонній съ умнымъ и бойкимъ лицомъ:—будьте свидѣтель, что мы не грабили кабака, шкалика никто не утаилъ, а такъ какъ стѣну опрокинули, то полки съ посудой и грохнули на полъ; вотъ стекла отъ посуды, а вино все въ землю ушло.

— Ну, а гдѣ же выручка и цѣловальникъ?—спрашиваю я.

— Ему сегодня праздникъ!—смѣясь отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ:—выручка вся у него за пазухой. Продалъ на сто рублей, а покажетъ хозяину половину: остальное, скажетъ, мужики разграбили, кто его теперь усчитаетъ?

Черезъ нѣсколько дней пріѣхало въ Липовку «временное отдѣленіе» для производства слѣдствія. Я былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, и хотя я указывалъ на самоуправство письмоводителя и разсыльнаго, которые опрокидывали квасъ и брагу и тѣмъ возбудили народъ, но протоколъ мнѣ ни читать, ни подписывать не дали. Виновныхъ никого не обнаружили, временное отдѣленіе уѣхало, а исправникъ, князь Чегодаевъ, и я остались обѣдать у Мачеваріанова. Большая часть разговора была посвящена разбитію кабаковъ, при чемъ главный виновникъ все-таки былъ самъ откупъ.

Князь Чегодаевъ и Мачеваріановъ были старые товарищи по школѣ колонновожатыхъ (нынѣ академія генеральнаго штаба). Учились оба прекрасно и до старости лѣтъ не оставляли книгъ. Военная жилка кипѣла у обоихъ, разговоръ коснулся Крымской войны, незадолго передъ тѣмъ окончившейся Парижскимъ миромъ. И вотъ этотъ-то позорный миръ жестоко тревожилъ сердца стариковъ. Они хорошо помнили войну съ Турціей 1828 года, говорили, что воровство интендантскихъ чиновниковъ и тогда было сильно, но далеко не доходило до размѣровъ Крымской войны.

Въ сосѣдствѣ съ Мачеваріановымъ, въ селѣ Шамаринѣ, жилъ тогда свѣжій старикъ Александръ Адріановичъ Поповъ, который воевалъ съ 1805 года подъ Аустерлицемъ и до 1815 года во Франціи. Подъ Бородинымъ онъ командовалъ баталіономъ въ чинѣ капитана, а въ Парижъ вступилъ уже полковникомъ. Все время служилъ во фронтѣ, штабныхъ не любилъ и называлъ интриганами, а интендантскихъ называлъ ворами. О войнѣ и старинѣ любилъ вспоминать, и мы, сосѣди, представители трехъ войнъ: Поповъ 1812 г., Мачеваріановъ—1828 и 1830 годовъ и пишущій эти строки—1854—1855 годовъ, иногда спорили, въ которой изъ войнъ больше воровали.

Поповъ увѣрялъ, что во время войны 1805, 1807 и 1812 годовъ интендантство такъ искусно распоряжалось, что всѣ деньги были только въ его рукахъ. Командиры полковъ, батарей и другихъ боевыхъ единицъ, отрядовъ и частей распоряжались только квитанціями, по которымъ уплачивало само интендантство. При реквизиціяхъ же и фуражировкахъ сытымъ можно быть, а богатымъ не будешь. Въ русской арміи говорили, что Наполеонъ I предлагалъ главному своему интенданту Массену милліонъ франковъ въ годъ, чтобы онъ только не воровалъ. Массенъ отвѣтилъ, что онъ не возьметъ милліона, потому что получаетъ безнаказанно два милліона.

Мачеваріановъ ставилъ военное хозяйство уже ступенькой ниже и говорилъ, что не одно интендантство наживало денежки, но и полковые командиры нерѣдко послѣ войны покупали имѣнія.

— Но это было только начало дѣла,—прибавлялъ онъ:—настоящее хозяйство пошло тогда, когда послѣ 1830 года кавалерійскіе полки начали раздавать для поправки своего состоянія, для уплаты долговъ и другихъ невоенныхъ цѣлей. Вотъ это-то мирное воспитаніе и подготовило то военное хозяйство, о которомъ можетъ разсказать представитель послѣдней войны 1854—1855 годовъ.

Мнѣ оставалось сказать, что мирная подготовка дала блестящіе плоды, и главное потому, что никто даже изъ молодежи не удивлялся и не поражался тѣмъ цинизмомъ, съ которымъ производились всѣ махинаціи съ казенными деньгами. Пресловутый интендантъ Затлеръ былъ только козлищемъ отпущенія; онъ былъ, какъ клапанъ, черезъ который изливалась накипѣвшая желчь, чтобы не задѣвать фронтовыхъ. Впослѣдствіи вышла «Изнанка Крымской войны» Н. Н. Обручева, а потомъ «Изнанка налицо»—Затлера, но въ нихъ нѣтъ ариѳметическаго подсчета, кто больше заработалъ—интенданты или полковые. Нѣтъ также указаній на то, чьи жены больше накупили имѣній. Анекдотическая же сторона по остроумію и находчивости, разумѣется, на сторонѣ интендантовъ.

Какъ примѣръ находчивости, Поповъ разсказалъ, что при отступленіи нашемъ къ Смоленску велѣно было сжигать всякое продовольствіе: хлѣбъ, сѣно, солому, а скотъ отгонять въ стороны отъ дороги, чтобы французамъ ничего не доставалось. Интенданты воспользовались этимъ и показывали въ отчетахъ, что они дѣлали запасы хлѣба и сѣна на сотни тысячъ рублей для русской арміи, и все должны были сжечь.

Въ войну 1854 года ходилъ другой анекдотъ. Когда наши войска были подъ Силистріей, то интенданты будто бы заготовили солонину для всей арміи. Купили тысячу быковъ по двойной цѣнѣ; нанимали для нихъ пастбища и пастуховъ по тройной цѣнѣ. Затѣмъ тратили деньги на убой этихъ быковъ, на раздѣлку ихъ, на соль, селитру и соленіе, на дубовую посуду, на подвалы, на подвозку льда и набивку погребовъ, на охрану товара и т. д. Когда же наши войска ушли отъ Дуная въ Крымъ, то будто бы солонина начала портиться и потребовала новыхъ расходовъ на то, чтобы ее сжечь.

Спору нѣтъ, что ариѳметика 1854-го года много опередила простой, нехитрый счетъ 1812-го года. Ни сѣна, ни быковъ, ни соли никто не покупалъ и не заготовлялъ, все это дѣлалось только на бумагѣ, но видно, что бумажная бюрократія не потеряла сорокъ лѣтъ даромъ, а достигла совершенства. Такое совершенство пригодилось и при откупной системѣ, для описанія которой во всей подробности время, однако, еще не наступило, и исторія кое-о-чемъ должна пока

умалчивать; о мужикахъ же могу сообщить, какъ разрушеніе кабаковъ перешло въ Алатырскій уѣздъ.

Въ Алатырскомъ уѣздѣ дѣло это возникло не изъ подражанія сосѣднему Ардатовскому уѣзду, а самостоятельно. Надо сказать, что почти во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ нибудь въ оврагѣ или за околицей, до 1858 года существовали крестьянскія пивоварни. Плетневыя стѣны, крыша изъ дранья, котелъ пропорціонально населенію, бродильный чанъ, двѣ-три отстойныхъ посудины, и этимъ ограничивалось все оборудованіе. Ни кубовъ, ни змѣевиковъ для отгона водки нигдѣ я не видалъ, и ихъ не было.

Пиво къ храмовымъ праздникамъ и для осеннихъ свадебъ варилось крестьянами складчиной. Каждый приносилъ натурой пуда полтора солоду, муки, хмелю и дровъ нѣсколько полѣнъ. Отъ міра наряжались 3—4 старика для варки пива; а по изготовленіи его съ каждаго двора привозился боченокъ, въ который наливалось пиво по расчету на пудъ солода 10 ведеръ пива; охлаждалось же оно на своихъ ледникахъ. Откупщикъ понималъ, что село въ сто дворовъ выпиваетъ болѣе тысячи ведеръ пива, и это крестьянское пойло замѣняетъ мужикамъ водку, по крайней мѣрѣ, ведеръ на сто. Сколько и кому было подарено, еще рано говорить; но въ одинъ прекрасный день получено было изъ губерніи предписаніе уничтожить крестьянскія пивоварни, такъ какъ на нихъ сокрыты змѣевики и кубы, и производится корчемная водка. Предписаніе къ исправникамъ привезъ чиновникъ особыхъ порученій губернатора, который по секрету сказалъ, что если будутъ уничтожены рѣшительно всѣ пивоварни, то начальству это будетъ очень пріятно.

Понятное дѣло, что сейчасъ же во всѣ села поскакали становые, ихъ письмоводители и разсыльные, и пивоварни въ уѣздѣ были уничтожены. Крестьяне сейчасъ же придумали сказку, что царь прислалъ своего гонца, который на золотомъ сѣдлѣ ѣздитъ и говоритъ, что кабаки не церковь, что ихъ надо разбивать. Въ Алатырскомъ уѣздѣ разносъ кабаковъ начался съ села Мишукова удѣльнаго вѣдомства. Вечеромъ крестьяне собрались шумной толпой къ кабаку, выбили рамы, цѣловальникъ убѣжалъ, шкалики разграбили, а водку въ бочкахъ раздѣлили. А такъ какъ изба подъ кабакомъ была удѣльная, то и ее разнесли, какъ только было возможно. Простѣнки между окнами вышибали бревномъ въ видѣ тарана, печь разобрали по кирпичамъ, двери, сѣни и клѣти исковеркали; словомъ, отмстили за свою пивоварню!

Быстро нагрянула полиція; откупъ не жалѣлъ денегъ на подкупъ крестьянъ для указанія, гдѣ и у кого спрятана разграбленная водка; обыски, выемки, острогъ и подводы такъ напугали окрестныя села, что въ Алатырскомъ уѣздѣ было разбито не болѣе пяти кабаковъ.

Такъ какъ откупъ не заискивалъ у помѣщиковъ, то и они смотрѣли на него, какъ на вопіющее зло. Помню разсказъ про помѣщика Саранскаго уѣзда Пензенской губерніи, г. Панова. Лихой гусаръ, ѣздокъ, силачъ и отчаянный псовый охотникъ, онъ разъ ѣхалъ изъ Ардатовскаго уѣзда въ тарантасѣ на тройкѣ, и его на границѣ Саранскаго уѣзда, гдѣ начинался районъ другого откупщика, кордонъ остановилъ и осмотрѣлъ, не провозитъ ли онъ водку. Панова это взорвало, и онъ дозволилъ своимъ псарямъ, выжлятникамъ, доѣзжачимъ и стремяннымъ на барскихъ охотничьихъ лошадяхъ ѣздить съ большими флягами за водкой въ Ардатовскій уѣздъ, верстъ за 15 отъ его имѣнія. Компанія ухарей-охотниковъ на прекрасныхъ скакунахъ изъ молодечества снабжала чуть не все село дешевой водкой, къ большой досадѣ кордонныхъ и повѣренныхъ пензенскаго откупщика. Дерзость откупщика противъ помѣщиковъ кончилась тѣмъ, что начали разбивать кабаки въ Саранскомъ уѣздѣ, а потомъ это перешло и на другіе уѣзды, такъ что въ 1858 году въ Пензенской губерніи было разбито до сотни кабаковъ. Разумѣется, помѣщики не потакали и не подстрекали на это буйство крестьянъ, но и того достаточно было, что эти полицмейстеры ненавидѣли откупъ и открыто передъ дворовыми высказывали свое сочувствіе разгрому откуповъ.

Въ печати тогда обсуждался проектъ Киттары объ акцизной системѣ. По всему было видно, что откупъ отживаетъ свой вѣкъ; газетамъ и журналамъ дозволено было обличать взяточничество, даже не стѣсняясь чиномъ IV класса, и у взяточниковъ стало жечь руки, и ладони стали очень чувствительны ко взяткамъ. Помню, какой-то губернаторъ печатно заявилъ, что онъ ничего не беретъ съ откупа. Вслѣдъ за этимъ появляется статья въ газетѣ, что «губернаторъ N—ской губерніи тоже не беретъ, о чемъ и объявляетъ». Черезъ недѣлю отъ этого губернатора является опроверженіе, что «онъ никогда не объявлялъ, что онъ не беретъ, что такое объявленіе вымышленное». Газеты подхватили и перепечатали, что «губернаторъ N—ской губерніи опровергаетъ извѣстіе, что будто онъ не беретъ взятокъ съ откупа». Всякій понялъ такъ, что, значитъ, беретъ.

Здѣсь кстати напомнить, что когда была введена акцизная система, послѣ введенія положенія 19 февраля, то отмѣну откупа крестьяне называли «второй волей». Все зло откупа и все его развращающее вліяніе на всю администрацію теперь забыто, и очень немудрено, что когда разочаруются въ монополіи, то явятся опять проекты на введеніе откупной системы, которая всегда можетъ удвоить доходъ казны при спаиваніи народа.

Припоминаю разсказъ про губернатора К—ской губерніи. Онъ былъ за что-то сердитъ на откупщика, и, понятно, провозъ тайной водки въ эту губернію сталъ производиться уже не штофами и четвер-

тями, а бочками. Одну изъ такихъ бочекъ откупщикъ поймалъ и запротоколилъ. Назначено слѣдствіе, явился губернаторъ съ чиновниками, откупщикъ жалуется, что вотъ ввезенъ въ бочкѣ спиртъ.

— Откупорьте!—приказалъ губернаторъ.

Бочку откупорили, губернаторъ наклонился къ отверстію, долго нюхалъ и потомъ говоритъ:

— Да это—не спиртъ, а уксусъ! Понюхайте, прокуроръ, какъ вы найдете?

Прокуроръ наклонился, нюхнулъ:

— Уксусъ, ваше превосходительство!

— Докторъ! вы что скажете?—обратился къ нему губернаторъ.

— Уксусъ, ваше превосходительство!

Когда все слѣдственное отдѣленіе перенюхало и нашло, что это не спиртъ, а уксусъ, то губернаторъ вновь обратился къ откупщику и предложилъ ему опять понюхать. Откупщикъ наклонился, понюхалъ, прочувствовался и говоритъ:

— Уксусъ, ваше превосходительство, только очень крѣпкій, такъ что меня слеза прошибла. Простите, ваше превосходительство, что осмѣлился васъ безпокоить!

Такъ крѣпостная Россія проникала во всѣ сферы и во всѣ слои. Губернаторы ревизовали всѣ губернскія и уѣздныя учрежденія, а тѣмъ лицамъ, которыя осмѣливались при нихъ упоминать о законѣ, они смѣло говорили: «Я вамъ законъ! и завтра же я васъ уволю со службы!»

Но эти же самые губернаторы по жалобамъ крестьянъ на злоупотребленія крѣпостного права и по другимъ дѣламъ помѣщиковъ обыкновенно наводили справки, на комъ онъ женатъ, кто у него бабушки и тетушки и вообще какія связи въ Петербургѣ. Такъ какъ эти губернаторы награды получали, главнымъ образомъ, за политическую благонадежность губерніи, то они очень искусно отставныхъ корнетовъ Симбирской губерніи рекомендовали, какъ элементъ неблагонадежный, а свою дѣятельность выставляли, какъ постоянное усмиреніе крамолы. Простодушные корнеты такъ къ этому привыкли, что и сами себя считали либералами, значитъ, людьми опасными. Когда же послѣ рескрипта Назимову, 20-го ноября 1857 года, оказалось, что правительство въ освобожденіи крѣпостныхъ, т.-е. въ истинномъ либерализмѣ, идетъ впереди русскаго общества, то эти корнеты-либералы превратились въ ретроградовъ, и рады были стать въ оппозицію, если бы умѣли. Но ихъ умѣлости достало только на сплетни и пересуды тѣхъ отрывочныхъ слуховъ, которые приходили изъ Петербурга о работахъ главнаго комитета, или изъ Симбирска о спорахъ между членами губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ. Послѣдній затрагивалъ личные интересы, поэтому на немъ и сосредоточивалось вниманіе помѣщиковъ.

Симбирскій комитетъ хотя и держался програмы, высланной ему изъ Петербурга, но такъ какъ не всѣ пункты ея касались прямо правъ и кармановъ помѣщиковъ, то и слухи въ уѣзды доходили только о существенныхъ вопросахъ. Въ первыхъ же строкахъ журнала симбирскаго губернскаго комитета было ясно выражено, что прекращается крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, и даруются крестьянамъ права свободныхъ состояній. Затѣмъ слагаются съ помѣщиковъ обязанности въ попеченіи ихъ о своихъ крестьянахъ, въ продовольствіи ихъ во время голода, въ обезпеченіи ихъ старости, и уничтожается отвѣтственность помѣщиковъ за ихъ крестьянъ въ платежахъ податей и въ отбываніи повинностей.

Разумѣется, всякій чувствовалъ, что тутъ скрывается какая-то тайная мысль, и никто не понималъ, почему начали съ неправды. Во время голода крестьяне голодали, а помѣщики, хотя и брали на ихъ прокормленіе деньги изъ казеннаго капитала на народное продовольствіе, но одни эти деньги проигрывали въ карты, другіе—платили ими свои долги или употребляли на свои нужды. Уплата же этихъ денегъ въ продовольственный капиталъ производилась крестьянами вмѣстѣ съ податями. Точно также и обезпеченіе крестьянъ въ старости лежало на обязанности семействъ этихъ крестьянъ, или питались они Христа ради. Не менѣе того, однако, эту мысль комитета подхватили въ уѣздахъ, и помѣщики рады были вѣрить и другихъ увѣрять, что они кормили крестьянъ, платили за нихъ подати и успокаивали ихъ въ старости. Словомъ, знали, что это неправда, и все-таки вѣрили въ нее. Попеченіе было въ собственныхъ интересахъ помѣщиковъ, и они помогали крестьянамъ исключительно для своихъ хозяйственныхъ выгодъ, чтобы не потерять тягло. Случалось, что покупали лошадь, давали сѣмянъ, лѣсу, хворосту, овцу съ барскаго двора и т. п., но не было ни благотворительныхъ домовъ, ни ясель, ни больницъ, ни училищъ. Помѣщицы, правда, имѣли у себя домашнія снадобья: березовую почку, липовый цвѣтъ, настои разныхъ травъ и мази, которыми пользовали крестьянъ, и нѣкоторыя помѣщицы такъ славились своимъ лѣченіемъ, что къ нимъ приходили больные со всей округи. При домашнихъ аптекахъ нерѣдко были рукописные лѣчебники съ алфавитомъ болѣзней: голова, горло, грудь, животъ, ломота и т. д. Въ то время выстукивать и выслушивать даже доктора не умѣли, но все-таки лѣчили отъ «груди», отъ «сердца», и многіе составляли себѣ и славу и капиталъ.

По свѣдѣніямъ изъ Симбирска знали, что будетъ какое-то переходное время, въ которое крестьяне обязаны будутъ работать или платить оброкъ. Для того же, чтобы крестьяне не уклонялись отъ работы, у помѣщиковъ остается право домашней расправы, и можно будетъ налагать наказаніе. Этотъ пунктъ вызывалъ въ

уѣздахъ безконечные споры. Либералы жестоко осуждали его, они говорили:

— Дайте мнѣ право бить и сѣчь всякаго, такъ я черезъ годъ всѣхъ сосѣдей своихъ заставлю на меня работать и превращу ихъ въ своихъ крѣпостныхъ.

— А гдѣ же это видано,—говорили консерваторы:—чтобы безъ принужденія и наказанія кто нибудь работалъ даромъ на другого?

Дворовые и крестьяне слова «переходное состояніе» понимали по-своему. Они толковали, что какъ только придетъ воля, то переходи, куда кто хочетъ, а кто къ извѣстному сроку не перейдетъ и останется у помѣщика, то опять его запишутъ въ крѣпостные.

Помѣщики сильно интересовались узнать, будетъ ли опредѣлено вознагражденіе за даровой трудъ ихъ крестьянъ.

— Я ихъ купилъ, и ты долженъ у меня ихъ купить; иначе это будетъ насиліе, подрывъ собственности, грабежъ! Каждый мужикъ понимаетъ—говорили крѣпостники:—что если онъ купилъ лошадь для своей работы, то ее даромъ никто не можетъ взять.

Въ свою очередь этотъ вопросъ и мужики толковали такъ:

— Мы двѣсти лѣтъ отслужили помѣщикамъ, и намъ царь волю дастъ, а вмѣсто насъ отдадутъ помѣщикамъ казенныхъ крестьянъ, мордву и чувашъ, при чемъ за одного русскаго будутъ давать по два мордвина и по три чувашенина.

— Ну, а татаръ-то за что ты милуешь? — бывало спросишь краснобая.

— Нѣтъ, татаръ-то въ крѣпостные не впряжешь! Они злой и дружный народъ. Они еще до сихъ поръ помнятъ, какъ они князьями были, и имъ помѣщики оброкъ платили, и какъ они помѣщикамъ головы рубили, кто съ оброкомъ опаздывалъ.

Въ Симбирской губерніи сорокъ лѣтъ назадъ всякаго татарина кликали «князь»; теперь это слово почти исчезло, и ихъ кликаютъ: «знакомъ!». Ихъ дружба между собой и заступничество другъ за друга всегда ставятся въ образецъ ихъ стойкости.

Пугали помѣщиковъ слухи, что отъ нихъ отойдутъ питейные дома, ярмарки, базары, пристани, плотины, рыбныя лавки, перевозы и прочія имущества, лежащія внутри крестьянскихъ усадебъ или въ ихъ надѣлахъ.

— Помилуйте!—горячились нѣкоторые консерваторы:—мы всѣ эти имущества покупали на свои деньги, или устраивали десятки лѣтъ, закладывали въ опекунскій совѣтъ, какъ нашу неотъемлемую собственность вмѣстѣ съ землей и крестьянами,—какъ же все это отбирать? Неужели тѣ только будутъ въ выигрышѣ, у которыхъ за неплатежъ процентовъ это имущество продано съ аукціона?

— Если дадутъ крестьянамъ свободу,—перебивалъ другой,—то имъ должны дать и свободу покупать у меня все это по добровольной цѣнѣ: иначе это будетъ грабежъ, насиліе!

При возраженіи, что базарная площадь есть принадлежность селенія, а перевозъ есть принадлежность той дороги и того берега, кому они принадлежатъ, вопросъ не выяснялся, а замѣнялся только словами: «измѣна своему сословію», «продажность» и т. п. Помѣщики считали члена симбирскаго комитета Дм. Никол. Шидловскаго образцомъ дворянскихъ доблестей и стойкости; онъ никакихъ правъ не уступалъ безъ боя и борьбы. За это алатырскіе дворяне редактировали ему адресъ и два часа спорили о томъ, какъ написать: «боецъ» за дворянскіе интересы, или «борецъ». Не помню, какое слово попало въ адресъ, но только самъ г. Шидловскій, когда попалъ депутатомъ отъ большинства симбирскаго комитета въ главный комитетъ, то внушилъ нелестное мнѣніе въ Петербургѣ о симбирскомъ дворянствѣ. Г. Шидловскій увѣрялъ, что весь разговоръ о волѣ затѣянъ только для того, чтобы развивать опасныя теоріи и тревожить умы, т.-е. расшатывать основы государства.

— Мы смотримъ на крестьянина,—говорили многіе помѣщики,—какъ на свою кровную собственность, бережемъ его, устраиваемъ ему семью, домъ и хозяйство; а когда онъ отойдетъ отъ насъ, то чиновники будутъ смотрѣть на него, какъ на батрака для исполненія государственныхъ повинностей.

— Одинъ судъ чего стоитъ!—добавляли другіе:—теперь мужикъ не знаетъ этого суда, его не гноятъ въ острогѣ, не тянутъ съ него послѣднюю рубаху, и Лазка не смѣетъ оговаривать барскаго мужика въ разбоѣ!

Этого пресловутаго Лазку (Лазарь) долго помнили въ Алатырскомъ уѣздѣ, онъ кормилъ многихъ чиновниковъ дереформеннаго суда и полиціи. Долго онъ разбойничалъ, наконецъ, попалъ въ острогъ. Во время слѣдствія и суда надъ нимъ полицейскіе чиновники возили его по удѣльнымъ селамъ, и когда Лазка видѣлъ хорошія, богатыя избы, то оговаривалъ ихъ хозяевъ или въ соучастіи, или въ пристанодержательствѣ. Понятно, что ни въ чемъ неповинный хозяинъ откупался всѣмъ, чѣмъ только могъ, чтобы не попасть въ острогъ или подъ судъ. И это далеко не вымыселъ и не единичный случай, да и не одинъ Алатырскій уѣздъ отличался такою находчивостью чиновниковъ. Крестьянская поговорка: «отъ сумы да отъ тюрьмы никто не отрдчикъ», ясно указываетъ полную безправность крѣпостной Россіи. Притянуть кого либо къ суду считалось лютымъ зломъ. Быть замѣшаннымъ въ дѣло, хотя бы въ качествѣ свидѣтеля, было равносильно божескому наказанію. Простая фраза: «онъ былъ подъ судомъ», клала пятно на человѣка, и почти не разбирали, онъ ли укралъ, или у него украли. При всякомъ призывѣ къ суду мужикъ продавалъ все, что можно, для того, чтобы его не заморили въ острогѣ или просто въ городѣ, если онъ требовался для показанія, какъ свидѣтель. Въ по-

слѣднемъ случаѣ было еще хуже, чѣмъ въ острогѣ, гдѣ давали даровое помѣщеніе и кормили. Въ городѣ свидѣтель долженъ былъ нанимать уголъ, кормиться на свой счетъ, а, главное, терять время, упускать домашнюю работу и оставлять семью въ безпокойствѣ за свою судьбу. Для того, чтобы скорѣе отпустили отъ свидѣтельскихъ показаній, отъ очной ставки и отъ перекрестнаго допроса, крестьяне должны были откупаться отъ чиновъ, производящихъ слѣдствіе или дознаніе, и отъ ихъ писарей и письмоводителей. При искусствѣ послѣднихъ всякаго свидѣтеля можно обратить въ соучастника, попустителя или укрывателя. Всѣ это знали по опыту и по наслышкѣ, а произволъ и безконтрольность чиновъ рисовали въ воображеніи попавшихъ подъ судъ все, что только физически возможно. Не только мужики, но и интеллигентные люди того времени откровенно говорили, что они въ свидѣтели ни за что не пойдутъ. Извѣстная пословица: «боюсь не суда, а судей», справедливо характеризуетъ дореформенный судъ. Въ 1850-хъ годахъ народъ еще помнилъ, когда пытали не только обвиняемыхъ, но и свидѣтелей, чтобы показывали безъ утайки.

Въ 1858 году я писалъ ревизскія сказки 10-й народной переписи въ четырехъ уѣздахъ въ имѣніяхъ своихъ родственниковъ и короткихъ знакомыхъ. Мнѣ пришлось быть въ острогѣ города Княгинина, Нижегородской губерніи; тамъ я нашелъ двухъ содержащихся подслѣдственныхъ женщинъ. У одной изъ нихъ былъ семилѣтній сынъ, родившійся въ острогѣ, а у другой двѣнадцатилѣтній сынъ, родившійся въ этомъ же острогѣ. Женщины эти ждали суда надъ ними и приговора за поджогъ, по злобѣ и мщенію, сѣна въ полѣ (отъ 4-хъ до 8 мѣсяцевъ тюрьмы). Сыновья ихъ жили въ острогѣ вмѣстѣ съ арестантами, но «не въ видѣ арестантовъ», такое существовало выраженіе. Такія продолжительныя слѣдствія и заключенія подъ стражу никого не удивляли, хотя высшее начальство сильно хлопотало и писало, чтобы не обременять остроговъ подслѣдственными, а казну расходами на кормовыя. Никого не удивлялъ судъ и своими взятками, хотя уѣздные судьи и предсѣдатели уголовныхъ и гражданскихъ палатъ выбирались дворянами изъ своей среды. Отъ судей и предсѣдателей требовалось только, чтобы они всегда отличали бѣлую кость отъ черной, даже въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. При случаяхъ, судьи брали и со своихъ избирателей, и избиратели не обижались, платили, а иногда даже говорили въ похвалу судьямъ: «онъ возьметъ, да за то и сдѣлаетъ». Такихъ судей считали за хорошихъ и ихъ вновь выбирали на слѣдующее трехлѣтіе. Истинными грабителями были, однако, не судьи, которые все-таки боялись своихъ избирателей, а секретари и писцы крѣпостныхъ дѣлъ. Это были штатныя должности, назначаемыя отъ правительства. Они были болѣе знающіе въ законахъ и часто держали судью въ рукахъ, такъ какъ всегда

могли ему напакостить. Контроль надъ судомъ былъ во власти губернатора, или, правильнѣе сказать, во власти начальника канцеляріи губернатора, который могъ и самому губернатору «подложить свинью», какъ тогда выражались.

Помню, разсказывали анекдотъ про Ф. И. Топорнина, тароватаго помѣщика, который въ судахъ никогда не бывалъ, но зналъ, что тамъ надо всѣмъ давать, что иначе тамъ ничего не сдѣлаютъ. Топорнину понадобилось совершить какой-то актъ въ судѣ; онъ взялъ въ руку деньги, вошелъ въ судъ и началъ одѣлять всѣхъ, кого тамъ увидѣлъ, не выключая и стороннихъ, случайныхъ просителей. Это такъ совпадало съ обычаемъ того времени, что этому разсказу всѣ вѣрили.

Дореформенные суды и полиція имѣли такое деморализующее вліяніе на всѣ казенныя учрежденія, что брали и тамъ, гдѣ казалось бы, и брать не за что, такъ, напримѣръ, въ казначействахъ при взносѣ податей отъ какого либо селенія. Вотъ картина съ натуры. Входятъ въ переднюю казначейства сборщикъ и его ассистентъ-крестьянинъ. Сторожъ долго ихъ держитъ и не докладываетъ о ихъ приходѣ, пока ему не подарятъ 10 или 20 копеекъ, смотря по размѣрамъ селенія. Получивъ подачку, сторожъ впускаетъ въ присутствіе только одного сборщика. Разумѣется, сборщикъ не рѣшается одинъ итти, чтобы его не обсчитали и не обманули, и нужна новая подачка за впускъ ассистента. Подати принималъ обыкновенно присяжный служитель передъ глазами казначея. Въ 1850-хъ годахъ ходила всякая рвань мелкихъ ассигнацій, очень много изъ нихъ было завернуто въ простую бумагу, въ «иконостасики», чтобы не разваливались на половинки. Присяжному необходимо надо было сунуть незамѣтно, чтобы онъ милостивѣе принималъ и менѣе браковалъ рваныя бумажки. По сдачѣ денегъ, мужики должны были выправлять квитанціи, для чего представляли подлинный окладной листъ, который и переходилъ между писарями. Передъ каждымъ изъ нихъ лежала большая книга, и каждый дѣлалъ видъ, что онъ занятъ, и ему нѣтъ времени отпускать мужиковъ, пока ему не положатъ 15 — 20 копеекъ. Наконецъ, квитанція готова, надо ее нести къ казначею для подписи; тутъ опять приходилось торопить, т.-е. платить, чтобы не отложили дозавтра. Но затѣмъ и подписанную квитанцію бухгалтеръ не отдавалъ въ руки мужикамъ, а передавалъ сторожу, который мететъ комнаты. Сторожъ клалъ квитанцію въ разносную книжку, и оттуда получить ее можно было только по уплатѣ 5 и 10 коп. за расписку въ разносной книжкѣ. На квитанціи всегда вверху было напечатано: «безъ платежа за бумагу».

Помимо этого невиннаго щипанія мужиковъ гривенниками, каждый помѣщикъ къ именинамъ казначея присылалъ крупы, овса, гороху, яицъ, гуся или барашка, кто чѣмъ богатъ. Въ голову ни-

кому не приходило мысли о моральныхъ свойствахъ этихъ подачекъ. То же самое продѣлывалось въ почтовыхъ конторахъ, въ особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствіяхъ и въ другихъ учрежденіяхъ. Вездѣ тутъ довольствовались малымъ и домашнимъ, что было совершенно безобидно. Не такія расплаты приходилось нести обывателямъ при рекрутскихъ наборахъ: тутъ надо было расплачиваться чистыми деньгами, какъ при желаніи забрить рекрута, такъ и при желаніи освободить его. Для иллюстраціи привожу истинное происшествіе, которое, вѣроятно, старики Алатырскаго уѣзда еще помнятъ.

Въ началѣ 1850-хъ годовъ въ Алатырѣ на казенной службѣ состоялъ врачъ Подобѣдовъ. Лѣчилъ онъ счастливо, много пилъ, съ третьяго слова со всѣми сходился на ты, въ разговорѣ былъ циниченъ, а на слѣдствіяхъ и при рекрутскихъ наборахъ бралъ безъ зазрѣнія совѣсти. Жаденъ онъ не былъ, а иногда даже дѣйствовалъ, какъ разбойники въ романахъ: грабилъ богатыхъ, чтобы отдавать бѣднымъ.

Пріѣхалъ въ годовой отпускъ корнетъ Орденскаго кирасирскаго полка Н. Н. Несвѣтаевъ, весельчакъ, каламбуристъ, циникъ до мозга костей, выпить любилъ и вступилъ въ управленіе имѣніемъ своей родительницы. Въ 1852-мъ году объявленъ наборъ по 7 человѣкъ съ 1.000 душъ. Клубовъ и собраній тогда не было, сходились «на огонекъ» у знакомыхъ и до картъ вели разговоры на тему дня.

— Ну, что, докторъ!—кто-то обратился къ Подобѣдову:—въ ноябрѣ тебѣ жнитво объявлено?

— Да, много тутъ наберешь съ васъ, по 7 человѣкъ съ тысячи; если бы по 10-ти или по 12-ти, такъ вы раскошелились бы!—пробасилъ докторъ.

— Нѣтъ, тогда бы тебѣ не жать: прислали бы доктора изъ губерніи, тамъ врачебная управа тоже наборы-то любитъ.

— Ахъ, ты, малолѣтокъ, малолѣтокъ!—огрызнулся Подобѣдовъ:—да я подъ крылышкомъ члена врачебной управы еще больше бы нацапалъ, вѣдь меня бы ассистентомъ сдѣлали!

— Неужели ты со всѣхъ берешь?—спросилъ Несвѣтаевъ.

— Со всѣхъ беру помаленьку, а кто заупрямится, съ того побольше,—спокойно отвѣтилъ Подобѣдовъ.

— Ну, братъ, съ меня не возьмешь! у меня принципъ не давать никому взятокъ,—гордо и пренебрежительно проговорилъ Несвѣтаевъ.

— А у меня принципъ: съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ,—сказалъ докторъ убѣжденно.

— Посмотримъ!—сказалъ Несвѣтаевъ и вышелъ.

— Эхъ, ты, гусаръ!—проворчалъ ему въ догонку Подобѣдовъ:—не тебѣ со мной спорить, молокососъ!

— Столы поставили, господа, карты готовы, время терять не для чего,—пригласилъ хозяинъ, и всѣ усѣлись за свое дѣло.

Пришелъ ноябрь, начался наборъ, о хвастливомъ разговорѣ Несвѣтаевъ уже забылъ; въ пріемъ назначенъ Подобѣдовъ, а ассистентомъ къ нему уѣздный врачъ. Все шло тихо и гладко; въ рекрутскомъ присутствіи кричали: «лобъ» или «затылокъ». Солдаты подхватывали забритаго или забракованнаго и съ громкимъ возгласомъ: «лобъ» или «затылокъ», проталкивали рекрута къ соотвѣтствующему цирульнику. На дворѣ раздавались плачъ матерей, рыданія и причитанія женъ и сестеръ забритыхъ на 25 лѣтъ, или шелъ неистовый гулъ, споръ и пѣсни выпившихъ на радости забракованныхъ и ихъ отцевъ.

Дошла очередь до имѣнія Несвѣтаева; своего рекрута сдавалъ онъ самъ. Поставили голаго человѣка въ мѣру.—«Восемь вершковъ!»—гаркнулъ унтеръ у шкалы.

— Докторъ, осмотрите,—сказалъ предсѣдатель присутствія.

— Чего и смотрѣть?—сказалъ Подобѣдовъ:—ростъ, плечи, грудь, мускулатура какая! Да онъ прямо въ гвардію пойдетъ!—радостно сказалъ Подобѣдовъ, подходя къ рекруту.

Несвѣтаевъ сіялъ отъ восторга; Подобѣдовъ смотрѣлъ сгибы рукъ и ногъ, поговаривая: молодецъ, молодецъ! испытывалъ глаза, уши и отъ всего приходилъ въ восторгъ.

— Раскрой ротъ!—обратился онъ къ рекруту:—что у тебя зубы болѣли? отчего у тебя недостаетъ зубовъ? Сухари жевать можешь?

Несвѣтаевъ насторожилъ уши, а Подобѣдовъ угрюмо подошелъ къ столу, взялъ книгу правилъ о пріемѣ и показалъ Несвѣтаеву параграфъ, запрещающій принимать въ рекруты, если недостаетъ восьми зубовъ.

— Вотъ несчастье,—говоритъ тихо Несвѣтаеву:—у него вмѣсто 36 зубовъ только 25, одиннадцати зубовъ не достаетъ. За явные и очевидные признаки, въ случаѣ принятія, докторъ подвергается 75 рублямъ штрафу.

— Въ такомъ случаѣ я штрафъ на себя возьму,—робко сказавъ Несвѣтаевъ:—прими, пожалуйста; пятьдесятъ рублей я въ эту книгу положу, а остальные потомъ. Идетъ?

— Ладно!—шепнулъ Подобѣдовъ и вновь началъ осматривать рекрута. Когда же онъ удостовѣрился, что деньги въ книгу положены, то громко провозгласилъ: «годенъ!».

Предсѣдатель сказалъ: «лобъ!», и отъ одного къ другому пошло: «лобъ!» «лобъ!». Рекрута забрили, и Несвѣтаевъ былъ очень радъ, что молодца, но вора, лѣнтяя и негодяя удалось забрить вмѣсто хорошаго очередного мужика.

Вскорѣ послѣ этого Подобѣдовъ такъ подстроилъ, что опять у кого-то собрались свидѣтели бывшаго разговора и хвастовства Не-

свѣтаева. Подобѣдовъ предупредилъ гостей, что онъ будетъ учить корнета практической жизни. Несвѣтаевъ искалъ случая отдать остальные 25 рублей доктору наединѣ, но докторъ не стѣсняясь началъ говоритъ при всѣхъ.

— Ты мнѣ, корнетъ, взятку-то не всю отдалъ за рекрута, за тобой 25 рублей.

— Да, да, помню, вотъ тебѣ деньги.

Докторъ вслухъ пересчиталъ мелкія ассигнаціи, объявилъ, что 25 рублей вѣрны, и потомъ, обратившись къ Несвѣтаеву, спрашиваетъ его:

— А скажи-ка, корнетъ, сколь зубовъ полагается по штату во рту у здороваго человѣка?

— Ты говорилъ: тридцать шесть.

— Да вѣдь это у крокодила,—смѣясь сказалъ докторъ:—а у человѣка только двадцать восемь. У твоего рекрута всего трехъ зубовъ не доставало; возьми твои 25 рублей обратно, съ меня будетъ и пятидесяти, я лишняго не беру. Да смотри, впередъ своими принципами не хвастай; живи, какъ люди живутъ, выше лба не перерастешь!—заключилъ докторъ при общемъ хохотѣ.

Въ ту пору въ Лукояновскомъ уѣздѣ процедура взятокъ производилась нѣсколько сложнѣе; тамъ докторъ, военный пріемщикъ и предсѣдатель рекрутскаго присутствія были безукоризненно чисты. Но зато у каждаго изъ этихъ членовъ были нянюшки, которыя продавали шнурки для крестиковъ. У одной нянюшки были бѣлые шнурочки отъ Митрофанія чудотворца, у другой—синіе отъ Тихона Задонскаго, а у третьей—красные отъ Серафима, угодника Божьяго. Шнуркамъ цѣна была по 25 рублей штука, и ихъ чудодѣйственная сила состояла въ томъ, что если всѣ эти три шнурка совьешь жгутомъ и надѣнешь на нихъ шейный крестъ, то рекрута примутъ, или забракуютъ, смотря по тому, какъ скажешь нянькамъ, о чемъ и о комъ имъ молиться. Въ прежнее время рекрутовъ вводили въ присутствіе совершенно голыхъ, и былъ только крестъ на шеѣ. Шнурочки эти дѣйствовали безъ обмана и пользовались полнымъ довѣріемъ, какъ помѣщиковъ, такъ и состоятельныхъ крестьянъ. Словомъ, дореформенная Россія проникала во всѣ сферы народной жизни. Освобожденіе крестьянъ, а затѣмъ институтъ мировыхъ посредниковъ круто повернули дѣло: взятки при рекрутскихъ наборахъ сдѣлались рѣдкимъ явленіемъ. При всеобщей же воинской повинности и при короткой службѣ въ строю, если и встрѣчаются злоупотребленія, то на нихъ не смотрятъ, какъ на дѣтскую шалость, да и циники уже почти исчезли. Остается пожелать, чтобы гласный судъ и народная школа всѣ эти разсказы изъ прошлаго превратили въ безвозвратные пережитки.

Уѣздные политиканы 1858 года воображали, что было бы правильнѣе всякое зло исправлять шагъ за шагомъ. Такихъ полити-

кановъ впослѣдствіи называли «постепеновцами». Они не воображали, что крѣпостное право вело за собою такую систему управленія, гдѣ «рука руку мыла». Чиновники скрывали всѣ злоупотребленія помѣщичьей власти, а помѣщики въ свою очередь потворствовали чиновникамъ въ полномъ произволѣ. Обѣ стороны были заинтересованы только въ томъ, чтобы затыкать всѣ отверстія, черезъ которыя могъ бы проникнуть свѣтъ къ высшему правительству, или могъ бы слышаться стонъ крѣпостныхъ крестьянъ. Верховная власть лишена была возможности знать истинное положеніе дѣлъ, и всѣ мелкія реформы вели только къ увеличенію переписки и къ прибавкѣ жалованья чиновникамъ. Либералы, или эмансипаторы, какъ ихъ тогда называли, понимали, что безъ коренной ломки существующаго оставлять дѣло нельзя. Къ ничтожнымъ измѣненіямъ помѣщичья среда скоро бы приспособилась, и сословная сплоченнность все-таки лежала бы гнетомъ на всемъ государственномъ строѣ. Въ свою очередь и либералы ошибались; они думали, что освобожденіе крестьянъ объединитъ всѣ сословія, и крестьяне будутъ брать у дворянъ все, что есть у нихъ хорошаго, и культура введется въ Россіи. Либералы никакъ не думали, что переходное время ограничится двѣнадцатью годами. Они вѣрили въ силу и долговѣчность своей партіи и даже воображали, что послѣ совершившагося факта освобожденія крѣпостникамъ не о чемъ будетъ хлопотать, и они соединятся съ либералами, чтобы дѣло реформы продолжать дальше, а не тормозить самоуправленіе, выборное начало, самодѣятельность и развитіе грамотности. Крестьянскій судъ, обычное право по имуществу, наслѣдству, раздѣлу, приданому и т. д. существовали съ незапамятныхъ временъ, и составители Положенія 19 февраля не рѣшались коснуться этихъ правъ, а предоставляли измѣнять и перерабатывать ихъ самой жизни.

Крѣпостные люди не имѣли права пріобрѣтать земли ни на цѣлое общество, ни на отдѣльные дворы. Всякое недвижимое имущество покупалось крестьянами на имя своихъ помѣщиковъ, и весьма многіе изъ помѣщиковъ это имущество закладывали вмѣстѣ со своими землями въ опекунскій совѣтъ; если же помѣщики не платили процентовъ и доводили дѣло до продажи съ молотка, то пропадала и крестьянская земля. По ст. 175 т. X ч. 2 крѣпостные люди лишены были права вчинать иски и тяжбы противъ своихъ помѣщиковъ, кромѣ иска о свободѣ, когда крестьяне и дворовые откупались на волю. Хотя въ 1848 году и былъ изданъ указъ о дозволеніи крѣпостнымъ крестьянамъ покупать дома, фабрики и заводы на свое имя, но частію по невѣдѣнію закона, а больше изъ боязни судовъ и судей, все-таки крестьяне покупали ихъ на имя своихъ помѣщиковъ. Когда этого пункта коснулся симбирскій комитетъ, то среди его нашлись такіе члены,

которые доказывали, что по ст. 1138 т. IX никакіе споры и разысканія не могутъ производиться. Этотъ вопросъ обсуждался и между алатырскими помѣщиками, нѣкоторые изъ нихъ находили ссылку на статью 1138 вполнѣ справедливой и говорили: «хочу— отдамъ, хочу — не отдамъ!» Вотъ какова была этика крѣпостного права!

Долетали до уѣздовъ слухи и о крестьянскихъ судахъ, проектированнныхъ въ губернскихъ комитетахъ. Въ дореформенное время судъ надъ крѣпостными людьми былъ вполнѣ въ рукахъ помѣщиковъ. За неисправность въ барской работѣ, за воровство барскаго добра, за грубость и самовольство противъ помѣщиковъ и ихъ служащихъ судилъ и наказывалъ самъ помѣщикъ, его управляющій или бурмистръ. Рѣдко когда употреблялись кандалы, арестъ и работа внѣ очереди, больше отдѣлывалась за все крестьянская спина. Битье батогомъ, палкой, а то просто въ ухо или въ зубы практиковалось часто. За болѣе серьезныя провинности драли розгами «на конюшнѣ»; а особыхъ озорниковъ отдавали въ солдаты, или даже ссылали въ Сибирь, особенно тѣхъ, которые были негодны въ солдаты. Квитанціи за отданныхъ въ солдаты внѣ очереди выдавались въ полное распоряженіе помѣщиковъ. Порядочные люди эти квитанціи засчитывали за своихъ очередныхъ крестьянъ, а негодные помѣщики эти зачетныя квитанціи продавали стороннимъ крестьянамъ, купцамъ и мѣщанамъ за 500, 600 и болѣе рублей.

Разборъ споровъ, жалобъ и обидъ между крестьянами въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ производился самими помѣщиками или помѣщицами, если они жили въ имѣніяхъ. Въ имѣніяхъ же болѣе или менѣе крупныхъ существовалъ судъ стариковъ. Иногда судилъ цѣлый сходъ сельскаго общества, а иногда наряжали только нѣсколько стариковъ. Въ большихъ имѣніяхъ, напримѣръ, въ селѣ Порѣцкомъ, состоявшемъ изъ 2.000 дворовъ, существовалъ правильно выбранный судъ, заведенный еще ихъ бывшимъ помѣщикомъ, фельдмаршаломъ Салтыковымъ. Этотъ судъ состоялъ изъ двѣнадцати выбранныхъ міромъ стариковъ, которые изъ среды своей выбирали предсѣдателя. Къ обязанностямъ суда принадлежалъ разборъ дѣлъ, какъ по искамъ крестьянъ, такъ и по проступкамъ между вотчинниками. Послѣ введенія Положенія 19 февраля 1861 г. еще цѣла была картина, нарисованная масляными красками при Салтыковѣ, изображающая судъ. Портреты судей были настолько схожи, что ихъ узнавали уцѣлѣвшіе старики. Впослѣдствіи эта картина по моей просьбѣ была пожертвована волостному суду Порѣцковской волости. Лица, костюмы и вся обстановка на этой картинѣ представляютъ историческую вѣрность. Нынѣ с. Порѣцкое составляетъ собственность удѣльнаго вѣдомства, и, вѣроятно, картина цѣла, и ее цѣнятъ крестьяне. Судили, разумѣется, во всѣхъ крестьян-

скихъ мірскихъ судахъ по обычаю; писанныхъ правилъ и законовъ ни у кого не было. Общее стремленіе, какъ сходовъ, такъ и судей всегда клонилось къ примиренію сторонъ, и нерѣдко судьи и стороны выпивали мировую съ присужденной стороны. Если иногда приходилось наказывать батогомъ или розгами, то, сколько я знаю, били по платью, не обнажая тѣла. Размѣръ наказанія на крестьянскихъ судахъ всегда былъ пропорціональнѣе къ проступку, чѣмъ на судѣ помѣщика или особенно помѣщицы.

Когда дошло до уѣздовъ изобрѣтеніе волостныхъ судовъ, то помѣщики относились къ нимъ скептически.

— Помилуйте!—говорили многіе:—этотъ лапотный судъ всегда будетъ держать сторону мужиковъ, и тогда хоть бѣги изъ деревни!

— Не бойтесь!—приходилось ихъ увѣрять:—эти лапотники будутъ судить только лапотниковъ между собой. Помѣщиковъ этотъ судъ не коснется. Для всѣхъ столкновеній помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ будутъ общіе суды на основаніи общихъ законовъ.

— А на чей же счетъ будутъ судить? На кого ляжетъ гербовая бумага, писаніе прошеній, подводы, кормежка временныхъ отдѣленій и другіе расходы?

— О дороговизнѣ суда уже разсуждали во многихъ губернскихъ комитетахъ, и нѣкоторые комитеты, какъ и симбирскій въ томъ числѣ, указали, что дорогой судъ остановитъ всякій рискъ въ торговлѣ, въ сдѣлкѣ и въ кредитѣ. А это грозитъ развитію всякой коммерческой и экономической жизни.

— Отъ чего же не оставить для крестьянъ судъ помѣщиковъ? Вѣдь они все-таки честнѣе чиновниковъ и умнѣе лапотниковъ?

— Отъ того, что вмѣстѣ съ судомъ надо оставить и власть для исполненія приговоровъ, а это опасно потому, что власть помѣщиковъ основана на произволѣ, и она не переродится.

— Говорятъ, гдѣ-то выдуманы приходскіе судьи?

— Проектовъ много; мысли летаютъ въ воздухѣ; рѣшатъ это не въ губернскихъ комитетахъ, а въ Петербургѣ. Александръ Николаевичъ Татариновъ въ симбирскомъ комитетѣ развивалъ проектъ мирового суда. Онъ говорилъ, что въ Петербургѣ многіе склоняются, чтобы судъ былъ словесный, гласный и даровой, а чтобы печать была свободна для обсужденія всякихъ судебныхъ дѣлъ.

— Какъ же это возможно, чтобы былъ допущенъ гласный судъ? Иногда судятся дамы, дѣвицы, неужели позволятъ ихъ позорить?

— Да, уже надо будетъ самой остерегаться, чтобы не дѣлать позорныхъ дѣлъ.

Вотъ такія-то понятія были о гласномъ судѣ въ огромномъ большинствѣ помѣщичьей среды. Мнѣній А. Н. Татаринова держа-

лось ничтожное меньшинство, которому, однако, не всегда возможно было высказываться откровенно. Одинъ разъ даже и самъ Татариновъ поплатился за откровенное слово, сказанное въ губернскомъ дворянскомъ собраніи, когда симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства былъ Николай Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Тогда Татаринову было поставлено въ вину, между прочимъ, и то, что онъ одно время воспитывался въ домѣ декабриста Бестужева; онъ долженъ былъ нѣсколько лѣтъ прожить въ своемъ имѣніи Сенгилеевскаго уѣзда.

Кромѣ гласнаго суда, которымъ Татариновъ удивилъ многихъ, онъ же убѣжденно высказалъ мысль и о необходимости открыть симбирскую гимназію для всѣхъ приходящихъ, а затѣмъ черезъ 5—6 лѣтъ сдѣлать гимназію совершенно открытымъ заведеніемъ. До 1858 года симбирская гимназія, какъ и всѣ другія, была закрытымъ заведеніемъ, всѣ гимназисты жили въ ея стѣнахъ, а чрезъ это комплектъ учениковъ былъ очень ограниченный. При открытыхъ гимназіяхъ на суммы, отпускаемыя для нихъ, можно было бы обучать тройной комплектъ учениковъ. Но и эта передовая мысль умнаго человѣка раздѣлялась тоже только робкимъ ничтожнымъ меньшинствомъ. Большинство дворянъ не въ силахъ было понимать пользы широкаго образованія народа и не умѣло смотрѣть далеко впередъ на государственные интересы. А. Н. Татариновъ проникнутъ былъ идеей о просвѣщеніи массъ, и отъ своего весьма небогатаго состоянія все-таки сумѣлъ удѣлить 15.000 рублей серебромъ на устройство училища въ своемъ родовомъ селеніи.

Александръ Николаевичъ Татариновъ былъ родственникъ и большой пріятель Валеріану Алексѣевичу Татаринову, бывшему государственному контролеру и создателю единства кассы въ Россіи. Для послѣдней цѣли онъ изучалъ это дѣло въ Бельгіи и въ другихъ государствахъ Европы, составилъ подробную записку, которая и послужила началомъ ко введенію единства кассы у насъ. Параллельно съ этимъ дѣломъ онъ занимался и вопросомъ о преобразованіи государственнаго контроля. Бывши въ Петербургѣ, мнѣ одинъ разъ удалось видѣть Валеріана Алексѣевича и слышать, какъ онъ относился къ упорядоченію финансовой отчетности. Помню, что контролю онъ не придавалъ особаго значенія; онъ говорилъ, что пока контроль новъ, то съ нимъ будутъ нянчиться; а потомъ когда увидятъ, что это не шутка, то всѣ имѣющіе силу постараются увильнуть отъ контроля, и ему останется провѣрять только почталіоновъ. Что же касается до единства кассы, то онъ много ожидалъ отъ этого учрежденія и говорилъ, что при развитіи дѣла оно можетъ прочно устроить наши финансы.

Впослѣдствіи, еще ранѣе, чѣмъ окончились занятія симбирскаго губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ, А. Н. Тата-

риновъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ качествѣ эксперта въ главный комитетъ. Отъѣздъ Татаринова изъ Симбирска горько отозвался на его единомышленникахъ: они сразу почувствовали лживость пословицы: «одинъ въ полѣ не воинъ». Безъ Татаринова крѣпостники симбирскаго комитета: гг. Шидловскій, графъ Орловъ-Давыдовъ, Пазухинъ и другіе, сильно возвышали голосъ, не видѣли отпора и увлекали слабыхъ и неустойчивыхъ въ свой ретроградный лагерь. Въ концѣ работъ симбирскаго комитета отъ большинства его былъ посланъ депутатомъ въ тотъ же главный комитетъ Дмитрій Николаевичъ Шидловскій. Алатырскіе и ардатовскіе помѣщики слѣдили за дѣятельностью г. Шидловскаго въ Петербургѣ, полагаясь на него, какъ на надежнаго защитника дворянскихъ интересовъ. Помню, князь Александръ Дмитріевичъ Волконскій всегда съ восторгомъ разсказывалъ о всѣхъ ретроградныхъ подвигахъ Шидловскаго. Князь Волконскій тогда былъ ардатовскій уѣздный предводитель дворянства, богатый помѣщикъ и сильно увлекающійся спорщикъ. Онъ про Шидловскаго говорилъ:

— Этотъ рыцарь не продастъ и не измѣнитъ. Онъ докажетъ въ Петербургѣ, что достоинство дворянина надо оставить неприкосновеннымъ, на немъ зиждется благосостояніе Россіи.

— Но, князь, вѣдь и другіе поѣхали не продавать, а только доказывать, что достоинства человѣка заслуживаютъ не одни дворяне, а всѣ жители Россіи.

— Нѣтъ! мы уже заслужили свои права свободныхъ членовъ государства, а другимъ сословіямъ еще рано пользоваться личной свободой.

— Шидловскій докажетъ въ Петербургѣ,—говорилъ князь,—что безъ помѣщичьихъ правъ Россія обѣднѣетъ. У насъ нѣтъ арендаторовъ имѣній, черезъ которыхъ могъ бы быть приливъ капиталовъ для вольнаго труда. Мы отдали въ залогъ свои имѣнія, разсчитывая на издѣльную работу своихъ крестьянъ; нельзя крестьянъ отнять, а долги оставить на нашей шеѣ.

— Не безпокойтесь, князь, объ этомъ уже есть проекты, чтобы долги, которые вы сдѣлали для вашихъ нуждъ, перевести на крестьянскіе надѣлы, а помѣщикамъ оставить барскую землю чистою отъ залога въ опекунскомъ совѣтѣ.

— Кромѣ опекунскаго совѣта, на нашихъ имѣніяхъ лежатъ еще частные долги; казна должна все взять на себя, и Шидловскій имъ докажетъ справедливость этого, много долговъ сдѣлано для блага крестьянъ. Онъ повезъ съ собой проектъ надѣловъ minimum'а и maximum'а и проектъ распредѣленія долговъ на эти надѣлы.

— Но вѣдь не у всѣхъ есть долги, князь, наконецъ о частныхъ долгахъ у насъ и свѣдѣній не собирали.

— Предполагается, что каждый задолжалъ уже столько, сколько стоитъ его имѣніе; а тѣхъ простаковъ, которые не имѣютъ долговъ, ихъ и жалѣть нечего!

— Высказываютъ и другое мнѣніе, князь, что будто только простаки долги платятъ, а кто поумнѣе, тотъ ихъ не платитъ; хорошо бы и такой проектъ послать въ Петербургъ.

— Тамъ это лучше знаютъ, чѣмъ гдѣ нибудь,—подтвердилъ князь съ убѣжденіемъ.

Князь Волконскій былъ очень гостепріименъ, и въ его домѣ всегда можно было застать окрестныхъ помѣщиковъ, весьма словоохотливыхъ по вопросу объ эмансипаціи. Всѣ были довольны разсужденіями князя и поддакивали ему, что если повинность крестьянъ къ помѣщикамъ уменьшится, то и надѣлъ надо уменьшить.

— Широкій надѣлъ,—говорилъ князь,—разовьетъ бурьянъ и запустѣніе помѣщичьихъ имѣній; крестьяне будутъ довольствоваться своимъ надѣломъ и не пойдутъ работать на барской землѣ, а дворянскія земли не въ силахъ будутъ вести хозяйство на деньги. Шидловскій мнѣ писалъ, что въ петербургскомъ комитетѣ дѣло идетъ не объ улучшеніи быта крестьянъ, а о совершенномъ стѣсненіи помѣщиковъ въ ихъ собственности и даже объ отнятіи лѣсовъ у помѣщиковъ. Тамъ съ дворянами не церемонятся, тамъ не говорятъ: «просить ихъ» или «дозволить имъ», а по-военному командуютъ: «вмѣнить имъ въ обязанность», «обязать ихъ», «подчинить ихъ полиціи», и тому подобныя оскорбительныя покрикиванія для дворянской чести, какъ будто мы не сами добровольно отозвались на призывъ улучшить бытъ нашихъ крестьянъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ къ князю въ Ардатовъ, я у него встрѣтилъ его родственника, декабриста князя Волконскаго, сосланнаго въ 1825 году въ Сибирь, гдѣ онъ пробылъ 33 года, возвращался въ свою губернію и попути заѣхалъ въ Ардатовъ. Высокій старикъ держался прямо, носилъ сѣдую бороду, говорилъ очень мало, ни разу не улыбнулся и прогостилъ недолго. Не знаю, какъ онъ сходился во взглядахъ съ нашимъ предводителемъ, но только нашъ князь Волконскій говорилъ про своего родственника, что онъ въ Сибири потерялъ умъ.

Ардатовскіе помѣщики видѣли, что сынъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Ланской въ своемъ имѣніи возлѣ Ардатова округляетъ барскія поля, переселяетъ крестьянъ, чтобы быть дальше отъ нихъ, и отодвигаетъ ихъ отъ своего лѣса, толковали о подражаніи ему. Они намѣревались давать надѣлы вдали отъ селеній, чтобы не имѣть столкновеній; но прогоны для скота, водопои и исконные крестьянскіе навозники дѣлали столько затрудненій, что мало кто успѣлъ разверстаться съ крестьянами до введенія положенія 19-го февраля. И это разверстаніе угодій производилось уже

при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ, которымъ пришлось много попортить своей крови и наплодить себѣ враговъ среди дворянъ-сосѣдей.

Въ Алатырскомъ уѣздѣ говоръ между помѣщиками былъ болѣе разнообразенъ, чѣмъ въ Ардатовскомъ; особенно по рѣкѣ Менѣ, гдѣ тогда жило до двадцати семейныхъ домовъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ этомъ уголкѣ уѣзда земля была уже въ цѣнѣ, и предстоящіе надѣлы интересовали помѣщиковъ и помѣщицъ. Слышались сѣтованія и даже брань на членовъ симбирскаго комитета, которые такъ тароваты на чужое добро, что проектировали дать надѣлъ крестьянамъ по полторы десятины на душу. Консерваторы говорили, что земля вся должна оставаться у помѣщиковъ, а для крестьянъ достаточно и «свободнаго труда».

— Тогда,—говорили крѣпостники,—крестьяне всѣ шесть дней будутъ работать на себя и деньги начнутъ копить, чтобы покупать себѣ земли.

— Вы хотите дать крестьянамъ «волчью волю»?—спрашивали эмансипаторы.—Вѣдь у крестьянъ есть семья, хозяйство, повинности; у нихъ долженъ быть инвентарь, чтобы работать на вашей землѣ. Какъ же отпускать ихъ безъ земли? Гдѣ они будутъ держать свою скотину, чѣмъ они будутъ кормить своихъ дѣтей?

— Пусть все это нанимаютъ у помѣщиковъ.

— Но вѣдь тогда будетъ полная кабала, это будетъ хуже рабства.

Въ то время на рѣкѣ Менѣ, въ селѣ Анастасовѣ жилъ Василій Андреевичъ Головинскій, который будучи еще воспитанникомъ училища правовѣдѣнія, отличался своимъ рьянымъ либерализмомъ и много хлопотъ доставлялъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому живостью своего характера. Въ 1848 году Головинскій былъ замѣшанъ въ заговорѣ Петрашевскаго, былъ въ ссылкѣ, въ 1856 г. прощенъ, но своей рьяности не утратилъ. Спорить онъ любилъ и за словомъ въ карманъ не лѣзъ; крѣпостниковъ онъ ненавидѣлъ и часто придирался къ словамъ.

Помню, какъ-то при Головинскомъ былъ разговоръ о надѣленіи крестьянъ лѣсомъ на постройки и отопленіе; помѣщики сильно сокрушались, что придется почти даромъ давать лѣсъ крестьянамъ, потому что такса такъ низка, что даже и караула не окупитъ.

— Очень жалко, что назначена такса,—говорилъ Головинскій,—надо даромъ давать лѣсъ, который ростилъ Богъ для всѣхъ, а вы Божій даръ присвоили себѣ. Давно слѣдовало всѣ лѣса объявить государственною собственностію и надѣлять, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ по числу душъ, безъ различія сословій. Постройки и топливо одинаково нужны какъ мужикамъ, такъ и господамъ.

Симбирская губернія въ началѣ XIX вѣка считалась лѣсистой, но безхозяйственность, распашки, огонь и скотина къ 50-мъ годамъ

такъ опустошили лѣса, что губернія могла бы считаться степной. Чернолѣсье помѣщики распродавали на лубки, мочало, ободья, полозья, клепки и на дрова, а красный лѣсъ шелъ на постройки, тёсъ и доски, а затѣмъ сотни тысячъ бревенъ ежегодно сплавлялись по Волгѣ и ея притокамъ въ Саратовъ, Дубовку и въ Астрахань. Сучья и вершины оставлялись въ лѣсахъ и давали такую пищу огню, что огромныя площади выгорали, не оставляя ни корней, ни сѣмянъ, ни побѣговъ. По гари пасли скотину, которая своими копытами разрыхляла супесчаный грунтъ и превращала лѣсную почву въ негодныя поля. До 1840-хъ годовъ во въѣзжихъ лѣсахъ всякій могъ сбирать грибы, орѣхи, хмель и ягоды, и каждый рубилъ лучину, обручи, колья, хворостъ, оглобли и другую мелочь для домашняго обихода. Когда же лѣса сильно истощились, то помѣщики стали назначать полѣсовщиковъ и караульщиковъ въ лѣсахъ. За самовольныя порубки крестьянъ наказывали, но они все-таки на лѣсъ смотрѣли, какъ на общее достояніе всѣхъ и каждаго. Такое воззрѣніе держалось до начала разговора о волѣ, и вопросъ о лѣсахъ былъ однимъ изъ серіознѣйшихъ вопросовъ въ симбирскомъ губернскомъ комитетѣ. Большинство членовъ отстаивало лѣса, какъ неприкосновенную собственность владѣльцевъ. Меньшинство возражало:

— Въ первомъ пунктѣ всѣхъ нашихъ разсужденій всегда должно стоять условіе: «чтобы крестьяне немедленно почувствовали, что бытъ ихъ улучшился». Какъ же этотъ бытъ улучшится, если вы отъ нихъ отнимете самое необходимое: лѣса и топливо? Если хотите запретить имъ въѣздъ въ лѣса, то отведите часть лѣса въ пользованіе, какъ вы отводите земли.

— Въ пользованіе можно отдавать только то,—говорило большинство,—что не подлежитъ истребленію огнемъ, топоромъ и скотиной.

— Если вы прежде отпускали крестьянамъ лѣсъ на постройки и на топливо, то послѣ освобожденія крестьянъ они будутъ увѣрены, что вы отняли отъ нихъ то, что имъ принадлежитъ по праву. Начнутся самовольныя порубки, драки со сторожами и бунты.

— Прежде помогали скотиной, хлѣбомъ и деньгами,—говорило большинство,—тогда крестьяне были наши, неужели они будутъ въ правѣ требовать все это, когда будутъ не наши? Добровольно помѣщики будутъ давать, у кого лѣсу много, но обязывать давать лѣсъ нельзя даже за повинности или по утвержденной таксѣ. Правильное лѣсное хозяйство можно вести только тогда, когда лѣсъ будетъ въ однѣхъ рукахъ.

Послѣднее замѣчаніе принадлежало члену отъ Сызранскаго уѣзда графу Владиміру Петровичу Орлову-Давыдову, у котораго въ Самарской лукѣ было 120.000 десятинъ лѣса. Этотъ лѣсъ занимаетъ по берегу Волги пространство въ 1.000 квадратныхъ верстъ,

извѣстное подъ именемъ Жигулей, когда-то знаменитыхъ волжскими разбойниками и набѣгами Стеньки Разина.

— При обязательномъ снабженіи лѣсомъ,—говорилъ графъ,—всегда будутъ споры о качествѣ и количествѣ лѣса, какъ для построекъ, такъ и для топлива. Мужики для дровъ рубятъ бревна и выбираютъ безъ сучковъ, чтобы легче было колоть.

— Можетъ быть, потребуете,—обратился Шидловскій къ меньшинству:—чтобы давать на топливо и солому, у кого нѣтъ лѣса? А если соломы не уродится, то чтобы покупать ее для мужиковъ? Такъ можно договориться до правилъ Прудона, что «собственность есть воровство».

Симбирскій комитетъ по улучшенію быта крестьянъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя Николая Тимоѳеевича Аксакова изъ двадцати членовъ: 13 членовъ составляли большинство, 5 членовъ составляли первое меньшинство, и 2 члена составляли второе меньшинство. Когда это раздѣленіе ясно выразилось, и въ Алатырскомъ уѣздѣ узнали, что во главѣ большинства, т.-е. крѣпостниковъ, всталъ Дмитрій Николаевичъ Шидловскій, человѣкъ самыхъ крайнихъ убѣжденій въ отстаиваніи помѣщичьихъ правъ, то алатырцы хотѣли ему послать адресъ. Редактированіе адреса началось высокопарнымъ слогомъ, который составлялся цѣлой компаніей; холостые требовали, чтобы была включена фраза: «не жалѣемъ женъ своихъ!», а бездѣтные диктовали: «жертвуемъ для тебя и дѣтьми своими!». Адресъ кончился смѣхомъ и не состоялся.

Разговоръ объ адресѣ далъ возможность Василію Андреевичу Головинскому поглумиться надъ составомъ симбирскаго комитета. Головинскій сравнивалъ комитетъ съ огородомъ, въ которомъ очень мало головъ, но много кочановъ, а еще больше кочанчиковъ, какъ на брюссельской капустѣ. Сравнивалъ онъ комитетъ и съ хоромъ, гдѣ двое поютъ въ диссонансъ, пятеро имъ вторятъ, а остальные состоятъ изъ подголосковъ.

— По химическому составу,—объяснялъ Головинскій,—этотъ комитетъ мнѣ напоминаетъ воздухъ, въ которомъ одна пятая только кислорода, т.-е. жизни, а остальное все азотъ, т.-е. газъ безъ цвѣта, безъ вкуса, безъ запаха, самъ не горитъ, горѣнія не поддерживаетъ, но и не тушитъ, относительный вѣсъ его 0,97, т.-е. меньше единицы.

— Ну, а если посчитать,—кто-то перебилъ его,—такъ, пожалуй, и больше десятка единицъ найдется; вѣдь отъ цѣлой губерніи выбрали, значитъ, сила!

— Какая это сила!—заговорилъ Головинскій:—воздухъ, а не сила; кнутомъ ударить, такъ пузырь не вскочитъ, хуже лужи! И это профильтрованное дворянство цѣлой губерніи!

Разбитая жизнь Головинскаго, лишеніе правъ и ссылка всегда ему напоминали, что пострадали онъ и его товарищи по дѣлу Петрашевскаго только за то, что на десять лѣтъ раньше другихъ жаждали освобожденія крестьянъ. Но въ ожиданіи воли крѣпостныхъ томились и умирали въ Сибири не одни петрашевцы, а цѣлыя тысячи горячихъ и торопливыхъ головъ. Изъ слуховъ, приходящихъ изъ Симбирска, Головинскому всегда казалось, что помѣщики отрекаются отъ нѣкоторыхъ ничтожныхъ своихъ правъ для того, чтобы подъ разными предлогами закабалить себѣ крестьянъ еще болѣе, съ помощію обманутаго правительства. Крѣпостники иначе не звали за глаза Головинскаго, какъ «каторжникомъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый боялся считаться съ его ядовитымъ языкомъ.

Когда работа симбирскаго комитета подошла къ концу, то изъ редакціонной комиссіи потребовали въ Петербургъ депутатовъ, и туда отправились: отъ большинства Дмитрій Николаевичъ Шидловскій, отъ 1-го меньшинства Николай Петровичъ Ахматовъ и отъ 2-го меньшинства Михаилъ Сергѣевичъ Ланской, сынъ министра. До прибытія депутатовъ всѣ толки и вся выработка положеній, какъ въ главномъ комитетѣ, такъ и въ редакціонной комиссіи, велись въ строгой тайнѣ; запрещалось даже литографировать протоколы для членовъ. Съ пріѣздомъ же депутатовъ тайну сохранить было невозможно, и въ провинцію начали доходить литографированные листы, которые сначала съ жадностію читались, а потомъ къ нимъ охладѣли и довольствовались только слухами и сплетнями. Печатная гласность не была въ привычкѣ; довѣрія къ словеснымъ передачамъ не было, и большинство помѣщиковъ ждало воли въ такой же темнотѣ, какъ и вся крестьянская масса. Члены губернскаго комитета, хотя и повезли съ собой проекты положеній отъ большинства и меньшинства, но скоро пришелъ слухъ, что изъ этихъ проектовъ заимствуютъ только однѣ статистическія цифры.

Въ Симбирской губерніи по 10-й ревизіи считалось крѣпостныхъ:

крестьянъ	417.000	обоего пола.
дворовыхъ	25.000	» »
Итого . . .	442.000	обоего пола.

По всей же Россіи по 10-й переписи считалось крѣпостныхъ:

крестьянъ	9.798.207	мужчинъ
»	10.365.030	женщинъ
дворовыхъ	724.314	мужчинъ
»	738.680	женщинъ
Всего . . .	21.626.231	об. пола.

Изъ числа крестьянъ на издѣльной повинности было 6.795.274 мужчины и на оброкѣ 3.002.923 мужчины.

Въ 10-й народной переписи въ сравненіи съ 9-й переписью оказалось странное явленіе. Въ то время, когда крестьянъ убыло, дворовыхъ прибыло, именно: по 9-й народной переписи числилось крѣпостныхъ крестьянъ 10.031.215 душъ мужского пола; по 10-й ревизіи изъ было 9.798.207, т.-е. убыло 233.008 мужчинъ.

Дворовыхъ по 9-й переписи было 422.622 мужского пола, а по 10-й ревизіи было 724.314 мужчинъ, т.-е. прибыло 201.688 душъ. А между тѣмъ крестьяне, какъ и дворовые люди, одинаково подвергались двумъ холерамъ, пяти наборамъ въ рекруты и войнѣ 1853—1855 годовъ, слѣдовательно естественная убыль должна бы быть пропорціональна, а выходитъ обратно. Нѣкоторые пробуютъ объяснить это желаніемъ помѣщиковъ сохранить за собою земли, такъ какъ дворовымъ людямъ не полагалось надѣловъ, и они отпускались на волю, какъ птицы небесныя. Высочайшій указъ о производствѣ всенародной 10-й переписи былъ объявленъ 3-го іюня 1857 года, а срокъ для подачи ревизскихъ сказокъ былъ опредѣленъ 2-го іюня 1858 года, когда уже всѣмъ были извѣстны общія основанія о надѣлѣ крестьянъ землею.

Эта ли причина или другая, трудно сказать, но святое дѣло освобожденія двадцати милліоновъ крестьянъ съ ихъ землею, усадьбами, скотомъ и имуществомъ совершилось волею царя-освободителя, несмотря на происки крѣпостниковъ и на запугиваніе властей, набранныхъ на службу изъ тѣхъ же крѣпостниковъ.

Эти 20 милліоновъ крѣпостныхъ распредѣлялись между 115 тысячами владѣльцевъ. Въ среднемъ приходится по 175 душъ обоего пола на владѣльца; но это далеко не такъ; одни владѣльцы имѣли 2, 3, 10 душъ и болѣе, а другіе имѣли 20, 30 и даже 80 тысячъ душъ. Если же взять въ расчетъ, что эти 20 милліоновъ крѣпостныхъ находились подъ полнымъ произволомъ помѣщиковъ или ихъ управляющихъ, не имѣли ни правъ, ни воли, ни свободы, то великость дѣла 19-го февраля достойна вѣчной славы.

Съ другой стороны, изъ этихъ же 115 тысячъ помѣщиковъ рекрутировались всѣ чиновники, судьи, полиція, администрація, комиссаріатъ, интендантство и весь унтеръ-штабъ арміи и флота; понятно, что Крымская война должна была дать толчекъ къ освобожденію Россіи отъ «ста тысячъ полицмейстеровъ». Не трудно сдѣлать такую посылку: если эти «полицмейстеры» въ качествѣ чиновниковъ, исправниковъ, интендантовъ и тому подобныхъ, находясь подъ постояннымъ правительственнымъ контролемъ и подъ угрозой отвѣтственности, вездѣ проявляли развратъ, корысть и произволъ, то что же они дѣлали въ своихъ вотчинахъ? Въ этихъ вотчинахъ не было надъ ними никакого контроля, они со своими крѣпостными дѣлали, что хотѣли; всякій произволъ они считали

своимъ правомъ. Свѣжаго и гуманнаго слова не вносилось ни въ воспитаніе сыновей, ни въ воспитаніе дочерей, и нерѣдко изъ этихъ послѣднихъ вырабатывались тѣ легендарныя Салтычихи, про которыхъ въ народѣ вѣрятъ, что онѣ ѣли человѣческое мясо.

Царь-освободитель создалъ народъ, который въ короткое время довелъ бюджетъ государственныхъ доходовъ съ 300 милліоновъ до до 1.700 милліоновъ. Этотъ же народъ выстроилъ 47.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, расширилъ и оборудовалъ порты, создалъ великолѣпный и сильный флотъ, оградилъ государство сильными и дорогими крѣпостями и увеличилъ армію до 4-хъ милліоновъ штыковъ и сабель.

Результаты освобожденія крестьянъ у всего свѣта на глазахъ: въ сорокъ лѣтъ покорены Кавказъ, Хива, Коканъ, Бухара; въ это же время возвращена Бессарабія, присоединенъ Батумъ, и мы твердо стали на берегахъ Великаго океана и у стѣнъ Китая. Хотя сорокалѣтній народный юбилей освобожденія и не получилъ еще своего освященія, но день 19-го февраля 1901 года праздновался во всѣхъ концахъ Россіи, какъ великій праздникъ.

Переходное время по положенію 19-го февраля 1861 года раздѣлялось на два года и на девять лѣтъ, но эти короткіе періоды не заканчивали собой того переходнаго времени, которое вытекаетъ изъ самой жизни освобожденнаго народа. Царь-освободитель и составители положенія давали только штрихи тѣхъ правъ крестьянству, которыя должны были разрабатываться послѣ переходнаго періода. Теперь истекло сорокъ лѣтъ послѣ освобожденія; крѣпостныхъ нѣтъ больше въ государствѣ, но эти свободные крестьяне еще не устроены въ своихъ правахъ такъ, чтобы могли самостоятельно развивать свое благосостояніе. Казна за это время разбогатѣла, но министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ бюджета на 1899 годъ говоритъ, что «прочность государственныхъ финансовъ, какъ бы ни была правильна ихъ организація, зависитъ въ конечномъ результатѣ отъ матеріальнаго благосостоянія населенія». Долговременные опыты строгой опеки надъ крестьянами не привели къ благосостоянію. Ближайшая къ нимъ власть, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, не развила въ крестьянахъ правильнаго самоуправленія и самодѣятельности въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ и общественныхъ дѣлахъ. Круговая порука, на которую составители положенія смотрѣли, какъ на необходимое временное зло, не снята еще съ мірскихъ обществъ. Раздѣлъ семей, передѣлъ общественной земли, выборъ въ должности и даже въ земскіе гласные находятся въ такой зависимости отъ ближайшей власти земскихъ начальниковъ, что никогда не могутъ быть свободными. Наконецъ, волостной судъ съ его унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ пора бы передать въ область исторіи.

Въ послѣднее время правительство часто созываетъ съѣзды свѣдущихъ людей: по винодѣлію, по углю, нефти, ремесленной работѣ, мукомольной промышленности и т. п.,—почему же бы не спросить свѣдущихъ людей и о крестьянствѣ? Матеріальное благосостояніе населенія зависитъ отъ такой массы разнообразныхъ мѣстныхъ причинъ, что знать эти причины могутъ только мѣстные люди, близкіе къ населенію.

Н. А. Крыловъ.

АННА ПУСТОВОЙТОВА [1].

Повѣсть.

IV.

ТАКЪ я размышлялъ о Пустовойтовой, сидя въ бѣдномъ пристанищѣ угольщиковъ, и не веселы были мои думы. Наступила ночь. Двое угольщиковъ вывели меня на почтовую дорогу, которая пролегала неподалеку, и мы пошли по направленію къ Сухедневу, находившемуся не болѣе, какъ въ пятнадцати верстахъ отсюда, по словамъ моихъ проводниковъ. Они утверждали, что русскіе отряды стоятъ гораздо ближе, и что не пройдетъ и часу, какъ мы встрѣтимся съ какимъ нибудь русскимъ разъѣздомъ.

Мы прошли двѣ деревни, гдѣ никто не обратилъ на насъ вниманія. Я уже не сомнѣвался въ своемъ избавленіи. Въ это время впереди показалась коляска, позади которой скакало четыре всадника. Одинъ изъ угольщиковъ, приложивъ ладонь ко лбу, посмотрѣлъ на приближающійся экипажъ и сказалъ, что это поляки. Онъ предложилъ мнѣ скрыться въ лѣсу во избѣжаніе какихъ либо случайностей. Пока я колебался, коляска быстро приблизилась, и всадники подскакали къ намъ. Въ коляскѣ сидѣлъ польскій помѣщикъ съ характерной четыреугольной головой, съ тонкими бѣлокурыми усами, въ конфедераткѣ и чемаркѣ; онъ былъ опоясанъ саблей. Около него сидѣлъ ксендзъ, на что указывала его одежда и круглое, жирное, выбритое лицо. Этотъ помѣщикъ былъ Кази-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIII, стр. 401.

миръ Станкевичъ, и я его тотчасъ узналъ, такъ какъ не разъ встрѣчался съ нимъ въ Варшавѣ. Увидавъ меня въ сопровожденіи угольщиковъ, онъ удивился и спросилъ, не возвращаюсь ли я съ охоты, на что я отвѣтилъ отрицательно, и, поклонившись ему, пошелъ поспѣшно прочь.

Едва мы отошли нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ угольщики, оглядывавшіеся назадъ, перескочили придорожную канаву и скрылись въ лѣсу. Предчувствуя что-то недоброе, я отправился дальше, но скоро услышалъ позади себя стукъ колесъ и топотъ лошадей.

— Позвольте, я довезу васъ въ своей коляскѣ,—сказалъ мнѣ Станкевичъ, поровнявшись со мной.

— Мнѣ кажется, вы ѣдете въ противоположную сторону,—возразилъ я.

Ксендзъ наклонился къ уху Станкевича и сталъ ему что-то шептать.

— Это ничего не значитъ,—сказалъ помѣщикъ,—вы извините меня, но я не могу отпустить васъ такъ. Вы бродите ночью въ лѣсу, а вѣдь вы знаете, что край охваченъ возстаніемъ. Можетъ быть, вы собираете непріятныя для насъ свѣдѣнія.

— Что вы говорите,—возразилъ я горячась,—тутъ на десятки верстъ нѣтъ ни души, и кому какія я могу доставить свѣдѣнія?

Онъ вступилъ въ тихій разговоръ съ ксендзомъ, послѣ чего воскликнулъ:

— Нѣтъ, извините, мы никакъ не можемъ отпустить васъ. Если вы будете сопротивляться, я прикажу моимъ людямъ стрѣлять. Прошу васъ сѣсть въ коляску, и я ручаюсь, что вамъ не будетъ сдѣлано никакого вреда.

Мнѣ пришлось пожалѣть, что я не послѣдовалъ совѣту предусмотрительнаго угольщика, но дѣлать было нечего. Я сѣлъ въ коляску Станкевича, который дѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня, и мы поскакали. Мы ѣхали, какъ я убѣдился изъ разговора Станкевича съ ксендзомъ, къ Святымъ горамъ, гдѣ теперь долженъ былъ, по мнѣнію ксендза, находиться Лангевичъ. Этотъ ксендзъ былъ изъ монастыря Демеритовъ, пользовавшагося незавидной славой. Въ этотъ монастырь ссылали въ чемъ нибудь провинившихся духовныхъ особъ со всего царства Польскаго. Здѣсь они содержались подъ присмотромъ и считались осужденными на эпитимію, отъ чего собственно и произошло названіе монастыря.

Съ каждымъ часомъ опасность моего положенія возрастала. Нечего было надѣяться на пощаду со стороны тѣснимыхъ повстанцевъ, которые могли расправиться со мной, какъ угодно. Надо было бѣжать во что бы то ни стало до прибытія въ становище Лангевича. Но это было рѣшительно невозможно, такъ какъ лошади наши мчались безъ устали, и мы нигдѣ не останавливались. Утромъ показались Святыя горы. Это была живописная дикая

мѣстность, заросшая непроходимыми лѣсами. На крутомъ холмѣ стоялъ монастырь Демеритовъ, окруженный сѣрой стѣной, угрюмый и непривѣтливый. Онъ на меня произвелъ впечатлѣніе острога, и для полнаго сходства тутъ недоставало только часовыхъ.

Станъ Лангевича находился недалеко отъ монастыря. Прошло немного времени, какъ я бѣжалъ изъ его банды. Къ моему удивленію, она теперь разрослась въ нѣсколько разъ. Дѣло въ томъ, что во время движенія банды къ Свентокшисскимъ горамъ и къ монастырю Демеритовъ къ ней постоянно присоединялись охотники, и она, такимъ образомъ все увеличиваясь въ своемъ размѣрѣ, стала одной изъ самыхъ солидныхъ бандъ во всемъ царствѣ Польскомъ.

Часовые остановили нашу коляску около лагеря. Станкевичъ вышелъ изъ нея въ сопровожденіи ксендза, но, спустя нѣсколько времени, онъ вернулся съ солдатами Лангевича, съ которыми меня повели въ монастырь. Мы прошли черезъ узкую калитку на вымощенный монастырскій дворъ, на которомъ находилось нѣсколько зданій, соединенныхъ между собой крытыми переходами. Посрединѣ возвышался костелъ готической архитектуры со стрѣльчатыми окнами, безмолвный и непроницаемый, какъ могила.

Мы вошли въ длинный и узкій коридоръ, вдоль котораго шли комнатки для ксендзовъ. Одну изъ комнатъ отворили. Когда я вошелъ туда, то меня заперли на ключъ. Моя келья была убрана очень скромно. Въ ней находился столъ, кровать, двѣ табуретки, изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ съ пылающимъ сердцемъ на груди и Божіей Матери съ такимъ же пылающимъ сердцемъ.

Въ этотъ день ко мнѣ зашелъ только какой-то польскій офицеръ, который посмотрѣлъ, какъ я помѣщенъ, и, поговоривъ о чемъ-то съ сопровождавшимъ его ксендзомъ, ушелъ. На слѣдующій день ко мнѣ зашелъ Лангевичъ. Одѣтъ онъ былъ такъ же, какъ я его видѣлъ въ Вонхоцкѣ, въ темносѣрой чемаркѣ съ блѣдно-розовой перевязью черезъ плечо, похожей на станиславскую ленту. Видъ у него былъ не веселый.

— И такъ вы опять попали къ намъ?—сказалъ онъ по-польски, останавливаясь посрединѣ моей кельи. Сопровождавшая его свита толпилась у дверей.—Но, дѣлать нечего, вамъ придется здѣсь остаться во все время, пока мы будемъ стоять тутъ лагеремъ, а что будетъ дальше, мы увидимъ. Не совѣтую вамъ пытаться бѣжать, потому что я тогда ни за что не отвѣчаю. Прибавлю, что мнѣ стоило большого труда отстоять васъ отъ военнаго совѣта (тутъ онъ посмотрѣлъ въ коридоръ), который рѣшительно вознамѣрился васъ повѣсить.

Я оставался въ заключеніи цѣлую недѣлю. Отъ прислуживавшаго мнѣ послушника я узналъ, что Лангевичъ освободилъ всѣхъ ксендзовъ, сосланныхъ сюда, и они вступили въ ряды его войска.

опоясанные веревкой, держа въ лѣвой рукѣ крестъ, а въ правой револьверъ, они храбро сражались съ нашими войсками. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были убиты. Отъ послушника же я узналъ, что Лангевичъ каждый день обучаетъ своихъ солдатъ, число которыхъ все увеличивается.

Однажды утромъ послышались пушечные выстрѣлы и ружейная перестрѣлка. Монастырь пришелъ въ волненіе. На дворѣ показались монахи, которыхъ я никогда не видалъ, и ихъ оказалось болѣе, чѣмъ можно было предположить. Къ полдню пальба прекратилась, и все затихло. Я узналъ, что Лангевичъ выступилъ со своей бандой къ мѣстечку Слупѣ-Новой, и здѣсь атаковалъ его русскій отрядъ подъ командой полковника Ченгери. По разсказамъ однихъ, побѣдилъ Лангевичъ, но, по разсказамъ другихъ, повстанцы были совершенно разбиты. Во всякомъ случаѣ теперь положеніе мое должно было измѣниться. Впослѣдствіи я узналъ, что дѣло подъ Слупей-Новой заключалось въ слѣдующемъ. 28 января стараго стиля полковникъ Ченгери, который былъ ближе другихъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находилась банда сандомірскаго воеводы, выступилъ изъ Кельцъ съ отрядомъ изъ пяти ротъ пѣхоты, полъ-эскадрона драгунъ и пятидесяти казаковъ, при одномъ орудіи. Имъ было приказано непремѣнно отыскать банду Лангевича. На другой день онъ напалъ на ея слѣды, атаковалъ ее на высотахъ подъ Слупей-Новой и заставилъ отступить въ лѣсъ. При этомъ повстанцы оставили на мѣстѣ много провизіи и одиннадцать вововъ съ вещами: планы, приказы по войскамъ, повстанскія инструкціи, именные списки четырехъ сводовъ батальона, сформированнаго Лангевичемъ, только что полученныя изъ Варшавы хорошія карты Польши, и сорокъ три лошади. Въ числѣ чисто военной добычи, кромѣ косъ, ружей и пистолетовъ, находились двѣ знаменитыя деревянныя съ желѣзными обручами пушки. Послѣ этого банда Лангевича направилась проселочными дорогами и густыми лѣсами къ Сташеву, производя всевозможныя насилія. Брала у помѣщиковъ и у крестьянъ все, что было ей нужно, принуждая при этомъ всѣхъ могущихъ носить оружіе становиться въ ряды подъ страхомъ жестокаго наказанія. Упрямыхъ и подозрительныхъ прямо вѣшали или разстрѣливали. Такъ наканунѣ отступленія изъ-подъ Слупи-Новой былъ разстрѣлянъ опатовскій солтысъ за то, что противился приказаніямъ посланныхъ изъ банды. Кромѣ того, по подозрѣнію въ шпіонствѣ были приговорены къ разстрѣлянію два крестьянина и одна дама полька, жена русскаго офицера изъ Кельцъ. Быстрое приближеніе нашего отряда помѣшало исполненію казни. Всѣ три жертвы были брошены и попали въ руки русскихъ.

Поздно ночью дверь моей кельи отворилась. Ко мнѣ вошелъ уланъ, котораго я сначала не узналъ. Лицо его было блѣдно, и онъ шатался. Онъ былъ совершенно одинъ. Знàкомъ руки онъ отпустилъ прислужника, отворившаго ему дверь.

— Я зналъ, что вы оставлены здѣсь,—сказалъ онъ,—мы потерпѣли пораженіе и идемъ безостановочно къ Сташеву. Я едва успѣлъ опередить посланныхъ, которымъ велѣно захватить васъ и привести къ Лангевичу. Военный совѣтъ осудилъ васъ на разстрѣляніе, но я не могъ предоставить васъ вашей участи, я не могъ забыть вашей услуги. И такъ поспѣшите. Монастырь брошенъ, ворота отперты, а конная стража можетъ прибыть каждую минуту. Вотъ вамъ револьверъ на всякій случай.

Съ этими словами онъ пошатнулся и почти упалъ на скамейку. Смертная блѣдность разлилась по его нѣжному юношескому лицу. Мысль о томъ, что онъ раненъ, мелькнула у меня въ головѣ. Я проворно подхватилъ его и подложилъ ему подъ голову подушку, и тотчасъ остановился около него въ глубокомъ изумленіи. Когда я обхватилъ его станъ, я чувствовалъ, что держу не юношу, а дѣвушку. Наклонившись, я разсматривалъ милое и дорогое лицо. Да, это—она, Анна Теофиловна. Какъ я не догадался объ этомъ до сихъ поръ?...

Невозможно было догадаться. Щегольской военный костюмъ совершенно измѣнялъ ея наружность. Высокая, стройная, съ юношеской осанкой, она производила впечатлѣніе лихого молодца-улана.

Но времени терять было нельзя; я спрыснулъ холодной водой ея лицо и разстегнулъ тугой воротникъ. Она приподнялась, провела рукой по лбу, какъ бы собирая разсѣянныя мысли. Я опустился передъ ней на колѣни.

— Анна, это вы, какими судьбами?—и я цѣловалъ ея руки.

Густой румянецъ разлился по ея лицу.

— Какъ вы могли узнать меня?—произнесла она:—но все равно, хотя отецъ мой и русскій, но вѣдь я католичка, и мать моя полька; что жъ тутъ удивительнаго, что я захотѣла вступиться за свой несчастный угнетенный народъ? Я не могла сражаться, какъ женщина, но въ этомъ костюмѣ я могу дѣлать все, что хочу. Но, кажется, мнѣ было дурно? Надо спѣшить, вы должны дорожить каждой минутой. Конная стража, посланная схватить васъ, прибудетъ съ минуты на минуту. Мнѣ удалось обогнать ее только на нѣсколько верстъ.

Она встала, и слѣды слабости, точно по волшебству, совершенно исчезли въ ней. Лицо ея преобразилось, она надвинула каску на голову, взяла меня за руку и сказала:

— Я вамъ говорю, надо спѣшить!

Мы вышли на дворъ.

— Тутъ въ монастырской конюшнѣ,—сказала она,—найдутся и лошади, и сѣдла, а моя лошадь привязана и находится у ограды.

Теперь не разсуждая, я слѣпо повиновался ей. Спустя нѣсколько минутъ, мы скакали по лѣсной дорогѣ. Едва отъѣхали мы отъ монастыря версты двѣ, какъ услышали въ отдаленіи у монастыря шумъ и крики.

— Вотъ стража, которая была послана за вами,—сказала мнѣ Анна,—и еще бы немного вы промедлили, и вамъ было бы не избѣжать ихъ.

Все мое прежнее чувство къ ней вспыхнуло съ прежнимъ жаромъ. Я не думалъ о грозной опасности, которой только что избѣжалъ, я не думалъ о смерти. Рядомъ со мной была она, и сердце мое замирало при этой мысли. Она нѣсколько похудѣла, всѣ черты лица ея стали строже и значительнѣе. Теперь, когда я хорошо разглядѣлъ ее, она въ этомъ красивомъ костюмѣ казалась еще прекраснѣе. Правда, ея роскошные каштановые волосы были обрѣзаны, но я даже не замѣтилъ этого съ перваго взгляда. Сильная, ловкая, стройная, она легко скакала рядомъ со мной.

— Вы, конечно, не знаете здѣшней мѣстности, и я хочу вывести васъ на дорогу къ русскому отряду, но затѣмъ я должна вернуться къ своимъ.

— Одумайтесь,—говорилъ я,—вы не католичка, и Польша для васъ чужая страна. Если вы бросите повстанцевъ и явитесь съ повинной, то, конечно, вы избѣжите наказанія.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого. Во-первыхъ, я не чувствую за собой никакой вины, я дѣлаю то, что подсказываетъ мнѣ моя совѣсть. Если надо будетъ умереть, я умру безъ колебанія.

Ея слова разрывали мою душу. На опушкѣ лѣса она остановилась. Впереди виднѣлась деревня, изъ которой доносился шумъ, и видно было, что на улицѣ много народа. Густой дымъ выходилъ изъ трубъ и тянулся надъ крышами.

— Здѣсь,—сказала она,—стоитъ отрядъ полковника Ченгери. Въ немъ находится ваша галицкая рота.

Она соскочила съ лошади, я сдѣлалъ то же.

— Вы спасли мнѣ жизнь,—сказалъ, я,—но и безъ того знайте, что я всегда принадлежалъ и принадлежу вамъ, Анна, неужели вы не видите, что я люблю васъ? Я люблю васъ съ той самой минуты, какъ встрѣтился съ вами. Не прерывайте меня, дайте мнѣ высказаться. Никогда ни одна женщина не заставила меня почувствовать то, что я испытываю вблизи васъ. Среди тѣхъ, кого вы встрѣчаете и встрѣтите, конечно, я занимаю скромное мѣсто, но повѣрьте, что душа моя горитъ самой чистой любовью къ вамъ. Мнѣ ничего не нужно отъ васъ, но я хочу видѣть васъ счастливой, я хочу, чтобы вы не страдали.

Голосъ мой прервался. Она взяла меня обѣими руками за руки, взволнованная и дрожащая; потомъ долго, долго смотрѣла мнѣ въ глаза, улыбнулась и тихо произнесла:

— Кто знаетъ, можетъ быть, и я люблю васъ?—и разсмѣялась. Затѣмъ лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, грустнымъ, она обвила мою шею руками и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала меня.

— Тихое счастье не для меня,—сказала она, снова взявъ меня за руки,—можетъ быть, со временемъ я перемѣнюсь, но теперь... Богъ знаетъ, что меня ждетъ впереди. Я не могу жить, какъ другіе. Вы видите, вы понимаете это. Я знаю, вы—мой искренній и вѣрный другъ, мнѣ никогда не найти такого сердца, какъ ваше, но что же дѣлать, что я не могу любить такъ, какъ бы вы этого хотѣли. Любить такъ—это значитъ сдѣлаться вашей женой, поселиться въ городѣ или въ деревнѣ, жить тихой скромной жизнью, воспитывать вашихъ дѣтей, принимать знакомыхъ, ходить къ сосѣдямъ въ гости. Все это такъ просто, но я не вынесу такой жизни. Говорятъ, что я сумасшедшая, что у меня бѣшеная натура. Нѣтъ, мы должны опять разстаться. Прощайте!

— Прощайте!

Она кинула на меня пламенный взглядъ, вскочила на коня, махнула рукой и поскакала назадъ. Вновь я терялъ ее. Долго я слѣдилъ за ней, пока она не скрылась въ лѣсной чащѣ. Вотъ еще я слышу топотъ ея лошади вдали, онъ становится все тише и тише, и, наконецъ, все смолкло. Я. былъ потрясенъ, взволнованъ. Я вынулъ платокъ, вытеръ слезы, которыя струились по моему лицу. Тяжело переживать такія минуты. Потомъ я сѣлъ на своего коня и поѣхалъ къ бивaку, на которомъ дѣйствительно расположился отрядъ полковника Ченгери. Меня пригласили къ нему, и я разсказалъ въ краткихъ словахъ всѣ свои приключенія.

V.

Въ то время, когда со мной происходили описанныя событія, я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Петровѣ, оказавшемъ мнѣ такое широкое гостепріимство. Между тѣмъ съ нимъ было также не лишенное интереса приключеніе, о которомъ я узналъ уже впослѣдствіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Лангевичемъ Сташева, 4 (16) февраля, къ Петрову явилось сорокъ человѣкъ уланъ съ приказаніемъ взять контрибуцію живностью и фуражемъ, арестовать Петрова и доставить его въ Сташевъ. Уланы потребовали 15 лошадей, 10 воловъ, 20 барановъ, 100 корцевъ овса, 100 квартовыхъ бутылей сладкой водки, 100 печеныхъ хлѣбовъ (bochenków), четыре кованыхъ телѣги, сѣдла и сбрую, какая найдется; при этомъ предъявили письменный приказъ повстанскаго начальника Сандомірскаго уѣзда, Скотницкаго. Петровъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы все требуемое было отпущено. Только вмѣсто печеныхъ хлѣбовъ была выдана просто-напросто мука, приблизительно на сто хлѣбовъ.

Двинулся цѣлый обозъ. А уланы, обшаривъ весь домъ (при чемъ отпирали разные ящики, запертые на ключъ), взяли изъ стола

помѣщика 255 рублей денегъ, заложили бричку и, посадивъ въ нее Петрова, покатили въ Сташевъ.

5-го (17-го) февраля, въ часъ пополудни, прибыли они въ этотъ городъ и подъѣхали къ дому, гдѣ квартировалъ Лангевичъ. Это былъ домъ откупщика Левандовскаго. Лангевичъ занималъ первый этажъ. Петровъ сидѣлъ по крайней мѣрѣ съ четверть часа въ бричкѣ, пока воеводѣ вздумалось его принять. Когда же онъ вошелъ къ нему, то увидалъ, что Лангевичъ сидитъ за столомъ съ нѣсколькими штабными и обѣдаетъ.

— Pan obiad jadl? (обѣдали?)—сказалъ не вставая Лангевичъ, безъ всякаго привѣтствія.

— Нѣтъ, гдѣ же?—отвѣчалъ плѣнникъ, разумѣется, также по-польски.

Петровъ говорилъ по-польски отлично. Въ домѣ его почти не слышалось другого языка, кромѣ польскаго. Жена Петрова, хотя и русская по происхожденію, была въ душѣ совершенная полька. На ея деньги издавалась въ Варшавѣ въ 1861 году дешевая газета для народа «Czytelnia Niedzielna», редакторомъ которой былъ Агаѳонъ Гиллеръ, впослѣдствіи членъ ржонда народоваго.

— Прошу садиться,—сказалъ Лангевичъ.

Петровъ сѣлъ и взглянулъ на генерала. Его поразило блѣдное осунувшееся лицо Лангевича, напоминавшее лицо человѣка, только что вставшаго съ болѣзненнаго одра. На немъ была обычная сѣрая чемарка съ розовой перевязью черезъ плечо.

Подали скромный обѣдъ: хорошо сваренный супъ и говядину съ тертымъ картофелемъ. Но за столомъ было много водки и вина, и обѣдавшіе усердно принялись за нихъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ штабныхъ Лангевича, бѣлый, какъ лунь, съ длинными висячими усами, уланъ 1830 года, шумѣлъ и безпрерывно предлагалъ тостъ «za wolność Polski» (за свободу Польши).

Это былъ помѣщикъ Кржесимовскій, формировавшій у Лангевича отрядъ кавалеристовъ на казачьихъ лошадяхъ. Самъ Лангевичъ во весь обѣдъ не говорилъ ни слова. Вдругъ вошелъ въ комнату молодой красивый уланъ, въ полной формѣ, при саблѣ, пистолетѣ и даже кинжалѣ, и, сдѣлавъ рукой подъ козырекъ, подалъ Петрову письмо и сказалъ:

— Panie jenerale, macz list z Warszawy (генералъ, къ вамъ письмо изъ Варшавы).

Взглянувъ мелькомъ на подателя письма, Петровъ узналъ въ немъ знакомую ему воспитанницу Пулавскаго Александрійскаго института для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ онъ состоялъ одно время членомъ совѣта по хозяйственной части и нерѣдко бывалъ на публичныхъ испытаніяхъ. Это была Анна Пустовойтова. Будучи пораженъ преобразованіемъ пулавской институтки въ повстанскаго улана, Петровъ, вообще крайне простой и безцеремонный въ пріемахъ, воскликнулъ по-русски:

— Анюта, ты какъ здѣсь?

Уланъ улыбнулся и, не отвѣчая ничего, вышелъ. Петровъ сталъ вскрывать письмо, но Лангевичъ остановилъ его словами:

— Извините, я прежде прочту.

Взявъ, онъ взглянулъ въ него и сказалъ:

— Ахъ, это по-русски!

Затѣмъ онъ вызвалъ изъ-за стола офицера Михайловскаго и велѣлъ ему перевести себѣ письмо шепотомъ по-польски. Убѣдившись, что въ немъ не заключалось ничего особеннаго, онъ отдалъ его Петрову и сѣлъ за столъ. Письмо это было отъ жены Петрова, оставшейся въ Варшавѣ, когда онъ поѣхалъ въ Осекъ. Но Петрова въ майоратѣ уже не было, и тогда управляющій послалъ полученное письмо къ нему въ Сташевъ.

Послѣ обѣда плѣннику была отведена квартира у коменданта крѣпости. Мирный шахматистъ могъ видѣть все ратное движеніе повстанцевъ и могъ выводить заключенія о ихъ вооруженіи. Часть солдатъ всегда находилась на площади. Лангевичъ на конѣ въ сопровожденіи Пустовойтовой объѣзжалъ ряды при громкихъ крикахъ: «виватъ». Потомъ двигались волы, бараны, подводы съ битой скотиной и другими съѣстными припасами. Проходилъ также обозъ изъ деревни самого наблюдателя, Петрова. На одной сторонѣ площади постоянно вертѣлись точила, на которыхъ точились ножи, косы, сабли, наконечники для пикъ.

Одежда войска, которое Петровъ видѣлъ изъ своихъ оконъ, состояла преимущественно изъ полушубковъ. Такъ называемые «уланы» были также въ полушубкахъ. Разница между пѣхотой и уланами заключалась единственно въ томъ, что одни полушубки сидѣли на коняхъ и имѣли вооруженіемъ саблю и пику, а другіе не сидѣли на коняхъ и имѣли ружье или косу.

Только между косиньерами замѣчалась нѣкоторая пестрота въ одѣяніи: въ чемъ кто пришелъ, въ томъ и оставался. На головахъ рѣшительно у всѣхъ ратниковъ были рогативки краснаго цвѣта съ бѣлою или черною выпушкой.

Что касается количества солдатъ у Лангевича, Петрову говорили, что косиньеровъ три баталіона, по 1.000 человѣкъ каждый, и четвертый формировался, стрѣлковъ триста, уланъ также триста; артиллерія состояла изъ четырехъ мѣдныхъ пушекъ (виватувокъ), безъ лафетовъ. Онѣ постоянно передвигались на возахъ и, сколько извѣстно, ни разу не употреблялись въ дѣло.

О содержаніи войска Петровъ узналъ, что «косиньеръ, поступая на службу, получаетъ рогативку и пару сапогъ. Потомъ ему выдаютъ въ сутки: полъ-бахенка хлѣба, двѣ чарки водки и злотъ деньгами».

Стрѣлки и «уланы» не получали ничего, содержа себя сами, какъ знали и умѣли. Полковую музыку составляли захваченные гдѣ-то тирольцы.

Войско Лангевича представляло чрезвычайную смѣсь сословій: тутъ были мелкая шляхта, фабричный и ремесленный народъ, лѣсничіе, городскіе жители и помѣщичьи дворовые люди, официалисты. Крестьянъ было очень мало, человѣкъ тридцать на всю массу.

Слухи о Лангевичѣ встревожили Радомъ. Начальникъ Радомскаго военнаго отдѣла увѣдомилъ намѣстника, что банда Лангевича значительнѣе, чѣмъ можно было бы предполагать. Тогда же пришли въ Варшаву вѣсти, будто бы изъ-за границы прибыло 17 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Мирославскаго, изъ которыхъ однихъ венгерцевъ 8 тысячъ человѣкъ. Говорили, что этотъ сильный отрядъ находится на югѣ Радомской губерніи въ Олькушскомъ уѣздѣ. Тогда намѣстникъ приказалъ двинуть туда болѣе значительныя силы; изъ Ченстохова отрядъ полковника Островскаго и изъ Мѣхова отрядъ князя Багратіона, въ составъ котораго входили седьмой стрѣлковый баталіонъ, рота смоленскаго пѣхотнаго полка, два взвода драгунъ, восемьдесятъ донскихъ казаковъ, пятьдесятъ объѣздчиковъ пограничной стражи и два орудія. Въ то же время былъ отправленъ къ нимъ на подкрѣпленіе изъ Варшавы оберквартирмейстеръ войскъ въ царствѣ Польскомъ, генералъ-майоръ Черницкій съ гвардейскимъ отрядомъ изъ трехъ ротъ гренадеръ Петербургскаго полка и одной роты Кексгольмскаго гренадерскаго полка. Гренадеры были посажены и отправлены по желѣзной дорогѣ. Прибывъ въ Олькушскій уѣздъ, ни Багратіонъ, ни Островскій не нашли повстанцевъ и вернулись на свои зимнія стоянки.

Между тѣмъ противъ самаго Лангевича выслали изъ Радома отрядъ въ три роты пѣхоты Галицкаго полка подъ начальствомъ майора Голубева и другой отрядъ изъ роты Смоленскаго полка подъ начальствомъ полковника Загряжскаго. Загряжскій подошелъ къ самому Сташеву и завязалъ съ аванпостами Лангевича перестрѣлку. Это было въ день прибытія Петрова къ Лангевичу. Петровъ, сидя у себя, слышалъ пушечные и ружейные выстрѣлы, пули летали по улицамъ и щелкали въ дома. Петрова могла убить своя родная пуля.

Загряжскій, увидавъ, что располагаетъ слишкомъ незначительными силами, сталъ выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны Лангевича, къ которому подошли банды Куровскаго, Лакинскаго и Езеранскаго, такъ что подъ знаменами сандомірскаго воеводы собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Въ это время Сташевъ представлялъ оживленную картину. Улицы были полны военнымъ народомъ; подходившія банды входили въ городъ съ пѣснями и музыкой. Ночью начинался разгулъ, вино лилось рѣкой, и слухи о привольной жизни отряда Лангевича далеко разнеслись по всему краю.

Между тѣмъ время шло, и надо было предпринимать что нибудь рѣшительное. Къ Лангевичу явилась депутація изъ Кельцъ и про-

сила его немедленно занять ихъ городъ, при чемъ обѣщала, что всѣ жители возстанутъ поголовно и присоединятся къ нему.

Бой барабановъ и звукъ трубъ возвѣстилъ Сташеву, что воевода отдалъ приказъ къ выступленію. Петрова посадили въ телѣгу, и онъ поѣхалъ позади отряда. Погода была теплая, снѣгъ таялъ, ручьи разлились, весна наступала быстро и неудержимо. Въ одномъ изъ ущелій присоединилась къ отряду Лангевича банда Чаховскаго. Чаховскій шелъ пѣшкомъ по колѣно въ водѣ, сопровождаемый Пустовойтовой, которая была послана разыскать его партію и вывести на дорогу. Промокшая, забрызганная грязью, она имѣла бодрый, энергическій видъ. Она сѣла къ Петрову въ телѣгу вмѣстѣ съ другой дѣвицей-кавалеристомъ, которую называли Каролиной, одѣтой тоже по-мужски, съ саблей и пистолетомъ. Лошади, на которыхъ они ѣхали, выбились изъ силъ, потому что дорога была слишкомъ тяжела, и шедшій впереди отрядъ превращалъ ее въ жидкое, грязное мѣсиво. Наконецъ, лошади совершенно остановились. Тогда Петровъ, Пустовойтова и Каролина пошли пѣшкомъ и шли нѣсколько верстъ, пока не встрѣтили жидовъ, ѣхавшихъ въ фургонѣ. Пустовойтова вынула пистолетъ и приказала евреямъ сейчасъ же выйти, что они безпрекословно и исполнили. Послѣ того Петровъ и двѣ дѣвицы сѣли въ фургонъ и поѣхали въ немъ дальше.

Въ это время изъ Радома былъ высланъ на помощь Голубеву и Загряжскому большой отрядъ подъ начальствомъ энергическаго подполковника Добровольскаго. Этотъ отрядъ состоялъ изъ трехъ ротъ могилевскаго пѣхотнаго полка, эскадрона новороссійскихъ драгунъ, нѣсколькихъ казаковъ и двухъ орудій. Узнавъ, что Лангевичъ вмѣстѣ съ бандами Куровскаго, Лакинскаго, Езеранскаго и Чаховскаго находится на пути къ Кельцамъ, Добровольскій преградилъ ему дорогу, извѣстивъ Голубева о томъ, чтобы онъ шелъ на Раковъ.

Лангевичъ узналъ объ этомъ и бросился на Сопковъ. Воспользовавшись остановкой въ этомъ мѣстечкѣ, Петровъ вздумалъ побриться. Цирульникъ, болтая вздоръ, какъ всѣ цирульники на свѣтѣ, сказалъ ему вдругъ, что русскіе уже въ Хенцинахъ въ семи верстахъ отъ Сопкова. Петровъ вскочилъ и побѣжалъ къ Лангевичу, котораго нашелъ въ большей тревогѣ. Онъ, повидимому, совершенно забылъ о своемъ плѣнникѣ.

— Что вамъ?—спросилъ онъ сердито у Петрова.

— Я вамъ не нуженъ, я вамъ не могу принести никакого вреда!—воскликнулъ Петровъ:—отпустите меня! Мнѣ невозможно оставаться при вашемъ отрядѣ. Если васъ захватятъ русскіе, меня примутъ за повстанца.

— Я бы васъ давно отпустилъ,—возразилъ Лангевичъ,—но я чиновникъ, исполняю, что приказано. Впрочемъ я переговорю со штабомъ.

Откладывать переговоры было нельзя. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія штабъ потребовалъ отъ плѣнника за дозволеніе немедленно ѣхать въ Варшаву 10 тысячъ рублей на лагерные сборы и, сверхъ того, просилъ доставить письмо Лангевича въ собственныя руки намѣстника.

— Письмо доставить мнѣ не трудно,—отвѣтилъ Петровъ:—но откуда взять мнѣ десять тысячъ рублей?

— Ну, внесите хоть десять тысячъ злотыхъ (злотъ—15 копеекъ).

Петровъ на это согласился и далъ честное слово. Тогда вручили ему паспортъ, весь написанный рукою воеводы, и письмо къ намѣстнику. Онъ сѣлъ въ телѣгу и доѣхалъ благополучно до Кельцъ, откуда былъ препровожденъ начальникомъ тамошняго военнаго отдѣла, полковникомъ Ченгери, въ Варшаву 11-го (23-го) февраля, и произвелъ тамъ разсказами о своихъ похожденіяхъ немало шума. Тутъ только городъ увидалъ настоящую карточку Лангевича, за котораго до тѣхъ поръ продавали какого-то неопредѣленнаго повстанца, говорятъ, брата профессора Ваги.

VI.

Необходимо хоть въ нѣсколькихъ словахъ разсказать біографію Лангевича, съ которымъ меня роковымъ образомъ сталкивала судьба.

Маріанъ-Мельхіоръ Лангевичъ родился въ Познанскомъ княжествѣ, въ мѣстечкѣ Кратошинѣ, 5-го августа н. с. 1827 года. Отецъ его Войтехъ, прусскій военный докторъ, бѣжалъ въ 1830 г. въ нашу Польшу и предложилъ услуги тогдашнему революціонному правительству, какъ врачъ. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ. Маріанъ и два брата его Александръ и Антонъ остались на попеченіи матери. Сперва они учились дома, потомъ Маріанъ, будучи девяти лѣтъ, поступилъ въ Кратошинское уѣздное училище, пробылъ тамъ семь лѣтъ, послѣ чего перешелъ въ Пржемешенскую гимназію. Пржемешно находится въ повѣтѣ Могильницкомъ Быдговскаго (Бромбергскаго) обвода.

Тамъ съ одиннадцатаго вѣка былъ «Klasztor kanoników regularnych i szkola przy klasztorze» (монастырь и школа при монастырѣ). Съ 1839 г. она переименована въ гимназію, гдѣ все преподавалось понѣмецки. Здѣсь Лангевичъ началъ мечтать о военной службѣ и тщательно изучалъ математику, желая поступить въ артиллерію.

Въ бурное время, въ которое Лангевичъ оставилъ школьную скамью, происходилъ извѣстный съѣздъ славянъ въ 1848 году. Здѣсь онъ встрѣтился въ первый разъ со своимъ будущимъ соперникомъ Мирославскимъ.

Лангевичъ послѣ того очутился въ Бреславѣ учителемъ дѣтей у одного богатаго помѣщика. Въ это время ему было 22 года. Но

онъ не могъ предаваться столь мирнымъ занятіямъ и сидѣть спокойно въ глуши. Онъ чувствовалъ недостаточность своихъ познаній и уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ и поступилъ въ университетъ на математическій факультетъ. Выйдя изъ университета, онъ сдѣлался артиллерійскимъ офицеромъ.

Въ то время во всѣхъ концахъ Европы происходили революціонныя движенія и вспыхивали мятежи. Лангевичъ уѣхалъ въ Италію и примкнулъ къ партіи Гарибальди, съ которымъ онъ встрѣтился въ Генуѣ. Здѣсь Гарибальди основалъ польскую военную школу, первымъ директоромъ которой былъ Мирославскій. Лангевичъ поступилъ сюда въ качествѣ профессора математики и артиллеріи. Польская Генуэзская школа имѣла своимъ назначеніемъ давать военное образованіе будущимъ повстанцамъ и приготовлять изъ нихъ образованныхъ офицеровъ, знакомыхъ со всѣми тонкостями тактики, фортификаціи, равно какъ и другихъ военныхъ наукъ.

Думая постоянно о революціи на берегахъ Вислы, Лангевичъ старался заранѣе закупить оружіе и еще въ ноябрѣ 1862 г. пріобрѣлъ въ Генуѣ на деньги, доставленныея ему изъ царства Польскаго, 4.000 прусскихъ, гладкоствольныхъ кремневыхъ ружей, которыя передѣлалъ на пистонныя. Потомъ онъ купилъ въ Лондонѣ при посредствѣ конторы Бонфорта около четырехъ тысячъ штуцеровъ за сто восемьдесятъ тысячъ франковъ и переслалъ ихъ въ Вѣну для доставки на мѣсто будущихъ военныхъ дѣйствій. Въ самомъ концѣ 1862 г. центральный революціонный комитетъ въ Варшавѣ, зная о заслугахъ Лангевича, пригласилъ его на высокій постъ воеводы въ самомъ важномъ пунктѣ, въ Сандомірѣ.

Незадолго до начала возстанія Лангевичъ съ большимъ трудомъ и опасностями перебрался черезъ австрійскую границу и, бродя отъ избы къ избѣ, наконецъ стукнулъ наудачу въ какую-то дверь. Здѣсь ему оказали гостепріимство. Войдя въ избу, будущій диктаторъ повалился на лавку отъ крайняго изнеможенія. Тутъ начинается его служба возстанію 1863 года.

Въ день вспышки возстанія 10-го (23-го) января, который былъ назначенъ революціоннымъ комитетомъ для начала военныхъ дѣйствій во всемъ царствѣ Польскомъ, Лангевичъ явился предводителемъ отдѣльной банды подъ Шидловцемъ. Четыре дня спустя, пользуясь безпечностью генерала Ушакова, онъ пробрался въ Вонхоцкъ и напечаталъ въ своей походной типографіи воззваніе къ жителямъ Вонхоцкаго воеводства, которое мнѣ попалось при первой встрѣчѣ съ Анной Пустовойтовой и приведено мною раньше. Воззваніе его облетѣло Краковское и Сандомірское воеводства и произвело сильное впечатлѣніе. Печатное революціонное слово вездѣ и всегда имѣетъ свою силу, но въ лѣсу оно сильнѣе, чѣмъ въ городѣ. Въ главную квартиру воеводы именно вслѣдствіе этого явилось множество помѣщиковъ посмотрѣть на житье-бытье

вонхоцкаго войска. Они предлагали Лангевичу лошадей, припасы, старое оружіе, а иные изъ пріѣзжихъ, будучи увлечены ратнымъ движеніемъ, поступали къ воеводѣ на службу.

Въ числѣ такихъ гостей Лангевича оказались два зажиточные помѣщика, Станиславъ Карскій и Станиславъ Ясинскій, пользовавшійся названіемъ «мужицкаго царя» («król chłopów»), названный такъ крестьянами за хорошее обращеніе съ ними. Въ начавшемся возстаніи они видѣли гибель Польши, имъ хотѣлось какъ можно скорѣе погасить польскій пожаръ.

Посовѣтовавшись между собою, они съ глазу на глазъ предложили Лангевичу значительную сумму денегъ и средства бѣжать изъ Польши подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ своего званія сандомірскаго воеводы и распустилъ войско. Пораженный Лангевичъ сказалъ имъ:

— Все, что я могу отвѣтить вамъ на ваше странное предложеніе, со всевозможнымъ снисхожденіемъ относясь къ вамъ, это то, что я вамъ позволяю свободно выѣхать изъ Вонхоцка.

Карскій и Ясинскій бросились къ себѣ на квартиру, сѣли въ коляску и ускакали. Лангевичъ немедленно собралъ совѣтъ и разсказалъ своимъ офицерамъ всю эту исторію. Они отправили погоню, но она не догнала уѣхавшихъ.

Карскій прискакалъ прямо въ Радомъ, отъ котораго до Вонхоцка съ небольшимъ шестьдесятъ верстъ, и явился немедленно къ начальнику Радомскаго военнаго отдѣла, генералу Ушакову, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и представилъ ему печатный экземпляръ воззванія Лангевича. Ушаковъ игралъ въ это время съ пріятелями въ карты. Онъ бросилъ ихъ въ сердцахъ на столъ и вышелъ изъ-за стола. Такое извѣстіе, какъ строи и ученья повстанцевъ въ лѣсу подъ музыку, печатныя революціонныя воззванія переполнили мѣру его долготерпѣнія. У Ушакова находился въ то время въ гостяхъ адъютантъ его, графъ Комаровскій. Тотчасъ былъ составленъ планъ нападенія на вонхоцкихъ повстанцевъ, и рѣшили двинуть на него три отряда. Изъ Радома съ сѣвера долженъ былъ напасть на него генералъ Маркъ, изъ Опатова съ юго-востока полковникъ Звѣревъ и изъ Кельцъ съ юго-запада полковникъ Ченгери. Движеніе этихъ трехъ отрядовъ вслѣдствіе того, что начальники ихъ не были посвящены въ суть дѣла, разстроилось, и радомскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Марка, вытѣснивъ Лангевича изъ Вонхоцка, не могъ захватить его и далъ ему возможность уйти.

Когда банда Лангевича послѣ движенія отъ Свентокшисскихъ горъ къ Сташеву разрослась и увеличилась, и когда она изъ Сташева двинулась на Кельцы, чтобы по предложенію городской депутаціи занять этотъ городъ, противъ него выслали, кромѣ перечисленныхъ войскъ, два отряда—полковника Голубева и Загряжскаго.

Но Ушакову этихъ силъ показалось недостаточно, и онъ послалъ изъ Радома большой отрядъ подъ начальствомъ подполковника Добровольскаго, движеніе котораго заставило Лангевича броситься на Сопковъ, гдѣ ему такую услугу оказалъ Петровъ. Изъ Сопкова соединенныя банды Лангевича, Куровскаго, Езеранскаго и Чаховского двинулись на Раковъ, находящійся въ 20 верстахъ отъ Кельцъ. Ржондъ народовый прислалъ тогда Лангевичу назначеніе командовавшимъ войсками двухъ воеводствъ: Сандомірскаго и Краковскаго (это было 10-го (22-го) февраля). Начальникамъ присоединившихся бандъ: Куровскому, Чаховскому и Езеранскому, ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться ему. Лангевичъ съ пышностью произвелъ смотръ своимъ войскамъ на равнинѣ близъ Ракова. Теперь у него было уже болѣе восьми тысячъ человѣкъ.

Получивъ отъ своихъ лазутчиковъ свѣдѣнія о наступленіи русскихъ отрядовъ, онъ двинулся къ Малогощу и сталъ ждать приближенія русскихъ войскъ.

Въ то время, когда такимъ образомъ возрастали успѣхи Лангевича, я находился въ Кельцахъ въ отрядѣ полковника Ченгери. Самые разнорѣчивые слухи распространялись въ обществѣ; говорили, что Лангевичъ уже одержалъ нѣсколько побѣдъ, и что силы его безпрерывно ростутъ, сомнѣвались въ возможности погасить возстаніе. Намъ, офицерамъ, нельзя было показаться на улицѣ безъ того, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ со стороны поляковъ обывателей.

Когда пришла вѣсть, что Лангевичъ находится въ Раковѣ, отрядъ, въ которомъ я былъ, выступилъ изъ Келецъ и пришелъ въ Хенцины, находившіеся въ тринадцати верстахъ отъ Малогоща, гдѣ суждено было померкнуть счастью Лангевича. Полковникъ Ченгери, призвавъ меня, сказалъ:

— Возьмите двухъ казаковъ и скачите къ подполковнику Добровольскому, онъ стоитъ отсюда въ восьми верстахъ. Съ нимъ, вѣроятно, уже соединился майоръ Голубевъ. Вы передайте письмо, которое получите отъ адъютанта въ канцеляріи, и прибавьте на словахъ, чтобы они непремѣнно пріѣзжали завтра утромъ для совѣщанія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ Лангевича.

Въ канцеляріи мнѣ дали письмо съ казенной печатью. Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по дорогѣ къ Ендржееву. Мнѣ еще не приходилось быть въ дѣлѣ противъ повстанцевъ, и, признаюсь, порученіе полковника пришлось мнѣ по душѣ. У насъ въ отрядѣ говорили, что будутъ скоро схватки съ польскими бандами, и преувеличивали силы этихъ бандъ до размѣровъ настоящаго войска.

Могилевцы и новороссійскіе драгуны Добровольскаго стали на бивакѣ въ небольшой польской деревушкѣ. Я явился къ командиру отряда и подалъ ему письмо. Пробѣжавъ его, онъ сказалъ:

— Очень хорошо, я завтра пріѣду, но вѣдь майоръ Голубевъ стоитъ въ Подлящинѣ, это будетъ верстъ шесть отсюда. Вы впрочемъ не безпокойтесь, поѣзжайте назадъ, а я его извѣщу самъ. Завтра часовъ въ двѣнадцать мы пріѣдемъ.

Съ этимъ отвѣтомъ я вернулся къ полковнику Ченгери. На другой день командиры отрядовъ прибыли, и Ченгери, какъ старшій чиномъ, предложилъ имъ составить вмѣстѣ диспозицію атаки на мѣстечко Малогощъ, гдѣ находился Лангевичъ. Въ избѣ на столѣ были разложены карты, и туда собрались, кромѣ командировъ, два штабъ-офицера и адъютантъ полковника Ченгери. Былъ составленъ такой планъ: три русскихъ отряда нападутъ одновременно съ трехъ сторонъ, и нападеніе начнется въ десять часовъ утра 12-го февраля (стараго стиля). Отрядъ Ченгери подойдетъ по дорогѣ съ сѣвера отъ Кельцъ, Голубевъ съ юга отъ Ендржеева, а Добровольскій съ востока отъ Хенцинъ.

Никто не сомнѣвался въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Ченгери объявилъ, что всѣхъ начальниковъ бандъ легко захватить въ плѣнъ... Голубевъ, имѣвшій дѣло съ повстанцами, зналъ, какъ превосходна у нихъ была развѣдочная часть, и сомнѣвался въ томъ, чтобы можно было захватить предводителей. Никто не предполагалъ, чтобы повстанцы могли оказать серьезное сопротивленіе.

Когда вѣсть о выступленіи, назначенномъ вечеромъ, разнеслась между нашими солдатами, то весь отрядъ пришелъ въ радостное возбужденіе, всѣмъ хотѣлось итти въ бой и помѣряться съ непріятелемъ. Передъ отъѣздомъ Добровольскій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Мнѣ говорили, что вы хорошо знаете этотъ край. Случалось ли вамъ бывать въ Малогощѣ?

Я отвѣтилъ утвердительно. Тогда Добровольскій замѣтилъ мнѣ:

— Я попрошу полковника Ченгери прикомандировать васъ ко мнѣ на нѣсколько дней. Адъютантъ у меня захворалъ, и, можетъ быть, вы примете его обязанности, а главное я нуждаюсь въ такомъ офицерѣ, который хорошо знаетъ эту губернію.

Ченгери исполнилъ просьбу Добровольскаго, и такимъ образомъ мнѣ въ тотъ же день пришлось покинуть Хенцины. Мы выступили въ двѣнадцать часовъ ночи. Впереди шли драгуны, за которыми ѣхалъ Добровольскій съ офицерами, въ числѣ которыхъ находился я; сзади шли три роты могилевцевъ и обозъ.

Я никогда не чувствовалъ тягости военной жизни. На зимнихъ квартирахъ я жилъ, какъ въ Житомірѣ, особнякомъ, держа при себѣ одного денщика. Въ лагерное время приходилось перебираться въ палатку и чаще, чѣмъ въ городѣ, ходить на ученье. Все же остальное не мѣнялось.

Въ Малогощъ отъ Хенцинъ вела хорошая проѣзжая дорога, но теперь весной ее размыло, и двигаться было очень тяжело, въ особенности артиллеріи, орудія которой колесами своими глубоко прорѣзали мокрую землю. Проселкомъ можно было сократить нашъ путь верстъ на шесть. Я высказалъ Добровольскому свою мысль, и онъ отвѣтилъ:

— Что-жъ прекрасно, я думаю, теперь дорога вездѣ одна.

Мы такъ и сдѣлали; взяли въ сторону отъ дороги, черезъ лѣсъ, и, когда вновь выбрались на большую дорогу, Маголощъ былъ уже неподалеку. Мы остановились для отдыха. Было уже около восьми часовъ утра. Часа черезъ полтора нашъ отрядъ снова выступилъ, и черезъ полчаса мы увидали крыши мѣстечка, которое раскинулось на возвышенности около рѣки Лясоцинъ. Было десять часовъ. Для того, чтобы дать о себѣ знать другимъ отрядамъ, которые должны были прійти по диспозиціи по другимъ дорогамъ, Добровольскій выслалъ впередъ драгунъ и приказалъ начать перестрѣлку. Эскадронъ на рысяхъ бодро пустился впередъ, а пѣхота осталась на мѣстѣ. Добровольскій съ нѣсколькими офицерами послѣдовалъ за драгунами, и тутъ произошло непредвидѣнное обстоятельство: заслышавъ выстрѣлы, могилевцы, оставшіеся въ трехъ верстахъ позади, пустились бѣгомъ, артиллерія помчалась за ними и въ верстѣ отъ Малогоща снялась съ передковъ и пустила въ городъ нѣсколько выстрѣловъ. Повстанцы отвѣтили на эти выстрѣлы, и вышло такъ, что бой волей-неволей начался. Ни Добровольскій, ни его офицеры уже не могли остановить сраженія.

— Голубчикъ,—обратился ко мнѣ Добровольскій,—потрудитесь съѣздить и посмотрѣть, не видно ли Голубева или Ченгери. Съ ихъ стороны не слышно ни одного выстрѣла. Теперь уже половина одиннадцатаго, и время имъ вступить въ дѣло.

Признаюсь, данное мнѣ порученіе было не изъ легкихъ и представляло большую опасность, потому что не было никакого сомнѣнія въ томъ, что мѣстность вокругъ Малогоща, холмистая, пересѣченная съ лѣсами и кустами, представляла удобныя прикрытія для польскихъ лазутчиковъ, которыхъ у повстанцевъ всегда было очень много, и на нихъ было легко наткнуться. Я тотчасъ пустился въ путь въ сопровожденіи одного изъ казаковъ.

Тутъ я долженъ въ своемъ разсказѣ нѣсколько вернуться назадъ. Лангевичъ, занявъ Малогощъ, дѣлалъ тутъ то же, что и въ Вонхоцкѣ и Сташевѣ Утромъ онъ производилъ ученья и смотры своимъ войскамъ, потомъ занимался со штабомъ, получалъ и отправлялъ бумаги, а вечеръ и ночь проводилъ въ кутежахъ. Самъ Лангевичъ не участвовалъ въ нихъ, но зато его приближенные, шляхтичи и помѣщики, кутили напропалую.

Несмотря на быстроту и осторожность, съ которой двигался отрядъ Добровольскаго, вѣсть о немъ была доставлена Лангевичу

уже ночью. Онъ не сомнѣвался, что ему предстоитъ бой, и не хотѣлъ быть захваченнымъ врасплохъ. О движеніи Ченгери ему въ это время еще не было извѣстно.

Повстанскія войска были выстроены на городской площади съ четырехъ часовъ утра для выслушанія молебна. Лангевичъ, окруженный большой свитой, объѣхалъ ряды и сказалъ солдатамъ нѣсколько одушевляющихъ словъ. Затѣмъ были выкачены бочки съ водкой, и повстанцамъ было позволено пить, сколько душѣ угодно. Въ семь часовъ были выкачены новыя бочки. Дикую, красивую картину представляло это странное зрѣлище. Повстанцы, стуча оружіемъ, чокались стаканами, кричали и обнимались, а кругомъ тѣснилась густая толпа изъ горожанъ и обывателей мѣстечка, состоявшаго изъ торговцевъ, мастеровыхъ, изъ женщинъ и дѣтей. Всѣ они съ нѣмымъ любопытствомъ глядѣли на пьющее войско. Какая-то огромная баба съ растрепанными волосами, въ оборванномъ платьѣ бѣгала по площади съ метлой и кричала на толпу, которая глядѣла на войско:

— Что разинули рты? Маршъ на москалей! Въ ряды повстанцевъ!

Когда было замѣчено приближеніе отряда Добровольскаго, Езеранскій и Чаховской размѣстили часть своихъ солдатъ на двухъ холмахъ справа и слѣва отъ города, а прочихъ разставили на улицахъ. Правый холмъ на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи былъ покрытъ густымъ лѣсомъ и представлялъ превосходное прикрытіе. Едва только грянули первые выстрѣлы нашей артиллеріи, массы повстанцевъ, расположенные на холмахъ, спустились внизъ и съ криками: «виватъ!» потекли, какъ лава. Офицеры кричали: «разъ, два! разъ, два!»; знаменщики махали знаменами, косы блестѣли, выстрѣлы гремѣли. Видно было, что движется что-то безпорядочное, нелѣпое, не имѣющіе никакого понятія о военныхъ пріемахъ и притомъ пьяное. Я поднесъ бинокль къ глазамъ и остановилъ лошадь въ изумленіи.

— Ваше благородіе,—сказалъ мнѣ казакъ:—на ендржеевской дорогѣ видны наши.

Я посмотрѣлъ въ указанную сторону и убѣдился, что казакъ правъ. Не было сомнѣнія, что это двигались три роты галицкаго полка, находившіяся подъ командою Голубева, но онѣ были еще въ верстахъ четырехъ или трехъ отсюда.

Между тѣмъ два орудія Добровольскаго подпустили повстанцевъ на картечный выстрѣлъ и дали залпъ. Польскія колонны остановились и смѣшались. Вдругъ вся масса бросилась назадъ и заняла тѣ же самые холмы.

Я повернулъ лошадь и поскакалъ къ полковнику Добровольскому, которому и сообщилъ о томъ, что Голубевъ виденъ. Между тѣмъ на одномъ изъ холмовъ повстанцы поставили два орудія,

которыя открыли огонь. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія со своими офицерами Добровольскій рѣшилъ атаковать повстанцевъ. Голубевъ былъ близко; вѣроятно, подходилъ уже и Ченгери. Пока все выходило такъ, какъ по диспозиціи.

Могилевцы съ крикомъ «ура» бросились на непріятельскую позицію. Повстанцы отстрѣливались и вскорѣ бросились бѣжать. Видно было, что оставшіеся смотрятъ въ сторону Ендржеева. Оттуда тоже послышались выстрѣлы и крики «ура». То Голубевъ повелъ атаку со своей стороны. Дольше всего держались два орудія, стрѣлявшія картечью. Они были наконецъ взяты первой линейной ротой могилевскаго полка изъ отряда Добровольскаго. Къ часу пополудни холмы и горы, прилегавшіе къ Малогощу, были въ нашихъ рукахъ.

Полковникъ Ченгери, сдѣлавъ значительный обходъ, прибылъ только въ половинѣ второго пополудни. Все его участіе въ бою ограничилось тѣмъ, что онъ открылъ огонь по толпамъ, переправлявшимся въ безпорядкѣ черезъ Лясоцинъ, а затѣмъ преслѣдовалъ отступавшихъ вмѣстѣ съ отрядами полковника Добровольскаго и Голубева до деревни Болыминъ, а на слѣдующій день около деревни Чмины взялъ непріятельскій обозъ, заведенный, какъ говорили, нарочно проводникомъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ. Въ 22 верстахъ отъ Малогоща у селенія Влощовы преслѣдованіе прекратилось вслѣдствіе крайне сбивчивыхъ показаній «языковъ» относительно направленія, по которому уходили банды.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что человѣкъ до пятисотъ пѣхоты и половина кавалеріи, бывшей съ Лангевичемъ подъ Малогощемъ, направилась съ Чаховскимъ къ Святому кресту, иначе сказать, въ Карпаты царства Польскаго, гдѣ была чрезвычайно изрѣзанная горами мѣстность и такія лѣсныя трущобы, среди которыхъ двигаться регулярнымъ отрядамъ не было никакой возможности.

Потомъ болѣе пятисотъ человѣкъ бѣжало въ Галицію, гдѣ нѣкоторая часть была арестована австрійцами и разослана по крѣпостямъ: Иглавѣ, Ольмюцу и Тейфельсбергу.

Остальные съ Куровскимъ, Езеранскимъ и Лангевичемъ пошли въ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга на юго-западъ. Въ дѣлѣ подъ Малогощемъ повстанцы потеряли триста человѣкъ убитыми и до пятисотъ ранеными. Съ нашей стороны убитыхъ не было вовсе, а ранено только шесть человѣкъ.

Признаюсь, я не понималъ, что могло побудить Лангевича встать во главѣ того безпорядочнаго сброда, которымъ пришлось ему командовать. Во всякомъ случаѣ онъ былъ человѣкъ военной науки, хорошо образованный, знакомый съ военной исторіей. Онъ не могъ не видѣть разницы между нашими войсками и повстанскими бандами.

Въ дѣлѣ подъ Малогощемъ участвовало до семи тысячъ человѣкъ, и они были опрокинуты шестью ротами нашей пѣхоты, дѣйствовавшими подъ прикрытіемъ четырехъ орудій.

Лангевичъ мнѣ представлялся теоретикомъ. Въ немъ не было той желѣзной силы воли, которая необходима военачальнику, которая подчиняетъ ему окружающихъ, обращая ихъ въ рабовъ, слѣпо исполняющихъ его приказанія. Даже Алоизій Чаховской былъ сильнѣе его характеромъ и имѣлъ несомнѣнно большій военный успѣхъ, чѣмъ профессоръ военной школы, призванный отъ лекцій на поле брани.

Общее недоумѣніе вызвали аресты повстанцевъ, произведенные австрійцами въ Галиціи. Было хорошо извѣстно, что повстанцы могли вербовать по всей Галиціи банды, переходить, гдѣ угодно и когда угодно границу. Было пущено даже извѣстіе, что австрійское правительство не прочь снабдить повстанцевъ исправной артиллеріей, но, тѣмъ не менѣе, эти аресты продолжались и имѣли чрезвычайно важныя послѣдствія.

Между тѣмъ банды Куровского, Езеранскаго и Лангевича подверглись преслѣдованію другихъ нашихъ отрядовъ. Генералъ-майоръ князь Шаховской выступилъ изъ Ченстохова съ двумя пѣхотными ротами витебскаго пѣхотнаго полка и полусотнею казаковъ въ виду слуховъ, что польская банда намѣревается напасть на роту того же полка, стоявшую въ деревнѣ Мышковѣ. До этой деревни отъ Ченстохова тридцать верстъ. На пути князь Шаховской узналъ о пораженіи Лангевича и о движеніи партіи на юго-западъ Радомской губерніи. Немедленно Шаховской посадилъ свою роту на подводы и двинулся черезъ Кромоловъ и Пилицу въ Жерновецъ на перерѣзъ отступавшимъ повстанцамъ.

Въ Жерновцѣ узнали, что банды стоятъ около селенія Тарнова. Князь Шаховской рѣшилъ атаковать эти банды съ фронта и пошелъ въ ту сторону черезъ Вольборжъ, давъ знать въ Олькушъ майору Медему и въ Мѣховъ—майору Штольценвальду, чтобы они одновременно двинулись на правый и лѣвый фланги повстанской позиціи. На пути колонна Шаховского услыхала перестрѣлку и повернула къ деревнѣ Вельможѣ, находившейся въ четырехъ верстахъ отъ мѣстечка Скалы.

Въ лѣсу, который пришлось проходить Шаховскому, стрѣлки были встрѣчены слабымъ огнемъ повстанской цѣпи, а потомъ наткнулись на толпу косиньеровъ. Прогнавъ тѣхъ и другихъ мѣткими выстрѣлами, колонна Шаховского двинулась впередъ по направленію къ слышавшейся вдали перестрѣлкѣ. Въ этомъ лѣсу между прочимъ былъ убитъ дезертиръ нашихъ войскъ Потебня, который шелъ съ косиньерами въ атаку.

Перестрѣлку, привлекшую вниманіе князя Шаховского, произвелъ отрядъ Медема, который до полученія распоряженія Шахов-

скаго выступилъ изъ Олькуша 20-го февраля стараго стиля съ двумя ротами седьмого стрѣлковаго баталіона, тремя ротами Витебскаго полка, сотней казаковъ и пятьюдесятью человѣками пограничной стражи, такъ что его отрядъ былъ почти втрое сильнѣе отряда князя Шаховского. Медемъ открылъ повстанцевъ у селенія Сулишева и гналъ ихъ вплоть до Пясковой Скалы, гдѣ они засѣли въ замкѣ графа Мѣрошевскаго. Это была банда Езеранскаго.

Разгоряченные боемъ, головныя колонны Медема, высадивъ прикладами ворота замка, ворвались въ него и перекололи всѣхъ находившихся тамъ повстанцевъ, а замокъ сожгли, при чемъ сгорѣли значительные запасы косъ и разнаго обмундированія. Нѣкоторая часть этой банды съ предводителемъ успѣла, однако, скрыться въ лѣсу. Повстанцы потеряли въ этомъ дѣлѣ до четырехсотъ человѣкъ. Наши потери были совсѣмъ незначительны. Въ отрядѣ Медема былъ одинъ рядовой убитъ и одинъ раненъ, въ отрядѣ Шаховского двое были убиты и семь ранено.

Отряды Шаховского и Медема, соединившись, не имѣя съ собою провіанта, возвратились на постоянную квартиру. Разсказывали, что Езеранскій послѣ битвы подъ Малогощемъ говорилъ, что если бы ему было ввѣрено главное начальство, то онъ не принялъ бы боя, а если бы принялъ, то распорядился бы такъ, чтобы потери были гораздо меньше. Недовольство противъ Лангевича въ бандѣ Езеранскаго росло все больше и больше. Въ Пясковой Скалѣ офицеры объявили, что подадутъ въ отставку, если ихъ генералъ не будетъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ. Езеранскій съ трудомъ ихъ успокоилъ.

Между тѣмъ отрядъ майора Штольценвальда, состоявшій всего изъ одной роты Смоленскаго пѣхотнаго полка, полсотни казаковъ и сорока объѣздчиковъ, прибылъ къ мѣстечку Скалѣ нѣсколько позднѣе двухъ отрядовъ, когда дѣло подъ Пясковой Скалой уже окончилось. Онъ расположилъ свой отрядъ бивакомъ въ полверстѣ отъ означеннаго мѣстечка на кладбищѣ съ оградой. Въ первомъ часу ночи при блескѣ мѣсяца съ 20-го на 21-е февраля нов. ст. Штольценвальдъ вышелъ изъ-за ограды, чтобы итти къ Шаховскому, который, по его предположенію, находился у Пясковой Скалы. Въ это время изъ лѣсу выступила большая банда до двухъ тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Лангевича и окружила его. Смоленцы поворотили назадъ и укрѣпились на кладбищѣ.

Повстанцы нѣсколько разъ бросались въ атаку, но, постоянно встрѣчаемые мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, не могли ничего сдѣлать и наконецъ скрылись въ лѣсу.

Утромъ въ восемь часовъ Штольценвальдъ получилъ отъ развѣдчиковъ свѣдѣнія, что бандъ по близости не видно, вышелъ изъза ограды и направился къ Мѣхову, такъ какъ не имѣлъ при себѣ

ни обоза, ни даже котловъ для варки пищи. При томъ онъ боялся быть атакованнымъ превосходными непріятельскими силами.

Но банды Лангевича и Езеранскаго, отъ которыхъ Куровской отдѣлился, и не думали о новыхъ атакахъ. Онѣ двигались черезъ Ойцовъ и Сморжовицы къ деревнѣ Гощѣ, лежащей въ гористой мѣстности недалеко отъ Михаловицкой таможни, въ двѣнадцати часахъ отъ Кракова. По пути они прибѣгли къ экзекуціямъ. Въ Сморжовицѣ одинъ крестьянинъ былъ повѣшенъ, а нѣсколько жестоко наказаны палками; при этомъ банды захватывали подводы и съѣстные припасы.

Анатолій Леманъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ М. О. МИКѢШИНА.

ПОСЛѢ смерти отца моего, академика живописи и скульптуры М. О. Микѣшина, осталось значительное количество его дорожныхъ альбомовъ и тетрадей, въ которыхъ попадаются различныя путевыя замѣтки его. Полагая, что обнародованіе въ печати нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ сохранившимися набросками, можетъ представить нѣкоторый интересъ, я рѣшаюсь препроводить двѣ такихъ замѣтки изъ путешествія отца на Кавказъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника», при чемъ считаю нужнымъ оговорить, что эти замѣтки не были обработаны для печати отцомъ, а потому со стороны литературнаго слога прошу читателей не относиться къ нимъ слишкомъ строго.

Б. Микѣшинъ.

I.

Осенью 1858 г. я имѣлъ честь въ качествѣ художника сопровождать ихъ императорскихъ высочествъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, въ первомъ ихъ путешествіи на Кавказъ и въ Закавказье. Описать сколько нибудь послѣдовательно или иллюстрировать это путешествіе я не въ силахъ, да едва ли кто нибудь на моемъ мѣстѣ и въ моемъ положеніи могъ бы сдѣлать что либо иное, не ограничиваясь бѣглыми, безсвязными и отрывочными замѣтками и набросками.

Передъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ, чуть не ежечасно смѣнялись впервые видимые типы, племена, костюмы, бытовыя и боевыя сцены, ежеминутно захватывало духъ то отъ восторга передъ величественностью и грандіозностью природы, то отъ страха самосохраненія при головоломныхъ переходахъ, то отъ непріятельскихъ пуль, то, наконецъ, отъ постояннаго нервнаго напряженія и крайняго физическаго утомленія; зачастую приходилось дѣлать мнѣ, непривычному къ ѣздѣ, переходы въ 60—70 верстъ верхомъ на случайныхъ и часто невыносимо-тряскихъ на ходу лошадяхъ, по каменнымъ кручамъ и стремнинамъ, да къ тому же еще впроголодь, вслѣдствіе того, что при чрезмѣрно краткихъ остановкахъ отряда я не успѣвалъ, какъ другіе, пообѣдать или хоть перекусить, а спѣшилъ урвать хоть немного времени, чтобы занести въ свой дорожный альбомъ нѣсколько чертъ и набросковъ изъ видѣннаго мною, чтобы по такимъ одному мнѣ понятнымъ замѣткамъ впослѣдствіи возсоздать въ болѣе ясномъ видѣ свои впечатлѣнія...

Итакъ, добравшись наконецъ по маршруту до ночлега, я не только бывалъ не въ состояніи что либо чертить или писать, но у меня не хватало даже силъ самостоятельно соскочить съ сѣдла; выручалъ обыкновенно какой нибудь сердобольный линейный казакъ, или милиціонеръ, который снималъ меня, точно циркуль съ растопыренными ножками, съ коня, да такъ и укладывалъ въ палатку на разостланную бурку или верблюжій войлокъ, съ казачьимъ сѣдломъ въ изголовьѣ вмѣсто подушки. Назавтра, оцѣпенѣвшаго отъ холода и не возстановившаго достаточно наканунѣ затраченныхъ силъ, казакъ снова подымалъ меня, сажалъ на сѣдло, вставлялъ одеревенѣвшія ноги въ стремена и опять до вечера «гайда!».

Поставивъ себѣ задачей въ этомъ очеркѣ припомнить нѣсколько случайностей изъ своихъ кавказскихъ похожденій, я затрудняюсь, съ котораго эпизода начать свое описаніе. Придется—съ пребыванія въ крѣпостцѣ Закаталахъ, что̀ на Лезгинской линіи, а кончить г. Нухой, ибо между этими двумя пунктами нашихъ остановокъ я мало имѣлъ возможности рисовать, а всю сотню верстъ разстоянія между ними довольно однообразно провелъ на конѣ въ отрядахъ туземной милиціи, эскортировавшей по сторонамъ дороги кортежъ ихъ высочествъ и то и дѣло принимавшейся за довольно жаркія перестрѣлки съ горцами, часто чуть не доходившія до рукопашныхъ схватокъ. Гдѣ ужъ было тутъ рисовать! Пріѣхали мы въ Закаталы передъ вечеромъ въ экипажахъ. Солнце еще не заходило межъ скалистыхъ утесовъ, пронзая жаркими еще лучами вечерніе пары долины; длинныя полосы яркаго свѣта лежали на профиляхъ камней и закатальскихъ укрѣпленіяхъ. Здѣсь насъ по дорожному расписанію ждалъ обѣдъ, къ которому мы изрядно опоздали.

Поѣздъ ихъ высочествъ состоялъ изъ 7—8 дормезовъ, въ которыхъ помѣщались свита, адъютанты, докторъ съ помощникомъ, Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ и художникъ, то-есть я. Великіе князья ѣхали въ переднемъ экипажѣ, что заставляло меня часто мѣнять свое сравнительно спокойное мѣсто дормеза на сѣдло первой попавшейся казачьей лошади, чтобы, догнавъ передній экипажъ, видѣть разныя торжественныя встрѣчи, подношенія хлѣба-соли, привѣтствія, которыми повсюду встрѣчали пріѣздъ ихъ высочествъ. Временами, если дорога не представляла возможности для путешествія въ экипажахъ, великіе князья и мы всѣ—свита, безъ исключенія, садились на коней и продолжали путь верхами, а экипажи посылались часто въ очень далекій объѣздъ.

Въѣхавъ въ долину Закаталъ, я увидѣлъ на склонѣ ближней горы какой-то отрепанный людъ, много мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не похожихъ по костюмамъ и типамъ на мѣстныхъ горцевъ-лезгинъ. Они были расположены лагеремъ. Тамъ и сямъ виднѣлись ихъ палатки, или, вѣрнѣе, шалаши, курились дымки костровъ, да въ загородкѣ блеяли овцы и тощіе бараны. Меня чрезвычайно заинтересовало то, что весь этотъ станъ расположился совершенно особнякомъ отъ саклей закатальскаго аула, заселеннаго лезгинами. Впослѣдствіи отъ мѣстнаго воинскаго начальника я узналъ объ этомъ племени слѣдующее. Около двухъ недѣль тому назадъ спустились они къ намъ на линію съ неприступныхъ горъ искать помощи и состраданія у насъ, русскихъ, вслѣдствіе постигшаго ихъ неурожая. Жили они до сего времени въ своихъ недосягаемыхъ ущельяхъ въ полной независимости и отъ насъ и отъ Шамиля. Мѣстное начальство, внявъ ихъ просьбамъ, рѣшилось снестись съ Петербургомъ по поводу «водворенія ихъ куда нибудь на постоянное мѣстожительство» и до рѣшенія вопроса кое-чѣмъ подкармливало ихъ. Между тѣмъ, несчастные горцы, выросшіе изъ поколѣнія въ поколѣніе въ условіяхъ горнаго воздуха и своеобразной обстановки, сойдя въ долину и подвергшись всяческимъ лишеніямъ, мерли, какъ мухи. И, какъ я слышалъ впослѣдствіи, изъ-за продолжительности и плодовитости переписки съ Петербургомъ, при всякихъ запросахъ, вопросахъ, сношеніяхъ, отношеніяхъ и т. п., когда вышло окончательное рѣшеніе этого вопроса о мѣстѣ ихъ водворенія, все племя вымерло, и водворять уже было некого.

Пріѣхавъ въ Закатальскую казарму, гдѣ насъ ждалъ обѣдъ, я не воспользовался имъ, а, не желая терять часа свѣтлаго еще времени, сѣлъ на казачью лошадь и поскакалъ по только что проѣханной нами дорогѣ назадъ, чтобы поближе взглянуть, что это было за племя тамъ, на склонѣ горы. Тутъ со мною случился маленькій эпизодъ. Меня томила жажда. Смотрю, вблизи проходитъ молоденькая и хорошенькая дѣвушка этого племени и несетъ гра-

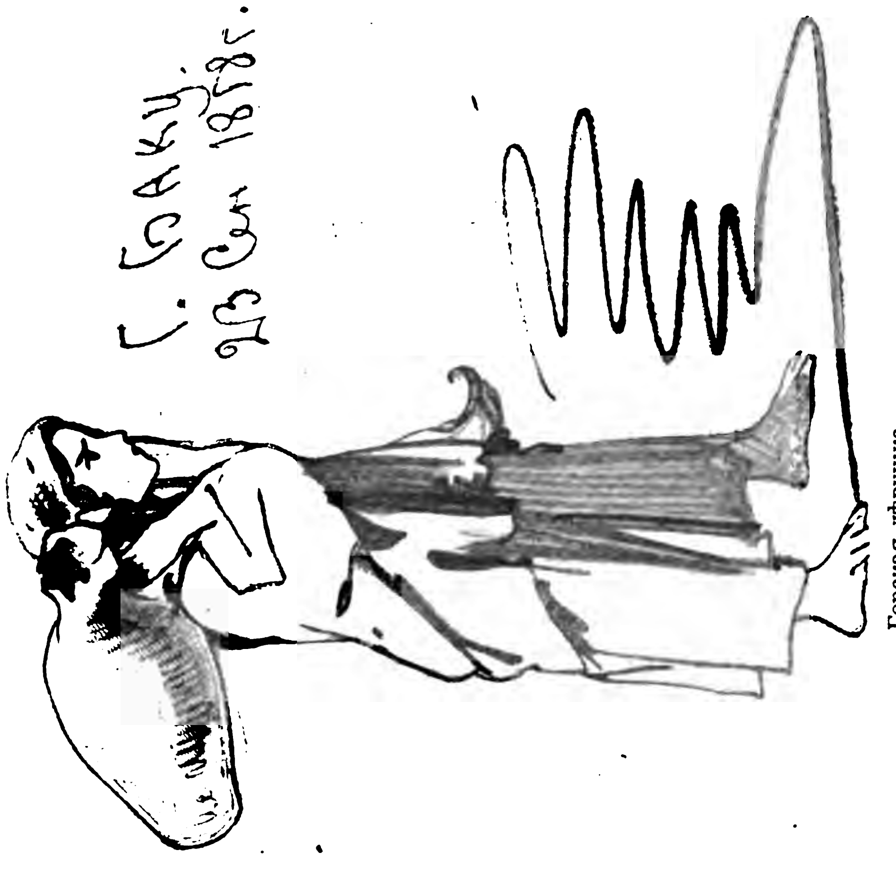
ціозно на плечѣ, упираясь другой рукой въ бокъ, классическій греческій кувшинъ съ водою. Жестами я попросилъ у нея напиться. Она поняла меня, остановилась, но кувшина съ плеча не сняла, а нагнула его къ моимъ жаднымъ губамъ. Пью я и вижу, что плечики ея трепещутъ, и она смѣется. Оказалось, что до верха наполненный кувшинъ, изъ носика котораго я усердно тянулъ воду, залилъ мнѣ весь китель. Кончивъ пить, я взялъ было плутовку за ея румяныя щечки, но въ тотъ же моментъ услышалъ за собою какой-то страшный глухой визгъ. Оглянулся — что такое?! Въ 3—4 шагахъ за мною возился со своимъ кинжаломъ молодецъ-горецъ и никакъ не могъ высвободить его изъ ноженъ. Злобно искривилось его лицо. Я взялся за свою шашку. Дѣвушка между тѣмъ пошла своей дорогой. Между мною и моимъ противникомъ произошла мимическая сцена. Причина этой случайной и мимолетной вражды исчезла; оружія мы не обнажили, но оставаться тамъ намъ обоимъ было не удобно; я сѣлъ на коня и шагомъ поѣхалъ къ аулу, что лежалъ по пути къ Закаталамъ.

Беззвучно шелъ мой конь по заросшей травою пустой улицѣ аула. Послѣдніе косые лучи заходящаго солнца кое-гдѣ золотили стѣнки саклей и зелень виноградныхъ лозъ. Аулъ какъ будто былъ необитаемъ; никакого движенія не было замѣтно ни на улицѣ, ни во дворахъ саклей, куда я могъ съ сѣдла заглядывать черезъ заборъ. Но вотъ, подъ навѣсомъ одной старенькой сакли, не замѣчая меня, на небольшомъ войлочномъ коврикѣ расположилась молящаяся фигура молодой лезгинки. Я раскрылъ альбомчикъ и занесъ туда, что̀ видѣлъ. Полна мира и глубокой тишины была эта сцена. О чемъ-то, должно быть, хорошемъ молилась она своему Аллаху... Отъ всей души пожелавъ, чтобы помогъ ей Аллахъ, я поѣхалъ себѣ шажкомъ дальше. На долинѣ уже ползли вечерніе туманы, а ароматы травъ и цвѣтовъ, освѣженныхъ ими, наполняли воздухъ. Я впивалъ ихъ полной грудью. Изъ Закаталъ доносились ноющіе звуки зурны и трепетъ восточнаго барабанчика Но не удалось мнѣ довести до ночлега своего умиротвореннаго сердца. По пути со мной случился еще одинъ эпизодъ, отравившій всѣ предыдущія мои впечатлѣнія. Дорога впереди меня нѣсколько подымалась по долинѣ, и на самомъ ея высокомъ мѣстѣ былъ поворотъ; какъ разъ на это мѣсто падалъ единственный и послѣдній лучъ солнца, прорвавшійся сквозь трещину ущелья. Кусты кизиля и дикаго виноградника пылали, какъ въ огнѣ. Подъѣхалъ я сюда и вижу цѣлый рой большихъ мухъ, снующихъ надъ кустомъ въ солнечномъ лучѣ. Что думаю, такое? Остановивъ коня, я вынулъ изъ ноженъ шашку, чтобы раздвинуть ею вѣтви виноградника, и что же?.. Лежитъ тамъ обнаженный трупъ молодого человѣка, съ страшно раскрытыми глазами. Судя по типу лица и длиннымъ волосамъ, это былъ нашъ казакъ. Замѣтно, что лежалъ онъ тамъ

ужъ не первый день, поѣдаемый мухами... Нечего дѣлать, и этого бѣднягу занесъ я въ свой альбомъ, пока еще свѣтилъ солнечный лучъ. Въ красивой позѣ былъ онъ какъ бы нарочно для этюда; но глаза его были страшны; мнѣ все казалось, что онъ повернетъ ихъ на меня. Обладивши, насколько успѣлъ, рисунокъ, я вскочилъ на коня и полетѣлъ къ укрѣпленію, которое было уже окутано моментально наступившими вечерними сумерками. Тамъ ужинали, когда я пріѣхалъ, но, несмотря на голодъ, такъ какъ я почти сутки ничего не ѣлъ, я не могъ и подумать о пищѣ: отравилъ я себѣ вкусъ трупнымъ запахомъ. А во снѣ въ эту ночь мнѣ все мерещились страшные глаза казака...

Раннимъ утромъ поднялся я и, выйдя изъ палатки, увидалъ, что всѣ ужъ на ногахъ. Пили чай. Вскорѣ явился нашъ переводчикъ и донесъ ихъ высочествамъ, что отрядъ Пшаво-Хевсуро-Тушинской милиціи, съ предводителемъ ихъ, княземъ Шете-Глухоидзе, явился привѣтствовать августѣйшихъ путешественниковъ и эскортировать дальнѣйшій ихъ поѣздъ. Всѣ встали и пошли глядѣть на этихъ звѣрей, о которыхъ я ранѣе слышалъ всякія странности. Мнѣ говорили, что предводителемъ себѣ они избираютъ храбрѣйшаго межъ ними, и ему предоставляется честь быть впереди при постоянныхъ ихъ въ высшей степени рискованныхъ военныхъ операціяхъ. Живутъ они въ неприступныхъ скалахъ, лазая и карабкаясь по камнямъ ущелій и горнымъ тропинкамъ гуськомъ. Вѣры, несмотря на то, что они значатся христіанами, у нихъ нѣтъ никакой; суевѣрій же масса, и обрядность христіанская съ мусульманскою перемѣшаны вмѣстѣ. Передавали мнѣ, что они страшно дики и кровожадны до звѣрства. Сакли ихъ внутри убраны, кромѣ оружія, еще руками и другими частями тѣла, отсѣченными въ битвахъ съ черкесами. Убоину эту они предварительно просаливаютъ и подсушиваютъ, чтобы сохранить на костяхъ тѣло. «Ну, народецъ!—думалъ я, глядя на нихъ:—хорошъ!» Всѣ они предстали, выстроившись на коняхъ въ рядъ, въ ожиданіи появленія ихъ высочествъ. Большинство этихъ мрачныхъ и дикихъ фигуръ были въ стальныхъ кольчугахъ, съ небольшими металлическими щитами, нѣкоторые въ башлыкахъ или оборванныхъ папахахъ, другіе въ черкесскихъ чухахъ. Оружія на нихъ было много, и все блестящее, серебряное, составлявшее полный контрастъ съ отрепьями остальной одежды. Мнѣ казалось, что тотъ, кто изъ нихъ былъ помолодцеватѣе и половчѣе, былъ и оборванъ больше, но оружіе у такихъ было богаче. Это, впрочемъ, я замѣчалъ не только у нихъ, но и у другихъ мусульманскихъ племенъ кавказскихъ горцевъ. Въ этомъ ихъ какъ бы своеобразный шикъ. Типъ ихъ—не черкесскій и не грузинскій, скорѣе русскій: глаза часто очень малые, сѣрые и злые, какъ у сокола; цвѣтъ лица—точно цвѣтъ вывѣтреннаго камня-песочника или плитняка,—ни кровинки въ цвѣтѣ кожи.

Кони у нихъ небольшіе, поджарые, узкогрудые, но смотрятъ они глазами, въ выраженіи которыхъ больше человѣчности и доброты, нежели у ихъ хозяевъ. Особенный эффектъ дѣлаютъ ихъ длинныя винтовки, запрятанныя въ косматые, изъ шерсти, чехлы. Впереди строя на прекрасномъ карабахскомъ розовомъ конѣ,



Горская дѣвушка.
(Факсимиле рисунка М. О. Микѣшина).

съ выкрашенной въ зеленый цвѣтъ головою и такимъ же хвостомъ, стоялъ предводитель ихъ, древній старикъ, князь Шете-Глухоидзе. Онъ былъ одѣтъ чуть ли не бѣднѣе всѣхъ, въ темно-рыжую черкесску, безъ кольчуги; никакого признака власти на немъ не было; сидѣлъ онъ, оглядывая свою дружину, на конѣ

лихо, несмотря на девятый десятокъ лѣтъ и на безчисленное число ранъ на своемъ старомъ тѣлѣ. Въ дружинѣ этой были и молодые люди, почти мальчики, но и на нихъ, какъ видно было, условія быта наложили ту же печать мрака и трагизма. Въ скоромъ времени великіе князья вышли на балконъ, поздоровались съ дружиною, которая на привѣтствіе ихъ отвѣчала не то мычаньемъ, не то заглушеннымъ воплемъ. Даже у меня мурашки по кожѣ пробѣжали. «Экъ ихъ! лѣшіе, черти!—проговорилъ за мною старый донской казакъ:—ровно волки передъ смертью воютъ!»

Когда затѣмъ великіе князья заставили дружину пройти мимо себя, я положительно залюбовался на нѣкоторыхъ изъ нихъ: ни тѣни того вульгарнаго молодечества, которое у многихъ выражается въ подобныхъ случаяхъ. Смотришь на проѣздку этакого хевсура или пшаво-тушина и какъ бы читаешь въ его глазахъ: «Положимъ, звѣрь-то я звѣрь, но и не стараюсь казаться ничѣмъ инымъ, съ тѣмъ, молъ, и возьмите! А вотъ всѣ вы прочіе хуже еще меня, ибо мелочь, а потому презираю я васъ отъ всего моего косматаго сердца!»

Такъ какъ по приказанію великихъ князей послѣ церемоніальнаго марша вождь съ переводчикомъ были потребованы къ ихъ высочествамъ, то остальные всадники спѣшились, и я взялъ альбомъ. Подошелъ поближе къ нимъ въ надеждѣ занести кого нибудь изъ нихъ въ свою путевую тетрадь.

Недалеко отъ насъ подъ деревомъ, по чьему-то совѣту, не глядя на совершенно для этого не подходящій утренній часъ, дико завыли двѣ зурны, и дружинники начали мрачно готовиться какъ бы къ невольному танцу. Въ это время я увидалъ, что одинъ изъ нихъ съ раненой и подвязанной рукой нѣсколько отдѣлился отъ толпы и сталъ около стѣны.

— «Стой!—думаю,—милый, теперь я тебя на многіе годы обреку стоять на страничкѣ моего альбома». Между тѣмъ около музыки наладились наконецъ танцовать; взяли они другъ друга одной рукой за талію, другую же руку каждый положилъ на плечо своего сосѣда, и такимъ образомъ образовался кругъ; на этотъ кругъ на плечи взгромоздился второй этажъ, и такъ же взялись руками, какъ и первые. Ну, легко себѣ представить, какой ужъ тутъ былъ танецъ!? Дико настолько, что прямо описанію не поддается! Мнѣ некогда было слѣдить за этимъ, потому что все свое вниманіе я вперилъ въ фигуру раненаго хевсура, съ котораго рисовалъ. Нѣсколько разъ я мелькомъ замѣчалъ, что одинъ молодой хевсуръ все время заходитъ за мою спину, желая взглянуть, что я дѣлаю. Не понравилось это старому казаку, стоявшему около меня. «Ты что тутъ, поганецъ? Пшелъ! Ишь срамникъ какой, а!... Вотъ ужъ именно, что аспиды проклятые, анаѳемы!»...—провожалъ онъ удалявшагося.

— За что ты его?—спросилъ я казака.

— Да какъ же, ваше высокородіе,—раздраженно ворчалъ казакъ:— развѣ не изволите видѣть, что у него, этого поганца, изъ-за пазухи человѣческая рука торчитъ! Нарочно лѣшій выставилъ, хвалится ..

— Какая рука?

— Извѣстно, ваше высокородіе, непріятельская; отрубитъ вотъ иродъ, да и носится съ нею, прости Господи, какъ нищій съ торбою... Мать Пресвятая Богородица!...—кончилъ онъ, крестясь и отплевываясь.

Дѣйствительно, изъ лохмотьевъ чухи хевсура глядѣли потемнѣвшіе уже персты мертвой руки.

— Да вѣдь это же воняетъ!?—невольно сдѣлалъ я вопросъ казаку.

— Солятъ дьяволы солью, а все же воняетъ; да ему што, ваше высокородіе, развѣ онъ можетъ понимать это? Сказано: «звѣрь-человѣкъ»...

Казакъ былъ изъ сообщительныхъ и разсказалъ мнѣ тутъ же, пересыпая свои слова руганью, что онъ наблюдалъ, какъ на одного раненаго татарина напалъ съ кинжаломъ тушинскій мальчишка, лѣтъ 12—13, чтобы отрѣзать ему башку.

Раненый, однакожъ, нашелъ столько въ себѣ силы, что схватился за кинжалъ и началъ бороться; тогда это милое дитя, недолго думая, кинулось на раненаго всѣмъ тѣломъ и начало зубами грызть ему горло—и загрызло до смерти татарина.

— Да вѣдь што, ваше высокородіе,—добавилъ казакъ,—кто Богу не грѣшенъ, ну, загрызъ бы, да и конецъ, а вѣдь смотрю: шельмецъ такъ и впился, не сходитъ, ровно бы песъ съ падали... Насилу палкой отогналъ!.. Вотъ какой подлецъ народъ!—кончилъ казакъ.

Занявшись рисованіемъ и слушая характерный разсказъ казака, я, кромѣ танцевъ, пропустилъ и другую интересную сцену, что произошла съ хевсурскимъ вождемъ. Великіе князья пожаловали ему первый офицерскій чинъ и подарили кавалерійскія эполеты. Сдѣлавшись такимъ образомъ корнетомъ, этотъ восьмидесятилѣтній юноша обезумѣлъ отъ радости: валяясь передъ великими князьями въ порывѣ нахлынувшаго чувства, онъ истерически плакалъ и дико хохоталъ. Большихъ трудовъ стоило его успокоить, чтобы мнѣ по порученію великихъ князей начать писать его портретъ. Во время сеанса, продолжавшагося минутъ 10—15, онъ старался держать себя спокойнѣе, хотя временами его все какъ-то нервно коробило, и при дыханіи что-то шипѣло и свистало въ груди. Стоявшій рядомъ со мною переводчикъ сообщилъ мнѣ, что свистъ этотъ происходитъ оттого, что старикъ много разъ былъ навылетъ пробитъ черкесскими пулями. Изъ семьи старика, состоявшей нѣкогда изъ 11 сыновей, всѣ до одного убиты, находившись въ дружинѣ отца, въ стычкахъ съ горцами. Сакля,—разсказывалъ мнѣ переводчикъ,—этого престарѣлаго хевсура, предводи-

теля дикарей-христіанъ, въ ихъ аулѣ обнесена частоколомъ, и на каждой его заостренной верхушкѣ сидитъ по черкесской головѣ; иныя изъ нихъ старыя и высохшія на вѣтрѣ и солнцепекѣ, иныя же свѣжія, надъ отчисткой которыхъ отъ мяса хлопочутъ цѣлыя стаи хищныхъ птицъ...

Сидѣлъ передо мною этотъ худой, какъ скелетъ, старецъ и глядѣлъ глазами, съ выраженіемъ невиннѣйшаго младенца... и думалъ я: какъ невѣрна на этотъ разъ пословица, что «глаза есть зеркало души». Этотъ кровожадный дикарь, съ дѣтски-невиннымъ взглядомъ, могъ бы не только окунуться, а даже и плавать въ человѣческой крови, лично имъ пролитой...

II.

Въ концѣ сентября мѣсяца 1858 года, ихъ императорскія высочества великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи въѣзжали въ городъ Баку на почтовыхъ лошадяхъ, конвоируемые эскадрономъ конно-иррегулярнаго полка (если память мнѣ не измѣняетъ) и нестройной толпой всадниковъ изъ мѣстныхъ бековъ.

Покои для ихъ высочествъ и квартиры для насъ, свиты, были отведены въ домѣ губернатора. Тотчасъ, по пріѣздѣ ихъ высочествъ, начала представляться имъ разная мѣстная и туземная знать. Пользуясь относительной свободой при такихъ пріемахъ, я тотчасъ же отправился на улицу съ альбомомъ и жадно ловилъ, зачерчивая туда типы съ улицы, съ кровель восточныхъ домовъ, и гдѣ бы они мнѣ ни попадались. Чтобы наименѣе быть замѣтнымъ и не обращать на себя вниманія, я былъ одѣтъ въ общекавказскій костюмъ, т.-е. въ черной папахѣ, сѣрой черкескѣ и сѣромъ же бешметѣ. Простой кинжалъ съ костяной ручкой у пояса и шашка черезъ плечо дополняли мой туалетъ. Костюмъ этотъ давалъ мнѣ возможность проникать въ отдаленныя отъ центра мусульманскія части города, не приковывая къ себѣ ничьего любопытства.

Городъ кишѣлъ пріѣзжими изъ разныхъ мѣстъ Каспійскаго побережья. Всѣхъ тянуло любопытство взглянуть на братьевъ «падышаха», тѣмъ болѣе, что г. Баку никогда еще никого изъ царской фамиліи не видалъ. Масса пріѣзжихъ была изъ Персіи для той же цѣли: заграничные беки, улемы, хаджи, дервиши и даже труппы баядерокъ.

Сдѣлавъ нѣсколько интересныхъ набросковъ, я вернулся въ городъ. Послѣ прекраснаго обѣда, когда спала жара, великимъ князьямъ предложено было оригинальное зрѣлище—бой барановъ. Ихъ высочества расположились на самомъ крыльцѣ, гдѣ мы обѣдали, свита и все начальство на ступеняхъ, я же забрался въ толпу

народа, именно въ группу зурнистовъ и баядерокъ, чтобы поближе разглядѣть эти типы. Народу на дворѣ, а также и на крышахъ, окружавшихъ дворъ зданій, набилось, какъ сельдей въ боченкѣ. Лишь передъ крыльцомъ мѣсто было свободно — кругъ саженъ

Хевсуръ.
(Факсимиле рисунка М. О. Микѣшина).

въ пять въ діаметрѣ, для бараньяго ристалища. Зурнисты надрывались въ усердіи и завывали одновременно разные мотивы до самозабвенія. Съ одной стороны круга, помѣстивъ огромнаго чернаго барана между ногъ и держа его руками за рога, стоялъ персъ

въ роскошномъ, шитомъ золотомъ аба. Баранъ этотъ, какъ мнѣ передавали, былъ знаменитый боецъ, присланный шахомъ персидскимъ нарочно для этого случая. Противникомъ его былъ баранъ мѣстной породы, сѣрой шерсти, котораго держалъ франтъ-татаринъ, въ аломъ бухарскомъ шелковомъ халатѣ. И персъ и татаринъ полами своихъ одеждъ закрывали головы животнымъ. Спортъ этотъ былъ азартнымъ и любимымъ удовольствіемъ мѣстной публики. Беки и персы, какъ было видно, условливались насчетъ пари.

Я стоялъ о бокъ съ персидскимъ бараномъ и его вдохновителемъ. Зурны временно затихли. Водворилась полная тишина. Къ крыльцу подошелъ сѣдовласый старикъ, на груди котораго блестѣло нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ медалей, и съ низкимъ поклономъ спросилъ у ихъ высочествъ разрѣшенія начать бой. Получивъ на это соизволеніе, онъ обернулся лицомъ къ аренѣ и махнулъ рукой. Зурны сразу завыли съ удвоенной силой, загремѣли ручные барабанчики. Вотъ открыли баранамъ глаза. Они недоумѣвающимъ взглядомъ обвели толпу, и наконецъ глаза ихъ встрѣтились. Почти одновременно они сильно рванулись другъ на друга, дрожа отъ ярости всѣмъ тѣломъ, но это было предусмотрѣно ихъ вожаками; ихъ сейчасъ же осадили назадъ. Три раза они повторяли ту же эволюцію, раззадоривая барановъ и не давая имъ сдѣлать прыжковъ другъ на друга. Наконецъ, въ четвертый разъ, вѣроятно, по предварительному соглашенію, съ разстоянія пяти саженъ промежутка ихъ пустили.

Съ необыкновенной быстротой и яростью бараны вскачь устремились другъ на друга и какъ бы по командѣ, высоко поднявшись на дыбы, со всего размаха ударились лбами... Я ждалъ, не брызнетъ ли огонь отъ такого удара ихъ лбовъ. Въ толпѣ раздался всеобщій вздохъ... Полагаю, если бы страсти толпы не были сдерживаемы присутствіемъ ихъ высочествъ, то безусловно послѣдовалъ бы дикій вой. Моментально послѣ этой схватки къ баранамъ бросились ихъ вожаки и развели ихъ на прежнія мѣста. При этомъ я замѣтилъ не то задумчивость, не то разсѣянность въ выраженіи глазъ и вообще лица персидскаго барана, тогда какъ соперникъ его егозилъ хвостомъ. Зурны и барабаны продолжали свою какофонію. Но вотъ барановъ снова разъярили и пустили другъ на друга. На этотъ разъ они бросились одинъ на другого какъ-то вбокъ, совершенно близко къ зурнисту, стоявшему рядомъ со мною; они оба смаху поднялись на дыбы, но персидскій баранъ увильнулъ, и татарскій баранъ со всего размаха хватилъ по колѣнямъ зурниста; тотъ не выдержалъ и свалился. Къ величайшему общему удивленію, зурнистъ не только не закричалъ, но упавши продолжалъ безостановочно зудить на своемъ инструментѣ. Бой барановъ этимъ кончился, при чемъ побѣдителемъ оказался татарскій баранъ. Наступилъ антрактъ. Музыка прекратилась, и

ихъ высочества встали и прошли съ балкона въ комнаты. Спибленный бараномъ зурнистъ, также окончившій музыку, попробовалъ было встать, но никакъ не могъ; люди, стоявшіе за спиною бѣднаго зурниста, взяли его подъ руки, подняли и отвели куда-то въ сторону. Тутъ я обратился къ переводчику великихъ князей, прося объяснить мнѣ, почему раненый зурнистъ, даже падая и

Слѣпой музыкантъ.
(Факсимиле рисунка М. О. Микѣшина).

лежа на землѣ, не прекратилъ игры, несмотря на то, что на лицѣ его были слезы отъ боли. — «Онъ развѣ можетъ себя остановить, когда играетъ музыку падышаху?» —вмѣсто отвѣта убѣжденно спросилъ меня переводчикъ. Дальше слѣдовало состязаніе въ борьбѣ, но объ этомъ разскажу потомъ, такъ какъ этотъ спортъ во всѣхъ мѣстахъ Кавказа—одинаковъ. Остатокъ дня до сна я занятъ былъ

приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣтокъ и кроки, сдѣланныхъ днемъ. Спать было плохо; не хватало для дыханія чистаго воздуха, было очень душно, какъ у насъ на сѣверѣ передъ грозою. Повсюду пахло нефтяными газами. Всталъ я ни свѣтъ ни заря, не сомкнувъ за ночь глазъ, и одѣвшись вышелъ на крыльцо. Тамъ уже копошились, охорашивая коней, казаки и всадники конно-иррегулярнаго мусульманскаго полка. Я присѣлъ на крыльцо покурить рядомъ съ офицеромъ.

— Что,—спрашиваю,—повсюду тутъ такой воздухъ, или за городомъ чище? Я изъ-за духоты всю ночь не спалъ, и теперь меня точно изломало...

— А не угодно ли прогуляться за городъ на моемъ карабахѣ?— любезно предложилъ онъ: — теперь еще не знойно, къ чаю вы успѣете вернуться.

Онъ указалъ мнѣ, какъ и куда выѣхать въ поле. Я сѣлъ на коня. Лошадь подо мною была чудная дѣйствительно, золотистой масти, горячая, нервная и легкая... Выѣхавъ черезъ кладбище на просторъ степи, я далъ ей полную волю, впивая въ себя свѣжій встрѣчный воздухъ. Несмотря на ранній часъ утра, могущественный шаръ солнца, поднимаясь надъ степью, уже изрядно нажаривалъ ее. На всей необъятной шири разожженной каменисто-песчаной почвы нигдѣ не было ни кустика, ни травинки, только лиловѣли вдали на горизонтѣ какіе-то кряжи или камни, торчащіе изъ песка. Очертанія этихъ предметовъ какъ бы шатались въ сгущенномъ воздухѣ. За неимѣніемъ какого нибудь масштаба не было никакой возможности судить о ихъ отдаленности и величинѣ. Я и выбралъ ихъ цѣлью своей прогулки. Конь подо мною точно понялъ мое намѣреніе и прямо, какъ стрѣла, полетѣлъ къ этимъ камнямъ. По мѣрѣ приближенія они все росли и росли. И вотъ, подъѣхавъ къ нимъ, огибая крайніе камни, я оглянулся было назадъ, какъ вдругъ конь мой совершенно неожиданно шарахнулся въ сторону, съ такою силой, что я мгновенно очутился на землѣ... Лишь тутъ я замѣтилъ причину, перепугавшую его: изъ-за камня появился какой-то старикъ, полуголый оборванецъ-дервишъ, съ посохомъ въ рукѣ и гналъ передъ собою осла, чѣмъ-то тяжело нагруженнаго. Этотъ-то грузъ и перепугалъ моего коня.

Первымъ дѣломъ, вставъ на ноги, я бросился было поймать своего бѣгуна; но онъ, закусивъ удила, какъ вихрь, несся къ городу, развѣвая хвостъ и гриву. Безнадежно я глядѣлъ ему вслѣдъ...

Между тѣмъ, дервишъ шелъ со своимъ осломъ и даже не взглянулъ на меня. Не замѣтить несчастія, случившагося со мною, онъ не могъ, такъ какъ разстояніе между нами было всего около пяти саженъ, и никого, кромѣ меня да его, на всемъ видимомъ глазомъ пространствѣ не было. Я думаю, что онъ не иначе, какъ

фатально, относился ко всему окружающему его; и эпизодъ со мною призналъ за фактъ, который, по его мнѣнію, не могъ не случиться именно такъ, какъ онъ произошелъ...

Такъ какъ онъ шелъ по направленію къ городу, то и я пошелъ за нимъ, разсматривая и изучая его глазами. А чѣмъ же былъ нагруженъ оселъ? На спинѣ его лежалъ, обнимая своими огромными лапами, громадный полосатый, должно быть, недавно убитый тигръ. Размѣромъ онъ былъ значительно больше осла. Хвостъ волочился по землѣ. Бѣдное животное едва передвигало ножками, неся на хребтѣ такую тяжесть.

Солнце было уже высоко и палило, какъ огнемъ. Изнемогая отъ зноя и духоты, я плелся за этой оригинальной группой. Коричневое, какъ старая бронза, тѣло дервиша сквозило черезъ безформенную рвань его одежды, еле прикрывавшей его старую согбенную фигуру. На головѣ его былъ накинутъ башлыкъ вер-

Дервишъ съ осломъ.
(Факсимиле рисунка М. О. Микѣшина).

блюжьяго сукна; босыя ноги были въ крови. Въ этой компаніи мнѣ пришлось сдѣлать до города не менѣе семи верстъ. Изнеможеніе и безсиліе все больше одолѣвали меня, особенно послѣ безсонной ночи. Единственно, что поддерживало мою усталость, это— досада на дервиша, который всю дорогу ни разу не взглянулъ на меня и не обернулся даже, чтобы посмотрѣть, иду ли я за нимъ. Сожалѣлъ я, что не было со мною пистолета; я бы непремѣнно для пробы выстрѣлилъ,—неужели и выстрѣлъ не привлекъ бы его вниманія? Дойдя до мусульманскаго кладбища, дервишъ со своимъ несчастнымъ осломъ свернулъ въ правую сторону, я же побрелъ черезъ холмъ кладбища, по направленію къ городу.

Видъ мой былъ, должно быть, очень жалокъ, когда я добрелъ до губернаторскаго двора. Къ счастью, никого не было дома, кромѣ генералъ-адъютанта, Константина Петровича Кауфмана, который остался для отправленія въ С.-Петербургъ съ фельдъегеремъ какихъ-то бумагъ. Великіе князья уѣхали для осмотра цитадели гарнизона, учебныхъ заведеній и т. п. и передъ отъѣздомъ два раза

справлялись о томъ, куда я исчезъ. Лошадь, сбросившая меня въ степи, давно примчалась домой. К. П. ужасно тронулъ меня своимъ вниманіемъ и заботливостью: онъ приказалъ сдѣлать мнѣ сейчасъ же ванну и подать завтракать, при чемъ уговорилъ меня до возвращенія ихъ величествъ лечь и хорошенько выспаться. Я и понынѣ сохранилъ самыя теплыя воспоминанія объ этомъ прекрасномъ, гуманномъ и разносторонне образованномъ человѣкѣ, въ компаніи котораго мнѣ и раньше кавказской поѣздки пришлось сопровождать великаго князя Николая Николаевича по Европейской Россіи.

Въ этотъ день, по расписанію, послѣ обѣда назначена была поѣздка въ Балаханы «на огни». Огни эти меня сильно интересовали, и я принялъ всѣ мѣры, чтобы не заспаться и быть готовымъ во-время къ поѣздкѣ. За обѣдомъ К. П. Кауфманъ сидѣлъ vis-à-vis съ ихъ высочествами, а я рядомъ съ нимъ, и потому мнѣ было удобно слышать его историческія и этнографическія поясненія, какъ о самомъ городѣ Баку, такъ и объ индусахъ-гебрахъ съ ихъ капищемъ.

Когда обѣдъ кончился, наступилъ уже вечеръ. Было совсѣмъ темно. Черезъ открытыя окна залы, гдѣ мы сидѣли, при антрактахъ какого-то военнаго оркестра, игравшаго въ продолженіе всего обѣда, доносились сдержанные звуки сутолоки — шопотъ людей и фырканье коней... Наконецъ, всѣ встали и вышли на крыльцо. Среди свиты было новое лицо—нѣкто г. Новосельскій, кажется, первый изъ предпринимателей, обратившихъ свое вниманіе на нефтяныя богатства края. За общей суматохой отъѣзда я не могъ разглядѣть, кто, кромѣ г. Новосельскаго, сѣлъ въ экипажъ ихъ высочествъ. Во время этой прогулки г. Новосельскій долженъ былъ дать великимъ князьямъ по нефтяному вопросу, тогда еще совершенно новому, спеціальныя поясненія. Я сидѣлъ въ экипажѣ съ К. П. и былъ очень радъ, что могъ воспользоваться его всегда чрезвычайно интересной бесѣдой. Какъ только поѣздъ тронулся, мгновенно завизжали, заблеяли зурны, запрыгали по бокамъ экипажей густыми толпами всадники—персы и татары. У многихъ изъ нихъ въ рукахъ были длинныя палки, на концахъ которыхъ изъ плетеной проволоки или небольшихъ обручей были устроены шары, наполненные паклей и пропитанные пылавшей нефтью. Шары, неистово болтаясь на палкахъ, разносили во всѣ стороны искры и страшно дымили. Временами всадники на скаку опускали свои шары внизъ и подливали изъ имѣвшихся при себѣ кувшинчиковъ нефть. Шумъ, гвалтъ, вонючій чадъ нефтяной копоти, мелькающіе всюду огни, бѣгущая и скачущая на коняхъ толпа, раздававшіеся тамъ и сямъ пистолетные и ружейные выстрѣлы, крикъ ословъ — все это въ совокупности производило грандіозно-дикое впечатлѣніе какого-то адскаго шабаша... По бокамъ дороги тоже

Факиръ.

(Факсимиле рисунка М. О. Микѣшина).

пылали не то костры, не то бочки съ нефтью же, заволакивая густымъ чадомъ прекрасное звѣздное небо.

Я сидѣлъ, ошеломленный этимъ адомъ, въ углу коляски, и К. П. молча поглядывалъ на меня, смѣясь своими красивыми голубыми глазами. О бесѣдѣ, ожидаемой мною, нечего было и думать.

По пути мы проѣхали какой-то татарскій аулъ, замѣчательный тѣмъ, что сакли его и улицы были углублены въ почву ровной и гладкой степи. На крышахъ саклей толпились женщины, однѣ въ чадрахъ, другія безъ нихъ, а также нагія дѣти, глазѣвшія на необычайный поѣздъ; улица аула была очень узка и не давала эскортировавшимъ поѣздъ всадникамъ скакать рядомъ съ экипажами, и потому они помчались въ объѣздъ аула.

Такъ какъ крику и гвалту, благодаря этому, стало меньше, то я воспользовался и спросилъ К. П., почему этотъ аулъ и улицы видимо врыты въ землю. Оказалось, какъ объяснилъ мнѣ К. П., что сюда залетаетъ изъ Азіи губительный вѣтеръ «самумъ». Несется онъ по степи плоско, поэтому жители выбираютъ для своихъ построекъ мѣста за какимъ либо природнымъ закрытіемъ съ юго-запада; гдѣ же такихъ закрытій нѣтъ, какъ въ данномъ случаѣ, то имъ приходится для избѣжанія вѣтра углублять свои жилища въ почву.

Въ скоромъ времени произошла остановка переднихъ экипажей; остановился и нашъ. Мы вышли изъ коляски и пошли впередъ. Тамъ стояли ихъ высочества, и Новосельскій имъ что-то объяснялъ. Какой-то полунагой персъ, завернувши свои штаны выше колѣнъ, рылъ желѣзной лопатой землю. Не вдали за нимъ блестѣли, отражая огни, лужи воды или иной жидкости. Выбросивъ нѣсколько разъ лопатой землю, онъ остановился, и мы замѣтили, какъ въ глубинѣ ямы начала выступать жидкость. Это была нефть: настолько въ этомъ мѣстѣ почва была сильно пропитана этимъ вулканическимъ добромъ. Персъ поднесъ къ этой жидкости спичку, и она запылала...

Но вотъ мы снова сѣли въ экипажи и поѣхали. На горизонтѣ, по мѣрѣ того, какъ мы приближались, все яснѣе и яснѣе начало обрисовываться бѣлое, четырехъ-угольное зданіе. По бокамъ его на углахъ высились башенки. Зданіе это то мелькало, то совершенно скрывалось въ облакахъ нефтяного чада. Не прошло и десяти минутъ, какъ нашъ кортежъ вкатилъ во внутренній дворъ этого зданія черезъ ворота. Всадники остались за ними. Это и было капище «атешъ-геде» огнепоклонниковъ. Среди двора возвышалось что-то въ родѣ колодца, крытаго куполомъ, или часовни. У этого зданія ихъ высочествъ встрѣтилъ худой и прямой, какъ палка, факиръ «Мобэдъ» или «Глобушъ» и привѣтствовалъ великихъ князей на арабскомъ языкѣ. Переводчикъ сообщилъ, что факиръ призываетъ благословеніе всевышняго Бога Ормузда на прибывшихъ великихъ путниковъ и предлагаетъ имъ присутствовать при богослуженіи.

Ихъ высочества, а за ними и я, вошли въ небольшую со сводами комнату, гдѣ въ углу горѣлъ вѣчный огонь. Съ другой стороны, на ступенькахъ, покрытыхъ пестрыми тканями, была ихъ божница, со множествомъ разныхъ сосудовъ, серебряныхъ и золотыхъ; тутъ же стояли какія-то чарочки, блюдечки и курильницы. Кромѣ этого, стояли морскія ракушки витой формы и изваянія Ормузда и его ангеловъ, агентовъ распространенія добрыхъ началъ Ормузда, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. На стѣнѣ, надъ ступеньками божницы, висѣли пестрые, матерчатые платки, покрытые письменами и изображеніями божества.

По бокамъ божницы, на фонѣ бѣлой стѣны, нарисованы были красной краской какія-то двѣ литеры, при чемъ большая изъ нихъ— на подобіе нашей буквы Ж. Войдя въ это святилище, мы застали у божницы за молитвой четырехъ факировъ. Трое изъ нихъ молились стоя, четвертый же факиръ, страшно худой и почти нагой, былъ въ странной позѣ, какъ бы на четверенькахъ. Взгляды молящихся, несмотря на присутствіе постороннихъ, не отрывались отъ божницы. Факиръ, вошедшій съ нами, вставъ у стѣны, взялъ раковину и затрубилъ въ нее. На этотъ призывъ двое молящихся отдѣлились отъ группы, тихо прошли въ противоположный конецъ комнаты и, вынеся длинныя мѣдныя трубы съ желѣзными подставками на средину, встали на колѣни и четыре раза протяжно, громко, но не рѣзко протрубили въ нихъ. При этомъ трое остальныхъ подняли руки вверхъ, и двое изъ нихъ стали молча шептать. Третій же, встрѣтившій насъ у входа, громко нараспѣвъ произносилъ какую-то молитву. Когда они окончили, великій князь Николай Николаевичъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ факиру черезъ переводчика:

— Кому они молятся?

— Единому, всемогущему Ормузду, богу правды, добра, свѣта и тепла.

— При чемъ же здѣсь огонь?

— Мы поклоняемся солнцу, какъ творенію Всевышняго, черезъ которое льется жизнь, свѣтъ и тепло людямъ и всей природѣ; огонь же, исходящій изъ земли, есть ближайшее напоминаніе свѣта и тепла солнца, животворящаго вселенную.

Послѣ этого разговора ихъ высочества въ сопровожденіи другого факира пошли осматривать остальныя помѣщенія капища. Оставшіеся факиры попрежнему спокойно и невозмутимо продолжали свои молитвы. Я этимъ воспользовался и оканчивалъ свой набросокъ, который началъ еще при входѣ въ эту комнату. Одинъ изъ факировъ подошелъ ко мнѣ и, заглянувъ черезъ плечо мое въ альбомъ, удивленно что-то заговорилъ на непонятномъ мнѣ языкѣ. Тогда и другіе подошли ко мнѣ. Любопытно и странно переводили они взгляды съ альбома другъ на друга. Ясно было, что въ моемъ изображеніи они узнавали себя. Пользуясь замѣтнымъ ихъ до-

вольствомъ, я пантомимой попросилъ одного изъ факировъ съ геб-рическимъ краснымъ значкомъ на лбу межъ бровей подписать что нибудь подъ его изображеніемъ. Онъ понялъ меня и, взявъ мой карандашъ, что-то нацарапалъ, должно быть, по-индійски. Прощались они всѣ со мною съ полнымъ радушіемъ. Каждый изъ нихъ по очереди, становясь передо мною, поднималъ вверхъ руки, шепталъ что-то и затѣмъ, дотронувшись перстами до моего лба, съ поклономъ отходилъ. На этомъ прощаніи засталъ меня лейбъ-медикъ ихъ высочествъ А. Л. Обермюллеръ и объявилъ, что великіе князья садятся уже въ экипажи. Возвращался кортежъ обратно въ Баку еще быстрѣе, нежели когда ѣхали въ Балаханы. Я сидѣлъ въ коляскѣ съ докторомъ попрежнему въ дыму, чадѣ и гвалтѣ сопровождавшихъ насъ всадниковъ. При въѣздѣ морская набережная Баку была наполнена многотысячной толпой народа, а вода бухты пылала огнемъ, языки котораго на страшную высоту подымались въ небо. Это была иллюминація мѣстнаго характера. Въ воду, какъ мнѣ объяснили, было влито нѣсколько бочекъ съ нефтью и затѣмъ зажжено.

Утромъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня ихъ высочества въ сопровожденіи свиты, а также и меня въ томъ числѣ, отбыли изъ Баку, для слѣдованія на сѣверъ по берегу Каспія.

М. О. Микѣшинъ.

НА ЦАРСКОМЪ СМОТРУ.

(Изъ воспоминаній партіоннаго офицера).

ОТЕЧЕСТВО наше Россія представляетъ собою въ настоящее время государство, имѣющее хорошіе пути сообщенія. Оно изрѣзано вдоль и поперекъ желѣзными дорогами, и даже съ далекой Сибирью мы соединены рельсовымъ путемъ. Пароходство по большимъ судоходнымъ рѣкамъ: Волгѣ, Днѣпру, Дону, Енисею, Ленѣ и Оби, даетъ возможность въ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени доставлять провіантъ, товары и войска въ самые отдаленные уголки нашего отечества.

Не то было лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда я только что начиналъ службу. Никакихъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Царскосельской и Николаевской, не существовало, и передвиженіе войскъ съ одного конца Россіи на другой совершалось по образу пѣшаго хожденія. Вотъ въ эти-то времена, почти полстолѣтія тому назадъ, окончивъ петербургскую гимназію и спеціальный классъ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, я былъ выпущенъ въ 1853 году прапорщикомъ въ Оренбургскій линейный № 3 баталіонъ 23-ей пѣхотной дивизіи. Я пожелалъ служить въ Оренбургѣ потому, что мать моя жила въ этомъ городѣ, занимая въ немъ должность начальницы оренбургскаго дѣвичьяго училища. Хотя Оренбургъ считался въ то время ссыльнымъ городомъ, но такъ какъ онъ былъ центромъ администраціи огромнаго края, заключавшаго въ себѣ губерніи: Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую, и въ нёмъ проживалъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, то и общество здѣшнее

состояло изъ петербургской интеллигенціи. Весь штатъ командующаго войсками и генералъ-губернатора составляли гвардейскіе офицеры, а канцелярія генералъ-губернатора была изъ чиновниковъ, окончившихъ лицей или училище правовѣдѣнія. Было въ Оренбургѣ также немало сосланныхъ поляковъ изъ аристократическихъ семействъ. Однажды, будучи офицеромъ, я стоялъ въ караулѣ въ въ Оренбургскомъ тюремномъ замкѣ. Дѣло было зимою, на дворѣ стоялъ трескучій морозъ, наступила ночь, и такъ какъ этотъ постъ считался опаснымъ, и киргизы, содержавшіеся въ азіатскихъ камерахъ, очень искусно дѣлали подкопы, черезъ которые и убѣгали, то я особенно бдительно повѣрялъ часовыхъ внутри двора городской тюрьмы. Часовые обязаны были послѣ вечерней зари до утренней перекликаться протяжнымъ «слу-шай», и потому ихъ звали въ народѣ царскими пѣтухами.

Сидѣлъ я призадумавшись и вдругъ слышу страшное, громовое «слу-шай». Голосъ такой сильный, звучный и красивый, что я невольно обратилъ на него вниманіе и позвалъ тотчасъ же старшаго унтеръ-офицера.

— Кто стоитъ на часахъ на платформѣ?—спросилъ я его.

— Рядовой, князь Трубецкой, ваше благородіе,—отрапортовалъ мнѣ унтеръ-офицеръ.

— Когда князь смѣнится съ часовъ, попроси его ко мнѣ,—сказалъ я старшему.

— Слушаю, ваше благородіе,—отвѣтилъ унтеръ-офицеръ и, сдѣлавъ налѣво кругомъ, удалился.

Было уже два часа ночи, когда князь Трубецкой, смѣнившись съ часовъ, вошелъ въ комнату караульнаго начальника.

Я дружески протянулъ ему руку:

— Charmé de faire votre connaissance, mon prince, permettez-moi de vous offrir un verre de thé. (Очень радъ съ вами познакомиться, князь; позвольте предложить вамъ стаканъ чая).

— Merci, mon commandant, et permettez—moi de m'asseoir, je suis brisé de fatigue. Ci-devant officier de cavalerie, je suis un mauvais marcheur. (Благодарю, г. начальникъ; позвольте мнѣ сѣсть; я разбитъ отъ усталости: бывшій офицеръ кавалеріи, я очень плохой пѣхотинецъ).

— Prenez place, je vous prie, et servez-vous. (Садитесь, пожалуйста, и кушайте).

Я усадилъ его около кипящаго самовара и подалъ ему стаканъ горячаго чая.

Разговоръ вязался самъ собою о жизни въ Петербургѣ и за границей. Нашлись и общіе знакомые моей матери, которыхъ зналъ князь, а именно: графиня Булгари, сынъ которой былъ въ числѣ декабристовъ, и семейство генералъ-квартирмейстера, впослѣдствіи генералъ-адъютанта, Александра Ивановича Веригина. Раньше этого

я зналъ, что князь Трубецкой въ чинѣ полковника командовалъ конногвардейскимъ полкомъ и въ данный моментъ былъ разжалованъ въ рядовые и сосланъ въ Оренбургъ за то, что похитилъ у извѣстнаго сахарозаводчика Жадимировскаго красавицу жену, и по жалобѣ мужа императору Николаю I-му князь былъ арестованъ въ тотъ моментъ, когда собирался вмѣстѣ съ Жадимировской ѣхать за границу. Такая превратность судьбы—быть разжалованнымъ въ рядовые и очутиться въ отдаленной провинціи, не улыбалась князю.

— J'ai une grâce à vous demander, mon commandant (у меня къ вамъ просьба, г. начальникъ),—сказалъ мнѣ князь, допивъ свой стаканъ.

— Parlez, et justice vous sera faite (говорите и вамъ будетъ оказана справедливость),—отвѣтилъ я шутливо.

— Ayez pitié d'un malheureux qui est en faction dans la cour de cette prison, c'est le pauvre Plescheet (имѣйте состраданіе къ одному несчастному, который на часахъ во дворѣ этой тюрьмы; это—бѣдный Плещеевъ).

— En voila une chanse (вотъ удача),—сказалъ я, и отдалъ приказаніе старшему попросить ко мнѣ рядового изъ дворянъ Алексѣя Николаевича Плещеева, какъ только онъ отстоитъ свои часы, и вскорѣ Плещеевъ присоединился къ нашей компаніи. Благодаря этимъ двумъ умнымъ и милымъ собесѣдникамъ, ночь въ караулѣ прошла незамѣтно. Плещеевъ, какъ извѣстно, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Петрашевскаго. Онъ былъ разжалованъ въ рядовые въ Оренбургскій линейный баталіонъ. Служа рядовымъ въ Оренбургѣ, онъ, благодаря протекціи оренбургскаго генералъ-губернатора, графа Висилія Алексѣевича Перовскаго, былъ посланъ въ отрядъ, участвовавшій въ степномъ походѣ, и за отличіе въ военныхъ дѣлахъ при взятіи крѣпости Акъ-Мечеть (нынѣ городъ Перовскъ) былъ произведенъ въ офицеры, послѣ чего вышелъ въ отставку и вскорѣ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ.

Но приступаю теперь къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ. Прослуживъ въ строю два года, я въ мартѣ мѣсяцѣ 1855 г. былъ командированъ изъ г. Оренбурга въ г. Самару для пріема рекрутской партіи и отвода ея въ С.-Петербургъ. Командировка эта въ особенности для молодого офицера считалась очень почетною, и товарищи мои позавидовали мнѣ, узнавъ о моемъ назначеніи. Сборы мои были не продолжительны. Такъ какъ снѣгъ лежалъ еще на поляхъ, хотя морозы были не сильные, и санный путь держался еще хорошо, то разсчитавъ, что мнѣ придется проѣхать болѣе 400 верстъ отъ Оренбурга до Самары почтовымъ трактомъ, на которомъ крытыхъ перекладныхъ въ то время не было, я купилъ себѣ легкую кошевку за 50 рублей, и, обшитая рогожей, она имѣла видъ возка. Имѣя при этомъ хорошую кошму, можно было не

бояться даже сильнаго бурана. Уложивъ въ свой чемоданъ бѣлье и платье и получивъ благословеніе моей матери, я пустился въ путь, спѣша добраться до Самары до наступленія распутицы. На переѣздъ этотъ нужно было употребить не менѣе 3-хъ или 4-хъ дней. Въ первый день своего путешествія я ѣхалъ очень хорошо, благодаря легкому морозцу, но уже со второго дня послѣ небольшого бурана снѣгъ перешелъ въ дождь, стало притаивать, а солнце съ каждымъ днемъ пригрѣвало сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ, на четвертый день, когда я и денщикъ мой считали, что уже намъ оставалось проѣхать не болѣе ста съ чѣмъ нибудь верстъ, стало такъ тепло, что не только были лужи по дорогѣ, но и переправа по льду черезъ озера, которыхъ было много въ этой мѣстности, стала не безопасна. Отъѣхавъ недалеко отъ станціи, мы должны были переправиться по льду черезъ большое озеро. Вода была уже поверхъ льда, но ямщикъ увѣрилъ насъ, что ледъ еще крѣпокъ, и что онъ уже сегодня перевозилъ по немъ пассажира. Положившись на его слова, мы благословясь спустились на ледъ. Проѣхавъ благополучно половину озера, мы услыхали, что ледъ подъ нами трещитъ. Ямщикъ попробовалъ свернуть съ дороги нѣсколько вправо, и вдругъ наша тройка провалилась вмѣстѣ съ повозкою подъ ледъ. По счастью я и денщикъ мой, стоя въ повозкѣ, успѣли выпрыгнуть на твердый ледъ, но ямщикъ нашъ искупался, при чемъ лѣвая пристяжная угодила подъ ледъ и затонула. Началась возня съ пристяжной, но видя, что мы ничего не можемъ сдѣлать, чтобы спасти ее, и что повозка наша совсѣмъ ушла подъ ледъ, и только одинъ ея верхъ торчитъ изъ воды, я оставилъ денщика и ямщика при лошадяхъ и повозкѣ, а самъ верхомъ на пристяжной отправился просить помощи въ ближайшемъ селеніи, которое виднѣлось въ небольшомъ разстояніи отъ озера. Во время крымской кампаніи мы, военные, носили солдатскаго покроя и толстаго сукна шинели, отличавшіяся отъ шинелей нижнихъ чиновъ только одними плечевыми погонами изъ галуна. На мнѣ въ дорогѣ была такая солдатская шинель, а на головѣ офицерская фуражка, съ которой во время сна въ повозкѣ слетѣла кокарда. По дурной дорогѣ мнѣ пришлось дѣлать объѣзды, и я съ большимъ трудомъ добрался до селенія и тамъ просилъ указать мнѣ избу старшины.

Усталый я слѣзъ съ лошади и собирался войти въ избу, какъ вдругъ дверь растворилась, и на порогѣ избы появился высокій крестьянинъ съ окладистой черной бородой.

— Вы будете старшина?—сказалъ я ему.

— Да, я, а тебѣ что?—спросилъ онъ меня въ свою очередь.

Тутъ я разсказалъ ему подробно, что съ нами случилось, и просилъ его отрядить людей, чтобы вытащить затонувшую пристяжную и мою повозку изъ-подо льда.

Старшина слушалъ меня, повидимому, внимательно, но когда я окончилъ свой разсказъ, то онъ сомнительно покачалъ головою.

— Молодъ ты, ну, а врать мастеръ,—сказалъ онъ мнѣ внушительно.—Ты думаешь, я твоимъ баснямъ такъ и повѣрилъ и погоню зря народъ на твою работу. Нѣтъ, братъ, шутишь, это съ тобой пройдетъ. Не на того напалъ. А ты лучше, служивый, покажи мнѣ, какая у тебя есть бумага отъ начальства, проходной видъ или открытый листъ, тогда мы тебѣ и лошадку дадимъ. Ты солдатъ?

— Нѣтъ, я не солдатъ, я офицеръ.

— Такъ зачѣмъ же ты въ солдатскую шинель нарядился?

— Да у насъ нынче такая форма.

— Форма, ну, вотъ что: ты покажи-ка свои бумаги.

— У меня ихъ при себѣ нѣтъ. Я оставилъ ихъ при повозкѣ у моего денщика.

— Такъ, значитъ, ты безписьменный, а, попросту сказать, бѣглый солдатъ. Эй, сотскій!—крикнулъ онъ, выходя на улицу:—возьми-ка этого молодчика и отведи его въ холодную.

— Смотри, ты строго за меня отвѣтишь, когда принесутъ мои бумаги,—сказалъ я старшинѣ.

— Ну, тогда, почтенный, видно будетъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

И прежде чѣмъ я успѣлъ сдѣлать какое нибудь движеніе, двое здоровенныхъ мужиковъ подхватили меня подъ руки и отвели въ какую-то избу, въ которую втолкнули меня; затѣмъ тотчасъ же захлопнули дверь и, наложивъ пробой, заперли замкомъ.

Признаюсь, положеніе мое было не изъ веселыхъ, и я надъ нимъ крѣпко призадумался. Арестованный по какому-то глупому подозрѣнію черезчуръ ретиваго старшины, я рисковалъ просидѣть весь день въ этой избѣ, да еще при томъ я озябъ и сильно проголодался. Но Провидѣніе хранило меня. Денщикъ мой, старый Николаевскій служака, прождавъ меня попусту съ часъ времени, выпрягъ коренника и, оставивъ ямщика при повозкѣ, прискакалъ верхомъ въ селеніе, прихвативъ съ собою черезъ плечо мою дорожную сумку.

— Гдѣ у васъ тутъ старшина?—крикнулъ онъ на мужиковъ, подъѣхавъ къ первой попавшейся избѣ.

— Да вотъ въ этой избѣ,—отвѣтили оробѣвшіе крестьяне.

Денщикъ мой спрыгнулъ съ лошади и бомбой влетѣлъ въ избу.

— Эй, вы, черти!—заоралъ онъ во все горло:—не видали ли вы, куда присталъ его благородіе?

— А ты не очень-то покрикивай. Знаемъ мы такихъ благородіевъ. Какой-то бѣглый солдатишка пріѣзжалъ тутъ, ну!

— Ну!

— Извѣстное дѣло, мы его въ холодную и упрятали.

— Какъ упрятали! Да ты знаешь, дьяволъ ты этакій, кого вы упрятали? Его благородіе—офицеръ и ѣдетъ въ Самару по курьер-

ской подорожной его императорскаго величества,—и прежде чѣмъ староста успѣлъ вымолвить слово, денщикъ мой ударилъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую съ такой силой, что старшина едва устоялъ на ногахъ.

— Веди меня къ его благородію, а тебя сейчасъ въ кандалы закуемъ и въ Сибирь отправимъ. Слушай, чортова образина, что здѣсь написано,—продолжалъ внушительно мой денщикъ и, вынувъ изъ сумки мою подорожную, сталъ читать ее вслухъ старшинѣ. Въ ней говорилось о томъ, чтобы давать мнѣ безъ задержки курьерскихъ лошадей, а на станціяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ лошадей, давать обывательскихъ, оказывая всякое содѣйствіе къ безпрепятственному слѣдованію къ мѣсту назначенія. Услыхавъ это, староста перетрусилъ не на шутку и повалился въ ноги моему денщику.

— Не погубите, ваше высокоблагородіе!—завопилъ онъ.—Одна наша мужицкая глупость. Что хотите, берите. Мы и деньгами можемъ отвѣтствовать, только не жальтесь становому, а то онъ кажинный праздникъ будетъ брать съ насъ по красненькой, пока не сведетъ со двора послѣднюю коровенку.

— Ну, братецъ мой, я съ тобой послѣ потолкую, а теперь веди меня къ его благородію. Да смотри, ежели ему какая обида приключилась или, упаси Богъ, хворь, такъ я тебѣ всю бороду по волоску выщиплю и съ живого шкуру сдеру. Маршъ!

Старшина чуть не бѣгомъ пустился къ избѣ и тотчасъ же выпустилъ меня изъ нея, а когда я вышелъ на улицу, то онъ уже вмѣстѣ съ женою валялся у меня въ ногахъ и вымаливалъ себѣ прощеніе, каясь въ томъ, что нелегкая его попутала, и что ежели про эту бѣду прознаетъ становой, то пуститъ ихъ по міру.

Я, разумѣется, сжалился надъ нимъ и объявилъ ему, что онъ долженъ немедленно послать на озеро людей, чтобы выручить мою повозку и привезти ее въ село. Старшина обѣщалъ все сдѣлать, при чемъ зазвалъ меня и денщика моего въ свою избу и угостилъ насъ такими щами и такимъ пирогомъ съ капустой, что мы забыли всѣ свои невзгоды и всю усталость этого дня.

Между тѣмъ пока мы закусывали, крестьяне, отряженные на помощь моему ямщику, вытащили изъ воды мою повозку, а также и затонувшую пристяжную, оказавшуюся уже мертвою. Объ этомъ происшествіи былъ составленъ актъ, который былъ засвидѣтельствованъ старшиною. Далѣе ѣхать было невозможно, такъ какъ всѣ мои вещи были мокрыя, и, чтобы ихъ высушить, пришлось ночевать въ этомъ селеніи. Въ просторной старостиной избѣ намъ послали свѣжее сѣно, а отъ мѣстнаго священника и діакона принесли подушки, одѣяла, и мы такъ хорошо уснули въ эту ночь, какъ ни разу не удавалось это намъ въ дорогѣ.

На слѣдующее утро насъ накормили досыта, послѣ чего мы съ денщикомъ усѣлись въ повозку, запряженную четверкою лоша-

дей, а вокругъ насъ въ видѣ эскорта скакала верхомъ цѣлая толпа крестьянъ, у которыхъ были веревки, колья и другія орудія на случай, ежели повозка ввалится въ зажору, и благодаря этой помощи, мы благополучно добрались до слѣдующей станціи. На станціи мнѣ пришлось оставить свою повозку на храненіе станціонному смотрителю и пересѣсть въ почтовую повозку на колесахъ, такъ какъ зимній путь уже совсѣмъ испортился. Наконецъ, на пятый день я прибылъ въ Самару.

Начальникомъ рекрутскаго набора былъ назначенъ въ томъ году флигель-адъютантъ, полковникъ Хитрово. Въ самый день своего пріѣзда я поспѣшилъ къ нему явиться и разсказалъ о случившемся со мною въ дорогѣ. Полковникъ Хитрово принялъ меня очень любезно и объявилъ мнѣ, что партія рекрутъ, которую я долженъ принять, выступаетъ въ походъ только черезъ недѣлю, т.-е. на второй день св. Пасхи, такъ какъ переправа черезъ Волгу стала невозможна, а пока полковникъ поручилъ мнѣ обученіе строевой службѣ одной роты Самарскаго государственнаго ополченія, предназначеннаго въ скоромъ времени къ выступленію въ походъ въ мѣста расположенія военныхъ дѣйствій.

Съ полной готовностью и должнымъ усердіемъ я принялся за исполненіе возложеннаго на меня порученія. Къ сожалѣнію, въ этой новой обязаности я наталкивался ежедневно на множество препятствій. Большая часть нижнихъ чиновъ ввѣренной мнѣ роты ополченія не имѣла ружей, а тѣмъ, которые ихъ имѣли, не были выданы патроны, каковыхъ въ наличности совсѣмъ не оказалось, и вотъ вмѣсто того, чтобы учить ихъ стрѣльбѣ въ цѣль, мнѣ пришлось ограничиться ружейными пріемами съ палками на подобіе ружей, поворотами, маршировкою, обученіемъ разсыпному строю и церемоніальному маршу. Послѣдній доставлялъ ратникамъ видимое удовольствіе, и когда въ концѣ ротнаго ученья приходилъ на площадь музыкантскій хоръ Самарскаго линейнаго баталіона, то всѣ, несмотря на усталость, какъ-то подбодрялись, и офицеры изъ гражданскихъ чиновниковъ били съ носка и преусердно салютовали, проходя мимо меня. Случалось, что на ученье приходилъ полковникъ Хитрово и хвалилъ парадирующій взводъ, и тогда раздавалось восторженное: «Рады стараться, ваше высокородіе!». Геройская кончина ожидала этихъ людей. При оборонѣ Севастополя они попали въ самый жаркій огонь, и къ нимъ можно было примѣнить Лермонтовскій стихъ:

Не многіе вернулись съ поля.

Но обращаюсь снова къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Благодаря гостепріимству командира квартировавшаго въ Самарѣ линейнаго баталіона, полковника Подревскаго, я весело встрѣтилъ въ его радушной семьѣ свѣтлый праздникъ воскресенія Христова

и послѣ заутрени и обѣдни разговлялся въ общей офицерской семьѣ этого баталіона.

Но вотъ наступилъ второй день св. Пасхи, въ который партія должна была выступить въ походъ. Все утро было посвящено мною пріему денегъ и письменныхъ документовъ, а также пріему рекрутовъ и осмотру ихъ имущества.

Къ 12 часамъ по полудни на набережной Волги были построены въ двѣ шеренги мои рекруты, которыхъ насчитывалось въ партіи 350 человѣкъ. Въ помощь мнѣ назначенъ былъ конвой, состоявшій изъ 15 человѣкъ Самарскаго линейнаго баталіона, при унтеръ-офицерѣ, который, будучи за старшаго, именовался фельдфебелемъ партіи. Сверхъ того, еще при мнѣ состоялъ въ качествѣ квартирьера унтеръ-офицеръ, на обязанности котораго было заготовленіе квартиръ на ночлегахъ и дневкахъ и прiисканіе для партіи кормовщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда жители попутныхъ селъ и городовъ отказывались продовольствовать рекрутовъ за кормовыя деньги. Вскорѣ прибылъ къ проводамъ партіи священникъ съ діакономъ и хоромъ пѣвчихъ изъ военныхъ кантонистовъ. По пріѣздѣ флигель-адъютанта, полковника Хитрово, начался напутственный молебенъ. По окончаніи его и по провозглашеніи многолѣтія государю императору и всему царствующему дому, священникъ обошелъ ряды рекрутовъ, окропляя ихъ святою водою, а полковникъ Хитрово напутствовалъ новобранцевъ, пожелавъ имъ счастливаго пути и выразивъ надежду, что они будутъ служить вѣрой и правдой царю и отечеству, не щадя живота своего, ежели имъ доведется быть въ рядахъ дѣйствующей арміи, и, назвавъ ихъ храбрецами, пожелалъ имъ заслужить георгіевскіе кресты. Дружное: «рады стараться, ваше высокородіе», было отвѣтомъ на его рѣчь. Попрощавшись со мною, полковникъ Хитрово подалъ мнѣ руку, поблагодаривъ меня за мои труды по обученію роты Самарскаго государственнаго ополченія, предназначенной въ составъ войскъ дѣйствующей арміи.

Я помѣстился въ большой косной лодкѣ, а рекруты мои расположились въ двухъ расшивахъ и съ крикомъ «ура» поплыли черезъ Волгу, затянувъ дружнымъ хоромъ солдатскую пѣсню, которую успѣли разучить въ Самарѣ передъ выступленіемъ въ походъ.

Высадившись на другомъ берегу Волги, я сдѣлалъ перекличку рекрутамъ и далъ имъ двадцатиминутный роздыхъ. Они воспользовались имъ, чтобы попрощаться съ женами, сестрами и матерями. При этихъ проводахъ было пролито немало слезъ, такъ какъ было военное время, и никто не зналъ, доведется ли ему вернуться на родину, да и притомъ сроки службы были не нынѣшніе.

Не стану теперь вдаваться въ подробности, передавая шагъ за шагомъ наши переходы, ночлеги и дневки. Постараюсь сдѣлать только бѣглый очеркъ практиковавшагося въ тѣ времена способа

передвиженія войскъ и той жизни и тѣхъ отношеній, которыя установились между мною и ввѣренными мнѣ людьми въ теченіе нашего трехмѣсячнаго странствованія по различнымъ селамъ и городамъ.

Начальниками рекрутскихъ партій назначались, какъ я уже говорилъ, или вполнѣ опытные офицеры, или такіе, которые вполнѣ заслуживали довѣрія начальства. Иначе и быть не могло, такъ какъ вся сумма, ассигнованная на путевое довольствіе рекрутовъ, на лѣченіе заболѣвающихъ въ пути, на наемъ подводъ для слабыхъ, на винныя порціи и на всѣ остальные расходы сдавалась сразу на руки партіонному начальнику, который долженъ былъ хранить у себя эти деньги, расходуя ихъ по мѣрѣ надобности, и вести имъ аккуратно счетъ. Для этой цѣли партіонному начальнику выдавалась прошнурованная книга, припечатанная сургучемъ, съ означеніемъ прошнурованныхъ въ ней листовъ. Каждая статья кормового довольствія и расхода по выдачѣ винныхъ порцій и наемкѣ подводъ подъ свозъ рекрутскаго имущества и подъ больныхъ должна была быть засвидѣтельствована въ селеніяхъ сельскимъ засѣдателемъ, провожающимъ по своему уѣзду партію, а въ городахъ градоначальникомъ или полицеймейстеромъ. Выступая изъ г. Самары, я получилъ изъ государственнаго казначейства пакетъ, въ которомъ было 10.500 рублей кредитными билетами сторублеваго достоинства и мѣшокъ со звонкой монетой на сто рублей. Деньги эти я хранилъ въ сундукѣ, который находился при мнѣ во все время пути на подводѣ, а на ночлегахъ и на дневкахъ сундукъ стоялъ въ избѣ, отведенной мнѣ подъ квартиру, при чемъ при сундукѣ въ видѣ часовыхъ стояли по очереди по одному рекруту, а въ городахъ стояли на часахъ по очереди конвойные солдаты. Когда мы переправились черезъ Волгу, или, какъ говорили рекруты, вошли въ Россію (такъ какъ въ то время Самарская губернія считалась Азіей, потому что населеніе было въ ней частью русское, частью башкирское), то первое время, несмотря на теплую погоду, переходы были трудные. Мѣстами стояла грязь, и выпадали дожди, поэтому переходы пѣшкомъ были тяжелы. Добравшись до ночлега, люди такъ утомлялись, что, размѣстившись по квартирамъ, спѣшили поужинать и завалиться спать. Но уже въ двадцатыхъ числахъ апрѣля наступили солнечные ясные дни, и у моихъ рекрутиковъ повеселѣло на сердцѣ. На дневкахъ въ деревняхъ, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, слышались на улицахъ гармоника, скрипка, пѣніе, и нашлись среди рекрутовъ ловкіе плясуны, которые приводили въ восторгъ дѣвокъ и бабъ своими пѣснями и пляскою. Чтобы придать нѣсколько военную выправку моимъ рекрутамъ, я дѣлалъ имъ на дневкахъ строевыя ученья, при чемъ унтеръ-офицеръ, бывшій прежде горнистомъ, обучалъ ихъ на голосъ сигналамъ и пунктикамъ, заключавшимъ въ

себѣ маленькое резюме всѣхъ обязанностей солдата. Во избѣжаніе пьянства среди рекрутовъ я уговорилъ наемщиковъ, у которыхъ было по нѣскольку сотъ рублей, сдать мнѣ эти деньги, и, записавъ ихъ въ особую книгу, я выдавалъ имъ небольшими суммами на ихъ надобности, поставляя имъ на видъ, что эти деньги еще и впередъ имъ пригодятся.

Несмотря на то, что на ночлегахъ и на дневкахъ я старался всячески занять дѣломъ моихъ новобранцевъ, доставляя имъ по праздникамъ разумныя развлеченія, я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ сильно тоскуютъ по родинѣ, и однажды фельдфебель моей партіи сообщилъ мнѣ по секрету, что одинъ изъ рекрутовъ, по фамиліи Агѣевъ, сильно захандрилъ, и что товарищи боятся, чтобы онъ не вздумалъ бѣжать. Я тотчасъ же учредилъ за нимъ надзоръ изъ его земляковъ и сталъ обдумывать, какъ бы мнѣ пріискать для всей этой молодежи занятіе, которое настолько заинтересовало бы новобранцевъ, что наполнило бы имъ весь досугъ, отвлекая ихъ отъ всякой дурной мысли и отъ водки. Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль попытаться устроить нѣчто въ родѣ ротной школы.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Въ первомъ попутномъ уѣздномъ городкѣ я скупилъ во всѣхъ лавкахъ всѣ азбуки, которыя только можно было пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ. Расходъ мой на этотъ предметъ не превысилъ 1 рубля 20 коп. Я вырѣзалъ изъ картона квадратики и наклеилъ на нихъ буквы. Помощникомъ въ этомъ дѣлѣ явился мнѣ Агѣевъ, который по счастью оказался грамотнымъ и былъ почти безотлучно при мнѣ. Когда все было готово, мы на первой же дневкѣ собрались въ просторной избѣ, пригласивъ всѣхъ желающихъ рекрутовъ обучаться грамотѣ. Сначала ихъ нашлось не болѣе 30 человѣкъ, но послѣ первыхъ двухъ, трехъ уроковъ число ихъ утроилось, и вскорѣ явилось къ намъ столько учащихся, что пришлось раздѣлить ихъ на нѣсколько смѣнъ. И пока училась первая смѣна, вторая разсматривала буквы, старалась подбирать изъ нихъ слова, при чемъ нѣкоторые парни посмышленѣе старались выводить буквы карандашемъ на какомъ нибудь клочкѣ бумаги. Короче сказать, жажда грамотности охватила большинство молодежи, и случаи пьянства, картежной игры и орлянки стали одиночными и рѣдкими явленіями.

Но съ особеннымъ интересомъ и нетерпѣніемъ ожидали мои рекруты наступленія вечера. У меня былъ при себѣ нѣкоторый запасъ книгъ, и я устраивалъ публичныя чтенія. Въ ненастную погоду приходилось читать въ избѣ, но съ наступленіемъ тепла я избиралъ для этой цѣли обширный дворъ, гдѣ мнѣ ставили скамью и столъ, и я читалъ по возможности громко и отчетливо, чтобы всѣ могли меня слышать. Особенно сильное впечатлѣніе на моихъ слушателей производило чтеніе изъ жизни Суворова и эпизоды оте-

чественной войны двѣнадцатаго года, но когда я однажды въ нѣсколько вечеровъ прочелъ имъ романъ Загоскина «Юрій Милославскій» и «Ледяной домъ» Лажечникова, то рекруты мои такъ заинтересовались этими двумя произведеніями, что просили повторить эти чтенія на ближайшихъ дневкахъ. А сколько было между ними всякаго говору и толковъ по поводу этихъ чтеній! Согласно данному мнѣ маршруту, путь нашъ лежалъ отъ Пензы до Москвы, при чемъ по обѣ стороны шоссейная дорога была окаймлена рощами и перелѣсками, въ которыхъ слышалось пѣніе птицъ. Передъ нами развертывалась чудная картина лѣтней природы. Ежели, съ одной стороны, эта живописная мѣстность была пріятна для глазъ, и среди нея дышалось легко, и человѣкъ чувствовалъ себя бодрымъ и здоровымъ, то, съ другой, являлось опасеніе, чтобы кто нибудь изъ рекрутовъ подъ вліяніемъ тоски по родинѣ не вздумалъ бѣжать, что было бы легко сдѣлать, отставши отъ партіи и спрятавшись гдѣ нибудь въ лѣсу или въ оврагѣ, а потому приходилось усилить бдительность конвоя и на всѣхъ роздыхахъ дѣлать переклички.

Между тѣмъ, дни шли за днями, и мы незамѣтно подвигались къ цѣли нашего путешествія. Партія наша должна была прибыть въ Красное Село близъ С.-Петербурга для распредѣленія рекрутовъ въ гренадерскій корпусъ.

Ежели, съ одной стороны, преодолѣвъ всѣ трудности, мнѣ удалось пріучить къ себѣ рекрутовъ, то, съ другой, мнѣ приходилось во время пути бороться съ необразованными и невѣжественными людьми, съ которыми столкновенія по дѣламъ службы становились неизбѣжны. Въ каждомъ уѣздѣ партію провожалъ полуграмотный или вовсе неграмотный сельскій засѣдатель, который, дойдя до границы своего уѣзда, смѣнялся другимъ, и вотъ эти-то лица требовали себѣ денежныхъ подачекъ. Они считали невозможнымъ, чтобы партіонный начальникъ добровольно могъ отказаться отъ безгрѣшныхъ доходовъ, которые состояли въ томъ, что въ расходъ выводилось на перевозку рекрутскаго имущества и на больныхъ и слабыхъ въ пути вдвое и втрое болѣе подводъ, чѣмъ ихъ нанималось на самомъ дѣлѣ, и когда хозяева и помѣщики изъ патріотическаго чувства отказывались въ пользу рекрутовъ отъ полученія кормовыхъ денегъ, то нѣкоторые партіонные начальники прикарманивали эти деньги, выдавая также въ пути рекрутамъ вмѣсто двухъ винныхъ порцій въ недѣлю только одну. Разумѣется, они дѣлились при этомъ своими доходами съ сельскими засѣдателями, свидѣтельствовавшими всѣ статьи расхода въ расходной книгѣ. По прибытіи на мѣсто назначенія книга эта представлялась на ревизію въ ближайшую контрольную палату.

Немало приходилось испытывать мученій въ попутныхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ инвалидные начальники считали своей обя-

занностью дѣлать смотръ партіи и повѣрять наличность денежныхъ суммъ. Помню я одного инвалиднаго начальника, который, провѣряя у меня денежныя суммы, объявилъ мнѣ, что у меня недостаетъ 25 рублей. По счастью я видѣлъ, какъ, провѣряя мои казенныя деньги въ своей квартирѣ, сидя у письменнаго стола, онъ сунулъ къ себѣ подъ бумаги четвертной билетъ. Я тотчасъ же вынулъ его оттуда и, подавая ему деньги, сказалъ, что вѣрно по нечаянности этотъ билетъ замѣшался среди его бумагъ. Инвалидный начальникъ покраснѣлъ и тотчасъ же прекратилъ повѣрку денежныхъ суммъ, но я уже самъ послѣ того пересчиталъ всѣ деньги и, разложивъ ихъ по пакетамъ, запечаталъ сургучемъ его печатью.

Когда наступили іюньскіе жары, чтобы облегчить рекрутамъ тридцативерстные переходы, назначенные по маршруту, я поднималъ свою команду съ утренней зарею, и мы выступали въ походъ по холодку съ пѣснями. Мнѣ удалось сформировать большой хоръ, въ которомъ, кромѣ пѣсенниковъ, были и музыканты, игравшіе на балалайкахъ, на гармоніяхъ, на флейтѣ и на кларнетѣ, и даже были два скрипача. Когда мы приходили на дневки въ богатыя села, то съ помощью нашихъ музыкантовъ, устраивались вечеринки, на которыхъ дѣвушки охотно плясали, и собирался старъ и младъ послушать нашихъ пѣсенниковъ. Въ ненастную погоду послѣ школьныхъ занятій продолжались у насъ чтенія, и теперь уже читали вслухъ сами рекруты, приводя въ умиленіе крестьянъ своимъ искусствомъ. Многіе не вѣрили, что они выучились читать въ какихъ нибудь два съ половиною мѣсяца и притомъ во время похода. Но вотъ наконецъ мы вступили въ златоглавую Москву, эту мать русскихъ городовъ. Здѣсь намъ былъ назначенъ по маршруту четырехдневный роздыхъ и смотръ, который долженъ былъ произвести рекрутамъ командиръ московскаго гарнизоннаго баталіона. Рекрутовъ моихъ помѣстили въ Москвѣ въ Крутицкихъ казармахъ, и, благодаря Бога, вся моя партія была налицо, такъ какъ я нигдѣ не оставилъ ни одного заболѣвшаго въ пути и, имѣя у себя аптечку, лѣчилъ ихъ, насколько возможно. Командиръ баталіона произвелъ смотръ на второй день по прибытіи моей партіи въ Москву и, опросивъ претензію у людей и убѣдившись въ томъ, что они получали винную порцію и все положенное имъ по закону сполна, и что ихъ хорошо продовольствовали въ пути, благодарилъ меня за исправное состояніе партіи и оказалъ мнѣ вниманіе, пригласивъ меня на обѣдъ и познакомивъ со своимъ семействомъ.

Остальные дни нашей стоянки въ Москвѣ мы посвятили осмотру первопрестольной столицы, помолились Богу въ Успенскомъ соборѣ, побывали въ Кремлѣ и въ Грановитой палатѣ и вездѣ, гдѣ только можно было осмотрѣть памятники древнерусской жизни.

Послѣ пѣшаго хожденія въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, слѣдованіе наше въ воинскомъ поѣздѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Петербурга было для насъ истиннымъ удовольствіемъ. Никто изъ моихъ рекрутовъ сроду не видывалъ желѣзной дороги, и устройство ея вызывало неподдѣльный восторгъ со стороны этой славной молодежи. На станціяхъ они разсматривали локомотивъ, ходили вокругъ него и вступали въ разговоръ съ машинистомъ.

— Вотъ такъ лошадка, ребята!—восхищались они.—Ни сѣна, ни овса ей не надо, а только подкладывай ей дровецъ да наливай почаще водицы, и все она будетъ тебѣ бѣжать и никогда не устанетъ.

Во время переѣзда по желѣзной дорогѣ продовольствіе рекрутовъ приняли на себя кормовщики, заказывавшіе обѣдъ и ужинъ по телеграммѣ, отсылаемой мною заранѣе на извѣстную станцію.

Такъ какъ поѣздъ нашъ дѣлалъ не болѣе 25 верстъ въ часъ и на обѣдъ и ужинъ останавливался часа на два, то мы пробыли въ пути отъ Москвы до Петербурга почти трое сутокъ.

Поѣздъ нашъ доставилъ насъ въ Колпино, и отсюда мы совершили еще одинъ переходъ пѣшкомъ до Краснаго Села.

Въ красносельскомъ лагерѣ адьютантъ командира гренадерскаго корпуса объявилъ мнѣ, что черезъ два дня я долженъ представить партію на смотръ государю императору Александру Николаевичу, который въ этотъ же день будетъ смотрѣть еще двѣ роты государственнаго ополченія, предназначенныя въ составъ севастопольскаго гарнизона.

Вѣсть эта меня несказанно обрадовала и вмѣстѣ съ тѣмъ встревожила. Хотя все было у меня въ порядкѣ, но при одной мысли предстать предъ лицомъ нашего обожаемаго монарха становилось на сердцѣ какъ-то и жутко и отрадно.

Но вотъ наступилъ наконецъ и день царскаго смотра, который былъ назначенъ въ 9 часовъ утра. Рекрутовъ приказано было привести на смотръ въ 8 часовъ утра. На одной изъ линеекъ Красносельскаго лагеря на правомъ флангѣ построились, какъ мнѣ помнится, двѣ роты курскаго государственнаго ополченія, а рядомъ съ ними моя рекрутская партія. Ополченцы были въ своихъ полукафтанахъ и въ высокихъ сапогахъ и въ шапкахъ съ золотыми крестами, а рекруты мои въ походной формѣ, т.-е. въ шинеляхъ, имѣя за плечами мягкіе ранцы съ смотровыми вещами. Смотровымъ частямъ была сдѣлана репетиція, отступленія и смыканія шеренгъ, и съ людьми здоровались, чтобы убѣдиться, что они сумѣютъ отвѣчать на привѣтствіе государя императора.

Но вотъ прискакалъ казакъ-конвоецъ съ извѣстіемъ, что ѣдетъ царь, и все моментально смолкло.

— Смирно!—раздалась команда полковника, представлявшаго на смотръ роты ополченцевъ.

Государь императоръ Александръ Николаевичъ подъѣхалъ въ коляскѣ на парѣ вороныхъ лошадей. Какъ сейчасъ вижу я передъ собою это чудное лицо царя-освободителя. Прелестныя черты его лица, его кроткій милостивый взглядъ дышали такою добротою, что страхъ, овладѣвшій мною въ первую минуту при приближеніи государя, моментально исчезъ, и чувство необъятной радости при видѣ дорогого вѣнценосца наполнило мое сердце такимъ горячимъ чувствомъ любви и преданности къ престолу, что я готовъ былъ принести въ жертву царю свою жизнь, ежели бы только она понадобилась государю.

На правомъ флангѣ хоръ военной музыки исполнилъ гимнъ «Боже царя храни», и государь, выйдя изъ коляски въ сопровожденіи дежурнаго генерала, генералъ-адъютанта А. А. Катенина, въ сопровожденіи свиты и штабныхъ офицеровъ, пошелъ по фронту, держа руку подъ козырекъ.

— Здорово, ратники!—привѣтствовалъ государь ополченцевъ.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!—отвѣчали они всѣ, какъ одинъ.

— Здорово, новобранцы! — обратился милостиво государь къ моимъ рекрутамъ.

И рекруты мои такъ дружно привѣтствовали царя, что это былъ крикъ радости, вырвавшійся прямо изъ души.

Принявъ рапорты отъ начальниковъ смотровыхъ частей, государь императоръ скомандовалъ моимъ рекрутамъ стоять вольно и началъ смотръ двумъ ротамъ государственнаго ополченія. Государю шла отлично форма Стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи: русскій полукафтанъ, высокіе сапоги и маленькая шапочка, опушенная барашкомъ и украшенная золотымъ крестомъ. Все это было такъ ново послѣ Николаевскихъ однобортныхъ съ длинными фалдами мундировъ. На смотру присутствовало много посторонней публики и много дамъ, преимущественно офицерскихъ женъ въ лѣтнихъ свѣтлыхъ нарядахъ.

По окончаніи смотра ополченцамъ государь императоръ пропупустилъ мимо себя обѣ роты церемоніальнымъ маршемъ и, наградивъ ихъ царскимъ «спасибо, братцы», произнесъ имъ на прощанье слѣдующія слова: «готовьтесь къ походу и служите вѣрой и правдой, помня пословицу: за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ».

Послѣ того государь приказалъ отпустить ополченцамъ по чаркѣ водки и по двадцати пяти копеекъ на человѣка и отпустилъ ихъ съ миромъ.

Наступило время осмотра партіи, приведенной мною. Выслушавъ мой словесный рапортъ о числѣ представляемыхъ мною на смотръ рекрутовъ и конвойныхъ, государь осчастливилъ меня вопросомъ: «А сколько у васъ бѣжавшихъ и больныхъ въ партіи?»

— Ваше императорское величество,—отвѣчалъ я:—больные были въ пути, но всѣ выздоровѣли, а бѣжавшихъ не было, и всѣ 350 человѣкъ рекрутовъ, принятыхъ мною въ Самарѣ, доставлены сюда къ мѣсту назначенія.

— Какъ! Неужели всѣ здѣсь на смотру?—переспросилъ государь.

— Точно такъ, ваше императорское величество.

— Молодецъ офицеръ! Спасибо за вѣрную службу.

— Радъ стараться, ваше императорское величество, — отвѣтилъ я, тронутый до глубины души милостивою похвалою добраго царя.

Государь тутъ же обратился къ дежурному генералу, генералъ-адъютанту Александру Андреевичу Катенину, съ слѣдующими словами:

— Представьте себѣ, генералъ. C'est le premier detachement de recruts, qui m'a été presenté au complet. Il y manquait toujours quelques hommes. (Это — первая партія рекрутовъ, представленная мнѣ въ полномъ составѣ. Обыкновенно недоставало нѣсколькихъ человѣкъ).

— Какой все крупный народъ! — замѣтилъ государь, осматривая партію.—Я не отдамъ ихъ въ армію: они годятся мнѣ въ гвардію.

И, обратившись къ одному изъ генераловъ, государь сказалъ:

— Надо отдѣлить съ праваго фланга человѣкъ двадцать въ кирасиры и человѣкъ тридцать въ конногвардейцы.

И въ самомъ дѣлѣ у меня было въ строю рекрутовъ пятнадцать человѣкъ 12-ти-вершковыхъ, человѣкъ тридцать 10-ти-вершковыхъ и только на лѣвомъ флангѣ тридцать человѣкъ 7-ми-вершковыхъ. Это были самые маленькіе, а нынче народъ совсѣмъ измельчалъ.

Когда распредѣленіе по полкамъ было сдѣлано, и опрошена была претензія у рекрутовъ, которые отозвались, что они были всѣмъ удовлетворены въ пути и остаются вполнѣ довольны, то государь опять обратился ко мнѣ и милостиво сказалъ:

— Спасибо, партіонный начальникъ, за исправность.

— Радъ стараться, ваше императорское величество,—отвѣтилъ я, и невольная слеза радости скатилась по моей щекѣ. Отъ царской похвалы я почувствовалъ въ себѣ такой подъемъ духа, точно меня произвели въ фельдмаршалы.

Когда государь императоръ, сѣвъ въ коляску съ генералъ-адъютантомъ Катенинымъ, уѣхалъ, провожаемый дружными криками «ура», то рекруты были мною окончательно сданы, и я отправился въ С.-Петербургъ для представленія въ контрольную палату денежной отчетности.

Прошло нѣсколько дней, и я получилъ приказъ явиться въ главный штабъ. Въ первую минуту я нѣсколько встревожился,

полагая, что я сдѣлалъ какую нибудь ошибку, или что у меня была какая нибудь неисправность на смотру у государя.

Надѣвъ мундиръ съ плечевыми погонами и пристегнувъ полусаблю на поясной кожаной портупеѣ (это была новая форма, присвоенная офицерамъ арміи), я отправился въ главный штабъ. Въ пріемной мнѣ пришлось недолго ждать, и вскорѣ меня позвали въ другую комнату, куда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ ко мнѣ дежурный генералъ, генералъ-адъютантъ Катенинъ. Высокій, красивый, вполнѣ бодрый старикъ, убѣленный сѣдинами, Александръ Андреевичъ Катенинъ былъ вполнѣ придворный человѣкъ, какъ по манерѣ, такъ и по походкѣ и по разговору. Все было въ немъ изящно и красиво. Генералъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Государь императоръ остался вполнѣ доволенъ состояніемъ рекрутской партіи, представленной вами вчера на смотръ послѣ продолжительнаго похода въ полномъ составѣ, и всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ наградить васъ не въ зачетъ годовымъ окладомъ жалованья. Поздравляю васъ, прапорщикъ Жакмонъ, и желаю вамъ служить всегда такъ, чтобы государь былъ вами доволенъ.

Я поблагодарилъ генерала, выразивъ при этомъ, что считаю своимъ высшимъ счастіемъ исполненіе долга, которымъ я заслужилъ милостивую похвалу государя.

— Вы получите,—прибавилъ генералъ—деньги изъ казначейства. Я сегодня же сдѣлаю объ этомъ распоряженіе. Пользуясь поверстнымъ срокомъ, установленнымъ для возвращенія къ мѣсту служенія, вы можете отдохнуть въ Петербургѣ двѣ недѣли.

Я поблагодарилъ генерала за оказанное мнѣ вниманіе. Двухнедѣльный отпускъ пришелся мнѣ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ вслѣдъ за мною пріѣхала въ Петербургъ моя мать, начальница Оренбургскаго дѣвичьяго училища, и ей удалось исходатайствовать у императрицы Александры Ѳеодоровны (которой были подчинены всѣ женскія учебныя заведенія вѣдомства императрицы Маріи) переименованіе Оренбургскаго дѣвичьяго училища въ Оренбургскій Николаевскій институтъ съ причисленіемъ его къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ второго разряда.

Все это происходило осенью 1855 года, а въ 1857 году генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ былъ назначенъ оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ вмѣсто графа Василія Алексѣевича Перовскаго.

Жакмонъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. З. СУРИКОВѢ.

ИМЯ симпатичнаго поэта-самоучки Ивана Захаровича Сурикова достаточно извѣстно въ русской литературѣ. При четвертомъ, посмертномъ, изданіи стихотвореній Сурикова имѣется сравнительно полная біографія поэта, написанная теперь тоже покойнымъ Ник. Ал. Соловьевымъ-Несмѣловымъ,—тѣмъ не менѣе, полагаю, не будутъ лишними и мои воспоминанія о покойномъ поэтѣ. Нѣкоторые факты, сообщаемые мною, дадутъ возможность будущему его біографу полнѣе освѣтить личность покойнаго поэта.

Во второй половинѣ 1866 года я поселился на окраинѣ Москвы, близъ Тверской заставы, въ табачной лавочкѣ моихъ родителей. Лавочка была маленькая, товару въ ней было, что называется, на три гроша, слѣдовательно, и покупатель въ ней былъ, особенно по тому далекому времени, тоже грошовый.

Только бывало и слышишь:

— На копейку спичекъ!

— На двѣ копейки махорки!

Къ числу такихъ некрупныхъ моихъ покупателей слѣдуетъ отнести и одного моего сосѣда по лавкѣ, торговца старымъ желѣзомъ и разнымъ тряпьемъ-ветошью. Небольшая лавочка этого сосѣда находилась черезъ два дома отъ лавочки моихъ родителей, и торгашъ-желѣзникъ былъ ежедневнымъ моимъ покупателемъ.

Идетъ, бывало, если дѣло было лѣтомъ, въ длиннополомъ, поношенномъ сюртукѣ, въ поношенной фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ; изъ-подъ фуражки выбиваются густые рыжеватые волоса. Такая же подстриженная борода густо покрывала весноватое съ темносиними жилками лицо. Походка его была, если онъ не спѣшилъ, медлен-

ная, развалистая; руки или заложены сзади, или въ рукава спереди, отчего фигура его всегда казалась сутуловатою. Зимой выцвѣтшій сюртукъ замѣнялся чернымъ, дубленымъ полушубкомъ; ноги обувались въ валенки, прочее оставалось попрежнему.

Войдетъ въ лавочку и привѣтствуетъ:

— Здравствуй, Матюха!

— Здравствуй, Иванъ Захаровичъ,—отвѣчаю я.

Это и былъ Суриковъ.

— Ну-ко, братъ, за три цѣлковыхъ Матвѣевскихъ.

Это была ежедневная порція его курева. Въ то время знаменитыя, трехкопеечныя за десятокъ, папиросы фабрики Матвѣева расходились въ громадномъ количествѣ.

Однимъ изъ покупателей этихъ папиросъ былъ и Иванъ Захаровичъ. Курилъ онъ оригинально, по-своему. Папиросы были замѣчательно крѣпки. Закуритъ онъ, бывало, затянется два-три раза, сброситъ огонь и не докуренную папиросу положитъ снова въ початую пачку. Такимъ образомъ одной папиросы ему хватало на 2—3 и даже 4 раза.

Мнѣ было тогда 14 лѣтъ. Иванъ Захаровичъ былъ слишкомъ на 10 лѣтъ старше меня. Несмотря на такую разницу въ лѣтахъ, отношенія наши на первыхъ же порахъ знакомства стали очень близкими. Не видаться день-два для насъ составляло событіе. Встрѣтится, и слышишь:

— Эй, ты, гусаръ, гдѣ пропадалъ?

Кстати скажу: слово «гусаръ» было излюбленное его слово. Идетъ, бывало, тротуаромъ, фуражка, по обыкновенію, на затылкѣ... На дворѣ весна, какой нибудь малышъ, спустившись съ тротуара, валандается въ водѣ, что протекаетъ канавой. Иванъ Захаровичъ тутъ, какъ тутъ.

— Эй, ты, гусаръ, что дѣлаешь?

И начнется бесѣда.

Нѣсколько минутъ заняться съ ребенкомъ доставляло ему, по его словамъ, большое удовольствіе. Иванъ Захаровичъ собственныхъ дѣтей не имѣлъ и умеръ бездѣтнымъ. Это обстоятельство, можетъ быть, и объясняетъ его особенную любовь къ чужимъ дѣтямъ.

Выкрикнувъ обычную порцію папиросъ, Иванъ Захаровичъ подойдетъ ближе къ прилавку и замѣтивъ, что я читаю что либо, спроситъ:

— Что, читаешь?—повернетъ книжку и сдѣлаетъ соотвѣтствующее замѣчаніе.

— Читалъ,—скажетъ,—ерунда!—или похвалитъ; послѣднее случалось рѣже, ибо выборъ книгъ былъ ограниченный, но и этому ограниченному выбору наша окраина была рада и съ нетерпѣніемъ ждала прихода мѣстнаго просвѣтителя-благодѣтеля, книгоноши Ѳе-

дора Семеновича. Когда же Иванъ Захаровичъ заставалъ меня «за мараньемъ» бумаги, то всегда улыбался и прибавлялъ:

— Марай, братъ, марай!—до чего нибудь и домараешься...

Иванъ Захаровичъ хорошо зналъ о моемъ пристрастіи къ чтенію книжекъ, развившемся у меня еще во время моего житья у хозяина «въ мальчикахъ»; зналъ также о пристрастіи «къ писательству». Это-то, можетъ быть, и было главною причиною нашего съ нимъ сближенія.

Наша окраина въ то время хорошо знала, что Суриковъ пишетъ стихи и печатаетъ ихъ въ журналахъ, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ величала его «сочинителемъ».

— Эй, ты, сочинитель!—бывало ни къ селу, ни къ городу, какъ говорится, броситъ ему какой нибудь плюгавый обыватель.

Иванъ Захаровичъ смѣряетъ его быстрымъ взглядомъ съ головы до ногъ и отвѣтитъ:

— Вѣрно, братъ: сочинитель кислыхъ щей и капусты!—и пойдетъ дальше.

Время шло. Въ 16—17 лѣтъ я былъ высокимъ юношей и казался много старше моихъ лѣтъ, такъ что Сурикова не особенно могло шокировать со дня на день укрѣплявшееся сближеніе его со мною, а что наше сближеніе становилось тѣснѣе и тѣснѣе, въ этомъ я убѣждался съ каждымъ днемъ.

Бесѣды наши уже не ограничивались одной моей лавченкой или его лавкою-складомъ тряпья и желѣза. Собирается, бывало, онъ везти свой хламъ—тряпье и старое желѣзо, къ Сухаревой башнѣ, къ оптовому торговцу Потѣхину, завернетъ ко мнѣ и предваритъ:

— Завтра ѣду къ Сухаревой. Идемъ?

И я устраиваю такъ, что мы отправляемся вмѣстѣ съ Иваномъ Захаровичемъ къ Сухаревой, ибо отъ Потѣхина было два шага до булочника, духовнаго композитора-самоучки, Гер. Гавр. Урусова, который, кромѣ чая, угоститъ насъ игрою на прекрасной фисгармоніи, исполнивъ новыя піесы своего сочиненія.

Въ одно изъ такихъ путешествій возвращаемся мы съ Ив. Зах. зимнимъ вечеромъ домой, при плохомъ того времени освѣщеніи московскихъ улицъ керосиновыми лампочками. Простота нравовъ и патріархальность царили тогда всюду; бдительности и усердія со стороны городовыхъ будочниковъ не было тогда и въ поминѣ,—не то, что теперь.

Вдругъ слышимъ: чистый, сильный теноръ затянулъ:

— «Два лукошка толокна»...

— Ну, насъ встрѣчаютъ... По запаху, знать, учуяли, что ямскіе гуси идутъ!—разсмѣялся Ив. Зах., у котораго, конечно, защекотало авторское самолюбіе, ибо это распѣвалась его пѣсня подъ названіемъ «Толокно», въ то время въ народѣ пользовавшаяся громадной по-

пулярностью. Популяризировалъ Сурикова на этотъ разъ лихачъ-извозчикъ.

Другимъ пунктомъ нашихъ съ Ив. Зах. отлучекъ изъ лавочекъ служилъ Московскій кремль, гдѣ Суриковъ съ своимъ отцомъ состояли въ Вознесенскомъ монастырѣ хоругвеносцами. Одна изъ хоругвей, тамъ имѣющихся, вѣситъ болѣе шести пудовъ и до сего времени считается въ смыслѣ ношенія неотъемлемой собственностью хоругвеносцевъ нашей окраины. Въ числѣ ихъ былъ отецъ Сурикова, Захаръ Адріановичъ, крѣпкій, коренастый старикъ, за шутку считавшій нести такую тяжесть, какъ шестипудовая хоругвь. За нимъ, порою, тягался въ ношеніи этой тяжести и сынъ его, тщедушный, совсѣмъ таки съ заурядными силами. Хожденіе въ крестные ходы всегда сопровождалось изряднымъ пьянствомъ, въ которомъ Ив. Зах. Суриковъ занималъ далеко не послѣднее мѣсто.

Вотъ гдѣ нужно искать начало недуга, отъ котораго впослѣдствіи преждевременно умеръ симпатичный пѣвецъ горя и нужды народной...

Сближенію моему съ Ив. Зах. мои родители не препятствовали, особенно матушка, которая очень хорошо знала всю семью Сурикова. Она, моя мать, до прихода моего отъ хозяина въ собственную лавочку, жила съ ними въ одной квартирѣ и отзывалась о нихъ съ похвалою.

— Марья Николаевна,—жена Ив. Зах.,—очень хорошая женщина,—говаривала моя матушка при всякомъ удобномъ случаѣ.—А Ив. Зах., этотъ очень ужъ чудакъ!... Когда мы жили въ одной съ ними квартирѣ, я долго не знала его хорошенько. Бывало, запрутъ они лавочку рано; рано и улягутся спать. Но огонь у нихъ долго, долго бывало горитъ. Сначала я, грѣшница, все думала, что это онъ вшей ищетъ... Торгуютъ тряпьемъ, дѣло грязное, все можетъ быть... И ужъ потомъ узнала, что это онъ сидѣлъ и «сучинялъ»...

«Сочинительство» Ив. Зах. оказалось заразительнымъ. Многіе изъ сосѣдей пробовали, глядя на него, обнажать свои перья и марать бумагу. Особенно послѣ того, какъ было напечатано въ «Развлеченіи» его произведеніе «Погорѣлецъ», носившее обличительный характеръ. Въ произведеніи этомъ, написанномъ стихами, нѣчто въ родѣ пародіи на Никитинскаго «Старосту», былъ очерченъ тузъ-купецъ, «пострадавшій» отъ пожара,—фактъ имѣлъ мѣсто въ нашей улицѣ, въ самой срединѣ нашихъ съ Суриковымъ лавокъ.

Но «обнаженье» перьевъ и маранье бумаги, конечно, въ результатѣ кончились ничѣмъ, если не считать двоихъ сосѣдей, молодыхъ людей, пошедшихъ не много далѣе другихъ. Напротивъ моей лавочки былъ домъ Карманова, сынъ котораго, Алексѣй Михайловичъ, былъ рьяный поклонникъ Ив. Зах. и довольно часто затаскивалъ Сурикова и меня съ нимъ къ себѣ, въ ихъ собственный кабакъ, гдѣ и прочитывалъ ему чепуху, которую онъ, Карма-

новъ, въ простотѣ сердечной называлъ стихами... Другой сосѣдъ, тоже сынъ домовладѣльца, Лопашевъ, не входя въ личное знакомство съ Суриковымъ, разрѣшился сразу драмой подъ трескучимъ названіемъ: «Всему виной пожаръ». Драма была отпечатана въ видѣ тощей брошюрки на средства самого автора, и все изданіе, конечно, осталось на рукахъ творца, для его личнаго утѣшенія... А такихъ, которые просто марали бумагу, было столько, что и не сочтешь...

Періодическія изданія того времени, особенно въ Москвѣ, выходили въ самомъ ограниченномъ числѣ. Поэтому нисколько не удивительно, что «Развлеченіе», вдобавокъ еще носившее обличительный характеръ, пользовалось громадной популярностью въ народѣ, едва, едва начинавшемъ знакомиться съ грамотой.

Ив. Зах. въ этомъ журналѣ началъ печататься почти единовременно съ петербургскимъ журналомъ «Воскресный Досугъ», что надо отнести приблизительно къ 1862 г., и имя его читающей публикѣ было достаточно знакомо. А вышепоименованный «Погорѣлецъ» окончательно сдѣлалъ его популярнымъ для всей нашей окраины.

— Какъ онъ, этотъ самый Суриковъ, ловко отдѣлалъ толстобрюхаго И., такъ страсть! — часто слышались тогда похвалы по адресу Ив. Зах., хотя въ «Погорѣльцѣ» былъ обрисованъ типъ собирательный. Но по пословицѣ: «виноватому только кнутъ покажи, онъ узнаетъ, въ чемъ дѣло»... Такъ и погорѣвшему И., сосѣду нашему, достаточно было Суриковскаго стихотворенія, чтобъ увидать въ немъ, какъ въ зеркалѣ, самого себя...

Прошло еще два-три года. Кое-гдѣ были напечатаны мои первыя стихотворенія, а вскорѣ я сталъ очень часто появляться въ «Развлеченіи», но уже не съ стихами, а съ прозаическими произведеніями, и съ этого времени мы съ Ив. Зах. были застрахованы отъ нападеній нашей улицы. Боязнь быть «обличеннымъ» держала лицъ, имѣвшихъ рыльце въ пушку, въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, а порядочные люди, конечно, не глумились надъ тѣми, которые что-то и какъ-то сочиняли. А отъ болѣе назойливыхъ Суриковъ въ шутку сталъ даже, какъ говорится, «отмахиваться».

— А вотъ, я скажу Матюхѣ,—т.-е. мнѣ,—онъ тебя, друга милаго, живо приведетъ въ православіе...

Печатаясь въ «Развлеченіи», мы съ Ив. Зах. попрежнему не забывали и тѣхъ петербургскихъ изданій, которыя такъ любезно пріютили, въ числѣ нѣкоторыхъ изъ самоучекъ, и насъ съ Суриковымъ. Изданія эти были: вышепоименованный «Воскресный Досугъ» и «Иллюстрированная Газета». Послѣдняя выходила въ болѣе увеличенномъ форматѣ сравнительно съ первымъ, и матеріалъ помѣщался тамъ почище и получше, хотя оба изданія принадлежали одному и тому же лицу—г. Бауману, и выходили подъ редакціей одного и того же лица—Влад. Раф. Зотова. Послѣднему

лица, вышедшія изъ народа, пристрастившіяся къ писательству и носившія титулъ—«писатель-самоучка», много обязаны. Онъ особенно любовно относился къ всякому литературному начинанію, какъ бы скромно и ограниченно оно ни было...

Оба изданія г. Баумана мы съ Ив. Зах., какъ сотрудники, конечно, получали. Не многимъ позднѣе моего появленія на страницахъ этихъ изданій въ одно, какъ принято выражаться, прекрасное утро появилось стихотвореніе «Похороны», подписинное «И. Родіоновъ». Вышелъ № изданія въ началѣ зимы. По этому поводу Ив. Зах. не преминулъ сострить, что съ нимъ бывало не часто.

— Смотри, Матюха,—онъ всегда меня звалъ такъ,—еще какой-то новичекъ на салазкахъ выѣхалъ... Значитъ, дай Богъ, чтобъ зима подольше постояла...

А къ веснѣ, «выѣхавшій» на салазкахъ по зимнему пути, авторъ стихотворенія явился къ Ив. Зах. Это былъ Ив. Дм. Родіоновъ, человѣкъ небольшого роста, немного старше меня лѣтами, съ смугловатымъ лицомъ, на которомъ глубоко посаженные глаза свѣтились ласкою и любовью. Родіоновъ, какъ оказалось, служилъ артельщикомъ въ «Росс. общ. транспортированія кладей», главная контора котораго помѣщалась, да, кажется, и сейчасъ помѣщается тамъ же: въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

— Ну, вотъ и отлично! Значитъ, нашего полку прибыло!—весело привѣтствовалъ Ив. Зах. появленіе новаго собрата по оружію—перу.

Съ этого времени рѣдкій праздникъ проходилъ, чтобъ Родіоновъ не являлся къ намъ съ Суриковымъ. Время проводилось нами всегда въ такихъ случаяхъ въ одномъ изъ трактировъ нашей окраины, завсегдатаи котораго, конечно, знали всѣхъ насъ прекрасно и всегда привѣтствовали нашъ входъ обычнымъ:

— Сочинители идутъ!

А Иванъ Захаровичъ, по обыкновенію, сейчасъ добавлялъ свою излюбленную фразу:

— Сочинители квасу и кислыхъ щей!

И празднымъ языкамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ умолкать, а порою перешептываться, при чемъ на разные лады слышалось: «Развлеченіе», въ «Развлеченіи» и т. д. Бесѣды наши въ трактирѣ тянулись по нѣскольку часовъ. Здѣсь читалось все новое, что было написано кѣмъ либо за минувшее время. Здѣсь появлялась иногда и новая книжка какого либо толстаго журнала, и прочитывалось то, что представлялось особенно интереснымъ, особенно выдающимся. Книжка обыкновенно добывалась изъ библіотеки и по прочтеніи возвращалась обратно.

Очень рѣдко появлялся въ наши «собранія» Дмитрій Егоровичъ Жаровъ, жившій въ Москвѣ: мы съ Суриковымъ знали его по тѣмъ же Баумановскимъ изданіямъ, но онъ, благодаря сво-

ему необщительному характеру, не подходилъ, какъ выражался Иванъ Захаровичъ, «подъ шерсть»... Наоборотъ, если кто подходилъ подъ шерсть къ намъ, такъ это Ал. Ер. Разореновъ, старый писатель-самоучка, авторъ еще въ пятидесятыхъ годахъ распѣвавшейся, извѣстной пѣсни—«Не брани меня, родная», жившій у Страстнаго монастыря и торговавшій за свой счетъ въ маленькой мелочной лавочкѣ. Но онъ насъ за недосугомъ совсѣмъ почти не навѣщалъ,—мы же къ нему, наоборотъ, являлись «цѣлой оравой», изрѣдка, конечно, не желая быть въ тягость. Разореновъ и въ то уже время былъ старикомъ, но юношескій пылъ горѣлъ въ немъ до самой смерти, а умеръ онъ на 71-мъ году своей жизни, въ январѣ мѣсяцѣ 1891 года.

По тѣмъ же изданіямъ Баумана мы знали, что, кромѣ насъ, московскихъ «сочинителей квасу и кислой капусты», на бѣломъ свѣтѣ существуетъ еще немало лицъ, подвергнутыхъ этой страсти, этому недугу...

Это обстоятельство подало Ивану Захаровичу мысль собрать раскидавшихся по бѣлу свѣту «писателей-самоучекъ» и издать въ одномъ общемъ сборникѣ, куда бы могли войти, кромѣ стихотвореній, и прозаическія произведенія.

Мысль эту сейчасъ же по ея возникновеніи стали приводить въ исполненіе; этому главнымъ образомъ много помогло предстоящее открытіе всероссійской выставки, на которую Иванъ Захаровичъ возлагалъ большія надежды.

— Народу понаѣдетъ много, и сборникъ нашъ растащатъ живо!—фантазировалъ онъ.

И работа закипѣла!

Появились публикаціи, сначала безплатныя въ журналахъ Баумана, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ. Публикаціи вѣщали, что, молъ, предполагается издать сборникъ «Разсвѣтъ», состоящій изъ произведеній, исключительно принадлежащихъ перу писателей-самоучекъ, которые и приглашаются къ сотрудничеству. Письма просятъ адресовать на имя Н. П. Елизарова, въ Москву, туда-то.

Николай Павловичъ Елизаровъ былъ нашъ общій знакомый, тоже самоучка... частный повѣренный изъ торговцевъ—мясниковъ, и къ писательству никакихъ касательствъ не имѣлъ, но быть ширмою» въ затѣваемомъ изданіи изъявилъ согласіе.

Прошло немного времени, и корреспонденціи полетѣли со всѣхъ концовъ Россіи. Матеріала получалась масса, а результатъ оказывался плачевный: не очень много понимали и сами будущіе издатели сборника, но, тѣмъ не менѣе, останавливаться было почти не надъ чѣмъ, за исключеніемъ лицъ, извѣстныхъ намъ по произведеніямъ, печатавшимся въ изданіяхъ Баумана. Но ихъ было такъ мало: С. Я. Деруновъ, С. А. Григорьевъ, И. Е. Тарусинъ, до этого

много печатавшійся въ изданіяхъ Баумана, но ко времени изданія сборника бывшій уже больнымъ, полупараличнымъ человѣкомъ. Изъ новыхъ лицъ, пригодныхъ для изданія, оказалось человѣка 2—3, да и то съ значительными измѣненіями и поправками.

Дѣло предполагаемаго изданія велось такъ: Николай Павловичъ Елизаровъ получалъ корреспонденцію и не распечатывая передавалъ ее Ивану Захаровичу. Этотъ вскрывалъ и на стихахъ клалъ резолюцію, а прозу передавалъ для прочтенія мнѣ, а затѣмъ и самые отвѣты нашимъ корреспондентамъ лежали также на моей обязанности.

Почему это? Во-первыхъ, вѣроятно, потому, что Суриковъ хотѣлъ быть до конца изданія «подъ спудомъ», не извѣстнымъ по изданію лицомъ, а, во-вторыхъ, изъ всѣхъ «издателей» мало-мальски, кое-какъ ладилъ съ буквою *ѣ* исключительно одинъ я. Елизаровъ былъ совершенно безграмотный человѣкъ,—это частный-то повѣренный!.. Иванъ Захаровичъ всегда въ то время носилъ за пазухой, въ бумажникѣ, маленькую брошюрку—руководство-указатель къ постановкѣ буквы ѣ; а Иванъ Дмитріевичъ Родіоновъ, такъ тотъ даже вначалѣ похвалялся своей безграмотностью и при этомъ всегда выставлялъ намъ примѣръ А. В. Кольцова... Но когда получилъ два-три редакціонныхъ замѣчанія, что, дескать, надо прежде всего выучиться грамотѣ, а потомъ писать стихи, то сталъ относиться къ себѣ въ этомъ отношеніи построже...

Какъ бы тамъ ни было, а сборникъ «пекся» и пекся скоро, спѣшно,—опять таки было желаніе поспѣть къ выставкѣ. Изданіе предполагалось на артельныхъ началахъ: по десяти рублей съ лица, участвующаго въ сборникѣ, въ какомъ бы то ни было количествѣ строкъ... О будущихъ барышахъ, конечно, никто не заикался.

Въ маѣ 1872 г. открылась всероссійская выставка, а къ этому времени «выѣхалъ» и нашъ сборникъ «Разсвѣтъ». Число авторовъ, участвовавшихъ въ немъ, получилось очень ограниченное, поэтому нѣкоторые изъ нихъ выступили, въ видахъ увеличенія числа именъ, подъ псевдонимами. А именно Суриковъ подъ нѣкоторыми вещами подписалъ—«Новоселовъ», Родіоновъ—«Евсеевъ», я—«Крюковъ».

Выходъ сборника былъ встрѣченъ въ 2—3-хъ изданіяхъ сочувственно, а затѣмъ—наградили его косымъ взглядомъ и раздѣлали «подъ орѣхъ»... Дескать, тоже суются съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ... И злосчастный «Разсвѣтъ» вмѣсто того, чтобъ быть «расхватаннымъ», какъ ожидалъ Ив. Зах.,—«сѣлъ» и полнымъ изданіемъ былъ проданъ одному изъ букинистовъ того времени Н. П. Б—ву. Матеріально больше всѣхъ, конечно, пострадалъ Ив. Зах. Объ изданіи же второго выпуска «Разсвѣта», какъ о томъ говорилось въ предисловіи къ книгѣ, разумѣется, нечего было и думать... Если изданіе сборника «Разсвѣтъ» принесло, какъ его иниціатору, такъ равно и намъ, соиздателямъ, матеріальную непріятность, убытокъ,—

за то всѣ мы, съ Суриковымъ во главѣ, были удовлетворены нравственно. Лица, печатавшіяся въ изданіяхъ Баумана, благодаря перепискѣ по изданію сборника, ознакомились съ нами скоро, сначала письменно, а затѣмъ и лично. Такъ, С. Я. Деруновъ, житель Пошехонья, пріѣзжавшій на выставку въ Москву въ качествѣ экспонента, около полумѣсяца прожилъ у меня въ домѣ. С. А. Григорьевъ, по рожденію пермякъ, около 1873 г. пріѣхалъ на жительство въ Москву и первое время пребывалъ у Ив. Зах. Къ этому же времени относится и наше знакомство съ недавно умершимъ біографомъ Ив. Зах.—Ник. Ал. Соловьевымъ-Несмѣловымъ, съ начала «набѣгомъ» пріѣзжавшимъ два—три раза въ Москву, а затѣмъ и подолгу жившимъ въ ней. Второе изданіе стихотвореній Сурикова [1]), отпечатанное имъ въ 1875 г. на половинныхъ издержкахъ съ однимъ метранпажемъ типографіи, К—вымъ, было обозначено: «изданіе Н. А. Соловьева-Несмѣлова».

Черезъ два-три года послѣ этого Ив. Зах. окончательно былъ потерянъ для страницъ «Развлеченія», Бaумановскихъ изданій и народнаго журнала «Грамотей»,—послѣдній онъ особенно любилъ,— и сталъ печататься въ «Дѣтскомъ Чтеніи», «Дѣлѣ», а затѣмъ и въ «Вѣстникѣ Европы». Въ толстые журналы Суриковъ долго не рѣшался направлять свои произведенія изъ постоянной боязни своего «дегтярнаго запаха», какъ всегда говаривалъ онъ. Помню, приходитъ онъ разъ ко мнѣ съ книжкою журнала «Дѣло» и, горько улыбаясь, говоритъ:

— Смотри, Матюха, какъ боятся пускать насъ въ дегтярныхъ-то сапогахъ... Жалѣютъ, что ковры запачкаемъ...

Оказалось: журналъ «Дѣло», печатая его первое стихотвореніе, кажется, «Въ полѣ», фамилію автора скрылъ подъ иниціалами «И. З. С.». Но это было только на первый разъ; иниціалы смѣнились полной фамиліей Ив. Зах., и на страницахъ «толстыхъ» журналовъ чаще и чаще стали появляться его произведенія.

Къ этому времени относится появленіе въ журналѣ проф. Вагнера «Свѣтъ» большой обстоятельной статьи «Чуткіе люди», матеріаломъ для которой послужилъ Суриковъ,—съ приложеніемъ хорошо исполненнаго портрета. Авторомъ статьи былъ Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, впослѣдствіи біографъ Ивана Захаровича.

Популярность Сурикова росла, а вмѣстѣ съ ней росъ и тяжелый недугъ—болѣзнь, которой суждено было въ самомъ недалекомъ будущемъ свести поэта въ могилу. Покашливалъ Ив. Зах. давненько; и на покашливанье это давно бы слѣдовало обратить

---

[1]) Первое изданіе стихотв. Ив. Зах. Сурикова принадлежало ему самому, напечатано было въ Москвѣ въ 1871 г. и прошло мало замѣченнымъ, несмотря на то, что въ изданіи Баумана была помѣщена очень обстоятельная статья о Суриковѣ и напечатанъ его портретъ, гдѣ онъ былъ изображенъ въ дубленомъ полушубкѣ.

надлежащее вниманіе, но русское авось было виною одной половины невнимательности къ самому себѣ со стороны Ив. Зах., а вторая половина значительно пополняла первую: онъ изрѣдка «вспоминалъ старину» и дѣлалъ «проскачку», т.-е. выпивалъ. Придетъ, бывало, порою ко мнѣ въ лавочку. Глаза влажны; лицо искривлено какой-то непріятной улыбкой, въ рукѣ полузакушенное яблоко—единственная закуска, когда онъ дѣлалъ «проскачку».

— Пойдемъ, Матюха, разгуляемся и поговоримъ о «горькихъ истинахъ»,—всегда, бывало, начинаетъ онъ по своемъ приходѣ.

«Проскачки» и «высказыванье горькихъ истинъ», всегда шли рука объ руку.

Выходили мы съ Ив. Зах. изъ лавки и всегда въ такихъ случаяхъ шли за городъ: всего было нѣсколько шаговъ. Начиналось высказыванье горькихъ истинъ, т.-е. высказыванье Суриковымъ недовольства на все окружающее, особенно на домашнія его неурядицы. Хотя вся семья Ив. Зах. состояла только изъ четырехъ-пяти лицъ: его самого, жены, отца, шурина, свояченицы,—брата и сестры его жены,—послѣдняя, впрочемъ, рано умерла,—тѣмъ не менѣе неурядицъ было немало. Неурядицы эти происходили всегда между отцомъ и шуриномъ Ив. Зах., которые никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не могли между собою ужиться. Споры этихъ лицъ всегда заканчивались тѣмъ, что Сурикову «попадала шлея подъ хвостъ», т.-е. онъ запивалъ на нѣсколько дней, чѣмъ какъ будто бы усмирялъ «расходившихся» родителей, а вмѣстѣ съ этимъ «доканывалъ» и самого себя.

Выходили мы съ Ив. Зах. за городъ и по насыпи камеръ-коллежскаго вала прогуливали по часу, по два, въ продолженіе которыхъ «высказываніе горькихъ истинъ» доходило до того, что Суриковъ иногда плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ, и заканчивалось всегда тѣмъ, что мы заходили въ одинъ изъ трактировъ, и тамъ онъ снова искалъ «утѣшенія», выпивалъ стаканчикъ-другой и закусывалъ тѣмъ же кусочкомъ яблока, который неизбѣжно сопутствовалъ ему во все время прогулки.

Выпивалъ онъ въ тѣ времена немного, стаканчиками, но было время,—я не засталъ этого несчастнаго времени,—когда онъ, по его словамъ, пилъ много и огромными пріемами—«ковшомъ»...

Выше я уже сказалъ, что причина пріобрѣтенія злого недуга—чахотки, отъ которой преждевременно слегъ въ могилу Ив. Зах., должна исходить именно изъ этихъ двухъ золъ: ношенія такихъ непосильныхъ тяжестей, какъ шестипудовая хоругвь, и прибѣганія къ извѣстному печальному утѣшенію... Теперь же, говоря о размѣрахъ пріема этихъ утѣшеній, я снова подтверждаю мое предположеніе, да, полагаю, и читатель вполнѣ съ этимъ согласится.

Такъ или иначе, а здоровье Ив. Зах. все болѣе и болѣе расшатывалось. Начались учащенные визиты къ докторамъ, а отъ

нихъ, конечно, слѣдовало одно за другимъ ограниченіе того, къ чему привычка образовалась годами.

Главное запрещеніе — не прибѣгать къ «высказыванію горькихъ истинъ», онъ безпрекословно и сразу исполнилъ; но куреніе знаменитыхъ матвѣевскихъ папиросъ долго не могъ оставить; долго не могъ даже замѣнить ихъ, по совѣту докторовъ, лучшими сортами табаку. Въ концѣ концовъ, не задолго уже до смерти онъ курилъ понемногу болѣе высокій сортъ и при этомъ всегда иронизировалъ:

— Смотри, Матюха, какую роскошь пришлось допустить себѣ!..

Въ это время я попрежнему продолжалъ сотрудничать въ «Развлеченіи». Однажды получаю я письмо отъ Ѳед. Богд. Миллера, тогдашняго редактора-издателя и даже основателя журнала. Писалъ онъ мнѣ, что я, живя у Тверской заставы, конечно, знаю Ив. Зах. Сурикова, который также живетъ въ этой мѣстности. «Такъ повидайте его,—писалъ далѣе Ѳед. Богд.,—и предложите, не хочетъ ли онъ быть членомъ-сотрудникомъ «Общества любителей россійской словесности». Я бы его предложилъ, а въ результатѣ выборовъ не сомнѣваюсь»...—заканчивалъ письмо вѣчной памяти, достойный, славный, отзывчивый человѣкъ, какимъ былъ всю жизнь Ѳед. Богд. Миллеръ.

Я, разумѣется, сейчасъ же пошелъ съ письмомъ къ Ив. Зах. Встрѣтилъ онъ это обстоятельство и радостно и въ то же время печально улыбнулся.

— Вотъ, видишь, Матюха, я умирать сбираюсь, а тутъ слава идетъ навстрѣчу...

Какъ бы тамъ ни было, а слава къ нему пришла. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ив. Зах. былъ избранъ въ вышесказанное общество членомъ, но не сотрудникомъ, какъ предполагалъ Миллеръ, а дѣйствительнымъ.

Какъ сейчасъ, живо помню я первый дебютъ Ив. Зах. въ этомъ обществѣ. На одномъ изъ публичныхъ его засѣданій Суриковъ, одѣтый противъ обыкновенія франтомъ, читалъ своего въ то время только что написаннаго имъ «Василько».

Дебютировалъ онъ, конечно, съ страшной робостью, и голосъ его едва былъ слышенъ. Да и нельзя было не чувствовать робости, ибо онъ, простой ярославскій мужикъ,—къ слову сказать, всегда любившій говорить съ удареніемъ на о,—сразу очутился въ такой средѣ, гдѣ невольно чувствовалось не по себѣ. Его окружали такія имена,—насколько мнѣ помнится, — какъ Вл. С. Соловьевъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Н. А. Чаевъ, Н. С. Тихонравовъ и многіе «славные» того времени. Самъ виновникъ избранія Сурикова въ члены общества, Ѳ. Б. Миллеръ, состоялъ секретаремъ общества.

Съ этого времени Ив. Зах. особенно близко сошелся съ однимъ изъ вышепоименованныхъ лицъ, Н. А. Чаевымъ, у котораго не рѣдко бывалъ въ его роскошной, казенной квартирѣ, захватывая по временамъ и меня съ собою.

Новыя интеллигентныя знакомства, все болѣе увеличивающіяся проявленія болѣзни невольно заставляли Ив. Зах. подумывать о пріисканіи какого либо, если не совсѣмъ интеллигентнаго, то хотя бы сносно чистаго труда.

Предположеній было много, и имѣлась въ виду одна библіотека, передававшаяся совсѣмъ на ходу; небольшой книжный магазинчикъ на тѣхъ же условіяхъ и, наконецъ, покупка права изданія маленькаго сатирическаго журнала «Маляръ», издававшагося въ Петербургѣ. На этомъ предпріятіи особенно долго останавливался Суриковъ, но и оно пошло точно такъ же, какъ и предшествовавшія ему,—на смарку. Всякое новое предпріятіе ужасно пугало Ив. Зах.

— А, ну, какъ не пойдетъ дѣло? Тогда принимайся опять за мусоръ съ тряпьемъ да за угольные кулья... По пробитой-то дорогѣ какъ-то покойнѣе идется...

И это: «а, ну, какъ», въ шутку такъ и оставалось за Суриковымъ до самой смерти. Начнетъ онъ, бывало, фантазировать о перемѣнѣ своего дѣла на какое нибудь иное занятіе, а кто нибудь изъ друзей сейчасъ ему въ шутку и замѣтитъ:

— А, ну, какъ...

Ив. Зах. засмѣется, махнетъ рукой и промолвитъ:

— И правда: надо держаться за старое гнѣздо, кормитъ оно, и ладно...

Такъ изъ стараго гнѣзда и не выбился Суриковъ до самой смерти. Конечно, не подлежало ни малѣйшему спору, что торговля его была обставлена крайне грязно, а, слѣдовательно, при развивавшейся все болѣе и болѣе болѣзни это вліяло разрушительно; но, съ другой стороны, торговля эта давала ему вполнѣ обезпеченный кусокъ хлѣба. Въ пору болѣзненнаго состоянія Ив. Зах. имѣлъ на арендованной землѣ хорошенькій домикъ, который дала ему торговля, и который вполнѣ гарантировалъ существованіе его съ семьей.

Боязнь въ новыхъ предпріятіяхъ потерять благопріобрѣтенное и заставляла его относиться ко многому скептически и часто прибѣгать къ излюбленному:

— «А, ну, какъ»...

Ко всему этому нужно еще прибавить и то, что Ив. Зах. былъ, мало сказать, бережливъ, онъ былъ скупъ... Впрочемъ эта скупость не мѣшала ему быть иногда по-своему и щедрымъ. Онъ не могъ хладнокровно глядѣть на нищету. Появляется, бывало, какой нибудь знакомый, а иногда и совершенно незнакомый бѣднякъ.

— Какъ же,—скажетъ Ив. Зах.,—надо помочь...

И помогалъ.

Нельзя пройти молчаніемъ и такой благородной черты, проходившей въ немъ очень видной нитью: это—отыскивать въ человѣкѣ, насколько бы онъ грязенъ ни былъ, свѣтлыя стороны, и при этомъ онъ всегда съ уваженіемъ вспоминалъ Бретъ-Гарта, какъ извѣстно, отыскивавшаго свѣтлыя проявленія въ самыхъ подонкахъ человѣчества.

Полагаю, что слѣдующія строки изъ письма ко мнѣ достаточно иллюстрируютъ вышесказанныя слова мои:

«... Есть люди,
Что въ небѣ видятъ все такъ ясно,
И въ землю смотрятъ такъ глубоко;
Но, не имѣя сердца, въ сердце
Ихъ никогда не взглянетъ око...

«Но ты этимъ людямъ не слѣдуй»... и т. д.

1875—1876 годы на Суриковѣ сказались особенно тяжело. «Высказываніе горькихъ истинъ» было прекращено окончательно. Развивавшійся катаръ желудка сталъ сказываться особенно замѣтно. А небрежность, съ которою онъ относился къ болѣзненнымъ проявленіямъ, особенно способствовала быстрому развитію болѣзни.

— Ты бы, Иванъ Захаровичъ, болѣзнью-то посерьезнѣе занялся,—скажетъ, бывало, кто нибудь изъ друзей или знакомыхъ.

— А ну ее къ Богу! Все равно умирать-то!

Это былъ его излюбленный отвѣтъ.

— Однако, жаль,—добавитъ онъ, бывало:—вотъ доктора не велятъ «высказывать горькихъ истинъ».

Мало обращая вниманія на болѣзненныя проявленія, Иванъ Захаровичъ часто любилъ повторять стихотвореніе И. С. Никитина: «Вырыта заступомъ яма глубокая»...

— Видишь,—скажетъ, бывало, Иванъ Захаровичъ,—Никитинъ говоритъ:

«Убыль его никому не больна,
«Память о немъ никому не нужна»...

— Такъ о чемъ же и толковать?—какъ-то особенно грустно добавитъ онъ и постарается разговоръ свернуть на другую тему.

1877—1879 годы, хотя и особенно болѣзненные, были, однако, лучшими годами литературной дѣятельности Ивана Захаровича. Въ этотъ періодъ времени много хорошихъ вещей создано имъ. Но это ужъ дѣло критики.

Здоровье Сурикова расшатывалось все болѣе и болѣе; даже онъ самъ какъ будто пересталъ вѣрить въ излюбленную имъ фразу: «А ну ее къ Богу!.. Все равно умирать-то!» и сталъ прибѣгать, по возможности чаще, къ помощи медицины. Пришлось совершить двѣ поѣздки въ Самарскія степи для пользованія кумысомъ, а за-

тѣмъ отправиться и въ Крымъ. Во время послѣдней поѣздки онъ уже самъ сознавалъ свою безнадежность.

Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ изъ Ялты, отъ 19-го сентября 1879 года:

«Здоровье мое какъ будто бы немного стало лучше, дышится легче, а все-таки и по освидѣтельствованіи здѣшнихъ докторовъ— Богословскаго и Дмитріева, нашлось то же, что находилъ Соломка и другіе доктора московскіе, что мое правое легкое совсѣмъ тю-тю!»...

Воображаю, каково было писать человѣку почти о своемъ собственномъ смертномъ приговорѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ безнадежнѣе становилось его здоровье. Отъ 8-го октября онъ уже пишетъ еще грустнѣе. Описывая морскія купанья, онъ съ грустью вспоминаетъ наше съ нимъ путешествіе по Волгѣ, три-четыре года передъ этимъ бывшее, купанье въ ней и заканчиваетъ такъ: «Увы, душа моя, для меня все это теперь миновало, и мнѣ ужъ больше не купаться!»... Сколько грусти, безысходной грусти слышится въ этомъ послѣднемъ: не купаться!..

Передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Ялты я получилъ послѣднее письмо отъ него отъ 9-го ноября, въ которомъ уже встрѣчаются такія строки: «положеніе скверное, и впереди лучшаго не чается... упадокъ силъ у меня страшный»... Далѣе: «ялтинскіе доктора не совѣтуютъ мнѣ возвращаться на зиму въ Москву, иначе къ веснѣ со мною можетъ быть очень, очень, очень плохо»...

И сбылось по слову его.

Зимой 1879 году онъ вернулся въ Москву, а весною, 24-го апрѣля 1880 года, его не стало...

Миръ праху твоему, добрый учитель и товарищъ мой, Иванъ Захаровичъ!..

М. А. Козыревъ.

ДИПЛОМАТЪ-ПРОПОВѢДНИКЪ.

РОДЪ Заремба въ царствѣ Польскомъ извѣстенъ уже съ VIII в., когда въ числѣ восьми воеводъ, правившихъ Польшею, встрѣчается представитель этой фамиліи. При королѣ Болеславѣ I Гедеонъ Заремба оказался въ большой чести, дальнѣйшія поколѣнія рода дали римско-католической церкви многочисленныхъ іерарховъ, а государственныя заслуги доставили Зарембамъ титулъ графовъ Священной Римской имперіи.

Одна изъ вѣтвей гр. Заремба, принявшая кальвинистское вѣроисповѣданіе, преимущественно посвятила себя ратному дѣлу и въ числѣ прочихъ героевъ насчитываетъ генерала Фридриха Великаго и кавалера звѣзды Чернаго Орла.

Къ этой же отрасли принадлежалъ Янъ-Самуилъ Заремба, который, начавъ службу въ прусской арміи, подвизался затѣмъ въ рядахъ гатчинцевъ, былъ адъютантомъ цесаревича Павла Петровича, принималъ участіе въ Итальянскомъ походѣ 1797 г., вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника и, женатый на Львовой, поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, Оцупинъ, близъ Полоцка.

Младшій братъ его, Мартынъ, дослужившись въ русской арміи до чина ротмистра Кирасирскаго полка и выйдя въ отставку, поселился въ родовомъ своемъ имѣніи близъ Новогрудка и былъ дважды женатъ—въ первомъ бракѣ на графинѣ Софіи Красинской, а во второмъ на г-жѣ фонъ-Оттенгаузенъ.

Отъ перваго брака ротмистра Зарембы съ графинею Красинскою и произошелъ 15-го марта 1794 года герой настоящаго разсказа, Фелиціанъ-Мартынъ.

Въ раннемъ возрастѣ мальчикъ былъ ввѣренъ попеченіямъ пастора реформатской церкви въ Вильнѣ Лабовскаго, а по смерти отца, въ 1803 году, поселился въ Полоцкой губерніи у дяди. Полковникъ Заремба позаботился дать племяннику весьма тщательное воспитаніе подъ руководствомъ уже снискавшаго въ Польшѣ извѣстность домашняго наставника Видергольда. Благодаря дядѣ, юный Заремба сталъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ генерала Львова, подвизавшагося въ царствованіе Екатерины II на дипломатическомъ поприщѣ. Въ сосѣднемъ Оцупину помѣстьѣ Львовыхъ Фелиціанъ гащивалъ подолгу и, съ раннихъ лѣтъ владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ языками, пристрастился къ чтенію, найдя обильную умственную пищу въ богатой деревенской библіотекѣ Львова.

Вначалѣ полковникъ Заремба, возлагая все честолюбіе на племянника и находя въ немъ незаурядныя математическія способности, собирался опредѣлить Фелиціана въ С.-Петербургскій Пажескій корпусъ, чтобы обезпечить ему дальнѣйшую военно-ученую карьеру (по инженерной части), но хрупкое здоровье юноши натолкнуло заботливаго опекуна на новый планъ — сдѣлать изъ него дипломата.

Поклонникъ нѣмецкой умственной культуры, Я. С. Заремба пристроилъ своего питомца въ 1810 году въ Дерптъ; пройдя чрезъ старшіе классы гимназіи, Фелиціанъ поступилъ въ университетъ для изученія классической филологіи и государственныхъ наукъ. По окончаніи Дерптскаго университета въ 1815 г. молодой Заремба мечталъ о дальнѣйшихъ ученыхъ занятіяхъ въ Берлинѣ, Іенѣ и Гёттингенѣ, но дядя сумѣлъ отговорить его не отрываться отъ родной почвы; по настояніямъ полковника, Фелиціанъ Заремба переселился въ Москву и вращался здѣсь въ кружкѣ знати, куда ему открыла доступъ родственная семья сенатора Львова; свѣтскія развлеченія не помѣшали, впрочемъ, Фелиціану Зарембѣ пріобрѣсти отъ Московскаго университета высшую ученую степень и написать на латинскомъ языкѣ нѣсколько диссертацій (объ Утрехтскомъ мирѣ и постановленіяхъ Вестфальскаго трактата, о прославленномъ въ XVIII в. публицистѣ Филанджьери, объ устройствѣ ремесленныхъ цеховъ и пр.).

Черезъ Львова познакомился молодой Заремба съ нашимъ знаменитымъ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ, а черезъ послѣдняго и съ поэтомъ В. А. Жуковскимъ; когда же Ф. Заремба отправился въ Петербургъ для поступленія на службу, Жуковскій сблизилъ его съ Сѣверинымъ, Тургеневымъ и другими своими великосвѣтскими и служилыми пріятелями.

Для Зарембы вскорѣ открылась перспектива видной дѣятельности, когда Новосильцевъ, вступивъ въ завѣдываніе гражданскою частью въ царствѣ Польскомъ, предложилъ ему послѣдовать за нимъ въ Варшаву; это Зарембѣ улыбалось тѣмъ болѣе, что по матери, какъ мы видѣли, его связывало родство съ семьею гр. Красинскихъ, игравшею въ Польшѣ замѣтную роль въ обществѣ, но сенаторъ Львовъ и полковникъ Заремба сумѣли представить администратору in spe ту фальшь положенія, въ которой бы онъ оказался въ качествѣ русскаго чиновника посреди родственной ему польской знати, далеко не сочувствовавшей русскимъ государственнымъ начинаніямъ.

Представленный графамъ Нессельроде и Каподистріи, Заремба былъ опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и здѣсь ему подъ руководствомъ начальника канцеляріи Полѣнова поручались переводческія работы, которыми особенно интересовался Каподистрія.

Такимъ образомъ, казалось, молодому, сильному ученостью, дипломату обезпечивался торный путь къ дальнѣйшимъ свѣтскимъ и служебнымъ успѣхамъ, тѣмъ болѣе, что отъ отца онъ унаслѣдовалъ значительные родовые «майонтки» въ польскихъ губерніяхъ и могъ въ будущемъ еще разсчитывать на наслѣдство послѣ дяди Яна-Самуила, привязавшагося къ нему, какъ къ сыну родному. Но тутъ нежданно-негаданно наступили событія, перевернувшія вверхъ дномъ существованіе и всю дальнѣйшую дѣятельность Зарембы.

«Лѣтомъ 1817 года я предпринялъ изъ Петербурга поѣздку (въ Полоцкую губернію), чтобы посѣтить дядю и нашихъ сосѣдей Львовыхъ, и тогда ни они, ни я не подозрѣвали вовсе переворота, который мнѣ предстояло пережить... По возвращеніи въ Петербургъ я продолжалъ заниматься, а передавъ Убрилю законченныя мною работы для отсутствовавшаго изъ столицы статсъ-секретаря Каподистріи, сталъ частенько видаться съ благоволившимъ ко мнѣ государственнымъ канцлеромъ гр. Румянцевымъ, Жуковскимъ, Карамзинымъ и другими друзьями, и вотъ тутъ, по милости Божьей, объявился мнѣ новый путь...

«Въ одинъ изъ послѣднихъ дней сентября, проходя по улицѣ, я въ окно увидалъ моего сотоварища по Дерптскому университету, Джемса Тромповскаго изъ Риги; жилъ онъ въ нижнемъ этажѣ, и я тотчасъ же очутился у него. Замѣтивъ, что предъ нимъ лежитъ развернутая библія нѣмецкая, я немало удивился, такъ какъ воображалъ, будто онъ интересуется исключительно юридическими науками. Тромповскій мнѣ на это возразилъ: «Предъ этою книгою все ничтожно. Здѣсь собрано все, отвѣчающее людскимъ потребностямъ. Это—слово, съ которымъ Господь Богъ обращается ко всѣмъ намъ». Кое-что въ этомъ же духѣ мнѣ запало въ

сердце еще въ Дерптѣ, въ 1812 г., при чтеніи манифеста императора Александра I... Съ этого мгновенія я всю ночь не разлучался съ Тромповскимъ; мы побывали и у меня и опять у него, много гуляли, неустанно бесѣдуя, и къ утру онъ меня окончательно убѣдилъ приняться за изученіе библіи»...

На этомъ Заремба не остановился — ему пришли на память давно забытыя слова, кинутыя ему нѣкогда его дерптскимъ наставникомъ Петерсеномъ: «Если въ тебѣ когда нибудь пробудится душевная потребность, которая не сможетъ найти себѣ удовлетворенія въ житейской сутолокѣ, то вспомни тогда о книгѣ, разрѣшающей многія загадки, и прочти жизнеописаніе Юнга Штиллинга».

Предаваться религіознымъ и мистическимъ восторгамъ въ Петербургѣ на виду у всѣхъ Зарембѣ казалось зазорнымъ, «потому что многіе вѣдь здѣсь щеголяютъ ревностью къ вѣрѣ и только по той причинѣ, что государь слыветъ за поборника Христа».

Человѣкъ цѣльный и искренній, Заремба задумалъ распорядиться иначе: онъ, разобравшись въ себѣ, порѣшилъ переселиться въ совершенно чуждую ему среду, дабы успокоиться и смиренно ожидать, куда его призовутъ велѣнія Господни.

Что люди, переживъ тяжелую житейскую драму, отряхали прахъ и нищету свѣта отъ своихъ ногъ и уходили спасаться,— явленіе столь же заурядное, какъ и то, что какъ будто прочно разочаровавшіеся въ мірской суетѣ суетъ, протянувъ болѣе или менѣе продолжительный искусъ подвижничества, возвращались вспять къ соблазнамъ свѣта, но въ такихъ случаяхъ жизнь коверкалась въ силу той или иной драмы или разочарованій, а когда заживали раны, тогда или возраждался ветхій Адамъ, или психически человѣкъ перерождался и становился чистѣйшимъ альтруистомъ. Въ случаѣ же Зарембы ничего такого не было—процвѣталъ себѣ благополучно начинающій 23-й-лѣтній дипломатикъ, да вдругъ, неожиданно для себя и другихъ изъ Савла превратился въ Павла и, какъ мы увидимъ, безповоротно на всю жизнь.

Подъ впечатлѣніемъ обуявшей Зарембу религіозной восторженности онъ въ письмѣ обращается къ дядѣ съ изложеніемъ воли насчетъ принадлежащаго ему имущества и по дарственнымъ записямъ распредѣляетъ все свое состояніе полностью теткѣ, сестрѣ, наставникамъ и другимъ нѣкогда близкимъ ему людямъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ испрашиваетъ для себя заграничный паспортъ у управлявшаго коллегіею иностранныхъ дѣлъ Убриля (за отсутствіемъ графовъ Нессельроде и Каподистріи, сопровождавшихъ государя за границу), и при письмѣ на имя гр. Каподистріи заготовляетъ записку на имя государя Александра Павловича; здѣсь Заремба поясняетъ, что, стремясь сдѣлаться истымъ христіаниномъ, онъ, Заремба, послѣдующимъ искусомъ собирается побороть въ себѣ всѣ

надменныя страсти, а потому покидаетъ родину и проситъ государя не ставить этого въ вину ни ему, ни его родственникамъ, безъ вѣдома которыхъ предпринимается настоящій шагъ.

Денегъ съ собою Заремба забралъ какъ разъ столько, чтобы хватило на дорогу. Добравшись морскимъ путемъ изъ Кронштадта до Любека, онъ переслалъ въ Гамбургъ къ русскому повѣренному въ дѣлахъ Струве охарактеризованныя выше письма къ дядѣ и государю, а самъ чрезъ Марбургъ и Дармштадтъ достигаетъ предѣловъ великаго герцогства Баденскаго, съ небольшимъ узелкомъ въ рукахъ. Расплатившись за ночлегъ въ Карльсбергѣ вещами, онъ обращается сначала къ деревенскому проповѣднику, а затѣмъ къ амтману (старостѣ) съ наивнымъ вопросомъ, какъ ему заработать себѣ пропитаніе и повести жизнь въ истинно библейскомъ духѣ. Послѣ ряда перипетій Заремба познакомился съ внукомъ Юнга Шиллинга, пасторомъ Шварцомъ, и когда тотъ разговорившись упомянулъ о томъ, что въ Базелѣ образовалось заведеніе для подготовленія молодыхъ людей къ миссіонерской дѣятельности въ цѣляхъ благовѣстія слова Божія среди язычниковъ, Зарембу, словно молнія, пронизала мысль: «Вотъ это и есть то настоящее дѣло, которому я призванъ служить».

При поддержкѣ пастора Шварца и брата послѣдняго, профессора Гейдельбергскаго университета, Заремба глубокою осенью 1818 года, подъ именемъ Генриха-Готфрида Шлейера,—благо паспортъ не требуется,—добирается до Базеля съ рекомендаціями къ стоявшимъ во главѣ миссіонерской школы пасторамъ Штейнкопфу, Шпиттлеру и Блумгардену.

Не безъ внутренней борьбы рѣшилъ сохранить Заремба при себѣ русскій паспортъ—онъ собрался, было, его изорвать, но побоялся, за отсутствіемъ удостовѣренія настоящей своей личности, очутиться въ положеніи бродяги—Ивана, не помнящаго родства.

II.

Базель пришелся Фел. Зарембѣ по сердцу, такъ какъ онъ нашелъ тамъ искомое—людей, жившихъ въ духѣ библейскихъ традицій.

Основанное въ Базелѣ въ началѣ XIX в. Чарльспергеромъ христіанское общество повело въ 1804 г. къ образованію Библейскаго общества, а когда послѣднее достигло прочной организаціи, то въ 1815—1816 году при немъ заведена была миссіонерская школа.

Зарембѣ при школѣ предоставили даровое помѣщеніе и столъ, но для офиціальнаго принятія въ слушатели завѣдующій школою Блумгардтъ поставилъ условіемъ испрошеніе офиціальнаго согласія отъ русскаго правительства. Заремба обратился съ прошеніемъ

къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ А. И. Голицыну, и хотя государь находился за границею, принимая участіе въ дѣлахъ Ахенскаго конгресса, князь Голицынъ счелъ возможнымъ представить государю объ этомъ ходатайствѣ письменно, и Заремба, съ высочайшаго соизволенія, могъ 7-го декабря 1818 г. вступить въ числѣ 17 воспитанниковъ въ Базельскую школу.

Обладая обширными и разносторонними свѣдѣніями, вынесенными изъ Дерптскаго и Московскаго университетовъ, Заремба оказался лучше другихъ совоспитанниковъ подготовленнымъ къ слушанію спеціальныхъ курсовъ и съ выдающимся успѣхомъ занимался съ Блумгардтомъ библейскою экзегетикою и латинскимъ языкомъ, съ Брунномъ — практическимъ толкованіемъ Евангелія, съ де-Ветте и Леграномъ чтеніемъ Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ; въ то же время для пополненія знаній Заремба имматрикулировался въ Базельскомъ университетѣ и слушалъ лекціи по философіи, исторіи и пр.

«Признавая всѣ житейскія треволненія и мудрованія праздными и ничтожными, я желаю послужить Господу Богу, какъ Онъ мнѣ укажетъ,—писалъ Заремба,—а такъ какъ по моему разумѣнію и стремленіямъ миссіонерское дѣло представляется мнѣ привлекательнымъ, то поступлюсь я имъ въ томъ лишь случаѣ, если мнѣ явятся ясныя знаменія покинуть это дѣло».

Знаменій такихъ, повидимому, не явилось, а настойчивость и незаурядныя способности выдвинули Зарембу впередъ изъ среды товарищей.

Поступивъ въ школу съ практическимъ и теоретическимъ знаніемъ латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, польскаго, русскаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, Заремба въ школѣ усвоилъ себѣ еврейскій языкъ, а впослѣдствіи съ такою же легкостью изучилъ языки турецкій, персидскій, армянскій и многіе кавказскіе діалекты; въ миссіонерской средѣ онъ считался такимъ же свѣдущимъ лингвистомъ, какъ іерусалимскій епископъ Тоба.

Тѣмъ временемъ изъ южно-русскихъ меннонитскихъ колоній въ Базельское библейское общество стали поступать ходатайства о присылкѣ евангелическихъ проповѣдниковъ; подъ вліяніемъ этихъ призывовъ у заправилъ миссіонерской школы постепенно сложился планъ вмѣсто обращенія въ христіанство негровъ и папуасовъ выступить съ миссіонерскими начинаніями въ обширныхъ областяхъ, прилегающихъ къ Черному и Каспійскому морямъ, магометанское и языческое населеніе которыхъ ожидало еще евангельскаго благовѣстія. Заремба по своимъ талантамъ, какъ русскій подданный и свѣтскій благовоспитанный человѣкъ, могшій толково и умѣло вести переговоры съ русскими правительственными лицами, оказывался для этого лицомъ, вполнѣ подходящимъ. Поэтому въ

іюнѣ 1821 г. Заремба и Августъ Дитрихъ были рукоположены въ проповѣдники и получили наказъ отправиться въ Россію. Базельское библейское и миссіонерское общество предписывало имъ, во-первыхъ, основательно изучить персидскій, арабскій, турецкій, татарскій и новогреческій языки; во-вторыхъ, распространять слово Божіе на народныхъ діалектахъ среди азіатскихъ племенъ; въ-третьихъ, завести на южномъ побережьѣ Каспійскаго и Чернаго морей татарско-персидскія семинаріи и, въ-четвертыхъ, устроить въ подходящихъ мѣстностяхъ типографіи для печатанія и распространенія Евангелія на наиболѣе употребительныхъ восточныхъ нарѣчіяхъ.

Что касается матеріальныхъ средствъ для этого сложнаго предпріятія, то Базельское библейское общество, повидимому, расходами не стѣснялось, но для успѣха дѣла требовалось прежде всего заручиться покровительствомъ русскаго государя. Общество впрочемъ надѣялось, что хотя императоръ принадлежитъ къ греческо-православной церкви, но, какъ проникнутый истинно евангельскимъ духомъ, отнесется сочувственно къ иновѣрческимъ стремленіемъ распространенія евангельскихъ истинъ.

Пріѣхавъ осенью 1821 г. вмѣстѣ съ Дитрихомъ въ Петербургъ, Заремба 30-го сентября подалъ князю А. И. Голицыну записку, въ которой изложилъ миссіонерскія намѣренія Базельскаго библейскаго общества и просилъ повергнуть записку на высочайшее благовоззрѣніе. Записка была милостиво разсмотрѣна государемъ, который въ концѣ года принялъ обоихъ миссіонеровъ въ частной аудіенціи, обѣщалъ имъ свое покровительство и выразилъ сочувствіе и пожеланія успѣха миссіонерскимъ ихъ трудамъ среди магометанскаго и языческаго населенія кавказской окраины.

Сблизившись чрезъ князя А. И. Голицына съ петербургскими кружками піетистовъ и Русскимъ библейскимъ обществомъ, Заремба и Дитрихъ, снабженные рекомендаціями и официальными письмами, по веснѣ 1822 г. отправились въ Астрахань, гдѣ, какъ оказалось, ниву Господню среди инородцевъ воздѣлывали шотландскіе миссіонеры. По указаніямъ послѣднихъ, Заремба обзавелся толковымъ переводчикомъ въ лицѣ сына персидскаго муллы Могаммеда-Али, обращеннаго въ христіанство миссіонеромъ Россомъ; изучивъ при помощи Али турецкій и персидскій языки, Заремба въ апрѣлѣ 1823 г. чрезъ Куманскую степь, населенную калмыками, ногаями и трухменами, добрался до Моздокской военной линіи, побывалъ въ молоканскихъ поселкахъ, разсыпанныхъ по Черноморіи, и, получивъ разрѣшеніе слѣдовать при военномъ отрядѣ Горчакова, благополучно прибылъ въ Тифлисъ.

Посѣтивъ въ Грузіи основанныя въ 1819 г. нѣмецкія колоніи Катариненфельдъ, Геленендорфъ, Элизабетталь и пр., базельскіе миссіонеры направили свой путь къ Карабагу, который еще въ

Петербургѣ былъ ими намѣченъ, какъ подходящая для миссіонерскихъ начинаній мѣстность. Въ октябрѣ 1823 г. объѣхавъ Шемаху, Баку и Шушу, миссіонеры остановились на послѣдней, какъ наиболѣе здоровомъ и удобномъ пунктѣ. Вскорѣ здѣсь была устроена миссіонерская станція, изъ Базеля явилось еще нѣсколько миссіонеровъ (Кёнигъ, Вёръ и Пфандеръ), а къ 1825 г. открылась армянская школа и типографія, тогда какъ въ Закавказьѣ была устроена миссіонерская станція въ Карассѣ и Мадшарѣ, и во главѣ ея сталъ Лангъ, который въ то же время несъ пасторскія обязанности и въ двухъ сосѣднихъ нѣмецкихъ приходахъ.

Мы не станемъ распространяться о подвигахъ базельскихъ миссіонеровъ и соглашеніяхъ ихъ съ шотландскими относительно размежеванія дѣятельности, но замѣтимъ, что у базельскихъ миссіонеровъ изъ непродолжительнаго опыта начало уже складываться убѣжденіе, что религіозная ненависть, составляющая отличительную черту мусульманъ, дѣлаетъ ихъ почти недоступными къ воспріятію христіанства; съ другой же стороны, для нихъ выяснилось, что въ средѣ армянства употребленіе богослужебныхъ и библейскихъ книгъ на древне-армянскомъ языкѣ, непонятномъ для массы, составляетъ серьезное препятствіе къ духовному просвѣщенію армяно-католической паствы, которая, благодаря этому, будто бы пребываетъ въ духовной тьмѣ. Отсюда у базельскихъ миссіонеровъ явилось уклоненіе въ сторону отъ первоначальныхъ предначертаній и вмѣсто распространенія христіанства среди мусульманъ и язычниковъ они стали домогаться обновленія армяно-католическаго вѣроисповѣданія въ протестантскомъ духѣ.

Пока намѣчались эти задачи, въ русскіе предѣлы совершилось вторженіе Аббасъ-Мирзы, Шуша подверглась 40-дневной осадѣ, но затѣмъ русскія войска оттѣснили персовъ за границу, а дальнѣйшій походъ Паскевича обезпечилъ присоединеніе къ Россіи Эриванскаго ханства (1828 г.), тогда какъ Адріанопольскій миръ возымѣлъ своимъ послѣдствіемъ уступку Россіи части Турецкой Арменіи (1829 г.).

Такимъ образомъ для воздѣйствій базельскихъ миссіонеровъ открылись вновь присоединенныя къ Россіи провинціи, расположенныя къ западу и юго-востоку отъ Шуши у Арарата и истоковъ Евфрата.

Развѣдки, произведенныя въ 1830 г. Зарембою въ Гомрахъ, Карсѣ, Эрзерумѣ и Баязидѣ, существенно практическихъ послѣдствій не имѣли, хотя Заремба и тѣшилъ себя надеждами, что среди шіитовъ-магометанъ, составлявшихъ значительную часть Ширванской провинціи, христіанство имѣетъ болѣе шансовъ привиться, чѣмъ въ средѣ суннитовъ, которые, помимо корана, стойко держатся за всѣ преданія правовѣрія,

Посѣщеніе же Зарембы въ Эчміадзинѣ 79-ти-лѣтняго армянскаго католикоса Эфрема и безплодные переговоры съ армянскимъ синодомъ насчетъ содѣйствія базельскимъ миссіонерамъ въ переводѣ Библіи на народный ново-армянскій языкъ могли убѣдить Зарембу лишь въ недоброжелательствѣ армянскаго духовенства, которое въ Зарембѣ и его товарищахъ заподозрѣло, по его выраженію, какихъ-то франкмасоновъ.

Неизвѣстно, сумѣлъ ли бы Заремба проявить дипломатическіе таланты и добиться миролюбиваго соглашенія съ армянскою церковью, что, впрочемъ, по существу весьма сомнительно, судьба, во всякомъ случаѣ, распорядилась здѣсь иначе: по возвращеніи изъ поѣздки по Закавказью Заремба перенесъ очень тяжелый приступъ холеры, и его здоровье совсѣмъ разстроилось, а тутъ кстати его дядя, Янъ-Самуилъ, настойчиво сталъ приглашать племянника пріѣхать повидаться съ нимъ предъ смертью. Заремба, получивъ отъ дяди деньги на это непредвидѣнное путешествіе, отправился въ Полоцкую губернію, но, благодаря неудачамъ, одолѣвавшимъ то дядю, то захирѣвшаго племянника, предполагавшееся кратковременное посѣщеніе Опупина затянулось на цѣлыхъ четыре года, и только въ началѣ 1834 года могъ Заремба наконецъ вернуться къ излюбленному имъ дѣлу и уѣхалъ за границу въ Базель.

За время вынужденнаго бездѣйствія Зарембы на базельскихъ миссіонеровъ надвинулась на Кавказѣ гроза. Хотя по смерти Александра I посланный отъ нихъ въ Петербургъ миссіонеръ Дитрихъ въ 1827 г. и сумѣлъ добиться отъ императора Николая Павловича милостиваго соизволенія на безпрепятственное продолженіе миссіонерской дѣятельности на Кавказѣ, но когда армянское духовенство стало все чаще жаловаться на миссіонеровъ, на то, что они вторгаются съ непрошеннымъ вмѣшательствомъ въ церковныя армянскія дѣла, и недовольство это встрѣтило поддержку у вновь назначеннаго главнокомандующимъ въ Грузіи генерала фонъ-Розена, то императоръ Николай Павловичъ съ присущею ему рѣшительностью положилъ конецъ этимъ недоразумѣніямъ.

5 іюля и 22 августа 1835 г. воспослѣдовали указы, въ которыхъ поставлялось на видъ, что такъ какъ труды всѣхъ безъ исключенія иновѣрческихъ миссіонеровъ оказались въ Закавказьѣ безплодными въ смыслѣ обращенія магометанъ въ христіанство, то имъ долженъ быть положенъ конецъ, а особенно въ виду близящихся къ осуществленію предположеній объ учрежденіи на Кавказѣ православнаго миссіонерскаго общества. Относительно базельскихъ въ частности миссіонеровъ указы нарочито подчеркивали, что со времени ихъ поселенія въ Шушѣ никакихъ инородцевъ они въ христіанство не обратили, отъ первоначальной поставленной ими себѣ цѣли отклонились и ограничились воздѣйствіемъ на армянскую молодежь, что вызвало нареканія со стороны армян-

скаго духовенства и, по удостовѣренію мѣстнаго начальства, можетъ возымѣть весьма прискорбныя послѣдствія. Вслѣдствіе этого согласно постановленію комитета министровъ поселившимся въ Шушѣ и Карассѣ миссіонерамъ предлагалось прекратить дальнѣйшую миссіонерскую дѣятельность и обратиться на будущее время къ земледѣлію, ремесламъ и фабричному производству.

Вернувшійся въ апрѣлѣ 1835 года на Кавказъ изъ-за границы Заремба, по соглашенію съ Дитрихомъ и Пфандеромъ, составилъ оправдательную записку, которую, вмѣстѣ съ личными изустными объясненіями, представили Розену; для выясненія недоразумѣній между армянскимъ духовенствомъ и миссіонерами, правда, была назначена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ барона фонъ-Гана, но такъ какъ мирволеніе предшествовавшаго царствованія къ піетистическимъ экспериментамъ отнюдь не согласовалось съ правительственными видами, то, несмотря ни на какія комиссіи, теперь не могло быть и рѣчи о поощреніи дѣятельности иновѣрческихъ миссіонеровъ въ странѣ, далеко не замиренной, гдѣ возникновеніе вѣроисповѣдныхъ распрей легко могло породить серьезныя политическія осложненія. Поэтому Зарембѣ съ товарищами пришлось ликвидировать ихъ кавказское предпріятіе: одни, какъ, напримѣръ, Дитрихъ, пристроились въ Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ пасторами въ евангелическихъ приходахъ; другіе, болѣе ревностные, перенесли свои миссіонерскія попытки въ Персію и Турецкія азіатскія владѣнія, а третьи вернулись обратно въ Базель. На долю Зарембы досталось вести переговоры съ русскимъ правительствомъ о продажѣ въ казну недвижимости, принадлежавшей въ Шушѣ миссіонерамъ, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ ему только въ 1838 г. удалось совершить эту продажу за 10.000 рублей.

III.

Съ 1838 года по 1856 годъ Заремба мирно проживаетъ въ Базелѣ, отъ времени до времени посѣщая филіалы Базельскаго библейскаго и миссіонерскаго общества и родственныхъ ему учрежденій въ Швейцаріи, Франціи и Германіи.

Съ перемѣною вѣяній въ Россіи на Зарембу было возложено вновь попытать тамъ счастія въ интересахъ привлеченія евангелическихъ приходовъ какъ въ Остзейскомъ краѣ, такъ и внутри Россіи къ задачамъ, преслѣдуемымъ Базельскимъ обществомъ.

Милостиво принятый Александромъ II, Заремба получилъ разрѣшеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пасторы не встрѣтятъ къ этому препятствія, произносить проповѣди въ цѣляхъ миссіонерской пропаганды, а князь Долгоруковъ подъ рукою рекомендовалъ проповѣднику не выходить изъ предѣловъ должнаго благоразумія.

Начавъ объѣздъ съ Остзейскаго края въ мартѣ 1857 года, Заремба чрезъ Москву и Сарепту проѣхалъ на Кавказъ, побывалъ, между прочимъ, въ Тифлисѣ, Шушѣ и Карассѣ, посѣтилъ Крымъ, новороссійскія нѣмецкія колоніи и Бессарабію и только осенью 1859 года чрезъ Одессу, Константинополь, Смирну и Тріестъ вернулся обратно въ Базель.

Старость при далеко непрочномъ здоровьѣ брала свое: до 1865 года Заремба могъ еще отъ времени до времени предпринимать поѣздки по Швейцаріи и Германіи, въ качествѣ странствующаго проповѣдника, но затѣмъ его начали поражать легкіе нервные удары. Обреченный почти на полное бездѣйствіе, онъ почти двадцать лѣтъ проводитъ въ своей убогой кельѣ въ базельскомъ миссіонерскомъ домѣ. Достигнувъ 80-ти-лѣтняго возраста, Феліціанъ Заремба 31 мая 1874 года мирно угасаетъ въ смиренномъ сознаніи выполненнаго, по искреннему его разумѣнію, призванія.

Было бы напраснымъ трудомъ разбирать въ подробности психологическій вопросъ, были ли праздны тѣ «житейскія треволненія и мудрованія», отъ которыхъ Заремба отвернулся въ молодости, или наоборотъ, не совершилъ ли Заремба подъ вліяніемъ вѣяній эпохи, выдвигавшей впередъ идеалы Бональдовъ и де-Местровъ, Шатобріановъ и г-жъ фонъ-Крюденеръ, крупной ошибки, исковеркавшей все его существованіе ради дѣла, которое съ практической стороны, потребовавъ затратъ огромной энергіи, окончилось полнѣйшею неудачею, да иначе и кончиться не могло.

Въ послѣдней инстанціи недоумѣнія эти могъ разрѣшить только самъ Заремба, а какъ онъ ихъ разрѣшилъ, мы знаемъ, равно какъ знаемъ и то, что онъ былъ искренній и рѣшительный человѣкъ и, конечно, не примирился бы съ фальшью; окажись онъ разочарованнымъ въ миссіонерской дѣятельности, онъ, конечно, столь же мало постѣснился бы порвать съ настоящимъ, какъ то сдѣлалъ въ 1817 году съ прошлымъ.

Распространяться въ подробности о личности Зарембы мы прежде всего не станемъ по скудости и однообразію матеріала, такъ какъ составленное по автобіографическимъ его наброскамъ жизнеописаніе (Ein russischer Edelmann, als Missionnär—aus dem Leben des Dr Fel. v. Zaremba, Basel, in-8°, 1900) протокольно сухо; но всякомъ случаѣ изъ внимательнаго ознакомленія съ этою книгою личность миссіонера выступаетъ въ симпатичномъ свѣтѣ. Онъ является передъ нами, какъ человѣкъ, чуждый изувѣрства и благочестивой ревности; жизнь свою онъ, по убѣжденію, уложилъ въ рамки, удовлетворявшія душевнымъ его запросамъ, старался распространять евангельскія истины, опираясь на незаурядныя свои знанія, но ни предъ кѣмъ своими подвигами не возвеличивался и никому своихъ идеаловъ насильственно не навязывалъ: это равнодушіе къ прозелитизму и безстрастіе пропаганды, пожалуй, объясняетъ и самый неуспѣхъ его дѣятельности на Кавказѣ.

Русскія похожденія Зарембы, независимо отъ своеобразности анекдотическихъ подробностей его жизни, представляютъ на нашъ взглядъ болѣе широкій интересъ.

Описанное нами любопытно, какъ характерный примѣръ того, сколь далеко и неосмотрительно шелъ въ религіозныхъ увлеченіяхъ императоръ Александръ Павловичъ. Какое было основаніе позволять иноземному миссіонерскому обществу заниматься духовною пропагандою въ русскихъ предѣлахъ и насаждать протестантство, гдѣ угодно, хоть между ногаями или абхазцами, трудно себѣ съ государственной точки зрѣнія и представить. Къ чему такіе опыты приводятъ, про то мы достаточно наслышаны изъ разсказовъ о событіяхъ, разыгравшихся въ 90-хъ годахъ въ Турецкой Арменіи, а равно и о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали въ Китаѣ ненависть противъ Западной Европы.

Поэтому нельзя не преклониться предъ прозорливостью императора Николая Павловича, который въ своихъ указахъ сумѣлъ коротко и ясно освѣтить безцѣльную дѣятельность базельскихъ, шотландскихъ и иныхъ иновѣрческихъ миссіонеровъ.

Немалымъ наконецъ курьезомъ представляется разрѣшеніе государя Александра Николаевича Зарембѣ, къ которому, вѣдь, по справедливости можно было бы пристегнуть кличку «убѣжденнаго эмигранта», выступать въ неопредѣленной роли какого-то визитатора всѣхъ протестантскихъ приходовъ, хотя бы даже и только въ цѣляхъ превознесенія дѣятельности Базельскаго библейскаго общества и его протестантской миссіонерской пропаганды, чуждыхъ Россіи и насущнымъ ея интересамъ.

Вл. Штейнъ.

ВЪ ПЛОСКОСТНОЙ ОСЕТІИ [1].

(Очерки).

III.

НА ЗВАНОМЪ ОБѢДѢ.

I.

ОСЕТИНЪ МОТОЕВЪ, житель селенія Карджинъ, лежащаго на плоскости, верстахъ въ 40 отъ Владикавказа, справлялъ какой-то семейный праздникъ. На это торжество были приглашены многіе изъ почетныхъ обитателей сосѣднихъ селеній, а также нѣсколько офицеровъ мѣстнаго казачьяго полка. Сверхъ того, почетнымъ гостемъ на праздникѣ долженъ былъ быть мой пріятель, поручикъ В., начальникъ участка, въ который входилъ аулъ Карджинъ. В. пригласилъ и меня сопутствовать ему.

— Но такъ? безъ приглашенія?—отвѣтилъ я:—мнѣ кажется, что это будетъ неудобно... Вѣдь это же семейный праздникъ.

— Если бы было неудобно,—отозвался В.,—то, повѣрьте, я и не сталъ бы васъ звать... Здѣсь совершенно другія воззрѣнія на этотъ вопросъ, чѣмъ у насъ. Тутъ рады каждому гостю—и незваному, быть можетъ, еще больше, чѣмъ званому. Да и притомъ вы будете со мною...

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIII, стр. 548.

Я не могъ не сдаться на эти мотивы тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ могъ хоть немного познакомиться съ интимной, внутренней жизнью плоскостныхъ осетинъ.

Сѣвши на поѣздъ желѣзной дороги въ Басланѣ, мы быстро прибыли на ближайшую къ Карджину станцію, Даргъ-Кохъ, гдѣ уже насъ ждала земская тройка. Тутъ же встрѣтилъ насъ сынъ Мотоева, по имени Ибрагимъ, статный и красивый мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый въ сѣрую чоху и въ сѣрую же барашковую шапку (папаху). Онъ усѣлся на козлы перекладной, рядомъ съ ямщикомъ, и черезъ четверть часа доставилъ насъ къ дому своего отца, стоявшему близъ середины селенія.

Нѣсколько почтенныхъ осетинъ встрѣтили насъ у дверей дома и не только не выразили удивленія по поводу прибытія съ В. другого совершенно имъ неизвѣстнаго человѣка, но были даже какъ будто обрадованы такимъ неожиданнымъ увеличеніемъ числа почетныхъ гостей.

Обмѣнявшись рукопожатіями со всѣми окружающими, мы вошли черезъ галлерею въ сѣни, а затѣмъ въ «кунацкую», чистую и свѣтлую комнату съ деревянными поломъ и потолкомъ и бѣлыми выштукатуренными стѣнами. Тутъ у одной изъ стѣнъ стояла широкая деревянная кровать, на которой была постлана толстая цыновка, а сверхъ нея лежалъ тоненькій матрасъ. Небольшой столъ да около десятка вѣнскихъ и простыхъ стульевъ довершали меблировку «кунацкой». Украшеніемъ же ея служили развѣшенныя по стѣнамъ лубочныя картины московскаго Никольскаго рынка на сюжеты изъ послѣдней русско-турецкой кампаніи, изъ разныхъ пѣсенъ и т. д.

Осмотрѣвшись кругомъ, мы сѣли. Осетины же, вошедшіе въ комнату вслѣдъ за нами, остались стоять у дверей. Таковъ ужъ извѣстный читателю осетинскій—да и вообще восточный—адатъ: младшій при старшемъ не смѣетъ сѣсть, а всѣ русскіе, понятно, считаются старшими по отношенію ко всѣмъ туземцамъ. И къ тому же тутъ былъ самъ начальникъ участка.

— Что новаго, начальникъ?—обратился къ нему самый почтенный изъ осетинъ съ сѣдой подстриженной бородкой, Урусовъ по фамиліи.

— Ничего, старина, нѣтъ,—отвѣтилъ В., закуривая папиросу.— Да что же вы стоите? Садитесь всѣ.

Но ему пришлось нѣсколько разъ повторить это приглашеніе прежде, чѣмъ трое изъ присутствовавшихъ туземцевъ рѣшились наконецъ сѣсть на край стула. И у всѣхъ этихъ троихъ осетинъ висѣли на груди солдатскіе георгіевскіе кресты.

— Они были въ осетинскомъ дивизіонѣ во время послѣдней кампаніи,—сказалъ мнѣ В. на мой вопросъ,—и бо́льшею частью вернулись украшенные георгіевскими крестами за храбрость. Они

дѣйствительно всѣ молодцы и смѣльчаки и представляютъ собою прекрасный боевой матеріалъ, особенно, если намъ придется столкнуться съ какою нибудь западно-европейскою державою... Но если вы вглядитесь въ ихъ кресты, то увидите, что въ нѣкоторыхъ посрединѣ вмѣсто Георгія Побѣдоносца вычеканенъ нашъ государственный гербъ—двуглавый орелъ.

— Это почему же?

— Да среди нихъ много было магометанъ, и начальству показалось неудобно давать имъ наши кресты, да еще съ изображеніемъ христіанскаго святого. Ну, вотъ для нихъ и придумали эту комбинацію. Но только, къ общему удивленію, сами магометане запротестовали противъ такой перемѣны: «мы, молъ, хотя и мусульмане, но чтимъ Георгія, какъ своего святого; не нужно намъ пѣтуха, давайте нашего Уастырджи» [1]).

— И что же, дали?

— Нѣкоторымъ дѣйствительно перемѣнили.

Улыбающіяся лица осетинъ, которые почти всѣ понимали по-русски, подтвердили справедливость разсказа В.

Я хотѣлъ предложить В. и нашимъ хозяевамъ еще нѣсколько вопросовъ по поводу бросившихся мнѣ въ глаза особенностей, но въ это время послышался топотъ верховыхъ лошадей, и къ дому подлетѣла группа казаковъ-офицеровъ. Ихъ только и поджидали для начала пиршества. А вслѣдъ за ними вошелъ въ кунацкую и самъ хозяинъ, почтенный человѣкъ съ маленькой сѣдой бородкой, одѣтый въ черную подбитую ватой чоху. Всѣ мы пожали ему руку и, болтая о разныхъ предметахъ, усѣлись отчасти на кровати, а отчасти на стульяхъ вдоль стѣнъ. По нашему общему настоянію сѣли также тѣ трое или четверо осетинъ, самые старшіе по лѣтамъ и украшенные георгіевскими крестами. Остальная же туземная компанія, въ числѣ десяти—двѣнадцати человѣкъ, стала почтительной группой у двери и въ сѣняхъ. А что касается наконецъ самого хозяина, то онъ, поздоровавшись съ нами, исчезъ на другую жилую половину дома для хлопотъ по угощенію и затѣмъ появлялся въ кунацкой лишь на короткое время. По мѣстному обычаю, гости являются полными господами въ домѣ, а хозяева—лишь ихъ слугами...

II.

Угощеніе началось съ рюмки «араки»—мѣстной водки желтоватаго цвѣта и слегка тянущейся, на подобіе ликера. Вкусъ ея—довольно пріятный, но содержаніе спирта выше, чѣмъ въ обыкновенной водкѣ.

---

[1]) Уастырджи—св. Георгій по-осетински.

— Пожалуйста, начальникъ, еще одну рюмку,—угощалъ, низко кланяясь, осетинъ среднихъ лѣтъ съ рыжей бородой, изображавшій собою виночерпія.

Но В. рѣшительно отказался, а его примѣру послѣдовали и всѣ остальные гости, отвѣдавшіе уже и поданныя къ аракѣ закуски: нарѣзанный ломтиками свѣжій и еще желтый и маслянистый въ срединѣ осетинскій сыръ[1]), очень распространенный по всему Кавказу, и особое мучное печенье въ родѣ нашего хвороста.

Вслѣдъ затѣмъ, не давая намъ отдыха, трое человѣкъ внесли каждый по низенькому круглому столику, называемому по-осетински «фэнкъ», и поставили ихъ передъ нами. На этихъ столикахъ лежали на деревянныхъ блюдахъ круглые плоскіе пироги изъ кукурузной муки, начиненные тѣмъ же осетинскимъ сыромъ, предварительно вываренным въ водѣ. Пироги эти, называющіеся по-мѣстному «хабиджинъ», покоились одинъ на другомъ, какъ кладутся обыкновенно у насъ блины, а на самомъ верхнемъ изъ нихъ стояло цѣлое озеро растопленнаго коровьяго масла.

«Виночерпій» передалъ стоявшимъ у дверей товарищамъ графинчикъ съ аракой, а затѣмъ маленькимъ ножикомъ, составляющимъ непремѣнную принадлежность кавказскаго кинжала, быстро и ловко разрѣзалъ пироги на всѣхъ трехъ столикахъ.

— Вы не ожидайте приглашеній,—сказалъ мнѣ В., сидѣвшій рядомъ со мной:—здѣсь это не въ модѣ.

— Но какъ же ихъ ѣсть, когда ни вилокъ, ни ножей не имѣется?—отозвался я; а пироги, какъ нарочно, такъ и плаваютъ въ маслѣ...

— А вотъ слѣдуйте моему примѣру,—сказалъ В. и безъ церемоній взялъ пальцами кусокъ пирога.

Всѣ гости дѣйствовали тѣмъ же первобытнымъ способомъ, почему и я уже не задумался прибѣгнуть къ нему. А такъ какъ «хабиджинъ» оказались очень вкусными, то мы всѣ и отдали имъ должную дань...

Для читателей было бы, конечно, утомительно, если бы я сталъ описывать затѣмъ шагъ за шагомъ наше пиршество и подробно отмѣчать каждое подававшееся намъ кушанье. Скажу коротко, что пиршество это отличалось большой непринужденностью и веселіемъ, а кушаньямъ, быстро смѣнявшимъ одно другое, просто не было числа. Были тутъ пироги съ мясомъ (фиджинъ по-осетински), была курица (каргъ), индѣйка (гогжъ) съ какимъ-то соусомъ изъ молока и черемши (цахтунъ) и горчицей; была наконецъ бара-

---

[1]) Приготовляется исключительно изъ козьяго молока. Особенно хорошо выдѣлываютъ его въ окрестностяхъ ст. Коби (по Военно-Грузинской дорогѣ); этотъ сыръ такъ и зовется кобійскимъ.

нина во всѣхъ видахъ: вареная, жареная и копченая... На закуску же подали пловъ съ медомъ и изюмомъ и въ заключеніе всего вѣнецъ всякихъ угощеній, самое изысканное и любимое лакомство туземцовъ, бараній курдюкъ. Ни я, ни остальные гости русскіе почти не притронулись къ этому перлу мѣстной гастрономіи, но зато всѣ туземцы принялись за него съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто до сихъ поръ они ничего и не ѣли. И надо было видѣть, съ какимъ видомъ священнодѣйствія рѣзали они это бѣлое твердое сало и съ какимъ наслажденіемъ отправляли его въ ротъ... Точно это былъ не бараній курдюкъ, а какая нибудь амброзія, посланная съ неба спеціально для настоящаго пиршества!

Не меньшее, если не большее вниманіе, чѣмъ на кушанья, обращено было и на напитки. Извѣстную уже читателю крѣпкую араку смѣнили менѣе крѣпкія: брага, подававшаяся въ обыкновенныхъ нашихъ полоскательныхъ чашкахъ, пиво въ такихъ же чашкахъ, но поменьше, и наконецъ вино въ стаканчикахъ и стаканахъ. Вся эта посуда переходила изъ рукъ въ руки и наполнялась тотчасъ же, какъ гости совокупными усиліями опоражнивали ее. Брезгливости тутъ не было мѣста, и приходилось лишь выбирать край почище, и къ которому прикладывалось поменьше губъ.

И по мѣрѣ того, какъ полоскательныя чашки и стаканы становились жирнѣе и грязнѣе, — наша кунацкая наполнялась все бо́льшимъ шумомъ. Число говорившихъ за одинъ разъ все увеличивалось, и голоса ихъ становились все громче и развязнѣе. Помимо тѣхъ трехъ осетинъ, которые такъ чинно и церемонно усѣлись въ началѣ, уступивъ лишь настойчивому нашему приглашенію, теперь усѣлось въ комнатѣ еще около десятка мужчинъ, и только лишь безусая молодежь не рѣшалась послѣдовать этому примѣру. Подъ конецъ въ раскрытую дверь стали даже заглядывать женскія лица.

— А что, нельзя ли пригласить сюда хозяйскихъ «дамъ», чтобы онѣ приняли участіе въ нашемъ пирѣ?—спросилъ я.

— О, нѣтъ,—съ улыбкой отвѣтилъ В.:—это здѣсь не допускается. Женщина вѣдь здѣсь существо совершенно безправное. Осетины говорятъ, что она проклята Богомъ. Такъ гдѣ же ей сидѣть рядомъ съ мужчиной, этой красой природы, какъ они сами о себѣ говорятъ!

— Ну, ужъ какая тутъ краса природы!—улыбнувшись замѣтилъ я и быстро оглядѣлъ собравшихся въ кунацкой туземцевъ:—всѣ они какіе-то неуклюжіе, угловатые, непропорціонально сложенные. И лица будто однимъ топоромъ отдѣланы, безъ всякаго участія иныхъ болѣе деликатныхъ инструментовъ.. .. И все больше блондины, а не брюнеты, и съ свѣтлыми глазами. Точно они не кавказскіе горцы, а выходцы изъ какой нибудь сѣверной страны.

— А что же вы думаете?—вмѣшался тутъ мой сосѣдъ слѣва, низенькій и широкоплечій казачій офицеръ:—въ нашихъ жилахъ, несомнѣнно, больше арійской крови, чѣмъ какой либо иной... Что вы такъ удивленно смотрите на меня? Васъ удивляетъ, что я сказалъ: въ нашихъ жилахъ... Но вѣдь я въ значительной мѣрѣ осетинъ и по отцовской, и по материнской линіи. И вопросъ о происхожденіи этого племени меня очень интересовалъ. Я перечиталъ по этому поводу много книгъ и знаю, что давно уже наука установила принадлежность осетинъ къ иранской группѣ индо-европейскихъ народовъ.

— На основаніи какихъ же данныхъ наука пришла къ подобному выводу?

— Да отчасти по тѣмъ внѣшнимъ признакамъ, на которые и вы уже обратили вниманіе, и которые, несомнѣнно, выдѣляютъ осетинъ изъ среды кавказскихъ народностей и отличаютъ ихъ отъ горцевъ, хотя, пожалуй, и въ невыгодную для нихъ сторону въ смыслѣ красоты. Но главнымъ образомъ ученые опирались тутъ на изысканія въ области языка. Впервые изучилъ нашъ языкъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ академикъ Шегренъ и установилъ родство его съ индо-европейскими; затѣмъ работали въ этой области и другіе ученые, а за послѣднее время особенно много потрудился извѣстный московскій профессоръ Всеволодъ Миллеръ. И онъ вполнѣ уже доказалъ арійское происхожденіе осетинъ. Вотъ и вы, если прислушаетесь къ говору окружающихъ, непремѣнно уловите кое-какіе нѣмецкія и иныя слова. Вотъ, слышите, Урусовъ сказалъ: ней; вѣдь это нѣмецкое nein (нѣтъ). А вонъ сосѣдъ его произнесъ сейчасъ кухъ; это значитъ корова, по-нѣмецки Kuh. Или возьмите шляпу; по-нѣмецки это будетъ Hut, а по-осетински хутъ!.. И такихъ сближеній можно бы привести цѣлую массу и не съ однимъ нѣмецкимъ, конечно, а и съ другими европейскими языками.

— Вотъ и я невольно обратилъ вниманіе,—вставилъ тутъ я свое слово:—что названія многихъ рѣкъ въ этомъ краѣ кончаются на звукъ донъ: напримѣръ, Ардонъ, Фіагдонъ, Гизельдонъ. Какъ-то очень ужъ созвучно нашимъ Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ!

— Да вѣдь по многимъ даннымъ осетины пришли на Кавказъ изъ нынѣшней южной Россіи,—сказалъ въ отвѣтъ мой собесѣдникъ:—тамъ они жили подъ именемъ алланъ или оссовъ-ясовъ русскихъ лѣтописей. Затѣмъ же постепенно, подъ напоромъ съ сѣвера, стали подаваться къ Кавказскимъ горамъ, гдѣ и засѣли окончательно, частію перейдя на южный склонъ ихъ въ ущелья Большой и Малой Ліахвы, Ксана и другихъ рѣкъ. А такъ какъ на осетинскомъ языкѣ донъ значитъ рѣка или вода, то и натурально, что этотъ слогъ встрѣчается въ названіяхъ рѣкъ всѣхъ этихъ мѣстностей...

III.

—Фалау, фалау (стой, погоди)!—закричалъ тутъ вдругъ одинъ изъ офицеровъ, покрывая своимъ мощнымъ голосомъ шумъ сильно уже подгулявшей компаніи:—шпатъ (садись)! Вотъ старикъ рѣчь будетъ говорить,—продолжалъ онъ, когда всѣ сѣли на свои мѣста и притихли.

И дѣйствительно вслѣдъ за нимъ поднялся съ низенькой скамейки уже довольно почтенный на видъ осетинъ съ сѣдой бородой, но державшійся вполнѣ прямо и бодро. Я раньше почти не обратилъ на него вниманія, но теперь мой пріятель тихонько сказалъ мнѣ, что это бывшій штабъ-офицеръ, что онъ долго служилъ въ нашей арміи, достигъ капитанскаго чина, но былъ разжалованъ за дуэль; затѣмъ же онъ вновь сталъ выслуживаться, добрался до штабъ-офицерскихъ чиновъ, но опять былъ разжалованъ за какое-то служебное нарушеніе и теперь давно уже живетъ на покоѣ вольнымъ гражданиномъ.

Обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ офицерамъ, но главнымъ образомъ къ В. и ко мнѣ, этотъ старикъ несовсѣмъ правильнымъ русскимъ языкомъ, примѣшивая къ нему различныя осетинскія слова, сталъ говорить о прошломъ Осетіи и о той миссіи, которую призвана сыграть въ ней Россія.

Онъ началъ съ тѣхъ стародавнихъ временъ, когда предки осетинъ только-что водворились въ Кавказскихъ горахъ, и указалъ на жестокую борьбу, которую имъ пришлось выдерживать тогда съ сосѣдями. Потомъ перешелъ ко временамъ объединенія осетинскихъ племенъ въ одинъ сильный народъ, который въ XI вѣкѣ по Р. X. образовалъ даже свое государство, имѣвшее многолюдную столицу на рѣкѣ Фіагдонѣ. Тогда съ Осетіей считались не только всѣ ближайшія государства, но даже и сама Византія, и цари ея роднились съ монархами другихъ державъ. Такъ, вторымъ мужемъ знаменитой грузинской царицы Тамары былъ осетинскій князь Давидъ Сосланъ. Тогда же въ Осетіи стало особенно сильно распространяться христіанство, шедшее главнымъ образомъ изъ Грузіи. Но Осетинское царство просуществовало недолго: внутреннія неурядицы, борьба высшаго класса (феодаловъ) между собой и съ низшимъ народомъ, который они хотѣли закрѣпостить, привели страну къ полному упадку и разоренію. Этимъ же безсиліемъ ея воспользовались появившіеся въ XIV вѣкѣ въ сосѣдствѣ съ Кавказскимъ хребтомъ кабардинцы, которые послѣ долгой, впрочемъ, и кровавой борьбы успѣли совершенно вытѣснить осетинъ съ занятой было ими предгорной полосы и втиснуть ихъ въ самую глубину суровыхъ и безплодныхъ горъ. Тогда страшно обѣднѣвшій и въ конецъ разоренный народъ очутился не только въ ужасномъ

экономическомъ положеніи, но и попалъ въ тиски между двумя своими врагами: Грузіей, тѣснившей его съ юга и подчинившей себѣ окончательно закавказскія поселенія и округи осетинъ, и Кабардой, давившей съ сѣвера и стремившейся къ такому же подчиненію горныхъ племенъ. Къ тому же кабардинцы стали распространять магометанство; пошли еще бо́льшія распри, начались всевозможныя повальныя болѣзни, голодовки и т. д. Народъ дошелъ постепенно до полнаго одичанія и, не будучи въ силахъ бороться съ ужаснымъ своимъ положеніемъ, не ждалъ уже ниоткуда спасенія для себя...

Но вотъ тутъ-то и появляется, въ качествѣ избавительницы, великая сѣверная держава—христіанская Россія. Первые же удары ея [1]) были направлены противъ ненавистныхъ Осетіи кабардинцевъ, которые быстро были отодвинуты отъ горъ и должны были освободить отъ своего гнета державшіяся тамъ племена. Осетины вздохнули тутъ свободно и съ чувствомъ глубокой радости встрѣтили своихъ избавителей. Отнынѣ имъ предоставлено было право свободнаго и мирнаго существованія подъ сѣнью великой русской державы, принявшей на себя задачу оберегать подвластныя кавказскія народности отъ вражескихъ ударовъ. Правда, были потомъ періоды «помутнѣнія» этихъ чистыхъ и дружескихъ отношеній, которыя установились было между новыми властелинами края и ихъ подвластными. Эти замѣшательства вынуждали даже русское правительство нѣсколько разъ снаряжать вооруженныя экспедиціи противъ осетинскихъ шаекъ, учинявшихъ нападенія на проѣзжихъ по Военно-Грузинской дорогѣ и даже на проходившіе по этому пути воинскіе отряды... Но въ концѣ концовъ осетины стали вновь твердой ногой въ предоставленной имъ предгорной полосѣ и получили возможность пріобщиться къ той культурной жизни, піонерами которой на Кавказѣ были русскіе люди. И, освободивъ всѣхъ осетинъ отъ ига Кабарды и Грузіи, Россія освободила затѣмъ постепенно различныя зависимыя сословія отъ гнета высшихъ классовъ, поставившихъ тѣхъ мало-по-малу въ крѣпостную отъ себя зависимость. И теперь каждый осетинъ чувствуетъ въ себѣ свободнаго человѣка, поставленнаго подъ охрану общихъ для всѣхъ и гуманныхъ законовъ,—заключилъ свою рѣчь старикъ-ораторъ:—судьба и благосостояніе каждаго изъ насъ зависятъ только отъ насъ самихъ. Передъ нами открыты двери всѣхъ учебныхъ заведеній отъ низшихъ и до высшихъ; всѣ посты и должности въ государствѣ, охватившемъ полъ-міра, такъ же могутъ быть заняты талантливыми осетинами, какъ и чисто русскими людьми. Да здравствуетъ же наша избавительница Россія и ея монархи! Да здравствуютъ и тѣ русскіе люди, которые приносили и приносятъ въ нашъ край миръ, благосостояніе и истинное просвѣщеніе!

---

[1]) Во второй половинѣ XVIII вѣка.

Эта рѣчь была, конечно, слишкомъ длинна, чтобы вся присутствовавшая и совершившая уже немало возліяній въ честь бахуса публика выслушала ее съ одинаковымъ вниманіемъ. Впрочемъ, наиболѣе нетерпѣливая часть гостей, понявъ изъ первыхъ же фразъ, что рѣчь затянется, по крайней мѣрѣ, на четверть часа, поспѣшила убраться изъ кунацкой на дворъ, гдѣ и принялась за прерванное занятіе опоражниванія чапекъ и стакановъ подъ аккомпанементъ появившейся откуда-то зурны. Но остальная болѣе солидная публика выслушала старика до конца и привѣтствовала послѣднія горячо сказанныя имъ фразы большимъ шумомъ, криками «ура!» и различными сочувственными возгласами. Всѣ присутствовавшіе жали руки оратору и пили за его здоровье.

— Хорошо сказалъ старикъ,—замѣтилъ мнѣ В.:—и совершенно согласно съ имѣющимися историческими свѣдѣніями. И роль Россіи отмѣтилъ вполнѣ вѣрно. Но только много еще тутъ дичи и невѣжества, и большая еще работа предстоитъ впереди піонерамъ высшей культуры... Хотя нужно признаться, что осетины очень способный народъ, и что если бы не эта ихъ классическая лѣнь, съ которой вы уже достаточно познакомились, то они быстро достигли бы прекрасныхъ результатовъ какъ въ области умственнаго развитія, такъ и въ отношеніи экономическаго благосостоянія.

IV.

Тѣмъ временемъ наша кунацкая стала пополняться той публикой, которая передъ тѣмъ перекочевала на дворъ. За первой длинной рѣчью послѣдовало нѣсколько коротенькихъ. Но это были уже тосты въ честь отдѣльныхъ присутствующихъ и нѣкоторыхъ отсутствующихъ лицъ. Въ цвѣтистыхъ и витіеватыхъ выраженіяхъ тотъ или другой осетинъ, на русскомъ или на своемъ родномъ языкѣ, приглашалъ всѣхъ выпить за цвѣтъ и красу Терскаго казачьяго войска, сотника N., или за любимаго и уважаемаго начальника участка, поручика В... И по мѣрѣ того, какъ число тостовъ прибавлялось,—возростало и общее веселье... Скоро общіе разговоры стали невозможны.

Въ это время В. обратилъ мое вниманіе на появившагося въ послѣднія минуты и неприсутствовавшаго ранѣе старика-осетина, которому при его входѣ почтительно дали пройти впередъ и уступили одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

— Какъ вамъ кажется, сколько ему лѣтъ?—спросилъ В.

Я внимательно всмотрѣлся въ статную и крѣпкую фигуру туземца, въ далекія еще отъ дряблости черты его лица и особенно въ глаза, свѣтившіеся жизнью и энергіей.

На мой взглядъ ему можно было дать около шестидесяти лѣтъ, самое большое.

— Ну, нѣтъ, берите выше,—улыбаясь отвѣтилъ В.:—ему не менѣе 100 лѣтъ.

— Да не можетъ быть!—изумился я.

— Такъ, такъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ,—подтвердилъ В.:—кавказскіе горцы, а также и наши осетины вообще прекрасно сохраняются и зачастую доживаютъ до почти баснословнаго возраста. Вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ селеніи Ардонъ умеръ старикъ Тко Мерденовъ, которому насчитывали 164 года! Да, да, не пугайтесь,—именно 164 года... Одинъ изъ мѣстныхъ писателей посвятилъ ему даже цѣлый фельетонъ въ одной изъ кавказскихъ газетъ. Этотъ феноменальный и, кажется, самый долговѣчный изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ стариковъ сто тридцать лѣтъ тому назадъ былъ уже начальникомъ надъ проводниками по Военно-Грузинской дорогѣ и велъ черезъ нее извѣстнаго академика Гюльденштедта, а передъ тѣмъ генерала Тотлебена, который въ 1769 году перевалилъ съ русскимъ военнымъ отрядомъ черезъ Кавказскій хребетъ, будучи посланъ императрицей Екатериной Второй на помощь Грузіи и имеретіи. Онъ оставилъ послѣ себя неутѣшную 120-лѣтнюю вдову, но пережилъ почти всѣхъ своихъ многочисленныхъ сыновей, изъ коихъ нѣкоторые достигали тоже почти столѣтняго возраста. И, несмотря на такой необыкновенный возрасть, Тко Мерденовъ до самой смерти сохранилъ удивительную бодрость и совершенно свѣжія умственныя способности... Если не вѣрите, спросите всѣхъ присутствующихъ.

— Отчего же мнѣ не вѣрить? — отвѣтилъ я: — хотя фактъ самъ по себѣ очень ужъ поразителенъ. И много у васъ такихъ стариковъ?

— Ну, такихъ-то, заживающихъ не одинъ, а чуть ли не два чужихъ вѣка, не очень много,—продолжалъ В.:—вотъ еще, напримѣръ, въ одномъ изъ моихъ же селеній живетъ прапорщикъ милиціи, Брекъ Корнаевъ, который участвовалъ волонтеромъ въ битвѣ подъ Бородино. Онъ съ гордостью говоритъ о томъ, что одинъ остался отъ этихъ достопамятныхъ временъ. А что это правда, можетъ подтвердить вамъ нашъ ораторъ, который только что сейчасъ говорилъ объ исторіи Осетіи.

И дѣйствительно разжалованный штабъ-офицеръ тотчасъ же подтвердилъ справедливость разсказа моего пріятеля и добавилъ, что этотъ прапорщикъ сражался при Бородинѣ рядомъ съ его отцемъ.

— А меня,—улыбаясь добавилъ старикъ:—Корнаевъ полупрезрительно называетъ лапу (мальчишкой), хотя, какъ вы сами видите, мнѣ уже за 80 лѣтъ.

— А вонъ еще въ селеніи Батако-юртъ,—продолжалъ В. свое интересное сообщеніе:—застрѣлился недавно старикъ Габо Кубаловъ. Ему по общему мнѣнію было за 120 лѣтъ, а такъ какъ онъ былъ еще вполнѣ бодръ, то навѣрное прожилъ бы еще 20—30 лѣтъ.

— Отчего же онъ застрѣлился?

— Ужъ этого не могу вамъ сказать. Быть можетъ, отъ того, что достаточно уже насладился жизнью, а, можетъ быть, и отъ нераздѣленной любви,—добавилъ улыбаясь В.

— Да вотъ и я,—вмѣшался тутъ тотъ же казачій офицеръ, съ которымъ я говорилъ объ осетинскомъ языкѣ: — надѣюсь прожить до такого же почтеннаго возраста. Пока лѣтъ до 90 буду жить во-всю, ни въ чемъ себя не стѣсняя. А когда кончится девять десятковъ, отправлюсь на Цейскій ледникъ, куда наши осетины идутъ лѣчиться отъ чахотки, построю тамъ себѣ келью и буду молиться Богу. Такъ вѣрно еще лѣтъ 90 проживу. Какъ вы думаете, хватитъ, чтобы грѣхи замолить?..

— Не знаю,—смѣясь отвѣтилъ я:—это зависитъ отъ того, насколько вы нагрѣшите за первыя 90 лѣтъ вашей жизни...

V.

Между тѣмъ пиръ нашъ подошелъ къ самому концу. Явился самъ старикъ Мотоевъ и, кланяясь, сталъ благодарить за ту честь, которую мы всѣ сдѣлали ему, посѣтивъ его скромное жилище и освятивъ своимъ присутствіемъ его семейный праздникъ. Тутъ всѣ стали пить за здоровье хозяина и благодарить его за прекрасное угощеніе.

Затѣмъ вся компанія, шумя и болтая, высыпала на галлерею и на дворъ. Тутъ кто посолиднѣй усѣлся на галлереѣ, гдѣ вновь появились кое-какія закуски и напитки, а молодежь устроила пляску подъ навѣсомъ въ глубинѣ двора подъ общекавказскую зурну.

— Хотите познакомиться съ осетинскими сказками?—спросилъ меня В.

— О, конечно, съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я.

Тогда мой пріятель поговорилъ съ Ибрагимомъ, сыномъ хозяина, и тотъ сейчасъ же указалъ на одного изъ присутствовавшихъ на пиру почтенныхъ стариковъ. Того вытащили впередъ, и В. попросилъ его разсказать двѣ-три осетинскихъ сказки. Старикъ не сталъ упираться и ломанымъ русскимъ языкомъ сталъ разсказывать. Рѣчь его была медлительна и тяжела, а сказки нравоучительны, шаблонны и скучны.

Разсказывалъ онъ о богатыхъ нартахъ, которыхъ осетины считаютъ своими предками, о строптивыхъ женахъ и мудрыхъ мужьяхъ, о вѣроломныхъ друзьяхъ и преданномъ родственникѣ и т. д. За-

мѣтивъ, однако, по нашимъ лицамъ, что сказки его скучны, онъ разсказалъ въ заключеніе весьма остроумный анекдотъ о сумасшедшихъ людяхъ и умномъ муллѣ.

«Въ одномъ селеніи,—разсказывалъ старикъ,—жилъ-былъ ученый мулла, который каждый день читалъ по одной главѣ изъ корана. И вотъ однажды, совершенно неожиданно для себя, мулла вычиталъ, что въ ближайшую пятницу будетъ сильный дождь, и что всѣ люди, которые напьются этой воды, сойдутъ съ ума. Мулла испугался этого предсказанія и рѣшилъ запастись заблаговременно хорошей водой, чтобы ея хватило до того времени, когда пропадетъ сумасшедшая вода и смѣнится другой, здоровой. А такъ какъ въ колодцахъ воды было мало, и до пятницы оставалось всего два дня, то онъ никому не объявлялъ о своей тайнѣ, чтобы другіе не отняли у него его запасовъ.

«Вотъ пришла пятница, и пошелъ дѣйствительно сильный дождь. И всѣ, кто пилъ эту новую воду, тотчасъ же становились сумасшедшими. Къ вечеру весь народъ помѣшался, и вмѣсто того, чтобы, по призыву муллы, творить намазъ,—всѣ прыгали, смѣялись, говорили глупости и дрались между собой. На другой день опять начались пляски и разныя глупости. Муллу это сначала очень забавляло, но потомъ ему стало жаль своихъ духовныхъ чадъ, и онъ началъ уговаривать ихъ не бѣсноваться, а молиться Аллаху, чтобы онъ вернулъ имъ здравый разсудокъ. «Вы всѣ сошли съ ума, потому что пили дождевую воду, — говорилъ имъ мулла:—впрочемъ, я готовъ, пожалуй, подѣлиться съ вами своей водой, которой заблаговременно запасся, и которая, съ помощью Божьей, вернетъ вамъ, быть можетъ, здравый смыслъ». Но его никто не слушалъ; когда же онъ сталъ надоѣдать всѣмъ своими приставаніями, въ народѣ стали говорить, что мулла, навѣрное, помѣшался, такъ такъ увѣряетъ всѣхъ, что они сумасшедшіе, постоянно твердитъ о какой-то сумасшедшей водѣ, да и вообще ведетъ себя не такъ, какъ подобаетъ здравымъ людямъ. Тогда его стали сторониться, а затѣмъ, такъ какъ онъ не прекращалъ своей проповѣди, избили и бросили въ яму, гдѣ онъ долженъ былъ образумиться, а, быть можетъ, и вылѣчиться отъ своей болѣзни. Сидя въ ямѣ, мулла понялъ, что нехорошо быть одному умнымъ среди сумасшедшихъ, а потому и самъ напился дождевой воды, сохранившейся, къ счастію, на днѣ ямы. Тутъ и онъ сошелъ съ ума и сталъ кривляться и кричать, какъ и всѣ его односельцы. Тѣ услышали его крики и стали радоваться, говоря, что яма дѣйствуетъ, и мулла исцѣляется отъ своей болѣзни. Но для вѣрности все-таки продержали его тамъ еще цѣлый день; а когда вытащили и увидѣли, что онъ теперь такъ же кривляется и такъ же перескакиваетъ въ разговорѣ съ предмета на предметъ, какъ и они, здоровые люди, то рѣшили, что онъ поправился и снова сталъ умнымъ. Тогда его съ почетомъ от-

вели въ мечеть и поручили попрежнему исполнять его священныя обязанности».

Эта остроумная сказка, напомнившая мнѣ фарсъ Мясницкаго «Два часа правды», заставила посмѣяться всѣхъ, кто слышалъ ее впервые. А разсказчикъ, довольный своимъ успѣхомъ, предложилъ намъ другую не менѣе остроумную.

«Жили-были два друга, изъ которыхъ одинъ чѣмъ-то насолилъ другому. Этотъ другой, Асланъ по имени, рѣшилъ отомстить первому. Вотъ въ одинъ прекрасный день приходитъ онъ къ тому и самымъ смиреннымъ тономъ, какъ ни въ чемъ не бывало, проситъ у него котелъ на подержаніе. Тотъ поломался, но далъ. Черезъ недѣлю Асланъ принесъ его обратно, а вмѣстѣ съ нимъ и другой маленькій котелокъ. «А этотъ зачѣмъ же? — спрашиваетъ хозяинъ:—вѣдь я же не давалъ его тебѣ».—«Да видишь ли, другъ,— отвѣчаетъ Асланъ: — твой большой котелъ родилъ этотъ маленькій».—«А,—отвѣтилъ хозяинъ:—коли такъ, то давай и его». А самъ въ душѣ вволю посмѣялся надъ глупостью своего друга.

«Прошло еще сколько-то времени. Асланъ вновь пришелъ къ своему другу и снова попросилъ у него котелъ. Тотъ съ радостью далъ въ надеждѣ на новый приплодъ. Но прошла недѣля, другая, а Асланъ все не возвращаетъ котла. Наконецъ, хозяинъ не выдержалъ и пошелъ къ нему самъ требовать возврата своей вещи. Асланъ же сдѣлалъ удивленное лицо и сказалъ: «Котелъ? Твой котелъ? Да вѣдь онъ же умеръ!» — «Какъ умеръ?» — разсердился тотъ:—что ты говоришь глупости! Развѣ можетъ котелъ умереть?»— «Другъ, — отвѣтилъ ему Асланъ:—вѣдь ты же повѣрилъ, когда я тебѣ сказалъ, что онъ родилъ маленькій котелокъ. Отчего же не вѣришь ты теперь, когда я говорю тебѣ, что онъ умеръ?». Тогда тотъ съ гнѣвомъ ушелъ отъ него и сталъ требовать содѣйствія алдаровъ и муллы, чтобы они заставили Аслана вернуть чужую вещь. Но тѣ, узнавъ всю исторію, только посмѣялись надъ нимъ и сказали, что то, чтò можетъ родить, можетъ также и умереть»...

VI.

Тутъ шумъ во дворѣ, выкрикиванія и стрѣльба изъ пистолетовъ отвлекли наше вниманіе въ другую сторону: то молодежь разошлась окончательно и справляла поминки по кончающемся празднествѣ.

Мы поднялись съ галлереи и прошли подъ навѣсъ, гдѣ происходила пляска. Толпа, окружавшая танцоровъ, разступилась и пропустила насъ впередъ.

Въ этотъ моментъ плясало двое: молодой и широкоплечій осетинъ и молодая же осетинка съ невзрачнымъ лицомъ, изрытымъ оспою;

фигура ея, впрочемъ, была довольно стройна и гибка, невзирая на плохо сшитый костюмъ и эту плоскую грудь—обычное уродство у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ, о чемъ, впрочемъ, я уже говорилъ раньше. Темпъ пляски былъ довольно медленный и лѣнивый, и въ ней не было того огня, который характеризуетъ вообще кавказскую пляску. Дѣвушка, съ застывшимъ, будто окаменѣвшимъ лицомъ, старательно выдѣлывала какія-то мелкія движенія, почти не трогаясь съ мѣста; партнеръ же ея хотя и разошелся подъ конецъ, но все-таки въ движеніяхъ его было мало жизни и энергіи.

Впрочемъ, одинъ «номеръ», котораго мнѣ не приходилось видѣть ни раньше, не позже, внесъ оригинальный оттѣнокъ въ эту пляску, хотя едва ли его можно одобрить и признать особенно увеселительнымъ.

Въ самый разгаръ танца кавалеръ выхватилъ изъ ноженъ свой кинжалъ и сильнымъ взмахомъ руки воткнулъ его въ землю около самыхъ ногъ пляшущей дѣвушки. Затѣмъ, выдернувъ изъ-за пояса заряженный пистолетъ, онъ выстрѣлилъ въ землю, и пуля взрыла ее какъ разъ у правой ступни его дамы. Тутъ же одинъ изъ его сосѣдей-офицеровъ подалъ ему свой револьверъ, и танцоръ въ темпъ пляски сталъ выпускать одинъ выстрѣлъ за другимъ, то опуская свое смертоносное оружіе и направляя выстрѣлы въ землю, то поднимая дуло его вверхъ и пронизывая пулями Смитта и Вессона деревянную крышу навѣса. И одновременно съ нимъ и также въ тактъ танца вся окружающая молодежь также принялась палить вверхъ или внизъ изъ своихъ пистолетовъ и револьверовъ, сопровождая выстрѣлы дикими выкриками и рѣзкими тѣлодвиженіями. Получалось уже прямо нѣчто изступленное и опасное: каждое неловкое движеніе могло причинить смерть кому либо изъ присутствующихъ. В. нашелъ нужнымъ прекратить это страшное развлеченіе и шепнулъ нѣсколько словъ находившемуся около него Ибрагиму. Тотъ передалъ приказаніе начальника на осетинскомъ языкѣ, и почти тотчасъ же стрѣльба прекратилась. Но вмѣстѣ съ ней кончилась и пляска, и молодая дѣвушка съ тѣмъ же безстрастнымъ, хотя и нѣсколько утомленнымъ лицомъ поспѣшила скрыться на жилую половину дома...

Всѣ присутствовавшіе стали обмѣниваться рукопожатіями и расходиться. Поблагодаривъ появившагося вновь хозяина, мы съ В. также отправились обратно въ Бесланъ...

IV.

ПО УЧАСТКУ.

I.

— Завтра утромъ мнѣ предстоитъ ѣхать въ селеніе Заманкулъ на выборы старшины,—сказалъ мнѣ В., когда мы съ нимъ возвращались изъ Карджина съ извѣстнаго уже читателямъ праздника:—такъ не хотите ли присоединиться ко мнѣ? Можетъ быть, увидите что нибудь интересное.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я:—но что же это за выборы?

— А видите ли, у насъ въ каждомъ селеніи имѣется свой выборный старшина,—то же, что́ староста во внутренней Россіи. Заманкульскій старшина, малый смышленый и не безъ образованія, послѣ разныхъ прегрѣшеній былъ смѣщенъ, и теперь предстоитъ выбрать трехъ кандидатовъ на его мѣсто; а затѣмъ высшее начальство утвердитъ одного изъ нихъ въ этой должности, не безъ моей рекомендаціи, конечно.

— Чѣмъ же провинился этотъ старшина?

— Всѣ его прегрѣшенія трудно было бы и перечесть. Мы давно уже терпѣли его, не находя порядочнаго замѣстителя. Но теперь чаша терпѣнія переполнилась, и по моему настойчивому представленію его уволили отъ должности.

— Но что же переполнило чашу вашего терпѣнія?

— Да видите ли, онъ былъ человѣкъ очень лукавый и предпочиталъ вести дѣло такимъ образомъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Волками съ его точки зрѣнія были мы, администрація края, а подъ овцами, которымъ онъ всегда особенно покровительствовалъ, слѣдовало разумѣть разныхъ проходимцевъ, воровъ и разбойниковъ, или абрековъ, по-здѣшнему. Намъ онъ старался показать полное свое усердіе по службѣ, увѣрялъ въ своей преданности и готовности «тащить и не пущать», а пріятелямъ своимъ, абрекамъ, всегда подъ сурдинку предоставлялъ всякіе способы къ учиненію ихъ подвиговъ и къ сокрытію слѣдовъ преступленій. Я давно уже подозрѣвалъ, что за нимъ водятся грѣшки, но твердыхъ уликъ никакъ найти не могъ. Но вотъ мѣсяца три тому назадъ на одной мельницѣ былъ убитъ арендаторъ съ двумя работниками, и, по очень вѣскимъ соображеніямъ, убійцы проживали нѣкоторое время въ Заманкулѣ, при

чемъ старшина не только зналъ объ этомъ, но даже имѣлъ съ ними какія-то тайныя сношенія. Когда же ему было предписано арестовать этихъ убійцъ, онъ промедлилъ нѣсколько часовъ, и тѣ успѣли благополучно исчезнуть въ горы. Я произвелъ разслѣдованіе по этому поводу, и факты доказали причастность старшины къ дѣлу, хотя бы въ формѣ укрывательства. Теперь возбуждается вопросъ объ официіальномъ его преслѣдованіи, а пока, по приказанію начальника области, его уволили отъ должности.

— И часто у васъ бываютъ такія кровавыя происшествія въ родѣ этого убійства на мельницѣ?

— Наша область, въ сущности, прославилась въ этомъ отношеніи даже на Кавказѣ. Разбои тутъ происходятъ постоянные; убиваютъ и грабятъ и ночью, и днемъ, и среди чистаго поля, и на улицахъ городовъ, въ родѣ Грознаго и даже Владикавказа. И какія мѣры ни принимаетъ администрація, всѣ онѣ оказываются слабыми и недѣйствительными.

— Да, впрочемъ, я уже и самъ достаточно наслышался объ этой печальной сторонѣ здѣшней жизни,—замѣтилъ я:—здѣсь дѣйствительно жизнь человѣческая не ставится ни въ грошъ, и убить человѣка такъ же легко, какъ прихлопнуть комара. Только и слышишь, что здѣсь убили одного, тамъ пристрѣлили двухъ, а гдѣ нибудь въ третьемъ мѣстѣ напали на какой нибудь транспортъ или на почту и отправили ad patres всѣхъ проводниковъ и проѣзжавшихъ. Я знакомъ, конечно, съ подобными явленіями по Закавказью. Но все-таки казалось бы, что здѣсь у васъ и страна, и люди должны бы быть все-таки покультурнѣе, въ виду близости Россіи и русскихъ людей, терскихъ и кубанскихъ казаковъ.

— Ну, батенька,—отозвался съ усмѣшкою В.,—наши казаки не особенно-то хорошіе культуртрегеры и сами скорѣе занимаются перениманіемъ у сосѣдей, чѣмъ передачей имъ болѣе высокихъ понятій. Долгое ли военное положеніе, одинаковыя ли условія жизни, но только здѣшніе казаки въ общей массѣ немногимъ развѣ выше осетинъ... Я, конечно, говорю тутъ не относительно разбоевъ и грабежей, въ которыхъ виноваты почти исключительно туземцы и главнымъ образомъ ингуши, а относительно нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ...

— А скажите, у васъ здѣсь тоже, какъ въ Закавказьѣ, держится взглядъ на разбой или грабежъ, какъ на молодечество или удальство?... Тамъ вѣдь до сихъ поръ еще въ извѣстной части населенія существуетъ именно такое воззрѣніе на эти печальныя явленія...

— Да, и у насъ существуютъ такіе же взгляды. Вотъ недавно, напримѣръ, одна осетинка очень наивно говорила моей женѣ, что она не можетъ понять тѣхъ мужчинъ, которые зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба постояннымъ и тяжелымъ трудомъ: то ли дѣло,

говоритъ, пойти ночью и украсть въ сосѣдней деревнѣ нѣсколько штукъ скота или лошадей, сразу богатымъ станешь!.. И подобныя хищенія, которыя вызываютъ тѣмъ больше удивленія и восторга, чѣмъ удачнѣе и скрытнѣе они произведены, явленіе у насъ самое обыкновенное. А на наказанія, въ родѣ тюрьмы, осетины смотрятъ очень легко и даже подсмѣиваются надъ ними: кто, напримѣръ, въ кутузкѣ отсидѣлъ, про того говорятъ, что онъ въ училищѣ побывалъ, а кто просидѣлъ годъ, два въ тюрьмѣ, тотъ уже прямо курсъ гимназіи кончилъ!..

— Изъ такихъ «гимназистовъ» потомъ, вѣроятно, выходятъ уже настоящіе разбойники-профессіоналисты?..

— Да, конечно, эти уже становятся прямо абреками и зачастую пріобрѣтаютъ себѣ громкую извѣстность въ краѣ. Вотъ, напримѣръ, славится у насъ здѣсь своимъ удальствомъ одинъ изъ Дударовыхъ. Это, видите ли, широко разросшаяся фамилія, пользующаяся огромнымъ вліяніемъ среди мѣстнаго населенія вслѣдствіе своей родовитости, богатства и многочисленности родичей. Предки ихъ владѣли когда-то Дарьяльскимъ ущельемъ и Ларсомъ и собирали дань не только съ отдѣльныхъ путешественниковъ, но даже и съ небольшихъ военныхъ отрядовъ. Такъ вотъ этотъ родовитый абрекъ учинилъ массу грабежей и разбоевъ и, благодаря поддержкѣ своихъ вліятельныхъ родственниковъ, а затѣмъ и всего населенія, всегда выходилъ сухъ изъ воды. Администрація принимала всѣ мѣры къ его поимкѣ, но что тутъ подѣлаешь, когда противъ васъ все населеніе? Не такъ давно, впрочемъ, удалось было прослѣдить его и накрыть, но, благодаря оплошности старшины-казака, птичка опять вылетѣла на волю и скрылась.

— Какъ это старшины-казака? Вѣдь вы же говорили, что у васъ старшины выбираются изъ среды самихъ осетинъ?

— Да, выбираются всегда изъ осетинъ, но иногда сходъ не можетъ прійти къ соглашенію и остановиться на какомъ нибудь своемъ представителѣ, а иногда и начальство не соглашается на утвержденіе намѣченныхъ сходомъ кандидатовъ. Тогда берутъ какого либо хорошо себя зарекомендовавшаго казака и сажаютъ его старшиной... Вотъ такъ и тутъ старшиной былъ казакъ, который почему-то рѣшилъ, что можно довѣрить самому пойманному Дударову явиться ко мнѣ, какъ къ начальнику участка. Взявъ съ плѣнника присягу, что онъ самъ, безъ конвоя, явится ко мнѣ, старшина передалъ ему и пакетъ съ рапортомъ объ его поимкѣ.

— И Дударовъ, конечно, не исполнилъ своего обѣщанія?

— Нѣтъ, онъ обѣщаніе исполнилъ, но довольно оригинальнымъ образомъ. На другой же день въ толпѣ своихъ родственниковъ и однофамильцевъ, среди которыхъ я зналъ только двухъ-трехъ человѣкъ, онъ явился ко мнѣ въ канцелярію. Вся эта толпа стала настойчиво просить меня не трогать пойманнаго абрека родствен-

ника и отпустить его на волю. Я, конечно, отвѣтилъ отказомъ. Тогда бывшая тутъ же жена одного изъ членовъ этой компаніи отправилась къ моей женѣ и стала ее просить о томъ же; та отослала эту даму ко мнѣ... И никто изъ нихъ ни словомъ не обмолвился, что разбойникъ, за котораго они просили, находился тутъ же среди нихъ. А я его никогда не видалъ раньше, и хотя и примѣтилъ теперь по бѣгающимъ воровскимъ глазамъ и по ушамъ, густо заросшимъ волосами, но, понятно, отпустилъ домой вмѣстѣ съ другими. Впрочемъ, помню, что я даже спросилъ его, отчего это у него уши обросли, какъ у медвѣдя. Но онъ только разсмѣялся въ отвѣтъ, а другіе послѣдовали его примѣру. Показавшись же мнѣ въ канцеляріи, абрекъ Дударовъ считалъ свою клятву исполненной и, не дожидаясь дальнѣйшихъ событій, благополучно скрылся въ горы. А когда я черезъ нѣкоторое время запросилъ старшину, гдѣ же пойманная имъ птичка, и тотъ объяснилъ, какимъ образомъ отправилъ ее ко мнѣ, то я понялъ сыгранную со мной штуку. Но было уже поздно, и въ клѣтку пришлось посадить вмѣсто абрека оплошавшаго старшину...

II.

На другой день утромъ мы сѣли вдвоемъ на поджидавшую насъ земскую тройку и тронулись въ путь.

Дорога вилась извилистой лентой между полями, засѣянными главнымъ образомъ кукурузой и пшеницей.

День былъ чудный, и яркіе лучи южнаго солнца заливали своимъ свѣтомъ Кавказскій хребетъ, сіявшій и игравшій всевозможными цвѣтами на безоблачномъ небосклонѣ.

Цѣлый амфитеатръ горъ, могучихъ и безконечно громадныхъ, вытянулся на горизонтѣ непрерывной зубчатой стѣной. Какъ сказочные гиганты, громоздились онѣ все выше и выше, и послѣдній рядъ ихъ, сверкая своими алмазными шапками, подпиралъ самый сводъ небесный... И главенствуя надъ всѣмъ этимъ каменнымъ царствомъ, всѣхъ выше и красивѣй, горделиво озиралъ подвластныхъ ему вассаловъ державный красавецъ Казбекъ. Весь залитый солнцемъ, искрясь и сверкая всѣми украшеніями чудной короны, онъ какъ будто радовался своему могуществу и посылалъ царственную улыбку какъ ближнимъ, такъ и дальнимъ слугамъ своимъ. А тѣ, принимая этотъ державный привѣтъ, пламенѣли отъ восторга и, одѣвшись во всѣ цвѣта радуги, склонялись головами передъ своимъ могучимъ повелителемъ. И даже эта мрачная и угрюмая громада Столовой горы съ ея закованнымъ въ броню мертвымъ рыцаремъ, и та проникалась этимъ общимъ радостнымъ настроеніемъ и, скинувъ свое обычное траурное одѣяніе, окуталась прозрачной розовой дымкой...

— Что за картина!—невольно воскликнулъ я:—и какъ вообще чуденъ и разнообразенъ во всѣхъ отношеніяхъ этотъ дивный Кавказъ! И природа, и люди, какъ все это причудливо здѣсь и какъ разнообразно въ своихъ проявленіяхъ!

— И добавьте, какъ некультурно и дико,—замѣтилъ съ улыбкою В.:—я не говорю уже объ этихъ горахъ, которыя дѣйствительно не только очаровываютъ своими дивными картинами, но и подавляютъ въ то же время своей непроходимой дикостью. Но оглянитесь вокругъ себя, посмотрите на эти поля, которыя могли бы давать баснословные урожаи и которыя, однако, только прокармливаютъ здѣшнее сравнительно малочисленное населеніе; присмотритесь поближе къ ихъ владѣльцамъ, къ нравамъ, обычаямъ, религіознымъ воззрѣніямъ, внутреннему быту ихъ, и вездѣ вы увидите ту же некультурность и то же невѣжество. Впрочемъ, вы немного уже знакомы съ этимъ вопросомъ, а, чтобы узнать получше, нужно подольше пожить у насъ.

— Къ сожалѣнію, этотъ день—послѣдній, который я могу провести у васъ,—отвѣтилъ я:—и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы хотя на словахъ познакомили меня съ тѣми сторонами жизни вашихъ осетинъ, которыхъ я не могу самъ наблюдать за неимѣніемъ времени.

— Спрашивайте. Я постараюсь удовлетворить вашу любознательность.

— Въ нашей повременной литературѣ,—сказалъ я:—поднимается время отъ времени вопросъ о томъ, что окраины Россіи живутъ насчетъ ея центра. И статистика подтверждаетъ всю справедливость этого взгляда по отношенію ко всему Кавказу вообще, который и до сихъ поръ даетъ имперіи менѣе того, что требуетъ отъ нея. Но по отношенію къ вашему въ частности краю, поставленному, видимо, въ лучшія экономическія условія, чѣмъ серединныя губерніи, приложимъ ли этотъ принципъ въ полной мѣрѣ?

— Я думаю, что да,—отвѣтилъ В.:—если горные осетины плохо обезпечены землей, то выселенные на плоскость обставлены въ экономическомъ отношеніи безусловно хорошо. А между тѣмъ они платятъ разныхъ сборовъ значительно меньше, чѣмъ крестьяне внутреннихъ губерній.

— Идемъ по порядку. Какое количество земли приходится у васъ на каждую мужскую душу?

— Въ среднемъ около $5^1/_2$ десятинъ, т.-е. значительно больше, чѣмъ въ нашихъ среднихъ губерніяхъ, гдѣ на наличную душу приходится вообще отъ 2 до 3 десятинъ, и притомъ, конечно, гораздо худшей, чѣмъ здѣсь, земли. Вся эта равнина сравнительно недавно еще была покрыта непроходимыми лиственными лѣсами, которые хотя исчезли теперь почти безслѣдно, но въ свое время много повліяли на почву и сообщили ей не исчезающее до сихъ

поръ плодородіе. Прибавьте сюда хорошее орошеніе и обиліе атмосферическихъ осадковъ, и вы увидите, что при правильной культурѣ здѣсь не только не можетъ быть русскихъ голодовокъ, но земледѣліе должно вообще давать прекрасный доходъ.

— А какой даетъ въ дѣйствительности?

— А даетъ лишь столько, сколько нужно для пропитанія собственнаго населенія. Впрочемъ, изъ года въ годъ земледѣльческое хозяйство нашихъ осетинъ, при всей ихъ лѣни, все-таки постепенно подвигается впередъ и даетъ все бо̀льшую прибыль. Если же прибавить сюда скотоводство, огородничество, садоводство и другія доходныя статьи, то мы придемъ къ несомнѣнному выводу, что здѣшнее населеніе обезпечено экономически гораздо лучше, чѣмъ крестьяне внутреннихъ губерній.

— Такъ. Съ этой стороны, значитъ, вопросъ рѣшенъ безусловно не въ пользу центра. Перейдемъ теперь къ денежнымъ повинностямъ: въ чью сторону тутъ должны склониться вѣсы?

— Опять таки не въ пользу центра,—отвѣтилъ В.:—тогда какъ, напримѣръ, временно обязанный крестьянинъ Щигровскаго уѣзда Курской губерніи платитъ въ годъ до 8 рублей разныхъ денежныхъ налоговъ, т.-е. около 3 рублей съ десятины, нашъ плоскостной осетинъ выплачиваетъ казенныхъ и иныхъ повинностей только 3 р. 35 коп. съ души, или 66 коп. съ десятины своей безусловно лучшей земли...

— Да, цифры довольно убѣдительны и доказываютъ въ полной мѣрѣ, что и ваша окраина такъ же, какъ и другія, пользуясь всѣми благами присоединенія къ Россіи, не только ничего не даетъ ей за это, но и выкачиваетъ изъ нея понемногу необходимыя ей самой жизненные соки. Печальное положеніе вещей, и дай Богъ, чтобы оно поскорѣе измѣнилось...

— Затѣмъ другой вопросъ: какое землевладѣніе установилось у васъ—частное или общинное?

— Частновладѣльческихъ земель у насъ здѣсь очень немного, и всѣ онѣ находятся въ рукахъ разныхъ привилегированныхъ семей. Вся остальная земля принадлежитъ селеніямъ или ихъ общинамъ. Селенія эти, какъ вы уже знаете, были образованы русскимъ правительствомъ по типу станицъ Терскаго казачьяго войска и снабжены большими земельными надѣлами, переданными въ полную ихъ собственность. Каждое селеніе эксплоатируетъ свою землю по собственному усмотрѣнію и дѣлитъ ее между входящими въ составъ его дымами путемъ особой жеребьевки.

— А что такое дымъ?

— Это хозяйственная единица, которая обладаетъ всѣмъ нужнымъ для воздѣлыванія земли инвентаремъ. Она часто состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ, принадлежащихъ одному роду и живущихъ совмѣстно, однимъ дворомъ. Семейные раздѣлы, которые

такъ губительно отзываются на крестьянскомъ хозяйствѣ нашихъ внутреннихъ губерній, практикуются здѣсь значительно рѣже, и женатые сыновья пристраиваютъ обыкновенно свои сакли къ саклѣ главы рода, образуя одинъ общій дворъ, или дымъ, по распространенному на Кавказѣ выраженію.

III.

Въ этотъ моментъ дорога, извивавшаяся между плохо воздѣланными полями, подошла къ большому селенію Хумалаги, вытянувшемуся въ длину не менѣе, какъ на двѣ версты. Селеніе отличалось видимой зажиточностью, дома были большею частью каменные, подъ черепичными крышами; о пробудившемся стремленіи къ образованію говорили существовавшія въ немъ двѣ школы— одна мужская, а другая женская.

Мы проѣхали Хумалаги, не останавливаясь, и у самаго выѣзда встрѣтили небольшой поѣздъ: арбу, запряженную одной лошадью и завѣшенную со всѣхъ сторонъ кошмами, и двухъ всадниковъ, ѣхавшихъ по сторонамъ арбы. Въ тотъ моментъ, когда мы разъѣзжались, лошадь подъ однимъ изъ всадниковъ разгорячилась, а когда тотъ осадилъ ее ударомъ нагайки, она шарахнулась къ арбѣ и своей мордой приподняла закрывавшую ее кошму. И оттуда выглянула молодая женщина, тотчасъ же поспѣшившая спрятаться поглубже, какъ только она увидала насъ.

— Навѣрное, «скарабчили» дѣвицу,—замѣтилъ улыбаясь В.:— и спѣшатъ теперь укрыться съ нею отъ погони.

— Но вѣдь вы, какъ представитель власти, должны пресѣчь зло и водворить дѣвицу къ ея родителямъ?—сказалъ я.

— Нѣтъ, пока это «воровство» не приводитъ ни къ какимъ инцидентамъ, мы не обращаемъ на него вниманія. Если поступитъ жалоба, тогда, конечно, придется вмѣшиваться и устроить какое нибудь соглашеніе.

За селеніемъ дорога вновь потянулась среди полей, и мой пріятель, отвѣчая на вопросы, сталъ опять посвящать меня въ нѣкоторыя детали экономическаго житья-бытья своихъ подчиненныхъ, но я опускаю ихъ здѣсь, не желая утомлять читателя. Отмѣчу лишь кое-какія черточки относительно религіи осетинъ, къ которой мы перешли вслѣдъ затѣмъ.

— Офиціально большинство осетинъ исповѣдуетъ православную христіанскую вѣру,—говорилъ В.:—но если коснуться вопроса поглубже, то выйдетъ, что никакой опредѣленной вѣры у нихъ нѣтъ, а существуетъ вмѣсто нея невообразимая смѣсь христіанскихъ, магометанскихъ и языческихъ воззрѣній и обрядовъ.

Христіанство стало проникать къ нимъ очень давно, но главной насадительницей его была здѣсь, какъ и на всемъ Кавказѣ, знаменитая грузинская царица Тамара. Впрочемъ, когда съ ея смертью Грузинское царство стало падать, а осетинъ стали давить съ сѣвера магометане-кабардинцы, то мусульманская вѣра стала постепенно заступать мѣсто христіанства. Укрѣпившіеся въ XVIII вѣкѣ на Сѣверномъ Кавказѣ русскіе стали вновь насаждать христіанство среди осетинъ и для поощренія въ этомъ отношеніи выдавали даже каждому новообращенному деньги и подарки. Конечно, это немало способствовало увеличенію числа христіанъ, но едва ли могло помочь дѣлу по существу, и прочное насажденіе христіанства среди нихъ начинается собственно только за послѣднее время.

— Въ чемъ же состоятъ въ общихъ чертахъ ихъ религіозныя воззрѣнія?—спросилъ я.

— Они признаютъ высшее существо, управляющее міромъ, и называютъ его Хуцуа; затѣмъ они почитаютъ массу низшихъ божествъ и святыхъ, между которыми самыми главными являются Уацила (св. Илья) и Уастырджи (св. Георгій).

Хуцуа живетъ на небѣ, и все ему подчинено; но въ случаѣ надобности на смѣну ему дзуары (святые) могутъ выбрать другого, къ которому тогда и переходитъ вся сила и власть перваго.

Такъ вотъ, разсказываютъ, они уже и поступили одинъ разъ по просьбѣ осетинъ, которые были измучены цѣлымъ рядомъ бѣдствій и обратились къ дзуарамъ съ просьбою о замѣнѣ Хуцуа другимъ, болѣе милостивымъ; просьба эта была изложена на бумагѣ и привязана къ хвосту ласточки, которая и доставила ее по назначенію...

— Ну, затѣмъ Уацила, или св. Илья, такъ же, какъ и у насъ, по мнѣнію простого народа, вѣдаетъ погоду—громъ и дождь; отъ него зависятъ также и урожаи. Людей, къ которымъ онъ особенно благоволитъ, онъ убиваетъ молніей и беретъ къ себѣ; тѣло же убитаго хоронятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его постигла смерть. Передъ похоронами обвязываютъ тѣло разными матеріями, танцуютъ вокругъ него, поютъ священные гимны, а затѣмъ устраиваютъ пиршество на деньги и припасы, принесенные присутствующими. При этомъ ни потушить домъ, загорѣвшійся отъ грозы, ни подать помощь пострадавшему отъ молніи не разрѣшается, чтобы не вызвать гнѣва Уацилы. Къ могилѣ убитаго такимъ образомъ ходятъ на поклоненіе, какъ къ святому.

Но самый любимый святой осетинъ—Уастырджи (св. Георгій). Это ихъ покровитель и защитникъ и передъ Хуцуа, и передъ остальными богами и святыми. Иногда, впрочемъ, и онъ, разгнѣвавшись, посылаетъ на нихъ разныя бѣдствія; но раскаяніе и хорошее жертвоприношеніе всегда способны умилостивить Уастырджи. Ему посвящено множество разсказовъ и легендъ...

IV.

Въ селеніи, въ которое мы направлялись, были, конечно, предувѣдомлены о пріѣздѣ начальника участка и поджидали насъ, собравшись большой толпой около сельскаго правленія; а запоздавшіе быстро подходили, заслышавъ звонъ колокольчика, и перелѣзали по пути черезъ плетни и ограды. Наиболѣе почетное мѣсто принадлежало, конечно, старикамъ, но было много и «молодежи», хотя, понятно, все бородатой. Безбородые же только поглядывали издали на это собраніе «отцовъ» селенія.

Мой пріятель привѣтствовалъ сходъ, кланявшійся ему со всѣхъ сторонъ, и прошелъ предварительно въ правленіе—большую и чистую комнату, гдѣ за простымъ бѣлымъ столомъ сидѣлъ писарь-казакъ и писалъ какія-то бумаги. При входѣ В. онъ всталъ и поклонился. Тотъ подалъ ему руку.

— Ну, что, какъ дѣла?—спросилъ В.:—намѣтили уже кандидатовъ?

— Я не знаю, — уклончиво отвѣтилъ писарь:—это какъ сходъ рѣшитъ, и какъ вы захотите.

— Я тутъ не при чемъ, — отозвался В.:—сходъ свободенъ выбирать, какихъ хочетъ кандидатовъ. А вотъ потомъ кого изъ нихъ поставить старшиной,—это уже наше дѣло. А вы хотите быть старшиной?—съ улыбкой спросилъ онъ писаря.

— Это зависитъ отъ васъ, начальникъ. И если бы вы послали меня куда нибудь старшиной, вы увидали бы, что я умѣю управляться съ осетинами.

— Посмотримъ, посмотримъ,—многозначительно отозвался В. и затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, добавилъ:—а знаете, здѣсь раньше былъ писаремъ одинъ старичекъ, служившій до того въ Сибири и занимавшій тамъ хорошее мѣсто по судебному вѣдомству. Отличный былъ старикъ, исполнительный, аккуратный, но добродушный до того, что его курица могла обидѣть. Такъ онъ тоже просился въ старшины и, напуская на себя суровость, говорилъ, что онъ показалъ бы тогда, гдѣ раки зимуютъ.

— И что же, назначили его?—спросилъ я.

— Нѣтъ, куда! Его даже бабы не слушались бы. А усердія былъ поразительнаго и плодилъ массу бумагъ. Помню, напримѣръ, его первое донесеніе о благополучіи селенія. Онъ тамъ писалъ между прочимъ: «кораблекрушеній не было, бурь на морѣ—тоже», а въ аулѣ даже и рѣки нѣту, какъ видите.

— Куда же онъ подѣвался?

— Уѣхалъ въ Крымъ доживать свои послѣдніе годы. А передъ отъѣздомъ прислалъ мнѣ на память мельхіоровый подстаканникъ.

Пока мы обмѣнивались этими фразами, писарь собралъ со стола нѣсколько бумагъ и положилъ ихъ передъ В. Просматривая ихъ, В. остановился на одной и сказалъ писарю строгимъ тономъ.

— Отчего же вы раньше не донесли мнѣ объ этомъ:

— Да мы думали, что дѣло и такъ обойдется, что мы сами сумѣемъ подѣйствовать на народъ, и не хотѣли васъ безпокоить, — оправдывался писарь.

— Не хотѣли безпокоить,—передразнилъ его В.,—не хотѣли меня безпокоить, а тутъ, можетъ быть, зараза на весь скотъ распространяется! Что, вы не понимаете, насколько опасно при чумѣ каждое послабленіе и отсрочка?

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Да видите ли, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, и, между прочимъ, въ этомъ началась чума на рагатомъ скотѣ. Ну, вызвали мы ветеринара изъ Владикавказа. Онъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ скотъ, прописалъ кой-какія мѣры, а главное велѣлъ изолировать больныхъ животныхъ и держать ихъ отдѣльно отъ здоровыхъ. Я наблюлъ за первоначальнымъ исполненіемъ этихъ предписаній и строго-настрого велѣлъ старшинамъ слѣдить въ томъ же направленіи и далѣе, донося мнѣ тотчасъ же о каждомъ нарушеніи указаній ветеринара. А такъ какъ народъ нашъ крайне неразвитый и не понимаетъ рекомендуемыхъ ему мѣръ, видя въ нихъ лишь стѣсненіе для себя, то нарушенія начались почти тотчасъ же. Уже черезъ день-два я сталъ получать донесенія, что народъ не хотетъ исполнять предписаній ветеринара, а главное не желаетъ держать больную скотину отдѣльно отъ здоровой, отбиваетъ ее съ база, поитъ и кормитъ вмѣстѣ съ здоровыми животными. Ну, я, конечно, поспѣшилъ принять самыя энергичныя мѣры, тѣмъ болѣе, что увѣщанія на нихъ не дѣйствуютъ и приводятъ прямо къ обратнымъ результатамъ. Въ одномъ селеніи чуть было даже не убили ветеринара, который захватилъ нарушителей на мѣстѣ преступленія и сталъ настаивать на возвращеніи больной скотины на базъ. Вотъ только отсюда я не получалъ такихъ увѣдомленій и думалъ, что здѣсь все идетъ исправно. А по этому рапорту видно, что и здѣсь уже недѣлю назадъ начались тѣ же безпорядки и нарушенія. И вы еще хотите въ старшины, когда допускаете такое нерадѣніе по службѣ!—строго добавилъ В., обращаясь къ писарю.

— Позвольте доложить вамъ, господинъ начальникъ,—отвѣтилъ съ волненіемъ писарь:—я тутъ совершенно не виноватъ. Я нѣсколько разъ хотѣлъ писать вамъ объ этомъ, но помощникъ старшины, который исправляетъ теперь его обязанности, не позволялъ дѣлать этого, говоря, что онъ все устроитъ домашними мѣрами.

— Знаемъ мы эти домашнія мѣры,—сердитымъ тономъ проговорилъ В.—Гдѣ помощникъ старшины? Позвать его сюда!

Виновникъ не замедлилъ появиться, а вслѣдъ за нимъ вошли въ избу и всѣ почетныя лица селенія: бывшій старшина, только что смѣщенный, огромный и весь черный мужчина съ воровскими бѣгающими глазами; казначей, выборные и прочіе «именитые» люди.

В. въ присутствіи всей этой почетной публики сдѣлалъ строгій выговоръ помощнику старшины, представлявшему, несмотря на висѣвшую на шеѣ медаль, довольно жалкую фигуру рядомъ съ бывшимъ его начальникомъ, и пригрозилъ, что если въ этотъ же день не будутъ устранены всѣ безпорядки, то онъ донесетъ начальнику области.

— Да я самъ еще посмотрю, что у васъ тамъ вышло, — добавилъ онъ внушительно:—а теперь выходите всѣ на сходъ Да пусть крикунъ еще разъ обойдетъ аулъ и прокричитъ, чтобы всѣ собирались. А кого не будетъ,—оштрафую.

— Крикунъ!—повторилъ я, когда публика, наполнявшая «правленіе», повернула кругомъ и стала выходить на улицу:—это еще кто такой?

— А это тоже у насъ такое должностное лицо,—отвѣтилъ В.,— хотя, впрочемъ, почетомъ оно и не пользуется. Въ каждомъ селеніи есть свой крикунъ, и его обязанность—сзывать односельчанъ на сходы, объявлять распоряженія начальства и т. д. Понятно, что онъ долженъ имѣть хорошія легкія. Да вотъ послушайте...

И, дѣйствительно, подлѣ правленія раздался въ этотъ моментъ такой зычный голосъ, что стекла задребезжали въ окнахъ, и я поспѣшилъ заткнуть уши.

— И дорого получаютъ за свою службу эти іерихонскія трубы?— спросилъ я, когда громоносныя рулады «крикуна» достаточно удалились отъ правленія.

— Тридцать рублей въ годъ на всемъ готовомъ,—отвѣтилъ В.,— это въ общемъ недурно, но осетины почему-то стыдятся итти на эту должность, и ее принимаютъ только самые бѣдные люди.

— А дорого вообще стоитъ вашимъ подчиненнымъ ихъ ближайшее начальство?

— Въ разныхъ селеніяхъ различно, но среднимъ числомъ около тысячи рублей въ годъ. Выборный старшина получаетъ въ томъ числѣ 250 рублей въ годъ, назначенный же начальствомъ до 500 рублей; затѣмъ писарь—300—360 рублей, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ... При здѣшнихъ условіяхъ не только жить можно, но даже и откладывать про черный день.

Вообще на эти должности идутъ очень охотно, а за должность старшины бываетъ всегда сильная борьба между мѣстными партіями; пускаются въ ходъ разные происки, подкупы... И при извѣстной уже вамъ склонности нашихъ «подвластныхъ» къ кляузничеству всѣ мы бываемъ обременены всевозможными анонимными до-

носами, прошеніями, жалобами. Я никогда не забуду, сколько хлопотъ стоилъ мнѣ и сколько крови испортилъ одинъ кандидатъ въ старшины, бывшій ранѣе учителемъ во Владикавказской гимназіи. Такого кляузника и крючкотвора, не стѣснявшагося въ выборѣ средствъ, я никогда въ жизни не видалъ. Зная его хорошо, я принялъ всѣ мѣры, чтобы не пропустить его въ старшины; но и онъ пустилъ въ ходъ всѣ тайныя и явныя пружины, лишь бы повредить мнѣ въ глазахъ высшаго начальства.

Въ этотъ моментъ въ правленіе вошелъ помощникъ старшины и доложилъ, что сходъ собранъ.

— А отсутствующихъ нѣтъ? — спросилъ В. и, получивъ отрицательный отвѣтъ, добавилъ, обращаясь ко мнѣ:—а то они выдумали было собираться, кому заблагоразсудится. Однако я живо вывелъ эту привычку посредствомъ штрафовъ. А то не являются сами на сходъ, а потомъ жалуются, что ихъ будто устраняютъ отъ сельскихъ дѣлъ, и что они не согласны съ постановленіями, состоявшимися безъ ихъ согласія...

Я не буду описывать процедуры происшедшихъ затѣмъ выборовъ трехъ кандидатовъ въ старшины, галдѣнія и шума схода, страстныхъ дебатовъ мѣстныхъ Цицероновъ и Демосѳеновъ, рѣчи которыхъ, впрочемъ, совершенно ускользали отъ меня, благодаря незнакомству съ языкомъ. Ясно было только, что тутъ шла горячая борьба нѣсколькихъ партій, желавшихъ провести своего старшину и заполучить такимъ образомъ власть въ свои руки.

Не менѣе двухъ часовъ продолжался этотъ парламентъ подъ открытымъ небомъ. Всѣ господа избиратели докричались подъ конецъ до хрипоты, и даже самые дряхлые старики, стоявшіе вначалѣ въ сторонкѣ, опираясь на палки и «брады свои въ землю уставя», и тѣ разошлись мало-по-малу и, шамкая беззубыми ртами, старались изложить свои воззрѣнія относительно выборовъ.

Но вотъ шумъ немного стихъ, и помощникъ старшины, подойдя къ В., усѣвшемуся въ сторонѣ отъ схода, чтобы не мѣшать своимъ присутствіемъ свободѣ преній, доложилъ, что избраны кандидатами такіе-то мѣстные обитатели... В. записалъ ихъ имена и затѣмъ распустилъ сходъ.

Когда же мы черезъ полчаса усѣлись въ нашу бричку и двинулись обратно въ Бесланъ, онъ сказалъ:

— Изъ трехъ выбранныхъ кандидатовъ одинъ мнѣ чрезвычайно по сердцу. И если только онъ самъ согласится вновь принять мѣсто старшины, я всѣми силами поддержу его передъ высшимъ начальствомъ.

— Кто же онъ такой?—спросилъ я.

— Это интеллигентъ въ полномъ смыслѣ слова, глубоко образованный и гуманный человѣкъ. Довольно сказать, что онъ, прошедши реальное училище, а затѣмъ и земледѣльческій институтъ.

явился сюда въ свое родное селеніе, чтобы послужить народу своимъ разумомъ и своими знаніями. Конечно, его сейчасъ же выдвинули на должность старшины, и онъ два года занималъ ее, посвятивъ односельчанамъ всѣ силы и средства свои. И они безусловно многому научились отъ него: стали заниматься раціональнымъ огородничествомъ, перешли отъ кукурузы къ пшеницѣ и т. д. У него были затѣмъ широкіе планы насчетъ образованія и другихъ насущныхъ потребностей мѣстнаго населенія, но тутъ вдругъ, вслѣдствіе какихъ-то домашнихъ причинъ, онъ долженъ былъ оставить должность старшины и уѣхать изъ Осетіи. Недавно, впрочемъ, онъ опять вернулся сюда и пока живетъ во Владикавказѣ. И если онъ согласится вновь принять эту должность, ничего лучшаго пожелать нельзя.

— Да,—продолжалъ В. черезъ минуту:—въ такихъ интеллигентныхъ людяхъ, какъ этотъ кандидатъ въ старшины, спасеніе и Осетіи, да и всей Россіи. Только они могутъ дать способному, но невѣжественному нашему народу нужныя ему знанія и вывести его на путь матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Но для этого нужно, конечно, чтобы они подходили къ народу безъ всякихъ затаенныхъ и своекорыстныхъ цѣлей, и чтобы народъ увѣровалъ въ ихъ чистую просвѣтительную миссію. Но, увы, немного такихъ людей и во всей Россіи, немного ихъ и въ нашей благословенной, но некультурной Осетіи...

А. П. Андреевъ.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

ВОЛШЕБСТВО И КОЛДОВСТВО.

Лобъ черной свиньи и сушеная жаба [1]).

ТУ СИЛУ человѣческаго организма, которая въ послѣднее время извѣстна подъ названіемъ «гипнотизма», и внушеніе которой стало предлагаться не только въ лѣченіи нервныхъ болѣзней, но даже и какъ воспитательное средство юношеству, задолго чувствовали и знали наши предки. Но они видѣли въ ней не обыкновенное явленіе природы, а нѣчто сверхъестественное, зависимое отъ злого духа. Они называли эту силу «вѣдовствомъ», а на сѣверѣ даже и до сихъ поръ вѣрятъ, что нѣкоторые изъ людей могутъ «сами имѣть въ себѣ волшебство». Этого убѣжденія не чужды были и выдающіеся русскіе. Такъ, въ печатаемомъ очеркѣ читатель прочтетъ подобное мнѣніе, высказанное въ 1743 г. московскимъ архіепископомъ Іосифомъ. Съ первѣйшихъ вѣковъ основанія Русскаго государства и въ теченіе послѣдующихъ столѣтій любитель исторіи въ письменныхъ памятникахъ, преданіяхъ и законахъ постоянно встрѣчается съ отголосками этихъ вѣрованій. Рѣдкое судебное уголовное дѣло въ старину не сопровождалось волшебствомъ. Съ однимъ изъ такихъ дѣлъ, относящимся къ половинѣ XVIII вѣка мы и познакомимъ читателей, предваряя, что если они и не найдутъ, можетъ быть, въ немъ увлекательности романа и громкихъ именъ героевъ, то увидятъ точное описаніе дѣствительной бытовой жизни, или, вѣрнѣе, дословную обработку слѣдственнаго документа.

---

[1]) Московскій архивъ министерства юстиціи. Дѣло юстицъ-коллегіи № 10 изъ вязки № 2046. Всѣ собственныя имена и большинство разговоровъ принадлежатъ подлиннику.

I.

Стоялъ конецъ апрѣля 1743 года. Былъ чудный, теплый весенній день, деревья ярко зеленѣли на солнцѣ, птицы радостно привѣтствовали обновленіе природы. У одного изъ большихъ деревянныхъ домовъ за Москвою-рѣкою, по улицѣ Ордынкѣ, въ приходѣ Николы Чудотворца, что слыветъ въ Пыжовѣ, толпился народъ, или, вѣрнѣе, всякій сбродъ: слѣпые и хромые, больные, увѣчные и нищіе: одни входили въ растворенныя ворота, толкаясь и суетясь, другіе выходили оттуда, зажимая въ рукахъ полученное подаяніе. За воротами, во дворѣ, у параднаго крыльца на креслѣ сидѣлъ самъ владѣлецъ дома, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Терентьевичъ Ергольскій и раздавалъ милостыню. Возлѣ него стоялъ «камординъ» Дмитрій Семеновъ, дѣлавшій своему господину характеристику бѣдныхъ, которыхъ тотъ и надѣлялъ мелкими деньгами.

Древенъ былъ Григорій Терентьевичъ, пятое царствованіе смѣнилось при его жизни; самъ онъ насчитывалъ себѣ уже болѣе 80 лѣтъ, а все еще «въ отставку отставленъ не былъ» [1]. Службу свою началъ онъ съ 1682 года; при взятіи Азова находился прапорщикомъ въ Московскомъ выборномъ полку Петра Ивановича Гордона, былъ раненъ и «милостиво похваленъ» самимъ государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, въ шведскую войну «былъ раненъ дважды»; послѣ Прутскаго похода былъ сдѣланъ полковникомъ и болѣе 17 лѣтъ былъ командиромъ полка. Въ коронацію Петра II произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ вице-президентомъ надворнаго суда; при воцареніи императрицы Анны Іоанновны за свое усердіе къ службѣ былъ командированъ для составленія предполагавшагося «новаго уложенія»; съ 1733 г. назначенъ вице-президентомъ юстицъ-коллегіи. Въ концѣ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія подавалъ онъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, гдѣ писалъ, что «глазами плохо видитъ, временемъ находится въ безпамятствѣ, и что онъ отъ дѣлъ пришелъ въ глубокую старость». Однако, увольненія не послѣдовало. Ергольскій повторилъ прошеніе при воцареніи дочери Петра. Императрица Елисавета Петровна, знавшая лично старика, тоже отъ службы его не уволила, но разрѣшила ему присутствовать въ коллегіи необязательно.

Григорій Терентьевичъ былъ высокъ ростомъ, полонъ и очень грузенъ; красноватые опухшіе глаза какъ-то болѣзненно слезились на жирномъ лоснящемся лицѣ. Зрѣніе почти совсѣмъ ему измѣнило, и у него явилась привычка всѣ предметы ощупывать своими

---

[1]) Моск. архивъ министерства юстиціи. Книга Герольдм. конторы № 151, л. 677—678.

руками. Одно, что сохранилось отъ нѣкогда мощной природы «петровскаго полковника», это прямизна его стана: когда Ергольскій вставалъ и начиналъ итти, пошатываясь, то ни малѣйшей согбенности не замѣчалось въ его тучномъ и дряхломъ тѣлѣ.

Раздача подаяній на дворѣ Ергольскаго подходила уже къ концу, когда противъ его дома появилось еще трое пришельцевъ: двѣ женщины и мужчина, одѣтые бѣдно и въ поношенныхъ платьяхъ. Они украдкой поглядывали во дворъ Ергольскаго.

— Ступай, Деберскій, съ женою и проси!—подталкивала своего спутника одна изъ женщинъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ, Прасковья,—отозвался тотъ:—не удастся, что задумала; лучше бери съ нами, что дадутъ.

— Вы меня подождите, когда со двора уйдете, въ концѣ улицы,—какъ бы не слушая сдѣланнаго ей замѣчанія, произнесла говорившая.

— Какъ Иванъ, я за нимъ!—какимъ-то забитымъ голосомъ сказала вторая женщина и на цыпочкахъ пошла черезъ улицу слѣдомъ за названнымъ Деберскимъ во дворъ Григорія Терентьевича.

Оставшейся на улицѣ было около 40 лѣтъ; краснощекая, съ живыми карими глазами и вздернутымъ носомъ, она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ, отличаясь какою-то развязностію движеній. Выждавъ, когда ея спутники, получивъ милостыню отъ Ергольскаго, вышли со двора, и увидѣвъ, что камердинера также нѣтъ, а хозяинъ остался одинъ, она быстро юркнула въ ворота.

— Здравствуйте, батюшка Григорій Терентьевичъ!—приближаясь къ старику, вкрадчиво произнесла она.

— Что-то не признаю, кто говоритъ,—отвѣтилъ старикъ, стараясь приподняться съ кресла; глаза его усиленно замигали.

— Какъ узнать, когда 25 лѣтъ не видали: я племянница вашей первой супруги, Прасковья Ефимовна Злобина, а по покойному мужу Десятова; помните Парашу, смоленскую шляхтянку?

— Нѣтъ, никакъ не могу припомнить...

— А когда вы пріѣзжали на побывку въ Ярославскую и Зарайскую вашу вотчину, мы съ моей матушкой Авдотьей Васильевной въ Филипповъ постъ у васъ жили.

— Авдотью Васильевну тоже не припомню: старчество въ безпамятство меня приводитъ, а голосъ твой точно знакомый и будто голосъ жены моей напоминаетъ... Ты говоришь: уже мужа похоронила?

— Достатковъ у насъ большихъ не было, отдали меня замужъ за сержанта Льва Десятова, на 20 годовъ меня старше; хмурый такой былъ и разговаривалъ со мною мало, а ласковаго слова такъ во всю жизнь ни одного отъ него не слыхала. Жили мы съ нимъ лѣтъ 10, любилъ онъ хмельное, а вотчинокъ и людишекъ

не было; потратилъ онъ казенныя деньги, мнѣ-то сказалъ, что прочелся... Сказывать ли дальше?—заглядывая старику въ глаза, спросила разсказчица.

— Сдѣлай милость, продолжай: я тебя такъ хорошо слышу, какъ никого раньше,—отвѣтилъ Ергольскій, поправляя воротъ своей рубашки.

— Надъ мужемъ назначили комиссію, нашли, что Левъ чужого крѣпостного человѣка вмѣсто своего продалъ; онъ сказалъ за собою ложное «слово и дѣло», и его по приговору въ правленіе принцессы [1]) 12 разъ шпицрутенами черезъ полкъ прогнали...

— На мѣстѣ заколотили?—оживляясь спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, живъ остался. Записали его потомъ въ Тобольскомъ городѣ въ солдаты; только все тамъ болѣлъ и нынѣ въ Великій постъ умеръ.

— Ты что же теперь дѣлаешь?

— Пока ничего, проѣздомъ прибыла въ Москву; дѣтей послѣ мужа не осталось; поѣду въ Смоленскъ къ брату.

— Теперь-то гдѣ остановилась?

— Въ Сыромятникахъ у священника.

— Ты нынче-то отобѣдай у меня, старика. Да если хочешь, и остановиться можешь у меня въ свѣтелкѣ по-родственному.

— Нѣтъ, сегодня не могу, Григорій Терентьевичъ: я только на минутку забѣжала тебя провѣдать. А завтра, если не побрезгаешь мною, я приду къ тебѣ въ эту же пору.

— Смотри, не забудь: буду ждать. Ты точно съ собою мнѣ молодость принесла,—съ улыбкою и задумываясь сказалъ Ергольскій.—Обними меня, старика, по-родственному.

— Съ удовольствіемъ, Григорій Терентьевичъ!—отвѣтила Прасковья, цѣлуя старика и погладивъ его по щекамъ, и такъ же быстро, какъ вошла, она исчезла въ воротахъ...

Черезъ недѣлю вдова сержанта Прасковья Ефимовна Десятова, 40 лѣтъ, поселилась въ свѣтелкѣ дома Ергольскаго и сдѣлалась полною его хозяйкою.

II.

Григорій Терентьевичъ Ергольскій вдовствовалъ уже 20 лѣтъ Ближайшими наслѣдниками являлись его родные племянники: Макаръ, Иванъ, Семенъ и Никита Алексѣевы Ергольскіе. Старикъ имѣлъ многочисленныя имѣнія, жалованныя за его службу, и въ числѣ ихъ очень благоустроенную мызу Кализу, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, подаренную ему въ 1723 г. Петромъ Великимъ; много было у Григорья Терентьевича и всякой «движимости», ско-

---

[1]) Анны Леопольдовны.

пленной и имъ самимъ и его покойною женою. Еще въ 1741 г., «чувствуя свою старость и великія болѣзни», Ергольскій вызвалъ къ себѣ на Рождественскихъ праздникахъ всѣхъ племянниковъ, состоявшихъ на службѣ, каждаго изъ нихъ благословилъ соотвѣтствующимъ образомъ и наконецъ «учинилъ домовное расписаніе, кому что опредѣляетъ по кончинѣ вотчинъ и пожитковъ по разнымъ статьямъ». Старшему же изъ братьевъ капитану Макару Алексѣевичу послѣ своей смерти отказывалъ всѣ свои деньги и поручилъ ему всякое правленіе въ деревняхъ и даже въ томъ домѣ, гдѣ Григорій Терентьевичъ жилъ.

Племянниками Ергольскій не былъ доволенъ, потому что всѣ они постоянно «докучали» ему требованіемъ денегъ, и еще незадолго до появленія въ его домѣ Прасковьи Ефимовны въ февралѣ 1743 г. онъ принужденъ былъ дать старшему Макару Алексѣевичу 2.000 рублей, по его «неотступнымъ просьбамъ»; въ то же время старикъ былъ такъ недовѣрчивъ, что взялъ съ племянника закладную въ этой суммѣ на собственную вотчину послѣдняго, заперъ эту закладную въ сундукъ «въ кладовой палатѣ», ключи отъ которой всегда лежали у старика въ его спальнѣ въ особомъ деревянномъ подголовкѣ.

Капитанъ Макаръ Алексѣевичъ Ергольскій жилъ съ своею женою въ мѣстѣ нахожденія полка, а въ домѣ дяди пребывалъ только временами, когда пріѣзжалъ въ Москву. За всѣмъ порядкомъ въ домѣ смотрѣлъ крѣпостной Ергольскаго человѣкъ, Макаръ Спиридоновъ, также старикъ лѣтъ 70, «казначей», какъ называли его въ домѣ, назначенный въ эту должность еще при жизни жены Ергольскаго; его же довѣреннымъ лицомъ былъ также названный нами «камординъ» Дмитрій Семеновъ, однихъ лѣтъ съ Спиридоновымъ, находившійся при своемъ господинѣ съ дѣтства и сопровождавшій Григорья Терентьевича во всѣхъ походахъ. Оба эти старика были привязаны къ Ергольскому и самъ онъ къ нимъ, но хозяинъ никогда не забывалъ, что они его крѣпостные, и держалъ ихъ въ почтительномъ разстояніи, чему отчасти виноваты были и они сами тѣмъ, что недостаточно внимательно выслушивали безконечные разсказы Григорья Терентьевича о его болѣзняхъ, а онѣ-то болѣе всего и занимали Ергольскаго; впрочемъ, за то же старикъ былъ недоволенъ и своимъ племянникомъ, пропускавшимъ «мимо ушей», какъ казалось старику, его заботы о сбереженіи своего здоровья. Кромѣ Спиридонова и Семенова, при домѣ Ергольскаго проживало еще нѣсколько поваровъ, «лакеевъ» и иныхъ дворовыхъ, приставленныхъ къ разнымъ дѣламъ.

Появленіе въ домѣ Ергольскаго Прасковьи Десятовой, кромѣ самого хозяина, было встрѣчено всѣми недружелюбно, но Прасковья такъ ловко завладѣла сердцемъ старика, что когда прибывшій къ Петрову дню къ дядѣ капитанъ Макаръ Алексѣевичъ повелъ было

съ нимъ разговоръ, что ему «непристойно» держать при себѣ вдову, то Ергольскій съ старческимъ упрямствомъ, чуть не плача, заставилъ замолчать племянника.

— Раздаю же я милостыню по вся дни всякому для пользы моей души, такъ ради того же не стану лишать крова и Прасковьи, которая при томъ же родственница моей жены; въ память ея я долженъ сдѣлать Прасковьѣ доброе. Такъ ты у меня ея не трогай!— съ влажными отъ слезъ глазами закончилъ старикъ свой разговоръ съ племянникомъ.

Капитану на этотъ разъ было неудобно ссориться съ дядею: онъ вновь сталъ просить у него взаймы денегъ 1300 рублей, необходимыхъ ему для построекъ въ своей вотчинѣ. Старикъ, однако, заупрямился, сказавъ, что подумаетъ и отвѣтъ дастъ на слѣдующій день; едва же племянникъ отъ него ушелъ, онъ заставилъ себя свести въ свѣтелку къ Прасковьѣ Ефимовнѣ и сталъ съ нею совѣтоваться о просьбѣ Макара Алексѣевича.

— Конечно, нужно дать, если есть изъ чего,—отвѣтила Прасковья:—проситъ не на бездѣлье, а на дѣло. Хоть онъ меня передъ вами, Григорій Терентьевичъ, и злословитъ, а худа я ему, какъ вашему племяннику, не хочу.

— Такъ-то такъ, а все же я ему безъ записи опять не дамъ, а чтобы онъ видѣлъ, какъ тебѣ довѣряю, я съ тобою же вмѣстѣ и съ нимъ завтра въ кладовую палату схожу; ты ее кстати посмотришь.

— Запись точно лучше взять, Григорій Терентьевичъ: вѣрная зацѣпка почтительности его къ вамъ будетъ...

— Именно зацѣпка, я самъ такъ думаю, а свое отъ него не уйдетъ: распусти-ка ихъ, молодыхъ, такъ они тебѣ же на шею сядутъ... А разскажи-ка, Прасковьюшка, какъ твоего мужа шпицрутенами прогнали?—улыбаясь спросилъ Ергольскій, трепля свою собесѣдницу по плечу.

— Полно шутить, дядюшка! — отвѣчала Прасковья, пожимая плечами. Однако, послѣ повторенія просьбы Ергольскимъ вновь звонко отчеканила разсказъ.

И старикъ неудержимо хохоталъ, и лицо его все болѣе и болѣе лоснилось отъ удовольствія.

На другой день капитанъ Макаръ Алексѣевичъ выдалъ дядѣ отъ имени своей жены закладную запись на вотчины ея, село Мелечье въ Козельскомъ уѣздѣ, въ обезпеченіе взятыхъ 1.300 рублей, съ добавленіемъ, что къ празднику Покрова онъ долженъ доставить въ обмѣнъ таковую же за подписью самой жены. Григорій Терентьевичъ, въ сопровожденіи «казначея» Макара Спиридонова, повелъ племянника и Прасковью Ефимовну Десятову къ кладовой. Тамъ, гдѣ кончался длинный деревянный домъ Ергольскаго, была придѣлана каменная пристройка. Въ небольшія свод-

чатыя сѣни сбоку вверху падалъ свѣтъ чрезъ маленькое оконце. Изъ сѣней направо желѣзная дверь вела въ погребъ съ напитками и разными припасами, а налѣво въ самомъ низу сводовъ почти на полу на замкѣ на петляхъ висѣла длинная желѣзная дверь. Спиридоновъ отперъ замокъ, тамъ оказалась другая такая же дверь; когда и эта была отперта, то въ стѣнѣ оказалось отверстіе и двѣ ступени внизъ. Капитанъ со свѣчою пошелъ впередъ, за нимъ Спиридоновъ велъ старика, и послѣднею, также со свѣчою, вошла Десятова.

— Поднимай первую плиту!—отдалъ приказаніе Ергольскій.

Въ кирпичномъ полу погреба, въ который всѣ вошли, виднѣлось три желѣзныхъ плиты съ кольцами. Спиридоновъ снялъ одну изъ верхушекъ, тамъ оказалось отверстіе, также выложенное кирпичемъ. По приказанію Ергольскаго, «казначей» вынулъ отсюда небольшой деревянный сундукъ, не длиннѣе аршина, окованный желѣзомъ, и липовую еще меньше коробку.

— Отопри и отсчитай Макару Алексѣевичу 1.300 рублей,— сказалъ Ергольскій, подавая Спиридонову ключикъ на штофномъ красномъ лоскуткѣ. Изъ нѣсколькихъ свертковъ съ червонными золотыми, простыми и двойными, казначей передалъ капитану сказанную сумму.

— Сколько осталось?—спросилъ старикъ.

— Золотыми 8.700 рублей, рублевою монетою 5 тысячъ рублей.

— Макару отдано было раньше 2.000, теперь 1.300, а было прежде 17.000 рублевъ. Вѣрно; запри опять сундукъ, а въ липовую коробку положи эту закладную,—приказалъ «казначею» Ергольскій, подавая только что полученную отъ племянника запись.

— Цѣло ли серебро во второмъ сундукѣ? — процѣдилъ сквозь зубы капитанъ.

— Посмотри, Спиридонычъ! — отдалъ Ергольскій «казначею» другой ключикъ также на штофномъ лоскуткѣ, только синемъ.

Изъ другого отверстія, подъ такой же плитой, былъ вынутъ окованный желѣзомъ, но немного побольше сундучекъ. Въ немъ Спиридоновъ свертками насчиталъ 5.000 серебряною рублевою монетою.

— Все въ цѣлости, какъ было положено еще при покойной моей супругѣ,—обратился Ергольскій къ Прасковьѣ.

Наконецъ изъ третьяго отверстія былъ вынутъ большой мѣдный кувшинъ, наполненный серебряными рублями на 2.000, и желѣзный котелъ съ мелкою мѣдною монетою «денежками и полушками», въ которомъ находилось до 300 рублей. Сундуки и ящики, стоявшіе по краямъ погреба, по объясненію старика Прасковьѣ, были заняты одеждами его бывшей жены, также мѣдною и и оловянною посудой.

Взявши ключи на штофныхъ лоскуткахъ отъ Спиридонова, Григорій Терентьевичъ въ сопровожденіи остальныхъ вышелъ въ сѣни и только тогда, когда ощупалъ запертый замокъ желѣзной лежачей двери, возвратился въ домъ.

III.

Въ концѣ сентября капитанъ Ергольскій вновь пріѣхалъ на Ордынку и привезъ дядѣ закладную отъ имени своей жены, Ѳедосьи Макаровны, на 1.300 рублей. О Прасковьѣ Десятовой онъ уже собралъ кое-какія справки и потому прямо сказалъ Григорью Терентьевичу, что она не только родственница, а просто «гулящая женка, публичная и подозрительная».

— Оставь ее при мнѣ въ покоѣ, — возразилъ старикъ:—въ моихъ болѣзняхъ она только старику и услада. Ты хорошо знаешь «распоряженіе» на случай смерти тебѣ и братьямъ. Я его не измѣнялъ: тогда будетъ все ваше, когда меня не станетъ, а теперь пока не досаждай...

— Но, дядюшка, не обманула бы она васъ?

— Какой тутъ обманъ, когда ей дѣться некуда, когда она такъ обвыкла къ моимъ порядкамъ, что точно родная за мной, старикомъ, ходитъ... Недавно сама догадалась вынуть мой полковой кафтанъ и чулки, что на случай смерти приготовлено, и все при себѣ перечистила... Постой, — продолжалъ старикъ, видя, что племянникъ хотѣлъ ему возразить,—поѣхали ли бы вы кто со мною на Угрѣшу, а Прасковья въ Успеньевъ день меня туда возила; три дня тамъ въ покояхъ у нашего знакомца архимандрита Коптева пробыли... Я при ней точно и видѣть-то лучше сталъ.

Капитанъ уже не возражалъ; молча прослушавъ разсказъ дяди, онъ тотчасъ же простился и отъ него ушелъ.

Дѣйствительно, Прасковья Ефимовна заботливо предупреждала всѣ желанія Григорія Терентьевича. Сидѣла вмѣстѣ съ нимъ у крыльца и раздавала милостыню; кормила его изъ своихъ рукъ и наконецъ пріучила старика гулять съ нею вмѣстѣ до обѣда въ «маленькомъ саду», который такъ назывался въ отличіе отъ другого, имѣвшаго огородъ. Въ садикѣ стоялъ амбаръ, наполненный ларями съ мукой, крупой и прочимъ хлѣбомъ. Когда старикъ уставалъ отъ прогулки, Прасковья сажала его въ амбарѣ и при немъ раздавала людямъ припасы. Бережливому старику это очень нравилось, и нерѣдко онъ самъ съ совковъ дѣлалъ ссыпку. Но самое главное, чѣмъ Прасковья угодила старику Ергольскому,—это уходъ за его болѣзнями. Григорій Терентьевичъ любилъ, несмотря на свои года, и поѣсть, и попить, что сопровождалось у него обычными въ такихъ случаяхъ недугами, почечуемъ и болью ногъ.

Десятова съѣздила въ Главную аптеку, что у Каменнаго моста; тамъ славился лѣкарь Александръ Сибуръ; онъ далъ Прасковьѣ для Ергольскаго слабительные порошки, отъ употребленія которыхъ старику стало легче. Приходила какъ-то въ домъ Ергольскаго торговка, Аксинья Лифантова, по прозванію Кошкина; купила у нея Прасковья зеленый, шитый золотомъ, платокъ за 1 рубль 70 коп. и разговорилась съ нею о болѣзняхъ старика. Торговка оказалась умѣющею лѣчить почечуйныя болѣзни, она на слѣдующій день принесла траву, размѣшала ее въ винѣ, сама растерла этой жидкостью ноги и поясницу Григорью Терентьевичу и наказала Прасковьѣ точно такія же дѣлать растиранія на ночь три раза въ недѣлю. Десятова не лѣнилась, Ергольскій почувствовалъ облегченіе и отъ почечуйной болѣзни, и отъ боли ногъ. И ласковѣе, и ласковѣе смотрѣлъ старикъ на Десятову, и все болѣе и болѣе пустовала ея свѣтелка.

Но въ половинѣ Рождественскаго поста Ергольскій долженъ былъ выдержать немалыя нападки противъ своей любимицы. Въ одинъ день, когда она куда-то отлучилась, къ Григорью Терентьевичу явился ихъ приходскій священникъ отъ церкви св. Николая, что на Ордынкѣ, о. Тимоѳей Петровъ, давнишній его знакомый. Изъ разныхъ вопросовъ и намековъ Ергольскій понялъ, наконецъ, что отецъ Тимоѳей пришелъ къ нему по дѣлу Десятовой.

— Мы съ тобой такъ хорошо другъ друга знаемъ, что говори лучше прямо, зачѣмъ пришелъ, — рѣшительно сказалъ наконецъ Ергольскій.

Тогда священникъ разсказалъ ему, что къ преосвященному Іосифу, архіепископу московскому, являлся его племянникъ Макаръ Алексѣевичъ, разсказалъ о пребываніи въ его домѣ вдовы Десятовой и просилъ «во избѣжаніе соблазна въ его годы» подѣйствовать на Ергольскаго чрезъ отца духовнаго. Преосвященный «въ архипастырскомъ о немъ попеченіи и призрѣніи» поручилъ ему увѣщевать Григорья Терентьевича разлучиться съ Прасковьею, давъ ей лучше отъ своихъ средствъ на прокормъ.

— Передай преосвященному, что только смерть можетъ меня разлучить съ Прасковьею, или, можетъ быть, сама она отъ меня уйдетъ; не знаю только, въ послѣднемъ случаѣ перенесу ли самъ я эту разлуку. Нѣтъ такихъ правъ, чтобы противъ моего желанія взять изъ моего дома человѣка. А самъ ты къ намъ заходи; мнѣ и Прасковьѣ твои бесѣды назидательны, — закончилъ Ергольскій, прощаясь со священникомъ.

Десятовой старикъ, конечно, тотчасъ же передалъ о посѣщеніи отца Тимоѳея, едва она пришла.

— Мнѣ это неудивительно, — отвѣтила Прасковья: — Макаръ Алексѣевичъ — твой законный наслѣдникъ, онъ свое бережетъ; мнѣ тяжелѣе всего, что всѣ кругомъ меня недружелюбцы. Я, знаешь,

что надумала, Григорій Терентьевичъ, если ты хочешь, чтобы я осталась здѣсь; ты хочешь, чтобы я осталась?

— Что ты, Прасковьюшка?

— Я полагаю взять тебѣ въ услуженіе человѣка, мнѣ извѣстнаго и преданнаго; онъ человѣкъ вольный, прежде служилъ у моего брата въ Смоленскѣ, потомъ находился въ лакеяхъ у принца Брауншвейгскаго. У него только жена; я недавно его встрѣтила: онъ безъ мѣста и съ охотою пойдетъ къ тебѣ.

— Пусть придетъ, я посмотрю его. А какъ его зовутъ?

— Иванъ Ивановъ Деберскій; онъ былъ вывезенъ въ малолѣтствѣ изъ польской націи, женился на православной и нынѣ въ православіи состоитъ. Хорошо поварское дѣло знаетъ,—прибавила Десятова.

На другой день Деберскій, высокій рыжеватый мужчина, лѣтъ 40, и его жена Елена Ѳедорова, тѣ самые спутники, которые сопровождали Десятову въ первое ея появленіе на дворъ Ергольскаго, были Прасковьею представлены Григорью Терентьевичу. Деберскій оказался очень рѣчистымъ; онъ разсказалъ старику, какъ его въ Россію изъ Кракова вывезъ графъ Андрей Дудинъ, какъ онъ послѣ служенія у родныхъ «персонъ», въ томъ числѣ и у брата Прасковьи, служилъ при бывшемъ принцѣ Гессенбургскомъ, какъ потомъ жилъ у принца Антона Брауншвейгскаго, а послѣ его ссылки получилъ свободный «абшидъ». Ергольскій слушалъ его, одобрительно кивая головой, и когда тотъ кончилъ, сказалъ, что беретъ его на службу; велѣлъ переѣзжать вмѣстѣ съ женою въ домъ. Съ тѣхъ поръ Деберскій сталъ замѣнять старику и казначея, и «камордина» и былъ усерднымъ помощникомъ Прасковьи Ефимовны.

Когда въ концѣ 1743 года въ Москвѣ стало извѣстно, что сюда вскорѣ прибудетъ императрица Елисавета Петровна, то къ пріѣхавшему раньше государыни, состоящему при ней, дѣйствительному статскому совѣтнику Василію Ивановичу Чулкову стали являться цѣлыя кучи просителей. Въ ихъ числѣ пришла къ нему и Прасковья Ефимовна Десятова и подала челобитную на имя государыни, въ которой просила «монаршескаго заступленія» отъ духовной консисторіи, писала, что она, живя у своего родственника, «ходитъ за больнымъ старикомъ безденежно, и потому просила не разлучать ихъ до кончины его живота». Чулковъ, по повелѣнію императрицы, сообщилъ консисторіи желаніе государыни, чтобъ Десятову въ домѣ Ергольскаго не безпокоить.

Торжество Прасковьи Ефимовны послѣ ея челобитной было полное. Новый 1744-й годъ въ домѣ Ергольскаго сопровождался перемѣнами: старикъ «казначей» Макаръ Спиридоновъ отъ дѣла былъ отставленъ и замѣненъ близкимъ Десятовой лицомъ Иваномъ Деберскимъ; то же самое было сдѣлано и съ «камординомъ» Дмит-

ріемъ Семеновымъ: на его мѣсто Прасковья назначила своего любимца изъ дворни Ергольскаго, молодого парня Григорья Павлова, съ самаго перваго появленія Десятовой у Ергольскаго старавшагося снискать ея расположеніе. Довѣренность Григорія Терентьевича къ новой родственницѣ не знала предѣловъ: старикъ предоставилъ въ ея распоряженіе всѣ платья, оставшіяся послѣ умершей жены, и безъ колебанія давалъ ей одной ключи на штофныхъ лоскуткахъ отъ своихъ сокровищъ въ кладовой палатѣ, а злые намеки, довольно свободно раздававшіеся прежде насчетъ Прасковьи Ефимовны, съ боязнію и шепотомъ передавались теперь уже отъ одного къ другому.

IV.

Но спокойствіе Ергольскаго и его любимицы было непродолжительно. Старикъ Макаръ Спиридоновъ до того досаждалъ и Григорію Терентьевичу и Десятовой жалобами на свое увольненіе изъ ключниковъ, что Прасковья, «злобясь на него, неоднократно его бивала по щекамъ»; онъ до того надоѣлъ ей, что она упросила Ергольскаго услать старика въ шлиссельбургскую мызу Кализу. Не выдержалъ Макаръ Спиридоновъ своего удаленія отъ господина, убѣжалъ изъ мызы и, явившись 22 мая 1744 года въ московскую полицеймейстерскую канцелярію, сказалъ за собою «государево слово и дѣло». При допросѣ же Макара въ канцеляріи никакого «слова и дѣла» не оказалось, а доносъ его заключался въ томъ, что «вдова Прасковья Десятова чрезъ волшебство хочетъ известь его господина».

— Въ нынѣшнемъ де году, послѣ Богоявленія Господня, сталъ ходить къ нимъ въ домъ мужикъ, Харитонъ Корнильевъ прозывается, бородка рѣденькая, а глаза такіе быстрые, — продолжалъ Спиридоновъ.—И, бывая въ домѣ, Харитонъ на водку и какія-то травы шепталъ, а что, того онъ не знаетъ. И Прасковья Десятова то нашептанное пойло давала Григорію Терентьевичу въ ѣдѣ и чаѣ. А мужикъ Харитонъ жилъ за Москвою-рѣкою, въ Монетчикахъ, въ домѣ кузнеца, и Прасковья къ нему хаживала съ человѣкомъ господина его, Васильемъ Михайловымъ, а человѣкъ въ горницу Харитона не ходилъ, а оставался на улицѣ.

— А однажды у самаго крыльца я слышалъ, какъ Прасковья спросила Харитона: «какіе напитки нужны тѣмъ, у кого дѣтей нѣтъ?» Что отвѣтилъ мужикъ, я не дослышалъ; только послѣ того въ рукахъ у Десятовой, когда она бывала и у Григорія Терентьевича, видѣлъ я сушенаго ежа безъ ногъ, или жабу, что также видѣли и люди его господина, тотъ же Василій Михайловъ, Иванъ Никифоровъ и Семенъ Савельевъ. Да онъ же, Харитонъ, сказалъ разъ Десятовой: «обнимай де почаще старика, онъ къ тебѣ очень добръ будетъ».

— Да хаживала въ домъ господина торговка, по прозванію Кошкина, и Григорья Терентьевича отъ почечуйной болѣзни лѣчила, но такъ какъ она въ то же время и знахарка, то, кромѣ лѣченія, Прасковьѣ въ вѣдовствѣ помогала: у нихъ въ домѣ изъ-подъ пазухи соль сыпала, а Десятова тое соль сбирала и въ обѣдъ господину давала; а живетъ,—прибавилъ Спиридоновъ,—эта Кошкина у Спаса, въ Наливкахъ.

Такъ какъ доносъ Макара Спиридонова касался духовнаго суда, то Спиридоновъ и его допросныя рѣчи, по резолюціи полицеймейстерской канцеляріи, были препровождены въ Московскую духовную консисторію.

Сюда подъ карауломъ были доставлены и оговоренные Макаромъ люди Ергольскаго и Прасковья Десятова, сысканы и также доставлены торговка Аксинья Кошкина и мужикъ Харитонъ Корнильевъ.

Первою дала свое показаніе Десятова. Еще до привлеченія ея въ духовную консисторію, въ полицеймейстерской канцеляріи нашлись «добрые люди», которые оповѣстили ее о доносѣ Спиридонова. Прасковья, какъ показалъ впослѣдствіи капитанъ Ергольскій, по совѣту и на средства дяди «подаривъ канцеляристовъ», явилась вполнѣ подготовленною къ отвѣту. Она объяснила, что никакихъ волшебствъ не дѣлывала, къ мужику Харитону хаживала, и онъ бывалъ у Ергольскаго для лѣченія настойками его ногъ, ни на какіе напитки мужикъ Харитонъ при ней не нашептывалъ. А съ торговкой Аксиньей Кошкиной она лѣчила старика отъ почейчуйной болѣзни; никакой соли Аксинья подъ пазухой при ней не сыпывала, ѣздили онѣ вмѣстѣ въ сѣменной рядъ и въ аптеку за слабительными порошками. А Макаръ Спиридоновъ за сдѣланные учеты доводилъ Григорья Терентьевича «до гнѣва»; по его приказу, Макара наказывали, а онъ, злобясь на нее, что она къ тому приводила, и донесъ на нее напрасно.

Однако всѣ указанные Спиридоновымъ люди Ергольскаго подтвердили доносъ Макара на Десятову, сказали, что они то же самое видѣли, что и онъ, что Прасковья волшебствомъ занималась.

Аксинья Лифантова, прозвице Кошкина, показала, что она Прасковью знаетъ, та называла себя племянницею Ергольскаго; волшебствъ какъ за собою, такъ и ни за кѣмъ другимъ не знаетъ; а лѣчила она вмѣстѣ съ Прасковьей Ергольскаго отъ разныхъ болѣзней, и ему бывало легче; лѣкарства она брала въ главной аптекѣ, о чемъ тамъ засвидѣтельствовать могутъ подлинно.

Когда дошла очередь допроса главному лицу, замѣшанному въ волшебствѣ, «мужику Харитону», то оказалось, что онъ наканунѣ, «вышибши раму, изъ тюрьмы убѣжалъ». Капитанъ Ергольскій впослѣдствіи указывалъ, что въ этомъ побѣгѣ былъ подкупленъ

капралъ, завѣдывавшій тогда карауломъ. Съ прописаніемъ примѣтъ Харитона велѣно было его искать, но онъ, какъ въ воду, канулъ. Дѣло направили въ юстицъ-коллегію.

Послѣдніе допросы происходили въ началѣ іюля. Между тѣмъ въ это время въ Москвѣ произошло событіе, перевернувшее все дѣло и избавившее многихъ отъ неизбѣжной по ходу дѣла пытки. 29 іюня 1744 года, въ присутствіи императрицы Елисаветы Петровны, состоялось обрученіе наслѣдника престола, великаго князя Петра Өедоровича, съ принцессою Ангальтъ-Цербстскою, а 15 іюля послѣдовалъ всемилостивѣйшій манифестъ, по которому всѣ виновные, даже осужденные на смерть или въ каторжную работу, всемилостивѣйше прощались и отъ наказанія освобождались, а дѣла тѣхъ виновныхъ, которые впали въ преступленіе до 15 іюля, повелѣвалось дослѣдовать и таковыхъ отъ наказаній также освободить.

Вѣроятно, подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, Макаръ Спиридоновъ, а съ нимъ вмѣстѣ всѣ его свидѣтели, люди Ергольскаго, 14 августа подали въ консисторію, куда вновь перешло изъ юстицъ-коллегіи ихъ дѣло, челобитную, что они «показали въ своихъ допросахъ о волшебствѣ на Прасковью Десятову напрасно и, на томъ своемъ повинномъ доношеніи утвердясь, просили по состоявшемуся всемилостивѣйшему манифесту ту ихъ вину милостиво отпустить и изъ-подъ караула освободить».

Духовная консисторія, канцеляристы которой, какъ видно по дѣлу, во время слѣдствія не разъ навѣщали старика Ергольскаго и, вѣроятно, потому нерѣдко даже на нѣсколько дней отпускали къ нему Прасковью Ефимовну, въ концѣ августа постановила, «по вступленіи въ силу всемилостивѣйшаго о впадшихъ въ вины указа, Макара Спиридонова и прочихъ, поименованныхъ въ дѣлѣ, людей Ергольскаго отъ наказанія освободить и отдать помѣщику съ распискою».

«Вдову же Прасковью Десятову, — сказано въ постановленіи консисторіи,—чтобы она въ домѣ Ергольскаго не жила и соблазна ему не дѣлала, послать для усмиренія въ Переяславль-Залѣсскій монастырь, гдѣ и быть ей по смерть того Ергольскаго неисходно а игуменьѣ наикрѣпчайшее за нею наблюдательство имѣть».

Наконецъ, отъ замѣшанной въ дѣлѣ Аксиньи Лифантьевой, по прозвищу Кошкиной, постановлено было «взять сказку, въ которой аптекѣ брала она для лѣченія Ергольскаго медикаменты, въ коихъ мѣсяцахъ и числахъ, по рецептамъ ли доктора или лѣкаря и кого именемъ». Но такъ какъ Аксинья явилась въ болѣзни, то по опредѣленію консисторіи она была отдана «на поруки московскаго гарнизонта солдату Кузьмѣ Зювину съ подтвержденіемъ, дабы она изъ Москвы никуда даже на малое время не съѣзжала».

V.

Суровъ былъ приговоръ духовной консисторіи въ отношеніи Прасковьи Ефимовны, несмотря на манифестъ государыни 15 іюля 1744 года, но въ рѣшеніи была сдѣлана одна недомолвка, не указано времени, когда послать ее на смиреніе въ монастырь. Ею воспользовались и Десятова, и сильно привязавшійся къ ней послѣднимъ старческимъ чувствомъ Григорій Терентьевичъ. Любимица по его челобитной была отпущена къ нему въ домъ готовиться къ отъѣзду, но имъ, какъ видно, не торопились, потому что, несмотря на многократныя требованія Десятовой, посланные возвращались безъ нея, смягченные Григорьемъ Терентьевичемъ. Эти отговорки продолжались до первыхъ чиселъ октября, когда наконецъ старикъ одному изъ посланныхъ канцеляристовъ отвѣтилъ, что Прасковьи Десятовой въ его домѣ нѣтъ, а есть его законная жена Прасковья Ефимовна Ергольская, съ которой онъ сочетался бракомъ. Въ доказательство своихъ словъ Ергольскій показалъ канцеляристу списокъ съ вѣнечной памяти, что обрядъ совершенъ въ церкви Ржевскія Пресвятыя Богородицы, что̀ на Поварской.

Озадаченный служитель консисторіи не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ упросилъ Григорія Терентьевича отдать ему для представленія въ консисторію вѣнечный списокъ, въ полученіи котораго и выдалъ хозяину дома расписку.

Изъ духовной консисторіи навели справку. Оказалось, что бракъ былъ дѣйствительно совершенъ въ названной церкви и притомъ въ присутствіи законныхъ свидѣтелей. Только одно представлялось неправильнымъ, что вѣнчаніе было допущено не въ приходской Ергольскаго церкви св. Николая, что̀ въ Пыжовѣ; очевидно, старикъ побаивался отказа со стороны священника, которому за нимъ и безъ того былъ порученъ духовный надзоръ. Консисторскіе судьи были поражены такимъ ходомъ дѣла и направили его на рѣшеніе преосвященнаго.

Вновь торжествовала Прасковья Ефимовна и вновь не надолго. Ея доносчика Макара Спиридонова опять сослала она на мызу, а остальныхъ оговоренныхъ людей Ергольскаго «свидѣтелей»—по его вотчинамъ. Аксинью Кошкину съ ея «поручителемъ», солдатомъ Зюзинымъ, помѣстила въ домѣ Григорья Терентьевича. Такъ какъ виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдствій она считала капитана Макара Алексѣевича Ергольскаго, то старикъ до того подчинился ея вліянію, что пересталъ въ своемъ домѣ принимать племянника. Ея знакомецъ Иванъ Ивановичъ Деберскій не только всюду и вездѣ ходилъ за старикомъ, но въ колясках Ергольскаго и иногда даже въ его платьяхъ разъѣзжалъ вмѣстѣ съ Прасковьей Ефимовной и по Москвѣ и за городомъ, а въ ихъ отсутствіе за ста-

рикомъ глядѣли или жена Деберскаго, или Аксинья Кошкина, или наконецъ другой любимецъ хозяйки, Григорій Павловъ.

Однажды вечеромъ Григорій Терентьевичъ и его жена, незадолго до праздника Рождества Христова, были сильно встревожены извѣстіемъ, принесеннымъ имъ секретаремъ консисторіи. Архіепископъ московскій Іосифъ, членъ синода, на поднесенномъ ему доношеніи консисторіи по дѣлу Ергольскихъ написалъ такое свое мнѣніе:

«Вдова Десятова явилась по доносу людей Ергольскаго въ крайнемъ подозрѣніи волшебства, и по обстоятельствамъ дѣла видно, что онъ, Ергольскій, къ браку приведенъ былъ каковымъ ни есть волшебствомъ ея, Десятовой. И того ради, по архіерейскому мнѣнію, надлежитъ его, Ергольскаго, съ тою Десятовою отъ сожитія разлучить и по силѣ правилъ для покаянія за прелюбодѣйство послать его въ монастырь, а о волшебствѣ поступать съ нею, Десятовою, по силѣ правилъ святыхъ отецъ и указовъ».

Секретарь прибавилъ еще, что мнѣніе преосвященнаго завтра 13 декабря будетъ послано на утвержденіе синода.

Долго думали Ергольскій и его жена о своемъ дѣлѣ и наконецъ остановились на такомъ рѣшеніи. Въ Москвѣ въ это время, послѣ поѣздки въ Кіевъ, пребывала императрица Елисавета Петровна. Она жила очень просто въ дворцѣ въ Лефортовѣ и сама нерѣдко принимала просителей. Прасковья Ефимовна должна упасть въ ноги государынѣ и просить о защитѣ. На случай же, отъ ея имени сейчасъ же стали готовить и письменную челобитную.

На слѣдующій день, однако, государыня Просковьи не приняла. Та отправилась на другой день; здѣсь въ пріемной ее встрѣтилъ генералъ-аншефъ и московскій главнокомандующій Василій Яковлевичъ Левашовъ и именемъ государыни сказалъ женщинѣ, чтобъ она свою просьбу словесно передала ему для доклада императрицѣ. Когда Левашовъ выслушалъ Десятову, то сказалъ, что онъ Ергольскаго знаетъ, взялъ у Прасковьи челобитную и велѣлъ ей итти домой.

15 декабря передъ обѣденной порой самъ Левашовъ посѣтилъ Григорья Терентьевича. Старъ былъ и Василій Яковлевичъ, только на 5 лѣтъ моложе Ергольскаго [1]), но съ молодыхъ лѣтъ былъ очень воздерженъ, трезвъ и потому былъ еще бодръ и пользовался довѣріемъ императрицы. Григорій Терентьевичъ зналъ его хорошо, долгое время они состояли въ одномъ полковничьемъ чинѣ, но когда Левашовъ сталъ повышаться въ военной службѣ, а Ергольскій пошелъ по статской, то послѣдній сталъ ему завидовать. Левашовъ же всегда при встрѣчахъ дружелюбно къ нему относился; такъ же дружелюбно онъ поздоровался съ старикомъ и въ настоящій свой пріѣздъ.

---

[1]) См. «Записки В. А. Нащокина». Спб. 1842 г. Стр. 108.

Московскій главнокомандующій передалъ Ергольскому, что государыня оказываетъ ему материнскую милость, помня его похвальную службу еще родителю ея, и потому поручила ему, Левашову, спросить объ его здоровьѣ. Когда Григорій Терентьевичъ съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ соотвѣтственно, то Левашовъ продолжалъ, что императрица поручила отъ него самого увѣриться, нѣтъ ли какого обмана или принужденія при его бракѣ. Ергольскій отвѣтилъ, что онъ заключенъ по его доброй волѣ, и разсказалъ всѣ подробности, касающіяся Десятовой, и свое неудовольствіе на племянниковъ. Левашовъ возразилъ, что государыня и поручила узнать, кому же онъ отказываетъ свои вотчины. Григорій Терентьевичъ сказалъ, что уже у него всѣ онѣ распредѣлены между племянниками, онъ этого рѣшенія мѣнять не намѣренъ, но проситъ не разлучать его съ Прасковьей. Главнокомандующій на прощаньѣ сказалъ, что онъ завтра же обо всемъ донесетъ государынѣ.

VI.

Посѣщеніе Ергольскаго В. Я. Левашовымъ по приказу самой императрицы оживило надежды старика и его жены на благополучное окончаніе дѣла и съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпило положеніе Прасковьи Ефимовны въ домѣ и внѣ его.

Она уговорила старика изъ хранившагося въ кладовой палатѣ сундука выдать ей червонцами и серебромъ 2.200 рублей въ подарокъ и сказать, что эти деньги ея «собственное приданое». Такъ какъ ихъ приходскому священнику также была извѣстна посылка государынею къ Ергольскому московскаго главнокомандующаго, то отецъ Тимоѳей согласился эти 2.200 рублей, вложенные въ два плетеные баула и запечатанные печатьми Григорья Терентьевича и его жены, принять на сохраненіе въ церковь подъ свою расписку, выданную Прасковьѣ 17 февраля 1745 года съ такимъ обязательствомъ, чтобъ деньги эти «безъ ея вѣдома ни мужу ея, ни родственникамъ его и никому иному не выдавать». Затѣмъ остальныя деньги въ томъ же кованомъ сундукѣ она упросила мужа въ кладовую не относить, а беречь въ ихъ спальнѣ.

У Ергольскаго въ С.-Петербургѣ былъ также домъ, находившійся на Васильевскомъ острову. Здѣсь жилъ временно, служа въ полку, его меньшой племянникъ, вахмистръ Никита Алексѣевичъ Ергольскій; послѣдній незадолго до появленія Десятовой взялъ у дяди безъ всякой расписки на слово 500 рублей съ обѣщаніемъ возвратить ихъ чрезъ полгода, но не только денегъ, но даже никакихъ извѣстій старику о себѣ не давалъ. Прасковья нашла, что ей необходимо самой посмотрѣть петербургскій домъ, напомнить и, если можно, получить долгъ съ племянника, а главное

узнать о положенія ихъ дѣла, отправленнаго изъ Москвы въ синодъ. Оставивъ Ергольскаго на попеченіи Деберскаго, его жены и Кошкиной, она въ сопровожденіи своего любимца Павлова отправилась въ Петербургъ. Отсюда 10 марта она прислала старику письмо; называя его «любезнымъ супругомъ», она сообщала, что въ домѣ все обстоитъ благополучно, приставленнымъ при домѣ человѣкомъ Ергольскаго она осталась довольна, племянникъ денегъ не отдалъ, но вручилъ ей заемную запись на взятую сумму.

Возвратилась Прасковья Ефимовна въ Москву послѣ Благовѣщенья и разсказала старику, что ихъ дѣло находится и въ синодѣ и въ кабинетѣ; подлинно могла только узнать, что рѣшеніе его зависитъ отъ воли государыни.

Между тѣмъ, когда она ѣздила въ Петербургъ, московскій главнокомандующій получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ, полученный 10 марта 1745 года.

«Господину генералу Левашову. Въ прошломъ 1744 году по опредѣленію святѣйшаго синода велѣно дѣйствительнаго статскаго совѣтника Григорья Ергольскаго, который въ старости лѣтъ своихъ женился на подозрительной вдовѣ Прасковьѣ Десятовой, разлуча съ тою его женою, разослать обоихъ по монастырямъ. А оный Ергольскій просилъ, чтобъ его съ нею не разводить, чего за предписанными отъ святѣйшаго синода по правиламъ св. отецъ резонами отмѣнить невозможно. А понеже въ разсужденіи синодскомъ показано, что Десятова Ергольскаго склонила, видя его въ крайней старости, желая конца его и получить имѣніе, того ради изъ высочайшаго милосердія Ергольскаго отъ ссылки свободить и выслать его въ С.-Петербургъ съ добрымъ офицеромъ, объявя ему, что та высылка его чинится не подъ гнѣвомъ, но чтобъ дать ему покой, и не токмо безъ всякаго озлобленія, но во всемилостивѣйшемъ разсужденіи, чтобъ при такой его старости не могъ кто обманомъ имѣніе его получить въ продажу. Чего ради ни одна купчая или закладная отъ него или на него дѣйствительною быть не признавается. Объ оставшихъ же у него имѣніяхъ и дворахъ и наслѣдникахъ его Ергольскаго прислать вѣдомость. А между тѣмъ, чтобъ дворы и деревни безъ надлежащаго призрѣнія не были разорены и расхищены, то все оное въ смотрѣніе приказать одному изъ служителей Ергольскаго, которому онъ довѣритъ. А понеже указанная Прасковья Десятова, на которой Ергольскій былъ женатъ, явилась по показанію на нее людей Ергольскаго въ зачинаніи волшебства, то дѣло о томъ изслѣдовать и ее прислать въ святѣйшій синодъ».

Въ самый послѣдній день марта Левашовъ вновь пріѣхалъ въ домъ Ергольскаго. Встрѣтила его Прасковья и сказала, что мужъ ея лежитъ въ постели боленъ. Василій Яковлевичъ все-таки выразилъ желаніе его видѣть.

— Что съ тобою, Григорій Терентьевичъ?—съ участіемъ спросилъ Ергольскаго главнокомандующій, садясь на кресло около старика, лежавшаго на постели въ спальнѣ. Послѣдній тяжело дышалъ, глаза его слезились, лицо было блѣдно.

—Обычные мои недуги, да видно соскучился по Прасковьѣ, она въ Петербургъ ѣздила, ноги опять болѣть стали, она сама ихъ всегда мнѣ натирала. Не привезъ ли, батюшка Василій Яковлевичъ, милости?

— Пока нѣтъ, Григорій Терентьевичъ, пріѣхалъ самъ собою узнать о твоемъ здоровьѣ. Дѣло твое дошло до государыни, такъ, можетъ быть, для успѣха тебѣ и самому придется поѣхать въ Петербургъ и представиться въ Петергофѣ. Хватитъ ли у тебя на то силъ?

— Теперь Прасковья пріѣхала, я сталъ покойнѣе, принялъ слабительные порошки. Статься можетъ, и доѣду: упаду государынѣ въ ноги и умолю ее не отнимать у меня жены.

— Увидимъ, что Богъ дастъ!—сказалъ Левашовъ вставая.—Я вскорѣ пришлю къ тебѣ человѣка узнать о твоемъ здоровьѣ.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Григорія Терентьевича московскій главнокомандующій, на именной высочайшій указъ, послалъ слѣдующее донесеніе государынѣ:

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ Ергольскій и съ женою въ С.-Петербургъ отправлены будутъ, а отбытіе его въ замедленіе произошло отчасти за его болѣзнію и собираніемъ, а понудить его опасался, чтобъ скорою его высылкою онъ страха не воспріялъ».

Наконецъ Ергольскому стало лучше. Левашовъ объявилъ ему высочайшій указъ, и Григорій Терентьевичъ вмѣстѣ съ женою сталъ собираться въ путь. Макаръ Спиридоновъ былъ вызванъ изъ мызы, и ему довѣрено смотрѣть за домомъ. Почти всѣ цѣнныя вещи Ергольскіе брали съ собою, для нихъ былъ приготовленъ особый «фурманъ», и вещами же наполнились еще два воза. Деньги, находившіяся въ кладовой, были также вынуты. Но когда все было готово къ отъѣзду, то Прасковья вдругъ объявила старику, что она хочетъ съѣздить одна въ церковь Ржевскія Божія Матери отпѣть напутственный молебенъ.

Однако вмѣсто этой церкви она съ сопровожденіи Деберскаго и своего любимца Павлова, захвативъ съ собою кованый сундучекъ съ пятью тысячами рублевой монеты, въ коляскѣ подъѣхала къ своему приходскому священнику. Здѣсь, отославъ отъ себя пѣшкомъ Павлова къ Ергольскому, она спросила хранившіеся въ церкви баулы, вынула изъ нихъ деньги и, вновь запечатавъ ихъ своею печатью, въ коляскѣ съ Деберскимъ отправилась къ Аксиньѣ Кошкиной, поселившейся въ прежнемъ своемъ домѣ у Спаса, въ Наливкахъ. Въ чуланѣ у Аксиньи она оставила сундучекъ съ 5.000 рублями и, пошептавшись съ Кошкиной, въ сопровожденіи Деберскаго тихо поѣхала по направленію къ Тверской заставѣ.

Часа черезъ два послѣ отъѣзда Прасковьи къ Ергольскому явился Павловъ. Онъ передалъ ему денегъ 10 рублей и сказалъ, что ихъ ему прислала Прасковья Ефимовна на расходъ на нынѣшній день, что она, опасаясь погони отъ духовной дикастеріи, поѣхала напередъ, а чтобъ онъ со всѣми ѣхалъ завтра съ утра, а она станетъ его ожидать въ дорогѣ у села Всесвятскаго.

На другой день Григорій Терентьевичъ у указаннаго мѣста встрѣтилъ свою жену, она пересѣла къ нему въ коляску, въ другой размѣстились Деберскій съ женой и Павловымъ; дальше слѣдовали провожатые, дворовые люди, «фурманъ» и воза съ вещами.

29 мая 1745 года Василій Яковлевичъ Левашовъ донесъ государынѣ, что «предписанный Ергольскій и съ женою, московскаго гарнизона драгунскаго шкадрона съ поручикомъ Лавровымъ, добраго поведенія и исправнымъ человѣкомъ, въ С.-Петербургъ отправлены; Лаврову приказано сопровождать Ергольскаго со всякимъ покоемъ, а Ергольскому объявлено, что онъ не подъ гнѣвомъ отправляется, но для милостиваго содержанія».

VII.

Едва донесеніе Левашова было получено въ Петербургѣ, какъ къ нему въ тотъ же день 6 іюня 1745 года изъ кабинета императрицы было послано сообщеніе, что «по именному указу за подписаніемъ ея величества собственныя руки велѣно согласно съ опредѣленіемъ синода Ергольскаго съ женою разлучить; и тако если они оба отъ него оправлены быть имѣютъ, то это будетъ противно вышеобъявленному именному указу. Того ради и надлежитъ вамъ выслать его, Ергольскаго, въ С.-Петербургъ одного, а ту бывшую жену его сыскавъ отослать въ святѣйшій синодъ особо, а не съ нимъ вмѣстѣ, для поступленія съ нею за показанное на нее волшебство по правиламъ святыхъ отецъ».

Но сообщеніе кабинета опоздало. 16 іюня Григорій Терентьевичъ и Прасковья Ефимовна вмѣстѣ прибыли въ Петербургъ.

Сейчасъ же по пріѣздѣ они въ сопровожденіи поручика Лаврова отправилась въ Петергофъ; здѣсь имъ было объявлено, чтобъ они явились въ Петербургѣ въ кабинетъ къ статскому совѣтнику Василію Демидову. Послѣдній, призвавъ Григорія Терентьевича одного въ присутствіе кабинета, а его жену оставивъ въ другой комнатѣ, объявилъ ему рѣшеніе кабинета, посланное въ Москву Левашову 6 іюня 1745 года. При этомъ Демидовъ прибавилъ, что государыня, помня его службу, поручила обнадежить въ высочайшей къ нему милости, и чтобы онъ пока до окончательнаго рѣшенія дѣла ѣхалъ къ себѣ въ домъ.

Ергольскій сказалъ, что онъ волю императрицы готовъ исполнить, подписался подъ сообщеніемъ и шатаясь, поддерживаемый поручикомъ Лавровымъ, направился вонъ. На крыльцѣ, подождавъ немного и видя, что Прасковья къ нему не возвращается, онъ послалъ Лаврова сказать Демидову, что онъ безъ жены домой не поѣдетъ, что съ нимъ изъ Москвы прибыли многія вещи, и онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать.

Поручикъ вернулся и сказалъ, чтобъ Григорій Терентьевичъ садился въ коляску, что его жена сейчасъ же будетъ. Но когда Ергольскій это исполнилъ, то къ нему сбѣжалъ комитетскій секретарь и сказалъ, чтобъ онъ ѣхалъ одинъ, а, вернувшись домой, отослалъ бы коляску назадъ за женою, которая тотчасъ же въ ней пріѣдетъ по отобраніи отъ нея показанія.

— Господинъ секретарь! — поднимаясь въ коляскѣ и весь трясясь, произнесъ Ергольскій: — передайте статскому совѣтнику, что если я моей жены не увижу, то зарѣжусь; клянусь Богомъ, что зарѣжусь! — внѣ себя хриплымъ голосомъ прокричалъ старикъ, падая въ коляску и, какъ ребенокъ, заливаясь слезами.

Явившійся Демидовъ попробовалъ было успокоить Григорія Терентьевича, но тотъ и при немъ продолжалъ плакать и приговаривать:

— Если не отпустите Прасковьи, зарѣжусь, такъ и государынѣ скажите, что зарѣжусь, что не перенесу разставанія съ нею...

Плачъ и вопли старика въ коляскѣ на улицѣ въ обществѣ офицера Лаврова стали привлекать любопытныхъ.

«Тогда, — писалъ въ своемъ донесеніи Демидовъ секретарю государыни, тайному совѣтнику барону Черкасову, — я принужденъ былъ посылать за оберъ-прокуроромъ въ синодъ, чтобъ какъ можно Ергольскаго успокоить, но онъ былъ въ отлучкѣ въ Петергофѣ. Опасаясь же, чтобъ Ергольскій подлинно чего надъ собою не учинилъ и въ старости души своей не погубилъ, ибо по состоянію его онъ и безъ всякаго орудія можетъ умереть безвременно отъ единаго сердца, опасаясь всего того, — прибавляетъ Демидовъ, — я и отпустилъ ихъ вмѣстѣ въ домъ».

Радость Григорія Терентьевича была безконечна, когда Прасковья сѣла къ нему въ коляску; онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ ея руки, и слезы лились изъ глазъ старика... «И такъ было во все продолженіе пути»,—замѣтилъ потомъ, сопровождавшій ихъ, поручикъ Лавровъ.

«По отбытіи же ихъ отъ кабинета,—доносилъ дальше статскій совѣтникъ Демидовъ своему начальнику,—ѣздилъ я въ святѣйшій синодъ и объявилъ объ отпускѣ Ергольскаго и съ женою преосвященнымъ: псковскому, тверскому и переяславскому съ товарищи, и они согласились, что пока для такой опасности слѣдуетъ ихъ оставить въ домѣ вмѣстѣ и ея величеству о томъ донесть. А по-

неже онъ, Ергольскій, какъ я самъ присмотрѣть могъ,—прибавляетъ Демидовъ,—такъ привязался къ женкѣ и держитъ ее въ великомъ деспаратѣ, что безъ нея одного шага не ступитъ, говоря при томъ, что она беременна, повидимому, напрасно, то что съ нимъ дѣлать, если ея величество соизволитъ указать быть ему, Ергольскому, въ Петергофѣ одному, а онъ всемѣрно безъ нея не поѣдетъ? Мнѣ же,—продолжаетъ Демидовъ,—поручикъ Лавровъ, ѣхавшій съ Ергольскимъ изъ Москвы, сказывалъ, что при немъ имѣлся немалый скарбъ и людей женска полу одна, а мужеска—человѣкъ съ восемь, и въ числѣ ихъ одинъ незнаемо какой человѣкъ, называемый Иваномъ Деберскимъ, а говоритъ, что онъ дворянинъ; во время пути онъ съ ними ужиналъ и обѣдалъ за однимъ столомъ вмѣстѣ; и присмотрѣлъ онъ, Лавровъ, что тотъ человѣкъ съ Прасковьею перешептывался, а индѣ, при снѣ Ергольскаго, съ Прасковьею и обнимался. И хотѣлъ онъ, Лавровъ, его было спрашивать, но до уходу удержался, боясь, чтобы въ большее сумнѣніе Ергольскаго не привести. И я тому поручику приказалъ,—оканчиваетъ свое донесеніе Демидовъ,—какъ за Деберскимъ съ жёною, такъ и за скарбомъ наблюдать, а жену Ергольскаго не отпускать».

18 іюня баронъ Черкасовъ отвѣтилъ Демидову:

«Объ Ергольскомъ я ея императорскому величеству докладывалъ, и ея величество указала быть по доношенію вашему до прибытія своего въ С.-Петербургъ».

VIII.

Все лѣто прожилъ Григорій Терентьевичъ вмѣстѣ съ женою въ петербургскомъ своемъ домѣ на Васильевскомъ острову въ полномъ спокойствіи. При домѣ былъ садъ и такъ же, какъ въ Москвѣ, хаживалъ онъ здѣсь съ Прасковьей до обѣда, такъ же лѣчила она его отъ разныхъ старческихъ недуговъ. Правда, у нихъ же въ домѣ жилъ поручикъ Лавровъ съ 4-мя солдатами, и Прасковью, когда отлучалась со двора, всегда одинъ изъ нихъ сопровождалъ, но къ этому караулу они скоро привыкли. Только въ концѣ сентября Григорій Терентьевичъ сталъ тревожиться, но уже не за себя, а за жену. Прасковья стала худѣть и желтѣть, жаловаться на головныя боли, ложиться въ постель, а тутъ вскорѣ и окончилось ихъ супружество.

Когда 2 октября Прасковья въ сильномъ жару отъ слабости, съ обметанными губами лежала въ постели, а Григорій Терентьевичъ послѣ обѣда изъ столовой хотѣлъ отправиться отдыхать, то къ нему явился статскій совѣтникъ Демидовъ вмѣстѣ съ поручикомъ Лавровымъ и объявилъ ему указъ синода, утвержденный императрицею, слѣдовать тотчасъ же за ними въ Невскій мона-

стырь для увѣщеванія. Ергольскому не дали даже зайти къ Прасковьѣ, почти насильно посадили въ коляску и поѣхали въ монастырь. Здѣсь ввели его въ «особо приготовленные для него три покоя», близъ церкви, и Демидовъ прочелъ опредѣленіе синода: «быть ему здѣсь, Ергольскому, безысходно, дабы онъ безъ покаянія не умеръ, будучи въ извѣстномъ непристойномъ житіи, ибо онъ находится въ старости и болѣзни и въ послѣдній годъ даже на исповѣди не былъ». Послѣ чтенія Демидова, къ Ергольскому подошелъ «пристойныхъ лѣтъ» іеромонахъ Василій и сказалъ ему, что онъ приставленъ къ нему для провожанія его къ службѣ Божіей и для увѣщанія къ покаянію. Тяжело опустился старикъ на скамью и заплакалъ... Вскорѣ въ его «покои» принесли изъ дома шлафроки, колпаки, бѣлье, примочку для глазъ и его другія, самыя необходимыя вещи.

По отбытіи Григорія Терентьевича съ Демидовымъ въ монастырь, къ Прасковьѣ вошелъ Лавровъ и, глядя на больную женщину, заминаясь сказалъ, что ему предписано взять ее изъ дома и представить предъ собраніе синода.

— Какъ меня представить?—заметалась по постели Прасковья.— Да можно ли замужнюю женщину съ чревомъ на третьемъ мѣсяцѣ брать, ты, господинъ поручикъ, и спроси, а я сама не дамся, пусть будетъ вредъ ребенку, на комъ тогда грѣхъ?—И отборныя ругательства полились потокомъ.

Озадаченный Лавровъ стоялъ и слушалъ, а когда Прасковья кончила, молча вышелъ изъ комнаты. Когда же дня черезъ два она встала, то тотчасъ же, несмотря на ея крики и драку, въ сопровожденіи двухъ солдатъ была доставлена въ канцелярію синода. Здѣсь она при синодальномъ членѣ, протопресвитерѣ Благовѣщенскомъ Петрѣ, оберъ-секретарѣ и секретарѣ разспрашивана, какимъ способомъ принудила она Ергольскаго къ браку, и много ли она съ собою пожитковъ въ Петербургъ забрала, и всѣ ли они въ цѣлости.

— Григорья къ браку я не принуждала, женился онъ по своей ко мнѣ склонности, о чемъ можно и отъ него свѣдать,—отвѣтила Прасковья.—Будучи надежна на твердое свое замужество, я никому ни одной копейки не раздавала и себѣ ничего не имала, сохраняя все, какъ хозяйка законная, хотя во всѣхъ пожиткахъ и деньгахъ мужа вольна была, потому что мнѣ отъ него ни въ чемъ препятствія не было. Все цѣнное ради сохраненія мы захватили въ Петербургъ, деньги и вещи и теперь здѣсь въ домѣ Григорія Терентьевича. Въ разныя же времена его дворовые люди деньгами не одну тысячу покрали, но объ этомъ вѣдаетъ болѣе самъ Ергольскій.

«Кромѣ же показаннаго,—сказано въ дѣлѣ,—Прасковья по многому увѣщеванію разными образы ничего не показала. По прошенію же ея была свидѣтельствована состоящимъ при синодѣ лѣкаремъ и по утвержденіи его въ беременности и болѣзненности Прасковьи отпущена въ домъ».

Передъ уходомъ ей сказанъ былъ указъ, чтобы изъ назначенной ей въ домѣ Ергольскаго спальной комнаты безъ караульныхъ никуда не отлучаться и къ себѣ никого не принимать.

Въ то же время, какъ Прасковья находилась въ синодѣ, въ домѣ Ергольскаго былъ произведенъ обыскъ, всѣ цѣнныя вещи описаны и взяты въ синодъ. Деньги оказались въ одномъ кованомъ сундучкѣ и мѣдномъ кувшинѣ: золотомъ, серебромъ и мѣдью около 8.000 рублей, были налицо серебряные кубки, кружки съ «личинами», лимонный серебряный разсольникъ, стаканы и чарки, внутри вызолоченныя, большой подносъ на ножкахъ, чарка большая грановитая съ ручкою и 30 ложекъ. Платья и другія домашнія вещи за печатями оставлены въ домѣ подъ смотрѣніемъ караульнаго сержанта. Кромѣ того, въ одной изъ сорочекъ Ергольскаго былъ найденъ черный окрашенный ларчикъ, весь переполненный склянками, кореньями и травами, завернутыми въ бумажкахъ и разноцвѣтныхъ матеріяхъ.

Между тѣмъ «увѣщаніе» отцомъ Васильемъ старика Ергольскаго было очевидно благотворно, потому что послѣ того, какъ ему прочитали показаніе Прасковьи и опись найденныхъ въ домѣ его цѣнностей, то Григорій Терентьевичъ объявилъ, что серебряной монеты недостаетъ 7.000 рублей и многихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей съ каменьями, и «того-жъ часу,—какъ сказано въ документѣ,—присылалъ въ кабинетъ караульнаго изъ монастыря капрала и просилъ бывшую его жену осмотрѣть, и какія вещи она съ собою взяла, отобрать».

На другой день послѣ этого заявленія, къ Прасковьѣ Демидовъ послалъ синодскаго экзекутора съ курьеромъ Писаревымъ, снявъ съ нея платье, ее обыскать.

Когда Писаревъ, «въ пристойныхъ словахъ», при экзекуторѣ объявилъ женщинѣ предписаніе, то Прасковья, махая свернутымъ жгутомъ изъ полотенца, затопала ногами и принялась кричать:

— Осмѣлься-ка подойти, все лицо изобью и исцарапаю, а живой не дамся. Умру, тогда, что хотите, дѣлайте и со мною и съ ребенкомъ.

Посланные ушли и донесли Демидову, что опасаются, чтобы Прасковья «при взятіи надъ собою дурна какого не учинила».

Демидовъ вновь послалъ Писарева, но уже одного, и велѣлъ ему еще разъ попытаться уговорить Прасковью «ласкою».

Но и тутъ она «продолжала упрямствовать», а когда Писаревъ попробовалъ было взять ее за руку, то вырвавшись начала кидать въ курьера подушками, ложками и разными вещами и даже, какъ доносилъ Писаревъ, «стоящимъ въ комнатѣ сосудомъ съ молокомъ, въ конецъ разбившимся».

Тогда Демидовъ самъ явился въ домъ Ергольскаго. Четверо караульныхъ солдатъ схватили Прасковью за ноги и за руки и

вынесли изъ спальни въ просторныя сѣни, гдѣ при помощи жены курьера Писарева и произвели осмотръ Прасковьи.

Какъ оказалось, защищалась она не попустому.

Прежде всего у нея съ шеи сняли дорогое низанное жемчугомъ ожерелье, съ рукъ 6 перстней и 4 кольца золотыхъ съ алмазами; подъ пазухой у Прасковьи вынули «холстинный мѣшечекъ, а въ немъ 196 золотыхъ простыхъ и двойныхъ и 2 медали золотыя генералитетскія». Подъ поясомъ была запрятана «доскань», или бумажная коробка, а въ ней также «перстни, кольца золотыя съ каменьями, крестъ алмазный небольшой и серьги».

Но больше всего были удивлены всѣ присутствовавшіе, когда изъ кармана снятой юбки Прасковьи были вынуты два бумажные свертка; въ одномъ изъ нихъ оказались какіе-то корни, а въ другомъ сушеное свиное черное рыло, или, вѣрнѣе, самый конецъ рта съ носомъ и ноздрями отъ черной свиньи.

Всѣ вопросительно глядѣли на Прасковью.

— Морда свиньи и коренья—отъ разныхъ болѣзней,—какъ-то глухо произнесла Прасковья, смотря на Демидова.

Наконецъ, въ подолѣ той же юбки было зашито что-то тяжелое. Когда это мѣсто было распорото, то изъ бумажнаго свертка былъ вынутъ чрезвычайно красивый и рѣдкой величины «камень хрусталь гpановитъ» и два корешка инбирю. Опять послышались общія восклицанія, когда въ томъ же сверткѣ оказался новый бумажный, и изъ него выпала какая-то зеленовато-черная гадина, также засушенная.

Многіе попятились назадъ.

— Молодая жаба безъ ногъ; также пользовалась ею отъ болѣзней,—вновь и съ раздраженіемъ отвѣтила Десятова.

Оставивъ Прасковью въ сѣняхъ подъ присмотромъ, Демидовъ направился въ ея спальню и здѣсь также произвелъ самый тщательный «осмотръ». Въ кіотѣ за образомъ былъ вынутъ мѣшечекъ съ 150 простыми червонными и еще съ двумя золотыми медалями. При осмотрѣ постели пуховикъ оказался слишкомъ тяжелымъ, его распороли и отсюда достали «два малыхъ ларчика, наполненные жемчугомъ, золотыми вещицами—кольцами, запонками и прочимъ, двѣ доскани—жестяную со всякою мелочью и бумажную съ лежавшими въ ней двумя записками.

«Рабъ твой Григорій Терентьевичъ крестомъ крестится, крестомъ ограждается. Крестъ надо мною, крестъ предо мною, крѣпкая слава. Аминь.

«Прасковья Ефимова дочь Злобина».

Такова была первая записка.

Вторая представляла собою небольшой лоскутокъ, на которомъ была написана только одна строчка:

«О напиткахъ, у кого дѣтей нѣтъ».

Описавъ найденныя вещи и взявъ ихъ съ собою, статскій совѣтникъ Демидовъ приказалъ отвесть Десятову въ спальню и изъ нея никуда не выпускать.

Утро слѣдующаго дня застало въ спальнѣ Прасковьи сергіевскаго священника Игнатія, присланнаго синодомъ, «для увѣщанія Прасковьи и показанія ею прямой правды, чтобъ она принесла чистое покаяніе въ волшебствѣ и во всемъ объявила самую истину подъ страхомъ неумышленнаго суда Божія и жесточайшаго гнѣва ея величества, съ обнадеживаніемъ при признаніи высочайшаго милосердія».

«Токмо оная женка Десятова,—доносилъ о. Игнатій синоду,—страшными клятвами себя связуя, показала, а справедливо или нѣтъ, того не знаю, что волшебства за собою не знаетъ, а коренья и все прочее употребляла въ немощахъ себѣ и мужу отъ болѣзней и отъ внутреннихъ утайныхъ удъ».

14 октября 1745 года Прасковья въ сопровожденіи караульныхъ была доставлена въ синодъ и здѣсь въ присутствіи разспрашивана.

— Свиное рыло,—сказала женщина,—было срѣзано отъ молодой домашней свиньи чернаго цвѣта, по совѣту разныхъ женщинъ, а кого именно—запамятовала, которыя говорили, что отъ него польза въ болѣзняхъ бываетъ. Изсушивъ это рыло и поскребши его теркою, я сама пила и Ергольскому давала отъ лихорадки и отъ другихъ его недуговъ. А два корня, «амикабель» прозываются, брала я въ Москвѣ въ главной аптекѣ у Каменнаго моста, гдѣ оной аптеки лѣкарь Иванъ Петровъ объявилъ мнѣ, что они отъ зубной болѣзни. Потомъ, господа судьи,—продолжала Десятова,—самою вамъ истиною объявляю, что хотя для излѣченія тяжкой болѣзни мужа моего и искала я съ простоты своей ворожеи не для ворожбы, а за лѣкаря, токмо нигдѣ найти не могла, и лѣчилъ его одинъ мужикъ, Харитономъ прозывался; по его приказу покупывала я въ сѣменномъ ряду корешки и мази и давала Григорью Терентьевичу, отъ которыхъ ему бывало легче. Эти корешки и здѣсь я при себѣ для того же держала, а чтобъ кто внезапно, взявъ ихъ, не получилъ себѣ вреда, я держала ихъ зашитыми въ юбкѣ.

— А жаба безъ ногъ какимъ образомъ между травами явилась,—на новый вопросъ отвѣтила Прасковья,—того я не знаю; статься можетъ, что кто и по злобѣ ко мнѣ въ свертокъ положилъ, а я не досмотрѣла. Точно также не вѣдаю, какимъ способомъ въ скрынѣ явились двѣ записки; и кто ихъ писалъ, не знаю, а сама я писать не умѣю, а грамотѣ читать была учена.

— Камень же хрусталь грановитъ, червонцы и другія вещи я укрывала, опасаясь пропажъ, которыя въ домѣ бывали, и боясь караульныхъ людей. А тотъ хрусталь зѣло великъ, по согласію съ моимъ мужемъ, я хотѣла поднесть ея императорскому величеству, если бъ она насъ пожаловала и въ Петергофѣ принять изволила.

IX.

По отправленіи Десятовой въ сопровожденіи караульнаго домой, синодъ опредѣлилъ взятые у нея коренья, свиное рыло, жабу и лѣкарства послать для освидѣтельствованія въ медицинскую канцелярію. Послѣдняя доношеніемъ 17 октября сообщила, что «въ одной хрустальной склянкѣ находятся травы центоріумъ, минусъ, салфей и мелиса, другія же такъ искрошились, что за мелкостію познать не возможно, по духу же должны быть трава или сѣмя ѳеникули, или эти травы налиты спиртусомъ ѳеникули».

«Въ другой склянкѣ имѣется остатокъ ординарнаго алексира, составленнаго изъ алосмира, корней ангелицы, шафрана и тому подобныхъ.

«Въ третьей склянкѣ находится самый чистый алексиръ, въ бумагѣ порошекъ красноватый родицисъ бистортъ, привязанный къ склянкѣ голубою лентою, да въ другой бумагѣ четыре куска оной же бисторты да трава, именуемая ликоподіумъ.

«Въ бумагѣ стопка бобочковъ китайскихъ въ киселѣ, или пирюль, въ склянкѣ ликвица ординарная, большой кусокъ дерева сасаѳраку негоднаго, порошекъ инбирю и корень, амикабель называемый.

«Всѣ вышеписанныя специи, по мнѣнію медицинской канцеляріи, явились самыми ординарными и къ составленію разныхъ лѣкарствъ употребляемыми.

«Свиной же лобъ и жаба по искусству медицинскому ни къ какому врачеванію не приличествуютъ, а склонны ли они къ подозрительному дѣйству или къ волшебству, то медицинской канцеляріи не извѣстно, ибо то до докторскаго искусства не касается».

Вновь послѣ донесенія медицинской канцеляріи Десятова была доставлена въ синодъ и спрашивана съ пристрастіемъ сѣчь плетьми, съ какимъ умысломъ находились у нея свиное рыло и жаба. Вновь Прасковья отвѣчала, что рыло употребляла отъ лихорадки, а какъ явилась у нея жаба, не вѣдаетъ.

Но, вѣроятно, въ виду беременности Десятовой, пытки ей сдѣлано не было, и она отпущена въ домъ Ергольскаго подъ конвоемъ попрежнему.

21 октября состоялось опредѣленіе кабинета: московскій домъ Ергольскаго и всѣ деревни поручить смотрѣнію племянника его, капитана Макара Алексѣевича впредь до указа, а живущаго въ домѣ человѣка Макара Спиридонова съ учиненною описью, что въ домѣ окажется пожитковъ, прислать въ Петербургъ къ допросу.

28 ноября Спиридоновъ въ допросѣ показалъ, что всѣ деньги и драгоцѣнныя вещи увезены были Григорьемъ Терентьевичемъ и Прасковьею въ Петербургъ, и нынѣ при описи каменная кладовая палата въ Москвѣ оказалась пуста.

По предъявленіи же ему описанныхъ въ Петербургѣ денегъ и пожитковъ, Макаръ сказалъ, что противъ прежняго не достаетъ еще кованаго сундучка, червонцевъ изъ другого и котла съ мѣдными монетами, всего до 10.000 рублей; и разныхъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, по мнѣнію Спиридонова, явилось гораздо менѣе, чѣмъ было въ Москвѣ, а чего, онъ точно сказать за запамятованіемъ не можетъ.

— А вынутыя де у Десятовой изъ бумажной скрыни записки признаю писанными жившимъ у насъ въ домѣ Иваномъ Ивановымъ Деберскимъ,—сказалъ Спиридоновъ.—Да ѣздили мы съ капитаномъ Макаромъ Алексѣевичемъ въ приходъ господина моего св. Николая Чудотворца, что слыветъ въ Пыжовѣ, и въ присутствіи священника о. Тимоѳея вскрывали отданные Прасковьею на сбереженіе два плетеные баулы, токмо означенныхъ тамъ денегъ 2.200 рублей не оказалось, а лежали въ нихъ закладныя записи его же капитана Ергольскаго и жены, данныя Григорью Терентьевичу. А отецъ Тимоѳей сказалъ намъ, что Десятова въ отсутствіе его тѣ ящики съ Деберскимъ отпирала, а брала ли она что оттуда, того бывшій при нихъ понамарь не досмотрѣлъ.

4 декабря 1745 г. Прасковья Десятова на очной ставкѣ съ Макаромъ Спиридоновымъ сказала, что кованый сундучекъ съ 5.000 рублями украденъ у нихъ въ Петербургѣ, о чемъ и Григорью Терентьевичу извѣстно. О кражѣ изъ церкви св. Николая она до сего времени ничего не слыхала, а когда она была тамъ съ Деберскимъ и клала закладныя племянника Ергольскаго, то деньги въ баулахъ были всѣ цѣлы, и она ихъ тайно не имала, потому что онѣ ея собственныя приданыя, и она могла ихъ взять всегда въявѣ, когда хотѣла.

— Человѣку же этому льзя ли вѣрить, — со злобою говорила Десятова,—когда онъ о своихъ пропажахъ ничего не сказалъ. А оставлено ему было по отъѣздѣ нашемъ въ Петербургъ 300 рублей въ запертомъ подголовкѣ въ спальнѣ. А досмотрѣлъ ли ты ихъ?—обратилась Прасковья къ Макару.

— Я Григорью Терентьевичу въ письмѣ докладывалъ, что то дѣло не прошло рукъ Башилова и Петьки, они въ полицеймейстерскую канцелярію взяты; а что я не досмотрѣлъ, въ томъ дѣйствительно виновенъ,—съ сокрушеніемъ сказалъ старикъ.

— Теперь скажи по совѣсти,—заговорила Прасковья,—были ли пропажи у Григорья Терентьевича, когда я его законной женой стала?

Спиридоновъ молчалъ. Замолкла и Прасковья.

Такъ какъ по дѣлу «подозрительнымъ явился» Иванъ Ивановъ Деберскій, а онъ изъ дома Ергольскаго послѣ заключенія въ немъ Десятовой подъ стражу сшелъ неизвѣстно куда, то синодъ обратился съ просьбою въ С.-Петербургскую полицейскую канцелярію

разыскать его. Канцелярія только 28 января 1746 года нашла Деберскаго живущимъ на частной квартирѣ у рѣки Мои и вмѣстѣ съ женою подъ карауломъ доставила въ синодъ.

Деберскій въ допросѣ показалъ, что поступилъ онъ въ услуженіе къ Ергольскому по знакомству съ первымъ мужемъ Прасковьи, Львомъ Десятовымъ, пожитковъ ни вмѣстѣ съ Прасковьею, ни одному брать не приходилось. Въ церковь св. Николая, что въ Пыжовѣ, съ нею ѣздилъ; сказывала она ему, что нужда есть положить туда записи, а брала ли она изъ бауловъ деньги или нѣтъ, того онъ не видѣлъ, потому вмѣстѣ съ понамаремъ стоялъ у дверей.

Найденныя же у Десятовой записки, которыя, по показанію Спиридонова, являются сходственными съ почеркомъ его руки, онъ никогда и ни для чего не писывалъ, да и писать онъ, кромѣ своего имени и прозванія, и то сказываемаго ему по литерамъ, болѣе не умѣетъ.

«Приведенная же съ Деберскимъ жена его,—записано въ дѣлѣ,—по слабоумію не разспрашивана».

26 февраля 1746 г. Прасковья Десятова вновь спрашивана съ пристрастіемъ сѣчь ее плетьми, съ какимъ умысломъ держала она при себѣ свиное рыло и жабу безъ ногъ, и не имѣетъ ли она въ себѣ какого колдовства. «Десятова вновь утвердилась на прежнемъ своемъ показаніи»,—сказано въ документѣ, и вновь безъ наказанія отпущена въ домъ.

X.

7 мая 1746 г. состоящіе при Прасковьѣ Десятовой капралъ Семенъ Колесниковъ и петербургскаго гарнизона Ямбургскаго полка капралъ Данила Арбузовъ донесли синоду:

«Имѣющаяся подъ нашимъ карауломъ оная Десятова того жъ числа въ ночи родила младенца женскаго пола. А подлинно ль онаго младенца она родила, о томъ кораульными, а также сторонними женщинами слѣдовано, и оказалось, что его родила дѣйствительно она, Десятова».

И того жъ числа, по приказанію синода, рожденному младенцу чрезъ священника церкви св. апостола Андрея Первозваннаго Никифора Никифорова, дана молитва и наречено имя Надежда.

Въ то время, когда произошло это рожденіе, мужъ Прасковьи, Григорій Терентьевичъ, лежалъ уже въ предсмертной болѣзни. Съ самаго новаго года слегъ онъ въ постель и потомъ уже не оставлялъ ея. Старикъ все время находился въ какомъ-то полуснѣ, изрѣдка бесѣдовалъ, когда ему бывало лучше, съ жившимъ у него іеромонахомъ Василіемъ. Во время болѣзни старика навѣщали его племянники: вахмистръ Никита и поручикъ Семенъ Алексѣевичи Ергольскіе. Должно быть, «увѣщанія» о. Василія сильно подѣйствова-

ли на Григорья Терентьевича, потому что послѣ своей просьбы объ осмотрѣ бывшей его жены онъ ни разу не выразилъ желанія ее видѣть. 18 мая Ергольскій причастился, а 24 мая скончался. 26 числа, въ присутствіи обоихъ племянниковъ тѣло Григорья Терентьевича погребено на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря.

На другой день послѣ похоронъ старика Ергольскаго, рожденная Прасковьею дѣвочка Надежда въ той же Андреевской церкви объявленнымъ священникомъ Никифоровымъ при бабкѣ святого крещенія сподоблена. Въ отсутствіе же ребенка «стороннія женщины» успѣли шепнуть Прасковьѣ о погребеніи ея бывшаго мужа.

Едва бабка новорожденную дѣвочку внесла въ спальню Прасковьи, какъ та бросилась къ ребенку и, сорвавъ съ шеи крестъ, съ силой бросила его на полъ, со злобою крича:

— Богъ васъ знаетъ, подлинно ль Надежда крещена, можетъ быть, и нѣтъ; меня при томъ не было.

Потомъ она какъ будто одумалась и, поднявъ крестъ, поцѣловала его и, перекрестивъ дѣвочку, вновь надѣла его дочери на шею.

Явившемуся въ тотъ же день къ Десятовой для допроса статскому совѣтнику Демидову Прасковья сказала, что, «какъ крестъ бросила и говорила ль при томъ какія слова, подлинно не помнитъ, потому что была она тогда въ безуміи и въ немаломъ безпамятствѣ».

30 мая 1746 г. состоялся именной указъ императрицы, собственноручно ею подписанный:

«Такъ какъ послѣ смерти дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ергольскаго жены и дѣтей не осталось, то все движимое и недвижимое имѣніе его отдать ближнимъ наслѣдникамъ, племянникамъ его, брата родного Алексѣя Ергольскаго дѣтямъ: Макару, Ивану, Семену и Никитѣ, всѣмъ по равной части, для чего и отпустить ихъ отъ командъ на годъ. А пока они не прибудутъ, всѣмъ имѣніямъ умершаго Ергольскаго по прежнему указу быть въ содержаніи у племянника его, капитана Макара Ергольскаго».

Въ началѣ іюня 1746 г. въ Петербургъ прибылъ капитанъ Ергольскій и въ своемъ допросѣ показалъ, что Десятова назвалась родственницей его дяди обманомъ, племянницей его первой женѣ она никогда не бывала. По его смѣтѣ, во время пребыванія Десятовой въ домѣ Григорія Терентьевича всего похищено деньгами и вещами болѣе 15.000 рублей.

— Собственныхъ денегъ отъ Прасковьи на сохраненіе въ церковь отдано быть не могло,—отвѣтилъ капитанъ на сдѣланный вопросъ.— До прихода ея въ домъ дяди не токмо приданыхъ денегъ, но даже пропитанія никакого не имѣла.

Ергольскій выразилъ желаніе, чтобы освободить домъ дяди отъ Десятовой, до окончанія дѣла принять ея прокормъ съ дочерью на свой счетъ. Тогда 25 іюня Прасковья и съ ребенкомъ переведена изъ дома Ергольскаго въ «праздныя синодальныя палаты на Санктпетербургскомъ острову» подъ присмотръ караульной команды.

XI.

Тяжелая жизнь потянулась для Десятовой послѣ смерти Ергольскаго. При его жизни, хотя они и были разлучены, она все еще надѣялась, но по кончинѣ старика все какъ бы рухнуло, она осталась въ сторонѣ, и на нее не обращалось уже такого вниманія, какъ было прежде. Переводъ изъ дома Ергольскаго въ «синодальныя палаты» сильно ее озлобилъ. Въ тотъ же день, когда въ нихъ водворилась, она спросила у дежурнаго капрала Ефима Лаптева выйти для прогулки на дворъ. Лаптевъ отказалъ, пояснивъ, что это ей не разрѣшено по инструкціи. Тогда Прасковья, не помня себя, схватила лежавшую въ комнатѣ доску и вышибла ею въ окнѣ два стекла. Потомъ бросилась къ своей дочери, взяла ее съ постели и хотѣла кинуть въ окно, потомъ одумалась и съ размаху швырнула ее на постель.

— Съ горести и ребенка своего убью!—закричала она караульнымъ:—вы за него отвѣтъ дадите. Стойте вы при мнѣ по воровской инструкціи; въ ней сказано, что вдова Прасковья Десятова, а я—вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ергольскаго; отдайте ее въ синодъ переписать.

Синодскому же экзекутору, приглашенному для усмиренія, Десятова сказала, что «ради чего она стекла расшибла и дочь бросила и почему инструкцію «воровской» называла, то все сдѣлала она въ безпамятствѣ и со злобы, что ее перевели изъ дома Ергольскаго».

Какъ видно, Десятова была не изъ такихъ женщинъ, которыя терпѣливо бы переносили заключеніе. 9 января 1747 года, воспользовавшись тѣмъ, что капраломъ было назначено новое лицо, изъ «синодальскихъ палатъ» бѣжала одна безъ дочери и 12 января вернулась сюда сама. 19 апрѣля, подпоивъ двоихъ караульныхъ солдатъ, вновь бѣжала вмѣстѣ съ дѣвочкою и найдена только черезъ мѣсяцъ полицеймейстерскою канцеляріею въ Петербургѣ въ квартирѣ Деберскаго. Вслѣдствіе второго побѣга она была переведена изъ «палатъ» въ деревянную казарму, гдѣ сама должна готовить себѣ кушанье.

Но здѣсь ей такъ не понравилось, что въ первый же день, какъ донесъ караульный прапорщикъ Реткинъ, «Десятова съ солдатами учинила безчинный крикъ, а имѣвшимся у нея въ рукахъ горшкомъ вышибла изъ одного окна три, а изъ другого одно стекло и неоднократно кричала «караулъ!». Караульные солдаты посадили ее въ чуланъ, но и здѣсь она, продолжая безчинствовать, сломавши свою кровать, ею у того чулана двери и пробой отбила и ее едва усмирили».

17 декабря 1747 года къ Десятовой явились въ казарму, «якобы для свиданія, незнаемо какіе два человѣка». Караульнаго сол-

дата они попросили сходить къ дежурному капралу Колесникову съ калачами и, оставивъ дочь Десятовой въ казармѣ, саму Прасковью вывели на улицу. Вернувшійся солдатъ увидѣлъ ее сидѣвшею уже на извозчикѣ, но «она, по показанію этого солдата, тѣми людьми была отъ него отбита и увезена». 21 декабря Десятова была поймана при покупкѣ на торгу рыбы, и полицеймейстерской канцеляріей вновь прислана для отдачи подъ караулъ въ казарму.

На другой день Рождества Христова 1747 года императрица Елисавета Петровна, по докладу синода, «изустнымъ указомъ повелѣть соизволила вдову Прасковью Десятову для надлежащаго разсмотрѣнія отослать въ свѣтскій судъ».

Въ началѣ новаго 1748 года Десятова вмѣстѣ съ дочерью на саняхъ подъ карауломъ двухъ солдатъ была отправлена въ Москву на рѣшеніе юстицъ-коллегіи, гдѣ нѣкогда мужъ ея Ергольскій былъ вице-президентомъ, и гдѣ уже ранѣе разбиралось ея дѣло. Въ юстицъ-коллегіи къ Десятовой, посланной сюда, по словесному приказу государыни, отнеслись такъ строго, что она 11 марта того же 1748 года подала въ коллегію челобитную, что «содержится подъ карауломъ скована въ ножныхъ желѣзахъ, а въ ногахъ имѣется у нея болѣзнь, и за неимѣніемъ у нея служителей, за малолѣтнею дочерью въ желѣзахъ ей хожденія имѣть не возможно, и въ такомъ заключеніи и безъ пропитанія помираетъ она гладомъ».

Юстицъ-коллегія, по сношеніи съ кабинетомъ, 10 іюня уважила просьбу Десятовой и расковала ее, а на пропитаніе ея съ дочерью отпустила изъ доходовъ коллегіи 1 рубль 20 коп. впередъ на 4 мѣсяца, на день по 3 копейки, съ взысканіемъ ихъ потомъ съ Никиты Ергольскаго.

Но самое дѣло сильно затянулось въ юстицъ-коллегіи, очевидно не знавшей, какъ его вести, или имѣвшей какія либо особыя указанія. Коллегія считала его рѣшеннымъ по манифесту государыни отъ 15 іюля 1744 года, духовный же судъ, вслѣдствіе смерти Ергольскаго, не установилъ для Прасковьи за бракъ съ старикомъ наказанія. Тогда коллегія рѣшила вновь допросить всѣхъ свидѣтелей, доносившихъ на Прасковью какъ о волшебствѣ, такъ о похищеніи ею пожитковъ. Хотя Ергольскіе и дали подписку доставить этихъ людей къ отвѣту, но за разными отговорками ихъ не присылали, а Прасковья все сидѣла и сидѣла въ заключеніи. Въ 1749 году, когда всѣхъ колодниковъ коллегіи ради масленицы и первой недѣли поста велѣно освободить на поруки, Десятова «за непредставленіемъ порукъ свобожена не была».

Наконецъ 10 іюня 1750 года юстицъ-коллегія, прописавъ все дѣло о Десятовой, требовала отъ сената указа. Сообщивъ, что никто изъ привлеченныхъ для показанія противъ Прасковьи лицъ не

является, и что ни Никита Ергольскій, ни его братья слѣдуемыхъ денегъ на прокормъ не присылаютъ, и усматривая изъ дѣла, что Ергольскій самъ при жизни Десятову участницею во всѣхъ пожиткахъ имѣлъ, юстицъ-коллегія, приведя соотвѣтствующіе указы, полагала Десятову изъ караула свободить на знатныя поруки съ обязательствомъ во всякъ день представить ее къ суду юстицъ-коллегіи.

Отвѣта сената въ дѣлѣ нѣтъ, но надобно думать, что онъ согласился съ мнѣніемъ коллегіи и вдову Десятову на поруки отпустилъ.

И. С. Бѣляевъ.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ МАРКЕВИЧЪ.

Некрологъ.

Въ ТЕКУЩЕМЪ году неумолимая смерть уже унесла пять выдающихся нашихъ историковъ и профессоровъ. Въ короткій промежутокъ времени, съ января мѣсяца, мы потеряли профессора Ѳ. Я. Фортинскаго, профессора П. И. Люперсольскаго, Г. Ѳ. Штендмана, извѣстнаго историка и археолога А. А. Мартынова, и наконецъ, 5-го іюня, отъ апоплектическаго удара скончался въ Одессѣ Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ.

Покойный принадлежалъ къ числу очень видныхъ профессоровъ Новороссійскаго университета, считался авторитетнымъ русскимъ историкомъ, въ особенности въ хорошо имъ разработанной исторіи Россіи XVI и XVII вѣковъ, и, кромѣ того, принималъ горячее участіе въ мѣстной общественной дѣятельности, какъ гласный Одесской городской думы и секретарь Одесскихъ биржевого комитета и комитета торговли и мануфактуръ.

А. И. Маркевичъ происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи; родился въ родовомъ имѣніи, селѣ Смоши, въ 1847 году. По окончаніи средняго образованія, онъ въ 1867 году поступилъ въ Нѣжинскій лицей князя Безбородко, который былъ тогда юридической школой; но самый видный тогдашній профессоръ этой школы Лашнюковъ занимался больше всего русской исторіей, и понятно, что онъ легко увлекъ къ занятію послѣдней стремящагося къ знанію и отзывчиваго А. И. Маркевича. Не окончивъ курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ, А. И. Маркевичъ перешелъ на филологическій факультетъ Новороссійскаго университета и тамъ получилъ степень кандидата филологическихъ наукъ.

Первые два года, по окончаніи университета, онъ преподавалъ исторію и географію въ таганрогской гимназіи, а затѣмъ пере-

ѣхалъ въ Одессу и тамъ занимался преподаваніемъ тѣхъ же предметовъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ много лѣтъ, заслуживъ славу гуманнаго, опытнаго и отзывчиваго на все доброе педагога.

Защитивъ магистерскую диссертацію въ 1879 году, А. И. Маркевичъ началъ чтеніе лекцій по русской исторіи въ Новороссій-

Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ.

скомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, остановившись въ первые же годы своей приватъ-доцентуры на русской исторіографіи (изданъ его курсъ «О лѣтописяхъ» въ 1883 году) и исторіи цаствованія Александра I, а впослѣдствіи прочелъ и всю исторію югозападной Руси до конца XVIII вѣка.

Магистерская диссертація покойнаго носитъ заглавіе: «О мѣстничествѣ. Часть I. Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣст-

ничеству» (Кіевъ, 1879 г). Изложивъ въ началѣ съ полною подробностію, даже почти дословно, по IV-му тому «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», всѣ свѣдѣнія о комиссіи по уничтоженію мѣстничества, онъ приводитъ, далѣе, извѣстія о мѣстничествѣ иностранцевъ и затѣмъ уже приступаетъ къ изложенію и оцѣнкѣ мнѣній объ этомъ предметѣ русскихъ историковъ XVIII и XIX вѣковъ, среди которыхъ съ большимъ вниманіемъ и одобреніемъ останавливается на работахъ Валуева и Забѣлина; при этомъ онъ говоритъ и объ изображеніи мѣстничества въ русской беллетристикѣ. Наконецъ, видное мѣсто въ названной книгѣ занимаютъ всецѣло исчерпанные авторомъ мѣстническіе матеріалы изъ разрядовъ, разнаго рода актовъ и другихъ историческихъ источниковъ XVI и XVII вѣковъ.

За этою работою послѣдовала вторая часть книги: «О мѣстничествѣ», заключающая въ себѣ «Исторію мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ» и послужившая докторской диссертаціей, защищенною въ 1888 году. Разсмотрѣвъ въ введеніи «представленія старшинства» въ древней московской Руси, начиная съ «обычныхъ» его видовъ, въ дружинномъ классѣ населенія и въ междукняжескихъ отношеніяхъ въ югозападной Руси, А. И. Маркевичъ посвящаетъ нѣсколько главъ подробному выясненію вопросовъ о «старшинствѣ, чести и возникновеніи служебнородового мѣстничества въ Московскомъ государствѣ и излагаетъ самую исторію мѣстничества до конца XVII вѣка вмѣстѣ съ съ офиціальной его отмѣной. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, Маркевичъ придаетъ мѣстничеству довольно большое значеніе и видитъ вредъ отъ него лишь въ немногихъ случаяхъ, преимущественно въ службахъ вдали отъ правительства и у полковыхъ воеводъ. Въ «приложеніи» онъ помѣстилъ, между прочимъ, и списки мѣстническихъ случаевъ.

Тому же вопросу о мѣстничествѣ посвящены покойнымъ еще двѣ крупныхъ статьи: «Что такое мѣстничество» и «Мѣстническіе случаи въ изслѣдованіи Н. П. Лихачева: Разрядные дьяки въ Московскомъ государствѣ» (1889 года). Вопросу этому А. И. Маркевичъ первый посвятилъ столько времени и труда; онъ первый собралъ почти весь наличный матеріалъ о мѣстничествѣ и далъ ему точную научную оцѣнку, такъ что послѣ него вновь появившійся матеріалъ можетъ лишь прибавить какую либо отдѣльную подробность, но ничуть не измѣнить установленнаго имъ на мѣстничество взгляда.

Излюбленный А. И. Маркевичемъ вопросъ о мѣстничествѣ невольно заставилъ его обратиться къ изслѣдованію, главнымъ образомъ, исторіи Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, и въ сужденіи о событіяхъ этого времени онъ дѣйствительно былъ компетентнѣйшимъ судьею. Кромѣ его слѣдующихъ работъ, посвященныхъ ука-

занному періоду: «О войнахъ съ Казанью въ XVI вѣкѣ» (въ «Трудахъ четвертаго археологическаго съѣзда», т. II), «Разрядная книга 1492—1579 г. въ Парижской національной библіотекѣ» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1890 года, № 2), «Объ избраніи на престолъ Михаила Өеодоровича» (ibid., 1891 года, №№ 9 и 10) и др., очень видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ должно занимать изслѣдованіе покойнаго профессора: «Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ XVII вѣка» (Одесса, 1895 г.). Въ немъ впервые устанавливается болѣе подробная и точная біографія Котошихина и дѣлается критическая провѣрка сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, не только по отношенію къ мѣстническимъ дѣламъ, о которыхъ говорится подробно, но и вообще объ управленія, приказахъ и такъ далѣе.

Защита докторской диссертаціи дала возможность А. И. Маркевичу получить должность экстраординарнаго профессора въ томъ же Новороссійскомъ университетѣ, которую онъ и занималъ до 1895 года, когда долженъ былъ покинуть профессуру по «независящимъ отъ него обстоятельствамъ».

Почти съ первыхъ же лѣтъ своего пребыванія въ Одессѣ, покойный сталъ дѣятельнымъ членомъ «Одесскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ», а потомъ и его секретаремъ до конца дней своихъ. Въ «Запискахъ» Общества онъ помѣстилъ множество разнаго рода статей историческаго и археологическаго характера, докладовъ, сообщеній и некрологовъ, изъ которыхъ назовемъ хоть нѣкоторые: «Архивъ сердара Малише» (т. XIX); «Городъ Качибей или Гаджибей» (т. XVII и XVIII); «Документы, относящіеся къ исторіи г. Одессы» (т. XVI и XX); «Списокъ съ статейнаго списка» (т. XVIII и XIX); «Бумаги покойнаго члена П. О. Бурачкова» (т. XX); «Дневникъ Гр. Ив. Соколова» (кандидата математическихъ наукъ Московскаго университета) за 1838, 1843—1844 годы» (весьма интересный для ознакомленія съ общественною жизнью Одессы, Екатеринослава и вообще Херсонщины); «О дѣятельности Суворова въ Новороссійскомъ краѣ» (т. XXIII) и нѣк. др.

Съ открытіемъ въ Симферополѣ Таврической ученой архивной комиссіи, А. И. Маркевичъ принималъ участіе и въ ея дѣятельности и помѣстилъ въ «Извѣстіяхъ» комиссіи рядъ статей.

Въ 1886 году онъ былъ приглашенъ на должность секретаря одесскаго биржеваго комитета и «до послѣдней минуты», какъ сообщаетъ «Одесскій Листокъ» (№ 144), принималъ самое близкое участіе въ дѣлахъ комитета. «Участвовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ его по различнымъ вопросамъ и своими знаніями содѣйствовалъ успѣху дѣла. Его перу принадлежитъ масса докладовъ и записокъ, касающихся хлѣбнаго дѣла, торговли и промышленности, прошедшихъ цѣлый рядъ высшихъ инстанцій. Въ послѣднее время

А. И. Маркевичъ подготовлялъ обширный матеріалъ по вопросу объ установленіи правильныхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Персіей».

Несмотря на краткое, сравнительно, участіе въ городскихъ дѣлахъ, покойный успѣлъ сдѣлать немало въ пользу народныхъ школъ и ихъ учителей и въ значительной мѣрѣ способствовалъ улучшенію медицинской и санитарной частей городского хозяйства.

Кромѣ того, А. И. Маркевичъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей городского съѣзда, почетнымъ попечителемъ по учебной части одесскаго женскаго благотворительнаго общества, членомъ и секретаремъ распорядительнаго комитета одесскаго общества для устройства ночлежныхъ пріютовъ, членомъ правленія славянскаго благотворительнаго общества, въ которомъ сдѣлалъ цѣлый рядъ докладовъ по вопросу о славянствѣ и исторіи народовъ Балканскаго полуострова; членомъ правленія и редакторомъ «Записокъ» крымскаго горнаго клуба и членомъ мн. др. обществъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ время и возможность въ теченіе 20 лѣтъ принимать живое участіе въ комиссіи по устройству народныхъ чтеній и быть душею лекціоннаго комитета. Читая свои популярныя лекціи по исторіи и литературѣ, А. И. Маркевичъ привлекалъ своимъ «образнымъ изложеніемъ» и «всегда удачнымъ подборомъ фактовъ» массу публики и былъ однимъ изъ самыхъ любимымъ лекторовъ, къ которому прибѣгали, зная его отзывчивость и доброту, «за совѣтомъ и нравственной помощью» многіе изъ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ.

Помимо указанныхъ выше историческихъ работъ покойнаго профессора, назовемъ еще нѣсколько болѣе крупныхъ книгъ и статей: «Историческая записка по поводу 25-ти-лѣтія Новороссійскаго университета» (Од., 1890 г.); «Марковичи» («Кіевская Старина», 1890 г., №№ 10 и 11); «Дѣла о Марковичахъ въ тайной канцеляріи» (ibid., 1891 г., № 5), «Костомаровъ и его значеніе» (Од., 1885 г.); «Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ, какъ преподавателѣ» (въ «Лѣтописи занятій историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ», 1894 г., т. III); «О значеніи слова «должникъ»» (въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. II, кн. 4); «Калужскіе купцы Дегтеревы» (въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1892 г., № 10), и нѣкоторыя другія.

При этомъ А. И. Маркевичъ посвятилъ нѣсколько работъ и исторіи русской литературы, напечатавъ: «Реализмъ русской литературы» (въ «Филологическихъ запискахъ», 1893 г.); «И. А. Крыловъ и его басни» (Од., 1895 г.; здѣсь помѣщена рѣчь о жизни и значеніи Крылова въ исторіи русской литературы и 20 избранныхъ басенъ); «Замѣтка о псевдонимѣ Н. В. Гоголя «Рудый

Панько»» (въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ», т. III, 1898 г.); «Пушкинъ и Новороссійскій край» (Од., 1900 г.) и мн. др.

Здѣсь мы, конечно, не указали и половины печатныхъ работъ А. И. Маркевича, не говоря уже о цѣломъ рядѣ его публицистическихъ статей въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ; но и приведеннаго достаточно, чтобы судить, насколько была обширна учено-литературная дѣятельность покойнаго профессора, которая, однако, не помѣшала ему съ особою горячностью и отзывчивостью отдаться и общественной дѣятельности, на поприщѣ которой онъ снискалъ удивительно рѣдкое по единодушію и искренности выраженіе благодарности всѣхъ одесситовъ.

В. Рудаковъ.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ [1].

«Нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ такого счастливаго сочетанія, на относительно маломъ пространствѣ, столь разнообразныхъ, прекрасныхъ, цѣлебныхъ источниковъ, какъ въ районѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ».

(Ж. Франсуа—въ своемъ докладѣ Парижской академіи наукъ).

I.

Столѣтіе Кавказскихъ минеральныхъ водъ.—Краткая исторія ихъ существованія въ первыя 70-тъ лѣтъ.—Необычайная ихъ цѣлебность сравнительно съ заграничными водами.—Процвѣтаніе заграничныхъ водъ: Эмсъ, Пломбьеръ, Люшонъ и Маріенбадъ.—Подробности о Карлсбадѣ.—Семиградусный источникъ въ Кисловодскѣ и оригинальный англичанинъ.—Русскіе люди и русскія бани въ Карлсбадѣ.—Порядки, царившіе на кавказскихъ минеральныхъ водахъ.—Ихъ комиссары и директора.—Евреи-артисты.

Въ НАЧАЛѢ сентября сего года Кавказскія минеральныя воды празднуютъ столѣтіе своего существованія, хотя, въ сущности, офиціальное ихъ основаніе слѣдуетъ отнести къ 24-му апрѣля, такъ какъ, сто лѣтъ назадъ, именно 24-го апрѣля 1803 года, послѣдовалъ высочайшій указъ императора Александра I, которымъ повелѣно было «устроить на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ лѣчебныя заведенія и опредѣлить искуснѣйшихъ врачей на воды».

Въ дѣйствительности же Кавказскія воды были извѣстны еще въ царствованіе императора Петра I, который, «зная о благотвор-

[1]) Источниками для настоящей статьи служили, независимо отъ моихъ личныхъ наблюденій во время ежегодныхъ, за послѣднія 12-лѣтъ, посѣщеній водъ, еще и слѣдующіе матеріалы и статьи: недавно отпечатанный отчетъ о посѣще-

ныхъ лѣчебныхъ дѣйствіяхъ минеральныхъ источниковъ на Кавказѣ», командировалъ туда своего лейбъ-медика Шобера для изслѣдованія и описанія этихъ источниковъ [2]). Потомъ оказалось, что Шоберъ не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, приказа Петра и представилъ описаніе невѣрное, такъ какъ самъ лично даже не былъ на этихъ водахъ, а основался лишь на разсказахъ и описаніяхъ горцевъ. Со смертью великаго Петра были забыты на долгое время и Кавказскія минеральныя воды. О нихъ вспомнила императрица Екатерина II, снарядившая, для подробнаго изученія водъ, особую экспедицію подъ начальствомъ извѣстнаго въ то время ученаго, Палласа, который и составилъ первое подробное и вѣрное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Но и послѣ этого воды эти оставались очень долгое время совершенно неизвѣстны русской лѣчащейся публикѣ. Главная причина заключалась въ томъ, что «существовавшая тогда въ Россіи медицинская коллегія, состоявшая почти изъ однихъ нѣмцевъ, желая распространить въ Россіи иностранныя минеральныя воды, не принимала никакихъ мѣръ къ ознакомленію населенія Россіи съ полезными источниками Кавказа». Въ такомъ положеніи дѣло находилось до начала прошлаго столѣтія, когда на престолъ вступилъ императоръ Александръ, учредившій вмѣсто коллегій министерства, при чемъ вся медицинская часть въ Россіи была подчинена министерству внутреннихъ дѣлъ. Это послѣднее обстоятельство отразилось весьма благопріятно на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, для изслѣдованія и изученія которыхъ была назначена еще разъ особая медицинская комиссія, которая, повидимому, и принялась за дѣло очень энергично: уже въ 1802 году эта комиссія, основа-

---

ніи кавказскихъ минеральныхъ водъ, въ минувшемъ 1902 году, г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаремъ А. С. Ермоловымъ; обширная «записка» того же г. министра «Къ вопросу о переустройствѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ связи съ общимъ положеніемъ бальнеологическаго дѣла въ Россіи и за границею»; изслѣдованіе проф. Н. Ф. Высоцкаг «О прошедшемъ и настоящемъ Нарзана въ Кисловодскѣ», изслѣдованіе проф Вл. Марковникова о «Причинахъ измѣненія Нарзана», книга В. Святловскаго «Родные курорты»; книжка, изданная управленіемъ водъ въ 1902 году: «Кавказскія минеральныя воды»; обширная статья д-ра С. А. Смирнова, напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—«Минеральныя воды за границей и на Кавказѣ»; публично читанныя лекціи о Кавказскихъ курортахъ, позднѣйшія газетныя статьи и пр. И. З.

[2]) Императоръ Петръ I, не зная о цѣлебности нашихъ минеральныхъ водъ на Кавказѣ, превосходящей во много разъ цѣлебность заграничныхъ, лѣчился, какъ извѣстно, въ Карлсбадѣ, гдѣ на скалѣ Hirschsprung и стоитъ нынѣ его бюстъ, съ прекрасною подписью въ стихахъ, сочиненною кн. Вяземскимъ, выгравированною на постаментѣ памятника. Во времена Петра Карлсбадскими водами лѣчились, не принимая ихъ внутрь, а лишь дѣлая изъ нихъ ванны.

И. З.

тельно ознакомившись съ кавказскими горячими ключами и холодными источниками, представила въ названное министерство такое донесеніе: «самые вѣрные опыты, произведенные съ водами кавказскихъ минеральныхъ источниковъ, указали, что эти воды имѣютъ громадную пользу», — а потому комиссія эта признавала необходимымъ тогда же: «опредѣлить къ кавказскимъ источникамъ врачей, чтобы они оказывали какъ военнымъ, такъ и частнымъ лицамъ всѣ нужныя наставленія при лѣченіи». Вслѣдствіе такого донесенія комиссіи и послѣдовалъ вышеупомянутый высочайшій указъ отъ 24-го апрѣля 1803 года.

Сначала Кавказскія минеральныя воды находились въ казенномъ управленіи, но отдаленность ихъ отъ центра Россіи, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія съ Кавказомъ и война съ горцами мѣшали ихъ процвѣтанію; генералъ Эммануэль, управлявшій этою частью Кавказа и глубоко сочувствовавшій развитію этихъ водъ, всячески старался облагообразить ихъ, но дѣло все-таки не налаживалось, какъ слѣдуетъ: водамъ недоставало очень многаго, а главное, недоставало пріѣзжей публики. И вотъ въ 1861 году казна сдаетъ эти воды въ аренду Н. А. Новосильцеву, который завѣдываніе водами поручилъ извѣстному московскому доктору, и понынѣ здравствующему С. А. Смирнову. Этотъ послѣдній очень много потрудился для водъ и много сдѣлалъ для нихъ хорошаго: онъ устроилъ на водахъ химическую лабораторію, основалъ русское бальнеологическое общество, выписалъ изъ Франціи геолога Байерна и поручилъ ему произвести геологическое изслѣдованіе всей территоріи Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Въ 1870 году, эти воды были сданы новому арендатору А. Байкову, съ крупною субсидіей отъ казны. На отпущенныя казною деньги были приглашены изъ-за границы извѣстные гидротехники Жюль Франсуа и Леонъ Дрю, которымъ многіе французскіе курорты были обязаны своимъ благоустройствомъ. Эти гидротехники составили, между прочимъ, проектъ переустройства Кавказскихъ минеральныхъ водъ, который и былъ потомъ одобренъ и переданъ въ министерство государственныхъ имуществъ, принявшее тогда въ свое вѣдѣніе и самыя воды, изъ которыхъ Байковъ выжалъ все, что было можно, ничего имъ отъ себя не давъ.

Вотъ коротенькая исторія нашихъ Кавказскихъ водъ со времени ихъ возникновенія по 1870 годъ. Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи были эти воды въ 1870 году и позже. Это мы можемъ сообщить не только по обстоятельной статьѣ доктора С. А. Смирнова, напечатанной тогда же въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но и по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами на мѣстѣ.

Прежде всего, оказывается, что положеніе этихъ водъ въ то время было еще болѣе неблагопріятно для ихъ процвѣтанія и существованія собственными средствами, безъ затратъ со стороны казны. Ихъ отдаленность отъ столицъ и центральныхъ губерній

Кисловодскъ. Водопадъ въ Орѣховой балкѣ.

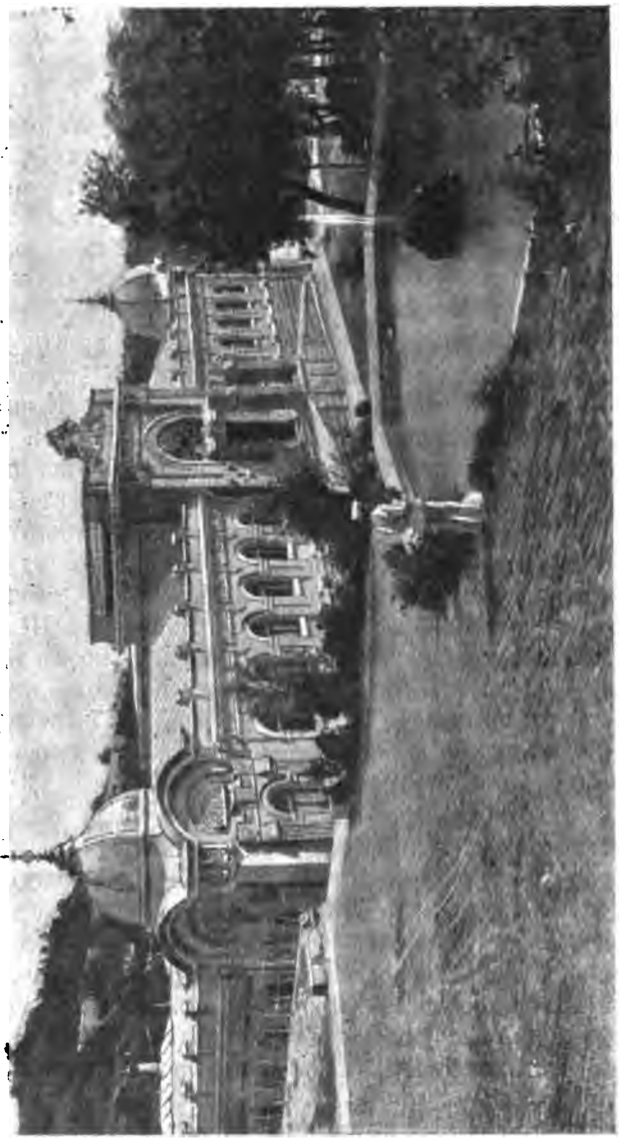
Россіи, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, совершенное неимѣніе на водахъ приличныхъ помѣщеній и самыхъ необходимыхъ удобствъ для пріѣзжающихъ больныхъ, дѣлали вотъ что: люди со средствами предпочитали ѣздить на заграничныя воды, а лю-

дямъ небогатымъ и, вдобавокъ, больнымъ, было совсѣмъ не по карману и не по силамъ путешествовать на Кавказскія воды на лошадяхъ, тысячи верстъ... Поэтому на воды съѣзжались преимущественно люди военные и чиновники, служившіе на Кавказѣ, а также больные люди изъ губерній и областей, находившихся по сосѣдству; изъ дальнихъ же мѣстъ пріѣзжали иногда лишь такіе больные, которые, по незнанію иностранныхъ языковъ, стѣснялись лѣчиться за границей.

Эксплоатація водъ и экспортъ ихъ нà сторону были совсѣмъ ничтожны сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онѣ могли бы быть и чѣмъ стали въ настоящее время. Самое обширное зданіе ваннъ въ Пятигорскѣ — такъ называемыя Николаевскія ванны — имѣло только 15 номеровъ ваннъ (кабинъ), а на всѣхъ четырехъ группахъ водъ, т.-е. въ Пятигорскѣ, Ессентукахъ, Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ, насчитывалось всего 88 номеровъ ваннъ, включая сюда даже и тѣ, которыя уже признавались негодными къ употребленію, напримѣръ, Варшавскія (нынѣ не существующія), или такія, которыя уже дослуживали свой крайній срокъ—Ермоловскія, Калмыцкія. «Если отсчитать,—говоритъ д-ръ Смирновъ,—изъ этого числа ваннъ еще тѣ, которыя, по несовершенству своего построенія, требуютъ перестройки, то останется годною для дѣла едва ли и половина названнаго числа, на которую эксплоатація водъ можетъ твердо разсчитывать. Такое положеніе построекъ ваннъ есть послѣдствіе того, что онѣ воздвигались не по какому либо опредѣленному плану, а возникали совершенно случайно, по мѣрѣ случайнаго открытія того или другого источника, и при томъ строились иногда весьма бѣдными средствами—изъ плетня и турлука, въ видѣ калмыцкихъ кибитокъ, а иногда даже proprio motu простыхъ смотрителей водъ»... Обдѣлка источниковъ и гидравлическія сооруженія были въ самомъ примитивномъ положеніи и даже не гарантировали прочнаго существованія самихъ источниковъ. Богатырскій источникъ Нарзанъ въ Кисловодскѣ не былъ покрытъ стекляннымъ колпакомъ, и въ него попадали не только всевозможные насѣкомыя и мотыльки при вечернемъ освѣщеніи, но озорныя дѣти мѣстныхъ жителей «старожиловъ» кидали въ источникъ трубки, глиняныя игрушки, камушки, и пр. Достопочтенный д-ръ Смирновъ указывалъ и на обиліе другихъ недостатковъ нашихъ водъ, изъ коихъ главнымъ оставалось все-таки неимѣніе приличныхъ и удобныхъ помѣщеній для пріѣзжихъ больныхъ...

И вотъ въ то время, какъ наши, въ сущности, лучшія въ цѣломъ мірѣ минеральныя воды были въ такомъ пренебреженіи и неустройствѣ, воды заграничныя отличались полнѣйшимъ порядкомъ, всевозможными удобствами и комфортомъ, что и служило,

конечно, причиною ихъ процвѣтанія и извѣстности, привлекая къ нимъ лѣчащуюся публику всѣхъ странъ и націй, и преимущественно, больныхъ изъ Россіи. Одинъ Карлсбадъ насчитывалъ ежегодно



Пятигорскъ. Ново-Сабанѣевскія ванны у Елисаветинскаго источника.

около шести тысячъ пріѣзжихъ изъ Россіи и царства Польскаго, между тѣмъ какъ всѣ наши четыре группы Кавказскихъ минеральныхъ водъ, взятыя вмѣстѣ, не насчитывали въ тѣ времена этой цифры пріѣзжихъ.

Что же содѣйствовало такому полнѣйшему процвѣтанію заграничныхъ водъ, цѣлебныхъ въ значительно меньшей степени, чѣмъ наши отечественныя воды на Кавказѣ, превосходившія по своей чудодѣйственной силѣ всѣ нѣмецкія и французскія воды [1]? Какъ устроены были эти чужеземныя воды?..

Тамъ, оказывается, была сознана прежде всего связь эксплоатаціи этого естественнаго богатства каждой страны съ развитіемъ самой страны; поэтому государства тѣхъ водъ съ полною готовностью дѣлали крупныя затраты на разработку и устройство принадлежащихъ имъ водъ, или даже на пріобрѣтеніе въ свою собственность минеральныхъ источниковъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Затрата на устройство водъ считалась тамъ одною изъ самыхъ производительныхъ затратъ общественнаго капитала, и ни одному, напримѣръ, министру финансовъ тѣхъ государствъ, гдѣ имѣлись минеральные источники, не могло прійти на мысль оспаривать и урѣзывать смѣту, потребную на усовершенствованіе и благоустройство водъ и курорта. Напротивъ, дѣлая подобныя затраты, тамошнія правительства не считаютъ ихъ даже пожертвованіемъ съ своей стороны, какъ не считаются пожертвованіемъ траты на устройство госпиталей, школъ и желѣзныхъ дорогъ... Въ Эксѣ, напримѣръ, въ Савойѣ, сравнительно небогатое въ то время Сардинское правительство назначило (въ 1855 году) 900.000 франковъ на устройство купальнаго зданія; въ 1860 году, вскорѣ послѣ присоединенія Савойи къ Франціи, Наполеонъ III прибавилъ для того же зданія дополнительныхъ 700.000 и, кромѣ того, на всѣ другія сооруженія при тѣхъ же водахъ еще около двухъ милліоновъ франковъ. При этомъ, разумѣется, все, что выручалось отъ лѣченія больныхъ въ лѣтній сезонъ, обращалось также на дальнѣйшее благоустройство курорта.

На устройство Виши Франція употребила огромныя средства; щедрость Наполеона III къ этому любимому его мѣстопребыванію была замѣчательна: отдавая эти воды въ аренду за сто тысячъ франковъ въ годъ, онъ въ 1861 году издалъ декретъ, которымъ назначено было устройство болѣе удобныхъ путей сообщенія, разведеніе новаго парка, сооруженіе зданій церкви, ратуши, курзала и пр.— стоимостью всего до трехъ милліоновъ франковъ. Очевидно, что получаемая аренда могла оплачивать развѣ только проценты на затрачиваемый капиталъ, и милліоны тратились не для пріобрѣтенія

[1]) Въ подтвержденіе этой истины приведу здѣсь слѣдующій фактъ, испытанный на себѣ лично. По совѣту покойнаго С. П. Боткина, я нѣсколько разъ лѣчился въ Карлсбадѣ отъ болѣзни печени и пилъ тамъ отъ трехъ до пяти стакановъ въ день воды Schlossbrunn и получалъ лишь нѣкоторое облегченіе. Затѣмъ, по совѣту того же С. П., я сталъ ѣздить въ Ессентуки, пилъ въ день $1^1/_2$ стакана (въ два пріема) воды № 17,—и въ три года совсѣмъ исцѣлился отъ своихъ страданій. И. З.

выгодъ и доходовъ; но зато Виши сдѣлался значительнымъ городомъ, каждое лѣто въ немъ бываетъ теперь до 50-ти тысячъ посѣтителей, и онъ притягиваетъ къ Франціи соотвѣтственное количество иностранныхъ капиталовъ и пошлинами съ своей промышленности доплачиваетъ правительству хорошіе проценты на всѣ сдѣланныя имъ затраты. При этомъ никто изъ публики не ропщетъ на дороговизну ваннъ, представляющихъ въ настоящее время послѣднее слово комфорта и удобствъ. Такъ, цѣна одной ванны I-го класса съ душемъ доходитъ въ Виши до 8 франковъ и даже одинъ душъ перваго класса (de luxe) стоитъ 5 франковъ; второклассная ванна съ душемъ обходится 2 фр. 25 сантимовъ; третій классъ много дешевле: ванна съ душемъ стоитъ всего 1 фр. 10 сант., но этотъ третій классъ устроенъ неважно.

Не меньшимъ вниманіемъ со стороны французскаго правительства постоянно пользовались и минеральныя воды въ Пломбьерѣ. Это очень древнія воды, представляющія достойныя и по сіе время удивленія гидравлическія сооруженія римлянъ. Начиная съ Людовика XIV, французское правительство постоянно выражало свою заботу объ этихъ водахъ, сооружая длинный рядъ техническихъ работъ и построеній, требовавшихъ, конечно, значительныхъ затратъ. При первомъ же своемъ посѣщеніи Пломбьера (въ 1856 году) Наполеонъ III, замѣтивъ, что много еще недоставало для окончательнаго устройства и обдѣлки источниковъ, предписалъ составить немедленно обширный планъ гидравлическихъ работъ и тотчасъ же приступить къ исполненію ихъ. Эти работы потребовали для себя отъ правительства до 250.000 франковъ. Въ то же самое время состоялся декретъ, которымъ воды Пломбьера и всѣ принадлежащія къ нимъ сооруженія и постройки передавались на 80 лѣтъ въ аренду частной компаніи безплатно, но съ условіемъ построить въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ новое зданіе ваннъ и гостиницу и сдѣлать нѣкоторыя гидравлическія дополненія, относящіяся къ минеральнымъ источникамъ.

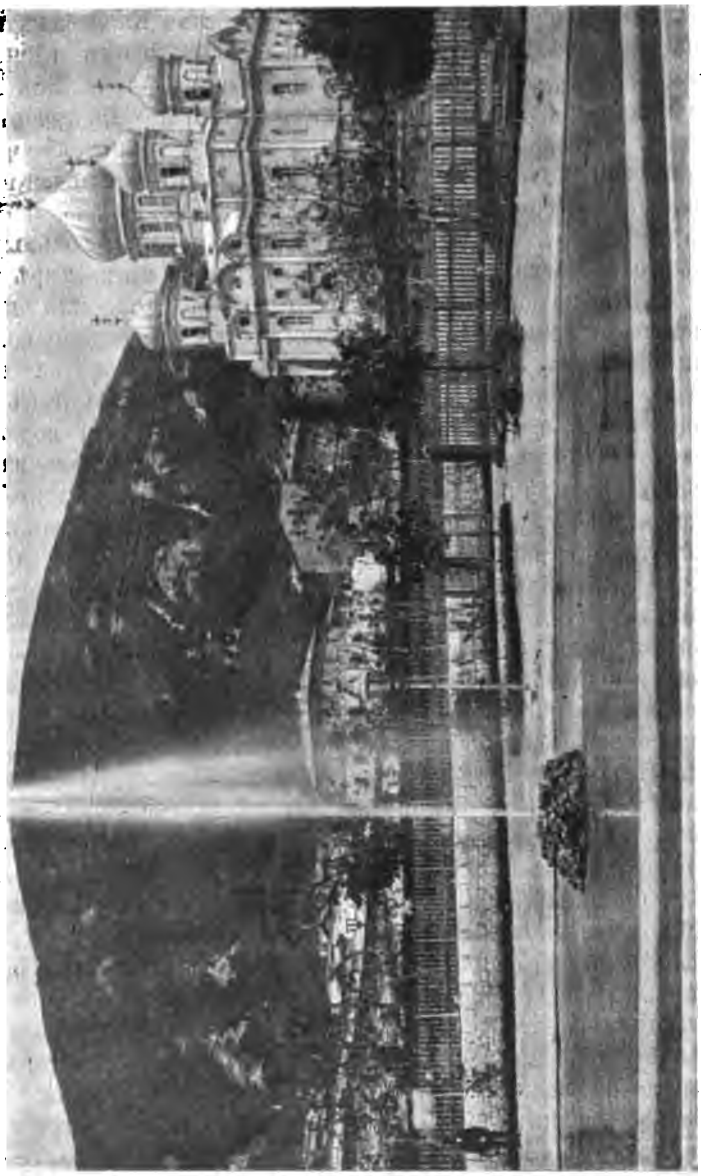
Чѣмъ большими средствами,—говоритъ д-ръ Смирновъ,—располагаетъ община, тѣмъ болѣе взглядъ ея на минеральныя воды, которыми она владѣетъ, приближается ко взгляду на нихъ правительства: насколько достаетъ у нея средствъ, она охотно затрачиваетъ ихъ и даже дѣлаетъ на этотъ предметъ значительные займы. Напримѣръ, въ одной изъ прирейнскихъ общинъ Люшонъ, въ департаментѣ Верхней Гаронны, община употребила всѣ свои средства для пріобрѣтенія въ общинное владѣніе минеральныхъ источниковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, сдѣлала большую затрату на обширныя гидравлическія работы и прибѣгала даже къ займамъ для довершенія новаго купаленнаго зданія, обошедшагося ей въ милліонъ франковъ. При этомъ никто не думалъ о прямомъ валовомъ доходѣ на затраченный капиталъ, а имѣлось въ виду

процвѣтаніе общины въ будущемъ, приливъ публики и тѣ косвенные доходы, которые она давала бы населенію.

Маріенбадъ представляетъ примѣръ водъ, находившихся во владѣніи монастырей. Водами завѣдуетъ инспекторъ, назначаемый отъ монастыря; монастырь же ведетъ и все хозяйство на водахъ.

Въ Францесбадѣ встрѣчается соединеніе двухъ видовъ владѣнія—города и частныхъ лицъ, безъ всякаго участія со стороны правительства; но тутъ уже сами частныя лица и городъ соперничаютъ между собою въ смыслѣ улучшеній принадлежащихъ имъ источниковъ. При этомъ, вообще, необходимо имѣть въ виду, что прямой доходъ отъ водъ становится пропорціоналенъ дѣлаемымъ на нихъ затратамъ только при извѣстной уже степени—наивысшей—ихъ развитія и благоустройства. До тѣхъ же поръ прямой доходъ ихъ едва даетъ ничтожные проценты на затрачиваемый капиталъ. Эту истину и надо имѣть въ виду на нашихъ Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Дѣйствительная доходность водъ начинается лишь тогда, когда онѣ достигаютъ полнаго своего развитія. Но и тогда главный самостоятельный доходъ при минеральныхъ водахъ никогда не заключается въ доходѣ отъ ваннъ: каждая ванна имѣетъ свою ограниченную цѣнность, и чѣмъ она дороже, тѣмъ менѣе покупается. Главнымъ бюджетомъ прихода всѣхъ германскихъ и французскихъ водъ является продажа и разсылка (экспортъ) минеральной воды. Гдѣ ея нѣтъ, или она слаба, напримѣръ, въ Теплицѣ, Пломбьерѣ, Вильдбадѣ, Гастейнѣ и др., тамъ и благосостояніе водъ весьма умѣренно и обыкновенно поддерживается только средствами извнѣ: субсидіями или побочными коммерціями—доходами съ гостиницъ, ресторановъ, азартныхъ игръ. Такса съ посѣтителей за пребываніе на водахъ составляетъ за границей лишь незначительную поддержку для водъ и поступаетъ по большей части въ пользу мѣстнаго управленія. Къ сожалѣнію, на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ сборъ этотъ въ видѣ платы за «сезонные билеты» достигъ до пяти рублей съ человѣка, и деньги эти поступаютъ не на улучшеніе курортовъ, а въ кассу группъ. Относительно экспорта нашихъ водъ дѣло подвигается впередъ довольно туго сравнительно съ заграничными водами: у насъ одинъ только Нарзанъ начинаетъ завоевывать себѣ извѣстность въ распространеніи, да и то, не какъ цѣлебный, а лишь какъ пріятный напитокъ. Между тѣмъ, карлсбадскія воды, Гисгюблеръ, Виши, Эмсъ и др. продолжаютъ попрежнему раскупаться русскою лѣчащеюся публикой изъ нашихъ аптекарскихъ складовъ и магазиновъ, сбывающихъ очень часто при этомъ старую воду, лежалую, которая и приноситъ больному страшный вредъ, а не пользу, жестоко наказывая за недовѣріе къ цѣлебнымъ отечественнымъ водамъ Ессентуковъ, № 17 и № 4.

Краткій нашъ обзоръ процвѣтающихъ заграничныхъ курортовъ мы закончимъ болѣе подробнымъ сообщеніемъ о Карлсбадѣ, самомъ главномъ конкуррентѣ, по свойству своихъ минеральныхъ

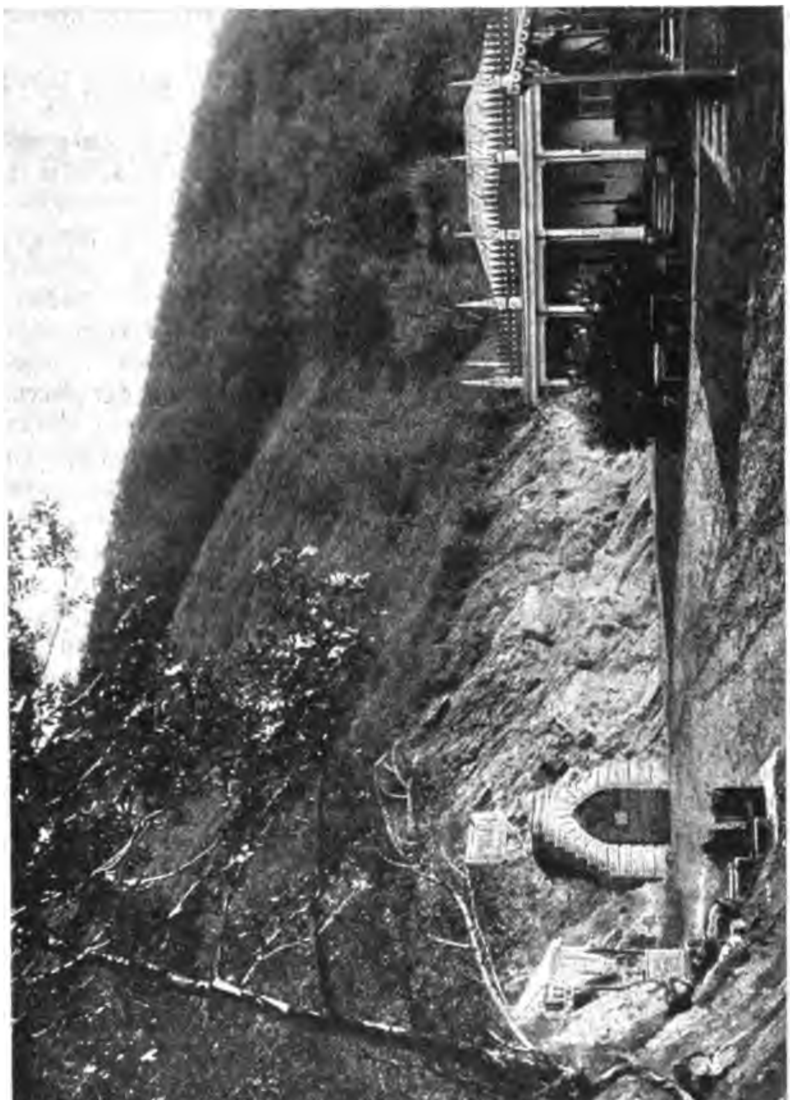


Пятигорскъ. Соборъ и фонтанъ въ городскомъ цвѣтникѣ.

источниковъ, съ нашими Кавказскими водами. Источники Карлсбада принадлежатъ городу, и до 1866 года они отдавались въ аренду: Шпрудель за 6.000 гульденовъ въ годъ, Мюльбрунъ и

другіе за 4.500 гульденовъ; теперь городъ хозяйничаетъ самъ. Какъ курортъ, Карлсбадъ насчитываетъ уже нѣсколько столѣтій своего существованія, такъ какъ открытіе главнаго его источника, Шпруделя, относится къ XIV вѣку и приписывается императору Карлу IV. Позднѣйшее свое благоустройство Карлсбадъ пріобрѣлъ лишь за послѣднія 20—30 лѣтъ, и обязанъ этимъ главнымъ образомъ своему теперешнему бургомистру Шефлеру. Всѣ карлсбадскіе источники, ванныя зданія, курзалъ и другія курортныя устройства принадлежатъ городу, и все завѣдываніе курортомъ сосредоточено поэтому въ рукахъ городского управленія. Городу принадлежитъ до 1.400 десятинъ земли, большею частью превращенныхъ въ парки для прогулокъ и катанья больныхъ. Городомъ же устроена канализація (со спускомъ въ р. Эгеръ всѣхъ нечистотъ), водоснабженіе изъ окрестныхъ высотъ для питья (независимо отъ минеральныхъ источниковъ). Эта водопроводная сѣть обошлась городу въ милліонъ гульденовъ, и дѣлаются изысканія новыхъ источниковъ обыкновенной питьевой воды, такъ какъ въ жаркое время и въ разгаръ съѣзда больныхъ этой воды бываетъ недостаточно. Существовавшее ранѣе газовое освѣщеніе замѣняется повсюду электрическимъ, на устройство котораго израсходовано свыше 600.000 гульденовъ. На улучшенія водъ и новыя постройки, не считая текущихъ расходовъ, затрачивается ежегодно свыше 500.000 гульденовъ; при этомъ безпрерывно продолжаются работы и по каптажу и обдѣлкѣ источниковъ. Главныя зданія—кургаузъ, колоннада (при источникѣ Мюльбрунъ), Kaiserbad и др.—построены на выпущенныя городомъ облигаціи и займы у частныхъ лицъ. Городомъ же построены театръ, два кургауза, роскошная галлерея съ высокою стеклянною крышей надъ бьющимъ вверхъ источникомъ Шпруделя, вторая галлерея надъ Марктбрунненомъ и всѣ ванныя зданія. Всѣ гостиницы Карлсбада—частныя, и лишь въ санитарномъ отношеніи состоятъ подъ наблюденіемъ городского управленія, какъ и всѣ меблированные дома и квартиры. Доходъ города (валовой) отъ однихъ ванныхъ зданій составляетъ до 315.000 гульденовъ. Вывозъ воды за предѣлы Карлсбада, начавшійся съ 1618 года, сданъ нынѣ на 12 лѣтъ частному арендатору Шотлендеру за 175.000 гульденовъ съ его разливомъ; онъ же покупаетъ и всѣ карлсбадскія соли, лепешки и пр. по условленной цѣнѣ за килограммъ. Для контрагента по продажѣ водъ установлена опредѣленная продажная цѣна для всей Европы; въ Америкѣ же цѣна свободна. Разливъ производится въ ручную, прямо подъ источникомъ, газированія нѣтъ; для водъ контрагенту отводятся склады въ Карлсбадѣ, но всѣ расходы по наливу падаютъ на его счетъ. Выпарная фабрика для приготовленія солей принадлежитъ городу; въ годъ на ней выдѣлывается свыше 50.000 килограммъ солей и лепешекъ, на сумму до 250.000 гульденовъ. Возрастаніе дохода отъ

экспорта карлсбадскихъ водъ съ каждымъ годомъ увеличивается: такъ, напримѣръ, въ 1844 году выручено было всего 500 гульденовъ; съ 1845 по 1850 получено было уже 6.673 гульдена; съ



Пятигорскъ. Провалъ и кафе-ресторанъ.

1867 по 1876 годъ получено — 14.000 гульденовъ; съ 1877 по 1886 годъ арендаторы внесли уже 70.000 гульденовъ; а съ 1887 года арендаторъ платилъ за 12 лѣтъ, какъ сказано, 175 тысячъ гульденовъ. Въ настоящее время арендная цѣна за экс-

портъ водъ повышена еще болѣе. При этомъ арендаторъ (контрагентъ) можетъ продавать неограниченное число бутылокъ воды, которыя региструются только для того, чтобы въ будущемъ, передъ истеченіемъ контрактнаго срока, городское управленіе могло имѣть болѣе твердыя данныя для опредѣленія контрактной суммы на новый срокъ аренды.

Къ этимъ порядкамъ и цифрамъ экспорта карлсбадскихъ водъ, я считаю очень полезнымъ для здравія соотечественниковъ разсказать слѣдующій фактъ, за точность котораго я ручаюсь и отвѣчаю. Въ концѣ 1880-хъ годовъ я, какъ уже упоминалъ, ѣздилъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ лѣчиться въ Карлсбадъ тамошними водами. Не ѣздилъ я на Кавказъ, а именно въ Карлсбадъ, потому, что жилъ въ Вильнѣ, откуда ѣзды до Кавказа было трое сутокъ слишкомъ, а до Карлсбада всего 30 часовъ. И вотъ полюбопытствовалъ я однажды зайти посмотрѣть, какъ наливаютъ и укупориваютъ бутылки съ водами. Вижу, въ двухъ большихъ деревянныхъ ящикахъ лежатъ пробки, приготовленныя для бутылокъ: въ одномъ ящикѣ всѣ пробки имѣли штемпель того года, когда шло наливаніе водъ и закупорка ихъ, а во второмъ ящикѣ пробки были съ чистымъ дномъ, то-есть на нихъ не былъ отпечатанъ годъ налива; бутылки тоже оказались двухъ сортовъ... Меня очень заинтересовала эта странность, и я пожелалъ узнать ея причину. Оказалась исторія очень грустнаго и нехорошаго свойства для нашего отечества. Пробками, на которыхъ былъ обозначенъ годъ налива и укупорки, закрывались бутылки, предназначенныя къ отправленію въ Америку и во всѣ европейскія государства, кромѣ Россіи; пробками же безъ обозначенія года закупоривались бутылки, отправляемыя исключительно въ Россію. То же обозначеніе года оказалось и на бутылкахъ: къ намъ шли бутылки безъ года, въ Америку же и во всѣ другія государства, не исключая Турціи, воды отправлялись въ бутылкахъ, на которыхъ былъ отлитъ и годъ наливки. Одинъ изъ служащихъ въ контрагентствѣ любезно объяснилъ мнѣ эту разницу.

— Аптекарскіе магазины всѣхъ государствъ, даже Египта,— объяснили мнѣ,—требуютъ, чтобы на бутылкахъ и пробкахъ былъ непремѣнно обозначенъ годъ налива. Въ Россіи напротивъ всѣ заказчики, то-есть владѣтели аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ, требуютъ непремѣнно, чтобы ни на бутылкахъ, ни на пробкахъ не былъ обозначаемъ годъ налива.

Почему это требовалось—это было ясно, какъ Божій день, даже и безъ того дополнительнаго объясненія, которое, насмѣшливо улыбаясь, далъ мнѣ тогда же завѣдующій разливальной: оказывалось, что аптеки и склады продаютъ карлсбадскія воды не только свѣжія, по полученіи ихъ изъ-за границы, но и старыя, лежалыя, если онѣ не распродались во время. Высылаются же онѣ въ Рос-

сію разъ въ годъ, раннею весною. Къ этому еще необходимо прибавить, что воды Карлсбада, старыя, пробывшія въ бутылкахъ годъ и болѣе, не только не приносятъ облегченія больному, но даже напротивъ: приносятъ страшный вредъ. Я знаю нѣсколько такихъ случаевъ, когда больные во время питья этихъ негодныхъ водъ таяли, какъ воскъ... Они не знали, конечно, какъ не зналъ и я до своей поѣздки въ Карлсбадъ, о томъ, какія недобросовѣстныя требованія предъявляются русскими оптовыми заказчиками контрагентамъ заграничныхъ минеральныхъ водъ...

Общій годовой бюджетъ прихода города Карлсбада составляетъ свыше $1^1/_2$ милліоновъ гульденовъ при 12 тысячахъ постоянныхъ жителей (Пятигорскъ, имѣя 20.000 жителей, получаетъ всего 90.000 рублей). Бо́льшая часть этой суммы взимается, конечно, съ пріѣзжихъ. Изъ этой суммы составляется такъ называемый Cur-fond. Расходованіе Cur-fond'а подлежитъ контролю административной власти, въ лицѣ императорско-королевскаго намѣстника въ Прагѣ; означенный фондъ предназначается исключительно на содержаніе и улучшеніе устройствъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью доставленіе разныхъ удобствъ и развлеченій пріѣзжимъ больнымъ, которые за то, по самому умѣренному расчету, оставляютъ городу ежегодно до 45.00.000 гульденовъ. Такъ какъ на долю русскихъ, составляющихъ 10% всего числа посѣтителей Карлсбада, падаетъ и 10% получаемаго городомъ дохода (въ дѣйствительности, много больше, такъ какъ русскіе люди, посѣщающіе Карлсбадъ, представляютъ собою самую богатую часть посѣтителей), то оказывается, что одни русскіе приносятъ Карлсбаду ежегодно свыше $4^1/_2$ милліоновъ гульденовъ, то-есть, свыше $3^1/_2$ милліоновъ рублей—сумму, значительно превышающую ту, которую наше министерство государственныхъ имуществъ желало получить на благоустройство нашихъ кавказскихъ водъ [1]).

Число посѣтителей въ Карлсбадѣ было, напримѣръ, въ 1897 году—до 45.000 человѣкъ; изъ нихъ: около 17 тысячъ австрійцевъ,

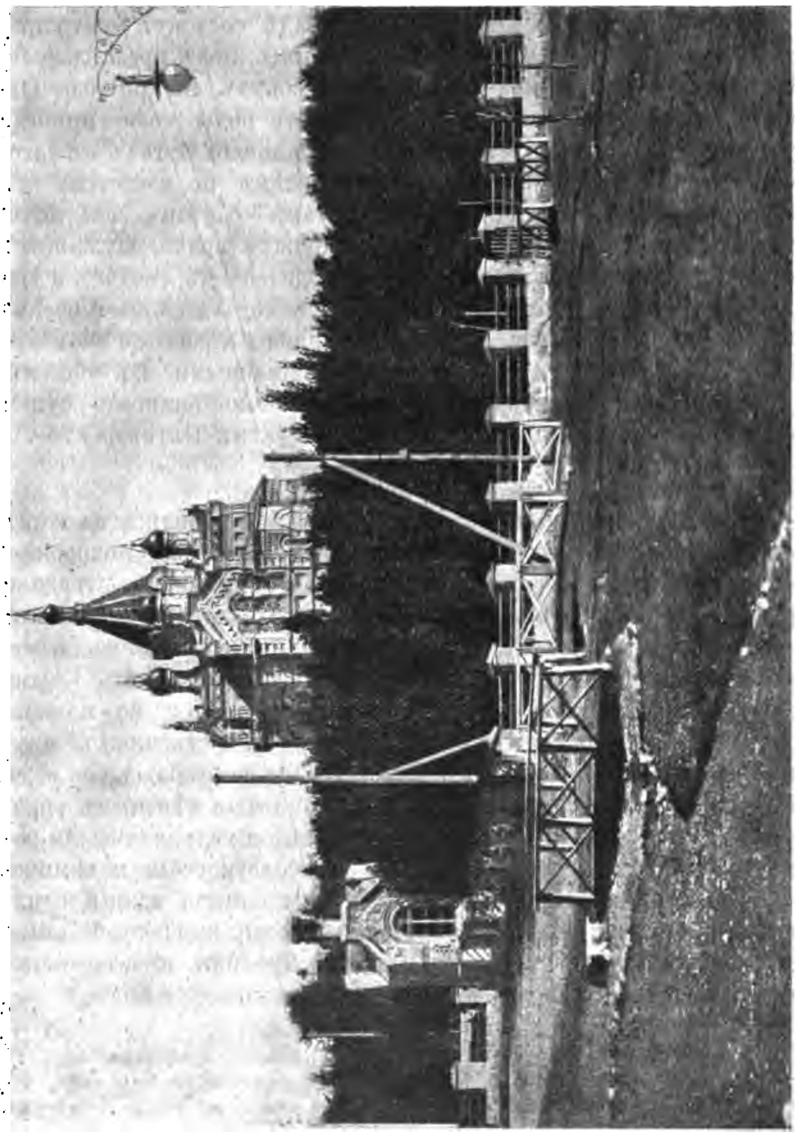
---

[1] Зато и ухаживаютъ же тамъ за русскими кур-гостями! Напримѣръ, во время моего неоднократнаго проживанія въ Карлсбадѣ я имѣлъ удовольствіе пользоваться прекраснѣйшею паровою баней, которая такъ и называется тамъ — «Russisches Dampfbad». Къ слову сказать, лучшій изъ кавказскихъ курортовъ, Кисловодскъ, до сихъ поръ не имѣетъ не только комфортабельной, но даже мало-мальски прилично устроенной бани. Интересенъ при этомъ слѣдующій курьезный фактъ: при отсутствіи бани, столь необходимой для русскихъ людей, въ томъ же Кисловодскѣ существовала, однако, до 1898 года особая купальня на такъ называемомъ семиградусномъ источникѣ, съ особымъ при ней сторожемъ. Главный курьезъ заключался въ томъ, что въ этой ледяной водѣ, за все лѣто, купался—и то всего одинъ разъ—какой-то англичанинъ: путешествуя по Кавказу, онъ каждое лѣто заѣзжалъ на одинъ день въ Кисловодскъ, купался въ этомъ «источникѣ», и на другой же день отправлялся въ дальнѣйшее путешествіе..... Съ закрытіемъ купальни въ семи-градусномъ источникѣ, пересталъ ѣздить въ Кисловодскъ и этотъ англичанинъ. И. З.

16 тысячъ нѣмцевъ, 4.750 русскихъ, занимающихъ такимъ образомъ по числу пріѣзжихъ третье мѣсто; затѣмъ, слѣдуютъ американцы—1.777 человѣкъ, румыны—1.281, англичане—975 и пр. Сто лѣтъ тому назадъ, число посѣтителей Карлсбада составляло только 635 человѣкъ; пятнадцать лѣтъ назадъ, ихъ было уже 30.248 человѣкъ. Сезонъ въ Карлсбадѣ продолжается съ 1-го мая по 15-е октября, хоть ванныя зданія и источники, а равно и нѣкоторыя гостиницы открыты круглый годъ. Въ 1887 году, напримѣръ, когда я жилъ въ Вильнѣ и не могъ получить лѣтомъ отпуска, я поѣхалъ въ Карлсбадъ позднею осенью, лѣчился тамъ и прожилъ до декабря.

Всѣхъ источниковъ въ Карлсбадѣ насчитывается 18; выходятъ они, повидимому, изъ развѣтвленій одной и той же главной подземной трещины, даютъ теплую щелочно-глауберовую воду и различаются только температурою и содержаніемъ углекислоты. Изъ нихъ главный, Шпрудель, даетъ въ сутки до 190.000 ведеръ воды (немного менѣе, чѣмъ нашъ Нарзанъ), всѣ другіе источники вмѣстѣ даютъ не болѣе 10.000 ведеръ. Ванныхъ зданій, принадлежащихъ городу и состоящихъ въ непосредственномъ его завѣдываніи,—4; изъ нихъ старѣйшее около Шпруделя, потомъ въ кургаузѣ, третье зданіе ваннъ называется Нейбадъ и новѣйшее—Кейзербадъ, обошедшееся одно въ 1½ милліона гульденовъ. Въ общей сложности, всѣ ванныя зданія Карлсбада имѣютъ 350 кабинъ, ваннъ же отпускается въ 5½ мѣсяцевъ свыше 243.000, въ томъ числѣ даровыхъ—свыше 22.000. Ванны, собственно, пошли въ ходъ въ Карлсбадѣ лишь за послѣднія 20—25 лѣтъ; раньше же карлсбадскія воды служили, какъ я упоминалъ, преимущественно для питья. Цѣны за ванны вообще высокія—не ниже 1 гульдена; но имѣются роскошные нумера съ платою до 8 гульденовъ за ванну, за часъ времени. Курсовая плата взималась прежде съ пріѣзжихъ различная, по тремъ разрядамъ, и это служило поводомъ къ различнымъ недоразумѣніямъ и препирательствамъ. При первомъ моемъ посѣщеніи Карлсбада я и семья моя были внесены въ первый разрядъ, и, сообразно этой градаціи, съ насъ взяли по десяти гульденовъ; такая чувствительная контрибуція была взята съ меня, благодаря моему чину, собственно очень неважному: какъ только въ карлсбадской ратушѣ увидали, что въ моемъ заграничномъ паспортѣ я былъ названъ «надворнымъ совѣтникомъ», то перевели этотъ чинъ словомъ Hofrat, совѣтникъ при дворѣ, и никакія мои убѣжденія, что я совсѣмъ не причастенъ ко двору, не подѣйствовали: австрійцы и богемцы, завѣдывавшіе сборомъ, остались при своемъ, что я изъ скромности не хочу обнаружить свое придворное званіе... Въ настоящее время, насколько извѣстно, въ Карлсбадѣ существуетъ общая для всѣхъ вообще пріѣзжихъ такса курсового сбора—въ 6 гульденовъ съ человѣка. Для бѣдныхъ поль-

зованіе ваннами безплатное; ихъ освобождаютъ также и отъ всѣхъ другихъ взносовъ. Для польскихъ и галиційскихъ евреевъ, наѣзжающихъ въ Карлсбадъ во множествѣ и, большею частью, конечно,



Ессентуки. Новая церковь внутри парка.

подъ видомъ бѣдняковъ, существуютъ спеціальные общіе бассейны, съ платою по 5 крейцеровъ за разъ. Ванны эксплоатируются самимъ городомъ, за исключеніемъ электрическихъ ваннъ и зала съ Цандеровскою гимнастикою въ Kaiserbad'ѣ, который сдается въ

аренду врачу за 5.000 гульденовъ, и онъ заработываетъ на этомъ до 20 тысячъ гульденовъ чистыхъ. Театръ сдается антрепренеру съ субсидіей въ 4.000 гульденовъ; три оркестра музыки играютъ въ разные часы дня у источниковъ и въ курзалѣ.

Все бальнеологическое дѣло въ Карлсбадѣ состоитъ въ управленіи города и вѣдается городскимъ совѣтомъ, подъ предсѣдательствомъ бургомистра, избираемаго, какъ и совѣтъ, на три года. Отдѣльной дирекціи водъ нѣтъ; въ арендѣ эти воды тоже никогда не были, и этимъ объясняется ихъ колоссальный успѣхъ и благосостояніе. Врачебной части управленіе совсѣмъ не касается; всѣ врачи — вольнопрактикующіе, но въ составѣ «совѣта» есть медицинскій «совѣтникъ-врачъ» и три санитарныхъ врача, служащихъ по найму [1]). Есть при водахъ инженеръ, архитекторъ, геологъ и три химика при городской лабораторіи. Анализы водъ дѣлаются весьма часто, а разъ въ нѣсколько лѣтъ эти анализы дѣлаются знаменитыми химиками, нарочито для этого приглашаемыми. Въ общемъ, число служащихъ вдесятеро менѣе легіона чиновниковъ, существующаго при управленіи Кавказскихъ водъ въ Пятигорскѣ.

Вотъ описаніе Карлсбада. Мы умышленно остановились на этомъ самомъ популярномъ заграничномъ курортѣ нѣсколько подробнѣе: многое—очень многое!—можно бы было позаимствовать оттуда и нашимъ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ, поскольку возможны, конечно, эти позаимствованія въ примѣненіи къ условіямъ мѣстной жизни, къ людямъ и тѣмъ скромнымъ, сравнительно къ Карлсбадомъ, финансовымъ средствамъ, кои отпускаются на кавказскія воды въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ. Мы видимъ, что необычайному успѣху карлсбадскихъ водъ способствовали слѣдующія дѣйствія, предпринятыя мѣстнымъ управленіемъ: 1) тщательная обдѣлка источниковъ и гидравлическія работы; 2) постоянныя изслѣдованія водъ—геологическія и химическія; 3) хорошее и обширное устройство купаленныхъ зданій и галлерей для питья; 4) удобныя и, по возможности, комфортабельныя квартиры и помѣщенія для пріѣзжающей публики и всевозможныя облегченія для нея и развлеченія при посѣщеніи водъ, и, на-

[1]) Интересно при этомъ сравнить количество врачей, практикующихъ, во время сезона, на здѣшнихъ водахъ. Въ книжкѣ-путеводителѣ на 1902 годъ, изданной управленіемъ водъ, число ихъ—187, но это далеко не всѣ... Интересно, что всѣ имѣютъ и практику при 27 тысячахъ пріѣзжихъ (въ этомъ году) больныхъ. Позволимъ себѣ назвать здѣсь профессоровъ и врачей, пользующихся особою и вполнѣ заслуженною популярностью на водахъ: Я. А. Анфимовъ, К. Э. Вагнеръ, Н. Ф. Высоцкій, М. К. Зенецъ, М. С. Зерновъ, П. И. Ковалевскій, В. И. Подановскій, А. И. Пѣуновъ, В. И. Разумовскій, А. А. Ржаксинскій, А. И. Россини, И. Ф. Сигристъ, М. С. Субботинъ, Н. Н. Феноменовъ, К. Н. Ярцевъ и др.
И. З.

конецъ, 5) самое главное и важное—умѣлое хозяйство на водахъ, ввѣренное не чиновникамъ, а людямъ трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ, знающимъ дѣло и любящимъ его. Мы видимъ, что когда воды достигаютъ уже извѣстной степени своего благоустройства, когда онѣ снабжены всѣмъ, что необходимо для полной ихъ эксплоатаціи, — тогда дѣло тотчасъ же измѣняетъ свой видъ: онѣ перестаютъ требовать затратъ отъ государства и начинаютъ, прямо и косвенно, сами выплачивать ему хорошій процентъ на затраченный на нихъ капиталъ. Но тогда для полной успѣшности своей на этомъ пути онѣ уже требуютъ дѣятельности возможно самостоятельной, хозяйства, при которомъ ближайшій ихъ хозяинъ чувствовалъ бы себя наиболѣе отвѣтственнымъ, а слѣдовательно и свободнымъ въ дѣйствіи, и чтобы онъ не былъ только чиновникомъ, кочующимъ администраторомъ-неудачникомъ, а дѣятелемъ, вложившимъ во ввѣренное ему дѣло всю свою душу. Если мы сопоставимъ и сравнимъ, напримѣръ, съ кавказскими минеральными водами все то, что примѣняется для успѣшнаго процвѣтанія карлсбадскихъ водъ, то въ конечномъ итогѣ можемъ получить такой выводъ: на нашихъ водахъ очень долгое время дѣлалось, повидимому, все, что только можно было сдѣлать для того, чтобы убить ихъ, чтобы отвадить отъ нихъ лѣчащуюся публику и, какъ неизбѣжное слѣдствіе, направить ее на заграничные курорты... И этотъ прискорбный порядокъ вещей существовалъ долгіе годы, и лишь за послѣднее десятилѣтіе на наши кавказскія воды обращено должное вниманіе. Вольно это дѣлалось или невольно, умышленно или же по невѣдѣнію и небрежности—это другой вопросъ и довольно щекотливый, и мы его касаться здѣсь не будемъ. Главная ошибка заключалась въ томъ, что мы спокойно и индифферентно сидѣли все у моря и ждали погоды: хозяева водъ все ждали развитія требованій на наши воды, для того, чтобы приняться какъ слѣдуетъ за ихъ улучшенія и благоустройство. Это все равно, какъ если бы какой нибудь малоразумный ремесленникъ вынесъ на рынокъ издѣлія изъ самаго прочнаго и цѣннаго матеріала, но грубо сдѣланныя и, вдобавокъ, неоконченныя; въ результатѣ, конечно, произошло бы то, что число покупателей было бы очень ограниченно и не соотвѣтствовало бы предложенію. Распорядителями, то-есть комиссарами и директорами, этихъ чудныхъ минеральныхъ водъ назначались люди, не только не имѣвшіе никакого представленія о благоустройствѣ заграничныхъ минеральныхъ водъ и не бывавшіе тамъ, но даже не бывавшіе никогда на Кавказѣ и не имѣвшіе о его цѣлебныхъ источникахъ никакого понятія... Какую путаницу и вредъ могутъ внести въ дѣло такіе комиссары и директора, отгадать не трудно, въ особенности, если эти распорядители бываютъ одарены еще и самомнѣніемъ и упрямствомъ. Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, происшедшихъ на моихъ глазахъ. Я нѣсколько

разъ уговаривалъ одного директора посѣтить прелестный водопадъ, находящійся въ такъ называемый Орѣховой Балкѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Кисловодска, чтобы убѣдить его, какое чудное и живописное мѣсто, вдобавокъ столь излюбленное публикой, находится въ полномъ небреженіи: тамъ существовала лишь грязная землянка, гдѣ жилъ какой-то армянинъ, державшій для публики самоваръ, за который онъ и взималъ по рублю. Директоръ такъ и не собрался поѣхать на этотъ водопадъ, но онъ попалъ однажды за три версты отъ Кисловодска, на такъ называемую Лермонтовскую скалу, расположенную въ некрасивомъ ущельѣ (гдѣ едва ли когда была нога Лермонтова), облюбовалъ это мѣсто и выстроилъ тамъ павильонъ, обошедшійся казнѣ въ нѣсколько тысячъ рублей... Такимъ образомъ, Орѣховая Балка осталась съ землянкой, но попрежнему усиленно посѣщается публикой, а на Лермонтовской скалѣ стоитъ роскошный домикъ-павильонъ, гдѣ очень рѣдко бываетъ публика... Впрочемъ, тотъ директоръ сдѣлалъ кое-что полезное для водъ: онъ, напримѣръ, внимая желаніямъ публики, изгналъ изъ кисловодскаго парка и изъ роскошной, по крайне тѣсной галлереи Нарзана всѣхъ торговцевъ — армянъ и крещеныхъ евреевъ, отравлявшихъ воздухъ и лишь надоѣдавшихъ больнымъ. Но смѣнившій его новый директоръ завелъ свои порядки: устроилъ въ кисловодскомъ паркѣ, у самаго Нарзана лавки, напоминающія нижегородскую ярмарку, въ галлереѣ допустилъ цѣлый рядъ лавочекъ со всевозможнымъ товаромъ, не исключая и порнографическихъ картинокъ и фотографій, а для евреевъ исхлопоталъ особыя льготы, дающія имъ право проживанія на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, во время курса, подъ именемъ «артистовъ», состоящихъ яко бы въ труппахъ, играющихъ въ театрахъ, имѣющихся здѣсь на всѣхъ четырехъ группахъ водъ... Подъ именемъ «артистовъ» въ Кисловодскѣ прошлое лѣто проживали даже два репортера-еврея, сотрудники московскихъ уличныхъ листковъ, все время писавшіе панегирики директору водъ [1]).

---

[1]) Въ то время, когда въ заграничные и курорты и лечебныя мѣстности все глубже и сознательнѣе проникаетъ антисемизмъ, что доказывается всего лучше тѣмъ знаменательныхъ фактомъ, что въ нынѣшнемъ году 47 курортовъ въ Германіи, Австріи и Швейцаріи категорически заявили въ своихъ «проспектахъ», что евреи въ курорты допускаемы не будутъ,—на кавказскихъ минеральныхъ водахъ совершается правильно организованное завоеваніе ихъ евреями, которымъ, однако, самое жительство въ районѣ Терской области не дозволено. За три года своего управленія водами директоръ Хвощинскій сдалъ евреямъ въ долгосрочную аренду все, что только можно было сдать. Теперь въ рукахъ евреевъ весь экспортъ водъ, всѣ казенныя гостиницы, рестораны, три казенныхъ театра (въ Пятигорскѣ, Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ), даже тиры для стрѣльбы и газета. Вотъ имена арендаторовъ: на первомъ мѣстѣ В. Шульцъ, «всеобщій арендаторъ», какъ называютъ его здѣсь. Этотъ австрійскій еврей и австрійскій же подданный явился на Кавказскія воды прошлымъ лѣтомъ, съ опереточною труппою. Прошелъ

II.

Начало реформированія Кавказскихъ минеральныхъ водъ.—Городъ Пятигорскъ, его сѣрные источники и новыя сооруженія.—Ессентуки.— Желѣзноводскъ и его Нарзанъ.—Патриція и плебеи Кисловодска.—Административная и земельная неурядицы.—Ожидаемое обращеніе Кисловодска въ городъ.—Милліонныя затраты на Кисловодскъ, сдѣланныя Владикавказскою желѣзною дорогою и министерствомъ государственныхъ имуществъ.

Десять лѣтъ назадъ, во главѣ управленія министерствомъ, вѣдающимъ Кавказскія минеральныя воды, сталъ теперешній министръ земледѣлія, статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ, взявшій на себя всю иниціативу реформированія управленія водами, посѣщавшій почти ежегодно эти воды лично и, благодаря своей энергіи, добившійся отпуска на благоустройство этихъ водъ такихъ суммъ, которыя были настоятельно нужны, чтобы хотя отчасти поставить кавказскіе курорты на подлежащую имъ высоту и приблизить ихъ до извѣстной степени къ заграничнымъ курортамъ. При этомъ, на

годъ... И вотъ, этотъ Шульцъ, принявшій съ 1-го января сего года русское подданство, арендуетъ теперь, кромѣ театровъ, двѣ гостиницы, три ресторана, тиръ, и пр.; мало этого, онъ зачисленъ на государственную службу и опредѣленъ въ управленіе водъ чиновникомъ особыхъ порученій «сверхъ штата» и щеголяетъ въ форменной фуражкѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ... За Шульцемъ слѣдуютъ «контрагенты по экспорту Нарзана»: Ройхель, Лейцингеръ, братья Лидскіе, соарендаторъ театровъ Берченко, строитель трамвая еврей Фридманъ и мн. др. Почти всѣ эти евреи обзавелись уже на группахъ водъ домами и дачами или магазинами и, самое главное, быстро увеличиваются въ числѣ. Еврейская монополія совсѣмъ отвоевала Нарзанъ; еще надняхъ московскій еврей Эрмонсъ и К° получилъ исключительное право на продажу Нарзана въ 18-ти губерніяхъ и въ томъ числѣ въ Московской. Срокъ контрагентамъ евреямъ на экспортъ Нарзана истекаетъ 31 декабря сего года, а въ лейбъ-органѣ г. Хвощинскаго, въ газетѣ «Кавказскія минеральныя воды», уже появилась довольно откровенная публикація о томъ, что публичныхъ торговъ на дальнѣйшій экспортъ Нарзана не будетъ, а желающіе приглашаются де представлять въ управленіе водъ письменныя заявленія... Всякому понятно, что это означаетъ отдачу многомилліоннаго дѣла экспорта Нарзана евреямъ, безъ торговъ и конкурренціи, по волѣ и симпатіямъ директора водъ. Считаемъ не лишнимъ прибавить, что теперешніе 7 милліоновъ бутылокъ Нарзана несомнѣнно превратятся въ будущемъ же году въ 10 милліоновъ, и что если евреи-контрагенты наживутъ отъ каждой бутылки только 5 коп. (а въ Москвѣ, напримѣръ, Нарзанъ въ ресторанахъ стоитъ 30 коп.), то это составитъ въ годъ 500.000 рублей, а такъ какъ предполагается десятилѣтняя аренда, то самый скромный барышъ отъ экспорта будетъ равняться пяти милліонамъ рублей... Недурной гешефтъ!.. Русской публикѣ надо знать еще вотъ что: съ небольшимъ годъ назадъ, въ Кисловодскѣ, служащимъ въ управленіи водъ, казачьимъ урядникомъ Гущинымъ «контрагенты» были изловлены на мѣстѣ слѣдующаго преступленія: со склада, гдѣ были приготовлены незарегистрированные и слѣдовательно, неоплаченные ящики съ укупореннымъ Нарзаномъ, рабочіе ночью переносили эти ящики въ мѣсто, гдѣ были уже приготовлены къ нагрузкѣ въ вагоны ящики оплаченные... Дѣло было замято и замазано. И. З.

покрытіе многихъ другихъ расходовъ по благустройству водъ открыты были и другіе источники, даваемые самими водами: главнымъ образомъ, экспортированіе этихъ водъ (одинъ Нарзанъ и Ессентуки № 17 отправляются въ настоящее время въ губерніи Россіи и за границу въ количествѣ болѣе семи милліоновъ бутылокъ въ годъ), а также и обязательная плата, вносимая прибывающими на лѣченіе больными за выдаваемые имъ «сезонные билеты», по примѣру таковыхъ же сборовъ, существующихъ на заграничныхъ курортахъ; у насъ сезонный билетъ на одного человѣка стоитъ 5 рублей, на двухъ человѣкъ 8 рублей и т. д.

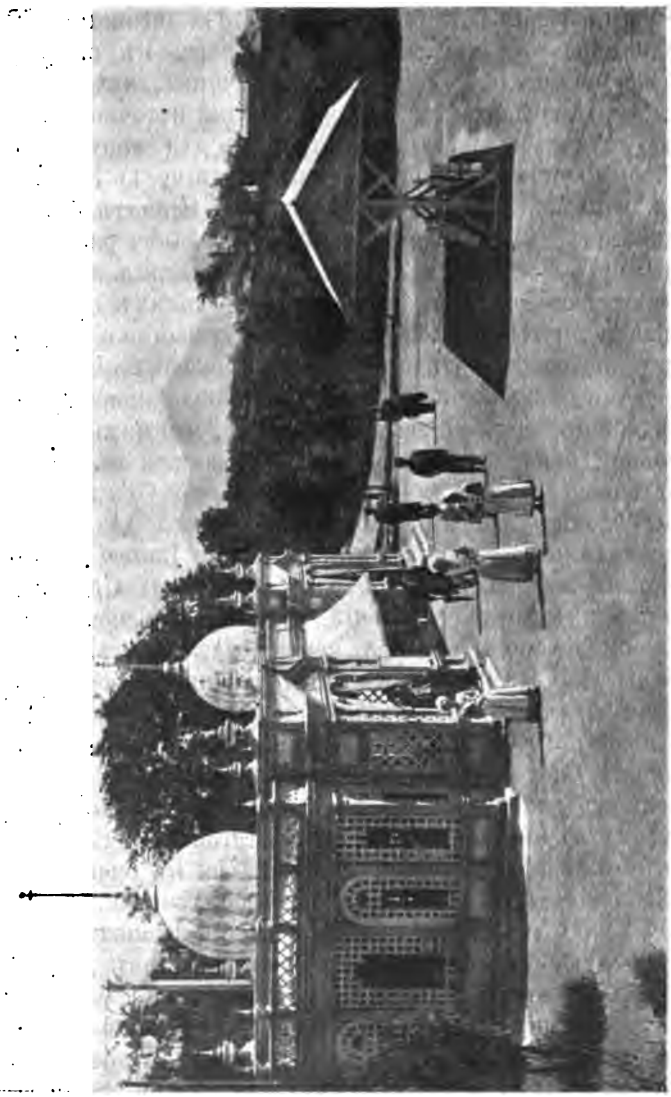
Взглянемъ на теперешнее состояніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ: какъ воспользовалось управленіе тѣми суммами, которыя были даны въ его распоряженіе на благоустройство этихъ водъ?

Тому, кто посѣтилъ впервые эти воды, какъ я, напримѣръ, 12-ть лѣтъ тому назадъ и видѣлъ, въ какомъ жалкомъ и небрежномъ видѣ онѣ существовали, когда по группамъ водъ не была даже проведена желѣзная дорога, а все сообщеніе производилось въ громадныхъ и уродливыхъ колымагахъ, называвшихся дилижансами, и увидѣлъ бы и сравнилъ бы ихъ теперь, тому происшедшія перемѣны показались бы просто невѣроятными. Очень и очень многое измѣнилось къ лучшему. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, что измѣнилось все, чему слѣдовало бы измѣниться.

Начнемъ съ Пятигорска, то-есть, съ группы, едва ли не самой главной по цѣлебности и разнообразію имѣющихся въ ней сѣрныхъ источниковъ [1]). Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Подкумка, на нижнемъ склонѣ южной стороны горы Машука, возвышающагося на 3.258 футовъ надъ уровнемъ моря,—того Машука, у подножія котораго былъ убитъ Лермонтовъ. Террасообразное положеніе Пятигорска даетъ возможность зрителю любоваться съ различныхъ точекъ большимъ разнообразіемъ красивыхъ видовъ на окрестности; лучшіе виды на эти окрестности и на самый городъ открываются изъ бесѣдокъ, называемыхъ «Эоловой арфой» и «Грибъ», съ вершины Машука, съ Горячей горы и съ площади у казеннаго сада. Зелень Машука, громада находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ горы Бештау, чудная панорама снѣгового хребта съ его серебристымъ великаномъ Эльборусомъ,—все это придаетъ Пятигорску въ высшей степени живописный видъ. Отъ юго-восточной стороны Машука отходитъ въ видѣ отрога Горячая гора, дающая начало всѣмъ сѣрнымъ источникамъ Пятигорска. Черезъ главную «Царскую» улицу города, въ направленіи отъ востока къ западу, тянется бульваръ отъ Елисаветинской галлереи

[1]) Эти свѣдѣнія заимствуются въ краткихъ извлеченіяхъ изъ книги «Кавказскія минеральныя воды», изданной въ минувшемъ году министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. И. З.

и почти до желѣзнодорожнаго вокзала. Въ средней части этого бульвара имѣется «Николаевскій цвѣтникъ», гдѣ и сосредоточивается во время курса вся курортная жизнь больныхъ, такъ какъ тутъ же находятся ванныя зданія, казенный ресторанъ, кон-



Ессентуки. Источникъ № 4.

тора группы, библіотека и водопродажная. На площади близъ собора расположенъ городской Лермонтовскій скверъ; тутъ же, на площадкѣ, на нѣкоторомъ возвышеніи стоитъ и памятникъ Лермонтову, на которомъ, слѣдуетъ прибавить, поэтъ изображенъ очень неудачно и въ довольно некрасивой позѣ.

Минеральные источники, эксплоатируемые на пятигорской группѣ, принадлежатъ, какъ уже сказано, къ сѣрнистымъ водамъ: по минерализаціи они подходятъ къ Аахенскимъ источникамъ, которые, однако, значительно слабѣе пятигорскихъ. Источники здѣсь служатъ не только для наружнаго, но и для внутренняго употребленія. Для питья служатъ: 1) Елисаветинскій источникъ, находящійся въ концѣ верхняго бульвара, въ красивой галлереѣ того же имени; 2) Михайловскій источникъ, находящійся въ галлереѣ того же названія; 3) Воронцовскій источникъ—въ Николаевскомъ цвѣтникѣ. Источники, служащіе для наружнаго употребленія, снабжаютъ слѣдующія ванныя зданія: 1) Зданіе теплосѣрныхъ ваннъ, имѣющее 11-ть ванныхъ комнатъ безъ отдѣльныхъ раздѣваленъ; 2) Николаевское ванное зданіе, раздѣленное на двѣ равныя половины—мужскую и женскую; всѣхъ ваннъ 25; 3) Ермоловское ванное зданіе, расположенное такимъ образомъ, что всѣ ванныя комнаты имѣютъ большія наружныя окна. Это зданіе предназначено теперь исключительно для грязевыхъ ваннъ. 4) Товіевское ванное зданіе помѣщается въ особой пристройкѣ къ Елисаветинской галлереѣ и отличается тѣмъ, что питается водою исключительно Товіевскаго источника, содержащей въ себѣ совсѣмъ незначительное количество сѣроводорода. 5) Старо-Сабанѣевское ванное зданіе—деревянное, имѣющее всего 14 кабинъ и питающееся сильнымъ сѣрнымъ источникомъ. Ванны расположены на открытомъ высокомъ мѣстѣ, внѣ города. 6) Солдатскія ванны состоятъ изъ двухъ отдѣленій, мужского и женскаго; въ мужскомъ отдѣленіи имѣется всего 5 цементныхъ ваннъ, въ женскомъ—2 ванны. 7) Ново-Сабанѣевскія ванны — роскошное зданіе у верхняго бульвара; онѣ имѣютъ два корпуса — большой и малый, открыты въ 1901 году. Оба зданія получаютъ воду изъ такъ-называемаго Сабанѣевскаго источника; въ маломъ корпусѣ, предназначенномъ для дамъ, имѣется 14 ваннъ, въ большомъ—32 ванны.

Кромѣ зданій для ваннъ, въ Пятигорскѣ имѣется еще гидропатическое заведеніе, помѣщающееся въ очень красивомъ зданіи, находящемся рядомъ съ Теплосѣрными ваннами, открытое въ сезонъ 1900 года. Въ нижнемъ этажѣ расположены мужское и женское душевыя отдѣленія съ общимъ заломъ для ожиданія; въ верхнемъ же этажѣ имѣются отдѣленія тепловое и массажное. Зданіе это отапливается, почему можетъ функціонировать и зимою. Въ верхнемъ этажѣ имѣются двѣ общія паровыя комнаты; въ одной изъ нихъ постоянно поддерживается температура около 40° R. и устроена каменка, какъ въ обыкновенныхъ русскихъ баняхъ; во второй комнатѣ нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ температура не превышаетъ 30° R.; въ этой комнатѣ установленъ особый увлажитель воздуха. Въ обѣихъ паровыхъ комнатахъ установлены деревянные полки, а полы въ нихъ нагрѣваются паромъ,

который проходитъ по особымъ проводникамъ, уложеннымъ подъ плитками пола. Въ помѣщеніи, находящемся рядомъ съ первою паровою комнатой (горячій паръ), устроены два небольшихъ бетонныхъ, облицованныхъ кафлями басссейна съ проточною водою; въ одномъ изъ нихъ постоянная температура около 26° R., а другомъ около 20°; эти бассейны служатъ охладителями послѣ пребыванія больныхъ въ паровыхъ комнатахъ. Въ томъ же верхнемъ этажѣ установлены двѣ сухо-воздушныхъ ванны для лѣченія высокими температурами. Это гидропатическое заведеніе при полной 14-ти часовой работѣ въ сутки и при полномъ отпускѣ всѣхъ манипуляцій можетъ удовлетворить до 1.260 человѣкъ больныхъ въ день. Въ верхнемъ же этажѣ гидропатическаго заведенія находится и прекрасно устроенное отдѣленіе для массажа.

Въ томъ же Пятигорскѣ обращаетъ на себя вниманіе народная купальня у Кабардинскаго источника, съ сѣрною же водою 27,5° R.; въ купальнѣ два каменныхъ бассейна, изъ которыхъ въ каждомъ одновременно можетъ купаться отъ 3 до 4 человѣкъ. Надъ бассейномъ устроенъ деревянный павильонъ, раздѣленный перегородкой на двѣ половины—мужскую и женскую.

Въ семи верстахъ отъ Пятигорска, въ нѣмецкой колоніи Каррасъ, находится извѣстный источникъ Баталинской горькой воды; по составу онъ принадлежитъ къ горькослабительнымъ водамъ и можетъ съ полнымъ успѣхомъ замѣнить распространенную въ Россіи венгерскую воду Гуніади и Фридрихсгальскую. Въ девяти верстахъ къ юго-востоку отъ того же Пятигорска находится горько-соленое озеро Тамбуканъ, неподалеку отъ горы, называемой Золотымъ Курганомъ, расположенной на высотѣ 2.900 футовъ надъ уровнемъ моря. Длина озера, имѣющаго видъ овала, около двухъ верстъ, ширина отъ 300 саженъ до 1 версты; сѣверный берегъ озера крутой (190 футовъ надъ уровнемъ), а сѣверо-западный, западный и юго-западный вполнѣ отлоги и низменны. Это драгоцѣнное озеро даетъ для лѣчебныхъ цѣлей (въ Пятигорскъ) два продукта—разсолъ и грязь: разсолъ привозятъ въ Пятигорскъ, здѣсь его выпариваютъ до нужной степени, фильтруютъ и разсылаютъ по группамъ, для прибавки въ ваннамъ; грязь привозится въ особыхъ ящикахъ и бочкахъ, на лошадяхъ; она добывается недалеко отъ сѣвернаго берега и имѣетъ видъ блестящей, маслянистой, черной и очень тяжелой массы. По увѣренію лицъ, лѣчившихся Сакскими минеральными грязями (близъ Евпаторіи, въ Крыму), грязь Тамбуканскаго озера несравненно цѣлебнѣе и сильнѣе Сакской.

Вотъ какія богатства минеральныхъ источниковъ имѣются въ одномъ лишь Пятигорскѣ!.. Лѣчатся здѣсь русскіе люди, съѣзжающіеся—увы!—въ очень все еще ограниченномъ количествѣ со всѣхъ концовъ и самыхъ отдаленныхъ окраинъ нашего отечества; лѣ-

чатся здѣсь преимущественно слѣдующія болѣзни: хроническій ревматизмъ суставовъ и мышцъ, невриты и невральгіи, сифилисъ во всѣхъ его періодахъ, хроническое отравленіе металлическими ядами, въ томъ числѣ и ртутью, бугорковыя пораженія суставовъ и костей, кожныя болѣзни и, главнымъ образомъ, параличи. Мнѣ не разъ доводилось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ: выносятъ изъ вагона поѣзда на станціи Пятигорска больного въ складномъ креслѣ; онъ поселяется въ Пятигорскѣ; его сначала возятъ по бульвару въ ручной колясочкѣ-креслѣ: потомъ, мѣсяцъ или полтора спустя, онъ начинаетъ появляться на бульварѣ на костыляхъ; въ концѣ концовъ, этого больного можно видѣть уже въ Кисловодскѣ, гуляющаго, опираясь лишь на трость...

Къ описанію Пятигорска слѣдуетъ еще добавить слѣдующее. Во время лѣчебнаго сезона минувшаго года, въ западной части Эммануелевскаго парка, при проведеніи черезъ него водопровода, на высотѣ 271 сажени надъ уровнемъ моря, былъ открытъ инженеромъ Эйхельманомъ новый источникъ желѣзистой воды. Источникъ этотъ былъ подвернутъ изученію, было проложено нѣсколько буровыхъ скважинъ и сдѣланъ тщательный и подробный анализъ воды; оказалось, что источникъ, хотя и аналогиченъ съ источникомъ Пятигорской группы, но существенно отличается, однако, отъ всѣхъ нихъ содержаніемъ желѣза и свободной углекислоты, минимальнымъ содержаніемъ сѣроводорода и низкой температурой (14° R.). По общему свойству своего состава, новый источникъ можетъ быть причисленъ къ типу углекисло-солено-желѣзистыхъ источниковъ. Благодаря кислому вкусу и пріятной температурѣ воды, новый источникъ быстро послѣ его открытія пріобрѣлъ въ Пятигорскѣ извѣстность: рабочіе предпочитали воду этого источника водопроводной изъ горы Юцы, а когда, 18-го іюля, былъ открытъ бюветъ, то у источника можно было постоянно видѣть массу публики, приходившей или выпить на мѣстѣ новой углекислой воды, или взять ее съ собою въ бутылки.

Любимѣйшими мѣстами гуляній пріѣзжающей въ Пятигорскъ публики служатъ: длинный, проходящій почти черезъ весь городъ бульваръ, съ его городскимъ цвѣтникомъ, два парка—Эммануелевскій и новый паркъ на Горячей горѣ, близъ которой имѣется знаменитый «провалъ» (остывшій кратеръ), воспѣтый Лермонтовымъ въ его извѣстной повѣсти «Княжна Мери», гора Машукъ и казенный садъ, занимающій площадь въ 8 десятинъ, имѣющій прекрасныя тѣнистыя аллеи, эффектно разбитые цвѣтники, оранжерею и нѣсколько фонтановъ. За послѣднее время посѣщается также мѣсто роковой дуэли Лермонтова у подножія Машука, гдѣ, два года тому назадъ, въ день 60-ти-лѣтія со дня кончины поэта, былъ открытъ скромный памятникъ-часовня.

Желѣзноводскъ. Фонтанъ и гора Бештау.

Вторымъ мѣстомъ лѣченія Кавказскихъ минеральныхъ водъ, по своему значенію и цѣлебности, слѣдуетъ признать Ессентуки, по чудодѣйственной силѣ источника № 17, находящагося на этомъ курортѣ. Ессентуки расположены въ 15 верстахъ отъ Пятигорска и выше его на 400 футовъ (надъ уровнемъ моря 1979 футовъ). Всѣ источники здѣсь выходятъ изъ Щелочной горы, представляющей собою довольно пологій отрогъ такъ называемой Бургустанской возвышенности. Источники эти нельзя отнести къ одному типу: по основному свойству своей воды они принадлежатъ къ щелочно-соляной группѣ; главнѣйшимъ изъ нихъ является названный выше источникъ № 17, а затѣмъ №№ 18, 4 и 6. Кромѣ этихъ источниковъ, употребляемыхъ внутрь, въ Ессентукахъ имѣются еще источники для ваннъ, а именно: солено-щелочные и сѣрно-щелочные. Всѣ они холодные, а потому примѣняются только въ подогрѣтомъ видѣ. Всѣхъ ванныхъ зданій четыре: два—для ваннъ солено-щелочныхъ съ 14 кабинами и два для сѣрно-щелочныхъ; изъ нихъ зданіе имени императора Николая II снабжено также и прѣсною водой для прѣсныхъ ваннъ. Грязелѣченіе въ Ессентукахъ, какъ и въ Пятигорскѣ, примѣняется съ большимъ успѣхомъ; грязь привозится изъ общаго для всѣхъ группъ кавказскихъ минеральныхъ водъ Тамбуканскаго озера.

Ессентукскія воды оказываются очень цѣлебными въ слѣдующихъ болѣзняхъ: увеличеніе печени, катарръ желудка и кишекъ, печеночные и почечные камни, ожирѣніе и тучность, сахарная болѣзнь и многія женскія болѣзни.

Изъ ванныхъ зданій особенное вниманіе обращаютъ на себя ванны императора Николая II, лишь недавно открытыя, постройка коихъ обошлась казнѣ свыше 300 тысячъ рублей. По изяществу отдѣлки и по комфорту, какимъ пользуются здѣсь больные, это ванное зданіе смѣло можетъ быть поставлено на ряду съ этого рода сооруженіями лучшихъ европейскихъ курортовъ. По четыремъ сторонамъ этого квадратнаго зданія расположены 19 номеровъ ваннъ для сѣрной минеральной воды; ванные номера состоятъ каждый изъ трехъ помѣщеній: двухъ раздѣваленъ и ванной комнаты; высота всѣхъ помѣщеній—1,9 саж. Правая половина зданія придназначена для дамъ, лѣвая для мужчинъ. Въ центрѣ этого фасада помѣщается просторный залъ для ожиданія: въ каждомъ изъ боковыхъ фасадовъ имѣется, кромѣ того, по одному просторному помѣщенію для отдыха больныхъ послѣ пріема грязевыхъ ваннъ; каждое изъ этихъ помѣщеній состоитъ изъ залы и полукруглаго, съ стеклянными рамами-стѣнами балкона. Внутри двора, образуемаго четырьмя сторонами главнаго зданія, построенъ особый павильенъ, имѣющій форму кольца: въ этомъ павильонѣ расположены 12 кабинъ для грязевыхъ ваннъ, состоящихъ каждая изъ двухъ помѣщеній—ванной комнаты и раздѣвальни. Это ванное зданіе пи-

тается водою сѣрно-щелочнаго источника Гааза-Пономарева, который расположенъ въ нижнемъ паркѣ группы, въ разстояніи около ста саженъ отъ средины зданія. Приготовленіе грязевыхъ ваннъ производится во внутреннемъ асфальтированномъ дворѣ зданія въ слѣдующемъ порядкѣ. Деревянныя ванны выкатываются на этотъ дворъ изъ кабинъ чрезъ особыя двери, и тутъ производится размѣшиваніе въ нихъ воды съ грязью, при одновременомъ нагрѣваніи послѣдней съ помощью пара; при этомъ въ ванны чрезъ резиновые рукава съ наконечниками пропускается паръ, которымъ резведенная грязь доводится до температуры, назначенной больному. Затѣмъ готовыя ванны вкатываются въ кабину; послѣ же купанья ванна выкатывается на среднiй дворъ, становится надъ однимъ изъ имѣющихся здѣсь двухъ люковъ, и грязь чрезъ отверстіе въ днѣ ванны выпускается.

Кромѣ ваннъ и питья ессентукскихъ водъ, здѣсь очень цѣлебны такъ называемые ессентукскія лепешки, которыя, подобно карлсбадскимъ солямъ, принимаются больными послѣ уже лѣченія, по выѣздѣ изъ Ессентукъ.

Помѣщенія для пріѣзжающихъ больныхъ упорядочены лишь въ очень недавнее время. Ранѣе, здѣсь, за исключеніемъ казенной гостиницы, было очень немного мало-мальски годныхъ квартиръ для людей небогатыхъ; казенная же гостиница сдавалась въ аренду, и ея арендаторъ, выжимая изъ нея всѣ выгоды, бралъ страшно дорогія цѣны за номера. Въ настоящее время открыта здѣсь новая казенная гостиница съ цѣнами довольно умѣренными; здѣсь имѣются также казенные бараки съ 80 номерами, по 1 р. 50 к. въ сутки, или по 30 рублей за мѣсяцъ. Кромѣ названныхъ построекъ, обращаетъ на себя вниманіе недавно выстроенный Цандеровскій институтъ шведской гимнастики; дѣло это имѣло большой успѣхъ среди лѣчащейся публики. Очень полезную службу для недостаточныхъ больныхъ сослужило въ прошлогоднiй сезонъ недавно устроенное зданіе общества «Санаторій» на участкѣ, отведенномъ обществу на льготныхъ условіяхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ этомъ зданіи помѣщалось 70 пансіонеровъ, получавшихъ за 40 рублей въ мѣсяцъ квартиру и здоровую пищу. Кромѣ пансіонеровъ, здѣсь столовались и очень многіе приходящіе, такъ какъ павильонъ столовой вмѣщалъ до 150 человѣкъ.

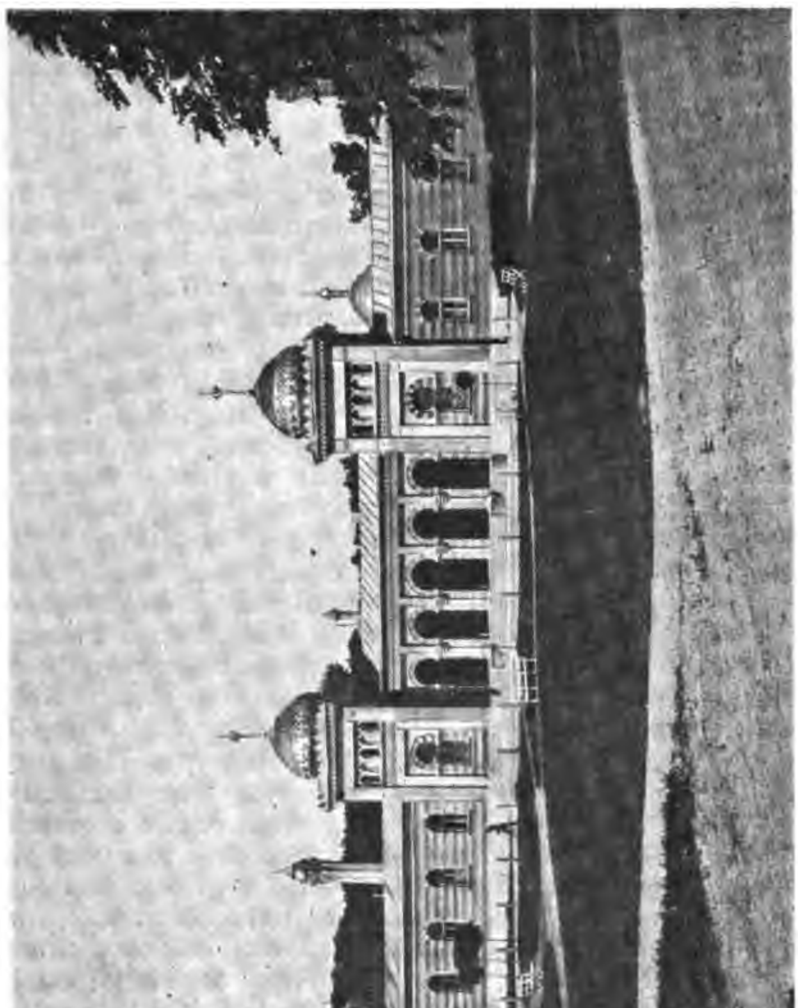
Въ виду общихъ и постоянныхъ жалобъ пріѣзжавшихъ въ Ессентуки больныхъ на дороговизну и неудобства квартиръ и комнатъ у мѣстныхъ жителей станицы, министерство земледѣлія нарѣзало въ минувшемъ году изъ пріобрѣтеннаго имъ вблизи желѣзнодорожной станціи крупнаго участка земли 210 мелкихъ, усадебныхъ, вполнѣ удобныхъ для устройства дачъ и небольшихъ при нихъ садовъ; 47 изъ этихъ участковъ были вскорѣ же и

сданы, и на нихъ быстро стали воздвигаться постройки; по всей вѣроятности, и остальные участки будутъ раскуплены и застроены въ непродолжительномъ же времени. Столь же удачно вышло и дѣло съ театромъ въ Ессентукахъ. Онъ помѣщался въ особой пристройкѣ къ галлереѣ № 17; эта пристройка была очень просторна и красива внутри, но неизящна снаружи и, кромѣ того, она отчасти лишала публику мѣста для прогулокъ въ дождливое время, вечерами, когда въ галлерею допускалась лишь публика, взявшая билеты въ театръ. Въ виду этого управленіе водъ признало необходимымъ выстроить для театра отдѣльное зданіе; но тутъ явилось предложеніе одного частнаго лица, извѣстнаго г. Шульца, который изъявилъ желаніе устроить театръ на свой счетъ, съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобъ ему же разрѣшено было арендовать этотъ театръ, а, во-вторыхъ, чтобы израсходованная на постройку театра сумма была возвращаема ему по частямъ. Управленіе на это согласилось и отвело мѣсто для будущаго театра въ паркѣ на такъ называемой Капельной горѣ.

Желѣзноводскъ считается попреимуществу дамскимъ курортомъ. Послѣ Кисловодска это самый живописный и здоровый изъ кавказскихъ курортовъ; его чудный паркъ даже больше Кисловодскаго парка, въ которомъ за послѣдніе три года стали выстраиваться торговыя лавочки и рестораны, отравляющіе воздухъ. Желѣзноводскъ раскинутъ на южномъ склонѣ горы Желѣзной, въ сѣдловинѣ, образуемой горами Бештау и Желѣзной и долинами рѣчки Джемухи и ручьемъ Медовымъ. Онъ находится отъ станціи «Минеральныя воды» въ 20 верстахъ, отъ Пятигорска въ 16-ти; къ нему идетъ отдѣльная желѣзнодорожная вѣтка отъ станціи Бештау (Минераловодской вѣтви Владикавказской желѣзной дороги). Высота желѣзноводской группы — 1.890 и 2.100 футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря. Желѣзноводскъ никогда не испытываетъ знойной жары во время лѣта и особенно замѣчателенъ еще тѣмъ, что здѣсь никакихъ эпидемическихъ болѣзней никогда не наблюдалось; даже холера 1892 года, свирѣпствовавшая въ Терской области и унесшая множество жизней въ Кисловодскѣ, совершенно не коснулась Желѣзноводска.

Для внутренняго употребленія здѣсь служатъ источники, которые содержатъ желѣзо и относятся къ группѣ такъ называемыхъ желѣзно-земляныхъ и желѣзно-известковыхъ водъ. Весьма важное преимущество мѣстныхъ ключей состоитъ, между прочимъ, въ ихъ высокой температурѣ, и это обстоятельство имѣетъ очень существенное значеніе при пріемѣ больными именно теплыхъ ваннъ, которыя, поэтому, не приходится и нагрѣвать, а слѣдовательно и терять составныя части воды, такъ какъ извѣстно, что при подогрѣваніи воды угольная кислота улетучивается, а известь и же-

лѣзо выпадаютъ. При внутреннемъ употребленіи желѣзноводскихъ источниковъ эта ихъ особенность также очень выгодна: лица, которыя не переносятъ холодной воды, могутъ пить здѣшнюю ми-



Желѣзноводскъ. Ванны Островскаго.

неральную воду, не подогрѣвая ея. Вотъ перечень желѣзноводскихъ источниковъ: вòды подъ названіемъ источниковъ № 1 и № 2; Маріинскій источникъ, каптированный въ 1896 году; Смирновскій источникъ (бывшій «Грязнушка»), названный такъ въ честь до-

стопочтеннаго доктора С. А. Смирнова. Бюветъ сдѣланъ гротомъ и высѣченъ въ самородной скалѣ. Затѣмъ, слѣдуетъ еще три источника: Ивановскій, Барятинскій и «великаго князя Михаила». По температурѣ, послѣдній изъ названныхъ источниковъ болѣе холодный изъ остальныхъ теплыхъ источниковъ, а потому больше служитъ для питья.

Изъ ванныхъ зданій, имѣющихся въ Желѣзноводскѣ, выдѣляются ванны Островскаго, названныя такъ въ честь бывшаго министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Островскаго, оконченныя постройкою въ 1893 году. Это очень красивое зданіе, построенное въ мавританскомъ стилѣ, по проекту графа Сюзора. По красотѣ, отдѣлкѣ и бальнеологическимъ приспособленіямъ оно не уступаетъ ваннымъ зданіямъ лучшихъ курортовъ Западной Европы. Зданіе снабжается минеральною водою источниковъ № 1 и № 2, и въ немъ имѣются: 23 бенюара для простыхъ желѣзистыхъ ваннъ, 4 номера для грязевыхъ ваннъ, каждый въ двѣ комнаты, изъ коихъ одна служитъ для раздѣванія, а въ другой установлены двѣ ванны; затѣмъ въ томъ же зданіи имѣется большая комната для ожиданія, комната для подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и два душевыхъ отдѣленія, въ каждомъ изъ коихъ установлены слѣдующія приспособленія: полный душевой аппаратъ Шарко, аппаратъ для нисходящаго дўша, для спинного душа, сидячая ванна съ боковымъ, переднимъ и заднимъ душами и деревянная каѳедра, у которой на особой доскѣ размѣщены всѣ краны и другія приспособленія для управленія дўшами. Ванны въ зданіи Островскаго всѣ кафельныя; при каждой изъ нихъ имѣется по два крана для горячей и холодной минеральной воды. Нагрѣваніе грязи для ваннъ производится помощью пара. Для подачи грязи изъ подвальнаго помѣщенія въ кабины устроены въ полу послѣднихъ трапы, подъ которыми установлены особые подъемные механизмы. Во всѣхъ номерахъ имѣются электрическіе звонки, а для нагрѣванія простынь устроены въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіи особые шкафы. Кромѣ ваннъ Островскаго, имѣются еще шесть зданій другихъ ваннъ: Калмыцкія, имѣющія очень оригинальную и красивую постройку на подобіе калмыцкой кибитки; ванное зданіе источниковъ № 1 и № 2—старое деревянное зданіе коридорной системы; ванное зданіе источниковъ № 5 и № 6, имѣющихъ горячую температуру въ 41, 4° R; Муравьевскія ванны, Старо-Барятинскія и Ново-Барятинскія ванны. Кромѣ того, въ томъ же Желѣзноводскѣ имѣется Народная купальня, заново устроенная къ сезону 1902 года, по новому шоссе, невдалекѣ отъ Островскихъ ваннъ. Это зданіе—фахверковое, внутри оцементированное; въ немъ имѣются двѣ каменныя писцины—мужская и женская, каждая длиною 6 аршинъ и шириною 4 аршина, и двѣ раздѣвальни, каждая съ отдѣльнымъ ходомъ. Купальня приспособлена и для зимы,

и для этого въ ней поставлена печь, обогрѣвающая обѣ половины; вода проведена по трубамъ изъ источниковъ № 1 и № 2 и падаетъ въ бассейнъ каскадами.

Всѣ источники Желѣзноводской группы принадлежатъ къ желѣзисто-щелочнымъ. При внутреннемъ ихъ употребленіи дѣйствуетъ главнымъ образомъ желѣзо; а такъ какъ это послѣднее составляетъ существенную и необходимѣйшую часть крови, то мы видимъ, что этими источниками излѣчивается цѣлый рядъ болѣзней, въ которыхъ такъ или иначе измѣнился составъ крови. Наконецъ, высокая и разнообразная температура воды желѣзноводскихъ источниковъ даетъ возможность пить эту воду внутрь безъ подогрѣванія, сохраняя вполнѣ ея естественныя свойства. Въ этомъ и заключается, между прочимъ, крупное преимущество нашихъ водъ передъ иностранными, которыя приходится нагрѣвать до требуемой температуры, вслѣдствіе чего въ водѣ происходятъ химическія измѣненія, отъ которыхъ она теряетъ свои естественныя лѣчебныя свойства. Въ Желѣзноводскѣ много помогаетъ дѣлу прекрасный горный воздухъ и богатая растительность, окружающая, въ видѣ нетронутыхъ лѣсовъ, этотъ курортъ со всѣхъ сторонъ.

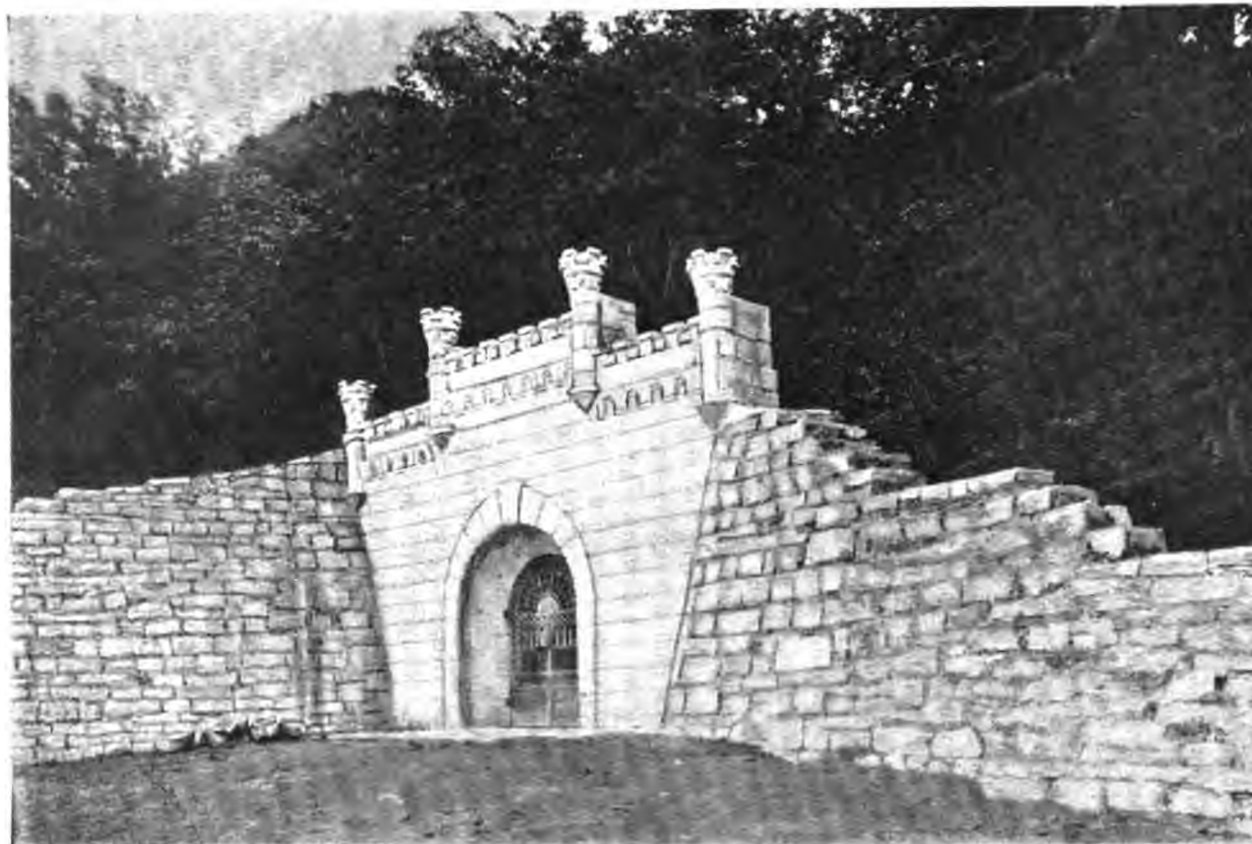
Желѣзноводскими водами съ успѣхомъ пользуются слѣдующія болѣзни: малокровіе, хроническій катарръ желудка и кишекъ, болѣзнь легкихъ и нѣкоторыя болѣзни сердца, спинная сухотка и другія болѣзни спинного мозга, цѣлый рядъ нервныхъ болѣзней, особенно, если онѣ соединены съ малокровіемъ и, главное, различныя формы женскихъ болѣзней. Въ помощь источникамъ и ваннамъ здѣсь присоединяется усиленное лѣченіе кумысомъ, душами, электричествомъ, массажемъ и Тамбуканскою грязью.

Хотя въ Желѣзноводскѣ, какъ и въ Ессентукахъ же, больше лѣчатся, чѣмъ веселятся, но все же находится достаточное число публики, требующей и развлеченій. Отвѣчая этимъ желаніямъ, управленіе водъ въ 1901 году приступило, по плану академика Шиллера, къ постройкѣ изъ желѣза и стекла обширной изящной галлереи-театра со сценой и гостиной по ея краямъ. Длина этого зданія 40 саж., ширина 5 саж. и высота внутри 4$^1/_2$ аршина. Для его постройки образована обширная площадка, для чего срыта часть Желѣзной горы. Вся галлерея освѣщается электричествомъ— дуговыми фонарями и лампочками. Большая часть этой изящной галлереи занята театромъ, въ которомъ имѣется 400 мѣстъ. Вблизи галлереи-театра, въ самомъ центрѣ парка, недавно же выстроена трехъ этажная казенная гостиница, имѣющая 130 номеровъ, изъ оконъ большинства коихъ открывается такой чудный видъ на горы и долину, раскинувшуюся у подножія Желѣзноводска, который рѣдко встрѣчается и за границею. Нѣчто подобное, но въ меньшей степени и прелести, имѣется въ Карлсбадѣ, съ того мѣста, гдѣ одна англійская миссъ выстроила часовню и поставила чугунный

диванъ, на которомъ отлиты 8 строкъ извѣстнаго стихотворенія Гёте «Горныя вершины», такъ поэтично переложеннаго на русскій языкъ поэтомъ Лермонтовымъ.

Среди вновь возникшихъ, за послѣдніе два-три года, въ Желѣзноводскѣ построекъ слѣдуетъ назвать также и новую народную купальню изъ минеральной же воды. Здѣсь же, кстати, мы скажемъ нѣсколько словъ и о знаменитомъ Тамбуканскомъ озерѣ и Кумагорскомъ источникѣ. Озеро это, дающее, какъ извѣстно, необыкновенно цѣлебную грязь, которою пользуются для ваннъ, находится неподалеку отъ Пятигорска и Желѣзноводска, все наполнено минеральною водой и занимаетъ площадь около 3—4 кв. верстъ. Грязь берется со дна и затѣмъ въ особыхъ ящикахъ доставляется къ ваннымъ зданіямъ на группы водъ. Озеро это поступило въ непосредственное распоряженіе Кавказскихъ минеральныхъ водъ лишь въ минувшемъ году; до этого оно находилось въ постороннемъ владѣніи. Кумагорскій же сѣрнистый источникъ находится въ 9 верстахъ отъ станціи Миниральныя Воды, на землѣ, числящейся за селеніемъ Кангли. За послѣднее время этотъ источникъ привлекаетъ къ себѣ значительное число лѣчащихся, которые купаются прямо въ углубленіи, сдѣланномъ самимъ источникомъ; никакихъ совершенно приспособленій для проживанія около источника также нѣтъ: туземцы пріѣзжаютъ и устраиваютъ свои палатки, или же прямо располагаются подъ открытомъ небомъ. Мѣстность кругомъ—голая, нѣтъ ни одного деревца. Въ минувшемъ году слава о цѣлебности источника распространилась и среди пріѣзжихъ больныхъ, и потребовалось привозить для нихъ воду въ бочкахъ. Дебитъ источника довольно значителенъ: на поверхность выходитъ нѣсколько струй, которыя, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ цѣлый потокъ, низвергающійся въ долину. Температура источника 32° R. Несомнѣнно, что въ самомъ недалекомъ будущемъ около Кумагорскаго источника возникнетъ цѣлый курортъ — пятый на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ—и управленіе водъ должно въ данномъ случаѣ итти навстрѣчу этому новому дѣлу и желаніямъ публики.

Кисловодскъ — это русскій Меранъ, какъ принято называть этотъ чудный кавказскій курортъ, имѣющій прекрасный горный воздухъ, гдѣ никогда не бываетъ лѣтомъ жары, и гдѣ ко всему этому имѣется Нарзанъ—богатырскій ключъ, въ переводѣ съ кабардинскаго на русскій языкъ. Кисловодскъ находится въ 21 верстѣ отъ Ессентуковъ по желѣзной дорогѣ, расположенъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горными возвышенностями и «уступами скалъ»; котловина прорѣзана двумя небольшими горными рѣчками, Ольховкой и Березовкой, сливающимися тутъ же въ Кисловодскѣ въ одно русло, впадающее въ Подкумокъ, съ



Желѣзноводскъ. Туннель Калмыцкой штольни.

правой его стороны, въ 4-хъ верстахъ отъ Кисловодска. Надъ уровнемъ моря онъ находится на высотѣ почти трехъ тысячъ футовъ; средняя температура лѣтомъ въ немъ немного болѣе 14° R.

Кисловодскъ, какъ курортъ, основался нѣсколько позже другихъ курортовъ, своихъ сосѣдей. Это произошло такъ. Въ 1809 г., въ самомъ началѣ войны на Кавказѣ, была основана у источника Нарзана крѣпость, названная, по свойству мѣстной углекислой воды, Кисловодскомъ. Затѣмъ, въ 1841 г., во время намѣстничества князя Воронцова, разрѣшено было поселиться вблизи крѣпости 95-ти семействамъ воинскихъ нижнихъ чиновъ и 20-ти отставнымъ солдатамъ, при чемъ имъ было отведено 14.453 десятины изъ близъ лежащихъ земель, отрѣзанныхъ у сосѣднихъ горцевъ, съ тѣмъ, чтобы было образовано «особое всесословное поселеніе», въ которомъ пріѣзжающіе въ Кисловодскъ больные могли бы находить квартиры и питаніе. Земля эта была дана не въ собственность, а «въ потомственное пользованіе». Впослѣдствіи число лицъ, селившихся въ Кисловодскѣ, постепенно увеличивалось: «старожилы», какъ стали называться эти первые поселенцы Кисловодска, принимали въ свою среду новыхъ членовъ, по пріемнымъ приговорамъ своего слободского схода, съ правомъ пользоваться и землею, и такихъ «хозяевъ слободы» считается 380 человѣкъ. Этотъ порядокъ вещей существовалъ до 1871 года. Послѣ этого времени общество слобожанъ, не желая болѣе дѣлиться своими земельными выгодами, перестало принимать въ свою среду новыхъ членовъ, и вновь прибывшіе въ Кисловодскъ поселенцы могли пріобрѣтать для себя лишь усадебную землю, за которую и должны были нести всѣ повинности, мірскія и государственныя, но не пользовались уже общественною землею. Такимъ образомъ, образовались въ Кисловодскѣ «старожилы» и «новожилы»—патриціи и плебеи... «Старожилы» не несли никакихъ общественныхъ и иныхъ повинностей, пользовались всею отведенною имъ землею (преимущественно сдавая ее въ аренду), управлялись по положенію 19-го февраля 1861 года и въ то же время находились и продолжаютъ находиться подъ покровительствомъ положенія о казачьихъ войскахъ, по мѣсту расположенія Кисловодска въ районѣ Терской области, не отбывая, однако, никакихъ казачьихъ обязанностей и повинностей. Такая путаница имущественныхъ и гражданскихъ правъ и обязанностей, едва ли существующихъ гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ Россіи, повела къ тому, что этотъ, можно смѣло сказать, лучшій курортъ въ Россіи, этотъ нашъ Меранъ, очутился въ рукахъ совершенно неинтеллигентныхъ и грубыхъ людей, потомковъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые были здѣсь первоначально поселены въ видѣ награжденія за заслуги въ происходившей тогда войнѣ; эти потомки приписались къ обществу пятигорскихъ мѣщанъ и застроили Кисловодскъ каменными хатками и

мазанками, гдѣ и устроили «комнаты для пріѣзжающихъ»; за эти комнаты, полныя грязи и лишенныя самыхъ необходимыхъ удобствъ, съ пріѣзжихъ драли немилосердныя цѣны, обирали и даже обкрадывали ихъ, и въ концѣ концовъ добились того, что за Кисловодскомъ утвердилась «худая слава», и люди болѣе или менѣе достаточные стали его обѣгать и предпочитать ему заграницу. Между тѣмъ, народонаселеніе Кисловодска быстро увеличивалось, достигло до 4-хъ тысячъ, и тутъ потомъ стали поселяться и интеллигентныя лица, покупавшія отъ «старожиловъ» усадебные участки и уплачивавшія имъ посаженную плату по три, а въ послѣднее время и по пяти коп. за каждую квадратную сажень. Въ 1894 г. въ Кисловодскъ прошла желѣзная дорога, здѣсь появились роскошныя виллы и дачи... Но суть дѣла отъ этого мало измѣнилась: улицы оставались немощенныя и не освѣщались, тротуаровъ не существовало вовсе, на улицахъ была или невылазная грязь, или ослѣпляющая пыль, смотря по погодѣ; соборная площадь представляла собою сплошной клоакъ; было всего 20 вольнонаемныхъ полицейскихъ съ приставомъ во главѣ, и проч. Главная же бѣда Кисловодска заключалась въ томъ, что здѣсь совсѣмъ не было хозяина, или, вѣрнѣе, ихъ было здѣсь цѣлыхъ пять: 1) названные выше «старожилы», имѣвшіе свое слободское правленіе, вѣдавшее всю слободу и отведенныя ей земли; 2) казенное управленіе водъ, владѣющее нижнимъ паркомъ, Нарзаномъ, ваннами и частью земли, принадлежащей министерству государственныхъ имуществъ; 3) военное вѣдомство, которому принадлежатъ выстроенная когда-то внутри слободы крѣпость и прекрасное казенное зданіе для больныхъ офицеровъ; 4) владикавказская желѣзная дорога, владѣющая верхнимъ паркомъ и землею, находящеюся подъ вокзаломъ, курзаломъ, театромъ и всѣми желѣзнодорожными постройками, и 5) частные владѣльцы виллъ и дачъ, выстроенныхъ на отведенныхъ имъ ранѣе военнымъ вѣдомствомъ усадебнып участкахъ, а также и на усадьбахъ, купленныхъ отъ общества и старожиловъ. Такое удивительное многоначаліе послужило причиною двухъ главныхъ золъ: во-первыхъ, благодаря отсутствію хозяина, Кисловодскъ продолжаетъ оставаться попрежнему безобразнымъ и грязнымъ селомъ, не имѣющимъ никакого сходства и подобія съ благоустроенными курортами Запада и даже съ гродненскими Друскениками или съ Старой Руссой; а, во-вторыхъ, здѣсь не существуетъ правильнаго и справедливаго распредѣленія налоговъ. Напримѣръ, въ самомъ лучшемъ мѣстѣ Кисловодска, въ нижнемъ паркѣ имѣется роскошно обставленная гостиница наслѣдниковъ генерала С—ова и рядомъ съ нею, тамъ же въ паркѣ, нѣсколько виллъ и дачъ, принадлежащихъ г-жѣ Б—ской; въ общемъ эта гостиница и эти виллы и дачи приносятъ каждое лѣто свыше 50 тысячъ чистаго дохода; между тѣмъ, ихъ владѣльцы не вносятъ

въ пользу общества, на благоустройство Кисловодска, и 50 коп., пользуясь, однако, всѣми услугами и охраною со стороны слободы и полиціи. Эти самые крупные и богатые дачевладѣльцы Кисловодска не уплачиваютъ въ пользу слободы даже и посаженнаго сбора, такъ какъ земля подъ ихъ виллами, гостиницами и дачами была отведена имъ распоряженіемъ тифлисскихъ властей въ собственность безплатно. Въ то же время, напримѣръ, когда поселяется здѣсь какой нибудь несчастный бѣднякъ, «иногородный» житель, пріобрѣтая покупкою отъ «старожила» слободы хату и прилегающую къ ней землю, то онъ въ силу особыхъ правилъ для казачьихъ станицъ, кои распространяются и на Кисловодскъ— слободу, населенную пятигорскими мѣщанами, долженъ вносить въ слободское общество «посаженную плату», да еще по первому разряду, т.-е. по 5 коп. за каждую квадратную сажень, такъ что если у него подъ усадьбою имѣется всего лишь 600 кв. саж., то съ него взыскиваютъ 30 рублей.

Чтобы прекратить такой ненормальный и прямо-таки несправедливый порядокъ вещей, большинство интеллигентныхъ жителей Кисловодска, въ числѣ 86 человѣкъ, во главѣ съ кн. М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ, возбудили въ концѣ 1896 года чрезъ комиссію прошеній ходатайство объ обращеніи слободы Кисловодска въ городъ съ упрощеннымъ городовымъ положеніемъ, разсчитывая, въ случаѣ успѣха, установить подоходный налогъ, въ размѣрѣ 2% со всѣхъ домовладѣльцевъ, промышляющихъ «квартирами и комнатами» для пріѣзжающихъ сюда лѣтомъ больныхъ и здоровыхъ посѣтителей, и на эти деньги прежде всего облагообразить курортъ: т.-е. замостить и освѣтить улицы, поливать ихъ во время жары и пыли, устроить тротуары, обсадивъ ихъ деревьями, упорядочить базарную площадь, завести больницу, пожарную команду и пр. Ходатайство кисловодской интеллигенціи встрѣтило большое сочувствіе со стороны г. министра земледѣлія, статсъ-секретаря А. С. Ермолова, и главноначальствующаго на Кавказѣ кн. Г. С. Голицына; но общество слобожанъ въ началѣ сильно затормозило это дѣло, заявивъ о своемъ несогласіи на обращеніе Кисловодска въ городъ, изъ боязни утратить свое монопольное пользованіе 14½ тысячами десятинъ прирѣзанной къ Кисловодску земли; но потомъ, наконецъ, понявъ собственную же выгоду въ измѣненіи существующаго порядка вещей, согласилось и даже опредѣлило на слободскомъ сходѣ особымъ приговоромъ отвести будущему городу «подъ выгонъ» 1500 десятинъ изъ земель, находящихся въ его пользованіи. Такимъ образомъ, казалось бы, сдѣлано было все, что нужно и что требовалось, чтобы обратить первоклассный русскій курортъ изъ слободы въ городъ. Но къ этому «дѣлу» оказалось прикосновеннымъ такое почтенное количество многоразличныхъ управленій и вѣдомствъ — военное, государственныхъ

имуществъ, финансовое, юстиціи, главное управленіе казачьихъ войскъ, съ ихъ канцеляріями и пр., что потребовалось вотъ болѣе шести лѣтъ, чтобы дѣло это приблизилось къ своему концу только нынѣшнимъ лѣтомъ, 3-го іюня, комитетъ министровъ опредѣлилъ: обратить слободу Кисловодскъ въ городъ.

Вотъ краткая и поучительная исторія несчастнаго Кисловодска — исторія, если хотите, собственно о томъ, какъ мы, русскіе люди, ухитряемся обезцѣнивать и низводить въ ничто самыя богатѣйшія наши достоянія. Во всей Европѣ нѣтъ такого курорта, какъ Кисловодскъ, т.-е. курорта съ такимъ горнымъ воздухомъ, а главное, съ такимъ «богатырскимъ» источникомъ, какъ Нарзанъ; но мы, повидимому, сдѣлали и продолжаемъ дѣлать все, что только въ нашихъ силахъ и средствахъ, чтобы содѣйствовать умаленію этого курорта, говоря иначе, содѣйствовали, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, процвѣтанію Мерана, Ниццы и другихъ курортовъ, подходящихъ отчасти къ горному Кисловодску... Между тѣмъ, Владикавказская желѣзная дорога затратила болѣе милліона рублей на устройство въ Кисловодскѣ курзала и театра[1]). Управляющій этою дорогою бываетъ каждое лѣто въ Кисловодскѣ лично, по возможности, удовлетворяетъ всѣ основательныя и разумныя желанія и просьбы публики. Точно также относится къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ вообще и къ Кисловодску въ особенности министерство государственныхъ имуществъ и самое управленіе водъ, затрачивая ежегодно сотни тысячъ рублей на различныя въ немъ сооруженія. И все-таки этотъ курортъ остается въ бо́льшей своей части, то-есть въ $^3/_4$ мѣста, занимаемаго собственно слободою, грязнымъ и отвратительнымъ селомъ. Посѣтители Кисловодска, если даже они живутъ въ паркѣ, желая, напримѣръ, попасть въ праздничный день въ церковь или въ лавки на базарной площади, могутъ увидѣть и услышать по дорогѣ много непріятнаго: на грязной или пыльной площади они увидятъ бродячихъ собакъ, коровъ, свиней... встрѣтятъ нѣсколько пьяныхъ мѣстныхъ жителей, услышатъ иногда и по своему адресу самую грубую и непристойную брань... Въ жаркій и вѣтреный день и если долго не было дождя, то на этой никогда не поливаемой и не подметаемой площади можно или задохнуться отъ пыли, или ослѣпнуть... А что же испытываютъ люди небогатые, пріѣзжающіе тоже тысячами каждое лѣто въ Кисловодскъ и не имѣющіе возможности жить въ недоступныхъ

[1]) За этою дорогою имѣется, вообще, немало и другихъ серьезныхъ заслугъ. Такъ, напримѣръ, желая дать возможность дѣтямъ своихъ служащихъ и рабочихъ къ поступленію въ техническія желѣзнодорожныя училища, она, много лѣтъ назадъ, открыла у себя въ Ростовѣ, Новороссійскѣ, Владикавказѣ и др. мѣстахъ 18 начальныхъ училищъ, изъ коихъ 12 двуклассныхъ и 6 одноклассныхъ. Въ этихъ училищахъ обучалось, къ 1-му января 1908 года, 1607 дѣтей мужескаго пола и 877 дѣвочекъ. И. З.

по цѣнѣ виллахъ и гостиницахъ, выстроенныхъ въ паркѣ, вынужденные квартировать именно въ слободѣ, въ домахъ жителей?!.. А вѣдь такихъ пріѣзжихъ наберется $^9/_{10}$ изъ всего числа курсовыхъ посѣтителей Кисловодска... Теперь, Богъ дастъ, со введеніемъ городового положенія, всѣ эти безобразія постепенно закончатся.

III.

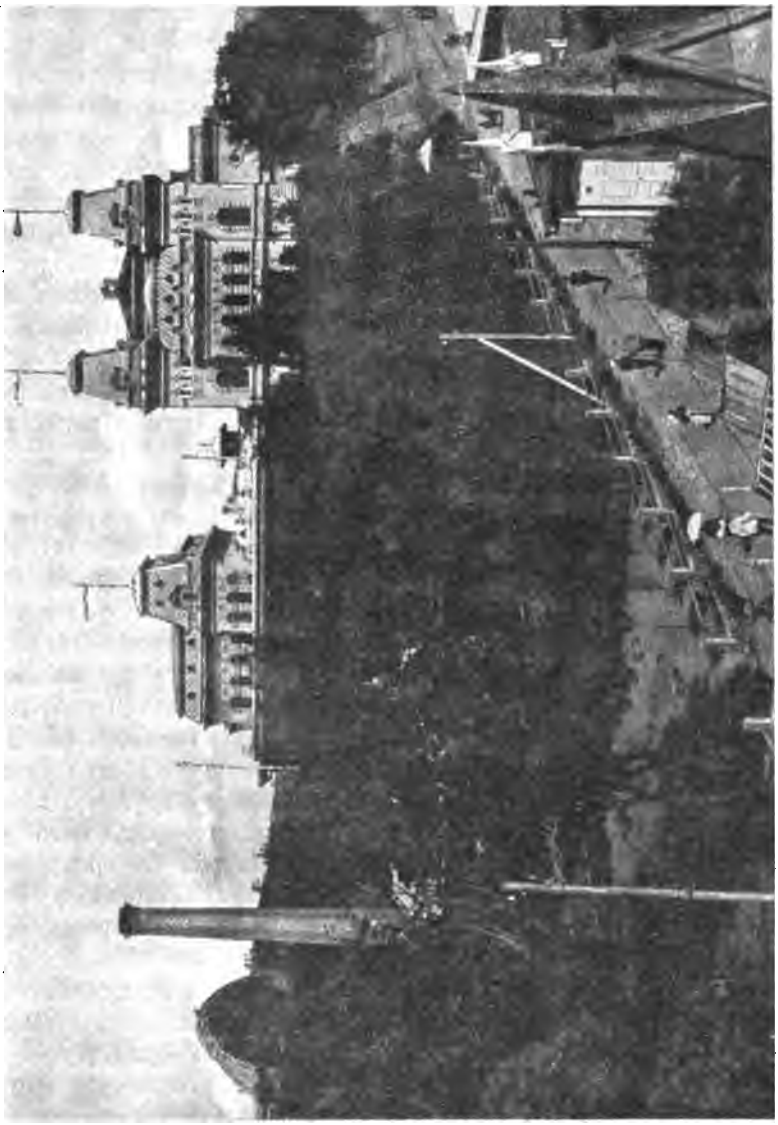
Нарзанъ и его экспортъ.—Излѣчиваемыя въ Кисловодскѣ болѣзни.—Устройство ваннъ.—Новыя ванны и гидропатическое отдѣленіе.—Казенная гостиница и бараки.—Дороговизна дачъ и недостатокъ помѣщеній.—Окрестности Кисловодска: «Замокъ коварства и любви», Бермамутская скала подъ Эльборусомъ, Орѣховая балка, Римъ-гора, Сталактитовыя пещеры и «Дальній Нарзанъ».—Замѣчательныя зданія Кисловодска.—Домъ «наслѣдниковъ Реброва».—Пребываніе въ Кисловодскѣ Пушкина, Лермонтова и императора Александра II.—Проектируемое «курортное положеніе».—Что нужно Кавказскимъ минеральнымъ водамъ.

Главною приманкою для публики, пріѣзжающей въ Кисловодскъ, служитъ Нарзанъ. Этотъ «богатырскій ключъ» выходитъ изъ трещины въ доломитѣ, шириною отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ и длиною въ $1^1/_4$ аршина, на глубинѣ трехъ саженъ отъ поверхности пола галлереи и выдѣляетъ около 240.000 ведеръ въ сутки при наполненномъ бассейнѣ. Трещина въ доломитѣ доступна измѣренію, по извилистости ея хода, только на сажень; она изолирована тесаными камнями на цементѣ, такъ что вырваться изъ окружающаго его бассейна этотъ «богатырь» не можетъ. Кисловатый и необыкновенно пріятный вкусъ Нарзана извѣстенъ: по температурѣ и вкусу онъ схожъ отчасти съ водою Гисгюблера и Аполлинариса, но значительно превосходитъ ихъ крѣпостью и цѣлебностью. Какъ прекрасная столовая вода, Нарзанъ распространенъ въ настоящее время по всей Россіи и даже за границей; милліоны бутылокъ этой воды расходятся ежегодно[1]), въ особенности Нарзанъ пьютъ лѣтомъ, такъ какъ онъ имѣетъ сильно освѣжающее и прохлаждающее дѣйствіе, благодаря главнымъ образомъ бóльшему, чѣмъ въ двухъ названныхъ заграничныхъ столовыхъ водахъ, содержанію сѣрнокислыхъ солей кали и натра, почти отсутствію желѣза и большему содержанію углекислоты.

Высокое терапевтическое достоинство имѣетъ Нарзанъ при употребленіи его въ видѣ ваннъ, которыя обыкновенно дѣлятся по

[1]) Въ прошломъ 1902 году Нарзана было отпущено 4.038.718 бутылокъ; въ этомъ году экспортъ этого источника достигаетъ уже семи милліоновъ бутылокъ. Экспортъ же всѣхъ здѣшнихъ водъ—Нарзана и Ессентукскихъ—далъ управленію водъ, по 1-е лишь августа, 166.547 р. 15 к. А сколько сотъ тысячъ чистой прибыли нажили, захватившіе въ свои цѣпкія руки экспортъ водъ, евреи,—это извѣстно, конечно, только имъ самимъ. И. З.

температурѣ на три разряда: теплыя—въ 30°—28° R., болѣе свѣжія—28°—23° R., прохладныя отъ 23° до 18° R., и цѣльный Нарзанъ. Чѣмъ выше температура ванны, тѣмъ меньше въ Нарзанѣ



Кисловодскъ. Театръ и курзалъ.

содержится углекислоты, и тѣмъ слабѣе ея вліяніе на организмъ. Теплыя ванны, содержа мало углекислоты, которая вслѣдствіе нагрѣванія воды улетучивается, дѣйствуютъ вполнѣ успокаивающимъ образомъ; холодныя же Нарзанныя ванны, при осмотритель-

номъ ихъ употребленіи, оживляютъ и освѣжаютъ организмъ, усиливаютъ дѣятельность мышцъ, повышаютъ аппетитъ, укрѣпляютъ чувствительность кожныхъ нервовъ и дѣлаютъ организмъ способнымъ противостоять разнымъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Болѣзни, для лѣченія которыхъ Кисловодскъ является соотвѣтствующимъ курортомъ, раздѣляются на двѣ категоріи: 1) болѣзни съ вялою ослабленною дѣятельностью организма и 2) такія, которыя характеризуются повышенной раздражительностью или же потерей чувствительности. Къ первой категоріи относятся всѣ состоянія послѣ тяжелыхъ и продолжительныхъ болѣзней, послѣ потерь крови, усиленной работы, послѣ усиленнаго ослабляющаго лѣченія. Чистый горный воздухъ, прогулки по горамъ, ванны Нарзана, кумысъ, газированное молоко и многіе другіе методы лѣченія содѣйствуютъ тому, что почти всѣ больные, закончивъ свое лѣченіе въ Пятигорскѣ, въ Ессентукахъ или въ Желѣзноводскѣ, непремѣнно пріѣзжаютъ потомъ въ Кисловодскъ,—и здѣсь уже совершенно укрѣпляются и возстановляютъ свои силы. Золотуха, англійская болѣзнь, анемія, истощеніе, пріобрѣтенное послѣ продолжительныхъ болотныхъ лихорадокъ,—всѣ эти болѣзни окончательно излѣчиваются только въ Кисловодскѣ. Ко второй категоріи относятся различныя формы нервныхъ болѣзней, сопровождающихся излишнею раздражительностью и чувствительностью. Есть еще рядъ болѣзней, благодаря излѣченію которыхъ именно въ Кисловодскѣ этотъ курортъ имѣетъ славу Мерана: это—легочныя страданія, и въ нихъ болѣе всего проявляется значеніе Кисловодска, какъ горно-климатической станціи. Больные съ хроническими катаррами, хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, плевритами и легочной чахоткой находятъ здясь громадное облегченіе, а иногда и полное исцѣленіе. «Благодаря своей разрѣженности, болѣе чистый горный воздухъ, вентилируя легкія, заставляетъ грудную клѣтку дѣлать бо́льшіе размахи при вдыханіи»,—это говорятъ намъ ученые врачи; лично же намъ довелось убѣдиться за время посѣщенія 12-ти сезоновъ Кисловодска, что здѣсь совсѣмъ неизвѣстна у жителей болѣзнь чахотка, и всѣ больные со стороны, попадавшіе сюда въ началѣ этой болѣзни, получали сильное облегченіе. Къ сожалѣнію, Кисловодскъ по сіе время не имѣетъ санаторіи и даже больницы. Лишь этимъ лѣтомъ, докторомъ В. И. Подановскимъ организовано солидное товарищество для устройства санаторіи, которая будетъ функціонировать круглый годъ и предназначается, главнымъ образомъ, для нервныхъ, малокровныхъ и грудныхъ больныхъ съ отдѣльно выстроенными корпусами по роду болѣзней и гинекологическимъ отдѣленіемъ съ операціоннымъ покоемъ. Санаторія строится на окраинѣ Кисловодска, въ гористой, покрытой деревьями, мѣстности, съ живописными видами на окружающія горы и балки!

Ванныя комнаты устроены въ Кисловодскѣ превосходно и въ нѣсколькихъ помѣщеніяхъ. Самыя удобныя—въ смыслѣ близости ихъ къ центру кисловодской жизни—помѣщаются въ галлереѣ Нарзана, на сѣверной и восточной ея сторонахъ. Эти ванны снабжены всѣми необходимыми приспособленіями, сдѣланы изъ кафеля; помѣщенія просторныя, свѣтлыя и довольно просто, но прилично отдѣланныя. Неподалеку отъ нихъ, въ 1895 году, устроено деревянное ванное зданіе—«ванны Скальковскаго», съ 26 кабинами, предполагаемыя, впрочемъ, къ скорой сломкѣ. Нагрѣваніе этихъ ваннъ, равно какъ и ваннъ въ галлереѣ Нарзана,—паровое. Въ концѣ галлереи, рядомъ съ бассейномъ Нарзана, помѣщается «газовая комната», въ которой установлены особые приборы для лѣченія газовыми ваннами и струей газа (души), направляемой на больныя мѣста; газъ собирается изъ Нарзана.

Кромѣ названныхъ ваннъ, къ будущему сезону предполагается закончить обширное и роскошное зданіе новыхъ ваннъ съ гидропатическимъ отдѣленіемъ во второмъ этажѣ, устраиваемое на тополевой аллеѣ. На это зданіе затрачивается свыше 350.000 рублей, и оно будетъ сооружено при выполненіи всѣхъ новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій въ дѣлѣ. Въ зданіи будутъ два бассейна съ 20 раздѣвальнями и 38 кабинъ. Въ гидропатическомъ же отдѣленіи будутъ устроены надлежащія приспособленія и для лѣченія электричествомъ, массажемъ и гимнастикой. Такимъ образомъ, Кисловодскъ по числу и совершенству воздвигаемыхъ въ немъ и уже въ настоящее время заканчиваемыхъ сооруженій для лѣченія больныхъ можетъ смѣло занять первое мѣсто среди всѣхъ русскихъ курортовъ и не послѣднее среди заграничныхъ. Милліонныя же зданія театра и курзала, выстроенныя Владикавказскою дорогой, превосходятъ, по красотѣ и изяществу, многія подобныя зданія, видѣнныя мною за границей. Чтобы прійти на помощь иріѣзжающей въ Кисловодскъ публикѣ по части помѣщеній, министерство земледѣлія разрѣшило управленію водъ построить также и обширное зданіе для казенной гостиницы на томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе стояли бараки. Едва ли во всемъ Кисловодскѣ найдется болѣе подходящее мѣсто, какъ то, которое отведено теперь для этой гостиницы: на невысокомъ плато, у сліянія двухъ рѣчекъ, Ольховки и Березовки, всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ галлереи Нарзана, ваннъ и парка, съ чуднымъ видомъ на окрестныя горы, окружающія со всѣхъ сторонъ Кисловодскъ,—казенная гостиница, при умѣренныхъ цѣнахъ за помѣщенія, восполнитъ отчасти самый чувствительный недостатокъ, испытываемый пріѣзжающею сюда публикою, вынужденною или платить сумасшедшія цѣны за удобныя помѣщенія въ дорогихъ дачахъ, или же нанимать «комнаты» у жителей и испытывать всевозможныя неудобства

и лишенія. Кромѣ этой гостиницы [1]), правленіе водъ гораздо ранѣе, именно въ 1897 году, устроило отъ себя для пріѣзжей же публики три барака съ 54 комнатами, гдѣ, на первыхъ порахъ, и останавливаются тѣ счастливцы, которымъ удается захватить въ этихъ баракахъ свободную комнату. Бараки эти съ прошлаго года перенесены въ предѣлы новаго парка, разведеннаго у Красныхъ камней, на землѣ, отрѣзанной у жителей слободы, въ количествѣ 45 десятинъ изъ числа 14½ тысячъ десятинъ земли, отведенной первоначальнымъ поселенцамъ Кисловодска «въ потомственное пользованіе», о чемъ мы уже упоминали. Но что значатъ эти нѣсколько десятковъ номеровъ въ казенной гостиницѣ и баракахъ, когда сюда въ разгаръ сезона въ половинѣ іюля, напримѣръ, съѣзжается до семи тысячъ публики и больной, и здоровой!.. Эти номера составляютъ, конечно, сотую часть того, что было бы нужно, дабы оградить публику отъ волчьихъ аппетитовъ здѣшнихъ крупныхъ дачевладѣльцевъ [2]), такъ какъ сюда за послѣдніе годы, съ проведеніемъ желѣзной дороги, стали, къ вящшему неудобству больныхъ, наѣзжать каждое лѣто нѣсколько тысячъ совершенно здоровыхъ людей, преимущественно армянъ изъ Тифлиса, Баку, Ростова-на-Дону и Нахичевани, спасающихся въ прохладѣ кисловодскаго горнаго воздуха отъ невыносимой жары, которая обыкновенно случается въ городахъ Кавказа въ лѣтнее время. Одинаково здѣсь ощущается и недостатокъ санаторіи, за устройство которой только теперь принялись.

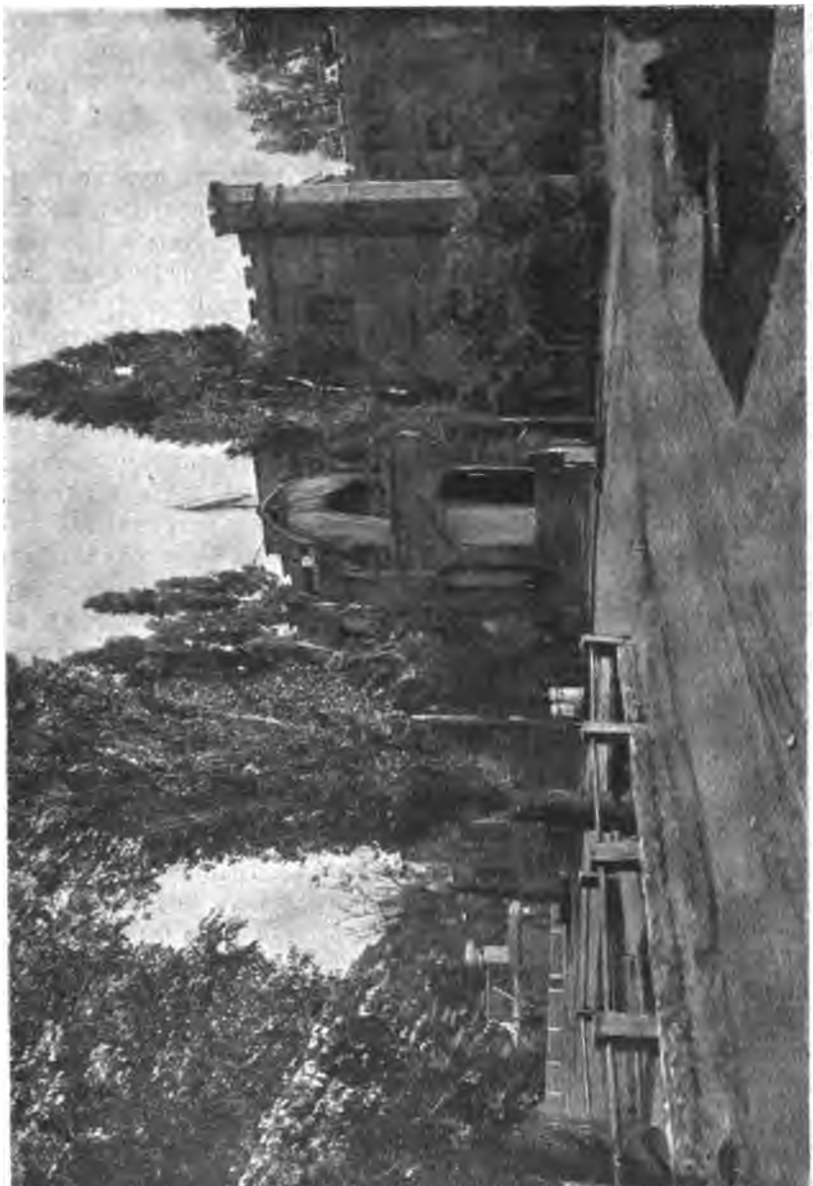
Окрестности Кисловодска и мѣста для поѣздокъ и прогулокъ отличаются особою, какъ бы фантастическою, красотою и тою иногда дикою величавостью, которыя такъ присущи гористымъ

---

[1]) Въ пріѣздъ мой этимъ лѣтомъ въ Кисловодскъ стало извѣстно, что гостиницы на этомъ мѣстѣ не будетъ, а она строится на мѣстѣ ваннъ Сальковскаго, которыя сносятся. И. З.

[2]) Интересны, между прочимъ, мотивы, приводимые домовладѣльцами кавказскихъ курортовъ въ оправданіе безбожныхъ цѣнъ на свои квартиры, въ самый разгаръ сезона, когда именно пріѣзжаютъ сюда лѣчиться тысячи небогатыхъ людей, пользующихся каникулярнымъ лѣтнимъ временемъ: они ссылаются на управленіе водъ, которое тоже, пользуясь наплывомъ публики, **повышаетъ цѣны на ванны**. Такъ, напримѣръ, въ Пятигорскѣ билеты на сѣрныя ванны (въ Николаевскомъ зданіи), стоившіе обыкновенно за ½ часа 30 коп., повышаются на 50% и стоятъ 45 коп. (отъ 7 часовъ утра до 3-хъ пополудни); Ново-Сабанѣевскія ванны повышаются съ 50 коп. на 60 коп.; въ Ессентукахъ цѣна ваннъ повышается тоже на 50%: вмѣсто 50 коп. на 75 коп., съ 35 коп. на 50 коп. и съ 40 коп. за ванну на 60 коп.; въ Желѣзноводскѣ цѣны ваннъ повышаются съ 30 коп. на 45 коп. и съ 25 коп. до 35 коп.; въ Кисловодскѣ тоже вмѣсто 50 коп. берутъ въ разгаръ сезона 75 коп. за ванну. Такое меркантильное повышеніе цѣнъ въ ваннахъ, гдѣ хозяйничаетъ казна, такая чисто лавочная надбавка, ложащаяся всею своею тяжестью преимущественно на небогатую, интеллигентную часть публики, не могущую пользоваться отпусками весною и осенью, во время служебныхъ занятій, едва ли можетъ быть допустима и терпима на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. И. З.

мѣстностямъ Кавказа. Есть, напримѣръ, здѣсь мѣсто, куда многіе отправляются даже пѣшкомъ, такъ какъ оно всего въ пяти верстахъ отъ Кисловодска; называется оно «Замокъ коварства и



Кисловодскъ. Галлерея Нарзана со стороны Тополевой аллеи.

любви», такъ какъ здѣсь, по преданію, грузинская чета двухъ влюбленныхъ молодыхъ людей рѣшила однажды покончить жизнь самоубійствомъ; но онъ-то спрыгнулъ со скалы внизъ на острые

камни и разбился на смерть, а она передумала... Это дикое по своей горной красотѣ мѣсто расположено въ ущельѣ, между двумя крутыми обрывами бывшихъ когда-то, надо полагать, береговъ исчезнувшей рѣки; и вотъ на днѣ этого высохшаго русла торчитъ скала, высотою съ городскую каланчу, словно выскочившая изъ земли, покрытая выросшимъ на ней кустарникомъ... Глядя на эту скалу, дѣйствительно очень похожую на зàмокъ, недоумѣваешь: какія страшныя вулканическія силы выдвинули изъ нѣдръ мѣстныхъ скалъ этотъ волшебный «зàмокъ»?!...

Еще грандіознѣе и величественнѣе представляется путешественнику картина, какую едва ли можно видѣть гдѣ либо на земномъ шарѣ: по крайней мѣрѣ, это утверждаютъ «всесвѣтные» путешественники-англичане и американскіе янки, появляющіеся каждое лѣто въ Кисловодскѣ. Мы говоримъ о поѣздкѣ на Бермамутъ, возвышенность, находящуюся надъ уровнемъ моря на 8.559 футовъ, откуда обыкновенно наблюдается восходъ солнца изъ-за горы Эльборусъ, который появляется передъ зрителемъ ничѣмъ не закрытый и лишь отдѣленный отъ Бермамута долиною, а на днѣ ея, подъ вашими ногами, раскинуто нѣсколько горскихъ ауловъ... Плато Бермамута находится отъ Кисловодска въ 32½ верстахъ. Дорога идетъ по лѣвому склону Березовой балки; встрѣчаются косогоры и значительные уклоны, но можно ѣхать безъ тормаза; эта часть дороги самая трудная. Далѣе дорога идетъ по возвышенному плато съ постепеннымъ подъемомъ и обширнымъ кругозоромъ во всѣ стороны. На 26-ой верстѣ открывается видъ на Бермамутъ, дорога спускается въ долину, и затѣмъ начинается болѣе крутой подъемъ; на 30-ой верстѣ дорога на Бермамутъ идетъ едва замѣтной тропой, по широкому скату, имѣющему около 15° крутизны. Какъ только вы въѣзжаете на Бермамутскую скалу, передъ вами открывается главный Кавказскій хребетъ съ его великаномъ Эльборусомъ, который открытъ весь отъ вершины до подошвы, — и представляющаяся картина является величественною и грозною... Воздухъ здѣсь очень разрѣженъ, и блескъ звѣздъ ночью кажется необыкновеннымъ. На разсвѣтѣ Эльборусъ, если ночь была темная, начинаетъ явственно обрисовываться на голубомъ небѣ, равно какъ и вся цѣпь горъ... Затѣмъ, передъ вами происходитъ нѣчто необычайное, феерическое: вся вершина этого пятиверстнаго въ вышину великана вспыхиваетъ яркимъ, огненнымъ свѣтомъ и постепенно принимаетъ всѣ оттѣнки радуги; это вѣковѣчные льды горной вершины Эльборуса отражаютъ на своей алмазной поверхности первые косвенные лучи еще не видимаго пока солнца... Наконецъ, ясно обрисовывается три цвѣта этой высочайшей въ Европѣ горы: зеленый—это лѣсà, растущіе у подножія горы, бѣлый—снѣговая часть горы до ледниковъ и розоватая—льды... Разстояніе отъ васъ до подножія Эльборуса около 25 верстъ: это—ширина долины, рас-

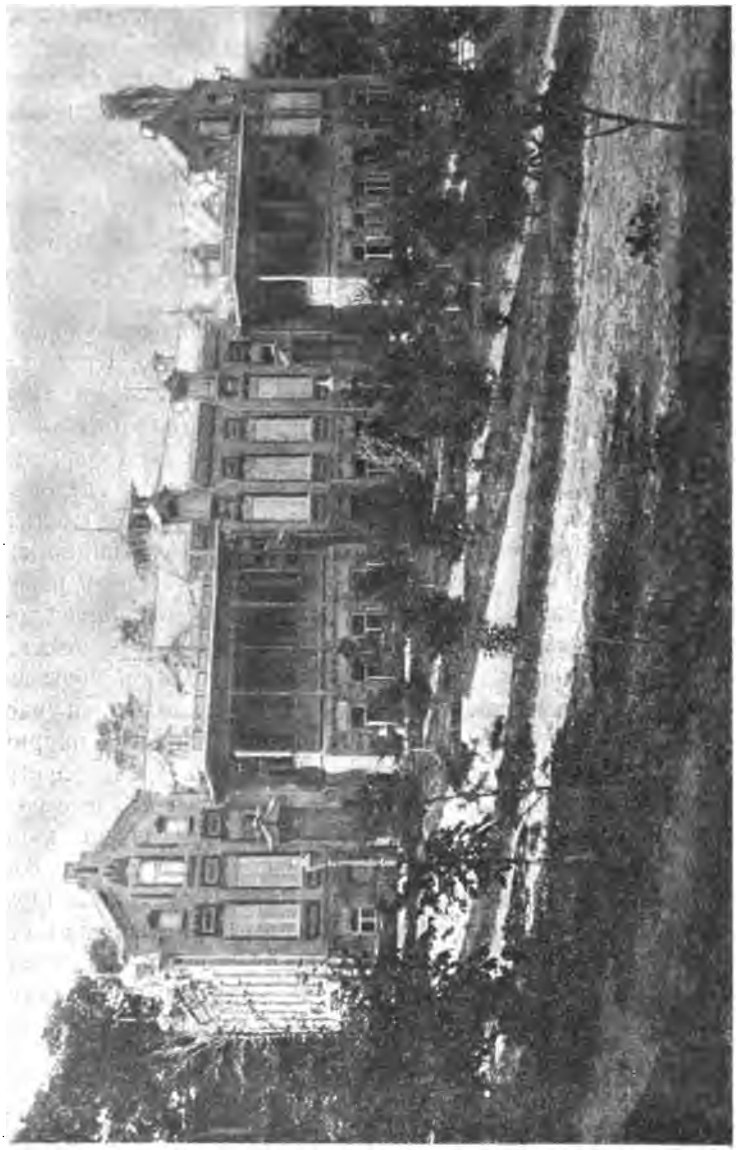
положенной по дну «балки», покрытому лѣсомъ и скалами; но разрѣженный на горной высотѣ воздухъ сокращаетъ это разстояніе, по крайней мѣрѣ, разъ въ пять, такъ что гора кажется совсѣмъ близко... Если начинаютъ появляться облака, то, стоя на Бермамутской скалѣ, вы видите эти облака двигающимися какъ бы по дну балки, гдѣ-то далеко внизу, подъ вашими ногами... Интересна также эта «балка» 25-ти-верстной ширины въ ночное время, если вы вглядываетесь и вслушиваетесь въ нее съ площадки Бермамутской скалы, т.-е. съ высоты 8.559 футовъ (около 2½ верстъ) надъ уровнемъ моря. Среди могильной тишины, царящей здѣсь надъ облаками и тучами, вы вдругъ слышите явственно лай собакъ... но если вы подумаете, что это близко гдѣ нибудь, вы ошибетесь: это лаютъ собаки не аула Хасаута, раскинувшагося въ двухъ верстахъ, влѣво отъ подножія скалы, а въ отдаленныхъ «кошàхъ», гдѣ горцы-пастухи живутъ лѣтомъ, при стадахъ быковъ и козъ или же при табунахъ лошадей. Вы видите иногда мелькнувшій огонь внизу, и проводникъ-горецъ объяснитъ вамъ, что этотъ огонь виденъ отъ костра, разложеннаго въ кошѣ, подъ самымъ Эльборусомъ, т.-е. на разстояніи отъ васъ свыше 20-ти верстъ... Самое же величественное зрѣлище, испытываемое посѣтителями Бермамута, представляется днемъ, во время грозы: надъ вами блещетъ яркое солнце, а внизу, далекò, подобно чернымъ волнамъ моря, движутся тучи, то и дѣло прорѣзываемыя стрѣловидными молніями, сопровождаемыми раскатами грома... Къ сожалѣнію, поѣздки на Бермамутъ представляютъ два крупныхъ неудобства: во-первыхъ, кисловодскіе извозчики берутъ за эту поѣздку въ фаэтонѣ, четверкою лошадей, въ разгаръ сезона, не менѣе 20—25 р.; а, во-вторыхъ, случается еще вотъ что: я, напримѣръ, ѣздилъ на Бермамутъ въ послѣдній разъ въ концѣ іюля 1901 года; когда я выѣзжалъ изъ Кисловодска, тамъ было въ тѣни 24° R., а пріѣхали мы на Бермамутъ, и тамъ оказалось вечеромъ всего 4° тепла по тому же Реомюру... Кто запасся теплымъ платьемъ, тотъ кое-какъ еще терпѣлъ холодъ, а кто, понадѣявшись на авось, поѣхалъ налегкѣ, тотъ поплатился потомъ простудою. Существовавшій тамъ баракъ оказался сдѣланнымъ изъ осмоленнаго картона; внутри было нѣсколько клѣтушекъ, называвшихся «номерами», гдѣ не было даже потолковъ, а виднѣлась лишь тòлевая крыша, такъ что всѣ попытки наши согрѣть свою комнатку кипящимъ самоваромъ не увѣнчались успѣхомъ; въ стѣнѣ, кругомъ оконной рамы, были просвѣты насквозь, а сырость была такъ велика, что наволочки на подушкахъ живо стали мокрыми, точно вынутыя изъ воды и лишь выжатыя... Жаль, что и къ этому чудному, сказочно-волшебному по красотѣ, мѣсту управленіе водъ не приложило своихъ рукъ: оно не озаботилось до сихъ поръ не только о проведеніи на Бермамутъ удобнаго и не столь дорогого пути сообщенія, въ видѣ

дилижансовъ или электрическаго трамвая, но даже не постаралось хотя сколько нибудь упорядочить удобства помѣщенія для посѣтителей. Что скала эта принадлежитъ татарскому аулу Хасаутъ,— это нисколько не мѣшаетъ дѣлу: вся эта небольшая возвышенность-плато легко могла бы быть отчуждена въ пользу казны, какъ отчуждены же недавно 45 десятинъ отъ жителей Кисловодска подъ новый паркъ, съ уплатою имъ изъ казны 25-ти тысячъ рублей; а эти 45 дес. находились вблизи самого Кисловодска и служили выпасомъ для слободского стада; а тутъ голая скала, за облаками, не приносящая горцамъ никакого дохода, такъ какъ весь лѣсъ— громадной толщины корабельныя сосны, безжалостно истребляемыя— находится внизу скалы, въ балкѣ... Имѣю основаніе утверждать, что и сюда, на Бермамутскую скалу, не попало еще ближайшее начальство Кавказскихъ минеральныхъ водъ, поглощенное всецѣло театрами, постройками, трамваемъ и экспортомъ водъ, сдаваемыхъ въ долгосрочную аренду евреямъ...

Послѣ замка «Коварства и любви» и Бермамутской скалы самыми живописными окрестностями Кисловодска могутъ считаться: Орѣховая балка съ ея необыкновенно эффектнымъ водопадомъ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ статьи, и куда начальство водъ еще не приложило въ интересахъ публики своихъ рукъ; Березовая балка, Кольцо-гора (природное круглое отверстіе-кольцо въ одномъ изъ узкихъ отроговъ «Бургустанскихъ высотъ»); Римъ-гора, гдѣ, по преданію, были расположены станомъ римскіе легіоны[1]), и гдѣ и понынѣ еще находятъ иногда мечи римскихъ воиновъ; это — круглое плато, окаймленное живописными скалами, въ 15-ти верстахъ отъ Кисловодска. Сталактитовыя пещеры въ Ишкаконскомъ ущельѣ, соединенныя между собою ходами; формы сталактитовъ— самыя разнообразныя и поражаютъ своей причудливостью. Въ числѣ интересныхъ окрестностей Кисловодска слѣдуетъ назвать еще одну — «Дальній Нарзанъ», отстоящій отъ слободы въ 30-ти верстахъ, но туда нельзя проѣхать въ ресорномъ экипажѣ, а можно пробраться лишь на простыхъ дрогахъ; дорога тоже очень неудобная: до половины идетъ подъемъ на Кабардинскій хребетъ, а потомъ крутой спускъ къ рѣкѣ Кичмалкѣ, черезъ которую приходится переправляться въ бродъ (послѣ дождей—рискованно) и затѣмъ вновь взбираться на крутой подъемъ той же Кичмалкской горы... На спускахъ необходимо тормозить экипажъ, а всего лучше, по чувству самосохраненія, вылѣзать изъ экипажа и совершать спуски и подъемы пѣшкомъ, въ особенности на 22-й верстѣ, гдѣ

[1]) Окрестности Кисловодска и вообще Сѣверный Кавказъ видали у себя, по преданію, не только воиновъ Александра Македонскаго, который даже будто бы лѣчился въ Аббасъ-Туманѣ, но гунновъ (великое переселеніе народовъ), римлянъ, генуэзцевъ и венеціанцевъ — завоевателей, періодически появлявшихся на Кавказѣ. И. З.

спускъ очень крутъ, извилистъ и идетъ прямо-таки надъ отвѣснымъ обрывомъ... Но всѣ ваши бѣдствія, рискъ и мученія будутъ щедро вознаграждены: передъ вами откроются чудные виды и цѣ-



Кисловодскъ. Дача Тарасовыхъ, выстроенная архитекторомъ Хаджаевымъ.

лыя панорамы на горы Эльборусъ, Бештау, Машукъ, Бермамутъ и др.; по дорогѣ далѣе вы встрѣтите пещеры, въ которыхъ можно переночевать и укрыться отъ непогоды, если таковая неожиданно захватитъ васъ въ пути; вода и топливо имѣются тутъ же, подъ

руками. Попадаются коши татаръ карачаевцевъ, гдѣ можно достать молоко и айрянъ (остуженное, жидкое кислое молоко); въ рѣчкахъ Хасаутѣ и Муштѣ по дорогѣ можно ловить форель, которая здѣсь водится въ изобиліи. Но самымъ главнымъ интересомъ этой затруднительной поѣздки является источникъ Нарзанъ, выходящій здѣсь на пространствѣ $1^1/_2$ версты нѣсколькими родниками; вкусъ его желѣзисто-углекислый; напитокъ очень прохлаждающій и укрѣпляющій. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать этому мѣсту въ недалекомъ времени самую блестящую будущность, какъ курорту. Уже одна чистота горнаго воздуха и обиліе рѣкъ и лѣсовъ вокругъ поставятъ его много выше Кисловодска, не говоря уже о главномъ его будущемъ удобствѣ—отсутствіи «старожиловъ», совершеннно отравляющихъ воздухъ Кисловодска и обезцѣнивающихъ его, какъ курортъ.

Нѣкоторыя сооруженія, виллы и дачи Кисловодска поражаютъ своею изящною архитектурою, отдѣлкою и красотою. Прежде всего, ваше вниманіе останавливается, конечно, на галлереѣ Нарзана, выстроенной въ средневѣковомъ англійскомъ стилѣ бывшимъ намѣстникомъ Кавказа, княземъ Воронцовымъ [1]). За галлереей слѣдуетъ зданіе курзала и театра, обошедшееся больше, чѣмъ въ милліонъ рублей, выстроенное вблизи Крестовой горы и желѣзнодорожнаго вокзала; театръ—только въ два яруса, чрезвычайно изящно отдѣланъ внутри и освѣщается электричествомъ. Рядомъ разведенъ Владикавказскою же дорогою тѣнистый, прекрасный паркъ для гулянья публики, посѣщающей курзалъ и театръ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, общественныхъ зданій, за послѣдніе годы съ проведеніемъ въ Кисловодскъ желѣзной дороги, здѣсь появились и частныя виллы, отличающіяся всобенною красотою. Таковы, напримѣръ, дача братьевъ Тарасовыхъ, богатыхъ армянъ изъ Армавира; строилъ эту дачу талантливый архитекторъ Э. Б. Ходжаевъ, выстроившій изящныя же дачи Афросимова и Александрова. Очень картинно зданіе для больницы, выстроенное и подаренное городу богатою московскою купчихой, нынѣ умершею, К. Г. Востряковой (дочерью извѣстнаго покойнаго эксцентрика Хлудова); оригинальна по стилю вилла «Мавританія» госпожи Барановской-Башкировой, вилла Логутенки, построенная инженеромъ Дескубесомъ, и много другихъ. Зданіе же старой казенной гостиницы, выстроенное въ самомъ

---

[1]) Недавно, въ «Новомъ Времени», намъ довелось прочесть сообщеніе врача Сколотовскаго, что новѣйшіе строители управленія водъ покушаются приступить къ перестройкѣ этого чуднаго памятника средневѣковой архитектуры, какъ они въ минувшій сезонъ чуть-чуть не сломали стараго, сложеннаго изъ вѣковыхъ сосенъ, зданія Казенной гостинпцы въ томъ же Кисловодскѣ, гдѣ много разъ бывали и «столовались» наши великіе поэты Пушкинъ и Лермонтовъ... И только заступничество печати спасло это зданіе отъ вандализма лицъ, обуреваемыхъ страстью «перестраивать»—на казенный, конечно, счетъ—капитальныя зданія, нуждающіяся лишь въ необходимомъ ремонтѣ. И. З.

паркѣ, въ 20-хъ годахъ, изъ корабельныхъ сосенъ, срубленныхъ подъ Эльборусомъ, такъ прочно, что въ случаѣ легкомысленной сломки его не могъ бы взять ни одинъ топоръ, и пришлось бы, по увѣренію стариковъ, мѣстныхъ жителей, взрывать порохомъ, такъ какъ смолистыя сосны стѣнъ «скипѣлись между собою»... Вотъ въ этомъ-то зданіи и проводили время оба наши геніальныхъ поэта: Пушкинъ и Лермонтовъ. Первый изъ нихъ, по словамъ записокъ М. И. Пущина (брата лицейскаго товарища Пушкина), прожилъ въ Кисловодскѣ нѣсколько недѣль тотчасъ же послѣ окончанія терецкой войны 1829 года, во время которой онъ, какъ извѣстно, находился въ отрядѣ Паскевича. Пріѣхалъ онъ сюда вмѣстѣ съ Дороховымъ и Пущинымъ, жилъ въ этой самой только что тогда отстроенной казенной гостиницѣ, а потомъ въ домѣ доктора Реброва, въ компаніи съ П. В. Шереметевымъ, который имѣлъ прекраснаго повара и держалъ открытый для всѣхъ знакомыхъ столъ. Пребываніе въ Кисловодскѣ кончилось для поэта довольно печально: онъ встрѣтился здѣсь съ какимъ-то chevalier d'industrie, Астафьевымъ, который и выигралъ всѣ имѣвшіяся у него деньги— около тысячи червонцевъ, взятыхъ имъ при выѣздѣ изъ арміи Паскевича у своего друга Раевскаго на дорогу до Петербурга.

Пребываніе же въ Кисловодскѣ Лермонтова описано имъ, отчасти, въ извѣстномъ разсказѣ «Княжна Мери» въ «Героѣ нашего времени». Домъ, описанный въ этомъ разсказѣ, цѣлъ до сихъ поръ: это тотъ самый домъ, бывшій доктора Реброва (нынѣ его наслѣдниковъ), въ которомъ жилъ Пушкинъ, о чемъ, конечно, хорошо зналъ Лермонтовъ, а потому, можетъ быть, и увѣковѣчившій описаніе этого дома. Домъ—деревянный, старой постройки и архитектуры, съ мезониномъ и деревянными же, толстыми колоннами. Изъ этого-то мезонина (въ разсказѣ Лермонтова) и спускался по привязанной на верху шали Печоринъ. Когда я пріѣхалъ въ Кисловодскъ въ первый разъ, въ 1891 году, то этотъ историческій домъ былъ уже разбитъ на «номера и комнаты для пріѣзжающихъ», и кое-гдѣ, для раздѣленія каждой большой комнаты на двѣ, въ немъ были подѣланы тонкія деревянныя перегородки; домъ принадлежалъ «наслѣдникамъ Реброва» и былъ въ арендѣ у отставного военнаго фельдшера, поляка А—ича, который, путая событія и имена разсказа Лермонтова, говорилъ мнѣ, указывая на мезонинъ и балконъ: «Вотъ отсюда спускался изъ окна Л е р м о н т о в ъ о т ъ к н я ж н ы В ѣ р ы»... Я еще засталъ въ этомъ домѣ, въ одной изъ комнатъ, большую картину, писанную масляными красками, изображавшую событіе, когда въ этой самой комнатѣ, въ 1851 году, во время путешествія наслѣдника Александра Николаевича, имъ былъ принятъ обѣдъ отъ доктора Реброва, хозяина дома: картина изображала моментъ, когда наслѣдникъ поднялъ бокалъ за здоровье хозяина... Всѣ обѣдавшіе были срисованы,

очевидно, съ ихъ портретовъ и были очень схожи; по крайней мѣрѣ, наслѣдникъ (впослѣдствіи императоръ Александръ II) и нѣкоторыя изъ лицъ его свиты. Всѣ сидятъ, повернувъ лица къ Реброву; одинъ Ребровъ стоитъ, обратившись лицомъ къ наслѣднику; въ одной рукѣ онъ держитъ тоже бокалъ, а другую приложилъ къ сердцу... Куда дѣвалась эта картина въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно; но только ея въ домѣ этомъ уже нѣтъ; да и самый домъ, хотя, пока, еще цѣлъ и не перестроенъ, но уже сильно измѣнился за послѣдніе годы: арендаторъ, чтобы выгадать увеличеніе размѣра комнатъ, выдвинулъ стѣны дома съ той его стороны, гдѣ были мезонинъ и колонны... Такъ-то, вотъ, мы, русскіе люди, обращаемся съ вещественною памятью своихъ великихъ людей, не желая въ этомъ случаѣ поучиться хотя бы у нѣмцевъ. Я видѣлъ въ Карлсбадѣ не только памятникъ, воздвигнутый въ честь Гёте, посѣтившаго этотъ курортъ, но даже ту комнату, гдѣ онъ жилъ тогда; и все въ этой комнатѣ, начиная простою, обтянутою темнымъ сафьяномъ мебелью и кончая кроватью и недорогимъ распятіемъ на стѣнѣ, остается неприкосновеннымъ—въ томъ самомъ видѣ, какъ она осталась тогда, когда въ подъѣхавшій дилижансъ вышелъ и сѣлъ великій нѣмецкій поэтъ. И никому, понятно, не сдается эта комната въ наймы. А у насъ, въ Кисловодскѣ, не только уничтожили всю бывшую мебель историческаго дома доктора Реброва и передѣлали самый домъ, но даже не догадались до сихъ поръ прибить на немъ доску, на которой было бы написано, что въ этомъ домѣ жилъ великій Пушкинъ, что въ немъ бывали Лермонтовъ и покойный государь Александръ Николаевичъ... Некому, должно быть, позаботиться объ этомъ. Богатые дачевладѣльцы заботятся лишь о доходахъ съ своихъ виллъ и дачъ; «старожилы» гораздо болѣе интересуются въ Кисловодскѣ количествомъ «винныхъ лавокъ», чѣмъ «какими-то памятниками» великихъ людей, а мѣстные правители водъ и ихъ невѣжественные и бездарные архитекторы, какъ мы видѣли, сами не прочь, въ видахъ «перестроекъ», уничтожать эти дорогіе памятники... «Что̀ имъ Гекуба?!»...

Въ послѣднее время, мѣстное управленіе кавказскихъ минеральныхъ водъ,—или, вѣрнѣе, новый ихъ директоръ,—съ стараніемъ и настойчивостью, достойными лучшаго примѣненія, проводятъ гдѣ слѣдуетъ проектъ новаго переустройства этихъ водъ—въ видахъ, будто бы, ихъ упорядоченія — и настаиваютъ на необходимости учрежденія «особыхъ санитарныхъ мѣстныхъ органовъ» на всѣхъ четырехъ курортахъ, съ общимъ подчиненіемъ ихъ директору водъ. Эта чиновничья затѣя, начатая еще два года тому назадъ, превратилась въ цѣлый проектъ, получившій названіе «Курортнаго положенія». Потребность этой затѣи была формулирована слѣ-

дующими соображеніями: «Необходимость учрежденія особыхъ санитарныхъ органовъ въ проектированной формѣ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые наши курорты находятся въ мѣстностяхъ, которыя не имѣютъ въ административномъ отношеніи совсѣмъ никакого (?) устройства, и такимъ образомъ о санитарной въ нихъ части совсѣмъ некому (?) заботиться. Въ столь же печальномъ положеніи въ указанномъ отношеніи находятся и курорты, расположенные въ селеніяхъ. Не много лучше обстоитъ дѣло и въ курортахъ, находящихся въ городахъ: несмотря на то, что эти города получаютъ весьма крупныя выгоды отъ пріѣзжихъ больныхъ, и что самое благосостояніе и развитіе этихъ городовъ находятся въ непосредственной зависимости отъ курортовъ, городскія самоуправленія проявляютъ слишкомъ мало заботъ о санитарномъ благоустройствѣ,—и при наличныхъ условіяхъ, при отсутствіи сколько нибудь точно формулированныхъ санитарныхъ законовъ (?), нельзя надѣяться на достаточную самодѣятельность по санитарной части указанныхъ самоуправленій. Но и изданіе общихъ санитарныхъ законовъ не можетъ считаться достаточнымъ собственно для курортныхъ мѣстностей, такъ какъ курорты должны быть разсматриваемы, какъ обширныя больницы, требующія вообще и особыхъ санитарныхъ условій («Сезонный Листокъ», № 4, 1901 года).

И вотъ, годъ спустя, въ прошлый сезонъ, измышленное изданіе «общихъ санитарныхъ законовъ» превратилось уже въ особое «курортное положеніе», и въ эту затѣю было втянуто русское бальнеологическое общество, отъ имени коего и поступила по начальству «Записка о нуждахъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ»... Здѣсь, на страницахъ «Историческаго Вѣстника», мы не будемъ подробно останавливаться на содержаніи этой «Записки», направленной къ переустройству собственно управленія всею территоріей, на которой расположены группы кавказскихъ водъ, и представляющей собою полнѣйшее упраздненіе существующаго порядка вещей на водахъ; мы скажемъ о ней, пока, немного. Такъ, напримѣръ, проектируемое «учрежденіе особыхъ санитарныхъ органовъ» (то-есть, цѣлаго легіона новыхъ чиновниковъ), въ приложеніи этихъ «органовъ» къ Кисловодску и Желѣзноводску, объясняется еще тѣмъ, что эти курорты не имѣютъ «административнаго устройства»; но сочинители проекта желаютъ пристегнуть его и къ городу Пятигорску, гдѣ, какъ извѣстно, есть и дума, и гласные, и полное административное устройство, и правильное городское хозяйство; и если въ этомъ городѣ и существуетъ дѣйствительно нѣкоторый непорядокъ, то онъ объясняется отчасти личностью теперешняго городского головы, г. Архипова, бывшаго банковскаго дѣльца и заимодавца, затѣявшаго недавно полемику съ «Новымъ Временемъ», когда эта газета замѣтила ему, что «усѣять весь бульваръ, необходимый для публики, будками, дающими доходъ и отравляющими въ то же

время воздухъ», — неладное дѣло. Но вѣдь Архиповъ избранъ не въ пожизненные головы, и основывать потребность примѣненія къ Пятигорску «курортнаго положенія» потому только, что тамъ временно хозяйничаетъ неподходящій человѣкъ,—едва ли разумно и правильно. Точно также едва ли допустимо, какъ того требуетъ «курортное положеніе», «подчинить всю мѣстную полицію проектированному санитарно-административному управленію по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ курортной жизни»... Это было бы очень неудобно, въ особенности, напримѣръ, въ Кисловодскѣ, гдѣ во главѣ управленія группой стоитъ въ настоящее время лицо, получившее спеціальное образованіе въ Московской духовной академіи, которая едва ли ознакомила его съ административнымъ порядкомъ управленія кавказскими минеральными водами, ихъ потребностями и характеромъ посѣщающей ихъ публики. Всего лучше, впрочемъ, и вѣрнѣе охарактеризовалъ проектируемое «курортное положеніе» бывшій профессоръ Варшавскаго университета, докторъ Зенецъ, о чемъ узнаёмъ изъ № 128 газеты «Кавказскія минеральныя воды» отъ 5-го сентября минувшаго года. Газета эта, замѣнившая бывшій «Сезонный Листокъ», является лейбъ-органомъ директора водъ, и вотъ, однако, какія удивительныя вещи она вынуждена была огласить. Въ газетѣ былъ помѣщенъ подробный отчетъ о засѣданіи бальнеологическаго общества, обсуждавшаго проектъ «курортнаго положенія», сочиненнаго г. Хвощинскимъ, директоромъ водъ; отчетъ этотъ былъ составленъ, конечно, въ самомъ сочувственномъ проекту тонѣ, доказывалъ необходимость и полезность введенія новаго «положенія» на водахъ и пр.; но, тѣмъ не менѣе, изъ этого отчета мы узнали слѣдующую удивительную вещь: оказывается, что на этомъ засѣданіи, собранномъ спеціально ради обсужденія проекта, присутствовало изъ восьмидесяти-семи членовъ бальнеологическаго общества всего лишь восемь человѣкъ; предсѣдателемъ собранія былъ девятый членъ — самъ г. Хвощинскій... Присутствовавшій на засѣданіи профессоръ Зенецъ заявилъ энергичный протестъ, во-первыхъ, противъ самой правильности собранія, доказывая, что 8 членовъ изъ числа 87 не могутъ рѣшать такой важный вопросъ, какъ ломка и переустройство Кавказскихъ минеральныхъ водъ по новому проекту г. Хвощинскаго; во-вторыхъ, онъ, г. Зенецъ, «протестуетъ противъ подразумѣваемыхъ «Запиской» директора водъ упраздненій думы, полиціи и даже суда» съ замѣною всѣхъ этихъ функцій единоличною властью директора водъ...

Безспорно, власть—вещь заманчивая... Принять на себя и возложить на рамена своихъ креатуръ функціи думы, полиціи и суда на очень обширной территоріи водъ, равняющейся любому нѣмецкому герцогству,—замыселъ грандіозный, хотя въ то же время и нѣсколько курьезный, а, пожалуй, и рискованный... Да, наконецъ,

вѣдь нельзя же производить ломку и переустройство управленія водами всякій разъ, какъ только на должность директора водъ назначается новое лицо. Такъ, напримѣръ, съ назначеніемъ въ 1895 году покойнаго В. А. Башкирова произведена была капитальная ломка въ порядкѣ управленія группами водъ: уничтожены были смотрители, учреждены были новыя должности (VI-го класса) «завѣдующихъ группами», съ содержаніемъ свыше трехъ тысячъ рублей, придуманы были счетоводы, помощники завѣдующихъ группами, чиновники особыхъ порученій; директору, кромѣ казенной квартиры, присвоенъ былъ окладъ въ 7.500 рублей... Теперь, вновь назначенный директоръ г. Хвощинскій желаетъ опять учинить совсѣмъ новое управленіе Кавказскими минеральными водами, помимо того, что онъ уже успѣлъ сдѣлать на первыхъ же порахъ... создавъ нѣсколько новыхъ должностей, въ родѣ «юрисъконсульта управленія водъ», «чиновниковъ особыхъ порученій сверхъ штата» и опредѣливъ на эти должности крещеныхъ и некрещеныхъ евреевъ...

Будемъ, однако, надѣяться, что наши Кавказскія минеральныя воды получатъ сначала не «курортное положеніе», а то, что имъ болѣе всего нужно. «Въ настоящее время на группахъ нѣтъ хозяина, на котораго возлагалась бы отвѣтственность за все происходящее»,—говорится, между прочимъ, въ запискѣ, поданной г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ русскимъ бальнеологическимъ обществомъ осенью минувшаго года, во время его пребыванія въ Пятигорскѣ. И дѣйствительно тутъ нуженъ хозяинъ, любящій дѣло и знающій его такъ, какъ, напримѣръ, зналъ и любилъ его «хозяинъ» кавказскихъ водъ въ 70-хъ годахъ, докторъ С. А. Смирновъ; нуженъ хозяинъ, который памятовалъ бы прежде всего о томъ, что не кавказскія воды и публика существуютъ для него, а онъ для публики; что для возстановленія утраченной кавказскими водами репутаціи (въ смыслѣ порядка) нужна постоянная работа и запасъ знанія и любви къ дѣлу, нужна иниціатива не разрушительная, а умѣлая, хотя бы въ смыслѣ простого подражанія нѣкоторымъ изъ порядковъ, давнымъ давно существующимъ на благоустроенныхъ заграничныхъ курортахъ. Во главѣ управленія, полагаемъ, долженъ непремѣнно стоять врачъ, спеціалистъ, человѣкъ гуманный и всегда доступный для публики, близко знакомый не только съ самими водами и Кавказомъ, но и съ характеромъ, потребностями и привычками чрезвычайно разнообразной публики, посѣщающей эти воды. А такъ какъ трудно, конечно, требовать, чтобы одинъ человѣкъ успѣшно управлялъ четырьмя группами, то назначеніе ему хотя бы только четырехъ «товарищей» принесло бы, повидимому, несомнѣнную пользу, но отнюдь не подчиненныхъ ему и не зависящихъ всецѣло отъ него, какъ это, напримѣръ, установлено теперь съ должностями «завѣ-

дующихъ группами», а на правахъ членовъ коллегіальныхъ учрежденій, съ правами голоса и равными же правами службы, по непосредственному назначенію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, изъ числа людей образованныхъ, преимущественно изъ врачей, близко знакомыхъ съ жизнью на водахъ, съ характеромъ лѣчащейся публики и многоразличными и своеобразными условіями кавказскихъ курортовъ. Тогда, по всей вѣроятности, г. директору не довелось бы выслушивать на засѣданіяхъ бальнеологическаго общества ни тѣхъ горькихъ истинъ, которыя высказалъ профессоръ М. К. Зенецъ въ засѣданіи прошлаго года, ни тѣхъ еще болѣе укоризненныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ предсѣдателемъ правленія ессентукской санаторіи, въ засѣданіи того же бальнеологическаго общества 31-го іюля сего года, когда г. Хвощинскій вновь началъ настаивать о проведеніи своей idée fixe— «курортнаго положенія»...

— Не понимаю, для чего мы здѣсь,—сказалъ г. Зерновъ,—и для чего нужна наша санкція, чтобы добиваться этого курортнаго положенія?!.. Все, что мы предлагаемъ и совѣтуемъ,—не исполняется. Даже болѣе: управленіе водъ, въ лицѣ его директора, поступаетъ совершенно противно тому, чего мы желаемъ и что рѣшаемъ въ цѣляхъ процвѣтанія водъ... («Казбекъ», № 1661, отъ 3 августа сего года).

Поэтому было бы очень желательно въ интересахъ дѣйствительнаго процвѣтанія Кавказскихъ минеральныхъ водъ, чтобы здѣсь, наконецъ, созданъ былъ необходимый, по словамъ врачей, «противовѣсъ единовластію и самовластію» теперешняго директора г. Хвощинскаго. Очевидно, «радикальныя потребны тутъ лѣкарства»...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

ИЗЪ МОИХЪ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЭКСКУРСІЙ ПО ЛОМЖИНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Путевые наброски.

ПОКОЙНЫЙ министръ внутреннихъ дѣлъ, егермейстеръ Сипягинъ, по словамъ лицъ, близко его знавшихъ и по свидѣтельству посвященныхъ его памяти газетныхъ статей и некрологовъ, любилъ исторію. Это, впрочемъ, видно и изъ его извѣстнаго циркуляра на имя губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полицеймейстеровъ отъ 6-го сентября 1901 года. Помянутымъ циркуляромъ поручалось представителямъ административной власти въ провинціи доставить въ министерство внутреннихъ дѣлъ къ извѣстному сроку точныя свѣдѣнія о всѣхъ историческихъ памятникахъ и памятникахъ старины, находящихся во ввѣренныхъ ихъ управленію губерніяхъ и городахъ, съ подробными описаніями этихъ памятниковъ. При этомъ вмѣнялось имъ въ обязанность сообщить свѣдѣнія о состояніи памятниковъ и о томъ, какая сумма потребуется на ремонтъ, если они въ послѣднемъ нуждаются. О важномъ значеніи предпринятой покойнымъ министромъ мѣры конечно, нечего и распространяться: настолько оно очевидно. Сколько историческихъ памятниковъ и памятниковъ старины на обширномъ пространствѣ Русской земли разрушено! Сколько приходитъ въ разрушеніе! Это не разъ случалось каждому изъ насъ и слышать, и читать, и видѣть. Правда, по дѣйствующему у насъ законодательству, памятники старины состоятъ подъ защи-

тою закона, но кто же не знаетъ, что законы наши святы, да исполнители-то ихъ сплошь да рядомъ лихіе супостаты? Охраною историческихъ памятниковъ занимаются у насъ главнымъ образомъ императорская археологическая комиссія въ С.-Петербургѣ и отчасти архивныя ученыя комиссіи, возникшія, по мысли покойнаго Н. В. Калачова, въ 1884 г. и въ настоящее время существующія лишь въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ. Но помянутыя симпатичныя учрежденія, къ сожалѣнію, не имѣютъ непосредственныхъ своихъ органовъ въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, которые бы отъ времени до времени посѣщали лично мѣста, гдѣ находятся памятники старины, и доводили бы до свѣдѣнія комиссіи о состояніи ихъ. За границею подобные живые правительственные органы существуютъ уже давно. Уполномоченные, именуемые консерваторами (хранителями), выбираются изъ среды лицъ, обстоятельно знающихъ свое дѣло и любящихъ его. На вознагражденіе ихъ трудовъ государство не скупится. Вотъ почему у нашихъ сосѣдей въ Австріи и Германіи судьба историческихъ памятниковъ обезпечена. А у насъ? При отсутствіи подобныхъ органовъ, учрежденіямъ, вѣдающимъ памятники древности, приходится ввѣрять судьбу послѣднихъ на мѣстѣ исправникамъ, начальникамъ уѣздовъ и т. п. полицейскимъ властямъ, «компетенція» которыхъ въ такихъ дѣлахъ вѣдома [1])... Покойный ми-

---

[1]) Вотъ, двѣ выдержки изъ № 9394 «Новаго Времени» о фактахъ, относящихся къ настоящему времени.

«Гр. П. С. Шереметевъ увѣдомилъ на-дняхъ императорское московское археологическое общество, что ему удалось перекупить старыя дѣла звенигородскаго полицейскаго управленія.

«Слыша еще два года назадъ, что въ звенигородскомъ полицейскомъ управленіи можетъ быть продажа старыхъ дѣлъ, какъ только кончится приведеніе всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, я, сообщаетъ гр. Шереметевъ, написалъ оффиціальное письмо звенигородскому исправнику, кн. В. М. Друцкому-Соколинскому, въ которомъ просилъ сообщить мнѣ, когда будетъ приступлено къ продажѣ старыхъ дѣлъ, такъ какъ, занимаясь русскою историческою наукой и въ частности собирая матеріалы для исторіи Звенигородскаго уѣзда, я непремѣнно воспользовался бы старыми дѣлами полицейскаго архива, которыя будутъ признаны ненужными. При личномъ свиданіи я подтвердилъ написанное еще на словахъ. Отвѣта отъ звенигородскаго исправника я, однако, такъ и не получилъ.

«Лѣтомъ прошедшаго года мнѣ случилось итти пѣшкомъ по городу Звенигороду и встрѣтить рядъ телѣгъ съ какими-то мѣшками недалеко отъ зданія присутственныхъ мѣстъ. На мой вопросъ, что это такое, мужикъ, везшій мѣшки, объяснилъ, что это старыя бумаги изъ полицейскаго управленія и куплены однимъ жителемъ Звенигородскаго посада. Разумѣется, телѣги были мною остановлены. Первоначально я хотѣлъ отобрать изъ всего этого вороха—40 кулей—только то, что представитъ значеніе въ историческомъ отношеніи, но, увидѣвъ, что такая работа потребуетъ слишкомъ много времени, я рѣшилъ пріобрѣсти все цѣликомъ.

нистръ, очевидно, ознакомленный съ нею на практикѣ, въ бытность свою губернаторомъ, зналъ ей цѣну... Не даромъ онъ рекомендовалъ въ своемъ циркулярномъ обращеніи къ губернаторамъ пользоваться не только свѣдѣніями, доставленными мѣстными полицейскими властями, но и тѣми, которыя могли бы быть получены отъ другихъ учрежденій, а также и частныхъ лицъ.

Какой пріемъ встрѣтилъ циркуляръ министра въ другихъ губерніяхъ,—я не знаю. Въ Ломжинской же губерніи описаніе историческихъ памятниковъ и памятниковъ старины было возложено мѣстнымъ губернаторомъ, камергеромъ, барономъ С. Н. Корфомъ, на меня [1]).

Задавшись цѣлью оправдать изреченіе классической мудрости «feci, quod potui, faciant meliora potentes», — я выбралъ для начала своихъ научныхъ экскурсій Островскій уѣздъ, какъ наиболѣе богатый въ губерніи въ историко-археологическомъ отношеніи.

Съ него и начну свои путевые наброски.

«Такимъ образомъ, всѣ бумаги я перекупилъ уже у этого лица, а черезъ нѣкоторое время захватилъ и ту часть, которая была перепродана въ Москву и предназначалась для бумажныхъ фабрикъ».

Въ томъ же № читаемъ далѣе:

«Какъ извѣстно, съ 1888 г., по высочайшему повелѣнію, производятся систематическія раскопки Херсониса императорскою археологическою комиссіею, которая между прочимъ составляетъ и издаетъ ежегодно подробныя научныя описанія разслѣдованныхъ участковъ древняго городища и некрополя, съ приложеніемъ плановъ и рисунковъ; пересылаетъ въ императорскій эрмитажъ и другіе государственные музеи тѣ найденныя въ Херсонисѣ древности, которыя представляютъ особенный научный или художественный интересъ, и остальныя хранитъ въ мѣстномъ складѣ.

«Ни бюджетъ комиссіи, ни цѣли, сю преслѣдуемыя (?), не дозволяютъ ей, по словамъ «Крымск. Вѣстн.», охранять отъ разрушенія, стихійнаго и злонамѣреннаго, раскопанные храмы, часовни, могилы, городскія стѣны, водопроводъ и множество другихъ сооруженій, осужденныхъ на неминуемую гибель. Чтобы избѣгнуть этихъ нежелательныхъ явленій, требуется завести въ Херсонисѣ сторожей, на обязанности которыхъ было бы поддерживать и исправлять стѣны открытыхъ базиликъ и другихъ зданій и сооруженій, очищать площади, улицы, цистерны и гробницы и не дозволять жителямъ слободокъ разбирать древнія стѣны и увозить штучный камень въ Севастополь.

«Очень многое въ древнемъ Херсонисѣ уже растащено, но, конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда. Дѣло въ сущности идетъ о весьма небольшихъ затратахъ, а хищническая археологія и даже примитивное вытесываніе камней дорого обходятся сѣдой древности».

[1]) Трудъ этотъ исполненъ авторомъ настоящихъ строкъ и представленъ по назначенію. Отзывъ объ немъ въ «Нов. Врем.», въ № 9372, отъ 7-го апрѣля 1902 г.

I.

Отъ Ломжи до Росохате.—Еврейскія фрахты.—Замбровъ.—Нѣсколько словъ о его прошломъ и настоящемъ.—Репнинскій штабъ.—Характеръ жизни въ штабахъ.—Росохате. Aniół Pański.—Костелъ. Его исторія и описаніе.—Кс. Ф. Горышевскій.—Путешествіе съ нимъ на фольварокъ Кржечково-Выбраново.—Мѣстные курганы.

Первымъ пунктомъ, намѣченнымъ нами въ Островскомъ уѣздѣ, была глухая деревенька Росохате-Костельне, лежащая въ юго-восточномъ его углу, вблизи границы его съ Мазовецкимъ уѣздомъ.

Путь изъ Ломжи въ Росохате лежитъ по шоссе, идущему на Чижевъ, и только, не доѣзжая до послѣдняго шести верстъ, приходится свернуть налѣво и добираться до цѣли путешествія по проселочной дорогѣ.

Подъ Ломжею шоссе гладкое и содержится въ порядкѣ. Но мѣстность, по которой оно проложено, гористая, или, точнѣе, холмистая, особенно между городомъ и станціею Принаревской желѣзной дороги «Червоный Боръ», благодаря чему отъ ската воды послѣ дождей довольно часто портится. Много портятъ шоссе еврейскія фрахты, чрезвычайно длинныя, широкія и тяжелыя телѣги безобразнаго вида съ парусиновымъ верхомъ, на высокихъ массивныхъ колесахъ, запряженныя четверкою лошадей въ рядъ, служащія для перевозки товаровъ со станціи и изъ Варшавы. Еще больше разбиваетъ шоссе артиллерія во время своихъ прогулокъ... По сторонамъ дороги, отъ времени до времени, попадаются чистенькіе бѣленькіе каменные домики, окруженные палисадниками. Надпись на столбикѣ передъ каждымъ такимъ домикомъ указываетъ, что тутъ живетъ «дорожный сторожъ», на обязанности котораго лежитъ охранять и содержать въ чистотѣ и порядкѣ шоссе. Переѣзжаемъ мостики каменные и деревянные съ надписями «отстроенъ въ такомъ-то году». По обочинамъ дороги разсыпаны груды битаго камня, или «пирамиды», заготовленныя для предстоящаго ремонта полотна дороги. Мѣстами, въ ухабахъ и выбоинахъ, образовавшихся отъ осадки почвы и отъ движенія тяжелыхъ возовъ, груды эти разсыпаны...

Бѣдный путникъ, бѣдныя лошади и бѣдный экипажъ! У перваго отъ скрипа раздробленнаго копытами лошадей и колесами экипажа камня разстраиваются нервы, у лошадей калѣчатся ноги, у брички перетираются рессоры... И, вотъ, мало-мальски опытный и сообразительный возница старается миновать мѣстà, гдѣ произведена разсыпка камня, и объѣзжаетъ ихъ по обочинамъ, покрытымъ дерномъ. Въ результатѣ, конечно, портятся обочины... Болѣе неразумной системы починки шоссе, кажется, трудно и придумать [1]).

---

[1]) Объ этомъ неоднократно писали въ мѣстной прессѣ (въ послѣдній разъ—въ Ech'ахъ Płock'ихъ i Łomżyńsk'ихъ, № 93 (377) за 1901 г. Къ сожалѣнію, люди, власть имѣющіе, глухи къ голосу седьмой великой державы.

Еврейская «фрахта».

На четырнадцатой верстѣ отъ Ломжи шоссе пересѣкаетъ линія Принаревской желѣзной дороги, станція которой «Червоный Боръ» остается отсюда направо, въ разстояніи не болѣе версты.

До дер. Бржезницы дорога идетъ прямо, по опушкѣ не очень густого лѣса. Это — жалкіе остатки нѣкогда дремучаго лѣса, извѣстнаго подъ именемъ «Червонаго бора», вырубленнаго при прусскомъ владычествѣ въ краѣ. За Бржезницею шоссе поворачиваетъ сначала налѣво, потомъ — направо, идетъ по ровной поверхности и только подъ самымъ Замбровымъ, на 25 верстъ отъ Ломжи, круто спускается въ котловину, по скатамъ которой расположился этотъ бойкій посадъ.

Въ XVI вѣкѣ Замбровъ былъ значительнымъ городомъ. Эпидеміи, неурожаи, войны и пожары низвели его на степень ординарнаго еврейскаго мѣстечка. Впрочемъ, послѣ послѣдняго пожара въ 1895 году Замбровъ начинаетъ понемногу отстраиваться. Каменные домà теперь въ немъ уже не рѣдкость. Въ концѣ XIX столѣтія построенъ новый костелъ. Подлѣ мѣстечка возникъ военный городокъ.

Приходится проѣзжать мимо того и другого.

Костелъ—каменный, въ романскомъ стилѣ, съ двумя высокими башнями, стоитъ на видномъ мѣстѣ, на границѣ стараго и новаго Замброва.

Минуемъ костелъ и въѣзжаемъ въ новый, военный, городъ. Длинная широкая улица застроена хорошими, нерѣдко каменными одноэтажными и двухэтажными домами, мелькаютъ вывѣски: тамъ фотографіи, тамъ, вонъ, гостиница, дальше кондитерская... Вотъ, по обѣ стороны дороги потянулись каменныя неоштукатуренныя многоэтажныя постройки. Въ промежуткахъ между ними видны на второй линіи и дальше—на третьей тоже такія же каменныя зданія. Это—Р е п н и н с к і й ш т а б ъ, военный городъ, о которомъ я упоминалъ выше. Названіе свое онъ получилъ въ честь героя п о л т а в с к о й б а т а л і и кн. Аникиты Ив. Репнина (1668 † 1726). Здѣсь расквартированы два пѣхотные полка: 15-й Шлиссельбургскій и 16-й Ладожскій, и пять батарей IV-й артиллерійской бригады. Одни изъ зданій отведены подъ офицерскія квартиры, другія—подъ казармы для нижнихъ чиновъ, мастерскія, полковыя хозяйственныя помѣщенія, лазареты, кухни, конюшни и т. п. Есть въ ш т а б ѣ свои церкви, школы, офицерскія собранія... Система ш т а б о в ъ появилась у насъ недавно, не болѣе 13 лѣтъ. Первые штабы возникли именно въ Ломжинской губерніи подъ Остроленкою—«Нижегородскій» (1889 г.), далѣе «Репнинскій», «Салтыковскій»—подъ Островомъ, «Забалканскій»—подъ Рожанами и др. Несмотря на тѣ относительныя удобства, которыми, повидимому, обставлена жизнь въ подобныхъ штабахъ, намъ не разъ приходилось слышать сѣтованія на свою судьбу со стороны лицъ, обреченныхъ на про-

живаніе въ нихъ. Сѣтовали и молодые и старые, холостые и семейные. Если представители первыхъ трехъ категорій скучали отъ однообразія штабной жизни, то представители послѣдней изнывали отъ сплетенъ, дрязгъ и т. п. «прелестей», всегда неизбѣжныхъ, когда въ одномъ домѣ, не то гостиницѣ, не то казармѣ, живетъ нѣсколько десятковъ семействъ, различныхъ по своему воспитательному и образовательному уровню... Что дѣлать? Не всѣ спо-

Католическій костелъ въ Росохате.

собны приноравливаться къ обстоятельствамъ, не всѣ готовы на жертвы, которыхъ требуетъ отъ нихъ д о л г ъ службы...

Но вотъ линія построекъ начала рѣдѣть, и снова по обѣ стовоны дороги потянулись поля и лѣса...

На 38-й верстѣ отъ Ломжи сворачиваемъ съ шоссе налѣво. Начинается проселочная дорога, обсаженная по сторонамъ рѣденькими деревцами. Дорога, по мѣстнымъ уловіямъ, довольно плоха,

на каждомъ шагу выбоины, особенно весною, въ распутицу, но въ сравненіи съ проселочными дорогами въ имперіи она еще превосходна...

Въ четвертомъ часу показывается на горизонтѣ башня костёла, а потомъ и вся красная каменная его масса, освѣщенная лучами заходящаго солнца.

Передъ нами Росохатѐ-Костельне. Оттуда доносятся мѣрные удары колокола.

Это звонятъ на Anioł Pański. Аніолъ Паньскій—молитва Пресвятой Богородицѣ, начинающаяся словами «Ангелъ Господень (Anioł Pański) благовѣствовалъ Дѣвѣ Маріи»... Въ XIII в. въ Западной Европѣ существовалъ обычай посредствомъ ударовъ церковнаго колокола вечеромъ приглашать обывателей гасить огонь. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы дать покой людямъ трудящимся и воспрепятствовать разгулу бездѣльниковъ. Папа Іоаннъ XXII, буллою отъ 7-го мая 1327 г., предложилъ троекратное прочтеніе молитвы «Ave Maria» во время ударовъ въ колоколъ. Литургисты, писавшіе объ этой молитвѣ, разсказываютъ о разныхъ отпустахъ (разрѣшеніе отъ грѣховъ), пріуроченныхъ къ ней папами. Пріятно слышать въ деревенской тишинѣ послѣ заката солнца звуки колокола, плывущіе по полямъ и лугамъ и замирающіе тамъ далеко, далеко, въ лѣсахъ... Умилительно видѣть, какъ путники, услышавъ эти звуки, благоговѣйно склоняются долу, шепча архангельское привѣтствіе Чистой Дѣвѣ. Недаромъ живописецъ Милле, вдохновившись подобнымъ моментомъ, написалъ своего Angelus'-а, въ одно и то же время прославившаго автора и обогатившаго его... Но вотъ звонарь языкомъ большого колокола ударяетъ девять разъ съ перерывами... Это—въ память битвы съ турками подъ Варной 1444 г., въ которой палъ, сражаясь за вѣру, цвѣтъ польскаго рыцарства, во главѣ съ королемъ Владиславомъ III.

Въѣзжаемъ въ Росохате...

Деревня раскинулась по берегамъ не широкой, но быстрой рѣчки Брочекъ (Малый Брокъ, Брокувка). Она невелика. Число дворовъ не достигаетъ и сорока. Жителей до 400 душъ. Народъ въ большинствѣ бѣдный, шляхтичъ подупадлый (т.-е. промотавшійся), по мѣстному опредѣленію. Хозяйство у него въ пренебреженіи. Часто, какъ говорится, ни кола, ни двора. Есть въ Росохате и евреи. Эти занимаются мелкой торговлей, гандлюютъ помѣстному, благо до Чижева, ближайшей станціи Варшавско-Петербургской желѣзной дороги, отсюда всего восемь верстъ.

Еще нѣсколько минутъ, и мы уже пріятно бесѣдуемъ съ настоятелемъ о. Францискомъ Горышевскимъ. Послѣдній любезно предоставляетъ въ наше пользованіе весь, имѣющійся у него, историческій матеріалъ, касающійся костёла, и предлагаетъ свои услуги быть нашимъ чичероне при осмотрѣ храма.

Росохатскій приходскій костёлъ св. Дороты, въ готическомъ стилѣ, построенъ, по преданію, княгинею Мазовецкою. Имя этой княгини не сохранилось, и даже невозможно объ немъ догадаться, такъ какъ годъ основанія костёла тоже не извѣстенъ. Данныхъ относительно заложенія прихода также не имѣется никакихъ, какъ

Католическій костелъ въ Андржеевѣ.

это удостовѣряютъ епископскія визитаціи. Надъ дверями, ведущими изъ presbyterium'а (такъ называется въ католическихъ храмахъ часть, примыкающая непосредственно къ главному—среднему—алтарю) въ сакристію, помѣщена въ стѣнѣ доска, на коей значится 1546 годъ подъ гербомъ ксендза настоятеля Серафина Свѣжовскаго (голова золотого вола на красномъ полѣ).

Костёлъ—каменный, изъ кирпича, имѣетъ три навы (продольныя части). Изъ нихъ средняя безъ сводовъ, потолокъ изъ досокъ на балкахъ. Крыша покрыта цинковыми листами. На ней пирамидальная глава, увѣнчанная желѣзнымъ крестомъ. Слышали мы, что извѣстный строитель костёловъ, варшавскій архитекторъ г. Дзеконскій, осматривая этотъ костёлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью устройства сводовъ надъ среднею навою, выразилъ предположеніе, что средняя нава никогда не имѣла сводовъ. Но мы позволимъ себѣ оспаривать это предположеніе и думаемъ, что стѣны средней навы первоначально были выше тѣхъ, которыя сохранились до нашего времени, и на нихъ-то покоились своды. Современный потолокъ надъ средней навой, очевидно,—недавняго происхожденія и устроенъ послѣ того, какъ прежній каменный сводъ провалился отъ неизвѣстной причины (думаютъ, что отъ пожара, но слѣдовъ послѣдняго нигдѣ не видно). Костёлъ—очень обширный (вмѣщаетъ 4.000 чел.) и свѣтлый. Алтарей—4 (прежде было 7—8): главный—во имя Преображенія Господня, боковой—по правой сторонѣ св. Іосифа, по лѣвой сторонѣ—Ченстоховской Божіей Матери и одинъ, въ боковой навѣ, Іисуса Христа Распятаго. Въ первыхъ трехъ помянутыхъ алтаряхъ—образа (въ главномъ—недурной кисти), а въ послѣднемъ—фигура Спасителя на крестѣ—довольно грубой работы. Въ ризницѣ костёльной нѣтъ никакихъ примѣчательныхъ предметовъ (имѣется одна кара-риза временъ Станислава-Августа, стоившая, повидимому, когда-то очень дорого, но теперь уже пришедшая въ ветхость), а также и книгъ; есть нѣсколько переплетенныхъ вмѣстѣ актовъ, касающихся пожертвованій (donacya) костёлу разныхъ лицъ отъ 1675—1722 г.г., но они по своему содержанію не представляютъ интереса. Метрики о рожденіи и бракосочетаніи отъ 1601 г. и дальше. Въ боковой навѣ находится деревянная купель, въ формѣ урны, XVIII ст. Надгробныхъ памятниковъ лицъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, тоже не имѣется.

Звонницы каменной при костёлѣ нѣтъ. Вѣроятно, она была, но не сохранилась до настоящаго времени. Колокола висятъ на деревянной колокольнѣ подлѣ костёла. Одинъ изъ нихъ отлитъ въ 1670 г., другой въ 1770 г. и третій—треснувшій, неизвѣстно когда. А самое зданіе костёла... сколько оно пережило перемѣнъ! Есть свѣдѣнія, что оно одно время стояло совсѣмъ раскрытымъ (безъ крыши)... Стоитъ взглянуть на его фасадъ или на наружную стѣну главнаго алтаря, чтобы убѣдиться, что у той и другой недостаетъ верхнихъ оконечностей. Боковая паперть (kruchta)—позднѣйшая къ костелу пристройка. Вообще этотъ прекрасный памятникъ готической архитектуры, несомнѣнно, XV вѣка, если еще и уцѣлѣлъ, то только лишь благодаря замѣчательной прочности своихъ стѣнъ.

Въ шести верстахъ отъ Росохате по дорогѣ въ посадъ Чижовъ, на правомъ берегу р. Брочекъ, на земляхъ фольварка Кржечково-

Выбраново, принадлежащаго г. Михаилу Поплавскому, существуетъ пять насыпей въ видѣ кургановъ.

На другой день, къ вечеру, мы рѣшили туда поѣхать. Почтенный о. Горышевскій, въ приходѣ котораго находится Кржечково-Выбраново, вызвался быть нашимъ спутникомъ.

Долго мы тащились по раскисшей вслѣдствіе оттепели (дѣло было въ ноябрѣ), усѣянной камнями дорогѣ, рискуя чуть не каждую

Развалины замка плоцкихъ епископовъ въ Брокѣ.

минуту быть опрокинутыми... Наконецъ, подъѣхали къ берегу рѣчки. Смотримъ, и... видимъ, что моста черезъ рѣчку нѣтъ. Хотимъ переправиться въ бродъ, тоже невозможно: мѣста довольно глубокія.

— Какъ же люди-то ходятъ на ту сторону?—спрашиваемъ мужичка, съ любопытствомъ взиравшаго на наши попытки переправиться черезъ Брочекъ.

— А вотъ,—указываетъ намъ на перекладину, переброшенную черезъ рѣчку, укрѣпленную посерединѣ на сомнительной прочности столбѣ.

И, видя нашу нерѣшительность, добавляетъ, указывая на какое-то подобіе перилъ съ одной стороны:

— А вотъ за это можно держаться.

Что было дѣлать? Надвигались уже сумерки. Оставалось, разсчитывая на всероссійское авось, двинуться по импровизованному мостику, бокомъ, передвигая ноги по-черепашьи и держась за перила. Впереди пошелъ мужикъ, за нимъ я, а за мною ксендзъ... Сильно гнулась перекладина подъ тяжестью трехъ человѣкъ, руки судорожно державшіяся за перила, коченѣли, голова кружилась, но мы благополучно таки переправились. Итти пришлось порядочное разстояніе. Миновали имѣніе. Вышли на обширную поляну, затопляемую въ половодье рѣчкою. На этой-то полянѣ расположены пять высокихъ насыпей въ видѣ холмовъ продолговатой формы. Одна изъ нихъ—изъ глины, а остальныя изъ земли и песку, при чемъ въ основу всѣхъ ихъ положена масса крупнаго булыжнаго камня. Каждый изъ этихъ холмовъ имѣетъ по серединѣ жерло, напоминающее собою кратеръ. Два изъ холмовъ уже разрыты на половину окрестными жителями, добывающими изъ нихъ камень, годный на ограды и фундаментъ для построекъ. Съ теченіемъ времени, вѣроятно, разберутъ и остальные. По сохранившемуся въ мѣстномъ населеніи преданію, переходящему отъ поколѣнія къ поколѣнію, насыпи эти сооружены шведами для артиллерійскихъ орудій во время шведско-польской войны при Янѣ-Казимирѣ. Документальныхъ данныхъ, которыя подтверждали бы это предположеніе, разумѣется, нѣтъ, но ситуація мѣстности, гдѣ расположены помянутыя насыпи, болотистой по своему характеру и замыкаемой съ одной стороны лѣсомъ, а съ другой рѣчкою, говоритъ болѣе pro, нежели contra ихъ фортификаціоннаго значенія.

II.

Посадъ Андржеевъ.—Его возникновеніе.—Костелъ.—Его строители.—Описаніе.—Памятникъ хорунжаго Яблоновскаго.—Старинная утварь.—Колокола.—Зарембы-Костельне.—Внѣшній видъ посада.—Бывшій монастырь оо. реформатовъ.—Помонастырскій костелъ.—Въ подземельѣ костела.—Гробъ основателя Шимона.—Зарембы.—Въ Брокѣ.—Его достопримѣчательности.—Развалины замка плоцкихъ епископовъ.—Костелъ.—Алтарь—генеалогическое древо.—Кости мамонта въ костелѣ.

На слѣдующій день, разставшить сердечно съ о. Г., отправились мы въ посадъ Андржеевъ.

Не буду описывать дороги отъ Росохате до Андржеева. Она не лучше, если только еще не хуже, описанной мною: та же масса камня, тѣ же рытвины и выбоины, наполненныя водою...

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится посадъ Андржеевъ, была костельная деревня Вроне (Wronie), а въ ней костелъ, сооруженный около 1430 года. Станиславъ съ Гнатовицъ Павловскій, епископъ плоцкій, и преемникъ его, Павелъ Гижицкій, костелъ этотъ облагодѣтельствовали насчетъ епископскихъ имѣній. Названіе Вроне на Андржеевъ замѣнилъ Андрей Кржицкій, епископъ плоцкій, начавъ постройку, вмѣсто деревяннаго, каменнаго костела и созидая епископскій городъ, который потомъ былъ при-

Алтарь «генеалогическое древо» въ костелѣ Брока.

писанъ къ Злоторіи, помѣстью плоцкихъ епископовъ. Фундаментъ существующаго въ настоящее время костела заложилъ въ 1526 г. ксендзъ Томашъ изъ Тарнова, каноникъ коллегіаты пултусской, настоятель андржеевскій. Онъ довелъ постройку до половины. Преемникъ его, ксендзъ Іосифъ Замбржицкій, укрѣпилъ стѣны храма, придавъ къ нимъ контрфорсы. Окончилъ же постройку, при содѣйствіи плоцкаго епископа Войцеха Барановскаго, мѣстный настоятель ксендзъ Андрей Гостковскій. Каплицу св. Анны съ южной

стороны началъ пристраивать Войцехъ Свиноленцкій, владѣлецъ имѣнія Мяновъ, а окончилъ Яблоновскій на Яблоновѣ, хорунжій Ломжинскій. Консекрацію костела совершилъ въ 1605 г. Войцехъ Барановскій, епископъ плоцкій. Храмъ посвященъ Успенію Божіей Матери, патроны его—св. ап. Варѳоломей и св. Войцехъ, епископъ и мученикъ.

Андржеевскій костелъ не представляетъ собою единства въ архитектурномъ отношеніи. Его пріалтарная часть (presbyterium) обширная и прекрасная, построена въ стилѣ, называемомъ стилемъ крестоносцевъ (krzyżackim) и привислинско-балтійскимъ (wiślano-baltyckim). Освѣщается тремя большими готическими окнами, изъ коихъ два съ южной стороны и одно съ сѣверной. Своды на высотѣ почти 6 саж. отъ пола — готическіе, ребероватые. Продолженіе костела составляетъ средняя нава съ звонницею, ширины одинаковой съ пріалтарною частію. Къ ней съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ боковыя навы, довольно широкія. Навы — въ стилѣ романскомъ, потолокъ надъ ними деревянный, на высотѣ $6^1/_2$ саж. Соединяясь съ пріалтарною частію, онѣ составляютъ одно внушительное цѣлое. Весь костелъ вмѣстѣ съ presbyterium'омъ имѣетъ длины 20 $^5/_{16}$ саж., ширины же $9^3/_4$ саж.

Нельзя не пожалѣть, что во время ремонта костёла въ 1868 г. кому-то пришла въ голову несчастная мысль оштукатурить его, кромѣ звонницы, и выкрасить въ яркій красный цвѣтъ... Поэтому нынѣ зданіе производитъ снаружи впечатлѣніе скорѣе пивовареннаго завода, нежели храма... Послѣдняя реставрація костела происходила въ 1899 г., при чемъ внутреннія стѣны перекрашены наново.

Алтари, хотя и изъ дерева, въ стилѣ renaissance, но очень хорошей работы и вполнѣ соотвѣтствуютъ величавости храма. Въ главномъ алтарѣ напрестольный образъ—Взятіе Богоматери на небо—кисти С. Чеховича (1689 † 1774). Въ средней навѣ, на лѣвой сторонѣ,—памятникъ Шимона Яблоновскаго, хорунжаго ломжинскаго, и его семейства, въ стилѣ renaissance, первой половины XVII столѣтія, съ надписью слѣдующаго содержанія:

D O M

Tu leży urodzony Simon Jablonowsky pierwey Stolnik potym Pisarz ziemie Nurskiej z żonami swemi Dorothą Cwiklinską Helzbietą Podoską Katharżyną Woysławską y z synem Jerzym Podstarosciem Grodskiem Ostrowskiem Człowiek przystoynie żyjączy katholik wierny Deputatem na trybunałach Poslem na Seymach bywajączy z pochwalą Panie Boże bądz mu miłosciwy. Imus ab hac vita moriendo nec mora sic vos ibitis et mortis tristem gustabitis haustum. Ibunt sic omnes et qui nascentur ab illis.

Въ сакристіи показываютъ два серебряные потира XVII в., такую же монстранцію, въ формѣ солнечнаго диска, окруженнаго лучами и превосходной работы серебряный крестъ.

На колокольнѣ три, болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, колокола, два XVII и XVIII ст. и третій, средней величины, перелитъ изъ разбитаго колокола и нѣсколько увеличенъ въ 1889 году.

Отъ Андржеева до слѣдующаго пункта нашей остановки, посада Зарембы-Костельне, не болѣе десяти верстъ по проселочной дорогѣ.

Зарембы очень чистенькій посадъ и производитъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, нежели его сосѣдъ Андржеевъ. Порядочные домики, большая мощеная площадь, каменная, въ восточномъ вкусѣ, еврейская божница и два костела. Одинъ—приходскій, небольшой, каменный, новѣйшей постройки (1881 г.) и другой, тоже каменный, обширный, бывшаго монастыря оо. реформатовъ. Строителемъ послѣдняго сохранившійся до сихъ поръ «меморіалъ о фундаціи костела» 1761 года называетъ Шимона Зарембу, мѣстнаго землевладѣльца «pod ten czas Sędziego Ziemskiego Sieradzkiego». Постройка костела окончена въ 1765 году, а 6-го мая 1792 года храмъ былъ освященъ Антоніемъ-Норбертомъ Наржимскимъ, епископомъ-суфраганомъ Пултускимъ [1]). Вновь сооруженный костелъ, посвященный Христу Спасителю, былъ переданъ монахамъ-реформатамъ, въ вѣдѣніи которыхъ и находился до 1866 года. Для помѣщенія послѣднихъ при самомъ костелѣ были возведены каменныя двухъэтажныя зданія, съ хозяйственными постройками. Монаховъ при немъ никогда много не проживало. Въ 1863 году, т.-е. уже не задолго до упраздненія монастыря, число всей монастырской братіи не превышало восемнадцати человѣкъ [2]).

Въ настоящее время одна часть бывшихъ монастырскихъ зданій занята подъ квартиры ксендза-администратора прихода и ксендза-викарія, а другая находится въ запустѣніи. Часть стѣнъ, несмотря на приданные къ нимъ въ 1830 году контрфорсы, дала замѣтныя трещины. Находящіяся на обширномъ монастырскомъ дворѣ бывшія хозяйственныя постройки тоже пришли въ разрушеніе.

Возвращаясь къ бывшему монастырскому храму, въ которомъ, по закрытіи монастыря, богослуженіе отправляется, какъ въ костелѣ филіальномъ, нельзя не обратить вниманія на его внѣшній величественный видъ и на его сохранившееся благолѣпіе внутри.

Его фасадъ, въ романскомъ стилѣ, украшенный колоннами и нишами со статуями въ нихъ святыхъ, требуетъ въ настоящее время ремонта... По правую руку главнаго входа вмурована въ наружную стѣну костела, на высотѣ роста человѣка, каменная доска съ надписью:

---

[1]) Acta consecrationis отъ 13-го іюля 1792 года. Г. В.

[2]) Catalogus cleri saecularis ac regularis dioecesis Plocensis pro a. D. 1863. Г. В.

Przechodnia
Tu spoczywa Syn Piotra
Jędrzej Swiderski
Sędzia i Miecznik Ziemie
Nurskiej
Żyl lat go
Skonczył Życie d. 13-go Kwietnia
1814-go Roku
prosze o Westchnienie.

Въ костелѣ одна нава. Окна только въ верху, подъ сводами, по шести съ каждой стороны, такъ что внутри храма, при его значительныхъ размѣрахъ и высотѣ, постоянно царитъ полумракъ.

Алтарей—пять. Главный (среднiй) отличается грандiозными размѣрами.

На правой отъ главнаго входа стѣнѣ, у проповѣднической каѳедры, помѣщенъ большой портретъ его фундатора. Шимонъ Заремба представленъ во весь ростъ, въ нацiональномъ одѣянiи. Портретъ, не выдаваясь своими ходужественными достоинствами, однако же отличается сходствомъ, въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться при посѣщенiи склепа подъ костеломъ, гдѣ погребенъ Ш. Заремба.

Входъ въ склепъ—снаружи костела, и, очевидно, позднѣйшаго происхожденiя. Помѣщенiе обширное, со сводами на столбахъ, низкое состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленiй. Освѣщается скудно, маленькимъ окошкомъ въ одномъ изъ отдѣленiй. Гробъ Зарембы—деревянный, массивный. Стоитъ прямо на полу. По снятiи крышки съ гроба вашимъ взорамъ при свѣтѣ факела представляется крупная фигура пожилого человѣка, одѣтаго въ народный польскiй костюмъ конца XVIII в., со сложенными на груди руками. Черты лица покойника и принадлежности его костюма сохранились очень хорошо. Кромѣ останковъ Ш. Зарембы, есть еще гробъ съ костями одного изъ монаховъ. На полу попадаются груды костей: головъ, челюстей и т. п., людей, нѣкогда тутъ погребенныхъ. Есть цѣлыя отдѣленiя, наполненныя костяками, представляющiя собою нѣчто въ родѣ общихъ гробницъ...

Изъ Зарембъ-Костельныхъ мы отправились въ Брокъ.

Брокъ—тоже посадъ съ 2.500 жит.—на гористомъ берегу Буга, въ живописной мѣстности. К. Шайноха въ своемъ сочиненiи «Ядвига и Ягелло» упоминаетъ о брокскихъ бартникахъ [1]). А разсказъ его относится къ XIV ст. Въ самомъ началѣ XVI ст. мы видимъ Брокъ во владѣнiи плоцкихъ епископовъ. Живописное положенiе

---

[1]) Bartnik—пчеловодъ.

его при Бугѣ, воспѣтое Сарбевскимъ [1]), было причиною того, что Брокъ сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ епископовъ плоцкихъ. Благодаря этому, они одарили городъ разными привилеями. Въ началѣ XVII ст. Генрихъ Фирлей [2]) началъ строить при впаденіи рѣчки Брокувки въ Бугъ небольшой зàмокъ, но, будучи призванъ на постъ примаса, не успѣлъ окончить постройки. Ее завершили уже его преемники. Въ этомъ зàмкѣ епископъ плоцкій Стани-

Православная церковь въ городѣ Островъ.

славъ Лубенскій, современникъ Сигизмунда III, писалъ свои сочиненія [3]). Первая шведская война еще пощадила зàмокъ. Но во вторую, въ половинѣ XVIII столѣтія, зàмокъ очень сильно пострадалъ. Въ 1717 г. епископъ Іосифъ Залускій возобновилъ его. Но когда прусское правительство отняло у епископовъ имѣнія, зàмокъ началъ приходить въ упадокъ, пожаръ же довершилъ его разру-

[1]) Матвѣй-Казимиръ Сарбевскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ латинскихъ поэтовъ, увѣнчанный лаврами въ Римѣ, род. въ 1595 г., ум. въ 1640 г.

[2]) Архіепископъ гнѣзненскій, примасъ Польши, человѣкъ ученый, разумный и справедливый, род. въ 1573 г., ум. въ 1626 г. Г. В.

[3]) С. Лубенскій (1573—1640 гг.), историкъ. Труды его вышли въ Антверпенѣ въ 1643 г., въ 2 част., подъ заглавіемъ: «Opera postuma historica, politica variique discursus, epistolae et aliquot orationes». Г. В.

шеніе. Въ настоящее время бывшій епископскій зàмокъ составляетъ собственность (на правахъ вѣчнаго чинша) брокскаго землевладѣльца, г. Рольбецкаго. Уцѣлѣли стѣны съ сѣверной, восточной и югозападной сторонъ, а также единственная башня и каплица, примыкающія къ зданію. Что же касается средней части стѣны съ запада, то она растаскана, очевидно, на строительный матеріалъ... Окна и двери, въ большинствѣ случаевъ, разбиты и представляютъ собою одни лишь безформенныя отверстія разнообразной величины... Только окна каплицы сохранились въ нетронутомъ видѣ. Внутри зданія раздѣленіе этажей уже не существуетъ, все пространство заросло высокою и густою травою. Въ ней попадаются остатки обгорѣвшихъ балокъ и досокъ. Кирпичи контрфорсовъ во многихъ мѣстахъ имѣютъ уже пустую середину. Зàмокъ стоитъ на холмѣ и окруженъ довольно значительнымъ паркомъ. Паркъ теперь запущенъ, служитъ пристанищемъ птицъ. На башнѣ зàмка огромное гнѣздо аистовъ... Одна изъ аллей парка сохранилась до сихъ поръ.

Существующій въ Брокѣ костёлъ св. Анны въ архитектурномъ отношеніи можетъ служить образцомъ перехода готики въ ренессансъ (cinquecento).

Основаніе костёлу положилъ епископъ Самуель Мацеіовскій (1542—1546) около 1544 года. Довершилъ постройку епископъ Андрей Носковскій (1546—1567) въ 1560 г. Храмъ каменный, не оштукатуренный. Съ южной стороны къ нему примыкаетъ паперть, съ сѣверной—каплица, а сзади, кромѣ обыкновенной части, предназначаемой для духовенства, полукруглое sanctuarium. Внутри потолокъ-сводчатый, украшенный выпуклыми кружками, расположенными крестообразно. Подъ сводами идутъ кругомъ, въ рядъ ниши.

Алтарей въ костёлѣ пять. Замѣчателенъ изъ нихъ своею оригинальностію одинъ—Божіей Матери, поставленный въ 1744 г., въ видѣ генеалогическаго древа. Внизу—спящая фигура патріарха Іакова. Изъ его груди выросло дерево. На послѣднемъ 15 распустившихся цвѣтковъ. Въ серединѣ каждаго—бюстъ святого царя, пророка или патріарха. Эти цвѣты окружаютъ изображеніе Богоматери съ Младенцемъ (коронованныя). Надъ изображеніемъ—звѣзда, въ серединѣ Богомладенецъ, побѣдитель смерти, а по бокамъ ея ангелы. Надъ звѣздою балдахинъ, окруженный лучами. Заслуживаютъ также упоминанія: проповѣдническая каѳедра въ стилѣ Возрожденія, скамьи (stalla), современныя построенію костёла, плохой работы, расписанныя первобытнымъ способомъ. Есть нѣсколько образовъ Божіей Матери, какъ кажется, итальянскаго происхожденія. На паперти южной стороны висятъ на цѣпи часть голени и зубъ мамонта. По преданію эти части скелета допотопнаго животнаго были когда-то очень давно выброшены Бугомъ и неизвѣстно кѣмъ принесены въ даръ костёлу.

Въ каплицѣ помѣщены двѣ доски. Одна въ память сестры брокскаго старосты Луки Печновскаго, Елизаветы Радзиминской († 1640 г.), а другая въ память брокскаго пробоща Jacobus'a Odriwolius'a († 1670 г.).

III.

Островъ.—Его прошедшее и современная физіономія города.—Приходскій костелъ.—Памятники вѣрноподданнической преданности населенія: органъ, статуя Божіей Матери, храмъ св. Николая.—У ксендза-декана.—Бесѣда о Б. Бегасѣ.—Біографія и художественныя произведенія Бегаса.

Изъ Брока намъ предстояло ѣхать въ Островъ. Отсюда до Острова—одиннадцать верстъ по шоссе.

Островъ—центръ административнаго управленія уѣзда, бойкій городокъ, но, къ сожалѣнію, деревянный (каменныя постройки наперечетъ), грязный, кишащій еврейскою бѣднотою. Значительное оживленіе городу придаетъ скопленіе войскъ въ немъ и въ его окрестностяхъ. Въ историческомъ отношеніи Островъ не отличается ничѣмъ замѣчательнымъ. Началомъ его былъ охотничій дворецъ мазовецкихъ князей, пріѣзжавшихъ охотиться въ обширныхъ, окружавшихъ Островъ, княжескихъ лѣсахъ. Впослѣдствіи вокругъ дворца начали возникать постройки усадебниковъ, и образовалось такимъ способомъ поселеніе. Послѣднее преобразовано въ 1410 году въ городъ привилеемъ князя мазовецкаго Болеслава IV. Спустя нѣкоторое время, права города были расширены княгиней мазовецкой Анной, а послѣ присоединенія къ королевству—польскими королями. Городъ возрасталъ и развивался очень быстро. По люстраціи 1616 года здѣсь было 453 дома и даже королевскій дворецъ, въ которомъ происходили судебныя засѣданія земскихъ и городскихъ судовъ. Гдѣ стоялъ и когда уничтоженъ этотъ дворецъ, свѣдѣній не имѣется. Уничтоженіе его можно, однако, отнести къ злополучному для цѣлаго государства времени шведскихъ войнъ. Съ прошлаго столѣтія началось постепенное возрожденіе Острова. Въ 4 верстахъ отъ города прошла желѣзная дорога, появились кое-какія фабрики, число населенія увеличилось до десяти слишкомъ тысячъ душъ.

Изъ зданій въ городѣ обращаетъ на себя вниманіе большой каменный католическій костелъ, освященный въ 1894 г. Онъ очень красивъ и обширенъ, въ готическомъ стилѣ, съ двумя башнями. Красота его безспорно выиграла бы еще болѣе, если бы башни его были на одинъ ярусъ выше. Зданіе воздвигнуто отчасти на пожертвованія прихожанъ, отчасти на личныя средства покойнаго нынѣ настоятеля, ксендза-прелата А. Прусъ-Ярнутовскаго. Внутри онъ производитъ впечатлѣніе чего-то еще не оконченнаго. Изящныя колонны, поддерживающія своды, масса свѣта, падающаго въ вы-

сокія и широкія окна, превосходный полъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, купленный, какъ намъ передавали, у кого-то въ Варшавѣ, по случаю. Въ прошломъ году поставленъ органъ работы г. Блюмберга изъ Варшавы. Его пріобрѣли прихожане на заимствованныя изъ городскихъ суммъ 4.000 рублей, въ память прослѣдованія государя императора съ семействомъ 19-го августа 1897 года по территоріи Островскаго уѣзда.

Другой памятникъ вѣрноподданнической преданности мѣстнаго населенія своему монарху стоитъ передъ костеломъ. Это—статуя Богоматери, воздвигнутая, какъ значится на пьедесталѣ, «римско-католическимъ населеніемъ Островскаго уѣзда въ 1890 году, въ память чудеснаго спасенія въ день 17-го (29) октября 1888 года на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ государя императора Александра III съ благочестивѣйшею государынею императрицею и всею августѣйшею семьею». Статуя высѣчена изъ бѣлаго пинчовскаго камня [1]), принадлежитъ рѣзцу Андрея Прушинскаго, творца статуи Спасителя, несущаго Крестъ на террасѣ костела св. Креста въ Варшавѣ. Кстати сказать, копія послѣдней, изъ мрамора, помѣщена надъ главнымъ входомъ въ костелъ.

Изъ костела мы зашли къ настоятелю. Настоятеля, онъ же и деканъ [2]) Островскаго уѣзда, о. Александра Ржевницкаго мы застали дома. Онъ поселился въ Островѣ недавно. Перемѣщенъ изъ Цехановскаго уѣзда (Плоцкой губерніи). Человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, очень подвижной, любезный, обладающій художественнымъ вкусомъ. Исторія искусства будетъ ему вѣчно благодарна. О. Ржевницкій открылъ Бегаса.

— Но кто такой этотъ Бегасъ?—спроситъ меня читатель.

Имя это у насъ мало кому извѣстно. Поэтому я разскажу его любопытную исторію.

Около десяти лѣтъ тому назадъ, въ приходѣ Козичинекъ, Цехановскаго уѣзда, крестьянскій мальчуганъ-пастушокъ, отъ нечего дѣлать, началъ лѣпить изъ глины и вырѣзывать перочиннымъ ножичкомъ изъ дерева фигурки своихъ товарищей, такихъ же подростковъ, какъ и онъ самъ, деревенскихъ дѣвокъ, коровъ, свиней, которыхъ онъ пасъ, и т. п. Серьезнаго значенія его занятіямъ, разумѣется, никто не придавалъ: «пускай, молъ, тѣшится!» Но вотъ увидалъ какъ-то работы мальчугана мѣстный ксендзъ. Понравились онѣ ему, чутьемъ онъ постигъ художественный талантъ въ невѣжественномъ пастушкѣ... Собралъ денегъ и отправилъ мальчика въ Варшаву, въ ученье къ столяру.

Мальчикъ этотъ былъ Болеславъ Бегасъ, а добрый священникъ о. Александръ Ржевницкій.

---

[1]) Добывается въ окрестностяхъ города Пинчова, Келецкой губ. Г. В.

[2]) Должность, соотвѣтствующая нашему благочинному. Г. В.

Недолго пробылъ Бегасъ у столяра...

Воротился домой и захворалъ. Лѣчилъ его д-ръ Ф. И. Райковскій изъ Цеханова. Когда Болеславъ поправился, докторъ взялъ его къ себѣ и сталъ учить грамотѣ. Бѣднягѣ шелъ семнадцатый годъ, а онъ даже и азбуки не зналъ. Трудно, конечно, учиться грамотѣ въ такіе годы. Но недаромъ пословица говоритъ: «терпѣніе и трудъ все перетрутъ»... У г. Райковскаго увидѣлъ Бегаса из-

Памятникъ въ деревнѣ Длугосѣдло.

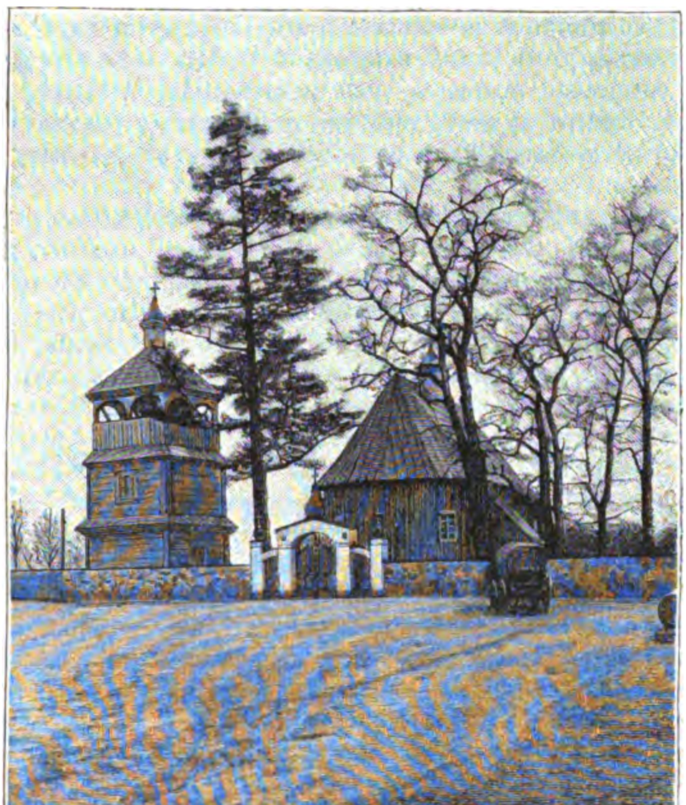
вѣстный публицистъ и редакторъ «Правды» (Prawda), г. Александръ Свентоховскій. Рѣшено было собрать денегъ и послать его въ Краковъ, въ высшую школу изящныхъ искусствъ [1]). По уставу школы туда принимаютъ только лицъ, имѣющихъ извѣстный образовательный цензъ. Послѣдняго у Бегаса не было... Но послѣ цѣлаго ряда хлопотъ лицъ, принимающихъ въ немъ участіе, его допустили

[1]) Въ 1901 г. преобразована въ академію изящныхъ искусствъ. Г. В.

къ занятіямъ. Въ Краковѣ Бегасъ пробылъ четыре года. Говорятъ, будто онъ не поладилъ съ профессорами. Немудрено. Самобытному таланту трудно замкнуться въ извѣстныхъ рамкахъ. Вспомнимъ нашихъ Крамского, «передвижниковъ», французскихъ «независимыхъ»... Когда молодой человѣкъ вернулся на родину, покровители его таланта, ксендзъ Ржевницкій и г. Свентоховскій, опять собрали денегъ и отправили его въ Парижъ, гдѣ онъ находится и теперь. Парижскій корреспондентъ «Новаго Времени» видѣлъ на XVIII-й выставкѣ «независимыхъ», въ оранжереяхъ Cour la Reine, послѣднія новыя скульптурныя произведенія Бегаса, эти, выражаясь его словами, «поэмы, симфоніи въ гипсѣ и бронзѣ». Наибольшее впечатлѣніе производитъ группа, носящая названіе «Swiat». Вотъ какъ ее описываетъ и комментируетъ г. корреспондентъ. «Вышиною она аршина въ полтора, а шириною четверти въ двѣ. Это что-то въ родѣ плоскаго обелиска, у котораго вершина срѣзана не однимъ, а двумя углами и загнута впередъ какъ бы сводомъ... Обелискъ стоитъ на низенькомъ пьедесталѣ. Пьедесталъ обрамленъ двумя человѣческими лицами, нестерпимо правильными, тупыми и безстрастными. Между этими лицами мерещится нѣчто въ родѣ Саваоѳа, съ распростертыми, какъ бы правящими все и вся, руками. Надъ пьедесталомъ возносятся кверху обнявшіеся юноша и дѣвушка. Губы ихъ слились въ поцѣлуѣ. Надъ ними загнулся сводомъ тотъ уголъ обелиска, о которомъ сказано выше. Этотъ сводъ есть въ то же время лицо, совершенно подобное двумъ нижнимъ, но только еще тупѣе, благодаря этому углу, который составляетъ какъ бы лобъ этого лица. Лицо уперлось этимъ угломъ-лбомъ въ пространство. Туда съ ужасающей тупостью глядятъ и его холодные глаза. Но если вы нагнетесь немножко подъ сводъ, то увидите вторую пару глазъ, глядящихъ туда же, въ пространство, съ необыкновенно человѣческимъ страданіемъ, съ безконечно печальнымъ вопросомъ: З а ч ѣ м ъ? К у д а? Д л я ч е г о?

«Я боюсь, что изъ этого слабаго описанія вамъ будетъ трудно понять идею этой композиціи. Но самая скульптура настолько ясна и, если можно такъ выразиться, повелительна, что двухъ толкованій быть не можетъ. Пьедесталъ, два лица внизу—это земля и вода, то-есть бездушная матерія человѣческой жизни. Ими спокойно, властно и съ тайнымъ сознаніемъ цѣли заправляетъ Богъ-Саваоѳъ. Изъ этой матеріи возникаютъ два человѣческихъ пола, которыхъ порывъ любви и радости жизни возноситъ до самаго неба. Небо это все высокое нашей жизни: наука, поэзія, философія, вообще ищущій духъ. Онъ ищетъ конечной цѣли и въ исканіи своемъ подымается все выше и выше. Но чѣмъ выше онъ возносится, тѣмъ уже кругозоръ, и, наконецъ, все сошлось въ одинъ острый уголъ, упершійся въ пространство. Дальше ничего нѣтъ. Глаза небеснаго свода—солнце и луна—со спокойною тупостью глядятъ впе-

редъ и абсолютно ничего не отвѣчаютъ. Но духъ-то нашъ, человѣческій, вѣчно съ робостью, притаясь, прилѣпляется къ небу и неизмѣнно съ тоскою взываетъ: «зачѣмъ? куда? для чего?» [1]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, работы Бегаса были выставлены въ берлинскомъ Kunst-Ausstellung'ѣ и приводили въ восторгъ нѣмецкую публику, принимавшую работы талантливаго славянина за произведенія его однофамильца, славнаго нѣмецкаго ваятеля, проф. Рейн-



Древній деревянный костелъ въ Еленкахъ.

гольда Бегаса. Появлялись онѣ на выставкахъ варшавскаго общества поощренія художествъ (Towarzystwo zachęty sztuk pięknych), гдѣ обратили на себя вниманіе извѣстнаго скульптора Пія Веленскаго. У ксендза Ржевницкаго есть нѣсколько произведеній Бегаса. Особенно хороши: рѣзная изъ дерева (1896 г.), окрашенная подъ бронзу, статуя св. Себастіана, воина-мученика, привязаннаго къ

---

[1]) «Нов. Вр.», № 9373, отъ 8 апр. 1902 г. Г. В.

дереву на мѣстѣ казни, и распятіе-деревянный барельефъ; фигуры въ цѣломъ собственно нѣтъ: есть только глава и руки. Но сколько невыносимой муки, сколько всепрощающей любви въ очахъ Голгоѳскаго Страдальца! Есть у о. Ржевницкаго и картины кисти Бегаса. Онѣ такъ же, какъ и его скульптуры, странны и необычайны. Нестарый еще мужчина самоуглубился, раздумался о бурно-прожитой жизни, вспомнилъ всѣ свои грѣхи... и вотъ предстали они передъ нимъ въ реальныхъ образахъ: тутъ и загубленныя имъ жертвы красоты, молодости и невинности и отвратительныя хари демоновъ и чудовищъ... И въ ужасѣ закрылъ человѣкъ лицо свое руками.. Таково содержаніе большого, еще неизвѣстнаго публикѣ, полотна г. Бегаса. Смотря на него, невольно вспомнишь слова молитвы Господней: «И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго»...

Есть еще двѣ меньшихъ размѣровъ картинки, только-что начатыя, въ духѣ сецессіонистовъ. О сюжетахъ ихъ пока трудно сказать что либо опредѣленное. Глядя на картины Бегаса, начинаешь бояться, чтобы видимое увлеченіе геніальнаго подпаска модными теченіями въ живописи не обратилось въ ущербъ дальнѣйшему развитію его художественнаго дарованія на поприщѣ ваянія. Если этого не случится, изъ него выйдетъ геніальный художникъ XX столѣтія, краса искусства и гордость польскаго народа.

Простившись со словоохотливымъ о. Ржевницкимъ, мы осмотрѣли еще одинъ патріотическій памятникъ въ Островѣ—новую каменную православную церковь Святителя Николая, воздвигнутую въ память коронованія ихъ величествъ 14 мая 1896 года. Незадолго передъ тѣмъ она была освящена. На постройку ея пожертвовано населеніемъ изъ городскихъ капиталовъ 4.000 рублей и участокъ земли изъ-подъ городского сквера. Сооруженіе храма обошлось въ 16.000 рублей. Не достававшая сумма собрана путемъ пожертвованій. Церковная утварь въ большинствѣ тоже пожертвованная. Въ числѣ ея есть облаченіе и воздухи, вышитые собственноручно государынею императрицею Александрою Ѳеодоровною.

IV.

Памятники эмансипаціи въ деревняхъ Длугосѣдло и Бранщикъ. — Отъ Острова до Елёнокъ.—Салтыковскій штабъ.—Древній деревянный костелъ въ Елёнкахъ.

Въ Островскомъ уѣздѣ находятся два монумента, о существованіи которыхъ въ другихъ мѣстностяхъ намъ не приходилось слышать, хотя событіе, въ ознаменованіе котораго они поставлены, имѣетъ общегосударственное значеніе.

Это—монументы въ память изданія высочайшаго манифеста 19-го февраля 1864 году объ устройствѣ крестьянъ въ царствѣ Польскомъ.

Памятниковъ творцу эмансипаціи, Александру II-му, существуетъ въ имперіи нѣсколько, въ царствѣ Польскомъ есть превосходный ему памятникъ въ Ченстоховѣ, сооруженный благодарными крестьянами, но монументовъ въ честь самаго событія, повторяю, мы не знаемъ.

Помянутые памятники воздвигнуты въ деревняхъ Длугосёдло и Бранщикъ крестьянскимъ населеніемъ, на свои собственныя средства, сейчасъ же по полученіи воли.

Монументъ въ Длугосёдлѣ имѣетъ видъ обелиска, поставленнаго на пьедесталѣ и увѣнчаннаго металлическимъ яблокомъ съ небольшимъ крестомъ.

Монументъ въ Бранщикѣ представляетъ собою четыреугольный кирпичный, неоштукатуренный столпъ, тоже осѣненный крестомъ. Тотъ и другой стоятъ вблизи костела. На томъ и на другомъ помѣщены надписи, по-русски и по-польски, слѣдующаго содержанія:

Боже,
Царя храни!
въ память изданія
Высочайшаго
указа $\frac{\text{19-го февраля}}{\text{2-го марта.}}$ 1864 г.

Посѣтивъ Длугосёдло и Бранщикъ, намъ пришлось снова воротиться въ Островъ, чтобы отсюда уже отправиться въ послѣдній намѣченный пунктъ въ Островскомъ уѣздѣ—выселокъ Елёнки.

Отъ Острова до Елёнокъ одиннадцать верстъ, по островско-остроленкскому шоссе, соединяющему оба эти города.

На четвертой верстѣ отъ Острова надо проѣзжать черезъ Салтыковскій штабъ,—мѣсто постояннаго квартированія 23-го пѣхотнаго Низовскаго и 24-го пѣхотнаго Симбирскаго полковъ и трехъ батарей 6-й, 7-й и 8-й –VI-й артиллерійской бригады. Здѣсь видимъ постройки того же самаго типа, что и въ Репнинскомъ штабѣ, но онѣ какъ-то представляются грандіознѣе и, если хотите, веселѣе. Вѣроятно, оттого, что зданія стоятъ дальше отъ шоссе, и пространство между ними и послѣднимъ занято бульварами и скверами. Сзади казармъ Низовскаго полка разбитъ прекрасный паркъ. Подлѣ штаба возникла цѣлая слободка съ лавочками, чайными, портерными, заѣзжими дворами, есть даже фотографическое заведеніе.

Послѣднія семь верстъ пролетѣли незамѣтно.

Передъ нами небольшой старый деревянный костелъ Елёнки.

Елёнки получили свое названіе отъ смежной деревни Елене (Ielenie), какъ меньшая ея часть—выселокъ.

Въ глубокой древности помѣстье и деревню Елене окружали ольховые лѣса, въ которыхъ водилось много оленей. Отъ нихъ-то и деревня получила свое наименованіе. Въ 1876 году, когда ко-

пали прудъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ костела, на торфяникѣ, принадлежащемъ приходу, выкопали четыре огромныхъ оленьихъ рога, лежавшіе на пластѣ песку, изъ котораго, когда удалили слой торфа, брызнула обильная струя родниковой воды. Очевидно, олени при открытомъ источникѣ имѣли свое логовище.

Костелъ въ Елёнкахъ построенъ въ 1509 г. изъ лиственничнаго дерева (по мѣстному modrzew) и, благодаря прочности послѣдняго, прекрасно сохранился. Строителями его была семья Гурскихъ, владѣльцевъ имѣнья Елене. Они же обезпечили и содержаніе настоятеля, предоставивъ въ пользованіе его семь уволокъ (włók) земли на фольваркѣ Елёнки, десятину съ имѣнія Елене, право пастбища, принадлежащаго настоятелю, домашняго скота на поляхъ и въ лѣсахъ им. Елене и Елёнки, право свободной рубки лѣса въ пущахъ тѣхъ же имѣній на топливо и на постройки.

Существующій въ настоящее время костелъ поставленъ на мѣстѣ каплицы (часовни) св. Антонія и путемъ присоединенія къ нему двѣнадцати небольшихъ деревень отъ приходовъ островскаго и червинскаго сталъ первымъ приходскимъ костеломъ прихода Елёнки. Образованіе новаго прихода получило свою санкцію отъ мѣстной правительницы, мазовецкой княгини Анны, бывшей регентшею по случаю малолѣтства сыновей ея, Станислава и Януша. Въ честь кн. Анны костелъ носитъ титулъ св Анны, матери Пресвятой Дѣвы, хотя патрономъ его остался св. Антоній, которому, какъ сказано выше, была посвящена стоявшая на мѣстѣ костела часовня. Актъ консекраціи костела совершенъ въ 1722 г. епископомъ-суфраганомъ плоцкимъ, Мартиномъ Залускимъ. Памятниковъ въ костелѣ никакихъ нѣтъ. Заслуживаютъ вниманія три алтаря изъ липоваго дерева, превосходной рѣзной работы, въ стилѣ barocco, да два оригинальные конфессіонала (исповѣдальни). Высота стѣнъ зданія достигаетъ 14 лок., такой же высоты и крыша—очень крутая. Присматриваясь къ зданію, нельзя не подивиться совершенству плотничьей работы. Стѣны и углы до сихъ поръ нигдѣ не вышли изъ своихъ мѣстъ, не выпятились и не покривились. Система устройства крыши положительно могла бы служить образцомъ для современныхъ плотниковъ, такъ прочно и въ своемъ родѣ изящно она устроена. Оставаясь долгое время крытымъ гонтомъ, костелъ потребовалъ въ концѣ концовъ ремонта: крыша дала течь. И вотъ между 1865 и 1872 г. г. на составленную изъ мелкихъ пожертвованій прихожанъ сумму 5.000 рублей костелъ отреставрировали, и онъ продолжаетъ существовать, обращая на себя вниманіе знатоковъ старины.

За Елёнками кончается территорія Островскаго уѣзда, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наша первая экскурсія.

Г. А. Воробьевъ.

МАРШЪ ВЪ ОПАЛѢ.

Воспоминаніе Ивана Вазова о Россіи.

ПРЕДЛАГАЯ вниманію читателей второй[1]) и послѣдній отрывокъ изъ воспоминаній Вазова, помѣщенныхъ въ послѣднемъ сборникѣ его разсказовъ «Пъстъръ свѣтъ», пользуемся случаемъ дать хотя краткія свѣдѣнія о самомъ авторѣ воспоминаній тѣмъ болѣе, что, будучи болгарскимъ писателемъ, Вазовъ близокъ и намъ не только, какъ писатель славянскій, но еще болѣе, какъ пѣвецъ связанной съ русскимъ именемъ войны за освобожденіе Болгаріи. Сочиненія Вазова—полная лѣтопись этого времени, живая картина страданій и храбрости болгарскаго народа, побѣдъ и самоотверженности народа русскаго. Въ этой области у него нѣтъ соперниковъ во всемірной литературѣ.

Вазову теперь 53 года. Онъ родился въ 1851 году и, хотя учился въ Пловдивской (Филиппопольской) гимназіи, но по своему образованію можетъ быть названъ самоучкой. Его дарованіе выросло въ школѣ русскихъ писателей, а изъ болгаръ его непосредственнымъ учителемъ въ поэзіи былъ Петко Славейковъ. Писать началъ Вазовъ съ 1870 года, и его поэтическую дѣятельность обыкновенно раздѣляютъ на три періода: первый до 1877 г., до освобожденія Болгаріи, второй до 1886 г.—года его добровольнаго изгнанія изъ родины—и третій до настоящаго времени.

Какъ большинство молодыхъ поэтовъ, Вазовъ началъ со стихотвореній, гдѣ онъ воспѣваетъ любовь. Его поэзія за это время

---

[1]) Первый напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1902 г., въ іюньской книгѣ.

запечатлѣна особымъ характеромъ идиллическаго прекраснодушія, которое такъ зло осмѣялъ въ своей эпиграммѣ его современникъ Ботевъ: «Отчего я не родился Вазовымъ? Я бы воспѣвалъ тогда вѣру въ то, что волкъ станетъ овцою, и, какъ овца, будетъ блеять поэтъ». Но и тогда уже въ его поэзіи видны были горячая любовь поэта къ своей родинѣ и народу, вѣковое терпѣніе котораго, чистосердечіе и патріотизмъ онъ воспѣвалъ впослѣдствіи. Только въ 1875 г. не безъ вліянія Любена Каравелова и рано погибшаго отъ турецкой пули поэта-гайдука Христо Ботева появляется новая нота въ поэзіи Вазова. «Несчастный слѣпецъ!—восклицаетъ онъ о себѣ:— я воспѣвалъ цвѣты, я славилъ жизнь, а не видѣлъ, въ какомъ горѣ и страданіи живутъ мои братья! Довольно безплодныхъ мыслей! Отнынѣ я буду покоренъ долгу, и не сойдетъ съ устъ моихъ пѣснь о свободѣ». Въ Юрьевъ день 1876 года на юго-восточномъ склонѣ Балканъ вспыхнуло вызванное притѣсненіями и жестокостями турокъ болгарское возстаніе. Вазовъ закопалъ въ погребѣ отцовскаго дома тетрадки со своими стихами—единственное свое достояніе—и черезъ Царьградъ выѣхалъ изъ Болгаріи въ Румынію. На цареградскомъ вокзалѣ онъ нѣсколько дней подъ рядъ смотрѣлъ, какъ нагружаютъ солдатами и оружіемъ цѣлые поѣзда и отправляютъ въ его родной край противъ его несчастныхъ братьевъ и соотечественниковъ, и тогда впервые сорвались съ его нѣжной лиры столь необычныя у него энергичныя и страстныя слова: «Презрѣнные полки! идите! На Балканахъ вамъ приготовлена разверстая могила. Тамъ встрѣтятъ васъ не рабы, ожидающіе милости, а юнаки, всѣ до одного готовые умереть за родину». Въ Румыніи изданы были два первыхъ сборника Вазовскихъ стихотвореній: «Прѣпорецъ и гусли» и «Жалобы Болгаріи». Это—пѣсни о желанной свободѣ, но онѣ иныя, чѣмъ у современниковъ Вазова—Каравелова и Ботева. У Ботева слышенъ мощный, энергическій и страстный вызовъ къ борьбѣ, жажда кровавой мести, у Вазова только глубокая скорбь, жалобный плачъ надъ страданіями болгарскаго народа. Голосъ Ботева подобенъ шуму бурныхъ водъ, въ немъ слышится что-то трагическое, точно предчувствіе его будущей кончины, поэзія Вазова спокойнѣе, миролюбивѣе. Для Каравелова и Ботева средство вырваться изъ-подъ ига одно—оружіе. Вазовъ вѣритъ, какъ и они, что «скоро падетъ тяжкое турецкое иго и святая правда возьметъ свое», но путь къ этому будущему онъ долгое время видѣлъ только въ терпѣніи... «О братья, терпите, терпите! Вы страданіемъ завоюете себѣ жизнь. Не надъ вами одними нависло горе: вся Болгарія стонетъ подъ тяжкимъ игомъ, напрасно простирая руки»... Каравеловъ и Ботевъ не только поэты, они прежде всего политическіе дѣятели, Вазовъ только поэтъ. Ботевъ сильнѣе, но одностороннѣе и мрачнѣе. Вазовъ—мягче, добрѣе и шире. Онъ человѣчнѣе Ботева.

Болгарское возстаніе 1876 г. окончилось неудачей. Но вслѣдъ за нимъ началась сербско-турецкая война, и цѣлыми толпами стали отправляться на Балканы русскіе добровольцы, первые вѣстники великой войны 1877—1878 годовъ. Еще по балканскимъ долинамъ стлался дымъ отъ сожженныхъ турками деревень, еще не сгнили трупы посѣченныхъ ими старцевъ и дѣтей, а ужъ заря свободы занималась надъ Балканами. Война отняла у Вазова отца: его изрубили башибузуки, но личное горе было заглушено засіявшимъ надъ родиной счастьемъ, и новые, свѣтлые, побѣдные, торжествующіе звуки полились изъ-подъ пера поэта. По напечатаннымъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» воспоминаніямъ Вазова о первыхъ дняхъ болгарской свободы читатели могли видѣть, съ какимъ восторгомъ встрѣтилъ онъ появленіе императора Александра на Дунаѣ, но въ свое время ни одинъ шагъ русскихъ войскъ не остался у Вазова безъ поэтическаго отклика. Изъ этихъ стихотвореній составился впослѣдствіи сборникъ «Освобожденіе», герой котораго царь-освободитель, «славянскій царь», какъ называетъ его Вазовъ, и можно сказать, что у императора Александра II, какъ ни много поэтовъ посвящало ему свои стихотворенія, не было пѣвца болѣе искренно-восторженнаго, чѣмъ Вазовъ. Если бы собрать его лучшія стихотворенія и позднѣйшіе прозаическіе разсказы о войнѣ 1877—1878 годовъ и издать, они дали бы лучшій и болѣе плодотворный ея памятникъ, чѣмъ всѣ поставленные за послѣднее время монументы русскимъ воинамъ. Это была бы дорогая книжка для подростающаго поколѣнія: она учила бы его патріотизму и доблести.

Освобожденіе Болгаріи измѣнило судьбу Вазова: онъ воротился на родину и былъ однимъ изъ тѣхъ болгаръ, которые образовали, по его выраженію, первое зерно будущаго болгарскаго чиновничества. Затѣмъ въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ былъ избранъ депутатомъ въ румелійское собраніе и въ ту пору всеобщаго политиканства окунулся и самъ въ политику, но это была чуждая для него стихія, и онъ вынесъ отсюда только рядъ разочарованій. Его укоряли между прочимъ и за то, что онъ, не имѣя въ карманѣ диплома, попалъ въ депутаты. Онъ отвѣтилъ на эти укоры новыми сборниками стиховъ: «Гусли» и «Поля и горы», гдѣ писалъ: «Учился я мало и мало что дѣлаю. Я не принесъ на родину плода, который выросъ на чужбинѣ. Подъ роднымъ небомъ взростилъ меня простой родительскій кровъ. Я готовъ на жертвы, и сердце мое воспріимчиво ко всему доброму, разъ идетъ рѣчь о святомъ народномъ дѣлѣ. Пусть все это кажется для васъ давно ненужнымъ и отжившимъ свой вѣкъ, но я думаю, что, разъ я буду добръ и честенъ, для меня и безъ диплома откроются всѣ двери. Источникъ всего высокаго въ нашей волѣ, а не во внѣшнихъ знакахъ; великія идеи расцвѣтаютъ въ человѣческомъ сердцѣ и только

оттуда могутъ подыматься въ высь. Въ эпоху 1880—1885 гг., когда въ молодой Болгаріи послѣ подъема высокихъ чувствъ вылѣзли изъ щелей мелкія самолюбія и страстишки, когда «шумъ и суета принимались за дѣло, а патріотовъ смѣнили самохвалы и честолюбцы», Вазовъ остался вѣренъ себѣ: лишь иногда вырывался у него стихъ негодованія и сатиры, обыкновенно отъ сумятицы настоящаго уходилъ онъ въ природу и въ недавнее славное прошедшее. Къ этому времени относится его «Епопеята на забравенитѣ» (Эпопея забытыхъ)—рядъ эпическихъ картинъ изъ времени, по большей части предшествовавшаго русско-турецкой войнѣ, гдѣ одинъ за другимъ предстаютъ передъ нами дѣятели болгарскаго освобожденія: Левскій, Бенковскій, Раковскій, Паисій, Миладиновы, ополченцы на Шипкѣ и геройская защита ея противъ ордъ Сулеймана-паши, когда у русскихъ и болгаръ «не хватало патроновъ, но непреклонною оставалась воля, когда притуплялись штыки, но незыблемо стояли противъ врага груди». Въ послѣднее время тѣ же темы затронулъ словинскій поэтъ Ашкерцъ въ своихъ «Рапсодіяхъ болгарскаго гусляра», но, какъ ниярокъ талантъ Ашкерца, Вазовъ смѣло можетъ спорить съ нимъ, а по чистотѣ и непосредственности чувства онъ превосходитъ Ашкерца. Живя въ Пловдивѣ, Вазовъ издавалъ въ то же время періодическій журналъ «Наука», а позднѣе «Зарю». Тогда же отъ риѳмованной рѣчи онъ сталъ переходить къ поэтической прозѣ и написалъ цѣлый рядъ очерковъ, въ которыхъ уже можно было провидѣть будущаго первокласснаго новеллиста и автора романа «Подъ игомъ».

9-го августа 1886 г. выбросило Вазова вновь за предѣлы родины. Удаленіе князя Александра изъ Болгаріи было началомъ внутренней борьбы и смутъ. Многіе пострадали: кто былъ брошенъ въ тюрьму, кто казненъ, кто бѣжалъ. Вазовъ былъ въ числѣ послѣднихъ и добровольно удалился въ изгнаніе на этотъ разъ въ Россію. Къ этому времени относится дѣйствіе печатаемаго ниже разсказа. Съ 1886 г. начинается третій періодъ литературной дѣятельности Вазова, періодъ высшаго ея расцвѣта, когда имя писателя переходитъ за тѣсныя границы Болгаріи и становится достояніемъ всей Европы. Онъ характеризуется преобладаніемъ у него прозы. Изъ поэта Вазовъ становится романистомъ и новеллистомъ. Кромѣ знаменитаго романа «Подъ игомъ», переведеннаго и на русскій языкъ, появляется цѣлый рядъ сборниковъ его повѣстей и разсказовъ. Здѣсь обнаруживаются во всей красѣ новыя стороны его дарованія: мѣткая наблюдательность, даръ характеристики, живое чувство природы и тонкій и свѣтлый юморъ, а надъ всѣми ними господствуетъ, какъ и прежде, его добрая, нѣжная, любящая, лирическая душа.

Теперь Вазовъ живетъ въ Софіи. Онъ состоитъ предсѣдателемъ болгарскаго славянскаго благотворительнаго общества, и при его

непосредственномъ участіи издается журналъ общества «Славянски Гласъ», поддерживающій крѣпкую связь Болгаріи съ Россіей и русскимъ просвѣщеніемъ. Но главная его дѣятельность, какъ и прежде, посвящена изящной словесности. Послѣдній сборникъ его разсказовъ «Пъстъръ свѣтъ» показываетъ, что талантъ его все такъ же свѣжъ, какъ и прежде. Пользу, приносимую писателями, узнаемъ по ихъ плодамъ. Вазовъ въ этомъ отношеніи можетъ быть спокоенъ: его сочиненія возбуждаютъ только добрыя чувства, они исполнены человѣчности въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и съ ними разстаешься съ тѣмъ же чувствомъ, какое выносишь изъ искренней, сердечной и дружеской бесѣды съ глубоко-добрымъ, хорошимъ и роднымъ человѣкомъ. Дай же ему Богъ еще долго трудиться на такъ плодотворно обработываемой имъ нивѣ!

Критическая оцѣнка Вазова, какъ писателя, была дана А. Теодоровымъ въ софійскомъ «Періодическомъ Списаніи» 1901—1902 г. Мы пользовались ею для настоящей замѣтки въ передѣлкѣ словинскаго писателя Алоизія Безеншека въ журналѣ «Ljubljanski Zvon» за 1902 г., №№ 9, 10 и 11.

Едва только мы вошли въ театральный коридоръ, какъ насъ встрѣтилъ г. Кривцовъ и быстро сказалъ:

— Господа, непріятность!

— Что такое?—спросило нѣсколько человѣкъ въ одинъ голосъ.

— Но это, очевидно, какое нибудь недоразумѣніе!—сказалъ онъ.

На лицѣ его, озаренномъ свѣтомъ стѣнныхъ лампъ, можно было прочесть безпокойство и недоумѣніе.

— Какъ, можетъ быть, концертъ отложенъ?

— Нѣтъ, идите, посмотрите!—сказалъ Кривцовъ и подвелъ насъ къ висѣвшей на стѣнѣ красной афишѣ.

Мы приблизились и стали читать афишу. Тамъ была напечатана программа музыкально-вокальнаго вечера. Она состояла изъ маршей и гимновъ всѣхъ славянскихъ народовъ, которые должна была пѣть капелла Славянскаго. Впереди всѣхъ другихъ стоялъ русскій гимнъ: «Боже, царя храни», а потомъ шли остальные. Наша «Шуми Марица» стояла по серединѣ.

Но толстая синяя черта протянулась по этимъ словамъ: они были зачеркнуты карандашомъ.

Мы остолбенѣли.

Эта сценка происходила вечеромъ 18 іюля 1888 года въ коридорѣ кіевскаго театра. Въ этотъ день заканчивались семидневныя кіевскія празднества въ память девятисотлѣтія со дня крещенія русскаго народа въ этомъ городѣ. Юбилей этотъ собралъ великое множество народа; съѣхались представители со всей Руси, отъ

официальнаго міра, отъ высшаго духовенства и интеллигенціи; явились депутаціи и со всего славянскаго міра, представленнаго въ лицѣ своихъ избранныхъ гражданъ, публицистовъ, политическихъ дѣятелей, писателей, поэтовъ; народы или правительства славянскихъ земель хотѣли принять живое участіе въ славянскомъ праздникѣ и по этому случаю еще торжественнѣе засвидѣтельствовать свою кровную и духовную связь съ великой Россіей, оказать ей свое уваженіе и придать новый блескъ юбилею одного изъ величайшихъ событій въ жизни русскаго народа. Были депутаціи и отъ православныхъ неславянскихъ странъ: Румыніи, Греціи, Абиссиніи.

Были изъ Англіи—отъ англиканской церкви.

Были изъ Японіи—отъ православныхъ японцевъ.

Только отъ Болгаріи, отъ православной и освобожденной русской кровью Болгаріи не ожидался никто!

Увлеченное своей антирусской политикой, тогдашнее болгарское правительство не сдѣлало ничего. Оно и само не взяло на себя почина представить здѣсь Болгарію и другихъ не допустило до этого. Отсутствіе одной только Болгаріи на этомъ братскомъ всероссійскомъ, почти всеславянскомъ торжествѣ было явленіемъ безобразнымъ, соблазномъ для другихъ, срамомъ для насъ.

Натянутыя отношенія съ Россіей не должны были помѣшать Болгаріи исполнить долгъ вѣжливости и долгъ человѣческій; политическія соображенія минуты не могли уничтожить исторіи, не могли послужить извиненіемъ невниманію, которое въ данномъ случаѣ получало видъ новаго, дерзкаго и ненужнаго оскорбленія, добавленнаго къ старымъ...

Когда въ самый канунъ юбилея эмиграція въ Царьградѣ и и Одессѣ узнала, что отъ Болгаріи не будетъ никого, что она пройдетъ юбилей молчаніемъ, что и экзархъ не отправитъ своего представителя, она рѣшила сама исполнить этотъ долгъ. Немедленно депутація, составленная изъ виднѣйшихъ эмигрантовъ вышеупомянутыхъ двухъ городовъ, отправилась въ Кіевъ со старикомъ Цанковымъ во главѣ. Эта депутація, въ которой имѣлъ честь быть и я, не получивъ полномочія ни отъ правительства болгарскаго ни отъ народа, явилась въ качествѣ болгарской депутаціи на русскій юбилей. Скандалъ былъ устраненъ.

Съ неописуемымъ блескомъ и великолѣпіемъ, съ небывалой торжественностью праздновался юбилей. Кіевъ, разукрашенный флагами, а вечеромъ иллюминованный, принялъ необыкновенный, праздничный видъ; по улицамъ кишмя кишѣло густое множество народа, среди котораго группы славянскихъ депутатовъ съ золотыми жетонами на груди проходили, встрѣчаемые добрымъ русскимъ народомъ съ почтеніемъ и умиленіемъ. Богослуженія, водосвятія, процессіи къ Днѣпру на то мѣсто, гдѣ крестился со своимъ

народомъ святой князь Владиміръ, военные парады, обѣды, рѣчи, торжества, прогулки съ музыкой на пароходахъ по рѣкѣ, громъ пушечныхъ выстрѣловъ и звонъ колоколовъ, посѣщеніе монастырей и скитовъ, укрытыхъ въ лѣсистыхъ окрестностяхъ Кіева, офиціальные пріемы наполнили эту знаменитую юбилейную недѣлю. Насъ всюду встрѣчали съ любовью. Вошедшее въ пословицу русское гостепріимство превосходило себя въ усиліяхъ угодить милымъ славянскимъ братьямъ, окружить ихъ вниманіемъ и теплымъ сочувствіемъ, выказать имъ уваженіе, оставить въ душѣ ихъ неизгладимое впечатлѣніе о кратковременномъ ихъ пребываніи въ стѣнахъ «матери русскихъ городовъ» и о торжествѣ, которое ихъ туда привлекло.

Я никогда не забуду этихъ дней.

Но для насъ, болгарской депутаціи, были и минуты небольшихъ огорченій. Какая-то струя холода замѣчалась по отношенію къ Болгаріи, особенно въ средѣ вліятельныхъ русскихъ круговъ. Несмотря на всю исключительность и необыкновенность минуты, очевидно было, что въ душѣ русскихъ не могло совершенно укрыться горькое чувство обиды и непріятности, которыя они испытывали отъ поведенія Болгаріи, отъ «неблагодарности» освобожденнаго народа къ своимъ освободителямъ; въ умѣ русскихъ непобѣдимо сливались понятія народа и правительства; отождествляемыя одно съ другимъ, они послѣ цѣлой вереницы прискорбныхъ событій и разочарованій возбуждали сомнѣнія въ преданности болгарскаго народа. Намъ особенно это было чувствительно при сравненіи отношеній къ намъ и къ сербской депутаціи, состоявшей изъ двадцати душъ сербовъ, по большей части пришедшихъ изъ Бѣлграда и считавшей въ своихъ рядахъ митрополита Михаила, генерала Груича и Пашича: отношенія къ сербамъ были запечатлѣны особенной теплотой и благорасположеніемъ. Это было отраженіемъ новаго теченія въ русскомъ обществѣ. Въ это время симпатіи къ Сербіи росли по мѣрѣ того, какъ ихъ теряла Болгарія; это замѣчалось и въ печати, и въ русской политикѣ, и въ интеллигентной средѣ, и въ народѣ. Охлажденіе проникло всюду и поколебало самыхъ убѣжденныхъ нашихъ пріятелей. Болгарія перестала быть любимымъ дѣтищемъ Россіи—имъ, повидимому, становилась теперь Сербія.

Вечеромъ 18-го іюля давалась въ Кіевѣ музыкальная вечеринка, эпилогъ всѣхъ празднествъ. Эта вечеринка давалась въ честь славянскихъ гостей, и они всѣ были на нее приглашены. Знаменитый Славянскій долженъ былъ пѣть національные гимны всѣхъ славянскихъ народовъ. Славянская душа должна была излиться здѣсь въ музыкальной мелодіи, и всѣ ея нити должны были гармонично затрепетать въ одномъ общемъ упоительномъ чувствѣ любви, брат-

ства, взаимности, историческихъ идеаловъ подъ чарующей силою славянскаго звука.

Теперь легко объясняется наше состояніе, когда мы увидѣли, что болгарскій историческій маршъ «Шуми Марица» одинъ оказался въ опалѣ, одинъ былъ признанъ недостойнымъ занимать мѣсто при всѣхъ другихъ славянскихъ пѣсняхъ въ этомъ всеславянскомъ концертѣ.

Обида была тяжкая; она походила на презрѣніе, брошенное въ лицо Болгаріи передъ очами цѣлаго славянскаго свѣта; мы смотрѣли другъ на друга въ смущеніи и спрашивали себя; подобаетъ ли намъ послѣ этого присутствовать на концертѣ.

Бѣдный нашъ Кривцовъ весь пылалъ отъ стыда; съ чела его капалъ потъ. Этотъ настоящій русскій человѣкъ, членъ Славянскаго благотворительнаго общества въ Одессѣ, былъ пламеннымъ болгаролюбцемъ и провидѣніемъ тамошнихъ эмигрантовъ. Членъ русской одесской депутаціи, онъ добровольно наложилъ на себя бремя оказывать намъ здѣсь всевозможное содѣйствіе.

Приближалось время начала концерта; входили послѣдніе посѣтители, и, привѣтствуя насъ, проходили въ театральный залъ. Нѣкоторые останавливались прочесть афишу, и послѣ мы видѣли,—или намъ такъ казалось,—что на ихъ лицахъ изображалось недоумѣніе...

Мы стояли въ нерѣшительности и тихо разговаривали.

Дѣдо Цанковъ ворчалъ сердито:

— Хоть бы совсѣмъ не ставили въ программу «Шуми Марица», тогда бы было другое дѣло... А то поставили,—и вычеркнули. Это просто безобразіе!

— Они насъ, болгаръ, дѣлаютъ посмѣшищемъ цѣлаго свѣта,— сказалъ обиженно другой депутатъ, македонецъ.

— Распорядителей, распорядителей необходимо найти!—воскликнулъ Кривцовъ: — необходимо выяснить это... недоразумѣніе. Это невозможно.

Не знаю, кто былъ болѣе пораженъ этимъ неожиданнымъ случаемъ, онъ или мы; его полное, красивое и открытое лицо все перемѣнилось отъ скорби и негодованія.

— Господа, не уходите отсюда, прошу васъ, подождите, пока я вернусь... Я долженъ узнать, кому мы обязаны этимъ неприличіемъ. Имъ оскорблены не вы, а русское гостепріимство.

И онъ насъ оставилъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали въ коридорѣ.

Немного спустя, Кривцовъ вернулся.

— Господи,—сказалъ онъ, отирая потъ съ лица,—войдите, для васъ отведены двѣ изъ первыхъ ложъ.

— А «Шуми Марица»?

Онъ махнулъ рукой.

И потомъ, понизивъ голосъ, онъ объяснилъ намъ, что исключеніе болгарскаго марша изъ программы произошло вовсе не цѣлью оскорбить насъ, а по соображеніямъ другого, деликатнаго свойства, и онъ передалъ намъ извиненія распорядительнаго комитета. Но, какъ онъ насъ ни успокаивалъ, онъ не сказалъ намъ ясно, что это были за соображенія. Очевидно, ему было трудно раскрыть истину. Мы настаивали. Въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ объяснить намъ, что исключеніе «Шуми Марица» изъ программы состоялось, чтобы не оскорбить въ этотъ вечеръ нѣкоторыхъ чувствъ, нѣкоторыхъ самолюбій. Чьи были эти самолюбія и эти чувства, мы ни на минуту не сомнѣвались: всѣ мы понимали, что это дѣлается въ угоду сербамъ. Сами ли они изъявили притязаніе, видя, можетъ быть, въ нашемъ маршѣ, подъ звуки котораго два съ половиной года тому назадъ болгарскія знамена побѣдоносно развѣвались на сербской землѣ, оскорбительное для своей чести воспоминаніе, или распорядители по своему собственному почину исключили «Шуми Марица» изъ чувства преувеличенной деликатности къ сербскимъ гостямъ,—мы не могли узнать. Кривцовъ далъ намъ понять, что здѣсь примѣшалось и другое вліяніе, изъ болѣе высокихъ сферъ. Намъ не трудно было этому повѣрить: мы имѣли передъ собою признаки холода и гнѣва на Болгарію, о которыхъ было упомянуто выше.

Кривцовъ всяческими способами старался насъ успокоить и убѣдить войти въ театральный залъ. Онъ выставлялъ намъ на видъ дурное впечатлѣніе, скандалъ, который бы произвело отсутствіе болгарской депутаціи, говорилъ, что это поставило бы въ трудное положеніе самихъ русскихъ, а особенно его. Онъ заклиналъ насъ не обижаться, войти въ положеніе, молилъ, ободрялъ.

Послѣ всего этого мы рѣшили, что всего благоразумнѣе будетъ послушаться его, и вошли въ залу.

Едва только мы размѣстились, всѣ съ камнемъ на сердцѣ, въ своихъ ложахъ, занавѣсъ поднялся, и прежде всего вышелъ какой-то русскій, повидимому, профессоръ, и прочелъ рѣчь о великомъ историческомъ значеніи для Россіи празднуемаго событія. Рѣчь закончилась среди дружныхъ рукоплесканій цѣлаго театра, три яруса ложъ котораго и весь партеръ были переполнены славянами и русскими. Среди послѣднихъ можно было замѣтить предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ, графа Игнатьева, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, г. Побѣдоносцева, помощника его г. Саблера, г. Витте, профессоровъ Ламанскаго и Антоновича и др. Между присутствовавшими находился также абиссинскій герой Ашиновъ. Были и другія лица съ громкими или извѣстными именами.

Сильныя и задушевныя рукоплесканія привѣтствовали появленіе Славянскаго, одѣтаго вмѣстѣ со своей женой и дочерью въ богатыя, старорусскія боярскія одежды.

Прежде всего былъ исполненъ русскій гимнъ, выслушанный публикою стоя. Воодушевленныя рукоплесканія привѣтствовали хоръ по его окончаніи. Послѣ четвертьчасового антракта Славянскій вышелъ вновь и спѣлъ чешскій маршъ. И его проводили бурными рукоплесканіями. Послѣ того новый антрактъ—и новый славянскій гимнъ или маршъ. Такимъ образомъ были пропѣты всѣ славянскіе гимны, означенные въ программѣ, кромѣ опальнаго болгарскаго марша.

Это обстоятельство мѣшало намъ присоединиться къ общему энтузіазму, мѣшало нашимъ чувствамъ подняться до діапазона восторга остальныхъ гостей, сильно потрясенныхъ и взволнованныхъ при слушаніи родныхъ славянскихъ звуковъ въ этомъ интимномъ, почти семейномъ, славянскомъ собраніи. Вмѣстѣ съ другими рукоплескали и мы; но на душѣ у насъ было тяжело, скорбь и мука были тамъ, мы сидѣли, точно убитые.

Только что Славянскій раскланялся въ послѣдній разъ, награждаемый теперь еще болѣе продолжительными и горячими рукоплесканіями публики, которая уже начала вставать съ мѣстъ, какъ въ первыхъ рядахъ партера поднялся неожиданно Ашиновъ съ своей странной, женственной физіономіей, съ большой шелковистой русой бородой, одѣтый въ богатую черкесскую одежду, которую онъ имѣлъ право носить въ качествѣ кубанскаго казака, съ абиссинскимъ орденомъ на груди, и крикнулъ по направленію къ Славянскому своимъ тонкимъ, пискливымъ голосомъ:

— Шумитъ Марица!

Глаза всѣхъ обратились къ нему.

Шумъ утихъ.

Славянскій остановился на сценѣ въ недоумѣніи.

Какой-то старый генералъ изъ среднихъ рядовъ партера крикнулъ:

— Шумитъ Марица!

Крикъ «Шумитъ Марица» подхватили и другіе присутствующіе; онъ былъ достаточно сильно поддержанъ и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сидѣли депутаціи; особенно громко кричали чехи и русскіе офицеры. А потомъ загремѣла и цѣлая зала:

— Шуми Марица!

При такомъ общемъ желаніи, выраженномъ столь неожиданно и столь дружно, Славянскій обернулся къ своему хору, быстро далъ ему знакъ рукою, и звуки болгарскаго марша раздались среди водворившейся полной тишины.

Всякій можетъ себѣ представить чувство, которое нами овладѣло. Вставъ и всѣ дрожа отъ неописуемаго волненія и счастья, выросши до небесъ отъ гордости, мы слушали съ очами, обращен-

ными къ хору, нашъ милый и славный маршъ, чувствуя, что къ нашимъ ложамъ—особенно къ ложѣ, гдѣ сидѣлъ дѣдо Цанковъ—было устремлено множество сочувственныхъ взглядовъ. Хоръ пѣлъ стройно, съ увлеченіемъ; потрясающая сила этой пѣсни, несмотря на приторно-игривый нѣмецкій мотивъ, безъ воинственныхъ ударовъ, но полная воспоминаній о дняхъ славной борьбы и событій, раздававшаяся въ дыму битвъ, среди побѣдоносныхъ и тріумфальныхъ криковъ «ура», до глубины потрясла наши истерзанныя въ изгнаніи и униженіи души. Казалось, эта чудная пѣснь была сильнымъ протестомъ противъ посягательства на болгарскую честь; казалось, она собрала въ себя, кристализировала въ звуки все высокое и доброе, что было у насъ, всю славу болгарскаго народа. При теперешнихъ обстоятельствахъ особенно, въ этотъ часъ, на этомъ мѣстѣ она имѣла для насъ страшное обаяніе.

Когда хоръ окончилъ первый куплетъ съ припѣвомъ:

Маршъ, маршъ, генералю нашъ!

публика двинулась: раздался ураганъ рукоплесканій. Зала потряслась. Загремѣли «браво» и «ура». А Кривцовъ? Онъ хлопалъ и кричалъ, какъ сумасшедшій... Славянскій многократно и низко кланялся, взволнованный и усталый. Новая громовая буря, театръ весь застоналъ отъ стократнаго «бисъ»! Очевидно, магическое дѣйствіе этой пѣсни овладѣло душою и публики, путемъ другого психологическаго процесса, вѣроятно, но съ тою же силою.

Хоръ повторилъ вновь первый куплетъ:

Шуми Марица
Окървавена,
Плаче вдовица,
Люто ранена.
Маршъ, маршъ, генералю нашъ!

Новыя рукоплесканія заглушили послѣднія слова припѣва, вновь раздались громовые и безсчетные бисъ. И хоръ началъ въ третій разъ, а всѣ прежнія пѣсни пѣлись только разъ! Что это значило? Мы не понимали. Казалось, публика своимъ горячимъ сочувствіемъ давала намъ блестящее удовлетвореніе за горькія минуты, только что нами испытанныя, какъ будто бы она о нихъ знала... Это походило на какой-то тріумфъ. Около меня стоялъ неподвижно Кривцовъ. Я взглянулъ на него вновь. Бѣдный, онъ вытиралъ свои глаза отъ слезъ! Взоры всѣхъ были обращены на насъ. Славянскій кончилъ среди рукоплесканій, зала и ложи привѣтствовали насъ съ ласковой улыбкой во взглядѣ. Графъ Игнатьевъ, весь сіяющій, привѣтствовалъ насъ рукой; многіе русскіе подходили къ нашей ложѣ и протягивали руки, какъ бы желая пожать наши. Генералъ, который крикнулъ послѣ Ашинова: Шумитъ Марица! вошелъ къ

намъ и съ горячими рукопожатіями и со слезами, не обсохшими еще на морщинистыхъ щекахъ, сказалъ намъ:

— Господа, господа! Это дорого для насъ, русскихъ... Я слышалъ эти звуки, когда велъ болгарскія дружины подъ огонь при Старой Загорѣ, и теперь ожили въ старческомъ сердцѣ могущественныя воспоминанія...

Но всѣхъ радостнѣе, всѣхъ счастливѣе, всѣхъ взволнованнѣе отъ умиленія былъ Кривцовъ. Съ торжествомъ во взглядѣ, съ дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ онъ сказалъ намъ:

— Понимаете ли, что все это значитъ, господа? Это значитъ: любовь. Вспыхнула, не утаилась. Сердца, которыя были затворены для Болгаріи, раскрылись, загорѣлись при первой психологической искрѣ. Мы хотимъ на васъ сердиться, васъ ненавидѣть, но не можемъ... И когда мы дѣлаемъ видъ, что мы васъ не терпимъ, знайте, что мы все-таки васъ любимъ, противъ своей воли... Въ вашу пользу говоритъ сердце наше, говоритъ кровь русскаго человѣка, пролитая за васъ... Связь между нами и вами неразрывна, симпатія безсмертна... Помните это всегда, раскажите объ этомъ у васъ, дома, когда вернетесь туда!

И этотъ русскій, который такъ много страдалъ за насъ передъ началомъ вечеринки, теперь радовался больше насъ неслыханному тріумфу исключенной изъ программы «Шуми Марица», побѣдѣ опальной изгнанницы.

Дѣйствительно, въ этой побѣдѣ была и его часть: онъ шепнулъ нѣсколько словъ неустрашимому казаку, который первый далъ тонъ. Кривцовъ зналъ добрую русскую душу—добрую, любящую, лирическую, какова была и его собственная душа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ умеръ. Богъ да помилуетъ этого добраго русскаго человѣка!

Перевелъ съ болгарскаго **Андрей Сиротининъ.**

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Томъ II. Подъ редакціей Г. В. Левицкаго, орд. проф. Имп. Юрьевск. университета. Юрьевъ. 1903.

Второй и послѣдній томъ юбилейнаго «Біографическаго словаря» Юрьевскаго университета посвященъ факультетамъ — медицинскому и историко-филологическому. Планъ тотъ же, что и въ первомъ томѣ: сжатый обзоръ исторіи факультета, такой же обзоръ исторіи каждой отдѣльной каѳедры и краткія біографіи или автобіографіи преподавателей, по каѳедрамъ, въ порядкѣ ихъ замѣщенія, съ библіографическими перечнями сочиненій. Наиболѣе обстоятельныя біографіи посвящены Густаву Эверсу, основателю исторіи русскаго права, какъ особой науки (авторъ біографіи проф. М. Дьяконовъ), и знаменитому русскому хирургу Н. И. Пирогову (авторъ проф. Г. Левицкій). Заслуживаютъ также упоминанія, по полнотѣ библіографическихъ указаній, со включеніемъ «газетныхъ статеекъ, объясненій и опроверженій» (стр. 492), автобіографіи профессоровъ Бодуэна-де-Куртенэ, Будиловича, Шмурло и нѣкоторыхъ другихъ. Біографій и автобіографій собственно русскихъ ученыхъ, т.-е. писавшихъ преимущественно по-русски, находимъ въ настоящемъ томѣ свыше 50. Въ концѣ приложенъ указатель біографій для обоихъ томовъ.

«Біографическій словарь» подвелъ итоги научной производительности университета за время его вѣковой исторіи. Интересно всмотрѣться въ эти итоги и резюмировать ихъ. У насъ въ этомъ отношеніи принято противопоставлять «Юрьевскій» университетъ «Дерптскому», въ послѣднемъ видѣть всѣ достоин-

ства, въ первомъ—всѣ недостатки. Такой взглядъ возникъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ реформы университета, въ пылу полемики, и уже по одному этому требуетъ строгой повѣрки. Упроченію этого мнѣнія сильно способствовалъ также несомнѣнный фактъ общаго упадка нашихъ университетовъ, какъ разъ совпавшаго съ періодомъ Юрьевской реформы. Въ настоящее время никто не будетъ оспаривать, что русская университетская жизнь переживаетъ періодъ возрожденія. Къ Юрьевскому университету это относится ничуть не менѣе, чѣмъ къ какому либо иному. Слова о немъ харьковскаго профессора Н. Сумцова: «хотя Юрьевскому университету, какъ русскому, всего около десяти лѣтъ, но въ его средѣ уже немало молодыхъ, бодрыхъ и свѣжихъ научныхъ силъ» (Записки Имп. Харьковск. университета, 1903 г., I), не комплиментъ, а простое констатированіе факта. Самое «бѣгство» изъ Юрьева профессоровъ, о чемъ такъ много писали въ нашей ежедневной печати, служитъ лишь подтвержденіемъ этого: если бы въ Юрьевѣ не было хорошихъ ученыхъ, то бѣжать отсюда было бы некому, — вѣдь здѣшніе профессора «бѣгутъ» не въ департаменты, а занимаютъ, по конкурсу, каѳедры въ другихъ русскихъ университетахъ.

Объ «упадкѣ» современнаго Юрьевскаго университета можно говорить только совсѣмъ въ другомъ смыслѣ,—въ смыслѣ недостаточности и бѣдности учебно-вспомогательныхъ учрежденій, тѣсноты зданій и т. п. Авторитетныя сообщенія о такого рода матеріальной бѣдности мы находимъ и въ разсматриваемомъ «словарѣ». Такъ, проф. В. Чижъ пишетъ: «Юрьевскій медицинскій факультетъ обставленъ бѣднѣе другихъ нашихъ медицинскихъ факультетовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Очевидно, что дальше въ такомъ положеніи онъ оставаться не можетъ». На бѣдность же жалуются почти всѣ лабораторіи и музеи; напримѣръ, о зоологическомъ музеѣ проф. Кеппель пишетъ: «у музея настолько мало мѣста, что объ удобной для осматриванія разстановкѣ вещей нечего и думать. Чучела животныхъ всѣ сдѣланы очень давно, плохо набиты и часто похожи на карикатуры» (I, 288). Но вѣдь это обѣдненіе университета ничуть не результатъ послѣдняго десятилѣтія; оно наслѣдовано отъ предшествующей эпохи.

Другое наслѣдство современнаго Юрьевскаго университета отъ Дерптскаго—устарѣвшій уставъ. Напримѣръ, по дѣйствующимъ здѣсь правиламъ, университетъ можетъ присуждать ученыя степени только по очень немногимъ спеціальностямъ. «Это обстоятельство,—замѣчаетъ проф. Пассекъ (I, 502),—не можетъ не отражаться до извѣстной степени стѣснительно на дѣятельности факультетовъ, въ особенности же въ связи съ отсутствіемъ въ Юрьевскомъ университетѣ института оставленныхъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію; при этихъ условіяхъ подготовка при факультетѣ молодыхъ людей для занятія въ будущемъ каѳедръ встрѣчаетъ такія затрудненія, какія въ другихъ университетахъ не существуютъ».

Что до «Дерптскаго» университета, то въ исторіи его, рядомъ съ нѣсколькими выдающимися явленіями, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ фактовъ отрицательнаго достоинства. Профессора чаще всего вызывались изъ-за границы; при первомъ представившемся случаѣ (часто еще до своего пріѣзда въ Дерптъ) они уходили на родину; въ Дерптѣ оставались только кто похуже. При

ъастой смѣнѣ профессоровъ каѳедры сплошь и рядомъ оставались незанятыми въ теченіе многихъ лѣтъ кряду; напримѣръ, каѳедра русской исторіи была вакантною около 30 лѣтъ сряду (1826—1854), каѳедра географіи и статистики семь лѣтъ (1851—1858), каѳедра систематическаго богословія шесть лѣтъ (1835—1841), каѳедра государственнаго права столько же (1850—1856) и послѣ еще столько же (1883—1889) и т. д. и т. д.; промежутки въ два-три года были очень обычны. Такой порядокъ вещей былъ тѣмъ болѣе печальнымъ, что институтъ приватъ-доцентуры никогда въ Дерптѣ сколько нибудь широкаго развитія не получалъ. Среди дерптскихъ профессоровъ мы встрѣчаемъ немало лицъ, которыя «научныхъ трудовъ послѣ себя не оставили» (Розенмюллеръ, Клейненбергъ, фонъ-Цёккель, фонъ-Адеркасъ, Белендорфъ и др.) и еще болѣе такихъ ученыхъ, которые напечатали какую нибудь рѣчь или, въ лучшемъ случаѣ, диссертацію (К. Мейеръ, Кауцманъ, Пелль, Штремме, фонъ-Эльснеръ, Асмусъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, Мойеръ и т. д.).

Что до нравовъ, царившихъ въ старомъ Дерптскомъ университетѣ, то для характеристики ихъ стоитъ отмѣтить эти факты. Въ 1816 году произошла прискорбная исторія съ «дѣланіемъ» докторовъ. Двое портныхъ, Вальтеръ и Веберъ, за 15.000 рублей получили степень доктора права (I, 551). Относительно проф. Рейца сообщали, что онъ имѣлъ обыкновеніе передавать свои тетради студенту: послѣдній прочитывалъ ихъ прочимъ слушателямъ и функціонировалъ за профессора (I, 588); о томъ же ходатайствовалъ для себя проф. Нейманъ, при чемъ совѣтъ университета поддержалъ его просьбу (I, 585). Очевидно, такой порядокъ казался ученой коллегіи вполнѣ нормальнымъ.

Д. З.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1902 годъ, составленный ординарнымъ профессоромъ П. П. Цитовичемъ. Съ приложеніемъ рѣчи экстраординарнаго профессора В. В. Бартольда. Спб. 1903.

По установившемуся обычаю С.-Петербургскій университетъ изъ года въ годъ ко дню публичнаго акта издаетъ отчетъ о своей дѣятельности. Отчеты эти, носившіе прежде названіе «годичнаго акта», раздаются всѣмъ присутствующимъ на торжествѣ, въ продажу не поступаютъ, а потому и исчезаютъ совсѣмъ какъ-то отъ вниманія общества, что весьма жалко, такъ какъ въ нихъ всегда имѣется масса разнообразнаго и любопытнаго матеріала и для исторіи самого университета и для характеристики нашего студенческаго быта.

Передъ нами «отчетъ» за 1902 годъ. Онъ особенно интересенъ, такъ какъ извѣстно, что истекшій учебный годъ прошелъ гораздо оживленнѣе предшествовавшихъ въ виду нѣсколькихъ нововведеній, касающихся внутренняго строя студенчества.

«Отчетъ» открывается вступительной рѣчью составителя его, произнесенной на актѣ. Въ ней обстоятельными характеристиками почтена память скончавшихся за годъ профессоровъ: ученаго А. Н. Бекетова († 1 іюля, 77 лѣтъ),

академика-филолога В. К. Ернштедта († 21 августа, 48 лѣтъ), математика Н. С. Будаева († 16 сентября) и юриста В. В. Ефимова († 4 декабря, 46 лѣтъ), и почетныхъ членовъ университета: Вирхова и К. П. Яновскаго.

Далѣе въ «Отчетѣ» приводятся статистическія свѣдѣнія и подробно разсматривается дѣятельность университета.

Изъ него мы узнаемъ, что численность личнаго преподавательскаго состава университета къ 1 января 1903 года достигаетъ цифры 240, куда входятъ: 1—профессоръ богословія, 33 — профессора ординарныхъ, 11 — экстраординарныхъ, 26—состоящихъ внѣ штата за выслугою 30 лѣтъ, 6 — лекторовъ иностранныхъ языковъ, 4—преподавателя по найму, 110 — приватъ-доцентовъ и 49—лаборантовъ хранителей кабинетовъ, ассистентовъ и проч.

Въ составъ приватъ-доцентовъ въ истекшемъ году зачислено 19 человѣкъ (по историко-филологическому факультету—9, по физико-математическому—7, по юридическому—2 и по восточному—1), оставлено при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію—102 человѣка (42 со стипендіями, остальные—безъ стипендій), ученыхъ степеней удостоены 24 лица (степени доктора—10 лицъ и магистра—14 лицъ).

Въ особую главу въ «Отчетѣ» выдѣлены свѣдѣнія о научной и литературной дѣятельности профессоровъ и вообще лицъ, читающихъ въ университетѣ лекціи. Глава эта, дающая точныя указанія на участіе ученыхъ въ повременныхъ изданіяхъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, конгрессовъ, съѣздовъ и т. п., представляетъ собою богатѣйшій біо-библіографическій матеріалъ.

Численность учащихся въ университетѣ къ 1 января 1903 года опредѣляется въ 3.855 человѣкъ (въ томъ числѣ 3.753 — студента и 102 стороннихъ слушателя). Цифра эта по факультетамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

студентовъ состоитъ:

на историко-филологическомъ факультетѣ...........	288 чел.	— 7,67%
» физико-математическомъ » всего......	1.323 »	— 35,25%
въ томъ числѣ: 1) на разрядѣ математич. наукъ.	545 »	— 14,52%
» 2) » естественн. наукъ.	778 »	— 20,73%
» юридическомъ факультетѣ....................	1.898 »	— 50,57%
» восточномъ »	244 »	— 6,51%

Изъ всего этого числа среднее образованіе получили — въ гимназіяхъ — 96,38%, въ духовныхъ семинаріяхъ—1,36% и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ—2,26%.

По происхожденію и по вѣроисповѣданіямъ студенты распредѣляются такъ:

а) по происхожденію:		б) по вѣроисповѣданіямъ:	
сыновей дворянъ и чиновник.	64,85%	православныхъ..........	75,05%
изъ духовнаго званія.....	3,76%	единовѣрцевъ...........	0,11%
» почетныхъ гражданъ..	5,84%	армяно-григоріанъ.......	2,16%
» крестьянъ..........	3,38%	римско-католиковъ.......	11,06%

» купцовъ	6,50%	лютеранъ	6,85%
» мѣщанъ	13,27%	реформатовъ	0,91%
» ремесленниковъ	0,93%	магометанъ	0,29%
» казачьяго сословія	0,14%	караимовъ	0,29%
» иностранныхъ поддани.	1,33%	евреевъ	3,28%

Слѣдовательно, по происхожденію своему петербургскіе студенты попреимуществу дворяне и сыновья чиновниковъ, а затѣмъ идутъ—мѣщане, купцы, почетные граждане, сыновья духовныхъ лицъ, крестьяне и т. д. По вѣроисповѣданію на первомъ мѣстѣ за православными стоятъ католики, а потомъ уже лютеране, евреи, армяно-григоріане и т. д.

Въ теченіе года стипендій было выдано 406 студентамъ на сумму 91.629 рублей 12 коп., а пособій—666 студентамъ на сумму 21.466 рублей 59½ коп. Кромѣ того, были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій—въ первой половинѣ года 726 студентовъ на сумму 18.150 рублей и во второй половинѣ года 697 студентовъ на сумму 17.425 рублей.

Перейдемъ теперь къ занятіямъ студентовъ; имъ въ «Отчетѣ» посвященъ особый отдѣлъ, и при бѣгломъ даже его просмотрѣ вниманіе читателя сосредоточивается на практическихъ занятіяхъ и на вновь образованныхъ студенческихъ кружкахъ. Изъ длинныхъ списковъ предметовъ, по которымъ ведутся обязательныя практическія занятія, видно, что имъ теперь придается гораздо большее значеніе, чѣмъ въ былыя недавнія времена.

Студенческіе кружки — нововведеніе, и очень отрадное. Интересна ихъ организація.

Кружокъ студентовъ-филологовъ организованъ не такъ давно по иниціативѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго; бесѣды ведутся по русской и всеобщей исторіи, по исторіи литературы и по философіи. Основныя положенія докладчиковъ-студентовъ предварительно печатаются въ опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ, что даетъ возможность студентамъ, интересующимся рефератами, заранѣе знакомиться съ основными мыслями референтовъ и способствуетъ оживленію преній. Кромѣ того, иногда передъ докладами читаются мелкія сообщенія, касающіяся новыхъ научныхъ открытій, а также рецензіи о научныхъ книгахъ и о выдающихся журнальныхъ статьяхъ.

Кружокъ студентовъ-юристовъ (или иначе первый адвокатскій кружокъ) возникъ по иниціативѣ Н. Т. Милеанта для совмѣстныхъ занятій юристовъ III и IV курсовъ уголовнымъ правомъ и процессомъ путемъ чтенія рефератовъ и веденія судебныхъ процессовъ съ возможнымъ соблюденіемъ формальностей. Во главѣ кружка стоитъ руководитель его изъ числа преподавателей юридическаго факультета. Дѣлами завѣдуетъ бюро, избираемое закрытою баллотировкой и состоящее изъ предсѣдателя, товарища его и секретаря. Кружокъ составляютъ члены и кандидаты. Для зачисленія въ кандидаты необходима рекомендація двухъ членовъ; по прочтеніи реферата кандидатъ выбирается въ члены закрытою баллотировкой простымъ большинствомъ голосовъ. Въ теченіе года въ этомъ кружкѣ было прочитано нѣсколько спеціальныхъ рефератовъ и велось нѣсколько процессовъ, попреимуществу взятыхъ

изъ произведеній художественной литературы, напримѣръ: дѣло Раскольникова («Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго), Анисьи, Матрены и Никиты Чиликиныхъ («Власть тьмы» Толстого), Позднышева («Крейцерова соната»—его же) и Ильи Лунева («Трое»—Горькаго).

Кружокъ по философіи права. Занятія ведутся подъ руководствомъ профессора Л. І. Петражицкаго по философіи права. Изъ прочитанныхъ докладовъ заслуживаютъ вниманія: «Интуитивное право и законность» Милютина, «Естественное право и современная юриспруденція» Шапира и «О правѣ на жизнь» Шульговскаго.

Фотографическій кружокъ—для чтенія рефератовъ по спеціальности фотографіи и для проявленія снимковъ; занятіями руководитъ лаборантъ, г. Индриксонъ.

Кромѣ перечисленныхъ кружковъ, при университетѣ организованы еще курсы атлетики и шведской гимнастики подъ наблюденіемъ И. В. Лебедева и музыкальный комитетъ съ извѣстнымъ студенческимъ оркестромъ (около 150 чел.) и хоромъ (около 250 чел.).

При университетскомъ «Отчетѣ» нашли себѣ мѣсто и «отчеты» ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ. Въ виду того, что протоколы засѣданій этихъ обществъ не всегда какъ-то дѣлаются извѣстными путемъ періодической печати и такимъ образомъ ускользаютъ отъ общаго вниманія, мы позволяемъ себѣ остановиться на нихъ побольше. Въ «Отчетѣ» ихъ указано—пять.

1) Неофилологическое общество. Дѣятельность его въ сравненіи съ предыдущими годами значительно расширилась, въ виду чего приступлено къ пересмотру устава. Число дѣйствительныхъ членовъ достигло до 232. Общихъ собраній состоялось семь, гдѣ было заслушано 13 докладовъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляли слѣдующіе: А. Н. Веселовскаго «Жуковскій и романтизмъ», «Жуковскій о Байронѣ, Гете и Шиллерѣ», К. Ѳ. Тіандера и О. М. Калласа «О Ленротѣ» (по поводу исполнившагося 9 апрѣля 100-лѣтія со дня его рожденія), П. И. Вейнберга «Русскіе переводы Фауста и отрывки новаго перевода въ прозѣ», З. А. Венгеровой «О Эмилѣ Золя» и В. В. Сиповскаго «Эволюціонный методъ въ приложеніи къ русской письменности». Лингвистическое отдѣленіе общества имѣло 2 засѣданія, а педагогическое отдѣленіе собиралось 7 разъ, при чемъ докладовъ было сдѣлано 13; при послѣднемъ отдѣленіи организованы двѣ серіи безплатныхъ вечернихъ лекцій для преподавателей русскаго и новыхъ иностранныхъ языковъ, а именно приватъ-доцентъ С. К. Буличъ читалъ курсъ по общей фонетикѣ и Г. Н. Френевъ о первоначальномъ преподаваніи русскаго языка.

2) Физическое отдѣленіе (при русскомъ физико-химическомъ обществѣ). Въ началѣ года особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, выработала проектъ правилъ отдѣленія въ виду измѣненія устава Русскаго физико-химическаго общества, и согласно имъ произведены были выборы должностныхъ лицъ, именно въ предсѣдатели — Н. А. Гезехуса, въ товарищи его—Н. Г. Егорова, въ казначеи—В. В. Лермантова, въ редакторы физическаго отдѣла журнала Русскаго физико-химическаго общества Н. А. Булгакова и друг. Отдѣленіе имѣло 11 очередныхъ засѣданій, на кото-

рыхъ сдѣлано 33 научныхъ сообщенія. По предложенію И. И. Боргмана въ программу засѣданій введены научные рефераты. Въ «Журналѣ Русскаго физико-химическаго общества» по физическому отдѣлу помѣщено 29 оригинальныхъ статей и 69 рефератовъ. Заявили о желаніи вступить въ члены 20 лицъ.

3) Отдѣленіе химіи (при томъ же обществѣ). Новыхъ членовъ поступило 32, и всего къ 1903 году числится 365. Доходы въ 1902 году выразились цифрою 4.669 рублей 72 коп., а расходы — 4.314 рублей 36 коп. Главнымъ расходомъ является изданіе «Журнала Русскаго физико-химическаго общества». Годъ закончился безъ дефицита, благодаря лишь субсидіи изъ средствъ университета. Въ 1902 году было 9 очередныхъ и одно общее засѣданіе; на нихъ было доложено 154 сообщенія, краткія извлеченія изъ которыхъ помѣщены въ «протоколахъ» отдѣленія. Н. М. Витторфу выдана малая премія имени А. М. Бутлерова.

4) Общество естествоиспытателей. Въ истекшемъ году общество выдало 3 преміи за научныя изслѣдованія, а именно: золотую медаль имени его императорскаго высочества великаго князя Александра Михайловича В. П. Амалицкому за раскопки по побережью Сѣверной Двины и 2 преміи имени К. Ѳ. Кеслера въ 500 рублей—одну Н. Н. Сомову за сочиненіе «Орнитологическая фауна Харьковской губерніи», другую—П. П. Сушкину за сочиненіе «Къ морфологіи скелета птицъ. Сравнительная остеологія дневныхъ хищныхъ птицъ и вопросы классификаціи». Общество имѣло 3 общихъ собранія, изъ которыхъ одно (26 ноября) всецѣло было посвящено памяти покойнаго А. Н. Бекетова. Число членовъ къ концу года было: по отдѣленію ботаники—121, по отдѣленію зоологіи и физіологіи—206 и по отдѣленію геологіи и минералогіи—150. Въ теченіе года засѣданій было: по первому отдѣленію — восемь съ 26 сообщеніями, по второму—четыре засѣданія съ 9 сообщеніями и по третьему — пять засѣданій съ 18 сообщеніями. Въ отчетномъ году при обществѣ функціонировали двѣ станціи: прѣсноводная бологовская и морская мурманская, на которыхъ производились зоологическія изслѣдованія.

5) Русское антропологическое общество. Въ теченіе года было четыре засѣданія, съ докладами Богораза, графа Бобринскаго, Чепурковскаго, Могилянскаго и проф. II. Н. Смирнова.

Переходя теперь къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ при университетѣ (физіологическая лабораторія, зоотомическій кабинетъ, анатомо-гистологическій кабинетъ и др.), мы не будемъ касаться ихъ дѣятельности, такъ какъ спеціальность ихъ совершенно не подходитъ къ программѣ нашего журнала, и ограничимся лишь указаніемъ на учрежденіе въ отчетномъ году при университетѣ почвеннаго (педологическаго) музея и общества землевѣдѣнія.

Инициатива учрежденія музея принадлежитъ профессорамъ Земятченскому и Иностранцеву. Назначеніе его—содѣйствовать изученію почвенныхъ свойствъ разныхъ мѣстностей, столь разнообразныхъ, особенно въ Россіи. Важно поэтому научно-теоретическое значеніе музея: при пользованіи этимъ учрежденіемъ, изученіе соотвѣтственныхъ отдѣловъ геологіи, физической географіи и агрономіи можетъ получить иной видъ и другое содержаніе. Но, кромѣ того, музей

можетъ пойти навстрѣчу потребностямъ и практическаго характера: онъ можетъ содѣйствовать установленію точныхъ данныхъ для производства кадастра. Такое содѣйствіе тѣмъ болѣе своевременно, если принять во вниманіе, что по закону 4 мая 1899 года земствамъ вмѣнено въ обязанность произвести оцѣнку сельско-хозяйственныхъ и другихъ недвижимостей.

Другой же новый органъ: общество землевѣдѣнія,—организованъ по мысли физико-математическаго факультета и въ частности проф. Броунова. Основная дѣятельность его—содѣйствіе развитію землевѣдѣнія, какъ науки, въ особенности развитію географіи Россіи, на первыхъ порахъ географіи мѣстнаго края; а также содѣйствіе правильной постановкѣ преподаванія географіи въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, этотъ предметъ далеко не занимаетъ подобающаго ему положенія.

Наша замѣтка была бы не полна, если бы мы обошли молчаніемъ отчетъ о состояніи университетской библіотеки. Она обогатилась за годъ на 4.746 названій въ 8.954 томовъ, стоящихъ приблизительно 19.868 рублей 59 коп. Такимъ образомъ къ 1 января 1903 года въ библіотекѣ состоитъ 149.320 названій въ 315.681 том. приблизительно на 724.514 рублей 2 коп. Наиболѣе крупнымъ пожертвованіемъ въ отчетномъ году было пожертвованіе наслѣдниковъ покойнаго профессора А. В. Совѣтова; изъ его коллекціи въ библіотеку поступило 361 названіе въ 530 том., главнымъ образомъ, по сельскому хозяйству.

Насколько развита дѣятельность библіотеки, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: въ теченіе года изъ нея было выдано 24.602 названія въ 29.034 томахъ, то-есть среднимъ числомъ въ день 136 названій. Билетовъ же на право пользованія книгами было выдано 11.459.

Университетская библіотека давнымъ давно пользуется популярностью среди трудящагося юношества; ею гораздо удобнѣе пользоваться, чѣмъ Публичной библіотекой, и поэтому очень отрадно, что она замѣтно пополняетъ свои полки новыми пріобрѣтеніями и заботливо ежегодно издаетъ «списки книгъ». Основной же каталогъ библіотеки есть прямо цѣнный вкладъ въ библіографическую литературу.

Заканчивается университетскій «Отчетъ» рѣчью профессора В. В. Бартольда «Теократическая идея и свѣтская власть въ мусульманскомъ государствѣ», произнесенной имъ на актѣ, и запиской о наградахъ за сочиненія студентовъ на темы, предложенныя факультетами. Всего въ истекшемъ году было представлено 29 сочиненій; изъ нихъ золотыми медалями награждены—8 сочиненій, серебряными — 9, почетными отзывами — 9, одно сочиненіе удостоено преміи въ память «перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей», и 2 сочиненія наградъ не удостоены.

Въ краткихъ чертахъ, насколько то позволилъ объемъ журнальной замѣтки, мы сдѣлали обзоръ годовой жизни Петербургскаго университета.

Обзоръ этотъ наглядно показываетъ, что въ университетѣ большинство молодежи дѣйствительно занимается наукой, серьезно и плодотворно. Эта-то молодежь и есть наша гордость и будущая опора, и она безусловно поборетъ

тѣхъ своихъ пасынковъ, которые такъ беззастѣнчиво проповѣдываютъ въ разныхъ «наброскахъ», что въ университетахъ де теперь не ищи ни науки, ни профессоровъ, ни добросовѣстныхъ студентовъ. **В. Городецкій.**

Олонецкій сборникъ. Матеріалы для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Олонецкаго края. Выпускъ IV. Петрозаводскъ. 1902. — Памятныя книжки Олонецкой губерніи: 1) на 1902 г. и 2) на 1903 г. Изданіе Олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ дѣйств. чл.-секр. комитета И. И. Благовѣщенскій. Петрозаводскъ. 1902—1903.

«Памятныя книжки» губерній, какъ извѣстно, были и есть чисто офиціальныя, справочныя изданія, въ которыхъ лишь изрѣдка попадались сообщенія историческаго характера. Ту же, конечно, цѣль преслѣдовали и составители «Памятныхъ книжекъ Олонецкой губерніи», начавшихъ выходить въ свѣтъ съ 1856 г. Черезъ тринадцать лѣтъ выпускъ этихъ «книжекъ» прекратился; ихъ замѣнили «Олонецкіе сборники», съ болѣе разнообразнымъ содержаніемъ и съ значительнымъ числомъ статей историческаго и этнографическаго характера; но, къ сожалѣнію, «Сборниковъ» этихъ за время съ 1869 по 1902 г. вышло всего лишь четыре выпуска, изъ которыхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ послѣдній, вышедшій въ 1902 году.

Въ 1902 г. исполнилось ровно сто лѣтъ со времени образованія Олонецкой губерніи въ нынѣшнемъ ея составѣ, а въ августѣ 1903 г. исполняется 200 лѣтъ со дня основанія г. Петрозаводска, именовавшагося первоначально болѣе 70-ти лѣтъ Петровскою слободою.

Этимъ, конечно, съ одной стороны, и объясняется появленіе въ свѣтъ послѣ восьмилѣтняго перерыва сразу, въ теченіе двухъ лѣтъ, трехъ довольно крупныхъ и цѣнныхъ по своему содержанію изданій статистическаго комитета. Съ другой стороны, Олонецкій статистическій комитетъ долженъ быть признателенъ за выпускъ указанныхъ изданій вниманію къ подобнаго рода трудамъ губернатора В. А. Левашева и трудолюбію и знаніямъ одного изъ видныхъ мѣстныхъ изслѣдователей и историковъ края, И. И. Благовѣщенскаго, который одинъ въ короткое время вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этой весьма нелегкой работы.

Въ виду до нѣкоторой степени юбилейнаго характера вышеназванныхъ изданій Олонецкаго статистическаго комитета и важности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, мы и рѣшаемся ознакомить съ ихъ содержаніемъ читателей «Историческаго Вѣстника», останавливаясь лишь на статьяхъ и матеріалахъ историческихъ и этнографическихъ.

На первомъ планѣ въ «Олонецкомъ сборникѣ» находимъ 8 документовъ (попреимуществу воеводскихъ «отписокъ»), перепечатанныхъ изъ «Актовъ Московскаго государства, изданныхъ академіею наукъ» и относящихся къ 1614—1714 гг.; челобитную солдатъ Туломозерской волости «о прекращеніи продажи вина въ ихъ волости» (сообщилъ А. П. Вороновъ изъ рукописей

С.-Петербургской археографической комиссіи), и три царскихъ грамоты Кенскому монастырю, конца XVII столѣтія.

Затѣмъ обращаютъ на себя вниманія историческій очеркъ Д. Островскаго—«Каргопольскіе бѣгуны» и небольшая статейка А. Георгіевскаго, подъ заглавіемъ: «Народная демонологія». Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ вполнѣ умѣстныхъ перепечатокъ, какъ, напримѣръ, статьи В. И. Семевскаго: «Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ въ 1761—1779 гг.», К. М. Петрова: «Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 году» (съ примѣчаніями составителя «Сборника») и др.,—заслуживаютъ упоминанія «Легенды олонецкія» (числомъ 10), записанныя Г. И. Куликовскимъ и В. Харузиной и статья И. И. Благовѣщенскаго «Ученыя изслѣдованія въ Олонецкой губерніи».

Въ «Памятной книжкѣ на 1902 г.» въ интересующемъ насъ отдѣлѣ: «Исторія и этнографія», наиболѣе цѣнною является статья И. И. Благовѣщенскаго—«Образованіе Олонецкой губерніи, управленіе ея за столѣтіе (1802—1902 г.) существованія», съ приложеніями: 1) хронологическимъ спискомъ губернаторовъ и вицегубернаторовъ, 2) хронологіею болѣе замѣчательныхъ событій и 3) свѣдѣніями о гербахъ губерніи и городовъ. Несмотря на сжатость изложенія, авторъ сумѣлъ отмѣтить и освѣтить съ достаточною точностію и яркостію всѣ болѣе или менѣе выдающіяся событія губерніи за столѣтіе ея существованія.

Перу того же неутомимаго изслѣдователя И. И. Благовѣщенскаго принадлежитъ и слѣдующая статья «Книжки»—«Олонецкая епархія (краткія историческія свѣдѣнія)».

Далѣе небезынтересными являются статьи: «Олонецкая гимназія» (И. Д. Ламанскаго), преобразованная изъ главнаго народнаго училища въ 1808 году, «Олонецкая духовная семинарія» (Д. В. Островскаго), открытая въ 1829 году, и «Краткій очеркъ народнаго образованія въ Олонецкой губерніи въ XIX столѣтіи», въ которомъ, къ великому нашему сожалѣнію, авторъ, свящ. Н. Чуковъ, ограничился лишь сообщеніемъ статистическихъ данныхъ о количественномъ ростѣ учебныхъ заведеній, между тѣмъ какъ эта тема могла бы и даже должна бы вызвать цѣлое изслѣдованіе, основанное на архивныхъ, еще не затронутыхъ, по большей части, матеріалахъ.

Менѣе, сравнительно, историческаго матеріала заключаетъ въ себѣ вторая «Памятная книжка» на 1903 г.; въ ней находимъ лишь статьи: «Историческая дорога», составл. на основаніи подробнаго изслѣдованія В. П. Мегорскаго—«Осударева дорога» (Петрозаводскъ, 1903 г.), т.-е. дорога, по которой Великій Преобразователь съ 4.000 войска и двумя фрегатами совершилъ переходъ черезъ тундры и болота, лѣса и рѣки, на протяженіи 160 верстъ отъ поморскаго (на Бѣломъ морѣ) сел. Нюхчи до города Повѣнца (на сѣв. берегу Онежскаго озера), и, благодаря этому, безпрепятственно добрался до г. Старой Ладоги, затѣмъ взялъ Орѣшекъ и завладѣлъ всею Невою; далѣе—«Знаменательная двухсотлѣтняя годовщина Петрозаводска»; «Петровскій общественный садъ и его достопримѣчательности» и «Петропавловскій соборъ въ г. Петро-

заводскѣ». Всѣ названныя статьи, повидимому, принадлежатъ перу составителя «Памятной книжки».

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на живое и ясное изложеніе многихъ статей и почти полное отсутствіе опечатокъ, которыхъ избѣгаютъ лишь очень рѣдкія провинціальныя изданія. **В. Рудаковъ.**

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Выпускъ первый (2-е испр. изд.). М. 1903.

Книга извѣстнаго библіографа г. Языкова — полезная подготовительная работа для біо- и библіографическаго словаря русскихъ писателей. Когда-то, давно, лѣтъ 20 тому назадъ, г. Языковъ возымѣлъ мысль послѣ каждой литературной смерти сообщать краткія біографическія данныя, перечень трудовъ и указанія на статьи и замѣтки объ умершемъ. Подобный «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» появился, какъ приложеніе къ нашему журналу въ 1884 г. (кн. 11—12). Въ него вошли свѣдѣнія о писателяхъ, умершихъ въ 1881 году. Затѣмъ «Обзоръ» вышелъ въ отдѣльномъ изданіи. За этой первой частью послѣдовали и другія, но первая составляла предметъ особаго вниманія г. Языкова, и онъ не разъ возвращался къ ней съ поправками и дополненіями. И настоящее 2-е изданіе выходитъ въ значительно дополненномъ и исправленномъ видѣ. Въ «Обзоръ» внесены, по плану составителя, по возможности, всѣ авторы, умершіе въ 1881 году, хотя бы они участвовали только въ періодическихъ изданіяхъ; отмѣчены не только отдѣльно изданныя ими книги или брошюры, но также журнальныя и даже газетныя статьи.

Библіографическіе труды требуютъ къ себѣ особаго отношенія, особой оцѣнки. Пропуски и недостатки неизбѣжны въ подобнаго рода трудахъ, но пользующіеся ими должны быть признательны и за то только, что даютъ эти труды, лишь бы не было невѣрности въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ. «Обзоръ» г. Языкова—вполнѣ надежное руководство, но и въ немъ встрѣчаются неизбѣжные пропуски. Особенно ихъ много въ указаніяхъ на біографическую и критическую литературу о писателяхъ. Не стоитъ перечислять пропуски, такъ какъ книга полезна уже по тому, что̀ она даетъ, независимо отъ возможныхъ пробѣловъ. **Щ.**

Д. А. Ровинскій. Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII вѣка. Описаніе фейерверковъ и иллюминацій. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1903.

Въ этой книгѣ напечатаны двѣ работы покойнаго Д. А. Ровинскаго: «Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII вѣка» и «Описаніе фейерверковъ и иллюминацій».

Опытъ по исторіи русской религіозной живописи былъ напечатанъ въ первый разъ въ 1856 году въ VIII томѣ «Записокъ» археологическаго общества.

Несмотря на то, что со времени появленія труда Ровинскаго прошло почти пятьдесятъ лѣтъ, онъ далеко не утратилъ своего важнаго значенія. И до сихъ поръ онъ является необходимымъ и незамѣнимымъ для всякаго, изучающаго исторію русской иконописи. Конечно, изслѣдованіе Ровинскаго отстало отъ современной науки въ деталяхъ, но общій ходъ исторіи русскихъ иконописныхъ школъ изложенъ вѣрно на основаніи обильнѣйшихъ матеріаловъ. Поэтому нельзя не порадоваться появленію новаго изданія, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіе, запрятанное въ спеціальный журналъ, было трудно находимо и давно уже считалось библіографической рѣдкостью. Новое изданіе имѣетъ еще преимущество передъ старымъ. Работа Ровинскаго напечатана въ первоначальномъ видѣ безъ сокращеній, сдѣланныхъ безъ согласія автора редакціею «Записокъ». А мѣста, выпущенныя въ прежнемъ изданіи, касаются важныхъ вопросовъ о вліяніи итальянской живописи на русскую иконопись, о греческомъ и корсунскомъ иконномъ письмѣ, о нѣкоторыхъ строгановскихъ и о приписываемыхъ Андрею Рублеву иконахъ, о дѣлѣ дьяка Висковатаго.

Въ предисловіи къ описанію фейерверковъ и иллюминацій Ровинскій разсказываетъ, какъ любовь пускать фейерверки смѣнилась у него на страсть собирать описанія фейерверковъ и иллюминацій, которые такъ потѣшали нашихъ предковъ. Въ напечатанной теперь работѣ Ровинскаго представлены результаты его поисковъ. Книга послужитъ цѣннымъ руководствомъ для всѣхъ любителей и собирателей, но, кромѣ того, за ней нужно признать и то значеніе, что она представляетъ страничку изъ культурной исторіи XVIII вѣка, той исторіи, въ которой играли роль и «потѣшные огни».

Къ книгѣ приложенъ великолѣпно исполненный портретъ Д. А. Ровинскаго, отпечатанный съ доски, гравированной И. П. Пожалостинымъ.

Щ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1903 годъ. Книга 3-я (206-я). М. 1903.

Среди историческихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ третьей книгѣ «Чтеній», находимъ второй выпускъ предпринятаго г. Шумаковымъ изданія сотницъ, грамотъ и записей, заключающій въ себѣ костромскія сотницы 7068—7076 годовъ, и извлеченія изъ матеріаловъ, относящихся до томскаго бунта 1648 года. Эти матеріалы отчасти разъясняютъ фактическую исторію этого бунта, находящагося въ какой-то связи съ извѣстными московскими смутами 1648 года; отчасти сообщаютъ много бытовыхъ подробностей о служилыхъ людяхъ въ Сибири, о значеніи и предѣлахъ власти воеводскихъ товарищей и проч. Матеріалы извлечены г. Оглоблинымъ, которому принадлежитъ статья о томскомъ бунтѣ 1637—1638 гг., напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1901 г., кн. 7) и служащая какъ бы введеніемъ въ исторію томскаго бунта 1648 года.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ историко-литературныхъ г. Бѣлокуровъ напечаталъ по двумъ рукописямъ житіе преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, написанное

«неизвѣстнымъ». Оно принадлежитъ къ числу лучшихъ образцовъ житійной литературы и было извѣстно намъ въ одной редакціи; печатаемое нынѣ житіе является не спискомъ, а особой редакціей, съ своеобразными отличіями въ составѣ и слогѣ. Отдѣлъ «изслѣдованій» отведенъ двумъ работамъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить отдѣльно: это—изслѣдованіе о щеголихахъ въ сатирической литературѣ XVIII вѣка, принадлежащее г. Покровскому, и окончаніе обширнаго труда г. Бѣлокурова о Юріи Крижаничѣ. Въ смѣси, какъ всегда, напечатаны мелкіе историческіе документы изъ актовъ собранія Н. Ф. Самарина и собственноручная записка царя Алексѣя Михайловича. Наконецъ въ отчетѣ о девятомъ присужденіи преміи Г. Ф. Карпова напечатанъ подробный, написанный г. Лаппо, разборъ удостоеннаго преміи труда профессора Любавскаго: «Литовско-русскій сеймъ». Щ.

«Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ», «Царевна лягушка», «Перышко Финиста ясна-сокола», «Василиса прекрасная». Рисунки И. Я. Билибина. Спб. 1902.

Представимъ себѣ, что какой нибудь художникъ задумалъ бы сочинить къ русскимъ простонароднымъ сказкамъ иллюстраци въ духѣ старинныхъ нѣмецкихъ гравюръ или французскихъ рисунковъ стиля рококо и т. д. Получилось бы, навѣрное, нѣчто самое несуразное и дикое, несмотря, быть можетъ, на талантъ художника, на красоту композиціи или симфонію колорита, если картины написаны красками. И произошло бы это вслѣдствіе нарушенія того основного правила, по которому художникъ-иллюстраторъ можетъ пользоваться только тѣми техническими средствами, какими пользовался и самъ авторъ словеснаго произведенія.

Авторъ русскихъ сказокъ—лицо собирательное. Создавшій ихъ народъ живописалъ словами съ такой простотой, съ такимъ эпическимъ спокойствіемъ и наивной пластикой, что подражать ему можно только при посредствѣ тѣхъ же изобразительныхъ пріемовъ. Возьмемъ, напримѣръ, постоянные эпитеты въ родѣ «море синее», «лебедь бѣлая», «лѣсъ темный», «теремъ высокій», «коса шелковая», «вѣнецъ золотой» и т. д. Когда мы читаемъ былину или сказку, то въ нашемъ воображеніи рисуется непремѣнно такое синее море, а на немъ плаваютъ такіе бѣлые лебеди, что для передачи этого впечатлѣнія на рисункѣ необходимъ самый яркій ультрамаринъ и бѣлила безъ всякихъ полутѣней, даже безъ штриховъ и подробностей.

Мы привели наиболѣе яркій примѣръ того, какое взаимодѣйствіе можетъ и должно существовать между эпосомъ слова и эпосомъ живописи. Такую же связь между этими двумя областями искусства можно продолжить и до такихъ подробностей, которыя на первый разъ покажутся намъ утрировкой, карикатурой, перепониманіемъ.

Намъ кажется, что таковъ былъ тотъ путь, которымъ Билибинъ пришелъ къ своимъ великолѣпнымъ иллюстраціямъ. Онъ не сталъ изучать старинныхъ костюмовъ, памятниковъ архитектуры, вооруженія и прочихъ археологическихъ

предметовъ. Онъ просто проникся духомъ русскихъ сказокъ, онъ сдѣлался на время простодушнымъ мистикомъ, перенесся въ таинственный міръ сказочныхъ чудесъ и вынесъ изъ него такой стройный и правдоподобный колоритъ прекрасныхъ произведеній народнаго творчества, что въ своихъ рисункахъ передаетъ его каждому зрителю. Едва ли, впрочемъ, и возможны были бы какія нибудь изученія вещественной старины, сохранявшейся отъ нашего сказочнаго эпоса. Онъ стоитъ внѣ времени, и художнику остается передавать только настроеніе сказочной обстановки, скрывая свою личность за тѣми эпическими и фантастическими чертами, которыми блещутъ наши сказки. Однимъ словомъ, г. Билибинъ сдѣлался «сказочникомъ въ живописи». Онъ такъ же вѣритъ въ возможность существованія ярко-красныхъ коней, золотыхъ птицъ, синяго моря и разныхъ сверхъестественныхъ силъ природы, какъ и безвѣстный творецъ нашей сказки.

Иллюстраціи Билибина отличаются, кромѣ того, и чисто-художественными достоинствами. Особенно хороши по живописи слѣдующіе рисунки: Иванъ-царевичъ и издыхающая щука-рыба, Иванъ-царевичъ находитъ стрѣлу («Царевна-лягушка»), Василиса видитъ бѣлаго всадника, Черный всадникъ («Василиса Прекрасная»), Красная дѣвица предъ городомъ («Перышко Финиста») и нѣкоторые рисунки съ пейзажами въ сказкѣ объ Иванѣ-царевичѣ. Интересны также всѣ заставки, иниціалы и декоративныя детали, украшающія каждую почти картинку. Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если въ заключеніе замѣтимъ, что Билибинъ сдѣлалъ для русской сказки то же самое, что Васнецовъ и отчасти Нестеровъ для религіозной живописи, а Суриковъ и Рерихъ для исторической.

А. И. Яцимирскій.

Ефременковъ. Замѣтки изъ исторіи славянофильства. Воронежъ. 1902.

«Изъ записной книжки празднаго головотяпа» — такое заглавіе было бы гораздо болѣе подходящимъ для этого несравненнаго произведенія воронежскаго «историка». Трудно себѣ объяснить, что̀ могло подвигнуть (жажда славы, быть можетъ) мирнаго обывателя богоспасаемаго града Воронежа опубликовать во всеобщее свѣдѣніе весь накопившійся въ его записной книжкѣ запасъ благоглупостей, да еще пристегнуть къ нимъ ни въ чемъ тутъ неповинную «исторію». Самъ г. Ефременковъ, впрочемъ, очень высокаго мнѣнія о своей учености. О славистахъ, въ родѣ Шафарика, Флоринскаго, Пыпина, онъ говоритъ не иначе, какъ съ презрительнымъ плечепожатіемъ. Въ отзывахъ г. Ефременкова о каждомъ изъ нихъ такъ и слышится: «А жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ». Да, жаль, что они не были знакомы съ великимъ открытіемъ, которое спѣшитъ повѣдать міру воронежскій «историкъ». Открытіе это заключается въ томъ, что мы, въ сущности, не славяне, а тюрки, и нашъ языкъ не столько славянскій, сколько тюркскій. «Можно надѣяться,—вѣщаетъ воронежскій ученый,—что въ двадцатомъ вѣкѣ разсѣется понемногу мракъ нашего феноменальнаго невѣжества по востоковѣдѣнію, доходящее (sic!) до того, что мы, употребляя сплошь и рядомъ тюркскія слова въ

обыденной жизни, пишемъ ученые якобы трактаты о словянскомъ (sic!) происхожденіи этихъ словъ, и это на протяженіи почти 200-лѣтняго періода: отъ Третьяковскихъ до Флорянскихъ!»... На настоящій путь славяновѣдѣніе вступитъ лишь съ того момента, какъ слависты пойдутъ по стопамъ г. Ефременкова и воспользуются его ученымъ открытіемъ, которое онъ безкорыстно отдаетъ въ полное распоряженіе ученаго міра, съ тѣмъ, чтобы «разсѣять мракъ нашего феноменальнаго невѣжества». Не беря на себя детальной разработки вопроса о тюркскомъ происхожденіи всѣхъ русскихъ «обыденныхъ словъ», г. Ефременковъ ограничивается лишь для поясненія своей идеи «сообщеніемъ кое-какихъ знакомыхъ ему восточныхъ корней и словъ, прочно вошедшихъ въ русскій языкъ». Приводимъ нѣсколько изъ такихъ «тюркскихъ словъ, прочно вошедшихъ въ русскій языкъ», по довольно длинному списку воронежскаго лингвиста. Мюдрик — мудрый, мур — муравей, санаат—занятіе, садад—задача, мадер—мать, акд—заключеніе условія, актъ (тоже тюркское слово!), казие — случай, «оказія» (тоже тюркское!). А вотъ нѣсколько примѣровъ болѣе глубокомысленныхъ и тонкихъ научно-лингвистическихъ соображеній воронежскаго ученаго: «Пост—постъ (занимаемая должность, также кожа для подстилки), извѣстенъ восточный обычай сидѣть на полу, на постланной кожѣ, коврѣ и т. п.». «Пустеки — овечья кожа (фигурально — «пустыя дѣла» — пустяки)». «Узубр — учить на память, зубрить». «Сафиет—на здоровье! Откуда происходитъ народный привѣтъ: салфетъ вашей милости!». «Гараз —намѣреніе, гнѣвъ («угораздило»)». «Аля (иногда выговар. алля)—на подобіе (передѣлано неправильно въ à la, офранцужено, какъ употребляется, напримѣръ, à la mode, вмѣсто ala mode»)».

«Въ 1903 году, какъ извѣстно,—пишетъ г. Ефременковъ,—будетъ выдана академіей наукъ премія за работу по разысканію тюркскихъ словъ и корней, вошедшихъ въ нашъ языкъ».

Г. Ефременковъ, конечно, только изъ скромности умалчиваетъ объ имени будущаго счастливаго лауреата... Въ добрый часъ, г. Ефременковъ! «Салфетъ вашей милости»!... X. Y. Z.

Левъ Мороховецъ, профессоръ императорскаго Московскаго университета. Исторія и соотношеніе медицинскихъ знаній. Съ 527 рисунками въ текстѣ. Москва. 1903.

Каждая наука имѣетъ свою исторію, и едва ли найдется у иной науки прошлое, столь богатое въ бытовомъ отношеніи, нежели у медицины. Тутъ и пріемы лѣченія старыхъ временъ, иногда причудливые, иногда чудовищные, тутъ и связь съ зачатками естественныхъ наукъ—магіей и алхиміей; тутъ и галлерея портретная лицъ, пытавшихся отвоевать у смерти и страданія не только тысячи заурядныхъ людей, но и различныхъ великихъ міра сего. Нужно отдать полную справедливость г. Мороховцу, что съ точки зрѣнія общаго интереса онъ сумѣлъ придать своей книгѣ полную привлекательность; спеціальной стороны труда мы не касаемся, хотя за него, повидимому, говоритъ имя автора. Книга снабжена массой рисунковъ, снимковъ съ картинъ, напи

сана содержательно и популярно, затрогиваетъ не только исторію развитія самаго знанія, но и бытовую обстановку лѣчившихъ и лѣчившихся, учившихъ медицинѣ и учившихся. Въ заключеніе въ книгѣ даже помѣщена цѣлая глава, посвященная врачебной этикѣ съ указаніемъ основъ взаимныхъ отношеній врачей и общества.

Весь трудъ представляетъ собою обработку лекцій, читанныхъ студентамъ медикамъ Московскаго университета. Содержаніе его составлено на основаніи многочисленнаго печатнаго матеріала по исторіи медицины, при чемъ въ введеніи авторъ даетъ указатель важнѣйшей литературы данной области. Руководящей нитью всей работы г. Мороховца является стремленіе представить послѣдовательное развитіе медицинскихъ знаній, при чемъ историческія лица служатъ какъ бы путеводными вѣхами. Поэтому въ разсматриваемой книгѣ исторія медицины идетъ параллельно съ развитіемъ свѣдѣній человѣчества въ сферѣ физіологіи прежде всего. Главнѣйшее мѣсто, конечно, отведено европейской медицинѣ, но есть указанія и на врачеваніе Востока, до многаго дошедшаго эмпирическимъ путемъ; имѣются также свѣдѣнія о лѣченіи шаманствомъ и другихъ пріемахъ врачеванія, основанныхъ по невѣжествѣ и суевѣріи. Въ общемъ поэтому книга г. Мороховца интересна не только для врача, но и для всякаго лица, интересующагося исторіей человѣческой культуры. **А. Г.**

Die Rassenschönheit des Weibes, von D-r C. H. Stratz. Stuttgart. 1902.

Эта изящно отпечатанная книга, вышедшая вторымъ изданіемъ и снабженная 233 фотографіями и одной картой, представляетъ собраніе данныхъ о красотѣ женщинъ и соматическихъ ихъ особенностяхъ на основаніи наблюденій автора въ разныхъ странахъ и среди разныхъ племенъ. Авторъ много путешествовалъ по Америкѣ, Южной Африкѣ, Австраліи и воспользовался этимъ для намѣченной цѣли, хотя самъ онъ сознается, что собранный имъ матеріалъ не отличался полнотой. Онъ сообщаетъ свѣдѣнія о протоморфическихъ расахъ (американки, папуасы, айно и др.), главныхъ монгольскихъ и негритянскихъ племенахъ; изъ средиземной расы онъ упоминаетъ объ индіанкахъ, персіянкахъ, курдинкахъ и арабкахъ, переходитъ къ средиземно-монгольской смѣшанной расѣ (Сіамъ, Аннамъ, Самоа, Ново-Зеландія) и оканчиваетъ обзоръ перечисленіемъ трехъ группъ mittelländischen Unterrassen: африканская раса (египтянки, берберская вѣтвь и маврская вѣтвь), романская раса (испанки, итальянки, гречанки, француженки) и сѣверная раса (Данія, Скандинавія). Такимъ образомъ, Кавказъ отсутствуетъ. Авторъ пользуется работами разныхъ путешественниковъ для дополненія своихъ наблюденій о красотѣ «женщинъ», представленныхъ въ разныхъ позахъ и съ различными выраженіями на лицѣ.

А. Хах—овъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГЕЛІОГАБАЛЪ. Біографы римскаго императора Геліогабала, или Эліогабала, до сихъ поръ руководствовались лишь данными изъ сочиненій историковъ, питавшихъ къ нему непріязнь, или симпатизировавшихъ его противникамъ, какъ Лампридій, а также отцевъ церкви. Послѣдніе естественно тоже относились къ нему пристрастно, какъ къ иновѣрцу, и считали его даже антихристомъ. Теперь же новый трудъ [1]) Жоржа Дювикэ, прекрасно изучившаго ту римскую эпоху, придаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ поступкамъ этого юнаго императора, и, конечно, Геліогабалъ, если не совершенно обѣленъ, то во всякомъ случаѣ всѣ его дѣйствія подробно анализированы, и приведены причины, вызвавшія ихъ. Собственно имя этого императора было, какъ извѣстно, Маркъ Аврелій Антоній. Эліогабаломъ его называли потому, что его семья принадлежала къ извѣстной въ Эмесѣ религіи, почитавшей богомъ солнце, которое изображалось въ видѣ чернаго камня, названнаго Эліогабаломъ, и юный Маркъ былъ сдѣланъ великимъ жрецомъ. До провозглашенія его императоромъ онъ назывался Варій Авитъ Бассіанъ и родился въ сирійской семьѣ въ 201 г.; въ сущности же его считали сыномъ Каракаллы. Его мать, красавица Семіаса, была племянницей Юліи Домны, жены Септимія Севера. Красота четырнадцатилѣтняго мальчика такъ очаровала легіоны Эмеса, что они провозгласили его императоромъ, и хотя Макринъ пошелъ противъ него, но неудачно, такъ какъ былъ убитъ. Юный императоръ послѣ провозглашенія написалъ письмо сенату, что будетъ слѣдовать по стопамъ своего дѣда Септимія Севера. Всѣ историки говорятъ, что не было такого разврата, позора и жестокостей, которыхъ не изобрѣлъ бы Геліогабалъ. Къ удивленію римлянъ,

---

[1]) Heliogabale raconté par les historiens grecs et latins, par G. Duviquer. Paris. 1903.

онъ торжественно перевезъ въ Римъ свой «черный камень» съ вырѣзанными на немъ женскими формами, танцуя предъ нимъ во время пути, и заставилъ римлянъ и сенатъ поклоняться ему, т.-е. сдѣлалъ свою религію государственной. Въ Карагенахъ онъ воздвигнулъ статую лунѣ и праздновалъ съ пышностью бракъ своего «чернаго камня», т.-е. солнца съ луною. Съ современной точки зрѣнія это назвали бы психопатіей, съ точки же зрѣнія идолопоклонниковъ того времени это очевидно примѣнялось ко времени, когда солнце, какъ говорятъ, сходилось съ луною, т.-е. равноденствію. Воспитанный женщинами и самъ по природѣ женственный Эліогабалъ находился всегда подъ вліяніемъ женщинъ, и государствомъ управляли въ лицѣ его четыре женщины. Это были его бабка, Юлія Домна, женщина высокаго ума, другъ философовъ и защитница христіанства; другая бабка, Юлія Меза, его тетка, Юлія Маммеа, и мать, которая была способна лишь на сладострастіе. Въ то время, несмотря на суровый законъ, женщины сильно вліяли даже на политическія дѣла, при этомъ онѣ были богаты и набожны. Желая угодить своей любимой бабкѣ, онъ помѣстилъ среди различныхъ изображеній своихъ божествъ также икону Спасителя, хотя его умъ привлекали всевозможные языческіе боги. Подъ вліяніемъ Юліи Маммеи, матери Александра Севера, принимавшей участіе въ паденіи Макрина и самого же Эліогабала, съ цѣлью возвести на тронъ своего сына Александра Севера, онъ собралъ сенатъ изъ женщинъ. Этотъ сенатъ приносилъ, по словамъ автора, даже пользу, и одинъ разъ въ годъ онъ опредѣлялъ на всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ моду и церемоніалъ; императоръ Аврелій даже хотѣлъ возстановить этотъ сенатъ. Необыкновенную страсть Эліогабала къ пиршествамъ, какъ ее описываютъ историки, авторъ объясняетъ тѣмъ, что въ то время не существовало ни таможенъ, ни пошлинъ, а потому въ Римъ стекались всевозможные продукты, но не за такія безумныя цѣны, какъ теперь въ Парижѣ, и Римъ послѣ паденія Греціи сдѣлался представителемъ изящества и удобствъ. Обвиненія историковъ Эліогабала въ безнравственности и привлеченіи въ свой дворецъ всѣхъ проститутокъ и сутенеровъ авторъ оправдываетъ тѣмъ, что во время французской монархіи аристократки изъ всѣхъ силъ добивались вниманія короля, юный же Эліогабалъ наслаждался менѣе, чѣмъ подагрикъ Людовикъ XVIII, а римская аристократія не можетъ служить и намекомъ на ужины регентства. По словамъ Дювикэ, свободные костюмы того времени были скромнѣе современныхъ открытыхъ корсажей женщинъ, а бесѣды современной парижской молодежи, посѣщающей только публичные дома и «милыхъ созданій», далеко ушли впередъ отъ римской молодежи временъ Эліогабала. «Въ то время,—говоритъ авторъ,—всѣ функціи жизни совершались свободнѣе и были естественнѣе. Всѣ довольствовались совершенствомъ красоты; свободная одежда дѣлала походку степенной, а обычай совершать трапезу полулежа располагалъ ѣсть медленно, вести разговоръ и не разрушалъ организма. Устройство жилищъ съ колоннами давало возможность циркулировать воздуху, а гимнастика и ежедневныя бани давали сильную, здоровую расу, вслѣдствіе чего имъ нечего было стыдиться своей наготы». По мнѣнію Дювикэ, Эліогабалъ былъ только избалованный ребенокъ, которому съ дѣтства твердили о его будущей власти. Разыгрывая деспота, онъ лишь пополнялъ нѣсколько

монотонную пышность римскихъ оргій, согласно своему сирійскому нраву и еврейскому темпераменту, влюбленному въ тщеславіе и безвкусную пышность. Сильный, здоровый, довольствовавшійся еще только почти нормальнымъ удовольствіемъ, онъ не доводилъ, какъ Неронъ, свою нервность до садизма и жестокости. Насиліе надъ придворными не доставляло ему удовольствія. По рожденію принадлежа къ расѣ жрецовъ и считаясь великимъ жрецомъ, онъ желалъ брака съ весталкой; испытывая тысячи крайностей, онъ всетаки возвращался къ ней. Поразительно походя на женственнаго бога Адониса, онъ до самой смерти жаждалъ измѣнить свой полъ, или, по крайней мѣрѣ, просилъ сдѣлать себя гермафродитомъ. Всѣ его біографы говорятъ, что онъ приставалъ къ своимъ хирургамъ, прося ихъ превратить его въ существо женскаго пола, и, по словамъ Дювикэ, онъ дѣйствительно обладалъ какъ женской стыдливостью, такъ и пылкостью. Геліогабалъ любилъ силача Гіероклеса и забавлялся, возбуждая его ревность, съ благодарностью получая отъ него сильные удары кулакомъ и съ сладострастіемъ показывая синіе подтеки послѣ ссоръ и примиреній. Но онъ это дѣлалъ потому, что наслаждался въ своей слабости превосходствомъ настоящаго самца. Въ то время личность императора, его умъ и окружающія его лица были безразличны для римскаго народа. Ему нужны были лишь имя и фигура, чтобы тронъ не пустовалъ, и олигархія личнымъ соперничествомъ не отдала бы въ руки мятежниковъ имперіи, шедшей по инерціи тою дорогой, по которой ее велъ починъ первыхъ императоровъ. Тѣсный кругъ придворныхъ императора, исчезавшій вмѣстѣ съ нимъ, только одинъ былъ привязанъ къ его судьбѣ и, конечно, пользовался его ошибками. За отсутствіемъ правительства юрисконсульты писали законы для будущаго правосудія. Геліогабалъ, отдавшійся весь удовольствіямъ, предоставилъ полную свободу Ульпіану, Папиньяну и всѣмъ, которые старались составлять законы. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, послѣ четырехлѣтняго царствованія Геліогабала народъ усталъ отъ непристойностей и святотатства юнаго императора, тѣмъ болѣе, что его двоюродный братъ, Александръ Северъ, казался народу болѣе подходящимъ императоромъ. Тѣ же солдаты, которые возвели на престолъ Геліогабала и убили Макрина, ворвались во дворецъ, преслѣдовали своего избранника и его мать по ихъ покоямъ, пока не покончили съ ними въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ, а затѣмъ бросили ихъ трупы въ Тибръ.

— **Первое посѣщеніе Англіи главою французской націи.** Недавнее посѣщеніе Англіи президентомъ Французской республики, Лубэ, вызвало въ журналахъ появленіе различныхъ статей. Такъ въ «Revue hebdomadaire» была помѣщена статья Луи Батиффоля о первомъ посѣщеніи Англіи главою французскаго государства[1]). Этотъ первый визитъ былъ сдѣланъ при иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ настоящій. Въ то время Англія завоевала половину Франціи, и ея король, Іоаннъ Добрый, явился туда побѣжденнымъ и узникомъ, хотя былъ принятъ почтительно англійскимъ народомъ. Во вторникъ послѣ Пасхи, 16 апрѣля 1357 г., Іоаннъ Добрый, взятый въ плѣнъ 19 сентября 1356 года, во время пораженія при Пуатье, отплылъ изъ Бордо въ Англію.

---

[1]) Le premier voyage d'un roi de France, par Louis Batiffol. «La Revue hebdomadaire», 18 juillet 1903.

Этотъ плѣнъ былъ окруженъ со стороны Англіи всевозможною любезностью и вниманіемъ. Принцъ Уэльскій, сопровождавшій своего узника, устраивалъ для него великолѣпныя празднества и даже самъ прислуживалъ у стола. Громадный корабль сопровождала маленькая эскадра, на которой находились пятьсотъ вооруженныхъ солдатъ и двѣ тысячи стрѣлковъ отчасти для почета, но болѣе изъ предосторожности, чтобы не похитили короля. Плаваніе совершалось двадцать дней и двадцать ночей, и 5-го мая флотилія прибыла въ Плимутъ. Громадная толпа высыпала на берегъ и спокойно, съ любопытствомъ, наблюдала за подробностями высадки, что̀ продолжалось довольно долго. Потребовалось цѣлыхъ два дня, чтобы выставить всѣ вещи, высадить людей, вывести лошадей, дать всѣмъ отдохнуть и принять приличный видъ, послѣ чего устроилось пышное шествіе и медленно направилось къ Лондону. Только чрезъ мѣсяцъ они достигли столицы, дѣлая продолжительныя остановки и большой кругъ, чтобы проѣхать чрезъ Кантербюри и Рочестеръ. Наконецъ, утромъ 24-го мая они въѣхали въ Лондонъ. Городъ былъ украшенъ, и на улицахъ разгуливали громадныя, веселыя толпы. Въ девять часовъ показалось шествіе изъ французскихъ и англійскихъ вельможъ въ парадныхъ одеждахъ, верхами. За ними слѣдовалъ многочисленный эскортъ изъ стрѣлковъ и оруженосцевъ. Впереди находился Іоаннъ Добрый верхомъ на бѣломъ конѣ; видъ у него былъ суровый и равнодушный. Его толстое, смуглое лицо, съ коротко подстриженною бородою было грубо и невыразительно. Толпа собралась настолько густая, что процессія едва могла двигаться, и только послѣ полудня они добрались до Вестминстера, а оттуда до Савойскаго дворца герцога Ланкастерскаго, который предложилъ свое жилище для резиденціи французскаго короля. При Іоаннѣ Добромъ находился его сынъ Филиппъ, французскіе вельможи и штатъ слугъ, а также пекарь, виночерпій, фруктовщикъ, конюхи, фурьеры, поваръ, брадобрей, пажи и сокольники—въ общемъ около пятидесяти человѣкъ. Вечеромъ англійскій король вмѣстѣ съ королевой сдѣлали визитъ Іоанну Доброму. Они старались утѣшить короля, но онъ оставался попрежнему печаленъ. На другой день англичане вошли въ свою обычную колею, и потянулась прежняя монотонная жизнь: узникомъ болѣе не занимались. Иногда онъ катался въ лодкѣ по Темзѣ, но эти прогулки были ограничены, такъ какъ англійское правительство опасалось, что онъ спасется бѣгствомъ. Лондонъ же представлялъ мало интереснаго. Не одна монотонность лондонской жизни вызывала тоску у Іоанна Добраго, а также недостатокъ денегъ. Согласно обычаямъ того времени, англичане не платили расходовъ по содержанію плѣннаго короля; французскіе же финансы были такъ плохи, что деньги высылались, когда было возможно, неправильно, и король вскорѣ оказался въ стѣсненномъ положеніи. Надо было платить поставщикамъ, а для этого пришлось обратиться къ англійскому священнику, Вальтеру Гельброку, чтобы купить провизію, такъ какъ его личность представляла гарантію для торговцевъ. Вскорѣ бѣлье короля совершенно сносилось, и онъ нанялъ поденно швею, заказавъ ей сшить пять рубашекъ и шесть наволочекъ.

Затѣмъ онъ разомъ заказалъ сапожнику пять паръ башмаковъ, а чтобы покрыть такой расходъ, онъ не сдѣлалъ себѣ новой одежды, переправивъ старую, при чемъ старые плащи вымыли и освѣжили. Кромѣ этихъ затратъ, еще

явились непредвидѣнные расходы, какъ, напримѣръ, исправленіе разорваннаго переплета на Библіи, которую король носилъ всегда съ собою, и переплетчица Маргарита прибавила при этомъ три новыя застежки. Кромѣ того, герцогъ Ланкастерскій, опасаясь за чистоту своего дворца, не очень надѣясь на слугъ короля, посылалъ своихъ людей для уборки комнатъ, за что тоже надо было платить. Гдѣ было взять денегъ? Тогда королю пришла мысль распродать бочки бордоскаго вина. Вскорѣ онъ лишился и этого дохода, такъ какъ болѣе не было вина, и прибѣгнулъ къ займу, а потомъ и къ закладу вещей. Когда же изъ Франціи пришла незначительная сумма денегъ, то онъ отправилъ своего брадобрея выкупать вещи. Послѣднему было стыдно пойти самому, и онъ послалъ полицейскаго сержанта. Наконецъ король рѣшилъ, что если французы не могутъ достать денегъ, то, по крайней мѣрѣ, они должны присылать провизію, и во Францію полетѣли письма съ сѣтованіями. Тогда изъ Компьена былъ отправленъ транспортъ дичи, которую настрѣляли вельможи и насолили. Чтобы разсѣяться, король часто призывалъ любимаго трубадура Гюи Бинь Амуръ и слушалъ его пѣсни или повѣствованія о любовныхъ похожденіяхъ, игралъ въ шахматы и наслаждался печальными звуками органа, который онъ привезъ съ собою. Жизнь въ Лондонѣ стоила слишкомъ дорого, и, вѣроятно, по его просьбѣ англійскій король рѣшилъ, что Іоаннъ Добрый можетъ жить въ Виндзорѣ. Опять предстояли новые расходы—наемъ телѣжекъ для перевозки имущества французскаго короля. Жизнь въ Виндзорскомъ замкѣ Эдуарда III-го была пріятнѣе. Спокойныя удовольствія на чистомъ воздухѣ, охота, прогулки по Темзѣ на купленной королемъ лодкѣ, «нѣсколько маленькой, чтобы брать съ собою общество», быстрая верховая ѣзда, съ различными препятствіями, которую такъ любили люди той эпохи,—все это доставляло больше удовольствій, чѣмъ въ Лондонѣ. Кромѣ того, король предавался болѣе изящнымъ развлеченіямъ. Такъ одинъ изъ его лакеевъ, по имени Жераръ, умѣлъ рисовать, и король купилъ для него всѣ необходимыя принадлежности. Жераръ рисовалъ портреты придворныхъ и даже самого короля. Но эта тихая жизнь длилась недолго. По причинѣ ли того, что англійскій король хотѣлъ сохранить построенный имъ дворецъ для себя лично, или изъ боязни бѣгства своего царственнаго плѣнника, но Іоанна Добраго переселили въ Гертфордскій замокъ. Снова предстояли расходы, и съ этою цѣлью былъ сдѣланъ заемъ у госпожи Гареннь. Въ новой резиденціи французскому королю жилось сносно, потому что можно было охотиться. Отдаленность моря успокаивала Эдуарда III относительно бѣгства плѣнника; но вскорѣ первый опять сталъ подозрителенъ, и такъ какъ ему предстояла поѣздка во Францію, то онъ снова заставилъ французскаго короля перебраться въ Лондонъ и помѣстилъ его въ башнѣ, построенной Вильгельмомъ Завоевателемъ. Это былъ сумрачный крѣпко построенный замокъ съ узкими окнами и темными галлереями, болѣе походившій на тюрьму, чѣмъ на дворецъ. Несчастному королю приходилось тамъ жить до тѣхъ поръ, пока его сынъ, регентъ Франціи, не заключилъ позорнаго мира въ Бритиньи и не освободилъ отца. Авторъ со свойственной французамъ любезностью оканчиваетъ статью словами: «Это было печальное воспоминаніе. Но, помимо недовѣрія англійскаго короля въ концѣ плѣна Іоанна Добраго, пріемъ англичанъ былъ любезенъ и

предупредителенъ. Законъ учтивости и рыцарства того требовалъ, англійская же вѣжливость тому помогла».

— Бенвенуто Челлини во Франціи. Вскорѣ появится въ Парижѣ книга Пьера Бушо о жизни и произведеніяхъ знаменитаго ювелира и скульптора Бенвенуто Челлини. Теперь же въ «Nouvelle Revue» помѣщены пока отрывки [1]) изъ этого труда, касающіеся до его жизни въ Парижѣ. Послѣ безконечныхъ кутежей и бурнаго существованія съ дуэлями и убійствами Челлини былъ заключенъ въ замокъ св. Ангела, благодаря ложному доносу одного изъ рабочихъ, обвинившаго его въ кражѣ большей части драгоцѣнностей, которыя ему далъ для отдѣлки Климентъ VII, во время взятія Рима въ 1527 г. Папа Павелъ III, Фарнезе, ранѣе оказывавшій ему покровительство и освободившій его изъ тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ за различныя похожденія и убійства, на этотъ разъ самъ приказалъ запереть его въ тюрьму. Послѣ двухлѣтняго заключенія онъ былъ освобожденъ и въ декабрѣ 1539 г. покинулъ Римъ, верхомъ на лошади, данной ему кардиналомъ Феррарой, тоже уѣзжавшимъ изъ Рима. Челлини поѣхалъ во Францію чрезъ Витербу, съ цѣлью повидаться съ двумя двоюродными сестрами, одной настоятельницей, а другой казначейшей монастыря. Затѣмъ онъ направился въ Сіенну, гдѣ поссорился съ хозяиномъ гостиницы, котораго въ запальчивости закололь кинжаломъ. По этой причинѣ онъ поспѣшилъ покинуть городъ, чтобы избѣжать преслѣдованій губернатора Пикколомини, герцога Амальфскаго. Достигнувъ Флоренціи, Бенвенуто остался тамъ нѣсколько дней у любимой сестры, послѣ чего отправился въ Феррару, куда уже пріѣхалъ его покровитель, кардиналъ Феррара, сынъ Альфонса д'Эстэ, герцога Феррарскаго, и Лукреціи Борджіа. Какъ архіепископъ Милана, управитель папской церковной области и архіепископъ Ліона, онъ покровительствовалъ дѣламъ Франціи въ Римѣ и былъ членомъ тайнаго совѣта Франциска I-го. Онъ наживалъ громадныя деньги и былъ самымъ богатымъ прелатомъ, а потому его домъ былъ поставленъ на широкую ногу и открытъ для артистовъ, художниковъ и поэтовъ. Уѣзжая первый разъ во Францію, онъ оставилъ Челлини деньги, предназначенныя на исполненіе заказаннаго имъ серебрянаго таза и кувшина. По выходѣ изъ тюрьмы Челлини разыскалъ начатый имъ тазъ и далъ его окончить своимъ двумъ ученикамъ—Асканьо ди Тальякаццо и Паоло Романо, которые сопровождали его въ Феррару и во Францію. Что же касается до кувшина, то его украли во время заключенія Челлини въ тюрьмѣ. По прибытіи въ Парижъ, кардиналъ устроилъ ему аудіенцію у короля, и когда послѣдній увидѣлъ тазъ, то пришелъ въ такой восторгъ отъ художественнаго исполненія, что воскликнулъ: «Эта работа превосходитъ античную!» Онъ предложилъ Челлини поступить къ нему на службу съ годовымъ жалованьемъ въ триста золотыхъ. Эта сумма оскорбила Челлини, и онъ отправился обратно въ Италію. На дорогѣ его догнали посланные короля и вернули обратно. Король подарилъ ему пятьсотъ золотыхъ и предложилъ уже не триста, а семьсотъ золотыхъ въ годъ и заказалъ двѣнадцать серебряныхъ фигуръ, представляющихъ миѳологическихъ личностей и предназначенныхъ для канделябръ. Кромѣ того, король подарилъ ему еще замокъ Малый Нель, находившійся по другую сторону Сены,

[1]) Benvenuto Cellini en France. «La Nouvelle Revue», 15 Mai 1903.

и къ которому надо было ходить чрезъ глухую мѣстность. Однажды, получивъ тысячу золотыхъ, Бенвенуто, пробираясь къ себѣ по старому мосту, такъ какъ въ то время еще не существовало новаго моста, подвергся нападенію и спасъ свою жизнь, только благодаря своему умѣнью владѣть шпагой. Онъ получилъ званіе владѣльца Малаго Неля, и, перейдя во французское подданство, сдѣлался въ 1543 г. собственникомъ по праву. Но этого было не легко добиться. Прево, Жанъ Эстутвилль, отказался покинуть замокъ, а рабочіе типографіи и одной фабрики, которые помѣщались тоже тамъ, подражая ему, поступили также. Но Бенвенуто въ сопровожденіи приставленнаго къ нему офицера выгналъ Эстутвилля, угрожая расправиться съ нимъ силою. Затѣмъ, съ помощью своихъ учениковъ и помощниковъ, онъ выгналъ сопротивлявшихся рабочихъ и уничтожилъ всѣ ихъ инструменты. Одинъ изъ пострадавшихъ пожаловался г-жѣ Этампъ, которая просила у короля справедливаго суда. Она возненавидѣла Челлини, что выражала при всякомъ удобномъ случаѣ. Завладѣвъ окончательно землею, Челлини устроилъ тамъ свою мастерскую съ помощью ловкихъ французскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ, подъ управленіемъ двухъ любимыхъ учениковъ: Асканьо и Паоло Романо. Онъ исполнилъ много значительныхъ работъ, успѣхъ которыхъ оскорбилъ самолюбіе французскихъ художниковъ. Судя по выражаемому Челлини презрѣнію въ своихъ мемуарахъ къ французскимъ скульпторамъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, можно подумать, что ихъ искусство были въ самомъ варварскомъ состояніи, но, по словамъ автора статьи, это несправедливо, хотя Бенвенуто развилъ въ нихъ деликатный вкусъ и утонченную ловкость итальянскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Французскіе ювелиры особенно отличались въ той области ювелирнаго искусства, которая извѣстна подъ названіемъ «grosseria», какъ, напримѣръ, церковныя и столовыя украшенія, золотыя и серебряныя статуэтки и т. д., Челлини же повліялъ на нихъ въ области minuteria, какъ, напримѣръ, драгоцѣнныхъ украшеній, медалей, колецъ и прочее. Онъ ввелъ въ моду медальоны, исполненные рѣзцомъ безъ плавленія или тисненія, которые служили для украшенія мужскихъ шляпъ и женскихъ причесокъ, въ особенности въ царствованія Франциска I-го или Генриха II-го. На французскую же скульптуру Челлини вліялъ гораздо менѣе, такъ какъ онъ предался этой отрасли искусства послѣ возвращенія изъ Парижа. Онъ замѣнилъ христіанскіе сюжеты миѳологическими, и въ этомъ случаѣ солонка Франциска I-го служитъ лучшимъ доказательствомъ. Модель ея была исполнена Челлини послѣ выхода изъ тюрьмы для кардинала Ипполито Эстэ; но она не понравилась послѣднему, и Бенвенуто отвезъ ее во Францію, гдѣ показалъ королю, который сейчасъ же заказалъ ему сдѣлать солонку. Начатая въ 1540 году, она была окончена только въ 1543 г. Нечего говорить, что исполненіе ея было прекрасное, и всѣ фигуры были великолѣпно вырѣзаны. Когда король ее увидѣлъ, то пришелъ въ восторгъ. «Когда я представилъ предъ глазами короля,—говоритъ Челлини,—эту солонку, то онъ отъ удивленія вскрикнулъ, и не могъ на нее насмотрѣться». Тридцать лѣтъ спустя, когда Карлъ IX женился на Елизаветѣ, дочери Максимиліана II-го Австрійскаго, онъ подарилъ эту солонку эрцъ-герцогу Фердинанду, и она сохранялась въ замкѣ д'Амбра, пока не перевезли всей коллекціи

въ Вѣну. Конечно, по словамъ Бушо, въ исполненіи этого образцоваго произведенія не было полнѣйшей гармоніи, и двѣ главныя фигуры были расположены съ нѣкоторой неловкостью, какъ и въ произведеніяхъ художниковъ эпохи Возрожденія. «Капризъ имѣлъ свои причины», и талантъ Челлини понялъ эту необходимость. Большихъ произведеній, сдѣланныхъ Челлини во Франціи,—только два: Юпитеръ изъ серебра и знаменитая Нимфа или Діана въ Фонтенбло. По словамъ Челлини, когда онъ представилъ своего Юпитера Франциску I-му въ Фонтенбло, то г-жа Этампъ сначала попробовала удержать короля до сумерекъ, чтобы онъ не могъ увидѣть это произведеніе при благопріятномъ освѣщеніи. Когда же ей это не удалось, то она старалась привлечь его вниманіе на другія статуи, лучшіе антики Рима, которые, благодаря заботамъ Приматиса, были собраны въ той же галлереѣ. Но эта интрига не удалась, и фаворитка принялась такъ критиковать Юпитера, что король, желая успокоить Бенвенуто, сказалъ ему: «Я похитилъ у Италіи художника самаго великаго и всесвѣтнаго, какой только когда либо существовалъ». Изъ двѣнадцати серебряныхъ фигуръ, заказанныхъ королемъ, Бенвенуто началъ одну въ 1540 г. и окончилъ ее только чрезъ четыре года. Отъ нея не осталась и слѣда. Она была изъ массивнаго и лучшаго качества серебра и, вѣроятно, ее расплавили. Онъ приготовилъ изъ воска еще нѣсколько моделей, но уѣхалъ изъ Франціи, не сдѣлавъ фигуръ. Вторая фигура, Нимфа, предназначалась украшать главный входъ во дворецъ Фонтенбло. По обѣ стороны двери Бенвенуто поставилъ вмѣсто колоннъ двухъ сатировъ. Послѣ смерти Франциска I-го, въ 1547 г., Генрихъ II-й подарилъ Нимфу Діанѣ де-Пуатье; послѣ революціи ее поставили въ Луврѣ. Что же касается двухъ сатировъ, то они, какъ и многія античныя статуи, были расплавлены и обратились во время революціи въ монеты.

Челлини по окончаніи работъ тщетно ожидалъ уплаты, но Франція въ эту эпоху переживала критическое время, и Францискъ, благодаря этому обстоятельству, а также грубости характера итальянца, интригамъ фаворитки, не охотно выслушивалъ требованія денегъ Челлини и вообще замѣтно отъ него отдалялся. Однажды онъ даже отказался принять модель Челлини для фонтана въ Фонтенбло, модель же Приматиса взялъ. Это такъ раздражило Челлини, что онъ сталъ угрожать сопернику убійствомъ, если онъ только заикнется объ этомъ дѣлѣ. Приматисъ такъ испугался, что тотчасъ же откинулъ всѣ поползновенія замѣнить Челлини. Король, все еще питавшій слабость къ послѣднему, сдѣлалъ ему легкій выговоръ. Но въ одно прекрасное утро, когда Бенвенуто принесъ королю двѣ великолѣпныя серебряныя вазы, король, озабоченный политическими невзгодами, встрѣтилъ его рѣзкими словами: «Бенвенуто, вы просто сумасшедшій! Увезите эти вазы въ Парижъ! Я хочу, чтобы ихъ позолотили». Это подлило масла въ огонь, и Челлини еще болѣе ожесточился; онъ обратился къ кардиналу Феррару съ просьбою получить отъ короля разрѣшеніе возвратиться въ Италію. Какъ только онъ получилъ это разрѣшеніе, то немедленно отправился туда въ іюлѣ 1545 г., оставивъ обоихъ учениковъ, Романо и Асканьо, работать за счетъ кардинала и даже короля. Они оставались во Франціи до 1552 г. По всей вѣроятности, эти два ученика Челлини обладали талантомъ, такъ какъ имъ поручали работы вмѣстѣ съ такими золотыхъ дѣлъ мастерами, какъ

Марсель Оттманъ и Тютенъ. Асканьо получилъ за шесть маленькихъ кувшиновъ и три вазы шестьдесятъ тысячъ ливровъ. Бенвенуто очень сожалѣлъ, что покинулъ свой замокъ Малый Нелль, и вспоминалъ, что французскій король былъ къ нему очень добръ. Однако присутствіе Челлини съ его бурнымъ характеромъ вызвало бы страшную борьбу между нимъ и Приматисомъ, вѣчно ссорившимся съ Россо. Когда послѣдній убилъ себя, Приматисъ сталъ завѣдывать художественными работами при дворѣ Франциска I-го, а потому Челлини боролся бы съ нимъ на смерть. Возвратившись во Флоренцію, Бенвенуто сначала нашелъ себѣ яраго покровителя въ Косьмѣ Медичи, который сдѣлалъ ему крупные заказы, и самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ была статуя Персея. Талантъ Челлини особенно выдѣлялся въ техникѣ. Онъ усовершенствовалъ процессъ чеканки и плавки металловъ, оправку драгоцѣнныхъ камней и накладныя работы бездѣлушекъ. Свои мемуры Челлини написалъ подъ конецъ жизни, въ которыхъ съ циничной откровенностью повѣдалъ не только свои приключенія, но даже преступленія.

— Предвозвѣстникъ международнаго мира. Въ первой іюльской книжкѣ «Nouvelle Revue» Жакъ Ренье вспомнилъ о почти совсѣмъ неизвѣстномъ писателѣ начала XVII вѣка и проповѣдникѣ всеобщаго мира—Эмерикѣ Лакруа [1]). Онъ родился въ Парижѣ около 1580 г.—это все, что извѣстно. Относительно же его жизни нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Впрочемъ изъ его сочиненій видно, что въ интеллектуальномъ отношеніи онъ не отсталъ отъ нашего вѣка, хотя жилъ триста лѣтъ тому назадъ. Большинство его произведеній появилось на латинскомъ языкѣ. Самое же интересное, напечатанное въ Парижѣ въ 1622 году, написано по-французски, подъ заглавіемъ: «Cinée d'Etat sur les occurrences de ce temps». Оно было посвящено монархамъ и сильнымъ міра сего. Въ немъ Лакруа проводитъ главную идею—международный миръ. Въ началѣ XVII вѣка раздавались голоса противъ зла, причиняемаго войною, и такіе люди, какъ Генрихъ IV, Сюлли, Гроцій, Сомэзъ и Риго, протестовавшіе противъ такого варварства, не доходили, однако, до той степени, какъ Лакруа. Такъ проекты Генриха IV, изложенные въ произведеніи Сюлли «Economies Royales», не разсматриваютъ всеобщаго мира. Онъ говоритъ лишь объ организаціи мира между христіанскими государями, за исключеніемъ мусульманъ и даже русскаго царя. Въ то время Европа находилась подъ впечатлѣніемъ крестовыхъ походовъ, и вопросъ былъ въ установленіи партійнаго союза, а не всеобщаго мира. Даже Гроцій въ своемъ произведеніи «Права мира и войны» не уничтожаетъ окончательно войны; онъ только говоритъ, что война законна, когда она ведется съ цѣлью защитительной. Только одинъ Лакруа ставитъ вопросъ ребромъ. «Достаточно было бы,—говоритъ онъ,—сначала отыскать причину войны; тогда найдутъ, зачѣмъ сожалѣть такъ слѣпо тѣхъ, которые одинъ противъ другого прибѣгаютъ къ столькимъ жестокостямъ изъ-за самыхъ пустыхъ причинъ». По его словамъ, существуютъ четыре различныя причины войны: желаніе прославиться, выгоды, исправленіе извѣстныхъ оши-

---

[1]) Un précurseur de l'arbitrage international au XVII siècle, par Regnier. «La Nouvelle Revue», 1 Juillet 1903.

бокъ и желаніе, чтобы военные люди не оставались бездѣятельными. Относительно первыхъ двухъ причинъ онъ говоритъ, что государи скорѣе теряютъ, чѣмъ выигрываютъ при военныхъ предпріятіяхъ. «Историки свидѣтельствуютъ, а опытъ доказываетъ, что война скорѣе подвергаетъ случайностямъ репутацію государей, чѣмъ увеличиваетъ ее, а когда они могутъ достичь славы, какой не имѣлъ никогда Цезарь, если цѣна побѣды весь міръ,—не будетъ ли жестокостью достигнуть ее такимъ отвратительнымъ путемъ? О, какая отвратительная вещь слава, если ее надо покупать цѣною пролитія крови! Развѣ надо, чтобы монархи создавались съ помощью рѣзни и бойни? Не воры же они, чтобы такъ дѣйствовать. Они—попечители народа, предназначенные лѣчить, а не наносить раны, чтобы воздвигать, а не разрушать». Относительно третьей причины войны Лакруа говорилъ: «Нечего удивляться, что имперія, основанная насиліемъ, уничтожается тѣмъ же путемъ». Что касается четвертой причины, онъ не допускаетъ ея и выражается такъ: «Свѣтъ не созданъ для такихъ бѣшеныхъ, которые ничего не умѣютъ дѣлать, какъ только зло. Дворъ королей—не настоящее ихъ пребываніе. Ихъ надо всѣхъ послать къ дикарямъ, которые только похожи на людей наружностью; проклятая природа, которая ищетъ покой въ безпокойствѣ, почести въ позорѣ и препровожденіе времени въ безчеловѣчности». Эмерикъ Лакруа былъ не милитаристъ. «Однако солдаты необходимы государю для охраненія своей личности и государства,—говоритъ онъ,—но когда онъ взвѣситъ добро и зло, которыя отъ этого получатся, то найдетъ, что гораздо опаснѣе ихъ увеличивать, чѣмъ сокращать». Вслѣдствіе этого онъ требовалъ уменьшенія арміи до необходимаго для острастки количества и общаго разоруженія. Кромѣ этого, онъ предлагалъ устроить постоянный третейскій судъ, который находился бы въ Венеціи, какъ въ «нейтральной странѣ», подъ президентствомъ папы. Но эта мирная организація, по его мнѣнію, должна быть основаніемъ новаго соціальнаго порядка, болѣе справедливаго и лучше распредѣленнаго. По его мнѣнію, общій миръ есть средство избавить народъ отъ чрезмѣрныхъ налоговъ; онъ требовалъ, «чтобы налоги согласовались съ доходами, такъ какъ не довольствуются обкладывать бѣдныхъ, какъ и богатыхъ одинаково, но чаще всего послѣдніе ничего не платятъ, тогда какъ первые переносятъ всю тяжесть». Вслѣдствіе этого онъ предполагалъ поправить дѣло тѣмъ, что каждый платилъ бы налоги согласно своимъ средствамъ съ обязательнымъ обозначеніемъ своихъ доходовъ; за укрывательство же доходовъ должна быть установлена строгая кара. Онъ желалъ, чтобы государство извлекало доходы изъ различныхъ коммерческихъ эксплоатацій и даже съ займовъ подъ проценты, чтобы помѣшать ростовщикамъ эксплоатировать бѣдныхъ. Кромѣ того, онъ предлагалъ объявить право на поддержку не только калѣкъ, слѣпыхъ, больныхъ, но и также способныхъ и здоровыхъ бѣдныхъ, которыхъ нужно научить ремеслу, если они молоды, и найти работу, если они сильны и взрослы. Онъ идетъ еще дальше и требуетъ общее образованіе дѣтей за счетъ государства, развиваетъ широкій планъ общественныхъ работъ, какъ дорогъ, каналовъ и проч., проектъ международной монетной конвенціи, реформу правосудія, организацію національнаго вознагражденія для народа, однимъ словомъ, проводитъ программу, которая была бы въ пору

даже XX вѣку. Всего любопытнѣе, что проповѣдникъ этой гуманной демократической программы былъ ярымъ сторонникомъ монархіи.

— **Вторая Марія-Антуанета.** Подъ такимъ громкимъ заглавіемъ Жанъ Пужула помѣстилъ въ послѣдней іюльской книжкѣ «La Revue hebdomadaire» довольно пространную статью объ эпохѣ террора [1]). Второй Маріей-Антуанетой была прозвана роялистами героиня разсказа, Элеонора Марсилли, жена богатаго, но мелкаго дворянина, Луи-Мишеля, Жиру де-Марсилли, владѣльца замка вблизи Флеша. Въ 1787 г. Марсилли женился на молодой дѣвушкѣ замѣчательной красоты, Элеонорѣ Гудро, которая вскорѣ начала скучать отъ монотонной, деревенской жизни. Страстно желая попасть ко двору, она стала просить мужа, чтобы онъ купилъ себѣ тамъ какое нибудь мѣсто. Марсилли уступилъ просьбамъ жены и устроилъ себѣ второстепенную должность при дворѣ. Положеніе мужа было не настолько блестящее, чтобы жена могла играть какую либо роль при дворѣ. По распущеніи двора въ 1762 г. Марсилли возвратились въ свою провинцію и спокойно жили тамъ, благодаря расположенію къ нимъ гражданъ. Даже служба при дворѣ не возбудила въ нихъ подозрѣнія, и Марсилли произвели въ офицеры Національной гвардіи. Онъ находился въ этомъ званіи до 1792 г. Затѣмъ, когда начался терроръ, Марсилли поселились въ своемъ имѣніи. Они были единственные изъ владѣльцовъ, не покинувшіе своего замка: настолько безопасность ихъ была обезпечена, благодаря свидѣтельству о патріотизмѣ, выданному революціоннымъ комитетомъ Флеша. Марсилли даже удалось скрыть въ замкѣ двухъ роялистовъ, рискуя своей жизнью. Въ концѣ ноября 1793 г., когда королевская армія заняла Флешь, многіе изъ начальниковъ настаивали, чтобы Марсилли присоединился къ нимъ. Онъ пробовалъ отказываться, ссылаясь на то, что не можетъ оставить мать и жену безъ защитника, но въ дѣло вмѣшалась Элеонора, вознегодовавшая противъ революціи. За шесть недѣль предъ тѣмъ была казнена Марія-Антуанета, и ея позорная смерть поразила, какъ громомъ, молодую женщину. Кромѣ того, она не хотѣла, чтобы мужъ отдалялся отъ роялистской партіи, и къ тому же еще скучала монотонной жизнью въ замкѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ она стала упрашивать мужа послѣдовать за королевскими войсками и взять ее съ собою. Настолько она считала дороги безопасными, что взяла съ собою пятнадцатилѣтнюю сироту, Франсуазу Гюародо, которую мать Марсилли воспитала изъ состраданья. Начальникъ роялистовъ предложилъ Элеонорѣ свой экипажъ на все время похода и вообще оказывалъ ей почести, какъ будто она была принцесса: настолько роялисты были очарованы ея молодостью, красотою и энтузіазмомъ. Почему они ее прозвали Маріей-Антуанетой—неизвѣстно, можетъ быть, вслѣдствіи неопредѣленнаго сходства съ королевой или фанатической преданности къ ея памяти. Начиная съ 1-го декабря 1793 г., королевская армія, въ продолженіе двѣнадцати дней, терпѣла различныя пораженія, отъ которыхъ ей уже было не подняться, послѣ чего всѣ надежды исчезли. Марсилли было невозможно влачить свою жену за обезумѣвшей отъ пораженія арміей, переплы-

[1]) La seconde Marie-Antoinette. I. Poujoulat.« La Revue hebdomadaire», 25 Juillet 1908.

вавшей Луару, бросавшей своихъ раненыхъ и болѣе не признававшей начальниковъ. Возвращаться же назадъ было невозможно, такъ какъ республиканскія войска сновали по окрестностямъ. Агенты Карръе распускали слухи, будто тѣмъ, которые явятся съ повинной, республиканцы дарують амнистію. Марсилли ухватился за этотъ исходъ и, взявъ съ собою жену и юную служанку Франсуазу, направился въ Нантъ. Онъ надѣялся, что свидѣтельство, выданное ему во Флешѣ республиканцами, послужитъ для него гарантіей безопасности. Но въ Нантѣ въ это время происходило кровопролитіе; въ числѣ пятидесяти трехъ лицъ, назначенныхъ къ казни, были и тринадцатилѣтнія дѣти; это привело въ такой ужасъ палача, что онъ умеръ. Проконсулу Карръе казалось, что казнь гильотиной и разстрѣляніе слишкомъ медленно освобождаетъ тюрьмы, такъ что шесть тысячъ человѣкъ гнили въ заразѣ, и мертвецовъ не убирали; они такъ заразили воздухъ, что появилась эпидемія тифа. Къ тому же начался голодъ, и было необходимо уменьшить число голодныхъ ртовъ. Это средство Карръе нашелъ въ массовыхъ потопленіяхъ, въ чемъ ему помогъ Ламберти, прославившійся при взятіи Нора. Изъ пятисотъ защитниковъ только тридцать остались въ живыхъ; среди послѣднихъ находился Ламберти, сражавшійся, какъ герой. Про него даже сложилась легенда, что онъ стѣснилъ совершенно одинъ на мосту Нора двѣсти роялистовъ. Карръе восхищался имъ и, произведя въ генералы, передалъ ему командованіе артиллеріей. Ламберти сдѣлался его любимымъ адъютантомъ и совѣтникомъ. Такой быстрый успѣхъ опьянилъ его, тѣмъ болѣе, что до зрѣлыхъ лѣтъ онъ былъ только простымъ ремесленникомъ, а потомъ бросился, очертя голову, въ веселую жизнь со всей страстью своей бурной натуры. Одинъ изъ современниковъ говоритъ о немъ: «Ламберти показалъ отвагу, но его нравъ былъ развратный. Онъ сдѣлался человѣкомъ крови и предался самой грязной оргіи и самому презрѣнному распутству». Имъ овладѣла страсть топить своихъ жертвъ, какъ аристократовъ, народъ, священиковъ, молодыхъ дѣвушекъ, воровъ, дѣтей и публичныхъ женщинъ. Онъ такъ переполнилъ ими Луару, что угрожала чума, и былъ изданъ указъ не ѣсть оттуда рыбы и не пить воды; зловоніе же распространялось. Однажды вечеромъ, когда онъ былъ у Карръе, то все время повторялъ, какъ бы одержимый одной мыслью: «Двѣ тысячи восемьсотъ... это будетъ двѣ тысячи восемьсотъ»... Одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ объясненіе. Тогда Карръе засмѣявшись сказалъ: «Ты не понимаешь, двѣ тысячи восемьсотъ, которыхъ спустили на дно національной купальни». Однако, несмотря на такую озвѣрѣлость, въ немъ просыпались и хорошія чувства. Такъ послѣ пораженія вандейцевъ была захвачена молодая дѣвушка, Агата Генгру, горничная одной вандейки. Сначала ее провели въ тюрьму, а затѣмъ на барку, предназначенную для потопленія. Дѣвушка понравилась Ламберти, и онъ предложилъ за извѣстное позорное условіе спасти ей жизнь, какъ онъ часто поступалъ въ этихъ случаяхъ съ хорошенькими женщинами. Онъ отличался отъ другихъ террористовъ тѣмъ, что держалъ свое слово, между тѣмъ какъ тѣ сначала насиловали женщинъ, а затѣмъ бросали ихъ въ воду или убивали. Агата вмѣсто отвѣта хотѣла броситься въ воду. Это растрогало сердце Ламберти, и онъ сказалъ ей: «Ты честная дѣвушка, и я все-таки тебя спасу!». Онъ скрылъ

ее въ Нантѣ у жены одного изъ своихъ офицеровъ. Нѣсколько дней спустя послѣ этого эпизода, оба супруга Марсилли вмѣстѣ съ Франсуазой были задержаны недалеко отъ Нанта, куда они направились въ надеждѣ на амнистію. Приведенные къ Ламберти, они были по его распоряженію заключены въ тюрьму. Красота Элеоноры поразила Ламберти, тѣмъ болѣе, что его воображеніе было возбуждено разсказами о ней. Ея прозвище «Марія-Антуанета», обожаніе королевы—все это повторялось изъ устъ въ уста во время переѣздовъ Марсилли изъ города въ городъ, и такимъ образомъ достигло революціоннаго комитета. Вниманіе же роялистскихъ начальниковъ, предоставившихъ ей экипажъ, дало мысль, что она аристократка самой высшей марки. Ея красота и ореолъ величія возбудили въ Ламберти желаніе обладать ею, и онъ поручилъ своему адъютанту, Фукэ, отправиться за нею и привезти ее въ маленькій домъ, который генералъ устроилъ для себя въ Нантѣ, но не прямо къ себѣ. Мишлэ говоритъ, что ее привезли прямо къ Ламберти, но это, по словамъ автора, не вѣрно, такъ какъ у перваго уже находилась другая спасенная имъ аристократка, любовница ла-Тремуйля, которая была менѣе неподатлива, чѣмъ Агата. Элеонора Марсилли прошла чрезъ такую же трагическую сдѣлку. Ей не хватило мужества перенести твердо смерть, какъ прославленной всѣми историками шестнадцатилѣтней вандейкѣ, Викторинѣ Журдэнъ, которая, упавъ въ воду, попала на обрывокъ трупа и закричала: «у меня не достаточно воды, помогите мнѣ». Такимъ образомъ Элеонора сдѣлалась фавориткой Ламберти. Онъ самъ отправился въ тюрьму и привезъ къ ней Франсуазу. Мужа Элеоноры онъ оставилъ въ тюрьмѣ, вмѣсто того, чтобы отправить его для разстрѣлянія, но не далъ ему возможности бѣжать, оставивъ его, какъ залогъ покорности Элеоноры. Ламберти во всемъ подчинялся ей, и его капризъ перешелъ въ сильную страсть. Ради нея онъ освободилъ множество аристократическихъ узниковъ и далъ возможность Элеонорѣ сообщаться съ ними, хотя онъ рисковалъ получить ударъ ножа отъ одного изъ нихъ, какъ месть за погубленныхъ имъ родственниковъ. Подъ вліяніемъ ли требованій Элеоноры или отъ проснувшейся любви къ ней его сердце смягчилось, и Ламберти сталъ съ помощью Фукэ освобождать массами заключенныхъ, среди которыхъ было много беременныхъ женщинъ. Но Ламберти пришлось впервые столкнуться съ упорствомъ нантскихъ властей. Давидъ Вожуа, народный обвинитель при революціонномъ трибуналѣ, предупрежденный о частыхъ освобожденіяхъ, производимыхъ адъютантомъ генерала въ различныхъ нантскихъ тюрьмахъ, поставилъ своихъ людей на дежурство. Когда пришелъ Ламберти освободить заключенныхъ, то туда явился и Вожуа, какъ бы случайно. Онъ заявилъ Ламберти, что не допуститъ его увести узниковъ. Между ними произошла бурная сцена, и Ламберти, видя, что его угрозы гильотинировать Вожуа не подѣйствовали, долженъ былъ удалиться, не исполнивъ своего плана. Вскорѣ Ламберти стала угрожать опасность въ лицѣ девятнадцатилѣтняго Марка-Антуана Жюльена, сына члена конвента Жюльена. Онъ разъѣзжалъ по департаментамъ, подъ видомъ инспекціи народнаго образованія. Настоящее же его положеніе было сообщать Робеспьеру о поступкахъ проконсуловъ. Его девизомъ было: «Свобода хочетъ отдыхать лишь на ложѣ изъ труповъ». Юноша, полный иллюзій, возмутился

поведеніемъ республиканскаго проконсула Карръе, окружавшей его роскошью, кутежами, любовницами, адъютантами въ раззолоченныхъ мундирахъ, и вообще всѣми разоблаченіями, которыя сдѣлали ему патріоты народнаго собранія. Шпіоны Карръе не дремали и донесли ему о настоящей причинѣ пріѣзда Марка-Антуана. Однажды, когда онъ возвращался поздно вечеромъ изъ народнаго собранія, его остановили и отвели къ Карръе. Послѣдній сталъ ему угрожать гильотиной. На это Маркъ-Антуанъ отвѣтилъ, что онъ другъ Робеспьера и сынъ члена конвента, а потому за его смерть придется отвѣтить. Карръе струсилъ, сталъ глупо извиняться и отослалъ юношу, обѣщая на другой день къ нему прійти. Однако послѣдній не былъ такъ глупъ и ночью же скрылся, написавъ Робеспьеру и отцу письма, въ которыхъ разсказалъ о поведеніи проконсула и его адъютантовъ. Робеспьеръ такъ ему вѣрилъ, что чрезъ нѣсколько дней приказалъ Карръе немедленно явиться въ Парижъ, назначивъ на его мѣсто Пріёра. Члены народнаго собранія, узнавъ объ этомъ, послали въ Парижъ делегатовъ, чтобы сообщить Робеспьеру о тираніи и развратной жизни проконсула. Это извѣстіе вмѣстѣ съ отзывомъ Карръе произвело среди сообщниковъ Ламберти цѣлую панику. Эти «бандиты», какъ ихъ называетъ авторъ, питали къ своему начальнику расположеніе и видѣли, что ему угрожаетъ гибель, благодаря Карръе, попавшему въ немилость. Они рѣшили его спасти по-своему, а если надо, то даже противъ его желанія. Это спасеніе состояло въ томъ, что они устроили настоящую бойню, съ цѣлью отыскать несчастныхъ освобожденныхъ Ламберти по просьбѣ Элеоноры и скрывавшихся въ Нантѣ. Но не за этихъ спасшихся людей грозила опасность Ламберти; ему готовилась гильотина за вторую Марію-Антуанету. Ее арестовали въ домикѣ Ламберти, гдѣ она скрывалась шесть недѣль, и отправили въ тюрьму. По счастью для нея, ей не пришлось встрѣтить мужа, такъ какъ друзья Ламберти, желая его спасти отъ упрековъ Робеспьера за великодушіе, судили Марсилли 22 плювіоза, а 23 разстрѣляли. Франсуаза Гюародэ была арестована въ одно время со своей госпожей, но послѣ допроса опять отвезена въ тюрьму для новаго допроса, т.-е. ей предстояла перспектива милостиваго забвенія подъ замкомъ. При допросѣ Марсилли ему ни слова не упомянули о женѣ, чтобы не компрометтировать Ламберти, и мужъ Элеоноры умеръ, не зная объ ея позорѣ. Арестовавъ Элеонору и помѣстивъ ее на ту же койку, которую занималъ ея мужъ до казни, друзья Ламберти разсчитывали спасти его, но ошиблись и этимъ только совершенно погубили генерала. Арестъ Элеоноры привелъ его въ ярость, и онъ совершенно забылъ о своемъ спасеніи. Его могуществу наступилъ конецъ, такъ какъ въ Нантъ пришло извѣстіе объ отставкѣ Карръе, и двери тюремъ не могли болѣе отворяться по первому требованію его адъютанта. Онъ обратился къ Карръе, но тотъ ничего не могъ ему посовѣтовать, какъ только сжечь Нантъ. Ламберти такъ былъ пораженъ арестомъ Элеоноры, что готовъ былъ слѣдовать этому совѣту. Послѣдней его надеждой было сдѣлать народное возмущеніе. «Нечего удивляться,—говорилъ онъ,—что послѣ этого будутъ душить другъ друга». Онъ думалъ найти опору въ народѣ, совершенно забывая, что настоящія преступленія совершенно стерли прежнія славныя воспоминанія о немъ. Единственнымъ его спасеніемъ было покинуть городъ, и Барреръ дружески его

звалъ въ Парижъ, но Ламберти не хотѣлъ удалиться отъ тюрьмы, въ которой была заключена Элеонора. 25 плювіоза г-жа Марсилли появилась предъ судьями, приговорившими ея мужа къ казни. Этого допроса нѣтъ въ нантскомъ архивѣ, и уцѣлѣлъ лишь приговоръ, въ которомъ ея обвиняли за то, что она слѣдовала за королевской арміей, тогда какъ могла итти за республиканской, и приговаривали къ смертной казни. Въ виду объявленной ею пятинедѣльной беременности приговоръ отсрочивался на три мѣсяца, въ концѣ которыхъ обвиняемую должны были посѣтить эксперты и въ случаѣ, если ее признаютъ беременной, то казнь отсрочить до ея родовъ. Эта отсрочка обрадовала Ламберти, и онъ все еще разсчитывалъ спасти любимую женщину и мать его ребенка. Однако его ждалъ новый ударъ: 27 плювіоза Карье покинулъ Нантъ, а на другой день неожиданно были арестованы Ламберти и Фукэ и заключены въ тюрьму Буффэ. Ламберти увѣрялъ, что освободилъ г-жу Марсилли съ разрѣшенія Карье. Когда народный обвинитель явился спросить Карье, вѣрно ли это, то былъ принятъ очень дурно, и узнавъ, что Ламберти арестованъ, Карье пришелъ въ страшную ярость. Но онъ былъ трусъ и потому вмѣсто того, чтобы взять на себя отвѣтственность пополамъ съ Ламберти, онъ ничего не сказалъ, и послѣдній вмѣстѣ съ Фукэ былъ приведенъ на допросъ предъ военной комиссіей 13 жерминаля. Спустя пять дней, Элеонора была перевезена въ тюрьму Буффэ, гдѣ находился Ламберти. Что было тамъ, неизвѣстно, только въ переписи возлѣ ея имени было отмѣчено: «Умерла въ тотъ же день». Неизвѣстно, по чьей милости Ламберти добился увидѣть женщину, ради которой онъ шелъ на гильотину, и какая была причина ея смерти. На другой день былъ произнесенъ смертный приговоръ надъ нимъ. Ламберти шелъ на казнь медленно и твердо. Достигнувъ площади, онъ воскликнулъ: «Vive la republique!» Тотъ же возгласъ былъ повторенъ на платформѣ, пока палачъ связывалъ его, и онъ повторилъ его еще разъ, когда его голова была уже подъ ножемъ.

— Смерть Вилльяма Генлэя, генерала Бріальмона и лорда Сольсбэри. 11-го іюля умеръ въ Лондонѣ извѣстный англійскій поэтъ и критикъ— Вилльямъ Генлэй. Онъ родился въ 1849 году и воспитывался въ Глостерской школѣ знаменитаго педагога Брауна, но въ сущности онъ образовалъ себя чтеніемъ книгъ. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду онъ тяжело заболѣлъ и принужденъ былъ подвергнуться операціи, которая лишила его ноги. Однако долговременное пребываніе въ одной изъ эдинбургскихъ больницъ спасло ему другую ногу и дало возможность почти совсѣмъ оправиться. Во время его пребыванія въ больницѣ онъ окончательно образовался и написалъ первую книгу стиховъ, которая произвела сильное впечатлѣніе на читателей. По выздоровленіи онъ отправился въ Лондонъ и долгое время перебивался журнальной работой, по отдѣлу литературной, драматической и музыкальной критики. Наконецъ его взялъ въ помощники издатель журнала «London», и въ продолженіе двухъ лѣтъ Генлэй отличался независимостью и строгостью своей оцѣнки литературныхъ произведеній. Затѣмъ онъ былъ постепенно редакторомъ «Scots observer», «Magazine of art» и въ послѣднее время «New Review». Его паролемъ въ литературѣ всегда было: «работай серіозно, старайся изъ всѣхъ своихъ силъ и превзойди себя». Самъ Генлэй былъ человѣкомъ замѣчательной культуры и

требовалъ того же отъ своихъ сотрудниковъ, а его критическія статьи поражали знаніемъ, чутьемъ и талантомъ. При этомъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ онъ стремился къ истинѣ, и потому его отзывы всегда были рѣзки и справедливы. Искусственность особенно была ему противна, и оттого онъ ненавидѣлъ Вагнера, называя его великимъ обманщикомъ, а такъ какъ Генлэй былъ ярымъ консерваторомъ, то придавалъ ему еще кличку музыкальнаго Гладстона. Продолжая всю жизнь писать стихи, онъ, однако, не выходилъ изъ ряда второстепенныхъ поэтовъ, но его слава, какъ публициста и критика, дѣлала его имя популярнымъ. Генлэй былъ еще трудолюбивымъ и очень способнымъ издателемъ классическихъ англійскихъ авторовъ. Между прочимъ онъ замѣчательно издалъ Шекспира, Байрона, Борнса и другихъ. Онъ умеръ пятидесяти четырехъ лѣтъ и находился на самой высотѣ своей репутаціи, какъ культурнаго писателя.

Всѣ знаменитые, современные военные инженеры обыкновенно называются новыми Вобанами, по имени перваго французскаго военнаго инженера. Такъ Тотлебенъ носилъ прозвище «русскаго Вобана», а генералъ Бріальмонъ— бельгійскаго Вобана». Смерть Бріальмона возобновила въ общей памяти его популярность, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ не только на родинѣ, но и во всей Европѣ. Онъ былъ сыномъ также бельгійскаго генерала, участника наполеоновскихъ войнъ, и родился въ Венлу въ 1822 году. Съ молодости онъ служилъ инженеромъ и, поступивъ потомъ въ бельгійскій главный штабъ, составилъ планъ антверпенскаго укрѣпленнаго лагеря. Онъ извѣстенъ, какъ военный писатель, благодаря своимъ многочисленнымъ сочиненіямъ по инженерной части и по другимъ военнымъ вопросамъ. Къ популярнымъ его книгамъ относятся «Traité de l'attaque et de la défense des places», «Précis d'art militaire», «Eloge de la guerre» и «Histoire du duc de Wellington». Онъ отличался не только теоретическими, но и практическими военными знаніями и прославился увеличеніемъ и обновленіемъ Антверпенскихъ укрѣпленій. Въ 1858 году случайно былъ въ Бельгіи знаменитый защитникъ Севастополя и другъ Бріальмона—Тотлебенъ. Король Леопольдъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ относительно плана укрѣпленій Антверпена, и Тотлебенъ не только одобрилъ его, но сказалъ: «Я желалъ бы защищать такую крѣпость, но не брать». Вообще антверпенскія укрѣпленія, по словамъ лучшихъ экспертовъ этого дѣла, составляютъ лучшій и успѣшнѣйшій типъ современныхъ фортификаціонныхъ работъ. Также успѣшно устроилъ онъ укрѣпленіе Лютиха и Намюра. Слава его распространилась по всей Европѣ, и не только король румынскій, но даже султанъ пригласили его для реорганизаціи фортификаціонныхъ работъ вокругъ Бухареста и Константинополя. Хотя король бельгійскій во время этихъ работъ Бріальмона увольнялъ отъ дѣйствительной службы, но какъ только они были окончены, то онъ снова былъ принятъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Однако онъ недолго сохранилъ это званіе и подалъ въ отставку въ 1887 году, по причинѣ вражды противъ него клерикаловъ и реакціонеровъ, такъ какъ онъ былъ ярымъ либераломъ. Избраніе генерала въ депутаты города Брюсселя было отчасти его вознагражденіемъ, и съ тѣхъ поръ онъ засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ.

Надняхъ умеръ послѣдній изъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей Англіи — маркизъ Сольсбери. Хотя его нельзя было сравнить съ «народнымъ Вилльямомъ» или съ «юркимъ Дизи», но онъ представлялъ блестящаго преемника Мельбурна, Пальмерстона и Дэрби, рѣзко отличаясь отъ современныхъ политикановъ. Онъ принадлежалъ къ знаменитому историческому роду Сесилей и родился въ 1830 году въ Гатфильдѣ, старинномъ родовомъ замкѣ его отца, лорда Сольсбери. Но такъ какъ онъ былъ младшимъ сыномъ, то носилъ титулъ только лорда Сесиля. Воспитывался онъ сначала въ Итонской школѣ, а потомъ въ Оксфордскомъ университетѣ. Окончивъ свое образованіе и, какъ младшій, не пользуясь никакимъ состояніемъ, онъ предпринялъ въ 1849 году большое путешествіе по Европѣ и по англійскимъ колоніямъ. Надѣясь пріобрѣсть собственнымъ трудомъ богатство, онъ съ этою цѣлью два года велъ жизнь искателя золота въ Викторіи. Но счастье ему не повезло, и онъ возвратился въ Англію, гдѣ былъ избранъ членомъ палаты депутатовъ въ 1858 году. Около этого времени онъ женился на бѣдной молодой дѣвушкѣ, и отецъ лишилъ его за этотъ неравный бракъ тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя онъ давалъ ему. Довольно долго молодая чета жила на то, что лордъ Сесиль вырабатывалъ, какъ журналистъ, сотрудничая въ «Times», «Morning Chronicle», «Saturday Review» и «Quarterly Review». По одному названію этихъ органовъ печати видно, что молодой Сесиль придерживался, подобно всему своему роду, консервативныхъ убѣжденій. Ярый торій, онъ и въ парламентѣ принадлежалъ къ консервативной партіи, которою въ то время предводительствовалъ лордъ Дэрби. Чрезъ пять лѣтъ умеръ лордъ Кренборнъ, старшій братъ лорда Сесиля, и онъ сдѣлался наслѣдникомъ своего отца, а также получилъ братнинъ титулъ. Около этого же времени онъ примирился съ отцемъ, и съ тѣхъ поръ жизнь будущаго перваго министра Англіи сдѣлалась свѣтлой и блестящей. Продолжая занимать мѣсто депутата, онъ отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и особенною рѣзкостью выраженій въ защиту ультра-консервативныхъ теорій. При этомъ онъ держался старыхъ теорій историческихъ торіевъ и ненавидѣлъ такихъ перемѣнчивыхъ политикановъ, какъ Дизраэли. Особенно въ вопросѣ о парламентской реформѣ онъ нападалъ на юркаго Дизи, также какъ и на благороднаго, великаго Гладстона. Въ 1866 году лордъ Кренборнъ былъ назначенъ министромъ по дѣламъ Индіи, а чрезъ два года послѣ смерти своего отца онъ сдѣлался маркизомъ Сольсбери и перешелъ въ палату перовъ. Здѣсь онъ попрежнему съ воинственнымъ краснорѣчіемъ отстаивалъ торійскую политику. Образовавъ свое первое министерство, Дизраэли предложилъ своему прежнему врагу, Сольсбери, снова занять мѣсто министра по дѣламъ Индіи. Послѣдній согласился и съ тѣхъ поръ совершенно помирился съ Дизраэли. Въ 1878 году онъ впервые получилъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, который съ тѣхъ поръ три раза возвращался къ нему, уже вмѣстѣ съ должностью перваго министра. При лордѣ Биконсфильдѣ, въ котораго превратился Дизраэли, онъ принималъ участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ, а послѣ его смерти сдѣлался главою торійской партіи. Съ іюля 1885 года лордъ Сольсбери вступилъ въ должность перваго министра, и его министерство продолжалось не долго до 1886 г. Онъ образовалъ свое второе министерство въ 1889 г., и третье

въ 1895 году, послѣ удаленія съ политической арены Гладстона и паденія лорда Розбери. Съ этого времени онъ продолжалъ быть премьеромъ до 1902 года, когда вышелъ въ отставку послѣ окончанія войны съ боэрами. Въ своей внѣшней политикѣ Сольсбери подражалъ Биконсфильду и былъ ярымъ «джинго». Въ послѣднее время на него легло неизгладимое пятно позора, благодаря войнѣ съ боэрами, но онъ можетъ оправдываться своей старостью и роковымъ вліяніемъ Чамберлэна. Ровно годъ онъ жилъ въ отставкѣ и тяготился тѣмъ, что ничѣмъ не занимался. Наконецъ 22-го августа онъ скончался отъ болѣзни сердца на 73-мъ году своей жизни.

— Двухсотлѣтіе Петербурга черезъ англійскія очки. Петербургскій юбилей обратилъ на себя скудное вниманіе европейской журналистики, и до сихъ поръ объ этомъ историческомъ событіи появилась только одна статья мистриссъ Мэри Джонстонъ[1]) въ «Fortnightly Review» за іюль мѣсяцъ. Въ краткомъ, поверхностномъ очеркѣ, но довольно вѣрномъ и основательномъ, авторъ прежде всего описываетъ дикое положеніе Россіи при воцареніи Петра Великаго и очерчиваетъ характеръ этого необыкновеннаго человѣка, «которому равнаго едва ли найдется въ исторіи». «Вспышки безумной страсти,—говоритъ мистриссъ Джонстонъ,—его адская жестокость, ярая грубость его нрава, отчаянное пьянство—все дѣлало его какимъ-то безчеловѣчнымъ чудовищемъ; но, съ другой стороны, его неутомимая настойчивость, удивительная энергія, съ которой онъ преслѣдовалъ свои цѣли, его сверхъестественная способность, неожиданныя вспышки нѣжности и человѣколюбія, свобода отъ всякихъ предразсудковъ, безграничный энтузіазмъ—все возбуждаетъ восторженное удивленіе. Онъ былъ варваромъ и остался варваромъ до дня своей смерти, но, несмотря на его отвратительныя качества, нельзя не восторгаться имъ. Его царствованіе продолжалось сорокъ три года, и въ короткое время онъ произвелъ въ странѣ коренную реформу въ администраціи и въ общественномъ положеніи. Онъ создалъ правильно организованную армію, которая нанесла пораженіе лучшимъ войскамъ въ Европѣ; онъ выдвинулъ Россію въ число передовыхъ европейскихъ государствъ; онъ прибавилъ къ своимъ владѣніямъ шесть новыхъ провинцій, приблизилъ Россію къ Балтійскому и Черному морямъ, установилъ торговлю съ Европой и создалъ значительный флотъ. Питая съ юности необыкновенную страсть къ кораблестроенію и стремленіе къ морю, Петръ поставилъ себѣ цѣлью вернуть старинныя, русскія земли, нѣкогда принадлежавшія Новгороду, и тѣмъ прорубить окно въ Европу. Достигнувъ послѣ многихъ трудовъ этой цѣли, 16 мая 1703 года, онъ основалъ въ устьѣ Невы Петербургъ». Англійская писательница немного распространяется объ этомъ важномъ событіи, юбилей котораго только что праздновался, и лишь повторяетъ народное преданіе о томъ, что царь выкопалъ собственноручно два куска торфа и, положивъ ихъ на землю, сказалъ: «здѣсь будетъ городъ». По тому же преданію надъ его головой виталъ въ это время орелъ. Болѣе по-

---

[1]) Building of St. Petersbourg, by Mary Johnston. «Fortnightly Review», Iuly 1903.

дробно мистриссъ Джонстонъ описываетъ постройку новаго города, планъ котораго начертилъ самъ Петръ. По его приказанію были пригнаны на мѣсто постройки будущей столицы несмѣтныя толпы со всѣхъ концовъ Россіи; имъ пришлось пожертвовать до ста тысячъ человѣкъ, погибшихъ отъ холода, голода и непогоды. Несмотря на все, царь продолжалъ свои неусыпные труды по развитію Петербурга, который онъ называлъ «парадизомъ». Чрезъ нѣсколько лѣтъ громадный городъ съ великолѣпными для того времени зданіями возникъ среди сѣверныхъ болотъ. Слыша о возникновеніи этого чуда, шведскій король Карлъ XII только говорилъ съ пренебреженіемъ: «пусть его тѣшится и строитъ новые города, а мы ихъ будемъ завоевывать». Но всѣ его попытки вернуть обратно потерянныя земли были тщетны, и мало-по-малу Петръ сдѣлалъ любимую имъ резиденцію столицей Россіи. По переписи 1713 года въ Петербургѣ было уже 1.015 домовъ, а по смерти Петра Великаго въ 1725 году насчитывалось 75.000 жителей. Въ концѣ своей статьи мистриссъ Джонстонъ оправдываетъ мысль Петра о переносѣ столицы изъ Москвы въ новый приморскій городъ. Для задуманнаго имъ созданія новыхъ порядковъ необходимо было новое помѣщеніе, и никогда, по ея словамъ, ему не удалось бы сдѣлать такого рѣзкаго перерыва между стариной и новизной, если бы онъ оставилъ столицу въ древней Москвѣ.

— Сорель о русскихъ событіяхъ конца XVIII столѣтія. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже кратко упоминалось о пятомъ томѣ историческаго труда Альберта Сореля «Европа и французская революція» [1]), а теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что онъ говоритъ въ этой книгѣ о смерти Екатерины Великой, первыхъ годахъ царствованія Павла I-го и о подвигахъ Суворова въ Италіи. Въ 1796 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, Екатерина, по словамъ французскаго академика, серіозно рѣшилась воевать съ республиканской Франціей, въ чемъ она до тѣхъ поръ отказывала европейскимъ державамъ. Теперь она освободилась отъ безпокоившихъ ее польскихъ дѣлъ и стала серіозно опасаться распространенія республики и побѣдъ Бонапарта. «Республика, освободившись отъ террора,—писалъ князь Чарторыжскій великому князю Александру, — казалось, шла непреодолимо къ удивительному будущему—благоденствія и славы. Уже поздно было смѣяться». «Тогда императрица,—разсказываетъ другой современникъ, графъ Ланжеронъ въ «неизданныхъ запискахъ»,—приказала Суворову съ шестьюдесятью тысячами солдатъ итти на помощь австрійцамъ, а у англичанъ просила субсидіи для начала войны 200.000 тыс. фунт. стерлинговъ, а для ея окончанія 300.000». «Я проповѣдую, — писала она Гримму въ послѣднемъ своемъ письмѣ, — и буду проповѣдывать за общее дѣло королей противъ истребителей престоловъ и обществъ». Благодаря неожиданному разрыву брака шведскаго короля Густава IV съ ея внучкой, великой княжной Александрой, ея здоровье совершенно разстроилось. Она едва ходила: ея ноги вспухли, и очевидно сердце было пора-

[1]) L'Europe et la revolution française, par. A. Sorel, cinquiéme partie. 3 edition, Paris, 1903.

жено. 16-го ноября у нея сдѣлался ударъ, и двадцать четыре часа она, безмолвная, съ закрытыми глазами, боролась со смертью. Наконецъ, на слѣдующій день она умерла. «Такъ исчезла послѣдняя великая фигура XVIII столѣтія», говоритъ Сорель: Фридрихъ, образецъ государственныхъ людей и типъ политическихъ дѣятелей, умеръ десять лѣтъ передъ тѣмъ. Мѣсто руководителя общественнаго мнѣнія въ Европѣ оставалось вакантнымъ: его приготовлялся занять Бонапартъ. Благодаря французскому духу, утерянному Людовикомъ XV, Фридрихъ и Екатерина руководили своимъ вѣкомъ; революція съ трескомъ вернула его Франціи, и Бонапартъ долженъ былъ олицетворить его въ своей личности. Фридрихъ былъ король-философъ, а Бонапартъ—революціонный императоръ. Проникнутый французскимъ геніемъ и своимъ собственнымъ, этотъ корсиканецъ овладѣлъ Франціей и явился выразителемъ революціи, какъ нѣмка Екатерина овладѣла Россіей, сдѣлалась православной и осуществила русскую душу. Бонапартъ очень мало зналъ великую Екатерину и не восхищался ею; геній въ женщинѣ, и особенно политическій, казался ему чѣмъ-то чудовищнымъ и оскорбительнымъ. Послѣ Екатерины вступилъ на престолъ ея сынъ Павелъ, и Сорель мастерски характеризуетъ эту историческую личность. По его словамъ, «онъ не былъ ни глупымъ, ни злымъ, но унизительная жизнь до воцаренія, постоянное положеніе кредитора престола, стыдъ, испытываемый имъ, видя предъ собою фаворитовъ матери, страхъ такой же судьбы, какова была отца, окружающая атмосфера шпіонства—все это омрачило его душу электрической грозой, во время которой только по временамъ мысль блестѣла среди черныхъ тучъ. Неуравновѣшенный, фантастичный, упрямый, перемѣнчивый, чрезмѣрно раздражительный,—онъ былъ русскимъ Гамлетомъ. Рьяный послѣдователь великаго Фридриха, онъ хотѣлъ сдѣлать русскую армію и политику прусскими. Но въ ясныя минуты онъ способенъ былъ на утопіи и даже на идеальные замыслы: онъ хотѣлъ смягчить судьбу крестьянъ, облегчить страну отъ офиціальныхъ преслѣдованій, все измѣнить, очистить дворъ и, отказавшись отъ завоеваній, водворить миръ. Онъ говорилъ: «моя мать всегда стремилась къ завоеваніямъ, а я буду заботиться о счастьѣ моего народа». Первымъ шагомъ для достиженія этой цѣли было прекращеніе похода суворовской арміи на французовъ. Но въ сущности, мало-по-малу, царствованіе Павла I было «длиннымъ грозовымъ утромъ съ рѣдкими просвѣтами». Постоянно въ дурномъ настроеніи и полный чудовищныхъ мечтаній, Павелъ только въ иностранной политикѣ, по замѣчанію Сореля, велъ простую естественную систему и, ненавидя французовъ-якобинцевъ, составилъ четверной союзъ изъ Англіи, Пруссіи, Австріи и Россіи. Олицетвореніемъ этой коалиціи былъ Суворовъ, котораго онъ послалъ для завоеванія Италіи, Швейцаріи и Франціи, гдѣ въ то время властвовало якобинство. «Суворовъ,—говоритъ французскій историкъ,—былъ геній, отличавшійся такими способностями, которыя выказывала тогда только одна Франція. Русская армія, вмѣсто дисциплины и ученой тактики европейскихъ войскъ, представляла фанатическую храбрость и приводящее въ изумленіе удальство. Французы полагали, что они могущественнѣе всѣхъ солдатъ на свѣтѣ, но теперь впервые должны были встрѣтить врага, ко-

торый походилъ на нихъ своей доблестью. Суворову было шестьдесятъ девять лѣтъ, но онъ еще владѣлъ всей своей энергіей и всей своей головой, несмотря на всю ея фантастичность. Онъ презиралъ австрійскія ученыя комбинаціи и считалъ австрійскій Hofkriegsrath способнымъ только къ отступленію. «Всегда быть разбиваемому,—говорилъ онъ,—это не хитро! Дѣлать рекогносцировки! Полноте! онѣ полезны только для трусовъ, служатъ только для обнаруженія себя врагамъ: непріятеля всегда находишь, когда только хочешь. Атака бѣлымъ оружіемъ, штыкомъ—вотъ моя рекогносцировка. Быстрота и энергія—вотъ мои маневры». И какіе у него были солдаты! Они обожали своего предводителя, были веселые на походѣ и въ лагерѣ, набожны въ бою, ни въ чемъ не сомнѣвались и ничему не удивлялись, какъ французскіе республиканцы. Русскіе шли всюду въ Италію, въ Швейцарію, въ безпредѣльную равнину и въ безграничную горную страну такъ же, какъ въ 1814 г. они шли въ Парижъ. Суворовъ былъ единственною великою военною душею коалиціи, рядомъ съ Нельсономъ, и онъ явился въ Италію, какъ нѣкогда Пепинъ во главѣ своихъ франкскихъ варваровъ». По прибытіи въ Вѣну Суворовъ на всѣ разспросы нѣмецкихъ стратеговъ показывалъ бланковую подпись Павла, а на вопросъ, куда онъ намѣревается итти, онъ лаконически отвѣтилъ: «въ Парижъ». На вопросъ «какъ?» онъ объяснилъ: «нападая прямо на врага, пользуясь всѣми случаями и хватая его за волоса». Онъ перешелъ черезъ Альпы, какъ Наполеонъ сдѣлалъ это въ 1800 г. Съ перваго сраженія при Кассано онъ разбилъ Моро, и такимъ образомъ, продолжалъ въ Сѣверной Италіи одерживать побѣды при Требіи надъ Магдональдомъ и при Нови надъ Жуберомъ, который былъ убитъ въ этомъ сраженіи. При этомъ всѣ итальянскіе города, въ томъ числѣ Миланъ и Туринъ, сдались сѣвернымъ побѣдителямъ. Французскій историкъ увѣряетъ, что Суворовъ велъ войну по-наполеоновски, но, не имѣя возможности сказать, что русскій герой подражалъ Наполеону, Сорель только говоритъ, что военныя дѣйствія русскаго полководца походили на наполеоновскія. Однако, несмотря на русскія побѣды, австрійцы постоянно мѣшали великому Суворову, и онъ принужденъ былъ, окончивъ свой итальянскій походъ, одинъ, съ шестьюдесятью тысячами русскихъ солдатъ, предпринять швейцарскую кампанію, имѣя цѣлью послѣ пораженія французовъ вступить въ ихъ предѣлы и окончательно разгромить республику.

— Французы и русскіе въ Рагузѣ въ 1808 г. Нѣмецкій историкъ Кирхмейеръ посвятилъ замѣчательный трудъ на итальянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ исторіи послѣднихъ лѣтъ существованія аристократической республики Рагузы[1]). Его чрезвычайно характерный разсказъ пересыпанъ живописными описаніями Адріатическаго побережья вокругъ устья Каттаро и живыми размышленіями о событіяхъ того времени. Онъ, напримѣръ, повѣствуетъ о томъ, какъ Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать одного своего родственника герцогомъ

---

[1]) Kirchmayer. La caduta della Republica aristocratica e la lotto dei soldati di Napoleone colla flotta russa i Montenegri Crivosciani del possesso delle bocche di Cattaro. Zara. 1900.

Рагузскимъ, и какъ черногорцы, съ высоты своихъ горъ, съ удовольствіемъ смотрѣли на развѣвавшійся русскій флагъ, видимый только ихъ соколиными глазамъ на обширномъ морѣ. Онъ не скрываетъ своего сочувствія къ рагузской аристократіи, которая сумѣла долгія столѣтія управлять этимъ маленькимъ государствомъ разумно, умѣренно и справедливо, и поистинѣ сдѣлать изъ этого staterello настоящую платоновскую республику, благодаря плеядѣ литераторовъ, поэтовъ и ученыхъ. Въ 1806 г. агентъ Франціи, Бруэръ, пользовался, по выраженію автора, сочувствіемъ всѣхъ жителей, а русскій консулъ, Фонтонъ, «считался медвѣдемъ». Въ это время Лористонъ былъ посланъ Наполеономъ и занялъ Рагузу, которую затѣмъ осаждали русскіе и черногорцы, но Мармонъ освободилъ городъ, заливъ его кровью. 30-е января 1808 года былъ послѣднимъ днемъ несчастной республики, и Рагузу присоединили къ Иллиріи, въ то время принадлежавшей къ французской республикѣ. Замѣчательной исторической личностью во время этихъ событій былъ владыко Черногоріи, Петръ I, который одно время сдѣлался владѣтелемъ Каттаро, и навлекъ всѣ несчастія на Рагузу и Каттаро, благодаря своей безпокойной политикѣ. Кирхмейеръ разсказываетъ подробно объ этихъ эпизодахъ, на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ у черногорскаго историка Малаковича.

— **Мемуары Ланжерона о кампаніяхъ 1812—1813—1814 гг.**[1]). Въ прошедшемъ году напечатаны французскимъ «Обществомъ современной исторіи» мемуары графа Ланжерона о 1812—1813—1814 гг., подобно тому, какъ оно издало въ 1895 г. подъ редакціей Леонса Пэнго мемуары того же генерала о войнахъ первой коалиціи, 1792—1794 гг. Въ предисловіи Пэнго были помѣщены біографическія свѣдѣнія о Ланжеронѣ, а потому въ нынѣшнемъ сочиненіи не сказано ни слова о предыдущихъ и послѣдующихъ событіяхъ его жизни. Вслѣдствіе этого мы удовольствуемся данными о немъ, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ. Графъ Александръ Ланжеронъ, родившійся въ Парижѣ въ 1763 г., былъ французскаго происхожденія и въ молодости, служа во французской арміи, участвовалъ въ отрядѣ Рошамбо, посланномъ въ Америку во время войны за независимость. Возвратясь во Францію, онъ состоялъ полковникомъ Арманьякскаго полка, и начальство очень его цѣнило за военныя способности и храбрость. Но когда вспыхнула революція, онъ эмигрировалъ и предложилъ свои услуги великой Екатеринѣ. Она приняла его на свою службу съ большимъ удовольствіемъ и отправила въ Турцію, гдѣ онъ во главѣ своего батальона прославился при взятіи Измаила. Затѣмъ онъ воевалъ со шведами, какъ волонтеръ, принялъ участіе въ первой коалиціи противъ своей родины въ 1792—1793 гг. Возвратясь въ Россію, онъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантомъ и въ битвѣ при Аустерлицѣ сражался снова противъ Франціи. Въ этомъ знаменитомъ сраженіи онъ неудачно исполнилъ порученный ему обходъ французской арміи. По его словамъ, онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ, такъ какъ ему пришлось дѣйствовать между Меницкими озерами, и онъ говорилъ, что желалъ бы видѣть на своемъ мѣстѣ лю-

---

[1]) Memoires de Langeron. Paris. 1902.

Єог генерала. Во всякомъ случаѣ Ланжеронъ подвергся опалѣ, но вскорѣ ему было возвращено его званіе и поручена пѣхотная дивизія во время турецкой войны. Изъ Турціи онъ прямо подоспѣлъ къ послѣднимъ дѣйствіямъ кампаніи 1812 года. Затѣмъ онъ командовалъ корпусомъ въ 1813—1814 гг. Съ возвращеніемъ бурбоновъ онъ не остался во Франціи, а предпочелъ продолжать службу въ своемъ новомъ отечествѣ. Онъ былъ сдѣланъ начальникомъ Новороссійскаго края и принесъ много пользы Одессѣ. Однако въ 1822 г. онъ снова подвергся опалѣ, а въ 1828 г. еще разъ опредѣленъ на дѣйствительную службу и отличился въ турецкую кампанію. Чрезъ три года Ланжеронъ умеръ отъ холеры. Онъ оставилъ послѣ себя многочисленные мемуары, изъ которыхъ недавно напечатанныя записки—только отрывокъ. Начинаются они съ кампаніи 1812 г., въ которой Ланжеронъ участвовалъ лишь въ дѣйствіяхъ вокругъ Березины. Эти записки отличаются чисто военнымъ техническимъ характеромъ, а потому мы укажемъ только на общеинтересныя страницы, тѣмъ болѣе, что мемуары уже помѣщены въ подробномъ извлеченіи въ «Военномъ Сборникѣ». Начиная свой разсказъ, Ланжеронъ прежде всего рисуетъ блестящими и яркими красками портретъ своего начальника, адмирала Чичагова. Ему тогда минуло около сорока пяти лѣтъ, онъ былъ не глупъ, но поверхностно образованъ. Его голова была кипучимъ Вулканомъ, и каждую минуту онъ составлялъ новый планъ, который долженъ былъ тотчасъ осуществиться. У него не было ни одной точной идеи, а чрезмѣрное самолюбіе, по словамъ Ланжерона, заставляло Чичагова не слѣдовать чужимъ совѣтамъ. Онъ былъ три года морскимъ министромъ и совершенно уничтожилъ русскій флотъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшей идеи о военной службѣ и былъ посмѣшищемъ всей арміи. Характеръ его вполнѣ гармонировалъ съ его умомъ: онъ былъ грубъ, жестокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ презиралъ и ненавидѣлъ свою страну. «Трудно было себѣ представить,—говоритъ Ланжеронъ,—почему императоръ назначилъ его главнокомандующимъ. Впрочемъ Чичаговъ имѣлъ одно громадное достоинство: онъ былъ безкорыстенъ и честенъ до крайности». При такомъ начальникѣ неудивительно, что его армія переходила отъ ошибки къ ошибкѣ, отъ одного промедленія къ другому. Вообще Ланжеронъ замѣчаетъ, что въ 1812 году со стороны русскихъ и французовъ было совершено много ошибокъ, но послѣдніе въ этомъ отношеніи имѣли перевѣсъ. Такъ Наполеонъ непростительно ошибся, не зимуя въ Смоленскѣ и пробывъ излишнихъ тридцать четыре дня въ Москвѣ. Затѣмъ ошибками изобиловало его отступленіе изъ Россіи. При этомъ русскія ошибки чередовались съ французскими, хотя русскіе совершали, по словамъ Ланжерона, удивительные подвиги, особенно сожженіе Москвы, по распоряженію Растопчина. Если Кутузова вообще упрекали за медленность въ преслѣдованіи непріятеля, то невозможно достаточно винить Чичагова за дѣйствія его при Березинѣ. Ланжеронъ называетъ Чичагова за неудачные его поступки «ангеломъ-хранителемъ Наполеона». Сначала, достигнувъ Березины, онъ овладѣлъ обоими ея берегами и городомъ Борисовомъ; такимъ образомъ судьба Наполеона была почти рѣшена, и русскіе могли взять его живьемъ. Но адмиралъ сталъ продѣлывать одну нелѣпость за другою. Такъ вмѣ-

сто того, чтобы ожидать въ западнѣ Наполеона, онъ отправилъ одинъ за другимъ отряды на розыски французовъ и, только видя отчаяніе всѣхъ подчиненныхъ ему генераловъ, отказался отъ этого болѣе чѣмъ опаснаго, плана. Но авангардъ уже ушелъ и въ пяти верстахъ отъ Борисова встрѣтилъ большой отрядъ французовъ, который обратилъ его въ бѣгство и, преслѣдуя по пятамъ, занялъ Борисовъ, куда на другой день вступилъ и самъ Наполеонъ. «Мы совершенно ясно отличали императора и его генераловъ,—говоритъ Ланжеронъ,—и видѣли, что они направились на Студенку для приготовленія мостовъ, съ цѣлью перехода чрезъ рѣку». По несчастію въ это время Чигаговъ получилъ извѣстіе отъ Кутузова и Витгенштейна, что, наоборотъ, Наполеонъ двигался къ Бережинѣ. Это такъ смутило адмирала, что онъ сталъ сомнѣваться, находился ли Наполеонъ противъ него. Онъ совсѣмъ растерялся и повелъ свои войска по указанному Кутузовымъ направленію, очистивъ берегъ Березины, и даже не сжегъ мостовъ. Потерявъ драгоцѣнное время въ маршахъ и контръ-маршахъ, онъ возбудилъ всеобщее негодованіе не только своихъ генераловъ и офицеровъ, но даже солдатъ, которые громко называли его «презрѣннымъ матросомъ». Наконецъ онъ вернулся назадъ на прежнее свое мѣсто, но было уже поздно: Наполеонъ перешелъ Березину. Хотя Ланжеронъ рѣшительно обвиняетъ Чичагова за упущеніе Наполеона изъ ловушки при Березинѣ, но издатель его мемуарѣвъ, анонимный авторъ, скрывающій себя по буквами Л. Ж. Ф., говоритъ, что, за недостаткомъ документовъ, трудно опредѣлить, кто виноватъ въ этомъ множествѣ ошибокъ. Что же касается до Чичагова, то въ донесеніи Александру онъ рѣшительно оправдывается и проситъ императора освободить себя отъ Ланжерона «вслѣдствіе его разсѣянности и вѣтрености». Какъ бы то ни было, Наполеонъ освободился отъ неизбѣжнаго плѣна и ускакалъ въ Парижъ; остатки же его арміи погибли отъ наступившихъ холодовъ и преслѣдованія русскихъ. Въ этомъ отношеніи, по словамъ Ланжерона, Чичаговъ, какъ слѣдуетъ, исполнилъ свой долгъ. Этому показанію врага Чичагова тѣмъ болѣе нужно повѣрить, что Ланжеронъ всегда его осуждаетъ. Когда, по словамъ автора мемуаровъ, Чичаговъ былъ смѣщенъ съ своего поста при переходѣ черезъ Вислу, то вся армія безумно радовалась. Главнокомандующимъ назначенъ былъ Барклай де-Толли, и такимъ образомъ началась кампанія 1813 года, въ которой принялъ значительное участіе и графъ Ланжеронъ, во главѣ корпуса въ 60.000 человѣкъ, вошедшаго въ составъ Силезской арміи, подъ начальствомъ Блюхера. О прусскомъ героѣ Ланжеронъ выражается очень хвалебно. Блюхеру тогда было семьдесятъ лѣтъ, но онъ ничего не потерялъ относительно своей храбрости, физической силы и нравственной доблести. Это былъ старый гусаръ, въ полномъ смыслѣ этого слова: пьяница, игрокъ и кутила. Но эти недостатки искупались пламеннымъ патріотизмомъ, непреодолимой храбростью и умѣньемъ привлечь къ себѣ любовь солдатъ. «Поэтому,—говоритъ Ланжеронъ,—его скоро стали обожать русскіе, какъ пруссаки. Его дѣятельность была удивительна, и онъ всегда находился верхомъ, а военное чутье было превосходно. Но этимъ и ограничивались его военныя способности. Онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ стратегическихъ познаній

и не умѣлъ составить плана сраженія. Поэтому онъ вполнѣ предоставлялъ всѣ военныя и политическія подробности своимъ тремъ талантливымъ помощникамъ: Гнейзенау, Муффлингу и графу Гольцу». Что касается русскихъ генераловъ, находившихся подъ командой Ланжерона, то очень немногіе заслужили его похвалы, а именно Рудзевичъ, Эмманюэль, Капцевичъ, графъ Сенъ-При и князь Щербатовъ. Онъ всего болѣе жаловался на начальника своей кавалеріи, барона Корфа, который, по его словамъ, былъ хорошій генералъ на бумагѣ, но на полѣ сраженія никуда не годился. Это тѣмъ болѣе представляло неудобствъ, что самъ Ланжеронъ былъ прекраснымъ пѣхотнымъ генераломъ, но ничего не понималъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ. Впрочемъ многія ошибки и неудачи его генераловъ не мѣшали ему въ концѣ своихъ мемуаровъ выразить всѣмъ своимъ подчиненнымъ безконечную благодарность за ихъ геройство, особенно солдатамъ. «Съ подобными войсками,—говоритъ Ланжеронъ,—начальникъ непобѣдимъ, и мы съ Блюхеромъ, благодаря имъ, легко побѣждали достойныхъ насъ враговъ. Командуя одинаково доблестными воинами, онъ все-таки, смотря на русскихъ солдатъ, говорилъ: о, какъ они прекрасны». Относительно дѣйствій Ланжерона во время кампаніи 1813 года всего замѣчательнѣе цѣлый рядъ мелкихъ сраженій, которыя предшествовали громадной битвѣ подъ Катцбахомъ и послѣдовали послѣ нея. Это было одно изъ самыхъ рѣшительныхъ сраженій всей кампаніи, и французскій полководецъ Макдональдъ былъ разбитъ на голову. Замѣчательно, что нѣсколько разъ въ этой военной эпопеѣ Ланжеронъ нарушалъ приказанія Блюхера. Послѣдній былъ очень недоволенъ, хотя и успѣшнымъ, неповиновеніемъ своего подчиненнаго и просилъ короля взять Ланжерона изъ его арміи. Однако, впослѣдствіи, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе и продолжалъ съ успѣхомъ дѣйствовать вмѣстѣ съ русскимъ генераломъ. Точно также новѣйшіе нѣмецкіе военные писатели, какъ майоръ Кунцъ, полковникъ Фрейтагъ и майоръ Фридрихъ въ неоконченномъ сочиненіи о 1813 г. чрезвычайно подробно критикуютъ битву при Катцбахѣ и отдаютъ справедливость дѣйствіямъ Ланжерона. Напротивъ, эти писатели и анонимный издатель мемуаровъ Ланжерона считаютъ не достаточною энергію, выказанную послѣднимъ и даже Блюхеромъ, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, несмотря на одержанную русскими побѣду. Повидимому, императоръ Александръ I былъ не доволенъ Ланжерономъ и наградилъ его за эту битву только бриліантами на Александровскую ленту, тогда какъ Платовъ и Милорадовичъ, по мнѣнію Ланжерона, дѣйствовавшіе гораздо хуже его, получили Андреевскую ленту. Ланжеронъ былъ такъ разгнѣванъ этою немилостью, что жаловался императору въ письмѣ. Государь призналъ свою несправедливость, но все-таки объяснилъ, что Платовъ и Милорадовичъ сражались предъ его глазами. Ланжерона же онъ хотѣлъ вознаградить, назначивъ главнокомандующимъ русской арміей въ Турцію, гдѣ вскорѣ ожидалась война, однако не осуществившаяся. Подводя итоги 1813 года, Ланжеронъ считаетъ, что въ исторіи никогда не было болѣе дѣятельной, блестящей и рѣшительной кампаніи. Въ теченіе девяти недѣль силезская армія выдержала тридцать девять сраженій, въ томъ числѣ пять большихъ битвъ, въ которыхъ непріятель потерялъ сто тысячъ человѣкъ и

двѣсти сорокъ орудій, тогда какъ Блюхеръ и Ланжеронъ не лишились ни одной пушки, но зато потеря людьми была громадная, именно 50.000 человѣкъ. Начиная разсказъ о послѣднемъ походѣ своей геройской трилогіи, Ланжеронъ распространяется о прекрасной организаціи своихъ войскъ, особенно артиллеріи. Затѣмъ 1-го января 1814 года онъ перешелъ черезъ Рейнъ, попрежнему состоя въ арміи Блюхера. Первое сраженіе, въ которомъ Ланжеронъ участвовалъ во Франціи, было подъ Бріеномъ, и русскіе одержали побѣду, хотя Наполеонъ командовалъ французской арміей. Цѣлый рядъ мелкихъ сраженій слѣдовалъ послѣ этого, и союзники направились на Парижъ, геройски дѣйствуя, въ томъ числѣ и Ланжеронъ, въ битвахъ подъ Краономъ и Лаономъ. Наконецъ, 30-го марта произошло сраженіе подъ Парижемъ, и Ланжеронъ покрылъ себя славой при взятіи штурмомъ Монмартра. По его словамъ, «въ девятнадцати видѣнныхъ имъ кампаніяхъ ни одна не увѣнчалась такимъ великолѣпнымъ подвигомъ». Результатомъ этихъ дѣйствій была сдача Парижа, и Александръ вознаградилъ Ланжерона Андреевской лентой. Существуетъ легенда, что императоръ лично вручилъ ему этотъ орденъ со словами: «Я нашелъ его на высотахъ Монмартра». Но самъ Ланжеронъ опровергаетъ этотъ разсказъ и говоритъ, что Александръ, встрѣтивъ его на другой день послѣ взятія Парижа, сказалъ: «Я никогда не забуду услугу, которую вы оказали мнѣ вчера, и вы вскорѣ получите доказательство моей благодарности». Доказательствомъ была Андреевская лента. На возвратномъ походѣ въ Россію Ланжеронъ перешелъ нѣмецко-польскую границу въ Швейдницѣ, ровно черезъ одиннадцать мѣсяцевъ, день въ день, послѣ вступленія въ Германію въ 1813 году. По его словамъ, въ эти одиннадцать мѣсяцевъ онъ побывалъ съ своими войсками въ Парижѣ и принялъ участіе въ пятидесяти трехъ сраженіяхъ, изъ которыхъ выигралъ сорокъ восемь. Этимъ кончаются мемуары Ланжерона, и анонимный издатель записокъ, отдавая полную справедливость доблестному воину, не можетъ, какъ французъ, скрыть своего негодованія, что Ланжеронъ проливалъ французскую кровь, будучи самъ французомъ. Но Ланжеронъ заявляетъ, что онъ дрался съ врагами французскаго престола и французскаго короля, тѣмъ болѣе, что не искалъ во Франціи вознагражденія за свои подвиги, а кончилъ свою жизнь во второмъ своемъ отечествѣ.

— Еще о княгинѣ Ливенъ. Эрнестъ Додэ недавно напечаталъ особымъ изданіемъ свою статью [1]) о княгинѣ Ливенъ. Этотъ трудъ былъ помѣщенъ ранѣе въ трехъ книжкахъ «Revue des deux mondes» нынѣшняго года и послужилъ матеріаломъ для очерка «Женщина-дипломатка», появившагося на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (іюнь и іюль 1903 г.). Новаго въ своей книгѣ авторъ дополнилъ только, основанный на ея перепискѣ съ Гизо, разсказъ о послѣднихъ годахъ княгини Ливенъ, проведенныхъ въ Парижѣ. Хотя многія изъ этихъ писемъ появляются впервые, но, вообще, они уже извѣстны по другимъ источникамъ и очень немногія представляютъ интересныя свѣдѣнія. Сношенія княгини Ливенъ съ Гизо начались въ 1836 г. и продолжались

[1]) Une vie d'ambassadrice au siécle dernier, par Ernest Daudet. Paris. 1903.

до самой ея смерти. Первый разъ княгиня увидѣла Гизо, когда ей было пятьдесятъ три года, а ему пятьдесятъ. Объ ихъ домашней ежедневной жизни уже хорошо извѣстно, а потому только упомянемъ объ ея новыхъ чертахъ. Когда Гизо отправился въ Лондонъ посланникомъ іюльскаго правительства, то княгиня Ливенъ писала ему почти ежедневно и посѣтила его въ англійской столицѣ, гдѣ пробыла болѣе двухъ мѣсяцевъ. Вскорѣ, однако, Гизо вернулся въ Парижъ, и занялъ прежде мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, а потомъ премьера. Съ тѣхъ поръ они никогда не разставались. Эта постоянная дружеская связь заставила многихъ говорить, что они женятся. Графиня Нессельроде спросила княгиню:—«Правду ли говорятъ, дорогая моя, что вы выходите замужъ за Гизо?». На это княгиня Ливенъ громко расхохоталась и отвѣтила: —«Можете ли вы представить себѣ, что обо мнѣ доложатъ въ какой нибудь гостиной: г-жа Гизо!». Однимъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ послѣдней эпохи царствованія Луи-Филиппа было посѣщеніе Франціи королевой Викторіей. Посланники европейскихъ державъ были очень взволнованы этимъ событіемъ и не вѣрили его осуществленію, а одинъ изъ нихъ даже держалъ пари, что королева не пріѣдетъ, и это пари поддержалъ русскій посланникъ Киселевъ. «Я тотчасъ пригласила его,—писала княгиня Ливенъ,—и хотѣла сдѣлать ему серіозный выговоръ за такое поведеніе, но онъ сознался въ своемъ пари и очень сожалѣлъ о своей неосторожности. Я успокоила его и сказала, что на это никто не обратитъ вниманія, но вообще надо быть поосмотрительнѣе. Онъ увѣрилъ меня, и я ему вѣрю, что онъ всѣмъ говорилъ: «Это великое событіе». А когда кто-то отнесся при немъ пренебрежительно о королевѣ, то онъ возразилъ: «Хороша дѣвчонка! Она — государь и теперь является, окруженная своимъ флотомъ и министрами. Эта дѣвчонка—англійское правительство и вся Англія!». Изъ этого разговора видно, что княгиня Ливенъ продолжала вліять на русское посольство, хотя уже не была посланницей. Несмотря на то, что она долгое время была въ ссорѣ съ императоромъ Николаемъ, но, по словамъ Додэ, они въ срединѣ сороковыхъ годовъ примирились, и снова она вела съ нимъ, или, вѣрнѣе, съ императрицей, подъ именемъ графини Нессельроде, политическую переписку. Нельзя не признаться, что это свѣдѣніе, сообщаемое Додэ, нѣсколько сомнительно тѣмъ болѣе, что оно противорѣчитъ извѣстію, сообщаемому графомъ Рээ о неудовольствіи, возбуждаемомъ въ императорѣ письмами княгини Ливенъ къ императрицѣ въ 1853 г. Что же касается до Эрнеста Додэ, то онъ увѣряетъ, будто эта политическая переписка продолжалась и во время второй имперіи. Въ этомъ согласенъ съ нимъ и Меттернихъ, который въ своихъ мемуарахъ говоритъ: «Княгиня Ливенъ адресуетъ свои донесенія на имя императрицы. Наполеонъ III и особенно Морни старались всячески ухаживать за княгиней Ливенъ. Морни настоялъ даже, чтобы ее посѣтила предъ своей свадьбой будущая императрица Евгенія, говоря: «Надо ее вмѣшать въ нашу игру. Никто лучше ее не можетъ расположить въ нашу пользу европейскіе дворы». Однако оказалось, что знаменитая дипломатка была не довольно зоркимъ политикомъ. Она увѣряла предъ Крымской войной, что войны никогда не будетъ, и въ этомъ противорѣчила Киселеву.

По словамъ Додэ, императоръ вѣрилъ своей тайной корреспонденткѣ больше, чѣмъ посланнику, и сдѣлалъ ему выговоръ. Благодаря успокоеніямъ княгини Ливенъ, русская политика становилась требовательнѣе и довела до войны. По этому поводу императрица Евгенія не разъ говорила: «Эту войну навлекло женское посольство». Во время Крымской кампаніи княгиня Ливенъ принуждена была удалиться изъ Франціи въ Брюссель, а когда заключенъ былъ миръ, она снова вернулась въ Парижъ, гдѣ, какъ извѣстно, умерла на рукахъ Гизо.

СМѢСЬ.

Рукопись «Горе отъ ума». Историческій музей пріобрѣлъ за 5 тысячъ рублей оригинальную рукопись Грибоѣдова «Горе отъ ума» въ одной изъ первыхъ редакцій. Рукопись пріобрѣтена при энергичномъ содѣйствіи Н. А. Шаломытова на средства, доставленныя душеприказчикомъ Медвѣдниковой. Вообще рукописи произведеній Грибоѣдова встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, а изъ «Горя отъ ума» до сихъ поръ въ подлинникѣ были извѣстны только незначительные отрывки. Рукопись, поступившая теперь въ музей, содержитъ всѣ четыре дѣйствія комедіи, и почти вся она писана самимъ Грибоѣдовымъ: только немногія сцены, въ общемъ менѣе десятой части всей пьесы, писаны переписчиками. Рукопись даетъ текстъ комедіи въ одной изъ первоначальныхъ редакцій, при чемъ пьеса была вся переписана авторомъ набѣло и потомъ вновь подверглась многочисленнымъ и значительнымъ измѣненіямъ; измѣнено даже самое заглавіе комедіи: въ рукописи оно первоначально было «Горе уму». Текстъ этой рукописи былъ извѣстенъ въ копіи, принадлежащей Публичной библіотекѣ, и этою копіей пользовались А. Н. Веселовскій и И. А. Шляпкинъ. Но копія оказывается не всегда точною, а главное въ ней совсѣмъ отсутствуютъ мѣста, откинутыя авторомъ при отдѣлкѣ, а мѣста эти даютъ нѣсколько десятковъ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ стиховъ комедіи; такъ какъ и менѣе крупныя измѣненія, сдѣланныя Грибоѣдовымъ, чрезвычайно интересны, а притомъ и окончательный текстъ рукописи извѣстенъ по неточному списку (въ изданіи сочиненій Грибоѣдова проф. Шляпкинъ ввелъ этотъ списокъ въ сводный текстъ первоначальной редакціи), историческій музей рѣшилъ издать текстъ «Горе отъ ума» по автографу, который поступилъ въ музей. Изданіе будетъ состоять изъ подробнаго описанія рукописи, составленнаго А. И. Станкевичемъ, и всего текста комедіи съ приведеніемъ всѣхъ варіантовъ рукописи, съ сохраненіемъ

ея ореографіи, подъ редакціей В. Е. Якушкина. Въ настоящее время изданіе печатается и должно выйти въ сентябрѣ. Къ изданію будутъ приложены фототипическіе снимки съ рукописи.

Ростовскій кремль и музей древностей. Кто бывалъ въ Ростовѣ-Ярославскомъ лѣтъ 25—30 тому назадъ, тотъ долженъ помнить, въ какомъ ужасномъ положеніи развалинъ и полнаго разрушенія находились тогда памятники русскаго древняго зодчества. Кремлевскія палаты, древніе княжескіе терема, въ которыхъ нѣкогда учительствовалъ и жилъ св. Димитрій Ростовскій, гдѣ останавливалась императрица Екатерина II, служили складомъ для вина, соли и керосина, въ Григорьевской церкви была даже кузница, а часть зданій, Красная палата, была въ 40-хъ годахъ продана на сломъ. Въ 1882 году Ростовскій кремль и церкви постигаетъ неожиданная участь. Членъ императорскаго московскаго археологическаго общества И. А. Шляковъ, поселившись въ Ростовѣ, собираетъ вокругъ себя кружокъ любителей старины и при содѣйствіи археологическаго общества, послѣ долгой и упорной борьбы за цѣлость остатковъ древности, возстановляетъ на собранныя пожертвованія, коихъ потребовалось 104 тысячи рублей, кремлевскія палаты и церкви въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были украшены, а частью и перестроены знаменитымъ ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сисоевичемъ въ срединѣ и въ концѣ XVII столѣтія, при чемъ подъ поломъ соборнаго Успенскаго храма былъ открытъ каменный гробъ, въ которомъ со времени татарскаго нашествія были сокрыты мощи св. Леонтія, перваго просвѣтителя христіанскимъ ученіемъ Ростовской земли, такъ что дотолѣ мѣстонахожденіе ихъ не было извѣстно. При реставраціи зданій были открыты древнія фрески, нынѣшнее благолѣпіе и красота кремлевскихъ церквей, и богатыя коллекціи древностей, собранныя попутно въ возстановленной бѣлой палатѣ и въ княжихъ теремахъ, заставляютъ удивляться труду и знаніямъ реставраціоннаго комитета и обилію жертвъ благотворителей изъ гражданъ Ростова и Ярославля. Особенною поддержкой комитетъ пользовался со стороны В. И. Королева, пожертвовавшаго на это дѣло 24.000 рублей. Безъ всякой правительственной помощи и субсидіи, кружокъ любителей родной старины изъ мѣстныхъ коммерсантовъ воздвигъ первый въ Россіи по времени музей древностей и сохранилъ для потомства древнія зданія съ богатою живописью. Но времена мѣняются, щедрые жертвователи начинаютъ сходить со сцены, какъ, напримѣръ, въ прошломъ году умеръ В. И. Королевъ, до послѣдняго времени дававшій крупныя суммы на содержаніе музея и на текущіе расходы. До прошлаго года на содержаніе музея и кремлевскихъ зданій ростовская городская дума ежегодно отпускала по 900 рублей, но теперь эта сумма уменьшена до 600 рублей. Опасаясь на будущее время оставить созданный музей и возстановленные памятники древности въ неопредѣленномъ положеніи и озабочиваясь, что самые необходимые расходы по соблюденію чистоты въ зданіяхъ, найму сторожей и пополненію коллекцій, были обезпечены, комитетъ по управленію музеемъ, находящійся въ завѣдываніи святѣйшаго синода и императорскаго московскаго археологическаго общества, обратился въ святѣйшій синодъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи ежегодно изъ средствъ государственнаго казначейства по 2.700 рублей на содержаніе музея, при чемъ представилъ

смѣту и проектъ штатовъ. Въ виду того, что Ростовскій музей древностей, помимо своего общегосударственнаго значенія, оказываетъ содѣйствіе мѣстнымъ кустарнымъ промысламъ, распространяя среди кустарей образцы древняго искусства (русскій стиль), за что и получилъ серебряную медаль на всероссійской кустарной выставкѣ 1902 года, и учрежденная при немъ школа рѣзьбы и позолоты по дереву (запрестольные кресты и пр. церковная утварь) пользуется субсидіей отъ министерства финансовъ, есть основаніе полагать, что и это вѣдомство поддержитъ ходатайство комитета, заслуживающее полнаго вниманія всѣхъ лицъ, коимъ дорога отечественная исторія и судьбы памятниковъ русскаго древняго зодчества.

Пермскій научно-промышленный музей. Изъ отчета музея за 1902 г. видно, что это учрежденіе, поставившее своею цѣлью изученіе «природы, исторіи и жизни Пермскаго края», за десятилѣтнее свое существованіе достигло значительныхъ результатовъ. Насколько музей удовлетворяетъ потребностямъ мѣстнаго населенія, видно изъ того, что общее число посѣтителей музея за отчетный годъ достигло 12-ти тысячъ человѣкъ. Дѣятельность музея, кромѣ того, выразилась въ организаціи популярно-научныхъ бесѣдъ по различнымъ отраслямъ знанія и въ еженедѣльныхъ общихъ собраніяхъ членовъ музея для научныхъ докладовъ и сообщеній, касавшихся преимущественно изученія жизни мѣстнаго края. Входъ въ музей, а также на всѣ засѣданія и научныя бесѣды, происходившія одинъ—два раза въ недѣлю, былъ безплатный и свободный для всѣхъ желающихъ. Число посѣтителей засѣданій музея и научныхъ бесѣдъ доходило до 150 человѣкъ. Среди сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ музея, можно отмѣтить: докладъ С. Н. Стемпневскаго «О безпроволочной электрической сигнализаціи», сопровождавшійся опытами безпроволочнаго телеграфированія, докладъ профессора Варшавскаго университета В. П. Амалицкаго объ отрытыхъ имъ на сѣверѣ Россіи гигантскихъ ископаемыхъ животныхъ пермской эпохи. Многочисленную публику привлекли доклады А. Н. Юрьева по теоріи познанія и о Шопенгауэрѣ, нѣсколько засѣданій были посвящены ознакомленію съ результатами бывшаго въ концѣ 1901 года въ Петербургѣ XI съѣзда естествоиспытателей и врачей и харьковскаго XII археологическаго съѣзда, происходившаго въ 1902 году. Значительное число докладовъ посвящено было изслѣдованію мѣстнаго края въ историческомъ, статистическомъ и экономическомъ отношеніяхъ; доклады эти касались: состоянія Пермской губерніи въ началѣ и концѣ XIX вѣка, исторіи продовольственнаго дѣла, недоимочности крестьянскаго населенія, результатовъ урожая и вліянія неурожая на различныя стороны крестьянскаго хозяйства, движенія населенія, экономическаго состоянія сельскаго населенія и значенія податного фактора въ сельскохозяйственной промышленности, вопроса о переселеніяхъ и колонизаціи. По воскресеньямъ въ музеѣ происходили популярныя бесѣды по пчеловодству, начатыя еще въ 1901 году. Практическимъ послѣдствіемъ свѣдѣній, полученныхъ слушателями (30—60 человѣкъ) бесѣдъ по пчеловодству, явилось устройство ими собственной товарищеской пасѣки на усадьбѣ метеорологической станціи въ Перми, чѣмъ положено было начало основанію кружка любителей пчеловодства. Кромѣ того, въ настоящее время

при музеѣ образованъ особый отдѣлъ пчеловодства. Весной 1902 года совѣтомъ музея были организованы три экскурсіи: двѣ ботаническія для собиранія матеріаловъ по флорѣ окрестностей города Перми и одна на мѣстную метеорологическую станцію для осмотра послѣдней. Въ теченіе зимы съ цѣлью подготовить сотрудниковъ подвижного музея и сельскихъ учителей, съѣзжающихся въ Пермь на время рождественскихъ каникулъ, состоялось нѣсколько объяснительныхъ бесѣдъ о собираніи и приготовленіи для коллекцій птицъ и млекопитающихъ животныхъ; бесѣды сопровождались демонстрированіемъ всѣхъ необходимыхъ для этого операцій. При музеѣ существуетъ библіотека, которая насчитываетъ 4.558 книгъ, но функціонируетъ она слабо: въ теченіе отчетнаго года было выдано изъ библіотеки до 100 книгъ. Такое незначительное пользованіе книгами объясняется въ отчетѣ неимѣніемъ въ библіотекѣ систематическаго каталога и отсутствіемъ основныхъ книгъ по разнымъ отдѣламъ, такъ какъ вся библіотека пополняется случайными поступленіями и пожертвованіями отъ частныхъ лицъ, ученыхъ обществъ и учрежденій. Для устраненія первой причины въ настоящее время уже приступлено къ составленію каталога, а для устраненія второй необходимы бо́льшія средства, чѣмъ ассигновалось прежде, каковыми музей не обладаетъ. Отдѣлъ пермскаго научно-промышленнаго музея—музей наглядныхъ учебныхъ пособій—также функціонировалъ слабо: требованій на учебныя пособія изъ подвижного музея за весь годъ было всего только девять.

Архивы волостныхъ правленій. Губернаторамъ преподано со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ указаніе, что далеко не всѣ дѣла волостныхъ правленій могутъ быть уничтожаемы, но что необходимо многія дѣла сохранять въ архивахъ. Разъяснено, что оконченныя дѣла могутъ быть уничтожаемы лишь по истеченіи 10, а опекунскія — 25 лѣтъ со дня рѣшенія ихъ, что не могутъ быть уничтожаемы приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ, рѣшенія волостныхъ судовъ, посемейные списки, выписки изъ ревизскихъ сказокъ, документы по воинской повинности, книги постановленій волостныхъ правленій, сдѣлокъ и договоровъ (сюда же вносятся и духовныя завѣщанія, ограниченныя суммой), всѣ денежныя и магазинныя книги. Указано такъ же, чтобы всѣмъ подлежащимъ храненію архивнымъ дѣламъ и документамъ велись описи и алфавитные указатели.

Археологическая находка. 29-го іюня при производствѣ земляныхъ работъ около осетинской церкви во Владикавказѣ наткнулись, по словамъ «Терскихъ Вѣдомостей», на древній подземный ходъ. На другой день Терскій статистическій комитетъ произвелъ здѣсь раскопки и обнаружилъ шесть могилъ, содержавшихъ слѣды древнѣйшаго погребенія. Къ сожалѣнію, время настолько испртило кости, что не было даже возможности опредѣлить, въ какомъ положеніи были погребены здѣсь трупы, то-есть лежали ли они на спинѣ, или въ согнутомъ положеніи, а это было бы очень важно для установленія эпохи погребенія. Изслѣдованіе двухъ могилъ позволяетъ, однако, думать, что онѣ относятся къ бронзовому вѣку. Среди истлѣвшихъ костей найдены два глиняные кувшинчика, гладко отполированное зеркальце, бронзовые браслеты и рошь и каменныя бусы.

Статуэтка Августа II, короля польскаго. На-дняхъ однимъ кіевскимъ собирателемъ художественныхъ древностей, по словамъ газеты «Кіевлянинъ», пріобрѣтена рѣдкая статуэтка изъ слоновой кости. Портретная статуэтка эта состоитъ собственно изъ фигуры короля, имѣющей 24 сантиметра, и пьедестала изъ моренаго дуба—10 сант. (всего 34 сантим.). Король изображенъ 35—40 лѣтъ, съ замѣчательно красивыми чертами лица, одѣтъ онъ въ шелковый кафтанъ, украшенный шитьемъ и тонкими кружевами, на которомъ находится орденская звѣзда, подъ кафтаномъ орденская лента, на головѣ треугольная шляпа. На пьедесталѣ, украшенномъ рѣзьбой и чернымъ (рѣдкимъ) перламутромъ, находится дощечка изъ слоновой кости съ надписью: «Augustus Rex Poloniae». Исполненіе портретной статуэтки такъ тонко и художественно, что, не говоря уже о фигурѣ, можно видѣть не только узоры кружевъ, формы шитья и другихъ украшеній, но и опредѣлить матеріалъ платья, туфель и проч.

Статуэтка эта, бережно сохранявшаяся съ начала XVIII стол., представляетъ выдающійся историческій художественный интересъ.

Полярная экспедиція. По послѣднимъ, полученнымъ въ академіи наукъ, извѣстіямъ, одинъ изъ самоотверженнѣйшихъ членовъ русской полярной экспедиціи, лейтенантъ А. В. Колчакъ, отправившійся 9 февраля изъ Петербурга въ чрезвычайно отважное путешествіе для разысканія начальника экспедиціи барона Э. В. Толля и для оказанія ему помощи при возвращеніи на родину, уже выѣхалъ на собакахъ изъ села Казачьяго на Ново-Сибирскіе острова. Его сопровождаютъ нѣсколько поморовъ и матросовъ яхты «Заря». Если лейтенантъ Колчакъ не встрѣтитъ барона Толля на Ново-Сибирскихъ островахъ, то онъ долженъ стремиться пробраться къ острову Беннета, гдѣ, какъ предполагается, находится баронъ Толль и его спутники. Островъ Беннетта отстоитъ отъ Новой Сибири на 100—120 верстъ. Онъ совершенно не изслѣдованъ, и до сихъ поръ о немъ только и было извѣстно, что онъ существуетъ. Въ настоящее время лейтенантъ Колчакъ, вѣроятно, находится на пути отъ Новой Сибири къ острову Беннетта, и это смѣлое путешествіе онъ намѣренъ былъ совершить на шлюпкѣ. 23 мая, какъ напоминаютъ газеты, исполнился уже годъ, какъ баронъ Толль въ сопровожденіи астронома Ф. Г. Зеберга и двухъ якутовъ оставилъ яхту «Заря» въ Нерпичьей губѣ острова Котельнаго съ цѣлью достигнуть острова Беннетта и произвести географическія и другія научныя изслѣдованія въ совершенно неизвѣданныхъ краяхъ, куда не заглядывалъ и глазъ человѣческій. Баронъ Толль отправился на собакахъ, а на случай переправы черезъ полыньи и трещины во льду захватилъ съ собою двойныя байдары. Отправляясь въ это рискованное путешествіе, баронъ Толль старался снарядиться такъ, чтобы имѣть возможность вернуться самостоятельно на Новую Сибирь, если бы яхтѣ «Заря» почему либо оказалось невозможнымъ зайти за нимъ. «Зарѣ», несмотря на всѣ усилія командира ея, лейтенанта Матисена, не оказалось возможнымъ изъ-за непроходимыхъ льдовъ подойти къ Беннетту, и такъ какъ у барона Толля, по всей вѣроятности, собакъ не хватило на обратный путь, то ему пришлось, какъ онъ и предвидѣлъ, зимовать на островѣ Беннетта. Что касается пищи, то баронъ Толль и его спутники — прекрасные охотники, и бѣлый медвѣдь не разъ бывалъ добычей ихъ оружія. Если же ему удалось весной пере-

правиться обратно на Ново-Сибирскіе острова, то относительно пищи онъ вполнѣ обезпеченъ, такъ какъ тутъ во многихъ пунктахъ устроены самимъ барономъ Толлемъ (для Нансена въ 1893 году), Воллосовичемъ, русскими промышленниками, спасательныя депо со складами провизіи. Судя по запискѣ, оставленной астрономомъ Ф. Б. Зебергомъ на Новой Сибири, надо полагать, что партія барона Толля сошла съ Новой Сибири на ледъ по направленію къ острову Беннетта 1 — 2 іюля прошлаго года. Это послѣдняя вѣсть, которую мы имѣемъ о баронѣ Толлѣ. Кромѣ лейтенанта Колчака, навстрѣчу барону Толлю отправился инженеръ Брусневъ, который будетъ ожидать его на Ново-Сибирскихъ островахъ до вскрытія моря. Въ то же время опытный матросъ Толстовъ будетъ находиться на островѣ Котельномъ. На Ново-Сибирскихъ островахъ въ изобиліи встрѣчается самаго лучшаго качества мамонтова кость, за которою сюда ежегодно пріѣзжаютъ промышленники. Они остаются на островахъ до замерзанія моря глубокою осенью, и всѣмъ имъ объявлено, чтобы при встрѣчѣ съ барономъ Толлемъ ему была оказана всяческая помощь. Такимъ образомъ, для благополучнаго возвращенія барона Толля и его спутниковъ приняты всѣ мѣры. 8 іюня исполнилось уже три года, какъ русская полярная экспедиція на яхтѣ «Заря» отправилась изъ Петербурга.

НЕКРОЛОГИ.

Блиновъ, Л. Д. † 13-го іюля скончался отъ паралича сердца художникъ морского министерства Леонидъ Демьяновичъ Блиновъ. Онъ родился 4-го января 1868 года въ Ярославской губ., Мологскаго уѣзда, въ Подмонастырской Слободѣ, въ бѣдной крестьянской семьѣ. Родители хотѣли его опредѣлить работникомъ на баржи по Волгѣ, но мальчика потянуло дальше, и онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ мелочную лавку. Переиспытавъ тамъ много горя, онъ, имѣя страсть къ живописи, перешелъ служить къ одному живописцу вывѣсокъ и съ тѣхъ поръ началъ копировать произведенія разныхъ художниковъ и продавать ихъ за довольно ничтожную плату. Его хозяинъ-живописецъ имѣлъ постоянную работу въ главномъ адмиралтействѣ, куда неоднократно посылалъ подмастерья Блинова. Тамъ обратили на него вниманіе и, какъ способнаго мальчика, отдали за счетъ морского министерства въ академію художествъ. Въ 1886 году по повелѣнію императора Александра III онъ пошелъ съ адмираломъ Шестаковымъ въ первое кругосвѣтное плаваніе, которыхъ свершилъ три, кромѣ плаванія по Черному и Балтійскому морямъ, на военныхъ и коммерческихъ судахъ. Въ 1894 году получилъ званіе классанго художника 2-й степени и въ этомъ же году назначенъ состоять художникомъ морского министерства. Въ періодъ съ 1886 года покойнымъ художникомъ исполнено много картинъ по заказу государей императоровъ Александра III и Николая II, а также и по заказу великихъ князей. Въ послѣдніе годы покойный работалъ очень мало, несмотря на то, что большую часть времени проводилъ съ семьей въ Крыму въ своемъ имѣніи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9851).

Жуковскій, Э. А. † 16-го іюля скончался попечитель больницы св. Ольги, почетный опекунъ, гофмейстеръ Эдуардъ Адольфовичъ Жуковскій. Онъ родился въ 1853 году; по образованію Э. А.—питомецъ императорскаго С.-Петербург-

скаго университета, курсъ котораго (по юридическому факультету) окончилъ въ 1879 году, и въ томъ же году опредѣлился на службу въ IV-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, въ которой и продолжалъ службу до конца своей жизни. Э. А. принималъ дѣятельное участіе во многихъ комиссіяхъ по разработкѣ законодательныхъ мѣръ и законопроектовъ, между прочимъ законопроекта объ отвѣтственности почетныхъ опекуновъ по дѣтскимъ пріютамъ и благотворительности вообще. Съ 1880 по 1886 годъ А. Э. состоялъ преподавателемъ законовѣдѣнія въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ. Послѣ смерти попечителя больницы св. Ольги, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Маркуса, покойный Э. А. въ 1902 году былъ назначенъ его замѣстителемъ, съ пожалованіемъ гофмейстеромъ двора его императорскаго величества. Изъ научныхъ его работъ выдѣляются: «Собраніе узаконеній вѣдомства учрежденій императрицы Маріи» и «Курсъ законовѣдѣнія». Служебныя заслуги покойнаго были настолько велики, что по высочайшему повелѣнію ему была назначена ежегодная пожизненная рента въ 3.000 рублей, и состоялось назначеніе его, не въ примѣръ прочимъ, въ должности старшаго чиновника канцеляріи (V кл.) почетнымъ опекуномъ (должность III кл.), что является единственнымъ случаемъ за послѣднее столѣтіе. По его иниціативѣ и трудамъ состоялось учрежденіе благотворительнаго сбора въ пользу вѣдомства учрежденій императрицы Маріи съ публичныхъ зрѣлищъ, дающаго ежегодно до 2 милліоновъ дохода, а также развитіе операцій по продажѣ игральныхъ картъ, доходъ съ которыхъ достигъ до 3 милліоновъ рублей. Въ послѣдніе годы жизни покойнымъ была создана для служащихъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи эмеритальная касса имени въ Бозѣ почившаго императора Александра III. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9829; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1903 г., № 193; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 162).

Кирхнеръ, А. В. † 2-го іюля скончался въ Благовѣщенскѣ редакторъ-издатель «Амурской Газеты» Александръ Валеріановичъ Кирхнеръ. Сынъ военнаго инженера, Александръ Валеріановичъ Кирхнеръ родился въ 1860 году въ имѣніи своего отца «Рузлатка» въ Саратовской губерніи. Здѣсь среди природы протекло его дѣтство. Мальчикъ обнаруживалъ любовь къ сельскому хозяйству, которое зналъ настолько, что 13-ти лѣтъ, по случаю болѣзни отца, самъ управлялъ всѣмъ имѣніемъ. Вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ въ реальное училище, но ему не удалось его окончить, такъ какъ пришлось вновь взяться за веденіе хозяйства своего отца. Это, однако, не помѣшало ему впослѣдствіи подготовиться и сдать экзаменъ за курсъ реальнаго училища экстерномъ. Тѣ же домашнія обстоятельства помѣшали А. В. поѣхать учиться за границу, и онъ поступилъ въ московское техническое училище (теперь технологическій институтъ). Будучи на второмъ курсѣ, А. В. былъ замѣшанъ вмѣстѣ съ товарищами въ дѣло о политической пропагандѣ и военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. Къ счастью, это наказаніе было замѣнено 15-лѣтней каторгой, а эта послѣдняя въ силу манифеста замѣнена пятилѣтней ссылкой въ пограничное селеніе Тунку, Иркутской губерніи. Здѣсь А. В. примѣнялъ къ жизни всѣ добытыя въ молодости знанія. Онъ имѣлъ кузницу и самъ въ ней

работалъ, занимался хозяйствомъ, устроилъ мельницу и т. д. Въ 1888 году А. В. пріѣхалъ на Амуръ въ качествѣ механика, на пріиски Ниманской компаніи. Потомъ онъ былъ управляющимъ пріисками, ходилъ съ поисковыми партіями и т. д. Къ этому времени относится и изобрѣтеніе имъ аппарата для удержанія изъ текущей воды, промывающей золотосодержащую породу, мельчайшихъ частицъ пловучаго золота. Аппаратъ названъ былъ «электро-магнитнымъ амальгаматоромъ», и А. В. получилъ на него привилегію, но недостатокъ средствъ не далъ возможности на широко обставленныхъ опытахъ испытать дѣйствіе его амальгаматора. Около десяти лѣтъ провелъ А. В. на пріискахъ, въ постоянномъ усиленномъ трудѣ, а потомъ отправился съ партіей разыскивать золото на о. Сахалинъ, откуда возвратился въ Благовѣщенскъ въ 1899 г. Существовавшая здѣсь «Амурская Газета» переживала тяжелый моментъ. А. В. вошелъ въ составъ редакціи, и его горячія статьи по мѣстнымъ и политическимъ вопросамъ сразу оживили газету и привлекли къ ней симпатіи и сочувствіе читателей. Въ 1900 году «Амурская Газета» перешла въ собственность А. В., и онъ повелъ ее самостоятельно. Покойный горячо отстаивалъ интересы родного края и неутомимо боролся съ отрицательными явленіями общественной жизни. Мысль о необходимости проведенія Амурской желѣзной дороги имѣла въ лицѣ покойнаго энергичнаго и непреклоннаго защитника. (Некрологъ его: «Дальній Востокъ», 1903 года, № 162).

Крачковскій, Ю. Ѳ. † 25-го іюля, въ 3 часа ночи, скончался отъ паралича сердца, дѣйствительный статскій совѣтникъ Юліанъ Ѳомичъ Крачковскій. Почти вся 38-лѣтняя служебная дѣятельность покойнаго протекла въ виленскомъ учебномъ округѣ, и болѣе 25 лѣтъ въ г. Вильнѣ. Покойный Юліанъ Ѳомичъ родился въ 1840 году; окончилъ въ 1865 году курсъ наукъ въ с.-петербургской духовной академіи, со степенью магистра богословія. Желая посвятить свои молодыя силы служенію православному западно-русскому народу въ области воспитанія его, покойный поступилъ на службу наставникомъ во вновь открывшуюся тогда молодечненскую учительскую семинарію въ августѣ 1865 г. Въ 1869 году попечитель Московскаго учебнаго округа, князь Ширинскій-Шихматовъ, зная Ю. Ѳ. по его дѣятельности въ молодечненской учительской семинаріи, привлекъ его на службу въ свой округъ въ качествѣ инспектора народныхъ училищъ. Но не долго покойный Ю. Ѳ. оставался на службѣ въ Московскомъ округѣ; его влекло на родину, въ Сѣверо-Западный край, и онъ снова съ удовольствіемъ былъ принятъ на службу въ Виленскій учебный округъ попечителемъ Н. А. Сергіевскимъ и въ 1870 г., по собственной просьбѣ, былъ перемѣщенъ на должность инспектора народныхъ училищъ Виленской губерніи, а въ 1872 г. былъ назначенъ директоромъ полоцкой учительской семинаріи, которую ему пришлось открывать. Послѣ командировки въ 1874 г. съ ученою цѣлью за границу на 2 мѣсяца, въ 1875 г. Ю. Ѳ., какъ опытный администраторъ, былъ назначенъ директоромъ вновь открывшагося виленскаго христіанскаго учительскаго института. 1 мая 1884 г. Ю. Ѳ. назначенъ директоромъ туркестанской учительской семинаріи. За болѣзнью главнаго инспектора училищъ Туркестанскаго края, былъ командированъ въ февралѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1885 г. для обозрѣнія учебныхъ заведеній края. Въ 1888 г. 24-го

апрѣля назначенъ предсѣдателемъ виленской комиссіи по разбору и изданію древнихъ актовъ и по устройству виленской публичной библіотеки. Ставъ во главѣ виленской археографической комиссіи, покойный немало потрудился надъ извлеченіемъ изъ юридическихъ актовъ Литовской Руси цѣнныхъ историческихъ фактовъ, выясняющихъ запутанное и туманное прошлое этого края, служившаго продолжительное время ареной борьбы между населяющими его разными народностями. Покойный оставилъ немалый слѣдъ въ отечественной исторіи. Не желая связывать себя обязанностями чисто административнаго характера по управленію комиссіей и желая всецѣло посвятить себя служенію наукѣ, изученію прошлаго, онъ добровольно оставилъ должность предсѣдателя комиссіи и сохранилъ за собой скромную должность члена комиссіи виленской публичной библіотеки, съ тѣмъ, чтобы не разрывать связи съ нею. Перу покойнаго принадлежали: «Очерки уніатской церкви» (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1871 г., кн. 1—4), «Бытъ западно-русскаго селянина», этнографическое изслѣдованіе (М., 1874 года, 212 стр.) и рядъ этнографическихъ статей въ «Виленскомъ Сборникѣ». Кромѣ того, подъ его руководствомъ издано нѣсколько томовъ «Актовъ виленской археографической комиссіи». Также Ю. Ѳ. принадлежитъ цѣлый рядъ историческихъ статей, подъ заглавіемъ «Русско-польскія отношенія», а также отдѣльныя, довольно крупныя изданія, относящіяся къ исторіи Базиліанскаго ордена, старой Вильны и много другихъ. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 207; «Виленскій Вѣстникъ», 1903 г., № 172).

Ланге, Р. Ѳ. 5-го августа скончался на 45 году жизни въ дачной мѣстности Шувалово деректоръ Петровскаго училища, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, Ричардъ Осиповичъ Ланге. Покойный, уроженецъ царства Польскаго, получилъ высшее оброзованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету, который окончилъ со степенью кандидата, и былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. Вслѣдъ за тѣмъ Р. О. нѣкоторое время провелъ въ заграничной командировкѣ, гдѣ занимался въ библіотекахъ Италіи, Франціи и Англіи. Спеціальностью Р. О. была преимуществу англійская литература и языкъ. По возвращеніи изъ-за гвапицы, онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ по всеобщей литературѣ и съ 1887 г. началъ читать лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Кромѣ того, Р. О. около четырехъ лѣтъ читалъ лекціи въ Александровскомъ лицеѣ, до назначенія въ 1897 г. директоромъ реформатскаго училища. Благодаря его усиліямъ, реформатское училище выстроило новое роскошное зданіе, являющееся однимъ изъ лучшихъ школьныхъ зданій города Петербурга. Директоромъ Петровскаго училища Р. О. пробылъ всего два года и за это время принесъ училищу немало пользы; упорядочилъ надзоръ за здоровьемъ учащихся, заботился объ усиленіи преподаванія новыхъ языковъ, ввелъ преподаваніе пѣнія и музыки, горячіе завтраки для воспитанниковъ и друг. Кромѣ того, покойнымъ были намѣчены и другія реформы: предполагалось основаніе классныхъ библіотекъ, расширеніе образовательныхъ экскурсій, преподаваніе гимнастики съ приборами, перестройка и расширеніе нѣкоторыхъ вспомогательно-научныхъ кабинетовъ

Петровскаго училища, наконецъ, пересмотръ программы. Какъ директоръ, Р. О. пріобрѣлъ славу гуманнаго педагога и хорошаго администратора, и пользовался общею любовью воспитанниковъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9851; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1903 г., № 215).

Лисенко, К. И. 16-го іюля скончался въ городѣ Курскѣ горный инженеръ и заслуженный профессоръ горнаго института Кононъ Ивановичъ Лисенко, родившійся 16-го января 1837 года. Происходя изъ дворянъ Полтавской губерніи, образованіе получилъ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса командированъ, въ 1856 году, для слушанія лекцій по химіи въ Гейдельбергскомъ университетѣ, на 2 года за границу. Въ 1862 году. ему поручено было преподаваніе химіи въ горномъ институтѣ. Въ 1866 г. утвержденъ въ должности адъюнкта института по каѳедрѣ химіи. Въ 1867 г. утвержденъ въ званіи профессора горнаго института по каѳедрѣ химіи. Въ 1888 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора института. Въ 1891 г. уволенъ отъ службы по болѣзни. Въ смерти К. И. русская нефтяная промышленность понесла потерю одного изъ крупныхъ ея сподвижниковъ, какъ въ сферѣ научной, такъ и практической. Покойному К. И. Лисенко первому удалось подмѣтить оригинальныя свойства углеводородовъ, составляющихъ русскій керосинъ. Кромѣ того, въ области практической для нефтяной промышленности К. И. далъ лампы, пиронафтъ, нафтены, регенерацію отбросовъ и пр. Покойный былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго русскаго техническаго общества. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г, № 9831; «Каспій», 1903 г, №№ 157, 158).

Радивановскій, Н. И. 20 іюля въ Варшавѣ скончался отставной генералъ-майоръ Николай Ивановичъ Радивановскій, занимавшій до 4 іюля должность старшаго техника варшавскаго окружного интендантскаго управленія. Покойный родился 13 ноября 1847 г., воспитывался въ 1 кадетскомъ корпусѣ и 2 Константиновскомъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ на старшій курсъ Николаевскаго инженернаго училища. Въ 1867 году произведенъ въ подпоручики въ 4 саперный баталіонъ; но строевая служба не занимала покойнаго, и онъ съ 1871 года уже прикомандировывается къ техническому гальваническому заведенію (военнаго вѣдомства), въ которомъ вскорѣ занимаетъ должность преподавателя (1875 г.). Здѣсь-то и протекла большая часть службы покойнаго, именно до 1890 года. Постоянно работая надъ взрывчатыми составами, химіей и электротехникой, Николай Ивановичъ пріобрѣлъ себѣ заслуженную ученую извѣстность: имъ написанъ обширный трудъ (два большихъ тома) по взрывчатымъ составамъ и примѣненію ихъ въ техникѣ и военномъ дѣлѣ; въ 1881 году ему была поручена крайне трудная и опасная работа по извлеченію заложеннаго злоумышленниками миннаго заряда въ подкопы на Малой Садовой улицѣ въ Петербургѣ и по изслѣдованію химическаго состава и свойствъ прочихъ, найденныхъ у участниковъ злодѣйскаго замысла на царскую жизнь, бомбъ и препаратовъ. Всѣ эти работы выполнены были успѣшно, и покойный за нихъ награжденъ царскимъ подаркомъ. Въ томъ же 1881 году Н. И. былъ командированъ въ Парижъ въ качествѣ члена отъ военнаго вѣдомства на международномъ электрическомъ конгрессѣ; въ 1885 году онъ командируется въ Лондонъ и Антверпенъ для ознакомленія и изученія

любимаго имъ дѣла на фотографической и электротехнической выставкахъ. Какъ знатокъ-электротехникъ, покойный Н. И. принималъ самое широкое участіе въ устройствѣ коронаціонныхъ торжествъ въ 1883 году и состоялъ членомъ коронаціонной комиссіи; въ 1889 году онъ устраиваетъ телефонную сѣть въ Бѣловѣжѣ; въ 1892 г.—вѣдаетъ установкою внутренняго электрическаго освѣщенія въ Бѣловѣжскомъ дворцѣ и въ 1894 г. наружнаго тамъ же. Въ это послѣднее время (съ мая 1890 года) онъ занималъ должность командира 11 военно-телеграфнаго парка; съ расформированіемъ же парковъ, въ 1894 году, былъ переведенъ въ 15 саперный баталіонъ. Но здѣсь Н. И. оставался недолго: строевая служба, хотя она и многое обѣщала впереди, была ему не по душѣ; его тянуло къ себѣ родное дѣло, и съ 20 апрѣля 1895 года онъ назначается старшимъ техникомъ варшавскаго окружного интендантскаго управленія и занимаетъ эту должность почти до самой смерти. (Некрологи его: «Варшавскій Дневникъ», 1903 г, № 200).

Ростковскій, А. А. † 26-го іюля убитъ турецкимъ жандармомъ въ Битоліи императорскій русскій консулъ Александръ Аркадьевичъ Ростковскій. А. А. родился 18-го октября 1860 года. Высшее и среднее образованіе А. А. получилъ въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. По окончаніи полнаго курса лицея, покойный рѣшилъ посвятить себя службѣ на Востокѣ. Въ 1883 г. А. А. вступилъ на службу съ чиномъ 9-го класса въ бывшій азіатскій, нынѣ первый департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Однако въ этой должности онъ прослужилъ недолго. Стремясь къ практической дѣятельности на мусульманскомъ Востокѣ, онъ выхлопоталъ себѣ назначеніе на должность второго секретаря дипломатическаго агентства и генеральнаго консульства въ Болгаріи. Черезъ полгода его переводятъ въ Палестину, гдѣ онъ получаетъ такую же должность второго секретаря и драгомана императорскаго россійскаго генеральнаго консульства въ Іерусалимѣ. Здѣсь молодой дипломатъ предается ревностному изученію быта, законодательства, культуры и нарѣчій интереснаго мусульманскаго Востока. Его блестящее знаніе турецкаго языка доставляетъ ему мѣсто секретаря императорскаго россійскаго консульства въ Янинѣ. Затѣмъ, въ концѣ 1887 года, А. А. снова возвращается въ Палестину на должность консульскаго секретаря въ Бейрутъ. Въ 1893 году, всего тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, А. А. получаетъ самостоятельную должность вице-консула въ Бриндизи. Но молодого дипломата все тянетъ на знакомый ему Востокъ, и въ 1897 году онъ переходитъ на должность императорскаго россійскаго вице-консула въ Битоліи. Черезъ два года новое назначеніе—вице-консуломъ въ Ускюбъ. Въ 1901 году на его мѣсто назначается покойный Щербина, а А. А. получаетъ мѣсто императорскаго россійскаго консула въ Битоліи. На этомъ посту и погибъ смертью героя А. А. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9841; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 371; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 170).

Тернеръ, К. И. † 5-го августа похоронили статскаго совѣтника Карла Ивановича Тернера, преподававшаго англійскій языкъ и литературу въ Александровскомъ лицеѣ съ 1862 г. и въ С.-Петербургскомъ университетѣ съ 1864 г. Сверхъ того, онъ въ послѣдніе годы былъ преподавателемъ Литейной женской гимназіи

и Ксенiинскаго института. Покойный родился въ 1832 г. въ Англiи, окончательное образованiе получилъ въ Оксфордскомъ университетѣ. Въ 1859 году онъ прiѣхалъ въ Россiю, которой и посвятилъ большую часть своей жизни. Знакомя русскую молодежь съ языкомъ и литературой своей великой родины, покойный знакомилъ и ее съ русскою литературою посредствомъ публичныхъ лекцiй въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ (въ 1881, 1883 и 1888 гг.) и Оксфордскомъ университетѣ (въ 1892 г.). Списокъ его трудовъ о русской и англiйской литературѣ помѣщенъ въ «Бiографическомъ словарѣ профессоровъ С.-Петербургскаго университета» (т. 2, 1898 г.). Несмотря на 71 годъ трудовой жизни, покойный до послѣднихъ дней жизни оставался дѣятельнымъ и бодрымъ и скончался послѣ непродолжительной болѣзни, оставивъ по себѣ самыя лучшiя воспоминанiя среди сослуживцевъ и многочисленныхъ учениковъ и ученицъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9849).

Фену, Н. О. † 8-го августа скончался учредитель очень извѣстной нѣсколько лѣтъ назадъ книгоиздательской фирмы Н. Фену и К° — дѣйствительный статскiй совѣтникъ Николай Осиповичъ Фену. Первоначальная дѣятельность покойнаго была педагогическая. По окончанiи курса въ Ришельевскомъ лицеѣ Н. О. нѣсколько лѣтъ былъ преподавателемъ французскаго языка въ симферопольской гимназiи, а затѣмъ послѣ русско-турецкой войны поступилъ на службу въ главное управленiе военно-учебныхъ заведенiй и въ теченiе 15 лѣтъ былъ преподавателемъ въ военныхъ учебныхъ заведенiяхъ въ Петербургѣ. Въ то же время Н. О. былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя французскаго языка къ августѣйшимъ дѣтямъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича. При участiи нѣсколькихъ лицъ Н. О. основалъ книгоиздательское дѣло сначала въ Соляномъ городкѣ, а затѣмъ магазинъ фирмы былъ переведенъ на Невскiй пр. Подъ умѣлымъ руководствомъ покойнаго фирма въ скоромъ времени разрослась, и товарищество Н. Фену и К° сдѣлалось главнымъ поставщикомъ учебныхъ книгъ въ Петербургѣ. Въ 1898 г. фирма перешла въ другiя руки. Покойный былъ учредителемъ и предсѣдателемъ общества книгопродавцевъ и издателей, попечителемъ школы книгопродавческаго дѣла и редакторомъ «Книжн. Вѣстн.». (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9855).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Чернышевъ на Дону».

Въ статьѣ «Чернышевъ на Дону» («Историческiй Вѣстникъ», iюль, 1903 г., стр. 232) А. А. Карасевъ, говоря о письмахъ Чернышева, упоминаетъ о «какомъ-то Николаѣ Назарьевичѣ, фамилiя котораго въ бумагахъ не обозначена».

По всѣмъ вѣроятіямъ, это—статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ Николай Назарьевичъ Муравьевъ, управлявшій въ 1826—1832 г.г. собственной его величества канцеляріей, родной дѣдъ министра юстиціи, статсъ-секретаря Н. В. Муравьева.

Церковь святыхъ Симеона и Анны, на Моховой, со временъ императора Павла числится церковью ордена св. Анны, и по приказанію Павла I надъ входомъ въ церковь было помѣщено изображеніе орденской звѣзды. При недавнемъ ремонтѣ было вновь отдѣлано и это изображеніе, по крайне неудачно, такъ какъ Аннинской звѣздѣ были даны совершенно произвольныя форма и окраска. Хотя въ текстѣ закона (статутъ ордена) и не упоминается о помѣщеніи орденскихъ знаковъ надъ западными дверьми храма, но это было сдѣлано по волѣ императора Павла, и слѣдовало бы сохранить въ точности то изображеніе, которое находилось на храмѣ болѣе ста лѣтъ. Перекрасить звѣзду и придать ей подобающій видъ весьма не затруднительно. **И. А.—скій.**

II.

О названіи «гакатизмъ».

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки», г. подписчикъ № 8428, сообщая орѳографію фамилій основателей «гакатизма», совершенно справедливо замѣчаетъ, что первые слоги этихъ фамилій дали бы слово «гакетисты», но не объясняетъ, откуда получилось обычное названіе «гакатистъ». Позволяю себѣ пояснить, что названіе это образовалось не изъ первыхъ слоговъ **На**..., **Ке**..., **Ti**..., какъ полагаетъ г. Воробьевъ, а изъ иниціаловъ фамилій Hansemann, Kennemann и Tidemann **(H, K, T)**, которые въ польскомъ языкѣ произносятся въ качествѣ буквъ не по звуковой системѣ, а съ прибавкой вспомогательныхъ гласныхъ **(а и е)**. Такимъ образомъ буквы **H**, **K** и **T** слѣдуетъ прочесть **На, Ка, Те**, что̀ въ сліяніи и образуетъ неологизмъ «hakatyzm». **Свящ. О. Мильковъ.**

САНКТ-ПИТЕРБУРХЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ И ДЕСЯТИ КАРТИНАХЪ Л. Г. ЖДАНОВА.

„. . . . . тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ!"
А. Пушкинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

САНКТ-ПИТЕРБУРХЪ.

Историческая пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ, 10-ти картинахъ, Л. Г. Жданова, рекомендованная особой комиссіей при академіи наукъ для постановки на сценѣ народнаго дома императора Николая II.

Представлена въ 1-й разъ въ юбилейный спектакль 18-го мая 1903 года въ память основанія С.-Петербурга (1703—1903).

1-я карт. — **августъ 1702 г., У Студенаго моря.** Карт. 2-я — **май 1702 г. Въ Варшавѣ.** Карт. 3-я — **іюнь 1702 г. Лагерь Карла XII близъ Гродна.** Карт. 4-я—**3-го сентября 1702 г. Станъ у Сермаксы.** Карт. 5-я — **15-го сентября 1702 г. Въ дремучемъ бору.** Карт. 6-я — **4-го декабря 1702 г. Тронный залъ въ Кремлѣ.** Карт. 7-я — **1-е мая 1703 г. Штурмъ Ніеншанца.** Карт. 8-я — **8-го мая 1703 г. Первая морская побѣда.** Карт. 9-я—**ноябрь 1703 г. Крѣпость Петра и Павла.** Карт. 10-я—**Вѣщій сонъ.—Апоѳеозъ.**

«Санкт-Питербурхъ» — такъ съ самаго основанія столицы и до своей смерти называлъ великій строитель Руси, императоръ Петръ I, свой «парадизъ», свой «рай земной», любимый уголокъ во всемъ обширномъ царствѣ, гдѣ могъ государь, уйдя изъ обагренней кровью стрѣльцовъ Москвы, мечтать о будущемъ величіи царства и приводить почти немедленно въ исполненіе исполинскія мечты при помощи исполинскихъ силъ своего генія и труда народнаго.

Давно было задумано основаніе приморскаго города Преобразователемъ Россіи. Даже, вѣрнѣе, давно онъ рѣшилъ выполнить планъ, созданный Иваномъ IV, грознымъ, но могучимъ по уму, царемъ, провидѣвшимъ еще за 150 лѣтъ до того, что прежде всего нужно для юнаго государства Московскаго. Нужно ему было обезопасить для себя выходъ въ открытое, незамерзающее море... Въ царствованіе Грознаго затѣя не удалась, хотя этотъ царь такъ горячо стоялъ за свои планы, что изъ-за нихъ, главнымъ образомъ, разошелся съ Сильвестромъ и Адашевымъ, двумя самыми добрыми, но не далекими изъ своихъ слугъ. И Петръ, только что водворивъ миръ внутри царства, едва успѣвъ заключить мирные договоры съ внѣшними, далекими врагами, Османами, началъ приводить въ исполненіе завѣтную мысль. Война со шведами явилась испытаніемъ силъ государства Московскаго, она же дала возможность скорѣе добиться выхода въ Балтійское открытое море, хотя бы и чрезъ рѣку Неву.

Борьба, широко раскинувшаяся по Лифляндіи, Финляндіи и въ другихъ земляхъ, около 1702 года сосредоточилась въ Ингріи, теперешнемъ Петербургскомъ округѣ.

Незамѣтно, осторожно подходилъ Петръ къ мѣсту, которое давно намѣтилъ для основанія «приморскаго гафена», къ Ніенсканцу. Еще зимой 1701 года начались широкія приготовленія къ осадамъ крѣпостей, защищавшихъ намѣченный для завоеванія край. Чтобы все продѣлать незамѣтнѣе, черезъ далекій Архан-

гельскъ направлены были и отряды войскъ, и суда, и корабли, и запасы боевые съ пушками.

Волокомъ, старинной варяжской и славянской сноровкой, по топямъ и болотамъ, перетаскивали не только грузы, но и цѣлые баркасы, фрегаты, шкуны. Этотъ легкій флотъ долженъ былъ защитить нападающихъ русскихъ отъ десанта шведовъ, который тѣ могли высадить на Невѣ. Другая часть арміи шла отъ Новгорода и Пскова. Первый ударъ предназначался противъ Нотебурга—древняго Орѣшка, переименованнаго Петромъ послѣ взятія въ «Шлиссельбурхъ».

Эти моменты и взяты для первыхъ картинъ пьесы. Задача Петра осложнялась тѣмъ, что союзники его, какъ, напримѣръ, Августъ Саксонскій, король польскій, были слабы, нерѣшительны и ненадежны, а врагъ — Карлъ XII, представлялъ собою огромную силу, какъ полководецъ, тактикъ и человѣкъ съ могучей волей, съ непреклоннымъ характеромъ. Среди окружающихъ Петръ тоже далеко не встрѣчалъ достаточнаго сочувствія или ревностнаго служенія и выполненія его предначертаній. Узкіе, неразвитые, жадные, по большей части, и честолюбивые люди, составлявшіе тогда толпу пособниковъ, при помощи которыхъ только и могъ Преобразователь провести въ жизнь народа свои благотворныя начинанія,—эти всѣ слуги Петровы, за немногими исключеніями, думали и помнили о себѣ раньше всего, а Россія и Петръ съ его свѣтлыми планами были имъ нужны настолько, насколько давали имъ дохода всѣ начинанія и новизны, вводимыя на Руси.

Все же, съ помощью истинно русскихъ людей, сыновъ земли, готовыхъ для родины не щадить жизни и силъ, съ помощью своей арміи, дѣлавшей положительно чудеса храбрости, не по днямъ, а по часамъ совершенствовавшейся въ военной, незнакомой дотолѣ москвичамъ, наукѣ,—Петръ все одолѣлъ. Враги были откинуты, и вмѣсто «свейскаго Ніенсканца» рядомъ съ нимъ на Люстъ-Эйландѣ сталъ быстро создаваться и рости русскій «Санкт-Питербурхъ», непреложно русскій, несмотря на его голландское, не совсѣмъ правильное даже, названіе.

Тѣмъ чудеснѣе и удивительнѣе дѣло созданія такого города, что Петръ сразу, за двѣ сотни лѣтъ, провидѣлъ значеніе города и окрестилъ его новой столицей государства Московскаго, принявшаго скоро названіе имперіи Россійской—и вполнѣ по заслугамъ.

За короткій срокъ неполной человѣческой жизни геніальный Петръ оторвалъ Русь отъ Востока, долго державшаго въ своихъ путахъ народъ и царей, ввелъ Россію въ семью образованныхъ, западныхъ народовъ... Ввелъ, правда, какъ ученицу, но ученицу царственной крови, равную всѣмъ своимъ учителямъ по сану, превосходящую всѣхъ по размаху и смѣлости духа. Вчера—нестройныя, московскія орды «служилыхъ» людей, однодворцевъ, боярскихъ дѣтей и

дворянъ—нѣчто, напоминающее татарскія орды или современныя намъ китайскія рати и полки боксеровъ... Сегодня—стройная армія, настоящая, съ артиллеріей, съ инженерами, въ 30—40—100 тысячъ солдатъ. А послѣзавтра эта, какъ волшебствомъ, созданная сила разбиваетъ лучшія въ Европѣ войска—шведскія, руководимыя первымъ полководцемъ своего времени—Карломъ.

Если геніаленъ былъ волшебникъ, вызвавшій изъ-подъ земли силы, невѣдомыя до той поры міру, невѣдомыя даже самому народу, изъ котораго хлынула такая мощь, то велики были и всѣ дремавшія способности, крѣпка была эта земская сила, если такъ внезапно и такъ ярко проявилась и развернулась она въ чудную пору весны всероссійскаго царства, въ годы Петра.

Эта-то пора, съ 1702 по 1704 годъ, и выведена въ моей пьесѣ, для которой взятъ рядъ особенно яркихъ моментовъ, исторически точно рисующихъ, какъ основался первый морской портъ и новая столица Россійской имперіи, городъ «Санкт-Питербурхъ».

Л. Ж.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ I.
Царевичъ Алексѣй, 12-ти лѣтъ.
Наталья Алексѣевна.
Карлъ XII, шведскій король.
Августъ II, курфюрстъ саксонскій и польскій король.
Екатерина [Марта Скавронская, плѣнная литвинка].
Аврора фонъ-Кенигсмаркъ, подруга Августа.
Меншиковъ, Александръ Даниловичъ, поручикъ гвардіи.
Паткуль, Іоганнъ-Рейнгольдъ, тайн. совѣтникъ Петра.
Головинъ, Артамонъ Матвѣевичъ, генералъ-адмиралъ.
Шереметевъ, Б. П., бояринъ, мальтійскій кавалеръ.
Михаилъ Шереметевъ, сержантъ.
Апраксинъ, князь Петръ, генералъ.
Ромодановскій, Ѳ. Ю., князь-кесарь.
Ламбертъ, генералъ-инженеръ.
Лефортъ, А. Ф., юноша.
Памберхъ, Питеръ, капитанъ корабля (изъ «волонтеровъ»).
Гюйсенъ, Гендрикъ, воспитатель Алексѣя.
Стрѣшневъ, генералъ.
Фонъ-Кенигсекъ, полковникъ.
Шембекъ, **Собѣскій** — послы польскіе.
Липскій, **Криспинъ**, **Огинскій,** гетманъ — послы польскіе.
Виніусъ, Андрей Андреичъ, думный дьякъ, надзиратель артиллеріи, инспекторъ Сибири.
Шафировъ, Петръ, секретарь и переводчикъ Петра.
Мыщецкій, князь.
Щепотьевъ, Михаилъ, сержантъ.
Реесъ, шаут-бей-нахтъ (2-й адмиралъ).
Матюринъ, купецъ.
Бѣляевъ, пѣвчій Петра.
Странникъ-монахъ.
Черкасскій, М. А., князь.
Фицтумъ, фонъ-Экштадтъ, камергеръ Августа.
Реншильдъ, **Левенгауптъ**, **Розэ**, **Де-ла-Гарди** — вожди Карла XII.
Бялозоръ, ксендзъ.
Опаловъ (Аполевъ), комендантъ Ніена.
Мустафа-Ага, посолъ турецкій.
Ганнибалъ, негритенокъ.
Виббсъ, шкиперъ-фрисландецъ.
Новицкій, шутъ московскій, изъ свиты Петра.
Тургеневъ и Кокошкинъ, шуты.
Финнъ, старикъ-знахарь.
Юллэ, внукъ его, л. 17.

Солдаты, матросы, землекопы, народъ московскій, крестьяне, горожане и т. д.
Подробно лица по картинамъ. Время съ 1702 до 1704 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА I.

Августъ 1702 года.

У Студенаго моря.

Лица:

Петръ I, капитанъ бомбардирской роты.
Царевичъ Алексѣй.
Меншиковъ.
Паткуль. Росту выше средняго. Очень тученъ. Наглый, свирѣпый, тяжелый взглядъ. Брови—нависли. Лицо—квадратное.
Гюйсенъ, воспитатель Алексѣя, генералъ-аудиторъ.
Щепотьевъ, Михайло, сержантъ-преображенецъ.
Памберхъ, Питеръ, валентиръ [волонтеръ], капитанъ карабля, л. 25.
Ламбертъ, генералъ-инженеръ.
Бѣляевъ, пѣвчій Петра.
Лефортъ, Андрей, юноша-сержантъ.
Странникъ, соловецкій монахъ.
Матюринъ, купецъ.
Мышецкій, князь, новгородецъ.
Пѣхотинецъ.
Поморъ.
Мужикъ-олончанинъ.
Часовой.

Крѣпость Ново-Двинка, въ устьяхъ Двины, на Бѣломъ морѣ. Направо, угломъ, идетъ крѣпостной валъ, крытый дерномъ, на которомъ—палисадъ новый, въ видѣ частокола, въ амбразуры котораго глядятъ жерла небольшихъ орудій. Тамъ же виденъ часовой съ мушкетомъ. Внизу, у вала—тоже часовой. По откосу вала—тропинка ведетъ къ палисаду, въ которомъ дверца оставлена.

Налѣво — спереди полуразрушенная, простая часовенка, какую строятъ поморы на своихъ становищахъ. Дальше—бараки новые для людей и для храненія всякихъ припасовъ. Прямо—даль морская. У берега нѣсколько шнякъ, съ которыхъ сгружаютъ мѣшки съ припасами, орудія, бревна. Выносятъ ядра и складываютъ горками. Тяжести изъ шнякъ поднимаютъ блоками. За валомъ раздаются мѣр-

ные удары чугунной бабы: это забиваютъ послѣднія сваи... Вечерѣетъ. Вдали видны паруса рыбацкихъ лодокъ и каботажей... Шумъ, говоръ. Изъ-за вала, гдѣ бьютъ сваю, доносится пѣсня:

Ой, дубинушка, ухнемъ!..
Ой, зеленая, сама пойдетъ!...
Дернемъ, подернемъ...
Еще разикъ, еще два...
И ухнемъ, да ухнемъ...
Зеленая сама пошла... Эхъ-ма!..

[Сообразно съ ходомъ акта, пѣсня то крѣпнетъ, то затихаетъ, а черезъ нѣсколько времени совсѣмъ прекращается].

[Издали доносятся рѣдкіе удары послѣобѣденнаго благовѣста. Странникъ, сидя на крылечкѣ полуобрушенной часовни, глядитъ изъ-подъ руки на небо и вздыхаетъ].

СТРАНИКЪ.

Охо-хо! Господи, Владыко живота моего! Послѣднія времена, видать, пришли!..

ПѢХОТИНЕЦЪ

[безъ мундира, глядитъ за тѣмъ, какъ переносятъ пушки на валъ, и самъ помогаетъ порою. Услыхавъ слова странника, остановился, отираетъ потъ].

Послѣднія?.. Вона! Почему жъ бы такъ? А? Лепортуй!

СТРАННИКЪ [передразнивая].

«Лепортуй!»... Залепортуешь самъ, гляди!.. Кто ты мнѣ есть? А? Отецъ игуменъ? Али твое низенькоблагородіе?.. Командеръ, тоже! Вонъ, сиволапыми командуй... А я и самъ въ святцы умѣю глядѣть...

ПѢХОТИНЕЦЪ.

Глядѣть да потѣть, вотъ и вся твоя грамота! Вы, долгогривые, не больно еще учены... Васъ бы нашему бомбардеру... Онъ бы васъ... Да, еще придетъ чередъ, погодите!

СТРАННИКЪ.

А зась не хочешь?... Руки коротки. Мы ничьи! Мы—Божьи да патріаршьи. Насъ не замай!... Не то, почище стрѣлецкой, кашу заваримъ...

ПѢХОТИНЕЦЪ.

Ой ли? А ты слыхалъ ли, что телѣги съ тѣми стрѣльцами казненными недавно и прибраны съ дорогъ... Долго стояли, всему люду на поученіе... Такъ лучше помолчи... При мнѣ бомбардера нашего не порочь!.. Я присягу прималъ... Понимаешь, козелъ бородатый?..

СТРАННИКЪ [струся].

Да что ты? Что ты, крупка любезная!.. Я и не думалъ... Просто, такъ, къ слову говорю: послѣднія пришли времена, молъ... Вонъ, благовѣстъ зачали... А охальники за валомъ вонъ пѣсню орутъ... Слышь: чу, ругаются?!... Когда то было слыхано? Въ тишинѣ жили, во благочестіи... И людей-то здѣсь, на Поморьѣ, не видно было, не то снаряду воинскаго... Однѣ бѣлухи да моржи играли на просторѣ... Вотъ къ чему словеса мои были изречены... А не то, что...

ПѢХОТИНЕЦЪ.

То-то—не тò что... Мы сами съ усами... Разумѣемъ, что знаемъ... [Къ толпѣ, которая собралась вокругъ, послушать разговоръ]. Вы что набѣжали, словно воронье на дохлаго шведа насѣли? Али дѣла не хватаетъ про ваши ручки бѣлыя?... А? Такъ я за палку возьмусь, указку въ ходъ пущу еловую...

ПОМОРЪ [крупный, пожилой мужикъ].

Подожди маненько. Дай духъ-то перевесть... Съ устатку всего ломитъ... Ужъ, на што я робить здоровъ... А замаяли меня ваши дудки чортовы... Стрѣльбище это аграматное... И кого вы изъ ихъ палить думаете? Ошшо бы кита, оно бы такъ... А то на людей, гляди, все сготовлено?...

ПѢХОТИНЕЦЪ.

Вѣстимо, не на чертей... На шведовъ... Супротивъ враговъ его царскаго величества государя Петра Алексѣича и всей Рассейской амперіи...

МУЖИКЪ [олончанинъ, помоложе, бойко].

Я знаю... Я видалъ... Прошлымъ лѣтомъ подплывали они, свеи, почитай што къ самому городу... Мы съ обозомъ тута были... олонецкіе... И, значитъ, сичасъ палить стали... Вотъ изъ энтакихъ же пищалей аграмáтныхъ... И двѣ шняки свейскихъ аграмáтныхъ на мель нанесло... И они, свеи, значитъ, запалили свои карбасы, а сами на третьемъ, на утёку... А наши изъ городу вышли... На лодки—и въ погонь!... Много ихняго брата перебито тогды... И какія посудины не догорѣли, ихъ взяли на канатахъ и приволокли къ городу самому... Баальшущія днища... У насъ и не видали такихъ... Только чужаки, гости торговые, галанцы да агличане и жалуютъ, прихаживаютъ на энтакихъ аграматныхъ шкутахъ... Вотъ... я все видѣлъ!...

ПѢХОТИНЕЦЪ.

Твое счастье... А отколь они шли?

МУЖИКЪ [показывая рукой направо, за валъ].

Такъ вота, оно, скажемъ, какъ по-за-ва́ломъ... Тольки, не по энтому устью... а по сере́днему... по самому главному... А не знали, что здѣся поглыбже. . А что тамо—мели супротивъ городу...

ПѢХОТИНЕЦЪ.

Вотъ оно съ чего здѣсь такъ и крѣпость крѣпить сталъ нашъ отецъ бомбардеръ... Теперя и я понялъ... Ну, за дѣло!... Скорѣй... Уроку еще не кончено... Много сгрузить осталось... Живо... Отдохнули, и буде...

ПОМОРЪ [который прилегъ у стѣны часовни].

Ну, кто тамъ какъ... Кому любо — работайте... А я не пойду... Вонъ, и свайщики пріумолкли... Пошабашили, знать... А мы—каторжные, што ли? И то, почитай, силомъ на работу сгоняли... Поденшина-то велика ли? Два алтына въ день... на своемъ харчу... Погодитъ грузка. И завтра день великъ... Сгрузимъ по холодочку...

ПѢХОТИНЕЦЪ.

Да ты, что? И впрямь народъ мутишь? Такъ, гляди... [Подымаетъ съ земли хворостину].

ПОМОРЪ [вскочилъ и тоже хватаетъ дубинку].

Эй, гляди: не больно грозно! Самъ сдачи дамъ...

ПѢХОТИНЕЦЪ [отступая].

Ахъ, ты, косолапый... Я тебя окрещу, керженца проклятаго... [Кидается къ мѣсту, гдѣ оставленъ его мундиръ и тесакъ, хватаетъ оружіе и обнажаетъ его].

ГОЛОСА [помору].

Бѣги, дядя... Башку раскроитъ!..

ПОМОРЪ [изготовясь].

Ой-ли? Я самъ артикулу ученъ... Кабы его казанъ не треснулъ ранѣ... [Отбиваетъ нападеніе пѣхотинца].

ГОЛОСА [изъ толпы].

Ишь... Гляди... Увертливъ дядя... Ловко...

ПОМОРЪ [наступая].

Я те по-нашенски... по-монастырски!..

ПѢХОТИНЕЦЪ [уклоняясь отъ удара, самъ старается достать противника].

Ахъ, ты, лапотникъ... Хамово отродье... Гляди, держись, сиволапый...

ЧАСОВОЙ [сверху].

Смирно! Капитанъ!..

ЧАСОВОЙ [внизу, заглядѣвшійся на драку, вытягивается въ струну].

Смирно, собаки!.. Капитанъ!..

ВСѢ [кидаются по мѣстамъ, берутся за работу].

ПѢХОТИНЕЦЪ [быстро напяливъ мундиръ, стоитъ и ждетъ].

СТРАННИКЪ.

Капитанъ? Самъ осударь, значитъ? Да рази онъ не въ монастырѣ, на Соловкахъ? Мнѣ сказывали...

ПѢХОТИНЕЦЪ [отмахиваясь рукой].

Прочь поди! Вернулся нынче...

ПЕТРЪ.

[Сходитъ по тропинкѣ внизъ, за нимъ Алексѣй, одѣтый, какъ и отецъ, въ форму Преображенскаго полка, за ними вся свита. Петръ быстро сходитъ внизъ, дѣлая знакъ часовымъ, взявшимъ на караулъ. Тѣ снова становятся попрежнему. Петръ обращается къ Пѣхотинцу, стоящему на вытяжку].

Ты чего застылъ? Не знаешь: работа къ артикулу равняется... Дѣлай свое... А я свое стану дѣлать...

ПѢХОТИНЕЦЪ [отходитъ и наблюдаетъ за выгрузкой].

ПЕТРЪ [сыну].

Ну, видѣлъ все?.. Кончается работа...
Послѣднее орудіе на валъ
Они несутъ...

АЛЕКСѢЙ.

Зачѣмъ тамъ сваи били?

ПЕТРЪ.

Чтобъ старымъ устьемъ врагъ не подошелъ.
Мурманское то устье называютъ?
Кто знаетъ? Эй?..

МЕНШИКОВЪ [быстро].

Мурманскимъ, капитанъ...

ШАФИРОВЪ [тихо Паткулю].

Пудожемскимъ доселѣ называли...

ПАТКУЛЬ [пожимаетъ снисходительно плечами].

ПЕТРЪ [смотрѣвшій въ даль въ трубу].

Вонъ... погляди... Чуть виденъ вдалекѣ
И монастырь, гдѣ были мы съ тобою...

АЛЕКСѢЙ [беретъ трубу и смотритъ].

ПЕТРЪ [Бѣляеву].

Въ Апостолѣ тебя я обошелъ...
Какъ скажешь, Вася?..

БѢЛЯЕВЪ [октавой].

Мы читать горазды...
За то какъ я ужъ грянулъ: «Исполати!»...
Посыпались и старцы всѣ съ полати...
Хо-хо-хо!.. [Хохочетъ].

ВСѢ [смѣются].

ПЕТРЪ [улыбаясь].

Вѣстимо, басъ...

БѢЛЯЕВЪ.

Ты тоже, баютъ, ба-асъ...

ПЕТРЪ.

На корабельной палубѣ, пріятель.
Я—басъ простой... Ты—генеральный басъ
На крылосѣ... [Сыну]. Что, малый, разглядѣлъ?

АЛЕКСѢЙ.

Есть, батюшка... И корабли мнѣ видно.
Заморскіе, что къ устью подошли...
Ихъ сколько тамъ?

ПЕТРЪ.

Да, почитай, что сотня?
Какъ, Алексаша?

МЕНШИКОВЪ.

Всѣхъ девятьдесятъ...
Голландскіе и аглицкіе шкуты...
Три корабля военныхъ на конвой...

ШАФИРОВЪ.

Какъ рано заглянули, капитанъ,
Къ намъ иноземцы... Чуютъ, что нападки
Здѣсь не грозитъ отъ свейскихъ кораблей...

ПЕТРЪ.

Да, рано... Да!.. Ужъ лѣто отошло
У насъ, поди. Чуть малость поюжнѣе,
И осенью запахло золотою...
А здѣсь—приходитъ первый караванъ...
И рады мы: какъ рано прикатили!
Ни лѣта здѣсь не знаютъ, ни весны...
Великъ просторъ, да толку мало въ немъ:
Одѣто льдомъ полгода это море...

ПАТКУЛЬ.

А мы, гляди, къ иному подойдемъ...
Тамъ—холода, и люди мягче много...

ПЕТРЪ [поглядѣвъ на него].

Не бойся, другъ, суровости людской.
Кто мягко стелетъ—жестко спать бываетъ...
Слыхалъ ли ты?...

ПАТКУЛЬ [улыбаясь].

От Августа къ тебѣ,
Отъ «добраго» къ «суровому» я прибылъ...

ПЕТРЪ.

Вотъ то̀ и есть... [Сыну]. Да ты куда глядишь?
При солнцѣ—звѣзды, вижу я, считаешь?

АЛЕКСѢЙ [грустно].

Какъ, правда, жаль, что звѣзды до утра
На небесахъ видны... А я желаю...

ПЕТРЪ.

Что? Цѣлый вѣкъ на звѣзды проглядѣть?
Эй, проглядишь и тронъ за этимъ дѣломъ...
[Гюйсену]. Вамъ, генералъ, забота предстоитъ
Немалая... Мой малый—своенравенъ...
Со мною схожъ... Жаль, смѣткой не беретъ...
И не работникъ... больше звѣздочетъ...
Ну, вотъ, опять задумался... Пріятель,
Скажи: о чемъ? [Нахмурясь]. Молчишь?! Ну, говори!

АЛЕКСѢЙ.

Вы, батюшка, не любите... Я знаю...

ПЕТРЪ.

Я не люблю, чтобъ крылись предо мной...
А на прямки, хоть бей обухомъ въ темя,—
Я не погнусь... И сердцемъ буду тихъ.
О чемъ ты думалъ? Говори!..

АЛЕКСѢЙ [робко].

О... мамѣ...
Ее давно, давно я не видалъ...
Здѣсь—тихо такъ... И ей бы я сказалъ...

ПЕТРЪ [рѣзко].

Ну!.. хорошо... довольно!.. Уведите
Его домой...

ГЮЙСЕНЪ.

Пойдемте, государь!
Родителя не гнѣвайте...

АЛЕКСѢЙ [несмѣло отцу].

Простите!
Я не хотѣлъ... Такъ, дума подошла
Негаданно... И сердце защемило...
Простите, государь!..

ПЕТРЪ [овладѣвъ собой, мягче].

Ступай, Алеша...
Неправъ ли я, иль ты невиноватъ,—
Разсудитъ Богъ... Ступай....

АЛЕКСѢЙ И ГЮЙСЕНЪ [уходятъ].

ПЕТРЪ [начиная ходить].

И такъ, вотъ, вѣчно!..
Живымъ укоромъ ходитъ онъ за мной...
Глупецъ... дитя... Ему порой толкую,
Что для Руси я жертвую собой...
Что нужно намъ царицу не такую...
Не терема,—большіе корабли
Настроилъ я во всѣхъ концахъ земли...
И не боярыню, не крашеную куклу,—
Ищу подругу сильную себѣ,
Чтобъ помогать могла въ моей борьбѣ...

Все говорю: что̀ вижу впереди...
Какое счастье дать хочу народу!..
Какъ покорить стремлюсь порой природу,
Какъ суевѣрья грубой старины
Предъ свѣточемъ познанья пасть должны...
А онъ глядитъ, какъ шалый, да упрямо
Одно, знай, шепчетъ: «мама... мама... мама!»..
И это — сынъ мой... Сядетъ онъ на тронъ...
И снова Русь, быть можетъ, поворо̀титъ
На черный путь былыхъ ея временъ...

[Отъ волненія лицо начинаетъ подергиваться].

И это — сынъ мой... это...

ЩЕПОТЬЕВЪ [въ это время показался и толковалъ съ Меншиковымъ].

МЕНШИКОВЪ [поговоривъ съ Щепотьевымъ, быстро Петру].

Капитанъ!
Щепотьевъ къ намъ... съ хорошими вѣстями...

ПЕТРЪ [просіявъ].

Мишуха, ты? Здорово!.. Я давно
Выглядывалъ тебя... Ну, что?..

ЩЕПОТЬЕВЪ.

Пути готовы...

ПЕТРЪ.

Не шутишь ты?

ЩЕПОТЬЕВЪ.

Чай, сто̀ятъ головы
Такія шутки?..

ПЕТРЪ.

Правда!.. Ну, спасибо! [Обнялъ его].
Скорѣе все мнѣ толкомъ разскажи...

ЩЕПОТЬЕВЪ.

Что говорить? Народъ мы всполошили...
Всѣхъ подняли... Взбулга̀чили сумча̀нъ...
Отъ Ке́ми шли... Крестьянъ я соловецкихъ,
Монастыря оброчниковъ, подбилъ...
За деньги кто не станетъ на работу?
Хлѣба̀ — плохи... Индѣ — неурожай...
А мнѣ и ладно: дешевы лопаты...
И съ лошадьми, съ телѣгами пришли...

Гдѣ болотà—на лодкахъ подплывали...
Копали, рыли, деревà валили
Такія—страсть!.. Къ вершинѣ поглядѣть—
И валится сама на землю шапка...

ПЕТРЪ.

Такъ, такъ, такъ, такъ!.. На мачты эти сосны
Мы приберемъ...

ЩЕПОТЬЕВЪ.

Годятся, капитанъ...
Не то, что здѣсь: голо и безпріютно...
На сотни верстъ тамъ темный боръ стоитъ!
Одна бѣда: съ полупути—болòта,
Сплошная топь да мшистый кочкарнякъ...

ПЕТРЪ.

Ну, какъ же ты?

ЩЕПОТЬЕВЪ.

Болота загатùли...
Мостами—рѣчки, рѣки перешли...
Къ Пулòзеру отъ Нюхчи—въ колымагѣ
Хоть бабъ возить, и то бы хòрошо!
У Повѣнцà—похуже... Да, сойдетъ,
Такъ думаю...

ПЕТРЪ.

Сойдетъ навѣрно, парень!..
Спасибо, другъ. Теперь награды жди.

ЩЕПОТЬЕВЪ [низко кланяясь].

Я награжденъ однимъ твоимъ привѣтомъ!
По гробъ—твой рабъ вѣрнѣйшій, государь!..

[Отходитъ. Свита обступила, поздравляютъ].

ПЕТРЪ [ударяя по плечу Паткуля].

Два слова, генералъ!

[Идетъ къ часовнѣ, хочетъ опуститься на ступени, замѣчаетъ Странника, прикурнувшаго у стѣны].

Что за фигура?
Ты что здѣсь, козодòй? Бездѣльничаешь? А?

СТРАННИКЪ [падая въ ноги].

Царь осударь! Помилуй, не гнѣвися...
По обѣщанью много дней ходилъ...

Сѣлъ отдохнуть... И вотъ Господь сподобилъ,
Далъ увидать пресвѣтлый ликъ царя!

ПЕТРЪ.

Твой красный ликъ съ того не станетъ краше.
Съ Ивашкою Хмельницкимъ, чай, знакомъ?..

СТРАННИКЪ.

Коль добрый человѣкъ,—вѣстимо, знаю...
Когда жъ лихой,—и вѣкъ бы не знавать!

ПЕТРЪ.

По сулеямъ живетъ онъ, въ кабачàрахъ...
Съ нимъ воевалъ нерѣдко, чай, старикъ?
Я пò носу сужу...

СТРАННИКЪ [сообразивъ, радостно].

Творецъ-Создатель!
Изволишь про хмельное говорить?..
Не пью, отецъ, совсѣмъ не потребляю...
Великъ зарокъ положенъ много лѣтъ... [Отплевывается].
Чуръ, чуръ меня...

ПЕТРЪ.

Вотъ, я и замѣчаю:
Не пьешъ ты, старче? За воротъ, чай, льешь?
Ну, слушай, ты сначала потрудися...
А тамъ тебѣ я чару поднесу! [Пѣхотинцу].
Землякъ, гляди!.. Возьми-ка козодоя...
Вамъ помогать онъ станетъ... Поскорѣй
Управитесь... На утро выступаемъ!..

ПѢХОТИНЕЦЪ [беретъ Странника и уводитъ на работу].

ПАТКУЛЬ.

На утро въ путь? Безъ шутокъ, капитанъ?

ПЕТРЪ.

Я не шучу... Пути мы только ждали...
Здѣсь все свершить мнѣ быстро удалось...
На Ингрію прорѣзали мы путь...
Ты слышалъ самъ Щепотьева разсказы.
Мы тоже недремали, погляди:
Въ тылу Двину изрядно укрѣпили...
И съ нами Богъ! Пусть будетъ, что ни будь!..

ПАТКУЛЬ.

Побѣда васъ и слава ожидаютъ.

ПЕТРЪ.

И Шлиппенбахъ съ Кронгьортомъ впереди...

ПАТКУЛЬ.

Апраксинъ, Шереметевъ, воевода,
На нихъ пошли...

ПЕТРЪ.

Да, выступили въ бой...
Здорово ли придутъ? Въ сраженіяхъ уроки
У шведовъ мы беремъ еще, пока...
И тяжела учителей рука...
Сознаться надо, какъ оно ни больно.

ПАТКУЛЬ.

Но учатся прилежно русаки
И славные ученики!
А царь во всемъ для нихъ примѣромъ служитъ.

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, другъ, постой... О дѣлѣ говори...
Какъ мыслишь ты: куда теперь съ отрядомъ,
Четыре тыщи багинетовъ всѣхъ,
Куда теперь ударить съ мѣста намъ?

ПАТКУЛЬ.

На Нотебургъ...

ПЕТРЪ.

Такъ думалъ я и самъ...
Ну, а потомъ?..

ПАТКУЛЬ.

Чередъ и за Наровой...
Та цитадель—позиціи всей ключъ!
Владѣешь ею—овладѣлъ страною...

ПЕТРЪ.

Все это—такъ... Да, не уйдетъ отъ насъ
Ни Нарва, ни Двина—наслѣдье дорогое
Ивана Грознаго, Великаго!.. Другое
Задумалъ я пока... Карлъ Свейскій пріумолкъ...
Про хворь его... про смерть упорный ходитъ толкъ...
А мнѣ изъ Нарвы шлютъ неложныя извѣстья...

ПАТКУЛЬ.

Отъ Гуммерта?..

ПЕТРЪ [взглянулъ, но не отвѣтилъ].

Вамъ, генералъ, прочесть я
Хочу реляцію... [Достаетъ письмо].
Она—не коротка...
Я главное вамъ передамъ пока. [Читаетъ].

«Вашего величества сила-войско есть неописаное и не токмо съ однимъ непріятелемъ—съ двумя, тремя бы поуправились. Воеводы ваши трусоваты и тунеядны... Издали бы имъ ядрами города брать, а не прямымъ приступленіемъ въ багинеты и шпаги... А безъ того нельзя. И войска мало обучены... Не дѣлаютъ высшіе люди ничего, обманываютъ лишь ваше величество смрадною ложью... А для удачи военной подобаетъ три главныхъ вещи устроить: войско въ добромъ порядкѣ и обученіи содержать и добрыми начальниками, свое дѣло знающими, снабдить. Второе: прилежно развѣдать на мѣстѣ, гдѣ баталія предстоитъ. Третье: при осадахъ не медлить, не тянуть, не давая съ духомъ и силами врагу собраться... А то начальники подъ Нарвой не шанцы копали, а погреба строили для провіантовъ своихъ, туда навезенныхъ... Оттого и неуспѣхъ былъ... Успѣли шведы и пушекъ настановить, гдѣ ихъ не было, и всего... Теперь же слѣдуетъ приступъ повести зимой... Лучше—по первому снѣгу... и безо всякихъ большихъ сборовъ. Лучше—съ Ижорской стороны... Тамъ караулу не держатъ... Надо просто по дорогѣ, сани за санями, проѣхать въ городскія ворота, въ будни, когда ихъ не закрываютъ... Офицерамъ—безъ пикъ, съ добрыми шпагами на саняхъ же сидѣть... и крику свирѣпаго не поднимать. Крикъ не поможетъ... Знаменъ не надобно. Пушекъ—тоже... Овладѣвъ воротами, чего и сомнѣваться нельзя,—если биться честно,—за одинъ тяжелый день сто веселыхъ получатъ ваши воины. Прійти въ полдень. Въ Ивань-городъ 300—400 довольно, Тамъ всего—100 караульныхъ шведовъ сидитъ... Если не Нарву, такъ Ивань-городъ получите... Только бы наши съ поселянами и дворами городскими не воевали, какъ они привыкли, но съ воинами только... Ради Іисуса Христа молю паки, чтобы крикъ и вовсе оставили... Подойдя къ мѣсту, безъ крику всѣ вошли бы вдругъ... Здѣшніе люди русскій народъ варварскимъ выкликаютъ. «Лучше, говорятъ, у турокъ быть въ плѣну. Меньше пытки!»... И оттого отчаянно бьются съ нами. Пусть ваше величество о томъ разсудитъ... На Ижорскую сторону надо много войска и мужества употребить. Въ Корелахъ, Ніенсканцѣ и Нотебургѣ гарнизоны усилены. Орѣшекъ той, Нотебургъ самый,—середь рѣки, на острову... Его не взять.. А взять ранѣй Канцы и на Выборгъ итти... Но главное—Нарва. Зимою конница не потребна, да и ни къ учем

наша не годна. Меня шведы здѣсь мучили много. Только, какъ пріѣхали купцы и сказали, что моя персона на висѣлицѣ въ Москвѣ, передъ домомъ виситъ, а жена и дѣти всего лишены отъ вашего царскаго величества,—повѣрили мнѣ немного, и легче стало»... [Сворачиваетъ письмо]. Ну, вотъ теперь скажите ваше мнѣнье.

ПАТКУЛЬ.

И самъ бы я иначе не писалъ.
Прекрасный планъ...

ПЕТРЪ.

Пусть такъ. Но измѣненье
Въ него я внесъ... Съ Орѣшка мы начнемъ...
Нельзя въ тылу, оставить постъ опасный.

ПАТКУЛЬ.

Согласенъ я съ поправкою прекрасной...
А далѣе?...

ПЕТРЪ.

Мы выйдемъ на Неву!
Давно единой мыслью я живу:
Стать твердою ногою у залива...

ПАТКУЛЬ [поспѣшно].

У Финскаго?..

ПЕТРЪ.

У Финскаго пока...
Что хмуришься? Вѣдь, Рига далека,
И не пройдутъ туда татары и казаки
Ни для разгрома, ни для драки...

ПАТКУЛЬ.

Вы угадали страхъ невольный мой...
Я много разъ мѣнялъ и службу, и присягу...
Но къ родинѣ пылалъ любовію нѣмой...
Не продаю ее, какъ продавалъ я шпагу...
И вотъ теперь... боюсь... невольно трепещу...
Простите, государь...

ПЕТРЪ.

Скажи! Я не взыщу...

ПАТКУЛЬ.

Я не скажу... Слова напомню тѣ,
Что мнѣ прочли вы на листѣ...
«Отъ русскихъ западъ ждетъ, какъ отъ орды,
Насилій, звѣрства и бѣды!»..
Я видѣлъ самъ: гдѣ мчались ураганомъ
Сквадроны ваши... гдѣ стояли станомъ,—
Пустыней мертвою лежали города
И села тамъ...

ПЕТРЪ.

Случалось иногда,
И намъ подарками такими же сосѣди
Платили... Все-таки мы, знаешь, не медвѣди...
Научимся по-западному жить...
Старайся честно намъ служить
И просвѣтить мнѣ помогай народы,
Врученные намъ Господомъ... Бѣда,
Что ничего не сдѣлать безъ труда...
Не избалованы мы ласками природы...
Подъ небомъ сѣвернымъ сначала Русь росла,
И потому досель не расцвѣла
Ей свойственнымъ, блестящимъ цвѣтомъ...
Ужъ прадѣдъ мой, Иванъ... онъ помышлялъ объ этомъ...
Итоги я къ его задачамъ подобью,
Всю жизнь на то отдамъ свою...
Иванъ писалъ въ державномъ завѣщаньѣ:
«Все надо знать, все испытать царю!»
Какъ онъ училъ, ты видишь, я творю...
Нѣтъ ремесла, какого эти руки
Не перевѣдали... Увы! намъ не даны
Искусства многія и высшія науки.
Но наши ихъ извѣдаютъ сыны!..
Я просвѣщеніе введу, исправлю нравы...
Вѣрь: для земли тружусь я, не для славы!
Немало мной уже учинено...
Съ Европою пойдемъ мы за одно
Не бороды однѣ,—подрѣжу предразсудки,
И перестанемъ мы тогда
Плясать подъ свистъ наемной дудки,
Какъ пляшемъ нынѣ иногда...
Свои наставники найдутся...
Свой флотъ, войска, науку создадимъ
И безъ стыда на Западъ поглядимъ.
Ну, а пока приходится погнуться...

Да, и краснѣть случается не разъ,
Внимая укоризны гласъ...
Такъ ты за родину, мой генералъ, не трусь:
Не скоро въ Ригу путь направитъ Русь...

ПАТКУЛЬ.

Но, все-таки, направитъ... Мнѣ ужъ видно...
Что жъ!.. Предъ судьбой склониться не обидно,
Когда ея великіе сыны
Совершать велѣнья высшія должны... [Кланяется].

ПЕТРЪ [живо].

Меня ты понялъ... Да! Судьбы приказу
Покорствую... Не самъ мои стези
Я намѣчалъ... Все вижу тутъ въ связи:
Часы печальные, и войны, и заразу,
И голодовки Русь перенесла...
Отпоръ монгольскимъ полчищамъ дала...
И, какъ цвѣтокъ на тонкой ости,
Позадержалась въ пышномъ ростѣ...
На почву добрую я цвѣтъ пересажу,
Я новый путь народу укажу...
Моя земля—могуча и сильна,
Но ей нужны познанья сѣмена...
Насъ поносилъ несправедливо
Твой Западъ, ждалъ отъ насъ бѣды
И много сотенъ лѣтъ ревниво
Онъ охранялъ всѣ лучшіе плоды
Ума и знанія отъ нашего народа...
Теперь—не то... Теперь у насъ свобода!
Свободны рубежи... не забраны стѣною...
Кто хочетъ—уѣзжай... Кто вздумалъ—приходи...
Одна еще преграда предо мною...
Есть мысль еще одна завѣтная въ груди...

ПАТКУЛЬ.

Какая, государь? Скажи, когда не тайна?

ПЕТРЪ.

Она пришла на умъ мнѣ не случайно...
Давно задумалъ я... на вольномъ рубежѣ...
На лукоморьѣ, тамъ, гдѣ насъ никто не давитъ,
Поставить городъ на морской межѣ...
Мой юный флотъ... оттоль онъ путь направитъ
Во всѣ моря, во всѣ концы,

И эти мощные гонцы
Къ успѣху царство поведутъ,
Намъ новый блескъ, успѣхъ дадутъ,
Какъ ихъ даютъ повсюду и вездѣ.
Русь съ Западомъ хочу я на водѣ
Соединить... И пусть отнынѣ дружно
Они впередъ пойдутъ, какъ Богу нужно...

ПАТКУЛЬ.

Великій планъ... Одно сказать могу...
А... на какомъ рѣшили берегу
Сей новый портъ устроить, государь?

ПЕТРЪ.

У насъ онъ былъ когда-то, встарь...
Отъ Нȯвгорода корабли
На Ладогу товаръ везли...
Когда-то сильная Ганза
Хранила путь свой, какъ глаза...
На многоводной на Невѣ
Стояли крѣпостцы тамъ двѣ...
Широкій путь, просторъ морской
Открытъ за этою рѣкой...
Враги украли этотъ кладъ...
Теперь верну его назадъ.
Ты что жъ молчишь?

ПАТКУЛЬ.

Что я сказать могу?
Вамъ поклонялся, какъ врагу...
Теперь—я вашъ, и всей душой,
Какъ рабъ, какъ другъ... какъ братъ меньшой...
Клянусь: народу и царю
Служить весь вѣкъ...

ПЕТРЪ [жметъ ему руку].

Благодарю... [Шафирову].
Что надо, тезка?..

ШАФИРОВЪ

[которому солдатъ, спустившись по валу, что-то шепталъ передъ этимъ].

Время отплывать
Матюрину... купчишкѣ... Самъ ужъ знаешь...
Не будетъ ли наказу, государь,
Послѣдняго?..

ПЕТРЪ.

А гдѣ онъ?

ШАФИРОВЪ.

Недалече...

ПЕТРЪ.

Сюда его... Гдѣ Мышецкій, князекъ?

МЫШЕЦКІЙ [выступая].

Здѣсь, капитанъ... Приказу дожидаюсь...

ПЕТРЪ.

Со мной сбирайся. Выступимъ съ утра.
Ты проводи нашъ сикурсъ подъ Орѣшекъ...
Ходъ знаешь ли?

МЫШЕЦКІЙ.

Оттуда родомъ самъ!
До рубежа отъ нашихъ селъ не болѣ,
Какъ восемь верстъ, считая прямикомъ...

ПЕТРЪ.

А крѣпко ли стоитъ теперь Орѣшекъ?
Онъ какъ великъ? Народу много въ немъ?

МЫШЕЦКІЙ.

Весь каменный, на Ладогу похожій.
Хоть Нотенбурхомъ назвали его,
А все глядитъ на нашу стать, родную...
Самъ Опалёвъ, ихъ, свейскій, командантъ,
Изъ нашихъ же дворянъ новогородскихъ...
Ихъ подъ Орѣшекъ земли отошли,
Такъ и они присягу принимали
И къ Свейскому на службу перешли...
Тотъ Опалевъ теперь начальникъ въ Канцахъ.

ПЕТРЪ.

Такъ, можетъ быть?..

МЕНШИКОВЪ [понявшій мысль царя].

Да, да... мы попытаемъ...

ПЕТРЪ [Мышецкому].

Ну, далѣ говори...

МЫШЕЦКІЙ.

Я чаю: мало
Въ Орѣшкѣ гварнизону—сотни двѣ,
Аль, може, три... Строеній за стѣнами,
Гляди, и нѣтъ.. Большія двѣ избы,
Двѣ караулки... И протокъ широкій,
Глубокъ и быстръ отъ нашей стороны...
По немъ плывутъ... Другимъ Невы протокомъ
И ходу нѣтъ... А верстъ деся̀тка два
Пониже плыть—пойдутъ опять пороги...
Не велики: ихъ можно перейти,
Коль зна̀тцы есть...

ПЕТРЪ.

Ты плавалъ?

МЫШЕЦКІЙ.

Довелось!..

ПЕТРЪ.

Пойдешь со мной—и до конца похода...

МЫШЕЦКІЙ [по знаку Петра кланяется и отступаетъ].

МАТЮРИНЪ

въ это время пришелъ въ сопровожденіи вѣстового, котораго посылалъ Шафировъ. Стоитъ и низко кланяется царю].

ПЕТРЪ [увидавъ].

А! ты, купецъ? Ну, подойди. Здорово!

МАТЮРИНЪ.

Челомъ тебѣ, великій осударь!

ПЕТРЪ.

Оставь! Земли вы не пробьете лбами.
Сказалъ: поклонъ!—и ладно... Ты готовъ?

МАТЮРИНЪ.

Весь, осударь, какъ ты велѣлъ, съ товаромъ!..
Тамъ пушнина̀... и сало... взялъ медку...
До Стѐкольна доправлюсь я, до Свѐи,
Какъ будто къ Да̀нскимъ ѣду пристанямъ...

ПЕТРЪ.

А нѣмцемъ выдавать себя умѣешь?

МАТЮРИНЪ.

От малыхъ лѣтъ въ Кокуѣ, знай, и жилъ...
Ихъ разговоръ, повадку всю я знаю...
И бороды давно ужъ не ношу...
Самъ погляди...

ПЕТРЪ.

И ладно... Пусть двойная
Намъ будетъ тайна для твоихъ вѣстей.
Вотъ азбука цифѝрная... Ни другу,
Ни недругу ея не отдавай.
По ней пиши и письма посылай...
Ты знаешь—какъ?

МАТЮРИНЪ.

На Амстердамъ!.. Я знаю...

ПЕТРЪ.

А затвердилъ ли имя?

МАТЮРИНЪ.

Фанъ-деръ-Круй...

ПАТКУЛЬ [дѣлаетъ движеніе].

ПЕТРЪ.

Такъ, молодецъ... [манитъ его поближе].
Возьми цидулку эту...
Что въ ней пишу, исполни... и сожги...
Чернилами пиши про торгъ, про цѣны...
А этимъ вотъ [даетъ флаконъ]
иное, поважнѣй...
Написано, а не видать, что было...
Я получу и все здѣсь разберу.

МАТЮРИНЪ.

Исполню, осударь... Дѣлà знакомы...
Случалось такъ сударушкамъ писать,
Мамзелямъ ихъ нѣмецкимъ, на Кокуѣ...

ПЕТРЪ.

Аль погулялъ?

МАТЮРИНЪ [ухмыляясь].

Для русскихъ хороши
Нѣмецкія пухлявенькія бабы...

ПЕТРЪ.

Ты, малый, плутъ!.. Ну, съ Богомъ! Въ добрый часъ!
На Господа надѣйся и на насъ!..

[Даетъ ему поцѣловать руку и отпускаетъ].

ПАТКУЛЬ.

Позволишь ли спросить?

ПЕТРЪ.

Что, генералъ?

ПАТКУЛЬ.

Купчишка
По имени фанъ-Круи называлъ...
Не герцоговъ ли родичъ?

ПЕТРЪ [нахмурясь].

Можетъ, дальній...
А то, скорѣй, и вовсе никакой... [Глядя въ лицо Паткулю].
Ты въ Ревелѣ?.. ты старика тамъ видѣлъ?

ПАТКУЛЬ [потупясь].

Нѣтъ, не видалъ... Совсѣмъ не довелось...

ПЕТРЪ [глухо].

Не довелось... Инъ, такъ!.. Меня, я чаю,
Ты бережешь?.. Напрасно... Говори,
Все говори, что видѣлъ...

ПАТКУЛЬ.

Повторяю:
Я не видалъ...

ПЕТРЪ.

Кто хочетъ быть прямѣй?
Про герцога кто вѣсти намъ разскажетъ?

КЕНИГСЕКЪ [толковавшій съ Меншиковымъ].

Я разскажу, что видѣлъ, капитанъ...

ПЕТРЪ.

Вотъ, другъ прямой, не робкій и не льстивый.
Мы слушаемъ...

КЕНИГСЕКЪ.

Въ капеллу Сантъ-Никласа
Я заглянулъ... Хотѣлось увидать:
Солгали мнѣ, иль правду толковали,
Что въ Ревелѣ обычай есть такой:
Кто умираетъ, долгъ не уплативши,—
Его въ «Капеллу мертвыхъ должниковъ»
Перенесутъ, и здѣсь, непогребенный,
Онъ сверхъ земли, всѣмъ на показъ лежитъ...
И день, и два, и годъ.. Заимодавцы
Долгъ не простятъ... Не выкупитъ никто—
Вѣкъ пролежитъ поверхъ земли несчастный...
За герцогомъ осталися долги...
И онъ лежитъ въ гробу, на катафалкѣ,
Стеклянной крышкой наглухо закрытъ...
Парикъ на немъ... Мундиръ весь генеральскій...
И ордена, и звѣзды, и кресты...
Какъ мумія, онъ высохъ... И пусты
Изъ-подъ бровей чернѣли мнѣ глазницы...
Вотъ и сейчасъ ихъ вижу предъ собой!... [Глубокое молчаніе].

ПЕТРЪ [снявъ шляпу].

Я виноватъ, мой герцогъ, предъ тобой!.. [Оглядываясь].
Я знаю, всѣ въ душѣ вы осудили...
Я знаю, всѣ... Миръ праху храбреца... [Надѣвъ шляпу].
Я за него въ его долгахъ порукой...
Но какъ же быть?.. Мнѣ 33 полка
Пришлось создать въ 2 года... Горожане,
Крестьяне дали все, что дать могли...
Нѣтъ ничего тяжелѣ для земли,
Какъ гнетъ военный... Голодно живымъ...
Пустѣютъ села... Сиротѣютъ нивы...
Онъ видитъ тамъ... И онъ меня не судитъ.
Я уплачу, когда полегче будетъ...
Освобожу героя-мертвеца
Изъ жадныхъ лапъ ростовщика-купца,
А послѣ денежной еще расплата будетъ!..

ШАФИРОВЪ [тихо Меншикову].

Какъ хорошо, что въ Ревелѣ намъ жить
Не доведется...

ПЕТРЪ [передохнувъ].

Кто изъ васъ не знаетъ,
Какъ собиралъ я деньги, чтобъ послать

Ихъ брату, крулю Августу, въ Варшаву?..
Мнѣ занимать пришлося самому...

МЕНШИКОВЪ [улыбаясь].

Опять ко мнѣ, коль надо, приходите,
Я дамъ еще, какъ разъ ужъ выручалъ...

ПЕТРЪ [сердито].

Эй, ты бы лучше помолчалъ...
Я рѣчь веду не о пустяшномъ дѣлѣ...
За честь свою, за царскую стою...
А ты, щенокъ... Постой, что тамъ за крики?
[За валомъ слышны проклятія, два голоса: Ламберта и Памберха].

ЛАМБЕРТЪ [за сценой].

А, sacré-nom!.. Мольшать, я каварю...

ПАМБЕРХЪ.

Самъ замолчи, проклятая скотина!..
[Выбѣгаетъ Ламбертъ, за нимъ Памберхъ, который на дорожкѣ опережаетъ его и первый подходитъ къ Петру].

ПАМБЕРХЪ [сильно навеселѣ, возбужденъ].

Вотъ, разсуди.. Вотъ, самъ ты разсуди
Меня и стараго каналью генерала...

ЛАМБЕРТЪ [возмущенный].

Помилуй, кэптенъ! Фуй! Того не доставаль?!
На твой глаза меня поноситъ пьяній.
Вели мольшать...

ПЕТРЪ [грозя дубинкой].

Эй, капитанъ, смирись!
Коль захмелѣлъ, ступай да спать ложись...

ПАМБЕРХЪ.

Нѣтъ, погоди... Меня онъ не уложитъ...
Подсыпался къ дѣвченкѣ тутъ одной...
Да, нѣтъ, шалишь... Она — давно за мной...
Ахъ, старый плутъ...

ЛАМБЕРТЪ.

Подобный разкаворъ
Я слушать не желай...

ПЕТРЪ [грозно].

Молчи!..

ПАМБЕРХЪ [не слыша].

Ты—старый воръ!..
Ты—казнокрадъ...

ПЕТРЪ [взмахнувъ дубинкой].

Молчать!..

ПАМБЕРХЪ [увернулся].

Ну, нѣтъ, того не будетъ. [Хватая за бортъ Ламберта].
Расправлюсь раньше съ нимъ!..

ЛАМБЕРТЪ [обнаживъ кортикъ].

Пусть Богъ насъ судитъ!

[Наноситъ ударъ. Памберхъ падаетъ. Его подхватываютъ и быстро уносятъ со сцены. Остаются: Петръ, Паткуль, Кенигсекъ и Ламбертъ. Съ вала пушечный выстрѣлъ. Слышно: бьютъ зорю. Народъ, кончивъ выгрузку, расходится. Молчаніе].

ЛАМБЕРТЪ

[отеревъ лезвее о мѣшокъ, тутъ же стоящій, протягиваетъ оружіе Петру].

Суди... суди теперь...

ПЕТРЪ [не принимая].

Я разсудилъ... Я видѣлъ...
Обиженъ былъ ты слишкомъ жестоко...
[Лефорту, который поспѣшно возвращается].
Что? Умеръ онъ?..

ЛЕФОРТЪ.

Нѣтъ... живъ... Но умираетъ...

ПЕТРЪ [снимая шляпу].

Какъ быстро насъ порою рокъ караетъ!..
[Надѣлъ шляпу. Даетъ знакъ].
Ступайте всѣ... И я сейчасъ приду...
Проститься надо съ храбрымъ валентиромъ...
Хотя онъ самъ простился съ нашимъ міромъ
И не умно!.. [Всѣ уходятъ].

ПЕТРЪ [одинъ, въ раздумьѣ].

Такой хорошій день
Закончился печальною развязкой...
Ужель вся жизнь моя пройдетъ нескладной сказкой?
Все спутано, все перевито въ ней...
Что дальше шагъ, то впереди темнѣй...

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13